

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pe. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

1868.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae no
vocem foris sonantem, sed intu
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1868.

Digitized by Google

2134
—
27

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го апрѣля 1847 года.

Цензоры: А. Крыловъ и А. Мещеряковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ДАМЫ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Хорошенькая петербургская коляска, въ четыре лошади, стояла у подъезда большаго каменнаго дома; это было въ деревнѣ, въ послѣднихъ числахъ августа. Легкія облачка застилали, какъ флеромъ, свѣтлую лазурь, и умѣряли жаръ солнечныхъ лучей; но воздухъ былъ тепелъ, пріятенъ, и поля, одѣтыя со всею пышностью лѣтнихъ уборовъ, манили къ прогулкѣ.

Съ крыльца сбѣжалъ лакей въ щегольской ливреѣ, отворилъ дверцы коляски, откинулъ подножку и сталъ какъ вкопанный, ожидая господъ.

На верхней площадкѣ лѣстницы показались двѣ дамы. Обѣ были одѣты съ тою деревенскою простотою, которая, не допуская излишняго, позволяетъ изящное. Простыя легкія мантильи, соломенные сквозныя шляпки, украшенныя букетами полевыхъ цвѣтовъ... вы подумали бы, что это двѣ обитательницы Каменнаго-Острова,—и ошиблись бы. Это были двѣ степныя помѣщицы. Одна, высокая, стройная, съ темнокаштановыми волосами, которые гладко спускались по обѣимъ сторонамъ высокаго лба, съ темноглубыми задумчивыми глазами; другая—свѣжая брюнетка, довольно

полная, съ тѣми блестящими черными глазами, которыхъ выраженія терпѣть не могутъ женщины, и которые приводятъ въ восторгъ мужчинъ. Дама съ голубыми глазами остановилась на послѣдней ступенькѣ и обернулась назадъ. Это движеніе было просто и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнено граціозности, которая вездѣ отличаетъ женщину хорошаго тона. Она звала: «Анюта! Анюта! не слушай Мавры Даниловны; возьми ее непременно съ собою». — Непременно, непременно! кричала другая дама, и обѣ сѣли въ коляску, смѣясь и посылая людей одного за другимъ за Маврою Даниловною. Наконецъ, съ крыльца сбѣжала бѣлокурая дѣвушка, въ полной красотѣ семнадцатой весны; за нею спускалась по ступенямъ пожилая женщина небольшого роста, въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ, въ большой шерстяной вязаной косынкѣ, заколотой подъ самую душкою, и въ ситцевомъ темномъ капотѣ.

— Скорѣе, скорѣе, Мавра Даниловна! повторили дамы. — Какія вы упрямые! Знаете, что безъ васъ нельзя.

— Господи! ну, на что я вамъ! сказала Мавра Даниловна, оставаясь на ступенькѣ и ударивъ руками по бокамъ, и тотчасъ же побѣжала къ подножкѣ, ухватилась руками за край кузова и вскарабкалась довольно-проворно, не требуя помощи лакея, который, впрочемъ, о томъ и не заботился. Она сѣла возлѣ молодой дѣвушки, напротивъ дамъ; дверцу захлопнули, и коляска со стукомъ покатила со двора.

Деревня была прекрасна въ это время; коляска ѣхала почти возлѣ самага сада, котораго кудрявыя деревья свѣшивали за заборъ свои широкія вѣтви, свидѣтельствуя, что они, какъ и самый барскій домъ, пережили не одного владѣльца. По другую сторону дороги тянулись поля, покрытыя скирдами еще несвоженаго хлѣба; по мѣстамъ пустыя фуры, запряженныя парами круторогихъ воловъ; тамъ крестьяне, разбѣянные по нивѣ въ живописномъ безпорядкѣ полевой работы, а здѣсь, по бороздамъ, въ мягкой травѣ, и блѣдно-розовая скабіоза съ наклоненною головкою, и душистый шалфей съ своими яхонтовыми цвѣтами, полузакрытыми малиновыми подцвѣтными листочками. Но дамы, ѣхавшія въ коляскѣ, и не думали любоваться цвѣтами или деревьями. Казалось, природа не имѣла ни красокъ, ни формъ, достойныхъ ихъ вниманія. Сильныя лошади неслись; поля мелькали; молодыя дамы шутили съ Маврою Даниловною, спрашивали ее о сосѣдяхъ, объ ея мужѣ, даже объ ея горничной, Палашкѣ, которая, по словамъ Мавры Даниловны, была и дура, и лѣнивица, и соня, такая соня, что она, одинъ разъ, Ивану Ивановичу, покойному супругу Мавры Даниловны, набила трубку кашею вмѣсто табаку. Дамы очень смѣялись. Потомъ говорили о городѣ, откуда одна изъ нихъ только-что пріѣхала, о знакомыхъ...

— Должно признаться, говорила чернѣглазая дама:— что всѣ наши дамы необыкновенно-скучны. Каждая воображаетъ, что она одна только и знаетъ и пріичин, и моды, а ни одна ничего не

Помѣшаны на знатности и изъ всѣхъ силъ корчатъ аристократку. Хороши аристократки! на дивреяхъ басоны съ чужими, съ толкучаго; въ гостиной—воскъ, а въ спальнѣ—свѣча.

И деревенскія—то наши помѣщицы! съѣзжать въ Петербургъ два дня, да и воображаютъ, что и знакомства нѣтъ по

нѣтъ, какъ наша Кортошина. Она думаетъ теперь, что кромѣ этого—что ты петербургская, ей и ѣздить нѣ къ кому.

Нѣтъ, всего смѣшнѣе, что она познакомилась тамъ съ какими-то Фасоркиными, Фуфаркиными что ли то, и выписываетъ имъ наряды. Тѣ посылаютъ ее шляпками съ Гороховой-Улицы и радуется, и увѣрена, что весь Петербургъ въ такихъ шляпахъ, складка въ складку. Пускай бы себѣ радилась какъ угодно, лишь бы избавила отъ концертовъ. А то заставить играть Елену; такая скука, хоть умереть!

— Ну, что же? нѣтъ; Елена недурно играетъ.

— Что это!.. а знаешь ли; что я слышала? говорятъ, что Елена действительно влюблена въ... Ладошину, прибавила она, наклонивъ ухо приятельницы.

— Какой вздоръ! это такое же сочиненіе, какъ твоя свадьба съ Ивашкой.

— Какое тутъ сравненіе! Для Елены это былъ бы прекрасный женихъ.

— А для тебя, Ивашевъ?

— Полно, Софі; ты знаешь мое мнѣніе о замужствѣ. Это хобби въ первой молодости, когда мы совершенно незнакомы съ жизнью. Да и вообще, надо же выйти замужъ. Старая дѣвка—какъ-то смѣшно. Но, разъ узнавъ, что такое замужство, кто еще опять этихъ цѣпей! Еленѣ надобно выйти: вѣдь ей ужъ пора выходить.

— Э, нѣтъ еще.

— Попробуй, что такъ; впрочемъ, это, кажется, напрасная мечта: не допустить. — И она указала на Анюту. Надобно замѣтить, что въ некоторомъ времени дамы говорили на языкѣ, котораго, какъ видно было, не понимала ни Анюта, ни сосѣдка ея.

— О! этого нѣчего бояться, отвѣчала дама съ голубыми глазами. — Завѣсь совершенно все кончено.

— Что же? отказано?

— Рѣшительно.

— И какъ же это приняла невѣста?

— Мнѣ кажется, очень—хладнокровно. Это престранное созданіе: прежде я думала, что она любитъ ея. Но равнодушіе, съ которымъ она приняла отказъ отца, убѣдило меня въ противномъ.

— Да точно ли ты увѣрена, что между ними все кончено? не случится ли она на бабушку?

— Не знаю. Впрочемъ, чего же надѣяться? Петръ Алексѣичъ и слышать о томъ не хочетъ.

— Но мнѣ кажется, что прежде онъ совсѣмъ не былъ такъ противъ этого жениха.

— Это правда. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ мы возвратились изъ Украйны, это совершенно перемѣнилось. Ты знаешь, мы прѣѣхали послѣ него, и признаюсь, я очень была удивлена перемѣною, которую нашла въ немъ.

— А знаешь ли ты, что въ городѣ многіе говорятъ, будто ты не хотѣла отдавать падчерицы.

— Я? да для чего же мнѣ это?

— Будто бы тебѣ не хотѣлось разстаться съ богатымъ приданнымъ ея матери...

— Которое я вижу только когда просушиваютъ сундуки. Но вѣдь я знаю, кто это говорить: любезнѣйшая тѣтушка, Татьяна Васильевна. И это мало, что говорить другимъ: она то же самое напѣваетъ и Петру Алексѣичу.

— Какъ-будто онъ повѣрить ей!

— Ахъ! ты не можешь себѣ представить, какое вліяніе имѣеть на него эта женщина. Конечно, онъ очень-хорошо знаетъ, что я рѣшительно не вмѣшиваюсь въ распоряженія его во всемъ, что относится до дѣтей его; а между-тѣмъ, эти навѣты невольно запади ему въ душу. Онъ питаетъ предубѣжденіе противъ меня и во всякомъ случаѣ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ Аниутѣ. Злой навѣтъ, Вѣра, рѣдко остается безъ плода.

— Кто лучше меня знаетъ это! Кажется, я довольно терпѣла отъ злыхъ языковъ.

— Ты можешь пренебрегать ими. Что тебѣ въ мнѣніи свѣта? У тебя есть счастье, которое можетъ замѣнить и свѣтъ и все — дѣти. Ахъ, еслибъ у меня были дѣти!

— У тебя есть также дѣти... чужія, правда, но тѣмъ важнѣе обязанность, возложенная на тебя. Знаешь, Софі, ничто столько не возвышаетъ душу, какъ исполненіе своей обязанности!

— Да... но объ этомъ долго говорить. Мнѣ кажется, я исполняю свои обязанности, какъ этого отъ насъ требуютъ. Мнѣ не чѣмъ упрекнуть себя противъ мужа; я стараюсь быть полезною его дѣтямъ; но знаешь... это не мѣшаетъ мнѣ скучать, ужасно скучать. Душа пуста...

— Пуста?

— Да, конечно. Читаю, работаю... Мужъ вѣчно за картами, или съ собаками... Говорятъ, что онъ любитъ меня; да, помилуй! эта любовь все равно, что для нищаго богатства великаго могола.

— Ты несправедлива, Софі. Отказываетъ ли онъ тебѣ въ чемъ-нибудь? Посмотри, какъ онъ старается предупредить всякое твое желаніе.

— Да, обнови, балы... И ты это говоришь, Вѣра? Уже-ли въ этомъ счастье?

Черноглазая дама отвернулась, можетъ-быть, для того, чтобъ скрыть вздохъ, вырвавшійся изъ груди ея.

— Мнѣ кажется, сказала она, помолчавъ нѣсколько:—что намъ, женщинамъ, позволено одно счастье: отсутствіе страданія.

— Можетъ-быть; но и оно возможно только тѣмъ, которые свободны, какъ ты. А я — когда я не могу получить письма даже отъ тебя, чтобъ его не прочитали иногда прежде меня!

— Какъ-скоро есть страданіе, то душа уже не пуста; тогда религія...

— Ахъ! это слишкомъ-высоко для меня... Конечно, я молюсь... Но полно объ этомъ. Скажи лучше, нѣтъ ли еще чего новаго въ городѣ?

— Новаго? Гдѣ же тамъ быть новому! Вѣчный застой во всемъ. Развѣ чиновника какого переведутъ въ другое мѣсто, или какая сплетня... Да! вотъ, на-примѣръ: хочешь ли, я скажу тебѣ, для чего мужъ твой не хотѣлъ отдать дочери за Ладошина?

— Да вѣдь говорятъ, что я не хотѣла.

— Да, одни; а другіе говорятъ, что у мужа твоего есть другой женихъ на примѣтъ.

— Кто же это?

— Да тотъ самый, котораго ты такъ великодушно жалуешь мнѣ въ женихи, — Илашевъ.

Молодая женщина пожала плечами.

— Для меня это странно, сказала она: — въ городѣ всегда знаютъ, что думаетъ мужъ мой, прежде его-самого. Только, кажется, намъ не перебить у тебя, продолжала она смѣясь.

— Опять! да перестань, Софій.

— Чего перестань! Вѣдь и у насъ тоже говорятъ кое-что; на-примѣръ, что Илашевъ у тебя съ утра до вечера.

— Нѣтъ, даже и не уѣзжаетъ никогда. Право, Софій, будто ты меня не знаешь! — И легкая грусть, какъ облако, затуманила на мгновеніе выразительное личико прекрасной вдовы. Пріятельница съ нѣжностію пожала ей руку; потомъ, указывая глазами на Аниоту, сказала: — Мы, кажется, даже и не говорили съ нимъ. Впрочемъ, это такое скрытное существо, что я ни за что не ручаюсь.

Между-тѣмъ, Аниота, бывшая постоянно предметомъ разговора, совершенно не замѣчала этого и смотрѣла по сторонамъ, или отъ времени до времени обмѣнивалась односложными словами съ Маврою Даниловною. Обѣихъ, кажется, мало забавляла прогулка; но объ этомъ никто и не заботился.

II.

Двѣ пріятельницы, разговаривавшія такъ дружески во время прогулки, были, какъ мы сказали уже, помѣщицы и сосѣдки, то-есть, жили на разстояніи двадцати верстъ одна отъ другой. По-

степному, это сосѣдки. Одна изъ нихъ — молодая вдова Вѣра Дмитриевна Жибеева, другая — Софья Павловна, вторая жена богатаго и очень-уважаемаго въ губерніи помѣщика, Петра Алексѣевича Сарапаева, кандидата въ губернскіе предводители по послѣднимъ выборамъ. Первая жена Петра Алексѣевича была богатая женщина и очень была любима какъ родными его, такъ и всѣми сосѣдями. Она оставила по себѣ двоихъ сыновей и дочь, Анюту, о которой мы только-что говорили; сыновья же учились въ Юнкерской Школѣ, въ Петербургѣ.

Петръ Алексѣевичъ вполне заслуживалъ то уваженіе, которымъ пользовался въ губерніи. Онъ обладалъ многими достоинствами; но мы скажемъ здѣсь только объ одномъ, которое избавитъ насъ отъ труда говорить о всѣхъ другихъ: у Петра Алексѣевича было около ста тысячъ годоваго дохода. Правда, на имѣніи его были долги; но что же значать долги въ наше время?

Сто тысячъ годоваго дохода! Знаете ли, что это очень-пріятная жизнь въ губерніи? Одинъ изъ первыхъ голосовъ на балотировкѣ, а въ обществѣ одно изъ первыхъ лицъ. Петръ Алексѣевичъ только поручикъ въ отставкѣ, а пріѣхалъ куда — встрѣчаютъ, будь хоть нѣсколько генераловъ тутъ же, и въ эполетахъ, и съ генеральшами, какъ равнаго имъ. Въ праздникъ, мелкое дворянство, да многіе и изъ чиновниковъ, пріѣдутъ поздравить до обѣдни; визитовъ требовать съ Петра Алексѣевича — Боже сохрани! Лишь бы удостоилъ позвать къ себѣ, когда дастъ вечеръ для всего города; а если случится, что позоветъ кого на небольшой пріятельскій обѣдъ, посмотрѣли бы вы, съ какимъ видомъ говорятъ на другой день: «Мы вѣчера обѣдали у Сарапаева, губернаторъ, генералъ С., я, и еще кое-кто изъ мелочи». Да, хорошо тому, о чьихъ обѣдахъ говорятъ съ такимъ видомъ! А у себя дома, въ деревнѣ — что онъ! Владѣтельный князь, да и только. Чего у него нѣтъ! Лошади, экипажи, богатая пекарня, сотни три дворовыхъ, не считая женщинъ, дѣтей, да съ полсотни мастеровыхъ, распушенныхъ по образу по экономическимъ расчетамъ. Мѣдники, кузнецы, портныи, башмачники, — все у него есть; все, какъ у римскаго патриція, работаетъ дома, разумѣется, кромѣ того, что нужно собственно для Петра Алексѣевича и его супруги, потому-что для нихъ все выпивается изъ столицы. У него оранжерея, теплицы; онъ первый знаетъ политическія новости; переѣзжа въ министерствѣ или въ губернскихъ властяхъ, новое положеніе, — все это вѣрно только тогда, когда выплыве отъ него; дѣло ли есть у кого изъ сосѣдей — не залежится, если только Петръ Алексѣевичъ взялся замолвить словечко. За то, есть казенное взъисканіе на имѣніи Петра Алексѣевича, недоимка — исправникъ десять разъ проѣдетъ мимо прежде, нежели рѣшится напомнить управителю, что есть-де недоимка; подводы ли нужны — съ сосѣдняго казеннаго села пять разъ сряду возьмутъ за его крестьянъ. А передъ балотировкою! Какъ все эти роды и личные дворяне уживаются около Петра Алексѣевича!

Какъ суетится исправникъ, чтобъ достать Софьѣ Павловнѣ фрукты, которые она жалуется! какъ прямо сидитъ онъ на стулѣ у дверей въ гостиной, какъ подобострастно вскакиваетъ, когда Петръ Алексѣевичъ изъ-за картъ удостоиваетъ его вопросомъ! А становые... но о нихъ кто же говорить, когда сами предводители съ особеннымъ уваженіемъ къ Петру Алексѣевичу? За то и онъ — горой за своихъ!

Ему самому давно было бы быть губернскимъ предводителемъ, но интриги... И то на послѣднихъ выборахъ противная партія только тремя шарами перевернула; однакожь онъ остался кандидатомъ.

Никто не могъ понять, какъ вздумалось Петру Алексѣевичу жениться на Софьѣ Павловнѣ. Между нами сказать, за нею рѣшительно ничего не было. Конечно, она была недурна, даже хороша, воспитана въ Петербургѣ, образована, — но и только. Петру Алексѣевичу было 50... ну, много 52 года, когда онъ овдовѣлъ; его дѣтъ нельзя было утаить, потому-что ихъ знала вся губернія; да въ это время за него пошла бы любая невѣста. Изъ себя онъ былъ молодецъ, высокаго роста, — толстоватъ немного, волосы на лбу очень становились рѣденьки, — но что же это! За то какое уваженіе, какой почетъ женѣ Петра Алексѣевича! Что ни говори, а вѣдь послѣ губернаторши почти первая дама, — да и точно первая по уваженію, которымъ пользовался Петръ Алексѣевичъ. Впрочемъ, никто даже и не думалъ, чтобъ онъ могъ жениться; спустя года два по смерти покойной, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, да и возвратился оттуда съ молодою женою. Вотъ ужъ можно сказать, что сразило Татьяну Васильевну, родную тѣтку Петра Алексѣевича, которая была чрезвычайно къ нему привязана; да и посудите, могла ли быть для нея пріятна эта женитьба: у Петра Алексѣевича было трое дѣтей, которыхъ она любила безъ памяти, особенно меньшую, Аниуту; всѣ уже на возрастѣ; могла ли же быть имъ пріятна маичка, да еще и бѣдная, у которой, разумѣется, будутъ свои дѣти и возьмутъ изъ отцовскаго имѣнія такую же часть, какъ и они? Къ-тому же, Петръ Алексѣевичъ женился, не спросясь ни чьего совѣта, не поговоря ни съ кѣмъ, ни даже съ Татьяной Васильевной... какъ хотите, а это больно!

Говорили, что у Софьи Павловны хорошее родство, что она близкая родственница князя Баксанова, у котораго и воспитывалась — но вѣдь Богъ-знаетъ какъ тамъ это бываетъ. Татьяна Васильевна сильно подозрѣвала, что это родство было съ лѣвой стороны. Впрочемъ, она этого никому и чувствовать не давала, ни даже самому Петру Алексѣевичу. Что ужъ говорить! Дѣло было сдѣлано. Какъ ни была оскорблена Татьяна Васильевна, но она была такъ добра, что отъ души простила и даже рѣшилась принять Софью Павловну какъ-нельзя-лучше, по...

Но есть люди, которыхъ поступки кажутся намъ какъ-будто безмолвнымъ укоромъ, нѣмою цензурою нашихъ дѣйстви. Они

молчать, даже иногда хвалят насъ, а намъ все кажется, что въ душѣ своей они насъ осуждаютъ. Такіе люди никакъ не могутъ нравиться, и между-тѣмъ такое именно дѣйствіе производила Софья Павловна на Татьяну Васильевну. Садилась ли Татьяна Васильевна обѣдать, по обыкновенію своему, въ два часа, она говорила Софьѣ Павловнѣ: «ну, не прогнѣвайся, матушка; мы деревеньщина, не привыкли обѣдать по модѣ, когда куры спать ложатся». Она въ душѣ была убѣждена, что ни у кого нѣтъ такого обѣда, какъ у нея: но при всякомъ блюдѣ ей казалось, что петербургской дамѣ странны и кулебяки, и ботвинья, и поросенокъ съ кашею. Татьяна Васильевна любила поговорить съ Агафьею Ивановною, ключницею и домоправительницею своею; любила, чтобъ безъ гостей она сидѣла съ нею въ гостиной съ своимъ чулкомъ и очками на носу; любила и сама посидѣть въ дѣвичьей, или позвать Агапку-кучера поразспросить, что слышно новаго на базарѣ; любила и разношниковъ и торговковъ; разбирала у нихъ товары, торговалась, а между-тѣмъ слушала и вѣсти; Софья Павловна, случайно заставъ тѣтушку въ подобныхъ занятіяхъ, приводила ее въ замѣшательство. Агафья Ивановна значительно взглядывала на барыню и начинала убирать и чулокъ, и табакерку, и платокъ, и уходила изъ гостиной, а торговки и разношники отсылались до удобнѣйшаго времени. Да и мало ли что было! Софья Павловна называла горничныхъ Машею, Дашею, водила ихъ въ шляпкахъ и кисеяхъ, хвалила наемныхъ людей, и всякому лавочнику въ гостинномъ дворѣ говорила «вы».

Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое произвела Софья Павловна на другихъ городскихъ жителей по пріѣздѣ своемъ въ губернію. Жена помѣщика, столько уважаемаго всѣми, по этому одному должна уже была занимать воображеніе каждаго. Прежде нежели появилась она, молва превознесла ее красавицею и чудомъ образованности. Она говорила на всѣхъ европейскихъ языкахъ, знала, я думаю, всѣ науки въ мірѣ, и къ тому же—не играла въ карты. Всѣ эти подробности, привезенныя однимъ помѣщикомъ, которому случилось быть въ Сергіевскомъ у Петра Алексѣевича и видѣть Софью Павловну, волновали все женское населеніе города. Наконецъ, Софья Павловна, столько ожидаемая, пріѣхала и сдѣлала визиты—и тутъ-то начались всеобщіе толки. Надобно правду сказать, Софья Павловна была хороша; но лицо ея не всегда нравилось съ перваго взгляда. Это была картина Перуджино, передъ которой останавливался только знатокъ. Нарядъ ея не поражалъ ни пышностью, ни излишествомъ украшеній, столько драгоценнымъ провинціалкамъ-львицамъ: обращеніе было нѣсколько холодно, а задумчивый взоръ придавалъ ей въ глазахъ многихъ видъ женщины скучающей. И вотъ люди щекотливые, то-есть тѣ, которые, по положенію своему въ свѣтѣ, несоответствующему ихъ желанію, вѣчно боятся незаслуженнаго униженія, или люди, которымъ по какимъ-нибудь причинамъ молодая Сарапаева не

сдѣлала визита, приписали холодность ея — неумѣстной гордости, и рѣшительно нашли, что она далеко не красавица, далеко не чудо, и что Петръ Алексѣевичъ, женись на ней, съ ума сошелъ, или обойденъ бабами. Напротивъ, тѣ, которымъ было не въ диковину посѣщеніе, не только Сарапаевыхъ, но даже и губернатора, превозносили Софью Павловну до небесъ, находя, что холодность ея была признакомъ достоинства, которое знаетъ себѣ цѣну, что въ короткости, и съ равными себѣ, она необыкновенно мила, и только потихоньку, на-ухо друзьямъ, сообщали сожалѣніе, что въ городѣ не умѣли ни понять, ни оцѣнить такой милой женщины; что та и та не находятъ ея даже и хорошенькой, и не вѣрятъ ея знанію всѣхъ европейскихъ языковъ, а тотъ и тотъ говорятъ, что она вовсе не такого знатнаго происхожденія, и проч.

Между-тѣмъ, Софья Павловна нашла, что въ городѣ ужасно скучно, что дамы жеманны и чванны до невѣроятности, а мужчины... лучше, кажется, чтобъ ихъ и не было. Ей даже болѣе нравилось въ деревнѣ, гдѣ скоро она познакомилась съ Вѣрою Дмитриевною Кибеевою, о которой мы уже говорили. Веселость, вкрадчивость и оживленный разговоръ молодой вдовы совершенно плѣнили Софью Павловну. Вѣра Дмитриевна, подобно ей, скучала провинціальнымъ обществомъ, и находила, что мужчины въ губерліи не должны бы даже носить и европейскаго фрака, чтобъ не вводить въ обманъ добрыхъ людей, которые съ перваго взгляда готовы ихъ принять за что-то порядочное; что всѣ они — одинъ и тотъ же чиновникъ въ разныхъ экземплярахъ и рѣдко даже годны въ управляющіе. Женщинамъ доставалось неменѣе. Сама Вѣра Дмитриевна не носила другихъ шляпокъ, кромѣ петербургскихъ; выписывала, кромѣ французскихъ и англійскихъ книгъ, даже и русскіе журналы, и все это, — и книги, и журналы, и время, и цвѣты, которыхъ много было у Вѣры Дмитриевны, — было къ услугамъ Софьи Павловны. И Софья Павловна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ своей пріятельницѣ. Конечно, она начала свыкаться съ провинціальною жизнію, даже садилась уже и за пресерансъ; но только въ обществѣ Вѣры Дмитриевны находила истинное удовольствіе. Ей говорила она о своемъ прошедшемъ, которое, не смотря на ея молодость, уже было такъ богато и несбывшимися надеждами, и разочарованіями! Съ ней одной позволяла себѣ скромныя жалобы на одиночество, на которое осуждала ее жизнь мужа, бывшаго вѣчно на охотѣ, съ управителемъ въ кабинетѣ, или за картами, — на характеръ Анюты, которая была и вѣжлива, и ласкова даже, но не показывала ни малѣйшей искренности, ни малѣйшаго дружескаго сочувствія мачихѣ, и охотнѣе оставалась съ Парашею, ея горничною, чѣмъ съ нею, — на Татьяну Васильевну, и наконецъ на мужа, часто грубаго, неделкатнаго, наконецъ... сколько причинъ къ жалобамъ можетъ подать мужъ молодой, прекрасной и слишкомъ-чувствительной женщины!

Да, слишком... Петръ Алексѣвичъ былъ добрый помѣщикъ, который думалъ, что все уже сдѣлалъ, если жена его не знаетъ ни въ чемъ отказа, если у нея шляпка, браслеты и мантилья лучше всѣхъ, если выѣздъ ея ставится въ образецъ, если, наконецъ, кабинетъ ея и гостиная убраны такъ очаровательно, что были причиною не одной ссоры между губернскими супругами по возвращеніи ихъ отъ Сарапаевыхъ. Все это, конечно, было совсѣмъ не противно Софѣ Павловнѣ; но бѣдный помѣщикъ не зналъ, что сердце женщины имѣетъ еще другія потребности; что оно, бѣдное, жертва празднаго ея воображенія, какъ причудливая царевна въ русской сказкѣ, требуетъ «того, сама не знаетъ чего», и посылаетъ «туда, сама не знаетъ куда». Къ-тому же, добрый помѣщикъ держался старины: когда не въ духѣ, то на жену и закричитъ, и велитъ ей замолчать, и, пожалуй, скажетъ что она и — глупа... Рѣшительно, Петръ Алексѣвичъ былъ мужъ, глава, повелитель, а не товарищъ, не другъ; ни вкусы его, ни привычки, ни даже понятія не соотвѣтствовали понятіямъ и привычкамъ молодой женщины. Но все это находила она въ Вѣрѣ Дмитріевнѣ, въ этомъ другѣ, посланномъ ей Провидѣніемъ, этой женщиной, которая даже безъ зависти, казалось, видѣла и богатые наряды, и рѣшительное пресвосходство, которое имѣла надъ нею въ обществѣ Софьи Павловны, какъ жена помѣщика, столько уважаемаго въ губерніи. Можетъ-быть, одно только не правилось Софѣ Павловнѣ въ ея пріятельницѣ: это чрезвычайная строгость ея правилъ. Были вещи, о которыхъ она не смѣла говорить съ нею; были книги, которыя очень забавляли Софью Павловну, и которыя оскорбляли нравственное чувство молодой вдовы; наконецъ, Вѣра Дмитріевна была набожна, возвышенна въ понятіяхъ своихъ о религіи и обязанностяхъ человѣка; — Софья Павловна во всемъ этомъ была дитя, которое лепечетъ за другими, что выучило только по наслышкѣ.

III.

Вѣра Дмитріевна, послѣ утренней прогулки своей, осталась ночевать у Сарапаевыхъ; она далеко за полночь проговорила съ Софьею Павловною; за то на другое утро, вся деревня была уже на работѣ, а двѣ молодыя женщины спали еще крѣпкимъ сномъ. Однакожь, Вѣра Дмитріевна встала первая, и, не желая тревожить хозяйки, прошла въ кабинетъ ея, примыкавшій къ спальнѣ; тамъ была библіотека Софьи Павловны; къ-тому жъ, стекольчатая дверь вела оттуда прямо на большую террасу, сходящую ступенями къ цвѣтнику. Вѣра Дмитріевна была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ; легкая кисейная мантилья, вышитая искусными руками горничныхъ, какъ утренній туманъ, облекала ея полныя плечи и талию; маленькій чепчикъ чуть держался на густой, черной косѣ свитой

въ два ряда кольцомъ. Она подошла къ зеркалу и, казалось, была довольна образомъ, который отражался въ чистомъ стеклѣ. Въ это самое время, изъ глубины боковой аллеи, которая вела изъ цвѣтника въ густую рошу, выходили двѣ молодыя дѣвушки, одна въ шляпкѣ и въ простыхъ шведскихъ перчаткахъ, другая съ открытою головою и голыми руками, но очень-щеголевато одѣтая. Это была Аня и любимица ея, Параша, горничная Софьи Павловны. Вышедъ изъ роши, Аня пошла къ цвѣтнику, а Параша побѣжала боковою дорожкой къ садовой калиткѣ.

Славная дѣвочка была эта Параша! Бѣла, румяна, что-называется кровь съ молокомъ; глаза такіе быстрые, что, кажется, и мертвого разбудятъ. Софья Павловна, въ первый же годъ своего замужства, отдала ее учиться въ Москву, на Кузнецкій-Мостъ, въ магазинъ, разумѣется. Дѣвочка очень удалась, и теперь Софья Павловна, взявъ ее оттуда, приставила къ себѣ и очень ее полюбила, рядила какъ барышню, и даже постель ей сдѣлала, что, между нами сказать, очень не нравилось Татьянѣ Васильевнѣ, которая вообще не любила баловства, особенно подобнаго.

Вѣра Дмитріевна замѣтила Аню, когда та входила въ цвѣтникъ. Молодая дѣвушка шла распѣвая какую-то пѣсенку съ тѣмъ безпечнымъ весельемъ, которое такъ идетъ къ молодости. Лучи солнца играли на свѣжемъ личикѣ дѣвушки. Она была хороша въ эту минуту, какъ можно быть хорошей только въ шестнадцать лѣтъ. Вѣра Дмитріевна нахмурилась и опять взглянула въ зеркало. Однакожъ, когда молодая дѣвушка приблизилась къ террасѣ, лицо прекрасной вдовы выражало уже одно удовольствіе.

— Какъ! ужъ и нагулялась, Аня? сказала она, ласково улыбаясь:—ты встаешь такъ рано?

— Я ходила къ своей кормилицѣ; только не сказывайте маменькѣ, а то она меня побранитъ.

— За что же?

— Я ходила ѣсть сливки съ творогомъ. Прелесть, что за сливки! прегустыя! Маменька воображаетъ, что все это вредно и не любить, чтобъ я ходила къ кормилицѣ.

— Будто маменька такъ строга?

— О, совсѣмъ нѣтъ! но, знаете, маменька не привыкла къ нашей деревенской жизни.

— А ты и бѣгаешь такъ, тихонько отъ маменьки?

— Вѣдь тутъ ничего нѣтъ дурнаго, мой ангелъ Вѣра Дмитріевна. Дурно будетъ, если маменька узнаетъ, потому-что это ее огорчитъ. Но кто же скажетъ ей? Вѣрно не вы же, мой ангелъ Вѣра Дмитріевна.

— Ты такъ надѣешься на меня? а если ошибешься?

— О, нѣтъ! вѣдь я знаю васъ. Вотъ, посмотрите: я еще задобрю васъ. Хотите я вамъ нарву цвѣтвъ?

— У васъ, этотъ годъ, чудесные цвѣты.

— Папенька выписываетъ сѣмена изъ Петербурга.

— У васъ теперь есть сосѣдъ, у котораго прекрасные цвѣты; это не отъ него ли?

— Отъ кого это?

— Ты не знаешь?

Анюта слегка покраснѣла.

— Право, нѣтъ.

Вѣра Дмитриевна наклонилась къ цвѣтку.

— Вотъ это, на-примѣръ, вѣрно отъ него.

— Почему же это?.. и отъ кого же?

— Ахъ, Боже мой! развѣ я не сказала? отъ Илашева.

— Почему же *вѣрно* отъ него?

— Потому-что очень-хорошъ..

— Вотъ какъ много чести для Илашева!

— Ты находишь?

— Вы такъ странно на меня смотрите. Что мнѣ до Илашева? Я его почти не знаю.

— А до Ладѣшина?

— Совершенно столько же, сказала молодая дѣвушка, скорчивъ презрительную рожицу, которая къ ней очень шла въ эту минуту, и наклонилась къ цвѣтку, чтобъ скрыть слишкомъ-алую краску, выступившую на щекахъ ея.

— Послушай, душечка Анюта, сказала Вѣра Дмитриевна, пропуская руку свою подъ руку молодой дѣвушки. Но въ эту минуту движеніе, которое сдѣлала Анюта приподнимаясь, разстроило складки ея платья и изъ кармана ея выпало маленькое и очень-укромно сложенное писемцо. Анюта всныхнула и поспѣшно бросилась на бумагу, которую Вѣра Дмитриевна также хотѣла схватить.

— Что это? спросила Вѣра Дмитриевна.— А! это вѣрно приглашенный билетъ кормилицы на торогъ.

Лицо Вѣры Дмитриевны выражало убійственную насмѣшку.

— Билетъ! это... это стихи, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна.

— Стихи? покажи-ка. Я очень люблю поэзію.

— О, это не стѣнть труда.

— Однакожъ, если ты переписывала?

— Э! какъ вы любовитны. Такъ не покажу же.

— Послушай, Анюта; притворство тутъ совсѣмъ не годится. Я знаю, что это не стихи, и хочу видѣть.

— Хотите видѣть? А если я не хочу показывать?

— Ты ганишься отъ меня, Анюта, и худо дѣлаешь. Подумай: я знала тебя малюткою и всегда тебя любила; я была дружна съ покойною твоею матерью, хотя она была и очень-много старѣе меня. Можетъ-быть, и съ мачихою твоею я сдружилась только для того, чтобъ быть тебѣ хоть нѣсколько полезною. Будь увѣрена, что я знаю о тебѣ гораздо-болѣе, чѣмъ ты думаешь. Ты молода, неопытна; тебя могутъ вовлечь въ большія неприятности: вѣрь мнѣ, ты не можешь найдти друга искреннѣе меня, ни лучшаго къ тебѣ расположеннаго.

Въ голосѣ, въ выраженіи лица Вѣры Дмитриевны было столько искренности, чистосердечія и, можно сказать, любви, что молодая дѣвушка поколебалась. Грудь ея волновалась, щеки пылали; она смотрѣла въ землю.

— Ты сомнѣваешься, Анюта, продолжала Вѣра Дмитриевна: — ты раскаешься въ томъ, особливо когда увидишь, что я, вмѣсто того, чтобъ предупредить твою мачиху или отца, какъ, можетъ-быть, я должна была бы поступить... но, нѣтъ, Анюта, мнѣ жаль тебя... ахъ! очень-жаль.

Анюта была совершенно растрогана; она залилась слезами и бросилась на грудь Вѣры Дмитриевны; крупныя слезы также текли по щекамъ прекрасной вдовы; она съ нѣжностью матери поцаловала молодую дѣвушку, и обѣ пошли къ широкой скамьѣ, полузакрытой деревьями и кустарниками.

— Это неосторожно, милый другъ, сказала Вѣра Дмитриевна голосомъ самаго нѣжнаго материнскаго упрека.—Если ты любишь *его*...

— Ахъ, да нѣтъ! кто вамъ сказалъ, что я люблю *его*?

— А это что?

И она указала на письмо.

— Какъ-будто вы не знаете! Бабушка очень желаетъ, чтобъ я вышла за *него*, вотъ онъ и пристаётъ. Вы знаете, что папенька отказалъ ему, и даже запретилъ мнѣ говорить съ нимъ; а онъ воображаетъ, что я сама этого не хочу, потому-что перемѣнилась къ нему,—и вотъ, посмотрите сами, пишетъ, чтобъ я въ доказательство несправедливости его подозрѣній сказала ему, гдѣ онъ можетъ меня видѣть.

Она подала письмо.

Вѣра Дмитриевна быстро пробѣжала письмо; лицо ея было серьёзно и даже показывало безпокойство. «Скажите одно слово» читала она вполголоса: «и я полечу за вами хоть на край свѣта, чтобъ только увидѣть васъ на одну минуту». То-есть, поѣдетъ даже и къ Кортонинымъ, сказала Вѣра Дмитриевна съ горькою усмѣшкою.—Владиміръ Григорьевичъ очень-нѣженъ. Ахъ, Анюта! какъ ты неопытна! Ты ужасаешь меня своею неосторожностью.

— Да чѣмъ же, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна? пускай-себѣ пишетъ что хочетъ. Вѣдь ужъ конечно я не стану отвѣчать.

— И никогда не отвѣчала? спросила Вѣра Дмитриевна, пристально смотря на молодую дѣвушку. Та выдержала этотъ испытующій взглядъ съ спокойствіемъ невинности.

— О! могу васъ увѣрить, что никогда.

— Но... это не первое письмо?

— Нѣтъ; видите, какъ я откровенна. Онъ писалъ ко мнѣ еще до поѣздки нашей въ Украину; и тогда я отдала бабушкѣ письмо его...

Въ эту минуту послышался шорохъ. Это была Софья Павловна, которая уже искала свою пріятельницу. Вѣра Дмитриевна

успѣла только сказать: «мы скоро увидимся на праздникъ у Кортоминыхъ; до-тѣхъ-поръ, общай мнѣ не ходитъ къ кормилицѣ и не имѣть никакихъ сношеній съ ними».

— О! это для меня легче всего на свѣтѣ! отвѣчала дѣвушка.

— Но, Анята, честное слово?

— Вотъ вамъ рука моя, и съ этимъ словомъ обѣ пошли на встрѣчу Софѣ Павловнѣ.

IV.

На другое утро всѣ собрались въ гостиную; Вѣра Дмитріевна уѣхала еще наканунѣ, и хозяева были совершенно одни. Петръ Алексѣевичъ, по обыкновенію своему, сидѣлъ раскинувшись въ большихъ; покойныхъ креслахъ, сложа ногу на ногу, и держалъ надъ самымъ носомъ листокъ русской газеты; передъ нимъ, на маленькомъ столикѣ, стояла большая чайная чашка; онъ курилъ прихлебывая по-временамъ чай и затягиваясь душистымъ дымомъ. Софья Павловна, за чайнымъ столикомъ, пила кофе, и въ то же время читала какой-то романъ. Въ дверяхъ стоялъ, вытянувшись въ струнку, лакей съ подносомъ, и нѣсколько — далѣе мальчикъ, одѣтый казачкомъ, приспособленный нарочно къ раскуриванію трубокъ для Петра Алексѣевича и гостей его. Анята, возвратясь съ обыкновенной утренней прогулки, вошла, поцаловала руку у отца и поздоровалась съ матерью, которая, ласково улыбувшись ей, спросила о погодѣ и опять принялась читать. Анята сѣла за пяльцы.

Въ деревнѣ скучно безъ чужихъ. Мы, кажется, и веселость, и любезность бережемъ, какъ бѣднякъ праздничное платье — для гостей. Въ своей семьѣ молчимъ... О чемъ говорить? Кажется, все переговорили уже; развѣ ссориться? но этого уже избѣгаютъ порядочные люди.

Въ гостиной Сарапаевыхъ молчаніе прерывалось только голосомъ Петра Алексѣевича, который по-временамъ подзывалъ мальчика и отдавалъ ему трубку, да шелестомъ листовъ въ книгѣ Софьи Павловны. Анята оставалось только зѣвать за пяльцами или мечтать. Она избрала последнее.

Мы охотно сказали бы, какого рода были эти мечты; но для тѣхъ, кто не былъ предварительно знакомъ съ прошедшею жизнью молодой дѣвушки, эти мечты, можетъ-быть, показались бы не совсѣмъ понятными, почему и считаемъ необходимымъ обратиться нѣсколько назадъ.

Мы знаемъ уже, что у Аняты не было матери; но судьба, всегда благосклонная къ сиротамъ, вознаградила потерю, давъ ей другую мать въ Татьянѣ Васильевнѣ, тѣткѣ Петра Алексѣевича, о которой мы уже упоминали. Татьяна Васильевна любила Аняту безъ памяти, даже назначала своею наслѣдницею въ духовной,

которую сдѣлала тотчасъ послѣ женитьбы Петра Алексѣевича. Она, кажется, жила только для счастья своей любимой внучки, старалась доставлять ей всѣ возможныя удовольствія, рядила ее, дарила, называла своею милою, бѣдною сироткою, и при всякомъ случаѣ извиняла иѣжность свою къ ней, говоря: «кому же ее и побаловать, какъ не мнѣ?» и при этихъ словахъ глядѣла на внучку съ такою любовію, что Анюта, сильно-трогнутая, бросалась на шею любезной бабушкѣ. Анюта была добрая дѣвушка и сама много любила старушку. Не проходило ни однихъ именищъ, ни одного праздника, чтобъ она не готовила ей какого-нибудь сюрприза. Да чего ей! Анюта никогда не забывала даже Агафьи Ивановны, ключницы бабушкиной, старушки, которая пользовалась ея особенною довѣренностью. Были, однакожь, злые люди, которые говорили, будто Татьяна Васильевна потому только любила Анюту, что ненавидѣла другихъ родныхъ, и что отдавала ей имѣніе для того, чтобъ оно не досталось другимъ, особенно же Петру Алексѣевичу, на котораго сердилась за женитьбу... но всѣхъ злыхъ людей переслушаешь ли!

Главнымъ желаніемъ Татьяны Васильевны было пристроить Анюту, то-есть, выдать замужъ, и выдать при себѣ; она, по слабости своего здоровья, безпрестанно опасалась оставить ее совершенною сиротою, и, что всего хуже, на рукахъ мачихи, «какъ бы ни была она хороша», прибавляла Татьяна Васильевна, при чемъ глаза ея всегда наполнялись слезами, особенно въ присутствіи Анюты, которое, конечно, должно было еще сильнѣе возбуждать ея чувствительность. Но ей хотѣлось отдать Анюту по своему выбору, а не такъ, какъ вздумается Петру Алексѣевичу. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, всѣ дѣйствія Петра Алексѣевича были очень-страшны: съ молодою женою у него было все какъ-то по модѣ, онъ даже поговаривалъ и за границу ѣхать, на воды,—видите, лечиться здѣсь нельзя. Такъ не отдать же такому человѣку выборъ жениха, особенно для такой дѣвушки, какъ Анюта.

Въ сосѣдствѣ съ Петромъ Алексѣевичемъ жилъ помѣщикъ Ладошинъ, человѣкъ не бѣдный, и, какъ говорили, хорошій хозяинъ. Татьяна Васильевна еще въ дѣтствѣ была знакома съ его матерью, даже послѣ, вышедъ замужъ, обѣ онѣ, да и мужа ихъ, знали, что-называется, душа-въ-душу. Молодой Ладошинъ воспитывался въ Царскосельскомъ-Лицеѣ, учился, какъ всѣ говорили, блистательнѣйшимъ образомъ, но почему-то не кончилъ курса и пріѣхалъ къ матери. Она тогда жила въ ярославской деревнѣ; Ладошинъ опредѣлялся въ канцелярію губернатора, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, танцовалъ на всѣхъ балахъ и подавалъ отличнѣйшія надежды къ повышенію,—какъ вдругъ мать его умерла: онъ долженъ былъ по дѣламъ наслѣдства ѣхать въ степную деревню, пріѣхалъ, началъ сѣять пшеницу, и видно такъ свыкся къ степною жизнию, что вышелъ въ отставку губернскимъ секретремъ, и съ-тѣхъ-поръ уже не оставялъ деревни.

Въ губернскихъ обществахъ безпрестанно встрѣчаются люди, которые ничему не учатся и очень-мало знаютъ; потомъ люди, которые кое-чему учились и все знаютъ, обо всемъ говорятъ, какъ съ кафедръ, и наконецъ люди, которые многому и порядочно учились, но, послужа, поживъ въ деревнѣ, такъ отстали, что все равно, какъ-будто они и вѣкъ ничему не учились. Владиміръ Григорьевичъ Ладошинъ, повидимому, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Онъ бывалъ во всѣхъ обществахъ, но никто не слыхалъ, чтобъ онъ говорилъ о чемъ-нибудь, кромѣ охоты и карты; да еще любилъ онъ рассказывать анекдоты о сосѣднихъ помѣщикахъ и чиновникахъ, и рассказывалъ такъ хорошо, что мы, конечно, не осмѣлимся повторить ни одного изъ его рассказовъ. Сосѣди говорили, что хозяйство у него шло хорошо; но онъ и о хозяйствѣ не любилъ говорить. Въ обществахъ игралъ онъ въ карты, получалъ журналы, — это рассказывали и почтмейстеръ, и пріятеля Ладошина, которые пользовались ими безъ отказа; но читалъ ли онъ ихъ, и читалъ ли вообще что-нибудь, это оставалось на благонамѣренныя догадки публики. Впрочемъ, его очень любили; онъ былъ хорошей знакомый, принималъ радушно, и если давалъ пирушку, такъ ужъ на славу. На попойкѣ, онъ не отставаеъ ни отъ кого; напротивъ! А начнутъ хвалиться силою — любаго силача схватить въ охапку, пронесетъ всѣмъ домомъ и броситъ въ сугробъ какъ мячикъ, къ великому удовольствію общества. Лихой наѣздникъ, славный охотникъ, онъ билъ бекаса и вальшнепа безъ промаха, держалъ псовую охоту и не жалѣлъ денегъ ни на рысака, ни на гончую.

Ладошинъ былъ не хорошъ собою, но и не безобразенъ. Онъ былъ средняго роста, съ широкими плечами, и вообще могъ скорѣе обратить на себя вниманіе силою мускуловъ, чѣмъ красотою формъ. Одѣвался онъ нѣсколько на свой фасонъ, что, однакожь, въ немъ не было смѣшнымъ. Можетъ-быть, особенно не понравилась бы въ немъ живописцу или скульптору его маленькіе глаза, очень-поднятые на углахъ къ вискамъ, что, вмѣстѣ съ выдавшимися широкими скулами и вѣчнымъ загаромъ на охотѣ и по *брызгамъ* и по порошѣ, сильно напоминало калмыцкій типъ; однакожь, все это вмѣстѣ было не совсѣмъ-дурно, тѣмъ болѣе, что смягчалось быстрымъ и умнымъ взглядомъ, и веселою улыбкою прямодушнаго человѣка, которая каждый разъ открывала два ряда прекраснѣйшихъ зубовъ.

На этого-то человѣка Татьяна Васильевна и обратила свое вниманіе, и вотъ какъ это случилось.

Владиміръ Григорьевичъ былъ уже лѣтъ около тридцати, но до-сихъ-поръ никто не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшей склонности къ женитбѣ, и всѣ ласки матушекъ и бабушекъ, всѣ стрѣлы губернскихъ и уѣздныхъ красавицъ оставались тщетными. Вообще женщины, если не въ цѣпи творенія, то по-крайней-мѣрѣ въ обществѣ, были для него до-сихъ-поръ существами совершен

но-лишними. Приѣхавъ въ городъ, Владиміръ Григорьевичъ сдѣлалъ всѣмъ визиты, да этимъ и ограничился,—ни въ одномъ домѣ не сдѣлался короткимъ, нигдѣ не бывалъ дальше кабинета хозяйна, разумѣется, кромѣ званыхъ праздниковъ и карточныхъ вечеровъ. У Татьяны Васильевны былъ онъ наряду со всѣми, не смотря на то, что она была другомъ его матери. Но молодые люди помнятъ ли дружбу стариковъ! Татьянѣ Васильевнѣ это было очень-непріятно, даже горько; да дѣлать было нечего. Какъ вдругъ, по прошествіи пяти или шести лѣтъ, Владиміру Григорьевичу вздумалось вспомнить старинныя материнскія связи и приѣхать къ Татьянѣ Васильевнѣ. Его приняли довольно-сухо; но видно на этотъ разъ нѣжность къ памяти матери была такъ сильна, что онъ не обратилъ вниманія на приемъ, приѣхалъ въ другой и въ третій разъ; его пригласили на преферансъ; онъ не замедлилъ явиться, сѣлъ играть, наставилъ ремизовъ, проигрался, насмѣшилъ старушку и ея гостей, и получилъ приглашеніе постоянно уже, на всѣ вечера, когда только ему вздумается.

Это было въ то самое время, когда Сарапаевы уѣзжали въ Москву по дѣламъ, а Анюта оставалась у бабушки. Татьяна Васильевна жила не совсѣмъ-весело для молодой дѣвушки. Домъ у нея былъ прекрасный, но принимала она мало,—разумѣется, по визитамъ принимала весь городъ; но обыкновенно у нея было свое общество: старшій совѣтникъ губернскаго правленія съ женою и тещею; секретарь дворянскаго собранія, за которымъ обыкновенно посылали, когда не доставало четвертаго; предсѣдатель гражданской палаты, искренній другъ Татьяны Васильевны, и еще нѣсколько столько же почтенныхъ особъ, да докторъ два раза въ день. Все это очень-полезныя знакомства, но не совсѣмъ же достаточно-пріятныя для молодой дѣвушки, и потому появленіе Ладошина было принято съ большимъ удовольствіемъ. Все-таки это было новое, хотя и калмыцкое лицо. Къ-тому же, онъ такъ смѣшно разсказывалъ бабушкѣ объ исправникѣ, о секретарѣ уѣзднаго суда, объ Аннѣ Степановнѣ и Степанѣ Сидоровичѣ! Конечно, когда входилъ новый и особенно-значительный гость, Владиміръ Григорьевичъ переставалъ говорить; но тогда для Анюты бывало едва-ли не веселѣе еще. Бабушка занималась значительнымъ гостемъ, а Ладошинъ подсаживался къ пальцамъ внучки и въ-полголоса опять умѣлъ занять ее, но теперь уже не анекдотами.

- Не правда ли, что ваша гостыя прехорошенькая?
- Что жъ? совсѣмъ не дурна (гостыя была безобразна).
- Нѣтъ, безъ шутки. Впрочемъ, вѣдь у насъ въ городѣ много такихъ хорошенькихъ дамъ.
- Кто же, па-примѣръ?
- Чумина, Акурина, Язева...
- Какіе вы злые! Язева совсѣмъ недурна и премилая.
- Особливо у нея талія хороша; вамъ она должна нравиться, потому-что напоминаетъ вамъ вашу гувернантку, Клару Ивановну.

— Прошу не говорить о ней; вы ее не знаете и не могли знать.

— Помилуйте! очень-хорошо знаю. Вѣдь она живетъ въ Москвѣ, у моей кузины.

— Ну, такъ что же? очень-великодушно смѣяться надъ природными недостатками! Она никогда не скрывала, что кривобока, не такъ, какъ нѣкоторыя изъ вашихъ дѣвицъ.

— Кто же бы это? Представьте, я не замѣтилъ!

— Станемте лучше говорить о Степанѣ Сидорычѣ. Вы такъ хорошо о немъ рассказываете.

— А вамъ это скучно? простите великодушно. Что дѣлать! это нравится вашей бабушкѣ, а мнѣ надобно загладить передъ нею большую вину. Подумайте, я не былъ у нея цѣлыя шесть лѣтъ.

— И вы думаете, что на васъ сердятся?

— Представьте, что я столько самолюбивъ. Впрочемъ, какъ же мнѣ было не подумать, когда я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что меня чуть-было не предали анаѣемъ на всѣхъ соборахъ.

— И вы можете мнѣ это говорить о бабушкѣ?

— Помилуйте! почему же? анаѣема—дѣло очень важное.

— И вы испугались?

— Видите: вотъ уже цѣлый мѣсяцъ ѣзжу изо-дня-въ-день.

Анюта покраснѣла—неизвѣстно, отъ досады ли за бабушку, или отъ страха, потому-что маленькіе, калмыцкіе глазки Владиміра Григорьевича смотрѣли на нее въ эту минуту такъ, какъ-будто общались огромный томъ комментарий на послѣднія слова его. Огромный томъ! тогда-какъ Анюта имѣла рѣшительное отвращеніе отъ огромныхъ томовъ.

Дѣла, казалось, шли совершенно по желанію Татьяны Васильевны; она какъ-будто ничего не замѣчала; но втайнѣ съ удовольствіемъ видѣла, что молодые люди съ каждымъ днемъ встрѣчаются все съ большимъ удовольствіемъ. Анюта краснѣла уже, когда мимо оконъ пронесутся легкія санки Ладошина; онъ, что вошелъ въ комнату, первую ее привѣтствуетъ взоромъ, и будто вопьется своими маленькими глазами въ ее хорошенькое личико. Съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще у Татьяны Васильевны и точно добрый сынъ. Скажутъ ли, что въ лавкѣ у такого-то появилась чудесная икра—на другой же день Ладошинъ привозитъ цѣлую банку; захватить ли полиція мужика Татьяны Васильевны, прихваченнаго на базарѣ въ плутовствѣ; Ладошинъ ѣдетъ самъ къ полиціймейстеру; словомъ, все показывало, что желаніе Татьяны Васильевны должно было скоро увѣнчаться успѣхомъ. Между-тѣмъ, Анюта уѣхала къ отцу; но вѣдь въ деревнѣ не все же сидѣтъ затворницами. Ъздили къ Кортоминымъ, Юрзуфовымъ, и тамъ встрѣчались съ старымъ знакомымъ, этимъ несноснымъ спорщикомъ, Ладошинымъ. Одинъ разъ, на вечерней зарѣ, мимо сада проѣхалъ охотникъ съ ружьемъ и собакою; маленькіе глазки его быстро смотрѣли въ садъ. Анюта сама видѣла его съ боковой дорожки.

Въ другой разъ, Петра Алексѣевича и Софьи Павловны не было дома; Анюта оставалась одна, и отъ скуки—шалунья! вздумала уйти въ поле, одна съ Парашею, этою балованною горничною Софьи Павловны, воспитанницею Кузнецкаго-Моста, которой дали постель какъ барышнѣ. На дорогѣ онѣ встрѣтили того же охотника, но уже верхомъ; онъ сошелъ съ лошади и проводилъ двухъ дѣвушекъ до самыхъ гумень. Наконецъ, охотникъ пріѣхалъ къ Петру Алексѣвичу, и все это Анюта подробно рассказывала бабушкѣ.

Но, ахъ! здѣсь, неодолимая какъ судьба, возсталъ желѣзная воля отца и разрушила, можетъ-быть, навсегда надежды любовниковъ и Татьяны Васильевны. Ладошину было отказано; Петръ Алексѣевичъ, особенно со времени возвращенія своего изъ Украйны, и слышать о немъ не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что Ладошинъ дрянъ, дѣнивещъ, который только и дѣлаетъ, что ѣздитъ съ собаками; что изъ него никогда не выйдетъ ничего порядочнаго; что въ немъ нѣтъ никакого благороднаго самолюбія. «Что! мальчишка такъ, пустой; нигдѣ не служилъ и служить не хочетъ. Впрочемъ» прибавилъ Петръ Алексѣевичъ: «Анюта еще молода и всегда будетъ имѣть жениха не хуже Ладошина.»

Между-тѣмъ, Дарья Лукинична, старушка, которая ходила въ ключахъ еще при покойной матери аютиной, да и теперь исправляла ту же должность, однажды, когда Анюта забѣжала къ ней въ кладовую за яблоками, сказала ей:

— А что, матушка барышня? каковъ тебѣ показался нашъ гость?

— Какой гость, Дарья Лукинична?

— Ну, вотъ, какой? что обѣдалъ сегодня?

— Да сегодня много гостей обѣдало, Дарья Лукинична.

— Охъ ты, воструха! будто и не знаетъ. Извѣстно, я говорю о петербургскомъ сосѣдѣ.

— Объ Илашевѣ-то?

— А что? Не хорошъ, скажешь?

— Не знаю, я не посмотрѣла на него хорошенько.

— Напрасно; надобно бы посмотрѣть.

— А для чего же это?

— Да такъ.

— Полно же секретничать, Дарья Лукинична; ты такъ говоришь, какъ-будто бы у тебя было что-то на умѣ?

— Сказала бы я тебѣ, да боюсь, проговорюсь.

— Ну, вотъ! какъ это можно!

— Хорошо, дакъ и быть; только ты смотри у меня, не проговоришься, особенно маменькѣ-то. Вѣдь папенька прочитъ тебѣ этого сосѣда въ женихи.

— Какой вздоръ! почему это ты знаешь?

— Почему бы то ни было, а это не вздоръ. Онъ очень на это метитъ, я это навѣрно знаю.

— Ну, такъ мнѣ что жъ за дѣло?

— Какъ, что за дѣло? Вѣдь у него, матушка, 800 душъ, да вѣдь имѣнье-то какое—золотое дно! Однимъ медомъ мужики на праздникъ закидаютъ. Все вѣдь богатые...

Вскорѣ послѣ того Анята подслушала разговоръ мачихи своей съ Вѣрой Дмитриевной, которая говорила точно то же. Все это заставило задумываться Аняту. Илашевъ давно уже возбудилъ ея любопытство. Она знала о немъ еще въ Украинѣ изъ писемъ своихъ пріятельницъ, которыя всѣ единодушно писали о пріѣзжемъ, какъ о чудѣ, явившемся въ ихъ пустынь. Она возвратилась уже съ желаніемъ видѣть это чудо, конечно безъ всякой неблагоприятной для Ладошина мысли, а такъ, изъ ребячьяго любопытства: какъ же не посмотреть чуда?

Чудо не замедлило явиться въ Сергіевское, но сначала не произвело особеннаго впечатлѣнія на Аняту. Она нашла даже, что пріятельницы слишкомъ преувеличили достоинства, по обыкновенному пристрастію ко всему новому и особенно петербургскому. Между-тѣмъ, вся дворня толковала уже потихоньку о женихѣ, а Агаша, горничная Аняты, даже и чваниться начала: мы-де за генерала идемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Илашевъ былъ славный женихъ для Аняты; 800 душъ,—заложенныхъ, правда, ну, да у кого же теперь не заложено имѣніе? Коллежскій совѣтникъ и давно уже камер-юнкеръ. Это ужъ не Ладошину чета; никому не стыдно будетъ сказать за кого отдалъ дочку Петръ Алексѣевичъ... Но обратимся къ Анятѣ.

Анята, какъ мы сказали, сидѣла за пальцами и мечтала. Теперь уже намъ не трудно будетъ угадать, о чемъ мечтала дѣвушка. Ладошинъ, иногда Илашевъ... А вѣдь онъ пріѣдетъ къ Кортонинымъ, говорила она мысленно, вдѣвая шерсть въ иголку. Я, кажется, довольно ясно вчера сказала кормилицѣ, да и сегодня еще пошлю къ ней Парашу. Какая смѣшная эта Вѣра Дмитриевна: «не имѣй никакихъ сношеній съ нимъ». Какъ-будто бы это было возможно! человекъ нарочно познакомился съ кормилицею, съ крестьянкою, чтобъ только знать обо мнѣ! Ну, да что до нея! вѣдь она не узнаетъ... И для чего она говоритъ мнѣ безпрестанно объ Илашевѣ? Что мнѣ до того? Право, мнѣ кажется, что они всѣ съ ума сошли. Папѣнька прельщается его камер-юнкерствомъ, какъ-будто бы мнѣ было это чрезвычайно дорого! У этого Илашева такая цѣпрятная улыбка, пренасмѣшливая... Онъ долженъ быть очень золъ. Ни за что не пойду за него... Какъ, право, досадно, что Владиміръ такой чудакъ! Что бы ему не носить волосы, какъ носить Илашевъ? Но у Владиміра они не станутъ такъ лосниться. У Илашева необыкновенно-глянцовиты волосы. Это отъ-того, что они очень-черны, да и отъ помады. Надобно сказать Владиміру, чтобъ непременно покупалъ французскую помаду. Мой милый Владиміръ! какъ я люблю его! Конечно, онъ не богатъ, не придворный, не живетъ въ Петербургѣ, а все-я ни за кѣмъ не буду, кромѣ его... Какъ бы я желала знать, какой у кам-

мер-юнкера мундиръ; не-уже-ли лучше гусарскаго? Право, здѣсь въ глуши живешь и не видишь ничего... Говорятъ, что у Илашева мундиръ весь шитый золотомъ; какъ, я думаю, хорошо, когда у двора соберутся всѣ придворные! Вѣдь есть же счастливицы, которыя съ самаго рожденія при дворѣ!.. И въ воображеніи Анюты раскинулся длинный рядъ картинъ: богатая зала, мраморы, золото, и вездѣ эпoletы, аксельбанты, кресты и звѣзды; а дамы?.. длинный шлейфъ изъ темнаго бархата, шитый золотомъ, газовое, усыпаемое блестками покрывало, кокошникъ блеститъ брильянтами, какъ зимняя ночь звѣздами... «А что, еслибъ въ этомъ кокошникѣ показаться здѣшнимъ дамамъ, хоть бы Вѣрѣ Дмитріевнѣ, па-примѣръ?» говоритъ Анюта, пріятно улыбаясь мечтѣ своей: «ужь она не такъ нѣмѣнилась бы въ лицѣ, какъ въ послѣдній разъ, когда маменька показывала ей свой новый уборъ. Какъ она завистлива! А маменька ничего не замѣчаетъ. Проста, ужасно проста!.. Ну, а, на-примѣръ, написать бы Кортониной, — вѣдь и эта хороша! — «Ma chère, я падаю отъ усталости. Сегодня все утро была при дворѣ. На кокошникъ мой столько нашили брильянтовъ, что и теперь отъ тяжести ломить голову; а вечеромъ еще балъ при дворѣ... я танцевала до упаду...»

Еще недавно мечты Анюты были гораздо-скромнѣе; въ нихъ не было ни бархатныхъ шлейфовъ, ни дворцовъ. Конечно, не было въ нихъ также и зеленыхъ лужковъ, ни свѣтлыхъ ручейковъ, нѣтъ: Анюта была дѣвушка положительная, и эклоги не очень любила; однакожь...

Да и въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, Анюта дурно дѣлала, что еще думала о Ладошинѣ; а Петръ Алексѣевичъ былъ правъ въ своей упрямой волѣ не отдавать за него дочери. Что ей за женихъ былъ Ладошинъ? Она не бѣдная невѣста, дочь одного изъ первыхъ дворянъ въ губерніи, чуть-чуть не губернскаго предводителя; а онъ что? губернской секретарь, у котораго много-много что 200 душъ, и то половина въ Костромской ли, въ Ярославской ли губерніи, малоземельныя. Къ тому же, Богъ-знаетъ еще, что такое былъ этотъ Ладошинъ. Вотъ Вѣра Дмитріевна, женщина очень-умная и основательная, а она никогда не отзывалась о немъ хорошо, и даже, по-видимому, не любила его. А такая женщина, какъ Вѣра Дмитріевна, не могла не любить человѣка безъ причины. Тутъ была кака-то престранная исторія, о которой Вѣра Дмитріевна никогда не говорила охотно. Это было еще при покойномъ мужѣ ея, въ первый годъ по пріѣздѣ Ладошина. У Вѣры Дмитріевны жила въ то время бѣдная дѣвушка, изъ мелкопомѣстныхъ дворяночекъ, которыхъ въ уѣздѣ обыкновенно звали «иваньковскими». Вѣра Дмитріевна очень любила эту дѣвушку, старалась образовать ее, всюду возила съ собою, рядила и даже дала ей особенную комнату, возлѣ дѣтской, — словомъ, содержала ее, какъ родственницу. Вдругъ узнаютъ, что эта дѣвушка завела связи, и даже принимаетъ тайкомъ кого-то, въ комнатѣ, смежной съ своею, и изъ которой

длинный корридоръ велъ прямо въ спальную Вѣры Дмитріевны. Посудите, какая опасность для репутаціи молодой женщины! Вѣдь чего не могли сказать, особливо въ провинціи, гдѣ столько злыхъ и праздныхъ языковъ! Къ-счастью, однакожь, все открылось. Покойный мужъ Вѣры Дмитріевны, возвратясь одинъ разъ изъ города довольно-поздно и неожиданно, самъ увидѣлъ челоуѣка, который вылѣзъ изъ окна помянутой комнаты и потомъ убѣжалъ черезъ садъ. Исторія надѣлала шума; дѣвушку отослали къ ея матери; мать чуть не прокляла ее и валялась въ ногахъ у Вѣры Дмитріевны, чтобъ испросить прощеніе виновной дочери. Конечно, та добра, простила, а между-тѣмъ было много злыхъ людей, которые рассказывали дѣло совсѣмъ-иначе.

Никто не узналъ челоуѣка, убѣжавшаго черезъ садъ; но нѣкоторые называли потихоньку Ладошина, особливо, когда вскорѣ послѣ того дѣвушка вышла замужъ съ порядочнымъ приданымъ, тогда-какъ матери не гдѣ было взять его... Да чего же таить? вѣдь это была дочка Мавры Даниловны. Справедливо ли обвиняли Ладошина, или нѣтъ, этого нельзя знать; вѣрно только то, что Вѣра Дмитріевна съ-тѣхъ-поръ не могла его терпѣть и не скрывала своей ненависти, а это бросало сильное подозрѣніе на молодаго помѣщика, особливо въ глазахъ тѣхъ, которые хорошо знали прекрасную вдову.

VI.

Кажется, будетъ незлишнимъ, если мы скажемъ теперь нѣсколько словъ о Вѣрѣ Дмитріевнѣ, тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ случай поговорить также и объ Илашевѣ.

Вѣра Дмитріевна осталась вдовою двадцати-трехъ лѣтъ, съ хо-рошенькимъ имѣніемъ, но запутаннымъ тяжбами и долгами, съ двумя маленькими сыновьями и съ совершеннымъ незнаціемъ ни хозяйства, ни дѣлъ. Всѣ сосѣди говорили, что ей непременно должно было выйти замужъ; нашлись и женихи, и сострадательные люди, которые, входя въ ея положеніе, сватали ее то за того, то за другаго. Но Вѣра Дмитріевна и слышать не хотѣла о замужствѣ—надѣла траурную шляпку съ длиннымъ вуалемъ и поѣхала въ городъ хлопотать по тяжбамъ. Молодая женщина, вдова и къ-тому же прекрасная, не могла не интересоваться собою и своимъ безпомощнымъ состояніемъ. Вѣра Дмитріевна говорила всякому, что рѣшительно ничего не смыслить въ дѣлахъ, ѣздила къ своимъ знакомымъ, къ Татьянѣ Васильевнѣ и другимъ старушкамъ, равно достойнымъ всякаго уваженія, сидѣла у нихъ по цѣлымъ вечерамъ, обѣдала у нихъ, особливо по середамъ и по пятницамъ (она была очень-набожна и всегда соблюдала посты), бывала часто у губернаторши, вице-губернаторши. У Татьяны Васильевны познакомилась съ другомъ ея, предсѣдателемъ гражданской палаты, играла съ

нимъ въ карты, которыя онъ любилъ до страсти, и вѣчно проигрывала, между-тѣмъ, разумѣется, не забывала и секретарей, и хлопотала по дѣламъ, какъ умѣла, бѣдная женщина! Но судьба не всегда же, однако, гонить вдовъ и сиротъ; въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣла бѣдной Вѣры Дмитріевны какъ-то пораспутались; одинъ изъ помѣщиковъ-сосѣдей нашель ей очень-хорошаго управляющаго; Вѣра Дмитріевна съ весною переѣхала въ деревню и совершенно посвятила себя дѣтямъ и домашнимъ занятіямъ, оставя по себѣ въ городѣ, особенно между старушками, единоклассныя похвалы. Молодые поговаривали, что она вовсе и не такъ набожна, и не такъ простодушна, какъ кажется, припоминали кой-какія исторіи еще изъ замужней жизни ея, намекали о кокетствѣ; но Вѣра Дмитріевна была хороша, очень-хороша, и потому источникъ всѣхъ подобныхъ разказовъ легко угадать: разумѣется, зависть. Женщины такъ завистливы!

Прошло пять лѣтъ со времени кончины покойнаго мужа Вѣры Дмитріевны: его и прежде никогда иначе не называли. Имѣнье ея было устроено, долги почти уплачены, выстроенъ домъ-игрушка, съ оранжереєю, со всѣми причудами милой, образованной женщины. Женихи то-и-дѣло навертывались; но Вѣра Дмитріевна и слышать о нихъ не хотѣла. Вся совершенно въ дѣтяхъ, она думала только о нихъ, занималась только ими, хозяйствомъ и своими цвѣтами. Вотъ можно сказать, трудно было, безъ особеннаго недоброжелательства, найти хоть малѣйшее пятно въ поведеніи этой женщины. Она принимала у себя часто, и даже мужчинъ, но никто еще не замѣчалъ ни малѣйшей неосторожности въ ея поступкахъ; никто не заставлялъ ее одну, никто не видалъ одну ни даже за три шага отъ дома. У нея всегда были чужіе: казалось, эта женщина хотѣла, чтобъ вся жизнь ея, какъ свѣтлый и прозрачный ручей, протекала въ глазахъ у всѣхъ. Двѣ, иногда даже и три дамы, серьезныхъ лѣтъ, изъ «иваньковскихъ», постоянно бывали у нея, и въ этомъ, можетъ-быть, столько же участвовала осторожность, необходимая для молодой вдовы, сколько и благотворительность. Надобно вамъ сказать, что такое были «иваньковскіе». Въ уѣздѣ, гдѣ было имѣніе Вѣры Дмитріевны, было очень-много мелкопомѣстныхъ дворянъ, и всего болѣе въ Иваньковѣ, большомъ казенномъ селеніи, съ каменною церковью и базаромъ, верстахъ въ восьми отъ Вѣры Дмитріевны. Тамъ, кромѣ казенныхъ крестьянъ, были также и господскіе, и при нихъ сорокъ помѣщиковъ, которые всѣ жили въ Иваньковѣ и съ семействами. Между этими помѣщиками были и такіе, что имѣли по 20 и даже по 25 душъ; но большею частію считали на трехъ братьевъ по 2 ревизскія души, изъ которыхъ одна оказывалась еще иногда умершею. Всѣ эти помѣщики назывались обыкновенно общимъ именемъ *иваньковскіе*, и такъ были извѣстны цѣлому уѣзду. Были и въ другихъ селеніяхъ мелкопомѣстные дворяне; но о нихъ какъ-то никто не зналъ, потому ли, что «иваньковскіе» происходили большею

частью изъ хорошихъ, какъ русскихъ, такъ и татарскихъ фамилій, объединившихъ въ-слѣдствіе великаго ихъ размноженія, и всѣ вла-дѣли документами, въ которыхъ и сама Герольдія ничего не могла бы открыть сомнительнаго, или потому, быть-можетъ, что они бы-ли образованнѣе и выше понятіями другихъ мелкопомѣстныхъ дво-рянъ. Какъ бы то ни было, но «иваньковскіе» съ-поконъ-вѣку были въ постоянномъ сношеніи со всѣмъ лучшимъ, то-есть, богатымъ дворянствомъ уѣзда. Скучала ли помѣщица, она посылала въ Иваньково, и къ ней являлась немедленно компаньонка на три, на че-тыре дня и болѣе, если ей это было угодно; запемогла ли она,—нигдѣ лучше нельзя было найдти сосѣдки, какъ въ Иваньковѣ; уѣзжала ли въ городъ на нѣсколько дней безъ дѣтей, или къ со-сѣдямъ,—опять посоль въ Иваньково; иваньковской барыни можно было повѣрить безъ страха и дѣтей, и мужа, и домъ: такъ чиста была нравственность «иваньковскихъ». Нужно ли послать въ городъ на-скоро, или продать нитки, шитый воротничокъ, или старую шляпу,—все въ Иваньково; «иваньковскія» на все пригодны. За то лѣтомъ, и сѣно ихъ уберутъ, и въ жатвѣ помогутъ, а въ нуждѣ такъ и при-шлютъ возокъ — другой съ зерпышкомъ; а случится дѣло въ судѣ, такъ и похлопочутъ.

Вѣра Дмитріевна была одною изъ самыхъ ревностныхъ благо-творительницъ «иваньковскихъ» и постоянно принимала у себя нѣко-торыхъ, что было также своего рода благодѣяніемъ. Изъ этихъ нѣкоторыхъ, ниня ѣзжали только къ ея дворечихѣ, другія къ эконо-мкѣ, смотря по ихъ достоинству, а двѣ или три, въ числѣ ко-торыхъ была и Мавра Даниловна, къ самой Вѣрѣ Дмитріевнѣ. Впрочемъ, она это и заслуживала. Нельзя было найдти женщины болѣе-преданной, болѣе-признательной. Доказательствомъ могло бы служить приключеніе съ ея дочерью. Подобная исторія навѣр-ное охладила бы преданность всякой другой женщины; но Мавра Даниловна была выше всего подобнаго; ничто, ни самые побои, я думаю, не могли бы уменьшить приверженности ея къ благодѣте-лямъ: это называлось въ уѣздѣ благодарностію...

Вотъ здѣсь можно бы поговорить о злобѣ и несправедливости людской; но это тѣма столько всѣмъ извѣстная и столько уже из-битая! Посудите, что, не смотря на строгость правилъ Вѣры Дми-тріевны, на благочестіе ея и осторожность въ поступкахъ, нашлись люди, которые и о ней говорили дурно и давали ей на счетъ и Ладощина и другихъ, и даже самого Илашева. Впрочемъ, надобно сознаться, сами мужчины такъ недобросовѣстны, что всегда го-тovy хвалиться благосклонностію женщины, если эта женщина сколько-нибудь выше другихъ. Илашевъ недавно еще появился въ губерніи. Онъ служилъ въ Петербургѣ, не знаю въ какомъ-то ми-нистерствѣ, и былъ присланъ въ губернію, вѣроятно, для какой-нибудь ревизіи. У него было имѣніе верстахъ въ восьми отъ Вѣ-ры Дмитріевны, довольно-значительное, но чрезвычайно-запущен-ное и разстроенное. Какъ человекъ дѣятельный, онъ, не прене-

брегая возложеннаго на него порученія, занимался и собутвенными дѣлами: поправилъ какъ могъ старинный каменный домъ, выстроилъ ригу, смѣнилъ управляющаго и самъ занялся пашнею. Но нельзя же все заниматься дѣлами и хозяйствомъ. Онъ познакомился съ сосѣдами и между прочими съ Вѣрой Дмитріевной. Онъ встрѣтился съ нею въ первый разъ на вечерѣ у вице-губернатора. Такая женщина, какъ Вѣра Дмитріевна, не могла не обратить на себя вниманія прїѣзжаго, будь онъ изъ Петербурга и придворнымъ, какъ Илашевъ. Она играла въ карты въ то время, какъ вошелъ Илашевъ. Согласитесь, что нѣтъ ничего въ мїрѣ болѣе прозаическаго, какъ женщина за картами, особливо, если эта женщина, какъ говорится, вся въ игрѣ. Прости тогда, прекрасный идеалъ, который мы любимъ въ женщинѣ! Чистосердечіе, безкорыстіе, преданность, любовь, — все исчезаетъ. Женщина за картами — это банкиръ въ чепцѣ, рассчитывающій копейки въ своей конторѣ; это вся черная сторона человѣческаго рода олицетворенная, вся на виду, хоть и подъ прекрасною наружностью. Но не такъ играетъ Вѣра Дмитріевна; на прекрасномъ лицѣ ея не видно ни безпокойства, ни особеннаго удовольствія. Она говоритъ: «восемь въ червяхъ» или «безъ трехъ», ставитъ ремизы, или записываетъ выигрышъ съ одинаковымъ равнодушіемъ. Она не раскраснѣлась; глаза ея не мечутъ искръ, губа не трясется, — словомъ, она играетъ только потому, что это кажется ей лучшимъ занятіемъ въ обществѣ, въ которомъ она находится.

Илашевъ, который, какъ водится, прїѣхалъ съ мыслию посмѣяться надъ провинціальными глупостями, или скучать, — тотчасъ замѣтилъ Вѣру Дмитріевну. Она была одѣта не такъ, какъ другія дамы; говорила иначе; у нея были такіе чудные глаза и взоръ — какихъ мало! Въ концѣ вечера, онъ зналъ уже, что дама, обратившая на себя его вниманіе, была его сосѣдкою, и, какъ сосѣдъ, представился и былъ приглашенъ.

Разумѣется, онъ не заставилъ себя просить, прїѣхалъ, и съ-тѣхъ-поръ все чаще и чаще бывалъ у сосѣдки. Онъ находилъ въ домѣ ея все, что сдѣлалось необходимою для человѣка, привыкшаго къ гостиннымъ порядочнаго общества: и кабинетъ съ мягкими диванами, и матовый свѣтъ алебастровой лампы, и зелень, и рѣдкій экзотическій цвѣтокъ; хорошій, очень-хорошій обѣдъ и даже недурное вино; журналы, новый романъ съ рисунками Гаварни, петербургскія сигары и — хозяйку, которая, послѣ хорошаго обѣда, раскинувшись на шелковомъ диванѣ, съ пахитоскою въ бѣлой, пухленькой ручкѣ, бросала иногда взоры, отъ которыхъ поворачивалось все сердце бѣднаго камер-юнкера, какъ-будто бы въ дни первой весны его, когда еще тысяча успѣховъ, дѣла и петербургскій климатъ не поохолодили его кипучей крови. Но этотъ взоръ, вы понимаете, бросался безъ намѣренія: нельзя же винить Вѣру Дмитріевну, что Богъ наградилъ ее взоромъ, отъ котораго поворачивается сердце петербургскихъ прїѣзжихъ!

Въ деревнѣ, добрый сосѣдъ — сокровище. Конечно, къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ ѣзжало много сосѣдей, и она принимала всѣхъ и хорошо и ласково; но нельзя же ей было не отличить такого чело-вѣка, какъ Илашевъ, съ которымъ она могла говорить не объ одномъ урожаѣ. Это же случилось именно въ то время, когда Вѣра Дмитріевна была лишена общества Софьи Павловны, которая уѣзжала съ мужемъ и дочерью въ Украину; оставивъ пріятельницу свою одну съ сосѣдями и «иваньковскими», — а это было, право, незавидное общество, не смотря на всѣ ихъ неотрицаемыя достоинства.

Вотъ и пошли толки по всему уѣзду. Не только у кого другихъ, даже у Кортоминыхъ, искреннихъ друзей Вѣры Дмитріевны, говорили очень-двусмысленно о частыхъ посѣщеніяхъ Илашева. Кортомина, женщина очень-строгой нравственности и извѣстная прочностію своего знакомства, вступилась за Вѣру Дмитріевну. Завязался споръ; долго толковали, и наконецъ рѣшили, что такъ-какъ Вѣра Дмитріевна была уже не въ той порѣ, когда влюбляются безъ ума и жертвуютъ добрымъ именемъ первой прихоти, то справедливѣе будетъ предположить, что, конечно, она принимаетъ у себя Илашева на такой погѣ, какъ говорятъ, только для того, чтобъ выйти за него замужь.

— Чтò же? говорила Кортомина: — тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Илашевъ коллежскій совѣтникъ и, можетъ-быть, скоро будетъ камергеромъ, а это не бездѣлица. Онъ можетъ быть полезенъ дѣтямъ Вѣры Дмитріевны, и она, жертвуя ему своею свободою, поступаетъ какъ попечительная и благоразумная мать.

— Совершенно-справедливо, замѣтилъ одинъ изъ гостей:—однакожь, согласитесь, что черные глаза будущаго камергера и его петербургскій фракъ могли также сдѣлать впечатлѣніе на вдовствующее сердце.

— Я думаю, что оно такъ и есть; только изъ этого ничего не будетъ, отвѣчалъ самъ Кортоминъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, вообще говорилъ очень-мало.—Можетъ ли быть, чтобъ такой чело-вѣкъ, какъ Леонтій Андреевичъ, у котораго почти тысяча душъ, женился на вдовѣ съ двумя дѣтьми, безъ связей и, сравнительно, почти безъ состоянія? Все это вздоръ, бредни.

— Почему же бредни? У тебя сейчасъ и бредни, возражала Кортомина.—Главное дѣло только, чтобъ Илашевъ влюбился, а, право, Вѣры Дмитріевны станеть, чтобъ свести съ ума и получше его, лишь бы она захотѣла.

— А я такъ думаю, что за послѣднимъ-то дѣло никогда не стало бы, замѣтилъ Кортоминъ, къ большому неудовольствію своей супруги, и, улыбнувшись, началъ насвистывать пѣсенку, чтобъ кончить споръ.

Но вотъ чтò рассказывалъ одинъ разъ самъ Илашевъ, въ часъ дружеской откровенности, Ладошину, съ которымъ былъ знакомъ

еще по Лицею, гдѣ оба они воспитывались, хотя и не совсѣмъ въ одно время...

Вѣра Дмитриевна, какъ всѣ поэтическія души, чрезвычайно любила садоводство и цвѣты. Она была безпрестанно въ саду, работала тамъ, читала; послѣ же обѣда обыкновенно ходила гулять по всему саду съ гостями, какіе у нея случались, и непременно съ дѣтьми, которыя неотлучно всегда были при ней. Впрочемъ, дѣти Вѣры Дмитриевны не могли никого беспокоить—не такъ, какъ дѣти другихъ помѣщиковъ, которыя завертываются въ юбку къ маменькѣ и того-и-глядя заревутъ. У Вѣры Дмитриевны были милыя, благовоспитанныя дѣти, которыя капризничаютъ и дерутся только въ своей дѣтской.

Въ саду Вѣры Дмитриевны была бесѣдка, довольно-удаленная отъ дома и до того закрытая разными цвѣтущими кустарниками, что самое существованіе ея казалось тайною. Это мѣсто особенно любила Вѣра Дмитриевна: тамъ она собрала любимые цвѣты свои, не пренебрегая и туземною флорою; тамъ любила читать, между тѣмъ, какъ дѣти рѣзвятся на ближнемъ лугу. Вотъ, случилось, что Вѣрѣ Дмитриевнѣ, въ одинъ вечеръ, вздумалось показать Илашеву новую, только-что распѣтшую магнолію, принесенную, по ея приказанію, въ бесѣдку. Они вошли. Дѣти остались на лугу; Мавра Даниловна, по известной своей къ нимъ привязанности, а можетъ-быть и плѣняясь красотою вечера, осталась съ ними и, сѣвъ на траву, хлопала въ ладоши, грозя поймать то того, то другаго, плела вѣнки изъ цвѣтовъ и прочее, что обыкновенно наблюдается при играхъ съ умными и благовоспитанными дѣтьми.

Есть минуты, въ которыя окружающіе насъ предметы необыкновенно дѣйствуютъ на нашу душу. Илашевъ самъ разсказывалъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ этой бесѣдкѣ, но никогда она не производила на него такого впечатлѣнія, какъ въ этотъ разъ. Впрочемъ, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ было что-нибудь обязательное въ полусвѣтѣ, царствовавшемъ во внутренности бесѣдки, въ ея уединеніи и самомъ воздухѣ, наполненномъ душистыми испареніями цвѣтовъ. Иногда кажется, что вся природа говоритъ съ нашею душою. Такъ было и теперь. Надъ самымъ входомъ свѣшивались густыми плетеницами гибкія асклепій и шелестомъ листьевъ, казалось, нашептывали какую-то тайну; въ дверяхъ тихо качалась на стеблѣ пышная роза, убаюкивая въ благовонной чашечкѣ своей изумрудную цетонію; по стѣнамъ разноцвѣтные колокольчики ипомен, этого цвѣтка-эмблемы скоротечности, отъ которой самое растеніе въ народѣ зовется «человѣческою жизнію»,—кажется, ловили послѣдніе лучи свѣта, съ которыми должно было окончиться ихъ эфемерное существованіе; и все, казалось, говорило наслажденію: спѣши! спѣши!.. Вѣра Дмитриевна ходила отъ цвѣтка къ цвѣтку, приподнимала фіолетовый колокольчикъ кобен, или пестрыя кисти азалей; Илашевъ молчалъ.

— Посмотрите на эти кларкин, сказала она, наклонясь къ ма-

ленькому растенію, скромно притаившемуся между другими. — Это совсѣмъ не пышный цвѣтокъ; по какъ онъ милъ! Я особенно люблю его. — Она подняла голову и взглянула на Илашева: онъ стоялъ прислонясь къ колоннѣ и смотрѣлъ на нее — не на цвѣты. Яркая краска выступила на лицѣ ея. Она опять опустила глаза на цвѣтокъ. — Нѣтъ, право, вы не отдасте справедливости моимъ цвѣтамъ.

— Я? напротивъ. Никогда я не находилъ ихъ столько прекрасными.

— Вы смѣтаетесь. Вамъ кажется, что этотъ блѣднорозовый цвѣтокъ съ четырьмя лепесточками не заслуживаетъ вниманія; вамъ непременно надобны великолѣпныя магноліи... И она подошла къ только-что распустившейся магноліи, которая красовалась возлѣ дивана на горкѣ, уставленной зеленью и цвѣтами, и, смотря съ любовію на прекрасный цвѣтокъ, сѣла на диванъ.

— Какъ же вы хотите, чтобъ можно было не любоваться прекраснымъ? сказалъ онъ, садясь возлѣ Вѣры Дмитріевны.

Они говорили о цвѣткѣ, любовались яркими лепестками его, красивою формою... и Богъ-знаетъ какъ это случилось, только черезъ нѣсколько минутъ рука Илашева, какъ гибкая ипомея, обвила станъ молодой женщины, и губы, какъ изумрудная цетонія въ чашечку розы, впились въ ея розовыя уста.

Но это было на одно мгновение.

Какъ-будто внезапно пробудившись отъ страшнаго сна, Вѣра Дмитріевна вырвалась изъ рукъ молодаго человѣка. Глаза ея сверкали, грудь волновалась, — она была истинно-хороша въ эту минуту.

— Это уже слишкомъ, Леонтіи Андреечъ! Я вамъ этого никогда не прощу, говорила она, ухватясь руками за столъ, какъ-бы ища опоры.

Но увлеченіе Илашева уже прошло, или такъ казалось по-крайней-мѣрѣ. Я не знаю, какъ бы онъ долженъ былъ поступить въ этомъ случаѣ по мнѣнію Вѣры Дмитріевны, только онъ... онъ сидѣлъ покойно, какъ-будто-бы сейчасъ только прослушалъ ботаническій урокъ, и хотя легкая краска, непривычное явленіе на смугломъ лицѣ его, и измѣняла внутреннему волненію, — улыбка его, взоръ, свободное положеніе говорили противное.

— Прежде растолкуйте мнѣ великость вины моея, сказалъ онъ голосомъ совершенно-спокойнымъ.

Вѣра Дмитріевна посмотрѣла на него пристально. Ее поразило скептическое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на гнѣвъ ея. Внезапная мысль озарила ея душу.

— Послушайте, сказала она съ живостію: — увлекаются, когда любятъ, или... Она закрыла лицо руками, и голосомъ, въ которомъ слышалась жалоба растерзанной души, сказала: — о! я знаю, что это значить.

— Накопецъ?

— Да, знаю. Клевета дошла и до васъ, и вы повѣрили ей. Она бросилась въ кресла и заплакала.

— Послушайте, Вѣра Дмитревна, мы съ вами не дѣти. Вы такъ же хорошо знаете жизнь, какъ и я...

— Не хотите ли вы мнѣ читать уроки вашей свѣтской философіи? Мы здѣсь, въ деревнѣ, не знаемъ ея.

— Я думаю, что вы не имѣете пужды ни въ какихъ урокахъ, Вѣра Дмитревна, сказалъ Илашевъ топомъ самой тонкой свѣтской вѣжливости. — Я просилъ, напротивъ, чтобъ вы взяли на себя трудъ научить меня и объяснить важность моего преступленія. Положимъ, оно велико; но...

— Оставьте этотъ тонъ, сказала Вѣра Дмитриевна, вставъ и подойдя къ дивану, на которомъ сидѣлъ Илашевъ. Казалось, гнѣвъ ея исчезъ совершенно. Лицо ея выражало только горестъ, и свѣтлая слеза, какъ капля росы, трепетала на рѣсницѣ. Она сѣла подлѣ Илашева. — Послушайте, сказала она, сжимая въ рукахъ сорванный листокъ:—я уважала васъ... нѣтъ, болѣе: я вообразила себѣ, что могла осуществить всегдашнюю мечту мою и найдти въ васъ друга... Видите, я такъ простодушна, что думала, будто вы можете быть другомъ женщины! Я была также увѣрена, прибавила она скоро, видя, что онъ хотѣлъ говорить:—что вы не легко поѣрите первому, кто вздумалъ бы клеветать на эту женщину.

— И вы не ошиблись.

— Нѣтъ, ошиблась, и всего болѣе то, что я не умѣю перенести этого равнодушно. Я должна бы принять васъ такъ, какъ вы есть, съ вашимъ благоразуміемъ и съ тѣмъ миѣніемъ, какое вамъ угодно имѣть обо мнѣ; но посудите же, какъ я глупа! Я и теперь желала бы еще вашего добраго миѣнія.

— Но съ чего вы думаете противное? не-уже-ли отъ-того, что я, какъ ребенокъ, поддался очарованію,—потому-что вы очаровательны, Вѣра Дмитревна, это истина, — и на минуту забылъ, что не имѣю никакого права надѣяться счастья, которое въ эту минуту показалось мнѣ возможнымъ? О, я готовъ на колѣняхъ просить вашего прощенья...

И онъ въ-самомъ-дѣлѣ готовъ былъ стать на колѣни. Она улыбнулась, но это не была еще улыбка торжества. Подъ нею только скрывалась увѣренность, что въ ней видятъ актрису.

— Не нужно, сказала она. — Я знаю, что въ вашихъ глазахъ все, что приписываютъ мнѣ добрые ваши и мои пріатели, не кажется большою виною въ женщинѣ, вамъ посторонней; быть-можетъ, напротивъ, эта женщина кажется вамъ тѣмъ привлекательнѣе: такъ принято въ свѣтѣ. Но, Леонтій Андреечъ, прибавила она съ горькой усмѣшкою:—я не хочу присвоивать себѣ прелести, которой не имѣю. Нѣтъ, я просто деревенская барыня, помѣщица, которая такъ проста, что свидѣтельство совѣсти своей предпочитаетъ всѣмъ успѣхамъ въ свѣтѣ,—такъ проста, что желала бы,

чтобъ люди, которыхъ она удажаетъ, любили ее, не смотря на ея простоту.

— Вы меня совершенно уничтожаете... Но не-уже-ли же прекрасная помѣщица, въ высокой простотѣ своей, не найдетъ ни одного слова въ извиненіе...

— Не станемъ говорить объ этомъ. Вы видите, что помѣщица угадала, что было причиною проступка. Ахъ, еслибъ вы захотѣли сказать мнѣ все, что черная клевета шепнула вамъ въ уши! еслибъ вы захотѣли выслушать...

— Вамъ оправдываться! О, нѣтъ! не усиливайте вины моей. Я вѣрю всему, что вамъ угодно, хотя бы, признаюсь, не хотѣлъ вѣрить.

— Не хотѣли бы?

— Конечно. На этомъ высокомъ пьедесталѣ добродѣтели, вы для меня недоступны. Я нѣсколько эпикуреецъ, Вѣра Дмитріевна. Жизнь имѣетъ для меня цѣну тогда только, когда она усѣяна цвѣтами, а они такъ рѣдки и такъ недолго цвѣтутъ, что нельзя не жалѣть объ утратѣ и самаго ничтожнаго. Какъ же вы хотите, чтобъ я былъ равнодушенъ къ потерѣ лучшихъ, какими только когда-нибудь польстила мнѣ надежда!

— Вы ужасный, безнравственный человѣкъ, сказала Вѣра Дмитріевна съ такимъ взоромъ, который могъ бы вскружить голову самому хладнокровному.

— За что жъ вы хотѣли уважать меня, какъ сами сказали сейчасъ же?

— О нѣтъ, нѣтъ! Я отказываюсь. Но я хотѣла бы любить васъ какъ человѣка, съ которымъ время проходитъ невидимкою, — никакъ не болѣе.

— Принимаю приговоръ. Будемте пріятелями. Я буду сокращать для васъ дни моею, какъ вы говорите, любезностью; а вы... нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу вашей дружбы съ условіями, которыя вы предписываете. Вы... скоро опять разсердились бы на меня — говорю искренно. Даже и теперь — я благословляю Мавру Даниловну, которая идетъ къ намъ, благословляю! прибавилъ онъ, вставая, и, бросивъ очень-вразумительный взглядъ на прекрасную хозяйку, пошелъ на встрѣчу дѣтямъ, которыя тотчасъ, какъ къ короткому знакомому, бросились ему на шею.

Говорять, будто-бы Вѣра Дмитріевна всегда обвиняла Ладошина въ развязкѣ этой сцены, которая, безъ его наговоровъ Илашеву, должна была, по ея мнѣнію, кончиться совсѣмъ-иначе. Какъ бы то ни было, но отношенія сосѣдей съ-тѣхъ-поръ очень перемѣнились. Илашевъ всегда воображалъ, что Вѣра Дмитріевна прочитъ его въ женихи себѣ, а онъ, съ своей стороны, все настойчивѣе и настойчивѣе искалъ случая — опять полюбоваться магноліями въ бесѣдкѣ. Наконецъ, Вѣра Дмитріевна разсердилась не въ шутку; Илашевъ сказалъ: какъ хотите, — и пересталъ вѣдять.

Это было въ то самое время, когда Сарапаевы возвратились изъ Украйны, то-есть, за нѣсколько дней до кортоминскаго праздника.

VII.

Праздникъ въ деревнѣ! это не то, что городской балъ. Въ городѣ приготавливаютъ наряды для одного вечера, и все тутъ; а здѣсь—надобно пріѣхать по-крайней-мѣрѣ наканунѣ. Навѣрное можно полагать, что, кромѣ хозяевъ, въ домѣ будутъ уже и чужіе, что дѣлаетъ необходимымъ порядочный дорожный костюмъ. Потомъ вечернее платье не слишкомъ-нарядное, но и не простое: въ это время съѣзжаются гости. Необходимы также вечернее дезабилье, ночная кофточка, чепчикъ; потомъ, на другой день—утренній нарядъ для церкви, другой для завтрака, третій для обѣда и наконецъ—балльный. Какое обширное поле для воображенія! сколько вкуса, изящества, сколько знанія можетъ показать женщина въ этой серіи нарядовъ! Право, городскія красавицы могутъ нѣсколько позавидовать деревенскимъ. Представьте себѣ, на-примѣръ, послѣ ужина нѣсколько молодыхъ женщинъ, восемь, десять, собрались въ довольно-большой комнатѣ, гдѣ, однакожь, три, четыре кровати, не болѣе, изъ чего можно заключить, что многія изъ дамъ пришли изъ сосѣднихъ комнатъ. Посмотрите на эту картину: одна молодая женщина уже въ постели; ночной чепчикъ съ узенькою оборкою обнимаетъ хорошенькое личико, оживленное удовольствіемъ пастоящей минуты и надеждою завтрашняго веселья; легкіе кисейные воланы окружаютъ грудь и плечи; прогнвъ нея, на ея же кровати, двѣ или три молодыя женщины, также въ ночныхъ костюмахъ, блестящихъ только бѣлизною. Тамъ у туалета, хорошенькая блондинка, сидитъ въ большихъ креслахъ, закутанная, какъ въ облако, въ кисею и кружева и распустя длинную косу, которая переливается золотистыми волнами въ рукахъ горничной; у ногъ ея, на табуретѣ, черноглазая пріятельница ея, обвивъ голову пунцовымъ фуляромъ, изъ-подъ котораго выбѣгаютъ пряди черныхъ какъ смоль волосъ, сидитъ положила руки на ея колѣни и уставя на нее большіе черные глаза свои; далѣе, въ углу, другая группа не мевѣ-граціозная. И вотъ, входитъ пожилая женщина, въ короткой бумазейной юбкѣ, въ тафтяномъ салопчикѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ. Она смѣется надъ кисеєю и кружевами дамъ, хвалитъ удобство своего полотнянаго платка... Слышите ли смѣхъ, рассказы, эти звонкіе голоса, сливающиміся въ громкомъ говорѣ? Это одно время, когда всѣ эти женщины кажутся друзьями, всѣ искренны и нецеремонны... Не напоминаютъ ли подобныя картины другія, болѣе роскошныя, расцвѣченныя солнцемъ востока, украшенныя его живыми, яркими красками?..

Но обратимся къ нашей исторіи. Еще утро; густой звукъ колокола разносится по полямъ и собираетъ прихожанъ; пестрыя тол-

мы валять въ церковь; на площади разбросаны разнообразныя группы крестьянъ и крестьянокъ; по бревнамъ, сложеннымъ по близости церкви, прыгаютъ ребяташки, карабкаются, бѣгаютъ... вотъ одинъ упалъ...

Разнохарактерныя экипажи подѣзжаютъ къ церкви. Вотъ новенькая петербургская карета съ гербами... Вы знаете всѣ русскіе дворянскіе гербы; вы по какой-то странной прихоти изучили ихъ и не узнаете этого? Вы не слѣдите за временемъ. Это гербъ новаго помѣщика, недавно купившаго съ аукціона пятьсотъ душъ въ уѣздѣ. Родоваго у него ни души; все благопріобрѣтенное, и отъ-того, что жена хозяйка. За нею было не болѣе пятнадцати душъ, но между-тѣмъ, какъ онъ сѣдѣлъ на службѣ, она хозяйничала, и вотъ, въ короткое время—они помѣщики. Эта коляска тоже новаго владѣльца: отецъ былъ сперва поднощикомъ, потомъ откущикомъ. Все это аристократы, губернская знать. А вотъ этотъ тарантасъ, запряженный тройкою лихихъ—это здѣшняго исправника. Этотъ изъ старинныхъ дворянъ, да промотался. У отца было душъ сотни три, у сына—хуже, чѣмъ ничего, и еслибъ на послѣднихъ выборахъ не помогъ Сарапаевъ и не вынесъ его на плечахъ, то пришлось бы хоть въ петлю... Но вотъ коляска за коляскою, кареты, дроги, весь колымажный дворъ—ухъ, какой съѣздъ!

Между-тѣмъ, и въ барскомъ домѣ довольно уже гостей. Многие изъ мужчинъ не пошли въ церковь и ходятъ по залѣ; другіе разбрелись по саду. На дворѣ суетятся слуги, повара, ключницы; въ гостиной накрываютъ столъ для закуски.

— Что это? не-уже-ли и ты былъ у обѣдни? говорилъ мужчина, по-видимому, лѣтъ тридцати, высокаго роста, съ черными бабенбардами, подавая руку другому, только-что вошедшему въ залу.

— Э, нѣтъ. Мы пробовали ружья. У Кортомина есть одна винтовка славная.

— Ты здѣсь давно?

— Со вчерашняго дня.

— И меня звали также, но я терпѣть не могу почевать въ чужомъ домѣ, особенно на праздникъ. Вѣчно набьется множество народа въ одну комнату: ни одѣться, ни заснуть. Да что это такое? Я проѣзжалъ мимо церкви, тамъ много экипажей. Ужъ не свадьба ли здѣсь?

— Нѣтъ, батюшка Леонтіи Андреечъ, къ-несчастью нѣтъ. Хотя и есть здѣсь невѣста, но вотъ уже мы нѣсколько лѣтъ ждемъ, а свадьбы нѣтъ-какъ-нѣтъ.

— Да что жъ? разборчивы что ли очень?

— Кажется, выбирать-то нѣ изъ кого.

— Такъ, видно, молятся, чтобъ Богъ послалъ?

— Здѣсь храмовой праздникъ.

— Такъ насъ-то зачѣмъ созвали?

— А вотъ — послушать хозяйскихъ ѣвчихъ, поѣсть пирога, побѣдять. Здѣсь много хорошенькихъ дамъ, что, я думаю, вамъ не противно будетъ.

— Право? а вашей милости?

— Что наша милость! Мы степняки. Намъ была бы добрая гончая.

— Однакожь, степняки вѣдь не прочь отъ хорошенькой невесты?

— Куда намъ, батюшка, Леонтіи Андренчъ! Это хорошо людямъ понятливымъ, кому идути въ прокъ уроки ботаники, хоть о магноліяхъ, напримѣръ. А о насъ кто подумаетъ?

Оба засмѣялись. Въ это время, около церкви показалось движеніе; на крыльцахъ зачернѣлись густыя толпы народа; экипажи зашевелились, тронулись и понеслись къ дому. У подъѣзда замузыли; мужчины, ходившіе по залѣ, выстроились въ двѣ шеренги.

Сколько дамъ! одна за другою! Вотъ Софья Павловна; она идетъ впереди съ старушкою, матерью хозяйки; шляпка, платье, все просто на ней, а между-тѣмъ кажется, что никто не одѣтъ щеголеватѣе ея. За нею Вѣра Дмитриевна — ослѣпительно-хороша и свѣжимъ румянцемъ, и блескомъ глазъ, и изысканнымъ нарядомъ; за нею — цѣлая толпа дамъ и дѣвицъ всѣхъ возрастовъ. Далѣе, впереди также густой толпы мужчинъ, Петръ Алексѣевичъ. Какъ хорошо быть значущимъ человѣкомъ! Какъ всѣ наперерывъ бѣгутъ къ Петру Алексѣвичу, кланяются, спѣшатъ съ рукою; а онъ — какъ важенъ! Онъ, кажется, очень-веселъ. Но вотъ онъ мимо всѣхъ идетъ къ молодымъ людямъ, которыхъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ дамъ. Не знаю, угадали ли вы, что это были Илашевы, и пріятель его, Ладошинъ. Бѣдный Ладошинъ! Ему суждено было довольствоваться холоднымъ поклономъ, между-тѣмъ, какъ Илашеву подали руку, да еще съ какою любезною улыбкою, съ какими привѣтствіями!

— Вотъ, можетъ-быть, и Леонтіи Андренчъ изволили слышать, сказалъ въ эту минуту тоненькій голосокъ, и между Илашевымъ и Сарапаевымъ очутился маленькій, кругленькій помѣщикъ, только-что возвратившійся изъ губернскаго города.

— Что такое? спросилъ Илашевъ.

— Должно быть пустое, отвѣчалъ Петръ Алексѣевичъ. — Представьте, здѣсь разнесся слухъ, будто нашъ губернаторъ выходитъ въ отставку, и на мѣсто его опредѣляется — знаете ли кто?

— Я ничего не слыхалъ.

— Князь Петръ Михайловичъ Баксановъ. Это потому не можетъ быть, что князь написалъ бы мнѣ объ этомъ тотчасъ самъ, а въ послѣднихъ письмахъ онъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— Позвольте, Петръ Алексѣевичъ, сказалъ помѣщикъ: — можетъ-быть, письмо ихъ сіятельства къ вамъ было писано прежде, чѣмъ состоялось опредѣленіе.

— Но министр не определялъ бы князя, не поговоря съ нимъ о томъ предварительно.

— Впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ невозможнаго, сказалъ Илашевъ:—министръ могъ говорить съ княземъ послѣ уже послѣдняго письма его къ вамъ. Для меня только странно, что князь принялъ это мѣсто.

— Да не можетъ быть! У него въ виду гораздо-болѣе, чѣмъ мѣсто губернатора въ стениной губерніи.

— Онъ могъ принять по желанію министра, замѣтилъ Илашевъ.

— Впрочемъ, я буду очень-радъ. Мы съ нимъ недалеяя родня и давно знакомы; можно сказать друзья. Князь Петръ прекраснѣйшій человекъ; прямой, и, знаете, Русскій въ душѣ. Жена моя воспитывалась у него въ домѣ. Вы знаете княгиню?

— Я бывалъ у нихъ въ домѣ, отвѣчалъ Илашевъ, наклонивъ голову въ знакъ согласія. — Она, кажется, за границею теперь?

— Да; но она къ зимѣ будетъ. Ее ожидаютъ, прибавилъ Петръ Алексѣевичъ съ неподражаемою важностью. — Вы вѣрно получили письма изъ Петербурга? Тамъ много перемѣнъ. Ко мнѣ пишутъ... и онъ пошелъ съ Илашевымъ и уѣзднымъ предводителемъ, который подошелъ къ нимъ же, на другой конецъ залы. Между-тѣмъ, комнаты наполнялись; дамы прошли въ гостиную, дѣвицы за ними и скрылись въ диванной; мужчины образовали различныя группы. Извѣстіе о новомъ губернаторѣ занимало всѣ умы. Не смѣли еще вѣрить, однако посматривали на Петра Алексѣевича и говорили между собою: князь родня Петру Алексѣвичу; это тотъ родственникъ, у котораго воспитывалась Софья Павловна. Смотри на этихъ господъ, можно было подумать, что Петръ Алексѣевичъ самъ вдругъ сдѣланъ губернаторомъ. Впрочемъ, уваженіе, которымъ онъ всегда пользовался, было столь велико, что, казалось, и губернаторство не могло бы ничего къ тому прибавить. Не знаю, до чего дошли бы эти толки; но, къ-счастью, въ это самое время двери въ прихожую отворились настежь, и два лакея, въ синихъ фракахъ и бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, явились, держа въ рукахъ два блюда съ огромными кулебяками, которыя и понесли поспѣшнымъ шагомъ и стуча каблуками, прямо въ гостиную. Благородный паръ кулебякъ, пріятно коснувшись обонанія гостей, перемѣнилъ направленіе умовъ и повлекъ всѣхъ вслѣдъ за собою въ гостиную.

Тамъ все было въ большомъ движеніи. Хозяйка сама начала раздавать пироги и, разумѣется, первые куски были поданы Софьѣ Павловнѣ и потомъ Петру Алексѣвичу. Съ большимъ удовольствіемъ можно было замѣтить тонкое знаніе приличій и общественной іерархіи, которое показала при этомъ случаѣ Катерина Ивановна (хозяйка), подавая каждому, кажется, безъ разбора, и однако ни разу не обойдя старшаго по чину или по состоянію

для младшаго. Случилось, наконецъ, что она почувствовала себя утомленною и съѣла возлѣ Софьи Павловны, прося молодёжь и уѣздныхъ чиновниковъ, еще неполучившихъ своей доли, самихъ распорядиться около пирога, о чемъ они и не заставили себя просить.

— Ахъ, Боже мой! Я и забыла, сказала Катерина Ивановна, замѣтивъ, что пироги почти уже исчезли подъ усиліями осаждающихъ.—Елена! подай пирога Маврѣ Даниловнѣ.—Дѣвушка, невысокаго роста, худая и блѣдная, но съ большими выразительными глазами, подошла къ столу и, сложивъ въ тарелку остатки пирога, оборотилась, чтобъ идти съ тарелкою; но Мавра Даниловна, услышавъ свое имя, выскочила уже изъ своего угла и, подбѣжавъ съ поклонами къ столу, стояла позади дѣвушки.

Между-тѣмъ, Илашевъ, какъ-то ускользнувъ изъ кружка, составившагося около Петра Алексѣевича, стоялъ въ дверяхъ и внимательно смотрѣлъ на оживленную картину, которую представляла гостиная. Недалеко отъ него, въ простѣнкѣ между дверьми и огромною израсповою печкой, передъ небольшимъ диваномъ, стоялъ столъ, уставленный бутылками и графинами съ жидкостями разнаго цвѣта; далѣе, то-есть, отъ самаго дивана, начинался пестрый рядъ дамъ, которыя въ эту минуту сидѣли всѣ вооруженныя ножами и тарелками съ пирогомъ, и пестрою каймою окружали всю переднюю часть гостиной, вплоть до другаго дивана, у противоположной двери, противъ котораго также стоялъ столъ съ бутылками и графинами. Здѣсь начинались толпы мужчинъ, которые также всѣ, кто съ пирогомъ, кто съ ломтями хлѣба, намазаннаго икрою, занимали всю средину комнаты, сидѣли по угламъ, подъ окнами и болѣе всего тѣснились около столовъ, уставленныхъ графинами. Въ дверяхъ, отворенныхъ въ диванную, мелькали бѣлыя платья дѣвицъ и по-временамъ молоденькія, дурныя и хорошенькія личики. Противъ самаго балкона составился кружокъ, надъ которымъ возвышалась голова Петра Алексѣевича. Онъ держалъ за пуговицу предводителя и говорилъ очень-громко и съ жаромъ; другіе, обступивъ кругомъ, слушали съ тѣмъ выраженіемъ глубокаго вниманія, съ какимъ обыкновенно слушаютъ человѣка замѣчательнаго.

— Я сказалъ ему, говорилъ Петръ Алексѣевичъ, не выпуская изъ рукъ пуговицы предводителя:—что онъ понятія не имѣетъ объ игрѣ; ну, какъ, вмѣсто того, чтобъ провести масть, какъ слѣдуетъ, вы понимаете?..

— Совершенно! помилуйте!..

Возлѣ стола съ графинами, недалеко отъ Илашева, Ладшинъ, наливъ рюмку настойки, показывалъ ее издали Илашеву и говорилъ сосѣдямъ, что никогда не пьетъ вина, потому-что вино — отравя, а настойка — одно достойное человѣка питье, изобрѣтенное для исцѣленія всѣхъ недуговъ, при чемъ одинъ острякъ называлъ настойку жизнеподдержательною эссенціею. Противъ боль-

шаго дивана, на которомъ сидѣло нѣсколько дамъ, опираясь руками на столъ, еще уставленный остатками завтрака, стоялъ какой-то господинъ, пріѣхавшій изъ губернскаго города, и разговаривалъ съ дамами о Петербургѣ и итальянской оперѣ. Одна изъ дамъ этою весною только-что возвратилась изъ Петербурга; другая слышала Рубини въ Москвѣ, слѣдственно, обѣ страстно любили музыку и были въ состояніи судить о ней. Господинъ, пріѣхавшій изъ губерніи, зналъ и понималъ все, толковалъ о Гриси и Лаблашѣ и скучалъ только тѣмъ, что въ провинціи такъ мало людей, умѣющихъ цѣнить искусство, при чемъ первая дама сказала: «Вотъ ужъ въ Петербургѣ — представьте, что я сама видѣла въ оперѣ дамъ лучшаго круга въ 5-мъ ярусѣ! А въ райкѣ, мнѣ навѣрное говорили, генералы и генеральши — сплошь.» — «Что въ райкѣ! сказала другая: — я такъ обожаю музыку, что, право, пошла бы выше райка, если можно, ужъ если бы нигдѣ не было болѣе мѣста. — Господинъ, пріѣхавшій изъ губернскаго города, былъ очень доволенъ.

Вдругъ Катерина Ивановна замѣтила, что первый гость ихъ, Леонтій Андреевичъ, стоитъ въ дверяхъ и въ рукахъ у него — нѣтъ пирога! Она ужаснулась, окинула глазами комнату, видитъ, что мужъ тихонько сидитъ-себѣ въ уголкѣ и слушаетъ помѣщика-сосѣда, который рассказываетъ ему что-то съ большимъ жаромъ. Катерина Ивановна подбѣжала къ нему. — Василій Сергѣичъ, помилуй! Извините, сказала она, обращаясь къ гостю, который долженъ былъ замолчать: — Помилуй, Василій Сергѣичъ! Леонтій Андреевичъ — ты ничѣмъ не хочешь заняться, другъ мой, Леонтыю Андранчу не подали пирога.

— Матушка, ты вѣдь раздавала пирогъ.

— Это странно, всегда я! Надобно смотрѣть, вы хозяинъ, Василій Сергѣичъ. Подите, сударь.

Лицо Катерины Ивановны, не смотря на мягкій тонъ голоса, имѣло такое повелительное выраженіе, что Василій Сергѣевичъ тотчасъ отправился, не возражая далѣе, и черезъ минуту Катерина Ивановна съ самою пріятною улыбкою уже разрѣзывала горячій, какъ-будто чародѣйствомъ явившійся пирогъ, и подавала гостю огромную часть, говоря: — Вы, можетъ-быть, смѣтаетесь надъ нашими деревенскими кулебяками; но попробуйте, отвѣдайте эту, прошу васъ.

— Смѣюсь? прошу извинить; у меня совсѣмъ не такой дурной вкусъ. Я нахожу, что такой пирогъ имѣетъ свою пріятность, и вы увидите доказательство...

Онъ осмотрѣлся и, замѣтивъ пустое кресло въ ряду между дамами, усѣлся и, какъ-будто нарочно это случилось — возгласилъ Вѣры Дмитриевны.

Катерина Ивановна долго не могла успокоиться. Мысль о подобной оплошности приводила ее въ отчаяніе. Забыть такого гостя, какъ Илашевъ! камер-юнкера! Она простить этого не могла Ва-

силу Сергѣевичу и даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, вспоминая этотъ несчастный случай, чувствовала, что кровь бросалась ей въ голову.

Между-тѣмъ, пришли священники съ крестомъ; потомъ крестьяне съ поздравленіями; многіе изъ гостей послѣдовали за хозяевами на крыльцо, гдѣ ожидалъ ихъ староста со всѣмъ міромъ; другіе усаживались за карты. Дамы начинали уже думать объ обѣденномъ туалетѣ, а Вѣра Дмитріевна еще бесѣдовала съ сосѣдомъ. Наконецъ, и она замѣтила, что ей пора также подумать о своемъ нарядѣ.

— Счастливо ли охотились, Владиміръ Григорьичъ? сказала она, остановясь мимоходомъ противъ Лadoшина, который стоялъ въ дверяхъ съ картою въ рукахъ и разговаривалъ съ какимъ-то пріятелемъ.

— Не могу похвалиться.

— Что же это? такой необыкновенный охотникъ! Развѣ дичи мало?

— Нельзя сказать, какъ и прежде; но счастье не равно. Сегодня удача мнѣ, а завтра другому. Все переменчиво и переходчиво, Вѣра Дмитріевна.

— Очень жалѣю о васъ, сказала Вѣра Дмитріевна, и черные глаза ея блеснули такой молніей, что, казалось, бѣдный Лadoшинъ долженъ бы былъ обратиться въ прахъ.

— Какой нестерпимый этотъ Лadoшинъ! сказала Вѣра Дмитріевна дамѣ, съ которой встрѣтилась въ дверяхъ.

— А вотъ нравится же! отвѣчала та: — говорятъ, что Ашюта Сарапаева безъ ума въ него влюблена.

— Право? Я такъ слышала совсѣмъ другое — и съ этими словами глаза ея, конечно случайно, остановились на Илашевѣ. Дамы схватила ее подъ руку, и онѣ обѣ ушли.

VII.

Когда же въ городѣ можно провести такъ весело цѣлый день? Всѣ вмѣстѣ съ утра до глубокой ночи, часто съ увѣренностью на другое утро встрѣтятся въ той же самой гостиной, или лучше — въ саду на утренней прогулкѣ. Однако, въ-продолженіе дня все еще не такъ весело, особливо для дѣвицъ. Церемонный и длинный обѣдъ, потомъ карты; еще же мужчины вздумаютъ, въ свободное время, стрѣлять въ цѣль; всѣ какъ-то скованы приличіемъ, или въ разбродѣ; если же и вмѣстѣ, то, какъ растенія въ травникѣ, раздѣлены по классамъ и по родамъ. Вотъ вечеромъ весело, и особливо если есть музыка. Что до того, какъ освѣщена зала, лампами или воскомъ? что до того, выглядываетъ ли изъ дверей прихожей и корридоровъ безчисленное множество горничныхъ и дворовыхъ ребятшекъ? что до того даже, что и какъ терзаютъ

музыканты? Зала оживлена какъ-бы на лучшемъ столичномъ балѣ. Вотъ посреди нестраго круга мужчинъ и дамъ—не на паркетѣ, на крашеномъ полу—но что до этого?—летитъ въ галопѣ, склоня голову къ полнымъ плечамъ, гибкая, какъ тростникъ, Анюта Сарапаева. Глаза потуплены, щеки пышутъ удовольствіемъ, согнулась, какъ цвѣтокъ подъ дыханіемъ полуденнаго вѣтра, и бѣлая, округленная молодостью рука какъ-будто ищетъ опоры на плечъ кавалера; и вотъ рѣзва, жива, какъ дитя игрива, перепорхнула она на другую сторону и летитъ шаяля, шутя... Но галопъ не любятъ дамы, особливо солидные, какъ, напримѣръ, Вѣра Дмитріевна. Онъ не приличенъ, онъ бѣшенъ, онъ будитъ воображеніе, какъ кисть Тиціана въ картинахъ его нимфъ, какъ Корреджіо въ картинахъ его Данай. Вѣра Дмитріевна любитъ танцы болѣе-степенные, особливо гдѣ можно посидѣть, поговорить,—французскую кадрили, мазурку, и то изрѣдка.

Но кадрили также оживляетъ залу; люблю смотрѣть на ея пеструю, подвижную картину, люблю замѣчать случайно-брошенный взглядъ, бѣглую улыбку при мгновенной встрѣчѣ; любила бы подслушать — но, Боже мой! за одно нѣсколько-интересное слово, сколько пошлостей, сколько толковъ о залѣ и духотѣ пришлось бы выслушать! Не всѣ же кавалеры такъ милы, какъ кавалеръ Анюты, на-примѣръ. Это, кажется, засѣдатель уѣзднаго суда. Вытянулся безъ малѣйшаго упрека въ наклонности двухъ прямыхъ линий, которыми обрисована его талія, и сидитъ въ блаженномъ спокойствіи, предоставляя и даму и мѣсто возлѣ нея Ладошину, который великодушно взялъ на себя обязанность занимать ее. Вѣра Дмитріевна танцуетъ напротивъ. Хороша какъ день, но день, угрожающій бурей. Въ-самомъ-дѣлѣ, она что-то встревожена: она не спускаетъ глазъ съ Анюты; иногда взглядываетъ на Софью Павловну, которая танцуетъ въ той же кадрили. Вѣра Дмитріевна улыбается, но улыбка ея такая зловѣщая! она оживлена, но трудно сказать, удовольствіе или тайная тревога оживляетъ ее. Она необыкновенно-любезна съ своимъ кавалеромъ, тѣмъ губернскимъ чиновникомъ, который говорилъ съ дамами объ итальянской оперѣ; шутитъ также и съ Софьей Павловною, встрѣчаясь съ нею. Софья Павловна танцуетъ съ Илашевымъ. «Какъ оба несносны!» говоритъ шутя Вѣра Дмитріевна: «забываютъ фигуры и тогда только опомнятся, когда къ нимъ подойдутъ, — ну, точно будто-бы учрежденіемъ новаго министерства заняты. Софья Павловна съ своими задумчивыми голубыми глазами точно райской птички заслушалась.»

— Что за чудесный бюстъ у Софьи Павловны! сказала Катерина Ивановна, по долгу хозяйки остановясь мимоходомъ возлѣ Вѣры Дмитріевны.—Знаете, я все люблюсь ея плечами.

— И какъ хорошо, что есть знатоки! замѣтила Вѣра Дмитріевна:—посмотрите на ея кавалера; съ какимъ вниманіемъ онъ изучаетъ-ихъ античныя формы.

— Вѣдь, въ-самомъ-дѣлѣ, глазъ не спускаеть.

— О! да вѣдь это его ни къ чему не поведеть. Моя Софя — прелесть, что за женщина! она ничего не замѣчаетъ. Это совершенное дитя: Не повѣрите, какъ я люблю ее.

Хозяйка пошла къ другой дамѣ разсказывать объ античныхъ формахъ Софьи Павловны.

Но что же это? какое облако затуманило свѣтлый горизонтъ нашей вдовы? что тревожитъ ее?

Она сама нѣсколько виновата.

Въ то время, когда Илашевъ, утромъ, такъ неумышленно очутился возлѣ Вѣры Дмитриевны съ пирогомъ, которымъ надѣлила его Катерина Ивановна, ей вздумалось, Богъ-знаетъ изъ какихъ видовъ, намекнуть ему о городскихъ слухахъ на-счетъ его и Сарапаевыхъ. Илашевъ, котораго голова рѣшительно, кажется, не виѣщала на этотъ разъ ни одной благочестивой идеи, ошибся и подумалъ, что ему говорятъ о Софѣ Павловнѣ. Онъ, по собственному его признанію, пріѣхалъ на праздникъ единственно для того, чтобъ помириться съ прекрасною вдовою и возобновить прежнія дружескія отношенія на прежнихъ правилахъ и надеждахъ. Будучи занятъ единственно мыслью, что сосѣдка, не смотря на свою строгость, не совсѣмъ-равнодушна къ нему, онъ вообразилъ, что устами ея говоритъ ревность; а какъ ревность давно извѣстна за всѣми-одобряемое средство для приведенія въ исполненіе такихъ плановъ, какіе занимали Леонтя Андреевича, то онъ и ухватился за эту лучезарную мысль.

Онъ рѣшился позаняться Софѣй Павловной, чтобъ помучить сосѣдку, и началъ тѣмъ, что сдѣлался очень-любезенъ съ Вѣрою Дмитриевною, но любезенъ какъ добрый сосѣдъ, у котораго и въ головѣ никогда не было ничего такого, за что могла бы сердиться самая строгая вдова, а между-тѣмъ, при первомъ случаѣ, онъ обратилъ вниманіе на Софью Павловну, которая въ этотъ день, какъ нарочно, была необыкновенно-хороша.

Послѣ обѣда, въ самые сумерки, большая часть дамъ ушли въ свои комнаты, чтобъ приготовиться къ балу; нѣкоторыя еще доигрывали партіи, другія отдыхали. Въ это время, старшая дочь хозяйки, Елена, Софя Павловна и еще нѣсколько дѣвицъ вошли въ боковую столовую, гдѣ стояло фортепяно. Елена Васильевна открыла доску и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Вы это знаете? спросила она, взглянувъ на Софью Павловну, и начала играть.

— Нѣтъ. Ахъ, какъ это хорошо! что это? Я такъ отстала отъ музыки, что ничего уже не знаю.

Дѣвушка перестала играть.

— Это «Фонтанъ» Гензельта, сказала она.

— Пожалуйста, сыгравте. Это прелестно.

— Я боюсь, что услышать въ гостиной.

— Мы затворимъ двери, сказала одна изъ молодыхъ дѣвицъ и побѣжала къ дверямъ.

— Хорошо; я буду играть, только съ условіемъ.

— Что?

— Послѣ скажу. Теперь играю по вашему желанію, Софья Павловна.

— Какъ я люблю Гензельта! сказала Софья Павловна, когда послѣдняя нота замерла подъ пальцами дѣвушки. — Сколько въ немъ чувства! какая милая душа!

— А я такъ люблю вотъ это, и Елена быстро пробѣжала по клавишамъ, которые разсыпались живыми, итальянскими звуками.

— Ахъ, это изъ «Анна Боленъ!» сказала Софья Павловна.

— И вы мнѣ это споете?

— Я! Какъ это можно! Да я уже съ годъ не пѣла.

— А въ послѣдній разъ, когда я была у васъ?

— Да; но тогда мы были одни. Вы всегда умѣете меня заставить.

— Потому-что умѣю васъ цѣнить.

— Ну, такъ я приѣду къ вамъ нарочно и стану пѣть, если хотите.

— Почему же не теперь?

— Нѣтъ, теперь такъ много... У меня же, право, сегодня совершенно голоса нѣтъ... Въ эту минуту двери въ столовую отворились, и хозяйка, объ руку съ губернскимъ чиновникомъ, вошла и прямо къ фортепьяно. За ними все общество, бывшее въ гостиной, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которые играли въ карты.

— Упрашивай, упрашивай, Елена, сказала она дочери, и потомъ, обратясь къ Софьѣ Павловнѣ, продолжала:—я не смѣю, Софья Павловна, просить васъ собственно отъ себя; но еслибъ просьбы цѣлаго общества могли значить что-нибудь...

— Цѣлаго общества, подхватилъ губернской чиновникъ:—точно, отъ лица цѣлаго общества я осмѣливаюсь просить васъ, Софья Павловна, осчастливить насъ... да, точно осчастливить...

Не знаю, убѣдилась ли бы Софья Павловна краснорѣчіемъ хозяйки и господина губернскаго чиновника; но въ эту минуту явилось имъ пособіе, противъ котораго Софья Павловнѣ рѣшительно нельзя было устоять. «Софьюшка, я надѣюсь, что ты станешь пѣть» сказалъ Петръ Алексѣевичъ, который, окончивъ партію въ самое это время, вошелъ въ залу съ Илашевымъ. «Леонтіи Андреевичъ очень-хорошо поетъ, и ты доставишь намъ удовольствіе слушать его. Онъ согласился на наши просьбы и будетъ пѣть съ тобою». Что было тутъ дѣлать? Супружеская воля—должно было повиноваться. Елена Васильевна сидѣла уже за фортепьяно и перебирала ноты.

— Что же мы станемъ пѣть? спросила Софья Павловна, смотря въ ноты, а не на Илашева.

— Вотъ этотъ дуэтъ, Леонтій Андреечъ, сказала Елена, обращаясь къ Илашеву, который стоялъ у фортепьяно:—вы не откажетесь? Аккомпаньёманъ мнѣ знакомъ, и я, кажется, могла бы сладить съ нимъ.

Илашевъ никогда не слыхалъ, чтобъ Софья Павловна пѣла; со времени ея пріѣзда онъ былъ не болѣе двухъ разъ въ домѣ Петра Алексѣевича, видѣлъ хозяйку и, можетъ-быть, нашелъ ее очень-недурною, но и только. Вообще она не имѣла чести обратиться на себя его особенное вниманіе. И теперь предлагаютъ ему пѣть съ этой женщиной! Разумѣется, онъ не могъ ожидать чего-нибудь порядочнаго отъ пѣвицы-помѣщицы, но это пѣніе согласовалось съ планами его на-счетъ Вѣры Дмитриевны, и къ-тому же онъ начиналъ находить пѣвицу-помѣщицу очень-недурною.

Не станемъ говорить, какъ былъ исполненъ дуэтъ. Софья Павловна, можетъ-быть, пѣла и не безъ грѣха, но что до этого? Общество было въ восторгѣ, особенно губернской чиновникъ, а Илашевъ, стоя близко пѣвицы-помѣщицы, замѣтилъ, что у нея такія плечи, какихъ нѣтъ и у самой Вѣры Дмитриевны, — а это, какъ извѣстно, чрезвычайно возвышаетъ музыкальный талантъ въ женщинѣ. Что же до Софьи Павловны, то вы позволите рассказать въ короткихъ словахъ исторію первой ея молодости, и тогда сами будете судить, какое дѣйствіе должна была произвести на нее музыка.

ix.

Молоденькая сиротка, съ небольшимъ, очень — незначительнымъ состояніемъ, оставшимся послѣ отца, росла въ домѣ богатаго родственника, князя Баксанова. Она училась съ дѣтьми князя, вышивала подушки и ковры для княгини; при гостяхъ сидѣла смиренно за пѣльцами въ углу, и когда была послушна и вела себя хорошо, то ѣздила съ княгинею гулять и въ русскій театръ, что случалось, впрочемъ, довольно-часто. Со-стороны, конечно, жизнь сиротки показалась бы очень-счастливою; не знаю, такъ ли было бы это въ глазахъ внимательнаго наблюдателя. Существованіе дѣвочки, кажется, принадлежало всѣмъ, кромѣ ея-самой. Исключительно-привязанная къ княгинѣ, она угождала Англичанкѣ и выслушивала жалобы горничной; ее кормили, одѣвали, учили, доставляли ей даже нѣкоторыя удовольствія; но никто и никогда не думалъ заглянуть въ душу ея; узнать, что чувствуетъ, что думаетъ она, каксе впечатлѣніе производятъ на нее окружающіе ее предметы, и какія сѣмена западаютъ въ ея душу. Она выросла не зная дружескаго участія, не подозрѣвая даже, что и она имѣетъ на него право. Цѣлый день занимался исполненіемъ чужой воли, она засыпала съ мыслию, не забыла ли чего изъ того, что было ей приказано, — просыпалась, думая о томъ, что надобно было сдѣлать.

Въ одно утро, князь куда-то собирался; но лошади были неготовы еще, и онъ, въ ожиданіи ихъ, вошелъ въ гостиную, изъ которой двери вели въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно работала княгиня. Онъ остановился у окна, и, глядя на экипажи, мелькавшіе на улицѣ, припоминалъ въ умѣ музыкальную фразу, которую никакъ не могъ затвердить въ-продолженіе утренняго урока; князь былъ страстный музыкантъ. Вдругъ свѣжій дѣтскій голосъ, какъ далекая флейта, вѣрно и чисто повторилъ изъ ноты въ ноту докучливую фразу, и такъ пріятно, что князь былъ удивленъ. Онъ приподнялъ занавѣсъ, еще закрывавшій дверь въ кабинетъ, и вошелъ, чтобъ видѣть пѣвицу, но тамъ никого не было, кромѣ сиротки.

— Кто здѣсь пѣлъ? спросилъ князь.

Дѣвочка, съ которою князь почти никогда не говорилъ, покраснѣла, какъ шалунья, пойманная на мѣстѣ преступленія, и едва осмѣлилась выговорить робкое: «я-съ».

Князь былъ страстный меломанъ. Соничка, блѣдная и худая дѣвочка, на которую онъ до-сихъ-поръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, вдругъ показала его сіятельству драгоценнымъ алмазомъ, скрытымъ въ корѣ. Ограничь, очистить, показать во всемъ блескѣ этотъ алмазъ было дѣломъ, достойнымъ князя, и онъ предался ему всею душою. Были наняты учителя; всѣмъ роднымъ и знакомымъ возвѣстили открытіе необыкновенныхъ способностей дѣвочки, обѣщающихъ чуть-ли не гениальный талантъ,—и вотъ Соничка любимица князя.

Прошли два года, и кто узнаетъ сиротку, бывшую на посылакахъ у всѣхъ, отъ княгини до горничной! Молодость украсила ее своими дарами; худоба, блѣдность, безжизненный взоръ, все исчезло. Она развилась какъ роза, какъ пышная лилія. И самая жизнь ея перемѣнилась. Теперь, у князя гости, музыкальное утро, или вечерній концертъ,—Соничка тутъ, и одѣта какъ-нельзя-лучше. Ее просятъ пѣть; съ нею говорятъ о музыкѣ, ее находятъ хорошенькою и даже любезною; даетъ ли вечеръ, или концертъ кто изъ знакомыхъ князя,—она приглашена, ее окружаютъ, хвалятъ. Князь съ гордостью говоритъ: «это моя ученица; ужъ точно я могу сказать, что этотъ талантъ мое произведеніе». И дѣйствительно, онъ занимается Соничкою, учитъ ее; къ каждому концерту она твердитъ, подъ надзоромъ князя, разумѣется, съ учителемъ, выбранныя пьесы...

Счастливое время, когда жизнь кажется и гладка и ровна, а свѣтскій салонъ храмомъ, украшеннымъ цвѣтами, гдѣ люди чтутъ въ благоговѣніи красоту, достоинство и талантъ, когда неравенство состояній и отношеній скрываетъ свои острые иглы въ радужномъ блескѣ праздника, когда мы вѣримъ и похваляемъ, и дружескимъ увѣреніямъ, когда еще не сомнѣваемся въ себѣ! Блаженъ, кто, наученный опытомъ, умѣетъ ясно видѣть истину и съ покорностью принимаетъ ее!.. Соничкѣ было далеко до того, окруженная похвалами, лестію и роемъ молодыхъ и старыхъ поклонниковъ та-

ланта, столько привлекательнаго въ лицѣ молодой и хорошенькой дѣвушки, она переходила отъ одного успѣха къ другому, довѣрчиво мѣрила свой талантъ по восторгамъ друзей, и въ мечтахъ своихъ видѣла себя едва-ли не равною первѣйшимъ пѣвицамъ въ мѣрѣ и, слѣдственно, равною всему, что было лучшаго и знатнѣйшаго въ столичныхъ обществахъ.

И это *слѣдственно* казалось чрезвычайно-логическимъ въ глазахъ ея. Бѣдная дѣвушка! Какую прекрасную будущность обнимала смѣлая мечта ея! Что могло казаться ей невозможнымъ? Самая лучшая мечта дѣвушки—любовь, имѣла ли для нея что-нибудь обманчивое? Въ домѣ князя ее окружало лучшее столичное юношество, и каждый находилъ для нея и слово привѣтствія, и взоръ любви; можетъ-быть, сама Соничка не разъ чувствовала въ сильно-бьющемся сердцѣ своемъ первый трепеть ея... Не разъ? Что же? Въдѣ только въ романахъ мы любимъ одинъ разъ и навсегда. Сердце дѣвушки ищетъ любви, какъ рѣзвая бабочка въ лѣтнее утро пиши на пестромъ луку. Не вдругъ же, счастливая, находитъ цвѣтокъ, который долженъ остановить ее...

Соничка, однако, искала недолго. На одномъ вечерѣ она встрѣтила молодаго человѣка, котораго видъ произвелъ на нее впечатлѣніе, какого она еще не испытывала. Ему было только двадцать лѣтъ; онъ былъ Нѣмецъ и музыкантъ. Они вмѣстѣ пѣли, находили особенное удовольствіе вмѣстѣ пѣть, и, не думая о слѣдствіяхъ увлекавшаго ихъ чувства, предалися ему со всѣмъ ослѣпленіемъ первой молодости. Теперь не мѣсто говорить объ этой любви—юношеской, вѣржею, чистой, объ этой лучшей, можетъ-быть, страницѣ въ жизни Софьи Павловны. Въ ней душа ея, уже восторженная жизнью искусства, можетъ-быть, готова была достигнуть высшей точки своего развитія...

Но эту любовь почли за нужное смять, загнать въ самые сокровенные изгибы сердца дѣвушки, и нельзя осуждать этого. Посуните сами. Съ нѣкотораго времени, князь очень-усердно занимался музикою; давалъ и балы, но это не мѣшало ему быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ господиномъ начальникомъ... не все ли равно, префекторъ ли, министръ ли, или что другое былъ этотъ начальникъ. Дѣло въ томъ, что этотъ начальникъ умѣлъ цѣнить заслуги, можетъ-быть и балы князя, и предоставилъ ему много выгодъ по службѣ, обѣщалъ еще болѣе. Представьте же, что молодой человѣкъ, въ котораго вздумала влюбиться Соничка, былъ старшій сынъ этого начальника, любимецъ его, надежда, въ которой сосредоточивались всѣ честолюбивыя планы отца, и къ-тому же барона! Молодой человѣкъ тогда только-что еще вышелъ изъ университета, носилъ гвардейскій мундиръ, но былъ истинный артистъ въ душѣ и совершенный новичокъ въ обществѣ. Свое баронство, и честолюбивыя надежды отца онъ готовъ былъ бросить къ ногамъ прекрасной дѣвушки, не спрашивая, что принесетъ она въ

приданое, кромѣ своего свѣжаго, чистаго mezzo soprano, только для него восхитительнаго? Послѣ онъ очень исправился.

Княгиня, какъ предусмотрительная женщина, тотчасъ поняла опасность, грозившую дружбѣ ихъ съ г-мъ барономъ. Давно уже ей не нравились блистательные успѣхи молодой дѣвушки; она находила, что они портятъ ея сердце; но здѣсь опасность была гораздо-страшнѣе. Старый баронъ могъ подумать, что они сами, какъ близкіе родственники дѣвушки, помогли ей завести молодаго чело-вѣка, и рѣшительно разорвалъ бы всѣ связи свои съ ними, что было бы очень-непріятно князю. Почему она рѣшилась тотчасъ принять дѣйствительныя мѣры, то-есть, отправила Соничку въ Украину, къ дальпей своей родственницѣ, очень-почтенной и прелюбозамѣной старушкѣ.

Соничка уже болѣе не возвращалась въ Петербургъ.

Теперь, въ деревнѣ, ей оставалось только любоваться украинскою природою и вспоминать прошедшее, да на досугъ протверживать знакомыя аріи. Но мы видѣли уже, что Софья Павловна была небольшая охотница до природы; а знакомыя аріи... къ-несчастью, тѣтушка терпѣть не могла итальянской музыки, да и Соничкѣ наконецъ прискучило бы повторять одно и то же, потому-что новое Софья Павловна неохотно разбираала безъ учителя. Для этого нужно было бы ученье поосновательнѣе и не столько скороспѣлыя успѣхи на паркетѣ музыкальныхъ залъ, каковы были ея успѣхи. Конечно, теперь, въ уединеніи, она могла бы заняться, изучать; но ученье скучно, да и тѣтушка не любитъ. И потому бѣднѣй Софья Павловнѣ скоро пришлось распѣвать съ утра до вечера, на новомъ для нея нарѣчій, одно —

Така доля моя!..

Посудите же, какое впечатлѣніе должно было произвести на нее это пѣніе на короткомъ вечерѣ, особливо, когда голосъ Илашева, его манера, его восторженныя похвалы и громкія рукоплесканія, которыми вслѣдъ за нимъ покрыло ее общество, вдругъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, напомнили ей тѣ упоительные вечера, гдѣ подъ громомъ рукоплесканій такъ радостно билось самолюбивое сердце дѣвушки, и все улыбалось ей, и будущность, и любовь! Какъ ни живо счастье, впервые открывшееся душѣ, и опять пайди его, потерявъ... это знаютъ только тѣ, чье сердце испытаю подобную минуточку. Мы любимъ прошедшее счастье, какъ любовницу: кто не знаетъ, съ какою радостью сердце встрѣчаетъ ее послѣ долгой, быть-можетъ, грозившей сдѣлаться вѣчною, разлуки!

Но было еще особенное обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать. Софья Павловнѣ, еще при первомъ свиданіи съ Илашевымъ показалось, что въ голосѣ его было что-то, напоминавшее другое голосъ, нѣкогда милый ей. Въ пѣніи это сходство еще болѣе поразило ее. Конечно, это былъ случай, ничего незначащій случай, но онъ

имѣлъ большое вліяніе на расположеніе Софьи Павловны. Кому неизвѣстно, какое впечатлѣніе дѣлаетъ на насъ запахъ цвѣтка, или далекій напѣвъ пѣсни, которыхъ воспоминаніе случайно слилось въ памяти нашей съ воспоминаніемъ одной изъ счастливейшихъ минутъ нашей молодости, давно утонувшихъ для насъ въ безднѣ прошедшаго? Кажется, этотъ цвѣтокъ, или эти звуки, удержали въ себѣ часть того прошедшаго счастья, наилучшую, чистѣйшую часть, и возвращаютъ намъ ее при первой встрѣчѣ. Судите же, что значатъ звуки, напоминающіе намъ голосъ милаго, этотъ голосъ, который съ такимъ наслажденіемъ слушало сердце!

И вотъ отъ-чего Софья Павловна тапцуетъ съ Илашевымъ, вотъ отъ-чего ихъ разсѣянность, и этотъ вѣчный, нескончаемый разговоръ, вотъ отъ-чего и послѣ они сидятъ вдвоемъ и говорятъ, конечно, то, что могли бы слышать всѣ, но есть случаи въ жизни, когда слова, такъ-сказать, машинально слетаютъ съ языка, какъ-будто повинувшись инстинктивному чувству приличія, между-тѣмъ, какъ душа ведетъ другой разговоръ и вся въ краснорѣчивомъ взорѣ.

Вотъ отъ-чего безопкойна и Вѣра Дмитриевна; вотъ что тревожитъ ее цѣлый вечеръ...

X.

Была, однакожь, и другая причина безпокойству Вѣры Дмитриевны. Мы сказали уже, что г-нъ засѣдатель, танцовавшій кадрили съ Анютою, предоставилъ Ладошину обязанность свою занимать ее. Вѣра Дмитриевна это замѣтила и тотчасъ по окончаніи кадрили увела Анюту въ гостиную, гдѣ было гораздо-прохладнѣе, потому-что тамъ никого не было, кромѣ играющихъ, и то только на два стола; къ-тому же, одно изъ оконъ, отворившихся на балконъ, было поднято.

Вѣра Дмитриевна и Анюта ходили по комнатѣ.

— Что это за жаркій разговоръ, Анюта? спросила Вѣра Дмитриевна.

— Какой разговоръ?

— Кажется, объ этомъ нечего спрашивать.

— Ахъ! въ кадрили-то?

— Да, въ кадрили. Или ты думала, что я могла не замѣтить, съ какимъ вниманіемъ ты слушала и говорила?

— Еслибъ вы слышали этотъ разговоръ, то нисколько не удивились бы, что я говорила не совсѣмъ-равнодушно; но, право, тутъ и тѣни не было того, о чемъ вы думаете.

— Однако, что же это было?

— Это было... что мы, кажется, навсегда разстанемся.

— Право?

— Посудите сами, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна. Представьте себѣ нечая, что это за человѣкъ! Увѣрьте, что онъ стра-

стно любить меня, что жить безъ меня не можетъ; а прѣвѣжаемъ сюда, онъ былъ уже здѣсь, я сама его видѣла, выходя изъ кареты: онъ стоялъ съ какими-то мужчинами на дворѣ, у флигеля; просили въ гостиную, не идетъ; поѣхали въ церковь: скажите, какъ бы не прійти, узнавъ, что я тамъ? и не подумалъ! Изволили стрѣлять въ цѣль съ какими-то господами! И бабушка хочетъ, чтобъ я вышла за такого человѣка! Да онъ гораздо-болѣе любить свое ружье, чѣмъ меня.

— Ты мнѣ смѣрна, Анята! Какой же ты хочешь отъ него любви! Между нами сказать, это человѣкъ безъ всякаго образованія, или до того закрученный, что въ немъ рѣшительно ничего не осталось изъ достоинствъ образованнаго человѣка. Онъ просто степной помѣщикъ, въ полномъ смыслѣ слова. Его дѣло скакать за зайцами, пить до упаду, да хвастаться богатствомъ... Любовь... такимъ людямъ, милый другъ, нужна не любовь, а жена, то-есть, хозяйка, которая солила бы имъ ветчину и провесную рыбу. Я всегда удивлялась, какъ ты могла полюбить такого человѣка.

— Я его любить? повѣрьте, я никогда не любила его. Это было такъ... въ угодность бабушкѣ.

— Ты такъ послушна? А теперь, въ угодность папеньки — что ты сдѣлаешь?

Въ это время онѣ подошли къ окну, которое было поднято; Вѣра Дмитріевна сѣла; Анята возлѣ нея.

— Ахъ, вы опять объ этомъ! сказала она.

— Вѣдь ты не дитя, Анята, продолжала Вѣра Дмитріевна. — Ты, конечно, очень-хорошо замѣтила, что Илашевъ только тобою и занятъ?

— Маленькой гораздо-больше.

— Маленькой! такъ это для тебя же. Извѣстно, если ищутъ въ дочери, то стараются нравиться матери. А у васъ это гораздо-нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Право, мой ангелъ Вѣра Дмитревна, все это кажется мнѣ пустою мечтою. Повѣрьте мнѣ, ни папенька, ни Илашевъ не думаютъ обо мнѣ.

— Тебѣ не вѣрится? Бѣдный Ладонинъ! А какъ онъ писалъ: «скажите только одно слово, и я готовъ летѣть хоть на край свѣта, чтобъ увидѣть васъ на одну минуту». Такъ, кажется?

— Охъ! что это! кажется, кто-то есть на балконѣ. Что-то зашумѣло подъ окномъ, сказала испуганная Анята.

— Никого нѣтъ; съ чего ты это взяла? и кому же быть? Неужели твоему нѣжному Ладонину?

— О! онъ не будетъ! въ этомъ я могу быть увѣрена. Онъ опять пробуетъ ружья.

— А! ты на него серднишься? сказала Вѣра Дмитріевна, погрозивъ пальцемъ. — Это не добрый знакъ для бѣднаго камер-юнкера.

— Я не знаю, нужно или нѣтъ вашему камер-юнкеру знать, что я думаю о Ладошинѣ; могу только увѣрить васъ, что самъ Ладошинъ былъ бы тѣмъ не очень-доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, былъ бы доволенъ камер-юнкеръ?

— Не говорите мнѣ о немъ, мой ангелъ Вѣра Дмитревна, если только любите меня. Подумаетъ ли вашъ камер-юнкеръ обо мнѣ, бѣдной провинціалкѣ!

— *Мой!* почему же мой? Я ручаюсь, что онъ будетъ твой, если ты только сама этому не станешь противиться. Но я этого не думаю, потому-что ты благоразумна и поймешь свою пользу. Что же до Илашева — я знаю, онъ очень занятъ тобою.

— Ну, хорошо; а пока надобно идти плясать, сказала Анюта, и, бросивъ грустный взглядъ на прекрасную вдову, подала руку губернскому чиновнику, но въ ту же минуту вздрогнула: ей показалось, что на балконѣ, подъ самымъ окномъ, мелькнула человѣческая фигура и — помечталось ей или нѣтъ, только эту человѣческую фигуру приняла она за Ладошина.

Возвратясь въ залу, Вѣра Дмитриевна опять нашла Софью Павловну, и возлѣ нея — Илашева. Нѣкоторыя дамы начинали уже переглядываться, и шутя говорили, что петербургскій гость рѣшился, кажется, завладѣть на этотъ вечеръ всеми уѣздными красавицами, такъ-что и сама степенная Софья Павловна...

— Не ошибитесь, милая! замѣчала другая:—у камергера есть свои планы. Онъ, говорятъ, попрожился въ Петербургъ; имѣнье все въ долгу какъ въ шелку: такъ, полно, не нравится ли приданое аниутинно?

— А, видно, слышала ладошинскую исторію и знаетъ, что надобно прежде подбитыя къ матушкѣ, чтобъ добраться до дочки...

— Кажется. Бѣдная дѣвушка! Такая кроткая и добрая...

А Софья Павловна и не подозрѣвала, что была предметомъ разговоровъ. Она была такъ счастлива! счастье же имѣеть свою повязку, какъ и любовь; да и было ли бы оно счастьемъ, еслибъ въ самыя первыя минуты очарованія душа, наполненная имъ, могла обращать тревожный взоръ вокругъ себя!

Послѣ ужина, между-тѣмъ, какъ собирали со стола и гости поемногу выбирались изъ гостиной, Софья Павловна стояла въ амбразурѣ балконной двери и играла вѣткою гелиотропа, единственнаго остатка изъ букета живыхъ цвѣтовъ, подаренныхъ ей въ тотъ вечеръ Еленою Кортомшиною. По залѣ ходили взадъ и впередъ разныя группы; нѣсколько дѣвицъ недалеко уговаривались вмѣстѣ направиться въ спальныя. Илашевъ, не спуская глазъ съ хорошенькаго личика Софьи Павловны, наклоненнаго къ цвѣтку, слѣдилъ за малѣйшимъ измѣненіемъ слабаго румянца, покрывавшаго щеки. Нѣсколько-поодаль, Вѣра Дмитриевна, окруженная толпою молодыхъ женщинъ, смѣялась съ ними отъ души, между-тѣмъ, какъ глаза ея постоянно искали небольшой группы въ амбразурѣ балконной двери. Казалось, душа ея была болѣе тамъ,

чѣмъ въ разговорѣ, какъ-будто бы ей хотѣлось вслушаться въ каждое слово, уловить каждое измѣненіе голоса; но въ залѣ было шумно, и къ-тому же, въ-самомъ-дѣлѣ, было тутъ что слушать,

— Вы не любите гелиотроповъ?

— Почему вы это думаете?

— Вы такъ терзаете этотъ бѣдный цвѣтокъ.

— Развѣ это называется терзать? Миѣ кажется, гелиотропы очень-рѣдки въ теперешнее время, и я смотрю на этотъ съ сожалѣніемъ: онъ такъ скоро завялъ, а другихъ скоро ли дождешься?

— Вамъ жаль его?

— Конечно; какъ все хорошее.

— Я жалѣю только о томъ, чего возвратить нельзя; на-примѣръ, нынѣшній вечеръ...

— Вы нашли его хорошимъ?

— Хорошимъ? этого мало для меня.

— Вы повторите то же, говоря въ Петербургѣ объ этомъ вечерѣ?

— Не-уже-ли провинціальныя привычки такъ заразительны, что и вы не избѣгли ихъ? Замѣтите, провинціалы ничего такъ не боятся, какъ показать, что они идутъ въ уровень съ жизнью ихъ окружающею, и потому, говоря съ пріѣзжимъ изъ столицы, предупреждаютъ ожидаемыя насмѣшки предположеніемъ насмѣшекъ — только для того, чтобъ показать, что они не хуже другихъ умѣютъ замѣтить смѣшное въ провинціальной ихъ жизни.

— И изъ этого общаго приговора надъ нами, бѣдными провинціалами, ничего не удѣлите столичнымъ?

— О, все, что вамъ угодно! только позвольте мнѣ хвалить сколько душѣ хочется этотъ вечеръ.

— Послушайте, сказала Софья Павловна, вдругъ принявъ скупающую и разсѣянный видъ: — мнѣ кажется, что всѣ балы въ мірѣ, столичные какъ и деревенскіе, равно пусты, скучны...

— О, не всѣ!

— И это простое слово заставило молодую женщину опять обратиться къ своему цвѣтку. Она хотѣла казаться спокойною, но сердце ея билось и грудь волновалась... можетъ-быть, потому-что это простое слово сопровождалось такимъ взоромъ, было сказано такимъ голосомъ, что проникало душу. Но шумъ и шарканье въ залѣ напомнили молодымъ людямъ, что вечеръ дѣйствительно оконченъ. Илашевъ вышелъ за другими.

Софья Павловна осталась на томъ же мѣстѣ. Она смотрѣла на удаляющуюся толпу не видя ея; вдругъ круглая женская ручка обняла станъ ея. Она оборотила голову: это была Вѣра Дмитріевна. Прекрасная вдова казалась растроганною; на глазахъ ея, какъ алмазы, свѣтились двѣ крупныя слезы. Она съ жаромъ поцаловала Софью Павловну.

— Что это значитъ, Вѣра? что съ тобою?

Вѣра Дмитріевна крѣпко сжала ея руку.

— Но ты меня пугаешь. Бога ради, скажи, что съ тобой?

— Со мною, Софй? ничего пока; но, милый другъ, прійдетъ время—и тогда вспомни, что твое горе всегда будетъ моимъ собственнымъ.

— Я не принимаю тебя; говори яснѣе, прошу тебя, продолжала Софья Павловна, удерживая приятельницу, которая хотѣла уйти.

— Не понимаешь? Я вѣрю тебѣ, Софй. Но, милый другъ, остерегись; замѣтять и другіе, но я одна скажу тебѣ: ты не равнодушна къ нему.

И съ этимъ словомъ она скрылась изъ комнаты.

XI.

Деревня Кортomiныхъ была только въ пяти верстахъ отъ имѣнія Сарапаевыхъ, и потому Петръ Алексѣевичъ, тотчасъ послѣ ужина, со всѣмъ семействомъ отправился домой. На другой день, мужчины должны были опять съѣхаться у Кортomiныхъ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать на охоту и потомъ обѣдать у Петра Алексѣевича. Сами Кортomiны и дамы, которыя оставались у нихъ ночевать, общали прійхать къ обѣду.

Заря ярко уже горѣла на востокѣ, когда Софья Павловна отпустила горничную и легла въ постель; но на этотъ разъ напрасно она призывала желанный сонъ. Голова ея горѣла; сердце билось; въ душѣ отзывались послѣднія слова Вѣры Дмитріевны: «ты не равнодушна къ нему». Не равнодушна? почему же не равнодушна? говорила Софья Павловна: съ чего могла это взять Вѣра? Почему сказала она, что другіе также могли замѣтить? И она упрекала себя, что не удержала Вѣры Дмитріевны и не заставила ея объясниться. Иногда она думала, что все это было только шуткою со стороны Вѣры Дмитріевны; она клала руку на сердце, но оно билось сильно, и тайный голосъ изъ глубины души возставалъ противъ этой утѣшительной мысли. Тогда она съ ужасомъ спрашивала сама себя, не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, была она неравнодушна? припоминала каждое движеніе сердца своего въ-продолженіе этого вечера, каждое малѣйшее ощущеніе, каждое слово, каждый взглядъ; но, увы! своевольное воображеніе припомидало ей вмѣстѣ съ ея словами другія слова, другіе взгляды, и противъ воли видѣла Илашева, его улыбку, его взоръ, слышала его голосъ, и все это такъ живо, такъ ясно, что сердце ея начинало биться еще сильнѣе, и вчерашнія ощущенія, живыя, какъ были наканунѣ, опять наполняли трепетомъ душу. Она быстро приподнималась съ изголовья и закрывала лицо руками, какъ-бы желая не видать того, что за минуту сама вызывала изъ глубины памяти. Напрасное усиліе! Каждая мысль становилась живымъ образомъ, и въ свою очередь осаждала ея воображеніе. Прижавъ руки къ груди, со взоромъ, воспламененнымъ тревогою и волненіемъ, она повторяла: «но я этого не хочу! я не люблю, я не могу любить!..» и въ то же самое мгно-

веніе видѣла Вѣру Дмитріевну съ ея неутомимымъ: «ты не равнодушна къ нему!» и за нею цѣлую перспективу женскихъ лицъ, которыя всѣ съ злобно-радостною улыбкою смотрѣли на нее, какъ на свою добычу, и какъ чудовища во снѣ Татьяны повторяли: «мое! мое!»

Бѣдная Софья Павловна! она вышла за Петра Алексѣевича со всѣмъ не по любви. Когда, вмѣсто блеска гостинныхъ большаго свѣта, и общества, избраннаго изъ цвѣта столицы, она увидѣла себя въ деревянномъ домикѣ украинской помѣщицы, которая кормитъ ее варениками и совѣтуетъ отъ скуки заняться рукодѣльемъ; когда, вмѣсто разсѣяннаго и блеска утонченной роскоши, вѣчная тишина деревенской жизни обняла ее своими безконечными вереницами однообразныхъ дней, и довольная посредственностью, съ полнымъ желудкомъ, покойно усѣлась возлѣ нея, не понимая, что сердце и умъ имѣютъ также свои нужды, тогда она поняла, что съ княжескимъ домомъ потеряла не одну любовь: она поняла, что безъ любви она могла бы еще прожить, но что ей были необходимы какъ воздухъ, хорошій домъ, театръ, модный магазинъ, учитель музыки и общество, въ которомъ все такъ свѣтло, такъ ярко, все такъ радужно. Тысячу разъ упрекала она себя въ минутномъ заблужденіи своемъ; тысячу разъ раскаявалась въ заносчивыхъ мечтахъ своихъ, и готова была пожертвовать самою лучшею изъ нихъ, чтобъ только опять дышать воздухомъ, въ которомъ развилась, чтобъ опять вздохнуть хоть разъ посреди блеска огней, алмазовъ и цвѣтовъ, въ искусственной атмосферѣ гостиной, гдѣ звуки музыки сливаются съ шумнымъ разговоромъ и улыбка цвѣтетъ на всѣхъ лицахъ. Но время проходило; два раза богатая украинскія поля оживились весною, а для Софьи Павловны все та же скука, тѣ же однообразно-длинные дни. Наконецъ, письмо изъ Петербурга. Книгиня не забывала своей воспитанницы, и между-тѣмъ, какъ чистый воздухъ Украины лечилъ ее отъ любви и отъ заносчивыхъ мечтаній, она пеклась о ея счастьи и приготовила ей жениха. Этотъ женихъ былъ Петръ Алексѣевичъ. Книгиня надѣялась, что Соничка не обманетъ ожиданія ея и съ радостію приметъ это новое доказательство любви ея благодѣтелей; съ этимъ условіемъ она приглашала ее въ Петербургъ. Женихъ! идти замужъ за человѣка неизвѣстнаго! Но этотъ человѣкъ богатъ, а Соничка уже узнала цѣну богатства; къ-тому же, это было единственнымъ средствомъ избавиться Украины... Соничка полетѣла въ Петербургъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ замужней жизни съ Петромъ Алексѣевичемъ, и въ деревнѣ, нѣсколько измѣнили надежды, съ которыми молодая дѣвушка оставила ненавистную ей Украину. Она была свободна, богата; но ни театра, ни учителя музыки, ни магазиновъ, ни даже общества, о которомъ она мечтала, — ничего этого не было. Впрочемъ, все это было, однакожъ, лучше, чѣмъ деревянный домикъ украинской помѣщицы. Теперь у нея было не только довольство, но и роскошь; глаза ея останавливались на мѣбе-

ляхъ, къ кашимъ она привыкла съ дѣтства; рука находила тысяч бездѣлицъ, необходимыхъ въ жизни свѣтской женщины; она дышала воздухомъ, въ которомъ выросла, и, главное, имѣла значеніе въ свѣтъ, уваженіе, скажемъ болѣе—подобострастіе, какимъ окружало ее общество, возвращало ей часть тѣхъ живыхъ ощущеній, съ которыми самолюбіе ея когда-то познакомилось въ пышныхъ залахъ князя.

Но теперь, когда первыя потребности избалованной жизни были удовлетворены, Софья Павловна вспомнила, что сердце ея имѣло также свои нужды. Прошедшее живо возстало въ душѣ; она припомнила прежнюю жизнь, мгновенный сонъ любви, когда душа была такъ полна и такъ счастлива; припомнила свои надежды и мечты, изъ которыхъ ни одной не должно было осуществиться.

Тогда жизнь показалась ей опять пустынею; она хотѣла бы имѣть дѣтей, ребенка, на которомъ она могла бы сосредоточить всю важность души своей, всю полноту чувства,—въ дѣтихъ ей было отказано.

Любовь... но любовь была теперь эдемомъ, который не могъ уже повториться для бѣдной пѣри. Любовь была бы для нея преступленіемъ, а самая мысль о преступленіи не могла коснуться чистой души Софьи Павловны. Кокетство... но эта жалкая игра въ любовь, здѣсь, въ провинціи, была несомнѣнна съ ея аристократическими воспоминаніями, да и вообще, кокетства не было въ ея характерѣ. Софья Павловна оставалось одно: уваженіе свѣта, и она заключила въ немъ все свое счастье. Имя чистое отъ всякаго пятна; слава женщины непорочной, превосходной,—вогъ все, чѣмъ еще дорожила она. И что же? эту славу, столь дорого цѣнимую, ей теперь хотятъ похитить! «И другіе могли замѣтить», сказала г-ра Дмитріевна:—«замѣтили?..» Это значитъ, что имя ея, чистое до сего времени, столько всѣми уважаемое имя, въ эту самую минуту, можетъ—быть, уже сдѣлалось добычею злыхъ языковъ, ихъ шуткою, и завтра же, какъ бѣдное перекачи-поле, понесется изъ одного общества въ другое, собирая весь соръ и дрягъ, которые встрѣтятся на пути!..

Солнце приближалось уже къ полудню, когда Софья Павловна проснулась. Небо было ясно, чисто; поля будто нѣжились подъ легкими волнами голубаго пара; деревья, въ полномъ блескѣ осенней одежды, тихо качали широкія вѣтви надъ свѣжимъ лугомъ; непрерывнымъ золотыми головками того полеваго цвѣтка, которому природа дала чудный даръ любить и цвѣсть осенью, какъ любуясь и цвѣтъ онъ весною, — даръ, которому завидуютъ пышныя розы, и, конечно, не однѣ розы.

Софья Павловна открыва окно. Есть таинственная связь между нами и міромъ, насъ окружающимъ. Конечно, часто во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ только отраженіе внутренняго состоянія души нашей; нерѣдко, однакожъ, и внѣшній міръ подчиняетъ себѣ внутреннее существо наше, и душа, какъ свѣтлое зеркало, отражаетъ

его картины. Софья Павловна была небольшая почитательница искусств природы, хотя и нерѣдко увѣряла, что никто почти ее не чувствует ихъ вліянія. Особенно любила она, по словамъ ея, тихія ночи и тихое утро. Но послѣднимъ она очень-рѣдко наслаждалась, за тѣмъ, что вставала поздно, а первая... между нами сказать, ей случалось очень-часто, занявшись работою, просидѣть пальцами цѣлый вечеръ, ни разу не спохватясь, темная ли это какъ бархатомъ застилаетъ окна, или ставни мѣшаютъ видѣть ликолѣпную картину восхода мѣсяца. На этотъ разъ, однако безмятежное величіе полей, тишина природы и чудесная гармония, какъ согласные звуки тихой музыки, овладѣли ея душою; залось, ясность небесной лазури отразилась въ ней чиста и безмятежна. Ни малѣйшаго слѣда вечернихъ тревогъ; все разсѣялось, исчезло, какъ исчезаютъ отъ утренняго луча тучи, клубившіяся вечера на горизонтѣ. Ни одна безпокойная мысль, никакое приятное чувство, не помрачили яснаго взора Софьи Павловны; грудь ея подымалась свободно и легко.

Она вспомнила вчерашній вечеръ и улыбнулась. Но въ этой улыбкѣ было что-то грустное и необыкновенно-преlestное. Еслибъ Илашевъ видѣлъ ее въ эту минуту! Она была несравненно-лучше, чѣмъ на балѣ.

«Мечта, мечта!» сказала она. «Не-уже-ли я буду всегда ревною? Чѣмъ я встревожилась? И эта Вѣра! Боже мой! какъ я ревнива, со всѣмъ ихъ благоразуміемъ, увлекаются воображеніемъ. Я не равнодушна къ Илашеву! Ну, да; онъ былъ оченьъ любезенъ вчера. Онъ мнѣ напомнилъ прошедшее. Я точно увлеклась; я была даже счастлива. Но какъ же она, моя всезнающая Вѣра, видѣла, что это былъ только отблескъ навсегда потеряннаго счастья, о которомъ я не умѣю забыть, заря когда-то свѣтлаго, прекраснаго дня... Ахъ, этотъ голосъ! Когда я слушала Илашевъ, мнѣ казалось, что слышу его. Да, я вчера въ Илашевѣ любила того, кого и называть теперь не смѣю.

«Какое ребячество! право, я въ этомъ не смѣла бы сознаться самой Вѣрѣ... Вѣрѣ? Ей меньше, чѣмъ кому-нибудь. У нея все вездѣ расудокъ.

«Впрочемъ, это точно было очень-безразсудно. Илашевъ и такъ же ошибиться, какъ и Вѣра, и принять на свой счетъ то, что было дѣломъ этого разительнаго сходства. Боже мой! что мнѣ дѣлать, когда я не могу забыть... это такое счастье—любить, это одно только, что можетъ назваться жизнію...» И она задумалась.

— Нѣтъ, Леонтій Андреевичъ, сказала она: — какъ вы ни клянетесь неотразимы всѣмъ нашимъ красавицамъ, для меня вы можете быть опасны только по воспоминанію....

Но точно ли это было по одному воспоминанію? Еслибъ Софья Павловна не хотѣла обманывать себя, въ-слѣдствіе обыкновенной привычки нашей лицемѣрить даже и съ собою, то, конечно, сказала бы совсѣмъ другое. Она позвонила.

Въ эту минуту дверь комнаты ея тихо отворилась, и свѣжее личико Анюты, блестящее удовольствіемъ, выглянуло и опять спряталось. Затѣмъ, дверь отворилась настежь, и дѣвушка вошла, съ торжествомъ неся обѣими руками большой горшокъ съ прекраснымъ еліотропомъ, совершенно усѣяннымъ маленькими скорпіонообразными вѣточками душистыхъ цвѣтовъ.

— Посмотрите, мамаша, какая прелесть!

— Ахъ, какой еліотропъ! откуда это, Анюта?

— Ивашевъ прислалъ, мамаша, сейчасъ, и просить, чтобъ поставить въ вашъ кабинетъ; папаша велѣлъ...

— Ахъ, вѣтъ, Анюта... въ столовую.

— Для чего же, мамаша? Онъ такъ душистъ и хорошъ; въ вашей комнатѣ ему будетъ лучше.

— Да; но этотъ запахъ слишкомъ силенъ; я не могу выносить его.

Въ эту минуту вошелъ Петръ Алексѣевичъ въ полномъ охотничьемъ нарядѣ. Онъ слышалъ послѣднія слова жены, и, казалось, былъ ими очень недоволенъ. «По-крайней-мѣрѣ на этотъ день поставь къ себѣ, матушка», сказалъ онъ: «Леонтій Андреечъ будетъ сюда вечеромъ; надобно же показать вниманіе къ его подарку.»

Софья Павловна съ трудомъ могла скрыть душевное волненіе. Положеніе это показалось ей очень страннымъ. Она рѣшилась выдержать характеръ и прикинулась капризною.

— Но я не могу сносить этого запаха, Петръ Алексѣичъ. Эти цвѣты такъ сильно пахнутъ. Пожалуйста, вели поставить въ столовой.

— Вѣдь это капризъ, Соничка. Ты всегда особенно любила душистые цвѣты, а теперь вдругъ не можешь выносить запаха еліотропа. Вѣдь это странно, мой другъ.

— Да скажи, пожалуйста, не все ли равно для тебя, будутъ ли они въ столовой или у меня въ комнатѣ?

— Но вѣдь ты слышала, что они присланы тебѣ, для твоего кабинета. Надобно ли показать, что тебѣ подарокъ нравится?

— Онъ можетъ мнѣ нравиться и въ столовой.

— И это только потому-что я хочу, чтобъ онъ былъ въ кабинетѣ.

— Господи! всегда обвиненія! Когда же я что дѣлала противъ твоей воли, Петръ Алексѣичъ?

— Ну, матушка, оставимъ это. Я вѣдь очень понимаю, что это значить. Анюта, отнеси горшокъ въ гостиную, и сдѣлай милость, уйди въ свою комнату.

Анюта между-тѣмъ стояла съ бѣднымъ еліотропомъ, поглядывая то на отца, то на мать. Услыша приказаніе маменьки, она вышла, печально смотря на цвѣтокъ. Софья Павловна, встревоженная, уже готовая плакать, продолжала: — Но что же ты повиимаешь, Петръ Алексѣичъ? Ты всегда говоришь загадками.

— Сдѣлай милость, перестанемъ. Съ тобой вѣкъ не стоворимъ. Ивашевъ пріѣдетъ вечеромъ; я прошу тебя, по-крайней-мѣрѣ, не дѣлать ему невѣжливостей и быть сколько умѣешь любезною.

— Невѣжливостей? я?.. Но Петръ Алексѣвичъ хлопнулъ дверь и поспѣшные шаги его по корридору показывали, что онъ при нялъ твердое намѣреніе удалиться для избѣжанія бурн. Софя Павловна залилась слезами. Въ эту минуту Параша бережно отворила дверь и проскользнула въ комнату, оглядываясь и прислушиваясь къ шагамъ барина. Она подала Софѣ Павловнѣ записку, которую вынула изъ-подъ платья. Софя Павловна отерла слезы. — А! это отъ Вѣры? а баринъ не видалъ?

— Помилуйте, сударыня!

— Да посланный не встрѣтился ли ему?

— Вѣра Дмитріевна приказала сказать, что не будетъ къ обѣду; я такъ и доложила-сь.

— Вотъ видишь; стало быть, онъ замѣтилъ посланнаго. Лучше, еслибъ онъ его не видалъ, Параша. Конечно, теперь ничего. Но въ другой разъ... она развернула записку.

«Я не могу быть у тебя, Софя», писала Вѣра Дмитріевна. «Ты, можеть-быть, вспомнишь, что завтра память покойнаго моего мужа, и что я эти дни обыкновенно провожу дома, въ совершенномъ уединеніи. Итакъ я ѣду, хотя бы теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь желала бы быть съ тобою. Скажу тебѣ одно: онъ будетъ у васъ сегодня. Будь осторожна. Теперь я навѣрное знаю, что мужъ твой имѣетъ на него виды для Аниюты».

Итакъ, вотъ объясненіе этого страннаго приказанія, этого вниманія къ подарку Илашева, этой боязни, что его-самого примутъ не довольно-ласково! Это слѣдствіе наговоровъ почтенной тѣтушки Татьяны Васильевны. Это она напѣла Петру Алексѣвичу, что Софя Павловна не терпитъ Аниюты, что не хочетъ выдавать ее замужъ и проч. Господи Боже мой! отъ-чего человѣкъ всегда такъ охотно вѣрить дурному, и въ самыхъ близкихъ людяхъ такъ охотно предполагаетъ зло тамъ, гдѣ, можеть-быть, нѣтъ и тѣни его? Для него мало дѣйствительныхъ недостатковъ, отъ которыхъ ему приходится страдать: онъ ищетъ еще воображаемыхъ...

Итакъ, ловятъ жениха. Петръ Алексѣвичъ, въ отеческой нѣжности, беретъ на себя эту обязанность за недостаткомъ матери. Что жъ? Илашевъ завидный женихъ для Аниюты. Но какую же роль играетъ здѣсь самъ Илашевъ? Не-уже-ли эти долгіе разговоры, это вниманіе, угожденія — не-уже-ли все это относилось къ ней, какъ къ маменькѣ, которую хотятъ задобрить? или не-уже-ли и до него дошли обвиненія Татьяны Васильевны, и онъ... Она содрогнулась при этой мысли: не-уже-ли этотъ вкрадчивый взоръ, этотъ задушевный голосъ, этотъ нѣмой языкъ... любви, да, любви, все это было, чтобъ только отвлечь ея вниманіе? Она закрыла лицо руками. Боже мой! Каково должно быть общество, когда подобное подозрѣніе могло войти въ душу молодой женщины? Стало-быть, это подозрѣніе не ново для нея; стало-быть, она видѣла что-нибудь подобное? Но не-уже-ли же онъ могъ быть способенъ къ тому? онъ, который такъ напоминалъ ей то... что должно было забыть!

Но кто же сказалъ, что онъ зналъ что-нибудь о планахъ Петра Алексѣевича? Быть-можетъ, онъ совсѣмъ и не думалъ объ Анягѣ.

Бѣдная Софья Павловна! не будь этихъ тревожныхъ сомнѣній, не будь приказанія Петра Алексѣевича,—быть-можетъ, впечатлѣніе, произведенное Илашевымъ, прошло бы, какъ проходитъ въ молодости столько другихъ впечатлѣній.

ХИ.

Когда-то, много времени спустя послѣ описываемыхъ нами происшествій, Софья Павловнѣ вадумалось писать свои воспоминанія. Говорятъ, что перечитывать въ памяти прошедшее—все равно, какъ-будто бы переживать его. Въ праздной жизни, это должно быть очень-пріятно.

Вотъ, что писала Софья Павловна въ этихъ запискахъ о вечерѣ, послѣдовавшемъ за утреннюю сцену за еліотропъ, о которой мы говорили.

«Когда я думаю, какъ мало мы можемъ понимать собственные чувства, мнѣ становится смѣшными притязанія наши разгадывать чувства и поступки другихъ. Конечно, никогда еще я не бывала подъ вліяніемъ сильнѣйшаго впечатлѣнія, какъ въ то время, о которомъ говорю, и между-тѣмъ, какъ была я далека отъ истины, когда думала, что читаю ясно въ душѣ моей! Я была встревожена, раздосадована, разсержена, и, разумѣется, весь мой гнѣвъ изливался на мужа. Я не могла простить ему его вспыльчивости, его несправедливыхъ подозрѣній, и болѣе всего—коварства, съ которымъ онъ тайлъ отъ меня замыслы свои на Илашева. Я увѣрила себя, что въ этихъ замыслахъ всего болѣе огорчало меня обидное намѣреніе обмануть меня, и особенно причина, для которой хотѣли обмануть. Какъ человѣкъ столько близкій, какъ мужъ, могъ такъ дурно понимать меня! Въ этомъ одномъ поступкѣ я видѣла цѣлую цѣпь несправедливостей, которыя мнѣ суждено было переносить во всю жизнь, отъ которыхъ не было средства избавиться. А Илашевъ! О, онъ казался мнѣ человѣкомъ, достойнымъ одного презрѣнія! Я была увѣрена, что онъ участвуетъ въ планахъ моего мужа, что знаетъ его замыслы и вмѣстѣ съ нимъ обманываетъ меня, конечно, не сговорясь, этого не могло быть; но его заставили понять необходимость обманывать меня, и онъ дѣйствуетъ въ-слѣдствіе этой необходимости. Кто заставилъ? Петръ Алексѣевичъ? Сосѣди? Тѣтушка? какъ могла я узнать, кто именно, и не довольно ли было съ меня того, что онъ искалъ обмануть меня?

«Я не хотѣла сознаться, что была другая причина моему страданію. Романическая восторженность, заставляющая насъ думать, что сердце любитъ одинъ разъ только въ жизни, не позволяла мнѣ

сознаться, что впечатлѣніе, произведенное на меня Илашевымъ, было не однимъ только слѣдствіемъ сходства его голоса съ другимъ нѣкогда мнѣ милымъ! И какъ было сознаться въ томъ? Какъ рѣшиться добровольно сойти съ того пышнаго пьедестала, на который мы громоздимся въ высокомъ мнѣніи о нашей добродѣтели? Какъ сознаться, что и наше сердце имѣло слабость — забиться в другой разъ? Какъ безъ спора сбросить великолѣпныя драпировки романической героини? Мы любимъ вѣру въ эту единственную любовь, какъ вѣру въ наше совершенство, и обманываемъ себя этою мечтою до-тѣхъ-поръ, пока возможно, а когда уже нѣтъ средства, — тогда... тогда мы выдумываемъ извиненія и говоримъ, что первая любовь наша была не любовь, а дѣтская шалость...

«Я не знаю, что была первая моя любовь, знаю только, что ни одинъ человѣкъ не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ Илашевъ. Никогда я не забуду перваго нашего свиданія. Я сидѣла за работою, когда Петръ Алексѣевичъ представилъ мнѣ его. Я уже ожидала его и приготовилась встрѣтить, какъ встрѣчаютъ пріѣзжаго съ родной намъ стороны. Илашевъ пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ того общества, которое было мнѣ такъ знакомо. Онъ вошелъ, и я забыла все, что хотѣла сказать. Леонтіи обладалъ тѣмъ быстрымъ взглядомъ, который при первой встрѣчѣ, кажется, хочетъ проникнуть въ глубину души нашей и вызнать ея слабыя стороны, между-тѣмъ, какъ мы напрасно стали бы искать во всей фізіономіи человѣка, изучающаго насъ такимъ образомъ малѣйшей черты, которая могла бы открыть хотя частицу души его. Всегда одна и та же холодность, равнодушіе и легкая насмѣшка въ улыбкѣ, какъ-будто бы этотъ человѣкъ былъ столько выше другихъ, что могъ только производить впечатлѣніе, не принимая никакого. Это выраженіе было непріятно; оно смутило меня при первой стрѣчѣ и смутило до того, что я потерялась, какъ настоящая провинціалка, — хотѣла говорить, и сказала какую-то глупость. Мнѣ стало досадно на самое-себя. Не-уже-ли же пятнадцать деревенской, затворнической жизни отняли у меня всю свѣтскость? Казалось, Леонтіи ничего не замѣчалъ, и это такъ должно быть: чего же лучшаго могъ онъ ожидать отъ деревенской помѣщицы? Я ушла въ ужасной тоскѣ; но неодолимая сила влекла меня опять въ гостиную. Неодолимая?.. Я не знаю. Можетъ-быть, мнѣ хотѣлось показать Леонтію, что я была лучше того, какъ показалась ему, или, быть-можетъ, онъ производилъ на меня то же дѣйствіе, какое гремучія змѣи, говорятъ, производятъ на жертвы свои. Мнѣ тяжело было въ присутствіи Леонтія, но я не могла оторваться отъ него.

«И такъ было всякій разъ, какъ я его видѣла. Я вообразила себѣ, что ненавижу его; хотѣла увѣрить себя, что чувствую къ нему то, что называютъ антипатіею; но онъ пріѣзжалъ, и я, какъ очарованная, оставалась въ той комнатѣ, гдѣ онъ былъ, слушала его, и все ждала слушать. Правда, разговоръ Илашева былъ

разнообразенъ, живъ, и хотя онъ видимо старался удерживать его въ границахъ, наиболѣе-доступныхъ людямъ, съ которыми говорилъ, привычка увлекала его, и, можетъ-быть, самъ того не замѣчая, онъ выходилъ изъ тѣснаго круга нашей обыкновенной бесѣды. Выборъ выражений, оригинальность идей, ихъ смѣлость,—все въ немъ было для меня увлекательно, но я не хотѣла этого видѣть, я обманывала себя даже и тогда, когда Вѣра ясно открыла мнѣ состояніе души моей своимъ: «ты не равнодушна къ нему!»

И теперь еще я думаю иногда, что такое было чувство мое къ Леонтію. Было ли это родство душъ, то тайное влеченіе двухъ существъ, созданныхъ одно для другаго, которому не хотятъ болѣе вѣрять, а это тревожное чувство, которое я испытывала въ его присутствіи—тайнымъ голосомъ сердца, которое узнаетъ судьбу свою? Кто знаетъ? быть-можетъ, вдвоемъ мы должны были найти то счастье, которое становится уже баснею между людьми, и можетъ-быть эта такъ ярко вспыхнувшая любовь сдѣлалась бы тѣмъ истиннымъ чувствомъ, которое сводитъ небо въ жилище двухъ любящихся и гаснетъ только съ ихъ жизнію, потому-что вѣчная привязанность возможна, я этому вѣрю, возможна между двумя существами, понимающими свою обязанность и святость чувства, ихъ соединяющаго... или все это, и моя любовь, и мои надежды, были только плодомъ празднаго воображенія, скуки? Можетъ-быть, при другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, въ другомъ мѣстѣ; Леонтій не сдѣлалъ бы на меня никакого впечатлѣнія и незамѣтно прошелъ бы въ моей жизни? Я тогда еще не совсѣмъ свыклась съ участію, которую послала мнѣ судьба; въ душѣ еще были живы воспоминанія прошедшаго, еще не умерли желанія лучшаго; меня томилъ однообразная жизнь, спокойствіе, этотъ застой души, которую не волнуетъ ни одно чувство, ни одно живое впечатлѣніе, эта жизнь безъ наслажденія и безъ поэзіи. Леонтій представился мнѣ, какъ вѣстникъ лучшаго. Онъ говорилъ знакомымъ мнѣ языкомъ, говорилъ о предметахъ, близкихъ душѣ; сердце привѣтствовало въ немъ чувство, волненіе, жизнь души, счастье...

«Ахъ, это счастье!..»

«Я провела самый несносный день,—должна была казаться веселою, занимать, усаживать въ карты, слушать пустые пересуды и насмѣшки, самой смѣяться и выдумывать эпитеты допотопнымъ чепцамъ моихъ сосѣдокъ, и все это въ то время, когда душа занята одною мыслию, однимъ образомъ. Я ждала Леонтія. Мнѣ хотѣлось видѣть его, не для того, чтобъ по-вчерашнему слушать его голосъ и читать любовь и счастье въ глазахъ его, вѣтъ; я хотѣла видѣть его, чтобъ наказать моимъ презрѣніемъ; я рассчитывала съ какою холодною встрѣчу его, что скажу, какъ невнимательно взгляну, или лучше... да, конечно. Я буду поступать, какъ матушка, которая ловитъ женишка. Я наложу ему похвалы моей дочкѣ и дочкою. Это будетъ прекрасно... Но вечеръ дѣла-

ся цѣлую вѣчность, и съ каждою минутою сердце замирало все болѣе и болѣе; руки холодѣли.

«Въ залѣ играли на нѣсколько столовъ, въ гостиной также. У стола сидѣли двѣ или три неиграющія дамы и разсматривали картинки въ журналахъ. Дѣвицы ходили въ большой залѣ. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Мнѣ казалось, что вечеръ не кончится.

«Наконецъ, зашумѣло на дворѣ... пріѣхали. Боже мой, что сдѣлалось со мною? Лихорадочная дрожь пробѣгала по жиламъ; я не понимала, что дѣлала, что говорила. Въ глазахъ темнѣло... Охотники вошли, но его не было съ ними. Новое безпокойство! Уже ли онъ не заѣхалъ къ намъ? Не захотѣлъ даже видѣть меня? Я отдала бы въ эту минуту весь остатокъ бѣдной жизни моей, чтобъ онъ пришелъ только на полчаса, на одну минуту. Мнѣ надобно было видѣть его, надобно было показать, что я разгадала его.

«И онъ пришелъ. Я стояла у карточного стола и говорила съ однимъ изъ игравшихъ. Я услышала имя Илашева, произнесенное въ столовой. Сердце у меня замерло; но я выдержала и продолжала говорить—о чемъ? этого я и тогда не знала.

«Я слышала шаги его. Онъ вошелъ въ гостиную; но я обернулась тогда только, когда мужъ мой назвалъ меня. Леонтіи стоялъ передо мною.

«Это былъ тотъ же быстрый, пронизательный взоръ, который смутилъ меня при первомъ свиданіи, то же выраженіе лица и то же дѣйствіе. Взоръ Леонтія, казалось, проникъ въ глубину души моей. Урокъ мой пропалъ совершенно; я забыла, что хотѣла сказать, смѣшалась какъ дитя, чувствовала свою неловкость и тѣмъ болѣе еще смутилась. Мнѣ кажется, я опять сказала какую-то глупость. Онъ отошелъ, и я готова была плакать съ досады на самое-себя.

«Я видѣла, что онъ подошелъ къ дѣвицамъ, которыя стояли въ дверяхъ балкона, тамъ, гдѣ былъ поставленъ мой еліотропъ. Леонтіи началъ говорить съ Анютою; вся душа моя обратилась во вниманіе. Я не могла слышать словъ, но понимала, о чемъ говорили. Оба смотрѣли на еліотропъ; Илашевъ, конечно, спрашивалъ, почему не исполнили его просьбы? Мнѣ показалось, что при отвѣтѣ Анюты, лицо его, столько непроницаемое, измѣнилось, какъ-будто-бы легкая тѣнь закрыла его на одно мгновеніе. Онъ отошелъ къ карточному столу; я не спускала съ него глазъ: онъ не взглянулъ на меня ни одного раза; онъ, казалось, совершенно забылъ о моемъ существованіи; говорилъ съ моимъ мужемъ, съ охотниками; даже шутилъ, а меня какъ-будто-бы не было для него на свѣтѣ! Гдѣ вчерашнее вниманіе? гдѣ этотъ взоръ, холодный для всѣхъ, говорливый для одной меня, который искалъ меня вездѣ, слѣдилъ за мною, казалось, хотѣлъ угадать каждую мысль мою? Ничего вѣтъ! Но что жъ это? Онъ сердится на меня? за еліотропъ? за такую малость? Но развѣ это было бы возмож-

но съ тѣми планами, которые ему приписывало... мое воображеніе? Ища во мнѣ для Аниоты, онъ долженъ былъ поступать иначе... но не ошиблась ли я? эта досада не была ли также дѣломъ моего воображенія? Въ этомъ надобно было увѣриться. Если бездѣлица могла дѣйствительно разсердить Леонтія, бездѣлица также должна его успокоить. Но что дѣлать теперь? Леонтія посадили за карты, то-есть, онъ погибъ для меня на весь вечеръ. Я рѣшилась искать пособія въ самомъ виновникѣ всей моей тревоги — въ бѣдномъ моемъ еліотропѣ. Я подошла къ дѣвицамъ какъ-будто бы для того, чтобъ поговорить съ ними. Леонтіи игралъ въ карты, но я чувствовала, что въ эту минуту взоръ его слѣдовалъ за всѣми моими движеніями. Я заговорила съ младшею Кортоминою. Она стояла возлѣ самаго еліотропа; душистые цвѣтки его блестяли на темной зелени; я наклонилась, чтобъ подышать ихъ упительнымъ запахомъ: это была моя примирительная жертва, мое извиненіе Леонтію. О! я знала, что на меня смотреть. Но... Боже мой! что сдѣлалось съ бѣднымъ растеніемъ? нижнія вѣточки его опустились, листочки завяли, душистыя вѣточки цвѣтовъ свернулись. Въ испугѣ я наклонилась посмотрѣть не суха ли земля, не нужна ли поливка—земля была сыра; но нѣжный стволъ прекраснаго растенія былъ срѣзанъ, совсѣмъ срѣзанъ, отдѣленъ отъ корня, а сверху зеленѣлъ и цвѣлъ еще остаткомъ жизни. Я не могла удержать восклицанія. Дѣвицы окружили меня. По всей гостиной въ одно мгновеніе разнеслась вѣсть объ ужасномъ злодѣяніи, совершенномъ надъ моимъ еліотропомъ. Всѣ разспрашивали, доискивались виноватаго. Общее подозрѣніе называло двоихъ маленькихъ сыновей Кортомины, которые все вертѣлись въ гостиной и особливо около Илашева, потому-что онъ игралъ съ ними во весь вечеръ. Глаза мои искали Леонтія. Онъ одинъ сидѣлъ покоенъ, равнодушенъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило вокругъ него. Сердце говорило мнѣ, что онъ одинъ могъ быть преступникомъ, котораго искали, и признаться ли? эта мысль приводила меня въ восхищеніе. Такое женское, дѣтское мнѣніе въ человѣкѣ столько серьезномъ, какъ Илашевъ, могло только показать, до какой степени душа его была увлечена тѣмъ чувствомъ, которое одно дѣлаетъ насъ полубогами или дѣтми.

«Я виѣшлась въ общій разговоръ, толковала вмѣстѣ съ другими о случившемся; но, видно, лицо мое измѣняло тайнымъ чувствованіямъ души моей и отражало то удовольствіе, которое наполняло ее, потому-что мужъ мой, проходя мимо меня, остановился и, крѣпко сжавъ мою руку, сказалъ: «полно, Софья, не притворяйся. Я знаю виноватаго. Это ужъ такое ребячество, что я не могу и сердиться на тебя». Въ первую минуту, эти слова встревожили меня. Я подумала, что онъ угадалъ настоящаго виновника. Но я ошиблась. Мужъ мой, въ-слѣдствіе господствующей своей мысли, подумалъ, что еліотропъ срѣзала я, потому-что все еще каприз-

ничаю, сѣзала для того, чтобъ досадить и мужу и Илашеву за давнее приказаніе принять повѣжливѣе гостя. И на меня не сердились, потому-что нашли это уже слишкомъ-дѣтскимъ!

«О еліотропѣ поговорили и забыли. Но общество сдѣлалось оживленнѣе... мнѣ такъ казалось, или, можетъ-быть, дѣйствительно счастье, которое наполняло душу мою, сообщалось другимъ.

«Игра продолжалась до самаго ужина. Я ни разу не подходила къ игравшимъ, ни разу даже не взглянула на Илашева; но мнѣ казалось, что я хожу, говорю, дѣйствую подъ вліяніемъ его взора, что тайная, невидимая сила соединяется въ одно наше мыслящее бытіе, такъ-что теперь мы не могли ни мыслить, ни чувствовать отдѣльно.

«Наконецъ сказали, что столъ готовъ. Леонтіи всталъ и подаль мнѣ руку.

«Можно ли быть безразуднѣе? идучи въ столовую, я сказала ему тихо, такъ-что другіе не могли насъ слышать: «я сердита на васъ; это вы погубили мой еліотропъ». Онъ не измѣнился въ лицѣ, не смутился, не покраснѣлъ, и съ тою же убійственною холодностію, которую лицо его выражало цѣлый вечеръ, отвѣчалъ: «кто бы это ни сдѣлалъ, мнѣ кажется, что онъ угодилъ вамъ». Съ языка моего сорвалось: «о, прѣтъ!» и видно голосъ мой или взоръ придали необыкновенное значеніе этому слову, только лицо Илашева вдругъ оживилось. Въ глазахъ его блеснула радость, онъ сжалъ мнѣ руку... Въ эту минуту мы подошли къ столу.

«Онъ сѣлъ подлѣ меня. Никогда еще я не видала его столько любезнымъ, столько очаровательнымъ. Лицо его, всегда безстрастное, непроницаемое, дышало счастьемъ; насмѣшливая улыбка уступила мѣсто выраженію кроткой веселости. Онъ говорилъ со мною не болѣе какъ съ другими, не сказалъ ни одного слова, котораго не могли бы слышать всѣ; но все, что ни говорилъ онъ, было для меня,—для меня онъ былъ веселъ, оживленъ; онъ казался счастливымъ, и каждый взоръ его благодарилъ меня за это счастье.

«Послѣ ужина мы пошли въ залу. Онъ сѣлъ за фортепяно и пѣлъ. Никто лучше его не поетъ романса. Этотъ человекъ, всегда холодный, всегда готовый встрѣтить насмѣшкою всякое душевное движеніе, кажется, перерождается съ первою музыкальною нотю, какъ-будто-бы душа его всю чувствительность свою сохранила для одной музыки, или лучше, какъ-будто-бы одна музыка имѣла силу пробуждать эту душу, добровольно осудившую себя на вѣчный сонъ. Леонтіи за фортепяно—артистъ. Онъ пересоздастъ музыку самую обыкновенную, придавая каждому слову, каждому звуку выраженіе, котораго другіе не умѣли бы открыть. Въ этотъ разъ онъ пѣлъ выразительнѣе обыкновеннаго. Каждое слово его, казалось, было сказано сердцемъ; каждая нота—живымъ голосомъ души. И я чувствовала, и я знала, что все это было для меня, что мнѣ, не другому кому, говорила душа его, что для меня, не для другихъ, былъ такъ краснорѣчивъ взоръ его...

«О, какой вечеръ, какой вечеръ! одна любовь можетъ дарить подобными минутами. Для чего же ты, небесная, какъ изгнанница, таишься отъ людей? Для чего твое явленіе, какъ губительная тайна, должно скрываться во мракъ? Для чего взоръ, измѣняющій тайнѣ твоего божественнаго присутствія, какъ клеймо осужденія между людьми? Для чего изъ нихъ никто понять не хочетъ, что есть возвышающаго въ твоёмъ прикосновеніи?»

«Для того, что немногіе знаютъ тебя; для того, что человекъ не умѣетъ приготовить храма, достойнаго для твоего принятія, и потому ты, какъ-бы испугавшись жилища, которое онъ предлагаетъ тебѣ, такъ скоро и покидаешь его, не открывъ красоты своей, не оставя ни малѣйшаго слѣда твоего святаго присутствія...»

XIV.

Конечно, вамъ случалось проѣздомъ изъ губернскаго города въ столицу, или изъ столицы въ вашу степную, отдаленную вотчину, видѣть, по деревнямъ, въ концѣ длиннаго порядка, иногда даже въ двухъ, трехъ мѣстахъ, маленькіе господскіе домики, деревянные, съ тесовою, островерхою кровлею, съ маленькими окнами, съ почернѣвшими наличниками, съ широкими воротами и большимъ дворомъ, огороженнымъ тесовымъ заборомъ, потемнѣвшимъ отъ сырости и дождя? По другую сторону дома обыкновенно большой огородъ, обнесенный частоколомъ и обсаженный ивами или березами; нѣсколько поодаль — гумно; кругомъ ни души. Все тихо, пусто. Невольная грусть овладѣваетъ душою, особливо осенью. Тогда обнаженные деревья, грязь, слякоть на дворѣ, почернѣлыя отъ сырости стѣны, — все смотритъ какъ-то еще печальнѣе. Невольно спрашиваешь, какъ тутъ живутъ, и въ воображеніи раскидывается длинный рядъ дней, посвященныхъ однѣмъ заботамъ о насущномъ и скучному труду непрерывнаго надзора, объ-руку съ тяжелымъ недоверіемъ, — и все это безъ отдохновенія, безъ малѣйшаго луча поэзіи, безъ изящества, безъ малѣйшей прихоти... Можетъ-быть, эту мрачную картину рисуетъ дорожная скука и въ дѣйствительности краски ярче; дѣло въ томъ, что намъ трудно вообразить осенній вечеръ въ этихъ домикахъ, когда вѣтеръ востъ въ полѣ и мелкій дождь со снѣгомъ бьетъ въ худопритворенный ставень. Что дѣлать тамъ въ эту пору? Сосѣди не пойдутъ въ такое время; въ семьѣ напились чаю, поговорили со старостою, записали умолотъ и выдачу, въ десятый разъ пересчитали на сколько въ этотъ годъ продадутъ овса; дѣти спать и старшая дочь разъ пять уже зѣвнула за чулкомъ... Долгимъ воспоминаніемъ живетъ въ такихъ вечерахъ сѣвядъ, какъ былъ, на примѣръ, у Кортониныхъ, или охота, какъ была у Сарапаевыхъ. Сколько разказовъ, догадокъ, заключеній и предвѣщаній! Мать съ дочерью, сестры не наговорятся, и пока глава семейства тол-

куеть съ десятскимъ, или докуриваетъ десятую трубку въ углу, покачивая ногою, дѣвушки припоминають и ленточки, и оборки, и взгляды, и слова. Послѣ кортоминскаго бала, на-примѣръ, и особенно вѣчера, послѣдовавшаго за тѣмъ у Сарапаева, весь уѣздъ совершенно былъ занятъ Анютою, Ладошинымъ и Илашевымъ. Необыкновенное вниманіе Петра Алексѣевича къ прїѣзжему сосѣду и любезничанье самого Илашева съ Софьею Павловною и съ Анютою подавали поводъ ко многимъ толкамъ. Иные пророчили въ немъ жениха, другіе — что-то недоброе для самого Петра Алексѣевича. Не было ни одного самаго бѣднѣйшаго помѣщика, изъ небывавшихъ никогда у Петра Алексѣевича, въ домѣ котораго не обсуживали бы на тысячу ладовъ дѣлъ Петра Алексѣевича и его семейства. Бѣднякъ не любитъ богача; завидуешь ему; послушаешь, такъ и поклониться бы ему не хотѣлъ, а только и разговоровъ, и сухоты, что о дѣлахъ богача! Но нигдѣ и никого сарапаевскія дѣла, и вообще оба вѣчера, кортоминскій и сарапаевскій, не занимали такъ много, какъ хозяйку одного господскаго дома, въ довольно-значительномъ селеніи, на самой большой дорогѣ. Это, однакожъ, былъ не одинъ изъ тѣхъ маленькихъ домиковъ, па которые такъ грустно бываетъ смотрѣть осенью. Это былъ довольно-большой сельскій домъ, въ какомъ-то причудливомъ вкусѣ, въ родѣ небольшой итальянской виллы, съ широкими окнами, съ террасою, цвѣтниками и англійскимъ затѣйливимъ садомъ. Въ самыхъ комнатахъ — ковры, легкіе занавѣсы у оконъ, цвѣты въ вазахъ, цвѣты на окнахъ, тамъ-и-сямъ зеленыя группы померанцовыхъ деревьевъ; на столахъ журналы, новый романъ, иллюстраціи Гаварни; здѣсь богатый рояль, а тамъ щегольскія пальцы съ начатою работою, и возлѣ, на креслахъ, брошенъ послѣдній романъ Эжена Сю. Словомъ, это домъ Вѣры Дмитріевны.

Ужъ поздно. Гостиная освѣщена одною лампою; Вѣра Дмитріевна, въ траурномъ платьѣ, лежитъ на диванѣ, по-временамъ нюхая спиртъ. Передъ нею на столѣ корзинка съ работою, серебряный колокольчикъ и лампа съ матовымъ стекломъ. По другую сторону стола извѣстная намъ Мавра Даниловна, въ своемъ кисейномъ чепцѣ и шерстяной косынкѣ, съ чулкомъ въ рукахъ.

Вѣра Дмитріевна нездорова. Утромъ она была въ церкви (это былъ день кончины ея мужа), что ее всегда очень разстроиваетъ. Мавру Дмитріевну привезли прямо отъ Сарапаевыхъ. Чтобъ разсѣять хозяйку, она рассказываетъ ей, кто уѣхалъ послѣ нея отъ Кортоминныхъ, кто поѣхалъ къ Сарапаевымъ; какъ были одѣты Софья Павловна и Анюта; веселы ли были гости, кто съ кѣмъ игралъ, кто съ кѣмъ говорилъ, о чемъ. Тутъ ничто не было забыто — ни обѣдъ, ни ужинъ, ни приключеніе съ бѣднымъ еліотропомъ, приключеніе, которое, къ-несчастью, должно было остаться необъяснимымъ для Мавры Даниловны, не смотря на всю ея проникательность.

— Странное происшествіе! замѣтила Вѣра Дмитріевна: — и цвѣтокъ былъ подаренъ Илашевымъ?

— Онъ, матушка, онъ; ранехонько еще прислалъ.

— На кого же пало подозрѣніе?

— Богъ—знаетъ, матушка. Никто не видалъ. Говорили, будто кортожинскія дѣти; въ-самомъ-дѣлѣ, они такіе шалуны. Не то, что ваши, матушка, Вѣра Дмитріевна; ваши ужь подлинно сказать...

— Я думаю, что Софью это очень огорчило?

— Нѣтъ, какъ-будто не очень. Она была такая веселая весь вечеръ, и послѣ ужина такъ распѣлась, что я налюбовалась на нее.

— Распѣлась? Вотъ какъ.

— Какъ же! Съ придворнымъ-то, матушка; она-то, правда, мало пѣла, только очень развеселилась. Такъ разгорѣлась и была такая хорошенькая! Глазки такъ и свѣтятся.

— А Леонтій Андреичъ... былъ также веселъ?

— Веселѣхонекъ, точно, будто-бы былъ такъ, простой. И съ Софьей Павловной, и съ Анной Петровной такъ и перебиваетъ, и смѣется, и не узнаешь, чтобъ былъ придворный.

— А Анята?

— Что-то она мнѣ показалась не очень-весела, Богъ ее знаетъ отъ-чего. — Мавра Даниловна посмотрѣла испытующимъ взоромъ на хозяйку; та поднесла къ носу сткляночку съ одеколономъ, потомъ потеряла виски.

— Ваша головка все не унимается, видно, матушка? спросила Мавра Даниловна.

— Это ничего, пройдетъ. У меня нервы очень-разстроены, и когда я думаю объ этой бѣдной Анятѣ...

Она замолчала.

— Сиротство, матушка, великое несчастіе! замѣтила Мавра Даниловна.

— Точно, великое. Конечно, Софья Павловна прекраснѣйшая женщина, добра какъ ангелъ; я истинно люблю ее; но развѣ можетъ она замѣнить мать?

— Матери, матушка, никто не замѣнить... Вотъ хоть бы ладошинская исторія: будь жива покойница, не то бы было. Конечно, можетъ-быть, оно и къ лучшему...

— Почему же къ лучшему?

— Вѣра Дмитріевна! да вѣдь всѣ говорятъ, что Леонтій-то Андреичъ сватаетъ ее.

— Ну, за этимъ, кажется, ей не бывать.

— Ахъ, матушка! да ужь лучше жениха, я думаю, ей во снѣ не видать. Вѣдь подумайте: придворный! Ужь это вѣдь грѣхъ будетъ...

— Тамъ какъ хотите; но если Татьяна Васильевна не вступится за дѣло, то этому не бывать.

— Я понимаю, матушка, какъ съ Ладошинымъ же, а можетъ-быть и хуже. Я вѣдь все знаю. Только не мое дѣло говорить. Съ вами—ну, это другое дѣло; съ вами я какъ съ духовникомъ; отъ васъ ничего не могу утаить, а съ другими — Боже меня сохрани! Мы, бѣдные люди, видимъ, да не видимъ, слышимъ, да не слышимъ... А ужъ вамъ скажу, матушка, — не хорошее дѣло.

— Да что же такое?

— Ужъ хоть она вамъ и другъ, а скажу вамъ, нехорошо. Вчера, послѣ ужина—то, всѣ пошли въ залу, и я также; вижу, садятся за фортепьяно, и я сѣла къ стѣнкѣ, такъ, въ бокъ отъ нихъ; а передо мною стала Анна Петровна, такъ—что мнѣ изъ-за нея все видно, а меня не видать. Вотъ смотрю, что-то неладно. Онъ поетъ, а самъ смотритъ на Софью Павловну, да такъ смотритъ, что вотъ, кажется, такъ бы и сѣлъ! А она-то и краснѣетъ, и потупитъ глазки, а грудь такъ и колыхнется. А станутъ разбирать ноты, такъ наклонятся другъ къ другу, что вотъ того и смотри...

— Э, Мавра Даниловна! вамъ это показалось. Ну, посудите сами: вы говорите, что онъ сватаетъ Анюту...

— Не распустили ли нарочно слухъ—отъ, матушка?

— Нѣтъ, я навѣрное знаю, что Петръ Алексѣвичъ очень этого желаетъ.

— Да ужъ онъ такъ желаетъ, что и сказать нельзя! Посмотрѣли бы, какъ онъ за нимъ ухаживаетъ. И «Леонтій Андрейчъ, пожалуйста сюда», и «Леонтій Андрейчъ, покушайте», и Анюту позвать. Вы знаете, какъ онъ тяжелъ на подъемъ, а къ нему безпрестанно ѣздитъ. Недавно ему собаку подарилъ, знаете, что въ Петербургъ—то триста рублей заплатилъ. За собаку триста рублей! легко ли!

— И я знаю навѣрное, что со стороны Илашева дѣло очень шло на ладъ.

— Шло, да вотъ вышло другое.

— Такъ вотъ видите ли, Мавра Даниловна: еслибъ Татьяна Васильевна пріѣхала сюда, то дѣло могло бы еще устроиться. Знаете ли что?

— Что такое, матушка?

— Завтра мой прикащикъ ѣдетъ въ городъ дня на два, не больше. Съѣздите съ нимъ къ Татьянѣ Васильевнѣ; вѣдь она, кажется, очень—хороша къ вамъ?

— Какъ же, матушка! И она, да еще и матушка ея покойная, царство ей небесное, никогда не оставляла насъ. Я почти отъ нихъ и замужъ шла; да не онѣ ли полно и холсты, и полотна, и все что нужно для приданого, какое спрашивали по бѣдности, дали покойной матушкѣ. И теперь Татьяна Васильевна много не оставляетъ насъ.

— Она точно васъ очень любитъ, и поэтому—то мнѣ кажется, что вамъ и надобно было бы предупредить ее объ Анютѣ. Вѣдь

здѣсь не шутка: дѣло идетъ о счастьи дѣвушки; а вы знаете, какъ она любитъ Аnięту.

— Ахъ, матушка! да мнѣ кажется, что мать родная не можетъ такъ любить.

— Вотъ видите. Такъ поговорите же ей; я увѣрена, что она не захочетъ упустить такого жениха, какъ Илашевъ...

— Да какъ это можно, матушка! Вѣдь ужъ и знатенъ и богатъ. Конечно, не красавецъ, смугленекъ немного; но вѣдь и недурень, мужчина видный.

Вѣра Дмитриевна вспыхнула.

— Поѣзжайте, Мавра Даниловна, сказала она съ необыкновенною живостью. — Надобно сдѣлать, чтобъ Татьяна Васильевна сама пріѣхала сюда. Это ужасно... лишать Аnięту такого жениха!

— Господь сохрани и помилуй!

— Только... продолжала Вѣра Дмитриевна успокоиваясь: — пожалуйста, Мавра Даниловна, ни слова о Софѣ; не давайте чувствовать, что вы что-нибудь замѣтили. Я совершенно увѣрена, что вы ошиблись.

— Ничего не скажу, матушка, будьте покойны. Ну, можно ли, чтобъ я сказала! Развѣ я не знаю...

— Всего нужнѣе, чтобъ Татьяна Васильевна пріѣхала сюда и узнала о сватовствѣ Илашева. Только смотрите же: ни слова о Софѣ. Повторяю вамъ, что вы ошиблись. Тутъ ничего и похожего нѣтъ.

— Ахъ, Вѣра Дмитриевна! сказала улыбаясь Мавра Даниловна: — вы, по своей святой душѣ, никогда злу не хотите вѣрить. Вы настоящій ангелъ! О васъ всѣ это говорятъ...

Прощаясь, Вѣра Дмитриевна, — между-тѣмъ, какъ Мавра Даниловна цаловала ее въ плечи и грудь, — сказала: «Итакъ, любезная моя Мавра Даниловна, завтра вы пораньше напьетесь чаю и поѣдете. Прикащикъ будетъ васъ ждать, и вы съ нимъ же и возвратитесь. Онъ не пробудетъ въ городѣ болѣе двухъ дней. А я пошлю къ вамъ маслица, да велю сказать, чтобъ везли рожь на мою мельницу. Теперь свободно, такъ смелюте.»

— Благодарительница моя! повторяла Мавра Даниловна, осыпая жаркими поцалунми бархатную мантилью Вѣры Дмитриевны.

По уходѣ Мавры Даниловны, прекрасная вдова осталась одна. Лицо ея вдругъ измѣнилось, какъ-будто тяжелое бремя упало на ея душу. Богъ-знаетъ, о чемъ она думала. Зная Илашева, она не могла, кажется, предполагать, чтобъ онъ могъ когда-нибудь жениться на Аніотѣ; не могла также надѣяться, чтобъ и Татьяна Васильевна отказалась отъ любимой мечты своей — отдать за Ладошину любимую внучку... Для чего же желала она пріѣзда Татьяны Васильевны? Что вызывала она? помощь ли для Аніоты, или грозу на бѣдную Софью Павловну, въ которой видѣла соперницу, женщину, перешедшую дорогу и разстроившую ея любимые планы?..

XIV.

Въ самое это время, Леонтій Андреевичъ Илашевъ въ своемъ вновь-отдѣланномъ деревенскомъ домѣ дружески бесѣдовалъ съ Ладошнымъ, и вотъ по какому случаю.

Можетъ-быть, вы вспомните разговоръ, который имѣла Вѣра Дмитриевна съ Анютою въ гостиной, на кортоминскомъ балѣ, и какъ Анютѣ, во время этого разговора, показалось, что она видѣла Ладошина на балконѣ близь окна, подѣ которымъ она сидѣла съ Вѣрою Дмитриевою. Анюта не ошиблась: Ладошинъ дѣйствительно былъ на балконѣ и слышалъ весь разговоръ ея съ прекрасною вдовою. Онъ вышелъ на балконъ въ то самое время, когда онѣ входили въ комнату, и замѣтивъ, что молодыя женщины расположились поговорить, сталъ подѣ окно, въ надеждѣ поймать какое-нибудь слово изъ ихъ разговора. Случай, а скорѣе сама Вѣра Дмитриевна, видѣвшая его на балконѣ прежде Анюты, благопріятствовала ему, потому-что она не замедлила съѣсть подѣ то самое окно, подѣ которымъ онъ находился. Онъ слышалъ снисходительные отзывы на его счетъ Вѣры Дмитриевны и легко понялъ, что она старается отдалить отъ него Анюту, увѣривъ дѣвушку, что ее ожидаетъ такой женихъ, какъ Илашевъ. Ладошинъ былъ увѣренъ, что Вѣра Дмитриевна дѣйствуетъ такимъ-образомъ изъ ненависти къ нему, для того, чтобъ отнять у него счастье, которое онъ почиталъ такъ близкимъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что такая женщина, какъ Вѣра Дмитриевна, вразившись, какъ можно было видѣть изъ слышаннаго имъ разговора, въ довѣренность Анюты, легко могла вскружить голову молодой дѣвушкѣ и заставить ее дѣлать, что она хотѣла. Это опасеніе подтверждалось самыми поступками Анюты, которая во весь день была очень-холодна съ Ладошинымъ, и самыми словами ея, когда она говорила съ Вѣрою Дмитриевою объ Илашевѣ. Ладошину показалось, что въ этихъ словахъ была какая-то грусть, какъ-будто Анюта желала, но боялась еще вѣрить обѣщаніямъ своего коварнаго друга. Но Ладошинъ былъ не такой человекъ, котораго можно было заставить отказаться отъ однажды-принятаго намѣренія единственно потому-что какой-нибудь вдовушкѣ вздумалось бы разстроить его свадьбу, а невѣстѣ закружиться отъ камер-юнкера. Первое могло только подстрекнуть его дѣйствовать настоятельнѣе, а послѣднее... любовь его была не такъ разборчива, чтобъ оскорбиться какою-нибудь минутной переменой въ дѣвушкѣ, за которую было по крайней-мѣрѣ триста душъ въ степной губерніи. Къ-тому же, эта дѣвушка ему нравилась. Такъ что тутъ было думать? Женщина непостоянна и легкомысленна по своей природѣ, — это онъ давно уже гдѣ-то вычиталъ и затвердилъ; такъ какъ же бы онъ сталъ требовать совершенства отъ Анюты? Вотъ ишло дѣло, когда она будетъ его женою: ну, тогда онъ возьметъ свои мѣры...

Вамъ не нравится подобный образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ, въ женихѣ и влюбленномъ, какъ мы его видали? Что дѣлать! Мы рассказываемъ исторію молодаго человѣка, а не романческаго героя, и здѣсь особенно рассказываемъ не то, что говорилъ онъ, а что думалъ.

Одно беспокоило Владиміра Григорьевича — Илашевъ. Какъ ни ясно казалось ему, что Вѣра Дмитриевна подставила здѣсь Илашева единственно для того, чтобъ отвлечь отъ него вниманіе Анюты, однако онъ не могъ быть покоенъ. Вѣдь онъ былъ же влюбленъ въ Анюту, а какой влюбленный не страшится и самой тѣни, на минуту скрывающей отъ глазъ его любезную? Да и вообще, кто же, стремясь къ чему-нибудь всей душою, не готовъ былъ принять за дѣйствительность самый легкій призракъ, угрожающій достиженію его желанія? «Кто же знаетъ» говорилъ Ладошинъ: «можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ тутъ есть что-нибудь похожее на правду. Анюта очень-недурна: развѣ не могла она поправиться? Ну, а если Илашевъ вздумаетъ за нею ухаживать — чортъ возьми! это будетъ нехорошо.»

Владиміръ Григорьевичъ былъ человѣкъ не очень-терпѣливый; онъ не любилъ неизвѣстности, а какъ мы сказали уже, что онъ былъ давно и дружески знакомъ съ Илашевымъ, то онъ и рѣшился ѣхать къ нему.

Теперь заглянемъ въ комнату, прихотливо-убранную и довольно-большую, гдѣ передъ пылающимъ каминомъ сидѣли Леонтій Андреевичъ Илашевъ и гость его. Между ними, на маленькомъ столикѣ, стояла на серебряномъ подносѣ бутылка съ пробкою, оправленной въ серебро и привѣшенною на такой же цѣпочкѣ, и два стакана, наполненные краснымъ виномъ, котораго колеръ чистыми рубиновыми просвѣтами показывалъ, что вино привезено не изъ губернскаго города. У ногъ ихъ дремала, пригрѣтая камелькомъ, прекрасная лягавая собака.

Все въ этой комнатѣ показывало, что она отдѣлана недавно и не для старобытнаго хозяина. Ни счетовъ, ни бутылей съ настоекю, ни старой конторки, на которой собраны въ кучку и веревочки, и пробки, и подпалокъ, и клещи; ни печальной наготы стѣнъ, ни даже течи съ окошекъ, безъ которой рѣдко стоитъ деревенскій домъ. Напротивъ, хорошенькіе обои съ золотыми багетками, на полу коверъ во всю комнату; красивый письменный столъ, подъ которымъ брошена барсовая кожа; покойные диваны, кресла, а на этажеркахъ, на столѣ, книгъ, журналовъ, чертежей хозяйственныхъ машинъ столько, что у инаго сосѣда сердце порачивалось при входѣ въ этотъ кабинетъ и «не скопить денежки, какъ отцы» такъ и вертѣлось на языкѣ.

Огонь весело перебирался по березовымъ деревьямъ, свивая въ рубку бѣлую кору, которая трещала и дымилась; яркіе отсвѣты играли по мѣбелямъ и по-временамъ зажигали блестящія искры въ стаканѣхъ молодыхъ людей. Хозяинъ опорожнилъ свой.

— Хотя это и не *жизнеподдержательное*, сказалъ онъ улыбаясь и дополняя изъ бутылки стаканъ гостя:—однако не совѣтую отъ него отказываться.

— Ну, это не кортоминское, отвѣчалъ тотъ, отвѣдывая изъ стакана съ видимымъ удовольствіемъ. — Что дѣлать! Здѣсь нельзя пить вина. Это совершенная отравка, и поневолѣ пріймешься за *жизнеподдержательное*. Миѣ привезли нынѣшнею весною изъ Москвы, заплатили дорого—и нкуда не годится. Чортъ знает! поручить никому нельзя.

— Если хочешь хорошаго вина, то надобно брать по знакомству. Я всегда беру въ англійскомъ магазинѣ и до-сихъ-поръ очень доволенъ. Вотъ я велю подать бутылочку лафита, и ты посмотришь каково. — Онъ позвонилъ.

А хорошо, я думаю, въ осеннія сумерки, послѣ сочнаго ростбифа, передъ каминомъ, за стаканомъ добраго лафита, забывать съ пріятелемъ житейскія бури и невзгоды. Все равно, въ степной ли деревнѣ, или въ Большой-Милльонной пригрѣлъ васъ такъ радушный огонекъ. Хорошо... но не всѣмъ же такъ хорошо и на Милльонной и въ степи.

Молодые люди все становились разговорчивѣе и довѣрчивѣе. Дымъ сигарокъ вился голубою струйкою, вино алѣло въ стаканахъ.

— Послушай, Илашевъ, сказалъ наконецъ Ладошинъ:— ты не догадываешься, а вѣдь я пріѣхалъ къ тебѣ за дѣломъ.

— Очень-радъ, если могу чѣмъ быть полезенъ. Что же это?

— И много и мало, какъ посудишь. Миѣ нужно, чтобъ ты былъ со мною искрененъ, знаешь, какъ товарищъ.

— Только-то? за этимъ, батюшка, дѣло не станеть.

— Право?

— Ты сомнѣваешься? миѣ кажется, что при нашихъ отношеніяхъ это неизвинительно.

— Есть обстоятельства, когда позволяется быть скрытнымъ, даже и съ другомъ.

— Иногда это бываютъ очень-пріятныя обстоятельства, Владиміръ Григорычъ; только миѣ кажется, что мы съ вами не можемъ похвалиться ничѣмъ добрымъ, по-крайней-мѣрѣ я.

— Нѣтъ, не шутя.

— Такъ говори же:

Ладошинъ началъ зажигать сигарку, которая и безъ того курилась еще, и смотря пытливо на хозяина, сказалъ:—Здѣсь всѣ увѣряютъ, будто ты думаешь жениться.

При этихъ словахъ, едва-примѣтное беспокойство на минуту показалось на лицѣ Илашева. Однако онъ отвѣчалъ не измѣняя ни мало ни голоса, ни положенія:—Да кому же до этого какое дѣло?

— Такъ это правда?

— Я желалъ бы знать, почему это тебя такъ тревожитъ?

— Какъ почему? Тебѣ, кажется, извѣстны отношенія мои къ этому дому.

— Твой?.. да, наконецъ, на комъ же я женюсь?

— Всѣ говорятъ, что ты сватаешься къ Сарапаевой.

— Къ Сарапаевой! такъ вотъ что!

— Ты знаешь, что я самъ искалъ въ этой дѣвушкѣ; знаешь также, что и до-сихъ-поръ между нами ничто еще не кончено. Теперь говорятъ, что она тебѣ нравится. Я подумалъ: Леонтій Андрантъ благородный человѣкъ; онъ со мною хитрить не станетъ, и рѣшился спросить тебя, потому что если Сарапаева тебѣ нравится, то мнѣ остается только—убираться по-добру, по-здорову.

— Прошу покорно! да мнѣ кажется, что ты и въ-самомъ-дѣлѣ влюбленъ, сказалъ Илашевъ, и, не переставая курить, смотрѣлъ на пріятеля съ своимъ обыкновеннымъ, нѣсколько-насмѣшливымъ выраженіемъ, въ которомъ не оставалось уже ни малѣйшей тѣни безпокойства.

— Наконецъ, Илашевъ, да или нѣтъ? Ты видишь, что я поступилъ съ тобою, какъ человѣкъ прямодушный. Надѣюсь, ты мнѣ заплатишь тѣмъ же.

Илашевъ перемѣнилъ тонъ, и съ видомъ совершенной искренности сказалъ, подавая руку Ладошину: — Если такъ, то я говорю тебѣ, какъ честный человѣкъ, нѣтъ, и не можетъ быть.

— Не можетъ быть?

— Нѣтъ; я имѣю на это много основательныхъ причинъ, о которыхъ поговоримъ послѣ. Довольно, если теперь я объясню тебѣ мое мнѣніе на счетъ женитьбы, и ты убѣдишься, что я не могу имѣть никакихъ притязаній на Сарапаеву.—Онъ закурилъ сигару и, принявъ прежнее, полулежащее положеніе, продолжалъ: — По моему мнѣнію, женитьба должна быть для каждаго благоразумнаго человѣка чистою спекуляціею...

— Которая должна же имѣть въ виду счастье?

— Да, но конечно не то, о которомъ, можетъ-быть, ты напѣваешь своей невѣстѣ. Женитьба, Владиміръ Григоричъ, должна быть рѣшительнымъ шагомъ въ нашей жизни, къ какой бы цѣли мы ни стремились. Она должна непременно улучшить положеніе наше въ свѣтѣ. Теперь я спрашиваю тебя, что мнѣ доставить Сарапаева? Да мнѣ съ нею невозможно будетъ даже поддержать въ обществѣ, въ которомъ я живу, потому что для холостаго мое состояніе еще идетъ, но съ женою...

— За нею, однакоже, отецъ дастъ около двухъ-сотъ, да послѣ бабушки...

— Да, послѣ. Ну, да хорошо, еслибъ и теперь: что это значитъ для Петербурга въ томъ кругу, къ которому я уже привыкъ? Это прекрасно здѣсь; но, признаюсь, корчить грансеньера въ провинціи совсѣмъ для меня незавидная доля.

— Однакожь, дѣвушка можетъ же понравиться?

— А ты влюбился бы въ Сарапаеву, еслибъ за нею ничего не было, или еслибъ она была дочерью какого-нибудь секретаря?..

— Ну, вотъ еще, съ которой стороны ты берешь! Разумѣется, вѣдь мы не дѣти же, чтобъ влюбляться безъ ума; однакоже, если правила дѣвушки..

— А ты вѣришь въ правила дѣвушекъ?

— Однакожъ, если попадется Вѣра Дмитріевна.

— Что же? мы также будемъ умѣть принимать за гостей компаньонки тѣхъ, которые будутъ посѣщать ее черезъ садъ въ наше отсутствіе; тутъ нѣтъ ничего ни новаго, ни особеннаго. А гости послѣ, изъ великодушія, станутъ давать приданое компаньонкамъ.

— Смѣйся, но мнѣ кажется, что это единственное доброе дѣло, которое мнѣ случилось сдѣлать въ жизнь мою.

— А, на-примѣръ, съ Сарапаевымъ, какъ ты съ нимъ сладилъ?

— Если станеть упрямитъся, я увезу Анюту.

— Нѣтъ? и ты увѣренъ, что она поѣдетъ?

— Дá, если тебѣ не вздумается мѣшать мнѣ — онъ пристально посмотрѣлъ на Илашева; но тотъ, казалось, не замѣтилъ этого испытующаго взгляда. Онъ продолжалъ:—У меня есть ея письма.

— Твоя любовь разсчитываетъ и эти средства?

— До этого не допускать, повѣрь мнѣ...

хv.

Нѣсколько дней непрерывнаго ненастья прекратили всѣ сообщенія между помѣщиками. Сарапаевы никуда не выѣзжали; конечно, у нихъ никогда не бывало безъ людей, но это были кое-кто изъ самыхъ близкихъ, и то мужчины, въ числѣ которыхъ былъ и Илашевъ. Между-тѣмъ, Вѣра Дмитріевна писала къ Софѣ Павловнѣ, что она нездорова; и, странное дѣло, ни въ одномъ изъ писемъ ея не было ни слова о томъ, что всего болѣе занимало Софью Павловну. Казалось, прекрасная вдова приняла рѣшительное намѣреніе молчать — быть-можетъ, выжидая довѣренности своей пріятельницы. Наконецъ, осеннее солнце въ полномъ блескѣ взошло на горизонтъ, тучи разсѣлились, и Софья Павловна рѣшилась навѣстить друга. Но станеть ли она говорить съ нею откровенно? скажетъ ли о томъ, что происходило въ душѣ ея?.. Нѣтъ! Софья Павловна никогда не рѣшится на это. Вѣра Дмитріевна такъ строга въ непреклонной добродѣтели своей: какъ говорить ей о слабостяхъ сердца!

Въ этотъ же самый день, только-что начало смеркаться, въ Сергіевскомъ, на вершинѣ горы, по которой вилась проѣзжая дорога, показались два экипажа, приблизились, вотъ слышенъ стукъ колесъ; на дворѣ зашумѣло, и отъ передней до дѣвичьей разнеслось:

«Татьяна Васильевна прѣхала». Анюта бросилась стремглавъ на крыльцо; Петръ Алексѣевичъ, который въ это время доигрывалъ партію въ преферансъ, послѣдно бросилъ карты, записалъ выигрышъ, стеръ ремизъ, спросилъ, кто сдаетъ, и пошелъ скорыми шагами къ передней.

Между-тѣмъ, къ крыльцу подѣхала огромная четырехмѣстная карета въ шесть лошадей. Двое дюжихъ слугъ отворили дверцу и стали у подножки. Въ каретѣ показалось движеніе; какая-то масса, составленная изъ атласовъ разныхъ цвѣтовъ, придвинулась къ дверцѣ, потомъ на подножку опустилась нога, довольно-значительнаго размѣра, въ широкомъ башмакѣ со спущенною пяткою; за тѣмъ атласная масса заколебалась, и появилась широкая голова пожилой женщины въ темномъ капорѣ; двѣ толстыя руки ухватились за стѣнки кареты, потомъ опустились на плеча двухъ слугъ, и Татьяна Васильевна вышла вся на первую ступень, остановилась, сказала нѣсколько словъ кучеру и спустилась прямо въ объятія Анюты, которая въ то же время бросилась къ бабушкѣ и утонула своимъ хорошенькимъ личикомъ въ кашпонахъ и мантильяхъ, закрывавшихъ весь бюстъ почтенной дамы. Петръ Алексѣевичъ съ другой стороны цаловалъ ручки тѣтушки. За тѣмъ изъ кареты выпрыгнули, одна за другою, дѣвочка, дѣвушка и извѣстная намъ Мавра Даниловна, — всѣ три съ дорожными мѣшками; дѣвочка, сверхъ того, несла еще подушку, которую барыня обыкновенно подкладывала подъ себя, и маленькую собачонку; послѣднюю, однакожь, Анюта тотчасъ приняла въ свое завѣдываніе, при радостныхъ восклицаніяхъ: «ахъ, мимка, мимочка!» Татьяну Васильевну повели на лѣстницу.

Черезъ нѣсколько минутъ, тѣтушка сидѣла въ гостиной на своей подушкѣ и въ большихъ креслахъ, положила ноги въ спущенныхъ башмакахъ на шитую скамейку; Анюта съ собачкою устлалась возлѣ нея на табуретѣ, Петръ Алексѣевичъ на диванѣ, положила руки на столъ, и, какъ свѣтскій человѣкъ, внимательно слушалъ тѣтушку, не обращая ни одного взгляда на карточный столъ, за которымъ партнеры его сидѣли съ чувствомъ просителя въ передней министра, и для разсѣянья били по столу зарю пальцами. Татьяна Васильевна снимала съ шеи одинъ за другимъ платочки, шарфики и все это складывала передъ собою на столъ.

— Какая дорога! Господи твоя воля! говорила Татьяна Васильевна. — Отроду не видывала такой. Ну, ужъ исправникъ! поблаголарю, какъ увижу. Вотъ извольте хлопотать за такихъ людей. Въ Бакаевѣ вздумали мостъ загородить: новый-де; не приказано ѣздить. Поѣхали въ объѣздъ да и завязали карету выше ступицы. Всей деревней насили вытащили.

— Чтò съ ними станешь дѣлать! сказалъ Петръ Алексѣевичъ: — вездѣ мошенничество.

— Ну, увижу правящаго губерніей, скажу: хороша, батюшка,

дорожка у васъ въ губерніи. Новому губернатору будетъ на что порадоваться.

— А мимка-то, бабушка, сказала Анюта, лаская хорошенькую мышеловку, которая поклонилась на ея колѣняхъ: — и ее растрясло, бабушка? Какъ она была дорогой?

— Всю дорогу все смотрѣла въ окно, уставивъ глаза и навостривъ уши, точно знаетъ, мерзкая.

— Мимка точно преумная собачка, тѣтушка, замѣтилъ Петръ Алексѣевичъ. — Человѣкъ! что же чаю? да спросить, послали ли къ барынѣ.

— Куда? зачѣмъ? развѣ Софьюшки нѣтъ дома?

— Она поѣхала сегодня утромъ навѣстить Вѣру Дмитревну. Та нездорова.

— Нездорова! Ахъ, Боже мой! слышишь, Мавра Даниловна? видно хуже стало? Я, батюшка, привезла къ вамъ съ собою полный мой штатъ, и Агаею Ивановну мою, тамъ въ бричкѣ ѣдетъ, и дѣвчонокъ, и вотъ Мавру Даниловну тоже. Она врѣхала въ городъ, а я и удержала ее. Да что же это съ Вѣрой Дмитревной? Спаси ее Богъ!

— Должно быть простуда; я не знаю, право.

— Сохрани ее Господи! Отъ простуды не мудрено и горячку схватить. А у нея дѣти. Да зачѣмъ же ты, батюшка, послалъ за Софьюшкою? вѣдь она вѣрно поѣхала ночевать?

— Это все равно, тѣтушка. Она никогда не простила бы, еслибъ мы къ ней не послали.

— Да теперь ужь поздно; дорога же такая дурная.

— Нѣтъ, тутъ только въ одномъ мѣстѣ дурно. А то все степь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу. Анюта! бѣги, скажи, чтобъ не смѣла сегодня прїѣзжать. Я не приказываю. Такъ вели сказать: тѣтушка-де не приказала.

Анюта побѣжала.

Татьяна Васильевна опять начала:

— Да есть ли докторъ у Вѣры Дмитревны? Я такъ люблю эту женщину. Вотъ ужь, можно сказать, примѣрная! Какая мать, какая хозяйка! Осталась вдовою въ ея лѣта, устроила дѣла и живетъ единственно для дѣтей. Вѣдь покойный оставилъ ей семьдесятъ тысячъ одного партикулярнаго долга.

— Я не думаю, тѣтушка, чтобъ на немъ былъ партикулярный долгъ. Одинъ казенный...

— Чтò ты, батюшка! Я навѣрное знаю, болѣе семидесяти тысячъ. Она все уплатила, да еще и дѣтямъ даетъ такое воспитаніе, что, право, на рѣдкость. Нѣтъ, признаюсь, я очень рада, что Софьюшка съ нею дружна. У ней есть чему понаучиться. Эта ужь не промотаетъ попустому. Да что ты, батюшка, не играешь? Сядись, доигрывай. У васъ, кажется, партія начата. А мы съ Анютою пойдѣмъ. Я думаю, моя горенка не занята?

— Всегда готова для васъ, тѣтушка.

— Ну, такъ я пойду, отдохну. Переломало всю отъ этой дороги. А ты вели намъ чаю туда подать, Мавра Даниловна.

Петръ Алексѣевичъ подалъ руку тѣтушкѣ, и оба вышли. Мавра Даниловна проворно побѣжала въ дѣвичью.

Представьте же себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ произвести верховой, который прискакалъ въ деревню Вѣры Дмитріевны въ то самое время, когда пріятельницы, въ дружескомъ разговорѣ, сидѣли на диванѣ, въ той самой гостиной, гдѣ незадолго передъ тѣмъ мы видѣли Вѣру Дмитріевну съ Маврою Даниловною, и гдѣ недавно еще такъ часто сиживалъ общій знакомецъ нашъ, Илашевъ. Первые минуты свиданія, даже и между друзьями, бываютъ часто принужденныя; разговоръ не вяжется, какъ-будто душа не имѣла силы вдругъ разорвать привычки дремать подъ свѣтскій говоръ, которую приняла въ бесѣдѣ съ посторонними. Но подъ вечеръ, когда нѣсколько часовъ никѣмъ-непрерываемаго разговора разбудятъ прошедшее, и сердце отвернется для довѣренности, бесѣда становится живѣе, откровеннѣе. Это называется у Французовъ переломить льдинку; здѣсь эта льдинка, по нѣкоторымъ причинамъ, была крѣпче обыкновенной. Но Вѣра Дмитріевна была такъ любезна, весела, мила, что льдинка наконецъ изломилась. Софья Павловна предалась очарованію, которое всегда умѣла на нее наводить прекрасная вдова; она слушала ее и тайно упрекала себя, для чего не въ ея силахъ было платить полною довѣренностью за нѣжную дружбу этой очаровательной женщины. И въ это-то самое время вдругъ говорятъ: «тѣтушка пріѣхала и не приказала пріѣзжать».

— Не приказала пріѣзжать! вскричала Софья Павловна. — На языкѣ тѣтушки это значитъ: вѣкъ тебѣ не прощу, если не пріѣдешь.

— Но это невозможно, Софѣ! На Шумѣйкино ѣхать нельзя: тамъ прорвало плотину, а на Иваново—ты и днемъ насилу пріѣхала на Варгинской-Горѣ. Тутъ очень-дурно.

— Да что же дѣлать? Ты знаешь тѣтушку, да и Петръ Алексѣичъ станетъ сердиться. Ты знаешь, какъ онъ уважаетъ ее.

— Скажи лучше, какъ боится, чтобъ она не лишила Аниоту наслѣдства.

— Да тамъ что бы ни было, а онъ разсердится, если я не покажу вниманія тѣтушкѣ.

— Какъ хочешь, а я тебя не пушу. Напишешь тѣтушкѣ, что я просто заперла твоихъ лошадей.

— Но, еще рано, Вѣра, в мѣсяцъ. Нѣтъ, лучше ѣхать. Спросимъ кучеровъ, можно ли будетъ пріѣхать.

— Я знаю, и они скажутъ, что невозможно.

Послали; но кучера сказали: «какъ не пріѣхать! по такой ли дорогѣ ѣзжали». Должно было рѣшиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, вечеръ былъ чудесный; заря ярко догорала на западѣ, между тѣмъ, какъ на чистой синевѣ востока яснѣе и яснѣе рисовался еще непол-

ный кругъ мѣсяца, общія свѣтлую, прекрасную ночь. Но... судьба не захотѣла наградить ни родственной привязанности, ни супружеской покорности Софьи Павловны. Уже она проѣхала Иваново, уже видны были на горѣ варгинскія медьницы. Вотъ длинный носогорь иъ оврагу, на днѣ котораго мостъ—какіе только встрѣчаются на проселочной дорогѣ и то въ этомъ только уѣздѣ, по словамъ Татьяны Васильевны. Лакеи соскочили, идутъ по обѣ стороны коляски. Колеса скользятъ по сырой дорогѣ; кузовъ перегнулся на сторону. «Не выйдти ли?» спрашиваетъ въ испугѣ Софья Павловна. — Ничего-съ! кричатъ и кучеръ и лакей, подпирая плечомъ коляску, и въ эту минуту колесо въ рывтвину и коляска на бокъ. Горничная летитъ черезъ барыню, за нею дорожный мѣшокъ, шкатулка, подушка. Кучеръ Богъ-знаетъ гдѣ... Къ счастью, лошади стали какъ вкопанныя, и только переднія перепутались въ постромкахъ.

Къ-счастью... да, точно, потому-что Софья Павловна отдѣлалась однимъ испугомъ; ушиблись горничная и кучеръ, но послѣднему было не до ушиба: онъ думалъ о будущемъ наборѣ... Но вотъ бѣда: коляска, представьте! колесо разсыпалось такъ, что и думать нельзя ѣхать. Будь это блаженный тарантасъ, еще бы, можетъ-быть, какъ-нибудь уладили, и то какъ? Кругомъ ни прута дѣся, а у кучера въ запасѣ ни веревки, ни ножа. Что прикажете дѣлать? Софья Павловна совершенно пришла въ отчаяніе. Мѣсяцъ покойно катился по небу, разливая кругомъ серебряныя волны свѣта, какъ-будто-бы и не случилось несчастія съ коляскою Софьи Павловны; куда ни посмотришь, безконечная степь тянется однообразна и пуста, только бѣдное перекачи-поле, свернувшись, катится невѣдомо куда. Кучеръ стоялъ повѣся голову; одинъ лакей потрогивалъ то свернувшійся на бокъ кузовъ, то изломанное колесо, другой вѣжливо помогалъ Парашѣ отряхаться. «Что же станемъ дѣлать?» сказала наконецъ Софья Павловна.

Кучеръ вдругъ какъ-бы проснулся и бросился въ ноги къ Софьѣ Павловнѣ, говоря умоляющимъ голосомъ:

— Не погубите, матушка, Софья Павловна! Я ей-Богу, я...

— Да встань, Бога-ради, что мнѣ до тебя? Надобно что-нибудь придумать.

— Да развѣ ужь прикажете сѣздить въ Варгину, сказалъ одинъ лакей, который занимался коляскою.

— Къ кому же тамъ?

— Къ Чижевымъ-съ; у нихъ можно взять для васъ дрожки-съ или что другое.

— Да чему же быть у Чижевыхъ? Это бѣдные люди, и потому онъ больной; какъ ихъ беспокоитъ! Спросите лучше у крестьянъ, хоть телегу; мнѣ все равно.

— Помилуйте, матушка, какъ телегу! сказалъ кучеръ.—Спросимъ у Чижевыхъ дроги; у нихъ есть новенькія.

— Ну, что-нибудь, да только скорѣе. Далеко ли это?

— Недалеко-съ. Такъ, съ версту, вотъ за горкой.

— Такъ поскорѣе же, и форейторъ поскакалъ.

Долго еще въ степи видѣлась черная тѣнь, долго слышался конскій топотъ. Наконецъ, все пропало.

Преприятное время для размышленій, еще лучше для мечты, особенно мечты влюбленныхъ. Блѣдный свѣтъ мѣсяца и звѣзды надъ пустынной степью... но... но мечтала ли въ это время или нѣтъ Софья Павловна, мы этого не знаемъ, только ей казалось, что форейторъ ужасно долго не возвращается, что въ степи невообразимо-холодно, что ужасно будетъ, если придется такъ ночевать; она начинала уже сердиться, какъ вдругъ раздался далекий гулъ, топотъ лошадей... стукъ колесъ. Вотъ видна въ дали черная масса... приближается. Это экипажъ. Вотъ отдѣлился верховой, ближе, ближе, подѣхалъ и скокъ съ лошади...

— Простите, Софья Павловна; я былъ въ деревнѣ въ то время, когда человекъ вашъ пріѣхалъ къ Чижову. Меня ужаснула мысль, что вы одни, въ это время, въ степи... можетъ-быть, ушиблись? Я не могъ оставаться тамъ...

— Вы, Леонтій Андрѣичъ, у Чижова? Какъ это могло случиться?

— Очень-просто. У меня здѣсь есть крестьяне; одинъ изъ нихъ порубилъ ногу, и я пріѣхалъ съ лекаремъ, узналъ, что блѣдный старикъ Чижовъ болѣнъ и вошелъ къ нему... Я привезъ къ вамъ дроги Чижова. Не прогнѣвайтесь, какія случились. Но вы не ушиблись?

— Нисколько.

— И вы не тантесь?

— Боже мой! Для чего же?

— Такъ вы доѣдете на этихъ дрогахъ до Чижова? Тамъ все семейство уже ожидаетъ васъ. Между-тѣмъ, я послалъ за своею коляскою. Это недалеко. Если вамъ только будетъ угодно взять ее?

— Вы очень-добры, Леонтій Андрѣичъ. Особенно теперь, смотря на эти дроги, трудно отказаться отъ вашей коляски. Однакожъ, поѣдемте. Это прелесть, что за дроги. Въ нахъ, мнѣ кажется, усядутся десять человекъ. Это что-то совершенно-новое...

Софья Павловна, Параша, горничная ея, и Илашевъ уселись въ длинныя, старинныя дроги. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ этомъ экипажѣ и въ самой поѣздкѣ было что-то совершенно-новое для Софьи Павловны. Она смѣялась какъ ребенокъ; Илашевъ не отставалъ. Длинные дроги, между-тѣмъ, катились по гладкой степи, и вотъ, наконецъ, деревня.

Чижовъ былъ одинъ изъ тѣхъ помѣщиковъ съ пятью или десятью душами, о которыхъ мы говорили, упоминая объ Иваньковѣ. Такихъ помѣщиковъ, какъ мы сказали уже, было много и не въ одномъ Иваньковѣ. Это былъ человекъ лѣтъ подлѣ шестидесяти, съ семьєю, состоящею изъ пяти дочерей и двоихъ сыновей,

изъ которыхъ одинъ учился въ гимназическомъ пансіонѣ на казенный счетъ, а другой еще у приходскаго дьякона. Теперь представьте себѣ небольшую комнату, съ двумя огромными печами, отъ которыхъ пышетъ жаромъ. Въ простѣнкѣ между ними соломенный диванъ, выкрашенный черною краскою; такія же кресла по обѣимъ сторонамъ и круглый столъ почти въ половину комнаты, на которомъ поставлено нѣсколько блюдицекъ съ вареньемъ, постилою, мочеными яблоками, и двѣ сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Въ отворенныя двери въ столовую видѣнъ огромный кипящій самоваръ на столѣ, накрытомъ синею скатертью; старшая дочь хозяина разливаетъ чай. Передъ нею съ большимъ подносомъ одинъ изъ лакеевъ Софьи Павловны. Хозяйка въ безпрерывномъ движеніи, то выбѣжить изъ комнаты, то присядеть на кончикъ стула, то потчуетъ вареньемъ, то извиняется, что заставила Софью Павловну человѣка послужить и подать чай; двѣ старшія дочери хозяйки, закутанныя въ большіе платки, не уступаютъ маменькѣ въ суетливости, и то—и—дѣло выбѣгаютъ то къ сестрѣ, то въ комнату больнаго; трое дѣтей, довольно-запачканныхъ, выглядываютъ изъ дверей. Посреди всей этой тревоги, Софья Павловна за столомъ, на соломенномъ диванѣ, одна покойна, тиха, нѣсколько блѣдна, но хороша живымъ чувствомъ, которое блеститъ въ глазахъ ея, хороша своей неподдѣльной веселостью, и, можетъ-быть, счастьемъ, которое какъ-бы своевольно напросилось въ ея душу. Подлѣ нея — Илашевъ, любезенъ и веселъ, какъ только бывалъ когда-нибудь въ самыхъ блестящихъ гостинныхъ.

Но Софья Павловна заботится о больномъ. Докторъ выходитъ изъ его комнаты. Еслибы хозяйка и не успѣла еще рассказать, по какому случаю и врачъ, и Илашевъ были въ ея домѣ, то Софья Павловна угадала бы это по словамъ доктора, который относился къ одному Илашеву, отдавая ему отчетъ о состояніи больнаго. Нѣтъ, ни докторъ, ни Илашевъ здѣсь не случайно. Леонтій Андреевичъ нарочно для больнаго привезъ его изъ города. Хозяйка говоритъ со слезами о благодѣтельномъ поступкѣ петербургскаго сосѣда, прибавляя: «ужь подлинно видно, что знатный; наши куда! и знать бы не захотѣли...»

Какой вечеръ, Софья Павловна! какъ онъ не похожъ на тѣ скучно-этикетные вечера, которые вы проводите въ вашихъ богатыхъ залахъ. Этотъ бѣдный домикъ, это угощеніе, это подобострастіе къ ней, знатной гостьѣ, для которой забываютъ даже самого больнаго, и наконецъ, самая новость положенія, одной въ этомъ незнакомомъ домѣ, гдѣ все смотритъ какимъ-то другимъ вѣкомъ, гдѣ равнаго себѣ она видитъ одного Илашева... Все это такъ странно, такъ увлекательно для нея.

Однако, коляска Илашева готова; но уже десять часовъ; мѣсяцъ скоро сядетъ, а еще восемь верстъ ѣзды, и дорога подъ дубомъ очень-дурна, говорятъ. Илашевъ боится отпустить Софью

Павловну одну; она позволить ему проводить ее верхомъ, хотя только за деревню?

Давно проѣхали дурное мѣсто; дорога, гладкая какъ лента, вьется по степи; Илашевъ ѣдетъ возлѣ коляски, повторяя безпрестанно кучеру: тише! Одною рукою удерживаетъ опъ лошадь, которая рвется впередъ, другою по временамъ опирается на край коляски и, наклонясь къ спутницѣ, то слушаетъ, то говоритъ. Лучъ мѣсяца скользитъ по смуглому лицу его; черныя кудри, вырываясь изъ-подъ фуражки, блестятъ синеватыми отсвѣтами; глаза какъ-то чудно-хорошо говорятъ; никогда еще Софья Павловна не находила Илашева столько прекраснымъ, никогда, можетъ-быть, и онъ не испытывалъ еще чувства, подобнаго тому, которое теперь наполняло его душу; для Илашева была не новость положеніе, въ которомъ онъ теперь находился: молодъ, хорошъ, любезенъ, онъ былъ нѣсколько избалованъ женщинами и никогда, однакожь, не встрѣчалъ ничего подобнаго Софьѣ Павловнѣ. Такъ чисто, такъ истинно сіяло чувство въ голубыхъ глазахъ ея; такъ просто-душно слышалось оно въ каждомъ звукѣ ея голоса, такъ измѣняло себя въ каждомъ взорѣ, въ каждой улыбкѣ. Это была женщина, которой было чуждо кокетство, или рассчитанное преступленіе — женщина, которая могла бы забыть себя для любимца души своей и измѣнить для него завѣтнымъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ, но женщина, которая пришла бы въ ужасъ отъ одной мысли о подобномъ паденіи...

О чемъ говорили они? я думаю, что этого не пересказала бы и сама Софья Павловна, хотя этотъ разговоръ врѣзался неизгладимыми чертами въ ея душу. Можетъ-быть, этотъ разговоръ очень-мало значилъ бы для другихъ, но Софья Павловна напоминаетъ его еще и теперь, когда внѣшняя жизнь оставляетъ ее на минуту самой-себѣ, или когда внутренній голосъ, заговоря посреди свѣтской суетливости, поглощающей жизнь, напоминаетъ ей, что душа проситъ другой жизни, другой пищи. Когда случается, что она долго и тихо плачетъ въ саду, въ любимой бесѣдкѣ своей, или на балѣ, смотря на пестрыя толпы, вдругъ задумается, какъ-бы унесясь въ другой міръ, тогда она припоминаетъ этотъ разговоръ... Должно, однакожь, отдать ей справедливость и сказать, что это случалось съ ней все рѣже и рѣже...

Но что жъ было въ этомъ разговорѣ? что? Спросите, какія слова выговариваютъ цвѣты, когда теплый полуденный вѣтерокъ ласкаетъ ихъ блестящія чашечки и эти стоголовые тычинки съ такою нѣгою склоняются къ открытымъ пестикамъ; что шепчотъ рѣзвая стрекоза, кружась на берегу рѣчки около розоваго кипрейника, къ которому прильнула ея подруга? Вы слышали ль ихъ рѣчи, поймали ли хотя одинъ звукъ? Между-тѣмъ, смотрите: вотъ оба насѣкомыя уже надъ лугомъ, кружатся, вьются, блестятъ въ зенитѣ изумрудными крыльями, и вотъ пропали изъ вида... Такъ, есть минуты, когда душа не имѣетъ нужды въ словахъ, ко-

гда слова становятся только тѣнью, убавливающей осторожность. Тогда, вмѣсто ихъ, говорить взоръ, мертвый для всего окружающаго, сосредоточенный только въ другомъ взорѣ; тогда говорить голось, эта музыка души, понятная только для другой, одинаково настроенной; тогда говорить самый воздухъ, разделяющий два существа, соединенныя одною мыслию...

Но вотъ уже коляска у крыльца; тогда только, когда изъ-за садовой роши засверкали огоньки въ барскомъ домѣ, молодые люди вспомнили, что дорога хороша и что Софья Павловна можетъ доѣхать безопасно и одна...

— Это все ты виновата, Петръ Алексѣвичъ, говорила Татьяна Васильевна, сидя за ужиномъ въ большихъ креслахъ, на обыкновенномъ мѣстѣ хозяйки. Софья Павловна, только-что прѣхавшая, сидѣла между ею и Аниотою, нѣсколько поодаль отъ стола; легкій румянецъ игралъ на щекахъ молодой женщины. Хотя она и казалась разсѣянною или утомленною, но, можетъ-быть, болѣе-внимательный наблюдатель прочелъ бы въ ея разсѣянности не усталость, не слѣды испуга, а ту тихую задумчивость, которую оставляетъ счастье. — Посмотри на Софьюшку, продолжала Татьяна Васильевна. Какъ она устала, бѣдная! Зачѣмъ было посылать за нею? и тебѣ, Софьюшка, какъ вздумалось ѣхать ночью по здѣшнимъ дорогамъ?

— Какъ же было не ѣхать, тѣтушка, когда я узнала, что вы здѣсь? Могла ли я лишиться себя удовольствія видѣть васъ?

— Велико удовольствіе! Будто бы не увидѣлись завтра. Спасибо еще этому, какъ его, все забываю, камер-юнкеру-то: что бы ты сдѣлала безъ его коляски, одна-одинѣхонька, въ степи!

— Что жъ, тѣтушка, доѣхала бы на дрогахъ.

— Ахъ, матушка! спаси Боже! на дрогахъ восемь верстъ! да есть отъ чего Богу душу отдать. Я воображаю себѣ, что это такое дроги чижовскія: я думаю, что твоя телега. Мнѣ разъ случилось проѣхать на телегѣ,—у насъ тоже изломалась карета—и то только версты три, не больше, да я была больна цѣлую недѣлю.

— Матушка, да вѣдь какое здоровье-то ваше, замѣтила Мавра Даниловна.—Ужъ объ васъ что и говорить!

— Бабушка, а я такъ очень люблю ѣздить въ дрогахъ, сказала Аниота.—Особенно, когда едутъ много...

— Да, въ паненькиныхъ или моихъ дрогахъ. Посадила бы я тебя въ чижовскія. Вѣдь еще хорошо, Софьюшка, что ты собралась къ Вѣрѣ Дмитревнѣ почевать; а то бы, я думаю, и дѣвушки съ собою не вала. Вѣдь вы, модныя, нынче все такъ. Говорятъ, изъ Москвы въ Петербургъ ѣздитъ теперь безъ дѣвки. Вотъ мы такъ встарину, бывало, на версту одинъ не поѣдемъ. Да я и теперь даже и въ городъ—все съ собой дѣвку. Да вотъ, на этакой случай все лучше, какъ не одна.

— Когда изъ насъ ѣздитъ одинъ, тѣтушка?..

— Ахъ, матушка! всегда одиѣ. Вамъ дѣвка точно будто лишняя. Да, я думаю, и впрямь бываетъ иногда лишняя. Это, конечно, не о тебѣ, Софьюшка.

— Помилуйте, тѣтушка! да вѣдь всегда же лакеи тутъ.

— Э, матушка! дѣвка все какъ-то лучше. Вотъ я люблю Вѣру Дмитревну. Ни на шагъ одна. Или Мавра Даниловна, или кто другой, а ужъ все кто-нибудь съ нею да есть.

— Матушка, ужъ ей нельзя безъ того. Вдовье дѣло, ни отца, ни брата, а извольте-ка посмотрѣть: вѣдь на нее всѣ точно змѣи шипятъ.

— Зависть, мой другъ, Мавра Даниловна: это Господь въ испытаніе ей посылаетъ.

— Полноте, тѣтушка, что за испытаніе! сказалъ Петръ Алексѣвичъ: — я очень люблю Вѣру Дмитревну; она хорошая намъ знакомая, но надобно правду сказать, иногда она и сама виновата.

— Что, чай кокетка, скажешь? Я за Вѣру Дмитревну головой, батюшка, поручусь. Да хоть бы и такъ, такъ что за бѣда?..

— Никакой, тѣтушка, я совершенно этого мнѣнія.

— Да, точно никакой. Она вдова, свободна. Вотъ нехорошо, какъ замушнія-то глазки продаютъ первому встрѣчному. А ей что? Я первая сказала бы: поди, матушка, замужь.

— Вѣра не пойдетъ замужь, сказала Софья Павловна, какъ-будто величиваясь только въ послѣднія слова.

— Гдѣ ей! она деревенщина, моднаго свѣта не знаетъ. Дѣти, видите. А кто же нынче думаетъ о дѣтяхъ?

— Тѣтушка, покушайте осетринки, вчера мнѣ свѣжаго осетра привезли. Кажется, хороше. И ботвинья тоже не дурна, съ хрѣномъ...

— Охъ, батюшка, на ночь боюсь. Развѣ только отвѣдать. Я нынче такъ стала слаба, что изъ-рукъ-вонъ.

— И вѣдь ничего не кушаете, матушка, это еще хуже, прибавила Мавра Даниловна съ видомъ сердечнаго сокрушенія. Между-тѣмъ, старушка наполнила тарелку осетриной съ ботвиньей.

— Ахъ, вотъ память! сказала она:—хотѣла спросить, да и забыла. Правда ли это—вотъ, Софьюшка, ты должна это знать, говорить, что будто... какъ его? сосѣдъ-то вашъ? да, Илашевъ... женится?

— На комъ это? спросилъ Петръ Алексѣвичъ.

Софья Павловна пристально смотрѣла на старуху, которая, казалось, хотѣла проникнуть до глубины души ея своими будто безъ намѣренія бросаемыми взглядами.

— Ты не слыхала, Софьюшка?

— Вы видите, тѣтушка, что о такихъ вещахъ, если что и есть, то не говорится. Я ничего не слыхала.

— Я думала, что онъ отъ тебя не потаится... потому-что женится, говорятъ, на твоей родственницѣ, на дочери будущаго нашего губернатора.

— На Лидію!.. но она такъ молода.

— Этого быть не можетъ, сказала Петръ Алексѣевичъ.—Князь написалъ бы къ намъ.

— Можетъ-быть, онъ и писалъ Софьюшкѣ; но такъ-какъ у нихъ положено молчать, то она и не говорила тебѣ.

— Отъ меня она не потаила бы.

— Э, батюшка! это по старинѣ. Нынѣче говорятъ, что и благородно даже открывать мужу тайны своихъ друзей.

— Мы, тѣтушка, съ женою живемъ по-старинному, сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—У нея отъ меня тайны не можетъ быть.

На лицѣ Петра Алексѣевича изображалось неудовольствіе.

— Развѣ ты не видишь, что тѣтушка шутить? сказала Софья Павловна, и потомъ, наклонясь къ старухѣ, вкрадчиво продолжала: — не правда ли, другъ мой?

Старушка мигнула однимъ глазомъ въ знакъ того, что поняла намѣреніе Софьи Павловны, и развеселясь продолжала: — а ужъ ты сейчасъ и вспылить радъ. Эхъ, вы, мужья! Извольте не имѣть отъ нихъ секретовъ!

— Это, тѣтушка, въ-слѣдствіе моды же?

— Нѣтъ, батюшка, по нашему, по старинному: чужой тайны у насъ нѣтъ отъ мужа, а своихъ—не прогнѣвайтесь. Кому охота на себя бѣду накликасть! Ты что, Анюта, уткнула голову въ тарелку да слушаешь? У дѣвушекъ, знаешь, уши золотомъ завѣшены.

— Я, бабушка, не слушаю.

— Или тебѣ завидно, что люди женятся? Погоди, и до тебя очередь дойдетъ.

— Ахъ, бабушка, другъ мой. А дѣ-было совсѣмъ съ горя погибла...

— Да, скажите, тѣтушка, откуда вышло это извѣстіе? сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—Князь еще не пріѣхалъ, да и будетъ ли губернаторомъ, не извѣстно.

— Навѣрное, батюшка. А объ этой свадьбѣ весь городъ знаетъ. Максимъ Степановичъ, и вы, я думаю, слышали, продолжала она, обращаясь къ одному изъ гостей.

— Я слышалъ точно-съ. Изъ Петербурга пишутъ-съ, и, кажется, очень-вѣрные люди. Впрочемъ, если Петру Алексѣвичу объ этомъ не писали, то можно сомнѣваться...

Не смотря на то, что Анюта казалась совершенно-покойною за ужиномъ, извѣстіе Татьяны Васильевны очень ее встревожило. Возвратясь въ свою комнату, она позвала Парашу, горничную Софьи Павловны, Агашу, и другихъ еще кое-кого, пользовавшихся ея особеннымъ расположеніемъ, и спрашивала, не слышали ли че-

го отъ людей Илашева о петербургской невѣстѣ. По справкамъ оказалось, что слышали отъ Якова, илашевскаго кучера, будто точно есть невѣста; но что Иванъ Федоровичъ, камердинеръ Илашева,—очень-хорошій человекъ и такой модный,—не говоритъ ни того, ни сего, а видно, что и онъ что-то знаетъ. Анюта говорила и съ Агаѣею Ивановною; та подтвердила извѣстіе бабушки изъ слова въ слово, и притомъ искусно давала чувствовать барышнѣ, чтобъ она выкинула изъ головы лишнюю дрянъ и не противилась тѣтушкѣ, которая и спитъ и видитъ отдать ее за Ладошина.

— Господи Боже мой! сказала при этомъ Анюта: — да я и ни за кого не хочу. Что мнѣ въ замужствѣ? Еслибъ покойная маменька была жива, она подумала бы обо мнѣ; а теперь кому нужно мое счастье? хоть бы уже оставили меня въ покоѣ, а то мучать своими попеченіями и каждый думаетъ только о себѣ. Анюта горько заплакала, а Агаѣя Ивановна начала представлять, что грѣхъ ей сомнѣваться въ «бабенкѣ», которая только для нея и живетъ.

Мы знаемъ уже, что сердце бабенки очень лежало къ Ладошну. Конечно, мысль отдать внучку за придворнаго, въ первую минуту, можетъ-быть, и польстила самолюбію Татьяны Васильевны; но, какъ женщина съ здравымъ смысломъ, она скоро разочла, что это дѣло едва-ли сбыточное, потому-что ея триста душъ, хотя и незаложенныхъ, не могли быть значительною приманкою для человека, какъ Илашевъ, а сердечнымъ склонностямъ бабенка не очень вѣрила. Да еслибъ и предположить, что дѣло точно возможно, но какая въ немъ дѣйствительная-то польза? Илашевъ, будучи на такой хорошей дорогѣ и привыкнувъ къ петербургской жизни, конечно, не захочетъ остаться въ деревнѣ; а что же за выгода Татьянѣ Васильевнѣ въ томъ, что внучка будетъ важною дамою въ Петербургѣ, за полторы тысячи верстъ отъ нея, или еще улетѣть съ мужемъ за границу? Вотъ иное дѣло, еслибъ Илашевъ остался въ деревнѣ, тогда Татьяна Васильевна могла бы рассказывать пріятельницамъ: «Смотрю, ѣдетъ чудесная англійская карета; думаю: кто бы это? кажется, у здѣшнихъ такой ни у кого нѣтъ. Вдругъ, поворачиваютъ на дворъ: ахъ, матушка, говорю, своихъ не признала. Вѣдь это моя камер-юнкерша!» или въ соборѣ, на примѣрѣ, въ царскій день: Татьяна Васильевна идетъ, а передъ нею внучекъ въ шитомъ мундирѣ: «посторонитесь, посторонитесь!» или въ собраньи... Но можно ли этого ожидать? станеть ли онъ угождать старухѣ изъ-за трехъ-сотъ душъ, и то въ перспективѣ? Ладошинъ — другое дѣло. Хотя у него есть состояніе, но не такое же, чтобъ онъ могъ пренебрегать тремя-стами душами. Этотъ станеть и по церквямъ, и по собраніямъ ѣздить съ бабушкою, и ручки целовать, и свѣжей икры достанеть, и по дѣламъ ноѣдетъ; на этого, при случаѣ, можно и кричать. Нѣтъ, что ни говори, а всякій благоразумный человекъ согласится, что съ Ладошинымъ больше существенной пользы. За него Анюту, за него!—Анюта была дѣвушка не глупая; нерѣдко приходило ей въ голову, что ее

Т. III. — Отд. I.

любить потому только, что надобно же кого-нибудь любить, и отдаютъ имѣнне потому, что надобно же кому-нибудь его отдать; и что было ей до того? Любили ли, нѣтъ ли, но вѣдь дарили, старались доставлять удовольствіе, какъ умѣли, а въ-слѣдствіе и правила, что всегда дарятъ и забавляютъ тѣхъ, кого любятъ, и не въ правду по любви, что до этого? Теперь хотѣли отдать ее за мужъ и дать приданое, положимъ, изъ какихъ-то видовъ; что же за бѣда? Анютѣ очень хотѣлось замужъ; жить въ деревнѣ, с мачихою, съ которою у ней ничего не было общаго, въ вѣчно зависимости отъ всего, что окружаетъ ее, — несносно. То дѣло замужемъ! свой домъ, свой выѣздъ; надѣла что хочешь купила что вздумала; принимаешь кто нравится. Потомъ... есть же человѣкъ, который насъ любитъ, который обязанъ пешись нашемъ счастіи, который дорожитъ нашимъ взглядомъ, нашею ласкою, страшится огорчить насъ... и наконецъ, самостоятельности дѣти... Давно уже все это сообразила Анна Петровна; конечно другая прибавила бы еще къ этой картинѣ—одиночество, жизнь безъ цѣли, жизнь ни для кого ненужную... Но Анна Петровна рѣдко вдавалась въ эти отвлеченности. Она была очень-рада, когда бабушка указала ей на человѣка, котораго она и безъ того готова была выбрать. Потомъ, вдругъ вмѣшался въ дѣло папенька съ другимъ женихомъ. Вѣрная первой любви, Аня сперва должна была поплакать, но потомъ, какъ покорная дочь, рѣшилась повиноваться долгу, не прерывая, на всякій случай, сношеній съ Лалошинымъ. Была, однакожь, минута, когда она рѣшилась-было сказать ему, что все кончено между ними; но въ это самое время нѣкоторыя обстоятельства, обратившія вниманіе проникательной дѣвушки, заставили ее подумать, что, полно, не въ одномъ ли родительскомъ сердцѣ Петра Алексѣевича, безъ малѣйшаго соучастія Илешева, созрѣла мысль объ этой свадьбѣ? Въ-слѣдствіе такого заключенія, Аня отложила объясненіе съ Лалошинымъ и стала замѣчать.

Открытіе бабушкою петербургской невѣсты зашекетало самолюбіе Аняты, которое все еще по-временамъ нашептывало воображенію дѣвушки о петербургскихъ дворцахъ и придворныхъ балахъ, но не нашло ея врасплохъ. «Что же?» сказала она: «я всегда и душѣ своей любила одного Владимира; я готова была повиноваться; но мнѣ дорого стоило бы забыть его. Можетъ-быть, даже не перенесла бы этого. Теперь я свободна и могу надѣяться, что папенька, наконецъ, умилюствится и соединитъ насъ.» Картина Бѣлой Залы Зимняго-Дворца, великолѣпно-освѣщенной, и бархатный кокошникъ, вышитый брильянтами, блеснули-было въ воображеніи молодой дѣвушки; но это было на одно мгновение — какъ молнія, какъ минутный возвратъ болѣзни, уже уступающей быстрому возвращающемуся здоровью. Дѣвушка съ сточескою твердостью умѣла скрыть этотъ возвратъ отъ самой-себя, заключила гартонъ въ сердцѣ вздохъ, который вырвался-было изъ груди, и на дру

гое утро рѣшилась идти къ бабушкѣ, чтобъ робкимъ признаніемъ любви къ милому Владиміру склонить ее дѣйствовать рѣшительнѣе въ ихъ пользу. Кто знаетъ! можетъ-быть, самолюбіе дѣвушки болѣе, чѣмъ всѣ другія причины, побуждало ее къ этому поступку. Какъ бы то ни было, а она была оскорблена поведеніемъ Илашева. Онъ не могъ не замѣтить заискиваній Петра Алексѣевича и отвергъ ихъ. Если же не онъ, то свѣтъ замѣтилъ ихъ, и ей нужно было теперь показать и Илашеву, и свѣту, что если эти заискиванія и существовали, то это было безъ ея согласія, въ-слѣдствіе тиранической воли отца, и въ самое то время, когда она умирала отъ любви къ Ладошину.

Анюта подошла уже къ дверямъ бабушкиной комнаты, когда она слышала голосъ Татьяны Васильевны, которая говорила очень громко.—Вѣдь я тебя знаю не съ сегодня, Петръ Алексѣичъ. Ты спишь, и видишь влѣзть въ знатное родство. Будь голъ, какъ окологъ, да придворный, такъ ты радъ и самъ идти въ приданое за очерью.

— Анюта сдѣлала знакъ горничной, чтобъ молчала, и приложила ухо къ дверямъ, потому-что Петръ Алексѣевичъ отвѣчалъ такъ тихо, что почти нельзя было слышать.—Что вы говорите, тѣтушка, сказалъ онъ:—могло бы относиться къ какому-нибудь выскочкѣ, а мы съ вами и сами довольно-старинные дворяне, и, кажется, когда пользовались уваженіемъ, такъ я не знаю, право, изъ чего вамъ такъ гоняться за придворными.

— Батюшка! знаемъ мы, что такое старинное дворянство, отвѣтила Татьяна Васильевна:— вотъ у насъ и князь старинный русский князь, да служить засѣдателемъ. Знатенъ тотъ, на кого солдатою свѣтитъ, да денегъ много. Да не въ томъ дѣло, а въ томъ, что ты взялся не за свое. Гдѣ вамъ, мужчинамъ, дочерей выдавать? За это дѣло не берутся не спросясь, да не посовѣтовавшись. Ты похитрилъ, а вѣдь вышло же наружу. Сказали добрые люди и мнѣ старухѣ; думаю, что дѣлать? жаль Анюту... да что же мнѣ? жаль и тебя самого. Всегда любила васъ: такое ужъ глупое дѣло. Ну, писать въ Петербургъ, развѣдывать, вотъ и узнала.

— Я, право, не понимаю, тѣтушка, съ чего все это взялось. Какъ-нибудь сметливы выдумали, вотъ и пошла тревога. Я приняла Илашева, какъ сосѣда, и почему же не принимать? Развѣ только и принимаютъ, что жениховъ? Какъ-будто молодые люди только за тѣмъ и ѣздятъ, чтобъ высматривать невѣсты!

— Нѣтъ, молодые люди не только за этимъ ѣздятъ къ старымъ бабамъ, нѣтъ.

— Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать; Илашевъ денегъ у меня не просилъ; жена моя...

— Сдѣлай милость, батюшка, не примѣшивай тутъ Софьюшки. Люблю ее какъ дочь родную и вѣрно ужъ не я скажу что-нибудь объ ней дурное. Дай Богъ, чтобъ ты жалѣлъ ее, какъ я. Если бы была недовольна женитьбою своею, то это потому, что мнѣ

было жаль ея: она слишком-молода для тебя... Да полно сидеться-то; я вижу, что ты кусаешь губы...

— Тётушка!

— Не горячись, батюшка, а подумаемъ лучше, какъ пособитъ горю. Вѣдь не заставишь всѣхъ молчать. Всѣ говорятъ, что ты ловилъ Илашева и что онъ насмѣялся надъ тобой.

— Ну, тётушка, признаюсь вамъ, что если кто и осмѣялся это сказать, то это меня мало трогаетъ. Кто говоритъ? Ваша городская сволочь, которая каждый праздникъ обиваетъ у меня порогъ? или ваши уѣздныя дворянки? Не безпокойтесь; завтра кликните ихъ на обѣдъ, и всѣ слетятся съ поклонами.

— Тамъ какъ хочешь, а для дѣвушки нехорошо.

— Для моей дочери? — Ничего.

— Однако...

— Такъ что же вамъ угодно, тётушка?

— Да мнѣ кажется, что лучше было бы, еслибъ ты меня послышала и отдала ее за Ладошина.

— Ну ужъ, тётушка, этого не будетъ! Посудите сами: какъ отдать за мальчишку, негодая, который даже и не служитъ нигдѣ.

— Все это вздоръ; будутъ деньги, будутъ и чины.

— Это могло быть прежде, тётушка.

— Полно, батюшка, недалеко мы ушли отъ старины. Что? вѣдь токъ что ли не берутъ, или чиновъ лежатъ на боку? Посмотри, если вашъ Илашевъ не схватитъ чина за то, что здѣсь собакъ гонялъ.

— Оставимте Илашева, прошу васъ. Я вамъ скажу одно и последнее слово: сколько бы я ни желалъ вамъ угодить, но за Ладошина Анюты никогда не отдамъ.

— Ну, такъ и я тебѣ скажу мое последнее слово: Анюта будетъ за Ладошинымъ, или я продаю завтра же свое имѣніе.

— Какъ вамъ угодно, тётушка. — И Петръ Алексѣевичъ, который во все продолженіе разговора былъ истинно-великъ въ своей кротости, вышелъ въ сильномъ волненіи. Анюта, которая при послѣднихъ словахъ успѣла спрятаться за ширмы, тотчасъ по ухоту отца бросилась къ бабушкѣ вся въ слезахъ.

Можете себѣ представить, каковъ былъ обѣдъ въ домѣ Сарашевыхъ. Татьяна Васильевна на свѣтъ Божій не глядѣла и дѣйствительно ничего не ѣла; Петръ Алексѣевичъ сначала показывалъ, что рѣшительно не сохранилъ никакого неприятнаго впечатлѣнія отъ утренняго разговора; но потомъ, видя расположеніе тётушки и покраснѣвшіе отъ слезъ глаза Анюты, которая сидѣла потупивъ голову и также ничего не ѣла, съ каждою минутою сердился болѣе и болѣе. Софья Павловна, какъ нерѣдко случается съ женщинами, когда сердце ихъ истинно страдаетъ, одна сохранила свой обыкновенный характеръ и казалась даже веселѣе обыкновеннаго. Къ-счастью, нѣкоторые сосѣди, пріѣхавшіе къ обѣду, ничего не замечая, ѣли каждый за двоихъ, и помогали ей своимъ равнодушіемъ прикрыть странное расположеніе хозяйки.

За то, послѣ обѣда, Петръ Алексѣевичъ, взбѣшенный до крайности, разбилъ Анюту, разбилъ чашку съ кофеемъ и велѣлъ собираться въ отъѣзжее поле, въ—слѣдствіе чего Софья Павловна замѣтила, что тѣтушка можетъ оскорбиться его отъѣздомъ. Петръ Алексѣевичъ вышелъ изъ себя, сказалъ женѣ, что она только и знаетъ, что ему прекословить, что она создана для его мученія, и попросилъ ее замолчать и убираться къ тѣтушкѣ, если она такъ дорожитъ ею.

XVII.

Впрочемъ, горячность Петра Алексѣевича была нѣсколько—извинительна. Софья Павловна точно была не права. Охота, на которую собирался Петръ Алексѣевичъ, была не внезапною какою—нибудь мыслию: онъ давно уже условился съ нѣкоторыми сосѣдними помѣщиками выѣхать поохотиться за русаками, какъ это обыкновенно случалось каждую осень; только на этотъ разъ они ѣхали не болѣе, какъ дня на три, на четыре. А какъ Татьяна Васильевна пріѣхала не на короткое время, то отъѣздъ Петра Алексѣевича и не могъ показаться страшнымъ. Но Софья Павловнѣ не хотѣлось оставаться одной съ тѣтушкою; вотъ почему ей и вдувалось удерживать мужа.

На этой охотѣ долженъ былъ находиться Илашевъ и большая часть сосѣднихъ помѣщиковъ, за исключеніемъ Ладошина, который дня за три до того уѣхалъ въ городъ по дѣламъ и не возвращался еще. Сѣздъ былъ назначенъ къ шести часамъ у Кортомина, откуда все вмѣстѣ должны были отправиться въ Юнгоровку, деревню Петра Алексѣевича, гдѣ назначалась временная резиденція охотниковъ. Отданы были приказанія, чтобъ приготовить помѣщеніе для собакъ и отвести избы для охотниковъ и псарей; отправили поваровъ, вина и другую провизію; повѣстили десятскихъ, чтобъ сбили народъ для облавы; охотники располагались почевать въ деревнѣ, чтобъ съ зарею выѣхать въ поле. Между тѣмъ, Петръ Алексѣевичъ, которому, можетъ—быть, хотѣлось показать тѣтушкѣ и другимъ, что вниманіе его къ Илашеву основано не на какихъ—нибудь личныхъ видахъ для дочери, и потому не могло измѣниться отъ извѣстій, привезенныхъ тѣтушкою, при всѣхъ отдавъ приказаніе послать нарочнаго къ Илашеву, чтобъ напомнить ему обѣщаніе его заѣхать къ нему и потомъ вмѣстѣ отправиться къ Кортомину. Посланный, однакоже, скоро воротился вмѣстѣ съ парочнымъ Илашева, который ѣхалъ въ Сергіевское съ письмомъ отъ барина. Леонтій Андреевичъ писалъ, что онъ, къ большому своему сожалѣнію, долженъ отказаться отъ охоты по причинамъ, которыя предполагаетъ объяснить при свиданіи.

Итакъ, темный осенній вечеръ, спустясь надъ Сергіевскимъ, засталъ въ гостиной Сарапаевыхъ одно семейное общество, и то

только женщины. Татьяна Васильевна сидѣла на своей подушкѣ, въ большихъ креслахъ, у стола, и раскладывала гранпасьянсъ; Анюта возлѣ нея съ какою-то работою; по другую сторону Мавра Даниловна, въ очахъ и съ вѣчнымъ чулкомъ; напротивъ Софья Павловна, за пальцами. Всякій, кто хотя мимоходомъ взглянулъ бы на этихъ четырехъ особъ, сказалъ бы, что ишь, вѣроятно, было бы лучше, еслибъ онѣ могли разойтись по разнымъ угламъ: такъ казались принужденными и разговоръ ихъ, и положеніе. Софья Павловна говорила почти одна; она относилась то къ тѣтушкѣ, то къ Маврѣ Даниловнѣ, то къ Анютѣ. Но тѣтушка отвѣчала односложно и по-временамъ бросала бѣглый, но пронизательный взглядъ на молодую женщину. Мавра Даниловна, при всякомъ покушеніи Софьи Павловны ввести ее въ разговоръ, вопросительно взглядывала на Татьяну Васильевну; но, не находя никакого отвѣта въ ея глазахъ, устремленныхъ въ разложенныя карты, въ совершенномъ невѣдѣніи, что дѣлать, рѣшалась отдѣлываться однимъ молчаніемъ или самыми незначительными отвѣтами. Анюта довольствовалась тѣмъ, что обращала на мачиху большіе голубые глаза свои, какъ-будто спрашивая съ удивленіемъ, почему именно сегодня относятся къ ней съ разговоромъ. Софья Павловна рѣшительно не знала что дѣлать. Въ душѣ ея тѣснилось столько чувствъ, въ головѣ столько мыслей, что одно постоянное усиліе казаться веселою и могло поддержать ее. Одна минута слабости, одно мгновенное возвращеніе на самое-себя, одинъ взглядъ въ глубину души — и твердость ея исчезла бы, и съ трудомъ удерживаемыя чувства овладѣли бы душою, и тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неукротимѣе, чѣмъ болѣе были стѣснены. Въ обществѣ постороннихъ и совершенно-чуждыхъ происшествіямъ, занимавшимъ семейство, положеніе ея было бы сносно: тамъ она нашла бы силы въ той условной веселости, въ той выученой безпечности, которую люди приносятъ съ собою въ свѣтскую гостиную; но здѣсь, гдѣ каждый видимо былъ занятъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, гдѣ самое молчаніе вызывало обращеніе къ самому-себѣ, Софья Павловна рѣшительно потерялась бы, еслибъ улыбка Татьяны Васильевны и ея косвенные взгляды, которые, казалось, искали проникнуть въ глубину души молодой женщины, не напоминали ей необходимости наблюдать за каждымъ своимъ движеніемъ.

Измученная, растерзанная, уничтоженная, она возвратилась въ свою комнату послѣ ужина, который былъ только продолженіемъ вечерней пытки. Она расчесала на-скоро свои густые волосы и отпустила Парашу, которая стояла, ожидая приказаній барыни. Параша повиновалась, вышла, но тотчасъ воротилась, подошла къ столу, перебрала какіе-то лоскутки, разбросанные на туалетѣ, робко посмотрѣла на барыню, и опять принялась перебирать. Она казалась смущенною, такъ-что Софья Павловна невольно обратила на нее вниманіе.

— Что тебѣ надобно?

— Мнѣ показалось, что вы изволили спрашивать.

— Нѣтъ, оставь меня. Я стану писать.

Параша поспѣшно поставила на столъ чернилницу, положила перья, бумагу и вышла, бросивъ еще бѣглый взглядъ на туалетъ. Софья Павловна безотчетно слѣдовала глазами за взоромъ любимой горничной и по уходѣ ея подошла къ туалету. Сердце ея разрывалось. Въ первый разъ еще со времени прїѣзда Татьяны Васильевны, Софья Павловна оставалась совершенно одна и могла свободно предаться чувствамъ. Боже мой, какая перемѣна въ душѣ ея! Еще недавно покойная, если не счастливая, она равнодушно смогрѣла въ будущее, и, оканчивая долгій, однообразный день, засыпала, если безъ надежды на завтра, то и безъ страданія, иногда съ одной усталостью... Было время, когда она желала и искала любви, когда стала надѣяться счастья, позволеннаго каждой женщиной — счастья исполнить свое назначеніе, быть супругою и матерью, любить и быть любимою. Тогда дни проходили между надеждою и томительнымъ ожиданіемъ; но это время прошло; давно отказалась она отъ всякой надежды, стараясь въ гордости безупречной жизни найти возмездіе за лишенія сердца, и какъ-будто нашла его. И вдругъ онъ явился. Опять забилось сердце, опять улыбнулось знакомое счастье. Не смѣло встрѣтила она его; боязливо: она не была облечена прекрасными покровами невинности. Но очарованіе его было неодолимо, и она предалась ему, предалась со всею полнотою чувства, со всею до- вѣрчивостію любящей женщины, со всемъ отчужденіемъ отъ всего, что не было этою любовію,—отъ свѣта, отъ общества,—со всею готовностію вступить за нее въ неравную борьбу съ этимъ самымъ обществомъ, сильная только свидѣтельствомъ совѣсти своей и чистотою ея. И что же?.. Обманута? обманута имъ-самимъ, тѣмъ, котораго сдѣлала она своимъ провидѣніемъ, для кого принесла въ жертву и вѣрованія, и убѣжденія, въ комъ заключила все бытіе свое... Понимаете ли вы это? Дурную склонность, порокъ, самое преступленіе,—все это женщина думаетъ простить, прикрыть блестящею призмою любви своей; но оскорбленіе ея сердца, но обманъ... пусть эта свадьба, о которой говорятъ, будетъ одинъ только расчетъ, сдѣлка изъ корысти или честолюбія... Сдѣлка? И... эта дѣвочка, которую она любила, какъ сестру, эта Лидія... онъ обманетъ ее? принесетъ ей сердце, занятое другою?.. А если это сердце никогда не было занято этою другою? Если онъ только шутилъ, игралъ съ ея до- вѣрчивою душою?.. Ужасная, невыносимая мысль!.. А видѣть его въ эту минуту, вывѣдать тайну сердца его, осыпать упреками, уничтожить презрѣніемъ, или... или услышать, что все это клевета, гнусная клевета! За это Софья Павловна отдала бы жизнь свою.

Въ эту минуту глаза ея остановились на корзинкѣ съ работою, которая стояла на туалетѣ. На днѣ ея лежало еще нераспечатанное письмо, котораго она до-сихъ-поръ не замѣтила. Можетъ-быть,

сама она бросила его въ корзинку и потомъ забыла? Она взяла письмо; но рука ея дрожитъ и сердце бьется. Она прочла первую строчку и поспѣшно сжала въ рукѣ бумагу, въ сильномъ волненіи окинула глазами комнату, подошла на-цыпочкахъ къ дверямъ: онѣ плотно затворены и все тихо извнѣ. Она ворочилась къ столу, прижала руку къ груди, какъ-бы думая остановить трепеть сердца, и опять открыла письмо.

«Я знаю все; до васъ дошло извѣстіе о связяхъ моихъ съ княземъ Баксановымъ; вы слышали о невѣстѣ и, быть-можетъ, осудили меня, осудили не выслушавъ. Еслибъ я менѣе зналъ васъ, я подумалъ бы, что вы даже не удостоили меня и осужденіемъ, и теперь, въ эту минуту, смѣетесь надъ притязаніемъ моимъ занять васъ собою хотя на одно мгновеніе. Но я знаю васъ: вы не могли бы указать мнѣ небо, еслибъ я былъ совершенно чуждъ душѣ вашей. Нѣтъ, я вѣрю въ васъ, и эта вѣра мое благо, мое достоиніе: она одна имѣетъ цѣну въ глазахъ моихъ.

«Выслушайте меня. Я долженъ ѣхать, долженъ оставить мѣста, гдѣ встрѣтилъ васъ, гдѣ узналъ, что идеалъ, который воображеніе мое не переставало преслѣдовать посреди свѣтскихъ разочарованій, существуетъ, и существуетъ для моего счастія... О! не сердитесь! Никакія силы человѣческія не отнимутъ у меня увѣренности, что не во снѣ, не въ мечтахъ однихъ были тѣ немногія минуты, которыми вы подарили меня. Не-уже-ли же я долженъ уѣхать унеся съ собою ваше осужденіе? Еслибъ вы захотѣли располагать моею жизнію, я сказалъ бы вамъ: возьмите ее и отдайте мнѣ ваше доброе мнѣніе. Безъ него я не понимаю жизни. Дайте мнѣ возможность оправдаться... скажите да и я благословлю имя ваше, какъ небесную благодать. Чего я прошу у васъ? завтра вечеромъ, когда все уснетъ, позвольте явиться у окна вашего... Я не войду, я не смѣю думать объ этомъ. Нѣтъ, только видѣть васъ сквозь стекло, только услышать голосъ вашъ и унести съ собою воспоминаніе этой минуты, какъ голосъ моего оправданія.»

За минуту передъ тѣмъ, Софья Павловна отдавала цѣлую жизнь, чтобъ видѣть Илашева, чтобъ слышать его оправданіе, или наказаніе своимъ презрѣніемъ. Теперь... вотъ средство... и между-тѣмъ, она съ ужасомъ отступаетъ передъ нимъ. Это роковое «да»... и онъ прійдетъ... видѣть его, одного... условленное свиданіе... Никогда, никогда Софья Павловна не рѣшится на это!

Но онъ уѣдетъ, и она никогда не увидитъ его! Боже мой! сколько различныхъ чувствъ волнуютъ душу ея, и всего явственнѣе сердце слышитъ одно: никогда, никогда не видать его! никогда болѣе не встрѣтить этого взора, проникающаго душу живымъ огнемъ, никогда не слушать звука этого голоса!

Но что же ужаснаго, если она позволила бы ему прійти подъ окно, только подъ окно? Не ребячество ли бояться?.. Вѣдь если онъ въ-самомъ-дѣлѣ любить, отказъ убьетъ его. И какою мысль

оубъ унесеть съ собою о ней-самой? Не покажется ли она ему, въ-самомъ-дѣлѣ, ничтожною кокеткой, которая играетъ любовію и холодно смѣется, когда успѣла увѣрить въ небываломъ чувствѣ?.. Но эта невѣста... онъ ни слова не говоритъ въ опроверженіе; онъ хочеть оправдаться: стало-быть, можетъ?.. Человѣкъ равнодушный многое нашегъ бы въ письмѣ Илашева, что и въ голову не могло прійдти Софѣ Павловнѣ: для нея онъ былъ оправданъ уже. Она быстро пробѣжала мыслью всю жизнь свою отъ самой колыбели: гдѣ было счастье? какими дарами небо искупило право сказать ей: «довольно, теперь все долгу. Въ дѣтствѣ—одно сиротство; въ домѣ князя—обманъ и эгоизмъ; въ замужствѣ...» Она припомнила всѣ вины Петра Алексѣевича: всѣ онѣ возстали передъ нею въ какихъ-то гигантскихъ образахъ. Его вспыльчивость, грубость, отсутствіе всякаго живаго чувства... онъ такъ часто оскорблялъ ея самолюбіе своею неделикатностью, такъ мало понималъ ея сердце, ея душу... И кто здѣсь понимаетъ ее! Не осуждена ли она на вѣчное одиночество? Только одинъ, одинъ понялъ ее, подалъ ей руку съ привѣтомъ любви, и этого одного она должна отвергнуть, оскорбить!

Осуждайте ее какъ хотите, только далеко послѣ полуночи дверь ея тихонько отворилась, и Параша, робко, на-цыпочкахъ, безъ башмаковъ, вошла, остановилась и бросила быстрый взглядъ на постель. Софья Павловна спала отвернувшись къ стѣнѣ. Параша подошла къ столу, осторожно взяла корзинку: тамъ, на мѣстѣ письма, лежала маленькая записочка. Параша взяла ее и проворно спрятала; потомъ тихонько подошла къ лампадѣ, поправила свѣтильню и вышла такъ же осторожно, какъ вошла. Софья Павловна, казалось, ничего не слыкала.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, въ боковой аллеѣ, ведущей къ рошѣ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, только-что встающаго изъ-за роши, можно было видѣть черную тѣнь, мелькавшую между деревьями. Тѣнь быстро удалялась отъ дома и вдругъ остановилась. Тогда изъ-за куста показалась другая, и въ тишинѣ ночи раздался шопотъ.

— Ваня, ты?

— Кому же быть, кромѣ меня, Парашинька; ну, что добренькаго скажешь?

— Что? записка, вотъ на.

— Ахъ, ты моя душечка! не дѣвушка, а золото.

— Ну, полно же; поскорѣе. Чтобъ кто не увидалъ. Слышишь? сторожа проснулись, бьютъ въ доску.

— Пускай себѣ надсажаются, а ты меня поцалуй.

— Ну, до того ли? страхъ какой! И то души нѣтъ. Иди скорѣе.

— Что сегодня больно труслива? А что въ запискѣ? Ты посмотри.

— Запечатана; да я посмотрѣла насквозь; бумага тонка. Только и есть два слова: въ двѣнадцать.

— Будеть съ насъ и этого. Ну, а теперь полно же жеманиться.

Черезъ минуту, обѣ тѣни разошлись въ разныя стороны. Вскорѣ послѣ того, на той же самой боковой дорожкѣ, ведущей къ садовой калиткѣ, показалась третья тѣнь, которая вышла изъ-за куста, недалеко отъ мѣста, гдѣ происходилъ разговоръ, и торопливо пошла къ калиткѣ.

ХVIII.

Вы, конечно, угадали, что эта третья тѣнь, бывшая свидѣтельницею разговора между Парашею и камердинеромъ Илашева, была—Мавра Даниловна. Тайна, которую узнала она изъ этого разговора, не дала во всю ночь сомкнуть глазъ услужливой иваньковской барынь. За то, зря чуть-чуть занялась, а она успѣла уже сбѣгать къ старостѣ, къ десятскому, и еще кое къ кому изъ знакомыхъ мужичковъ; Мавра Даниловна искала, не пойдетъ ли кто на базаръ въ Иваньково: ей нужно было вѣрнаго человѣка, который взялся бы завезти по дорогѣ письмецо въ Кленовку, на барскій дворъ. По счастью, Петруха Лысый, мужикъ трезвый и обстоятельный, какъ-то въ этотъ день дома провозился съ лошадыю ли, на гумнѣ ли, и позапоздалъ, такъ-что Мавра Даниловна успѣла захватить его тогда, какъ другіе всѣ давно уже уѣхали. И то, когда, вся запыхавшись, она прибѣжала ко двору его, старшая сноха вынимала подворотню, а самъ Петруха, забравъ возжи, уже потрогивалъ своего сѣркъ.

Мы желали бы представить здѣсь въ вѣрной копіи письмо, вѣренное Петрухѣ Лысому, чтобъ показать образецъ письменнаго слога иваньковскихъ барынь; но, къ-сожалѣнію, это письмо должно было остаться тайною для всѣхъ, кромѣ особы, которой было назначено. Мы можемъ только сказать, что оно было написано на поллистѣ сѣрой бумаги, изъ той, которую Дарья Лукинична держала для кухни, для бисквитъ и котлетъ въ папильюткахъ, и запечатано сургучомъ, полученнымъ также отъ почтенной экономки, и который употреблялся у нея для запечатыванія кадочекъ съ мочеными яблоками при отдачѣ ихъ ключницѣ. Адресъ, сдѣланный нѣсколько-криво, съ перваго взгляда напоминалъ формою буквъ надпись на китайскихъ ящикахъ. Онъ былъ написанъ такимъ образомъ «Милостивѣйшей государыни ея высококородія, почтеннѣйшей «Вѣри Дмитривни госпоже Кибеевой, собственоручно».

Мавра Даниловна, по отправленіи письма, зашла на минуту въ избу, поговорила съ хозяйшкою и снохами Петрухи Лысаго, обѣ ихъ житьѣ-бытьѣ, скушала ржаную лепешку на маслѣ, только-что вынутую изъ печи, и отправилась на барскій дворъ ожидать про-

бужденія Татьяны Васильевны такъ покойно, какъ-будто-бы и не трудилась такимъ образомъ цѣлое утро на пользу ближняго.

Между-тѣмъ, Петруха Лысый добрался по-легоньку до Кленовки, остановился противъ избы свата и постучалъ въ окно кончи-комъ кнутовища. Окно раздвинулось, и въ отверстіе его выглянула сватья—свать давно уже былъ на базарѣ. Послѣ короткаго разговора, письмо было передано въ окно и тотчасъ же отослано съ парнишкой на барскій дворъ; а Петруха, пожелавъ счастливо оставаться, поѣхалъ далѣе. Вѣра Дмитриевна въ это время только-что просыпалась. Она имѣла привычку читать съ вечера, и потому встала поздно, да и проснувшись, еще довольно-долго лежала въ постели. Она только-что открыла глаза, когда Даша, горничная ея, вошла въ комнату. Вѣра Дмитриевна, нѣсколько-недовольная этимъ безвременнымъ приходомъ, съ неудовольствіемъ обратила на нее глаза, еще отягощенные сномъ; но одинъ взглядъ на позапачканное письмо, которое горничная держала въ рукахъ, разсѣялъ въ одно мгновеніе и неудовольствіе и дремоту прекрасной вдовы. Она поспѣшно взяла письмо, пробѣжала его и положила на столъ съ примѣтнымъ волненіемъ. «Какая ты неповоротливая!», говорила она съ досадою: «поскорѣе, обуваться мнѣ, и капотъ». Даша, видя, что барыня не въ-духъ, торопливо бросилась за чулками, но дѣло не спорилось. Вѣра Дмитриевна сердилась, ворчала и тѣмъ еще болѣе мѣшала горничной. Наконецъ, утренній туалетъ былъ кое-какъ оконченъ. Даша побѣжала исполнить какія-то приказанія барыни, а Вѣра Дмитриевна, оставшись одна, съ безпокойствомъ начала ходить по комнатѣ. На лицѣ прекрасной вдовы изображалась сердечная тревога; казалось, всѣ страсти боролись въ душѣ ея: иногда она задумывалась, но задумывалась такъ, какъ человѣкъ, который въ одну минуту долженъ рѣшиться на что-нибудь, чтобъ избѣжать угрожающей гибели. Потомъ, вдругъ глаза ея опять оживлялись, губы сжимались судорожно; наконецъ, она остановилась; въ глазахъ мелькнула мгновенная радость, и лицо прояснилось, какъ-будто-бы она вдругъ нашла то, чего давно искала. И въ-самомъ-дѣлѣ, она нашла; одна счастливая мысль—и цѣлый планъ родился въ дѣятельномъ умѣ молодой жепщины.

Чего гаятъ? Взаимная любовь Илашева и Софьи Павловны, эта любовь, въ которой теперь не было уже возможности сомнѣваться, какъ образъ совершеннаго преступленія, какъ страшный укоръ совѣсти, отравляла все существованіе Вѣры Дмитриевны. Эта любовь такъ внезапно, такъ неожиданно разрушила всѣ желанія, всѣ надежды ея сердца,—надежды, которыя, по мнѣнію ея, такъ близки были къ исполненію. Давно уже доброе имя Софьи Павловны, уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ и даже богатые наряды, въ которыхъ никогда не отказывалъ женѣ Петръ Алексѣевичъ, тревожили сердце ея пріятельницы; но она скрывала это чувство, прятала его въ самые глубокіе тайники души своей. Когда же Софья Павловна, съ своею скромною наружностью

смиреницы, стала на дорогѣ, по которой съ такою увѣренностью шла прекрасная вдова, когда своею неопытною рукою коснулась цѣли, къ которой такъ давно, съ такимъ стараніемъ шла она, и при ней, въ ея глазахъ, разрушила, уничтожила самую надежду когда-нибудь достигнуть этой цѣли, — тогда негодование ея вышло изъ границъ, и желаніе отмстить, сдѣлалось единственнымъ, преобладающимъ ея чувствомъ. Но отмстить — какъ? О, не бойтесь! Къ-счастію, кипжалъ и ядъ не въ нравахъ нашего общества. Вѣра Дмитріевна прибѣгла къ средствамъ менѣе-энергическимъ и не столько опаснымъ для нея самой. Она вызвала Татьяну Васильевну, надѣясь, что хитрая старуха, уже предупрежденная Маврою Даниловною, легко угадаетъ, что происходитъ въ домѣ и нанесетъ первый ударъ Софьѣ Павловнѣ, разлуча любовниковъ, а потомъ поможетъ ей сорвать съ головы пріятельницы блестящій вѣнецъ доброй славы, которымъ украсило ее спусходительное мнѣніе. Для лучшаго достиженія этой цѣли, она послала къ Сарапаевымъ Мавру Даниловну, какъ домашняго шпиона; но дѣла шли гораздо-скорѣе, чѣмъ думала Вѣра Дмитріевна, и письмо повѣренной ея, присланное, какъ мы сказали, уже съ Петрухою, показывало ясно, что должно было искать рѣшительнѣйшихъ мѣръ. И вотъ, что теперь такъ много занимало Вѣру Дмитріевну. Впрочемъ, тѣ средства, которыя пашла она въ изобрѣтательномъ умѣ своемъ, были очень-просты; но мы лучше сдѣлаемъ, если пойдемъ въ кабинетъ ея.

Вѣра Дмитріевна сидѣла передъ открытымъ бюро, на которомъ было набросано множество писемъ и бумагъ. Десятый томъ Свода Законовъ, заложенный распечатаннымъ письмомъ, лежалъ на толстой тетради во весь листъ, кругомъ исписанной. Хозяйка казалась озабоченною; она дописывала письма, дѣлала конверты, надписывала. Недалеко отъ нея, на стулѣ, сидѣла пожилая женщина, изъ иваньковскихъ, нѣчто въ родѣ Мавры Даниловны. Въ дѣряхъ стояли два человѣка, одинъ въ синемъ суконномъ сюртукѣ, съ умнымъ и сметливымъ взглядомъ, другой, нѣсколько позади, обстриженный въ кружальцо и въ армякѣ.

— Я думаю, что съ ума сойду съ этими дѣлами, говорила Вѣра Дмитріевна, откладывая конвертъ и принимаясь за другой. — Огня мнѣ!

Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ и иваньковская барыня бросились къ туалету, на которомъ стояла восковая свѣча. Иваньковская барыня была однако счастливѣе: ей удалось услужить.

— Что это вы тревожитесь, Варвара Савишна? Благодарствуйте. — Вотъ и еще одно письмо. Теперь осталось только запечатать. Это несносное межеванье! особенно для насъ, женщинъ: гдѣ намъ съ этимъ ладить!

Еслибъ кто-нибудь посмотрѣлъ въ это время на Вѣру Дмитріевну, онъ подумалъ бы, что ее рѣшительно ничто не занимало, кро-

мѣ межеванья. Такъ мало оставалось на лицѣ ея слѣдовъ утренней тревоги.

— Ужь помогай вамъ Богъ, матушка, Вѣра Дмитріевна! отвѣчала иваньковская, повернувъ проворно шерстяной башмакъ, который взяла на продажу.—Другая точно бы, такъ-сказать; а вы, матушка, Вѣра Дмитревна, вы ужь подлинно, такъ-сказать, Вѣра Дмитревна...

— Какъ бы не ошибиться, сказала улыбаясь Вѣра Дмитріевна, и вынула изъ конверта письмо, пробѣжала его и начала запечатывать, продолжая говорить:—миѣ разъ случилось отправить къ мужу моему письмо, писанное къ Щегловой, знаете? съ которою мы были такъ дружны. Ошиблась надписью. Хорошо еще, что у меня секретовъ никогда не бывало. Дмитрій Васильевъ!

Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ выдвинулся впередъ.

— А это еще тамъ кто?

Человѣкъ въ армякѣ встряхнулъ кудрями и пошатнулся, какъ-бы намѣреваясь выступить. Первый отвѣчалъ за него: Степашка-съ, садовникъ.

— Это за чѣмъ?

— Приказывали позвать. Куда-то изволите посылать.

— Господи! да не-уже-ли же никого нѣтъ поумиѣ его?—Наблюдатель замѣтилъ бы, что Вѣра Дмитріевна, говоря о Степашкѣ, смотрѣла въ сторону и вообще казалась удивленною и недовольною, какъ бываютъ удивлены и недовольны актѣры-аматѣры на благородномъ театрѣ. Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ отвѣчалъ:—Дарья Ивановна позвала Степашку-съ.

— Даша всегда глупости дѣлаетъ. Даша!—Она позвонила. Вошла горничная, которая утромъ принесла письмо. Не-уже-ли ты ничего не нашла, кромѣ Степашки?

— Да вы, сударыня, сами... да вѣдь нѣкого-съ. Изволите знать. Василій кучеръ въ кузницѣ, Яшка съ управляющимъ поѣхалъ; Семень...

— Ну ужь ты всегда права! пожалуйста, перестань. Миѣ потому это очень-непріятно, продолжала она, обращаясь къ иваньковской барынѣ:—что Степашку никогда и никуда не посылаютъ, а теперь миѣ надобно послать письмо къ Сарапаевымъ. Туда у меня всегда ѣздитъ Яшка, и знаетъ ужь, какъ и кому что отдать. А этотъ все перепутаетъ... И Богъ-знаетъ, съ чего взялъ этотъ управляющій увести Яшку...

— Матушка, Вѣра Дмитревна, вѣдь я слышала, что вы сами приказали ему взять Яшк... Иваньковская барыня имѣла привычку всегда, что бы она ни говорила, смотрѣть на горничную, или лакея, которые были въ комнатѣ, какъ-бы ища ихъ одобренія. Въ эту минуту, взглянувъ на Дашу, которая стояла у дверей, ведущихъ въ спальную, она замѣтила, что Даша знакомъ останавливается ее, и очень смѣшалась. Вѣра Дмитріевна, какъ-бы не вслушавшись въ

слова ея, продолжала:—Какъ ты думаешь, Дмитрій, съумѣетъ ли онъ сладить съ этимъ? онъ такой глупый.

— Помилуйте, сударыня, какъ не съумѣть. Сказать ему только

— Да, я скажу. Но ты, Дмитрій... мнѣ нужно, чтобъ ты съѣздилъ въ городъ. Возьми эти письма. Вотъ это надобно отдать Ивану Данилычу.

— Слушаю-съ.

— А эти на почту. Отъ Ивана Данилыча мнѣ нуженъ отвѣтъ. Я пишу ему о нашемъ дѣлѣ; попроси его хорошенько отъ моего имени, и спроси, не готова ли та просьба, которую онъ мнѣ обѣщаль. Да, пожалуйста, воротись скорѣе. Нѣтъ, постой; растолкуй хорошенько Стѣпкѣ, какъ ему ѣхать. Знаетъ ли онъ Юнгоровку?

— Помилуйте-съ, какъ не знать. Знаешь, на Зимовки, а тамъ мимо рощи...

— Знаемъ-съ. Не разъ тамъ бывали.

— Ну, да я думаю, тебя посылавалъ Гаврилычъ, къ Ивану Гурьичу, садовнику-то юнгоровскому. Вѣдь онъ пріятель съ нашимъ-то, да никакъ и кумъ еще, сказала иваньковская, которая очень любила вставить словечко въ разговоръ.

— Да знаемъ-съ, нетерпѣливо отвѣчалъ Степанъ.

— То-то же; на Зимовки, а тамъ мимо рощи. Ну, да, если бываеъ, такъ знаешь, мимо рощи...

— Ну, такъ слушай же, перебила Вѣра Дмитриевна, къ большому неудовольствію иваньковской, которая очень любила поучить.

— Вотъ два письма, одно Петру Алексѣичу, а другое Софѣ Павловнѣ. Поѣзжай какъ-можно-скорѣе и отдай въ собственные руки. Петръ Алексѣевичъ теперь въ Юнгоровкѣ: постарайся его застать и отдай какъ-можно-вѣрнѣе. Ну, ступай же скорѣй! прибавила она строго, видя, что Степанъ тряхнулъ опять головой, приготовляясь говорить.—А ты, Дмитрій, расскажи Ивану Данилычу, я въ письмѣ всего не могла описать... И Вѣра Дмитриевна начала объяснять очень-подробно своему повѣренному дѣлу, до котораго намъ нѣтъ никакой нужды, и потому мы умолчимъ о немъ,—потомъ вышла къ старостѣ, долго толковала съ нимъ, и наконецъ, отпусти его, возвратилась въ свой кабинетъ и начала убирать бумаги, говоря съ Варварою Савишною о своемъ межбанѣ, о благодарности своей къ Ивану Данилычу, секретарю уѣзднаго суда, и Петру Алексѣичу, безъ котораго она никакъ не сладила бы съ сосѣдями.

— Вотъ и теперь я писала къ нему о томъ же, сказала она, и вдругъ остановилась въ большомъ безпокойствѣ, какъ-будто-бы вспоминая что-то ужасное.—Господи! сказала она:—что это мнѣ кажется, будто-бы я не сказала Степанкѣ... Дама, Дама!

— Чего изволите?

— Вели скорѣе скакать верхомъ воротить Степанку. Дама бросилась изъ комнаты.

Вѣра Дмитриевна, казалось, была въ большомъ безпокойствѣ.

— Представьте, что я забыла сказать Степашкѣ, чтобъ онъ ѣхалъ съ письмомъ Софьи Павловны въ Сергіевское, сказала она, ходя по комнатѣ. — Это такое несчастіе! проклятыя дѣла! голова у меня такъ смѣшана... Обыкновенно у меня ѣздить Яшка и знаетъ, что писемъ никому не надобно отдавать, кромѣ самой Софьи Павловны, или Параша. Этотъ самъ не догадается; а я, кажется, не сказала ему о Сергіевскомъ. Даша, Даша! что же?

— Уѣхали, сударыня. Серёжка верхомъ поскакалъ.

— Я боюсь, что не догонить. Давно уѣхалъ Степашка?

— Недавно, сударыня.

— Давно ли, матушка, только вышелъ, повторила иваньковская со словъ горничной.

— Вотъ забывчивость! И это все ты, Даша; послала дурака: другой самъ проѣхалъ бы въ Сергіевское.

— Да какъ не проѣхать, сударыня; вѣдь вы изволили сказать, чтобъ отдалъ въ собственныя руки.

— Да вѣдь не о Софьѣ Павловнѣ сказ... замѣтила-было иваньковская, обращаясь къ горничной, но по знаку ея перемѣнила рѣчь: — а мнѣ показалось, что вы изволили сказать, точно, въ собственныя руки...

Вѣра Дмитриевна тревожилась; она ходила отъ окна къ окну; но время летѣло, а Серёжка не возвращался. Наконецъ, вотъ верховой, на дворъ; лошадь вся въ мылѣ... это онъ.

— Бѣги, Даша, узнай, что?

Даша возвратилась, но съ горькою вѣстію: не догналъ. Вѣра Дмитриевна была въ отчаяніи, бранила Дашу и Серёжку: по ея мнѣнію, онъ долженъ былъ ѣхать до самой Юнгоровки. Варвара Савишна не знала, что и дѣлать и чѣмъ успокоить бѣдную Вѣру Дмитриевну.

— Матушка, Вѣра Дмитриевна, говорила она:—да вы все безпокоитесь. Ужь подлинно я не знаю, что это такое. Повѣрьте, Степашка малой не глупый: онъ самъ догадается. Вѣдь его всегда посылаютъ и къ Гурьичу, вотъ и къ намъ...

— Я все стараюсь вспомнить, сказала ли я ему о Сергіевскомъ или нѣтъ, говорила Вѣра Дмитриевна, смотря въ землю.

— Какъ не сказать, сударыня! ужь вѣрно изволили сказать, замѣтила горничная.

— И мнѣ кажется, что вы точно изволили сказать, повторила иваньковская, смотря на горничную.

— Вамъ кажется?

— Вотъ мнѣ помнится: вы изволили стоять на этомъ мѣстѣ, а такъ Дмитрій Васильичъ, а вотъ такъ Степашка. И вы обернулись къ Степашкѣ, да и говорите: «Да смотри же, непременно въ Сергіевское проѣжай и отдай въ собственныя руки, самой Софьѣ Павловнѣ».

— Нѣтъ, Варвара Савишна, это вы такъ только меня успокоить хотите.

— Стану ли я вамъ лгать, матушка! Господи твоя воля! да изъ чего же это бы мнѣ, да и зачѣмъ же?..

Между-тѣмъ, день почти прошелъ, и Степашка не возвращался, что, казалось, подтверждало слова Варвары Савишны. Въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ Степашка не могъ самъ догадаться, наконецъ, и проѣхать въ Сергіевское? Ему давно надобно было бы возвратиться, еслибъ онъ не поѣхалъ туда. Вѣра Дмитриевна въ-самомъ-дѣлѣ начала беспокоиться.

хх.

Скажемъ ли нѣсколько словъ объ Илашевѣ? Что значило письмо его, и какъ вздумалось писать любовное письмо ему, свѣтскому человѣку, да еще и пропитать его риторикой? Не-уже-ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ влюбленъ, слѣдственно, въ состояніи, чрезвычайно-расположенномъ къ иперболамъ, или писалъ такъ потому, что писалъ къ провинціалкѣ, и зналъ чѣмъ поправиться? Наконецъ, что значилъ этотъ отъѣздъ и эти толки о невѣстѣ? Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, тутъ была какая-нибудь невѣста?

Говорятъ, будто-бы прежде отцы, по корыстолюбивымъ видамъ, или чтобъ поддержать фамильные гербы, тамъ, гдѣ гербы могли имѣть какую-нибудь цѣпу, соглашались между собою женить дѣтей своихъ, предоставляя имъ право повиноваться безропотно, или плакать сколько душѣ угодно, если выборъ не по сердцу. Это положеніе породило не одинъ презанимательный романъ. Съ Илашевымъ было что-то подобное, хотя, къ-несчастью, романъ его, можетъ-быть, и не покажется занимательнымъ. Только здѣсь тираномъ былъ не отецъ, а собственная воля героя. Илашевъ былъ изъ стариннаго дворянства, но такъ-какъ и отецъ его, и дѣдъ вѣчно жили въ деревнѣ, или служили въ губерніи, то семейство его не имѣло ни связей, ни знакомства въ большомъ свѣтѣ. Состояніе у нихъ было прекрасное, но отецъ Илашева, по странной безпечности, почти проигралъ довольно-значительную тяжбу и оставилъ сыну не болѣе восьми-сотъ душъ, однакожь безъ долга. Молодой человѣкъ былъ честолюбивъ и дѣятеленъ; онъ скоро понялъ, что, слѣдуя примѣру отца, онъ можетъ прожить въ деревнѣ и покойно, и счастливо, но не выйдетъ въ люди. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, нашелъ тамъ какихъ-то родныхъ, вступилъ въ службу и началъ сорить отцовскими деньгами. Говорятъ, что надобно только умѣть желать, а счастье за умѣющаго. Видно, Илашевъ дѣйствительно зналъ эту науку. Служба ему посчастливилась; онъ не считалъ себѣ еще и тридцати лѣтъ, а занималъ уже хорошую должность и былъ камер-юнкеромъ, а это много значило для человѣка, у котораго не ворожила ни одна бабушка. Зато Илашевъ попалъ въ большой свѣтъ и былъ принятъ довольно-хорошо. У него была карета, хорошенькая квартира на Морской; онъ игралъ

въ большую игру, не боялся ни лотерейныхъ, ни концертныхъ билетовъ, самъ пѣлъ, и очень-пріятно, бывалъ на музыкальныхъ вечерахъ у княгини Е., у графини В., и одѣвался съ неоспоримымъ совершенствомъ. Правда, имѣніе было заложено въ казнѣ и въ частныхъ рукахъ; но что до этого? Кто хочетъ многое имѣть, тотъ многимъ и рискуетъ. Между-тѣмъ, Илашевъ не пренебрегалъ и своею тяжбою, которая приняла, по его старанію, совсѣмъ-другое направленіе.

Между многими знатными домами, гдѣ былъ представленъ Илашевъ, онъ былъ принятъ въ домъ князя Баксанова—того самого, у котораго воспитывалась Софья Павловна. Князь, какъ мы знаемъ, былъ богатъ, въ связяхъ и на хорошей дорогѣ по службѣ. У него были двѣ уже взрослые дочери. Илашевъ, который отъ времени до времени присматривался и къ богатымъ невѣстамъ и къ батюшкамъ, на которыхъ можно было бы опереться на скользкомъ паркетѣ придворныхъ залъ, замѣтилъ не безъ удовольствія, что его принимаютъ у князя съ особенною любезностью. Въ высокой своей житейской мудрости онъ безъ труда сообразилъ, что для него будетъ не безвыгодно войти въ родство съ такимъ домомъ, и началъ прилежно посѣщать князя. Исканія его были приняты благосклонно, такъ-что въ цѣломъ городѣ заговорили о помолвкѣ Илашева. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ представленъ какъ женихъ молодой княжнѣ и получилъ ея слово; только по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ князь не хотѣлъ объявлять о помолвкѣ и отложилъ свадьбу на годъ. Княгиня на этотъ годъ уѣхала съ невѣстою за границу, а Илашевъ отправился съ порученіемъ въ губернію.

Въ это-то время Леонтій Андреевичъ явился въ сосѣдствѣ Вѣры Дмитріевны. Вы находите, можетъ-быть, что отношенія его къ прекрасной вдовѣ были нѣсколько-безнравственны въ его положеніи? Я думаю, что онъ и самъ не сталъ бы спорить. Это былъ одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, въ которыхъ любятъ каяться и раскаиваться. Не то, чтобъ Илашевъ былъ какимъ-нибудь Ловеласомъ; нѣтъ, Ловеласы невозможны въ наше время и при нашихъ нравахъ. Намъ недосугъ, да и лѣнь терять столько времени и трудовъ для того только, чтобъ приобрести благосклонность женщины, какъ бы ни была прекрасна эта женщина. Однакожъ, Илашевъ былъ и не изъ такихъ, которые готовы отворотиться отъ счастья, когда оно само идетъ къ нимъ на встрѣчу. Прекрасная женщина, въ какомъ бы состояніи ни была она, всегда имѣла цѣну въ глазахъ его и право на его вниманіе, особенно, если эта женщина такъ снисходительна и любезна, какъ Вѣра Дмитріевна. Впрочемъ, любовь къ прекрасной сосѣдкѣ, если можно назвать этимъ именемъ чувство Илашева, не могла быть опасною для его невѣсты, потому-что совершенно подчинялась разсудку и, смотря по обстоятельствамъ, была страстна, възыскательна, холодна и стремительна. Другое дѣло — Софья Пав-

ловна. Конечно, Вѣра Дмитриевна была... какъ-бы сказать увлекательнѣе своей пріятельницы; но, благодаря рассказамъ услужливыхъ друзей, красота ея очень-недолго сохраняла настоящую цѣну въ глазахъ Илашева, такъ-что эта побѣда, въ послѣдствіи времени, очень уже посредственно льстила самолюбію господина камер-юнкера, а это много значить въ подобныхъ дѣлахъ. Къ тому же, Вѣра Дмитриевна занималась какими-то матримоніальными притязаніями, что показалось даже смѣшнымъ Илашеву. Принять эту женщину, еслибъ она пошла къ нему на встрѣчу, съ сердцемъ, очищеннымъ отъ прежнихъ заблужденій безграничною къ нему любовію; подать ей руку, когда она обратила бы къ нему страстный, умоляющій взоръ; наконецъ, осчастливить ее искрою любви, бѣдною платою за бездну самоотверженія — это ужъ такъ и быть; можетъ-быть, къ этому-то и шелъ господинъ камер-юнкеръ путемъ, имъ избраннымъ; но на бѣду или на счастье прекрасной вдовы, онъ встрѣтилъ на распутии Софью Павловну. Мы видѣли, что онъ обратилъ на нее вниманіе потому только, что ему на нее указали; но она должна была возбудить его любопытство. Илашевъ хвалился, что зналъ хорошо женщинъ; онъ, какъ самъ говорилъ, изучилъ ихъ во всѣхъ возможныхъ отгѣнкахъ кокетства; даже, думаю, могъ бы классифицировать ихъ, какъ классифицируютъ раковины или букашекъ, и конечно пріобрѣлъ бы славу не хуже какого-нибудь Ламарка или Бланвиля, еслибъ только захотѣлъ привести въ систему свои глубокія свѣдѣнія по этой части; но Софья Павловна, какъ показалось ему, отличалась отъ всѣхъ извѣстныхъ ему типовъ. Въ ней нашелъ онъ то, что начиналъ уже почитать баснею прежнихъ вѣковъ, какимъ-то философскимъ камнемъ нашего времени: истинное чувство и неподдѣльную чистоту нравовъ. Онъ не спрашивалъ, что такое была эта чистота нравовъ, — слѣдствіе ли твердыхъ правилъ, посѣянныхъ воспитаніемъ и добрыми примѣрами, или случайность, можетъ-быть, плоть уединенной жизни, можетъ-быть, гордости или даже отсутствія соблазна; дѣло было въ томъ, что Софья Павловна дѣйствительно была чужда порока, что имя ея до-сихъ-поръ проносилось въ обществѣ съ уваженіемъ, подобающимъ женщицѣ безувречной; что въ чистомъ взорѣ ея отражалось все ея прошедшее, свѣтлое, ясное какъ повѣсть младенческой жизни. И эта женщина любила его, его перваго вводила въ святилище души своей, въ немъ одномъ искала счастья, которое такъ щедро общаетъ намъ жизнь въ дни нашей молодости!.. Прибавимъ къ этому, что Софья Павловна была дѣйствительно хороша, и, что еще болѣе, соединяла въ себѣ условное изящество формъ, котораго съ такою разборчивостью ищетъ избалованный вкусъ. Ея плечи, маленькая ножка, руки какъ на рафаэлевой картинѣ, — все это удивительно говорило въ общему раженію и придавало ей, посреди ея провинціальной гостиницы, видъ знаменитости, низведенной рокомъ. Мудрено ли, послѣ этого, что Илашевъ нашелъ ее образцомъ совершенства? Мы вообще любимъ

преувеличивать опасность, которую одолѣли, и достоинства женщины, которой нравились: это возвышаетъ собственное наше достоинство. Илашевъ, послѣ вечера, проведеннаго съ Софьею Павловною въ степи, былъ увѣренъ, что открылъ сокровище, рѣдкій цѣтокъ, какой еще никогда не поражалъ взоры знатока: подлинно, было отъ чего закружиться головѣ! Но Илашевъ былъ человѣкъ опытный, привычный; ему смѣшно было бы позволить себѣ закружиться отъ женщины, какъ какому-нибудь новичку. Илашевъ нашелъ только достойнымъ себя оцѣнить, понять эту женщину и заняться ею; иначе это было бы неблагодарностію за любовь такого милаго созданія. Теперь, сидя передъ каминомъ и вдыхая запахъ благовонной сигары, онъ любилъ развивать въ воображеніи своемъ маленькій романъ, который судьба приготовила ему въ глухой степи, гдѣ ждалъ онъ одной скуки. Онъ улыбался, слушая мысленно милый лепетъ любви, принимая робкія ласки прекрасной провинціалки, посвященной имъ въ тайну счастья. Иногда обращался онъ мысленно на прошедшее, гдѣ представлялась ему Вѣра Дмитриевна раздраженная, въ слезахъ... Въ одно утро, когда, занимаясь такимъ образомъ, онъ съ особенною любовію ласкалъ своей степной романъ, вошедшій камердинеръ подалъ ему связку писемъ, привезенныхъ съ почты.

Илашевъ положилъ письма на столъ и началъ распечатывать одно за другимъ, продолжая курить. Камердинеръ стоялъ въ дверяхъ.

— Ты... ѣхалъ на Сергіевское? спросилъ Илашевъ, развертывая письмо.

— На Сергіевское-съ.

— Петръ Алексѣичъ уѣхалъ вчера же?

— Уѣхалъ-съ, только очень не въ духѣ-съ.

— Не въ духѣ? Что же это? Илашевъ дѣлалъ всѣ эти вопросы не переставая читать и съ такимъ видомъ, который показывалъ, что отвѣты очень-мало его интересуютъ.

— Извольте знать, что у нихъ тѣтушка, Татьяна Васильевна-съ, пріѣхала изъ города, отвѣчалъ камердинеръ. — Говорятъ, что Петръ Алексѣевичъ повздорилъ съ нею за барышню, Анну Петровну.

— А!

— Да еще-съ... Татьяна Васильевна изволила привезти вѣсти, которыя не очень понравились Петру Алексѣичу.

Илашевъ перевернулъ страницу, поправилъ сигару, и спросилъ безъ всякаго вниманія: — Что же это?

— Да она сказывала, что будто у васъ въ Петербургѣ есть не-вѣста-съ.

— А! такъ вотъ что, сказалъ Илашевъ улыбнувшись и поправить сигару. — Что же Петръ Алексѣевичъ?

— Богъ-знаетъ-съ. Прасковья Васильевна... извольте знать гор-ничную-съ...

— Знаю, знаю. Я думаю, что и вѣсти отъ нея?
 — Помилуйте-съ; я, кажется...
 — Ну, что же, Прасковья, какъ?..
 — Васильевна-съ... говорить, что баринъ очень гнѣвается, избилъ Гришку, разбилъ барышню, а барыня всю ночь проплакала.

— И есть отъ-чего, когда мужъ бѣсится...

Илашевъ вдругъ остановился; письмо, которое онъ распечаталъ въ это время, привлекло все его вниманіе. Оно было отъ князя Баксанова, будущаго его тестя.

Князь увѣдомлялъ, что жена его возвращается изъ-за границы и просилъ его пріѣхать къ нимъ въ полтавскую деревню, гдѣ все семейство пробудетъ нѣсколько недѣль. Князь прибавлялъ, что очень желаетъ пріѣзда Илашева, который почитаетъ тѣмъ болѣе «возможнымъ», что дѣла по порученію его должны скоро кончиться, какъ сказывали ему въ министерствѣ.

Женясь хотя и не по любви, мы принимаемъ на себя обязанность дѣйствовать какъ влюбленные; а какой влюбленный не бросилъ бы в дѣла и деревню, чтобъ летѣть къ невѣстѣ! Но дѣла, деревня, все это остается довольно-легко; Софья Павловна же... вотъ съ этимъ какъ быть? Илашевъ отпустилъ знакомъ камердинера и началъ ходить скорыми шагами.

Странное дѣло! только теперь онъ понялъ, что Софья Павловна была ему гораздо-дороже, чѣмъ онъ думалъ. Чѣмъ болѣе разсѣвдалось первое впечатлѣніе, произведенное на него письмомъ князя, чѣмъ ровнѣе и тише началъ биться пульсъ его, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, какъ глубоко вѣзалось въ сердце его чувство, которымъ онъ думалъ, можетъ-быть, шутить. Онъ видѣлъ, что ему тяжело будетъ разстаться съ милою провинціалкою, тяжело будетъ отыскать каждую свободную минуту находить образъ ея въ своемъ воображеніи, тяжело отказаться отъ надежды... зачѣмъ же отъ надежды? скажемъ лучше, отъ тихаго счастья, съ которымъ онъ свыкъся въ послѣднее время, счастья видѣть ее, ловить взоръ ея, который въ одно и то же время и ищетъ и убѣгаетъ его, однимъ словомъ, брошеннымъ въ незначущій, общій разговоръ, поселитъ тревогу или радость въ этой послушной душѣ, знать, что его ждутъ, что считаютъ минуты его отсутствія, что издали еще завидятъ его, пахъ его, ее первую привѣтствовать взоромъ и чувствовать трепетъ сердца при ея приближеніи, — словомъ, счастья пожить нѣсколько минутъ молодостью и для ея легкихъ бредней...

Болѣе всего тревожила Леонтя Андреевича мысль, что Софья Павловна узнала о его помолвкѣ. Подобное извѣстіе должно было привести въ ужасъ ея чистую, любящую душу. Онъ глубоко задумался; въ головѣ его тѣснилось много мыслей; вдругъ одна счастливая, какъ свѣтлая искра, мелькнула, и длинная цѣпь происшествій, легко, игриво развилась въ его воображеніи. — Что же? сказалъ онъ:—еще все можетъ уладиться, и даже къ лучшему. Тамъ

ко нужно уговорить Софью Павловну увидѣться со мною безъ свидѣтелей; обстоятельства вынуждаютъ подобную просьбу съ моей стороны: развѣ не должно искать возможности оправдаться?—это будетъ не трудно, если только я увижу ее. Вѣдь я не зналъ ея, когда обязался словомъ съ княжною... а тамъ... письмо князя ничего не значить; развѣ не могутъ задержать меня дѣла службы, собственные, наконецъ болѣзни?..

Всего труднѣе будетъ уговорить Софью Павловну на это свиданіе, и какъ уговорить? гдѣ видѣть ее? Разумѣется, всего удобнѣе было бы ѣхать къ ней; но прошу покорно пріѣхать при тѣтушкѣ, и еще къ оскорбленной, въ душѣ оскорбленной провинціалкѣ, которая непременно облечется солидностью и, въ чувствѣ своего достоинства, поставитъ себѣ за долгъ удалить всякую возможность не только объясненія, но и разговора! Да не будь и этого, есть ли средство сказать хотя два слова при тѣтушкѣ, которой присутствіе неотвратимо, какъ судьба, при Анютѣ,—при какой-нибудь Маврѣ Даниловнѣ, которая высматриваетъ каждый шагъ хозяйки? Всего лучше — писать. Оно опасно, но неизбѣжимо въ провинціи.

И онъ сѣлъ писать.

XX.

Ладошинъ возвратился изъ города въ тотъ самый день, когда Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ на охоту, но возвратился уже очень поздно вечеромъ. Его встрѣтили извѣстіемъ о пріѣздѣ Татьяны Васильевны, которая прислала къ нему нарочнаго просить повидаться съ нимъ. Подобное предложеніе совсѣмъ было непротивно Владиміру Григорьевичу, и онъ вѣрно отправился бы съ зарею въ Сергѣевское, но съ нимъ пріѣхалъ изъ города исправникъ; а какъ господинъ-исправникъ особенно любилъ сливянку, которую превосходно дѣлала экономка Владиміра Григорьевича, то отпустить его безъ обѣда было невозможно. За то тотчасъ послѣ стола, къ крыльцу подали дроги исправника и за ними тарантасъ хозяина.

Татьяна Васильевна, по обыкновенію своему, сидѣла въ гостиной у круглаго стола, на которомъ лежали двѣ разсыпанныя колоды картъ. Татьяна Васильевна только-что окончила какой-то гранпасьянсъ, который, вѣроятно, выиграла, потому-что она была весела и улыбалась пріятно. Ладошинъ въ креслахъ вошелъ нея. Анюта и Софья Павловна, по-прежнему,—одна на диванѣ съ работою, другая за пальцами. Мавра Даниловна съ чулкомъ у печки; у самыхъ дверей управляющій Татьяны Васильевны, едва держась на кончикѣ стула и вытянутый въ струнку.

— Слышите, Савелій Яковлевичъ, говорила Татьяна Васильевна, обращаясь къ своему управляющему.—Вотъ какъ хозяйева-то! Греча вся обмолочена и ужь въ сусѣкахъ.

Управляющій всталъ.

— Я ничего не скажу противъ Савелія Яковлевича, продолжала Татьяна Васильевна: — но онъ слишкомъ-слабъ, а мужики тако народъ, что строгость съ ними необходима. Это дѣтляи; дай имъ потачку, такъ они и своего не запашутъ... Садись, Савелій Яковлевичъ.

— Вашему Савелію Яковлевичу хорошо, сказалъ Ладонинъ. — Ему остается только исполнять ваши приказанія; вы сами все видите, все знаете.

— Нѣтъ, батюшка; куда ужъ мнѣ теперь! Прежде, точно, я лю была хозяйство, и знала-таки кое-что; а теперь гдѣ ужъ мнѣ! Я стара и слаба стала. Не повѣрите, какъ слаба! Знаете, иногда проснусь поутру, такъ съ постели встать силы нѣтъ.

— Это не старость, Татьяна Васильевна. Какія же ваши дѣла а вы всегда были сложенія слабого...

— Нѣтъ, съ-молоду я была здорова. У меня такой заботливый характеръ, Владиміръ Григорьевичъ, а вѣдь это хуже старости. Конечно, за себя мнѣ нечего Бога гнѣвить. Да вотъ эти сокрушили (она указала на Анюту). Чтѣ дѣлать! своихъ дѣтей Богъ не далъ, такъ объ этихъ сокрушаюсь.

— Хорошо, Татьяна Васильевна, когда есть о комъ сокрушаться, да хорошо, когда есть кому по насъ потужить. А вотъ извольте-ка на меня посмотрѣть: вѣдь круглый сирота!

— Какъ жалко! сказала Татьяна Васильевна, засмѣявшись. — И вродлинну сирота!

— Ни отца, ни матери, ни роду, ни племени.

— Ахъ, батюшка! жѣнитесь, такъ и будетъ и родъ и племя, осмѣлилась вымолвить Мавра Даниловна, выдернувъ сницу и поправивъ очки.

— Ахъ, еслибъ вашими устами да медъ пить, Мавра Даниловна! Душою бы радъ, да гдѣ невѣсты взять? Вотъ вы не пойдете хоть бы постарались за меня,—такъ и того не дѣлаете.

— Слышишь, Мавра Даниловна! А что бы не пойдти? Подумайка, сказала Татьяна Васильевна. — Женихъ хорошій, и съ состояніемъ; противиться же тутъ некому.

— Какъ некому, матушка? сказала Мавра Даниловна, которая всегда умѣла кстати поддержать шутку. — Дѣти не отдадутъ.

— Не отдадутъ? Ну такъ что жъ? Владиміръ Григорьевичъ и увезетъ, а добрые люди помогутъ. Представь, Софьюшка, что недалеко отъ насъ—вотъ Савелій Яковлевичъ сказывалъ,—въ Выпозовѣ, крестьянская дѣвка убѣжала отъ отца съ какимъ-то парнемъ и обвѣнчалась; вѣдь это рѣдкость. Вотъ все говорить, что въ ихъ быту любви не бываетъ.

— Какъ можно, чтобъ не было! сказала Софья Павловна, которая, какъ казалось, слышала только послѣднія слова тѣтушки.

— А у насъ, бабушка, сказала Анюта: — такъ безъ позволенія никто не идетъ замужъ. Папенька самъ всегда долженъ назначить кого за кого отдать.

— Это отъ-того, что папенька твой любить вмѣшиваться не въ свои дѣла. Вотъ вы знаете, Савелій Яковлевичъ, какъ у насъ свадьбы дѣлаются. Да мы и не знаемъ ничего, какъ они тамъ сходятся. Вотъ у меня недавно вдовецъ сосватался съ невѣстою черезъ подѣлку послѣ смерти первой жены, пришелъ просить: дѣловая, говорить, пора приходить. Ахъ, батюшка! говорю я: вѣнчайся, если совѣсть не зазритъ.

— А что же дѣлать, сказалъ Ладошинъ. — Онъ зналъ, что ему пужна помощница. Вотъ, посмотрите! нашъ предсѣдатель гражданской палаты, какую Богъ далъ ему помощницу.

Татьяна Васильевна захохотала. — Этакой ты злой!

— Помилуйте, гдѣ тутъ злость? онъ человекъ очень-занятой; бѣдный проситель прійдетъ съ посильною благодарностью — его и не пускаютъ къ нему. А помощница какъ-тутъ; она женщина чувствительная и прійметъ.

Татьяна Васильевна находила, что Ладошинъ чрезвычайно-любезенъ, и смѣялась отъ всего сердца. Между-тѣмъ, пріѣхали еще кое-кто изъ сосѣдей; подали самоваръ. Разговоръ сдѣлался оживленнѣе.

Самоваръ былъ поставленъ на ломберномъ столѣ, разложенномъ противъ боковаго дивана. Анюта разливала чай. Человекъ разносилъ чашки и стаканы на большомъ подносѣ. Многіе изъ присутствующихъ подходили сами къ столу, брали булки, крендели, лимоны, или смородиновый морсъ, поставленные на столѣ, и говорили нѣсколько словъ прекрасной хозяйкѣ, или Маврѣ Даниловнѣ, которая подѣла къ столику съ своею чашкою, вѣроятно для того, чтобъ Аннѣ Петровнѣ было не такъ скучно. Ладошинъ, выпивъ первый стаканъ, также подошелъ къ столу.

— Вы такъ щедры, Анна Петровна, что я долженъ просить васъ класть поменьше сахара.

— Вы вѣрно пьете со сливками?

— Никогда! развѣ только лѣтомъ, когда сливки особенно хороши.

— Ахъ! не говорите этого.

— Что же тутъ для васъ неприятнаго?

— Это мнѣ напоминаетъ, что лѣто ужъ прошло.

— Какъ-будто вы не любите зимы! А балы?

— Да, если еще поѣдутъ въ городъ. Да вѣдь до того какъ еще долго, а теперь — эта несносная осень.

— Осень, какъ нынѣшняя! Грѣхъ вамъ, Анна Петровна. Тепло, какъ въ маѣ. Вы не гуляете?

— Какъ можно! бабушка боится простуды.

— Какъ-будто все надобно съ нею?

— Я цѣлый день съ нею.

— А вечеромъ? Нынче чудесные, теплые, свѣтлые вечера...

Ладошинъ смотрѣлъ пристально на молодую дѣвушку и съ какимъ-то совершенно особеннымъ выраженіемъ. Онъ стоялъ такъ, что никто изъ общества, кромѣ Анны Петровны и, можетъ-быть, Мавры Даниловны, не могъ видѣть лица его.

— Не-уже-ли вы никогда не выходите въ садъ полюбоваться лунной ночью? продолжалъ онъ.

— Да... Анюта поставила чашку на поднось, который держалъ передъ нею человекъ, и хотѣла наливать сливки.

— Барышня... вѣдь это... гостю-сь, прошепталъ человекъ.

Анюта поставила молочникъ на столъ.

— Барышня! сливки-сь...

— Господи Боже мой, да что ты?

— Сливки изволили забыть-сь.

Мавра Дашиловна вступилась въ дѣло и поставила молочникъ на поднось.

— Да, продолжала Анюта, накладывая сахаръ въ другія чашки:—теперь съ-тѣхъ-поръ, какъ бабушка здѣсь, я выхожу иногда походить... съ Агаею Ивановной... когда бабушка заснетъ...

Лицо Ладшина выразило необыкновенное удовольствіе.

— И прекрасно дѣлаете, сказалъ онъ:—воздухъ такъ хорошъ... это очень-здорово...

Въ это время Татьяна Васильевна громко позвала еѣ.

— Не правда ли, Владиміръ Григорычъ, что Софьюшка сегодня необыкновенно-блѣдна! сказала она.—Право, мнѣ кажется, что она нездорова.

— Я всегда блѣдна, тѣтушка.

— Да не такъ же. Это правда, что ты часто пугаешь меня своею блѣдностью; но сегодня это ужъ изъ-рукъ-вонъ, не правда ли; Владиміръ Григорычъ?

— Софья Павловловна, можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ нездорова?

— Головная боль, но совершенно-незначущая. Я не знаю, что это такъ тревожить тѣтушку.

— Признаюсь, не люблю блѣдныхъ лицъ. Она обратилась къ Анютѣ, которая, не замѣчая того, заботливо наливала въ чашки, наклоня личико, въ-самомъ-дѣлѣ въ эту минуту румяное, какъ заря. Татьяна Васильевна съ торжествующимъ видомъ взглянула на дѣвушку, потомъ на Софью Павловну и, обращаясь къ Ладшину; продолжала:—люблю свѣжія личики. Чтѣ дѣлать! выросла и состарѣлась въ деревнѣ.

Ладшинъ былъ въ довольно-затруднительномъ положеніи.

— Свѣжесть уже тѣмъ мила, что она признакъ здоровья, сказалъ онъ...

— И веселаго, открытаго права, примолвила Татьяна Васильевна.

— Я не знаю, были ли вы на экспозиціи 18.. года, продолжалъ Ладшинъ, обращаясь къ Софѣ Павловнѣ и какъ-будто не вслушавшись въ послѣднія слова Татьяны Васильевны: — тамъ былъ портретъ дамы необыкновенно-блѣдной, но столько выразительной, что передъ нимъ всегда была толпа...

— Можетъ-быть, знатная какая, замѣтила Татьяна Васильевна.

Софья Павловна улыбулась. — Или портретъ работы хорошаго художника? Вы не помните...

— Вотъ ужъ вздоръ-то, сказала Татьяна Васильевна. — Ваши хорошия художники иногда такъ пишутъ, что просто ни на что не похоже. Кисть хороша! да мнѣ-то что до этого? По мнѣ было бы похоже. Вотъ я отдала мальчика къ живописцу, — я терпѣть не могу держать дворовыхъ ребятшекъ дома; были двое сиротокъ; я и отдала одного къ сапожнику въ годы, другаго къ живописцу: вѣдь все дома нужно. Этотъ живописецъ написалъ портретъ нашего священника приходскаго: ну, просто живою. Мнѣ говорятъ, что это гадко написано. Ахъ, мои батюшки! да мнѣ-то что за дѣло, если всякій, кто ни взглянетъ, въ мигъ узнаетъ?

— Я не знаю, что вамъ вздумалось отдавать живописному учиться, Татьяна Васильевна, замѣтилъ одинъ изъ гостей. — Это совсѣмъ не выгодное ремесло.

— Э, батюшка! въ домѣ все нужно; я люблю, чтобъ все дѣлалось дома. Это вѣдь нынче все у Нѣмцевъ, да у Нѣмцевъ. Мы старинные къ этому не привыкли.

— Да вотъ у Кортоминыхъ недавно сдѣлали дрожки-продѣтку дома, а право, не хуже нѣмецкой работы. Превосходныя!

— Немножко-тяжеленьки, замѣтивъ Ладошинъ.

— Да что же-съ? Лошади есть. А по нашимъ дорогамъ, легонькія-то, смотришь, и не годятся. Вотъ петербургскія-то, какъ у Леонтыя Андревича намеднясь: поѣхалъ черезъ гать, а они и кракъ!

Софья Павловна вздрогнула и еще ниже опустила къ пальцамъ голову.

XXI.

Ни одно облако не закрывало темнаго осеняго неба, усѣяннаго мнриадами звѣздъ, когда неполный уже мѣсяць, поднимаясь изъ-за окраины степи, косвеннымъ, невѣрнымъ лучомъ проникъ въ чашу сада, еще сохранявшаго пышныя осеннія одежды. Въ это время, стуча по каменному помосту, подѣхалъ къ крыльцу тарантасъ Ладошина и остановился, потомъ опять застучалъ, покатылся, и скоро все замолкло. Люди начали тушить огни; Татьяна Васильевна, проводя любезнаго гостя, пошла въ свою комнату, опираясь на руку Мавры Даниловны, и на порогѣ остановилась, чтобъ проститься съ Софьею Павловною и Анютою, которыя казались очень-утомленными.

Въ это самое время, молодой человекъ, закутанный въ плащъ, пробирался темною боковою аллею къ садовой калиткѣ, служившей входомъ для тѣхъ, которые не хотѣли бы идти въ садъ черезъ комнаты и террасу, сходявшую въ цвѣтникъ.

Изъ калитки показались двѣ тѣни и осторожно пошли по той же аллѣ, тихо пробирался между кустарниками.

Молодой человек остановился. Это был Ладонинъ. Онъ узналъ по бѣшенію сердца своего Анюту, которая шла съ своею спутницею, Агаею Ивановною.

Ладонинъ молча подаль руку молодой дѣвушкѣ. Онъ чувствовалъ, какъ она, опираясь на него, дрожала, подобно былинкѣ отъ прикосновенія вѣтерка. Оба молча пошли по дорожкѣ; Агаея Ивановна за ними; но скоро, находя, что по лѣтамъ ея ей можно отдохнуть, она сѣла на первой скамьѣ. Молодые люди пошли далѣе.

Нужно ли пересказывать, что говорили они? Это были несвязныя рѣчи, между которыми слышались и благодарность, и боязнь, и увѣреніе. Сердце билось у обоихъ, и языкъ не находилъ нужнаго слова. Давно говорили они о чувствахъ своихъ въ письмахъ, подъ шумомъ бала; но въ первый разъ еще находились такимъ образомъ совершенно наединѣ. Это положеніе казалось обоимъ необыкновенно-неловко, такъ-что Ладонинъ, смѣлый за минуту передъ тѣмъ, совершенно растерялся, чувствовалъ самъ, что становится смѣшнымъ своею неловкостью и терялся тѣмъ еще болѣе. У обоихъ въ головѣ вертѣлись слова Татьяны Васильевны о побѣгѣ; они не знали, съ намѣреніемъ или просто они были сказаны, но оба ихъ замѣтили. Это была готовая тема для обоихъ; но Ладонинъ рѣшительно не зналъ, какъ за нее взяться.

Наконецъ, Анютѣ сдѣлались необыкновенно-смѣшны и ихъ несвязныя фразы, и смущеніе Ладонина.— Не находите ли вы, что мы очень-довольно уже налюбовались мѣсячной ночью? сказала она голосомъ, въ которомъ отзывалась насмѣшка.

— Признаюсь вамъ. Я еще и не начиналъ. Я слушалъ вашъ голосъ и былъ счастливъ. Я было-думалъ даже, что и вы не вздумаете любоваться мѣсяцемъ.

— Чѣмъ же прикажете?

— Я надѣялся, Анна Петровна, что это свиданіе будетъ имѣть вліяніе на судьбу нашу. Не-уже-ли же вы не захотите рѣшить ее?

— Какъ мнѣ рѣшить ее? Вы знаете, что бабушка совершенно расположена въ вашу пользу, но папенька... Слова замерли на губахъ ея, и рука крѣпко сжала руку Ладонина... Они стояли уже нѣсколько минутъ въ большой аллеѣ, прямо противъ главнаго фасада дома, но такъ, что боковая терраса подъ окнами маленькаго кабинета Софьи Павловны была видна одному Ладонину. Слабый свѣтъ изъ оконъ этого кабинета падалъ прямо на террасу и невольно привлекалъ вниманіе Ладонина. Этотъ свѣтъ беспокоилъ его до того, что, слушая Анюту, онъ не спускалъ глазъ съ террасы. Вдругъ, при послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки, на этой террасѣ показались двѣ тѣни, быстро мелькнули въ блѣдной полосѣ свѣта, падавшаго изъ окна, и скрылись, одна въ дверяхъ, въ то же мгновеніе отворившихся на балконъ, другая въ темнотѣ, покрывавшей противоположный конецъ террасы. Не смотря, одна-

кожь, на то, что это движеніе продолжалось не болѣе секунды, Ладошинъ узналъ въ тѣни, исчезнувшей въ дверяхъ кабинета, Илашева. Въ то же самое мгновеніе Анюта крѣпко сжала руку молодого человѣка, и, указывая ему на чашу деревьевъ, недалеко отъ нихъ, глухо сказала: «папенька»...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Ладошинъ увидѣлъ человѣка, который, вышедъ изъ чаши, скорыми шагами пошелъ къ террасѣ. Ладошинъ умѣлъ только показать испуганной дѣвушкѣ тропинку, по которой она могла скрыться, не будучи примѣченною.

XXII.

Посланный Вѣры Дмитриевны не засталъ уже Петра Алексѣевича в, вѣрный данному приказанію отдать письма къ собственныя руки, побѣхалъ за нимъ въ поле, какъ указали ему люди, остававшіеся въ деревнѣ. Онъ нашелъ его уже послѣ полудня, въ то время, когда охотники, на привалѣ, подкрѣпляли силы свои походными закусками. Онъ подалъ Петру Алексѣвичу письмо, адресованное на его имя, и, не видя между охотниками Софьи Павловны, спросилъ, что прикажутъ дѣлать съ другимъ письмомъ. Петръ Алексѣевичъ, у котораго безпрестанно посылались люди въ Сергіевское, велѣлъ подать письмо къ себѣ и, сказавъ посланному, что вечеромъ дастъ отвѣтъ, велѣлъ ему ѣхать въ деревню.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вечеромъ, возвративъ на временную квартиру, онъ вспомнилъ свое обѣщаніе и, спросивъ листъ бумаги, принялся писать. Но для этого надобно было перечитать письмо Вѣры Дмитриевны; вмѣстѣ съ нимъ, онъ вынулъ и другое, адресованное на имя Софьи Павловны. Очень-натуральная мысль посмотреть, нѣтъ ли какихъ-нибудь поясненій по дѣлу, о которомъ писала Вѣра Дмитриевна, въ письмѣ ея къ женѣ, заставила его сорвать печать и пробѣжать первыя строки, вице глазами того, что могло относиться къ дѣлу; пробѣжавъ до конца, онъ прочиталъ въ другой разъ. Вотъ, что было въ этомъ письмѣ:

«Прости мнѣ, Софья, если дружба дѣлаетъ меня нескромною. Съ нѣкотораго времени душа твоя для меня закрыта; отъ чего? «того я не сумѣю понять» (слѣдуетъ объясненіе въ самой нѣжной и постоянной привязанности съ незапамятныхъ временъ). «Я не могла не замѣтить, что происходило въ душѣ твоей: и могло ли это укрыться отъ меня? Одинъ разъ я даже намекнула тебѣ о томъ, у Кортоминыхъ, но ты приняла слова мои такъ странно, что я рѣшилась не говорить тебѣ болѣе. Я видѣла ясно, что ты не желаешь откровенности. Быть-можетъ, боишься? чего? нескромности? Богъ тебѣ судья, Софья! Осужденія?—такъ, правда, я не могу оправдывать подобнаго чувства. Но можетъ ли быть страшенъ судъ дружбы? Кто скорѣе ея найдетъ оправданіе и, если еще можно, кто скорѣе предостережетъ? сколько слезъ стоила

«миѣ твоя скрытность! Я видѣла твои страданія и не смѣла говѣрять; я ждала одного твоего слова...

«Вдругъ, узнаю, что онъ ѣдетъ, говорятъ, что онъ помолвленъ. «Не сердись на меня, Софья: это объясненіе было для меня живѣе шимъ лучомъ радости. *Его* отъѣздъ раздиралъ сердце моеи Софѣ «но онъ спасалъ ее. *Его* присутствіе, не смотря на всю твердос твою, погубило бы тебя, потому—что любящее сердце твое могъ «вовлечь тебя въ проступокъ, а ты не перенесла бы того, я зна «тебя. Душа твоя изнемогла бы подъ бременемъ и малѣйшаго ук «ра. Но теперь, молчаніе было бы для меня преступленіемъ; «должна говорить... Софья! я знаю, онъ дерзокъ, онъ предприим «чивъ, онъ не уѣдетъ, не увидѣвшись съ тобою, можетъ-быть, та «сно. Я даже слышала, что сегодня въ двѣнадцать часовъ он «долженъ быть въ саду твоемъ... Милый другъ! если это правд «умоляю тебя небомъ, на колѣняхъ прошу тебя, откажись отъ это «свиданія. Пускай уѣдетъ онъ! Знаю, ужасна разлука; но, Софѣ «цѣлая жизнь будетъ тебѣ наградою за минуту твердости. Я х «тѣла сама ѣхать къ тебѣ; но приеутствіе мое будетъ ли тебѣ пр «ятно? твоя скрытность со мною заставляетъ меня всего б «яться... Призови меня, Софья! позволь миѣ дѣлать съ тобою тво «горестъ, плакать съ тобою; не хочешь ты этого—все равно, не «зволь только прѣхать къ тебѣ, видѣть тебя... я буду молчат «если ты этого пожелаешь; имя И*** никогда не сорвется съ язы «моего, я не скажу ни слова о немъ, развѣ ты только сама то «пожелаешь... Милая Софья, вся жизнь моя принадлежитъ тебѣ «Жду твоего отвѣта.»

Не беремса описывать, что чувствовалъ Петръ Алексѣевичъ при чтеніи этого письма, которое сначала показалось ему довольно-и понятнымъ. Какъ ни мало тревожился онъ мелочными дѣлами сер на, занятый положительно и серьезною стороною жизни, однак содержаніе письма было таково, что кровь бросилась ему въ голов Нерѣдко случалось, что онъ бывалъ ведомленъ женою, ея удри ствомъ, вѣчнымъ противорѣчіемъ и капризами; случалось даже, осол ливо въ первые годы, что онъ безпокойно смотрѣлъ, когда мол дые люди ухаживали за нею. Но въ такомъ случаѣ онъ сердилс болѣе на ихъ дерзость, не на нее, и хотя онъ не требовалъ осс бенной нѣжности отъ своей супруги, однако мысль, что она не ак битъ его, или еще менѣе, что можетъ любить другаго, рѣшител но не входила ему въ голову. Всѣ помѣщики, окружавшіе его, ра но какъ и городскіе чиновники и даже офицеры, прѣбававшіе в отпускѣ, казались ему только ничтожными, и самъ онъ столик былъ доволенъ собою, что эта мысль дѣйствительно не могла ем представиться. И вдругъ, Илашевъ... камер-юнкеръ, придворный. всего ужаснѣе было то, что Петръ Алексѣевичъ никакъ не мог втоптать его въ то же ничтожество, въ которое облакалъ и го родскихъ чиновниковъ, и сосѣднихъ помѣщиковъ. Какъ онъ ни д малъ, а Илашевъ съ своимъ свѣтскимъ навикомъ, Илашевъ при

дворный, котораго онъ даже прочилъ въ зятя себѣ, какъ грозный призракъ возставалъ въ его воображеніи.

— Но это чудовищность, это преступленіе, говорилъ онъ:— тогда-какъ я ласкалъ его, принималъ какъ роднаго, онъ... но что же скажете объ этомъ цѣлая губернія, что скажете князь Баксановъ?.. И говорятъ, что онъ еще женится на дочери князя!.. и какую же роль заставляли играть меня-самого во всей этой исторіи!..

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая роль для Петра Алексѣевича, помѣщика. доселѣ уважаемаго цѣлою губерніею, кандидата въ губернскіе предводители!

Послѣ глубоко-оскорбленнаго самолюбія, сказалось и сердце Петра Алексѣевича. Вѣдь онъ въ-самомъ-дѣлѣ любилъ Софью Павловну. Онъ иногда любовался ею, какъ любитъ отецъ своимъ дѣтищемъ, рядилъ ее, утѣшалъ. Онъ думалъ: «На старости, когда отдамъ замужъ Анюту, дѣтей отправлю въ службу и останусь одинъ, она успокоитъ меня, не оставитъ меня, если буду боленъ; умру—она закроетъ глаза». Жалѣлъ ли онъ когда-нибудь чего для нея? оскорбилъ ли чѣмъ? «Виновать я противъ нея» продолжалъ Петръ Алексѣевичъ, совершенно растроганный: «правда: тамъ кое-какія шалости... но мужчине извинительно, да она и не знаетъ. За что же, Боже мой, послано мнѣ такое наказаніе, чтобъ жена отдала меня на носѣшнице цѣлой губерніи?..» И Петръ Алексѣевичъ плакалъ, такъ-что жалко было смотрѣть на старика.

— А Татьяна Васильевна? что будетъ говорить она? сказалъ онъ наконецъ. — Но нѣтъ, вскричалъ онъ громко, вскочивъ съ мѣста:—этого не будетъ. Хоть и придворный, но у меня не прогнѣвайся: посмотримъ еще, чья возьметъ...

И Петръ Алексѣевичъ носѣшно велитъ закладывать коляску, объявляетъ гостямъ, что нетерпящее отлагательства дѣло требуетъ его присутствія въ Сергіевскомъ, обѣщаетъ возвратиться на другой день какъ-можно-ранѣе и просятъ гостей между-тѣмъ хозяйничать у него какъ дома.

Онъ сѣлъ въ коляску и отдалъ приказаніе ѣхать какъ-можно-скорѣе. Понеслись. Богъ-знаетъ какія мысли тѣснились въ головѣ Петра Алексѣевича; слова Вѣры Дмитриевны: «дѣнадцать часовъ, въ саду...» какъ фантазмагорическая точка росли въ его воображеніи, увеличивались и принимали страшныя формы. Петръ Алексѣевичъ не замѣчалъ дороги; по-временамъ кричалъ кучеру: «пошелъ скорѣе!» и опять углублялся въ свои тяжелыя думы. Иногда ему казалось, будто кучеръ оглядывается на него, что люди шепчутся между собою и, вѣроятно, о причинахъ этой странной поѣздки. «Они знаютъ» думалъ несчастный помѣщикъ, и кровь горячею струею била ему въ голову. Но вотъ они у сада. Петръ Алексѣевичъ не замѣтилъ, что нѣсколько-далѣе, за рощею, стоялъ тарантасъ; не слышалъ, какъ люди, толкнувъ другъ друга локтемъ, шепнули: «ладонинскій!» Онъ приказалъ остановиться у калитки, которая вела изъ сада на дорогу, вышелъ и, не скававъ

ни слова, пошелъ въ садъ. Кучеръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, раскочулся на козлахъ, дѣшнво осмотрѣлся кругомъ и наклонясь къ человѣку, запиравшему дверцу, сказалъ: «Не знаешь здѣсь что ли стоять, или домой?»

— А чортъ его знаетъ, отвѣчалъ тотъ. — Инъ стой, коли ничего не сказалъ. Знать, здѣсь надобно.

Другой же, соскочивъ съ запятокъ, тоже посмотрѣлъ кругомъ и покачалъ головой.

— Никакъ что-то нездорово, сказалъ онъ, подойдя ближе къ коляскѣ. — Пойдемъ-ка, Иванъ, тихонько за нимъ. Неравно спросить. — И оба пошли.

Но обратимся къ Софѣ Павловнѣ. Возвратясь въ свою комнату, она была необыкновенно разстроена. Параша тотчасъ принялась за вечерній туалетъ барыни. Легкая блуза одѣла ее стройною талию; волосы расчесаны и заплетены въ косу, которую закрывъ маленькій батистовый чепчикъ. Софя Павловна хороша въ этомъ простомъ нарядѣ; но лицо ее блѣдно, и живѣйшее безпокойство изображено въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

Никогда ловкая воспитанница Кузнецкаго-Моста не была ни такъ проворна, ни такъ осторожна. Она, казалось, видѣла, что госпожа ее была не въ духѣ или нездорова, и потому не позволяла себѣ ни одного слова, ни одного лишняго взгляда. Едва походка ее была слышна на мягкомъ коврѣ, едва руки касаются до кисей и тюлей, которые она снимаетъ съ плечъ молодой женщины. Можно было бы подумать, что невидимые духи прислуживаютъ при ночномъ туалетѣ помѣщицы, и между-тѣмъ никогда присутствіе Парашы не было еще такъ тяжело для Софьи Павловны. Она не смѣла взглянуть на нее; ей казалось, что маленькіе черные глаза горничной слѣдуютъ за каждымъ ее движеніемъ, что они пытливо заглядываютъ въ душу ее, что сама Параша смѣлѣе съ нею обыкновеннаго. Софя Павловна готова была разсердиться, вспылить; но мысль: «она знаетъ», сжала ей сердце. Ужасная тоска овладѣла ее душою. Какъ! она должна стыдиться своей Парашки, — она, которая до-сихъ-поръ могла смѣло глядѣть въ глаза всякому и не боялась самаго пронзительнаго взора?.. Нѣтъ, этого не будетъ; она положитъ этому конецъ. Съ этой мыслию она обернулась назадъ, но горничной уже не было. Ночная лампа горѣла на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ; вотъ книга, которую Параша всегда клала врозь постели; Параша уже ушла, какъ обыкновенно уходила всякій вечеръ, и не возвратится болѣе... Часы на колокольнѣ медленно бьютъ двѣнадцать; вслѣдъ за тѣмъ раздались двѣнадцать ударовъ сторожа въ чугунную доску, и все затихло. Въ саду темно; только по лугу въ немногихъ мѣстахъ свѣтлою полоскою пробирается лучъ восходящаго мѣсяца, прорѣзываясь сквозь чашу сада.

Софя Павловна бросилась въ кресла. Она закрыла лицо руками; но щекамъ ее текли обильныя слезы. Грудь сильно возмоздалась.

До сихъ поръ чистая, непорочная, она знавала горе, имѣла враговъ; быть-можетъ, въ свою очередь несла клевету и нареканіе; но она была покойна, она съ гордостью поднимала голову, чувствуя себя выше самаго мнѣнія свѣта, котораго столько страшилась... да, страшилась. Это мнѣніе было съ самаго дѣтства ея единственнымъ путеводителемъ; съ нимъ однимъ совѣтовалась она, когда сердце и разумокъ были въ разладѣ; давно ли она трепетала малѣйшей неосторожности, лишняго слова, — и теперь... теперь она рѣшилась... ужасно подумать!.. Но кто же узнаетъ это? Плашевъ не само ли благородство? въ немъ ли сомнѣваться? Другіе всѣ спятъ... все тихо. Вотъ часъ... быть-можетъ, онъ тамъ, въ саду... въ саду! такъ близко отъ нея!.. Боже, Боже мой! но гдѣ же силы выдержать подобную минуту!... Все тихо; ни малѣйшаго шороха... А если онъ не прійдетъ? обманетъ? Если это письмо было только... чтобъ испытать, какъ далеко можетъ завести ее сердце?.. Но нѣтъ, нѣтъ; это было бы слишкомъ-ужасно; онъ неспособенъ къ подобному поступку. Можетъ-быть, ему помѣшали? дошла ли записка? Но что же писала она въ этой запискѣ? въ смущеніи не ошиблась ли?.. Боже мой! не сонъ ли это все, наконецъ? Онъ, быть-можетъ, уже уѣхалъ, его нѣтъ? Нѣтъ силы выносить этой неизвѣстности... И Софья Павловна упала на колѣни передъ иконою... Въ это время послышался легкій шумъ въ кабинетѣ. Она вздрогнула; быстро смотритъ впередъ; встаетъ... нѣтъ, это не мечта; тамъ, въ дверяхъ... это онъ, Плашевъ, точно онъ... онъ не сдержалъ слова, вошелъ... но онъ блѣденъ, взоръ умоляетъ о прощеніи... Не смѣя дышать, удерживая восклицаніе, она стоитъ неподвижно; онъ приближается... Но въ это самое мгновеніе на террасѣ, подъ самымъ окномъ, раздались голоса... съ другой стороны дверь въ спальню скоро открылась, и Параша, блѣдная какъ полотно, вбѣжала, произнеся одно только слово: «баринъ!»

XIII.

Ладошинъ узналъ Петра Алексѣевича и въ одно мгновеніе пенялъ все. Ему живо представилась опасность неосторожной молодой женщины и сцена, которая должна произойти между раздраженнымъ супругомъ и Илашевымъ, и которая на утро же сдѣлается добычею праздныхъ языковъ цѣлаго уѣзда. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, и слѣдуя единственно первому влеченію, онъ просаается за Петромъ Алексѣевичемъ, и въ ту самую минуту, когда тотъ уже готовъ ступить на послѣднюю ступеньку террасы, хватаетъ его за обѣ руки.

Мы сказали уже, что Ладошинъ былъ очень-силенъ. Петръ Алексѣевичъ, остановленный такъ неожиданно, быстро обернулся, но не узналъ Ладошина. Раздраженный въ высшей степени, онъ рванулся изъ всѣхъ силъ, но его держали мощныя руки.

— Не противтесь! сказалъ Ладошинъ такъ, чтобъ его могли слышать въ комнатѣ.—Я не пушу васъ.

Петръ Алексѣевичъ узналъ голосъ.

— А! вы здѣсь на стражѣ? сказалъ онъ.—Этого только не доставало.

— Завтра я буду вамъ отвѣчать на это.

Въ эту минуту въ окнѣ спальной быстро мелькнула тѣнь и скрылась въ глубинѣ комнаты.

— Теперь я васъ пушу, сказалъ Ладошинъ:—но подумайте: завтра весь уѣздъ узнаетъ объ этомъ: вотъ ваши люди, они шли за вами.

И онъ пустилъ его.

Петръ Алексѣевичъ, почувствовавъ себя свободнымъ, обернулся, чтобъ расплатиться какъ слѣдовало съ дерзкимъ мальчишкою; но его уже не было. Онъ бросился къ дверямъ — заперты. Онъ поглядѣлъ на окна: тамъ, какъ обыкновенно, теплилась лампада въ спальной Софьи Павловны, и все было тихо и покойно. Онъ опустилъ голову на грудь... Илашева уже не было, это вѣрно; онъ скрылся. А это безвременное возвращеніе, ночью, черезъ садъ, эта встрѣча съ Ладошинимъ, и при свидѣтеляхъ, которые, можетъ-быть, также видѣли и то, что Петръ Алексѣевичъ желалъ бы скрыть отъ всего свѣта—все это раскажется, разнесется; пойдутъ толки; доберутся до истины, или выдумаютъ ложь хуже самой истины, и Сарапаевъ, этотъ колоссъ, уважаемый цѣлою губерніею, сдѣлается посмѣшищемъ всякаго ребенка!.. Все это какъ страшный призракъ представилось воображенію старика. Онъ нѣсколько мгновеній молчалъ; потомъ, какъ-будто вдругъ опомнясь, поднялъ голову, и въ эту минуту замѣтилъ своихъ людей, которые, вышедъ за нимъ изъ чащи, стояли въ нерѣшимости, не зная, назалди идти, или подойти къ барину.

— Чортъ возьми! сказалъ Петръ Алексѣевичъ: — что вамъ надобно?

— Спросить о лошадяхъ-съ.

— Дураки! Откладывать.

И Петръ Алексѣевичъ, проворчавъ что-то про-себя, пошелъ скорыми шагами къ садовой калиткѣ.

XLIV.

На другое утро по всей дворнѣ шли толки и перешептыванья. Видимо всѣ тревожились, хотя, по наружности, все шло обыкновеннымъ порядкомъ. Каммердинеръ чистилъ въ снѣгахъ платье Петра Алексѣевича; поварь пришелъ забирать запасы и стоялъ съ чашками у кладовой, гдѣ Дарья Лукинишна рылась въ кадушкахъ съ мукою; въ залѣ натирали полъ, въ гостиной сметали пыль. Только по-временамъ то тамъ, то сямъ, сходились двое, трое, останавливались и шептали съ видимымъ безпокойствомъ.

Всѣхъ занимали странныя вечернія происшествія и еще болѣе утреннія. Рано на зарѣ—можно ли это было когда-нибудь подумать? рано на зарѣ, Параша,—эта любимая горничная Софьи Павловны, эта воспитанница Кузнецкаго-Моста и французскихъ магазинновъ,—вышла на крыльцо, повязанная платкомъ, въ ваточномъ капотѣ и кацавѣйкѣ, накинутой на плеча, съ узелкомъ въ рукѣ и съ заплаканными глазами. У крыльца стояла подвода, то-есть, тележка, запряженная крестьянскою лошадью. Въ телегѣ изъ-подъ сѣна выглядывалъ небольшой сундучокъ, выкрашенный голубою краскою, лежалъ большой узелъ и двѣ подушки. Крестьявницъ въ проемъ чапанѣ, довольно-изорванномъ, управлялъ что-то около лошади. На дворѣ все было тихо; только по флигелямъ изъ нѣсколькихъ оконъ робко выглядывали головы, да дворовая собака, держа хвостомъ, стояла у крыльца и смотрѣла вверхъ своими умными глазами, какъ-бы желая угадать, для чего такъ рано появилась на крыльцѣ обыкновенно нѣсколько-лѣтняя дѣвушка. Параша медленно сошла съ лѣстницы, вскарабкалась одна-одинѣхонька на телегу; крупныя слезы катились по щекамъ ея; она взглянула на окна барскаго дома, гдѣ все спало еще, заплакала еще больше и подвода тронулась. Никто изъ подругъ не провожалъ Парашу; только на околицѣ ее ждала Агаша, горничная Анюты, да старуха-стряпка, которая почему-то любила особенно дѣвушку. Куда везли Парашу? Этого не знала ни Агаша, ни стряпка, ни сама Параша. Въ дворѣ только догадывались, потому-что знали обыкновеніе Петра Алексѣевича ссылатъ провинившихся въ одно изъ отдаленныхъ своихъ помѣстій, екатеринославское ли, нижегородское ли, какое бы то ни было, лишь бы далеко отъ лица своего.

Разспрашивали, догадывались, какая была вина Парашы, но никто не зналъ ничего вѣрнаго. Потомъ, однакожь, кто-то разсказалъ, что одинъ изъ сторожей видѣлъ, какъ Параша, поздно вечеромъ, говорила съ какимъ-то мужчиною и потомъ пошла съ нимъ радучись въ садъ; вспомнили о тарантасѣ, который люди, ѣхавшіе съ Петромъ Алексѣевичемъ, видѣли за рощею, сообразили дѣло, и вышло, что Параша провела въ садъ Ладошина для свиданія съ барышнею, что Петру Алексѣевичу дали о томъ знать, что онъ засталъ и дочь и Ладошина въ саду и, должно-быть, порядочно побилъ послѣдняго. Это заключеніе еще болѣе подтвердилось, когда Агаша разсказала потихоньку, что ночью, по возвращеніи уже барина, ей передали записку отъ Ладошина къ барышнѣ, и что онъ въ этой запискѣ писалъ, что-де нечего ужъ таить-ся, надобно идти къ папенькѣ и разсказать все, какъ были вмѣстѣ въ саду и прочее, и попросить, чтобъ покончилъ все своимъ согласіемъ. Потомъ разсказали, что барышня чѣмъ-свѣтъ пошла къ барину въ кабинетъ и долго съ нимъ говорила и все плакала, что потомъ пріѣхалъ Ладошинъ, и что и теперь еще всѣ вмѣстѣ, запершись, толкуютъ въ комнатѣ Татьяны Васильевны. А Софья Павловна одна въ своей спальнѣ и все, слышно, плачетъ.

Только въ комнаткѣ Дарья Лукиничны, ключницы Софьи Павловны, шли другіе толки. Тамъ сидѣла Мавра Даниловна. На маленькомъ столѣ, накрытомъ салфеткою, кипѣлъ самоваръ, очень давно нечищенный. На камфоркѣ стоялъ чайникъ, на подносѣ двѣ чашки, молочникъ и жестяная сахарница. Дарья Лукинична бережно раскладывала ложечки и сахаръ, боясь застучать, и обѣ говорили шопотомъ, какъ въ комнатѣ больного. Лица обѣихъ показывали великую заботу.

— Выкушай, матушка, чашечку, говорила Дарья Лукинична, подставляя чашку Маврѣ Даниловнѣ.—Вотъ сливочки; или не угодно ли съ лимонцемъ? Вѣдь теперь и не знай когда дождешься ихнего-то.

— Ужь до чаю ли теперь, Дарья Лукинична; что-то и въ душу-то не идетъ, говорила Мавра Даниловна, принимая чашку.

— Пойдетъ ли въ душу, матушка? продолжала Дарья Лукинична, откусивъ сахару и наливая на блюдичко чай: — этакая печаль! Сродясь такой бѣды не видывала.

— Ты была, что ли, у самой-то?

— Гдѣ, матушка! только въ дверь послушала, все плачетъ. Баринъ всю ночь не входилъ, а ужь утромъ вошелъ, бросилъ передъ ней какое-то письмо распечатанное; «на, читай», говорить, «отъ пріятельницы» и очень послѣ шумѣлъ; не приведи Богъ слышать!

— А дворня-то, Дарья Лукинична, толкуетъ, что Парашку за Ладощина сослали.

— Говори себѣ! Какой тутъ Ладощинъ! Она, бестія, все это надѣлала. Вѣдь между нами сказать, Мавра Даниловна, продолжала она осматриваясь:—соколы-то былъ сиротанъ у нея въ чуланѣ; какъ все позатихло, она его сама и за деревню выпроводила.

— Какой соколъ? петербургскій-то?

— То-то оно и есть.

— Ахъ, батюшки свѣты! вотъ оно, магазинь-то, Дарья Лукинична. Не даромъ говорила Татьяна Васильевна, что добра не будетъ. Погубили дѣвчонку, да и барыню-то.

— Конечно, Парашка кругомъ виновата, что говорить. Какъ-бы старая барыня-покойница, она бы знала, что съ нею дѣлать. А нынче вѣдь у насъ все по модѣ. Да и то сказать, Мавра Даниловна, сама-то не больше ли виновата? Вѣдь у нихъ не съ сегодня завелось...

— Ужь и не говори! Я давно все вижу, да не хотѣлось говорить. И вотъ обѣ этомъ-то я и хотѣла посоветоваться съ тобою, Дарья Лукинична. Вѣдь Татьяна Васильевна ничего этого не знаетъ; она догадывается, отъ нея трудно угаить; но все же навѣрное ничего до нея не дошло. А она вѣдь моя благодѣтельница; истинно, какъ Богъ святъ, что ее больше отца роднаго. Какъ же мнѣ? сказать ли ей о томъ, что дѣлается, или молчать? Какъ-будто совѣстно оставлять ее, мою благодѣтельница, въ такомъ обманѣ.

Дарья Лукинична поставила блюдичко на столъ, вынула изъ бокового кармана круглую табакерку съ дамскимъ портретомъ, открыла, медленно взяла табаку и, держа его между двумя пальцами надъ открытою табакеркою, устремила глаза въ землю и качала головою съ видомъ глубокаго размышленія.

— Мавра Даниловна, сказала она наконецъ, не перемѣня положенія:—вы сами умные люди, дворянскаго происхожденія и лучше насъ знаете, какъ и что ведется; ужъ не намъ учить васъ. А я такъ, по моему глупому разсужденію, думаю вотъ какъ: если вы доведете это дѣло до Татьяны Васильевны — она, вы знаете, человекъ крутой, несостчивый, и между нами сказать, Софью Павловну не долбилубиваетъ, — она непременно станетъ говорить объ этомъ барину, а ужъ тотъ, виновата ли жена, нѣтъ ли, а ей не выдастъ. Начнется ссора; что же изъ этого выйдетъ?

— Конечно, ужъ добра немного, Дарья Лукинична.

— Станетъ доискиваться, отъ кого-де вышло?..

— Ну, ужъ Татьяна Васильевна не выдастъ.

— Богъ то знаетъ, можетъ, съ горяча и проговорится. А тогда намъ и всѣмъ достанется, и Петръ Алексѣевичъ вѣкъ этого не проститъ, хотъ бы и вамъ. А посудите: вѣдь и онъ, да и Софья Павловна, какова она ни есть, а вамъ еще пригодятся.

— Правда твоя, Дарья Лукинична; да вотъ чего боюсь. Агафья Ивановна вѣдь у! какъ хитра; она спровѣдаетъ какъ-нибудь и ужъ раскажетъ Татьянѣ Васильевнѣ, — ужъ я знаю, непременно доведетъ до нея, а та и скажетъ: ты-де знала да потаила.

— Теперь не узнаетъ еще, не посмѣетъ говорить. А тамъ, пройдетъ время, хотъ и выйдетъ что, скажете не знала и не слышала. Да и сама Татьяна Васильевна, спустя время, не вступится такъ горячо. Ну что! мало ли что болтаютъ. Не то повѣрять, не то нѣтъ, а хотъ и повѣрять, то съ нашихъ словъ говорить не стануть, особливо въ глаза, а тамъ за глаза — и Богъ не судить.

XXV.

Къ обѣду всѣ слуги были въ парадѣ. Комнаты убраны какъ для праздника, мѣбель безъ чехловъ. Татьяна Васильевна разодѣта, въ новомъ капотѣ, новомъ чепцѣ и бархатной мантильѣ, весела и любезна, такъ-что Мавра Даниловна, сидя въ своемъ уголку, не спускала съ нея глазъ и, нѣсколько разъ подходя къ ней, цаловала въ плечо, говоря шопотомъ: «Не нагляжусь-то я на васъ. Красавица да и только. Право, не хуже внучки». — Петръ Алексѣевичъ, Анюта, Ладешинъ и еще нѣсколько сосѣдей... Вдругъ въ залѣ зашумѣло, и въ комнату вошла Вѣра Дмитриевна.

— А! Вѣра Дмитриевна! закричалъ Петръ Алексѣевичъ, съ большою любезностью идя на встрѣчу гостьѣ. — Это совершенно кстати, потому-что мы сейчасъ хотѣли къ вамъ посылать.

— Ужъ точно кстати, прибавила Татьяна Васильевна. — Одной тебя и не доставало мнѣ, моя милая, любезная. Поди, раздѣли нашу общую радость.

— Позвольте представить вамъ жениха и невесту, сказалъ Петръ Алексѣевичъ, подводя Ладошнина и Аниоту къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ. — Мы увѣрены, что вы примете участіе въ нашемъ счастьи...

Въ эту минуту вошла Софья Павловна, одѣтая со всею изысканностію; ни малѣйшаго слѣда слезъ и съ улыбкою, совершенно-приличною случаю.

Начались поздравленія, желанія и проч. Вѣра Дмитріевна казалась въ совершенномъ восхищеніи, ласкова съ невестою, привѣтлива даже и съ Ладошнымъ; объ извѣстномъ письмѣ — будто его и не бывало. Всѣ были чрезвычайно-счастливы.

— Къ этой радости, сказалъ съ большою любезностію одинъ изъ гостей: — не достаетъ только одного Леонтыя Андреевича. Онъ такъ преданъ вамъ, Петръ Алексѣичъ, и всему семейству вашему.

— Леонтій Андреевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, сказалъ Петръ Алексѣевичъ громко и совершенно-покойнымъ голосомъ. Мнѣ чрезвычайно-жаль, что его нѣтъ съ нами на этотъ случай. Но что дѣлать! его вызываетъ министръ: вотъ письмо, которое я сейчасъ получилъ отъ самого Илашева.

М. ЖУКОВА.

ВСТРѢЧА.

(Сонетъ изъ Гѣты.)

=

Лѣсами, вдоль рѣки, и нашимю, безъ цѣли,
Одинъ, въ плащѣ, я шелъ куда глаза глядѣли;
Мѣста знакомыя: я часто тамъ бываю.
Вдругъ вижу—дѣвушка; откуда, какъ,—не знаю.

Она, какъ смертная, природой любовалась,
Но баснословное въ ней что-то отражалось;
Минувшее она, какъ-будто воспреснула
И въ тихое меня раздутье погрузила.

Вотъ завернувшись въ плащъ, окрестность я окинулъ
И шлангу на глаза разсѣянно надвиннулъ.
Я думалъ разойтись—лучайка раздѣляла—
Но сдѣлалъ шагъ впередъ. Она остановилась.
Вдругъ стало жарко мнѣ. Я сбросилъ плащъ. Ссѣрилось!
Моя она, въ нонъ объятія ушла...

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Мартъ 1847.

С Н О В И Д Ы Н І Е.

=

Сонъ, какія ты видѣнья
Смутно мнѣ изобразилъ?
Что-то цѣлое въ отрывкахъ;
Жизнь и смерть была въ тебѣ.

Будто цѣлый міръ, несвязанной,
Будто мнѣ была душа;
Лабиринтомъ нескладнымъ
Самъ я, грудь моя была.

То видѣнья появлялись,
То слывались; новы; гдѣ жъ;
Въ даль тянулись... я какъ-будто
Былъ и жертвыи и живои.

То ль, о чемъ гадалъ я только,
Нилъ чего не зналъ никто,
То ли, это ль, — сновидѣнье,
Исповѣдало мнѣ?

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Мартъ 1847.

Д В Ъ Д І А Н Ы.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

КАТЕРИНА МЕДИЧИ.

Габріэль былъ твердъ душою и рѣшителенъ. Возвратясь отъ Дианы де-Пуатъе, послѣ первой минуты унынія, онъ ободрился и отправился къ королевѣ.

Катерина Медичи, дѣйствительно, могла знать объ этой трагической расправѣ своего супруга съ графомъ Монгомери, а можетъ-быть и была въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Въ то время ей было не болѣе двадцати лѣтъ. Какъ молодая жена-красавица, она должна была слѣдить за всѣми дѣйствіями и промахами своей соперницы. Габріэль рассчитывалъ, что ея воспоминанія освѣтятъ ему тотъ мрачный путь, по которому онъ шелъ ощупью и на которомъ ему, какъ любовнику и сыну, такъ сильно хотѣлось видѣть ясно.

Катерина приняла виконта д'Эксмэ съ тою особенною благосклонностью, которую постоянно показывала ему при каждой встрѣчѣ.

— Это вы, дрякрасный побѣдитель, сказала она.—Какому счастливому случаю обязана я вашимъ визитомъ? Вы рѣдко посѣщаете насъ, виконтъ, и, кажется, въ первый разъ просите аудіенцію на моей половинѣ. А между-тѣмъ, вашъ приходъ всегда былъ и всегда будетъ кстати, въ этомъ вы не можете сомнѣваться.

— Не знаю, какъ благодарить ваше величество за вашу доброту, но будьте увѣрены, что моя преданность...

— Оставимъ ее, вашу преданность, прервала королева:—и пойдемъ къ цѣли, которая васъ привела сюда. Могу я быть полезна вамъ въ чемъ-нибудь?

— Я думаю, что можете.

— Тѣмъ лучше! продолжала Катерина съ самою ободрительною улыбкой:—и если то, чего вы хотите, въ моей власти, даю вамъ напередъ обѣщаніе исполнить вашу просьбу,—обѣщаніе, можетъ-быть, не совсѣмъ благовидное; но вы не употребите его во зло, мой прекрасный кавалеръ.

— Сохрани Богъ! не таково мое намѣреніе.

— Говорите же, увидимъ, сказала, вздохнувъ, королева.

— Я осмѣлился просить у васъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, ничего больше. Но это ничего для меня—все. И потому, простите, если я разбуджу воспоминанія, которыя должны быть тягостны для вашего величества. Воспоминанія эти относятся къ 1539 году.

— Ахъ, я была тогда еще очень-молода, почти ребенокъ! сказала королева.

— Но, безъ сомнѣнія, были уже очень-хороши и вполне достойны любви, отвѣчалъ Габріэль.

— Иные говорили, сказала королева, довольная оборотомъ, какой принялъ разговоръ.

— А между-тѣмъ, продолжалъ Габріэль:—другая женщина уже осмѣливалась посягнуть на права, которыя вы получили отъ Бога, которыя давало вамъ и рожденіе ваше, и красота; и эта женщина, недовольная тѣмъ, что отвратила отъ васъ, безъ сомнѣнія, волшебствомъ и чарами, глаза и сердце супруга, слишкомъ-молодате, и потому немогшаго быть дальновиднымъ, — эта женщина взмѣнила тому, кто взмѣнилъ вамъ, и любила графа Монгомері. Но вы, можетъ-быть, забыли все это, ваше величество?

— Нѣтъ, сказала королева:—это приключеніе и всѣ первыя интриги той, о которой вы говорите, еще памяты мнѣ. Дѣ, она любила графа Монгомері; потомъ, увидѣвъ, что ея связи обнаружены, безсовѣстно объявила, что притворялась нарочно для испытанія дофина, и когда Монгомері исчезъ, можетъ-быть, единственно по ея повелѣнію, она не плакала о немъ, и на другой день явилась на балѣ съ улыбающимся лицомъ. О, я долго буду помнить первыя интриги, которыми эта женщина подкапывала счастье моей молодости! Тогда это огорчало меня; дни и ночи проводила я въ слезахъ. Но, потомъ, мое самолюбіе пробудилось: я всегда исполняла свои обязанности, даже болѣе, и постоянно внушала собою уваженіе къ званіямъ супруги, матери и королевы; я принесла семь дѣтей королю и Франціи. Но теперь, любовь можетъ мужу спокойна, какъ къ другу и къ отцу моихъ сыновей, и въ не имѣетъ права требовать отъ меня чувства болѣе-нѣжнаго; я довольно жила для общаго блага, чтобъ жить нѣсколько и для себя-самой. Не дешевой цѣной купила я свое счастье! И еслибъ чу-

тво преданности, молодое и страстное, предстояло мнѣ, Габріэль, — развѣ не могла бы я не отвергнуть его безъ преступленія?

Слова Катерины пояснялись ея взглядами. Но мысли Габріэля были далеко. Съ-тѣхъ-поръ, какъ королева перестала говорить объ его отцѣ, онъ пересталъ слушать ее,—онъ мечталъ. И эта мечтательность, которую Катерина объяснила по-свѣдому, правилась ей. Но Габріэль скоро прервалъ молчаніе.

— Еще одинъ, послѣдній и самый важный для меня вопросъ, сказалъ онъ.—Вы такъ благосклонны ко мнѣ! На пути сюда я не думалъ, что мои ожиданія такъ удовлетворятся. Вы говорили о преданности, положитесь на меня. Но, ради Бога, довершите свое благодѣяніе! Такъ—какъ вы знали подробности этихъ темныхъ приключеній графа Монгомері, то не помните ли, не было ли сомнѣній въ дѣйствительности отеческихъ правъ короля на г-жу де-Кастро, когда она родилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ исчезновенія графа? Злословіе, или даже клевета, не выражали ли подозрѣній на этотъ счетъ, не называли ли Монгомері отцомъ Діаны?

Катерина Медичи нѣсколько времени смотрѣла на Габріэля молча, какъ—бы для того, чтобъ разгадать побужденія, вызвавшія у него этотъ вопросъ. Думая, что нашла эти побужденія, она начала улыбаться.

— Я въ-самомъ-дѣлѣ замѣтила, сказала она:—что вы неравнодушны къ г-жѣ де-Кастро и усердно за нею ухаживаете. Теперь я понимаю ваши намѣренія. Только, не заходя далеко, вы хотите, кажется, прежде увѣриться, дѣйствительно ли предъ дочерью короля преклоняете колѣно. Вы боитесь, чтобъ, женившись на признанной дочери Генриха II, не открыли вы какимъ-нибудь нежданымъ случаемъ, что жена ваша незаконная дочь графа Монгомері. Однимъ-словомъ, вы честолюбивы, виконтъ д'Эксмб. Не оправдывайтесь! это только возвышаетъ васъ въ моихъ глазахъ, и не только не мѣшаетъ моимъ видамъ на васъ, но скорѣе помогаетъ. Вы честолюбивы, не правда ли?

— Но, ваше величество... говорилъ Габріэль смутившись: — можетъ-быть, дѣйствительно...

— Довольно; вижу, что я разгадала васъ, мой любезный кавалеръ, сказала королева.—Ну! хотите вѣрить дружбѣ? для собственныхъ вашихъ цѣлей, оставьте свои виды на эту Діану. Откажитесь отъ этой куклы. Я не знаю навѣрное, дочь ли она короля или графа, хотя послѣднее предположеніе весьма—правдоподобно; но, еслибъ она и родилась отъ короля,—это не такая женщина, какая нужна вамъ. Это существо слабое, нѣжное, чувствительное, милое, если хотите,—но безъ силы, безъ энергій, безъ характера. Она умѣла приобрести милость короля, правда; но воспользоваться ею не сумѣетъ. Вамъ, Габріэль, для исполненія вашихъ огромныхъ замысловъ, нужно сердце мужественное, сильное, которое бы столько же помогало вамъ, сколько и любило васъ, которое бы служило

Вамъ и, въ то же время, наполняло вашу душу, жизнь вашу. Кое сердце вы нашли, виконтъ, сами не зная того.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на королеву, которая продолжала съ увлеченіемъ:

— Послушайте: наше положеніе въ обществѣ должно освободить насъ, королевъ, отъ обыкновенныхъ условныхъ приличій, стоя такъ высоко, мы, не выжидая признанія въ любви, должны сами дѣлать первый шагъ и протягивать руку къ любимому предмету. Габріэль, вы прекрасны, храбры, пламенны и горды! первой минуты, когда увидѣла васъ, я ощутила тутъ, въ груди, незнакомое мнѣ чувство, и—не-уже-ли я обманулась? Ваши слова, ваши взгляды и даже теперешнее ваше обращеніе ко мнѣ, — наконецъ, заставляло меня предполагать, что я встрѣтила въ васъ не неблагодарнаго.

— Ваше величество!.. въ испугѣ произнесъ Габріэль.

— Да, вы изумлены, поражены, я вижу это, продолжала Катерина съ самой нѣжной улыбкой.—Но вы не осуждаете меня, правда ли, за мою невольную откровенность? Повторяю: званіе королевы должно извинять женщину. Вы робки, хотя и честолюбивы, виконтъ, а мелочныя приличія могли лишить меня драгоценнаго чувства; я лучше хотѣла сама начать. Ну! прійдите же въ себя! не-уже-ли я такъ страшна?

— О! да! пробормоталъ Габріэль, блѣднѣя.

Королева поняла это восклицаніе по-своему.

— Что жъ! сказала она съ шутивымъ сомнѣніемъ:—я, кажется, еще не успѣла искружить вамъ голову до того, чтобъ заставить васъ забыть ваши планы, и розъяски ваши объ ангулемской принцессѣ—доказываютъ это. Но успокойтесь; повторю вамъ, что не униженія, а величія я желаю для васъ. Габріэль! до сих поръ, я термалась на второмъ планѣ; но знайте, скоро увидятъ меня на первомъ. Діана де-Пуатье уже не въ тѣхъ лѣткахъ, чтобъ могла еще долго сохранить свою красоту и могущество. Съ той минуты, когда исчезнетъ обаяніе этой женщины, начнется мое царство, и я съумѣю царствовать, Габріэль! духъ владычества, который я въ себѣ чувствую, тому порукой; притомъ, это уже въ крови Медичи. Король узнаетъ, что у него нѣтъ совѣтника: искуснѣе, опытнѣе и надежнѣе меня, и тогда — на что не будетъ имѣть права человѣкъ, который соединилъ свою судьбу съ моею, когда моя была еще во мракѣ, который любилъ во мнѣ женщину, а не королеву? Владычица королевства не вознаградитъ ли достойнымъ образомъ того, кто былъ преданъ Катеринѣ? Этотъ человѣкъ будетъ первымъ по ней, ея правая рука, истинный король, покорный призраку короля? Въ его рукахъ будутъ всѣ титулы и силы Франціи? Прекрасный сонъ, не правда ли, Габріэль! Ну! хотите вы быть этимъ человѣкомъ?

Она смѣло протянула ему руку.

Габріэль преклонилъ колѣно и поцаловалъ эту бѣлую, чудную руку... Но онъ былъ такъ твердъ и благороденъ, что не могъ предаться хитростямъ и обманамъ притворной любви. Онъ былъ такъ откровененъ и рѣшителенъ, что не могъ колебаться между облакомъ и опасностью.

— Ваше величество, сказалъ онъ: — предъ вами самый почтительный изъ вашихъ слугъ и самый преданный изъ вашихъ подданныхъ. Но...

— Но, прервала Катерина съ улыбкой:—я не требую отъ васъ того почтительнаго языка, мой благородный кавалеръ.

— Но, продолжалъ Габріэль:—я не могу, говоря съ вами, употреблять словъ болѣе нѣжныхъ и страстныхъ, потому-что, прощайте!.. прежде, нежели я узналъ васъ, я любилъ Диану де-Кастро, никакая другая любовь, даже любовь королевы, не найдетъ мѣста въ этомъ сердцѣ, которое наполнилъ уже другой образъ.

— А! произнесла Катерина блѣднѣя, и губы ея судорожно жалась.

Но Габріэль, опустивъ голову, спокойно ждалъ, какъ разразится надъ нимъ гроза негодованія и презрѣнія. Презрѣніе и негодованіе не заставили долго ждать себя.

— Знаете ли вы, г. д'Эксмэ, сказала Катерина послѣ минутнаго молчанія, едва удерживаясь отъ гнѣва:—знаете ли вы, что я чинаю васъ дерзкимъ, чтобъ не сказать наглымъ? Кто говорилъ вамъ о любви? Съ чего вы взяли, что посягаютъ на вашу суровую добродѣтель? Надо быть слишкомъ-тщеславну и наглу, чтобъ мѣлится такъ думать и такъ отважно объяснять благосклонность, ошибочно направленную къ недостойному ея! Вы серьезно дербили женщину и королеву, г. Эксмэ!

— О! повѣрьте, ваше величество, отвѣчалъ Габріэль:—что мое виновное почтеніе...

— Довольно! прервала Катерина: — говорю вамъ, вы оскорбили меня, вы пришли съ тѣмъ, чтобъ оскорбить меня? Зачѣмъ вы здѣсь? Что привело васъ сюда? Что мнѣ за дѣло до вашей любви, до г-жи де-Кастро, до всего, что васъ занимаетъ! Вы пришли ко мнѣ за справками? Смѣшной предлогъ! Вы хотѣли взять изъ королевы Франціи любовную полицію для себя. Это замысленно, говорю вамъ, и прибавляю: это оскорбленіе!

— Нѣтъ, ваше величество, гордо отвѣчалъ Габріэль:—не могъ оскорбить васъ благородный человѣкъ, который рѣшился лучше урочить васъ, нежели обмануть.

— Молчите, сударь! перебила Катерина: — я вамъ приказываю молчать и уйти отсюда. Считайте за счастье, что я не хочу отвѣчать королю вашей дерзкой ошибки; но не являйтесь никогда предо мною, и знайте, что Катерина Медичи—вашъ неумолимый вѣдь. Да, я найду васъ, будьте увѣрены, г. д'Эксмэ! А теперь, уходите.

Габріэль поклонился королевѣ и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Ну, думалъ онъ: — еще однимъ врагомъ больше! Но что бы выигралъ я, еслибъ и узналъ что-нибудь о моемъ отцѣ и о Діанѣ? Любимица короля и жена короля— враги мои! Не хочеть ли еще судьба сдѣлать меня врагомъ короля. Пойдемъ теперь къ Діанѣ уже время. Дай-Богъ не потерять этого послѣдняго свѣта, и не выйдти еще съ болѣею тоской на душѣ отъ той, которая любитъ меня, нежели отъ тѣхъ, которыя ненавидятъ.

II.

Любовникъ, или братъ?

Когда Жасента провела Габріэля въ комнату, которую Діана де Кастро, какъ признанная дочь короля, занимала въ Луврѣ, она гнаивномъ, цѣломудренномъ смущеніи побѣжала на встрѣчу любимому человѣку, нисколько не скрывая своей радости. Она не отклонила бы лица и отъ поцалуя; но Габріэль удовольствовался однимъ пожатіемъ руки.

— Наконецъ это вы, Габріэль! сказала Діана.— Съ какимъ терпѣніемъ я ждала васъ, другъ мой! Съ нѣкотораго времени не знаю, куда дѣвать полноту своего счастья. Я разговариваю со всѣми одна, смѣюсь одна, — я просто сумасшедшая! Но вотъ вы, Габріэль, — теперь мы можемъ по-крайней-мѣрѣ блаженствовать вмѣстѣ! Ну, что же съ вами? что это у васъ какой видъ — холодный, важный, почти грустный? Такимъ-то непривѣтливимъ лицомъ, такой-то неразвязной лаской доказываете вы мнѣ любовь а Богу да моему отцу — благодарность?

— Вашему отцу?.. Дѣ, поговоримте о вашемъ отцѣ, Діана. Что касается до важности, которая васъ удивляетъ, это моя привычка встрѣчать счастье съ нахмуреннымъ лицомъ, потому-что плохо вѣрю въ дары его, къ которымъ до-сихъ-поръ не имѣю случая привыкнуть; притомъ же, я испыталъ, что слишкомъ-часто подъ радостью кроется горе.

— Я не считала васъ, Габріэль, ни такимъ философомъ, ни такимъ несчастнымъ, возразила полу-веселая, полу-огорченная Діана. — Но посмотримъ! вы сказали, что хотите говорить о королѣ; это лучше: какъ онъ былъ добръ и благороденъ, Габріэль!

— Дѣ, Діана, онъ васъ очень любитъ, не правда ли?

— Невообразимо-нѣжно, Габріэль.

— Конечно, пробормоталъ виконтъ д'Эксмэ: — онъ можетъ думать, что она его дочь... Одно только удивляетъ меня, продолжалъ онъ вслухъ: — какимъ образомъ король, у котораго сердце ужь, разумѣется, было предчувствіе его настоящей любви къ вамъ, какимъ образомъ могъ онъ двѣнадцать лѣтъ не видѣть васъ, не знать и оставлять въ этой ссылкѣ въ Вимутьѣ, затерянную, забытую? Вы, Діана, никогда не спрашивали его о причинѣ этого страннаго равнодушія? Знаете ли? подобную забывчивость

трудно согласить съ ласками, которыми онъ теперь окружаетъ васъ.

— О! возразила Діана, вѣдь это не онъ забывалъ меня!

— А кто же?

— Кто, если не Діана де-Пуатье, не знаю, должна ли я сказать: — моя мать?

— Почему же она рѣшилась такъ бросить васъ, Діана? Ей надо было наслаждаться, гордиться въ глазахъ короля вашимъ рожденіемъ, которое давало ей больше правъ на любовь его. Чего могла она бояться? Мужа ея не было на свѣтѣ, отца — тоже...

— Конечно, Габріэль, сказала Діана: — мнѣ было бы трудно, если не невозможно, оправдать передъ вами эту странную гордость, съ которой г-жа де-Валентинуа постоянно отказывалась открыто признать меня своею дочерью. Вы, стало-быть, еще не знаете, мой другъ, что она упростила короля скрыть мое рожденіе, что призвала меня ко двору только по его настоячивости, почти по его приказанію, что, наконецъ — она не согласилась помѣстить свое имя въ актѣ о моемъ происхожденіи. Я не жалю объ этомъ, Габріэль, потому-что безъ ея смѣшной гордости я бы не знала васъ и вы бы не любили меня. Конечно, мнѣ иногда грустно думать объ отвращеніи моей матери отъ всего, что до меня касается.

— Отвращеніи... можетъ-быть, это—угрызеніе совѣсти, съ ужасомъ подумалъ Габріэль: — она съумѣла обмануть короля, но съ тревогой и страхомъ...

— О чемъ же вы думаете, другъ мой? спросила Діана: — и къ чему вы меня спрашивали?

— Такъ, сомнѣніе моего безпокойнаго духа. — Не безпокойтесь объ этомъ, Діана; но, по-крайней-мѣрѣ, если ваша матушка чувствуетъ къ вамъ нерасположеніе и почти ненависть, за то отецъ вознаграждаетъ васъ за эту холодность своей нѣжностью; и вы съ своей стороны — если чувствуете робость и отчужденіе въ-отношеніи г-жи де-Валентинуа, за то въ присутствіи короля сердце ваше расширяется, не правда ли? оно узнаетъ въ немъ истиннаго отца.

— О, конечно! отвѣчала Діана: — съ перваго дня, какъ я его увидѣла, какъ только онъ заговорилъ мнѣ съ такой добротой, я тутъ же почувствовала къ нему влеченіе. Не изъ политики я такъ предупредительна съ нимъ, такъ привязана къ нему — это инстинктъ. Не будь онъ король, не будь онъ мой благодѣтель и покровитель, — я бы все также любила его: онъ — мой отецъ.

— Въ такихъ вещахъ не обманываются! вскричалъ восхищенный Габріэль. — Милая Діана! Хорошо, что вы такъ любите отца, чувствуете къ нему столько благодарности и любви. Такое нѣжное чувство дѣлаетъ вамъ честь.

— Хорошо также и то, что вы понимаете и одобряете это чувство, мой другъ, сказала Діана. — Но, поговоримъ о моемъ отцѣ

о его привязанности ко мнѣ, о моей къ нему, и о томъ, какъ мы ему обязаны,—не поговорить ли намъ немножко о насъ-самихъ, о нашей любви, Габріэль, а? Что дѣлать! люди — эгоисты, примолвила она съ свойственнымъ ей отъ природы простодушіемъ. Впрочемъ, еслибъ король былъ тутъ, онъ упрекнулъ бы меня, зачѣмъ я не думаю все о себѣ, о насъ съ вами. Знаете ли, Габріэль, — вотъ еще сейчасъ онъ повторялъ мнѣ: «Дитя мое, будь счастлива! будешь счастлива—слышишь ли? — и меня сдѣлаешь счастливымъ.» Итакъ, сударь, мы заплатили долгъ благодарности, — не будемъ же слишкомъ-забывчивы къ самимъ-себѣ.

— Правда, проговорилъ Габріэль въ раздумьи: — правда. Обратимся теперь къ привязанности, которая связываетъ на всю жизнь другъ съ другомъ. Заглянемъ къ себѣ въ сердце, посмотримъ, что тамъ дѣлается. Выскажемъ взаимно наши души.

— Хорошо! сказала Діана:—это будетъ чудесно.

— Да, чудесно! печально возразилъ Габріэль. — Начнемъ съ васъ, Діана; что вы чувствуете ко мнѣ? Не меньше ли вы меня любите, нежели отца?

— Злой ревнивецъ! сказала Діана. — Знайте только, что я васъ люблю совсѣмъ иначе. Не легко, впрочемъ, мнѣ вамъ объяснить это. Когда король со мной, я спокойна и мое сердце бьется какъ всегда; а когда вы со мной, о! тогда какая-то странная тревога, и мучительная и сладкая, разливается по всему моему существу. Королю я при всѣхъ говорю ласковыя слова, какія только прійдутъ мнѣ на умъ; но вамъ, при комъ бы то ни было, не рѣшусь, кажется, выговорить и одного слова: «Габріэль!» даже и тогда, какъ буду вашей женой. Сколько радость моя въ присутствіи короля покойна, столько блаженство мое съ вами тревожно, скажу больше—болѣзненно; но эта болѣзненность для меня дороже спокойствія.

— Молчи! о, молчи! вскричалъ въ себя Габріэль.—Да, ты любишь меня, и это меня ужасаетъ!.. Это разувѣряетъ меня, хотѣлъ я сказать, потому-что вѣдь не допустилъ бы Богъ такой любви, еслибъ ты не имѣла права любить меня.

— Что вы хотите сказать, Габріэль? спросила изумленная Діана.—Отъ-чего мое признаніе, которое я имѣю право сдѣлать, потому-что вы скоро будете моимъ мужемъ,—отъ-чего это признаніе выводитъ васъ изъ себя? Какая опасность можетъ скрываться въ любви моей?

— Никакой, милая Діана, никакой. Не обращайтесь на это вниманія; это радость, которая и меня волнуетъ... это радость! Такое необъятное блаженство можетъ вскружить голову. Однако, вы не всегда любили меня съ такими тревогами и страданіями. Когда мы съ вами, бывало, гуляли въ Вимутье, вы чувствовали ко мнѣ одну дружбу... братскую.

— Тогда я была еще ребенокъ, сказала Діана: — тогда я еще не передумала о васъ шесть лѣтъ въ уединеніи; тогда любовь моя

еще не выросла вмѣстѣ со мной; тогда я не прожила еще двухъ мѣсяцевъ при дворѣ, гдѣ испорченность языка и нравовъ уже не могла заставить меня больше полюбить нашу чистую страсть.

— Это правда, это правда, Діана! сказалъ Габріэль.

— А вы, мой другъ, продолжала Діана въ свою очередь:— скажите-ка, сколько у васъ для меня преданности и страсти. Откройте мнѣ свое сердце, какъ я вамъ открыла свое. Если мои слова были вамъ пріятны, позвольте же и мнѣ услышать вашъ голосъ, скажите, сколько вы меня любите, какъ вы меня любите.

— О! я, я не знаю, сказалъ Габріэль:— я не могу вамъ сказать этого! Не спрашивайте меня, не требуйте, чтобъ я спрашивалъ самого себя: это слишкомъ-страшно.

— Но, Габріэль! вскричала испуганная Діана:— слова ваши всего страшнѣе... вы этого не чувствуете? Какъ! вы не хотите даже сказать мнѣ, что меня любите!

— Люблю ли я тебя, Діана! Она спрашиваетъ, люблю ли я ее! Да! люблю какъ безумный, какъ преступникъ, можетъ-быть.

— Какъ преступникъ! проговорила изумленная Діана. — Какое преступленіе можетъ быть въ нашей любви? Развѣ не свободны мы оба? Развѣ мой отецъ не согласился на союзъ нашъ? И Богъ и ангелы радуются подобной любви!

— Господи! не дай ей богохульствовать, мысленно проговорилъ Габріэль:— какъ, можетъ-быть, я иногда богохульствовалъ въ разговорахъ съ Алоизой.

— Но что жь это съ вами? сказала Діана. — Другъ мой, вы не больны, по-крайней-мѣрѣ? Вы всегда были такъ тверды: откуда же взялись эти фантастическіе страхи? А я! я съ вами ничего не боюсь; знаю, что съ вами я въ такой же безопасности, какъ съ отцомъ. Послушайте! вспомните хорошенько о себѣ-самомъ, о жизни, о счастье; я прижимаюсь къ груди вашей безъ страха, мой милый супругъ! Позволяю вамъ цаловать себя, безъ всякихъ мелочныхъ сомнѣній.

Она подошла къ нему улыбающаяся, прелестная; ея веселенькое личико потянулось къ его лицу, и чистый, ясный взглядъ направивался на невинную ласку.

Габріэль съ ужасомъ оттолкнулъ ее.

— Нѣтъ, прочь! закричалъ онъ:— оставь меня, уйди!

— Боже мой! сказала Діана, опустивъ руки: — Боже мой! онъ меня отталкиваетъ, онъ не любитъ меня!

— Я тебя слишкомъ люблю! прервалъ Габріэль.

— Еслибъ вы любили меня, развѣ мои ласки пугали бы васъ?

— Пугали ли бы онѣ меня въ-самомъ-дѣлѣ? подумалъ Габріэль, проникнутый другаго рода ужасомъ. — Можетъ-быть, мой инстинктъ, а не разумъ отталкиваетъ эти ласки? О, подойди ко мнѣ, Діана! подойди, чтобъ я увидѣлъ, узналъ, почувствовалъ. Позволь мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ коснуться чела твоего братскимъ поцалуемъ; на него женихъ имѣетъ право.

Онъ привлекъ къ себѣ Діану и прижалъ свои уста къ волосамъ ея въ долгомъ поцалуѣ.

— Я ошибался! проговорилъ онъ въ восторгѣ: — не голосъ крови говорить во мнѣ, это голосъ любви. Я узналъ его,—какое счастье!

— Да что ты говоришь, другъ мой? возразила Діана.—Но—ты говоришь, что любишь меня. Вотъ все, что хочу я слышать и знать.

— О, да! я люблю тебя, мой обожаемый ангель: — люблю горячо, страстно, безумно. Я люблю тебя... Чувствовать, какъ твое сердце бьется на груди моей?.. это — рай... или, скорѣй, адъ! вскрикнулъ вдругъ Габріэль, откинувшись отъ Діаны. — Прочь, прочь! дай мнѣ убѣжать; я прокляты!

И въ изступленіи онъ бросился изъ комнаты, оставивъ Діану безмолвную отъ ужаса, окаменѣвшую отъ отчаянія.

Онъ не помнилъ, гдѣ идетъ, что дѣлаетъ. Безсознательно сошелъ онъ съ лѣстницъ, шатаясь какъ пьяный. Трудно было его разсудку выдержать эти три страшныя испытанія. Когда вошелъ онъ въ большую луврскую галерею, глаза его невольно закрылись, ноги подкосились, и онъ опустилъ колѣни возлѣ стѣны, пробормотавъ:

— Я предвидѣлъ, что ангель будетъ мучить меня еще больше, нежели два демона.

Онъ упалъ безъ чувствъ. Была ночь; никто не проходилъ по галереѣ.

Габріэль не прежде сталъ приходитъ въ себя, какъ ощутивъ у себя на лбу движеніе маленькой ручки и слышавъ сладкій голосъ, говорившій душѣ его. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ, съ свѣчой въ рукѣ, наклонилась дофина Марія Стюартъ.

— На мое счастье, вотъ другой ангель, проговорилъ Габріэль.

— Это вы, мосьё д'Эксмэ? сказала Марія. — О! какъ вы меня напугали! Я думала, что вы умерли. Что съ вами? Какъ вы блѣдны! Лучше ли вамъ? Я позову кого-нибудь, если хотите.

— Не нужно, сказалъ Габріэль, стараясь приподняться.—Вашъ голосъ возвратилъ меня къ жизни.

— Пойдите, я вамъ помогу, примолвила Марія Стюартъ.—Бѣдный молодой человекъ! вы слабы! Такъ съ вами былъ обморокъ? Я проходила мимо, увидѣла васъ и не имѣла силъ закричать. А потомъ — одумалась, подошла къ вамъ; конечно, тутъ надо было много смѣлости. Я тронула рукой вашъ лобъ—онъ былъ совсѣмъ холодный; я стала звать васъ, вы и пришли въ чувство. Что! вамъ лучше?

— Да, сударыня! и—васъ Богъ благословитъ за вашу доброту. Теперь я припоминаю. Страшная боль сжала мнѣ виски какъ-будто желѣзными тисками; колѣни мои подогнулись и я упалъ у стѣны. Но откуда взялась эта боль?.. А! да, теперь вспомнилъ, вспомнилъ все. О, Боже мой! Боже мой! теперь я все помню!

— Вѣрно, сильное горе поразило васъ, не правда ли? продолжала Марія. — О, да, потому-что при одномъ воспоминаніи вы такъ ужасно поблѣднѣли. Обонритесь мнѣ на руку, я сильна. Я позову людей, чтобъ васъ отвели домой.

— Благодарю васъ, сказалъ Габріэль, стараясь собрать всѣ свои силы и энергію. — Я чувствую еще столько твердости, что дойду одинъ. Посмотрите, я иду одинъ и довольно твердо. Но это не уменьшаетъ моей благодарности къ вамъ, и пока живъ, я буду помнить вашу трогательную доброту. Вы явились ангеломъ-утѣшителемъ въ самую тяжелую для меня минуту. Только смерть можетъ изгладить это изъ моей памяти.

— О, Боже мой! то, что я сдѣлала, такъ естественно, господинь д'Эксмѣ. Я то же бы сдѣлала для всякаго страдальца, тѣмъ болѣе для васъ, какъ преданнаго друга моего дяди Гиза. Не благодарите меня за такую малость.

— Эта малость была все для моей отчаянной скорби. Вы не хотите, чтобъ васъ благодарили, но я хочу помнить. Прощайте, сударыня, я буду помнить.

— Прощайте, господинь д'Эксмѣ! берегите себя; по-крайней-мѣрѣ, старайтесь утѣшиться.

Она протянула ему руку, которую Габріэль почтительно поцаловалъ. Потомъ она пошла въ одну сторону, а онъ въ другую.

Алонза тоскливо ждала его.

— Ну, что? сказала она ему.

Габріэль старался преодолѣть затмѣніе, начинавшее снова покрывать его глаза. Ему хотѣлось плакать, но онъ не могъ.

— Я ничего не знаю, Алонза! отвѣчалъ онъ измѣнившимся голосомъ. — Все было нѣмо, и эти женщины, и мое сердце. Я ничего не знаю, кромѣ того, что лобъ мой холоденъ какъ ледъ, а между-тѣмъ я весь горю. Боже мой! Боже мой!

— Не унывайте, сударь! сказала Алонза.

— Я не унываю, сказалъ Габріэль. — Слава Богу, я умираю.

И онъ снова упалъ на полъ, но на этотъ разъ уже не очнулся.

III.

Гороскопъ.

— Больной останется живъ, моя милая. Великія была опасность, и выздоровленіе будетъ медленно. Всѣ эти кровопусканія ослабили бѣднаго молодого человѣка; но — онъ будетъ жить, въ этомъ не сомнѣвайся и благодари Бога, что тѣлесное страданіе ослабило ударъ, нанесенный душѣ его, потому-что подобныхъ ранъ мы не исцѣляемъ, а его рана могла бы быть смертельна и можетъ еще сдѣлаться смертельной.

Такъ говорилъ Алоизъ врачъ, человѣкъ высокаго роста, съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ, съ впалыми, проникающими глазами. Народъ звалъ этого человѣка *maitre Nostredame*, между учеными назывался онъ *Нострадамусъ*. По-видимому, ему было не болѣе пятидесяти лѣтъ.

— Но, Господи!.. посмотрите-ка на него, сударь, возразила Алоиза: — съ 7 іюня съ вечера лежитъ онъ у меня, а сегодня 2 іюля, и во все это время — ни слова не вымолвилъ, не увидѣлъ меня ни разу, не узналъ меня; онъ ужъ будто мертвый, спаси его Господи! Вы берете его за руку, а онъ и не чувствуетъ.

— Тѣмъ лучше, повторяю я вамъ, Алоиза: — тѣмъ позже возвратится онъ къ сознанию своихъ страданій, тѣмъ лучше: если онъ еще мѣсяцъ пробудетъ въ этомъ разслабленіи, безъ пониманія, безъ мысли, тогда онъ рѣшительно спасенъ.

— Спасенъ! проговорила Алоиза, поднявъ глаза къ небу, какъ-бы благодаря Бога.

— Онъ и теперь уже спасенъ, если только болѣзнь не возобновится; это вы можете сказать и той хорошенькой дѣвушкѣ, что ходитъ по два раза въ день узнавать о его положеніи: тутъ, конечно, скрывается любовь какой-нибудь важной дамы, не правда ли? Это иногда вещь прекрасная, а иногда — гибельная.

— О! у насъ она гибельная, ваша правда, сударь, сказала вздохнувъ Алоиза.

— Ну, видно, Богу угодно, чтобъ онъ избавился отъ страсти точно такъ же, какъ отъ болѣзни, если только у страсти и у болѣзни не одни и тѣ же дѣйствія и причины. Но за одну я отвѣчаю, а за другую — нѣтъ.

Нострадамусъ открылъ влажную, безчувственную руку, которую держалъ, и съ задумчивымъ вниманіемъ сталъ всматриваться въ ладонь этой руки. Онъ даже натянулъ кожу ладони на указательный и средній пальцы и, казалось, съ трудомъ старался что-то припомнить.

— Это странно, сказалъ онъ въ-полголоса, какъ-бы самъ себѣ: — вотъ ужъ сколько разъ принимаюсь я изучать эту руку, и всякій разъ мнѣ кажется, что когда-то въ былое время я уже изслѣдовалъ ее. Но какіе же знаки поражали меня тогда? Умственная линія благопріятна; средняя — сомнительна; но линія жизни — совершенна. Впрочемъ, ничего необыкновеннаго. Господствующее свойство этого молодого человѣка должно быть — воля твердая, неуклонная, неумолимая какъ стрѣла, пущенная вѣрною рукою. Это все не то, что когда-то изумляло меня... Да притомъ, воспоминаніе это слишкомъ темно у меня: оно должно быть очень старинное; а вѣдь вашему господину, Алоиза, не больше двадцати пяти лѣтъ, не такъ ли?

— Только двадцать-четыре, сударь.

— Стало-быть, онъ родился въ 1533... Не знаете ли вы, въ какой день онъ родился?

— 6-го марта.

— Но... не помните, утромъ, или вечеромъ?

— Ахъ, какъ же! Я была при его матери, ухаживала за ней во время родовъ. Господинъ Габріэль родился въ половинѣ седьмаго часа утра.

Нострадамусъ принялъ къ свѣдѣнію слова Алоизы.

— Я увижу, сказалъ онъ:—въ какомъ положеніи въ тотъ день и часть было небо. Но еслибъ виконтъ д'Эксмэ былъ старше двадцатью годами, я бы поклялся, что нѣкогда держалъ его за руку. Впрочемъ, что нужды! Не колдунъ, какъ иногда называетъ меня народъ, здѣсь дѣйствуетъ, а врачъ, и я повторяю вамъ, Алоиза, врачъ теперь отвѣчаетъ за больного.

— Извините, сударь! печально возразила Алоиза:—вы сказали, что будете отвѣчать за болѣзнь, но не будете отвѣчать за страсть.

— Страсть! А! сказалъ улыбнувшись Нострадамусъ:—но, мнѣ кажется, появленіе служаночки дважды въ день доказываетъ, что эта страсть не безнадежна.

— Напротивъ, сударь, напротивъ! вскричала съ ужасомъ Алоиза.

— Помилуйте! такому богатому, храброму, молодому и прекрасному человѣку, какъ вашъ виконтъ д'Эксмэ, — не долго будетъ противиться женщина въ такой вѣкъ, какъ нашъ... Можетъ быть иногда отсрочка, вотъ и все, никакъ не больше.

— Однако, предположите, сударь, что вышло не то. Предположите, что когда мой господинъ оправится и прійдетъ въ себя, первая, единственная мысль, которая поразитъ умъ его, будетъ: «Женщина, которую я люблю, погибла для меня невозвратно?»

— О! будемъ надѣяться, что ваше предположеніе неосновательно; это было бы ужасно. Такая нестерпимая скорбь для такой слабой головы страшна! Сколько можно судить о человѣкѣ по лицу и по глазамъ, вашъ господинъ, Алоиза, человѣкъ не поверхностный, а въ этомъ случаѣ его энергическая, могучая воля была бы всего опаснѣе: разбившись о невозможность, она разбила бы съ собой и жизнь.

— Боже мой! умеръ бы онъ! вскричала Алоиза.

— По-крайней-мѣрѣ, можно было бы опасаться воспаления въ мозгу, сказалъ Нострадамусъ. — Впрочемъ, что же? всегда есть средства зажечь въ его глазахъ свѣтъ надежды. Какую-нибудь перемѣну отдаленную, невѣрную... онъ схватится за нее и — будетъ спасенъ.

— Тогда онъ будетъ спасенъ, проговорила Алоиза мрачнымъ голосомъ.—Я хоть клятву нарушу, но онъ будетъ спасенъ. Благодарю васъ, господинъ Нострадамусъ!

Прошла недѣля; Габріэль, казалось, если еще не находилъ, то, по-крайней-мѣрѣ, старался отыскать свою мысль. Глаза его, еще блуждающіе и безвыразительные, уже останавливались съ вопро-сательнымъ взглядомъ на лицахъ и предметахъ. Потомъ началъ онъ помогать движенію, которое сообщали ему постороннія руки,

сталъ самъ приподыматься, брать питье, которое предлагалъ ему Нострадамусъ.

Алонза, неутомимо стоя у изголовья, ждала.

Въ концѣ слѣдующей недѣли, Габріэль сталъ говорить. Хаосъ, бродившій въ головѣ его, еще не озарился полнымъ свѣтомъ; онъ произносилъ только отрывочныя, несвязныя слова, въ которыхъ, однако, уже проглядывали черты прошлой жизни. Въ присутствіи врача, Алонза дрожала отъ страха, чтобъ Габріэль не высказалъ чего-нибудь изъ своихъ тайнъ.

Оказалось, что страхи ея были вполне основательны: одинъ разъ Габріэль, въ лихорадочномъ снѣ, закричалъ при Нострадамусѣ:

— Они думаютъ, что меня зовутъ виконтомъ д'Эксмэ! Нѣтъ, нѣтъ, берегитесь! Я—графъ Монгомері.

— Графъ Монгомері! проговорилъ Нострадамусъ, пораженный мелькнувшимъ передъ нимъ воспоминаніемъ.

— Молчите! прошептала Алонза, положивъ палецъ на губы.

Но Нострадамусъ ушелъ, не услыхавъ отъ Габріэля больше ни одного слова, и такъ-какъ ни на другой, ни на слѣдующіе за тѣмъ дни врачъ не заговаривалъ объ этихъ вырвавшихся у больного словахъ, то Алонза и сама боялась заговорить, чтобъ не привлечь его вниманія къ тому, что Габріэлю, вѣроятно, нужно было скрывать. Казалось, они оба забыли этотъ случай.

Но Габріэлю становилось все лучше и лучше. Онъ началъ узнавать Алонзу и Мартэна-Герра, спрашивалъ чего ему было нужно, говорилъ кротко и печально, что доказывало, что онъ уже въ совершенной памяти.

Въ одно утро, въ первый разъ вставъ съ постели, онъ сказалъ Алонзѣ:

— Кормилица, а что война?

— Какая война, сударь?

— А война съ Испаніей и Англіей?..

— Ахъ, сударь! Про нее рассказываютъ столько грустнаго. Испанцамъ пришли на подмогу двѣнадцать тысячъ Англичанъ и всѣ, говорятъ, вступили въ Пикардію. Дерутся по всей границѣ.

— Тѣмъ лучше! сказалъ Габріэль.

Алонза приписала этотъ отвѣтъ остатку бреда. Но на другой день, въ полномъ разсудкѣ, Габріэль сказалъ ей:

— Вчера я тебя не спросилъ: герцогъ Гизъ воротился изъ Италіи!

— Онъ ѣдетъ, сударь, отвѣчала удивленная Алонза.

— Это хорошо! которое нынче число?

— Вторникъ, четвертое августа, сударь.

— Назадъ тому два мѣсяца было седьмое число, когда я слегъ на эту мучительную постель.

— А! вскричала трепещущая Алонза:—какъ вы помните!

— Да, помню, Алонза! помню... Но, примолвилъ онъ печально.

— если я ничего не забылъ, за то, кажется, меня забыли; никто не приходилъ узнавать обо мнѣ?

— Какъ же, сударь, произнесла взмѣнившимся голосомъ Алоиза, стараясь съ замираніемъ сердца высмотрѣть на лицѣ Габріэля дѣйствіе своихъ словъ:—какъ же, служанка, которую зовутъ Жасента, всякій день по два раза приходила узнавать о вашемъ здоровьѣ. Но послѣднія двѣ недѣли, съ-тѣхъ-поръ, какъ вамъ стало замѣтно лучше, она ужъ не приходила.

— Не приходила!.. А ты не знаешь, почему?

— Знаю, сударь. Ея госпожу, какъ говорила въ послѣдній разъ Жасента, заставилъ король удалиться въ монастырь, по-крайшей-мѣрѣ на то время, пока не кончится война.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! проговорилъ Габріэль съ кроткой, задумчивой улыбкой.

Первая послѣ двухъ мѣсяцевъ слеза медленно покатилаь по щекамъ его.

— Милая Діана! промолвилъ онъ.

— О, сударь! вскричала Алоиза внѣ себя отъ радости:—вы пронесите это имя!.. и безъ всякихъ потрясеній, безъ страданія. Господинъ Нострадамусъ ошибся... Господинъ Габріэль спасенъ! онъ будетъ жить, мнѣ не нужно будетъ измѣнять клятвѣ!

Конечно, бѣдная кормилица рхнулась съ радости; но, къ-счастью, Габріэль не понялъ ея послѣднихъ словъ. Онъ только при-молвилъ съ горькой улыбкой:

— Да, я спасенъ; а между-тѣмъ, моя добрая Алоиза, мнѣ не жить.

— Какъ, сударь? спросила Алоиза, дрожа всѣми членами.

— Тѣло устоитъ, возразилъ Габріэль:—но душа, Алоиза, душа—ты думаешь, она не смертельно поражена? Я оправился отъ долгой болѣзни, это правда; я позволилъ себя вылечить, какъ ты видишь. Но на границѣ бьются; а я—капитанъ гвардіи, и мое мѣсто тамъ, гдѣ бьются. Какъ только буду въ состояніи сидѣть на лошади, отправлюсь къ своему посту... И въ первой битвѣ, въ которой мнѣ удастся быть, я устрою такъ, чтобъ мнѣ ужъ не вернуться.

— Вы дадите себя убить! Матерь Божія!.. Зачѣмъ же, сударь, зачѣмъ это?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что г-жа де-Шуатѣ убила себя, Алоиза; затѣмъ, что Діана, можетъ-быть, мнѣ сестра; затѣмъ, что я люблю Діану; затѣмъ, что, можетъ-быть, король приказалъ убить моего отца; затѣмъ, что я не могу мстить королю безъ полной увѣренности. Не имѣя возможности ни мстить за отца, ни жениться на сестрѣ, я не знаю хорошенько, что мнѣ остается дѣлать на этомъ свѣтѣ. Вотъ почему я и хочу его оставить.

— Нѣтъ, сударь, вы не оставите его, проговорила глухимъ голосомъ мрачная, помертвѣвшая Алоиза.—Вы его не оставите, потому-что въ немъ еще много вамъ дѣла, — дѣла страшнаго, ругаюсь вамъ... Но не скажу вамъ объ этомъ дѣлѣ до-тѣхъ-поръ, пока вы совсѣмъ не оправитесь, пока не увѣрите меня господинъ

Пострадамъ, что вы можете меня выслушать, что у васъ достанетъ на то силъ.

Наступилъ вторникъ слѣдующей недѣли. Габріэль уже три дня сталъ выходить, хлопоталъ объ экипажѣ и отъѣздѣ. Пострадамъ сказалъ, что онъ еще зайдетъ въ тотъ день взглянуть на него, но что это будетъ уже послѣдній визитъ.

Оставшись наединѣ съ Габріэлемъ, Алоиза сказала ему:

— Подумали ли вы, сударь, о томъ, на что рѣшились? Все ли вы еще остаетесь при своемъ намѣреніи?

— Остаюсь, отвѣчалъ Габріэль.

— Стало-быть, вы хотите убить себя?

— Хочу, чтобъ меня убили.

— И потому только хотите умереть, что нѣтъ у васъ средствъ узнать, сестра ли вамъ г-жа де-Кастро, или нѣтъ?

— Потому только.

— А что у вамъ говорила, сударь, чтобъ навести васъ на слѣдъ этой страшной тайны? Помните ли, что я говорила?

— Конечно! Что только Богъ на небѣ, да два человѣка на землѣ владѣютъ этой тайной. Эти два человѣческія существа были Діана де-Пуатье и графъ Монгомері, мой отецъ. Я просилъ, заклиналъ г-жу де-Валентинуа, грозилъ ей и — ушелъ отъ нея еще въ бѣднѣйшей неизвѣстности, въ бѣднѣйшей печали, нежели былъ прежде.

— Но вы говорили, что еслибъ нужно было сойти въ могилу вашего отца и добиться отъ него этой тайны, вы бы сошли и въ могилу не блѣднѣя.

— О! только не знаю я, гдѣ эта могила.

— И я не знаю; но ее ищутъ, сударь.

— Ну, да еслибъ я и нашелъ ее, вскричалъ Габріэль: — совершитъ ли Богъ для меня чудо? Мертвые не говорятъ, Алоиза.

— Мертвые точно не говорятъ; но живые говорятъ.

— Боже мой! что ты хочешь сказать? проговорилъ Габріэль блѣднѣя.

— Что вы — не графъ Монгомері, какъ называли себя въ бреду, а только виконтъ Монгомері, потому-что вашъ отецъ, графъ Монгомері, долженъ быть живъ.

— Творецъ небесный! ты знаешь, что онъ живъ, онъ, мой отецъ!

— Не знаю, но предполагаю и надѣюсь, потому-что у него была такая же сильная, мужественная натура, какъ ваша, такая же несокрушимая въ страданіи и бѣдствіяхъ. А если только онъ живъ, то не скроетъ отъ васъ, какъ Діана де-Пуатье, эту тайну, отъ которой зависитъ ваше счастье.

— Но гдѣ найти его? у кого спросить? Алоиза! ради Бога, говори!

— Это страшная исторія, сударь! Я поклялась моему мужу даже по приказанію вашего отца никогда не открывать вамъ этой

историю, потому-что, узнавъ ее, вы тут же броситесь въ страшныя опасности, объявите войну врагамъ, которые во сто разъ сильнѣе васъ. Но самая крайняя опасность все-таки лучше вѣрной смерти. Вы рѣшились умереть и — я знаю — устояли бы въ своей рѣшимости. Ужъ лучше же я предамъ васъ страшнымъ прихотямъ отчаянной борьбы, которой вашъ отецъ боялся за васъ. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, ваша смерть не такъ неизбежна и гибель не такъ близка. Я все вамъ расскажу, сударь; можетъ-быть, Богъ мнѣ проститъ клятвопреступничество.

— Конечно, простить, моя добрая Алоиза... Отецъ! мой отецъ живъ!.. Говори скорѣе.

Но въ эту минуту кто-то скромно постучался въ дверь; вошелъ Нострадамусъ.

— А, а! г. д'Эсмэ, сказалъ онъ Габріэлю:—что я вижу! какъ вы веселы, одушевлены! Въ добрый часъ молвить, вы ужъ мѣсяцъ не были такимъ. Кажется, вы совсѣмъ готовы выступить въ походъ на войну?

— На войну, да, дѣйствительно на войну, отвѣчалъ Габріэль, глядя на Алоизу сверкающими глазами.

— Итакъ, я вижу, что врачу здѣсь больше нечего дѣлать, приложилъ Нострадамусъ.

— Ничего, кромѣ принятія моей благодарности... не смѣю сказать: вознагражденія за ваши труды, потому-что, въ извѣстныхъ случаяхъ, за жизнь не платятъ.

И Габріэль, пожимая врачу руку, оставилъ въ ней свертокъ золота.

— Благодарю, виконтъ, сказалъ Нострадамусъ.—Но позвольте и мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ, который тоже чего-нибудь стоитъ.

— Что же это еще такое?

— Вы знаете, возразилъ Нострадамусъ:—что я занимался не однимъ распознаваніемъ человѣческихъ болѣзней. Я пытался проникать дальше и выше; пытался проникать въ судьбы людей,—попытка полная сомнѣній и мрака; но, за неимѣніемъ свѣта, мнѣ иногда, кажется, удавалось завидѣть мерцаніе. Богъ,—я убѣжденъ въ этомъ, — дважды написалъ впередъ широкое, могучее начертаніе судьбы каждаго человѣка: въ звѣздахъ неба, его родины, на которую онъ такъ часто возводитъ взоры, и—въ чертахъ руки, таинственно-волшебной книги, которую человѣкъ вѣчно носить съ собою, но въ которой, не смотря на безчисленные уроки, не можетъ разобрать ни слова. Много дней и ночей рылся я, виконтъ, въ этихъ наукахъ, бездонныхъ, какъ бочка Данаидъ, — въ хиромантіи и астрологін. Я вызвалъ предъ очи все грядущее и — черезъ тысячу лѣтъ послѣ меня, люди, которые тогда будутъ жить, можетъ-быть, иногда взумутся моимъ пророчествамъ. Но между-тѣмъ, я знаю, что въ этихъ пророчествахъ истина только мелькаетъ, какъ молнія; потому-что если я иногда вижу, за то часто — увы! — сомнѣваюсь. При всемъ этомъ, знаю, что по-временамъ бываютъ у

меня минуты такого просвѣтлѣнія, что я даже прихожу въ ужасъ. Въ одну изъ такихъ крайне-рѣдкихъ минутъ, назадъ тому двадцать-пять лѣтъ, видѣлъ я судьбу одного изъ придворныхъ короля Франциска, — судьбу, ясно-начертанную въ звѣздахъ при его рожденіи и въ чрезвычайно-запутанныхъ линияхъ его руки. Эта страшная, дикая, опасная судьба поразила меня. Теперь, представьте мое изумленіе, когда въ вашей рукѣ и въ звѣздахъ, бывшихъ при вашемъ рожденіи, я открылъ гороскопъ, подобный тому, которымъ нѣкогда былъ такъ пораженъ. Но я не могъ различить его такъ чисто, какъ тогда: двадцать-пять лѣтъ затемнили мои воспоминанія. Но въ прошломъ мѣсяцѣ вы въ бреду произнесли одно имя; я только и слышалъ, что одно имя, но оно подѣйствовало на меня. Это имя — графъ Монгомері.

— Графъ Монгомері? вскрикнулъ испуганный Габріэль.

— Повторяю вамъ, виконтъ, я только и слышалъ, что одно имя; до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Это имя того человѣка, судьба котораго явилась мнѣ такъ свѣтло, какъ среди дня. Я побѣжалъ домой, перерылъ свои старыя бумаги и — отыскалъ гороскопъ графа Монгомері. Но, вотъ что странно, виконтъ, вотъ чего не разъясню я, не смотря на тридцати-лѣтнія изслѣдованія: между вами и графомъ Монгомері должна быть какая-нибудь таинственная связь, какая-нибудь странная родственность. Богъ, никогда не дававшій двумъ человѣкамъ двухъ совершенно-подобныхъ назначеній, безъ-сомнѣнія, предназначилъ васъ обоимъ для однихъ и тѣхъ же событій, потому-что я не ошибался, — линии руки и свѣтъ неба — были для васъ обоимъ одни и тѣ же. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ не было никакого различія въ подробностяхъ его и вашей жизни; но преобладающій фактъ, который характеризуетъ ту и другую жизнь — сходенъ. Тогда, давно, я потерялъ изъ вида графа Монгомері; но знаю, что одно изъ моихъ предсказаній для него сбылось: онъ ранилъ въ голову короля Франциска I горячей головней. Сбылось ли и остальное въ его судьбѣ — не знаю. Могу только утверждать, что несчастье и смерть, грозившія ему, грозятъ и вамъ.

— Возможно ли? проговорилъ Габріэль.

— Вотъ, виконтъ, сказалъ Нострадамусъ, подавая ему свернутый пергаментъ: — вотъ гороскопъ, который я, во время дна, написалъ для графа Монгомері. То же написалъ бы я теперь и для васъ.

— Дайте, дайте, вскричалъ Габріэль. — Этотъ подарокъ въ-самомъ-дѣлѣ неоцѣнимъ; вы не можете представить, какъ мнѣ онъ дорогъ.

— Еще одно слово, г. д'Эксмэ, возразилъ Нострадамусъ: — последнее слово для вашего предостереженія, хотя во всемъ воля Бога и никто не можетъ уклониться отъ нея. Созвѣдія при рожденіи Генриха II предсказываютъ, что онъ умретъ на дуэли или въ какой-нибудь необыкновенной битвѣ.

— Но, прервалъ Габріэль:—что за отношеніе?..

— Читая этотъ пергаментъ, вы поймете меня, виконтъ. Теперь мнѣ остается разстаться съ вами и пожелать, чтобъ катастрофа, которую Богъ предназначилъ въ вашей жизни, была по-крайней-мѣрѣ невольная.

Простившись съ Габріелемъ, который еще разъ пожалъ ему руку и проводилъ его до порога, Нострадамусъ ушелъ.

Воротившись къ Алоизѣ, Габріэль развернулъ пергаментъ, и, увѣрившись, что нѣ кому ни помѣшать, ни подслушать, прочелъ вслухъ слѣдующее:

En joute, en amour, cettuy touchera
Le front du roy,
Et cornes ou bien trou sanglant mettra
Au front du roy;
Mais, le veuille ou non, toujours blessera
Le front du roy;
Enfin, l'aimera, puis, las! tuera
Dame du roy.

(Въ поединкѣ, въ любви ли, но онъ достигнетъ
До чела короля,
И рога, или кровавый знакъ нанесетъ
На чело короля,
Но—неволью или вольно—всегда уязвитъ
Онъ чело короля;
И полюбитъ его, а потомъ — умертвитъ
Госпожа короля.)

— Хорошо! вскричалъ Габріэль съ просіявшимъ лицомъ и торжествующимъ взглядомъ.—Теперь, милая Алоиза, ты можешь рассказывать, какъ король Генрихъ II за живо скоропилъ графа Монгомері, отца моего.

— Король Генрихъ II! вскрикнула Алоиза: — какъ вы узнали, сударь?..

— Я догадываюсь! Но, ты можешь открыть мнѣ преступленіе, потому—что Богъ уже призвалъ меня къ мщенію.

IV.

К о к е т к а.

Рассказъ Алоизы, почерпнутый изъ современныхъ лѣтописей и записокъ, которыя мужъ ея, Перро Навриньи, конюшій и повѣренннй графа Монгомері, велъ, въ-продолженіе жизни своего господина, составляетъ мрачную исторію Жака Монгомері, отца Габріэля. Сынъ зналъ изъ этой исторіи общія, официальные подробности; но страшная развязка ея оставалась тайною для него, какъ и для всѣхъ.

Жакъ Монгомері, обладатель Лоржи, подобно всѣмъ своимъ предкамъ, былъ храбръ и мужественъ; во время воинственнаго царствованія Франциска I-го, его всегда видали въ первыхъ рядахъ сражающихся. Рано достигъ онъ степени полковника французской инфантеріи.

Между сотнею его блестящихъ подвиговъ, было, впрочемъ, одно несчастное происшествіе, о которомъ намекалъ Нострадамусъ.

Это случилось въ 1521 году. Графу Монгомері было тогда не больше двадцати лѣтъ; онъ имѣлъ чинъ капитана. Зима стояла холодная, и молодые люди, во главѣ которыхъ былъ юный король Францискъ I, затѣяли игру въ *сильжки*: эта очень-небезопасная игра была тогда въ модѣ. Раздѣлились на двѣ противныя партіи; одна защищала домъ, другая съ комками снѣга осаждала его. Графъ д'Ангьенъ былъ убитъ въ подобной игрѣ; а графъ Монгомері чуть-чуть не убилъ короля. Окончивъ схватку, вздумали грѣться; огни между-тѣмъ погасли, и молодые храбрецы бросились толпой разводить ихъ. Жакъ первый бѣжалъ во всю прыть, схвативъ щипцами пылающую головню и на бѣгу наткнулся на Франциска; тотъ не успѣлъ отсторониться и получилъ плотный ударъ въ лицо горящимъ полѣномъ. Къ-счастью, дѣло кончилось одной, впрочемъ, довольно значительной раной, и неблагоприятный, оставшійся отъ нея шрамъ, былъ причиною установленной Францискомъ моды на длинныя бороды и короткіе волосы.

Такъ-какъ графъ Монгомері тысячу прекрасныхъ военныхъ подвиговъ заставилъ забыть это неловкое приключеніе, то король не чувствовалъ къ нему непріязни и далъ возвыситься до первыхъ степеней при дворѣ и въ войскѣ. Въ 1530, Жакъ женился на Клодинѣ де-ла-Буассьерѣ. То былъ простой, основанный на приличіи бракъ; но не смотря на это, графъ Монгомері долго оплакивалъ жену, умершую въ 1533, вслѣдъ за рожденіемъ Габріеля: Основною чертою его характера, какъ у всѣхъ, предназначенныхъ къ чему-нибудь роковому, была грусть. Когда онъ остался одинокимъ вдовцомъ, шпага стала его единственнымъ развлеченіемъ: онъ бросался въ опасности отъ скуки. Въ 1538, послѣ нисскаго перемирія, когда этотъ воинственный, дѣятельный человекъ долженъ былъ покориться условіямъ придворной жизни, гулять по галереямъ Турнелли или Лувра съ парадной шпагою на боку, ему пришлось хоть умирать съ тоски.

Одна страсть и спасла и погубила его.

Королевская цирцея осѣнила своими чарами этого взрослого ребенка, могучаго и простодушнаго. Онъ влюбился въ Діану де-Пуагль.

Три мѣсяца бродилъ онъ вокругъ нея, безмолвный и мрачный, ни разу не заговоривъ съ нею, но смотрѣлъ на нее такимъ взглядомъ, который высказывалъ все. Діанѣ и безъ того не трудно было угадать, что душа этого человека принадлежитъ ей. Она написала его страсть на уголкѣ своей памяти, на великій случай. "

Случай насталъ. Францискъ I охладѣлъ къ своей прекрасной любимицѣ и обратился къ г-жѣ д'Этампъ, которая была не такъ прекрасна, но имѣла на своей сторонѣ огромное преимущество красоты другаго рода.

Когда признаки охлажденія стали явны, Діана, въ первый разъ въ жизни, заговорила съ Жакомъ Монгомері.

Это было въ Турнелли, во время праздника, даннаго королемъ новой фавориткѣ.

— Г. Монгомері! сказала Діана.

Жакъ, съ волненіемъ въ груди, подошелъ и неловко поклонился.

— Какъ вы грустны, г. Монгомері!

— Смертельно, сударыня.

— Боже мой, отъ-чего это?

— Мнѣ хотѣлось, чтобъ меня убили.

— Безъ-сомнѣнія... за кого-нибудь?

— За кого-нибудь было бы очень-пріятно; но за ничто, право, еще пріятнѣе.

— Какая страшная меланхолія! возразила Діана: — откуда эта черная немочь?

— Не знаю, сударыня.

— А я знаю, г. Монгомері. Вы любите меня.

Жакъ поблѣднѣлъ; потомъ, вооружившись такой рѣшимостью, какой не понадобилось бы ему и для того, чтобъ броситься одному въ средину непріятельскаго батальйона, отвѣчалъ рѣзкимъ; дрожавшимъ голосомъ:

— Что жъ, сударыня! да, я люблю васъ,—тѣмъ хуже.

— Тѣмъ лучше! возразила смѣясь Діана.

— Что вы сказали? вскрикнулъ задрожавъ Монгомері.—О! бегитесь! Это не шутка, а любовь сильная, глубокая, хоть и несбыточная, или потому именно, что несбыточная.

— Почему жъ она несбыточная? спросила Діана.

— Простите моей откровенности, возразилъ Жакъ:—я не привыкъ дѣло подкрашивать словами. Развѣ король не любитъ васъ?

— Правда, возразила Діана вздохнувъ:—онъ меня любитъ.

— Итакъ, вы видите, что я не имѣю права, если не любить васъ, по-крайней-мѣрѣ, признаваться вамъ въ этой недостойной любви.

— Недостойной васъ, это правда, сказала Діана.

— О, нѣтъ, не меня! вскричалъ графъ:—и еслибъ могло случиться, что когда-нибудь...

Діана прервала его съ видомъ величавой грусти и ловко съиграннаго достоинства:

— Довольно, г. Монгомері, сказала она:—кончимте, пожалуйста, этотъ разговоръ.

Она холодно поклонилась и ушла, оставивъ бѣднаго графа среди тысячи разнородныхъ чувствъ — ревности, любви, ненависти,

тоски и радости. Стало-быть, Діана знала о его къ ней страсти! Но, можетъ-быть, онъ не оскорбилъ ли ее? Онъ, вѣрно, показался ей несправедливымъ, неблагодарнымъ, жестокимъ! Онъ повто-рялъ себѣ всѣ возвышенныя ничтожности любви.

На другой день, Діана де-Пуатьё сказала Франциску I:

— Знаете ли, государь? графъ Монгомері влюбленъ въ меня.

— Э! э! смѣясь возразилъ Францискъ:—родъ Монгомері древнѣй и почти такой же знаменитый, какъ мой; притомъ, эти Монгомері, какъ видно, почти также отважны и любезны.

— И только? въ этомъ весь и отвѣтъ вашего величества? спросила Діана.

— Что же вы хотите, мой другъ, чтобъ я вамъ отвѣчалъ? возразилъ король. — Развѣ долженъ я еще пожелать графу Монгомері такого же изящнаго вкуса и такихъ же прекрасныхъ глазъ, какъ у меня.

— Еслибъ шла рѣчь о мадамъ д'Этампъ, проворчала уязвленная Діана:—вы бы не то сказали!

Она не повела дальше разговора; но рѣшилась повести дальше свое испытаніе. Черезъ нѣсколько дней, увидѣвъ Жака, она опять заговорила съ нимъ:

— Что это? Г. Монгомері сталъ еще печальнѣе!

— Безъ-сомнѣнія, сударыня, почтительно возразилъ графъ: — я боюсь, что оскорбилъ васъ.

— Не оскорбили, а только огорчили.

— О! вскричалъ Монгомері: — я отдалъ бы всю свою жизнь за одну вашу слезу; какъ же могъ я навести на васъ хоть малѣйшую грусть?

— Не вы ли дали мнѣ понять, что я, какъ любовница короля, не имѣю права желать любви благороднаго человѣка.

— У меня не было такой мысли... не могло быть у меня такой мысли, потому-что я, благородный человѣкъ, люблю васъ такой искренней, такой глубокой любовью... Я хотѣлъ только сказать, что вы не можете меня любить, потому-что король васъ любитъ и вы любите короля.

— Король меня не любитъ, и я не люблю короля, отвѣчала Діана.

— Великій Боже! стало-быть, вы можете любить меня? вскричалъ Монгомері.

— Я могу васъ любить, спокойно отвѣчала Діана:—но не могу никогда сказать вамъ, что люблю васъ.

— Почему же?

— Чтобъ спасти жизнь отца, возразила Діана: — я могла сдѣлаться любовницей короля; но, чтобъ поддержать свою честь, не должна дѣлаться любовницей графа Монгомері.

Этотъ полуотказъ сопровождался такимъ страстнымъ, такимъ томнымъ взглядомъ, противъ котораго графъ не могъ устоять.

— Ахъ, еслибъ вы любили меня, какъ я васъ люблю!

— Что же бы тогда?

— Что же? Какое мнѣ дѣло до свѣта, до фамильныхъ предразсудковъ и чести! Для меня весь свѣтъ — вы. Ужь три мѣсяца, какъ я только тѣмъ и живу, что вижу васъ. Я люблю васъ со всѣмъ ослѣпленіемъ, со всѣмъ жаромъ первой любви. Ваша дивная красота чаруетъ и волнуетъ меня. Если вы любите меня такъ же, какъ я васъ,—будьте графиней Монгомері, будьте моею женою.

— Благодарю, графъ, возразила торжествующая Діана.—Я буду помнить эти благородныя, великодушныя слова. А теперь пока, вы знаете, что зеленый и бѣлый—мои цвѣта.

Восхищенный Жакъ поцаловалъ бѣлую ручку Діаны съ такою гордостью, съ чувствомъ такого блаженства, какъ-будто на головь его очутилась всемірная корона.

А на другой день, когда Францискъ I замѣтилъ Діанѣ де-Пуатье, что ея новый обожатель начинаетъ открыто носить ея цвѣта,—она отвѣчала, устремивъ на короля проникательный, наблюдательный взглядъ:

— Развѣ онъ не имѣетъ на то права, государь? Развѣ я не могу позволить ему носить мои цвѣта, когда онъ предлагаетъ мнѣ носить его имя?

— Возможно ли? произнесъ король.

— Да, государь, отвѣчала съ увѣренностью Діана, которой на минуту показалось, что она достигла цѣли, что ревность пробудила въ невѣрномъ любовь.

Но, послѣ минутнаго молчанія, король, чтобъ прервать этотъ разговоръ, всталъ и весело сказалъ Діанѣ:

— Если это такъ — званіе великаго сенешала, остающееся вакантнымъ со смерти г-на де-Брезе, вашего перваго мужа, будетъ свадебнымъ подаркомъ графу Монгомері.

— И графъ Монгомері можетъ принять его, государь, возразила Діана съ гордостью: — потому-что я буду для него доброй, вѣрной женою и не измѣню ему ни для кого въ мірѣ.

Король поклонился съ улыбкой и удалился, не сказавъ ни слова.

Ясно, что г-жа д'Этампъ очаровала его.

Честолюбивая Діана, съ досадою въ сердцѣ, въ этотъ же день сказала восхищенному Жаку:

— Мой доблестный графъ, мой благородный Монгомері, я люблю тебя.

v.

Какъ Генрихъ II еще при жизни отца получилъ отъ него наследство.

Бракъ Діаны и графа Монгомері назначенъ былъ чрезъ три мѣсяца; между-тѣмъ, когда три мѣсяца прошли, графъ Монгомері

былъ влюбленъ болѣе, нежели когда-нибудь, а Діана откладывала исполненіе своего обѣщанія день за день, потому-что вскорѣ послѣ этого обѣщанія она замѣтила, какими глазами смотрѣлъ на нее исподтишка молодой дофинъ Генрихъ. Въ властолюбивомъ сердцѣ Діаны пробудилось новое честолюбіе. Титулъ графини де-Монгомері могъ только прикрыть пораженіе,—званіе любовницы дофина было почти триумфомъ. Какъ! мадамъ д'Этампъ, всегда презрительно отзывавшаяся о дѣтахъ Діаны, была любима только отцомъ, а она, Діана, будетъ любима сыномъ! Ей молодость, ей надежда, ей будущее. Мадамъ д'Этампъ была ея преемница, но она будетъ преемницей мадамъ д'Этампъ. Она будетъ передать нею, выжидая терпѣливо и спокойно, какъ живая угроза... Генрихъ будетъ со-временемъ королемъ, и Діана, еще прекрасная, снова сдѣлается царицей. Въ-самомъ-дѣлѣ — настоящая побѣда.

Во всемъ этомъ лучшимъ ручательствомъ былъ характеръ самого Генриха. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ, но онъ уже участвовалъ не въ одной кампаніи; четыре года уже былъ онъ женатъ на Катеринѣ Медичи, а между-тѣмъ оставался дикимъ, неразвитымъ ребенкомъ. Сколько совершененъ и отваженъ онъ былъ въ битвахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на играхъ и во всѣхъ упражненіяхъ, которыя требуютъ гибкости и ловкости, столько же непривыченъ и неловокъ на луврскихъ праздникахъ и съ дамами. Тяжелый умомъ, онъ предавался первому, кто хотѣлъ овладѣть имъ. Монморанси, съ которымъ король былъ холодеиъ, обратился къ дофину и безъ труда покорилъ юношу своимъ совѣтамъ и стремленіямъ человека совершеннолѣтняго. Онъ дѣлалъ изъ него что хотѣлъ, наконецъ пустилъ въ этой нѣжной и слабой душѣ глубокіе корни непоколебимой власти и овладѣлъ Генрихомъ такъ, что только перевѣсъ женщины могъ быть опасенъ для его вліянія.

Скоро съ испугомъ замѣтилъ Монморанси, что *питомецъ его* влюбленъ. Генрихъ началъ пренебрегать дружбою людей, которыми Монморанси умышленно окружилъ его. Генрихъ, изъ дикаго, сдѣлался печальнымъ и почти задумчивымъ. Монморанси осмотрѣлся вокругъ себя и догадался, что предметомъ его мыслей была Діана де-Шуатье... Лучше же Діана, нежели другая! думалъ онъ. Королевская любимица лучше рыцарски-благороднаго Монгомері. Онъ устроилъ свой планъ на низкихъ побужденіяхъ этой женщины и оставилъ дофина вздыхать по ней.

Дѣйствительно, только красота могла пробудить сердце Генриха! Діана была зла, возбуждательна, жива; умная головка ея поворачивалась быстро и граціозно, взглядъ ея блестѣлъ обѣщаніями; все въ ней было магически — привлекательно и должно было обольстить Генриха. Ему казалось, что только эта женщина можетъ открыть ему науку новой жизни. Сирена была для него, любопытнаго и наивнаго, привлекательна и опасна какъ тайна, какъ чудина.

Діана чувствовала все это; но еще колебалась, опасаясь Франциска I — въ прошедшемъ, и графа Монгомері — въ настоящемъ.

Но, однажды, король, всегда любезный и предупредительный, даже съ женщинами, которыхъ не любилъ и которыхъ пересталъ любить, разговаривая съ Діаной де-Пуатьё въ амбразурѣ окна, увидѣлъ, что дофинъ издала украдкой и ревниво слѣдилъ за этимъ разговоромъ.

Францискъ громко позвалъ Генриха.

— Гэ! любезный сынокъ, что ты тамъ дѣлаешь? подойди — ка сюда! сказалъ онъ ему.

Но Генрихъ, блѣдный, смущенный, послѣ минутной нерѣшимости между обязанностью и страхомъ, вмѣсто отвѣта на зовъ отца, убѣжалъ, какъ-будто не слыхалъ его.

— О-го! вотъ, какой дикарь! сказалъ король: — понимаете вы, Діана, подобную робость? Вы, богиня лѣсовъ, видѣли ли вы когда такого робкаго оленя? Гм! жалкій недостатокъ!

— Не угодно ли вашему величеству поручить мнѣ исправить дофина? спросила улыбаясь Діана.

— Трудно найти лучшаго наставника и болѣе-приятной науки! сказалъ король.

— Будьте же увѣрены, что онъ исправится, государь, — я отвѣчаю, сказала Діана.

Она дѣйствительно скоро нашла бѣглеца.

Графа Монгомері въ этотъ день не было въ Луврѣ.

— Я васъ пугаю, дофинъ?

Такъ начала Діана разговоръ и *обращеніе*. Какъ она кончила, какъ не замѣтила неловкости принца и приходила въ восторгъ отъ каждаго его слова, какъ оставила его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его остроуміи и любезности, какъ, наконецъ, она сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ его *владычицей* и давала ему и приказанія, и наставленія, и любовь, — все это вѣчная и неисчерпаемая комедія, которая будетъ часто разыгрываться, но которую никогда нельзя написать.

А Монгомері? О! Монгомері такъ любилъ Діану, что не могъ судить ее, и такъ слѣпо предался ей, что не могъ что-нибудь видѣть. Всѣ толковали при дворѣ о новой интригѣ г-жи де-Пуатьё, а благородный графъ оставался при своихъ мечтахъ; и Діана заботливо поддерживала эти мечты, потому-что новое зданіе ея было еще не такъ прочно, чтобъ она могла не страшиться потрясенія и вспыхки. Итакъ, она держала дофина изъ честолюбія, а графа по благоразумію.

Пускай темеръ Алонза продолжить и докончить свой рассказъ.

«До мужа моего, добраго Перрѣ, говорила она Габріэлю, который внимательно ее слушалъ: — тоже доходила общая молва о сплоскѣ Діанѣ и всѣ насмѣшки на-счетъ графа Монгомері. Но онъ не зналъ, надо ли предупредить доврчиваго и счастливаго госпе-

дина, или скрыть отъ него гнусную интригу, въ какую завлекла его эта честолюбивая женщина. Онъ повѣрялъ мнѣ свои сомнѣнія, потому-что я обыкновенно давала ему хорошіе совѣты; притомъ же онъ зналъ мою скромность и твердость; но въ этомъ случаѣ я, такъ же какъ и онъ, не знала, что дѣлать.

«Однажды вечеромъ, мы были въ этой самой комнатѣ,—графъ, Перро и я, потому-что графъ Монгомері обращался съ нами не какъ съ слугами, а какъ съ друзьями, и даже въ Парижѣ соблюдалъ патриархальный обычай нашихъ зимнихъ вечеровъ Нормандіи, гдѣ господа и слуги грѣлись у одного очага послѣ обыкновеннаго дневнаго труда. Графъ, задумчивый, положивъ голову на руку, сидѣлъ передъ каминомъ. По-вечерамъ онъ обыкновенно ходилъ къ госпожѣ де-Пуатье, но съ нѣкотораго времени она часто приказывала сказать ему, что она больна и не можетъ его принять. Онъ думалъ объ этомъ, конечно; Перро справлялъ ремни кирасы, а я прила.

«Это было 7-го января 1539 года, — вечеръ былъ холодный, дождливый — наканунѣ Епифанія. Запомните, сударь, это роковое число.»

Габріэль сдѣлалъ знакъ, что не проронилъ ни слова, и Алоиза продолжала:

«Вдругъ доложили, что пріѣхали г. Ланже, г. Бутьеръ и графъ Сансерръ, трое придворныхъ, друзей графа и, еще больше — госпожи д'Этамъ. Всѣ трое въ широкихъ темныхъ плащахъ и хотя вошли со смѣхомъ, но мнѣ показалось, что они принесли несчастье, и — увы! предчувствіе не обмануло меня.

«Графъ Монгомері всталъ и пошелъ на встрѣчу гостямъ.

«— Добро пожаловать, друзья мои, сказалъ онъ, пожимая имъ руки.

«По знаку, я приняла ихъ плащи, и они сѣли.

«—Какой счастливый случай привелъ васъ ко мнѣ? продолжалъ графъ.

«—Тройное пари, отвѣчалъ Бутьеръ:—и, найдя васъ здѣсь, любезный графъ, я свое выигралъ.

«—Мое тоже уже выиграно, сказалъ Ланжé.

«—А я свое сейчасъ выиграю, увидите, прибавилъ графъ Сансерръ.

«—Въ чемъ же состояло ваше пари? спросилъ Монгомері.

«—Но, сказалъ Бутьеръ:—Ланжé держалъ пари съ д'Ангьеномъ о томъ, что сегодня вечеромъ дофина не будетъ въ Луврѣ. Мы сейчасъ оттуда и совершенно удостовѣрились, что д'Ангьенъ проигралъ.

«—Что же касается до Бутьера, продолжалъ графъ Сансерръ:—онъ спорилъ съ Монтежаномъ, что вы сегодня вечеромъ будете дома, любезный графъ, и, какъ видите,—правъ.

«—И ты, Сансерръ, ручаюсь, также выигралъ, продолжалъ Ланжé:—потому-что всѣ три пари въ сущности составляютъ одно, и

мы бы проиграли или выиграли — всё вместе. Сансерръ держалъ противъ д'Оссона, любезный графъ, что мадамъ де-Пуатье больна нынѣшній вечеръ.

«Вашъ отецъ, Габріэль, страшно поблѣднѣлъ.

«—Вы въ-самомъ-дѣлѣ выиграли, Сансерръ, сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ:—потому-что мадамъ де-Пуатье извѣстила меня, что она сдѣлалась вдругъ больна и не можетъ никого принять.

«—А! что я говорилъ? вскричалъ графъ Сансерръ.—Прошу подтвердить д'Оссону, господа, что онъ долженъ мнѣ сто пистолей.

«И всё захохотали, какъ сумасшедшіе. Но графъ Монгомери оставался серьезень.

«—Теперь, добрые друзья мои, сказалъ онъ нѣсколько-проницательнымъ тономъ:—согласны ли вы мнѣ объяснить эту загадку?

«—Отъ всего сердца, сказалъ Бутьеръ:—но прикажите удалить-ся этимъ людямъ.

«Мы съ Перро были ужъ у двери. Графъ сдѣлалъ намъ знакъ остаться.

«—Это мои вѣрные друзья, сказалъ онъ гостямъ:—и такъ-какъ мнѣ краснѣтъ не отъ-чего, то и скрывать нечего.

«—Согласенъ! сказалъ Ланжэ:—это пахнетъ немного провинціей, но дѣло касается больше васъ, графъ, нежели насъ. Притомъ, они вѣрно знаютъ тайну, потому-что тайна ходитъ по городу; вы, какъ водится, узнаете ее послѣдній.

«—Но говорите же! вскричалъ Монгомери.

«—Мы будемъ говорить, любезный графъ, отвѣчалъ Ланжэ:—потому-что намъ больно видѣть, какъ обманываютъ дворянина, такого же, какъ мы, и такого прекраснаго человѣка, какъ вы. Но мы будемъ говорить съ условіемъ, что вы пріймете неприятную новость по-философски, то-есть, со смѣхомъ, потому-что, увѣряю васъ, она не стоить гнѣва, и притомъ, въ этомъ случаѣ гнѣвъ вашъ будетъ безоруженъ.

«—Увидимъ, я жду, холодно отвѣчалъ графъ.

«—Любезный графъ, сказалъ Бутьеръ, самый молодой и самый вѣтренный изъ троицъ:—вы, конечно, знаете мифологию? Безъ-сомнѣнія, знаете исторію Эндиміона? Но какихъ лѣтъ, думаете вы, былъ Эндиміонъ, когда влюбился въ Діану-Фебе? Если вы воображаете, что ему было тогда подъ-сорокъ, то разувѣрьтесь, любезный: ему не было еще и двадцати лѣтъ, онъ былъ еще безъ бороды. Такъ говорилъ мой гувернёръ, знавшій это дѣло основательно. И вотъ почему сегодня вечеромъ Эндиміона нѣтъ въ Луврѣ; вотъ почему госпожа Луна лежитъ и никого не принимаетъ; вотъ почему, наконецъ, вы дома, графъ... А изъ этого слѣдуетъ, что гувернёръ великій человѣкъ, и что мы всё выиграли наши пари. Ура!

«—Доказательства? холодно спросилъ графъ.

«— Доказательства! продолжалъ Ланжé: — но вы сами можете найти ихъ. Вы живете въ двухъ шагахъ отъ Луны!

«— Дѣйствительно. Благодарю! сказалъ графъ.

«И онъ всталъ. Гости также должны были встать, довольно-охлажденные и почти испуганные суровымъ и мрачнымъ видомъ Монгомерí.

«— Графъ, сказалъ Сансерръ: — не дѣлайте глупости или безразсудства; помните, что между львенкомъ и львомъ небольшая разница.

«— Будьте покойны! отвѣчалъ графъ.

«— По-крайней-мѣрѣ, не ссорьтесь съ нимъ.

«— Ну, смотря по обстоятельствамъ, примолвилъ графъ.

«Онъ проводилъ, или скорѣе прогналъ гостей до двери, и возвратившись, сказалъ Перрó:

«— Плащъ и шпагу.

«Перрó принесъ шпагу и плащъ.

«— Вы дѣйствительно знали это? спросилъ графъ, надвывая шпагу.

«— Да, сударь, отвѣчалъ Перрó, опустивъ глаза.

«— Отъ-чего же ты не предупредилъ меня, Перрó?

«— Но!.. пробормоталъ мой мужъ.

«— Да, дѣйствительно; вы не друзья, а только добрые люди.

«Онъ дружески ударилъ по плечу Перрó. Онъ былъ очень-блѣденъ, но говорилъ съ какимъ-то торжественнымъ спокойствíемъ.

«— Давно идутъ эти слухи? прибавилъ онъ.

«— Пять мѣсяцевъ, какъ вы любите, сударь, госпожу де-Пуатьé, потому-что свадьба ваша назначена была въ ноябрѣ; а утверждаютъ, что дофинъ полюбилъ Дíану чрезъ мѣсяць послѣ того, какъ она приняла ваше предложенíе. Впрочемъ, говорятъ объ этомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и я узналъ только недѣли двѣ назадъ. Молва разошлась съ-тѣхъ-поръ, какъ прошелъ назначенный срокъ свадьбы, и говорили шопотомъ, опасаясь дофина. Я вчера поколотилъ одного изъ людей барона де-ла-Горда, который осмѣлился при мнѣ смѣяться надъ этимъ, и баронъ не рѣшился мнѣ ничего сдѣлать.

«— Перестанутъ смѣяться, сказалъ графъ такимъ голосомъ, что я задрожала всѣмъ тѣломъ.

«Одѣвшись, онъ провелъ рукою по лбу, и сказалъ мнѣ:

«— Алонза, принеси Габріэля; я хочу поцаловать его.

«Вы почивали, сударь, спокойнымъ сномъ и начали плакать, когда я васъ разбудила. Я завернула васъ въ одѣяло и понесла къ вашему батюшкѣ. Онъ взялъ васъ на руки, нѣсколько времени молча смотрѣлъ на васъ, потомъ поцаловалъ въ полузакрытые глазки. Тутъ на ваше розовое личико скатилась его слеза, первая слеза, которую я видѣла у этого твердаго, отважнаго человѣка!

«— Поручаю тебѣ дитя мое, Алонза, сказалъ онъ, передавая мнѣ васъ.

«— Ахъ, это было его послѣднее мнѣ слово. Оно осталось тутъ, и я всегда слышу его.

«— Я пойду за вами, сударь, сказалъ Перрô.

«— Нѣтъ, Перрô, отвѣчалъ графъ: — мнѣ надо быть одному; останься.

«— Но, сударь...

«— Я хочу, сказалъ онъ.

«Тутъ нельзя было возражать, когда онъ такъ говорилъ, и Перрô замолчалъ. Графъ взялъ насъ за руки.

«— Прощайте, добрые друзья мои! сказалъ онъ:—нѣтъ! зачѣмъ прощаться! до свиданія.

«И потомъ онъ вышелъ, спокойный, твердыми шагами, какъ-будто уходилъ на четверть часа.

«Перрô не говорилъ ни слова; но лишь-только графъ вышелъ, онъ тоже взялъ свой плащъ и шпагу. Я не удерживала его: онъ исполнялъ свою обязанность, слѣдуя за своимъ господиномъ, хотя бы на смерть. Перрô протянулъ ко мнѣ руки, я съ слезами бросилась ему на шею; потомъ, крѣпко обнявъ меня, онъ побѣжалъ вслѣдъ за графомъ. Все это продолжалось не болѣе минуты, и мы не сказали другъ другу ни слова.

«Оставшись одна, я упала въ кресла, и, рыдая, мысленно молилась. На дворѣ дождь становился сильнѣе, вѣтеръ вылъ около дома. А вы, сударь, снова заснули прежнимъ спокойнымъ сномъ, отъ котораго вамъ суждено было пробудиться уже сиротою.»

«Какъ говорилъ г. Ланжé, отель де-Брезé, въ которомъ жила тогда Діана де-Пуатьé, былъ отъ нашего шагахъ въ двухъ, въ Улицѣ-Фиги-св.-Павла, гдѣ онъ еще и теперь существуетъ, этотъ несчастный домъ.

«Перрô слѣдовалъ издали за своимъ господиномъ, видѣлъ, какъ онъ остановился у дверей Діаны, постучался, потомъ вошелъ. Перрô приблизился, г. Монгомері громко и настойчиво говорилъ съ людьми, которые не хотѣли пропустить его подъ тѣмъ предлогомъ, что госпожа ихъ больна и не выходитъ изъ своей комнаты. Не смотря на то, графъ прошелъ, и Перрô, пользуясь суматохой, прескользнулъ въ дверь, которая оставалась непритворенною. Онъ хорошо зналъ этотъ домъ, потому-что не разъ былъ посыланъ къ г-жѣ Діанѣ, и теперь безъ всякой задержки шелъ въ темнотѣ по лѣстницѣ за г. Монгомері: его или не замѣчали, или не придавали никакой важности присутствію конюшаго, когда уже господинъ его переступилъ заставу.

«Взошедъ на лѣстницу, графъ встрѣтилъ двухъ женщинъ герцогини, встревоженныхъ и расплаканныхъ, которыя спросили его:—чего ему нужно въ такую пору? Въ-самомъ-дѣлѣ, десять часовъ пробило на всѣхъ окрестныхъ часахъ. Графъ Монгомері отвѣчалъ съ твердостью, что ему сейчасъ же нужно видѣть г-жу Діану и немедленно сообщить ей одно важное дѣло; что если она не можетъ принять его, онъ будетъ ждать.

«Онъ говорилъ очень-громко, такъ—что его должны были слышать въ спальнѣ герцогини, находившейся вблизи. Одна изъ женщинъ вошла въ эту спальню и, вскорѣ воротившись, сказала, что г-жа де-Пуатье лежитъ, но сейчасъ будетъ говорить съ графомъ, и просить подождать ее въ приемной.

«Стало-быть, дофина тутъ нѣтъ, или онъ ведетъ себя слишкомъ-осторожно для сына Франціи! Г. Монгомері тутъ же послѣдовалъ въ приемную за женщинами, которыя шли впередъ съ свѣчами.

«Перрѣ, остававшейся въ темнотѣ на ступеняхъ лѣстницы, теперь взошелъ на верхъ и скрылся за блестящимъ занавѣсомъ въ обширномъ корридорѣ, отдѣлявшемъ спальню. Діаны отъ приемной, гдѣ ждалъ ее г. Монгомері. Въ концахъ этого широкаго перехода были тогда двѣ сдѣланныя двери, одна въ спальню, другая въ приемную. За портьерой, повѣшенной для симметріи, спрятался Перрѣ и съ радостью замѣтилъ, что можетъ, приложивъ ухо, слышать почти все, что будетъ происходить въ той и другой комнатѣ. Ужъ конечно, сударь, мужъ мой поступилъ такъ не изъ простаго, грубаго любопытства: послѣднія слова графа, съ которыми онъ оставилъ насъ, и тайный инстинктъ заставили Перрѣ думать, что господинъ его идетъ на опасность, что, можетъ-быть, ему готовятъ западню,—онъ не хотѣлъ отстать отъ него, чтобъ помочь ему въ случаѣ нужды.

«Къ-несчастью, какъ вы сейчасъ увидите, ни одно слово изъ того, что онъ слышалъ и передалъ мнѣ, нисколько не проясняетъ темнаго, роковаго вопроса, который занимаетъ васъ теперь.

«Графъ Монгомері не прождалъ и двухъ минутъ, какъ Діана де-Пуатье съ какой-то торопливостью вошла въ приемную.

«— Что это значитъ, графъ? сказала она:—что за ночное нашествіе послѣ моеи просьбы—не приходитъ сегодня?

«— Я отвѣчу вамъ откровенно въ двухъ словахъ, только отойдите прежде своихъ женщинъ... Теперь слушайте. Моя рѣчь будетъ коротка. Мнѣ сейчасъ сказали, что у меня есть соперникъ, что этотъ соперникъ — дофинъ, что сегодня вечеромъ онъ у васъ.

«— И вы повѣрили, потому-что прибѣжали увѣриться окончательно? сказала Діана съ гордостью.

«— Я страдалъ, Діана, я прибѣжалъ искать подлѣ васъ облегченія своему страданію.

«— Ну, что жъ? возразила Діана:—теперь вы меня видѣли; теперь знаете, что вамъ солгали,—оставьте же меня въ покоѣ. Ради Бога, уйдите, Жакъ.

«— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ, котораго безъ-сомнѣнія встревожило то, что его такъ торопятъ удалить: — если солгали, что дофинъ здѣсь, можетъ-быть, не солгали, что онъ придетъ сюда нынѣшнимъ вечеромъ, и мнѣ будетъ очень-пріятно изобличить клевету вполне.

«— Стало-быть, сударь, вы останетесь? Digitized by Google

«— Останусь, сударыня. Пойдите къ себѣ и успокойтесь, если вы больны; а я буду охранять, если угодно, сонъ вашъ.

«— Но, наконецъ, по какому праву вы будете такъ поступать? вскричала г-жа де-Пуатье. — Что даетъ вамъ это право? Развѣ я не свободна еще?»

«— Нѣтъ, съ твердостью возразилъ графъ: — вы не свободны, вы не вольны дѣлать посмѣшищемъ двора чѣстнаго дворянина, предложенія котораго приняли.

«— Я, по-крайней-мѣрѣ, не пріиму этого послѣдняго предложенія, продолжала Діана:—вы не имѣете права больше оставаться здѣсь, точно такъ же, какъ другіе не имѣютъ права надъ вами смѣяться. Вы не мужъ мой, не правда ли? Я, кажется, еще не ношу вашего имени?

«— Э! сударыня! вскричалъ съ какимъ-то отчаяніемъ г-нъ Монгомері: — какое мнѣ дѣло до того, что надо мной смѣются! Совсѣмъ не въ томъ вопросъ, вы это очень-хорошо знаете, в совсѣмъ не честь вопіеть во мнѣ, а любовь. Еслибъ мнѣ показались оскорбительными насмѣшки этихъ трехъ франтовъ, я обнажилъ бы шпагу, — вотъ и все. Но у меня сердце разорвалось, Діана, и я побѣждалъ. Достоинство! честь! не о нихъ рѣчь! совсѣмъ не о нихъ!—рѣчь о томъ, что я люблю васъ, что я безумецъ, что я ревнивъ; вы говорили и доказывали, что любите меня, — я убью того, кто осмѣлится коснуться этой любви — моего достоянія, хотъ бы то былъ дофинъ, хотъ бы кто другой, сударыня! Будьте увѣрены, я не позабочусь объ имени того, кому мстить; но, видитъ Богъ! буду мстить...

«— А за что, позвольте спросить? почему? произнесъ за спиной г. Монгомері повелительный голосъ.

«Перръ задрожалъ, потому-что чрезъ слабо-освѣщенный корридоръ онъ разглядѣлъ дофина, а за дофиномъ—насмѣшливую, суровую фигуру г. Монморанси.

«— А! вскрикнула Діана, бросившись въ кресла и ломая себѣ руки:—вотъ чего я боялась!

«Сначала у г. Монгомері вырвалось только громкое восклицаніе: «А!» потомъ Перръ слышалъ, что онъ заговорилъ довольно-спокойно:

«— Ваше высочество, одно слово... умоляю васъ! Скажите, что вы пришли сюда не потому, что любите Діану де-Пуатье и что Діана де-Пуатье васъ любитъ?

«— Г. Монгомері! возразилъ дофинъ, едва сдерживая гнѣвъ свой:—одно слово... приказываю вамъ! Скажите, что вы здѣсь не потому, что любите Діану и что Діана васъ любитъ.

«Сцена приняла такой оборотъ, что теперь уже стояли другъ предъ другомъ два раздраженные, ревнивые соперника, два страдающія сердца, двѣ растерзанныя души.

«— Я былъ нареченнымъ супругомъ Діаны—всѣ это знаютъ, и вы это знаете, проговорилъ г. Монгомері.

«— Пустое, забытое обѣщаніе! вскричалъ Генрихъ:—и права моей любви, если не такъ давнишни, какъ ваши, за то не менѣе очевидны,—я буду ихъ отстаивать.

«— А! безразсудный! онъ говоритъ о своихъ правахъ... хорошо! вскричалъ графъ въ порывѣ ревности и злобы. — Вы смѣете сказать, что эта женщина принадлежитъ вамъ?

«— Я говорю, что она, по-крайней-мѣрѣ, не принадлежитъ вамъ, возразилъ Генрихъ.—Я говорю, что я у Діаны съ согласія Діаны, а вы, кажется, не скажете о себѣ того же. Итакъ, я съ нетерпѣніемъ жду, чтобъ вы вышли.

«— Если вы такъ нетерпѣливы, что жь? выйдемте вмѣстѣ; это всего проще.

«— Вызовъ! вскричалъ подвинувшись впередъ Монморанси. — Вы, сударь, смѣете дѣлать вызовъ дофину Франціи?

«— Здѣсь нѣтъ дофина Франціи, возразилъ графъ:—здѣсь человѣкъ, который ищетъ любви любимой мною женщины — вотъ и все.

«Онъ, безъ-сомнѣнія, сдѣлалъ шагъ къ Генриху, потому-что Перро слышалъ, какъ Діана вскрикнула:

«— Онъ хочетъ оскорбить принца! Онъ хочетъ убить принца! помогите!

«И, вѣроятно, чувствуя тяжесть странной роли, которую играла, она бросилась вонъ, не смотря на г. Монморанси, который просилъ ее успокоиться и говорилъ, что у нихъ двѣ шпаги противъ одной, а внизу охранный отрядъ. Перро видѣлъ, какъ Діана пробѣжала чрезъ корридоръ, вся расплаканная, бросилась въ спальню, сзывая своихъ женщинъ и людей дофина.

«Но ея бѣгство не утишило запальчивости противниковъ, — ни сколько! И г. Монгомері съ горечью подхватилъ только-что произнесенное слово: «отрядъ».

«— Безъ-сомнѣнія, шпагами своихъ людей, сказалъ онъ: — его высочество собирается мстить за оскорбленія?

«— Нѣтъ, сударь, гордо возразилъ Генрихъ; — одной моей до-станеть на то, чтобъ наказать дерскаго.

«У обоихъ уже были обнажены шпаги, но г. Монморанси вступилъся.

«— Извините, ваше высочество! сказалъ онъ: — кто, можетъ-быть, завтра будетъ королемъ, тотъ не имѣетъ права рисковать жизнью сегодня: вы не отдѣльное лицо, а цѣлая нація; дофинъ Франціи можетъ биться только за Францію.

«— Но въ такомъ случаѣ, закричалъ г. Монгомері: — дофинъ Франціи не отниметъ у меня, подобно всякому другому, той, въ которой заключена вся моя жизнь, той, которая для меня дороже отечества, дороже счастья, дороже собственнаго ребенка въ колыбели, — дороже всего: потому-что она заставитъ меня забыть все, эта женщина, которая, можетъ-быть, меня обманывала! Но нѣтъ, она не обманывала меня,—это невозможно:

я слишкомъ люблю ее! Ваше высочество, простите мнѣ мою горячность, мое сумасбродство и—будьте милостивы—скажите, что вы не любите Діаны. Вѣдь, никто не прійдетъ къ любимой женщинѣ въ сопровожденіи г. Монморанси и цѣлаго отряда! Какъ я не подумалъ объ этомъ!

«— Я хотѣлъ, сказалъ г. Монморанси:— сопровождать его высочество съ отрядомъ противъ его воли, потому—что меня тайно предувѣдомили о готовящейся ему опасности. Впрочемъ, я предполагалъ разстаться съ нимъ у дверей этого дома; но долетѣвшіе до насъ звуки вашего голоса заставили меня войти сюда и до конца повѣрить слова неизвѣстныхъ друзей, которые такъ кстати предостерегли меня.

«— Знаю я этихъ неизвѣстныхъ друзей! проговорилъ съ горькимъ смѣхомъ графъ.—Это, безъ-сомнѣнія, тѣ же, которые и меня предупредили, что дофинъ будетъ сегодня здѣсь, — и они успѣли въ своемъ намѣреніи и въ намѣреніи тѣхъ, кто заставилъ ихъ дѣйствовать... Мадамъ д'Этампъ, я думаю, очень желаетъ, чтобъ скандальзная исторія окомпрометтировала Діану. Итакъ, вы, Генрихъ Валуа, вовсе не хотите щадить добраго имени г-жи де-Брезе?.. Вы всенародно объявляете ее своей любовницей? Такъ она, эта женщина, на-самомъ-дѣлѣ и по всѣмъ правамъ принадлежитъ вамъ? Тутъ ужъ нѣтъ ни сомнѣнія, ни надежды? Вы рѣшительно у меня похитили ее, а съ ней — и счастье мое, и жизнь? Хорошо же! И мнѣ нѣчего и нѣкого щадить. Вы, Генрихъ Валуа, дворянинъ, и вы дадите мнѣ удовлетвореніе за свой проступокъ!

«— Презрѣнный! закричалъ дофинъ, обнаживъ шпагу, и пошелъ къ г. Монгомері.

«Но Монморанси опять заступилъ ему дорогу.

«— Ваше высочество! еще разъ говорю вамъ: въ моемъ присутствіи наслѣдникъ престола не скреститъ шпаги изъ-за какой-нибудь женщины съ...

«— Съ дворяниномъ, котораго родъ древнѣе твоего, съ первымъ христіанскимъ барономъ! прервалъ внѣ себя графъ...—Карлъ неаполитанскій вызвалъ на поединокъ Альфонса аррагонскаго; Францискъ I еще недавно вызвалъ Карла V. Тутъ были равные: такъ! Но намурскій, племянникъ короля, вызвалъ простаго испанскаго капитана. Монгомері стоить Валуа, и такъ-какъ Монгомері много разъ вступали въ союзы съ дѣтьми королей Франція и Англіи, то могутъ и биться съ ними. Древнѣе Монгомері были чистые Французы. Со временъ возвращенія ихъ изъ Англіи, куда сопровождали они Вильгельма-Завоевателя, въ гербѣ ихъ было голубое поле съ золотымъ львомъ, девизомъ: *береги*, и съ тремя цвѣтками лилій. Итакъ, ваше высочество, наши гербы такъ же подобны другъ другу какъ и шпаги! Побужденіе рыцарское! О! еслибъ вы любили эту женщину, какъ я люблю ее, и ненавидѣли бы меня, какъ я васъ ненавижу!.. Но нѣтъ! Вы больше ничего, какъ робкій ребенокъ.

«— Г. Монморанси, пустите меня! кричалъ дофинъ, вырываясь изъ рукъ Монморанси, который его удерживалъ.

«— Нѣтъ, чортъ возьми! возразилъ Монморанси: — не допущу васъ драться съ этимъ изступленнымъ. Стража! сюда! закричалъ онъ громко.

«И слышно было, какъ Діана, наклонясь съ лѣстницы, кричала изъ всѣхъ силъ:

«— Помогите! кто тамъ есть? идите сюда! Вы хотите позволить перерѣзать вашихъ господъ!

«Эта далилина измѣна, въ ту минуту, когда и безъ того были двое противъ одного, безъ-сомнѣнія, довела до послѣдней степени слѣпую ярость графа. Перрѳ, помертвѣвшій отъ страха, слышалъ, какъ онъ сказалъ:

«— Стало-быть, нужно послѣднее оскорбленіе для того, чтобъ убѣдить васъ въ необходимости дать мнѣ удовлетвореніе.

«Перрѳ предполагалъ, что онъ въ эту минуту подошелъ къ дофиню и поднималъ на него руку. Генрихъ испустилъ глухой крикъ. Но г. Монморанси, вѣроятно, удержалъ руку графа, потому-что, пока онъ кричалъ громче прежняго: «сюда! ко мнѣ!» Перрѳ, не видя ничего, только слышалъ, какъ принцъ прокричалъ:

«— Его перчатка коснулась моего лица: онъ можетъ умереть не иначе, какъ отъ моей руки, Монморанси!

«Все это произошло съ быстротою молніи. Въ эту минуту вбѣжали солдаты отряда. Слышна была отчаянная борьба, стукъ ногами объ полъ и громъ желѣза. Г. Монморанси кричалъ:

«— Свяжите этого звѣря!

«А дофинъ:

«— Не убивайте его! Ради Бога, не убивайте!..

Слишкомъ-неравная борьба не продолжалась и минуты. Перрѳ даже не имѣлъ времени подоспѣть на помощь своему господину. Подбѣжавъ къ двери, онъ увидѣлъ одного солдата лежавшаго на полу и двоихъ или троехъ раненныхъ. Но обезоруженный графъ уже былъ связанъ; его держали пять или шесть жандармовъ, которые напали на него разомъ. Перрѳ, котораго въ толпѣ не замѣтили, разсудилъ, что онъ полезѣе будетъ для графа, если останется на свободѣ, извѣстять его друзей или поможетъ ему при удобномъ случаѣ. И потому онъ потихоньку воротился на свое мѣсто и, настороживъ слухъ и положивъ руку на шпагу, ждалъ удобной минуты, чтобъ выскочить и, если удастся, спасти графа, который не былъ еще ни убитъ, ни даже раненъ,—потому-что вы сейчасъ увидите, сударь, что у моего мужа не было недостатка ни въ рѣшимости, ни въ отвагѣ; но онъ былъ столько же благо-разуменъ, сколько храбръ, и ловко умѣлъ пользоваться случаемъ. Въ эту минуту нужно было только наблюдать: онъ и наблюдалъ, хладнокровно, внимательно.

«Однако, г. Монгомері, совсѣмъ связанный, еще кричалъ:

«— Не говорилъ ли я, что вы выставите десять шпагъ противъ одной моей и покорную храбрость своихъ солдатъ противъ моего оскорбленія?»

«— Видите, Монморанси! сказалъ дофинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«— Ротъ ему зажать! отвѣчалъ Монморанси, обращаясь къ жан-дармамъ. — Я пришлю сказать, что нужно съ нимъ дѣлать; а до тѣхъ-поръ караульте его. Вы отвѣчаете мнѣ за него собственными головами.

«И онъ вышелъ изъ пріемной, увлекая за собой дофина. Они прошли чрезъ корридоръ, гдѣ Перро скрывался за занавѣсомъ, и вошли въ комнату Діаны.

«Тогда Перро перешелъ на другую сторону стѣны и приложилъ ухо къ другой проклятой двери.

«Сцена, при которой онъ сейчасъ присутствовалъ, была, можетъ-быть, еще не такъ ужасна, какъ слѣдующая.

«— Монморанси! говорилъ входя дофинъ печально-раздраженнымъ тономъ:—слабъ вы не удержали меня почти силой,—я бы теперь былъ менѣе недоволенъ и собою, и вами.

«— Позвольте вамъ сказать, отвѣчалъ Монморанси: — что такъ можетъ говорить каждый молодой человѣкъ, но только не сынъ короля. Ваша жизнь принадлежитъ не вамъ, а вашему народу, государь, и на васъ лежатъ обязанности, которыхъ нѣтъ у другихъ людей.

«— Отъ-чего же я сердить на самого-себя и мнѣ какъ-будто стыдно? сказалъ принцъ. — А! это вы! продолжалъ Генрихъ, увидѣвъ Діану.

«И уязвленное самолюбіе пересилило ревнивую любовь.

«— У васъ и чрезъ васъ, прибавилъ онъ:—я былъ оскорбленъ въ первый разъ.

«— Увы! да, у меня, но не чрезъ меня. Не говорите такъ, государь, отвѣчала Діана.— Развѣ я не страдала такъ же, какъ вы, или еще болѣе? Развѣ виновна я во всемъ этомъ? Развѣ, наконецъ, люблю я этого человѣка? Развѣ любила его когда-нибудь?

«Измѣнивъ ему, она отказывалась отъ него — очень-просто.

«— Я никого не любила, кромѣ васъ, государь, продолжала она:—в душа, и жизнь моя вамъ однимъ принадлежать... жизнь, которая началась только съ того дня, когда вы приняли это сердце, полное вами. Правда, до тѣхъ-поръ, не помню совершенно, но можетъ-быть я и дала Монгомери какой-нибудь поводъ надѣяться. Во всякомъ случаѣ не было ничего положительнаго, ничего обязательнаго. Но вы явились — и все было забыто. Съ того времени, клянусь вамъ, — повѣрьте скорѣе моимъ словамъ, нежели ревнивой клеветѣ г-жи д'Этампъ и ея приверженцевъ! — съ того благословеннаго времени, не было ни одной мысли въ умѣ моемъ, ни одного біенія въ жилахъ, которое не принадлежало бы вамъ, государь. Этотъ человѣкъ лжетъ, этотъ человѣкъ

дѣйствуетъ заодно съ моими врагами, этотъ человѣкъ не имѣетъ никакого права на ту, которая вся принадлежитъ вамъ, Генрихъ! Я едва знаю его, не только не люблю... Боже великій! но я его ненавижу, презираю. Посмотрите, я даже не спрашиваю у васъ живъ онъ, или умеръ. Я ненавижу его.

«— Точно ли это такъ? сказалъ дофинъ съ остаткомъ смутнаго недоумѣнія.

«— Испытать недолго и легко, сказалъ Монморанси. — Монгомері живъ, но въ оковахъ и не можетъ вредить. Онъ нанесъ тяжкое оскорбленіе принцу; но представить его на судъ невозможно: судъ за подобное преступленіе былъ бы опаснѣе самаго преступленія. Съ другой стороны, дофинъ желалъ имѣть съ нимъ поединокъ, но это еще невозможнѣе. Какъ вы думаете, сударыни! что должны мы дѣлать съ этимъ человѣкомъ?»

«Послѣдовала минута трепетнаго молчанія. Перръ притановилъ дыханіе, чтобъ лучше разслышать отвѣтъ. Но Діана, очевидно сама боялась своего отвѣта. Она не рѣшалась произнести его.

«Наконецъ, надо же было говорить, и она еще довольно-твердымъ голосомъ сказала:

«— Монгомері преступенъ въ оскорбленіи величества. Какое наказаніе опредѣляется за подобныя преступленія, господинъ Монморанси?

«— Смерть, отвѣчалъ конетабль.

«— Слѣдовательно, по моему мнѣнію, этотъ человѣкъ долженъ умереть, хладнокровно отвѣчала Діана.

«Всѣ вздрогнули.

«— Дѣйствительно, сказалъ Монморанси послѣ нѣкотораго молчанія:—вы не любите и никогда не любили Монгомері.

«— Но я, продолжалъ дофинъ: — менѣе нежели когда-нибудь хочу, чтобъ Монгомері умеръ.

«— Я того же мнѣнія, сказалъ Монморанси:—но, безъ-сомнѣнія не по тѣмъ причинамъ, по которымъ вы принимаете его, государь! Для васъ это мнѣніе — великодушіе, а для меня — благоразуміе. У Монгомері есть сильные друзья во Франціи и въ Англіи; придворныя знаютъ, что онъ долженъ былъ встрѣтиться здѣсь съ нами въ эту ночь. Если завтра громко потребуютъ его у насъ, нельзя будетъ представить трупъ. Намъ необходимо отвѣчать: «Монгомері бѣжалъ...» или «Монгомері раненъ и боленъ... но во всякомъ случаѣ: «Монгомері живъ!» И если насъ доведутъ до послѣдней крайности, если будутъ требовать его неотступно, ну надо будетъ вытаскать его изъ темницы или съ постели и показывать клеветникамъ. Но надѣюсь, что предосторожность будетъ все-таки бесполезна. Потребуютъ Монгомері и завтра, и послѣ завтра; а черезъ недѣлю будутъ говорить меньше, черезъ мѣсяцъ совсѣмъ перестанутъ. Ничто такъ скоро не забывается, какъ друзья; притомъ, надо же перемѣнить разговоръ! И такъ я ду

маю, что преступникъ не долженъ ни умереть, ни жить: надо, чтобъ онъ исчезъ.

«— Согласенъ! сказалъ дофинъ. — Пускай онъ ѣдетъ, пусть оставитъ Францію! У него есть имѣніе и родня въ Англіи, пускай бѣжитъ туда!

«— Нѣтъ, государь! возразилъ Монморанси. — Смерти—много, а изгнанія — мало. Развѣ хотите вы, прибавилъ онъ, попизивъ голосъ:—чтобъ этотъ человекъ не только во Франціи, но и въ Англіи сказалъ, что онъ грозилъ вамъ оскорбительнымъ жестомъ.

«— О! не напоминайте мнѣ этого! вскричалъ дофинъ, стиснувъ зубы.

«— По-крайней-мѣрѣ, позвольте мнѣ помнить, чтобъ удержать васъ отъ неблагоразумнаго рѣшенія. Повторяю вамъ, надо, чтобъ графъ не могъ открыть ничего ни живой, ни мертвый. Наши люди надежны и не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Управляющій замкомъ Шатлэ мнѣ другъ; притомъ, нѣмъ и глухъ какъ тюрьма, и преданъ службѣ. Мы переведемъ Монгомері сегодня же въ Шатлэ. Хорошая тюрьма сохранитъ и сбережетъ намъ его, какъ угодно. Завтра онъ исчезнетъ, и объ этомъ исчезновеніи мы распустимъ слухи самые разнородные, которые собьютъ всѣхъ съ толку. Если они не уничтожатся сами собою, если друзья графа будутъ настойчиво требовать его, что почти-невѣроятно, и поведутъ дѣло жарко, что рѣшительно удивило бы меня, — мы найдемъ оправданіе въ реестрѣ Шатлэ, который докажетъ, что Монгомері, обвиненный въ оскорбленіи величества, ждетъ въ темницѣ судебнаго приговора. Потомъ, послѣ этого доказательства, не наша вина будетъ, если—(темница вредна для здоровья)—если печаль и угрызения совѣсти одождютъ Монгомері, и онъ умретъ, не дождавшись призыва на судъ.

«— О! Монморанси! вскричалъ дофинъ, содрогаюсь отъ ужаса.

«— Будьте спокойны, государь, продолжалъ конетабль:—намъ не придется прибѣгнуть къ этой крайности. Молва объ исчезновеніи графа затихнетъ сама-собою. Друзья утѣшатся и скоро забудутъ Монгомері, а онъ, исчезнувъ для свѣта, будетъ жить, если захочетъ, для тюрьмы.

«— Но у него, кажется, есть сынъ? спросила Діана.

«— Дѣ, ребенокъ, которому скажутъ, что отецъ его бѣжалъ безъ вѣсти и у котораго, если онъ вырастетъ сиротой, будутъ свои интересы, свои страсти; ему и въ голову не придетъ разбирать то, что было пятнадцать или двадцать лѣтъ назадъ.

«— Все это справедливо и прекрасно обдуманно, сказала г-жа де-Пуатье: — я преклоняюсь передъ вами, соглашаюсь вполне и удивляюсь.

«— Вы слишкомъ-добры, отвѣчалъ довольный собою Монморанси: — я съ удовольствіемъ вижу, что мы рождены понимать другъ друга.

«— Но я ни соглашаюсь, ни удивляюсь! вскричалъ дофинъ:—я, напротивъ, отвергаю и противлюсь...

«— Отвергаете, государь? и вы правы, отвѣчалъ Монморанси:—отвергайте, но не противьтесь; порицайте, но предоставьте дѣйствовать. Все это до васъ нисколько не касается, и я беру на себя всю отвѣтственность за свой поступокъ передъ людьми и передъ Богомъ.

«— Но тутъ все-таки будетъ преступленіе между нами? сказалъ дофинъ:—и вы будете болѣе нежели другомъ, — мѣнѣе соумышленникомъ.

«— О, государь; я далеку отъ такихъ мыслей! вскричалъ коварный министръ. — Но вамъ равно неприлично какъ драться съ преступникомъ, такъ и наказывать его. Не угодно ли вамъ обратиться къ королю?

«— Нѣтъ, нѣтъ; отецъ мой не долженъ знать ничего этого, живо сказалъ дофинъ.

«— Впрочемъ, мнѣ, по обязанности, сказалъ Монморанси:—надо будетъ донести ему, государь, если вы не разувѣритесь, что времена рыцарства прошли уже. Но, не будемъ торопиться, если угодно; время укажетъ, какъ надо дѣйствовать; а теперь пока сдѣлаемъ только необходимое во всякомъ случаѣ, то-есть, задержимъ графа.

«— Положимъ! сказалъ дофинъ, довольный этимъ двусмысленнымъ рѣшеніемъ. — Монгомеріи будетъ имѣть время одуматься въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, а я—тоже увижу, какъ надо поступить согласно съ совѣстью и моимъ званіемъ.

«— Возвратимтесь же въ Лувръ, государь, сказалъ Монморанси:—и удостовѣримъ всѣхъ, что мы не удалялись отсюда. Я его доставлю къ вамъ завтра, продолжалъ онъ, обращаясь къ г-жѣ де-Пуатье:—потому-что имѣлъ случай удостовѣриться, что вы дѣйствительно его любите.

«— Но увѣренъ ли въ этомъ дофинъ? сказала Діана:—простилъ ли онъ мнѣ несчастное происшествіе, которое я не могла предвидѣть?

«— Дѣ, вы меня любите... въ-самомъ-дѣлѣ, ужасно, Діана! задумчиво отвѣчалъ дофинъ. — Мнѣ нужно вѣрить, чтобъ не сомнѣваться, и еслибъ даже графъ говорилъ правду, то горечь мысли потерять васъ доказала мнѣ, что ваша любовь необходима для меня, и что, полюбивъ васъ однажды, нельзя не любить всю жизнь.

«— О, еслибъ это была правда! вскричала Діана страстнымъ голосомъ, цалуя руку, которую принцъ протянулъ ей въ знакъ примиренія.

«— Ну! поѣдѣте; медлить нельзя, сказалъ Монморанси.

«— До свиданія, Діана.

«— До свиданія, государь, сказала герцогиня, произнося эти слова съ разстановкой обольстительно-выразительной.

«Она проводила его до порога комнаты. Пока дофинъ спускался съ лѣстницы, Монморанси отворилъ дверь въ приемную, гдѣ лежалъ связанный и окруженный стражей Монгомери, и сказалъ офицеру:

«— Я сейчасъ пришлю вѣрнаго человѣка, который скажетъ вамъ, что дѣлать съ арестантомъ. До-тѣхъ-поръ, слѣдите за каждымъ его движеніемъ и не оставляйте ни на минуту. Вы отвѣчаете за него своею жизнью.

«— Слушаю, отвѣчалъ офицеръ.

«— Я тоже буду наблюдать, сказала изъ своей двери г-жа де-Пуатье.

«Всѣ удалились, и Перро слышалъ только мѣрные шаги часового.»

VI.

БЕЗПОЛЕЗНОЕ САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Алонзъ было невыразимо-тяжело при воспоминаніи объ этихъ страшныхъ происшествіяхъ. Она, однакожь, нѣсколько успокоилась послѣ непродолжительнаго отдыха и докончила разсказъ свой въ слѣдующихъ словахъ:

«Быль часъ по-полночи, когда дофинъ и его достойный совѣтникъ ушли отъ г-жи де-Пуатье. Перро видѣлъ, что батюшка вашъ погибнетъ неминуемо, если не будетъ никакой задержки посланцу г. де-Монморанси. Значитъ, настала пора вѣзаться самому Перро за дѣло. Онъ замѣтилъ, что г. де-Монморанси, уходя, не обозначилъ, почему бы можно было узнать его посланца, то-есть, не объяснилъ, что, де-сказать, тотъ, кого я пришлю, скажетъ такое-то слово, или принесетъ для показу такую-то вещь, и что по тому слову, или по той вещи вы узнаете его. Перро, подождавъ съ полчаса времени, — для того только, чтобъ могли подумать, что онъ точно присланъ отъ г. де-Монморанси, — выбрался осторожно изъ своего потаеннаго прибѣжища, сошелъ съ лѣстницы безъ малѣйшаго шума, потомъ тотчасъ же опять взобрался на нее, лѣвственнымъ, слышимымъ шагомъ, и постучался въ дверь.

«Намѣреніе у него было смѣлое, но оно могло привести къ хорошему концу, именно отъ-того, что было смѣлое.

«— Кто тамъ? спросилъ изъ-за двери часовой.

«— Отъ господина де-Монморанси, его посланный, отвѣчалъ Пьерро.

«— Впусти, сказалъ начальникъ часового.

«Дверь отворили, и Пьерро вошелъ въ комнату неробко, поглядывая на бывшихъ въ ней.

«— Я, сказалъ онъ потомъ:— конюшій г. Шарля де-Мансоля, пріятеля г. де-Монморанси. Вы, впрочемъ, знаете, что они пріятель между собою... Да и дѣло не въ томъ. Съ четверть часа

назадъ, мы шли съ барономъ съ караула, изъ Лувра, какъ вдругъ намъ попались на встрѣчу, на Гревской-Площади, г. Монморанси съ какимъ-то другимъ господиномъ, который былъ закутанъ въ плащъ до самыхъ глазъ. Г. Монморанси узналъ моего барина и подозвалъ его къ себѣ. Потомъ они переговорили промежь-себя и приказали мнѣ идти сюда, къ г-жѣ де-Пуатье. Ты найдешь тамъ арестанта, прибавилъ г. де-Монморанси: его надобно... Тутъ отдалъ онъ мнѣ на счетъ этого арестанта приказъ, который я исполню теперь же. Я замѣтилъ-было, что мнѣ нужно нѣсколько человѣкъ для охраны, но онъ сказалъ, что найду здѣсь достаточное число людей; и я вижу теперь, что васъ даже болѣе, чѣмъ требуется для пособія мнѣ въ исполненіи приказа г. де-Монморанси. Да гдѣ же арестантъ? А, вотъ онъ! Снимите ему повязку со рта: мнѣ надобно говорить съ нимъ, и онъ долженъ отвѣчать на мои вопросы.

«Начальникъ стражи, однакожь, не рѣшился вдругъ послушаться Перрô, хотя мужъ мой говорилъ безъ всякаго смущенія.

«— А письменнаго приказа у васъ нѣтъ? спросилъ онъ у него.

«— Да развѣ можно писать приказанія на Гревской-Площади, во второмъ часу утра? отвѣчалъ Перрô, пожимая плечами.—Мнѣ, впрочемъ, г. де-Монморанси говорилъ, что онъ объявилъ вамъ, уходя, о присылкѣ отъ себя посланнаго.

«— Правда.

«— Зачѣмъ же вы еще спорите, любезнѣйшій? Извольте-ка отойти съ своими подчиненными немного-поодаль: мнѣ надобно переговорить съ этимъ господиномъ о секретномъ дѣлѣ. Что жъ, не слышите, что ли? Отойдите.

«Они послушались, и Перрô подошелъ къ вашему батюшкѣ, у котораго уже была снята повязка со рта.

«Онъ узналъ моего мужа съ перваго взгляда.

«— Перрô, сказалъ онъ ему тихо: — какимъ-образомъ могъ ты прийти сюда?

«—Вы узнаете объ этомъ послѣ, государь-графъ, отвѣчалъ Перрô: —а теперь намъ нужно время на другое. Извольте меня выслушать.

«И онъ рассказалъ графу какъ-можно-короче о томъ, что произошло въ комнатѣ г-жи де-Пуатье, и о томъ, что г. Монморанси, по-видимому, опредѣлилъ заключить вашего батюшку въ вѣчное заточеніе. А мнѣніе у Перрô было такое, что надобно во что бы то ни стало избавиться отъ этой бѣды.

«— Но какъ же избавлюсь я отъ нея? сказалъ вашъ батюшка.—Ихъ восьмеро, а насъ только двое; и къ тому же, прибавилъ онъ съ горькою усмѣшкою:—мы здѣсь не въ пріятельскомъ домѣ.

«— Нужды нѣтъ, отвѣчалъ Перрô:—дозвольте мнѣ только поступить какъ я придумалъ, и я спасу васъ.

«— За чѣмъ?.. сказалъ графъ съ грустію. —На что мнѣ теперь жизнь и свобода? Діана не любитъ меня! Діана ненавидитъ меня и измѣнила мнѣ!

«— Забудьте о ней, государь-графъ; и стоить ли убивать себя тоскою по недостойной женщинѣ, когда у васъ есть сынъ, который безъ васъ будетъ круглымъ сиротою?»

«— Ты говоришь правду, Перрô: я виноватъ передъ нимъ; я вовсе не пекусь о моемъ бѣдномъ Габріэлѣ, и Господь наказалъ меня за это по справедливости. По-крайней-мѣрѣ, теперь я исполню долгъ свой въ-отношеніи къ нему. Для него я попытаюсь спастись отъ участи, которую мнѣ готовятъ. Но прежде выслушай меня: если планъ, придуманный тобою, не удастся; если меня убьютъ, или навсегда заживо схоронятъ въ какой-нибудь тюрьмѣ,—и то и другое должно остаться тайною для Габріэля. Иначе, войдя въ лѣта, онъ будетъ, стараться отмстить за меня или освободить меня изъ заточенія, и погубить себя. А мнѣ и безъ того надобно отдать тяжелый отчетъ передъ его матерью... Поклянись же мнѣ, Перрô, что, если ты переживешь меня, ни одно твое слово не откроетъ ему моего прошлаго, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока виновники моей гибели, дофинъ, который, конечно, въ-послѣдствіи будетъ королемъ, — Діана и Монморанси, не унесутъ съ собою въ могилу ненависти ко мнѣ и вражды къ моему сыну. Послѣ этого онъ можетъ, если пожелаетъ, отыскивать меня. Тогда уже не будетъ опасности. Но до-тѣхъ-поръ, повторяю еще разъ, онъ еще менѣе, чѣмъ другіе, долженъ знать о моей участи. Объщаешь ли ты мнѣ это, Перрô? Клянешься ли въ томъ? Въ противномъ случаѣ, я не согласенъ принять твое великодушное предложеніе.

«— Вы непременно требуете клятвы, государь-графъ? Извольте, я клянусь вамъ.

«— Ты клянешься вотъ этимъ крестомъ, Перрô, что Габріэль не узнаетъ отъ тебя о моей участи, пока будутъ живы дофинъ, Діана и Монморанси?»

«— Клянусь этимъ крестомъ, сказалъ Перрô, приподнявъ правую руку.

«— Благодарю, другъ. Теперь дѣлай, что хочешь. Поручаю себя Богу и ввѣряюсь тебѣ вполне.

«— Старайтесь только сохранить присутствіе духа, государь-графъ. Съ вашей стороны это главное, а тамъ ужъ я устрою все.

«Перрô замолчалъ на минуту, потомъ прибавилъ, обращаясь къ начальнику-стражи:

«— Отвѣты арестанта удовлетворительны; вы можете развязать ему руки и отпустить его.

«— Развязать ему руки? И... и отпустить его? возразилъ съ удивленіемъ тотъ, къ кому относились послѣднія слова Перрô.

«— Ну, да! сказалъ Перрô. — Такъ приказалъ г. де-Монморанси.

«— Г. де-Монморанси, продолжалъ начальникъ стражи, показавъ головою: — приказалъ намъ строго стеречь арестанта. Онъ даже объявилъ намъ, что мы отвѣтимъ жизнью, если арестанту

удастся уйти! Какъ же могъ онъ приказать теперь освободить этого господина?

«— Стало-быть, вы не хотите исполнить приказанія г. де-Монморанси?

«— Не то, что не хочу, а мнѣ какъ-то сомнительно. Вотъ видите ли, еслибъ вы приказали заколотъ этого господина, или утопить, или, пожалуй, отвести въ Бастилію, мы тотчасъ бы послушались васъ; а то отпустить... Мы къ такимъ приказамъ на-счетъ арестантовъ не привыкли...

«— Какъ-себѣ хотите, любезнѣйшій, отвѣчалъ Перрô безъ смущенія. — Я передалъ вамъ приказъ, который былъ данъ мнѣ; теперь я уываю руки. Вы будете отвѣчать за непослушаніе, а мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Прощайте.

«И Перрô отворилъ дверь, какъ-будто для того, чтобъ уйти.

«— Позвольте на минуту, сказалъ начальникъ стражи:—что вы торопитесь? Такъ вы утвердительно говорите, что г. де-Монморанси приказалъ отпустить арестанта? Вы увѣрены, что васъ прислалъ г. де-Монморанси, а не кто другой?

«— Увѣренъ ли? отвѣчалъ Перрô. — Да какъ же иначе узналъ бы я, что вы здѣсь стережете арестанта? Кто бы могъ сказать мнѣ объ этомъ, кромѣ г. де-Монморанси?

«— Оно, конечно... Ну, мы исполнимъ вашъ приказъ, развяжемъ руки этому молодцу, сказалъ начальникъ стражи съ досадою. — Ахъ, Боже мой, что это за народъ эти знатные господа: на одной недѣлѣ семь пятницъ!

«— Такъ развяжите, отвѣчалъ Перрô.—Я подожду.

«Онъ, однакожъ, вышелъ за дверь, и остановился подлѣ нея, не отводя взгляда отъ лѣстницы. Онъ хотѣлъ не допустить настоящаго посланнаго г. де-Монморанси, еслибъ тотъ пришелъ.

«А между-тѣмъ, онъ не замѣтилъ, что позади его подошла къ комнатѣ сама г-жа де-Пуатьё. Она, вѣроятно, услышала, что зашелъ громкій разговоръ, и пожелала узнать, не случилось ли чего-нибудь. Увидавъ, что стража развязываетъ вашего батюшку, она закричала имъ съ гнѣвомъ:

«— Что вы дѣлаете, негодяи?

«— Мы исполняемъ приказаніе г. де-Монморанси, отвѣчалъ начальникъ стражи: — мы развязываемъ руки арестанту.

«— Приказаніе г. де-Монморанси? Быть не можетъ! продолжала г-жа де-Пуатьё.— Кто передалъ вамъ это приказаніе?

«Стража указала на моего покойника, который смотрѣлъ на г-жу де-Пуатьё словно окаменѣлый. На блѣдное лицо Перрô падалъ свѣтъ ближней лампы; г-жа де-Пуатьё узнала вѣрнаго слугу.

«— Онъ! вскричала она. — Да вѣдь это конюшій того, кто у васъ подъ стражею! Что вы дѣлаете!

«— Неправда! сказалъ Перрô.—Я нахожусь въ услуженіи у г. де-Манфоля, и присланъ сюда г. де-Монморанси.

«— Кто тутъ говорить, что присланъ отъ г. де-Монморанси? ска- залъ кто-то позади бѣднаго Перрѣ.

«То былъ настоящій посланный Монморанси.

«— Этотъ плутъ лжетъ, прибавилъ онъ потомъ. — Вотъ кольцо и печать г. де-Монморанси. Да вы же и должны знать меня... По-крайней-мѣрѣ, слышали: я графъ Монтансье... Но что вы тутъ дѣлаете? Вы сняли повязку со рта у арестанта и развязываете ему руки? Сейчасъ же опять завязать ему ротъ и связать его самого крѣпче прежняго.

— Вотъ что дѣло, то дѣло, сказалъ начальникъ стражи.— Вотъ и видно, что настоящій приказъ.

«— Бѣдный Перрѣ! проговорилъ вашъ батюшка.

«Ни одного слова не прибавилъ онъ въ упрекъ г-жѣ де-Пуатье, хоть ему и не вдругъ завязали ротъ платкомъ. Онъ какъ-будто считалъ ее недостойною упрековъ. Статься-можетъ, что онъ также опасался ввести своими рѣчами еще въ большую бѣду моего бѣднаго Перрѣ. Но Перрѣ, на свою пагубу, не выдержалъ...

«Онъ смѣло взглянулъ на г-жу де-Пуатье и сказалъ ей грозно, какъ-будто какой-нибудь простой женщиной:

«— За ваше предательство накажетъ васъ Господь Богъ! Вы ху- же Иуды, предали неповиннаго: вы предали трижды!

«— Схватите его! вскричала г-жа де-Пуатье, блѣдная, какъ по- лотно, отъ гнѣва.

«— Схватите его! повторилъ послѣ нея графъ Монтансье.

«— А вотъ, посмотримъ, какъ удастся! вскричалъ Перрѣ.

«И въ ту же минуту, подбѣжавъ, точно въ изступленіи, къ ва- шему батюшкѣ, онъ началъ разрѣзывать своимъ кинжаломъ верев- ку, которою были связаны руки графа...

«— Помогайте мнѣ, государь-графъ! кричалъ онъ ему тогда:— высвобождайте руки, и стоимъ за себя!

«Но на бѣднаго Перрѣ тутъ же кинулись солдаты; одинъ изъ нихъ прокололъ его шпагой насквозь, между плечъ, и онъ, вы- свободивъ только одну лѣвую руку вашего батюшки, упалъ подлѣ графа замертво, весь въ крови.»

«Что произошло послѣ того, Перрѣ не зналъ.

«Пришедъ въ себя, онъ прежде всего почувствовалъ, что ему холодно, потомъ собрался мало-по-малу съ мыслями, открылъ глаза и посмотрѣлъ вокругъ себя: въ ту пору, все еще была тем- ная ночь. Онъ лежалъ на мокрой землѣ, подлѣ тѣла мертваго че- ловѣка. Неподалеку отъ Перрѣ, въ углубленіи, гдѣ было рѣзано изображение Богоматери, горѣла лампадка. Свѣтъ отъ нея былъ большой. При этомъ свѣтѣ, Перрѣ разсмотрѣлъ, что находится на кладбищѣ, и что подлѣ него лежитъ тѣло одного изъ солдатъ, уби- таго графомъ. Перрѣ, видно, тоже сочли мертвымъ...

«Онъ сталъ-было привставать; но тутъ вдругъ началась у него въ рацѣ такая боль, что онъ упалъ опять. Однакомъ, онъ пере- могъ себя, спустя короткое время. Онъ съ великимъ напряженіемъ

всталъ и переступилъ нѣсколько шаговъ. Въ эту минуту, заблестѣлъ вдали свѣтъ фонаря, и вскорѣ показались два человѣка съ заступами въ рукахъ.

«То были могильщики.

«Перрѣ, замѣтивъ ихъ, припалъ къ землѣ, и потомъ кое-какъ отползъ какъ могъ подальше и спрятался за однимъ надгробнымъ камнемъ.

«— Намъ говорили вѣдь, сказалъ между-тѣмъ одинъ изъ могильщиковъ своему товарищу:— что они положены подлѣ того мѣста, гдѣ лампада... такъ, кажется?

«— Именно, отвѣчалъ спрошенный.— Э, да вотъ и они, прибавилъ онъ потомъ, замѣтивъ трупъ солдата. Однако, что жъ это такое? тутъ только одинъ... А гдѣ же другой молодецъ?..

«— Надобно поискать его.

«И они принялись искать подлѣ того мѣста, на которомъ лежалъ убитый солдатъ.

«— Нѣтъ, да и только. Видно, его чортъ унесъ, сказалъ одинъ изъ могильщиковъ.

«Этотъ могильщикъ, кажется, былъ человѣкъ веселый...

«— Охъ, зачѣмъ ты говоришь все такія страсти, да еще въ такую пору, и на кладбищѣ! отвѣчалъ другой, перекрестясь, въ испугѣ.

«— Какъ ты хочешь, а тутъ все-таки одинъ пріятель. Что жъ намъ дѣлать?.. Э, есть о чемъ раздумывать! Похоронимъ хоть этого; а тамъ скажемъ, что другой мертвецъ сбѣжалъ... Можетъ, впрочемъ, они и обсчитались...

«И они принялись копать могилу, а Перрѣ началъ отпалзывать дальше. Когда онъ былъ еще не очень-далеко отъ нихъ и могъ слышать ихъ слова, веселый могильщикъ сказалъ своему товарищу:

— А знаешь ли что: вѣдь если мы сознаемся, что нашли только одного мертвеца и вырыли только одну могилу, намъ, можетъ-быть, заплатятъ не десять пистолей, какъ обѣщано, а только нять. Такъ не лучше ли не говорить, что другой-то молодецъ сбѣжалъ?

«— Конечно! отвѣчалъ трусливый могильщикъ.— Мы скажемъ, что-могъ все сдѣлали по приказу, и будемъ правы.

«Послѣ того, мой Перрѣ вскорѣ выбрался изъ кладбища, и черезъ нѣсколько времени дошелъ, едва ступая отъ боли и ослабленія, до Улицы-Обрѣ-ле-Бушѣ. Тутъ встрѣтился ему огородникъ въ телегѣ, порожнемъ. Перрѣ спросилъ у него, куда онъ ѣдетъ.

«— Въ Монтрѣль, отвѣчалъ огородникъ.

«— Такъ не подвезешь ли ты меня до угла улицы Жофруа-Ланьѣ... я живу тутъ неподалеку... ты очень одолжишь меня...

— Пожалуй, подвезу, отвѣчалъ огородникъ.

«Перрѣ взобрался съ большимъ усиліемъ въ телегу, и они поѣхали. Каково было моему покойнику, когда его везли, этого и сказать нельзя: ему не разъ казалось, что онъ просто Богу душу

отдасть... Но какъ бы то ни было, онъ не жаловался, не сто-
налъ, и телега наконецъ остановилась въ Улицѣ-Жофруа-Ланьё.

«— Ну, вотъ, пріятель, мы и доѣхали, сказалъ огородникъ.

«— Благодарю васъ, любезнѣйшій, отвѣчалъ Перрô.

«Сказавъ это, мужъ мой вылѣзъ изъ телеги, потомъ пошелъ-бы-
ло, шатаясь, вдоль улицы; но у него вдругъ подогнулись ноги, и
онъ, чтобъ не упасть, прислонился къ стѣнѣ.

«— Знать, вышилъ, сказалъ огородникъ.

«Тотчасъ за тѣмъ, онъ уѣхалъ, напѣвая превеселую пѣсню мѣ-
донскаго священника, Франциска Раблѣ.

«Цѣлый часъ времени потребовалось бѣдному Перрô для того,
чтобъ дойти до Улицы-де-Жирарденъ. Да, слава Богу, январскія
ночи длинны. Перрô прибѣлелъ домой часовъ въ шесть по полуно-
чи, не встрѣтивъ ни души.

«Я, не смотря на холодъ, всю ночь стояла передъ открытымъ
окномъ. Таково было мое безпокойство въ ту пору. Лишь-только
Перрô кликнулъ меня, я, ни мало не мѣшкаая, сбѣжала въ сѣми и
отперла дверь.

«— Молчи! сказалъ мнѣ Перрô.—Что бы ты ни увидѣла, Алоиза,
молчи! Помоги мнѣ войти въ комнату... Да, смотри же, ни слова...

«Онъ оперся на меня, и я повела его. Почти тотчасъ же я за-
мѣтила, что Перрô раненъ; но, помня приказъ его, не вскрик-
нула, не сказала ни слова. У меня только брызнули слезы ру-
чьемъ... Когда мы пришли въ свою комнату и я, снявъ съ Пер-
рô полукафтанье и оружіе, взглянула себѣ на руки, у меня чуть
не вырвался крикъ: мои руки были всѣ въ крови...

«Перрô улегся на кровати какъ могъ покойнѣе. На его рану
страшно было смотрѣть.

«— Перрô, сказала я ему, рыдая: — позволь, по-крайней-мѣрѣ,
сходить за лекаремъ.

«— Не нужно, отвѣчалъ онъ.—Ты вѣдь знаешь, что я нѣсколь-
ко разумѣю лекарскую часть, такъ я тебѣ скажу, что моя рана
смертельна. Я и теперь ужъ не былъ бы въ живыхъ, когда бъ не
поддержалъ мои силы самъ Господь-Богъ, наказующій убійцъ и
предателей... Онъ продлилъ мою жизнь на нѣсколько часовъ для
того, чтобъ было спасено дитя неповинное... Скоро начнется у
меня горячка, и тогда всему конецъ. Тутъ ужъ не поможетъ ни
одинъ лекаръ въ свѣтѣ.

«Онъ говорилъ съ большимъ усиліемъ. Я стала упрашивать его,
чтобъ онъ отдохнулъ хоть немного.

«— Правда, сказалъ онъ въ отвѣтъ:—мнѣ надобно отдохнуть...
Я долженъ сберечь послѣднія силы... и, однакъ, я могу пи-
сать... Дай сюда бумага, чернилъ и перо.

«Я подала ему все это. Онъ хотѣлъ-было взять перо, но вдругъ
замѣтилъ, что у него глубоко прорѣзана шпагою рука. Писать бы-
ло невозможно. Впрочемъ, онъ и не очень былъ привыченъ къ
письму.

«— Ну, сказалъ онъ:—дѣлать нечего: надобно говорить. Господь, я надѣюсь, еще пошлетъ мнѣ жизни хоть на малое время... Онъ справедливъ, и не терпитъ, чтобъ графъ нашъ остался навсегда во власти своихъ недруговъ... Онъ устроилъ такъ, что графу найдеть освобожденіе нашъ молодой баринъ, когда будетъ къ тому пора...

«И Перрѣ рассказалъ мнѣ, что вы теперь изволите знать, сударь. Перрѣ говорилъ, однакожь, съ трудомъ и часто останавливаясь отъ слабости. Въ эти промежутки предсмертныхъ рѣчей бѣднаго Перрѣ, я выходила, по его приказу, къ нашимъ здоровымъ, для того, чтобъ не было никакого подозрѣнія. Они повѣрили, что мнѣ ничего неизвѣстно ни о вашемъ батюшкѣ, ни о моемъ покойникѣ... Я посылала ихъ освѣдомляться о графѣ сначала въ Лувръ, потомъ ко всѣмъ тѣмъ, кто былъ хоть въ маломъ съ нимъ знакомствѣ. Г-жа де-Пуатье приказала сказать, что не видала его во весь день; а г-нъ де-Монморанси еще закричалъ, что де-скать его только беспокоятъ понапрасну, и что де-скать какъ ему знать, куда дѣвался графъ.

«Такимъ-образомъ, все было устроено по желанію Перрѣ, и недоброхоты вашего батюшки могли подумать со всей справедливостью, что тайна ихъ неизвѣстна никому въ мірѣ, что ее на вѣки схоронили въ тюрьмѣ, съ графомъ, и въ могилѣ, съ его вѣрнымъ конюшимъ.

«Около полудня, мужу моему стало какъ-будто полегче. Онъ говорилъ почти безъ усилія. Я было-обрадовалась этому, но онъ сказалъ мнѣ съ горькой усмѣшкой:

«— Ты радуешься понапрасну, Алоиза: мое теперешнее облегченіе происходитъ отъ-того, что у меня ужъ начинается горячка... Но, слава Богу, я рассказалъ тебѣ все, что слѣдовало... Ты знаешь теперь тайну, которая, кромѣ меня, была извѣстна только Богу, да тремъ врагамъ нашего графа... И, я надѣюсь, ты не промолвишься о ней до того дня, когда можно будетъ открыть ее кому надобно. Ты слышала, какую клятву взялъ съ меня графъ: точно такой же клятвы требую я отъ тебя, Алоиза. Поклянись мнѣ, что страшной тайны, которую я ввѣрилъ тебѣ, не узнаетъ никто, покажеться будутъ въ живыхъ недруги, сгубившіе нашего господина.

«Я исполнила приказъ Перрѣ со слезами на глазахъ, и вотъ теперь, сударь, нарушила данную клятву, — нарушила потому, что недруги вашего батюшка еще не въ могилѣ и еще могутъ погубить васъ. Но я преступила клятву невольно: иначе вы не преодолѣли бы своего отчаянія... И если вы теперь станете поступать осторожно, васъ и батюшку вашего снасетъ именно то, отъ-чего, въ противномъ случаѣ, должна выйдти вамъ гибель, — значитъ, отъ моего разсказа вамъ не должно выйдти худа... А у меня все-таки тяжело на душѣ... Мнѣ все думается, что Господь и мой милый Перрѣ не простятъ меня за клятвopеступленіе...»

— Тутъ нѣтъ никакого клятвопреступленія, моя добрая Алоиза, отвѣчалъ Габріэль:—ты даже должна была, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыть мнѣ тайну. Но продолжай, ради самаго Бога, продолжай.

— Перрѣ, сказала Алоиза:—прибавилъ еще:

«— Послѣ смерти моей, Алоиза, ты отпусти всѣхъ здѣшнихъ нашихъ дворовыхъ, запири домъ и не медля уѣзжай съ молодымъ графомъ и съ нашимъ сыномъ въ Монгомери. И даже въ Монгомери ты живи не въ замкѣ, а въ нашемъ домикѣ. Тамъ ты воспитай молодаго графа не то, чтобъ совершенно въ тайнѣ, однакожь и безъ огласки, такъ, чтобъ приближенные и надежные люди знали, кто онъ; но чтобъ до недруговъ его не доходила о томъ молва. Наши монгомерійскіе, и особенно отецъ—капелланъ и управитель, помогутъ тебѣ совершить долгъ, который возлагаетъ на тебя самъ Господь. Я думаю даже, что и молодому графу не надобно говорить до восемнадцати лѣтъ, кто онъ. Пусть только будетъ ему извѣстно, что онъ хорошаго дворянскаго рода. Ты, впрочемъ, сама увидишь, какъ лучше. Посовѣтуйся на счетъ этого съ отцомъ—капелланомъ и съ вимутьскимъ барономъ: они ужь разсудятъ... Но ни имъ и никому другому не открывай того, что я разсказалъ тебѣ... скажи только, что ты наслышалась здѣсь о недоброхотахъ нашего господина; что эти недоброхоты могутъ сгубить и молодаго графа, и что поэтому—то не должно быть о немъ оглашенія на сторону...

«Вскорѣ потомъ, мужу моему стало хуже. Боль въ ранѣ была у него нестерпимая; въ инныя минуты, онъ почти вовсе лишился чувства; но и тутъ, какъ только немного отпускало ему, онъ прибавлялъ къ прежнимъ разнымъ другія наставленія.

«Онъ даже могъ явственно дать мнѣ вотъ еще какой наказъ:

«— Г. де-Монморанси, сказалъ онъ мнѣ:—думаетъ, что я схороненъ на кладбищѣ вмѣстѣ съ убитымъ солдатомъ. Пусть же будетъ онъ увѣренъ въ этомъ всю свою жизнь. Если онъ узнаетъ, что я успѣлъ дотанциться сюда живой, ты погибнешь, Алоиза, а вмѣстѣ съ тобою, быть—можетъ, погибнетъ и нашъ молодой графъ!.. Но у тебя душа твердая, Алоиза. Когда я умру, ты превозмоги свое горе, и около полуночи, какъ скоро уснутъ всѣ наши дворовые, отнеси мое тѣло въ погребальный склепъ... въ тотъ, что сдѣлали здѣсь прежніе владѣльцы этого замка... ихъ прозваніе было Бриссакъ... Туда никто не ходитъ, и даже ключъ отъ тамошней двери заржавѣлъ... онъ лежитъ въ томъ большомъ сундукѣ, что въ комнатѣ государя—графа... Тамъ буду я схороненъ въ освященномъ мѣстѣ... Конечно, простому конюшему не слѣдовало бы лежать подлѣ знатныхъ господъ; но вѣдь мы всѣ христіане, и притомъ, послѣ смерти они такіе же, какъ и мы грѣшныя.

«Я обѣщала исполнить и это приказаніе. Да и какъ было отказать, какъ было огорчить бѣднаго Перрѣ въ такую минуту?.. Къ вечеру начался у него бредъ; послѣ бреда, который продолжался

не много времени, стало ему тяжеле. Я сама едва ходила отъ горя; особенно меня мучило то, что я не могу помочь моему Перрô; я предлагала ему и то, и другое, но онъ не принималъ ничего...

«Наконецъ онъ самъ сказалъ мнѣ:

«— Алоиза, дай мнѣ пить... воды.

«Жажда у него была нестерпимая; онъ былъ весь словно въ огнѣ, но, не смотря на то, не тотчасъ сталъ пить, а сказалъ мнѣ прежде:

«— Алоиза, прѣстимся на... вѣкъ... поцалуй меня... Да, смотри помни, что я приказывалъ... Ради самого Бога, помни!..

«Я поцаловала его, заливаясь слезами.

«Послѣ того онъ приложился къ распятію, которое подала я ему, по его требованію, и выговорилъ уже чуть слышно:

«— О, Боже мой! Боже мой!

«Онъ пожалъ мнѣ руку и взялъ стаканъ съ водою, который я поставила передъ нимъ, но выпилъ только нѣсколько капель... Съ нимъ сдѣлались судороги; онъ приподнялся съ постели и въ ту же минуту опять упалъ на нее.

«Онъ скончался, графъ.

«Во весь остатокъ вечера, я плакала и молилась. У меня, одна-кожь, достало силы уложить васъ почивать, какъ укладывала каждую ночь. Горе мое я, конечно, не могла скрыть; но оно ни на кого не навело удивленія. Всѣ наши дворовые тоже очень печались о вашемъ батюшкѣ и о моемъ бѣдномъ Перрô, хотя и не знали вѣдъ настоящей участи.

«Около двухъ часовъ по полуночи все въ домѣ стихло. Не спала только я одна. Надо было исполнить послѣдній приказъ Перрô. Я смыла кровь съ тѣла моего покойника, завернула его въ простыню и, поручивъ себя Господу Богу, понесла тѣло въ склепъ. Тяжело мнѣ было нести его!.. Не разъ доходило до того, что я, въ тоскѣ и душевной слабости, клала свою голову на полъ и становилась подлѣ нея на колѣни...

«Навѣрное, болѣе получаса шла я съ нею до склена. Когда же отперла я дверь этого подземелья, изъ него пахнулъ холодный вѣтеръ. Лампадка, которую взяла я съ собою, погасла, и я сама чуть не задохлась. Однакожь, я оправилась вскорѣ, зажгла лампадку и внесла тѣло Перрô въ склепъ. Тутъ оказался одинъ пустой гробъ, словно нарочно для него приготовленный. Я положила похолодѣлое тѣло въ этотъ гробъ и надвинула крышку. Отъ недосмотра ли моего, или отъ чего другаго, но крышка, надвигаясь на гробъ, хлопнула очень-громко, и въ пустемъ подземелья послышался гулъ. Я такъ испугалась этого, что опрометью выбѣжала изъ склена, кое-какъ заперла дверь и, добѣжавъ до своей комнаты, почти бездыханная упала на стулъ. Но и въ этомъ случаѣ надобно было превозмочь себя: мнѣ еще слѣдовало сжечь бѣлье, на которомъ запеклась кровь моего мужа, и прибрать все въ

комнатъ, такъ, чтобъ къ утру ужъ не было никакого слѣда недавней бѣды...

«Я сдѣлала и то и другое.

«Какъ ты ходила я утромъ; во мнѣ самой зачиналась болѣзнь; но Господь спасъ меня, потому—что жизнь моя была нужна двумъ сиротамъ.»

— Бѣдная кормилица! Сколько горя перенесла ты тогда! сказалъ Габріэль, сжимая руку Алоизы въ своихъ рукахъ.

— Спусти мѣсяць, продолжала Алоиза, я уѣхала съ вами въ Монгомери.

«Между-тѣмъ, все сбылось точно такъ, какъ ожидалъ г. де-Монморанси. Нѣсколько дней при дворѣ только и было толковъ, что о вашемъ батюшкѣ; всѣ удивлялись, какимъ образомъ могъ онъ пропасть безъ вѣсти; всѣ старались довѣдаться, какая бы могла быть тому причина; потомъ стали говорить объ этомъ менѣе, а наконецъ и совѣмъ забыли. Тогда случилось, что императоръ Карлъ V задумалъ проѣхать черезъ Францію для того, чтобъ наказать бунтовщиковъ въ своемъ городѣ Гентѣ. Всѣ и бросились на эту новость.

«Въ тотъ же самый годъ, въ маѣ, спустя пять мѣсяцевъ послѣ несчастія съ вашимъ батюшкой, родилась Діана де-Кастро.»

— Да, отвѣчалъ Габріэль задумчиво:—но вотъ вопросъ неразрѣшимый: была ли у батюшки связь съ г-жею де-Пуатье? и если была, то одновременна ли она съ расположеніемъ г-жи де-Пуатье къ дошну?.. Но, Богъ мой, что я говорю: неразрѣшимый?.. Вѣдь батюшка еще живъ!.. Навѣрное, живъ, и я отыщу его, Алоиза, непременно отыщу. Мною будетъ руководить любовь къ нему и любовь къ Діанѣ: мнѣ удастся...

— Дай-то Господи! сказала Алоиза.

— А послѣ твоего отъѣзда, кормилица, сказалъ Габріэль:—до тебя не доходило вѣсти о томъ, въ какую тюрьму былъ заключенъ батюшка?

— Нѣтъ, сударь; но если догадываться по словамъ г. де-Монморанси, слышаннымъ моимъ мужемъ, что губернаторъ Шатлэ преданный ему другъ и надежный человѣкъ...

— Шатлэ! вскричалъ Габріэль:—Шатлэ!

И онъ съ ужасомъ вспомнилъ о несчастномъ старикѣ, котораго видѣлъ въ одной изъ подземельныхъ темницъ Шатлэ и который былъ осужденъ на вѣчное молчаніе...

Габріэль бросился на шею къ Алоизѣ, заливаясь слезами.

VII.

В ы к у п ь .

На другой день, 12 августа, Габріэль, безъ малѣйшаго признака смущенія въ лицѣ, отправился въ Лувръ просить у короля аудиенци.

Онъ долго обдумывалъ и долго совѣтовался съ Алоизой, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ. Убѣдясь, наконецъ, что при столь сильномъ противникѣ насильственные мѣры не поведутъ къ хорошему, онъ рѣшился говорить прямо, но почтительно. Онъ будетъ просить, но не требовать. Время требованій вѣдь еще не ушло, да и не должно ли прежде узнать, не ослабѣла ли, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, ненависть Генриха II?

Принявъ это намѣреніе, Габріэль, какъ видите, поступилъ благородно и осторожно.

Ему, впрочемъ, готовили неожиданную помощь—обстоятельства.

Пршедь на луврскій дворъ въ сопровожденіи Мартэна Герра, — на этотъ разъ, настоящаго Мартэна Герра, — Габріэль замѣтилъ тамъ какое-то необыкновенное движеніе. Весь преданный своей мысли, онъ не обратилъ на это большаго вниманія и не сталъ довѣдываться причины, которая заставила собраться передъ дворцомъ столь многихъ людей; но вдругъ онъ поравнялся съ носилками, изъ которыхъ выходилъ кардиналъ лотарингскій, видимо чѣмъ-то взволнованный.

— А, это вы, виконтъ д'Эксмэ? сказалъ ему кардиналъ. — Такъ вы теперь совершенно выздоровѣли? Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! Братъ мой освѣдомляясь о васъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ съ большимъ участіемъ.

— О, ваше высокопреосвященство, какъ благодарить за такую олагосклонность... отвѣчалъ Габріэль.

— Вы вполне заслужили ее своею храбростью. Но куда это идете вы такъ скоро?

— Къ королю.

— Къ королю?.. Теперь?.. Ну, мой другъ, неудачное выбрали вы время: его величеству въ эту минуту не до васъ. Ахъ, да вотъ что: я самъ долженъ видѣть короля; его величество присылалъ за мною; войдемте же вмѣстѣ. Я введу васъ, а вы, статья—можетъ, будете мнѣ полезны въ кабинетѣ... Помощь за помощь, мой другъ... Кстати: вамъ извѣстна печальная новость?

— Новость? Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, я не слышалъ ничего. Я только-что изъ дома. Правда, я замѣтилъ, что здѣсь происходитъ что-то необыкновенное.

— Дѣ, думаю, что происходитъ. Вѣдь есть отъ-чего. Г. де-Монморанси изволилъ отличиться на славу. Онъ, нашъ достойный конетабль, задумалъ помочь Сен-Кентену, который Испанцы держатъ въ осадѣ... Не идите такъ скоро, виконтъ д'Эксмэ, мнѣ вѣдь ужъ не двадцать лѣтъ... Такъ вотъ видите, нашъ храбрый конетабль далъ сраженіе... Это было третьяго дня, 10 августа, въ день св. Лаврентія. Войско наше почти равнялось числомъ испанскому; кавалерія была удивительная; притомъ, все лучшее наше дворянство... Что жъ вы думаете? Онъ, опытный полководецъ, такъ устроилъ свои дѣла, что его разбили на голову на равнинахъ жиберкурскихъ и лезерольскихъ. Мало того: онъ самъ ра-

ненъ и взять въ плѣнъ, а съ нимъ взяты въ плѣнъ всѣ тѣ генералы, которые не убиты во время сраженія. Въ числѣ послѣднихъ находится г. д'Анганъ. Да что и говорить! изъ всей пѣхоты не уцѣлѣло и ста человекъ. Вотъ почему, г. д'Эксмэ, происходитъ здѣсь, какъ вы выразились, что-то необыкновенное; и вотъ, навѣрное, почему позволилъ потребовать меня къ себѣ его величество.

— Боже великій! вскричалъ Габріэль, забывъ, при вѣсти объ этомъ общемъ бѣдствіи, о своей собственной печали:—Боже великій! Не-уже-ли Франціи опять суждено испытывать такіа же несчастія, какими поразили ее дни при Пуатье и Азенкуръ. Но Сен-Кентенъ, ваше высокопреосвященство?

— Сен-Кентенъ, отвѣчалъ кардиналъ:—еще держался при отъѣздѣ курьера, и племянникъ конетабля, адмиралъ Гаспаръ де-Коллиньи, которому поручена защита города, рѣшился отстаивать его до послѣдней крайности... Онъ желаетъ хоть сколько-нибудь уменьшить вредъ послѣдствій страшной ошибки своего достопочтеннаго дядюшки... Но, не смотря на всю рѣшимость г. де-Коллиньи, я крѣпко боюсь за Сен-Кентенъ... Я даже думаю, что онъ, можетъ-быть, уже взятъ Испанцами...

— Стало-быть, Франція погибла? сказалъ Габріэль.

— Францію не оставитъ своимъ покровительствомъ Господь Богъ, отвѣчалъ кардиналъ:—но вотъ мы уже у дверей кабинета короля; посмотримъ, что-то скажетъ его величество...

Стража, натурально, пропустила кардинала и его спутника безъ задержки. Въ кабинетѣ были только король, чрезвычайно печальный, да г-жа де-Пуатье. Король, увидѣвъ кардинала, всталъ и поспѣшно подошелъ къ нему.

— А, наконецъ-то я васъ вижу! сказалъ онъ кардиналу. — Вы такъ необходимы мнѣ теперь, ваше высокопреосвященство!.. Скажите, какое ужасное несчастіе!.. Кто бы могъ предвидѣть...

— Я могъ бы предсказать это вашему величеству, отвѣчалъ кардиналъ:—еслибъ вы, государь, соизволили спросить меня о моемъ мнѣніи мѣсяць тому назадъ, передъ отъѣздомъ г. де-Монморанси.

— Пожалуйста, безъ упрековъ, mon cousin, сказалъ король: — дѣло теперь не о прошломъ, а о будущемъ, которое угрожаетъ столькими бѣдствіями, о настоящемъ, которое такъ опасно. Госнодинъ герцогъ Гизъ вѣдь ужъ на пути сюда?

— Дѣ, государь, онъ теперь, по всему вѣроятію, уже въ Лионѣ.

— Слава Богу! вскричалъ король.—Какъ-только прибудетъ сюда вашъ знаменитый братъ, я препоручу ему спасеніе государства. Вы и онъ будете имѣть полную, неограниченную власть. Будьте такими же королями, какъ я самъ. Я уже заготовилъ къ герцогу письмо, въ которомъ прошу его поспѣшить своимъ пріѣздомъ: вотъ оно. Потрудитесь же, mon cousin, написать къ вашему братцу. Изобразите ему ужасное положеніе, въ которомъ мы нахо-

димся, и необходимость не терять ни минуты... Скажите ему, что это нужно для спасенія Франціи, что я все предоставляю ему въ полную волю... Только, сдѣлайте милость, напишите поскорѣе. Да всего лучше потрудитесь написать теперь же. Вонъ тамъ, въ этой комнатѣ, вы найдете все, что надобно для письма, и вамъ никто не помѣшаетъ. Курьеръ уже дожидается. Прошу васъ, г. кардиналь, не медлите. Въ настоящее время, все могутъ спасти или погубить какіе-нибудь полчаса... Ступайте же, mon cousin.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено, отвѣчалъ кардиналь: — братъ мой также исполнить вашу волю: его жизнь принадлежитъ вамъ и отечеству. Но что бы ни послѣдовало для него, удача или неудача, вы, государь, навѣрное, соизволите припомнить въ послѣдствіи, что вѣрили ему власть при безнадежныхъ обстоятельствахъ.

— Скажите: при опасныхъ, возразилъ король:—но не говорите: при безнадежныхъ. Вѣдь Сен-Кентенъ еще держится?

— Или, по-крайней-мѣрѣ, держался два дня тому назадъ, сказалъ кардиналь. — Но укрѣпленія и тогда уже были въ жалкомъ состояніи; жители, истомленные голодомъ, уже намѣревались сдаться; а если Сен-Кентенъ сдастся, положимъ, сегодня, черезъ недѣлю—Парижъ будетъ во власти Испанцевъ. Но нѣтъ нужды: я все-таки напишу къ брату, и онъ сдѣлаетъ все, что возможно человѣку.

Вслѣдъ за этими словами, кардиналь поклонился королю и г-жѣ де-Пуатье и вышелъ въ указанную комнату—писать письмо, котораго требовалъ Генрихъ.

Въ-продолженіе переданнаго нами разговора, Габріэль, незамѣченный ни королемъ, ни фавориткою, задумчиво стоялъ поодаль. Добраго молодого человѣка глубоко трогала крайность, до которой была доведена Франція. Онъ забывалъ, что побѣжденный, рабскій и взятый въ плѣнъ генераль былъ — его непримиримый врагъ, Монморанси. Въ настоящую минуту, конетабль былъ для него не врагомъ, а французскимъ полководцемъ, и опасность отечества занимала его почти столько же, какъ и страданія отца, томимагося въ заключеніи. Благородный молодой человѣкъ умѣлъ сочувствовать всякому несчастію...

Когда кардиналь вышелъ изъ кабинета, король, въ сильной печали, усталъ на свое кресло и вскричалъ, наклонивъ голову на руки:

— О, Сен-Кентенъ! Теперь отъ тебя зависитъ судьба Франціи. Сен-Кентенъ, мой вѣрный, преданный городъ! Когда бы ты могъ противиться еще хоть одну недѣлю! Герцогъ Гизъ успѣлъ бы прійхать, и мы приготовились бы къ оборонѣ подъ защитою твоихъ стѣнъ! Если жъ ты падешь, моя послѣдняя твердыня, врагъ двинется на Парижъ, и тогда все погибнетъ. Сен-Кентенъ! о, я дамъ тебѣ по льготѣ за каждый часъ твоего сопротивленія; я дамъ тебѣ по алмазу за каждый камень, выпавшій изъ стѣнъ твоихъ, если ты не сдашься еще только недѣлю!

— Государь, онъ не сдастся, онъ задержитъ непріятеля даже болѣе, чѣмъ на недѣлю! вскричалъ Габріэль.

— Господинъ д'Эксмэ! вскричали въ одно и то же время Генрихъ и Діана,—первый съ изумленіемъ, вторая съ презрѣніемъ.

— Вы, сударь, зачѣмъ здѣсь? спросилъ потомъ король сурово.

— Государь, я вошелъ вмѣстѣ съ его высокопреосвященствомъ.

— Ну, это дѣло другое, отвѣчалъ король.—Но вы что-то сказали, господинъ д'Эксмэ. Вы сказали, кажется, что Сен-Кентенъ можетъ сопротивляться?

— Да, государь; а вы изволили говорить, что наградите его льготами и богатствами, если онъ будетъ сопротивляться.

— Говорю и теперь то же самое, продолжалъ король.

— Соизволите ли вы, государь, удостоить не менѣе важной награды человѣка, который заставитъ Сен-Кентенъ защищаться,—человѣка, котораго воля будетъ закономъ для жителей города, готовыхъ сдаться непріятелю, и который сумѣетъ защитить этотъ городъ до послѣдней крайности, до той минуты, когда падетъ на вражескія пушки послѣдній обломокъ стѣны его?.. не откажете ли вы ему въ наградѣ, которую онъ самъ попроситъ у васъ, когда онъ доставитъ вамъ недѣлю желаемой отсрочки и спасетъ тѣмъ королевство?

— Конечно, нѣтъ! вскричалъ Генрихъ. — Будетъ дано все, что можетъ дать король.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло рѣшено, государь, потому что король не только можетъ, но даже долженъ прощать; а человѣкъ, о которомъ говорилъ я вашему величеству, желаетъ именно помилованія.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ этотъ спаситель? сказалъ король.

— Онъ передъ вами, государь. Я, конечно, не болѣе, какъ капитанъ вашей гвардіи; но я чувствую въ душѣ силу свыше человѣческой и докажу вамъ, что не беру на себя лишняго, вызываясь спасти мое отечество и моего отца..

— Вашего отца, господинъ д'Эксмэ? спросилъ король съ удивленіемъ.

— Моя фамилія не д'Эксмэ, сказалъ Габріэль.—Я Габріэль де-Монгомері, сынъ графа Жака Монгомері, котораго вы, навѣрное, изволите припомнить, государь.

— Сынъ графа Монгомері! вскричалъ король, вставая и блѣднѣя.

Г-жа де-Пуатье тоже невольно приподнялась съ своего кресла, съ видимымъ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Да, государь, отвѣчалъ Габріэль спокойно:—я виконтъ де-Монгомері, и въ награду за услугу, о которой я говорилъ вашему величеству, прошу помилованія отцу моему.

— Вашъ отецъ, сударь, сказалъ король:—вашъ отецъ пропалъ безъ вѣсти, быть-можетъ, умеръ. По-крайней-мѣрѣ, я не знаю, гдѣ онъ теперь и живъ ли онъ.

— Но я, государь, знаю, продолжалъ Габріэль.—Мой отецъ уже всьмнадцать лѣтъ ожидаетъ въ Шатлѣ своей смерти, или

помилованія. Отецъ мой живъ, я увѣренъ въ этомъ. Что же касается до преступленія его, — оно мнѣ неизвѣстно...

— Въ самомъ ли дѣлѣ оно неизвѣстно вамъ? спросилъ король, гнѣвно нахмуривъ брови.

— Рѣшительно нѣтъ, государь: — я только могу судить о степени его важности: оно, безъ сомнѣнія, велико, потому-что повлекло за собою столь продолжительное заточеніе; но оно не должно принадлежать къ роду тѣхъ преступленій, за которыя не бываетъ помилованія, потому-что виновный не былъ приговоренъ за него къ смерти. И сколько времени прошло съ-тѣхъ-поръ, когда оно было совершено! Цѣлыя восемнадцать лѣтъ. Сколько страданій вынесъ въ эти восемнадцать лѣтъ мой-несчастный отецъ! О, онъ уже купилъ вполнѣ вину свою, какъ бы ни была важна она!.. Нельзя также опасаться, чтобъ онъ сталъ жаловаться на несправедливость, чтобъ сталъ упрекать кого-нибудь, если, сверхъ ожиданія, наказаніе его превышаетъ мѣру вины. До жалобъ ли ему теперь, едва живому, замученному заточеніемъ старику?.. Возвратите же ему свободу, ваше величество. Вы, государь, владѣтель христіанскій, — удостойте жь припомнить слова христіанскаго ученія: оно повелѣваетъ платить любовью и милосердіемъ не только за проступки, но даже за оскорбленія...

Послѣднія слова были произнесены значительнымъ тономъ; король и г-жа де-Валентинуа въ ужасѣ переглянулись между собою, какъ-бы вопрошая другъ друга взглядомъ.

Но Габріэль намѣревался только слегка коснуться болѣзненной стороны ихъ совѣсти, а потому поспѣшилъ прибавить:

— Удостойте замѣтить, государь, что я прошу васъ, какъ предписываетъ долгъ покорному и преданному подданному. Я не говорю вамъ: «мой отецъ не былъ судимъ; его приговорили къ наказанію тайно, не давъ средствъ оправдаться; а такая несправедливость очень походитъ на личную неприязнь, на мщеніе... поэтому, я, сынъ того, кто былъ наказанъ безъ суда, протестую противъ тайнаго приговора предъ лицомъ всего Французскаго дворянства: публично извѣщаю всѣхъ и каждаго, объ оскорбленіи, которое сдѣлано всѣмъ намъ въ лицѣ одного изъ насъ»...

Генрихъ былъ видимо смущенъ. Онъ даже повернулся какъ-то странно на своемъ креслѣ.

— Я не говорю вамъ этого, государь, продолжалъ Габріэль. — Я знаю, что иногда необходимость вынуждаетъ поступить противъ закона... Тайны прошлаго, далекаго отъ насъ, для мевя столь же святы, какъ, навѣрное, онѣ святы для отца моего. Я только прошу ваше величество дозволить искупить вину моего отца поступкомъ, полезнымъ вамъ и государству. Вызываюсь, за освобожденіе графа Жака Монгомери, отстаивать Сен-Кентенъ ровно семь дней; а если этого недостаточно, вызываюсь возвратить Франціи еще какой-нибудь другой городъ, отнятый Испанцами, или Англичанами. Это, я думаю, стонъ помилованія дряхлаго

старика. Но я сдѣлаю это, и даже еще болѣе! Мною руководить святое побужденіе; воля моя непреклонна, мужество непоколебимо, и притомъ я чувствую, что Господь не оставитъ меня своею помощію.

Г-жа де-Пуатье улыбнулась недовѣрчиво. Ей казалась странною благородная увѣренность молодаго человѣка въ успѣхъ...

— Понимаю, сударыня, значеніе вашей улыбки, продолжалъ Габріэль задумчиво: — вы думаете, что я паду подъ бременемъ моего подвига... Это очень — возможно! Весьма быть можетъ, что меня обманываетъ мое предчувствіе. Но тогда я умру. Да, сударыня, да, государь, если непріятель ворвется въ Сен-Кентенъ до истеченія седьмаго дня, я погибну въ проломъ, котораго не сумѣю отстоять. Болѣе этого не можетъ потребовать отъ меня ни Богъ, ни отецъ мой, — не можете потребовать и вы. Такимъ образомъ, жребій мой совершится по опредѣленію Господа; отецъ мой умретъ въ темницѣ, какъ я умру въ битвѣ, а вы избавитесь и отъ долга и отъ займодавца. Значитъ, вы можете быть совершенно спокойны.

— Это, впрочемъ, справедливо... сказала г-жа де-Пуатье королю на ухо.

Генрихъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Въ комнатѣ наступило молчаніе.

Его перервала фаворитка.

— Ну, а если въ-самомъ-дѣлѣ случится, сказала она, обращаясь къ Габріэлю: — что вы погибнете, не достигнувъ своей цѣли, то послѣ смерти вашей никто не явится съ правомъ на искъ вашъ? Вы никому не вѣрили тайны?

— Клянусь вамъ всѣмъ, что есть святаго, отвѣчалъ Габріэль: — все умреть вмѣстѣ со мною; послѣ моей смерти никто не потребуетъ отъ его величества исполненія даннаго мнѣ обѣщанія. Я покоряюсь заранѣе, — повторяю еще разъ, — опредѣленію Божію, и теперь же объявляю торжественно, что смерть моя освободитъ васъ, государь, отъ всякаго отчета, — по-крайней-мѣрѣ передъ людьми; а что касается до Бога, то Онъ самъ разсудитъ насъ.

Генрихъ вздрогнулъ; но, по свойственной ему нерѣшительности, не отвѣчалъ ничего и оборотился къ г-жѣ де-Пуатье, какъ-бы прося совѣта.

Фаворитка, очень-хорошо знакомая съ этою нерѣшительностью, посмотрѣла въ свою очередь на короля и сказала съ какою-то странною улыбкою:

— Мнѣ кажется, государь, мы можемъ положиться на слово господина д'Эксме. Онъ дворянинъ; онъ, сколько я вижу, человѣкъ честный и благородный. Не знаю, справедливаго ли онъ проситъ у васъ или нѣтъ; даже не смѣю дѣлать никакихъ догадокъ на этотъ счетъ, потому-что вы молчите. Но, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы отвергать столь великодушнаго предложенія; и будь я на мѣстѣ вашего величества, я охотно обязалась

бы мнѣ королевскимъ словомъ не отказать господину д'Эксмѣ въ милости, котораго потребуешь онъ послѣ своего возвращенія, если только онъ сдержитъ свое обѣщаніе.

— О, сударыня, я только этого и желаю! сказалъ Габріэль.

— Позвольте: еще два слова, отвѣчала Діана. — Скажите, прибавила она, устремивъ на молодого человѣка испытующій взглядъ: — по какой причинѣ рѣшились вы говорить о предметѣ, покрытомъ глубокою тайною, въ присутствіи третьяго лица, въ присутствіи женщины, которой чуждъ онъ совершенно и которая ничѣмъ не успѣла доказать вамъ, что вы можете довѣрять ея скромности?

— У меня, сударыня, были на то двѣ причины, отвѣчалъ Габріэль спокойно. — Во-первыхъ, я думалъ, что для васъ нѣтъ и не должно быть тайнъ въ сердцѣ его величества: значить, я рѣшился открыть вамъ то, что вы непременно узнали бы въ-послѣдствіи, или чтò вы, быть-можетъ, уже знали. Во-вторыхъ, я надѣялся, — какъ и случилось, — что вы удостоите быть посредницею между мною и его величествомъ, и что вы, какъ женщина, склонитесь на сторону милосердія, которымъ, сколько мнѣ извѣстно, вы всегда руководились въ жизни.

Ни въ звукахъ голоса молодого человѣка, ни на лицѣ его не было и слѣда ироніи. Это наружное отсутствіе ея обмануло фаворитку. Г-жа де-Пуатье приняла послѣднія слова Габріэля за комплиментъ.

Однакожь, она сказала Габріэлю:

— Позвольте мнѣ, сударь, предложить вамъ еще одинъ вопросъ. Изъ одного любопытства, господинъ д'Эксмѣ... скажите мнѣ, сдѣлайте милость, какимъ образомъ могли вы узнать тайну, которая вызвала васъ на такое благородное предложеніе? Вы еще такъ молоды, а происшествіе случилось уже восемнадцать лѣтъ назадъ.

— Я охотно скажу вамъ это, сударыня, отвѣчалъ Габріэль мрачно: — изъ моего отвѣта вы увидите, что въ дѣлѣ, которое привело меня сюда, было посредство самого промысла Божія. Одинъ изъ конюшихъ отца моего, по имени Перрд Авринъ, убитый передъ заточеніемъ батюшки, возсталъ изъ гроба, по волѣ Господа, и открылъ мнѣ, что отецъ мой томится въ темницѣ...

При отвѣтѣ молодого человѣка, произнесенномъ торжественнымъ тономъ, король быстро всталъ съ своего кресла, блѣдный какъ трупъ. Даже сама Діана вздрогнула, не смотря на свои желѣзные нервы. Во время нашего разсказа, всѣ вѣрили сверхъестественнымъ явленіямъ, а потому слова Габріэля не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на людей, которыхъ совѣсть не была чиста.

— Довольно, сударь, довольно! сказалъ король съ виднымъ замѣшательствомъ, скороговоркою. — Ваша просьба будетъ исполнена.

— Стало-быть, отвѣчалъ Габріэль: — я могу положиться на слово вашего величества, и теперь же ѣхать въ Сен-Кентенъ?

— Дѣ, сударь, поѣзжайте, сказалъ король, все еще сильно смущенный: — поѣзжайте теперь же; сдѣлайте, чтò говорили, и я

исполню вашу просьбу. Даю вамъ въ томъ мое слово,—слово короля и дворянина.

Габріэль, съ радостію въ душѣ и во взглядѣ, поклонился королю и фавориткѣ, потомъ вышелъ, не сказавъ болѣе ни одного слова. Онъ, казалось, не желалъ теперь терять ни минуты.

— Наконецъ-то онъ ушелъ! сказалъ король, дыша свободнѣе. Съ Генриха какъ-будто спала огромная тяжесть.

— Государь, отвѣчала Діана: — прошу васъ, успокойтесь. Вы было-измѣнили себѣ передъ этимъ человѣкомъ.

— Да это былъ не человѣкъ, сказалъ король задумчиво: — это была моя совѣсть въ видимомъ образѣ... Ея-то голосъ смутилъ меня, сударыня.

— Вотъ что! продолжала Діана. — Ну, такъ вы очень-хорошо сдѣлали, государь, что согласились на просьбу виконта д'Эксмэ: онъ не будетъ болѣе смущать васъ; его навѣрное убьютъ въ Сен-Кентенѣ.

Вслѣдъ за послѣдними словами фаворитки, въ кабинетъ вошелъ кардиналъ лотарингскій съ письмомъ въ рукѣ. Приходъ его помѣшалъ королю отвѣчать г-жѣ де-Пуатье.

Между-тѣмъ, Габріэля, по выходѣ его отъ короля, занимала только одна мысль,—мысль о любимой женщинѣ. Онъ желалъ теперь увидѣть, въ упоеніи надежды, ту, съ которою разстался столь печально, и высказать своей Діанѣ, что сулитъ имъ будущее...

Ему было извѣстно, что она находится въ монастырѣ; но въ какомъ именно? Узнавать объ этомъ Габріэль отправился въ луврскій апартаментъ Діаны, въ увѣренности, что она не взяла съ собою своихъ горничныхъ.

Онъ, однакожъ, ошибся на половину: Жасента была въ монастырѣ вмѣстѣ съ г-жей де-Кастро, и нашего молодого человѣка встрѣтила только одна Дениза.

— А, это вы, господинъ д'Эксмэ! вскричала она, подходя къ Габріэлю.—Ахъ, какъ же хорошо, что вы пожаловали!.. Да ужь не съ извѣстіемъ ли вы какимъ о барынѣ?

— Напротивъ, Дениза, я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ спросить о ней у тебя...

— О, пресвятая Богородица! Да мнѣ ничего не извѣстно о ней, и я теперь въ большомъ безпокойствѣ на ея счетъ!

— Отъ-чего въ безпокойствѣ? спросилъ Габріэль, и самъ уже весьма-встревоженный.

— Какъ отъ-чего! отвѣчала Дениза.—Вы вѣдь, я надѣюсь, изволите знать, гдѣ теперь барыня?

— Совсе не знаю; объ этомъ-то я и хотѣлъ спросить у тебя, Дениза.

— Ну, такъ я доложу вамъ, сударь, что она, недѣли четыре тому, просила у короля позволенія жить въ монастырѣ...

— Это мнѣ извѣстно; ну, а что было послѣ?

— Что было, сударь, послѣ? Да въ этомъ-то «послѣ» и вся бѣда! Знаете ли, въ какой монастырь уѣхала барыня? Къ бенедиктинкамъ, сударь, въ Сен-Кентенъ!.. Тамъ, видите, настоятельница ея давишняя знакомая, сестра Моника... А Сен-Кентенъ-то держатъ теперь въ осадѣ проклятые Испанцы! Они подступили туда педѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда барыни. Вотъ, сударь, отъ-чего я беспокоюсь о ней.

— О, сказалъ Габріэль: — тутъ во всемъ персть Божій!.. Онъ, онъ ведетъ меня!.. Дениза, прибавилъ онъ потомъ, подавая горничной кошелекъ, наполненный деньгами: — это тебѣ за извѣстіе. Молись, прошу тебя, за твою барыню и за меня.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты Діаны и сошелъ съ подѣзда, у котораго ожидалъ его Мартэнъ-Герръ.

— Теперь, сударь, мы куда? спросилъ конюшій.

— Туда, гдѣ гремятъ пушки, мой добрый Герръ: въ Сен-Кентенъ!.. Намъ должно быть тамъ послѣ завтра... Слышишь ли, послѣ-завтра? И мы поѣдемъ черезъ часъ.

— Тѣмъ лучше! вскричалъ Мартэнъ. — Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, есть съ кѣмъ сражаться на-чистоту!

VIII.

Ткачъ Жамъ Пекул.

Въ сен-кентенской ратушѣ происходилъ совѣтъ, въ которомъ участвовали главные военачальники и почетнѣйшіе горожане. Было уже 15-е августа, и, по-видимому, не представлялось никакой возможности продолжать отстаивать городъ. Осаждающіе, казалось, могли ворваться въ него при первомъ рѣшительномъ приступѣ. Жители Сен-Кентена были убѣждены въ томъ, и, считая дальнѣйшее сопротивленіе совершенно-безполезнымъ, намѣревались сдаться.

Мужественный Гаспаръ де-Коляньи,—адмиралъ, которому Мопморанси поручилъ защиту Сен-Кентена, — былъ противъ сдачи. Онъ зналъ, что для Франціи дорогъ даже одинъ лишній день сопротивленія Сен-Кентенцевъ. Но могъ ли онъ одинъ восторжествовать надъ безнадежностью и ропотомъ всего населенія города?

Онъ, однакожъ, рѣшился испытать еще одно послѣднее усиліе, и вотъ зачѣмъ созвалъ онъ совѣтъ въ городской ратушѣ, который покажетъ намъ, въ какомъ состояніи находились тогда сен-кентенскія укрѣпленія и какое было расположеніе умовъ въ Сен-Кентенѣ.

Адмиралъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой напомнилъ присутствовавшимъ о долгѣ и патриотизмѣ. Отвѣтомъ на нее было мрачное молчаніе. Видя неуспѣхъ, онъ потребовалъ мнѣнія о трактуемомъ вопросѣ у одного изъ подчиненныхъ своихъ. Этотъ подчиненный былъ капитанъ Ожѣ, человекъ храбрый и умный. Адмиралъ надѣялся, что офицеры его подадутъ примѣръ мужества, а

что примѣръ этотъ увлечеть горожанъ. Но, къ-несчастію, капитанъ Ожѣ далъ вовсе не такой отвѣтъ, какого ожидалъ Колинъ.

— Миѣ тяжело высказать свое мнѣніе, сказалъ онъ:—но я выскажу его откровенно, адмиралъ. Вотъ оно: Сен-Кентенъ не можетъ болѣе сопротивляться. Еслибъ была надежда держаться хоть недѣлю, хоть даже два дня, я сказалъ бы: эти два дня дадутъ возможность сформировать позади насъ армію; эти два дня могутъ спасти Францію; не сдадимся же врагу; пусть лучше падеть у насъ послѣдній обломокъ стѣны, пусть лучше погибнемъ всѣ мы до единого. Но я убѣжденъ, что при первомъ приступѣ, который поведутъ, статья—можетъ, теперь же, Сен-Кентенъ будетъ взятъ. Такъ не лучше ли спасти, сдавшись на капитуляцію, то, что еще можетъ быть спасено въ городѣ, и избѣжать грабежа?

— Да, да, именно на капитуляцію; хорошо сказано... Что разсудительно, то разсудительно! послышалось между присутствовавшими.

— Господа! вскричалъ Колинъ: — здѣсь главное не холодная разсудительность, а мужество... Да я и не думаю, чтобъ Сен-Кентенъ непремѣнно былъ взятъ при первомъ штурмѣ... Вѣдь мы отбили же пять приступовъ... Ну, а вы, Локсфордъ, какъ полагаете: могутъ ли наши укрѣпленія держаться еще нѣсколько времени? Вамъ это извѣстнѣе, чѣмъ другимъ: вы завѣдываете работами и контр-минами. Говорите откровенно; не представляйте положенія дѣлъ ни въ лучшемъ, ни въ худшемъ видѣ... Мы вѣдь собрались здѣсь для того, чтобъ узнать истину; такъ я и требую ее отъ васъ.

— Скажу вамъ, отвѣчалъ инженеръ Локсфордъ: — сущую истину. Теперь, адмиралъ, неприятелю открыты четыре входа въ городъ, и я, признаюсь, удивляюсь, какъ осаждающіе не воспользовались до-сихъ-поръ ни однимъ изъ нихъ. Во-первыхъ, у Бастіона св. Мартина, въ стѣнѣ такой проломъ, что въ него могутъ пройти двадцать человѣкъ рядомъ. Мы лишились тутъ уже слишкомъ двухъ-сотъ человѣкъ... У Воротъ св. Іоанна уцѣлѣла только одна большая башня. Что же касается до куртины, то она разрушена болѣе, чѣмъ на-половину. Тутъ есть, правда, готовая контр-мина; но воспользоваться ею весьма-опасно: при взрывѣ ея можетъ обрушиться большая башня, которая одна только и удерживаетъ неприятеля на этомъ пунктѣ, и которая, обрушившись, еще поможетъ осаждающимъ ворваться въ городъ. Ея развалины замѣняютъ для нихъ дѣстницы... У Ремикура, испанскія траншеи дошли до самаго рва, и неприятель безнаказанно подкапывается тамъ подъ стѣну. Наконецъ, въ той сторонѣ, гдѣ Ильское-Предмѣстье, неприятель овладѣлъ, какъ вамъ извѣстно, не только рвомъ, но и аббатствомъ. Здѣсь онъ укрѣпился такъ, что мы рѣшительно не можемъ вредить ему; а между-тѣмъ, онъ самъ доканчиваетъ разрушеніе парашета и стрѣляетъ по нашимъ рабочимъ съ такимъ для нихъ урономъ, что они уже не рѣшаются работать тамъ. Въ прочихъ

мѣстахъ, стѣна еще можетъ держаться; но четыре раны, о которыхъ говорилъ я вамъ, смертельны: онѣ погубятъ городъ. Вѣ истинна, которой вы требовали отъ меня, адмирала. Ваше блгу разуміе рѣшить теперь, что надобно дѣлать.

Между присутствовавшими снова послышался ропотъ. Никто изъ нихъ не высказывалъ своего мнѣнія громко; но почти каждый ворилъ потихоньку, что надобно сдать.

Колиный, однакожъ, продолжалъ:

— Господа, еще два слова. Вы говорили, г. Доксюръ, укрѣпленія наши, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, не могутъ защитить города, — положимъ, такъ; но у насъ есть мужественные воины: они будутъ нашею живою стѣною. Съ ними, при солдѣхъ адѣщихъ преданныхъ горожанъ, мы можемъ держаться еще вѣ сколько дней. Не правда ли, г. Рамбулье? Вѣдь наши войска вѣ довольно-многочисленны?

— Адмиралъ, отвѣчалъ офицеръ, къ которому относились вѣ слѣднія слова Колиный:—еслибъ мы были тамъ, на площади, вѣ реди этой толпы, которая нетерпѣливо ожидаетъ результата вѣ шихъ совѣщаній, я отвѣчалъ бы вамъ «да», потому-что тамъ вѣ довало бы внушить надежду и довѣріе... Но здѣсь, вѣ совѣтѣ передъ людьми истинно мужественными, я не колеблюсь сказать вамъ, что у насъ недостаточно людей для защиты города. Мы вооружили всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе. Другіе заняты работами въ укрѣпленіяхъ. Имъ помогаютъ въ трудѣ даже дѣти и старики. Самыя женщины полезны намъ: онѣ ходятъ за ранеными. Значитъ, всѣ рабочія руки въ дѣлѣ; а между-тѣмъ, здѣсь ощущается недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Ни на одномъ пунктѣ укрѣпленій нѣтъ ни одного лишняго человѣка; а между-тѣмъ, вѣ другихъ пунктахъ слишкомъ-мало солдатъ. При теперешнемъ числѣ нашихъ вооруженныхъ, какъ ни наворачивайся, а все же не остается пятидесяти человѣкъ у Ворота св. Іоанна, да столько же вѣ пролома, что близъ Бастиона св. Мартина. И если не придутъ подмоги изъ Парижа, то едва-ли слѣдуетъ еще рисковать остаткомъ нашихъ храбрыхъ воиновъ. Вѣдь она, по моему мнѣнію, могутъ быть полезны для защиты другихъ крѣпостей.

Въ залѣ послышался шепотъ одобренія, и въ ту же минуту вѣ неслись туда, какъ-бы для того, чтобъ придать еще болѣе значенія этому шепоту, крики народа, толпившагося передъ ратушею.

Но почти вслѣдъ за тѣмъ кто-то закричалъ громовымъ голосомъ:

— Замолчите!

Между присутствовавшими немедленно наступило глубокое молчаніе.

Слово, столь магически подѣйствовавшее на горожанъ, было произнесено Жаномъ Пекуа, старшиною цеха ткачей, гражданиномъ котораго всѣ уважали, всѣ слушались и даже немного боялись вѣ городѣ.

Жанъ Пекуа былъ типомъ тѣхъ достойныхъ горожанъ, которые, бывале, любили свой родной городъ, какъ любятъ свою родную мать и свое родное дитя, которые боготворили и порою побранивали этотъ городъ, которые жили для него и, въ случаѣ надобности, умирали за него. Для честнаго Жана во всемъ мирѣ не существовало ничего, кромѣ Францiи, и во всей Францiи — ничего, кромѣ Сен-Кентена. Никто не зналъ лучше его ни исторiи, ни старинныхъ обычаевъ, ни старинныхъ легендъ этого города. Но онъ зналъ не только прошлое Сен-Кентена: онъ зналъ и его настоящее; по-крайней-мѣрѣ, ему было извѣстно все, что происходило тамъ сколько-нибудь замѣчательнаго. Его мастерская была второю большою площадью, а деревянный домъ его, находившiйся въ Улицѣ-св.-Мартина, былъ второю ратушею. Этотъ почтенный домъ вы непременно замѣтили бы по красовавшейся на немъ странной вывѣскѣ, на которой былъ изображенъ ткацкiй челнокъ между двухъ оленьихъ роговъ. Поводомъ къ этому замысловатому изображенiю послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ предковъ Жана Пекуа (Жанъ Пекуа считалъ своихъ предковъ какъ дворянинъ), тоже ткачъ по ремеслу, и въ добавокъ, отличный стрѣлокъ изъ лука, выкололъ стрѣлою, на разстоянiи ста шаговъ, въ два приема, оба глаза одному очень-красивому оленю. Его-то рога и были нарисованы потомъ на вывѣскѣ...

Теперь вамъ понятно, почему одно слово Жана заставило замолчать его согражданъ.

Возвратимтесь же въ совѣтъ, происходившiй въ сен-кентенской ратушѣ.

Какъ-скоро все стихло въ залѣ, Жанъ Пекуа продолжалъ уже другимъ тономъ:

— Выслушайте, что я скажу вамъ, мои любезные соотечественники и друзья. Чтобъ рѣшить, что должны мы дѣлать теперь, намъ должно припомнить, что уже сдѣлано нами. Заключение выйдетъ само-собою: какъ поступили мы, когда Филиберъ Эманциль подступалъ сюда, когда его Испанцы, Англичане и Нѣмцы, словно стадо саранчи, окружили нашъ городъ? Мы не роптали, не обвиняли Провидѣнiя за то, что оно именно насъ избрало первою жертвою. Напротивъ, — и въ этомъ отдастъ намъ справедливость самъ господинъ адмиралъ, — со дня приѣзда его къ намъ, мы помогали всѣмъ его начинанiямъ и лично, и имуществомъ. Мы отдали състные припасы, свои деньги, отдали все другое, что могли, и принялись сами, кто за оружье, кто за заступъ. Тѣ изъ насъ, которые не ходили въ караулъ на укрѣпленiя, работали тамъ. Мы помогли навести на разумъ окрестныхъ крестьянъ, когда они не соглашались работать въ отплату за убѣжище, которое мы дали имъ у себя. Словомъ, мы сдѣлали все, чего можно требовать отъ невоенныхъ людей. Мы надѣялись за то, что государь нашъ, король, не забудетъ своихъ вѣрныхъ Сен-Кентенцевъ, что онъ изволитъ прислать намъ помощь. Это не сбылось. Ему не посчастли-

вилось, но въ томъ невиновенъ его величество... Его величество изволилъ помочь намъ, чѣмъ могъ... Послѣ несчастія съ г. копенгагенемъ прошло пять дней, и непріятель воспользовался этими пятью днями. Отъ него было три приступа, которые стоили намъ болѣе двухъ-сотъ человѣкъ. Послѣ того пушки не переставали гремѣть... Да вотъ, кстати, и теперь выстрѣлы... Мы, однакожь, не заговорили о сдачѣ; мы только стали прислушиваться, нѣтъ ли какаго гула отъ новой намъ помощи, не ѣдетъ ли кто опять изъ Парижа. Оттуда не слышать ничего... Но винить въ томъ не кого. Король еще не успѣлъ собрать новой силы изъ остающихся у него войскъ: на это требуется не мало времени. Значитъ, надежды тутъ нѣтъ для насъ, дорогіе соотечественники и друзья! Съ другой стороны, вы слышали, что сказали г. Рамбулье и г. Локсфордъ. Я прибавлю еще къ этому, что они сказали совершенную правду. Въ солдатахъ у насъ, дѣйствительно, недостатокъ; городская стѣна пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ; словомъ, наша милая родина, нашъ старинный городъ гибнетъ...

— Да, да! закричали горожане: — надобно сдаться, надобно сдаться!

— Какъ бы не такъ! отвѣчалъ Жанъ Пекуа: — надобно умереть.

Это неожиданное заключеніе до того изумило присутствовавшихъ, что они не нашли, чѣмъ возразить на него. Ткачъ воспользовался ихъ молчаніемъ и продолжалъ:

— Да, надобно умереть. То, что мы уже сдѣлали до сегодня, указываетъ намъ, какъ должны мы поступить теперь. Г. Локсфордъ и г. Рамбулье говорятъ, что мы *не можемъ* сопротивляться. Но г. Колинъ изволилъ говорить, что мы *должны* сопротивляться. Станемъ же сопротивляться! Вы, конечно, не будете отрицать, любезные соотечественники и друзья, что я преданъ нашему дорогому Сен-Кентену. Я люблю его, какъ любилъ свою старушку-матушку. Каждое ядро, которое врѣзывается въ его почтенныя стѣны, точно будто ранитъ меня въ сердце. Но, не смотря на то, я нахожу, что мы должны исполнить волю господина-адмирала. Г. Колинъ знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать. Онъ мудро взвѣсилъ теперешнее значеніе Сен-Кентена. Онъ находитъ, что Сен-Кентенъ долженъ погибнуть, какъ часовой на своемъ посту, — и это совершенно справедливо. Не послушаться въ этомъ господина-адмирала можетъ развѣ только одинъ измѣнникъ отечества. Укрѣпленія наши разрушаются — замѣнимъ ихъ нашими трупами; будемъ сопротивляться сколько станеть силъ, недѣлю, два дня, часъ, сколько бы то ни было, но будемъ сопротивляться до послѣдняго вздыханія. Этого требуетъ отъ насъ господинъ-адмиралъ, потому что находитъ это необходимымъ, и я повторяю: мы обязаны повиноваться ему. За правоту своего требованія онъ отдаетъ онъ передъ Богомъ и государемъ нашимъ, королемъ. Тутъ все на его совѣсти.

Горожане молчали, печально потупивъ глаза. Колиный былъ еще печальнѣе ихъ. Мрачныя мысли Жана Пекуа, высказанныя торжественнымъ тономъ, потрясли его до глубины души. Отвѣтственность, которую налагалъ на него старшина ткачей, была страшна; и Колиный съ ужасомъ думалъ объ отчетѣ за жизнь столькихъ людей.

— Ваше молчаніе, достойные соотечественники и друзья, показываетъ мнѣ, что вы поняли меня и соглашаетесь со мною, продолжалъ Жанъ Пекуа.—Но нельзя требовать, чтобъ вы вмѣстѣ съ собою обрели на жертву женъ и дѣтей вашихъ. Самы мы погибнемъ, а ихъ спасемъ; пусть будутъ первыя вдовами, а вторыя сиротами... не будемъ же предаваться напрасному отчаянію... Мы исполнимъ долгъ свой, а въ настоящую минуту воскликнемъ, друзья: «да здравствуетъ Франція!»

— Да здравствуетъ Франція! повторило нѣсколько человекъ, но голосомъ слабымъ, жалобнымъ.

Колиный, сильно взволнованный, поспѣшно всталъ съ своего мѣста.

— Послушайте! послушайте! закричалъ онъ потомъ:—я не принимаю на себя столь страшной отвѣтственности; я могу противиться вамъ, когда вы намѣревались покориться неприятелю; но теперь, когда вы передаете все на мою совѣсть, не могу настаивать... И такъ-какъ вы всѣ противъ одного меня, такъ-какъ вы признаете жертву бесполезною...

— Мнѣ кажется, прости Господи, вдругъ закричалъ кто-то въ толпѣ, перебивая Колиный: — что и вы, адмиралъ, тоже собираетесь сдать городъ неприятелю?

— Кто осмѣливается прерывать меня? спросилъ Колиный, нахмутивъ брови.

— Я! отвѣчалъ, подходя къ Колиный, молодой человекъ, одѣтый по-крестьянски.

— Крестьянинъ! сказалъ адмиралъ.

— Нѣтъ, не крестьянинъ, продолжалъ незнакомецъ:—а виконтъ д'Эксмэ, капитацъ королевской гвардіи и посланный его величества.

— Посланный короля! слышалось между удивленными присутствующими.

— Да, короля, сказалъ Габріэль.—Вы теперь видите, что его величество помнитъ своихъ вѣрныхъ Сен-Кентенцевъ. Я прибылъ сюда, переодѣвшись въ крестьянское платье, три часа тому назадъ; и въ эти три часа я видѣлъ ваши укрѣпленія и слышалъ то, что вы здѣсь говорили. Но слышанное мною рѣшительно несогласно съ видѣннымъ. Зачѣмъ вы отчаяваетесь здѣсь, словно женщины? Зачѣмъ поддаетесь, какъ дѣти, пустому страху? Вамъ это стыднѣе, чѣмъ кому-нибудь: вы, до нынѣшняго дня, принадлежали къ числу самыхъ мужественныхъ гражданъ Франціи. Ободритесь, друзья мои! я видѣлъ ваши укрѣпленія, и увѣ-

ряю васъ, что вы можете держаться за ними еще двѣ недѣли; а король требуетъ, чтобъ вы, для спасенія королевства, не сдавались только одну недѣлю. На все, что вы слышали здѣсь, я отвѣчу въ короткихъ словахъ: я укажу средства противъ зла; я замѣню ваше уныніе надеждою.

Между-тѣмъ, около Габріэля уже столпились офицеры и почетнѣйшіе изъ горожанъ, покоряясь вліянію воли твердой и увлекающей.

— Говорите! говорите! закричали нѣкоторые изъ нихъ.

— Г. Локсфордъ, сказалъ Габріэль, обращаясь къ инженеру: — вы убѣдили, что неприятелю открыты теперь четыре входа въ городъ. Разсмотримте вмѣстѣ, справедливо ли это. По вашимъ словамъ, наиболѣе-опасный пунктъ находится у Ильскаго-Предмѣстья: тамъ Испанцы овладѣли аббатствомъ и стрѣляютъ по нашимъ рабочимъ съ такимъ для нихъ урономъ, что они уже не рѣшаются работать въ этой сторонѣ. Позвольте мнѣ, г. Локсфордъ, указать вамъ одно очень-простое средство, которое вполне предохранитъ ихъ отъ испанскихъ ядеръ. Средство это было употреблено въ дѣло, на моихъ глазахъ, во время осады Чивителлы, въ нынѣшнемъ году. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: надобно поставить между рабочими и неприятельскими батареями нѣсколько старыхъ барокъ, наполненныхъ землею, поставить въ линію и одна на другую, такъ, чтобъ неприятельскія ядра приходились прямо въ нихъ: ядра будутъ вязнуть въ землѣ, и рабочіе будутъ за этою оградою въ такой безопасности, какъ-бы находились они вѣдъ пушечнаго выстрѣла. У Ремикура, говорили вы, неприятель безнаказанно подкапывается подъ стѣну. Но, г. инженеръ, тутъ-то и слѣдовало устроить контр-мину, а не у Ворота св. Іоанна, гдѣ, при соудствѣ большой башни, она не только бесполезна, но даже опасна. Переведите же вашихъ минѣровъ къ Ремикуру, и вы скажете мнѣ спасибо за послѣдствія. Но, замѣтите вы: а Ворота св. Іоанна, а проломъ у Бастіона св. Мартина? Тамъ вѣдъ мало людей? Отвѣчаю вамъ: къ теперешнему числу людей на этихъ пунктахъ нужно прибавить только сто человѣкъ, — по пятидесяти на каждый пунктъ. Это сказалъ самъ г. Рамбульё. Онъ, правда, говорилъ притомъ, что этихъ ста человѣкъ взять не гдѣ: такъ я скажу вамъ, въ свою очередь, что я доставлю вамъ ихъ.

Въ залѣ послышался говоръ, выражавшій радость и удивленіе.

— Да, продолжалъ Габріэль тономъ еще болѣе твердымъ: — я доставлю вамъ ихъ. За три лѣтъ отсюда, я встрѣтился съ тремястами копейщиковъ, которыми командуетъ г. де-Вольпергъ. Я условился съ нимъ, обязавшись пробраться сюда, черезъ неприятельскій лагерь, и приискать пункты, гдѣ можетъ онъ удобнѣе вести своихъ копейщиковъ въ городъ. Мнѣ, какъ видите, удалось пробраться въ Сен-Кентенъ, и планъ мой готовъ. Я возвращусь къ Вольпергу. Мы раздѣлимъ его копейщиковъ на три отряда. Надъ однимъ изъ нихъ приму начальство я самъ, а надъ

нею же ночью, если только будет она не очень-свѣтла, всѣ три отряда попытаются войти въ городъ, въ назначенныя для каждаго особыя ворота — значить, каждый отрядъ пойдетъ особо, и ужь, конечно, будетъ большое несчастіе, если не болѣе какъ одному изъ нихъ удастся обмануть непріятеля. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, одинъ изъ нихъ проберется въ Кентень, и такимъ образомъ у насъ прибавится сто храбрыхъ воиновъ. Изъ этихъ ста человѣкъ мы присоединимъ *по-ровну* пятьдесятъ къ солдатамъ, оберегающимъ Ворота св. Іоанна, и столько же къ караулу, который охраняетъ проломъ у Бастіона св. Мартина. Теперь скажите, г. Локсфордъ, и вы, г. Рамбулье, найдется ли, за всѣми этими распоряженіями, хоть одинъ такой пунктъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ, который представилъ бы непріятелю удобный входъ въ Сен-Кентень?

Отвѣтомъ на эти слова, пробудившія надежду во всѣхъ сердцахъ, было всеобщее радостное восклицаніе.

— О, теперь, вскричалъ Жанъ Пекуа:—мы можемъ сражаться, мы можемъ побѣдить.

— Сражаться, да; побѣдить, едва ли, отвѣчалъ Габріэль:—по крайней-мѣрѣ, я не вижу надежды на побѣду. Я говорю вамъ это потому, что не желаю, чтобъ вы считали свое положеніе болѣе-благоприятнымъ, чѣмъ оно есть на-самомъ-дѣлѣ; точно такъ же, какъ не хочу, чтобъ вамъ представляли его болѣе-опаснымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Я желаю только доказать вамъ, что сопротивленіе возможно, что король не забылъ васъ, и что даже самая побѣда надъ вами покроетъ васъ вѣчною славюю. Но я, кажется, и достигаю своей цѣли. Вы говорили прежде: принесемъ себя на жертву. Теперь вы говорите: будемъ сражаться. Это уже важный шагъ впередъ. Будемъ же сражаться, повторю и я. Но прибавлю еще вотъ что: не думайте, чтобъ благородная борьба, которую станете вы продолжать, повела къ жестокому мщенію со стороны непріятеля. Нѣтъ, мужественный Филибертъ Эммануиль умѣетъ цѣнить храбрость и самоотверженіе всюду, даже и во врагѣ. Онъ не накажетъ васъ за геройство... Притомъ, какой великій подвигъ совершите вы, если удастся вамъ не покориться осаждающимъ еще десять, или двѣнадцать дней: конечно, статься-можетъ, вы лишитесь вашего города; но за то вы, навѣрное, спасете Францію. Ваши внуки, ваше потомство самое отдаленное будетъ гордиться вами. Можно, безъ-сомнѣнія, разрушить ваши стѣны; но кто можетъ уничтожить память о вашей геройской защитѣ?.. Мужайтесь же, достойные охранители судьбы королевства! Спасите короля, спасите отечество! И для начала, воскликните, друзья: да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Сен-Кентень!

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Сен-Кентень! Да здравствуетъ король! воскликнули съ энтузіазмомъ всѣ присутствовавшіе.

— А теперь, продолжалъ Габріэль:—на укрѣпленія, къ труду!... Да постарайтесь ободрить согражданъ своихъ, которые ждутъ васъ вопъ тамъ, на площади. Завтра у насъ будетъ — клинъ съ вами — сто новыхъ сподвижниковъ.

— На укрѣпленія! закричали горожане.

И тогда же, въ упоеніи радости и надежды, они извѣстали и увлекли за собою тѣхъ, которые не слышали словъ извѣстителя, столь неожиданно посланнаго Богомъ погибавшему городу.

Благородный Колинъ слушалъ Габріэля молча, съ удивленіемъ и восторгомъ. Какъ-скоро всѣ военные и Сен-Кентенцы, бывшіе на совѣтѣ, вышли съ радостными кликами изъ залы, Колинъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ молодому человѣку и сказалъ, сжимая ему руку:

— Благодарю васъ. Вы спасли Сен-Кентенъ и меня отъ стыда; вы, быть-можетъ, спасли Францію и короля отъ гибели.

— О, я еще ничего не сдѣлалъ! отвѣчалъ Габріэль. — Теперь мнѣ надобно возвратиться къ Вольпергу; а пробраться къ нему и привести сюда сто копейщиковъ, обѣщанныхъ мною, можетъ помочь мнѣ только одинъ Богъ... Его-то должно будетъ благодарить, а не меня, если Сен-Кентенъ не сдастся неприятелю еще десять дней.

IX.

МАЛЕНЬКАЯ НЕУДАЧА МАРТЭНА-ГЕРРА.

Габріэль разговаривалъ съ адмираломъ еще довольно-долго. Твердость, мужество и познанія молодого человѣка, который рассуждалъ о стратегіи, какъ опытный полководецъ, о крѣпостныхъ работахъ, какъ инженеръ, и о нравственномъ вліяніи, какъ старикъ, изумили Колинъ. Съ другой стороны, Габріэля восхитили благородство характера Колинъ, его доброта и рѣдкая совѣстливость, или, лучше сказать, добросовѣстность. Да, племянникъ не походилъ на дядю! И за то, какой-нибудь часъ разговора сблизилъ адмирала и Габріэля, не смотря на все неравенство ихъ лѣтъ, такъ, какъ сблизаетъ въ другихъ случаяхъ только продолжительное знакомство.

Условясь окончательно о сигналахъ и вообще о мѣрахъ, которыя было необходимо принять при вступленіи копейщиковъ Вольперга въ Сен-Кентенъ, Габріэль расстался съ адмираломъ. Последнія слова Габріэля: «до свиданія», были произнесены гораздо съ большею надеждою на успѣхъ, чѣмъ тѣ, которыми начался разговоръ его съ Колинъ.

Между-тѣмъ, Мартэнъ-Герръ, одѣтый такъ же, какъ и господинъ его, по-крестьянски, все ожидалъ Габріэля у входа въ ратушу.

— Ну, сударь, наконецъ-то изволили вы воротиться! вскричалъ онъ, увидѣвъ Габріэля, когда тотъ вышелъ изъ ратуши.—А я ужъ ждалъ, ждалъ! Всѣ глаза проглядѣлъ. Да кабы вы знали, какъ

хвалили васъ здѣсь. Вы и такіе, и такіе, и просто сказать нельзя! Что вы это, сударь, чѣмъ изволили такъ обрадовать ихъ всѣхъ?

— Полезнымъ совѣтомъ, мой добрый Мартэнъ. Мы переговорили обо всемъ, что слѣдуетъ предпринять здѣсь; а теперь къ дѣлу.

— Къ дѣлу, сударь, такъ къ дѣлу; по — моему, дѣло завсегда лучше словъ. Мы, должно-быть, теперь же отправимся опять прогуливаться за городомъ, подъ выстрѣлами испанскихъ часовыхъ. Коли такъ, я готовъ.

— Отправиться, Мартэнъ, мы отправимся, отвѣчалъ Габріэль: — но не теперь, а въ сумерки. Я условился такъ съ г. Колиньи. Значитъ, мы пробудемъ здѣсь часовъ около трехъ. Въ это время я... мнѣ надобно, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — мнѣ надобно собрать здѣсь кое-какія свѣдѣнія...

— Понимаю... сказала Мартэнъ: — вы хотите еще побольше развѣдать на-счетъ того, сколько здѣсь офицеровъ и солдатъ... и на-счетъ того, нѣтъ ли еще какихъ другихъ прорѣхъ въ сдѣланныхъ укрѣпленіяхъ?.. Этакого старанія ко всему, какъ у васъ, сударь, я, просто, осмѣлюсь доложить, не видывалъ ни у кого другаго.

— Ты вовсе ничего не понимаешь, мой бѣдный Мартэнъ, отвѣчалъ Габріэль, улыбнувшись. — На-счетъ войскъ и укрѣпленій я знаю все, что мнѣ нужно. Меня занимаетъ дѣло, которое касается собственно до меня.

— А я, сударь, не могу ли тутъ помочь чѣмъ-нибудь?

— Да, Мартэнъ, ты можешь быть мнѣ полезенъ... Ты даже можешь угадать, что интересуешь меня въ Сен-Кентенѣ лично. Вѣдь я не таюсъ отъ тебя ни въ чемъ. Припомни-ка, кого хочу я отыскать здѣсь.

— Позвольте... Вспомнилъ, совершенно-вспомнилъ: вѣдь г-жу... то-есть, бенедиктичку?

— Ну, да. Богъ мой, что-то случилось здѣсь съ нею, посреди этого общаго безпокойства и горя?.. У адмирала я не рѣшился спросить... Надобно спрашивать хладнокровно, словно о самомъ обыкновенномъ предметѣ; по могъ ли я надѣяться на себя?.. Да адмиралъ, быть-можетъ, и не знаетъ, здѣсь ли Діана... Она, я думаю, перемѣнила имя.

— И я, сударь, думаю то же самое. Съ такимъ именемъ нельзя жить въ монастырѣ. Вѣдь оно, говорятъ, языческое... Да и г-жу де-Пуатье тоже зовутъ Діаною: а она развѣ лучше язычницы?.. Такъ оно и неловко говорить: «сестра Діана»...

— Какъ же быть тутъ? сказалъ Габріэль. — Не освѣдомиться ли прежде всего, гдѣ монастырь бенедиктинокъ?

— Именно, сударь, отвѣчалъ Мартэнъ: — а тамъ ужъ мы того... тамъ ужъ мы разузнаемъ все въ подробности... Коли прикажете, я сію же минуту приймусь отыскивать...

— Приймуся отыскивать оба; только не вмѣстѣ, а порознь. Это будетъ, я полагаю, лучше. Да прошу, будь поосмотрительнѣе, и главное, не напейся.

— О, ужь на-счетъ этого не безпокойтесь. Я, сударь, опять сталъ непьющимъ человѣкомъ, лишь-только выѣхалъ изъ Паржа. Прѣсто, осмѣлюсь доложить, ни разу не былъ даже въ поляна.

— Оно такъ и слѣдуетъ, Мартэнъ. Ступай же разузнавать, и черезъ два часа вернись опять сюда, на это самое мѣсто. Я тоже приѣду сюда.

— Будеть, сударь, исполнено.

И они разстались.

Спустя два часа, они снова сошлись у ратуши. Габріэль былъ веселъ, Мартэнъ-Герръ, напротивъ, очень не-въ-духъ. Всѣ свѣдѣнія, собранныя достойнымъ Мартэномъ, заключались только въ томъ, что бенедиктинки, вмѣстѣ съ горожанками, ходятъ за ранеными; что онѣ только ночуютъ въ своемъ монастырѣ, а днемъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера бываютъ въ городскихъ госпиталяхъ.

Габріэлю, къ-счастью, было извѣстно болѣе. Габріэль, узнавъ отъ перваго встрѣтившагося ему горожанина все, что успѣлъ узнать Мартэнъ-Герръ въ-продолженіе двухъ часовъ, спросилъ, гдѣ можетъ онъ найти настоятельницу бенедиктинокъ.

— А тамъ, гдѣ болѣе опасности, отвѣчалъ тотъ, къ кому обратился нашъ молодой человѣкъ съ своимъ вопросомъ.

Габріэль отправился въ Ильское-Предмѣстье, и дѣйствительно нашелъ тамъ настоятельницу. То была сестра Моникъ, о которой говорила Габріэлю Дениза. Сестрѣ Моникѣ уже было рассказано, кто такой виконтъ д'Эксмэ, что говорилъ онъ въ ратушѣ и зачѣмъ приѣхалъ въ Сен-Кентенъ; а потому она приняла его ласково и съ уваженіемъ.

Что же касается до Габріэля, онъ сказалъ ей, выслушавъ ея похвалы и привѣтствія:

— Такъ-какъ вамъ извѣстно, что я присланъ сюда королемъ, то я надѣюсь, вы позволите мнѣ освѣдомиться у васъ о здоровьѣ дочери его величества, госпожи де-Кастро. Мнѣ попадалось на встрѣчу много вашихъ бенедиктинокъ, но ея не было въ числѣ ихъ... Не больна ли она?..

— Нѣтъ, г. виконтъ, отвѣчала аббатисса:— я, однакомъ, упростила ее остаться сегодня въ монастырѣ, потому-что ей-былъ необходимъ хоть непродолжительный отдыхъ. Она, г. виконтъ, рѣшительно забываетъ саму-себя для попеченій о страждущихъ. Такого примѣрнаго человѣколюбія, такой готовности къ самопожертвованію я еще не видывала... О, она достойна, вполне достойна своихъ великихъ царственныхъ предковъ! Она даже не пожелала, по своему истинно-христіанскому смиренію, чтобы здѣсь было извѣстно ея высокое званіе. Она назвала себя просто *Бенедиктою*. Но это имя дорого нашимъ бѣднымъ страдальцамъ; они благословляютъ ту, которая носитъ его; они говорятъ, что одинъ видъ ангельскаго лица ея поселаетъ въ нихъ отраду и надежду. Но, ска-

жу вамъ, г. виконтъ, наши раненные, вовсе незнакомые съ латинью, немножко переименовали имя, принятое г-жею де-Кастро. Она называють ее сестра *Беня*...

— Такое названіе не ниже титула, который принадлежитъ ей! вскричалъ глубоко растроганный Габріэль. — Но скажите, прибавилъ онъ потомъ, помолчавъ съ минуту:— я могу видѣть ее завтра, если... если только я вѣрнусь?..

— Можете, г. виконтъ. Вы найдете сестру *Беня* тамъ, гдѣ самое большое число страждущихъ, нуждающихся въ помощи и участіи...

Этими словами заключился разговоръ Габріэля съ аббатисою. Разставшись съ нею, нашъ молодой человекъ немедленно отправился опять къ ратушѣ. Тутъ, какъ мы уже замѣтили выше, онъ сошелся съ своимъ вѣрнымъ Мартэномъ.

Габріэль такъ много разспрашивалъ объ окрестностяхъ Сен-Кентена, что уже могъ надѣяться не сбиться съ пути въ предстоящемъ ему ночномъ переходѣ съ копейщиками Вольперга. Какъ скоро смерклось совершенно, онъ и Мартэнъ, закутавшись въ длинные плащи темнаго цвѣта, осторожно выбрались изъ горба. Потомъ они сползли въ городской ровъ, вскарабкались на его противоположную окранныю и выбрались въ поле.

Но это было только удачное начало. Впереди еще предстояло много опасностей. По окрестностямъ сен-кентенскимъ разъѣзжали день и ночь непріятельскіе отряды; притомъ, непріятельскій лагерь не былъ сосредоточенъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а былъ разставленъ по частямъ вокругъ города; значить, наши переодѣтые легко могли встрѣтиться съ дозорнымъ непріятельскимъ отрядомъ, или быть замѣчены лагерными часовыми; а въ томъ и въ другомъ случаѣ слѣдовало ожидать, по меньшей мѣрѣ, продолжительной задержки для разспросовъ...

Спустя нѣсколько времени, Габріэль и Мартэнъ-Герръ добрались, покамѣстъ, безъ помѣхи до мѣста, гдѣ дорога, по которой шли они, вдругъ раздѣлилась на двѣ дороги, въ послѣдствіи далеко расходившіяся между собою. Тутъ Габріэль остановился въ размышленіи. Мартэнъ-Герръ тоже остановился, только вовсе безъ размышленія. Размышлять онъ обыкновенно предоставлялъ своему барину. Достойный Мартэнъ-Герръ считалъ очень-достаточнымъ для себя быть исключительно исполнителемъ чужой воли.

— Мартэнъ, сказалъ Габріэль послѣ непродолжительнаго молчанія: — вотъ передъ нами теперь двѣ дороги. Обѣ онѣ ведутъ къ Анжимонскому-Лѣсу, гдѣ дожидается баронъ Вольпергъ. Если мы пойдемъ вмѣстѣ, по одной изъ этихъ дорогъ, насъ могутъ и схватить вмѣстѣ. Такъ я думаю, что намъ лучше идти порознь, то-есть тебѣ по одной, а мнѣ по другой дорогѣ. Дѣло все-таки будетъ вѣрнѣе. Ты ступай вотъ по этой: она подлиннѣе, да понадежнѣе; такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорилъ мнѣ Колинъ. Тутъ, правда, находится лагерь, въ которомъ не-

приятель, какъ кажется, помѣстилъ г. де-Могморанси; но ты обойди этотъ небольшой лагерь, какъ мы обошли его прошлою ночью. Да смотри, не опростоволосься! Если ты встрѣтишься съ непріятельскимъ разбѣдомъ, выдай себя за анжимоискаго крестьянина и говори, что только-что отнесъ съѣстные припасы Испанцамъ, которые стоятъ лагеремъ ближе другихъ къ Сен-Кентену, и что теперь идешь домой. Старайся также поддѣлаться хорошенько подь пикардское нарѣчіе. Тебѣ удастся это, если хоть мало постарасься: вѣдь иностранцевъ обмануть въ этомъ не трудно. Но, главное, не теряй присутствія духа. Тутъ, братъ, хоть сколько-нибудь замкнуться значить просто надѣть себѣ петлю на шею.

— Э, да ужъ не извольте, сударь, безпокоиться! отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ съ самоувѣренностью.—Мы ужъ стоимъ за себя. Не учиться-стать: Увидите, что стоимъ.

— Пожалуйста, стойте, господинъ Мартэнъ-Герръ. Я, съ своей стороны, пойду вотъ по этой дорогѣ; она покороче, но за то поопаснѣе. Это самая прямая дорога въ Парижъ; а потому за ней и смотрятъ строже. Миѣ, конечно, придется встрѣтиться не съ однимъ непріятельскимъ разбѣдомъ, придется не разъ укрыться гдѣ-нибудь во рву или въ кустарникѣ. И очень можетъ быть, что, не смотря на все мое стараніе избѣжать встрѣчи съ Испанцами, миѣ не удастся достигнуть цѣли. Въ такомъ случаѣ, то-есть, если я замѣшкаю очень, вы не ждите меня долго. Г. де-Вольпергъ можетъ подождать съ полчаса послѣ твоего прихода къ нему; а потомъ, онъ ужъ долженъ будетъ ѣхать немедленно. Только попроси его, чтобъ онъ былъ какъ-можно-осторожнѣе. Ты вѣдь знаешь, что надобно дѣлать: надобно раздѣлить копейшиковъ на три отряда, и потомъ раздѣльно идти къ Сен-Кентену. Въ городъ должны они вступить въ трехъ противоположныхъ мѣстахъ. Нельзя, конечно, ожидать, чтобъ всѣмъ имъ удалось пробраться въ Сен-Кентенъ; но какъ быть! погибель одного отряда спасетъ два другіе... Да, мой добрый Мартэнъ, легко можетъ случиться, что мы уже болѣе не увидимся... Прощай, Мартэнъ! Да сохранишь тебя Господь Богъ!

— О, сударь, пусть лучше сохранить Опъ васъ! отвѣчалъ Мартэнъ.—Я вѣдь что такое? я просто ничего; а вы вотъ всякую полезность оказать можете... Да!.. Однакомъ, осмѣлюсь доложить, если я наткнуся на Испанцевъ, я проведу ихъ... Ужъ такъ проведу, что послѣ позабудемся.

— Желаю, чтобъ тебѣ удалось провести ихъ; но еще болѣе желаю, чтобъ ты вовсе не встрѣтился съ ними. Прощай, Мартэнъ.

— Дай вамъ Господи всякаго благополучія и успѣха.

И они разошлись опять.

Мартэну сначала благопріятствовало счастье. Опъ удачно ускользнулъ, благодаря темнотѣ, отъ вниманія двухъ испанскихъ разбѣдовъ; но счастье вдругъ измѣнилось ему, когда онъ подошелъ къ лагерю, о которомъ говорилъ Габріэль, и около котораго надзоръ

былъ еще строже. Бѣдный Мартэнъ вдругъ очутился между двумя непріятельскими отрядами.—коннымъ и пѣшимъ.

— Кто идетъ? вдругъ донеслось, какъ громовой ударъ, до ушей достойнаго конюшаго и доказало ему неопровержимо, что его замѣтили осаждающіе.

— Ну, подумалъ онъ тогда: — вотъ теперь-то и надобно показать себя. Да ужъ мы не опростоволосимся. Нѣтъ, не на того напали.

И въ ту же минуту онъ запѣлъ какъ-можно-громче слѣдующую пѣсенку:

Le vendredi de la Toussaint,
Est arrivé la Germanie
A la belle croix de Messain
Pour faire grande boucherie...

— Кто идетъ? раздалось снова по близости конюшаго.

— Анжимонскіе, отвѣчалъ Мартэнъ, стараясь подражать пикардскому нарѣчію:—тутошній житель.

И вслѣдъ за тѣмъ, онъ запѣлъ опять:

Se campant au haut de vignes,
Le duc d'Albe et sa compagnie
A saint Arnou près nos fossés.
C'était pour faire l'entreprise
De reconnaître nos fossés...

— Стой! Что ты тутъ орешь во все горло? сказалъ солдатъ лозаннымъ франпузскимъ языкомъ. — Ни шагу далѣе!

Мартэнъ-Герръ, съ свойственною ему сметливостью, тотчасъ же сообразилъ, что одному ему не сладить съ цѣлымъ отрядомъ, что его непремѣнно догонять, если онъ побѣжитъ, по той весьма-основательной причинѣ, что онъ пѣшкомъ, а у солдатъ добрыя лошади, и что, наконецъ, самое бѣгство его только усилитъ подозрѣніе. Онъ счелъ приличнымъ остановиться. И сказать правду, онъ былъ не недоволенъ своею встрѣчею. — Тутъ вѣдь, думалъ онъ:—и можно показать свое искусство. А то вотъ баринъ все говорить: «Ты, братъ, смотри, не запнись, не попадись въ просакъ...» Точно мы родились сегодня! Такъ вотъ мы покажемъ же себя теперь, и послѣ ужъ баринъ и намекнуть не моги! Да!..

Для большаго успѣха, Мартэнъ притворился сердитымъ.

— Ну, что вы пристали ко мнѣ? закричалъ онъ, подходя къ отряду. — Вѣдь я ужъ сказалъ вамъ, что я анжимонскій. У меня въ Анжимонѣ жена и дѣти... много дѣтей... и большія и маленькія... да!.. Что же вамъ надобно?

— Что намъ надобно? отвѣчалъ тотъ же солдатъ, который приказалъ Мартэну остановиться. — Намъ надобно допросить и обыскать тебя, бродягу... Ты вотъ говоришь, что анжимонскій обыватель, а можешь, ты и лжешь... можешь, ты шпионъ?

— О-го, сказалъ Мартэнъ, засмѣявшись совершенно-ненатурально:—вишь ты что выдумали! Шпионъ!.. Ну, обыскивайте же меня! Что же вы? Да и допрашивайте кстати.

— А вотъ, пріятель, мы отведемъ тебя въ лагерь: тамъ и будетъ тебѣ допросъ.

— Въ лагерь? продолжалъ Мартэнъ: — тѣмъ лучше. Я самъ требую, чтобъ вы вели меня въ лагерь. Посмотримъ-ка, что присудитъ начальство. А! вы думаете, что вотъ взяли, да схватили обыватою, такъ вамъ и съ рукъ сойдетъ? Какъ бы не такъ! Я носилъ вашимъ же, къ Сен-Кентену, всякую провизию; и опять хотѣлъ принести... и принесъ бы самаго лучшаго... Да теперь пусть чортъ меня возьметъ, коли принесу хоть круху какую!.. Да!.. Пусть вы всё тамъ хоть съ голода перемрете! Миѣ какое дѣло! А! вы еще не знаете меня! Такъ я жѣ вамъ покажу себя!.. Шпионъ! Экъ затѣяли! Да начальство разберетъ... Я пожалуюсь вашему командиру... Ведите меня въ лагерь!

— Вотъ языкъ, такъ языкъ! сказалъ начальникъ отряда. — Ты толковалъ, пріятель, о командирѣ; командиръ, любезнѣйшій, я; миѣ и изволь жаловаться. Въдѣ не генераловъ же будитъ для такихъ негодяевъ, какъ ты.

— А я къ генераламъ-то и хочу идти; ведите меня къ генераламъ! сказалъ Мартэнъ-Герръ скороговоркою. — Пусть-ка они узнаютъ, что иные-прочіе безъ всякой надобности задерживаютъ честныхъ прохожихъ, да еще такихъ прохожихъ, которые кормятъ васъ, да!.. Ведите меня! Миѣ худа не будетъ; меня еще награждать за вашу напрасную тревогу, а васъ такъ вотъ погубятъ! Увидите!

— Знаете что, сказалъ вполголоса одинъ изъ солдатъ начальнику разбѣда: — онъ, кажется, не обманывается...

— Да, онъ по-видимому говоритъ правду, отвѣчалъ офицеръ: — я отпустилъ бы его охотно; но миѣ кажется, что какъ-будто миѣ знакомъ его годось. Да вотъ все объяснится въ лагерьѣ.

И вслѣдъ за тѣмъ, отрядъ двинулся по приказанію своего начальника. Мартэнъ-Герра помѣстили между двумя всадниками, и онъ во всю дорогу не переставалъ браниться и кричать.

Когда они пришли въ лагерь, тотчасъ принесли огня. Офицеръ, взглянувъ при его свѣтѣ на Мартэна-Герра, отступилъ въ изумленіи на три шага назадъ и вскричалъ:

— Чортъ возьми, я не ошибся! Это онъ, мошенникъ! Узнаете ли вы его теперь? прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ.

— Да! да! О, конечно, узнаемъ! Это онъ! слышалась между солдатами.

— А! такъ вы наконецъ узнали меня! сказалъ достойный командиръ уже съ порядочнымъ замѣшательствомъ. — Вы знаете, что я Мартэнъ Корнульѣ... Корнульѣ изъ Анжимоа... Такъ вы знаете, и отпустите меня!

— Тебя, разбойника! отпустить тебя! вскричалъ офицеръ съ сильнымъ гнѣвомъ.

— Да что это вы сердитесь такъ, любезнѣйшій! Сами же ска-

зали, что знаете, а тутъ вдругъ и разбойникъ! Я не разбойничалъ отъ-роду; я честный обыватель... Мартанъ Корнульдъ нѣтъ...

— Нѣтъ, перебилъ офицеръ: — ты не Мартанъ Корнульдъ, и я докажу тебѣ это. Ребята, продолжалъ онъ, обращаясь къ всадникамъ: — какъ зовутъ этого мошенника?

— Арно дю-Тилль! Арно дю-Тилль! закричали въ одинъ голосъ солдаты.

— Арно дю-Тилль? кто это такой? спросилъ Мартанъ поблѣднѣвъ.

— А ты все еще запираешься, бездѣльникъ! вскричалъ офицеръ.

— И тебѣ не стыдно лгать, когда мы всѣ знаемъ, кто ты; когда весь мой отрядъ подтвердитъ, что я самъ лично взялъ тебя въ плѣнъ въ тотъ же самый день, въ который наши захватили г. де-Монмеранси? Ты вѣдь находился при немъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я Мартанъ Корнульдъ... проговорилъ заминаясь бѣдный Мартанъ.

— Что ты все притворяешься, плутъ? Вѣдь ты видишь, что я не вѣрю тебѣ. Ты, обманщикъ, обѣщалъ мнѣ выкупъ за себя; я обращался съ тобой просто по-приятельски, а ты, въ отплату, укралъ у меня всѣ мои деньги и увелъ прошлую ночью мою Гудулу, мою хорошенькую маритантину!.. Гдѣ она теперь? Куда ты дѣвалъ ее, предатель?

— Да, куда ты дѣвалъ Гудулу? куда? закричали солдаты.

— Куда я дѣвалъ Гудулу? сказалъ Мартанъ-Герръ съ ужасомъ. — А я почему знаю, куда я дѣвалъ ее?.. Охъ! видно, опять надѣлалъ бѣдъ... Такъ вы, то-есть, навѣрное говорите, что я — Арно дю-Тилль? Вы даже и не сомнѣваетесь въ томъ? а? Вы и не божитесь, что этотъ господинъ взялъ меня въ плѣнъ, и что я увелъ у него Гудулу? Побожитесь? да?

— Еще бы нѣтъ! Побожимся! побожимся! послышалось между солдатами.

— Ну, такъ это и не удивить меня, отвѣчалъ бѣдный конюшій канцъ-то страннымъ тономъ; вы, конечно, припомните, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Мартанъ на плутни и проказы своего двойника. — Просто ни на волосъ не удивляетъ. Мнѣ казалась правда, что я Мартанъ... но вы говорите, что я Арно дю-Тилль, что я былъ здѣсь вчера; ну, я и не спорю. Да и какъ спорить, когда вы знаете навѣрное? Но, Боже мой, Боже мой! отъ-чего же это... какъ же это я опять принялся за прежнее? А сомнѣнія нѣтъ никакого; и Гудула, и увелъ, и деньги унесъ!.. Мое тутъ дѣло, чисто мое!.. Хорошо, по-крайней-мѣрѣ, что я знаю теперь мое настоящее имя... Арно дю-Тилль! Поди ты!

Мартана связали по рукамъ и по ногамъ и оставили въ лагерѣ до дальнѣйшаго рѣшенія его участи.

— Вотъ, душалъ онъ, лежа на влажной землѣ: — вотъ и ступилъ показать себя! Вотъ и исполнилъ барскій приказъ!.. А еще хвастался!.. Да вѣдь чортъ же зналъ, что я увелъ вчера эту про-

клятую Гудулу! Кабы не она, кабы я не былъ здѣсь въ плѣну, я ужь, конечно, доказалъ бы барину, что мы не изъ какихъ-нибудь первоученокъ, что мы знаемъ, какъ повести дѣло, да!.. А постой—ка! можетъ, я ужь и доказалъ, можетъ, мнѣ только кажется, что я здѣсь, а я, можетъ, теперь съ баринкомъ, ѣду съ нимъ въ Сен-Кентенъ? Да и отъ-чего бы нѣтъ?.. Вѣдь случалось же прежде, что ты вотъ, кажется, былъ въ церкви и читалъ *Отче*, а выходитъ, что ходилъ съ записочкой къ г-жѣ Діанѣ...

X.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ.

На этотъ разъ, случай опять сыгралъ штуку надъ Мартэнномъ Герромъ. Онъ далъ возможность двойнику Мартэна, шпиону Арно дю-Тиллю, сдѣлать именно то, чего ожидалъ отъ себя несчастный конюшій въ послѣднихъ мечтахъ своихъ. Когда Габріэль, счастливо избѣжавъ опасностей, пришелъ въ лѣсъ и пробрался къ тому мѣсту, гдѣ находился Вольпергъ съ копейщиками, нашего холодаго человѣка встрѣтилъ первый—Арно дю-Тилль. Габріэль принялъ его за Мартэна.

— А, и ты здѣсь, Мартэнъ? сказалъ онъ шпиону.

— Здѣсь, сударь; отвѣчалъ Арно безъ малѣйшаго смущенія.

— Давно ужь ты пришелъ сюда?

— Да ужь побольше получаса.

— Но на тебѣ, кажется, другое платье?

— Точно такъ, сударь; я помѣнялся своимъ съ однимъ крестышникомъ, который попался мнѣ на встрѣчу... я расцелъ, что и его платье меня еще лучше не узнаютъ...

— Умно; а дурныхъ встрѣчь не было?

— Не было, сударь.

— За то была одна очень-пріятная, сказалъ баронъ де-Вольпергъ, подходя къ Габріэлю:—онъ, плутъ, гдѣ-то подхватилъ прехорошенькую дѣвушку... кажется, непріятельскую маркизатку. она очень плакала, но онъ прогналъ ее... Свяжетъ, говоритъ, что въ ней проку...

— Ахъ, Мартэнъ, Мартэнъ! сказалъ Габріэль: — ты опять старое!

— Такъ, сударь, мимоходомъ... отвѣчалъ Арно.

— А какъ вы думаете, г. д'Эксмэ, продолжалъ баронъ де-Вольпергъ:—не обождать ли намъ еще съ полчаса? Теперь еще въ полночь; а мнѣ не хотѣлось бы прийти къ Сен-Кентену раньше трехъ часовъ. Около этой поры Испанцы гораздо-менше караютъ городъ...

— И тѣмъ болѣе согласенъ съ вами, отвѣчалъ Габріэль:—адмиралъ будетъ ждать насъ ровно въ три часа. Мы такъ съ нимъ условились. Удастся ли только намъ преобрѣтись...

— О, мы проберемся, сказала Арио: — могу вас уверить. Проходя подле лагеря, я как-нибудь лучше ознакомился съ его окрестностями, и проведу вас теперь на славу.

— Мартанъ! вскричалъ Габріэль:— да ты ли это? Съ тобою просто чудеса творятся! Самъ пробрался, да еще окрестности осмотрѣлъ! Теперь, мой добрый Мартанъ, я ужъ не буду сомнѣваться въ твоей сметливости.

Послѣ этихъ словъ, Габріэль отвелъ Вольперга нѣсколько въ сторону, съ тѣмъ, чтобъ окончательно условиться съ нимъ о предстоящей попыткѣ. У нихъ начался довольно-продолжительный разговоръ; а шпионъ принялся, между-тѣмъ, обдумывать, какъ наилучше воспользоваться ему своимъ новымъ положеніемъ.

Покажѣсть первые двѣ толкуютъ между собою, а послѣдній думаетъ, позвольте разсказать вамъ, какимъ образомъ удалось Арио заступить мѣсто Мартана-Герра. Бѣжавъ, при помощи Гудулы, изъ неприятельскаго лагеря, двойникъ несчастнаго конюшаго цѣлые восемнадцать часовъ укрывался въ анжигонскомъ лѣсу. Около вечера, онъ замѣтилъ случайно въ этомъ лѣсу лошадиные слѣды. Въ бойкомъ умѣ Арио тотъ же часъ мелькнула мысль, что замѣченные имъ слѣды были сдѣланы не крестьянскими лошадьми, а что тутъ навѣрное проѣзжали кавалеристы; что эти кавалеристы, по всему вѣроятію, тоже укрываются, потому-что, иначе, имъ бы не зачѣмъ было ѣздить по такимъ тропинкамъ, по которымъ и идти не легко, и что, слѣдовательно, эти кавалеристы должны быть Французы. Арио рѣшился отыскать ихъ, и отыскалъ. Догалка не обманула его: то были дѣйствительно Французы—копейщики Вольперга. Здѣсь-то случай въ особенноти услужилъ дю-Тиллю. Копейщики приняли его за Мартана-Герра. Онъ, естественно, не отперся отъ имени своего двойника. Потомъ, прислушиваясь къ разговорамъ копейщиковъ, онъ узналъ, что они ждутъ виконта д'Эксмэ, что виконтъ отправился въ Сен-Кентенъ для совѣщаній съ адмираломъ, и что, по возвращеніи Габріэля, копейщики пойдутъ тремя отдѣльными отрядами въ Сен-Кентенъ.

На минуту, Арио дю-Тилль былъ однакоже въ довольно-затруднительномъ положеніи; но и тутъ ему удалось вывернуться.

У него началъ-было разспрашивать о Габріэлѣ, но онъ отвѣчалъ преспокойно:

— Баринъ скоро будетъ сюда; мы шли разными дорогами.

Послѣ этого отвѣта, Арио оставилъ въ покоѣ.

Мысль заступить на время мѣсто Мартана-Герра очень понравилась шпиону. Арио сообразилъ немедленно, что для него вдвойнѣ выгодно исправлять должность конюшаго Габріэля; во-первыхъ: представлялась возможность жить даромъ, во-вторыхъ: возможность услужить конетаблю, слѣдя за поступками ненавистнаго ему и опаснаго для него человека. Съ другой стороны, Арио, правда, тревожила мысль, что Габріэль легко можетъ воротиться въ одно и то же время съ Мартаномъ-Герромъ; но и въ этомъ отношеніи

онъ придумалъ шѣру предосторожности: онъ отошелъ нѣсколько до-одалъ отъ копейщиковъ и началъ поджидать Габріэля, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ надобности какъ-нибудь напугать и удалить легковѣрнаго конюшаго. Но счастіе, какъ мы видѣли, послужило дю-Тиллю: Габріэль пришелъ одинъ и принялъ его за Мартэна.

Спустя около получаса послѣ того, какъ Габріэль отвелъ Вольперга въ сторону, копейщики были раздѣлены на три отряда, и двинулись къ Сен-Кентену. Арно отправился вмѣстѣ съ Габріэлемъ.

Между-тѣмъ, въ городѣ съ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной помощи. Въ два часа утра, Колинъ самъ обошелъ условленные пункты и отдалъ необходимыя приказанія часовымъ, которыми на этотъ разъ были самые надежные изъ солдатъ. Потомъ, онъ вззошелъ на одну изъ городскихъ башенъ. Тутъ, стараясь затѣмъ дыханіе, онъ долго смотрѣлъ въ даль и прислушивался къ самонаибѣйшему шуму; но издали никто не показывался, издали не доносилось никакого звука...

Наконецъ, потерявъ терпѣніе, Колинъ сошелъ съ башни и отправился верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, къ одному изъ тѣхъ пунктовъ, которые были избраны для предстоящей попытки ввести копейщиковъ Вольперга въ Сен-Кентенъ. Пробывъ туда, адмиралъ остановился на валу.

Ровно въ три часа, изъ сомскихъ болотъ послышался крикъ филина.

— Ну, слава Богу! это они! вскричалъ Колинъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по знаку адмирала, г. дю-Врель, находившійся въ числѣ офицеровъ, которыхъ взялъ съ собою Колинъ, повторилъ слышанный крикъ.

За этимъ крикомъ наступило глубокое молчаніе. Колинъ и свита его были неподвижны, какъ камень. Они ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ.

Вдругъ, въ той самой сторонѣ, откуда послышался крикъ филина, раздался мушкетный выстрѣлъ, и почти немедленно потомъ началась сильная перестрѣлка. Непосредственнымъ результатомъ этой перестрѣлки были стоны, крики и шумъ.

Одинъ изъ отрядовъ копейщиковъ Вольперга былъ замѣченъ неприятелемъ.

— Боже! вскричалъ Колинъ: — одного ужъ нѣтъ!..

Потомъ онъ поспѣшно сошелъ съ вала, сѣлъ на лошадь и посккалъ къ Бастіону св. Мартина, куда слѣдовало прибыть другому отряду копейщиковъ.

Здѣсь ожидала Колинъ новая пытка: Изъ-за черты Сен-Кентена послышался крикъ филина; ему отвѣчали изъ города темъ условленнымъ крикомъ, и почти въ-слѣдъ за тѣмъ тоже началась перестрѣлка, которая возвѣстила Сен-Кентенцамъ, такъ же, какъ и первая, гибель ста храбрыхъ воиновъ.

— Двѣсти погибшихъ! сказалъ Колинъ глухимъ голосомъ...

И съвъ снова на коня, адмиралъ быстро понесся къ Ильскому-Предиѣстью, гдѣ надлежало ожидать третьяго отряда копейщиковъ. Адмиралъ прѣхалъ туда первый. Свита догнала его уже спустя нѣсколько минутъ. Тутъ докосились до нихъ только стоцы умирающихъ, да крики побѣдителей...

Колиный думалъ, что уже все погибло. Въ непріятельскомъ лагерѣ были всѣ на ногахъ. Значить, можно было допустить, что командиръ послѣдняго изъ ожидаемыхъ отрядовъ не рѣшится на попытку пробраться въ городъ. Иногда, Колиный казался даже, что этотъ послѣдній отрядъ былъ захваченъ и истребленъ въ одно и то же время съ которыми-нибудь изъ первыхъ...

По смуглымъ щекамъ Колиный покатались слезы. Ихъ вызвала мысль, что черезъ нѣсколько часовъ жители Сен-Кентена, пораженные своею новою неудачею, потребуютъ сдачи города, и что даже, еслибъ они и не потребовали ея, Сен-Кентену уже не будетъ возможности сопротивляться.

Вдругъ г. де-Брель подошелъ къ Колиный и сказалъ ему шопотомъ:

— Адмиралъ..

Колиный обернулся къ нему.

— Адмиралъ, посмотрите вонъ туда, въ ровъ, прибавилъ г. де-Брель: — видите, тамъ преобретается отрядъ кавалеріи... Что это они, или ужь не Испанцы ли затѣяли въ расплюхъ ворваться въ городъ?

— Теперь рѣшить нельзя, отвѣчалъ Колиный тоже шопотомъ: — надобно подождать...

— Но отъ-чего же это ступаютъ ихъ лошади такъ тихо? Просто ни малѣйшаго шума!.. Точно тѣни.

А отрядъ все приближался къ тому мѣсту, гдѣ находились Колиный и его свита.

Когда онъ подошелъ къ этому мѣсту шаговъ на пятьдесятъ разстоянія, Колиный самъ подавъ условленный знакъ. Отвѣтомъ былъ крикъ филина.

Колиный, въ упоеніи радости, кинулся въ караульню, и приказалъ отпереть ворота.

Нѣсколько минутъ спустя, въ городъ вступило, въ глубокомъ молчаніи, сто всадниковъ. Они были закутаны въ длинные темныя плащи. Тутъ только объяснилось, почему лошади ступали такъ тихо: копыта у нихъ были обвязаны лоскутьями холстины, въ которые была насыпанъ песокъ. Это средство впаало на мысль начальнику отряда тогда, когда онъ замѣтилъ, что топотъ лошадей погубилъ два другіе отряда. Этотъ начальникъ былъ — Габріэль.

Вѣсть о прибытіи копейщиковъ распространилась въ городъ чрезвычайно-скоро. Двери всюду были отперты, въ окнахъ показался свѣтъ, и Габріэля встрѣтило множество горожанъ съ прѣвѣтомъ и радостію.

— Теперь не время радоваться, друзья мои, сказала мать Габриэль.— Подумайте о тѣхъ, которые погибли за насъ... Ихъ было двѣсти человѣкъ...

— Да, отвѣчалъ Колиннѣ: — мы жалѣли о нихъ и удивляемся имъ. Но вы, г. д'Эксмѣ... Но какъ васъ благодарить намъ? Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, обнять васъ: вы, мой другъ, спасли Сен-Кентенъ дважды.

— Г. де-Колиннѣ, отвѣчалъ Габриэль:— я желаю теперь только одного, чтобъ вы повторили мнѣ свои послѣднія слова спустя десять дней.

Н Я Н Я.

Спать пора, спать сперва,
 Да и ты, моя краса —
 Голова отяжелѣла,
 Кудри гнать на глаза.

Стань вотъ тутъ, передъ иконой,
 Я постельку стану слать;
 Не снѣши же власть поклоны,
 Богородицу читать.

Видимъ: глазки-то бѣдненьки
 Такъ и просится уснуть,
 Только воротъ у рубашки
 Надо прежде растегнуть.

• Отъ-чего же, няня, надо? •
 — Надо, другъ мой, чтобъ добрей,
 Не свола святаго взгляда,
 Любовался ангелъ твой.

Твоей хранитель ангелъ Божій
 Предлежитъ по ночамъ,
 Какъ и ты, дитя, пригожій,
 Только крылья по плечамъ.

Коль твою онъ видитъ душу,
 Ворота вскрыть и тихъ твой сонъ,
 Такъ справа на подушку,
 Улыбаясь сидеть онъ.

А закрыта душа, парочка
 Душку воротъ, мутны самъ —
 Ангелъ взглянетъ и залячетъ,
 Сидеть съ лѣвой стороны.

Вздъ тобой Господня сна,
 Дай я воротъ распушу,
 Ужъ подушку я хрестидъ,
 И тебя переверну.

Собака
В Ъ Р А

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ.

I.

ЗАМУЖСТВО.

Было воскресенье, 20-го сентября 1842 года. Розовый свѣтъ едва только взошедшаго солнца освѣщалъ маленькую комнату весьма-скромной наружности; онъ проходилъ въ нее черезъ два окошка, имѣвшія не болѣе аршина вышины и почти столько же ширины, съ черными ветхими растворчатыми рамами, которыя за-пирались желѣзными крючками и едва держались на старыхъ и ржавыхъ желѣзныхъ петляхъ. По тусклымъ стекламъ ихъ струи-лись обильные потоки, — произведеніе сырой, осенней ночи. Два лоскута тонкаго полотна, прибитые гвоздиками къ деревяннымъ покрашеннымъ косякамъ, закрывали гардины и были подняты къ-верху. Низенькія сѣбны комнаты состояли изъ голыхъ, почернѣвшихъ отъ времени бревенъ, грубо отесанныхъ и проконопаченныхъ зеленоватымъ мхомъ. Въ простѣнкѣ оконъ помѣщался стар-рый туалетъ краснаго дерева, совершенно потемнѣвшаго отъ вре-мени; надъ однимъ окномъ стоялъ столъ изъ морской березы за-тѣйливаго фасона съ бронзовыми украшеніями; подъ другимъ — простыя деревянныя пальцы, закрытыя бумагою. Въ переднемъ углу на трехугольномъ столикѣ, покрытомъ бѣлою салфеткою, воз-вышался небольшой черный крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя изъ слоновой кости. По обѣимъ сторонамъ креста, въ двухъ маленькихъ фарфоровыхъ вазахъ прекрасной работы, позоло-ченныхъ и покрытыхъ живописью, благоухали два букета свѣжихъ

пѣтвѣ, на которыхъ сверкали еще крупныя капли утренней влаги. На главной стѣнѣ, противъ оконъ, висѣлъ портретъ молодой женщины, въ огромномъ чепцѣ, въ платьѣ съ высокою талією, съ розаномъ въ одной рукѣ и съ турецкою шалью на другой. Этотъ портретъ, нарисованный масляными красками, показывалъ усердное желаніе живописца изобразить привлекательную, одушевленную фizioномію; но результаты его похвального усердія служили новымъ доказательствомъ справедливости старинной пословицы: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»; упрямая кисть художника рѣшительно воспротивилась его благонамѣренному замыслу. Внизу портрета (неимѣвшего никакой рамы), съ одной стороны, близъ огромной, неуклюжей голландской печи изъ изразцовъ, покрытыхъ синими изображеніями разныхъ фантастическихъ фигуръ, стоялъ массивный коммодъ о четырехъ ящикахъ, обклеенный желтымъ орѣховымъ деревомъ, съ мѣдными бляхами на замочныхъ отверстіяхъ и съ мѣдными же головками на двухъ переднихъ углахъ. На немъ лежали двѣ кипы книгъ и нотъ, ситцевое платье, недавно вымытое и выглаженное, и ситцевый шафрокъ. Возлѣ коммода — кушетка краснаго дерева, обитая кашемиромъ. Нѣсколько стульевъ и креселъ стариннаго фасона дополняли мѣбель въ этой маленькой комнатѣ, низкой и мрачной. На кушеткѣ, ярко-освѣщенной лучами свѣтлаго осенняго солнца, спала молодая дѣвушка, и передъ нею стояла стройная дѣвочка лѣтъ четырнадцати, глядѣвшая съ вѣжливымъ участіемъ на лицо спящей, одушевленное улыбкою: видно было, что надъ нею носились свѣтлыя грезы. Дѣвочка нѣсколько минутъ оставалась безмолвною зрительницею; потомъ тихо сказала:

— Вѣра Николавна! проснитесь, душенька: пора! и съ этими словами поцаловала спящую.

Легкая дрожь пробѣжала по бѣлымъ, роскошнымъ плечамъ Вѣры; она какъ-будто съ испугомъ открыла глаза, и, освободивъ изъ-подъ тонкаго одѣяла руку, медленно оправила пышныя пряди русыхъ волосъ и пристально поглядѣла кругомъ себя.

— Я испугала васъ? спросила дѣвочка.

— Не испугала, но прервала чудесный сонъ... Какая ты до-
садная...

— Виновата, душенька; меня послала тѣтенька. Сегодня воскресенье; вы знаете, какъ она бранитъ васъ за то, что вы будто-бы всегда просыпаете позднюю обѣдню.

— Она всегда и за все бранитъ меня, сказала Вѣра съ тихимъ вздохомъ.

— Вы сердитесь на меня?

— Я не умѣю сердиться, Липочка.

— Ну, простите меня, милая Вѣра Николавна, и расскажите, что вы такое видѣли во снѣ?

Въ это время въ комнату явилось третье лицо: женщина лѣтъ тридцати.

— Такъ и есть! воскликнула она сердито: — ВѢра Николавна, вы еще не изволили встать! Что это за нѣженка такая! что за глѣзница!.. Откуда, скажи, моя милая, ты получила такія привычки?.. Къ обѣднѣ ужь отблаговѣстили, а она еще изволить только просыпаться... Тебѣ непременно хочется подражать Марѣ Никитишнѣ, прїѣзжать въ церковь къ «достойной», къ шапочному разбору. Позволь себѣ замѣтить, что это вовсе тебѣ не кстати. Марѣ Никитишнѣ можно провазничать отъ двухъ тысячъ душъ, а тебѣ къ-чему? Послѣ батюшки на твою четырнадцатую часть достанется двадцать-три съ половиною души; такъ съ этимъ мудрено корчить роли.

Въ-продолженіе грозной проповѣди, ВѢра безмолвно и съ покорностію встала, надѣла на ноги поношенные бархатныя туфли и пакинула на плеча шлафрокъ. Она приготовилась уже выйдти, чтобъ кликнуть горничную, какъ маленькая сцена, разыгранная Липочкою, остановила ее. Рѣзвая дѣвочка сдѣлала комически-важную физиономію, взяла въ одну руку большой рабочей мѣшокъ съ шерстями; съ забавными ужимками передразнивая манеры какого-то деревенскаго фешёбля, расшаркалась передъ сердитою тѣтушкою и подошла ей къ ручкѣ.

Мимика Липочки была такъ уморительна, она такъ удачно карикатурировала представляемую ею особу, что ВѢра, глядя на нее, расхохоталась до слезъ; но не таково было впечатлѣніе, которое этотъ фарсъ произвелъ на тѣтушку. Она покраснѣла отъ досады, и, отдернувъ руку, которою Липочка овладѣла-было съ комическою ловкостью деревенскаго франта, закричала на бѣдную актриссу:

— Кого ты это смѣешь передразнивать, негодная дѣвчонка?!.. ВѢра Николавна, полюбуйтесь на вашу воспитанницу... Безподобно!.. Это, конечно, ваши уроки... Пошла вонъ, негодная! съ глазъ моихъ долой... Ахъ, ты повѣса этакая!.. Каково?.. Понимаешь ты, ВѢрочка, кого она изволить передразнивать?..

— Петра Иваныча, отвѣчала наввно ВѢра.

Этотъ простосердечный отвѣтъ, казалось, увеличилъ неудовольствіе тѣтушки тѣмъ болѣе, что новый фарсъ Липочки заставилъ ВѢру расхохотаться пуше прежняго...

— Я тебѣ сказала, пошла вонъ отсюда! закричала тѣтушка громче прежняго—и Липочка, видя, что ей придется принять не въ шутку это приказаніе, отправилась къ двери, но, выходя, присѣла такъ забавно, что даже гнѣвная гонительница ея не могла удержаться отъ улыбки.

— Что это за бѣсенокъ! сказала она, когда Липочка вышла.— Нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, глядя на ея проказы; а между-тѣмъ, это такой *шкандадь*, что она передразниваетъ всѣхъ на свѣтѣ и даже такого почтеннаго и прекраснаго человѣка, какъ Петръ Иванычъ. Запрети ей, другъ мой, передразнивать Петра Иваныча. Какъ она смѣетъ смѣяться надъ Петромъ Иванычемъ? Слышишь, ВѢрочка?

— Слышу, тётенька.

— Ну, то-то: пожалуйста. Я давно собиралась поговорить съ тобою о Петръ Иванычъ, продолжала сердитая посѣтительница, усаживаясь въ кресла и стараясь успокоиться.—Сядь сюда, Вѣра, мой другъ. Я сегодня чувствую себя въ большой способности къ разговору. Къ-тому же, я придумала употребить тебя въ-отношеніи одного самаго деликатнаго обстоятельства... Скажи мнѣ, что ты скажешь о Петръ Иванычъ?..

— Что же, тётенька, я могу сказать о немъ, кромя того, что нахожу его хорошимъ человѣкомъ. .

— Не правда ли, онъ очень-прекрасный человѣкъ? Красивый мужчина, ловкій, добродѣтельный, почти ничего не пьетъ и пре-услужливый!.. Правда ли, Вѣрочка?

— Совершенная правда, тётенька.

— А какой хозяинъ! живетъ отъ полутороста душъ такъ, что можно подумать отъ пятисотъ; оранжерей своя, лошади не хуже чѣмъ въ каретѣ у Марѣы Никитищны; суконную фабрику хочетъ заводить... Молодецъ вѣдь... а? Не правда ли, Вѣрочка?

— Правда...

— Женихъ хоть куда?..

— Женихъ?!.. Что вы хотите сказать, тётенька?

— А то, моя милая, что по его отношенію въ разговорѣ и въ обращеніи... даетъ мнѣ поводъ... который ясно говорить, что онъ имѣетъ нѣкоторые виды...

— Виды?... Какіе же это виды?..

— Въ двадцать лѣтъ, кажется, пора догадываться какіе...

— Не-уже-ли? Вы думаете?..

— Ты слишкомъ-проста, Вѣра; такъ ты этого не замѣтила?

— Я?... нисколько... ни тѣни. Но вы вѣрно обманулись, тётенька.

— Ты ничего не замѣчаешь, возразила тѣтушка, по-видимому смущенная этимъ отвѣтомъ: — ты не видишь, что у тебя дѣлается подъ носомъ, ни на что не обращаешь вниманія. Между-тѣмъ, какъ это ясное днѣ, что Петръ Иванычъ не даромъ навѣщаетъ насъ такъ усердно каждый день.

— Мнѣ казалось, что онъ это дѣлаетъ просто отъ скуки.

— Не думаешь ли ты, что его очень забавляетъ твой угрюмый и капризный папаша, который безпрестанно отпускаетъ ему разныя глупости и грубости.

— Но вѣдь здѣсь не одинъ папаша.

— Если вы изволите принимать его посѣщенія на свой счетъ, то позвольте васъ поздравить, что вы очень ошибаетесь; относительно тебя, конечно, никто ничего не увидалъ бы особеннаго: Петръ Иванычъ любезничаетъ съ тобою точно столько же, сколько съ Липочкою.

— О, слава Богу! сказала Вѣра, облегчивъ грудь тяжелымъ вздохомъ и развеселившись. — Вы можете быть увѣрены, тётень-

ка, что я нисколько не принимаю на свой счет посѣщеній Петра Ивановича; я, напротивъ, испугалась, подумавъ сначала, что вы на это намекаете... Право, мнѣ такъ показалось съ вашихъ словъ; но теперь я понимаю... теперь я вижу, что... слава Богу, я ошиблась...

— Ты можешь ошибаться и славить Бога, сколько тебѣ угодно, возразила тѣтенька, вставая съ явною досадою. — Я вижу, что ты и въ двадцать лѣтъ слишкомъ такъ же слѣпа и безтолкова, какъ была десять лѣтъ тому назадъ...

ВѢра, въ-самомъ-дѣлѣ принявшая—было на свой счетъ намеки своей прозорливой тѣтушки, подтверждавшіе ея мутныя предчувствія, была такъ рада счастливому обороту разговора, что не хотѣла оставлять добрую вѣстницу въ дурномъ расположеніи духа, и притомъ желала совершенно удостовѣриться въ основательности ея догадокъ.

— Вы за дѣло меня браните, тѣтенька, сказала она:—какъ не замѣтить этого? Теперь, когда я хорошенько припомню...

— Не правда ли? спросила тѣтушка, усаживаясь вновь съ торжествующимъ видомъ:—припомни, обдумай хорошенько; ты увидишь, что изъ каждаго шага его, изъ каждаго его слова видно, что все не просто... Да, впрочемъ, что жъ такое!.. я могу тебѣ признаться, что съ годъ тому назадъ, онъ просто—на—просто *подвѣзжал* ко мнѣ... Но я, разумѣется... дала ему почувствовать, что онъ очень ошибается...

— Ошибается! вы ему отказали? воскликнула ВѢра съ новымъ опасеніемъ.

— Какая ты безтолковая! Я говорю тебѣ, что онъ *подвѣзжал* ко мнѣ съ *объясненіемъ*. Понимаешь?

— Не могу никакъ понять...

— Ты просто притворяешься. Какъ? до-сихъ-поръ не понимать, что значитъ *объясненіе мужчины*! Ты, кажется, живешь со мною болѣе пяти лѣтъ.

Это наивное истолкованіе заставило покраснѣть ВѢру. Видно было, что она вспомнила уроки тѣтушки, относительно разныхъ потребностей, входящихъ въ *объясненіе мужчины*, и что уроки эти были довольно-ясны.

— Не-уже-ли же онъ осмѣлился?.. воскликнула она съ негодованіемъ.

— Прошу, чтобы это осталось между нами. Да, онъ изволилъ-было пуститься со мною въ нѣжности, но я знаешь, какъ приняла его! Здѣсь тѣтушка обнаружила—было нѣкоторое смущеніе; но скоро оправилась и продолжала:

— Теперь ты видишь, что мои догадки не воздушные замки. До-сихъ-поръ Петръ Ивановичъ не изволитъ предпринимать ничего положительнаго, и мнѣ надоѣла такая медленность. Надобно его подвинуть, и я надѣюсь, что ты не откажешься мнѣ въ этомъ помочь.

— Я?

— Да, ты!

— Какимъ же образомъ?

— Очень-простымъ, я научу тебя, что говорить и дѣлать.

Вѣра задумалась при этомъ предложеніи.

— Тѣтенка, душенька! сказала она черезъ нѣсколько минутъ:— вы не разсердитесь за то, о чемъ я васъ спрошу?

— Что еще такое?

— Вы съ своей стороны намѣрены выйти за Петра Ивановича... разумѣется, если онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе?

— Безъ сомнѣнія.

— Послѣ того, что вы сейчасъ разсказывали!...

— Что жь тутъ удивительнаго!.. Ты забавна, милый другъ, съ своими уморительными вопросами. Я вижу въ Петрѣ Ивановичѣ совершенно выгодную партію. Пора тебѣ понимать эти вещи.

— Нѣтъ, я до-сихъ-поръ еще ясно не понимаю. Вы знаете, какъ я мало видѣла свѣтъ. Лучше сказать, совсѣмъ его не знаю и не видала. А между тѣмъ, что я читала и тѣмъ, что слышу и вижу здѣсь кругомъ себя, такая страшная разница, что не могу хорошенько объяснить себѣ всѣхъ этихъ соображеній и побужденій женитьбы и замужства. По моимъ понятіямъ, это должно такъ дѣлаться: мужчина и дѣвушка совершенно сходятся въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ чувствахъ; это образуетъ между ними симпатическое сочувствіе, потомъ любовь, т. е. безпредѣльную дружбу и совершенно-естественное желаніе не разлучаться другъ съ другомъ. Для этого они женятся, звѣсивъ, конечно, напередъ возможность такого соединенія и...

— Перестань, сдѣлай милость, ты уморишь меня со смѣху. Ты разсуждаешь точно Липочка... тебѣ пора знать эту грамоту...

Шумъ отворившихся дверей прервалъ философическое разсужденіе молодой вдовы. На сцену явились два новыя лица: горничная Вѣры и старуха, ея няня, а сзади ихъ Липочка. Шалунья разозлилась, что гнѣвъ тѣтушки долженъ уже былъ успокоиться и рѣшилась возвратиться изъ изгнанія. Она съ самымъ смиреннымъ видомъ подошла къ Вѣрѣ и помѣстилась воулѣ нея; горничная начала готовить разныя принадлежности туалета Вѣры, а няня, поцаловавъ ручку своей барышни, стала сзади стула. Тѣтушка была, по-видимому, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; она не обратила вниманія на самовольное возвращеніе Липочки и обернулась къ нянѣ съ благосклонною улыбкою.

— Подлюбайся на свою питомицу, Андревна, сказала она ей.— Послушай, какъ разсуждаетъ она о замужствѣ... Нѣтъ, мой милый другъ Вѣрочка, твои прекрасныя разсужденія ни къ чему не годятся. Ты точно такъ же толкуешь объ этомъ, какъ покойница княжна Варвара Александровна, моя пріятельница. Она, бывало, точнехонько также разсказываетъ мнѣ, что въ бракѣ нужны любовь, чувства и такъ далѣе. Все это очень-хорошо, безъ

сомнѣнія, тамъ, гдѣ это *можетъ быть*; но позвольте васъ спросить, какъ это здѣсь, у насъ, на-прим., въ Р—мъ-Уздѣ, вы сдѣлаете такую партію? Тебѣ извѣстны всѣ здѣшніе женихи. Въ которомъ изъ нихъ нашла бы ты это нѣжное сочувствіе? Котораго изъ нихъ можно полюбить на цѣлую жизнь? Кто изъ нихъ понимаетъ въ этомъ что-нибудь? Нутка, скажи.

— Никто, тѣтенька. По моему мнѣнію...

— Видишь ли, ты сама знаешь это. Что могутъ чувствовать и понимать эти люди, которыхъ жизнь проходитъ за картами, за бутылками, въ конюшнѣ, въ отъѣзжемъ полѣ и въ дѣвичьей, которымъ нѣтъ никакой надобности въ порядочныхъ женщинахъ. Мы, на-примѣръ, стѣсняемъ ихъ своею деликатностью, тогда-какъ они съ ребячества привыкли къ простору и свободѣ въ любви и ласкахъ женщинъ... Естественно, они только и видятъ, только и ищутъ въ женщѣбѣ одно — приданое; а насъ берутъ съ нимъ, какъ необходимое бремя.

— Послѣ этого, тѣтенька, зачѣмъ же выходить замужъ?

— Зачѣмъ? А зачѣмъ, мой милый другъ, что намъ, женщинамъ, такъ же необходимы мужчины, т. е. мужья, какъ имъ, мужчинамъ, необходимы женщины... Что дѣлать! таковъ законъ природы... Глупыя вѣтренницы не понимаютъ этого и гонятся за мундирами и усиками, кружатъ головы и сами закруживаются; а благоразумныя невѣсты прежде всего должны позаботиться, чтобъ женихъ былъ молодецъ собою, красивый мужчина... потому, чтобъ онъ имѣлъ состояніе... такъ ли, няня?

— Вѣстимо, сударыня, Ненила Григорьевна, отвѣчала старуха.— Вѣра Николавна сама, Богъ съ нею, кровь съ молокомъ. Ей надо мужа молодца. Плохое житье будетъ ей, бѣдняжкѣ, коли навяжется такой шедушный, прости Господи, какъ вонъ Симеонъ Миронычъ, который туда же за людьми тянется.... прости Господи согрѣшеніе! Сохрани ее, милосердый Владыка!..

— Ужъ нашла кого, нянюшка, въ примѣръ представить, перебила горничная.—И съ какой это стати пойдетъ барышня за такого хуляка? Она и за Петра Иваныча такъ не подумаетъ.

— Ты не должна вѣшиваться въ разговоры, когда тебя не спрашиваютъ, крикнула сердито Ненила Григорьевна.

— Отчаде же это не пойдти за Петра Иваныча? возразила няня:—баринъ хорошій, смотри какой здоровый, крѣпкій. Не велика бѣда, что ему за тридцать. Нынѣшніе молокососы въ тысячу разъ хуже; состарѣлись всѣ прежде времени; а онъ такой степенный. Я ужъ досконально провѣдала, что у него была всего на все одна ключница, да и та померла, вотъ недѣли три, што ли, тому,—и баринъ съ достаткомъ. Я ономясь ходила въ его усадьбу, къ Кузминычѣ, а онъ увидалъ меня, да и зазвалъ къ себѣ: такъ посмотритко ты, въ домъ-то у него любо глядѣть, не то, что у насъ... И не узнаешь, матушка, Ненила Григорьевна, какъ онъ старый нашъ домъ-то обдѣлалъ. Снаружи тѣсомъ обилъ, выкрасилъ, стекла какія нѣ-

што вставилъ синія, да такія разноцвѣтныя; полы словно лакомъ покрыты; въ гостиной и въ кабинетъ пѣбелъ все краснаго дерева, штофная; стѣны бумагою такою знатною облѣплены. А ужъ въ кабинетѣ—то у него што за диковинки, такъ ужъ сказать, что диковины; я нигдѣ отродясь не видывала такихъ... труба, знаешь, какая-то мѣдная, большущая такая... да и всякихъ разныхъ—то разностей столько, что глаза разбѣгутся, а ужъ не то, что пересказать. И такой онъ, мать моя, ласковій, все мнѣ самъ показывалъ... Добро, сударыня моя, Вѣра Николавна; ништо, Петръ Ивановичъ женихъ хоть куда.

Ненила Григорьевна была на селъмомъ пѣбѣ.

— Лѣгко ли женихъ какой, лысый этакій! ворчала сквозь зубы Таня, горничная.

— Нешто развѣ не больно чиновенъ онъ только... продолжала няня. — Какой на немъ чинъ-то, сударыня? мудреный какой-то, Господь его знаетъ.

— А ужасно нужна здѣсь у насъ чиновность, возразила поспѣшно Ненила Григорьевна.—Вонъ, Максимъ Нестерычъ генералъ; ну, что жъ изъ этого? Такой же дворянинъ какъ и мы; сосѣди уважаютъ его ни чуть не больше, чѣмъ Петра Ивановича. На выборахъ шаръ у него такой же. У губернатора приѣмъ одиначій. Только «ваше превосходительство», вмѣсто «Петръ Ивановичъ»—велика фигура! Исправникъ точно также къ Петру Ивановичу относится съ почтеніемъ, потому—что предводитель и дворянство подерживаютъ... Лѣгко ли важность, чинъ!

— Нешто, мать моя; да вѣдь я золотой моей Вѣрѣ Николавиѣ не епаральшею желаю быть, а графинею, либо княгинею...

— Мало бы чего нѣтъ... Оно бы, конечно, другое дѣло, родовое—невывуженное... впрочемъ, есть вѣдь и княгини такія, что помилуй Господи! Вонъ сосѣдка наша Афимя Клементьевна стоить нѣчего.

— Истинная правда, сударыня моя, про Афимя Клементьевну, что ея за княжество, такъ, горемычное... Надобно ужъ точно сказать, что нонича деньги дороже всего на свѣтѣ...

Въ это время раздался отдаленный звукъ церковнаго колокола.

— А! такъ вотъ еще только благовѣсть къ поздней обѣдѣ, сказала Ненила Григорьевна, вставая.—Я вѣрно обслужалась, вѣрно тогда благовѣстили къ «достойной» ранней обѣдѣ. Одижайся, Вѣрочка...

Съ этими словами Ненила Григорьевна вышла изъ комнаты, и Вѣра начала свой туалетъ.

— А что же вы, Вѣра Николавна, обѣщались рассказать сонъ свой, сказала Липочка.

— Да, да, теперъ кстати здѣсь няня... Послушай, няня, что я видѣла во снѣ сегодня. Стою будто бы я въ церкви, и Петръ Ивановичъ рядомъ со мною...

— Что это, барышня! перервала Тая:—поилюй Господи! неужь-то, въ-самомъ-дѣлѣ...

— Вы съ нимъ вѣнчались, душенька? спросила Липочка.—Фи! что вы это...

— Шалушня, ты-то за что это такъ не жалуешь любезнаго Петра Иваныча?

— Ну, ужь онъ такой!.. возразила Липочка съ уморительною гримасою.—Полноте, Вѣрочка; будто вы въ-самомъ-дѣлѣ съ нимъ вѣнчались?

— Вы шутите, барышня? спросила опять Тая.

— Нисколько не шучу. Слушайте и не перебивайте меня. Стоимъ будто мы въ церкви, и тамъ какъ-будто темно и душно, и на крылосѣ поютъ что-то унылое, грустное; я никакъ не могла разобрать что такое. Вдругъ является покойница—маменька блѣдная, худая и печальная.

Няня перекрестилась.

— Царство ей небесное! это къ морозу, матушка.

— «За что вы преслѣдуете мою бѣдную Вѣру?» сказала маменька, обращаясь къ Петру Иванычу.—Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я обратилась тоже, и вообрази, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ онъ, вижу какого-то высокаго, сѣдаго старика, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ.

— Сѣраго старика? воскликнула няня съ изумленіемъ и какъ-будто съ испугомъ.

— Кто же это такой, душенька? спросила Липочка.

— Я никогда не видала его.

— Ты, матушка, видѣла во снѣ сѣраго старика? опять спросила няня.

— Да, няня, и этотъ старикъ отвѣчалъ маменькѣ: «Она сама зоветъ меня».—Вѣра зоветъ васъ! воскликнула съ изумленіемъ маменька: — это неправда. Богъ и безъ того далъ ей грустную долю, и такъ она до-сихъ-поръ, бѣдное дитя мое, еще не знала тѣни счастья; ей ли звать васъ! «Послушай ея мечты», сказалъ старикъ. «Я ихъ слышалъ и исполню».—Ты можешь представить себѣ, Липочка, что я ничего не понимала изъ этого разговора и не могла никакъ догадаться, о какихъ это мечтахъ говорить старикъ, о мечтахъ, которыми я будто бы звала его; но, не смотря на то, отъ его словъ, въ которыхъ слышалась страшная иронія и какая-то темная угроза, грудь мою стѣснила безотчетная тоска, тяжелое чувство, какого я еще никогда не испытала. Знаешь, Липочка, какъ во снѣ бываютъ сильны всѣ ощущенія. Я взглянула на маменьку и въ глазахъ ея увидѣла также грусть невыразимую.—«Такъ это неизбежно?» спросила она старика. Онъ поднялъ руку. Въ эту минуту все кругомъ меня пришло въ движеніе, и странною, упонительною тревогою забилось мое сердце, и какъ-будто это неяснѣе волненіе разлилось во мнѣ сладкою влагою, быстро наводило глаза, и дивный свѣтъ полилъ изъ нихъ струями; но

это былъ не свѣтъ... а чудная стихія, слитая изъ свѣта, ароматовъ и гармоніи. Въ ея волненіи, тревожномъ, но сладостномъ выше всякаго описанія, былъ цѣлый міръ видѣній; на меня повѣяло прохладой лѣтняго вечера, и мнѣ видѣлся серебристый, яркій, чистый блескъ души, какъ зѣрна золота на кристалльныхъ нитяхъ каскада, то въ борьбѣ, то въ гармоніи съ ихъ звонкимъ журчаньемъ, среди благоуханій, среди дивныхъ звуковъ музыки... и сквозь слезу, которую эта гармонія вызвала на мою рѣсницу, я какъ-будто увидѣла вѣ себя свою душу, какъ-будто мысли и чувства мои неслись передо мною... то вереницею прозрачныхъ облаковъ, то группами играющихъ звѣздъ, то пышными фестонами роскошныхъ цвѣтовъ. Подъ волшебною силою этой гармоніи все существо мое слилось съ радужною стихіею; на крыльяхъ вѣтра я неслась куда-то... туда, въ безпредѣльность, къ далекимъ звѣздочкамъ, и сердце было полно упоеніемъ, проникнутымъ тоскою, восторгомъ, отравленнымъ горькими слезами: ощущеніе невыразимое, которое уносить туда, въ высь недоступную, не отрывая отъ земли, гдѣ оно стелеть по цвѣтамъ, увлекаетъ по теченію струй. Оз еслибъ одинъ часъ... только одинъ часъ испытать наяву такое блаженство! Среди радужныхъ переливовъ, тусклый и блѣдный, едва видѣлся призракъ маменьки. Она указала мнѣ рукою на то мѣсто, гдѣ стоялъ старикъ и чуть слышала я невнятное «молись». Я взглянула туда, гдѣ былъ старикъ, и что же я увидѣла, Липочка?.. На мѣстѣ старика стоялъ... въ эту минуту еще раздавался въ ушахъ моихъ «молись»; но я бросилась къ нему и...

Щеки раскрасицы вспыхнули яркимъ румянцемъ. Нѣсколько секундъ она молчала. По выраженію глазъ ея видно было, что въ это мгновеніе ея роскошныя видѣнія снова пронеслись передъ нею.

— Тутъ мнѣ показалось опять, будто страшный старикъ наклонилъ свою безобразную голову къ нашимъ лицамъ; но это была ты, Липочка; это ты поцаловала меня?..

— Ну, какой сонъ, душенька! воскликнула Липочка, которая, вмѣстѣ съ няней и горничной, слушала разсказъ Вѣры, не переводя дыханія.—Что это онъ значитъ такое, няня? Не-уже-ли только къ морозу и ничего больше?

— Къ морозу!.. выдумала, старая, возразила Таня.—Посмотрите, барышня, что вамъ быть скоро замужемъ; вотъ помяните мое слово.

— Много ты смыслишь, болтуня, прости, Господи, согрѣшеніе! перебила няня.

— Да, ты вотъ разсказала безподобно! Вишь, къ морозу! Этакія странности, да къ морозу... велика важность морозъ, чтобъ къ нему видѣть такіе сны... Поди ты съ своими вздорами.

— Полно трещать-то, долготычичная, прости, Господи; вѣстимо, покойница видѣть значитъ къ морозу... Не бойсь, ты спорить станешь... Ну-тка.

— Полноте, перебила ВѢра:—расскажи мнѣ, няня, что же такое значить мой сонъ.

— Не слушайте ея, барышня: она ничего не смыслитъ.

— Ты больше знаешь, возразила разсерженная старуха.

— Ахъ, какія вы скучныя! Оставь ее, няня, я отвѣчай мнѣ.

— Не знаю, матушка... ужь больно что-то мудренъ... сонъ-то твой! Я вотъ ужотка схожу къ Еремевнѣ: она всѣ на свѣтѣ сны разгадываетъ.

— Вотъ еще съ вѣдьмою, съ колдуньей связываться! возразила опять Таня. — Она какъ ворона всегда только бѣду предсказываетъ.

— Что вы такъ задумались, душенька? спросила Липочка, глядя съ участіемъ на ВѢру, фizioномія которой вдругъ отуманилась.

— Я вспомнида, Липочка, что я проснулась съ испугомъ, похожимъ на предчувствіе. Въ этомъ снѣ должно быть что-нибудь не просто. Подумай, откуда взялись въ душѣ моей ощущенія, которыхъ я никогда не знавала... И если можно чувствовать здѣсь на землѣ то, что я чувствовала тамъ, въ мірѣ видѣній, то въ жизни есть минуты невъяснимаго блаженства...

— И, однакожь, злой старикъ далъ вамъ это блаженство, какъ-будто въ наказаніе...

— Да, я объ этомъ-то и думаю. Съ какимъ выраженіемъ маленька сказала мнѣ «молись», какъ-будто мнѣ грозитъ бѣда... Но пускай придетъ эта бѣда, пускай она обрушится надо мною, только бы пожить такимъ чувствомъ... только бы узнать подобное счастье. Безчувственное, холодное существованіе, которое было суждено мнѣ доселѣ, нестерпимо...

— Вотъ вѣрно эти-то мечты подслушалъ старикъ, воскликнула Липочка:—да развѣ вы зовете ими его, гадкаго!

— Что же въ нихъ виновнаго, или грѣшнаго, въ этихъ мечтахъ? Какъ-будто отъ меня зависитъ мечтать такъ, или иначе! Зачѣмъ эти думы родятся въ душѣ моей? Я не зову ихъ... Помню: я была еще ребенкомъ, и глядя на цвѣты, которые растутъ тамъ на Короткомъ-Лугу возлѣ рѣчки, всегда думала съ грустью: зачѣмъ они брошены рукою природы въ этомъ глухомъ уединеніи, гдѣ никто никогда не наслаждается ими? И всегда я ходила срывать ихъ, въ убѣжденіи, что имъ лучше умереть здѣсь у меня и для меня, чѣмъ жить тамъ, не услаждая никого. Виновата ли я, что и послѣ, когда стала сознавать себя, я стала думать, что душѣ моей дано столько чувства, столько энергии не для того, конечно, чтобъ мнѣ, подобно этимъ цвѣтамъ, только глядѣть на солнце и пить росу небесную... Зачѣмъ же во мнѣ эта потребность любить и быть любимою, когда судьба отняла у меня мать почти при самомъ рожденіи; отецъ мой едва замѣчаетъ, что я существую на свѣтѣ... брата я видѣла не болѣе сорока дней во всю свою жизнь. Мы совершенно чужію другъ съ

другомъ... для дѣтушки я меньше значу, чѣмъ ея отвратительная Бибицка... И вотъ, все мнѣ близкое...

На глазахъ Вѣры навернулись слезы.

— Между тѣмъ, какъ я хотѣла бы любить ихъ такъ горячо и много. Я готова бы отдать свою жизнь, чтобъ показать имъ это; но какъ? чѣмъ? они ничего не видятъ, не хотѣть ничего видѣть... Моя любовь ни на что не нужна имъ... Въ минуты печальныхъ, грустныхъ думъ моихъ, мнѣ кажется иногда, что въ этомъ мирѣ есть существо лучшее, выше меня; оно знаетъ и слышитъ тоску мою и сострадаетъ мнѣ такъ, какъ я, видѣвъ бѣдные полевые цвѣточки, сострадаю ихъ жалкой участи. Зачѣмъ же не поступить оно такъ со мною, какъ дѣлала я съ этими бѣдными цвѣтами?...

— И, барышня, Богъ милостивъ! Вотъ посмотрите, какъ сонъ въ руку: явится вамъ женихъ умный, богатый и знатный. Полноте горевать, сказала Таня, окончивъ туалетъ своей барышни: — тогда всю вашу грусть какъ рукой сниметъ.

Ненила Григорьевна вошла опять, совершенно одѣтая, въ шляпкѣ съ вуалью и окруженная атмосферою ароматовъ *А. Б. Мусатовъ*. Она съ строгимъ вниманіемъ осмотрѣла Вѣру со всѣхъ сторонъ и осталась совершенно-довольна ея туалетомъ. Вѣра, видя тѣтку въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, вздумала имъ воспользоваться.

— Тѣтенка, сказала она: — утро сегодня чудесное, пойдемте пѣшкомъ къ обѣднѣ.

— Фи, Вѣрочка, что за вздоръ, къ какой это стати? кто ходитъ пѣшкомъ въ церковь? Подумаютъ, что у насъ нѣтъ экипажа.

— Кто же подумаетъ, тѣтенка? Въ нашей церкви вѣдь никогда никого не бываетъ, кромѣ крестьянъ; а они всѣ знаютъ, что у насъ есть эта интересная машина неопредѣленнаго цвѣта, которую вы съ такою благосклонностью всегда называете экипажемъ. Притомъ, отсюда до села только два шага.

— Я, мой другъ, семь лѣтъ жила въ губернскомъ городѣ, сказала съ достоинствомъ Ненила Григорьевна. — Тамъ церкви еще ближе, и все-таки тамъ ни одна порядочная дама, у которой есть экипажъ, не ходитъ пѣшкомъ къ обѣднѣ.

Противъ такого всепобѣждающаго аргумента, Вѣра, привыкшая къ безусловному повиновенію, не находила никакихъ приличныхъ возраженій: она поспѣшила надѣть шляпку. Таня накинула на нее ватный салопъ, и обѣ дамы, перекрестившись три раза, отправились въ сопровожденіи няни и горничной по лѣстницѣ мезонина, въ которомъ помѣщались ихъ комнаты.

У чернаго крыльца ихъ ожидалъ, запряженный четверкою, экипажъ, который Вѣра называла машиною неопредѣленнаго цвѣта. Дѣйствительно, по вышинѣ и громадной сложности этого локомотива, его скорѣе можно было принять за какой-нибудь механический снарядъ, чѣмъ за коляску, которой онъ носилъ названіе.

Тому, кто не видалъ подобныхъ замѣчательныхъ произведеній нашихъ уѣздныхъ доморощенныхъ художниковъ прошлаго столѣтiя, трудно составить себѣ понятiе о его формѣ, соединявшей въ себѣ всѣ удобства тарантаса и обыкновеннаго рессорнаго экипажа. Въ его конструкциі замысловатое русское досужество такъ искусно соединило вѣковую прочность съ удобствомъ, привольемъ и просторомъ, что вы, разсматривая его непостижимыя подробности, въ изумленіи не знаете, чему отдать преимущество: гениальности ли смѣлыхъ соображеній, соединившихъ въ такое дивное цѣлое эти массы дерева, желѣза и кожи, или волѣ того, кто вызвалъ гений художника къ созданію этого неизмѣримаго двигателя!

Съ помощію лакея и горничной, Ненила Григорьевна и Вѣра благополучно достигли вершины безконечной подножки, которую мощная рука лакея развернула передъ ними; дверцы хлопнули съ такимъ же шумомъ, съ какимъ были открыты; подножка поднята, и экипажъ двинулся.

Въ то время, когда мои путешественницы, напутствуемая молитвами и благословеніями старой няни, пробѣжали рѣшетчатыя ворота и поворачивали налево, въ полуверстѣ съ правой стороны по дорогѣ, лежавшей изъ сосѣднихъ селеній, четверка вороныхъ быстро несла къ дому коляску обыкновенной формы. Вѣра первая увидѣла ее.

— Посмотрите, тѣтенка, вѣдь это Петръ Ивановичъ, сказала она:—что это значить, такъ рано? Папаша спитъ еще.

— Да, да, это онъ, это Петръ Ивановичъ! воскликнула Ненила Григорьевна, и лицо ея выразило страшную душевную тревогу.— Ахъ, мой Творецъ! что это значить? чѣмъ свѣтъ и несется, какъ сумасшедшій. Вѣрно что-нибудь случилось... Постой, Филиппъ... ради самого Бога, остановись (кучеръ остановилъ лошадей). Скажите, пожалуйста, чѣмъ свѣтъ!.. Непремѣнно что-нибудь случилось. Не даромъ сегодня поутру у меня было такое волненіе въ нервахъ... Ахъ, мой другъ, Вѣрочка, вотъ тебѣ и обѣдня! Боже мой, какое положеніе!

— Сашка, ты ничего не слыхалъ?

Этотъ вопросъ обращался къ лакею, который въ своей ливреѣ изъ толстаго сняго сукна, съ краснымъ откиднымъ воротникомъ, обшитомъ позументами, въ круглой кожаной шляпѣ съ гребешкомъ, совершенно скрылся за безпредѣльнымъ откиднымъ верхомъ коляски.

— Ничего не слыхалъ, сударыня, закричалъ изъ своего убѣжища Сашка, который глядѣлъ выпуча глаза на приближающуюся коляску и вполне раздѣлялъ изумленіе Ненилы Григорьевны. — Посмотри-тка, какъ его нелегкая несетъ. Словно нечистая сила за нимъ гонится.

— И ты, Филиппъ, ничего не слыхалъ? спросила Ненила Григорьевна кучера.

— Ничего не слыхалъ, сударыня, отвѣчалъ Филиппъ.—Чему къ

черту случиться! Съ жару, чай, бѣсится, ворчалъ онъ подъ носъ: — видишь ты гонять; благо свои животы—то, сердечные.

— Каково, Вѣрочка! никто ничего не слыхалъ, воскликнула Ненила Григорьевна.— Непремѣнно что-нибудь случилось. Ахъ, Творецъ мой! да подѣдетъ ли онъ когда-нибудь!..

Черезъ нѣсколько секундъ, коляска, предметъ безпокойныхъ ожиданій, была въ пятидесяти шагахъ. Ненила Григорьевна не могла долѣе выдерживать.

— Петръ Иванычъ! Бога ради! закричала она изо всей силы:— повторите скорѣе, что случилось?..

Кучеръ Петра Ивановича, видѣвшій издали, что дамы находились въ ожиданіи, остановилъ лошадей, а самъ Петръ Ивановичъ, снявъ фуражку и сбросивъ шинель, поднялся на ноги и вѣжливо раскланялся.

Это былъ мужчина лѣтъ сорока, невысокаго роста, сухощавый, немного—лысый, съ физиономіею монгольскаго типа: въ его быстрыхъ, черныхъ, узенькихъ глазахъ видѣнь былъ умъ, хитрость и упрямство.

— Мое вамъ почтеніе, Ненила Григорьевна, сказалъ онъ сладкимъ голосомъ: — съ добрымъ утромъ, Вѣра Николаевна; честь мнѣю васъ поздравить съ праздникомъ. Какъ ваше здоровье? Сегодня превосходная погода!

— Да скажите же скорѣе, что у васъ такое случилось... Творецъ мой! дождусь ли я отвѣта?.. Вы умертвите меня!

— Васъ умертвить! Убей меня Богъ!.. Что вы это говорите?

— Ахъ, какое мученье!.. что у васъ случилось? спрашиваю я... Умилосердитесь, скажите мнѣ скорѣе...

— Что у меня случилось?..

— Да, да, Бога ради поскорѣе... Не мучьте; что такое случилось?..

— Гм... что у меня случилось? Покуда еще ровно ничего... А, можетъ—быть, случится...

— Вы меня ужасаете... Какъ случится? Что такое случится?..

— Да—съ, я надѣюсь, что случится, и не далѣе, какъ сегодня...

— Стало—быть, что-нибудь пріятное?..

— Весьма и весьма—пріятное можетъ случиться.

— Уфъ... слава Богу... Вы меня до смерти перепугали.

— Скажите!!

— Я думала, Богъ—знаетъ какіе ужасы случились; мы съ Вѣрочкой такъ и ахнули...

— Совсѣмъ напротивъ, сударыня. — Вы къ обѣднѣ изволите ѣхать?

— Точно такъ—съ.

— Усердно прошу помолиться за меня.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Фу! какъ вы меня испугали. Пошелъ, Филиппъ... До пріятнаго свиданія, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ снова вѣжливо раскланялся, надѣвъ фуражку,

которую онъ держалъ въ рукахъ во все время разговора, и сѣлъ на свое мѣсто. Коляски развѣхались. Петръ Ивановичъ отправился къ крыльцу.

— Какъ ты думаешь, Вѣра? спросила Ненила Григорьевна племянницу, когда онѣ отвѣхали на такое разстояніе, что Петръ Ивановичъ не могъ слышать ихъ разговора.

— О чемъ, тѣтенька?

— Ну, объ этомъ происшествіи.

— Я не знаю, что думать.

— И я тоже. Что онъ такое толковалъ?.. Я ничего не поняла. И ты тоже?

— И я тоже, тѣтенька.

— Чудеса, да и только... Это не даромъ: воля твоя...

— Ай, ай, Филиппъ!.. тише, ради самого Бога... тише... Куда ты ѣдешь? Ай, ай, ай, ты насъ опрокинулъ...

— Смотрите знайте, сударыня, отвѣчалъ Филиппъ лаконически и сурово.

Крикъ Ненилы Григорьевны произошелъ отъ - того, что лѣвое заднее колесо коляски вѣхало на маленькій бугорокъ (на который оно вѣхало каждое воскресенье и каждый праздникъ) и коляска едва замѣтно наклонилась на правую сторону.

— Замѣтила ты, Вѣра, продолжала Ненила Григорьевна:—какъ онъ разодѣтъ сегодня. Я его такъ никогда, кажется, не видала... Бѣлый галстухъ и бѣлая жилетка, пике... ердоликовая булавка съ золотою цѣпочкою, синій фракъ съ свѣтлыми пуговицами, который онъ о спажинкахъ привезъ съ ярмарки и даже какая-то новая фуражка,—и какъ раздушенъ, распомаженъ, даже изъ коляски было слышно... Я даю руку на отсѣченіе, что это не даромъ. Какъ ты думаешь, Вѣрочка?

— Вѣроятно, тѣтенька... Я васъ поздравляю...

Ненила Григорьевна показала глазами на кучера, давая знать эту пантомимую о нескромности поздравленія; но въ то же время лицо ея просіяло счастіемъ. —

Между-тѣмъ, какъ дамы мои подъѣзжали къ церкви, у дверей которой стояла толпа мужиковъ въ синихъ кафтанахъ съ красными кушаками, и бабъ, съ маковки до подошвы одѣтыхъ въ красное съ желтымъ, Петръ Ивановичъ остановился у бѣлаго крыльца того же самого дома, откуда сейчасъ только уѣхали мои героини. Когда онъ выходилъ изъ коляски въ грязныя сѣни, наполненныя запахомъ, вовсе-непохожимъ на благоуханіе амбры, какъ говоритъ Донъ-Кихоть, соткнулся съ нимъ носъ-съ-носомъ лакей, во всей наивной преселотѣ ночнаго костюма, босой и съ включенными волосами. Взглянувъ на гостя, онъ протеръ глаза, и, казалось, пришелъ въ недоумѣніе, дѣйствительно ли онъ видитъ того, чья особа была передъ нимъ.

— Что ты, Сергѣй, вынулъ такъ глаза? спросилъ его Петръ Ивановичъ съ благосклонною улыбкою: — знать ты, братъ, вчера хватилъ неосторожно. Не выспался. А пора бы ужъ! — Петръ Ивановичъ вынулъ изъ кармана золотыя часы на золотой цѣпочкѣ. — Семь минутъ девятаго. Это, братецъ мой, не по-деревенски. Ты, кажется, все еще и теперь не узнаешь меня?

— Какъ не узнать, сударь. Да што это вы больно рано изволили пожаловать? Мы здѣсь вотъ уже пятнадцать лѣтъ имѣемъ прожительство, а никто еще не прѣзжалъ никогда въ эту пору.. Все ли у васъ благополучно?

— Все, братецъ, слава Богу; хороша ли твоя встрѣча?

— Моя встрѣча, сударь, самая благожелательная. Съ праздникомъ честь имѣю васъ поздравить.

— Ты, кажется, скоро именинникъ?

— Въ пятницу, сударь.

— На, вотъ тебѣ, братецъ, четвертакъ, выпей за мое здоровье. Сергѣй бросился отворять двери въ прихожую.

— Баринъ еще не вставалъ?

— Никакъ нѣтъ, сударь, еще не изволили звонить.

Петръ Ивановичъ вышелъ въ прихожую и увидѣлъ тамъ другаго лакея, который, сидя на прилавкѣ, совершалъ свой утренній туалетъ. Появленіе гостя произвело въ немъ новидному еще сильнѣйшее недоумѣніе, нежели въ Сергѣѣ, такъ — что онъ съ разинутымъ ртомъ и съ сапогомъ въ рукахъ, сидя неподвижно, глядѣлъ на посѣтителя.

— Встань, разиня! грозно крикнулъ Сергѣй. — Ослѣнь, что ли ты

Петръ Ивановичъ прошелъ во внутренніе покои; черезъ маленькую залу и столовую онъ достигъ до дверей спальни хозяйки и тихонько постучался.

— Какая бестія тамъ возится? воскликнулъ голосъ изъ-за двери.

— Откройте; это я.

— Кто тамъ такой? Кого чортъ принесъ съ-позаванка? продохъ жалъ тотъ же голосъ.

— Я, я, Петръ Ивановичъ.

— Петръ Ивановичъ?

— Да, я, Петръ Ивановичъ.

— Войди, братецъ, — не заперто.

Петръ Ивановичъ отворилъ дверь и вошелъ въ спальню, совершенно соответствовавшую комнатѣ Вѣры.

Тѣ же, ничѣмъ-необитыя, почернѣвшія отъ времени, бревенчатыя стѣны, только повыше. У задней стѣны въ углу прѣстала деревянная, некрашенная кровать, у которой мѣсто занавѣса замѣняетъ пологъ изъ серпянки; возлѣ ея съ одной стороны висѣла модь, совершенно-подобный тому, который находился въ комнатѣ Вѣры; а съ другой — маленькій столикъ, грубо-выкрашенный зеленою масляною краскою, и на столѣ погашенная свѣча, на стр

стоитъ и́двомъ подосѣчникъ, шпильцы и колокольчикъ. Въ переднемъ углу передъ образомъ Николая-Чудотворца въ серебряной ризѣ старинной работы съ жемчужными украшениями и золотымъ вѣнкомъ, теплилась серебряная лампада, подъ которою въ бумажной сѣткѣ висѣло красное яйцо, а подъ нимъ маленькая фигурка изъ писчей бумаги, затѣйливо сложенной и вырѣзанной въ образъ и подобіи птицы миньютюрнаго размѣра. Подъ образомъ помѣщался другой столъ, нѣсколько-побольше перваго, съ ящичками, выкрашенный красною краскою, съ черными разводами, необыкновенно-хорошо выражавшими красное дерево; на этомъ столѣ помѣщались: бритвенный ящикъ, кипа бумагъ, разныя подробности ежедневнаго костюма хозяина, окованный желѣзными полосами старый черный, засаленный сундучокъ и кортоновы сферообразныя часы.

На стѣнѣ, прямо противъ постели, въ рамкѣ, позолоченной безъ большихъ претензій, гордо красовался пергаментъ съ красною печатью, и... каждое утро, просыпаясь, каждый вечеръ, ложась спать, владѣтель этого пергамента, украшеннаго великолѣпнымъ бордюромъ, прочитывалъ, что дворянское депутатское собраніе опредѣлило: Николая Григорьевича Бормотышина и родъ его внести въ родословную дворянскую книгу. Ниже, въ такой же рамкѣ, только гораздо меньшаго размѣра, на другомъ пергаментѣ, также украшенномъ печатью и бордюромъ повѣшено былъ дипломъ Бормотышина на чинъ прапорщика.

Вы легко можете понять, сколько прошедшаго, сколько сладкихъ и утѣшительныхъ воспоминаній воскресало въ сердцѣ Николая Григорьевича, когда взоръ его, спускаясь съ перваго пергамента, падалъ на второй и потомъ тихо и медленно останавливался на висящей подъ нимъ картинкѣ, точно въ такой же рамкѣ, какъ оба пергамента, но еще меньшаго размѣра, и въ которой помѣщалось акварельное, миньютюрное, поясное изображение молодого офицера, въ мундирѣ, съ подписью: «уволенному изъ военной службы подпоручику Николаю Бормотышину. Другъ его Ерастъ Фалтинъ». Вы догадываетесь, что это былъ портретъ Николая Григорьевича, снятый съ него однимъ изъ его товарищей въ послѣдніе дни грустной его разлуки съ поприщемъ Беллоны. Въ этихъ трехъ безмолвныхъ свидѣтеляхъ прошедшаго изображались три важнѣйшія фаза исторіи его жизни.

Продолженіе собранія памятниковъ находилось въ комнатѣ, которую я описалъ въ началѣ разказа, а именно: тотъ масляный портретъ женщины съ розою въ рукахъ досказывалъ, что Николай Григорьевичъ былъ женатъ; особа Вѣры дополняла, что бракъ этотъ не былъ безплоденъ. Еще одинъ эпизодъ этой исторіи не имѣлъ представителей въ двухъ извѣстныхъ уже вамъ комнатахъ: первыиъ плодомъ счастливаго брака Николая Григорьевича былъ сынъ, Грища; его портретъ-лагерротипъ (присланный только за недѣлю до начала моего разказа съ обозомъ изъ Москвы).

находился въ кабинетѣ. Изъ этого подробнаго описанія комнаты, въ которую вошелъ Петръ Ивановичъ, вы видите, что въ ней было много такого, что могло бы обратить вниманіе наблюдателя-философа и служить предметомъ глубокомысленныхъ размышлений.

Въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ убѣжищѣ, гдѣ все дышало наивною простотою прошлыхъ столѣтій, жилъ и уже прожилъ болѣе пятнадцати лѣтъ Николай Григорьевичъ Борметышинъ, имѣющій болѣе шестисотъ душъ обоюга пола и до шестнадцати тысячъ десятинъ земли и лѣсовъ — владѣніе, занимающее болѣе полутораста квадратныхъ верстъ пространства и, слѣдовательно (еслибы всѣ эти земли, разбросанныя по Россіи, соединить въ одно мѣсто), равняющееся значительнѣйшимъ баронствамъ Англіи, Франціи и Германіи...

Но Петръ Ивановичъ вовсе былъ не расположенъ къ философскимъ разсужденіямъ, во-первыхъ, потому-что онъ, при входѣ въ комнату Николая Григорьевича, вовсе не могъ видѣть всѣхъ ея подробностей, такъ-какъ единственное окно, черезъ которое проникалъ въ нее свѣтъ, было закрыто деревянною рамою съ натянутою на ней черною, плотною холстиною, отъ-чего въ комнатѣ царствовала совершенная темнота; во-вторыхъ, онъ видѣлъ эту комнату почти каждый день въ-теченіе пяти слѣшкомъ лѣтъ: стало-быть, она вовсе не могла уже произвести на него, на этотъ разъ, никакого особеннаго впечатлѣнія; въ-третьихъ, практическое направленіе ума не дозволяло ему заниматься открытіемъ тайныхъ причинъ состоянія вещей, которыми онъ любилъ пользоваться такъ, какъ онъ есть, и, въ-четвертыхъ, наконецъ, въ эту минуту онъ былъ слѣшкомъ занятъ предметомъ гораздо-важнѣйшимъ.

II.

ЖЕНИТЬБА.

Чтобы объяснить причину тревожнаго, такъ-сказать, состоянія, въ которомъ находился Петръ Ивановичъ, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Дѣло состояло въ томъ, что Ненила Григорьевна совершенно-угадала истинную причину ежедневныхъ посѣщеній, которыми Петръ Ивановичъ постоянно въ-теченіе пяти лѣтъ удостоивалъ домъ своего сосѣда, Николая Григорьевича. Несется слухи, будто-бы послѣдствія ея объясненія съ обольстительнымъ посетителемъ были вовсе не такъ холодны и суровы, какъ она рассказывала племянницѣ; но я не нахожу достаточнаго основанія признать достоверными эти слухи послѣ ея личнаго отзыва объ этомъ предметѣ. Какъ бы то ни было, дѣла Ненилы Григорьевны

шли такъ хорошо, что въ то же самое утро, когда интересная вдова замыслила планъ серьезной атаки противъ безбрачнаго состоянія моего Довласа-сосѣда, находя сомнительнымъ его къ себѣ расположеніе, Петръ Ивановичъ проснулся часовъ въ пять съ глубокою думою объ этомъ важномъ предметѣ...

На чистомъ, безоблачномъ небѣ едва только занялась розовая заря. Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на часы, надѣлъ туфли, прочелъ свои утреннія молитвы, и отправившись въ кабинетъ, принялся ходить по шемъ взадъ и впередъ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Рѣшено, говорилъ онъ про себя: — Ыду сегодня и покончу всю эту исторію формальнымъ образомъ.

Онъ подошелъ къ окну, отвернулъ его и взглянулъ въ телескопъ, помѣщенный на маленькомъ столикѣ противъ окна.

Домъ Петра Ивановича стоитъ на вершинѣ довольно-высокаго холма; кабинетъ находится въ мезонинѣ, и такъ-какъ домъ Николая Григорьевича построенъ тоже на довольно возвышенной мѣстности и не болѣе какъ въ двухъ верстахъ по прямому направленію (хотя по объѣздной дорогѣ считается до него пять слишкомъ верст), то изъ окна своего Петръ Ивановичъ въ телескопъ видѣлъ все, что дѣлалось на дворѣ его пріятеля. Не смотря на легкій туманъ и невѣрный свѣтъ утра, онъ удостовѣрился, что тамъ все еще было погружено въ мирномъ усыпленіи. Петръ Ивановичъ затворилъ окно и снова началъ прохаживаться.

— Да, надобно жениться на ней, продолжалъ онъ разговаривать самъ съ собою: — чортъ ли такъ! скука смертная одному въ домѣ безъ женщины! Послѣ Маши — царство ей небесное...

Петръ Ивановичъ подошелъ къ столу; медленно открылъ огромную, красивую бумажную табачницу, произведеніе Лукутина, съ тихимъ вздохомъ досталъ оттуда щепотку табаку и энергически втянулъ ее въ одну ноздрю, закрывъ пальцемъ другую, — какъ-будто этимъ процессомъ онъ хотѣлъ дать другой оборотъ мыслямъ и заглушить грустное воспоминаніе.

— Не могу себѣ выбрать ни одной по нраву; какія-то всѣ дубовыя; а я ужъ сдѣлалъ привычку ко всему этакому пріятному, избаловался... Что прикажешь дѣлать? Да (Петръ Ивановичъ шелкнулъ языкомъ), штука, пожалуй, можетъ выйти преглупая... Въ этихъ женщинѣ иногда словно бѣсъ вселяется... А какъ быть... какъ быть, желалъ бы я знать? поди тутъ, рассуждай. Безъ нихъ нельзя! — Петръ Ивановичъ снова почерпнулъ изъ произведенія Лукутина пріемъ свѣжихъ мыслей.

— Впрочемъ, кажется, Ненила Григорьевна добрая баба. Вотъ въдъ ужъ почти пять лѣтъ мы съ нею... знакомы...

Онъ остановился на нѣсколько секундъ передъ зеркаломъ съ самодовольною улыбкою.

— Оно, конечно, до замужства, этихъ милостивыхъ государынь самъ чортъ не раскусить. Притомъ она всѣ мины подводитъ, чтобъ привести дѣло къ концу... Ну, да что жъ такое и въ-самомъ-дѣлѣ?

всѣ на свѣтѣ женятся, не одишь я. Благодаря Бога, я ужь не ре-беночекъ... человекъ съ характеромъ... А вась съумио заставитъ влясать по своей дудочкѣ... Оно бы, на этотъ счетъ, много луч-ше, кабы Вѣрочку... ветъ душа-то, ужь за эту можно голову отвѣтить, что не переищитса... Чудо, что за дѣвушка!.. Истин-ное сокровище!.. Да не пойдетъ, чай! Скажетъ: старъ... Оно-у-ки и жалъ ее. Ей не-такого мужа надобно.

Петръ Ивановичъ обнаружилъ нѣкоторое внутреннее волненіе и, какъ-бы желая побѣдить его, снова подкрѣпилъ себя приномъ табаку.

— Да что это у меня такая за манера думать о несбыточномъ!.. экая дурость! Во-первыхъ, за Вѣрою этотъ старшій уряметъ и даетъ больше тридцати-пяти душъ; а за Ненилой Григорьевно слишкомъ пятьдесятъ: это разница. Потомъ... оно и совѣсти какъ-то. Пять лѣтъ водить, водить, такъ-сказать, за носъ; а вдругъ... Нѣтъ, вздоръ — такъ вздоръ... что тутъ такое въ-о-момъ-дѣлѣ? А вдовушка хотъ нуда; еще, по-моему, красавице Вѣ-ры: глаза черные такъ и жгутъ, женщина полная, разви-ная; а та нѣжешка такая, жимолостная. Притомъ эта хозяй-славная, поешытнѣе, — статья важная. Надобно, чтобъ умѣла по-держатъ то, что я съумѣлъ устроить.

Петръ Ивановичъ съ довольствомъ и гордостію обвѣривъ зару-гомъ себя. Кабинетъ его представлялъ разительную противополож-ность съ описанными мною комнатами Вѣры и Николая Григори-евича. Это была просторная, хотя тоже не слишкомъ-высокая, комната, соединявшая въ себѣ много условій порядка и даже кон-форта.—Стѣны ея, какъ рассказывала Андреевна, были обклеенъ довольно-изящными обоями, купленными съ Москвъ, съ мажорно-петолокъ выштукатуренъ и росписанъ съ нѣкоторыми вкусомъ; и паркетъ настланъ премиленскій коврикъ. Тутъ былъ покойный о-томанъ, два волтеровскія кресла домашней работы, огромный письменный столъ краснаго дерева, покрытый туалетнымъ и др-гимя бездѣлушками, весьма-порядочнаго тона и украшенный, сверх-того, большаю лампою съ матовымъ стекломъ, нѣсколько стульевъ и креселъ краснаго дерева, большое зеркало въ прекрасной рам-ѣ стѣнную часы подъ стекляннымъ колпакомъ, двѣ или три довол-но цѣныя гравюры, обдѣланныя со вкусомъ и наконецъ завѣс-ная вамъ *белюющая*. мѣдная труба, обратившая на себя особен-ное вниманіе Андреевны.

Окинувъ всѣ эти предметы медленнымъ и внимательнымъ вз-ромъ, Петръ Ивановичъ не могъ удержаться отъ небольшого по-рыва тщеславія, весьма-позволительнаго въ его положеніи...

— Да-съ! сказалъ онъ, подождевъ снова къ табачницѣ, помозда-м щелкнуть по ней пальцами:— желаю я знать, многіе ли изъ м-нихъ почтеннѣйшихъ сосѣдей, которые въ-пятеро меня побога-т живутъ такъ прилично... могу даже сказать... роскошно. У всѣхъ почти въ домѣ не лучше, чѣмъ у моего будущаго брата Никола

Григорьевича: ни кресты, ни чистоты, ни порядка... Поживають-себѣ, какъ Манчадалы; имъ и горя нѣтъ, что мы находимся, не милости Божіей, не на Алеутскихъ-Островахъ... А я не могу и не хочу такъ жить. Я хочу жить не-людски. Вѣра вѣкъ живетъ въ грязи; а Ненила Григорьевна семь лѣтъ пролегла въ губерискемъ городѣ... вотъ и эта разнища значительная... Стало-быть, рѣшено... Буду и сватаюсь сегодня: откава быть не можетъ.

Петръ Ивановичъ снова раскрылъ окно, посмогнулъ въ телескопъ и потомъ взглянулъ на часы: стрѣлка показывала 47 минутъ шестаго; онъ дернулъ бронзовую ручку стѣннаго колокольчика нововведеніе, которое Петръ Ивановичъ адикъ въ цѣломъ Р-мъ-Уѣздѣ рѣшился себѣ усвоить). Черезъ пять минутъ явился лакей съ заспанными глазами, но прилично и охотно одѣтый.

Петръ Ивановичъ велѣлъ заложить коляску, одѣлся, какъ вы знаете уже, самымъ шегельскимъ образомъ, перекрестился, сѣлъ въ коляску и велѣлъ везти себя въ село Ванегу, резиденцію Николая Григорьевича. Между резиденціями нашихъ героев протекаетъ извилястая, крутоберегая и быстрая рѣчка, которую нельзя переѣзжать вбродъ по прямому направленію; отъ-чего изъ Архангельскаго, усадьбы Петра Ивановича, дорога въ Ванегу дѣлаетъ большой, какъ говорятъ у насъ, *кромъ*, на деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣчку и на половинѣ пути да-отого моста (значить, верстахъ въ двухъ отъ Архангельскаго надобно подыматься на чрезвычайно крутую гору, на вершинѣ которой красуется деревянный, довольно-большой, украшенный, какъ водится, колоннами и выкрашенный зеленою краскою, помѣщенный домъ, въ которомъ живетъ отставной ротмистръ, графъ Павелъ Сергѣевичъ Верейскій.

Петръ Ивановичъ пробѣжалъ уже нѣсколько шаговъ мимо этого дома подъ горою, какъ вдругъ сзади его, сверху, раздался громкій, сильный голосъ:

— Петръ Иваныч!

Путешественникъ мой оборотился и увидѣлъ у раствореннаго окна графа, который махалъ ему рукою. Петръ Ивановичъ вовсе не рассчитывалъ на перенутья въ такое раннее время, и пантомима графа произвела-было на него сначала неприятное впечатлѣніе; но въ характерѣ его была совершенная готовность на всё препятствія и способность улаживаться съ ними скоро и съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, съ твердымъ упованіемъ, что, можетъ-быть, все устроится потомъ какъ не надобно лучше,—нѣчто въ родѣ непобѣдимаго и неизмѣннаго вѣрованія въ предопредѣленіе, совершенно, однакожь, непохожее на восточный фатализмъ, но превосходно выражающагося знаменитымъ нашимъ «авось». Въ Петрѣ Ивановичѣ это вѣрованіе не было бессознательнымъ и слѣпымъ; оно имѣло въ немъ видъ философскаго убѣжденія, въ послѣдствіи которому, какъ онъ увѣрялъ, доказывая основательность его множествомъ фактовъ, онъ никогда не раскаявался. Digitized by Google

— Фу, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, услышавъ и увидѣвъ печальное приглашеніе. — Да что это за пропасть? Никакъ сегодня всё задумали святаться! За конимъ чорткомъ поднялся онъ сегодня такъ рано? Какъ-будто на смѣхъ!.. Вотъ, прошу васъ, Петръ Ивановичъ съ досадою вынулъ изъ кармана золотую табакерку, и, захвативъ щепоть табака, нѣсколько времени держалъ ее пальцами.

— Петръ Ивановичъ!.. эй, Петръ Ивановичъ! глухой! раздался снова голосъ графа.

— Что жъ ты, не слышишь, что ли, Сенька? крикнулъ Петръ Ивановичъ кучеру, поспѣшно понюхавъ: — пошелъ на дѣво, къ графу.

Сенька поворотилъ лошадей. Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на часы.

— Седьмаго двадцать, сказали онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ. — Ну, что жъ? вѣдь еще рано... И солнце еще недавно взошло только. Оно и кстатъ, что такъ случилось: графъ меня задержитъ часъ, другой, а то и въ — самомъ — дѣлѣ, къ-чему это я бы пріѣхалъ чѣмъ свѣтъ въ Ванегу? какъ-будто къ смерти грѣхъ; не могъ подождать два, три часа... Оно, авось, такъ-то лучше уладится... Вслѣдъ за этимъ разсужденіемъ, Петръ Ивановичъ вышелъ изъ коляски, подѣхавшей къ крыльцу, и вошелъ въ кабинетъ графа, гдѣ онъ нашелъ съ нимъ молодого человѣка, его племянника. Графъ былъ что-называется «лихой малый»: онъ пилъ, какъ губка, дрался, какъ Гризвѣ, на всѣхъ возможныхъ оружіяхъ, ѣздилъ верхомъ какъ Лежаръ, и, словомъ сказать, имѣлъ всё достоинства молодца *былыхъ* поэтическихъ временъ, не нашего вѣка. Онъ сохранилъ привычки холостой жизни, не смотря на пятнадцатилѣтнее брачное состояніе; съ длинными черными волосами, съ огромными усами, вѣчно въ военномъ скюртукѣ и въ рейтузахъ, подтянутыхъ ремнемъ, съ лицомъ, пылающимъ отъ неизгладимаго румянца, графъ Павелъ Сергѣевичъ составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ неукоризненно-фѣшенебельною фигурою своего племянника.

— Здравствуй, Петръ Иванычъ! воскликнулъ графъ, протягивая руку: — куда ты летишь ни свѣтъ, ни заря? Не-ужь-то въ Ванегу?..

Слова эти сопровождались, какъ показалось Петру Ивановичу, язвительно-насмѣшливою миною, въ-слѣдствіе чего онъ почувствовалъ маленькое замѣшательство и возмѣнилъ намѣреніе скрыть отъ своего сатирика-сосѣда истинную цѣль поѣздки. Замѣчаніе молодого человѣка еще болѣе утвердило его въ этомъ намѣреніи.

— Да вы поглядите, дядюшка, какъ онъ расфрантился сегодня, сказалъ смѣясь племянникъ графа.

— Те, те, те, въ-самомъ-дѣлѣ, ты, братецъ, сегодня смотришь совершеннымъ Адонисомъ, сказалъ графъ, осматривая гостя: — что у тебя такое на умѣ? Садись-ка, расскажи намъ... Напьемся вѣ-стѣ чаю... (графъ приказалъ вошедшему лакею подавать чай.)

— Позвольте прежде узнать о здоровьи вашего сіятельства, возразил вѣжливый Петръ Ивановичъ, себѣ-на-умѣ, желая сколько возможно далѣе отложить отвѣтъ на допросъ графа, чтобъ дать себѣ время придумать для отвѣта сколь возможно ловкій оборотъ.

— Что, братецъ, намъ дѣлается съ тобой! отвѣчалъ графъ.— Съ этой стороны ты можешь избавить себя отъ труда освѣдомляться... На десять лѣтъ впередъ я освобождаю тебя отъ твоей вѣжливой заботливости... Расскажи-ка лучше, куда это ты собрался съ раннего утра...

— Нѣтъ, позвольте, графъ, еще спросить васъ о здоровьи ея сіятельства, графини Зенаиды Александровны.

— Графиня Зенаида Александровна уѣхала третьяго-дня, и потому не могу тебѣ ничего сказать о состояніи ея здоровья въ настоящую минуту...

— Куда же это изволила отправиться ея сіятельство?

— За границу.

— За границу! воскликнулъ Петръ Ивановичъ, и въ изумленіи вынулъ свою золотую табакерку.

— Да, за границу.

— Одна, то-есть, я хочу сказать, безъ вашего сіятельства?

— Какъ ты видишь.

— Гм... скажите!!! Петръ Ивановичъ взялъ двумя пальцами прищипъ табака, подавъ табакерку графу, который сдѣлалъ то же, и оба понюхали—Петръ Ивановичъ съ знаменательною миною, графъ безопасно и разсѣленно.—Какое неприятное происшествіе! продолжалъ Петръ Ивановичъ:—весь уѣздъ теперь будетъ искреннѣйше опечаленъ отъѣздомъ ея сіятельства.

— Ты хочешь сказать, что весь уѣздъ пустится сплетничать насчетъ ея отъѣзда. Какъ водится, объявятъ, что мы поссорились, развѣхались и будутъ добиваться за что и какъ? Не понимаю, что за чудо, продолжалъ графъ, обращаясь къ племяннику:—Матрена Минаевна до-сихъ-поръ не ѣдетъ ко мнѣ для собранія свѣдѣній, которыми она должна не долѣе, какъ въ недѣлю, развезти по всему уѣзду... Воображаю, какихъ замысловатыхъ и благовидныхъ исторій скоро сдѣлаемся мы героями... Я жду ихъ съ нетерпѣніемъ.

— Да, дядюшка, я ужъ заранѣе наслаждаюсь предвкусіемъ этихъ сплетней, которыми не замедлятъ угостить насъ наши добрые сосѣда. Случай новый и довольно странный.

— И дѣйствительно, сказалъ Петръ Ивановичъ:— вы угадали, Владиміръ Сергѣичъ: теперь всѣ пустятся въ догадки. Какъ, скажутъ, что это значитъ? Скажутъ: графу тридцать-два года, графинѣ тридцать лѣтъ. Оба, что-называется, то-есть, въ цвѣтѣ красоты. Пятнадцать лѣтъ, скажутъ, жили вмѣстѣ, какъ голуби... нажили восемь человѣкъ дѣтей... и вдругъ... этакъ...

— Графиня, какъ ты знаешь, все хворала послѣ родовъ и, дѣлать нечего, я рѣшился отпустить ее за границу съ m-g Roné, нашимъ докторомъ.

— Съ г. Руз! съ этихъ молодыхъ человекъ?

На лицѣ графа мелькнула едва-замѣтная улыбка.

— И вотъ, братецъ, съ тѣхъ-поръ груду утасно. Никогда не могу наладить жизнь свою на обычную колею... Тоска глядитъ и дѣтей. Спасибо еще мамзель Фаври: такая шила... такъ заманиваетъ ими и мною... А то бѣда бы... Вообрази, сегодня всю ночь и трехъ часовъ просидѣлъ за картами, и все-таки не спяло тоска. То ли дѣло быть холостякомъ, вотъ какъ ты...

Петръ Ивановичъ былъ очень-далекъ отъ того, чтобы согласиться въ этомъ съ мнѣніемъ графа; дѣтъ не шелье причина разъѣзд двухъ супруговъ привела не совсѣмъ-благопріятное впечатлѣніе и его свѣтлыя идеи о счастіи брачнаго состоянія.

У Петръ Ивановича было столько досуга, что онъ могъ предостеречь себя отъ обсуждения этого важнаго вопроса, котораго до-сихъ-поръ только слегка касался въ своихъ соображеніяхъ о предстоящей женитьбѣ,—потому-что графъ, обернувшись къ окну, увидѣлъ своего старесту изъ сосѣдней деревни и звалъ его. Крестьянинъ, спешивъ шляпу, подошелъ подъ окно и низко поклонился.

— Здравствуй, Трофимъ; вѣрно новости, что ты такъ рано пришесть сюда? спросилъ графъ.

— Слава тебѣ Господи, отвѣчалъ Трофимъ:—у нашихъ мужиковъ все обстоитъ благополучно. Да въ селѣ у насъ, ваше графское сіятельство, *оказьва* приключилась такая, што на рѣдкость

— Что такое?

Племянникъ графа и Петръ Ивановичъ подвинулись къ окну и приготовились слушать рассказъ Трофима о *оказьва*. Онъ началъ:

— Оказьва, еще до Воздвиженья, дѣтъ такъ нешто за дѣлать, старуха, matka Похома... изволите знать мужичка Семема Семичева, ваше графское сіятельство?

— Что съ краю изба новая?

— Нешто, сударь.

— Ну?

— Ну, вотъ, знашь ты, у Пахома есть мальчишка, приемышъ прохѣтный, годочковъ этакъ двухъ што ли... вотъ оно, знашь ты бабушка, matka то-ись Похомова-та, вынесла на улицу, да и ушла тамодѣ на земь, возлѣ избы; вдругъ, изволишь ты видѣтъ откуда ни возмись черныи песь похомова сосѣда Макара... (В этомъ мѣстѣ какія-то деликатныя соображенія воспріятствовало Трофиму продолжать рассказъ во всѣхъ подробностяхъ; на лицѣ Петра Ивановича изобразилось смущеніе, староста почесалъ затылокъ.)

«Какъ у нихъ тамъ дѣло было, кто ихъ знаетъ... только, слышь ты, черныи песь-то тяпъ, да и укусьлъ мальчишечку похомова руку...

Громкій смѣхъ молодого челоуѣка прервалъ рассказчика.

— Вотъ истинно-занимательное и важное событіе! воскликнулъ

онъ.—И вы, дядюшка, нажется, находите въ немъ необыкновенный интересъ?

— Погоди, не смѣйся, возразилъ графъ, улыбаясь: — ты еще новичокъ въ этой политикѣ. У насъ всѣ драмы, всѣ трагедіи большею частію имѣютъ подобную завязку. Ты увидишь, что изъ этого событія, которое такъ тебя забавляетъ, произтекли и произтекутъ диковинныя вещи, которыя я почти угадываю: Третьимъ мой не прійдетъ рассказывать пустяковъ. Продолжай, братецъ, свою исторію, прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ.

— Диковины-таки и сотворилися, ваше графское сіятельство.— Похомъ, знаешь ты, былъ дома, и на ту перу, шаясь изъ воротъ, какъ тутъ былъ; шель ему подвернулся подъ руку; онъ, ево, млятова, и окрестилъ запоромъ, да такъ ловко, что тотъ ноги протянулъ. Макарова баба тоже была на дворѣ. У нихъ, вся, и пошла клягасія. Макарова баба ревить на всю улицу: заплаги, вишь, ей за собаку; а похомова матка такъ изозартилась за мальчишку, маюнто ей глаза не выпала. Поднялся такой содомъ, что вся деревня сбѣжалась; послали за соцкмиъ. Пришелъ, знаешь ты, соцкій; расудилъ ихъ, што оба правы. Такъ нѣтъ, куда ты! Макарова баба испозорила соцкаго хуже Богъ-знатьъ чаво, и протурма мужика къ барыни жалиться.

— А чей Макаръ-то? спросилъ графъ.

— Назначилишь, ваше графское сіятельство.

— А соцкій у насъ вѣдь Максимъ Максимочевъ мужикъ?

— Нешто, сударь, ихней.

— Ну, теперь понимаю... дальше, дальше...

— У Макара, изволишь ты видѣть, сестра родная въ горницѣ, при барыни... Вотъ она, знаешь ты, старушкѣ тамоди и доложила объ сѣтомъ дѣлѣ, да и насаказала съ три короба небывальщины; долго ли смутить простова челоуѣка! Анна Ивановна барыня добрая, всему вѣрить, что ей ни скажутъ ея-вона дворовые. Она же давно гнѣбается на Максима Максимыча. Ну, да ужъ лукавый помогъ, осерчала барынька. Послала къ барину Мирошкѣ съ приказаньемъ, чтобъ, дескать, велѣлъ онъ своему соцкому расудить дѣло, какъ елѣствуетъ, да што, до-скасть, Макару бы заплагить пять рублѣвъ за собаку...

— Такъ и есть, я этого ожидалъ! воскликнулъ графъ.

— Да помилуйте, дядюшка, это сумасшествіе!.. Съ какой стати вашъ Максимъ Максимычъ будетъ вмѣшиваться въ глушья мужицкія сплетни и управлять правосудіемъ соцкаго?

— Это обыкновенная ихъ логика. Соцкій мужикъ Максима Максимыча: стало-быть, Максимъ Максимычъ долженъ приказать ему исполнить желаніе Анны Ивановны...

— Но вѣдь соцкій долженъ разобрать дѣло и рѣшить по совѣсти, кто правъ, кто виноватъ. Къ какой же стати тутъ вмѣшиваться Максиму Максимычу, который вовсе не можетъ знать справедливо ли желаніе его безразсудной тѣтушки?

Графъ засмѣялся.

— Эти понятія о совѣсти въ разбирательствѣ соцаго и о спра- ведливости требованій безразсудной тѣтушки дѣлають честь твоему юридическому образованію, мой философъ. Миѣ малъ разочаровывать тебя увѣреніемъ, что подобныя прекрасныя вещи существуютъ не вездѣ. Наша юриспруденція основана на несравненно-простѣйшихъ и болѣе естественныхъ началахъ. На-примѣръ, здѣсь дѣлаются вотъ какой видъ: Анна Ивановна больная, капризная старуха, которая дѣтъ десять ужъ сидитъ дома, почти никого не видитъ и находится совершенно во власти своихъ дворовыхъ. Эти камы, следовательно и Анна Ивановна, терпѣть не могутъ Максима Максимыча, который тиетно потощаетъ всѣ усилія противъ этой антипатіи. Ты вѣрно знаешь, что онъ племянникъ и единственный ближайшій наследникъ шестисотъ душъ и чертовой пропастя денегъ, которыя его сирѣга-тѣтушка изволяетъ копить съ незапамятныхъ временъ. Можешь представить, что Максимъ Максимычъ очень неравнодушенъ къ такому дурному расположенію своей тѣтушки, тѣмъ болѣе, что имѣніе это *не родовое*. Но бѣднаку ничто не помогаетъ, какъ это обыкновенно бываетъ при такомъ положеніи дѣлъ и противъ такихъ сильныхъ враговъ...

— Сильныхъ враговъ!.. вы шутите, дядюшка... сильные враги... ланен?

— Ты словно врѣхалъ изъ Африки. Я вижу, что миѣ придется пройти съ тобою цѣлый курсъ практической жизни, чтобъ не краснѣть за твои вопросы передъ Петромъ Ивановичемъ. Эти враги, сударь, о которыхъ вы говорите съ неблагоразумнымъ презрѣніемъ, такъ сильны, что мой бѣдный Максимъ Максимычъ вотъ уже полтора года не смѣетъ показываться на глаза тѣтушкѣ, и миѣ безъ шутокъ жалъ его, потому-что его дѣла, какъ я угадываю изъ разказа Трофима, принимаютъ серъезно дурной оборотъ. Пахомъ, который убилъ собаку—крестьянинъ Ядина, пріятеля егѣ. Понялъ ли ты теперъ, что Анна Ивановна *должна* неизбежно видѣть вопіющую несправедливость въ приговорѣ соцаго; что она *должна* отъ племянника требовать перемѣны этого приговора, и что племянникъ *долженъ* отказать ей, потому-что въ противномъ случаѣ онъ поссорится съ пріятелемъ.

— Что за нелѣпости!.. Я положительно не понимаю этой готтотской логики. Вы утрируете, дядюшка. Можеть ли быть, чтобъ такія тарабарскія понятія существовали на свѣтѣ...

— Они существуютъ иногда. Но не перебивай больше Трофима: ты убѣдился въ этомъ окончательно... Ну, Трофимъ, досказывай, что еще было...

— Ну, вотъ, сударь ты мой, ваше графское сіятельство, Мирюшка пошелъ къ баряну и вѣстимо перевралъ ему. Максимъ Максимычъ, изволите знать, баринъ горячій, крутой... попалъ, *знать*, подъ сердитую руку... онъ Мирюшку по зубамъ вишь и сѣздалъ... Нешто, кто знаетъ? можеть-статься, и совралъ мошенникъ Мирюш-

ка, што бы барыню только пуше прогнѣвить... такъ и вышло: барыня обсерчала, што святыхъ вонъ понеси: Макару велѣла въ судъ подать на Похома, да на сотскаго; а сторостѣ своему извоинна нигрѣшко приназатъ: што де-скачь какъ зайдетъ скотина Максима Максимыча; или Семена Семенъичева на ихнюю землю, такъ чтобы де-скачь забирать ее.

«Вотъ, подумай, какое дѣло придумали поджиги-дворовые; на што ефто похоже?.. разсуди-тко ты... Дворъ съ дворомъ мужички вплоть живутъ, ну, какъ тутъ уберечься, што бы скотъ не зашелъ?.. вѣдь скотина глупа... словно у нея разумъ есть, бредеть-себѣ куда пошло. Такъ оно и вышло. Вечеромъ Степанъ дворецкій взялъ десятка два мужиковъ изъ Асовина, да и пошелъ-было забирать коровѣнокъ да лошадей Максимъ Максимычевыхъ, которыхъ, знаешь ты, въ озимое забрели. Барину тотчасъ дали знать... онъ и прикатилъ самъ съ ружьемъ, да съ плетью, да три парня съ нимъ, тоже съ ружьями. Изъ своихъ рукъ Степана-то важно отвозилъ, и не далъ волоса тронуть. Я, баять, васъ на мѣстѣ вѣкъ воложу, коли только осмѣлитесь до моего скота перстомъ дотронуться... Чуть-было побойше не вышло... А тѣтушку-то, сказывають, «дурищею старою» разругаль... можетъ, и врутъ, кто ихъ знаетъ, только сумятица была такая, што на диво... Я и раздумаль, надо, небось, объ ефтомъ ево графской свѣтлости барину по приказу доложиться, да вотъ и изволилъ прійти къ твоему дворовю.

— Умно сдѣлаль, братецъ. Поди, вели Ерасту дать себѣ стаканъ водки, да подожди на кухнѣ; я позову тебя.

— Слышали, Петръ Ивановичъ? продолжалъ графъ, обращаясь къ гостю съ лицомъ, на которомъ сіяло удовольствие: — какова исторія? Кажется, этому несчастному Рыльскому не видать наслѣдства какъ ушей своихъ. Недѣля три тому назадъ, ужъ эта барыня разспрашивала брата, можно ли передать имѣніе Вѣрочкѣ и какъ это сдѣлать?..

— Вѣрочкѣ?

— Кому, дядюшка? воскликнули въ одно время Петръ Ивановичъ и племянникъ графа.

— Конечно, этого никогда быть не можетъ, сказаль графъ съ некоторымъ смущеніемъ, проникательно взглянувъ на Петра Ивановича, который въ сильномъ волненіи сморкался съ убійственнымъ шумомъ. — Какая дурацкая опрометчивость! подумаль онъ про себя. — Не понимаю, какъ подобная глупость сорвалась у меня съ языка...

Въ это время два лакея, одинъ съ тремя стаканами чая и графинчикомъ рома на серебряномъ подносѣ, а другой съ хлѣбомъ и сухарями въ серебряной корзинкѣ вошли въ комнату. Графъ воспользовался этою диверсією и очень-искусно отклонилъ разговоръ на другіе предметы, оставивъ совершенно въ покоѣ Петра Ивановича и цѣль его путешествія. Гость съ своей стороны былъ очень-

довоемъ этимъ наивѣромъ женщина, выпилъ три стакана чая, была презычайно-любезна, и, повсѣдѣвъ около часа, раскланялась и ушла.

— Ну, какую я едѣвалъ глупость! воскликнула графиня, приводя его: — а это мале выскѣе розгами! И послѣ того утѣрайте меня, что нѣтъ дурныхъ дней. Что у насъ такое сегодня? Воспримать... двадцатое сентября... непримѣнно сводия должнъ быть черный, трижды черный и гадкій день... Какъ! проиграть три тысячи и сказать такую глупость въ одно утро... Графъ ходилъ по комнатѣ, вахмурилъ брови.

— Но отъ-чего васъ это такъ сердить, дядюшка?

— Отъ-чего?... Отъ-того, что по милости этой проклятой нескромности могутъ въ пухъ и въ прахъ разлетѣться всѣ мои проекты. Это продувалъ каналья, котораго лукавый дернулъ меня за звать къ себѣ сегодня... Рѣшительно пыньче мерзкій, скверный шій день изъ всѣхъ трехъ-сотъ-шестидесяти-пяти дней въ году... Человѣкъ! дай мнѣ водки... Волненіе и досада графа увеличивались примѣтно. Онъ, не переводя дыханія, выпилъ одну и другую три чарки водки и продолжалъ ходить быстрыми и тяжелыми шагами... — У него не пролетитъ мимо ушей эта новость, его знаю... Но чортъ меня возьми, если я позволю ему перехитрить себя... Еще есть время. Онъ не скоро соберется, задумаетъ сд... Надобно предупредить его и дѣйствовать рѣшительно.

— Слушай, Вольдемаръ. Я посвящу тебя въ тайны моей дипломатіи, я надѣюсь найти въ тебѣ вѣрнаго и искуснаго союзника. Дѣло вотъ въ чемъ: ты знаешь, что теперь на мѣстѣ дворянскаго предводителя мой двоюродный братецъ, славный и довольно удобный малый, но у котораго есть пѣлая коллекція своихъ ультрагуманныхъ понятій; короче: онъ мнѣ не годится. Зимой у насъ выборы, и я хочу, чтобъ предводителемъ былъ Вася Авосинъ...

— Авосинъ!!

— Понимаю твое изумленіе, продолжалъ графъ улыбаясь: — тебя также порядочный запасъ идеальности; но ты малый сметливый... Въ тебѣ я увѣренъ... Слушай же. Я хочу, чтобъ Авосинъ выбранъ предводителемъ... Ты скажешь, что всего бы короче мнѣ самому взять это званіе; но по моимъ соображеніямъ еще не пришло время. Я не хочу себя компрометтировать... Авосинъ имѣетъ всѣ качества, для этого нужныя... Пожалуйста, не дѣлай какой забавной гримасы изумленія... ты разсмѣшишь меня и събѣшь съ толку... Онъ имѣетъ всѣ нужныя качества — говорю я тебѣ; онъ хорошей фамиліи, довольно образованъ... и прочее... и достааетъ только состоянія. Три четверти дворянъ раздѣляютъ на снеть этого предмета твое мнѣніе...

— *Мое мнѣніе...*

— Да. И въ этомъ-то вся штука. Надобно, чтобъ они выбрали Авосина, потому-что я этого хочу. Понимаешь? Но для исполненія моего дѣла необходимо, чтобъ у Авосина было состояніе... У

него есть четыреста душъ, но всѣ знаютъ, что ихъ едва доставитъ для уплаты его долговъ... Чтобъ устроить эту статью, я вотъ что придумалъ: старая дура Анна Ивановна передаетъ свое имѣніе Вѣрѣ Вармостыниной; которая ей доводится какъ-то внучкою — седьмая вода на кисель — и которую она, кто-знаетъ за что, безъ намъги любитъ. Авосингъ женится на Вѣрѣ. Выѣстъ съ этимъ, Петра Иваныча я сдѣлаю исправникомъ, и тогда... Понялъ ты меня?

— Совершенно, дядюшка.

— Понимашь теперь, какую я сдѣлалъ глупость, проговорившись о передачѣ имѣнія. Не могу равнодушно вспомнить... Ерасть! подай водки. — Графъ выпилъ еще три чарки. — Ты не можешь представить, какая тонкая бестія этотъ господинъ, который сейчасъ былъ здѣсь... Теперь онъ мнѣ покорнѣйшій слуга; но еслибъ ему пришлось прибрать къ рукамъ наслѣдство тѣтушки... мнѣ съ нимъ не сладить... Онъ въ состояніи образовать противъ меня партію, тѣмъ болѣе, что отецъ моей наслѣдницы самое упрямое и непокорное созданіе, какое только можно себя вообразить. Каналья-злѣкъ поставитъ противъ меня особу батюшки, какъ стопушечную батарею, и уничтожитъ всѣ мои мины маскированными вылазками изъ-за этой твердыни. Надобно, во что бы ни стало и не теряя времени, взять штурмомъ арсеналъ, т.е. есть, невѣсту... И я поручаю тебѣ эту трудную обязанность, гдѣ ты можешь во всемъ блескѣ показать свое дипломатическое искусство. Не дальше, какъ сегодня же, ты долженъ отправиться туда съ Авосинымъ и сосватать мнѣ его непременно...

— У васъ наполеоновскія соображенія! дядюшка; но скажите мнѣ, Бога ради: что же это за особа, которая можетъ выйти замужъ за такого урода, какъ вашъ Петръ Иванычъ, и на которой я могу въ два часа сосватать такого гуся, какъ любезнѣйшій Авосинъ?

— Эта особа имѣетъ тридцать душъ *спрыгъ* приданого. Удовлетворяетъ тебя этотъ отвѣтъ?

— Гм... тридцать душъ!.. Да это немного, очень умѣренно, — тридцать душъ! Тьфу ты пропасть! есть же этакіе люди... Я никакими средствами не могу изворотиться съ тремя-стами-пятидесятью душами, — двадцать-семь тысячъ долгу; а тутъ тридцать душъ!.. Да, дядюшка, понимаю, что съ этимъ генеалогическимъ приданымъ мудрено затрудняться въ выборѣ жениха; но все-таки уродъ Петръ Иванычъ, воля ваша... Ба, Вася! какими судьбами такъ рано?

Последнее восклицаніе относилось къ вошедшему молодому человѣку высокаго роста и довольно-красивой наружности. Это новое лицо явилось въ ночномъ нарядѣ, съ заспанными глазами. Густые блондурые волосы его, обстриженные въ кружокъ, были въ страшномъ безпорядкѣ; окладистая борода, закрывавшая поло-

вину лица, включена. Въ глазахъ, во всѣхъ чертахъ, въ манерахъ замѣтны были слѣды шедрыхъ ласкъ веселаго Вакха.

— Вы удивляетесь, графъ, сказалъ Вася, улыбаясь и усажившись въ покойныя кресла: — что я рано проснулся... Да у васъ домовые въ домѣ... не даютъ спать. Который часъ?... Вы не вѣрите... Ей Богу, гадость ужасная! Эй, человѣкъ!.. сигару... Вы не пили чаю, графъ?... велите давать чаю... Что, я забавенъ?... а? чево? Вы что-то сказали, Владиміръ Сергѣичъ?

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ...

— Глупая сигара!.. я не съ того конца закуриваю, Ерастъ?... а?... не съ того? Да что, братецъ? у васъ вѣрно домовые здѣсь... Какъ? ты говоришь — нѣтъ? Божусь тебѣ... Представьте, графъ, какой-то старикъ весь въ сѣромъ надобѣль мнѣ... ха, ха, ха... Я отъ-того такъ рано и проснулся. Вы не вѣрите, Владиміръ Сергѣичъ? не вѣрите? Клянусь вамъ... Правда ли, Ерастъ, вѣдь у васъ есть домовые?..

— Перестань толковать о пустякахъ... Отпусти Ераста, я хочу съ тобою говорить о серьезномъ дѣлѣ... сказалъ графъ.

— Что вы это, графъ? чѣмъ свѣтъ о серьезномъ дѣлѣ! Богъ съ вами! Я хочу чаю... Ерастъ, вели, братецъ, дать мнѣ чаю... готовъ чай? а?... вели, братецъ, поскорѣ... Да подай мнѣ другую сигару; эта не курится...

Ерастъ удовлетворилъ всѣ требованія, подаль ему стаканъ чаю и другую сигару; а молодой человѣкъ, въ-продолженіе этихъ сборовъ, съ самою внимательною заботливостью привелъ въ порядокъ передъ зеркаломъ свою прическу, расправилъ усы и бороду, запахнулъ какъ-можно-живописнѣе свой бархатный, пурпуровый халатъ, снялъ съ него пальцами и одулъ всѣ до одной пылинки, и снова усѣлся небрежно и граціозно въ кресла противъ большаго зеркала, приказавъ поставить возлѣ себя маленькій столикъ со стаканомъ чаю, и съ педантскою важностью закуривъ сигару. По знаку графа, Ерастъ, устроивъ и усадивъ его, вышелъ вонъ.

— Слушай теперь внимательно, началъ графъ:

— Ради самого Бога, не начинайте ни о чемъ серьезномъ, ваше сіятельство. Вы меня испортите на цѣлый день, отнимете аннети.

— Перестань, я хочу говорить съ тобою о Вѣрочкѣ...

— О Вѣрочкѣ... какъ?... о Вѣрочкѣ...

Вася, глядя въ зеркало, сдѣлалъ нечалуемую мину.

— Увы, графъ! помните, какъ я сказалъ однажды экспромтомъ:

Зачѣмъ рукой безчеловѣчной
Ты растравляешь огонь сердечной.

Я увѣряю васъ, что это мой экспромтъ. Откуда вы выдумали, желалъ бы я знать, на какого-то семинариста?..

— Такъ ты до-сихъ-поръ влюбленъ въ нея?

— Кто, я?.. влюбленъ...? вы сомнѣваетесь, что я влюбленъ? Какъ?.. вы все еще сохраняете подозрѣнiе на этого проклятаго семинариста... вы шутите, графъ... а я страдаю отъ всепожирающей страсти.—Вася, глядя въ зеркало, привелъ свою прическу въ маленькiй безпорядокъ и выпустилъ огромный клубъ дыма.—Послушайте, что я сочинилъ третьяго дня:

Милый другъ! во тьмѣ ночной,
Съ мукой ожидавъ,
Я ищу вотще съ тобою
Тайнаго свиданья.

Дму

— Я не сомнѣваюсь болѣе не въ стихахъ, не въ любви твоей... и, какъ ты знаешь, принимаю въ ней полное и искреннее участiе. Я долго думалъ о твоей настоянной и глубокой привязанности къ Вѣрѣ, и рѣшился помочь тебѣ. Сегодня Вольдемаръ отправится съ тобою къ предмету твоихъ страданiй и сосватаетъ ее за тебя...

— Сосватаетъ!... воскликнулъ Вася съ недоумѣнiемъ, остановивъ на графѣ полусонные глаза. — Какъ вы сказали, графъ? а?.. сосватаетъ?..

— Да, сосватаетъ... Ты не можешь ономнитья отъ радости...

— Отъ радости?!... повторилъ Вася съ проницескою улыбкою.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у васъ, графъ, чудесныя мысли... Но, увы, развѣ вы не знаете, что я люблю безнадежно? Развѣ вы не помните, что я написалъ въ стихахъ:

Я стараю страстью ивнней
Къ вѣроломной безнадежно.

— Да я отвѣчаю, что она пойдетъ за тебя...

— Что мнѣ въ этомъ?.. Мнѣ нуженъ пламень страсти... взаимность. О! вы не знаете, что мнѣ нужно? Какой вулканъ кипитъ въ груди моей... вы не знаете?..

— Какъ не знать, мой милый, какой взаимности не достаетъ по-твоему у Вѣры; дѣлать нечего: надобно будетъ тебѣ сказать секретъ. Только Боже тебѣ сохрани, если ты разболтаешь...

— Кто, я?.. ваша тайна найдетъ въ груди моей свою могилу... рядомъ съ моею собственною тайною...

Вася, довольный блистательнымъ оборотомъ фразы, поглядѣлъ на обоихъ собесѣдниковъ своихъ съ торжествующею улыбкою...

— Ты, я вижу, начинаешь воспламеняться; это очень-кстати... Роль, которую ты сегодня долженъ играть, требуетъ всей твоей энергiи. Не сомнѣвайся же во взаимности Вѣры. Она скоро получитъ шесть-сотъ душъ и четыреста тысячъ наличными деньгами...

Вася въ это время подносилъ ко рту стаканъ, чтобъ запить свою великолѣпную фразу. Новость о неожиданной взаимности Вѣры такъ поразила молодаго человѣка, что рука его затряслась, и кѣ-

сколько капель горячаго чая ерсманн шегольской, бархатной-калатъ его...

— Ерасть! закричалъ онъ въ наступленіи. — Эй, Ерасть!.. прерориѣ, чистое полотемцо. Да ну, братецъ, верочайся... Какое положеніе!.. а? чево?.. Останутся пятна непременно, какъ ты думаешь, Ерасть? чево?.. Непременно пятна будутъ отъ сливокъ.. Какъ вы думаете, графъ?.. Владиміръ Сергѣичъ?.. Непременно останутся пятна? Нельзя ли, братецъ, Ерасть, потерять водою, чево?.. Испортилъ какой безподобный халатъ, еще новенькій совершенно: какова штука!... А все вы, графъ... откуда это вы взяли такую небылину въ лицахъ?..

— Я тебѣ говорю это, и говорю, какъ благородный человѣкъ. Ты вѣришь мнѣ...

— Ну, братецъ, Ерасть... теперь смой-ка вотъ такъ... вотъ здѣсь... что?.. этакъ смывается... а?.. смывается? Ну и превосходно... и безподобно... Вася подиалъ къ свѣту забрызганную вытертую водою полу и долго во всѣхъ направленіяхъ разсматривалъ ее, обнюхивалъ, обдувалъ и вытиралъ; наконецъ удивился, что сливки не оставили слѣдовъ; но еще долго и после того, опустивъ даже полу на свое мѣсто, онъ пошарилъ осматривая ее, оглаживалъ и обдувалъ во время разговора. — Что вы такое спрашивали, графъ?

— Вѣришь ли ты мнѣ?..

— Какъ алкорану... то-есть, я хотѣлъ сказать, какъ Вѣра вѣрать алкорану... Тѣбу ты пропастъ! эта дурацкая пола обманеть совершенно мои мысли... Я хотѣлъ сказать, какъ Турки вѣрять алкорану... Такъ у Вѣрочки, говорите вы, скоро будетъ. Графъ показалъ ему глазами на Ераста.

— Тсс! молчаніе:

Тобою въ міръ
Не оскорбится слуха взоръ!

Божественная Вѣрочка!.. Кто знаетъ, можетъ-быть, она меня обманеть такъ же, какъ я ее... а?.. чево?.. Я ее никогда объ этомъ не спрашивалъ... Вольдемаръ, шоп сгег, какъ ты скажешь? что Ерасть! ты можешь, братецъ, уйти теперь отсюда... Ты сливки пятна превосходно... сегодня же получишь отъ меня спасибоку! А теперь можешь отправиться...

— Какъ вы сказали, графъ... четыреста душъ и шестьсотъ чистагану. Я увѣренъ, что это милое созданіе раздѣляетъ мои пламенные чувства... Сегодня же ѣду и объяснюсь съ нею...

Между-тѣмъ, какъ графъ давалъ подробныя инструкціи этимъ сильною планомъ стратегическихъ операцій, которыя должны были направиться противъ непоколебимаго сердца Вѣрочки и противъ за

короткѣмъ предубѣжденій ея упрямаго паненьки; между-тѣмъ, какъ Вольдемаръ разучивалъ свою ролю, а Вася припоминалъ всѣ свои лучшія поэтическія произведенія, на успѣхъ которыхъ онъ всего болѣе надѣялся въ этой поэтической экспедиціи и которые завоевали ему, какъ онъ былъ увѣренъ, уже не одно нѣжное сердце, Петръ Ивановичъ быстро подвигался къ цѣли своего путешествія.

Женнхъ мой былъ погруженъ въ глубокое раздумье...

— Вотъ, не правда ли моя, что все къ *лучшему*? говорилъ онъ въ-полголоса: — не заводи меня графъ... не заѣзжай я къ нему, все было бы кончено... Вотъ она, судьба-то!.. Предѣлъ, его же не преидеши... Шестьсотъ душъ и нѣсколько сотъ тысячъ! Убей меня Богъ... Это вѣдь на полу не подымешь... Петръ Ивановичъ понюхалъ табуку съ невыразимымъ наслажденіемъ.—А барышня-то какая! то-есть, просто загляденье. Ай-да Петръ Иванычъ, молодець!.. вотъ какую статью обработалъ!..

«Впрочемъ, тутъ вѣдь находится еще камень преткновенія, да такой камень преткновенія, т. е. чертовскій... какъ бы не срѣзаться! Журавли еще въ небѣ; графъ ужъ, конечно, не будетъ глядѣть, сложа руки, на эту исторію. Меня онъ не очень жалуетъ и вѣрно не дастъ поживиться такимъ лакомымъ кусочкомъ, который, я чаю, онъ уже приготовилъ кому-нибудь изъ своихъ приятелей,—глядя Авосину, котораго онъ тянетъ за уши... Пожалуй, въ дуракажъ останешься. А тутъ Ненила Григорьевна взбѣленилась... оно, конечно, наплевать... да все какъ-то... неловко... Гм, казусь!.. прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, и погрузился въ безмолвное раздумье...

— Барыни къ обѣднѣ изволятъ ѣхать, сказалъ ему кучеръ. — Петръ Ивановичъ взглянулъ впередъ: съ возвышенія, на которомъ онъ находился въ эту минуту и съ котораго сельцо Ванега было видно какъ на блюдечкѣ, онъ увидалъ извѣстную намъ коляску, стоящую у чернаго крыльца. Спускаясь подъ гору, онъ могъ видѣть, какъ дамы сѣли въ акипажъ, проѣхали дворъ и, выѣхавъ за ворота, остановились... Этотъ видъ произвелъ на него электрическое дѣйствіе... Петръ Ивановичъ, какъ я сказалъ уже вамъ, глядѣлъ на всѣ затрудненія, на всѣ препятствія съ твердостью духа, и когда ему нужно было рѣшиться на какой-нибудь энергическій и важный поступокъ, то онъ съ полнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ взвѣшивалъ въ умѣ своемъ всѣ «за» и всѣ «противъ» предполагаемаго поступка. Это отчетливое, совѣстливое и въ высочайшей степени благоразумное взвѣшивание кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ вовсе и положительно сбивался съ толку, терялъ совершенно ясное сознаніе предмета, о которомъ разсуждалъ и, углубившись въ бездну соображеній, умозрѣній и предусмотрѣній будущаго, исчезалъ въ этой немыслимой глубинѣ человѣческой мудрости и противорѣчій, какъ шест-

заеть, недолетая до земной поверхности, звукъ маленькаго камешка, упавшаго на дно бездонной пропасти. Тогда, въ этомъ сомнительномъ положеніи, въ этой мучительной неизвѣстности, онъ поступалъ точно такъ, какъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ, — слѣдующимъ образомъ:

Во-первыхъ, онъ смирился, сознавъ тщету и ничтожность человѣческихъ умствованій, поднявъ глаза къ небу и съ глубокимъ вздохомъ повторилъ: «Предѣлъ, его же не прейдеши!» Потомъ досталъ табакерку, понюхалъ и высморкался съ умилительною преданностью судьбѣ, завязалъ на одномъ концѣ платка узелокъ, свилъ этотъ конецъ жгутомъ съ другимъ кончикомъ платка; задумалъ, что «узелочекъ значитъ Вѣра, а безъ узелка Нениа Григорьевна» зажмурилъ глаза и зубами поймалъ одинъ изъ кончиковъ... Сердце его сильно забилося, когда, развивая съ осторожностью платокъ, онъ увидалъ, что у него въ зубахъ остался... Лицо его внезапно просвѣтлѣло спокойною рѣшимостью.

— Теперь остается рѣшить: *сегодня или послѣ?* сказалъ онъ, еще разъ понюхавъ. Послѣ этого онъ снова зажмурилъ глаза, особеннымъ образомъ замахалъ обѣими руками, и быстро сводилъ ихъ передъ носомъ, держа указательные пальцы направленными къ пункту соединенія. Указательные пальцы сооткнулись одинъ съ другимъ. Петръ Ивановичъ, раскрывъ глаза, удостовѣрился въ этомъ фактѣ, сказалъ съ твердостью: «сегодня непременно!» и смѣло поѣхалъ на встрѣчу ожидавшимъ его дамамъ, съ которыми онъ имѣлъ разговоръ, пересказанный уже мною.

III.

Сватовство.

Теперь вы понимаете, отъ-чего Петръ Ивановичъ былъ въ тревожномъ состояніи ума, когда онъ вошелъ въ комнату Николая Григорьевича, гдѣ царствовала совершенная темнота и гдѣ онъ на первомъ шагѣ наткнулся на что-то, стоявшее на полу.

— Ты, братецъ, у меня перебьешь здѣсь все, сказалъ сердито Николай Григорьевичъ.—Сними, догадайся, раму съ окна:

Петръ Ивановичъ съ величайшею осторожностью, опускаясь напередъ каждый шагъ ногами и руками, достигъ, наконецъ, до окна и съ небольшимъ усиліемъ вытащилъ раму съ черною холстиною. Быстро хлынулъ свѣтъ веселаго, осенняго утра, ярко налитанный лучами солнца и показалъ вворахъ Петра Ивановича длинную, худощавую особу старика, погруженнаго въ волнахъ огромной пуховой перины... Николай Григорьевичъ лежалъ, закутанный до подбородка шерстянымъ одѣяломъ и устроивъ глаза въ верхъ, какъ-будто погруженный въ самое глубокое и медленное созерцаніе складокъ, образовавшихся на поднятомъ полѣ.

— Честъ мнѣю поздравитъ васъ съ добрымъ утромъ и съ воскресеньемъ, сказалъ гость съ маленькимъ замѣшательствомъ, протягивая почтительно руку утрюмому старику, какъ видно очень-недовольному раннимъ посѣщеніемъ. Николай Григорьевичъ также протянулъ свою руку и просунулъ ее въ руку Петра Ивановича, не сгибая пальцевъ (особый деликатный способъ пожатія, который, по мнѣнію моему, въ состояніи взбѣсить всякаго порядочнаго человѣка).—Какъ вы провели ночь? какъ ваше здоровье? продолжалъ Петръ Ивановичъ.

— Прошу покорно садиться, отвѣчалъ Николай Григорьевичъ, съ непоколебимымъ вниманіемъ разсматривая складки полога. Петръ Ивановичъ, привыкшій къ капризамъ своего сосѣда и пріятеля, взялъ плетеное кресло, подвинулъ его къ постели, усѣлся самымъ покойнымъ образомъ, откашлялся, понюхалъ табуку, высморкался, словомъ сказать, принялъ всѣ мѣры для возбужденія своей твердости, и продолжалъ разговоръ.

— Вы вѣрно удивляетесь... этакъ... Николай Григорьевичъ, моему... этакому раннему... то-есть, посѣщенію...

— Нѣтъ, не удивляюсь...

— Не удивляетесь... гм... скажите... Однако, я бьюсь объ закладъ, что вы ни за что въ свѣтъ не угадаете... то-есть, причину...

— Я никогда не бьюсь объ закладъ...

— И прекрасно дѣлаете... Сегодня вы бы навѣрное проиграли... Ну, такъ безъ заклада угадайте, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Я никогда ничего не угадываю.

— Тьфу ты канальство! къ вамъ обиняками отложи попеченіе полѣхатъ... Видно, прямо надо сказать, что я пріѣхалъ... то-есть, по одному... этакому *серьезному* обстоятельству...

— Такъ вы хотите говорить о чемъ-нибудь *важномъ*? спросилъ Николай Григорьевичъ, быстро оторвавъ взоръ свой отъ привлекательныхъ складокъ полога и устремивъ его съ недовѣрчивостью на своего сосѣда:—въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ прежде встать, продолжалъ онъ, видя на лицѣ посѣтителя несомнѣныя признаки безпокойства.

Николай Григорьевичъ вообще не привыкъ и терпѣть не могъ упражнять въ разговорѣ свою мыслительность. Число предметовъ обыкновенныхъ бесѣдъ его было такъ ограничено, самые предметы эти были такъ немногосложны, такъ однообразны, что даже подробный и плодovitый анализъ требовалъ изъ всѣхъ умственныхъ способностей одной только памяти, и то въ маломъ количествѣ. Общество его обычныхъ посѣтителей какъ-нельзя-лучше соответствовало ему. Болѣе или менѣе, эти господа всѣ держались его системы. Николай Григорьевичъ, жившій уединенно, тихо и безъ претензій, болѣе нежели кто-нибудь былъ врагомъ важныхъ разсужденій, въ которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей надобности; но въ особенноти слово «важное» въ устахъ Петра Ивановича

обдавало его холодомъ. Для поясненія этого частнаго обстоятельства, которое проливаетъ яркій свѣтъ на евзвы и отношенія двухъ моихъ героевъ, надобно разсказать небольшой эпизодъ изъ жизни Николая Григорьевича.

До женитьбы своей на матери Вѣры, молодой Бормотышникъ, на 24-мъ году отроду вышедшій въ отставку, поселился въ домъ своихъ родителей (въ селѣ Архангельскомъ) именно въ томъ самомъ, гдѣ теперь помѣщается Петръ Ивановичъ. Но когда пришла пора храброму поклоннику Марса надѣть розовый вѣнокъ Гименея, онъ сообразилъ, что родительскій домъ его будетъ тѣсенъ для двухъ семействъ; а, такъ-какъ, принимая вышеупомянутый вѣнокъ Гименея изъ рукъ Амура, герой не бралъ за невѣстою, какъ у насъ говорятъ, ни кола, ни двора, то онъ считъ необходимымъ приобрести покупкою въ селѣ Ванегѣ двадцать душъ, которыя тамъ продавались съ аукціоннаго торга, съ усадьбою и помѣщичьимъ домомъ, очень-удобнымъ и просторнымъ. Имѣніе это было замѣшано въ какую-то домотопную тяжбу, о которой Николай Григорьевичъ, какъ водится, не потрудился хорошенько справиться. Онъ жилъ-себѣ, да жилъ въ новоприобрѣтенномъ имѣніи, а тяжба шла-себѣ, да шла, своимъ безкомеднымъ порядкомъ, и наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ, въ одно прекрасное утро, къ Николаю Григорьевичу явился незнакомый, ему бэринъ, который объявилъ себя законнымъ владѣльцемъ этого имѣнія и въ доказательство велѣлъ своему лакею принести изъ новояки связку бумагъ, для прочтенія которыхъ, — какъ оказалось Николаю Григорьевичу, — нужна была цѣлая вѣчность и цѣсколько лѣтъ сверхъ-того. Эта неожиданность, въ первыя минуты, такъ озадачила мирнаго владѣтеля селца Ванеги, что онъ готовъ былъ бѣжать въ самую глушь Африки, чтобъ только избавиться отъ чтенія отвратительныхъ бумагъ; но привычка къ пятнадцати-лѣтнему пребыванію вь благородная гордость, скоро пришли на помощь къ потрясенному разуму. Бормотышникъ съ надменностію велѣлъ убрать съ пола своихъ долой документы своего соперника, наводившіе на него ужасъ и омерзѣніе, и отвѣчалъ ему уклончиво, но твердо. Онъ поспѣшилъ тотчасъ посоветоваться со свѣдущими людьми на-счетъ такого страннаго случая; а свѣдущіе люди сказали ему, что «конечно, есть положительный законъ, въ-слѣдствіе котораго никто не можетъ отнять имѣніе, приобретенное покупкою съ аукціоннаго торга, что онъ можетъ взять дѣло на апелляцію, и тѣмъ обезпечить себѣ, между прочимъ, лѣтъ, этакъ, на сорокъ до окончательнаго рѣшенія — ненарушимое владѣніе спорнымъ имѣніемъ; но, прибавили свѣдущіе люди: «тажба все-таки когда-нибудь да кончится, и если теперь она, не смотря на ясный законъ, приняла такой неблагоприятный оборотъ, то кто знаетъ, какъ и въ чью пользу можетъ состояться послѣдній приговоръ правосудія, и тогда наследники его могутъ остаться вовсе безъ ничего, если (что, видите, также мно-

гда случается), заставить ихъ по закону заплатить истцу за неправильное, слишкомъ-пятидесяти-лѣтнее владѣніе его имѣніемъ». Николай Григорьевичъ подумалъ очень-основательно, что наследники его, вѣроятно, будутъ происходить отъ его шлага Гриши, который, вѣроятно, будетъ ихъ любить такъ же, какъ онъ, Николай Григорьевичъ, любить сына, и эта свѣтлая мысль повергла озадаченного оубѣтчика въ такую бедну умствованій, что разсудокъ его, никогда отъ самаго рожденія непретерпѣвавшій и тысячной доли подобнаго напряженія, помутился-было совершенно; но, къ-счастью моего благороднаго героя, незнакомый баринъ, лившійся такъ некстати, предложилъ необыкновенно-выгодную мировую сдѣлку. Николай Григорьевичъ не имѣлъ и тѣни подозрѣній, что онъ былъ обязанъ этому неожиданному спасенію очаровательнымъ взорамъ своей великодушной сестры, которая съ рѣшимостью и самопожертвованіемъ напала на врага всюю силою своей обольстительной особы, можетъ-быть, рѣшившись на безсмертный подвигъ Курція. Николай Григорьевичъ, въ-слѣдствіе этой сдѣлки, отдалъ своему преслѣдователю родительскій домъ, сдѣлавшійся ему ненужнымъ послѣ смерти отца и матери.

Баринъ этотъ (о чемъ вы, вѣроятно, догадались) былъ не кто иной, какъ любезный нашъ Петръ Ивановичъ; онъ поселился въ родительскомъ домѣ Николая Григорьевича, отдѣлавъ его и началъ ежедневно посѣщать своего новаго пріятеля и соеда. Николай Григорьевичъ чувствовалъ, что онъ обязанъ Петру Ивановичу спокойствіемъ остальныхъ дней своей жизни, и потому не упускалъ ни одного случая воссориться съ нимъ и нагрубить ему, сколько было возможности.

Петръ Ивановичъ полюбилъ Николая Григорьевича, и они сдѣлались друзьями... Съ этой-то поры Николай Григорьевичъ трепеталъ всѣми членами, когда Петръ Ивановичъ объявлялъ, что онъ хочетъ говорить о чемъ-нибудь важномъ. Хотя онъ очень-хорошо зналъ, что ему нечего бояться новаго процесса со стороны его соеда, съ которымъ у него было все покончено, но онъ не могъ побѣдить въ себѣ какого-то смутнаго ужаса при одномъ воспоминаніи о бывшемъ своемъ страхѣ, и теперь, угрюмый и встревоженный словами гостя, старикъ торопливо позвонилъ. Прошло пять минутъ, никто не являлся; старикъ позвонилъ еще: то же послѣдствіе; наконецъ, уже черезъ четверть часа послѣ третьяго, нетерпѣливаго и усиленнаго звонка, явился Сергѣй, босякомъ и застегивая послѣднюю пуговицу сюртука.

— Что это, братецъ, значить? Я не могу тебя дозвониться, сказалъ баринъ, нахмуривъ брови.

Николай Григорьевичъ протянулъ ноги, на которыя Сергѣй, ни мало не медля, надѣлъ носки.

Далѣе, не говоря ни слова, даже, можно сказать, не шевелясь, баринъ только протягивалъ разные члены своего тѣла, которые камердинеръ облакалъ одинъ за другимъ собственными

нимъ принадлежностями: засаленный кашемировый теплый халатъ сверхъ фланелевой фуфайки довершилъ нарядъ; потомъ Сергѣй заучилъ барину рукава и, свивъ халатъ жгутомъ, приподнялъ его сзади надъ спиною: — это былъ первый приступъ къ умыванью, продолжавшемуся болѣе четверти часа съ страшнымъ шумомъ, который Николай Григорьевичъ производилъ безпрестанно горломъ, набравъ полный ротъ воды. За умываньемъ, камердинеръ расчесалъ роговымъ гребнемъ мокрые волосы барина; взъерошилъ, далъ имъ извѣстную форму и, подвязавъ ему шею шелковою черною косынкою, поднесъ маленькое зеркальцо. Николай Григорьевичъ довольно-долго разсматривалъ въ него всѣ подробности своей физиономіи и костюма, открывалъ зубы, высовывалъ языкъ, всовывалъ его попеременно то за ту, то за другую щеку и, удостовѣрившись наконецъ, что все находится въ должномъ порядкѣ, пощупалъ два раза подбородокъ и обратился съ вопросительнымъ взоромъ къ камердинеру.

— Какъ ты думаешь, Сергѣй? спросилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, сударь. По-моему пора, отвѣчалъ Сергѣй.

Николай Григорьевичъ поглядѣлъ еще въ зеркало, еще нѣсколько разъ пощупалъ и потеръ свой подбородокъ, изъ котораго торчали волосы въ полпальца длиною, и наконецъ рѣшилъ, что дѣйствительно пора выбриться. Камердинеръ, исправлявшій также должность цирюльника, приступилъ къ этой новой операциіи: бритье и за нимъ новое умыванье продолжалось еще около получаса. Наконецъ, когда всѣ эти необходимые сборы и процессы были кончены, и Сергѣй вышелъ, Николай Григорьевичъ сталъ передъ образомъ, помолился, завелъ свои серебряные нортоновскіе часы, отправился къ своему креслу и усѣлся въ него къ услугамъ своего гостя. Петръ Ивановичъ переѣхалъ съ своимъ сѣдалищемъ и протѣстился напротивъ.

Снисходительный сосѣдъ молча и неподвижно присутствовалъ при всѣхъ описанныхъ мною обрядахъ, и не только былъ далекъ отъ мысли обнаружить малѣйшее, нетерпѣніе въ-теченіе двухъ почти часовъ, но еще казался совершенно-доволенъ тѣмъ, что рѣшительное объясненіе отсрочивалось такимъ образомъ само-собою, и онъ имѣлъ возможность приготовиться и обдуматься, будучи совершенно убѣжденъ, что все это къ *лучшему*.

Когда хозяинъ и гость помѣстились другъ противъ друга, Николай Григорьевичъ далъ знакъ глазами, что онъ готовъ и ожидаетъ объясненія *важнаго* предмета. Какъ ни хорошо Петръ Ивановичъ обдумалъ это объясненіе, какъ ни тверда была его рѣшительность, по въ роковую минуту онъ почувствовалъ, что матерія, о которой онъ собирался трактовать, требовала всѣхъ возможныхъ предосторожностей, всѣхъ усилій его дипломатическаго таланта и, надобно открыть истину, оборотливый умъ Петра Ивановича не зналъ съ чего начать.

Герой мой закашлялся, чтобъ скрыть свое замѣшательство, вы-

нулъ табакерку и, взявъ самъ призъ табаку, поднесъ ее Николаю Григорьевичу, какъ — бы желая этимъ процессомъ возстановить взаимное уразумѣніе и сочувствіе. Гость и хозяинъ поюхали съ приличною деликатностью.

— Я хотѣлъ бы прежде всего узнать, началъ Петръ Ивановичъ: — что вы, Николай Григоричъ... то-есть... эдакъ, обо мнѣ думаете?

— Объ тебѣ?

— Да-съ. То-есть, за кого вы... такъ-сказать, меня считаете?

— За своего сосѣда.

— Да, ну, да, это конечно. Это само собою разумѣется. Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось знать, что вы этакъ во мнѣ, то-есть, *внутренно* находите?..

— Я нахожу въ тебѣ много разныхъ качествъ.

— Разныхъ качествъ?!.. видите... то-есть, какъ же это понимать: разныхъ дурныхъ качествъ... что ли?

— Да, и дурныхъ...

Петръ Ивановичъ нахмурился.

— Видите!!!.. А какія это разные дурныя качества, то-есть... вы находите во мнѣ? позвольте васъ спросить.

— Я никогда не говорю о дурныхъ качествахъ моихъ сосѣдей...

— Не говорите?... Изволите видѣть! однакожь, мнѣ вы должны сказать.

— Нѣтъ, не скажу.

— А я вамъ говорю, что вы должны сказать.

Петръ Ивановичъ начиналъ горячиться. Такъ откровенно выраженное мнѣніе сосѣда о его дурныхъ качествахъ, въ эту торжественную минуту, совершенно поколебало его хладнокровіе.

— А я тебѣ говорю, что не скажу...

— А я вамъ говорю, что скажете!

— Нѣтъ, не скажу...

— Я васъ заставляю сказать.

— Посмотримъ.

— Да съ чего же это вы выдумали и въ-самомъ-дѣлѣ?.. Вы должны, сударь, объясниться со мною...

— Не хочу.

— Должны, говорю я вамъ.

— А я говорю, что не хочу.

— Ну, такъ послѣ этого не стоить и говорить съ вами!

Петръ Ивановичъ отвернулся, и нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Николай Григорьевичъ сидѣлъ, качая правую ногу; а Петръ Ивановичъ разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ свою новую фуражку, которая дѣйствительно заслуживала внимательнѣйшаго анализа по своему необыкновенно-замысловатому фасону, придуманному самимъ Петромъ Ивановичемъ. Наконецъ Петръ Ивановичъ снова прервалъ молчаніе.

— Вы меня считаете или нѣтъ за хорошаго человѣка?

Николай Григорьевичъ продолжалъ безмолвствовать. Google

— Я вас спрашиваю, Николай Григорьевич: за хорошаго, ли за дурнаго человека вы меня считаете?..

— Я не могу отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Почему это? желаю я знать.

— Не могу.

— Да почему? я вас спрашиваю.

— Почему?

— Да, почему?

— Почему? почему?... потому-что я никогда не отвѣчаю на такіе вопросы.

— Тьфу ты, дьявольщина!.. да на какіе же вопросы вы отвѣчаете?

— Я отвѣчаю на разные вопросы.

— На разные вопросы... да на какіе? желаю я знать... Убой же ня Богъ, съ вами такъ, то-есть, до завтра не попадешь на т разные вопросы, на которые вы отвѣчаете... Вотъ, какаго-то задача-то!

Петръ Ивановичъ опять принялся за свою фуражку, а Николай Григорьевичъ снова приступилъ къ качанію правой ноги... Прошло еще нѣсколько минутъ.

— По-крайней-мѣрѣ, скажите мнѣ, извѣстно ли вамъ, что мною числится сто-сорокъ-семь ревизскихъ душъ?

— Извѣстно.

— И что я съ нихъ получаю до восьми тысячъ дохода?

— До восьми тысячъ!.. Экая нелѣпость!

— Не нелѣпость, сударь, а сушая правда. Сколько разъ я вамъ это доказывалъ: разочтите сами: оброну я получаю *два* имскихъ; за пашки у меня здѣсь по пятидесяти-пяти десятинъ въ аршѣ, *и* за *два* потому жъ (какъ говорится въ крѣпостяхъ); каждая десятина, кром паровыхъ, худо-худо даетъ по пятидесяти рублей,—вы сами знаете какова у меня земля, сколько луговъ, сколько скота и какъ обрабатываются поля; значить, вычета содержаніе мое и дворовыхъ, вотъ еще будетъ *четыре* тысячъ. Теперь сочтите: *два* имскихъ барки, мельшину, вы и увидите, что выходитъ *семь* тысячъ *восемь* тысячъ... Что, не бось, все еще спорить станете?

Николай Григорьевичъ, не смотря на маленькую досаду, которую возбуждало въ немъ подробное исчисленіе доходовъ Петра Ивановича, не могъ никогда слышать безъ какого-то невольнаго уваженія слова: «слишкомъ восемь тысячъ годоваго дохода». Эта магическая фраза имѣла на него чрезвычайно-сильное вліяніе; она смягчала его душу и возвышала въ глазахъ его того, кто имѣлъ право примѣнить ее къ себѣ.

Сложивъ большой и указательный пальцы правой руки, Николай Григорьевичъ протянулъ ее впередъ; Петръ Ивановичъ тотъ часъ вынулъ свою табакерку, раскрылъ и поднесъ къ протянутому пальцамъ. Жестъ Николая Григорьевича служилъ несомнѣнно

нымъ доказательствомъ для Петра Ивановича, что краснорѣчіе его начинало торжествовать.

— Да, братецъ, сказага старикъ смягченнымъ голосомъ:—я не понимаю истинно, какъ ты это ухищряешься. Я съ трехсотъ слишкомъ душъ не получаю болѣе пяти тысячъ... Сушая премудрость для меня эти восемь тысячъ.

— Да-съ, восемь тысячъ чистаго дохода... Потому-что свой глазъ вездѣ, сударь мой. Съ этимъ можно жить... А?.. Годовъ вотъ ужъ съ десятокъ коплю деньжонку на черный день... Значить, эта статья кончена. Теперь обратимся къ личности... Отъ роду мнѣ около тридцати-пяти лѣтъ... да вѣдь я былъ воспитанъ не по-вышнему: силы и здоровья еще на долго хватить... Вы сами, вотъ, живой примѣръ...

— Да тѣбу пропасть, братецъ ты мой... Къ-чему это ты несешь такую околесицу?.. Завелъ-было о хозяйствѣ и вдругъ переѣхалъ на лѣта; да на здоровье...

Николай Григорьевичъ протянулъ руку. Гость и хозяинъ снова похлопали, но ужъ, въ этотъ разъ, съ видимою симпатіею. Ловкій Петръ Ивановичъ умѣлъ возбудить любопытство въ своемъ слушателѣ.

— Къ-чему я говорю все это?.. Гм!.. а вотъ къ-чему: скажите-ка мнѣ, чѣмъ, какъ, по вашему мнѣнію, этакъ, госкусь ли я быть мужемъ?

— Мужемъ, часъ-отъ-часу не легче!

— Да-съ, мужемъ и отцомъ семейства; рѣшите, могу ли я быть мужемъ?

— Надобно прежде знать чѣмъ?

— Чѣмъ?... Нѣтъ, это послѣ прійдетъ; а вы мнѣ прежде такъ скажите, приблизительно: могу ли я быть мужемъ... ну, то-есть, разумеется, какой тамъ ни на есть барышни, либо вдовы, наприѣръ?

— Барышни, или вдовы?

— Да-съ, барышни или вдовы: то-есть, я хочу этимъ сказать, какой-нибудь благородной дворянки?

— Есть барышни разныя, братецъ ты мой, и разныя вдовы, и разныя благородныя дворянки.

— Ну, нѣтъ... воскликнулъ Петръ Ивановичъ:—что бо-что!.. съ вами владѣть на тонкости во вѣщи вѣновъ не сталкуешь. Приступать, видно, ужъ прямо. Извольте видѣть, въ чемъ вся сила. Я задумалъ жениться.

Николай Григорьевичъ опять протянулъ руку, и обрядъ общаго похвнанья опять повторился.

— Безъ хозяйки нельзя, согласитесь; безъ женщины въ домѣ; что за порядокъ, вамъ это извѣстно... Я же человекъ solitary, домашный... ну, и, къ-несчастью, имѣю слабое сердце... Чтѣ жъ тутъ таятся! вы вѣдь все знаете... кто Богу не грѣшнъ, царю не виноватъ... Однако, пора о душѣ подумать... Къ-счастью, Богъ

прибравъ у меня Машу... царство ей небесное... Теперь вотъ я и задумалъ вступить въ законный бракъ.

Доведя разговоръ до рѣшительнаго момента, Петръ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ опять невыразимое безпокойство и сомнѣнiе. Онъ силится припомнить хорошеыко, не ошибся ли онъ въ узелкахъ... Дорого далъ бы онъ за возможность повторить теперь эту операцію, но увы... не было никакого средства. Въ одномъ ухѣ его раздавался голосъ графа, произносящiй обольстительную фразу «шестьсотъ душъ и чортова пропасть денегъ»; а въ другомъ слышался шопотъ Ненилы Григорьевны, то ласкающiй, то грозный, то умоляющiй. Ни кашель, ни цюханье, ни сморканье не помогали болѣе... Волценiе и тревога его увеличивались; наконецъ, сдѣлавъ неимоверное усилiе, онъ преодолѣлъ себя и продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ такъ-то, Николай Григорьевичъ, я и рѣшился вступить въ законный бракъ, то-есть... я... придумалъ, такъ-сказать, жениться, этакъ формальнымъ образомъ... И какъ вамъ извѣстно, Николай Григорьевичъ... что я, то-есть, въ-теченіе пяти лѣтъ... каждодневно имѣю удовольствiе видѣть Ненилу Григорьевну... тьфу ты, дурость какая! Виновать! чортъ возьми, какая глупая опибка, то-есть, Вѣру Николаевну, хотѣлъ я сказать...

— Мою Вѣру?.. воскликнулъ Николай Григорьевичъ съ непроизвольнымъ изумленiемъ.

Великое слово было сказано. Послѣ этого рѣшительнаго подвига, Петръ Ивановичъ почувствовалъ грудь свою вновь свободною отъ тягости, ее давившей, и въ душѣ его снова водворилась обычная спокойная твердость и непоколебимость.

— Да-съ, точно такъ... вашу дочь Вѣру Николаевну... я убѣдился, что лучше, умѣе, добрѣе и любезнѣе ея нѣтъ ни одной барышни не только во всей нашей губерніи; но даже въ цѣлой Россіи. Не подумайте, что я это говорю такъ, съ-горяча. Я въ этомъ точно такъ же твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что меня зовутъ Петромъ Ивановичемъ, а васъ Николаемъ Григорьевичемъ... почему и принимаю смѣлость испрашивать у васъ, Николай Григорьевичъ, вашей... т. е., ея руки.

Это предложенiе, вовсе неожиданное, озадачило Николая Григорьевича, которому были извѣстны отношенiя Петра Ивановича съ Ненилой Григорьевной. Вы ожидаете, что, имѣя эти свѣдѣнiя, онъ принялъ за дерзость поступокъ своего прiятеля? Нѣтъ, онъ вовсе не слѣдовалъ такимъ понятiямъ (хотя при обсужденiи чужихъ поступковъ, по сосѣдству не упускалъ случая пустить ихъ въ ходъ, разумѣется, ко благу ближняго). Николая Григорьевича поразила, во-первыхъ, непостижимость выбора Петра Ивановича и его внезапной переменчивости, тогда-какъ пятимѣтное неизмѣнное постоянство его рудалось бы за противное; во-вторыхъ, поступокъ Петра Ивановича ставилъ старика между сестрою и дочерью; а женихъ съ восемью

тысячами чистаго дохода былъ вовсе не такая вещь, которую бы могла поднять на улицѣ невѣста съ тридцатью душами.

ВѢра рѣдко навѣщала свою бабушку Анну Ивановну, славившуюся баснословнымъ скряжничествомъ, и хотя ясно видѣла ея особенную любовь къ себѣ, но ни она и никто въ домѣ не имѣли тѣхъ подозрѣнйя о ея благодѣтельныхъ намѣренйяхъ. До-сихъ-поръ этотъ секретъ былъ извѣстенъ только графу, который велъ интригу, да его двоюродному брату, съ котораго графъ взялъ слово сохранить тайну...

Николай Григорьевичъ увидѣлъ себя совершенно между Сциллой и Харибдой. Но его не легко было привести въ такое затрудненіе, изъ котораго онъ не сумѣлъ бы вывернуться. Выслушавъ Петра Ивановича съ наружнымъ равнодушіемъ, онъ приподнялся немного, въ видѣ поклона...

— Благодарю васъ покорно за честь, которую вы дѣлаете моей дочери, сказалъ онъ официальнымъ тономъ:—но такъ-какъ я въ этомъ ничего не знаю... это не мое дѣло... Я ей не мать. Нынче время такое, что вся эта молодежь сама выбираетъ... то я и далъ дочери полную власть... Какъ она себѣ, тамъ, хочетъ. ВѢрѣ, конечно, пора. Надобности большой ее удерживать я не имѣю... Хотя, правда, я привыкъ... Ну, да я знаю, что вѣдь надобно же ей когда-нибудь выйдти замужъ... Впрочемъ, большой надобности и въ этомъ я не вижу...

Въ это время дверь спальни немнѣжко отворилась, и серебристый, мелодическій голосъ спросилъ:

— Можно, папаша?

— Можно, отвѣчалъ папаша, и ВѢра, легкая, веселая, порхнула въ спальню и съ пылкою нѣжностью расцаловала угрюмаго, холоднаго старика.

— Какъ вы напугали тѣтеньку! сказала она, обращаясь къ своему жениху, о намѣренйяхъ котораго не имѣла теперь ни малѣйшаго подозрѣнйя, обезпеченная словами тѣтки. — Она всю обѣду не дала мнѣ молиться. Вотъ вы какихъ грѣховъ надѣлали.

— Возьми стулъ и сядь къ намъ сюда, сказалъ Николай Григорьевичъ.

— Сѣсть къ вамъ? спросила изумленная ВѢра: — я думала, что навѣщала вашему важному совѣщанію... Скажи, папаша, зачѣмъ мнѣ быть здѣсь?

— Садись сюда, ВѢра, и слушай.

ВѢра повиновалась, быстро подвинула стулъ, сѣла и съ безпокойнымъ любопытствомъ глядѣла попеременно на обоихъ собесѣдниковъ; но даже тѣхъ догадки о настоящей причинѣ этого конгресса не входила въ ея голову. Нѣсколько секундъ царствовало молчаніе.

— Что же, панаша, я слушаю?

— Говори, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ свою диковинную фуражку, откашлялся, сдѣлалъ вѣжливую мину и готовился уже начать, какъ дверь спальни отворилась, и Ненила Григорьевна спросила позволенія войти. Это неумѣстное явленіе, въ самую рѣшительную минуту, показалось дурнымъ предвѣщаніемъ Петру Ивановичу. Онъ впрочемъ надѣялся, что Николай Григорьевичъ отошлетъ ее; но ни чуть не бывало: старикъ велѣлъ ей войти и очень-ласково съ нею поздоровался. Трепетущая отъ сладостнаго ожиданія Ненила Григорьевна только-было обратилась къ коварному своему обольстителю съ какимъ-то восклицаніемъ, какъ Николай Григорьевичъ сказалъ ей:

— Сестра, запри дверь.

— Запереть?

— Дѣ, запри, потому сядь сюда и слушай.

Это приказаніе произвело впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ; но эффектъ его на Петра Ивановича былъ выше всякаго описанія. Его какъ варомъ обдали эти слова. Онъ сначала никакъ не могъ понять старика, который такъ неожиданно придумалъ заставить изрожденнаго жениха объясниться съ невестою въ присутствіи особы, которую тотъ хотѣлъ бы всего меньше имѣть свидѣльницею этого объясненія. Изобрѣтательному уму Николая Григорьевича представился этотъ маневръ, во-первыхъ, какъ средство отмстить беспокойному сосѣду за его безвременное посѣщеніе, за страхъ, который онъ навелъ на него своимъ объявленіемъ о важномъ предметѣ и за все прошедшее; а, во-вторыхъ, какъ предохранительное лекарство противъ атакъ оскорбленной сестры, которая непременно взвалила бы на него часть отвѣтственности за извѣстическій поступокъ Петра Ивановича. Теперь, когда вся эта драма разыграется передъ ея глазами, она уже не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода подозрѣвать своего осторожнаго брата въ соумышленіи съ виновникомъ обмана... Петръ Ивановичъ смекнулъ скоро предательскій расчетъ старика и это еще болѣе запутало его положеніе; онъ сохранялъ сознаніе, что въ сердцѣ молодой дѣвушки не имѣлъ онъ соперника своимъ замысламъ. Его надежды основывались на вліяніи родительской власти, которую онъ положительно считалъ за собою, понимая слишкомъ-хорошо, что его предложенія ни одинъ благоразумный отецъ дочери съ тридцатью душами приданого, не только не могъ отвергнуть, но долженъ былъ считать за особенное благополучіе. Надежды эти основывались, сверхъ-того, на совершенномъ знаніи образа мыслей Николая Григорьевича, въ которомъ Петръ Ивановичъ никогда не подозрѣвалъ надменной братской любви, такъ внезапно имъ обнаруженной; но теперь онъ угадывалъ, что успѣхъ его предпріятія болѣе, чѣмъ сомнителенъ. Безъ всякой посторонней помощи, онъ долженъ былъ единственно силою убѣжденія и краснорѣчія одержать, въ одно и то же время, двой-

ную побѣду надъ антипатическою холодною Вѣрой и надъ глубоко-оскорбленнымъ женскимъ самолюбіемъ Ненилы Григорьевны,— подвигъ, предъ которымъ, конечно, можно задуматься.

Въ первую минуту, Петръ Ивановичъ считалъ себя погибшимъ. Его воображенію представлялись страшныя сны: презрительно-равнодушный отказъ невѣсты, насмѣшливыя сожалѣнія старика, крикъ отчаянной и вѣдливой вдовы, постыдная и глупая развязка затѣи, въ которой отъ минутной рѣшимости, основанной на химерическихъ расчетахъ, принесъ онъ въ жертву давно-обдуманной и такъ хорошо устроенной планъ своей будущности. Эти ужасающія думы хлынули толпою, и сердце его сжалось темнымъ предчувствіемъ. Минута была роковая. Когда Ненила Григорьевна усѣлась съ сладостнымъ волненіемъ, и всѣ взоры устрежились на него съ любопытнымъ ожиданіемъ, Петръ Ивановичъ, съ пылающимъ, разстроеннымъ лицомъ, съ помутившимися глазами, вскочилъ съ кресла и готовъ былъ бѣжать. Одинъ Николай Григорьевичъ понималъ причину энергическаго и отчаяннаго движенія своей жертвы. Онъ торжествовалъ. Мучительное положеніе, въ которое ему удалось поставить Петра Ивановича, заплатило ему за все, что онъ переложилъ въ неизгладимый изъ памяти день нападенія на законность правъ его владѣнія сельцомъ Ванегою, съ чудовищною грудою документовъ, которые имѣли такое гибельное вліяніе на спокойный дотолѣ мозгъ моего мирнаго и счастливаго помѣщика.

Но торжество его было непродолжительно. Петръ Ивановичъ былъ человекъ, неспособный такъ легко отказаться отъ своихъ намѣреній. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать шагъ къ двери, свѣтлая вѣра въ предназначеніе съ быстротою молніи слетѣла въ хаосъ его душевной тревоги и мгновенно разсѣяла всѣ его страхи.

— Что за вздоръ! сказалъ онъ самъ-себѣ:—чего это я струсилъ?.. Вѣдь не повѣсятъ же меня. Вѣрно такъ должно было случиться:—предѣлъ, его же не преjdeши, сказано гдѣ-то... Авось еще все къ лучшему.

И это мудрое и благотворное разсужденіе возвратило ему всю твердость духа, спокойствіе и увѣренность: черты лица его приняли обычный видъ; краска исчезла, и онъ снова усѣлся на свое мѣсто, вынулъ неизмѣнную табакерку и съ полною непринужденностью подалъ ее Николаю Григорьевичу.

Характеры твердые въ критическую минуту развиваютъ всю энергію воли и изобрѣтательности. Петръ Ивановичъ, которому для обдумыванія предложенія Николаю Григорьевичу нужно было такъ много времени и приготовленій, теперь мгновенно нашелъ въ головѣ своей достаточно умѣнья и ловкости, чтобъ не задумываясь преступить къ шекотливому объясненію съ Вѣрою.

— Вѣра Николаевна, сказалъ онъ твердо, обращаясь къ ней:— я объецаюсь съ вами коротко и ясно... Я говорилъ съ вашимъ батюшкой... онъ предоставилъ вамъ рѣшеніе моей участи... Хотите вы или нѣтъ имѣть меня мужемъ?

Ненила Григорьевна поблѣднѣла. Она не вѣрила ушамъ своимъ.

— Мужемъ?.. васъ!.. воскликнула Вѣра.

— Да-съ... меня... мужемъ... повторилъ Петръ Ивановичъ съ непоколебимою рѣшимостью...

Водворилось молчаніе.

Эти ясно-выговоренныя слова, неоставившія Ненилы Григорьевны никакого сомнѣнія въ измѣнническомъ поступкѣ Петра Ивановича, такъ поразили ея бѣдное сердце, приготовленное къ совершенно-противоположнымъ ощущеніямъ, полное свѣтлыхъ ожиданій и давно-привыкшее дѣлать обольстительныя надежды, что оно пало подъ неожиданнымъ ударомъ. Ни гордость, ни чувство оскорбленнаго самолюбія не успѣли подкрѣпить слабость женской природы, и слезы явились первыя. Ненила Григорьевна быстро закрыла руками лицо и едва не лишилась чувствъ. Скоро, однакоже, порывъ чувствительности и слабости уступилъ мѣсто другимъ ощущеніямъ болѣе бурнымъ и ядовитымъ. Проснулись другія тревожныя чувства, другія глубокія страсти: стыль, досада и мимолетныя вспышки и иссушили въ одно мгновеніе источникъ слезъ. Оскорбленная женщина рѣшилась вооружиться всею силою воли, чтобъ не уредить торжества оскорбителя... Она поклялась ему отомстить местию женщины. У Ненилы Григорьевны было столько ума и присутствія духа, что она могла понять непримѣнне всякой трагической выходки противъ своего вѣроломнаго обожателя и выдержаться отъ упрековъ. Если она жила такъ мало въ свѣтѣ, что могла владѣть первымъ порывомъ и выдержать неожиданнѣйшій ударъ, то въ замѣнъ того она—какъ говорятъ у насъ русскіе Французы—была слишкомъ женщина, чтобъ заглушить оскорбленныи самолюбіемъ всѣ прочія чувства. Въ нѣсколько мгновеній она пришла въ состояніе сразиться въ равномъ бою съ стоическою рѣшительностью Петра Ивановича...

Не таково было душевное состояніе Вѣры. Вы уже знаете, какія идеальныя, поэтическія понятія имѣла она о жизни. Вѣра была, можно сказать, дитя природы. Лишившись матери въ самый день рожденія, она до десятилѣтняго возраста была оставлена на произволъ судьбы угрюмымъ ея батюшкой, видѣвшимъ въ ней виновницу потери жены, единственнаго существа, которое онъ искренне и много любилъ. Провидѣніе послало ей въ лицѣ старой няни замѣнъ родительскихъ заботъ и ласкъ и это отверженное положеніе слишкомъ рано развило въ ея сердцѣ, созданномъ для любви глубокой и дѣятельной, сознаніе потребности такого чувства. Когда ей минуло десять лѣтъ, известная уже вамъ бабушка ея, Анна Ивановна, почувствовала состраданіе къ ея безпріютному дѣтству и взяла ее къ себѣ, чтобъ дать какое-нибудь воспитаніе. Въ домѣ ея Вѣра жила около семи лѣтъ и умѣла приобрести такую любовь капризной и скучной старой дѣвы, что бабушка употребила для образованія ея всѣ средства, какія только могла имѣть подъ руками у насъ, здѣсь, въ Р—мъ-Уздѣ. Приходскій дьяконъ болѣе яв-

ти лѣтъ давалъ ей уроки во всѣхъ предметахъ, входящихъ въ составъ семинарскаго философскаго курса (исключая, разумѣется, латини) и даже во французскомъ языкѣ и на фортепьяно. Сверхъ того, Вѣра изрѣдка находила случай доставать кое-какіе романы и въ нихъ-то почерпнула свои основныя свѣдѣнія о практической жизни, которыя были очень-похожи на золотыя, волшебныя сны. Однако, суровая сущность, ее окружавшая, скоро возстала противъ этихъ неясныхъ понятій. Тихо Вѣра допытывалась и искала въ своей сферѣ чего-нибудь похожаго на свѣтлые призраки иной, лучшей жизни, созданныя ея воображеніемъ, настропеннымъ обольстительными разказами и поэтическими вымыслами, которые неопытная дѣвушка принимала за чистую и несомнѣнную истину. Образъ жизни ея былъ таковъ, что она не видѣла нигдѣ тѣни подобія любимымъ призракамъ своей фантази, по вмѣстѣ съ тѣмъ и не могла вполне убѣдиться, что очаровательныя мечты ея несбыточны. Анна Ивановна вела жизнь самую уединенную среди мосекъ, воспитанницъ и дворовыхъ людей своихъ. Когда Вѣрѣ минуло шестнадцать лѣтъ, ея угрюмый батюшка, отпустивъ въ полкъ своего единственнаго сына, Гришу, вдругъ вспомнилъ о существованіи дочери и взялъ ее къ себѣ. Образъ жизни ея въ родительскомъ домѣ былъ, если возможно, еще уединеннѣе, нежели у бабушки. Одинъ и тотъ же Петръ Ивановичъ, разсмотрѣнный ею съ разныхъ точекъ, оказался рѣшительно внѣ волшебной сферы, въ которой обитала мечта ея любящаго сердца. Отецъ и тѣтка, не смотря на всѣ усилія ея воли, не возбуждали въ душѣ ея никакого чувства, кромѣ страха и недовѣрчивости. Напрасно ждала она отъ нихъ, какъ милости, какого-нибудь желанія, которое дало бы ей случай всѣми возможными жертвованіями вымолить въ ихъ сердцахъ хоть сколько-нибудь сочувствія къ ея пылкой, глухой потребности любить. Они были глухи и холодны къ ея побываніямъ. Напрасно она сторожила минуту, въ которую бы душа ея, полная тревожнаго волненія, могла излиться въ родную душу. Эта минута не приходила. Все шло своимъ обычнымъ, мертвымъ порядкомъ. Мало-по-малу, Вѣра свыклась съ своимъ положеніемъ, похоронила въ недосягаемую глубину души обольстительныя надежды, отреклась отъ своихъ завѣтныхъ вѣрованій; казалось, все забыла свои свѣтлыя и роскошныя мечты, все болѣе и болѣе клаясь разсудительною р—ою барышнею и положительною узданною невѣстою. И вотъ слово *мужь*, произнесенное Петромъ Ивановичемъ, пробудило снова все прошедшее. Въ душѣ бѣдной дѣвушки вновь быстрымъ вихремъ пронесли роскошныя мечты, свѣтлыя, обольстительныя видѣнія, золотыя надежды, почти забытыя... Они не умерли. Вѣра похоронила ихъ живыми. Извѣстна страшная участь погребенныхъ за-живо. Притомъ же, подумайте, юныя мечты любви и счастья такъ богаты жизнью.

И какую дѣйствительность, какую будущность предлагаютъ ей за эти мечты! Въ замѣну ея идеала, судьба даетъ ей Петра Ива-

новича—этого ненаглядно-преславческаго подростка, предлагающаго ей дашнихъ насмѣшекъ. Бѣдная Вѣра!..

Она горько заплакала, вспоминая рассказы тѣтки: это воспитаніе сверхъ всѣхъ прегрѣшеналомностей, которая предостерегаетъ душность ишла съ ея мечтано, открывала ей еще въ ея уваст что-то оскорбительное и ушажающее...

Поведеніе Петра Ивановича было неостыжкимо для Вѣры: она не могла расгадать, обманывала ли она въ-точнѣе нана одиномъ лѣтъ легковѣрную тѣтку, или теперь обманывала самого Вѣра, предлагая ей свою руку, тогда—какъ она любила другую. Во всякомъ случаѣ, душа Вѣры, чистой и чуждой всякаго протворства была нестерпимо-отератительна такая двумысленность въ человекѣ, съ которой она должна была соединиться на всю жизнь.

Но се въсиль энизмъ, рѣшеніе ея между «да» и «нѣтъ» было такъ легко, какъ это кажется по всему, что сказано. Я. о. Вѣра. Хотя душа Вѣры была тверда и возвышенна, хотя въ ея душѣ хранилась энергическая и мощная воля, хотя уже она была свѣтелъ и свободенъ, но все-таки она была прежде всего дѣтская: удобная барышня: ея воспитаніе и сфера, въ которой она жила, были чужды правилъ и примѣровъ основной и неопредѣленной ответственности. Наврасно она хотѣла бы создать себѣ убѣжденныя правила. Ихъ создать нельзя: они должны быть въ крови, въ воспитаніи, въ духѣ общества. Тотъ міръ неопредѣленности, о которомъ говорили ея любимыя книги, былъ такъ далекъ отъ окружающей дѣйствительности, что его можно было считать за уютное и уютное воображеніе. Значить: вся философія, къ какой была способна моя разсудительная героиня, склоняла вѣсы въ пользу всякаго дѣла руки ея. Какъ смѣтъ ей жертвовать выгодною партією, да недавно такъ положительно-опредѣленною ея тѣткою) дѣйствительному чувству, когда всѣ кругомъ ея поступаютъ иначе: когда противъ этого было все: внѣшнія обстоятельства, судьба, предѣлъ,—какъ говоритъ Петръ Ивановичъ,—его же не преидеши? въ-самомъ-дѣлѣ, какія основательныя причины ишла она «притивъ» этой партіи? Надежды на что-нибудь лучшее (если надежды можно отнести къ основательнымъ причинамъ)? Но у нея было уже довольно времени увѣряться въ шаткости такихъ надеждъ. Дѣвчата живя ея въ домѣ родительскомъ соединила въ себѣ, такъ мале предестей, что легко было предпочесть ее замужеству, съ чуждыми, въ которомъ она знала гораздо-болѣе доброты и чужды дѣйствительности, нежели сколько находила въ родныхъ ей сердцахъ. Что же сказать ей въ опору своего отвращанія отъ предлагаемаго ей союза?

Однакожь, это отвращеніе было такъ сильно, что оно побѣдило ея интеллигентныя вліянія, и Вѣра рѣшилась бороться; къ-тому же, она была увѣрена, что родительская власть не вмѣшается въ ея дѣла. Дикій и суровый Николай Григорьевичъ, неопредѣленный и малѣйшаго протворства своей воли и даже прихода, къ-се

стию, единственною занимался судьбою дочери и, сверхъ того, привыкнувъ въ-теченіе пяти лѣтъ къ ея присутствію, старый анахоретъ, вообще терпѣть немогшій перемѣлъ во всемъ, что его окружало, и неохотно оставившій свои привычки, думалъ съ неудовольствіемъ объ ея замужествѣ, которое должно было измѣнить образъ его жизни.

Петръ Ивановичъ, во время своего объясненія, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за измѣненіемъ лица молодой дѣвушки, отъ которой онъ ждалъ чего-нибудь въ родѣ холодной насмѣшливости; но когда свѣтлые и всегда веселые глаза ея отуманились горькою влагою грусти, онъ съ какою-то особенною торопливостію началъ искать подъ креслами носоваго платка, который сей-часъ только положилъ въ карманъ. Ненила Григорьевна, съ своей стороны слѣдившая за всѣми его движеніями, замѣтила какъ этотъ симптомъ непритворной чувствительности, такъ и то, что Петръ Ивановичъ словно вовсе забылъ о ея присутствіи. Сердце ея рвалось отъ злости и огорченія.

Николай Григорьевичъ хладнокровно поглядывалъ на своихъ собесѣдниковъ. Слезы Вѣры текли, текли непрерывно; она молчала. Петръ Ивановичъ нашелъ наконецъ свой платокъ, высморкался съ такимъ оглушающимъ шумомъ, до какого еще никогда не достигалъ диапазонъ его звучнаго органа обонянія, и первый прервалъ тяжелое молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ.

— Даю вамъ клятву, Вѣра Николаевна, сказалъ онъ голосомъ слегка-дрожащимъ:—даю вамъ... этокое слово благороднаго дворянина, что обязуюсь... то-есть... сдѣлать все, что отъ меня зависитъ... чтобъ вы были счастливы...

Въ голосѣ, которымъ Петръ Ивановичъ сказалъ это, было столько чувства и искренности, что Вѣра, неизбалованная съ этой стороны, была глубоко тронута.

Физиономія Ненилы Григорьевны выразила неумолимое презрѣніе.

— Я не ожидала найти въ васъ столько расположенія дѣлать меня счастливыми, сказала она, обращаясь съ холодною насмѣшливостію къ Петру Ивановичу.

— У меня и нѣтъ этого расположенія, сударыня, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Петръ Ивановичъ.— Я человекъ слабый, какъ и всѣ смертныя. Но мое искреннее намѣреніе, изволите видѣть, состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать счастливою, то-есть, по мѣрѣ моей возможности, ту особу, которую я люблю, и которая этого заслуживаетъ столько, какъ Вѣра Николаевна.

— Благодарю васъ за это намѣреніе, отвѣчала Вѣра, отеревъ слезы:—вѣрю его искренности и могу вамъ сказать то же съ своей стороны. Но въ состояніи ли мы оба исполнить свои обѣщанія?

— Петръ Ивановичъ сдѣлаетъ все на свѣтъ, чтобъ сдержать данное слово... перебила Ненила Григорьевна.—О, ты не знаешь,

Вѣрочка, какъ свято чтить онъ свое *благородное слово!* Это отъ крови ея.

Глубокая иронія ея словъ звучала такимъ презрѣніемъ, такимъ кровавымъ упрекомъ, что Петру Ивановичу, недавно создавшему всю ихъ убійственную силу, на минуту стало очень-неудовольно: щеки его снова немножко зарумянились, и потомъ внезапно онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Ударъ Ненилы Григорьевны былъ нанесенъ троуграннимъ кинжаломъ. Намекъ на благородство и на кровь нашего героя напоминалъ, что дѣдъ его былъ крѣпостнымъ чело-вѣкомъ графа ..., который вывелъ его, что—называется, въ люди, выхлопотавъ офицерскій чинъ во время оно, и что отецъ его составилъ себѣ состояніе, обманувъ одного изъ богатыхъ друзей своихъ, который имѣлъ неосторожность вѣрить ему всѣ дѣла свои.

— Кровь и происхожденіе не надежная порука за благородство, возразилъ Петръ Ивановичъ измѣнившимся голосомъ. — Правила, сударыня, главное дѣло: правила, нравственность и религія. Вамъ, сударыня, это лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно... Петръ Ивановичъ закашлялся, какъ-будто для того, чтобъ, выговоривъ, протяжно и съ удареніемъ, эту послѣднюю фразу, дать время вполнѣ понять ее. Ненила Григорьевна вспыхнула въ свою очередь.

— И я могу сказать точно, то—есть, безъ самохвальства, продолжалъ онъ:—что у меня есть правила; что я, сударыня, не измѣняю и не измѣнялъ никогда, съ позволенія вашего доложить, моимъ правиламъ, и что я, сударыня, дѣйствительно всегда держалъ, держу и буду держать свое слово; если оно, этакъ... въ согласности съ моими правилами, съ нравственностью и религіею...

Вѣра не понимала всей язвительности этихъ взаимныхъ колкостей; но она инстинктивно чувствовала желчь, которою былъ отравленъ разговоръ двухъ разсорившихся любовниковъ, и эта словесная война, въ такую рѣшительную для нея и горькую минуту, взволновала ея чистую душу.

— Выслушайте меня, Петръ Ивановичъ, сказала она съ холодною твердостью:—отвѣтъ мой долженъ опредѣлить на всю жизнь мою участь и, можетъ-быть, ваше спокойствіе. Я не хочу рѣшиться на этотъ невозвратный шагъ легкомысленно... Я скажу все, что думаю, и предоставлю вамъ быть самому судьбою и самому произнести приговоръ... Мнѣ кажется, что для взаимнаго счастья въ томъ союзѣ, который вы мнѣ предлагаете, надобно каждому изъ насъ быть твердо увѣрену, что никакіе виды, никакіе расчеты, никакія побужденія, кромѣ чистой и искренней любви, не имѣютъ вліянія...

Вѣра робко взглянула на отца и въ глазахъ его прочла никакъ не поощреніе своей диссертаци; слезы снова потекли по блѣднымъ щекамъ ея; она продолжала съ твердостью:

— Мнѣ кажется; иначе... это будетъ поступокъ неблагородный и безразсудный, потому—что въ немъ слишкомъ-много будущности... и тотъ, кто, зная это, произнесетъ безсознательно приговоръ свой,

тотъ принимаетъ на себя всю вину и всю отвѣтственность за послѣдствія... за несчастія, которыя могутъ произойти отъ такого виновнаго легкомыслія... Я, можетъ-быть, ошибаюсь; я слишкомъ-неопытна, слишкомъ-мало имѣю понятія о жизни... но, по-крайней-мѣрѣ, считаю своимъ долгомъ сказать вамъ съ полною искренностью, какъ я все это понимаю... Отъ васъ буду ждать совѣта и рѣшенія... Надобно любить, Петръ Ивановичъ, всею любовью, какою мы способны любить, чтобъ соединиться на всю жизнь... А я... я должна откровенно сказать вамъ, что я васъ... уважаю... что я васъ... но я не люблю васъ *столько*... и вы меня *столько* не любите.

Ненила Григорьевна торжествовала... Николай Григорьевичъ, сначала не очень-довольный такою рѣзкою откровенностью дочери, не могъ потомъ удержаться отъ насмѣшливой улыбки, видя на лицѣ жениха впечатлѣніе, которое произвелъ на него этотъ монологъ... Петръ Ивановичъ въ-самомъ-дѣлѣ чувствовалъ, что роль его часъ-отъ-часу становится труднѣе и несноснѣе. Его поддерживало уже одно самолюбивое упрямство, и онъ начиналъ проклинать несчастную идею, которая вовлекла его въ это предпріятіе, обѣщавшее ему весьма-невѣрную награду за такую непріятную роль.

— Какіе же расчеты, какіе виды могутъ быть тутъ, душенька, со стороны Петра Ивановича? подхватила Ненила Григорьевна, все съ тою же убійственною ироніею. — Можешь ли ты такъ думать о немъ? Какой поводъ могъ подать онъ?..

— Благодарю васъ, Ненила Григорьевна, за ваше горячее участіе, за ваше этакое благорасположительное заступничество, перебить Петръ Ивановичъ. — Я постараюсь со-временемъ, потѣмъ, показать вамъ мою признательность; но извините, что теперь я, съ дозволенія вашего, буду говорить самъ за себя... ВѢра Николаевна имѣютъ право сомнѣваться... я, сударыня, подалъ поводъ, то-есть, этакъ думать обо мнѣ; но клянусь вамъ, ВѢра Николаевна, вотъ такимъ образомъ святаго угодника Николая-Чудотворца, клянусь вамъ, что есть для меня святаго, что я... истинно люблю васъ *такъ*, какъ не любилъ еще никогда и никого на свѣтѣ... Что же касается до *вашего*, то-есть, душевнаго расположенія, прибавилъ онъ съ чувствомъ: — то вы мнѣ сказали не новость... Я это зналъ; я былъ въ этомъ увѣренъ и все-таки рѣшился; потому-что надѣюсь, съ помощію Божіею, сдѣлать все, чтобъ заслужить... если не любовь, то, наконецъ, что-нибудь такое, этакое, подобное тому. Я знаю вашу добрую душу...

Смѣлость Петра Ивановича уничтожила Ненилу Григорьевну и показалась чѣмъ-то такимъ трогательнымъ, такимъ безкорыстнымъ и глубоко-чувствительнымъ бѣдной, неопытной ВѢрѣ, что она повествовала себя безоружною противъ этого беззавѣтнаго довѣрія ея сердцу.

— Но, Петръ Ивановичъ! воскликнула она, все-еще-желая за-тигъ себя: — эсть, говорятъ, любовь... и я этому вѣрю, я пони-

маю это... есть любовь, которою всякій долженъ любить разъ въ жизни, любовь, съ которою отдается вся жизнь, все существованіе. Я не умѣю опредѣлить ее; но она есть... въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Есть; положимте, что есть; что жъ изъ этого?

— Что изъ этого?.. Вы меня спрашиваете... А то, что послѣ... тогда я могу... подлюбить кого-нибудь эту любовью.

— Вѣра! воскликнулъ наконецъ Николай Григорьевичъ, доселѣ оставшійся безмолвнымъ зрителемъ всей этой сцены, которая потѣшала его, какъ драматическое представленіе. Услышавъ послѣднюю выходку своей дочери, строгій старикъ счелъ себя обязаннымъ употребить, наконецъ, свое родительское вліяніе, чтобъ окончить преніе, которое стало уже казаться ему слишкомъ-продолжительнымъ и скучнымъ, особенно, когда онъ замѣтилъ, что Ненила Григорьевна удалилась со сцены.

— Вѣра, ты начинаешь говорить глупости, ты заумничалась... Это, я вижу, романтика, сударыня... ваши дурацкія книги. Дѣло идетъ о серьезномъ, а не о фанабери... Къ-чему такое пустословіе?.. Ты вѣдь слышала, что у тебя спрашивалъ Петръ Иванычъ? Ну, и должна сказать ему, «да» либо «нѣтъ». Я не люблю этихъ бредней. — Ты, сударыня, кажется, могла бы научить ее разсуждать поумнѣе объ этомъ предметѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Я и сама точно также разсуждаю, возразила Ненила Григорьевна, взволнованная и ожесточенная. — Безъ любви нѣтъ счастья въ замужствѣ. Еслибъ мнѣ Петръ Иванычъ сдѣлалъ подобное предложеніе, я ему отвѣчала бы точно то же. Надобно, чтобъ сердце сдѣлало выборъ... Надобно было прежде позаботиться заслужить любовь...

Петръ Ивановичъ высморкался при этой новой атакѣ своей неумолимой противницы... Ясно было, что она не устала, но уже забавляла его, потому-что онъ предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ на старика сантиментальная выходка. И дѣйствительно, хладнокровный Николай Григорьевичъ пришелъ почти въ бѣшенство.

— Какъ! и ты тоже? воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ. — Откуда вьздось это непостижимое сумасбродство? Развѣ съ такими понятіями выходила ты замужъ?..

— Я... я была тогда ребенкомъ, возразила Ненила Григорьевна раздражающимъ сердце голосомъ. — Пусть на вашей душѣ и на душѣ моихъ родителей ляжетъ все, что я вытерпѣла... Мой примѣръ лучше всего доказываетъ, какъ справедливо Вѣрочка опасается любви...

Такое наивное признаніе озадачило строгаго Николая Григорьевича и убило весь гнѣвъ его. Въ изумленіи онъ протянулъ впередъ руку, сложивъ большой палецъ съ указательнымъ, подъ которые Петръ Ивановичъ немедленно подставилъ табакерку и нѣсколько секундъ пальцы старика оставались неподвижными въ

массѣ наркотической пыли, между-тѣмъ, какъ онъ съ комическимъ недоумѣніемъ глядѣлъ на сосѣда...

— Какъ вамъ это кажется? спросилъ онъ его. — Хоть бы вспомнила, сударыня, что здѣсь дочь моя! прибавилъ Николай Григорьевичъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Я это очень-хорошо помню, возразила Ненила Григорьевна, которой внутреннее волненіе достигло уже такой степени, что она не могла болѣе преодолѣть потребности излить свое горе и досаду... Вамъ, конечно, удивительно, что я жертвую собою для спасенія этой бѣдной дѣвушки, тогда какъ для васъ все равно, что съ нею ни будетъ... Какой чувствительности и рѣшности ожидать отъ человѣка, прожившаго за сорокъ лѣтъ! (Стрѣла летѣла въ Петра Ивановича)...

И, не найдя болѣе словъ въ растерзанной душѣ своей на подкрѣпленіе своего геройскаго подвига, Ненила Григорьевна рѣшилась блистательно нечаянно замѣнить этотъ недостатокъ и произвести необходимый эффектъ, который она чувствовала себя не въ силахъ сдѣлать съ помощью краснорѣчія... Она громко зарыдала.

— Дура! сказалъ хладнокровно Николай Григорьевичъ.

Это откровенно-высказанное мнѣніе отца произвело рѣшительное впечатлѣніе на Вѣру.

Послѣдовало торжественное молчаніе. Слезы Вѣры потекли съ новою силою... Въ мучительной, беспомощной невзвѣстности, къ кому, кромѣ Бога, могла она прибѣгнуть?

Наконецъ, она отерла глаза, встала и подошла къ отцу.

— Богъ свидѣтель, сказала она: — что я не въ силахъ рѣшить этого вопроса, отъ котораго зависитъ судьба моя и... судьба... другаго. Во всю жизнь... я всегда хотѣла знать свои обязанности, чтобъ имъ жертвовать всѣмъ, и никогда... никогда я не имѣла этого утѣшенія... Такъ я теперь... Сердце говоритъ мнѣ, что я не должна рѣдаться тому, кому не принадлежитъ вся любовь моя; но все, что я вижу кругомъ себя, все, что я слышу здѣсь... все въ противъ этого. Кто мнѣ скажетъ, гдѣ истина?... И если потомъ, потомъ сбудутся мои предчувствія!... Я сказала ему все; я просила у него совѣта и рѣшенія... (Вѣра остановилась и кинула на Петра Ивановича вопрошающій взглядъ... Петръ Ивановичъ глядѣлъ на нее твердо и съ спокойною рѣшительностію). Я не знаю, что мнѣ дѣлать больше? Папаша, ты согласенъ?..

Николай Григорьевичъ тоже молча глядѣлъ на нее сурово и неподвижно...

— Творецъ милосердый! воскликнула она съ тоскою: — да будетъ воля Твоя!.. Я... согласна... Батюшка, благослови меня...

Она опустила на колѣни предъ безмолвнымъ и неподвижнымъ отцомъ своимъ и склонила къ нему голову. Николай Григорьевичъ поднялъ глаза къ небу, прочиталъ про себя молитву и три раза медленно перекрестилъ дочь...

Вѣра долго оставалась въ этомъ положеніи, блѣдная и неподвижная. Бѣдная дѣвушка все еще боролась, плакала и молилась... Наконецъ, она встала, обернулась къ Петру Ивановичу и безмолвно подала ему руку... Петръ Ивановичъ быстро вскочилъ и, схвативъ бѣленькую, маленькую ручку, восхитительную по своей изящной формѣ и вѣжности и которая отнынѣ поступала въ его полное владѣніе, запечатлѣлъ на ней горячій и долгій поцалуй. На глазахъ его дрожали искреннія слезы.

Ненила Григорьевна незамѣтно ускользнула изъ спальни во время послѣдней сцены. Она убѣжала въ свою комнату и тамъ, оставшись одна, кинулась на постель и облегчила стѣсненную грудь свою рыданіями и проклятіями.

— Ну, теперь можете поцаловаться, женихъ съ невѣстою! сказалъ Николай Григорьевичъ, начинавшій приходить въ веселое расположеніе духа: — потомъ мы покончимъ дѣло по обычаю нашихъ отцовъ и по обряду нашей религіи; а потомъ поздравимъ васъ шампанскимъ.

Петръ Ивановичъ съ умильною миною протянулъ свои монгольскія губы и на свѣжихъ дѣвственныхъ устахъ невѣсты сорвалъ первый поцалуй.

Вѣра дрожала какъ въ лихорадкѣ.

IV.

СѢРЫЙ СТАРИКЪ.

Возвращаясь отъ обѣдни, Ненила Григорьевна и Вѣра имѣли обыкновеніе заходить къ отцу Ивану, своему приходскому священнику, который пользовался ихъ расположеніемъ. Особенно Вѣра любила его. Отецъ Иванъ дѣйствительно заслуживалъ много любви и уваженіе всѣхъ порядочныхъ людей. Это былъ рѣдкій человѣкъ: въ немъ соединялись почти всѣ христіанскія добродѣтели, кротость, смиреніе, полное, неограниченное безкорыстіе, готовность на все для блага своихъ духовныхъ дѣтей, готовность, доходившая до самоотверженія, глубокое чувство долга, искренняя любовь къ ближнему и духъ миролюбія. Большая часть его прихожанъ, не слишкомъ-способныхъ понимать его возвышенныя достоинства, признавала въ немъ, однакожь, человѣка святаго и прекраснаго, въ-особенности за то, говорили они, что «отецъ Иванъ не держался самъ и другимъ не давалъ худаго примѣра», «былъ трезваго поведенія», «не участвовалъ въ крестьянскихъ пирушкахъ», «никому, никогда не дѣлалъ никакихъ духовныхъ притѣсненій, мзды ради», «не переносилъ изъ дома въ домъ сплетень» и «былъ истиннымъ отцомъ бѣдныхъ сиротъ». «Матушка», жена его, была, равнымъ образомъ, воплощенная доброта, кро-

тость и покорность, и Вѣра говорила, что она дышала «благодатью» подъ ихъ гостепріимною кровлею. Вѣ-слѣдствіе чего она, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, посѣщала стариковъ каждый разъ, когда была въ церкви. Ненила Григорьевна, набожная и немножко ланжа, сопутствовала ей въ этихъ посѣщеніяхъ. Радужные и довольные хозяева обыкновенно угощали ихъ чаемъ, послѣ чего отецъ Иванъ отправлялся съ дамами въ село Ванегу, для принесенія Николаю Григорьевичу поздравленія и просвирки, вынутой за его здоровье.

Точно то же случилось и теперь. Отецъ Иванъ съ вынутою просвиркою находился въ гостиной и начиналъ уже нѣсколько удивляться необыкновенно-продолжительному отсутствію своихъ спутницъ. Вдругъ въ комнату вступилъ Петръ Ивановичъ, подошелъ подъ его благословеніе и пригласилъ его въ спальню. Тамъ отецъ Иванъ узналъ важную семейную новость, послалъ домой за френникомъ и въ присутствіи всѣхъ наличныхъ дворовыхъ благословилъ образомъ жениха и невѣсту и обручилъ ихъ кольцами. Этотъ обрядъ совершился самымъ печальнымъ образомъ. Одинъ Петръ Ивановичъ былъ, или старался быть веселымъ и счастливымъ. Вѣра говорила и дѣйствовала будто во снѣ.

Николай Григорьевичъ сохранялъ свою вѣчную, угрюмо-степенную важность. Ненила Григорьевна была темна и задумчива, какъ сонная ночь.

Отецъ Иванъ, какъ духовный отецъ Петра Ивановича и Ненилы Григорьевны, лучше нежели кто-нибудь понималъ весь трагическій интересъ этой драмы. Когда Вѣра подошла поцаловать образъ, глаза добраго старика отуманились слезами и онъ дрожащимъ, но громкимъ голосомъ сказалъ ей:

— Иже отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ придетъ, той спасенъ будетъ.

Этотъ зовъ божественнаго страдальца, прощальный привѣтъ земнымъ радостямъ, звучалъ обвиненіемъ въ устахъ человѣка, знавшаго тайны тѣхъ, чьимъ холоднымъ расчетамъ и виновнымъ страстямъ приносилось въ жертву существованіе чистое и невинное. Но Николай Григорьевичъ крикнулъ «шампанскаго!» и тяжелое впечатлѣніе обличительныхъ словъ исчезло какъ дымъ. Бокалы были налиты и выпиты. Поздравленія были сказаны обычнымъ порядкомъ, и Николай Григорьевичъ отправился съ Петромъ Ивановичемъ въ кабинетъ, чтобъ обсудить и положить всѣ внѣшнія подробности предстоящаго бракосочетанія. День свадьбы, по разнымъ уваженіямъ, былъ назначенъ черезъ мѣсяцъ.

Вѣра пошла также въ свою комнату и тамъ, въ объятіяхъ Липочки, облегчила свое сердце—слезами. Это универсальное лекарство всѣхъ душевныхъ женскихъ болѣзней произвело свое дѣйствіе. Съ-дѣтства привыкшая терпѣть и переносить, душа несчастной дѣвушки, притупѣвшая для сильныхъ ощущеній подобнаго рода, скоро успокоилась. Притомъ, настоящая переменна судьбы

ея, какъ я говорилъ уже, не могла ей казаться слишкомъ тѣлою. Она перемѣнила только одинъ родъ адатич на другой. И если этотъ рѣшительный актъ ея жизни навсегда отнималъ у нея надежды на лучшую будущность, то она и безъ того давно уже перестала питать эти обманчивыя надежды.

Ненила Григорьевна также соединила всѣ свои тревоги въ одномъ холодномъ чувствѣ мести.

Такимъ образомъ, скоро все пришло въ прежній снохоуный безжизненный видъ въ этомъ царствѣ адатическаго, безчувственнаго гдѣ все совершалось подъ гнетомъ какого-то недостижимаго обаяннн.

Иногда, на минуту, сердце бурно взволнуется. Ловите эту минуту. Ея никогда и ничто уже возвратитъ не можетъ... За все все омертвѣетъ по-прежнему; будутъ порывы, но никогда не будутъ движенія; виѣшнее снова задавить васъ.

По поводу этихъ тревогъ, утомившихъ старика, которому, сверхъ того, не дали поутру доспать обычной порціи, обѣдъ былъ назначенъ въ первомъ часу, пѣлымъ часомъ ранѣе обыкновеннаго стола, опять явилось «донское» (являвшееся и прежде два года къ «шампанскаго!», во время обрученія) и Петръ Ивановичъ, вообще очень-воздержный, напелъ придичнымъ, для такого торжественнаго случая, измѣнить свои строгія правила. Къ концу ужина, онъ развеселился, какъ подобаетъ счастливому жениху, и, увидѣвъ, что Вѣра собирается послѣ обѣда сѣсть въ проулиныя окрестностямъ, предложилъ ей сопутствовать.

Изъ моего окна, за рѣчкою, верстахъ въ четырехъ, видно село Ванега.

Надъ темною массою крестьянскихъ избъ, раскиданныхъ на гребню и скату довольно-крутаго холма, возвышается бѣлая каменная церковь, съ пятью маленькими главами и высокою колокольнею.

Вѣво, съ четверть версты отъ села, на гребнѣ же холма, стоитъ господскій домъ, одноэтажный, съ мезониномъ, почернѣвшій отъ времени, низенькій, съ высокою деревянною крышею, которая была некогда краснаго цвѣта, огороженный съ передняго фасада деревянною рѣшеткою, а съ боковъ обставленный ветхими, почти развалившимися, кривобокими службами. Сзади дома темнѣютъ густыя купы елей, осинъ и березъ сада; внизу, у подошвы холма, подъ селомъ и домомъ протекаетъ быстрая, свѣтлая и мелководная рѣчка, окаймленная широкими лугами; направо за селомъ безконечная равнина, на которой кое-гдѣ бѣлѣютъ церкви и темнѣютъ селенія; налѣво отъ господскаго дома, версты на двѣ тянутся поля; а за ними и за рѣчкою, густой, темный, сосновый боръ.

Пейзажъ, который я слегка очертилъ здѣсь, и который, какъ и сказать, виденъ изъ окна моего кабинета, не имѣетъ въ себѣ ни-

чего ни особенно-привлекательнаго, ни особенно-живописнаго; но въ свѣтлую лунную ночь въ немъ есть грустная поэзія, которая наводитъ на душу тихое и сладкое уныніе. Темный лѣсъ, уступами выдымающійся на противоположный крутой берегъ рѣчки, окружаетъ амфитеатромъ гладкую скатерть луговъ и въ углубленіи амфитеатра образуется прелестная долина, ровная и зеленая, всегда осыпанная цвѣтами, вдоль которой, сверкая, змѣится рѣчка; а на берегу этой рѣчки шумитъ небольшая купа березъ. Ихъ листья, озолоченные мѣсяцемъ, чудесно рисуются на черной маслѣ лѣса; лѣсъ спускаетъ свои длинныя тѣни на долину, и въ туманѣ отдаленія вся эта маленькая долина пестрѣетъ игрою свѣта и тѣни.

Подъ навѣсомъ березъ скрыта могила—чья? неизвѣстно. На ней лежить большой четверугольный камень, почти весь поросшій травою. На камнѣ была надпись; но она такъ стерлась, что я не могъ ничего больше разобрать, кромѣ цифръ 742 и въ разныхъ мѣстахъ; нѣкоторыхъ буквъ, которыхъ связать невозможно; кажется, есть еще слово «сентяврія»; но не могу ручаться за достоверность и этого.

Я усердно старался узнать чья это могила. Земля, на которой она находится, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ перешла, я думаю, въ десятыя руки, какъ это бываесть съ мелкодомъ-ственными владѣніями: значить, отъ нынѣшняго владѣльца ея нечего и ожидать какихъ-нибудь хоть немного достоверныхъ свѣдѣній; все, что ему извѣстно объ этомъ памятникѣ чьего-то забытаго существованія, онъ слышалъ отъ своихъ крестьянъ. Крестьяне рассказываютъ двояко: одни говорятъ, какъ водится, что «этой могилѣ и памятуховъ нѣту, что она съ Литвы еще стоитъ тут-тко», то-есть, относятъ ее ко временамъ нашествія Поляковъ, что явно опровергается арабскими цифрами подписи. Другіе болѣе замысловатые и болѣе склонные къ романтизму, увѣрили меня, что на этомъ мѣстѣ было «татарское побоище» и что тутъ убили и похоронили какого-то «сильнаго, могучаго богатыря». Одинъ только старикъ рассказываетъ нѣчто похожее на правду, что «лѣтъ сотнягу-мѣста назадъ, жилъ дескать въ этихъ мѣстахъ имепатый баринъ, дюже-лихой, что дѣлалъ онъ много раззору по всей округѣ (отъ котораго, между-прочимъ, будто бы пострадала предки моего историка), и что однажды, осеннею порою, опосля Воздвиженія, въ полунощный часъ, рыбаки нашли его въ рѣчкѣ».

Я въ-особенности потому старался разузнать объ обитателѣ этой удивленной могилы, что носится слухъ, будто онъ, въ прежнее время, иногда предпринималъ изъ нея ночныя прогулки по окрестностямъ.

У насъ, въ Р-мъ-Уѣздѣ, понынѣ процвѣтаютъ въ изобиліи и различія преданія, и свѣжіе рассказы о явленіяхъ духовъ и приви-

дѣвнѣй—этихъ непостижимыхъ гостей какого-то другаго, непостижимаго міра; и хотя у насъ нѣтъ древнихъ замковъ съ ирраціональными башнями и кровавыми легендами, но есть дома и мѣстности, которые пользуются особою привилегіею—служить театромъ для сцены подобнаго рода.

Причины явленій у насъ, болѣею частію, скрываются совершенно во мракѣ прошедшаго, и мнѣ не случалось никогда слышать ни одной романической исторіи, подобной тѣмъ, которыя обыкновенно предшествуютъ этимъ явленіямъ въ Западной-Европѣ. Тамъ жертвы какихъ-нибудь страшныхъ убійствъ являются изъ замгильной страны мстителями злодѣевъ, или дѣши преступныя приходятъ скитаться на мѣстахъ, гдѣ совершены ихъ тайныя, черныя дѣянія.

Наши р-скія явленія вовсе не имѣютъ этихъ трагическихъ претензій; можетъ-быть, потому-что событія нашей исторіи временъ давно-прошедшихъ совершились не въ такихъ неизгладимыхъ и грандіозныхъ мѣстностяхъ, какъ эти рыцарскіе замки, въ которыхъ, черезъ рядъ вѣковъ, сохранились не только стѣны, свидѣтели преступленій, но даже иногда кровавые слѣды убійствъ. Наши драмы разыгрывались въ простыхъ, бревенчатыхъ теремахъ, которыхъ самая память поросла травой забвенія; а души-мстители, или осужденные посѣщаютъ, какъ извѣстно, только древнія башни, или великолѣпныя залы, украшенныя портретами предковъ.

Вотъ, я думаю, почему у насъ посѣтители невѣдомаго міра принадлежатъ къ другому, болѣе-скромному разряду. Они являются вовсе не съ такою романическою обстановкою, какъ ихъ западныя собратія; иногда даже чрезвычайно-наивно и почти всегда съ побужденіями болѣе кроткими и благонамѣренными, а именно, какъ это усматривается изъ событій, слѣдующихъ за ихъ явленіемъ,— съ цѣлью предостеречь отъ какихъ-нибудь неожиданныхъ бѣдствій, или предупредить своихъ земныхъ пріятелей о скоромъ переселеніи ихъ отсюда.

Къ этой-то задумчивой могилѣ направлена была прогулка Вѣры и жениха ея; но едва отошли они съ четверть версты отъ дома, какъ встрѣтили Авосина съ племянникомъ графа. Молодые люди вышли изъ коляски и примкнули къ гулявшимъ, отъ которыхъ тотчасъ узнали, что почтенный владѣтель Ванеги находился въ эту минуту въ сладкомъ усыпленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Ивановичъ, бывъ въ необычайно-веселомъ и откровенномъ расположеніи духа, объявилъ имъ о своемъ счастіи. Еслибъ не погибельная пѣна донскаго, дипломатическаго соудъ мой никакъ бы не сдѣлалъ такого поспѣшнаго объявленія людямъ, которыхъ онъ всего болѣе долженъ былъ остерегаться. Но что прикажете дѣлать? дипломатія его иногда тоже разбивалась о подводные камни. Услышавъ объ новости, Владиміръ объявилъ, что они

Идутъ на обѣдъ къ сосѣду, раскланялся, и, сѣвъ въ коляску, оба они съ Авосинымъ поскакали, объѣздомъ, домой, сообщить графу неожиданную развязку своей экспедиціи.

Между-тѣмъ, прогулка продолжалась до самаго вечера. Петръ Ивановичъ былъ нѣженъ и любезенъ, какъ его еще никогда не видала Вѣра. Возвратившись домой, они нашли Николая Григорьевича вставшимъ и съ нимъ Ненилу Григорьевну, вѣрную своей роли, наружно-безпечную и даже веселую.

Между-тѣмъ, за свѣтлымъ днемъ наступилъ ненастный и холодный вечеръ.

Часовъ въ восемь, все семейство ванегскаго владѣтеля застѣдую, какъ и всегда, въ гостиной, около круглаго стола, гдѣ въ скромномъ величинъ возвышался толстый, увѣчаный клубами пара самоваръ,—символь домашняго счастья нашей уѣздной жизни, яркое божество, которое поэтическая признательность древнихъ Грековъ жеремѣнно причислила бы къ числу домашнихъ пенатовъ, еслибъ древніе Греки жили въ наше время въ Р—мъ-Уѣздѣ. Подъ тихіе звуки умолкнувшей внутренней жизни этого пената, четверо поклонниковъ его мирно наслаждались его дарами.

На дворѣ бушевала непогода: вѣтеръ свистѣлъ въ печныхъ трубахъ и стучалъ въ ставни каплями полузамерзшаго дождя.

Герои мои, спокойные, подъ крышею мирнаго, теплаго пріюта, вспомнили о бѣдныхъ странникахъ, которымъ по неволѣ нужно масть куда-нибудь въ такую скверную погоду, на-примѣръ, черезъ какой боръ, какъ за упомянутую мною рѣчкую, или по такимъ урючимъ мѣстамъ, какъ, на-примѣръ, въ долиніи окло березовой рощи, гдѣ могила: Эта мысль, естественнымъ образомъ, привела на память преданіе объ обитателѣ могилы и его ночныхъ прогулкахъ.

— Слышали ли вы, Вѣра Николаевна, спросилъ Петръ Ивановичъ:—какую онъ штуку изволилъ сыграть въ здѣшнемъ домѣ?

— Здѣсь?

— Да; въ этомъ самомъ домѣ и даже еще, могу вамъ доложить, вотъ въ этой самой комнатѣ.

— Въ этой комнатѣ?... я ничего не слыхала и не знаю...

— Э!... Такъ я вамъ расскажу эту исторію... Да это, знаете, такая исторія, то-есть, такая штука... съ позволенія сказать, что то-есть... признаюсь... Вы знаете, *батюшка?*.. спросилъ онъ, обращаясь къ Николаю Григорьевичу.

— Что такое?

— Ну, исторію *сѣраго старичка?*

— *Сѣраго старичка?!* вскрикнула изумленная Вѣра, вспоминая свой сонъ.

— Да-съ, сѣраго старика, слышали вы, «батюшка»?

— Слыхаль.

— Ну, что вы объ этомъ скажете?

хотѣлъ возбудить вниманіе: понюхалъ, высморкался, откашлялся и потомъ началъ съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ:

— Это, изволите видѣть!.. Было также въ одинъ осенній вечеръ... Да, ба!.. позвольте! (Петръ Ивановичъ приложилъ палецъ ко лбу), да! Богъ память!.. Такъ и есть... Те, те, те... такъ и есть!!!... вотъ религія-то!.. Представьте себѣ: вѣдь это было ровно-хонько сегодняшній день, то-есть, 20-го сентября, убей меня Богъ! 20-го сентября!.. Каково покажется? И позвольте, позвольте еще!.. 7, 10... 20... Да такъ, именно... именно 20 лѣтъ тому назадъ... А!!!... Ну ужъ это, то-есть, это вамъ доложу, то-есть, это что-то такое... Тыфу! ты штука! 20-го сентября, 20 лѣтъ тому назадъ и сегодняшній день—20 и 20! Емъ-то адова! Что вы объ этомъ скажете, батюшка?

— Заблужденіе.

Воображеніе Вѣры, отъ природы игривое и раздражительное, склонное къ вѣрованію въ необычайное и сверхъестественное, было настроено еще разными рассказами объ этихъ таинственныхъ и непостижимыхъ событіяхъ, которыя, какъ я говорилъ, въ такомъ ходу у насъ. Странная связь между сномъ ея, сегодняшними происшествіями и этою легендою о сбромъ старикѣ со всѣми сочетаніями случайностей, не могла на нее не подѣйствовать. Вообще надобно имѣть много твердости, чтобъ не подчиниться суевѣрному впечатлѣнію, которое производятъ подобные рассказы въ ненастный осенній вечеръ на самыхъ мѣстахъ событій, подъ свистъ вѣтра и подъ шумъ потухающаго самовара. Это сплетеніе обстоятельствъ, сближеніе чиселъ, сновидній и тому подобнаго, случайная и часто фантастическая игра судьбы, навѣваютъ на душу какое-то обаятельное чувство съ незримымъ міромъ, откуда воображеніе уноситъ эти видѣнія и мечтательная жизнь котораго какъ-будто отзывается вамъ въ то время, когда затѣмнѣвъ сказанія олицетворяютъ ея проявленія, какъ-будто близъ себя вы слышите присутствіе этихъ фантастическихъ созданій, вызываемыхъ къ видимой и бещественной жизни причудливою нитью по-вѣстї.

Моя героиня была такой поэтической природы и до такой степени уязвимая барышня, что не могла не испытать вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что въ этомъ сплетеніи событій, казалось, была замѣшана собственная судьба ея. Сердце ея жалось чуждымъ предчувствіемъ и безотчетнымъ страхомъ. Впечатлѣнія прочіихъ слушателей (кромѣ Липочки, которая вполне раздѣляла опасенія своего друга), были не такъ глубоки, но тѣмъ не менѣе проникнуты суевѣрнымъ, безсознательнымъ ожиданіемъ чего-то страшнаго.

— Ужъ если и это заблужденіе, продолжалъ Петръ Ивановичъ, пожавъ плечами,—не знаю... 20 и 20 и сегодняшній день... Штука!... Да-съ, ну, такъ я началъ... Вотъ изволите видѣть: въ этотъ самый вечеръ, то-есть, сегодня этому ровно 20 лѣтъ и вотъ въ этой

самой комнатѣ, покойникъ Савва Кузьмичъ, то-есть, прежній здѣшній помѣщикъ, царство ему небесное! (Петръ Ивановичъ перекрестился) сидѣлъ, вотъ такъ, для примѣра сказать, какъ батюшка сидитъ, и Татьяна Миновна, супруга его, съ нимъ и Маша, ея сестра, всѣмъ имъ царство небесное, и разговариваютъ они, знаете, объ этакихъ разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ... Дѣло-то, впрочемъ, вотъ о чемъ именно было... Исторія, признаться сказать, такая, то-есть, не красивая, не благовидная... Вы слышали, чай, Вѣра Николавна?

— Что? этотъ гадкій романъ? сказала Вѣра покраснѣвъ.

— Ну, да, именно... Теперь, при васъ, можно сказать... Татьяна Миновна выслѣдила всю эту исторію; сказала мужу; вотъ они выбрали день, да и напали на возлюбленную сестрицу... Сидятъ, знаете, и бранятъ ее, читаютъ ей рацею, мылятъ ей голову... Очень хорошо-съ; сидятъ они и слышатъ, знаете... бьетъ 12-ть часовъ, то-есть, такъ-сказать, полночь...

— Ахъ, Вѣрочка, подай мнѣ деколонъ, сдѣлай дружбу.

— Можетъ-быть, я васъ безпокою своимъ разговоромъ, Ненила Григорьевна? спросилъ Петръ Ивановичъ, глядя на барельефы голландской печи.

— Нѣтъ-съ, помилуйте... Совѣмъ напротивъ... Для меня весьма-приятно, отвѣчала Ненила Григорьевна, устремивъ взоръ на самоваръ.

Рассказчикъ продолжалъ:

— Ну, такъ вотъ изволите видѣть: бьетъ, какъ я вамъ докладываю, 12-ть часовъ, то-есть, полночный часъ... Тутъ, знаете, всегда есть что-то такое, этакое... страшное... кругомъ все тихо... эхо такое... И вдругъ, вообразите себѣ: только-только послѣдній часъ стукнулъ... Представьте же, сидятъ они всѣ трое и... слышатъ, вдругъ, вонъ въ той комнатѣ, въ залѣ, раздались глухіе шаги, тукъ, тукъ, тукъ... къ этой двери прямеконько... Глядятъ... Вообразите себѣ, что жъ они видятъ... вотъ въ этой самой двери видятъ они: стоитъ высокій, блѣдный старикъ, въ сѣрой бекешѣ.

Глухіе шаги, въ-самомъ-дѣлѣ раздавшіеся въ это время въ соседней комнатѣ — въ залѣ, о которой упоминалъ рассказчикъ, прервали нить повѣствованія...

Собесѣдники взглянули другъ на друга. Женщины поблѣднѣли.

Шаги приближались къ двери, и черезъ минуту, въ темной пустотѣ этой двери, всѣ увидѣли *высокую фигуру въ сѣрой бекешѣ*.

При этомъ явленіи, нервическая Ненила Григорьевна съ нестойкимъ визгомъ кинула въ полоскательную чашку стеклянку о-деколона и закрыла лицо руками. Лишочка спряталась за нее, а Вѣра, блѣдная, какъ полотно, кинулась къ привидѣнію и обхватила его руками.

v.

Отъ-чего являются превидѣнія.

По проселочной дорогѣ, въ нашемъ Р-мъ-Уѣздѣ, ѣхалъ молодой человѣкъ, имѣвшій наружность и всѣ формы и приемы «порядочнаго» молодого человѣка.

Если вамъ не случалось никогда проѣзжать по проселочной дорогѣ, въ темный, ненастный осенній вечеръ, то вы никакъ не можете себѣ представить душевнаго состоянія моего путешественника.

Конструкція экипажа, въ которомъ путешествовалъ молодой человѣкъ, не была основана на теоріи упругости металловъ; въ-слѣдствіе чего какъ экипажъ, такъ и сидѣвшій въ немъ путешественникъ получали каждую минуту не менѣе пяти самыхъ энергическихъ потрясеній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; ртуть реомюрова термометра стояла въ это время пятью градусами ниже нуля; рѣзкій вѣтеръ отъ сѣверо-востока съ стремительными порывами несъ прямо въ лицо полузамерзлыя капли дождя; путешественникъ мой отъ всѣхъ этихъ атмосферическихъ неприятностей былъ защищенъ только теплымъ сюртукомъ, и онъ такъ положительно выражалъ отсутствіе сочувствія со всѣмъ его окружающимъ, что число выразительныхъ эпитетовъ, которыми награждалъ послѣднюю станцію, равнялось какъ разъ числу буквъ китайской азбуки.

Дорога уже нѣсколько верстъ шла лѣсомъ, однимъ изъ тѣхъ темныхъ и мрачныхъ лѣсовъ, въ которыхъ мохнатыя ели и бѣловатыя осины, махая своими густыми вѣтвями, съ помощію вѣтра, дождя и темноты, производятъ пріятный полумракъ и мелодическій гулъ, способные очаровать самаго въискательнаго любителя дикой, осеіацовой поэзіи. Въѣхавъ въ унылое жилище дриадъ, герой мой замолчалъ: торжественность ли мрака и гармонія были тому причиною, или словарь его наконецъ истощился и за тумѣренными, слишкомъ-продолжительными порывами энергіи въ душѣ его водворилось апатическое безсиліе, — я не могу рѣшить. Болѣе часа онъ ѣхалъ молча; потомъ, съ наружнымъ спокойствіемъ, съ тѣмъ ужаснымъ спокойствіемъ, которое обличаетъ побѣду воли надъ душевными муками, обратился къ ямщику.

(Путешественникъ ѣхалъ на наемныхъ крестьянскихъ лошадяхъ).

— Приѣдемъ мы куда-нибудь сегодня?

Крестьянинъ, къ которому относился вопросъ, имѣлъ приемы стоическаго философа. Осенняя, проселочная дорога съ ея грязью, рытвинами, полузамерзшими колеями, стужею, вѣтромъ и дождемъ казались его стихіею; все существованіе его выражалось въ гармо-

ническомъ сочувствіи къ пріятностямъ страствія по этой дорогѣ. Почти съ удовольствіемъ, не думая ровно ни о чемъ, совершалъ онъ свое путешествіе подъ аккомпанементъ непрерывныхъ и безчисленныхъ толчковъ повозки, ругательствъ своего сѣдока и кусковъ грязи, которые ежеминутно летѣли въ него изъ-подъ копытъ измученныхъ лошадей; сердцу его не было доступно никакое возмутительное, горькое чувство, которому подверглась бы натура менѣе благодатная отъ такого неизмѣримаго ряда физическихъ и моральныхъ впечатлѣній; и точно, съ тѣмъ же меноколебимымъ душевнымъ спокойствіемъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ хладнокровіемъ онъ сломилъ бы себѣ шею, еслибъ судьба этимъ послѣднимъ ударомъ вздумала испытать его геройскую душу.

Услыхавъ вопросъ молодаго человѣка, мой философъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ безмолвія, хладнокровно ударилъ кнутомъ своихъ лошадей, почесалъ затылокъ, обернулся и произнесъ, съ спокойнымъ равнодушіемъ:

— Ась?

— Пріѣдемъ мы куда-нибудь сегодня?

— Вѣстимо пріѣдемъ, отвѣчалъ ямщикъ послѣ новаго молчанія и повернулся къ лошадямъ.

— А куда мы пріѣдемъ?

— Куда пріѣдемъ?

— Да.

— Куда пріѣдемъ?.. словно не знаетъ... Шутникъ же ты, баринъ!

Путешественникъ снова возвысилъ нѣсколько голосъ.

— Эта проклятая, адская, дьявольская станція кончится когда-нибудь?.. Я тебя спрашиваю.

— Чего такое?

— Чтобъ тебя всё черти...

— Подно, баринъ; ночью порою да въ злѣншемъ мѣстѣ... (люже прытко выкликвай... Разбудишь *съроби*, такъ держись да сля...

Молодой человѣкъ замолчалъ и пріялся, для развлеченія, считать козочки. Прошло около получаса. Послѣ ста-сорока-шести онъ сбился со счета.

— Лѣсомъ-то намъ много еще ѣхать?

— Лѣсомъ-то?

— Да.

— Ево-на, ужь поле видно.

— А!.. ну, а полемъ далеко ѣхать?

— Полемъ-то?

— Да.

— Вишь ты: вонъ и село.

— Ну, а за селомъ-то далеко ли ѣхать?

— Чего такое?

— Далеко ли за селомъ-то ѣхать?

— За селомъ-то далеко ли вѣхать?

— Да.

— На, ты, поди! Словно не знаетъ; полно шутить-то, баринъ.

Наступило новое молчаніе. Молодой человѣкъ перевернулся съ боку на бокъ, какъ-будто переменною положенія надѣялся усладить свою участь — и принялся опять считать точки. Вѣтеръ, на открытомъ мѣстѣ, забушевалъ сильнѣе, стужа также сдѣлалась ощутительнѣе. Ноги путешественника, укрытыя только холодными калошами, въ особенности выразительно протестовали противъ этого порядка вещей. Прошло еще съ четверть часа.

— Такъ за селомъ-то ужъ не далеко вѣхать?

— Да тебѣ куда жъ это такое вѣхать-то, баринъ?

— Да на станцію, безжалостное, варварское созданіе! Далек ли до станціи? спрашиваю тебя.

— На станцію. Эка притча. Смотри-ка ты ноги! Да вѣдь, станція.

— Гдѣ?

— Въ оны.

— Въ селѣ?

— Вѣстимо, въ селѣ.

Я не берусь изобразить лучъ счастья, озарившій душу моего путешественника при этомъ извѣстїи.

Лошади, почуввъ близость ночлега, тронули крупной рысью; число точекъ начало возрастать прогрессивно съ каждымъ шагомъ. Дорога спустилась съ горы и пошла дугами; къ мосту черезъ рѣчку. Ночь была такъ темна, хоть глаза выколи; вдругъ лошади фыркнули, прижали уши и вся тройка, не смотря на усталость, подхватила какъ бѣшеная и пошла трепать по дугамъ мощь страстнователей. Молодой человѣкъ могъ только замѣтить, что около купы березъ, на берегу рѣки, мелькнула какъ-будто какая-то тѣнь, а ея-то, кажется, испугались лошади. Съ версту дѣла повозка этимъ форсированнымъ маршемъ.

Ямщикъ некуснѣ держался дороги, не смотря на ея извилины и глухую тѣнь; и вотъ уже тройка домчала до моста. Поворотъ къ нему былъ крутъ и узокъ. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ высоки и обрывисты. Бѣшеная тройка махомъ свернула направо, стрѣлою влетѣла на мостъ и на этомъ скоромъ поворотѣ — кракъ, — заднее, правое колесо соскочило и только перилы удержали повозку. Она зацѣпилась, лошади рванули и стали; но сила толчка была такъ велика, что ямщикъ потерялъ равновѣсіе, сорвался съ козелъ и исчезъ подъ мостомъ.

Все это совершилось, разумѣется, въ одно мгновеніе. Прежде, нежели путешественникъ успѣлъ опомниться отъ быстрыхъ потрясеній и понять свое положеніе, изъ-подъ моста раздавался глухой, отчаянный вопль крестьянина:

— Помогите, отцы родные! тону!

Въ темнотѣ и суматохѣ, молодой человѣкъ не замѣтилъ паденія своего кучера и нисколько не предвидѣлъ опасности, которой тотъ подвергался. Привыкнувъ къ пріятностямъ и удобствамъ путешествія по проселочной дорогѣ, онъ полагалъ по неумѣренной каткѣ повозки, что она наѣхала на камни, на нихъ, зацѣпилась, или увязла. Темнота мѣшала видѣть предметы, и онъ вовсе не подозрѣвалъ такого близкаго сесѣдства рѣки. Умолчающій крикъ ямщика вывелъ его изъ безмечнаго спокойствія; стремительно поднялся онъ изъ повозки, взглянулъ внизъ, откуда былъ слышенъ голосъ, и увидѣлъ всю опасность своего положенія. Ночь была темна и туманна; порывистый вѣтеръ дулъ все съ возрастающею силою; повозка держалась на краю бревенчатого, выбжкаго места только упоромъ лошадей и невѣрною помощью гнилыхъ погнувшихся перилъ; малѣйшая случайность могла нарушить сомнительное равновѣсіе, которое сохранялось еще въ опрокинутомъ экипажѣ; малѣйшее неосторожное движеніе—и онъ могъ скатиться и увлечь за собою испуганныхъ и дрожащихъ лошадей въ рѣку, которая шумѣла внизу, невидимая среди крутыхъ и высокихъ береговъ подъ покровомъ непроницаемой мглы, мѣшавшей видѣть глубину ея ложа, такъ—что казалось, будто подъ мостомъ была бездонная пропасть.

Первое впечатлѣніе молодого человѣка при этомъ было цѣлительный ужасъ. Онъ понялъ, что тутъ дѣло идетъ о жизни. Въ темнотѣ, каждое его неосторожное движеніе могло быть причиною паденія повозки, которая увлекла бы его за собою и придавила бы всюю своею тяжестью.

Но страхъ и нерѣшительность его были непродолжительны. Раздался новый отчаянный крикъ ямщика; молодой человѣкъ скоро и съ осторожностью спустился изъ повозки, со стороны рѣки. Не смотря на легкость и быстроту его движеній, повозка шатнулась и сдвинулась внизъ: еще вершокъ этого спуска—и все было бы кончено; но, къ счастью, лошади, потянутыя назадъ, снова шлохнулись, снова рванули впередъ, сломали перила, внесли совершенно на мостъ повозку, помчались далѣе, зацѣпили другія колеса за другія перила, сломали оглобли, порвали гужи и построики и, оставивъ исковерканный экипажъ на серединѣ моста, понеслись въ равныя стороны. Путешественникъ мой едва только освобождалъ свою ногу изъ повозки, опустивъ другую на перила, когда случилось это новое происшествіе; быстрее движеніе экипажа оттолкнуло его въ сторону, въ то же мгновеніе перила рухнули подъ его ногами, и онъ, вслѣдъ за своимъ кучеромъ, полетѣлъ въ темную пучину.

Мѣсть, на которой совершалось описываемое мною происшествіе, былъ не что иное, какъ осуществленіе изворотливаго желанія отдѣлаться какъ-нибудь отъ требованій непремѣнно «моста» черезъ рѣку, на указанномъ мѣстѣ. На въ требующемъ, ни въ тѣхъ, которые должны были исполнить требованіе, не было сочувствія къ

необходимости «требуемого»: была бы мостъ, вотъ и все тутъ. И мостъ явился, по пущему велѣнью. Натыкали жердочекъ, связали жердочками и покрыли жердочками. Прошелъ годъ, и все это сплетеніе жердочекъ расплодилось врознь. Жердочки вылезли вонъ и торчали въ разныхъ мѣстахъ... и за одну-то изъ нихъ зацѣпился мой несчастный, оборвавшійся путешественникъ. Смѣлый и ловкій молодой человекъ схватился крѣпко за неожиданную помощь, посланную ему Провидѣніемъ; уцѣнился ногами за подпорки, замѣнявшія мѣсто быковъ и аркы этого эеирнаго моста и мало-помалу, съ невѣроятными усиліями, утвердился довольно-крѣпко въ своемъ полувислячемъ положеніи.

Въ это время, изъ-за небольшого мыса, образуемаго наилучной рѣки, блеснулъ яркій свѣтъ, совершенно освѣтившій всю мѣстность, и показалась лодка. То были рыбаки, ѣхавшіе на ночную лодку съ лучиною». Среди густой темноты, небольшой огонь, разложенный на корѣи и отражавшійся въ тихой водѣ, производилъ фантастическій эффектъ въ тѣсной рамѣ крутыхъ и высокихъ береговъ рѣчки, имѣвшей до пяти сажень ширины; его дрожавшій отблескъ освѣрялъ невѣрными и подвижными свѣтомъ окрестные предметы, длинныя и густыя тѣни которыхъ двигались во всехъ направленіяхъ. При этомъ освѣщеніи, герой мой увидалъ своего несчастнаго ямщика у одной изъ свай моста, по горло въ водѣ.

Рыбаки, которыхъ было двое, слышали крикъ его и свѣшили на помощь: лодка быстро подвигалась къ утопавшему. Когда она подошла къ мосту, молодой человекъ проворно спустился изъ своей засады и легкимъ прыжкомъ перенесся въ челнокъ. Его неожиданное появленіе такъ озадачило избавителей, что они вытаращили глаза и остались неподвижными. Не обращая вниманія на эффектъ, имъ произведенный, герой мой, все съ тою же быстротою и ловкостью, подавъ руку своему кучеру, и тотъ мигомъ вскочилъ въ лодку.

— Ну, теперь къ берегу! закричалъ молодой человекъ, обращаясь къ рыбакамъ. — Что вы разинули рты, болваны! Чѣмъ бы помочь, а вы зѣваете только. Гребите къ берегу!

Рыбаки исполнили приказаніе, не сводя глазъ съ неистожимаго для нихъ существа, которое они приняли, какъ вы можете догадаться, за «сѣраго старика въ новомъ видѣ». Едва только лодка подошла къ берегу, герой нашъ проворно прыгнулъ изъ нея, направился къ своей повозкѣ, отыскавъ тамъ небольшой кортень и, взявъ его подъ мышку, пошелъ, или, лучше сказать, полетѣлъ, какъ только можно было летѣть по полумерзшей грязи, въ село, гдѣ отрадно и привѣтливо сверкали огоньки. Ни смѣхъ, ни счастливое спасеніе не произвели на него никакого впечатлѣнія, — какъ-будто все это было въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Все его мысля теперь устремились къ огнямъ, мелькавшимъ въ деревнѣ,

У входа въ это эльдорадо, онъ увидѣлъ господскій дворъ на дворѣ, огороженномъ рѣшеткою. Фасадъ зданія краснорѣчиво обличалъ скромную посредственность. Изъ числа семи оконъ единственнаго этажа только два были освѣщены; да въ окнѣ мезонина, за перилами балкона на «курничьихъ ножкахъ», которыя, въ деревенской архитектурѣ, имѣютъ непритязательное названіе «колоннъ», — мерцалъ свѣтъ лампы.

Путешественникъ сверхъ-того замѣтилъ, что дворъ поросъ травою и что рука времени безпрепятственно оставляла свои разрушительныя слѣды на исковерканныхъ и полусгнившихъ палочкахъ дворовой рѣшетки. Молодой человѣкъ, какъ видно, имѣлъ большую опытность относительно физономіи такихъ домовъ. После бѣглаго, мгновеннаго обзора всѣхъ подробностей усадьбы, бывшей у него передъ глазами, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Опасаться, кажется, нечего. Владѣтель замка долженъ быть безъ большихъ претензій. Если онъ равнодушно смотритъ каждый день на свою уродливую, изгрызенную временемъ рѣшетку, то, конечно, мой дорожный, немного-запачканный грязью сюртукъ не произведетъ на него слишкомъ-непріятнаго впечатлѣнія; судя же по этому роскошному лугу, который замѣняетъ у него мѣсто двора, надобно полагать, что онъ не слишкомъ обремененъ посяденіями. Чортъ возьми! тутъ вовсе нѣтъ слѣда дороги къ крыльцу: видно съ начала весны ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ въ эти ворота: значить, я буду изъ числа рѣдкихъ и нечаянныхъ гостей; а тамъ, гдѣ не видятъ людей круглый годъ, одинъ человѣкъ не будетъ вѣрно слишкомъ въ тягость.

На основаніи этого краткаго разсужденія, онъ съ рѣшимостью отправился къ крыльцу.

Въ передней, передъ потухающимъ, дымящимся ночникомъ, на испачканномъ прилавкѣ, покоился, въ сладкомъ усыпленіи, дворовый мальчишка. Прибытіе моего героя не могло нарушить этого мирнаго сна, и молодой человѣкъ отправился смѣло черезъ темную залу въ гостиную, гдѣ видѣлся огонь и слышались голоса, и онъ-то, въ своемъ сюртукѣ теплою явился, какъ я разсказалъ выше, передъ изумленными взорами Николая Григорьевича и его собесѣдниковъ.

Ванегскій помѣщикъ, подобно нѣкоторымъ изъ моихъ сосѣдей, не любилъ излишняго и бесполезнаго освѣщенія. Въ гостиной горѣла одна сальная свѣчка, свѣтъ которой, самъ-по-себѣ немнѣшій яркости газовой лампы, былъ еще ослабленъ паромъ самовара; и при этомъ невѣрномъ свѣтѣ, явившаяся въ дверяхъ фигура молодаго путешественника имѣла какъ-разъ фантастическій видъ привидѣнія, напоминавшій «сѣраго старика», о которомъ разсказывалъ Петръ Ивановичъ. Припомните, сверхъ-того, что къ Николаю Григорьевичу никто чужой не входилъ *безъ доклада, тѣмъ паче ночью*: и вы поймете впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести мой путешественникъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ, такъ мета-

ти, въ самый аналогическій моментъ разсказа о сверхъестественныхъ явленіяхъ.

Равнымъ образомъ, не трудно представить себѣ положеніе молодого человека при необычайномъ приѣмѣ, ему сдѣланномъ. Нарисуйте въ воображеніи своемъ эту сцену. Довольно-высокая и довольно-обширная комната, обклеенная выбѣлленною, отъ времени почернѣвшею и растрескавшеюся бумагою и освѣщенная одною сальною свѣчкою. Изъ густой массы тѣней, образуемыхъ этимъ освѣщеніемъ, въ углахъ возвышаются изразцовыя печи, съ причудливыми барельефами, покрытыя самыми затѣйливыми узорами. На трехъ стѣнахъ, три малые большіе портрета въ простыхъ деревянныхъ рамахъ, двухъ мужчинъ и старой женщины, лица которыхъ одни отдѣлялись блѣдными очерками изъ мрака. Съ правой стороны, на громадномъ диванѣ, обитомъ полнмялою кожею, опрокинутая женская фигура Ненилы Григорьевны, покрывая тѣню самовара; сзади ея молоденькая дѣвочка, почти вся скрывшаяся за обширными складками платья; прямо передъ глазами, въ глубинѣ сцены, худощавая и длинная фигура Николая Григорьевича, въ черномъ сюртукѣ, въ темной ермолкѣ, изъ-подъ которой выдѣлились два пучка сѣдыхъ волосъ, пара большихъ черныхъ глазъ, отъянныхъ густыми, черными, съ просѣдью, бровями и носъ несообразной величины и толщины, среди блѣднаго, сухошаваго лица, покрытаго морщинами,—физиономія Миноса непреклонная, суровая, безчувственная; вся эта холодная и неподвижная фигура перпендикулярно рисовалась на спинкѣ исполинскаго, обитаго полнмялою, блѣдно-красною кожею волтеровскаго кресла баснословной формы. Напротивъ, на первомъ планѣ, тоже въ креслѣ не менѣе фантастическаго фасона, только гораздо-меньшаго размѣра, чернѣль силуэтъ худощавой же, низенькой особы Петра Ивановича, увѣчанной небольшою, старообразною головкою, съ узкими, маленькими черными глазками. Наконецъ, кидаящаяся въ объятія, со всею граціозною прелестью непритворнаго ужаса, высокая дѣвушка, стройная, какъ тополь, съ изящными формами, съ одною изъ тѣхъ физиономій, которыхъ недостатокъ правильности не позволяетъ называть прекрасными, но въ которой неуловимыя сочетанія очерковъ выражаютъ красоту душевную, съ глазами, полными ума и чувства, съ аттической головкою, увѣчанною роскошнѣйшею косою, подобною той, которую Байронъ украсилъ портретъ своей Гаиде. А сзади грязная, растрепанная, заспанная физиономія мальчишки, который, проснувшись отъ визга Ненилы Григорьевны, явился съ разинутымъ ртомъ дополнить группу.

Разбитый ѣздою и паденіемъ съ моста, иззябшій, измокшій, ослѣпленный свѣтомъ при переходѣ изъ темноты, герой мой, обвитый живымъ кольцомъ двухъ рукъ изящной формы, остолбенѣль, при взглядѣ на эту картину, дышавшую непонятнымъ для него ужасомъ и напоминавшую собою эпизодъ сказки объ очарованномъ царствѣ.

Нѣсколько секундъ въ комнатѣ царствовало гробовое молчаніе.

Липочка первая прервала его громкимъ хохотомъ, рассмотрѣвъ, въ своего убійщика, въ страшномъ фантомѣ довольно-красиваго молодаго человѣка. Вѣра, сдѣлавшая то же открытіе, отскочила отъ привидѣнія и скрылась къ своей рѣзвой подругѣ, аккомпанируя ей отъ чистаго сердца.

Это шумное проявленіе жизни благотвительно подѣйствовало на страшнаго посѣтителя: онъ также одушевился; развязно подошелъ къ Николаю Григорьевичу, въ которомъ, по домашнему костюму, угадалъ хозяина, и вѣжливо раскланялся всѣмъ собесѣдникамъ.

— Вѣроятно я имѣю честь говорить съ хозяиномъ дома? сказалъ онъ, обращаясь къ старику.

Николай Григорьевичъ облегчилъ грудь свою глубокимъ вздохомъ. Видно было, что онъ удостовѣрился въ *вещественности* призрака, и страхъ его совершенно исчезъ.

— Къ вашимъ услугамъ, здѣшній помѣщикъ Николай Григорьевъ Бормотыпинъ, отвѣчалъ онъ, все еще продолжая разсматривать молодаго человѣка съ недоувѣрчивостью. — Что вамъ угодно?

— Простите, что я осмѣлился въ такое позднее время беспокоить васъ... Я, и—скій помѣщикъ... Шершавинъ; надѣюсь, что вамъ знакома эта фамилія?

— Шершавинъ?.. Ваше имя?

— Александръ Андреевичъ.

— Племянникъ Матвѣя Матвѣича Шершавина?

— Да.

— Прену покорно садиться, сказалъ Николай Григорьевичъ.

Услышавъ этотъ разговоръ, Ненила Григорьевна открыла лицо и увидѣла передъ собою, вмѣсто сѣдаго, стараго привидѣнія, бѣлокурого мужчину, лѣтъ тридцати, который, при свѣтѣ сальной свѣчи, скрывавшемъ густыми оттѣнками рѣзкія черты лица, показался ей красавцемъ. Горделивое выраженіе безпечности и смѣлости въ блестящихъ глазахъ его произвело особенно-благопріятное впечатлѣніе на сердце молодой вдовы, обожавшей въ мужчинѣ преимущественно силу и отвагу. А эти два качества ясно и рѣзко выразались во всей особѣ молодаго человѣка. Онъ былъ сложенъ крѣпко и стройно: широкоплечій, съ могучею грудью, свонивъ атлетическимъ сложеніемъ онъ удовлетворялъ вполнѣ идеалу Ненилы Григорьевны. Въ его походкѣ, твердой и тяжелой, слышались воля и характеръ; открытый лобъ, легкая, полунасмѣшливая, полувеселая улыбка, безпрестанно проявлявшаяся на устахъ, пронизательный взглядъ карихъ глазъ его, слегка отуманенный задумчивостью и усталостью, обнаруживали умъ смѣлый и независимый, горделивую привычку къ своевольному господству надъ окружающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душу нѣжную и чувствительную, отравленную грустью и короткимъ знакомствомъ съ жизнью.

Молодой человѣкъ рассказывалъ, что проѣздомъ домой изъ П—ской Губерніи, гдѣ былъ по дѣламъ своимъ, онъ намѣревался восполь-

зоваться случаемъ и сдѣлать визитъ своему дядюшкѣ, котораго онъ не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. «Но вы знаете здѣшнія проселочныя дороги» прибавилъ онъ: «эта бездна грязи, толчки, стужа и вѣтеръ до того меня одолѣли, что я потерялъ и терпѣніе и разумокъ. Къ довершенію безконечнаго ряда страданій, въ полверстѣ отсюда сломалась моя повозка, и я въ совершенномъ изступленіи кинулся на огни, сверкавшіе въ здѣшнемъ селѣ. Вашъ домъ былъ первое жилище, котораго достигъ я и въ которомъ надѣялся найти хоть на нѣсколько минутъ спасеніе отъ стужи, оледенившей меня. Вхожу въ прихожую — человекъ вашъ спитъ. Я слышу здѣсь голоса; иду, и...»

— И попадаете въ объятія молодой особы, перебилъ Петръ Ивановичъ, котораго, отдохнувъ отъ страха, почувствовалъ также расположеніе къ веселости.—Вы вѣрно родились въ сорочкѣ, Александръ Андреичъ. Я, доложу вамъ, сто разъ ѣзжалъ по этимъ сквернымъ дорогамъ, а ни разу меня за это не обнимали незнакомыя мнѣ молодыя особы.

— Вы сами виноваты, Петръ Ивановичъ, сказала Вѣра, покраснѣвъ:—и вы же смѣтаетесь надо мною. Не стыдно ли вамъ...

— Я боюсь... началъ Александръ.

— И! помилуйте! чего бояться? перебилъ опять Петръ Ивановичъ:—мы люди простые, безъ церемоній. Мы доброму человѣку отъ-души рады.

— Очень-благодаренъ, сказалъ Николай Григорьевичъ, нагнувшись впередъ въ видѣ поклона.

— Дамы также очень-рады такому гостю, чему вы уже имѣете нѣкоторое доказательство. — Петръ Ивановичъ лукаво улыбнулся, взглянувъ на Вѣру.

— Такой прекрасный молодой человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ благосклонности прекраснаго пола, сказала Ненила Григорьевна съ обольстительною миною.

— Ну, видите; значить, дѣло кончено. Давайте руку, и прошу полюбить насъ.

Петръ Ивановичъ, вслѣдъ за тѣмъ, отрекомендовавъ себя, назвалъ обѣихъ дамъ, просилъ ихъ сдѣлать поскорѣе пуншъ гостю, распорядился послать за его повозкою, которую велѣлъ привести на барскій дворъ; однимъ словомъ, исполнилъ въ-отношеніи Александра весь обрядъ гостеприимства.

Нечаянный гость весьма-скоро водворился, такъ-сказать, въ своемъ новомъ кругу и принялъ тонъ радушной и пріятной короткости.

— Я васъ, кажется, очень испугалъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ. — Для меня, однакожь, остается загадочнымъ этотъ испугъ, которому я былъ причиною.

Вѣра засмѣялась при этомъ вопросѣ.

— Вы такъ неожиданно явились въ дополненіе къ страшному

разказу Петра Ивановича о привидѣнiяхъ, такъ кстати, какъ-будто подслушивали у дверей.

— О привидѣнiяхъ?! Здѣсь являются привидѣнiя?

— О, да еще какiя! Петръ Ивановичъ, теперь вѣрно ничто не испугаетъ. Доскажите вашу исторiю.

Петръ Ивановичъ, веселый и довольный въ-самомъ-дѣлѣ, старался казаться еще веселѣе и довольнѣе. Онъ съ предупредительною готовностью повторилъ начало своего разказа, котораго Александръ не слыхалъ, и продолжалъ потомъ:

— Вотъ все они видятъ собственными своими глазами и слышатъ собственными своими ушами, что этотъ, примѣрно сказать, незваный посѣтитель отправился вотъ къ этой стѣнѣ, гдѣ теперь стоитъ фортецяно и гдѣ тогда висѣла гитара; подходитъ онъ, какъ я докладываю вамъ, къ этой стѣнѣ... и вдругъ, представляете себѣ... квинта... то-есть, трудно повѣрить этому... квинта, докладываю я вамъ, вдругъ то-есть какъ взвизнетъ неимоверно-громко, да бацъ и разлетѣлась на-двое.

— Ахъ! взвизнула громче квинты робкая Невила Григорьевна, кинувъ на Александра нѣжный, проницательный взглядъ.

— Послѣ этого, надобно вамъ доложить, никто не знаетъ, что было... Можете себѣ представить... Старикъ пропалъ, куда и какъ — никто не видалъ. Только извѣстно всемъ, что послѣ, въ тотъ же самый годъ, случилось въ семействѣ Саввы Кузмича...

— Я не знаю этого, сказалъ Александръ.

— О, сударь мой! это такая неприятная исторiя, что трудно повѣрить. Истинно, бывають и могутъ быть подобныя...

— Вы обяжете меня, Петръ Ивановичъ, если разкажете, что такое послѣдовало за явленiемъ сѣраго старика...

— Да-съ, говорите послѣ этого что хотите, что это все вадоръ, сказки, бредни; а только всему свѣту извѣстно, что Татьяна Мивнишна, добродѣтельная женщина, которая была сначала убита, такъ-сказать, поступкомъ сестры своей,—женщина умная и образованная, дочь почтенныхъ родителей, воспитанная въ прекраснѣйшемъ семействѣ, страстно любимая мужемъ, красавица собою, привыкшая къ довольству, избалованная... Татьяна Мивнишна—докладываю я вамъ, въ тотъ же годъ бросила мужа и скрылась. Она взяла съ собою все свои брильянты, и съ-тѣхъ-поръ объ ней ни слуху, ни духу. Бѣднякъ Савва Кузмичъ, съ горя, началъ пить мертвую и умеръ ровно черезъ годъ, то-есть 20-го сентября слѣдующаго года.

Окончивъ эту фразу съ приличною таинственностью, Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на всехъ съ торжественною миною, аппетитно понюхалъ табаку, какъ-будто желая вознагражить себя за весь интересъ своего разказа, и поднесъ табакерку Александру. Молодой человекъ отрицательнымъ жестомъ поблагодарилъ его, и Петръ Ивановичъ обратился къ нареченному тестю.

— Вы, кажется, съ чувствительностью слушали эту странную исторію? спросила Александра Ненила Григорьевна, предпринявшая начать кокетствомъ съ Александромъ мишеніе въроломному Петру Ивановичу.

— Да; она производитъ на меня грустное и тяжелое впечатлѣніе, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Я бы хотѣлъ не вѣрить этому мнѣнію неслыханныхъ случайностей на судьбу и на воступки наши; а между-тѣмъ, безпрестанные примѣры доказываютъ, какъ много человѣкъ зависитъ отъ какой-то вишней, чуждой ему силы, которая безотчетно овладѣваетъ его умомъ, чувствами, душою и влечетъ безознательно по темнымъ, невѣдомымъ путямъ жизни.

— «Предѣлъ, его же не преидеши», сказала Петръ Ивановичъ съ унылымъ и глубокомысленнымъ видомъ.

Александръ пустился въ разсужденіе о существованіи міра невидимаго, вмѣщающаго близкое соотношеніе къ нашему видимому міру, о сродствѣ душъ, и о прочемъ, чѣмъ такъ плѣняется молодое, пылкое воображеніе.

Окончивъ свою полу-философскую, полу-поэтическую тираду, онъ змолчалъ и задумался. Тирада произвела на его слушателей глубокое впечатлѣніе. Николай Григорьевичъ и Петръ Ивановичъ переглянулись значительно, съ очевиднымъ опасеніемъ. Такое море мечтательныхъ и непонятныхъ фразъ возродило въ ихъ умахъ почти убѣжденіе, что разсудокъ нежданнаго гостя находится не въ нормальномъ состояніи. Ненила Григорьевна отчасти раздѣляла это мнѣніе; но обаяніе краснорѣчія подѣйствовало пемного на ея нѣжную душу. Ей было жаль еще предать страшному осужденію такого пріятнаго молодого человѣка, съ такими могучими формами, съ такою свѣжею наружностью...

За то, впечатлѣніе Вѣры и Липочки вполне вознаградило Александра за невыгодный эффектъ, произведенный имъ на прочихъ слушателей. Молодые дѣвушки въ первый разъ еще отъ-роду слышали такое поэтически-философское оправданіе ихъ мечтательныхъ убѣжденій, высказанное языкомъ совершенно для нихъ неизвѣстнымъ.

— Изъ вашихъ словъ, сколько могъ я понять, сказалъ Петръ Ивановичъ, вглядываясь пристально въ молодого человѣка: — можно вывести умозаключеніе, что вы, какъ-будто, то-есть, косвеннымъ образомъ, оправдываете... такъ, отчасти, можетъ-быть, поступокъ Татьяны Минишны, и по нравственному разсужденію приписываете его, такъ-сказать, печистой силѣ.

— О, что касается до поступка героини вашего разсказа, возразилъ съ жаромъ Александръ: — то я не смѣю его ни обвинять, ни оправдывать по тѣмъ фактамъ, которые вы мнѣ дали. Скажите, она совершенно пропала безъ вѣсти?

— Нѣтъ; есть слухи, можетъ-быть, невѣрные: то-есть, я не могу отвѣчать за ихъ основательность...

— И эти слухи?

— Говорятъ, что она, то-есть, эта несчастная, потерявшая женщина не покидала своего избраннаго, не смотря ни на что, и измѣняла ему, и когда онъ умеръ, она скрылась и ушла въ монастырь.

— После всего этого, сказала Александръ воспламенившись:— вамъ остается почтить память этой несчастной глубокимъ, истиннымъ сожалѣніемъ... Впрочемъ, она вѣрно была счастливейшею женщиной.

Взволнованный собственными мыслями, онъ всталъ, прошел нѣсколько разъ по комнатѣ, преслѣдуемый взорами всѣхъ присутствующихъ, устремленными на него съ разными чувствами, сѣлъ за фортепьяно, машинально взялъ нѣсколько аккордовъ и, какъ будто совершенно забывъ обо всемъ его окружающемъ, заигралъ четкимъ, мелодическимъ голосомъ, аккомпанируя себя на фортепьяно:

Оставь меня мечтать и думать, что дождусь,
Что доживу, достигну въ жизни я
Того, о чемъ давно такъ пламенно молюся,
Въ чемъ для меня разгадка бытія, —
Что я дождусь любви свободной, безусловной

Передъ которой все грозится безмолвно
И мѣръ, и жизнь съ нею вѣчною борьбой...
Люби мнѣ одному, съ моей суровой долей,
Съ моей обманутой, измученной душой,
Люби покорной лишь моей любви и волѣ,
Люби мнѣ отданной за цѣлый мѣръ земной,

Люби не для людей, для одного меня,
Люби пылающей, какъ страсти Абадновы,
Ворьбой поэзии, гармоніи, огня,
Люби, которой нѣтъ, фантазии поэта.
И ей-то я отдаю все существо мое;
И рай создамъ для ней средь мрачныхъ дѣбрей свѣта;

И ей одной всѣ силы жизни страстной,
Энергію ума, души и вѣжкихъ чувствъ:
Все, все высокое, что свято и прекрасно,
Изъ дивныхъ дѣлъ природы и искусствъ,
И все, чего никакъ не выразить словами,
Все, что въ душѣ моей хранится для нея,
Блаженства дивный мѣръ, украшенный мечтами,
Могучій жизни плодъ, — созданіе мое.
И вѣрю я: не избыточное будетъ,
Уже такъ много я подобнаго узналъ,
И вселось мой въ родной груди пробудить
Безумныхъ грезъ моихъ безумный идеалъ.

Еще послѣдніе звуки этой музыки, проникнутой глубиной, потрясающимъ чувствомъ, носились въ воздухѣ среди всеобщаго молчанія, и пѣвецъ и слушатели были нагружены въ поэтическое волненіе...

— Кушанье поставлено, раздался громкій голосъ Сергѣя.

Послѣ ужина, Александра препроводили въ ту же самую гостиную, гдѣ онъ провелъ вечеръ и гдѣ ему на огромномъ диванѣ была постлана постель.

Простившись съ нимъ, Петръ Ивановичъ зашелъ въ спальню Николая Григорьевича.

— Что вы скажете о вашемъ гостѣ, Николай Григорьевичъ?

— Онъ мнѣ не нравится.

— И мнѣ не совсѣмъ. Странное дѣло! кажется, молодой человекъ воспитанный, но во всемъ прихватамъ, на хваткамъ, но разговору, а ѣздитъ одинъ, безъ человѣка и въ скверной кибиткѣ... Весьма что-то странно... Вы его оставите погостить?

— Нѣтъ.

— Впрочемъ, онъ малый ловкій, и, кажется, разговорчивый. Денькъ, другой, можно бы... На безрыбьѣ и ракъ рыба. Вѣдь мы здѣсь почти людей не видимъ.

— Онъ мнѣ не нравится.

— А! ну, такъ покойной ночи.

— Прощайте.

— Прощайте, Николай Григорьевичъ.

Петръ Ивановичъ отправился въ свою усадьбу.

— Не правда ли, Вѣрочка, этотъ прекрасный молодой человекъ имѣетъ преннтересную наружность? говорила Ненила Григорьевна, проводивъ Вѣру въ ея комнату.

— Онъ мнѣ не нравится, тѣтенька.

Вѣра покраснѣла.

— Не нравится, душенька? Какой у тебя дурной вкусъ. Почему же онъ тебѣ не нравится?

— Онъ ужъ слишкомъ развѣзанъ, слишкомъ увѣренъ въ себя.

— Ахъ, душа моя, кака я же ты забавная. Это значитъ, что онъ свѣтскій человекъ. По всему видно, что должно жить въ луч-

шомъ обществѣ. Какія прекрасныя ухватки и какъ прекрасно воспитанъ!

— Какъ вы это замѣтили?

— А какіе у него пронзительные глаза, душенька, пошла ты!

— Нѣтъ, тѣтъенька.

— Дѣ, правда, онъ почти не смотрѣлъ на тебя. Онъ не сводилъ съ меня глазъ, такой чудакъ!

Въ комнату явилась низенькая, горбатая старушка, съ огромнымъ чернымъ платкомъ на сѣдой головѣ, въ затрещанной кофтѣ и юбкѣ. Это была все та же нянька Андреевна, въ ночномъ дезабилье.

— Что ты, няня, такъ поздно? спросила Вѣра.

— Да что, мать моя, Вѣра Николаевна, не вытерѣла, пришла вамъ диковинную новость рассказать.

— Что такое? воскликнули въ одинъ голосъ тѣтка и племянница.

— Чево, мои сударыни! Самка да Никифоръ болтаютъ, вишь, они *сѣраго старичка* видѣли.

— Сѣраго старичка?

— Изволили чай слышать, сюда, десятка три годовъ назадъ, сѣрый старичокъ хаживалъ оттуда, изъ-за рѣчки?

— Ну?

— Съ-тѣхъ-поръ ничего о немъ не слышать было; теперь Никифоръ вотъ рассказываетъ, что вишь онъ своими глазами, говоритъ, видѣлъ, будто, сударыни мои, сѣрый старичекъ прошелъ нѣтъ сада на крыльцо.

— Какой вздоръ, няня!

— Слышанное пересказываю, сударыни Вѣра Николаевна, и Самка тоже видѣлъ. А Мишка говоритъ, что послѣ ужина онъ мимо носа у него прошелъ съ крыльца въ садъ, туда, нѣтъ пруду. Я, говоритъ, какъ взвидѣлъ его, такъ, говоритъ, меня и прострѣляю. Вотъ какое диво!

— Что сегодня за ужасный день такой! сказала Ненила Григорьевна:— сколько происшествій!

— Истинно, мать моя. А еще-то какая диковина случилась, что Оекла птищица-то рассказывала. Слышала ты, моя милая Вѣра Николаевна?

— Нѣтъ. Что еще такое?

— Нѣтъ еще? Будетъ же тебѣ горе! Уточка-то твоя любимая...

— Что въ саду на прудѣ плаваетъ?

— Ну, да, моя душенька, улетѣла вѣдь сегодня.

— Какъ улетѣла?

— Улетѣла, сударыня моя. Повадился вишь къ ней дикій селезень летать... Драка такая пошла съ дворовымъ-то селезнемъ. Оекла ну говять этого нахальника; не тутъ-то было. Сегодня улетѣла за нимъ твоя уточка. Я сколько на свѣтѣ живу, не слышала, чтобъ дворовыя утки за дикими селезнями летали.

— Какая досада, няня!

— Да, моя матушка. Не передъ добромъ все это. А тутъ, какъ снѣгъ на голову, ночной гость, Богъ—знаетъ откуда явился.

— И это тоже не передъ добромъ? (Вѣра засмѣялась.) Утѣшься, няня. Онъ завтра уйдетъ.

— Ну, и Богъ съ нимъ... Баринъ хорошій, да не во-время.

— Развѣ ты его видѣла, няня?

— Видѣла, матушка. На тебя такъ схожъ, словно братецъ родной.

— Слышите, тѣтенька?

— И дѣйствительно, душа моя, есть некоторою сходство въ лицѣ и въ походкѣ...

— Полноте, душенька; нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Къ Александру для услугъ явился мальчишка, котораго онъ при входѣ нашелъ спящаго въ передней. Раздѣвая его, оборванный коммерсантъ не могъ утерпѣть, чтобъ не выразить ему своего удовольствія:

— Вы, сударь, какъ-будто знали: къ нашей радости пожаловали, сказалъ онъ ему съ глупою улыбкою.

— Къ какой радости?

— Да какъ же, сударь? развѣ вы не изволите знать?

— Ничего, братецъ, не знаю.

— Какъ же-съ... у насъ сегодня веселье такое было. Петръ Иванычъ изволилъ барышню сосватать; сегодня образованье (*) было... Честь имѣю васъ поздравить.

— А! ну, я очень-радъ, сказалъ Александръ улыбаясь, и далъ полтинникъ черномазому юношѣ за такое усердное поздравленіе съ чужою радостью.

Такъ-какъ впечатлѣніе, произведенное явленіемъ Александра и его особою на прочихъ героевъ моей повѣсти, извѣстно уже изъ ихъ разговоровъ, то я считаю себя обязаннымъ передать и впечатлѣніе, произведенное ими на Александра. Вотъ что онъ думалъ:

— Какая дурацкая ночь! Кажется, она не пройдетъ мнѣ даромъ. До ужина я чувствовалъ жаръ, а теперь дрожу какъ въ лихорадкѣ... Это будетъ замѣчательно-глупо, если мнѣ прійдется просидѣть нѣсколько дней въ этомъ очарованномъ замкѣ... Впрочемъ, все же лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ избѣ. Здѣсь есть по крайней-мѣрѣ привидѣнія и оригиналы, и молодая вдова съ нѣж-

(*) Благословеніе образовъ.

ными взорами, и счастливая чета... Странно, что мнѣ не хочется спать послѣ такой чертовской дороги, двухъ стакановъ пунша и четырехъ рюмокъ отвратительной мадеры! Я рѣшительно нездоровъ: шумъ въ головѣ, слабость во всемъ тѣлѣ, и эта глупая исторія жаговъ и квинты не выходитъ у меня изъ ума... Нѣтъ ли тутъ въ-самомъ-дѣлѣ какого-нибудь очарованія? (Александръ улыбнулся.) У насъ, въ провинціи, водятся вѣдь чудеса всякаго рода. Это будетъ однако нисколько не лестно для моего самолюбія. Моя волшебная красавица имѣетъ вовсе не романтическій вкусъ, и осердивать сердце ея у нѣжнаго Петра Ивановича мнѣ кажется нисколько незанимательнымъ... Нѣтъ, ужъ они всѣ черезъ-чуръ провинціалы! Надобно завтра ѣхать дальше, непременно.

Д В Ъ Д І А Н Ы .

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

1.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АРНОЛЬДА ТИЛЯ.

Благодѣтельной помощи только-что въ пору удалось пробраться въ Сен-Кентенъ, потому-что ужь начинало свѣтать. Усталого, измученнаго Габріэля, не знавшаго отдыха въ-продолженіе четырехъ дней, адмиралъ Колиньи привелъ въ домъ ратуши, гдѣ хотѣлъ помѣстить его рядомъ съ комнатою, которую занималъ самъ. Тамъ обезсильвшій Габріэль бросился на постель и заснулъ такъ, какъ-будто ему ужь и не слѣдовало больше просыпаться.

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, проснулся не раньше четырехъ часовъ во полудни, и те Колиньи, войдя въ комнату, перервалъ этотъ сладкій, укрѣпительный сонъ, въ которомъ бѣдный молодой чело-вѣкъ, не смотря на свои заботы, имѣлъ такую потребность. Въ-продолженіи дня, непріятель порывался на приступъ—и былъ мужественно отраженъ. Но не было сомнѣнія, что на завтра попытка возобновится, и адмиралъ, уже испытавшій счастливые совѣты Габріэля, опять пришелъ къ нему за ними.

Габріэль скоро всталъ и былъ готовъ принять Колиньи.

— Одно слово моему конюшему, адмиралъ, сказалъ онъ ему:— в я въ вашей волѣ.

— Расперижайтесь, виконтъ, отвѣчалъ Колиньи: — потому-что безъ васъ испанское знамя теперь развѣвалось бы на этомъ домѣ; я вполнѣ могу сказать вамъ: вы у себя.

Габриэль подошелъ къ дверямъ и крикнулъ Мартэна-Герра. Мартэна-Герръ явился. Габриэль отозвалъ его въ сторону.

— Мой добрый Мартэнъ, сказалъ онъ ему:— я тебѣ еще вчера повторялъ, что довѣряю столько же твоей сметливости, сколько вѣрности. И вотъ доказательство! Ты теперь же отираешься в лазаретъ Ильскаго Предмѣстья и тамъ спросишь—не мадамъ де-Кастро, а настоятельницу бежедиктинковъ; почтенную мать Монику, ее, не иначе, какъ только ее, попросишь извѣстить сестру Бени понимаешь, сестру Бени? извѣстить, что виконтъ д'Эксмэ, присланный отъ короля въ Сен-Кентенъ, будетъ къ ней черезъ часъ просить подождать его. Видишь, г. Колинъи на нѣкоторое время задержишь меня здѣсь; я ты знаешь, дѣло на жизнь и смерть и лагаетъ на меня обязанность всегда ставить долгъ выше удовольствія. Ступай же, и пусть она, по-крайней-мѣрѣ, знаетъ, что душа моя съ ней.

— Она узнаетъ это, сударь, отвѣчалъ расторопный Мартэнъ, вышедъ, оставивъ своего господина съ меньшимъ нетерпѣниемъ съ большимъ спокойствіемъ.

Онъ приближалъ къ лазарету Ильскаго Предмѣстья и принялъ терпѣливо спрашивать сестру Монику.

Ему показали настоятельницу.

— А, матушка! говорилъ, приступая къ ней, нашъ хитрецъ:— какъ я радъ, что наконецъ нашелъ васъ! мой бѣдный господинъ былъ бы очень-огорченъ, еслибъ мнѣ не удалось исполнить ея порученія къ вамъ, а главное—къ г-жѣ Діанѣ де-Кастро.

— Кто же ты такой, другъ мой, и отъ кого пришелъ? спросила настоятельница, изумленная и оскорбленная тѣмъ, что такъ дурно сохранена тайна, которую она вѣрила Габриэлю.

— Я отъ виконта д'Эксмэ, возразилъ мнимый Мартэнъ-Герръ прикинувшись простенькимъ добрякомъ.— Вы, вѣрно, знаете вианта д'Эксмэ! Весь городъ только его и знаетъ.

— Конечно! отвѣчала настоятельница:— я знаю нашего влюбленнаго. Мы молились за него. Я вчера имѣла честь видѣть его по его общанію, надѣялась увидѣть и сегодня.

— Онъ сейчасъ придетъ, мой благородный господинъ, онъ сейчасъ придетъ. Г. Колинъи его задержалъ, и онъ въ истергивъ послалъ меня впередъ къ вамъ и къ мадамъ де-Кастро. Не удивляйтесь, матушка, что я знаю и произношу это имя. Старинная, двадцать разъ испытанная вѣрность позволяетъ моему господину говорить мнѣ, какъ самому-себѣ, и у него нѣтъ секретовъ отъ этого маго, преданнаго слуги. У меня умъ и понятливость; какъ говорятъ другіе, только и есть на то, чтобъ любить и защищать его, по-крайней-мѣрѣ, этотъ истинникъ у меня есть; въ немъ—какъ нусь мощами святаго Кентена, мнѣ никто не откажетъ. О! прстите меня, матушка, что я такъ клянусь въ вашемъ присутствіи! Я и не подумалъ объ этомъ; привычка, видите ли, притомъ и рыль сердца...

— Хорошо! хорошо! примолвила, улыбаясь, мать Моника.—Такъ г. д'Эксмэ прійдетъ? Онъ кстатн прійдетъ. Сестра Бені особенно желаетъ его видѣть; ей хочется слышать вѣсти о королѣ, который прислалъ его.

— Э, э! произнесъ Мартэнъ съ поддѣльнымъ смѣхомъ: — онъ прислалъ его въ Сен-Кентенъ; но, я думаю, не къ мадамъ Діанѣ.

— Что ты хочешь сказать? возразила настоятельница.

— Я говорю, сударыня, что я, любя виконта д'Эксмэ какъ господина и какъ брата, я по истинѣ радъ, что вы, такая почтенная, всѣми уважаемая женщина, немножко вмѣшались въ любовную интригу виконта и г-жи де-Кастро.

— Въ любовную интригу г-жи де-Кастро? вскрикнула испуганная настоятельница.

— Э! разумѣется! возразилъ мнимый дурачекъ.—Мадамъ Діана не могла не признаться вамъ во всемъ, вамъ, своей истинной матери, своему единственному другу!

— Она говорила мнѣ что-то о глубокой сердечной скорби, отвѣчала монахиня: — но объ этой недостойной любви, объ имени виконта — я ничего не знала, рѣшительно ничего!

— Да, да! вы запираетесь... изъ скромности, возразилъ Арно, покачивая головой съ значительнымъ видомъ.— Оно такъ, по моему мнѣнію, вы прекрасно себя держите, и я, съ своей стороны, благодаренъ вамъ за это какъ-нельзя-больше. Дѣйствуете, по крайней-мѣрѣ, отважно! «А!» думаете вы про себя—«король противится любви этихъ дѣтей? а! отецъ Діаны страшно разсердится, если только станетъ подозрѣвать, что они могутъ встрѣтиться? Хорошо! Я, святая, достойная женщина, пойду наперекоръ королевскому величеству и отцовской власти. Я прикрою бѣдныхъ любовниковъ святынею моего сана, моей личности; я устрою имъ свиданія; я вдохну имъ надежду, усыплю въ нихъ угрызения совѣсти.» Да! превосходно, великолѣпно вы дѣйствуете; понимаете?

— Господи! произнесла, сжавъ руки, изумленная, ужаснувшаяся настоятельница, робкая сердцемъ, пугливая совѣстью.—Господи! и это наперекоръ отцу, королю, и мое имя, моя жизнь замѣшаны въ любовную интригу! о!..

— Посмотрите-ка, сказалъ Арно:—я вижу, вонъ мой господинъ самъ бѣжитъ благодарить васъ за ваше добро и спросить — не герпѣливый молодой человекъ! — спросить, когда и какъ можетъ онъ, по вашей милости, увидѣть свою ненаглядную.

Въ-самомъ-дѣлѣ прибѣжалъ запыхавшійся Габріэль. Но не успѣлъ онъ приблизиться, какъ настоятельница остановила его жестомъ и выпрямилась съ достоинствомъ.

— Ни шагу дальше и ни слова, г. виконтъ, сказала она.—Теперь я знаю, съ какимъ титуломъ, съ какою цѣлію ищете вы свиданія съ мадамъ де-Кастро. Не надѣйтесь же, чтобы я стала помогать планамъ, едва-ли достойнымъ благороднаго человека. Я не только не должна и не хочу васъ больше слышать, но употре-

блю всю свою власть огнять у Дианы всякую возможность, всякій предлогъ увидѣть или встрѣтить васъ въ пріемной монастыря или въ лазаретѣ. Она свободна, я это знаю; она не произнесла объѣта, который ей предлагаютъ; но пока ей угодно оставаться подъ избраннымъ ею кровомъ нашего святаго монастыря, она всегда найдетъ во мнѣ хранительную защиту для своей чести, но и для своей любви.

Настоятельница холодно поклонилась остолбенѣвшему отъ измѣненія Габріэлю и удалилась, не дожидаясь его отвѣта, ни разу не оглянувшись на него.

— Что это значитъ? спросилъ Габріэль у своего милаго конюшаго послѣ минутнаго столбняка.

— Я знаю столько же, сколько вы, сударь, отвѣчалъ Арно, скрывъ свою тайную радость подъ озадаченнымъ видомъ.—Мать настоятельница, если правду сказать, приняла меня очень-дурно сказала мнѣ, что она вовсе не знаетъ вашихъ намѣреній, но должна имъ препятствовать и помогать видамъ короля; что мадамъ Диана васъ не любитъ и никогда не любила.

— Диана меня не любитъ! вскричалъ Габріэль блѣднѣя.— Уверенъ-быть, это и къ лучшему!.. Но я хочу еще разъ ее видѣть, хочу доказать, что я не равнодушенъ къ ней, не виноватъ передъ нею. Это—свиданіе; оно мнѣ нужно, оно укрѣпитъ меня на подвигъ; ты, Мартэнъ-Герръ, непременно долженъ помогать мнѣ добиться этого свиданія.

— Вы, сударь, знаете, униженно отвѣчалъ Арно:—что я безоружное орудіе вашей воли, что я повинуюсь ей во всемъ, какъ рука головѣ. Я употреблю всѣ свои силы, какъ и теперь, доставить вамъ, сударь, желанное свиданіе съ мадамъ де-Кастро.

И, смѣясь себѣ подъ носъ, хитрецъ пошелъ вслѣдъ за пріютившимъ Габріэлемъ обратно въ домъ ратуши.

Потомъ, вечеромъ, послѣ ночнаго объѣзда вокругъ укрѣпленій, мнимый Мартэнъ-Герръ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, вынулъ изъ-за пазухи бумагу, и съ видомъ полного довольства принялся читать:

«Счетъ Арно Тиля г-ну коннетаблю Монморанси, съ того дня, какъ онъ, Арно, былъ насильственно разлученъ съ г. коннетаблемъ.» (Этотъ счетъ заключалъ въ себѣ столько же услугъ публичныхъ, сколько частныхъ.)

«За то, что, будучи въ плѣну у непріятели послѣ сен-лоранскаго дня, приведенный предъ лицо Филлибера-Эммануэля, съищу сего генералу отпустить коннетабля безъ выкупа, подъ тѣмъ предлогомъ, что г. коннетабль меньше сдѣлаетъ Испанцамъ вреда шпагой, нежели добра—своими внушеніями королю... пятьдесятъ экю.»

«За то, что хитрой уловкой вырвался изъ лагеря, гдѣ его, Арно, держали въ плѣну, и такимъ-образомъ сберегъ г-ну коннетаблю выкупную сумму, которую онъ не преминулъ бы выдать»

«шню заплатитъ, чтобъ воротить такого вѣрнаго, дорогаго слугу... сто экю.»

«За то, что искусно, неизвѣстными тропинками, провелъ отрядъ, который подъ начальствомъ виконта д'Эксмэ шелъ на помощь Сен-Кентену и адмиралу Колинъи, любезнѣйшему племяннику г-на коннетабля... двадцать ливровъ.»

Было въ записи г. Арно еще нѣсколько такихъ же нагло-корыстныхъ статей. Шпюионъ вторично прочелъ эту записку, поглаживая бороду. Окончивъ чтеніе, онъ взялъ перо и приписалъ слѣдующее:

«За то, что, находясь въ услуженіи у виконта д'Эксмэ, подъ именемъ Мартена-Герра, выдалъ сказаннаго виконта передъ настоятельницами бенедиктинокъ за любовника г-жи де-Кастро и такимъ образомъ надолго разлучилъ этихъ двухъ молодыхъ людей, что относится къ пользамъ г. коннетабля... двѣсти экю.»

— Это, на-примѣръ, не дорого, подумалъ Арно:—и вотъ статья, —одна стоить многихъ! Итогъ довольно круглый. Мы подходимъ къ тысячѣ ливровъ, а съ маленькимъ воображеніемъ дойдемъ и до двухъ. Но если я ихъ буду имѣть! Право, брошу продѣлки, женюсь, буду отцомъ семейства, какимъ-нибудь ктиторомъ въ провинціальному приходѣ и, такимъ образомъ, осуществится мечта всей моей жизни, честная цѣль всѣхъ моихъ грѣшныхъ дѣяній.

Арно легъ и заснулъ съ своей добродѣтельной рѣшимостью.

На другой день, Габріэль просилъ его опять идти отыскивать Ляну и не трудно угадать какъ было исполнено порученіе. Габріэль самъ оставилъ Колинъи съ тѣмъ, чтобъ пойдти развѣдать и разспросить. Но въ десять часовъ утра непріятель сдѣлалъ отчаянный приступъ: надо было бѣжать на укрѣпленія. Тамъ Габріэль, по обыкновенію, оказалъ чудеса храбрости, и дѣйствовалъ какъ-будто ему нужно было потерять двѣ жизни.

Дѣло въ томъ, что ему нужно было спасать двѣ жизни.

А главное, если онъ дастъ себя замѣтить, то, можетъ-быть, до Дѣвы дойдутъ о немъ слухи.

II.

РЕФОРМАТОРЪ.

Габріэль, изнемогая отъ усталости, возвращался съ крѣпости, вмѣстѣ съ Гаспаромъ Колинъи, когда проходившіе мимо два человека, разговаривая между собой, произнесли имя сестры Бені. Габріэль оставилъ адмирала и, догнавъ проходившихъ, торопливо спросилъ, не знаютъ ли они чего о сестрѣ Бені.

— О, Боже мой! нѣтъ, г. капитанъ, ничего не знаемъ, отвѣтъ одинъ изъ разговаривавшихъ, который былъ не кто иной, какъ Жакъ Пекуа. — По правдѣ сказать, мы съ товарищемъ не

мало беспокоились, потому что весь день не видать было доброй сестры Бени; а послѣ такого жаркаго дня, сколько несчастных раненныхъ, которые нуждаются въ ея заботливости, въ ея утѣхѣ. Но мы скоро узнаемъ, на серіозно ли она больна, потому что завтра въ ночь ея очередь служить въ лазаретѣ; до сих поръ, она ни разу не пропускала очереди, а монахини, такъ много, смѣняются онѣ такъ аккуратно, что имъ дѣтъ возможности увольнять своихъ сестеръ: развѣ только по рѣшительной и обходимости. Стало-быть, завтра вечеромъ мы ее навѣрно увидимъ, и я поблагодарю Бога за нашихъ больныхъ: она удѣло такъ утѣшить, оживить человека!

— Благодарю, другъ, благодарю! сказалъ Габріэль, съ жаромъ пожимая руку Жаку Пекуа, совсѣмъ неожиданному такой чести.

Гаспаръ Колинъ слышалъ, что говорилъ Жанъ Пекуа, и делилъ радость Габріэля. Когда Габріэль подошелъ къ нему, он промолчалъ, но дома, когда они остались одни въ комнатѣ, г. адмиралъ занимался дѣлами и отдавалъ приказанія, Гаспаръ съ заль Габріэлю съ своей вкрадчивой, кроткой улыбкой:

— Я вижу, вы, мой другъ, принимаете живое участіе въ долѣ монашенкѣ, сестрѣ Бени?

— Такое же, какъ Жанъ Пекуа, отвѣчалъ Габріэль, краснѣя; такое же, какъ, вѣроятно, и вы, адмиралъ, потому что вы, доч такъ же какъ я, не могли не замѣтить, до какой степени она боится о нашихъ раненныхъ, какое вліяніе на нихъ и на весь гарнизонъ производятъ ея слова, ея присутствіе.

— Зачѣмъ вы хотите меня обманывать, другъ мой? возразилъ адмиралъ съ какой-то грустью. — Стало-быть, вы очень мало вѣрите мнѣ, если рѣшились на такую ложь?

— Какъ! г. адмиралъ... проговорилъ Габріэль, въ концѣ ситившіе:—кто могъ внушить вамъ подозрѣніе?

— Что сестра Бени не кто иная, какъ Діана де-Кастро? разилъ Колинъ:—и что вы страстно любите Діану де-Кастро?

— Вы это знаете? вскричалъ пораженный удивленіемъ Габріэль.

— Какъ же мнѣ этого не знать? отвѣчалъ адмиралъ:— дѣш табль развѣ мнѣ не дядя? А отъ него развѣ что-нибудь укроетъ при дворѣ? Развѣ мадамъ де-Пуатье не ухо короля? А г. Мониранси развѣ не сердце Діаны де-Пуатье? Но какъ все это, по видимому, касается значительныхъ выгодъ нашей фамиліи, очень-естественно, что мнѣ тотчасъ же велѣно было, стараясь быть наготовѣ помогать видамъ моей благородной родни, прошло дня со времени вступленія моего въ Сен-Кентенъ на шиту крѣпости или на смерть, какъ получилъ я отъ дяди приказъ. Въ этомъ наказѣ не было ни извѣстій о движеніи непріятельскихъ военныхъ соображеній коннетабля, какихъ я ожидалъ. Слѣд не то! Черезъ тысячу опасностей провелъ онъ ко мнѣ въ ночь въ сен-кентенскомъ монастырѣ бенедиктинскѣ скрывается, по чуждымъ именамъ, Діана де-Кастро, дочь короля, и что я до

женѣ неуслышно наблюдать за каждымъ ея шагомъ. Потому — втерѣ, бѣднѣ Фламандскій лазутчикъ, котораго г. Монморанси подкупалъ во время своего изгнана, потребовалъ свиданія со мной въ южномъ проходѣ крѣпости. Я думалъ, что онъ пришелъ отъ имени дяди уговаривать меня не терять духа и возстановить славу Монморанси; померкшую въ Сен-Лоранскомъ пораженіи, сказать мнѣ, что король не замедлитъ усилить поддѣрженіе; приведенное вами, Габріэль, и что во всякомъ случаѣ я долженъ лучше умереть на проломѣ, нежели сдать Сен-Кентенъ. О, нѣтъ, нѣтъ! подкупленный лазутчикъ не принесъ такихъ доблестныхъ рѣчей, которыя могли бы одушевить и вдохнуть силу; нѣтъ, я грубо ошибся! Этому человѣку нужно было только передать мнѣ, что виконтъ д'Эксмэ, прибывшій наканунѣ въ городъ, какъ будто съ желаніемъ битвы и смерти, любитъ Диану де-Кастрѣ, невѣсту моего кузена Франциска Монморанси, и что сближеніе любовниковъ можетъ помѣшать важнымъ планамъ моего дяди. Но, къ счастью, думаетъ мой дядя, я случился губернаторомъ Сен-Кентена и моя обязанность — употребить всѣ силы и средства разлучить Диану де-Кастрѣ и Габріэля д'Эксмэ, ни подъ какимъ видомъ не давать имъ свидѣться, и такимъ образомъ содѣйствовать возвышенію и могуществу моей фамилии.

Все это сказано было съ видимой горечью и грустью. Но Габріэль чувствовалъ только ударъ, нанесенный его сердечнымъ надеждѣмъ.

— Итакъ, г. адмиралъ, сказалъ онъ съ подавленными гнѣвомъ: — это вы изволили предупредить настоятельную бенедиктинокъ; вы, вѣрный внушеніямъ своего дяди, безъ сомнѣнія, намѣрены отнять у меня всѣ пути, черезъ которые могъ бы я отыскать и увидѣть Диану?

— Замолчите, молодой человѣкъ!.. вскричалъ адмиралъ съ выраженіемъ непреклонной гордости. — Но я васъ прощаю, примолвилъ онъ кротко: — васъ ослѣпляетъ страсть; вамъ еще не было времени узнать Гаспара Колиннѣ.

Въ звукахъ этихъ словъ было столько благородства и доброты, что подкупленный Габріэль исчезъ; ему стало стыдно, что онъ допустилъ ихъ къ себѣ хотя на минуту.

— Простите, сказалъ онъ, протягивая руку Гаспару. — Какъ могло прійти мнѣ въ голову, что вы мѣшаетесь въ подобныя интриги?.. Простите, адмиралъ, тысячу разъ, простите!

— Хорошо, Габріэль, возразилъ Колиннѣ: — я опять узнаю васъ, съ вашей юной, чистой душою. Да! не вышажусь я въ подобныя проделки: я презираю ихъ, презираю тѣхъ, которые ихъ затѣвуютъ. Я вижу тутъ не славу, а стыдъ моей фамилии, и не только не хочу пользоваться такими обстоятельствами, но краснѣю за нихъ. Если эти люди, которые устриваютъ свое благоденствіе всѣми средствами, и честными и нечестными, люди, которые для насыщенія своего честолюбія, своей жадности, не смотрятъ на горе и

гибель себя подобныхъ, для достиженія своей низкой цѣли готовы шагнуть даже черезъ трупъ отечества, если эти люди мнѣ родня, то я считаю это казною, которою Богъ хочетъ поразить мою гордость, напомнить мнѣ мое ничтожество; быть строгимъ къ самому-себѣ и справедливымъ къ другимъ—для меня утѣшеніе, средство искупить проступки моихъ ближнихъ.

— Да! сказалъ Габріэль:—я знаю, что честность и добродѣтели первобытныхъ христіанъ ваши свойства, адмиралъ, и еще разъ прошу прощенія, что рѣшился заговорить съ вами, какъ съ однимъ изъ тѣхъ придворныхъ господъ, незнающихъ ни вѣры, ни закона, которыхъ я такъ научился презирать и ненавидѣть.

— Увы! произнесъ Колинъ:— скорѣй должно жалѣть ихъ, эти честолюбивыя ничтожества, этихъ бѣдныхъ, ослѣпленныхъ папистовъ... Но я забылъ, что передо мной не братъ по религiи. Да нужды нѣтъ! вы достойны быть нашимъ, Габріэль, и, рано или поздно, вы будете нашимъ. Да! Богъ, для котораго всѣ пути святы, приведетъ васъ къ истинѣ, я это предвижу, приведетъ чрезъ самую страсть къ истинѣ, и эта неровная борьба, въ которой любовь ваша не устоитъ противъ развращеннаго двора, кончится тѣмъ, что ввинтитъ васъ когда-нибудь въ наши ряды. Я почти себя счастливымъ, если, съ своей стороны, заброшу въ ваше сердце, мой другъ, первыя сѣмена божественной жатвы.

— Я уже зналъ, отвѣчалъ Габріэль:— что вы, адмиралъ, принадлежите къ числу принявшихъ реформу, и въ васъ научился уважать преслѣдуемую партію. Не смотря на то... видите ли!.. я слабъ духомъ, слабъ душой... чувствую, что всегда останусь одной религiи съ Діаной.

— Что жъ? возразилъ Гаспаръ Колинъ, проникнутый, какъ всѣ его единовѣрцы, жаромъ прозелитизма:—что жъ! если мадамъ де-Кастрѣ исповѣдуетъ религію добра и истины, она исповѣдуетъ нашу религію, и вы будете исповѣдывать, Габріэль. Вы, также будете ее исповѣдывать, повторяю вамъ; потому-что этотъ безстыдный дворъ, съ которымъ вы, безразсудный! вступили въ борьбу, побѣдитъ васъ, и вы захотите метить. Вы думаете, что г. Монморанси, который рѣшился завладѣть дочерью короля для своего сына, согласится уступить вамъ такую богатую добычу?

— Увы! можетъ-быть, я и не стану оспаривать у него этой добычи, отвѣчалъ Габріэль.—Лишь бы только король сдержалъ данное мнѣ тайное обѣщаніе...

— Тайное обѣщаніе! Развѣ существуетъ оно?

— О! не говорите мнѣ этого, адмиралъ! вскричалъ Габріэль:— не говорите мнѣ, что король не сдержитъ своего торжественнаго обѣщанія, потому-что тогда не только возмутятся мои вѣрованія, но — чего я боюсь — возмутится и шпига; тогда я сдѣлаюсь... не гугенотомъ, а убійцей.

— Нѣтъ, вы бы сдѣлались гугенотомъ, возразилъ Колинъ. — Мы можемъ сдѣлаться мучениками, и никогда не будемъ убійцами... Но ваше мнѣніе, не сдѣлавшись кровавымъ, будетъ не меньше жестоко, другъ мой. Вы будете намъ помогать своей юношеской отвагой, своимъ пламеннымъ усердіемъ, которое, можетъ-быть, покажется королю страшнѣй удара кинжаломъ. Сообразите, Габріэль, что мы захотимъ вырвать непринадлежащія права и привилегіи; подумайте, что не ограничится одною церковью наша грозная для развращенныхъ реформа. Вы могли видѣть, люблю ли я Францію, служу ли я ей. Что жъ? я исповѣдую реформу, потому-что вижу въ ней величіе и будущую судьбу отечества. Габріэль! Габріэль! еслибъ вы хоть разъ прочли творенія нашего Лютера, вы бы увидѣли, какъ этотъ духъ свободаго изслѣдованія, которымъ они дышатъ, вложилъ бы въ васъ новую душу, открылъ бы вамъ новую жизнь.

— Моя жизнь—любовь къ Данъ, отвѣчалъ Габріэль:—моя душа — данное мнѣ Богомъ назначеніе, которое я надѣюсь исполнить.

— Любовь и назначеніе человѣка, возразилъ Гаспаръ:—они должны, конечно, согласоваться съ любовью и назначеніемъ христіанина. Вы молоды, вы ослѣплены, другъ мой; но — я слишкомъ предвижу и больно мнѣ предсказывать: несчастье раскроетъ вамъ очи. Ваше благородство и душевная чистота рано или поздно напечкутъ на васъ бѣды среди этого развратнаго и злаго двора, подобно тому, какъ большія деревья во время грозы притягиваютъ молнію. Тогда вы размыслите о томъ, что я теперь говорю вамъ. Вы узнаете наши книги, вотъ эту, на-примѣръ, продолжалъ адмиралъ, взявъ со стола открытый томъ. — Вы поймете эти смѣлыя, строгія, но справедливыя и прекрасныя слова, которыя говорятъ намъ такой же молодой человѣкъ, какъ вы, сорѣтникъ бордоскаго парламента, Этьеннъ Боегійскій. Тогда, Габріэль, скажете вы вмѣстѣ съ этой могучей книгой добровольнаго служенія: «Что за несчастье, что за мука видѣть, какъ безчисленная толпа не повинуется, а служить — не Геркулесу, не Самсону, а слабымъ, женоподобію.»

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Габріэль: — это опасная, дерзкая рѣчь, которая поражаетъ умъ... Впрочемъ, вы правы, адмиралъ: можетъ случиться, что когда-нибудь гнѣвъ втолкнетъ меня въ ваши ряды, что гоненіе заставитъ меня пристать къ гонимымъ. Но теперь, пока, жизнь моя такъ полна, что въ ней нѣтъ мѣста новой плетѣ, которую вы мнѣ предлагаете; у меня столько дѣла, что нѣтъ времени подумать о книгахъ.

Не смотря на эту рѣчь, Гаспаръ Колинъ еще продолжалъ съ жаромъ раздвигать ученіе и идеи, которыя тогда, какъ молодые вино, бродили въ его головѣ. Долго тянулся разговоръ между

страстнымъ погодытъ челоукомъ и полнымъ: убѣжденія рѣшительнымъ, однимъ—рѣшительнымъ, пылкимъ, какъ дѣятельность, другимъ — важнымъ, глубокимъ, какъ мѣрля! —

Впрочемъ, адмиралъ не ошибался въ своихъ нравныхъ предвзвѣзвяхъ: въ самомъ дѣлѣ, несправедливо суждено было ефендопториксѣмъ, брѣзнямъ этой бесѣдой въ пламенную дуну Габриэля.

Освѣта Бенѣ.

Былъ одинъ изъясненныиъ, свѣтлыхъ вечеровъ августа мѣсяца. Еще не выходила луна на чистое, голубое, устьянное заведеніише; но безъ нея ночь казалась еще таинственнѣе, задумчивѣе, очаровательнѣе.

Эта мирная тишина составляла странную противоположность движению и шуму минувшаго дня. Испанцы сдѣлали движеніе ступа одинъ за другимъ. Два раза были они овражены, но сдѣлали такой уронъ убитыми и ранеными, какой для терсиктоанцевъ былъ невыносимо-чувствителенъ. У осаждающихъ, напротивъ, были сильныя резервы, и сдѣлалъ войска легководными и изуродованныхъ. И Габриэль, несомнѣнно бодрствовавший изъ зашириности, боялся, что два дневные приступа не ишѣли для сдѣланной цѣли ослабить проявляющія силы, чтобы потомъ захри сдѣлать третій ночной и нечаянный приступъ. Однако пробидоволь часовъ, и ничто не оправдало его подозрѣній. Ни ради те стороны не свѣтлелось въ испанскихъ наметкахъ; ни въ лагерѣ ни въ городѣ не слышно было ничего, кромѣ однообразныхъ стукликовъ часовыхъ; и лагерь и городъ, казалось, отдыхали послетяжелой дневной усталости.

Итакъ, Габриэль, обойдя въ послѣдній разъ укрепленія, рѣшилъ что теперь ему можно прервать на минуту это безпрестанное боедслезоканіе, которымъ онъ окружалъ городъ, какъ сына большу мать. Со времени его прибытія, уже четыре дня Сен-Кожень въ державномъ осадѣ. Еще четыре дня — и Габриэль одержитъ обѣщаніе, давное мѣрало, и встанетъ только король сдержаванное обѣщаніе.

Габриэль велѣлъ кеніонену слѣдовать за собой, но сдѣлать ему да они идутъ. Со времени неловкаго происшествія съ настоятелницей, онъ началъ сомнѣваться, если не въ вѣрности, то въ крайней мѣрѣ въ симпатичности Мартона-Герра, и потому остерегся сообщить ему драгоценныя свѣдѣнія, полученныя отъ Жана Мануа а минный Мартонъ-Герръ, думая, что сопутствуетъ своему господу въ веселомъ обходѣ, очень удивился, замѣтивъ, что они направляются къ Вальсару-Королевы, гдѣ построены были обширный лазаретъ.

— Вы видите желаете видеть какого-нибудь раненнаго, сударь? спросил онъ.

— Ты произнесъ Габріэль, положишь палецъ на губы.

Главное казначейство лазарета, въ которомъ въ эту минуту приближились Габріэль и Арно, было волею укрѣпленій, недалеко отъ Пльснаго Предмѣстья, самое опаснаго мѣста; следовательно, тутъ всего нужнѣе было пособіе. Лазаретъ помѣщался въ огромномъ строеніи, которое до пачала осады служило фуражнымъ магазиномъ, а потомъ, по необходимости, было отдано въ распоряженіе врачей. Теплота лѣтней ночи позволяла держать двери отворенными для освѣженія воздуха; и потому Габріэль съ первой ступеньки наружной галереи могъ уже, при свѣтѣ безпрестанно-горѣвшихъ лампъ, видѣть внутренность залпленнаго страдальцами зала.

Несчастное было тамъ зрѣлище. Нѣсколько окровавленныхъ постелей стояли тѣт-и-самъ; но этой роскошной пользовались только избранные. Большая часть несчастныхъ раненныхъ лежала на разставленныхъ по полу тюфякахъ, одѣялахъ, даже на соломѣ. То производила, то жалобные вопли со всѣхъ сторонъ призывали врачей и дѣло помощниковъ, которые, не смотря на все усердіе, не могли дѣлать всюду. Они торопились дѣлать самыя необходимыя перевязки, самыя нужныя отнятія членовъ, а прочіе должны были ждать. Дикоролочная дрожь или предсмертная судорога корчила несчастныхъ мучениковъ; и если гдѣ-нибудь въ углу большой лежали motion и неподвижно, шептавшаяся его съ головой престыня извѣщала, что ему уже никогда не повѣдѣлнуться и не простоять.

Привидѣ этой болѣзненной, мрачной картины, самое неколебимое, самое разраженное сердце потеряло бы и мужество свое и безчувственность. Арно Тиле не могъ не вдрогнуть, а Габріэль — не соблѣдѣть.

Но вдругъ на этой внезапной блѣдности молодого челоука нарисовалась свѣтлая улыбка. Среди этого ада, въ которомъ было такъ нестерпимо, чѣмъ въ дантовомъ, появилась кроткая Беатриче. Дѣла или лучше, сестра-Беню, тихая, задумчивая, прошла между больными.

Никогда не казалась она очарованному Габріэлю прекраснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, на издворныхъ правдникахъ золота, бриллыны и бархатъ не были ей такъ къ лицу, какъ въ этомъ уныломъ лазаретѣ простое платье и бѣлый клобукъ монахини. Но этому правильному профилю, благородной поступи и утѣшительному взгляду, можно было принять ее за само Милосердіе, сошедшее въ мѣсто страданій. Мысль о христіанскомъ милосердіи не могла воплотиться въ лучшую форму, и трудно было представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этой чудной красоты, наклеенной къ блѣдному, искаженному мученіемъ лицу; этой королевской дочери, протягивающей маленькую, робкую ручку къ безымянному умирающему солдату.

Габріэль невольно подумалъ о Діанѣ де-Пуатъе, безъ сомнѣнія предававшейся въ эту самую минуту беззаботному мотовству и безстыднымъ любовнымъ интригамъ, — подумалъ и, пораженный страшнымъ контрастомъ между двумя Діанами, тутъ же рѣшилъ, что Богъ создалъ добродѣтельную дочь для искупленія грѣховъ матери.

Пока Габріэль, за которымъ, впрочемъ, не было порока мятельности, предавался своимъ созерцаніямъ и сравненіямъ, не замѣчая, что время идетъ, внутри лазарета мало-по-малу распространилась тишина. Часъ уже былъ довольно-поздній, врачи кончили свои обязанности, движеніе и шумъ прекратились. Раненымъ предписывалось молчаніе и спокойствіе, и усыпительное питье помогало этому предписанію. Слышались еще мѣстами жалобныя стоны, но не было уже недавнихъ, раздирающихъ душу криковъ. Черезъ полчаса все успокоилось, если только можетъ успокоиваться страданіе.

Діана обращалась къ большимъ съ послѣдними утѣшительными словами, и удачнѣе врачей внушала имъ спокойствіе и терпѣніе. Всѣ повиновались ей кротко-повелительному голосу. Удостоверившись, что для каждаго больного выполнено докторское предписаніе и что въ эту минуту въ ней уже тутъ надобности нѣтъ, Діана глубоко вздохнула, какъ-бы желая облегчить стѣсненную грудь, подошла къ наружной галереѣ, вѣроятно, чтобъ вдохнуть свѣжаго вечерняго воздуха и успокоиться отъ скорбей и мукъ человѣческихъ, глядя на Божіи звѣзды.

Она оперлась на каменную балюстраду и устремленный на небо взоръ ея не замѣтилъ, что внизу, шагахъ въ десять, стоялъ Габріэль, объятый восторгомъ, какъ передъ небеснымъ видѣніемъ.

Довольно-рѣзкое движеніе Мартана-Герра, который, казалось, не раздѣлялъ восторга Габріэля, воротило нашего влюбленнаго на землю.

— Мартанъ, шепнулъ онъ конюшему:— видишь, какой единственный случай мнѣ представляется. Я долженъ, я хочу воспользоваться имъ, хочу говорить, увы! можетъ-быть, въ послѣдній разъ, съ Діаной. Ты однако смотри, чтобъ не перервали насъ, и жди немного въ сторонѣ, но такъ, чтобъ могъ услышать мой голосъ. Ступай же, мой вѣрный слуга, ступай.

— Но, сударь, возразилъ Мартанъ: — развѣ вы не боитесь, что настоятельница...

— Она, вѣроятно, въ другихъ отдѣленіяхъ, отвѣчалъ Габріэль. — Притомъ, не время колебаться, когда предстоитъ вѣчная разлука.

Мартанъ, казалось, покорился и отошелъ, ворча себѣ подъ носъ проклятія.

А Габріэль подошелъ ближе къ Діанѣ и, сдерживая голосъ, чтобъ не привлечь ни чьего вниманія, тихо произнесъ:

— Діана, Діана!

Діана вздрогнула; но глаза ея, еще не успѣвшіе приглядѣться къ темнотѣ, не видѣли Габріэля.

— Меня зовутъ? сказала она:—кто это тамъ назвалъ меня?

— Я! отвѣчалъ Габріэль, какъ-будто односложнаго звука Медуше довольно было, чтобъ его узнали.

Этого звука дѣйствительно было довольно, потому-что Діана, безъ дальнихъ вопросовъ, сказала дрожащимъ отъ волненія и изумленія голосомъ:

— Вы, г. д'Эксмэ! это точно вы? что вы хотите сказать мнѣ здѣсь въ эту пору? Если, какъ говорили мнѣ, у васъ есть для меня вѣстія отъ моего отца-короля, то вы очень-долго медлили и, наконецъ, дурно выбрали и мѣсто и время. Въ противномъ случаѣ, вы знаете, мнѣ нечего отъ васъ слышать, и я не хочу васъ слышать. Что же, г. д'Эксмэ? Вы не отвѣчаете? Или вы не поняли меня? Вы молчите? Что значитъ это молчаніе, Габріэль!

— Габріэль! Наконецъ-то! вскричалъ виконтъ.—Я не отвѣчалъ, Діана, потому-что ваши холодныя слова оледенили меня, у меня не достало силъ заговорить съ вами тѣмъ же тономъ, какимъ вы говорили, называть васъ мадамъ де-Кастрб. Довольно ужъ и того, но я вамъ говорю: «вы!»

— Не зовите меня ни мадамъ де-Кастрб, ни Діаной. Мадамъ де-Кастрб не существуетъ больше. Передъ вами сестра Бенѣ. Зовите меня сестрой, а я васъ буду звать братомъ!

— Какъ! Что это? вскричалъ Габріэль, отступая съ ужасомъ.— Не называть васъ сестрой! зачѣмъ хотите вы, Боже мой! чтобъ называлъ васъ сестрой?

— Но меня теперь всѣ такъ зовутъ, возразила Діана. — Развѣ это имя такъ ужасно?

— О! да, да, ужасно! Или... нѣтъ! простите меня, я безумный. Это сладкое, очаровательное названіе; я привыкну къ нему, Діана, и привыкну къ нему... сестра моя.

— Видите, примолвила Діана съ горькой улыбкой. — Вѣдь это настоящее христіанское названіе, которое всего больше прилично мнѣ; потому-что хоть я еще не произнесла обѣта, но уже монахиня въ душѣ и скоро надѣюсь быть монахиней въ дѣйствительности, какъ-только получу позволеніе короля. Не привезли ли вы мнѣ этого позволенія, братъ мой?

— О! произнесъ Габріэль съ горестью и упрекомъ.

— Боже мой! возразила Діана: — увѣряю васъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего горькаго. Съ нѣкотораго времени я столько рада среди людей, что мнѣ очень-естественно искать убѣжища у Бога. Не досада заставляетъ меня такъ дѣйствовать и говорить, а скорбь.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ выраженіи, съ которымъ говорила Діана, не было ничего, кромѣ скорби и грусти. А въ душѣ ея съ этой грустью сливалась невольная радость, отъ которой она не могла удержаться при видѣ Габріэля, Габріэля, котораго она когда-то

считала погибшимъ для ея любви, для дѣлшняго міра, и котораго теперь снова видитъ энергическимъ, мужественнымъ, можетъ быть, нѣжкимъ.

И, вопреки собственной воли, сама не зная какъ, спустилась Діана на двѣ или на три ступеньки лестницы. И, увлеченная необходимую силою любви, приблизилась къ Габріэлю.

— Послушайте, сказалъ Габріэль:— должно наконецъ прекратить жестокому недоразумѣнію, которое терзаетъ насъ обоихъ. Я не въ силахъ сносить больше мысли, что вы дурно меня понимаете, предполагаете во мнѣ равнодушіе, или, кто знаетъ? можетъ быть, ненависть. Эта страшная мысль тревожитъ меня; даже въ святомъ и трудномъ подвигѣ, который я долженъ совершить. Но отойдете немного въ сторону... Сестра моя, вы еще не потеряли ко мнѣ довѣренности, не правда ли? Удаляйтесь, пожалуйста, отъ этого мѣста; здѣсь, если не увидятъ насъ, то могутъ услышать, и я имѣю причины бояться, чтобъ не смутили вашу бесѣду, эту бесѣду, которая, повторяю вамъ, сестра моя, необходима для моего разсудка, для моего спокойствія.

Діана уже не размышляла больше. Такія слова, произнесенныя такими устами, были для нея всемогущи. Она только подошла на двѣ ступеньки, заглянуть въ залу, не нужна ли была чай, и замѣтивъ, что все спокойно и въ порядкѣ, воротилась къ Габріэлю и оперлась доверчивой рукой на вѣрную руку своего кавалера.

— Благодарю! сказалъ Габріэль:— время дорого, чего я боюсь знаете ли? я боюсь, чтобъ нястятельница, которая теперь знаетъ о моей любви, не помышала этому объясненію, объясненію важному, безукоризненному, какъ привязанность моя къ вамъ, сестра моя.

— Такъ вотъ отъ чего, возразила Діана:— сама рассказавъ мнѣ сначала о вашемъ приѣздѣ и желаніи говорить съ мной, добрая мать Моника, вѣроятно узнавшая отъ кого-нибудь о нашемъ прошломъ, которое я, признаюсь, скрывала отъ нея, три дня не позволяла мнѣ выйти изъ монастыря, хотѣла и сегодня удержать; но я не рѣшилась пропустить своей очереди въ газаретѣ; я желала непремѣнно выподнить мою печальную обязанность. О, Габріэль! не обманывайте этого кроткаго, достойнаго друга; съ моей стороны очень-дурно!

— Нужно ли повторять вамъ еще, возразилъ задумчиво Габріэль:— что вы со мной все-равно какъ съ братомъ, что я долженъ я хочу унять сердечный трепетъ и говорить вамъ только, какъ другъ... вѣчно преданный, который съ радостью умретъ за васъ по которымъ скорби будетъ внимать голосу своей печали, нежеланной любви... успокойтесь!

— Говорите же, братъ мой, сказала Діана.

Боже мой! это ужасное и очаровательное названіе постоянно напоминало Габріэлю страшный, роковой выборъ, передъ которымъ судьба его поставила; оно, какъ волшебное слово, вытолкнуло гора

чую мысль, пробуждаемую въ душѣ его дочнымъ уединеніемъ, и восхитительною красотою Діаны, и

— Сестра, сказалъ онъ довольно-твердымъ голосомъ:— мнѣ было рѣшительно необходимо видѣться и говорить съ вами; у меня были къ вамъ двѣ просьбы: одна относилась къ прошлому, другая—къ будущему. Вы добры и великодушны, Діана; вы не откажете въ этихъ просьбахъ другу, который, можетъ-быть, ужь никогда не встрѣтитъ васъ въ здѣшнемъ мѣстѣ, и котораго страшное, роковое, предназначеніе каждую минуту ставитъ въ смертную опасность.

— О! не говорите этого, не говорите этого, вскричала слабѣющая Діана, въ смущеніи замѣряя, невольнымъ испугомъ, силу своей любви.

— Я сказалъ вамъ это, сестра моя, продолжалъ Габріэль, — не для того, чтобъ встревожить васъ, а для того, чтобъ вы простили меня, если я былъ надѣ мною; простили бы меня за тотъ страхъ, за ту печаль, которые я, вѣрно, навелъ на васъ въ послѣднее наше свиданіе въ Парижѣ. Я бросилъ въ ваше бѣдное сердце ужасъ и отчаяніе; увѣ, сестра моя, тогда не я, а лихорадочный бредъ говорилъ во мнѣ. Повѣрьте, я самъ не зналъ, что говорилъ! Страшное открытіе, которое сдѣлалъ я въ тотъ день, и котораго не мнѣ передать въ себѣ, привело меня въ отчаяніе, въ безуміе. Вы, сестра моя, можетъ-быть, помните, что вслѣдъ за этимъ свиданіемъ я впалъ въ ту продолжительную, мучительную болѣзнь, которая тогда стоить мнѣ жизни, или по-крайней-мѣрѣ разсудка!

— Еще ли мнѣ не помнить, Габріэль! вскричала Діана.

— Пожалуйста, не называйте меня Габріэлемъ! зовите лучше всегда братомъ! зовите меня братомъ! Это названіе, которое сначала пугало меня, теперь мнѣ нужно его слышать.

— Какъ хотите, братъ мой, отвѣчала удивленная Діана.

Въ эту минуту, шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, послышался мѣрный звукъ шаговъ, и сестра Бени со страхомъ прижалась къ Габріэлю.

— Кто это идетъ? Боже мой! меня увидятъ! прошептала она.

— Это нашъ патруль, отвѣчалъ немцого испугавшійся Габріэль.

— Но они идутъ прямо къ намъ, чтобъ найти или позвать меня. О! пустите, я ворочусь, пока они не подошли; дайте мнѣ спастись, умоляю васъ.

— Нѣтъ, поздно, возразилъ Габріэль, удерживая ее. — Если вы побѣжите, васъ непременно увидятъ. Лучше вѣтъ сюда, идите сюда, сестра моя.

И, вмѣстѣ съ дрожавшей отъ страха Діаной, Габріэль торопливо взобрался по лѣстницѣ, скрывавшейся въ крѣпостной стѣнѣ и приведшей ихъ на самыя укрѣпленія. Тамъ номѣстившись они между пустой будкой и крѣпостными зубцами.

Патруль прошелъ шагахъ въ двадцати, не замѣтивъ ихъ.

— Вотъ какой не защищенный пунктъ, подумалъ Габріэль, ко-

того все не оставляла господствующая мысль о защитѣ города.

Но онъ скоро опять обратился къ Діанѣ, еще не совсемъ успокоившейся.

— Теперь успокойтесь, сестра моя, сказалъ онъ: — опасность миновалась. Но слушайте меня, потому-что время идетъ, а у меня на сердцѣ еще двѣ тяжёлыя ноши, которые давятъ его. Вы не сказали; что прощаете мое сумасбродство, и это невыносимое бремя прошедшаго все еще лежитъ на мнѣ.

— Нужно ли прощать бредъ горячки и отчаянія? возразила Діана:—нѣтъ, братъ мой; къ нимъ сострадаютъ, ихъ утѣшаютъ. Я не желала вамъ этихъ золъ, братъ мой! Прощайте, Габріэль!

— А! не довольно покориться, сестра моя, вскричалъ Габріэль: — вамъ должно надѣяться. Для этого-то я и хотѣлъ васъ видѣть. Вы избавили меня отъ угрызений совѣсти въ прошедшемъ — благодарю васъ! Но вамъ надо еще облегчить грудь мою отъ тоскливаго страха за ваше будущее. Видите ли! вы—одна изъ свѣтлыхъ цѣлей моего существованія. Мнѣ надо успокоиться на-счетъ этой цѣли, чтобъ, идя по дорогѣ жизни, обращать все вниманіе на одну путевую опасность; мнѣ надо увѣриться, что я найду васъ въ концѣ моей дороги, встрѣчу вашу улыбку—грустную, если пойду, радостную, если восторжествую, но во всякомъ случаѣ — улыбку дружескую. Поэтому, не должно быть между нами презрѣнія. Но, сестра моя, необходимо будетъ, чтобъ вы вѣрили мнѣ на-слово, чтобъ вы имѣли ко мнѣ немножко довѣрія; потому-что тайна, лежащая въ основаніи моихъ дѣйствій, не принадлежитъ мнѣ. Я клялся хранить ее, хочу, чтобъ другіе сдержали данное мнѣ обѣщаніе, и потому долженъ держать обѣщаніе, которое самъ другимъ далъ.

— Объяснитесь, сказала Діана.

— А! произнесъ Габріэль:—вы видите, что я колеблюсь и уклоняюсь отъ прямой рѣчи, потому-что все думаю о платѣ, которое теперь на васъ, о имени сестры, которымъ зову васъ, а главное, о глубокомъ уваженіи, которое къ вамъ чувствую; и не хочу и произнести ни одного слова, которое могло бы пробудить или слишкомъ-былкія воспоминанія, или слишкомъ-опасныя мечты. Не смотря на то, долженъ сказать, что вашъ чудный образъ никогда не изглаживался; даже не слабѣлъ въ душѣ моей, что ничто и никто никогда не изгладитъ его во мнѣ.

— Братъ мой!.. прервала Діана смущенная и очарованная.

— О! выслушайте меня до конца, сестра моя, возразилъ Габріэль.—Повторяю: ничто не потушило и ничто никогда не потушитъ во мнѣ этой пламенной... преданности вамъ, и я счастливъ тѣмъ, что думаю и говорю о ней; что бы ни случилось, мнѣ всегда будетъ не только позволено, даже почти вѣрно любить васъ. Но... какого рода должна быть эта любовь—одинъ Богъ знаетъ! Впрочемъ, я надѣюсь, что и мы скоро будемъ знать. А теперь, пока, вотъ о чемъ я хочу просить васъ, сестра. Съ довѣрчивостію къ

Богу и вашему брату, вы предоставите дѣйствовать Провидѣнію и всей дружбѣ, не предаваясь ни надеждамъ, ни отчаянію. Поймите меня хорошенъно. Вы когда-то мнѣ говорили, что любите меня и—простите! я чувствую въ глубинѣ души, что вы еще можете меня любить, если будетъ угодно судьбѣ. Сверхъ-того, я хочу взглянуть горечь словъ, сказанныхъ мною въ бреду, когда я уходилъ отъ васъ изъ Лувра. Не должны мы ни обольщать себя пустыми надеждами, ни думать, что уже все для насъ кончено въ этомъ мірѣ. Ждите. Скоро я прииду къ вамъ сказать одно изъ двухъ. Или скажу: «Діана, я люблю тебя; вспомни наше дѣтство, вспомни свои обѣты; ты должна быть моею, Діана; употребимъ всѣ средства вымолить у короля согласіе на нашъ союзъ». Или скажу: «Сестра моя, неумолимая судьба противится нашей любви, не хочеть, чтобъ мы были счастливы; тутъ ничто не заситъ отъ насъ; тутъ нѣчто сверхъестественное — стало между нами, сестра моя. Возьмите назадъ ваши обѣты; вы свободны; посвятите вашу жизнь другому. У васъ въ ней не будетъ ни рогога, ни сожалѣній; нѣтъ, даже слезы будутъ лишнія. Склонимся молча и докоримся неизбѣжной судьбѣ. Мысль о васъ всегда будетъ мнѣ дорога и священна; но наши существованія, которыя могутъ — слава Богу! — дѣлаться вблизи одно отъ другаго — не могутъ слиться вмѣстѣ».

— Чтò за страшная, чтò за ужасная загадка! невольню проговорила Діана, погруженная въ мрачное, полное страха раздумье.

— Вѣроятно, я въ состояніи буду разгадать вамъ эту загадку, возразилъ Габріэль.— До-тѣхъ-поръ, не старайтесь напрасну прощипать въ бездну этой тайны, сестра моя; до-тѣхъ-поръ—ждите и молитесь. Скажите же, обѣщаетесь ли вы вѣрить въ мое сердце и потомъ— не питать безотрадной мысли объ отреченіи отъ свѣта, о заключеніи себя въ монастырской оградѣ? Обѣщаетесь ли любить вѣрѣ и надеждѣ, какъ служите вы челоуѣколюбію?

— Вѣрить вамъ, надѣяться на Бога, — да! я могу вамъ теперь обещать это, братъ мой. Но зачѣмъ хотите вы, чтобъ я рѣшилась воротиться въ свѣтъ, если тамъ мнѣ не суждено вамъ сопутствовать? Я отдаю вамъ мою душу—развѣ этого не довольно? зачѣмъ вы хотите, чтобъ я отдала и жизнь, когда, можетъ-быть, не вамъ придется мнѣ посвятить еѣ? Все — и во мнѣ, и вокругъ меня — такъ темно, Боже мой!

— Сестра! сказалъ Габріэль звучнымъ, торжественнымъ голосомъ:—я прошу у васъ этого обѣщанія для того, чтобъ могъ спокойно и твердо идти по страшному, можетъ-быть, смертному пути, съ увѣренностью, что найду васъ свободной и готовой къ назначенному свиданію.

— Хорошо, братъ мой, я повинуюсь вамъ, сказала Діана.

— О! благодарю, благодарю! вскричалъ Габріэль. — Теперь будущее — мое! Хотите ли дать мнѣ руку въ подтвержденіе вашего обѣта, сестра моя?

— Вотъ вамъ рука, братъ мой.

— А! теперь я увѣренъ въ побѣдѣ, продолжалъ восторженныи молодой человѣкъ.—Мнѣ кажется, что уже ничто не будетъ притивиться моимъ желаніямъ и намѣреніямъ.

Но, какъ-будто двойное опроверженіе этой мечты—ее вѣтромъ города раздались голоса, которые звали сестру Бені, и въ то же время Габріэль услышалъ за собой легкій шумъ со стороны брѣвна постнаго рва. Но онъ прежде всего занялся испугомъ Діавы.

— Меня ищутъ, меня зовутъ! Господи! Если найдутъ насъ вѣстѣ! Прощайте, братъ мой, прощайте, Габріэль!

— До свиданья, сестра моя! до свиданья, Діана! Ступайте, остаюсь здѣсь. Вы скажете, что видѣли подымать чистымъ духомъ. До блазнаго свиданья! еще разъ—благодарю!

Діана поспѣшила сойти съ лѣстницы и пошла навстрѣчу людямъ, вооруженнымъ факелами, которые звали ее изъ всѣхъ сторонъ а впереди ихъ—сама мать Моника.

Кто же это, коварными внушеніями, пробудилъ бдительность настоятельницы? Кто, если не Арно, выѣшавшійся съ своей суренной фигурой въ толпу искавшихъ сестру Бені. Ни у кого не было такой невинной фізіономіи, какъ у этого пройдохи! И онъ былъ похожъ на добраго Мартэнъ-Герра!

Замѣтивъ издали, что Діана благополучно присоединилась къ матери Моникѣ и ея свитѣ, Габріэль успокоился и собрался сойти со стѣны, какъ вдругъ за нимъ возникла чья-то тѣнь.

Человѣкъ, непріятель, вооруженный съ головы до ногъ, вѣдалъ на стѣну.

Въ одну минуту Габріэль подбѣжалъ къ этому человѣку, послѣ зигъ его ударомъ шпаги и съ громкимъ крикомъ: «тревога! тревога!» бросился къ тому мѣсту, гдѣ были поставлены къ стѣнѣ лѣстница, вся покрытая Испанцами.

Ясно, что это было ночное нападеніе, и Габріэль не обманулся: непріятель сдѣлалъ днемъ два приступа, одинъ за другимъ, чтобы вѣрнѣе нанести рѣшительный ударъ ночью.

Но Провидѣніе привело Габріэля къ роковому мѣсту. Прежде нежели второй непріятель успѣлъ ступить, въ слѣдъ за перакомъ на платформу, Габріэль схватился за верхъ лѣстницы и упавшись, для сильнѣйшаго толчка, ногой въ каменную будку, саркинулъ въ ровъ и лѣстницу и десятокъ взбиравшихся по ней испанцевъ.

Крики сброшенныхъ въ ровъ людей смѣшались съ зовомъ Габріэля, который продолжалъ кричать: «къ оружію!» Между этими шагахъ въ двадцати виднѣлась другая лѣстница, и тамъ ужъ во что было упереться Габріэлю! Къ счастью, онъ замѣтилъ темнотѣ огромный камень; опасность удвоила его силы; онъ поднялъ этотъ камень почти до парапета и оттуда толкнулъ его на лѣстницу. Эта огромная тяжесть разбила ее пополамъ, и бы

ие на ней люди, сброшенные или убитые, попадали въ ровъ, къ каюсѣ оставшихся за ними товарищей.

Между тѣмъ крики Габріэля подняли тревогу; часовые распоранили ее; трубы затрубили сборъ; раздался набатъ. Не прошло ни минуты, какъ уже болѣе ста человекъ обѣжались вокругъ окопа д'Эскю, готовясь вмѣстѣ съ нимъ отражать нападающихъ, отбивая въ оставшихся во рву неприятелей, которые не могли отвѣчать на вистрѣлы.

Смѣлая выходка Испанцевъ не удалась. Въ сущности, она могла удалась только въ томъ случаѣ, когдабы пунктъ нападенія не былъ защищенъ, какъ это имъ казалось. Но случившійся тамъ Габріэль предупредилъ печальность. Осаждающимъ осталось только бить отступленію, что они скоро и сдѣлали, потерявъ немалое число убитыхъ и раненныхъ.

Еще разъ былъ спасенъ городъ, и еще разъ — по милости Габріэля.

Но нужно было пройти еще четыремъ долгимъ днямъ, чтобы данное королю обѣщаніе было исполнено.

IV.

Доблестное поражение.

Неожиданный уронъ, понесенный осаждающими, сначала привелъ ихъ въ уныніе; но они, казалось, догадывались, что не овладѣютъ городомъ до тѣхъ поръ, пока не лишатъ его всѣхъ средствъ къ защитѣ. Въ продолженіи трехъ дней, они не дѣлали новаго приступа, но батареи ихъ гремѣли, подкопы взрывались безпрестанно. Осажденные, дѣйствовавшіе съ нечеловѣческимъ мужествомъ, казались имъ непобѣдимыми; они нападали на стѣны, и стѣны были не такъ крѣпки, какъ грудь противниковъ. Башни рушились, рвы наполнялись землею, отъ стѣнъ оставались одни развалины.

Потомъ, чрезъ четыре дни послѣ ночнаго нападенія, Испанцы рѣшились на приступъ. Это былъ восьмой и послѣдній день изъ вырешенныхъ Габріэлемъ у Генриха II. Если осада неприятелей будетъ также неудачна и въ этотъ разъ, отецъ его спасетъ вмѣстѣ съ городомъ; иначе — всѣ труды и усилія сдѣлаются безплодными; старикъ, Діана и самъ онъ, Габріэль, погибнутъ.

Потому, нельзя описать неистовой отваги, съ какою онъ дѣйствовалъ въ этотъ роковой день. Трудно представить себѣ, чтобы въ душѣ и тѣлѣ человека было столько силы и энергіи. Онъ не видѣлъ смертельной опасности; его занимала только мысль объ отцѣ и невѣстѣ, и онъ шелъ противъ копій, навстрѣчу пулямъ и ядрамъ, какъ будто они не могли вредить ему. Брошенный камень ударилъ его въ бокъ, остріе копья скользнуло по го-

ложь, но онъ не чувствовалъ ранъ! онъ, навалось, былъ истинно отвагою; онъ ходилъ, бѣгалъ, поразалъ, ободралъ головою драмѣромъ. Его видѣли воздѣ, гдѣ грозила опасность. Какъ-дуп оживляетъ тѣло, такъ онъ одушевлялъ весь городъ: онъ дѣлалъ валъ за десятерыхъ, за двѣдцать, за сто человѣкъ. И въ этой восторженномъ вдохновеніи ни хладнокровіе, ни благоразуміе оставляли его. Однимъ, быстрымъ какъ молнія, взглядомъ, онъ замѣчалъ, гдѣ была опасность, и тотчасъ являлся тамъ. Потомъ когда осаждавшіе уступали, а осажденные, воспаленными судорожною храбростію, брали очевидный перевѣсъ, Габріэль сплелъ на другой постъ, гдѣ сильнѣе грозила опасность, и, уставая, не ослабѣвая, снова начиналъ свои историческіе подвиги.

Такъ прошла четверть сутокъ, съ часа до семи.

Въ семь часовъ, съ наступленіемъ ночи, Испанцы начали обстрѣлывать со всѣхъ сторонъ. За нѣсколькими уцѣлѣвшими бастіонами съ обрушившимися башнями и малочисленными израненными и изувѣченными солдатами, Сен-Кентенъ могъ продлить свою временную защиту еще день, а можетъ-быть и нѣсколько дней.

Когда послѣдній непріятель оставилъ послѣдній осажденный постъ, Габріэль, изнуренный усталостію и восторгомъ, упалъ въ руки окружающихъ его.

Его отнесли съ триумфомъ въ домъ ратуши.

Впрочемъ, раны его были незначительны и истощеніе не могло быть продолжительно. Когда онъ пришелъ въ себя, адмиралъ Кольби, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, стоялъ подлѣ него.

— Адмиралъ, было первое слово Габріэля:—я не въ бреду, и правда ли? Сегодня въ-самомъ-дѣлѣ была страшная осада, которую мы опять отразили?

— Да, другъ мой, и частію по вашей милости, отвѣчалъ Гаспаръ.

— А восемь дней, данные мнѣ королемъ, прошли! восклицалъ Габріэль.—О! благодарю тебя, Господи, благодарю!

И для совершеннаго вашего выздоровленія я принесъ вамъ другъ мой, прекрасныя вѣсти, продолжалъ адмиралъ:—Испанцы оставили Сен-Кентенъ, составлялось, канетоя, весобно томоленіе; одичъ изъ моихъ шпіоновъ, видѣвшій коннетабля и командировавшаго сегодня во время смятенія, донесъ мнѣ объ этомъ. Генрихъ прибылъ въ Парижъ съ пьемонтской арміею и, согласившись съ кардиналомъ лотарингскимъ, приготовляетъ возстаніе городовъ Сен-Кентенъ, опустошенный и разрушенный, уже изъ въ состояніи отразить первой осады, но его и наше дѣло одѣлано. Франція спасена, другъ мой. Да, все вооружается за нашей вѣрной защитой; дворянство и всѣ сословія возстаютъ, республика иго, частныя приращенія сыплются, манюаютъ два вспомогательные корпуса Германцевъ. Когда непріятель покончитъ дѣло съ нами, а это, къ несчастью, не можетъ замедлиться, тогда, не-

крайней-нѣрѣ, ему будетъ съ кѣмъ развѣдаться послѣ насъ. Франція спасена, Габріэль.

— Ахъ, адмиралъ, вы еще не знаете, какъ важны для меня эти вѣсти, продолжалъ Габріэль.— Но позвольте сдѣлать одинъ вопросъ: не изъ тщеславнаго самолюбія хочу я его сдѣлать! вы хорошо меня знаете и не станете предполагать этого; но важныя, серьезныя причины побуждаютъ меня спросить васъ, адмиралъ: мое восьмидневное присутствіе здѣсь было ли сколько-нибудь полезно для защиты Сен-Кентена?

— Во всемъ, другъ, во всемъ! отвѣчалъ Гаспаръ съ великодушною откровенностью. — Въ день вашего пріѣзда, вы видѣли, безъ вашего неожиданнаго участія въ дѣлѣ, я уступалъ, я колебался предъ страшною отвѣтственностью, которую возложила на меня совѣсть; я готовъ былъ нести Испанцамъ ключи отъ города, вѣрнѣннаго мнѣ королемъ для защиты. На утро, вы довершили свое дѣло, введя въ городъ помощь, хотя слабую, но достаточную ободрить осажденных? Не говорю уже о тѣхъ спасительныхъ совѣтахъ, которые вы давали нашимъ инженерамъ и артиллеристамъ. Не говорю о томъ блистательномъ мужествѣ, съ которымъ вы являлись вездѣ на каждомъ приступѣ. Но, четыре дни тому назадъ, кто спасъ нашъ городъ отъ ночнаго нападенія? Но, сегодня, кто съ неслыханною храбростью и счастьемъ выдержалъ сопротивленіе, которое я считалъ невозможнымъ? Вы, постоянно вы, другъ мой, присутствовавшій всюду и всюду готовый на защиту, такъ-что солдаты называютъ васъ уже не иначе, какъ капитанъ *Пять-Сотъ*! Габріэль! съ чистою радостью и съ глубокою признательностью говорю вамъ, вы первый и единственный спаситель этого города, а, слѣдовательно, и Франціи.

— О! благодарю васъ, адмиралъ, за эти добрыя, снисходительныя слова, сказалъ Габріэль. — Но, простите! захотите ли вы повторить ихъ предъ его величествомъ?

— Не только захочу, другъ мой, продолжалъ адмиралъ:—но это моя обязанность, а вы знаете, что Гаспаръ Колинъ не уклоняется отъ своихъ обязанностей.

— Какое блаженство! вскричалъ Габріэль:—и какъ я буду обязанъ вамъ, адмиралъ! Но согласитесь увеличить эту обязательность: не говорите никому, прошу васъ, даже коннетаблю, особенно коннетаблю не говорите о томъ, чѣмъ я могъ быть полезенъ въ вашемъ славномъ подвигѣ. Пускай одинъ король знаетъ это. Его величество увидитъ, что я дѣйствовалъ не для славы и не для шума, но только для того, чтобъ выполнить условіе, и если ему угодно будетъ наградить меня, въ его рукахъ то, что для меня въ тысячу разъ дороже всѣхъ почестей и званій въ мірѣ. Да, адмиралъ, пусть онъ дастъ мнѣ это, и долгъ Генриха II, если только онъ существуетъ, будетъ уплаченъ сторицею.

— Награда дѣйствительно должна быть великолѣпная, сказалъ

адмиралъ. — Дай Богъ, чтобъ признательности короля не лишилась эта награда. Впрочемъ, я полагаю, что вы желаете Габриэль, и хотя мнѣ тяжело молчать о вашихъ заслугахъ, но, если вы того требуете, буду молчать.

— А! вскричалъ Габриэль: — давно не была я такъ сподобена какъ въ эту минуту. Какъ усладительно надѣяться и вѣрить не много въ будущее! Теперь я весело пойду на укрѣщенія, съ спокойной душой буду драться и, кажется, могу быть непобѣдима. Развѣ осмѣлится желѣзо или свинецъ коснуться человека, который надѣется?

— Впрочемъ, другъ мой, вы не очень на это рассчитывайте, с улыбкой отвѣчалъ Коллинъ. — Я даже могу сказать вамъ напередъ что эта увѣренность обманетъ васъ. Городъ почти открытъ, еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разрушатъ послѣдніе остатки стѣны и башенъ. Къ тому же, у насъ скоро не будетъ ни ружей, ни солдатъ, которые до-сихъ-поръ замѣняли собою стѣны. Въ слѣдующій приступъ непріятель овладѣетъ городомъ, непротивно — не будемъ обманывать себя несбыточною надеждою.

— Но развѣ г. Гизъ не можетъ прислать намъ помощи? спросилъ виконтъ д'Эксмэ.

— Г. Гизъ, отвѣчалъ Гаспаръ: — не пожертвуетъ своими драгоценными резервами для города, три четверти котораго уже взяты и, разумѣется, хорошо сдѣлаетъ. Пускай беретъ людей въ сердце Франціи: тамъ они необходимы; а Сен-Кентенъ принесетъ жертву. Очижительная жертва, благодаря Бога, долго сопротивлялась; ей остается только пасть съ славой, и объ этомъ мы добьемся; не правда ли, Габриэль? Напасть, чтобъ побѣда Испанцевъ подъ Сен-Кентеномъ обошлась имъ дороже пораженія. Теперь мы будемъ драться не для того, чтобъ спастись, но для того, чтобъ драться.

— Да! изъ удовольствія, для забавы! весело подхватилъ Габриэль: — удовольствіе героевъ! Забава, достойная пасть! Ну! пусть будетъ такъ, будемъ держаться два, три, если можно, четыре дня. Заставимъ Филиппа II, Филибера-Эммануэля, Испанію, Анжю, Фландрію стать въ тупикъ передъ грудой развалинъ. Все-таки, мы играемъ время для Гиза, а для себя — номинальную сцену. Какъ вы думаете?

— Я думаю, другъ мой, отвѣчалъ адмиралъ: — что у васъ даже шуткой и игрой вѣшается слава.

Какъ желали Габриэль и Коллинъ, такъ и было. Фландриецъ и его полководецъ Филиберъ-Эммануэль, раздраженные продолжительнымъ сопротивленіемъ города и безуспѣшностію своихъ приступовъ, не хотѣли отступить безъ побѣды въ одиннадцатый разъ. Они опять простояли три дня не дѣлая нападенія, и выжили своихъ солдатъ пушками, потому что въ осажденномъ городѣ были рѣшительно не такъ тверды, какъ сердца заманивавшихъ ихъ. Въ эти три дня, адмиралъ и виконтъ д'Эксмэ ссорились, да же

нужности исправить стены и подкопы; но, къ несчастію, имъ не доставало рукъ. Въ полдень 26 августа не оставалось ни сажени неповрежденной стѣны. Домы стояли на виду, какъ въ простомъ, неукрѣпленномъ городѣ, и солдатъ было такъ мало, что нельзя было сѣсть въ одну шеренгу, даже на главныхъ пунктахъ.

Самъ Габріэль долженъ былъ въ этомъ совнаться; еще до сигнала на приступъ, городъ ужъ былъ взятъ.

По крайней мѣрѣ, его взяли не презъ тотъ проходъ, который защищалъ Габріэль. Тутъ онъ стоялъ съ дю-Брёмъ и Жаномъ Пекуа, и всѣ трое такъ искусно и отчаянно отражали неприятельскіе удары, что заставили нападавшихъ отступить три раза. Съ особеннымъ увлеченіемъ дрался Пекуа, такъ что Габріэль два раза едва успѣвалъ спасать его въ запальчивыхъ промахахъ. И Пекуа на мѣстѣ поклялся Габріэлю въ вѣрной преданности ему.

— Теперь я ужъ не такъ жалко о своемъ родномъ городѣ, вскричалъ онъ въ энтузіазмѣ: — потому что есть чѣмъ замѣнить любовь къ нему, и если Сен-Кентенъ далъ мнѣ жизнь, то виконтъ Эдмундъ сохранилъ ее!

Не смотря на эти геройскія усилія, городъ не могъ долге сопротивляться: укрѣпленія его превратились въ развалины, и пока Габріэль, дю-Брель и Пекуа дрались, за ними улицы Сен-Кентена уже были наполнены неприятелями.

Но храбрый городъ уступилъ только силѣ, и то чрезъ семьнадцать дней, послѣ одиннадцати приступовъ.

Габріэль былъ въ Сен-Кентенѣ уже двѣнадцать дней, четверо сутокъ сверхъ даннаго обещанія!

V.

Арно Филль продолжаетъ свои дѣлишки.

Въ первую минуту, городъ былъ жертвою грабежа и кровопролитія. Но Филльберъ далъ строгое приказаніе прекратить беспорядокъ, и когда къ нему привели адмирала Колинъа, онъ гордо присутствовалъ его.

— Я не умѣю наказывать за храбрость, сказалъ онъ ему: — и съ Сен-Кентеномъ будетъ поступлено такъ же, какъ если бы онъ сдался въ первый день приступа.

И побѣдитель, столько же великодушный, какъ и побѣжденный, позволялъ адмиралу возражать на свои требованія.

Сен-Кентенъ, разумѣется, объявленъ былъ испанскимъ городомъ, по тѣмъ жителямъ, которые не хотѣли принять чужеземнаго подданства, могли удалиться, отказавшись, впрочемъ, отъ правъ собственности на свои дома. Всѣ солдаты и горожане были объявлены свободными, и Филльберъ удержалъ за собою только пятьдесятъ нѣтъ-

никовъ безъ различія возраста, пола и состоянія, по своему усмотрѣнію или по выбору своихъ капитановъ, съ тѣмъ, чтобъ выкупомъ за нихъ уплатить жалованье войскамъ. Имущества и личность прочихъ объявили неприкосновенными и Филиберъ принялъ всѣ мѣры противу безпорядковъ. Онъ даже не требовалъ денегъ отъ Колинъи. Адмиралу позволяли на другой день возвратиться въ Парижъ, къ дядѣ его коннетаблю Монморанси, который въ свою очередь встрѣтился не съ такими безкорыстными побѣдителями: за него Франція должна была заплатить добрый выкупъ. Но Филиберъ-Эммануэль считалъ за честь сдѣлаться другомъ Гаспара и не хотѣлъ оцѣнить его свободы.

Эти условія, доказывавшія болѣе благосклонности, нежели сколько можно было ожидать, приняты были адмираломъ съ покорностью, а жителями съ боязливою радостью. На кого-то, дѣйствительно, падеть выборъ Филибера? Это должно было рѣшиться на другой день, и накануне его самые надменные сдѣлались уклончивыми, и самые богатые громко говорили о своей бѣдности.

Арно Тилль, дѣйствуя по-прежнему дѣятельно и ловко, провелъ ночь въ размышленіяхъ о своихъ дѣлахъ и придумалъ весьма-выгодный оборотъ. По утру онъ одѣлся въ самое лучшее свое платье и отправился по улицамъ, наполненнымъ побѣдителями всѣхъ націй, Германцами, Англичанами, Испанцами и проч.

— Что за вавилонское смѣшеніе языковъ! думалъ озабоченный Арно, прислушиваясь къ разнохарактернымъ звукамъ.— Съ тѣмъ, что я знаю по-англійски, не удастся мнѣ потолковать ни съ однимъ изъ этихъ франтовъ. Одни говорятъ: «Cagajo!», другіе «Goddam!», третьи «Tausend sarregment!», и ни одинъ...

— Стой! закричалъ позади Арно довольно-мощный голосъ.

Арно поспѣшно оборотился на этотъ зовъ, въ которомъ слышалось достаточное познаніе французскаго языка.

То былъ высокій, рыжій мужчина, съ лицомъ довольно-плутоватымъ для торгаша, и весьма-глухимъ для обыкновеннаго человѣка. Тилль съ перваго взгляда узналъ въ немъ Англичанина.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Ты плѣнникъ, вотъ что мнѣ угодно, отвѣчалъ военный человѣкъ съ замѣтно англійскимъ произношеніемъ, которому Тилль тоже началъ подражать для большей понятности.

— Отъ-чего же я, а не другой? отвѣчалъ онъ:— не ткаць, на-примѣръ, что тамъ идетъ?

— Потому— что ты одѣтъ лучше, нежели ткаць, отвѣчалъ Англичанинъ.

— Ахъ, да! сказалъ Арно:— а какое вы имѣете право меня останавливать; кажется, вы не больше, какъ простой солдатъ?

— О! я дѣйствую не отъ себя, отвѣчалъ Англичанинъ:— а по приказанію моего начальника, лорда Грея, который командуетъ здѣсь Англичанами, и которому герцогъ Филиберъ-Эммануэль назначилъ на его долю, за труды, трехъ плѣнныхъ, двухъ благород-

ныхъ и одного горожанина, съ выкупомъ, какой они въ состояніи за себя дать. А мой начальникъ, зная, что у меня и руки и глаза исправны, поручилъ мнѣ идти на охоту и достать трехъ цѣнныхъ павлинчиковъ. Ты хорошая дичь изъ тѣхъ, которыхъ я до сихъ поръ видѣлъ и потому я беру васъ за ворота, господнѣ горожанинѣ.

— Много чести для бѣднаго конюшаго, скромно отвѣчалъ Арно.—А кормить хорошо будетъ вашъ начальникъ?

— Дуралей! развѣ ты думаешь, что онъ долго будетъ тебя кормить? сказалъ солдатъ.

— Да пока не вздумаетъ отпустить меня! отвѣчалъ Арно.—Вѣдь не уморить же голодомъ.

— Гм! а если въ-самомъ-дѣлѣ я принялъ ободранную кошку за пушистую лисицу?

— Опасно, снѣнорь-служивый, сказалъ Арно:— и если лордъ Грей обѣщалъ вамъ что-нибудь за комиссію, то за меня достанется вамъ развѣ двадцать или тридцать палокъ. Если это вамъ пріятно, то совѣтую взять меня.

— Ты, можетъ-быть, и правду говоришь! отвѣчалъ Англичанинъ, всматриваясь въ плутоватыя глаза Арно:—пожалуй, я съ тобой потерю и то, что обѣщалъ мнѣ лордъ Грей, т. е., одинъ ливръ со ста ливровъ, которые онъ получить за мою дичь.

— А, вотъ кого мнѣ надо! подумалъ Арно.—Эй! товарищъ-непріятель, сказалъ онъ громко:—если я укажу вамъ на богатую добычу, на павлиника, который стоитъ десять тысячъ ливровъ, на примѣръ, будете ли вы мнѣ благодарны, а?

— Десять тысячъ! вскричалъ Англичанинъ:—сказать правду, такіе павлиники не часто попадаются! Значить, мнѣ достанется сто ливровъ, хорошій кушъ!

— Да, но пятьдесятъ изъ нихъ слѣдовало бы дать другу, который укажетъ дорогу. По правдѣ-то, а?

— Ну! пусть такъ, сказалъ солдатъ послѣ минутнаго раздумья:—но веди сейчасъ же къ этому человѣку и скажи мнѣ, какъ его зовутъ.

— За нимъ не далеко ходить, продолжалъ Арно. — Нѣсколько шаговъ въ эту сторону. Пойдите, я не хочу показываться съ вами на площади. Дайте мнѣ спрятаться за уголъ этого дома, а сами идите дальше. Видите на балконѣ господина, который разговариваетъ съ горожаниномъ?

— Вижу, сказалъ Англичанинъ:—этотъ-то и есть мой?

— Онъ-то и есть нашъ.

— А какъ его зовутъ?

— Виконтъ д'Эксмэ.

— А! право, вскричалъ солдатъ:—такъ вотъ онъ, виконтъ-то д'Эксмэ! о немъ много толковали въ лагерѣ. Развѣ онъ такъ же богатъ, какъ хабръ?

— Я за это ручаюсь.

— Такъ ты его хорошо знаешь?
 — Еше бы! я его конюшій.
 — А, Иуда! невольно воскликнулъ солдатъ.
 — Нѣтъ, спонсрдно отвѣчалъ Арно:— потому-что Иуда повѣсилъ
 а я не повѣшусь.

— Можетъ-быть, тебя избавятъ отъ труда! сказалъ Англичанинъ.

— Увидимъ, отвѣчалъ Арно:— а наше условіе, да иная нѣтъ?

— Да! продолжалъ Англичанинъ:— я отведу твоего господина къ милорду, а послѣ чѣмъ мнѣ укажешь еше одного дворянина какаго-нибудь замѣчательнаго горожанина, если знаешь.

— Знаю въ Гугу ии цѣну, за половину барышей.

— Дуснай такъ, чертовъ хозяинъ!

— Вотъ кошмарный! сказалъ Арно. — Только безъ плутней! Между плутами плутовкой не бываетъ. Впрочемъ, я васъ поймаю; вы должны чальникъ платить наличными?

— Намъ чальникъ и впередъ; ты пойдешь съ нами къ милорду, по виду мнѣ виновенъ конюшій; я получу свою долю, и тутъ же разделю ее. Но ты, въ благодарность, поможешь мнѣ отыскать втораго и третьяго плѣнника.

— Увидимъ, сказалъ Арно:— сначала займемся первыми.

— Митомъ едѣлаемъ, отвѣчалъ солдатъ:— твой господинъ сличенъ суровъ на войнѣ, такъ ему надо быть добрымъ во время мира, чѣмъ это знаемъ. Ступай впередъ и стань за нимъ; увидишь, я мнѣ своего дѣла мастеръ.

Арно оставилъ своего достойнаго спутника. Войдя въ комнагу гдѣ Габріэль разговаривалъ съ другомъ своимъ Жаномъ Пекуа, Арно спросилъ, чѣмъ нуженъ ли онъ ему. Онъ еше говорилъ, когда дошелъ солдатъ. Англичанинъ шелъ прямо къ виконту, который сидѣлъ на него съ изумленіемъ; низко поклонившись ему, солдатъ сириселъ:

Я имѣю честь говорить съ виконтомъ д'Эксмѣ?

— Я действительно виконтъ д'Эксмѣ, отвѣчалъ еше болѣе удивленный Габріэль:— что вамъ надо отъ меня?

— Вашу шпагу, сударь, сказалъ солдатъ, поклонившись ему и догаваясь.

Тобѣ возразилъ Габріэль, отступая съ невыразимымъ изумленіемъ.

— Имашемъ морда Грея, моего начальника, сударь, отвѣчалъ несмѣливый солдатъ. Вы въ числѣ пятидесяти плѣнниковъ, которыхъ господинъ адмиралъ долженъ выдать побѣдителямъ. Не вольте сердиться на меня, слабачо, что я долженъ былъ вамъ объявить эту неприятную новость.

— На тебя сердиться! сказалъ Габріэль:— нѣтъ; но лордъ Грей могъ бы самъ спросить у меня шпагу. Я ему отдамъ ее, да и еще?

— Какъ вамъ угодно, сударь.

— И надюсь, что твой начальник освободитъ меня за выкупъ?

— О! будьте увѣрены, будьте увѣрены, сударь, торопливо отвѣчайте солдатамъ.

— Такъ я иду за тобой, сказалъ Габріэль.

— Но это подло! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Вы напрасно соглашаетесь. Вы не житель Сен-Кентена! Вы не зашнанный!

— Господинъ Жанъ Пекуа говоритъ правду, продолжалъ Арно Тилль съ жаромъ, указывая солдату, исподтишка на самого горожанина. — Да, господинъ Жанъ Пекуа, доказали истинный путь; виконтъ не сен-кентенскій житель, и господинъ Жанъ Пекуа это знаетъ! господинъ Жанъ Пекуа знаетъ весь городъ! Онъ уже сорокъ лѣтъ здѣсь живетъ горожаниномъ и единаковникъ общины! капитанъ стрѣлковой роты! Что вы, на это скажете, господинъ Англичанинъ?

— Я скажу на это, отвѣчалъ сметливый Англичанинъ: — что если это господинъ Жанъ Пекуа, то я имѣю приказаніе взять такъ же и его! Онъ тоже есть въ моемъ спискѣ.

— И! вскричалъ горожанинъ.

— Вы сами, сударь, сказалъ солдатъ.

Пекуа съ вопросительнымъ лицомъ посмотрѣлъ на Габріэля.

— Увы! Другъ мой, съ невольнымъ захопомъ сказалъ виконтъ: — Я думаю, что, исполняя наши воинскія обязанности во время битвы, мы лучше всего сдѣлаемъ, если придемъ права побѣдителя. Рѣшимся, Пекуа!

— Идти за этимъ? спросилъ Пекуа, указывая на солдата.

— Безъ сомнѣнія, другъ мой. И, въ этомъ испытаніи, я утѣшаюсь тѣмъ, что мы будемъ вмѣстѣ.

— Ваша правда, виконтъ, сказалъ расстроганный Жанъ Пекуа: — вы слишкомъ добры, а если такой славный и храбрый капитанъ, какъ вы, не противится своей участи, то развѣ саботъ сѣтовать на нее простой горожанинъ? Ну! негодяй, продолжалъ онъ, обращаясь къ солдату: — такъ и быть, я твой начальникъ, или твоего командира, что ли?

— И вы пойдете за мною къ лорду Грею, сказалъ Англичанинъ: — и останетесь тамъ, если вамъ угодно, до свѣтлаго утра, пока не внесетъ порядочнаго выкупа.

— И останусь тамъ навсегда, чортовъ сынъ! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Или я умру или твоему командиру выкупа не видать моего золота; пусть кормитъ меня, если онъ христианинъ, до послѣдняго дня моей жизни, а я тѣмъ порядочно, предупреждаю тебя.

Солдатъ испуганными глазами посмотрѣлъ на Арно Тилля, но тотъ разувѣрилъ его знакомъ и указавъ на Габріэля, который сѣлъ на выходку своего пріятеля. Англичанинъ успѣлъ понять шутку и началъ добродушно смѣяться.

— Такъ вы, сударь, и вы, сказалъ онъ: — я васъ по...

— Ты пойдешь впередъ къ лорду Грею, съ негодованіемъ врвалъ его Габріэль: — а мы сговоримся уже съ твоимъ господиномъ.

— Какъ вамъ угодно, почтительно отвѣчалъ солдатъ, и, отпривившись впередъ, привелъ къ лорду Грею дворянина и горбжанна, за которыми продалъ шель Арно Тилль.

Лордъ Грей былъ скучный, тяжелый флегматикъ, и, считавъ войну торговлей, былъ въ дурномъ расположеніи духа, потому что получилъ, вмѣсто платы себѣ и своимъ солдатамъ, выкупъ за трехъ несчастныхъ плѣнниковъ. Онъ принялъ Габріэля и Жану Пекуа съ холоднымъ достоинствомъ.

— А! такъ на мою долю достался плѣнникомъ виконтъ д'Эксмиса, сказалъ онъ, съ любопытствомъ осматривая Габріэля. — Вы намъ надѣлали много хлопотъ, и еслибъ я вздумалъ запросить съ васъ столько выкупа, сколько вы причинили убытковъ Филиппу II, то мнѣ, я думаю, пришлось бы получить и Францію и Генриха.

— Я дѣйствовалъ, какъ умѣлъ, сказалъ Габріэль.

— Ваше умѣнье хорошо! поздравляю васъ, продолжалъ лордъ Грей. — Но не въ томъ дѣло. Не смотря на чудеса, которыми вѣдѣли, участь войны передаетъ васъ въ мою власть, васъ и вашу доблестную шпагу... О! не беспокойтесь, не беспокойтесь, прибавилъ онъ, увидѣвъ, что Габріэль хотѣлъ отдать ему свою шпагу. — Но, чтобъ снова приобрести право дѣйствовать ею, чѣмъ вы можете жертвовать? Уладимъ это. Я знаю, что храбрость и богатство, къ несчастію, не всегда живутъ вмѣстѣ. Впрочемъ, я не могу отказать отъ всего. Пять тысячъ экю... согласны ли вы такъ отпустить вашу свободу?

— Нѣтъ, милордъ, отвѣчалъ Габріэль.

— Нѣтъ? Вы думаете, что это дорого? продолжалъ лордъ Грей. — Дѣтъ! проклятая война! Бѣдная кампанія! Ну! четыре тысячи экю, не много, чертъ меня побери!

— Мало, милордъ, холодно отвѣчалъ Габріэль.

— Какъ, что вы говорите? вскричалъ Англичанинъ.

— Я говорю, продолжалъ Габріэль: — что вы не такъ меня мен слова, милордъ. Вы спросили меня, прилично ли взять за мою свободу пять тысячъ экю, и я отвѣчалъ вамъ «нѣтъ»; потому что моей оцѣнкѣ я стою вдвое болѣе, милордъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Англичанинъ: — и въ-самомъ-дѣлѣ, вашъ король можетъ дать эту сумму, чтобъ сохранить такого храбраго воина.

— Я надѣюсь обойтись безъ помощи короля, сказалъ Габріэль: и мое состояніе, безъ сомнѣнія, позволитъ мнѣ самому сдѣлать этотъ непредвидѣнный расходъ.

— Итакъ— все къ лучшему, продолжалъ лордъ Грей, нѣсколько изумленный. — Вы уплатите мнѣ десять тысячъ экю; и, проставъ въ какой срокъ?

— Разумѣется, сказалъ Габріэль: — я не привезу съ собою и

ой суммы въ осажденный городъ; притомъ, средства адмирала Толкина и его друзей, я думаю, такъ же не велики, какъ мой, и я не хочу ихъ утруждать. Но если вы позволите отсрочить на нѣсколько времени, то мнѣ пришлютъ изъ Парижа...

— Очень-хорошо! сказалъ лордъ Грей: — и въ случаѣ нужды, положусь на ваше слово, которое стоить золота. Но, дѣло—все дѣло, и какъ неудовольствія между нашими и испанскими войсками, можетъ-быть, заставятъ меня возвратиться въ Англiю, то вы не оскорбитесь, если до совершенной уплаты я задержу васъ, въ этомъ испанскомъ городѣ, изъ котораго я уѣзжаю, а въ то время, гдѣ мой родственникъ Уэнтвортъ губернаторомъ. Согласны вы?

— Охотно, сказалъ Габріэль, и горькая улыбка мелькнула на блѣдныхъ губахъ: — я только попрошу васъ позволить мнѣ ѣхать въ Парижъ за деньгами моего конюшаго, чтобъ не продавать ни моего плѣна, ни вашей довѣренности.

— Совершенно справедливо, продолжалъ лордъ Грей: — а пока возвратится вашъ посланный, будьте увѣрены, что со стороны моего родственника вы не встрѣтите ни малѣйшей непріятности. Въ Калѣ вы будете пользоваться совершенною свободою... тѣмъ болѣе, что городъ укрѣпленъ и постоянно запертъ... и лордъ Уэнтвортъ доставитъ вамъ возможныя удовольствія: онъ любитъ поить и тратить на это даже болѣе, нежели сколько бы слѣдовало. Это его дѣло, и жена его, моя сестра, уже умерла. Я только хотѣлъ сказать, что вы не слишкомъ будете скучать.

Габріэль молча поклонился.

— Теперь съ вами, продолжалъ лордъ Грей, обращаясь къ Петру, который въ-продолженіе предыдущей сцены не разъ подымавъ плечи отъ удивленія. — Вы, кажется, тотъ горожанинъ, который предоставленъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя дворянами.

— Я Жанъ Пекуа, милордъ.

— Ну, Жанъ Пекуа, какой выкупъ можно спросить съ васъ?

— О! я намѣренъ торговаться, милордъ. Дѣка на дѣку, какъ говорятъ. Вы можете хмурить брови, какъ вамъ угодно, и не самодовольствѣть, и, по моему мнѣнію, не стою больше десяти ливровъ.

— Э! прервалъ лордъ Грей съ презрѣніемъ: — вы заплатите сто ливровъ, это составитъ почти то, что я обѣщалъ солдату, который привелъ васъ сюда.

— Сто ливровъ, такъ и быть! милордъ, если вы такъ дорого цѣните, насмѣшливо отвѣчалъ Пекуа. — Но не наличными деньгами, конечно.

— Какъ! не-уже-ли у васъ нѣтъ и этой ничтожной суммы? сказалъ лордъ Грей.

— Быдо, милордъ, отвѣчалъ Жанъ Пекуа: — но я все раздалъ своимъ и большимъ во время осады.

— У васъ есть, по-крайней-мѣрѣ, друзья? родственники, можетъ-быть? продолжалъ лордъ Грей.

— Друзья! не такъ много надо очень разсчитывать милорда; естественный? у меня шельма Жана, моя умерла, не оставивъ тебѣ, а братъ твой у меня не, было, остался одинъ двоюродный братъ...

— Ну! этого двоюродный братъ? сказалъ съ нетерпѣнъ лордъ Грей.

— Оны, милордъ, конечно, не откажетъ мнѣ въ требуемой мѣ, по оны живетъ въ Жамб.

— А! съ недовѣрчивостію произнесть лордъ Грей.

— Боже мой! да, милордъ, продолжалъ Жанъ Пекуа съ видъ самой добродушной откровенности: моего двоюроднаго брата вуть Пьеръ Пекуа, оны больше тридцати лѣтъ, занимается оружнымъ мастерствомъ въ Улицѣ Мартруа, подъ выдскою бога Ма...

— Пьеръ, близость отъ васъ? спросилъ лордъ Грей.

— Я думаю, милордъ, въ японскаго изъ рода Пекуа, то оны меня обожаютъ. Боже! два въ оны, тому назадъ, у оны Пекуа, нашего предка, было два сына; одинъ сдѣлался ткачъ и поселился въ Сен-Кентонъ, а другой — оружейникомъ и отъ...

жилъ въ Жамб. Съ тѣхъ поръ, Пекуа, сен-кентонскіе ткачъ, а куа въ Калѣ куютъ. Но, не смотря на разстояніе, которое раздѣляетъ ихъ, они любятъ другъ друга, и помогаютъ, какъ то...

могутъ, какъ слѣдуетъ добрымъ родственникамъ. Въ горожанъ дружнаго рода, Пьеръ даетъ мнѣ сколько нужно для моего в...

на, я въ этомъ уверена, хотя, не выдаю его почти десять потому что вы, Англичанъ, не легко позволяете намъ, Французъ входить въ ваши укрѣпленные города.

— Да, да, привѣтливо сказалъ лордъ Грей: — слишкомъ десять лѣтъ, какъ ваши Пекуа въ Калѣ сдѣлались Англичанами.

— О! вскричалъ Жанъ съ жаромъ: — Пекуа, потому, въ замочка.

— Ну, прервалъ удивленный лордъ Грей: — что Пекуа...

— Пекуа, милордъ, сказалъ Жанъ съ замѣшательствомъ, свою шапку: — Пекуа не замѣшательство, въ подлинку, хотѣ събавить Англичане или Французъ, Пекуа довольны, если и...

запаситъ денгю можному или бѣдному.

— Ну, въ станомъ случаѣ, кто знаетъ? весело приподнять Грей: — вы, можетъ-быть, посядете, тканомъ въ Калѣ и сатесь также подданнымъ королевы Марин, и Пекуа, послѣ скихъ лѣтъ, наконецъ соединятся.

— Можетъ-быть! добродушно отвѣчалъ Жанъ Пекуа.

Габріэль не могъ опомниться отъ изумленія, слушая хра горожанина, который такъ геройски защищалъ городъ, а такъ спокойно говорилъ о перемѣнѣ подданства, какъ-будто шло е перемѣнѣ сюртука. Но сдѣланный Жаномъ украдкой разувѣрилъ Габріэля и далъ ему замѣтить, что Пекуа задъ какую-то хитрость.

Лордъ Грей скоро отпустилъ ихъ обоихъ.

— Завтра мы отправимся вмѣстѣ въ Калѣ, сказалъ онъ имъ: — до-тѣхъ-поръ вы можете закурить приготовленіями къ пути и раститься съ вашими знакомыми. Я предлагаю вамъ слово и предоставляю вамъ полную свободу, прибавилъ онъ въ особенную привѣтливость: — что ваши имена запишутся на за-вахахъ и изъ города не выпустать никого безъ позволенія губер-натора.

Габріэль не отвѣчая поклонился лорду Грея и удалился вмѣ-стѣ съ Пекуа, не замѣтивъ, что конюшій его, Мартанъ-Герръ, остался въ домѣ Англичанина.

— Что ты задумалъ, другъ? сказалъ Жанъ Пекуа, когда они вы-шли. — Можетъ ли быть, чтобъ у тебя не было плана, дорожки для выкупа? Зачѣмъ тебѣ такъ хочется ѣхать въ Калѣ? Развѣ этотъ ружейный мастеръ въ самомъ дѣлѣ существуетъ?

— Тихе! отвѣчалъ Жанъ Пекуа съ таинственнымъ видомъ: — въ этой испанской атмосферѣ едва осмѣливаюсь развунуть ротъ. Но, конечно, можете полагаться на вашего конюшаго Мартана-Герра?

— За него я отвѣчаю, сказалъ Габріэль: — кромѣ забывчивости и некоторыхъ вѣщательствъ не въ свое дѣло, это вѣрный че-ловѣкъ въ мірѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Пекуа. — Не надо отправлять его прямо сюда въ Парижъ; повеземъ его въ Калѣ и пошлемъ оттуда.

— Но къ чему всѣ эти предосторожности? спросилъ Габріэль.

— Я вижу, въ Калѣ у тебя нѣтъ никакой родни.

— Онъ такъ! отвѣчалъ Пекуа: — Пьеръ Пекуа существуетъ и привыкъ жалѣть объ оставленной родинѣ своей, Франціи; въ слу-чай нужды, если вы задумаете какой-нибудь геройскій подвигъ, онъ поможетъ охотно.

— Я догадываюсь, другъ мой, сказалъ Габріэль, сжимая руку своего спутника. — Но ты слишкомъ много рассчитываешь на ме-ня; ты не знаешь, сколько было эгоизма въ этомъ мнимомъ герой-ствѣ; ты не знаешь, что въ будущемъ ждетъ меня другая обя-занность, болѣе священная, если можно, нежели слава отечества.

— Ну, сказалъ Жанъ Пекуа: — эту обязанность мы исполните, какъ и другія. А между другими, прибавилъ онъ, помини го-лову: — и ту, которая явится, можетъ быть, когда представится случай взять Калѣ вмѣсто выкупа за Сан-Кентенъ.

VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ ПРОДѢЛОКЪ АРНО ДЮ-ТІЛЛА.

Но оставимъ молодого капитана и стараго горожанина съ ихъ геройскими замыслами и возвратимся къ конюшему и солдату, ко-торые ведутъ расчетъ въ домѣ лорда Грея.

Солдаты въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ ухода двухъ пѣвчихъ, и требовали обѣщанной платы, и командиръ, довольный его логикою, выдалъ ему слѣдовавшую сумму.

Арно дю-Тилль, въ свою очередь, ждалъ своей доли, которую Аглантинъ добросовѣстно принесъ ему. Онъ нашелъ Тилля, писавшаго въ углу своею безконечною ноту коннетаблю Монморанси бормотавшаго про себя:

«За то, что ловкимъ манеромъ подвелъ виконта д'Эксмэ въ чело военнопленныхъ и такимъ-образомъ на некоторое время избавилъ господина коннетабля отъ сказаннаго виконта...»

— Что ты тутъ дѣлаешь, пріятель? сказалъ солдатъ, ударивъ Арно по плечу.

— Что я дѣлаю? счетъ, отвѣчалъ мнимый Мартенъ-Герръ. — что дѣлаетъ нашъ счетъ?

— Вотъ онъ, сказалъ солдатъ, положивъ деньги въ руку Арно, который началъ ихъ внимательно пересчитывать. — Я держу съ едвое и не жалѣю о деньгахъ. Ты мнѣ показалъ двухъ пѣвчихъ, особенно твоего господина, который не торговался, напротивъ! Сѣдая борода упрямилась; но, для горожанца, онъ же не слишкомъ-дурень, а безъ тебя я бы, пожалуй, еще хуже.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Арно, опуская деньги въ карманъ.

— Ну, да еще не все кончено; ты видишь, что я хорошею дѣлу; теперь надо указать мнѣ третьяго пѣвчиха, еще одного бы городнаго.

— Вотъ еще! сказалъ Арно: — мнѣ больше никому услуги выбирать какъ знаешь.

— Я это знаю, отвѣчалъ солдатъ: — и не требую, а просто выбери со мной изъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей, кого бы изъ нихъ удобнѣе захватить.

— Какъ! спросилъ Арно: — женщинъ тоже?

— Женщинъ особенно, сказалъ солдатъ: — и если ты знаешь какую благородную, да богатую и еще хорошенькую, то намъ придется подѣлиться порядочнымъ кушемъ, потому-что милордъ Грей перепродалъ бы ее своему родственнику, лорду Уэнтворту, который гораздо-больше любитъ пѣвчихъ, нежели пѣвчихъ.

— Къ-несчастію, ни одной не знаю, отвѣчалъ Тилль. — А впрочемъ... но нѣтъ, нѣтъ; это невозможно.

— Отъ-чего невозможно, товарищъ? Развѣ мы здѣсь не побѣдители? кромѣ адмирала, никто не исключенъ изъ капитуляціи.

— Оно правда, сказалъ Арно: — но не надо, чтобъ красота, которой я говорю, видѣла моего господина; а посадить ихъ въ тюрьму въ одномъ городѣ не значитъ разлучить.

— Гэ! а развѣ лордъ Уэнтвортъ не будетъ держать ее въ тайнѣ, хорошенькую-то?

— Да; въ Калѣ, въ раздумьи говорилъ Арно: — а на дорогѣ...
 ей господишь увидить ее и заговорить.

— Не увидить, если я захочу, отвѣчалъ Англичанинъ. — У насъ
 пойдетъ два отряда, одинъ послѣ другаго, и если хочешь, отъ ка-
 млера до красавицы будетъ два часа ходьбы.

— Да! но что скажетъ старый коннетабль? говорилъ про себя
 Арно. — Если онъ узнаетъ, что я замѣшался въ это дѣло, то мнѣ
 не миновать висѣлицы.

— А развѣ онъ узнаетъ? развѣ кто-нибудь узнаетъ? продолжалъ
 искуситель. — Ты самъ не скажешь, а ипаче — деньги что ли ска-
 жутъ, откуда онѣ пришли?

— А деньги будутъ порядочныя? спросилъ Арно.

— Попаламъ.

— Досадно! продолжалъ Арно: — потому-что сумму дадутъ по-
 порядочную, нечего и говорить; отецъ не постоитъ.

— Отецъ принцъ или герцогъ? спросилъ солдатъ.

— Отецъ король, пріятель, и называется по имени Генрихъ II.

— Дочь короля здѣсь! вскричалъ Англичанинъ. — Чортъ побе-
 дил! Если ты теперь мнѣ не скажешь, гдѣ она, я, кажется, про-
 стоу тебя; товарищъ! Дочь короля!

— И королева красоты, сказалъ Арно.

— О! сердце Уэнтвортъ съ ума сойдетъ, продолжалъ солдатъ.

— Товарищъ, прибавилъ онъ, торжественно выпимая свой коше-
 лекъ и отырывая его: — все твоё, если скажешь, какъ зовутъ ее
 и гдѣ найти.

— Ну! сказалъ Арно, невольно хватаясь за кошелекъ.

— Имя? спросилъ солдатъ.

— Діана де-Кастро, по прозванію сестра Бені.

— А гдѣ?

— Въ монастырѣ бенедиктинокъ.

— Бѣгу! вскричалъ Англичанинъ, и исчезъ.

— Все равно, думалъ Арно, возвращаясь къ своему господину:
 — этого я не оставлю въ счетъ коннетаблю.

VII.

Лордъ Уэнтвортъ.

Черезъ три дня, 1-го сентября, лордъ Уэнтвортъ, губернаторъ
 Калѣ, принявъ наставленія отъ своего родственника, лорда Грея,
 и проводивъ его на корабль, отправлявшійся въ Англію, съѣлъ на
 лошади и возвратился въ свой замокъ, гдѣ находились Габріель и
 Некуа, а въ другой комнатѣ Діана.

Но мадамъ де-Кастро не знала, что она такъ близко отъ своего
 возлюбленнаго, и не имѣла съ нимъ никакого сообщенія во время
 переезда изъ Сан-Конта.

Лордъ Уэнтвортъ былъ прямо противоположнаго характера съ лордомъ Греемъ: какъ послѣдній былъ сухъ, холоденъ и скупъ такъ первый живъ, любезенъ и щедръ. Онъ былъ красивъ, степенъ и лоекъ. Ему было около сорока лѣтъ, и нѣсколько седыхъ волосъ уже серебрились въ его черныхъ, густыхъ кудряхъ. Но совершенно-юношеская осанка и горѣвшіе огнемъ сѣрые глаза доказывали, что онъ не старѣлъ душою; и дѣйствительно, онъ велъ такую веселую и бодрую жизнь, какъ человекъ лѣтъ двацати-пяти.

Сначала онъ вошелъ въ залу, гдѣ ожидали его виконтъ д'Эксъ и Жанъ Пекуа, и привѣтливо, съ улыбкой поклонился имъ, какъ своимъ гостямъ, а не какъ дѣлникамъ.

— Добро пожаловать, виконтъ, и вы, сударь, сказалъ онъ имъ. — Я очень радъ, что лордъ Грей привелъ васъ сюда, виконтъ, радуюсь вдвойнѣ вѣстію Сен-Кентена. Не стѣйте на меня; здѣсь, въ этомъ укрѣпленномъ мѣстѣ, развлечения рѣдки и обиліе такъ ограничено, что я радъ встрѣтить кого-нибудь, къ кому можно поговорить, и я, признаюсь, отъ души желаю, чтобъ выкупъ пришелъ какъ-можно-позже.

— Онъ придетъ дѣйствительно поздно, нежели я думаю, и лордъ, отвѣчалъ Габріэль. — Лордъ Грей вѣрно предупредилъ васъ потому-что командиръ мой, котораго я намѣревался послать въ Парижъ, на пути завелъ споръ съ однимъ изъ солдатъ, прогнавъ ихъ насъ, и раненъ въ голову, не опасно, правда, но все же на задержать его въ Калѣ долѣе, нежели бы мнѣ хотѣлось.

— Тѣмъ хуже для него и тѣмъ лучше для васъ, виконтъ, сказалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Вы слѣшкомъ-любезны, милордъ, отвѣчалъ Габріэль съ легкой улыбкой.

— О, нѣтъ, нисколько; любезно было бы съ моей стороны пустить васъ на-слово въ Парижъ. Но, повторяю вамъ, я згомъ и мнѣ слѣшкомъ-сучно: надо исполнить порученіе моего довѣрчиваго родственника, лорда Гремъ. Что тутъ дѣлать? Мы и плѣнники и постараемся облегчить другъ другу непріятности и нещаго положенія.

Габріэль молча поклонился. Ему дѣйствительно хотѣлось, чтобъ лордъ Уэнтвортъ отпустилъ его въ Парижъ. Но могъ ли онъ требовать такой довѣренности отъ человека, совершенно незнакомаго ему?

— Довольно, виконтъ, продолжалъ Уэнтвортъ: — и если вы не поправитесь помѣщеніе въ моемъ домѣ, вы можете найти въ Калѣ другое, лучшее.

— О, виконтъ! сказалъ Габріэлю Жанъ Пекуа умоляющимъ голосомъ: — если вы согласитесь занять прекрасную комнату въ домѣ моего двоюроднаго брата Пьера Пекуа, оружейнаго мастера, вы сдѣлаете честь и ему и мнѣ, сдѣлаете меня счастливымъ.

— Благодарю, другъ мой, сказалъ Габріэль: — но право не

пользоваться такимъ предложеніемъ, можетъ-быть, значило бы потребить его во зло.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, перебилъ лордъ Уэнтвортъ: — и вы совершенно-свободно можете принять квартиру у Пьера Пекуа. Это эпиточный горожанинъ, дѣятельный, искусный оружейникъ и самый честный человекъ. Я знаю его, нѣсколько разъ покупалъ у него оружіе; у него даже есть очень-хорошенькая — дочь или жена, не знаю.

— Моя сестра, милордъ, сказала Жанъ Пекуа: — моя двоюродная сестра Бабетта. А! да, она очень-привѣтлива, и еслибъ я не былъ такъ старъ... но родъ Пекуа отъ этого не прекратится: Пьеръ потерялъ жену, но она оставила ему двухъ весьма-живыхъ сыновей, которые будутъ развлекать васъ, виконтъ, если вы согласитесь принять искреннее гостепримство моего двоюроднаго брата.

— И я не только согласенъ на это, но даже предлагаю вамъ, прибавилъ лордъ Уэнтвортъ.

Габріэль началъ подозрѣвать (и не безъ причины), что губернатору хотѣлось избавиться отъ него. Такъ и думалъ лордъ Уэнтвортъ, который, какъ сказалъ повѣренный лорда Грея, предпочиталъ пѣвницамъ пѣвницъ.

— Итакъ, съ позволенія лорда Уэнтворта, сказалъ Габріэль, обращаясь къ Жану: — я поселюсь, другъ мой, у твоего родственника.

Жанъ Пекуа вспрыгнулъ отъ радости.

— Право, вы хорошо дѣлаете, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ: — не потому, конечно, чтобъ мнѣ пріятно было разстаться съ вами; но въ стѣнахъ, окруженныхъ днемъ и ночью солдатами, нѣтъ держитъ меня моя скучная обязанность, вамъ бы не всегда было такъ свободно, какъ въ домѣ этого добраго оружейника. А для молодаго человека нужна свобода, мы это знаемъ.

— Вы въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, это знаете, сказалъ смѣясь Габріэль: — и знаете всю цѣну независимости.

— О да, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ тѣмъ же веселымъ тономъ: — я еще не въ тѣхъ лѣтахъ, когда порицаютъ свободу... А вы, господинъ Пекуа, продолжалъ онъ, обращаясь къ Жану: — вы такъ же разсчитываете на кошелекъ вашего родственника? Лордъ Грей сказалъ мнѣ, что вы надѣетесь получить отъ него сто экю для вашего выкупа.

— Все, что имѣетъ Пьеръ, принадлежитъ Жану, отвѣчалъ горожанинъ: — такъ было всегда между Пекуа. Я былъ напередъ такъ увѣренъ въ пріемъ моего родственника, что уже послалъ къ нему раненнаго конюшаго виконта д'Эксмэ; увѣренъ и въ томъ, что у него кошелекъ такъ же открытъ для меня, какъ двери его дома, и потому прошу васъ послать за нами одного изъ вашихъ людей, который принесетъ вамъ условленную сумму.

— Зачѣмъ это, господинъ Пекуа, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: —

я васъ отпускаю на-слово. Завтра или послѣ завтра я буду у викаронта д'Эксмэ и вмѣсто денегъ выберу у Пьера Пекуа какое-нибудь оружіе.

— Какъ вамъ угодно, милордъ, сказалъ Жанъ.

— За тѣмъ, господинъ д'Эксмэ, сказалъ губернаторъ:—кажется, не нужно говорить, что каждый разъ, когда вы вздумаете посетить меня, будете приняты тѣмъ радушіемъ, что могли бы и не сдѣлать этого? Повторяю, въ Калѣ жизнь однообразна; безъ сомнѣнія, скоро узнаете это сами, и, надѣюсь, соединитесь со мною противъ общаго врага—скуки. Вашъ прїездъ сюда для меня счастливый случай, и я воспользуюсь имъ сколько возможно; если вы будете удалаться, я надобѣмъ вамъ, предупреждаю васъ; а впрочемъ, вспомните, что вы свободны только вполовину, и другъ долженъ часто водить ко мнѣ плѣнника.

— Благодарю, милордъ, сказалъ Габріэль:—но условія войны измѣнчивы и, въ замѣнъ вашей обязательности, прибавилъ онъ:—сегодняшній другъ завтра сдѣлается снова непріателемъ.

— О! сказалъ лордъ Уэнтвортъ:—я обезпеченъ, даже, уны! слишкомъ обезпеченъ за моими неприступными стѣнами. Еслибъ Фрицузамъ суждено было овладѣть снова Калѣ, то они не ждали бы этого двѣсти лѣтъ. Я спокоенъ, и если вы встрѣтите меня въ Парижѣ, то, конечно, въ мирное время.

— Все будетъ, какъ Богу угодно, милордъ, продолжалъ Габріэль.—Адмиралъ Колинъ обыкновенно говорить, что лучшее средство въ рукахъ человѣка.—терпѣніе.

— Ну! а пока поживемъ какъ-можно-лучше. Кстати, я забылъ: вы, вѣроятно, теперь нуждаетесь въ деньгахъ; мой кошелекъ въ вашемъ распоряженіи.

— Еще разъ благодарю, милордъ: мой хотя не такъ полонъ, и я не могу сейчасъ уплатить выкупа, но для ежедневныхъ расходовъ достаточно. У меня, признаюсь, одна матеріальная забота, что появленіе трехъ неожиданныхъ гостей произведетъ безпокойство въ домѣ вашего родственника, господинъ Пекуа, и потому мнѣ бы хотѣлось прискать другую квартиру за нѣсколько эку...

— Вы шутите! прервалъ Жанъ Пекуа:—домъ Пьера довольно-великъ, благодаря Бога! даже для трехъ семействъ. Въ провинціи строятся не такъ тѣсно, какъ въ Парижѣ.

— Это справедливо, сказалъ лордъ Уэнтвортъ:—я рекомендую вамъ, виконтъ—домъ оружейнаго мастера достоинъ быть жилищемъ капитана. Свита гораздо многочисленнѣйшая, нежели ваша, удобно помѣстится тамъ, нѣсколько не стѣсня двухъ мастерскихъ. А вы, господинъ Пекуа, не утвердитесь ли здѣсь съ вашимъ ремесломъ? Лордъ Грей говорилъ мнѣ мелькомъ; я бы очень-радъ былъ исполненію этого намѣренія.

— Можетъ-быть, сказалъ Жанъ Пекуа.—Калѣ и Сок-Виконтъ скоро будутъ принадлежать одной націи, и я бы весьма хотѣлъ сблизиться съ моими родственниками.

— Да, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ, не понявшій тонкаго намека Жанна: — да, легко можетъ статься, что Сен-Кентенъ скоро будетъ принадлежать Англичанамъ. Но я васъ задерживаю, прибавилъ онъ: — а послѣ дороги вамъ нуженъ покой. Виконтъ, и вы, сударь, еще разъ повторяю вамъ, вы свободны. До свиданія, не надолго, надѣюсь?

Онъ проводилъ капитана и горожанина до дверей, пожалъ руку одному, дружески поклонился другому, и наши плѣнники отправились въ улицу Мартруа, гдѣ жилъ Пьеръ Пекуа подъ вывѣской бога-Марса, и куда, Богъ-дастъ, мы скоро возвратимся къ Габріэлю и Жану.

— Ну! подумалъ лордъ Уэнтвортъ, оставшись одинъ:—я, кажется, хорошо сдѣлалъ, что выпроводилъ отъ себя этого виконта д'Эксмэ. Онъ дворянинъ, вѣрно жилъ при дворѣ, и если хотя разъ видѣлъ мою плѣнницу, то вѣрно не забылъ ея. Да, я едва мелькомъ видѣлъ ее, когда она, часа два тому назадъ, проходила мимо, а до сихъ-поръ точно ослѣпленъ. Какъ хороша! О! я люблю ее! люблю! Бѣдное сердце, такъ давно остывшее въ этомъ мрачномъ уединеніи, какъ сильно ты бьешься теперь! Но этотъ молодой человекъ, онъ, кажется, живой и отважный, могъ бы, узнавъ дочь своего короля, вмѣшаться неприятнымъ образомъ въ тѣ отношенія, которыя, конечно, скоро образуются между мной и Діаной. Присутствіе соотечественника, а можетъ-быть и друга, стѣснило бы ее или поощрило бы къ упорству. Третьяго между нами не должно быть. Если я не хочу прибѣгать къ мѣрамъ, недостойнымъ меня, то бесполезно же и затруднять дѣло.

Онъ сдѣлалъ условный звукъ. Черезъ минуту вошла горничная.

— Жанна, сказалъ по-англійски Уэнтвортъ:—ты, какъ я приказывалъ, ходишь за этой дамой?

— Да, милордъ.

— Какъ она теперь, Жанна?

— Печальна, милордъ, впрочемъ, унынія не замѣтно. Такъ бойко смотритъ и говоритъ; призываетъ кротко, но, кажется, привыкла, чтобъ ей повиновались.

— Хорошо, сказалъ губернаторъ.—Приняла она то, что ты подавала ей?

— Едва взяла одинъ фруктъ, милордъ; но какъ она ни старается казаться увѣренною, замѣтно безпокойство и грусть.

— Довольно, Жанна, сказалъ лордъ Уэнтвортъ. — Воротись къ этой дамѣ и спроси ее отъ меня, угодно ли ей меня принять. Ступай и приходи скорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались нетерпѣливому лорду цѣлымъ вѣкомъ, горничная возвратилась.

— Ну? спросилъ онъ.

— Ну! милордъ, отвѣчала Жанна:—эта дама не только согласна, но даже желаетъ сейчасъ же говорить съ вами.

— Все къ лучшему! подумалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Только, прибавила Жанна—она оставила у себя старую Мери и приказала мнѣ вернуться.

— Хорошо, Жанна, ступай. Надо ей во всемъ повиноваться, слышишь? Ступай. Скажи, что я иду вслѣдъ за тобой.

Жанна вышла, и лордъ Уэнтвортъ, съ отфисенными сердцемъ, какъ двадцатилѣтній любовникъ, пошелъ по лестницѣ, которая вела въ комнату Дианы де-Кастро.

VIII.

Видѣнный тюремщикъ.

Диана де-Кастро встрѣтила лорда Уэнтворта съ тѣмъ скромнымъ цѣломудреннымъ достоинствомъ, которое придавало ей особенный взглядъ, ея дѣвственному лицу неотразимую прелесть. Впрочемъ, подъ ея наружными спокойствіемъ скрывалась томительная тоска: она, бѣдное созданіе, дрожала всѣмъ тѣломъ, отвѣчая на звонокъ губернатора и указывая ему, вполнѣ царственнымъ движениемъ руки, на кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Потомъ, дала Мери и Жаннѣ, хотѣвшимъ удалиться, знакъ, чтобы онѣ остались, и, видя, что лордъ, пораженный восторгомъ, продолжаетъ, рѣшилась сама начать разговоръ.

— Кажется, я имѣю честь видѣть лорда Уэнтворта, губернаторъ Калѣ? сказала она.

— Лордъ Уэнтвортъ, вашъ покорнѣйшій слуга, ожидаетъ вашихъ приказаній, сударыня.

— Моихъ приказаній! возразила Диана съ горечью:—о! милорды не говорите такъ: я могу подумать, что вы смѣтаетесь надѣ мной. Еслибъ внимали моимъ—не приказаніямъ, а просьбамъ, желаніямъ я не была бы здѣсь. Вы знаете, кто я, милорды? Знаете ли мое происхожденіе?

— Я знаю, что вы—Диана де-Кастро, сударыня, любимая дочь короля Генриха II.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ меня сдѣлали плѣнницей? спросила Диана, у которой голосъ, вышето того, чтобы возмущаться, ослабѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Именно за тѣмъ, что вы дочь короля, сударыня, отвѣчалъ Уэнтвортъ:—за тѣмъ, что, по условіямъ капитуляціи адмирала Миллнѣ, побѣдителямъ предоставлено взять пятьдесятъ плѣнниковъ по собственному ихъ выбору, безъ различія званій, возраста и пола, и что по-этому очень-естественно было имъ выбрать самыхъ знатныхъ, самыхъ опасныхъ и, позвольте вамъ сказать, такихъ, которые бы могли дать за себя самый большой выкупъ.

— Но какъ узнали, спросила Диана:—что я скрываюсь въ Сент-Кентенѣ, подъ именемъ и одеждой бенедиктинской монахини? Кр.

мъ настоятельница монастыря, еще одинъ человекъ во всемъ го-
родѣ зналъ эту тайну.

— Чтѣ жь! этого человекъ извѣстилъ вамъ, вотъ и все, рѣшилъ
лордъ Уэнтвортъ.

— О, нѣтъ! и увѣрена, что нѣтъ! вскричала Діана съ такой
живостью, съ такимъ убѣжденіемъ, что лордъ Уэнтвортъ почув-
ствовалъ, какъ змѣя ревности ужалила его въ самое сердце, по-
чувствовалъ и—не нашелся, что отвѣчать. — Это было на другой
день послѣ взятія Сен-Кентена, продолжала одушевившись Діана.
— Я сидѣла, встревоженная и испуганная, въ своей кельѣ. Въ приѣм-
ной спросили сестру Бені—это мое послушническое имя, милордъ.
Спрашивавшій былъ англійскій солдатъ. Я ужаснулась какого-то
несчастія, какой-то страшной новости. Но, смотря на то, выхожу,
проникнутая нестерпимымъ ожиданіемъ горя и слезъ. Незнакомый
мнѣ вкраткѣ объявляетъ, что я плѣнница. Я вознегодовала, про-
тивилась, но что могла сдѣлать противъ силы? Тутъ было трое
солдатъ, да, милордъ, трое, взяли одну женщину! Простите,
если это узнаваетъ васъ; но я говорю, что было. Эти люди овла-
дѣли мной, потребовали отъ меня признанія, что я Діана де-Ка-
стра, дочь короля Франціи. Сначала я отрекалась, но такъ-какъ,
не смотря на мои отговорки, меня хотѣли взять, то я потребова-
ла, чтобы меня отвели къ адмиралу Колиньи; а адмиралъ не зналъ
сестры Бені, и потому я объявила свое настоящее имя. Вы, милордъ,
можете-быть, думаете, что послѣ этого признанія согласились на
мою просьбу провести меня къ адмиралу? Совсѣмъ нѣтъ! они толь-
ко обрадовались своей добычѣ и скорѣй потащили меня, застави-
ли сѣсть, или, лучше, бросили въ закрытыя носилки, и когда я,
задушаемая рыданіями, почти уничтоженная, попыталась распо-
знаться, куда меня везутъ, оказалось, что я уже была на дорогѣ въ
Калѣ. Потомъ, лордъ Грей, который, какъ сказали мнѣ, командо-
валъ отрядомъ, отказался меня выслушать, и ужь солдатъ объ-
яснилъ мнѣ, что я плѣнница его командира, и что, въ ожиданіи
моего выкупа, меня везутъ въ Калѣ. Вотъ какъ очутилась я здѣсь,
милордъ, не зная ничего больше.

— И я не могу вамъ ничего больше сказать, сударыня, сказалъ
въ раздумьи лордъ Уэнтвортъ.

— Ничего больше, милордъ? вскричала Діана. — Вы не можете
сказать, отъ-чего мнѣ не позволили говорить ни съ настоятельница-
щей бенедиктинкой, ни съ адмираломъ? Вы не можете сказать, че-
го же наконецъ хотятъ отъ меня, если не позволили мнѣ видѣть
тѣхъ, которые могли бы повѣстать о моемъ плѣнѣ короля, могли
бы послать въ Парижъ за выкупомъ? Къ-чему это тайное похи-
щеніе? Почему я даже не видѣла лорда Грея, когда все это, го-
ворить, сдѣлано по его приказанію?

— Вы видѣли лорда Грея, сударыня, когда проходили мимо
васъ. Это тотъ самый дворянинъ, съ которымъ я разговаривалъ и
который поклонился вамъ въ одно время со мною.

— Извините, милордъ, я не знала, въ чьемъ присутствіи нахожусь, возразила Діана. — Но такъ-какъ вы разговаривали съ лордомъ Греемъ, вашимъ родственникомъ, какъ сказала мнѣ вотъ эта дѣвушка, то онъ, конечно, открылъ вамъ свои намѣренія относительно меня?

— Точно такъ, сударыня; передъ отплытіемъ въ Англію, онъ объяснилъ мнѣ свои намѣренія въ то самое время, какъ васъ привезли въ этотъ домъ. Онъ сказалъ, что въ Сен-Кентенѣ ему выдали васъ за дочь короля, и онъ, имѣя право на трехъ плѣнниковъ по собственному выбору, поспѣшилъ овладѣть такой драгоценной добычей, не предупреждая о томъ никого, чтобъ избѣжать всякихъ распрей. Цѣль его очень-проста: приобрести за васъ какъ-можно-больше денегъ, и я, смѣясь, одобрялъ моего корыстолюбиваго родецьку, когда вы проходили мимо насъ по залѣ. Я увидѣлъ васъ, сударыня, и понялъ, что по рожденію вы дочь короля, а по красотѣ — королева. Съ той минуты, признаюсь къ стыду моему, я разошелся въ мнѣніяхъ съ лордомъ Греемъ, не на счетъ его прошедшихъ дѣйствій, а на счетъ плановъ въ будущемъ. Да! я пересталъ хвалить его намѣреніе — взять за васъ выкупъ; представилъ ему, что онъ могъ бы надѣяться на большее; что между Англіей и Франціей война, вы — важная военная добыча, вы стоите цѣлаго города. Однимъ словомъ, я совѣтовалъ ему не уступать такой богатой находки за какихъ-нибудь нѣсколько эку. Вы въ Калѣ; Калѣ — городъ нашъ, и городъ неприступный; должно беречь васъ и ждать.

— Какъ! вскричала Діана: — вы давали лорду Грею подобные совѣты, и рѣшились на нихъ при мнѣ! А! милордъ, зачѣмъ вамъ противиться моему освобожденію? Что я вамъ сдѣлала? Вы видѣли меня всего одну минуту. Стало-быть, вы ненавидите меня?

— Я видѣлъ васъ одну минуту и — полюбилъ васъ, сударыня, сказалъ растерявшійся лордъ Уэнтвортъ.

Діана поблѣднѣла.

— Жанна! Мери! закричала она женщинамъ, стоявшимъ вдали, въ амбразурѣ окна.

Но лордъ Уэнтвортъ сдѣлалъ имъ повелительный знакъ, и онѣ не трогались съ мѣста.

— Не бойтесь, сударыня, я дворянинъ, и не вы, а я долженъ дрожать отъ страха. Да! я люблю васъ, и не могъ удержаться, чтобъ не сказать вамъ этого; да! когда я увидѣлъ, какъ проходили вы, граціозная, прелестная, подобная богинѣ — сердце мое полетѣло къ вамъ; да! вы здѣсь въ моей власти; здѣсь все повинуется моему знаку... Все равно, не бойтесь ничего — не столько вы въ моей, сколько я въ вашей власти; не вы плѣнница, я настоящій плѣнникъ. Вы — царица, я — рабъ. Повелѣвайте — я повинуюсь.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, сказала трепещущая Діана, от-

правьте меня въ Парижъ, откуда я вышлю вамъ выкупъ, какой вы назначите.

Лордъ Уэнтвортъ замаялся, потомъ сказалъ:

— Все, кромѣ этого, сударыня! я чувствую, что эта жертва выше моихъ силъ. Я сказалъ, что одинъ взглядъ приковалъ навсегда мою жизнь къ вашей. Здѣсь, въ этомъ безвыходномъ заключеніи, мое пламенное сердце ужь давно не любило достойною его любовью. Какъ только я увидѣлъ васъ, прекрасную, величественную, порадоу, тутъ же почувствовалъ, что всѣ напряженныя силы души моей получили стремленіе и цѣль. Я люблю васъ только два часа; но если бъ вы знали меня, то были бы увѣрены, что это все равно, какъ-бы я любилъ уже цѣлыя десять лѣтъ.

— Но, Боже мой! чего же вы хотите, милордъ? возразила Діана.—Чего вы надѣетесь? Чего ожидаете? Какія ваши намѣренія?

— Я хочу васъ видѣть, сударыня, хочу наслаждаться вашимъ присутствіемъ, присутствіемъ вашего очаровательнаго образа — вотъ и все. Не предполагайте, повторяю вамъ, не предполагайте во мнѣ какихъ-нибудь недостойныхъ видовъ. Я только пользуюсь правомъ моимъ, которое благословляю, правомъ — хранить васъ при себѣ.

— И вы думаете, милордъ, сказала Діана: — что это насиліе заставить меня отвѣчать на вашу любовь?..

— Я не думаю этого, смиренно отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: — но, можетъ-быть, видя меня каждый день такого покорнаго, почтительнаго, являющагося только узнать о васъ, увидѣть васъ на минуту — вы, можетъ-быть, тронетесь покорностію того, кто могъ бы принуждать, а, между-тѣмъ, только умоляетъ.

— И тогда, проговорила Діана съ презрительной улыбкой: — дочь короля Франціи сдѣлается любовницей лорда Уэнтворта?

— И тогда, лордъ Уэнтвортъ, отвѣчалъ губернаторъ: — лордъ Уэнтвортъ, послѣдняя отрасль богатѣйшей, знатнѣйшей англійской фамиліи, преклонивъ колѣно, предложитъ г-жѣ де-Кастро свое имя, свою жизнь. Вы видите, что любовь моя такъ же благородна, какъ искренна.

— Не честолюбивъ ли онъ? подумала Діана. — Послушайте, милордъ, промвнесла она вслухъ, пытаясь улыбнуться: — я вамъ советую освободить меня, возвратитъ моему отцу, королю — и мой долгъ вамъ не ограничится однимъ выкупомъ. Между Англійей и Франціей необходимо установится миръ, и я, если не могу наградить сама, то исходатайствую для васъ такія почести и достоинства, какихъ вы не могли бы желать, еслибъ даже были моимъ мужемъ. Будьте великодушны, милордъ, и я буду признательна.

— Я угадываю вашу мысль, сударыня, съ горестію проговорилъ Уэнтвортъ. — Но я и безкорыстиѣ и честолюбивѣ, нежели вы думаете. Изъ всѣхъ сокровищъ міра, я ничего не хочу, кромѣ васъ.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, послѣднее слово, которое вы, можетъ-быть, поймете, сказала Діана въ смущеніи и въ то же время съ гордостію. — Милордъ, меня любить другой.

— И вы воображаете, что я отпущу васъ на благо моему с пернику! вскричалъ въ себя Уэнтвортъ.—Нѣтъ! По крайней мѣрѣ онъ будетъ такъ же несчастенъ, какъ я! даже еще несчастнѣе потому что онъ не будетъ видѣть васъ, сударыня. Съ этого дня только три событія могутъ освободить васъ: или моя смерть, или я еще молодъ и силенъ; или миръ между Франціей и Англіей, или между Франціей и Англіей продолжаются войны, какъ вамъ, и вѣстно, сто лѣтъ; или—взятіе Калѣ, но Калѣ неприступенъ. Безъ этихъ трехъ почти безнадежныхъ случаевъ, вашъ плѣнъ, даже если, будетъ долготъ, потому что я купилъ у лорда Грея всѣ права на васъ, и не хочу за мою плѣнницу выкупа, хоть бы то было цѣлое царство! Что касается до бѣгства, то вамъ можно не думать о немъ, потому что я васъ караулю, и вы увидите, какъ неусыпный и вѣрный тюремщикъ тотъ человекъ, который любитъ.

За тѣмъ, лордъ Уэнтвортъ низко поклонился и вышелъ, оставивъ Діану въ ужасѣ и отчаяніи.

Она только тогда успокоилась немного, когда подумала, что смерть—вѣрное убѣжище, которое, въ крайнихъ опасностяхъ, всегда готово для несчастныхъ.

xx.

Домъ оружейника.

Домъ Петра Некуя находился на углу Улицы-Мартруа, тамъ гдѣ выходила она на рыночную площадь. Домъ этотъ, состоявшій изъ двухъ этажей и свѣтелки, стоялъ на толстыхъ деревянныхъ столбахъ. На его фасадѣ дерево, кирпичъ и черепица смѣшались въ предельно затѣшливый, но совершенно правильныя арабески. Сверхъ того, на подоконьяхъ были нарисованы, среди зелени, какія-то престранныя животныя. Все это, конечно, было грубо, однакожь, не неприятно для глазъ. Что же касается до кровли, то она была очень-высока и такъ широка, что, сверхъ своего прямого назначенія, служила еще весьма достаточнымъ прикрытіемъ для наружной галереи, которая тянулась вдоль втораго этажа, на манеръ галерей швейцарскихъ хижинъ.

Надъ стекляною дверью лавки висѣла большая вывѣска, на которой былъ нарисованъ какой-то господинъ, вооруженный съ головы до ногъ. Вооруженный господинъ, по мнѣнію многихъ былъ — богъ войны, Марсъ. Впрочемъ, для вящаго удостовѣренія въ этомъ, внизу вывѣски находились слова: «Au dieu Mars». Подъ этими словами красовалось имя оружейника.

У той же самой двери, на наружной площадкѣ лѣсенки, стояло полное вооруженіе, т. е. каска, кираса, нарукавники и саблерники. Это также была вывѣска — для дворянъ, не умѣвшихъ читать.

Кромѣ того, сквозь оконныя стекла можно было различить, не смотря на недостатокъ свѣта въ лавкѣ, оружіе всякаго рода, между которыми первое мѣсто принадлежало шпагамъ, какъ по числу, такъ и по богатству отдѣлки.

Наконецъ, послѣднее и наиболѣе вѣрное средство пріобрѣтенія покупателей составляли два ученика, сидѣвшіе у входа въ лавку и зыывавшіе прохожихъ самыя учтивыя, самыя ласковыя образомъ.

Самъ оружейникъ входилъ въ лавку только тогда, когда требовалъ его туда какой-нибудь особенно-важный покупатель. Иначе, онъ былъ или въ мастерской, или въ комнатѣ, смежной съ лавкою.

Эта смежная комната, гораздо-болѣе свѣтлая, чѣмъ лавка, служила оружейнику и гостиной, и столовою. Стѣны ея были обиты дубовыми панелями, а мебель ея состояла изъ стола съ витыми ножками, стульевъ, и высокаго, изящно отдѣланнаго сундука съ выпуклою крышкою, на которой красовалась *пробная работа* Петра Пекуа, лучшее произведение его молодости, начатое и конченное передъ полученіемъ имъ званія мастера. Произведение это, которымъ оружейникъ гордился по справедливости, было премиленькое миниатюрное вооруженіе съ золотомъ насѣчкою, отличавшееся рѣдкимъ совершенствомъ отдѣлки.

Напротивъ сундука, нѣсколько выше его, стояло на нишѣ изображеніе Пресвятой Дѣвы, изъ гипса.

Подлѣ описанной нами комнаты, была еще другая, помѣще, въ которой находилась лѣстница во второй этажъ. Лѣстница эта была прямая, деревянная.

Оружейникъ, чрезвычайно обрадованный пріѣздомъ родственника своего, Жана Пекуа, и Габріэля, помѣстилъ ихъ во второмъ этажѣ. Самъ онъ, съ своими дѣтьми и молоденькою сестрою Бабетою, остался въ первомъ. Тутъ же поселился и равенный конюшій Арно дю-Тилль. Мастера и ученики спали въ свѣтелкѣ. Комнаты, предоставленныя Габріэлю, были лучшія въ домѣ; но и всѣ другія, вообще чистыя, показывали своимъ убранствомъ, что хозяинъ—человѣкъ зажиточный.

Былъ вечеръ. Габріэль, Жанъ Пекуа и достойный оружейникъ сидѣли за столомъ. Они ужинали. Нѣсколько поодаль отъ нихъ, тоже ужинали дѣти Петра Пекуа. Всѣмъ имъ прислуживала Бабета.

— Осмѣлюсь замѣтить, сказалъ оружейникъ, обращаясь къ Габріэлю: — вы вовсе не изволите кушать, господинъ виконтъ. Вы видите все задумавшись, да и Жанъ что-то очень не веселъ. Оно, конечно, угощеніе у меня не первой руки, но за то, могу васъ вѣрить, отъ добраго сердца... Попробуйте, по-крайней-мѣрѣ, вѣтъ отъ нашего винограда. Здѣсь это рѣдкость. Мнѣ сказывалъ мой дѣдъ, а ему говорилъ его дѣдъ, что будто въ старыя времена, въ старыя времена, когда наша сторона была во французскомъ поддан-

ствѣ, виноградъ очень-хорошо родился въ Калѣ. Теперь дѣло другое... Теперь виноградъ разлюбилъ насъ. Онъ, должно быть, знаетъ, что здѣсь Англія: такъ, де-скать, какая же статъ и созреть мнѣ здѣсь...

Габріэль не могъ не улыбнуться при этой шуткѣ оружейника.

Вскорѣ потомъ ужинавшіе встали изъ-за стола, и Петръ Пекучъ прочелъ вслухъ молитву. По окончаніи ея, дѣти ушли спать.

Какъ скоро они вышли изъ комнаты, оружейникъ сказалъ своимъ сестрѣ:

— Ты, Бабета, тоже можешь идти теперь спать. Только побось прежде, чтобъ маминъ мастера и ученики не очень шумѣли у себя въ свѣтлицѣ; да навѣдайся, не нужно ли чего-нибудь къ нюшему господина виконта. За больнымъ вѣдь надобно пригласить... Ты зайди къ нему съ Гертрудою.

Хорошенькая Бабета покраснѣла, потупила глазки и вышла изъ комнаты.

— Теперь, любезнѣйшій братецъ, сказалъ оружейникъ Жанъ Пекучъ:—лишнихъ здѣсь нѣтъ, и мы можемъ говорить откровенно. Ты, вѣдь, намѣтается, намѣревался сообщить мнѣ что-то по секрету.

Габріэль съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Жана Пекуча; но Жанъ спокойно отвѣчалъ оружейнику:

— Да, братецъ, и дѣло, о которомъ желаю я поговорить съ тобою, весьма-важно...

— Въ такомъ случаѣ, я оставляю васъ однихъ, сказалъ Габріэль.

— Нѣтъ, господинъ виконтъ, отвѣчалъ ткачъ:—сдѣлайте милость, не уходите. Ваше присутствіе не только полезно, но даже необходимо для насъ; потому-что предположенія, которыя намъ ренъ я сообщить братцу, не поведутъ ни къ чему безъ вашего содѣйствія.

— Извольте же говорить, я слушаю васъ, сказалъ Габріэль снова вдаваясь въ задумчивость.

— Благодарю, господинъ виконтъ, продолжалъ ткачъ:—и слушать прибавьте, что, выслушавъ насъ, вы взглянете на насъ иначе теперь... взглянете съ надеждою и, быть-можетъ, даже радостью въ душѣ.

Габріэль улыбнулся печально. Ему пришло на мысль, что для него не можетъ существовать никакой радости въ жизни, пока не удастся ему освободить отца изъ заточенія, пока не рухнетъ преграда, которая столь неожиданно стала между нимъ и Аною... Онъ, однакожь, сдѣлалъ знакъ, чтобъ ткачъ началъ.

Жанъ взглянулъ на оружейника и сказалъ ему съ важностію:

— Братецъ, ты долженъ говорить первый. Пусть господинъ виконтъ увидитъ, какой у тебя образъ мыслей. Ты скажи намъ, Петръ, что внушалъ тебѣ, въ-отношеніи къ Франціи, отецъ твою, что ему внушалъ—его отецъ; скажи намъ, Англичанинъ ли сердцемъ или Французъ, и чью взялъ бы ты сторону, Англичанъ или отчизны предковъ своихъ, Франціи, — еслибъ варугъ, не

кому-либо важному обстоятельству, пришлось тебѣ выбирать между ними...

— Жанъ, отвѣчалъ оружейникъ торжественнымъ тономъ:—преюкъ мой, при которомъ Калѣ сдѣлался англійскимъ городомъ, говорилъ о Франціи своему сыну не иначе, какъ со слезами на глазахъ. Объ Англии онъ старался не говорить вовсе, потому-что уже самое слово это было ненавистно ему. Та же самая любовь къ Франціи и та же ненависть къ Англии перешли къ сыну этого предка моего. Потомъ, онѣ неизмѣнно хранились въ нашемъ родѣ, дошли до меня во всей своей силѣ. Нынѣшній Петръ Пекуа чувствуетъ точно такъ же, какъ чувствовалъ тотъ Петръ Пекуа, который жилъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Теперь ты видишь, Жанъ, то я сердцемъ. Нужно ли прибавлять, чью сторону я сторону, слѣбъ, какъ говорилъ ты, пришлось мнѣ выбирать?..

— Вы слышите, господинъ-виконтъ! вскричалъ ткачъ, обращаясь къ Габріэлю.

— О, да, отвѣчалъ Габріэль разсѣянно:—и не могу не одобрить... чувства благородныя...

— Еще два слова, братецъ, продолжалъ ткачъ:—а другіе наши дѣшніе соотечественники? они, конечно, думаютъ иначе?.. Они автрибе забыли Францію и преданы теперь Англии?.. Вѣдь двѣти лѣтъ подданства не шутка...

— Ты ошибаешься, Жанъ, отвѣчалъ оружейникъ. — Здѣсь не мало французскихъ семействъ, преданныхъ Франціи и жалюющихъ ней. Всѣ мои предки выбирали себѣ невѣсть именованіе въ этихъ семействахъ. И я могу увѣрить тебя, что не одинъ дѣшній горожанецъ, служащій въ городской стражѣ, въ которой служу и я, корѣ переломить свою алебарду, чѣмъ заманется ею на французскаго солдата.

— Лучше и желать нельзя, проговорилъ про себя ткачъ, потирая себѣ руки. — А ты, братецъ, чѣмъ служишь въ этой стражѣ? привилъ онъ потомъ громко.—Вѣдь ужъ, конечно, не простымъ рядовымъ? Вѣдь тебѣ, какъ замѣтно, здѣсь большой почетъ отъ всѣхъ: такъ, безъ сомнѣнія, тебѣ и должность дали большую?

— Давали, да я отказался, отвѣчалъ оружейникъ:—не хотѣлось рать на себя ответственности... Я считаюсь простымъ стражникомъ.

— Ну, это и худо и хорошо. А служба твоя тяжела, Петръ?.. Часто ходишь въ караулъ?

— Въ караулъ не слишкомъ-часто... разъ въ мѣсяцъ... нитаго дела...

— Аккуратно пятого числа?.. Стало-быть, Англичане-то народъ очень осторожный?.. Иначе, какъ же можно распределять такъ страже...

— О, продолжалъ оружейникъ, покачавъ головою:—теперь уже нѣтъ никакой опасности... Вѣдь уже нѣблыя двѣсти лѣтъ владычествуютъ городомъ... Они, однакожь, остерегаются и теперь. Городская

стража обыкновенно назначается въ караульни на неприступныя пункты. Мнѣ, на-примѣръ, выбрана постель на платформѣ восьмиугольной башни; а тутъ, пожалуй, и караульного не нужно: вышестрашная, а внизу море. Туда, братъ, развѣ чайки могутъ за-браться.

— Вотъ что... Да главное: такъ регулярно шатаю я сюда: ходишь въ караульни и всегда на платформу восьмиугольной башни?

— Да. Я бываю тамъ постельно отъ четырехъ до шести часовъ утра. Я самъ выбираю эту пору, для того, чтобъ почаще видѣть восходъ солнца... Мнѣ, признаюсь, онъ очень нравится. Сначала знаешь, красивые розовыл-облачка... потомъ вдругъ сіяніе презелікое... отсвѣтъ пойдетъ по морю... Ну, просто, такая картина, что и описать нельзя.

— Картина, должно быть, ирриотвительно превосходная, сказалъ Жанъ Пекуа. — На нее, мнѣ кажется, можно даже засмотрѣться.. засмотрѣться до того, прибавилъ онъ потомъ въполголоса, что и не заметишь, какъ мелуанцо-негаданно какой-нибудь смѣльчакъ подплыветъ съ этой стороны къ городу, да и начнетъ возвращаться на платформу твоей восьмиугольной башни, не любовничась, — что тутъ неприступныя пункты? Ты какъ думаешь: ты не заметишь бы?

Петръ Пекуа взглянулъ на ткача съ удивленіемъ, и, по-видимому, задумался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: — заметишь бы, только я не предполагалъ бы смѣльчаку обратиться на платформу... Я, напротивъ того, еще можетъ бы смуть... потому что такой смѣльчакъ былъ бы навѣрное Французъ... Всякому другому не захотѣть рѣшиться и недобрую попытку.

— Хорошо сказано, Петръ! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Вы видите, господинъ виконтъ: Петръ не менѣе меня преданъ Франціи.

— Вижу... да... безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Габріэль, весьма-мало занимавшійся ихъ разговоромъ, въ которомъ не видѣлъ онъ особой важности. — Но я не понимаю, къ чему можетъ повести его преданность?

— Къ чему, господинъ виконтъ? продолжалъ ткачъ. — Я скажу вамъ это: теперь за мной очередь говорить. Калѣ, г. д'Эиснѣ, не жеть доставить намъ не совсѣмъ дурной *ресансъ* за Сен-Кентенъ. Англичане стерегутъ его плохо, а мы, какъ видите, не безъ друзей здѣсь. Теперь, если вы употребите ваше посредство гдѣ слѣдуетъ, то мой рассудекъ и, еще болѣе, мой инстинктъ говорятъ мнѣ, что одинъ ударъ смѣлой руки сдѣлаетъ насъ владѣтелями города. Понимаете меня, сударь?

— Да, да, разумѣется! отвѣчалъ Габріэль, который на-самомъ дѣлѣ не слушалъ предложенія Жана Пекуа и вышелъ изъ раздумья только при этомъ прямомъ обращеніи къ нему. — Да; вашъ благородный братъ намѣренъ возвратиться въ нашу прекрасную Францію. Не такъ ли? Онъ хочетъ поселиться въ какомъ-нибудь французскомъ городѣ, на-примѣръ, въ Амьенѣ... Хорошо; я пого-

верю съ милордомъ Уэлпвортомъ и также съ Гизомъ. Дѣло можетъ устроиться, и посредничество, котораго вы просите, будетъ не лишнимъ. Продолжайте, другъ мой; я весь вашъ и слушаю.

И Габріэль снова впадалъ въ разсѣянности, потому-что, сказать правду, въ эту минуту онъ слушалъ голосъ не Жана Пекуа, но голосъ короля, Генриха II, повелѣвавшего, послѣ замоты Сен-Кенгена адмираломъ, немедленно освободить графа Монгомери. Кромѣ того, Габріэль слушалъ голосъ своего отца, мрачнаго и ревниваго, говорившій, что Діана была дочерью его королевскаго соперника. Наконецъ, это былъ голосъ самой Діаны, которая, послѣ нѣсколькихъ испуганій, могла сказать ему и онъ могъ слышать эти выскы и божественныя слова: «Я тебя люблю».

Понятно, что, погруженный въ этотъ сладостный сонъ, Габріэль только вломовину слушалъ отважныя предположенія Жана Пекуа.

Но суровый горожанинъ былъ оскорбленъ вниманіемъ Габріэля къ его шпію, высокому и смѣлому, и сказалъ голосомъ, нѣсколько изоловавшимся:

— Если бѣ, сударь, вы изволили выслушать мои слова не такъ вѣжливо, вы увидѣли бы, что мысли Петра и мои не такъ пусты, какъ вы предполагаете...

Габріэль не отвѣчалъ.

— Онъ не слушаетъ тебя, Жанъ, сказалъ Петръ Пекуа, показывая двоюродному брату на своего гостя, снова погруженнаго въ размышленіе:— можетъ-быть, у него также есть свои предположенія, свое желаніе...

— Его желаніе не такъ безкорыстно, какъ наше! сказалъ Жанъ въ некоторую досаду. — И если бѣ я не зналъ, что этотъ двоюродникъ не безъ мужества подвергалъ себя опасности и даже жертвовалъ своею жизнью, стараясь спасти мою, я сказалъ бы даже, что у него одна страсть—эгоизмъ. Но что за дѣло до этого! Онъ бязавъ былъ слушать меня, когда я говорилъ о благѣ и славѣ отечества. При всемъ нашемъ усердіи, Петръ, мы безъ господина Габріэля будемъ бесполезнымъ орудіемъ. У насъ есть только чувства; намъ не достаетъ мысли и силы.

— Все равно! доброе чувство, братъ; я тебя слышалъ и понялъ, казалъ оружейникъ.

Братья расетались, крѣпко пожавъ одинъ другому руку.

— Покажѣте, намъ надобно отказаться отъ своей кимеры, или, въ крайней жѣрѣ, отложить ее на нѣкоторое время, сказалъ Жанъ Пекуа.—Что могутъ сдѣлать руки безъ головы? что можетъ намъ быть безъ знанія?..

И горожанинъ прибавилъ съ страшною улыбкой:

— До-тѣхъ-поръ, пока народъ будетъ, въ одно время, и руками и головой.

VII.

Глава, въ которой съ большимъ искусствомъ соединяются многочисленныя происшествія.

Прежде три недѣли. Сентябрь кончился; въ положеніи различныхъ лицъ этой исторіи не случилось ни какой замѣтной перемѣны.

Жанъ Пекуа заплатилъ за себя маленькій выкупъ лорду Уэврту и, сверхъ-того, получилъ позволеніе жить въ Калѣ, но свѣшилъ открыть новой фабрики и приниматься за работу. Честный горожанинъ, казалось, былъ очень-любопытенъ и отъ природы очень-небреженъ. Съ утра до вечера онъ ходилъ по заламъ города, разговаривалъ съ гарнизонными солдатами, и, до-видимому, заботился не больше аббата или монаха о ремеслѣ, чѣмъ Одиакожъ, онъ не хотѣлъ или не могъ отвлечь своего двоюроднаго брата, Петра Пекуа, отъ работы, и никогда еще искусный ошейникъ не приготовлялъ такого множества и такого хорошаго оружія, какъ въ это время.

Габріэль съ каждымъ днемъ дѣлался скучнѣе. До него дошли изъ Парижа новости самыя общія. Франція начинала дѣлать свободнѣе. Испанцы и Англичане, овладѣвъ ничтожнымъ мѣсткомъ, теряли невозвратимое время; страна, между-тѣмъ, могла омыслиться; Парижъ и король были спасены. Эти извѣстія, результатъ мужественной обороны Сен-Кентена, безъ-сомнѣнія, довали Габріэля. Но не было ни слова ни объ его отцѣ, ни о Гріхѣ II, ни о Колинѣ, ни о Діанѣ. Мысль эта омрачала духъ Габріэля, и онъ не пользовался дружбою лорда Уэврта, котораго можетъ-быть, употребилъ бы въ дѣло при другомъ случаѣ.

Сговорчивый и добродушный губернаторъ, казалось, дѣйствительно питалъ искреннюю дружбу къ своему плѣннику. Служба съ нѣкотораго времени, какая-то печаль, безъ-сомнѣнія, не могли содѣйствовать симпатіи обоимъ. Дѣйствительно, въ мрачномъ Калѣ, общество молодого и остроумнаго дворянина, воспитаннаго при французскомъ дворѣ, было драгоценнымъ развлеченіемъ. Впрочемъ, почему не проходило двухъ дней безъ того, чтобъ лордъ Уэвртъ не навѣстилъ виконта д'Эксмѣ, и, кромѣ того, три раза недѣлю приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Дружба, если хотѣть, очень-неловкая, потому-что губернаторъ, смѣясь, божился, что ни за что не отпуститъ своего плѣнника, не рѣшится поѣхать ему на слово, и развѣ только, когда огромный выкупъ будетъ уплаченъ до послѣдняго эку, онъ принужденъ будетъ разстаться съ Габріэлемъ, своимъ безцѣннымъ другомъ.

Но какъ подъ этою изящною и свѣтскою формою скрывалась недоверчивость, то Габріэль не смѣлъ настаивать, и страдалъ б

жалобы, ожидая выздоровления своего конюшаго, который, если помните, долженъ былъ привезти изъ Парижа сумму, назначенную для выкупа виконта д'Эксмэ.

Но Мартэнъ-Герръ или, вѣрнѣе, замѣнившій его Арно дю-Тилль поправлялся медленно. Однакожъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, хирургъ, которому поручено было вылечить рану, полученную этимъ молодцомъ въ одной схваткѣ, объявилъ, что больной не нуждается болѣе въ помощи. Два дня отдыха и заботливость хорошенькой Бабеты, сестры Петра Неуа, совершенно окончили лечение.

Убѣдившись въ томъ, Габріэль велѣлъ своему конюшему послѣ-завтра отправиться въ Парижъ; но, въ назначенный день, Арно дю-Тилль началъ жаловаться на боль въ глазахъ, и говорилъ, что онъ можетъ опять подвергнуться прежнимъ припадкамъ, если будетъ лишенъ нѣжной заботливости Бабеты. Поѣздку отсрочили еще на два дня. Но, по прошествіи этого времени, какое-то разслабленіе распространилось въ рукахъ и ногахъ бѣднаго Арно, и, для излечения отъ этой слабости, происшедшей, безъ сомнѣнія, отъ болѣзни, онъ долженъ былъ брать ванны и держать строгую диету, которая, въ свою очередь, до такой степени изнурила его, что оказалось необходимымъ отложить поѣздку вѣрнаго конюшаго на годъ-поръ, пока онъ совершенно поправится, при помощи разныхъ укрѣпляющихъ средствъ и благодѣтельнаго вина. По-крайней-мѣрѣ, Бабета, ходившая за больнымъ Арно, въ слезахъ кланялась Габріэлю, что, требуя немедленной поѣздки Мартэна-Герра, онъ подвергаетъ этого несчастнаго опасности умереть отъ слабости на большой дорогѣ.

Это странное выздоровленіе, продолжаясь долѣе нежели сколько требовала болѣзнь, благодаря заботливости врача, нѣкоторые скажутъ, можетъ-быть, заботливости Бабеты, дало слабому Арно возможность, откладывая день-за-день, выиграть цѣлыя двѣ недѣли, такъ, что прошло около мѣсяца со времени пріѣзда Габріэля въ Калэ.

Впрочемъ, такіа отсрочки не могли тянуться долѣе. Габріэль, наконецъ, потерялъ терпѣніе, и самъ Арно дю-Тилль, до-сихъ-поръ находившій самую лоякія отговорки, когда только ему была въ нихъ надобность, Арно теперь, съ самодовольнымъ и торжествующимъ видомъ объявилъ Бабетѣ, что онъ не можетъ же выдвинуть своего господина изъ терпѣнія, и что гораздо-лучше скорѣе ѣхать, чтобъ скорѣе возвратиться. Но покраснѣвшіе глаза и печальное личико Бабеты доказывали, что она не очень понимала эти убѣдительныя причины.

Наканунѣ того дня, въ который, по формальному объясненію, Арно дю-Тилль долженъ былъ, наконецъ, отправиться въ Парижъ, Габріэль ужиналъ у лорда Уэнтворта.

Губернаторъ, казалось, былъ въ этотъ вечеръ гораздо-скупчѣе

обыкновеннаго, потому-что старался заглушить свою задумчивость принужденною веселостью.

Когда онъ простился съ Габріэлемъ и проводить его до площадки, слабо-освѣщенной лампою, молодой человекъ, таскаясь на себя плантъ, увидѣлъ, что одна изъ дверей, выходившихъ на площадку, отворилась. Женщина, которую Габріэль принялъ за служанку, потихоньку подошла къ нему, приложивъ палецъ лѣвой руки къ губамъ, а въ правой держа записку.

— Это для французскаго дворянина, который часто приходитъ къ лорду Уэнтворту, сказала она шопотомъ, подавая ему сложенный лоскутокъ бумаги.

Прежде, чѣмъ Габріэль успѣлъ опомниться отъ удивленія и спросить незнакомку, она уже скрылась.

Молодой человекъ, нѣсколько любопытный и не совсѣмъ благо-разумный, думалъ, что идти по темному корридолу до комнаты, въ которой онъ могъ свободно прочитать записку, слишкомъ долго, по-крайней-мѣрѣ четверть часа, и онъ вздумалъ поскорѣе разгадать загадку, подстрекавшую его любопытство. Итакъ, посмотрѣвъ вокругъ себя и видя, что на площадкѣ нѣтъ никого, Габріэль подошелъ къ смрадной лампѣ, развернулъ записку, и съ какимъ-то смущеніемъ прочиталъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

«Я не знаю васъ ни въ лицо, ни по имени; но женщина, которая мнѣ прислуживаетъ, сказала, что вы Французъ, соотечественникъ мой, и подобно мнѣ находитесь въ плѣну. Это подаетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ въ несчастіи. Васъ, безъ сомнѣнія, будутъ держать только до выкупа. Вѣроятно, вы скоро возвратитесь въ Парижъ. Тамъ вы увидите моихъ родныхъ, которые не впадутъ, что со мною сдѣлалось. Вамъ будетъ возможность уведомить насъ обо мнѣ, сказать, что лордъ Уэнтвортъ держитъ меня взаперти, запрещаетъ мнѣ встрѣчаться съ живою душою, не хочетъ дать выкупа за мою свободу, и, употребляя во зло ужасное право, которое даетъ ему мое положеніе, онъ еще осмѣливается всякій день говорить мнѣ о своей любви, отвергаемой мною съ ужасомъ. Но это самое презрѣніе и увѣренность, что постыжки его, какъ губернатора, безнаказанны, могутъ кончиться преступленіемъ французскаго дворянина, и, главное, соотечественника, обязывъ сказать мнѣ помощь въ этой ужасной крайности. Мнѣ слѣдуетъ еще сказать вамъ, кто я, для того, чтобъ долгъ...»

На этомъ остановилось письмо; оно было безъ подписи. Вѣроятно, его прервало какое-нибудь неожиданное препятствіе, какой-нибудь мгновенный случай, и между-тѣмъ, письмо это, даже недоконченное, должно было передать, не теряя драгоценнаго случая, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ неполныхъ строчекъ можно было узнать все, кромѣ имени женщины, съ которою такъ низко поступали.

Габриэль не зная этого имени, онъ не могъ узнать этого быстрого и дрожащаго почерка, и, однакожь, какое-то странное смущеніе, какое-то непонятное предчувствіе закралось въ его сердце. Поблѣднѣвъ отъ волненія, онъ приблизился къ лампѣ, желая еще разъ лучше прочесть записку. Но въ это время отворилась другая дверь, и лордъ Уэнтвортъ, слѣдуя за маленькимъ пажемъ, вышелъ на площадку, черезъ которую ему надобно проходить въ свою комнату.

Губернаторъ, увидѣвъ Габриэля, котораго онъ проводилъ назадъ тому пять минутъ, остановился съ замѣтнымъ удивленіемъ.

— Вы еще здѣсь, другъ мой? сказалъ лордъ, подходя къ нему съ обыкновенною любезностію, — Что могло задержать васъ? Надеюсь, по-крайней-мѣрѣ, что не какой-нибудь несчастный случай?

Честный молодой человекъ, не отвѣчая ни слова лорду Уэнтвортъ, подалъ ему письмо, которое только-что получалъ. Англичанинъ бросилъ на письмо быстрый взглядъ и поблѣднѣлъ еще болѣе, нежели Габриэль, но умѣлъ показаться хладнокровнымъ, и приговаряясь, будто читаетъ записку, самъ между-тѣмъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Помѣшанная! сказалъ онъ, взявъ записку и бросивъ ее съ пренебреженіемъ, сыграннымъ очень-драматически.

Нельзя было скорѣе и лучше разочаровать Габриэля, который за минуту терялся въ самыхъ тревожныхъ мысляхъ, и теперь вдругъ охладѣлъ къ незнакомкѣ. Однакожь, онъ еще не вполне отказался отъ своего чувства, и сказалъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію:

— Впрочемъ, милордъ, вы еще не сказали мнѣ, кто эта женщина, которую вы, противъ ея желанія, держите въ темницѣ?

— Противъ ея желанія, сказалъ Уэнтвортъ равнодушно:— я то же думаю. Это родственница моей жены, безумная, какой не найти въ цѣломъ свѣтѣ. Родные хотѣли удалить ее изъ Англии, и очень-некстати поручили мнѣ беречь въ этомъ городѣ, гдѣ такъ же легко смотрѣть за безумными, какъ за плѣнниками. Впрочемъ, ужъ если вы проникли въ семейную тайну, любезный другъ, я лучше тотчасъ расскажу вамъ исторію этой женщины. Леди Гоу начиталась рыцарскихъ романовъ; она прожила пятьдесятъ лѣтъ, нажила сѣдые волосы, но до-сихъ-поръ считаетъ себя героиней, которую преслѣдуютъ и притѣсняютъ, и разными рассказами, болѣе или менѣе удачно выдуманнми, желаетъ найти себѣ защитника въ каждомъ молодомъ и любезномъ кавалерѣ, какой прійдется ей по плечу. Сказки моей старой тѣтушки, Габриэль, кажется, порядочно тронули васъ. А? признайтесь, что ея посланіе немножко разстроило васъ, мой бѣдный другъ!

— Исторія довольно-странная, отвѣчалъ холодно Габриэль:— вы сами согласитесь въ этомъ, милордъ. Однакожь, вы ни разу не говорили мнѣ о своей родственницѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ни разу, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:— да и къ чему посвящать чужихъ въ семейныя дѣла.

— Но отъ-чего же ваша родственница называетъ себя Французенкой? спросилъ Габріэль.

— Вѣроятно для того, чтобъ васъ еще болѣе заинтересовать, сказалъ лордъ Уэнтвортъ съ замѣтно-притворною улыбкой.

— А насильственная любовь, которой отъ нея требуютъ, милордъ?

— Старуха бредить; она принимаетъ воспоминанія за надежды, отвѣчалъ Уэнтвортъ, обнаруживая нетерпѣніе.

— Можетъ-быть, милордъ, вы скрываете ее отъ взоровъ, чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ?

— Вотъ еще какіе вопросы! сказалъ лордъ Уэнтвортъ, нахмутивъ брови, но стараясь удержать свой гнѣвъ.— Не зналъ я, что вы такъ любопытны, Габріэль. Впрочемъ, теперь уже три четверти девятаго, и я совѣтую вамъ отправиться домой, покаместъ колоколъ не возвѣстилъ, что время тушить огонь, потому-что свобода, которою вы пользуетесь, какъ плѣнникъ, не должна нарушать правилъ, постановленныхъ для безопасности Калѣ. Если васъ очень занимаетъ леди Гоу, то мы можемъ завтра возобновить разговоръ объ этомъ интересномъ предметѣ. А между-тѣмъ, я прошу васъ не разглашать этихъ нѣжныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Спокойной ночи, господинъ виконтъ.

Губернаторъ поклонился Габріэлю и ушелъ, опасаясь потерять хладнокровіе, если продолжится разговоръ.

Послѣ минутной нерѣшительности, Габріэль вышелъ изъ отеля губернатора и отправился къ дому оружейника. Но лордъ Уэнтвортъ не умѣлъ овладѣть собою такъ, чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе въ сердцѣ Габріэля, и сомнѣніе, подкрѣпляемое какимъ-то непонятнымъ инстинктомъ, снова овладѣло молодымъ человекомъ, пока онъ шелъ къ дому оружейника.

Габріэль, не надѣясь узнать истину отъ лорда Уэнтворта, рассудилъ лучше не заводить съ нимъ разговора, но самому наблюдать, спрашивать постороннихъ и удостовѣриться, дѣйствительно ли незнакомая дама его соотечественница и взята въ плѣнъ Англичанами.

— Но, Боже мой, еслибъ даже я убѣдился въ истинѣ ея словъ, сказалъ про-себя Габріэль:—что могу я для нея сдѣлать? Развѣ я не плѣнникъ? Развѣ у меня не связаны руки? Развѣ лордъ Уэнтвортъ не можетъ отобрать у меня эту шпагу, которую я ношу по его позволенію?.. Пора, наконецъ, мнѣ выйдти изъ этого двусмысленнаго положенія. Мартэнъ-Герръ долженъ ѣхать завтра непременно, безъ всякой отсрочки. Я нынче же вечеромъ скажу ему объ отъѣздѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Габріэль, которому ученикъ Петра Пекуа отворилъ дверь, пошелъ во второй этажъ, вмѣсто того, чтобъ остаться въ первомъ, у себя въ комнатѣ. Въ домѣ всѣ спали и Мартэнъ-Герръ, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ примѣру прочихъ. Однакожъ, Габріэль хотѣлъ разбудить его, чтобъ передать ему свое рѣшитель-

ное приказаніе, и безъ всякаго шума, не желая никого разбудить, добрался до комнаты своего конюшаго.

Въ первой двери оставался ключъ, и Габріэль осторожно ее отворилъ; но вторая была заперта и Габріэль могъ только слышать, черезъ перегородку, залпы смѣха и звонъ стакановъ. Тогда онъ началъ стучаться сильнѣе, и повелительнымъ голосомъ назвалъ себя по имени. Тотчасъ все затихло, и Арно дю-Тилль послѣшнно отворилъ дверь своему господину. Но онъ слишкомъ поторопился, и не далъ времени женщинѣ пробѣжать въ другія двери, такъ-что Габріэль могъ замѣтить край ея платья.

Молодой человекъ подумалъ, что это интрижка съ служанкой, и какъ онъ не отличался притворною скромностью, то не могъ не улыбнуться, смотря на своего конюшаго.

— А, Мартэнъ, сказалъ Габріэль: — ты, кажется мнѣ, не такъ опасно боленъ, какъ думаешь... Столъ накрытъ, три бутылки, два прибора! Кажется, я спугнулъ съ мѣста твоего другаго пріятеля. Но что за дѣло; я видѣлъ довольно-убѣдительныя доказательства твоей болѣзни, и, безъ всякихъ отговорокъ, могу приказывать тебѣ ѣхать завтра утромъ.

— Это, какъ вамъ извѣстно, сударь, и мое желаніе, отвѣчалъ Арно дю-Тилль нѣсколько-пристыженный: — и я хотѣлъ проститься...

— Съ другомъ? это знакъ добраго сердца, сказалъ Габріэль: — но дружба не должна мѣшать исполненію обязанностей, и я требую, чтобъ завтра, прежде, чѣмъ я проснусь, ты уже былъ на Парижской дорогѣ. У тебя есть паспортъ отъ губернатора, экипажъ твой готовъ, лошадь отдохнула, кошелекъ твой полонъ, благодаря добрѣю нашего прекраснаго хозяина, который объ одномъ жалуетъ, что не могъ достать всей суммы, необходимой для моего выкупа. У тебя все есть, что нужно, Мартэнъ, и если ты отправишься въ дорогу завтра на разсвѣтъ, то черезъ три дня можешь быть въ Парижѣ. Ты помнишь, что тебѣ слѣдуетъ тамъ дѣлать?

— Да; сударь, я немедленно отправлюсь въ отель Улицы-Жарденъ-Сен-Поль; успокою вашу кормилицу на-счетъ вашего положенія; спрошу у ней десять тысячъ экю для вашего выкупа, еще три тысячи на ваши издержки и для уплаты вашихъ долговъ, и въ подтвержденіе истины своихъ словъ покажу ей ваше кольцо.

— Безполезныя предосторожности, Мартэнъ; моя добрая кормилица хорошо знаетъ тебя, моего вѣрнаго слугу, и если я далъ тебѣ кольцо, то единственно уступая твоимъ просьбамъ. Похлопочи, чтобъ деньги были собраны поскорѣе, понимаешь?

— Будьте спокойны, сударь. Доставь деньги и вручивъ письмо адмиралу, я ворочусь еще скорѣе, нежели поѣду отсюда.

— Только, главное, не начинай на дорогѣ никакихъ исторій.

— Объ этомъ, сударь, не беспокойтесь.

— Прощай, Мартэнъ, желаю успѣха.

— Черезъ десять дней, сударь, мы опять увидимъ васъ, когда при восходѣ солнца, я уже буду далеко отъ Каала.

На этотъ разъ, Арно дю-Тилль сдержалъ свое обещаніе. Утромъ онъ позволилъ Бабетъ проводить себя только до городскаго воротъ, поцаловавъ ее въ послѣдній разъ, пообещавъ и ей обещавши скоро возвратиться, прищипорилъ лошадей, и скоро исчезъ на поворотѣ дороги.

Бѣдная дѣвушка торопилась воротиться домой, пока мѣсть еще не проснулся ея грозный братъ, Петръ Шекуа, по ея словамъ бѣлою, чтобъ на свободѣ заплакаться одной въ своей комнатѣ.

Трудно сказать, кто съ этихъ поръ не переносилъ въ сердцѣ воспринятія конюшаго, Габріель или Бабета.

Долго суждено было ждать имъ обонь.

VI.

Какъ Арно дю-Тилль велѣлъ повѣсить Арно дю-Тилль въ Нойонъ.

Въ первый день, Арно дю-Тилль не встрѣчалъ на дорогѣ никакихъ особенныхъ препятствій. Правда, отъ-времени-до-времени, ему попадались на встрѣчу группы неприятелей, блуждавшій на дорогѣ, нѣмецкіе дезертиры, уволенные отъ службы Англическою, и голые Испанцы, — потому что въ бѣдной Франціи было тогда больше иностранцевъ, нежели Французовъ, — но въ отвѣтъ на запросы этихъ добровольныхъ смотрителей большой дороги, Арно дю-Тилль показывалъ паспортъ лорда Уэнтворта, и всѣ, хотя на бѣль-ропта и сожалѣнія, пропускали Арно изъ уваженія къ нойонскому лескаго губернатора.

Однакожь, на второй день, въ окрестностяхъ Сен-Кентена, отрядъ Испанцевъ началъ было дѣлать ему разнаго притворства, и хотѣлъ конфисковать у него лошадей, потому что о ней не упоминалось въ паспортѣ, но мнимый Мартынъ-Герръ, обнаруживши въ этомъ случаѣ, большую твердость, требовалъ, чтобъ ему дали начальнику отряда, и выручилъ своего коня.

Это приключеніе послужило для Арно полезнымъ урокомъ, такъ что онъ поставилъ себѣ за правило на будущее время избѣгать, сколько возможно, встрѣчъ съ неприятельскими отрядами. Странное дѣло; неприятель, не одержавъ, со времени взятія Сен-Кентена, рѣшительной побѣды, занималъ, однакожь, всю страну. Ему принадлежали Катле, Гэмъ, Нойонъ, Шони, и Арно, прибывши на другой день вечеромъ къ Нойону, должны были, для предупрежденія разныхъ препятствій, удалиться отъ города и переночевать въ сосѣдней деревнѣ.

Но, чтобъ дойти до нея, слѣдовало свернуть съ большой дороги. Арно, не зная хорошенько мѣстности, заблудился, и, въ

искивалъ дорогу, печально оцутился на извилистой тропинкѣ, посреди группы враждебныхъ рейтаровъ, которые, казалось, тоже него-то искали.

Арно былъ чрезвычайно удивленъ, когда одинъ изъ рейтаровъ, зайдя къ нему, закричалъ:

— Эге! не вы ли, молодой Арно дю-Тилль?

— Развѣ Арно дю-Тилль ѣздитъ верхомъ? отвѣчалъ другой рейтаръ.

— Боже мой! поблѣднѣе проговорилъ конюшій: — кажется, меня здѣсь знаютъ, и если знаютъ, я пропалъ.

Арно думалъ было ускорить назадъ, но поздно: рейтары окружили его со всѣхъ сторонъ. Къ счастью, ночь была довольно темная.

— Кто вы и куда ѣдете? спросилъ одинъ рейтаръ.

— Меня зовутъ Мартэнъ-Герръ, отвѣчалъ Арно, дрожа отъ страха: — я конюшій виконта д'Эксмэ, который находится теперь плѣнникомъ въ Калé и послалъ меня въ Парижъ, достать денегъ для своего выкупа. Вотъ паспортъ отъ калéскаго губернатора, лорда Уэнтворта.

Начальникъ отряда кликнулъ одного изъ своихъ людей, и при немъ началъ съ важностью повѣрять паспортъ Арно дю-Тилля.

— Печать подлинная и паспортъ законный: вы сказали правду, и можете продолжать свой путь.

— Благодарю покорно, сказалъ Арно, вздохнувъ свободнѣе.

— Впрочемъ, еще два слова, приятель. Не встрѣчался ли вамъ на дорогѣ блышекъ, негодяй, мошенникъ, Арно дю-Тилль?

— Я не знаю никакого Арно дю-Тилля, послѣшнó вскричалъ Арно дю-Тилль.

— Хотя вы не знаете его, приятель, но вы могли встрѣтить его где-нибудь на этихъ тропинкахъ. Онъ почти одного съ вами роста, и, пожалуй, я могу судить въ этой темнотѣ, даже нѣсколько положь на вѣкъ талией, только одѣтъ не по-вашему. Онъ носитъ коричневато-бѣлую шляпъ съ камушкомъ, круглую шляпу и сѣрые чулки. Разбойникъ этотъ скрывается въ той странѣ, откуда вы ѣдете. О, пускай только попадетъ намъ подъ руку этотъ проклятый Арно!

— Чтѣ же онъ сдѣлалъ? спросалъ Арно съ робостью.

— Чтѣ онъ сдѣлалъ? Вотъ ужъ третій разъ, какъ онъ скрывается въ бѣгахъ. Онъ думаетъ, что съ нимъ обходится слишкомъ жестоко. Да може ли поступать иначе! Въ первый разъ, онъ увелъ любовницу своего господина. Мнѣ кажется, такой поступокъ заслуживаетъ наказания. Притомъ же, ему нечѣмъ заплатить за свой выкупъ. Негодяя покунали, перепродавали; онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Если мы не можемъ извлечь изъ него пользы, такъ пускай онъ, во-крайней-мѣрѣ, забавляетъ насъ. Но вѣтъ, онъ гордъ, онъ не хочетъ этого, онъ бѣгаетъ; вотъ ужъ три раза:

какъ онъ бѣгаетъ... За то ужь, если намъ попадется въ руки разбойникъ...

— Такъ что съ нимъ сдѣлаете? спросилъ Арно.

— Въ первый разъ, его поколотили; во второй, чуть не убили; а въ третій, повѣсимъ.

— Повѣсите? повторилъ испуганный Арно.

— Немедленно, пріятель, и безъ всякихъ околичностей: это доставитъ намъ развлеченіе, а ему послужитъ урокомъ. Посмотрѣка, пріятель, направо. Видишь ли вонъ эту висѣлицу?.. На этой-то самой висѣлицѣ мы и заставимъ болтаться Арно дю-Тилля, какъ-только намъ удастся поймать его, мерзавца!

— О, полноте! сказалъ Арно съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Могу тебя увѣрить, пріятель! И если тебѣ встрѣтится этотъ негодяй, хватай его и тащи сюда. Мы не останемся у тебя въ долгу за услугу. За тѣмъ, пріятель, счастливый путь!

Рейтары удалились. Арно, немного опомнившись, закричалъ:

— Извините, господа: услуга за услугу. Я заблудился, какъ видите, и не знаю, въ какую сторону ѣхать. Наведите меня на дорогу.

— Это не мудрено, любезнѣйшій, сказалъ рейтареъ. — Можетъ-быть, ты въ состояніи различать въ темнотѣ стѣну и ворота для вылазокъ: это Нойонъ. Да ты смотришь слишкомъ въ правую сторону! Смотри лѣвѣе, туда, гдѣ висѣлица... Видишь, тамъ блестятъ пики нашихъ товарищей; тамъ, въ нынѣшнюю ночь, стоитъ на часахъ нашъ отрядъ, охраняя ворота. Теперь повернись; передъ тобой проходить по лѣсу парижская дорога. Въ двадцати шагахъ отсюда, она раздѣляется на двѣ вѣтви. Можешь идти, куда тебѣ заблагоразсудится, направо или налѣво: обѣ дороги равной длины, и въ четверти мили отсюда соединяются у паромъ Оазы. Переправясь на паромѣ, иди все прямо. Первая деревня будетъ Оврѣ: она отстоитъ на одну милю отъ берега. Теперь ты не хуже насъ знаешь дорогу. Прощай, пріятель!

— Благодарю. Спокойной ночи! сказалъ Арно и поѣхалъ крупной рысью.

Указанія, которыя онъ получилъ, были вѣрны. Въ двадцати шагахъ, Арно увидѣлъ площадку, и пустилъ свою лошадь по лѣвой дорожкѣ.

Ночь была темная; деревья сплетались непроницаемою тканью. Однакожь, черезъ десять минутъ, Арно дю-Тилль нашелъ въ лѣсу лужайку, и мѣсяцъ, прорѣзавъ перламутровыя облака, разлилъ слабый свѣтъ на дорогу.

Въ эту минуту, конюшій думалъ о своемъ испугѣ и странномъ приключеніи, взволновавшемъ его хладнокровіе.

Успокоенный на-счетъ прошлаго, Арно безъ грусти смотрѣлъ въ будущее.

— Можетъ-быть, думалъ онъ:—подъ моимъ именемъ скрывается настоящій Мартэнъ-Герръ. Но онъ убѣжалъ, бѣздѣльникъ! Я

въ одно время съ нимъ буду въ Парижѣ, и изъ этого можетъ произойти странное недоразумѣніе. Правда, я могу безстыдно спасти себя, но также безстыдно я могу и погубить себя. Какая необходимость была этому негодю скрываться въ бѣгахъ! Положеніе, въ-самомъ-дѣлѣ, затруднительное. Непріатели поступили бы очень-хорошо, повѣсивъ для меня этого бездѣльника. Онъ рѣшительно мой злобный геній.

Пока продолжался этотъ назидательный монологъ, Арно, владѣвшій взоромъ опытнымъ и проникательнымъ, примѣтилъ, или, казалось ему, будто примѣчалъ, на разстояніи сотни шаговъ, человѣка или, вѣрнѣе, призракъ, который, при его приближеніи, быстро исчезъ въ глубинѣ рва.

— Эге, еще неприятная встрѣча, еще новая засада, подумалъ благоразумный Арно, и пытался вѣхъ въ лѣсъ; но ровъ былъ непроходимъ ни для всадника, ни для лошади. Арно подождалъ нѣсколько минутъ и потомъ осмѣлился взглянуть. Призракъ неподвижно и снова быстро кинулся въ ровъ.

— Не боится ли онъ меня такъ же, какъ я боюсь его? подумалъ Арно.—Можетъ-быть, мы оба стараемся скрыться одинъ отъ другаго. Но надобно же на что-нибудь рѣшиться, потому-что этотъ проклятый кустарникъ мѣшаетъ мнѣ выбраться въ лѣсу на другую дорогу. Не благоразумнѣе ли будетъ вернуться назадъ? Или лучше пустить лошадь во весь галопъ и пролетѣть, какъ молнія, мимо этого человѣка? Дѣло было бы гораздо-короче. Онъ стоитъ на ногахъ, и если выстрѣлъ изъ ружья... Но что за пустяки! Я не дамъ ему времени.

Вздуmano, сдѣлано. Арно пролетѣлъ, какъ стрѣла, мимо человѣка, лежавшаго въ засадѣ. Онъ не трогался. Это придало смѣлости Арно; онъ удержалъ лошадь и даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, озаренный молніей внезапной мысли.

Незнакомецъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Это возвратило всю бодрость Арно и, почти увѣренный въ своемъ успѣхѣ, онъ подвѣхалъ прямо ко рву.

Но въ эту минуту, человѣкъ однимъ прыжкомъ очутился на краю рва, вырвалъ изъ стремени правую ногу Арно, поднялъ ее съ невѣроятною силою, сбросилъ всадника съ лошади, упалъ вмѣстѣ съ нимъ на землю, схватилъ его рукою за горло и колѣномъ уперся ему въ грудь.

Все это не продолжалось двадцати секундъ.

— Кто ты? чего тебѣ надо отъ меня? спросилъ побѣдитель у своего поверженнаго врага.

— Оставь меня, умоляю! сказалъ Арно задыхающимся голосомъ.—Я Французъ, но у меня есть паспортъ отъ лорда Уэнтворта, губернатора Калѣ.

— Если ты Французъ, сказалъ незнакомецъ—и, въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя выговоръ не такой, какъ у всѣхъ этихъ проклятыхъ иностранцевъ—мнѣ не надо твоего паспорта. Но зачѣмъ ты при-

ближался ко мнѣ съ такимъ любознательствомъ?

— Мнѣ показалось, будто во рту шевелится человекъ, продолжалъ Арно, чувствуя меньшее давленіе: — и я приблизился, желая узнать, не равенный ли это и нечая ли подать ему помощи.

— Намѣреніе было доброе, сказалъ незнакомецъ, сжимая руку и колыно съ Арно. — Теперь встань, товарищъ, прибавилъ онъ, подавая руку дю-Тиллю, который успѣшно сталъ на ноги. — Я обошелся съ тобою, можетъ быть, немножко жестко, въ чемъ и прошу извиненія. Дѣло въ томъ, что я не терплю, чтобъ тебѣ ино-страннымъ вмѣшивались въ мои дѣла. Но ты — мой соотечественникъ, это совершенно другая статья, и ты будешь мнѣ служить, а не вредить. Мы сейчасъ объяснимся. Меня зовутъ Мартенъ-Герръ, а тебя?

— Меня? меня?.. зовутъ... Бертранъ, сказалъ Арно, дрожа всѣмъ тѣломъ: — потому что, ночью, въ атомъ густомъ лѣсу, человекъ, падъ которымъ онъ, обыкновенно, одерживалъ верхъ коварствомъ и хитростью, преобладалъ надъ нимъ, въ свою очередь, силою и мужествомъ.

Къ счастью, темная ночь давала Арно возможность быть неузнаваемымъ, и онъ употреблялъ всѣ усилія говорить не о своемъ го-лосомъ.

— Итакъ, пріятель Бертранъ, продолжалъ Мартенъ-Герръ: — знай, что я бѣглый плѣбникъ; сегодня утромъ, я во второй разъ, а нѣкоторые говорятъ, въ третій, убѣжалъ изъ рукъ Испанцевъ, Англичаевъ, Нѣмцевъ, Фламандцевъ, отъ этой толпы враговъ, которая палетѣла на нашу бѣдную страну, какъ туча саранчи. Въ настоящую минуту, Франція похожа на павидонскую баню. Въ продолженіе мѣсяца, я принадлежалъ двадцати различнымъ партидамъ и слушалъ двадцать маршчей, одно другаго грубѣе. Мнѣ из-скуки до таскаться изъ города въ городъ, тѣмъ болѣе, что, казалось мнѣ, эти варвары смѣлись надо мной и находили для себя забаву въ моихъ мукахъ. Они безпрестанно попрекали меня рдвое хорошенькой чертовкой, Гудулой, которая, если не ошибаюсь, была меня до того, что готова была бѣжать со мною.

— Эге! замѣтилъ Арно.

— Я только повторяю, что мнѣ говорили. Итакъ, насмѣшки дошли до того, что въ одно прекрасное утро — это было въ Шонъ — я убѣжалъ снова, но убѣжалъ одинъ. Къ несчастію, меня схватили, истерзали побоями. Но къ-чему поведетъ это? Они угрожали повѣсить меня, и этимъ самымъ еще болѣе подстрекали меня приняться за прежнее, и вотъ, нынче утромъ, когда меня везли въ Нойонъ, я воспользовался благоприятнымъ случаемъ и ускользнулъ отъ своихъ мучителей. Одному Богу извѣстно, какъ они старались меня повѣ-сить!.. Но мнѣ, какъ видите, не слишкомъ хотѣлось болтаться на висѣльницѣ; я вскарабкался въ лѣсу на огромное дерево, чтобъ тамъ дожидаться ночи, и не могъ удержаться отъ смѣха, вида, какъ они, проклиная меня, ходили подъ деревомъ. Вечеромъ, я спускалъ

вою обсерваторію. Но, во-первыхъ, я заблудился въ этомъ не-
накомомъ лѣсу, и, во-вторыхъ, умираю съ голода, потому-что въ-
продолженіе двадцати-четырехъ часовъ мои зубы не грызли ни-
его, крокъ листьевъ да кореньевъ. Плохой завтракъ! Вотъ поче-
му я падаю отъ усталости, какъ ты легко могъ самъ замѣтить.

— Признаться, я не могъ тотчасъ этого замѣтить, сказалъ Арно:
— мнѣ казалось, напротивъ, что у васъ довольно силы.

— Отъ-того развѣ, продолжалъ Мартэнъ:— что я немножко васъ
боялся: мнѣ въ это время дѣйствительно поддерживала голодная
пикорадка. Но теперь вы будете мнѣ провидѣнцемъ; вы мой со-
отечественникъ и не дадите мнѣ снова попастьъ въ руки неприят-
ель. Не правда ли?

— Разумѣется, если только я могу для васъ что-нибудь сдѣ-
лать, отвѣчалъ Арно дю-Тилль, обдумывая слова Мартэна.

Арно начиналъ чувствовать свои силы, сдавленныя на минуту
нужною рукою его Созія.

— Вы можете много сдѣлать для меня, простоушно продол-
жалъ Мартэнъ-Герръ.— Прежде всего, знаете ли вы сколько-нибудь
дѣланныхъ окрестности?

— Я нѣтъ Оврѣ; деревня эта отстоитъ отсюда на четверть мили,
сказалъ Арно.

— Вы туда ѣдете? спросилъ Мартэнъ.

— Нѣтъ, я возвращаюсь оттуда, отвѣчалъ хитрецъ, послѣ ми-
нутаго вѣщательства.

— Значитъ, Оврѣ лежитъ тамъ? сказалъ Мартэнъ, показывая въ
ту сторону, гдѣ находился Нойонъ.

— Именно такъ, возразилъ Арно:— это первая деревня за Ной-
ономъ; она лежитъ на парижской дорогѣ.

— На парижской дорогѣ! вскричалъ Мартэнъ.— Видите ли, какъ
легко заблудиться въ лѣсу. Я думалъ, что стою спиною къ Ной-
ону, а между-тѣмъ онъ у меня передъ глазами. Я думалъ, что
иду къ Парижу, а между-тѣмъ отъ него удаляюсь. Ваша прокля-
тая сторона мнѣ вовсе неизвѣстна! Значитъ, мнѣ надобно идти въ
ту сторону, откуда вы возвращаетесь, чтобъ не попастьъ въ волчью
пасть?

— Совершенно такъ. Я иду въ Нойонъ, не хотите ли ли пройти
со мною нѣсколько шаговъ? Недалеко отсюда, не доходя до па-
рома Оазы, мы найдемъ другую дорогу, которая проведетъ насъ
въ Оврѣ.

— Чувствительно благодарю, любезный Бертранъ, сказалъ Мар-
тэнъ.— Мнѣ надо беречь свои ноги; я очень усталъ и ослабъ, по-
тому-что, какъ вы уже знаете, я выдержалъ сегодня самый стро-
гий постъ, какой только можно себѣ вообразить. Кстати, любез-
ный Бертранъ, нѣтъ ли у васъ съ собою чего-нибудь питательна-
го? Вы спасли бы меня этимъ вдвойнѣ: и отъ Англичанъ, и отъ
голода, не менѣе ужаснаго, какъ и Англичане.

— Увы, отвѣчалъ Арно:— у меня нѣтъ ни крошки въ котомкѣ.

Но если вы хотите выпить кружку, моя полная тыква готова къ вашимъ услугамъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, заботливая Бабета наполнила легкимъ краснымъ виномъ сдѣланную изъ тыквы баклажку своего невѣрнаго любовника, и Арно очень-благоразумно не прикасался къ бутылкѣ, чтобъ сохранить свой немногочисленный разсудокъ посреди опасностей дороги.

— Я думаю, что у меня пересохло въ горлѣ! вскричалъ съ восторгомъ Мартэнъ-Герръ.—Кружка вина нѣсколько оживитъ мои силы.

— Берите же и пейте, почтенивѣннѣй, сказалъ Арно, подавая ему баклажку.

— Благодарю; Господь заплатитъ вамъ за это, замѣтилъ Мартэнъ, и началъ съ довѣрчивостію глотать вино, коварное, какъ тотъ, кто предлагалъ ему этотъ напитокъ, и которое почти тотчасъ своими парами ошлянуло слабую голову.

— Э, сказалъ весело Мартэнъ; — да вашъ клеретъ горячигъ порядочно.

— Помилуйте; это вино самое невинное, отвѣчалъ Арно: — а нѣю по двѣ бутылки за обѣдомъ... Да что тутъ толковать. Посмотрите, какой прекрасный вечеръ; знаете, любезнѣйшій; разложимся на травѣ; вы будете отдыхать и пить, сколько душе угодно. У меня еще много времени впереди; мнѣ надобно дойти въ Нойонъ къ десяти часамъ, когда будутъ заперты ворота. Значитъ, еще уснѣю. Вамъ тоже торопиться не зачѣмъ. Правда, Оверъ еще держится Франція, однакожь въ теперешнюю пору на большой дорогѣ вы еще можете встрѣтить неприятели патрули; если же сойдете съ большой дороги, то, пожалуй, снова заблудитесь. Герардо вѣрнѣе для насъ посидѣть здѣсь нѣсколько минутъ и потолковать по-приятельски. Гдѣ попалась вы въ плѣнъ?

— Право, не знаю, сказалъ Мартэнъ-Герръ:—это вещь не рѣшенная, какъ почти все мое бѣдное существованіе; тутъ находятся два противоположныя мнѣнія: мое собственное, и то, которое говорятъ мнѣ другіе. Увѣряютъ меня, будто я попался въ плѣнъ въ сраженіи при Сен-Лоранѣ, но мнѣ кажется, что я даже не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, а нѣсколько послѣ одинъ поцакъ въ руки неприятеля.

— Какъ понимать это? спросилъ Арно дю-Тилль, прикидываясь удивленнымъ: — Значитъ, у васъ двѣ исторіи? Похожденія ваши должны быть очень занимательны и, по-крайней-мѣрѣ, поучительны. Признаюсь, я страстный охотникъ до разсказовъ. Выпейте-ко пять или шесть глотковъ; вино придастъ вамъ побольше памяти, а потомъ расскажите мнѣ какой-нибудь отрывокъ изъ вашей жизни. Такъ ли? Вы не изъ Пикардій?

— Нѣтъ, продолжалъ Мартэнъ послѣ паузы, въ-продолженіе которой онъ опорожнилъ три четверти баклажки:—нѣтъ, я родился на югѣ, въ Артуагѣ.

— Говорять, это прекрасная страна. Что, у васъ такъ осталось семейство?

— Семейство и жена, любезный другъ, отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ, который, благодаря вину, сдѣлался очень-откровеннымъ и доверчивымъ.

И, возбужденный, частью разспросами Арно, частью безпрестанными возліаніями, онъ принялся быстро рассказывать свою исторію, со всѣми подробностями: свою молодость, любовь, женитьбу. Жена его была прелестна, но имѣла одинъ маленькій недостатокъ: менно, рука у ней была очень-рѣзвая и въ то же время тяжелая. Конечно, одна оплеуха, полученная отъ женской руки, еще не дѣлаетъ безчестія мужчинѣ, но, часто повторяясь, такая свобода тановится, наконецъ, нестерпимею. Вотъ почему Мартэнъ-Герръ откинулъ свою жену, слишкомъ-выразительную. Затѣмъ слѣдовалъ въ скобкахъ изложеніе причинъ, обстоятельствъ и послѣдствій того разрыва. Впрочемъ, Мартэнъ все еще страстно любилъ милую Бертранду; онъ еще носилъ на пальцѣ желѣзное вѣнчалное кольцо, и на груди берегъ два или три письма, которыя прислала къ нему Бертранда послѣ первой разлуки. Рассказывая это, добрый Мартэнъ-Герръ не могъ удержаться отъ слезъ: вино, какъ вино, было очень-нежное. Потомъ, онъ хотѣлъ рассказывать, что случилось съ нимъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вступилъ въ услуженіе въ виконтю д'Эксмэ, какъ преслѣдовалъ его какой-то демонъ, и какими судьбами онъ, Мартэнъ-Герръ, явился въ двухъ лицахъ и не могъ узнавать себя въ двухъ существахъ. Но эта часть исторіи, казалось, менѣе интересовала Арно дю-Тилля, который потопно заставлялъ рассказчика возвращаться къ своему дѣтству, родительскому дому, друзьямъ, роднымъ, жившимъ въ Артигѣ, и въ прелестія и недостатки Бертранды. Менѣе, нежели въ два часа, вкрадчивый Арно дю-Тилль узналъ искусными разспросами все, что ему надобно было узнать о жизни и самыхъ тайныхъ дѣйствіяхъ бѣднаго Мартэна-Герра.

Голова Мартэна горѣла, какъ въ огнѣ: черезъ два часа, онъ сталъ или, лучше, хотѣлъ встать, потому-что, при этомъ движеніи, онъ закачался, и въ тяжеломъ паденіи сѣлъ на траву.

— Это что значитъ? сказалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, потопно долго потомъ дрожалъ въ воздухѣ, пока совершенно не затихъ. — Это легочное вино, чортъ меня возьми, кажется, начинаетъ опаливать. Дай-ко мнѣ руку, товарищъ; хочу постоять прямо. Арно мужественно поднималъ его и усилъ поставить на ноги, только не въ классическомъ равновѣсіи.

— Эге, сколько фонариковъ-то! закричалъ Мартэнъ.—Впрочемъ, какой же я дуракъ! принялъ звѣзды за фонари.

И потомъ принялся пѣть невѣрнымъ голосомъ:

Говорять, вино — отрада;
А не худо на-примѣръ

Мнѣ прислать вамъ новъ вѣст;

Плутъ старинный, Липоваръ.

— Замолчите ли вы, закричалъ Арио. — Если какой-нибудь неприятельскій отрядъ, проходя по окрестностямъ, услышитъ насъ, то тогда!

— Бале! я лично на всѣхъ, сказала Мартошь. — Ну, что они будутъ сдѣлать со мною? повѣсятъ?.. А должно быть очень-привѣсивъ!.. Однакожь, пріятель, ты подползъ меня презрѣвшаго, обыкновенно трезвый, какъ ягненокъ, не умѣю бороться опъ-ценіемъ; притомъ же, я пилъ на тощій желудокъ, я былъ доденъ, а теперь я жажду.

Говорять, вино — отрада...

— Тише! сказалъ Арио. — Попробуйте-ко пройтиса въ Овріо-отдумали переночевать въ Оврѣ?

— Да, да! переночую, сказалъ Мартэнъ. — только не уксусъ, а тамъ, на травкѣ, при свѣтѣ божьихъ свѣчариковъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Арио: — а завтра утромъ испанскій-трудь пойдетъ васъ и отправитъ спать къ двяволу.

— Къ старому Люциферу? сказалъ Мартэнъ. — Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, ужъ лучше дотащиться какъ-нибудь въ Оврѣ. Найдется же идти.. въ которую сторону?

Не смотря на всѣ свои усилія поддерживать равновѣсіе, Мартэнъ выдѣлывалъ такіе отчаянные зигзаги, что Арио, увидѣвъ обходимыя немного помочь ему; вѣдѣ, Мартэнъ еще разъ в пале бы, то-есть на разъ спасся бы отъ погубелки, а это вовсе согласовалось съ желаніемъ низкаго До-Тизли.

— У меня душа добрая, сказалъ онъ Мартэну. — и притомъ она не такъ далеко. Я провожу васъ туда. Дайте мнѣ только вязать лошадь; я поведу ее подъ-узды, а вы идите мнѣ руку.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Мартэнъ. — Я человекъ чистый и дый, и, между нами признаюсь, я немножко пью. Выше и реть порядочно горячтъ. Я очень счастливъ, не обманывайте.

— Итакъ, пойдете; ужъ поздно, сказалъ Арио. — Вы взяли своего Созія подъ-руку, и продолжая идти по дорожкѣ, которая вела прямо въ Нойонъ. — Впрочемъ, замѣтилъ Арио: — расскажете ли мнѣ еще какую-нибудь исторію объ Арелобъ; говоръ, знаете, сокращаетъ дорогу.

— Не хотите ли, чтобъ я рассказалъ вамъ исторію про Натю? спросилъ Мартэнъ. — Ахъ, бѣдлужка Панотта!

Эпопея Панотты очень-часто прерывалась, и мнѣ не стѣнемъ рассказывать. Исторія эта была почти окончена, когда два тела кое-какъ пришли къ нойонскимъ воротамъ.

— Пришли! сказалъ Арио. — мнѣ не зачѣтъ идти дальше. Эти ворота? Они ведутъ въ Оврѣ. Ступитесь; ступитесь; ступитесь

рните; назовите себя моимъ, яменемъ, Бертрамомъ, и онъ покажетъ вамъ, въ двухъ шагахъ отсюда, мой домъ, гдѣ братъ мой приметъ васъ радушно, и вы найдете добрый ужинъ и хорошую постель. Затѣмъ прощайте, пріятель. Да, въ послѣдній разъ дайте мнѣ руку, и прощайте.

— Прощайте; я дамъ оцень, оцень-благодаренъ, отвѣчалъ Мартэнъ. — Я бѣднякъ и не въ состояніи отплатить вамъ за услугу. Но будьте спокойны: Богъ правосуденъ и заплатитъ вамъ. Прощайте, другъ.

Странное дѣло! Это предсказаніе пьянаго заставило затрепетать Арно. Хотя онъ не былъ суевѣренъ, однакожь хотѣлъ отозвать Мартэна. Но этотъ ужъ стучалъ богатырскою рукою въ ворота.

— Нечастный, онъ стучится въ могилу, подумалъ Арно... — Впрочемъ, все это ребячество.

Между тѣмъ, Мартэнъ, не подозрѣвая, что его спутникъ замѣчаетъ за нимъ, надала, кричалъ во все горло:

— Эй, сторожа! Эй, черберъ! когда же ты отворишь, мужикъ! Меня прислалъ Бертрамъ, слышишь, великій Бертрамъ!

— Кто тамъ, спросилъ часовой, стоявшій за воротами. — Теперь не отворишь. Кто вы, что поднимаете такую тревогу?

— Кто я? Болванъ? Я — Мартэнъ-Герръ, или Арно дю-Тилль, или, если хочешь, другъ Бертрама. Во мнѣ много лицъ, но имашь, особенно, когда я выпью. Настъ двадцать момодцовъ, и мы порядочно выедемъ тебѣ, если тотчасъ не отворишь.

— Арно дю-Тилль! вы Арно дю-Тилль? спросилъ часовой.

— Да, Арно дю-Тилль, двадцать тысячъ воевъ чертей! сказалъ Мартэнъ-Герръ, стуча въ ворота ногами и кулаками.

За воротами послышался говоръ солдатъ, призванныхъ часовымъ. Потому, тогда съ фонаремъ отворила ворота, и Арно дю-Тилль, скрывавшійся за деревьями, въ небольшомъ разстояніи отъ воротъ, услышалъ, какъ многіе голоса закричали съ выраженіемъ изумленія.

— Это онъ! Это дѣйствительно онъ!

Мартэнъ-Герръ, узнавъ своихъ тирановъ, испустилъ крикъ отчаянія, который какъ проклятіе поразилъ Арно въ его договашіи. Потомъ, судя по крикамъ и топоту, Арно подумалъ, что смѣлый Мартэнъ, видя все потеряннымъ, началъ невозможную борьбу, вседожную потому-что онъ долженъ былъ защищаться двумя кулаками противъ двадцати шпагъ. Шумъ уменьшился, потому былъ едва слышенъ въ отдаленіи, и наконецъ совершенно затихъ. Солдаты увели Мартэна, засыпавшаго ихъ проклятіями.

— Не думаетъ ли онъ бранью и ударами поправить свои дѣла? сказалъ про себя Арно, потирая руки.

Когда вдали ничего не было слышно, онъ погрузился на четверть часа въ раздумье, потому-что Арно дю-Тилль былъ глубокой мерзавецъ. Въ слѣдствіе этихъ размышленій, онъ углубился ша-

говъ на триста или четыреста въ чашу лѣса, привязавъ свою лошадь къ дереву, разложилъ на поблекшихъ листьяхъ сѣдло и лошадиный коверъ, закутался въ плащъ, и, черезъ нѣсколько минутъ, погрузился въ глубокой сонъ, который природа посылаетъ закоренѣлому злодѣю еще болѣе, нежели робкой невинности.

Онъ спалъ два часа сряду, и когда проснулся, еще была ночь но положеніе звѣздъ показывало, что было около четырехъ часовъ утра. Арно всталъ, отвязавъ лошадь и осторожно побѣжалъ къ болѣе широкой дорогѣ.

На висѣлицѣ, которую показали ему наканунѣ, тихо качалось тѣло бѣднаго Мартѣна-Герра.

Злобная улыбка мелькнула на губахъ Арно.

Онъ безъ трепета приблизился къ трупу, но не могъ достать его, потому что тѣло висѣло очень-высоко. Тогда Арно, со шпагою въ рукѣ, вскарабкался на висѣлицу, и достигнувъ до известной высоты, разрубилъ веревку шпагою.

Тѣло упало на землю.

Арно сошелъ, снявъ съ пальца мертвеца желѣзное кольцо, которое вовсе не стоило, чтобъ его снимали, обшарилъ грудь покойнаго и, найдя на ней бумаги, тщательно спряталъ ихъ, наделъ на себя плащъ и тихо удалился, не бросивъ даже взгляда на несчастнаго, котораго онъ безпокоилъ въ теченіи всей его жизни и обокралъ послѣ смерти.

Арно отыскалъ свою лошадь между деревьями, осѣдлавъ большиимъ галопомъ отправился въ Оне. Негодяй былъ чрезвычайно доволенъ: Мартѣнъ не навелъ на него страха.

Черезъ полчаса послѣ того, когда слабый блескъ показался въ востокѣ, дровосѣкъ, проходившій случайно по дорогѣ, увидѣлъ что веревка висѣлицы обрѣзана и повѣшенный лежитъ на землѣ. Въ страхъ и съ любопытствомъ, крестьянинъ приблизился къ мертвецу; платье его было въ безпорядкѣ и веревка довольно слабо обвязана вокругъ шеи. Дровосѣкъ не зналъ, тѣло ли своею тяжестью оборвало веревку, или какой услужливый другъ разрубилъ ее; впрочемъ, очень-поздно — и даже осмѣлился прикоснуться къ несчастному, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ умеръ.

Но вдругъ, къ великому его ужасу, повѣшенный поднялъ голову и руки и сталъ на колѣни. Дровосѣкъ въ испугъ побѣжалъ въ деревню, крича и призывая себѣ на помощь Бога со всеми святыми.

IX.

Буколическія грезы Арно дю-Тилла.

Коннетабль Монморанси, заплативъ за себя королевскій выкупъ на другой день по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ представлялся в Луврѣ, думая этимъ средствомъ немедленно приобрести благосклон

ть короля. Но Генрихъ II встрѣтилъ его съ строгою холодно-
стью и началъ выхвалять управление герцога Гиза, который, по
вамъ короля, умѣлъ вести дѣла такъ, что уменьшилъ, если не
перененно уничтожилъ бѣдствія королевства.

Коннетабль, поблѣднѣвъ отъ гнѣва и зависти, надѣялся, по-
иной-мѣрѣ, найти себѣ какое-нибудь утѣшеніе у Дианы Пу-
э. Но фаворитка приняла его такъ же холодно, и когда Монмо-
ранси жаловался на такой равнодушный приѣмъ и, казалось, опа-
саясь подумать, что, въ его отсутствіе, другой, болѣе счастливый,
пелъ въ милость у герцогини, госпожа Пуатъэ сказала довольно
ого:

— Вѣрно вы не знаете новой поговорки парижскаго народа?

— Я только-что пріѣхалъ, и не знаю... проговорилъ коннетабль.

— Этотъ злой народъ говоритъ: «C'est aujourd'hui la Saint-Lau-
rent; qui quitte sa place la rend».

Коннетабль поблѣднѣвъ, поклонился герцогинѣ и разстроенный
пошелъ изъ Лувра.

Возвратясь домой, онъ въ бѣшенствѣ бросилъ свою шляпу на
полъ.

— О, женщины! вскричалъ онъ: — неблагоприятное племя! Оно
бьетъ только торжествующихъ.

— Съ вами желаетъ говорить какой-то господинъ, сказалъ кам-
раньеръ.

— Пускай онъ убирается къ чорту! закричалъ коннетабль. — Я
принимаю никого! Пошли его къ г. Гизу.

— Человѣкъ этотъ просилъ меня сказать вамъ, сударь, что его
звать Арно дю-Тилль.

— Арно дю-Тилль! повторилъ удивленный коннетабль: это дру-
гое дѣло; попроси войти.

Слуга поклонился и ушелъ.

— Арно, думалъ коннетабль: — человѣкъ ловкій, хитрый и жад-
ный, и кромѣ того рѣшительный и безсовѣстный. О, еслибъ онъ
могъ мнѣ отгнать всѣмъ этимъ людямъ!.. Но, впрочемъ, что жъ
могу выиграть мщеніемъ? Гораздо-лучше, еслибъ онъ помогъ
мнѣ снова войти въ милость. Онъ знаетъ многое. Я уже думалъ
использоваться тайною Монгомери, но лучше, когда бы Арно могъ
сказать мнѣ отъ необходимости прибѣгать къ этой тайнѣ.

Въ это время вошелъ Арно дю-Тилль. На лицѣ плута сіяла ка-
кая-то безстыдная радость. Онъ поклонился коннетаблю почти до
полу.

— Я думалъ, что ты въ плѣну, сказалъ ему Монморанси.

— И я дѣйствительно былъ плѣнникомъ, такъ же, какъ и вы,
сказалъ Арно.

— Но теперь, какъ кажется, ты освободился изъ неволи! про-
скажи Монморанси.

— Да, сударь, только я купилъ свободу своею собственною

моной — хитростью. Вы употребили деньги, и употребили и мы оба свободами.

— Ты, кажется, говоришь дерзости, погодя! сейчасъ жинь табль.

— Нисколько, отвѣчалъ Арно: — я хотѣлъ только сказать, у меня нѣтъ денегъ — вотъ и все.

— Гм! замѣтилъ Монморанси: — чего же тебѣ нужно бѣ же

— Денегъ, потому что у меня ихъ нѣтъ, сударь.

— Зачѣмъ же я стану давать тебѣ деньги? спросилъ Монморанси

— Нбожь расплатиться, отвѣчалъ шпюль.

— За что, на примѣръ?

— За новости, которыя вышреть я сообщить вамъ.

— Нисколько, какія у тебя новости?

— Увидимъ, какія у васъ деньги.

— Мерзавецъ! а что, если я прикажу тебя повѣсить?

— Вы выберете самое дурное средство развязать мнѣ шпюль, ли вдумаете, чтобъ я высунуль его, отвѣчалъ Арно.

— Онъ очень дерзокъ, подумалъ Монморанси. — Одишъ сперва узнаю все нужное.

— Впрочемъ, сказалъ онъ громко: — я согласенъ еще мнѣ женскую уступу.

— Коннетабль очень благосклоненъ, продолжалъ Арно, — и может свое великодушнѣе, заплативъ мнѣ старые долги.

— Какіе? спросилъ Монморанси.

— Представляю вамъ счетъ, сказалъ Арно, подавая ему счетъ, который, какъ мы видѣли, замѣтно увеличивался.

Монморанси взглянулъ на бумагу.

— Да, сказалъ онъ: — возлѣ пустыхъ и ложныхъ услугъ есть и такія, которыя могли бы послужить мнѣ въ пользу въ время, когда ты оказывалъ ихъ; но теперь онъ заставляетъ только сожалѣть о прошломъ.

— Вы преувеличиваете невыгоды своего положенія, Арно.

— Что? замѣтилъ коннетабль. — По этому, ты знаешь, что я впасть въ немилость?

— Сомнѣваются въ этомъ, сударь, и я тоже сомнѣваюсь.

— Итакъ, Арно, продолжалъ горестно Монморанси: — должно сомнѣваться въ томъ, что удаленіе Ляны де-Виконта д'Экенѣ изъ Сен-Кентена мнѣ не послужитъ въ пользу потому что, по всей вѣроятности, король не захочетъ, чтобъ дочь отдала руку моему сыну.

— Боясь жинь, сударь, отвѣчалъ Арно: — а я думаю, что король охотно согласился бы уступить вамъ свою дочь, вы могли возвратитъ ее его величеству.

— Что это значить?

— Я говорю, сударь, что нашъ государь, Генрихъ II, тоскуеть, не только о потерѣ Сен-Кентена и програнности

и при Сем-Кастри, но также и дочерей своей любимой дочери, яны де-Кастри, которая послѣ осады Сем-Кентена исчезла, такъ-что, теперь никто не знаетъ, что съ нею случилось. Объ этой потерѣ носятъ самые противоположные слухи. Я самъ узналъ эту новость только сегодня утромъ; вы, сударь, воротились вчера, не можете знать, что здѣсь дѣлается.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня и безъ того много заботъ, отвѣчалъ коннетабль. — Мнѣ скорѣе слѣдовало думать о своей настоящей участи, нежели о прошломъ успѣхѣ.

— Совершенная правда, сказалъ Арно. — Но, позвольте мнѣ сказать, вы не можете ли возвратиться, если вы скажете ему, на-примѣръ: Государь, вы оплакиваете свою дочь, вы знаете ее вѣдь, вы спрашиваете о ней у каждаго. Однѣхъ я знаю, государь, гдѣ находится аша дочь».

— Развѣ ты знаешь, Арно? живо спросилъ Монморанси.

— Знать мое ремесло, отвѣчалъ шпионъ. — Не сказалъ ли я вамъ, что продаю новость. Товаръ у меня, какъ видите, не гнилой. Подумайте, сударь, подумайте.

— Я думаю, сказалъ коннетабль:—если я отдамъ Генриху II его дочь, онъ будетъ въ восторгѣ, и въ первыя минуты увлеченія готовъ будетъ отдать все золото, всѣ почести за услугу. Но потомъ, Мама начнетъ плакать, станетъ говорить, что она лучшей готова умереть, нежели отдать свою руку кому другому, а не виконту д'Экме, и король, тронутый слезами дочери, побужденный словами моихъ враговъ, вспомнить только проигранную мною битву и забудетъ, что я возвратилъ ему дочь. Значитъ, всѣ мои усилія кончатся тѣмъ, что я доставлю счастье виконту д'Экме.

— Слѣдовательно, продолжалъ Арно съ злобною улыбкой — надо, чтобъ въ одно время явилась госпожа де-Кастри и исчезъ виконтъ д'Экме. Это было бы хорошо сыграно, какъ вы думаете?

— Да, но я не хотѣлъ бы прибѣгать къ такимъ средствамъ, сказалъ коннетабль. — Я знаю, что у тебя рука вѣрная и языкъ не болтливый, однакожъ...

— А, коннетабль очень ошибается въ моихъ намѣреніяхъ, закричалъ Арно, притворяясь оскорбленнымъ: — коннетабль хотѣть оклеветать меня; онъ думалъ, что я хочу освободить его отъ этого молодого человека ужаснымъ средствомъ (Арно выразительно махнулъ рукою). Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. У меня есть лучшія средства!

— Какія? живо спросилъ коннетабль,

— Но сперва, сударь, заключимъ наши условія, сказалъ Арно. — Я только указалъ вамъ мѣсто, гдѣ скрывается заблудшая лань. Я могу поручиться по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что герцогъ Францискъ вступитъ въ бракъ до возвращенія своего опаснаго соперника. Кажется, сударь, это двѣ блистательныя заслуги. Теперь посмотримъ, чѣмъ вы отплатите мнѣ за это?

— Чего ты просишь? сказала Монморанси.

— Вы человекъ разсудительный, и я тоже, отвѣчалъ Арно.— Во-первыхъ, вы не торгуясь заплатите мнѣ старый долгъ по счету, который сію минуту я имѣлъ честь вамъ представить...

— Хорошо, отвѣчалъ коннетабль.

— Я зналъ, что у насъ не будетъ спора объ этой новой статьѣ въ итогѣ — суцая бездѣлица; денегъ этихъ едва-ли достанетъ и на путевыя издержки и покупку кой-какихъ подарковъ, которыми мнѣ надо запастись въ Парижѣ. Но—деньги еще не все въ мірѣ!

— Какъ! сказалъ коннетабль, изумленный и почти испуганный:— не-уже-ли мнѣ говорить Арно дю-Тилль, что деньги еще не во всемъ мірѣ?

— Точно такъ, сударь, Арно дю-Тилль, но не прежній Арно дю-Тилль, не бѣднякъ и жадный, нѣтъ, другой Арно дю-Тилль довольный маленькимъ состояніемъ, которое онъ умѣлъ приобрести и желающій только одного — провести мирно естатокъ своей жизни на родинѣ, подъ родною кровлей, въ кругу друзей своего дѣтства, въ объятіяхъ семейства. Это была моя всегдашняя мечта, сударь, это была тихая и прекрасная цѣль моего бурнаго существованія.

— Правда, сказалъ Монморанси: — если надо испытать бурю, чтобъ наслаждаться тишиною, ты будешь счастливъ, Арно. Ты, какъ слышу, разбогатѣлъ?

— Довольно для меня, сударь, довольно. Десять тысячъ экю для бѣдняка, подобнаго мнѣ—значительное состояніе, особенно въ деревнѣ, въ объятіяхъ моего скромнаго семейства.

— У тебя есть деревня, семейство? спросилъ коннетабль.— Мнѣ всегда казалось, что у тебя нѣтъ ни дома, ни семейства, что ты живешь подъ именемъ контрабандиста.

— Меня зовутъ Арно дю-Тилль такъ, по обстоятельствамъ; настоящее имя — Мартэнъ-Гэрръ; я родился въ деревнѣ Арми близъ Рьё; тамъ остались мои жена и дѣти.

— Жена, дѣти! повторилъ Монморанси, удивляясь все болѣе болѣе.

— Да, сударь, отвѣчалъ Арно съ выраженіемъ самой искренней нежности: — и я долженъ предупредить васъ, что вы не можете болѣе рассчитывать на мою помощь, и что двѣ услуги, которыя вызвался я оказать вамъ теперь, будутъ, безъ сомнѣнія, послѣдними. Я не хочу болѣе вмѣшиваться ни въ какія дѣла, и дамъ рень, съ-этихъ-поръ, жить честно, наслаждаясь любовью своихъ родныхъ и уваженіемъ соотечественниковъ.

— Давно бы такъ, сказалъ коннетабль.— Но если ты и съдѣлалъ такимъ скромнымъ пастушкомъ, что не хочешь говорить о дѣлахъ, что жь просишь ты въ награду за тайны, которыя найдутся у тебя въ рукахъ?

— Я прошу вещь, которая и больше и меньше денегъ, отвѣчалъ Арно обыкновеннымъ голосомъ: — я прошу чести.

стей, это само-собою рѣшится, но только немного чести, въ которой, должно признаться, я крайне нуждаюсь.

— Объяснись, Арно, сказалъ Монморанси:—потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ; ты говоришь загадками.

— Извольте, сударь; я приготовилъ бумагу, что я, Мартенъ-Гэрри, служилъ вамъ въ-продолженіе столькихъ-то лѣтъ, въ званіи конюшаго, что во все время службы я велъ себя честно, былъ вамъ вполнѣ преданъ, и что, сударь, въ награду за эту преданность, вы подарили мнѣ значительную сумму, желая, чтобъ я провелъ безъ нужды остатокъ своей жизни. Подпишите подъ этимъ аттестатомъ, приложите къ нему свою печать — и мы будемъ квиты.

— Нѣтъ, это невозможно, отвѣчалъ коннетабль. — Подписывая подобную ложь, я дѣлаюсь обманщикомъ, то-есть, заслуживаю намянѣ...

— Но вѣдь это не ложь, прервалъ Арно:—потому-что я всегда самъ служилъ вѣрно... по мѣрѣ моихъ средствъ, и объявляю вамъ, что самъ я и сберегъ все деньги, полученные мною отъ васъ до сихъ поръ; они дали бы въ суммѣ болѣе десяти тысячъ эку. Значитъ, вы не подвергаете себя никакому объясненію, и притомъ, настежь; какъ жертвовалъ я собою, чтобъ дойти до счастливаго результата, послѣ котораго останетея вамъ только собирать плоды?

— Негодяй! такое сравненіе...

— Совершенно справедливо, сударь, отвѣчалъ Арно. — Мы ну-даемся одинъ въ другой. Шпіонъ вамъ возвращаетъ вашъ кредитъ, вы отдаете шпіону кредитъ его собственный. Рѣшайтесь, сударь: насъ никто не слышитъ; къ-чему этотъ ложный стыдъ? Кончимъ продажу: она хороша для меня, но еще выгоднѣе для васъ. Подпишите, сударь.

— Нѣтъ, послѣ, отвѣчалъ Монморанси.—Я хочу сперва узнать средства, которыми ты надѣешься достигнуть двухъ обещанныхъ результатовъ. Я хочу знать, что сдѣлалось съ Діаной и что сдѣлается съ вниконтомъ д'Эксмѣ?

— Извольте, сударь. Умалчивая о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своихъ причинахъ, я отвѣчу вамъ удовлетворительно на оба проса, и вы должны будете согласиться, что я и случай вѣрнѣе тронли все совершенно для вашихъ выгодъ.

— Говори, сказалъ коннетабль.

— Во-первыхъ, что касается госпожи де-Кастро, началъ Арно Тиляк:—она не убита, не похищена, но только взята въ плѣнъ въ Сен-Кентенѣ, вмѣстѣ съ пятьюдесятью другими знаменитыми людьми, которые могли получить свободу выкупомъ. Но теперь, гдѣ тотъ, въ чьи руки попала госпожа де-Кастро, не объяснитъ, что она взята въ плѣнъ? Отъ-чего она сама не извѣстала своего положенія? этого я рѣшительно не знаю. Признаться, я думаю, что она уже освобождена, и надѣялся (но привѣдѣть въ Парижъ встрѣтить ее вѣдь, не только нынѣшнѣ утро

я услышалъ въ народѣ, что дворъ не знаетъ о судбѣ дофина короля, и что Генрихъ II не мало озабоченъ своею потерей. Выш- можетъ, въ эти смутныя времена, письма Дианы или дождутся не по назначенію, или пропадаютъ, быть-можетъ, также, что по этой медленности скрывается какая-нибудь тайна. Но и хоту расказать всё сомнѣнія объ этомъ предметѣ и сказать положительно, гдѣ въ чьихъ рукахъ теперь находится госпожа де-Кастри.

— Извѣстѣ, въ самомъ дѣлѣ, драгоцѣнное, сказалъ коннетабль. — Гдѣ же это мѣсто и кто этотъ человѣкъ?

— Подождите, сударь, отвѣчалъ Арно: — не угодно ли вамъ также узнать о виконтѣ д'Эксмѣ, потому что, если хорошо знать, гдѣ находятся наши друзья, то еще полезнѣе знать, гдѣ наши враги!

— Пожалуйста, безъ сентенцій, сказалъ Монморанси. — Гдѣ теперь д'Эксмѣ?

— Онъ также въ плѣну, отвѣчалъ Арно. — Кто, въ послѣднее время, не сидѣлъ въ тюрьмѣ? Это нынче въ большій модѣ, и виконтъ д'Эксмѣ, не отстающій отъ моды, попался въ плѣнъ.

— Но виконтъ можетъ уведомить о себѣ, прервалъ коннетабль. — У него есть друзья, деньги; онъ имѣетъ средства заплатить за себя выкупъ, и какъ-разъ упадетъ къ намъ на плечо.

— Правда ваша, сударь. Да, у виконта д'Эксмѣ есть деньги, онъ съ нетерпѣніемъ хочетъ вырваться на свободу, и ждетъ къ- возможно-скорѣе дать за себя выкупъ. Виконтъ даже проситъ въ Парижъ кого-то, привезти ему немедленно плѣну его свободы.

— Что жъ тутъ остается дѣлать? сказалъ Монморанси.

— Но, къ-счастію для насъ и къ-несчастію для него, продолжалъ Арно: — этотъ нарочный, посланный въ Парижъ, я и служилъ виконту д'Эксмѣ подъ своимъ настоящимъ именемъ Мартэна-Герра въ качествѣ конюшаго. Теперь вы видите, кто и могу быть конюшимъ по всей справедливости.

— И ты, негодяй, не исполнилъ возложеннаго на тебя порученія? сказалъ коннетабль. — Ты не досталъ денегъ для освобожденія своего господина?

— Напротивъ, сударь, я собралъ всю сумму: деньги не удалось вилать по землѣ. Притомъ, сами знаете, не брали деньги денегъ значило бы возбудить подозрѣнія. Я собралъ аккурратно сумму, необходимую для успѣха предпріятія. Но, будучи одиоко- ты: я долго не доставляю денегъ виконту. Эти самыя деньги вы- емъ это и даютъ мнѣ возможность провести остатокъ своей жи- зни благочестиво и честно, и я разсудилъ удержаться ихъ у себя, защищая свои права бумагою, которую, сударь, вы поджигаете.

— Я не подвину, бездѣльникъ! вскричалъ Монморанси. — Я сдѣлаюсь соучастникомъ вашего зловѣстнаго.

— О, сударь, зачѣмъ называть такія грубыя имена, необ- ходимости, которой я покоряюсь, желая оказать вамъ услугу? Изъ преданности къ вамъ, я заставилъ молчать свою совесть, и вы такъ-то награждаете меня!.. Хорошо! Отощаетъ эти жалкія ви-

кольцо д'Эксме, и она дается здѣсь въ одно время съ Діаною, если не прерветъ между-тѣмъ, какъ, если виконтъ не получитъ этой суммы.

— Если не получите, прервалъ коннетабль.

— Мы выиграемъ время. Господинъ д'Эксме, надо вамъ сказать, съ петербургскимъ ждетъ меня цѣлыя два недѣли. Но вѣдь нельзя же собрать къ назначенному сроку всѣ десять тысячъ эю, и дѣйствительно, я получила ихъ только сегодня утромъ отъ кассиеры виконта.

— И тебѣ она повѣрила, бѣдная женщина!

— Мать, кольцо и записку виконта, сударь. Потомъ, вѣдь она знаетъ меня въ лицо. Итакъ, виконтъ ждалъ два недѣли съ петербургскимъ, третью будетъ ждать съ безпокойствомъ, и четвертую безъ всякой надежды. Значитъ, черезъ мѣсяць или полтора, виконтъ д'Эксме отправитъ другаго посланнаго для отысканія перлага, котораго, я увѣренъ, трудно будетъ найти. Но если столько труда стоило собрать десять тысячъ эю, то другія десять тысячъ достать почти невозможно. А вы, между-тѣмъ, можете въ это время двадцать разъ женить своего сына, потому что виконтъ д'Эксме исчезнетъ, умретъ на два мѣсяца, и возвратится только въ слѣдующемъ году.

Но все-таки возвратится, сказалъ Монморанси: — и развѣ тогда онъ не задумаетъ узнать, что случилось съ его вѣрнымъ компаньономъ Мартеномъ Герромъ?

— Ему скажутъ, отвѣчалъ жалобно Арно: — что вѣрный Мартенъ Герръ, возвращаясь съ выкупомъ къ своему господину, къ несчастію, попалъ въ руки Испанцевъ, которые, по всей вѣроятности, ограбили его, и, чтобъ заставить его молчать, повѣсили его у дорогъ Нойона.

— Какъ, тебя повѣсятъ, Арно?

— И ужасно быль невѣщень, сударь. Видите, до чего дошло мое усердіе! Правда, то время, когда меня повѣсина, будутъ вѣсколко противоположные толки, но развѣ нельзя подумать, что разбойники-рейтары старались скрыть истину? Не задумывайтесь, сударь, все-таки скажу безстыднымъ Арно: — подумайте только, что я искусно притворилъ предосторожности, и что съ такими очевиднымъ доказательствомъ, какое я, въ вашу сіязельству, не надо ждать никакой опасности. Если благородный былъ бы истинно на землѣ, оно можно было съ собою приютить въ сврднѣ невѣщеньваре. Притомъ, еще разъ повторю, вы подтверждаете чистую истину: я давно служу вамъ, слуги ваши могутъ это подтвердить, и вы передавали мнѣ болѣе десяти тысячъ эю. Накривецъ, торжественно сказалъ влугъ: хотите ли, чтобъ я далъ вамъ респиску?..

Коннетабль не могъ не улыбнуться.

— Да; но если, негодяй, въ-послѣдствіи...

— Что за пустяки, прервалъ его Арно дю-Тиль: — вы не ра-

шаются только для формы, а что такое форма для высших умов?.. Подпишите, безъ отговорокъ.

Арно положилъ на столъ передъ глазами Монморанси бумагу, ожидавшую только подписи.

— Но сперва назови мнѣ городъ и человека, которому дарована пѣвицей Діану де-Кастро.

— Имя за имя, сударь; подпишите свое имя внизу бумаги, и вы узнаете другія.

— Хорошо, сказалъ Монморанси, и подписалъ свое имя на бумагѣ.

— А печать, сударь?

— Вотъ и печать. Доволенъ ли ты?

— Такъ доволенъ, какъ-будто вы подарили мнѣ десять тысячъ эку.

— Гдѣ же Діана?

— Въ рукахъ лорда Уэнтворта, въ Калѣ, сказалъ Арно, стараясь взять бумагу, которую коннетабль все еще не выпускалъ изъ рукъ.

— Еще одно слово, сказалъ онъ:—а виконтъ д'Эксмэ?

— Въ Калѣ, въ рукахъ лорда Уэнтворта.

— Значитъ, виконтъ и Діана видятъ другъ друга?

— Никогда, оударь; онъ живетъ у городского оружейника Пьера Пекуа, а г-жа де-Кастро въ домѣ губернатора. Виконтъ д'Эксмэ не знаетъ, что онъ живетъ такъ близко отъ своей красавицы. Въ этомъ я готовъ дать клятву.

— Я съѣду въ Лувръ, сказалъ коннетабль, отдавая бумагу.

— А я въ Артигъ, вскричалъ торжествующій Арно. — Желаете успеха, сударь! Постарайтесь быть коннетаблемъ не въ Жуанну.

— Желаю успеха, подлець! постарайся, чтобъ тебѣ въ будущемъ дѣлѣ не попасть на висѣлицу.

Они разошлись, каждый въ свою сторону.

X.

Оружіе Пьера Пекуа, веревки Жана Пекуа и слезы Бетты Пекуа.

Положеніе лицъ, которыхъ мы оставили въ Калѣ, въ продолженіе мѣсяца нисколько не перемѣнилось, къ крайнему ихъ сожалѣнію. Пьеръ Пекуа по-прежнему приготовлялъ оружіе; Жанъ Пекуа принялся ткать, и, въ свободное время, вялъ веревки для ны невроятной; Бабета Пекуа плакала.

Съ Габріелемъ сбилось, что предсказалъ Арно дю-Тилль; въ первые пятнадцать дней онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, но потомъ началъ беспокоиться.

Къ лорду Уэнтворту онъ ходилъ очень-рѣдко и оставался у него на самое короткое время. Они замѣтно охладѣли одинъ къ другому съ того дня, какъ Габріэль вмѣшался будто-бы въ семейныя дѣла губернатора.

Лордъ Уэнтвортъ съ каждымъ днемъ дѣлался печальнѣе. Впрочемъ, его беспокоили не три письма, посланныя, одно за другимъ, отъ короля французскаго, со времени отъѣзда Арифъ изъ Калѣ. Всѣ три письма, одно чрезвычайно-учтивое, другое довольно-колючее, третье наполненное угрозами, имѣли одну цѣль—возвратить свободу г-жѣ де-Кастрѣ посредствомъ выкупа, который предоставлено было назначить самому губернатору города Калѣ. Но на всѣ три письма губернаторъ отвѣчалъ одно: что онъ намѣренъ держать г-жу де-Кастрѣ, какъ заложницу, чтобъ, въ случаѣ необходимости, промѣнять ее на какого-нибудь важнаго плѣнника, или возвратить ее королю безъ всякаго выкупа по заключеніи мира. Губернаторъ былъ правъ, и, за своими крѣпкими стѣнами, пренебрегалъ гнѣвомъ Генриха II.

Но не этотъ гнѣвъ тревожилъ губернатора, хотя онъ и спрашивалъ у себя, какимъ образомъ король узналъ о судьбѣ Діаны; и въ, его беспокоило возраставшее равнодушіе его прекрасной дѣвицы. Ни покорность, ни услужливость не могли смягчить гордаго и презрительнаго вида г-жи де-Кастрѣ. Она по-прежнему была печальна, сохраняла свое спокойствіе и достоинство предъ страстнымъ губернаторомъ, и когда этотъ случайно начиналъ говорить ей о своей любви, Діана, уважая въ немъ права дворянина, бросала на него взглядъ печальный и въ то же время гордый, который разбивалъ сердце и оскорблялъ гордость бѣднаго лорда Уэнтворта. Губернаторъ до такой степени боялся услышать прощескій упрекъ изъ этихъ устъ прекрасныхъ и жестокихъ, что не осмѣливался говорить Діанѣ ни объ ея письмѣ къ Габріэлю, ни о попыткахъ короля возвратить свободу своей дочери.

Но Діана, не видя служанки, которая осмѣлилась передать ея письмо, поняла, что ей не удалась и эта отчаянная попытка. Однакожь, чистая и благородная дѣвушка не теряла мужества: она ждала и молилась, вѣряла себя Богу и готовилась умереть, въ случаѣ необходимости.

Габріэль, назначивъ себѣ ждать Мартѣна-Герра не далѣе послѣдняго числа октября, рѣшился идти къ лорду Уэнтворту, и просить у него, какъ величайшей услуги, позволенія отправить въ Парижъ другаго гонца.

Около двухъ часовъ, Габріэль вышелъ изъ дома Пекуа, гдѣ шеръ шлифовалъ шпагу, Жанъ крутилъ огромныя веревки, и гдѣ, въ нѣсколько дней, Бабета, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, ходила около него, не будучи въ состояніи выговорить ни слова, и отправился прямо къ дому губернатора.

Лордъ Уэнтвортъ долженъ былъ удалиться на нѣсколько минутъ

не к какому-то делу, и спросил Габриэля: поджидает ли теперь, — сейчас явится к его услугам.

Зала, въ которой были Габриэль, выходила окнами на двор. Габриэль подошел къ окну, взглянул, что дѣлается на дворе, машинально начал барабанить пальцами по стеклу. Вдруг он почувствовал у себя подъ пальцами черты, вырванный изъ стѣны аммиантъ колыханъ. Черты эти обратили на себя вниманіе Габриэля; онъ приблизился къ окну, рассмотрѣлъ ихъ, и впрямь чель на стеклѣ очень явственно написанными словами: *Дѣла — Д. Касперъ*.

Этой подписи не доставало на таинственной запискѣ, которую он получалъ въ прошлый мѣсяцъ.

У Габриэля потемнѣло въ глазахъ, и онъ принужденъ былъ, чтобъ не упасть, прислониться къ стѣнѣ. Предчувствіе не обмануло его! Диана, да, это была Диана, его невеста или сестра, которую развратный лордъ Уэнтвортъ держалъ теперь въ своей власти, и этому чистому и нѣжному созданію онъ осмѣливался говорить о своей любви!..

Габриэль деловитымъ движеніемъ положилъ руку на перила въ которой, на этотъ разъ, не было шпаци.

Въ эту минуту вошелъ лордъ Уэнтвортъ.

Габриэль, не произнося ни слова, подвелъ его къ окну и показалъ обвинительныя буквы.

Уэнтвортъ сначала поблѣднѣлъ, но тотчасъ оправился, всталъ собою въ высшей степени.

— Ну, что же? спросилъ онъ.

— Кажется, это имя вашей помѣщанной родственницы, которую вы принуждены беречь здѣсь, милордъ, сказалъ Габриэль.

— Можетъ-быть; продолжайте, гордо отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Если это такъ, милордъ, я знаю вашу родственницу... вероятно, очень дальнюю. Я видалъ ее въ Луврѣ и преданъ ей, какъ всякій французскій дворянинъ долженъ быть преданъ принципамъ французскаго королевскаго дома.

— Почему? спросилъ лордъ Уэнтвортъ.

— Потому, милордъ, я попрошу васъ дать мнѣ отчетъ въ имени обрѣденій съ такою высокою правдивостью!

— Но если я откажу вамъ въ этомъ отчетѣ, милостивый государь, такъ же, какъ я уже отказалъ французскому королю?

— Французскому королю! повторилъ изумленный Габриэль.

— Точно такъ, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ. — Англичанинъ, кажется мнѣ, не обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ иностранному государю, въ особенности, когда этотъ государь находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ его страной. И такъ, г. д'Экме, если бы я отказалъ вамъ, — слытъ?

— Я спросилъ васъ, милордъ, гошшо объяснитесь, вскричалъ Габріэль.

— И вы, быть сомнѣнія, надѣетесь, милостивый государь, продолжать губернаторъ:—убить меня, ни гаю, которую носите благодаря моему позволенію, и которую я имѣю право хотѣть отобрать отъ васъ?

— Милордъ, вскричалъ Габріэль, въ блѣнствѣ:—милордъ, вы заплатите мнѣ за это.

— Хорошо, милостивый государь, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:—и я не откажусь отъ своего долга, если вы заплатите мнѣ свой.

— Быть безсильнымъ въ ту минуту, когда я хотѣлъ бы имѣть силу десяти тысячъ человекъ! вскричалъ Габріэль, ломая себѣ руки.—О, это ужасно!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я очень сожалѣю, сказалъ лордъ Уэнтвортъ:—что приличіе и право связываютъ вамъ руки; но согласитесь, что военному пѣльнику и должнику было бы очень-легко уплатить долгъ и получить свободу, перерѣзавъ горло своему кредитору или неприятелю.

— Милордъ, сказалъ Габріэль, стараясь казаться спокойнымъ:—вамъ извѣстно, что, назадъ тому мѣсяць, я отправилъ въ Парижъ кошошаго за деньгами, которыя васъ такъ сильно беспокоятъ. Я не знаю, убить ли Мартэнъ-Герръ на дорогѣ, несмотря на вашу поборужію, или его обокрали, только дѣло въ томъ, что онъ не возвращается, и я хотѣлъ сію минуту просить у васъ позволенія—отправить кого-нибудь въ Парижъ, если вы не вѣрите честному слову дворянина и если бы не предлагали мнѣ отправиться самому за выкупомъ. Теперь, милордъ, я прошу у васъ этого позволенія, и вы не имѣете права отказать мнѣ, или, если угодно, я имѣю право сказать теперь, что бонтесь моей свободы и не смѣете отдать мнѣ моей шпаги.

— А, кому бы сказали вы это, милостивый государь, въ англійскомъ городѣ, находимемся подъ моимъ непосредственнымъ управленіемъ, и гдѣ на васъ должно смотрѣть какъ на дѣвчика и врага, спросилъ лордъ Уэнтвортъ?

— Я сказалъ бы это, милордъ, каждому человеку, кто только чувствуетъ и мыслитъ, каждому благородному сердцемъ или именемъ, вашимъ офицеромъ, знающимъ дѣла чести, даю вамъ работу, понимающимъ ее до инстинкту, и все согласился бы со мною, милордъ, что, отнимая у меня ередства выхлѣать отсюда, вы не заслуживаете чести—быть начальникомъ драбга вйска.

— Но вы не думаете, милостивый государь, холодно отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:—что прежде, нежели вы усмѣете бросить свои исполненія въ умъ моихъ солдатъ, я могу однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки бросить васъ въ тюрьму, гдѣ вы будете обивать меня предъ четырьмя стѣнами.

— Правда! проговорилъ Габріэль сквозь зубы и сжимая кулаки.

Человѣкъ, полный жизни и чувства, не могъ устоять передъ безстрастіемъ своего желѣзнаго соперника.

Одно слово смѣнило весь ходъ сцены и вдругъ восстановило равенство между Уэнтвортомъ и Габріелемъ.

— Любезная Діана! любезная Діана! повторялъ молодой, человѣкъ съ отчаяніемъ: — и я ничѣмъ не могу помочь тебѣ въ опасности...

— Что я слышу? спросилъ лордъ Уэнтвортъ, едва держась на ногахъ. — Кажется, вы ослышались: «любезная Діана». Иди мнѣ только послышалось?. Не-уже-ли и вы также любите г-жу де-Кастро.

— Да, я люблю ее! вскричалъ Габріэль. — Вы очень ее любите, но моя любовь столько же чиста и безкорыстна, сколько ваша недостойна и ужасна. Да, клянусь передъ Богомъ и ангелами, я обожаю Діану.

— Что же вы толковали мнѣ сію минуту о довери... короля французскаго и покровительствѣ, которое долженъ оказывать ей всякій дворянинъ? сказалъ лордъ Уэнтвортъ, видя себя съ удивленія. — А, вы любите ее! и, безъ-сомнѣнія, вы тотъ, кого она любитъ, о комъ она вспоминаетъ, когда хочетъ меня терзать! Любя васъ, она меня презираетъ. Безъ васъ, она, быть-можетъ, любила бы меня! А, значитъ, васъ она любитъ?

Лордъ Уэнтвортъ, за минуту говорившій съ насмѣшкою и пренебреженіемъ, смотрѣлъ теперь въ какомъ-то почтительномъ ужасѣ на того, кого любила Діана, и Габріэль, въ свою очередь оживленный словами своего соперника, мало-по-малу поднималъ голову; въ лицѣ его выражались радость и торжество.

— А, такъ она любитъ меня! вскричалъ онъ: — Діана еще думаетъ обо мнѣ! она, говорите, зоветъ меня! О, если такъ, если она зоветъ меня, я пойду, я подамъ ей помощь, я спасу Діану. Милордъ, берите мою шпагу, свяжите меня, бросьте въ темницу. Не смотря на васъ, на весь міръ, я найду средства ей помочь, потому-что она все еще меня любитъ, моя Діана! Она любитъ меня, и я васъ презираю; вы вооружены, у меня нѣтъ оружія, но я увѣренъ, что останусь вашимъ побѣдителемъ: для меня будетъ божественнымъ щитомъ любовь Діаны.

— Правда, я вамъ вѣрю, прошепталъ въ свою очередь лордъ Уэнтвортъ, совершенно уничтоженный.

— Не будетъ ли съ моей стороны слишкомъ великодушно, если я теперь васъ вызову на дуэль? продолжалъ Габріэль. — Позовите стражу и прикажите запереть меня въ темницу. Быть въ темницѣ возлѣ Діаны и притомъ въ одно съ нею время — и это для меня счастье.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Милостивый государь, сказалъ наконецъ лордъ Уэнтвортъ послѣ минутнаго раздумья: — кажется, вы просили, чтобъ я отправилъ въ Парижъ втораго генца за вашимъ выкупомъ?

— Я за рѣшъ и пришелъ къ вамъ, милордъ, съ рѣшъ Габріэль.

— И, наконец, вы упрекали меня, въ своемъ разговорѣ, продолжалъ губернаторъ: — что я не вѣрилъ вашему честному слову и не позволялъ вамъ ѣхать за полученіемъ денегъ для выкупа?

— Точно такъ, милордъ.

— Съ нынѣшняго дня вы можете ѣхать, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ: — и исполняю вашу просьбу; ворота Калѣ для васъ открыты.

— Понимаю, сказалъ Габріэль съ ироніей: — вы хотите удалить меня отъ Діаны. Но если я не соглашусь оставить, Кадѣ?

— Здѣсь господствую я, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: — и вы не можете ни отказывать моему требованію, ни соглашаться на него, но должны только повиноваться.

— Хорошо, сказалъ Габріэль: — я поѣду, милордъ; но, предупреждаю васъ, я не вполне доволенъ вашимъ великодушіемъ.

— Впрочемъ, я и не нуждаюсь въ вашей благодарности.

— Я поѣду, продолжалъ Габріэль: — но знайте, я не долго останусь вашимъ должникомъ и скоро вернусь, милордъ, чтобы разомъ расквитаться съ вами за все долги. И такъ — какъ въ то время я не буду вашимъ плѣнникомъ и вы не будете болѣе моимъ кредиторомъ — надѣюсь, что тогда ничто не помѣшаетъ моей цѣли встрѣтиться съ вами.

— Я могъ бы отказаться отъ этой битвы, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ выраженіемъ какой-то грусти: — я могъ бы отказаться, потому что выгоды наши неравны: если я васъ убью, она еще болѣе будетъ меня ненавидѣть; если вы меня убьете, она еще болѣе будетъ васъ любить. Не что за дѣло! Я принимаю предложеніе. Но, прибавилъ лордъ съ мрачнымъ видомъ: — вы не боитесь довести меня до какой-нибудь крайности? Когда все выгоды на вашей сторонѣ, скажите, не могу ли я употребить во зло правъ, которыя у меня еще остались?

— Богъ на небесахъ, а на землѣ дворянство всехъ странъ осудятъ васъ, милордъ, сказалъ задрожавъ Габріэль: — если вы отомстите подлостью тому, который не можетъ защищаться, и которого вы не можете побѣдить силою.

— Что бы ни было, милостивый государь, отвѣчалъ Уэнтвортъ: — но я не считаю васъ въ числѣ моихъ судей.

Послѣ минутной паузы, онъ прибавилъ:

— Теперь четвертый часъ, милостивый государь; въ семь часовъ запираютъ главные ворота; извольте приготовить къ этому времени все нужное для вашего отъѣзда изъ города. Я прикажу, чтобы васъ пропустили.

— Въ семь часовъ, милордъ, меня не будетъ въ Калѣ, сказалъ Габріэль.

— И замѣтите, произнесъ Уэнтвортъ: — вы никогда сюда не возвратитесь; даже, если вы убьете меня на дуэли за стѣнами этого города, и тогда страшитесь моей ревности! — и тогда вы не увидите г-на де-Кастро, потому что я новому здравья всѣ предосторожности.

Габриэль подошел бы к двери, но вдруг остановился. Вы общаете невозможное, милордъ, сказалъ онъ. — Я напро-
 мѣно увижу Дину Доловеръ и ни о чѣмъ — покуда явишь отъ васъ
 — Кляпсы вѣсти, что этого не будетъ, если вода губернатора и
 послѣднее значащее умирающаго имѣютъ, еще сколько-нибудь
 значенія.

— Не знаю, милордъ, какими средствами я достигну своей цѣ-
 ли, но только убѣжденъ: что достигну, сказалъ Габриэль.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, зайдите, Уайтвортъ
 съ прерываемою улыбки: — возьмите Калѣ, преступное. Средство
 довольно старинное, вѣрно — вѣрно, до того же амальгама.

Габриэль самъ малюсеньки шпунту. — Что вы скажете, милордъ, я ни о чѣмъ

— Дѣлаю Калѣ преступное, сказалъ онъ, рѣшился выйдти до-
 лосомъ. — До свиданія, милордъ!

Виконтъ Человинъ и вѣнцель, бардъ Уайтвортъ, сказали какъ
 оказавшійся, не зная, бояться ему или дохотать, когда у отъѣзда.

Габриэль немедленно возвратился въ домъ братьевъ Дену.

— Пьеръ! Неку! шли-скаль, ошнокъ ямака, Жашъ, барда, чурки на
 веревкѣ, Бабета вздыхала.

Визказавъ друзьямъ разговоръ свой съ губернаторомъ, Габриэль
 увѣдомилъ ихъ о своемъ немедленномъ отъѣздѣ, но не сиречь дѣ-
 лать ничего, даже не сиречь нѣсколько безразумствъ, какъ
 имперія, притѣснитъ ея, уходя отъ лорда Уайтвортъ.

— Теперь я пойду съ собою въ комнату, сказалъ Габриэль, — при-
 готовить все нужное къ отъѣзду, и, оставаясь вѣкъ, Дену — иди-ска-
 вать внаги, Жана крутить веревки, а Бабету — поддѣлать.

Габриэль, дѣйствительно, пошелъ въ свою комнату, и, когда
 приготовить все вещи для отъѣзда, теперь, получивъ свободу отъ
 важнѣйшей молодой человекъ свѣдѣлъ отлучиться въ Парижъ, для делъ
 своихъ своего отца, и потомъ возвратиться въ Калѣ для спасенія Дины.

Черезъ полчаса, выходя изъ своей комнаты, Габриэль встрѣтилъ
 на площадкѣ вѣнцель Бабету Пену.

— Вы идете, господинъ виконтъ? сказалъ Дина, — не сиречь,
 о чемъ я пишу?

— Идти, господинъ, потому что, надѣюсь, въ перестѣлку де-
 вать, когда-нибудь прѣду.

— Не потому надѣюсь, отвѣчала Бабета. — Зная, на счетъ
 на упрямъ губернатора, вы думаете, вернулись, на правду дѣ-
 ла.

— Я съ тобою гуверну, Бабета!

— И, надѣюсь, вы прѣдете со своимъ компаньонъ, Мартина-
 Герроу?

— Конечно, господинъ, я думаю, продолжала дѣвушка, — вы у-
 ренія, что встрѣтите Мартина Герроу въ Парижѣ? Онъ, на, баче-
 тившій, малюсенькъ, не правда ли? Онъ не уиракъ денегъ, знатно-
 шикъ для нашего купца? Онъ не имѣетъ ли денегъ?

— Идти, сказала Габриэль, удивленной, какъ въ перестѣлку

Правда! Мартынь — существо инстинктивное, особенно со времени того времени, ты немъ никакъ будешь живуть: два — вышвыль, одинъ — тихий и простодушный, другой — хитрый и беспокойный! Но въ старому это непостоянство характера — Мартынь — слуга вострый и дерзкий.

— И ты думаешь, спросила Бабета, что она сколько же способна обмануть женщину, какъ и своего господина?

— Вотъ на это, признаюсь, отвѣчать трудно, сказала Габриэль.

— Еще одна прелесть, сударь, продолжала, возбуждаясь, блѣдая Бабета! — не будете ли вы такъ добры, ни съглазеть, передать ему это кольцо? Онъ узнаетъ, отъ кого это кольцо (понте оно, значитъ).

— Я отдамъ это кольцо, Бабета, сказалъ удивленный Габриэль, вспомнивъ вечеръ наканунѣ отъѣзда, конюшного... (Я отдамъ кольцо, но не вѣста, которая посылаетъ его, зная блв.). (Итакъ, Мартынь — Герръ женатъ?)

— Женатъ! воскричала Бабета! — О, въ такомъ случаѣ, сударь, оставьте у себя это кольцо, бросьте его, но, не отдавайте ему.

— Но, Бабета...

— Благодарю васъ, сударь... прощайте, продолжала блѣдая дѣвушка.

Она побѣжала во второй этажъ, и едва вошла въ свою комнату, какъ безъ чувствъ упала на стулъ.

Подобравше и беспокойство въ первый разъ мелькнуло въ душѣ Габриэля; онъ задумчиво сѣлъ на деревянной лѣстницѣ старого дома братьевъ Пенуа, и встрѣтилъ на посаженной ступени Жана, который подошелъ къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Господинъ виконтъ, тихо сказалъ ему горючимъ голосомъ: — вы всегда спрашивали у меня, зачѣмъ я свиваю такіе длинныя веревки, въ я не путаю васъ уѣхать отсюда, особенно послѣ нашего дружескаго разставанья съ лордомъ Уэллвортомъ, пока вы не увидите марши! Связывая маленькими поперечными веревками двѣ дамскія и двѣ мужскія веревки, какія скручивалъ я, господинъ виконтъ можете получить огромную лѣстницу. Когда часовыи на городской стѣнѣ будутъ Пьеръ, исправляющій эту должность, въ продолженіе двадцати лѣтъ, или вашъ покорный Жанъ, лѣстницу можно будетъ перенести въ два раза на восьмьютольную башню, въ будку платформы, а потомъ, въ пасмурное декабрьское или январское утро, можно, стоя на часахъ, прицепить, для концы, — два конца лѣстницы къ желѣзнымъ зубцамъ стѣны, а два другіе опустить на триста футовъ въ море, гдѣ случайно можетъ стаять тогда какой-нибудь сильный челнокъ.

— Но послушай, мужественный Жанъ... прервалъ Габриэль.

— Довольно толковать объ этомъ, господинъ виконтъ, отвѣчалъ тихо. — Извините, что, разставаясь съ вами, я хотѣлъ оставить въ васъ воспоминаніе о преданномъ вамъ слугѣ, Жанѣ Пенуа. Возьмите еще вотъ этотъ рисунокъ, каковъ онъ ни есть: адиса вы увидите планъ стѣны и укрѣпленій Кале. Я составилъ этотъ рисунокъ послѣ стѣны безконечныхъ драгудокъ, которые и тогда васъ

очень удивляли. Спрячьте его подъ камзолѣмъ, и прошу васъ, ради нашей дружбы, посматривайте иногда на этотъ рисунокъ, когда будете въ Парижѣ.

Габріэль хотѣлъ еще разъ прервать слова Жана, но тотъ не далъ ему времени говорить, и, сжимая руку, которую подалъ ему молодой человекъ, удалился, сказавъ:

— До свиданія, г-нъ д'Эксмэ; у воротъ ожидаетъ васъ Пьеръ; онъ хочетъ съ вами проститься и доложить то, чего я не могъ досказать.

Пьеръ стоялъ передъ домою, держа за поводья лошадь Габріэля.

— Благодарю васъ за радушный пріемъ, сказалъ ему виконтъ д'Эксмэ. — Въ непродолжительномъ времени я пришлю вамъ, если не принесу, деньги, которыя вы мнѣ одолжили. Вы прибавите къ нимъ порядочное награжденіе вашимъ работникамъ, а пока потрудитесь передать отъ меня вашей любезной сестрѣ этотъ алмазный перстень.

— Беру для нея, г-нъ виконтъ, отвѣчалъ оружейникъ: — но съ условіемъ, чтобъ и вы приняли отъ меня рожокъ, который я привѣсилъ къ вашему сѣдлу. Я самъ сдѣлалъ этотъ рожокъ, и узнаю звукъ его даже при стои́ бурнаго моря, какъ это случалось не рѣдко, въ пятое число каждаго мѣсяца, когда я, отъ четырехъ до шести часовъ утра, стоялъ на караулѣ на восьми-угольной башнѣ, построенной при морѣ.

— Благодарю, сказалъ Габріэль, сжимая руку Пьера, съ выраженіемъ, которое доказывало оружейнику, что его поняли.

— Что касается до оружія, удивляющаго васъ своимъ множествомъ, продолжалъ Пьеръ: — признаюсь, я и самъ начинаю раскисать, что оставилъ у себя такую пропасть этого товара, потому что, если Калé будетъ когда-нибудь осажденъ, партія, вѣрная Франціи, завладѣетъ этимъ оружіемъ, и въ самомъ городѣ можетъ произвести опасныя опустошенія.

— Правда, сказалъ Габріэль, еще крѣпче сжимая руку достойнаго гражданина.

— Затѣмъ, г-нъ д'Эксмэ, желаю вамъ счастливаго пути и успѣха, произнесъ Пьеръ. — Прощайте, до скорого свиданія.

— До свиданія! сказалъ Габріэль.

Онъ обернулся, и въ послѣдній разъ сдѣлалъ рукою прощальный знакъ Пьеру, стоявшему на порогѣ, Жану, наклонившему голову къ окну перваго этажа, и даже Бабетѣ, которая смотрѣла на отъѣзжающаго изъ-за шторы втораго этажа.

Потомъ Габріэль далъ лошади шпоры, и она поскакала галопомъ.

Лордъ Уэнтвортъ уже успѣлъ отдать приказаніе у воротъ Калé; плѣнника пропустили безъ всякихъ затрудненій, и онъ скоро выѣхалъ на парижскую дорогу, одинъ, съ тоскою и надеждами.

Удастся ли ему освободить своего отца, по прибытіи въ Парижъ? Освободитъ ли онъ Діану, возвратясь въ Калé?

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ-ШТАТЫ.

Статья первая.

Географическое обозрѣніе Соединенныхъ-Штатовъ. — Богатство произведеній. — Основаніе колоній. — Отношенія ихъ къ Англіи. — Война съ Франціею. — Ограниченіе торговли. — Штатный уставъ. — Первое собраніе штатовъ. — Распри въ парламентѣ. — Постановленіе о торговлѣ чаемъ. — Возмущенія въ Бостонѣ. — Положеніе конгресса 1774 года. — Начало войны за независимость. — Вашингтонъ, предводитель республиканской арміи; образъ его дѣйствій. — Отношенія Франціи къ Англіи и къ Соединеннымъ-Штатамъ. — Успѣхи Американцевъ. — Миръ съ Англіею 1782 года. — Дѣйствія Вашингтона, избраннаго президентомъ. — Конституція Соединенныхъ-Штатовъ. — Вторичное избраніе Вашингтона. — Джонъ Адамсъ. — Томасъ Джефферсонъ. — Заслуги его и характеръ. — Партія федералистовъ и республиканцевъ. — Приобрѣтеніе Луизианы. — Слава Джефферсона и послѣдніе дни его.

Нать страны на земномъ шарѣ, которая возбуждала бы столько противоположныхъ мнзній, столько разнообразныхъ толковъ, какъ Северо-Американскіе Соединенные-Штаты. Одни представляютъ эту страну какииъ-то обыванныиъ краемъ, поприщемъ не стъсненнаго посторонними условіями развитія человеческого общества; другіе же, напротивъ, описываютъ ее самыми черными красками, порицаютъ все, начиная съ климата, поражающаго различныя болъзни, и оканчивая демократическимъ правленіемъ, происшедшимъ будто-бы отъ безначалія; они видятъ тамъ только борьбу партій, раздробленіе сектъ, равнодушіе къ искусствамъ и наукамъ, безмярную страсть къ богатству, всегда

тревожное, корыстное стремление къ матеріальнымъ благамъ, исключющее всякую духовную дѣятельность, отсутствіе истины и восприимчивости высшаго образованія, недостатокъ исторіи и всѣхъ великихъ поэтическихъ воспоминаній и пр., и пр., и пр. Все это вмѣстѣ произвело самое сбивчивое, превратное понятіе о Соединенныхъ-Штатахъ. Но такъ-какъ дѣятельность этого государства имѣетъ огромное вліяніе на современное человѣчество, то мы рѣшились представить въ нашей журналѣ безпристрастный очеркъ этой любопытной страны, который бы далъ читателямъ нашимъ болѣе точное о ней понятіе. Главнымъ источникомъ статьи нашей служила книга Раумера: *Die Vereinigten Staaten von Nordamerika* (Два части. Лейпцигъ. 1845). Въ вѣрности описанія ручается имя автора, знаменитаго своими историческими трудами и соединяющаго съ глубокимъ взглядомъ историка тонкую наблюдательность внимательнаго путешественника. Сверхъ-того, мы заимствовали въкоторыя подробности изъ слѣдующихъ книгъ: 1) «*Beiträge zur Charakteristik der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika*». Von Dr Wilhelm von Grieson. Hamburg. 1844. 2) «*Travels in North-America*». By Charles Lyell. Два тома. Лондонъ. 1845. 3) «*Narrative of the United States Exploring Expedition during the years 1838—1842*». By Charles Wilkes. Пять томовъ. 1845.

Географическое состояніе и историческое развитіе Соединенныхъ-Штатовъ будутъ предметомъ нашей первой статьи.

Вся земли Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ отъ южной оконечности Флориды до сѣверной оконечности Мены лежатъ на протяженіи 24 градусовъ широты, т. е. 360 географическихъ миль, что равняется разстоянію отъ Неаполя до Дронтгейма (въ Норвегіи) или, принимая мѣста, лежащія подъ соответствующими градусами широты, разстоянію отъ Берна до Фивъ (въ Верхнемъ-Египтѣ). Самое большое протяженіе ихъ отъ востока къ западу заключается между восточною границею штата Мены, подъ 45° сѣверной широты, до устья рѣки Колумбіи въ Тихомъ-Морѣ, т. е. болѣе 50 градусовъ долготы. Самое большое протяженіе отъ востока къ западу равняется разстоянію, заключающемуся между восточною границею Европейской Россіи и западнымъ берегомъ Ирландіи. По причинѣ обширнаго пространства, занимаемаго Соединенными-Штатами, и малозвѣстности некоторыхъ земель, поверхность ихъ у разныхъ писателей полагается различная; принимая среднее число этихъ различныхъ вычисленій, можно положить ее въ 112,000 географическихъ квадратныхъ миль (*), то-есть, пространству въ десять или одиннадцать разъ болѣе Франціи.

(*) Дарби въ своемъ «*View of the United States*» полагаетъ поверхность въ 2,287,000 квадратныхъ англійскихъ миль или $\frac{1}{10}$ всей земной поверхности; Тукеръ въ 2,369,000. Не возможно опредѣлить, которое исчисленіе вѣрнѣе, до-тѣхъ-поръ, пока границы Ореговской-Области не будутъ точно опредѣлены.

Разсматривая морскіе берега Соединенныхъ-Штатовъ, мы видимъ, что западный берегъ не имѣетъ никакого значенія, потому-что по немъ стелется Орегонская-Область, которая, по всемъ вѣроятностямъ, долго еще не будетъ заселена. Тамъ важнѣе берега Атлантическаго-Моря; они определяются четырьмя вдающимися въ твердую землю заливами различной величины. Первый простирается отъ рѣки Сабинны (на граница съ Техасомъ) до южной оконечности Флориды; второй отсюда до мыса Гаттераса въ Сѣверной-Каролинѣ; третій, до мыса Кода, въ Массачусеттѣ; четвертый, до губы Пассамакводи, на границѣ Мены и Новаго-Брауншвейга. Сѣверные заливы, по своимъ гаванямъ, удобнѣе южныхъ, и это имѣло существенное вліяніе на развитіе Соединенныхъ-Штатовъ. Только Новый-Орлеанъ, при устьѣ Миссисиппи, имѣетъ величайшую важность въ торговомъ отношеніи и Мобиль при устьѣ Алабамы также имѣетъ большое значеніе. Можно упомянуть также Сент-Огюстинъ въ Флоридѣ, Саванну въ Георгіи, Чарлстоунъ въ Южной-Королинѣ; но всѣ они далеко не имѣютъ важности Балтимора, Филадельфіи и Нью-Йорка. Бостонъ до-сихъ-поръ составляетъ главную гавань Сѣвернаго-Залива. Морской берегъ отъ Флориды до Нью-Джерзи представляетъ неизменную, большую частію болотистую и песчаную страну, которая при обработываніи требуетъ постояннаго вниманія и неутомимой дѣятельности; къ западу отъ этихъ береговъ возвышаются горы Аллегани, дробящіяся на различныя цѣпи, пересѣченныя потоками и отдѣляющія восточный берегъ отъ обширной рѣчной долины—Миссисиппи. Далекъ, по ту сторону этой рѣки, воздымаются высокія, остроконечныя вершины Скалистыхъ-Горъ и за ними къ Верхнему-Миссури тянется пространная, покрытая солончаками степь, напоминающая пустыни африканскія. Высочайшія вершины Аллегани находятся въ Нью-Гемпширѣ и измѣняются между 3, 4 и 7 тысячъ футовъ; но высочайшія горы Сѣверной-Америки находятся при истокахъ Колумбіи и имѣютъ до 16 тысячъ футовъ; огнедышащихъ горъ нѣтъ между ними, но въ самомъ наружномъ видѣ ихъ нѣрѣдко видны слѣды вулканическихъ переворотовъ. Горы Сѣверной-Америки далеко уступаютъ горамъ Южной; но за то озера Сѣверной не имѣютъ подобныхъ себѣ на земномъ шарѣ. Мы назовемъ пять величайшихъ: *Онтарио* имѣетъ поверхности 582 мили, *Эриэ* 397, *Гуриново* 760, *Мичиганъ* 744, *Верхнее* 1800. Глубина ихъ большую частію весьма-значительна, такъ-что во многихъ мѣстахъ на 1800 футовъ не доставали дна; въ-слѣдствіе этого они, вмѣстѣ съ ихъ стокомъ (Рѣкою-Св.-Лаврентія), по приблизительному вычисленію содержатъ въ себѣ половину всей прѣсной воды на землѣ. Они окружены со всѣхъ сторонъ холмами и песчаными берегами. Дно озеръ Мичигана и Гуринова на треста футовъ ниже уровня моря, а водная поверхность на 618 футовъ выше его. Стокъ этихъ колоссальныхъ водныхъ бассейновъ составляетъ текущая съ запада къ востоку Рѣка-Св.-Лаврентія. Верховье ея находится такъ близко къ верховью Миссисиппи, и они отдѣлены горами на такое малое пространство, что при высокой водѣ суда въ 70, 80 тоннъ приходятъ чрезъ Иллинойсъ въ Миссисиппи. Прямивъ на колоссальномъ потокѣ св. Лаврентія идетъ вверхъ до 400

англійскихъ миль, такъ-что корабли въ 600 тоннъ достигаютъ Монреа и льнейные Квебека.

Не смотря на то, что бассейнъ Рѣки-Св.-Лаврентія превосходитъ бассейны всѣхъ европейскихъ рѣкъ, онъ уступаетъ бассейну Миссисипи и еще болѣе Миссури. Первая беретъ начало почти подъ 48° северной широты, 95° западной долготы отъ Ферро, вторая подъ 43° северной широты и 110° западной долготы. Несправедливо терять свое Миссури при стеченіи своемъ съ Миссисипи, потому-что она, соединенія ихъ, протекаетъ пространство, равное всему потоку послѣдней (*). Еслибъ она сохранила свое имя, то она цѣлою четверткою превзошла бы Amazonскую-Рѣку и была бы величайшею рѣкою на всемъ шарѣ. До соединенія съ Миссисипи, она протекаетъ пространство въ семьсотъ тридцать миль; следовательно, на этомъ пункта она уже въ 6 разъ болѣе Роны. Соединясь съ Миссисипи, она течетъ отъ сѣвера югу такими извилинами, что трудно вычислить ея настоящую длину (она принимаютъ до двухъ сотъ рѣкъ, и гидрографическая область неограничена). Еслибъ изъ Сосновыхъ-Горъ вытекалъ потокъ и впадалъ въ море въ африканскомъ королевствѣ Феццанъ, то и тогда бы длина была менѣе Миссури и едва-бы только равнялся Миссисипи.

Между всеми притоками Миссисипи самый значительный *Ouisconsin*, и бивающій путь свой между горами; со всѣмъ тѣмъ скатъ его на просторнѣи тысячи англійскихъ миль понижается едва-ли на четыре фута, такъ-что неудобства плаванія при низкой водѣ легко могутъ быть устранены искусственными средствами.

Если всѣ эти и другіе исполнискіе потоки Сѣверной-Америки, пріятны по обширнымъ, однообразнымъ равнинамъ, представляютъ живописныхъ видовъ, за то они дѣютъ вѣрные средства для соединенія обширныхъ земель и служатъ превосходными путями для ежедневныхъ-возрастающихъ торговыхъ оборотовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Сѣверной-Америкѣ, подъ одними градусами широты съ Европою, лѣто гораздо теплѣе, зима холоднѣе. Къ этому общему замѣчанію, весьма-важному для жизни, торговли и мореплаванія, мы присовокупимъ нѣсколько подробностей, преимущественно о климатѣ Соединенныхъ-Штатовъ.

Гудсоновъ-Заливъ, находящійся подъ одною широтою съ Балтійскимъ Моремъ, покрытъ льдомъ даже въ продолженіе лѣта; въ Нью-Йоркѣ (подъ одною широтою съ Мадритомъ и Неаполемъ) зима и лѣто должны длиться въ общей сложности 164 дня; а Делаваръ замораживается пять или на шесть недель въ году. Въ Нью-Йоркѣ господствуютъ зима Рима и зима Копенгагена, въ Квебекѣ лѣто Парижа и зима Петербурга.

(*) *Nort Amer. Review* 1823. Стр. 60.

(**) См. *Encyclop. Americana*, статья *Missouri*, гдѣ длина этой рѣки до устья Мексиканскомъ-Заливѣ исчислена въ 4400 англійскихъ миль. Дюроа и Кларкъ полагаютъ выше Сен-Луи теченіе ея въ 3096 миль.

Въ северныхъ частяхъ Соединенныхъ-Штатовъ (*), средняя температура зимею около 45° по Фаренгейту, въ южныхъ—68°. Въ южныхъ, различіе температуры лѣтомъ и зимою весьма-малое, въ северныхъ огромное; такъ, на-примѣръ, въ Южной-Флоридѣ она состоитъ изъ 11°, въ северномъ форте Снеллинга изъ 56°. На Key-West, южной оконечности Флориды, средняя температура зимою имѣетъ 70°, лѣтомъ 81° по Фаренгейту. Въ Снеллинга зимою 16°, лѣтомъ 72°. Въ-продолженіе іюля, жаръ сильнѣе въ Снеллинга почти пятью градусами. Въ Квебекъ, термометръ зимою показываетъ 30° ниже нуля, лѣтомъ 95° выше его. Въ высшей части Орегонской-Области, термометръ при восхожденіи солнца стоитъ иногда на 18°, въ полдень на 92°; самое обыкновенное различіе температуры 40°; въ Алабамѣ различіе это бываетъ въ одинъ день до 50° (**).

Не смотря на столь огромную разницу въ температурѣ, климатъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ странъ по берегу моря и болотъ) не вреденъ для здоровья, или вредное вліяніе его уменьшается съ развитіемъ земледѣлія и съ принятіемъ мѣръ предосторожности. Это доказываются таблицою смертности, обнародованною въ 1835 г. Соединенными-Штатами (**).

Тамъ было отъ 80 до 90 лѣтъ 33,517 человекъ.

90 — 100 —	4,477	—
100 и болѣе —	508	—

Если, относительно добыванія благородныхъ металловъ, Северная-Америка стоитъ ниже Южной, за то она изобилуетъ всеми полезными и вообще употребительными произведеніями минеральнаго царства. Такихъ образомъ въ ней:

Платины — вовсе нѣтъ.

Серебра — очень-мало.

Золота — нѣсколько болѣе, особенно въ Георгіи и Южной-Каролинѣ (****) къ востоку отъ горъ.

Мѣдь въ изобиліи на Верхнемъ-Озерѣ и во многихъ мѣстахъ долины Миссиссиппи.

Свинца, въ огромномъ количествѣ по близости озеръ и въ областяхъ Миссури и Арканзаса.

Железо, въ изобиліи въ Новой-Англіи, въ Нью-Йоркѣ, Огіо, Пенсильваніи, Виргиніи, Теннесси.

Соль, во множествѣ въ Иллиноисѣ, Нью-Йоркѣ, Массачусетсѣ, Виргиніи, Кентуки, въ Миссури и другихъ мѣстахъ; сверхъ-того, еще значительное количество привозится изъ чужихъ краевъ.

Каменный уголь во многихъ мѣстахъ и въ огромномъ количествѣ, на-примѣръ, въ Пенсильваніи, Виргиніи, Иллиноисѣ, Миссури, Индіанѣ и т. д. Уже рудники его въ Питтсбургѣ, кажется, неисчерпаемы.

(*) Long. Seconde expedition II. 446. Poussin, Puissance Americaine II, 200.

(**) Derby, View of the United States 389. Buckingham, South States I, 243.

(***) Americ. Alm. 1835. Стр. 91.

(****) Transactions of the Geologicals Society of Philadelphia, I, 16.

Царство растений господствовало и господствует въ Америкѣ въ двухъ огромныхъ формахъ, *лесахъ* и *лугахъ*. *Леса* простираются отъ Рѣки-Св.-Лаврентія до Мексиканскаго-Залива чрезъ равнины, скаты и горы. Въ Европѣ невозможно составить себѣ понятія о величинѣ и красотѣ американскихъ лесовъ; во Франціи насчитываютъ тридцать-семь родовъ деревьевъ, которыя достигаютъ ста-тридцати футовъ; въ Америкѣ же находится сто-тридцать родовъ выше этой мѣры: они производятъ въ изумленіе путешественника разнообразіемъ своего роста и вѣтвей; особенно же прекрасны и великолѣпны причудливыя краски осеннихъ листьевъ. Истребленіе лесовъ, которымъ ознаменовались первые поселенія, съ каждымъ днемъ становится рѣже съ-тѣхъ-поръ, какъ удобство сообщеній возвысило цѣнность леса.

Лука (prairies), эти безконечныя моря зелени (къ юго-западу отъ большихъ озеръ и по берегамъ Миссисиппи, Миссури, Иллиноиса и др. почти совершенно безлесны, въ-слѣдствіе великихъ естественныхъ или насильственныхъ измѣненій. Некоторые предполагаютъ (*), что леса, находившіеся на лугахъ, выгорѣли: но противъ этого мнѣнія говоритъ совершенное отсутствіе всякаго слѣда пожаровъ; почти несомнѣнно, что луга по берегамъ Иллиноиса и около Чикаго произошли отъ обмеленія воды и составляютъ ложа высохшихъ озеръ: лѣтомъ 1844, при разлитіи Миссисиппи, водамъ этой рѣки не доставало нѣсколькихъ футовъ высоты, чтобъ преобразить ихъ въ озера. Поверхность луговъ совершенно-ровная или волнообразная, отъ-чего они похожи на гладкую или изволнованную поверхность зеленого моря. Къ этому цвѣту присоединяется необыкновенная прелесть самыхъ разнообразныхъ и блестящихъ цвѣтовъ, гдѣ весною господствуетъ красный, лѣтомъ снѣгій, осенью желтый. На болотистыхъ полосахъ водится множество морскихъ птицъ; по сухимъ падутся безчисленныя стада буйволовъ, и вездѣ, неглубоко подъ землею, находится вода, удобная для питья. Гораздо-легче воздѣлывать эти луговые пространства, окруженныя по сторонамъ кустарниками, чѣмъ срубать исполинскія деревья дѣственныхъ лесовъ; сверхъ того, луга представляютъ всѣ удобства для устройства дорогъ, каналовъ и желѣзныхъ шинъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ болотистыхъ и бесплодныхъ мѣстъ по берегу Атлантическаго-Океана и обширныхъ степей, лежащихъ по ту сторону Утесистыхъ-Горъ, вся почва Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ удобна для воздѣлыванія и отличается необыкновеннымъ плодородіемъ. Удаленіе дикихъ звѣрей и размноженіе домашнихъ животныхъ, неразлучныхъ спутниковъ человека, есть уже огромное приобрѣтеніе; а уменьшеніе растений не большая потеря, потому-что за необходимое при первыхъ поселеніяхъ истребленіе лесовъ, вознаграждаютъ богатые рудники желѣза и каменнаго угля. Даже въ самомъ сѣверномъ штатѣ Мень, возрастаетъ все необходимое для жизни, и на всемъ пространствѣ Флориды и Луизианы почва производитъ столько разнообразныхъ

(*). См. Lewis and Clarke travels. III.

предметовъ, что Соединенные-Штаты могутъ существовать собственными силами и довольствоваться одною внутреннею торговлею; но Северо-Американцы не усвоили себѣ этой не-философской и непрактической идеи отъ-того, естественно, заняли второе мѣсто между всемірно-торговыми государствами.

Цѣль нашей статьи представить читателямъ весь отличительный чертъ современнаго быта северо-американской республики; но для этого необходимо бросить взглядъ на исторію ея, безъ которой невозможно оставить себѣ точнаго понятія, какимъ образомъ достигла она той степени могущества и благосостоянія, на которой находится въ наше время.

Едва Колумбъ, своимъ великимъ открытіемъ, расширилъ кругъ дѣятельности человѣчества, все народы, занимавшіеся мореплаваніемъ, старались участвовать въ пріобрѣтеніи новыхъ земель. Испанецъ Понсе де-Леонъ (*) присталъ къ Флоридѣ въ 1512 году. Сото проникъ въ 1541 до Миссисиппи; въ 1565 Испанцы основали Свѣт-Огюстенъ во Флоридѣ, самый старыи городъ Соединенныхъ-Штатовъ; но при этомъ случаѣ изъ религіозной ненависти истребили колонію французскихъ пугенотовъ.

Въ 1524 году, Вераццани первый предпринялъ путешествія изъ Франціи къ берегамъ северо-американскихъ независимыхъ земель. Картье былъ въ 1535 на Рѣкѣ-Св.-Лаврентія, а Шампленъ въ 1605 проникъ еще далѣе.

Предпріятія Англичанъ были обширнѣе и значительнѣе. Джонъ Каботъ, венеціанскій купецъ, проживавшій въ Бристолѣ, получилъ (5-го марта 1495 г.) отъ Генриха VII привилегію на открытіе и занятіе земель. 24 июня 1497 г. достигъ онъ твердой земли (Колумбъ достигъ ее 1498, Америкъ въ 1499) подъ 56 градусомъ северной широты и объѣхалъ берегъ до 38 градуса. Въ 1517 г., сынъ Кабота, Себастьянъ, искалъ северо-западнаго проѣзда, и при этомъ случаѣ проникъ до Гусонова-Залива. Путешествія и опустошительные походы Дрека (1577—1580) не имѣли большаго успѣха, и какъ ни велики были смѣлость и мужество, которыя обнаружилъ Ралегъ (въ 1584) при основаніи колоніи, названной Виргиніею въ честь королевы Елизаветы, 20 лѣтъ прошло еще прежде, чѣмъ возникъ Джамс-таунъ, старѣйшій изъ городовъ англо-американскихъ. Но въ это время вообще неудачны были попытки иностранцевъ: между ними было гораздо-болѣе искателей золота, джентльменовъ или празднолюбцевъ, чѣмъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Большая часть ихъ искала не труда, а легкаго и скорого пріобрѣтенія. О перевозѣ работниковъ въ Виргинію много заботился Джонъ Смитъ, которому такъ много обязана колонизація Виргиніи: онъ первый понялъ, что трудъ — единственный путевоодитель къ благосостоянію новыхъ колоній, и постоянно требовалъ изъ Англіи земле-

(*) См. «Отеч. Записки» 1845, томъ XXXVIII, «Герм. Лит.» Digitized by Google

дальцевъ и ремесленниковъ. Читатели нашего журнала, вѣроятно, помнятъ интересную биографію этого замѣчательнаго человека (*).

Въ первыхъ двухъ привилегіяхъ, данныхъ обществу колонистовъ, обозначены были только обоюдныя права ихъ и короля. Прежде всѣхъ въ 1619 г. штатгальтеръ Ирлей (Yeardley) смѣло созвалъ представительное собраніе, и въ 1621 году упомянутое общество утвердило въ Лондонѣ государственное постановленіе, сходное съ англійскимъ. Общество назначало штатгальтера и членовъ совета (Council); законодательная власть перешла въ руки собранія, въ которомъ заседали назначенные обществомъ совѣтники и по два уполномоченныхъ изъ каждой колоніи. Штатгальтеру принадлежала власть отрицательная, въ родѣ *вето* римскихъ трибуновъ. Право и судъ присяжныхъ были заимствованы изъ Англіи.

Въ 1623 г., король Іаковъ прекратилъ привилегію общества, но права Виргиніи не были уничтожены; впрочемъ, попытки Іакова и Карла I совсѣмъ уничтожить собраніе не удалось, и послѣднему также мало удалось намѣреніе его присвоить себѣ монополію табачной торговли. Когда, въ 1642 г., Англія потребовала общей торговой монополіи, Виргинія отвѣчала ей: «свобода торговли есть жизнь и кровь государства». И въ-послѣдствіи въ этой области никогда не могли ввести во всей строгости англійскій актъ мореплаванія.

Кромель относительно колоній дѣйствовалъ съ благоразуміемъ и умеренностію; но, по возстановленіи Карла II, скоро обнаружилась церковныя и политическія притязанія, которыя повели къ частымъ мятежамъ. При такихъ обстоятельствахъ, штатгальтеръ Беркеллъ прибѣгалъ къ жестокимъ наказаніямъ, за что Карлъ II на словахъ порицалъ его, но на дѣлѣ нисколько не думалъ возобновить привилегію колоній. Съ переменною пріемлемою въ Англіи, при Вильгельмѣ III, измѣнилось многое и въ Виргиніи.

Изгнанные католики основали Мэрилэндъ (Maryland) подъ руководствомъ Георга Кальверта и сына его Сесіи Кальверта, лорда Балтимора; новая колонія была почти независима отъ Англіи и образовала представительное правленіе; въ то же время, эти переселившіеся католики подали первый примѣръ общей религіозной терпимости. Въ 1650 году, лордъ Балтиморъ созвалъ 12 человекъ для образованія верхней палаты и изъ каждаго графства по четыре человека для нижней палаты. Въ 1660 году, Мэрилэндъ вступилъ во все права политической самостоятельности, основанной на практическомъ примѣненіи ученія о господствѣ народа, и въ 1692 г. вліяніе лорда Балтимора было почти уничтожено.

Подобно тому, какъ Мэрилэндъ возникновеніемъ своимъ обязанъ былъ нетерпимости противъ католиковъ, такъ и колонія въ Новой-Англіи обязана бытіемъ своимъ преслѣдованіямъ протестантскихъ диссентеровъ и пуританъ. Само собою разумѣется, что изгнанники почитали свои идеи вѣрными и старались оградить себя строгими законами.

(*) Все это заимствовано нами изъ исторіи Бенкрофта.

Карль I, стараясь избавиться отъ безпокойныхъ пуританъ, покровительствовалъ здѣшнихъ переселенцевъ больше, чѣмъ виргинскихъ; крайней-мѣрѣ, въ-слѣдствіе привилегій, данной массачусетской торговой компаніи, съ 1629 года развилась мало-по-малу конституція съ представительными формами, основанными на демократіи.

Въ смыслѣ этой политической свободы, Роджеръ Уильямсъ, потребовавъ и религиозной терпимости, сказалъ: «никакое исповѣданіе, никакое иваніе не должны терпѣть преслѣдованія. Ересь должна оставаться безъ утѣсненія со стороны закона, а православію не должны покровительствовать наказанія». Пуритане на это отвѣчали: «Государство должно искоренять всякое заблужденіе». Уильямсъ, человекъ истинно-благочестивый, благородный и чуждый эгоизма, потерпѣлъ за свои идеи преслѣдованіе, изгнаніе и бѣдствія всякаго рода; но послѣ (1638) сдѣлался основателемъ и законодателемъ Родѣйленда, гдѣ съ демократическими постановленіями соединена была совершенная религиозная свобода.

Въ Бостонѣ, главномъ городѣ Массачусетса (основанномъ въ 1630 г.), продолжались религиозныя распри и повели къ изгнанію католиковъ, иезуитовъ и квакеронъ.

Въ 1629 году возникъ Нью-Гемпшаръ, въ 1636 году Коннектикутъ; въ обоихъ развилась республиканскія учрежденія. Карль I и его министры (Страффордъ и Лодъ), не смотря на всѣ старанія, не могли привести въ исполненіе своихъ государственныхъ и церковныхъ постановленій въ Новой-Англіи. Въ одномъ прошеніи этой колоніи сказано было: «намъ позволено жить въ пустыняхъ, и мы надѣемся, что король и его совѣтники будутъ къ намъ такъ милостивы, что предоставятъ насъ волѣ Божіей». Съ-тѣхъ-поръ, Новая-Англія, оставленная въ покоѣ королемъ, отстояла свою независимость отъ притязаній «долгаго-парламента» и продолжала свободно развиваться при управленіи Кромвеля. Но и по ту сторону Атлантическаго-Моря церковныя волненія метрополіи нашли отголосокъ. «Вѣра» повторили многіе: «не должна равнодушно терпѣть заблужденій. Много-богослуженіе (polyriety) есть величайшее безбожіе (impiety), и только грубое невежество можетъ «требовать свободы совѣсти».

Въ 1662 году, Коннектикутъ и Родѣйлендъ получили новыя привилегіи, которыми упрочена была независимость городовъ, дозволено избраніе всѣхъ чиновниковъ, расширенъ кругъ религиозной терпимости и весьма ограничено вліяніе короля и метрополіи.

Многіе предметы, о которыхъ едва-ли думали въ другихъ мѣстахъ: состояніе нащихъ, устройство дорогъ, статистическія свѣдѣнія о рождевіи и смертности, и тому подобныя (*), были разсматриваемы и обсуживаемы въ Сѣверной-Америкѣ въ то время, когда возстановленные Стюарты отнимали или измѣняли всѣ городскія привилегіи; американскимъ колоніямъ грозила такая же опасность. Но онѣ выступали (Мас-

(*) Tocqueville 1, 46.

сачусетцы во главѣ всѣхъ) твердо, съ рѣшимостью отстаивать права свои и представителя ихъ говорили: «Никакое принужденіе не заставитъ Америку слѣдовать за Англіею. Союзъ нашъ съ этимъ государствомъ добровольный, и оно тамъ менѣе имѣетъ права стѣснять насъ или дарить наши земли, что мы все приобрѣли собственными силами и средствами».

Область Каролина, или земля, лежащая между 31 и 36° сѣверной широты отъ Атлантическаго-Океана до Южнаго-Моря (равная по пространству нѣсколькимъ королевствамъ), была въ 1663 году подарена Карломъ II англійскимъ вельможамъ. Шефтсбѣри и преимущественно Локкъ начертали постановленіе для будущаго, готоваго образоваться государства, постановленіе, оказавшееся нелѣпымъ и неудобноисполнимымъ. Наслѣдственная аристократія Англіи, и безъ того запутанная въ правахъ своихъ, должна была перенестись въ дѣйственные лѣса Америки съ разными прибавленіями; положено было основаніе двухъ парламентовъ, господство одной англиканской церкви; начиная отъ самыхъ важныхъ предметовъ, акты парламента доходили до установленія церемоній, родословныхъ, даже модъ и общественныхъ удовольствій.

Противодѣйствіе такому неудобноисполнимому постановленію обнаружилось съ такою силою, что въ 1693 году оно было уничтожено, и демократическое начало одержало верхъ; въ 1719—21 году, область раздѣлилась на два штата—Сѣверную и Южную-Каролину.

Нью-Йоркъ, куда прежде всѣхъ прибыли Голландцы и гдѣ также поселились Шведы, перешелъ въ 1667. къ Англіи, а въ 1683 по собственному произволу учредилъ у себя постановленіе съ общими правилами для выбора уполномоченныхъ; суды присяжныхъ были утверждены, религіозная терпимость объявлена. Когда Іаковъ II отказался утвердить это новое постановленіе, то въ Нью-Йоркѣ возникли безпокойства, которыя окончились уже въ началѣ XVIII вѣка.

Изъ исторіи Нью-Джерси должно замѣтить, что онъ изъ рукъ Голландцевъ перешелъ къ Англичанамъ, и тамъ поселились квакеры. Къ особенностямъ этой области принадлежитъ учрежденіе, по которому каждый изъ избранныхъ депутатовъ получалъ содержаніе отъ общества, для напоминанія ему, что онъ служителю народа. Пеннъ, другъ Стюартовъ, получилъ въ 1681 году отъ Карла II въ даръ клочокъ земли, который показался ему недостаточнымъ и который онъ увеличилъ добровольнымъ договоромъ съ Индійцами. Въ 1683 году была основана Филадельфія, столица Пенсильваніи.

Между Локкомъ, законодателемъ Каролины, и Пенномъ видно существенное различіе. Философъ доверился только чувственному опыту, квакеръ своему внутреннему убѣжденію; первый соображался съ наукою и совѣстью, второй съ божественными авторитетами; первый говорилъ о правахъ народныхъ и основалъ наследственную аристократію, второй о божественномъ правѣ, о страдальческомъ послушаніи—и основалъ демократію. Между демократическою партіею и ленными владѣтелями часто происходили несогласія, отъ-чего форма и содержаніе постановленій были нѣсколько разъ измѣняемы.

Первая голландская колонія въ Делаваръ разрушена была Индійцами; вторая, основаніе которой большею частию принадлежитъ Шведамъ, перешла во власть Голландцевъ и потомъ Англичанъ, въ 1664 году. Въ 1682 году область эта предоставлена была Пенну, а въ 1702 образована независимую колонію.

Георгія основана въ 1733 году для огражденія англійскихъ колоній со стороны Флориды и отъ притязанія французскихъ колоній на Миссисиппи. Первою привилегією поземельныя владенія предоставлялись въ видъ лена наследникамъ мужескаго пола; по уничтоженіи же ея въ 1742 году, область эта пришла въ болѣе-опредѣленную зависимость отъ короны.

Вся эти данныя, краткія и сухія, представлены нами не съ тою цѣлю, чтобъ составить исторію северо-американскихъ поселеній, но они необходимы были для болѣе-яснаго пониманія позднѣйшихъ событій и для общихъ выводовъ о современномъ состояніи Соединенныхъ-Штатовъ.

Ни одна колонія (за исключеніемъ Георгіи) не основалась подъ непосредственнымъ руководствомъ или распоряженіемъ англійскаго правительства; напротивъ, большая часть ихъ возникла въ-слѣдствіе нетерпимости и утѣсненій метрополіи; отъ-того ни королевская власть, ни наследственная аристократія, ни постановленія церковныя Англій, не могли утвердиться въ Сѣверной-Америкѣ, такъ же какъ не могло утвердиться въ городахъ ея гражданство съ гильдіями, преимуществами и такъ далѣе. Англійская революція 1688 года въ различныхъ колоніяхъ произвела различное дѣйствіе, но не повела за собой доволства, потому-что всѣ власти метрополіи старались объ ограниченіи американскихъ привилегій. До половины XVIII столѣтія, безпрерывныя сопротивленія колоній уничтожали всѣ эти попытки, и мало-по-малу возникла и утвердилась мысль, что свободная торговля Америки болѣе принесетъ Англій пользы, чѣмъ всѣ торговыя монополіи (*).

Привилегіи вновь-возникшихъ штатовъ были различны и не могли предельно отвѣчать на всѣ будущія, еще неизвѣстныя потребности. Даже тамъ, гдѣ власть короля была сильнѣе всего, она не превышала власти его въ Англій и областныя собранія Америки можно было сравнить съ англійскимъ парламентомъ. Не смотря на внутреннія распри и сшибки съ Индійцами, эти колоніи начали процвѣтать быстрѣе португальскихъ и испанскихъ, ограниченныхъ метрополією; въ большинствѣ свободныхъ земледѣльцевъ, дѣятельно-принявшихъ участіе въ собраніи, образовалась демократическая власть, на которую невозможно было съ успѣхомъ дѣйствовать изъ Англій. Такимъ-образомъ, вся зависимость Американцевъ состояла въ томъ, что они не имѣли законовъ, болѣе-противорѣчащихъ законамъ метрополіи, что свои постановленія они представляли на утвержденіе королю и не противорѣчили общимъ ограниченіямъ, которымъ парламентъ подчинялъ торговлю. Частыя,

(*) *Grahame, III, 307.*

безпрерывно повторявшаяся стычки съ Индійцами содѣйствовали развитію осторожности и храбрости въ Северо-Американцахъ, но гораздо важнѣе были войны ихъ съ Французами. Последніе съ рѣдкою терпѣливостію и благодушіемъ основали по берегамъ Огіо и Миссисиппи до Новаго-Орлеана цѣпь колоній и крѣпостей, которая кругомъ замыкала англійскія колоніи, и не только препятствовала распространенію ихъ во внутренность земли, но грозили отгнать ихъ владѣнія къ Атлантическому-Морю или ограничить ихъ узкою береговою полосою. Въ продолженіе войны за австрійское наследство, Англичане мало думали объ устраниеніи этой опасности, потому-что въ заблужденіи своемъ не видали еще ничего слишкомъ-важнаго въ своихъ американскихъ владѣніяхъ; въ 1741 году, когда Америкапцы составили союзъ всехъ колоній, возникло обоюдное подозрѣніе,—съ одной стороны, чтобъ Англія не вздумала сосредоточивать своего могущества, съ другой, чтобъ усиленіе Америки не внушило ей желанія совершенно отложиться.

По заключеніи мира въ Ахенъ (1748 г.), первые годы съ пользою были употреблены обѣими сторонами. Въ то время, какъ Америкапцы шагъ-за-шагомъ отступали во внутренность земли, Французы старались объ укрѣпленіи упомянутой нами цѣпи колоній, обнимавшей обширное пространство. Первые думали только о распространеніи земледѣлія, вторые же стремились къ добычѣ, грабежу, смѣлымъ предпріятіямъ, славы и завоеваніямъ. Франція не завидовала своимъ американскимъ колоніямъ, какъ завидовала имъ Англія: мысль общаго союза, казавшаяся слишкомъ-республиканскою въ Англіи, перешла въ Америку изъ Франціи.

Собраніе правителей колоній и членовъ областныхъ совѣтовъ сдѣлало предложеніе составить общій совѣтъ для всехъ штатовъ, съ тѣмъ, чтобъ во главѣ его находился королевскій намѣстникъ; въ рукахъ совѣта должно было сосредоточиться право издавать законы и налагать подати. На это англійское министерство предложило, чтобъ правители областей раздѣляли власть свою съ однимъ или двумя изъ совѣтниковъ, преимущественно назначаемыхъ отъ короны, чтобъ они вмѣстѣ занимались главнѣйшими обязанностями государственнаго устройства и доставляли въ королевскую казну извѣстную сумму денегъ, которая въ послѣдствіи должна будетъ, по распоряженію парламента, поступить къ виду податей, взимаемыхъ съ колоній. Первый планъ не понравился въ Англіи, второй еще менѣе заслужилъ одобренія въ Америкѣ, ибо, на основаніи его, вся власть переходила въ руки, независавшія отъ народа, и вопросъ о налогахъ рѣшался ко вреду Америки; ревностные патриоты говорили уже, что «Америка не болѣе Ганновера зависитъ отъ Англіи».

Когда въ слѣдствіе европейскіхъ событій и американскихъ споровъ за границы, въ маѣ 1756 года дѣло дошло до войны Англіи съ Франціею, эти обоюдныя неудовольствія были пагубны для колоній, и первыя походы ознаменовались неудачами по неискусству вождей и недостатку энергіи; только въ 1758 году, когда Четэмъ (Chatham) сталъ во главѣ правленія, англо-американскія отношенія возбудили интересъ и участіе. 13-го сентября 1750 г., при Сент-Абрагамѣ, близъ Квебека, про-

изошла рѣшительная и, по послѣдствіямъ своимъ, безконечно-важная битва. Монткальмъ, предводитель Французовъ, и Вольфонъ, вождь Англо-Американцевъ, дрались съ геройскою храбростію и оба легли на полѣ сраженія. По миру парижскому (10-го февраля 1763 года), Французы потеряли весь свои владѣнія, весь земли на востокъ отъ Миссисиппи, которыя (со включеніемъ отпавшей отъ Испаніи Флориды) перешли къ Англіи.

Какъ ни любопытна европейская семилѣтняя война по личному характеру Фридриха II и храбрости, съ которою Пруссія отстаивала свои притязанія, и потомъ самое бытіе, отъ многочисленныхъ враговъ, тѣсвившихъ ее отсюда, какъ ни многозначительно въ исторіи міра привыкающее къ этой войнѣ господство Англичанъ въ Остиндіи, но едва-ли не важнѣе для человѣчества ослабленіе господства романскихъ народовъ въ другихъ частяхъ свѣта, и усиленіе германскаго элемента (особенно въ Америкѣ), начавшееся съ этого времени. Тогда немногіе предвидѣли будущее, даже и въ настоящее время многіе опускаютъ изъ вида безконечную важность этого всемірно-историческаго событія, и замѣчательно, что Верженнъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, уже въ 1775 году предвидѣлъ будущую независимость всѣхъ европейскихъ колоній и предсказалъ вліяніе Германцевъ даже на Южную-Америку (*).

Въ продолженіе семилѣтней войны, Англія сдѣлала много издержекъ, налагала подати, входила въ долги; по окончаніи войны, первою заботою ея было приведеніе въ порядокъ финансовъ, погашеніе долговъ и возстановленіе торговыхъ законовъ. Сдѣйствовать этому преимущественно должна была Америка, ибо она, чрезъ пріобрѣтеніе обширныхъ областей, одна воспользовалась всѣми выгодами войны; при извѣстіи объ этомъ, велика была радость въ Америкѣ и признательность къ Англіи естественна и справедлива. Въсѣтъ съ тѣмъ, Американцы выказали сознаніе величія своей силы и могущества своей дѣятельности; къ этому присоединилась мысль, что, по уничтоженіи могущества Франціи, въ будущемъ не нужна уже самая помощь Англіи.

При укорененіи такого естественнаго мнѣнія, при непрерывно-возрастающей важности и значительности колоній, метрополія должна была бы дѣйствовать кротко и умеренно. Напротивъ, все усилія ея клонились къ строгому примѣненію въ Америкѣ англійскихъ навигаціонныхъ и таможенныхъ законовъ, что безъ всякой осторожности приводилось въ исполненіе чиновниками; такимъ образомъ, производство многихъ предметовъ совершенно запрещено было въ Америкѣ для того, чтобъ упрочить ихъ монополію въ Англіи.

Еще прежде войны, и потомъ, послѣ ея, сѣверныя колоніи вели значительную торговлю съ испанскою Америкою, и, продавая издѣлія англійскихъ мануфактуръ, вывозили золото и серебро. Это было противно буквальному смыслу англійскаго навигаціоннаго акта, но не противно

(*) Раумера Beiträge V. 216.

общему духу его, потому-что и тогда уже въ немъ обнаружилось много несообразностей. Несправедливо было одно теоретическое изслѣдованіе вопроса объ отношеніи означенной торговли къ старымъ законамъ, при которомъ не принимали въ соображеніе продолжительныхъ привычекъ, потребностей, склонностей, средствъ исполненія и т. д. Въ-слѣдствіе усиленныхъ жалобъ со стороны Американцевъ, запрещеніе этой торговли было отменено, но ее обложили такими высокими пошлинами, что въ действительности она стала невозможна. Новыя жалобы на подобныя распоряженія, на возрастающій произволъ чиновниковъ, на притязанія солдатъ и т. д., не только остались недействительными, но Англія еще наложила торговля пошлины на шелковые и бумажные товары, сахаръ, кофе, вино и т. д. Все это утверждали въ парламентѣ для покровительства Америкѣ, хотя въ то мгновеніе ей не угрожала никакая опасность. Каждый новый налогъ, появившійся въ Америкѣ, былъ вдвойнѣ обременителенъ по разнымъ стороннимъ обстоятельствамъ. Важнѣе всего было то, что платежи должны были даваться чистыми деньгами съ устраненіемъ колоніальныхъ ассигнацій, а споры, сюда относившіеся, рѣшались не общимъ правомъ и не судомъ присяжныхъ, но судомъ адмиралтейства.

Прежде, все законы объ исключительной торговлѣ и соединенныхъ съ нею поборахъ почитались общими, вынужденными необходимостію постановленіями, а вовсе не относились до определенныхъ податей. Означенныя мѣры, равно какъ и другія, съ ними соединенныя, повели къ ближайшему разсмотрѣнію теоретическаго и практическаго вопроса о системѣ податей и тщательному изслѣдованію отношеній метрополіа къ колоніямъ.

Въ іюнь 1764 года, Массачусетсъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе штаты начали оспаривать право парламента относительно наложенія подати на Американцевъ; съ-такъ-поръ, вопросъ объ этомъ правѣ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ распрій. Обѣ стороны согласны были, что Америка должна отчасти содѣйствовать къ покрытію издержекъ, которыя повела за собою послѣдняя разорительная война. Но когда Великобританія утверждала, что парламентъ имѣетъ неоспоримое и законное право налагать подати во всѣхъ частяхъ монархіи, Американцы возражали, что Британская-Монархія распространилась въ такія огромныхъ размѣрахъ, интересы ея разнообразныхъ частей такъ не сходны между собою, что ихъ невозможно подчинить одинакому управленію, и американскіе представители должны дѣйствовать въ пользу Америки, великобританскіе въ пользу Великобританіи, ибо только жители какой-нибудь страны могутъ понимать и нужды ея.

Въ Англіи обнаружилось негодованіе, какъ осмѣлялись колоніи не повиноваться Британцамъ, побѣдоноснымъ на всемъ земномъ шарѣ, какъ осмѣлялись они не признавать всемогущества парламента и измѣнять постановленія метрополіа! Требованіе Американцевъ (продолжали недовольные) пользоваться правами Британцевъ—вообще не протаворчать праву британскаго парламента налагать подати. Этимъ податямъ подчиненъ каждый Британецъ, а американскіа привилегіи осво-

бождать ихъ только отъ налоговъ, назначаемыхъ королемъ. Съ американской точки зрѣнія, Ливерпуль, Манчестеръ и другіе англійскіе города, неприезжающіе депутатовъ въ парламентъ, не должны также платить податей; но они платятъ ихъ безъ возраженій, и этому должны следовать Американцы.

Недостаточность англійскаго государственнаго постановленія (возражали Американцы), не можетъ служить для насъ образцомъ; но должно забывать также, что интересы отдаленной существенно-различной части свѣта не допускаютъ тѣхъ условій, которыми руководствуется какой-нибудь близъ-лежащій англійскій городъ. Должно обращать вниманіе на вновь-возникающія случайныя и мѣстныя отношенія, и правила, данныя во время возстановленія колоній, не могутъ оставаться во всей силѣ, когда эти колоніи пережили много лѣтъ и сдѣлались могущественныя; но, какъ кажется, этого не хотятъ признать и дѣлаютъ непрерывныя ограниченія изъ пустаго опасенія, или корыстныхъ видовъ. Во всякомъ случаѣ и тогда уже здравый умъ, предусмотрительность и умеренность могли безъ насильственныхъ мѣръ найти настоящую средину; но этихъ качествъ не доставало главамъ англійскаго правительства: опасеніе, чтобъ Америка не разорвала наложенныхъ на нее цѣпей, повело къ губельнымъ опытамъ затянуть крѣпче эти цѣпи.

При такомъ положеніи, существовали только три пути примиренія: колоніи должны были сдѣлаться независимыми, или сохранить свои законодательныя собранія, или присылать депутатовъ въ британскій парламентъ. Четвертый случай — подчиненіе Америки податямъ безъ всякаго представительства и безъ участія въ законодательной власти, былъ совершенно несообразенъ съ духомъ британскаго государственнаго постановленія.

Мысль о совершенной независимости Америки отъ Англій могла представиться отдѣльнымъ лицамъ, но она не распространилась еще надъ множествомъ, и въ сущности отъ благоразумія послѣдующихъ мѣръ зависѣлъ вопросъ, возрастетъ ли она быстро или не распространится еще долгое время. Въ Англій, никто не хотѣлъ допустить идеи различнаго законодательнаго собранія; самое допущеніе въ парламентъ небольшого числа заморскихъ депутатовъ казалось Англичанамъ большимъ снисхожденіемъ; впрочемъ, и Американцы замѣтили, что положеніе ихъ будетъ незавидное, потому-что въ верхней палатѣ не будетъ американскихъ лордовъ, которые бы позаботились о благодѣтельности.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ мартѣ 1765 года, лордъ Гренвилль предложилъ подчинить Америку штемпельному сбору. Всѣ восхваляли это предложеніе и старались уничтожить противорѣчія, которыя представляли этому закону малое народонаселеніе и разсѣяныя жилища Америки. Чарльсъ Тоуншендъ (Townshend), канцлеръ казначейства, сказалъ при этомъ случаѣ: «Американцы, взмѣянные нашими попеченіями, достигшіе нашими стараніями силы и благосостоянія и охраняемые нашимъ оружіемъ, не будутъ роптать, если должны будутъ оказать небольшое пособіе для облегченія огромныхъ

расходовъ метрополіа». Напрасно замѣтили нѣкоторые, что штемпельная подать и потому бессмысленна для малонаселенной Америки, что побочныя издержки по сбору ея въ десять разъ должны превышать налогъ; напрасно американскіе уполномоченные представляли невозможность исполненія подобнаго закона, — никто не хотѣлъ ихъ слушать; предложено было постановить законъ, чтобъ впредь колоніи безусловно уплачивали подати, которыя налагали на нихъ парламентскіе акты, и чтобъ впредь не принимать никакого прошенія относительно облегченія налоговъ.

Въ справедливомъ негодованіи противъ такого легкомысленнаго и односторонняго взгляда на торговля отношенія, полковникъ Барръ (возражавшій въ парламентъ Тоуншенду) воскликнулъ: «Не попеченія Англіи, но ея нетерпимость и тиранія были причинами основанія колоній; пренебреженіе къ нимъ развило ихъ силы, вмѣшательство ея только стѣснило путь колоній, а непріятелей всякаго рода: они отражали собственными силами. Народъ преданъ королю; но онъ требуетъ своихъ правъ, — да остережется каждый парусать ихъ!»

Не смотря на это энергическое воззваніе, въ нижней палатѣ только 40 голосовъ было противъ штемпельнаго устава, въ верхней — ни одного. Большая часть смотрѣла на этотъ налогъ, какъ на весьма-естественный и нисколько не противозаконный; 22 марта 1765 г., онъ получилъ королевское утвержденіе, и едва-ли кто сомнѣвался въ Англіи, чтобъ онъ могъ встрѣтить сопротивленіе въ Америкѣ. Но такъ-какъ исполненіе новаго закона отложено было до 1 ноября, то Американцы успѣли оправиться отъ перваго смущенія; составились политическіе союзы, и въ колоніяхъ появилось множество брошюръ, объяснявшихъ несправедливость штемпельнаго устава со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Въ мав 1765 года, собрался законодательный совѣтъ Виргиніи и рѣшилъ, по предложенію Патрика Генри, не повиноваться. Совѣтъ объявлялъ каждого, кто согласится на исполненіе новаго закона, врагомъ отечества, и постановилъ, чтобъ подати налагались только областными собраніями. Между-тѣмъ, какъ нѣкоторые одобрили подобную смелость, а другіе осуждали ее, штатгальтеръ распустилъ собраніе, но не могъ остановить распространенія извѣстій о случившемся, не могъ остановить подражателей.

Во многихъ мѣстахъ (въ Бостонѣ, Нью-Портѣ, Нью-Йоркѣ, Портсмутѣ, Нью-Кестлѣ и др.) взволнованная толпа начинала производить насилие. Вездѣ уничтожали штемпельную бумагу, грабили дома сборщиковъ и заставляли ихъ подъ присягою отказаться отъ должностей.

Не смотря на то, что умѣренные граждане оуждали насильственные поступки, дѣйствія Американцевъ становились все смѣлье и смѣлье; общественное мнѣніе рѣшительно возстало противъ Англіи; вездѣ раздавались жалобы на постановленія парламента, и чѣмъ болѣе находили въ нихъ несправедливости, тѣмъ опредѣленнѣе выражались областными совѣтами; всѣ члены ихъ говорили, что владычество Англичанъ губитъ Америку, что только распоряженія Англіи побуждаютъ Францію къ паденіямъ, и что торговля — жизнь колоній — падеть отъ тираніи пар-

ламенту. Вся эти жалобы и неудовольствія приобряли большее единство и удвоенную важность съ октября 1765 года, когда 28 уполномоченных собрались изъ девяти провинцій (Массачусетсъ, Родэйландъ, Коннектикутъ, Нью-Йоркъ, Нью-Джерси, Пенсильванія, Делаваръ и Мэрилендъ) и положили, чтобъ въ Америкѣ подати назначались только чрезъ ея уполномоченныхъ, а королю и парламенту представлены были вся отягощенія, которыми удручены колоніи. Нью-Гемпширъ обѣщалъ также участвовать въ дѣйствіяхъ союза; прочія области не прислали депутатовъ, потому-что встрѣтили сильное сопротивленіе въ своихъ штатгалтерахъ. Въ одно время съ принятіемъ этихъ государственныхъ мѣръ, образовались добровольные союзы, положившіе не покупать англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій до уничтоженія штемпельнаго устава и общими силами противиться всякому насилію.

Такое общее, правильно-организованное сопротивленіе возбудило живое вниманіе въ Англии, и каждая партія объясняла по-своему событія, волновавшія колоніи. Г. Ноджентъ (Nugent), въ-послѣдствіи лордъ Кларъ, замѣтилъ: «одно перечное зерно въ сознаніи права сильнѣе миллионъ, немнѣющихъ этого сознанія». Лордъ Гренвилъ доказывалъ, что непослушаніе Американцевъ безсмысленно, что право наложенія податей есть необходимость, существенная часть общей, сообразной съ законами власти парламента, что покровительство и послушаніе взаимно-необходимы, и что самонадѣянность Американцевъ происходитъ отъ духа партій и внутреннихъ несогласій, волнующихъ самый парламентъ. На это лордъ Чэтэмъ воскликнулъ съ свойственною ему смѣлостью: «Радуюсь, что Америка оказала сопротивленіе; ибо еслибъ три милліона подданныхъ до такой степени потеряли всю силу, все благородство, чтобъ добровольно отречься отъ правъ своихъ, то они сдѣлались бы слѣпыми орудіями правительства для порабощенія другихъ. Приведите законы ваши въ исполненіе силою въ колоніяхъ, стѣсняйте ихъ торговлю, ихъ мануфактуры, но безъ согласія ихъ не берите у нихъ денегъ изъ ихъ же кармановъ. На это вы не имѣете никакого права, и только въ добромъ дѣлѣ, на здоровой почвѣ, Англія можетъ стереть въ атомы Американцевъ (crush to atoms). На это замѣтилъ г. Никольсенъ Кальвертъ: «Въ дѣлахъ такого рода мало принесетъ пользы разборъ того, правы ли Американцы или нѣтъ; они увѣрены, что правы (they think themselves so)».

Нескогія высказанныя здѣсь мысли содержали въ себѣ матеріалъ для будущихъ безчисленныхъ споровъ и разбирательствъ; онѣ опредѣлили надолго теоретическое и практическое положеніе партій, и даже въ наше время съ небольшими перемѣнами сохранили великое вліяніе на общественное мнѣніе.

Въ то время, касательно отношеній метрополіи къ колоніямъ не было еще общей системы, опредѣленной наукою, не было также достаточнаго числа историческихъ примѣровъ, которые бы упрочили этимъ отношеніямъ твердость и результатамъ ихъ правильность. Это отсутствіе современной теоріи и практики было причиною произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ постановленій; а такъ-какъ ни одинъ государственный

ный человек не могъ провидѣть будущаго и не могъ руководить правителями колоній, то они жили со-дня-на-день и несправедливо обнаруживали изумленіе, когда предъ ними совершались событія новыя и неожиданныя, выходившія изъ порядка ежедневной жизни. Древніе имѣли лучшее понятіе объ этихъ отношеніяхъ; доказательствомъ служатъ слѣдующія слова Фукиада (*): «Каждая колонія почитаетъ метрополию, если видитъ отъ нея доброе, и чуждается ея, если терпитъ несправедливо; ибо переселенцы отправляются не для рабства, но для пользованія равными правами съ тѣми, которые остаются дома.»

Правители не хотѣли исполнить этого истиннаго и святаго правила древности, запутывали все дѣла и наносили вредъ собственнымъ своимъ планамъ. Маркизъ Роккингемъ, человекъ благоразумный и благонравенный, вступилъ въ управленіе янвемъ 1765 г.; онъ нисколько не раздвигалъ намѣреній Гренвилля и съ большимъ вниманіемъ слушалъ тѣхъ, которые утверждали, что невозможно оставить безъ удовлетворенія жалобы какъ Американцевъ, такъ равно и англійскихъ купцовъ, пострадавшихъ отъ стѣснительныхъ мѣръ парламента, что невозможно ожидать слѣзгаго, безусловнаго повиновенія отъ людей, предки которыхъ такъ давно оставили отечество и вытерпѣли множество бедствій для упроченія своей независимости.

Послѣ продолжительныхъ парламентскихъ преній, штемпельный уставъ былъ наконецъ отмененъ (18 марта 1766 г.) въ нижней палатѣ большинствомъ 275 противъ 167, и въ верхней большинствомъ 105 противъ 75; въ то же время, особеннымъ актомъ подтверждена была неограниченная законодательная власть парламента и вмѣнено въ обязанность исполнителямъ ея дѣйствовать кротко и умеренно.

При вѣсти объ отменѣ штемпельнаго устава, общая радость обнаружилась въ Америкѣ, торговля оживла, множество благодарныхъ писемъ отправилось въ Англію и по-видимому все успокоилось. Относительно же удерживанія парламентомъ права налагать подати, большинство полныхъ радости и надежды Американцевъ держалось мнѣнія, что парламенту ничего не оставалось дѣлать для вѣшняго спасенія своего достоинства, но что буквальное значеніе этого права никогда не можетъ быть примѣнено къ Америкѣ. Время запрещенія, наложеннаго на торговлю, пробудило въ Америкѣ гордую уваренность, что въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ нея-самой, а не отъ Англіи: изъ того, что Англія доставляетъ Американцамъ множество товаровъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ маленький островъ могъ мечтать объ ограниченіи чужь-либо дѣйствій полу-міра. Таковы были мнѣнія и надежды Американцевъ.

Въ юль 1766 года, значительная перемена произошла въ англійскомъ министерствѣ; место Роккингема заступилъ тори, герцогъ Гростевъ; Честемъ, по бездѣльному состоянію своему, мало имѣлъ вліянія на дѣла, и управленіе финансами находилось въ рукахъ Чарльса Тоуингеда, человека съ блестящими дарованіями, но легкомысленнаго и престопа-

наго. Онъ вообразилъ, что поступилъ чрезвычайно-дальновидно и глубоко, налагая подати на Америку не непосредственно, *не прямо*, но чрезъ ея торговлю, какъ уже часто удавалось ему прежде. Въ-слѣдствіе этого, когда онъ предложилъ, въ 1767 году, наложить пошлину на стекло, бумагу, краски и чай въ колоніяхъ, то предположеніе это почти безъ возраженій принято было парламентомъ.

Едва услышали о томъ Американцы, они объявили, что не хотятъ признавать никакого различія въ формѣ налоговъ; не было уже сомнѣнія, что Англія, добровольно отказываясь отъ прямыхъ налоговъ, постарается вознаградить себя налогами косвенными. Они справедливо замѣтили, что запрещеніе производить какіе-либо предметы торговли (какъ, на-прим., шляпы), съ принужденіемъ покупать только англійскіе, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себя налогъ, и новыя пошлины точно такъ же могутъ рѣзорить Американцевъ, какъ и штемпельный поборъ. Тотчасъ же представители народа согласились не покупать англійскихъ товаровъ до уничтоженія упомянутыхъ пошлинъ; разумѣется, такое насильственное средство возбудило сильное негодованіе Англичанъ. Штатгальтерамъ казались еще опаснѣе энергическія объявленія законодательныхъ собраній противъ каждаго налога, объявляемаго британскимъ правительствомъ, и стараніе ихъ, при успешномъ сопротивленіи, приступить къ болѣе-тѣсному союзу. Когда штатгальтеры распустили эти собранія, то составилась частныя союзы недовольныхъ, которые вскорѣ приняли правильную форму и дружно пошла къ принятымъ цѣлямъ, болѣе всего поддерживая запрещеніе пріобрѣтать англійскіе товары. Занятіе Бостона и другихъ мѣстъ англійскими солдатами (въ сентяб. 1766), увеличало неудовольствіе, нисколько не возвысивъ силы правительства.

При такихъ обстоятельствахъ, англійское правительство измѣнило вторично принятыя имъ мѣры. Въ апрѣлѣ 1770 г., большинствомъ 350 голосовъ противъ 62, положена была отмена части пошлинъ, наложенныхъ въ 1767 году. Пошлины на стекло, бумагу и краску должны были прекратиться, а на чай возвыситься тремя пенсами на фунтъ. Большая часть подтверждала, что такимъ образомъ тягость налога уничтожится, но принципъ права будетъ спасенъ; на это Гренвилль замѣтилъ, что строгость его будетъ лучшимъ средствомъ; что послѣ нея лучшимъ будетъ рокингемово безусловное уничтоженіе податей, но что эта средняя мѣра хуже всего. Другіе говорили, что трудно продолжать борьбу, когда нигдѣ не видать успѣха, а Боркъ воскликнулъ: «Не могу понять, что за достоинство поддерживать глупости!» Не заботясь объ этихъ и подобныхъ тому возраженіяхъ, лордъ Нортъ (заступившій, въ сентябрѣ 1770 г., мѣсто Тоуншенда) объявилъ, что совершенное уничтоженіе пошлинъ тогда только можетъ быть приведено въ исполненіе, когда «Америка будетъ у ногъ Англіи». Хвастовство такого рода было, конечно, недостойно государственнаго человека и произвело самое непріятное впечатлѣніе въ Америкѣ. Со всѣмъ тѣмъ, союзы противъ покупокъ англійскихъ товаровъ окончились и сохранились только противъ пошлинъ на чай.

При новомъ распоряженіи, требованіе на чай въ колоніяхъ значительно уменьшилось, и отъ-того большіе запасы его накопились въ магазинахъ ост-индской компаніи; въ-слѣдствіе чего правительство дозволяло этой компаніи безпошлинный вывозъ его во всю землѣ. Преде-установленная пошлина равнялась шиллингу на фунтъ, а такъ-какъ американскій налогъ на чай состоялъ только изъ трехъ пенсовъ, то и при уплатѣ означенныхъ трехъ пенсовъ на фунтъ, чай сдѣлался шиллингомъ дешевле; тогда всѣ были увѣрены, что Американцы съ благодарностію примутъ доставленные имъ выгоды и съ охотою будутъ покупать чай. Въмѣсто того она сказали: «Не-уже-ли мы за ничтожное облегченіе податей продадимъ права свои? не-уже-ли мы покажемъ себя ниже и корыстолюбивѣе Англичанъ, которые явно уступаютъ намъ большія выгоды, чтобъ только поддержать притязанія свои на безусловное господство?» Рѣшено было не покупать чая и не допускать въ гавани кораблей, имъ нагруженныхъ. Не вездѣ удалось это предположеніе, но оно приведено было въ исполненіе въ Нью-Йоркѣ и Филадельфіи; въ Чарльстонѣ на чай положено было запрещеніе лотъ-портъ, пока онъ не испортился, а въ Бостонѣ (18-го декабря 1773 года) семнадцать человекъ, переодѣтыхъ Индійцами, бросили въ море 342 ящика съ чаемъ. Тамъ не куплено было ни одного фунта изъ количества, привезеннаго въ Северную-Америку.

Едва парламентъ получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, большая часть членовъ его, не думая о будущемъ, предложила строго взъискать за насиліе, случившееся въ Бостонѣ. Въмѣсто того, чтобъ изслѣдовать причины такого поступка, разспекать зачинщиковъ и участниковъ, однимъ словомъ, избрать прямой, законный путь взъисканія, на весь городъ (въ мартѣ 1774 г.) наложили огромную денежную пеню и гавань его велѣли запереть. Напрасно Четэмъ, Роккингемъ и другіе подавали голосъ въ пользу болѣе-кроткихъ, примирительныхъ мѣръ; напрасно напоминалъ Боркъ, что сопротивленіе оказывается только противъ несправедливыхъ законовъ, и уже изъ этого одного слѣдуетъ, какъ несправедливо произносить приговоръ, не выслушавъ обвиненныхъ, какъ безразсудно водворять государственныя правила съ помощію военной силы.

Въ этомъ же духѣ возразили и жители Бостона: они требовали правосудія и обещали взъискать съ виновныхъ вознагражденіе за потерю чая, повесенную ост-индскою компаніею. Но парламентъ, не обращая вниманія на представленія бостонскихъ жителей, измѣнилъ въ существенныхъ пунктахъ государственное постановленіе Массачусетса. Первая камера, избираемая изъ второй и облеченная законодательною властью, должна была на будущее время собираться по назначенію британскаго правительства. Замѣщеніе большей части общественныхъ должностей, увольненіе совѣтниковъ и судей предоставлялось на произволъ штатгальтера; собраніе областнаго совѣта приводилось въ совершенную зависимость отъ него, и никто не думалъ о старой, всему этому противорѣчившей привилегіи. Лордъ Нортъ сказалъ: «Если этотъ билль не основанъ на самой крайней политической необходимости, то

опъ ни на чемъ не основанъ». Дѣйствительно, онъ ни на чемъ не былъ основанъ; и не смотря на то, его утвердили большинствомъ 239 голосовъ противъ 64 въ нижней палатѣ и 92 противъ 20 въ верхней; итакъ, убѣжденіе, что «строгость все приводитъ въ порядокъ», одержало побѣду.

Еслибъ предположить даже, что постановленіе Массачусетса было недостаточно, то и тогда не время было взмѣнять его; безразсудно было бы уничтожать права и льготы цѣлаго народа и такъ неумѣстно производить улучшенія. Не нужно было особенной дальновидности, чтобы предсказать, что въ этомъ случаѣ все могущество парламента будетъ еще менѣе признано, чѣмъ при наложеніи пошлины на чай.

Третья ошибка англійскаго министерства заключалась въ изданномъ имъ законѣ, по которому каждый, обвиненный въ убійствѣ или въ политическомъ преступленіи, долженъ былъ подлежать суду Англій или другой колоніи.

Порицаніе подобныхъ мѣръ, раздавшееся даже въ самомъ британскомъ парламента, собраніи, переписка, брошюры разнаго рода возвели энтузіазмъ къ независимости Американцевъ на высшую степень. Стѣсненіе прежняго управленія и привилегій вызвало не только неслыханную до-тѣхъ-поръ анархію, но повело къ принятію мѣръ, далеко превосходящихъ смѣлостью тѣ, которыя уже были испытаны. Соединеніе новыхъ неудобольствій дало всѣмъ предпріятіямъ такое единство, быстроту и дѣятельность, которымъ не было еще примѣра и которыя въ-послѣдствіи повторились въ такомъ страшномъ видѣ въ клубъ якобинцевъ.

Бостонъ съ твердостью перенесъ неисчислимую потерю, нанесенную его торговлѣ закрытіемъ гавани, и возбудилъ къ себѣ всеобщее, живое участіе. Объявленіе генерала Гаго (Gage), англійскаго правителя въ Массачусетсѣ, «что всѣ союзы противъ англійской торговли считаются неспріязненными, вѣроломными», повело только къ горячей перепискѣ, а между-тѣмъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Попытка учредить въ Массачусетсѣ новое управленіе не повела ни къ чему: большая часть чиновниковъ, определенныхъ королемъ, сложила съ себя должности, а другіе народъ не допустилъ къ принятію должностей. Такимъ образомъ, послѣдовало закрытіе всѣхъ прежнихъ судовъ безъ насилій, безъ волненій народа.

Спустя четыре мѣсяца до обнародованія акта, повелѣвавшаго закрыть гавань бостонскую (5 сентября 1774 г.), уполномоченные двѣнадцати областей (Георгія приступила къ нимъ послѣ) соединились вмѣстѣ въ Филадельфіи, упрочили каждому штату голосъ и избрали президентомъ своимъ Пейтона-Рандольфа изъ Виргиніи. Въ нѣкоторыхъ областяхъ уполномоченные получили назначеніе отъ законныхъ собраній, въ другихъ, гдѣ они встрѣтили сопротивленіе со стороны штатгальтеровъ, избраны были произвольнымъ собраніемъ народа. Главнымъ условіемъ, положеннымъ на этихъ собраніяхъ, была вѣрность къ законному управленію метрополіи; они призывали верховное господство короля и отказывались отъ всякаго противъ него возмущенія. Съ дру-

гой стороны, они твердо отстаивали то мнѣніе, что должны пользоваться всеми правами природныхъ британскихъ подданныхъ, и что послѣднія постановленія, относящіяся до Массачусетса, противозаконны и утѣснительны. «Правда», говорили они: «британскій парламентъ имѣетъ право издавать постановленія, имѣющія цѣлю торговлю всей монархіи, но не можетъ безъ согласія Американцевъ налагать на нихъ однихъ подати, ибо имъ принадлежитъ право составлять проекты законовъ и представлять ихъ на утвержденіе королю.»

Далѣе, конгрессъ рѣшилъ: «Американскіе колонисты имѣютъ право составлять мирныя собранія, на которыхъ будутъ излагать свои жалобы и отсылать просьбы къ королю. Противозаконно безъ согласія собраній присылать гарнизоны въ Сѣверную-Америку и законодательную власть исключительно подчинять чиновнику, опредѣленному отъ короны.»

Въ такомъ смыслѣ отправлено было глубоко-обдуманное, красноречивое воззваніе къ парламенту и представленіе къ королю; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ придать болѣе большій вѣсъ требованіямъ, всякая торговля съ Великобританіею, до удовлетворенія жалобъ, была прекращена. Сверхъ того, повторялось увѣреніе: «новаго ничего не требуютъ, но стараются о возстановленіи и поддержаніи стараго, свободы, мира и безопасности.»

Окончивъ дѣло свое съ умѣренностью, справедливостью и благородіемъ, конгрессъ разошелся 26 октября, но положилъ собраться снова для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Вездѣ безпрекословно повиновались его предписаніямъ, и отъ-того старыя формы правленія, оставаясь еще въ силѣ номинальной, потеряли всякое значеніе. Все предпріятіе какъ-будто-бы оживлено было однимъ духомъ, и энтузіазмъ къ общему дѣлу превзошелъ всѣ ожиданія. Купцы безъ возраженія подчинились тягостнымъ постановленіямъ, стѣснявшимъ ихъ торговлю, поселяне безъ ропота отказались отъ выгоднаго сбыта своихъ произведеній; всѣ частныя лица покорились новымъ повинностямъ и лишеніямъ. Подъ всѣми страданіями видно было какое-то героическое спокойствіе: достигъ своей цѣли они считали выше всякой цѣны; отъ-того-то они и возвысились на такую степень самоотверженія и твердости, которая едва ли понятна будетъ для холоднаго благородія.

Какъ ни поучительны были подобныя событія для каждаго безпристрастнаго наблюдателя, новый парламентъ, собравшійся въ ноябрѣ 1774 года, издалъ рѣшеніе, согласное съ прежнимъ, и тѣмъ доказалъ, что народъ, столь ревностно хранящій собственную свободу, можетъ разрушить свободу другаго народа.

Правда, въкоторые изъ министровъ замѣтили, что ожиданія ихъ относительно возможности—легко подавить безпокойства, не сбылись, и что грозитъ опасность междоусобной войны; но большинство осталось на сторонѣ предлагавшихъ строгія мѣры, и между прочими лордъ Сандвичъ, глава адмиралтейства, говорилъ съ совершеннымъ презрѣніемъ о намѣреніяхъ и силахъ Американцевъ, увѣряя, что одностороннія нацѣренія конгресса не найдутъ опоры въ народѣ, или легко уничтоже-

ны будутъ превосходствомъ Англичанъ. Много содѣйствовало къ утверженію такого ложнаго мнѣнія то обстоятельство, что правительство получало извѣстія и уведоменія почти всегда чрезъ своихъ чиновниковъ, которые или односторонно смотрѣли на вещи, или, осыпая клеветами Американцевъ, старались выставлять заслуги своей дѣятельности.

Сильнѣе всѣхъ порицалъ мѣры, принятыя министрами, лордъ Четэмъ и наконецъ 20 января 1775 г., внесъ въ парламентъ билль, долженствовавшій примирить колоніи. Въ немъ заключалось предложеніе, чтобъ подтверждено было право короля вводить небольшое войско въ колонию, но съ тѣмъ, однако, чтобъ никогда военная сила ничѣмъ не нарушала правъ народа, чтобъ судебное постановленіе и привилегіи должны были оставаться неприкосновенными, и чтобъ за все прошлое объявлена была амнистія; конгрессъ могъ собираться, но съ ограниченіемъ правъ его; назначеніе податей должно было принадлежать Американцамъ, въ-слѣдствіе того, что торговля постановленія въ столь обширномъ государствѣ, какъ британская монархія, должны быть различны въ столь разнообразныхъ частяхъ ея.

Но страсти были такъ сильно взволнованы, что даже убѣжденія величайшаго государственнаго человека Англіи не подѣйствовали: парламентъ запретилъ принимать прошенія Американцевъ и объявилъ дѣйствія ихъ мятежными. Въ-слѣдствіе такого расположенія умовъ, въ парламентъ предписано было усиленіе военной силы въ Бостонѣ и наложено запрещеніе на всю американскую торговлю, со включеніемъ рыбной ловли въ Нью-Фаундлендѣ. На замѣчаніе нѣкоторыхъ, что ограниченіе рыбной ловли послужитъ къ существенному вреду Великобританіи, что такимъ-образомъ можно поступать только противъ враговъ, что американскіе рыбаки должны умирать съ голода, большинство отвѣчало, что Американцы сами подали поводъ къ насильственнымъ мѣрамъ, начавъ враждебныя дѣйствія противъ англійской торговли, и что Англія должна показать мятежникамъ свое могущество.

Въ то время, какъ въ парламентѣ продолжались эти и подобныя имъ пренія, Нью-Йоркъ, котораго менѣе другихъ опасались, потребовалъ правъ своихъ наравнѣ съ прочими штатами; а жестокая нужда, возникающая отъ стѣсненій рыбной ловли, усиливала въ жителяхъ ненависть къ Англіи. Со всѣмъ тѣмъ, Американцы были такъ осторожны и предусмотрительны, что не начали междоусобія: они желали только возбудить сочувствіе къ правому дѣлу, а не уменьшать излишнею горячностью числа друзей своихъ. Когда же генераль Гаге вздумалъ овладѣть ихъ оружіемъ и военными запасами, то при Лексингтонѣ между королевскими солдатами и Американцами дошло до битвы; 19 апрѣля 1775 года пролита первая кровь гражданъ, и началась война за право назначенія податей,—война, непредвѣщавшая никакой выгоды Англіи.

Англичане полагались на могущество свое на морѣ и на сушѣ, на свои богатства, на свои запасы и на опытность своихъ солдатъ и генераловъ. Американцы же рѣшались на успѣхъ, рассчитывая на от-

даленность Англии, на свое знание местности и более всего на храбрость своего дѣла. Въ сраженіи при Бонкергиллѣ (Bunkerhill), близъ Бостона (17 іюня 1775 г.), неопытные американскіе отряды потерпѣли пораженіе отъ Англичанъ, которые, однако, встрѣтили такое упорное сопротивленіе и понесли такую значительную потерю, что и та, и другая сторона не могла дѣйствовать безъ плана, предварительнаго обдуваннаго.

Прежде еще (10 мая), конгрессъ собрался во второй разъ и отправилъ оправдательныя письма къ жителямъ Великобританіи, Ирландіи и Ямайки, а также и прошеніе къ королю. Последнее не удостоилось даже и отвѣта: въ Англии говорили, что матежники только хотѣли выпграть время. Такой отвѣтъ возбудилъ негодованіе даже въ парти умиренныхъ, которая не думала еще совершенно отложиться отъ Великобританіи, но требовала только подтвержденія привилегій свободной торговли. Предложеніе герцога Ричмонда (10 ноября 1775 года) о принятіи представленія конгресса за основаніе переговоровъ о примиреніи, было отвергнуто еще разъ. Старые торы, подвизавшіеся за высшее духовенство, виги, безъ мѣры возвышавшіе всемогущество парламента, твердо отстаивали свои мнѣнія противъ небольшого числа тѣхъ, которыхъ величали названіемъ «американскихъ демократовъ» (*).

Пять мѣсяцевъ спустя (17 марта 1776 г.), Бостонъ былъ взятъ Американцами; прошло еще нѣсколько недель, и почти всѣ штатгалтеры удалились; въ—слѣдствіе того королевская власть ослабѣла до такой степени, что Генрихъ Ли (Lee), изъ Виргиніи, на конгрессъ 7 іюня предложилъ объявить *независимость* Северо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ. Когда избранный для того комитетъ составилъ актъ *объявленія независимости*, одобренный Томасомъ Джефферсономъ и измененный въ некоторыхъ пунктахъ конгрессомъ, предложеніе Ли было принято единогласно 4 іюля. Въ актѣ этомъ исчислены были всѣ бѣдствія, утѣсненія и несправедливости, которыя Американцы потерпѣли отъ Англии и особенно отъ парламента; и изложены были вечныя, неизмѣнныя права, которыя Богъ далъ своимъ твореніямъ, т. е. жизнь, свобода, стремленіе къ благу. «Для упроченія правъ этихъ» (сказано было далѣе) «основаны правительства, получающія законную власть отъ тѣхъ, какъ онѣ управляютъ; но такъ-какъ ни жалобы наши, ни просьбы къ парламенту не имѣли никакого дѣйствія, то мы, уполномоченные Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, призываемъ верховнаго Судію во свидѣтели чистоты нашихъ намѣреній и торжественно объявляемъ отъ имени добраго народа этихъ колоній, что отнынѣ онѣ составятъ свободныя, независимыя штаты и прекратятъ всякое сношеніе съ британскимъ правительствомъ. Въ неизмѣнности этого объявленія мы (въ полной надеждѣ на покровительство бже-

(*) Докторъ Джонсонъ сказалъ: «The Americans are a race of convicts, and ought to be thankful for any thing we allow them short of hanging. M'Gregor America. I, 30.

ственнаго Провидѣніи) ругася жизнью нашею, имуществомъ и честью.»

Много порицали и еще порицаютъ до-сихъ-поръ это объявленіе Американцевъ; мы не беремъ рѣшать этотъ трудный вопросъ; припомнимъ только всю несправедливость британскаго правительства, всю тиранию парламента, мечтавшаго только о своемъ всемогуществѣ, и намъ не трудно будетъ убѣдиться, что Американцы успѣли потому только, что начали войну въ сознаніи своего права. Прежде, чѣмъ солдаты ихъ могли привыкнуть къ послушанію и порядку, они услышали, что сильный отрядъ англійскаго войска, подъ предводительствомъ лорда Гоу (Howe), высадился на берега ихъ. До пачатія военныхъ дѣйствій, англійскій генералъ приступилъ къ переговорамъ, требовалъ покорности, обещалъ помилованіе, но Американцы видѣли въ этомъ только желаніе произвести между ними несогласіе, и тогда же сами велѣли напечатать прокламаціи лорда Гоу и раздать ихъ народу, чтобъ народъ видѣлъ, что ему обещаютъ *милость*, тогда какъ должны бы были только признать его *права*. Американцы вездѣ отступали передъ опытнымъ, хорошо-организованнымъ англійскимъ войскомъ; они потеряли Нью-Йоркъ, Лонгѣйлэндъ, Нью-Джерзи, Родайлэндъ и всю землю до Делавара. При такихъ неудачахъ обнаружился безпорядокъ въ рядахъ американскаго войска; многіе солдаты, по истеченіи срока службы, возвратились домой, а жители цѣлыми толпами стекались къ королевскому войску, въ надеждѣ найти себѣ покровительство. Въ это бѣдственное время американской войны за независимость, одинъ только конгрессъ оставался твердъ и дѣятеленъ и съ благородною довѣренностію вручилъ неограниченную власть генералу Вашингтону, который, по своему благоусмотрѣнію, могъ набирать и распускать солдатъ, наказывать ихъ, дѣлать запасы, воздвигать укрѣпленія. Велика была заслуга конгресса, что онъ умѣлъ найти и оцѣнить такого человека, каковъ былъ Вашингтонъ; безъ его дѣятельности, Американцы никогда бы не могли успѣть въ своемъ дѣлѣ: какова бы ни была идея, одушевляющая массы, ей всегда необходимъ умный и благородный руководитель.

Георгъ Вашингтонъ родился въ области Уэстморланда, въ Виргиніи, 22 февраля 1732 г.; онъ отъ природы одаренъ былъ здоровымъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ и необыкновенною дѣятельностію; опытъ жизни развилъ его необыкновенныя способности, и война 1756 и 1763 года доказала его военные дарованія. Онъ одаренъ былъ гевіемъ мощнымъ, хотя и неослѣпляющимъ, но этого довольно было для Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ и въ настоящее время невысоко цѣнятся одни блестящія качества, а выше всего ставятся справедливость, твердость характера, добродѣтель, и никогда не почитаются дарами второстепенными. Немногіе пѣз людей, снискавшихъ себѣ знаменитое имя въ исторіи человечества, отличались такою гармоніею, такимъ счастливымъ сочетаніемъ всѣхъ превосходныхъ качествъ, какъ Вашингтонъ: о немъ можно сказать, что достоинства *его* (подобно древнимъ памятникамъ искусства) *выказываются яснѣе и опредѣленнѣе*

по мѣрѣ ближайшаго разсмотрѣнія. Душа его была чужда всевозможныхъ партій; она была выше пристрастій, тщеславія и мелочныхъ страстей; онъ дѣйствовалъ по убѣжденію благороднаго сердца и здраваго разума, укрѣпленнаго свободнымъ наблюденіемъ. Разсматривая предметы спокойно со всѣми отношеніями ихъ, онъ пріобрѣталъ надъ ними господство и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ безъ ошибки выбиралъ самый лучший путь. Къ величайшей твердости онъ присоединялъ еще качества, необходимыя въ то время, — кротость и терпѣніе; рѣшимость и предусмотрительность согласовались съ его мужествомъ, и никогда не употреблялъ онъ во зло вѣренную ему власть, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ закона. Ни одинъ Американецъ не въ состояніи былъ принести столько пользы родинѣ, сколько принесъ ее Вашингтонъ, и отъ-того его благородный, безукоризненный образъ останется для всѣхъ его согражданъ священнымъ примѣромъ. Какъ ничтожны являются многіе герои-разрушители въ сравненіи съ Вашингтономъ, какъ ничтоженъ лордъ Нортъ, который при внутренней нерѣшительности стремился къ призраку твердости, слабо преслѣдовалъ сильныя мѣры и возбуждалъ ненависть, не внушая страха!

Положеніе американской арміи было самое критическое, когда только Делаваръ оставался между Вашингтономъ, принявшимъ надъ нею начальство, и генераломъ Гоу. Въ письмахъ Вашингтона, сохранившихся отъ этого времени, видно, какъ тяжело ему было держаться противъ непріятеля (*); такъ 12 декабря 1776 года, онъ писалъ: «нѣтъ ни какаго сомнѣнія, что они (непріятеля) поспѣшатъ перейти Делаваръ. Какъ бы счастливъ я былъ, если бы могъ найти средства предупредить ихъ; въ настоящую минуту я не вижу никакого, признаюсь вамъ!» Недѣлю спустя, отъ 20-го, онъ писалъ: «думаю, что генералъ Гоу намеревается занять Филадельфію и я не знаю, какимъ образомъ остановить его: десять дней еще и армія паша не будетъ существовать». Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, 25 декабря, Вашингтонъ рѣшился на отчаянный поступокъ — перебраться за рѣку Трентонъ съ горстью дурно-обученныхъ войскъ и напасть на армію, предъ которой уже три мѣсяца отступали Американцы. Въ приказахъ, отдаваемыхъ имъ офицерамъ, участвовавшимъ въ этомъ движеніи, онъ не скрывалъ опасности своего положенія: «только необходимость» говорилъ онъ, «крайняя необходимость оправдываетъ эту атаку». Здѣсь британскій генералъ выказалъ свои способности къ оборонительной войнѣ, какъ и прежде въ наступательной. Предпріятіе, по-видимому безнадежное, увѣнчалось успѣхомъ: паническій страхъ распространился въ рядахъ британскаго войска, которое отступило къ Брауншвейгу и Нью-Йорку, и Вашингтонъ укрѣпился въ Морристонѣ, въ тридцата мильхъ отъ ве-

(* Все это изложено въ «Sparks' Washington»; мы же заимствовали нѣкоторыя подробности изъ «Edinburgh Review» прошлаго года, гдѣ представлено весь ходъ этой войны. См. Edinburgh Review. 1846 г., кн. 1. Стр. 184.

пріятеля; впрочемъ, онъ не слишкомъ радовался побѣдѣ, которая доставила только ту выгоду, что вдохнула въ Американцевъ живое мужество и дала имъ силы къ перенесенію новыхъ опасностей.

Не смотря на превосходство британской арміи числомъ людей и опытностію офицеровъ, генералъ Гоу простоялъ до конца іюня безъ движенія и наконецъ отступилъ къ Айленду и Нью-Йорку,—это отступление Вашингтонъ называетъ «особенною милостію Провидѣнія». Наконецъ, 23 іюля онъ, какъ ожидалъ и боялся Вашингтонъ, съѣхъ на суда на рѣкъ Делаваръ съ тѣмъ, чтобъ соединиться съ генераломъ Боргойномъ, шедшимъ изъ Канады, и потомъ занять Филадельфію. Вашингтонъ пошелъ сухимъ путемъ, съ намѣреніемъ отрезать ему дорогу къ Филадельфіи, но 11 сентября 1777 года былъ разбитъ при рѣкѣ Брандайнъ, и 26-го побѣдители вступили въ Филадельфію; 14-го октября лордъ Боргойнъ, съ сильнымъ войскомъ шедшій изъ Канады, достигъ Саратоги. Великій и совершенно-приспособленный къ обстоятельствамъ планъ, соединить южное и сѣверное англійское войско, отрезать Новую-Англію и тогда овладѣть менѣе-сильными колоніями, казалось, приходилъ въ исполненіе, и едва-ли какой-нибудь Англичанинъ сомнѣвался уже тогда въ счастливомъ окончаніи войны.

Но по мѣрѣ опасности возрастала дѣятельность и осторожность Американцевъ, и въ то время, какъ Вашингтонъ слѣдилъ за движеніями южнаго отряда Англичанъ, все сильнѣе составлялось войско для прегражденія пути Боргойну. Онъ нигдѣ не видалъ пробитыхъ дорогъ, и въ то самое время, какъ находился въ тревожномъ ожиданіи прибытія своихъ соотечественниковъ съ юга, они медлили, занимаясь безполезными грабежами, а между-тѣмъ, Американцы все болѣе и болѣе стѣсняли войско Боргойна, отрезали подвозъ провіанта и наконецъ лишили его надежды дать битву противъ многочисленнаго непріятеля. Наконецъ Боргойнъ 16 октября 1777 г. долженъ былъ сдаться генералу Гэтсу (*) съ условіемъ, чтобъ всѣ офицеры и солдаты могли свободно отправиться въ Англію, но обязывались уже не служить противъ Америки въ этой войнѣ. Американцы взяли 5790 пѣхотныхъ, 35 пушкъ, 4647 ружей и большое количество необходимыхъ для нихъ военныхъ запасовъ. Это великое, неожиданное событіе рѣшило судьбу Америки, то по-крайней-мѣрѣ мнѣніе европейскихъ державъ и преимущественно Франціи относительно отпаденія колоній. Видны и намѣренія французскаго правительства, а равно дѣйствія Американцевъ и Англичанъ лучше всего видны изъ переписки американскаго посланника и изъ писемъ лорда Стормонта, бывшаго англійскимъ посломъ въ Парижъ. Последний сообщалъ своему правительству, что Французы вообще расположены къ Американцамъ, что они по сущности своей, по своему тщеславію, смотрятъ поверхностно на всѣ предметы, и не по-

(*) Гэтсъ былъ долгое время одною партіею противопоставляемъ Вашингтону. Но онъ былъ корыстолюбивъ, нерышительнъ, склоненъ къ интригамъ и вообще считался человѣкомъ ничтожнымъ. См. Hamilton Life 1. 124, 127.

нимаютъ настоящихъ обязанностей колоній къ метрополіи; что французскіе министры вообще говорятъ мало о возмущеніяхъ въ Америкѣ, и что рѣчи г. Верженна удостоверяютъ его, лорда Стормонта, что американскіе мятежники не получаютъ отъ Французовъ помощи съ согласія правительства. Это сообщалъ лордъ Стормонтъ еще до начала войны съ Америкою. Когда же война вспыхнула, то отношенія сдѣлались сложнѣе, и взаимная недовѣрчивость Англійи и Франціи усилась. Тогда лордъ Стормонтъ прислалъ отъ 13 октября 1775 года слѣдующее истинно-замѣчательное увѣдомленіе: «Г. Верженнъ сказалъ мнѣ: «мы желаемъ жить съ вами въ совершенномъ согласіи, и нисколько не думаемъ предпринять что-либо, что могло бы увеличить опасность настоящаго вашего положенія». Онъ выразился такимъ образомъ: «мы не хотимъ воспользоваться вашимъ замѣшательствомъ; напротивъ, мы смотримъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ (quelque peine). Что дѣлается противъ васъ въ Америкѣ, повѣрьте, никому не нравится (n'est de la convenance de personne). Кажется, я предвижу сладствія, если колоніи ваши приобретутъ независимость, къ которой стремятся. Онъ постарается тотчасъ же завести флоты; а такъ какъ у нихъ подъ руками всевозможныя средства для судостроенія, то онъ скоро будутъ въ состояніи выдержать соперничество со всею морскою силою Европы. Обладая такими преимуществами въ соединеніи съ выгодами положенія, онъ легко могутъ покорить какъ ваши, такъ и наши острова. Дѣ, я убежденъ, что они не остановятся и на этомъ, но въ-теченіе времени проникнуть и въ Южную-Америку, покорить или изгонять обитателей ея, и наконецъ ни одна европейская держава не будетъ владѣть ни шагою земли въ этой части свѣта. Разумается, всѣ предсказанія эти исполнятся не скоро,—ни вы, милордъ, ни я, не доживемъ до этого; но они тамъ не менѣе несомнѣнны, хотя и далеки отъ насъ. Только близорукіе государственные люди могутъ радоваться несчастію соперника и не видать далѣе настоящаго часа; но кто смотритъ вдаль и предугадываетъ сладствія, долженъ совротвѣвленіе, встречаемое вами въ Америкѣ, почитать зломъ, часть котораго каждый народъ, вмѣющій тамъ владычія, повеселитъ на себя; и, я могу васъ уверить, въ этомъ только видѣ представлялось мнѣ всегда настоящее дѣло.» Морепѣ сказалъ мнѣ: «мы не такіе люди, чтобы во зло употребить обстоятельства, и ловить въ мутной водѣ рыбу. Наше желаніе и намѣреніе жить съ вами въ мирѣ и дружбѣ, и заниматься по мѣрѣ силъ устройствомъ нашего отечества.»

Когда провозглашена была независимость въ іюль 1776 года, Дэнъ явился въ Парижъ въ качествѣ тайнаго уполномоченнаго Соединенныхъ-Штатовъ и получалъ отъ Верженна такой отвѣтъ: «мы не можемъ открыто помогать Американцамъ, но не желаемъ препятствовать исполненію ихъ плановъ». Въ то же время лордъ Стормонтъ писалъ, что, дѣйствительно, при настоящемъ управленіи, приготовленія Франціи основаны на предусмотрительности и чувствѣ самозащиты, и что пока живъ Морепѣ, вражды опасаться нечего, но что во Франціи есть также значительные люди, которые резко говорятъ противъ Бри-

танія и не скрываютъ, что еслибъ они были членами министерства, то дѣйствовали бы иначе. «Но» прибавляетъ къ этому посланникъ: «ни одинъ изъ этихъ людей не пользуется расположеніемъ короля и не выйдетъ на поврѣще, пока Морепá сохраняетъ свое вліяніе». Нѣсколько-прежде этого (10 іюня 1776 г.) г. Верженъ писалъ министру Кіюви, что, по его мнѣнію, каковы бы ни были результаты американской войны, политическія и торговыя выгоды Франціи требуютъ, чтобъ кораблямъ американскимъ оказывалось всевозможное покровительство.

Въ такомъ духѣ Франція продолжала дѣйствовать: правительство не хотало выказывать явнаго расположенія къ Американцамъ, но не препятствовало Французамъ толпами отправляться въ Америку. Энтузіазмъ къ Соединеннымъ-Штатамъ еще сильнѣе пробудился во Франціи, когда въ 1776 г. прибылъ туда Вениаминъ Франклинъ для того, чтобъ поддержать старанія Дэна: его простота, здравый умъ и обширныя свѣдѣнія упрочили успѣхъ его предпріятію. Такимъ-образомъ, прошель 1777 годъ въ переговорахъ и обоюдныхъ неудовольствіяхъ съ Англіею, которая испривзаченно смотрѣла на дѣйствія французскихъ министровъ, позволившихъ подъ рукою то, что запрещено было явно. Многія извѣстія лорда Стормонта поучительны въ высшей степени. Такъ 13 августа 1777 г. писалъ онъ: «Г. де-Верженъ сказалъ мнѣ: «Пристрастіе Франціи къ Американцамъ — истинное несчастіе. Не-уже-ли вы думаете, что оно происходитъ отъ любви къ Америкѣ или отъ ненависти къ Англіи? Корень его лежитъ гораздо-глубже и можетъ ускользнуть только отъ поверхностнаго наблюденія; но онъ обращаетъ на себя наше постоянное и серьезное вниманіе.» Хотя г. де-Верженъ не выразился опредѣленнѣе, но не трудно было замѣтить, что онъ намекнулъ на духъ безначалія (licentious spirit), господствующій пылъ во Франціи и служащій главною причиною безумнаго энтузіазма къ Америкѣ.»

Отъ 19 ноября онъ писалъ слѣдующее: «Дѣйствія французскихъ министровъ такъ постоянно одинаковы, что, вѣроятно, у нихъ приняты твердый, немѣняемый планъ, т. е. они рѣшились вредить намъ тайно сколько можно, и злыя намѣренія свои прикрывать самыми сильными увѣреніями въ дружбѣ и наружнымъ участіемъ къ нашимъ неудовольствіямъ.»

Правда, Морепá повторялъ нѣсколько разъ: «Мы не имѣемъ никакого повода къ ссорѣ, никакой выгоды поддерживать войну, и Франція, повѣрьте, не начнетъ враждовать первая.»

Но едва дошла во Францію вѣсть о разбитіи и плененіи генерала Боргойна, лордъ Стормонтъ сообщалъ слѣдующее (28 декабря 1777 г.): «Общес стремленіе народа къ войнѣ выражается гораздо-яснѣе, чѣмъ когда-либо, и г. Морепá долженъ уступить общему потоку, подобно столь многимъ предшествовавшимъ ему слабымъ министрамъ, которые принимали жестокія мѣры единственно по нерѣшительности. Однимъ словомъ, я почитаю весь французскій кабинетъ враждебно-расположеннымъ, хотя въ различной степени силы и дѣятельности, по мѣрѣ личныхъ свойствъ, характеровъ и намѣреній.»

Лордъ Стормонтъ не ошибся; 6 февраля 1778 г. между Франціею и Америкою заключенъ былъ торговый договоръ, а въ тотъ же день подписанъ дружественный и оборонительный союзъ, съ обещаніемъ являть отстаивать независимость Соединенныхъ-Штатовъ противъ притязаній Англіи. Въ тотъ день (13 марта 1778 г.), какъ Ноайль представилъ этотъ договоръ въ Лондонъ, къ лорду Стормонту отправлено было повелѣніе оставить Парижъ. Война была рѣшена.

Послѣ битвы при Саратогѣ, оппозиція въ Англіи все сильнѣе и сильнѣе возставала противъ правительства; но и она раздѣлилась на двѣ партіи: одна,—партія Четэмъ,—считала необходимымъ дать Американцамъ одинакія права съ Англичанами, но не признавать ихъ независимости; другая,—партія Рокингэма,—требовала, чтобъ парламентъ признавалъ независимость Соединенныхъ-Штатовъ и заключалъ съ ними выгодный торговый договоръ. Совершенное покореніе ея все уже считали невозможнымъ.

Планъ примиренія, изготовленный министрами, разрушился по заключеніи договора Америки съ Франціею. Когда въ засѣданіи 7 апрѣля 1778 г. герцогъ Ричмондъ съ живостію подалъ голосъ въ пользу признанія независимости Соединенныхъ-Штатовъ, лордъ Четэмъ, которому болѣзнь долгое время препятствовала являться въ парламентъ, рѣшился поддержать сохраненіе части свѣта, пріобрѣтенной въ семилѣтнюю войну силою его ума и воли. Онъ явился въ черномъ бархатномъ платьѣ, поддерживаемый сыномъ своимъ Уильямомъ и зятемъ Мэгономъ. Всѣ лорды съ уваженіемъ встали передъ нимъ и привѣтствовали его, какъ перваго и благороднѣйшаго изъ англійскихъ государственныхъ людей. Съ величайшею энергіею и краснорачіемъ развилъ онъ передъ слушателями свои планы и убѣжденія. Тогда оставилъ его силы и голосъ; онъ занемогъ и умеръ 11 мая, на 70-мъ году отъ рожденія. Участіе къ нему было общее и соединялось съ горькимъ чувствомъ при сравненіи блеска и величія Великобританіи при его управленіи съ настоящимъ венадежнымъ ея состояніемъ.

Между-тѣмъ, въ Америкѣ продолжалась война не только противъ Англичанъ, но и противъ Индійцевъ, которые большею частію были въ союзѣ съ ними; Англичане перенесли войну въ южныя области, заняли Георгію и Каролину, и подъ предводительствомъ лорда Корнуаллиса разбили при Кемденѣ (16 августа 1780 г.) американское войско, предводимое Гэтсомъ. Тогда въ британскомъ министерствѣ снова воскресла обманчивая надежда на скорое возвращеніе колоній, и руководимый тою же надеждою, лордъ Корнуаллисъ принялъ такія жестокія мѣры для наказанія жителей, что возбуждалъ еще сильнѣе прежняго энтузіазмъ къ свободѣ, который воодушевлялъ даже женщинъ до такой степени, что онѣ побуждали мужчинъ къ сопротивленію, и сами въ свою очередь подвергались величайшимъ опасностямъ.

Когда, послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій, Американцамъ удалось остановить успѣхи Англичанъ, нѣтъ стало угрожать новое бѣдствіе. При началѣ возстанія, главы Американцевъ, предвидя расхлебъ и не имѣя въ виду наличныхъ денегъ, рѣшились прибѣгнуть къ выпуску ас-

сигнацій, которыя, при общемъ одушевленіи, были единогласно одобрены. Когда же война продолжалась долѣе, чѣмъ ожидали, а расходы не уменьшались, то стали выпускать бумажныя деньги въ такомъ количествѣ, что онѣ мало-по-малу потеряли цѣнность; наконецъ, незнание дала до того понизило курсъ ассигнацій, что за одинъ серебряный талеръ платили сначала 40, потомъ 85 и наконецъ 115 бумажныхъ талеровъ. Вся предложенія къ приведенію ассигнацій въ звонкую монету и къ погашенію ихъ, оставались неисполненными по недостатку средствъ. Везде раздавались жалобы на упадокъ цѣнъ и кредита, на потерю имущества и на безконечныя споры должниковъ и заимодавцевъ. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи конгрессъ прибѣгнулъ къ ошибочнымъ, неисполнимымъ мѣрамъ: положено было закономъ назначить цѣну дневной работы, провозведеній и товаровъ, но съ тѣмъ, чтобъ всякій принималъ платы не бумажными деньгами, а одною звонкою монетою; также мало помогла продажа земель, потому-что уплата за нихъ отсрочивалась на неопредѣленное время. Слѣдствія этой ложной системы повели къ потерѣ кредита, къ обманамъ, совершавшимся почти въ границахъ закона, и оставили такіе слѣды, которыхъ, по словамъ самихъ Американцевъ, долгое время послѣ того невозможно было взглянуть.

Эти обстоятельства болѣе всего непріятны были для Вашингтона. Бумажными деньгами невозможно было выдавать жалованье, еще менѣе можно было купить на нихъ что-нибудь, потому-что дурныя жатвы и упадокъ земледѣлія повели за собою недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и даже тѣ, которые можно еще было добыть, не смотря на всѣ запрещенія, продавались охотнѣе Англичанамъ, платившимъ звонкою монетою. Вашингтонъ старался твердостью, терпѣніемъ и кротостью уменьшить по-возможности великость бѣдствія, и когда комитетъ конгресса, посѣтившій лагерь, по возвращеніи подтверждалъ жалобы военачальниковъ и представлялъ нужду и бѣдствія войска, то соединились многіе граждане (особенно городъ Филадельфія) для доставленія запасовъ, для снабженія войскъ и пополненія милиціи.

Мужество Американцевъ оживилось, когда 6,000 Французовъ 10 іюля 1780 г. подъ предводительствомъ Рошамбо прибыли къ Род-Айленду, и вмѣстѣ съ ними французское правительство прислало денежное пособіе; но надежда совершить что-нибудь рѣшительное скоро исчезла, потому-что Англичане окружили островъ и принудили адмирала де-Гиза возвратиться во Францію.

Другаго великаго бѣдствія избѣгли Американцы случайно. Генералъ Арнольдъ, до-сихъ-поръ ревностно подвизавшійся въ пользу ихъ, замыслилъ отдать Англичанамъ измѣною Уэстпойнтъ (Westpoint, на Гудсонѣ), столько же важный, какъ въ Европѣ Гибралтаръ, и отдать со всѣми его запасами и орудіями; говорятъ, что роскошная жизнь, неоплаченные долги и тому подобное довели его до такого отчаяннаго поступка; но солдаты, не смотря на на какія убѣжденія, не послѣдовали его призыву. Англійскій майоръ Андре, благороднѣйшій, дароватѣйшій и умный человекъ, производившій переговоры съ Арнольдомъ, полагъ съ бумагами своими въ руки Американцевъ; Арнольдъ бѣжалъ, взявъ была

открыта, а Андре, не смотря на все просьбы Англичанъ, былъ повѣшенъ какъ шпионъ. Одни осуждали, другіе хвалили такую жестокую мѣру, но все вообще жалѣли о гибели чловѣка, полного прекрасныхъ надеждъ.

Здѣсь не мѣсто подробно излагать переменное счастье и неудачи американской войны. 19 октября лордъ Корнуоллисъ съ 7,000 человекъ долженъ былъ сдаться Вашингтону и Рошамбѣ. Эта важная побѣда, наполнившая радостію всехъ гражданъ Сѣверной-Америки, окончила южные походы и почти всю войну. Взятіе въ плѣнъ лорда Корнуоллиса, совершенное разбитіе французскаго флота при Гваделупѣ (12 апрѣля 1782 г.) и неудачная попытка Испанцевъ относительно Гибралтара возбуждали во всехъ враждующихъ партіяхъ расположеніе къ миру. Уже 27 февраля 1782 г. предложеніе лорда Коуэя (Cowan, — того самаго, который, 16 лѣтъ назадъ, предложилъ уничтоженіе штемпельнаго устава) о прекращеніи американской войны было принято въ парламентѣ большинствомъ 19 голосовъ; 19 марта того же года подали въ отставку министры, и на ихъ мѣста вступили Рокингемъ, Кэвендишъ, Шельборнъ, Кэмденъ, Фоксъ и другіе.

Предварительными статьями мира, подписанными (безъ участія Франціи) 30 ноября 1782 года, признана независимость Соединенныхъ-Штатовъ, и такимъ-образомъ главнѣйшій пунктъ былъ определенъ. Общій миръ (между Англіею, Америкою, Франціею, Испаніею и Нидерландами) состоялся 3 октября 1783 и 20 мая 1784 года; по этому миру, Франція получила Тобаго и Сенегаль за Гамбію и фортъ Джемсъ; ей обезпечено было участіе въ рыбныхъ ловляхъ Нью-Фаундленда и отданы близлежащіе острова св. Петра и Мигелонъ. Испанія удержала Минорку, часть Флориды и непринадлежащія Американцамъ земли въ долине Миссиссиппи. Голландія отказалась отъ Негепатнама и предоставила Англичанамъ свободное плаваніе по всемъ индійскимъ морямъ.

Никто не сомнѣвался въ то время, что Англія съ утратою американскихъ колоній понесла великую потерю и утратила свое могущество. Только два чловѣка опровергали это мрачное предчувствіе: Адамъ Смитъ, котораго въ то время понимали очень-немногіе, и Тукеръ, почитавшійся мечтателемъ.

Не смотря на дѣятельность и энтузіазмъ, съ которыми Сѣверная-Америка отстояла свою независимость; въ ней находились такъ-называемые лойялисты, оставшіеся вѣрными британскому правительству; претерпѣвъ въ отечествѣ разнаго рода неудовольствія, они переселились въ британскія владѣнія, въ Канаду, Новую-Шотландію, Багамскіе-Острова и т. д. и получили отъ метрополиса вознагражденіе и покровительство.

На самихъ побѣдителей война эта имѣла огромное вліяніе. Они нашли случай привести въ дѣйствіе великія намѣренія, выказать доблести своихъ согражданъ, общими дѣломъ уничтожить соревнованіе отдельныхъ штатовъ и подавить релігіозныя распри. Они ближе изучили свое отечество, занялись науками, необходимыми для войны и приобрѣли болѣе-вѣрное понятіе о политическихъ отношеніяхъ. Къ этому

присоединилась и необходимая бюджетная средства войны.

Одну изъ величайшихъ заботъ правительству доставляло войско: оно не въ состояніи было дать ему какое-нибудь вознагражденіе, даже выплатить заслуженное имъ жалованье. Въ рядахъ его возникли неудовольствія, и самыя смѣлыя предлагали силою принудить конгрессъ, собравшійся въ Филадельфіи, уплатить требуемое ими жалованье; но и здѣсь мудрость и предусмотрительность Вашингтона нашли средство отъвернуть грозившую опасность. Живою, убѣдительною рѣчью онъ уговорилъ предводителей обратиться къ исполненію ихъ долга, и съ твердостью отвергъ мысль, чтобъ онъ, освободитель отечества, могъ сдѣлаться его повелителемъ. Прощаніе его съ войскомъ (4 декабря 1783 года) въ высшей степени было трогательно. Онъ выпилъ за здоровье всѣхъ товарищей своихъ въ послѣдній разъ, и пожелалъ, чтобъ послѣдніе дни ихъ были такъ же счастливы, какъ первые были славны и достойны уваженія. Вслѣдъ за тѣмъ, Вашингтонъ съѣлъ въ шляпку, качавшуюся на волнахъ Ріо-дель-Нарте, махнулъ еще разъ шляпою въ знакъ прощанія, и исчезъ въ туманной дали...

Тогда большая часть войска возвратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ; офицеры пожелали остаться въ одной общинѣ и основали такъ называемое Общество-Двадцатка, которому положено было упрочить продолжительность и достоинство принятіемъ въ среду его согражданъ и иностранцевъ. Но это учрежденіе, какъ новый орденъ и по сущности своей сходный съ аристократическими учрежденіями, встрѣтилъ сильное сопротивленіе; даже самъ Вашингтонъ содѣйствовалъ его уничтоженію. Вашингтонъ писалъ къ правителямъ отдельныхъ штатовъ и со всею силою краснорѣчія и истины доказывалъ необходимость еднородности, справедливости, послушанія и дѣятельности, чего требовало ихъ новое положеніе. Конгрессу онъ представлялъ отчетъ объ употребленіи общественныхъ суммъ и 23 декабря 1783 года въ тайномъ собраніи сложилъ съ себя вѣренную ему власть. Рѣчи его отвѣчалъ президентъ другою рѣчью, исполненною уваженія, достоинства и признательности. Тогда Вашингтонъ, основатель могущественной американской республики, радостно удалился въ свое помѣстье Моунтъ-Вернонъ, занимался земледѣліемъ, улучшеніемъ окрестностей, проводилъ свободное время въ обществѣ друзей, и доказалъ своимъ великимъ, трогательнымъ примѣромъ, что слава, пріобретенная мечомъ, чуждая преступленія и честолюбія, уживается и въ частной жизни, не нуждаясь во власти или наружномъ блескѣ: ни одна черная тѣнь не помрачала воспоминаній яснаго мира души и свѣтлыхъ дней благороднаго Вашингтона. Между-тѣмъ, конгрессу предстояло еще много трудныхъ и важныхъ дѣлъ, такъ, на-прим.; установленіе отношеній къ иностраннымъ государствамъ, устроеніе прерванной и частию съ большимъ убыткомъ производившейся торговли и, болѣе всего, организованіе системы финансовъ и погашенія государственнаго долга. Не только союзъ, но каждый отдельный штатъ вошелъ въ большіе долги, для погашенія которыхъ не предвидѣлось достаточныхъ средствъ, а подати были слишкомъ обременительны для народа, который, видя, что война не кончила его бед-

ствій, обнаружилъ безпокойства, и въ некоторыхъ мѣстахъ даже до открытаго возмущенія (на-прим., въ Массачусетса и Нью-Гемпширъ). Вся благоразумные и предусмотрительные люди мало-по-малу убедились, что главное основаніе всѣхъ беспорядковъ заключается въ не-
 становленіи союза, въ конфедераціонномъ актѣ 9 іюля 1778 года.

Правительство каждаго штата принадлежало штатгальтеру и двумъ законодательнымъ камерамъ, которыя нерѣдко думали только о себѣ и о своихъ ближайшихъ сосѣдяхъ и почитали за чистую потерю вѣ-
 то, что каждый отдѣльный штатъ посвящалъ всей республикѣ. Отъ того между штатами не было ни порядка, ни согласія, ни связи; и каждаго была своя финансовая система, своя политика, и такое разно-
 гласіе препятствовало общему дѣйствию. Недостаточность государственнаго постановленія грозила междуусобіемъ, и опасности мира сдѣлали едва ли не сильнѣе опасностей войны: правителямъ республики, кромѣ храбрости, необходимы были теперь справедливость и умѣренность.

Союзная конституція 1778 года остается непоколебимою: всѣ колоніи основываютъ союзную республику; каждый отдѣльный штатъ сохраняетъ прежнія права, законы, суды, учрежденія и т. д., если она только и
 изменены конгрессомъ всѣхъ штатовъ. Всѣ штаты должны соединен-
 ными силами защищаться противъ насилія и содѣйствовать свободѣ торговли и колонизаціи. Каждый штатъ отправляетъ на конгрессъ отъ
 2 до 7 уполномоченныхъ, которые имѣютъ одинъ только голосъ; такъ
 кимъ-образомъ, 13 штатовъ составляютъ 13 голосовъ, каково бы ни было
 число уполномоченныхъ. По закону, большинство голосовъ рѣшаетъ
 дѣло; но большинство 9-ти голосовъ необходимо для войны, мира, сѣ-
 лозовъ, образованія морской и сухопутной силы, сбора податей и т. д.
 Споры между штатами долженъ рѣшать конгрессъ; если же онъ не сѣ-
 брался, то дѣлами будетъ завѣдывать избранный комитетъ изъ 13 чѣ-
 ловѣкъ.

Таковы главные пункты этого законоположенія; оно предоставляетъ
 малымъ штатамъ одинакія права съ большими и не заключаетъ
 себя постановленій, которыя бы, противодѣйствуя одностороннимъ
 правленіямъ, могла поддержать принятія мѣры. Достойные люди (Мильтонъ,
 Мадисонъ и Джэ), много содѣйствовавшіе къ начертанію
 принятію новаго государственнаго постановленія, такъ говорили объ
 обстоятельствахъ того времени: «По справедливости можно сказать, что
 Соединенные-Штаты дошли до послѣдней степени политическаго уни-
 женія. Мы испытали все, что оскорбляетъ гордость народа, что унижаетъ
 его характеръ. Обязанности, къ исполненію которыхъ побуждаетъ долъ
 почитаемый у всѣхъ священнымъ, находятся у насъ въ совершенно
 пренебреженіи. Мы вошли въ долги у иностранцевъ и туземцевъ дѣ-
 упроченія своей политической самобытности, и не сдѣлали еще ни
 ного шага, чтобъ уплатить ихъ. Чуждая держава (т. е. Англія) вѣ-
 дѣтъ въ нашемъ отечествѣ крѣпостями и значительными помѣстями
 ля, сѣвьясь надъ нашими правами и договорами; а мы находимся

такомъ положеніи, что не смѣемъ высказать, что чувствуемъ эти оскорбленія, не имѣемъ силъ отъ нихъ освободиться, потому-что у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войска, ни правительства!» Почти тѣми же словами изображаетъ президентъ Адамсъ положеніе государства въ первой рѣчи своей, гдѣ онъ говоритъ, что никто не хочетъ повиноваться повелѣніямъ конгресса, и отъ-того происходитъ упадокъ торговли, кредита, мануфактуръ, обнаруживаются страшные беспорядки, грозящіе ниспроверженіемъ самому союзу (*).

Великость бѣдствій и невозможность оставаться при прежнемъ порядкѣ далѣ побудили Американцевъ обратиться къ тѣмъ благороднымъ дѣятелямъ, которые оказали уже великія услуги отечеству и въ настоящее время желали дать ему прочное постановленіе. Во главѣ ихъ стоялъ снова Вашингтонъ, и подвиги его на этомъ поприщѣ нисколько не уступаютъ военнымъ его подвигамъ. Безсмертный памятникъ воздвигла себя государственные люди Америки составленіемъ конституціи въ мартѣ 1787 г.,—конституціи, которая поддержала новое государство посреди страшныхъ бурь и опасностей; возможная только въ такомъ государствѣ, какъ Соединенные-Штаты, она возвысила ихъ и упрочила имъ быстрое и блестящее развитіе.

Вашингтонъ былъ единогласно избранъ президентомъ новой, или, правильнѣе, возобновленной республики. Путешествіе его изъ Вернона въ Филадельфію было непрерывнымъ триумфальнымъ шествіемъ, которое приготовлено было не тщеславіемъ, принужденіемъ или страхомъ, но справедливою признательностью, высокимъ уваженіемъ и сердечною любовью народа. Это второе основаніе государства, это призваніе быть главою великаго народа, и скромная, чуждая всякихъ притязаній жизнь Вашингтона, его пламенная ревность къ поддержанію государственнаго постановленія представляютъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ моментовъ новейшей исторіи. «Ни одинъ народъ», сказалъ Вашингтонъ въ своей вступительной рѣчи, «не можетъ полагаться на милость Бога, если онъ не соблюдаетъ вѣчныхъ заповѣдей порядка и справедливости, данныхъ самимъ Богомъ».

Конституція Северо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ 1787 г. довольно извѣстна, и потому ограничиваемся однимъ только ея очеркомъ.

Законодательная власть принадлежитъ двумъ камерамъ, сенату и камерѣ депутатовъ или представителей.

Депутаты, отправляемые на конгрессъ, избираются въ штатахъ каждые два года. Избиратели должны имѣть тѣ же свойства, которыми пользуются имѣть право на избраніе штатгальтеровъ отдѣльныхъ штатовъ. Депутатъ долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, съ тѣмъ одна-

(*) Messages of the Presidents. 66. Тѣ же жалобы Рандольфа въ Madison papers II, 130.

кожъ, чтобъ семь лѣтъ онъ былъ уже гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ; впрочемъ, ничего болѣе отъ него не требуется.

Депутаты избираются округами, смотря по числу жителей, определенному закономъ; для того каждые десять лѣтъ повторяется пародная перепись и определяется число депутатовъ. Каждый штатъ присылаетъ депутата на конгрессъ. Камера депутатовъ избираетъ своего оратора (speaker) и другихъ члновиковъ, и одна только имѣетъ право обществ. аппелляцій (impeachments).

Каждый штатъ избираетъ двухъ сенаторовъ на шесть лѣтъ. Каждый два года выбываетъ треть сенаторовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ голосъ. Сенаторъ долженъ быть не моложе тридцати лѣтъ и прожить не менѣе девяти лѣтъ въ штатѣ, его избравшемъ; впрочемъ, избраніе его ничѣмъ не стѣсняется, какъ и избраніе депутата. Каждый депутатъ и сенаторъ получаютъ ежедневнаго содержанія восемь долларовъ, оратор же и президентъ сената вдвое. Вице-президентъ Соединенныхъ-Штатовъ есть также и президентъ сената, но голосъ свой онъ можетъ давать только въ томъ случаѣ, когда прочіе голоса раздѣлятся на двѣ равныя половинны. Сенатъ рѣшаетъ всѣ общественныя жалобы, но для приговора его необходимы двѣ трети всѣхъ голосовъ. Законодательная власть или правительство каждаго отдельнаго штата определяетъ время, мѣсто и образъ избранія депутатовъ и сенаторовъ. Конгрессъ собирается по-крайней-мѣрѣ однажды въ годъ и обыкновенно въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца. Никто, занимая какую-либо должность не можетъ быть ни депутатомъ, ни сенаторомъ; ни одинъ изъ нихъ не подлежитъ ответственности за рѣчи, говоренныя имъ въ камеру, и одинъ за свои проступки (кроме измены, или нарушенія мира) не подлежитъ тюремному заключенію. Всѣ законы, имѣющіе предметомъ своимъ денежныя дѣла, возникаютъ въ камерѣ представителей; но сенатъ можетъ предлагать измѣненія и въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ же какъ и при рѣшеніи другихъ биллей. Каждый проектъ закона, трикратно прочитанный и прошедшій чрезъ обѣ камеры, представляется на утвержденіе президента; если президентъ не утверждаетъ его, то обязанъ съ своими замѣчаніями возвратить его обратно въ камеру, изъ которой онъ вышелъ, и тогда билль разсматривается снова. То же самое повторяется и въ другой камерѣ. Если же двѣ трети обѣихъ камеръ одобряютъ его снова, то онъ и безъ согласія президента получаетъ силу закона; если же президентъ не возвратитъ билля въ-теченіе десяти дней, билль также считается утвержденнымъ.

Конгрессу предоставлены самыя большія права; главнѣйшія изъ нихъ состоятъ въ правѣ наложенія податей, имѣющихъ цѣлю общую пользу республики, погашеніе долга или общественныя улучшенія; ему предоставлено также определеніе торговыхъ отношеній между отдельными штатами и всей республики съ союзными державами, постановленія о принятіи въ число гражданъ, о банкротствахъ, монетахъ, разсудъ и мѣрахъ; онъ же занимается устройствомъ почтъ, выдачею праван

гій на изобрѣтенія, учреждаетъ суды, наказываетъ морскіе разбои и прочія преступленія противъ народнаго права. Сверхъ-того, ему принадлежитъ объявленіе войны, снаряженіе войскъ и флотовъ, наборъ милиціи, укрощеніе мятежей и вообще наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ законовъ Союза; онъ же имѣетъ надзоръ за крепостями, верфями и цейхгаузами Союза и издаетъ вса постановленія, относящіяся до исчисленныя нами предметовъ.

Исполнительная власть находится въ рукахъ президента Соединенныхъ-Штатовъ. Онъ избирается на четыре года (*), и по истеченіи срока можетъ быть избираемъ снова. Онъ долженъ быть или урожденцемъ Соединенныхъ-Штатовъ, или прожить въ нихъ не менѣе четырнадцать лѣтъ и имѣть по-крайней-мѣрѣ 35 лѣтъ отъ роду. День избранія президента опредѣляется конгрессомъ. Каждый отдѣльный штатъ назначаетъ (по формамъ, предписаннымъ имъ законами) столько избирателей, сколько онъ посылаетъ сенаторовъ и депутатовъ на конгрессъ. Это избраніе совершается въ-теченіе 34 дней, предшествующихъ первой середѣ декабря мѣсяца (**), въ большей части штатовъ и всеми избирателями, имѣющими право голоса (by a general ticket), въ некоторыхъ правительствахъ, въ двухъ по округамъ. Ни одинъ изъ чиновниковъ Соединенныхъ-Штатовъ, ни одинъ членъ конгресса не можетъ быть избирателемъ. Избиратели каждаго штата назначаютъ (въ первую середу декабря), посредствомъ баллотировки или тайнаго совѣщанія, двухъ кандидатовъ на званіе президента, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ одинъ не принадлежитъ къ избирающему штату. Имена избранныхъ отправляются къ президенту сената, который запечатанные пакеты вскрываетъ въ присутствіи обѣихъ камеръ и считаетъ голоса. На чьей сторонѣ большинство голосовъ, тотъ и становится президентомъ; если же никто не получалъ такого большинства, то камера депутатовъ избираетъ президента изъ трехъ лицъ, получившихъ большее число голосовъ. Въ этомъ случаѣ вса депутаты каждаго штата имѣютъ только одинъ голосъ, и большинство штатовъ необходимо для избранія.

При избраніи вице-президента соблюдается тотъ же порядокъ; только въ послѣднемъ сомнительномъ случаѣ сенатъ рѣшаетъ избраніе изъ двухъ, получившихъ болѣе голосовъ. Въ случаѣ отсутствія президента, мѣсто его заступаетъ вице-президентъ и послѣ него ораторъ камеры депутатовъ. Президентъ получаетъ 25 тысячъ долларовъ, вице-президентъ 5 тысячъ ежегоднаго содержанія, что едва достаетъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ издержекъ. Президентъ пользуется слѣдующими правами: онъ распоряжается морскою, сухопутною силою и даже милиціею, если она дѣйствуетъ для общихъ дѣлъ республики. Въ необыкновенныхъ случаяхъ ему предоставлено право созывать конгрессъ;

(*) Изъ первыхъ восьми президентовъ пять были избраны во второй разъ, и ни одинъ не пожелалъ третьяго избранія.

(**) По новому постановленію, въ тотъ же день.

онъ требуетъ и участвовать отчеты отъ всѣхъ судовъ, назначаетъ большую часть чиновниковъ республики и заключаетъ договоръ съ согласія сената (который можетъ отвергнуть предложеніе, но самъ чиновниковъ не назначаетъ), принимаетъ иностранныхъ пословъ и министровъ, представляетъ конгрессу обзоръ всѣхъ связей Соединенныхъ - Штатовъ и предлагаетъ мѣры улучшенія, которыя почитаетъ необходимыми. Онъ терлетъ свое мѣсто (подобно прочимъ чиновникамъ республики), если уличенъ будетъ въ измѣну, лихоимствѣ или другихъ тяжкихъ преступленіяхъ.

Судебная власть находится въ рукахъ одного *высшаго судьи* для всей республики и такихъ подчиненныхъ судовъ, которые время-от-времени назначаются конгрессомъ; членовъ такого суда определяетъ президентъ съ согласія сената; они сохраняютъ мѣста свои до-тѣхъ-поръ, пока исполняютъ должности удовлетворительно, и получаютъ содержаніе во все время своей службы.

Все уголовное и гражданскія дѣла, всѣхъ которыхъ превышаетъ цѣнность 20 долларовъ, рѣшаются судомъ присяжныхъ. Конгрессъ можетъ принимать въ союзъ республики новые штаты; но, безъ согласія самихъ штатовъ, новые не могутъ слѣваться въ одно съ старыми, не могутъ входить въ составъ ихъ. Союзъ покровительствуетъ республиканскому правленію каждаго штата и защищаетъ его отъ внешнихъ и внутреннихъ враговъ. Для занятія какой бы то ни было должности, вовсе не требуется присяги, а вообще конгрессъ не можетъ запрещать или разрѣшать введеніе какаго бы то ни было религіознаго исповѣданія.

Когда два трети обѣихъ камеръ или два трети штатовъ предложатъ перемѣну въ управленіи, тогда созывается собраніе (*convention*), и что одобрятъ три четверти его или три четверти законодателей въ отдельныхъ штатахъ, то дѣлается существенною частію государственнаго постановленія.

Когда новая конституція союза была утверждена, многіе должны были отказаться отъ надежды исполнить задуманные ими планы; многіе боялись также слишкомъ-большой власти конгресса. «Президентъ» замечалъ послѣдніе: «скоро преобразится въ неограниченнаго монарха, сенатъ присвоитъ себѣ аристократическія права, камера депутатовъ будетъ покровительствовать безпорядкамъ демократіи».

До-тѣхъ-поръ, пока подобныя сомнѣнія и переговоры возрастали на американской почвѣ и вытекали изъ самаго состоянія Америки, они были скорѣе полезны, чѣмъ опасны; когда же развилась французская революція, она повлекла за собою такіа идеи и намѣренія, которыя, безъ соображенія мѣста, времени и особенностей народа, принимались за безусловные образцы. Съверо-Американцы, выхваляя подвиги Французовъ, называя ихъ величайшимъ народомъ на земномъ шарѣ, стали порицать свои собственныя постановленія и требовать въ нихъ перемѣны. Когда гражданинъ Женё явился въ Чарльтоунъ (въ апрѣлѣ 1793 г.), ему сдѣлали блистательный пріемъ и съ торжествомъ встречали

его во всехъ областяхъ, по которымъ превзжалъ онъ; по французско-му обычаю, многіе начали составлять клубы и заниматься политическими дѣлами. Въ-слѣдствіе этого, тщеславіе, гордость и самонадѣянность посла возрасли до такой степени (*), что онъ побуждалъ народъ къ сварженію флота для войны съ Англіею, къ походу въ Луизиану, оскорбительно обходился съ Вашингтономъ и сылалъ въ народъ съмена непослушанія. Вашингтонъ, не желая разорвать согласія съ Франціею и надѣясь возвратить заблудшихъ на путь истины, сначала обращался съ Женé весьма-осторожно и умѣренно; но когда онъ увидѣлъ, что такой образъ дѣйствія ведетъ къ новымъ злоупотребленіямъ и притязаніямъ съ его стороны, то вышелъ съ твердостью впередъ, заставилъ отозвать Женé, и въ третій разъ сдѣлался спасителемъ своего отечества. Злобныя клеветы давно уже замолкли, — и побѣта американскаго постановленія, независимость Соединенныхъ — Штатовъ были явнымъ доказательствомъ достоинства его и силы. Справедливость была на сторонѣ Вашингтона, когда онъ отказался отъ всякаго участія въ бѣдственныхъ событіяхъ, потрясавшихъ тогда Европу, и 27 октября 1795 г. заключилъ торговый договоръ съ Англіею.

Когда, при этомъ случаѣ, камера депутатовъ вздумала преступить кругъ своихъ правъ и вмѣшаться въ обязанность президента относительно внѣшнихъ сношеній, Вашингтонъ объявилъ кротко, но съ твердостью, что, по закону, договоръ прочтенъ безъ участія депутатовъ, и что долгъ запрещаетъ ему уступить ихъ требованію.

При окончаніи своего перваго четырех-лѣтняго президентства, Вашингтонъ счелъ обязанностью передать это высокое званіе другому лицу; но достойные друзья его и даже умные противники убѣждали его пожертвовать личными наклонностями своими благу отчизны. Томасъ Джефферсонъ писалъ ему: «Довѣріе всего народа обращено къ вамъ. Когда кормило правленія находится въ вашихъ рукахъ, одно это уже служитъ достаточнымъ противодействіемъ всѣмъ попыткамъ возбудить народъ къ возмущенію или насилію. Сѣверъ и югъ будутъ согласны, если станутъ твердо держаться васъ; и когда первыя средства къ улучшенію, предложенныя депутатами, окажутся недостаточными, то уже ваше присутствіе дастъ намъ возможность изыскать новыя средства, сообразныя съ единодушіемъ и спокойствіемъ штатовъ. Я хорошо понимаю, какъ сильно гнететъ душу вашу обязанность управленія, и какъ горячо стремитесь вы къ тихому спокойствію домашней жизни. Но иногда на землѣ появляются умы столь свѣтлые, что человечество считаетъ себя въ правѣ располагать ими, противиться склонности ихъ къ тихому счастью и поставлать ихъ на такое мѣсто, на которомъ они могутъ изливать блага въ настоящемъ и будущемъ. Это ваше призваніе, обязанность, возложенная на васъ Провидѣніемъ, которое не даромъ такъ щедро

(*) Женé былъ «hot heated, all imagination, no judgment, passionate, disrespectful, indecent towards the president» etc. Слова Джефферсона въ Tuckers Life 1, 444.

вась одарило и вызвало событія, на которыя вамъ определено действовать».

Вашингтонъ былъ избранъ президентомъ во второй разъ 132 голосами изъ 135, и до марта 1797 г. употреблялъ все усилія для упроченіи мира и возвышенія своего отечества. Письмо, въ которомъ Вашингтонъ по сложениіи съ себя президентскаго званія, прощается съ американскимъ народомъ, служитъ отпечаткомъ его благородной натуры. Онъ наполяетъ все счастье, все выгоды, которыя Богъ ниспослалъ на эту страну въ щезаетъ самымъ достойнымъ и убедительнымъ образомъ сохранитъ порядокъ, и единодушіе и доказываетъ, что нравственность, добродѣтели и истинная религія необходимы, какъ отдельнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ государствамъ. Это благородное, многознаменательное, богатое слѣдствіями завѣщаніе великаго человѣка можетъ всегда служить для Американцевъ примѣромъ и руководствомъ; слѣдуя ему, они никогда не придутъ въ уныніе во время несчастія, не преклонятся предъ высокомеріемъ или тщеславіемъ. Онъ заключалъ это замѣчательное посланіе следующими словами:

«Перебирая въ памяти все происшедшее въ годы моего управленія чувствую, совѣсть не упрекаетъ меня, чтобъ я когда-либо погрѣшилъ съ намѣреніемъ; но я такъ убежденъ въ своихъ недостаткахъ, что не могу не чувствовать многихъ сдѣланныхъ мною ошибокъ, всеими горячія молебны къ Всемогущему, да отвратитъ Онъ бѣдственныя слѣдствія, могущія произойти отъ нихъ. Разстаюсь съ вами въ надеждѣ, что отечество мое снисходительно извинитъ мои недостатки въ узаніе пламенной ревности, съ которою я въ продолженіе 45 лѣтъ посвящалъ себя ему на служеніе, чтобъ я самъ могъ отойти въ жизнь невозмущаемаго мира. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, доверши любви моей родины, и съ радостнымъ предчувствіемъ возвращаюсь къ тихой домашней жизни, которою надѣюсь насладиться вполне, и въ то же время радуюсь, вмѣстѣ съ моими согражданами, что добрыя законы при свободной конституціи кротко управляютъ нами, что мы достигли блестящей цѣли и получили прекрасную награду, заслуженную нашими общими трудами, страданіями и опасностями.»

Последнія надежды благороднаго человѣка исполнились. Только на короткое время оставилъ онъ еще разъ свое сельское уединеніе, для того чтобъ спасти отечество свое отъ притязаній Франціи. Онъ умеръ на годъ (14 декабря 1799) спокойною, ясною смертію. Конгрессъ решилъ почтить кончину его торжественною процессіею, наложеніемъ траура на мѣсяць, и воздвигнуть ему мраморный памятникъ. Участіе къ Вашингтону обнаружилъ вся образованная народы, и немногіе люди, нѣкоторые изъ которыхъ увѣковѣчена мраморомъ и мѣдью, представляютъ вотопи такое благословенное, ничѣмъ незапятнанное величіе.

На мѣсто Вашингтона президентомъ избранъ былъ Джонъ Адамсъ (1797 г.) большинствомъ 71 голоса, и Томасъ Джефферсонъ вице-президентомъ большинствомъ 68. Первый родился въ 1735 году въ штатѣ

Массачусетс, былъ членомъ перваго конгресса, участникомъ въ провозглашеніи независимости, посланникомъ во Францію и составителемъ новой конституціи въ Массачусетс.

Хотя Адамсъ былъ человекъ справедливый, ученый, опытный въ дѣлахъ, но избраніе его возбуждало опасенія, что правленіе его приметъ односторонній, англо-американскій характеръ. Первая рѣчь, произнесенная имъ въ конгрессѣ, успокоила многихъ. Исчисливъ недостатки стараго постановленія, онъ съ большою похвалою отозвался о новомъ, и увѣрялъ, что все усилія свои употребитъ къ поддержанію послѣдняго, къ соблюденію правъ отдельныхъ штатовъ, сохраненію мира, правосудія и устраниенію притязаній чуждаго народа. Послѣднее было сказано на счетъ Франціи, о чемъ, при открытіи втораго конгресса, еще яснѣе выразился Д. Адамсъ, говоря, что Америка желаетъ поддержать общій миръ, но что есть граница, за которою свободный народъ не долженъ терпѣть оскорбленій и обязанъ защищать свое достоинство. Конгрессъ во всемъ согласился съ своимъ президентомъ, и Франція не удалось произвести раздоровъ.

Французская директорія, недовольная рѣчью президента, впрочемъ, весьма-умѣренной, объявила такіа требованія, что раздражила большую часть Американцевъ; въ 1798 году, дошло до войны съ Франціею, и только по паденіи директоріи былъ возстановленъ миръ въ сентябрѣ 1800 года.

Во время несогласій съ Франціею и безпокойства, обнаружившагося въ Америкѣ, изданы были два закона: о чужихъ поселенцахъ и о возмущеніи (alienbill, seditionbill). Первый давалъ президенту право удалять подозрительныхъ иностранцевъ и постановлялъ, что полученіе правъ гражданства возможно только послѣ четырнадцати-лѣтняго пребыванія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Законъ о возмущеніи направленъ былъ противъ тайныхъ союзовъ, матежныхъ писемъ, клеветъ на правительство и т. п., и доводилъ наказаніе до двухъ тысячъ долларовъ, или двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Нѣкоторые одобряли эти мѣры, какъ сообразныя съ настоящимъ порядкомъ вещей, другіе называли ихъ тиранническими, и разсѣянію двухъ партій—федералистовъ и республиканцевъ—обнаруживалось все яснѣе и определеннѣе.

Адамсъ стоялъ во главѣ первой партіи, Томасъ Джеферсонъ во главѣ второй. Но и послѣдній говоритъ о своемъ соперникѣ: «Адамсъ былъ главною опорою объявленія независимости на конгрессѣ и самымъ твердымъ защитникомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Общественныя рѣчи его не были умекательны и витіеваты, даже не всегда плавы, но онъ съ такою силою соединялъ вмѣстѣ и идею и ея выраженіе, что трогалъ всѣхъ насъ. Человекъ, болѣе честный во всѣхъ отношеніяхъ, не выходилъ изъ рукъ природы.»

Вотъ оцѣнка втораго президента американской республики, сдѣланная величайшимъ изъ его противниковъ!

Томасъ Джеферсонъ, старшій изъ восьми братьевъ и сестеръ, составившихъ его семейство, родился въ Шадуэллѣ (въ графствѣ Альбер-

маль, въ Виргиніи) (*). Отецъ его получилъ довольно-плохое воспитаніе, но одаренный отъ природы здравымъ умомъ, онъ тщательнымъ прилежаніемъ приобрѣлъ много познаній уже въ-последствіи; ранняя смерть не допустила его имѣть вліяніе на образованіе сына, но за то онъ оставилъ ему средства урочить себя независимое состояніе. Подобно Вашингтону и Адамсу, Томасъ Джеферсонъ не обладалъ теми качествами, которыя придають личности человека поверхностный блескъ, за то былъ въ высшей степени трудолюбивъ, дѣлатель, обнаруживалъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ необыкновенно-твердую волю. Живое участіе къ философіи, искусству, классической древности образовали умъ его для многосторонней дѣятельности; онъ говорилъ и писалъ превосходно и прославился какъ адвокатъ, хотя тѣлесныя силы его съ трудомъ переносили утомленіе продолжительныхъ речей. Дикція Джеферсона была плавная, увлекательная, а пріятностью своего обхожденія онъ умѣлъ обворожить каждаго. Впрочемъ, эта ловкость въ обществѣ несколько не вредила его твердости и рѣшимости — двумъ качествамъ, одинаково необходимымъ въ отношеніяхъ Соединенныхъ-Штатовъ къ Англіи. Съ самаго начала онъ высказалъ твердое убѣжденіе, что примиреніе съ метрополіею возможно только на прочныхъ основаніяхъ, на условіяхъ, наиболее-выгодныхъ для республики. «Я правлю корабль мой съ надеждою», говорилъ онъ самъ: «и страхъ оставляю за кормою» (**). Бурное море республиканскихъ идей было стихіею, по которой онъ смѣло направлялъ бѣгъ свой и путеводительницею имѣлъ всегда пользу своего отечества; «*ab eo libertas, a quo spiritus*» было девизомъ его печати.

Джеферсонъ былъ главнымъ основателемъ союза, составившагося для поддержанія правъ Сѣверной-Америки, которыя такъ убѣдительно изображалъ въ небольшой брошюрѣ, что Боркъ перепечаталъ ее въ Англіи и дополнилъ своими примѣчаніями. Необходимость совершенной независимости Америки онъ представилъ такъ ясно, что конгрессъ избралъ его, Адамса, Франклина, Шермана и Левингстона для составленія комитета по этому дѣлу. По распределеніи занятій между членами комитета, Джеферсону досталось на часть составленіе прокламаціи о независимости Соединенныхъ-Штатовъ, обессмертившей его имя.

Что не слѣпой случай доставилъ ему это безсмертіе, доказываютъ высказанныя имъ идеи и планы, которыя онъ представилъ въ бытность свою членомъ законодательнаго собранія (1769) и штатгалтеромъ Виргиніи (1779).

По объявленіи независимости Америки, въ маѣ 1784 г., Джеферсонъ отправленъ былъ посломъ отъ Соединенныхъ-Штатовъ въ Парижъ и пробылъ тамъ до октября 1789 г. Его республиканскія мнѣнія заставила

(*) *Bayner и Tucker-Life of Jefferson. Encyclopedia Americana.* Бодѣ же всего его собственныя, изданныя въ четырехъ томахъ мемуары и письма.

(**) *Jeffersons Memoirs. IV. 271.*

Чтобъ убедиться, сколько нелѣпыхъ обвиненій введено было на Джеферсона, необходимо прочесть въ его мемуарахъ тѣ мѣста, гдѣ онъ высказываетъ мнѣнїя, болѣе всего порицаемыя его клеветниками, т. е. мысли его о религїи, философіи и государственномъ управленїи; можно рѣшительно сказать, что, не смотря на ошибки Джеферсона, на одна идея его не пропстекла изъ какого-нибудь нечистаго или своекорыстнаго источника. Менѣе всего правилась ему философія Платона; онъ прочелъ его «Республику», и очень-понятно, почему практическій государственный человекъ, воззавшій полміра къ новой жизни, по справедливости находилъ ученїе Платона о поступленїи въ общее владѣніе имуществомъ и женъ, объ огромныхъ казармахъ для воспитанїа, о малыхъ республикахъ и тому подобномъ, — ученїемъ нелѣпымъ и совершенно-невозможнымъ въ практическомъ примѣненїи. Уже Аристотель высказалъ подобное убѣжденїе, а вѣсвалы, которые стремились осуществить Джеферсонъ (и которые осуществлялись, не смотря на всѣ противорѣчїа), не мысли ничего похожаго на мечты Платона и приближались къ послѣдовательному рациональному ученїю Аристотеля.

Мнѣнїе, столько разъ высказанное, что сила одной мысли a priori находятъ самыя лучшія законы и всездѣ можетъ быть примѣнена съ успѣхомъ, противорѣчило всѣмъ убѣжденїямъ Джеферсона. Онъ часто говорилъ, что «въ такой смѣшанной наукѣ, какъ наука о государствѣ и объ общественныхъ отношенїяхъ, одно положенїе не можетъ быть основанїемъ всѣхъ вѣковъ и обстоятельствъ». Въ этомъ пунктѣ согласны были съ Джеферсономъ всѣ его противники; главный же предметъ несогласїа состоялъ въ томъ, какія постановленїа возможны въ Америкѣ при настоящихъ обстоятельствахъ. Мы упомянули выше объ образованїи двухъ партїй, и Джеферсонъ сдѣлался дѣятельнымъ главою той, которая называлась «республиканскою»; онъ горько жаловался на это раздѣвленїе, разрушавшее много надеждъ въ будущемъ, и уничтожавшее связи дружества. «Люди (говорилъ онъ), которые всю жизнь провели въясѣ, на улицѣ убѣгаютъ другъ друга, отворачиваютъ голову въ сторону, чтобъ не снятъ шляпы». «Джеферсонъ самъ (говорили его противники) главная причина этого печальнаго состоянїа»; но такое обвиненїе ровно ни на чемъ не основано. Борьба была неизбежна, ибо предметомъ ея были важнѣйшіе интересы націи, вся будущность цѣлой части свѣта.

Положенїе Джеферсона было самое затруднительное, потому-что всѣ герои войны за независимость (Вашингтонъ, Гамильтонъ, Адамсъ, Маршаллъ и многіе другіе) стояли на сторонѣ федералистовъ и требовали стараго порядка, умѣренности, строгаго права и сильнаго союзнаго правленїа. Если не съ благоговѣнїемъ, то съ великимъ уваженїемъ смотрѣли они на постановленїа, которые въ Европѣ, или точнѣе въ Англіи, были плодами вѣковой дѣятельности и зрѣлаго опыта. Многіе почитали государственное устройство Англіи за non plus ultra совершенства и сожалѣли, что въ Америкѣ нельзя перевести всего изъ Англіи, а должно довольствоваться худшимъ. Гамильтонъ предложилъ из-

вать президента и сенаторовъ на всю жизнь, и, говоря съ презрѣніемъ о демократическомъ постановленіи (*but pork still, With a little tange of sauce*), старался сблизить американскую конституцію съ англійской. Это мнѣніе болѣе или менѣе раздѣляли всѣ государственныя люди Америки; вотъ причина, по которой англійскіе путешественники того времени представляютъ Соединенные-Штаты чѣмъ-то нестройнымъ, естественнымъ; мнѣ казалось странно, что у Американцевъ не было лордовъ, верхней палаты, права первородства и даже судейскихъ привилегій. Джеферсонъ, одинъ сопротивлявшійся всѣмъ, являлся въ глазахъ ихъ безразсуднымъ мечтателемъ, желавшимъ невозможнаго и даже далеко оставившимъ за собою всѣ неисполнимыя мечты Платона. То, чему не было примѣра въ исторіи, невозможность чего доказали многіе несчастные опыты, было цѣлью дѣятельности всей его жизни. Тринадцать (теперь двадцать-шесть) демократій должны были управлять сами собою и въ свою очередь составить огромную республику, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ изгнаны были всѣ насильственные средства управленія.

Съ тѣмъ же энтузіазмомъ, который одушевлялъ его въ борьбѣ за демократію, онъ всегда и вездѣ вооружался противъ торговли невольниками; но его мало слушали, и интересъ заглушалъ въ согражданахъ его чувство любви къ человечеству. Не смотря на всѣ по-видимому мечтательныя идеи свои, онъ, какъ практическій, государственный человѣкъ никогда не опускалъ изъ вида возможнаго и исполнимаго и твердо убежденъ былъ, что бѣлые и Индійцы никогда не могутъ пользоваться одинаковыми правами, оставаясь вмѣстѣ въ одномъ государствѣ, по различію, которое провели между ними природа, привычка и общественное мнѣніе. Вотъ, что писалъ онъ къ Джегедію Морзу 6 марта 1822 года:

«Я получилъ письмо ваше отъ 6 марта и благодарю васъ за почетное мѣсто, которое вы предлагаете мнѣ и друзьямъ моимъ въ обществѣ для образованія и улучшенія Индійцевъ. Предметъ этотъ всегда близокъ былъ моему сердцу, и я не пропускалъ (когда только могъ действовать) ни одного случая, чтобъ способствовать его выполнению. Даже и теперь, когда старость и уединеніе отдѣляютъ меня отъ политическихъ дѣлъ, ничто не можетъ въ такой степени пробудить мое участіе, какъ планъ вырвать этотъ добрый и злополучный народъ изъ того состоянія физическаго и нравственнаго униженія, въ которое онъ низвергнутъ обстоятельствами, вовсе отъ него независимыми. Впрочемъ, какъ ни велика любовь, съ которою я смотрю на это дѣло, по зрѣломъ размысленіи я долженъ искренно сказать вамъ, что предложенный планъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ полнаго одобренія. Не беру на себя проводить линію разграниченія между частными союзами, заключенными съ похвальною цѣлью числомъ людей, неопаснымъ ни для кого, и между тѣми, которые по многочисленности своей могутъ вступить въ битву съ правильнымъ правительствомъ и разстроить его направленіе. Но линія эта въ дѣйствительности суще-

ствують. Я видѣлъ времена (передъ началомъ нашей революціи), когда необходимо было это крайнее и опасное средство; но то были времена, повторенія которыхъ не могу желать. Тогда правильныя постановленія правительства соединялись между собою противъ нравъ народа, и послѣднему не оставалось ничего болѣе, какъ только основать боковую (collateral) власть, которая бы упрочила и спасла гибнущія права. Но такое положеніе дѣлъ не идетъ въ сравненіе съ настоящимъ ходомъ нашего управленія. Мы не должны отвѣчаться на устройство власти, которая, потерявъ свою первоначальную цель, легко можетъ потратить основаніе общества и привести въ опасность спокойствіе нашей родины.

«Какъ ни глубоко убежденъ я (заключаетъ онъ свое посланіе) въ чистоту намѣреній предполагаемаго союза, какъ ни искренно уважаю людей, принявшихъ на себя званіе его членовъ, но совѣсть и долгъ гражданина препятствуютъ мнѣ принять въ немъ участіе.»

Все сказанное нами о Джеферсонѣ служитъ доказательствомъ, какъ преувеличены были опасенія его противниковъ, обнаружившіяся въ то время, когда его избрали въ первый разъ въ званіе президента. Невозмущаемый этими враждебными камнями, онъ съ твердостью направилъ путь къ своей цели, вездѣ заботился о сбереженіи общественныхъ суммъ, объ уменьшеніи долговъ, объ ограниченіи числа постояннаго войска, объ устройствѣ милиціи, и все это въ чисто-республиканскомъ духѣ. Въ-слѣдствіе экономическихъ распоряженій и строгаго надзора за управленіемъ финансовъ, одніи таможенныя пошлины покрывали издержки союза, а внутренніе налоги были отменены. Джеферсонъ не безпокоился о томъ, что уничтоженіе многихъ должностей уменьшило его собственные доходы: онъ жилъ всегда просто, избегалъ всякой пышности, не являлся въ торжественныхъ случаяхъ предъ народомъ, даже не произносилъ рѣчей на конгрессѣ, а довольствовался письменными посланіями.

Въ-продолженіе своей четырехлѣтней служебной дѣятельности, Джеферсонъ обнаружилъ такъ мало притязаній на господство, а твердостью и кротостью приобрѣлъ столько довѣренности у своихъ согражданъ, что они превознесли похвалами дѣйствія его во благо республики, и, при вторичномъ избраніи его въ президенты въ 1805 г., сто-шестьдесятъ-два голоса объявили себя въ пользу этого избранія и только четырнадцать противъ него.

Мы говорили уже о множествѣ противниковъ Джеферсона, о клеветкахъ, которыми встрѣтили его журнальные столбцы; борьба эта легко бы могла утопить всякаго другаго, кромѣ Джеферсона: онъ смотрѣлъ на необходимое развитіе, на самую будущность своего отечества глазами правдѣ и рѣшился содѣйствовать этому развитію всеми силами, какія только были у него въ рукахъ. Все подати, собираемыя внутри государства, были отменены (въ 1802 г.), военные издержки значительно уменьшены, несправедливые законы противъ иностранцевъ и возмущеній уничтожены; сверхъ-того, улачено было тридцать-три съ поло-

июною милліона долуга; всѣ расходы ограничены полтора милліонами; оставленъ былъ запасный капиталъ въ четырнадцать милліоновъ. Стоитъ припомнить, что происходило въ то время въ Европѣ, чтобъ могла оцѣнить заслуги Джеферсона и понять, какъ онъ искусно умѣлъ воспользоваться тогдашними обстоятельствами. Въ 1783 г., Соединенные-Штаты были совершенно устранены отъ владѣній по берегамъ Миссиссиппи и Мексиканскаго-Залива, и нѣкоторые Американцы радовались такимъ естественнымъ и прочнымъ границамъ; но не таково было мнѣніе Джеферсона и жителей юго-восточныхъ штатовъ, становившихся все дѣятельнѣе и могущественнѣе. Имъ само-собою представлялся вопросъ: «если Испанія и Франція займутъ Миссиссиппи, Англія Вѣрку-св.-Лаврентія, гдѣ же будетъ путь сообщенія для внутреннихъ штатовъ, куда перейдетъ сбытъ ихъ произведеній, размножающихся съ каждымъ днемъ?» Ясно, что Сѣверная-Америка должна будетъ, во что бы то ни стало, приобрести водные пути, хотя бы въ случаѣ необходимости должно было даже начать войну съ этою цѣлью.

Луизиана или страна, простирающаяся отъ Новаго-Орлеана до Сан-Луя, отъ Миссиссиппи до Тихаго-Моря, равная по пространству всѣмъ Соединеннымъ-Штатамъ вѣсть, должна была сдѣлаться (какъ твердо и убедительно доказывалъ Джеферсонъ) достояніемъ Сѣверо-Американской-Республики, чтобъ оградить ее для вѣчнаго мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить гражданамъ самое обширное и выгодное поприще для многосторонней дѣятельности. Федералисты, противники Джеферсона, называли подобное намѣреніе безуміемъ, исполненіе его невозможностью, напоминали объ умеренности, предсказывали рядъ разорительныхъ и бѣдственныхъ войнъ и т. д.

Эти злые и близорукіе толки нисколько не совратили Джеферсона съ принятаго имъ пути; напротивъ, онъ тщательно наблюдалъ за ходомъ современныхъ событій и смѣло воспользовался представившимся ему случаемъ. Луизиана, бывшая въ началѣ французскою колоніею, перешла въ 1763 г. къ Англіи, въ 1783 къ Испаніи, въ 1800 году попала подъ власть Наполеона. Джеферсонъ объявлялъ, что на это нельзя смотрѣть равнодушно, и что необходимо занять Миссиссиппи, ибо близкое соседство поведетъ къ войнѣ съ Французами, следовательно, къ тѣсному союзу съ Великобританіею. Вотъ, что писалъ Джеферсонъ къ Монро, американскому посланнику въ Парижѣ. «Отъ успеха вашихъ переговоровъ зависитъ будущность нашего отечества (*). Если мы не достигнемъ этого приобращенія путемъ мира, то должны приготовиться къ войнѣ; оставаться долге въ настоящемъ положеніи намъ невозможно». Наполеонъ видѣлъ, что по отдаленности Луизианы подать ей помощь у него не доставитъ средствъ; сверхъ-того, онъ въ то время нуждался въ деньгахъ и увѣренъ былъ, что уступкою этой земли вовлечетъ Американцевъ въ непрерывныя ссоры съ Англичанами. Такимъ образомъ за 60 милліоновъ франковъ Американцы приобрѣли (въ

1603 г.) другую половину Сѣверной-Америки. Никогда еще неизбежность войны не была устранена более-благоприятнымъ образомъ, и когда еще такія огромныя выгоды не пріобрѣтались за такую ничтожную сумму. Путешествія по вновь пріобрѣтенной, частью совсѣмъ-и извѣстной странѣ запада были организованы Джеферсономъ (*) и урчили намареніямъ его желанію будущность.

Между-тѣмъ, морская война между Англією и Францією наносила жестокий вредъ Американцамъ. «Мы почитаемъ», говоритъ Джеферсонъ (**) «превосходство Франціи на сушѣ и Англіи на морѣ губительнымъ для мира и благоденствія государствъ. Не вѣримъ, чтобъ Бонапартъ сражался за свободу морей, Англія за свободу народовъ; оба они хотятъ присвоить себѣ могущество, счастье и силы другихъ народовъ»

Обѣ враждующія державы истребили невѣроятное множество американскихъ кораблей (Барбе-Марбуа насчитываетъ ихъ въ 8 лѣтъ / 2500); Англичане вербовали американскихъ матросовъ и силою заставляли ихъ служить у себя на корабляхъ. Вся ходатайства о нихъ в Лондонѣ и Парижѣ (***) оставались безъ дѣйствія; вести войну съ двумя державами въ одно время было бы безразсудно, оставаться въ бездѣйствіи невозможно; наконецъ, конгрессъ 22 декабря 1807 г. рѣшилъ значительнымъ большинствомъ голосовъ наложить запрещеніе (амбарго) на все корабли; такимъ-образомъ почти прекратилась вся торговля. Разумѣется, подобная мѣра нанесла значительный вредъ враждующимъ державамъ, но нисколько не прекратила ихъ дѣйствій. Въ самой Америкѣ она скоро возбудила столько неуловольствій и жалобъ, что президентъ Джеферсона, Мадисонъ, долженъ былъ совершенно измѣнить е

Съ тою же ясностью души и веселостью, которая сопровождала удивленіи Вашингтона, удалился и Джеферсонъ отъ дѣлъ, когда ивну срокъ его второму президентству, и успокоилъ опасавшихся его честолюбія; но и въ удивленіи онъ слѣдилъ за общественными событіями, принималъ ревностное участіе въ основаніи университета въ Шарлотвиллѣ.

Различіе политическихъ убѣжденій, долгое время разлучавшее отъ Адамса, съ лѣтами потеряло свою нетерпимость; прежняя дружба возвратилась, и переписка этихъ двухъ благородныхъ, престарѣлыхъ друзей въ высшей степени поучительна и трогательна. Такимъ образомъ исчезло опасеніе Джеферсона о пристрастіи Вашингтона къ глини; недоступный суетному тщеславію и всегда готовый отбросить даже врагу, вотъ что говорилъ онъ о Вашингтонѣ «честность его была такъ чиста, справедливость до того неупреждаема, что не было человека, равнаго ему въ этомъ отношеніи. Препишете

(*) Lewis travels. North Amer. Review LI. 96. Murray I. Стр. 487.

(**) Memoirs IV. 173.

(***) France declared that we suffered the robberies of England with more pain than her own and England that she alone had a right to plunder us. Brackenbury's story of the late war XIX.

выгодъ, родства, дружбы или пристрастія не имѣли никогда въ глазахъ его ни малѣйшей цѣны. Онъ былъ дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, мудрый, добрый и великій человекъ».

Къ этимъ тремъ человекѣмъ присоединился еще пятидесяти-лѣтній, верный другъ Джеферсона, умный Мадисонъ, четвертый президентъ молодой, цвѣтущей республики. Они доверчиво подали другъ другу руки, и самое различіе ихъ мнзній подѣйствовало спасительно на многостороннее развитіе ихъ отечества и его жителей.

Съ друзьями своими и родственниками Джеферсонъ жилъ въ тихомъ согласіи въ помѣсть своемъ Монтиселло (Monticello). Одному изъ нихъ, онъ полусмѣлкой, полусерьезно сообщилъ слѣдующія правила практической жизни:

- 1) Никогда не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня.
- 2) Никогда не проси другихъ о томъ, что самъ можешь сдѣлать.
- 3) Никогда не издерживай денегъ прежде, чѣмъ не получишь ихъ въ свои руки.
- 4) Никогда не покупай ненужнаго потому только, что оно дешево.
- 5) Гордость стоитъ намъ дороже голода, жажды и холода.
- 6) Мы никогда не рассказываемся въ томъ, что мыло ѣли.
- 7) Никогда не утомляетъ насъ то, что мы дѣлаемъ съ охотою.
- 8) Сколько горя доставила намъ тѣ несчастія, которыя никогда не случались!
- 9) Смотри на вещи всегда съ умеренной ихъ стороны.
- 10) Если ты взволнованъ, сосчитай 10 прежде, чѣмъ заговоришь; если ты разсерженъ, сосчитай 100.

До 83-хъ-лѣтняго возраста Джеферсонъ пользовался рѣдкою силою духа и тѣла; съ того времени начало здоровье его ослабывать, и врачи предсказали ему близкую кончину. Когда онъ выразилъ желаніе дожить до 4 іюля 1826 года, то они объявили ему, что это невозможно. Но таково было желаніе его и сила воли, что какою-то чудесною силою поддержалась жизнь его до назначеннаго имъ срока, и онъ умеръ 4 іюля 1826 года въ часъ по полудни, въ тотъ самый день и часъ, когда, за 50 лѣтъ прежде, подписано было на конгрессъ предложенное имъ объявленіе о независимости Соединенныхъ-Штатовъ. Въ тотъ же день, чрезъ несколько часовъ, умеръ 90 лѣтъ отъ роду товарищъ его по трудамъ, достоинствамъ и возрасту, Джонъ Адамсъ. Въ тотъ же день, въ 1830 году, умеръ третій президентъ Соединенныхъ Штатовъ (пятый по избранію) Джеймсъ Монро.

Джеферсонъ умеръ въ бѣдности. Нѣкоторыя неудачи, отъ него независяшія, и радушное гостепріимство, съ которымъ онъ принималъ всякаго, разстроили его состояніе. Въ этомъ отношеніи, онъ стоялъ выше римскихъ консуловъ, которые презирали богатство только до тѣхъ-поръ, пока республика находилась въ бѣдности; онъ стоялъ во

главъ могущественной республики (употребимъ выраженіе Фукидида о Периклѣ) сильнѣе всякъхъ благъ, выше всякаго богатства. Правительство Луизианы, которую онъ возвелъ на такую цвѣтушую степень, узнавъ о всякъхъ обстоятельствахъ смерти Джеферсона, сдѣлало слѣдующее распоряженіе: «Томасъ Джеферсонъ окончилъ жизнь свою, посвященную имъ на благо родины и всего человечества, и оставилъ въ наслѣдіе дѣтямъ только добродѣтель свою и благодарность народа, независимость котораго онъ возвѣстилъ міру. Его мудростью и стараніемъ Луизиана включена въ число Соединенныхъ-Штатовъ и ему обязана своею политическою и гражданскою самобытностью. Нынѣ, чтобъ почтить глубоко-уважаемую память своего славнаго благодѣтеля, законодательное правленіе Луизианы положило отправить 15 тысячъ талеровъ къ Томасу Джеферсону Рандольфу, чтобъ дочь его пользовалась доходами съ этой суммы и передала ихъ своимъ наслѣдникамъ». Точно-такое же распоряженіе сдѣлано было и въ Южной-Королиннѣ.

ОТКРЫТІЯ ГЕНКЕ И ЛЕВЕРРЬЕ.

Прибавленіе къ «Физико - Астрономическому Обзорнію Солнечной Системы» (*).

==

Въ началѣ «Обозрѣнія» объясненъ законъ разстояній планетъ отъ Солнца, и замѣчено, что если существуютъ неизвѣстныя намъ планеты, то ихъ надобно искать или въ группѣ четырехъ маленькихъ планетъ, въ группѣ «астероидовъ», или за Ураномъ, въ такомъ разстояніи отъ Солнца, которое было бы по-крайней-мѣрѣ въ тридцать разъ больше разстоянія Земли отъ того же центрального свѣтила. Это замѣчаніе сдѣлано было на томъ основаніи, что Ольберсъ открылъ Палладу и Весту не случайно, но въ-слѣдствіе своей остроумной гипотезы, которая нынѣ съ открытіемъ Астреи и съ раздвоеніемъ кометы Бурні предъ глазами астрономовъ должна обратить на себя серьезное ихъ вниманіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, Астрея, усмотрѣнная г. Генке въ началѣ декабря мѣсяца 1845 г., принадлежитъ къ упомянутой группѣ четырехъ астероидовъ, съ чѣмъ увѣряемся ея *элементами*, или тѣми постоянными количествами, которыми опредѣляется ея положеніе въ пространствѣ солнечной системы.

Безсмертный Кеплеръ доказалъ, что планеты, принадлежащія къ солнечной системѣ, обращаются по эллипсисамъ, т. е. по кривымъ линіямъ, отличающимся отъ круга тѣмъ, что ихъ точки находятся въ различныхъ разстояніяхъ отъ ихъ центровъ; притомъ, разстоянія эти подпадаютъ въ некоторымъ условіямъ: 1) если возьмемъ на эллипсисѣ двѣ точки въ наибольшомъ и наименьшемъ разстояніяхъ отъ его центра и проведемъ чрезъ нихъ и чрезъ центръ двѣ прямыя линіи, то онѣ взаимно пересѣкутся подъ прямымъ угломъ, или будутъ одна къ другой *перпендикулярны*: большая изъ этихъ линій называется *большою осью*, меньшая же *меньшею осью* эллипсиса; 2) если отъ квадрата большой оси отнять квадратъ меньшей, изъ найденной разности извлечемъ квадратный корень, то получимъ величину линіи, называемой *эксцентриситетомъ*, которая, будучи отложена по большой оси, по обѣимъ сторонамъ центра эллипсиса, опредѣляетъ положеніе двухъ его *фокусовъ*: въ одномъ изъ этихъ фокусовъ каждаго эллипсиса, описываемаго планетою, находится Солнце. Итакъ, каждая планета, обращаясь по своему эллипсису

*) Напечатанному въ прошломъ мѣсяцѣ (Отеч. Зап. 1847 г., апрѣль, т. LI).

су, бываетъ отъ Солнца въ различныхъ разстояніяхъ: когда планета прійдетъ въ наименьшее разстояніе отъ Солнца, тогда говорятъ, что она находится въ *перигеліи*; когда же планета прійдетъ въ наибольшее разстояніе отъ Солнца, тогда она занимаетъ *афелій*. Перигелій и афелій суть два точки противоположныя, и взаимное ихъ разстояніе измѣряется на небѣ 180° . Наша Земля обращается около Солнца также по эллипсису, котораго большая полуось принимается за единицу, или за общую мѣру разстояній всѣхъ планетъ отъ ихъ центрального свѣтила. Если, на-прим., въ «Таблицѣ системы міра», помещаемой нынѣче въ «Масшословѣ», показано, что среднее разстояніе Юпитера есть 5,2, то это значитъ, что большая полуось эллипсиса, описываемаго Юпитеромъ, съ небольшимъ въ пять разъ болѣе большой полуоси земнаго пути, или, какъ говорятъ астрономы, земной орбиты.

Вычисливъ большую полуось и эксцентриситетъ эллиптического пути или орбиты какой-нибудь планеты, получимъ понятіе объ ея фигурѣ; а какъ по одному изъ законовъ Кеплера «квадраты временъ обращеній пропорціональны кубамъ большихъ полуосей», то не трудно определяти и время обращенія планеты около Солнца, сравнительно съ временемъ обращенія Земли или со *звѣзднымъ годомъ*. Но фигурою планетной орбиты и временемъ обращенія планеты мѣсто ея къ солнечной системѣ еще не определяется; надобно еще знать: 1) положеніе большой оси эллипсиса, по которому обращается планета, или положеніе перигелія; 2) уголъ или *наклоненіе* плоскости этого эллипсиса къ эклиптикѣ, и наконецъ, 3) мѣста двухъ точекъ, въ которыхъ та же плоскость пересѣкаетъ эклиптику: эти два точки называются *узлами* планетной орбиты; они другъ другу претвоположны, или взаимное ихъ разстояніе измѣряется на небѣ 180° .

Итакъ, чтобъ вычислять положеніе планеты, должно определяти слѣдующіе *элементы* ея движенія:

- 1) одинъ изъ узловъ,
- 2) наклоненіе,
- 3) большую полуось,
- 4) эксцентриситетъ,
- 5) перигелій,
- 6) время обращенія планеты,
- 7) среднее суточное движеніе.

Вотъ въ чемъ состоитъ задача при открытіи всякой новой планеты: какія же средства для ея ршенія? На этотъ вопросъ будемъ отвѣчать новыми объясненіями другихъ астрономическихъ словъ. Неземнаго пространства вселенной, въ которомъ для нашей солнечной системѣ назначено не очень-обширное мѣсто, представляется шаромъ, который по-видимому, обращается на оси или на двухъ неподвижныхъ точкахъ на двухъ *полюсахъ*; между ними воображается упомянутая *ось міра*; среднюю ея согласенъ называть *центромъ міра*. Вообразимъ чрезъ центръ міра плоскость, перпендикулярную къ оси міра; эта плоскость раздѣлитъ небесный шарообразный сводъ на два половинны, почему и назвали ея *экваторомъ*. Каждый изъ полюсовъ міра отстоитъ отъ экватора на 90°

Плоскость, по которой обращается Земля около Солнца, или эклиптика, составляет съ экваторомъ уголъ почти въ $23^{\circ} 27' 40''$; двѣ точки на небѣ, удаленныя отъ эклиптики на 90° , суть ея полюсы. Положеніе всякаго свѣтила и вообще всякой точки на небѣ опредѣляется относительно или экватора, или эклиптики: разстояніе свѣтила отъ эклиптики есть его *широта*, измѣряемая дугою окружности, воображаемой чрезъ это свѣтило и чрезъ полюсы эклиптики. Широта можетъ быть сѣверная или южная, смотря по тому, на какой сторонѣ эклиптики находится свѣтило, на сѣверной, или на южной. Разстояніе того же самаго свѣтила отъ одной изъ точекъ пересѣченія экватора съ эклиптикою, именно отъ весенней точки равноденствія, есть его *долгота*, которая берется на самой эклиптикѣ и считается непрерывно по направленію отъ запада къ востоку отъ 0° до 360° . Понятно, что широта и долгота одного и того же свѣтила, или вообще всякой точки на небѣ имѣютъ различныя величины для наблюдателей на Землѣ и для наблюдателей на Солнцѣ: по этой причинѣ называютъ ихъ или *средоземными* или *средосолнечными*. Когда наблюденія съ Земли опредѣляются *тремя* средоземными широтами и долготами новой планеты, соответствующія тремъ временамъ наблюденій, тогда вся вышеупомянутые элементы планетнаго движенія вычисляются уже теоретически по двумъ способамъ, изъ которыхъ одинъ предложенъ былъ сперва Лапласомъ, а потомъ другой Гаусомъ.

По способу Лапласа, три наблюденія употребляются для опредѣленія приблизительныхъ элементовъ планеты, которые потомъ исправляются новыми тремя наблюденіями. Избравъ шесть наблюденій, произведенныхъ въ Берлинѣ 1845 г. декабря 17 д. въ 9 ч. 58 м. 12 с., декабря 27 д. въ 11 ч. 29 м. 14с., 6, 1846 г. января 6 д. въ 6 ч. 31 м. 24с., 9, 1846 г. марта 12 д. въ 9 ч. 43 м. 18 с., апреля 8 д. въ 8 ч. 27 м. 5 с. и мая 22 д. въ 9 ч. 48 м. 8 с., сочинитель этой статьи нашолъ слѣдующіе элементы Астрен:

- 1) Большая полуось= $2,575314$.
- 2) Эксцентриситетъ= $0,187669$.
- 3) Время обращенія планеты= $1509^d 54$.
- 4) Среднее суточное движеніе= $858'' 55$.
- 5) Долгота перигелия= $135^{\circ} 19' 41''$.
- 6) Долгота узла= $141^{\circ} 23' 11''$.
- 7) Наклоненіе= $5^{\circ} 19' 35''$.

Въ «Мѣсяцесловѣ» на текущій 1847 годъ приняты слѣдующіе элементы той же планеты:

- 1) Большая полуось= $2,57525$.
- 2) Эксцентриситетъ= $0,187670$.
- 3) Время обращенія планеты= $1509^d 48$.
- 4) Среднее суточное движеніе= $858'' 6$.
- 5) Долгота перигелия= $135^{\circ} 30' 23'' 2$.
- 6) Долгота узла= $141^{\circ} 26' 40'' 9$.
- 7) Наклоненіе= $5^{\circ} 19' 18''$.

Для любителей астрономіи предлагаемъ здѣсь еще выводы, полученные г. Швейцеромъ, наблюдателемъ московской обсерваторіи, по способу Гауса:

- 1) Большая полуось=2,58562.
- 2) Долгота узла=141° 20' 30'', 26.
- 3) Долгота перигелия=135° 18' 41'', 93.
- 4) Наклонение=5° 19' 41'', 75.
- 5) Среднее сут. движение=853'',35.

Хотя въ предложенные выводы не представляють значительныхъ разностей, однако нельзя еще думать, чтобы положеніе Астрыеи опредѣлено было съ желаемою точностью: его должно еще исправлять новѣйшими наблюденіями, и, безъ сомнѣнія, астрономы будутъ удовлетворены совершенно, когда планета окончитъ полное свое обращеніе, т. е. чрезъ четыре года, считая отъ времени ея открытія. Впрочемъ, не смотря на эту несовершенную точность элементовъ, они ясно показываютъ, что Астрея принадлежитъ къ группѣ четырехъ астероидовъ, обращается около Солнца между Вестой и Юноною, и почти въ два раза съ половиною далѣе, нежели Земля, отъ Солнца.

Случайное открытіе г. Генке прибавило къ нашей солнечной системѣ новое тѣло и можетъ служить опорой для космографическихъ гипотезъ Ольберса объ астероидахъ и Араго о падающихъ звѣздахъ; но теперь должно обратиться къ открытію Леверрь (Le Verrier), изумившему ученыхъ и просвѣщенныхъ любителей науки, и въ полномъ блескѣ показавшему великое достоинство теоріи, которую какъ-бы начали закрывать обширные труды нѣкоторыхъ практическихъ астрономовъ: въ молодыхъ ихъ послѣдователяхъ, обольщенныхъ блестящими успѣхами, зародилось ложное мнѣніе, что практическая астрономія не зависитъ отъ теоретической; и что полезныя наблюденія можно производить безъ руководства этой послѣдней. Нынѣ не должно забывать, что въковыя труды Клеро, Даламбера, Эйлера, Лагранжа, Лапласа и Пуассона возвели астрономію на такую степень совершенства, что въ ней не можетъ быть терпимъ эмпиризмъ. Въ ихъ-то великихъ твореніяхъ надобно искать указаній для практическихъ занятій, которыхъ главная цель должна состоять въ точномъ опредѣленіи данныхъ, необходимыхъ для теоріи. Къ-сожалѣнію, практическая астрономія не можетъ похвалиться, чтобы вся ея выводы могли быть употребляемы теоретиками съ совершенной увѣренностью, которая уменьшается еще отъ разногласія этихъ выводовъ. Напримѣръ, вотъ постоянныя числа aberrациі: 20'',253 Даламбера, 20'',68 Бесселя, 20'',37 Бринклея, 20'',445 Струве, 20'',446 Ричардсона; въ постоянныхъ же числахъ колебанія земной оси находимъ еще важнѣйшія разности: Бродлей нашелъ 9'', Майеръ—9'',65, Маскелинъ - 6'',55, Ливденау—8''997, Бринклей—9'',25, и проч. (°), а между-тѣмъ, незначительная перемѣна въ десятыхъ доляхъ секунды этихъ чиселъ производитъ чрезвычайно большую перемѣну въ величинѣ массы Луны. Сколько было употреблено стараній для опредѣленія положенія фундаментальныхъ звѣздъ, и все еще не достигли до желаемой точности: въ каталогахъ звѣздъ знаменитѣйшихъ наблюдателей разности между ихъ склоненіями простираются до 3''. Пока не уничтожится такое разно-

(°) Авторъ этой статьи увѣренъ, что постоянное колебаніе есть 9'',2280.

гласіе, до-тѣхъ-порѣ нельзя и думать о рѣшеніи великаго вопроса о движеніи въ пространствѣ солнечной системы; того же требуетъ и самое усовершенствованіе таблицъ Луны и планетъ, потому-что положенія ихъ сравниваются съ положеніями неподвижныхъ звѣздъ. Съ другой стороны, нельзя не поствовать и на ложное направленіе теоретическихкихъ занятій некоторыхъ геометровъ, обладающихъ, впрочемъ, великими способностями. Изучивъ безсмертныя творенія Лагранжа и Лапласа, надлежало бы продолжать ихъ по указанному пути, а не ласкать свое самолюбіе мнимыми усовершенствованіемъ ихъ методы и изображеніемъ новыхъ способовъ для рѣшенія окончательныхъ ими вопросовъ. Большая часть этихъ новыхъ способовъ, предлагаемыхъ съ торжественной самоуверенностью, оказываются совершенно бесполезными, потому-что они, не открывая ничего новаго, только затрудняютъ прежнія рѣшенія. Въ настоящемъ состояніи теоретической астрономіи, только тѣ способы заслуживаютъ вниманія и серьезнаго изученія, которые или сообщаютъ большую точность въ практическомъ употребленіи известныхъ уже методовъ, или по простотѣ своей облегчаютъ труды при обширнѣйшихъ вычисленіяхъ и даютъ средства для легчайшаго приобрѣтенія теоретическихкихъ знаній. Но какая польза въ тѣхъ новыхъ способахъ, которые не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ и весьма-часто, приводя въ отчаяніе неопытныхъ, удаляютъ ихъ отъ науки, которой они могли бы со-временемъ оказать немаловажныя услуги? Кроме такого вреднаго, или, по-крайней-мѣрѣ, бесполезнаго стремленія къ новизнѣ, некоторые геометры впадаютъ еще въ легкость особеннаго рода: чтобъ казаться глубокомысленными, они скрываютъ свои изслѣдованія и довольствуются однимъ только изложеніемъ окончательныхъ выводовъ, остающихся для многихъ загадками. Въ твореніяхъ Эйлера, Лагранжа и Лапласа нѣтъ такихъ загадокъ; а между-тѣмъ, кто можетъ не признать ихъ гениальности? Эти великіе люди, посвятивъ всю свою жизнь наукѣ, трудились для потомства, а не для скоропреходящаго удивленія современниковъ. Вотъ почему они навсегда останутся образцами и наставниками; а многіе изъ новѣйшихъ геометровъ, неразличающихъ глубокомыслія отъ темноты, будутъ забыты навсегда...

Замечанія эти мы считали необходимыми для того, чтобъ представить въ надлежащемъ свѣтѣ ученые труды Леверрье, явившагося достойнымъ продолжателемъ глубокихъ изслѣдованій Лапласа, послѣ котораго теоретическая астрономія почти двадцать лѣтъ оставалась въ траурѣ. Леверрье, не измѣняя ни теоретическихкихъ формулъ Лапласа, ни его способовъ для достиженія этихъ формулъ, пересмотрѣлъ только числовыя величины, помѣщенныя въ III томѣ «Небесной Механики» и, открывъ ихъ погрѣшности, приступилъ къ новымъ вычисленіямъ *возмущеній* семи главныхъ планетъ, Меркурія, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна и Урана. Этотъ важный трудъ, продолжавшійся несколько лѣтъ, явился въ свѣтъ въ «*Connaissance des tems*» на 1843 и 1844 г. Положивъ такимъ-образомъ твердыя основанія практической части теоріи планетъ, Леверрье имѣлъ намѣреніе окончить ее

точнѣйшимъ вычисленіемъ періодическихъ возмущеній и чрезъ то довести таблицы всѣхъ планетъ до возможнаго совершенства. Часть этого намѣренія исполнилъ онъ заданіемъ «Теоріи Меркурія», напечатанной также въ «*Connaissance des tems*» на 1848 г. После этого Лаверрье началъ заниматься изысканіями касательно теоріи кометъ; но, по приглашенію Араго въ 1845 г., онъ на время оставилъ эти занятія для открытія причинъ, отъ которыхъ таблицы Урана, заданныя Буваромъ въ 1821 г., годъ-отъ-года становились неудовлетворительнѣе. Тутъ сами собою представились слѣдующіе вопросы: неточность буваровыхъ таблицъ не происходитъ ли отъ несовершенства теоріи? Если же теорія удовлетворительна, то нѣтъ ли ошибокъ въ сравненіи ея выводовъ съ наблюденіями? Наконецъ, если и здѣсь нѣтъ погрѣшностей, то движеніе Урана не подлежитъ ли дѣйствию неизвѣстной причины? Можно ли открыть ее внимательнымъ изученіемъ непредвидѣнныхъ неравенствъ въ движеніи этой планеты? Можно ли указать на небо мѣсто, гдѣ практическіе астрономы должны искать неизвѣстное тѣло, производящее упомянутыя неравенства?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, Лаверрье раздѣлилъ огромный свой трудъ на двѣ части. Первая, состоящая изъ ярлыкъ вычисленій, подраздѣлена была на три отдѣла: *во-первыхъ*, надобно было вновь вычислить въковыя и періодическія возмущенія, производимыя Юпитеромъ и Сатурномъ въ обращеніи Урана; возмущенія эти вычисляются съ извѣстною степенью приближенія: Лаверрье принялъ въ расчетъ квадраты планетныхъ массъ и ихъ произведенія; *во-вторыхъ*, сравнить многочисленныя наблюденія (около *трехъ-сотъ*) съ выводами теоріи; *въ-третьихъ*, доказать этимъ сравненіемъ, что разногласіе теоріи и наблюденій не могутъ быть отнесены ни къ ошибкамъ вычисленій теоретическихъ, ни къ ошибкамъ наблюденій. Таинств.-образомъ, Лаверрье достигъ до несомнѣннаго заключенія, что существуетъ особенная причина, отъ которой въ обращеніи Урана происходятъ неравенства, необъяснимыя изъ предположенія, что эта планета подлежитъ только дѣйствию тяготѣнія Солнца, Юпитера и Сатурна. Такое заключеніе никакъ не было доведено до очевидности, хотя астрономы, и первый изъ нихъ Буваръ, имѣли о немъ неясное понятіе и пытались объяснить его различными предположеніями: одни приписывали упомянутыя неравенства сопротивленію воздуха, распространенному во вселенной; другіе—весьма-большому спутнику Урана; третьи допускали, что комета, упавшая на Урана, вдругъ измѣнила его обращеніе; четвертые думали даже, что законъ, по которому дѣйствуетъ солнечное тяготѣніе, можетъ измѣняться на такихъ огромныхъ разстояніяхъ, каково разстояніе Урана отъ Солнца; наконецъ, основательнѣйшее мнѣніе принадлежало тѣмъ астрономамъ, которые предполагали существованіе неизвѣстной планеты. Всѣ эти мнѣнія, даже послѣднее, оставались безплодными гипотезами, потому-что ни одинъ изъ астрономовъ не бралъ на себя труда доказать ихъ строжайшимъ послѣдованіемъ движенія Урана, безъ котораго неравенства его не могли быть открыты и определены съ надлежащею точностью. Когда Ла-

веррье разрешилъ этотъ трудный вопросъ въ первой части своихъ вычисленій, тогда онъ могъ уже приступить ко второй ихъ части, содержащей въ себѣ *обратныя* вычисленія, которыхъ цѣль состояла въ томъ, чтобъ отъ дѣйствія дойти до его причины. Онъ основательно отвергъ предположенія о сопротивленіи воздуха, о существованіи большаго спутника при Уранѣ, о паденіи кометы и объ измѣненіи закона тяготѣнія, и остановился на неизвѣстной планетѣ, которую, сверхъ-того, нельзя было полагать ни между Сатурномъ и Юпитеромъ, ни между Ураномъ и Сатурномъ, а надлежало отнести за Урана, и именно на двойное разстояніе этой планеты отъ Солнца. При самомъ началѣ вычисленій, Леверрье нашелъ, что такимъ предположеніемъ и только имъ однимъ можно объяснить неравенство въ движеніяхъ Урана. После столь счастливаго результата, Леверрье не могъ уже не надѣяться точнѣйшими вычисленіями определять мѣсто планеты, ея массу и ея видимую величину. Такимъ-образомъ побѣдилъ онъ всѣ безчисленныя затрудненія и нашелъ, что для 1 января 1847 г., элементы неизвѣстной планеты должны быть слѣдующіе:

1. Большая полуось орбиты = 36,154.
2. Время обращенія = 217 лѣтъ.
3. Эксцентриситетъ = 0,10761.
4. Долгота перигелія = 284° 45'.
5. Масса = $\frac{1}{3000}$.

Эти элементы показываютъ, что планета Леверрье въ 36 разъ далѣе отъ Солнца, нежели Земля, и что ея масса въ 9300 разъ меньше массы Солнца. Относительно же ея видимой величины, Леверрье вычислилъ, что планета должна казаться небольшимъ кругомъ, котораго поперечникъ равняется почти 3".

На основаніи определенныхъ элементовъ новой планеты, не трудно уже вычислять ея положеніе для всякаго времени: произведши такое вычисленіе, Леверрье просилъ астрономовъ берлинскихъ и пулковскихъ найти планету по его указаніямъ, и Галле, астрономъ берлинскій, по полученіи требованія парижскаго геометра, немедленно подтвердилъ точность вычисленій, найдши планету за одинъ приемъ наблюдений 23 (н. с.) сентября. Эти наблюденія показали, что мѣсто планеты по долготѣ отличалось отъ вычисленнаго только 52'. Вскорѣ потомъ на Обсерваторіи Пулковской определенъ былъ видимый ея поперечникъ въ 2", 8, т. е. тотъ самый, который назначилъ Леверрье. Изъ этого выходитъ, что дѣйствительный поперечникъ новой планеты въ 5,28 разъ болѣе поперечника земнаго экватора, или содержитъ въ себѣ 9071 географическихъ миль; объемъ ея въ 147%, разъ болѣе объема Земли; масса ея въ 38,7 болѣе массы Земли, и наконецъ, плотность ея почти одной четвертью болѣе плотности Земли, или почти въ полтора раза болѣе плотности воды.

Когда торжество теоріи въ рукахъ такого великаго геометра, какъ Леверрье, сдѣлалось гласнымъ, тогда англійскіе астрономы Гершель, Эйри и Чаллисъ (Challis), побуждаемые уваженіемъ національнымъ

самолюбіемъ, попытались уменьшить славу парижскаго ученаго, отделивъ часть ея своему соотечественнику, Адамсу, и покойному Бесселю. Въ англійскомъ журналѣ «the Athenaeum» они напечатали четыре письма, изъ которыхъ одно принадлежитъ Гершелю, а три — Чаллису. Гершель увѣряетъ, что Бессель, бывъ въ Англии лѣтомъ 1842 года, говорилъ утвердительно, что возмущенія Урана необходимо происходить отъ существованія неизвѣстной планеты, и потому Гершель думаетъ, что въ бумагахъ Бесселя безъ всякаго сомнѣнія найдутся изслѣдованія объ этомъ предметѣ. Однакожь это увѣреніе не подтверждено и досихъ-поръ. Въ томъ же письмѣ, Гершель, призывая во свидѣтельство королевскаго астронома (Эйри), объявляетъ, что въ одно время съ Леверрье и надъ тою же задачею трудился молодой кембриджскій ученый Адамсъ и достигъ до результатовъ, почти сходныхъ съ рѣшеніемъ Леверрье. Письма Чаллиса служатъ только подтвержденіемъ и распространіемъ показаній Гершеля относительно трудовъ Адамса. Видно съ тѣмъ, изъ нихъ видно, что Эйри и Чаллисъ тогда только повѣрили вычисленіямъ Адамса, когда сдѣлались извѣстными вычисленія Леверрье, и послѣ того Чаллисъ, по настоянію Эйри, праступилъ къ наблюденіямъ для отысканія планеты, — но трудъ его не былъ увѣчанъ несомнѣннымъ успѣхомъ: онъ только предполагаетъ, что видѣлъ планету 29 сентября, а въ слѣдующую ночь ему не удалось разрешить своего сомнѣнія. Наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ ученаго французскаго журнала «l'Institut», помѣщенъ рапортъ Чаллиса особой комиссіи, свидѣтельствовавшей Кембрижскую Обсерваторію, въ которомъ онъ уже рѣшительно сознается въ своемъ недоуверіи къ вычисленіямъ Адамса. Итакъ, еслибъ Эйри и Чаллисъ имѣли побольше вѣры въ возможность теоретическаго открытія планеты, то слава открытія, можетъ-быть, досталась бы молодому Адамсу, и народная гордость Англичанъ не была бы поражена торжествомъ Француза.

Кромѣ этого спора, который никакъ уже не можетъ унизить славы Леверрье, сдѣлавшаго въ науку величайшее открытіе и доказавшаго тѣмъ вполне превосходство теоріи предъ практикой, неруководимой теоретическими указаніями, начались состязанія о названіи новой планеты. Араго предложилъ ее назвать именемъ Леверрье и придать ей знакъ (ζ), составленный изъ вензеля этого великаго геометра; но другіе астрономы требуютъ, чтобъ ее называли Нептуномъ и изображали трезубцемъ. Мы думаемъ, что тутъ нѣ о чемъ спорить: какъ ни назовите новую планету, — на ней всегда будетъ сіять имя Леверрье.

Д. ПЕРЕВОЩИКОВЪ.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЫЕРА.

Статья одиннадцатая (*).

УЛЬМЪ И ТРАФАЛГАРЪ.—Славы прісодиненія Генуи къ имперіи. — Обширная кобренжа, открытое соображеніемъ Наполеона. — Четыре нападенія, направленные противъ Франціи. — Наполеонъ занимается однимъ изъ нихъ, и способомъ отпора его располагаетъ уничтожить три другія. — Изложене плана его. — Движеніе шести корпусовъ отъ береговъ Фландръ къ потокамъ Дуная. — Наполеонъ сохраняетъ въ глубокой тайнѣ свои распоряженія и сообщатъ ихъ только баварскому курфюрсту, желая предвзять его къ себѣ увѣреніемъ въ его безопасности. — Мѣры, принятыя имъ для сохраненія флотилии. — Возвращеніе его въ Парижъ. — Общественное мнѣніе о немъ. — Упреки, обращаемыя противъ него. — Состояніе финансовъ. — Недостатокъ въ деньгахъ. — Компанія соединенныхъ *Националистовъ*. — Увѣръ. — Повелительныя распоряженія Наполеона. — Судимы, вытребованныя имъ въ Страсбургъ и Италію чистыми деньгами. — Наборъ конскриптовъ по декрету сената. — Организация резервовъ. — Национальная гвардія. — Холодность народа къ Наполеону. — Онъ оскорбляется тѣмъ, но идетъ въ армию, увѣренный, что скоро превратитъ холодность въ восторгъ. — Распоряженія союзныхъ державъ. — Походъ двухъ русскихъ армій, одной въ Галліцію, на помощь къ Австріянамъ, другой въ Польшу, для угрозы Пруссіи. — Императоръ Александръ въ Пудавѣ. — Переговоры его съ берлинскимъ дворомъ. — Походъ Австріяцевъ въ Ломбардію и Баварію. — Переходъ генерала Макка черезъ Рейнъ. — Курфюрстъ баварскій, послѣ многихъ недоумѣній, предается Франціи и удаляется съ дворомъ и съ арміею въ Вюрцбургъ. — Генералъ Маккъ занимаетъ позицію въ Ульмѣ. — Ностунки неаполитанскаго двора. — Начало военныхъ дѣйствій со стороны Французовъ. — Составъ великой арміи. — Переходъ черезъ Рейнъ. — Походъ Наполеона съ шестью корпусами вдоль швабскихъ Альповъ, для обхода генерала Макка. — 6 въ 7 октября Наполеонъ приходитъ къ Дунаю близъ Донауверта, прежде, нежели генералъ Маккъ подозреваетъ близость Французовъ. — 7-й переходъ черезъ Дунай. — Генералъ Маккъ окруженъ. — Сраженія у Вертенгена и Гюмцебурга. — Наполеонъ въ Аугсбургъ дѣлаетъ распоряженія съ двойною цѣлью: окружить Ульмъ и занять Мюнхенъ, желая отзвать Русскихъ отъ Австріяцевъ. — Ошибка Мюрата. — Опасность для

(*). Первые десять статей напечатаны были въ «Отеч. Запискахъ» 1845 года (томы XI, XII и XIII), и 1846 года (томы XLIV и XLVI). — Предлагаемыя вышѣ статьи составляютъ местой, недавно-вышедшій томъ «Histoire du Consulat et de l'Empire», Тьера.

дивизии Дюпона. — Гаслахское сражение. — Наполеонъ спешитъ къ Ульму и поправляетъ весь ошibки. — Эльхингенское сражение 14 октября. — Обложение Ульма. — Отчаяніе генерала Макка и отступление эрцгерцога Фердинанда. — Австрійская армія принуждена сдаться. — Неслыханное торжество Наполеона. — Въ двадцать дней онъ уничтожилъ восьмидесяти-тысячную армію безъ битвы. — Морскія дѣйствія со времени возвращенія адмирала Вилльнева въ Кадиксъ. — Строгость Наполеона къ нему. — Отправленіе адмирала Розеля на мѣсто его, съ приказаніемъ флоту выступить изъ Кадикса и идти въ Средиземное-Море. — Прискорбныя дѣла адмирала Вилльнева и рѣшимость дать отчаянную битву. — Состыченіе флота франко-испанскаго и флота англійскаго. — Инструкція Нельсону своимъ капитанамъ. — Послѣдній выходъ адмирала Вилльнева въ море. — Встрѣча оныхъ флотовъ у трафалгарскаго мыса. — Нападеніе Англичанъ двумя колоннами. — Разрушеніе французскаго флота. — Отчаянныя битвы некоторыхъ французскихъ кораблей. — Смерть Нельсона. — Пляжъ Вилльнева. — Разсѣяніе французскаго флота. — Страшная буря послѣ битвы. — Кораблекрушенія. — Поступки французскаго правительства съ его флотомъ. — Молчаніе его о послѣднихъ событіяхъ. — Ульмъ заставляетъ быть Трафалгаръ.

Велика была ошибка Наполеона, когда, передъ самою экспедиціею въ Англію, онъ присоединилъ къ Франціи Геную и тѣмъ окончательне заставилъ Австрію начать войну. Для свободныхъ дѣйствій противъ Англіи, ему всего нужнее было совершенное спокойствіе на твердой землѣ, а онъ вызывалъ противъ себя страшную коалицію. Правда, онъ не предвидѣлъ послѣдствій присоединенія Генуи: въ томъ была и ошибка, что онъ слишкомъ презиралъ Австрію и думалъ, что, при необходимости ея дѣйствовать, съ нею можно позволить себѣ все. Справедливо могли упрекать его за присоединеніе Генуи въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; но въ существѣ оно было событіемъ счастливымъ. Конечно, еслибъ адмиралъ Вилльневъ сумѣлъ отплыть въ Ламанскій-Пролитъ и явился передъ Булонью, надобно было бы вѣчно сожалѣть новой помѣхѣ въ исполненіи величайшаго предпріятія; но адмиралъ явился, и Наполеонъ, еще разъ принужденный бездѣйствовать, если только не рѣшился дерзко переправиться черезъ проливъ безъ повелѣнія флота — Наполеонъ увидѣлъ бы себя въ большомъ замѣшательствѣ. Экспедиція, такъ часто возвѣщаемая, три раза неудачнаго наконецъ сдѣлала бы его смѣшнымъ и представила бы передъ Европою въ совершенномъ безсміи противъ Англіи. Коалиція твердой землѣ вдругъ представляла необходимое ему поле битвы, поправляла его ошибку своею ошибкою, и очень-кстати выводила его изъ положенія неопредѣленнаго и непріятнаго. Какъ удивительна иногда цѣпь, соединяющая событія міра! Самое умное соображеніе бываетъ неудачно, ошибка награждается усмѣхомъ. Нельзя, однакожъ, объявлять тщетнымъ всякое благоразуміе и предпочитать ему въ управленіи царствъ прѣвзубрѣніе. Нѣтъ, въ дѣлахъ, расчетъ всегда лучше увлеченій; но нельзя сознаться, что выше намѣреній человека есть еще намѣренія Провидѣнія, болѣе-вѣрныя и глубокія. Смиримся, но не будемъ отрекаться отъ мудрости человеческой.

Кто видѣлъ вблизи трудности правленія, кто испыталъ, что въ

чить рѣшиться на великое предпріятіе, и сколько труда приготовить его, исполнить, двинуть людей и дѣла — тотъ одинъ оцѣнить рѣшимость Наполеона. Когда прошло его прискорбіе о неудачѣ булонской экспедиціи, онъ весь предался новому предпріятію войны на твердой землѣ. Никогда не располагалъ онъ такими огромными средствами, никогда не видѣлъ передъ собою такого обширнаго поприща дѣйствій. Начальствуя италійскою арміею, онъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ равниною Ломбардіи и Альпами, и если обращалъ взоръ далѣе, пугливая осторожность директора Карно останавливала его соображенія. Бывъ первымъ консуломъ и изобрѣтая планъ похода въ 1800 году, онъ былъ принужденъ соображаться съ своими помощниками, еще равными ему, и когда, на-примѣръ, составлялъ для Морѣ планъ, который могъ бы имѣть самыя счастливыя послѣдствія, его останавливалъ робкій умъ генерала; надобно было предоставить ему дѣйствовать по его соображенію, вѣрному, но ограниченному, а самому заключить-ся отдаленно въ Пьемонтъ. Правда, присутствіе его тамъ ознаменовалось дѣйствіемъ, которое останется чудомъ военнаго искусства; но все еще геній его встрѣчалъ препятствія, когда хотѣлъ развернуться. Въ первый разъ онъ былъ свободенъ, какъ Цезарь и Александръ. Сподвижники, стѣснявшіе его своею завистью или своею извѣстностью, согнали сами себя съ поприща неосторожными и виновными поступками. Оставались помощники, покорные его волѣ и обладавшіе въ высшей степени всеми качествами, необходимыми для исполненія его намѣреній. Армія, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, дышавшая только славой и битвами, образованная десятию годами войны и тремя годами лагерной жизни, была приготовлена къ самымъ труднымъ предпріятіямъ и самымъ дерзкимъ переходамъ. Вся Европа была открыта его соображеніямъ. Онъ былъ на западѣ, на берегахъ Сѣвернаго-Моря и Ламанскаго-Пролива, а на востокъ была Австрія, вспомошествоваемая силами русскими, шведскими, италійскими, англійскими, двигавшая на Францію громады, какъ-будто заговоромъ цѣлой Европы предоставленныя ея распоряженію. Положеніе, средства, все было велико. Но если никогда не бывало столько способовъ противостать внезапнымъ и страшнымъ опасностямъ, никогда не бывало и такихъ затрудненій. Армія, можно сказать, безпримѣрно приготовленная, была на берегу Океана, далеко отъ Рейна, отъ Дуная, отъ Альповъ, почему державы твердой земли и допускали сборъ ея безъ возраженій. Надобно было вдругъ перенести ее въ средоточіе твердой земли: въ томъ состояла задача. Увидимъ, какъ Наполеонъ уничтожилъ пространство, отдѣлявшее его отъ непріятелей, и сталъ посреди ихъ на точкѣ, самой удобной для разсыланія грозной коалиціи.

Онъ упорствовалъ въ мнѣніи, что война не такъ близка, какъ была въ-самомъ-дѣлѣ, но ясно видѣлъ приготовленія къ ней и планъ ея. Швеція занималась вооруженіями въ Стральзундѣ, въ шведской Помераніи; Россія въ Ревелѣ, въ Финскомъ-Заливѣ. Извѣщали о двухъ большахъ русскыхъ арміяхъ: одна сосредоточивалась въ Польшѣ и должна была увлечь съ собою Пруссію, другая, въ Галиціи, готовилась

на помощь Австріи. Не представляли только, а знали наверное, что собираются две австрийскія арміи: одна, восьмидесяти-тысячная, въ Баваріи, другая, сто-тысячная, въ Италіи, соединенный корпусомъ въ двадцать-пять или тридцать тысячъ человекъ въ Тироле. Наконецъ, Русскіе, собравшіеся въ Корфу, Англичане въ Мальтѣ, и признаки волненія неаполитанскаго двора, несомнѣнно возмущали о попытку на югъ Италіи.

Итакъ, готовилось четыре нападенія: первое, съ сѣвера, черезъ Померанію, на Гандевѣръ и Голландію, гдѣ должны были дѣйствовать Шведы, Русскіе и Англичане; второе, съ востока, черезъ долину Дуная, возлагалось на Русскихъ и Австрийцевъ; третье, въ Ломбардіи, предоставлялось однимъ Австрийцамъ; четвертое, на югъ Италіи, несколько-позднѣе располагалось исполнить Русскіе, Англичане и Неаполитанцы вмѣстѣ.

Наполеонъ постигъ этотъ планъ, какъ-будто присутствовалъ въ Вѣнѣ при военныхъ совѣщаніяхъ Винцингероде, о которыхъ говорили мы прежде. Одно обстоятельство было еще неизвѣстно ему и его непріятелямъ: увлекутъ ли они Пруссію? Наполеонъ не вѣрилъ тому. Соединенныя державы надѣялись успѣть, устранивъ Фридриха-Вильгельма. Въ такомъ случаѣ, нападеніе съ сѣвера было бы уже не побочное покушеніе, стѣсненное нейтралитетомъ Пруссіи, но грозное предпріятіе противъ Франціи, отъ Кѣльна до устьевъ Рейна. Но все это было мало вѣроятно, и Наполеонъ почиталъ важными только два большія нападенія, черезъ Баварію и Ломбардію, полагая едва-достойными какихъ-нибудь предосторожностей тѣ, которыя готовились въ Помераніи и Неаполитанскомъ Королевствѣ.

Онъ рѣшился перенести главныя силы свои въ долину Дуная и уничтожить все второстепенныя нападенія способомъ отпора главному изъ нихъ. Глубокое соображеніе его основывалось на обстоятельстве очень-простомъ: на отдаленіи Русскихъ, отъ чего не могли они во время прійти на помощь къ Австрийцамъ. Онъ разсуждалъ, что Австрийцы, желая воспользоваться въ Баварію, и, по своему обычаю, занять знаменитую ульмскую позицію, увеличатъ такимъ-образомъ пространство, естественное-отдѣляющее ихъ отъ Русскихъ, и тогда Русскіе поздно вступятъ въ линію, идя вверхъ по Дунаю съ главною своею арміею, соединенною съ австрийскими резервами. Наполеонъ располагалъ поразить Австрийцевъ прежде прибытія Русскихъ, и потомъ обратиться на нихъ, лишенныхъ пособія главной австрийской арміи. Онъ хотѣлъ употребить способъ, очень-легкій въ теоріи, очень-трудный въ исполненіи: разбить непріятелей одною за другимъ.

Для успѣха въ такомъ предначертаніи, необходимо было совершенно-особымъ способомъ перенестись на театръ войны, то-есть, въ долину Дуная. Еслибъ, по примѣру Морё, Наполеонъ пошелъ вверхъ по Рейну и переправился черезъ него изъ Страсбурга въ Шаффгаузенъ, а потомъ, черезъ дефиле Шварцвальда, вышелъ между Альпами Швабіи и Констанцскимъ-Озеромъ, и такимъ-образомъ атаковалъ съ фронта Австрийцевъ, утвердившихся позади Иллера, Ульма и Меммингена, онъ

не достигъ бы вполне своей цѣли. Еслибъ даже онъ разбилъ Австрійцевъ, въ чемъ, съ такою арміею, какъ его булонская, онъ былъ увѣренъ больше, нежели когда-нибудь, то, гоня впередъ только ослабленныхъ, онъ велъ ихъ къ соединенію съ сѣверными ихъ союзниками. Надобно было, какъ при Маренго, и еще больше, нежели при Маренго, обойти Австрійцевъ, и не только разбить, но окружить и всѣхъ отослать пѣнными во Францію. Тогда Наполеонъ могъ обратиться на Русскихъ, подкрѣпляемыхъ уже только резервами австрійскими.

Переходъ очень-простой представился уму его. Одинъ изъ французскихъ корпусовъ, Бернадотта, былъ въ Ганноверъ; другой, Мармона, въ Голландію; остальные въ Булонн. Онъ придумалъ провести первый черезъ Гессенъ во Франконію, на Вюрцбургъ и Дунай; двинуть второй вдоль Рейна, пользуясь пособіями рѣки, и черезъ Майнцъ и Вюрцбургъ соединить его съ корпусомъ ганноверскимъ. Покуда эти два огромныя части арміи спускались отъ сѣвера къ югу, Наполеонъ рѣшился движеніемъ отъ запада къ востоку, отъ Булонн къ Страсбургу, перевести другіе корпуса, бывшіе подлѣ Ламапшскаго-Проліва, и, показывая видъ прямого нападенія ими черезъ дефиле Шварцвальда, въ-самомъ-дѣлѣ оставя Шварцвальдъ вправо, перейти на лѣво черезъ Виртембергъ, соединиться во Франконіи съ корпусами Бернадотта и Мармона, переправиться черезъ Дунай ниже Ульма, около Донауверта, стать такимъ образомъ позади Австрійцевъ, окружить ихъ, забрать, и, отдалившись отъ нихъ, идти къ Вѣнѣ, на встрѣчу Русскимъ.

Положеніе маршала Бернадотта, идущаго изъ Ганновера, и генерала Мармона, идущаго изъ Голландіи, было выгодно, потому-что одинъ могъ въ семнадцать дней, а другой въ четырнадцать или пятнадцать перенестись въ Вюрцбургъ, во флангъ непріятельской арміи, стоявшей въ Ульмѣ. Движеніе войскъ отъ Булонн въ Страсбургъ требовало около двадцати-четырехъ дней, и оно-то должно было обратить вниманіе Австрійцевъ на обыкновенное мѣсто выхода войскъ черезъ Шварцвальдъ. Итакъ, въ двадцать-четыре дня, то-есть, около 25-го сентября, Наполеонъ могъ быть уже на рѣшительномъ пунктѣ. Принимая намѣреніе тотчасъ, и какъ-можно-дольше скрывая движенія войскъ присутствіемъ своимъ въ Булонн; разсылая ложные слухи и утаивая свои предначертанія съ тѣмъ искусствомъ вводить въ заблужденіе непріятеля, какииъ онъ обладалъ въ высшей степени, Наполеонъ могъ переправиться черезъ Дунай позади Австрійцевъ прежде, нежели они подозрѣвали бы его присутствіе тамъ. При успехахъ, онъ съ октября мѣсяца освобождался отъ передней непріятельской арміи, употреблялъ полбрь на походъ къ Вѣнѣ, и въ окрестностяхъ ея встрѣчался съ Русскими, которыхъ еще не видалъ никогда, и хотя зрѣлъ, что пѣхота ихъ мужественна, но не почиталъ ихъ непобѣдимыми, потому-что Морб и Массена разбивали ихъ (*), а онъ надѣялся разбить еще сильнѣе. Достигнувъ

(*) Массена—такъ, подлѣ Цюрихонъ; но когда Морб разбилъ Русскихъ?

Вьны, онъ далеко окрылялъ италійскую армію Австрійцевъ, отъ-чего она непрерывно должна была ретироваться. Наполеонъ располагался вверять Массенъ, мужественнѣйшему изъ своихъ помощниковъ и лучше другихъ знавшему Италію, начальство надъ французскою арміею на Адиджъ. Въ ней было бы только 50,000 человекъ, но отборныхъ, совершившихъ всъ походы за Альпами, начиная отъ Монтеотте до Маренго. Если Массена могъ остановить эрцгерцога Карла только на одинъ мѣсяцъ, что казалось несомнѣннымъ съ солдатами, привыкшими побѣждать Австрійцевъ, не смотря на ихъ многочисленность, и подъ начальствомъ генерала, никогда неотступавшаго, то Наполеонъ, занявъ Вьну, освобождалъ Ломбардію, какъ и Баварію. Наволя на себя эрцгерцога, онъ привлекалъ къ себѣ и Массену, а соединивъ съ своими 150,000 человекъ, пришедшими вдоль Дуная, 50,000, пришедшихъ съ береговъ Адиджа, онъ могъ быть въ Вьнѣ съ 200,000 побѣдоносныхъ Французовъ. Съ такою громадою войскъ, и когда были бы разстроены два главныя нападенія со стороны Баваріи и Ломбардіи, могли ли тревожить его два другія, приготовленныя на сѣверъ и югъ, въ Ганноверъ и со стороны Неаполя? Вся вооруженная Европа не была бы страшна для него.

Но онъ принялъ нѣкоторыя предосторожности со стороны Нижней-Италіи. Генералъ Сен-Сиръ занималъ Калабрию 20-ю тысячами человекъ. Наполеонъ поручалъ ему идти къ Неаполю и овладѣть имъ при первыхъ признакахъ непріязненности. Для предупрежденія атаки съ сѣвера, онъ только продолжалъ начатыя въ Берлинѣ переговоры о Ганноверѣ. Предлагая его Пруссіи за союзъ съ собою, но не надѣясь заключить открытый союзъ съ дворомъ робкинъ, онъ предлагалъ ему Ганноверъ въ видъ залога. Во всякомъ случаѣ, Пруссія должна была удалить войска воюющихъ державъ, и тѣмъ прикрывала сѣверъ Европы.

Никогда, ни одинъ полководецъ не изобрѣталъ и не приводилъ въ исполненіе такого обширнаго плана, потому-что никогда умъ болѣе могущественный, свободный въ намѣреніяхъ, располагавшій большими средствами, не имѣлъ случая дѣйствовать на такомъ пространствѣ земель (*). Что видимъ обыкновенно? Правительства нерѣшительныя,

---

(*) А планъ Императора Александра въ 1812 году—соединить дунайскую армію и нѣсколько боковыхъ корпусовъ въ тылу Наполеона и отрѣзать отступление ему, еще занимавшему столицу въ средоточіи государства, планъ, рассчитанный день въ день, приведенный въ исполненіе на тысячахъ верстъ—не-уже-ли онъ не обширнѣе, не дальновиднѣе обхода Австрійцевъ, которые сдавались почти безъ боя? А другой стратегическій планъ Александра въ 1813 году—выйти фланговымъ движеніемъ къ Лейпцигу съ главною арміею, оставляя Наполеона въ Дрезденѣ и во власти его нѣсколько первостепенныхъ крѣпостей на Эльбѣ—планъ, увѣнчанный трофеями лейпцигской битвы, плѣномъ сен-сырова корпуса, невольнымъ бездѣйствіемъ Даву? Можно указать еще на нѣсколько подобныхъ геніальныхъ соображеній побѣдителя Наполеона, которыя уже и возмечиваетъ исторія. Русскіе слишкомъ-долго молчали о своихъ подвигахъ, между-тѣмъ, какъ хвостовство Французовъ безъ ифы увеличивало славу Наполеона, конечно, основанную на великихъ подвигахъ, но и остротенную ошибками, безпримѣрными въ исторіи. *Примѣч. переводчика.*

разсуждающія, когда надобно дѣйствовать; не предусмотрительныя, собирающія войска, когда имъ уже надобно быть на полѣ битвы, и подъ руководствомъ правительствъ видимъ генераловъ, едва имѣющихъ власть двигаться на указанномъ имъ пространствѣ. Здѣсь, напротивъ, гений, воля, предусмотрительность, совершенная свобода дѣйствовать, все способствовало одному человеку для одной цѣли. Рѣдко встрѣчаются такія обстоятельства; но когда они соединились — мѣръ имѣетъ властителя.

Въ послѣднихъ числахъ августа, Австрійцы были уже на берегахъ Инна и Адижа, Русскіе на границѣ Галиціи. Казалось, они застанутъ врасплохъ Наполеона: случилось иначе. Въ величайшей тайнѣ начались передвиженія войскъ и были начаты переговоры о союзѣ съ Баденомъ и Виртембергомъ, которымъ, однакожъ, не открывали близости предстоявшей войны. Одному курфирсту баварскому раскрыли всѣ обстоятельства. Несчастный государь Баваріи колебался между Австріею непріязненною и Франціею дружественною; но одна была близко, другая далеко, и онъ помнилъ, что, въ предшествовавшія войны, его угнетала та и другая, а при мирѣ забывали объ. Франція могла вознаграждать его за союзъ увеличеніемъ земель; но еще не зная о движеніи войскъ изъ булонскаго лагеря, онъ видѣлъ только, что она занята борьбою съ Англіею, и что ее беспокоятъ германскіе союзники, а она не имѣетъ средствъ помочь имъ. Потому-то онъ безпрестанно говорилъ о союзѣ французскому посланнику Отто, и не смѣлъ заключить союза. Такое положеніе вдругъ перемѣнили письма Наполеона. Онъ прямо написалъ курфирсту и (объясняя, что ввѣряетъ чести его государственную тайну) объявилъ, что отменяетъ на время свои предпріятія противъ Англіи и немедленно идетъ съ 200,000 человекъ войска въ средину Германіи. «Къ вамъ во-время прійдетъ помощь» писалъ онъ ему: «и побѣжденная Австрія будетъ принуждена составить для васъ значительное государство изъ обломковъ своихъ владѣній». Наполеонъ дорожилъ союзомъ курфирста, у котораго было 25,000 хорошо-образованныхъ солдатъ и обильно-снабженные магазины въ Баваріи. Важная выгода была — вырвать у союзниковъ 25,000 хорошаго войска и увеличить имъ свое.

Передъ выходомъ изъ булонскаго лагеря, для охрăненія флотиліи и всѣхъ приготовленныхъ для нея запасовъ, были приняты самыя тщательныя предосторожности и оставлено около тридцати-пяти тысячъ войска, частію сформированнаго изъ матросовъ. Маршалъ Брюнъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ войска и всего берега. Боевые корпуса начали выступать въ походъ, и Наполеонъ самъ осматривалъ и провожалъ ихъ, одушевленныхъ мужествомъ и радостью при мысли о новыхъ битвахъ, отъ которыхъ ожидали они почестей, славы, богатства, и просили только скорѣе дать имъ случай перевѣдаться съ непріателемъ.

Наполеонъ смотрѣлъ выступленіе своей арміи въ походъ, и 2 сентября отправился изъ Булони. 3-го числа онъ былъ уже въ Мальмезонъ. Никто не зналъ его намѣреній, и все еще думали, что онъ занятъ своими предпріятіями противъ Англіи, безпокоились только о намѣре-

війсь Австріи и объясняли себя перемищеніе войскъ, уда дѣлавшее известнымъ тѣмъ, что въ газетахъ писали объ отправленіи 30 тысячъ человекъ для наблюденія Австрійцевъ на Верхнемъ-Рейнѣ.

Публика, не зная въ точности событій, но подозревая, до какой степени глубокая антипайская интрига скрѣпила умы новой коалиціи, упрека Наполеона, что онъ вырвалъ Австрію изъ терпѣнія тѣмъ, что возложилъ на себя корону Италіи, присоединилъ Геную къ имперіи и отдалъ Лукъ принцессѣ Элизѣ. Ему удивлялись; почитали большимъ счастьемъ ити надъ собою нравительство столько твердое и правосудное, какъ его, и упрекали его въ излишней любви къ тому, въ чемъ онъ былъ такъ великъ—въ любви къ войнѣ. Никто не могъ подумать, что война будетъ несчастна при такомъ полководцѣ, какъ онъ, но слышали, что Австрія, Россія, часть Германіи получаютъ субсидіи отъ Англіи; не знали, скоро ли кончатся эта новая борьба, и невольно вспоминали о бѣдствіяхъ первыхъ войнъ революціи. Доверенность господствовала надъ другими ощущеніями; но слышался и легкій ропотъ, слыхкомъ-чувствительный для тонкаго слуха наполеона.

Тягостныя ощущенія публики всего больше усиливались отъ чрезвычайнаго стѣсненія въ финансахъ. Тому были разныя причины. Наполеонъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи никогда не давать тайно «Покуда живъ, но выпущу никакихъ бумагъ», писалъ онъ къ г-ну Мабуа отъ 18 мая изъ Милана. Въ-самомъ-дѣлѣ, упадокъ кредита, произведенный ассигнаціями и всеми родами бумагъ, еще продолжался, всемогущій, страшный тогда императоръ Французовъ не могъ бы и ставить принять нѣмѣн-франковый доходъ болѣе нежели на пятьдесятъ франковъ, то-есть, заемъ былъ бы по 10 процентовъ. Но такое положеніе представляло большія трудности, потому-что самое богатое государство не въ силахъ удовлетворить тягостей войны и всегда временно отлагать часть ихъ на будущее.

Мы видѣли состояніе бюджетовъ. Годъ XIII (отъ сентября 1804 до сентября 1805), уже оканчивавшійся, представлялъ новые недостатки. Въ XII году было ихъ 20 милліоновъ, въ XIII оказалось уже 40. Къ-тому же, при плохомъ порядкѣ въ отчетности, открыты, еще остаются неудовлетворенныя издержки и несостоявшіеся доходы прежніе годы, что составляло милліоновъ двадцать. Итого, 20 милліоновъ недочета за XII годъ, 40 за XIII и двадцать за прежніе годы—все это оказывалось до 80 милліоновъ недоплаты при возобновленіи войны. Для пополненія ихъ употребили разныя, большою частію насильственные средства, которыми могла располагать только всевластныя войска Наполеона. Всего болѣе пострадала при томъ знаменитая компанія *Соединенныхъ Нейоціантовъ*, которой душою былъ гениальный спекулянтъ Уварръ. Нѣсколько времени эта компанія была главнымъ средствомъ въ финансовыхъ оборотахъ Франціи и Испаніи; но напослѣдокъ отсталость и дерзость ея оборотовъ требовали ограниченія, и тѣмъ былъ нанесенъ ей смертельный ударъ. Наполеонъ не вполне понималъ туташнюю финансовую оборотность, въ какіе пускался доверенный его, г. Мабуа, и приписывалъ общее стѣсненіе должнымъ спекуляціямъ францу-

ской торговли, ростовщикамъ, и жидовался на жидовыхъ людей почти такъ же, какъ жидовался онъ на идеологовъ, когда встречалъ противоположныя ему идеи. Но онъ не хотѣлъ, чтобы такое положеніе дало препятствіе исполненію его повелѣній. Онъ требовалъ 12 милліоновъ звонкою монетою въ Страсбургъ, и требовалъ такъ положительно, что ихъ добыли самыми необыкновенными средствами. Онъ требовалъ еще 10 милліоновъ въ Италію, и конанія принуждена была купить ихъ въ Гамбургъ, а оттуда водоемъ и серебромъ переездила въ Миланъ черезъ Рѣку и Альпы. Впрочемъ, Наполеонъ надѣялся черезъ пятнадцать или двадцать дней огрѣнуть всѣхъ такими ударами, которые должны были уничтожить все замѣшательство. «Черезъ два недѣли» говорилъ онъ: «я поражу Австрійцевъ, Русскихъ и биржевыхъ спекулянтовъ».

Имѣя денежныя средства, хорошо ли, худо ли добытыя, онъ занялся конскрипціею и устройствомъ своихъ резервовъ. Годовой наборъ людей раздѣлялся тогда на два половины, по 30 тысячъ человекъ каждая; первая поступала на службу, другая оставалась по домамъ, но могла быть призвана подъ знамена простымъ приказомъ правительства. Отъ годовъ IX, X, XI, XII и XIII оставалась еще большая часть людей, уже возмужалыхъ, которыми правительство могло располагать. Наполеонъ велѣлъ собрать ихъ всѣхъ, и кромѣ того рѣшился предупредить наборъ XIV года, къ которому принадлежали молодые люди, достигшіе узаконеннаго возраста съ 23 сентября 1805 по 23 сентября 1806 года; а какъ въскорѣ хотѣли возстановить грегорианскій календарь, то онъ велѣлъ прибавить къ набору и тѣхъ, которые достигали узаконеннаго возраста съ 23 сентября по 31 декабря 1806 года. Итакъ, въ этотъ наборъ входили всѣ подвергавшіеся конскрипціи по конецъ декабря 1806 года. Такая мѣра доставляла Наполеону 80 тысячъ человекъ, изъ которыхъ послѣднимъ не было еще и двадцати лѣтъ. Но онъ не хотѣлъ тотчасъ употребить ихъ на службу, а располагалъ приготовить къ дѣлу военному, помѣстивъ въ третью батальіоны, составлявшие депо каждаго полка. Годъ или два они обучались бы, укреплялись въ силахъ, и черезъ пятнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ сдѣлались бы превосходными солдатами, почти такъ же хорошо приготовленными, какъ солдаты буловскаго лагеря. Его предположеніе было равно выгодно и для здоровья людей, и для воинскаго ихъ образованія, потому что, если двадцатилѣтній конскриптъ тотчасъ идетъ въ походъ, то онъ скоро будетъ въ госпиталѣ. Но такое соображеніе было возможно только для того правительства, которое уже имѣло противъ непріятеля устроенную армию, и ежегодный наборъ былъ нуженъ ему для резерва.

Законодательный корпусъ былъ распущенъ, и собирать его понадобилось бы много времени. Наполеонъ не соглашался на такую задержку и задумалъ обратиться къ сенату, основываясь на двухъ причинахъ: первая, что наборъ, обнимавшій болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ, и въ который входили конскрипты, не достигшіе 20-ти лѣтъ, былъ самъ по себѣ неправиленъ; вторая, что обстоятельства не допускали медленности.

сти. Такое дѣйствіе нарушало законность: сенатъ не могъ определять ни денежнаго налога, ни набора людей. Онъ имѣлъ другія обязанности какъ-то: не допускать законовъ, противныхъ конституціи, дополнять недостатки ея и наблюдать за дѣйствіями правительства, означенными произволомъ. Одинъ законодательный корпусъ могъ определять налоги иборы людей. Нарушеніе конституціи, уже слишкомъ-гибкой было ошибкою: такъ легко не соблюдать формъ ея значило сдѣлать ея совсѣмъ мечтательною. Другая ошибка была не уважать назначенія сената, сдѣлать его обыкновеннымъ средствомъ въ затруднительныхъ случаяхъ, и слишкомъ-ясно показать, что отъ него ожидали гораздо больше послушности, нежели отъ законодательнаго корпуса. Архиканцлеръ Камбасересъ не любилъ излишествъ власти, не совершенно необходимыхъ, и замѣтилъ это, утверждая, что надобно, по-крайней-мѣрѣ для соблюденія формъ, присвоить сенату, какъ государственную мѣру опредѣленіе набора войскъ. Наполеонъ не отвергалъ осторожности, но откладывалъ мѣры ея до другаго времени, какъ-скоро надобно было ему спѣшить, и не хотѣлъ ни установить общаго правила, ни медлить сборомъ конскриптовъ. Онъ велѣлъ заготовить сенатское опредѣленіе о наборѣ 1806 года, и основать его на двухъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: неправильности набора и важности обстоятельствъ.

Онъ рѣшился также примѣнить къ обстоятельствамъ національную гвардію, учрежденную законами 1790, 1791 и 1795 годовъ. Третья коалиція имѣла всѣ признаки двухъ первыхъ, и хотя времена перемѣнились, хотя Европа негодовала меньше противъ направленія Франціи и больше противъ ея величія, но Наполеонъ думалъ, что народъ обязанъ такъ же сильно и единодушно содѣйствовать своему правительству, какъ и прежде. Онъ не могъ ожидать того же порыва, потому-что революціонный энтузіазмъ не существовалъ болѣе, но могъ надѣяться на совершенную покорность закону со стороны гражданъ и на глубокое чувство чести тѣхъ изъ нихъ, которые были бы призваны закономъ. На такомъ основаніи велѣлъ онъ преобразовать національную гвардію, и хотѣлъ отъ нея болѣе подчиненности и воинственности, и потому распорядился приготовить сенатское опредѣленіе, которое уполномочило бы его устроить ее силою императорскихъ декретовъ. Онъ рѣшился присвоить себѣ назначеніе офицеровъ и соединить въ роты егерей и гренадеровъ самую молодую и воинственную часть населенія. Онъ имѣлъ значающіе пункты для защиты крѣпостей и для сбора на угрожаемыхъ пунктахъ, какъ-то въ Булони, Антверпенѣ, Вандеѣ.

Эти различныя силы были расположены такимъ-образомъ: болѣе 200 тысячъ солдатъ шли въ Германію; 70 тысячъ защищали Италію; двадцать одинъ батальонъ пѣхоты съ пятнадцатью морскими батальонами охраняли Булонь. Полки состояли изъ трехъ батальоновъ: двухъ действствующихъ и одного запаснаго, куда поступали солдаты болѣе и выздоравливавшіе, и гдѣ обучались конскрипты. Часть третьихъ батальоновъ уже находилась въ Булони; всѣ другіе были размѣщены отъ Майнца до Страсбурга. Къ этимъ тремъ пунктамъ отправляли собраніе собираемыхъ за IX, X, XI, XII и XIII-й годы, и 80 тысячъ конскриптовъ

въ 1806 года. Они поступили въ третью батальюны, для обученія и укрепления себя въ силахъ. Старшіе изъ нихъ лѣтами, обучившись, служили потомъ пяти маршевыми отрядами на пополненіе въ нихъ убыли отъ военныхъ дѣйствій. Такъ столячидесяти-тысячный резервъ охранялъ границы и обезпечивалъ пополненіе корпусовъ. Национальная гвардія подкрѣпляла резервъ и устроивалась изъ сѣверъ и западъ, для защиты береговъ и особливо Булоня или Антверпена, если бы Англичане стали пытаться съечь флотилію или истребить верфи Шельда. Маршалъ Брюнъ уже былъ назначенъ командовать въ Булонь. Маршалъ Лесевръ назначался командовать въ Майнцъ, маршалъ Келлерманъ въ Страсбургъ. Назначеніе ихъ показывало удивительную ревность Наполеона. Маршалъ Брюнъ пользовался извѣстностью, обратенною имъ въ 1799 году, при отраженіи десанта Русскихъ и Англичанъ. Маршалы Лесевръ и Келлерманъ, старые солдаты, получившіе за свои заслуги мѣсто въ сенатъ и жезлъ почетныхъ маршаловъ, были способны блюсти за устройствомъ резервовъ, между-тѣмъ, какъ болѣе молодые сподвижники ихъ должны были действовать на мѣстѣ. Тутъ же былъ случай уклоненія отъ закона, который воспрещалъ сенаторамъ занимать общественныя должности. Сенату очень не нравился этотъ законъ, и отъ него уклонились очень-легко, назначая сенаторовъ къ образованію народныхъ защитниковъ отечества.

Окончивъ распоряженія свои, Наполеонъ велѣлъ ввести въ сенатъ и исключенныя нами мѣры, и представилъ ихъ самъ, въ торжественномъ собраніи, 23 сентября, въ Люксембургъ. Онъ говорилъ ясно и твердо о войнѣ, внезапно для него явившейся на твердой землѣ, когда онъ занимался экспедиціею противъ Англіи; говорилъ о требуемыхъ въ Австріи объясненіяхъ, о двусмысленныхъ отвѣтахъ ея и ясныхъ переломкахъ, потому-что армія ея перешла черезъ Иннъ 8-го сентября, въ то самое время, когда она особенно уязвляла въ наклонности ея къ сохраненію мира. Онъ обращался къ Франціи и обещалъ прогнать и уничтожить новую коалицію. Сенаторы изъявляли ему сильное чувство, хотя въ глубинѣ сердца приписывали новую континентальную войну присоединеніямъ къ Франціи итальянскихъ областей. Во время провоза императорскаго кортежа по улицамъ отъ Люксембурга до Салернъ, народный энтузіазмъ, подавленный стѣсненіями всякаго рода, былъ не такъ выразителенъ, какъ обыкновенно. Наполеонъ замѣтивъ это, оскорбился, и съ досадою говорилъ о томъ архиканцлеру Камбасересу. Онъ называлъ Парижанъ несправедливыми къ себѣ, но надеялся, надѣясь вскорѣ возбудить клики восторга, громкіе и пламенные больше тѣхъ, какіе столько разъ звучали въ ухахъ его, и, не имѣя времени занимать мысль свою ни однимъ предметомъ долго, переносилъ въ событіямъ, готовившимся на берегахъ Дуная. Поспѣвая отъѣзжать, онъ составилъ положеніе объ устройствѣ правительства на время своего отсутствія. Братъ его Юсіфъ получилъ назначеніе председательствовать въ сенатъ; другой братъ, Лудовикъ, въ качествѣ конетабля, долженъ былъ заниматься наборомъ людей и образованіемъ національной гвардіи. Архиканцлеръ Камбасересъ былъ назначенъ председателемъ

ствовать въ государственномъ совѣтѣ. Вся дѣла должны были поступать на сужденіе совѣта, составленнаго изъ министровъ и высшихъ сановниковъ, подъ председательствомъ великаго-избирателя Иосифа. Наполеонъ приказывалъ, чтобъ черезъ курьеровъ, отправляемыхъ къ нему каждый день, доставлялись донесенія о всѣхъ дѣлахъ, съ личнымъ мнѣніемъ архикацлера о каждомъ. Камбасересъ опасался, что Иосифъ, председатель совѣта правительства, оскорбится ролею перваго министра, присвоенною одному изъ членовъ того же совѣта, и заметилъ Наполеону. Наполеонъ резко возразилъ, что изъ угожденія тиесел не хочетъ лишиться самыхъ драгоценныхъ для него свидѣній. И остался. Рѣшенія императора должны были приходиться къ Пароль-судствію донесеній архикацлера. Только въ нетерпящихъ отдаленностяхъ совѣтъ уполномочивался предупреждать волю императора и отдавать приказанія, исполняемыя каждымъ министромъ личною его отвѣтственностью. Такъ Наполеонъ представлялъ себя шенію всего, даже во время своего отсутствія, и архикацлеръ Камбасересъ дѣлался окомъ его правительства, куда самъ онъ оставался далеко отъ средоточія Франціи.

Вся окружавшіе его съ печалью смотрѣли на его отъездъ. Не тайны его генія; не знали какъ онъ сократитъ войну; боялись, что будетъ продолжительна, и были увѣрены, что она будетъ кровопролитна. Сирапшавали: какой жребій ожидаетъ Францію, если его могучая голова будетъ такъ же поражена ядромъ, какъ грудь Тюренна пулею, какъ лобъ Карла XII-го? Сверхъ-того, приближенныя не смѣли обижать его, не смотря на его вспыльчивый, повелительный нравъ. Вся разставались съ нимъ въ большемъ горѣ. Онъ согласился, что до Страсбурга сопровождала его императрица, еще болѣе привязавъ къ нему въ тѣ періоды, когда боялась, что союзъ ихъ не будетъ должителенъ. Онъ бралъ съ собою Бертье, а Талебрану оставилъ приказаніе слѣдовать за главною квартирою въ некоторомъ разстояніи съ нѣсколькими чиповниками. Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 21-го декабря и прибылъ въ Страсбургъ 26-го.

Къ величайшему удивленію Европы, армія, за двадцать дней бывъ на берегахъ Океана, находилась уже въ центрѣ Германіи, на берегахъ Майна, Неккара и Рейна. Никогда и нигдѣ не видано было подобнаго больше тайнаго и быстраго. Головы колоннъ показывались вслѣдъ за Вюрцбургъ, въ Майнцъ, въ Страсбургъ. Солдаты радовались до слезъ, а люди Наполеона встречали его тысячекратно-повторяющимися криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Эти безчисленныя массы пѣхоты, артиллерія, кавалерія, вдругъ собранныя; эти обозы съ артиллерійскими припасами и боевыхъ снарядовъ, такъ быстро явившіяся; двинувшіяся рессоры лошадей, купленныхъ въ Швабіи и Швейцаріи; словомъ эти движенія арміи, за нѣсколько дней не ожиданной и вдругъ появившейся тутъ, представляли зрѣлище единственное, еще въ свѣтъ присутствія военнаго двора, блестящаго, но строгаго, и безчисленнымъ множествомъ любопытныхъ, съившихъ видѣть императора Французовъ, влущаго на войну.

Коалиція торопилась съ своей стороны, но она не такъ хорошо представлялась, какъ Наполеонъ, и особливо не была такъ дѣтельна, хотя и увлекалась самыми пламенными страстями. Союзныя державы условилась двинуть главныя силы свои къ Дунаю до наступленія зимы, чтобъ Наполеонъ не могъ, воспользовавшись трудностью сообщеній въ такое время года, поразить Австрію отдаленно отъ ея союзниковъ. Вся рѣчь о передвиженіяхъ была отложена такъ, чтобъ въ концѣ августа начала сентября приготовленія были кончены. Союзники думали слишкомъ предупредить такимъ-образомъ Наполеона, и начать военныя дѣйствія въ самое благопріятное для себя время. Они не ожидали такъ скоро встрѣтить Французовъ на театръ войны.

Русскія войска собирались въ Ревель и садились на суда въ первыхъ числахъ сентября, для отплытія въ Стральзундъ. Они состояли изъ 16 тысячъ человекъ, подъ командою генерала Толстаго. Дванадцать тысячъ вѣдомъ уже прежде ихъ прибыли въ Стральзундъ. Они должны были идти черезъ Мекленбургъ въ Ганноверъ и соединиться тамъ съ 15-ю тысячами Англичацъ, высаженныхъ на Эльбѣ въ Куксгагенъ. Это составляло армию въ 43 тысячи человекъ, назначенную для нападенія въ сѣверъ. Нападеніе ея могло быть главнымъ или побочнымъ, сообщивъ съ тамъ, присоединится или не присоединится къ нему Пруссія.

Приближалась два большія русскія арміи, по 60 тысячъ человекъ каждая: одна, подъ начальствомъ генерала Кутузова, шла черезъ Галлицію; другая, подъ начальствомъ генерала Буксегвдена, черезъ Польшу. Русская гвардія, подъ командою Великаго Князя Константина, состояла изъ 12-ти тысячъ человекъ отборныхъ людей и следовала за второю армію (*). Резервная армія генерала Михельсона устроивалась въ Вильнѣ. Юный Императоръ Александръ, вовлеченный въ войну, былъ только проныцателевъ, что видѣлъ свою ошибку, но не имѣлъ рѣшимости признать ее, или поправить быстрымъ образомъ дѣйствій: онъ сознавался самъ себя въ томъ, онъ былъ подъ властію тайнаго страха, и слишкомъ-поздно рѣшился на окончательныя приготовленія (**). Корпусъ генерала Кутузова, который изъ Галлиціи долженъ былъ прійти на помощь къ Австрійцамъ, пришелъ на границу Австріи еще раньше конца августа. Ему надлежало пройти Галлицію отъ Бродъ до Ольмюца, Моравію отъ Ольмюца до Ваны, Австрію и Баварію отъ Ваны до Ульма. Это было гораздо-дальше, нежели сколько Французамъ

(* Въ арміи Кутузова было 46,105 человекъ, въ корпусѣ Буксегвдена 26,828, въ ерлейскомъ отрядѣ 8,500 человекъ. Эти свѣдѣнія заимствованы изъ страсбургскихъ портретовъ, и показываютъ достоверность французскаго историка, который, не основываясь на на чести, увеличилъ русскую армию пятьюдесятью тысячами человекъ!

Прим. перс.

(**) Какъ ложно представляеть г. Тьеръ характеръ и всѣ дѣйствія Императора Александра I-го, можетъ видѣть всякій изъ насъ, сравнивъ съ выдумками французскаго историка правдивое изложеніе событій въ «Описаніи Первой Войны Императора Александра съ Наполеономъ», сот. генерал-лейтенанта Михайловскаго-Даниловскаго. Въ такомъ обширномъ и мощномъ произведеніи можно читать любопытныя г. Тьера.

Прим. перс.

надобно было пройти отъ Булони до Ульма; а Русскіе не умали реносаться такъ быстро, какъ Французы. Европа видѣла, какъ хажали наши солдаты: она знаетъ, что быстрее ихъ не бывало никогда. И такъ, предвидѣніе Наполеона исполнилось: Русскіе уже опоздали.

Вторая русская армія, расположенная между Варшавою и Краковомъ въ окрестностяхъ Пулавы, и вмѣстѣ съ гвардіею состоявшая изъ тысячи человекъ (**), ожидала прибытія Императора Александра; правленіе ея зависело отъ отношеній къ Пруссіи. Юный Императоръ хотѣлъ сдать свои войска, отпавшій изъ Ревеля, и потому отвылся къ польской арміи (***) въ Пулаву, недалеко отъ Варшавы. Остановился въ Пулавѣ у своего молодого министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартерьскаго, желая быть ближе къ Берлину, для связи съ тамошнимъ дворомъ.

При Александрѣ находился князь Петръ Долгорукій, новичокъ въ военномъ дѣлѣ, надменный и честолюбивый, врагъ умныхъ молодыхъ людей, занимавшихся при Государѣ дѣлами правительства (****). Старался убедить Императора, что эти молодые люди неварны и изменяютъ ей для выгодъ Польшы (*****). Мягкость Александра обидѣла успѣхи князю Долгорукому. Несправедливо было, что князь Чартерьскій могъ изменять Александру. Но онъ ненавидѣлъ прусскій дворъ, почитая двосудниемъ слабость его, и какъ истый Полякъ желалъ, чтобы намѣреніе действовать насильственно, если онъ не станетъ соображать съ видами коалиціи, было исполнено во всей строгости, то-есть, что съ нѣмъ были разорваны сношенія, и чтобы, разсѣвъ его войска, собранныя, отняли у него Варшаву, Познань и провозгласили Александра польскимъ королемъ (*****). Желаніе его было естественно для дѣла, но необдуманно для государственнаго мужа русскаго. Наполеонъ

(*) Едва ли! Русскія войска быстрее ихъ два раза приходили въ Парижъ и въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ, одержавъ на пути своемъ безпримѣрные побѣды.

Прим. перс.

(**) Повторяемъ, что у Буксгевдена было 26,828 человекъ, гвардіи 8,500, слѣдственно, меньше чѣмъ половина противъ указанія г. Тьера, хоть онъ уже убавилъ 2,000 человекъ противъ перваго своего указанія. Историческія числа и неважны и не то во все! Прим. перс.

(***) Корпусъ Буксгевдена никогда не назывался польскою арміею (l'armée de Pologne).

Примѣч. перс.

(****) Генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Долгорукій былъ одинъ изъ обаяннѣйшихъ молодыхъ людей своего времени, удостоенный особеннаго вниманія Императора Александра I-го и подававшій большія надежды, которыя уничтожила смерть его на полѣ чести, во время войны въ Финляндіи въ 1808 году. Прим.

(*****) Откуда могъ почерпнуть свидѣнія г. Тьеръ о тайныхъ сошнѣніяхъ между Монархомъ съ добровольцами его генералъ-адъютантомъ? Пусть, для пользы вѣдѣній, она укажетъ свои источники! Иначе, имъ признаемъ показанія его чистотою.

Прим. перс.

(******) Кто сказалъ все это г. Тьеру? Все свидѣнія въ исторіи должны быть основаны на неопровержимыхъ свидѣтельствахъ, а особливо столь важныхъ свидѣніяхъ, сообщаемъ онъ здѣсь. Голословными показаніями никто не можетъ. Прим.

одинъ могъ разбить коалицію: что жъ было бы, еслибъ ему придали насильственный союзъ Пруссіи?

Впрочемъ, такое требованіе было слишкомъ-сильно для неръшительнаго характера Александра. Онъ отправилъ въ Берлинъ своего посланника, г-на Алопеуса (*), и велѣлъ ему обратиться къ дружбѣ Фридриха-Вильгельма, требовать сначала свободнаго прохода для русской арміи черезъ Силезію и потомъ внушать, что союзники не сомнѣваются въ содѣйствіи Пруссіи благому преднамѣренію: освободить Европу. Посланникъ даже имѣлъ полномочіе объявить прусскому кабинету, что колебаться нельзя, что нейтралитетъ невозможенъ, и что если на проходъ войскъ не согласятся дружелюбно, то онъ будетъ произведенъ силою. Алопеусу долженъ былъ способствовать князь Долгорукій, генерал-адъютантъ Императора Александра. Ему поручили ясно показать въ Берлинѣ намѣреніе увлечь Пруссію ласками или заставить рѣшиться силою. Въ Пулавѣ даже составили манифестъ, который долженъ былъ предшествовать неприятелискимъ дѣйствіямъ (**).

Между-тѣмъ, какъ Русскіе уполномоченные обращались съ пылкими своими требованіями къ прусскому двору, тамъ былъ и французскіе уполномоченные, Дюрокъ и Лафоре, черезъ которыхъ Наполеонъ предлагалъ Пруссіи Ганноверъ. Мы видѣли, что обер-гофмаршалъ Дюрокъ отправился изъ Булони въ Берлинъ съ этимъ предложеніемъ. Оно было обольстительно; но г. Гарденбергъ, котораго называли въ Европѣ министромъ благомыслимъ, не зналъ, какъ на него согласиться. Два мѣсяца, июль и августъ, прошли въ переговорахъ и разныхъ предположеніяхъ. Наконецъ, юный король прусскій, видя оближеніе арміи русскіихъ, австрійскихъ и французскихъ, убѣдился, что война близка и неизбежна. Онъ оставался твердъ въ обыкновенной своей системѣ нейтралитета Сѣверной Германіи. Тогда Дюрокъ и Лафоре, по повелѣнію Наполеона, предложили ему то, чего столько разъ требовалъ самъ Берлинскій кабинетъ: отдачи Ганновера Пруссіи, въ видъ залога, съ тѣмъ, что она обезпечитъ Франціи обладаніе имъ. Фридрихъ-Вильгельмъ съ радостью увидѣлъ бы выступленіе Французовъ изъ Ганновера, и желалъ получить столь драгоценный залогъ; но зналъ, что за то онъ долженъ будетъ сопротивляться сѣверной экспедиціи, отдавался бы всего. Онъ поставилъ на видъ, что въ настоящемъ положеніи своемъ былъ беззащитенъ противъ Россіи со стороны Польши. Дюрокъ и Лафоре возразили предложеніемъ ему 80-ти тысячной арміи Французовъ, готовой соединиться съ Пруссаками. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ войны; онъ отвергнулъ ее и въ этомъ новомъ видѣ. Тогда-

(*) Императоръ Александръ I-й не могъ отправить Алопеуса изъ Пулavy, потому что Алопеусъ жилъ въ Берлинѣ и былъ прежде аккредитованъ при тамошней дворѣ. *Прим. перс.*

(**) Само собою разумѣется, что манифесты составляются прежде, нежели раздаются пушечные выстрѣлы, но бываютъ объявляемы только сообразно событіямъ. Обыкновенное зачитаніе г. Тьера показываетъ удивительную неслыханность въ чинахъ, имѣющихъ даромъ министромъ. *Прим. перс.*

то прибыли въ Берлинъ гг. Алопеусъ и князь Долгорукий (*), и требовали, чтобъ Пруссія объявила себя за коалицію. Почти то же отвѣчалъ король русскимъ посланникамъ, что отвѣчалъ посланнымъ Наполеонъ Пруссія первая подвергалась ударамъ Французовъ, какъ скоро присоединилась къ коалиціи. Русскіе посланники объявили, что собраніи между Варшавою и Краковомъ войска готовы подкравать его, и что 70 тысячъ Русскихъ пройдутъ черезъ Силезію и Саксонію на Рейнъ для того, чтобъ встрѣтить первый напоръ Французовъ. Такія убѣжденія не улекли Фридриха-Вильгельма. Тогда далъ ему замѣтить, что уже поздно, и что въ присоединеніи его къ общему дѣлу не сомнѣлись до такой степени, что отдали русскимъ войскамъ приказаніе не проходить черезъ Пруссію. Фридрихъ-Вильгельмъ твердо возсталъ противъ этого. Въ характерѣ его сдѣлалось. Онъ былъ нерешителенъ (**), отъ-того иногда казался слабымъ и двуличнымъ, но, выведенный изъ терпѣнія, дѣлался упрямъ. Онъ пришелъ въ гнѣвъ, собралъ совѣтъ, которому пригласилъ старшаго герцога брауншвейгскаго и фельдмаршала Моллендорфа, и, не смотря на свою бережливость, рѣшился поставить прусскую армію на военную ногу. Видя, что противъ него хотѣтъ действовать насильственно обѣ стороны, онъ рѣшился принять мѣры предосторожности и приказалъ собрать 80 тысячъ человекъ, для чего велѣлъ употребить около 64 милліоновъ франковъ, частію изъ государственныхъ доходовъ, частію изъ казны Фридриха-Великаго; разсчитанной въ предшествовавшее царствованіе, но пополненной изъ доходовъ настоящаго.

Г-нъ Алопеусъ ужаснулся такихъ распоряженій и посвѣшилъ написать въ Пулаву, умоляя своего Императора сохранять расположеніе прусскаго короля, если онъ не желаетъ имѣть противъ себя всѣхъ силъ прусскаго монархія.

Эти извѣстія поколебали рѣшимость Императора Александра. Князь Чарторьскій убѣдительно упрашивалъ его, не допуская Пруссію предпринять мѣры предосторожности, пройти просто черезъ ея владѣнія, а не останавливаться этого такъ долго. Если Пруссія вздумаетъ воевать, говоритъ Чарторьскій; Александръ объявитъ себя польскимъ королемъ и уступитъ новое королевство, заслонившись русскими арміями. Если она не вступитъ къ союзу—предназначенный планъ исполнится и однимъ союзникомъ будетъ больше (**). Но Александръ уже получилъ свѣдѣнія отъ Алопеуса, отвергнувъ совѣты своего молодого министра, и своей славою князя Долгорукаго въ Берлинъ (**), увѣрить царственного сво-

(*) Откуда же прибылъ Алопеусъ въ Берлинъ, когда онъ находился въ Берлинѣ?

Прим. ирр.

(**) Г. Тьеръ находитъ всѣхъ противниковъ Франціи нерешительными! Это съ математическою вѣрностью.

Прим. ирр.

(***) Откуда заимствованы такіе важныя указанія? Кто присутствовалъ при свиданіяхъ Императора Александра I-го съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ? Не могъ сообщить г. Тьеру содержаніе и даже слова ихъ совѣщаній? Это удивительно!

Прим. ирр.

(****) Князь Долгорукий одинъ только разъ ѣздилъ въ Берлинъ.

Прим. ирр.

друга, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія стѣснять его волю, и, напротивъ, отдалъ приказъ русской арміи остановиться на границахъ Пруссіи; что онъ желаетъ доказать своими дѣйствіями уваженіе къ нему, но что великихъ дѣлъ нельзя рѣшать черезъ посредниковъ, и по-тому онъ проситъ назначить ему свиданіе. Оно и было назначено въ первыхъ числахъ октября. Между-тѣмъ, Лафоре и Дюрюкъ оставались въ Берлинѣ: ихъ утѣряла въ твердомъ поддержаніи нейтралитета.

Такъ употребилъ Русскіе сентябрь мѣсяцъ, между-тѣмъ, какъ Австрійцы лучше воспользовались этимъ драгоценнымъ временемъ. Г. Коенцель не переставалъ повторять въ Парижѣ, что единственное желаніе Австріи—получить посредствомъ переговоровъ обезпеченіе въ будущемъ положеніи Италіи, и въ это же самое время Австрія пользовалась англійскими субсидіями съ величайшею дѣятельностью. Прежде всего, она обратила 100 тысячъ человекъ въ Италію, подъ начальствомъ эрцгерцога Ферда. Лучшіи генералы ея и самая сильная армія должны были возвратитъ ей самыя дорогія для нея области. Двадцать-пять тысячъ человекъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, который командовалъ въ Гогенлиденѣ, охраняли Тироль; 80 или 90 тысячъ человекъ начали овладѣть Баварією, двинуться въ Швабію и занять знаменитую римскую позицію, гдѣ Край, въ 1800 году, такъ долго удерживалъ генерала Моро. 50 или 60 тысячъ Русскихъ Кутузова должны были при-соединиться къ австрійской арміи (*) и составить армію во 140 тысячъ человекъ, которою надѣялись достаточно занять Французовъ, покада отойдутъ другія русскія арміи, эрцгерцогъ Карлъ завоюетъ Италію, войска, отправленныя въ Ганноверъ и Неаполь, произведутъ выгодную диверсію. Знаменитый генералъ Маккъ, составитель плановъ для нѣсколькихъ походовъ противъ Франціи, съ большою дѣятельностью и въкорѣннымъ знаніемъ военныхъ подробностей сформировавшей австрійскую армію для новой войны, былъ самъ назначенъ командовать швабскою армією, вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ (**).

Воспользовавшись городами, принадлежавшими Австріи въ тамошней краинѣ, устроили магазины между Констанцскимъ-Озеромъ и Верхнимъ-Рейномъ. Однимъ изъ австрійскихъ городовъ былъ Меммингенъ, на лѣвѣмъ берегу Рейна, составляющій лѣвую сторону позиціи, которой правую сторону занимаетъ Ульмъ. Въ Меммингенѣ свезли неизмѣримыя запасы и устроили тамъ нѣсколько окоповъ, чего нельзя было сдѣлать въ Ульмѣ, принадлежавшемъ Баваріи.

Все это совершалось въ послѣднихъ числахъ августа. Но Австрія, въ излишней поспѣшности, вовсе необыкновенной для нея, сдѣлала ошибку. Нельзя было занять ульмской позиціи не перешедши

*) Можно ли такъ играть историческими указаніями! То было 60, то является 50 или 60 тысячъ у Кутузова, когда ихъ всего было 46,408 человекъ. Десятки тысячъ войскъ ни почему ни у г. Тьера! А еслибъ онъ понималъ, что значатъ 10,000 человекъ на полѣ сраженія!...

Прим. перев.

**) Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ главнокомандующимъ, а Маккъ генерал-квартирмейстеромъ арміи, но имѣлъ бланкеты своего императора.

Прим. перев.

черезъ баварскую границу. Сверхъ-того, Баварія имѣла 25-ти тысячную армію, огромныя магазны, владела линіею Инна и, следовательно, все заставляло прежде Французовъ захватить такую богатую добычу. Съ нею вздумали дѣйствовать какъ Россія съ Пруссіею, то-есть, увлечь ее внезапною. Правда, оно было легче; но при неудачѣ могли выйти послѣдствія очень-непріятныя.

Когда генералъ Макъ прибылъ на берега Инна, князь Шварценбергъ былъ посланъ въ Мюнхенъ къ курфирсту съ самыми убедительными требованіями германскаго императора. Курфирста просили объявить себя за коалицію, соединить свои войска съ австрійскими, позволить размѣстить ихъ въ австрійской арміи, по полку въ дивизію, предоставить въ распоряженіе союзниковъ свои земли и магазны, словомъ, присоединиться къ этому новому крестовому походу противъ общаго врага Германіи и Европы. Князь Шварценбергъ былъ уполномоченъ предложить, еслибы то понадобилось, Баваріи лучшіе округа въ Зальцбургъ и даже въ Тироля, съ тѣмъ, чтобъ въ Италіи, вновь завоеванной общими оружіемъ, можно было опять водворить боковыя линіи императорскаго дома, удаленныя отсюда.

Покуда князь Шварценбергъ ѣхалъ въ Мюнхенъ, курфирстъ находился почти въ такомъ же положеніи, какъ прусскій король. Г. Отто, который въ 1801 году велъ такъ искусно переговоры въ Лондонѣ, былъ французскимъ министромъ въ Мюнхенѣ. Показывалъ видъ, что дворъ тамошній не благоволяетъ къ нему, онъ, однакожъ, имѣлъ тайныя свиданія съ курфирстомъ и старался убѣдить его, что Баварія существуетъ только покровительствомъ Наполеона. Достоверно, что въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, она могла спастись отъ Австріи только опираясь на Францію. Даже въ 1803-мъ году, она приобрѣла достаточныя вознагражденія въ Германіи единственно при посредничествѣ Франціи. Указывая на такія соображенія, г. Отто умѣлъ прекратить колебанія курфирста и довести его до того, что 24 августа онъ связалъ себя союзнымъ договоромъ. Глубочайшая тайна была обещана и соблюдена. Черезъ нѣсколько дней потомъ, 7 сентября, явился въ Мюнхенъ князь Шварценбергъ. Курфирстъ, слабый характеромъ, имѣлъ еще особенную причину оказывать слабость: супруга его, урожденная принцесса баденская, отячалась негодованіемъ противъ Франціи. Она тревожилась, плакала и показывала величайшую печаль, вида своего супруга прикованнымъ къ Наполеону, чѣмъ еще болѣе увеличивала его тревожное состояніе духа. Князь Шварценбергъ, за которымъ въ двухъ маршахъ была австрійская армія, успѣлъ при помощи слезъ курфирстины, поколебать курфирста и вырвать у него обещаніе предаться Австріи. Но, устрешенный послѣдствіями такой внезапной переменны, государь баварскій, боясь Макка, бывшаго близко, боялся и Наполеона, еще отдаленнаго. Онъ, почелъ долгомъ предупредить г. Отто, извинить свой поступокъ несчастнымъ своимъ положеніемъ и просить снисхожденія Франціи. Получивъ извѣщеніе его, г. Отто бросился къ курфирсту, показавъ ему опасность его отпаденія отъ Франціи и достоверность, что Наполеонъ скоро явится побѣд-

носимъ въ Мюнхенъ, а для мира съ Австріею пожертвуетъ ей Баварію. Другія обстоятельства помогли убъжденіямъ г. Отто. Требованіе размѣстить армію въ австрійскія дивизіи привело въ негодованіе баварскихъ генераловъ и офицеровъ. Въ то же время узнали, что Австрійцы, не ожидая согласія, испрашиваемаго въ Мюнхенъ, перешли черезъ Иннъ, и такое нарушеніе неприкосновенности границъ взволновало умы. Стали громко говорить, что Питтъ честолюбивъ не меньше Наполеона, что онъ купилъ вѣнскій кабинетъ, и что, по милости англійскаго золота, Германія опять будетъ потоптана ногами солдатъ цѣлою Европы. Кроме этого, г-ну Отто поблагопріятствовало еще одно обстоятельство: при курфирствѣ былъ искусный министръ, г. Монжела, снѣдмый честолюбіемъ за свою страну: онъ мечталъ пріобрѣсти для Баваріи въ девятнадцатомъ столѣтіи такія же увеличенія земель, какія въ восемнадцатомъ пріобрѣла Пруссія, безпрестанно изыскивалъ, гдѣ, въ Вѣнѣ или Парижѣ, больше надежды на успѣхъ, и наконецъ убѣдился, что это вѣрнѣе съ государствомъ новымъ, т. е. съ Франціею. Потому-то онъ старался поддержать договоръ, подписанный съ г. Отто. На время, его поколебали-было предложенія князя Шварценберга, и честолюбіе готово было овладѣть имъ, какъ слабость его государемъ. Но онъ скоро возвратился къ прежнему, и убѣжденія г. Отто, при помощи общественнаго мнѣнія, негодованіи баварской арміи, совѣтовъ г. Монжела, еще разъ одержали побѣду. Курфирствѣ снова предался Франція. Пользуясь тревожнымъ состояніемъ духа его, получали отъ него согласіе на все, чего хотѣли. Предложили удалиться въ Вюрцбургъ, бывшій епископскій городъ, отданный Баваріи въ 1803 году, и велѣть арміи слѣдовать туда же; онъ согласился. Желая выиграть время, онъ извѣстлялъ князя Шварценберга, что отправляетъ въ Вѣну баварскаго генерала г. Ногарола, извѣстнаго приверженца Австріи, уполномоченнаго вести переговоры съ нею. Потомъ курфирствѣ отправился, со всѣмъ дворомъ своимъ, ночью съ 8 на 9 сентября, сначала въ Ратисбоннъ, а изъ Ратисбонна въ Вюрцбургъ, куда и прибылъ 12 сентября. Баварскія войска, собранныя въ Амбергъ и Ульмъ, получили приказаніе сосредоточиться въ Вюрцбургъ. Выѣзжая изъ Мюнхена, курфирствѣ обнародовалъ манифестъ, гдѣ объявлялъ Баваріи и Германіи, что его хотѣли сдѣлать жертвою насилія.

Князь Шварценбергъ и генералъ Маккъ, перешедши черезъ Иннъ, увидѣли, что курфирствѣ, дворъ его и армія ускользнули отъ нихъ, и что на нихъ обрушилось столько же негодованія, сколько смѣшнаго. Австрійцы шли усиленными маршами, но не могли настичь Баварцевъ и вездѣ встрѣчали противъ себя общее мнѣніе жителей. Одно обстоятельство еще болѣе раздражило баварскій народъ. У Австрійцевъ было множество бумажныхъ денегъ, обращавшихся въ самой Вѣнѣ съ большими потерями. Они заставляли жителей брать вмѣсто серебра эту упадшую бумагу. Итакъ, значительный денежный убытокъ присоединился къ оскорбленнымъ народнымъ чувствамъ для возмущенія Баварцевъ противъ Австріи.

Послѣ этой печальной экспедиціи, генералъ Маккъ, виновный въ ней

меньше австрийского дипломата, обратился къ Верхнему Дунаю и занялъ давно-назначенную ему позицію, имѣя правый флангъ въ Ульмѣ, левый въ Меммингенѣ, в фронтъ прикрытый Иллеромъ, который проходить черезъ Меммингенъ и въ Ульмѣ впадаетъ въ Дунай. Офицеры австрийского главнаго штаба нѣсколько лѣтъ не переставали восхвалять эту позицію, какъ лучшую для сопротивленія Французамъ, выступающимъ изъ Шварцвальда. Однимъ крыломъ опирались тамъ на Тароль, другимъ на Дунай, и такимъ образомъ почтала себя безопасными съ обѣихъ сторонъ, не думая о тылѣ и не воображая, чтобъ Французы могли подойти какъ-нибудь иначе, нежели обыкновенною дорогою. Генералъ Маккъ притаилъ къ себѣ Теллахича съ его фюральбергскою дивизіею. Онъ имѣлъ въ ближайшемъ распоряженіи своемъ шестьдесятъ-пять тысячъ человекъ, а въ тылу своемъ, для связи съ Русскими, генерала Киннафера съ двадцатью тысячами человекъ. Это составляло восемьдесятъ-пять тысячъ человекъ подъ ружьемъ.

Итакъ, генералъ Маккъ былъ тамъ, гдѣ Наполеонъ предполагалъ и желалъ его, т. е. на Верхнемъ Дунаѣ, отдѣленный отъ Русскихъ разстояніемъ Вены отъ Ульма. Курфирстъ баварскій былъ въ Вюрцбургѣ, съ плачущимъ дворомъ своимъ, съ арміею, негодующею на Австрію, и въ ожиданіи скораго прибытія Французовъ.

Для полнаго понятія о положеніи Европы во время этого великаго перелома, остается бросить взглядъ на событія въ Южной Италіи: Верховные совѣтники коалиціи не хотѣли, чтобъ неаполитанскій дворъ, наблюдаемый двадцатью тысячами Французовъ генерала Сен-Сара, слишкомъ-рано обнаружилъ себя, и совѣтовали ему чистую измѣну, впрочемъ, не тяжелую для двора ослѣпленнаго и униженнаго невѣжествомъ. Ему внушили, что надобно подписать нейтральный договоръ съ Франціею, и тѣмъ удалить корпусъ, бывшій въ Тарентѣ. Когда этотъ корпусъ удалится, говорили ему, тогда неаполитанскій дворъ, не стѣсняемый наблюденіемъ, будетъ имѣть время объявлять свои намеренія и принять Русскихъ и Англичанъ. Русскій генералъ Ласси, человекъ осторожный и смысленный, находился въ Неаполѣ, съ порученіемъ приготовить все въ тайнѣ, и доставить союзныя войска по наступленіи благоприятной минуты. Русскихъ было двѣнадцать тысячъ въ Корфу, кромѣ резерва въ Одессѣ (*); Англичанъ шесть тысячъ въ Мальтѣ (**). Надѣялась еще на тридцать шесть тысячъ Неаполитанцевъ (***), устроенныхъ не такъ худо, какъ обыкновенно, и на общее вооруженіе калабрійскихъ разбойниковъ.

Договоръ съ Неаполемъ, предложенный Наполеону передъ сѣзкомъ отъѣздомъ его изъ Парижа, показался ему удовлетворительнымъ, и онъ не думалъ, чтобъ дворъ столь слабый рѣшился съ нимъ подвергнуться

(*) Въ Одессѣ резервъ корпуса, бывшаго въ Корфу—просто нѣтъ.

Прим. перс.

(**) Англичанъ въ Мальтѣ было 6600 человекъ. Прим. перс.

(***) Неаполитанцевъ было всего 7500 человекъ, но офиціальнымъ донесеніемъ генерала Ласси. Прим. перс.

себя следствіямъ измѣны. Онъ полагалъ, что ужасный примѣръ, данный имъ въ Венеціи въ 1797 году, излечилъ итальянскія правитель-ства отъ склонности ихъ къ обманамъ. Въ нейтральномъ договорѣ, недопускавшемъ Русскихъ и Англичанъ въ Южную Италію, онъ находилъ ту выгоду, что могъ дать двадцать тысячъ человекъ лишннихъ Массенѣ, еслибъ пятьдесятъ тысячъ оказались недостаточными для защиты Аджы.

Итакъ, онъ принялъ предложеніе, и по договору, подписанному въ Парижѣ 21 сентября, согласился вывести свои войска изъ Тарента, полагаясь на обещаніе неаполитанскаго двора не допускать высадки Русскихъ и Англичанъ. На такомъ условіи, генералъ Сен-Сиръ получилъ приказаніе выступить въ Ломбардію, и королева Каролина, вмѣстѣ съ слабымъ своимъ супругомъ, могла на свобода готовить внезапное возстаніе въ тылу Французовъ.

Вотъ положеніе союзныхъ державъ съ 20 по 25 сентября. Русскіе и Швецы, приняшіе на себя нападеніе съ сѣвера, собирались въ Стральзундѣ, соглашая свои дѣйствія съ высадкою Англичанъ въ устьяхъ Эльбы (*); русская армія устроивалась въ Вильнѣ подъ начальствомъ генерала Михальсона; Императоръ Александръ, съ корпусомъ своей гвардіи и съ арміею Буксегвена, былъ въ Пулавѣ (**), на Вислѣ, и стараясь о свиданіи съ прусскимъ королемъ; другая русская армія, подъ начальствомъ генерала Кутузова, проникла черезъ Галліцію въ Моравію, на соединеніе съ Австрійцами. Она была на одной высотѣ съ Вьною и готовилась идти вверхъ по Дунаю. Генералъ Маккъ, впереди на сто льѣ, занялъ позицію въ Ульмѣ, имея у себя 85 тысячъ человекъ и ожидая выхода Французовъ изъ Шварцвальда. Эрцгерцогъ Карлъ былъ со 100 тысячами человекъ на Аджѣ. Неаполитанскій дворъ готовилъ внезапное нападеніе, при помощи Русскихъ изъ Корфу и Англичанъ изъ Мальты.

Наполеонъ, какъ мы видели, прибылъ въ Страсбургъ 26 сентября. Колонны его въ точности следовали его приказаніямъ и проходили по начертаннымъ имъ путямъ. Маршалъ Бернадоттъ оставилъ въ крепости Гамельнѣ достаточное количество снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ, сильный гарнизонъ, людей, менѣе способныхъ къ походу, и выступилъ изъ Геттингена съ 17,000 солдатъ, приученныхъ къ самымъ тяжелымъ трудамъ. Онъ предуведомилъ курфюрста гессенскаго о своемъ проходе, употребивъ притомъ предписанныя Наполеономъ формы. Сначала ему объявили согласіе, потомъ отказъ, на который не обратилъ онъ вниманія и прошелъ черезъ Гессенъ безъ сопротивленія. Провіантскіе офицеры ѣхали впереди его корпуса, закупали съѣстные припасы на каждомъ растахъ и, платя за все наличными деньгами, всюду находили услужливыхъ спекулянтовъ, доставлявшихъ войскамъ все. Армія, у ко-

(*) Везера, а не Эльбы. *Прим. персе.*

(**) Гвардія вовсе не была въ Пулавѣ: она шла изъ Бреста на Краковъ и Олькицъ, куда и пришла черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія туда Императора Александра. *Прим. персе.*

торой есть казна, можетъ жить безъ магазиновъ, безъ потери времени и безъ отягощенія страны, проходимою ею, если въ этой странѣ есть какое-нибудь обиліе въ припасахъ. Съ такимъ средствомъ, Бернадотъ безъ затрудненія прошелъ оба Гессена, княжество Фульдское, владѣнія князя-архиканцлера и Баварію. Онъ шелъ перпендикулярно отъ сѣвера на югъ. 17 сентября былъ онъ у Касселя, 20-го въ Гиссенъ, 27-го въ Вюрцбургъ, къ величайшей радости курфюрста баварскаго, который изнемогалъ отъ страха посреди противорѣчивыхъ извѣстій объ Австрійцахъ и Французахъ. Къ нему прискакалъ министръ германскаго императора съ извиненіями о случившемся и съ намѣреніемъ опять привлечь его къ себѣ. Австрійскій министръ не зналъ о походѣ бернадоттова корпуса, покуда французская кавалерія не появилась на высотахъ Вюрцбурга. Онъ тотчасъ выѣхалъ и оставилъ намъ курфюрста навсегда, то есть, на все время нашего благоденствія.

Г. Монжеля, желая прикрасить поступки своего повелителя, просилъ у насъ одной предосторожности, не слишкомъ-почетной для Баваріи, а именно переимѣнить число союзнаго договора, заключеннаго съ Франціею. Этотъ договоръ былъ подписанъ 24 августа, а г. Монжеля хотѣлось, чтобъ на немъ было выставлено 23-е сентября. Желаніе его исполнили, и онъ могъ утверждать передъ своими ратисбонскими уполномоченными, что предался Франціи не прежде, какъ на другой день послѣ насилій Австрій.

Генералъ Мармонъ шелъ вверхъ по Рейну и, пользуясь имъ для перевозки своихъ тяжестей, слѣдовалъ по лѣвому берегу рѣки тою превосходною дорогою, которая остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ наполеонова царствованія. Онъ былъ 12 сентября въ Нимвегенъ, 18-го въ Кѣльнѣ, 25-го въ Майнцѣ, 26-го во Франкфуртѣ, 29-го въ окрестностяхъ Вюрцбурга. Съ нимъ былъ корпусъ изъ 20-ти тысячъ человекъ и паркъ изъ 40 орудій, въ совершенной исправности и съ большимъ количествомъ снарядовъ. Въ числѣ 20 тысячъ находилась голландская дивизія, подъ начальствомъ генерала Дюмонсо. Кавалеры были 15 тысячъ Французовъ, составлявшихъ корпусъ Мармона, это показываетъ безпримѣрное въ военной исторіи событіе. Они прошли часть Франціи и Германіи, были двадцать дней въ походѣ безъ остановки, и по прибытіи въ Вюрцбургъ не доставало изъ нихъ только 9 человекъ. Каждый генералъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы въ такомъ случаѣ не доставало у него двухъ-сотъ или трехъ-сотъ человекъ, потому-что при началѣ похода и отъ обыкновеннаго дѣловыхъ первыхъ переходовъ всегда оказываются и остаются назадъ люди много сложенія (*).

Такимъ-образомъ, въ концѣ сентября, Наполеонъ, съ 17-ю тысячами

(*) 9 человекъ отсталыхъ и больныхъ изъ 20 тысячъ! Это лживо баснословилъ Г. Тьеръ не зная, что когда 20-ти-тысячный корпусъ идетъ безостановочно 20 дней, то начальникъ его почитаетъ себя счастливымъ, если у него останется 9 тысячъ человекъ, а остальные постепенно будутъ подходить въ продолженіи следующихъ дней. Прим. перев.

Бернадотта и 20-ю тысячами Мармона, былъ посреди Франконіи, въ шести дняхъ отъ Дуная и угрожалъ флангу Австрійцевъ. Кроме того, въ Вюрцбургъ было 25 тысячъ баварскихъ войскъ, одушевленныхъ истиннымъ энтузіазмомъ за Французовъ. Они рукоплескали при видѣ нашихъ полковъ.

Маршалъ Даву, съ корпусомъ, шедшимъ изъ Амбльтёза, маршалъ Сультъ, съ корпусомъ изъ Булони, маршалъ Ней, съ корпусомъ изъ Монтрёля, проходили черезъ Фландрію, Пикардію, Шампанію, Лотарингію, и съ 23 на 24 сентября были на Рейнъ. Имъ предшествовала кавалерія, которую Наполеонъ привелъ въ движеніе за четыре дня прежде пехоты. Вся была одушевлена ревностью безпримѣрною. Дивизія Дюпона, проходя черезъ Энскій-Департаментъ, оставила позади себя человекъ пятьдесятъ, принадлежавшихъ къ тамошнимъ жителямъ. Они повидались съ своими семействами, и черезъ день вся присоединилась къ своимъ командамъ. Армія прошла 150 льё осенью, безъ отдыха даже на одинъ день, и въ ней не было ни отсталыхъ, ни больныхъ: примѣръ единственный, слѣдствіе духа войскъ и долгой лагерной жизни.

Маршалъ Ожеро формировалъ свои дивизіи въ Бретани. Отъ Бреста, черезъ Алансонъ, Санъ, Лангръ, Бефоръ, ему надобно было проходить Францію на величайшемъ ея протяженіи, и онъ могъ быть на Рейнъ черезъ двѣ недѣли послѣ другихъ корпусовъ, почему и долженъ былъ составить резервъ арміи.

Никогда не испытывали удивленія, равнаго тому, какое распространило въ Европѣ непредвиданное прибытіе этой арміи. Ее полагали на берегахъ Океана, и черезъ двадцать дней, — время, едва достаточное, чтобъ распространился слухъ о ея движеніи, — она явилась на Рейнъ и разливалась по Германіи. Таково было дѣйствіе чрезвычайной быстроты въ рѣшимости и глубокаго искусства скрыть принятое рѣшеніе.

Извѣстіе о появленіи Французовъ распространилось мгновенно и породило въ немецкихъ генералахъ только ту мысль, что главнымъ театромъ войны будетъ не Италія, а Баварія, куда шелъ Наполеонъ съ океанійскою арміею. Слѣдствіемъ было только требованіе усилить австрійскія войска въ Швабин, и неприятное для эрцгерцога Карла приказаніе послать изъ Италіи отрядъ въ Тиролю, на помощь къ генералу Макку, черезъ Форальбергъ. Но истинное намѣреніе Наполеона осталось глубоко скрытымъ. Полагали, что собранныя въ Вюрцбургъ войска назначаются единственно для соединенія Баварцевъ и для защиты курюрста. Главное сближеніе войскъ на Верхнемъ-Рейнъ, при входѣ въ дефиле Шварцвальда, казалось назначеннымъ для открытія тамъ дѣйствій. Такъ генералъ Маккъ съ каждымъ днемъ утверждался въ своей идее — оставаться въ ульмской позиціи, назначенной ему.

Когда Наполеонъ соединилъ всю свою армію, онъ далъ ей устройство, оставшееся въ ней съ-тѣхъ-поръ, и названіе, которое навсегда сохранится въ исторіи — названіе великой-арміи.

Онъ раздѣлил ее на семь корпусовъ. Войска маршала Бернадотта, приведенныя изъ Ганновера, составили первый корпусъ, въ 17 тысячъ

человѣкъ. Маршалъ Мармонтъ, съ войсками, пришедшими изъ Голландіи, составлялъ второй корпусъ, гдѣ было 20 тысячъ солдатъ имѣя ружьемъ. Войска маршала Даву, занимавшія въ Амблѣтѣзѣ третью крепость вдоль береговъ Океана, получили названіе третьяго корпуса: въ было 26 тысячъ человѣкъ. Маршалъ Сультъ, начальникъ центра большой океанской арміи, бывшаго въ Булонь, составилъ, со своими 40 тысячами пѣхоты и артиллеріи, четвертый корпусъ. Отъ него вскоре должна была отдѣляться дивизія Сюшѣ къ пятому корпусу, куда принадлежали дивизія Газана и аррасскіе гренадеры, извѣстные въ послѣдствіи подъ названіемъ гренадеровъ Удино, по имени храбраго ихъ начальника. Кромѣ дивизіи Сюшѣ, въ составъ пятаго корпуса входило 18 тысячъ человѣкъ. Онъ назначался герою и вѣрному другу Наполеона, маршалу Ланну, вызванному изъ Португаліи принять участіе въ опасной булонской экспедиціи, а теперь слѣдовавшему за императоромъ на берега Моравы, Вислы и Нѣмана. Неустрашимый Ней, начальникъ монтрельскаго лагеря, составилъ шестой корпусъ, гдѣ было 24 тысячи солдатъ. Ожеро, съ двумя дивизіями, гдѣ считалось не болѣе 14 тысячъ человѣкъ, бывшій послѣднимъ на береговой линіи (въ Брестѣ), составилъ седьмой корпусъ. Восьмымъ корпусомъ назвала въ послѣдствіи войска, которая пришла изъ Италіи и дѣйствовала въ Германіи. Это устройство было таково же, какъ въ рейнской арміи, но съ важными измѣненіями, пріимчивыми къ генію Наполеона и необходимыми для исполненія великихъ дѣлъ, имъ преднамаренныхъ.

Въ рейнской арміи, каждый корпусъ, укомплектованный всѣми войсками, составлялъ самъ-собою маленькую армію, снабженную всѣмъ и способную дать сраженіе. Отъ-того эти корпуса стремились къ отдаленности, особливо подъ начальствомъ такого генерала, какъ Моро, который начальствовалъ сообразно своему уму и характеру. Наполеонъ устроилъ свою армію такъ, чтобъ она вся была въ рукѣ его. Каждый корпусъ былъ укомплектованъ только пѣхотою, имѣя артиллерію только необходимую, а кавалеріи именно столько, сколько нужно для оберегательства, то-есть, нѣсколько эскадроновъ гусаровъ или егерей. Наполеонъ предоставлялъ себѣ послѣ комплектовать корпуса артиллеріею и кавалеріею, при помощи резерва изъ этихъ войскъ, которыми резервировалъ онъ одинъ. Сообразно мѣстности и требованію, онъ бралъ у одного и отдавалъ другому подкрѣпленіе орудіями для массы кирасировъ.

Особенно заботился онъ имѣть подъ командою одного начальника, и подъ непосредственною зависимостью своей воли, главную массу кавалеріи. Кавалерія служитъ для наблюденій за непріателемъ, безпрерывно рыская вокругъ него; она довершаетъ пораженіе, когда онъ поколеблется, она преслѣдуетъ и окружаетъ его, когда онъ бѣжитъ, и потому Наполеонъ хотѣлъ исключительно себѣ предоставлять это средство притоготвлять, рѣшать побѣду и собирать ея плоды. Онъ составилъ одинъ корпусъ тяжелой кавалеріи изъ кирасировъ и карабинеровъ, подъ командою генераловъ Нансута и Голу, и прибавилъ къ нимъ драгунскіе пѣшихъ и конныхъ, подъ начальствомъ генераловъ Клоппа, Вальтера,

Бомона, Бурсьё и Барагё-д'Ильё, а все это поручил зятю своему Мюрату, самому пламенному кавалеристу того времени, который и былъ похъ его начальствомъ истиннымъ *magistro equitum* римскихъ армій. При кавалеріи были баттаренъ конной артиллеріи, такъ-что она обладала не однимъ могуществомъ сабли, но и силою огня. Въ этомъ резервѣ считалось 22 тысячи кавалеристовъ, изъ которыхъ было 6 тысячъ кирасировъ, 9 или 10 тысячъ конныхъ драгуновъ, 6 тысячъ пѣшихъ драгуновъ и тысяча конныхъ артиллеристовъ.

Наконцѣ, общимъ резервомъ великой-арміи была императорская гвардія, отборный корпусъ, превосходнѣйшій въ цѣломъ мѣрѣ, средство совершенствованія и вмѣстѣ награды для отличившихся солдатъ, потому-что въ ряды гвардіи принимали не иначе, какъ по заслугамъ. Императорская гвардія состояла, такъ же, какъ и консульская гвардія, изъ гренадеровъ и егерей пѣшихъ и изъ гренадеровъ и егерей конныхъ, почти какъ полкъ, гдѣ оставили бы только одна отборныя роты. Къ ней причислялись превосходнѣйшій батальонъ итальянскій, представлявшій гвардію короля Италіи, великолѣпный эскадронъ мамелюковъ, послѣднее воспоминаніе о Египтѣ, и два эскадрона отборныхъ жандармовъ, охранявшихъ благоустройство главной квартиры; всего было 7 тысячъ человекъ. Къ нимъ присоединилъ Наполеонъ въ большомъ размѣрѣ любимое свое оружіе, которое иногда замѣняло всю другія—артиллерію. Онъ составлялъ паркъ, отлично и тщательно устроенный, изъ 24-хъ орудій, такъ-что на тысячу человекъ приходилось почти по четыре орудія.

Гвардія никогда не отлучалась отъ главной квартиры; она всегда шла помѣ императора, съ Лапномъ и гренадерами Удано.

Такова была великая-армія. Она представляла громаду во 186 тысячъ воиновъ, дѣйствительно бывшихъ налицо. Въ ней считалось 38 тысячъ кавалеристовъ и 340 орудій. Если прибавимъ къ тому 50 тысячъ человекъ Массены, 20 тысячъ генерала Сен-Сира, то найдемъ всего 256 тысячъ Французовъ, разсыянныхъ отъ Тарентскаго-Залива до устья Эльбы, съ резервомъ внутри государства почти изъ 150 тысячъ войсковыхъ солдатъ. Прибавляя къ тому еще 25 тысячъ Баварцевъ и 7 или 8 тысячъ солдатъ баденскихъ и виртембергскихъ, готовыхъ вступить въ ряды Наполеона, можно сказать, что онъ шелъ съ 250-ю тысячами Французовъ и съ 30-ю тысячами Нѣмцевъ сражаться противъ 500 тысячъ союзныхъ войскъ, въ томъ числѣ 250 тысячъ Австрійцевъ, 200 тысячъ Русскихъ, 50 тысячъ Англичанъ, Шведовъ, Неаполитанцевъ, также имѣвшихъ резервы внутри Австріи, Россіи и на английскихъ флотахъ. Коалиція надѣялась присоединить къ себѣ 200 тысячъ Пруссаковъ, что не было невозможно, если Наполеонъ не успѣшилъ бы побѣдить.

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ спѣшилъ начать дѣйствія и назначилъ переходить черезъ Рейнъ 25 и 26 сентября, пожертвовавъ два или три дня для отдыха солдатъ, для исправленія разныхъ принадлежностей кавалеріи и артиллеріи, для перемены ушибенныхъ или изнуренныхъ лошадей сѣннами, во множествѣ собранными въ Эльзасъ; наконецъ, онъ работался приготовить большой артиллерійскій паркъ и значительное

количество сухарей. Вотъ какъ распорядился онъ обойти Шварцвальдъ, позади котораго ожидалъ Французовъ генералъ Манкъ, занимавшій Ульмъ.

Разсматривая карту театра войны, видишь, что Рейнъ, выходя изъ Констанцкаго-Озера, течетъ до Базеля на западъ, и потомъ вдругъ поворачивается почти прямо на сѣверъ. Дунай, напротивъ, выходя изъ слабыхъ истоковъ, вблизи той точки, гдѣ Рейнъ вытекаетъ изъ Констанцкаго-Озера, льется на востокъ, и такъ, съ небольшими изгибами, идетъ до Чернаго-Моря. Цѣпь небольшихъ горъ, не считая называемыхъ Швабскими-Альпами, разделяетъ оба эти рѣки, направляя Рейнъ къ морямъ сѣвера, а Дунай къ морямъ востока. Изъ Франціи видны вершины самыхъ крутыхъ изъ этихъ горъ, которыя, нечувствительно понижаясь, оканчиваются въ долинахъ Франконіи, между Нордлингеномъ и Донаувертомъ. Изъ полуоткрытыхъ ребръ ихъ, поросшихъ лѣсами, известныя подъ общимъ именемъ Шварцвальда (Чернаго Леса), вытекаютъ влѣво, то-есть, къ Рейну, Неккаръ и Майнъ, а вправо Дунай, который идетъ вдоль отлогостей ихъ, почти безлѣсныхъ и образующихъ террасы. Въ горахъ есть тѣсныя дефилеа, которыя необходимо проходить идя отъ Рейна къ Дунаю, если только не ищутъ этихъ горъ, подымаясь по Рейну за Шафгаузенъ, или идя у подошвы ихъ отъ Страсбурга до Нордлингена и равнинъ Франконіи, гдѣ они исчезаютъ. Въ прежнія войны, Французы избирали обыкновенно одну, то другую дорогу. Иногда, идя отъ Рейна между Страсбургомъ и Гюнингеномъ, они проходили дефилеа Шварцвальда; иногда, подымаясь вверхъ по Рейну до Шафгаузена, они переправлялись черезъ рѣку близъ Констанцкаго-Озера, и такимъ образомъ были у истока Дуная не проходя сквозь дефилеа.

Желая стать между Австрійцами, занимавшими Ульмъ, и Русскими, подходившими на помощь къ нимъ, Наполеонъ долженъ былъ избѣгать совсѣмъ другимъ путемъ. Сначала постаравшись обратить вниманіе Австрійцевъ на дефилеа Шварцвальда, куда, по-видимому, сформировались его колонны, онъ долженъ былъ потомъ не переходить, а обходить Швабскіе Альпы, и достигнувъ Нордлингена, обогнуть крайнюю низменность ихъ, а потомъ со всеми корпусами своими переправиться черезъ Дунай въ Донаувертъ. Такимъ движеніемъ онъ, иммохорошо присоединялъ къ себѣ корпуса Мармона и Бернадотта, уже бывшіе въ Вюрцбургѣ, обходилъ ульмскую позицію, выступалъ въ тылъ Манна, и приводилъ въ исполненіе предначертанный имъ планъ отъ котораго ожидалъ онъ великихъ послѣдствій.

25 сентября, онъ предписалъ Мюрату и Ланну съ кавалерійскимъ резервомъ, гренадерами Удинѣ и дивизією Газана переправиться черезъ Рейнъ въ Страсбургъ. Мюратъ долженъ былъ идти съ своими дивизіями изъ Оберкирха въ Фрейденштадтъ, изъ Оффенбурга въ Рейнхартсгаузенъ, изъ Фрейбурга въ Нейштадтъ, и являться такимъ-образомъ передъ главными дефилеами, дѣлая видъ, что вся армія слѣдуетъ въ тылъ Манна. Чтобъ довершить заблужденіе непріятеля, приказано было сформировать съставные припасы по всему этому направленію. Дались дѣловыя распоряженія.

укреплять обозрѣнія Мюрата нѣсколькими батальйонами гренадеровъ, въ дѣйствительности ему приказано было, находясь съ главными силами своего корпуса передъ Страсбургомъ, по дорогѣ въ Штутгартъ, покрывать движеніе маршаловъ Ней, Сульта и Даву, назначенныхъ переправиться черезъ Рейнъ гораздо-ниже. Начальникъ артиллеріи, генералъ Сонжн, навелъ два моста: первый между Лаутербургомъ и прусру, для корпуса маршала Ней, другой въ окрестностяхъ Шпейера, для корпуса маршала Сульта. Въ распоряженіи маршала Даву была крѣпость въ Мангеймѣ. Вся она должны были проходить поперегъ долины, вадущихъ отъ Швабскихъ-Альповъ, съ боку цѣпи горъ, и въ долины одинъ съ другимъ, чтобъ при внезапномъ появленіи непріятеля могли другъ другу. Имъ приказано было имѣть на четыре дни хлѣба въ рюкзакѣ солдатъ, и на четыре дни сухарей въ фуражѣхъ, что было необходимо на случай усиленныхъ маршей. Наполеонъ выѣхалъ изъ Страсбурга не прежде, какъ увидѣвъ отправление своихъ полковъ резервовъ къ арміи, подъ прикрытіемъ одной дивизіи пѣхоты. Онъ перешелъ черезъ Рейнъ 1-го октября, въ сопровожденіи своей гвардіи, и простился съ императрицею, которая осталась въ Страсбургѣ, въ императорскомъ дворцѣ и канцелярію г. Талейрана.

На земля Бадена встрѣтила Наполеона фамилія царствовавшего тамъ курфюрста, неспышавшая изъявить ему чувства свои. Старый курфюрстъ представлялся окруженный тремя поколѣніями принцевъ. Какъ вся германскіе государи втораго и третьяго разряда, онъ хотѣлъ воспользоваться благодѣяніями нейтралитета, истинной мечты въ подобныхъ обстоятельствахъ, потому что если небольшія нѣмецкія государства не могли предупредить войны сопротивленіемъ большимъ державамъ, желавшимъ ея, они не могли надѣяться отклонить бѣдствія ея нейтралитетомъ, невозможнымъ для нихъ, когда они почти все находились на границѣ воевавшихъ арміи. Въмьсто нейтралитета, Наполеонъ предлагалъ свой союзъ, обещалъ окончить въ пользу ихъ вопросы о земляхъ владѣніи, раздѣлявшихъ ихъ отъ Австріи со времени неоконченнаго въ 1803 году соглашенія. Великій герцогъ баденскій принялъ наконецъ союзъ его, и обещалъ 3,000 человекъ своихъ войскъ, кромѣ състныхъ запасовъ и средствъ для перевозки, за которые надобно было платить имъ. Наполеонъ ночевалъ въ Этлингенѣ, и 2-го октября отправился въ Штутгартъ. Передъ пріездомъ его, едва не дошло до непріятельныхъ дѣйствій между курфюрстомъ вюртембергскимъ и маршаломъ Нейемъ. Курфюрстъ, известный въ Европѣ необычайною своею жадностью, спорилъ въ это время съ французскимъ министромъ объ условіяхъ союза, который не нравился ему. Но, до заключенія его, онъ не хотѣлъ допускать войскъ на въ Лудвигсбургъ, свой загородный дворецъ, ни въ Штутгартъ, свою столицу. Маршалъ Ней согласился не входить въ Лудвигсбургъ, но направилъ свою артиллерію на штутгардскія ворота и тамъ заставлялъ отнереть ихъ себѣ. Наполеонъ прибылъ въ Мангеймъ-кстати утишить гнѣвъ курфюрста. Онъ былъ встрѣченъ имъ вежливо и условился съ нимъ въ союзъ, который возвеличилъ вюртембергскій домъ, какъ возвеличилъ онъ всѣхъ государей Южной-Гер-

манія. Договоръ былъ подписанъ 5 октября, и заключалъ къ себя съ стороны Франціи обязанность возвысить вюртембергскій домъ, а со стороны Вюртемберга выставить 10 тысячъ человекъ, кромѣ стѣстныхъ припасовъ, лошадей, подводъ, за что надлежало платить деньгами.

Наполеонъ пробылъ въ Лудвигсбургѣ три или четыре дня, давъ время своимъ корпусамъ двѣяго фланга войти въ линію. Съ чрезвычайною осторожностью надобно было проходить, на протяженіи сорока миль, подъ 80 или 90 тысячъ непріятелей, не встревоживъ ихъ и не подвергшись нечаянному ихъ нападенію на одну изъ фланговъ. Наполеонъ исполнялъ это съ изумительнымъ искусствомъ и предусмотрительностью. Три дороги пересѣкали Вюртембергъ и оканчивались у низменныхъ окопечностей Швабскихъ-Альповъ, куда надобно было достигнуть для прибытія къ Дунаю, между Донаувертомъ и Ингольштадтомъ. Главная, черезъ Форцгеймъ, Штутгардъ и Гейденгеймъ, шла подъ самыхъ горъ и была въ сообщеніи съ австрійскою позиціею у Ульма посредствомъ множества дефилей. Ее-то надобно было проходить съ особенною осторожностью, по причинѣ близости непріятеля. Наполеонъ занималъ ее кавалеріею Мюрата, корпусомъ маршала Ланна, корпусомъ Нея и гвардіею. Вторая дорога, идущая отъ Шпейера, черезъ Гейльбруннъ, Галль, Эльвангенъ, и оканчивающаяся на равнинѣ Нордлингенской, была занята корпусомъ маршала Сульта. Третья, идущая отъ Мангейма черезъ Гейдельбергъ, Нсккаръ-Эльцъ, Ингельнгеймъ, оканчивается у Эттвигена. По ней проходилъ маршалъ Даву. Она сближалась съ направленіемъ пути корпусовъ Бернадотта и Мармона, шедшихъ отъ Вюрцбурга къ Дунаю. Наполеонъ расположилъ маршъ различныхъ колоннъ такъ, что онѣ все пришли 6-го и 7-го октября на равнину дунайскаго берега, между Нордлингеномъ, Донаувертомъ и Ингольштадтомъ. При такомъ движеніи, левое крыло опиралось на сравнительно-большую дугу, нежели правое, служившее ему опорною точкою. Потому Наполеонъ велѣлъ своему правому флангу замедлять маршъ, чтобы корпусамъ Мармона и Бернадотта, составлявшимъ крайній левый флангъ, маршалу Даву, и маршалу Сульту, соединившему всѣхъ другихъ съ главною квартирою, дать время окончить сходящееся ихъ движеніе.

Наполеонъ выждалъ это, и 4-го октября двинулся со всѣмъ правымъ крыломъ. Мюратъ безпрерывно галопировалъ впереди своей кавалеріи, являлся попеременно при входѣ во вся дефилея, пересѣкающія горы, по показывался только и уводилъ назадъ свои эскадроны, какъ скорый паркъ и обозы проходили и были безопасны. Наполеонъ, съ корпусами Ланна, Нея и гвардіею, шелъ по штутгардской дорогѣ и былъ готовъ съ пятьюдесятью тысячами человекъ, ринуться на помощь Мюрату, еслибъ непріятель показался съ большими силами въ одной изъ дефилей. Корпуса Сульта, Даву, Мармона и Бернадотта составляли центръ и левое крыло арміи, и опасность начиналась для нихъ только по окончаніи движенія, производимаго подъ Швабскихъ-Альповъ, то-есть, по выступленіи на равнину Нордлингена. Въ-самомъ-дѣлѣ, могло быть, что генералъ Маккъ, еще во-время извѣщенный, потянулся бы отъ

ыма къ Донауверту, переправился черезъ Дунай, и на равнинѣ Нордлингена далъ сраженіе, желая остановить Французовъ. Наполеонъ распорядился все такъ, чтобъ Мюратъ, Ней, Ланнъ, и съ ними по-крайней-мѣрѣ корпуса маршаловъ Сульта и Даву сошлись вмѣстѣ 6 октября между Гейденгеймомъ, Эттингеномъ и Нордлингеномъ, и могли бы гнать непріятеля большими силами. Но до-тѣхъ-поръ, онъ заботился обманывать генерала Макка какъ-можно-дальше и не давалъ ему возможности выйдти изъ своей позиціи, пока французскія войска не достигли равнины въ Донаувертъ. 4-го и 6-го октября все продолжалось какъ-неизлучше. Погода была прелестная; солдаты, въ исправной обуви и въ шинеляхъ, шли весело. Сто-восемьдесятъ тысячъ Французовъ двинулись впередъ на протяженіи двадцати-шести миль, правымъ крыломъ саясь горъ, лѣвымъ простираясь до Палатината, могли въ нѣсколько часовъ соединиться въ числѣ 90 или 100 тысячъ человекъ на одномъ или другомъ изъ своихъ фланговъ, и—что гораздо-удивительнѣе— Австрійцы даже не имѣли подозрѣнія о такомъ обширномъ дѣйствіи.

«Австрійцы стоятъ у выходовъ изъ Шварцвальда», писалъ Наполеонъ къ Талейрану и Ожеро. «Дай Богъ, чтобъ и оставались тамъ! Я только того и боюсь, что мы слишкомъ испугаемъ ихъ... Если дадутъ они мнѣ выиграть нѣсколько переходовъ, я надѣюсь обойдти ихъ и стану со всею моею арміею между Лехомъ и Изаромъ.» Къ министру войны онъ писалъ: «Запретите рейнскимъ газетамъ говорить объ арміи: она какъ-бы не существуетъ для нихъ.»

Корпуса Бернадотта и Мармона, на пути къ назначенному имъ пункту, должны были проходить черезъ одну изъ прусскихъ областей во Франконіи, черезъ Анспахъ. Посдвинувъ ихъ къ корпусу маршала Даву, Наполеонъ могъ бы притянуть ихъ къ себѣ не коснувшись прусскихъ владѣній. Но дороги уже были загромождены, и столпленіе тамъ новыхъ войскъ помѣшало бы правильности движеній и продовольствію. Сверхъ того, суживая кругъ, описываемый арміею, уменьшали возможность окружить непріятеля. Наполеонъ хотѣлъ своимъ движеніемъ обхватить равнину Дуная до Ингольштадта, чтобъ выйдти какъ-можно-дальше въ тылъ Австрійцевъ, и имѣть возможность остановить ихъ, еслибъ они отступили отъ Иллера до Леха. Онъ былъ въ такихъ отношеніяхъ къ Пруссіи, что не могъ предполагать излишнихъ затрудненій съ ея стороны, рассчитывалъ на обычай прежнихъ войнъ, когда проходили черезъ прусскія области Франконіи, бывшія вне черты нейтралитета, и не получилъ никакого извѣщенія, что надобно иначе поступить въ настоящемъ случаѣ; потому, ни мало не раздумывая, онъ велѣлъ корпусамъ Мармона и Бернадотта идти черезъ земли Анспаха. Прускія начальства явились на границу, и отъ имени своего государя протестовали противъ дѣлаемаго имъ насилія. Имъ отвѣчали, указывая на приказанія Наполеона, и шли далѣе, платя за все деньги и соблюдая строжайшую дисциплину. Прускіе подданные, получая платежъ за хлѣбъ и овца, доставленные нашимъ солдатамъ, не казались оскорбленными за мнимое насиліе ихъ земель.

6 октября, шесть корпусовъ французской арміи благополучно прибы-

Войска Сульта тотчасъ исправили мостъ и поспѣшно перешли черезъ него. Мюрать, съ своими драгунскими дивизіями, опережая правое крыло, понесся къ мюнстерскому мосту, уже захваченному Вандамомъ, перескакалъ черезъ него съ одною дивизією драгуновъ и бросился овладѣть важнымъ равнинскимъ мостомъ на Лехъ. Лехъ течетъ позади Иллера, почти параллельно съ нимъ, и соединяется съ Дунаемъ близъ Донауверта, образуя позицію за Ульмомъ, такъ-что, занявъ равнинскій мостъ, обходили въ одно время Иллеръ и Лехъ и не оставляли генералу Макку возможности отступить удобно. Мюрату стоило только подскочить для овладѣнія Райномъ и мостомъ на Лехъ. Двѣсти всадниковъ его опрокинули всѣ патрули Кинмайера, между-тѣмъ, какъ Сультъ утверждался въ Донаувертѣ, а Даву подходилъ на видъ къ нейбургскому мосту.

Наполеонъ въ тотъ же день прибылъ въ Донаувертъ. Надежда его осуществлялась; но онъ не почиталъ успѣха обеспеченнымъ, покуда не достигъ всѣхъ послѣдствій своего превосходнаго маневра. Уже нѣсколько сотъ человекъ было взято въ плѣнъ, и показанія ихъ были единогласны. Генералъ Маккъ остается въ Ульмѣ, на Иллерѣ; только аррьергардъ его, командуемый Кинмайеромъ, и назначенный для соединенія Макка съ Русскими, встрѣченъ и отброшенъ Французами за Дунай. Наполеонъ тотчасъ рѣшился занять позицію между Австрійцами и Русскими, чтобъ помѣшать ихъ соединенію. Еслибъ Маккъ умѣлъ принять намѣреніе во время, то первымъ движеніемъ его было бы оставить берега Иллера, отойти къ Леху, и черезъ Аугсбургъ присоединиться къ Кинмайеру на мюнхенской дорогѣ. Наполеонъ, не теряя ни минуты, предписалъ новыя передвиженія. Маршалъ Ней, съ 20 тысячами человекъ, остался на лѣвомъ берегу Дуная, для охраненія его; Мюрать и Ланнъ, съ 40 тысячами, помѣстились на правомъ берегу Дуная, между Ульмомъ и Аугсбургомъ, для воспрепятствованія Макку уйти по большой дорогѣ въ Мюнхенъ; Сультъ, съ 30 тысячами, былъ на Лехѣ и распространялся къ Аугсбургу. Такъ всѣ пути для Макка были заслонены громадами войскъ.

Отъ однихъ заботъ переходя къ другимъ, Наполеонъ немедленно приказалъ маршалу Даву поспѣшить черезъ Дунай къ Нейбургу, и очистить пунктъ ингольштадтскій, гдѣ должны были выйти Мармонъ и Бернадоттъ. Дорога ихъ была длиннѣе, и они отстали на два перехода. Затѣмъ Даву долженъ былъ двинуться на мюнхенскую дорогу, противъ Кинмайера, и составить аррьергардъ громадъ, скоплавшихся вокругъ Ульма. Корпуса Мармона и Бернадотта являли повелѣніе поспѣшить перейти Дунай въ Ингольштадтъ и двинуться къ Мюнхену, для возстановленія курфюрста въ его столицѣ, только за мѣсяць оставленной имъ. Сопутнику Баварцевъ въ это время, Бернадотту, предоставлялъ Наполеонъ честь снова утвердить ихъ въ отечествѣ. Такимъ распоряженіемъ онъ ставилъ противъ Русскихъ, шедшихъ отъ Мюнхена, Бернадотта и Баварцевъ, а въ случаѣ нужды Мармона и Даву, назначенныхъ, смотря по обстоятельствамъ, идти къ Мюнхену или къ Ульму.

8 октября, маршалъ Сультъ шелъ вверхъ по Леху, къ Аугсбургу, и не встречалъ непріятелей. Мюрать и Ланнъ должны были занять про-

странство между Лехомъ и Иллеромъ, и шла отъ Донаудорфа къ Бургау, по странѣ холмистой, кой-гдѣ покрытой рощами, или пересѣкаемой рѣчками, впадающими въ Дунай. Драгуны были вперсалп, когда встрѣтили они непріятельскій корпусъ, стоявшій передъ мѣстечкомъ Вертингенемъ и вокругъ него. Непрѣятельскій корпусъ былъ многочисленнѣе всѣхъ, встраченныхъ до-сихъ-порѣ, и состоялъ изъ шести батальйоновъ гренадеровъ, подъ командою барона Ауфенберга, двухъ эскадроновъ кирасировъ герцога Альберта, и двухъ эскадроновъ легкоконныхъ Латура. Ихъ послалъ генералъ Маккъ сделать обзоріе, когда до него дошелъ темный слухъ о появленіи Французовъ на берегахъ Дуная. Онъ все еще полагалъ, что эти Французы принадлежали къ корпусу Бернадотта, бывшему, какъ говорили, въ Вюрцбургѣ, для вспоможенія Баварцамъ. Австрійскіе офицеры сидѣли за столомъ, когда ихъ извѣстили, что показываются Французы. Чрезвычайно изумленные, сначала они не хотѣли вѣрить, но вскоре не могли сомнѣваться въ томъ, испешно съѣли на коней и выѣхали передъ свои войска. Впередѣ Вертингена была деревенька Гогенрейхепт, охраняемая нѣсколькими сотнями австрійской пѣхоты и кавалеріи. Изъ-за домовъ деревни они производили невыгодную для Французовъ стрѣльбу, такъ-что удерживали драгунскій полкъ, первый пришедшій на мѣсто. Эскадронный командиръ Эксельманъ, въ-послѣдствіи ознаменовавшій свое имя множествомъ блистательныхъ подвиговъ, а тогда простой адъютантъ Мюрата, прискакалъ, услышавъ ружейныя выстрѣлы. Онъ спешилъ 200 драгуновъ, вызвавшихся въ охотники: они бросались въ деревню и штыками выгнали оттуда непріятелей. Между-тѣмъ, подошли новыя отряды драгуновъ, и Австрійцы были сбиты, прогнаны за Вертингенъ; но позади его, на небольшомъ возвышеніи, девять батальйоновъ ихъ построились въ одно каре, небольшое, но сжатое и крѣпкое, съ пушками и кавалеріею по флапгамъ. Храбрый Эксельманъ тотчасъ атаковалъ каре съ удивительною смѣлостью: подъ нимъ была убита лошадь. Подлѣ него былъ полковникъ Мопти, пораженный штыкомъ. Но стремительность атаки не могла поколебать этой твердой громады. Такъ прошло нѣсколько времени; французскіе драгуны бросались въ рубку на австрійскихъ гренадеровъ, но тѣ отбивали ихъ штыками и ружейными выстрѣлами. Наконецъ показался Мюратъ, съ главными силами своей кавалеріи, и Дантъ съ гренадерами Удинъ, живо привлеченные пушечною пальбою. Мюратъ немедленно атаковалъ каре своими эскадронами; Дантъ спешилъ направить гренадеровъ къ опушкѣ лѣса, замѣченнаго въ отдаленіи, и тамъ хотѣлъ отразить отступленіе Австрійцамъ. Атакованные съ фронта, угрожаемые съ тыла, они отступали сначала стройно, но вскоре безпорядочно. Еслибъ гренадеры Удинъ могли прійти нѣсколькими минутами раньше, то девять австрійскихъ батальйоновъ были бы взяты въ. Однакожъ у нихъ взята два тысяча человекъ въ плѣнъ, и отбита нѣсколько пушекъ и знаменъ.

Дантъ и Мюратъ видѣли Эксельмана передъ штыками непріятеля, и хотѣли, чтобъ онъ привезъ Наполеону извѣстіе о первомъ успѣхѣ и непріятельскіи знамена. Наполеонъ принялъ молодого, блистательнаго офи-

пера въ Донаувертѣ, наградила его степенью почетнаго легіона и вручила ему знаки ордена въ присутствіи своего штаба, желая придать больше блеска первымъ наградамъ, заслуженнымъ въ новую войну.

Въ тотъ же день, 8 октября, Сульцъ вступилъ въ Аугсбургъ безъ выстрѣла. Маршалъ Даву перешелъ черезъ Дунай въ Нейбургъ и двинулся къ Айхаху, занять назначенную ему позицію между французскими корпусами, шедшими обложить Ульмъ и посланными къ Мюнхену протавъ Русскихъ. Бернадоттъ и Мармонъ пригетовлялись переходить черезъ Дунай около Ингольштадта, съ цѣлю идти въ Мюнхенъ.

Наполеонъ приказалъ стѣнать ульмскую позицію. Онъ велѣлъ Нею идти вверхъ по лѣвому берегу Дуная и овладѣть всеми мостами на немъ, чтобъ свободнѣе дѣйствовать на обоихъ берегахъ. Мюрату и Ланну предписано было идти вверхъ по правому берегу, и вмѣстѣ съ Ней стѣнать Австрійцевъ. На другой день, 9 числа, Ней, быстрый въ исполненіи, особливо когда ему приказывали подходить къ неприятелю, достигъ береговъ Дуная и шелъ по нимъ до высоты Ульма. Первые вѣсты встрѣтились ему въ Гюнцбургѣ. Онъ приказалъ дивизіи Малера занять ихъ.

Мостовъ было три: главный передъ городкомъ Гюнцбургомъ, второй выше его, передъ деревнею Лейпгеймъ, третій ниже, передъ селеніемъ Рейзенбургъ. Генералъ Малеръ велѣлъ подступить ко всемъ тремъ вдругъ. Онъ поручилъ офицеру генеральнаго штаба Леолю атаковать лейпгеймскій отрядомъ войскъ, генералу Лабассе атаковать рейзенбургскій 9 линейнымъ полкомъ, а себя предоставилъ атаку главнаго, гюнцбургскаго моста, съ бригадою Марконьё. Русло Дуная неправильно обложено въ этомъ мѣстѣ, и потому надобно было переходить множество небольшихъ рукавовъ и острововъ, усаженныхъ ивами и тополями. Передовыя войска бросились туда съ рашимостью, перешли вбродъ вышавшіе имъ заливы, и захватили двѣсти или триста Тирольцевъ, съ начальникомъ ихъ, генерал-майоромъ барономъ Аспромъ. Вскорѣ войска эти подошли къ главному рукаву, гдѣ былъ построенъ гюнцбургскій мостъ. Австрійцы, отступая, истребили одну часть его. Генералъ Малеръ хотѣлъ поправить ее, но на другомъ берегу стояли австрійскіе полки, многочисленная артиллерія, и самъ эрцгерцогъ Фердинандъ послалъ туда съ значительными подкрѣпленіями. Австрійцы начали принимать всю важность дѣйствій, открытыхъ въ тылу ихъ, и хотѣли необычайнымъ усиліемъ спасти по-крайней-мѣрѣ ближайшіе къ Ульму мосты. Они направили на Французовъ убійственный огонь изъ ружей и пушекъ, и тѣ, не закрытые больше деревьями островковъ, остались съ выстрѣлами на отсѣлахъ рѣки, но выдерживали огонь съ удивительною твердостью. Пройти вбродъ было невозможно. Они бросились къ столбамъ моста, надѣясь снова покрыть его досками. Но работающіе не могли успѣть въ томъ, одинъ за другимъ поражаемые неприятельскими пулями, и ряды Французовъ, подвергшіеся въ это время выстрѣламъ Австрійцевъ, понесли жестокія потери. Генералъ Малеръ

что, занявъ въ полночь мостъ между Аугсбургомъ и Мюратеномъ, онъ могъ въ три или четыре часа переместиться къ Мюрату, и съ Бернадоттомъ и Баварцами противопоставить Русскимъ, 60-ти тысящамъ, армію, или снова двинуться къ Аугсбургу, на помощь Наполеону, противъ Макка. Оберцеллеръ свой тайтъ, Наполеонъ приказалъ Судду, войска в связи съ корпусами, шедшими къ Иллеру, и послать свою гвардію и Вейссамгорнъ куда жаль и самъ, кадрась тайкомъ образомъ, собрать сто тысящъ человекъ, на десяти лѣхъ, отъ Мейнцсада до Ульма. Е судьба готовила ему торжество иного рода, больше новое и не менше удивительное обширными поддѣльствами.

Наполеонъ выдѣлалъ изъ Аугсбурга къ Вейссамгорнъ, 12-го числа, 11-ть часовъ вечеромъ. Дорогою онъ встрѣтилъ войска мармозона до пуса, оставленнаго изъ Французовъ и Голландцевъ, изуродованную усталостью, отягощенную своимъ оружіемъ и провизією, выдѣлалъ имъ на несколько дней. Погода, прелестная покуда, на перекресткѣ рѣкъ Дунай, вдругъ сдѣлалась ужасною. Гуетой, мокрый сыръ растопилъ грязь, и дороги стали непроходимы. Вся рачка, впадшая въ Дунай, вышла изъ береговъ. Солдаты, шедъ какъ въ безотѣльное время артиллерійскіе парки оставлявали ихъ. Но они не роняли. Наполеонъ остановился поговорить съ ними, велѣлъ имъ стать въ ряды, себѣ объяснилъ положеніе непріятеля, маневръ, которымъ окружатъ его, обѣщавъ такое же прекрасное торжество, какъ полъ Маренго. Солдаты восхитились его словами, съ гордостью слушали, какъ величайшій изъ воеводъ въка объяснялъ имъ свои планы, и въ восторгѣ слушавшіе отягали ему единогласными восклицаніями: *Да здравствуетъ императоръ!* Они снова пошли въ путь, съ нетерпѣніемъ поспѣвая къ великой битвѣ. Слышавшіе слова императора приторкали ихъ тѣмъ, которые не смѣкали ихъ, и все кричали въ радости, что Австрійцы пропадутъ будутъ забраны до послѣдняго.

Пора была Наполеону возвратиться на Дунай, потому что его приванія, худо понятыя Мюратомъ, могли привести къ бѣдствіямъ, если Австрійцы были предприимчивые.

Покуда Ланнъ и Мюратъ окружали Ульмъ на правомъ берегу Дуная, Ней оставался на обомъ берегахъ его, имея два дивизіи на правомъ одну, дивизію Дюдона, на лѣвомъ берегу. Сблизившись къ Ульму, онъ увидѣлъ, опасность такого положенія. Онъ судилъ, основываясь на очевидности, на счастливомъ военномъ вистинкѣ, и на совѣтахъ, в коюника Жюмина, ефандера генеральнаго штаба, необыкновеннаго, диваніями. Опасность оставить одну дивизію на лѣвомъ берегу рачка была явна для Ней. — Почему, говорилъ онъ, Австрійцы не воспользуются случаемъ уйти по лѣвому берегу, стацтавъ наши обозы и парки, торые не окажутъ имъ сильнаго сопротивленія? — Мюратъ не соглашался съ нимъ, основываясь на худо-истолкованныхъ письмахъ императора, который ожидалъ значительнаго сраженія на Иллерѣ и призываетъ сосредоточить тамъ весь войска. Мюратъ думалъ, что дивизіи Дюдона слишкомъ много на лѣвомъ берегу, потому что она не будетъ въ чертѣ сраженія въ назначенный для него день. И

номыслие произвело сильный раздоръ между Неемъ и Мюратомъ. Ней оскорбляла подчиненность начальнику, котораго почиталъ онъ ниже себя дарованіемъ, хотя и былъ онъ выше родствомъ съ императоромъ. Мюрать, гордясь Новымъ своимъ званіемъ, а еще больше довѣренностью Наполеона, давалъ чувствовать Нею официальное свое превосходство, и наконецъ отдалъ ему безусловное приказаніе. Еслибъ не вступались тутъ общіе ихъ друзья, то военачальникъ императора кончилъ бы стору свою непримично высокому ихъ положенію. Слѣдствіемъ раздора были разнорѣчивыя приказанія дивизіи Дюпона и очень опасное для нея положеніе. Къ-счастью, покуда спорили о лучшемъ для нея мѣстѣ, достопамятное сраженіе освободило ее отъ опасности, приготовленной ей ошибкой Мюрата.

Генераль Маккъ уже не сомнѣвался въ своемъ бѣдствіи и сдѣлалъ перемѣну фронта. Въ Ульмѣ было уже не правое крыло его, а лѣвое, и въ Меммингенѣ не лѣвое, а правое. По прежнему опирался на Иллера; онъ стоялъ тыломъ въ Франціи, какъ-будто пришелъ изъ нея, а Наполеонъ былъ тыломъ къ Австріи, какъ-будто пришелъ оттуда. Это было естественное положеніе двухъ военачальниковъ, изъ которыхъ одинъ обителъ другаго. Маккъ стянулъ къ себѣ войска, разсыянные въ Швабїи и воротившіяся разбитыми изъ Вертингена и Вюрдбурга, и оставилъ только отряды на Иллера отъ Меммингена до Ульма, а главную часть силъ своихъ соединилъ въ самомъ Ульмѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, повелевавшемъ городомъ.

Около Ульма, лѣвый берегъ Дуная гораздо-выше праваго. Правый берегъ представляетъ болотистую равнину, слегка наклоненную къ рѣкѣ, а лѣвый рядъ холмовъ, въ видѣ террасы, омываемыхъ Дунаемъ. Михельсбергъ—главная изъ тамошнихъ высотъ. Австрійцы занимали украинскій лагерь въ числѣ 60-ти тысячъ человекъ, имея вѣзду передъ собою городъ Ульмъ.

Генераль Дюпонтъ, оставленный одинъ на лѣвомъ берегу, долженъ былъ, по приказанію Ней, приблизиться къ Ульму утромъ 11 октября, и подошелъ къ нему по альбекской дорогѣ. Въ это самое время Ней и Мюрать спорили въ Гюнцбургѣ, а Наполеонъ въ Аугсбургѣ занимался общими распоряженіями. Генераль Дюпонтъ прибылъ въ деревню Гаслахъ, откуда видать весь Михельсбергъ, и усмотрѣлъ тамъ до 60 тысячъ Австрійцевъ въ грозномъ положеніи. Последніе переходы, въ дурную погоду и чрезвычайно-быстро совершенные, уменьшили его дивизію до 6 тысячъ человекъ. У него, правда, оставили еще пятихъ драгунъ Баракъ-д'Алье, присоединенныхъ во время перехода отъ Рейна до Дуная не къ Мюрату, а къ Нею. Они съ большою пользою усилли бы его 5-ю тысячами человекъ, еслибъ не былъ въ Лангенау, въ трехъ льбъ вѣзда.

Генераль Дюпонтъ, пришедши къ Михельсбергу, увидѣлъ себя, съ тремя полками пѣхоты, двумя кавалеріи и нѣсколькими пушками, передъ 60-ти-тысячною армією. Столь несчастливый въ послѣдствіи, онъ, въ эту минуту, принялъ рѣшеніе, которое сдѣлало бы честь величайшему полководцу. Справедливо рассудилъ онъ, что, отступая, покажетъ

только свою слабость и вскорѣ будетъ обхваченъ 10-ю тысячами конницы, которую вышлютъ преслѣдовать его; напротивъ, действуя дерзко, онъ обманетъ Австрійцевъ, заставитъ почестъ отрядъ свой только авангардомъ французской арміи, побудитъ наблюдать осторожность, и такимъ образомъ успеетъ выйти изъ дурнаго положенія, въ какое поставили его. Тотчасъ приготовился онъ къ сраженію. На лѣвомъ флангѣ его была деревня Гаслахъ, окруженная небольшою рощею. Тамъ, поставилъ онъ 32-й полкъ, прославившійся въ Италіи, 1-й гусарскій полкъ и часть своей артиллеріи. На правомъ флангѣ своемъ, гдѣ также была роща, онъ поставилъ 96-й линейный полкъ, 9-й легкій и 17-й драгунскій. Нѣсколько впереди праваго крыла его была деревня Юнгингенъ, также окруженная рощицами, и онъ занялъ ее отрядомъ.

Въ такой позиціи генераль Дюпонъ встрѣтилъ Австрійцевъ, отряженныхъ въ числѣ 25 тысячъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, сбить 6-ти-тысячную дивизію Французовъ. И тутъ, вдохновенный свѣтлою мыслию, Дюпонъ тотчасъ увидѣлъ, что дивизія его будетъ истреблена однимъ ружейнымъ огнемъ, если онъ допуститъ Австрійцевъ развернуть свою линію и распространить стрельбу. Соединивъ съ дерзостью великой рѣшимости дерзость твердаго исполненія своей мысли, онъ велѣлъ полкамъ своего праваго фланга ударить въ штыки. Храбрые полки смело пошли на первую линію Австрійцевъ, сбили ее, привели въ безпорядокъ, и взяли 1500 человекъ въ плѣнъ, послѣ чего Дюпонъ возвратился на позицію съ двумя своими полками, и неподвижно ждалъ окончанія этого страннаго боя. Но Австрійцы не могли почтять себя побѣжденными и возвратились съ связными войсками. Французы въ другой разъ встрѣтили ихъ штыками, прогнали и снова взяли многихъ въ плѣнъ. Безполезныя атаки съ фронта утомили Австрійцевъ: они обратили свои усилія на фланги непріятели, и подошли къ деревнѣ Гаслаху, прикрывавшей лѣвое крыло дивизіи Дюпона; въ деревнѣ находились и взятые въ плѣнъ Австрійцы. Тамъ встрѣтилъ ихъ жестокимъ отпоромъ 32-й полкъ: онъ прогналъ Австрійцевъ, а 1-й гусарскій полкъ, соревнуя пѣхотѣ, произвелъ нѣсколько сильныхъ атакъ. Не ограничиваясь нападеніями на Гаслахъ, Австрійцы сдѣлали покушеніе и противъ праваго фланга, стараясь занять деревню Юнгингенъ. Многочисленность дала имъ средство утвердиться тамъ на минуту. Генераль Дюпонъ, оцѣнивая опасность, велѣлъ 96-му полку снова атаковать Юнгингенъ и успѣлъ отбить его. Такъ переходила эта деревня изъ рукъ въ руки пять разъ, и въ смятеніи повторительныхъ нападеній Французы всякій разъ брали плѣнныхъ. Но покуда Австрійцы истощались въ безполезныхъ усиліяхъ противъ горсти солдатъ, ихъ многочисленная кавалерія распространилась по всѣмъ направленіямъ, кинулась на 17-й драгунскій полкъ, сдѣлала нѣсколько атакъ противъ него, гдѣ убитъ храбрый его полковникъ, Сенъ Дизьё, и заставила драгунувъ укрыться въ рощу. Туча австрійскихъ всадниковъ разлилась по всей окружности, до деревни Альбека, откуда пришла дивизія Дюпона, захватила обозъ его, оставленный подъ защитою драгунувъ Баракъ-д'Ильё, и доставила себя такимъ образомъ нѣсколько по-

шлыхъ трофеевъ (quelques vulgaires trophées), неутѣшительныхъ послѣ пораженія, претерпѣннаго 25-ю тысячами человекъ отъ 6-ти тысячъ (*).

Необходимо было положить конецъ опасному сраженію. Дюпонъ утомлялъ Австрійцевъ пять часовъ отчаяннымъ боемъ, и успѣшилъ воспользоваться ночью для отступленія къ Альбеку. Онъ пришелъ туда въ порядкѣ и привелъ съ собою 4000 пѣхотныхъ.

Еслибъ генералъ Дюпонъ не остановилъ Австрійцевъ этою необыкновенною битвою, они ушли бы въ Богемію, и одно изъ превосходнѣйшихъ соображеній Наполеона уничтожилось бы совершенно. Вотъ доказательство, что великимъ генераламъ надобны и солдаты великіе: самымъ знаменитымъ полководцамъ часто бываетъ необходимо, чтобъ войска ихъ своимъ геройствомъ вознаграждали случайности войны, или ошибки, неизбежныя и для самаго генія.

Встрѣча съ небольшою частью французской арміи была поводомъ къ бурнымъ совѣщаніямъ въ австрійской главной квартирѣ. Тамъ знали, что Сульцъ находится въ Ландсбергѣ, не думали, что въ Альбекѣ одинъ Дюпонъ, и начали почитать себя окруженными отъсюду. Послѣ Австрійцы хотѣли сложить весь стыдъ своего пораженія на генерала Макка; а онъ былъ въ смущеніи, которое легко вообразить. Что ни говорили бы судьи, умствующие послѣ событія, а онъ могъ спастись не иначе, какъ еслибъ небесное вдохновеніе вдругъ открыло ему слабость корпуса, бывшаго передъ нимъ, и возможность раздавить его и отступить въ Богемію. Несчастный не зналъ, что Французы были малочисленны на лѣвомъ берегу Дуная, и сталъ совѣщаться съ августѣйшимъ товарищемъ своего печальнаго жребія, эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Въ смутныхъ соображеніяхъ проходило драгоценное время, и онъ не умѣлъ рѣшиться ни уйдти въ Богемію, поразивъ Дюпона, ни отступить къ Тиролю, пробившись черезъ Меммингенъ. Всего вѣрнѣе казалось ему еще крѣпче утвердиться въ Ульмѣ, сосредоточить тамъ свою армію, и ожидать, съ большими силами, которыя трудно сбить, прибытія Русскихъ черезъ Мюнхенъ и эрцгерцога Карла черезъ Тироль. Онъ увѣрялъ себя, что генералъ Кинмайеръ съ 20-ю тысячами Австрійцевъ, и генералъ Кутузовъ съ 60-ю тысячами Русскихъ вскорѣ явятся на мюнхенской дорогѣ; что эрцгерцогъ Іоаннъ съ тирольскимъ корпусомъ и даже эрцгерцогъ Карлъ съ италійскою арміею поспѣшатъ на помощь къ нему черезъ Кемптень, и тогда самъ Наполеонъ вдругъ найдется въ опасности, потому-что его стѣснятъ 80 тысячъ австро-русской арміи, пришедшей изъ Австріи, 25 тысячъ Австрійцевъ изъ Тироля, 70 тысячъ итальянскаго лагеря, а всего 175 тысячъ человекъ. Но эти различныя предвѣщенія могли бы совершаться, еслибъ въ срединѣ не стоялъ Наполеонъ, съ 160-ю тысячами Французовъ, привыкшихъ побѣждать. Въ несчастіи утѣшаются малѣйшею надеждою, и Маккъ вѣрилъ даже доне-

(* Любопытно, какъ г. Тьеръ умѣетъ закрашивать пораженія своихъ земляковъ, и свистать неудачи ихъ противниковъ! Прим. переводч.

сенямъ лазутчиковъ, подосланныхъ Наполеономъ. Они говорили: что о высадкѣ Англичанъ въ Булонь, встававшей Французамъ возвратиться къ Рейну, то о подвѣшеніи Русскихъ и эригерцога Карла в мюнхенской дорсѣ.

Въ затруднительныхъ положеніяхъ подчиненные дѣлаются смѣлыми говоравши, порицаютъ начальниковъ и ищутъ свои мнѣнія. У Маккъ были подчиненными много знатные, которые не боялись возвысить голосъ. Одни хотѣли отступать въ Тироль, другіе въ Виртембергъ, и которые въ Богемію. Последніе случайно разсуждали справедливо, и ссылаясь на Гаслахское сраженіе, утверждали, что дорога въ Богемію открыта. Противорѣчія обыкновенно еще больше ослабляютъ смущенный умъ, и приводятъ его къ полумѣрамъ, которыя губительны. Генералъ Маккъ хотѣлъ уступить немного мнѣніямъ, оспоривавшимъ ихъ, и принять два рѣшенія, странныя со стороны человека, который твердо оставался въ Ульмѣ. Онъ послалъ дивизію Еллингера къ Мюнхену, усилить тамошній постъ, охраняемый генераломъ Шванномъ съ 5-ю тысячами человекъ, желя такимъ образомъ поддерживать сообщенія съ Тиролемъ. Онъ послалъ генерала Риска, съ своею дивизіею, овладѣть высотами Эльхингена, чтобъ протянуться по лѣвому берегу и сдѣлать сильное обозрѣніе на сообщеніяхъ Французамъ.

Генералъ Рискъ занялъ эльхингенскій монастырь, на высотѣ лѣваго берега, подлѣ самаго Гаслаха, гдѣ сражались 11 числа. Монастырь монастыря былъ мостъ, истребленный Австрійцами и потомъ Французами. Итакъ, армія французская имѣла сообщенія съ лѣвымъ берегомъ только черезъ мосты въ Гюнцбургъ, гораздо-ниже Эльхингена. Дивизія Дюпона отошла къ Лангенау. Къ-счастью, Австрійцамъ не знали, что путь отступленія былъ для нихъ открытъ!

Въ такихъ-то обстоятельствахъ Наполеонъ, выходя изъ Аугсбурга 12 числа вечеромъ, прибылъ въ Ульмъ 13 числа. Тотчасъ, несмотря на ужасную погоду, онъ объѣхалъ верхомъ все позиціи, заняты военачальниками его. Они спорились другъ съ другомъ и были совершенно различны въ мнѣніяхъ. Давидъ, одаренный вѣрными советами, взглядомъ, думалъ, какъ и Ней, что Австрійцы хотѣли не сражаться на Иллерѣ, а уйти въ Богемію, лѣвымъ берегомъ, перешедъ лѣвую дивизію Дюпона. Наполеонъ могъ сомнѣваться, бывши въ отдаленіи; на мѣстѣ онъ тотчасъ увидалъ все. Впрочемъ, приказывая наблюдать лѣвый берегъ и поставить тамъ дивизію Дюпона, онъ не думалъ овладѣть ею безъ опоры, и особенно не обезпечивъ средствъ перехода одного берега на другой, чтобы подать ей помощь въ случаѣ нападенія. Распоряженія Наполеона были поняты такъ же худо, какъ и истина, почему онъ вполне согласился съ Неемъ и Давидомъ противъ мнѣнія Мурата, и тотчасъ приказалъ поправить важныя ошибки, сдѣланныя въ предшествовавшіе дни. Онъ рѣшился возстановить сообщеніе праваго берега съ лѣвымъ по ближайшему къ Ульму вѣковому мосту. Можно было бы идти до Гюнцбурга, перейти тамъ черезъ Дунай, и съ усиленною дивизію Дюпона возвратиться къ Ульму. Но такое отдаленное движеніе давало Австрійцамъ время удалитъ

Гораздо лучше было, на развѣтъ 14-го числа, восстановить съ боку эльзвигенскій мостъ, бывший передъ глазами, и переместить на лѣвый берегъ въ достаточныхъ силахъ, между тѣмъ какъ Дюпонъ, по новому приказанію, воротился бы отъ Лангенау черезъ Альбекъ къ Ульму.

Наполеонъ отдалъ, въ слѣдствіе того, приказанія, на слѣдующій день. Маршалъ Сульцъ былъ подвинутъ на омолочность лѣвѣ Иллера, къ Меммингену. Мармонъ составилъ планъ на Иллера, Ланцъ, Ней, Мюрать, соединившіе полъ Ульмонъ, геталианецъ стая на обояхъ берегахъ Дуная и протануть руку къ лѣвѣ Дюдона, оставленной на лѣвомъ берегу. Но для этого надобно было восстановить эльзвигенскій мостъ, и Ней предоставилъ честь совершить утромъ 14-го числа мужественный подвигъ и вновь упрочить намъ обладаніе обоима берегами рѣки.

Неустранный маршалъ еще не могъ забыть неприятелихъ словъ, сказанныхъ ему Мюратомъ во время недавняго ихъ спора. Какъ-будто соскучившись отъ разсужденій слишкомъ длинныхъ, Мюрать сказалъ: «что, сколько не понимастъ плановъ, разъясняемыхъ ему, и что онъ вѣрнѣе оставлялъ свои планы въ виду непріятеля». Такой высокомерный отвѣтъ могъ произнести опытный действительный пустому разсуждающему. Утромъ 14-го числа, Ней, верхомъ, въ полной формѣ, въ орденѣхъ, схватилъ руку Мюрата, сильно тряхнулъ ее передъ лицомъ штабомъ, передъ самимъ императоромъ, и гордо сказалъ: «Ну, ваше высочество, поведете со мной составлять ваши планы въ виду непріятеля!» Тутъ онъ носкавалъ къ Дунаю, вѣшалъ въ него по брюхо своей лошади, и, подъ градомъ пуль и картечь, началъ распорядиться опаснѣйшѣмъ дѣйствіемъ, ему поручившимъ. Надобно было поправить мостъ, отъ котораго оставались только столбы безъ настила, перейти черезъ него, пройти лугъ между Дунаемъ и подошвою высоты и овладѣть деревней и монастыремъ эльзвигенскимъ, которые возвышались амонте-стромъ и были защищаемы 20-ю тысячами человекъ и грозною артилеріею.

Маршалъ Ней, на устрашаясь столькожъ препятствій, приказалъ адъютанту генерала Луазона и одному саперу взять доску и помочать ее на столбы моста подъ огнемъ Австрійцевъ. Картечь раздробила ногу храброму саперу, но его тотчасъ замѣнили. Сначала была брошена одна доска, потомъ другая, третья, въ родъ настилки. Такъ настала одна часть моста, потомъ другую, и наконецъ покрыла послѣднюю перемычку, подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ искусныхъ стрѣлковъ съ другаго берега рѣки. Волтимеры 6-го легкаго полка, гренадеры 39-го и рота карабинеровъ, не дожидаясь совершенной поправки моста, перебрались на другой берегъ Дуная, разсѣли оборонявшихъ его Австрійцевъ, и заняли столько мѣста, что лѣвѣ Луазона могла прийти къ нимъ на помощь.

Тогда Ней велѣлъ 39-му и 6-му легкому полку перейти на другой берегъ. Онъ приказалъ генералу Виллатту вести 39-й полкъ прямо по лугу и очистить его отъ Австрійцевъ, а самъ, съ 6-мъ легкимъ полкомъ, хотѣлъ овладѣть монастыремъ. 39-й полкъ, на переходъ черезъ

мость, былъ остановленъ французскою кавалеріею, пылко бросившеюся туда, и не успѣлъ весь пройти его. Только первый батальионъ полка могъ исполнить приказаніе своего начальника. Онъ выдерживалъ атаки австрійской кавалеріи и трехъ непріятельскихъ батальионовъ, и, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ даже отъсненъ къ выходу съ моста. Но вскорѣ къ нему подошли на помощь второй батальионъ, 69-й и 76-й линейные полки, и онъ снова занялъ потерянное пространство, овладевъ всѣмъ лугомъ направо и заставилъ Австрійцевъ удалиться на высоты. Между-тѣмъ, Ней велъ 6-й легкой полкъ, взбирался по извилистымъ улицамъ деревни Эльхингенъ, подъ огнемъ изъ домовъ, занятыхъ пѣхотою, выбилъ Австрійцевъ изъ деревни и занялъ монастырь на вершинѣ возвышенія. Тамъ увидѣлъ онъ передъ собою холмистое пространство, усыпанное рощами, гдѣ 11 числа сражалась дивизія Дюпона. Эти холмы простираются до Михельсберга, надъ самымъ городомъ Ульмомъ. Ней хотѣлъ утвердиться тамъ, чтобы при наступательномъ движеніи непріятеля не быть отброшеннымъ къ Дунаю. Онъ рѣшился опереть свое лѣвое крыло въ густомъ перелѣскѣ, вадущемъ до самаго монастыря в деревни Эльхингенъ, и потомъ двинуться правымъ крыломъ впередъ. Во время отчаяннаго боя въ той сторонѣ, остальнымъ войска австрійскаго корпуса составилъ нѣсколько кареевъ, по два и по три тысячи каждый. Ней атаковалъ ихъ драгунами, за которыми шла пѣхота колонною. 18-й драгунскій полкъ произвелъ такую стремительную атаку на одно каре, что смялъ его и заставилъ положить ружье. Остальные кареи начали поспѣшно отступать, сперва къ Гаслаху, а наконецъ къ Михельсбергу.

Между-тѣмъ, генералъ Дюпонъ, возвратившись отъ Лангенау къ Альбеку, встрѣтилъ корпусъ Вернека, наканунѣ вышедшій изъ Ульма произвести обзорніе на лѣвомъ берегу Дуная и отыскать средства для отступленія австрійской арміи. Генералъ Вернекъ, услышавъ позади себя пушечные выстрѣлы, возвратился къ Михельсбергу, по дорогѣ отъ Альбека въ Ульмъ. Онъ подходилъ туда въ то самое время, когда приближалась туда же дивизія Дюпона съ своей стороны, и маршалъ Ней занималъ высоты Эльхингена. Завязалось новое сраженіе на этомъ пунктѣ, между Вернекомъ, шедшимъ въ Ульмъ, и Дюпономъ, не допускаящимъ его туда. 32-й и 9-й легкой полки бросились сомкнутою колонною на австрійскую пѣхоту и отодвинули ее назадъ, между-тѣмъ какъ 96-й полкъ, въ каре, выдерживалъ атаки австрійской кавалеріи. Въ такой борьбѣ окончился день. Ней со славою завоевалъ лѣвый берегъ, а Дюпонъ отрезалъ корпусу Вернека путь къ Ульму. Захвачено было три тысячи челоуѣкъ въ плѣнъ и отбито много пушекъ. Но гораздо-важнѣе было то, что Австрійцы окончательно были заперты въ Ульмѣ, и уже безъ всякой надежды къ спасенію, какое счастливое вдохновеніе ни пришло бы къ нимъ въ настоящую минуту.

Покуда совершалась эти событія на лѣвомъ берегу, Лангъ приближался къ Ульму правымъ берегомъ, Мармонъ выдвинулся къ Иллеру, а Сульцъ, обойдя крайнюю точку позиціи Австрійцевъ, овладевъ Меммингеномъ. Онъ прибылъ туда, когда еще дѣлали палисады около города.

Быстро окруживъ его, Сульть принудилъ генерала Шпангена положить оружіе съ пятью тысячами человекъ, всю артиллерію и множествомъ лошадей. Генералъ Еллахичъ слишкомъ-поздно пришелъ съ своею дивизію помочь Меммингену, и видя передъ собою тридцати-тысячный корпусъ, отступилъ, не къ Ульму, изъ опасенія не пробраться къ нему, а къ Кемптону и Тиролю. Маршалъ Сульть тотчасъ потянулся къ Оксенгаузену, довершая тѣмъ во всѣхъ направленіяхъ обложеніе укрѣпленнаго лагеря и города Ульма.

Въ такомъ положеніи были дѣла къ концу дня 14 октября. Послѣ отступленія Еллахича и разныхъ сраженій, у Макка оставалось пятьдесятъ тысячъ человекъ. Еще надобно выключить изъ нихъ корпусъ Вернека, отрѣзанный дивизію Дюпона. Несчастный Маккъ видѣлъ себя въ положеніи отчаянномъ. Выбирать рѣшеніе было не изъ чего. Единственнымъ средствомъ оставалось броситься, съ оружіемъ въ рукахъ, на какую-нибудь точку стальнаго круга, замкнувшаго его со всѣхъ сторонъ, и открыть себѣ путь или умереть. Не такъ быдственно было бы устремиться противъ Нея и Дюпона. Конечно, къ нимъ поспѣвши бы на помощь Ланнъ и Мюрать до альвингенскому мосту, а для побѣды надъ упавшими духомъ солдатами и не нужно было такого соединенія войскъ. Маккъ былъ бы разбитъ, но могъ спасти честь оружія, а это всего драгоценнѣе, когда нельзя побѣдить. Но Маккъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи сосредоточиться въ Ульмѣ и ожидать помощи Русскихъ. На него жестоко нападали князь Шварценбергъ и эрцгерцогъ Фердинандъ. Послѣдній хотѣлъ, во что бы то ни стало, избѣгнуть несчастія понасть въ плѣнъ. Генералъ Маккъ предъ-авилъ уполномоченіе отъ императора, которымъ, въ случаѣ разногласій, присвоивалась ему верховная власть. Но черезъ то онъ дѣлался отвѣтственнымъ, а не могъ заставить повиноваться себя. Эрцгерцогъ Фердинандъ, благодаря своему положенію, менѣе зависящему, рѣшился склониться отъ приказаній главнокомандующаго. При наступленіи ночи, онъ выбралъ тѣ изъ ульмскихъ воротъ, гдѣ меньше подвергался встрѣтить Французовъ, и вышелъ изъ города съ шестью или семью тысячами кавалеріи и корпусомъ пѣхоты, надѣясь присоединить къ себѣ генерала Вернека и уйти черезъ Верхній Палатинатъ къ Богеміи. Присоединя къ своему отряду корпусъ Вернека, эрцгерцогъ отнималъ у генерала Макка двадцать тысячъ человекъ, оставляя его въ Ульмѣ только съ тридцатью тысячами, блокированнаго отъскуду и доведеннаго до крайняго бѣдствія — положить оружіе самымъ постыднымъ образомъ.

Ложно говорили, будто отбѣгнѣе эрцгерцога доказывало возможность выйти изъ Ульма. Во-первыхъ, невѣроятно, чтобъ цѣлая армія, съ артиллерію и тяжестями, могла ускользнуть какъ отрядъ, составленный болѣею частію изъ конныхъ войскъ. Но что случилось черезъ несколько дней съ самимъ эрцгерцогомъ, показываетъ, что и армія погибла бы въ такомъ бѣгствѣ. Главною ошибкою было раздѣленіе плѣнъ. Надобно было или оставаться, или выйти всѣмъ вмѣстѣ; оставаться для отчаянной битвы, имѣя семьдесятъ тысячъ человекъ; выйти

ти для удара съ тѣми же семьюдесятью тысячами на одинъ изъ пунктовъ блокады, и паидти тамъ смерть, или успѣхъ, иногда награждающій отчаяніе. Но раздѣлиться и однимъ бѣжать съ Елзвигемъ къ Тиролю, другимъ сопровождать эригерцога въ Богемію, третьимъ подписывать ульмскую капитуляцію—вотъ что было хуже всего. Впрочемъ, опыты показывають, что въ такихъ положеніяхъ угнетенная душа человѣческая, начинающая нисходить, наконецъ нисходитъ такъ, что обыкновенно рѣшается на самое худшее. Справедливость требуетъ прибавить, что въ послѣдствіи генералъ Маккъ всегда утверждалъ, что онъ не хотѣлъ раздѣлять силъ арміи и отступать отъаьно.

Наполеонъ провелъ ночь съ 14 на 15 число въ эльхннгенскомъ монастырѣ. Утромъ 15 числа, онъ рѣшился кончить дело и приказалъ Нейю взять михельсбергскія высоты. Ланнъ перешелъ со своимъ корпусомъ черезъ эльхннгенскій мостъ, способствуя атакамъ Нейа съ фланга. Ему поручено было взять Фрауэнбергъ, высоту близъ Михельсберга. Наполеонъ находился на мѣстѣ, подлѣ Ланна, съ одной стороны наблюдая позиціи, къ которымъ Ней готовился подступать, съ другой обращая взгляды на Ульмъ, бывшій въ глубинѣ. И вдругъ Девисарованная австрійская батарея прыснула картечью въ группу генераловъ. Ланнъ тотчасъ схватилъ поводья лошади наполеоновой, стараясь удалить его отъ убійственнаго огня. Наполеонъ не искалъ огня и не уклонялся отъ него, приближаясь къ нему сколько надобно было для сужденія о дѣлѣ по собственному взгляду; онъ сталъ на такомъ мѣстѣ, откуда дѣйствіе было видно съ меньшею опасностью. Ней двинулъ свои колонны, взбираясь на окопы, сдѣланные на Михельсбергѣ, и вадъ ихъ штыками. Наполеонъ, опасаясь излишней быстроты въ атакъ къ Ней, хотѣлъ замедлить ее и дать время Ланну подойти къ Фрауэнбергу, чтобъ тѣмъ развлечь вниманіе непріятеля. «Славы не раздѣляютъ», отвѣчалъ Ней генералу Дюма, привезшему ему предвѣстіе ожидать помощи Ланна, и продолжалъ наступать, превозмогая всѣ препятствія. Онъ достигъ съ своимъ корпусомъ до отлогости высотъ, лежащихъ выше города Ульма. Ланнъ съ своей стороны взялъ Фрауэнбергъ, и соединившись они вмѣстѣ стали приближаться къ стѣнамъ города. Въ пылу, увлекавшемъ боювыя колонны, 17-й легкой полкъ вадъ приступомъ бастионъ, ближайшій къ рѣкѣ, и утвердился въ немъ. Но Австрійцы видѣли слишкомъ-отважное положеніе этого полка, вытѣснили его изъ бастиона, и взяли у него нѣсколько пленныхъ.

Наполеонъ признавалъ нужнымъ прекратить сраженіе, и отложить до слѣдующаго дня предложеніе о сдачѣ крепости, а въ случаѣ отказа приступить къ ней. Въ-продолженіе дня, Дюпонъ, оставившись противъ корпуса Вернека, опять сражался съ нимъ, стараясь не допустить его къ Ульму. Наполеонъ послалъ Мюрата узнать, что тамъ дѣлается, потому-что трудно ему было объяснить себѣ это, не зная о выступленіи изъ города части австрійской арміи. Вскорѣ онъ убавился, что нѣсколькимъ отрядамъ Австрійцевъ удалось выйти одними изъ ульмскихъ вратъ, меньше другихъ видными Французамъ. Немедленно поручивъ онъ Мюрату съ резервною кавалерією, дивизією Дюпона и гренадерами

ми Ульма продолжать до крайней возможности часть неприятельской армии, вышедшую из города!

На другой день, 16 числа, Наполеон велел бросить несколько грапатъ въ Ульмъ, и вечеромъ приказалъ одному изъ офицеровъ своего штаба, Сегюру, явиться къ генералу Макку и требовать, чтобъ онъ положилъ оружіе. Сегюръ съ величайшимъ трудомъ проникъ въ крѣпость, ночью, въ ужасную погоду. Его привели съ завязанными глазами къ генералу Макку, и тотъ старался скрыть свою глубокую скорбь, но не могъ не выразить изумленія и горести, когда узналъ всю обширность своего бѣдствія. Онъ не зналъ его вполне, не зналъ, что былъ окруженъ болѣе, нежели ста тысячами Французовъ, что другія шестьдесятъ тысячъ занимали дѣию Инна, что Русскіе были очень далеко, а эрцгерцогъ Карлъ, удерживаемый Массеною на Аданжѣ, не могъ прійти. Каждое изъ этихъ извѣстій раздирало его душу; сначала онъ не хотѣлъ вѣрить имъ, но вскоре былъ убѣжденъ повторительными и справедливыми увѣреніями Сегюра. Онъ раскричался противъ предложенія сдать, но, наконецъ, сталъ переносить мысль о капитуляціи, съ условіемъ ждать нѣсколько дней помощи Русскихъ. «Я готовъ сдать черезъ восемь дней», сказалъ онъ, «если Русскіе не явятся передъ Ульмомъ». Сегюръ увидѣвъ приказаніе согласиться на пять, и въ крайности на шесть дней ожиданія. Въ случаѣ отказа, онъ долженъ былъ угрожать присутіемъ и самымъ жестокимъ жребіемъ для войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Макка.

Этотъ несчастный генералъ предлагалъ свою честь, уже потерянную, въ полученіи отсрочки на восемь, а не на шесть дней. Сегюръ отправился съ отъѣздомъ его къ императору. Переговоры продолжались, и наконецъ Бертье, допущенный самъ въ крѣпость, согласился съ Маккомъ въ слѣдующихъ условіяхъ. Если 25 октября прежде полудня не явится австро-русскій корпусъ, способный освободить Ульмъ отъ блокады, то австрійская армія должна положить оружіе, признать себя военноплянкою, и быть отведена во Францію. Австрійскіе офицеры могутъ возвратиться въ Австрію, съ условіемъ не служить болѣе противъ Франціи. Лошади, оружіе, снаряды, знамена, все должно принадлежать Французской арміи.

Договаривались 19 октября, но конвенцію рѣшились подписать 17-мъ числомъ, что давало видъ, будто Маккъ отстаивалъ требуемые имъ восемь дней. Этотъ несчастный пріѣзжалъ въ главную квартиру императора, и встрѣченный со вниманіемъ, должнымъ несчастію, утверждалъ положительно, что онъ не виновенъ въ бѣдствіяхъ своей армии, что въ Ульмѣ укрѣпились по приказанію придворнаго военнаго совета, и что когда были тамъ окружены, то раздѣлились совершенно противъ его воли.

Конвенція ульмская была то же, что александрійская, только ей не предшествовало страшное кровопролитіе маронгское.

Между-тѣмъ, Мюрать, съ дивизією Дюпона, гренадерами Ульма и резервомъ кавалеріи, выкупалъ свою недавнюю ошибку, преслѣдуя Австрійцевъ съ быстротою истинно-чудесною. Онъ отчаянно преслѣдо-

стопаматный, Наполеонъ стоялъ у подошвы Михельсберга, супротивъ Ульма, и смотралъ на проходившую мимо его австрійскую армію. Онъ занималъ возвышенный склонъ; позади его была построена высота полукружіемъ на покатою высотъ, а напротивъ артилерія, разбитыи фронтонъ. Австрійцы проходили между двумя линиями батарей свое оружіе при вступленіи на этотъ родъ шествія. Наполеонъ присутствовалъ тутъ, стоя подлѣ большого бивачнаго огня, жарочн разложеннаго. Генералъ Мажъ явился первый, и отдавъ ему свое доу, горестно выговорилъ: «Вотъ несчастный Мажъ». Наполеонъ встрѣтилъ его и оенцерамъ его съ совершенною величавостію, и вѣстивилъ ихъ подлѣ себя. Австрійскіе оенцера, не доходя до него, бросали свое оружіе съ отчаяніемъ, и давали имъ честь ихъ чувству, которое казалось въ нихъ только чувствомъ любопытства при видѣ Наполеона. Вся пощрада глазами этого страшнаго завоевателя, который уже двѣд сѣть лѣтъ, вынеслъ какия жестокия оскорбленія ихъ вѣнчанъ.

Разговаривая съ австрійскими оенцерами, Наполеонъ сказалъ довольно громко, такъ, чтобъ могли слышать все: «Я не знаю, за чѣмъ идемъ войну. Я не хотѣлъ ея, думалъ воевать только съ Англичанами, когда вашъ государь вызвалъ меня на бой. Вы видите, мѣлъ успѣхъ въ Германіи у меня 200,000 человекъ, а ваши планы омирать еще 200,000, которые идутъ черезъ Францію къ немцамъ. Вы знаете, что мнѣ и не нужно столько для побѣдъ. Государь вашъ долженъ подумать о мира, потому что иначе можетъ случиться паденіе лотарингскаго дома. Я не желаю новыхъ царствъ на твердой землѣ, только на моряхъ, колоніяхъ, торговлѣ; а вѣкъ честолюбія выводитъ столько же для васъ, какъ и для меня.» Слово это, произнесенное довольно надменно, имѣло оцѣнку со стороны австрійскихъ оенцеровъ только молчаніе, и сожаленіе, что они заслуживали ихъ. Потомъ Наполеонъ разговаривалъ съ вѣднѣйшими изъ австрійскихъ генераловъ, изъ которыхъ присутствовалъ при этомъ необыкновенномъ свиданіи. Двадцать тысячъ человекъ прошли передъ нимъ. Въ арміи встали три или четыре тысячи раненыхъ.

По своему обычаю, Наполеонъ объявилъ на другой день оронаніи ихъ своимъ солдатамъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ была она имъ оеана:

«Императорская главная квартира съ Эльзасомъ, 21 октября 1805.»

«Солдаты великой-арміи!»

«Въ пятнадцать лѣтъ мы окончили походъ: покорили, что прежде слѣгали. Мы изгнали войска австрійскаго дома изъ Баваріи, и вѣстали еван власть нашего союзника въ его областяхъ. Армія, съ надлежностью, равной ея осторожности, пришедшая на наши границы, уни чтожена. Но какое дѣло Англіи? цѣль ея достигнута: мы не въ Булонѣ. «Мнѣ ста тысячь австрійской арміи, шестидесять тысячь нашихъ солдатъ: они занимаютъ нашихъ конскриптовъ въ полкахъ работавшихъ. Изъ всей этой арміи ушло едва ли 15,000 человекъ; все остальное ея

«200 пудовъ и 90 знаменъ достались намъ. Солдаты! я возвычалъ вамъ «веддую битву; но, благодаря плохимъ соображеніямъ непріятеля, я «пріобрѣлъ тѣ же успѣхи, не подвергавшись неудачѣ, и, что безпримѣрно «въ исторіи народовъ, такіа великія послѣдствія ослабили насъ не бо- «лае какъ 1500 человекъ, выбывшихъ изъ строя.»

«Солдаты! этотъ успѣхъ есть слѣдствіе вашей безграничной доверен- «ности къ вашему императору, вашего терпѣнія въ трудахъ и лице- «нїяхъ всякаго рода, вашей рѣдкой неустранимости.»

«Но мы не остановимся на томъ: вы потерпѣнно ждете начать «второй походъ. Мы войдемъ противъ русской арміи, перенесенной зо- «лотомъ Англіи отъ окончностей вселенной, и заставимъ ее испытать «такой же жребій.»

«Съ этою новою борьбою особенно соединена честь пѣхоты. Тамъ «вращается во второй разъ вопросъ, уже рѣшенный въ Швейцаріи и «Голландіи, вторая ли или первая въ Европѣ французская пѣхота (?)? «Тамъ, нѣтъ генераловъ, съ которыми въ борьбѣ я могъ бы пріобрѣсти «славу: мое попеченіе будетъ—одержать побѣду какъ-можно-меньше «спровождая вашей крови. Мои солдаты—дѣти мои.»

На другой день послѣ сдѣла Ульма, Наполеонъ отправился въ Аугс- «бургъ, намереваясь прибыть къ Инну прежде Русскихъ, идти на Вь- «ну, и, слѣдуя принятому рѣшенію, разстроить четыре нападенія, на- «правленныя противъ имперіи, однимъ походомъ великой арміи на ав- «стрійскую столицу.»

Зачѣмъ, послѣ счастливаго новѣствованія нашего, мы должны тот- «часъ замѣтять другое, прискорбное? Въ тѣ же самые дни октября, на- «всегда славныя для Франціи, Провидѣніе жестоко вознаградило побѣды «нашихъ армій гибелью нашихъ флотовъ.»

Несчастный Вилльнѣвъ, выходя изъ Ферроля, желалъ, соображаясь «съ видами Наполеона, направиться къ Ламаншскому-Проливу, но неот- «разимое чувство возвратило его къ Кадиксу. Онъ былъ пораженъ ка- «кимъ-то ужасомъ при извѣстїи о соединеніи Нельсона съ адмиралами «Калдеремъ и Корнуалсомъ. Но Нельсонъ отплылъ въ Портсмуть, Кал- «деръ въ Ферроль, куда прибылъ послѣ Вилльнѣва, и одинъ Корнуалсъ «оставался передъ Брестомъ. Такъ Вилльнѣвъ потерялъ великій случай «для себя и для Франціи, хотя нельзя сказать, что вышло бы изъ не- «обычайной экспедиціи Наполеона, когда онъ былъ бы у воротъ Лондона, «а австрійскія арміи на рейнскихъ границахъ. Быстрота ударовъ его, «подобныхъ молніи, рѣшила бы, могъ ли онъ въ сорокъ дней, съ 20 «августа до 30 сентября, покорить Англію и дать Франціи два соединен- «ные скинтра надъ землею и морями?»

На пути изъ Ферроля въ Кадиксъ, Вилльнѣвъ, побуждаемый настоя-

(*) Этотъ вопросъ окончательно рѣшенъ на безчисленныхъ поляхъ сраженій, въ «Италіи при Треббїо и Нови, и потомъ въ Россіи: подъ Смоленскомъ, при Лубинѣ, «подъ Бородинымъ, въ Малоярославцѣ, подъ Краснымъ,—нужно ли считать болѣе «и доказывать, чья пѣхота первая въ мірѣ? Это знаетъ вся Европа. Прим. перес.

ніями и убяженіями генерала Лористона, хотѣлъ даже воротиться и Ламаншъ, но противный вѣтеръ заставилъ его окончательно идти в Кадиксъ. Въ виду его, 20 августа, онъ увидѣлъ англійскихъ крейсеровъ, принялъ ихъ за соединенный флотъ непріятеля, и далъ имъ возможность уйти отъ него, не воспользовавшись даже случаемъ взять въ плѣнъ два или три англійскіе корабли цѣлымъ своимъ флотомъ.

Онъ справедливо ожидалъ гнѣва наполеона, и былъ отъ-того в новомъ отчаяніи. Наполеонъ, получивъ подробное донесеніе отъ своего адъютанта Лористона, въ-самомъ-дѣлѣ, не зналъ мѣры своему гнѣву, говоря съ морскимъ министромъ, ругалъ Вилльнёва самыми оскорбительными словами, называя даже трусомъ и измѣнникомъ. Несчастный Вилльнёвъ не былъ ни трусъ, ни измѣнникъ. Онъ былъ добрый солдатъ и хорошій человекъ, но упавшій духомъ отъ неопытности французскихъ моряковъ и несовершенства флота ихъ, напуганный совершеннымъ разстройствомъ испанскаго флота; онъ видѣлъ варное поруженіе въ каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ, не понимая, что Наполеонъ требовалъ отъ него не победы, а пожертвованія собою, для того, чтобы имѣть возможность пройти самому черезъ Проливъ.

Въ буря событій, Наполеонъ почти забылъ о Вилльнёвѣ; но отпривляясь на берега Дуная, сдѣлалъ новыя распоряженія о флотѣ, приказывая раздѣлить брестскую эскадру на нѣсколько отдѣленій для крейсера, а флоту Вилльнёва идти изъ Кадикса въ Средиземное - Морь. Онъ рассчитывалъ, что флотъ изъ сорока и даже сорока-шести кораблей, по соединеніи съ картагенскою дивизією, можетъ нѣсколько времени господствовать въ Средиземномъ-Морѣ, захватить англійскіе крейсера, стоявшихъ передъ Неаполемъ, и доставить Сен-Сиру и лезную помощь четырьмя тысячами солдатъ, которые были на корабляхъ. Онъ предписывалъ выйти изъ Кадикса, даже въ виду соединеннаго англійскаго флота, и лучше быть разбитымъ, нежели безчестить себя малодушіемъ.

Эти невзрлыя распоряженія, данныя въ гнѣвѣ на робость Вилльнёва не оспоренныя министромъ Декре, несмѣвшимъ повторять уже сказаннаго много разъ, были немедленно переданы въ Кадиксъ. Декре не считалъ оскорбительными выраженія Наполеона, но упоминалъ о гнѣвѣ и упрекахъ его Вилльнёву. Извѣщая его о новомъ назначеніи, онъ приказывалъ ему зайти въ Картагену, Неаполь и Тарентъ, для исполненія означенныхъ нами инструкцій. Такъ, вполонну скрывая истину, онъ только приводилъ Вилльнёва въ недоумѣніе и отчаяніе.

Передъ самымъ отъездомъ въ Страсбургъ, Наполеонъ отдалъ послѣднее приказаніе морскому министру. «Вашъ другъ Вилльнёвъ варно стривитъ выйти изъ Кадикса», сказалъ онъ ему. «Отправьте адмирала Роззиди принять начальство надъ эскадрою, если она еще не отправилась, прикажите Вилльнёву пріѣхать въ Парижъ, дать мнѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ». Декре не имѣлъ духа объявить Вилльнёву это новое несчастіе, лишавшее его всякаго средства возстановить себя въ мнѣніи и только написалъ ему объ отъездѣ Роззиди, не упоминая для чего онъ не давалъ совѣта отплыть прежде прибытія Роззиди въ Кадиксъ.

но надеялся, что такъ случается, и въ замѣшательствѣ, между несчастнымъ другомъ, точно виноватымъ, и императоромъ, котораго распоряженія почиталъ неосторожными, Декре впалъ въ обыкновенную погрѣшность, предоставляя событія имъ самимъ, и не принимая на себя ответственности дать имъ направленіе.

Вильнёвъ угадалъ изъ писемъ Декре все, чего не договаривали ему, и въ прискорбіи, особливо отъ незаслуженнаго упрека въ трусости, который чувствовалъ онъ въ самыхъ умолчаніяхъ министра, своего покровителя и друга, отвѣчалъ ему: «Подло и глупо будетъ, если моряки бросятъ въ меня камень. Они сами приготовятъ себя осужденіе. Пусть придутъ на корабли и посмотрятъ съ какими средствами надобно выходить на битву. Впрочемъ, если французскому флоту не доставало только смѣлости, какъ упярютъ, то императоръ скорѣе будетъ доволенъ и можетъ ожидать самыхъ блистательныхъ успѣховъ.»

Эти прискорбныя слова заключали въ себя предвѣщаніе событій очень-близкихъ. Вильнёвъ началъ дѣятельно готовиться къ выходу, хотя вполне видѣлъ и чувствовалъ всю недостаточность способовъ къ тому. Възвѣстъ съ нимъ приготовлялся и флотъ испанскій, еще больше неисправный и бѣдный въ средствахъ. Кромѣ плохого состоянія кораблей, экипажи его были неопытны и не могли думать о соперничествѣ съ Англичанами, особливо при новой ихъ морской тактикѣ. Англичане оставили старинную методу идти линіею, корабль противъ корабля, и смѣло шли впередъ, не соблюдая никакого порядка, кромѣ относительной ходкости кораблей, устремлялись на непріятельскій флотъ, разрывали его, отдавали часть и ставили между двухъ огней, не боясь свадки и своихъ перекрестныхъ выстрѣловъ другъ въ друга. Опытность, искусство, увѣренность экипажей давали имъ преимущество въ этихъ отважныхъ предпріятіяхъ. Англичане произвели въ морской войнѣ почти такой же переворотъ, какой Наполеонъ произвелъ въ войнѣ сухопутной. Нельсонъ былъ вовсе не Наполеонъ, но гений въ своемъ родѣ, и въ высокой степени обладалъ качествами для наступательной войны: дѣятельностью, дерзостью, взглядомъ.

Всего больше тревожило Вильнёва состояніе испанскаго флота. Онъ состоялъ изъ красивыхъ, огромныхъ кораблей, и одинъ изъ нихъ, le Santissima Trinidad, 140-пушечный, былъ самый большой въ Европѣ. Но эти огромныя военныя машины, напоминавшія блескъ испанской монархіи Карла III, походили на турецкіе корабли, великолѣпныя по наружности, бесполезныя въ опасности. Бѣдность испанскихъ арсеналовъ не позволяла исправить ихъ, а плохое состояніе экипажей приводило въ отчаяніе. Матросы были неопытные мужики, недавно набранные въ приморскихъ городахъ, а офицеры, большею частію, стѣли своихъ матросовъ. Немногіе изъ офицеровъ, какъ то адмиралъ Гравина, вице-адмиралъ Алава, капитаны Вальдесъ, Чуррука и Галіано, могли напоминать славныя времена испанскаго флота.

Вильнёвъ, рѣшившись доказать, что онъ не трусъ, употребилъ съ сентябрь и начало октября на установленіе какого-нибудь порядка и на выборъ лучшаго въ этой амальгамѣ двухъ флотовъ. Онъ соста-

вилъ двѣ эскадры, одну боевую, другую резервную. Онъ самъ принялъ начальство надъ первою, состоявшею изъ 21 корабля, и раздѣлялъ ее на три дивизіи, изъ 7 кораблей каждая. Подъ непосредственнымъ начальствомъ его была дивизія центра; адмиралъ Джмануаръ начальствовалъ дивизіею аррьергарда, вице-адмиралъ Алава дивизіею авангарда. Резервная эскадра состояла изъ 12 кораблей и раздѣлялась на двѣ дивизіи, по 6 кораблей каждая. Адмиралъ Гравина былъ начальникомъ ея, имѣя подъ командою контр-адмирала Магона, начальника второй дивизіи.

Вся соединенная эскадра состояла изъ 33 кораблей, 5 фрегатовъ и 2 бригавъ. Вилльнёвъ хотѣлъ воспользоваться благоприятнымъ вѣтромъ 8-го октября и выйти изъ Кадикса; но три испанскихъ корабля оказались неспособными для военныхъ дѣйствій. Сами испанскіе офицеры замѣтили это. Вилльнёвъ, не желая принять ответственности въ томъ на себя, собралъ военный совѣтъ. Храбрѣйшіе офицеры обѣихъ флотовъ объявляли, что готовы всюду на исполненіе воли императора Наполеона, но что немедленно идти противъ непріятеля съ такими кораблями, какъ большая часть ихъ, есть опасная неосторожность; что при первой встрѣчѣ съ англійскимъ флотомъ, соединенный флотъ непременно будетъ истребленъ, и что лучше подождать благоприятныхъ обстоятельствъ.

Вилльнёвъ отослалъ протоколъ этого совѣщанія въ Парижъ, съ своимъ мнѣніемъ, гдѣ никакъ не одобрялъ онъ большой битвы при настоящемъ состояніи обѣихъ флотовъ. Посылая эти бесполезные документы, чтобъ лучше показать свою спокойную преданность, онъ прибавилъ, что рѣшился сняться съ якорей при первомъ восточномъ вѣтрѣ, способномъ для вывода кораблей въ море.

Нетерпѣливо ждалъ онъ минуты оставить Кадиксъ во что бы то ни стало. Наконецъ онъ видѣлъ передъ собою этого ужаснаго Нельсона, котораго образъ преслѣдовалъ его на всѣхъ моряхъ и заставлялъ не исполнить великаго порученія изъ страха встрѣтиться съ нимъ. Теперь онъ не боялся встрѣчи съ нимъ, хотя она была страшнее нежели когда-нибудь: душа, возмущенная отчаяніемъ, желала опасности, даже пораженія, какъ доказательства, что онъ имѣлъ причину избегатьъ встрѣчи съ англійскими кораблями.

Нельсонъ уже приближался къ Кадиксу съ флотомъ, бывшимъ въ Ламаншскомъ-Проливѣ. У него было также 33 или 34 корабля, но испытанные продолжительными плаваніями. Онъ зналъ, черезъ испанскихъ шпионовъ, о всѣхъ приготовленіяхъ Вилльнёва, и тщательно наблюдалъ за нимъ. Инструкція, данная имъ англійскимъ офицерамъ для предстоящаго сраженія, почитается образцовою между моряками. Зная истинное состояніе силъ Вилльнёва, онъ не побоялся оставить 4 корабля въ Гибралтарѣ, дать одинъ адмиралу Калдеру, отозванному въ Англію, и отослать еще одинъ въ Гибралтарѣ, для наливки воды.

Въ это время получены были въ Кадиксъ послѣднія депешы изъ Парижа, извѣщавшія объ отъѣздѣ адмирала Розилл. Вилльнёвъ, не озабоченъ былъ тѣмъ. Мысль служить съ честью подъ начальствомъ старшаго по

ину и по лѣтамъ, и подь команду его показать свою храбрость, обогчила душу, угнетенную тяжестью слишкомъ-большой ответственности. Но Розлиа былъ уже въ Мадридѣ, а министръ ничего не объяснялъ Вильгельму о будущемъ назначеніи его при новомъ адмиралѣ. Вильгельмъ началъ думать, что его просто отращать отъ командованія, что онъ не будетъ имѣть утѣшенія сражаться съ честию даже въ качествѣ подчиненнаго. Чтобъ избавиться отъ такого безчестія, онъ воспользовался своими инструкціями, и тотчасъ далъ сигналъ сниматься въ акорей. 19 и 20 чиселъ весь флотъ вышелъ въ море. На видъ онъ былъ прекрасенъ. Французскіе корабли маневрировали хорошо, но испанскіе, по-крайней-мѣрѣ большая часть, худо.

Вскорѣ появились передовые англійскіе корабли, показывавшіе приближеніе главной ихъ эскадры. Всю ночь видны были сигналы ихъ, звѣщавшіе о направленіи французскаго флота. На разсвѣтъ увидѣли приближеніе англійскаго флота, раздѣленнаго на двѣ группы: первая, состоявшая изъ 12 кораблей, была подь начальствомъ самого Нельсона, другая, изъ 15 кораблей, имѣла начальникомъ адмирала Коллингууда. Вильгельмъ ясно видѣлъ намѣреніе ихъ разрѣзать флотъ его на двѣ части, но остался почти въ прежнемъ порядкѣ: корабли соединеннаго флота были выстроены въ одну линію, неровную отъ-того, что они мало повиновались усиліямъ своихъ экипажей; резервная дивизія, по сремьному приказанію Вильгельма, также вошла въ линію и увеличилась, хотя Гравина не одобрялъ такого маневра, а контр-адмиралъ Гагонъ громко сказалъ, что это погрѣшность. Къ этому присоединилось несчастное направленіе вѣтра, которое мѣшало движеніямъ французскаго флота и способствовало нападенію Англичанъ. Въ 11 часовъ громъ началась ужасная трафалгарская битва, и къ пяти часамъ была окончена почти совершеннымъ разстройствомъ и истребленіемъ большей части испанскихъ и французскихъ кораблей. Вотъ главнѣйшія подробности ея.

Обѣ колонны англійскаго флота шли смѣло, прямо противъ огромной линіи непріятельской. Южная колонна, подь начальствомъ Коллингууда, опередила нѣсколько съверную и первая начала бой противъ средней французской линіи. Черезъ полчаса приблизилась и колонна Нельсона. На сторонѣ Англичанъ было искусство, превосходное устройство кораблей, и рѣшительность во всѣхъ маневрахъ. Отъ-того, ни одинъ изъ французскихъ кораблей не могъ имъ сопротивляться, и постепенно встрѣливаемые, громимые ядрами и картечью, они дѣлались неспособны къ сопротивленію и сдавались. Линія соединеннаго флота была взорвана сначала на двое, потомъ на нѣсколько частей, отъ-чего англійскіе корабли проходили въ промежутки, оставшіеся между кораблями, и съ двухъ, даже съ трехъ сторонъ обстрѣливали непріятелей. Вытянутые въ линію, многіе французскіе корабли были только свидѣтелями пораженія своихъ товарищей; но нѣкоторые оказали самое мужественное сопротивленіе и нанесли Англичанамъ много вреда. Корабль *трамный*, между огнемъ двухъ англійскихъ кораблей: *Побѣда* и *Дерби*, сражался геройски. Но былъ наконецъ такъ близко *Побѣды*, гдѣ

находился самъ Нельсонъ, что уже не могъ страдать изъ души, и храбрый капитанъ его, Люка, послалъ стрѣлковъ на марсы и отстрѣливался одной стороною отъ *Державо*. Нельсонъ, въ старомъ фракѣ, который носилъ онъ въ дни сраженій, подвергся вмѣстѣ съ бывшимъ подлѣ него капитаномъ корабля, Гарди, огню Французовъ, но не хотѣлъ остережся отъ опасности. Подлѣ него былъ убитъ секретарь его, и люди падали безпрестанно. Великій морской предводитель, предметъ удивленія и ненависти Французовъ, безстрастно наблюдалъ ужасную сцену смерти и разрушенія, когда пушечная съ марсовъ *Страшно* пуля попала въ ~~плечо~~ плечо его и остановилась въ ребрахъ. Копи его подогнулись, и онъ упалъ на палубу, но старался удержаться, опершись на одну руку. «Гарди», сказалъ онъ своему капитану: «Французы покончили со мною». — Нѣтъ, нѣтъ еще, отвѣчалъ Гарди. — «Да, я скоро умру», прибавилъ Нельсонъ. Его перенесли на мѣсто перевязки, но онъ былъ почти безъ памяти и прожилъ немного часовъ. По временамъ приходя въ себя, онъ повторялъ нѣсколько разъ советъ, показывавшій глубокую его предусмотрительность: «Поставьте вскадру на якоря въ концѣ дня, поставьте на якоря».

Смерть Нельсона была величайшею потерей для англійскаго флота. Какъ-бы въ вознагражденіе за то, на *Страшномъ* было убито и ранено 522 человека изъ 640! Самъ главнокомандующій французскаго флота Вильнёвъ, бывший на кораблѣ *Буцентаръ*, совершенно изстрѣленномъ во время боя, былъ взятъ въ плѣнъ. Вообще, семнадцать кораблей французскихъ и испанскихъ было взято Англичанами; одинъ взлетѣлъ въ воздухъ. Соединенная эскадра потеряла шесть или семь тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными, утонувшими и взятыми въ плѣнъ. Никогда волны моря не видали такой ужасной сцены!.. Адмиралъ Гравина, оставшись послѣ Вильнёва старшимъ, далъ сигналъ къ отступленію и ушелъ съ одиннадцатымъ кораблемъ, кромѣ четырехъ кораблей контр-адмирала Дюмануара, отступившихъ отдѣльно. Ушло также нѣсколько эскадръ.

Англичане одержали побѣду совершенную, но кровавую, дорого купленную. Двадцать-семь кораблей ихъ почти все потеряли мачты; на которые сдѣлались неспособны къ дѣйствию навсегда или до значительной починки. Потеря въ людяхъ простиралась у нихъ до 3000 матросовъ, кромѣ множества офицеровъ; но всего прискорбнѣе была смерть Нельсона, который одинъ стоялъ цѣлаго флота. Англичане вели за собой на буксирѣ семнадцать плѣнныхъ кораблей, едва державшихся на водѣ; они заслужили славу искусствомъ и неоспоримою храбростью въ дѣйствіи. Французы оказали геройство въ самомъ пораженіи своемъ.

Гравина отошелъ къ Кадиксу. Дюмануаръ, боясь встрѣчи съ неприятелемъ, направился къ проливу.

Адмиралъ Коллингвудъ казалъ трауръ по своему знаменитомъ начальнику, но не почелъ обязанностью послѣдовать его предсмертному совету, и вмѣсто того, чтобъ поставить вскадру на якоря, остался на ночь подъ парусами. Подымался опасный вѣтеръ; ночь была темная, и корабли англійскіе маневрировали съ трудомъ отъ полученныхъ ими

пришедши, и еще должны были буксировать или охранять семнадцать вьюных кораблей. Вскоре ветер усилился, и за ужасами кровавой глы послышались ужасы страшной бури, какъ-будто небо хотало налететь два образованнѣйшіе въ мірѣ народа, достойные съ пользою почитать миромъ въ союза между собою, за неистовства, какимъ предались они несколько часовъ назадъ. Адмиралъ Гравина имѣлъ близкое надежное убѣжище въ Кадиксъ; но адмиралъ Коллингвудъ, удаленный отъ Гибралтара, только на волнахъ могъ отдохнуть отъ трудовъ страданій победы. Ночью, победители и побѣжденные смѣшались, и глечано принуждены были оставить буксируемые корабли или откаться отъ надзора за другими. На *Буцелтаеръ*, англійскій караулъ представлялъ остальному экипажу избавиться отъ опасности, и Французы радостію поставили запасныя мачты и направились къ Кадиксу, куда залъ ихъ ураганъ. *Альжескрасъ*, гдѣ былъ трушъ несчастнаго адмирала Магона, почти насильно овладѣлъ англійскій караулъ и также плыль въ Кадиксу, куда и прибылъ послѣ безчисленныхъ трудовъ и опасностей. *Буцелтаеръ* разбился на тамошнемъ рейдѣ, толкнувшись о скалу. Тамъ же погибъ стоявшій на якорѣ *Неукротимый*. Изъ числа тававшихся у Англичанъ плынныхъ кораблей, *Страшный*, такъ храбро ержавшійся съ *Побѣдою* и нанесшій смерть Нельсону, потонулъ, гдѣ у него вдругъ оторвалась корма, изстреленная во время битвы. За всплескіе корабля погибли у береговъ Испаніи.

Англійскій флотъ, удерживаемый противными ветрами, оставался въ виду Кадикса, когда оттуда вышелъ неустрашимый капитанъ Космао съ пятью кораблями и пятью фрегатами, и направился прямо противъ англійской эскадры. Коллингвудъ выставилъ противъ него дѣять меньше поврежденныхъ кораблей своихъ, но при этомъ движени по необходимости отдался отъ плынныхъ кораблей, при чемъ французскіе фрегаты захватили два изъ нихъ и взяли ихъ на буксиръ. Словальный усмѣхомъ, Космао возвратился съ двумя отбитыми кораблями въ Кадиксъ. Но Коллингвудъ, видя, что ему трудно сохранить свою бычу, потопилъ или сжегъ четыре другіе корабля, въ томъ числѣ и командный *Le Santissima Trinidad*.

Наконецъ, англійскій адмиралъ возвратился въ Гибралтаръ, и привелъ съ собою только четыре изъ семнадцати взятыхъ кораблей: и изъ нихъ еще надобно было потопить одинъ.

Что представляетъ намъ гребалгарская битва, наименованная такъ во имя мыса, близъ котораго она происходила? Неопытныхъ моряковъ союзниковъ ихъ еще больше неопытныхъ, дѣятельную слабую, малочисленную часть въ небреженіи, вездѣ поспѣшность, со всеми ея по-

следствиями. Начальникъ, много чувствительный до сих пор человекъ, предвидеть страшныя неудачи и въ то время предвостановилъ написать военную книгу предпріятіямъ своего командирова; редакціонный составъ составленъ не привычно въ соображеніи матеріальнаго интереса, который можетъ продолжаться на сухомъ пути; печальна на моряхъ, совербдательная горююстью своихъ упрямыхъ адмираловъ, велика достоинствъ командирова; тяжелы порціи; адмиралъ срывается съ отчаянія; въ истомыя минуты несчастная фортуна лѣнится и въ даже въ годы вѣтра; величина вѣтра велика; вѣтеръ отъ своего вѣдѣнія или отъ вѣтра отпихиваетъ, другая бѣда отчаянно съ одной стороны разсчитываетъ; сбитыя христы, съ другой чересская неопытность, велика; грѣхъ, страшное предвостановленіе, великая вѣтеръ; послѣ неостовствъ людей несчастнаго бѣды, велика поглотить грѣхъ побланта; торжествующій предвостановитель, губить побланта; велика думаетъ о самоубійствѣ — таково была доковалъ трагическая битва съ ея предвостановленіемъ, послѣдствіями и трагическими подробностями.

Можно было назвать дѣло этого великаго бѣдствія не только сраженіемъ для нашего флота. Надобно было бы разсказать какъ это происходило. Сраженіе некоторыхъ кораблей могло быть съ гордою описано рядомъ съ удѣскими торжествами. Мужество несчастнаго достоянія удивленія не меньше мужества счастливаго: оно трогательное. Свѣтъ того, фортуна такъ осмысляетъ насъ своими благосклонностями, что можно было объявить я о некоторыхъ ея жестокостяхъ. Потому надобно было награждать людей, благородно исполнявшихъ свой долгъ, и прельщать военному суду устранившихся ужасомъ зрѣлища и удалявшихся отъ битвы. Хотя бы дѣйствія ихъ въ другихъ случаяхъ были хороши, но должно было пожертвовать этими людьми, для установленія дисциплины ужаснымъ примѣромъ. Всего больше правительству надобно было надѣяться, урокъ, самому себѣ въ кровавомъ перахъ трагическомъ, сознаться, что нельзя ничего дѣлать наспахъ, и особенно когда дѣло идетъ о флотѣ, нельзя вводить въ линейную битву эскадры, неопытныя въ морѣ, и надобно сначала образовать ихъ частями и отдаленными крайсерствами.

(*) Рядовые флота г-на Тьера несколько не поспѣваютъ трагическую битву. Она была проиграна Французами и Испанцами не отъ того, чтобъ у нихъ было меньше искусства и даже храбрости, нежели у Англичанъ; у нихъ не было меньше искусства, рѣшимости, и мужества. Сраженіемъ усилена и усилена; въ своемъ силѣ. Тѣ же Французы оказывали чудеса храбрости и искусства подъ знаменемъ Наполеона до 1812 года, а въ 1813 году терпѣли пораженіе почти въ всѣхъ встрѣчахъ: только дѣланный изъ союзныхъ генераловъ не былъ сбитъ дѣланными маршаловъ. Прим. пера.

Добрый и честный король не успевал въ какихъ распуты, награждать таланты по крайней мѣрѣ, и прусскія вѣдѣла только выгнать вѣсты свѣтъ, и не имѣли прибраленную для отиди и и докторакъ: — слабость, и отстала вѣтъ; и устарѣли дѣла, и не имѣли ад доброты. Наши морскы, и корабельскы, и скельскы, и отъ свѣтъ и страданій, и ждѣи смѣшавно съ испанскими морскими въ Кадисъ, и кагда ушли, и те испанскій король и награждать таланты вѣтъ. Иностранцы, и французскы, и трафалгарской битвы, и вѣтъ особыя награды въ отиди. Иностранцы, и вѣтъ смѣшались, что и въ награждать, когда Французскы не награждали ничѣмъ, и говорили вѣтъ, что вѣтъ не они, какъ и получить вѣтъ, и за свое мужество. Ничего не бывало: храбро, и трусы, и между Французами равно были отиди вѣтъ: и вѣтъ.

Адмиралъ Декре испыталъ глубокую горестъ, когда получилъ извѣстіе о пораженіи подъ Трафалгаромъ. Онъ, съ своимъ умомъ, съ отличнымъ знаніемъ морскаго дѣла, всегда извѣщалъ своего государя о пораженіяхъ и бѣдствіяхъ, когда во всемъ другомъ тотъ видѣлъ только успѣхи. Онъ сообщалъ ему и теперь печальныя подробности о битвѣ, когда Наполеонъ, въ оранномъ полетъ своемъ, уже приближался къ Битвѣ. Хотя извѣстіе несчастливое съ трудомъ могло проникнуть въ душу, и побѣдную торжествами, однако трафалгарская новость опечалила и даже глубоко оскорбила Наполеона. Но онъ былъ теперь меньше нежели обыкновенно строгъ къ Вильяему, потому что несчастный сражался храбро, хотя и очень неосторожно. Наполеонъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ часто поступаютъ люди сильные и слабые: онъ старался забыть печаль свою, и хотѣлъ, чтобы другіе постарались забыть ея. Онъ желалъ, чтобы во французскихъ журналахъ немного говорили о Трафалгарѣ, и упомянули о немъ, какъ о неосторожномъ сраженіи, гдѣ мы больше потерпѣли отъ бури, нежели отъ вѣрнителя. Онъ не хотѣлъ также ни награждать, ни наказывать, что было жестокою несправедливостью, недостойною его и духа его правительствъ. Въ душѣ его рождалось тогда особенное чувство, которое внушило ему такой ничтожный образъ дѣйствій: онъ начиналъ отчаиваться во французскомъ флотѣ. Онъ открывалъ больше вѣрный, больше неполный способъ поразить Англію — поразить ее въ союзникахъ, получившихъ отъ нея деньги, отнять у нея твердую землю и совершенно выгнать оттуда ея торговлю и вліяніе. Онъ естественно могъ предпочитать способъ, который дѣйствовалъ превосходно, и съ осторожностью могъ бы извѣрное достигнуть имъ своей цѣли. Съ этого времени, Наполеонъ меньше думалъ о морской силѣ и хотѣлъ, чтобы всѣ меньше думали о ней.

Сама Европа, какъ-бы соглашалась съ его желаніемъ, охотно готова была молчать о трафалгарской битвѣ. Звукъ шаговъ его на твердой

земля не могла слышать громъ трафальгарскихъ пушекъ. Державы, у которыхъ противъ груди была шпига нецелесоюза, не выигрывали ничего отъ морской победы, полезной одной Англии, имавшей послѣдствіемъ только новое рѣсиространеніе торговаго ея владычества, котораго она не любила и терзала его только изъ зависти къ Франціи. Сверхъ того, слава Британіи не утѣшала ихъ въ собственномъ униженіи. Трафалгаръ не затмилъ блеска Ульма и, какъ увидимъ вскоре, не уменьшилъ никакого изъ его послѣдствій.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЪ 1847 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Къ штату Экспедиціи Московской Ссудной Казны прибавленъ еще одинъ помощникъ бухгалтера и одинъ писецъ высшаго оклада, съ тѣмъ одержаніемъ и выгодами, какіе предоставлены по мѣсту лицамъ, занимающимъ нынѣ подобныя должности.

— Высочайше утверждены правила разрабительной продажи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, съ такимъ въ нихъ дополненіемъ: во-первыхъ, чтобъ въ каждомъ свидѣтельствѣ, на покупку этихъ веществъ выдаваемомъ, было всегда означено количество поменованныхъ въ немъ матеріаловъ, и во-вторыхъ, чтобъ употребленіе во зло упомянутыхъ ядовитыхъ веществъ оставалось на отвѣтственности покупателя въ такомъ лишь случаѣ, когда не будутъ приняты имъ достаточныя мѣры къ охраненію правильнаго употребленія сихъ веществъ. Представляемъ извлеченіе изъ этихъ правилъ:

Вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія раздѣляются на три разряда, смотря по большей или меньшей ихъ опасности для здоровья или жизни людей и необходимости для технического, или исключительно для фармацевтическаго употребленія оныхъ. Къ первому разряду принадлежатъ ядовитыя вещества, торговля которыми разрешается только известнымъ лицамъ. Ко второму ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, торговля которыми разрешается при известныхъ условіяхъ. Къ

третьему тѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, которыя употребляются единственно для врачеванія. Торговля ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами дозволяется не иначе, какъ на основаніи постановленныхъ ниже сего правилъ. Веществами перваго разряда дозволяется торговать: въ столицахъ и портовыхъ городахъ Рига, Одесса только купцамъ первой и второй гильдіи; въ губернскихъ уездныхъ городахъ одному купцу, безъ различія гильдіи, по выбору общества; если же купечества нѣтъ, или не будетъ изъ онаго желающаго, право продажи предоставляется исключительно аптекарямъ. Вещества втораго разряда могутъ быть продаваемы во всѣхъ безъ изъятія городахъ купцами трехъ гильдій, а гдѣ не будетъ изъ нихъ желающихъ, продажа производится исключительно аптеками. Аптекари пользуются на семъ основаніи правомъ торговли ядами и проч., обязаны продавать оныя по вольнымъ цѣнамъ, но не выше цѣны аптекарской таксы. Вещества третьяго разряда дозволяется матеріалистамъ продавать только въ аптеки, и по каталогамъ и по требованіямъ врачей. Такъ-какъ вещества, перваго и втораго разрядовъ, необходимы не только для аптекарей, но и для многихъ художниковъ, фабриковъ и мастеровъ, какъ-то: для живописцевъ, маляровъ, золотыхъ, бронзовыхъ-дѣлъ-мастеровъ, ювелировъ, слесарей, и въ особеннос на фабрикахъ: стеклянныхъ, фарфоровыхъ, бумажныхъ, зеркальных, красильныхъ, шляпныхъ, ситцевыхъ и многихъ другихъ, то пріобрѣтеніе этихъ матеріаловъ дозволяется снѣмъ лицамъ, но только действительно означенными мастерствами и работами занимающимся, и при продажѣ имъ этихъ веществъ наблюдаются слѣдующія предосторожности: всякій фабрикантъ, художникъ или ремесленникъ долженъ имѣть на это свидѣтельство отъ ремесленной управы; или отъ цеха, или отъ полиціи. Художники въдомства Академіи Художествъ и лица, служащіе при учебныхъ и другихъ казенныхъ заведеніяхъ, получаютъ свидѣтельства отъ своего начальства. Лицамъ прочихъ званій (кроме аптекарей и врачей) пріобрѣтеніе ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ вовсе запрещается. Завѣдывающіе вольными аптеками, и покупая ядовитыхъ веществъ перваго и втораго разрядовъ, приносятъ свидѣтельствъ, предъявляютъ лишь удостовѣреніе мѣстнаго медицинскаго начальства въ томъ, что они действительно имѣютъ таковыя аптеки въ своемъ управленіи. Злоупотребленіе купленнаго яда, когда покупатель не приметъ достаточныхъ мѣръ къ охраненію правильнаго употребленія онаго, остается на ответственности покупателя.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіи и дополненія состава и правъ ихъ.)

— Иркутскимъ купцамъ, отправляющимся для торговли въ Камчатку дозволено выдавать свидѣтельства изъ Иркутскаго Окружнаго Комитета въ мѣзъ мѣсяцъ, на производство тамъ торговли въ послѣдующемъ за тѣмъ году.

— Постановлено, чтобы дома Евреевъ въ Каменца-Подольска въ за-
мѣ по обязательствамъ съ казною вообще не принимать.

— Александринскому Банку въ городѣ Тулѣ дозволено, независимо
отъ залоговъ, разрѣшенныхъ къ приему подлѣ выдаваемыхъ изъ онаго
удѣлы изданнымъ для него положеніемъ, принимать сверхъ-того и
цѣлы кредитныхъ установленій, на точномъ основаніи правилъ, въ
стѣяхъ 507 и 510 Учрежд. и Уст. о Общ. Првз. (Св. Зак. т. XIII)
установленныхъ.

— Между городами Островомъ и Новоржевомъ учреждены, вмѣсто
бухъ, три станціи въ деревняхъ: Погоралька, Шань и Пофужья.

— Перхушковская почтовая станція, Московской-Губерніи, переве-
нена въ село Юдино, отстоящее отъ Москвы на 28 верстѣ и отъ Под-
ольинской станціи на 27³/₄ версты.

— Для существующихъ въ городѣ Тирасполѣ, Херсонской-Губерніи,
рѣхъ семидневныхъ ярмарокъ: Вознесенской, Покровской и Средопо-
дской, установлены восьмидневные сроки.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность председательствующаго бывшей Таврической Межевой
комиссіи отнесена къ первой степени III-го разряда пенсіоннаго рос-
санаія.

— По вопросу генералъ-губернатора Западной-Сибирѣ на счетъ
предложенія въ службу молодыхъ людей, воспитывающихся въ сибир-
скихъ гимназіяхъ и въ-послѣдствіи исключенныхъ изъ университета
за неодобрительное поведеніе, — этимъ молодымъ людямъ дозволено, съ
разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства, вступать въ службу и сохра-
нить право на чинъ 14-го класса, съ утвержденіемъ въ немъ не пре-
же года, но съ старшинствомъ со времени определенія, показывая въ
ислужныхъ спискахъ ихъ исключеніе изъ университета. (Ук. Прав.
сен. 26 февр.)

— Высочайше повелѣно: 1) Строжайше подтвердить всѣмъ подвдом-
ственнымъ мѣстамъ и лицамъ, чтобы при определеніи чиновниковъ на
должности, предоставленныя имъ распоряженію, перемѣщенія и увола-
женія ихъ, немедленно доносили чрезъ подлежащія начальства о всѣхъ
имѣющихъ происходить по замѣщенію должностей перемѣнахъ. 2) Въ
случаѣ неблагонадежности или злоупотребленій со стороны чиновни-
ковъ, отстранять таковыхъ отъ занимаемыхъ ими должностей и доно-
сить Его Императорскому Величеству, за что они отъ исправленія дол-
жностей удалены, для внесенія о томъ въ Высочайшій приказъ по гра-
жданскому ведомству. 3) Чиновниковъ изъ одного министерства въ дру-
гое и отъ одного рода службы къ другому не переводить безъ Высо-
чайшаго разрѣшенія. 4) Сибирскія губерніи и Закавказскій Край оста-
ются на томъ положеніи, которое имъ по особымъ уваженіямъ предо-
ставлено, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ перемѣнахъ извѣщаемъ былъ Ин-
спекторскій Департаментъ Гражданскаго Ведомства. (Ук. Прав. Сен.
28 февр.)

— Въ дополненіе къ вышеизложенному повеланію, Государь Императоръ повелеть соизволять, чтобы о переходахъ изъ одного министерства въ другое представляемо было на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотраніе о всѣхъ вообще чиновникахъ, занимающихъ штатныя должности, за исключеніемъ поступающихъ въ число канцелярскихъ служителей; въ-отношеніи же перехода чиновниковъ на разнородныя должности изъ одного мѣста въ другое внутри каждаго вѣдомства, согласно потребности, руководствоваться въ точности Высочайше утвержденнымъ въ 5-й день сентября 1846 года положеніемъ объ Инспекторскомъ Департаментѣ Гражданскаго Вѣдомства. (Ук. Прав. Сен. 11 марта.)

— По вопросу о мѣрахъ взъисканія за нерадіе къ службѣ и дурное поведеніе, съ чиновъ корпуса гражданскихъ топографовъ, невыслужившихъ установленнаго срока въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Высочайше повелѣно: 1) Съ этими чинами, вместо увольненія ихъ отъ службы, поступать слѣдующимъ образомъ: а) *неклассныхъ межевыхъ чинатъ*: а) тѣхъ изъ нихъ, которые происходятъ изъ потомственныхъ дворянъ, передавать въ военное вѣдомство, для поступленія въ нижніе чины, съ правами, слѣдующими имъ по ихъ происхожденію, но безъ правъ на производствѣ въ гражданскіе чины, которые слѣдовали бы имъ по воспитанію въ Лѣсномъ и Межевомъ Институтахъ; б) тѣхъ, которые происходятъ изъ обер-офицерскихъ дѣтей, назначать на два или на три года въ составъ лѣсной стражи *обмѣдками*, съ тѣмъ, однако, что если они въ-теченіе трехъ лѣтъ не исправятся и не окажутся достойными къ обратному переводу ихъ въ корпусъ гражданскихъ топографовъ, то передавать такихъ въ нижніе воинскіе чины, равнозарно съ правами по ихъ происхожденію, но безъ правъ по воспитанію. Причемъ годные могутъ поступать во фронтъ, а имѣющіе какіе-либо телесные недостатки, въ писаря; и наконецъ в) тѣхъ, которые происходятъ изъ *воспитанниковъ воспитательныхъ домовъ*, неизвѣстнаго происхожденія, зачислять въ составъ лѣсной стражи *стрѣлками*, съ зачетомъ имъ въ службу стрѣлками времени служенія ихъ въ корпусѣ гражданскихъ топографовъ; и о *классныхъ межевыхъ чинатъ*: тѣхъ изъ нихъ, которые, за всеми принятыми начальствомъ ихъ мѣрами взъисканія, за нерадіе къ службѣ и дурное поведеніе, не исправляются, судить военнымъ судомъ при Лѣсномъ Аудиторіатѣ, согласно тому, какъ это установлено для чиновъ корпуса лѣсничихъ, съ тѣмъ, чтобы судъ, смотря по мѣрѣ вины подсудимаго, вместо исключенія изъ службы, опредѣлялъ въ наказаніе перемѣщеніе съ высшей должности на высшую, даже съ класснаго мѣста на мѣсто канцелярскаго служителя, или пѣсца, или отсылку на службу въ отдаленныя губерніи, или, наконецъ, разжалованіе въ копѣисты, съ выслугою, или безъ оной, также, когда признается нужнымъ, съ отсылкою въ отдаленныя губерніи, и 2) Правила эти распространить и на чиновъ Межеваго Корпуса, съ тѣмъ только, чтобы въ преданіи суду чиновъ этого корпуса, какъ состоявшихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, соблюдался существующій нынѣ порядокъ.

IV. ЗАКОНЫ РЕКРУТСКІЕ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Рекрутскаго Устава постановлено: по правилу, определенному въ 1-мъ пунктѣ 101-й ст. Рекрут. Уст., казенныя палаты или, по принадлежности, палаты государственныхъ имуществъ даютъ еврейскому семейству дозволеніе на раздѣлъ тогда только, когда члены его, желающіе отдѣлаться, представляютъ утвержденный думою, или ратушею, или магистратомъ, или же подлежащимъ сельскимъ старшиною и смотрителемъ поселенія Евреевъ приговоръ общества, что раздѣлъ происходитъ въ-слѣдствіе необходимости, и что на оный какъ общество, такъ и остающіеся въ семействѣ члены согласны. (Ук. Прав. Сен., 28-го февраля.)

— По вопросу объ отпращиваніи рекрутской повинности натурою на частныхъ горныхъ заводахъ, постановлено: владѣлецъ нѣсколькихъ по-сессионныхъ горныхъ заводовъ можетъ соединить ихъ въ одинъ, или сообразно ст. 41-й Рекрут. Уст. (Свода Зак., т. IV), въ два рекрутскіе участка. Если при такомъ соединеніи по доставляемымъ отъ Горнаго Промысла (на основаніи примѣчанія къ той же 41-й ст.) въ казенную палату ведомостямъ окажется, что общее на тѣхъ заводахъ число людей больше, нежели по штатамъ для заводскихъ дѣйствій положено, то въ такомъ случаѣ владѣльцамъ дозволяется за людей штатныхъ всѣхъ заводовъ отпращивать рекрутскую повинность натурою, такъ, какъ-бы за людей штатныхъ одного завода, съ сохраненіемъ, однакожъ, въ своей силѣ прочихъ условій, въ ст. 10-й Рекрутскаго Устава определенныхъ. (Ук. Прав. Сен., 28-го февраля.)

V. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

— Мастерамъ и фабрикантамъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій вма-нено въ обязанность всѣ ювелирныя вещи, какой бы онѣ формы и вѣса ни были, хотя бы и менѣе половинны золотника, выдѣлывать не иначе, какъ установленныхъ пробъ; въ случаѣ же приготовленія означенныхъ издѣлій ниже пробъ, повелѣно виновныхъ въ томъ мастеровъ и фабрикантовъ подвергать, по судебному приговору, тому же взыска-нію, какое определено въ статьѣ 1842 г. Уложенія о Наказаніяхъ Уго-ловныхъ и Исправительныхъ за вещи, немѣющія установленныхъ клеймъ, т. е. конфискаціи издѣлій и платежу пени втрое противъ стои-мости заключающагося въ тѣхъ издѣліяхъ металла. (Ук. Прав. Сен., 28 февраля.)

— По вопросу касательно порядка производства дѣлъ о людяхъ, ищущихъ вольности отъ разночинцевъ, постановлено: 1) По дѣламъ о ищущихъ вольности по прожитательству у разночинцевъ и другаго званія людей, немѣющихъ права владѣть крестьянами, уголовныя палаты составляютъ первую степень суда, куда дѣла эти поступаютъ прямо по изслѣдованію и рѣшаются тамъ окончательно, если только объ стороны, по объявленіи имъ приговора Палаты, останутся оными довольны и отъявовъ не подадутъ; 2) окончательныя приговоры уголовныхъ па-латъ по означеннымъ дѣламъ объявляются наличнымъ участникамъ въ

дѣла въ самой палатѣ, а отсутствующимъ чрезъ городскія и земскія полиціи, или чрезъ губернскія ведомости; 3) отзывы на рѣшенія уголовныхъ палатъ представляются уголовнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената въ сроки, опредѣленные въ ст. 1325 и 1328 Свода Зак., т. XV (изд. 1842 г.) съ соблюденіемъ и постановленій въ ст. 1329 и 1330 того же тома правилъ; 4) лица, отыскивающія свободы, изъемяются отъ великихъ судебныхъ надержекъ, и упомянуты выше (п. 3-й) отзывы подаютъ на простой бумагахъ и безъ ввоза апелляціонныхъ пошлинъ; 5) дѣла о ищущихъ вольности по прокурателству у разночинцевъ и другихъ лицъ, неимѣющихъ права владѣть крѣпостными людьми, поручаются особенному повеченію губернскихъ прокуроровъ, и въ случаѣ несогласія прокурора съ приговоромъ уголовной палаты, представляются въ подлежащіе уголовные департаменты Правительствующаго Сената, а 6) дѣла эти, какъ въ уголовныхъ палатахъ, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, входятъ въ очередь дѣлъ слѣдственныхъ. (Высоч. утвержд. мн. Госуд. Сов., 20 января.)

— Въ Финляндіи возникло дѣло о жестокомъ обращеніи надворнаго советника Коноплина съ крѣпостною своею дѣвкой. Хотя законы Имперіи и Финляндіи согласны въ томъ, что уголовное преступленіе судится тамъ, гдѣ оно содѣяно; но какъ дѣла о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными людьми, по неизмѣнію въ Финляндіи законныхъ постановленій на счетъ крѣпостнаго права, имѣютъ особенное свойство, то Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по дѣламъ, возникающимъ въ Финляндіи между помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми, производить тамъ только формальное слѣдствіе, а потомъ слѣдствіе это препровождать чрезъ финляндскаго генерал-губернатора въ Министерство Юстиціи на дальнѣйшее производство.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. При астраханскихъ двухъ мужскихъ и одномъ женскомъ приходскихъ училищахъ разрѣшено имѣть особыхъ почетныхъ блюстителей, по одному при каждомъ училищѣ, преимущественно изъ купеческаго сословія.

— Равнымъ образомъ и при учреждаемомъ въ Рязнѣ женскомъ начальномъ училищѣ дозволено имѣть на первый случай, впродъ до открытія тамъ другаго подобнаго же заведенія, двухъ блюстителей, преимущественно изъ купеческаго сословія.

— Высочайше повелѣно: 1) для облегченія родителей въ пригото-

нимъ дѣтей для поступленія въ Императорское Училище Правовѣдѣнія, открытъ при ономъ приготовительный классъ, на точныхъ основаніяхъ Высочайше утвержденного устава училища, безъ всякаго пособія казны, единственно платою, вносимою для пансіонеровъ и непревышающею 450 р. с. въ годъ за каждаго; 2) въ приготовительномъ классѣ преподавать слѣдующіе предметы: законъ Божій, языки русскій и славянскій, латинскій, французскій и нѣмецкій, арифметику, всеобщую исторію и географію; сверхъ-того чистописаніе, рисованіе, танцованіе, музыку и гимнастику; 3) курсъ ученія долженъ продолжаться одинъ годъ. Для занятій уроками воспитанниковъ назначается пять или шесть часовъ ежедневно. Экзаменъ долженъ производиться подобно тому, какъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ присутствіи директора, инспектора классовъ и преподавателей, и 4) воспитанники должны быть помѣщены въ самомъ админіумѣ училища, или же въ особомъ домѣ близъ онаго. Въ свободное отъ ученія время, надзоръ за ними долженъ быть такой же, какъ и въ самомъ училищѣ, для чего определятъ въ этомъ классѣ трехъ воспитателей, съ жалованьемъ и всеми прочими правами воспитателей Императорскаго Училища Правовѣдѣнія. Число учащихся должно быть 40.

— Въ февралѣ прошлаго года собралось нѣсколько любителей археологій и нумизматики, для обсужденія плана и средствъ основанія ученаго общества, котораго совоушныя труды могли бы уяснить изученіе и познаніе древностей въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ собраніи представленъ и обсужденъ былъ проектъ статутаовъ предполагаемаго общества, который и положено представлять на утвержденіе высшаго начальства.

Статуты представлены были господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, и Высочайше утверждены 15-го мая 1846 года, въ Варшавѣ.

Вотъ эти *статуты Археологическаго Нумизматическаго Общества въ Санктпетербургѣ.*

«§ 1. Цѣль общества будетъ состоять не только въ изученіи классической археологій въ собственномъ ея смыслѣ, но и въ особенности археологій и нумизматики новѣйшихъ временъ странъ западныхъ и восточныхъ. Оно будетъ имѣть въ виду ознакомленіе съ существованіемъ монетъ, медалей и изящныхъ произведеній древности, еще неизвѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ, которыя бы могли открыты быть въ Россіи.

«§ 2. Общество состоитъ изъ действительныхъ членовъ, почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и членовъ-сотрудниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Лица, подписавшія прошеніе объ утвержденіи общества, именуется членами-учредителями.

«§ 3. Общество имѣетъ президента, вице-президента, двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ для русскаго языка, казначея и бібліотекаря.

«§ 4. Число членовъ общества не ограничено. Действительные члены платятъ по двѣнадцати рублемъ серебромъ въ годъ, назначаемыхъ на

покрытіе расходовъ общества; они одни имѣютъ право подавать голоса при разрѣшеніи дѣлъ.

«§ 5. Лицо, желающее получить званіе дѣйствительнаго члена, обязано изъяснить свое желаніе о томъ письменно президенту общества. Просьба его должна быть поддержана двумя дѣйствительными членами онаго.

«§ 6. Дѣйствительный членъ имѣетъ право предложить кого-либо къ избранію въ почетные члены, въ члены-корреспонденты или въ сотрудники общества.

«§ 7. Принятіе въ дѣйствительные и другіе члены производится посредствомъ баллотировки. Предложенное лицо должно приобрести для трети присутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ, которые во всякомъ случаѣ должны составлять, по-крайней-мѣрѣ, половинное число членовъ общества, въ Санктпетербургѣ на лицо находящихся. Тайная баллотировка можетъ допущена быть и по требованію одного члена. Избраніе членовъ имѣетъ быть не болѣе трехъ разъ въ годъ, и должно быть предложено, по-крайней-мѣрѣ, за мѣсяць впередъ.

«§ 8. Постороннее лицо можетъ допущено быть къ засѣданіямъ по представленію о томъ президента.

«§ 9. Общество издастъ статьи о своихъ трудахъ, на русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. Оно обязано заботиться, чтобы изъ нихъ, которыя касаются собственно до Россіи, были всегда написаны или переводимы на природный языкъ.

«Труды Общества» выходятъ тетрадями, съ присовокупленіемъ гравюръ, если такія необходимы для поясненія текста.

«§ 10 Дѣйствительный членъ получаетъ безденежно экземпляръ «Трудовъ Общества».

«§ 11. Общество обыкновенно имѣетъ одно засѣданіе въ мѣсяць, и, сверхъ-того, одно годовое экстраординарное, въ которомъ читается отчетъ о трудахъ общества въ-теченіе года».

Его Императорское Высочество герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій изволилъ принять на себя званіе президента.

Въ вице-президенты избраны были дѣйствительные статскіе совѣтники Я. Я. Рейхель и Ф. А. Жиль; секретарями: для иностранной переписки, докторъ Кене (Köhne), для русской, капитанъ Бартоломей; казначеемъ, статскій совѣтникъ Демезонъ.

Кромъ этихъ пяти лицъ, званіе членовъ-учредителей носятъ еще шестнадцать лицъ, которыхъ фамиліи помѣщаемъ здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ, князь М. П. Баратаевъ, князь Феофанъ Гагаринъ, князь С. В. Долгоруковъ, князь Р. Кантакузицъ, коллежскій ассесоръ Келеръ, адъютантъ Академіи Наукъ, Куницъ, докторъ Э. Муральтъ, Г. Прейсъ, І. Сабатье, Л. Сабатье, П. С. Савельевъ, Фр. Сегенъ, князь А. Сибирскій, Мирза Джафаръ Топчибашевъ, графъ А. С. Уваровъ, академикъ Х. Д. Френъ.

Въ-теченіе 1846 года избраны были въ дѣйствительные члены: г. Бычковъ, графъ Езерскій, князь Кочубей, живописецъ г. Пиккаръ,

вѣтъ В. А. Соллогубъ, графъ А. Строгановъ, генералъ Фредервизъ, профессоръ архитектуры Штакеншнейдеръ и графъ П. Шуваловъ.

Въ почетные члены избранъ былъ единогласно господинъ министръ роднаго просвѣщенія графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ.

Дипломы для гг. членовъ, пребывающихъ въ Россіи, напечатаны на русскомъ, а для иностранныхъ членовъ на латинскомъ языкѣ; они рашены изображеніемъ Петра — Великаго, перваго изъ монарховъ, ратившаго вниманіе на сохраненіе развалинъ знаменитыхъ городовъ Россіи и предписавшаго указомъ охранять ихъ.

Такимъ-образомъ составилось Археологическо-Нумизматическое Общество. Труды его будутъ издаваться книжками, и первая уже печатается. Въ подгода своего существованія, общество не могло произвести много. Но нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, оно имѣетъ полезное вліяніе на распространеніе въ Россіи вкуса къ археологическимъ разысканіямъ и приведетъ въ извѣстность драгоценные мѣтчики, которыхъ такое обиліе скрывается въ нашихъ музеумахъ и частныхъ коллекціяхъ.

Археологическо-Нумизматическое Общество охотно принимаетъ на себя отвѣчать на разные вопросы касательно объясненія и оцѣнки вещей в древностей. Особы, желающія продать предметы этого рода, могутъ также обращаться къ обществу, которое имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ обладателей богатыхъ и драгоценныхъ собраній. Вся подобные вопросы могутъ быть обращены на имя одного изъ господъ кретарей.

Промышленность. Александровскому 1 гильдіи купцу и почетному гражданину Ивану Баранову предоставлено право употреблять государственній гербъ на вывѣскѣ и издѣліяхъ его фабрики для крашенія бумажной пражы и тканья равныхъ бумажныхъ матерій, по уваженію отличнаго качества и разнообразія издѣлій, обширнаго производства ихъ, употребленія отечественныхъ — красильныхъ матеріаловъ вмѣсто иностранныхъ, пониженія цѣнъ на бумажныя ткани, окрашенныя въ крапный адрианопольскій цвѣтъ и значительнаго сбыта ихъ въ Среднююзію.

— Содержателю заведенія стальныхъ издѣлій, Нижегородской-Губерніи, Горбатовскаго Уѣзда, въ селѣ Павловѣ, вотчины графа Шереметева, крестьянину Ивану Калакину также дозволено употреблять государственній гербъ на вывѣскѣ стального его заведенія и на издѣліяхъ, по тому уваженію, что Калакинъ, занимаясь 35 лѣтъ выдѣлкою стальныхъ ожей и бритвъ, довелъ доброту ихъ и чистоту отдѣлки собственнымъ волею трудомъ и опытомъ до высокой степени совершенства и обучилъ тому мастерству до 100 чел.

— Выданы привилегіи: 1) Бельгійскому подданному Г. Л. Фалиссе а изобрѣтенный имъ способъ отстраненія жара, происходящаго отъ ренія мельничныхъ жернововъ. Этотъ способъ, по объясненію изобрѣтателя, состоитъ въ томъ, а) что мука, смолотая на жерновахъ, выхотить въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, такъ-какъ она бываетъ совершенно освобождена отъ развивающейся при обыкновенномъ

перемола теплоты, столь вредной для ея доброкачественности; б) жернова, вращаясь въ безвоздушномъ пространствѣ, требуютъ, для его содѣйствія, менше движущей силы, и в) что при перемола муки и надобности въ устройствѣ особыхъ вентиляторовъ, для уменьшенія роста воздуха, которые нынѣ употребляются во всѣхъ хорошо-устроенныхъ мельницахъ. 2) Архитекторамъ Руско и Квадри на изобрѣтеніи способъ уничтоженія сырости въ строеніяхъ. 3) Виртембергск. подданному Эндрису на выдѣлку изобрѣтенной имъ кожаной бумага образковъ и стружекъ выдубленныхъ, и изъ выдѣланныхъ замшею кожъ. Эта бумага раздѣляется на три сорта, которые употребляютъ первый на козырьки къ фуражкамъ, для дамскихъ подошвъ, на скрѣпы и карды для суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ и для покрытій крышъ на домахъ; второй и третій для футлярщиковъ, переплетчиковъ для приготовленія комматныхъ обоевъ разныхъ цвѣтовъ, на оберточныхъ вещей (для сохраненія ихъ отъ ржавчины), для письма, и вообще для многоразличныхъ другихъ употребленій. При этомъ Эндрисъ объясняетъ, что польза отъ введенія кожаной бумаги весьма значительна: а) кожаные образки и стружки, болшею частію теперь пропадающіе, будутъ употреблены въ дѣло; б) кожаная бумага во многихъ надѣлкахъ можетъ замѣнить самую кожу, которой теперь истрачивается большое количество; в) по несравненной дешевизнѣ своей и мягкости; г) по добротѣ своей, такъ-какъ она не боится сырости и безопасна отъ огня и д) если будетъ введена въ употребленіе и писчая, то превзойдетъ оную много по крепости своей и непромокаемости. 4) Фридрихсгамскому купцу Бяляеву на введеніе приобретенныхъ отъ инспектора шведскихъ винокуренныхъ заводовъ Ольсона съ та эмальерованія бочекъ и другой посуды и б) иностранцу Клауду на усовершенствованный ткацкій станокъ Поортера.

ОБЗОРЪНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1847 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше повелѣно: июль и августъ мѣсяцы считать канцелярнымъ временемъ для Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, съ тѣмъ, чтобы: 1) въ продолженіи сего времени, какъ члены Совѣта, такъ и канцеляріи онаго, были заняты исключительно обработкою проектныхъ дѣлъ, а канцеляріи, сверхъ-того, заниматься отпискою выслушанныхъ до іюля мѣсяца бумагъ; 2) на это канцелярное время не передавать въ Совѣтъ такихъ предметовъ, которые по срочности или экстренности своей требуютъ немедленнаго разрѣшенія, и вся прочія дѣла, согласно ст. 199—212 т. II. Св. Учр. для Управленія Закавказскимъ Краемъ изд. 1842 г. адресовать въ канцелярію Совѣта, для приготовительныхъ соображеній и приготовленія къ докладу съ начала сентября мѣсяца. Вместе съ тѣмъ Государю Императору благоугодно было изъявить свою Высочайшую волю, дабы въ канцелярное время основныя вопросы по устройству Закавказскаго Края не разсматривались мимо Совѣта Главнаго Управленія, но вносились въ этотъ Совѣтъ общимъ порядкомъ. (Выс. пов. 13 марта.)

— Высочайше утверждены дополнителныя правила для успѣшнѣйшаго поселенія Евреевъ и обезпеченія благоустройства этихъ поселеній.

— Закрыта существовавшая при Управленіи Государственнаго Коннозаводства Центральная Коммиссія по испытанію лошадей въ Россіи, какъ вполне совершившая возложенную на нее обязанность. (Выс. пов. 11 марта.)

— По вопросу о дозволеніи выдавать въ ссуду хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ по городамъ Восточной-Сибіри постановлено: если хлѣбъ, по дороговизнѣ, нѣсколько лѣтъ будетъ оставаться непроданнымъ и продажа онаго низшими цѣнами будетъ представлять весьма-важный убытокъ для запаснаго капитала, то, по постановленію губернскаго совѣта, съ разрѣшенія генерал-губернатора, дозволяется вы-

давать хлебъ взаимнообразно въ тѣхъ же количествахъ, въ какихъ онъ выпускается въ продажу, съ возвратомъ натурою и съ надбавкою за ссуду, въ годъ, по три фунта на пудъ. Оборота этотъ продолжать, а того времени, пока пониженіемъ сложной цѣны капитальнаго и малоточнаго хлеба, представится возможность пустить одинъ въ продажу (Выс. утв. им. Гос. Сов. 10 марта.)

— Въ штатъ Московской Сохранной Казны по первому отдѣленію Экспедиціи по Вѣщамъ включена еще одна вакансія аксидитора съ женою и трѣмя вѣщниками, представляемыми лицами, занимающимъ подобныя должности въ Сохранной Казнѣ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное въ 5-й день декабря 1846 года положеніе о сибирскомъ ландмилиномъ войскѣ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное заключеніе Государственнаго Совета о правахъ состоянія жителей Бессарабской Области, и съ тѣмъ въ сѣсть повелѣно: безпримѣшней переименовать въ личные дворянскія названія; равно какъ и рунташей, въ однодворцы.

— При рижскомъ порту устанавливается впредь на четыре года, т. е. по 1851 годъ, особый сборъ по 15 к. с. съ каждаго коммерческаго груза отходящихъ изъ Рига купческихъ судовъ, съ назначеніемъ съ того сбора исключительно для улучшенія рижской гавани.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Экономическомъ, и въ присутствіи Собранія, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, об отдѣленіи изъ разныяго капитала Экспедиціи Кредитныхъ Билетовъ до 30,000,000 р. сер. на покупку публичныхъ фондовъ, и признавъ съ своей стороны мѣру сію полезною, такъ-какъ она раскрываетъ удобное и надежное средство отъ разныяго, столь огромнаго капитала (слишкомъ 114,000,000 р. сер.), оставающагося досель мертвымъ извлечь значительныя для государства выгоды, не встрѣчаетъ никакого препятствія къ допущенію оной, съ тѣмъ только условіемъ, чтоб означенныя выгоды были обращаемы исключительно на погашеніе разныяго государственнаго долга. Въ сѣмъ видѣ, мѣра сія представляющая слѣдующіе результаты: во-первыхъ, разныяго капитала, въ установленной количествѣ своемъ, нисколько не уменьшится, но только частъ звонкой оной монеты замѣнится столь же твердыми, равно долготѣ и сверхъ-того приносящими постоянный доходъ фондами, которые пользуются въ Европѣ всеобщимъ кредитомъ; во-вторыхъ, масса звонкихъ денегъ разныяго нашего капитала, и за отдаленіемъ для предначначенной на покупку фондовъ части, столь ема огромна, что судя по обыку и по примѣрамъ заграницныхъ банковъ, не можетъ, но обнадѣживая безостановочнаго разныяго кредитныхъ билетомъ, но оная и возникла надобность въ умноженіи количества звонкой монеты разныяго капитала, то упомянутые фонды представляютъ къ тому же удобство безостановочною продажей оныхъ за наличныя деньги; и въ третьихъ, употребленіе могущихъ послужить отъ подобной операціи выгоды исключительно на погашеніе государственнаго долга, общающаго правительству новыя способы къ удовлетворенію другияхъ лежащихъ на немъ обязательствъ, и, слѣдственно, соразмерное облегченіе

въ тѣлостахъ народныхъ. По снѣгъ уваженіямъ Государственный Советъ именованъ полагать: 1) Изъ утѣновленнаго VII и XVII статьями Высочайшаго манифеста 1-го июня 1843 года особаго манѣкала для обиха кредитныхъ билетовъ на званіи денегъ, отдавать до тридцати милліоновъ рублей серебромъ на постепенное приобращеніе покупкою публичныхъ фондовъ, россійскихъ и иностранныхъ, здѣсь и за границею. 2) Фонды сіи, по истръ приобращеніи ихъ, причислять къ означенному капиталу, въ суммѣ, на покупку ихъ употребленней, и хранить вмѣстѣ съ наличными деньгами. 3) Интересы или непрерывный доходъ (rente), приносимый этими фондами, а равно и всѣ вообще выгоды отъ сей операціи, обращены на погашеніе иностранныхъ и внутреннихъ государственныхъ долговъ; въ случаѣ же пониженія купонныхъ фондовъ до двухъ или трехъ процентовъ противъ цѣны, по которой оныя приобращены покупкою, часть упомянутого дохода причислять къ разнаному капиталу, до уравненія съ покупною цѣлою, обращая за тѣмъ лишь остатокъ тѣхъ доходовъ на погашеніе государственныхъ долговъ. 4) Если для обиха кредитныхъ билетовъ будетъ предвидѣться необходимость въ увеличеніи количества звонкой монеты разнаго капитала, то купленные фонды обращать немедленно въ наличныя деньги продажей ихъ на европейскихъ баржахъ. 5) Буде бы при продажѣ какой-либо части фондовъ или выкупѣ оныхъ не тиражу, выручено было менѣ той цѣны, въ которой они числились въ разнаномъ капиталѣ, то недостающую сумму дополнять также изъ полученнаго вообще съ нихъ непрерывнаго дохода, а въ случаѣ недостатка оного, изъ государственнаго казначейства.

Н. Губернскія учрежденія. (Измѣненіи и дополненія состава и правъ ихъ.)

Для улучшенія была казаконъ дунайскаго войска, предоставлена пмѣ, на основаніи 45 § положенія о семъ войскѣ, право свободной торговли, какъ въ самомъ войскѣ, такъ и внѣ онаго, предметами, показанными въ 266 ст. XI т. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г. Уст. Торгов. безъ всякихъ денежныхъ взносовъ и безъ изытія отъ службы по очереди. Въ слѣдствіе сего постановлено: 1) внесенныя отъ казаконъ въ казаконъ, сошедшихся поступить во временныя торговныя, деньги имъ возвратитъ и 2) казаконъ, которые изъявятъ желаніе давсегода поступить въ торговое сословіе и представить утаможденной 349 ст. того же Торговнаго Устава свидательство объ имѣніи у каждаго изъ нихъ наличнаго капитала въ деньгахъ и товарахъ на манѣ 1500 руб. сер., допустить въ торговлю для опыта на одинъ годъ, безъ всякихъ взносовъ въ войсковой доходъ, съ освобожденіемъ на все время отъ службы по очереди; для занесенія же коммерческаго ихъ оборотовъ, выдать имъ отъ войскового правленія безъ всякаго платежа шауровыя книги, которыя по окончаніи сроковъ они представятъ въ правленіе. (Высоч. утв. полож. Воен. Сов. 18 апр.).

— Въ слѣдствіе разрѣшенія, что лица, продающія зланиа, за приобря-

включает 1) впрочем, вкладами для обращения при проценты; 2) производство суда под залог движимого и недвижимого имущества. Для сохранения всеобщего доверия к банкам, капиталы, внесенные в оныя, не припадают в распоряжение банка выдающему или отпускаемому быть не должны, кроме передачи (билетов) банка на банковые обязательства, или представления факты залогом в присутствии некто; но в семъ последнемъ случаемъ банкъ, въ разсужденіи выдати капитала, обязанъ наблюдать сроки, въ условіи при залогѣ билета назначенный. Заложеными въ банкъ движимыми и недвижимыми имѣніи не могутъ быть осланы поустыяныи или казеннымъ имуществамъ. Но въ случаѣ требованія судна неестественнаго, продажа такъ имущества для удовлетворенія другимъ (хотя бы одностепенно съ темъ, чтобы банкъ получалъ складочную ему по движимому (фунду) отъ процентовъ спелна. Вновь капиталовъ, или оброчныхъ въ проценты, дозволяется лицамъ всѣхъ сословій. На всѣ вообще вклады банкъ платитъ установленныя 4 процента по прошествіи отъ года на капиталы, превышныи въ банкъ неже одного года, процентныи не платится. Банкъ принимаетъ въ залогъ: а) каменные и деревянные дома; заводы; фабрики; лавки; застрахованные отъ огня, состоящія въ Ростова, и принадлежнціи тамошннхъ купцамъ и мещанамъ; б) собственныи, тамошннхъ гражданъ, всман, хотя бы оныи и были застроены, но, по неостности, представляли выгоды и приносили доходъ владельцу. Судья подъ залогъ движимаго имущества выдаютъ предпочтительно розетки гражданамъ. Въ залогъ принимаются золотыи, серебряныи, оловянныи и другіи драгоценныи вещи, неподверженныи порчи. Приемъ оловянныи и оловянныхъ вещей дозволяется только отъ беднѣйшихъ гражданъ, въ незначительномъ количествѣ; прочіе же металлы; а равно алмазы, рубины, въ залогъ не допускаются.

III. Законы относительно по службы гражданской

— Поставлено: 1) офицерамъ, поступившимъ въ гражданское званство изъ военной службы, съ отчисленіемъ по арміи, кавалеріи и по другому роду оружія, назначать при увольненіи изъ службы пенсію или въ измѣненіи по чину, или изъ разряда, армейскаго должности по росписанію; смотря потому, что будетъ вышнмъ; 2) Офицерамъ, поступившимъ изъ гражданскаго званствѣ изъ отставки и вѣдѣнныи въ отставку по арміи, кавалеріи и по другому роду оружія съ оставленіемъ въ прежннхъ должностяхъ, определять пенсіи при увольненіи въ томъ же разрядѣ, какъ и офицерамъ, въ періодъ званія означеннаго; и 3) на оныхъ основаніяхъ назначать пенсію и пособіямъ такъ и другимъ офицерамъ. (Ук. Прав. Сов. 21 марта.)

— Въ дополненіе и поясненіе подлѣжащихъ статей Свода Законовъ постановлено: переходящимъ въ гражданское званство и переименованнымъ въ провинціальнаго секретаря подпоручикемъ установленный срокъ для выслуги для получения чина губернскаго секретаря считается съ дня пожалованія въ первый обер-офицерннй чинъ; съ

тѣмъ вмѣстѣ прекращается съ чиномъ губернскаго секретаря дальнѣйшее старшинство ихъ по военной службѣ въ обер-офицерскомъ званіи, а для опредѣленія его принимается въ расчетъ одно лишь служеніе по гражданскому ведомству. Правила о производствѣ переходящихъ изъ военной въ гражданскую службу въ чины коллежскаго ассессора и штаб-штатскаго статскаго совѣтника, изображенныя въ статьяхъ 62 и 63 Уст. о Служ. по Опрѣд. въ Правит. (Св. Зак. т. III) остаются въ своей силѣ (Ук. Прав. Сен. 30 янв.).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе.—Опекунскіе совѣты, признавъ необходимымъ, вмѣстѣ вышшняго порядка приѣма дѣтей въ Сиротскіе Институты: зашчянаго в Московскаго Воспитательныхъ Домовъ, Гатчинскій, Александрвскій въ Москвѣ и Александринскій въ Санктпетербургѣ, по очереди въ кандидатонныхъ спискахъ, ввести новый порядокъ посредствомъ баллотировки (по жеребью) составили слѣдующіе правила, удостоенныя Высочайшаго утвержденія: 1) Круглыхъ сиротъ, неимѣющихъ ни отца, ни матери, принимать на прежнемъ основаніи, по мѣрѣ открытія вакансій, какъ въ промежуткѣ времени между выпусками, такъ и послѣ нихъ, а поему сохранять для нихъ ведущіеся нынѣ очередные списки. 2) На остальныхъ за сими казенныхъ вакансіахъ баллотировать всѣхъ прочіихъ сиротъ, имѣющихъ, по существующимъ постановленіямъ, право на поступленіе въ то заведеніе, въ которомъ производится баллотировка. 3) Сему же порядку приѣма слѣдовать и для пансіонеровъ, т. е. круглыхъ сиротъ принимать преимущественно, по мѣрѣ открытія вакансій, а имѣющихъ отца или мать по баллотировкѣ. 4) Если число круглыхъ сиротъ будетъ превышать число открывающихся вакансій, въ такомъ случаѣ и ихъ подсортировать баллотировкѣ; тѣхъ же, которыхъ жребій не поблагобритствуетъ, оставлять въ очередныхъ спискахъ. 5) Баллотированіе въ каждомъ заведеніи производить въ присутствіи членовъ Опекунскаго Совѣта, съ открытіемъ вакансій послѣ выпуска сиротъ, кон-

ившихъ курсъ ученія, слѣдуя порядку, прицтому въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и Учрлщдахъ Екатеринбургскихъ и Александровскихъ. 6) Прошенія о допущеніи сиротъ къ благотворенію подавать въ Опекунскій Совѣтъ не ранее, какъ за два мѣсяца, и не позже, какъ за два недѣли до дня, назначеннаго для благотворенія. 7)) времени благотворенія публиковать въ ведомостяхъ за четыре мѣсяца до его наступленія. 8) Равно публиковать о выблаготворившихъ къ принятію, и сверхъ того уведомлять особо родителей или родственниковъ ихъ, дабы они приняли надлежащія мѣры для доставленія дѣтей въ заведеніе къ определенному времени. 9) Такимъ же образомъ публиковать относительно тѣхъ сиротъ, которымъ жребій не былъ благопріятенъ, дабы представленные о нихъ документы были взяты обратно лицами, ихъ представившими.

— Государь Императоръ, начертавъ въ собственноручной запискѣ Высочайшую волю свою о преобразованіи мужскихъ сиротскихъ институтовъ, при Санктпетербургскомъ и Московскомъ Воспитательныхъ Домахъ учрежденныхъ, въ разсадникъ для гражданской службы, такъ, чтобъ заведенія сія въ значеніи своемъ заняли среднну между школами канцелярскихъ служителей и Учлищемъ Правовѣдннл, Высочайше повелѣть соизволилъ, все это сообразить въ особомъ комитетѣ, который, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, составить изъ министровъ: государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, почетныхъ обер-гуповъ: графа Внльгорскаго, Ланскаго и статс-секретаря Гофмана, и заключеніе представить Его Величеству за общимъ подписаніемъ. Въ исполненіе сей Высочайшей воли, комитетъ, слѣдуя заключающаеся въ собственноручной запискѣ Его Величества указаніямъ, изложилъ въ поднесенной на Высочайшее благоусмотрѣніе журналъ мнннн свое, какииъ предметамъ и въ какомъ объемѣ должно будетъ обучать воспитанниковъ означенныхъ институтовъ, согласно новому ихъ назначенію, съ наступленіемъ въ августъ сего года учебнаго года, и въ заключеніе изъяснить мнннн свое о степени, которую заведенія эти должны занимать въ числѣ прочихъ учебныхъ заведеній Имперіи, о способахъ преподаванія выпускаемыхъ воспитанниковъ по службѣ, равно о правахъ ихъ и обязанностяхъ. Государь Императоръ, удостоивъ стола журнала, во 2 й день минувшаго марта, Высочайшаго утвержденія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Мужскимъ сиротскимъ институтамъ ибннхъ воспитательныхъ домовъ состоять во 2-мъ разрядѣ учебныхъ заведеній, и на этомъ основаніи выпускаемыхъ изъ нихъ, по оконченіи полнаго курса наукъ, воспитанниковъ считать въ отношеніи къ чинопроизводству во 2-мъ разрядѣ гражданскихъ чиновниковъ; тѣхъ же воспитанниковъ, которые, не бывъ удостоены перевода на спеціальные курсы, будутъ выпущены на службу въ званіи канцелярскихъ служителей, считать въ 3-мъ разрядѣ. 2) Передъ окончаніемъ учебнаго года, заблаговременно уведомлять министровъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія о назначаемомъ къ

выпуску числа воспитанниковъ и притомъ просить о присылкѣ экзаменаторовъ для ихъ испытанія. 3) Распределеніе на службу тѣхъ воспитанниковъ, которые по испытаніи окажутся къ тому достаточно пригодными, предоставить ближайшему усмотрѣнію министровъ. 4) На первое обзаведеніе каждаго воспитанника выдать изъ суммъ воспитательныхъ домовъ по 90 р. сер. для выходящихъ по окончаніи спеціального курса, а по 60 р. для выходящихъ въ канцелярскіе служители. 5) Еслибъ выпущенные изъ спеціального курса воспитанники не могли прямо поступать на штатныя вакансіи съ полученіемъ опредѣленнаго жалованья, въ такомъ случаѣ они должны получать, до поступленія въ штатныя должности, по примѣру воспитанниковъ Александровскаго Лицея и Училища Правовѣдствія, на содержаніе свое по 170 сер. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ того министерства, въ которое они поступятъ, или, въ случаѣ неимѣнія остатковъ, изъ государственнаго казначейства съ Высочайшаго разрѣшенія. 6) Тѣ изъ выпускаемыхъ по окончаніи всего спеціального курса воспитанниковъ, которые, при постоянно-благонравномъ поведеніи въ продолженіе воспитанія, окажутъ отличные успѣхи въ наукахъ, получаютъ, по удостоенію начальства, право на чинъ 14 класса, въ которомъ утверждаются при поступленіи въ дѣйствительную службу. 7) Срокъ обязательной службы по назначенію начальства опредѣляется для воспитанниковъ, поступающихъ въ число канцелярскихъ служителей, 10, а для тѣхъ, которые будутъ выпускаемы по окончаніи полнаго курса, 8 лѣтъ. 8) О поведеніи сихъ молодыхъ людей во время срока обязательной службы ихъ, поставить въ обязанность гражданскимъ губернаторамъ, по истеченіи каждаго года, уведомлять Опекунскіе Совѣты по принадлежности. — Государь Императоръ, на всеподданнѣйшей запискѣ, при которой поднесенъ былъ журналъ комитета на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, собственноручно написать изволилъ: «Утвердивъ сіе положеніе, нужнымъ считаю еще прибавить, что по выпуску воспитанниковъ на службу, распределять ихъ по способностямъ въ министерства и за тѣмъ переходъ изъ одного въ другое запрещаю. Равномѣрно принять за правило, ежелибъ кто по выслугѣ положенныхъ лѣтъ вздумалъ проситься въ военную службу, не иначе ихъ принимать, какъ унтер-офицерами, съ обязанностию прослужить 4 мѣсяца за рядовыхъ.»

— Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе директорамъ гимназій: въ числѣ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, по уставу 8-го декабря 1828 г., учебныхъ предметовъ, положена логика. Избраніе руководства по этой наукѣ представляло доселѣ неустрашимыя затрудненія, ибо вся существующія сочиненія мало приспособляемы къ понятіямъ юношества, обучающагося въ гимназіяхъ. Отъ-того преподаваніе логики въ сихъ заведеніяхъ почти не приноситъ пользы и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя, темныя положенія, которыя либо забываются ими, либо служатъ поводомъ къ ошибочнымъ примѣненіямъ. Какъ логика въ составѣ философскихъ наукъ читается

въ университетѣ слушателямъ, болѣе подготовленнымъ и по предварительному образованию и по возрасту, то министръ народнаго просвѣщенія, съ Высочайшаго соизволенія, предложилъ преподаваніе этой науки въ гимназіяхъ на время остановить, а часы, на то положенные, по совѣщанію въ Почетномъ Советѣ, употребить на усиленіе другихъ предметовъ.

— Высочайше повелѣно, пріемъ воспитанниковъ въ Училище Правовѣдѣнія ограничить дѣтьми дворянъ, записанными въ 6-ю часть дворянской родословной книги, или въ юнкерскіе чины, или же статскихъ советниковъ и полковниковъ, съ тѣмъ, чтобы Всемилостивѣйше дарованное отличнѣйшимъ воспитанникамъ Санктпетербургскихъ Гимназій 1-й, 2-й и Ларинской и Московскаго Дворянскаго Института право на поступленіе въ Лицей оставлено было, на прежнемъ основаніи, безъ всякаго измѣненія.

— Высочайше утверждён Уставъ Московскаго Сиротскаго Дома. Этотъ сиротскій домъ, соединенный съ училищемъ дѣтей канцелярскихъ служителей, есть воспитательное и съ тѣмъ вмѣстѣ учебное заведеніе для сиротъ мужскаго пола, изъ которыхъ 70-ть воспитанниковъ принимаются изъ дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ, а 30-ть изъ дѣтей канцелярскихъ служителей. Въ заведеніе это поступаютъ круглые сироты и дѣти совершенно бывшихъ родителей. Московскій Сиротскій Домъ есть окончательное заведеніе для поступленія на службу по государственному размежеванію земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовительное для патерныхъ отличныхъ воспитанниковъ къ поступленію въ гимназію; на основаніи устава училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей 1828 года.

Промышленность. Высочайше утверждён уставъ Санктпетербургской Коммерческой Компаніи Морскаго, Рѣчнаго и Сухопутнаго Страхованія, подъ фирмою «Надежда». Капиталъ компаніи опредѣляется въ два милліона рублей серебромъ, раздѣляемый на двадцать тысячъ частей, по 100 руб. сер. каждый. Правленіе компаніи будетъ состоять изъ шести директоровъ, избираемыхъ изъ учредителей и хозяевъ плавъ. Во всѣхъ случаяхъ морскаго страхованія компанія руководствуется общими, изданными на этотъ предметъ законами. Предметомъ страхованія рѣчнаго и сухопутнаго могутъ быть: а) всякаго рода суда: рѣчныя и озерныя, порожнія и нагруженныя, оснащенные и неоснащенные; б) принадлежности судовъ, какъ-то: якоря, снасти и т. д.; в) фрахты; г) деньги, данныя поставщикамъ въ счетъ фрахта, или провоза и д) товаръ для груза. Въ застрахованіе принимаются имущества, отправляемыя по рѣкамъ, озерамъ, каваламъ и вообще по всякъ путяхъ воднаго и сухопутнаго сообщенія.

— Выданы привилегіи: 1) штабс-ротмистру барону Фитингофу на изобретенный имъ особый устройству коннорычажный прессъ, съ приращеннымъ къ нему привошникомъ, для выжиманія свекловичныя при свеклосахарномъ производствѣ, отжиманія стеарина и выжиманія расти-

тельныхъ маслъ, и 2) Учителю музыки Куммеру на изобретенный имъ счетный снарядъ.

— Уничтожена выданная 28 февраля 1846 года иностранцамъ Бассону и Праделю 10-ти лѣтняя привилегія на обдѣлку льна и поволоки посредствомъ сѣрной или водохлорной кислоты.

IV.

ДОКОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ПРИЧИНЫ КОЛЕБАНИЯ ЦѢНЪ НА ХЛѢБЪ ВЪ РОССИИ.

Статья первая.

==

ВВЕДЕНИЕ.—I. История движения цѣнъ. Хозяйственное положеніе Россіи до Петра I. Экономическія реформы Петра I. Измѣненія въ экономіи народной, произведенныя Екатериною II. Слѣдствія сихъ преобразованій. Состояніе цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія. Жалобы на возвышеніе цѣнъ въ началѣ XIX вѣка; какъ понимали это явленіе въ то время.—II. Внѣшнія причины поднятія цѣнъ на хлѣбъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Ввозъ хлѣба въ Англію съ 1761 по 1843 годъ. Состояніе цѣнъ послѣ 1815 года. Возвышеніе среднихъ цѣнъ съ 1824 года.—III. Колебанія цѣнъ во Франціи и Пруссіи.—IV. Колебанія цѣнъ въ Россіи. Слѣдствія чрезвычайной колеблемости цѣнъ на хлѣбъ.—V. Мнѣнія русскихъ хозяевъ о колеблемости цѣнъ: мысли г. *Кикина* и отвѣты на нихъ неизвѣстнаго; мысли г. *Бумина*; мнѣніе г. *Норова*; мнѣніе г. *Титова*; предположенія гг. *Неронова*, *Луландина* и *Тимофеева*; возраженіе г. *Коллода*; проектъ г. *Мальцева*.—VI. Заключение объ изложенныхъ мнѣніяхъ и проектахъ.—VII. Исследование истинныхъ причинъ колеблемости цѣнъ. Закономъ мѣны. Внѣшнія условія, опредѣляющія величину торговыхъ цѣнъ. Какъ должно опредѣлять издержки производства. Что такое рента? Рента естественная и условная, или кортома. Естественныя законы возвышенія и пониженія ренты. Обязательная рента. Вліяніе обязательной ренты на экономическія отношенія земледѣльца и работника. Важность вопроса объ издержкахъ производства. Способы опредѣленія издержекъ въ земледѣліи, предложенныя нашими хозяевами: способъ г. *Перцова*; способъ г. *Татайчина*; способъ г. *Вилькинса*; способъ г. *Афросимова*; мнѣніе г. *Поздюкина*.—VIII. Невозможность опредѣлить стоимость издержекъ при обязательной рентѣ; слѣдствіе такого положенія и вліяніе на цѣны. Въ Россіи, при невозможности опредѣлить издержки производства, цѣна хлѣба зависитъ только отъ предложенія и требованія.

==

ВВЕДЕНИЕ:

Въ послѣдніе годы замѣтно обнаружилось движеніе въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и, какъ всякое движеніе впередъ, возбудило толкъ и за настоящее состояніе хозяйства и противъ

него. Явились люди, которые откровенно сознавали и сознают всенародно, что хозяйство наше въ неустроенномъ, хаотическомъ состояніи; что оно не только отстало отъ другихъ странъ Европы, но далеко не удовлетворяетъ потребностямъ собственного нашего быта, безъ всякаго отношенія къ сосѣдямъ; что источникъ такого положенія дѣлъ кроется въ отсутствіи техническихъ знаній, еще болѣе въ неестественномъ, анти-экономическомъ распредѣленіи производительныхъ силъ; что для поправленія экономическаго организма необходимо возбудить нравственныя силы производителей, дать иное направленіе вещественнымъ средствамъ. Подобныя мысли не вдругъ приняли систематическую форму, и пока онѣ являлись отдѣльно тамъ-и-сямъ, ихъ какъ-будто никто не замѣчалъ; но когда онѣ, приобретаая болѣе и болѣе поборниковъ, и размышлявшихъ и дѣйствовавшихъ, начали превращаться въ убѣжденіе, тогда поднялся голосъ другой стороны въ защиту существующаго вѣковаго порядка въ экономіи народной. Вооружившись всѣми аргументами опыта или только рутини, они доказывали, что источники благосостоянія земледѣльцевъ и теперь тѣ же, какіе были за 50 и за 100 лѣтъ; что если есть помѣха успѣхамъ хозяйства, то она заключается лишь въ совмѣстничествѣ южной полосы для сѣверной и средней; но что, не смотря на то, сметливость и опытность нашихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ приспособили искусно и неубыточно хозяйство къ такому ходу дѣлъ; что у насъ доходы отъ земледѣлія несравненно-выше, нежели въ западныхъ государствахъ (*); что и при настоящемъ положеніи люди сметливые покупаютъ имѣнія, наживаютъ состоянія; что ученіе нигдѣ не принесло сколько-нибудь значительной пользы сельскому хозяйству; что науки недавно славны, а люди давно живутъ; что стоить прожить на свѣтъ 50 лѣтъ, чтобъ дойти до убѣжденія, что ученіе въ дѣлѣ хозяйства для Россіи вещь рѣшительно бесполезная, если даже не вредная...

Столь противоположныя мнѣнія важны сами-по-себѣ, какъ явленіе нравственное; но они дѣлаются еще важнѣе, потому-что борьба ихъ неизбежно отразится, если уже не отражается, на движеніи всего нашего экономическаго быта. Кто правъ и кто неправъ, можно было бы рѣшить à priori, восходя къ основному началу всякаго человеческого усовершенствованія. Но эти доводы могутъ показаться для многихъ отвлеченными; а у насъ все отвлеченное привыкли считать прямо-противоположнымъ дѣйствительному. Вотъ почему лучше всего обратиться именно къ самой дѣйствительности и поискать такого факта, который бы самъ собою, своимъ существованіемъ доказывалъ удовлетворительность или неудовлетворительность состоянія нашего хозяйства. Въ народѣ, жизнь котораго про-

(*) Плохой у насъ крестьянинъ-земледѣлецъ, который не получитъ 30 проц.; между-тѣмъ, 50 и 100 проц. дивомъ не почитается. См. «Записки Писемнаго Земледѣльца», напечатанныя въ «Отеч. Запискахъ» 1842 г.

ходить почти исключительно въ заботахъ о физическомъ существованіи, въ фактахъ подобнаго рода недостатка быть не можетъ; именно есть фактъ, который касается не личности многихъ, но кармана всѣхъ, — это движеніе цѣнъ на жизненные потребности. Этотъ фактъ — въ-самомъ-дѣлѣ лучшій пробный камень въ дѣлѣ, которое насъ занимаетъ, ибо окончательный результатъ труда производителей есть выручка, а она, въ наше время, выражается деньгами, ходячею цѣною произведеній.

Будемъ говорить сначала о хлѣбѣ, какъ о главнѣйшемъ производеніи земледѣлія. Цѣны на хлѣбъ то упадаютъ, то возвышаются: это еще не бѣда; бѣда въ томъ, что эти измѣненія бывають такъ внезапны, что предъ ними разсыпаются въ прахъ все хозяйственные расчеты. Но поднятіе цѣнъ, хотя и до страшной дороговизны, не бываетъ столь продолжительно, какъ ихъ упадокъ; отсюда чаще и постояннѣе слышатся неудовольствія на безцѣнокъ хлѣба; отсюда, наконецъ, убѣжденіе, что цѣны на хлѣбъ упадаютъ постоянно, и отчаяніе хозяевъ увидѣть когда-либо предѣлъ этому уменьшенію. Должно, однако, замѣтить, что всѣ эти жалобы основаны на частныхъ событіяхъ. Конечно, въ частяхъ отражается общее; однако тѣ, которые видятъ единственное зло въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не потрудились сличить всѣхъ частныхъ явленій; между-тѣмъ, только этимъ способомъ можно достигъ до результатовъ, на которыхъ уже можно было бы основать рѣшеніе вопроса общимъ образомъ.

Въ послѣднее время, статья г. Веселовскаго, помѣщенная въ 4 № «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» на 1845 годъ, подъ заглавіемъ: «О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи», пролила ясный свѣтъ по-крайней-мѣрѣ на одну сторону вопроса. Не знаемъ, многіе ли замѣтили эту прекрасную статью, исполненную фактовъ и выводовъ глубоко-поучительныхъ. Г. Веселовскій доказалъ ясно, что сложны среднія цѣны (въ десяти-лѣтніе періоды времени) не только не упали, напротивъ возвысились, и что возвышеніе особенно замѣтно съ 1824 года. Этотъ выводъ замѣчается въ губерніяхъ: Тамбовской, Воронежской, Курской, Саратовской, Орловской, т. е. въ центрѣ хлѣбородной полосы, и именно той, гдѣ наиболѣе жалуются на упадокъ цѣнъ; то же явленіе замѣчается и въ портовыхъ городахъ при отпускѣ хлѣба за границу. Не послѣ такого вывода, г. Веселовскій справедливо указываетъ на другой фактъ, именно, на чрезвычайную колеблемость цѣнъ и на несоразмѣрность продажныхъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія съ тою стоимостью, во что эти произведенія обошлись производителю.

На этомъ остановились изысканія г-на Веселовскаго; настоящій трудъ можетъ служить продолженіемъ ихъ.

Но мы рѣшаемся вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ рассмотреть со всѣхъ сторонъ, и потому должны будемъ обратиться не только къ настоящему, но и къ прошедшему, взойти къ началамъ народной

экономіи, въ общемъ ея составъ, и показать участіе ихъ въ явленіяхъ, которыя служатъ въ настоящее время причиною жалобъ сельскихъ хозяевъ.

I.

До-тѣхъ-поръ, пока человѣкъ удовлетворяетъ себя *добытыми* произведеніемъ и потребляетъ на мѣстѣ, въ собственныхъ вѣдрахъ, плоды своей работы, для него законодательствуетъ мѣстность; онъ ограничивается географическими простыми указаціями ея, соразмѣряетъ производительность съ потребностями, лѣнливо принимается за дѣло, — и то не прежде, какъ когда принудить ужь къ этому неотвратимая нужда, нерадиво выполняетъ это дѣло и кидается въ продолжительный сонный отдыхъ при первой представляющейся возможности. Въ такомъ положеніи находятся все рождающіеся общества; въ такомъ положеніи была Россія до Петра I-го.

Разъединенная отъ Европы географическимъ положеніемъ, отсутствіемъ морей, предрасудками, она жила жизнью изолированную. Потребности ея не были сложны, средства соответствовали имъ; обширныя земли, еще обширнѣйшію лѣса удовлетворяли вասушнымъ нуждамъ народонаселенія; рѣки лѣтомъ, зимою санной путь позволяли изрѣдка сообщаться неприхотливому народонаселенію.

«Вся Московія» говоритъ Олзарій (*) «естъ не что иное, какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ выжжены лѣса»... «Хотя Московія вся наполнена лѣсами и болотами, однако обрабатываемыя земли весьма-плодородны; онъ производятъ столько, что люди и скоть не потребляютъ всего въ-теченіе года»... «Такимъ-образомъ, въ Московіи не слышно дороговизны; въ провинціяхъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, жители обрабатываютъ столько земли, сколько нужно для годоваго пропитанія, нимало не заботясь о будущемъ; по этому-то вездѣ видны прекрасныя, но необработанныя земли; онъ производятъ только траву, и той жители не косятъ.»

Говоря о обиліи и дешевизнѣ земныхъ произведеній въ Москвѣ, путешественникъ замѣчаетъ: «Нельзя ничего вообразить бѣднѣе одежды московскихъ крестьянъ. Бѣлье изъ толстой грубой холстины, и лыковые лапти, которые они, впрочемъ, выдѣлываютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Почти нѣтъ ни одного Москвитянина, который не зналъ бы и не отправлялъ бы этого ремесла; можно сказать, что въ Московіи столько же сапожниковъ, сколько мужчинъ, или по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ семейства, въ которомъ не было бы своего сапожника» (стр. 202).

(*) См. французскій переводъ: Амстердамъ, 1727 г.

«Нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ пьянство было бы распространено до такой степени, какъ въ Московіи; люди всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ пьютъ водку; простой народъ никогда не откажется отъ чарки подносимаго ему вина, — пьеть до-тѣхъ-поръ, пока не упадетъ-замертво; онъ не выйдетъ изъ кабака до-тѣхъ-поръ, пока не пропьеть не только послѣдней копейки, но даже и платья» (стр. 215 и 216).

«Жизнища бѣднаго и богатаго мало чѣмъ отличаются: тѣ и другія деревянные, — только недавно нѣкоторые бояре и купцы начали строить дома каменные. Мебели нѣтъ, домашняя утварь состоитъ изъ трехъ или четырехъ горшковъ и столькихъ же глиняныхъ и деревянныхъ чашекъ.

«У нѣкоторыхъ есть оловянная посуда, но ея немного; за исключеніемъ нѣсколькихъ блюдовъ и кубковъ, серебра нѣтъ и у самыхъ богатыхъ. Москвитяне почти не знаютъ постелей, спятъ на соломѣ, или на своемъ платьѣ, которое лѣтомъ стелютъ на лавкахъ, а зимою на печи. Здѣсь спятъ вмѣстѣ хозяинъ и хозяйка, слуги и служанки; въ деревняхъ, я самъ видѣлъ, что домашняя птица и свиньи живутъ въ той же комнатѣ, гдѣ и самъ хозяинъ. Москвитяне не знаютъ нашихъ приправъ и не привыкли къ нашимъ нѣжнымъ мясамъ. Обыкновенную пищу ихъ составляютъ каша, рѣпа, капуста, огурцы свѣжіе и соленые. Главная роскошь въ столѣ — соленая рыба, которая, впрочемъ, столъ вонюча, что заражаетъ воздухъ. У нихъ не можетъ быть недостатка ни въ говядинѣ, ни въ баранинѣ, потому-что Московіи изобилуетъ хорошими пастбищами, а въ лѣсахъ кормится множество свиней: по этому мясо очень-дешево; но Русскіе боятся издерживать деньги, и притомъ, наблюдая посты, они весьма-мало употребляютъ говядины» (стр. 228).

«Вельможи обязаны показывать себя многочисленною свитою и издержками; по эти издержки не такъ огромны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо, хотя за вельможею часто слѣдуетъ 50 или 60 холопей, на лошадахъ изъ его конюшенъ, — хотя бояре даютъ большіе объѣды, но не издерживаютъ на это почти ничего, кромѣ того, что получаютъ изъ своихъ помѣстій» (стр. 230 и 231).

Этимъ немногими, по рѣзкими чертами объясняется вполнѣ экономическое положеніе Россіи въ XVII вѣкѣ.

Петръ-Великій произвелъ коренной, неотразимый переворотъ во всей государственной жизни, посредственно или непосредственно коснувшись и экономическаго организма. Въ-отношеніи къ земледѣлію важнѣе всего было уничтоженіе помѣстной системы и расширеніе такимъ-образомъ наследственнаго права въ поземельной собственности, которое, впрочемъ, не могло еще быть полнымъ для всѣхъ и во всемъ. Гоненіе старымъ предрассудкамъ, связи съ Европою, море — открыли путь новымъ понятіямъ, вмѣстѣ съ которыми пробудились новыя нужды, дотогъ неощущавшіяся наро-

домъ, обнаружилась и новыя средства, дотогѣ и нечаянныя. Уважая интересы частныя, Петръ-Первый не могъ, однако, не ставить выше всего интересы государственныя, — а они никогда не бываютъ настоятельнѣе, какъ въ то время, когда государство организуется. Это обстоятельство и меркантильныя идеи вѣка объясняютъ и извиняютъ духъ экономическихъ законовъ Петра. Но можно ли упрекать въ томъ Петра-Великаго, который не зналъ собственныхъ интересовъ, который себя, свое семейство подчинялъ будущему благу Россіи? Скорѣе упрекъ можетъ быть сдѣланъ послѣдующему времени, когда мѣры были уже менѣе нужны, а между-тѣмъ онѣ доведены были до крайней степени напряженности, когда нигдѣ не было снято преградъ свободному развитію труда, и все, что только могло давать доходы, дѣлалось принадлежностью монополіи.

Генію императрицы Екатерины II, ея гуманному чувству, которое столь доступно женскому сердцу, Провидѣніе предоставило славный удѣлъ произвести многія благотворныя измѣненія въ экономіи народной. Сколько глубокихъ истинъ объ экономіи народной высказано ею въ безсмертномъ ея «Наказѣ»! Вспомнимъ статьи 269, 270, 271, 274, 276, 277, 278, 294, 295, 296. Въ статьѣ 425-й, говоря о наследствѣ, императрица выражается такъ: «Я почитаю себя за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего земледѣліе такимъ образомъ можетъ прійти въ лучшее состояніе, и государство чрезъ то получить большую пользу, имѣя нѣсколько тысячъ подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей».

Не все, конечно, что было задумано, могло быть исполнено: мысль человѣка не имѣетъ предѣловъ; осуществленіе ея стѣсняется дѣйствительностью. При всемъ томъ, сдѣлано было много: утвержденіе права поземельной собственности дворянства, вѣнское огражденіе земельныхъ владѣній генеральнымъ межеваніемъ, облегченіе сбыта снятіемъ запрещенія съ отпуска за границу важнѣйшихъ произведеній земли, окончательное уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, заселеніе плодородныхъ, но дотогѣ пустынныхъ южныхъ и юговосточныхъ равнинъ, открытіе портовъ на Черномъ-Морѣ и наконецъ учрежденіе болѣе 200 городовъ.

Правда, въ числѣ новыхъ, созданныхъ императрицею городовъ, большая часть была такихъ, которые устроены въ видахъ административныхъ; но при всемъ томъ, дарованіе правъ горожскому сословію развернуло силы и предприимчивость если не всѣхъ горожанъ, то по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которые имѣли всѣ нужные къ тому элементы, коснѣвшіе въ прежнее время подъ бременемъ неопредѣленности правъ, всепожирающихъ монополій и тяжкаго произвола мѣстныхъ правителей. Важнымъ обстоятельствомъ было и то, что многія селенія, наименованныя городами, выкуплены бы-
 1 у частныхъ владѣльцевъ.

Все это не могло не придать новаго движенія производительнымъ силамъ, не могло не отразиться и на выгодахъ земледѣлія: съ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, уже стали замѣчать возвышеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

Изъ слѣдующей таблицы можно получить довольно-ясное понятіе о состояніи цѣнъ въ Россіи на хлѣбъ и нѣкоторые другіе предметы земледѣльческой промышленности въ началѣ послѣдней половины XVIII столѣтія:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Сѣно.	Лопаль.	Корова.	Овца.	Пенька.	Денг.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Въ Каширскомъ-Уѣздѣ (1766 года) (1).	1 50	80	50	50	4 5	3	50	30	1 20	
	1 60	90	60	60	5 7	4	60	50	1 50	
— Москвѣ (1766 г.) (2).	1 80	1		80						
— Казани (1765 г.) (3).		1								
— Ингерманландіи (1765 г. (4).	3	2		1 80						1 80
На островѣ Эзелѣ (1769 г.) (5).										2 40
Въ Вологдѣ (1773 г.) (6).	1 50	1	50	90						
				1 10						
— Каширскомъ-Уѣздѣ (1774 г.) (7).	2 40	1 60	60	1 10	5	3	40			
			70		15	5	80			
— Рыбинскѣ (1780 г.).	3 80	1	80							
	4	2 30	1 10							
— Владимирской-Губерніи (1769 г.) (8).	1 80	90	50	70						

Академикъ Шторхъ приводитъ слѣдующія данныя о цѣнахъ на санктпетербургской биржѣ:

	Пеньки.		Льна.		Сала.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ 1767 г. стоилъ берков.	15	»	21	»	15	»
— 1783. — — —	15	»	25	»	20	»
— 1803 — — —	34	»	50	»	40	»

(1) См. Труды Имп. Воин. Экон. Общ. Т. II (1766 г.).

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же. Т. VI. Стр. 62. Въ это время въ Казани былъ неурожай, и потому хлѣбъ былъ дорогъ; дѣтъ пать прежде, четверть ржи продавалась 25 и 30 к.

(4) Тамъ же. Т. I. Стр. 103.

(5) Тамъ же. Т. XIII. Стр. 67.

(6) Тамъ же. Т. XXIII. Стр. 229.

(7) Тамъ же. Т. XXVI.

(8) Тамъ же. Т. XII. Стр. 98.

Возвышеніе цѣнъ продолжалось до конца XVIII столѣтія и въ первые годы настоящаго было до того ощутительно, что сдѣлалось предметомъ жалобъ, подобно какъ въ нынѣшнее время удокъ цѣнъ. Императорское Вольное Экономическое Общество въ 1803 году обнародовало для публичнаго конкурса слѣдующую за дачу:

«Открыть и ясными примѣрами утвердить причину возрастаюшей въ это время отъ времени въ городахъ и селеніяхъ дороговизны и «сѣдѣтные припасы, исключая чужестранныя произведенія, и искъ «искать ближайшее средство, отъ чего могутъ цѣны на тѣ же при «пасы постепенно уменьшаться».

Изъ полученныхъ отвѣтовъ, удостоено награды сочиненіе коллежскаго секретаря Михаила Швиткова (*).

Разбирая вопросъ и указывая на манифестъ 1775 года, мартъ 17-го и указъ 1783 года, января 2-го, о свободѣ промышленности и наконецъ, на Городовое Положеніе 1785 года, авторъ приходитъ къ такому заключенію:

«Причины тому никакой не можно съискать, кромѣ самой естественной, что торговыхъ и промышленныхъ людей умножилось «столько, сколько не вмѣстимо нуждамъ всего общества, и что «многіе оставили для того свойственный имъ родъ жизни, въ ко «торомъ они обществу: вѣрно бѣ были полезны, а можетъ-быть «и самимъ-себѣ. Крестьянинъ, уволенный отъ сохи и по паспор «ту на сторонѣ промышленяющей себя содержаніе и помѣщичку см «ему или въ казну подать, дѣлаетъ сугубою обществу тягость: 1) «тѣмъ, что не дѣлаетъ самой природной своей повинности хлѣб «пашествомъ; 2) тѣмъ, что на сторонѣ есть хлѣбъ, въ которе «нужда не хлѣбопашцу. А таковыхъ промысловъ, несомн «ственныхъ природному состоянію промышленника, есть и много.

«При семъ случаѣ казна, по причинѣ чувствуемой ею само «дороговизны на все, дѣлала налоги на народъ, а народъ, под «предлогомъ замѣны оныхъ, дорожа своею собственностью, об «равно подали причину возвышенію цѣны на всѣ покупаемыя ве «щи не менѣе, какъ и чрезмѣрное уменьшеніе людей торговыхъ «и промышленныхъ; хотя напередъ не только сего не можно бы «считать, но надѣялись совсѣмъ тому противнаго (**).

«Обращаясь къ средствамъ прекращенія дороговизны на сѣдѣ «тые припасы, авторъ полагаетъ необходимою торговыхъ лю «дей въ городахъ убавить» (***).

Разсужденіе это ниже всякой критики, и заслуживаетъ вниманія какъ историческій документъ, объясняющій состояніе у насъ экономическихъ понятій въ началѣ XIX вѣка.

(*) См. Труды Имп. Вольн. Экон. Общества. Часть XVII. Стр. 112.

(**) См. тамъ же, стр. 120—121.

(***) См. тамъ же, стр. 131.

Нынѣ всѣ убѣждены, что свобода промысла есть основной источникъ всякаго преуспѣванія, и потому не съ упрекомъ, а съ благодарностью къ мудрости монархини, мы вспоминаемъ и о манифестѣ 1775 года, и о указѣ 1783 года, и о Городовомъ Положеніи 1785 года. Эти постановленія, какъ замѣчено нами выше, придали новое движеніе промышленной дѣятельности, и, конечно, служили причиною къ похитію цѣнъ на земледѣльческія произведенія, но не во вредъ, а въ пользу народа. Но, кромѣ внутреннихъ причинъ, возвышеніе цѣнъ на наши земледѣльческіе продукты зависѣло и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

II.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія совершился переворотъ въ Западной-Европѣ, потрясшій ея древнія экономическія формы. Переворотъ этотъ, начавшійся борьбою за независимость Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ и кончившійся низверженіемъ Наполеона, сопровождался войною, въ которой принимали участіе всѣ европейскія государства: отсюда требованіе, постоянно возрастающее на произведенія земледѣлія.

Во Франціи, въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1791 до 1801 года, безпрестанно требовали хлѣба; въ началѣ революціи нѣсколько разъ былъ неурожай. Французскіе агенты въ Европѣ и Америкѣ скупали хлѣбъ и нанимали корабли для отправленія его во Францію, мало заботясь о цѣнѣ и о провозѣ. Голландія, въ которой производится хлѣба едва-достаточное количество для продовольствія, терпѣла въ немъ большой недостатокъ; въ Швеціи отъ неурожаевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, недостатокъ хлѣба былъ столь великъ, что многіе изъ жителей принуждены были питаться древесною корою: королевство это дѣлалось такимъ рынкомъ, куда можно было привозить столько хлѣба, на сколько у жителей доставало денегъ. Наконецъ, порты Англіи съ 1791 года, въ продолженіе десяти лѣтъ, непрерывно открыты были для ввоза иностранной пшеницы; пошлины взымалось только по шести пенсовъ съ квартера (*), и при всемъ томъ, пшеница продавалась дороже восьмидесяти шиллинговъ, а въ 1801 году, возвысилась даже до 127 шиллинговъ.

Въ Англію ввозилось хлѣба ежегодно среднимъ числомъ:

1761—1770 . . .	272,858	квартер.
1771—1780 . . .	322,978	—
1781—1790 . . .	415,546	—
1791—1800 . . .	1,363,991	—
1801—1810 . . .	1,612,281	—

(*) Квартеръ=13,856 четвериковъ.

О влияніи, какое эти обстоятельства должны были имѣть на земледѣліе Восточной-Европы, можно судить потому, что изъ Данцига и Эльбинга вывозилось ржи и пшеницы среднимъ числомъ ежегодно (*):

Съ 1791 по 1795 годъ	422,841	квартеръ.
— 1796 — 1800 —	510,748	—
— 1801 — 1805 —	765,477	—

Изъ Россіи вывозилось среднимъ числомъ ежегодно:

	Пшеницы.	Ржи и другаго хлѣба.	Всего.
Въ 1800 году	345,270 чет.	54,842 чет.	400,212 чет.
Съ 1801 по 1805 г.	1,064,984	— 1,153,323	— 2,218,307 —

При огромномъ требованіи хлѣба въ Западную-Европу, естественно, цѣны должны были подниматься; но эти требованія не могли быть постоянны; завися отъ урожая, политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, они должны были измѣняться. Дѣйствительно, ежегодный вывозъ хлѣба изъ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Пшеницы.	Ржи и дру- гаго хлѣба.	Всего.
	Ч е т в е р т о в ѣ:		
Съ 1806 по 1810 г.	176,819	.. 419,134	.. 595,953.
— 1811 — 1815 —	487,515	.. 462,105	.. 549,620.
— 1816 — 1820 —	1,746,240	.. 1,450,709	.. 3,197,949.
— 1824 — 1828 —	.	.	.. 1,605,410.
— 1829 — 1833 —	.	.	.. 3,001,513.
— 1834 — 1838 —	.	.	.. 1,542,599.
— 1839 — 1843 —	.	.	.. 2,784,983.

Изъ политическихъ событій, самое большое влияніе, въ этомъ отношеніи, имѣлъ всеобщій миръ въ Европѣ съ 1815 года, когда съ уменьшеніемъ внешнихъ требованій усилилась внутренняя производительность въ Западной-Европѣ, и, слѣдовательно, уменьшилась потребность въ хлѣбѣ Восточной. Возвышеніе цѣнъ должно было остановиться, и дѣйствительно, Данцигъ и Эльбингъ, отсутствовавшіе въ 1802 году 1,009,042 квартера пшеницы и ржи, въ 1822 году отпустили только 44,463 квартера и въ пятилѣтіе съ 1821 по 1825 годъ, среднимъ числомъ, отпускали ежегодно только 101,916 кварталеръ.

Цѣны въ Данцигѣ на пшеницу были:

Въ 1796 по 1799	41 ш.	9 п.	за кварталеръ.
— 1803 — 1806	57 —	3 —	— —
— 1815 — 1818	60 —	3 —	— —
— 1821 — 1824	26 —	10 —	— —

(*) См. Донесеніе Вильяма Якоба англійскому парламенту о земледѣліи и торговлѣ хлѣбомъ въ Восточной Европѣ, напечатанное, въ переводѣ, въ Журналѣ Ман. и Ви. Торговли. 1826.

Вообще же, въ Пруссіи среднія цѣны на пшеницу отъ 58 грот. пфен. за шефель (*) (съ 1816—1829) понизились до 51 гр. 7 пф. (1822—1835); на рожь отъ 51 гр. 3 пф. до 37 гр. 4 пф. (**).

У насъ въ Россіи замѣчено то же явленіе. Г. Веселовскій, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ г. Бунынымъ—для Тамбовской и Мальцовымъ—для Орловской-Губерніи, вывелъ, что среднія цѣны а рожь были:

Въ Тамбовской-Губерніи.			
Съ 1812 по 1824	5 р.	33 к.	асс.
— 1822 — 1831	4 —	45 —	—

Въ Орловской-Губерніи.			
Съ 1812 по 1821	11 р.	25 к.	асс.
— 1822 — 1831	6 —	87 —	—

Но и это пониженіе цѣнъ имѣло свой періодъ; съ 1824 года, считая по десятилѣтнимъ періодамъ, мы опять замѣчаемъ по-тоянное возвышеніе на цѣны, такъ-что по Тамбовской-Губерніи среднія цѣны въ періодъ 1828—1837 достигли 7 р. 30 к. асс. за четверть, а по Орловской-Губерніи, въ то же время, 9 р. 92 к. сс. а съ 1832 — 1841 — 12 р. 87 к. асс.

Во внешней торговлѣ цѣна нашего хлѣба, въ послѣднее двадцатилѣтіе, постоянно возвышалась :

съ 1824 по 1828	она была	3 р.	27 к.	сер.
— 1829 — 1833	— —	4 —	40 —	—
— 1834 — 1838	— —	4 —	80 —	—
— 1839 — 1843	— —	5 —	5 —	—

III.

Колебанія цѣнъ на хлѣбъ вездѣ неизбѣжны.

Во Франціи средняя самая высокая цѣна была съ 1809 по 1836 годъ, за гектолитръ пшеницы 36 фр. (1817 г.), низшая — 14 фр. 3 сент. (1809 г.). Впрочемъ, въ 1836 году въ Сѣверномъ-Департаментѣ гектолитръ упалъ до 10 франковъ.

Въ февралѣ 1838 года средняя цѣна пшеницы для цѣлой Франціи была 17 фр. 75 сент., низшая цѣна 14 фр. 50 сент., высшая 5 фр. 89 сент.; разность 11 фр. 39 сент.

Это почиталось чрезвычайною разностию — заставившею кричать несовершенство путей сообщенія.

Въ Пруссіи, среднія цѣны были съ 1822 по 1835 годъ:

	Пшеницы.	Ржи.
Въ Прусской Провинціи	47,10.	30,5.
— Познани	48,9.	33,

(*) См. статью г. Гофмана, переведенную въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1836. Ч. XXII, стр. 560.

(**) Шефель = 2,0948 четверика.

— Бранденбургъ и Помераніи	50,9.	35,
— Силезіи	49,11.	37,
— Саксоніи	48,2.	37,1.
— Вестфалии	55,8.	42,9.
— Рейнской-Провинціи	59,9.	45,2.
Для всей монархіи	51,7.	37,4.

IV.

По эти колебанія ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя замѣчаются у насъ. По отчету Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1804 годъ, нисшая цѣна на рожь была 1 р. 95 к., высшая 12 р. 50 к. асс.; слѣдовательно, въ $6\frac{1}{2}$ разъ болѣе.

Возьмемъ ближайшее время—1843-годъ, непредставлявшій особыхъ крайностей въ-отношеніи къ урожаю. Средняя цѣна, вышедшая въ-теченіе года, была въ Санктпетербургской-Губерніи 6 руб. коп. сер., средняя нисшая въ Курской-Губерніи 1 руб. $34\frac{3}{4}$ коп. т. е., въ первой губерніи хлѣбъ цѣнился въ-пятеро дороже, нежели въ послѣдней. Можно было бы приписывать такую неравнѣрность цѣнъ географическому положенію; но, сличая подробности, находимъ, что эта мысль не оправдывается. На сѣверѣ Архангельской-Губерніи, самой полуночной, хлѣбъ былъ дешевле (4 р. 70 к.), чѣмъ въ губерніяхъ: Псковской (5 р. 77 к.) и Новгородской (4 р. 91 к.), дешевле даже, чѣмъ въ Лифляндской (р. 54 к.). На югѣ губерніи новороссійскія, самыя полуденныя представляютъ цифры выше, чѣмъ губерніи менѣе южныя, да и вовсе сѣверныя: на-примѣръ, Таврическая (2 р. 71 к.), выше, чѣмъ Калужская (2 р. 61 к.). Еще разительнѣе эти несходства, если взять въ соображеніе губерніи сосѣднія. Такъ, на-примѣръ, въ Черниговской-Губерніи хлѣбъ стоилъ 1 р. $42\frac{1}{2}$ к., въ Кіевской 1 р. 90 к., въ Минской 2 р. 46 к., въ Могилевской 2 р. 98 к., Смоленской 3 р. $4\frac{1}{4}$ к., а въ Витебской 4 р. 34 коп.

Измѣненіе цѣнъ помѣсячно еще своеобразнѣе. Такъ, въ Кіевской-Губерніи въ августѣ мѣсяцъ цѣна упала до 80 к. сер., а въ-январѣ, какъ въ Минской въ то же время цѣна была 1 р. 9 к. Въ Смоленской-Губерніи высшая цѣна въ мѣзъ 3 р. $24\frac{1}{4}$ к. въ то же время въ Черниговской-Губерніи 1 р. $38\frac{3}{4}$ к.

Такихъ аномалій мы откроемъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ подробности:

Въ первой половинѣ января 1845 года, цѣна на куль ржаной муки (9 пуд.) была въ Псковѣ 7 р. 50 к. сер., въ Витебскѣ 7 р. 40 к., въ Петрозаводскѣ 5 р., въ Ковно 4 р. 90 к., и въ то самое время въ Симбирскѣ она была не выше 1 р. 35 к., въ Ронежѣ 1 р. 20 к., въ Пензѣ и Саратовѣ 1 р. 10 к., въ Курскѣ 1 р. 3 к., въ Тамбовѣ и Харьковѣ 1 рубля. Не менѣе разительны примѣры измѣняемости цѣнъ по времени. Въ Тамбовской-Губерніи въ-теченіе 1834 и 1835 годовъ, цѣны на ржаную муку пере-

отъ 2 р. до 24 р. асс., въ Кавказской же Области въ-теченіе 1833, 1834 и 1835 годовъ отъ 61 р. до 5 р. асс. Въ Москвѣ обыкновенною цѣною за пудъ ржаной муки считается 1 р. 10 к., а иногда платять и по 80 коп., но въ 1840 году платили въ январь 2 р. 50 к., въ мартъ 3 р., въ апрѣль 2 р. 10 к., въ маѣ и послѣдующихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 3 р. 88 к. Въ Туль куль ржаной муки продается иногда по 4 р. 50 к., а въ 1840 году продавался зимою по 23 р. 90 к. и по 24 р. 30 коп., въ апрѣль сперва по 19 р. 90 к., а потомъ по 31 р. 50 к., съ 8 по 15 мая по 42 р. 30 к., а съ 25 числа того же мѣсяца по 55 р. (*).

Въ Усманскомъ-Уѣздѣ Тамбовской-Губерніи, по показанію г. Бушпа, четверть ржи продавалась въ 1827, 1828 и 1829 годахъ по 3 р. асс., а въ 1831 г. по 10 р., въ 1833 г. по 20 р., въ 1834 г. по 11 р.

Въ Бѣлгородскомъ-Уѣздѣ Курской-Губерніи, рожь была въ 1829 году по 3 р., въ 1830 г. по 6 р., въ 1833 г. въ апрѣль по 12 р., въ октябрь по 23 р., и вдругъ въ 1836 и 1837 годахъ она упала до 4 р. асс. Такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма-много; но кажется, что въ нихъ нѣтъ и надобности, потому-что этотъ фактъ слишкомъ всемъ извѣстенъ.

Чрезмѣрная колеблемость цѣнъ на хлѣбъ неизбежно имѣетъ вѣличайшее вліяніе на ходъ хлѣбной торговли, на положеніе земледѣльцевъ и на успѣхи земледѣлія. Если мы не скажемъ, что «непостоянство въ цѣнахъ на хлѣбъ есть одна изъ главныхъ причинъ упадка земледѣлія, частныхъ мѣстныхъ недостатковъ въ хлѣбъ и «естественнаго состоянія внутренней торговли въ Россіи», потому-что еще можно спросить: «что чему служитъ причиною», то признаемъ, по-крайней-мѣрѣ, что эти чрезмѣрные колебанія, обнаруживающія неправильность въ ходѣ хлѣбной производительности, оказываютъ бѣдственное вліяніе на народное благосостояніе. Настаетъ дорогой годъ, хлѣбъ подымается въ цѣнѣ вчетверо и впятеро дороже того, по чемъ земледѣлецъ сбылъ свои излишки въ прошломъ году; не имѣя запасовъ, крестьянинъ не имѣетъ и средства купить себѣ хлѣба; бѣдствіе голода поражаетъ селенія и заставляетъ земледѣльца смотреть съ отчаяніемъ на свой промыселъ, который не доставляетъ ему насущнаго хлѣба. Онъ получаетъ пособіе хлѣбомъ на продовольствіе; но какъ уплатить онъ государственныя и другія повинности, откуда добудетъ денегъ на соль и на другія домашнія надобности? Непосредственно за такимъ годомъ наступаетъ годъ урожая, годъ дешеваго хлѣба. Хлѣба много, но онъ ни-по-чемъ, и часто продажа всего урожая недостаточна крестьянину для уплаты однихъ повинностей, тогда-какъ онъ обремененъ еще долгами и недонками, накопившимися отъ неурожайныхъ годовъ. Такое положеніе дѣлъ заставляетъ да-

же некоторых считать урожайные годы таким же бѣдствиемъ какъ годы неурожая и голода. Не вдаваясь въ опроверженіе этого мнѣнія, неосновательность котораго была такъ-хорошо доказана Протопоповымъ (*), скажемъ однако, что хотя годы урожая и дешевизны далеко не такое бѣдствіе, какъ годы голода и отчаяннѣйшій тѣмъ не менѣе чрезмѣрная дешевизна хлѣба въ некоторые годы дѣйствуетъ весьма-невыгодно на земледѣліе и земледѣльца.

V.

Изъ хозяевъ пишущихъ, первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ покойный г. Книжнѣ, въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» 1831 г., № 3-й, въ статьѣ: «Взглядъ на настоящее положеніе дворянскихъ достояній», онъ старался обратить вниманіе на бѣдичность владѣльцевъ; доказать имъ необходимость расчетливости въ обширномъ смыслѣ (**). Въ отвѣтъ на его статью нѣкто, подписавшійся *Коннозаводчикъ Расчетливый*, соглашаясь о необходимости расчета, спрашиваетъ: «что опредѣляетъ цѣну произведеній сельскаго хозяйства? Точный ли расчетъ производителя: во что обошлись ему оныя? Нѣтъ, число требователей и количество произведеній, привезенныхъ на рынокъ, мѣняютъ цѣну безъ всякаго основанія» (см. «Земледѣльческій Журналъ» 1831 г., № 4-й, стр. 613). Замѣтка столь же вѣрная, сколь невѣрно обвиненіе купцовъ въ дешевизнѣ хлѣба.

Вслѣдъ за тѣмъ явилась статья тамбовскаго помѣщика, г. Буна на (въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» 1832 г., № № 3-й и 7-й) «Мысли о русскомъ хозяйствѣ и нѣкоторыхъ причинахъ дешевизны сельскихъ произведеній, бѣднаго состоянія хлѣбопашества и медленнаго усовершенствованія нашего земледѣлія». Онъ говоритъ слѣдующее (стр. 363 и 365): «У насъ нѣтъ постоянной средней цѣны на хлѣбъ: онъ или чрезвычайно дешевъ, или непомерно дорогъ (***). Не много шество хлѣба, но простота и нерасчетливость нашихъ производителей сельской промышленности, причиною дешевизны хлѣба затруднительнаго бѣднаго положенія крестьянъ. Хлѣбные торговцы, сіи немногія лица, обогащаются на счетъ земледѣльцевъ, сихъ орудій государственнаго благосостоянія».

Первая мысль въ нѣкоторомъ отношеніи справедлива; но авторъ не пояснилъ, какими средствами можно доставить крестьянѣ

(*) См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1844 г., XI, отд. II, стр. 189—196.

(**) Въ статьѣ г. Книжнѣ есть много поверхностнаго, но много глубокихъ мнѣній.

(***) Редакторъ Земледѣльческаго Журнала сдѣлалъ справедливое и очень замѣчаніе, что общей средней цѣны на хлѣбъ не можетъ быть; она должна мѣняться сообразно съ мѣстными условіями, къ которымъ, при вышестоящемъ разсмотрѣніи, присоединяется весьма много другихъ обстоятельствъ.

состояніе рассчитывать, во что ему обходится хлѣбъ. А въ этомъ вся задача. Онъ предложилъ нѣкоторыя средства къ устраненію злоупотребленій въ торговлѣ,—средства весьма-частныя, и потому о нихъ мы не будемъ распространяться. Нападенія на хлѣбныхъ торговцовъ не имѣютъ основаній, что мы постараемся доказать ниже.

Въ 1834 году (см. «Земледѣльческій Журналъ» 1834 г., № 1-й) г. Бунинъ повторилъ тѣ же мысли и ничего новаго не прибавилъ.

Въ 1836 году, по случаю ввоза хлѣба въ балтійскіе порты, г. Бунинъ изъявилъ желаніе, чтобъ осуществилась мысль г. Попова: устроить въ Санктпетербургѣ складочныя магазины для закупки хлѣба въ дешевыя годы, чѣмъ отвратился бы необходимый ввозъ заграничнаго хлѣба въ балтійскіе порты, подрывающій наше земледѣліе. Съ-тѣхъ-поръ, онъ повторялъ неоднократно тѣ же самыя мысли.

На эти мысли г. Бунина сдѣлалъ замѣчаніе г. Норовъ («Земледѣльческій Журналъ» 1837 г., № 4-й, ст. 170); изъ нихъ приведемъ слѣдующія мысли: «Средство, предлагаемое г. Бунинымъ, для учрежденія постоянныхъ цѣнъ на хлѣбъ, чрезъ устроеніе казенныхъ магазиновъ, куда бы ссыпался хлѣбъ по определенной цѣнѣ, вмѣсто того, чтобъ оживить хлѣбную торговлю, должно имѣть самое вредное на нее вліяніе: еслибъ для ссыпки хлѣба въ магазины цѣна была назначена выше той, по которой покупаютъ торговцы, то всѣ магазины съ перваго года наполнились бы хлѣбомъ, а хлѣбные торговцы должны были бы обратить капиталы свои на промыслы другаго рода; потомъ, если предположить три года сряду хорошихъ урожаевъ, то какова должна быть огромность магазиновъ и денежныхъ суммъ, которыя бы казна должна была изстратить для своего предпріятія! Притомъ, надобно принять въ соображеніе, что хлѣбъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ магазинахъ сохраняемый, можетъ сдѣлаться негоднымъ къ употребленію; если же бы цѣна для ссыпки хлѣба назначена была ниже той, по которой покупали торговцы, то магазины остались бы пустыми, и деньги на постройку магазиновъ, на содержаніе чиновниковъ и на всѣ необходимыя для такого предпріятія расходы, были бы истратены напрасно.»

«Постоянныхъ цѣнъ», заключаетъ г. Норовъ: «быть не можетъ, и потому не будемъ желать невозможнаго; а постараемся съ основательнымъ расчетомъ и постояннымъ трудомъ пользоваться тѣми средствами, которыя правительство открываетъ для нашей дѣятельности; такихъ средствъ много.»

Въ томъ же году г. Титовъ (см. З. Ж. 1837 г., № 4), по поводу рязанской выставки, сказалъ, между-прочимъ, слѣдующее:

«Въ настоящее время, мы, земледѣльцы, жалуемся на низкія цѣны всѣхъ естественныхъ произведеній сельскаго хозяйства. Я самъ предлагалъ свои мысли объ этомъ; но, признаюсь: тѣмъ болѣе думаю о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, тѣмъ менѣе вижу на это воз-

«возможности; такъ много обстоятельствъ, и обстоятельствъ сильныхъ, «противныхъ этому. А между-тѣмъ, наше земледѣліе въ угнетеніи, «доходы владѣльцевъ средняго состоянія не покрываютъ ихъ бли- «жайшихъ нуждъ! Я думаю, что причина этого стѣснительнаго для «насъ положенія вещей заключается собственно не въ дешевизнѣ «хлѣба, а въ несоразмѣрности цѣнъ земледѣльческихъ произведеній «съ необходимѣйшими произведеніями мануфактурными, и слѣдо- «вательно въ несоразмѣрности процентовъ съ капиталовъ, употреб- «ляемыхъ на ту и другую промышленность. Я думаю, было бы «дѣломъ великой пользы и важности устройство особаго кредитнаго «заведенія для вспомошествованія улучшеніямъ въ сельскомъ хозяй- «ствѣ, улучшеніямъ, въ тѣсномъ смыслѣ относящимся къ земле- «дѣлію.»

Наконецъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ», особенно въ послѣдніе годы, вопросъ о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, былъ предметомъ размышленій многихъ хозяевъ. Такъ г. Нероновъ предлагалъ самому дворянству составить *хлѣбо-сплавное общество*. Г. Лупанданъ, говоря, что «причина дороговизны и средства къ предупрежденію «и помощи ея зависятъ отъ насъ, полагалъ, что единственное сред- «ство въ сильномъ урожаѣ и сильномъ неурожаѣ есть заведеніе «частныхъ запасныхъ магазиновъ, складочныхъ мѣстъ для хлѣба, «и составленіе хлѣбныхъ компаній, преимущественно изъ помѣщи- «ковъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній.»

Въ томъ же году, г. Тимашевъ, въ журналѣ «Библиотека для Чтенія»; напечаталъ статью «объ учрежденіи большой земледѣльческой компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ».

На это справедливо возражалъ ему г. Козловъ (Зем. Газ. 1845 г., № 52) и самъ предложилъ основать отдѣльные по областямъ земледѣльческіе банки съ ссудною казною для хлѣбопашцевъ-помѣщиковъ.

Наконецъ, въ началѣ 1845 года, явился «проектъ г. Мальцова о способъ удержанія среднихъ цѣнъ на хлѣбъ».

Вотъ основанія этого проекта:

1) Измѣчивость цѣнъ на хлѣбъ составляетъ главную причину стѣсненнаго состоянія всѣхъ сословій государства.

2) Хлѣбныя цѣны потому понижаются въ Россіи, что цѣлыя области могутъ добывать себѣ деньги продажей только хлѣба.

3) Цѣны, упавая, влекутъ за собою распродажу изъ селеній всего хлѣба, и отъ того при первомъ неурожаѣ является недоступное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и самый голодъ.

4) Чтобы удержать умѣренныя на хлѣбъ цѣны, надобно дать возможность хлѣбопашцу, при общемъ изобиліи, получить деньги, необходимые для уплаты податей, оставляя часть хлѣба въ селеніи до того времени, когда онъ потребуетъ въ другія мѣста и когда отдаленнымъ извозамъ будутъ благопріятствовать дороги и цѣнность хлѣба. Средство къ достиженію этого заключается въ слѣдующемъ:

а) Помѣщикамъ выдавать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, подѣ обмолоченую и высушенную рожь, ссыпаемую въ магазины, устроенные при селеніяхъ, по установленной для каждой мѣстности цѣнѣ, суммы, непревыщающія 8 р. с. на ревизскую душу, принимая въ расчетъ число душъ тѣхъ селеній, при которыхъ будутъ составляться запасы.

б) Выданныя ссуды обезпечивать всѣмъ имѣніемъ помѣщика, при которомъ составляется запасъ.

в) За выданныя ссуды въ пользу казны взимать 4⁰/₀.

VI.

Вотъ сводъ всего, что было у насъ писано въ послѣдніе 15 лѣтъ о чрезмѣрномъ колебаніи цѣнъ на хлѣбъ. Одно въ нихъ общее: всѣ признали невыгодное дѣйствіе такого положенія на состояніе хозяйства, и почти всѣ предлагаютъ: или учрежденіе компаній для торговли и складки хлѣба, или ссуды денегъ подѣ задогъ хлѣба.

Г. Мальцевъ, котораго проектъ надѣлалъ болѣе всѣхъ шума, говоритъ, что надобно поставить земледѣльца въ возможность, при общемъ изобиліи, получать деньги, необходимыя для уплаты податей. Цѣль слишкомъ-ограниченная, а средства къ достиженію ея, выдача помѣщику ссуды по 8 р. с. на ревизскую душу, еще мельче. Дѣло въ томъ, что всѣ предлагали средства, и никто не вникъ въ причины бѣдствія.

Въ проектѣ г. Мальцева есть рубрика: «причина бѣдственнаго упадка цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи» и противъ нея слѣдующее: «хлѣбныя цѣны потому понижаются въ Россіи, что цѣлыя области могутъ добывать себѣ деньги продажею только хлѣба». Фраза эта, въ которой заключается все объясненіе важнѣйшаго экономическаго вопроса, ровно ничего не объясняетъ.

Всѣ толки и проекты, доселѣ предложенные, служатъ только поясненіемъ тому, на какой степени развитія у насъ находятся экономическія знанія.

Мы подобны тѣмъ больнымъ, которые ищутъ средствъ къ исцѣленію, не сознавая, что средствамъ должно предшествовать изслѣдованіе причины болѣзни.

VII.

Да позволено намъ будетъ обратиться прежде всего къ причинамъ болѣзни; если намъ удастся объяснить ихъ, или по крайней мѣрѣ проложить путь къ объясненію, тогда откроются и средства врачеванія.

Во всякой куплѣ и продажѣ, предметы обмѣненные выражаютъ цѣну одинъ другому; обмѣняющіяся стороны, или проше, продающій и покупающій, соглашаются на мѣну только при условіи, что каждая сторона считаетъ свое произведеніе равносѣющимъ произведенію другой стороны. Въ этомъ заключается сущность мѣны, или купли и продажи.

Но есть внѣшнія условія, независимыя отъ воли лицъ, производящихъ мѣну, которыя заставляютъ уступать часть предполагаемыхъ въ произведеніи выгодъ, и опредѣляютъ такимъ-образомъ цѣну. Условія эти суть:

- 1) Цѣнность мѣняемыхъ произведеній.
- 2) Издержки производства.
- 3) Совмѣстничество предложенія и спроса.

Цѣнность предмета опредѣляется ощущаемою въ немъ потребностію. Потребность прежде всего опредѣляетъ высоту цѣны; чѣмъ сильнѣе потребность, тѣмъ сильнѣе расположеніе къ разнѣну жертвъ. Это есть оживляющее начало мѣны; но оно бываетъ слабѣе или сильнѣе, и не заключаетъ въ себѣ ничего общаго и постояннаго. Тамъ, гдѣ это начало (т. е. потребность въ вещахъ извѣстнаго рода) дѣйствуетъ *исключительно*, цѣны колеблются чрезвычайно. Вдали отъ общаго движенія, вещи продаются безъ всякаго отношенія съ прошедшимъ и будущимъ; тамъ скорѣе, нежели гдѣ-нибудь, въ продающемъ рождается желаніе продать дороже или, на-оборотъ, не ставить почти ни во что своемъ произведеніи такъ цѣны жизненныхъ потребностей, и преимущественно хлѣба возвышаются неизмеримо во время неурожая, или въ осажденномъ городѣ, и напротивъ — упадаютъ въ годы обильныя, въ странахъ гдѣ каждый удовлетворяетъ свои нужды самъ. Цѣна предметовъ способныхъ къ разнымъ употребленіямъ и которыхъ увеличеніе или уменьшеніе не зависитъ отъ воли человѣка, есть всегда почти выраженіе ихъ цѣнности; таковы, на-прим., земли, цѣны которыхъ не подвержены внезапнымъ измѣненіямъ.

Гдѣ мѣна, торговые обороты повторяются непрестанно, тамъ правильнѣе повышаются и понижаются цѣны; гдѣ живость промысла происходитъ изъ постоянно-дѣйствующихъ причинъ, тамъ цѣны дѣлаются почти математическою величиною, ибо потребности предупреждаются наличностію вещей (*). Слѣдовательно, второе условіе высоты цѣны заключается въ количествѣ наличныхъ произведеній, которое въ свою очередь зависитъ отъ величины издержекъ на производство.

(*). Примеромъ этому могутъ служить и цѣны на хлѣбъ. Франція, въ нѣкоторые годы, при маломъ урожаѣ, должна заимствовать хлѣбъ извнѣ; но смотря на то, цѣны не подвергаются значительнымъ измѣненіямъ. Вотъ тому доказательство:

	Ежегодный ввозъ пшеницы въ гектолитрахъ.	Средняя цѣна.
Съ 1815 по 1819 г.	1,096,000.	22 фр. 90 сент.
— 1820 — 1824 —	277,000.	18 — 30 —
— 1825 — 1829 —	560,000.	22 — 90 —
— 1830 — 1834 —	1,440,000.	21 — 90 —
— 1835 — 1839 —	391,000.	21 — 25 —
Среднее число въ двадцать-пять лѣтъ	733,000.	22 фр. 60 сент.
Съ 1840 по 1841 г.	1,133,000.	22 — 00 —

Если издержки или расходы вознаграждаются при продажѣ, то цѣна достаточна для того, чтобъ количество произведеній не оскудѣло въ оборотъ, ибо въ такомъ только случаѣ доходъ можетъ быть снова употребленъ на произведеніе новыхъ цѣнностей.

Издержки на производство составляютъ то, что экономисты называютъ *первоначальною*, или *естественною цѣною*. Это есть центръ тяжести, къ которому тяготеютъ всѣ цѣны, предѣлъ, за который онѣ не могутъ перешагнуть, по-крайней-мѣрѣ навсегда. Это условіе весьма-важно, и потому мы остановимся на немъ.

Чтобъ получить ясное понятіе о томъ, какъ должно опредѣлять издержки на производство, необходимо обратиться къ нормальному союзу производительныхъ въ земледѣліи услугъ.

Для земледѣлія необходимы: *земля, капиталъ, работа*. Всѣ эти средства могутъ принадлежать разнымъ лицамъ, но одно только совокупное ихъ дѣйствіе ведетъ къ настоящей цѣли производства. Отъ-того и въ земледѣліи, какъ и во всякой другой промышленности, необходимо соединеніе средствъ въ одной мысли, въ одномъ центрѣ; этотъ центръ будетъ лицо, которое имѣетъ охоту, возможность и способность заняться хозяйствомъ. Лицо это есть хозяинъ промысла, предприниматель (помѣщикъ или управляющій, фермеръ или откупщикъ, или, наконецъ, крестьянинъ, обрабатывающій землю для себя и на собственный счетъ), лицо, которое соединяетъ въ себѣ всѣ средства производства и направляетъ ихъ къ общей цѣли. Если всѣ эти средства принадлежатъ одному ему, то вся прибыль отъ содѣйствія ихъ принадлежитъ ему же.

Это случается лишь тогда, когда земля обрабатывается малыми участками, однимъ семействомъ. И тутъ, однако, встрѣчается необходимость нанимать работника; вообще тамъ, гдѣ распределеніе производительныхъ силъ достигло нормальнаго своего отношенія и гдѣ онѣ находятся въ естественномъ союзѣ, средства производства заимствуются отъ другихъ, которыя рѣшаются на уступку своихъ услугъ, имѣя въ виду прибыль, или вознагражденіе. Они желаютъ участвовать въ производствѣ цѣнности, которая будетъ плодомъ предпріятія; слѣдовательно, хозяинъ промысла долженъ распорядиться такъ, чтобъ доходъ землевладѣльца, или *рента*, могъ быть выдѣленъ изъ общаго дохода, равнымъ образомъ и доходъ капиталиста или *проценты*, и доходъ за труды, за усиліе со стороны работника — *заработокъ*. Собственное участіе хозяина-предпринимателя должно также найти *вознагражденіе*. Слѣдовательно, всѣ эти части должны войти въ расчетъ издержекъ производства.

Взаимное отношеніе этихъ издержекъ нельзя опредѣлить общимъ неизмѣннымъ правиломъ уже и потому, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою ходячую цѣну, измѣняющуюся различно, отъ разныхъ обстоятельствъ. Легче всего, кажется, опредѣлить проценты съ *капитала*; по-крайней-мѣрѣ ихъ можно опредѣлить *напередъ*. Но слѣдуетъ замѣтить, что, независимо отъ большей или меньшей рѣдкости капиталовъ, большаго или меньшаго предложенія и тре-

бования ихъ, на величину процентовъ имѣеть вліяніе равное употребленію капиталовъ. Въ земледѣліи должно различать капиталъ по троякому назначенію: а) *капиталъ основной*, или *коренной*, т. е. тотъ, посредствомъ котораго хозяинъ получилъ въ свое владѣніе помѣстье или землю; сюда же относится капиталъ въ строеніяхъ и во всемъ, что прикрѣплено къ землѣ; б) *капиталъ орудій*, *инвентарь*, который состоитъ въ цѣнности рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и машинъ; и в) *капиталъ наличный*, или *оборотный*, изъ коего производится платежъ служителямъ и ихъ содержаніе — заработокъ: изъ этого же капитала дѣлается вознагражденіе убыли инвентаря, расходы для увеличенія капитала основнаго, или для улучшенія имѣнія. Основной капиталъ подверженъ менѣе всего риску, а потому на него должно считать менѣе процентовъ, нежели на инвентарь, и еще менѣе, нежели на оборотный капиталъ. Проценты съ основнаго капитала могутъ иногда смѣшиваться съ рентою, или доходомъ землевладѣльца, но это ни мѣдно служить доказательствомъ ихъ тождества; рента или доходъ землевладѣльца происходитъ совершенно изъ другаго источника, чѣмъ будетъ сказано ниже. Уже одно то полагаетъ существенно различіе между *процентами съ капитала* и *рентою*, что *первыя съ увеличеніемъ капиталовъ уменьшаются, а послѣднія, напротивъ, все растутъ*.

Такъ-какъ содѣйствіе предпринимателя или хозяина необходимо въ всякомъ промышленномъ предпріятіи, то вознагражденіе, на которое онъ имѣеть право за свое содѣйствіе, составляетъ необходимую издержку производства. Вознагражденіе предпринимателя можетъ измѣняться въ разныхъ мѣстахъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя имѣютъ вліяніе и на прочія производительныя услуги.

Сверхъ-того, здѣсь еще входитъ новый элементъ — способность предпринимателя; если предприниматель не имѣеть знаній, если онъ нераспорядителенъ, руководствуется слѣпымъ обычаемъ, то большая часть его выигрыша будетъ поглощена дурными распоряженіями, дурнымъ раздѣленіемъ работъ, употребленіемъ неусовершенствованныхъ орудій, незнаніемъ правилъ, определяющихъ производство, покупку и продажу предметовъ, и проч. Экономисты и агрономы много разсуждали о томъ, на какой именно барышъ имѣеть право надѣяться предприниматель въ земледѣльческой промышленности или фермеръ? Но все разсужденія приводятъ къ тому окончательному результату, что вознагражденіе фермера зависитъ отъ объема общественныхъ нуждъ, отъ способностей и денежныхъ средствъ предпринимателя и отъ соперничества.

Обратимся теперь къ положенію работника: онъ представляетъ собою младшаго члена союза, не смотря на то, что безъ расходовъ его стороны, состоящаго въ тратѣ физическихъ силъ, не произошло бы ничего. Величина заработка измѣняется отъ причинъ

весьма-разнородныхъ, и потому невозможно съ точностію опредѣлить его.

Въ практикѣ, соединяя факты извѣстнаго времени, на опредѣленномъ пространствѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, означаютъ предѣлъ, ниже котораго не можетъ простираться заработокъ безъ опасности существованія рабочаго класса, и, слѣдственно, уничтоженія самой промышленности; предѣлъ этотъ, или *нормальная* величина заработка, есть та плата, которая доставляетъ возможность существовать работникамъ. Всѣ прочіе участники промысла, при уменьшеніи или даже уничтоженіи ихъ дохода, могутъ спуститься на низкую ступень, могутъ войти въ разрядъ простаго работника; но простому работнику и низойти нѣкуда, если состояніе промышленности приводитъ его доходъ къ ничтожеству.

Ни возвышеніе, ни нормальная величина заработка не могутъ быть опредѣлены математически. Можно только показать условія, дѣйствующія въ каждой странѣ, — къ установленію цѣны заработка. Эти условія суть: качество труда и свойства самаго работника, и наконецъ соперничество.

Обработанная земля, если она плодородная, даетъ сумму произведеній, цѣнность которыхъ превосходитъ сумму издержекъ. Этотъ излишекъ есть даръ природы, которымъ она награждаетъ человека за трудъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ на землѣ простерлось право собственности, этотъ даръ природы принадлежитъ особому лицу, *собственнику*, составляетъ его вознагражденіе. Отсюда право пользоваться землею получило цѣну. Право это осуществляется съ той поры, когда произведенія земли поступаютъ въ торговлю, и за нихъ получается болѣе, нежели что стоютъ издержки на обработку; а это тогда, когда возрастаетъ народонаселеніе, когда установилось раздѣленіе труда, и земледѣіемъ занимается исключительно одинъ классъ. Часть дохода, причитающаяся землевладѣльцу единственно по праву собственника и независимо отъ другихъ дѣятелей производства, называется *рентою*. Этотъ доходъ взимается двоякимъ образомъ: 1) когда собственникъ обрабатываетъ самъ свою землю, или дѣлается самъ предпринимателемъ, тогда рента его входитъ въ чистый доходъ, остающійся отъ произведеній земли, за удовлетвореніемъ издержекъ производства. Такая рента можетъ быть названа *естественною*. 2) Когда землевладѣлецъ оставляетъ право пользоваться своею землею другому, за опредѣленную плату; эта плата называется наемною платою, или *рентою условною, кортомою, оброкомъ, чиншемъ*.

Естественный ходъ вещей требуетъ, чтобъ кортома была сообразна рентѣ естественной; однако многія причины отклоняютъ ренту отъ этого нормальнаго положенія. Это зависитъ отъ того, что обстоятельства, устанавлиющія цѣну вещей вообще, имѣютъ вліяніе на то, что кортома бываетъ выше или ниже естественной ренты. Притомъ, естественная рента можетъ измѣняться

изъ года въ годъ, смотря по урожаю и цѣнѣ произведеній; коротка, напротивъ, опредѣляется напередъ.

Вникая въ эти простыя истины, мы видимъ, что *величина коротка должна быть слѣдствіемъ, а не причиною цѣны на произведенія*. Результатъ этотъ весьма-важенъ.

Рента не должна быть смѣшиваема съ процентами съ капитала употребленнаго на покупку земли. Дѣйствительно, въ государствахъ, гдѣ всѣ земли составляютъ частную собственность, земля нельзя иначе приобрести, какъ покупкою; но цѣна, за которую покупаютъ землю, платитъ ренту, а не производитъ ее. *Цѣна земли есть слѣдствіе, а не причина ренты*. Если покупатель рѣшается дать эту цѣну, то именно потому, что земля приноситъ ренту; по этому рента предшествуетъ покупкѣ. Рента опредѣляетъ цѣну покупкою, а не цѣна ренту; рента можетъ увеличиваться и уменьшаться, а земля остается у того же владѣльца, т. е. за ту же цѣну.

Возвышеніе или пониженіе ренты, въ странахъ, гдѣ землевладѣлецъ обрабатываетъ землю, не какъ въ первобытныя времена для собственнаго своего продовольствія, для удовлетворенія нуждъ насущныхъ,—зависитъ отъ его прихода и расхода, т. е. отъ разности между цѣною произведеній и издержками производства слѣдственно, здѣсь выгоды землевладѣльца или предпринимателя тѣсно неизбѣжно связаны съ выгодами землевладѣльца; все, что способствуетъ возвышенію цѣны на произведенія, полученію большаго дохода отъ нихъ, — способствуетъ возвышенію ренты.

Всѣ эти явленія бываютъ только тамъ, гдѣ рента устанавливается естественнымъ образомъ, т. е. въ-слѣдствіе свободнаго соперничества между землевладѣльцемъ и предпринимателемъ земледѣльской промышленности или крестьяниномъ.

Бываютъ, однако, обстоятельства, когда употребленіе земли отступаетъ отъ этого порядка и принимаетъ формы обязательныя для той или другой стороны. Въ этомъ случаѣ, и самая рента дѣлается *обязательною*. Подобный порядокъ вещей бываетъ иногда случайностью скоропреходящею, иногда по своей обширности и продолжительности составляетъ одну изъ основныхъ формъ экономическихъ отношеній страны. Въ этомъ случаѣ, вліяніе обязательной ренты весьма-обширно, чувствуется вездѣ, въ каждомъ каналѣ народнаго богатства, и потому заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія.

Обязательная рента, чѣмъ бы она ни выплачивалась, деньгами или произведеніями, или трудомъ, имѣетъ первымъ слѣдствіемъ то, что величина ея не соразмѣряется съ основными условіями производительности.

Такъ-какъ обязательная рента отрицаетъ, если не у обихъ, то по-крайней-мѣрѣ у одной стороны — условія договора, то очевидно, что здѣсь неизбѣжно одна сторона находится въ потерѣ, а чѣмъ еще всего обѣ. Тотъ, для кого обязательная рента составляетъ пра-

во, естественно желаетъ пользоваться имъ и старается возвышать ренту выше ходячей цѣны. Въ такомъ случаѣ, лицо, обязанное платить ренту, уже не можетъ рассчитывать на законное вознагражденіе, слѣдующее ему, какъ предпринимателю, капиталисту или работнику; все здѣсь смѣшивается въ одну нестройную массу, исчезаетъ естественно соотношеніе между трудомъ и капиталомъ, и колеблется основаніе цѣнъ, ибо при такомъ положеніи не могутъ быть опредѣлены издержки производства. Если обязательная рента выплачивается деньгами, то она имѣетъ ту по-крайней-мѣрѣ выгоду, что можетъ быть соразмѣрена съ ходячею наемною цѣною земли, если только это можетъ существовать повсемѣстно при обязательной рентѣ. Мы говоримъ: *можетъ соразмѣряться*, — но въ большей части случаевъ она не соразмѣрится, иначе она утратила бы обязательную свою силу — въ экономическомъ отношеніи...

Еще болѣе представляетъ запутанности тотъ случай, когда обязательная рента уплачивается работою.

Работа имѣетъ свою ходячую мѣновую цѣну; слѣдственно, для справедливой соразмѣрности, она должна быть оцѣнена и соразмѣрена съ цѣною ренты. Но заработокъ зависитъ отъ многообразныхъ обстоятельствъ, измѣняющихъ его величину въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ; всѣ эти обстоятельства должны были бы приниматься въ разсужденіе при опредѣленіи размѣра или рода работъ; но это значило бы измѣнять ренту безпрестанно, что опять измѣнило бы сущность обязательной ренты. Поэтому, размѣръ работъ, опредѣляющихъ обязательную ренту, остается неизмѣннымъ и опредѣляется лишь правомъ, а не экономическими словіями. Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, смѣшиваются всѣ элементы, и теряется всякая возможность опредѣлить итогъ издержекъ производства; обстоятельство это еще болѣе запутывается тѣмъ, что обыкновенно при обязательной работѣ требуются орудія работника; слѣдственно, входитъ новое неопредѣленное количество. . . . .

Въ этомъ случаѣ весь хозяйственный процессъ представляетъ массу, нераздѣленную на части и элементы, неизмѣющую стройности; здѣсь нельзя различить ни частей дохода, ни источниковъ его, нельзя сказать, что принадлежитъ каждому участвующему: рента здѣсь не существуетъ, возрастаніе капитала мало или вовсе невозможно; заработокъ несвойственъ этому положенію вещей, — словомъ, весь промыселъ представляетъ несовершенное развитіе. Элементъ для опредѣленія цѣны не существуетъ, — онъ дѣлается случайностью.

Въ какихъ бы формахъ ни существовала экономія народная, вопросъ объ издержкахъ производства сохраняетъ свою важность. Даже и тѣ, которые не проникаютъ до экономическихъ основаній производительности народной, не могутъ не чувствовать высокаго значенія этого вопроса, — а потому и наши хозяева касались его.

Г-нъ Перцовъ, въ статьѣ своей *Оцѣнка земледѣльческихъ произведеній въ Казанской-Губерніи* (*), говоритъ: «Для полученія всякаго рода хлѣба необходимо нужно: 1) имѣть извѣстный участокъ «земли; 2) имѣть скотъ и земледѣльческія орудія, и 3) употребить «трудъ». Въ этомъ и состоитъ вся система его оцѣнки. Онъ старается опредѣлить, во что обходится хлѣбъ пахатному крестьянину, а не помѣщику, — и дѣлаетъ замѣчаніе, что цѣна земли должна быть принимаема въ расчетъ только при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, а не крестьянскаго; потому что «крестьянинъ — казенный или «помѣщичій — все равно, пользуется землею не по праву собственности, но единственно по праву владѣнія. На такомъ основаніи, «при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, справедливость требуетъ не забывать о процентахъ съ капитальной цѣны каждой десятины». Такъ думаютъ, конечно, многіе, да не такъ выходитъ. — Развѣ крестьянинъ пользуется землею даромъ? Развѣ онъ не платитъ помѣщику свою работою и деньгами? — а государственный крестьянинъ за землю развѣ не платитъ оброка? И если справедливость требуетъ не забывать о процентахъ съ капитальной цѣны каждой десятины, принадлежащей помѣщику, то также справедливость требуетъ, чтобъ не ставили ни во что пожертвованія, за которое крестьянинъ покупаетъ свое право владѣнія (**).

Г. Перцовъ принимаетъ только издержки на удобреніе; при этомъ случаѣ онъ оцѣниваетъ стоимость скота и его содержаніе, но не вводитъ въ расчетъ работы того же самаго скота, употребляемаго крестьяниномъ для отбиванія барщины. Такимъ же точно образомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе употребленія земледѣльческихъ орудій при отбиваніи крестьяниномъ барщины.

Наконецъ, въ расчетъ г. Перцова нѣтъ ни слова о капиталѣ для уплаты рабочимъ, о доли, которая должна причитаться крестьянину-хозяину въ качествѣ предпринимателя.

Послѣ этого ясно, что выводы г. Перцова не имѣютъ никакого значенія для рѣшенія заданнаго имъ себѣ вопроса; но какъ бы то ни было, трудъ его заслуживаетъ признательность. Что касается до оцѣнки хлѣба помѣщичьяго, то вопросъ этотъ еще трудъ

(*) См. Ж. М. В. Д. 1838.

(**) Мы считаемъ излишнимъ входить въ разборъ числовыхъ данныхъ, на которыхъ г. Перцовъ основываетъ свою оцѣнку; числа — дѣло условное, и они не составляютъ здѣсь важности; вся сила въ экономическихъ основаніяхъ оцѣнки. Замѣтимъ, однако, слѣдующее: г. Перцовъ полагаетъ, при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, что съ цѣны земли должно считать не менѣе 8%, или столько, сколько всякое благоразумное коммерческое предпріятіе приноситъ прибыли. Такой расчетъ не согласенъ ни съ практикою, ни съ основаніями дѣла. Извѣстно, что капиталъ приноситъ тѣмъ болѣе процентовъ, чѣмъ съ употребленіемъ его сопряжено болѣе риска, и обратно. Землю же, если принимаютъ за капиталъ, то именно за такой, который отдавъ въ ссуду подъ самое вѣрное обезпеченіе; слѣдовательно, на такой капиталъ должно считать самыя меньшіе проценты. Въ практикѣ такъ это и дѣлается всездѣ.

нѣе; это чувствовалъ, кажется, и самъ г. Перцовъ, предоставивъ рѣшеніе задачи самимъ помѣщикамъ. Прѣмъвъ г. Перцова увлекъ и нѣкоторыхъ другихъ къ разрѣшенію этой задачи, между-прочимъ, г. Тагайчинъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» 1839 г., № 69, предложилъ: «Оцѣнку земледѣльческихъ произведеній въ Орловской-Губерніи». Авторъ совершенно слѣдовалъ способу г-на Перцова; такъ, о немъ намъ ничего не остается сказать.

Всѣхъ подробнѣе разсматривалъ этотъ предметъ г. Вилькинсъ; онъ принимался за него нѣсколько разъ (*), чувствуя всю его важность, называя его «камнемъ преткновенія нашей сельской промышленности, котораго до-сихъ-поръ никто еще не успѣлъ сдвинуть съ дороги». Въ сущности, система оцѣнки г. Вилькинса тождественна съ способомъ г. Перцова; разность состоитъ въ томъ, что г. Вилькинсъ для оцѣнки труда принимаетъ не наемную плату, а количество издержекъ, потребныхъ на содержаніе работника. По его мнѣнію, «вся ошибка тѣхъ, которые принимались рѣшать вопросъ о стоимости издержекъ въ земледѣліи, состоитъ въ томъ, что они смѣшивали цѣнность труда личнаго съ цѣнностью «его произведеній» (**). Мы не знаемъ, кто смѣшивалъ эти два предмета разнородные? По мнѣнію г. Вилькинса, «трудъ есть существенное и необходимое условіе жизни, и потому мѣриломъ труда должно быть удовлетвореніе жизненныхъ потребностей» (***). Положимъ, что и такъ; но что же должно разумѣть подъ именемъ жизненныхъ потребностей? Если вы будете разумѣть чисто-физическія нужды человѣка, тогда какая же разность между человѣкомъ и домашнимъ животнымъ? А г. Вилькинсъ именно принимаетъ въ расчетъ только физическія потребности и ничего болѣе... Онъ даже прямо говоритъ: «оцѣнка работы животнаго должна основываться также на поддержаніи силъ его кормомъ» (****).

Не будемъ говорить, сколько такой взглядъ оскорбителенъ для нравственнаго достоинства человѣка, — достоинства, никогда неугасяющаго даже въ простомъ поленьщикѣ: искра Божія свѣтится и въ немъ, и въ его темной долѣ не умолкаетъ голосъ высшей нужды, который требуетъ уваженія. Мы знаемъ, что у многихъ на подобныя возраженія давно готовъ отвѣтъ: «все это утопія, мечтаніе кабинетныхъ хозяевъ», и пр. и пр., а потому замѣтимъ, сколько такой взглядъ невѣренъ въ экономическомъ отношеніи. Цѣна всякой работы, или проще *заработокъ*, зависятъ отъ различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы сказали въ своемъ мѣствѣ; въ числѣ этихъ обстоятельствъ, конечно, главное мѣсто занимаетъ содержаніе работника; но подъ словомъ «содержаніе» разумѣется, кромѣ

(*) См. Земл. Журн. 1832 и 1843 г.

(**) Объ Англійскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ, соч. Ф. Векерлина, съ примѣчаніями для русскихъ хозяевъ, И. Я. Вилькинса. Москва 1844. Стр. 374.

(***) Тамъ же, стр. 376.

(****) Тамъ же, стр. 379.

удовлетворенія нуждъ чисто-физическихъ, и нужды, соответственныя положенію работника, какъ члена общества, хотя онъ занимаетъ высшую ступень его. Это совершенно согласно и съ понятіями Тэра, на котораго ссылается г. Вилькинсъ. Все эти обстоятельства выражаются окончательно въ заработкѣ, чѣмъ бы вы его ни измѣряли — хлѣбомъ, или деньгами.

«Въ иностранныхъ государствахъ обыкновенно входитъ въ соображеніе цѣны рабочаго для помѣщенія семьи работника, харчъ, одежда, обувь и проч. У насъ осѣдлый крестьянинъ пользуется «всѣмъ этимъ отъ владѣльца, вмѣстѣ съ предоставленною ему землею; слѣдственно, мы должны принимать въ расчетъ труда «собственно только потребность пищи» (*). Здѣсь явное противорѣчіе: если нашъ крестьянинъ снабжается всѣмъ, т. е. и пищею, отъ владѣльца, вмѣстѣ съ предоставленною ему землею, то отъ чего же въ расчетъ труда должно принимать только пищу? Надобно принимать или все, или ужь ничего. Послѣ этого понятно, что выводимые г. Вилькинсомъ результаты объ оцѣнкѣ стоимости произведеній не ведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Авторъ видѣлъ невозможность разложить на составныя части предметъ, въ которомъ все смѣшано.

«Главное и едва-ли не одно только, которое можно назвать существеннымъ, различіе между нашими и чужестранными хозяйствами состоитъ въ томъ, что у нихъ всѣ земледѣльческія работы производятся наймомъ за деньги, а у насъ — по обязанности «за владѣніе землею. Нѣтъ нужды разсматривать здѣсь преимуществы того или другаго способа: нашъ укорененъ и освященъ «вѣками; но въ-отношеніи къ хозяйственной отчетности можно «сказать вообще, что у иностранцевъ она и легче и проще. Наши «хозяйства затрудняются именно тѣмъ, что дѣйствуютъ не своими, «а чужимъ шептелемъ, и, стало-быть, успѣхъ и движеніе ихъ за- «виситъ большею частію не отъ самого владѣльца» (**).

(*) Тамъ же, стр. 379.

(**) Въ другомъ мѣстѣ, г. Вилькинсъ говоритъ слѣдующее: «Сельское хозяйство русскихъ помѣщиковъ отличается отъ иностраннаго тѣмъ, что въ чужихъ краяхъ главный элементъ этой промышленности составляетъ *малочисленный капиталъ*; а у насъ *неопредѣлительная работа издѣльныхъ крестьянъ*. Тѣ помѣщики, которые могутъ употреблять на улучшеніе хозяйства своего большія или меньше денегъ, приобретаемыхъ изъ другихъ источниковъ, получаютъ отъ иштія гораздо *высшую*, по сравненію, чистую прибыль, нежели тѣ, которые лишены этой возможности. Но если всѣ обороты и хозяйственныя издержки владѣльца производятся изъ однихъ только доходовъ помѣстья безъ особаго денежнаго капитала, то *хозяйство его приходится въ полную непосредственную зависимость отъ частныхъ хозяйствъ тѣхъ крестьянъ, которые обрабатываютъ его землю, стало быть, теряетъ свою самостоятельность*. Очевидно, что при этомъ всѣ расчеты помѣщика, его хозяйственные виды и соображенія подвергаются гораздо большей игрѣ случая, нежели когда бы онъ могъ располагать свободно чистыми деньгами; на хозяйствѣ его должны

Это такъ справедливо, что ничего нельзя сказать противъ. Г. Вилькинсъ, неоднократно принимавшійся разсчитывать стоимость издержекъ въ нашемъ хозяйствѣ, самъ сознается, что «хозяйственная отчетность у иностранцевъ и проще и легче». Мы же думаемъ, что у насъ хозяйственная отчетность — просто невозможность, когда идетъ дѣло объ опредѣленіи издержекъ въ хозяйствѣ.

«Чтобъ опредѣлять, какой доходъ можетъ принести десятина земли помѣщику, надобно знать въ точности, что стоитъ работа крестьянъ его, употребленная на эту десятину при воздѣлываніи того или другаго растенія». Хотя одна стоимость работъ и не выражаетъ суммы издержекъ производства, но, — предположивъ даже, что это и такъ, посмотримъ, какъ вычисляетъ г. Вилькинсъ цѣну работъ крестьянина для помѣщика. Онъ принимаетъ тѣ же основанія, какъ и при разсмотрѣніи вопроса о собственномъ трудѣ, т. е., по его выраженію, мѣриломъ труда онъ принимаетъ «удовлетвореніе жизненныхъ потребностей». Это, можетъ-быть, справедливо гдѣ-нибудь на сахарныхъ плантаціяхъ, или и въ некоторыхъ нашихъ хозяйствахъ, гдѣ работы производятся дворовыми людьми... Но обыкновенно, помѣщикъ за работу крестьянъ вознаграждаетъ ихъ извѣстною частью земли, отдаваемою имъ въ пользованіе. Следовательно, правильнѣе было бы сравнить цѣну земли и цѣну работъ.

Это пытался сдѣлать помѣщикъ Орловской-Губерніи, г. Афросимовъ. Его статья, помѣщенная въ 6 № «Земледѣльческаго Журнала» 1843 года, подъ заглавіемъ «Опытъ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ по уздамъ», приводитъ къ тому результату, что при надѣлѣ крестьянина участкомъ земли, равнымъ тому, который онъ обязанъ обрабатывать на помѣщика, теряютъ оба, и помѣщикъ и крестьянинъ. Это подтверждается и другимъ: прочтите, на-прим., въ «Земледѣльческой Газетѣ» статью холмскаго предводителя дворянства Войнакуринскаго. Всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи слова г. Поздюнина. «Въ послѣднее десятилѣтіе» говорить онъ (въ 1834 г.): «перечитывая книжки Земледѣльческаго Журнала, почти въ каждой видите неудовольствіе русскимъ хозяйствомъ; всякій ищетъ какого-то собственнаго и крестьянъ своихъ исправленія, составляетъ себѣ правила никакъ не принимаемыя и самъ ихъ измѣняетъ; наконецъ, рѣшается говорить, что для Россіи нѣтъ общихъ правилъ. Если въ Россіи не можетъ быть общихъ правилъ для сельско-хозяйственной промышленности, то нѣтъ для нея и науки, ибо одна наука предлагаетъ правила. Отъ-чего же мысли сіи такъ неправильны? Отъ-чего всякій чего-то домогается и ничего не находитъ? Отъ-того только, что хозяйство

отражаться, по необходимости, больше или меньше всѣ частныя недостатки хозяйства крестьянъ его, всѣ физическія и моральныя свойства каждаго изъ таковыхъ работниковъ». См. Ж. С. Х. и О. 1843. № 10, стр. 40. Въ этихъ словахъ много истины, особенно въ послѣднихъ.

«наше есть совокупность двухъ противоположныхъ видовъ, одно крестьянскаго, другаго помѣщичьяго; первое можетъ быть учтываемо и опредѣлено, а послѣднее никогда, и такъ сказать зависитъ отъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ». На-прим., какимъ образомъ помѣщикъ разсчитываетъ нужное количество крестьянамъ, при всѣхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ? Какъ онъ можетъ привести капиталъ орудій, въ крестьянскомъ распоряженіи находящійся, въ желаемое лучшее положеніе, и даже обезпечить его теперешнюю худую цѣнность? Не зависятъ ли все сіе отъ направленія крестьянъ къ добру, и наоборотъ? Кто для сего можетъ положить общія правила? Слѣдуютъ ли дѣйствительно пользу особенные старосты надъ крестьянскими работниками? И такъ, наше хозяйство требуетъ величайшаго соображенія и даже измѣненія, и потому-то Россія не есть законодательница для прочей Европы; какъ сказалъ г. Бунинъ... Вся распоряженія, придуманныя помѣщиками для обезпеченія собственнаго быта крестьянъ, очень-слабы и неудовлетворительны. На-прим., составленіе мірскихъ запасекъ къ двумъ нашимъ хозяйствамъ, помѣщичьему и крестьянскому, прибавляетъ какое-то третье обстоятельство, и, вмѣсто необходимаго приведенія нашей хлѣбной факрики къ малосложному и простому виду, мы однимъ симъ распоряженіемъ прибавляемъ къ ней столько хлопотъ, что со-временемъ изъ запутаннаго нашего хозяйства составится такой хаосъ, отъ котораго навѣрно мы вовсе отступимся» (*).

Раздѣляя эти замѣчательныя мысли г. Поздюнина, мы несогласны съ нимъ только въ одномъ, что будто крестьянское хозяйство можетъ быть учтываемо и опредѣлено; оба эти хозяйства находятся въ такомъ между собою отношеніи, что ни то, ни другое не можетъ быть учтываемо.

VIII.

Изъ всего сказаннаго открывается ясно, что въ такомъ случаѣ, когда обязательная рента уплачивается работою, нѣтъ никакой возможности опредѣлить издержки, потребныя на производство, слѣдственно, не можетъ быть опредѣлена первоначальная цѣна на хлѣба, не можетъ быть разрѣшенъ вопросъ: во что обходится произведеніе самому производителю? А это ведетъ къ тому, что рыночная цѣна хлѣба зависитъ единственно отъ соперничества предложенія и требованія, что дѣйствительно повсемѣстно и повсѣсно совершается у насъ въ Россіи (**).

(*) З. Ж. 1834 г. № 4. Стр. 629—630.

(**) Это подтверждаетъ, между прочимъ, даже и г. Сабуровъ, въ статьѣ своей *Записки Пензенскаго Земледѣльца*, напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1841 г. Статья эта съ практической стороны была разобрана въ «Журн. Мин. Госуд. Имущ.» въ 1845 г.

Но на это намъ могутъ сказать: «Не всѣ земледѣльцы въ Россіи платятъ ренту обязательною работою; есть, и очень-много, крестьянъ оброчныхъ; есть, наконецъ, хозяева, которые обрабатываютъ землю единственно для себя, или собственными силами или наймомъ; эти могутъ учесть всѣ издержки, потребныя на воздѣлываніе».

Вся это справедливо. Но, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ, когда рента выплачивается и деньгами, если количество ея определено *напередъ*, безъ соображенія всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя служатъ основаніемъ естественной ренты, то этимъ самымъ разрушается экономическое отношеніе между трудомъ и капиталомъ, и рента можетъ быть уже не *слѣдствіемъ* цѣнъ на хлѣбъ, а лишь *причиною* ихъ. Слѣдственно, если рента обязательная выше естественной, определяемой свободнымъ совмѣстничествомъ собственника и наемщика земли, то цѣна на хлѣбъ должна быть выше естественной цѣны. И, дѣйствительно, хотя такое положеніе вещей искусственное, и, слѣдственно, непрочное, однако оно можетъ существовать. Мы это видимъ въ Англіи, гдѣ рента возвышена таможенными постановленіями, и служитъ главною причиною, поддерживающею высшія цѣны на хлѣбъ.

У насъ этого быть не можетъ. Положимъ, что хозяева, обрабатывающіе землю на собственный счетъ, могутъ опредѣлить первоначальную цѣну своего хлѣба, и на ней желаютъ основать расчеты рыночной цѣны. Но на рынкѣ они встрѣчаютъ совмѣстничество хлѣба, который полученъ въ видѣ обязательной ренты и слѣдственно первоначальная цѣна котораго не можетъ быть опредѣлена, и который надобно продать за что бы то ни было; торговая практика показываетъ, что пониженіе цѣны на незначительное количество какого-либо произведенія понижаетъ вдругъ цѣну и на все прочее количество однороднаго произведенія. У насъ подобное отношеніе существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Такъ, на-прим., въ Харьковской-Губерніи изъ 2,224,236 четвертей ржи, производимой въ средній годъ, на счетъ крестьянъ приходится только 1,112,000; изъ этого числа весьма-незначительная часть, за собственнымъ потребленіемъ, можетъ поступить въ продажу; можетъ ли же какая-либо сотня тысячъ четвертей выдержать соперничество съ однимъ милліономъ четвертей?

Итакъ, вотъ гдѣ настоящая причина той страшной колеблемости цѣнъ, которыя замѣчаются у насъ, особенно въ губерніяхъ, лишенныхъ возможности внѣшняго сбыта. Все зависитъ отъ предложенія и требованія. Г. И. Сабуровъ (*), приводя статистическія данныя о Пензенской-Губерніи, говоритъ, что полчетверти съ десятины урожая болѣе, выше средняго урожая, дѣлаютъ избытокъ въ 300,000 четвертей; потребить его въ губерніи нѣкому, а повез-

(*). Въ статьѣ «Взглядъ на цѣны хлѣба». См. Моск. Набл. 1835 г. Іюль. Кн. 1. Стр. 421.

ти нѣ куда. Родись 300,000 четвертей менѣе: нельзя удовлетворити обыкновеннаго требованія. И вотъ отъ-чего цѣны на рожь въ Пензенской-Губерніи въ декабрь 1830 г. были 6 руб., въ февраль 1831 г. поднялись до 8 руб.; къ концу 1832 г. дошли до 14 руб., а чрезъ годъ возвысились до 28 рублей.

Г. Протопоповъ приводитъ примѣръ двухъ послѣдующихъ годовъ, въ которые разность привоза въ Моршанскъ хлѣба простиралась на 10 проц.; а разность цѣны на 59 проц. (*)

Неизвѣстный сочинитель статьи «О Харьковской и Полтавской Губерніяхъ» (помѣщенной въ Ж. М. В. Д. 1840 г. № 7, стр. 120 и слѣд.), говоритъ, что «губерніи эти, не смотря на славу ихъ плодородія, часто нуждаются въ хлѣбѣ; цѣна его въ неурожайныя годы не удваивается, а возвышается въ 15 разъ и болѣе; въ обыкновенные же годы хлѣбъ остается почти безъ всякой цѣнности; четверикъ овса, на-пр., продается по 8 коп. и часто отвозятъ его назадъ съ рынка». Выше-приведенныя числа о количествѣ производимаго этими губерніями хлѣба и о распредѣленіи его, совершенно объясняютъ такое явленіе.

(*) Ж. М. Г. И. 1842 г. Ч. 5. Стр. 123.

ПРИЧИНЫ КОЛЕБАНИЯ ЦѢНЪ НА ХЛѢБЪ ВЪ РОССИИ.

Статья вторая и последняя.

=

Отъ чего зависятъ болѣе постоянство цѣнъ на хлѣбъ въ губернскихъ промышленныхъ. Водяные пути сообщенія въ Россіи. Удобная перевозка. — II. Какъ великъ избытокъ производимаго въ Россіи хлѣба. Избытокъ урожая во Франціи. Россія производитъ хлѣба именно столько, сколько при ея хозяйственныхъ отношеніяхъ она должна производить: въ этомъ заключается главная причина чрезвычайнаго колебанія цѣнъ. Когда можетъ установиться соразвѣрность между предложениемъ и спросомъ? — III. Мнѣніе Г. Савурова о причинахъ изюности цѣнъ на хлѣбъ въ северныхъ губерніяхъ. — IV. Высшій сортъ хлѣба имѣетъ второстепенное значеніе. — V. Въ какой зависимости находится дешизина хлѣба отъ обширности земель. — VI. Почему у насъ мало разнообразія въ производимыхъ земляхъ. — VII. Процвѣтаніе городовъ есть слѣдствіе процвѣтанія земледѣлія. — VIII. Неосновательность мнѣнія, рѣшительнаго изюста цѣнъ хлѣбнымъ торговцамъ. — IX. Несоразвѣрность цѣнъ на мануфактурныя производенія съ цѣнами на хлѣбъ. — X. Состояніе нашего скотоводства и зависимость его отъ земледѣлія. — XI. Мнѣніе о несоразвѣрности доходовъ мѣштинъ и нуждахъ помещиковъ. — XII. Мнѣніе о недостаткѣ капиталовъ въ земледѣліи. — XIII. Нынѣшнее состояніе хозяйства сравнительно съ прежнимъ.

I.

При разсужденіи о цѣнахъ на хлѣбъ, у насъ часто указываютъ на большее ихъ постоянство въ такъ-называемыхъ промышленныхъ губерніяхъ, но никто не вникъ въ сущность этого явленія. Г. Вильшинъ старается доказать, что производство хлѣба въ северныхъ губерніяхъ дороже обходится, нежели въ южныхъ; хотя этого, по принятому имъ способу оцѣнки, и нельзя доказать, но еслибъ это было и такъ, то это только служило бы поводомъ къ тому, что цѣны въ северныхъ губерніяхъ должны быть постоянно выше, нежели въ южныхъ.

Между-тѣмъ, приведенныя нами въ началѣ статьи свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ по разнымъ губерніямъ не подтверждаютъ и этого

заключенія: цѣны въ южныхъ губерніяхъ бываютъ выше, нежели въ сѣверныхъ. Уже одного этого факта достаточно для опроверженія мысли г. И. Сабурова «о необходимости, для поддержанія хозяйства сѣверныхъ и среднихъ губерній, наложить пошлину на хлебъ и скотъ и проч., доставляемые изъ южныхъ губерній». Не говоримъ уже о ложности подобной мысли въ практическомъ приложеніи, хотя она и предложена хозяиномъ-практикомъ.

Г. Протопоповъ, въ прекрасной статьѣ своей «о хлебной торговлѣ въ Россіи» (*), рассматривая колебаніе цѣнъ на основаніи вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, и сравнивая среднія высшія цѣны съ средними низкими съ 1833 по 1841 г., нашелъ, что высшія цѣны къ высшимъ относятся:

Въ Москвѣ какъ	10: 42.
— Владиміръ	10: 38.
— Ярославль	10: 26.
— Костромъ	10: 22.
— Новгородъ	10: 25.
— Санктпетербургъ	10: 23.
— Петрозаводскъ	10: 22.

Всѣ эти губерніи для продовольствія своего покупаютъ значительную массу хлеба, привозимаго изъ южныхъ губерній.

Между-тѣмъ, то же отношеніе было:

Въ Симбирскѣ	10: 48.
— Воронежъ	10: 50.
— Пенза	10: 57.
— Екатеринославль	10: 58.
— Рязань	10: 65.
— Тамбовъ	10: 67.
— Саратовъ	10: 67.
— Курскъ	10: 82.
— Туль	10: 100.
— Ставрополь	10: 111.

Г. Протопоповъ выводитъ изъ этой таблицы такое заключеніе «сбѣдѣвшія по хлебопашеству губерніи находятся въ выгоднѣйшемъ положеніи въ-отношеніи къ степени возвышенія цѣнъ въ неурожайное время, нежели губерніи плодородныя».

Въ-отношеніи къ факту, это заключеніе вполне справедливо. этимъ еще не объясняется причина явленія.

Несомнѣнно, что въ губерніяхъ первой категоріи, имѣющихъ большую потребность въ заимствованіи хлеба извнѣ, значительная масса хлеба находится всегда въ рукахъ оптовыхъ торговцевъ, и, следовательно, хлебъ этотъ уже имѣетъ всѣ свойства товара, стоимость котораго совершенно известна торговцу, ибо ему известно, во что обходится покупка на мѣстѣ, что стоитъ ему доставка, сохраненіе и про-

издержки, словомъ, ему известна первоначальная цѣна ея товара. Само собою разумѣется, что эта цѣна должна быть весьма-различна, смотря по различію цѣны, за которую прибрѣтенъ хлѣбъ изъ рукъ земледѣльца.

Но продажныя цѣны уравниваются взаимнымъ соперничествомъ торговцевъ, изъ которыхъ каждый знаетъ первоначальную цѣну своего товара. Итакъ, вотъ объясненіе приводимаго нами факта и доказательство, что когда къ одному условію—запросу и предложению, присоединяется другое—точное опредѣленіе стоимости издержекъ, колеблемость цѣны ослабѣваетъ, и онѣ дѣлаются равнѣе.

Скажутъ, что «въ губерніяхъ перваго разряда цѣны равнѣе, потому—что эти губерніи богаче путями сообщенія». Благодетельное вліяніе путей сообщенія на торговлю не подлежитъ никакому спору. Но въ настоящемъ случаѣ это вліяніе далеко не исключительное и не главное. Въ-самомъ-дѣлѣ, губернія Костромская, на-пр., находится на чуть не въ лучшемъ положеніи, нежели Симбирская и даже Саратовская; между-тѣмъ, колебаніе цѣны въ первой вдвое меньше, нежели во второй, и втрое меньше, нежели въ Саратовской. Тульская Губернія относительно путей сообщенія стоитъ несравненно-выше, нежели Воронежская или Пензенская. Между-тѣмъ, въ ней цѣны возвышались въ 10 разъ, тогда-какъ въ послѣднихъ только въ 5 или 6 разъ. Слѣдовательно, естественныя выгоды въ этомъ случаѣ играютъ роль подчиненную, а не главную. Таковъ общій неизмѣнный законъ промышленной дѣятельности человѣка. Въ немъ самомъ заключается источникъ всякой дѣятельности. Посмотрите на Индію: нѣтъ въ мірѣ страны, надѣленной природою щедрѣе, и между-тѣмъ сердце содрогается при чтеніи разсказовъ путешественниковъ о страданіяхъ милліоновъ народа отъ нищеты: сотни тысячъ мрутъ голодною смертію. Посмотрите на Европейскую Турцію: есть ли гдѣ другая страна, такая богатая средствами къ сбыту своихъ произведеній, а между-тѣмъ промышленная дѣятельность ея находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Посмотрите на наши западныя губерніи: водяными путями сообщеній онѣ гораздо-богаче многихъ нашихъ внутреннихъ губерній, и имѣютъ прекрасное шоссе на значительномъ протяженіи, —а между-тѣмъ, бѣдность земледѣльцевъ тамошняго края вошла въ пословицу. Напрасно жалятся на бѣдность почвы, на климатъ; почва самой неплодородной губерніи, Витебской, не бѣднѣе почвы, на-прим., Калужской-Губерніи, климатъ же гораздо мягче; вспомогательныхъ силъ: воды, горючаго матеріала—изобиліе, и за всѣмъ тѣмъ калужскій крестьянинъ зажиточенъ, а Бѣлорусецъ бѣденъ.

Въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1843 г., ч. VII, отд. III, стр. 2), по поводу книги г. Штукенберга, помѣщенъ прекрасный взглядъ на естественные пути сообщенія въ Россіи. Тамъ исчислено, что при обзорѣи отдѣльныхъ бычыхъ бассейновъ, приходится по одной верстѣ судоходнаго протяженія рѣкъ:

Въ зан. двинскомъ бассейнѣ	1 1/2	кв. геогр. мил.
— волжскомъ	2	— — —
— северномъ	2	— — —
— днѣпровскомъ	2	— — —
— донскомъ	4 1/2	— — —
— съв: двинскомъ	6	— — —

Слѣдовательно, въ сложности для цѣлой Россіи среднимъ числомъ приходится на одну кв. геогр. милю по 1/2 версты судоходнаго протяженія рѣкъ.

Разность въ надѣленіи водами южной полосы разительна. В огромномъ пространствѣ отъ рѣки Урала до Бессарабіи, между Каспійскимъ-Моремъ; Кавказскими-Горами, Чернымъ-Моремъ; Восточъ и прямою чертою, проведенною между Ямполомъ и Царицынымъ, почти вовсе нѣтъ судоходныхъ рѣкъ (*); а это пространство заключаетъ въ себя до 15,000 кв. геогр. мил.

Впрочемъ, скудость водъ у насъ весьма-естественна. Можно считать четыре главные причины обилія водъ: большіе горные притоки, возвышенное вообще положеніе страны, сырой климатъ и т. п. Горь внутри Россіи нѣтъ; возвышенность ея надъ уровнемъ моря незначительна; климатъ болѣе сухой, нежели сырой. Обилія только сѣверная и сѣверозападная часть. Но какъ бы ни было, многія мѣстныя и частныя обстоятельства умножаютъ у насъ пользу отъ судоходныхъ рѣкъ. Въ Западной-Восточъ, особенно на югѣ, рѣки очень-рѣдко замерзаютъ, а если и замерзаютъ, то на нѣсколько дней; даже по каналамъ, которые чаще замерзаютъ, судоходство останавливается только на одинъ мѣсяць. У насъ рѣки обильны льдами по-крайней-мѣрѣ четыре мѣсяца въ году. Россіи и до пяти съ половиною въ сѣверной. При огромности и тяжести всѣхъ водяныхъ путей и при медленности ихъ теченія разныхъ трудностяхъ плаванія, суда совершаютъ рейсы чрезвычайно-медленно, особенно же при несуществованіи у насъ вовсе пароводнаго по рѣкамъ судоходства и при тѣхъ судахъ, которые въ этомъ случаѣ, всякая живость въ торговыхъ оборотахъ невозможна. Суда изъ Астрахани къ Нижнему-Новгороду, въ 2128 верстѣ, идутъ иногда 100 дней, тогда-какъ пароводными судами идущій снизу, въ одно лѣто не достигаетъ своего назначенія и муеъ на дорогѣ. Такія нечаянности и остановки не могутъ имѣть величайшаго вліянія на ходъ всей внутренней торговли на цѣны товаровъ.

Лѣтнія гужевыя перевозки, сами собою медленныя, занимаютъ у насъ до 800,000 человекъ, а зимою, въ-точнѣе пяти мѣсяцевъ

(*) Исключая, разумеется, прорывающихся эту полосу южныхъ частей Волги, Днѣпра и Дона, которыя въ этихъ частяхъ своихъ не имѣютъ ни одного значительнаго притока.

болѣе трехъ милліоновъ людей разсѣвается по Россіи въ разныхъ направлеиіяхъ для перевозки товаровъ. Эти три милліона работниковъ, отрывающихся отъ своихъ жилищъ, чтобъ везти на короткихъ сѣнкахъ по 25 пудовъ клади, которая достигаетъ въ назначенныя мѣста чрезъ 60 или 70 дней, совершаютъ трудъ поразительный. Сколько времени теряется на ночлеги и отдыхъ, на запряганье и отпряганье одного и того же вола въ теченіе цѣлой зимы!

Если перевозка произведеній прибѣгаетъ къ подобнымъ средствамъ, значитъ, водяные пути недостаточны. Сухопутныя доставки въ Англіи, Германіи и Франціи въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ у насъ, вовсе неизвѣстны, да едва-ли известна гдѣ-либо такъ-называемая у насъ «стага судовъ лямкою».

При такомъ состояніи путей, еще можно удивляться, какимъ образомъ возможно передвиженіе у насъ тяжести сухопутно, — а между-тѣмъ оно огромно. Это объясняется двумя обстоятельствами: а) обязательною перевозкою хлѣбныхъ запасовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ. Этимъ способомъ доставляется большая часть хлѣба на рынки и пристани губерній средней полосы. При этомъ случается, перевозка почти не ставится ни во что, б) Въ южныхъ губерніяхъ, сбывающихъ свой хлѣбъ къ портамъ Чернаго-Моря, перевозка совершается въ лѣтнее время на волахъ. Содержаніе этого скота, при обширности земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, обходится весьма-дешево. Мы сказали «обходилось», потому-что въ настоящее время обстоятельства начинаютъ измѣняться. Прежде, при меньшемъ народонаселеніи, содержаніе воловъ во время дороги ничего не стоило: нынѣ вездѣ требуютъ платы и за поддожный кормъ и за водоюй. Вотъ почему въ прошломъ году, по сознаніи многихъ помѣщиковъ, доставка пшеницы изъ Кіевской-Губерніи въ Одессу на собственныхъ волахъ едва окупалась продажною цѣною въ Одессѣ (*).

Въ Москву привозится ежегодно сухопутно болѣе 9 милліоновъ пудовъ разнаго хлѣба въ зернѣ, мукѣ, крупѣ и т. д. (**). Если на одну подводку положить 20 пудовъ, то выйдетъ, что для перевозки къ Москвѣ означеннаго количества хлѣба нужно болѣе 450,000 подводъ; возможность этого огромнаго движенія обозовъ объясняется тѣмъ, что большая часть хлѣба, сухопутно привозимаго въ Москву, доставляется помѣщиками; ихъ же обозы снабжаютъ хлѣбными запасами

(*) Провозная плата въ Таганрогъ весьма-неопредѣленна, ибо зависитъ отъ времени года, отъ урожая травъ. Изъ Харькова до Таганрога платится отъ 2 до 3 р. асс. съ четверти. Изъ Славяносербскаго-Уѣзда—до 2 р. 50 к. Въ Одессу плата за провозъ бываетъ различна; изъ Кременчуга — отъ 1 р. до 1 р. 20 к.; изъ Харькова — отъ 1 р. 60 к. до 2 р.; изъ Москвы — отъ 2 р. 50 к. до 3 р. Воловаа оура поднимается отъ 4 до 6 четв., а конная отъ 3 до 4 четв.

(**) См. Журналъ М. В. Д., 1845 г. № 1.

и большую часть пристаней на волжской и других системах. Но какъ производится эта доставка? Въмѣсто отвѣта, приведемъ слова одного почтеннаго и мыслящаго человѣка, узднаго судьи Саранскаго-Уѣзда Пензенской-Губерніи, г. Селиванова:

«По общепринятому здѣсь обыкновенію, тягло крестьянское на дѣляется 1 или $1\frac{1}{2}$ сороковой десятины земли въ полѣ, и то жъ «самое, или еще болѣе, обрабатываетъ оно на господина. Изъ этого слѣдуетъ, что господинъ имѣетъ вдвое болѣе хлѣба, нежели всѣ его крестьяне вмѣстѣ. Не обладая никакими другими источниками дохода, помѣщикъ долженъ по необходимости продать «хлѣбъ свой во что бы то ни стало, чтобъ имѣть деньги на необходимые свои расходы. И вотъ посылаетъ онъ обозъ на пристань, положимъ хоть въ Промзино, верстъ за 100, 112 или 150 или въ Лысково, верстъ за 180 и 200, чтобъ продать гдѣ бы тамъ ни было хлѣбъ свой, потому-что большое количество его, хранимъ или вблизи, продать невозможно. Положа все въ цѣну, подвѣда «за 100 верстъ станетъ 2 р. 50 к. ас. и болѣе, за 200 верстъ за «6 р. ас., помѣщикъ хлопочетъ, чтобъ скорѣе отправить другой третій и четвертый обозъ, и вотъ у крестьянина вонъ изъ кармана «на 15—20 руб., т. е. цѣна 8 четвертей овса, урожай едва-ли и «цѣлой десятины. Положимъ, что овса на дорогу онъ не купитъ «но вѣдь онъ израсходовалъ его, вмѣсто того, чтобъ, стоя на дворѣ «лошадь питалась бы овсяною соломой. Да и сверхъ овса, надобно «во еще имѣть наличныя деньги на ѣду, обувь, одежду; какъ же «не продавать ему свой хлѣбъ какою бы то ни было цѣною? Продавъ такимъ образомъ весь хлѣбъ, помѣщикъ получаетъ только «обыкновенный доходъ съ имѣнія; но этотъ доходъ сопряженъ съ «ощутительнымъ расходомъ его крестьянъ» (*).

Итакъ, вотъ какова такъ-называемая «дешевизна» гужевой перевозки. При такой дешевой доставкѣ, помѣщики, имѣя вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ крестьяне, выставляютъ свои хлѣба на базары, и въ разсчитывая, во что онъ имъ самимъ обошелся, продаютъ его за что бы то ни было. Какъ земледѣльцу, съ своимъ хлѣбомъ, выдержать такое соперничество? «Отъ соперничества на рынкѣ (продолжаемъ выписку изъ разсужденія г. Селиванова) хлѣбъ «упадаетъ въ цѣнѣ до такой степени, что только одна необходимость земледѣльцевъ заставляетъ его сбывать по чѣмъ бы то ни «было или для закупки необходимыхъ предметовъ въ деревенскомъ «быту, или для уплаты податей и оброковъ. Промучившись 30—40 «верстъ по ухабамъ въ человѣческой ростъ, запрягаясь почти на «каждомъ изъ нихъ вмѣстѣ съ лошадью, кто жъ захочетъ вести «возъ свой домой, еслибъ даже и не было нужды въ деньгахъ? «Куда дѣваться съ этимъ возомъ, если не продать хоть по какой-нибудь «цѣнѣ? а эта цѣна, что это такое? плата за трудъ цѣлѣтѣ

(*) См. Ж. М. Г. Им. 1841 г., ч. II, Стѣсь, стр. 234.

года, за ручьи пота на знойномъ солнцѣ лѣта, за лихорадочный ознобъ въ 30 градусные морозы зимы, и какая плата! Въ Петербургѣ едва можно нанять поденщика за ту плату, за какую можно купить здѣсь (въ Саранскѣ) на базарѣ четверть овса, добрую четверть въ 9 мѣръ, для которой надобно было вспахать, засеять, посеять, сжать, смолотить, привезти, и вспахать опять, провести цѣлое лѣто безъ сна, на зноѣ, съ кускомъ чернаго хлѣба... и это называется продажею! И вотъ какую продажею долженъ существовать крестьянинъ цѣлый годъ, тогда-какъ она составляетъ единственный источникъ его богатства. Хорошо еще, если онъ эту продажу дѣлаетъ не въ крайности, а отъ избытка, отъ прихоти, на кусокъ рыбки въ постъ, на четверть вина въ праздники; что же долженъ дѣлать тотъ, у кого дома нѣтъ соли, нѣтъ лаптей, чтобъ обути многочисленное семейство, малолѣтнихъ дѣтей; нѣтъ сукна, чтобъ прикрыти ихъ наготу; овчине, чтобъ согрѣть оледѣвшіе члены?»

Сколь важны пути сообщенія для движенія торговли, для успѣховъ просвѣщенія и гражданственности вообще, однако не должно забывать, что перевозная промышленность есть также промышленность, и следовательно подчинена неизбѣжно всѣмъ законамъ экономіи народной. Вся тѣ препятствія, которыя угнетаютъ земледѣліе и мануфактуры, неизбѣжно отражаются и на перевозной промышленности.

Пути сообщенія составляютъ одно изъ средствъ мѣны; но не единственное: если главное условіе мѣны, т. е., обиліе произведеній и потребность въ нихъ съ обѣихъ мѣняющихся сторонъ, не имѣетъ характера постоянства, а есть дѣло случая, то правильной живой мѣны быть не можетъ, и следовательно самое облегченіе путей сообщенія будетъ только средствомъ, хотя и важнымъ, но не главнымъ. Мы это видимъ у насъ: такъ-называемыя бѣлорусскія губерніи чувствуютъ всегда нужду въ хлѣбѣ (мы говоримъ о большинствѣ, о крестьянахъ, которые не знаютъ тамъ чистаго хлѣба), а между-тѣмъ Малороссія и губернія Орловская продаютъ хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ. Значитъ, есть потребители и есть нужда, но нѣтъ средствъ къ приобрѣтенію; а гдѣ нѣтъ послѣднихъ, тамъ нѣтъ ни потребленія, ни цѣнности, не можетъ быть и мѣны. Положимъ, что всѣ препятствія доставки уничтожены; но если вы не уничтожили главнаго недостатка—недостатка въ средствахъ приобрѣтенія, то правильное торговое движеніе не установится, ибо торговецъ повезетъ хлѣбъ туда, гдѣ онъ увѣренъ въ вѣрности сбыта. Каковы бы ни были у насъ теперь сухопутные пути сообщенія, но они вездѣ одинаковы, следовательно и вліяніе ихъ одинаково; отъ-чего же нѣтъ замѣтнаго торговаго движенія между Малороссією, и Бѣлоруссією?

Въ первой половинѣ января 1846 года, въ Псковѣ кулъ ржаной муки (9 пудъ) стоилъ 7 р. 50 к. с., а въ Тамбовѣ и Харьковѣ 1 р. с.; разниця въ 6 р. 50 к.; другими словами, четверть

рже продавался въ перемолъ въ семь съ половиною саренъ, а теперь въ послѣднихъ двухъ городкахъ. Конечно, Тамбовскіе отдаютъ отъ Пскова по-правней-мѣрѣ на 1000 верстъ. Посмотримъ, насколько до какой степени возможна перевозка хлеба изъ Тамбова въ Псковъ. Для этого нужно знать цѣну за перевозку; возьмемъ же основаніе расчета перевозочныя цѣны между Петербургомъ и Москвою; дешивѣйшая цѣна была бы 23 к. с. съ пуда, обыкновенная 25 коп.; возьмемъ эту послѣднюю. Провозъ пуда муки между столицами (на 674 версты) будетъ стоить 3 р. 15 к. сар., а на 1200 верстъ 4 р. 67 к. Но какъ расстояние между Тамбовомъ и Псковомъ довольно болѣе 1000 верстъ, то возмемъ другія цѣны; что перевозка будетъ стоить 5 р. с., и тогда пудъ муки, мукомольный въ Тамбовѣ за 1 р. с., доставляемый въ Псковъ, стоилъ бы тамъ 6 р. с.; но въ Псковѣ цѣна 7 р. 50 к. с., следовательно, на каждой арде 1 р. 50 к. с. барыши, или 25%. Возмемъ другой примѣръ; и расстоянія болѣе близкія. Новгородъ отстоитъ отъ Пскова: части на 480 верстъ; следовательно, перевозка кула муки, по вышеизложенному расчету, стоила бы 84 к. с.; въ Новгородѣ цѣна муки 7 р. 28 к.; следовательно, мукомольный тамъ кулъ, по доставленіи его въ Псковъ, стоилъ бы 5 р. 12 к., но въ Псковѣ такой кулъ муки продавался по 7 р. 50 к. с.; следовательно, барыши въ полуку таррала былъ бы по 2 р. 38 к. на каждой кулѣ; барыши огромны! Неужели, торговцы пользуются ли этимъ? Намордъ можно сказать, что не пользуются, потому-что, если бы многие изъ нихъ пользовались, то съ теченіемъ времеи скоро уравнило бы эти крайности въ цѣнахъ. Торговля хлебомъ между отдаленными пунктами только тогда возможна и выгодна, когда она производится бы значительными массами; но закупка несколькихъ тысячъ кулей и притомъ, варагъ, — потому-что запросъ дѣлается неожиданно, — подняла бы цѣну на самую дешовую хлеба, и понизила бы ее тамъ, гдѣ онъ былъ дорогъ. Итакъ, если мы видимъ, что цѣны на хлебъ представляють такія крайности въ мѣстахъ одно отъ другаго по отчасти близкимъ, то это вѣрный знакъ недостатка между этими мѣстами торгового движенія.

II.

Говорить съ Россіи произведенія хлеба гораздо болѣе, нежели сколько нужно на внутреннее потребленіе, въ сѣхъ суровѣе мѣстѣхъ понимаютъ цѣны. Посмотримъ, до какой степени справедливо это мнѣніе.

Г. Протопоповъ, неслучайными, основанными на остроумныхъ соображеніяхъ, пришелъ къ результату, что въ Россіи, за исключеніемъ Царства-Польскаго, Финляндіи и Закавказскаго-Краю, на ежегодное продовольствіе народа, на прокормленіе животн., на индустрію и для внѣшняго транспорта, требуется 177,500,000 четвертей разнаго хлеба; прибавивъ къ этому 60,000,000 четверт. на посѣвъ,

ежегодные потребности въ хлебѣ будутъ составлять 237,500,000 четвертей; но если же почислено, средний урожаи составляетъ 250,000,000 четвертей; следовательно, за удовлетвореніемъ означенныхъ выше потребностей, остатокъ отъ средняго урожая долженъ составлять 12,500,000 чев.

«Оставляя это, говоритъ тотъ же авторъ: «должно быть въ счастливые годы гораздо больше; но въ бедственные, когда опустошаются самыя благославленные страны, жатва далеко не покрываетъ и необходимыхъ внутреннихъ потребностей.»

Ибо будетъ принимать только средній жема.

Остатокъ 12,500,000 чев. составляетъ только $\frac{1}{3}$ часть количества, нужнаго на годовое продовольствіе и на винокурению, т. е. меньше, чѣмъ сколько потребно для внутреннего потребления въ одинъ мѣсяцъ. Этого количества самъ по-себѣ весьма незначительно для государства исключительно земледѣльческаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, Франція, покупающая у насъ хлебъ ежегодно, въ средніе годы оставляетъ значителѣйшіе остатки; такъ, въ 1844 году, который не принадлежалъ къ урожайнымъ, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ правительствомъ, остатокъ простирался до 15,000,000 гектолитровъ зерноваго хлеба, которые представляютъ двукратное предельное количество страны (*).

Этотъ остатокъ, однако, не произвелъ большаго колебанія въ цѣнахъ; напротивъ, цѣны оставались въ обыкновенномъ размѣрѣ.

Положимъ даже, что наши избытки могутъ простираться гораздо выше приведеннаго; все же мы скажемъ, что Россія производитъ меньше то количество хлеба, которое должно производиться при какихъ-либо экономическихъ отношеніяхъ. Это объясняется тѣмъ, что мы сказали выше о обязательной рентѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда рента уплачивается работою, то куда же ачае эта работа можетъ быть употреблена, какъ не на земледѣліе, следовательно, на производство хлеба? Ибо опытъ показываетъ, что для земледѣльца такой способъ употребленія обязательной работы есть самый выгодный, каковы бы ни были цѣны на хлебъ (**). Этотъ хлебъ, составляющій произведеніе обязательной ренты, служитъ одною изъ начальныхъ причинъ страшнаго колебанія цѣнъ. Для соблюденія выгоды всякаго производства, необходимо соображать размѣръ его съ потребностями рынка; но при обязательной рентѣ это соображеніе не можетъ имѣть мѣста; ибо земледѣлецъ прежде всего долженъ имѣть въ виду употребить обязательную работу на что бы то ни было, а выгоды онъ не можетъ употребить ее иначе, какъ на землю. Примеры обращенія обязательныхъ работниковъ на фабричное дѣло рѣдки, да и тѣ уда-

(*) См. Ж. М. Г. И. 1844 г. № 12. Отд. IV. Стр. 126.

(**) См. многочисленныя статьи въ «Земл. Журн.» и «Земл. Газ.», о барщинѣ и оброчѣ.

видны только тамъ, гдѣ изъ такихъ работниковъ образовался особый классъ людей, отвыкшихъ отъ земледѣлія и поставленныхъ совершенно въ положеніе вольно-наемныхъ.

Правильная соразмѣрность между производствомъ и спросомъ хлѣба на рынкахъ можетъ установиться только тогда, когда рента пріиметъ естественный экономическій характеръ. Тогда землевладельцы не будутъ принуждены огромные запасы хлѣба, произведеніе обязательной ренты, вывозить на рынокъ, часто весьма-отдаленный, и продавать ихъ за предлагаемую цѣну въ подрывъ себѣ и другимъ; но за то каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ—появленіе постоянного класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ. Работникъ, трудясь изъ найма на полѣ или въ мастерской, станетъ получать заработную плату и издерживать ее на свои потребности; и вотъ несмѣлкашій источникъ внутренняго обращенія капиталовъ, и появленія на сцену денегъ, недостатокъ которыхъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть восполненъ, хотя бы вы свезли все богатство рудниковъ Сибири и Америки.

III.

Г. Сабуровъ вѣзость цѣнъ и «невыгоды» отъ земледѣлія въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ приписываетъ соперничеству южныхъ и беспошлинному ввозу ихъ хлѣба и скота. Онъ прямо говоритъ: «южный скотъ имѣетъ тяжкое вліяніе на скотоводство «среднихъ и сѣверныхъ губерній... сбытъ главныхъ произведеній «юга—хлѣба и скота, не затруднителенъ, вѣренъ и всегда постояненъ и выгоденъ, съ тою только разницею, что одни мѣста своеобразны лишь для скотоводства, другія, напротивъ, для скотоводства и хлѣбопашества (*)».

Подобные аргументы мы считаемъ даже излишнимъ опровергать, потому-что они противорѣчатъ самой очевидной и всякому сколько-нибудь знакомому съ Россіею — извѣстной дѣйствительности.

IV.

Внѣшній сбытъ произведеній земледѣлія, конечно, весьма-важно для успѣховъ сельскаго хозяйства, и потому вся мѣра, къ общечелю его сполнѣ достойны помененія правительства. Но ошибаются тѣ, которые думаютъ—весь вопросъ о развитіи земледѣлія разрѣшить заграничнымъ сбытомъ, отношеніе котораго къ внутреннему потребленію всегда будетъ весьма-незначительно. Притомъ же, самое увеличеніе сбыта не всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ увеличенія благосостоянія земледѣльческаго класса.

(*) См. Записки Пензенск. Земледѣльца, стр. 92.

Въ то время, когда Ирландцы умираютъ съ голода, каждый годъ увеличивается вывозъ изъ Ирландіи хлѣба, солонины и масла. Но заключать о благосостояніи страны по вывозу, значить принимать ложный признакъ за существенный. Увеличеніе вывоза произведеній изъ Ирландіи объясняется тѣмъ, что каждый годъ дѣлается невозможнѣе Ирландцу ѣсть не только пшеничный хлѣбъ, но даже овсяный, произведенный его потомъ, масло и свинину, которую онъ произвелъ кускомъ хлѣба, отнятымъ у его семьи. Ирландія не можетъ сдѣлаться процвѣтающею до-тѣхъ-поръ, пока ея потребленіе не увеличится столько же, какъ и производимость, пока земледѣліе ея не будетъ питать ея дѣтей, пока она не будетъ одѣваться произведеніями своихъ мануфактуръ, а не ветошками Англичанъ.

Директоръ Прусскаго Статистическаго Бюро, г. Гофманъ, сравнивая цѣны на хлѣбъ въ разныхъ провинціяхъ монархіи, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Внутренній сбытъ, обезпечиваемый многочисленнымъ и богатымъ населеніемъ, всего болѣе способствуетъ къ поддержанію выгодныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Заграничный сбытъ, какъ занятіе побочное, можетъ сдѣлаться также выгоднымъ; но страна, которая основываетъ на немъ свое благосостояніе, угрожается двоякою опасностію. Съ одной стороны, благосостояніе это зависитъ отъ заграничныхъ торговыхъ постановленій и отъ посторонняго совмѣстительства: такимъ образомъ вывозу хлѣба изъ Германіи по Балтійскому-Морю въ Англію, препятствуютъ пошлыны, а въ гавани Средиземнаго-Моря привозъ изъ Одессы. Съ другой стороны, самое благосостояніе, достигаемое этимъ средствомъ, только кажущееся: большая разниа — вывозить то, чего не можетъ осилить внутреннее потребленіе, или то, чего не потребляютъ по различнымъ препятствіямъ. Когда большая масса народа живетъ въ нуждѣ, то для вывоза остаются многіе предметы, которые были бы потреблены, еслибъ народъ наслаждался большимъ довольствомъ. Въ странахъ, гдѣ крестьянинъ въ зимніе вечера работаетъ при свѣтѣ лучины, могутъ вывозить сало и масло, которое сгорало бы при употребленіи свѣчей и лампъ (*).

V.

Нѣкоторые говорятъ: «Дешевизна произведеній способствуетъ у насъ обширность невоздѣланныхъ земель, которая съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ причиною дороговизны рабочихъ рукъ тамъ, гдѣ приходится нанимать работниковъ».

Подобное явленіе дѣйствительно можетъ быть, но оно опять зависитъ отъ экономическаго устройства и никакъ не можетъ быть принимаемо за общее правило. Въ-самомъ-дѣлѣ, Сверхна-Америка

(*). См. Ж. М. В. Д. Ч. XXII (1836 г. стр. 572).

не бѣднѣе насъ обширностію земель, потому-что въ западныхъ штатахъ правительство ежегодно продаетъ пустопорожнія земли от 4 р. с. до 5 р. 50 к. сер. за десятину (*). Плодородіемъ Сѣверная-Америка превосходитъ Россію, такъ-что зерноваго хлѣба въ Соединенныхъ-Штатахъ производится, сравнительно съ народонаселеніемъ, вдвое болѣе, нежели у насъ (**). И при всёмъ томъ цѣны на производимыя земледѣліи вовсе не низки по сравнению съ нашими, но даже и съ другими странами Европы, болѣе бѣдными землей. Въ самомъ дѣлѣ, въ августѣ 1844 года въ Каролинѣ и Виргиніи, четверть пшеницы стоила 6 р. 84 к. сер., а въ 1845 году, когда въ Среднихъ-Штатахъ была отличная урожай, цѣны были въ Нью-Йоркѣ (въ октябрѣ) 7 р. 18 к. сер. въ Филадельфій (въ октябрѣ) 7 р. 40 к. сер. (***).

Между-тѣмъ, въ то же время у насъ, въ Одессѣ, четверть пшеницы стоила около 6 р. сер., и эту цѣну считали уже довольно рошею.

Картофель въ Среднихъ-Штатахъ производится огромное количество, именно 18,000,000 четвертей, и между-тѣмъ средняя цѣна на него 1 р. 75 к. сер. за четверть (****).

Средняя величина заработной платы въ промышленныхъ мѣстахъ въ день была до 2 р. сер., безъ хозяйской націи; обыкновенныя же работники на земледѣльческихъ фермахъ получаютъ до 17 р. 50 к. сер. въ мѣсяцъ, кромѣ помѣщенія и пищи, которыя даются отъ хозяина. Содержаніе пищею стѣтъ хозяину около 1 р. сер. въ мѣсяцъ на накладо работника. При наймѣ продленъ, рабочій день стѣтъ около 75 к. сер., а во время посѣва и жатки до 1 р. 12½ к. сер. (*****).

Итакъ, обиліе земель и огромное производство земледѣльческихъ произведеній не служатъ прямою причиною низости цѣнъ на хлѣбъ, все зависитъ отъ развитія и гармоническаго союза производственныхъ силъ. При соблюденіи этого условія, масса произведеній, какъ бы она ни была огромна, не тяготитъ производителей, а рабочій классъ народа получаетъ столь значительную заработную плату, что предъ нимъ всегда открыта возможность улучшить свое положеніе.

(*) См. De la puissance Américaine, par Guillaume Tell Pousin. 3 ed. Paris. T. II. p. 400.

(**) Въ 1840 году народонаселеніе простиралось до 17,000,000 душъ, а производство зерноваго хлѣба до 1,000,000,000 четв.; сверхъ того, картофеля 18,000,000 чет., т. е. болѣе 1 четверти на каждого человека. См. тамъ же, p. 291.

(***) См. Ж. М. Г. И. 1845 г. № 12. Отд. IV. стр. 127.

(****) См. De la puissance Américaine, par Guillaume Tell Pousin. 3 ed. Paris. 1843. T. II. p. 294.

(*****) См. тамъ же, стр. 405.

VI.

Нередко, при разсужденіяхъ о дешманѣ хлѣба, можно слышать упреки дозволамъ въ томъ, что они не разнообразяютъ произведеній и занимаютъ главнымъ образомъ производствомъ колосовыхъ хлѣбовъ. Мысль совершенно справедливая, когда ее разсматривать вообще; но въ приложеніи къ настоящимъ обстоятельствамъ Россіи, она встрѣчаетъ множество препятствій. Разнообразіе произведеній, въ общемъ смыслѣ, есть слѣдствіе разнообразія физической природы страны, разнообразія нуждъ и наконецъ раздѣленія труда.

Наблюдатель, среди лѣта провѣжающій Среднюю Россію, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, невольно поражается обильными полями, которыми засѣяны колосовыми хлѣбами; вездѣ господствуютъ рожь и овесъ; только въ самой южной полосѣ рожь чередуется съ пшеницею. Въ средней же полосѣ пшеница образуетъ только рѣдкія островки.

Въ степныхъ губерніяхъ Новороссійскаго-Края, въ части Воронежской-Губерніи, въ Земля-Войска-Донскаго и въ саратовскомъ земщинѣ, вы уже встрѣчаете повсюду пшеничныя поля. Сосражается ли здѣсь земледѣлецъ съ климатомъ или съ потребностью? Климатъ, конечно, играетъ здѣсь важную, но не главную роль. А главное — вопросъ и возможность сбыта въ черноморскіе порты (кроме Саратовской-Губерніи, которая сбываетъ свою пшеницу къ сѣверу по Волгѣ). Мы знаемъ, что пшеницу не только Харьковская и Полтавская, но даже и Тульская-Губернія; отъ-чего же онѣ предпочтительно сьютъ рожь? Потому же, почему житель новороссійскихъ степей, производя пшеницу для заграничнаго отпуска, производитъ для себя рожь и ею питается преимущественно; потому-что внутреннее потребленіе пшеницы весьма-слабо, потому-что рожь обходится дешевле и для продовольствія, и для винокурения. Было время, когда въ Полтавской-Губерніи связь пшеницу въ большомъ количествѣ: это было тогда, когда съ открытіемъ портовъ на Черномъ-Морѣ, Новороссійскій-Край, почти безлюдный, еще не могъ удовлетворять запросовъ заграничныхъ, когда высшія цѣны и дешовина перевозка давали возможность доставлять пшеницу въ порты. Но когда степи заселились и стали производить пшеницу, тогда Полтавская-Губернія не могла выдерживать соперничества, и принуждена была засѣять рожь, которая, кромѣ непосредственнаго потребленія въ пищу главному массомъ народонаселенія, могла перерабатываться въ вино. Нельзя, конечно, не замѣтить и того, что пшеница въ климатѣ Средней-Россіи требуетъ лучшей земли, слѣдовательно, лучшаго удобренія, нежели рожь, а потому и лучшаго вообще; отъ этого производится пшеницы здѣсь остается принадлежностью некоторымъ помѣщичьимъ хозяйствамъ, которыя и удовлетворяютъ потребность въ ней высшаго класса, единственнаго пока потребителя пше-

ницы. Притомъ, и высшій классъ потребляеть у насъ не исключительно пшеничный хлѣбъ, а на половину, если не болѣе, питаеся ржанымъ. Усиленіе посѣвовъ этого болѣе-цѣннаго хлѣба возможно только съ увеличеніемъ внутренняго его потребленія. насъ господствуетъ мнѣніе, что пшеничный хлѣбъ для русскаго челоуѣка не пригоденъ, не питателенъ. Но для русскаго челоуѣка законы физиологіи тѣ же, какъ и для всякаго другаго; а потомъ подобное мнѣніе мы не считаемъ даже нужнымъ опровергать. И ключительное потребленіе ржаного хлѣба имѣеть причину не въ физической натурѣ русскаго челоуѣка, а въ его хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что Франція, Южная-Германія и Англія питаются преимущественно пшеницею, отчасти овсою, отчасти и наиве. Должно ли изъ этого заключать, что у Нѣмца, Француза или Англичанина другая натура? Этотъ вопросъ лучше всего объяснит исторія.

Вотъ что говоритъ исторія Англіи: въ началѣ XVII вѣка, бѣлый хлѣбъ составлялъ принадлежность одного высшаго дворянства; слуги самыхъ знаменитыхъ домовъ ѣли ржаной или овсяной хлѣбъ. Въ 1760 году, изъ 6,000,000 жителей Англіи 880,000 употребляли ржаной хлѣбъ; нынѣ изъ 18,000,000 только не болѣе 50,000 ѣдятъ ржаной хлѣбъ. Въ концѣ американской войны пшеницы до пшеничнаго хлѣба ни на фермахъ, ни въ селеніяхъ, ни да же въ малыхъ городахъ Шотландіи. Денежки изъ овсяной и овсяной муки были во всеобщемъ употребленіи. Нынѣ совсѣмъ нѣтъ ни тѣхъ городовъ и селеній гдѣ только пшеничный хлѣбъ, и тамъ же хлѣбомъ питаются большая часть работниковъ на фермахъ. В 1727 году, поле въ 8 десятинъ, засѣянное пшеницею, въ сиротскихъ Эдинбурга, казалось столь любопытнымъ дѣломъ, что привлекло вниманіе всѣхъ сосѣднихъ жителей, и множество народа приходило издалека смотреть его (*). Хотите знать, отъ чего это произошло? «Въ то время, когда народъ не знаеть ни пшеничного хлѣба, ни овсяной сословія вели жизнь самую бѣдную. Въ хатахъ не было ни постелей, ни утвари, включая ивѣсальнички, корзинки для приготовленія пищи. Крестьяне спали на солодѣ, покладывая на полу, употребляя бревно вмѣсто голодной подушки, и имѣли сидѣль въ стойлахъ съ своими быками. Хлѣбныя сосиски имѣли амзанокъ безъ оконъ и трубъ» (**).

Во Франціи производство и потребленіе пшеницы въ теченіи послѣдняго столѣтія утроилось: въ 1700 году всего ея производилось 20 милліоновъ гектардтровъ, нынѣ до 60 милліоновъ. Въ 1700 году приходилось на каждаго жителя 100 литровъ пшеницы, а

(*) См. Revue Britannique. 1836 г., а равно Ж. М. В. Д. 1836 г. Ч. IV. стр. 217.

(**) См. тамъ же, стр. 302.

1839 году—172. При расчетѣ полной годовой пропорціи пшеницы на одного человѣка, оказывается, что въ 1700 году на 100 человѣкъ приходилось 33 человѣка, которые круглый год ѣли пшеничный хлѣбъ, а въ 1839 году 60 человѣкъ. Это доказываетъ, что экономическое положеніе страны измѣнилось, и обнаружилось движеніе въ потребленіи: съ одной стороны увеличилось число людей, питающихся пшеницею, и возрасло отъ 9 до 20 милліоновъ, съ другой—уменьшилось число потребителей другихъ хлѣбовъ отъ 17 до 13 милліоновъ.

Нельзя также не обратить вниманія и на другой фактъ—на цѣну потребленной пшеницы. Стоимость потребленной пшеницы составляла:

Въ 1700 г. 200,000,000 фр. или 16 ф. на 1 человѣка.

— 1839 г. 1,267,662,000 — — 33 — — — —

Производительность и доходъ земли возрасла въ такой же пропорціи.

Съ одного гектара получалось пшеницы среднимъ числомъ:

Въ 1700 г. 6,68 гект. на 150 фр.

— 1839 г. 13,01 — — 290 — (*).

Эти цифры ясне всякихъ разсужденій доказываютъ, что *возрастаніе внутренняго потребленія и увеличеніе производительности земли суть факты одновременные и тождественные*. Нѣтъ одного—нѣтъ и другаго. Потребленіе пшеницы справедливо принимается нѣкоторыми писателями за признакъ богатства и успѣховъ гражданственности. Суровый Спартаецъ не зналъ другаго хлѣба, кромѣ ячменя, а утонченный Афинянинъ питался исключительно пшеницею. Римляне, въ первыя времена, на плодородныхъ поляхъ Кампаніи воздѣлывали только ячмень, но, сдѣлавшись повелителями міра, они не знали другаго хлѣба, кромѣ пшеничнаго.

Мы упомянули о вліяніи разнообразія нуждъ на разнообразіе произведеній. Здѣсь мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе существа нуждъ человѣка и ихъ развитія; для нашей цѣли достаточно сказать, что система нуждъ и ихъ количество измѣняется, развиваясь изъ малаго и возрастая отъ вліянія умственныхъ способностей. Онѣ могутъ быть приведены къ кореннымъ нуждамъ, которыя необходимы; но дѣйствіями ума, требованіями способности чисто-духовной, онѣ получаютъ то безконечное разнообразіе, которое замѣчаемъ, и каждая изъ нихъ не имѣетъ предѣла въ своихъ измѣненіяхъ. Этими же умомъ открывается въ вещахъ множество сторонъ, которыя должны осуществиться для удовлетворенія той или другой потребности человѣка. Отрицая тѣ или другія нужды человѣка, мы дѣйствуемъ на нравственную сторону, уменьшая развитіе производительности. Отрицаніе нуждъ можетъ происходить или отъ воли человѣка, или отъ окружающихъ его об-

(* См. Journal des Économistes. T. IV. 1833. Статя: Statistique des céréales de la France, par Moreau de Jonnés.

стоятельствъ. Первая причина служить только доказательствомъ силъ, заключающихся въ его нравственной природѣ, когда онъ замѣняетъ проходящія наслажденія чувствомъ внутренней силы; но эти дѣйствія разума бываютъ только въ отдѣльныхъ лицахъ или замѣчаются въ цѣломъ народѣ лишь въ чрезвычайныя эпохи возрожденія. Гораздо-общіе отрицаніе нуждъ отъ второй причины: она зависитъ отъ общественныхъ отношеній. Мы не будемъ здѣсь указывать, какія именно изъ этихъ отношеній ограничиваютъ развитіе потребностей. Они попятны тому, кто убѣжденъ въ томъ, что мы сказали выше о происхожденіи нуждъ. Здѣсь же замѣтить, что стройное развитіе потребностей во всѣхъ классахъ общества благотвельно и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлаго общества: оно внушаетъ любовь человѣку ко всему его окружающему, открываетъ возможность улучшить и сообщить вещамъ новую форму, которую онъ замѣчаетъ у людей болѣе образованныхъ, и это заключаетъ въ себѣ залогъ добра и совершенствованія. Это стремленіе никогда не останавливается, если нѣтъ вредныхъ противодействій; оно особенно благотвельно, когда происходитъ свободно изъ внутренняго желанія удобства и совершенства, а не изънѣ.

Послѣ этого не считаемъ нужнымъ опровергать жалобы многихъ изъ нашихъ хозяевъ на замѣчаемую роскошь въ простомъ народѣ.

VII.

Говорятъ, что для умноженія потребителей произведеній сельскаго хозяйства, необходимо «усиленіе городовъ». Справедливо. Но тѣ, которые указываютъ на это средство, не всегда видятъ въ исторію развитія городовъ.

Городъ, въ истинномъ значеніи, есть средоточіе механическихъ искусствъ, ремесленной и мануфактурной промышленности. Механическія искусства рождаются нечувствительно близъ земледѣльческихъ занятій; вскорѣ затѣмъ обнаруживается польза исключительнаго занятія тамъ или другимъ искусствомъ и потребность во взаимной помощи разныхъ ремеслъ. Такимъ образомъ механическія искусства, отдаляясь отъ земледѣлія, совершенствуются, а сближаясь между собою въ одномъ мѣстѣ, получаютъ новую силу, обнаруживающуюся въ быстротѣ производства. Следовательно, рожденіе городовъ имѣетъ свое начало въ раздѣленіи труда. Чѣмъ естественнѣе совершается это раздѣленіе, тѣмъ быстрее развиваются ремесла, тѣмъ скорѣе они сближаются между собою и образуютъ городское населеніе въ истинномъ его значеніи. И обратно, городская жизнь не можетъ развиваться тамъ, гдѣ естественное раздѣленіе труда встрѣчаетъ препятствія. Въ такомъ положеніи вещей земледѣлецъ долженъ не только приготовить все для него нужное самъ, самъ строить свою хижину, орудія, утварь, самъ точить и шить свое

лате и обувь; если же не счѣмъ сдѣлать, то обходится и безъ него. Притомъ, большая часть того, что онъ производитъ самъ, обходится ему дорого, хотя онъ и считаетъ дешевымъ, потому-что оно му ничего не стоило; но въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ устроить свой единственный скарбъ, онъ употребилъ въ десять разъ болѣе времени, трудовъ и матеріаловъ, нежели сколько потребовалось бы ихъ при производствѣ ремесленниками, не говоря уже о томъ, что въ по-лѣдномъ случаѣ произведеніе выходитъ прочтѣе, красивѣе и удобнѣе. Отъ-того въ такомъ положеніи вещей, все, что окружаетъ земледѣльца, носитъ на себѣ печать нищеты, отсутствія изящества и понатія о удобствахъ жизни. Тѣ, которые направляютъ труды земледѣльца, обыкновенно не довольствуются грубыми произведеніями и устрояютъ свои мастерскія. Но такъ-какъ въ подобныхъ заведеніяхъ работа обязательная, то она отвергаетъ возможность усовершенствованія промысла, и самыя произведенія выходятъ гораздо-дороже, нежели при трудѣ свободномъ (*).

Если существо городской жизни заключается въ ремесленной и мануфактурной промышленности, то развитіе ея поддерживается дѣятельностью мѣны. Количество обдѣланныхъ произведеній, которое городъ продаетъ, по необходимости опредѣляетъ собою количество матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ, которые онъ покупаетъ. Такимъ образомъ и производительность и потребление городовъ умножается по мѣрѣ запроса деревень на мануфактурныя произведенія; следовательно, по естественному закону, успѣхи населенія и богатства городовъ идутъ вслѣдъ и пропорціонально улучшенію положенія селеній.

. VIII.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нападкахъ на купцовъ, которыхъ г. Бунинъ, и съ нимъ многіе другіе, упрекаютъ въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ.

Дѣйствительно, въ обыкновенное время, т. е. во время урожая, цѣны на хлѣбъ устанавливаются преимущественно *скупающими*, а не *продающими*. Причины тому мы объяснили выше, но онъ не записать отъ купцовъ; купцы пользуются только обстоятельствомъ, не производить ихъ: иначе и быть не можетъ; и развѣ не всѣхъ сдѣлать бы то же на ихъ мѣсть? Это, конечно, эгоизмъ. Но не имѣть самоотверженія въ цѣлыхъ классахъ есть ни болѣе, ни меньше, какъ юношеская мечта.

Полагая все зло въ хлѣбныхъ торговцахъ, нѣкоторые предлагаютъ, не шутя, учреждать самимъ помѣщикамъ *хлѣбославныя* и другія разныя общества для торговли хлѣбомъ. Положимъ, что и

(* См. статью г. Ханькова: «Описаніе горныхъ заводовъ въ Оренбургской губерніи», во 2 томѣ «Матеріаловъ для Статистики Россіи», изд. отъ Мин. Вн. Дѣлъ.

возможно составленіе такихъ обществъ изъ помѣщиковъ; но развѣ въ такомъ случаѣ измѣнилась бы сущность дѣла?

Впрочемъ, возстанія противъ хлѣбныхъ торговцевъ были не у однихъ насъ; но вездѣ здравый разумъ признавалъ подобныя мнѣнія заблужденіемъ, незнаніемъ даже самыхъ простыхъ началъ народнаго хозяйства. Еслибъ потребитель принужденъ былъ всякій разъ съ требованіями своими обращаться къ производителю, то при всякомъ неурожаѣ неминуемо слѣдовало бы голодъ. Возьмемъ въ примѣръ 1845 годъ: успѣло ли бы правительство пріобрѣсти огромные запасы хлѣба и доставить ихъ съ Волги въ западныя губерніи, еслибъ не было купцовъ, всегда сосредоточивающихъ запасы? Скажутъ: «хлѣбъ можно было бы взять у помѣщиковъ!» Мы не говоримъ о физической невозможности сосредоточить вдругъ запасы, разсыпанные въ тысячѣ мѣстахъ; но, устраняя и эту невозможность, развѣ мы не знаемъ примѣровъ 1840 г., когда нѣкоторые помѣщики, у которыхъ были огромные запасы хлѣба, удерживались продажею, ожидая еще большаго возвышенія цѣны? Кто вникнетъ въ дѣло безъ предразсудковъ, безъ эгоизма, тотъ напротивъ, согласится, что хлѣбные торговцы въ неурожайные годы оказываютъ величайшую услугу, не возвышая, а напротивъ умѣряя цѣны на хлѣбъ.

IX.

Мы выше привели замѣчаніе г. Титова о томъ, что цѣны на хлѣбъ у насъ несоразмѣрны съ цѣнами на мануфактурныя произведенія. Замѣчаніе справедливое; но въ этомъ опять исключительное нельзя винить фабрикантовъ.

Это явленіе объясняется слѣдующими обстоятельствами:

1) Большая часть матеріаловъ, потребныхъ для нашихъ фабрикъ, получается изъ-за границы. Доставка ихъ въ Россію и значительная пошлина при ввозѣ дѣлаютъ то, что для нашего фабриканта стоимость матеріаловъ обходится гораздо-дороже, нежели для иностранныхъ (*).

(*) Вотъ сравнительныя цѣны нѣкоторыхъ матеріаловъ въ Лондонѣ (10-го апрѣля 1847 г.) и въ Москвѣ (14-го апрѣля 1847 г.):

	въ Лондонѣ.	въ Москвѣ.
Хлопчатая бумага американская за пудъ. . .	5,34 к. сер.	6,50 к. сер.
	7,92 — —	9,10 — —
Индига бенгальскій	30,28 — —	55,60 — —
	81,18 — —	90,00 — —
Кошениль	70,26 — —	85,00 — —
	90,99 — —	100,00 — —
Шелкъ органикъ	249,48 — —	270,00 — —
	300,40 — —	330,00 — —
Шелкъ персидскій	96,00 — —	120,00 — —
	118,80 — —	140,00 — —

2) Издержки самаго производства у насъ обходятся гораздо-дороже, нежели за границею. Это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: а) всякая фабрика требуетъ многообразныхъ механическихъ пособій; у заграничнаго фабриканта они находятся всегда подъ рукою въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ основалъ свое заведеніе; у насъ, заключеніемъ столицъ, напротивъ, фабрикантъ долженъ содержать не только людей, непосредственно занимающихся выдѣлкою главнаго его произведенія, но и тѣхъ, которые необходимы для устройства или починки снарядовъ; б) наши работники довольствуются хотя и меньшимъ заработкомъ, но сравнительно съ иностранными выработываютъ несравненно-меньше; объ искусствѣ и говорить нечего. Это зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, о которыхъ мы говорили при раздѣленіи труда въ земледѣліи.

3) Известно, что цѣна мануфактурныхъ произведеній тѣмъ болѣе понижается, чѣмъ болѣе ихъ выдѣлывается; а количество выдѣлываемыхъ произведеній возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ потребителей. У насъ около $\frac{9}{10}$ народонаселенія почти незнакома съ отребленіемъ мануфактурныхъ издѣлій. Фабриканты, выдѣлывающіе сукно въ 5 и 6 руб. ас. за аршинъ, не находятъ ему сбыта, а и такихъ фабрикъ у насъ немного.

4) Проценты на капиталъ у насъ вообще выше: это зависитъ, съ одной стороны, отъ недостатка капиталовъ, а съ другой отъ недостатка кредита. Нѣкоторые ставятъ въ вину нашимъ фабрикантамъ то, что они работаютъ на заемные капиталы. Это дѣлается вездѣ притомъ въ гораздо-большемъ размѣрѣ, нежели у насъ.

Несомнѣнно, что земледѣліе не можетъ существовать безъ скотоводства; объ этомъ никто не станетъ спорить. Но есть мнѣніе, и притомъ весьма-распространенное у насъ, что скотоводство есть неизбежное зло. Прежде всего замѣтимъ, что земледѣліе и скотоводство находятся въ такой тѣсной связи, что улучшение или упадокъ одного влечетъ за собою улучшение или упадокъ другаго. Мы не имѣемъ общихъ исчисленій скота въ цѣлой Россіи, но есть нѣкоторыя частныя данныя, которыя могутъ привести къ поучительнымъ результатамъ.

Т. Бунинъ, въ статистическомъ описаніи Усманскаго-Уезда (*), приводитъ слѣдующія числа:

Всей земли въ уездѣ 412,481 дес.; на этомъ пространствѣ въ 1855 году было:

лошадей.	44,153 шт.
рогатаго скота.	24,523 —
овецъ.	134,150 —

Приведемъ десятины въ квадратныя версты и приведемъ количество жителей обоого пола равнымъ 104,000 человекъ, окладываемъ на 1000 жит. на 1 кв. вер. лошадей. . . . . 423 11 шт. рогатаго скота. . . . . 236 6 — овецъ 1290 33

Въ Войскѣ Донскомъ на пространствѣ 14,202,204 кв. версты), къ 1 января 1842 г. считалось: 729,082 лошадей . . . . . 371,035 штукъ рогатаго скота . . . . . 1,408,782 овецъ 2,401,857

Слѣдовательно, приходилось: на 1000 жит. лошадей . . . . . 509 рогатаго скота . . . . . 1609 овецъ 3288

Въ Оренбургской Губерніи на пространствѣ 327,466 кв. верстъ въ 1844 г. было: лошадей . . . . . 1,398,476 штукъ рогатаго скота . . . . . 1,318,578 овецъ 2,246,499

Жителей обоого пола 1,771,400; слѣдовательно, приходилось: на 1000 жит. лошадей . . . . . 717 рабочаго скота . . . . . 675 овецъ 1153

Изъ приведенныхъ нами мѣстностей, Уманскій-Уздъ служитъ типомъ средней черноземной полосы. Результаты, достигнутые для этого узла, могутъ быть применены, въ общій крайней-мѣрѣ, соображеніяхъ, ко всей средней полосѣ, которая составляетъ главную житницу Имперіи. Войско-Донское является хозяйствомъ, гдѣ, при обиліи земли, скотоводство является выгодами съ земледѣіемъ, если его не пренебрегаютъ. Но немъ можно судить о той части Россіи, которая является хозяйствомъ степное, переложное.

Теперь сравнимъ наше скотоводство съ другимъ Европы.

	Рогатаго скота.		Овецъ.	
	на 1 кв. в.	на 1000 ж.	на 1 кв. в.	на 1000 ж.
Въ Австріи	22	357	23	368
— Пруссіи	21	324	66	994
— Баваріи	34	553	22	349

(*) См. «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости» и «Московскія Вѣдомости» 1845 г. № 435.

(**) Здѣсь принято 10 овецъ равными одной крупной овецѣ.

Въ Виртембергъ	47	490	39	417	51	534
— Бельгія	35	226	28	182	38	214
— Франція	22	292	70	949	29	386
— Усманскомъ-Уездѣ	6	236	33	1290	9	365
— Земля Войскъ-Донскихъ	8,5	1002	17,5	3,288	10	1930
— Оренбургскія Губерніи	4,0	675	6,0	1,153	46	790

Изъ этого открываётся:

а) Относительно числа жителей, степная часть Россіи превосходитъ богатствомъ скотоводства остальную Европу, но средняя отстаетъ отъ большей части государствъ.

б) Въ отношеніи къ пространству, у насъ, въ средней Россіи и въ землѣ Войска-Донскаго, количество скота въ два съ половиною раза а въ Оренбургской-Губерніи, въ два съ половиною разъ меньше противъ самыхъ богатѣйшихъ скотомъ государствъ Западной-Европы (§).

Но одно количество произведеній еще не все значить въ экономіи народной: всего важнѣе употребленіе.

Сколько доставляетъ доходъ рабочему саюу, удобреніемъ и, наконецъ, продажей произведеній.

Но, ни въ свѣдѣніи о количествѣ скота, употребляемаго въ работу, мы не можемъ входить въ подробныя сужденія по этому предмету.

Замѣтимъ, однако, что въ этомъ отношеніи сравненіе количества скота съ пространствомъ земли не можетъ служить указателемъ.

Масса получаемаго удобренія находится въ прямомъ отношеніи не съ числомъ скота, а съ его качествомъ, и качествомъ и количествомъ корма. У насъ, впрочемъ, рассчитываютъ удобреніе по количеству скота; а потому, если къ вышеприведеннымъ числамъ присоединить, что въ среднихъ собственно-земледѣльческихъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ корма, то легко понять, что количество удобренія далеко не соответствуетъ пространству земель.

Наконецъ, остается сказать о доходѣ отъ скота. Доходъ этотъ близкъ, всего опредѣляется количествомъ потребляемаго мяса.

Потребленіе говядины у насъ преимущественно ограничивается столицами и приморскими городами. Въ уездныхъ городахъ потребленіе говядины, сравнительно съ народонаселеніемъ, весьма незначительно. Даже самыя губернскіе города представляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательные факты; такъ, на-прим.: въ Екатеринославѣ трудно найти хорошую говядину; въ Харьковѣ хорошая говядина также попадаетъ рѣдко; вкусная телятина еще

(*) О состояніи скотоводства въ Западной-Европѣ см. подробности въ Журн. Мин. Гос. Имущ. 1843. Ч. VII, отд. II, стр. 87 и 249.

рынке и продается весьма-дорого въ сравненіи съ московскими цѣнами (*). Въ городахъ, окруженныхъ стѣнами, съ безчисленными вѣхъ стадами, мало потребляется говядины. Въ Ахтыркѣ, при 14,000 жителей, убивается до 160 быковъ и коровъ и 30 телятъ, т. е. въ годъ 1 рогатая скотина на 90 человѣкъ жителей и 1 теленокъ на 370 человѣкъ; а въ Богодуховѣ, при 9,000 жителей, быковъ и коровъ убивается только 75 или 1 на 122 жителя.

Въ 1835 году, въ Рыбинскѣ потреблено 9242 пуда свѣжей говядины (**). Жителей постоянныхъ считалось 8809 человѣкъ; следовательно, на cadaго приходилось по 42 фунта; но въ-теченіе года въ Рыбинскѣ было 128,000 судорабочихъ. Если допустить, что каждый изъ этихъ рабочихъ потребилъ хоть два фунта говядины, то на cadaго изъ остальныхъ жителей придется не болѣе 13 фунт. свѣжей говядины.

Въ Пруссіи, по исчисленію Гофмана, на cadaго жителя приходится въ годъ свѣжаго мяса:

говядины	23 ¹ / ₂ ф.
баранины	6 ¹ / ₂ —
свинины	8 ¹ / ₂ —
	38 ¹ / ₂ ф.

Въ Баденскомъ Герцогствѣ на cadaго жителя одной говядины приходится . . . . . 35 фунт.

Въ Баваріи . . . . . 36 —

— Бельгіи . . . . . 21¹/₂ —

Но всего важнѣе способы, какими народъ добываетъ себе мясную пищу: въ Бельгіи, число ежегодно убиваемаго скота составляетъ болѣе половины наличнаго числа, и не смотря на то, этотъ расходъ ни мало не уменьшаетъ капитала, какъ бы можно было полагать, и не препятствуетъ его возрастанію. Поэтому—относительно большее количество скота къ народонаселенію не можетъ дать настоящаго понятія о богатствѣ народа. Чѣмъ быстрѣе иняется поколѣніе скота, тѣмъ онъ болѣе доставляетъ дохода; притомъ всегда народонаселеніе возрастаетъ въ большей пропорціи, нежели число скота. Въ Виртембергѣ, на 1000 чел. жителей считалось въ 1834 году 503 головы рогатаго скота, а въ 1840 году 491, но эти 491 голова доставляютъ нынѣ гораздо-болѣе молока и мяса, нежели 503 въ 1834 г. Въ Каринтіи и Каріюліи считается 712 головъ скота на 1000 жителей, и не смотря на то, народъ естъ мяса несравненно-менше, нежели въ Виртембергѣ. Вообще, въ Германіи, въ земледѣльческихъ работахъ, лошади быстро смѣняютъ быковъ, и отъ этого увеличивается число бойнаго скота.

(*) См. «Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи», издаваемые Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. 1839 г. Отд. III. Стр. 82. Статья о городахъ Харьковской-Губерніи, г. Пассека.

(**) См. «Описаніе Города Рыбинска», составленное попеченіемъ рыбинскаго градскаго главы Федора Тюменова. Спб. 1835 г.

Въ Бельгій подтелки одно и двухъ-лѣтнія весьма-часто встрѣчаются на бойняхъ, а быки 7 и 8 лѣтъ составляютъ рѣдкость. Въ Пруссіи малые хозяева воспитываютъ рогатый скотъ, а большіе откармливаютъ. Нерѣдко въ Рейнской-Провинціи есть хозяева, имѣющіе одну или двѣ десятины и содержащіе отъ 4-хъ до 5-ти быковъ.

Мы показали выше количество скота въ Войскѣ Донскомъ; въ этого огромнаго количества убито на продовольствіе жителей (въ 1842 г.) 16,270 головъ, т. е. $\frac{1}{73}$ часть; продано 66,844 гол., т. е. $\frac{1}{17}$ часть; если сложить эти числа—окажется, что число скота потребляемаго и продаваемаго составляетъ $\frac{1}{14}$ часть всего наличнаго количества. Слѣдовательно, поколѣніе мѣняется въ 14 лѣтъ. Теперь должно быть понятно, что огромность скотоводства не служитъ мѣриломъ извлекаемой изъ него государствомъ выгоды. Большое число содержаимаго скота относительно народонаселенія, если въ то же время оно не мѣняется быстро, служитъ доказательствомъ обилія земель и младенчества земледѣлія. Въ прошедшемъ столѣтіи, въ Буэнос-Айресѣ, по свидѣтельству Уллоа, быкъ на выборъ изъ огромнаго стада стоилъ 55 коп. сер.; въ 1772 году, по свидѣтельству Палласа, въ Красноярскѣ быкъ продавался по 1 р. 50 к., корова стоила 1 р., лошадь отъ 2 до 3 р., баранъ отъ 30 до 40 к. Въ Южной-Россіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, быковъ били только для кожи, и нынѣ продолжаютъ это дѣлать съ баранами. Но подобная дешевизна скота продолжается только до-тѣхъ-поръ, пока обширность земель позволяетъ плодиться стадамъ почти въ дикомъ состояніи. Въ этомъ случаѣ уходъ за скотомъ не стоитъ ничего, а производство хлѣба требуетъ работы и, слѣдовательно, издержекъ. Вотъ почему на оренбургской-линіи за пудъ муки Киргизъ отдаетъ 1 или 2 барановъ.

Съ развитіемъ народонаселенія, цѣна скота вообще увеличивается. Но здѣсь слѣдуетъ различать, отъ-чего зависитъ главнѣйше увеличеніе цѣны скота: отъ увеличенія ли цѣны на кожи и сало, или отъ увеличенія цѣны на мясо. Шерсть, сало и кожи потребителей находятъ и вдалекѣ, но мясо можетъ потребляться лишь на мѣстѣ, или вблизи. Поэтому, тогда лишь можно сказать, что хозяйство страны идетъ впередъ, когда главный доходъ отъ скота возвышается на-счетъ увеличенія цѣны мяса. Ибо только въ такомъ случаѣ дѣлается выгоднымъ воздѣлывать земли для корма скота; слѣдовательно, дѣлается возможнымъ улучшеніе луговъ и введеніе кормовыхъ и корнеплодныхъ растений; чѣмъ выше цѣна говядины въ сравненіи съ цѣною хлѣба, тѣмъ выгоднѣе скотоводство.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть много земли, способной только для пастбищъ, цѣна скота не можетъ быть столь высока, чтобъ выгодно было обрабатывать землю для корма скота; исключенія будутъ лишь въ томъ случаѣ, когда есть вблизи рынокъ, гдѣ съ выгодой можно сбывать произведенія скотоводства. Такъ въ Шот-

ланди цѣна на скотъ поднялась вдругъ, когда, по соединеніи съ Англіею, открылся для нея сбытъ. То же самое случилось и въ Россіи, при открытіи южныхъ портовъ; но ни въ какомъ случаѣ эти высшія причины увеличенія цѣны на скотъ не могутъ равняться, въ обширности и благотворности послѣдствій, съ возвышеніемъ цѣны на говядину въ слѣдствіе увеличенія внутренняго спроса, а оно увеличивается тогда, тѣмъ развѣтвется промышленность и вмѣстѣ съ нею общее благосостояніе народа. Въ Пруссіи, въ 1824 по 1840 годъ, цѣна на говядину возвысилась почти 50 процентами (*), и притомъ наиболее съ 1824 по 1836 годъ, съ которымъ году наибольшаго процвѣтанія.

Въ прусскихъ провинціяхъ цѣна говядины въ 1832 году была выше среднихъ цѣнъ 1816—1829 г.г.:

Въ Бранденбургѣ и Помераніи на 9,3 проц.	Въ Силезіи	— 16,9
— Саксоніи	— 14,4	— 14,2
— Вестфаліи	— 14,2	— 15,0
— Рейнской Провинціи	— 15,0	

Здесь, кромѣ общаго возвышенія цѣны во всей монархіи, весьма замѣчательно и относительно. Самое большее возвышеніе было въ Рейнской Провинціи, и именно той части государственныхъ земель, гдѣ наиболее развилось благосостояніе; за тѣмъ возвышеніе слѣдующее совершенно въ томъ порядкѣ, въ которомъ можно повѣствовать прусскія провинціи относительно ихъ общаго благосостоянія, и потому.

Низкая и высшая обстоятельства имѣютъ участіе въ движеніи цѣны на говядину; но дѣйствіе ихъ всегда слабое внутреннѣе причины. Такимъ образомъ, въ 1822 году, когда во Франціи объявлено возвышеніе пошлины на привозимый изъ Германіи скотъ, возвышеніе цѣны на говядину остановилось, особенно въ базарномъ, но когда, напротивъ, образованіе Германскаго Таможеннаго Союза уничтожило многія препятствія, преграждавшія развитіе внутренней промышленности, тогда возвышеніе цѣны на говядину вновь началось.

У насъ благомыслящіе хозяева въ улучшеніи скотоводства видятъ необходимое условіе улучшенія земледѣлія; другіе, напротивъ, придаютъ скотоводству неизбѣжнымъ только зломъ. Желанія первыхъ весьма похвальны, но и убѣжденія послѣднихъ имѣютъ свои основанія. Для поясненія этого предмета необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся совокупнаго развитія земледѣлія и скотоводства.

На всѣхъ земляхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ, удобреніе должно доставать на мѣстѣ отъ самой земли; но когда такое удобреніе бываетъ пропорціонально количеству скота, принадлежащаго кою же землею, или, другими словами, пропорціонально

(*) Отъ 9 к. с. за фунтъ до 14, к. с.

токъ удобренія, которое не позволить привести вдругъ землю къ такому положенію, чтобъ можно было на ней хорошо содержать большое количество скота.

Увеличеніе числа скота и улучшеніе земли могутъ идти только параллельно, и одно не можетъ перегонять другое. Нельзя улучшить земли, не увеличивъ числа скота; но нельзя увеличить скота, не улучшивъ земли, — иначе земля не будетъ въ состояніи его содержать. Эти препятствія могутъ быть побеждены только послѣдовательно, постоянствомъ мѣръ, стремящихся къ приведенію производительныхъ силъ человека и земли въ гармоническое состояніе.

Развитіе молочнаго хозяйства идетъ совершенно тѣмъ же путемъ. Должно притомъ замѣтить, что изъ всѣхъ произведеній скотоводства, молочные скопы — самые непрочные. Молоко, въ теплое время, когда его наиболѣе получается, едва можетъ сохраниться сутки; свѣжее масло сохраняется едва одну недѣлю, соленое можетъ сохраняться до года; большая часть сыровъ также. Часть молочныхъ скоповъ обыкновенно потребляется на мѣстѣ, другая можетъ поступать въ пролажу; но молоко можетъ быть сбываемо лишь въ сосѣдствѣ большихъ городовъ, и то на весьма-небольшихъ разстояніяхъ; другія приготовленія могутъ выносить и болѣе-дальнюю перевозку; но если цѣны низки, то нѣтъ никакого побужденія заниматься приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, хорошее качество которыхъ требуетъ много времени и труда. Тѣ же причины, отъ которыхъ возвышается цѣна на мясо, поднимаютъ цѣну и на молочные скопы: тогда молочное хозяйство заслуживаетъ полнаго вниманія хозяевъ; цѣны, наконецъ, поднимаются до того, что дѣлается выгоднымъ воздѣлывать земли единственно для содержанія молочнаго скота; въ такомъ положеніи находятся многія страны Европы. Но въ большей части Россіи это еще долго будетъ невозможно.

Одно изъ произведеній скотоводства не слѣдовало изложенной постепенности въ-отношеніи къ восходящему движенію цѣнъ. Это шерсть. Движеніе цѣнъ на нее слѣдовало обратному ходу: въ началѣ развитія у насъ тонкоруннаго овцеводства, цѣны на шерсть были выше, но потомъ начали упадать. Это объясняется тѣмъ, что производство шерсти было основано на ви́шнемъ потребленіи, а главное тѣмъ, что оно было новою отраслью промышленности, водвореніе которой необходимо требуетъ высокихъ цѣнъ. Нисходящее движеніе цѣнъ показываетъ, что овцеводство начало приходить въ уровень съ прочими отраслями хозяйства. И потому, хозяева не должны питать себя тщетною надеждою, что овцеводство опять можетъ прійти въ такое положеніе, чтобъ оно могло приносить гораздо-большія выгоды, нежели всѣ другія отрасли хозяйства. То же самое, чтó совершается у насъ съ шерстью, было съ хлопчатую бумагою въ Америкѣ.

XI.

Одинъ хозяинъ, мнѣніе котораго мы привели выше, говоритъ: (аше земледѣліе въ угнетеніи: доходы владѣльцевъ средняго сословія не покрываютъ ихъ ближайшихъ нуждъ. Здѣсь можно было бы многое сказать о необходимости нуждъ. Но это завлекло насъ слишкомъ-далеко. Скажемъ однако, что мы не принадлежимъ къ тѣмъ такъ-называемымъ нравственнымъ людямъ, которые полагаютъ строгое различіе между нуждами *мнимыми* и *необходимыми*. По вашему понятію, раздѣленіе это весьма-шатко: то, что для челоука полудикій считаетъ потребностію несущественною, имѣетъ важное мѣсто въ глазахъ челоука образованнаго; то, что считается нужнымъ для челоука образованнаго, можетъ казаться для необразованнаго ненужнымъ. Понятіе о роскоши есть сьма-относительное и не заключаетъ въ себя ничего положительнаго; роскошничать можетъ каждый въ своемъ родѣ, и дикарь, точно такъ же, какъ и образованный челоукъ. Въ-отношеніи къ своему народу, можно сказать только то, что онъ роскошничаетъ тогда, когда потребляетъ большую часть своего труда, своихъ произведеній непроизводительно; тогда роскошь дѣлается дѣйствительно зломъ, не только въ экономическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи, развращая волю, ослабляя твердость къ лишеніямъ, отгоняя умъ отъ упражненій возвышенныхъ, облагороженныхъ, и обращая къ наслажденіямъ матеріальнымъ, убивающимъ душу и тело. Причины подобнаго явленія заключаются въ отклоненіи отъ равныхъ началъ общежитія; оно не могло бы произойти, еслибы нужды развивались стройно и цѣнности производились правильно. Умноженіе нуждъ существуетъ при извѣстныхъ условіяхъ вездѣ, оно благотѣльно, когда происходитъ свободно, изъ внутренняго желанія удобства и совершенства, а не извнѣ, и притомъ поспешно, стройно. Нельзя назвать стройнымъ развитіемъ нуждъ, когда оно происходитъ чрезъ стеченіе случайныхъ обстоятельствъ: внезапный прливъ денегъ и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ немногихъ, производить въ этихъ послѣднихъ зати. И такъ-какъ это произошло въ нихъ безъ стройнаго развитія, то они стремятся къ потребностямъ менѣе-существеннымъ, къ суетнымъ, тогда-какъ жѣйшія нужды остаются у нихъ неудовлетворенными. Прямыми мѣрами дѣйствовать на роскошь, на мотовство — нельзя. Противно видѣть челоука богатаго, употребляющаго свое богатство не для высокихъ цѣлей умственнаго образованія, а для прихотей мелочныхъ, ничтожныхъ; больно видѣть ремесленника или крестьянина грубаго, безпечнаго, проводящаго время въ банкѣ вмѣсто того, чтобъ позаботиться о обезпеченіи своемъ и своего семейства. Но въ этихъ случаяхъ власть ничего не можетъ дѣлать; надо говорить уму, убѣдить сердце, надо приучить искать другихъ удовольствій,—принудить къ этому нельзя. Люди, переходя

Г. Мальцовъ въ своемъ проектѣ, о которомъ мы уже говорили, предлагаетъ пособить недостатку денегъ въ земледѣльческомъ классѣ ссудою, помѣщикамъ по 8 р. сер. на реввскую душу. Надобно думать, что это число заключаетъ въ себѣ нѣчто волшебное, кабалистическое; ибо спрашивается, почему 8 р. могутъ произвести столь благотворныя послѣдствія на земледѣліе, если 60, 70 и даже 80 р. сер., выдаваемые нынѣ помѣщикамъ въ ссуду, не произвели тѣхъ дѣйствій? (*) Намъ скажутъ: «нынѣ выдаются деньги подъ залогъ недвижимаго имѣнія, а г-нъ Мальцовъ предлагаетъ выдавать подъ залогъ хлѣба». Но это значитъ только играть словами (**)...

XIII.

При жалобахъ на какое-либо невыгодное положеніе, обыкновенно указываютъ на прошедшее, какъ на лучшее, какъ на потерянное. Но справедливо ли это? Разберемъ дѣло ближе, безпристрастно; будемъ принимать въ основаніе факты, а не безотчетную, старческую грусть о прошедшемъ.

Къ-счастью, мы можемъ, благодаря первымъ трудамъ Вольнаго Экономическаго Общества, на основаніи собранныхъ имъ и сохраненныхъ для потомства мѣстныхъ свѣдѣній, представить не только вѣрную, но подробную и въ высшей степени поучительную картину сельскаго хозяйства за 80 лѣтъ предъ симъ.

Начнемъ хоть съ центральныхъ хлѣбонаместенныхъ губерній. — съ Тульской. Во второмъ томѣ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» помѣщена обширная статья А. Болотова, подъ заглавіемъ: *Описаніе свойства и доброты земель Каширскаго-Уззда и прочихъ до сего уззда касающихся обстоятельствъ*. Она начинается такъ: «Каширскій-Узздъ хлѣбородіемъ болѣе славенъ, нежели въ самомъ дѣлѣ хлѣбороденъ. Хорошій урожай въ немъ весьма рѣдокъ; напротивъ того, недороды очень часто случаются». Справедливѣе ничего нельзя сказать и въ нынѣшнее время.

«Въ обыкновенные годы» говоритъ авторъ (стр. 134): «приходятъ рожь на навозныхъ земляхъ сама 6, 7 и 8, а на не-навозныхъ — сама 2, 3 и 4. Что касается до овса, то съется онъ бо-

(*) Объясненіе причинъ этому явленію находится у Шторха.

(**) Въ замѣчаніяхъ, вложенныхъ разными лицами на проектъ г. Мальцова, находятся сужденія о займахъ. Сужденія эти касаются кредита вообще и земледѣльческаго въ-особенности. Къ-сожалѣнію, мы должны сознаться, что ни въ одномъ имѣніи не встрѣтили истинныхъ понятій о кредитѣ. Предметъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, которое мы обѣщаемся представить въ послѣдствіи; здѣсь же замѣтимъ, что наша система залоговъ недвижимыхъ имѣній основана на тѣхъ началѣхъ, котораго теперь только добиваются Франція; почему же эта система не принесла ожидаемой для насъ пользы? объ этомъ будемъ говорить въ особомъ трудѣ.

е для содомы на простыяхъ и лучшихъ и на ненавозныхъ земляхъ. Крестьянину достаетъ по большей части только до новаго лѣба, а многіе, за недостаткомъ, принуждены рожь покупать.

«Травы у живущихъ при берегахъ довольно, а въ прочихъ мѣстахъ по большей части недостаточно или съ нуждою достаетъ, особливо у помѣщиковъ, гдѣ особливыхъ помѣщичьихъ отхожихъ пустошей нѣтъ и дачи тѣсныя, для которой причины крестьянинъ не можетъ много и скота держать, а чрезъ то и толъ ужнаго навоза довольно количество не имѣтъ... Въ добрый годъ съ десятины получается сѣна не болѣе 50 пудовъ; въ погостенные родится по 30 и 40; въ мѣстахъ, лежащихъ при рѣкѣ, родится лучше и сѣна гораздо больше.»

Хотите знать тогдашнія земледѣльческія орудія, способъ работъ, опредѣленіе ихъ? Читайте подробное описаніе ихъ въ статьѣ г. Потова, и вы убѣдитесь, что они совершенно тѣ же, какъ и нынѣ. Не жалобы на неустройство земельного владѣнія, на черезполицу. Но всего интереснѣе описаніе хозяйственнаго и правственнаго быта крестьянъ.

«Въ лошадяхъ по большей части недостатокъ, коровъ во многихъ дворахъ только по одной, отъ которой питается крестьянинъ молоко и творогомъ, а масло продаетъ фунтъ по 4 и 5 коп., а во многихъ дворахъ и ни одной коровы нѣтъ. Овецъ болѣе во дворахъ до 5 и до 10, отъ которыхъ излишняго барина онъ продаетъ, а шерсть снимаетъ себѣ на платье, которой по большей части недостаточно, и крестьянинъ принужденъ сукна себѣ покупать. Свиной по 8 и меньше, отъ которыхъ онъ продаетъ поросятъ и замою откормленныхъ одну или двѣ туши; самъ же довольствуется ветчиною и саломъ.

«Скотскіе наदेжи бывають часто, иногда года черезъ три и меньше, почему и довольноаго числа скота держать здѣсь невозможно. Надежи случаются болѣе на рогатый скотъ, не мрутъ также овцы и свиньи; что касается до коровъ, то приписываютъ здѣсь оубо прогонной изъ Украйны скотинъ, однако распространяется оубо болѣе отъ неосторожности отъ завозимаго корма, отъ глубокаго зарыванія въ землю, отъ снѣжанія ножи, отъ продажи наго и проч.—Крестьяне въ здѣшнемъ уездѣ по большей части есма нужное пропитаніе имѣють и бѣдныхъ гораздо больше, ежели довольноахъ, какъ изъ вышеписаннаго отчасти уже усмотрѣть можно. Такихъ, которые безъ отягощенія казенныя подати и госпоседскіе поборы платитъ могутъ—едва ли половина сѣнцетл, напротивъ того множество такихъ, которые живутъ въ самыахъ бѣднѣйшихъ хижинахъ, вѣдять почти большую часть года безъ оубо; не имѣють скота, претерпѣвають во всемъ недостатокъ, отъ которыхъ помѣщики всякой почти годъ своимъ хлѣбомъ кормить, землю ихъ осѣвать и за нихъ подушныя деньги платитъ принуждены. Причиною бѣдности ихъ болѣе слѣдующія обстоятельство:) Во многихъ мѣстахъ малоземеліе, чего многіимъ помѣщикамъ

она вымываютъ денегъ для покупки въ другихъ мѣстахъ земли, особенно по дорогой оныхъ цѣнъ и отвратить невозможно. 2) Убога земля, и пристражающее отъ того худое плодосіе оной частые неурожаи, крестьянинъ не получаетъ довольно хлѣба, столько на продажу, но и для себя. Часто случается, что онъ послѣдній хлѣбъ съ осени на нужду продаетъ, а потомъ весь годъ большой части нужду и голодь претерпѣваетъ. А испрашивать землю свою сколько-нибудь силъ его недостаетъ. 3) Немнѣе сѣна, котораго за недостаткомъ довольноаго количества сѣна и соломки и для другихъ причинъ, крестьянинъ много держитъ въ сѣнахъ, къ тому жъ во многихъ мѣстахъ онъ и не ведется. Чрезвычайно получаетъ онъ отъ него много прибыли, а и тогда нужнаго сѣна для удобренію земли навоза лишается. 4) Въ такихъ мѣстахъ, и земля не по мѣрѣ людей, а больше отягощается онъ излишней работою. Однако сѣно во многихъ мѣстахъ, а больше помѣщикамъ столько же десятинъ на помѣщика, сколько на себя. А богины всего утруждаютъ и приводятъ въ немощеніе мужика и его и частыя походы въ дальнія степныя мѣста, куда онъ съ сѣномъ за господскимъ, а паче за своимъ хлѣбомъ ѣхать принужденъ отъ того великіе убытки претерпѣваетъ. 5) Покупка соли, которую мужикъ послѣднія деньги употребляетъ, и самой нужной, а не лишней, чего продать, не покупаетъ ее и есть бѣдствіе, жемъ такихъ и много. Сіи суть начальнѣйшія бѣдствія крестьяны. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ не было и такихъ, которые отъ переченія и бѣдности, или паче сказать, отъ недостатка въ бѣдности находятся. — Иныя деревни почти все состоятъ изъ богатыхъ людей состоятъ, которые не только съчасты отъ часу бѣдствуютъ, но и помѣщиковъ своихъ до бѣды до того довели, что они ихъ болѣе подкрѣплять не въ состояніи. — А есть и такіе, которые между мужиками богачами считаются могутъ, и богаче многихъ дворянъ, которые намедель еще собственныя сожалѣнія достойнаго дошли, и многіе за недостаткомъ земли и достатка, въ такой бѣдности живутъ, что и доведеть и доведеть ихъ малымъ чѣмъ отъ мужичьихъ разнится.

«Здѣшніе жители по большей части имѣютъ нѣсколько крупнаго скота, а особенно въ большихъ волостяхъ и на всѣхъ жидкихъ деревняхъ, притомъ также они упрямые, своенравныя, замѣтныя и сметительныя. Живутъ между собою болѣе въ несогласіи, нежели въ согласіи, и другъ-другу верьжко не вредить стараются. Притомъ народъ такой, изъ котораго не столько ласкою, сколько принужденіемъ все сдѣлать можно. Къ послушанію они склонны, притомъ любятъ грозу, при малой же волѣ поднимаютъ голову и ни на кого не смотрятъ. При всемъ томъ болѣе къ трудолюбію склонны, къ лѣности и правдолюбію склонны.

«Наша здѣшнихъ обычаею весьма худая и бѣдная. Къ этому причиною по большей части весь недостатокъ и недостатокъ съ

менеть и овсомъ. Случается часто, что за неимвнїемъ другаго, хлѣбъ весь сѣмянной, овесъ и ячмень поѣдаютъ, и помѣщики принуждены болѣе ихъ кормить.

«Мяса мужики почти во весь годъ не видятъ, рѣдко мужикъ съѣсть въ годъ барана и свинью. Болѣе же питаются пустыми кашами, а иногда кашею, молокомъ и яйцами. — Пьютъ болѣе одну воду.

«Народъ расположенъ по большей части неровно, однако семейныхъ менше, немнога малосемейныхъ. Нынѣ обыкновенно дѣлятся болѣе между собою, и тѣмъ въ вѣдущую бѣдность приходить».

Хотите знать состояніе хозяйства въ сѣверныхъ губерніяхъ, — потрудитесь прочесть въ XXVI (1774 г.) томѣ «Трудовъ Воли: Экономич. Общества» описаніе В. Приклонскаго, *краснощекое до земледѣлія и селитреннаго деревенскаго хозяйства по Чашинскому Уѣзду* (Тверской-Губерніи), и вы снова получите убѣжденіе въ тождественности нынѣшняго положенія съ прежнихъ.

«Половина почти здѣшнихъ крестьянъ имѣютъ весьма блѣдное пропитаніе. Одѣжаніе ихъ состоитъ въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ и въ шубѣ, въ онучахъ, лаптяхъ, шапкѣ и рукавицахъ; случается и то, что оно носится какъ въ будни, такъ и въ праздники одинако, ибо перемены ему другой нѣтъ. Пища соответствуетъ слаботѣ, щи пустыя, притомъ не всегда и сметанною заѣданныя, молоко не всякой день, хлѣбъ не вѣной, лукъ, чеснокъ, рѣдкая съѣсть его столъ составляютъ; пьютъ воду или квасъ, не отстоявшійся отъ воды.

«Содержаніе скота при наступленіи весны умалѣетъ, и почти каждый годъ соломы, какъ ржаной, а болѣе яровой и сѣна недостаетъ. Отъ чего крестьяне великую нужду претерпѣваютъ, покупая возъ соломы яровой въ 50 или 60 к., или гоня скотины почти по снѣгу въ лѣса, гдѣ она лѣстомъ пѣтается».

«Крестьянинъ здѣшний рѣдко имѣетъ сѣмена къ посѣву ржи, а иному въ іюль и августѣ нѣтъ ничего.

«Съ сѣнокосовъ снимаетъ въ хорошій годъ пудъ 60, 50 и 40 съ десятины.

«Жители здѣшніе по большей части лукавы, упрямы; въ старыхъ обычаяхъ закорысны, неблаголѣрны, не предприимчивы, о будущемъ своемъ состояніи безпечны, къ исправленію дурныхъ своихъ обстоятельствъ не старательны, какъ въ хорошемъ состояніи о подкрѣпленіи оного, а въ дурномъ о исправленіи не за-

«бодящиеся; не глупы, но разумъ ихъ затмненъ преиспользоюмъ «суевррй и закоренныхъ враждъ; трудолюбивы; но въ избраннхъ «трудохъ не разсмотрительны; между собою живутъ въ мирности «и очень часто дблятся; истительны; какъ до множеству земли, «которую получа, бросаютъ пусту и ее не удобряваютъ; но х- «тятъ, чтобъ земля сама безъ всего имъ выгода приносила. Впро- «чемъ веселы, съ посторонними обходительны, на труды лени и «собственная ихъ воля не столько ихъ къ послушаню приводитъ, «какъ гроза и страхъ.»

Уездъ Каширскй и тогда, какъ и нынѣ; былъ полу-промы- шленый.

«Половина почти уезда, особливо село Кемра и Мядвлинское— «сапожники и башмачники; живутъ по большой части въ Москвѣ «по зимамъ а ныне и лѣтомъ; сей промыселъ хотя и даетъ имъ «доставать деньги, но московская жизнь дблаетъ ихъ вялыми, «мотами и наконецъ, ни къ пашнѣ, ни къ садоводству рукодлю «неспособными» (стр. 70).

А мы еще недавно читали жалобы г. Вилковскаго на разбитыя крестьянъ, Тверской-Губернй, корень котораго авторъ приписы- ваегь, чему бы вы думали? 1812 году!!!. Вообще, вкратцѣ, кото- рые жалуютъ о прежнихъ патрiархальныхъ (?) семейныхъ отно- шенiяхъ крестьянъ съ помѣщиками, мы советуемъ бы прочесть стр. 42, 43, 44 и 45 въ книгѣ: *Записки артиллерй майора Мих. Вас. Давыдова, написанныя имъ въ 1771 году. Издаеъ: Павл. Строевъ, Москва. 1842 г.*

Хотите знать состоянiе хозяйства въ промышленныхъ губернiяхъ, прочтите въ XII части «Трудовъ Вольн. Экономич. Общества» (1769 г.) *Отвѣтъ, о уездѣ юрода Володимера* Все то же, что и нынѣ (*); большая разительность и трудолюбiе крестьянъ; въ ср- вненiи съ другими губернiями; тѣ же жалобы на малоземелье. (Стр. 112).

Хотите знать, какъ крестьяне рассуждали о барщинѣ въ пре- жнее время? прочтите въ «Трудахъ Вольн. Экономич. Общества», Т. XXIX (1775 г.), стр. 41. То же, что и нынѣ.

Теперь, съ сѣвера перенесемъ на югъ, хоть въ Харьковскую- Губернiю. Тамъ замѣчалось большее довольство; однакожъ, въ VIII части «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» (1768 г.)

(*). Замѣчательно, между прочимъ, что и тогда въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне употребляли лучшiя земледѣльческiя орудiя: косули и плуги. (Стр. 101).

питаемъ между прочимъ слѣдующее: «Причины, для чего земле-
владельцы не прилагаютъ къ разнородному разнаго рода хлеба, ня-
какой иной не предвидается, кромя того, что они не имѣютъ спо-
соба, куда сбытъ съ прибылью отнискать, потому что въ близости
«сихъ странъ никакого порта нѣтъ; и отъ сего то въ происходить,
что здѣшнее земледѣліе болѣе съ небреженіемъ и лѣнностію, не-
жели съ трудомъ и прилежаніемъ производится» (стр. 17).

И тогда, какъ и теперь, излишній хлебъ перекуривался на ви-
но, и скотоводство составляло главный источникъ дохода для зе-
мельщиковъ; и тогда, какъ и теперь, «падажъ» болѣею частію
случается на рогатый скотъ, и почти рядкій годъ во всей про-
винціи не бываетъ; только съ тою переменною, одно время въ
«томъ, а другое — въ другомъ мѣствѣ» (стр. 62).

Этихъ доводовъ кажется, достаточно для того, чтобы получить
ясное впечатлѣніе состояніи хозяйства за 80 лѣтъ. Мы разумеѣмъ
преимущественно хозяйство крестьянское; въ помѣщичьихъ имѣні-
яхъ безъ сомнѣнія, съ тѣхъ-поръ введены многія техническія улуч-
шенія, — но только техническія, и потому-то въ общемъ объемъ
хозяйство не подвинулось впередъ, ибо все-таки существеннымъ
останется хозяйство крестьянское. Но и въ отношеніи къ голосу
помѣщичьихъ нельзя не замѣтить тѣхъ же жалобъ на устройство
поземельнаго владѣнія, жалобъ весьма-основательныхъ, на тягость
содержанія крестьянъ въ неурожайные годы, на измелченіе дво-
рянскихъ достояній, на роскошь (*), и что всего замѣчательнѣе, на
малоземелье! Въ чемъ думали найти якорь спасенія тогда, о томъ
мы и теперь слышимъ безпрестанно (**). Даже о техническихъ

(*) Понятія наши о роскоши мы изложили выше; но и здѣсь не можемъ не
привести слѣдующія строки, рисующія съ наивною простотою нравы и поня-
тія среднимъ прошедшаго столѣтія: «Поправитъ крестьянъ и привесть ихъ въ
такое состояніе, чтобы они были полезны помѣщику и отечеству, необходи-
мо надлежитъ оставить большую часть пирвоу и другихъ развратительныхъ
забавъ. Всегда въ удивленіе прихожу, смотря на неистовую пышность, что
отъ 100 или 200 душъ, помѣщикъ, живучи въ деревнѣ и въ самую нужную
работу, вьдѣтъ пугонъ, съ двумя еще притомъ верховыми до дварахъ и бан-
кетамъ. О вредная неутирѣнность! Ты истинно дочь безумія.» Труд. Волян.
Эконом. Общества. Ч. VI (1767). Стр. 27.

(**) Въ VI томѣ Труд. Волян. Экон. Общества, въ статьѣ: «Примѣчаніе о
прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи», изложены жалобы на то, что число крестьянъ-земледѣльцевъ
уменьшается, что крестьяне стремятся въ города, что та-
кіе люди будучи изъ числа шкатуныхъ крестьянъ, здоровые, молодые и почти
лучшіе люди, не только для общества ничего не пахутъ, но и сами все по-
купнымъ хлѣбомъ отъ остающихся въ деревняхъ питаются, и къ видимому
ущербу земледѣлія, съ года на годъ поднимаютъ хлѣбную дороговизну. Не
то же ли мы слышимъ безпрестанно и нынѣ, — и не видимъ ли очень часто
мѣры къ удержанію крестьянъ при землѣ, за сохою? Таковъ успѣхъ развитія
у насъ экономическихъ понятій!

пріемахъ старики наши хлопотали такъ же, какъ мы, о хлѣбѣ изъ исландскаго мха и другихъ подобныхъ суррогатахъ, — о введеніи картофеля, о уваживаніи полей, о травосѣяніи, о улучшеніи льняной промышленности. Словомъ, хозяйство наше и тогда, какъ и нынѣ, вращалось въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Явленіе это объясняется, и тогда, какъ и нынѣ, тѣмъ, что отношенія экономическія остались тѣ же, — а въ нихъ-то и вся сила.

А. ЗАВЛОЦКІЙ.

Критика, съ своей стороны, обращала особенное вниманіе на Озерова. Нѣкоторые трагедіи его подробно разобраны Мерзляковымъ въ «Вѣстникѣ Европы». Г. Гречъ, въ «Обозрѣніи Русской Литтературы за 1815 и 1816 годы», написанномъ по препорученію начальства Публичной Библіотеки, относится о трагедіяхъ Озерова слѣдующимъ-образомъ: «До Озерова Трагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одиночѣтныя копія образцовъ иностранныхъ. Озеровъ далъ имъ краски. Онъ оживилъ ихъ истинною повѣію, которая, не довольствуясь вымысломъ и расположеніемъ происшествій и отдѣлкою слога, находитъ существо и превосходство свое въ красотахъ особеннаго рода (!?). Эдипъ, Фингалъ, Димитрій и Полликсена единственны въ своемъ родѣ, и донынѣ сочинители ихъ не имѣютъ даже соперниковъ; сіи трагедіи останутся украшеніемъ русскаго театра. Умъ человѣческой усовершенствуется, познанія человѣчскія распространяются — возникаетъ, можетъ-быть, какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, собственная національная русская трагедія; но *звѣздѣ*, водившей кистію Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и поздніе питомцы трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать на великій образецъ свой». Предсказаніе, какъ всѣмъ извѣстно, не сбылось — потому, быть можетъ, что «нѣтъ пророковъ въ отечествѣ»; но сужденіе само-по-себѣ любопытно: оно есть образчикъ тоглашней критики, нужной для обозрѣній и состоявшей изъ общихъ мѣстъ и предсказаній. Относительнолучшій разборъ Озерова написанъ кн. Вяземскимъ: онъ прилагался къ прежнимъ изданіямъ его трагедій. Новый издатель поступилъ, по нашему мнѣнію, основательно, напечатавъ Озерова безъ приложенія критическихъ разборовъ, давно написанныхъ и хорошихъ только относительно. Право бесцѣпнаго сопутствія тѣмъ или другимъ сочиненіямъ принадлежитъ критикѣ установившейся, сирѣдеч-

ной общими согласіемъ людей образованныхъ; но такіа критики являлись въ эпоху всесторонняго изученія литтературы, котораго у насъ теперь пока нѣтъ.

Восторгъ современной публики, равно какъ и лестные отзывы литтераторовъ, очень-понятны. Трагедіи Озерова, сравнительно съ трагедіями египетскими предшественниковъ на сценѣ, безъ сомнѣнія, большой шагъ впередъ — по созданію характеровъ, и по сильному, звучному стилю. Онѣ увлекали зрителей отличительностью, которая была и которою надѣлилъ онъ дѣйствующихъ лицъ своихъ драмъ. Невольный восторгъ, благодарный за доставленное наслажденіе, не разсчитливъ въ своей благодарности: онъ безъ оцѣнокъ раздаетъ знаменитыя имена древнихъ и новыхъ временъ, мало думая о томъ, есть ли какое-нибудь сходство между Цицерономъ и Ломоносовымъ, Плиадромъ и Державинымъ, Гомеромъ и Херасковымъ, Эврипидомъ и Озеровымъ. Понятны также одностороннія критики, присоединившія свой голосъ къ общему отзыву публики: ихъ общій мѣста, ихъ неумѣренное одобреніе произошло отъ-того, что прежняя критика рассматривала произведенія поэтическія отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ произведеній, иностранныхъ отечественныхъ. Каждый писатель включался въ особенный, отъ литературнаго міра огражденную сферу, которая какъ-будто не имѣла ничего общаго ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ. Отъ этого, односторонней дѣятельности впадавъ въ забавныя *qui pro quo*. Красоты мимикозованыя, цѣлкомъ взятая танца здѣсь, считались за оригинальныя; въ простомъ подражаніи видѣли прелесть-самобытнаго таланта; чистый переводъ съ иностраннаго называли новостями первыми явленіемъ чего-то вѣстнаго. Критикъ хвалилъ или осуждалъ *одного*, тогда-какъ слѣдовало бы хвалить или осудить *другого*, а *третьего* быть и *другимъ*. Того, кто будитъ

Шекспирѣ по отдѣльнымъ мѣстамъ его пьесъ, Джонсонъ сравниваетъ съ схоластикомъ, который показывалъ одинъ камень, какъ образчикъ своего дома. Такъ и здѣсь, въ сужденіи о пьесахъ Озерова. Нельзя отдѣлать его отъ французскихъ трагиковъ, которыми онъ подражалъ; французскихъ трагиковъ нельзя отдѣлать отъ общаго, ложно-классическаго направленія французской трагедіи; а чтобъ опредѣлить это направленіе, необходимо сравнить его съ древней драмой, съ трагедіями Эсхила, Софокла и Эврипида, отъ которыхъ оно беретъ свое начало. Тогда только будутъ вѣрны критическіе выводы, когда ясно обозначатся эти три отношенія, т. е. отношеніе русскаго трагика къ французскимъ, которымъ онъ подражалъ, отношеніе послѣднихъ ко всей системѣ французскихъ драмъ, и отношеніе французскихъ драмъ къ искусству древнему, въ трагедіи греческой.

Но послѣднее отношеніе уже опредѣлено окончательно. Опѣнка показала высокое изящество греческихъ образцовъ и ложь подражанія французскаго. Говорить объ этомъ — значитъ повторять въ тысячный разъ всѣмъ-извѣстныя вещи объ истинномъ классицизмѣ и о псевдо-классицизмѣ. Поэтому, оставляя въ сторонѣ извѣстное, обозначимъ не столь еще ясное — рассмотримъ два первыхъ отношенія, необходимые для справедливаго сужденія объ Озеровѣ: отношеніе его къ образцамъ и отношеніе образцовъ къ той системѣ драматическаго искусства, въ которую они входятъ какъ въ свою родовую сферу.

Важнѣйшее произведеніе Озерова есть «Дни въ Аенхахъ»; но въ этомъ произведеніи онъ подражалъ французскому трагику Дюси, или, какъ называлось его у насъ обыкновенно, Дюсиу (Ducis). Покажемъ же отношеніе заимствованнаго къ оригиналу и отношеніе оригинала къ его общей сферѣ. Начнемъ со втораго.

Дюси хотя занимаетъ второстепенное мѣсто между французскими трагиками, но въ талантѣ его заключалось нѣчто оригинальное. Онъ умѣлъ поражать воображеніе и оставлялъ по себѣ долгое воспоминаніе. Одаренный сильною чувствительностью, онъ легко воспринималъ прекрасное. Короче: онъ былъ поэтъ. Отличительныя свойства его характера отразились, хотя не вполне, на его драматическихъ сочиненіяхъ. Онъ воспѣвалъ удовольствія сельской жизни, живучи въ Версали, былъ религіозенъ въ эпоху общаго безвѣрія и не поддавался блистательнымъ предложеніямъ Наполеона — ясные признаки своенравной независимости, оригинальныхъ замашекъ посреди обычной жизни. Но такова сила укоренившихся идей, таково вліяніе издавна-принятыхъ формъ, что трудно отъ нихъ зачитаться человѣку негениальному, — и Дюси, свободный въ жизни, покорился теоріи псевдоклассицизма, освященной временемъ. Вотъ что у него общаго со всѣми прочими французскими трагиками: онъ примыкаетъ къ нимъ родовыми чертами направленія. Но у него есть и свое, особенное, чѣмъ онъ отличается, какъ дѣлатель оригинальный, и что мы должны обозначить.

Сюжеты для своихъ трагедій Дюси заимствовалъ изъ Софокла и Шекспира; но эти трагедіи не воспроизводятъ ни плана, ни идеи образцовъ. Существенная ошибка его состоитъ въ томъ, что, вводя новое, онъ вводилъ его не вполне. Сохраняя нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя черты лицъ, нѣкоторыя выраженія Софокла и Шекспира, онъ вставлялъ все это въ рамки французскаго воззрѣнія на драму. Произведеніе, съ одной стороны, отходило отъ чистыхъ образцовъ ложнаго классицизма, но, съ другой стороны, не давало ни Софокла, ни Шекспира. Странная смѣсь, насильственное сліяніе предметовъ, между которыми нѣтъ ничего общаго — ни въ происхожденіи, ни въ свойствахъ! Изъ разнородныхъ

красотъ не создается изящное цѣлое. Самое слово *передѣлка* противорѣчитъ мнимому понятію о художествѣ: художество требуетъ *созданій*, а не передѣлокъ, воспроизведенія образца, а не смѣси образцовъ разнокачественныхъ. Кромѣ этой капитальной погрѣшности, т. е. кромѣ системы ложнаго творчества, системы подражанія неполнаго, находятся у Дюси и другіе недостатки; не ищите въ его трагедіяхъ правительнаго хода, соразмѣрности частей, надлежащаго объема каждой части: и въ этомъ отношеніи не выдержатъ онѣ критики. Какъ Баратынскій, находившійся подъ всегдашнимъ вліяніемъ одной и той же мысли, вослихнулъ однажды:

Все мысль, да мысль! художникъ бѣдный слова!

и этимъ восклицаніемъ выразилъ чувство внутренней тяжести отъ умственнаго ига: такъ и Дюси, преслѣдуемый правилами творчества, нависно сердился въ одномъ изъ своихъ посланій:

Все планъ, да планъ! неумолимое единство!

(Le plan, toujours le plan! l'inflexible unité!)

Онъ никогда не заботился о планѣ и никогда почти не хотѣлъ понять единства. Однакожь, не смотря на плохую концепцію и плохую постройку, трагедіи его поражали публику красотой отдѣльныхъ частей: эффектами сценами, силою чувствительности, энергіей выраженія. Талантъ Дюси блистаетъ сквозь странный покровъ ложной системы творчества, неполнаго подражанія образцамъ. Видишь извращеніе Софокла и Шекспира, но видишь и красоты. Разрушая характеръ древнихъ, придавая ему черты несвойственные, Дюси въ то же время поражаетъ васъ драматическимъ эффектомъ. Вы говорите: «здесь нѣтъ Греціи, нѣтъ Шекспира»; но это не греческое и не-шекспирское васъ тро-

гаетъ. Вы забываете вопросъ о современности искусства, увлеченные обаяніемъ поэзіи, которая выражаетъ мысль безъ примѣненія къ мѣсту и времени. Трагедіи Дюси можно сравнить съ проповѣдями какого-то французскаго духовнаго оратора, въ которыхъ было много ораторскаго движенія, но мало логики. Слушатели, проливая слезы, нерѣдко восклицали: «Богъ знаетъ, что онъ говоритъ!». Такъ и Дюси: въ трагедіяхъ его нѣтъ большаго смысла, но есть патетическія мѣста—этимъ объясняется ихъ сильное вліяніе на публику. Что бралъ онъ у Шекспира и Софокла? Не пьесы, а образы отдѣльные, мысли, чувства, которыми вдохновлялся и которыми, вдохновенный, передавалъ искреннимъ языкомъ страсти. Душа нѣжная и благородная легко воспринимаетъ прекрасное: поэзія для нея то же, что свѣтъ органу зрѣнія. Страстное краснорѣчіе нѣкоторыхъ мѣстъ объясняетъ усвѣтъ трагедій нѣжнаго и благороднаго Дюси: зрители, довольные частностями, не имѣли ни времени, ни охоты осуждать ложную постройку цѣлаго. Критика была снисходительна за поэтическіе проблески несовершеннаго творенія, — проблески, не всегда обыкновенные и въ твореніяхъ совершенныхъ. Вотъ въ чемъ особенность Дюси, его индивидуальное отличіе.

Объяснимъ сказанное примѣрами.

Въ пьесѣ: «Эдипъ у Агамета», Дюси соединялъ двѣ трагедіи, рѣшительно одна другой чуждыя. Легко понять, что вышло изъ подобной смѣси, какъ явнаго нарушенія основныхъ законовъ вѣтвяки: двойство дѣйствія, раздѣлъ интереса, безпорядокъ, отсутствіе связи въ сценахъ. Не много больше искусства и въ трагедіи «Эдипъ Коловскій», которая есть сокращеніе первой. Обѣ онѣ, изобилуя напыщенной декламаціей, дѣтски рассчитывая на внушеніе зрителямъ трагическаго ужаса, не представляютъ нисколько гевія греческихъ образцовъ, не передаютъ древняго духа, античной прелести. Но

въ этихъ же самыхъ трагедіяхъ, въ которыхъ строгая критика находить ошибку на ошибку, благородно и трогательно изображены страданія Эдипа, расказаніе Поллиника, преданность Антигоны. Последняя является у Дюси символомъ дѣтской любви. Она имѣла достаточное право сказать о ней устами Эдипа:

Oui, tu seras un jour, chez la race nouvelle,
De l'amour filial le plus parfait modèle;
Tant qu'il existera des pères malheureux,
Ton nom consolateur sera sacré pour eux,
Il peindra la vertu, la pitié douce et tendre;
Jamais sans tressaillir ils ne pourront t'entendre.

Прекрасные стихи, которые Озеровъ перевелъ сокращенно и слабо:

Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь;
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.

Эдипъ у Дюси не сохраняетъ ненависти къ сыновьямъ, непреклонный, какъ судьба, надъ нимъ тяготящая: любовь къ сыну покоряетъ его сердце. Это движеніе чувства трогательно, хотя совершенно противно греческому образцу; вѣтъ возвратъ къ нѣжности исполненъ поэзіи, хотя имъ разрушенъ смыслъ древняго преданія. Проклятіе высказано патетически:

Je rends grâce à ces mains, qui, dans mon désespoir,
M'ont d'avance affranchi de l'horreur de te voir.

Vers Thèbes, sur tes pas, ton camp se précipite:
J'attache à tes drapeaux l'éprouvante et la fuite.

Puissent tous ces sept chefs, qui l'ont juré leur foi,
Par un nouveau serment s'armer tous contre toi

Que la nature entière, à tes regards perfides,
S'éclaire, en palissant, du feu des Kumnides!

Que ce sceptre sanglant, que ta main croit saisir,
Au moment de l'atteindre, échappe à ton désir!

Ton Étéocle et toi, privés de funérailles,
Puissiez-vous tous les deux vous ouvrir les entrailles!

De tous les champs thébains, puisses-tu n'acquérir

Que l'espace, en tombant, que ton corps doit couvrir!

Et, pour comble d'horreur, couché sur la poussière,

Mourir, mais en sujet, et bravé par ton frère!

Замѣтимъ, что Озеровъ хорошо переложилъ эту тираду, не смотря на двусмыслие одного стиха:

Иди, жестокий сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Сюзниковъ твоихъ води противу брата,
Яви еще примѣръ несмысленна разврата.
Но тамъ, у Фивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ;

Десница истыщая тамъ ждетъ тебя боготъ.

Отъ Фивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный,

Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,

По смерти будетъ такъ скитаться ты въ твою;

Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,

Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и спрядетъ его обмять,

И призоветъ зѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,

И поданыхъ твоихъ стрелуницъ домы твои.

Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье;

Всѣхъ васъ я чуждъ, мнѣ дочь семья и утѣшенье.

Потомъ, когда Поллиникъ удвоиваетъ расказаніе, когда Антигона присоединяетъ свое моленіе къ моленіямъ брата — греческій фатализмъ уступаетъ мѣсто новымъ христіанскимъ понятіямъ, и слово прощенія исторгается у Эдипа:

Поллиникъ. Quoi! vous m'aimez encore!

Эдипъ. Crois-tu qu'à pardonner un père ait tant de peine?...

Какъ жалъ, что Озеровъ обошелъ этотъ пошлѣйшій стихъ, который приводилъ въ восторгъ французскую публику, исторгая у ней рукоплесканія и слезы. Конечно, въ этомъ прощении мы не узнаемъ болѣе софоклова Эдипа; но стихи впечатлѣваются въ памяти.

Кановъ Дюси относительно Софокла, такъ оиъ относительно и Шекспира. Шекспира нѣтъ въ трагедіяхъ Дюси, но есть эффектные сцены, патетическія мѣста. Смѣшно сравнивать оригинальнаго Гамлета съ Гамлетомъ передѣланнымъ; однакожъ, мы помнимъ, какое впечатлѣніе производитъ, нѣкоторыми положеніями, отдѣльными стихами, этотъ пошлѣйшій могилъ, у котораго ния отца начертано въ груди кровавыми буквами, и который въ мысли о смерти черпаетъ силу, нужную для борьбы съ жизнью. Мы поминимъ, когда оиъ, возмущенный чувствами двойной любви, забываетъ на время данный обѣтъ ищениа, обнимаетъ мать и Оселіа, говоря:

О мать! Оселіа! меня вы побѣдили!
Хотя бы небеса огнемъ меня палили,
Я ищенья не свершу.

Въ это время является тѣнь отца. Волосы Гамлета становятся дыбомъ, руки простираются къ привидѣнію; мать, Оселіа, мѣсто, гдѣ оиъ заходитъ, чувство, которое оиъ сію-минуту испытывалъ, мысль, передъ тѣмъ занимавшая умъ — все забыто: оиъ говоритъ съ тѣнью, оиъ клянется ей омытъ убійство въ крови убійцы. Когда же, съ отходомъ тѣни, отошло забытье и улеглось волненіе, оиъ, какъ-бы изумившись присутствію матери, спрашиваетъ ее грознымъ голосомъ: «Зачѣмъ ты здѣсь? — Кто видѣлъ Каратыгина въ этой сценѣ, тотъ ея не забудетъ».

Третій примѣръ беремъ изъ «Макбета». Дюси не понялъ величественнаго этой превосходной трагедіи. Оиъ смягчилъ, облагородилъ, другимъ словами: — искавилъ суевѣріе тогдашняго времени, выбросилъ целую ориги-

нальной жизни и ужаса сцену гдѣльтъ, замѣнивъ ее разговоромъ свовидѣнія. Кто узнаетъ здѣсь Шекспира? Но разговоръ хорошъ:

Existez-vous, leur dis-je,
Ou bien ne m'offrez-vous qu'un effrayant
prestige?
Par des mots inconnus ces êtres monstrueux
S'appelaient tour à tour, s'applaudissaient
entre eux,
S'approchaient, me montraient avec un
ris farouche,
Leur doigt mystérieux se posait sur leur
bouche, и проч.

Энергически переданъ ужасъ Макбета, которому вѣдятся тѣнь Дункана; много драматическаго въ сценѣ сонambuлизма, блестящіе стихи разсыпаны тамъ и здѣсь; но цѣлое разрушено. Шекспиръ прошелъ черезъ мастерскую греческаго классицизма и французскаго псевдо-классицизма...

Обращаемся къ нашему трагичу. Авторъ статьи: «О жизни и сочиненіяхъ Озерова», говоритъ, что «Озеровъ, какъ благоразумный художникъ, воспиталъ свое дарованіе въ греческой школѣ, и что оиъ въ составленіи своей трагедіи: Эдипъ въ Афинахъ, отступалъ и отъ Софокла и отъ подражателей его, иногда съ успѣхомъ, иногда и нѣтъ». Странно слышать такое мнѣніе отъ провинціальнаго и просвѣщеннаго критика, показавшаго въ разборѣ Фонъ-Визанна образецъ вѣрнаго взгляда и отчетливости. Что Озеровъ воспиталъ свое дарованіе въ греческой школѣ — это дѣло возможное; но чтобъ оиъ, при такомъ воспитаніи, позволялъ себѣ отступать отъ Софокла и отступалъ иногда съ успѣхомъ — это рѣшительно невозможно. Мы знаемъ, что французскіе курсы литературы смотрѣли на трагедію греческую какъ на зачатки драматическаго искусства: они думали, что трагедіа, постепенно совершенствуясь, достигла въ промывденіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера своего *res plus ultra*. Но это мнѣніе

теперь брошено, какъ ложное: въ немъ нѣтъ и капли здраваго понятія о древней поэзіи. Трагедія греческая есть особый, дѣльный художественный міръ. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ начали ее и кончили. Пьесы трехъ греческихъ трагиковъ представляютъ не первоначальные опыты, а вполне изысканныя произведенія. Передѣлывать ихъ, отступая отъ нихъ вѣльба: ихъ надобно воспроизводить въ поэтическомъ переводѣ. Дстойное имъ подражаніе будетъ новымъ твореніемъ въ греческомъ духѣ, и творецъ будетъ новымъ Эсхиломъ, новымъ Софокломъ, или новымъ Эврипидомъ. Поэтому, существенная ошибка трагедіи Дюси, равно какъ и Озерова, есть *сама трагедія*. Она искажила высочайшій греческій образецъ во всѣхъ отношеніяхъ—относительно идеи, относительно расположенія, относительно характеровъ. Исканіе въ поэзіи имѣетъ особенный смыслъ, болѣе-строгое значеніе: здѣсь вѣльба оправдаться сохраненіемъ нѣкоторыхъ сценъ, монологовъ, словъ. Для изящнаго нужно цѣлое, и тамъ нѣтъ уже поэтической истины, гдѣ есть нагѣйшая ложь.

Начнемъ съ идеи, которая преимущественно выражается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. На всей трагедіи Софокла лежитъ глубокая печать религиозныхъ вѣрованій. Основую служить предсказаніе оракула, возвысившаго близкую смерть Эдипа, мѣгилл котораго останется залогомъ побѣды для той страны, гдѣ она будетъ находиться. Долговременными, ужасными бѣдствіями старецъ искупилъ свои невольныя преступленія; разгнѣванные боги примирились съ нимъ и даруютъ ему мирную, славою смерть. Въ вѣстечій Колонѣ, посреди священнаго лѣса, гдѣ водвинутъ храмъ Эмевилъ, обрѣтеть онъ наконецъ вѣчное успокоеніе. Идея судьбы господствуетъ здѣсь, какъ и въ трагедіи Царь Эдипъ, но уже очищенная вліаніемъ философическаго ученія. Эдипъ еще жертва, но онъ нравственно возвысился. Таинственное сѣвленіе виѣшнихъ

обстоятельствъ, неподчиняемыхъ людской воли, сдѣлало его преступникомъ противъ его желанія; отсутствіе внутренняго, свободнаго участія успокоило его совѣсть: онъ говоритъ о невольныхъ преступленіяхъ своихъ безъ смущенія; онъ знаетъ, что они дѣло боговъ. Нѣсколько разъ замѣчаетъ онъ, что вина человѣка — въ наиѣреніи, что нѣтъ тамъ вины, гдѣ не было добровольнаго дѣйствія, а было только страдательное орудіе высшей власти. Такимъ-образомъ, греческій трагикъ различаетъ догматъ фатализма отъ догмата нравственности, проводитъ ясную черту между совѣстью, гдѣ царствуетъ свобода, и судьбой, которая состоитъ въ сѣвленіи виѣшнихъ событій, лежащихъ виѣ нашего дѣйствія и за предѣлами которыхъ свобода человѣческая можетъ оставаться неприкосновенною. Чѣмъ сдѣлалъ Дюси и влѣдъ за нимъ Озеровъ? Они совлели съ Эдипа таинственность, которая такъ идетъ къ нему, страдальцу, освященному грознымъ вниманіемъ боговъ. Преданіе о сверхъестественной его смерти измѣнили они по-свѣдому: у Дюси, Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ, проговоривъ декламаторскимъ тономъ нѣсколько нравственныхъ сентенцій; у Озерова, онъ остается въ живыхъ, какъ-будто ему значить что-нибудь жизнь послѣ всего, извѣданнаго въ жизни. Примиреніе съ богами — вотъ что ему нужно. Озеровъ захотѣлъ наказать порокъ въ лицѣ Креона — и громъ поражаетъ у него порочнаго. Такимъ-образомъ, исчезло преданіе, эта пища народныхъ вѣрованій, и мы напрасно стали бы искать греческаго характера въ этихъ переиѣвахъ и отступленіяхъ, равнозначительныхъ искаженію.—Истуженіе Эдипа, когда онъ узнаетъ, что находится близъ храма Эмевилъ, неумѣстно, хотя и эффектно. Дюси ввелъ его, какъ общее мѣсто трагическаго ужаса, не принявъ въ соображеніе, что эта энергическая выходка портить сущность, характеръ трагедіи. Она неприятно прерываетъ раз-

и живъ и живыхъ чувствъ между отцомъ и дочерью, къ которымъ призвано участие публики. Въ *Царь Эдипъ* она была бы очень-кстати, но въ *Эдипъ Колонскомъ* противорѣчитъ тому пьесы. Софоклъ понималъ, что, послѣ тягостныхъ страданій, Эдипъ утратилъ уже силу ложныхъ угрызений, которыя терзали его въ первое время откровенныхъ невольныхъ преступленій. Въ успокоенной душѣ его сохранилось только чувство несчастія да сознание своей невинности — и это внутреннее состояніе Софоклъ изобразилъ аллегорически, приводя царственного страдальца окончить послѣднія минуты жизни въ святилищѣ Фурій. Очень-хорошіе стихи въ сценѣ вступленія не обвиняютъ вольности Дюси, ни подражанія, или, вѣрнѣе, перевода Озерова. Чтобъ смотрѣть снисходительно на подобныя вольности, чтобъ находить въ нихъ даже предметы для похвалъ, надобно совершенно отделиться отъ древней жизни и древняго искусства, надобно передать забвенію понятіе объ истинной красотѣ художественныхъ твореній — дѣло прежде легкое, теперь невозможное.

Расположеніе трагедіи, ходъ дѣйствія также измѣненъ. У Софокла, трагическія сцены происходятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда пришелъ Эдипъ и откуда онъ не хочетъ выйти. Эта неподвижность внѣшняго положенія сообщаетъ своего рода прелесть, особенную простоту величественной судьбѣ старца, твердаго въ несчастіи, ожесточеннаго въ гнѣвѣ и ненависти. Французскій трагикъ, опасаясь монотоніи, не сохранилъ строгаго единства мѣста: онъ мѣняетъ сцену дѣйствія, равно какъ и Озеровъ. Да и самое мѣсто обрисовано не такъ. Въ пьесѣ Софокла, оно, своею красотою, разительно противопоставляется неспѣшлимому страданію старца. Онъ слушаетъ расказъ дочери о тихихъ и прохладныхъ рощахъ, гдѣ раздаются мелодическое пѣніе птицъ, — и вдругъ узнаетъ, что они близъ храма, посвященнаго Фуріямъ. Озеровъ, напро-

тивъ, на вопросъ Эдипа: «гдѣ мы?», заставляетъ говорить Антигону: «въ долиніи мы. оврестъ пустыннымъ едемъ», — заставляетъ потому — что у Дюси, во второмъ дѣйствіи его Эдипа, le théâtre représente un désert épouvantable, и Полиникъ восклицаетъ: «quel désert affreux! des antres, des rochers, des cyprès tenebreux!». Оба новые трагика, невинство почему (вѣроятно, для внушенія трагическаго ужаса), стали въ явное противорѣчіе съ блистательнымъ хоромъ колонскихъ старцевъ, которые называютъ Колонъ *состытѣльнѣйшимъ мѣстомъ* Аттики. — Софоклъ искусно и прямо входитъ въ избранный сюжетъ. Онъ безъ подготовленій, непосредственно знакомитъ зрителей съ дѣйствующими лицами и съ содержаніемъ трагедіи. Мѣсто дѣйствія, событія предшествующія, событія послѣдующія — все излагается само собою, безъ помощи автора: дѣйствіе завязано съ перваго явленія, интересъ возбужденъ немедленно. У Дюси и Озерова, Эдипъ является во второмъ дѣйствіи, съ котораго должно бы начать трагедію: первое посвящено такъ называемому *изложенью*, въ которомъ зритель знакомится съ предшествующими обстоятельствами и дѣйствующими лицами не черезъ самыя обстоятельства и лица, а посредствомъ, помощію длинныхъ расказокъ — знакомство эпическое, охлаждающее драму, которая представляетъ событіе въ дѣйствіи. Замѣтимъ, что хоры, введенные Озеровымъ, вѣроятно, по прикиру французской оперы «Эдипъ изъ Колонскомъ Преміестинъ», удачно украшаютъ представленіе: судьба Эдипа, по-преимуществу трагическая, въ древнемъ смыслѣ этого слова, требуетъ непремѣнно условій древней драмы, а въ числѣ этихъ условій хоръ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ особенно приличенъ тамъ, гдѣ Эдипъ отвергается жителями Колона. У Софокла, Эдипъ не имеетъ пронаессеніемъ своего страшнаго имени, и каждаго его отвѣтъ, постоянно притворялся къ тому слушатель, прерывается во-

слицианіемъ хора, котораго пѣснь влетѣтъ crescendo, и который приказываетъ опасному гостю удалиться. Тогда, посреди тревожной пѣсни утраченного хора, раздастся жалобный голосъ Антигоны, возбуждающій состраданіе. — У Дюси, между дѣйствующими лицами, нѣтъ Креона. Озеровъ ввелъ его и, въ этомъ отношеніи, ближе къ греческому образцу. А то поэтическое описаніе фурій, которое у Озерова произноситъ Креонъ, Дюси вложилъ въ уста Тезею. Стихи французскаго подлинника сильнѣе. Вотъ, для сличенія, тѣ и другіе:

Tisiphone, sortant de l'inferral séjour,
Vint répondre elle-même, et fit pâlir le jour.
A son aspect affreux les autels s'ébranlèrent,
D'une sueur de sang les marbres dégouttèrent.
Notre encens s'éteignit, on n'osa plus monter.
Une sourde fureur semblait la tourmenter,
Mais à peine au dehors elle le laisse se répandre,
Qu'on vit tous ses serpens se dresser pour l'entendre.

Съ явленіемъ ихъ во храмъ, возженный
огнь погасъ,
Средь дня настала ночь, разнесся запахъ
сѣрный,
И оживились богинь кумиры черны.
На нихъ власы изъ змѣй возстали и
взвилась,
Изъ факелъ ихъ огни къ намъ искрами
лились,
Свѣтъ пламенниковъ тотъ боролся съ
мракомъ ночи;
Потомъ богиняйтъ вслѣдъ узрѣли наши
очи
Изъ адскихъ спутниковъ: и страхъ, и
месть, и смерть,
Грозящую на насъ свою кося простерты!

У Софокла, Тезею выходитъ послѣ многой уже явленій, когда вступничество царя сдѣлалось необходимо. Дюси и Озеровъ вывели его съ самаго начала трагедіи для того только, чтобъ выслушать разговоръ о завязкѣ

дѣйствія. Оба новые трагика создали первосвященника: нѣтъ хотѣлось показать внутренность храма и поразить — одному Креона, другому Эдипа — передъ лицомъ богинь — мстительницъ. Но ни тотъ, ни другой не позаботились сохранить Исмены, второй дочери Эдипа, которая нужна и для полноты вложенія, для передачи того, что происходитъ въ Фивахъ, и для свиданія съ отцомъ послѣ долгой разлуки — свиданія сладостнаго и вмѣстѣ горестнаго. Французскіе трагики думали видѣть въ ней второй экземпляръ Антигоны. Мнѣніе несправедливое: у Софокла нѣтъ тождественныхъ лицъ; между сходными, по-видимому, характерами, онъ проводитъ ясныя черты отличія, нѣжные, но тѣмъ не менѣе замѣтные отгѣнки. Развѣ добродѣтель Антигоны унижается присутствіемъ сестры? Развѣ судьба Эдипа становится менѣе-жалкою? Не смотря на приращеніе утѣшенія, на соревнованіе нѣжности, на это составленіе дѣтской любви, Эдипъ все остается идеаломъ несчастія, Антигона — образцомъ самоотверженія. Озеровъ переименовалъ и назвалъ трагедіи. Изъ Колона привелъ онъ Эдипа, въ четвертомъ дѣйствіи, въ Аонны, чтобъ показать царскіе чертоги Тезея, которые у Дюси показываются въ первомъ. Полнину новыхъ трагиковъ, прощенный отцомъ, остается до конца пьесы, у одного, какъ свидѣтель смерти отца, у другаго, какъ свидѣтель наказанія порочнаго Креона и торжества добродѣтельнаго Эдипа. Въ трагедіи Софокла онъ уходитъ, или, вѣрнѣе, увлекается судьбою на гибель: чувство мщениа, вражда съ братомъ побуждаетъ въ немъ всѣ прочія чувства. Послѣ таинственной смерти Эдипа, греческій трагикъ не вдругъ оканчиваетъ пьесу: онъ не вытѣлъ въ виду рѣзкихъ, эффектныхъ заключеній. Пьеса продолжается лирическимъ выраженіемъ горести, отчаянія Исмены и Антигоны. Когда же утѣшительный голосъ Тезея успокоилъ ихъ — они отправляются въ Фивы, гдѣ ожидаетъ ихъ новая обязанность — обязанность

принирить братьевъ или пострадать вмѣстѣ съ ними.

Остается рассмотреть характеры. Главный изъ нихъ — характеръ Эдипа — обозначенъ нами выше: мы показали, какъ невыгодно уклонился отъ него, какъ высказали его Дюси и Озеровъ. Вотъ еще примѣръ подобнаго уклоненія. У Софокла, Эдипъ непреклоненъ къ мольбамъ сына: напрасно Полиникъ проситъ его о прощеніи, напрасно Антигона подкиривляетъ брата своими просьбами: Эдипъ не хочетъ даже отгнѣчать, ибо голосъ отца, какъ святыня, потерялъ бы свое высокое значеніе, вступивъ въ сообщеніе съ неблагодарнымъ сыномъ. Потому Эдипъ разрѣшаетъ свое молчаніе, но для того, чтобъ изречь проклятіе: непреклонность отцовскаго мщенія господствуетъ надъ всѣми предстоящими — надъ Тезеемъ, надъ Антигоной, надъ хоромъ. Никто не смѣетъ противорѣчить знаменитому страдалцу: въ его желѣзной волѣ олицетворяется сила судьбы, надъ нимъ тяготящаяся. Новые трагикъ, подъ вліаніемъ христіанскихъ идей, намѣтили во многомъ чувства дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ греческой трагедіи. Примѣры намѣненія видны у Расина («Ивигенія въ Аидѣ»), видны и у Дюси. Последний нарушилъ неумолимую твердость древняго царя. Его Эдипъ есть Эдипъ христіанскій, отецъ, какъ и XVIII вѣкъ любилъ выводить на сцену — чувствительный, готовый плакать и прощать. Въ трагедіи «Эдипъ у Аидета», разгнѣванный отецъ сдается на просьбы сына и произноситъ трогательные стихи:

Que le jour un moment rentre encor
dans mes yeux,
Pour embrasser mon fils à la clarté des
cieux!

Но эта прекрасная, въ христіанскомъ смыслѣ, черта находитъ себѣ противорѣчіе въ одной изъ слѣдующихъ сценъ. Эдипъ сживаетъ съ Полиника

проклятіе, но боги не разрѣшаютъ его. Они отгнѣчаютъ ему черезъ персонифицированнаго:

Топ père est aisé; les dieux ne le sont
pas.

Противорѣчіе необъяснимое, въ которомъ смѣшиваются двѣ разнородныя религіозныя системы! Если авторъ судитъ какъ христіанинъ, то онъ долженъ знать, что Богъ милосерденъ людямъ. Если жъ онъ становится на маыческую точку зрѣнія, то философы ему скажутъ, что небо всегда внимаетъ голосу отцовъ разгнѣванныхъ или прощающихъ, что высшее правосудіе утверждаетъ приговоръ родителя, какъ свой собственный приговоръ. Эдипъ Дюси не только чувствителенъ и манеръ XVIII-го вѣка: онъ еще вѣдущее на тотъ же манеръ. Проститъ Полиника, онъ декларируетъ ему нравственный урокъ; Озеровъ хорошо сдѣлалъ, опустивъ это наставленіе, но жаль, что онъ, вмѣстѣ съ нимъ, опустилъ и патетическій стихъ, который мы выписали выше:

Crois-tu, qu'à pardonner un père ait tant
de peine!...

Все же прочее въ сценѣ проклятія и прощенія есть чистый переводъ изъ Дюси. Древній Эдипъ не влагаетъ въ такіа отравыя противорѣчія: онъ вездѣ себѣ равенъ. Онъ не можетъ простить оскорбленіе, нанесенное ему сыномъ, потому что это оскорбленіе посягаетъ на неприкосновенность родительской власти. Здѣсь, для очищенія грѣха, нужна жертва, а не прощеніе. Въ христіанской религіи достаточно послѣднее, потому что зло, не наказанное въ земной жизни, пріиметъ достойное наказаніе въ будущей. Небесное правосудіе, въ своихъ неисповѣданныхъ тайнахъ, медлитъ иногда расчесть, и если преступникъ ушелъ отъ гражданскаго закона, или развязавъ прощеніемъ обиженнаго, вселенный порядокъ остается неизмѣненнымъ: онъ

безопасенъ таинственнымъ обезпеченіемъ за предѣлами земнаго существованія. Но въ языческомъ мірѣ все должно совершаться на землѣ — казнь, и награда. Отсюда неотразимая мощь Немезиды, которая самовластно царствуетъ на землѣ, потому-что на только на землѣ и царствуетъ, потому-что право наказанія, предоставленное мечу ея, прекращается вмѣстѣ съ жизнью преступника.

• Антигона Озерова • говоритъ авторъ гдѣ о его жизни и сочиненіяхъ: совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и въ природѣ. Мы однако не можемъ согласиться съ нимъ живѣе. Еслибъ оно было и правдиво, то честь похвалы принадлежитъ не Озерову, а Дюси: первый только перевелъ изъ втораго всѣ сцены, въ которыхъ является дочь дѣва; первое явленіе втораго акта — лучшее мѣсто нашей трагедіи, есть не то иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его предложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ явленія, до конца пьесы, взяты у Дюси, съ тою равницею, что Озеровъ перемѣнилъ Креона и оставилъ въ жилищѣ Эдипа. Поэтому слова критика должны относиться къ Дюси, который, однакожъ, не имѣетъ права приписать ихъ на свой счетъ, потому что Антигона его хороша только въ такомъ случаѣ, когда мы забудемъ Антигону греческую. Последняя начертана Софокломъ съ особеннымъ искусствомъ. Антигона—это дѣтская любовь, воплощенная въ прекрасномъ лицѣ юной дѣвы. Въ характерѣ ея чудное сочетаніе протости, простодушія и глубины: она говоритъ мало; одни слова притѣвля и самопожертвованія выходятъ изъ устъ ея; зритель видитъ въ жемчужную слабость женщины наряду съ познаниями мужества; въ ея преданности нѣтъ ничего восторженнаго, потому-что преданность ея долгъ; трагическая героиня, безъ украшеній и блеска, исполняющая великія роли, она пролетаетъ по сценѣ, ведя слѣзнаго отца и

показывая свое блѣдное, печальное лицо, на которомъ судьба положила рѣзкую печать. У Софокла, Антигона принимаетъ участіе въ драмѣ своею преданностью — глубокою, но скупую на слова. Она рассказываетъ отцу о мѣстѣ, куда онъ пришелъ по таинственному назначенію судьбы, о чужеземцахъ, которые проходятъ мимо нихъ или приходятъ къ нимъ, проситъ помилованія Полинику, успокаиваетъ нѣсколькими словами гнѣвъ старца и нетерпѣніе юноши, передъ смертію отца черпаетъ воду, чтобъ смыть его платье. Когда же Эдипъ исчезъ, артистъ видитъ Антигону на колѣняхъ: склонивъ голову на грудь, она горестно оплакиваетъ того, кто званъ богамъ изъ міра. Послѣ этого, ей предстоитъ новыя, послѣднія обязанности — примиреніе братьевъ, и она идетъ въ Фивы, гдѣ ожидаютъ ее новыя бѣдствія. Только однажды это лицо, мало говорящее, но много дѣйствующее, возвышаетъ свой голосъ — когда Креонъ обвиняетъ ее въ нарушеніи своего повелѣнія, запрещавшаго погребать Полиника. Въ это время, она твердо вооружается противъ гражданскихъ постановленій, которыми нарушается вѣчный законъ любви, начертанный въ сердцахъ. Всего трогательнѣе, всего унизительнѣе въ Антигонѣ молчаніе, которое она хранитъ всякій разъ, какъ Эдипъ заводитъ рѣчь о своихъ несчастіяхъ. Антигона слушаетъ, но не отвѣчаетъ — и что сказать чистой, невещной дѣвѣ? Она — плодъ кровосмѣшенія; бѣдствія отца ея—рядъ нечестивыхъ дѣлъ; угнѣщенія нельзя здѣсь отдѣлать отъ воспоминанія ужасной судьбы. И потому она молчитъ; но она дѣлаетъ больше словеснаго участія: она поддерживаетъ отца, окружаетъ его заботами любви, покровительствуетъ ему. У Озерова (т. е. у Дюси), Антигона, — если забыть греческій первообразъ, — хороша; но она уже сдѣлалась говорящею. Она разсуждаетъ о своемъ значеніи, какъ помощница въ несчастіяхъ, указываетъ на свою необходимость для

отца (дѣйствіе 2, явл. 1). Конечно, это не самохвальство, но это и не молчаливое исполненіе добродѣтели, которое всегда такъ трогательно. Потому, она падаетъ въ сентенціи, подобныя слѣдующимъ:

Есть громы... но въ сей часъ на небѣ
тишина!
Есть боги... и земля злодѣямъ продана!
И стовутъ слабые у сильныхъ подъ
рукою.

(Дѣйст. 3, явл. 4.)

День радости есть мигъ, печаль день
есть вѣкъ,
И умирающій, несчастный человекъ
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ
утомленный.

(Дѣйст. 4, явл. 1.)

Ужасна ты, о, смерть! коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность
премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь
въ насъ.

(Ibid.)

О, добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты, въ самой себѣ ты утѣшена,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ,
Черезъ беду горестей спокойно насъ
ведеть...

(Дѣйст. 4, явл. 3.)

Монологъ, которымъ Антигона открываетъ четвертое дѣйствіе, довольно длиненъ, что вовсе не въ характерѣ греческой царевны. Эта страсть говорить есть слѣдствіе ложнаго направленія драмы, которая непремѣнно хотѣла ораторствовать. Описанія, разсужденія, нравственные сентенціи щедрою рукою разсыпаны у Сенеки, въ трагедіяхъ французскихъ, и во всѣхъ нѣтъ подобныхъ.

Какъ Эсхилъ, въ Целзгѣ, представилъ героическій образъ Греціи, такъ Софокль въ Тезеѣ олицетворилъ Аенны. Эта роль особенно нравилась Аенлянамъ: они смотрѣли на нее, какъ на идеалъ великодушія, состраданія къ

несчастіямъ, презрѣнія опасностей соединеннаго съ какимъ-то самохвалствомъ. Не смотря на то, что Озерокъ заставляетъ аеннисаго царя много разъ суждать, роль эта, по нашему мнѣнію ближе прочимъ къ греческому подлиннику и лучше обѣдана, чѣмъ у Дюси который, гоняся за ужасными заставилъ Тезея разсказывать Ариэстрашный сонъ, представлявшій се жизнь Эдипа.

По характеръ Креона, котораго и у Дюси, совершенно-искаженъ Озеровымъ. Креонъ—лицо оригинальное. Вѣрное орудіе постыднаго намеренія готовый употребитъ обманъ, насиліе, всѣ возможные средства, чтобы достигнуть цѣли, высокоумный предъ слабыми, уклончивый, но не полонъ предъ сильнѣйшими, незабывающій своего сана, умѣющій льстить и въ же время сохранять независимость, скрывающій свой страхъ подъ видомъ угрозы, онъ обличаетъ большое мужество Софокла, который никогда не уклонялся отъ истины. Озерокъ далъ изъ него непонятнаго истиннаго Эдипу,—такого же врага ему, какъ былъ Поллинокъ въ-отношеніи къ Оту. Онъ не только злодѣй, но и величающійся самимъ-собой. Занаше мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ автора статьи «о жизни и сочиненіи Озерова», и мы должны вынести отъзывъ о Креонѣ:

«Злодѣи, гордящіяся своими преступленіями и съ отвратительнымъ тщеславіемъ судящіе себя безпристрастно, какъ судіи посторонніе, не находятъ ни прирочъ, ни въ произведеніяхъ художниковъ, ей подражавшихъ; но раждающія въ печности или безсилія трагиковъ, проры, не умѣя или не желая дѣлать труда живописать разительную и характерную личность, характеръ предполагаемой, представляютъ его называться истиннымъ искусствомъ требуетъ, чтобъ онъ былъ зрителемъ. Сей родъ искусства есть одинъ изъ главнѣйшихъ въ Русской Трагедіи и торжественней въ лиричѣ Самозванца. До сей поры еще сохраняется на нашемъ Театрѣ.

явленіи третьяго дѣйствія Эдипа, реонъ съ излишнею искренностію сообщаетъ Нарцесу исповѣдь свою, хотя и съема поштилескую, но приносящую бо-же чести стихотворцу, нежели трагику.

Остается характеръ Полиника, который, по словамъ той же статьи, «наертанъ мастерскою рукою». Изъ чего это видно? Изъ того, что въ самомъ го раскаяніи прорываются движенія любви и ненависти къ брату, и крикъ въ Полиникѣ, «оплакивающимъ преступленія свои у ногъ отца и гово-вящагося жертвовать жизнью за него и сестру, угадываетъ еще мятужна-ю и непримиримаго брата Этеоклова. Справедливо, но эту главную черту полиникова характера надлежало бы выдержать вполнѣ. У Софокла, Полиникъ неотразимо ступаетъ на путь, открываемый ему и проявляемъ отца и ненависти къ брату. Великій художникъ искусно сочеталъ въ немъ влеченіе судьбы съ собственной волей увлеченнаго. Полиникъ знаетъ, что его ждетъ въ Фивахъ, и однакожъ, спѣшитъ туда. Одна мысль уступить брату приводитъ его въ ужасъ. Онъ противится уговорамъ Антигоны, которая называетъ его не только своимъ братомъ, но и своимъ дитатемъ; не трогается вѣтхими ласками Исмены и ухаживаетъ, благославляя сестеръ, унося съ собою проклятіе отцовское. Есть въ немъ какое-то чудное, нераздѣльное сіяніе несчастія и преступленія, яростной злобы и вѣжности, которыя особеннымъ образомъ волнуютъ сердце зрителя. Не знаешь, должно ли проклинать его съ Эдипомъ, жалѣть съ Тезеемъ, или любить съ Антигоной. У Дюси и Озерова, какъ мы видѣли, Полиникъ прощень Элипомъ, вопреки древнему преданію и характеру главнаго дѣйствующаго лица. Онъ остается при отцѣ, чтобъ тамъ сожалѣть о его смерти, здѣсь радоваться сохраненію его жизни. Сверхъ-того, критикъ хвалитъ мастерство Озерова, тогда какъ это мастерство, еслибъ оно и было — принадлежить Дюси. Нашъ

трагикъ не создалъ, а перевелъ Полиника. Хорошій переводъ не есть еще творчество. Зачѣмъ же, въ похвалахъ своихъ, смѣшивать два разныхъ лица, ставить одного на мѣсто другаго? Пусть явится у насъ переводъ софокловыхъ трагедій: не-уже-ли переводчикъ раздѣлитъ съ авторомъ славу драматическаго писателя? Скорѣй онъ украситъ отъ присвоенія ему такой славы. Что касается до искусства, замѣшаннаго у Дюси... тутъ можно еще и не красѣть.

Разобравъ подробно «Эдипа въ Афинахъ», сличивъ его съ французскимъ образцомъ, поставивъ то и другое передъ лицомъ греческаго подлинника, мы имѣемъ право сказать, что опредѣлили значеніе этой трагедіи. Озеровъ перевелъ Дюси; но мы показали родовое сходство и особенное (индивидуальное) отличіе послѣдняго: слѣдовательно, знаемъ и перваго. Отмѣны, которыя встрѣчаются у нашего трагика противъ французской пьесы, такъ незначительны, что нисколько не мѣняютъ общаго заключенія, кореннаго вывода. Что же собственно принадлежитъ Озерову? въ чемъ его личная заслуга? *Въ хорошихъ переводахъ трагедій Дюси.* Это значитъ и немного и много, — немного, если разумѣть подъ стихотворнымъ переводомъ устройство стиха; много, если смотрѣть на него, какъ на вѣрное выраженіе мыслей и чувствъ образца. Въ первомъ случаѣ, нужно быть только хорошимъ версификаторомъ; во второмъ, надобно стать наряду съ оригинальнымъ авторомъ, воспроизвести его, принявъ въ себя стихіи его таланта. Озеровъ исполнилъ оба дѣла. Онъ сдѣлалъ первое: стихи его сильны и звучны; что составляетъ важную заслугу. И теперь читая ихъ чувствуешь, какъ они были тогда прекрасны. Онъ сдѣлалъ и второе дѣло: воспроизвелъ Дюси. Французскій трагикъ, сказали мы выше, преимущественно поражалъ зрителей изображеніемъ сценъ ужасныхъ и чувствительныхъ. Озеровъ надѣленъ былъ

также сильною чувствительностью, и потому трогательныя изліянія любви, отцовской вѣрности, дѣтской преданности находили въ немъ не только глубокое сочувствіе, но и поэтическое выраженіе. Дюси и Озеровъ — таланты одноклассовенныя, хотѣ и не равныя: первый выше втораго. Но въ слѣдствіе этой одноклассовенности, переводъ вышелъ достоинъ подлинника.

Поликсена есть другая трагедія, взятая изъ греческаго міра. Авторъ статьи: «о сочиненіяхъ Озерова», находить ее «совершеннѣйшимъ произведеніемъ нашего трагика». По его мнѣнію, «Поликсена, не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ планѣ, полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ трагедій Озерова; характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены выдержаны до конца». Съ одною частью этого мнѣнія можно согласиться, именно съ тою, что «Поликсена въ цѣломъ лучше прочихъ трагедій Озерова». Но, такъ-какъ здѣсь онъ уже не подражалъ Дюси, то и нѣтъ въ ней того, чѣмъ отличался Дюси, не смотря на второстепенный талантъ свой, — нѣтъ патетическихъ выходовъ, искусныхъ недостатковъ плана, отступленій отъ истины. «Поликсена» ровнѣе въ ходѣ, но за то и холоднѣе. Эдина въ Аеннахъ». Успѣхъ послѣдняго на театрѣ былъ несравненно-выше успѣха первой трагедіи. Что касается до характеровъ, то есть два рода ихъ выдержанности: одна — выдержанность ложнаго представленія, другая — выдержанность представленія истиннаго. Я не могу восхищаться первую, когда мнѣю передъ глазами вторую. Вѣрное изображеніе ложно-понятой, искаженной дѣйствительности мало угѣшаетъ меня. Какое мнѣ дѣло, если авторъ правъ передъ судомъ собственнаго возвращенія, если онъ до конца не извѣнилъ истиннѣе воображаемой? Пониманіе предметовъ, какъ они есть или были, такъ хорошо, что меня возмущаетъ преданность призраку, обаяніе джи.

Особенно жаль исказить изящнѣйшіе предметы древности — Поликсену и Кассандру.

Въ «Гекубѣ», трагедіи Эврипида, Поликсена есть по преимуществу тихое и скромное существо. Грехи называли ее *рожденною для слезъ*. Она сохраняетъ свою стыдливость даже въ то время, когда стыдливость ни къ чему болѣе не служитъ. Падая подъ ударомъ Пирра, она заботится о томъ, чтобъ упасть благопристойно, «схватить отъ глазъ то, чего глаза не должны видѣть». Смерть дѣвы, по выраженію поэта, «заставила краснѣть боговъ и человѣковъ». Ионгинія умоляетъ отца не приносить ее въ жертву, в это очень-естественно: ея жизнь исполнена радости въ настоящемъ, свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ. Поликсена принимаетъ смерть, потому-что смерть освобождаетъ ее отъ страданій, отъ рабства, можетъ-быть, отъ позора. Но въ самомъ ея мужествѣ передъ кончиною есть что-то нѣжно-дѣтственное; въ ея героизмѣ нераздѣльно соединены покорность, робость, стыдливость. — У Озерова, Поликсена «*въ началѣи жмется козѣ, лежащій на жертвенникѣ*», восклицая: «*Закланій вижу козѣ*». На вопросъ изумленнаго Пирра: «*что дѣлаешь?*» она стончески отвѣчаетъ «*вспрай какъ умирать умлю; сама ну на холмѣ*», и потомъ, приближаясь къ холму, *приходитъ въ изступленіе!!!* Къ чему эта сцена наступленія, парадной смерти? Можетъ-быть, намъ трагикъ подражалъ Сенекѣ, у втораго Поликсена умираетъ не хуже Катона, бросаясь, какъ Фурія, на могильный холмъ Ахилла. — Сверхъ-того, въ греческой трагедіи, Поликсена замѣта только матерью и сестрою; нѣтъ ни малѣйшаго слова о любви другаго рода. Эта сосредоточенность чувства на одномъ предметѣ возвышаетъ чистоту сардонной дѣвы. Поликсена Озерова, кромѣ роковой роли, питаетъ еще страсть къ умершему жениху своему, Ахиллу. Она вспоминаетъ тѣ дни, когда любившая и страстно-любила, видѣла у сво-

къ ногъ непобѣдимаго вождя.. Та-
кимъ-образомъ, древняя Гречанка пре-
образована въ чувствительную рома-
нтическую дѣвушку новыхъ временъ.
Только послѣдняя могла произнести
слѣдующіе стихи:

Кто болѣе меня любить его могла?
Кто болѣе меня поднесъ ему мила?

Даже, въ послѣднія минуты, при под-
номъ собраніи Грековъ, она—чего бы
не позволила себѣ ни одна древняя
гречанка, тѣмъ болѣе скромная, стыд-
ливая Поликсена — подтверждаетъ
вою страсть:

О Греки! не стыжусь въ торжественный
сей часъ

О страсти сей вѣшать еще въ послѣдній
разъ:

Поднесъ дитя духъ, она дала мнѣ силы
Страхъ смерти побѣдить.

Подобные стихи то же, что прикосно-
вене неосторожныхъ рукъ къ прекра-
но-изваянной статуѣ: мраморъ теря-
тъ свою идеальную чистоту. Въ мирѣ
стетическомъ есть также поруганіе
евинности, своего рода растлѣніе...

Пирръ у нашего трагика одушевленъ
каждою мести, неустойчивою злобой. Въ
Поликсенѣ видитъ онъ личнаго врага.
Въ радостью изверга встрѣчаетъ онъ
жертву:

Дождялся наконецъ твоей я казни дни!
Давно уже во мнѣ пылаетъ духъ же-
лавіемъ

Насытитесь твоимъ предъ смертію стра-
даньемъ,

По хитрому челу простертый видѣть
хладъ,

И угасающимъ прельстительный тотъ
взглядъ,

Иль коего Ахиллъ любви испилъ отраву
И уловленный палъ къ убійцамъ въ
сѣть кроваву.

Въ этомъ смерти Поликсены утратила
она свой высоко-религіозный характеръ,
и гда-какъ Эврипидъ озабочаетъ темный

фонъ картины поэтическимъ свѣтомъ.
Дикое суевѣріе, принесеніе въ жертву
юной царевны смягчается у него гра-
ціозными картинками. Подлѣ благород-
наго мужества красоты стоитъ жалость
и смущеніе того, кто ее поражаетъ; съ
одной стороны, величественная скром-
ность падающей жертвы, съ другой,
уваженіе и восторгъ зрителей. Вокругъ
печальной сцены разлита какая-то яс-
ность. Это не убійство, не удовлетво-
реніе мщенія, а торжество скорби, прав-
дникъ смерти. Поэтому Гекуба, выслу-
шавъ рассказъ Тальонбіа о жертво-
приношеніи, говоритъ: «О дочь моя! я
навсегда сохраню въ памяти и буду
оплакивать твой печальный жребій; но
твое благородное мужество смягчило
нѣсколько мое несчастіе и горе». Ове-
ровъ, выведя Пирра и поставивъ его
въ раздоръ съ Агамемнономъ, подра-
жалъ Сенека или подражателямъ Сене-
ки, который заставилъ Пирра требо-
вать для отцовской могилы крови По-
ликсены, а царя Агамемнона проти-
виться принесенію такой варварской
жертвы. Контрастъ между пылкимъ
характеромъ юнаго ахиллова сына и
умѣренностью, хладнокровіемъ, свой-
ственнымъ предводителю царей, не
безъ достоинствъ. Расниъ заимство-
валъ отсюда нѣчто для Ахилла и Ага-
мемнона («Фюгенія въ Авалдѣ»), для
Ореста и Пирра («Андромаха»).

Улиссъ, какъ онъ изображается у
греческихъ трагиковъ, есть созданіе
оригинальное и трудное для воспріи-
мавленія. Въ немъ олицетворены гевій
политическій; преданность граждан-
ская. Онъ изобрѣтателенъ на пред-
пріятія, искусно заставляетъ другихъ
принять его мысль, неутомимъ въ ис-
полненіи мысли, терпѣливъ и ловокъ
въ достиженіи цѣли, готовъ, для об-
щественныхъ выгодъ, подвергаться
опасностямъ, сносить оскорбленія, не
винимать крикамъ горести и отчаянія.
Онъ не чуждъ душевныхъ движеній,
но умѣетъ удерживать ихъ для обеспе-
ченія успѣха своимъ намѣреніямъ. Онъ
на все можетъ рѣшиться, на все ощу-

лится... одного только онъ не смѣетъ: прервать прощаній Поликсены съ матерью. Лицо типическое, которое не возбуждаетъ особенной симпатіи нашей, но которое, однакожь, привлекаетъ къ себѣ вниманіе, какъ характеръ энергическій, какъ умственная сила, поставленная въ отважную борьбу съ сильными препятствіями. У Озерова, Улиссъ сохранилъ только одно изъ второстепенныхъ, такъ-сказать, внѣшнихъ своихъ отличій: хитрое, плодовитое краснорѣчіе. Но плодовитость его рѣчей теряется въ монологахъ и разговорахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя тоже не слышны на слова.

Роль Кассандры испорчена. Отъ подлинной Кассандры осталась только способность предвидѣть грядущія бѣды; но ея иступленное вдохновеніе, когда она, у Эврипида, выбѣгаетъ на сцену, держа въ рукахъ факелы и прославляя бракъ, соединяющій ее съ предводителемъ Грековъ, гибельный бракъ, отъ котораго возрадуются тѣни убитыхъ Троянъ,—или ея многозначительное молчаніе, съ которымъ она, у Эсхила, вступаетъ во дворецъ Агамемнона и вслѣдъ за молчаніемъ пророческое видѣніе прошлаго и будущаго, заключенное громовымъ предвѣстіемъ: «скоро вы увидите смерть царя!... все это погибло. Всего хуже, что изъ вдохновенной пророчицы, которая внимала богамъ, ей подсказывающимъ, она перешла въ говорливую дѣву, которая хитро пользуется своимъ вліаніемъ на Агамемнона. Въ разговорѣ съ нимъ Пирра, послѣдній угрожаетъ отнять Кассандру:

Кассандру самую я изъ теонъ объятій
Исхитивъ, извлеку на сей надгробный
холмъ,

а въ 3-мъ дѣйствіи Кассандра упрекаетъ Агамемнона:

Но вѣтъ, не любишь ты, и ясно вижу я,
Что ищешь обольстить лишь только ты
меня.

Но объятія Грека были именно то самое, что мы называемъ обольщеніемъ. Онъ не различалъ этихъ двухъ предметовъ. И въ словахъ Кассандры Озерова вѣтъ ни Греція вообще, ни Кассандры въ-особенности.

Можетъ-быть, замѣтятъ намъ, что мы судимъ строго, сличая Озерова съ первоначальными подлинниками. Но какъ же иначе? скажите. Если судить его относительно французскихъ образцовъ и предшествующихъ русскихъ трагиковъ, то и похвала должна бытъ относительная. При такомъ сужденіи нельзя же сказать, что Антигона Озерова есть совершенная Антигона, что характеръ Поликсены выдержанъ въ концѣ, но позволено утверждать, что существуютъ равныя степени творчества, слѣдовательно, и равныя степени похвалы. На одной изъ нихъ, конечно, стоитъ и Озеровъ. О заслугахъ его относительно предвѣщающаго состоянія театра говорить нечего: онъ ясны. Но добная относительная критика, заключающая автора въ тѣсный кругъ двухъ-трехъ писателей, мало служитъ раскрытію его значенія, въ общій его трагедій. И Сумароковъ и Князевъ подражали; подражалъ и Озеровъ. Послѣдній много выше остальныхъ; но этимъ отзывомъ смыслъ качества подражанія не опредѣляется. Необходимо призвать на очевидную ставку образцы: при такомъ тогда условіи возможно полное пониманіе литературной дѣятельности.

Трагедія «Фингалъ» представляетъ событіе изъ жизни народа, совершенно противоположнаго греческому. За тѣмъ другія рѣчи, другіе нравы, другой эстетическій и нравственный міръ. Озеровъ, посвящая пьесу Оленину, говоритъ, что онъ имѣлъ въ ней дѣло «описать Ахилла съверныхъ народовъ». И точно, богатыя краски представлялъ ему сумрачный съверъ, воинственные сыны, которые бросаютъ въ костеръ столѣтніе дубы — туши одѣваются варезомъ станинъ

Предметъ, по одной уже новости своей, долженъ былъ интересовать публику, пріученную къ римскимъ и греческимъ героямъ. Содержаніе трагедіи взято (съ измѣненіемъ, выгоднымъ для драмы) изъ третьей пѣсни поэмы «Фингалъ», написанной его сыномъ, Оссіаномъ. Подлинное событіе исполнено суровой, величественной повѣи. Передадимъ его сокращенно.

Бардъ Карилъ славитъ храбрость и великодушіе Фингала, который, побѣдивъ Старна, царя долинскаго, не хотѣлъ удержать его плѣнникомъ, но даровалъ ему свободу:

«Сердце Старна исполнилось гордости и злобы; во глубинѣ души своей, онъ замышлялъ смерть юнаго побѣдителя: но никто, кромѣ Фингала, не могъ укротить могущественнаго Старна.

«Старно, воротясь въ лѣса долинскіе, ступилъ въ залу, назначенную для пиршества. Онъ призываетъ Сивана, бѣломаскаго старца. Старикъ! сказалъ ему Старно, иди на скалы арвенскія, окруженныя моремъ. Скажи Фингалу, царю пустыни, прекраснѣйшему изъ воиновъ, что я отдаю за него мою дочь, прекраснѣйшую изъ дѣвъ. Бѣлая лица ея затмеваетъ блескъ снѣга; ея перси нѣжнѣе пѣны волтъ; ея душа чиста и благородна. Пускай, въ сопровожденіи знаменнѣйшихъ воителей, придетъ онъ соединиться съ моею дочерью, владѣянною въ рѣдкѣшия чертоговъ.

«Сиванъ достигъ горъ Альбіона. Фингалъ отправляется съ нимъ; его сердце, упоенное любовью, опережаетъ бѣгъ кораблей по сѣвернымъ волнамъ.

«Благословляю приходъ твой, сказалъ ему мрачный Старно: благословляю твой приходъ, владыка морвенскихъ скалъ; привѣтъ вамъ, герои-спутники его въ битвахъ! Чада пустыннаго острова, три дня вы будете праздновать въ моемъ дворцѣ; три цѣлые дня вы будете охотиться за вепрями моихъ лѣсовъ, чтобы лова подвиговъ вашихъ проникла въ тайное убжище, гдѣ живетъ прекрасная Агандекка.

Т. II, — Отд. V.

«Царь снѣговъ замышлялъ смерть герою, предлагая имъ дружескій пиръ. Фингалъ, не добрыя мрачному лицу врага своего, явился на пиршество вооруженный. Устрашенные убійцы не могли вынести взглядовъ героя и бѣжали отъ лица его. Но вотъ раздались клики веселья; звучныя арфы дрожатъ подъ перстами бардовъ, которые восхваляютъ то славу битвъ, то красоту дѣвъ. Тамъ раздавался и голосъ Уланды, фингалева барда, мелодическаго пѣвца холмовъ Коны; онъ пѣлъ красоту дочери Старна и славу герою въ морвенскихъ. Прекрасная Агандекка услышала его пѣсни; она вышла изъ уединеннаго убжища, гдѣ тайно вздыхала, и явилась блестящая небесною красотой, какъ луна на краю восточнаго облака; шумъ ея легкихъ шаговъ услаждаетъ слухъ, какъ божественная гармонія. Она видитъ, она любитъ юнаго героя. Ея сердце трепещетъ желаніями, которыя побуждаетъ стыдливость. Голубыя глаза ея ищутъ героя и нѣжно на немъ поются; душа ея творитъ пламенные молитвы о счастьи царя морвенскаго.

«Третій день проснулся ярко надъ лѣсами вепрей. Старно, скрывая вѣроломство, отправляется на охоту, и съ нимъ Фингалъ. Уже прошла половина дня, и копы Фингала покрыто кровью дикихъ обитателей гормальскаго лѣса. Тогда-то отыскала его дочь Старна. Ея красивые глаза наполнены слезами; съ отчаяньемъ любви она говоритъ ему:

«Фингалъ, отращь знаменитаго поколѣнія, не вѣрайся гордому сердцу Старна; въ этомъ лѣсу скрываются убійцы. Берегись мрачныхъ вертеповъ, гдѣ ждетъ тебя смерть; но сжался надо мной, юный чужеземецъ; сжался надъ Агандеккой. «Царь Морвена, спаси меня отъ ярости моего отца.»

«Юный герой, безъ страха и смущенія, спѣшитъ впередъ, сопровождаемый вѣрными друзьями. Презрѣнные убійцы падаютъ подъ ихъ ударами, и гормальскій лѣсъ вторитъ крикамъ мщенія.

Охотники собрались передъ дворцомъ Старна. Пылающіе глаза его дико вращаются подъ густымъ навѣсомъ бровей. — Приведите сюда, кричалъ онъ, приведите сюда мою дочь прекрасному царю Мор-

вена. Ея нѣжныя рѣчи были не напрасны: благодаря ей, рука Фингала оросилась кровью своихъ подданныхъ.

«Она пришла; ея глаза омочены слезами; черныя волосы рассыпались по плечамъ; обнаженная грудь, восхитительной бѣлизны, вздымалась отъ вздоховъ. Старно поражаетъ ее мечомъ, и она падаетъ, какъ чистый снѣгъ со скалы романской посреди тишины зимаго дня.

«Отчаянный Фингалъ сзываетъ своихъ воиновъ, и оружья зазвучали погребальнымъ звономъ. Началась ужасная битва. Локляницы поражены или обращаются въ бѣгство. Фингалъ уноситъ съ собою на корабль бездыханное тѣло прекрасной Агандекки. Ея могила возвышается на утесѣ арвенскомъ, и море вокругъ ся рочечеть.»

У Озерова другая причина мести. Фингалъ убилъ Тоскара, старнова сына, и огорченный отецъ хочетъ смертію убійцы успокоить тѣнь убитаго. Моина, невѣста Фингала, узнавъ грозящую ему опасность, избавляетъ жениха своего отъ смерти. Старнъ убиваетъ ее, разраженный неуспѣхомъ. Изъ этого видно, что положеніе Старна истинно-трагическое; онъ самое интересное лицо пьесы, по своей древности одной мысли, одному желанію, которому онъ приноситъ въ жертву другое желаніе—видѣть дочь свою счастливой. Жалко, однакожь, что онъ утратилъ свою оригинальную суровость и неподатливость. Поэма приписываетъ ему характеръ дикій и свирѣпый, отъ-чего онъ, при всемъ превосходствѣ врага, не хотѣлъ покориться, и если прибѣгалъ къ хитрости, то недолго могъ ее выдерживать: вѣрство брало перевѣсъ надъ скрытностью. У Озерова Старнъ сдѣлался хитрѣе, осторожнѣе въ своихъ планахъ; онъ далъ ему много скрытной злобы, а не той, которая съ большіимъ трудомъ выдерживаетъ свои тайныя планы; однакожь, онъ все-таки наилучшее лицо. Фингалъ и Моина вовсе удалились отъ подлинника. Первый захватилъ

много нѣжнаго рыцарства, послѣдній много нѣжной мечтательности, романическихъ чувствъ. Оба они дѣйствующія лица не третьяго вѣка, а современныя Озерову или, по-крайней-мѣрѣ, очень къ нему близкія. Ахиллъ съ верныхъ народовъ выражаетъ любовь свою, какъ Дмитрій Донской, или лучше сказать, какъ сталъ бы выражать ее самъ Озеровъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и романической настроенности. Моина, въ томъ же отношеніи, похожа на Поликсеу и на Кевію: онѣ произведеніе одного и того же взгляда на любовь, на женщинъ—можетъ-быть, на ту женщину, которая была любима авторомъ.

Что касается до выраженія трагедіи, то она, съ одной стороны, вышше всѣхъ прочихъ трагедій Озерова, а другой—представляетъ важный недостатокъ. Она вышше потому, что стихъ ея чище, музыкальнѣе, отличнѣе другой: авторъ очень-удачно ввелъ пѣсни баяровъ, исполненныя столько же величественныхъ, сколько и мрачныхъ картинъ природы; разговоръ лицъ такъ расцвѣтаетъ красками оссіановой поэзіи. Для примѣра выпишемъ нѣсколько мѣстъ:

Встаютъ Морвена вождь, Фингалъ,
Оружье грозное прилгалъ;
Стрѣла въ колчанѣ роковая,
На груди даяна стала видна,
Конь, какъ сосна вѣковая,
И шить, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ,
И вся подернута туманомъ.

Повѣрь, Моина здѣсь не мѣсто Финга.
Терзалась мыслию, разлукою страдала
Какъ часто съ береговъ или съ вершинъ
какъ горы,
Я въ море синее мой простирала взоръ
Тамъ, каждый валъ въ дали мѣлъ и
ношу свою
Казался парусомъ, надеждою пошелъ;
Но тѣжко опустися къ глубокому песку
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную
тоску.

Какъ часто въ темну ночь, печальна и
уныла,
Обмывавъ себя я къ морю приходила;
Внявая шуму волвъ, бѣющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый
въ морѣ бѣгъ.

—
Что бы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ
наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ былѣе долинъ, во дѣлѣхъ засуши,
Чтобъ бесполезный царь, противъ любви
безчестенъ,
Влачилъ я ирачну жизнь, и умеръ безъ
извѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ Бардовъ я въ потом-
ствѣ не гремѣлъ,
Въ дому моихъ отцовъ чтобъ щитъ мой
не висѣлъ,
И мечъ, мой тщетный мечъ, притушен-
ный и ржавый,
Былъ въ дѣбри выброшенъ, какъ мечъ
Царей безъ славы.

—
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть
твоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью... стра-
даньемъ.
Не храмъ, готовилъ гробъ; не брачныхъ
снѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійствен-
ныхъ мечей.
Хотѣлъ, чтобы погибъ ты смертію без-
честной,
И не моею рукою, рукою неизвестной;
Что бы къ страданію по смерти ты воз-
легло
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ, чтобъ ты вкусилъ въ тѣ смерт-
ныя минуты,
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Олень, Судьба и дочь, мнѣ извѣстны
все;
Не измѣнить тебѣ теперь отчаянъ мое.

Недостатокъ же выраженія состоитъ
въ томъ, что, изъ подражанія класси-
камъ, дѣйствующія лица говорятъ
лишними тирадами, что совершенно-
противоположно рѣчамъ оссіановыхъ
пѣсней, которыхъ отличительныя свой-

ства — краткость, быстрота, сила, из-
образительность. Пята дань утвер-
жденнымъ обычаемъ, Озеровъ далъ
Монѣхъ наперсницу, какъ и Старцу на-
персника. Зачѣмъ же одинъ Фингалъ
лишенъ подобной чести?

Огечественная исторія дала Озеро-
ву сюжеты для двухъ трагедій. Пер-
вая: *Ярополкъ и Олегъ*, въ пяти дѣй-
ствіяхъ, представлена въ первый разъ
въ 1798 году. Это — первое произве-
деніе нашего трагика, слабое во всѣхъ
отношеніяхъ, почему критика не можетъ
пройти его молчаніемъ. Не знаемъ,
по какой причинѣ, въ новомъ изданіи,
назначено ей послѣднее мѣсто, тогда-
какъ, слѣдуя хронологическому поряд-
ку, единственно нужному при изданіи
авторовъ, она должна была бы пред-
шествовать всѣмъ прочимъ. Другая
трагедія: *Димитрій Донской*, въ пя-
ти дѣйствіяхъ, представленная въ 1807
году, имѣла огромный успѣхъ, какъ
при первомъ представленіи, такъ и въ
послѣдствіи. Успѣхъ этотъ объясняет-
ся многими причинами: тогдашними
политическими отношеніями Россіи
къ Наполеону, благороднымъ выраже-
ніемъ патріотическихъ чувствъ, пре-
краснымъ по тому времени стихомъ и,
наконецъ, прекрасной игрою Семено-
вой, которая, въ роли Ксеніи, дѣлила,
вмѣстѣ съ авторомъ, «невольную дань
народныхъ слезъ и рукоплесканій». Если же
рассматривать «Димитрія
Донскаго» съ эстетической точки зрѣ-
нія, забывъ прочія, лежація внѣ ис-
кусства, отношенія, то справедливость
требуетъ замѣтить, что эта пьеса при-
надлежитъ къ роду ложныхъ трагедій,
и что другія пьесы Озерова (за исклю-
ченіемъ «Ярополка и Олега») много
выше ея, хотя и онѣ также не воспро-
изводятъ взятыхъ ими предметовъ въ
надлежащей истинѣ. Мы не можемъ
согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что
«трагикъ, представившій намъ тирана
благотворителемъ своихъ подданныхъ,
или друга свободы работъ пресмы-
кающимся, равно виновны передъ исто-
рією и передъ трагедією». Передъ исто-

ршей — такъ, а передъ трагедіей нисколько, если онъ сохранилъ истинную поэтическую, т. е. если вымыслъ его не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго и вездѣ себя равняетъ. Но дѣло въ томъ, что намъ, при настоящемъ взглядѣ на поэзію, можетъ нравиться только воспроизведеніе *дѣйствительной жизни*, которая до того хороша, что поэту, каковъ бы онъ ни былъ, нѣтъ средства выдумать лучшей. Для Озерова, воспитаннаго на другихъ повѣстаніяхъ, «Димитрій Донской», безъ любви, такъ же казался сухимъ, какъ неприличнымъ казалось ему оставить Ксенію безъ наперсницы. Онъ имѣлъ право оправдаться въ нарушеніи исторической истины подобно Расину: а что скажетъ публика, если я не заставляю моего героя влюбиться? Слѣдовательно, бѣда не въ этомъ, — бѣда въ томъ, что историческія воспоминанія, мѣстныя подробности, которыми усѣяна трагедія «Димитрій Донской», стоятъ въ противорѣчій съ истинной поэтической, съ живіюю воображаемой, созданной трагикомъ, и наоборотъ: послѣдняя нарушается первыми, такъ что въ пьесѣ нѣтъ ни одного изъ двухъ родовъ истины, слѣдовательно, нѣтъ никакой. Такъ, на-прим., начало трагедіи составлено по «Танкреду», который открывается совѣтомъ рыцарей, и по «Бруту», который открывается засѣданіемъ римскихъ сенаторовъ — и наши князья, съ своими именами, мѣстными подробностями и разказами историческими, слѣдальсь непохожими ни на римскихъ сенаторовъ, ни на крестовыхъ рыцарей, ни на самихъ себя... Считаемъ излишнимъ анализировать характеры, которые распадаются при первомъ прикосновеніи. И публика вообще, и занимающіеся литературою въ-особенности, такъ знакомы съ трагедіей, что мнѣніе критики, по крайней-мѣрѣ нашей, не пойдетъ на перекоръ общему голосу. Князь Вяземскій, въ разборѣ своемъ, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, слѣдалъ вѣрныя замѣчанія на-счетъ глав-

наго характера, невыгоднаго для трагического представленія.

Разобравъ драматическія произведенія Озерова, сведемъ мысли нашего разбора къ общимъ положеніямъ.

Всѣ трагедіи Озерова принадлежатъ къ *классическому* роду, въ которомъ литература наша является подражательною, слѣдующею по стопамъ французской. Озеровъ — классикъ не только въ сюжетахъ, взятыхъ изъ міра греческаго, на который псевдоклассицизмъ объявилъ своимъ неотъемлемымъ претензіи, но даже въ изображеніи событій отечественной и шотландской исторіи — тамъ, гдѣ писатель легко-бы могъ себя уволить отъ правилъ французской пѣнттики. «Фингалъ» и «Димитрій Донской» — то же, что «Эдипъ въ Афинахъ» и «Поликсева»: одинаковость рода доказывается и построеніемъ пьесъ, и созданіемъ характеровъ, и выраженіемъ.

Однакомъ, въ этихъ классическихъ произведеніяхъ Озерова есть своя доля *романтизма*, такъ полно и прекрасно развитаго Жуковскимъ. Мечтательность и грусть Моины, вѣрность Поликсены къ умершему жениху, ее мысль, которую она хочетъ успокоить Гекубу:

Повѣрь, не стоить жизнь, чтобы о ней жалѣть,

стремленіе Ксеніи скрыться въ стѣнахъ монастыря, — всѣ эти скорбныя сожалѣнія о невѣрности земнаго счастья, смутныя предчувствія грядущихъ бѣдъ, неопредѣленные надежды на замѣну сокрушеннаго блага, всѣ эти, тамъ и здѣсь разбросанныя мысли о благодати страданія, о таинствѣ сердечныхъ жертвъ, изъ которыхъ соткана жизньъ наша — суть не что иное, какъ элементы романтической поэзіи — поэзіи Жуковскаго. Даже «Фингалъ» и «Димитрій Донской», полъ

влияніемъ романтизма, нѣсколько утратили бодрой силы мужа и захватили большую или меньшую часть женственности. Пересмотрте явленія, гдѣ сходятся Димитрій и Ксенія, Фингалъ и Монна: вы видите примы платонической любви, которая плохо различаетъ счастье желаемое отъ счастья вкушаемаго, жизнь мечтательную, которая оставалась на мечтаніяхъ, хотя недовольна своимъ настоящимъ положеніемъ. Это присутствіе романтическаго элемента, который теперь вовсе не ставится въ заслугу, — большое достоинство Озерова. Оно врожденное качество его природы, знакъ особенно-чувствительной души, чѣмъ онъ отличался отъ своихъ предшественниковъ, что, при представленіи его пьесъ, исторгало у зрителей невольныя слезы, что, по выраженію Жуковского, «создало душу Монны». Способностью воспринимать чувство онъ сошелся съ Дюся, тоже чувствительнымъ трагикомъ, почему и передалъ его «Эдипа» достойнымъ образомъ. Изъ того же самаго источника объясняется его преимущественная склонность къ созданію женскихъ характеровъ, которые вышли у него удачнѣе мужскихъ.

Но в классическое направленіе Озерова гораздо-выше классическаго направленія его предшественниковъ. Не говоря уже объ устройствѣ стиха и о лязкѣ, постройка пьесъ, завязка и развязка, характеры обдуманнѣе, стройнѣе, чѣмъ у Княжнина или тѣмъ паче у Сумарокова. Да в слѣдующіе за Озеровымъ трагики (исключаемъ «Бориса Годунова», какъ пьесу *à part*) что написали лучшаго? новѣйшіе современные намъ драматурги что произвели замѣчательнѣйшаго? Если сравненіе опредѣляетъ цѣну всего, то Озерова значаише уважать много больше, когда поставишь его рядомъ или съ предъидущими или съ послѣдующими сподвижниками литературы отечественной. Но какъ только раздвинешь

T. III. — Отд. V.

вкругъ сравненія, то, разумѣется, предметъ сравненій долженъ утратить много цѣны своей, что, впрочемъ, очень-естественно и ни для кого не обидно.

Кромѣ пяти трагедій, въ новостъ изданіи помѣщенъ переводъ геронды Колярдо: «Элонза къ Абельяру», съ предисловіемъ переводчика, и другія стихотворенія, раздѣленныя какъ-то странно на оды, басни и *стихотворенія*.

Къ сочиненіямъ Абельяра и Элонзы, напечатаннымъ въ первый разъ въ началѣ XVII-го вѣка, приложено письмо Абельяра къ одному изъ друзей его, гдѣ онъ рассказываетъ исторію своихъ несчастій. Письмо это, попавшее въ руки Элонзы, подало поводъ къ той трогательной перепискѣ, которую Бюсси, Попе и Колярдо исказили декламацией, неестественностью и дурнымъ вкусомъ. Во времена Озерова думали иначе. Тогда были въ большой модѣ геронды и литературная аффектація. Озеровъ называетъ произведеніе французскаго стихотворца — декламатора «лучшею герондой». По его собственному признанію, онъ былъ восхищенъ, читая Колярдо; ему открылся путь парнасскій, и онъ почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ.

Одъ, написанныхъ нашимъ трагикомъ, четыре: «На смерть Екатерины II», «На востшествіе Императора Александра I-го на престолъ», «Державину (на случай полученія имъ ордена св. — Анны)», и «Подражаніе Лебрюву». — Басенъ тоже четыре: «Оселъ и Собачка», «Волки и Овцы», «Ораторъ в Болванъ», «Ворона-Просительница». — Въ отдѣлѣ стихотвореній помѣщены: «Гимнъ Богу любви» (почему бы не огнести его къ одамъ?), «Расчетливая Пастушка», «Отрывокъ изъ Эсвэри», Расина, «Отрывокъ изъ Гоеолимъ, его же», «Графу Каменскому», «Храповицкому» (о раз-

ности словъ *честь* и *честность*, въ отвѣтъ на посланіе Храповицкаго), «В. В. Капнисту» (въ отвѣтъ на стихи его)

Въ новомъ изданіи напечатаны слѣдующія пьесы, невошедшія въ прежнее: трагедія «Ярополкъ и Олегъ», героида: «Элизза къ Абельру», ода «По-

дражаніе Лебрюну», басни «Ораторъ и Болванъ», «Ворона - Просительница», и «Посланіе къ Храповицкому».

Заключаемъ статью нашу искреннею благодарностью издателю за удачное исполненіе чрезвычайно - полезнаго предпріятія.

ЕВРЕЙСКІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ РОССІИ.

Составлено В. В. Григорьевымъ. Санктпетербургъ. 1847.

=

На долю Россіи, съ присоединеніемъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, досталось около милліона Евреевъ. Эта толпа потомковъ Израиля живетъ въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, литовскихъ, въ Волини, Подоліи, Малороссіи, Новороссійскомъ-Краю и Бессарабіи. Въ толпѣ движущагося населенія, вась невольнo поразить особый типъ физіономій, окаймленныхъ классическими бородами, — типъ физіономіи съ постояннымъ выраженіемъ ума, лукавства, подобострастія и жадны стѣжанія. Этотъ типъ безпримѣси окружающаго населенія неизмѣненъ всегда и повсюду. Смотря на изумительную дѣятельность, изворотливость, бѣготню и отсутствіе роскоши въ домашней жизни Евреевъ, можно бы, по-видимому, сказать, что такое населеніе должно обчластвивать такой край, который оно наполняетъ, что оно должно двигать огромными капиталами, давать широкое развитіе промышленности, великимъ предпріятіямъ торговымъ, доставлять работу населенію христіанскому, мѣнѣе суетливому, — однимъ словомъ, можно бы ожидать всѣхъ тѣхъ успѣховъ въ быту гражданскомъ, которые бывають слѣдствіемъ дѣятельности, трезвости и неоспоримаго природнаго ума жителей. Но, увы! историческіе результаты сильно опровергають эту гипотезу; нигдѣ мы

не видимъ благоденствія народнаго, гдѣ массами осыло населеніе еврейское. Еврей все тотъ же, какииъ онъ, кажется, возвращался изъ плѣна вавилонскаго, или какииъ онъ былъ въ средніе вѣка, когда храбрые крестоносцы находили удобнымъ и болѣе-безопаснымъ обнажать противъ нихъ свои мечи, нежели противъ мухаммеданъ. Все тотъ же страннической костюмъ (*), тотъ же вѣчный посохъ въ рукахъ, тѣ же привычки грязной жизни, то же отвращеніе къ труду физическому, та же хитрость и увертливость. Всегда этотъ народъ имѣеть видъ, какъ-будто бы онъ поселился на время въ какой-нибудь странѣ и собирается выйти въ землю обѣтованную, не зная гдѣ найти эту землю.

Такая неподвижность, при общиъ успѣхахъ образованія, такая неизмѣнность характера народнаго привели къ такому заключенію, что Еврей вѣчно на сторожѣ, вѣчно хитеръ, вѣчно скряга, ростовщикъ, потому-что имѣеть дѣло съ христіанами, которые его ненавидять, которые отняли у него всѣ политическія и гражданскія права, что

(* Костюмъ этотъ, въ слѣдствіе новыхъ распоряженій правительства, вслѣдѣ замѣненъ мѣстнымъ народнымъ, чѣмъ и положено начало къ слиянію Евреевъ съ общимъ населеніемъ краевъ.

Еврею остается одно спасеніе—въ деньгахъ, которыми онъ можетъ окупаться отъ всевозможныхъ угѣсненій, и что, слѣдовательно, всевозможное мытарство и всякая подлость облагороживаются въ глазахъ Еврея потому, что служить къ спасенію его жизни и жизни семейства, потому-что могутъ защитить свободу отправлять свое богослуженіе. И вотъ еще въ XVIII столѣтіи, всѣ правительства, проникнутыя этою мыслью, начали давать Евреямъ мало-по-малу разные права гражданскія и политическія. Такимъ образомъ, Евреи получили право свободы вѣроисповѣданія, признаны гражданами; личность ихъ и имущество были ограждены наравнѣ съ личностью и имуществомъ другихъ подданныхъ; имъ предоставлены всѣ ремесла и торговля; наконецъ, имъ открытъ путь къ высшему образованію, т. е. имъ слѣдалася доступенъ входъ въ университеты и академіи. Конечно, честь и слава въ этомъ отношеніи принадлежитъ европейскому образованію XVIII вѣка и правительствамъ того времени. Что Европѣ было дѣлать легче, то Россія гораздо-труднѣе,—во-первыхъ, потому-что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ нѣтъ такого сплошнаго и многолюднаго населенія еврейскаго, какъ въ Россіи, гдѣ оно занимаетъ почти цѣлыя губерніи; во-вторыхъ, потому-что Россія стояла далеко позади Европы на степеняхъ просвѣщенія. Но, къ-счастью, ходъ вещей и понятій у насъ быстро идетъ впередъ, и вотъ, на основаніи нашихъ законовъ, Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, пользуются общими покровительствомъ законовъ, имѣютъ свободу не только въ личномъ ихъ состояніи, но и въ законномъ приобрѣтеніи имущества, въ земледѣльческихъ занятіяхъ и въ производствѣ торговли и промышленности. Сверхъ-того, Евреи могутъ отправлять общественныя молитвы въ мѣстахъ общей ихъ собѣдности, и никто не имѣетъ права препятствовать имъ въ томъ ни словомъ, ни дѣломъ. Дѣти Евреевъ могутъ поступать, безъ всякаго различія

отъ другихъ дѣтей, въ учебныя и приходскія училища и гимназіи; тѣмъ изъ Евреевъ, которые, окончивъ гимназическій курсъ, получаютъ аттестаты и пожелаютъ приобрести высшее образованіе, дозволяется вступать для продолженія наукъ въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія въ Имперіи. Забудьте при этомъ, что Еврей, вступавшій въ училища, не принуждается къ перемѣнѣ ихъ иры и не обязанъ слушать лекціи христіанскаго закона. Сверхъ дозволенія дѣтямъ Евреевъ посѣщать казенныя и частныя христіанскія училища, Евреи могутъ заводить собственныя свои частныя и общественныя училища. В-особенности правительство наше покровительствуетъ переходу Евреевъ въ земледѣльческое состояніе: кто изъ нихъ поступитъ въ это состояніе, тотъ приобретаетъ свободу отъ подушной подати на 25 лѣтъ, свободу отъ рекрутской повинности на 50 и 25 лѣтъ, смотря по величинѣ переходящаго общества, свободу отъ денежныхъ земскихъ повинностей на 10 лѣтъ. Еврей-купцы, мѣщане и ремесленники пользуются всѣми правами другихъ русскихъ подданныхъ; наконецъ, Евреи составляютъ сельскія и городскія общества и участвуютъ въ выборахъ въ общественныя должности.

Можетъ-быть, наше правительство также усвоило себѣ мысль, что прѣтѣсненіе Евреевъ, которое служитъ къ развѣдненію населенія, было причиною того, что они нисколько не подвигались впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія, промышленности и нравственнаго образованія, слѣдовательно, не вызывали на уступки со стороны правительства; тогда оно само дало имъ тѣ права, которые мы выше обозначили, и ожидаетъ отъ нихъ тѣхъ же самыхъ успѣховъ гражданскихъ, какъ и отъ другихъ подданныхъ. Правительство въ этомъ случаѣ поступило очень-слабоудушно; но оправдывается ли Еврей своимъ поведеніемъ въ политическую жизнь? Прежде положительнаго общества на

прось, спросимъ у читателей: много ли Евреи подняли себя у насъ въ ссѣи, въ общественномъ мѣнѣи, въ тѣхъ-поръ, какъ само правитель-ство начало заботиться о нравахъ? Много ли у насъ можно насчитать изъ Евреевъ ученыхъ, врачей? же сѣбѣ можно спросить: много ли много учениковъ въ гимназіяхъ и центовъ въ университетахъ и академіяхъ изъ Евреевъ? Много ли изъ насъ можно насчитать такихъ, которые бы дали толчокъ промышленности мануфактурной и заводской, требующей специальныхъ свѣдѣній? Заставили Еврей перемѣнить о себѣ то неподходящее мѣнѣе, которое имѣютъ отъ частныхъ лицъ и правительства, вступающія съ ними въ дѣла? Спросимъ должностныхъ лицъ, много ли измѣнился казуистическій характеръ народа, который въ каждомъ дѣлѣ найдетъ исключеніе, въ каждомъ выраженіи двусмысленность? сожалѣнію, на всѣ эти вопросы мы должны отвѣчать: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Намъ очень-справедливо могутъ сказать, что нельзя же вдругъ поднять населеніе на степень достойныхъ жванъ, что для этого нужно время. Совершенно справедливо; но намъ кажется необходимымъ прибавить въ поясненію характера народнаго что его отчасти образовала не одна собственная судьба Евреевъ, но и самая исторія талмуда, религія софистическая и антисоціальная,—что эта религія придала умъ раввиновъ и ихъ послѣдователей на мелочи и забыла развить душу благородство и высшія потребности,—что она убила духъ религіи обрядами, сущность внѣшностью, матеріею. Какимъ образомъ инакъ объяснить, что одна еврейская секта пользовалась постояннымъ и повсемѣстнымъ покровительствомъ вавилонъ. Другая, напротивъ, повсюду и тогда терпѣла ограниченія (мы говоримъ о караннахъ или карангахъ и вѣдѣностяхъ или раввинистахъ)? Первобытно различаются величайшимъ дружественіемъ между собою, искреннею об-

щительностью съ иновѣрцами, дѣятельностью, трудолюбіемъ, безукореннымъ поведеніемъ и честностью. Они пользовались особыми привилегіями въ Польшѣ; привилегія эти дали имъ Сигизмундъ I и Стефанъ Баторій; они пользовались особеннымъ покровительствомъ крымскихъ Гиреевъ, и въ настоящее время пользуются особыми отъ прочихъ Евреевъ правами у русскаго и австрійскаго правительства; такимъ-образомъ, у насъ они избавлены отъ рекрутства, позволено имъ имѣть мѣстопребываніе и владѣть недвижимою собственностью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это запрещено прочимъ Евреямъ; на основаніи нашихъ законовъ, иностранцы изъ Евреевъ не допускаются въ переселенію въ Россію или ко вступленію въ руссійское подданство; между-тѣмъ, караванамъ, приѣзжающимъ изъ-за границы, дозволяется вступать въ русскіе подданные на основаніи общихъ, по этому предмету, правилъ. Отъ - чего же двѣ секты одного и того же народа пользуются разными правами? отъ-чего же на одну секту смотрятъ съ довѣріемъ, а на другую подозрительно? одна умѣла заслужить общее уваженіе, другая пала въ общемъ мѣнѣи? Причиной, по нашему мнѣнію, сущность религіознаго ученія той и другой секты: для большей ясности сдѣлаемъ короткий обзоръ этого ученія.

Секта *талмудистовъ* или *раввинистовъ* есть продолженіе секты фарисеевъ, упоминаемой въ св. писаніи; она произошла слѣдующимъ образомъ: Моисей, возвѣщая законъ божій избранному народу, и желая утвердить въ немъ навсегда начало единобожія, установилъ много обрядовъ, которыми сопровождалось богослуженіе общественное и молитвы частныя Евреевъ. Эти обряды и религіозные обычаи всегда рѣзко вѣдѣляли народъ еврейскій отъ окружающихъ его племенъ и спасали его самобытность. Но плѣвъ вавилонскій, ознакомившій Іудеевъ съ другими нравами, съ другими вѣрова-

мостоятельность и породилъ безпрепятственнаго отступленія отъ обрядовыхъ предозвѣст. Моисея. Съ этою цѣлю великая синагога расудила за благо ограничить дромагоде народа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ давалъ ему престоарь. Ограниченія эти придуманы для того, чтобъ они дѣйствительнымъ предписаніямъ закона служили защитительною оградой. Но чтобъ дать также силу закона тѣмъ ограниченіямъ, которыя вводили фарисеи, они объявляли и доказывали, что Богъ, кромѣ письменнаго закона, сообщилъ Моисею въ то же время устное объясненіе этого закона и многія къ нему прибавленія, которыя столь же святы и обязательны, какъ и самый законъ письменный, и что объясненія и прибавленія эти, внушенныя отъ Моисея пророкамъ, сохраняясь преданіемъ, дошли въ цѣлости и до нашего времени. Это ученіе дало начало сентѣ талмудистовъ и вызвало на сцену другое, противоположное ученіе—карантовъ (*), которыя держатся буквально однихъ священныя книгъ ветхаго завета, отвергаютъ сообщеніе Богомъ Моисею устныхъ объясненій и дополненій къ письменному закону, руководствуются при толкованіи его простымъ человеческимъ разумомъ и, не видя въ установленіяхъ и дополненіяхъ, введенныхъ позднѣйшими законодателями, ничего божественнаго, смотрятъ на нихъ, какъ на изобрѣтенія человеческія, вызванныя обстоятельствами и потребностями времени. Этимъ невѣрующимъ великая синагога должна была доказать, что она права, что среди ея дѣйствительно сохранилось устное преданіе, которое служитъ дополненіемъ къ закону, данному Богомъ чрезъ Моисея; тѣмъ болѣе нужно было доказать эту истину, что сама Великая-Синагога утратила свою политическую важность съ паденіемъ царства; ей оставалось одновліаніе религиозное на народъ;

(*) Впрочемъ, книжники, упоминаемые въ священномъ писаніи.

сдѣлательно, доказать, что устное преданіе, сообщенное Богомъ Моисею живеть въ средѣ ея, а также доказать свое право на почетъ и уваженіе и лу единобразіемъ. Но какъ можно было жительно доказать то, во что вѣрѣтъ отказались вѣрить прочимъ Разумныхъ доказательствъ не было, равнымъ придумали новые фивны, въ родѣ слѣдующихъ:

1) Въ Пятикнижии сказано: *Въ шестой день да не соворимъ селано въ оно*, между-тѣмъ, въ другихъ стахъ Пятикнижія положительно образомъ воспрещено въ этотъ только: возжигать огонь, собирать дрова и удаляться отъ шота сжительства; почему и остается неизвѣстнымъ, что же еще воспрещено въ субботу иеда именовъ. Это, какъ думаютъ Талмудисты, жень былъ объясненъ Господомъ сею устно, и Онъ объявлялъ, что шение «работать» обнимаетъ тридцать главныхъ видовъ работъ, кромѣ того, безчисленное множество другихъ, ииъ водчаявельныхъ. Се же тому, что число воспрещенныхъ работъ не болѣе и не мѣнѣе, тридцать-девять, заключается, сказано въ Талмудѣ, въ томъ, именно столько разъ встрѣчается Пятикнижии слово *малаха* — «работа».

2) Въ Пятикнижии сказано: *Давъ словеса сіа, лже азъ заповѣдаю днес, въ сердцѣ твоомъ и въ душѣ еи... и навложимъ я въ знаменіи твою и да будутъ непоколебимы (вѣрныи) предъ очима ма.* Здѣсь не опредѣляется, и кіа именно слова должны преданъ на руки и предъ глазами, и тѣмъ образомъ ихъ навложитъ; у же преданіе объясняетъ, что выраженіемъ «словеса» означены слѣдующія четыре книги: Исх. XIII, 1—16 и II Числ. IV, 4—9, и IX 13—22. Оне, почему именно четвери не болѣе и не мѣнѣе, объясняетъ выраженіемъ *малаха*; иа преданіи

ить Талмудъ, значить въ при-каспій-ныхъ странахъ два, а тамъ значить уже самое въ Африкѣ; слѣдовательно, каждая два составляютъ четыре.

Можно себѣ представить, какъ нечастные послѣдователи талмуда, которыхъ съ-дѣтства начинаютъ учить какой мудрости, напрягаютъ свои умы, чтобы понять почему *шомафотъ* значить четыре, и какимъ образомъ со-тавилось такое странное слово, кото-рого одна часть въ Азіи, другая въ Африкѣ, а значеніе то, что они дол-жны называть себѣ на руки четыре-реста изъ Пятикнижія? — Но даль-ше видимъ еще болѣе.

Очень-естественно, что противъ та-кихъ устныхъ преданій должны были орудовать люди заравомыслящіе, и отъ караймы дѣлаютъ такіа возра-женія:

Если бы эти законы и были сооб-щены Моисею, то не могли сохранять-ся преданіемъ. Могъ сообщить ихъ Моисей Иисусу-Навину, а тотъ — ста-рѣйшинамъ; но отъ старѣйшинъ они не могли быть передавы пророкамъ, какъ говорить раввинисты, потому-что отъ старѣйшинъ, которые пере-клили Иисуса, до Самуила, перваго изъ пророковъ, прошло четыреста лѣтъ.

Потомъ караймы указываютъ на то обстоятельство, что всѣ увѣщанія и вопреки пророковъ имѣютъ предме-томъ одни нравственныя проступки, никогда же не укоряютъ они за нару-шеніе устно-сообщенныхъ Моисею об-рядовыхъ постановленій. Да и вообще ни въ Пятикнижіи Моисей, ни въ про-рокахъ нигдѣ нѣтъ и слѣда существо-ванія этихъ устныхъ законовъ.

Не смотря на эти возраженія и дру-гія болѣе-частныя, но не менѣе того основательныя доказательства, фарисеи упорно держались своего мнѣнія и про-должали начатыя ими дополненія къ за-кону данному чрезъ Моисея. Это стрем-леніе фарисеевъ должно было усилиться въ-слѣдствіе того, что Евреи изъ-подъ владычества персидскаго перешли подъ власть греческую, а потомъ рим-скую. Чѣмъ тѣснѣе сближался и зна-

комился народъ съ своими властителя-ми, тѣмъ, естественно, болѣе-и-болѣе заимствовали отъ нихъ обычаевъ, нра-вовъ и идей, которые были несогласны ни съ духомъ, ни съ уставами религіи по книгамъ Моисея тѣмъ менѣе съ ха-рактеромъ строгихъ поздѣйшихъ ок-ранительныхъ дополненій. Защитни-ками новыхъ идей и чуждыхъ нравовъ явились саддукеи; выражавшіе въ себѣ начало движенія. Они были чистѣй-шіе матеріалисты, отвергали бессмер-тіе души и воскресеніе мертвыхъ. Но въ какой мѣрѣ саддукеи удалялись отъ іудейской національности, въ та-кой же, въ противодѣйствіе имъ, фа-рисеи, защитники начала неподвиж-ности, стремились поддержать эту на-циональность, неразрывно-связанную съ религіею. Для этого, по данному уже направленію, они безпрестанно болѣе-и-болѣе увеличивали число стѣ-снительныхъ ограниченій, въ кото-рыхъ видѣли для послѣдователей за-кона моисеева ошлотъ и залогъ его не-нарушимости; а чтобы этимъ охрани-тельными дополненіямъ придать за-ковность и характеръ обязательности въ глазахъ народа, отыскивали имъ основаніе въ св. писаніи и дѣлали на-тажки. Законъ устный передавался и распространялся въ Палестинѣ такимъ образомъ устно до начала III-го вѣка по Р. Хр., когда *Іуда Гекадошъ*, па-триархъ всѣхъ Евреевъ въ Римской Им-періи, собралъ все, что было произве-дено его предшественниками, и пре-далъ писью, давъ своему собранію на-званіе «*Мишна*», «*второзаконіе* или *по-втореніе закона*».

Изданіе Мишны, однакожъ, не оста-новило развитія преданія, а дало ему новое движеніе. Въ школахъ съ жа-ромъ привались за изученіе Мишны, и какъ прежде предметомъ толкова-ній, объясненій и дополненій было св. писаніе, такъ теперь начали объяснять Мишну. Съ теченіемъ времени, мнѣній, споры и комментаріи, въ которыхъ подавала поводъ Мишна, накопились до того, что раввинъ Іохананъ счелъ нужнымъ собрать ихъ въ одно цѣлое,

и въ 358 году по Р. Хр. трудъ этотъ былъ приведенъ къ концу. Заключая къ себѣ Мишну и комментарий на нее, сборникъ получилъ названіе «Талмуда» — «Ученія или Курса Ученія». Въ талмудъ этотъ вошли толкованія школъ палестинскихъ, а потому онъ и назывался талмудомъ іерусалимскимъ; такой же талмудъ былъ изданъ и въ Персеи около 500 годовъ по Р. Хр. и получилъ названіе талмуда вавилонскаго.

Въ чемъ же заключается содержаніе талмуда? какую мудрость раввины могли противопоставить естественному развитію идей у народа въ слѣдствіе новаго порядка вещей; какимъ образомъ они хотѣли спасти еврейскую національность, и какъ они могли достигнуть заглубленной неподвижности? Очевидно, что нельзя въ одно и то же время развиваться и сохранять всё мелочи прежняго быта, какъ нельзя въ одно и то же время физически двигаться впередъ и быть на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, народъ долженъ жертвовать чѣмъ-нибудь однимъ: или содержаніемъ въ пользу формы, внѣшности, или внѣшностью въ пользу содержанія, самой жизни. Раввины пожертвовали содержаніемъ, жизнью народа, убивъ его духъ для того, чтобъ сохранить прежніе религиозные обряды и народныя обычаи. Но кора не можетъ спасти дерева отъ гніенія, когда у него испорчена сердцевина; такъ и соблюденіе однихъ религиозныхъ обрядовъ не могло дать Евреямъ силы религиознаго убѣжденія, прежней чистой вѣры, которая была источникомъ самостоятельности народа. Раввины боялись философіи Грековъ, потому-что она могла измѣнить обычаи народа; они боялись, чтобъ умъ народа не вздумалъ задавать себѣ и рѣшать тѣ же вопросы, которые занимали язычниковъ, — и вотъ они придали важность вопросамъ формальнымъ, раздвинули область этихъ вопросовъ, втянули въ нихъ умъ народный, оковали волю необходимостью исполненія приговоровъ раввинскихъ и

занимали этимъ всю жизнь народа. Оградительныхъ установленій образовалось тысячи тысячъ; народъ изнемогалъ подъ множествомъ мелочей; религиозное чувство охлаждалось, потому-что народъ забывалъ внутреннее значеніе обрядовъ; благоговѣніе заживо чиниломъ правилъ; соблюдаемыхъ при обрядахъ, духъ угасалъ, потому-что прівыкалъ заниматься пустяками. Всеи шагъ, всякое движеніе были опредѣлены. Такъ, на-пр., въ книгахъ В. Завета запрещено варить козленка въ молокѣ матери. Какъ оградительныя установленія къ этому правилу талмудическіе учителя придумали запретить: 1) варить въ молокѣ какое бы то ни было мясо; 2) употреблять сосудъ, въ которомъ готовится мясная пища, на изготовленіе въ немъ пицци молочныя. 3) ѣсть молочную пиццу не раньше, какъ по истеченіи шести часовъ послѣ пріятія пицци мясной, а мясную послѣ молочной — не раньше, какъ чрезъ часъ. Текстъ св. писанія предписываетъ имѣющему надобность въ очищеніи обмытъ *все тѣло*; — Талмудъ же налагаетъ такъ сильно на слово *все*, что объявляетъ незаконнымъ омовеніе женщины, которая въ продолженіи этого дѣйствія *держала сжатыми ту бы или руки или которой попали въ время волосъ въ ротъ*; такимъ образомъ одна женщина должна была повторить омовеніе, потому-что у ней наши *засѣвшую между зубами маленькую точку* (*).

Толкуя въ свою пользу текстъ св. писанія, и заставляя народъ изучать эти софистическія толкованія, раввинисты пріучали своихъ послѣдователей къ тонкостямъ, натаажкамъ, въ

(*) Число религиозныхъ правилъ и заповѣдей, которыя должны соблюдаться при обрядахъ, возрасло до 14,000. Такъ при утреннемъ омовеніи рукъ должно соблюдать 23 правила, при отправленіи земныхъ работъ — 17, при молитвѣ — 27 въ субботу — 1279, при убіеніи скота — 177 во время траура — 342 и т. д.

протавности, лживости, обманамъ. въ самомъ талмудѣ открыто говоритъ, что въ члены Санхедрина мож- вно было набирать только тѣхъ, кото- рые были въ состояніи представить не- истое какъ чистое, не смотря на за- мѣ. Слѣдовательно, чтобъ быть чле- номъ этого высшаго и священнаго, и имѣнію Евреевъ, собранія, надоб- но быть человекомъ, который можетъ все доказать и все опровергнуть, иотря по обстоятельству и выгодамъ анагоги? Талмудъ, слѣдовательно от- ыргалъ правдивость и увѣчивалъ ымый тонкій эгоизмъ. Не нужно забы- ыть, что раввины, которые проповѣды- ыли эти правила, постановили: «Про- ыворѣчить своему раввину — то же, что ыотиворѣчить самому Господу» (трак- ытъ Санхедринъ). «Что поступаетъ про- ыву словъ ученыхъ израильскихъ, за- ыдуживаетъ смерти» (тракт. Ерувинъ). ылова ученыхъ израильскихъ гораздо ыстойнѣе вниманія, чѣмъ слова зако- ы по св. писанію. — Можно себѣ пред- ыавить, какой ужасный авторитетъ ыжны были имѣть и имѣютъ такіа ыстановленія талмуда, когда они, на ынованіи преданія, положеннаго во ылаву всего ученія, выдаются за за- ыонъ устный, сообщенный Богомъ ымосею, а отъ него перешедшій къ ывннамъ!

Фанатизмъ ихъ не имѣетъ предѣ- ывъ; неважнъ и жестокость къ лю- ымъ, чуждымъ учености талмудиче- ыной, дошла до того, что считается ызволительнымъ «распластать неуча ыкъ рыбу, съ тѣмъ только, чтобы опе- ытля эта начата была со спины» (трак- ытъ Перашимъ).

Каковы, напримѣръ, слѣдующія пра- ыла: «Сдери кожу съ трупа на площа- ы, да приобрѣти что-нибудь; не говори ыкогда: я первосвященникъ, я чело- ыкъ значительный, это занятіе мнѣ ысприлично» (тр. Песахимъ). «Без- ырочно — это царство, только безъ ыроны.» — «Нагlostью можно дѣй- ыствовать съ успѣхомъ даже противу ыамаго Бога» (тр. Санхедринъ). — Вся ысе добро, которое законъ моисеевъ

предписываетъ, и всякое зло, которое ынъ воспрещаетъ дѣлать: «ближнему», «брату», «товарищу», должно (объя- ыняетъ талмудъ) пониматься только въ от- ыношеніи къ Іудеямъ; ибо не-Іудеи не ыуть ни въ ближніе, ни братья, ни ытоварищи» (тр. Бава-Мецил).

Съ перваго взгляда кажется даже ыевѣроятнымъ, какими образомъ мог- ыли быть освящены именемъ закона та- ыкіа безыраственныя правила, и что ыпобудило раввиновъ къ этому? — Но ымы сказали выше, что утрата духа ре- ылигознаго въ народѣ, подлѣ бременемъ ывѣншихъ мелочныхъ правилъ, веда ыЕвреевъ къ ничтожности; эта ничтож- ыность, соединенная съ фарисейскимъ ыпреарбіемъ всего иностраннаго, чуж- ыдаго, — ничтожность, гордая своими пре- ыданіями и ожиданіемъ Мессіи, который ывозстановитъ царство израильское, за- ыставляла ихъ крѣпко держаться стары- ыны посреди иноплемениныхъ народовъ. ыНароды эти ни въ какомъ случаѣ не ымогли имъ оказывать того уваженія, ыкоторое заслуживалъ въ глазахъ побѣ- ыдителя побѣжденный, честный, тру- ыдолюбивый, потому что Евреи съ дав- ыняго времени не имѣли уже этихъ ысвойствъ. — Доватно, что всѣ народы, ывъ средѣ которыхъ они жили, цѣтали ыимъ презрѣніемъ за ихъ ничтожество, ыи что раввины, злобные на всѣхъ и ывсе, слагали безыраственныя правила ыи пропитывали ими народъ.

Но одно зло не прививается къ на- ыроду безъ цѣлой свиты другихъ золъ; ыэто такой клубокъ, въ которомъ соеди- ынено множество переплетающихся ни- ытей, и всѣ эти нити развиваются по ыцѣлой жизни народа, въ ней снова пе- ыреплетаются и составляютъ одну не- ыразрывную сѣть. Та же формальность ыи мелочность, которая убила духъ на- ырода и сущность религіи, — привела за ысобою грубость и невѣжество. Она на- ыправила умъ народныхъ къ рѣшенію ывопросовъ, неимѣющихъ въ себѣ жнѣ- ыни, и мелочныхъ случаевъ; подлѣ тал- ымудическими ватажками, которые были ыупотреблены при рѣшеніи этихъ во- ыпросовъ, умъ задыхался и исчахъ;

гордытъ національная и религіозная заставляли пренебрегать безразлично развивающимися науками, потому что эти науки развивали христіане. — а между тѣмъ, одно убѣжище уму могло представить просвѣщеніе. И вотъ талмудъ началъ выполняться многостѣпной *пальпостей, предрасудков и суевѣрій*. — Книга, которая слышеть священною у народа, содержитъ въ себѣ наставленія въ родѣ слѣдующихъ:

Женщина, которая во время беременности ѣсть горчицу — будетъ имѣть дитя прожорливое; если она употребляетъ въ это время ошляющие нѣшники — дитя будетъ чернаго цвѣта; если же ѣсть рыбу, то дитя будетъ многолюдно.

Воскресеніе мертвыхъ можетъ имѣть мѣсто только въ Палестинѣ: поэтому Господь открываетъ подлѣ могилъ Евреевъ, умершихъ въ изгнѣніи, длинныя пещеры, чрезъ которыя трупы ихъ катятся, какъ бочки, во святую землю, чтобы воспринять здѣсь душу. (Талм. Іерус. тракт. Казань).

Кто хочетъ узнать, были ли у него черти, пусть тотъ возьметъ мелко-просѣянной золы и посыплетъ ее подъ кроватью: утромъ онъ увидитъ на ней какъ-бы слѣды пѣтушья лапы. А кто желаетъ увидѣть чертей, пусть добудетъ матку черной кошки, рожденной въ первыхъ родахъ черною же кошкою, тоже родившеюся отъ матери своей въ первые ея роды; пусть эту матку сожметъ въ порошокъ и этого порошка посыплетъ себѣ въ глаза, — тотъ и увидитъ чертей. (Тр. Верахотъ).

Этотъ элементъ чертовщины въдрислся въ талмудъ въ-слѣдствіе вліянія кабалистическаго ученія, переродившагося въ-послѣдствіи въ магію, алхімію и астрологію. — Такимъ образомъ, все ученіе талмуда, пропитанное фанатизмомъ, началомъ непопулярности, антисоціальной, суевѣрія и софистической изворотливости — оставило на народѣ рѣзкіе слѣды своихъ началъ и послужило бѣдственнымъ

урокомъ и примѣромъ того, до чего можетъ дойти народъ, упорный въ своихъ обычаяхъ и переморъ всеобщему развитію, среди котораго живетъ ояъ.

Другая секта, которую мы приелимъ звѣсть съ развѣтвленіями, секта карантовъ. Каранты въ самомъ началѣ отделились отъ талмудистовъ, отказавшись вѣрять во все религіозное-обрядное нововведеніе талмуда; правда, они и ушли далеко на степени-просвѣщенія, потому что у нихъ не было дальнѣйшаго духовнаго развитія, и потому она когда слилась съ тѣми карантами, отъ которыхъ жила, но за то, върѣной-мѣрѣ, отказавшись отъ святой и мелочей, они не знали въ тѣ грубо предубѣжденія и недостатки, которыми наполнена секта ривинистовъ; они спасли нравственность и умъ отъ застоя религіознаго развитія. Каранты сохранили во всей чистотѣ закона мораль; это доказываютъ слѣдующіе догматы: 1) все небесныя и земныя тѣла, со всемъ, что въ нихъ замѣчается, суть существа сотворенныя; 2) Творецъ ихъ самъ не сотворилъ; 3) Онъ елики и неимѣетъ себѣ подобнаго; 4) Онъ послалъ служителя своего Моисея въ 5. чрезъ него воздѣйствовалъ совершеннѣйшій законъ; 6) должно знать языкъ и понимать смыслъ завова; 7) духомъ Божиимъ водимы были также и остальные пророки; 8) въ день судный Господь воскреситъ мертвыхъ и 9) воздастъ каждому по дѣланію его; 10) Господь наказалъ народъ свой неимѣемъ, и отъ Него же должно ожидать спасенія; 11) ожидать избавленія чрезъ поспрество мессіи, сына давида. — Батѣ того, что объявлено Моисеемъ; они не признаютъ ничего, но, одинокимъ, дозволяютъ каждому учителю, не стѣсняясь прежними догматами, объявлять смыслъ закона и его прижитіе къ жизни дѣйствительной. Понятіе ихъ о нравственномъ законѣ, довольно-ясно выражается въ слѣдующемъ ученіи о душѣ: Душа можетъ находиться въ четырехъ состояніяхъ или расположеніяхъ:

итъ. Она бываетъ нравственно жима, когда отвращается отъ зла и приближитъ къ добру. Она здорова, когда ищетъ проникнуть въ связь событій и природу вещей, доступныхъ разумѣнію, вѣдѣнію, чтобы научиться опредѣлительно отличать лучшее отъ безразличнаго, а это отъ дурнаго, и видѣть притомъ волю доброе творить, а злое удалять. Она болна, когда не можетъ понимать истины и отличать худого отъ добраго. Она мертва, когда погружается въ вѣрхъ до того, что терять возмозможность обращенія къ добру! — Основательные добрыхъ дѣлъ каранти говорять: если не можешь сдѣлать ихъ сполна желашь, — желай сдѣлать сколько можешь.

Изъ этого краткаго очерка читатели могутъ видѣть разницу между религіозными убѣжденіями двухъ сектъ. Религіозныя убѣжденія отразились въ жизни дѣйствительной и рѣзко обличили двѣ части одного и того же народа. Слабѣ нравственная порча не лежала на основаніи ученія талмуда и не была привита и воссана съ молодости матери всѣми послѣдователями этого ученія, то отъ-чего бы произошло всеобщее недовѣріе и презрѣніе къ раввинистамъ и довѣренность къ каритамъ? Тѣ и другіе — Евреи, тѣ и другіе живутъ раздѣленно между другими господствующими народами, еще больше между народами христіанскими: поэтому, если политическое состояніе Европы въ средніе вѣка и варварство племень, составившихъ эти государства, много способствовали къ утѣсненію и униженію нравственности племенъ паразитскаго, то тѣмъ не менѣе часть недостатковъ этого народа должна достаться и на долю самой религіи. Мы выше уже сказали это мнѣніе и возвратились къ нему послѣ краткаго обзора обѣихъ сектъ.

Послѣ этого спрашивается: какія же средства могутъ извлечь этотъ народъ изъ бога или менѣе бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ находится? Что можетъ подорвать слѣпое вѣрованіе въ талмудъ и непогрѣшительность

раввинистовъ? — Наши законы, допускающіе всеобщую вѣротерпимость, желаютъ только образованія Евреевъ. Этимъ средствомъ, кажется, можно достигнуть успѣха. Обратимся къ фактамъ.

Талмудизмъ преимущественно господствуетъ въ настоящее время въ нашихъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ дозволяется жить Евреямъ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, онъ былъ силенъ въ Германіи, Франціи и Голландіи, но теперь оттуда мало-помалу вытѣсняется. Сила его ослабляется не прозелитизмомъ, не гоненіями, а молчаливыми, но постоянными успѣхами просвѣщенія между Евреями. Талмудъ, какъ и вообще всѣ ложныя убѣжденія и предразудки, ничего такъ не боится, какъ науки.

За границей вы найдете много, даже очень-много образованныхъ Евреевъ; многіе изъ нихъ слывуть отличными врачами, многіе занимаютъ профессорскія катедры; сколько negociantovъ-Евреевъ, знающихъ многіе европейскіе языки! они ведутъ уже торговлю не имѣя цѣли вдругъ обогатиться посредствомъ какого-нибудь плутовства, или составлять себѣ состояніе посредствомъ обмановъ, — контрабанды и т. п.; они ведутъ дѣла честно и аккуратно; они имѣютъ кредитъ и пользуются уваженіемъ; они сами заставляютъ уважать себя, еслибы законы страны и отказали имъ въ покровительствѣ и защитѣ. — Между-тѣмъ, и за границей эта реформа началась не дала, какъ съ половины XVIII столѣтія. Духъ сомнѣнія и невѣрія, духъ критики, требовавшій все пересмотрѣть, все перевернуть, религіозное равнодушіе и философская терпимость коснулись, въ положеніи прошедшаго столѣтія, и Евреевъ. Они узнали, что на свѣтѣ есть много интереснѣйшихъ вещей, кромѣ талмуда. Между Евреями явились поборники просвѣщенія, напримеръ, знаменитый Моисей Менделсзонъ, который во многихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ на еврейскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ, требовалъ рефор-

мы въ воспитаніи, доказывали, что свобода мышленія есть религіозный принципъ жидовства, отрицающій всякое догматическое вѣрованіе, который своимъ переводомъ Патиниакія и століями на эту книгу заставилъ Евреевъ убѣдиться, что св. писаніе можетъ быть объяснимо при помощи простаго здраваго смысла, безъ умпичанья раввиновъ. — Упадокъ раввиновъ въ мѣтній народномъ повлекъ за собою и упадокъ школъ, въ которыхъ занимались однимъ объясненіемъ талмуда. Съ началомъ школъ не-раввиническихъ возникло новое поколѣніе Евреевъ, сочувствовавшее уже обще-еврейскому образованію.

У насъ, въ Россіи, образованіе носилось однихъ одесскихъ Евреевъ, и Евреи эти, можно навѣрно сказать, лучше всѣхъ своихъ собратьевъ, разсыпанныхъ по широкому юго-западному краю. Въ Одессѣ Евреи содержатъ два училища, одно для мальчиковъ, другое для дѣвчонокъ; училища эти устроены по образцу австрійскихъ и германскихъ. Здѣсь, кромѣ еврейскаго языка, преподаются русскій, нѣмецкій и французскій.

Все остальное еврейское населеніе Россіи, за исключеніемъ, можетъ-быть, Риги и Курляндіи, осталось упрямыхъ раввиническимъ. Здѣсь, слѣдовательно, въ настоящее время, главный пріютъ талмудизма; здѣсь приготавлиются самыя сильныя въ талмудѣ раввины. Въ эти пункты въ Евреямъ не заходили лучи просвѣщенія, которое такъ сильно желаетъ распространить между ними наше правительство. Между-тѣмъ, отъ одного просвѣщенія можно ожидать какихъ-либо успѣховъ въ развитіи этого края. Силопное еврейское населеніе, пропитанное раввиническимъ фанатизмомъ и кабалистикой, — населеніе, питающееся невѣжествомъ высшаго класса христіанскаго населенія и поддерживающее это невѣжество посредствомъ безпрестанныхъ съ нимъ сношеній, — необходимо требуетъ нравственныхъ реформъ для блага края. Вся торговля

и все производство, требующіе большаго физическаго труда, находятся въ рукахъ Евреевъ; за то изъ земледѣлія, развитіе котораго такъ необходимо для западнаго края, Еврейскіе талмудисты не обнаруживаютъ большой склонности, не смотря на всевозможныя поощренія правительства, приведенныя нами выше. — Можетъ-быть, это происходитъ отъ-того, что въ талмудѣ (гр. Килдушима) между прочимъ сказано: *установленія закона, относящіяся къ землѣ, не могутъ быть приводимы въ исполненіе, кромѣ земли израильской*; но это никакъ объяснить и характеръ народа, у котораго направлено къ оліиву хозяйство и отяжанію. Земледѣліе по-прежнему представляетъ никакого развитія на томъ, ни другому. Земледѣліемъ земля вдругъ нажитья, и трудъ земледѣльчскій требуетъ постоянной, тяжелой работы, а не переговоровъ и сдѣлокъ, за которыя Евреи большіе мастера. Оттого-то еврей-раввинисты такъ всеюно принимаютъ за обработку земли; между-тѣмъ, какъ каранты усѣбно занимаются земледѣліемъ. — Одно распространеніе новыхъ понятій въ массахъ еврейскаго населенія, возмоздн правленія ума этого народа, можетъ повести край къ благотѣльнымъ результатамъ. Одно образованіе возмоздн Евреевъ въ нихъ собственнотѣмъ, дасть имъ почувствовать религиозное достоинство, возвыситъ ихъ въ глазахъ христіанскаго населенія.

Обратимся къ книгѣ г-на Григорьева. Она заключаетъ въ себѣ историческое развитіе и настоящее положеніе всѣхъ сектъ еврейскія въ Россіи. Книга эта есть извлеченіе изъ сочиненій Беэра, Кьярива, Франка, Госта, Кауфига, Дешпинга, Майера и другихъ писателей. Въ ней содержатся описанія слѣдующихъ пяти сектъ: 1) каритовъ, 2) талмудистовъ или раввинистовъ, 3) каббалистовъ, 4) шаббатистовъ и 5) хасидимовъ или бешталъ.

О каритахъ и талмудистахъ читатели имѣютъ уже понятіе изъ того, что

нами выше сказано; остается сказать несколько словъ о прочихъ сектахъ.

Каббала.—Лучшія изслѣдованія объ этомъ интересномъ предметѣ сдѣланы А. Франкомъ въ его сочиненіи: «La Kabale ou la philosophie religieuse des Hebreux. Paris. 1843. —Результаты этихъ изслѣдованій слѣдующіе:

Разныя мѣста Мишны и Гемары и арабскій переводъ Пятикнижія свѣдѣствуютъ, что около конца I-го вѣка по Р. Хр. между Іудеями существовало таинственное ученіе о сотвореніи міра и природѣ божества, —ученіе необыкновенно для слабыхъ умовъ и до того страшное, что одно имя его внушало роль религіознаго ужаса. Ученіе это сообщалось съ величайшею скрытностью и осторожностью только людямъ, отличавшимся силами умственными и нравственными. Оно изложено въ двухъ книгахъ: *Сеферъ-Иецира* и *Зогаръ*.

Сеферъ-Иецира, произведеніе небольшого объема, написанное стѣсью еврейскаго языка съ халдейскими, содержитъ въ себѣ изложеніе тѣхъ причинъ, которыя заставили Авраама оставить поклоненіе звѣздамъ и замѣнить его служеніемъ единому Вѣчному; а потому представляется однимъ длиннымъ монологомъ этого патріарха. Открывается оно доказательствами единства и премудрости Творца, выведенными изъ созерцанія единства и порядка, царствующихъ въ твореніи. За тѣмъ опредѣляется аналогія, существующая между предметами и знаками мыслей, или средствами, чрезъ которыя премудрость раскрывается людямъ и сохраняется между ними. Средства эти слѣдующія: *двадцать-девять буквъ еврейской азбуки и первая десять чиселъ*; соотнесенные же въ одной общей точкѣ орфнѣи, эти два рода знаковъ называются «тридцатью-двумя таинственными путями премудрости». Далѣе слѣдуетъ трактатъ о десяти *сефиротъ* или отвлеченныхъ числахъ, подъ которыми разумѣются самыя общія и необходимыя формы всего существующаго, такъ-сказать, категорія вселен-

ной, и о томъ, какииъ-образомъ они произошли одни изъ другихъ, принимая, по мѣрѣ удаленія своего отъ изъ общаго начала, отъ первоначальной единицы, характеръ болѣе и болѣе матеріальный, —ученіе, известное подъ именемъ «эманатизма». Послѣ сефиротъ, или ученія о существѣ вселенной, налагается другое, о томъ, какииъ-образомъ посредствомъ двадцати-двухъ буквъ еврейской азбуки, единственно возможной и неизмѣнной формы духа, раскрывается этотъ духъ въ природѣ. Буквы при этомъ раздѣляются на различныя отдѣлы, называемые «треми-шатерями», «семью-двойными», «дѣвятинадцатью-простыми»; послѣ чего, числа три, семь и двѣнадцать отыскиваются въ трехъ системахъ природы: въ общемъ составѣ міра, въ годовыхъ подраздѣленіяхъ времени и въ составѣ человѣка; здѣсь, хотя и неопредѣленно, развивается идея макрокосма и микрокосма, т. е., что человѣкъ есть не что иное, какъ сокращенный образъ вселенной. Надъ этими тремя системами, надъ человѣкомъ, временемъ и вселенной, надъ буквами и числами возвышается «Господь, истинный царь, владычествующій надъ всеми вещами». — За этими словами, составляющими заключеніе книги, слѣдуетъ, въ родѣ драматической развязки, что протѣцъ Авраамъ, уразумѣвъ все сказанное, обращается изъ идолопоклонничества къ служенію истинному Богу.

Основное ученію, содержащемуся въ *Зогарѣ*, служитъ конечное заключеніе *Сеферъ-Иециръ*: что Богъ есть въ высочайшемъ смыслѣ матерія и форма вселенной, что ни въ него итъ и не можетъ ничего быть, что субстанція его находится въ основѣ всѣхъ существъ, и всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ, или суть символы его разума. Въ *Зогарѣ* числа и буквы замѣнены *идлами*. Божественная субстанція не раскрывается уже исключительно въ природѣ, а проявляется преимущественно въ человѣкѣ и его разумѣннѣи, почему называется *Адамъ-Кадмонъ*, т. е. небесный человѣкъ, или человѣкъ-первообразъ;

напомнить, въ некоторых отрывках, въ всеобщую субстанцію принимается уже-сшая мысль, и правильное развитіе этой силы выступаетъ мѣсто прежней, дошвыне-грубой теоріи эманатизма, такъ-что г. Франкъ находить въ Зогаръ почти-что гегелево учение объ абсолютной монархности. Далѣе онъ приводитъ кабалистическое учение въ слѣдующемъ началамъ:

1) Выдвывая всѣ сказы и слова священнаго писанія за символы, оно учитъ человѣка имѣть долготрениность къ самому-себѣ, ставитъ рассудокъ на мѣсто авторитета, и въ самыхъ пѣдрахъ религіи даетъ существованіе философіи.

2) *Отрваніе отъ Бога, Творца вселенной, отдѣльнаго отъ творенія, замѣняетъ оно идею всеобщей субстанціи, существовавшей безконечною, вѣчно-дѣятельной, вѣчно-мыслящей, вѣчно-пробывающей причины вселенной, по которую вселенная необъемлетъ, и для которой творить значить не что иное, какъ мыслить, существовать и развиваться изъ самой-себя.*

3) Видѣніе міра чисто-матеріальнаго, отвлеченнаго отъ Бога, возникшаго изъ ничтожества и предматриченнаго возвратиться опять въ ничтожество же, оно признаетъ существованіе безчисленныхъ формъ, подъ которыми божественная субстанція развивается и раскрывается по неизмѣннымъ законамъ мысли; формы же эти, впрочемъ, чѣмъ осуществляются въ чемъ-либо ослабѣвающимъ, существуютъ до-тѣхъ-поръ въ верховномъ разумѣ; отсюда происходятъ два міра: міръ разумный, или высшій, и міръ матеріальный, или низшій.

4) Изъ всѣхъ этихъ формъ, человекъ есть самая возвышенная, самая полная, единственная, полъ которою позволительно предстать Богу. Человѣкъ служитъ связью и переходнымъ звеномъ между Богомъ и вселенною и отражаетъ ихъ обонхъ въ двойственной природѣ своей. Какъ все, что ограничено, онъ находится сначала заключеннымъ въ безусловной субстанціи,

съ которою долженъ соединиться опять, когда будетъ приготовленъ къ тому послѣдовательными развитіями; но безусловную форму, всеобщую форму человѣка, должно отличать отъ отдѣльныхъ людей, которые болѣе или менѣе только слабыя ея воспроизведенія; первая, называемая въ каббалѣ небеснымъ человѣкомъ, неразлнвна съ божественною субстанціею, и есть первое ея раскрытіе или проявленіе.

Это главный начала ученія. Облеченныя мистическимъ покровомъ и системою демонологіи, они давались во всѣмъ, хотя многіе бросались на изученіе этой таинственной философіи. Съ распространеніемъ ея между раввинистами, каббала все болѣе и болѣе утрачивала свой философскій характеръ; игра цифрами и буквами, вмѣстѣ съ демонологіей, и преимущественно съ практическою ея частію, т. е. способами пріобрѣтенія покровительства добрыхъ духовъ и устраненія вреднаго вліанія злыхъ, составляетъ въ настоящее время почти единственную отрасль, которою занимаются и промышляютъ раввины въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ не царствуетъ преимущественно раввиническое упрямство. Кабалистическое ученіе, вмѣстѣ съ высокими истинами, которыя привнесены выше, въ теченіе времени наполнилось множествомъ неясностей всѣхъ мнѣологическихъ системъ, полъ которыми сущность ученія почти уничтожается. Такъ, на-примѣръ, у кабалистовъ встрѣчаются такіе мнѣнія о происхожденіи злыхъ духовъ: одни думаютъ, что Богъ создалъ ихъ съ пятницы на субботу въ послѣдніи минуты семи дней творенія, и какъ суббота наступала уже, то онъ не успѣлъ ихъ досодать, т. е. ни дать имъ совершенства чистыхъ духовъ, ни качествъ души и тѣла человѣческаго. Другіе думаютъ, что злые духи произведены на свѣтъ Каиномъ. Третьи думаютъ, что они потомки тѣхъ вѣтловъ, которые предъстали дочерями человѣческими. Кромѣ духовъ мужескаго пола, есть еще духи женскіе

го пола; особенно замѣчательныя чертовки: Лилита, командующая 480 полками погибшихъ ангеловъ, Махлата 378 полками, Наама, которая замужемъ за чортомъ Шемеровымъ, и другія. Вообще всѣ злые духи плодятся и умираютъ такъ же, какъ и люди; отъ-этого, не стѣсняемые тѣми условіями, которымъ подверженъ бракъ человѣческій, злые духи, по ученію каббалы, развелись въ такомъ множествѣ, что у каждаго человѣка находится ихъ тысяча по правую руку и десять тысячъ по лѣвую. Такая демонологія господствуетъ у нашихъ Евреевъ преимущественно предъ прочими частями ученія каббалы, въ губерніяхъ Вольской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской. Въ заключеніе каббалистическаго ученія приведемъ картину всепрощенія:

Нѣкогда будетъ воссѣдать Господь въ саду-вдемскомъ, имѣя по правую руку небесный севатъ, по лѣвую — солнце, луну и звѣзды. Окруженный душами опочившихъ праведниковъ, будетъ Онъ вести рѣчь о новомъ ученіи, которое дано будетъ чрезъ Мессію. Затѣмъ, Зерубабель, сынъ Шаалфѣала, прочтетъ молитву *Кадись*, которую весь міръ, даже находящіеся въ аду грѣшники-Израилитяне и благочестивые другихъ народовъ, заключать такимъ громкимъ *аминь*, что его услышитъ самъ Господь; ангелы же спросятъ, что значитъ этотъ шумъ. И будетъ донесено Господу, что это громкій *аминь*, произнесенный находящимися въ аду для заглаженія грѣховъ, и Господь умиосердится наъ ними и отдастъ хранящійся у него ключъ отъ ада ангеламъ Михаилу и Гавриилу, и повелитъ имъ растворить врата адскія и выпустить осужденныхъ. Тогда оба ангела растворятъ всѣ сорокъ тысячъ воротъ и выпустятъ осужденныхъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые сидятъ въ самой глубинѣ и не будутъ имѣть силъ выйти безъ помощи, выведутъ подъ руки; потомъ вымоютъ ихъ, унастятъ, исцѣлятъ полученными ими въ аду явы, облечутъ въ свѣтлыя

ризы и позовутъ предъ лицо Господа. И Господь дозволитъ имъ предстать предъ Себя и вѣтъ величіе Его. И предстанутъ они и падутъ ницъ; призывая имя Господа и воздавая хвалу Ему. Возрадуются тогда и блаженныя, издавна услаждающіяся въ рай имже-вѣрніемъ Господа, и всѣмъ имѣтъ возглаголють ему пѣсьи хвалы и благодарности....

Шаббатай - цевистокъ. Основаніемъ ученія Шаббатай-Цеви; главы этой секты, служилъ каббала; въ послѣдствіи же, главнымъ пунктомъ этого ученія было признание сущности всѣхъ трехъ религій, происшедшихъ изъ св. писанія ветхаго завіта; т. е. иудейской, христіанской и мусульманской; отътого послѣдователи этой секты на Востокѣ принимали исламъ, а въ Европѣ христіанство.

Секта хасидимовъ получила свое начало въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и хотя имѣтъ, въ которомъ она образовалась, былъ философскій, сента эта не имѣтъ, однакожъ, многого философскаго значенія. Послѣдователямъ запрещается образованность и чтеніе ученыхъ книгъ; за то полагается, для поддержанія вселате расположенія духа, пьянство и лѣность. Главное начало секты — безразсудное повиновеніе *цадикимъ* (главамъ секты); хасидъ не долженъ имѣть ни своей мысли, ни своей воли; онъ долженъ только исполнять велѣнія пачка, достигшаго своего званія святостію и безсовѣстностію. Сента эта, не смотря на свою нецѣпность, имѣтъ множество послѣдователей, потому что ученіе хасидимовъ дозволяетъ уклоненія отъ исполненія обрядовыхъ предписаній раввиновъ и небавляетъ отъ сухости и безплодности раввинической науки. Бонаventura Майеръ, большой защитникъ Евреевъ, вотъ что говоритъ о хасидиммахъ:

«Жилища хасидимовъ большею частью крайне-печисты. Мужчины обыкновенно ничѣмъ не занимаются и оставляютъ заботы о своемъ пропитаніи женамъ, которые и ведутъ всѣ дѣла и

работы. Жена сидитъ въ лавкѣ и торгуетъ, ходитъ на рынокъ, покупаетъ и продаетъ; мужъ же, какъ встаетъ, отправляется тотчасъ въ баню и проводитъ тамъ два-три часа, съ трубкою въ зубахъ и кальяна съ товарищами. Послѣ бани, около девятаго часа, каждый читаетъ молитву. Затѣмъ пьютъ обыкновенно водку, на осмьдесятъ словъ ХСІХ псалма: *Работайте Господеви во веселии*, и расходятся по домамъ завтракать. Всѣ, которымъ нечего дѣлать, послѣ завтрака снова собираются въ своихъ клубахъ, разговариваютъ и опять пьютъ. Такъ проводятъ они каждый день; женятся обыкновенно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ году, рѣдко позже.

Каждую субботу собираются вечеромъ прикомана, къ своему ладуку, приносятъ съ собою пищу, а питье и пируютъ часто до полночи. На этихъ сборищахъ съезжаются и члены каббалистическаго общества на халдейскомъ языкѣ. Цѣлѣнъ и превозвѣщаетъ на разныя, заданныя присутствующими мѣста, и мѣста, стараясь соединить ихъ въ одно цѣлое и выказать свое знаніе, остроуміе и даръ прозорливія. Наконецъ, при помощи меда и воды, всѣ предаются восторженному состоянию. Хасидимы, во время молитвъ, подымаютъ страшный крикъ и гамъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ и качаются во всѣ стороны.

Сухость раввинизма такъ надѣлила Евреевъ, что секта хасидимовъ, съ половины прошедшаго столѣтія, считаетъ около полумилліона послѣдователей; большая часть этой нечестивой и пьяной секты увеличиваетъ и безъ того уже большую массу необразованныхъ раввинистовъ.

Вотъ настоящее положеніе всѣхъ сектъ еврейскихъ въ Россіи; ни одна изъ нихъ не показываетъ умственнаго развитія и нравственнаго усовершенствованія народа; каббала, которая могла обѣщать въ началѣ много прекраснаго — переродилась въ демонологию, а остальные секты суть порожденіе нечестива. Евреи, живущіе въ нашихъ западныхъ и южныхъ провинціяхъ, распространяютъ свое нечестіе на сѣверо-восточный край, стоить еще трудовъ для того, чтобы поднять край изъ бѣдности, суевѣрій и глубокаго нечестія.

Г. Григорьевъ издавшее иль-ликоу сдѣлалъ приятный подарокъ нашей публикѣ, которая, или уже встрѣчалась или можетъ встрѣтиться къ лицу съ еврейскимъ населеніемъ. Повторимъ, что всѣ свѣдѣнія, собранныя авторомъ, заимствованы изъ лучшихъ писателей о судьбѣ еврейскаго народа.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А П Р Е Л Ъ .

164) **МОСКОВСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ**
УЧЕБНЫЙ СБОРНИКЪ НА 1847 ГОДЪ.
Москва. Въ тип. Самка. 1847. Въ 8-ю
л. 707, 146 и 32 стр.

Въ **Московский Сборникъ** нынѣшняго года приняли участіе почти все тѣ же литераторы, которыхъ ста-ли наводнили **Московский Сборникъ** прошлаго года: гг. Аксаковъ, Погодинъ, кн. Вяземскій, Поговъ, Ригельманъ, Срезневскій, Чижевъ, Языковъ, Сергъ... г-жа Павлова. Такъ же, какъ за прошлый годъ, въ немъ есть стихи и проза. Пересмотримъ прежде

Всего любимаѣе всѣхъ **Виссими**
и письма Карамзина къ брату его Ва-
силію Михайловичу Карамзину и Чума-
и письма его же къ Александру Ясно-
сучу Турганову. Неизвестный редак-
торъ «Сборника» справедливо захъ-
Т. III. Стл. VI.

часть, что эти письма, представляя въ непрерывной связи черты нѣхъ жизни Карамзина съ 1796 по 1826 годъ, т. е. по самый годъ его кончины, должны особенно интересовать каждого чита-теля, и что тамъ, гдѣ выражаются ча-стности жизни въ общеніи съ родна-ми, часто высказывается жизнь и ха-рактеръ человека горько-полнѣе, не-жели въ его отношеніяхъ съ людьми, съ которыми онъ соприкасается только своимъ разумомъ. Но мы находимъ, что, кромѣ этого, письма историографа любопытны именно по соприкасыва-нію его разума съ разными людьми, т. е. по его образу мыслей о тѣхъ или другихъ предметахъ. Вышестояща аб-солютно высшею, само-аналитическою въ этомъ отношеніи, не пропуская ни-какъ и другихъ, наиболее любо-пытныхъ, относящихся собственно къ жизни нашего историографа:

люлю къ его источнику; все другое, лю-
бимый мой пріятель, есть шелуха, — не
сключаю и моихъ осьми или девяти то-
говъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе
блитсяется для насъ цѣль жизни и со-
вершенство ея. Страсти должны не сча-
сливать, а разрабатывать душу. Сухой,
младый, но умный Юмъ, въ минуту
свободнаго живаго чувства, написалъ:
«une paix de l'ame, résignée aux ordres
de la Providence! Даже Спиноза говоритъ
необходимости какой-то неслышной любви
къ Вышнему для нашего благоденствія! —
Бладо разницы между мелочными и такъ
звываемыми важными занятіями; одно
тутреннее побужденіе и чувство важно.
Знайте, чтѣ и какъ можете: только лю-
бите добро; а чтѣ есть добро — спраши-
вайте у себя. Быть статей-секретаремъ,
выстроитъ, или авторомъ, ученымъ: все
дно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока жи-
влю и движусь, присылайте мнѣ относя-
ющіяся къ Русской Исторіи: Визавтіицевъ,
Гербера, Круга. Прошу васъ изъяснить
мнѣ душевную признательность Аделун-
га: умно цѣнить достоинство труда его.
Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться
въ Москву, посетую на кулешино Алек-
сандра М. Слово о Паулу Иностран-
номъ любопытный подлогъ. Простите. Еще
разъ обнимаю васъ съ искренностію друж-
бы. На вѣки преданный вамъ. Н. К.

Москва. 15 Апрѣля 1816 г. Любезнѣй-
шій мой Александръ Ивановичъ! Друже-
ское письмо ваше, отъ 3 апрѣля, трону-
ло меня до глубины сердца. Знаю, что
вы меня любите; но когда это чувствую,
глазѣ въ сердцѣ моемъ дѣлается како-
е особенное движеніе. Мы, два Симбирля-
нца, платимъ и не даемъ въ займы другъ
другу; считаемъ вѣрно въ день послѣд-
ней земной разлуки. Однакоже могу по-
дѣлаться надъ вами: надъ вами въ не-
сперую! Она не обманетъ васъ только
одномъ смысломъ: вѣрты моей искрен-
ности и дружбы; остальное не важно. Я
инстиктъ и адептъ; хочу быть самымъ
острымъ человѣкомъ, хочу любить какъ
люблю болѣе, не мечтаю даже и о возро-
жденіи нравственномъ въ глѣбѣ. Вудемъ
сердцу, не много получивъ того, какъ
были во вторникъ, и довольно для
сѣбѣ лишмакъ! Жуковский есть истинный
и братъ. Съ такими людьми херено
и умереть! Да здравствуетъ Ара-

макъ! — Я видѣлъ вашу матушку и поѣду
къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить
объ васъ. Очень желаю свидѣть что-ни-
будь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хо-
тѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не
къ Петербургу, гдѣ у меня нѣтъ приста-
нница. Вамъ все поручаю; можете нацон-
нить и доброму, обязательному Князю.
Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это
мирная гавань! Не говорю о людяхъ: го-
ворю только о своемъ спокойствіи. Да бу-
детъ, что угодно Всевышнему! — Прости-
те. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки пре-
данный вамъ

Н. К.

«И. С. в. Сент. 1825 года. Любезный
другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три
истинно дружескія письма, скоро одно
за другимъ полученные: изъ Берлина,
Дрездена и Карлсбада. Вы объ насъ ду-
маете, а мы объ васъ, съ живѣйшимъ уча-
стіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ
вашего путешествія, которое должно осѣ-
жить васъ для будущей постоянной, буд-
нишней жизни въ отечествѣ: вотъ польза,
душа пріятностей! Все чужое есть для
насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не
забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То
есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи,
и даю срокъ не весьма дальній: годъ,
полтора, не болѣе; или надобно идти въ
отставку: чего крайне ни для государ-
ства, ни для васъ не желаю. «Въ дому
отца моего много обитали суть. Не тутъ,
такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для
васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе
другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе
мы должны требовать ее отъ себя, какъ
существа нравственные. Для насъ, Рус-
скихъ съ душою, одна Россія самобитна,
одна Россія истинно существуетъ; все
иное есть только отношеніе къ ней, мысль,
привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ
въ Германіи, Франціи, Италиі, а дѣло дѣ-
лать, единственно въ Россіи; или нѣтъ
гражданина, нѣтъ человѣка; есть только
двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ
мы съ вами давно рассуждали: значить,
что я не перемѣнилъ понятій въ ваше
отсутствіе; съ ними, вѣроятно, и закрыю
глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus
clair. Бувайте вы здоровы и любите насъ,
какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и
съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.»

Изъ ученыхъ статей первое (и, мо-
жно сказать, единственное) мѣсто за-
нимаютъ рассужденіе г. Соловьева о

Мистицизмъ. Въ исторіи вопроса о мистицизмѣ, авторъ различаетъ три періода. Въ первый періодъ, оно являлось какимъ-то безсвязнымъ, отрѣшеннымъ явленіемъ въ нашей исторіи: происхождение его приписывали произволу Іоанна III, учредившаго разряды. Второй періодъ знаменуется попыткой г-на Погодина связать мистицизмъ съ другими явленіями древней русской жизни: по мнѣнію г. Погодина, мистицизмъ есть удѣльная система, приложенная, вмѣсто городовъ, къ службѣ. Г. Соловьевъ опровергаетъ это мнѣніе словами самого Погодина: «оно (мистицизмъ) искони велось между знатнѣйшими родами въ продолженіе удѣльнаго періода, точно какъ и между княжескими». Если такъ, то оно не могло быть продолженіемъ удѣльной системы: ибо велось искони въ продолженіи удѣльной системы. Третій періодъ состоитъ въ отчетливомъ разсмотрѣніи всѣхъ извѣстныхъ случаевъ мистицизма: тогда только можно произнести приговоръ о природѣ этого явленія. Такой трудъ совершилъ г. Валуевымъ въ «Сибирскомъ Сборникѣ»: онъ написалъ подробный комментарий на разрядную и исчислилъ источники для мистицизма. Смерть помѣшала ему исполнить послѣднее: объяснить общее значеніе мистицизма и его развитіе. Этотъ неоконченный трудъ восполнилъ теперь г. Соловьевъ.

Г. Соловьевъ связываетъ вопросъ о мистицизмѣ съ вопросомъ о характерѣ нашей древней исторіи, съ исторіею отношеній между русскими князьями, которую онъ такъ отчетливо раскрылъ въ своей диссертациі: «Исторія отношеній между русскими князьями рюрикова дома» (мы отладимъ отчетъ о ней въ слѣдующей вѣжкѣ). Представляетъ краткое изложеніе его взгляда на происхожденіе мистицизма.

Всѣ европейскія государства обязаны началомъ своимъ великому движению дружинъ. На Западѣ, дружины встрѣтили Римскую Имперію: въ борьбѣ началъ дружинныхъ съ нача-

лами государственныхъ развились исторія западныхъ европейскіхъ народовъ. На Востокѣ, дружина наша имперію, но многочисленныя племена жившія подъ формою родового быта слѣдовательно, здѣсь начало дружинное вступило въ борьбу не съ государственнымъ началомъ, но съ родовымъ. Одно изъ явленій, происшедшихъ отъ этого столкновенія, — мистицизмъ. Вождь дружины, или князь скоро подчинялся влиянію родового быта племенъ, которые признавали своимъ главою; скоро, вмѣсто одного властителя, является цѣлый владѣтельный родъ, который считаетъ войскою, добытую посредствомъ дѣловое оружія, своею нераздѣльною ответственностью; между князьями господствуютъ чисто-родовыя отношенія: если вождь дружины подчинялся родовому быту, то и товарищи его, дружинники, заразились родовыми понятиями. Такъ было вездѣ, такъ было у насъ, потому-что и у насъ была дружина, и эта дружина, или дворянскія дружины, наполнилась пришельцами изъ всѣхъ странъ и народовъ съ востока запада, которыми князья владѣли вмѣсто, смотря по ихъ происхожденію по мѣсту, которое они занимали, прежнемъ отечествѣ и по личнымъ доблестямъ. Если же отъ князя не было названіе мѣста для приписки, то ясно, что онъ могъ по произволу назначать мѣста военными и гражданскія своимъ старшимъ дружинникамъ и вступающимъ въ дружины сыновьямъ и родичамъ. Значеніе князя, которымъ онъ командовалъ дружинѣ, встрѣтило препятствіе родового быта и понятиемъ о мѣстности, которого онъ былъ готовъ только уступить свое мѣсто въ случаѣ, если бы, пришельцу, знавъ, что онъ можетъ переимѣнить отношенія, легко это сдѣлать при господствѣ родовыхъ понятій, ибо родъ — это одно цѣлое, и когда одинъ изъ членовъ терялъ честное мѣсто, то занималъ цѣлый родъ, возмѣщая мѣсто родовомъ того, которому оно было

иено. Это-то господствовавшее въ древней Руси понятіе о нераздѣльности рода стало въ противоположность дружиннымъ правамъ князя назначать мѣста для своихъ дружинниковъ легло въ основаніе мѣстничеству. Възвѣвъ, подчинившіяся родовому быту, не могъ не признать мѣстничества. Признавъ его, онъ не могъ однако отказать себя права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ людей, потому-что дружина давала ему значеніе и силу: отсюда необходимость принимать людей, извѣстныхъ своею доблестью. Но ги люди соглашались вступить въ службу князя только при условіи мѣста, соответствующаго ихъ достоинству, и потому они должны были непременно отгѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *завязжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ князей нашихъ, такъ легко наполнялась пришельцами изъ чужихъ народовъ. Но если претендентъ былъ изъ русскаго же княжества, если степень его въ дружинѣ пренягкокнязя была извѣстна, — тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній. Кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавалъ безпрестанный перекладъ князей изъ одной волости въ другую, при чемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, въ-слѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришельцамъ, стараніе первыхъ сбить, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другаго. Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, *завязанныхъ* пришельцами, оставалось отгѣснять въ другія княжества: вотъ почему право отгѣ-

сать было самымъ драгоценнымъ правомъ для бояръ нашихъ; вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такіа страшныя мѣры со стороны московскихъ государей. Но когда московскіе князья, собравъ Северо-восточную Русь въ одно государство, положили конецъ отгѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отгѣзды къ великому князю литовско-русскому получили значеніе измѣны въ-слѣдствіе пресоблаванія государственныхъ понятій и различія вѣроисповѣданій, тогда мѣстническіе споры усилились при московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Не смотря на стремленіе московскихъ государей противоборствовать мѣстничеству, оно было еще такъ сильно, что государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда князю вужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришельца и дать ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для восстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ пріѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что означалось словомъ *мѣнить*, т. е. перемѣнять мѣстническія отношенія. Какъ было сильно мѣстничество въ началѣ московскаго единодержавія, показываетъ неумѣстательное правительства касательно распределенія мѣстъ въ войскѣ. Нередко мѣстничество прямо оспаривало письменныя акты и царскія грамоты потому только, что они противорѣчили ему. Мѣстническіе счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя.

Объяснивъ происхожденіе мѣстничества, авторъ показываетъ судьбу его въ различныя эпохи русской исторіи, потомъ обобщаетъ его основныя начала, и наконецъ, исчисленіемъ случаевъ, въ которыхъ оно допускалось, заключаетъ свое прекрасное изложеніе.

Г. Коссовичу принадлежитъ переводъ съ санскритскаго драмы въ 6 дѣй-

ствіяхъ: *Торжество Свѣтлой Мысли*. Она написана за 200 или не позже, какъ за 150 лѣтъ до Р. Х., когда готовъ былъ совершиться переломъ въ борьбѣ древняго брахманизма съ новыми системами, но когда древнее брахманское ученіе, въ лицѣ вишнуитовъ, еще торжествовало надъ сиванитомъ, начинавшимъ уже пускать глубокіе корни. Поэтъ (Кришна-Мисра) свилъса предостеречь паденіе вишнуизма и представляетъ новое ученіе въ картинахъ самыхъ мрачныхъ и отвратительныхъ, а поклоненіе Вишну, въ противоположность поклоненію Сивѣ, изображаетъ свѣтлыми красками. Содержаніе драмы слѣдующее: раздѣленіе Разума съ царицею Упаншадю (которая, въ нарицательномъ смыслѣ, есть часть книги Ведъ догматическаго философскаго содержанія) было причиною того, что страсти и эгоизмъ подчинили духъ условіямъ матеріи и заключили его въ предѣлы индивидуальности. Чтобы освободить Праотца, Разумъ опять старается примириться съ этою священною для Индусовъ книгою, представленною въ аллегорической драмѣ въ образѣ женщины. Для этого онъ, предварительно отказавшись отъ новой своей спутницы, Разсужденія, совершаетъ обѣтъ, возложенный на него религиозными чувствами. Ухищренія царя Лжи (переводчикъ называлъ его Мѳрокомъ) препятствуютъ всѣмъ мѣрамъ воссоединенія Разума съ Упаншадю. Главными союзниками въ этомъ дѣлѣ у Мѳрока представлены Сиванты. Но Кротость, Смирненіе чувствъ, Терпѣніе и главный дѣятель этого воссоединенія Разума съ Ведами, Поклоненіе Вишну, помогаютъ Разуму восторжествовать надъ всѣми его врагами. Разбивъ Мѳрока, онъ посылаетъ къ Упаншадѣ посла-дѣву Покой-души. Мѳрокъ, побѣжденный на полѣ брани, прибѣгаетъ къ коларсгву: для того, чтобы удержать Духъ въ сферахъ вещественности, онъ счумѣлъ представить ему всю роскошь увеселеній, доступныхъ для него въ этомъ быту. Духъ уже колебался; но просвѣтлен-

ный Разумъ восторжествовалъ: вещь-ственность отвергнута, и Духъ возведенъ на престолъ всеобъемлемости. Отъ сближенія Разума съ Упаншадю родился сынъ, Свѣтлая-мысль, и грозная дѣва — Наука. Свѣтлая-мысль дѣлается постояннымъ хранителемъ Духа; дѣва же Наука, убивъ слѣбое Чувство и царя Мѳрока, сама исчезаетъ. Отсюда видно, что содержаніе драмы, въ которой дѣйствуютъ олицетворенные абстракты и философы, не представляетъ интереса, составляющаго принадлежность собственно-драматической поэзіи. Хотя эти абстракты и разсуждаютъ каждый свойственнымъ ему языкомъ, но невозможно было поэту заставить ихъ въ драмѣ двигаться такъ, какъ движутся выводными и сцены дѣйствительныя лица. Не смотря на свѣтлыя стороны ведантизма, выставляемаго въ драмѣ, во глубинѣ этого ученія лежатъ понятія, ужасающія своимъ непонятно для нашего времени, суровостью ко всѣмъ благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка. Такъ-какъ это произведеніе заключаетъ собою эпоху, то апатію ученія можно объяснить только тѣмъ, что въ немъ высказывается старость человѣческой мысли.

Г. Коссовичъ, приложившій къ своему переводу предисловіе, изъ котораго мы заимствовали нѣкоторыя о драмѣ, представляетъ двѣ побудительныя причины своего труда. Первая — та, что драма завершаетъ собою кругъ многовѣковой древне-индійской цивилизаціи, отличающейся отъ всѣхъ другихъ цивилизацій преимущественно тѣмъ, что она источникъ въ продолженіе тысячелѣтней своей дѣятельности всѣ, такъ-сказать, способности мыслительности человѣка. Дѣйствія противъ сивантовъ, поэтъ затронулъ почти всѣ философскія системы, стоящія въ противоположности къ вишнуизму. Такимъ образомъ драма есть какъ-бы зеркало, въ которомъ отразилась, хотя и въ уменьшенной видѣ, вся отжившая цивилизація одной изъ плодотвѣйшихъ эпохъ человѣческаго

ишленія. Другая причина заклю-
 ется въ томъ, что, по мнѣнію пере-
 водчика, санскритская драма на рус-
 скомъ языкѣ можетъ имѣть слѣдующій
 временный интересъ: индійскіе му-
 щы, выведенные на сцену поэтомъ,
 представляютъ образцы разнородныхъ
 философскихъ системъ индійскаго вре-
 мени. Поэтъ срываетъ съ нихъ личину,
 и въ они до одного оказываются яв-
 ны *материалистами*. Этотъ фактъ
 казался г. Коссовичу заниматель-
 нымъ, потому что онъ наводитъ на
 иченіе различныхъ индійскихъ си-
 матиковъ съ различными современ-
 ны западными систематиками, ис-
 шедши изъ общаго источника систе-
 матичною развитіемъ, и слѣдовательно
 водитъ на мысль: если, по примѣру
 индійскаго поэта, сорвать личину и съ
 временныхъ намъ неогегелстиче-
 скихъ мудрователей — не окажутся ли
 они такъ же материалистами, какъ
 были древніе ихъ предшественни-
 ки? Не будетъ ли, по крайней мѣрѣ,
 подобіемъ этотъ вѣнецкій или
 шарский материализмъ, усовер-
 шствованный и систематически раз-
 витый на основаніи систематическихъ
 софизмовъ *вѣчнаго развитія*? — Последняя
 будничная причина кажется намъ
 явнѣею. Хотя всѣ философскія си-
 стемы вѣютъ между собою сваярь, и
 иченіе послѣдующихъ можетъ объ-
 являться предвидущими, однакожъ,
 не видѣть материализмъ или не-
 материализмъ неогегелизма, вѣтъ надоб-
 сти прибѣгать къ индійскому поэту:
 можно обойтись и безъ него. Сверхъ-
 то, понятія о материализмѣ измѣни-
 тельно съ-тъхъ-поръ, какъ показа-
 тельныя слѣдствія спиритуализма.
 Матерія воввысилась значительно
 глазахъ многихъ философовъ, кото-
 рые существенность предпочитаютъ
 духамъ. Самъ переводчикъ гово-
 ритъ, что индійскій поэтъ, срывающій
 личину съ материализма, развиваетъ
 понятія, ужасающія своею суровостью
 всѣхъ благороднѣйшихъ человѣче-
 скихъ чувствъ, что возвышенное
 иченіе его апатично, — а что хуже апатично

тъ? Миръ, создаваемый подобно фи-
 лософію, есть миръ абстрактный, въ
 которомъ человеку, одѣтому плотью,
 жить невозможно, и гдѣ, можетъ ста-
 ться, находитъ причину себѣ мѣсто
 только тѣмъ умершихъ.

Переходя къ статьямъ чисто-славян-
 скими, мы не можемъ не повторить
 очень умныхъ сужденій нашего уче-
 наго, напечатанныхъ въ предвидущей
 книжкѣ Отеч. Зап. л. Новая (исключи-
 тельно-славянская) наука остается
 при начаткахъ. Общанія ея мы слы-
 шали такъ давно, что они перестали
 для насъ быть надеждами и превра-
 тились въ воспоминанія? Гдѣ же ис-
 полненія? Гдѣ великіе, на почвѣ ис-
 ключительной національности совер-
 шенные труды, предъ которыми мог-
 ли бы сознать свое заблужденіе лю-
 ди, также глубоко любящіе Россію и,
 слѣдовательно, дорожащіе самостоя-
 тельностью русской мысли, но не ста-
 вившіе ее во враждебную противопо-
 ложность съ общечеловѣческой и ве-
 приписывающіе ей особенныхъ зако-
 новъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ
 молодости, новая наука обнаружила
 одну только самонаблѣнность. Во
 всѣхъ остальныхъ она действуетъ
 осторожно, довольствуется общими
 формулами, неохотно вдается въ она-
 сность частныхъ розысканій и рѣ-
 шительно выходитъ на открытое поле исто-
 рическихъ фактовъ, на которыхъ, до-
 сихъ поръ — употребимъ выраженіе
 Петра Великаго — она въ авантажъ не
 обрѣталась. Эти слова — лучшая оцѣн-
 ка чисто-славянскихъ статей «Сбор-
 ника», который потому только не вѣ-
 ли этихъ словъ въ эпиграфъ, что они
 явились въ печати послѣ статей.

Первая, исключительно-славянская
 статья — *Продолженіе Писемъ изъ Вѣны*,
 г. Ригельмана. Начало Писемъ (въ
 прошлогднемъ Сборникѣ) дадо объ-
 щаніе показать значеніе, сущность,
 духъ, силу Славянъ. Продолженіе ис-
 полнило общаніе оригинальнымъ об-
 равомъ доказательства, или какъ вы-
 ражался вѣогда Мавкъ, *показа-
 тельства* автора состоятъ изъ общихъ

риторических мистъ, которыя легко прилагать ко всему; но изъ которыхъ рѣшительно ничего не выходитъ. При самомъ вступленіи въ показаніе, читаешь удивительный «пассажъ», необъяснимый всѣми источниками заблужденій, несчисленными въ логикѣ Кизелеттера: «Такое долгое существованіе (Славяны), записанное въ исторіи, въ продолженіи болѣе ста пятидесяти вѣковъ...» (стр. 196). Остановился и размыслилъ... «О семъ помыслить должно», сказалъ бы Гамлетъ. Ошибиться не бѣда: ошибка въ фальшь не ставится. Изумляетъ насъ здѣсь не ошибка, а причина ошибки, процессъ, который она совершилась. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ объяснить ее? *Болше ста пятидесяти вѣковъ!* Вѣдь это значитъ болѣе *пятнадцати тысячъ*... страшно выговорить, а выговорить надобно: *болше пятнадцати тысячъ тысячъ летъ!!!* Цифра не важная по китайскому или индійскому лѣтосчисленію, и, конечно, при томъ средствѣ, которое открывалось между Индѣйцами и Славянами, вѣроятно мистъ однимъ доказательствомъ больше. Можетъ-быть, почтенный авторъ и шѣлъ это въ виду, хотя есть другое предположеніе, объясняющее его ошибку. Не хотѣлъ ли онъ написать *болше пятнадцати тысячъ* и написалъ *болше ста пятидесяти тысячъ*? Опіска возможная, когда бы сумма была выражена цифрами, и трудная, когда она выражена словами: 150 и 15 еще похожи, но *пятнадцать* и *сто пятнадцать*, — право, не похожи. Притомъ же, какая чисто-славянская статья позволить отнять у славянской древности цѣлые десять вѣковъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ, и предположеніе наше само собою разрушается. Третье мистъ полагаетъ, что *болше ста пятидесяти вѣковъ*, въ настоящемъ случаѣ, значить *болше двадцати-пяти вѣковъ*. Но поставить *сто пятидесяти* вмѣсто *двадцати-пяти* такъ же трудно, какъ *двадцать-пять* поставить вмѣсто *ста пятидесяти*. Здѣсь и цифрное, и буквенное письмо различно. Четвертое, самое близкое къ истинѣ объясненіе заключается въ томъ, что въ дѣто-

счисленіи автора опущена часть: «Нашецатоно: болше ста пятидесяти вѣковъ», а читай: «не болше ста пятидесяти вѣковъ». Это — отрицательный способъ лѣтосчисленія, весьма-рѣшительный всѣмъ сомнительнымъ дребязямъ и крайне-выгодный въ томъ пошевіи, что, выражаясь подобно образомъ, никакъ нельзя солгать, какомъ народѣ, о какомъ человекѣ, же вчера только родились, не позволено сказать: «ему не болше ста пятидесяти вѣковъ?»

Утверждать древность Славянъ, авторъ доказываетъ присутствіе въ ихъ духовнаго организма. «Если бы, говоритъ онъ: Провидѣніе не вложило-особеннаго духовнаго организма-славянскаго племни, оно бы давно исчезло съ лица земли». Не знаемъ, гдѣ другинъ покажутся доказательства основанныя на предположеніяхъ; для насъ всѣ эти предположенія, служащая опорой историческому воззрѣнію, чрезвычайно-смѣшными и рѣшительно бесполезными. Немного напомянутъ они поговорку: еслибъ узнали бы, то передала бы всѣхъ черезъ локъ. Что значить въ исторіи частыя, которая и въ превращеніи не страдаетя? Позволено прибѣгать къ ней наукахъ точныхъ, гдѣ разумъ наше опредѣлительно гдѣ известно, каковы результаты выйдутъ при известнѣхъ условіяхъ; но какъ можно вывести результаты изъ предположеній, гдѣ рѣчь о развитіи народной жизни, гдѣ важно лишь сдѣланное, гдѣ наука сдѣлается только изъ разсмотрѣнія его томъ прошедшаго? Да притомъ, если предположеніе автора было въ истинѣ, кака въ немъ польза для Славянъ для науки? Вѣдь не въ томъ дѣло, ли въ народѣ духовный организмъ, кой же народъ не шѣеть его, не народъ созданъ для того только, что показать бесполезность созданнаго. Дѣло даже не въ томъ, что таковъ народъ сдѣлается, потому-что наука стоитъ не изъ пророчествъ: дѣло въ томъ, что этотъ народъ сдѣлается дѣлается. Наконецъ, мы не видимъ,

кому обращается авторъ съ своимъ предположительнымъ убѣжденіемъ, отъ чьихъ нападковъ защищаетъ онъ Славянъ. Развѣ есть люди, сомнѣвающіе въ томъ, что каждый народъ надѣленъ отъ Господа духовнымъ организмомъ? Право, исключительно славянская наука, за невѣдѣніемъ существеннаго содержанія, создаетъ сама себѣ призракъ, мечтательныя затрудненія, съ которыми сражается общими формулами, риторическими мѣстами: ибо предположеніе автора, его слова о присутствіи духовнаго организма въ Славянахъ есть чисто-на-чисто *locus topica*.

• Не будемъ пока мѣсть разсуждать», продолжаетъ г. Ригельманъ: «какіе именно это зародыши (*данные народу славянскому*), въ чемъ ихъ преимущество надъ другими народами: *довольно тою*, что они есть... — Нѣтъ, недовольно! Мы узнаемъ идею, когда она раскрывается, переходитъ въ явленіе, обозначается событіями. До тѣхъ же поръ, всѣ наши толки о присутствіи идеи, о существованіи зародышей будутъ слова, слова, слова... Изъ риторическаго набора словъ читатель никогда не увидитъ, какіе это зародыши, въ чемъ эта идея. И что за странная отсрочка разсужденій? Не будемъ пока мѣсть разсуждать... Почему жъ не будемъ? Что мѣшаетъ? Тутъ-то бы и доказать себя исключительно-славянскою наукою. Пора ей перейти изъ общихъ мѣстъ въ частныя указанія, отъ толкованія объ идеѣ вообще къ названію идеи именно. До сихъ-поръ, эта наука существуетъ въ идеѣ, въ возможности, въ голубѣ очень-немногихъ приверженцевъ, исключительныхъ наукъ: когда же она станетъ явленіемъ, будетъ существовать на дѣлѣ? Въ первыхъ своихъ письмахъ, авторъ отложилъ рѣшеніе вопроса до слѣдующихъ писемъ; теперь слѣдующія письма откладываютъ рѣшеніе сонниковаго загадки до неопредѣленнаго времени... Какая странная судьба нѣкоторыхъ идей и писемъ! О нихъ можно сказать то же, что Талей-

ранъ говорилъ о нѣкоторыхъ людяхъ: они *всегда* будутъ подавать надежды.

Другія мысли автора принадлежатъ также къ *новымъ истинамъ*. Изъ нихъ мы узнаемъ, напримеръ, что «Богъ не даромъ создаетъ народы», что «всякій народъ, исполнивъ свое назначеніе, сходитъ съ поприща, умираетъ, завѣщая приобрѣтенное имъ достоинствіе своимъ преемникамъ», что «вѣчно живетъ человечество и человѣкъ», что «время, когда народы сольются въ одно семейство, въ одинъ языкъ, скрыто отъ насъ въ вѣчности», и другія, тому подобныя, вѣковыя изреченія — потому вѣковыя, что «не болѣе ста пятидесяти столѣтій» люди читали ихъ чуть-чуть не въ азбукахъ. Стоило ли ѣздить въ Вѣну, чтобъ открыть такія новости? Но не одиѣ *новости* въ письмѣ г. Ригельмана: есть воображаемыя мнѣнія, которыя онъ изобрѣтаетъ на досугѣ, передаетъ другимъ и опровергаетъ собственные призраки. «Мечты тѣхъ», говоритъ онъ: «которые думаютъ расширить единство образованія простыми заимствованіемъ отъ народовъ, предшествовавшихъ намъ на пути образованія, суть жалкое заблужденіе». Кто же такъ думаетъ? кому приходило въ голову мечтать, что народу надобно только узнать то, что знали его предшественники, и потомъ заснуть на лаврахъ? Известно всѣмъ и каждому, что, усвоивъ приобрѣтенное вѣками, онъ не только запечатлѣваетъ его самодѣтельностью, въ слѣдствіе особенныхъ свойствъ, данныхъ ему природою, но и прикладываетъ къ нему нѣчто новое, приращаетъ капиталъ. Иначе не могло бы двигаться человечество. Единство образованія, однакожъ, есть и должно быть: это единство въ образованіи общечеловѣческомъ, которое выше національнаго. Народы сольются въ одно семейство въ то время, когда всѣ національности исчезнутъ въ общечеловѣческомъ...

Если нѣкоторые скажутъ, что вопросы, верѣяныя еще Западомъ и показывающіе несовершенство его образованія, онъ рѣшитъ самъ, собствен-

ными силами, то авторъ съ ними не согласится. Почему жъ? Потому-что есть вопросы, которые неразрѣшны по его (Запада) началамъ, хотя онъ (Западъ) болѣзненно чувствуетъ потребность рѣшить ихъ; есть другіе, о которыхъ онъ даже не знаетъ: такъ далеки они отъ его пониманія. Какіе же это вопросы? спрашиваете вы. Авторъ молчитъ, потому-что здѣсь дѣло идетъ уже о чемъ-то именно, объ указаніи предмета, о частностяхъ, гдѣ нельзя отдѣлаться общою мыслью... Гдѣ же хранятся начала, неизвѣстныя Западу, нужныя для рѣшенія вопросовъ? Въ славянскомъ мѣрѣ, утверждаетъ авторъ, не считая нужнымъ сказать, на чемъ основано его утвержденіе. Что же новаго и совершеннѣйшаго можетъ внести славянской мѣрѣ въ общее образованіе? Вопросъ этотъ, отвѣчаетъ г. Ригельманъ, хотя естественно представляющійся каждому, слишкомъ преждевременно... Великое слово загадки не дается. Любопытство, возбужденное общими мѣстами, должно немножко потерпѣть. Довольно тому, что въ славянскомъ начинающемся образованіи мы замѣчаемъ много христіанской любви, много самопожертвованія, отсутствіе эгоизма. Гдѣ все это замѣчено—вы тоже не упустите, хоть прочтите все письмо. Если мы породнились съ славянскимъ міромъ, то увидимъ, что достоинство человѣка стоитъ выше всякихъ круговъ общества, что оно должно быть первымъ условіемъ въ опредѣленіи его значенія. Бѣдный Западъ! Бѣдные люди, незнакомившіеся съ славянскимъ міромъ! Вы не знаете до-сихъ-поръ этой великой, этой новой истины, что «достоинство человѣка выше всякихъ круговъ общества!» До-сихъ-поръ, т. е. до повѣдки г. Ригельмана въ Вѣну и до повѣденія его писемъ въ печати, вы, конечно, думали, что принадлежать къ известному кругу общества, на-примѣръ, къ высшему, несравненно-выше, чѣмъ быть достойнымъ человѣкомъ.

Кромѣ усвоенія великихъ истинъ,

связь съ западными и южными Славянами необходима въ жизни нашего искусства. Хотя въ необходимости, и тѣмъ болѣе въ пользу этой связи никто изъ насъ не сомнѣвался, во автору, видно, нужны сомнѣнія изобрѣтеныя, фантастическія. Доказательства необходимости взяты довольно-странно отъ плохихъ произведеній литературы, въ которыхъ мы подражали литературѣ иностранной. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Развѣ литературное произведеніе не можетъ быть плохимъ отъ десяти разныхъ причинъ? Развѣ отсутствіе національности есть единственная причина литературной пошлости? Развѣ нѣтъ у насъ драмъ, романовъ, повѣстей съ покушеніями на національность и, между-тѣмъ, нестерпимо-скучныхъ? Другія доказательства беретъ авторъ отъ примѣровъ тѣхъ великихъ явленій въ мѣрѣ искусства, которыя національны въ тѣсномъ смыслѣ слова: онъ указываетъ на Гомера, Софокла, Шекспира, Шиллера... Прекрасныя указанія! Да вѣдь то Гомеръ, Софоклъ, Шекспиръ, Шиллеръ... шутка сказать! Въ этомъ-то и разгадка величайшихъ произведеній. Жуковский, въ романтической поэзіи, гдѣ вѣтъ національности, поэтъ знаменитый, а исключительно-славянская поэзія до-сихъ-поръ не произвела еще ничего замѣчательнаго.

Слѣдующія письма автора любопытны, потому-что онъ описываетъ въ нихъ дѣйствительную свою поѣзду по славянскимъ землямъ Венгріи; и въ выражаетъ въ общихъ мѣстахъ грядущія судьбы народовъ. Только вѣрно авторъ силится доказать, что поѣздка въ Венгрію плодотворна и интересна, нежели путешествіе на берега Тибра, Сены или Темзы. Довольно его никого не убѣдятъ и подѣлываютъ развѣ только на людей слишкомъ-патріархальныхъ, которые обширному развитію общественной жизни предпочитаютъ первобытные нравы народа еще мало-общественнаго. Я найду тамъ людей, которые сами пойдутъ мнѣ на встрѣчу и откроютъ свою му-

денною жизнь. Намъ не съ дикови-
н внутрення жизнь патриархально-
и! Грубыя видѣли легко встрѣтишь,
вытѣкая изъ предѣловъ многихъ
зловъ. И не такъ еще надобно намъ
годы европейской цивилизаціи, чтобъ
и должны были бѣжать отъ нихъ въ
мѣста, гдѣ нѣтъ порядочныхъ го-
инницъ, или даже нѣтъ никакихъ.
погони изъ плодовъ европейскаго
освѣщенія мы еще не пользовались;
и узнаемъ ихъ только побывавъ въ
Ирландіи, Франціи и Англіи: откуда
и явилось у насъ такое пресыщеніе,
и путешественники считаютъ необ-
ходимымъ разсѣять его въ terra inc-
ognita et inculta, т. е. въ Венгріи? не
туда ли, что у всякаго свой вкусъ?...
вкусу нѣтъ правиль; слѣдовательно,
нѣтъ надобно только выражать свои
чуждыя желанія, а не пускаться въ
казательства. Мы не будемъ спо-
рить съ авторомъ, когда онъ говоритъ
своихъ чувствахъ при слушаніи
эпик:

Внтра, мила Внтра, ты висока Натра!
Кде-же су тѣ часи, въ kterыхъ ты си
кванта?

гда онъ увѣряетъ, что еще не слы-
ать вѣща, выражающаго такую
зотрадную грусть: у всякаго свой
усть и свои ощущенія. Но не хоро-
о, если субъективныя ощущенія, ин-
видуальныя вкусы, личныя стрем-
нія силятся взойти на степень все-
щаго чувства, общечеловѣческаго
уса, стремленія всѣхъ и каждаго. За-
включеніемъ этихъ посягательствъ,
въ непужныхъ разсужденій, прочее,
е. описательная часть, содержитъ
себѣ любопытныя извѣстія о сла-
нскихъ земляхъ. Видѣто же общихъ
естъ, ничего недоказывающихъ,
чѣше было бы автору начать свое
иссю словами Коллара, въ его поэмѣ
[очъ Славы: «Конечно, другіе (на-
лы) идутъ путемъ удобнѣйшимъ; мы
авяне) подвигаемся съ большимъ
удомъ и позади отъ нихъ, но за то
и моложе. Намъ извѣстно, что совер-
или другіе, а отъ нихъ сокрыты

странницы, гдѣ написано наше буду-
щее. Это правда, въ которой нѣтъ
ничего заносчиваго.

Вторая неслучайно - славянская
статья принадлежитъ О. Чижову и на-
зывается: *Прощаніе съ Франціею и Же-
несса*. Авторъ крѣпко недоволенъ Фран-
ціею вообще и Парижемъ въ-особен-
ности. Онъ недоволенъ даже сильнѣмъ
развитіемъ просвѣщенія, владыче-
ствомъ чтенія и ума. Отъ Русскаго, ко-
торый, безъ сомнѣнія, самъ читалъ
много, но который пока не видитъ того
же въ своемъ отечествѣ, странно какъ-
то слышать жалобы на обиліе ума, на
излишество чтенія. Откуда такое неудо-
вольствіе на умственное пресыщеніе?
Гораздо бы лучше было вооружить
ся противъ неохоты къ чтенію. Иеро-
ніады по случаю литературной бѣдно-
сти нѣмѣли бы, по-крайней-мѣрѣ, сира-
велливое основаніе, если не пользу.
Осуждая Французовъ за легкость и
поверхностность сужденій, авторъ на-
ходить причину этого въ чтеніи, ко-
торое не оставляетъ ни минуты для
спокойнаго обдумыванія прочтенаго
и еще менѣе для близкаго принятія
чего-либо къ сердцу. Но кто же во-
ставляетъ въ непрерывную обяза-
тельность читать безпрерывно? При не-
быткѣ книгъ есть возможность отка-
заться отъ чтенія: излишекъ чего-ни-
будь не бѣда. Вотъ бѣда, когда читать
нѣчего, ибо когда нѣчего читать, то
читать невозможно!—Авторъ увѣряетъ,
что «во весь день не найдешь (въ Па-
рижѣ) минуты подумать тихо и спо-
койно, не найдешь уголка, чтобъ
укрыться отъ исключительно вышней
парижской жизни». Однакожъ, въ Па-
рижѣ думаютъ: доказательствомъ этому
служатъ и умные люди, тамъ живущіе,
и умныя сочиненія, тамъ вышед-
шія въ свѣтъ. «Это возможно», отвѣча-
етъ г. Чижовъ: «но тогда надобно со-
вершенно выйти изъ среды париж-
скаго жителя». Мы не знаемъ, какъ
надобно поступить для приобрѣтенія
подобной возможности: знаемъ только,
что въ Парижѣ, гдѣ нѣтъ порядоч-
но думать, есть люди очень-породо

думающъ, и сочиненій, показывающихъ въ авторѣ умѣнье думать, выйдутъ гораздо больше, нежели въ провинціальныхъ французскихъ и русскихъ, гдѣ больше приволья. Сверхъ-того, авторъ, принадлежа къ истиннымъ Славянамъ (а всякій истинный Славянинъ, по его собственнымъ словамъ, рождень любящимъ), оказывается, въ своихъ путевыхъ письмахъ, не совсѣмъ любящимъ. Вооружаясь противъ личности, т. е. противъ эгоистическихъ помышлений только о самомъ себѣ, авторъ самъ много заботится о личности, выпуская мѣзъ вѣла пользу общую. Книга — вѣдь это радость того, что мною приобретено, съ моими ближними, радость не съ одними задумевными пріятелями или съ семейнымъ кругомъ, а со всѣмъ грамотнымъ миромъ; книга — вѣдь это трудъ человѣка для человѣковъ, а не скопленіе сокровищъ для себя только! Конечно, легко думать на привольѣ, еще легче ничего не думать, да что жь отъ этого другинь-то? Стыдно имѣть въ виду только личное приволье и раздуть, освобождать себя отъ тягостей на пользу общественную. Г. Чижевъ составилъ такія странныя понятія о книгахъ и чтеніи, что и то и другое представляется ему въ видѣ кошмара. Излишество чтенія неважно имѣ уже потому, что оно все относитъ уму, все отдастъ одному мышленію: тутъ уже не до сердца. Это отъ-чего? Есть чтеніе, которое все относитъ уму, хотя оно и невзлшнее; есть чтеніе, которое все относитъ чувствамъ, хотя оно и взлшнее. Что будете читать, и что будете разумѣть подъ сердцемъ? Если разумѣть подъ нимъ ощущенія непосредственныя, вторыми наслаждаешься безъ помощи мысли, — разумѣется, такихъ ощущеній нельзя требовать отъ книгъ умныхъ. Если же разумѣть подъ нимъ чувства посредственныя, которыя признаются умомъ и становятся черезъ умъ еще болѣе доступными, то чтеніе книгъ нисколько не въ разладѣ съ сердцемъ. Въ той же самой французской литературѣ

найдете вы цѣлый рядъ твореній, которые дадутъ богатую пищу даже безотчетному вѣрованію. Странная пріхоть мысли! Бесѣда съ умнымъ прітелемъ или даже съ умнымъ незнакомцемъ радуетъ насъ; мы выключаемъ ее въ наслажденіи житейскія; а та же самая бесѣда, напечатанная, уже выйдитъ мѣзъ жизни и относить все уму! Конечно, пріятнѣе слушать самого человѣка; но что жь дѣлать, когда невозможно исполнить это благородное желаніе? Остается слушать его заочно. Не даромъ называютъ книги *друдами*.

Последняя славянская статья расуждаетъ *О возможности русской философствительной школы*. Въ предыдущей книжкѣ нашего журнала, г. Гравоскій показалъ достовѣрность тѣхъ историческихъ фактовъ, на которыхъ г. Хомяковъ, авторъ статьи, строитъ свои общія воззрѣнія. Намъ остается прибавить здѣсь немого, и мы прибавимъ только сожалѣніе о томъ, что такой умный и начитанный человѣкъ посвятилъ и умъ и начитанность свою на преддоданіе призрака, на разлаганіе варьяціи на выдуманную тѣму. Разрывъ между жизнью и знаніемъ, взглядъ самобытнаго начала и чужеземнаго напылья, раздвоеніе общества, утрата народной личности въ наукѣ, жизни и искусствѣ, — вотъ та тѣма, которую мы слышимъ не въ первый и, увы, вѣроятно, не въ послѣдній разъ! Впрочемъ, эта тѣма принадлежитъ не г. Хомякову: она пущена въ ходъ тремя нумерами *Москвитянина*, два или три года тому назадъ: г. Хомяковъ прилагиваетъ только къ ней впръщціи. А призракъ, преслѣдуемый авторомъ варьяціи, есть не больше, ни меньше, какъ возвратъ къ утраченной, т. е. прошедшей, жизни.

Исчислимъ прочія статьи Сборника *Шлецера*, очень-хорошее расужденіе о русской исторіографіи, А. Попова *Прага*, отрывокъ изъ заграничныхъ вѣстей М. Погодина, много выигравшіи глѣзъ, что онъ не похожъ, по своему тону, на прежнія заграничныя письма, въ которыхъ рельефно выражался самъ авторъ; *Сербскія народныя пѣсни*, пер-

водъ Н. Берга, съ предисловіемъ невѣстнаго редактора «Сборника» о сербской народной поэзіи; *Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ Славянъ*, Н. Н. Срезневскаго; *Отрывокъ изъ романа: Двойная Жизнь*, сочиненіе К. К. Павловой, съ извѣщеніемъ о самомъ романѣ отъ того же редактора. Ничего неможемъ заключить о романѣ по отрывку, равнымъ образомъ и объ отрывкѣ по содержанію романа, изложенному редакторомъ. Положимъ, и тогда увидимъ. Въ отдѣлѣ критики помѣщены *Три критическія статьи*, г-на Ивирека (о литературномъ сборникѣ графа Соллогуба: «Вчера и Сегодня», объ «Опытѣ Исторіи Русской Литературы», А. Никитенко, и о Петербургскомъ Сборникѣ — статьи, по назначенію редактора, назначенныя для перваго тома «Московского Сборника»); *Критика* г. См. на сочиненіе архимандрита Аполлоса «Начертаніе житія и дѣланій Никова»; двѣ критическія статьи Ф. Чижова: «О Римскихъ Письмахъ А. Муравьева и «О Памятникахъ Московской Древности». Въ особомъ приложеніи находятся: *Земля дорожа* (Litteraria poëtica), драматическія сцены въ стихахъ и прозѣ, И. Аксакова, о которыхъ мы уже говорили, какъ объ отдѣльной брошюрѣ еще до выхода «Сборника» (О. З. т. I); и *Что мой святникъ луня, дуетъ, слова князя Вяземскаго*, музыка А. Даргомыжскаго. Изъ четырнадцати стихотвореній, принадлежащихъ Жуковскому, И. Аксакову, Половскому, князю Вяземскому, Жадовской, К. Павловой, Н. Языкову, лучшее, по нашему мнѣнію, есть слѣдующее, написанное господиномъ Иваномъ Аксаковымъ:

Смотри! толпа людей нахмурились
стоятъ:
Какой печальный взоръ! Какой зловредный видъ!
Какимъ страданіемъ томлен неизлечимымъ,
Они рѣчь умную, но правдую ведутъ;
О жизни мудреуютъ, но жизнью не жавутъ,

И тратить свой досугъ лѣнливо и бесплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Уже-ли племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подъ часъ мою беретъ,
И хочется мнѣ ихъ, въ замѣнъ досужей слухи,
Дать заступъ и соху, топоръ желанный
въ руки,
И толки прекратя объ участи людской,
Работимковъ изъ нихъ составишь полкъ
лихой!..

165) Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ ПЕРІОДЪ до-ТАТАРСКІЙ. Соч. архимандрита Макарія. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ Жернакова. 1847. Въ 8-ю д. л. 194 стр.

Послѣ принятія христіанства великимъ княземъ Владиміромъ, жизнь русская въ религіозномъ отношеніи представляеть двѣ стороны: *жизнь народа* и *жизнь духовенства*. Народъ, извлеченный только-что изъ язычества, народъ, преданный жизни матеріальной, ея благамъ и страстямъ, народъ, живущій подъ закономъ кровной мести, зануанный въ безвыходныя родовыя распри великихъ князей, и греческое духовенство, приходившее въ землю русскую.

Это духовенство, твердое въ началахъ греческой вѣры, призванное для нравственнаго образованія народа, вскорѣ послѣ своего прибытія начало заводить монастыри и содѣйствовало князьямъ основывать церкви во славу единого Бога. Духовная зависимость отъ константинопольскаго патріарха поддерживала связь съ Греціею и передавала нашему народу тогдашнюю греческую образованность. Изъ 22 митрополитовъ, бывшихъ на Руси до татарскаго періода, только двое были родомъ Русскіе — всѣ остальные были Греки! Фактъ чрезвычайно-важный, если возьмемъ въ соображеніе и то, что эти митрополиты привозили съ собою много епископовъ и нисшаго духовенства также изъ Греціи. Поэтому, умственная дѣятельность русскаго народа необходимо должна была подчиниться вліянію греческому,

и литература византийская должна была у нас господствовать. Дѣйствительно, первые учителя наши въ православіи — Греки, начали распространять вѣру въ своихъ посланіяхъ и сочиненіяхъ. Хотя намъ извѣстно в немного такихъ сочиненій, однакожь, они доказываютъ, что наша церковь не уклонялась отъ догматовъ вѣры греческой, и пастыри ея старались внушить эти правила клиру и народу. Такъ уже митрополиту Леонтію приписывается сочиненіе *Объ оприскокахъ*, хранящееся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, митрополиту Нинифору принадлежатъ два посланія: одно — *о Латиньяхъ, како отвержени быше отъ восточныхъ церкве, а другое — О востъ и воздержаніи чувствъ*. Иоанну, архіепископу новгородскому, принадлежатъ два церковныя правила: первое *О забвеніи священникомъ олтѣи ема ес по тиря*, и второе — *Объ изгладеніи мышею анца*. Св. Кирилль, епископъ туровскій, въ Россіи паче оныхъ возсіяшій и просвѣтльшии ученіемъ своимъ концъ російскія просвѣтитій, оставилъ намъ; кромѣ краснорѣчивыхъ словъ, еще три статьи: а) *Сказаніе о черноризцестамъ чину*; б) *повѣсть съ притчею О блоризца челоуца*, и в) *Притчу о челоуческой душѣ и о тѣлеси*. Многіе другіе святители не уступали приведеннымъ намъ ни въ краснорѣчіи изложенія, ни въ важности содержанія своихъ сочиненій, и богословіе догматическое и каноническое господствовало между нашимъ духовенствомъ безъ всякихъ примѣсей вѣры латинской, въ той же чистотѣ, какъ и въ Константинополѣ.

Съ другой стороны, духовенство въ частіи жизни проявляло всѣ добродѣтели христіанскія; особенно этимъ отличались монашествующіе: ихъ самоотверженіе, достойное назначенія, къ которому они призваны были, да служило утѣшеніе преданныхъ блдгамъ земнымъ современниковъ. Даже самъ преподобный нашъ дѣтонсецъ, повѣствуя объ этихъ подвигахъ, почти не находить словъ для выраженія своего изумленія: «Бѣ же в се дивно чудо

видѣти, братіе», восклицаетъ онъ: «со-вокупи Богъ таки черноризцы въ обители Матери своей ниже аки свѣта въ русской земли сіяху; овин бо блгу постницы, овин же на бднїи, овин же на колюпоклоненіи, овин же на пощени черезъ день или черезъ два днїи; овин же лдуще хлѣбъ съ водою, овин же земѣ вреню, друзїи же сыро; въ любви пребывающе, меньшии покоряющеса старѣйшимъ, не смѣяще предъ нами славати, но все съ покореніемъ и послушаніемъ великии... За христіанскіе подвиги церковь наша причисляла многихъ къ лику святыхъ: князей, архіепастырей и наконецъ нѣкоторые подвижниковъ, занимавшихъ высше степени духовной іерархіи. Такомъ всѣмъ извѣстные: равноапостольный князь Владимиръ, страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ...; изъ пастырей, св. Маханъ, Іоакимъ... преподобный Аговій, Θεодосій. Многіе изъ подвижниковъ извѣстны свядами страданіи, добровольными или понесенными отъ другихъ, но употребленными ими къ своей нравственной пользѣ. Такомъ: *Іоаннъ многострадальный*, въ продолженіи тридцати лѣтъ умерщвленіи плоть свою то мстимосекии жестокости, то таковыми веригами, то задираваніемъ себя въ землю по рамена; *Моисей Урманъ* многострадальный, потерпѣвшій многія мученія и пытка отъ оной Ляхини, бывшей его госпожею и понуждавшей своего невольника измѣнить дѣвству; *Никонъ Сузій*, которому, когда онъ былъ вѣсть въ плѣнъ Половцами, хозяинъ подрѣзалъ волосы двумя жила, чтобъ воспрепятствовать его побѣгу, и который, послѣ чудеснаго своего избавленія отъ плѣна, въ прежнихъ своихъ страданіяхъ присоединилъ новыя добровольныя для извуренія своей плоти. Многіе извѣстны какъ затворники, а нѣкоторые показали особое усердіе къ служенію церкви.

Умственные и нравственные подвиги нашего духовенства доказываютъ, что они не уступали въ святости жизни подвижникамъ патріархата кон-

стантинпольскаго. Но таковъ ли былъ въ это время вновь-обращенный народъ, видѣвшій предъ собою чудеса подвижниковъ и нессыкшійся съ жизнью соверзательною? Тагъ ли усердно оны исполняли догматы вѣры, какъ требовало православіе, и съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ оны на прежніе свои языческіе обряды?

На это архимандритъ Макарій отвѣчаетъ (стр. 134 и слѣд.):

«Съ усердіемъ приняли предки наши христіанство; еще съ большимъ усердіемъ они содержали его и слѣдовали его внушеніямъ. Лѣтописцы хвалятъ ихъ вѣру, говоря, что она «преспѣваша вездѣ и убѣяше и сіяше, яко солнце»; хвалятъ также ихъ благочестіе, замѣчая, что по всюду въ Руси множахуся люди христіанствію зело, создающеся и ходяше во страстѣ Божіи. Святитель Іларіонъ, Митрополитъ Кіевскій, спустя нѣсколько дѣтъ по смерти правдолюбившаго Просвѣтителя Россіи, уже выхвалялъ къ нему: вставъ отъ гроба твоего, честная глаголю, и посмотри на сына твоего Георгія (Ярослава)...; посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и на правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержать они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ св. храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени; посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освѣщаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій енисимомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями, — и вѣтъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и похваляй благаго Бога, тако строящаго».

Далѣе, на стр. 136:

«Такой духъ всеобщей набожности и благочестія, господствовавшій тогда между нашими предками, отчасти объясняется самими обстоятельствами. То было время введенія къ намъ Христіанства и первыхъ дѣйствій его на народъ Русскій; а въ вѣра Христова, сильно дѣйствующая и умъ и сердце человеческое всегда и вездѣ, особенно сильно дѣйствуетъ на людей; какъ показываетъ исторія (?), при первомъ вѣдѣ водвореніи въ какой-либо странѣ, тогда новообращенные, вмѣсто прежнихъ

пустыхъ и ничтожныхъ понятій своихъ языческихъ въ первый разъ слышатъ высокія и отраднѣшія истины Евангелія, возбуждаются его небесными обитованіями истинной добродѣтели и поражаются страшными угрозами его за нечестіе и пороки. Возмемъ также во вниманіе свойство нашего народа. Русскій человекъ большею частію былъ еще тогда грубъ и необразованъ, но за то оны имѣлъ умъ яростой, неиспорченный вольнодумными теоріями и взглядами, и, значить, самый способный къ принятію въ себя истинъ вѣры Христіанской; имѣлъ сердце незакоренелое въ порокахъ и мѣлкое, и слѣд. самое покорное всѣмъ наставленіямъ пастырей и учителей Церкви: какихъ-либо сомнѣній въ вѣрѣ или укорнаго противленія духу благочестія не знаютъ подобныя люди».

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго автора мы не можемъ вполне согласиться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что не знаемъ, дѣйствительно ли исторія показываетъ, чтобъ вѣра христіанская, при первомъ водвореніи у народа грубаго и необразованнаго, вездѣ сильно дѣйствовала на людей, и во-вторыхъ, потому что, по нашимъ понятіямъ, человекъ грубый не можетъ столько принять и усвоить себѣ истинъ вѣры христіанской.

При введеніи христіанства въ казую-либо страну, дѣйствительно, строгость жизни подвижниковъ вѣры; мучениковъ, вмѣстѣ съ торжественностію обрядовъ христіанской церкви, поражаютъ несвольнымъ изумленіемъ грубыхъ язычниковъ; великолѣпіе храмовъ и таинственность священнодѣйствій останавливаетъ на себѣ ихъ поулавленное воображеніе; но мы думаемъ, что для истиннаго христіанства всего этого еще мало. Чтобъ жить въ смиреніи, кротости и любви христіанской, чтобъ смотрѣть на ближняго какъ на брата, а не на хищника чужаго имущества и даже жизни; чтобъ отказываться отъ правъ личной свободы, въ-особенности отъ обычаевъ старины, — для этого нужно измѣнить всѣ понятія народа, одѣлать такой крутой переходъ въ жизни, который можетъ быть только въ-свѣдѣствіе полнаго убѣжденія въ истинѣ ис

вой проповѣди и несообразности прежнихъ обычаевъ и понятій. Но всегда ли это можетъ быть совмѣстимо въ природѣ *человѣка грубаго и необразованнаго*? Если его понятія и были во многихъ случаяхъ очень просты, зато они шли за собою авторитетъ и силу *примочки, обычая, права*, которые въ первоначальномъ состояніи общества сильнѣе всѣхъ доказательствъ и убѣжденій. На проповѣдь учителей христіанскихъ не могли сдѣлать возраженій народы языческіе, потому что язычество въ своихъ началахъ и убѣжденіяхъ было недостаточно и не могло бороться съ чистотою нравовъ христіанскихъ; но за то и язычники, никогда не возмущившіеся мыслию за предѣлы міра физическаго, къ понятію существа единаго, премудраго, всеправящаго и между-тѣмъ нигдѣ невидимаго, — не могли вдругъ уиѣрвать въ него, воплѣтъ вѣрять ему судьбу свою и въ душѣ поклаивались, если не торжественно, то тайномъ, прежнему богу, котораго призывали къ покровительству нхъ на войнѣ, къ благословленію ихъ стада, который позволялъ имъ тучные нры и тризны. А въ этомъ и состоитъ жизнь народовъ варварскихъ. Посмотрите на исторію всѣхъ европейскихъ царей, къ которымъ вводили новую религію христіанскіе миссіонеры: посмотрите, съ какими трудомъ эти народы отказываются отъ старыхъ вѣрованій, которые были приспособлены къ тогдашнему быту общества. Новая религія вводитъ ихъ въ лучший міръ, это правда; но они этого міра еще не знаютъ, они не испытывали его прелестей; они знаютъ только своихъ прежнихъ боговъ, съ которыми такъ согласно жили.

Такъ было на Руси при введеніи христіанства; князья и бояре приносили новую религію, строили храмы, монастыри; а народъ?... Многие смотрѣли на все это не безъ сожалѣнія о прошломъ. Духовенство, подвиги котораго ны выше привели, ревностно преданное распространенію христіанства, съ помощію святыхъ угодниковъ,

творившихъ чудеса, съ помощію князей, воздвигавшихъ храмы и монастыри и приносившихъ имъ богатые вклады, — проповѣдовало новую вѣру народу, погруженному въ междоусобія князей, въ войны съ Печенѣгами, Половцами, Литовцами. Духовенство безпрестанно напоминало гласъ Божій, возушій къ покаянію и исправленію князи. Гласъ этотъ слышали во многихъ необычайныхъ явленіяхъ природы какъ, напр., въ 1064 г., въ неоднократномъ восхожденіи солнца безъ яркаго луча, а только въ видѣ мѣсяца; въ явленіи кровавой вѣзды на западѣ въ продолженіе цѣлой недѣли и въ обратномъ теченіи Волхова, продолжавшемся пять дней; духовенство указывало на землетрясенія, на затмѣнія солнца на засухи, бури, на кометы, на голодъ и моръ, и требовало покаянія...

Все это должно было дѣйствовать и воображеніе народа; но самъ же архимандритъ Макарій, на стр. 162-й, говоритъ:

«Главнѣйшій по отношенію къ вѣрѣ недостатокъ состоялъ въ томъ, что имъ принадлежала къ церкви Христовой, но утѣли отстать и отъ своихъ предковъ языческихъ суевѣрій. Св. Владимиръ церковнымъ уставъ своимъ уже беремъ нры противъ людей, которые великую поду осинали и съ рождѣ миз у себя и забывали древнихъ петворовъ, чародѣи и волхвованій. Митрополитъ Іоаннъ также упоминаетъ о Христіанахъ: *иже зуръ бѣсомъ и болотомъ и коледельцкѣ*; архимандритъ горько упрекалъ своихъ современниковъ за то, что они «*идолишное Христіане, а помиски оскуячи*» были лась пристрастными ко *идоломъ* своимъ обычаямъ; въ вопросахъ Кира встрѣчается извѣстіе о жемакѣ, котораго носили любимыхъ дѣтей своихъ въ нату, не къ священнику христіанскому, къ волхвамъ. И вообще извѣстія объ этихъ волхвахъ, которые неоднократно поминались въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и въ есиуду увлекали за собою *малыи нры* показываютъ, какъ слаба еще была тогда эта сторона въ нашихъ соотечественникахъ. Не меньшіе недостатки ихъ были и по отношенію къ *благотѣ*

Были люди, которые «безъ страха и безъ гнѣва» иѣли по дѣе жены, держась древняго Славянскаго обычая многоженства; были и такіе между простымъ народомъ, которые вступали въ бракъ безъ церковнаго благословенія и тайнодѣйствія, считая это *церемонію, установленною только для князей и бояръ и довольствуясь однимъ какимъ-то языческимъ обрядомъ млеканія*; нѣкоторые въ продолженіе цѣлаго года не приобщались св. Тѣлцъ; весьма многіе любили только общественныя игры и *шутбы, гусли, скоморохи, поборы въ лаще отъ бѣса замышленнаго дѣла*, а храмовъ Божіихъ почти не посѣщали...

«Для объясненія всего этого... нужно вспомнить тогдашнія обстоятельства. Неудля было вдругъ и всѣмъ первымъ Христианамъ нашимъ совершенно забыть язычскія свои *свѣрованія*, которыя ведеала они со млекомъ материнимъ, коими съ самаю младенчества были проникнуты ихъ умъ и сердце, и которыя отзывались въ ихъ *звѣстныхъ* преданіяхъ и цѣсняхъ, соединены были со всѣми ихъ забавами, играми и празднествами: для искорененія сего необходимо требовалось весьма много времени и усилій, тѣмъ болѣе, что народъ нашъ находился въ *крайнемъ невежествѣ и грубости, по которой многіе никакъ не могли понять надлежащимъ образомъ высокой проповѣди Евангельской*, при всей заботливости о томъ проповѣдниковъ»...

Припомнимъ: авторъ прежде сказалъ, что «вѣра Христова, сильно дѣйствующая на умъ и сердце человѣческое всегда и веадѣ, особенно сильно дѣйствуетъ на людей при первомъ водвореніи въ какой-либо странѣ». Почему же простой умъ необразованнаго и грубаго человѣка, неиспорченнаго вольнодумными теоріями и взглядами, есть умъ *самый способный къ яркѣтнѣ истины вѣры* (стр. 156), тогда-какъ на стр. 165-й тотъ же авторъ говоритъ, что, по крайнему невежеству и грубости, многіе никакъ не могли понять *высокой проповѣди евангельской*? Здѣсь, кажется, нѣтъ послѣдовательности въ выводахъ. Если умъ нашихъ предковъ былъ способенъ принимать истины евангельскія, то могъ ихъ и понять; если же не былъ способенъ понять, то не могъ и принять ихъ.

Мы выше сказали, какимъ образомъ христіанство дѣйствуетъ на народомъ *грубымъ*; во наши лѣтописцы, проникнутые чиномъ христіанскимъ и видя распространеніе обителей, сливали въ своихъ понятіяхъ два класса народа, движимые разными началами, и то, что должно приписать подвижничеству духовенства, усердію князей и бояръ, относили и къ народу. Такимъ образомъ строились монастыри, церкви, размножалось духовенство, но народъ долго былъ въ борьбѣ между старыми и новыми вѣрованіями. Отъ этого въ понятіяхъ народа имена прежнихъ боговъ перешли на нѣкоторые имена святыхъ христіанскихъ... Такимъ образомъ нѣсколько названий святыхъ заимствовано отъ стихій, климата, времени года, отъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ занятій; на-примѣръ, Илія-прохоръ, въ понятіяхъ простолюдиновъ, до настоящаго времени — *представитель грома, вступившій нѣкогда Перуна*; св. Іеремія — *запиральникъ*; св. Феодосія — *колосница*; св. Агрипина — *кутальница*; Богданъ заѣвилъ *даждь-бога*; св. Іоаннъ-Креститель — *Кумалу*, и т. п. Сильное средство со стороны духовенства и князей было также — переводъ книгъ священнаго писанія и составленіе книгъ для наставленія народа въ новой вѣрѣ. Этому дѣлу много содѣйствовало общество переводчиковъ, собранное при софійскомъ соборѣ великимъ княземъ Ярославомъ, и общество переводчиковъ же, которое содержалъ при себѣ ростовскій князь Константинъ Всеволодовичъ. Сверхъ того, на этомъ же поприщѣ работали многіе изъ духовныхъ отдѣльно отъ общества.

Но въ то время, когда духовенство употребляло усилія для искорененія язычества, въ народѣ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время нечаянно появились *волхвы*, окруженные толпами послѣдователей, проповѣдывали угасившую вѣру, грабили и убивали христіанъ. Очень-жаль, что наши лѣтописцы-монахи не удостоили подроб-

велѣлъ ему прочесть свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, отъ Евангелія, отъ Апостолъ и отъ прочихъ. — На второмъ соборѣ (7039 г.) Максима обвиняли въ слѣдующемъ: 1) онъ умышлялъ злое великому князю, посылая грамматы къ турскимъ пашамъ и къ самому турецкому царю, подымая его на князя; 2) говорилъ многимъ людямъ, что быть на землѣ русской салтану турецкому, зане салтанъ не любитъ родниковъ цареградскихъ царей, а князь великій Василій, ввукъ Оомы Амарейскаго; 3) называлъ великаго князя мучителемъ и гонителемъ; 4) говорилъ, что великій князь выдалъ землю крынскому царю, а самъ отъ робости побѣжалъ отъ турецкаго; 5) говорилъ: великому князю и митрополиту кличуть многолѣтне и еретиковъ проклинаятъ, зане же творятъ не по писанію, ни по правламъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Цареградѣ отъ патриарха; 6) волшебными хитростями единственными писалъ еси водкамъ на дланяхъ своихъ, и распростирая длани свои, противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя; 7) укорялъ и хулилъ соборную и апостольскую церковь, что они стѣжаніе, и люди, и доходы, и села мѣняютъ, и 8) укорялъ и хулилъ святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іову, говоря, что они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани брани, и многое богатство имѣли... Обвинителемъ былъ преимущественно Михаилъ Медоварцовъ. На всѣ обвиненія Максимъ Грекъ отвѣчалъ отрицательно, укоряя доносчика словами: «Душа, брате, твоя подыметь», или оправдываясь клятвой: «Аще ли такъ писалъ, или велѣлъ писати, или мулрствовалъ, да буду проклятъ». Этотъ любопытный актъ показываетъ, что всѣ обвиненія были приготовлены и поведены, какъ слѣдуетъ, врагами Максима. — Вторая статья въ «Материалахъ Отечественныхъ» есть четвертая книга второй части дѣтописнаго повѣ-

ствованія о Малой-Россіи, А. Ригельмана.

Въ «Материалахъ Иностранныхъ» помѣщенъ переводъ сочиненія Шафарика: объ имени и положеніи города Винеты, иначе Юинна, Юлина, Юмбургга.

Въ «Смѣси» напечатаны слѣдующія статьи: 1) Повѣсть о приходе и литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ, сочиненная, по мнѣнію митрополита Евгенія, монахомъ Серапіономъ. Карамзинъ весь свой разсказъ объ осадѣ Пскова Ваторіемъ основалъ почти исключительно на этой повѣсти; 2) Преподобнаго Іосифа волоколамскаго отвѣщаніе любовазорнымъ и сказаніе краткѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рускѣй землѣ сущихъ. Это есть выписка изъ духовной грамматы Іосифа, гдѣ находится любопытное отвѣщеніе о внутренней жизни въ некоторыхъ обителяхъ и второй десятой глава содержитъ въ себѣ описаніе, какъ древніе иноки русскіе хранили уставъ монастырей. Свѣдѣнія собраны Іосифомъ болѣею частію на мѣстѣ: онъ обозрѣвалъ русскіе монастыри; 3) Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго Монастыря 1573 года; 4) Письмо покойнаго преосвященнаго Николентія, епископа повзельскаго (1812, декабря 2-го), по случаю смерти Платона; 5) Опытъ русскаго простонароднаго словоупотребленія (буква В); 6) Двѣ грамматы цара Алексія Михайловича о малороссійскихъ казакахъ къ воеводамъ, и 7) Письмо черногорскаго владыки въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое мы здѣсь представляемъ читателямъ:

«Многоуважаемые господа члены славнаго общества! Съ святымъ торжествомъ души я имѣлъ честь прошлаго года получить дипломъ, облакающій меня въ лестное званіе Почетнаго Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Благодарю Москву за вниманіе, за то,

что она вспомнила о своемъ искреннемъ поклонникѣ, обитающемъ на краю Славянскаго міра,—за то, что она не забыла атома, но атома, который ей принадлежить по всему, — атома, который ураганами времени занесенъ на страданіе въ среду чуждыхъ! О сколь Москва восклицаетъ меня! Москва — священная скиния великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва — колыбель Довскаго, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва мать Царей, — начало величія Славянскаго! Москва, столица Знати и Святый алтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всеожоженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское, — непоколебимая скала, о которую величіе Запада Европы сокрушилось! Какъ усладительно внимание Москвы для души, пылающей пламенемъ величія и гордости Славянской! Я ея преданный сынъ; я ея поклонникъ, я вѣрный поклонникъ блистательной славы роднаго племени! Москва, душа души моей и сладостное сповиданіе, исполненное святыми, великими надеждами!—Судьба моя не согласна съ моимъ намѣреніемъ: я Москву не видалъ и, можетъ быть, не увижу; но она у меня всегда передъ глазами: то вижу ее пылающею жертвой на алтарѣ великаго народа; то вижу ее возрождающуюся изъ пепла, подобно фениксу; то вижу священныи Кремль — святую обитель Царей, сіяющую золотыми главами храмовъ, какъ державный вѣнецъ царицы Славянскаго міра; то вижу ея вельможъ — непоколебимыхъ столбовъ Трона и Славянства. Вотъ единственный кругъ въ мірѣ, гдѣ душа Черногорца можетъ торжествовать и открывать свое прямое чистосердечіе по чувству одноплеменности!

Внимание Москвы — необходимо для начальника горсти народа, обреченнаго рокомъ на испытаніе, на жертву за Православіе и за честь имени, — народа, въ продолженіе четырехъ вѣковъ тѣснимаго и истребляемаго государствами иноплеменными, сохранившаго бытіе свое только вѣрою и честію имени, и дожившаго до блаженной эпохи, когда Царь и Матерь величія Славянскаго вспомнили объ немъ, — народа, надъ которымъ домались грома всѣхъ ужасовъ тиранства, народа, противу котораго злобный голосъ невѣрныхъ и иноплеменныхъ всегда гремѣлъ и гремѣть хуленіемъ. Для Владыки, гордо страждущаго за честь

Племени, вниманіе Москвы спасительно, какъ для сироты утѣшеніе родныхъ. Москва — единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклоняюсь, какъ величій сынъ природы новорожденною солнцу, послѣ почти, возмущаемой аскампіи сповиданіями!

О если бы я могъ всѣ мои чувствения къ Москвѣ передать бумагѣ! Тогда бы успокоилась моя душа, упоенная «нативомъ» одноплеменности, тогда бы исповѣдалась она въ своей искренней простотѣ предъ своимъ завѣтнымъ алтаремъ!

Прощайте, Вельможы и прочіе Господа Члены сего Общества, любезные одноплеменники мои, и не оставайте Вашего вниманіемъ вѣчно Вамъ предавшаго душею (На полл. подписано:) Владыку Черногорскаго, П. П. Нагоша».

«Вѣна. 1847 года, Генваря $\frac{1}{11}$ дня.»

Но вы, можетъ-быть, не знаете, что такое Черногорія, которой владѣю писалъ прочтенное вами краснорѣчивое посланіе? Вотъ книга, которая берется познакомить васъ съ этой страной:

167) Путешествіе въ Черногорію. Сочиненіе Александра Николаевича Попова. Санктпетербургъ. 1847. Въ 4-хъ томахъ. Цѣна. Въ 8-ю д. л. XV III и 366 стр.

По примѣру г. Попова, который, написавъ сочиненіе, сдѣлалъ къ нему предисловіе, мы осмѣливаемся принять ту же форму, и къ нашему разбору присоединить маленькое предисловіе. Въ предисловіи своемъ, авторъ «Путешествія въ Черногорію» говоритъ о значеніи славянскаго вопроса во всеобщей исторіи, и въ самомъ же сочиненіи Черногорцахъ, а мы скажемъ въ предисловіи нѣсколько словъ о Черногоріи въ разборѣ же рассмотримъ, какъ выходитъ этотъ предметъ изъ трудовъ г. Попова. Итакъ — предисловіе!

Читатели наши, вѣроятно, помнятъ книгу, вышедшую въ 1841 году по названіемъ «Четыре мѣсяца въ Черногоріи», г. Ковалевскаго — книгу, въ нѣкій разъ довольно-удовлетворительно ознакомившую Русскихъ съ Черногорцами, съ которыми даже враща-

ство имѣло сношенія уже со временемъ Петра-Великаго. Изъ этого сочиненія любознательные люди узнали, что Черногорія есть страна, окруженная съ трехъ сторонъ турецкими владѣнiями: Герпеговиной, частью Босній, Зетой и Албанiей, а съ четвертой—австрiйскою провинцiею Боко-ди-Катаро. Такимъ-образомъ, загражденная съ моря отъ всякаго свободнаго истока изъ горъ своихъ, Черногорія находится въ совершенномъ отчужденiи отъ Европы, заключена сама въ себя и существуетъ своими ограниченными произведенiями, безъ торговли. Мы сказали выше, что Черногорія есть страна, но это не совсѣмъ - правильно: гораздо лучше назвать Черногорiю совокупностью горъ, расположенныхъ въ разныхъ направленихъ и образующихъ только одну долину—Цѣтвиу. Народныя пѣсни говорятъ, что Богъ, проходя землю и раздѣляя на ней горы, урвалы въ Черногорiи мѣшокъ, въ которомъ былъ заключенъ большой запасъ скалъ; камни, хранившiеся въ этомъ мѣшкѣ, разсыпались и покрыли всю страну. Это преданiе лучше всякаго географическаго описанiя, представляеть воображенiю читателя, что такое Черногорiя. На горахъ этихъ живетъ около 140,000 жителей. Вся Черногорiя раздѣляется на два округа—собственную Черногорiю и Берду; каждый изъ округовъ состоитъ изъ четырехъ нахiй или уѣздовъ, каждый уѣздъ изъ нѣсколькихъ племенъ, каждое племя изъ нѣсколькихъ селъ; городовъ нѣтъ, и дѣсныя селенiя состоятъ иногда изъ одного рода.

Черногорiею управляетъ владыка, который есть вмѣстѣ митрополитъ, военачальникъ и судья. Власть его, слѣдовательно, ограничена одними обычаями предковъ; а между - тѣмъ нигдѣ нельзя найти большей свободы, какъ между Черногорцами. До настоящаго времени, они не знали податей, и когда нынѣшнiй владыка, Петръ II, приступилъ къ народу съ этимъ требованiемъ, то народъ очень-наивно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было

драться съ Турками, которыми они не хотѣли платить податей и которые отъ нихъ требовали эту дань: какаѣ же свобода, спрашивали они, когда нужно платить подати? Они помнили свой отвѣтъ боснiйскому вивирю, который требовалъ дани съ Черногорiи а между прочимъ 12 молодыхъ дѣвицъ отъ 12 до 16 лѣтъ, а особенно станищину Бѣду. Владыка отвѣчалъ вивирю: Пошлю тебѣ, вмѣсто молодыхъ дѣвицъ, 12 свиныхъ хвостовъ, а вмѣсто Бѣды, 12 бараньихъ роговъ: носи ихъ на своей чалмѣ; да сверхъ того, 12 камней въ вмѣсто подати, чтобъ ты зналъ какова Черная-Гора. Черногорцамъ чрезвычайно-страннымъ кажется требованiе подати со стороны владыки...

Сенатъ — высшее мѣсто въ управленiи, послѣ владыки. Сенатъ этотъ состоитъ изъ начальниковъ всѣхъ округовъ и изъ старшинъ знатнѣйшихъ фамилiй. Все внутреннее управленiе Черногорiи, верховный судъ и власть распорядительная, соединены въ сенатѣ. За сенатомъ, въ управленiи и въ судѣ непосредственно слѣдуетъ *гардiа* или *малый судъ*; эта гардiа состоитъ изъ 150 человекъ, избираемыхъ народомъ и утверждаемыхъ владыкою, который и утверждается въ сенаторовъ; гардiа находится въ каждомъ селѣ и племени. Впрочемъ, никто не приказываетъ идти непремѣнно въ назначенный судъ, или даже начинать тяжбу съ первой инстанцiи: всякiй воленъ обратиться къ любому старшинѣ или воеводѣ и вообще къ тому, въ комъ надѣется найти болѣе справедливости. Такимъ-образомъ, множество народа обращается на судъ прямо къ владыкѣ, не смотря на то, что устроены сулы. Патриархальное правленiе Черногорiи составляетъ ея жизнь. Какъ отецъ есть господня дома, такъ сердаръ управляетъ нахiей, а владыка всей Черногорiей. Всѣ они живутъ и правятъ подъ всемогущею силою обычая, и каждый изъ нихъ есть владыка своихъ подчиненныхъ. Вотъ очеркъ управленiя Черногорiи, для пополненiя котораго нужно прибавить *общию народную себранiю*, ве-

ча, въ важныхъ случаяхъ, какъ-то: при избраніи владыки, при объявленіи войны,—и частныя собранія, которыя можетъ образовать каждое село и племя, и въ этихъ собраніяхъ выбирать чиновниковъ.

Черногорецъ дѣлаетъ, когда идетъ рѣчь о войнѣ съ Турками, которая носитъ отпечатокъ мести племенъ, и потому, даже при настоящемъ владыкѣ, когда запрещены нападенія безъ всякой причины на турецкія владѣнія, дозволяется каждому племени отдѣльно начинать войну, если въ ссору замѣшалась мечь. Та же мечь, до настоящего времени, замѣняетъ наказаніе во внутреннемъ быту. Черногорецъ, не смотря на строгое запрещеніе ея въ предѣлахъ Черногоріи и не смотря на устройство судовъ. Черногорецъ не можетъ свыкнуться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ нѣтъ права мести, а существуетъ обязанность платить подать на содержаніе судовъ.

Черногорія бѣдна; она не ведетъ торговли, и въ ней нѣтъ промышленности въ собственномъ смыслѣ. Ея произведенія ограничиваются незначительнымъ количествомъ хлѣба, кукурузы, винограда, изъ котораго выдѣлывается для собственнаго употребленія вино, и рыбнымъ промысломъ въ озерѣ Скутари. Скотоводство составляетъ главнѣйшее занятіе жителей и даетъ возможность на излишекъ добывать соль въ Катарѣ.

Въ Черногоріи съ 1835 года выходитъ календарь *Горлица* (до настоящаго времени вышло пять частей), издано Милутиновичемъ собраніе пѣсенъ черногорскихъ и въ недавнее время напечатана Милуковичемъ сербская грамматика.

Вотъ та страна, которую посѣтилъ г. Поповъ и о которой онъ написалъ сочиненіе, подъ названіемъ: «Путешествіе въ Черногорію». Теперь мы должны обратиться къ этому сочиненію и посмотреть, что сказано въ немъ новаго о воманшвенно-патріархальномъ бытѣ Черногорцевъ, и какъ его понимаетъ г. Поповъ.

Когда г. Ковалевскій, впадъ томъ шесть лѣтъ, надалъ свои «Четыре Мѣсяца въ Черногоріи», онъ считалъ нужнымъ сказать въ предисловіи, что страна эта извѣстна Русскимъ и всей остальной Европѣ менѣе, нежели извѣстна Америкѣ, но что ему удалось проникнуть въ Цѣтину, узнать невѣдомый народъ, и потому онъ считалъ долгомъ познакомиться съ нимъ Русскимъ. Г. Ковалевскій постуялъ право, и книга его достигла своей цѣли. Сипріянъ Робертъ, описывавшій славянскія племена Балканскаго Полуострова, какъ Французъ, не могъ удержаться отъ политическаго взгляда на Черногорію; онъ говорилъ, что уже Наполеонъ остановилъ свои взоры на этой странѣ, потому-что она могла быть очень полезна для Франціи; дажѣ, что и теперь дружественныя сношенія съ Черногоріей могутъ послужить въ пользу Франціи и вредитъ Англіи и Австріи, и что, владѣя Катарскими-Заливомъ, Черногорія можетъ дать средства Франціи имѣть вліяніе на Востокъ посредствомъ Сербіи, на которую вначѣ нельзя дѣйствовать съ запада, какъ изъ Цѣтины, подобно тому, какъ овра Русскихъ находится въ Бѣлградѣ.

Что же имѣлъ въ виду г. Поповъ, когда онъ писалъ свое сочиненіе — болѣе ли подробное изслѣдованіе страны, или цѣль политическую? Нѣтъ, г. Поповъ не для этого посѣтилъ утесистую Черногорію и не для этого надалъ свою книгу. Г. Поповъ написалъ «Путешествіе въ Черногорію», для того, чтобы ознакомить насъ съ современнымъ бытомъ Славянъ и съ прошлою (?) ихъ исторіею. Съ этою цѣлію составлено предлагаемое сочиненіе — изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя удалось автору собрать во время путешествія въ Черногорію въ 1842 году.

Мы очень рады каждому пріятному знакомству, а тѣмъ болѣе знакомству съ родственными Славянами—если она только пріятны, и съ ихъ исторіею, если она будетъ только дѣйствительною прошлая, а не будущая... Но намъ кажется, что г. Поповъ желаетъ извѣ-

нить публику съ Славянами не потому только, что эта публика въ новѣйшее время любознательна, что ее интересуютъ Славяне, какъ и многіе другіе племена и народы, какъ и многіе другіе вопросы, — нѣтъ, г. Поповъ желаетъ ее знакомить съ Славянами, потому-что... Но мы признаемся откровенно, не можемъ такъ хорошо выказать, почему г. Поповъ желаетъ знакомишь публику съ Славянами, какъ высказалъ онъ самъ; мы даже не умѣемъ такъ знакомить... Намъ, вѣроятно, простятъ читатели, что мы сдѣлаемъ довольно-большія выписки, — простятъ потому-что мы для публики сохранимъ невредимымъ и взглядъ сочинителя и его слога.

Итакъ, авторъ говоритъ въ предисловіи:

«Съ недавняго времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю западную Европу... Еще недавно занималъ Европу вопросъ о Востока. Толпы путешественниковъ по всѣмъ концамъ объѣзжали Восточную Азію и каждый привозилъ новыя свѣденія, новыя данныя для науки. Съ ревностію устремлялось на нихъ ученое изслѣдованіе, трудолюбиво и прилежно разрабатывали факты; развилась (?) и прославилась Исторія Востока, стали извѣстны памятники его искусства и науки, на широкую, новыхъ и болѣе прочныхъ разрядкахъ создалась наука филологіи. Потому уже задумали ученые изречь свой приговоръ Востоку, полагаемъ (?) объ его значеніи во всемірной исторіи.

«Не такъ занимаетъ Европу вопросъ о Славянахъ... Западные писатели только судили (?) о Славянахъ; безъ труда и часто безъ замятиса (?) дѣла, они нарѣкаютъ имъ историческій приговоръ (?), прежде нежели нарѣкла его сама Исторія...

«Славяне еще не отжили, какъ Востокъ, но живутъ и будутъ жить. Они, старожилы (?) Европы, широко раздвинувъ свои общины по большей части Европейскаго материка, въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческимъ, менѣе всего были слышны въ шумномъ говорѣ европейской исторіи. Они безмалозвонно дошли и вся ихъ дѣятельность въ отношеніи къ другой части Европы была чисто отрицательная; изрядка они отъячались на ссоры, не ими

предложенныя исторіи. Какая же тому причина? Каждый народъ въ той мѣрѣ отвѣчаетъ на общіе, человѣческіе вопросы, въ какой онъ самъ по себѣ, своимъ существованіемъ, уже служитъ отвѣтомъ на такой вопросъ. Точно такъ, какъ въ ходѣ мысли есть свое неизвѣстное преемство и одна мысль необходимо условливается въ слѣдъ за собою появленіе другой; такъ есть оно (?) и въ общемъ ходѣ человѣческаго просвѣщенія, въ общей жизни народовъ. Каждый народъ, предназначенный дѣйствовать исторически, выступаетъ на поприще только тогда, когда наступитъ время высказаться, развиться и овладѣть челоѣческимъ (?) сознаниемъ той мысли(и), которую онъ не сознательно хранить въ своемъ непосредственномъ бытіи. До тѣхъ поръ онъ участвуетъ въ исторической жизни только отрицательно...

«Стр. XII. Въ общественное устройство Германіи они (Славяне) забросили случайнымъ отрывки понятія объ общинѣ, о земельныхъ отхоженіяхъ, судъ присяжныхъ (?) и т. п., въ лицѣ Гуса подняли знамя освобожденія отъ Римской власти, въ лицѣ Якова Бема, Лейбница (?) и др. вводили общія начала познанія въ исторію развитія личнаго разума. Но феодальное устройство разрушило начатки славянской общественности. Гусъ былъ сожженъ и Лютеръ одержалъ побѣду; отрицательное, логическое познаніе поглотило всю область науки.

«Стр. XIV. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ вдругъ пробудилось сознание своей народности, стремленіе къ сохраненію и развитію еще уцѣлѣвшихъ остатковъ и возвращенію потеряннаго. И это случилось въ то время, какъ (?) европейское просвѣщеніе, умственное и общественное (?), коснулось тѣхъ вопросовъ, которыми не находило разрѣшенія въ области пройденной имъ жизни и когда сильно распространилась потребность новыхъ началъ. Конечно въ такое время появленіе новой народности, заключавшей въ себѣ новыя начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія. Но тотъ рядъ отношеній, въ которыхъ славянскіе(я) племена въ продолженіе столѣтій находились къ племенамъ германскимъ еще не заключался; еще также дѣйствуютъ, хотя частнымъ образомъ и реал-

грозная пропаганда западной Церкви, также как и прежде Турокъ и Маджаръ, по праву победителя не признают личности въ побѣжденномъ Славянинъ (?); но вѣсть съ тѣмъ развилось уже и народное самознание. Такое положеніе указываетъ на то, что исторія только что выстроила славянскій вопросъ, но еще не разрѣшила. Потому всякое частное разрѣшеніе вопроса, еще не разрѣшеннаго исторіею, представляется болѣе или менѣе спорнымъ или неспорнымъ мнѣніемъ частнаго лица (?). Не будемъ входить въ подробное изложеніе такихъ мнѣній, всѣ они могутъ быть подведены къ двумъ выраженіямъ (?) Они говорятъ: племена славянскія должны наследовать германскимъ, такъ какъ они въ свой чередъ наследовали римскому міру и что теперь настало время славянской народности выступить на поприще исторіи; другіе и болѣею частью иностранцы, отказываютъ даже въ возможности Славянамъ имѣть историческое значеніе и поютъ погребальную пѣсню, возражающей народности. Обыкновенно оба эти мнѣнія разсматриваютъ какъ противоположности, между тѣмъ, какъ они совершенно независимы другъ отъ друга (?). Какое-то странное чувство страха и мнительнаго самосохраненія пронзело мнѣніе втораго рода. Думаютъ, что историческое преимущество племень совершается не иначе, какъ мечемъ и разрушеніемъ и племя новое, только вѣнчаемое силою, входить въ права историческаго дѣятеля и завоевываетъ то мѣсто, которое занимало прежде племя ему предшествовавшее. Очевидно подобное предположеніе не только не заключается въ первомъ мнѣніи, но совершенно ему не соотвѣтствуетъ; потому оно не могло быть вызвано имъ какъ противоположность, а условлено дѣйствительнымъ отношеніемъ племень германскихъ къ Славянамъ...

Довольно! и то ужъ мы сдѣлали нашу выписку длиннѣе, нежели хотѣли.

Какъ вы думаете, почтенный читатель, объ этомъ предисловіи? Намъ кажется, будто-бы вѣсть не все правда, и многое изъ сказаннаго, можетъ-быть, и хорошо, да исповятно Постараемся разобрать.

Прежде всего намъ представляется вопросъ: зачѣмъ бы, кажется, писать такое громкое предисловіе, издавая

«Путешествіе въ Черногорію»? Говоримъ: «громкое», потому-что мы привели только частину предисловія, а вѣдь въ полномъ предисловіи говорится и о судьбѣ Рима, и о судьбѣ Германцевъ и о судьбѣ католицизма и лютеранства. Зачѣмъ? Довольно бы, кажется, сказать, что авторъ желаетъ привлечь публику съ Славянами, и вотъ, на первый случай представляетъ Черногорцевъ; но тутъ же и Римъ, и Германцы, и Славяне, и католицизмъ... Положимъ, однакожъ, что каждый воленъ писать и печатать все, что ему угодно: въ такомъ случаѣ обязанность наша—разбирать все, что будетъ написано.

Итакъ, авторъ говоритъ, что съ издаваніемъ времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю Западную Европу. Что касается до первого, г. е., что вопросъ этотъ пробудился недавно, то мы съ этимъ совершенно согласны. Еще очень-недавно г. Погонинъ ѣзнилъ въ Парижъ и объяснялся съ Гизо о томъ, что онъ (г. е. Гизо) пропустилъ, въ своей «Исторіи Цивилизаціи Европы», цѣлую колонию Европы, населенную Славянами. Гизо, помнится, былъ немного озадаченъ такимъ неожиданнымъ требованіемъ, и изъ вѣжливости не зналъ что сказать. Г. Погонинъ общался познакомить его съ этою занимательною исторіею и прислать матеріаловъ для исправленія пропуска... Но Гизо до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, не доводитъ пропуска: должно быть очень-заять съ нимъ министерствомъ.

Относительно же того, что вопросъ славянскій занимаетъ всю Западную Европу, — мы никакъ не можемъ согласиться. Какъ-то сейчасъ чувствуешь, какой вопросъ занимаетъ Европу: обыкновенно, такой вопросъ быстро пробѣгаетъ по всѣмъ государствамъ, занимаетъ и правительство и народъ, составляетъ жизнь, и всѣ имъ интересуются. За приѣтрами ходить не далеко. Возьмите реформу Царя: посмотрите, сколько о ней говорятъ, и недаромъ: она предвѣща-

еть много преобразований. Хотите даль-
ше: возьмите 1789 — 1793 годы, еще
дальше — реформацію... Это вопросы,
которые действительно занимали всю
Европу, потому что были заниматель-
ны. Но вопрос славянский? У кого
бы спросить о занимательности его?
Не у Англии ли, которая занята Ир-
ландіей и политико-экономическими
реформами? не у Франціи ли, которая
починиваетъ свою на-скоро-сшитую
конституцію? не у Пруссіи ли, которая
говоритъ о вновь собранномъ сеймѣ?..
У кого же?..

Далѣе. Вопросъ о Славянахъ зани-
маетъ совсѣмъ не такъ Европу, какъ
занималъ вопросъ о Востока. Съ Востока
привозили новыя свѣдѣнія, памятни-
ки искусства и науки. Когда при-
вели все, чѣмъ было нужно, ученые за-
думали изречь свой приговоръ Востоку,
погудать о его значеніи. Действи-
тельно, вопросъ о Славянахъ не мо-
жетъ такъ занимать Европу, какъ за-
нималъ Востокъ. На Востокъ была ко-
лыбель древняго и новаго образованія;
съ Востока пришла образованность
греческая, съ Востока пришло и хри-
стіанство: слѣдовательно, Востокъ
вложилъ дорогу каждому образованно-
му человѣку. А у Славянъ какая была
колыбель? Мы не знаемъ; можетъ-
быть, г. Поповъ знаетъ, — въ такомъ
случаѣ пусть скажетъ. Странно только,
что онъ приводитъ авторитетъ запад-
ныхъ ученыхъ, которые, удовольство-
вавшись первыми открытіями, задума-
ли изречь приговоръ Востоку и «по-
гудать о его значеніи во всемірной
исторіи. Въ слѣдствіе этого и г. По-
повъ хочетъ погадать о исторіи Сла-
вянъ, и на страницѣ 163 прямо гово-
ритъ, что племенамъ славянскимъ су-
ждено, и, можетъ-быть, скоро, выйдти
изъ поприще дѣлъ историческихъ...
Нѣтъ ничего одностороннѣе и поверх-
ностнѣе преждевременныхъ пригово-
ровъ. Известно, что эти ученые при-
говорили на смерть Востокъ: онъ, дес-
кать, старикъ, онъ отжилъ свой вѣкъ.
А между-тѣмъ, Востокъ начинаетъ но-
вую жизнь; негровъ эти ученые, при-

числивъ къ обезьянамъ, лишили всякой
способности къ образованію, а между-
тѣмъ, негры дѣлаютъ успѣхи въ обра-
зованіи; въ слѣдствіе этого, тѣ же уче-
ные должны составлять новые приго-
воры. Отъ этихъ приговоровъ обык-
новенно въ вышшихъ исторіяхъ
встрѣчаются такіа фразы: Греціи бы-
ло суждено развить идею прекрасна-
го, Риму — идею права, германскимъ
племенамъ разныя идеи, на-примѣръ,
Англіи — практическую сторону жи-
зни, Германіи — духовную, отгле-
ченную, Франціи — соединить ту и
другую. Послѣ этого, нашимъ уче-
нымъ, естественно, пришло въ голову:
какую же идею должны развить пле-
мена славянскія? Въ настоящее время,
при этомъ вопросѣ рѣшительно нужно
погудать, какъ выражается г. Поповъ,
тѣмъ больше, что западныя славян-
скія племена пока ничего еще не раз-
вили. Не-уже-ли нужно гадать?... Но
мы въ галавіи ничего не смыслимъ.
Нужно прежде сдѣлать что-нибудь
на пользу человѣчества: тогда и ис-
торія, самый справедливый судья,
не откажетъ такому народу въ почет-
номъ мѣстѣ... Самъ же г. Поповъ упре-
каетъ западныхъ писателей въ томъ,
что они *только судятъ* (т. е. гадаютъ)
о Славянахъ и провозносятъ нѣтъ *исто-
рической* приговоръ прежде, нежели
изрекла его исторія, за чѣмъ же и
намъ пускаться въ тотъ же путь (NB.
приговоръ названъ историческимъ
такъ же невѣрно, какъ зпнтеръ истори-
ческаго человѣка, данный Ноадреву).

Далѣе: Славяне долго безмолство-
вали въ шумномъ говорѣ европейской
исторіи; нѣрѣдка они отвѣчали на во-
просы въ нмъ предложенные исто-
ріи... Это очень-справедливо; если
перевести эту фразу на языкъ обыкно-
венный, то выйдетъ, что Славяне до-
го молчали отъ того, что не умѣли
говорить, какъ слѣдуетъ. Это было и
не съ одними Славянами, это бываетъ
и теперь съ людьми, при которыхъ
говорятъ о вещахъ, *внѣ* недоступ-
ныхъ: они сидятъ цѣлый вечеръ и
молчатъ... Но авторъ говоритъ, что

Славяне нарѣдка отаѣчали... Посмотримъ, кто жъ изъ нихъ заговорилъ? Эти смѣльчаки были *Гусь*, *Яковъ Бемъ* и *Лейбницъ*. Положимъ, Гусь былъ смѣлый и умный Славянинъ, который заговорилъ такъ громко, что его услышали собесѣдники; но отъ-чего жъ Яковъ Бемъ и Лейбницъ Славяне? После этого всѣ нѣмецкіе философы Славяне! Какое Лейбницъ, однако... какъ ему не стыдно! до такой степени замаскировать себя, говорить чужимъ, непонятнымъ для Славянъ языкомъ, говорить о вещахъ, непонятныхъ для Славянъ того времени... Въѣлъ такимъ образомъ, онъ рѣшительно могъ бы пропасть изъ среды Славянъ, быть исключеннымъ изъ списка Славянъ, которые были слышны въ шумномъ говорѣ европейской исторіи, еслибъ, въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческихъ, его не отыскала наша славянская школа.

Но судьбы историческія неисповѣдимы; отыскавъ бѣжавшій Лейбницъ по той самой причинѣ, по которой, *въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческихъ, каждый народъ предназначенный дѣйствовать исторически, выступать только тогда, когда наступитъ время высказаться, развиться и овладѣть человѣческими познаніемъ.* Точно то же сдѣлалось и съ Лейбницемъ: судьба рѣшила, что онъ долженъ быть отысканъ, потому-что онъ можетъ въ настоящее время овладѣть человѣческими познаніемъ Славянъ, — и его поймали Славяне.

Далѣе: «Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ пробудилось сознаніе своей народности». Намъ кажется, напротивъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа узнала о Славянахъ, потому-что выступила на сцену Россія съ своею сильною политикой. Вспомните, что говорила Европа во время нашихъ войнъ съ Турціею, во время раздѣленія Польши... До революціи уже Россію очень хорошо знала Европа, знала также, что Россія

славянское государство. Следовательно, въ концѣ прошедшаго столѣтія начала не забывать, но уважать Славянъ.

Далѣе: «Пробужденіе народности у Славянъ случилось въ то время, когда европейское просвѣщеніе умственное и общественное (?) коснулось тѣхъ вѣпросовъ, которымъ не находило разрѣшенія въ области пройденной изъ жизни и когда сильно распространилась потребность новыхъ началъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія революція французская требовала преобразованій, устройства государственнаго на новыхъ началахъ; но за началами эти, какъ извѣстно, обратилась не къ Славянамъ, хотя у нихъ и пробудилась народность, а къ Англіи въ устройствѣ государственному. Оттуда принесены были новыя начала жизни общественной и распространены на материкъ; отсюда, между прочимъ, перешелъ и судъ присяжныхъ, о которомъ авторъ говорить, что судъ этотъ перешелъ въ Европу отъ Славянъ. Откуда это онъ узналъ? По нашему мнѣнію, судъ присяжныхъ есть самое народное произведеніе Англичанъ, такъ же, какъ и ихъ конституція. Напрасно авторъ говорить, что появленіе новой народности, заключавшей въ себѣ новыя начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія; появленіе этой народности рѣшительно не привлекало къ себѣ вниманія; не болѣе ли привлекало на себя вниманіе русское войско?..

Но какія же это новыя начала умственной и общественной жизни, о которыхъ говорить г. Поповъ? Отъ-чего жъ ихъ не высказать, если они существуютъ? На это, кажется, авторъ отаѣчаетъ такъ: «настоящее положеніе Славянъ указываетъ на то, что исторія только-что выстроила славянской вѣпросъ, но еще не разрѣшила, и потому всякое частное разрѣшеніе вопроса, еще неразрѣшеннаго исторіею, представляется болѣе или менѣе произвольнымъ мнѣніемъ частнаго лица».

то это значить? Какъ бы намъ то же слово да не такъ молвить? Кажется, мысль тотъ, что Славяне написали всю будущую исторію, хотя и объявились писать одну прошлую исторію, — что они говорятъ о новыхъ началахъ жизни общественной и умственной, которую должны развить Славяне, между тѣмъ, какъ Славяне еще не развили этихъ началъ; однимъ словомъ, мы выстроили домъ, въ которомъ нѣкому жить, выстроили вопросъ, который нѣ кому рѣшить, говорить о томъ, что нѣтъ, но что можетъ быть. Это намъ напоминаетъ слѣдующую быль. Бито сон-Шаденъ, Нѣмецъ, увлеченный абстрактнаи логики гегелевой, вложилъ свою собственную логику подъ глазиемъ: «System der positiven Logik». Въ этой положительной логикѣ въ нашелъ четыре разряда ничто (nichts), и въ томъ числѣ четвертое независимое ничто: онъ назвалъ его *hungernde Nichts, голодающее ничто*. Начало и расположение этого голодающаго ничто — хотѣть быть; но оно трудно и невозможно быть. Мы боимся за нашихъ славянофиловъ, что если и будутъ много говорить о будущей судьбѣ началъ жизни общественной и умственной у Славянъ, пока эти начала не принесутъ пользы роду человѣческому, и, слѣдовательно, не получаютъ места въ исторіи, то люди практическіе, нелюбящіе правдолюбствія, скажутъ, что они доказываютъ голодающее ничто. Конечно, это скажутъ только люди очень строгіе, которые обратятъ въ будущее Славянъ; мы этого не говоримъ, потому что Славяне начинаютъ развиваться и, конечно, ошибуться да сблудать. Тогда мы съ овольствиемъ будемъ говорить обо емъ томъ, что они сблудаютъ. Но по вѣтъ того, или другаго, мы будемъ читать.

Что касается до окончанія приведеннаго нами предисловія, то, признавая откровенно, мы его не понимаемъ; оно какъ-то мудро написано. Нечемъ говорится о двухъ мѣстахъ о

Славянахъ, которыя обыкновенно разсматриваются какъ противоположности, между тѣмъ, какъ они соевыми независимы другъ отъ друга... Какъ эти мѣста не противоположны, но независимы другъ отъ друга, — мы этого не можемъ объяснить... И вообще г. Поповъ пишетъ языкомъ не всегда понятнымъ, особенно, когда онъ высказываетъ общія мѣста; этой непонятности много помогаетъ неумѣстное употребленіе словъ... Мѣста эти приводить было бы долго и излишне; выписывая текстъ предисловія, мы ихъ обозначили курсивомъ или ставили передъ ними вопросительные знаки.

Какой же результатъ нашего разбора? Мы возвращаемся къ тому же вопросу, который задала себѣ, приступая къ предисловію: зачѣмъ бы, кажется, писать это предисловіе?

Но оставимъ предисловіе и обратимся къ самому сочиненію; это и важнѣе и занимательнѣе.

Въ первыхъ четырехъ главахъ авторъ описываетъ свой приѣздъ въ Рагузу, знакомство съ владыкою, путешествіе съ нимъ изъ Рагузы въ Цѣтину, народные пѣсни Черногоріи и исторію ея со времени отдѣленія отъ Сербіи до владыки Петра I. — Въ этихъ четырехъ главахъ два предмета могутъ остановить вниманіе: пѣсни и исторія Черногоріи, или, лучше сказать, одинъ предметъ, т. е. пѣсни, потому что исторія Черногоріи есть тѣ же пѣсни, только передѣланныя въ прозаическій рассказъ. Постоянныя войны Черногорцевъ съ Турками, частныя возстанія отдѣльныхъ племенъ и подвиги отдѣльныхъ лицъ входятъ въ пѣсни; слѣдовательно, составляютъ исторію Черногоріи. Сиріанъ Робертъ объ этихъ пѣсняхъ говоритъ слѣдующее: «Исторія Черногоріи образуетъ одну длинную эпопею, начатую три столѣтія назадъ; каждая новая война составляетъ новую блестящую страницу. Эта эпопея, еще необработанная, есть рядъ народныхъ пѣсенъ Черногоріи. Пѣсни ея, подобныя распадамъ древнихъ и сложеныя часто самими

героями, которыхъ онѣ прославляютъ, не составляютъ между собою одного цѣлаго. Это не повѣи въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ: это памятникъ историческій, — вѣрная таблица общественнаго быта, о которомъ ни одна страна Европы не можетъ дать понятія, и уже по одному этому поводу грубыя пѣсни Черногорцевъ заслуживаютъ глубокаго изученія. — Весьма-справедливо; если разобрать пѣсни Черногорцевъ, какъ выраженіе общественнаго состоянія Черногоріи, то онѣ будутъ интересны. Но мы ихъ мало знаемъ съ этой стороны; намъ приводятъ обыкновенно отрывки этихъ расцѣловъ; мы ищемъ въ нихъ того, что привлекли искать въ своихъ пѣсняхъ и романахъ, и потому не мудрено, что ничего не находимъ. Вамъ говорятъ: вотъ ѣдетъ Черногорецъ драться съ Турками, причется въ ущелья, выжидаетъ врага, подкарауливаетъ и убиваетъ его, — или на оборотъ, Турокъ продѣлываетъ ту же исторію съ Черногорцемъ; въ другой пѣснѣ Черногорецъ беретъ Турка въ плѣнъ, въ третьей Турокъ беретъ Черногорца въ плѣнъ, въ четвертой уже не одинъ Черногорецъ, а цѣлое племя возстаетъ на соотчужную область турецкую, грабятъ ее и возвращаются домой; въ пятой ввязь идетъ на племя черногорское, и т. д., все одно и то же... Наконецъ, вы думаете, пора бы и къ концу; если эти походы интересуютъ того, кто ихъ дѣлалъ, то каково же ширному и кроткому читателю, который никогда не проливалъ крови человѣческой? — А между-тѣмъ, нельзя отнять достоинства у этихъ пѣсней: въ нихъ съ головы до пятокъ выразился весь Черногорецъ, съ его обычаями, понятіями, религиозными и рыцарскими убѣжденіями, — Черногорецъ, который не промѣняетъ своей свободы и своихъ сѣрыхъ горъ на деньги Турокъ, своей независимости на униженіе. — Какимъ же образомъ помочь этому недостатку пѣсней? — одною ученою ихъ обработкою, какою до настоящаго времени нѣтъ. Г-нъ Поповъ приводитъ только одну для

ную пѣсню о Маркѣ Кралевичѣ и его подвигахъ.

Въ пятой главѣ авторъ говоритъ юридическомъ бытѣ Черногоріи, о государственномъ, уголовномъ, гражданскомъ и семейномъ правѣ. Это сама интересная, важная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе всего известная глава. Приступая къ ней, мы просимъ читателя припомнить тотъ коротенькій очеркъ Черногоріи, который мы сдѣлали въ нашешъ предисловіи къ разбору: онъ будетъ необходимъ для общаго взгляда г. Попова.

Мы видѣли выше, что Черногорію управляетъ лицо духовное, а не свѣтское, — митрополитъ. Первый вопросъ, который рѣшаетъ г. Поповъ, состоитъ въ слѣдующемъ: почему Черногорію управляетъ владыка, а не князь? Отъ чего, въ-самомъ-дѣлѣ, націею вообще управляетъ лицо духовное. А вотъ почему, отвѣчаетъ г. Поповъ (стр. 124):

«Положеніе Черногоріи, оторванной отъ Сербіи, непроставшей ни къ какому другому государству, требовало развитія ея три ея понятія государственныя. И она развилась и вошла въ общее сознаніе съ смысломъ государственнаго значенія (12) владыка Черногорца, мысль, — которая въ слѣдствіи перешла въ понятіе о равенствѣ въ братствѣ съплъ Черногорцевъ (12). Это если можно такъ выразиться, только личное сознаніе государственныя понятія (12) войдя въ семейное устройство Черногорцевъ, общее имъ со всѣми Славянами произвело понятіе о родѣ — родовомъ устройствѣ. Каждый родъ получалъ значеніе Государства. Въ чемъ же могло заключаться общее средоточіе Черногоріи, что соединило эти роды, эти многочисленныя Государства въ одно цѣлое?..... Не сознательно вѣра, исповѣданіе, но ее значеніе въ общественной жизни, ее значеніе съ государственной стороны, власть церковная — вотъ что могло сосредоточить разрозненные члены Черногоріи. Претеншеніе Княжеской власти въ Черногоріи представляетъ любопытное историческое явленіе. Послѣдній Черногорецъ, какъ признавалъ, что власть Божья едина и не имѣетъ государственнаго значенія въ Черногоріи и бытъ средоточіемъ общественаго

и жизни—добровольно отказывается от власти и удаляется в Венецію. Вместе с тем, тоже как бы подожженный тайным сознанием что единственно Церковная власть может быть средоточием Черногории, ставить на свое место, по своему согласию народа, Митрополита. и начинается духовная власть в Черногории, власть владыкъ.»

Если можно так сказать, то как нам кажется это объяснение? т. е. мы этим спросить: вы поняли его, или нет? Что касается до насъ, мы развѣсы прочли это мѣсто, и все что-то гранное остается въ головѣ: пустота и пустота, мысль не мысль, а какія-то юза, которыя память по произволу заставляеть какъ ей угодно, и какъ на въхъ ни равставитъ, все выходитъ одно и то же. Припомнимъ: государственныя понятія вошли въ смыслъ государственнаго значенія каждаго Черногорца... итъ, не правда; государственное значеніе вошло въ смыслъ государственныя понятій... итъ, и это не такъ, ажется; если можно такъ сказать, то государственныя понятія перешли въ мысль, которая опять перешла въ понятие о равенствѣ Черногорцевъ, которые, в свою очередь, перешли въ семейное устройство и произвели понятіе о родѣ... то что жъ это такое, если можно такъ выразиться? Просто бѣда для рецензента: онъ, несчастный, по обязанности долженъ объяснять лучшія мѣста сочиненія г. Попова, а тутъ самаго лучшаго мѣста нельзя понять... Ахъ, вотъ частливая мысль: можетъ-быть, это загадка,—можетъ-быть, нужно читать наоборотъ; вѣдь самъ же г. Поповъ говоритъ, что въ исторіи нужно погадать, а потомъ наречь приговоръ. И такъ, погадаемъ и, въ угожденіе читателей, прочтемъ фразу наоборотъ: Черногорцевъ съяхъ въ братствѣ и равенствѣ... (слава Богу, кажется, и деть) въ понятіи перешли въ равенствѣ... ну, опять въ прежнее!.. Охъ, житье, житье рецензентское! А публика говорить, что зачатые критика самое завидное: онъ правлеть литературою, онъ произносить судъ... Назовѣте прошесть тутъ

судъ, когда не можешь понять въ чемъ дѣло!

Какъ же намъ быть, какъ объяснить, почему Черногоріей управлеть владыка, а не князь? Будемъ читать дальше, — можетъ-быть, что-нибудь поймемъ.

«Стр. 123. Съ того времени какъ Митрополитъ сдѣлался владыкою Черногоріи, общимъ средоточіемъ ея общественной жизни и потому получилъ нѣкоторыми образомъ государственное значеніе—его власть стала въ противоположность съ государственною(?) властію рода. Такая противоположность имѣло сосредоточеніи разрознила общественный бытъ и породила борьбу, которая должна была кончиться или побѣдою рода или власти Митрополита....»

Бѣда! кажется, опять начинается то же, что и прежде...

«Ни то ни другое послѣдствіе не было въ духѣ Славянскаго племени.»

Ну, слава Богу, кажется, выбрались на чистую дорогу; если можно такъ выразиться, то нѣкоторыми образомъ становится ясно.

«Побѣди родъ, то въ первое время мысль о средоточіи уничтожилась бы совершенно, ибо родъ никогда не существовать какъ нѣчто общее и единое, напротивъ всегда предполагаетъ многіе роды и съ равными правами. Разумѣется мысль о средоточіи (?) жизни не могла бы исчезнуть, а потому въ первое время взаимная вражда была бы первымъ слѣдствіемъ преобладавшаго мысли о родѣ въ общенъ устройствѣ общественнаго быта. Усиленіе нѣкоторыхъ родовъ на счетъ другихъ, болѣе или менѣе тѣсный ихъ союзъ между собою, аристократія была бы дальнѣйшимъ слѣдствіемъ—явленіе противное Славянству.»

«Побѣди власть Митрополита значеніе родовъ,—вся власть государственная соединилась бы съ духовною, произошло бы явленіе похожее на власть панъ на Западѣ—явленіе противное Христіанству.»

«И такъ противоположность между родомъ и властію Митрополита должна была разрешиться и примириться въ новомъ среднемъ понятіи, и такимъ понятіемъ была законъ.»

Опять начиналось... но, къ счастью, здѣсь можно окончить выписку.

Чтобъ удовлетворить любопытству читателей, которыхъ заинтересовала вопросъ, почему Черногоріей управляетъ владыка, а не князь, мы къ разсужденію г. Попова находимъ нужнымъ прибавить слѣдующее:

Первоначально Черногорія составляла часть Сербскаго-Княжества. По завоеваніи этого княжества Турками, независимая Черногорія отдѣлилась и избрала для себя особаго князя, подъ предводительствомъ которыхъ и продолжала воевать съ Турками. Но безпрестанная борьба съ Турками, управленіе племенемъ, непризнававшимъ никакой власти, бѣдственное положеніе страны, вѣскольکو разь опустошенной, не доставляли много удовольствія князьямъ Черногоріи, познакомившимся съ покойною, роскошною и образованною жизнію Венеціи. Уже Иванъ Черноевичъ, предпоследній князь Черногоріи и защитникъ ея противъ Турковъ, часто навѣщалъ Венецію, и въ 1676 году, какъ говоритъ Смиріанъ Робертъ, былъ уже записанъ въ золотую книгу св. Марка, наряду съ прочими грандами Венеціи. Нѣскольکو лѣтъ спустя, въ эту самую книгу былъ вписанъ бракъ послѣдняго князя червогорскаго съ дочерью знаменитаго Мочениго, въ послѣдствіи дожа венеціанскаго. Можно себѣ представить, какъ Венеціанки было весело въ Черногоріи! Она угворила, и, вѣроятно, безъ большаго труда, Георгія возвратиться въ Венецію, и онъ тамъ въ роскоши кончилъ жизнь свою. Между тѣмъ, Черногорія осталась безъ князя, безъ внутренняго управленія, посреди раздоровъ племенъ и опустошеній турецкихъ. Изъ оставшихся, выше всѣхъ стоялъ митрополитъ, потому что братъ князя, Стефанъ или Стениша, перешелъ на сторону Турковъ и принялъ мухаммеданство. И вотъ владыка, который былъ вѣстѣ и предводитель войска, звалъ Черногорцевъ на войну съ Турками, владыка заключалъ миръ, владыка судилъ Черногорцевъ... и владыка

на мѣзъ простаго митрополита сѣбѣамъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, приобрѣлъ власть, о которой мы сказали въ началѣ. Вотъ и все; по-крайней-мѣрѣ, исторія больше ничего не говоритъ.

Владыкамъ предстояли два трудныя дѣла: отбиваться отъ Турковъ и предотвратить разединеніе самихъ Черногорцевъ, погруженныхъ въ племенную месть. Первое дѣло они исполняли съ большимъ успѣхомъ, нежели послѣднее. Трудно отнять у полудикаго челоука право мести самому за обиду нанесенную ему лично, его семейства и его родственникамъ. Эта месть поддерживала безпрестанныя войны съ Турками, которыми Черногорцы страдали за разоренія; эта же месть была причиною того, что одинъ родъ воевалъ на другой и между ними были частыя усобицы, продолжающіяся и до настоящаго времени. Владыки, желая ограничить эти междоусобицы, собралъ вече и предложилъ ему уничтоженіе мести; вече согласилось и постановило 16 статей противъ кровной мести, но месть продолжается, не смотря на существованіе судовъ. Черногорцы безпрестанно присылали депутата къ теперешнему владыкѣ съ просьбами, чтобъ онъ не вводилъ законовъ противъ мести, и когда эти просьбы не помогали, они присылали своихъ женовъ съ грудными младенцами просить о томъ же.

Что значатъ слова г. Попова: «власть митрополита стала въ противоположность съ государственною властію рода; побѣди родъ—вышло бы явленіе противное славянству, побѣди власть митрополита, вышло бы явленіе противное христіанству; итакъ, противоположность между родомъ и властію митрополита должна была разрешиться и примириться въ какомъ-нибудь понятіи, и таинъ понятіемъ былъ вѣковъ? Мы сказали уже прежде, что не знаемъ будущей исторіи, а потому не можемъ сказать, что было бы, еслибъ митрополитъ побѣдилъ родъ или родъ побѣдилъ митрополита: въ этомъ случаѣ нужно исследовать, а гѣ-

дать мы не умѣемъ. У насъ, впрочемъ, много людей, которые задаютъ сами себѣ подобныя вопросы и упражняютъ свое воображеніе надъ рѣшеніемъ ихъ. Такъ намъ удавалось слышать такіе вопросы: что еслибъ Наполеонъ пошелъ не на Москву, а на Петербургъ, чѣмъ бы кончилась война 1812 года? или что еслибъ Суворовъ встрѣтился въ Италіи съ Наполеономъ: кто бы кого побѣдилъ, Суворовъ Наполеона, или Наполеонъ Суворова? или, что еслибъ Петръ-Великій жилъ во времена Іоанна-Грознаго, какъ бы онъ дѣйствовалъ?... Конечно, тамъ, гдѣ вечеръ проводится за прешерасомъ, можно рѣшать и такіе вопросы, — одно другаго стѣдить, или еслибъ эти вопросы задавалъ себѣ Маниловъ и рѣшалъ ихъ зажуривъ глаза и дѣлая шейбъ, — это было бы простительно; но въ исторіи, въ наукѣ, которая ея officіо занята тѣмъ, что было, а не тѣмъ, что будетъ, или что было бы, такихъ вопросовъ, если можно такъ выразиться, рѣшать нельзя...

Какинъ же образомъ авторъ находитъ приниреніе власти интрополига и власти родовъ въ среднемъ понятіи, въ законѣ? Что хочетъ этимъ сказать г. Поновъ? То, что вече постановило законы? Можетъ-быть; но мысль эта такъ вычурно высказана, что мы не осмѣливаемся произнести своего суда надъ нею.

Въ слѣдствіе того, что власть владыки не побѣдила власти родовъ, авторъ, на стр. 139, такъ опредѣляетъ власть первого: «въ лицѣ владыки сосредоточивается вся нравственно-религіозная власть; а всколько струекъ ниже говорить: «онъ присутствуетъ въ сенатѣ и утверждаетъ рѣшенія, какъ главное лицо во всей Черногоріи... Онъ главный представитель Черногоріи въ отпущеніи къ другимъ землямъ—ведетъ переговоры, заключаетъ трактаты... При владыкѣ состоитъ свита (родъ гвардіи) черники, которые приводятъ въ исполненіе приговоръ суда... Развѣ то нравственно-религіозная власть? За что вы принимаете насъ, г. авторъ? Ироническіе обетоятельство, упушен-

ное вами изъ виду въ вашемъ сочиненіи, — именно, что послѣ уничтоженія власти губернатора, который былъ соперникомъ владыки, еще болѣе увеличилась власть послѣдняго; что въ бунтахъ 1833, 1835 и 1841 годовъ, въ которыхъ пролито было много крови, возмущавшіеся требовали восстановленія власти губернатора и ограниченія власти владыки...

Оставимъ владыку и перейдемъ къ другому важному и интересному пункту, къ народному собранію, вече. Мы знаемъ изъ лѣтописей, что у насъ бывали народныя собранія, — знаемъ, что на этихъ вѣчахъ разсуждалъ, говорить, весь народъ о своихъ дѣлахъ, — знаемъ, что вече эти, будто-бы, постановляли законы. Но намъ интересно бы прислушаться къ самымъ разсужденіямъ веча, къ разговору, рѣчамъ простаго народа, подмѣтить ихъ страсти и желанія. А все это можно сдѣлать въ Черногоріи: эти вече тамъ еще живутъ, слѣдовательно, это живая исторія. Г. Поновъ былъ въ Черногоріи, слѣдовательно, могъ видѣть, подслушать то, о чемъ мы должны составлять себѣ понятіе по нашимъ немногорѣчивымъ лѣтописцамъ. Послушаемъ же г. Понова:

«Стр. 129. Народное собраніе становится (со времени владыки Данила) въ противоположность съ родовымъ устройствомъ. Но тѣ же представители и члены родовъ составляютъ и народное собраніе. На этомъ основывается, съ одной стороны, необходимое движеніе впередъ общественной жизни, съ другой медленность этого движенія. Народное собраніе противоположно великому численному, государственному значенію рода. Народное же собраніе было простое совокупностью трехъ же родовъ. И такъ борьба введена внутрь самаго рода, онъ самъ возстаетъ на себя. Въ слѣдствіе этого родовое устройство обезсилало и дало возможность развитію новыхъ началъ...»

Не оставить ли и этого вопроса? Кажется, мы опять попали въ тѣсь безвыходный? Нѣтъ, укрѣпимся и дочитаемъ:

«Съ другой стороны члены родовъ входят въ составъ народнаго собранія вносили въ него убъжденіе(я) о государственномъ значеніи рода. Столкновеніе этихъ убъжденій только обезсилывало одно другое; но немогло произвести новыхъ убъжденій. Они должны были призойти (?) извнѣ. нравственное вліяніе владыкъ, стремленіе ихъ разиространить образованіе и тѣмъ измѣнить народныя убъжденія, медленно начинаеть вводить новый порядокъ вещей.»

Итакъ, намъ, кажется, здѣсь объяснять нечего; вы понимаете, что народное собраніе, или вече, есть движеніе впередъ и движеніе назадъ, что въ этомъ собраніи государственное значеніе рода есть движеніе впередъ, а народное собраніе есть государственное значеніе рода, следовательно, вече есть вмѣстѣ и движеніе только впередъ, но не назадъ. Понятно? — Мы очень рады, что можемъ уйти отъ этого труднаго мѣста.

Впрочемъ, намъ предстонтъ еще много вопросовъ, которые должно бы разсмотрѣть и показать, какъ рѣшилъ ихъ г. Поповъ. Но что, если мы опять попадемъ на такое же трудное мѣсто? Попытаемся. Посмотримъ хоть, почему Черногорцы считаютъ себя равными другъ другу и братьями:

«Стр. 155. Каждый Черногорець свободенъ и не подчиняется никакой власти противъ власти государственной въ лицѣ закона, нѣтъ же самыхъ постановленнаго и власти духовной владыки, въ дѣлахъ церковныхъ. Эта мысль о свободѣ Черногорцевъ неконн была путеводителемъ ихъ общественной жизни. Она родилась въ слѣдствіе завоеванія Турками коннементиковъ Черногоріи, въ противоположность къ которымъ они считали себя свободными. Но эта мысль о свободѣ не имѣла государственнаго значенія. Потому внутри Черногоріи въ отношеніи къ каждому изъ ея членовъ пороки, она не смѣла прилагалась; родовыя отношенія, сила и значеніе некоторыхъ отдѣльныхъ родовъ, ст(я)с-кли гражданскую свободу лица. Съ паденіемъ рода мысль о свободѣ государственной перешла въ мысль о независимо-

сти, а свобода получила гражданское значеніе.»

Нѣтъ, полно! Больше мы не судимъ взглядовъ г. Попова! Отказываемся отъ своего рецензентскаго права и не будемъ разбирать ни одного нивіа, принадлежащаго автору. Пусть мы будемъ виноваты передъ нашими читателями, которые не узнаютъ нивіа взглядовъ г. Попова на бытъ Черногорцевъ государственный, гражданскій и семейный, но мы можемъ за то смѣло сказать, что публика не больше ихъ узнаеть, когда авторъ таинъ образомъ ошметъ и другихъ Славы. Лучшія мѣста книги—это подлинныя статьи, приведенныя изъ судебника черногорскаго; онѣ больше живоизсуютъ нравы и жизнь Черногорцевъ, нежели взгляды г. Попова; на-примѣръ: кто убьетъ человека защищающагося отъ нападенія, тотъ наказывается такъ же, какъ неумышленный преступникъ; кто убьетъ вора или разитъ во время кражи, тотъ вовсе не наказывается, и это не считается преступленіемъ—отъ того, что сами родители учатъ своихъ дѣтей красть и грабить; воровство же вовсе не считается преступленіемъ. Далѣе. Высочайшею обидою въ Черногоріи почитается ударъ ногою или чубукомъ. Если обижанный вынесетъ обиды и убьетъ обидчика, то онъ не считается преступникомъ, какъ тотъ, кто убилъ вора во время кражи. За покражу коня и вола возложено такое же наказаніе, какъ и на злоумышленное убійство. Мы слышали, что у Черногорцевъ устроены суды, но они судовъ не любятъ и большею частью судятся судомъ третейскимъ.

Жаль, что весь судебникъ черногорскій состоитъ изъ 33 статей, и что слѣдственно, занимательныхъ мѣстъ въ книгѣ г. Попова такъ немного.

168) Цвѣты изъ Сада Святаго Ефрема Сирина. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-мъ д. 91 стр.

Собрание вѣсколькихъ отрывковъ съ сочиненій Ефрема Сирина, которыя не всякому доступны даже и по языку. Въ этомъ извлеченіи говорится покаяніи, о слезѣ слезъ, о молитвѣ, оствѣ, воздержаніи отъ вина и проч.

169) Творенія Святыхъ Отцевъ русскаго перевода, съ прибавленіями ихъ основнаго содержанія, издаваемія при Московскои Духовнои Академіи. Годъ II. Книжка 1. Москва. Въ тип. А. Сенина. 1847. Въ 8-ю д. л. 208 и 158 стр.

Здѣсь начинается пятая часть твореній Василія-Великаго, заключающая въ себѣ «Слова о подвижничествѣ и правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ». Первые два слова: «О судѣ Божиимъ» и «О Вѣрѣ» оставляютъ введеніе въ «Правственныя Правила», напечатанныя уже въ 4 части «Твореній Св. Василія-Великаго».

Въ «Прибавленіяхъ» напечатаны: молитва прелѣ окончаніемъ молебнаго Бѣна въ новый 1847 годъ и въ воспоминаніе семисотлѣтія царствующаго царя Москвы; два слова московскаго итриподанта Филарета: одно, произнесенное 20 ноября 1846 г., въ день востества Государи Императора на преголь; другое, произнесенное 12 февраля 1847 г., въ память святигола Алексія. Высокіи достоинства вѣнцаго вложенія, которые составляютъ принадлежность нашего духовнаго оратора, отличаютъ и эти новыя его произведенія. Для примѣра выпишемъ нѣсколько словъ изъ втораго:

«Радуясь о читателяхъ Поста, могу ли печально смотрѣть на тѣхъ, которые не только не довольно чтутъ его, но какъ бы угаются надъ нимъ своими поступками? Но что была эта неумѣстная общественная веселость не въ праздникъ? А въ праздникъ, затѣмъ похизнаево время улагоовѣнія, и рачотоно на суету? На го эта невоздержность, это преобладаніе веселеній въ преддворіи поста? Тысячи христіанскаго народа бѣгутъ по слѣдамъ змыческаго легкомыслія и находятя люди, которые о дѣлахъ легкомыслія, какъ о до-

стопамятностяхъ, повѣствуютъ съ торжествомъ и похвалами. Для чего это многолюдство не напоминаетъ себѣ, что постомъ нѣскольکو сотъ тысячъ Ниневитянъ спаслся отъ близкой погибели; а весь первый міръ, ладшій и піющій, роскошествующій и веселашійся, поглотить потопомъ? Для чего и въ постъ нѣкоторые не довольствуются, или совѣтъ не пользуются, умилительнымъ сладкопѣніемъ церковнымъ, но илутъ слушать зрѣлищаваго пѣвца и сладострастные звуки, или смотрѣть зрѣлища, не говоряшія, правда, безстыдныхъ рѣчей слуху, но и не говоряшія ничего назидательнаго глазу? Нѣкоторые скорбашіе о сомѣ, подобно мнѣ, говорятъ: для чего много списходить се-му Начальство? Мнѣ кажется, я имѣю на сія удовлетворительный отвѣтъ. Начальство, какъ дѣтямъ, списходительно позволяетъ вамъ открытыя забавы, чтобы склонныи къ забавамъ, не имѣя открытыхъ, не предались тайнымъ, болѣе безпорядочнымъ и вреднымъ. Но вы для чего всегда хотите оставаться дѣтями, въ вашей склонности къ забавамъ? Не ходите слушать страстнаго пѣвца, или смотрѣть обаятели; дайте себѣ лучшія упражненія: неблаговременныя и недостойныя христіанской мудрости зрѣлища закроются сами собою; обаятели разочаруются; некушееся о благочестіи и благоправіи народа Начальство будетъ довольно; и христіанское общество явится въ образѣ строгаго благоправія, достойномъ времени Апостольскихъ. Доколѣ же сего итъ: не станемъ, по крайней итѣрѣ, лстыть себѣ; не ставемъ хвалить легкомысліе, какъ мудрость; признаемъ наше несовершенство; осудимъ пашу суетность; возскорбимъ и восплачемъ надъ нашимъ неочищеннымъ отъ грѣха веселіемъ.»

Весьма - любопытенъ литературный памятникъ XIV вѣка, найденный въ сборникѣ изъ библіотеки Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, XVI вѣка, и въ сборникѣ, принадлежащемъ г. Царскому, XV вѣка. Это — «Поученіе Алексія Митрополита, отъ апостольскихъ дѣланій къ христіанамъ». Статьи: «Сношенія армянскои церкви съ восточною православною о соединеніи въ двѣнадцатомъ вѣкѣ», представляетъ прекрасный образецъ ученаго историческаго

изложенія. Кромѣ этого, помѣщены въ «Прибавленіяхъ»: «Продолженіе бесѣды о спасительныхъ таинствахъ» (бесѣды 22, 23 и 24) и «Выписка изъ письма Иннокентія, епископа камчатскаго».

170) Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при кievскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генерал-губернаторѣ. Томъ второй. Киевъ. Въ лито-типографическомъ заведеніи Г. К. Вальнера. 1846. Въ 8-ю д. л. 2, VIII, 371, 233 и 162,—всего 776 стр.

Этотъ томъ прекраснаго кievскаго изданія заключаетъ въ себѣ три отдѣла: 1) Памятники Кievскаго Боголюбскаго Братства; 2) Уставъ о волокахъ, данный королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1557 году, и 3) Продолженіе матеріаловъ для исторіи Малороссіи, напечатанныхъ въ первомъ томѣ издаваемыхъ комиссіею «Памятниковъ».

Въ первомъ отдѣлѣ этого сборника мы можемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ кievскаго братства и находившагося въ монастырѣ его училища, какъ для духовнаго, такъ и для свѣтскаго юношества,—братства, основаннаго знаменитымъ въ исторіи нашей церкви митрополитомъ Петромъ-Могилою и пріорисшаго неопытную пользу малороссійскому краю и греческому православію. Пожертвовавъ значительные капиталы на основаніе этого училища при жизни своей и по смерти, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, Петръ-Могила, тогда еще архимандритъ кievно-печерскій, принялъ главное надъ нимъ завѣдываніе, какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и по внутреннему управленію, согласно общему желанію иноковъ этой обители и по утвержденіи гетмана войска запорожскаго и короля польскаго. Замѣчательно, что званіе это присвоено ему было не по сану его, а по извѣстнымъ личнымъ достоинствамъ, и въ послѣдствіи присвоено было, по общему соглашенію, какъ лицамъ ду-

ховнаго званія, такъ и свѣтскимъ. Главными предметами преподаванія были языки славянскій, греческій и латинскій. Излишне, думать, доказывать всю важность учрежденія подобнаго заведенія, и именно на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя положены были ему въ основу. Самая цѣль его — распространеніе просвѣщенія во времена полу-варварскія, въ странѣ, гдѣ издавна тѣснились разнородные, борившіеся другъ съ другомъ элементы, достаточно удостоверяетъ въ пользу учрежденія, клонившагося къ общественному образованію, и смыслъ православнаго религіознаго ученія, которое стояло тогда во главѣ всякаго другаго. «Я видѣлъ», говоритъ Петръ-Могила: «что унадокъ свѣтло-богослуженія происходитъ въ рускомъ народѣ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка образованія и наукъ». Вотъ какъ выражается о необходимости этого училища іерусалимскій патріархъ Павелъ: «Обученіе юности богоугодно и полезно, а въ сей странѣ (Малой Россіи) оно весьма необходимо, такъ какъ глупцы и отступники не только простыхъ, но и рѣдко и разумныхъ прельщаютъ своимъ новарнымъ извращеніемъ, обольщаютъ своимъ душепагубнымъ обольщеніемъ, умоляютъ и стараются отвести отъ истинной вѣры». Дѣйствительно, если короли польскіе и охраняли своими грамотами православное братство, если они и не запрещали обученія воспитывавшимся въ славянскихъ и греческомъ языкахъ, то дѣйствительно такъ по одной необходимости утвердить прочіе свою власть въ рукахъ чуждыхъ имъ по историческому развитію провинціяхъ. Но при первомъ удобномъ случаѣ, она открыто сдѣлалась въ предположеніи латинскаго языка и одному этому языку обязали учить въ общественныхъ заведеніяхъ. Въ послѣдствіи, въ кievскомъ Боголюбскомъ Монастырѣ преподавались, кромѣ языковъ и богословія, риторика, поэтика и философія.

дѣтельныхъ слѣдствіи учрежденія этого училища онавались въ весьма-скоромъ времени; самъ митрополитъ Петръ-Могилъ имѣлъ радость видѣть эти слѣдствія подъ конецъ дѣятельной, полезной жизни своей. «Господь Богъ», говоритъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «по святой своей благодати, благословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ отъ тѣхъ наукъ великую пользу для церкви Божіей въ значительномъ приумноженіи, на служеніе ея, ученыхъ и благочестивыхъ людей.» Кіевское духовное училище и по смерти Могилы осталось вѣрно данному имъ направленію и цѣлю, воевалось великимъ, заслуженнымъ довѣреніемъ и уваженіемъ всего малороссійскаго края. Поэтому всѣ помѣщенныя во второмъ томѣ «Памятниківъ» грамматы, до него относящіяся, весьма любопытны и важны для исторіи нашей церкви и народнаго просвѣщенія.

Перечитывая эти грамматы, съ любопытствомъ остановились мы на нѣкоторыхъ частностяхъ, которыя могутъ служить со-временемъ немаловажными источниками для ученыхъ юристовъ. На-примѣръ, въ дарственной записи Анны Гулевичевны весьма-замѣчательно, по нашему мнѣнію, по праву распоряженія ея иуществовать въ дальнѣйшемъ ея потомствѣ, которое она себѣ присвоиваетъ. Нельзя умолчать также о фактѣ довольно-интересномъ, находящемся въ этой же самой записи, именно о подписи мужа ея, стоящей выше другихъ, выше даже самой владѣлицы даримаго мнѣнія, потому только, что это мнѣніе когда-то принадлежало ея мужу и отдало имъ въ-послѣдствіи женѣ. Здѣсь не мѣсто развѣснять подобныя данныя, относящіяся прямо къ исторіи гражданскаго законодательства, но нельзя и не упомянуть о нихъ. Обратимъ также вниманіе на особое уваженіе, постоянно-оказываемое патриархами ерусалимскими св. апостолу Іакову, первосвятителю іерусалимскому, предъ-почтительно предъ другими ученика-

ми Спасителя, подобно намъ римскимъ, чтившимъ всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ память св. апостола Петра, отъ котораго, какъ думаютъ, получили они преемственно власть свою. Есть и многія подобнаго рода дѣла, которыя могутъ быть съ пользою употреблены внимательнымъ изыскателемъ старины.

Несравненно-важнѣе, однако, разсмотрѣннаго нами перваго отдѣла, второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ постановленія объ управленіи удѣльными королевскими мнѣніями. Этотъ уставъ имѣетъ для насъ двойной интересъ: по самому содержанію своему, раскрывая вполне административное устройство этого важнаго управленія, и по сравненію съ подобными единовременными установленіями нашего древняго отечества. Обложеніе крестьянъ податями по грунту и качеству земли, плата податей то деньгами, то произведеніями почвы, доходъ или корнѣ управителей, сроки платежа на логовъ, причины, по которымъ подданные иногда освобождались отъ нихъ на извѣстное время (какъ-то: пожаръ, голодъ, градобітіе или поселеніе въ новыхъ мѣстахъ), отдача земель въ наемное содержаніе, устройство ямской повинности заселеніемъ ямщиковъ особыми селами, мостовщина, постановленія о такъ-называемыхъ «проводникахъ», о торгахъ и мытахъ, даже самыя незначительныя административныя мѣры, какъ-то: запрещеніе варить пиво по селамъ, образъ измѣренія и наложенія равнаго рода хлѣба, платимаго въ подати, *безъ верху и утаптыванія*, вѣчная пошлина и т. п.,—до того тождественны со встрѣчаемыми въ нашихъ грамматахъ этого времени, что близорукій историкъ и заимствованій, забывъ главную, неоспоримую причину изумительнаго сходства—одинаковость степени государственнаго и народнаго развитія. Замѣчательно превосходство славянскихъ племенъ предъ всѣми прочими въ устройствѣ посемельныхъ податей,

основанных на обычной, но практически-вѣрной кадастраціи. Когда въ западныхъ европейскихъ государствахъ существовалъ почти-исключительно одинъ подушный сборъ, какъ народная система податей, въ Россіи и Польшѣ мы находимъ уже сошное дѣленіе и распредѣленіе земель по волокамъ, то-есть измѣреніе и оцѣнку земли по ея добротѣ. Такъ, по сигизмундову уставу о волокахъ, взимались подати: съ волоки лучшей земли 50 грошей, посредственной 40 грошей, худой 30 грошей, а съ совершенно-неудобной 12 грошей. Обложение сборомъ домовъ подчинено было также особой системѣ: самыя большія подати платили владѣльцы домовъ, находившихся на рынкѣ, то-есть въ центрѣ города, и почти-ничтожныя, сравнительно, повинности лежали на домахъ въ предместьяхъ. Впрочемъ, вѣроятно, эта податная система имѣла значительныя видоизмѣненія, потому что изъ рассматриваемаго памятника видно, на-примѣръ, что не всѣ еще земли были измѣрены и описаны, и что одновременно съ поземельною податью существовали другія, лежавшія на крестьянскомъ сословіи, отъ прежняго времени удержавшіяся, какъ-то: подъемное, или разложение сбора по домамъ и дымамъ и т. п. Но если вспомнимъ различіе мѣстности и самаго образованія странъ, входившихъ тогда въ составъ Польскаго Королевства, то такого рода противорѣчія не удивлять насъ.

Рассматривая уставъ Сигизмунда сравнительно съ нашими современными законодательствомъ, несомненно сознаешься, что во второй половинѣ XVI столѣтія, когда этотъ уставъ былъ обнародованъ, мы не находимъ еще въ Россіи нѣкоторыхъ весьма-важныхъ постановленій, которыя имѣли уже тогда дѣйствіе въ Польшѣ. Такъ учрежденія о лѣсахъ, рыбной ловлѣ, и даже о гонцахъ, въ той подробности, которую находимъ въ уставѣ о волокахъ, являются гораздо-позже въ нашемъ отечествѣ. Притомъ, въ древней

исторической литературѣ нашей нѣтъ ни одного свода финансовыхъ постановленій по какой-либо части; всѣ они разбросаны по разнымъ грамматикамъ, отъ-чего собраніе и уразумѣніе ихъ дѣлается чрезвычайно-сбивчивымъ и труднымъ. Учрежденіе о волокахъ написано такъ ясно, такъ отчетливо, что ученому розыскателю стоить только внимательно прочесть его, чтобы познать вполне эту важную отрасль финансового управленія въ Польшѣ въ такъ-называемые средніе вѣка. Всѣ обязанности управителей и крестьянъ, порядокъ земледѣльческихъ работъ, отчасти даже судопроизводство, — все, что въ вообще повинности наложено со всевозможною точностью и вразумительностью.

Эти-то достоинства заставляютъ отдать предпочтеніе второму отдѣлу сборника передъ другимъ, если вспомнимъ, что самый предметъ, въ немъ изложенный, не будучи еще довольно-хорошо познать и разработанъ, не смотря на всю свою важность, долженъ обратить на себя особенное вниманіе любознательныхъ изслѣдователей.

Документы, относящіеся до Малороссіи, помѣщенные въ третью отдѣлъ «Памятниковъ», состоятъ изъ переписки гетмана Богдана Хмельницкаго съ королемъ Сигизмундомъ и польскими вельможами, донесеній киевскаго воеводы Адама Кисляка, описанія похода Поляковъ противъ Запорожцевъ, распоряженій польскихъ королей и шляхетствъ киевскаго и черниговскаго по случаю войнъ съ Запорожцами и предписаній гетмана. Изъ нихъ можно видѣть дипломатическія дѣйствія Хмельницкаго, хитро ластившаго королю и при нуждѣ давшаго ему даже оружіе противъ самаго-себя. — ослабленіе въ запорожской землѣ польской власти, сдѣлавшейся только номинальною, невалявшейся болѣе на дѣлѣ, а довольствовавшейся однимъ обнаруживаемиъ въ правительственныхъ предписаніяхъ, которыя почти не исполнялись, — величавшіе крестьянъ въ навалѣ ихъ и осторожное введеніе

польских правителей въ враждебной имъ землѣ. Занимающемуся исключительно исторією Польши или Малороссіи весьма-интересны будутъ многія частности, въ этихъ актахъ заключающіяся, которыя не могутъ быть довольно оцѣнены дилетгантами или только любозпытными.

Что касается до самаго изданія, то читатель, знакомый съ первыми томами «Памятниковъ», отдадутъ полную справедливость и второму; напечатанному съ тою же тщательностью и, можно сказать, съ тою же роскошью, которая доселѣ были почти чуждыми произведеніямъ русскихъ типографій. Подъ текстомъ помѣщенъ переводъ его, сдѣланный съ искусствомъ и точностью, а въ концѣ сборника приложены свѣдѣнія съ рукописей, подписей синодальныхъ временъ императрицы Елизаветы Петровны и десяти гетмановъ, и изображеніями гетманскихъ печатей.

171) Священная Географія, называющаяся: происхожденіе народовъ, состояніе Палестины въ разные времена, отъ Авраама до покоренія Римлянами, съ историческими и географическими замѣчаніями обо всѣхъ важныхъ мѣстахъ, приводимыхъ въ текстѣ и по возможности заветъ, съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ, картами и планомъ Иерусалима. Составлена В. П. П. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1846. Въ 8-ю д. л. IV и 125 стр.

— Священно-Историческій и Географическій Атласъ, составленный В. П. П. Санктпетербургъ. 1847. Шестъ картъ.

Зглавіе книги достаточно объясняетъ цѣль и содержаніе ея. Предисловіе автора знакомитъ съ нею еще короче:

«Священная географія (говоритъ г. В. П. П.) облегчаетъ изученіе Священной Исторіи и чтеніе Священныхъ книгъ. Мы раздѣлили ее на двѣ главныя части. Первая показываетъ происхожденіе народовъ,

населявшихъ міръ и разные раздѣленія Палестины въ разные эпохи отъ Авраама до покоренія ея Римлянами. Вторая часть занимается подробнымъ описаніемъ Палестины съ историческими и географическими свѣдѣніями обо всѣхъ городахъ и замѣчательныхъ мѣстахъ.

«Составляя эту Географію мы постоянно имѣли передъ глазами Библію. Мы желали напомнить юношеству о самыхъ любозпытныхъ мѣстахъ и происшествіяхъ, встрѣчающихся при чтеніи Священныхъ книгъ, неотступая впрочемъ отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщали намъ писатели этихъ книгъ и часто даже употребляя ихъ собственныя выраженія. Не смотря на то, намъ необходимо было пользоваться трудами ученыхъ объ этомъ предметѣ, когда текста Библии не было достаточно для познанія приводимыхъ въ ней мѣстъ. Къ мѣстамъ приводимымъ въ Священной исторіи мы прибавили не большое число Палестинскихъ городовъ, знаменитыхъ въ Гражданской исторіи, и имѣвшихъ большую важность въ первомъ вѣкѣ Христіанской эры. При описаніи этихъ городовъ мы совѣтовались преимущественно съ Историкомъ Иосифомъ Флавіемъ, такъ какъ его положеніе и роль, которую онъ игралъ въ войнѣ Иудеевъ съ Римлянами, поставляли его въ состояніе узнать Исторію и Географію Иудеи, лучше нежели всякой другой свѣтскій писатель(?). Понятія о мѣрахъ и календарѣ Евреевъ извлечены нами изъ Метрологіи г. Сежея».

Изданіе «Атласа» приложеннаго къ книгѣ г. В. П. П., очень-изящно. Онъ состоитъ изъ шести картъ: 1-я карта — раздѣленія рода человѣческаго послѣ раздѣленія языковъ; 2-я, хаанаанская земля до пришествія Израильтанъ; 3-я, путь Израильтанъ въ пустынь и расположеніе израильскаго стана; 4-я, израильская земля, раздѣленная на двѣнадцать колѣвъ; 5-я, Палестина, раздѣленная на четыре провинціи, и планъ Иерусалима, и 6-я, карта путешествія св. апостола Павла. Къ первой картѣ приложенъ обстоятельный планъ земнаго раа, хотъ авторъ въ описаніи замѣчаетъ, что «относительно положенія земнаго раа толкователи не согласны» (стр. 2).

172) Популярная Физическая Астрономія. Сочиненіе Эйри, директора Королевской Обсерваторіи въ Гринвичь. Переводъ съ нѣмецкаго Федорова, одобренный академикомъ Остроградскимъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ. 1847. VIII и 291 стр.

Г. Эйри (Airy)—знаменитый директоръ Гринвичской Обсерваторіи, котораго имя тѣсно связано со всякимъ важнымъ астрономическимъ открытіемъ въ послѣднее время. Исчислить заслуги его значитъ почти разсказать исторію астрономіи въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе. Стоитъ только вспомнить ревностное участіе, которое онъ принималъ въ открытіи Леверрьё. Въ 1834 году, вздумавъ г. Эйри составить курсъ физической астрономіи, назначенный, какъ онъ говоритъ, сперва—для такихъ читателей, которые имѣютъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ астрономіи и столько ознакомились съ геометріею, что въ состояніи изъ чертежей выводить простыя заключенія и примѣнять нѣкоторыя алгебраическія выраженія къ числамъ.

«Но въ нихъ не предполагалось (говоритъ Эйри) тѣхъ особенныхъ познаній, которыя необходимы при собственныхъ изслѣдованіяхъ въ Астрономіи и безъ которыхъ едва-ли можно приступить къ объясненію относящихся къ ней предметовъ. Такъ, напримѣръ, я предположилъ себѣ объяснить возмущенія въ солнечной системѣ по возможности безъ алгебраическихъ знаковъ.

Отказавшись такимъ образомъ отъ smallest математическаго пособия, разумеется, я не смѣлъ надѣяться на полный успѣхъ. Впродолженіе моего труда я встрѣчалъ отъ недостатка въ этомъ пособіи большія затрудненія, будучи принужденъ изобрѣтать общія, совершенно удовлетворительныя объясненія почти для всѣхъ неравенствъ, которыя налагаются въ сочиненіяхъ о физической Астрономіи. Однакожь тутъ я убѣдился, что это сочиненіе, безъ малѣйшаго уклоненія отъ первоначальнаго своего плана, можетъ быть полезно даже и для тѣхъ учащихъся, которые обогащены уже достаточно

математическими познаніями и могутъ примѣнять ихъ къ объясненію труднѣйшихъ физическихъ задачъ. Съ этимъ-то особенно убѣжденіемъ, что трудъ мой можетъ быть полезенъ двоякимъ, я и рѣшился напечатать оный» (стр. 1—2).

Съ этимъ убѣжденіемъ авторъ издалъ книгу свою въ 1834 году. Говорить о достоинствѣ ея нечего: за это ручается имя г. Эйри. Сочиненіе его было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Переводъ г. Федорова сдѣланъ съ нѣмецкаго перевода Популярной Физической Астрономіи. При изложеніи своемъ, г. Эйри держался строго-логическаго пути. Сначала выведенъ имъ законъ тяготѣнія съ тремя основными вѣтвями его. Отъ этого положенія онъ незамѣтно переходитъ къ дѣйствию притягательной силы на тѣло, находящееся въ движеніи. Прекрасно выражено понятіе о движеніи планетъ чрезъ сравненіе съ движеніемъ горизонтально-брошеннаго камня. За симъ развиваетъ онъ теорію возмущеній въ солнечной системѣ. Опредѣленіе возмущеній и причины ихъ поразительно-вѣрно, при сомнительныхъ объясненіяхъ науки того времени. Нужно замѣтить, что между 1820 и 1834 годами возникли всѣ тѣ сомнѣнія на-счетъ вѣрности теоріи возмущеній, которыя такъ побѣдоносно уничтожены въ послѣднее время Леверрьё. Въ 1820 году, Буваръ, въ таблицахъ положеній Урана, показывалъ уже несогласіе вычисленій съ наблюденіями, а въ 1828 году, самъ г. Эйри замѣчалъ въ кембриджскихъ наблюденіяхъ это, по-видимому, важное отступленіе отъ закона пертурбацій. Читая объясненіе теоріи возмущеній и принимая въ соображеніе выше выставленные факты, нельзя не предположить, что истина, раскрытая г. Леверрьё, была уже предвидѣна знаменитымъ теперешнимъ директоромъ Гринвичской Обсерваторіи.

«До этого мы разсуждали (говоритъ г. Эйри) о движеніи двухъ планетъ, Солнца и какой-нибудь планеты, предполагая, что нѣтъ никакого друга притяги-

ющаго тѣла. Но еще въ первомъ отдѣленіи было замѣчено, что каждая планета и спутникъ притягиваются Солнце равнѣ, какъ и каждую другую планету и лунтика. Такъ какъ каждая планета въ изныя моменты времени весьма различно притягивается другою планетою, которой положеніе безпрестанно перемѣняется, то снѣ, что движеніе планеты не можетъ не быть разсматриваемо, какъ движеніе ипственнѣ зависящее отъ Солнца. Итакъ, планеты движутся не совершенно по эллипсамъ, радіусъ-векторъ въ равныя времена описываетъ не совсѣмъ равныя площади и кубы среднихъ разстояній находятся не въ совершенно точномъ отношеніи произведенія квадратовъ времени общенія на суммы массъ Солнца и планеты. Но возмущающія силы планетъ въ сравненіи съ силою притяженія Солнца голы малы, что предъидущіе законы почти совершенно вѣрны, и, за исключеніемъ Луны и другихъ спутниковъ, всѣ тѣла нашей планетной системы допускаютъ въ своихъ движеніяхъ дѣйствіе вышеупомянутыхъ возмущеній только при самыхъ очныхъ и многіе годы продолжаемыхъ наблюденіяхъ (стр. 47—48).

Это опредѣленіе, сдѣланное въ 1834 году, кажется намъ довольно-вѣрнымъ и теперь. А между-тѣмъ, подумайте, сколько съ-тѣхъ-поръ перемѣнъ: подорѣнія на-счетъ вѣрности ньютонова закона всеобщаго тяготѣнія разрушены побѣдоносно. Въ 1846 году, нашъ замѣчательный дерптскій астрономъ, Медлеръ, идя по слѣдамъ Аргеландера, доказалъ, что неподвижныя звѣзды имѣютъ также свое движеніе, и распространяетъ на нихъ силу закона аттракціи (*); а въ началѣ 1847 года знаменитый Леверрье, излагая теорію небесной механики, принявъ за основаніе ея — доказанную имъ всеобщность закона всеобщаго тяготѣнія и абстрактность трехъ кеплеровыхъ основныхъ законовъ, намѣняемыхъ всюду и всегда возмущеніями. Возмущенія эти происходятъ отъ взаимнаго тяготѣнія тѣлъ и отъ всеобщаго тяготѣнія въ природѣ...

(*) Mädler, Die Centralsonne, Dorpat, 1846.

«Исслѣдованіе дѣйствій возмущающихъ силъ состоитъ изъ двухъ частей (продолжаетъ г. Эйр): въ одной разсматриваются дѣйствія возмущающихъ силъ относительно движенія планеты вообще, въ другой исслѣдуется такого рода возмущающая сила, которая протекаетъ отъ притягательной силы другой планеты.» (Стр. 48).

Согласно съэтой программѣ, авторъ разсматриваетъ сначала различныя вѣрляціи возмущающей силы, дѣйствующей при движеніи планетъ и измѣняющей это движеніе. Потомъ онъ переходитъ къ опредѣленію свойствъ возмущающей силы, которой подвергается планета или спутникъ чрезъ притяженіе, производимое на нихъ другими силами (стр. 85). При опредѣленіи величинъ возмущающихъ силъ, авторъ ограничивается только изложеніемъ семи важнѣйшихъ случаевъ, зависящихъ отъ взаимнаго положенія центрального и возмущаемаго тѣла въ отношеніи къ возмущаемой силѣ. Эти исслѣдованія въ совокупности даютъ слѣдующіе результаты:

«Если возмущающее тѣло находится внѣ орбиты обращающагося, то возмущающая сила лежитъ единственно въ направленіи радіуса-вектора и дѣйствуетъ врозь отъ центрального тѣла въ точкахъ, гдѣ обращающееся тѣло съ возмущаемымъ находится на той-же или на противоположныхъ сторонахъ центрального тѣла (возмущеніе въ первомъ случаѣ больше, нежели во второмъ); напротивъ, эта возмущающая сила дѣйствуетъ къ центральному тѣлу въ точкахъ, гдѣ возмущаемое и центральное тѣло равно отстоятъ отъ возмущающаго. Но возмущающая сила въ послѣднемъ случаѣ гораздо меньше, нежели въ первомъ. Между близлежащими парами этихъ четырехъ точекъ есть другія четыре точки, въ которыхъ не дѣйствуетъ никакая возмущающая сила въ направленіи радіуса-вектора. Однако въ то время какъ обращающееся тѣло движется отъ одной изъ точекъ, гдѣ оно съ возмущающимъ тѣломъ находится съ той же или съ противоположныхъ сторонъ центрального тѣла, къ одной изъ равноотстоящихъ точекъ, всегда дѣйствуетъ возмущающая сила перпендикулярно къ

радіусу-вектору и замедляетъ движеніе. Напротивъ, когда обращающееся тѣло движется отъ одной изъ равноотстоящихъ точекъ къ одной изъ тѣхъ точекъ, которыя, какъ и возмущающее тѣло, лежатъ съ той-же или съ противоположныхъ сторонъ центральнаго тѣла, возмущающая сила, дѣйствующая перпендикулярно къ радіусу-вектору, ускоряетъ движеніе возмущаемаго тѣла». (Стр. 103—104).

Къ-несчастію, тяжеловѣсный языкъ перевода заставляетъ насъ отказаться дѣлать дальнѣйшія выписки. Читатели уже могли судить объ изящности его... Какое неприятное чувство овладѣваетъ вами при чтеніи хорошаго произведенія въ дурномъ переводѣ!..

Отъ послѣдованій возмущающей силы, г. Эйри естественно переходитъ къ теоріямъ Луны и спутниковъ Юпитера. Пертурбаціи Луны замѣчательны особенно потому, что онѣ, какъ извѣстно, послужили къ опредѣленію разстоянія Солнца отъ Земли. Выводъ теоріи спутниковъ Юпитера едва-ли не должно считать за одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ астрономіи. Это отдѣленіе особенно замѣчательно ясностью изложенія. Г. Эйри блистательно побѣдилъ трудности изложенія безъ математическихъ формулъ.

Теорія планетъ является вслѣдъ за этимъ. Авторъ рассматриваетъ главнѣйшія пертурбаціи въ пути планетъ, зависящія отъ взаимнаго вліянія ихъ. Особенно распространяется онъ о пертурбаціяхъ, происходящихъ отъ взаимнаго вліянія другъ на друга Юпитера и Сатурна. При объясненіи ихъ, авторъ, говоря о пертурбаціяхъ планетъ, ничего не упоминаетъ о возмущеніяхъ Урана, которыя, однако, должны были быть ему очень извѣстны. Возмущенія эти были уже означены въ «Кембриджскихъ Наблюденіяхъ», изданныхъ въ 1828 году полъ надзоромъ г. Эйри, который былъ тогда директоромъ Кембриджской Обсерваторіи. Къ-тому же, самъ онъ рассказываетъ объ этомъ въ послѣдней статьѣ своей, читанной въ Королев-

скомъ Астрономическомъ Обществѣ (Account of some circumstances historically... etc.).

Два послѣднія отдѣленія «Популярной Физической Астрономіи» посвящены разсмотрѣнію «возмущенія и клоненія и положенія узла» и дѣйствія сжатія планетъ на движеніе ихъ спутниковъ».

Книга г. Эйри достаточно оцѣна учебнымъ міромъ, и потому нашъ отзывъ былъ бы совершенно-излишнимъ. Переводъ г. Федорова тяжеловѣтъ. Быть-можетъ, это происходитъ отъ того, что переводчикъ свалъ въ рукопись иностранный переводъ труда г. Эйри — Исканіе опрятно. При книгѣ табулы чертежей. Но появленіе перевода «Популярной Физической Астрономіи» извело насъ на нѣсколько, не то, чтобы грустныхъ, не то, чтобы веселыхъ размышленій. У насъ, на русскомъ языкѣ, почти, кромѣ книгъ Д. М. Перещикова, нѣтъ порядочныхъ астрономическихъ сочиненій... Два, три учебника; кое-какое популярное изложеніе — вотъ все богатство наше. А между-тѣмъ, вокругъ насъ кипитъ жизнь науки: у насъ же въ Россіи германскіе ученые доблестно подвизаются на ученомъ поприщѣ. Нашъ почтенный академикъ г. Струве извѣстенъ въ Европѣ трудами своими; небесныя карты нашего астронома г. Кнорре считаются самыми превосходнѣйшими по этому предмету; нашъ знаменитый державинъ ученый, г. Медлеръ, сдѣлалъ великое открытіе, составляющее, можно сказать, эпоху въ наукѣ астрономіи. И эти плоды науки, недавно привитыя на почвѣ нашей, еще не возбудили въ насъ соревнованія. Разволнутое море въ этомъ отношеніи простарелось отъ того, что мы не имѣемъ даже на русскомъ языкѣ перевода вышедшей въ 1841 году, превосходной «Популярной Астрономіи» (Populäre Astronomie) г. Медлера. Отъ-чего это? Или ли еще для трудовъ науки, или наука не успѣла еще пустить корни свои на почвѣ нашей, — какъ сказать?..

173) Народная Хирургія, или описание средствъ для скорѣйшаго вспоможенія при ранахъ, порывахъ, порубахъ, сильномъ кровотеченіи, переломахъ костей и пр., съ описаніемъ приготовленія и наложенія самыхъ простыхъ и удобныхъ повязокъ до прибытія хирурга. Составлено докторомъ Матіаузомъ Майоромъ, главнымъ хирургомъ въ голландскомъ госпиталѣ. Съ нѣмецкаго перевода доктора Густава Линке, уролога и судебнаго врача въ Лейпцигѣ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12 ю д. л. VI и 75 стр.

Книжка эта составляетъ часть большаго сочиненія «Упрощенная Хирургія», въ составленіе которой Парижская Академія Наукъ выдала монтионовскую награду, и есть плодъ многихъ опытовъ и наблюденій почти въ продолженіе тридцатилѣтней практики искуснаго хирурга. Народная или домашняя хирургія необходима: знаніе простыхъ, легкихъ и вѣрныхъ средствъ, въ отсутствіи или въ ожиданіи врача, очень-важно для подавія временнаго пособія больнымъ, безъ котораго они могутъ сдѣлаться жертвою смерти. А пособіе, сдѣланное безъ знанія, доводитъ иногда больнаго до важныхъ операцій или оставляетъ важныя поврежденія; сверхъ того, при неумѣньи подать помощь, онъ претерпѣваетъ жестокия боли. Въ шести небольшихъ главахъ, авторъ показалъ средства останавливать кровь, объяснилъ первыя пособія при тяжкихъ поврежденіяхъ, ранахъ, переломахъ, предохранительные способы при переносѣ больныхъ, особенно раненныхъ, и средства для извлеченія постороннихъ тѣлъ. Сочиненіе Майора полезно многимъ классамъ людей: управляющимъ фабриками и заводами, путешествующимъ вельскимъ жителямъ, часто подвергающимся такого рода поврежденіямъ, при которыхъ знаніе хирургіи необходимо.

174) Письмо къ доктору Элоу въ Варшавѣ отъ *** о леченіи болѣзней кровоочищеніемъ и возстановленіемъ пищева-

рительныхъ органовъ по новому способу Югана Шрота. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1837. Въ 8-ю д. л. 24 стр.

Недавно начали такъ же громко поговаривать о новой методѣ леченія Шрота, какъ прежде говорили о гомеопатіи, или о леченіи водою по системѣ Приснитца. Юганъ Шротъ (Johann Schroth)—подобно Приснитцу, не медикъ, не учитель, а простой поселенный австрійской Силезіи, житель деревни Дилевизе, въ окрестностяхъ большаго городка Фрейвальдау, лежащаго по сосѣдству съ знаменитымъ водолечебнымъ заведеніемъ въ Грешенбергѣ. Вотъ какъ господинъ *** объясняетъ систему Шрота (стр. 4—9):

«Всѣ хроническія болѣзни какого бы онѣ ни были свойства и названія, говорить Шротъ, имѣютъ одно начало: онѣ происходятъ отъ злобредныхъ соковъ. Эти соки обнаруживаются въ тѣлѣ человѣка по индивидуальному его расположенію и въ многоразличныхъ видахъ.

«Соки, ли что иное какъ произведеніе пищеваренія, конкъ образованіе происходитъ въ желудкѣ и въ животѣ, то по словамъ Шрота въ этихъ двухъ частяхъ должно искать первоначальную причину происхожденія всѣхъ болѣзней.

«И такъ Шротъ, приступая къ леченію больныхъ, мало заботится о родѣ ихъ болѣзней, онѣ беретъ за ея корень, и какъ скоро удостовѣрится, что она непосредственно или непосредственно скрывается въ пищеварительныхъ органахъ, то никогда не отчаивается въ полномъ успѣхѣ своего врачеванія. Тогда основаніе его леченія однообразно; но примѣненіе средствъ врачеванія весьма различно, смотря по темпераменту больнаго, по роду и степени болѣзни и по множеству другихъ обстоятельствъ, которыми опытный глазъ Шрота умѣетъ опредѣлять съ удивительною точностью. Такимъ-то образомъ онѣ одними и тѣми же средствами и съ одинаковымъ успѣхомъ, излечиваетъ болѣзни, не имѣющія между собою ни какого сходства, какъ напримѣръ: сальпоту (если только органы артеріи не совершенно разрушены), водяную болѣзнь, ракъ, раши, лишай, вередъ, болѣзнь венерическую и проч. Леченіе Шрота имѣетъ тройную цѣль: 1) очищеніе крови,

2) разложение слизистых завалов, образовавшихся в кишках, причиняющих запоры, засорение и в последствии неправильное обращение крови и бездѣйствіе кожи; 3) совершенное восстановление пищеварительныхъ органовъ.

«Этихъ различныхъ условий къ восстановленію здоровья, Шротъ достигаетъ не употребляя ни внутреннихъ, ни наружныхъ лекарствъ. Теплота и влага, по словамъ его, суть два главныхъ начала оживляющія природу; совокупное гармоническое ихъ дѣйствіе оживляетъ почву и производитъ плодородіе, отъ отсутствія же сихъ началъ происходитъ безплодіе. Прежде засѣва полей должно очистить ихъ отъ вредныхъ растений; за сѣвъ для удовлетворительнаго произведенія необходимы теплота и влага. Точно такъ же необходимо сначала очистить тѣло больного, и потомъ дать ему надлежащую степень внутренней теплоты и влаги. Впрочемъ сама природа не указываетъ ли намъ, что теплота есть необходимѣйшій элементъ нашего организма? Сколько она способствуетъ выполнению жизненныхъ отгрѣлений, столько отсутствіе ея замедляетъ и уничтожаетъ ихъ. Пищеварительные органы, болѣе чѣмъ какая-либо другая часть тѣла, нуждаются въ теплотѣ, для исполненія назначенныхъ имъ дѣйствій; но большей части худое пищевареніе есть ни что иное, какъ недостатокъ теплоты, нужной для сваренія пищи и питья. Таковы начала, на коихъ основывается леченіе Шрота.

«Теперь приступая къ изложенію средствъ, посредствомъ коихъ онъ достигаетъ тройкой цѣли врачеванія.

«Средства эти также просты, какъ и малочисленны—ихъ только два: первое, холодные компрессы; второе, діета.

«Холодные компрессы Шрота имѣютъ большую разницу отъ тѣхъ, какіе употребляютъ по методу Приснипа. Сіа послѣдніе назначаемые для укрѣпленія тѣла и усиленія дѣйствія въ органахъ кожи, состоятъ изъ одной намоченной простыни, которую закутываютъ больного и перемѣняютъ ее, когда она нагрѣется.

«Въ леченіи Шрота цѣль компрессовъ состоитъ въ томъ, чтобы образовать теплоту въ тѣлѣ больного, проникнуть его влагою, и извлечь изъ него вредныя мокроты, распространившіяся подъ кожу. Леченіе посредствомъ теплоты и влаги, Шротъ также замѣтвовалъ изъ

явленій органической природы. Законъ, управляющій отношеніями земли, съ сими двумя важными двигателями прозябанія, есть противудѣйствіе или реакція. Когда земля согрѣта дневною теплотою, подвергается вечерней сѣжесте, тогда содержавшаяся въ землѣ влага, притягивается къ ея поверхности; напротивъ того утромъ, охлажденная ночью земля, производитъ притяженіе теплорода, образовавшагося въ атмосферѣ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Точно тоже происходитъ и въ человѣческомъ тѣлѣ. Какъ земля, оно заключаетъ въ себѣ теплоту, которая притягивается къ его поверхности противодѣйствіемъ холодныхъ компрессовъ; она въ свою очередь нагрѣваясь, передаетъ тѣлу свои теплыя влажныя испаренія. Для совершенія процесса дѣйствія и противодѣйствія теплоты, по наблюденіямъ Шрота, нужно восемь часовъ времени. Употребляемые для сего компрессы, состоятъ изъ трехъ намоченныхъ холодною водою и выжатыхъ простыней; ими окутываютъ больного, потомъ покрываютъ его четвертою сухою простыней и наконецъ еще шерстянымъ одѣяломъ. Въ продолженіи первыхъ четырехъ часовъ, теплота развивается, даетъ компрессамъ силу притяженія; да въ остальные четыре часа, теплота сообщается тѣлу, которое всасываетъ влагу компрессовъ. Въ вѣрности этой операціи легко можно убѣдиться опытомъ.

«Если послѣ первыхъ четырехъ часовъ посмотрите компрессы, то найдете ихъ горячими, и влажными сланими въ тѣлѣ; въ періодъ послѣднихъ четырехъ часовъ увидите, что тѣло всосало влагу компрессовъ. Соединенное дѣйствіе теплоты и влаги не менѣе ошутительно внутри тѣла, какъ и на его поверхности; дѣйствіе это служитъ самымъ естественнымъ, дѣятельнымъ, слѣдственно и вѣрнѣйшимъ разлагателемъ. Всѣ старыя осадки, всѣ слизи, забороенія и завалы, образовавшіяся внутри нашего тѣла, все это скоро растворяется, и извергается естественными проходами. Но для успѣха этой операціи, діета, по убѣжденію Шрота, есть необходимое условіе. Вообще всѣ методы леченія, кромѣ водолечебнаго, предписываютъ діету, какъ необходимое условіе для успѣшнѣйшаго восстановленія здоровья. Но во всѣхъ сихъ различныхъ способахъ леченія, діета предписывается

пищѣ, рѣдко въ питьѣ, а особенно да оно освежительное. Напротивъ по Бнью Шрота, ничто не разваривается желудкѣ съ такимъ трудомъ, какъ кислотѣ, и то не иначе какъ при содѣйствіи необходимаго количества тепла, который долженъ быть въ желудкѣ въ кишкахъ въ нормальномъ состояніи. Каждое охлажденіе пищеварительныхъ органовъ, затрудняетъ правильное пищевареніе. Перехода въ состояніе кислоты броженія, несваренныя жидкости производятъ вздути, осадки и слизи; сіи подднія, присоединяясь къ внутреннимъ перегородкамъ кишекъ, бываютъ причиною безчисленныхъ болѣзней, пзвѣстныхъ въ общиимъ названіемъ кишечныхъ.

Питье, какъ трудно сваримая вещь, въ нагрѣтомъ состояніи, уменьшаетъ морозъ въ желудкѣ, и ослабляетъ его уютость.

Главнѣйшая цѣль леченія Шрота состоитъ въ нагрѣваніи пищеварительныхъ органовъ, чего достигаетъ онъ воздержаніемъ отъ питья и компрессами. Эффективность сихъ средствъ будетъ очевидна, да большой подвергнетъ себя въ продолженіи нѣсколькихъ дней этому леченію, онъ увидитъ, что слизи начнутъ разоряться, и перейдѣ въ жидкость, соединятся съ мочой. Здѣсь вниманіе больного невольно останавливается на томъ, какъ изъ него выходитъ несравненно больше жидкаго вещества, чѣмъ онъ пьетъ. Осадки въ уринѣ ясно показываютъ неясныя части растворенныя леченіемъ. Удержаніе отъ питья, по системѣ Шротовой еще другое преимущество—очищаетъ кровь.

Для совершенія пищеваренія, желудокъ беретъ нѣзвѣстнаго количества жидкости; получаетъ онъ въ питьѣ.

Но когда мы отказываемъ себя въ питьѣ, тогда желудокъ по природному свойству своему, вытягиваетъ изъ кровеносныхъ сосудовъ съ ней мокроты, которыя, въ хроническихъ болѣзняхъ, естественно вредны. Отъ сего происходятъ, извлеченныя изъ крови и вошедшія въ желудокъ мокроты, извергаются естественными путями; кровь, будучи очищена, пополняется послѣ восстановленія пищеваренія, здоровыми питательными силами. Но какъ безъ питья не возможно существовать, то Шротъ, не запрещая, требуетъ, чтобъ оно употреблялось съ возможною умеренностью, и чтобъ это

питье было сколько возможно мѣнѣе охлаждающаго свойства; это преимущество Шротъ нашелъ въ нагрѣтомъ виноградномъ винѣ, которое сверхъ-того много способствуетъ къ растворенію мокроты.

«Мы привыкли думать, что употребленіе вина, по его горячительному свойству въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ бываетъ advantageous; однакоже при леченіи Шрота, это опасеніе не подтверждается. Влажные испаринны, проникая посредствомъ компрессовъ въ тѣло, не только не раздражаютъ вина, но нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ питье; вотъ этому доказательство: когда жажда становится нестерпимой для больного, то стоитъ только завернуть его въ мокрую простыню, чтобы утолить эту жажду. Діета не мѣнѣе должна быть строга въ отношеніи къ пищѣ. Шротъ советуетъ преимущественно употреблять бѣлый хлѣбъ, который притомъ долженъ быть черствый.

«Во время леченія онъ предписываетъ бѣлый хлѣбъ главнѣйшею пищею, потому вонервыхъ, что онъ и питателенъ, вонторыхъ, что мягкій хлѣбъ, по свойству своему какъ клейкое тѣсто, обременяетъ желудокъ, и въ третьихъ, что черствый бѣлый хлѣбъ удобнѣе сваривается и имѣетъ свойство, подобное губкѣ, всасывать въ себя мокроты и кислоты желудка, очищая его безъ обремененія.»

За симъ слѣдуетъ въ брошюрѣ разсказать о порядкѣ леченія по системѣ Шрота и о разныхъ случаяхъ, гдѣ эта система оказалась весьма-полезною.

Что же сказать объ этомъ новомъ леченіи, встрѣтившемъ, подобно всякой яркой новости, множество приверженцевъ и жаркихъ порицателей, даже гонителей? Мы убѣждены, что медицина, не смотря на тысячелѣтнее свое существованіе,—еще въ младенчествѣ, и безпрестанно нуждается въ опытахъ. Въмѣсто гоненій на новую методу, или восторженныхъ похвалъ ей, мы советуемъ бы врачамъ помнить мудрое изрѣченіе св. апостола Павла: «вся искушающе, добрая держите»,— все испытывайте и удерживайте только то, что окажется полезнымъ.

узнавать количество ежедневнаго удою, качество молока и время доенія каждой коровы въ продолженіи стельности. Франца Генона. Переводъ со втораго изданія. Съ 72 литографированными рисунками коровъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1846. Въ 8-ю д. л. 95 стр.

Многообъясняющее заглавіе всегда почти заставляеть смотрѣть на книгу поодарительно; но зѣкъ оно не противорѣчитъ содержанию, не обманываетъ читателя. Важное открытіе Генона (простаго французскаго земледѣльца) было изложено въ донесеніи въ Земледѣльскій Комитетъ въ Бордо. Комитетъ, выслушавъ донесеніе комиссіи, опредѣлялъ Генона членомъ, награждалъ золотою медалью и, напечатавъ донесеніе комиссіи въ тысячахъ экзemplаровъ, разослалъ по разнымъ департаментамъ Франціи. Орляньскій Земледѣльскій Комитетъ тоже назначилъ ему равныя награды.

176) Важное и Необходимое Предостереженіе слѣдователей, обвиняемыхъ и обвинителей, по уголовнымъ слѣдствіямъ. Изданіе Федора Наливкина. Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 96 стр.

Цѣль этой книги—предостеречь слѣдователей отъ тѣхъ ошибокъ, которыя они могли бы сдѣлать, подчиняясь руководству, предлагаемому авторомъ недавно-изданнаго сочиненія: «Основныя формы уголовныхъ слѣдствій», исполненнаго ошибокъ,—и вѣстѣ съ тѣмъ означить источники, изъ которыхъ слѣдователи могутъ почерпнуть свѣдѣнія болѣе-вѣрныя и принимать въ руководство безошибочныя указанія. Предостереженіе не можетъ быть лишнимъ какъ для обвиняемыхъ, такъ и для обвинителей: для тѣхъ и другихъ опасны превратныя понятія о порядкѣ и сущности производства уголовныхъ слѣдствій.

177) Руководство къ Познанію Кавказа. Соч. М. С. Санктпетербургъ. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса.

1847. Книга первая. Въ 8 ю д. л. 1 стр.

Руководство къ познанію древней или новой исторіи, руководство къ познанію русскаго языка, руководство къ познанію теоріи сельскаго хозяйства, и проч.—все это вещи очень-важныя. Но, еслибъ вамъ встрѣтилась книга, подъ заглавіемъ руководство къ познанію, на-примѣръ, Россіи, вы невольно, еще не раздѣрнувъ, стали бы добиваться, не острота это? не сарывается ли какая-нибудь особенная хитрая мысль въ этомъ названіи? Познаніе Россіи—что же такое? Россія въ историческомъ, статистическомъ, стратегическомъ, математическомъ, литературномъ и въ тысячѣ другихъ отношеніяхъ,—книга, которой раздѣшаются всѣ ваши сомнѣнія, недоумѣнія, всѣ неясныя понятія ваши о Россіи въ какомъ-нибудь отношеніи,—книга, въ которой найдете разрѣшеніе вопросовъ... въ родѣ тѣхъ, которые предлагаются въ одной старинной вѣстѣ, известной подъ именемъ *Голубиной Письмъ*:

- Который царь надъ царями царь?
- Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?
- Которая церковь всѣмъ церквамъ мать?
- Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?

Тутъ узнаете, что бѣлый царь надъ царями царь, что Иерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ, Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати. Такъ точно, встрѣтите вы книгу, глаголемую руководствомъ къ познанію, на-примѣръ, Россіи, задумайте себѣ вопросы:

- Который былъ первый русскій князь?
- Который городъ всѣмъ русскимъ городамъ мати?

или, желая знать современное состояніе Россіи, спросите книгу: а который выныче первый статистикъ въ Россіи? а который выныче первый артиллерійскій генералъ въ Россіи? а который выныче первый натуралистъ въ Россіи? а который выныче первый остроумный человекъ въ Россіи? И если книга вы-

сть разрѣшеніе этихъ вопросовъ, то довольны руководствомъ, и рекомендуемъ его своимъ знакомымъ, обѣ и они узнали то, чего еще, мотъ-быть, не знаютъ...

Авторъ «Руководства къ Познанію Кавказа» взялся написать книгу, въ которой постарался изобразить Кавказъ — равумѣется, во всёхъ отношеніяхъ, и въ историческомъ, и въ географическомъ, и въ топографическомъ, и въ военномъ, и въ промышленномъ, и пр. и пр... Плоче, онъ сдѣлалъ бы въ какомъ отношеніи... Онъ опытъ дошолъ до необходимости имѣть такое руководство, однажды поимъ въ дѣлѣ. Вотъ что онъ говоритъ:

«.....Руководство, основанное на Христіанскомъ благочестіи, можетъ быть полезно молодому поколѣнію, въ которомъ душевныя силы развертываются ищественно прогрессією, получая наивеліе ума и силъ физическихъ на иствленіе къ Кавказу: такое стремленіе души есть уже отблескъ подвига, который одвигъ?), не имѣя истиннаго руководителя, можеть расшибиться въ прахъ о илнства горы, заложить (подвигъ?) въ дѣлахъ его (?) и одрлжлать или умнть (все подвигъ-то?) отъ климата, не ищеся ни малѣйшей пользы для челоичества и знанія. Такое положеніе мы ищатимъ на себѣ, будучи удалены отъ ищества въ дѣлѣ, умалля (?) въ ищности, дать руководителю.» (Введ. стр. 1).

Почувствовавъ необходимость въ руководствѣ, г. М. С. рѣшился самъ, своєю книгою, быть руководителемъ всѣмъ имъ, съ которыми случится такое же ищастіе, какъ съ нимъ, т. е., если кто попадетъ въ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ:

«Вотъ ровно 10 лѣтъ, какъ удлалемъ кто? это ничего; читайте далѣе; авторъ часто обходится безъ подлежащаго въ своей фразѣ) . илнлмъ илнлмъ на ищаніе Кавказа, — и онъ великое произведеніе Всемогущей Природы, предъ которыми челоикъ познаеть свое безсиліе, ничтожность, по нашему ищанію, ищитъ пера ищанію и ищитъ»

• болле чистыхъ, одушевленныхъ искрою «Божією» (Введ. стр. 1)...

...чѣмъ что? Нужды имѣтъ; читайте далѣе; можетъ-быть, пораженный великимъ произведеніемъ Всемогущей Природы, челоикъ познаеть, между прочимъ, ничтожность грамматики и логики, брешность подлежащихъ, сказуемыхъ и винительныхъ падежей.

«Много людей писало, ищутъ и будутъ писать о Кавказѣ: намъ ищвѣстно до 70 древнихъ и новѣйшихъ писателей, изъ которыхъ получили (подлежаще презрѣно въ ищду Кавказа) наши свѣдѣнія, но много еще скрывается въ Армянскихъ, Грузинскихъ, Имеретинскихъ лѣтописяхъ и въ политическихъ дѣлахъ Рима, Византии, Трансока, Истамбула и Россіи. Словомъ сказать, съ того времени, какъ челоикъ сталъ ищуживать и ищать, ищумительный природою Кавказъ, имѣлъ своихъ современныхъ писателей, которые оставили намъ много истинныхъ сказаній, перемѣшанныхъ со сказками, заблужденіями и предразсудками страи: что необходимо ищачать крайне — зоркой критикой; тогда, сборъ фактовъ (?), представить картину рѣзкую, оживленную величіемъ природы Кавказа. Дѣлннн племена и исторія доказываютъ, что сюда въ горы, съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ скривлись остатки разбитыхъ племенъ, которые лзык не существуетъ въ новомъ ищрѣ, и корень ео, не могутъ ищыскать этимологисты. Такія племена гордись размножась, освоись съ страпою, за каждый шагъ земля, ищвѣрье и любовь женщины илн крошь цѣлыми поколѣніями, передавал свою ищраждѣнность къ потомкамъ.»

Потомъ авторъ вкратцѣ говоритъ, что «лавное чувство Кавказцевъ стремилось всегда къ Провидѣнію, и оттого проявленія ея (вѣроатию, ищчатка — не ею ли? но тогда опять ищвѣтъство, ищноситъ ли это къ чувству или къ Провидѣнію) . ищгучи, сильны до фанатизма и суевѣрія, пока не ищрочатся. Онъ рассказываетъ, что въ древности Кавказцы были язычники и страдали до ищстребленія отъ огнеищлонниковъ и ищщества; потомъ, хотя и ищстрадали до ищстребленія, ищничили христіанство и ищуханмедавство,

которое «ворвавшись силою и коварствомъ изъ горцавъ, шло съ неуверенностью, распространяясь *чрезъ страданія*, выказывая частыми примѣрами *фаластическую* любовь къ Боже-ству до восторга, но *чрезъ леточимыя* понятія о добродѣтели, *слабо* въ при-вычкахъ сладострастія, провозжающе-сти и народоубійствѣ». Это авторъ называетъ исторической нравственностью Кавказцевъ, что общаетъ далѣе *выказаны* исторически, представляя древнія племена, религію ихъ и сближеніе съ древне-образованными народами, также помощь Провидѣнія». Онъ заключаетъ такъ:

«Мы увѣрены, что всякій благоразумный читатель и житель Кавказа, прочитавъ описаніе запада Кавказа, можетъ примѣнить (?) и къ другимъ частямъ его; кромѣ того, *нигдѣ* *лостоянно* *при себѣ* (?), въ грустно-одинокой жизни, найдетъ *средство* для *созрѣнія души* *сильныя* и *милосердыя* *силы*, съ *умственными* *направленіями* для *его* *собственныхъ* *наблюденій*».

«Руководство къ Познанію Кавказа» должно состоять изъ трехъ книгъ; теперь вышла только первая. Судя по этой первой книгѣ, трудно что-нибудь сказать о содержаніи и системѣ цѣлаго творенія. Хотя въ предисловіи и говорить авторъ, что «Кавказъ нигдѣ своихъ современныхъ писателей съ того времени, какъ человекъ сталъ об-суживать и писать», однако въ первой части его мы находимъ только три главы: 1) замеченіе изъ «Путешествія Патриарха Досиея», который еще въ санѣ іеродіакова сопутствовалъ іерусалимскому патриарху Пасію въ его путешествіи по берегамъ Пропонтиды и Понта Эскенійскаго, и по странамъ прилегающимъ къ нимъ; а потомъ, будучи уже патриархомъ, рѣшился самъ предпринять путешествіе по разнымъ христіанскимъ странамъ для собранія милостыни на исправленіе дѣлъ іерусалимской церкви. Онъ, между прочимъ, посѣтилъ берега Чернаго-Моря, Понта и Иверію и оставилъ послѣ себя огромное сочиненіе на грече-

скомъ языкѣ—подъ заглавіемъ «Исторія Іерусалимскихъ Патриарховъ», которое и издано было послѣ его смерти въ 1715 году. Сочиненіе это нигдѣ очертанно и заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно-интересныхъ историческихъ данныхъ, этнографическихъ замѣтокъ и разсказовъ, характеризующихъ бытъ народовъ, видѣнныхъ патриархомъ. Авторъ «Руководства» выписалъ изъ его сочиненія многое, что относится къ исторіи Грузинъ, и выписки эти дополнилъ собственными замѣчаніями. Но въ этихъ выпискахъ нѣтъ никакой последовательности; вы читаете, во первыхъ, исчисленіе епархій иверійскаго края, неизвѣстно въ какую эпоху, а потомъ переходите вдругъ къ Флорентійскому-Собору, почему—неизвѣстно. Потомъ слѣдуетъ поименованіе разныхъ казыцкихъ народовъ, генеалогія ихъ царей, описаніе нѣкоторыхъ городовъ, которые посѣтилъ патриархъ, и исчисленіе ихъ достопримѣчательностей; потомъ о долгахъ грузинскихъ монастырей, — и все это представлено безъ связи, безъ последовательности. Къ чему же все это?..

Изъ первой главы, мы еще ро-но ничего не узнали о Кавказѣ и въ какомъ отношеніи, хотя и думали-было, что авторъ воспользовался 70-ю извѣстными ему древними и новѣйшими писателями, и если не напишетъ ничего самъ, то по крайней мѣрѣ скомпилуруетъ все, что можно найти по этому предмету, и воспользуется *сказаніями* писателей *современныхъ* Кавказу, а порыться есть въ чемъ—слава Богу!

Во второй главѣ, авторъ совсѣмъ покидаетъ Кавказъ и обращается къ Понту... Вотъ здѣсь-то онъ высказалъ въ свои познанія о древнѣйшихъ временахъ Понтійскаго Государства и Западно-Кавказскаго-Края: и расселенія народовъ, и греческія колоніи, и Митридатъ, и преланіе объ арговавтахъ... По-слушаемъ его-самого.

«До Рождества Христова, состояніе людей этого края (.) какъ и состояніе людей всего тогдашняго міра, было самое

лачевное: не имѣя истиннаго богопозна-
 я, — *альчество (?) достигло крайней сте-*
ени прасноеннаго уничтоженія, слѣдствы
разращенія естьтъ смѣл и способностей
 уми: разращенный умъ язычниковъ,
 стину считалъ за ложь, а ложь приня-
 лъ какъ истину, и по ней располагалъ
 сю жизнь свою и дѣла; разращенное
 сердце ихъ любило все, кромѣ истиннаго
 юга, и *вресмыкался въ растлѣнн, пре-*
стало послѣднюю юда безтрезвентно оскор-
лаа Бога Создателя невыразимыми без-
аконіями; воля ихъ, залушавшая въ себѣ
ослѣдную способность различать добро и
ло, любила и теорила только зло (?) предъ
югомъ и ближнимъ. Населеніе этого прі-
 орюрскаго края, страшная смѣсь анкаго
 змчества туземцевъ, *разращенно-уточен-*
аю лычества Грековъ и разращенно-гру-
аю лычества Римлянъ, загнанныхъ ту-
 а смлякою или торговою корыстью, хо-
 лъ и озаряло тусклыми и слабыми лу-
 ами истиннаго Богопознавія, сохраня-
 вагося у сыновъ царства Израильскаго,
 оторые и тамъ разсѣялись; но этотъ свѣтъ
 ѣлъ лишь безотвѣтнымъ пераскажан-
 ое ожесточеніе язычниковъ, а соблазн-
 ельный *примѣръ ихъ грѣховной жизни*
оашалъ и послѣдніе лучи свѣта, убивалъ
 послѣдніа силы нравственности Евре-
 въ.—Состояніе этого края, какъ и всего
 огдашняго человечества было гибельное—
 смля *вресмыкалась мерзостей человѣче-*
ствъ, и падшая природа человѣка по-
 ризала въ злѣ; всѣ человѣческіа ищры—
 справить ее, казались недѣйствительны-
 ми, законъ лишь обличалъ грѣхъ; оста-
 лось ожидать, чтобы самъ Всемогущій
 ооздалъ ее въ новую жизнь силы, свѣ-
 а и святости. »

Вотъ картина древняго міра, начер-
 анная мастерскою кистью! Любой дѣ-
 описецъ среднихъ вѣковъ повзавидо-
 валъ бы ей и охотно подписалъ бы
 юдъ нею свое имя...

Послѣ этого блистательнаго введе-
 нія, авторъ, къ великому удовольствію
 читателей, давно освободившихся отъ
 редне-ѣвковаго воззрѣнія на вещи,
 азсказываетъ довольно-просто и безъ
 ольшихъ риторическихъ прикрасъ
 исторію разнесенія проповѣди Христо-
 ой по Малой-Азій и по странамъ,
 прилегающимъ восточной и сѣверной
 асти Чернаго-Моря. Подвиги святыхъ

апостоловъ и мучениковъ, легенды, со-
 ставившіяся объ этой эпохѣ, въ кото-
 рую проявились великіа нравственные
 доблести человѣческіа, описаны до-
 вольно-послѣдовательно. Заимствуемъ
 изъ этой главы легенду о введеніи но-
 ваго ученія въ Грузію.

«Во время Константина Великаго на сце-
 ну Кавказа является Просвѣтительница
 Иверн Св. Нина. Будучи родственница
 Св. Георгію—она родомъ изъ Каппадокіи,
 принадлежала къ числу тѣхъ дѣствен-
 ницъ, посвященныхъ Богу, которыя въ
 дни гоненія Діоклітіана, спасая жизнь
 свою, вѣру и дѣвство удалялись изъ
 предѣловъ Римской Имперіи въ Арме-
 нію, изъ которыхъ 37 были тамъ заму-
 чены Тиридатомъ, и Нина спасаясь опять
 съ одною изъ спутницъ скрылась въ Гру-
 зію. Тамъ постыничествомъ, непрестанными
 молитвами о сохраненіи дѣвственной чи-
 стоты—пріобрѣла общее уваженіе . . . .
 . . . . . Но царь Миріамъ — языкъ-
 никъ отвергалъ увѣщаніе, святые подвиги
 Нины: надобно было сдѣлаться чуду,
 чтобы обратитъ его на путь истины. Такъ
 и совершилось. Царь охотясь въ горахъ,
 вдругъ окруженъ былъ туманомъ; чув-
 ство страха совершило исцѣленіе языч-
 ка; боясь упасть въ бездну, или заблу-
 диться онъ вспомнилъ Св. Нину и кляд-
 ся принять христіанство, если прибудетъ
 домой. Туманъ разсѣялся и Миріамъ воз-
 вратясь исполнилъ слово: идолы были
 брошены и народъ слѣдуя ему крестился,
 Чудеса Нины сопровождали эти дѣйствія;
 за тѣмъ она употребила все силы для
 узнанія, гдѣ скрывается риза Спасителя.
 Царь приступилъ къ розыску, святымъ
 не должна была скрываться въ землѣ. Нѣкто
 Авиаторъ изъ Іудеевъ, жившихъ въ Мцхе-
 тѣ, происходившій чрезъ длинный рядъ
 поколѣнія изъ рода сказаннаго вонна,
 бывшаго при распятіи Спасителя, съ не-
 видимю его помощію указалъ мѣсто ри-
 зы подъ кедромъ. Кедръ срубленъ и по
 многоцѣлебности розданъ на кресты и не-
 мощнымъ для исцѣленія: риза найдена,
 она закрывала прахъ дѣвнцы Сидоніи. На
 этомъ мѣстѣ, царь, при помощи Боговдох-
 новенной Нины и чудеса, расчистивъ
 виноградный садъ, построилъ храмъ во
 имя 12-ти Апостоловъ и Нина сконча-
 лась.» (Гл. II. стр. 103, 106, 107. То же
 слово-въ-слово рассказано авторомъ и на
 стр. 28).

Третья и последняя статья - Руководства къ Повнианю Кавказа - названа - Перепискою Грузино-Кавказских Царей съ Россіею. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ авторомъ весьма-мелочный и сбивчивый очеркъ сношеній Россіи съ Грузіею; потомъ приводятся нѣсколько документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые извѣстны, другіе еще не были изданы. Изъ нихъ замѣчательно одно письмо, хранящееся въ грузинскихъ архивахъ, № 5; это посланіе грузинскаго царя Теймураза, писанное въ 1639 г. къ царю Михаилу Θεодоровичу; оно заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ частности о происшествіяхъ того времени, о лицахъ, а также и о дорогѣ, по которой слѣдовали послы обѣихъ державъ.

Изъ царскаго отвѣта на это письмо въ 1641 г. видно, что до того времени было два посольства отъ Теймураза, одно въ 1619 г., къ царю, а другое въ 1624 г., къ патриарху Филарету Никитичу. Слѣдствіемъ перваго посольства было то, что Иверія была принята подъ покровительство Россіи; въ слѣдствіе втораго было написано къ Шахъ-Абасу письмо въ защиту грузинскаго царя. Наконецъ, въ 1637 г., совершилъ третье путешествіе въ Москву митрополитъ Никифоръ — лицо, которое стоитъ того, чтобъ на него обратить вниманіе.

«Этотъ Никифоръ (говоритъ авторъ) былъ іерусалимскій монахъ, котораго царь Теймуразъ за четыре года предъ симъ (въ 1635 г.), выпросилъ у патриарха Кирилла, не бывши доволенъ своими предыдущими посланн, и объявляя, что между его посланными никто не можетъ замѣнить Никифора: ни одинъ грузинскій Архіерей не умѣлъ читать.» (Стр. 147).

Никифоръ много странствовалъ, исполнялъ разныя дипломатическія порученія Теймураза, и между прочимъ былъ въ Россіи.

«Когда смерть похитила у Теймураза Католикоса Захарія и Архіепископа Іоанна, двухъ добрыхъ и ученыхъ мужей, которыхъ услуги по видимому были для

него когда-то полезны, то этотъ царь не зналъ къ кому больше обратиться. Въ его владѣніяхъ не находилось другаго священника или дворянина, который бы могъ ему быть помощникомъ и посредникомъ между царемъ. Никифоръ шесть мѣсяцевъ противился настоянныиъ просьбамъ...»]

Нѣтъ возможности слѣдовать за разсказомъ автора, потому что его повѣствованіе крайне - сбивчиво; дѣло въ томъ, кажется, что Никифоръ не сходился съ Теймуразомъ въ планахъ, какъ помочь Грузіи въ ея стѣсненномъ положеніи. Наконецъ, дѣло о посольствѣ его въ Москву было рѣшено.

«Прежде нежели онъ рѣшился отпрavitъ-ся обратно (?) потребовалъ (онъ), чтобы царь грузинскій и его дворяне формально обязались исполнить обѣщанія, которыя онъ доставитъ, и чтобъ ему дали письмо содержащее изъясненіе покорности Грузіи Царю Русскому; и наконецъ, чтобы ему позволили обратить вниманіе этого монарха на золотыя и серебряныя руды Тумета, и выпросить у него работниковъ для разработки. Только послѣдній пунктъ былъ оспорижаемъ, потому что, говорилъ царь (грузинскій), было бы грѣшно открывать рудоконни, которыхъ никогда еще не трогали.» Но Никифоръ настоялъ и Грузинскій царь обязался раздѣлить съ Россіею, прибытокъ отъ рудоконенъ, если ему только доставятъ людей способныхъ къ такой работѣ.»

Другой любопытный документъ, приводимый авторомъ - Руководства, есть списокъ, приложенный въ изъ оригиналъ и въ переводѣ, съ границахъ царя Михаила Θεодоровича, въ которой описаны тѣ же происшествія и предъидущія сношенія наши съ Теймуразомъ; въ заключеніе, царь изъяснилъ свое согласіе на принатіе подданства царя грузинскаго, и выстѣ съ тѣмъ говорится слѣдующее: «Мы послали также... нашего боярина и князя Θεодора Θεодоровича Волконскаго, и нашего дѣяка Артемія Хизова, повелѣвая имъ: осмотрѣть его (Теймуразову) госуларства, страну и мѣстности, разсмотрѣть православную христіанскую вѣру, святыхъ цер-

ни и чудотворныя, святые мощи, и съ послани нашими отправили людей духовнаго чина.

Приводимъ эти факты — участіе митрополита Никифора въ сношеніяхъ з Россією и отправленіе нашихъ духовныхъ для устройенія грузинской церкви — какъ любопытныя данныя для будущихъ разработывателей этого историческаго событія, которое грядетъ еще не только не объяснено, но даже и не изложено порядочно авторомъ «Руководства къ Познанію Кавказа»...

Но... познали ли мы Кавказъ, проинтавъ эту книгу?.. До-сихъ-поръ еще нѣтъ; будемъ ждать слѣдующихъ двухъ книгъ: до-сихъ-поръ, г. М. С. Продвигъ только около своего предмета. Во всякомъ случаѣ, судя по первой части, мы очень сомнѣваемся, чтобы имѣя постоянно при себѣ это руководство, какъ выразился авторъ въ предисловіи, кто-нибудь, «въ грустномъ и одинокой жизни», могъ извлечь изъ него какую нибудь пользу; даже самая мысль автора намъ непонятна, потому что онъ рекомендуетъ всякому свою книгу, какъ средство для сохраненія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, съ умственнымъ направленіемъ для его собственныхъ наблюденій...

178) Новая Библиотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкимъ. Книжка IV. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 16-ю д. л. 193 стр.

Лучшая статья этой книжки есть продолженіе «Русской лѣтописи для первоначальнаго чтенія», прекрасный рассказъ г. Соловьева, который въ короткое время написалъ уже много замѣчательнаго по исторіи отечественной. Слѣдующая статья — окончаніе описанія Атлантическаго-Океана; третья — окончаніе сокращеннаго изложенія Одиссея; четвертая — Соловей, сказка Андерсена. Такимъ-образомъ, въ каждомъ номерѣ полезнаго изданія г. Рѣдкина находимъ и статьи для изуче-

нія дѣтямъ, и статьи для чтенія, имъ приличнаго.

179) Есть ли гдѣ Конецъ Свѣту? сочиненіе Н. Данилевскаго и А. Оссовскаго. (Первая часть перваго курса чтеній изъ географіи). Санктпетербургъ. 1847. Въ 6-ю д. л. 159 стр.

На популярно изложеніе смотреть двояко. Одни полагаютъ популярное изложеніе въ ясномъ разсказѣ, очищенномъ отъ техническихъ выраженій, прилагаютъ иногда своему сочиненію форму разговора, бестыды, въ совершенной увѣренности, что если изложеніе не сухо, если оно у нихъ выливается не въ формѣ педагогическаго учебника или руководства, такъ вотъ оно и популярное изложеніе. Другіе полагаютъ, что сочиненіе тогда популярно, когда изложенныя въ немъ истины оставлены безъ доказательствъ, т. е. безъ полнаго развитія.

Всѣ эти упростили никакъ не хотятъ поставить себя въ уровень съ читателемъ и съ какой-то обидной высоты бросаютъ ему крошки и объѣдки своей немарѣчной премудрости: довольно-молъ съ тебя и этого; ты еще велемъ, поживи съ наше, узнаешь и остальное. Существенный признакъ истинно-популярнаго изложенія науки заключается, напротивъ, въ умѣнн автора *войдти въ положеніе* любознательнаго ученика, заинтересованнаго его невѣдѣніемъ, его сомнѣніями, его неразвитіемъ. Такое изложеніе больше всего походитъ на откровенную исповѣдь въ томъ, какъ самъ авторъ дошелъ до уразумѣнія излагаемыхъ имъ истинъ, какія трудности преодолѣлъ онъ самъ при этомъ процесѣ, что его затрудняло, обольщало, пугало и наконецъ — развязывало. По этой-то системѣ написана книжка «Есть ли гдѣ Конецъ Свѣту?». Припомните, какъ въ дѣтствѣ, обучаясь математической географіи, воображали вы земную ось, восходъ и закатъ солнца, — припомните, какъ безпокоили васъ наши аучилы, стоящіе вѣнъ головою, да еще и непривычныя ничѣмъ къ земной поверхности, —

припомните всё эти недоумѣнія и согласитесь, какъ кстати было бы вамъ тогда вотъ такое вложене дѣла:

«Куда бы ни поѣхалъ человекъ, хоть и за тысячу верстъ, вездѣ Свѣтъ такой же, какъ и у насъ: земля всюду кажется широкимъ полемъ, а небо какъ хрустальный сводъ, стоитъ, кажется, на краяхъ земля, такъ-что нныя облака, подумавъ, можно бы доставать рукою. Есть и сказка въ простомъ народѣ, будто бы на концѣ Свѣта, когда моютъ бѣлье, то, для просушки, развѣшиваютъ его на облакахъ.

«Людыя всегда до крайности хотѣлось побывать на самыхъ краяхъ Свѣта, чтобы посмотреть оттуда, каково тамъ дальшетма ли тамъ какая, туманъ ли, вода или просто бездна, пропасть, въ которую поглядѣть—такъ волосы дыбомъ стануть... Но пуститься въ такой путь никто не рѣшался, и не скоро нашлись смѣльчаки, которые отважились на это великое дѣло. Помолясь Богу, простившись съ родиною, многие и отправились-было въ этотъ неизвестный путь; но, перейдя разныя страны и земли, не только не добрались до конца Свѣта, но не могли съѣхать и съ середины земнаго круга. И за десять тысячъ верстъ, среди незнакомыхъ земель и народовъ, все также кругомъ сияютъ края неба и земли, все также стоитъ, кажется, въ самой серединѣ земли, подъ самой вершиной лазурнаго свода небесъ.

«Послѣ подобныхъ путешествій, людыя въ особенности непонятнымъ казалось то, что до облаковъ, лежащихъ на краяхъ земли, представляется болѣе 20 или 30 верстъ, а между тѣмъ, пройдя и 500 верстъ, все ихъ видишь впереди... Если бы до облаковъ было дальше тридцати верстъ, напримѣръ 500 или 1000, то развѣ можно было бы, думая о себѣ, видѣть ихъ въ такой дали? Если бы въ такой дали можно было видѣть облако, то ужъ конечно видѣтъ былъ бы и городъ такой же далекой, и гора, и лѣсъ; а между тѣмъ, ни городовъ, ни лѣсовъ такихъ далекихъ мы не видимъ... При томъ же, отчего на краю земли видѣется, напримѣръ, село какое нибудь или церковь, а тамъ уже и небо стоитъ, кажется на землѣ и облако лежитъ на самой церкви,—добрѣшь только до этого мѣста, то и церковь не на краю Свѣта, и облако вовсе не на церкви; напротивъ, церковь, какъ будто чудомъ какою, очутится тогда въ

самой серединѣ круга земнаго, а края неба и земли подвинутся впередъ... (Стр. 1,2,3).

Вотъ съ чего начали гг. Давиденскій и Оссовскій — *ad ovo*; съ первой страницы уже заинтересовали они своего читателя. Такой способъ вложенія выдержанъ во всей книгѣ. Не сказавъ еще, что земля круглая они постепенно готовятъ къ этому: представляютъ мнѣнне, господство вавшее въ древности, отъ нецѣпнаго предположенія переходятъ къ болѣе вѣроятному, потомъ показываютъ, что болѣе - вѣроятное предположенне все таки предположенне нецѣпное и наконецъ, послѣ многихъ переходовъ, обезопасившись со стороны сомнѣній, объявляютъ, что земля круглая. Стремясь постоянно къ цѣли, посмотрите, какъ разнообразятъ они свой рассказъ:

«Не отыскавши такимъ образомъ — ни конца Свѣта, ни оконъ для восхода и заката, люди съ гора стали смотрѣть на свое солнце и задумались для развѣтченія о другомъ; отчего солнце такъ тихо, кажется, идетъ по небу, а между-тѣмъ, летитъ за нимъ хоть на курьерскихъ, то не догонитъ... Смотришь — стоитъ, кажется, и не идетъ, а попытайся идти къ стороне заката, бѣжать, летѣть хоть цѣлымъ днем, оно все обгонитъ и закатится далеко впереди... значитъ — оно, хоть вдалеки идетъ вовсе неприятно, тамъ летитъ, можетъ быть, какъ пушечное ядро (стр. 3).

«Такимъ образомъ и долго люди разсуждали; но наконецъ, тѣмъ, которымъ нѣтъ ума не выходило—отчего края земли кажутся всегда не далѣе тридцати верстъ, а между-тѣмъ до нихъ никакъ не добьются, и края эти какъ будто идутъ за человекомъ, — пришла мысль, что если бы человекъ былъ комаръ, а земля ушасвой величины шаръ, то точь-въ-точь это самое выходило бы, то есть, края Свѣта назывались бы близкими, все ходило бы за человекомъ, а между-тѣмъ ни гдѣ не нашель бы онъ конца Свѣту. Малому животному, посажанному на большаго шаръ, былъ бы видѣтъ не весь шаръ, а небольшой кружокъ только, и какъ скоро животное пошло бы по этому шару,

и кружокъ этотъ — какъ будто ходилъ и за нимъ, не выпуская его изъ своей предлинн. Съ облаками даже было бы то самое... Если бы облака были поодаль вокругъ такого шара, то комару, во-первыхъ, видны были бы тѣ только облака, которыхъ не закрывали бы берега кружка, видимаго ему на шарѣ; во-вторыхъ, лѣвнѣя облака представлялись бы лежащими на шарѣ; въ-третьихъ, края кружка и облаковъ, какъ будто бы ходили за нимъ. Словомъ, если бы для комара вѣшать изъ земли шаръ величиною съ ономъ, и окружить этотъ шаръ поодаль облаками, то и комаръ, расхаживая по такому Свѣту, также постигнуть не могъ бы отчего за нимъ гоняются края неба и земли, не выпуская его изъ своей середины, и почему никакъ нельзя добраться до конца Свѣта» (стр. 6 и 7).

Но тутъ еще не все: еще читатель готовъ на половинѣ дороги къ истинѣ. Вторые еще расскажутъ ему, что *многие до того понравились умничанья и мысли, что и разсуждать было перестали*, и что Греки, за 1000 лѣтъ до Р. Х., придумали для солнца лодку, въ которую оно садилось, обливъ нурью и затопивъ бездною золота весь горизонтъ, и около сѣверныхъ береговъ свѣта каталось поспиней рѣкъ Окену, и на утро опять несло съ собою къ акату. Они объяснятъ ему и происхожденія *шартара*: есть-де, молъ, сволъ одезный, говорилъ въ старину, но на воляхъ этомъ не мерцаютъ звѣзды, не брызгъ солнце, а холодно тамъ и темно, какъ въ могилѣ; упомянуть и о семи столбахъ и о китѣ, не оставать въ окош и Индѣйцевъ, — осрамить, просто осрамить, разсказавъ, что Индѣйцы полагаютъ, будто земля лежитъ на словѣ, а слово стоитъ на черепахъ, а черепаха а чемъ стоитъ, богобоязненный Индѣецъ и подумать не смѣетъ. Наконецъ, было дошло до Магеллана. Разсказавъ съ его путешествіемъ рѣшительно верхъ совершенства:

«Правду сказать, если бы не Португальцы Магелланъ, то къ разнымъ сказкамъ о землѣ и солнцѣ навѣрное еще десятка три прибавилось бы. Къ счастью, въ 1492 году послѣ Р. Х., то есть, тому уже

болѣе 300 лѣтъ, вдругъ прошла по свѣту вѣсть, что какой-то мореходецъ все узналъ — и гдѣ конецъ Свѣту, и какъ солнце всходитъ и заходитъ, и что такое на другой сторонѣ земли? Сперва, разумѣется, никто и не думалъ этому слуху повѣрить, — вѣдь тысячи людей и нѣскольکو тысячъ лѣтъ добивались, и ничего не могли узнать, а тутъ вдругъ одинъ человекъ все будто узналъ и разсказалъ, — но потомъ, какъ разобрали дѣло хорошенько, и оказалось — что точно одно морское путешествие Магеллана заключало въ себѣ болѣе и ума и правды, нежели всѣ гаданія и вымыслы столькихъ вѣковъ и годовъ.» (Стр. 10.)

Вотъ, дѣло дошло до развязки; но гг. Данилевскому и Оссовскому мало того, что они довели до этого пункта читателя, ни мало не утомивъ его. Они и развязку-то обставили полною занимательностью: тутъ есть своего рода драматизмъ. А припомните-ка, какъ во многихъ книжкахъ объясняется, что земля кругла? (далеко и ходить не надо). — Земля кругла, говорятъ эти книжники: доказательствомъ служитъ то, что на морѣ появляется прежде верхняя часть мачты, потомъ верхніе паруса, далѣе нижніе, а наконецъ уже и весь корабль; за этимъ доказательствомъ слѣдуютъ еще два-три и дѣло съ концомъ. Учитель велитъ ребенку это заучить — и все тутъ. Въ книгѣ же гг. Данилевскаго и Оссовскаго, ребенку, по прочтеніи этихъ страницъ, учить нечего! У него съ раза все останется въ памяти.

«Дѣло вотъ въ чемъ (продолжаютъ авторы): далеко на моряхъ, за двѣнадцать тысячъ верстъ отъ нашихъ сторонъ (а въ объѣздъ будетъ и двадцать тысячъ верстъ), есть острова, на которыхъ растутъ множество дорогихъ душистыхъ растений (корица, гвоздика, нибаръ, мускатное дерево и прочее), отчего и острова названы *Молукскими*, то есть, пряными, душистыми. Острова Молукскіе принадлежатъ Португальцамъ; ѣздить къ этимъ островамъ отъ португальской земли надобно на Востокъ, откуда всякій день восходитъ солнце. Португалецъ же Магелланъ отправился въ море совсѣмъ въ другую сторону, на

Занежь, гдѣ солнце заходитъ. Казалось бы, совсѣмъ невозможное дѣло дойти этимъ путемъ до острововъ Молукскихъ. Вотъ ѣдетъ Магелланъ мѣсяць, два, три, ѣдетъ годъ, ѣдетъ и больше, все болѣе и болѣе удаляясь, какъ отъ своей земли, такъ и отъ Молукскихъ острововъ, лежащихъ на Востокѣ. Наконецъ открывається неизвѣстный островъ, открывається и другой, и третій, и десятый. Вотъ мореплавателямъ напередъ уже представляется, что тутъ встрѣтятъ они какихъ-нибудь особенныхъ людей, невиданныхъ птицъ и зверей, чудныхъ деревьевъ и травы, и нардоваться не могутъ, что не даромъ же столько странствовали по неизвѣстнымъ водамъ. Только что жь? Побывавши на нѣкоторыхъ островахъ и найдя тамъ въ-самомъ-дѣлѣ много рѣдкостей, подвѣзжаютъ они еще къ одному и, къ удивленію, встрѣчаютъ тутъ земляковъ своихъ! Какимъ же это чудомъ, спрашиваютъ мореходцы земляковъ, какъ вы сюда попали?.. А жители острова имъ отвѣчаютъ, что тутъ они давно живутъ, что это ихъ же Молукскіе (пріные) острова, къ которымъ ѣздитъ отъ Португальской земли на востокъ... Какъ-такъ? еще съ болышимъ удивленіемъ спросили путешественники: можетъ ли это быть? Изъ дому мы отправились на западъ, какъ же могли мы пріѣхать на Молукскіе острова: ѣдъ къ Молукскимъ островамъ надо ѣхать не на западъ, а на востокъ?.. Вотъ мореходцы идутъ въ городъ на островѣ... И что жь? Узнаютъ, что точно это и городъ ихъ... Такого чуда понять не могли ни мореходцы, ни жители острововъ: толкамъ и сужденіямъ вѣка не было. Когда потомъ стали собираться отплыть въ море, то путешественники долго не могли придумать, какой стороной имъ ѣхать домой — назадъ или впередъ? Назадъ ѣхать тѣмъ путемъ, которымъ сюда пріѣхали, ужь конечно возвратились бы домой; но и впередъ отправиться, хотя и совсѣмъ противнымъ путемъ, все будешь дома, потому, что земляки ихъ всегда ѣздитъ на эти острова — этимъ самымъ путемъ... Выходятъ, что пойдешь на западъ, пріѣдешь домой, пойдешь и на востокъ — все пріѣдешь домой. Дѣло ценостижимое!.. Однако путешественники рѣшили ѣхать далѣе, впередъ, то есть, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ всегда корабль изъ ихъ страны ходитъ на эти острова, и, послѣ трехлѣтняго странствованія, прибыли на

конецъ на родину. Дома они рассказали чудное свое приключеніе, но нѣтъ и по-давно гѣрить не хотѣли, полагая, что они навѣрное заблудились, сбились съ пути, и, вмѣсто того, чтобы впередъ ѣхать, ѣхали назадъ. Однако, какъ слухъ объ этомъ разошелся по свѣту, а путешественники стояли на одномъ, что якобы не сбились они съ пути, доказывая это тѣмъ, что они ѣхали мимо острововъ и земель, которые совсѣмъ не по пути къ Молукскимъ островамъ, то многіе отправились на корабляхъ нарочно, чтобы узнать — можно ли въ-самомъ-дѣлѣ пріѣхать къ Молукскимъ островамъ западной стороной, то есть, плыва отъ нихъ прочь. И что жь? Къ болышему еще удивленію — и вышло такъ... А! Вотъ тогда уже всѣ стали догадываться — какаа тутъ должна быть причина. Согласиться только, что земля не поле широкое, не плоскій кругъ, а родъ огромнаго ядра, шара, то и эта загадка разгадана: по шару и на западъ пойдешь, приплывешь къ островамъ, которые на другой сторонѣ этого шара, — а на Востокъ пойдешь, все будешь тамъ...

Такъ вотъ и конецъ свѣта, подумали люди... Какой же конецъ въ шарѣ? (Стр. 10, 11, 12 и 13).

Далѣе объясняется, почему люди и падаютъ, хотя казалось бы, что стоять въ другомъ полушаріи головами внизъ. *Когда, послѣ предположенія о землѣ сферической, люди перестали беззаботно о томъ, какъ жь жить подъ Шаромъ Земли всерхъ ногами, а рачно и о томъ, какъ тамъ дому стоять крышею внизъ (стр. 22), и когда гг. Данилевскій и Оссовскій устроили такъ, что и читателя ихъ подобная мысль смущать не будетъ, они перешли къ тому, какъ стали вычислять землю, и вычисляя землю не забыли и о солнцѣ*

«Перебарая въ умѣ и силу солнечныхъ лучей, отъ которыхъ все на свѣтѣ живетъ и нѣтаетъ, и непримѣтный ходъ солнца вокругъ свѣта, а равно и то, что оно слѣдуетъ свѣту параставъ и народомъ, — рѣшились, наконецъ, повѣрить своимъ расчетамъ и согласиться, что Шаръ Земной, или нашъ свѣтъ, претитъ Солнцѣ-выдлинкѣ». (Стр. 25).

Потомъ авторы перешли къ звѣздамъ и привели, говоря, что *кстати прочитайте стихи славнаго русскаго сочинителя Державина* (стр. 27), оду — «Богъ». Потомъ опять приступили къ дѣлу и объяснили, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца вертится, рассказали о Галилеѣ и о томъ, какъ его посадили въ тюрьму.

Особенно Папа Римскій на него (Галилея) рассердился, какъ онъ смѣлъ, думать, выдумать, будто бы не Солнце ходитъ около Земли, а самъ Шаръ Земной, съ морями, горами, лѣсами, съ царствами и городами — оборачивается, какъ колесо на оси!» (Стр. 33).

Посмотрите, какое наглядное понятіе представляютъ авторы молодому уму, изображая на то, что мы сами не замечаемъ, чтобъ земля вертѣлась вокругъ.

... Только всего възрѣе въ этомъ мы достовѣрились бы, если бъ пробыли ночь в большой баркѣ, когда она сама собою плыветъ по теченію рѣки. Видя, что на толкѣ каюты спокойно горитъ свѣча, на скамейкѣ беззаботно сидитъ котъ и все вокругъ насъ спокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ, насколько не двигался и не качался, мы и не знали бы, что ѣдемъ. Выглянувъ же послѣ этого днемъ въ кошко—и видя, что вмѣстѣ съ берегомъ рѣки, лѣсъ, горы и деревни остаются все позади насъ, мы и вѣрять не хотѣли бы, что они стоятъ на одномъ мѣстѣ, и что напротивъ мы, со всей своей компаніей, несемся впередъ. Увѣрить насъ тогда въ томъ могло бы только размышленіе, что орадо сходяще баркѣ съ каюты, нежели береганъ рѣки съ окрестною землею движутся впередъ.» (Стр. 33).

Наконецъ, рассказавъ о солнцѣ, звѣздахъ и лузѣ, авторы спускаются на землю, которая *всегда остается главною почкою, идя мысли наши и начинаются оканчиваются* (стр. 41 и 42).

Объяснить мальчику или дѣвочкѣ какія вещи, какъ солнце или луна, картина, которая смотритъ на насъ съ небосклона и представляется взору не оутѣ крушней рѣки, и землю, необо-

зримою равниною развертывающуюся передъ нами, окаймленную по горизонту лилово синеватыми горами, перерѣзанную громадными рѣками, зелѣнѣющую рощами и цвѣтущими обширными лугами, а иногда сіяющую серебрянымъ свѣгомъ и льдомъ,—объяснить намъ, что громада эта лишь въ 30 разъ больше луны—рѣвы, что теплящаяся звѣздочка не въ примѣръ больше гигантской земли, и что для составленія солнечной массы нужно почти полтора миліона земныхъ шаровъ,—передать это такъ наглядно, ясно, послѣдовательно, переходя отъ одного предположенія къ другому, изображая процессъ, который выработался извѣстная идея, и все разнообразя до нельзя—право, это трудъ, заслуживающій полнаго вниманія и благодарности...

«Вслѣдъ за опредѣленіемъ вида и величины земли, послѣ взгляда на небо съ его чудесами, все вниманіе свое человѣкъ обратилъ на внутреннюю жизнь Земнаго Шара, на дѣйствія и расположенія на немъ теплоты и свѣта солнечныхъ лучей.» (Стр. 42.)

За этимъ слѣдуетъ прекрасное описаніе компаса и, какъ слѣдствіе открытія этой магнитной стрѣлки,—открытіе Америки. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ статейки: *Откуда рѣки берутъ воду и куда ее дѣютъ? Что такое облака?* и др. Выпишемъ нѣсколько строкъ: выписки будутъ лучшею, самую краснорѣчивую похвалю. «Вѣдъ вода въ рѣкахъ течетъ отъ творенія міра и течетъ день и ночь...» Какъ мастерски постановленъ вопросъ! По прочтеніи этихъ строкъ, въ читателѣ тотчасъ рождается мысль: въ-самомъ-дѣлѣ, откуда же это берутъ онѣ столько воды?—и вотъ онъ жадно спѣшитъ прочесть объясненіе:

«Шаръ Земной не такъ ровенъ и гладокъ, какъ какой нибудь каменный или стеклянный шаръ. На немъ есть въ нѣкихъ мѣстахъ дощички, которые для насъ, незамѣтныхъ пылинокъ, и большія дощички; въ нѣкихъ мѣстахъ бугорки, по нашему—холмы и горы; а какъ внизу всегда те-

дѣе, нежели сверху, и на высокихъ мѣстахъ и дѣломъ холодно почти также, какъ зимой или подъ полюсами, то этого и довольно для того, чтобы происходило вѣчное теченіе водъ на землѣ. Отъ солнца, которое безпрестанно грѣетъ воды океана, особенно въ жаркой полосѣ, идущей по самой серединѣ Великаго и Атлантическаго океана, а также черезъ Африку и Америку, — съ морей и океановъ, а также изъ болотъ и озерь безпрестанно подымается сырость. Вѣтеръ эту сырость разноситъ вездѣ: высокія и холодныя мѣста отъ этого сырѣютъ, подобно холоднымъ странамъ у полюсовъ, — и эта самая сырость стекаетъ по землѣ, сперва непримѣтно, тоненькими жилками, потомъ ключами, ручейками, и наконецъ, когда ключи и ручейки соединяются въ рѣчки, а многія рѣчки сольются въ большія русла, всѣ эти воды отходятъ большими рѣками обратно въ моря и океаны. Сколько отъ жару воды испарится въ океанѣ, столько опять рѣками и стечетъ въ него. Вотъ оттого-то, хоть въ моря и океаны вода льется многими рѣками день и ночь отъ самаго сотворенія міра, между-тѣмъ, ни моря ни океаны никогда не выходятъ изъ береговъ... (Стр. 64 и 65).

Объяснивъ такимъ-образомъ, откуда рѣки берутъ воду и куда ее дваютъ, гг. Данилевскій и Оссовскій представляютъ читателямъ прежде-господствовавшее мнѣніе объ этомъ предметѣ, именно, что вода изъ моря просачивается въ высокія мѣста и съ нихъ опять течетъ въ море. Они приводятъ и прирѣчья, вводившіе въ это заблужденіе, — кусокъ сахара на мокромъ блюдѣ и теченіе воды изъ стакана съ водою по тесемкѣ, вывѣшенной однимъ концомъ черезъ край: тутъ очевидно вода просачивается черезъ тесемку *сверху* и по ней же стекаетъ *внизъ*. Молодой умъ готовъ уже, кажется, и уступить этому доказательству, столь для него наглядному, тѣмъ болѣе, что авторы сказали: *толкованіе это еще болѣе покажется ложнымъ на дѣло.. и пр.* (стр. 66), а молодость всегда находится подъ влияніемъ чего бы то ни было. Но не бойтесь! Сочинители дѣлаютъ *coup de maître* и говорятъ: «Но при этомъ довольно замѣтить одно только, что когда друиой

конецъ тесемки *спущенъ* не ниже воды, въ которую опущена *первая* концъ, то вода и не будетъ вытекать, — какъ же послѣ этого вода могла бы течь въ рѣку, когда конецъ рѣки, или устья, не ниже водъ моря, въ которомъ будто бы и подземное ея начало?» — Вездѣ несогласная доказательность, умѣные статьи на одну доску съ читателемъ, иди съ нимъ рука-объ-руку и, до поры до времени, какъ-бы раздѣляя его *взбоденныя заблужденія!* Одинъ есть только недостатокъ въ этомъ сочиненіи: жаль, что авторы такъ долго остаются вливаются на *нелѣпныхъ мнѣніяхъ*, а главное, еще долѣе объясняютъ ихъ, посвящая праздному разсказу двѣ-три страницы. Такъ, на-примѣръ, приступайтесь, что говорить они о *громе*.

«О *громе* выдумали-было въ старину, что это особый богъ — *Перунъ*, который, бѣгая по облакамъ, стрѣляетъ изъ тѣхъ, въ кого онъ разсердился. Да и теперь даже въ простомъ народѣ многіе говорятъ, будто Илья Пророкъ со стукомъ *бѣгаетъ* по облакамъ, гоняется за злыми духомъ въ огненной колесницѣ и бросаетъ въ него раскаленные стрѣлы!.. А всѣ эти чудеса отчего родились? Отъ дѣлности — подумайте поразсудить... (Стр. 74).

И прекрасно! и приступитъ бы въ естественному объясненію грома. Но они продолжаютъ:

«Богу если бы угодно было убить злаго духа, то Ему стоило бы сказать — *вогибли!* и дьявола какъ не бывало... Вѣдь кажется гораздо болѣе надобно силы и могущества, чтобы сотворить *звѣзду*, *Селю* или *Солнце*, а Богъ, создалъ *Міръ*, сказалъ только — *еда будетъ!* и столько *звѣздъ* зажглось, и такое дивное *Солнце* засіяло, и столько *планетъ* двинулось кружить около него!.. А дьяволъ — что такое? Ангелъ Божій, убитый за ослушаніе и непокорность Всевышнему Творцу а Богъ Священное писаніе говоритъ, что когда нѣкоторые Ангелы, возгордятся своимъ *умомъ* и *силою*, выдумали-было пойти противъ воли Всевышняго, то, по слову Его, какъ градъ посыпался съ неба въ адъ. Также развѣ жъ теперь Божье слово не имѣло бы *младъ* имъ, убитымъ

же, столько же силы, что надо будто за гнѣмъ посылать Святыхъ Угодниковъ?... (а притомъ же, такіе толкователи чудесъ ожихъ подумали бы—отчего Илѣя Пророку всегда случается лѣтомъ гоняться за нимъ духомъ, а не зимою?.. Да и лѣтѣмъ громъ случается не иначе, какъ по тѣмъ большахъ жаровъ... Вѣдь тутъ подуть только, почему жъ злому духу лѣтѣмъ лучше гулять, нежели зимою?.. Напротивъ, кажется, если бы злому духу озвонено было прогуливаться, то ему во то разъ сходить было бы гулять по морю, чтобы сколько-нибудь прохладиться въ жаркаго и душнаго воздуха въ аду... пр. и пр.

Рѣшительно дико! Съ грустью проли мы эти страницы, тѣмъ болѣе, что въ одномъ мѣстѣ разбираемой нами книги, гг. Данилевскій и Оссовскій, полнѣе прекраснаго объясненія, что такое блака, снѣгъ, градъ и прочее, говорятъ: «Такъ вотъ, какъ все это дѣлается; а кто этого не знаетъ, тотъ и вѣрять всякимъ толкамъ». Если же они разказали, что такое громъ, если читатели и ихъ знаютъ уже, что это за явленіе, о неужели повѣрятъ они какимъ-нибудь нелѣпыми разказаніямъ старухъ... Вѣдь все дѣло въ томъ, чтобы направитъ начинающаго мыслить къ истинѣ,—а этого гг. Данилевскій и Оссовскій достигаютъ мастерски! Приводитъ нѣвыя прежде-господствовавшія—это вопросъ совершенно-другой; тутъ нѣвѣе цѣлыхъ вѣковъ, страны, народовъ—патриція и плебея, матроны и поселанки, рыцаря и раба; но приводитъ описанія простаго народа въ учебникѣ жется намъ совершенно-излишнимъ.

За громомъ слѣдуетъ электричество, ромовые отводы, потомъ о водѣ солевой, прѣсной, теплой и минеральной, по поводу теплыхъ ключей, о горахъ, дышущихъ огнемъ. Какъ образецъ разсказа, приводимъ нѣсколько словъ изъ послѣдняго пункта:

«Въ той сторонѣ, гдѣ городъ Римъ, близъ города Неаполя, одна огнедышущая гора, по имени *Везувій*, есть и теперь. Давно, болѣе, чѣмъ за полторы ты-

сячи лѣтъ назадъ, эта гора разыгралась—было до того, что золою и камнями засыпала цѣлыя (е) города и деревни, такъ, что весь и народъ тамъ остался. Хотя эти города и не близко были къ горѣ, да разыгралась она не внезапно, когда на эти мѣста шла туча съ сильными вѣтрами, который весь дымъ, золу и камни повалила на этотъ околотокъ... Лѣса, дома и разныя зданія завалило совершенно, и долго послѣ не могли узнать, гдѣ они и находились... На-силу нынче, когда уже пахали землю на этихъ мѣстахъ, попали на крыши домовъ... По книгамъ и разобрали, что это долженъ быть городъ Помпелл, который погибъ отъ горы Везувія. Стали раскапывать землю и нашли всѣ примѣты, что это точно тотъ городъ и есть. Въ домахъ нашли кости людей и собакъ. Какъ гдѣ кто забился въ уголъ, такъ и лежить... Иное семейство все въ одной кучѣ, сѣбннвшисъ руками, лежить на полу!.. Ужасъ!.. Теперь откопали нѣсколько улицъ этого города, и любопытные прѣзжаютъ туда со всѣхъ сторонъ посматрѣть, и покушаютъ разную камешную посуду, которая съ тѣхъ поръ уцѣлѣла. Нашли даже нѣсколько гороху, который, къ удивленію, и выросъ, какъ посѣяли...» (Стр. 85 и 86).

Далѣе уже слѣдуетъ разказъ о томъ, что въ запрошломъ (1845) году Государь Императоръ, бывъ въ Римѣ, удостоилъ посѣщеніемъ эти мѣста и изволилъ принять древніе вѣсы, въ присутствіи Его Величества найденныя тамъ подъ землею,—и о картинѣ Брюлова «Послѣдній день Помпелл», стоящей по крайней-мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ (стр. 86).

Чрезвычайно повредило намъ мѣсто, гдѣ авторы встаютъ противъ зловреднаго *авось*, приписаннаго только Русскимъ, а, между-тѣмъ, свойственнаго рѣшительно всѣмъ людямъ, поставленнымъ въ состояніе необезпеченности:

«Не удивительно ли послѣ этого, что люди рѣшаются жить близъ такихъ страшныхъ горъ! А живутъ! За то вотъ и погибаютъ, какъ мухи!.. Это все *авось* ихъ убиваетъ: *авось* не засыплетъ, *авось* не достанетъ здѣсь золою. Да если не до-

станеть золою, так может сжечь и затопить лавою, огненной рѣкою изъ камней, песку и желѣза... Когда гора награлась, тогда обыкновенно эта страшная рѣка выливается изъ ямы, бросается внизъ на поля, все жжетъ и потопляетъ... Огненный составъ лавы черезъ годъ или черезъ два застываетъ, и—посмотришь—лѣтъ черезъ нѣсколько уже люди на пемь и домъ построили, и сады развели!.. Да, людей, кажется, ни чѣмъ на свѣтъ не отлучишь отъ ихъ любимого и удобнаго аеосъ... У насъ—нѣтъ огневдышущихъ горъ и лавы, такъ мы ходимъ и ѣдимъ по льду, когда онъ готовъ проламываться подъ нашими ногами; ходимъ съ огнемъ, гдѣ какъ-разъ можно сдѣлать пожаръ: и все это аеосъ насъ водить. У насъ аеосъ настоящій компасъ, или магнитная стрѣлка. Только съ настоящимъ компасомъ открыли Америку и пятую часть Свѣта—Океанію, а съ стрѣлкою чюосъ всегда почти находимъ препорядочныя бѣды, а иногда и могли...» (Стр. 86 и 87).

Но посидѣвшимъ обратиться къ той части книги, гдѣ авторы, сказавъ, что *Богъ, созидая шаръ земной, для помъщенія на немъ чельовка, устроивалъ всю такъ, чтобы тутъ было все, и пища, и услуга, и разныя удовольствія* (!..), объяснивъ вліяніе воды, горъ и двухъ необходимыхъ условій жизни всѣхъ существъ—влажности и свѣта, и упомянувъ о полосахъ земнаго шара и распредѣленіи въ нихъ животныхъ и растений, представляютъ читателямъ замѣчательнѣйшія изъ растений, животныхъ (даже упомянувъ и о доволотныхъ), и отчасти ископаемыхъ.

При описаніи растений, животныхъ, и проч., авторы строго держались своего принципа: заинтересовать молодой умъ, если есть какое преданіе о какомъ-нибудь звѣрѣ или растеніи—рассказать и преданіе, описывая растеніе—показать его употребленіе. Авторы не могли держаться при описаніи никакой системы. Такъ, на-примѣръ, на стр. 96.

«Адаксонія, или Баобаба. Это дерево растеть въ Африкѣ, въ жаркой полосѣ у Атлантическаго Океана. Это просто гора золота: не такъ высока, какъ широко и

толсто, првземисто. Пень его въ обхвѣтъ—иногда болѣе 9 сажень, а въ толщину болѣе 4 сажень. Такое дерево едва ли 15 чельовѣкъ обхватить могутъ. Оно итакъ какъ травяное растеніе, а живетъ много тысячъ лѣтъ. Подъ тѣнью такого дерева помѣститься можетъ до 200 чельовѣкъ женщины. Можно сказать, что Адаксонія и жаду растеніяи то же, что слонъ и китъ между животными. Африканскіе терри люди, Негры и Арабы, цѣлыми семействами живутъ въ дуплахъ этихъ деревьевъ какъ наши мелкія птицы въ дуплахъ злѣшнихъ деревьевъ. Въ цѣльномъ деревѣ Негры выдалбливаютъ нѣсто и на крышъ заколачиваютъ тамъ тѣла своихъ мучкантовъ и сказочниковъ, считая ихъ колдунами и опасаясь, чтобы они по смерти не ѣли ихъ живыхъ. Тѣло умершаго и сто лѣтъ не испортится въ такой могилѣ. Цвѣты этого дерева бѣлые, величавые, подсолнечникъ, а плодъ не болѣе апельсина. Вкусомъ онъ похожъ на индѣаль растеть огромными зернами въ коробѣ въ поларшина длиною, на подобіе длинной ямки, съ кислотовой, мучнистой мякотью. Плодъ Адаксонія называютъ *амбумъ обезьянъ*: однако нѣтъ питаются Негры, черные жители Африки, и притомъ—изъ кислотовой мякоти его—дѣлають здоровое прохладительное питье.»

Ясно, что это не крошки и не обфѣдки, а настоящая—пріятная и здоровая пища для любознательности. Притомъ изложеніе согласно даже съ вслѣдними усилками науки. Гг. Давидовскій и Оссовскій не забыли упомянуть даже и о новомъ морскомъ чудовищѣ—*кракенѣ*, животномъ въ родѣ морскаго жука, только, говорятъ они, *величина этого жука такая, что до сих поръ не хотѣли еще вѣрнть, чтобы такой великанъ могъ быть на свѣтѣ*, хотя въ Европу привезена была лапа этого гиганта, отрубленная матросами на одномъ кораблѣ, шедшемъ во Атлантическому-Океану: лапаица эта, показавшись изъ моря, обхватила горстью на вершинѣ корабельной мачты двухъ матросовъ и одного изъ нихъ раздавила. Въ Индіи, у мучныхъ магазиновъ стоить часовой. «Въ одну ночь часовой этотъ слышитъ, что за заборономъ въ морѣ, у берега, вдругъ отъ чего-то

• взволновалась вода, но земля засту-
• чало что-то, и вслѣдъ за тѣмъ подвиг-
• ся черезъ заборъ колѣчатый брусъ,
• напоподобіе страшной лапы, захватилъ
• нѣсколько кулей муки — и упелъ...
(стр. 140). Кроме того, приведено еще
нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ
существованіе *кракена*.

Конечно, при описаніи царствъ при-
роды, сочинители не держались ника-
кой системы, и вообще не входили ни
въ какія подробности, но заслуга ихъ
отъ этого не уменьшилась, потому, во-
первыхъ, что они, вѣроятно, зародятъ
въ читателѣ охоту самому узнать, отъ-
чего у птицы жаркаго климата такъ
блестятъ и горятъ перья ея крылы-
шекъ, а у обитательницъ сѣвера цвѣта
оги просты, неблестящи и однообраз-
ны; отъ-чего на площадяхъ жаркой
Африки мы встрѣчаемъ животныхъ
большихъ и сильныхъ; отъ-чего у *жм-
рафы* — животного травояднаго, огром-
ная шея, хотя, кажется, жирафа щип-
летъ траву; отъ-чего на нашемъ сѣверѣ
нѣтъ огромныхъ растений и проч., — и
во-вторыхъ, потому-что объ
естественной исторіи они говорятъ ми-
ноходомъ, ибо, какъ видно даже изъ
заглавія первой части, предметъ ихъ —
географія.

Скажемъ въ заключеніе: книга эта
написана такъ, что сама собою напра-
шивается въ число книгъ классиче-
скихъ.

180) Морозъ Иванъ вичъ, *датская
сказка дядушки Ирины*, издавалъ кн.
В. Ф. Одоевскій. Санктпетербургъ.
1847. Въ тит. Край. Въ 64-ю д. л. 58
стр.

181) Городецъ въ Табакеркѣ,
датская сказка дядушки Ирины, издавалъ
кн. В. Ф. Одоевскій. Изданіе
второе. Санктпетербургъ. 1847. Въ
тит. Край. Въ 64 ю д. л. 56 стр.

182) Сборникъ Датскихъ Пѣ-
скнь, *дядушки Ирины*, издавалъ кн.
В. Ф. Одоевскій. Тетрадь I. Санкт-
петербургъ. 1847.

Первыя двѣ книжки заключаютъ въ
себѣ двѣ дѣтскія сказки и замѣчатель-
ныю особенною прелестью языка. Вооб-
ще намъ уже не разъ случалось замѣ-
чать, что кн. В. Ф. Одоевскій облада-
етъ удивительною сноровкою приѣ-
нять рѣчь свою къ понятіямъ и степе-
ни образованности того, съ кѣмъ онъ
намѣренъ говорить. Стоитъ вспомнить
его статьи въ «Сельскомъ Читеніи», въ
которыхъ онъ рассказываетъ престы-
намъ языкомъ, совершенно для нихъ
понятнымъ, о такихъ вещахъ, о кото-
рыхъ мы съ вами говорить не можемъ,
не обойдяся безъ какихъ-нибудь ино-
странныхъ терминовъ, для насъ понят-
ныхъ, но чуждыхъ разумнѣю просто-
людина. Языкъ для дѣтей — тоже со-
всѣмъ особенный языкъ; писать имъ
умѣютъ у насъ весьма немногіе, и по-
учиться ему надобно у автора книжекъ,
которыхъ заглавія выписаны выше.

«Сборникъ Пѣсень», съ приложеніемъ
нотъ, назначенъ для занятія дѣтей пѣ-
ніемъ въ Пріютахъ, для того, чтобы
замѣнить ненужную и часто вредную
для нихъ болтовню. Напрасно напада-
ютъ на эти пѣсни: назначеніе ихъ
чисто-спеціальное, и, появивъ ихъ
цѣль, критика не должна ихъ относить
къ числу явлений чисто-изящной лите-
ратуры и судить о нихъ, какъ о про-
изведеніяхъ таланта.

Вся выручка отъ продажи этихъ
книгъ назначена авторомъ въ пользу
Общества Посѣщенія Бѣдныхъ; цѣна
каждой книжки 10 коп. сер., а «Сбор-
никъ Пѣсень», съ нотами, 30 коп. сер.
Продаются эти книжки въ книжныхъ
лавкахъ и въ Конторѣ Общества Посѣ-
щенія Бѣдныхъ, въ Демидовскомъ-Пе-
реулкѣ, противъ подъезда Англійскаго
Клуба, въ домѣ Линке. — Всякая плата
свыше этой цѣны сочтется за благодѣ-
тельную жертву въ пользу бѣдныхъ,
приврѣваемыхъ Обществомъ. Вѣроятно,
съ этою цѣлю, авторъ, отказавшій-
ся отъ всякой прибыли отъ продажи
взданныхъ имъ книжекъ, назначилъ
имъ сначала весьма-высокую цѣну, ко-
торую долженъ былъ теперь понизить,
можетъ-быть, убѣдившись, что эта нѣ-

ра будетъ полезнѣе, и предоставивъ каждому покупателю — жертвовать въ пользу бѣдныхъ, сколько уважутъ ему его средства и добрая воля.

183) Практическія Замѣтки для начинающихъ рисовать пейзажи акварелью. Издавъ докторъ философіи Егоръ Классенъ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 47 стр.

Изложеніе главнѣйшихъ правилъ, относящихся къ искусству собственно, т. е. къ акварельной живописи и къ опредѣленію качества требуемаго матеріала. Цѣль этого изложенія — облегчить трудъ начинающихъ заниматься акварельною живописью, которая въ новѣйшія времена возвысилась до того, что въ Англіи дѣлаютъ выставки, состоящія изъ однѣхъ только акварельныхъ работъ, и Турнеръ, одинъ изъ основателей новѣйшей акварельной живописи, причисляется къ великимъ художникамъ Англіи.

184) Дѣтство Знаменитыхъ Людей. Съ картинками. Москва. Въ тип. А. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 156 стр.

Сокращенный переводъ съ французскаго, — трудъ челоѣка, какъ видно, знающаго литературное дѣло, изданный не только опротно, но даже красиво. Дѣти съ удовольствіемъ возьмутъ въ руки и прочтутъ подобную книгу. Да и родителямъ ихъ не стыдно будетъ принести ее въ подарокъ сыну или дочерѣ.

185) Курсъ Скорописанія. Виктора Половцова. Второе изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8 ю д. л. 22 стр. Съ четырьмя прописями.

Въ предисловіи къ этому изданію (стр. 4) авторъ говоритъ:

«Требованіе значительнаго числа экземпляровъ этого Курса скорописанія въ сельскія приходскія училища — для дополненія прежней потребности (?) — побуждаетъ меня перепечатать его (кого?) безъ всякихъ перемѣнъ. Къ третьему же изданію думаю я присовокупить какъ пре-

дварительныя упражненія въ скорописи, дающія рукѣ свободу и ловкость, такъ и правила практическаго правописанія, которыя могли бы служить переходомъ къ изученію грамматики.»

Что метода скорописанія полезна и съ выгодною можетъ замѣнить постоянныя каллиграфическія уроки и рабочіе разрисовыванье буквъ съ прописей, объ этомъ было уже говорено въ нашемъ журналѣ. Скажемъ только, что сочиненіе г. Половцова, не смотря на благоу цѣль его и счастливое примѣненіе къ сельскимъ школамъ, во многомъ уступаетъ подобному же сочиненію г. Ходоровскаго, какъ въ ясности изложенія, такъ и красотѣ и изяществѣ почерковъ на прописяхъ. Пользоваться его руководствомъ можетъ только преподаватель, уже знакомый съ дѣломъ. Но врядъ ли и учителя въ сельскихъ школахъ возьмутся за такую книжку, наметавшись одинъ разъ навсегда чертить на доскѣ аршинныя буквы самымъ безукоризненнымъ почеркомъ, командовать разъ, два, — разъ, два, три! своимъ маленькимъ школьникамъ, которые проворно въ тактъ выводятъ продолговатые звы, вѣдн, рцы, и т. д. Для этихъ людей нуженъ ключъ по-проще и пояснѣе; не думаемъ, чтобъ благонаправный наставникъ приходскаго коллегіума воспользовался подобнымъ наставленіемъ:

«... Надобно показать ученику на классной доскѣ въ большомъ видѣ, что по командѣ: разъ! дѣлается первая черта буквы ж, и что точное соединеніе ея со второю, среднею, чертою проходитъ около середины толстой черты.»

Между преподавателями грамоты русскому юношеству въ градахъ и деревняхъ, есть люди сметливые, толковые: тѣ, можетъ-быть, и умѣютъ учить скорописи по командѣ и темпамъ, но, еще разъ, врядъ-ли воспользуются они наставленіями г. Половцова, предложенными въ томъ видѣ, какъ прочли мы ихъ во второмъ изданіи его «Курса». Къ чему, на-примѣръ, послужитъ слѣ-

дующій параграфъ, написанный скоропѣ для французскаго дофина счастливыхъ временъ Людовика XIV, нежели для посѣтителей русской сельской школы:

«Ни многого но хорошо (?!).

«Привычка хорошо сидѣть, держать исправно тетрадь или доску, свободно дѣйствовать рукою, и хорошо держать перо или грифель, требуетъ времени; и потому торопливость въ началѣ ученія неумѣстна. Надобно, чтобъ ученикъ зналъ, что и какъ сидѣть, и чтобъ онъ умѣлъ присѣсти это (что?) въ исполненіе. (Стр. 7.)

Авторъ между прочимъ совѣтуетъ учить писать на грифельныхъ доскахъ, и хотя раздѣляетъ мнѣніе, что писанье на доскахъ *привучаетъ руку къ тяжелому почерку* (стр. 5), но придерживается грифеля на основаніи *дешевизны*. Вопросъ этотъ удобнѣе рѣшить хозяйственными комитетами училищъ; но если цѣль «Курса» — выучить дѣтей писать скоро и красиво, то странно, какъ-жестко, указывать на способъ, сопряженный съ порчею почерка.

Впрочемъ, если этотъ параграфъ не отличается основательностью, за то нѣсколько-ниже мы прочли наставленіе, преисполненное дальновидныхъ соображеній. Можетъ, видите, случиться, что субъектъ лишится правой руки или, просто, очень устанетъ писать: «по этому, полезно» говоритъ авторъ «упражнять въ скорописаніи и лѣвую руку».

Но всего интереснѣе показалось намъ помѣщенное въ концѣ книжки правило *правописанія*. Известно, что изъ всѣхъ знаковъ препинанія всего труднѣе объяснить дѣтямъ употребленіе запятой. Г. Половцовъ достигаетъ этого съ невѣроятною легкостью. Теорія запятой начинается прямо примѣрами:

«Послѣ Екатерины Великой царствовалъ Павелъ I, потомъ Александръ I, освоболившій Европу, и наконецъ Николай I.

«Тутъ предложеніе — освоболившій Европу относится къ предыдущему, поставлено между запятыми». (Стр. 21.)

А что такое предложеніе? что такое придаточное предложеніе? Этого школьникъ не знаетъ и не можетъ узнать изъ «Курса Скорописанія». Если же авторъ подразумеваетъ, что учитель долженъ предварительно объяснить ученику правила слитакися, то намъ остается замѣтить автору, что и до выхода въ свѣтъ «Курса Скорописанія» люди, знавшіе грамматику, знали употребленіе знаковъ препинанія.

Примѣры употребленія запятой особенно замѣчательны:

«Дѣтя родится, крестится, образуется, страдаетъ, *покорствуетъ*, иногда *спретьеть* и *умиеть*».

«Юноша укрѣпляется, обогащается познаніями, вступаетъ въ общество, иногда *геройствуетъ* и покрываетъ себя *немерцающей* (?) славою. Таковъ удѣлъ Россіи» (?!). (Стр. 21.)

Остается пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ третьяго изданія «Курса», къ которому авторъ обѣщаетъ присовокупить *правила практическаго правописанія, которыя могли бы служить переходомъ* (?!) къ изученію грамматики.

186) **Соврѣніе Примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій, съ присовокупленіемъ краткою изложеніемъ самыхъ правилъ. Составилъ старшій учитель Второй Московской Гимназіи Александръ Робертъ. Москва. Въ тип. Луцста Семена. 1846. II и 225 стр.**

Въ предисловіи, г. Робертъ говоритъ, что онъ составилъ это новое руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій потому-что употреблявшіеся до-сихъ-поръ тѣмъ Дронке (переведеннымъ Кубаревымъ), въ-слѣдствіе долгаго ихъ употребленія, переведены письменно на русскій языкъ; «многіе ученики въ общественныхъ заведеніяхъ успѣли достать переводъ всѣхъ этихъ тѣмъ на латинскій языкъ, и, вмѣсто того, чтобъ самимъ трудиться надъ переводомъ и разборомъ за-

даннаго урока, они списываютъ съ тетрадей, имъ доставшихся. Составилъ же г. Робертъ свое руководство по тому же плану, которымъ руководствовался и Дронко.

Разсмотрѣвъ книгу г. Робера, мы увидѣли, что она съ пользою можетъ замѣнить тѣмъ Дронке. Жаль только, что русскій языкъ тамъ г. Робера немного, незначительно лучше тѣмъ Дронке, переведенныхъ г. Кубаревымъ крайне-плохо. На 150 страницъ книги г. Робера встрѣчается такой примѣръ:

«Мы, которыхъ нельзя ни въ чемъ упрекать, развѣ только въ томъ, что мы слѣдали, что изъ Кавиской битвы остались какіе нибудь Римскіе солдаты (эпиграфно: нѣсколько Римскихъ солдатъ) теперь изгнаны далеко не только отъ отечества, отъ Италіи, но даже отъ непріятеля, чтобы мы состарѣлись здѣсь въ ссылкѣ, что бы (чтобы?) не было у насъ какой нибудь надежды взглянуть безчестію.»

На 152 страницѣ :

«Кто есть хорошо воспитанный изъ насъ, которому не представляются въ умѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ воспитатели его, учителя, самое то пѣное мѣсто, гдѣ онъ былъ воспитанъ и наученъ?—Мудрость есть одна, которая изгоняетъ печаль изъ души, и не позволяетъ ужасаться отъ страха; съ этою наставницею можно жить въ тишинѣ, угасивъ жеръ страстей.»

Такихъ выраженій ничѣмъ нельзя извинить. Если г. Робертъ хотѣлъ сблизить русскую фразу съ латинскою, то 1) такое сближеніе не принесетъ большой пользы ученикамъ; они не узнаютъ, какъ выразить по-латини особенные, русскому только языку свойственные, обороты; 2) вредно для русскаго языка; 3) какъ ни приближалъ г. Робертъ русскую фразу къ латинской, все-таки осталось въ его книгѣ много оборотовъ русскихъ, выражаемыхъ совершенно-иначе по-латини. Обращу вниманіе еще на одинъ недостатокъ не одной книги г. Робера, но всѣхъ подобныхъ книгъ. Ученику, на-примѣръ, на 151 страницѣ встрѣчается выраженіе: «жизнью жертвовать за

отечество». Ученикъ не знаетъ, какъ по-латини: «жертвовать жизнью». Справляется внизу, и находитъ слово: profundere (съ вин.). Потомъ встрѣчается ему другое мѣсто: «пожертвовалъ статуею», и онъ, помня, что однажды переводилъ *асертую* черезъ profundo,—скажетъ: profudit statuam: выраженіе не только не латинское, но даже смѣшное. Конечно, хорошій учитель покажетъ причину, почему въ первомъ случаѣ profundere vitam можно сказать, а во второмъ—profundere statuam нельзя; но дѣло въ томъ, что у насъ еще немного такихъ учителей.

Да и изъ знающихъ не у всякаго станетъ охоты пускаться въ такія товоности... Потому мы думаемъ, что составители книжекъ, подобныхъ книгѣ г. Робера, хорошо бы дѣлали, еслибъ показывали не только то, что въ какомъ-то русскомъ выраженіи нужно употребить такіе-то латинскіе слова, но и мѣстѣ и первоначальное, настоящее значеніе латинскаго слова. Вѣдь очень часто случается, что какое-нибудь слово имѣетъ извѣстное значеніе только въ одномъ мѣстѣ, и притомъ не само по-себѣ, но въ слѣдствіе *смысла* и *него другихъ словъ предложенія*.

Сверхъ-того, г. Робертъ вложилъ въ своей книгѣ вкратцѣ синтаксическія правила латинскаго языка въ такомъ же порядкѣ и видѣ, въ какомъ изложены эти правила въ грамматикѣ Цумта, введенной, какъ учебная книга, во всѣ заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Намъ очень понравилась сжатость и ясность изложенія г. Робера. Его книжка будетъ теперь ключемъ къ русскому переводу грамматики Цумта. Извѣстно всѣмъ, кому случалось имѣть дѣло съ этимъ переводомъ, что его не только ученикъ, но даже знающій латинскій языкъ не вездѣ пойметъ безъ иѣмецкаго подлинника. Поэтому рекомендуемъ книгу г. Робера особенно тѣмъ изъ занимающихся латинскимъ языкомъ, кто не знаетъ иѣмецкаго языка, и принужденъ удовлетворяться грамматикой Цумта (переведенной г. По-

повысить и сокращенно г. Кубаревымъ), лучшей латинской грамматикой на русскомъ языкѣ.

Напрасно только г. Робертъ такъ строго придерживался грамматики Цумтовой. Въ послѣднее время вышло въ Германіи много латинскихъ грамматикъ, двинувшихъ гораздо-дальше изученіе латинскаго синтаксиса. Г. Робертъ могъ бы, даже придерживаясь порядка и системы Цумтовой, наложить отдѣльныя правила лучше, чѣмъ они изложены у Цумты.

На-примѣръ, въ отдѣлѣ объ употребленіи падежей, г. Робертъ только и говоритъ, что о предметныхъ словахъ (объектахъ, дополненіяхъ) *лица* и *вещи*. Отъ-того на каждомъ шагу много неточностей. На стр. 16-й: глаголы, означающіе: называю, почитаю... требуютъ двухъ винительныхъ, одного лица, другаго вещи. Возьмемъ примѣръ: *Samillum cives terdictatorem dixerunt*. Здѣсь два винительные, и оба — лица. На стр. 7-й: при безличныхъ глаголахъ: *riget, pudet, poenitet, taedet, miseret*, ставится винительный лица и родительный вещи. А на-примѣръ, въ предложеніи: *me pudet illius*, мнѣ стыдно за него, — опять только два лица.

Впрочемъ, не только въ русскихъ, но даже въ иностранныхъ грамматикахъ еще слишкомъ-неточно опредѣлена классификація объектовъ. Такъ во всѣхъ грамматикахъ говорится, что послѣ глаголовъ: *appello, pomino, existimo* и т. д. ставятся *два винительные*. Но отличаются ли эти два винительные одинъ отъ другаго, и если отличаются, то чѣмъ именно, — объ этомъ обыкновенно не говорится. Что они различаются, это видно уже изъ того, что вторымъ винительнымъ обыкновенно *опредѣляется* первый винительный, т. е. непосредственное предметное слово. Притомъ, по-русски второй переводится всегда *теорителнымъ*, и никогда не переводится винительнымъ. Потому точно въразъ правило такъ: послѣ глаголовъ *appello, pomino* и т. д., ставится винительный *опредѣ-*

лительный при винительномъ *предметномъ*. Случай употребленія винительнаго предметнаго и винительнаго опредѣлительнаго должны быть рассматриваемы отдѣльно. Это двѣ цѣпи, которыхъ кольца не соприкасаются одни съ другими. Впрочемъ, обѣ цѣпи прикрѣплены къ *одному главному кольцу*. Подробное изложеніе нашей мысли не можетъ войти въ эту статью, и потому удовольствуемся намекомъ. Сказанное вами о двухъ винительныхъ латинскаго языка вполне примѣняется къ греческому языку, — къ греческому даже болѣе, чѣмъ къ латинскому. Къ винительному опредѣлительному относимъ мы такъ-называемый *Accusativus Graecus*.

187) Краткая Геометрія для Дѣтей, изложенная, во *вопросамъ и отвѣтамъ*, въ 22 урокахъ. Сочиненіе Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. Съ 52 чертежами въ текстъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Крайя. Въ 18-ю д. л. 70 стр.

Ламе-Флери издавна извѣстенъ публикѣ какъ авторъ дѣтскихъ книгъ. Онъ издалъ нѣсколько исторій, и французскую, и римскую, и англійскую. Его исторія раздѣляется на безчисленное множество *исторіекъ*: и о Розамундѣ, и о волчицѣ знаменитой, и о проч. Но это старыя грѣхи. Гораздо-полезнѣе его Геометрія для Дѣтей. Въ этой книжечкѣ, раздѣленной на 22 урока, онъ даетъ ребенку весьма-ясное понятіе о глѣзахъ, поверхностяхъ, линіяхъ и точкѣ, углахъ, — предлагаетъ нѣкоторыя задачи, какъ, на-прим., раздѣлить прямую линію и проч.; далѣе, о треугольникахъ, фигурахъ четырехстороннихъ, многоугольникахъ, о кругѣ и окружности, діаметрѣ, радиусѣ, о плоскостяхъ, призмѣ, пирамидѣ, о шарѣ, конусѣ и цилиндрѣ; сверхъ того, все это перемѣшано упражненіями. Тутъ дѣтскій умъ не испугается, книжечка эта ему не станетъ казаться какой-нибудь *букой*, не оттолкнетъ отъ себя; онъ увидитъ, что многоугольникъ, на-прим., дѣйствительно фигура сложная

но сложность его не испугает. Вообще изложение книжечки ясное; конечно, какой-нибудь мальчишк-вольнодумецъ, съ выматривающими все глазами и съ легкой тѣнью морщинки между бровей — признакомъ присутствія мысли, скажетъ папенькѣ: «Да ты мнѣ, папа, скажи, отъ-чего же это такъ? почему? Папа посмотритъ при этомъ на маму, по его физиономіи разольется слово: «а? каковъ!» Потомъ онъ обратится къ вольнодумцу и отвѣтитъ, глядя на него съ неистощимою любовью: «выростешь, такъ и это узнаешь; тогда я тебѣ скажу, и что, и какъ, и зачѣмъ».

Есть такіа дѣти, за то сколько и такихъ, которые не спросятъ: «почему?». Для такихъ-то «Краткая Геометрія для Дѣтей» книжка полезная.

Переводъ удовлетворителенъ; издавіе очень-хорошо.

188) *Рассказы Старого Вовна о Суворовѣ. Въ трехъ книгахъ. Изданіе Москвитянина. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 393 стр.*

Большая часть этихъ рассказовъ помѣщена была въ журналѣ «Москвитянинъ». Они любопытны, какъ матеріалы для полной характеристики нашего полководца. Рассказъ автора запечатлѣнъ особенною оригинальностью. Изданіе Москвитянина, какъ часто съ нимъ случается, не совсѣмъ-исправно. Такъ, на-примѣръ, двѣ статьи, принадлежащія къ первой книгѣ, по ошибкѣ помѣщены въ третью. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ напечатано Михайло Александровичъ Милорадовичъ, вмѣсто Михайло Андреевичъ; вмѣсто Михайло Васильевичъ Ребиндеръ — Максимъ Владиміровичъ Ребиндеръ. А на стр. 397, вмѣсто: «пожалуй» очень-пріятное слово «поцалуй»... Нѣтъ, виноваты, вмѣсто «поцалуй» непріятное слово «пожалуй».

189) *Твардовскій. Поэты, взятая изъ польскихъ народныхъ преданій. Юсифа Игнатія Крашевскаго. Перевелъ съ польскаго Сергій Побѣдоносцевъ. Санкт-*

петербургъ. 1847. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. 102 и 74 стр.

Крашевскій, въ небольшомъ числѣ современныхъ польскихъ писателей, составляетъ одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ, одну изъ самыхъ отдаленныхъ надеждъ упадающей литературы. Ни его глубоко уважается въ Польшѣ и ставится наряду съ именами Дзюскаго, Грабовскаго и другихъ знаменитостей вышнней польской литературы. Дѣйствительно, писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, прекрасно образованный, начитанный, Крашевскій испробовалъ почти всѣ роды литературы. Дѣятельность его изумительна. Его повѣсти, драмы, сочиненія ученныя, мелкія политическія и историческія статьи, бѣглыя критическія замѣтки въ періодическихъ изданіяхъ составлять, можетъ-быть, болѣе пятидесяти томовъ.

Въ Россіи, впрочемъ, почти вовсе неизвѣстны его сочиненія, конечно, потому-что вообще мы мало знакомы съ литературой нашихъ сосѣдей. Кромя Мицкевича, едва-ли найдутся еще два три польскіе писателя, извѣстные хотя по слуху нашимъ читателямъ. Кто же виноватъ въ этомъ? Виноваты господа-переводчики романовъ. Не руководствуясь строгимъ эстетическимъ вкусомъ, не соображаясь съ требованіями современнаго духа, они передаютъ намъ что попало, да притоимъ еще въ переводахъ, болшею частью искажающихъ подлинникъ. Возьмите любую литературу, съ которой они брались насъ знакомить: съ-какими проведѣніями они насъ ознакомили? Какой-нибудь — *Мертвый Оселъ и Обезглавленная женщина*, созданіе празднаго воображенія; какой-нибудь *Господи! Трупъ и его дочь* или *Бельвилльская красавица*, романы простодушнаго Польде-Кока, — романы непереводаемые ни на какой языкъ въ свѣтѣ, романы, исключительно принадлежащія парижскому обществу средняго класса и даже болѣе: романы дня, минутой, — в-все это переведенное на скорую руку, дубовымъ, безграмотнымъ языкомъ, илан-

ное сѣро, неопратно, съ тысячами грамматическихъ ошибокъ, неизбежныхъ представителей изданій такъ-называемой сѣробумажной литературы — вотъ образчики дѣятельности нашихъ неутомимыхъ переводчиковъ.

Не будь у насъ періодическихъ изданій, мы едва-ли бы имѣли какое-нибудь понятіе о литературахъ Французской, Нѣмецкой, Австрійской. Кто познакомилъ насъ съ Жоржемъ Зандомъ, Диккенсомъ, Сю, Сулье, Бальзакомъ? Все наши журналы.

Но, спрашивается, зачѣмъ же г. Побѣдоносцевъ перевелъ «Твардовскаго», а не другое какое-нибудь произведеніе Крашевскаго? Что такое Твардовскій? Сказка, осмысленная изображеніями отжившихъ предразумковъ и обветшалыхъ преданій. Негого искать адѣсь картинъ, недостатковъ или добрыхъ свойствъ современнаго общества, его мелкихъ, поминутныхъ потребностей, его маленькихъ неудачъ, или подъ часъ высокаго, гордаго стремленія къ совершенству. Какой же интересъ можетъ имѣть подобная сказка въ настоящее время? Будетъ ли просто историческій сборникъ народныхъ преданій, составленный безъ претензій на художественное сознаніе, или прочли бы эту книжку, и можетъ-быть, съ жадностію археолога, или по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ слушали вѣкогда, въ темные вечера, сказки объ Ильѣ Буромцѣ или Бабѣ-Ягѣ, рассказанныя озорливою няней. Но каково вамъ, при настоящемъ нашемъ совершенствѣ, слушать то же самое, рассказанное съ претензіей на снисканіе вашего чувства?

Твардовскій — лицо невымышленное. о времена Сигизмунда II, Твардовскій былъ профессоромъ въ Краковскомъ университетѣ. Это былъ человѣкъ глубоко-ученый, и, какъ многіе ученые того времени, занимавшійся всѣми извѣстными въ ту эпоху науками. Онъ былъ въ одно время математикъ и философъ, медикъ и физикъ, теологъ и историкъ. Таинственные атрибуты,

которыми тогдашніе ученые любили окружать себя, придавали Твардовскому тотъ мистическій характеръ, изъ котораго народная фантазія создала наконецъ таинственное лицо, нѣчто въ родѣ того, что сдѣлали Нѣмцы изъ Фауста. И дѣйствительно, Твардовскій тотъ же Фаустъ, съ тѣмъ же могучимъ стремленіемъ разгадать тайны мірозданія, съ тѣмъ же энергическимъ духомъ, томившимся въ своей тѣлесной оболочкѣ, наконецъ такой же гуляка, какъ Фаустъ. На однихъ и тѣхъ же условіяхъ съ Фаустомъ, онъ продалъ свою душу чорту.

Что сдѣлалъ изъ этого лица г. Крашевскій? Въ первой половинѣ своей повѣсти, онъ довольно-удачно развилъ въ Твардовскомъ эту ненасытиму жажду знаній, которая такъ томила и гётеза Фауста и байронова Манфреда. Но далѣе, Твардовскій дѣлается какимъ-то чернокошнымъ шутомъ, гаемомъ, чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго Черномора. Его Ангелика — ничтожное, безхарактерное лицо, безъ жизни, безъ фizioноміи. Естественно, что ничего не могло выйдти поэтическаго изъ столкновенія подобнаго Фаусту чловѣка съ такимъ пустымъ созданіемъ, какова Ангелика. Дьявола Крашевскаго нѣчего и сравнивать съ Мефистофельмъ Гёте: это самый простой, самый вульгарный чортъ народныхъ сказокъ.

Вотъ основные элементы повѣсти. Ясно, что изъ нихъ не могло выйдти художественнаго цѣлаго, и если «Твардовскій» и имѣетъ какое-нибудь достоинство, то развѣ только какъ собраніе старинныхъ народныхъ преданій Польши.

Переводъ г. Побѣдоносцева со стороны языка составляетъ пріятное исключеніе изъ обыкновеннаго порядка вещей въ мирѣ русскихъ переводовъ. Пожелаемъ, чтобъ на будущее время самый выборъ его былъ удачливѣе.

190) Опыты Натуральной Магіи и Экспериментальной Физики, составленные Г. И. Андерсономъ, великимъ волшебникомъ «Great

Wizard of the North. Переводъ съ англійскаго. Санктпетербургъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 36 стр.

Съ помощью этихъ сравнень, можно, какъ сказано на заглавномъ листѣ, научиться дѣлать удивительные фокусы, показываемые 1-мъ Андерсономъ въ его Магическомъ-Театрѣ, что на Фонтанкѣ, въ домѣ г. Татищева. Такъ, наприм., вы можете научиться, какъ кушать оныя, сдѣлать ударъ волшебника (coup de...). Вотъ въ чемъ состоитъ ударъ:

«Возьмите шарикъ или мячикъ въ каждую руку, и держите руки какъ можно дальше одна отъ другой, потомъ скажите присутствующимъ (.) что оба мячика будутъ въ одной которой нибудь рукѣ; если въ этомъ кто нибудь усумнится, то положите однимъ мячикъ на столъ (.) повернитесь спиной къ столу и возьмите мячикъ той рукой, въ которой уже есть мячикъ; такимъ образомъ оба мячика будутъ въ одной рукѣ безъ употребленія обѣихъ рукъ.»

Такимъ образомъ самъ г. сѣверный волшебникъ сдергиваетъ завѣсу со всѣхъ мистерій своего Магическаго Театра.

191) Фиолетовыя Книжки. *Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ. С. Ахлонкова. Книжка вторая. 1847. Въ 8-ю д. л. 35—80 стр.*

Г. Сергѣй Ахлонковъ дебютируетъ во второй книжкѣ своего «фиолетоваго» изданія отвѣтомъ на рецензію первой «Фиолетовой Книжки», помещенную въ «Отечеств. Запискахъ» (октябрь 1846 года). Въ этомъ отвѣтѣ авторъ предположилъ доказать читающему міру нѣкоторыя мысли, неоспорно ему принадлежащія, и которыя очевидно-истинно было напечатать, потому-что иначе трудно допустить, чтобъ кто-нибудь дошелъ до подобныхъ заключеній путемъ спокойнаго, здраваго размышленія.

Вотъ онѣ, эти великія мысли:

1) У насъ не существуетъ ни критики, ни вообще литературы.

2) Мнѣніе, что разговорный языкъ долженъ быть непремѣнно и дѣльнымъ письменнымъ; есть мнѣніе негнѣное, достойное дикарей; его-то придерживаются «новая школа».

3) Люди, печатающіе книжки, ищущіе несчаствіе обращаться съ литераторами «вышней школы», уворно держатся мнѣнія, что для «дарованія нѣтъ правилъ» (стр. 35).

4) Произведенія современной литературы вредны, пагубны: писатели льстятъ толпѣ, предосудительныя дѣйствія страстей изображаютъ въ картинахъ плѣнительныхъ, однимъ словомъ *заслѣваютъ вѣтры, чтобъ промрастали бури* (ventum seminaverunt, turbines mettent) (стр. 36—37).

5) Вышеизложенныя мысли рецензентъ «Отеч. Записокъ» нѣгнѣтъ приписать за нѣкоторое общее разсужденіе и върогатно

6) отступитесь отъ мнѣнія своего, что, во-первыхъ, г. Сергѣй Ахлонковъ не знаетъ русской грамматики; во-вторыхъ, пишетъ стихи и всякія статьи, которыя, дѣйствительно, ниже всякой критики (стр. 33); въ-третьихъ, нѣгнѣтъ пристрастіе къ иностраннымъ цитатамъ, а языка французскаго не знаетъ, какъ бы слѣдовало, и переводить приводимыхъ цитатъ не умѣтъ; въ-четвертыхъ, придерживается не только похвальныхъ привычекъ... на-прим., приписывать людямъ мнѣнія, которыя они никогда не высказывали, и такимъ образомъ расфѣвать не вѣтры, не что-то другое, и превращать не бури, но заблужденіе въ кругу людей нѣ слово вѣрящихъ всякой печатанію, сдѣловательно и «фиолетовой» книжкѣ.

Опровергать свѣтлыя мысли г. Ахлонкова вы не станете: онѣ сами за себя говорятъ. Притомъ же, кому нужно въ наше время объяснять, что такое языкъ письменный и языкъ разговорный? Вѣдь г. Сергѣй Ахлонковъ не склонится ни на какое доказательство! Наконецъ, развѣ нужны ему доказательства? Онѣ поэтъ по преимуществу, онѣ

...высшую силу призналъ надъ собой —
Минута ему повелитель.

оэтому ограничимся указаніемъ на
ѣста его антикритикъ и разныхъ
вѣствъ, въ которыхъ здравая логика явля-
ется долу и положительное знаніе
вернуто, мѣста, написанныя види-
мо подлѣ влияніемъ какого-то особенна-
го вдохновенія... Такъ, на-пр., г. Сергѣй
Ахлюковъ жалуется, что стихотворе-
ніе его «на смерть Пушкина» было раз-
казано прозой, и чрезъ то утратило
свою прелесть свою для читателей. Это
еще ничего: всякому мило свое. Но
тогда наказанъ рѣзвато рецензента, по-
томъ, препоясанный мечомъ критики,
возно выводитъ его на чистую воду,
еще разъ смѣется надъ рецензентомъ,
что тотъ не замѣтилъ въ его
произведеніи особенности... какъ бы
мы думали, какой? — что въ немъ со-
дѣланы роды стихотвореній лирическа-
го и элегическаго!!!

Дѣйствительно, такого замѣчанія
дѣлать рецензентъ не могъ и впредь
не можетъ. Давно ли, по чьей систе-
мѣ, легія перестала быть лирическимъ
произведеніемъ? Гдѣ это узналъ г. Сер-
гѣй Ахлюковъ? Нѣтъ, онъ не узнавалъ
того: онъ самъ одиноко дошелъ до та-
кого убѣжденія.

Не менѣе недоволенъ авторъ за-
мѣчаніемъ объ его статьѣ «Одинъ ве-
теръ умиравъ Ферлюви». Мы замѣтили,
что въ этомъ рассказѣ роль автора пред-
ставляеть несравненно-болѣе комиче-
скихъ сторонъ, нежели роль Персіани-
на, у котораго, сколько помнится, ав-
торъ кушалъ какой-то супъ съ вьюкомъ
игралъ въ шахматы. Г. Ахлюковъ
выше торжественно объявляетъ, что
Ферлюви—лицо вымышленное, что въ
дѣйствительности онъ, г. Ахлюковъ,
никогда не шутилъ надъ Персіаниномъ
сѣдовѣательно, не декламировалъ ему
стиховъ Дмитріева и Батюшкова, а чи-
талъ ихъ, вѣроятно, какому-нибудь
русскому человѣку...

Далѣе, во второй «Фиолетовой Кни-
жкѣ», встрѣчаются слѣдующія фразы:

I. — Отд. VI.

Стр. 35. «*Въ послѣднее время, Ф(е)ран-
цузская Л(и)тература замѣстоила свои
одождженія въ превратностяхъ своего об-
щественнаго положенія (?)*».

Стр. 39. «*...вѣ(е)чател(ѣ)нія, оставлен-
ныя чувству чтеніемъ нѣкоторыхъ сти-
хотвореній Батюшкова.*»

Стр. 36. «*..... писатель, — или изъ по-
бужденія корысти или лежкопріобрѣта-
емой извѣстности, — обращается къ стра-
стямъ толпы неразумительной и проч.*».

Сверхъ-того, г. Сергѣй Ахлюковъ,
желая подтвердить свѣтлую мысль
свою о языкѣ разговорномъ и письмен-
номъ, приводитъ слова Вольтера изъ
«Mélanges de Philosophie»:

«*Ce qui nuit le plus à la noblesse de la
langue, — ce ne sont pas les solécismes de
la bonne compagnie dans lesquels les bons
auteurs ne tombent point; c'est l'affectation
des auteurs médiocres de parler des choses
sérieuses dans le style de la conversation.*»

Не говоря уже о томъ, что этой вы-
пиской авторъ нисколько не подтвер-
дилъ своего недоказательнаго мнѣнія,
что онъ превратно повѣлъ справедли-
вое, впрочемъ, замѣчаніе Вольтера,
обратимъ вниманіе на самый переводъ
цитаты:

«*Не погрѣшенія свѣтскаго общества про-
тивъ правилъ языка, вредятъ его достоин-
ству (чьему?), — хорошие писатели не впа-
даютъ въ эту погрѣшность, — во вредятъ
ему (кому?) направленіе посредственныхъ
писателей, разсуждать разговорнымъ сло-
гомъ о предметахъ серьезныхъ» (стр. 35).*

Во-первыхъ, слово solécisme имѣеть
значеніе болѣе-мѣстное и значить:
ошибка противъ правилъ синтаксиса,
ошибка въ родѣ той, которую два раза
встрѣчаемъ въ переведенной г. Ахлю-
ковымъ фразѣ, но вовсе не означаетъ
всякаго вообще погрѣшенія противъ
правилъ языка.

Во вторыхъ, чему должно приписать
переводъ слова affectation словомъ
направленіе? И по-русски ли это на-
ковецъ: *направленіе писателей разсу-
ждать разговорнымъ слоюмъ, и проч.?!*

Также блистательно доказалъ г-нъ Сергій Ахлюковъ всему читающему міру познанія свои въ языкѣ греческомъ, по поводу словъ «перифразъ», «перифразировать», которыя мы употребили, говоря о его *литературномъ капризѣ*, идѣ переданы впечатлѣнія, оставленныя чувствую читателемъ стихотвореній Батюшкова.

Г. Ахлюковъ утверждаетъ, что слово *перифразъ* употреблено нами ошибочно, что слѣдовало сказать *парафразъ*, что *парафразировать* значитъ пространно изъяснять текстъ, а слово *перифраза* означаетъ одну изъ метропныхъ фигуръ риторическихъ и т. д. (стр. 39). Не входя въ разбирательство подобнаго лингвистическаго вызова, приведемъ вышиски въ двухъ лексиконахъ, филологическое достоинство которыхъ признано и въ школахъ и въ школь.

«*Περιφρασις*, ή (*Περιφράξις*) das Umreden, d. i. das durch einen Umschweif Ausdrücken, dah. Umschreibung».

(Handwörterbuch der Griechischen Sprache von Franz Passow. II Bd.)

«*Périphrase*. s. f. *Circonlocation*, tour dont on se sert pour exprimer ce qu'on ne veut pas dire en termes propres».

(Institut de France. Dictionnaire de l'Académie. éd. 1835).

Послѣ этого, стоить ли говорить о томъ, кто възъ насъ по-французски и по-гречески не знаетъ?

Также отозвался авторъ о баснѣ «Порокъ, Совѣсть и Судьба», помѣщенной въ первой «Филоетовой Книжкѣ» (стр. 40). Это стихотворное произведение мимоходомъ названо *бестолковымъ*. Можетъ-быть. Теперь мы перечли его и прибавимъ: оно написано языкомъ неслыханнымъ, а господствующая въ немъ мысль, хотя и заимствована отъ одного классическаго автора, а сама отъ одного латинскаго писателя, какъ нѣчто *замычательное* «въ родѣ аллюгорическаго», но все-таки толковѣе не сдѣлалась.

Въ заключеніе авторъ жалуется, что *второй половины (?)* его книжки рецензентъ «Отеч. Записокъ» не захотѣлъ разбирать. На это остается отъчитать словами г. Ахлюкова о статьѣ «Мирза Ферлюки», что для разбора второй половины Филоетовой Книжки *не годится печатная бумага* (стр. 38).

Опровергнувъ такимъ блистательнымъ образомъ рецензента «Отечест. Записокъ», г. Сергій Ахлюковъ заплатилъ дань поэзіи, ударивъ по струнамъ своей лиры, которую промѣнялъ-было на злое перо полемики. Слушайте:

«Отечественное объявленіе

о стотысячной невѣстѣ.»

Дѣло вотъ въ чемъ. Нѣжный отецъ рекомендуетъ или публикуетъ, какъ угодно, что за дочерью его Лизанькой сто тысячь придаваго. Въ подтвержденіе своего показанія, онъ ставитъ на видъ претендентамъ, что она

Темноволосая, лазури очи *сочна* (т. е. цвѣта),

Уста пунцовыя, стройна и безъ корсетъ,
И морска съ камельку. Все въ Лизѣ красота

Природы радостной... и т. д.

... какъ ландышекъ княжна,
Какъ стебелекъ прима, и какъ милашка

Не двадцать тысячь-ли, на всякій первый разъ?

Не двадцать тысячь-ли на второй въ взглядъ? (стр. 42).

Послѣ такого соображенія почтеннаго родителя, что красота его дочери стоить двадцать тысячь, востъ продолжаетъ:

Случалось наприимѣръ мнѣ съ Лизанькой *идти*—

Я нѣсколько позады, она напереды...

Не напоминаютъ ли эти стихи иррией Василія Кирилловича Третьяковскаго

Благоприсоймо вамъ, царица, стать
здесь выше,

У трону стала я, однакъ довольно ниже?
Исчисляя качества милой дочки, за ко-
рой онъ имѣетъ трогательную при-
ячку ходить повади, нѣжный отецъ
валится тѣмъ, что онъ умѣетъ отбо-
ривать уличныхъ франтовъ и дѣлать
какой видъ, что они тотчасъ ретиру-
ются и даже съ нею раскланиваются!!!
Слѣдуетъ réfrain:

Не двадцать тысячъ-ли, скажите это
миѣ,
Не двадцать тысячъ ли, коль вы ее се-
смъ умѣ?

Мало того. Дѣвочка не любитъ радить-
ся и вѣдить по баламъ. *Платье захо-
чется, такъ платьемъ знай одна.* Такую
скромность и отсутствіе прихотей ро-
дитель цѣнить въ тридцать тысячь;
столько же накидываетъ за ея набож-
ность; потомъ складываетъ $20+20+30$
 $+ 30 = 100$. Слѣдовательно, за нѣве-
стою придаваго сто тысячь.

Наконецъ, мы остановимся на повѣ-
сти г. Сергѣя Ахлопова: *Два школь-
ныхъ(е) пріятеля.* Это новое произведе-
ніе пера уже славнаго на поприщѣ
юмористическихъ разсказовъ, полеми-
ческихъ статей и стихотвореній, со-
единяющихъ въ себѣ роды элегическій
и лирическій, лучше всего доказыва-
етъ, что человекъ съ твердою, неуклон-
ною волею можетъ далеко уйти по из-
бранному имъ пути. Такъ г. Ахло-
повъ, вызвавшій къ Карамзину и Дми-
тріеву объ упадкѣ нашей литературы,
о забвеніи вывѣшными писателями
всѣхъ указанныхъ классиками формъ
языка, и т. д. (стр. 74), въ послѣдніе
полгода, много успѣлъ въ извѣстствѣ и
силѣ разсказа... Окончимъ же разборъ
небольшими выписками, по которымъ
читатели сами могутъ заключить, что
литература русская еще держится, что
бодрствуютъ на стражѣ чистоты рус-
скаго слова надежные дѣтели.

Вотъ эти перлы современной рус-
ской прозы:

«Домъ одноэтажный, небольшой, но
онъ принадлежитъ миѣ, онъ мое наследіе
послѣ моей доброй матушки. Когда
скончался мой отецъ, миѣ было не болѣе
11-ти лѣтъ. Отецъ мой служилъ въ Мо-
сквѣ и жилъ въ домѣ, гдѣ я живу теперь;
у него была еще въ одной губерніи де-
ревня, въ которую онъ ѣзжалъ лѣтомъ
виѣстѣ съ матушкою и со мною; и это
время было для меня истиннымъ насла-
жденіемъ. Миѣ еще въ ребячествѣ такъ
нравились деревенская жизнь».

Стр. 47. «Не знаю почему я не полу-
чаю писемъ отъ Виктора. Я нѣсколько
разъ писалъ къ нему. Можетъ быть онъ
пренебрегаетъ мною.

«Сегодня я былъ у Г(г)-жи Г. Я ви-
дѣлъ у нея дѣвчугу Марію Ветливскую.
Сколько я узналъ, она здѣсь временно съ
своею матушкою. Какъ мила дѣвчуга Вет-
ливская! Если-бы я смѣлъ, я не свелъ
бы съ нею глазъ.

«Я танцовалъ съ Маріею! Какъ она ми-
ла! Я говорилъ съ нею, какъ она скром-
на! Какое прелестное созданіе Марія!

«Прекрасный образъ ея не оставляетъ
меня; засну ли я, и я вижу ее въ сно-
видѣніи, — проснусь ли я, и языкъ мой
уже невольно произноситъ ея имя. Возь-
му ли я книгу для развлеченія, и я не
понимаю, что читаю, — одна она въ моихъ
помыслахъ.

«Сегодня я опять видѣлъ Марію. И такъ
въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, я
прожилъ цѣлую жизнь. Я люблю Марію
и если-бы я открылся ей въ моихъ чув-
ствахъ, меня перестали бы принимать. Я
бѣденъ, — она должна быть съ состояні-
емъ(,) сколько я вижу, — и я лишился бы
наслажденія видѣть Марію. Я не могъ на
это рѣшиться.

«Марія прекрасно играетъ на форте-
пьяно. Стоя за ея креслами, я всегда
внимательно прислушиваюсь къ ея игрѣ;
и миѣ кажется, что каждый клавишъ без-

жизненного инструмента одушевляется подъ ея розовыми пальчиками.

Стр. 49. «Я прохожу по дѣсколко разъ передъ окнами (т. е. мимо оконъ) гдѣ живетъ временно Марія. Иногда я ее вижу у окна. Чувствую, что я ее *обезпокою*, — но могу-ли я, не желать ее видѣть? Вчера я взялъ съ собою одну книжку, вложилъ въ нее записку къ Маріи, и пошелъ къ ней (къ кому? къ книжкѣ, къ запискѣ, къ Маріи?!), Я отдалъ книжку человѣку и сказалъ ему, что за отвѣтомъ пришлютъ. Я написалъ въ моей запискѣ: *Простите мнѣ, что я васъ обезпокою, — желаю знать щ(сч)астливый-ль вы.* Я не зналъ (,) что болѣе (т. е. что еще) написать Маріи.

«Вчера я прошелъ мимо ея дома: она стояла у окна; я замѣтилъ, что въ глазахъ ея выражалось только одно состраданіе ко мнѣ. И за то благодарю тебя Марія.

«Я вздохнулъ по лѣстницѣ, — человѣкъ подаль мнѣ записку: Марія написала мнѣ: «Судьба моя рѣшена.»

«Ты пишешь мнѣ Марія, что твоя судьба рѣшена! И моя судьба рѣшена! Встрѣтимся ли мы? Я понимаю тебя (,) Марія! Твое желаніе для меня твоя воля! Твоя воля для меня законъ! Развѣ я не люблю тебя (,) Марія!

Стр. 50. «О философія! о философія! Сколько разности, между теоріею и практикою жизни!

«Нѣмецкій фигурантъ... обяснялъ... со-держаніе представляемыхъ имъ леленій.

«Конечно я былъ въ одномъ изъ тѣхъ часовъ, когда я бываю равнодушенъ ко всему.

«...люди живутъ для него, чтобы об-чать ему *прежжденіе* по нуллъ жизни!

Стр. 51. «Слишкомъ самоуверенный, онъ полагалъ успѣшь въ свѣтѣ собственными способами, — и *осталеленный* самому себе, онъ всюду встрѣтилъ только одѣ препятствія.

Стр. 52. «И я ишу среди дорожки — *Напечатанныя* робкой *вз-ка,* —

Гдѣ ея слѣдъ?

Стр. 57. «...Марія *признательна* благодарная КЪ брату, хотѣла по большакому *его положенію* быть ближе къ нему.

Стр. 61. «...Я... *около* мою Марію всѣми моими пощечіями. Такъ я думалъ въ моей самоуверенности и проч.

Кажется, довольно!

192) Поларокъ Прекрасному Полу. *Стихотворенія* Анастасія Савинскаго. Москва. Въ университетской гнѣ 1846. Въ 8-ю д. л. 167 стр.

Не дивитесь цѣлой книгѣ стихотвореній, посвященныхъ прекрасному полу. У автора есть на это не только свои причины, но и правила. Трудно нати противъ правилъ. Послушайте:

Когдаже страшнымъ преступленьемъ
Любовь къ прекрасному назвать,
Мнѣ равнаго души возмеченья,
Нигдѣ подъ солнцемъ не сыскать!
Отъ пламенныхъ я таю взоромъ,
Отъ вдохновенныхъ разговоровъ,
Отъ упоенія любви

Я небо чувствую въ крови (Мои Прощанья, стр. 1).

Слышите ли? у него правило: чувствовать небо въ крови! Какъ же вы хотите, чтобы авторъ не говорилъ о небѣ, когда у него играетъ кровь? Вѣдь въ этой крови небо!

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ

14) *Outlines of english literature: for the use of the Imperial Alexander Lyceum, by Thomas V. Shaw* (Очерки Английской Литературы, для руководства въ Императорскомъ Александровскомъ Лицее, соч. Т. В. Шоу). Санкт-петербургъ, Гауеръ и К°. Куртонтъ. 1847. Въ 8-ю д. л.

Для русскаго образовывающагося юношества довольно-давно уже настояла крайняя необходимость въ руководствѣ къ изученію английской литературы. Английскій языкъ сталъ преподаваться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не болѣе 30 или 35 лѣтъ; но и въ столь короткій періодъ этотъ языкъ вошелъ у насъ въ такое употребленіе, что теперь мало уже только знать его, теперь уже можно и должно приниматься за знакомство съ цѣлою литературою английскою; а между-тѣмъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ оказалась потребность въ подобномъ знакомствѣ, ни одинъ изъ преподавателей - иностранцевъ не позаботился составить учебникъ, сообразный съ потребностями нашего юношества. Нельзя же пустить въ употребленіе иностранныхъ исторіи литературы: онѣ слишкомъ обширны и превышаютъ объемъ назначаемыхъ курсовъ, такъ-что преподаватели держатся обыкновенно чего-то средняго, дѣлаютъ свои выборы изъ сочиненій обширныхъ, одно пропускаютъ, другое укорачиваютъ, третье оставляютъ въ первоначальномъ объемѣ, и такимъ образомъ всякій по-своему составляетъ руководство. Изъ этого выходитъ, что само юношество, иногда, порядочно научившись ино-

странному языку, все-таки не приобрѣтаетъ никакого даже посредственнаго понятія о литературѣ наученнаго имъ языка, между-тѣмъ, какъ можно было бы надѣяться, что судьба познаній этого самого юношества была бы иная, еслибъ каждый изъ преподавателей читалъ свой предметъ не иначе, какъ по печатному курсу, своему или чужому. При этомъ случаѣ получалась бы та выгода, что составитель курса, принужденный появиться печатно въ свѣтъ, старался бы вложить свою книгу, если даже не совсѣмъ-хорошо, то по-крайней-мѣрѣ въ возможной полнотѣ, не позволяя себѣ отрывочности и произвольныхъ сокращеній, или произвольныхъ длиннотъ. Притомъ же, цѣлый курсъ, являющійся передъ молодыми людьми въ видѣ одной книги, даетъ имъ возможность и самимъ судить, самимъ догадываться о качествахъ книги.

Г. Шоу, вѣроятно, чувствовавшій недостатокъ въ руководствѣ при преподаваніи англійскаго языка, рѣшился, подобно многимъ другимъ молодымъ преподавателямъ, напечатать свой собственный курсъ — и тѣмъ принесъ истинную пользу всему сословію учащихся. Объ англійской литературѣ обыкновенно знаютъ очень-мало: кое-что о Шекспирѣ, кое-что о В. Скоттѣ, и больше ничего. Теперь же будетъ возможность молодымъ людямъ узнать что-нибудь по-больше, прежде, чѣмъ они будутъ покидать школу. Книга г. Шоу старалась вывести на сцену всѣхъ авторовъ англійскихъ, предпославъ каждому краткую біографію, и большую частью сопровождая произведенія

автора выписками изъ болѣе или менѣе знаменитыхъ критикъ. Кромѣ чужихъ критикъ, г. Шю счелъ за приличное не оставить книги и безъ своихъ критическихъ замѣчаній; но эти замѣчанія въ сложности представляютъ въ-что въ родѣ подобія Януса: двѣ половины лица, глядящія въ разные стороны и никогда несоединяющіяся въ изображеніе одного лица. Такимъ образомъ какой-нибудь писатель названъ великимъ гениемъ или великимъ талантомъ, и вслѣдъ за тѣмъ рассматриваются составныя качества этого таланта, производительныя его способности, всю доказывающія, что писатель этотъ никакъ не имѣетъ права быть называемъ не только великимъ, но даже и просто талантомъ. Прииѣровъ мы не приведемъ, ихъ слишкомъ много; такъ много, что судя по назначеніямъ г. Шю, вся книга его составлена изъ описанія дѣятельности *ескихъ людей*. Можно подумать, что подобная странность происходитъ отъ старанія помирить принятыя съ молодости, всосавшыя съ молокомъ понятія о великихъ людяхъ своего отечества съ понятіями, полученными въ самомъ себѣ, какъ слѣдствіе образованія. Къ числу подобныхъ же англійскихъ, всосавшихъ съ дѣтства понятій, нельзя не отнести мыслъ г. Шю, много разъ выговариваемую, что англійскій народъ, англійская литература лучше всѣхъ народовъ, лучше всѣхъ литературъ.

Стр. 592: «Наша литература — по преимуществу литература человеческой нации, богата самыми превосходными и неслѣпными образцами всякаго рода и вида превосходства, — во всякомъ смыслѣ достойна самаго великаго, самаго свободнаго и самаго мыслящаго народа, какой только когда-либо былъ на свѣтѣ. Такое славное прошедшее можетъ обѣщать только столь же знаменитое будущее; тѣ же силы и вліянія, которыя давали Англии средства производить вещи и вліянія болѣе великія, чѣмъ какими можетъ гордиться какоебы то ни было общество, дѣйствуютъ и до сихъ поръ, и дадутъ ей средства произвести дру-

гя, можетъ-быть, другія по роду, но столько же долговѣчныя, великія и высокія. — Стр. 585. «Политическія пренія Англии столько же отличаются отъ политическихъ преній другихъ странъ, сколько политическій и національный характеръ Великобританіи различается отъ характера всякаго образованнаго государства древней или новой исторіи. Нѣмецъ мечтаетъ обо всемъ; Французъ говоритъ обо всемъ; Англичанинъ размышляетъ обо всемъ. Французъ часто дѣйствуетъ не подумавъ, Нѣмецъ столько занятъ своими теоріями, что ему некогда им размышлять, им дѣйствовать, Англичанинъ размышляетъ сильно и дѣйствуетъ рѣшительно. — Стр. 379: «Характеръ англійскаго народа обозначенъ странными несовершенствоми: нѣтъ ни одного народа, который бы имѣлъ столько антипатіи отъ того, чтобы преслѣдовать до крайнихъ выводовъ слѣдствія какой-нибудь новой системы или цѣпи умозаключеній. Нигдѣ не разсуждаютъ о новой теоріи въ законность или въ наукахъ съ большею свободой, большею простотою, нигдѣ не отдѣляютъ истиннаго отъ ложнаго съ болѣе рачительною дѣятельностью, нигдѣ нова истина не встрѣчается болѣе просвѣщеннаго и готоваго пріема; за то нѣтъ нигдѣ большаго страха передъ нововведеніемъ, и т. д.»

Нельзя не уважать во всякомъ члвкѣ любовь къ своему отечеству, во всему есть мѣра; для того, чтобы любить Англию, нѣтъ никакой надобности доказывать свою любовь утверженіемъ себя и другихъ, будто англійскій народъ самый великій въ мірѣ, а его произведенія самая великія произведенія. Но если подобныя мысли довольно-обыкновенны въ массѣ всѣхъ полагавшихся литературныхъ произведеній, то онѣ не должны быть допусканы во всякаго рода учебники. Во-первыхъ, вообще говоря, учебники, какъ и всякое сочиненіе, имѣетъ цѣлю не развитіе своихъ особенныхъ мнѣній, а раскрытіе истины; во-вторыхъ же, ложные взгляды учебниковъ могутъ оставлять по себѣ неизгладимые слѣды. Есть очень-много юношей, которые, разъ кончивъ курсъ въ школѣ, больше нигдѣ не заглядываютъ въ другія книги.

кроме вадорныхъ романовъ, и старыми, кое-гдѣ набранными мнѣніями продолжаютъ существовать много десятковъ лѣтъ; такіе люди всего скорѣе могутъ познакомиться ложными мнѣніями изъ книги г. Шю, не воспользовавшись хорошими ея сторонами; потому-то было бы очень-желательно видѣть гничтоженными въ этомъ руководствѣ всѣ *лирическія* мѣста, изъ которыхъ одни ложны, а другія если не ложны, то совершенно ненужны. Столько же не нужны очень-многочисленные вытаты въ стихахъ изъ разныхъ непоменованныхъ авторовъ, употребленные для «красоты рѣчи», а также для подтвержденія своихъ словъ, какъ иногда въ разговорѣ употребляются пословицы. И *лирическія* мѣста и цитаты въ стихахъ совершенно не йдутъ въ учебникъ и только безъ нужды загромаждаютъ текстъ, давая всей книгѣ вершительный, странный видъ: критика это не критика, а иногда и учебникъ не учебникъ.

Къ числу недостатковъ книги г. Шю принадлежитъ и странное распределеніе по главамъ: ужь не говоря о томъ, что Ричардсонъ, Фильдингъ и Смолетъ заключены въ главу, посвящую заввавіе: *великіе романисты*, и о многихъ другихъ примѣрахъ въ подобномъ же родѣ,—стоитъ только указать на поѣщеніе В Скотта въ отдѣльной главѣ, съ кѣмъ же? съ бездарнымъ, ничтожнымъ Соутемъ, безъ всякой причины, даже безъ указанія хоть бы на современность. Точно такъ Байронъ, безъ всякой рациональной причины, улегся въ одну главу съ Муромъ, Шеллеемъ, между-тѣмъ, какъ, разумеется, нужно было бы даже и по раздѣленію на главы сдѣлать различіе, тѣмъ болѣе, что ни по какому отгѣнку направленія вѣтъ никакого сходства у В. Скотта съ Соутемъ, а у Байрона съ Муромъ и Шеллеемъ. Впрочемъ, авторъ книги и не сравниваетъ ихъ: они оставлены такимъ-образомъ совершенно-случайно, по нечаянности. Курьеръ совершенно производитъ вѣролю, г. Шю считаетъ его принадлежа-

щимъ не къ англійской литературѣ, а къ американской. Но американская литература до-сихъ-поръ нисколько не отдѣлилась (кроме литературы политическихъ журналовъ) отъ англійской; всѣ немногія произведенія ея принадлежатъ по всей справедливости къ англійской. Еще не успѣло образоваться изъ нея никакого отдѣльнаго отряда, такъ-что если слѣдовать мнѣнію г. Шю, Курьеру пришлось бы имѣть не считаться, быть совершеннымъ *outlaw* (вне закона, vogelfrei). Г. Шю счелъ за необходимое внести въ курсъ литературы имена различныхъ богослововъ, также Докка, Бэкона, и т. д. Въ обширномъ смыслѣ, оно, пожалуй, возможно, потому-что въ исторіи литературы народа принадлежитъ все, что у этого народа ни написано,—но это въ обширномъ смыслѣ; кругъ литературы въ тѣсномъ или настоящемъ смыслѣ гораздо-ограниченнѣе, и ужь, конечно, въ очерки англійской литературы не должны входить подробные разборы системъ Бэкона, Докка, Юма и т. д. Дѣло другое, на-примѣръ, во французской литературѣ Паскаль, или въ германской Лютеръ: ни тотъ, ни другой не были литераторами, не оставили послѣ себя литературныхъ произведеній, но имѣли самое рѣшительное влияние на преобразование языка своего народа и, слѣдовательно, должны занимать важное мѣсто въ исторіи литературы. Съ другой стороны, г. Шю упоминаетъ о этихъ философахъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ указать на интеллектуальный переворотъ, совершенный каждымъ изъ нихъ въ своемъ объемѣ. Слѣдовательно, гораздо-правильнѣе было бы со стороны г. Шю слѣдовать объ каждомъ изъ нихъ только самыя краткія упоминанія подвергнуть внимательнѣйшему разбору произведенія В. Скотта, Байрона и т. д., гдѣ именно этой подробности и недостаетъ. Также поверхностно сказано объ англійскомъ журнализмѣ вообще, и въ особенности о направлевіяхъ (въ критическомъ отношеніи) двухъ такихъ журналовъ, какъ *Edinburgh Re-*

view и Quarterly Review, между тѣмъ, какъ статья о нынѣшнихъ журналахъ и объ англійской критикѣ должна была бы занять несравненно-большее мѣсто, чѣмъ эстетико-лирическое повѣствованіе о великости Мильтона, Гомера новѣйшаго времени, занимающаго четвертое мѣсто въ ряду великихъ, дошедшихъ бывшихъ эпиковъ (!): Гомеръ, Виргилій, Давте, Мильтонъ... Но подобныхъ англійскихъ сужденій въ книгѣ много; ихъ всѣхъ нельзя исчислить; мы старались указать только на самые главные.

Не смотря на такіе недостатки (которые очень исправимы), книга г. Шю остается прекраснымъ, и притомъ единственнымъ у насъ учебникомъ исторіи англійской литературы: авторъ употребилъ много дѣльнаго труда на то, чтобы представить отчетливыя біографіи каждаго изъ упомянутыхъ въ книгѣ писателей и на полное исчисленіе ихъ произведеній, со многими весьма-интересными подробностями, касающимися и до тѣхъ, и до другихъ. Однимъ-словомъ, еслибъ только была возможность откинуть упомянутые нами недостатки, книга г. Шю могла бы служить очень-хорошимъ руководствомъ, указывающимъ на всѣ произведенія англійской литературы.

15) GRAMMAIRE THÉORIQUE ET PRATIQUE de la langue française. *Seconde partie.* Par P. Nouqué. (Теоретическая и Практическая Грамматика французскаго языка. Часть вторая. Сочиненіе П. Нукэ.) Санктпетербургъ. 1847. Во французской типографіи. Въ 12-ю д. л. 276 стр.

При видѣ французской грамматики, написанной не Нюлемъ и Шапселемъ, непременно вспоминаемъ мы о грамматикѣ написанной Нюлемъ и Шапселемъ. Такъ, въ эту минуту, смотря на вѣщное изданіе французской грамматики г. Нукэ, мы вспомнили вѣщное изданіе грамматики Нюля и Шапсала; читая умное и совершенно-

повѣстное по изложенію произведеніе того же г. Нукэ, невольно сравниваемъ его съ не совсѣмъ-яснымъ для молодыхъ умовъ произведеніемъ тѣхъ же гг. Нюля и Шапсала. Но воздержимся отъ сравненія. Грамматика Нюля и Шапсала (все-таки одна изъ лучшихъ французскихъ грамматикъ) совершила свое обращеніе около юныхъ умовъ въсколькихъ поколѣній съ честью. Явилось новое сочиненіе, удовлетворяющее большей части требованій, явилась новая французская грамматика, — вустъ же юншество отправадлетъ триню стараго ментора и оустать его на нижнюю полку библиотеки, на ту завѣтную полку, гдѣ хранятся старыя тетради. Вторая часть сочиненія г. Нукэ чуть ли не лучше первой, хотя она и требовала большей работы, болѣе-яснаго изложенія.

Метода изложенія, принятая г. Нукэ выражается двумя словами: *теорія и практика* (théorie et pratique). Вездѣ встрѣчаеи мы упражненія, на которыя опирается теорія и которыя составляютъ ея необходимое позволеніе.

«Quant aux exemples et aux exercices», говоритъ г. Нукэ въ своемъ введеніи, на стр. X: «qui accompagnent la théorie, ils sont extraits de ce que la littérature offre de mieux pensé et de plus purement écrit. Indépendamment de leur application immédiate à la règle, la plupart révèlent une pensée morale, ou un fait historique, littéraire, scientifique ou critique. L'enseignement et l'éducation sont inséparables, et développer l'esprit n'est pas plus nécessaire que de fortifier l'âme et le cœur.»

Чтобъ показать взглядъ г. Нукэ на грамматику и методу имъ принятую, представляемъ въ переводѣ отрывокъ изъ его предисловія.

«Неоспорно, что всѣ главные правила грамматики изложены ясно и даже весьма-методически въ различныхъ трактатахъ, изданныхъ до настоящаго времени, и что трудности синтаксиса часто разрѣшаются въ нихъ очень-ясно; но ни въ одному изъ нихъ не должно исключитель-но привязываться. Одни, простирая уже

слишкомъ далеко грамматическую терпимость, стараются оправдать важными ошибками мелочностью анализа и какъ-будто провозглашаютъ, что все позволительно. Другіе, и это большая часть, воспитанные на идеяхъ своихъ предшественниковъ, и проникнутые, подобно имъ, педантическимъ тщеславіемъ, устанавливаютъ правила несогласныя, варварскія; считая себя верховными судіями языка, они гремятъ сплосмой противъ всякаго, кто не складывается предъ ихъ неуклончивою системою.

«Въ этихъ двухъ крайностяхъ не можетъ быть истины; потому-что, съ одной стороны, дать словамъ необузданную ничѣмъ свободу, позволить писателю предаваться всѣмъ прихотямъ формы, значило бы отнять у языка его характеръ, уничтожить духъ его; съ другой стороны, желать ввести языкъ въ форму неизмѣняемую, значить остановить его развитіе, погнать его. Языки, какъ общества и цивилизация, стремятся безпрестанно къ расширенію, перемѣнамъ, модификаціямъ всевозможныхъ родовъ; они поддерживаются лишь движеніемъ — вотъ жизненное ихъ начало; и день, въ который писатели, очертивъ себя обозначеннымъ предшественниками кругомъ, упорстаютъ преступить его границы и съ трудомъ вычлещаются въ рабскомъ подражаніи, день этотъ начало агоніи языка. Положить, что нѣкоторые возвели языкъ какой-нибудь страны на высоту, до нихъ неизмѣстную, воздвигли ему вѣчные памятники; но развѣ это значить, что они развели весь его геній, исчерпали все источники? умелъ ли кто провозгласить его неизмѣннымъ? Проходить рѣкъ — и новый порядокъ идей и вещей управляетъ обществомъ, являются новые возвышенные умы, и подъ перомъ ихъ созрѣваетъ жатва словъ и выраженій доселѣ неупотребительныхъ, но столько же выразительныхъ, сколько богатыхъ, болѣе смѣлыхъ, чѣмъ рѣчь предшественниковъ; и потому только, что у насъ были Буало и Расинъ, должны ли мы не признавать Виктора Гюго и Шатобриана?...

Грамматики не слишкомъ примѣнялись къ этому правилу, и вотъ одна изъ причинъ ихъ заблужденій. И хотя бы онѣ свой неумолимый кодексъ основывали на произведеніи тѣхъ избранныхъ писателей, языкъ которыхъ вѣрно служилъ генію, которыхъ механизмы рѣчи всегда подла-

гались требованіямъ мысли — ни чуть не бывало! часто они ни во что не ставятъ фактовъ и часто на одномъ капризѣ, на ложной тонкости создали они свои системы. Къ чему же это повело? литературныя знаменитости на каждой страницѣ обличали ихъ странныя и произвольныя правила, которые должно пошпирать ипогла; чтобы хорошо писать. Не будемъ же называть варваризмомъ те или другое выраженіе отъ-того только, что господамъ Бюзе, Дюмарсе, д'Оливье и вслѣдъ за ними Шансалу угодно было осудить употребленіе такого-то слова и такой-то конструкціи, не смотря на то, что часто они составляютъ собою истинную красоту и встрѣчаются въ тысячѣ мѣстъ. Грамматикъ подчиняется закону, объясняетъ его, но никогда не постановляетъ. Истинный кодексъ языка заключается въ произведеніи хорошихъ писателей, у которыхъ и должно искать его и съ ними согласоваться. Всякій волею составляетъ себѣ правила и слѣдуетъ имъ; но не должно съ дерзостіемъ навязывать ихъ другимъ.»

И дѣйствительно, г. Нукэ въ своей грамматикѣ не кадитъ безусловно еміама никакому авторитету, не навязываетъ непреложнаго правила (конечно, это не отвесится къ основнымъ правиламъ языка): онъ основываетъ свои совѣты на большинствѣ писателей и вслѣдъ за тѣмъ, въ примѣчаніи или, лучше сказать, въ пополненіи, говорить, что можно употреблять и вотъ такое-то выраженіе, такую-то конструкцію, для большей ли выразительности, для краткости ли, или при другихъ требованіяхъ.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, полную теорію синтаксиса; во-вторыхъ, значительное число упражненій, извлеченныхъ изъ лучшихъ писателей и классифицированныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ правила; наконецъ, въ-третьихъ, собраніе отрывковъ въ прозѣ и стихахъ, могущихъ служить образцами.

16) PETIT LIVRE DE CONVERSATION FRANÇAIS, RUSSE ET ALLEMAND, à l'usage de la jeunesse. (Дѣтскіе разгово-

ры, (1) на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, составленные Яковомъ Лангеномъ.) Санктпетербургъ. 1847 Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 102 стр.

Книжка эта составлена была еще профессоромъ Эмилемъ Отто и названа имъ: «Petit livre de conversation français-allemand, à l'usage de la jeunesse. Strasbourg, 1845», какъ пособие при первоначальномъ обученіи фран-

цузскому языку. Г. Лангенъ распро-
странилъ ее, присовокупивъ русскій
текстъ, и такимъ-образомъ вышла пре-
полезная книга, заключающая въ себѣ:
1) фразы для упражненія, 2) избранныя
выраженія, 3) иллицизмы и германиз-
мы, 4) краткіе разговоры почти о все-
возможныхъ предметахъ, 5) пословицы
и поговорки.

Все это написано очень-умно и, гла-
вное, не сухо и не скучно.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М А И.

193) *Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома. Сочиненіе Сергія Соловьева. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. X и 700 стр.*

Съ волеизліеніемъ въ свѣтъ этой такъ исторически-ожидаемой кнѣжки, русская исторія обогатилась, — мы сдѣлали шагъ — образцовымъ, классическимъ сочиненіемъ. Съ какой стороны его ни взять, оно удовлетворяетъ самымъ строгимъ, взыскательнымъ требованіямъ. Длинный періодъ времени отъ извѣстнаго въ Россію первыхъ зачатковъ государственности Варягами, до окончательнаго утвержденія московскаго самодержавія, обследованъ здѣсь съ одной изъ самыхъ живыхъ, любознательныхъ его сторонъ, ибо исторія рюрикова княжескаго рода въ это время, безспорно, есть бѣльшая и важнѣйшая часть государственной и политической исторіи Россіи. Самое изслѣдованіе прелезходно. Въ немъ все ново. Тѣ, что другіими писателями не замѣчено, или замѣчено такъ, мимоходомъ, но осталось неразвѣстнымъ, слѣдовательно, потерянными для исторіи, г. Соловьевъ выдвинулъ на первый планъ, поставилъ какъ главное, движущее начало, и тѣмъ придавъ живанъ и смыслъ до-мо-славской Руси, которой тайна до-сихъ-поръ была закрыта. И до г. Соловьева.

Т. II. — Отд. VI.

она пытались поставить вѣрхъ дномъ прежній взглядъ на древнѣйшую Русь, ибо уже давно многіе чувствовали его неестественность, покрывавшую непрозрачною завѣсой дѣйствительное содержаніе нашей исторіи; но никто еще не приступалъ къ дѣлу съ такой начитанностью въ нашихъ летописяхъ, съ такимъ богатымъ запасомъ фактическихъ знаній, какъ г. Соловьевъ, и потому никто такъ прямо и вѣрно не достигалъ этой цѣли, какъ онъ. Чтобы убѣдиться, стоить взглянуть на книгу: каждое слово подтверждено ссылками, бѣльшее частію выписками изъ источниковъ; по нимъ каждый можетъ при самомъ чтеніи повѣрять автора, и рѣдко гдѣ эта повѣрка выпадаетъ не въ пользу г. Соловьева. Наконецъ, вложеніе истины, иѣстами увлекательно, какъ рѣдко пишется у насъ и не учеными сочиненіемъ.

Дурно поймутъ насъ тѣ, которые въ этихъ словахъ, высказанныхъ отъ полнаго убѣжденія, увидятъ намегирикъ сочиненію, или сочтутъ насъ за безусловныхъ поклонниковъ взгляда г. Соловьева, до того ослѣвленныхъ пристрастіемъ, что справедливыи судъ и оцѣнка для насъ невозможны. Недостатки въ сочиненіи и взглядахъ г. Соловьева есть; иѣкоторые изъ нихъ мы видимъ; другіе, можетъ-быть, увидятъ

ихъ и больше. Но не забудемъ, что достоинства и недостатки всякаго новаго сочиненія определяются не общими канонами-нубудь кѣриломъ, а состояніемъ и средствами той литературы, въ которой оно является. Еслибъ вышло теперь сочиненіе по римскому праву, съ какой-нибудь, впрочемъ, незначительной ошибкой, эта ошибка покажется чрезвычайно-важною и уронитъ книгу, по обработанности предмета. Съ другой стороны, мы знаемъ, что у Огюстена Тьерри есть недосмотры, есть какаія-то легкости въ обращеніи съ источниками, а между-тѣмъ, кто жь не назоветъ его великимъ, гениальнымъ историкомъ? Въ этомъ смыслѣ мы отозвались и о книгѣ г. Соловьева. Мысли, которыя въ ней встрѣчаемъ, теперь въ большомъ ходу, это правда. Но кто думаетъ, что мы преувеличиваемъ похвалы, тотъ пусть взглянетъ на то, что было писано объ этомъ же предметѣ до-сихъ-поръ: сравненіе встанитъ оцѣнить книгу, можетъ-быть, еще выше, чѣмъ мы цѣнили, и во всякомъ случаѣ оставить за г. Соловьевымъ честь полнаго, совершеннаго переворота въ нашихъ теперешнихъ понятіяхъ о жизни древнѣйшей Россіи. А эта заслуга такъ велика, что мы имѣемъ полное право, оставаясь совершенно-безпристрастными, назвать книгу г. Соловьева превосходной, классической, не смотря на недостатки и ошибки, въ добавокъ, неизбежныя въ столько юной исторической литературѣ, какова наша.

Изложимъ возможно - коротко содержаніе разсужденія и его главную, основную мысль.

Съ самаго начала, во *вступленіи*, которое какъ-бы служитъ программой для цѣлаго сочиненія, г. Соловьевъ высказываетъ совершенно-новый, въ высокой степени оригинальный и вѣрный взглядъ на политическую исторію Россіи. До-сихъ-поръ мы думали, что удѣлы появились у насъ со смерти Ярославъ, если не раньше, и всю длинную эпоху русской исторіи до утвержденія московскаго государства назы-

вали вообще *періодомъ удѣловъ*. г. Соловьевъ доказываетъ, что это несправедливо, что удѣлы никогда не играли у насъ первой, главной роли, ибо сначала ихъ не было, а потомъ они являются какъ подраздѣленіе княжества, какъ политическое подчиненіе. Московскому игу мы приписывали до-сихъ-поръ главнѣйшую, почти исключительную роль въ развитіи нашего государственнаго быта: г. Соловьевъ опровергаетъ это и вычеркиваетъ *византійскій періодъ* изъ русской исторіи. На мѣсто этихъ представлений объ удѣлахъ и татарскомъ владычествѣ, которыя, будучи результатомъ одного поверхностнаго, дакъ-сказать, внѣшняго изученія русской исторіи, заслоняли отъ насъ органическое, постепенное развитіе древней Руси, онъ ставитъ начало, которое дѣлало всю нашу тогдашнюю частную и общественную жизнь, наполняя ее своими развитіемъ и различными своими фазами, определяло различіе между эпохами и вѣками древней русской исторіи. Мы разумѣемъ *родовое* начало. Авторъ даетъ ему первостепенную роль въ отношеніяхъ между началомъ до XIII вѣка, и даже въ послѣдующей до-московской русской исторіи видѣть лишь постепенную замѣну этого начала государственными; слѣдовательно, определяеть ее отчасти тѣмъ же родовымъ началомъ, но только отрицательно. Такимъ образомъ названіе *патриархальная Русь*, которое мы давно уже давали себѣ, руководимые логикой-то вѣрными чувствами, — теперь оправдано наукой.

Не станемъ вдаваться въ разсужденія о томъ, что это новое замѣненіе чрезвычайно-важно, и что въ немъ лежитъ уже зародышъ наступающаго кореннаго переворота въ теперешнихъ взглядахъ на до-петровскую Русь: вредныя рецензіи насъ этого не дозволятъ. Поизакономъ лучше читателемъ съ аргументами автора. Это тѣмъ болѣе необходимо, что безъ того мысли его многія покажутся слишкомъ смѣлыми; притомъ же онъ ихъ разн-

еть по-своему, может-быть, нѣ-
олько различно отъ тѣхъ, которые
гласны съ нимъ въ главныххъ нача-
хъ.

«Мы привыкли (говоритъ г. Соловьевъ)
выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на
ѣлы, удѣльные князья, удѣльные пе-
ды, удѣльная система, исчезновеніе
ѣловъ при Іоаннѣ III, при смѣнѣ его
силы, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти
раженія, мы необходимо должны знать,
о Россіи, начиная отъ смерти Ярослава
до конца XVI-го вѣка, была раздѣ-
на, ставимъ удѣла на первомъ мѣстѣ,
смѣ ему главную роль; за удѣла идутъ
ѣ борьбы, около удѣла вращается вся
сторія, если періодъ называется удѣль-
нымъ, если господствуетъ удѣльная си-
ста. Но перейдемъ лѣтописи отъ вре-
ны Ярослава I-го до XIII-го вѣка: идетъ
къ намъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣ-
ются ли выраженія: удѣльный князь и
удѣль? продолжитъ ли борьба за удѣла,
распространеніе, усиленіе одного удѣла
счетъ другого, раздѣлена ли наконецъ
Россія? Писколько: всѣ князья суть чле-
ны одного рода, вся Русь составляетъ
раздѣльную родовую собственность;
идетъ рѣчь о томъ; кто изъ князей стар-
ше, кто моложе въ родѣ; за это всѣ
борьбы, всѣ междоусобія. Владѣніе, города,
власть имѣютъ значеніе второстепенное,
имѣютъ значеніе только въ той степени,
въ какой соотнобствуютъ старшинству
князей, имъ притязанія на старшинство,
потому князья безпрестанно имѣняютъ
ся. Князь, у котораго во владѣніи об-
ширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее
бываетъ изъ всѣхъ силъ за одинъ го-
родъ на югѣ, потому что этотъ городъ
прближаетъ его къ старшинству: однимъ
словомъ, интересъ собственника вполнѣ
отраженъ интересу родича. Вмѣсто раз-
дѣленія, которое необходимо связано съ
овѣтствіемъ объ удѣлахъ, мы видимъ един-
ство княжескаго рода: развѣ борьба Свя-
славичей съ Мономаховичами есть борь-
за удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ,
чолпескомъ, Суздальемъ? это борьба за
единство Ярославава рода, за общность,
нераздѣльность владѣнія: «мы внуки одно-
го дѣла», говорятъ Святославичи, и по-
ому домогаются Кіева. Начинается это-
за борьба, въ семьѣ Мономака, между
Святославичами и Юріемъ Долгорукомъ,
идетъ не за удѣлы, но за старшинство.

Наконецъ третья усобица между Ростн-
славичами и Юрьевичами идетъ также не
за удѣлы, но за родовыя отношенія: Рос-
тиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь
поступалъ съ младшими, какъ съ братья-
ми, а не какъ съ подручниками. Гдѣ
же удѣлы? въ лѣтописи вы не находите
отношеній В. Князя къ удѣльнымъ, вы
находите только отношенія отца къ сы-
новьямъ, старшаго брата къ младшимъ,
дяди къ племянникамъ; даже самое сло-
во: удѣлы, мы не встрѣчаемъ въ лѣтопи-
си; если не было понятія о раздѣлѣ, о
выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то
не могло быть и слова для его выраже-
нія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе
объ отдѣльной собственности, то явился
и удѣла; до этого же времени мы встрѣ-
чаемъ только слова: *волость и столы*.
Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный
періодъ, удѣльная система, приводятъ къ
совершенно ложному, обратному пред-
ставленію, выставляя господство удѣла, вла-
дѣнія, отдѣльной собственности въ то вре-
мя, когда господствовали родовыя отно-
шенія при раздѣльной родовой собствен-
ности.» (Стр. I—III.)

«Скоро мы видимъ, что единство Яро-
славова рода рушится, и Русь дѣлится,
впервые, на нѣсколько княжествъ, каж-
дое съ своимъ В. Княземъ, потому что
В. Князь означаетъ только старшаго въ
княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава
раздробился на нѣсколько особыхъ ро-
довъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть
особаго старшаго: явилось нѣсколько Ве-
ликихъ Князей. Начинается борьба между
отдѣльными княжествами; цѣль этой борь-
бы—пріобрѣтеніе собственности, усиленіе
одного княжества во счетъ другихъ, под-
чиненіе всѣхъ княжествъ одному силь-
нѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ
княжества Московскаго, подчиненіемъ ему
всѣхъ остальныхъ. Но во время этой
борьбы между отдѣльными В. Князьями,
явл старшиннами родовъ, внутри каждаго
княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба
между старшимъ княземъ и младшимъ,
теперь уже удѣльными князьями, борьба
также за собственность и за государ-
ственный отношенія противъ родовыхъ:
каждый В. Князь хочетъ уничтожить удѣ-
лы, привести удѣльныхъ князей въ под-
данническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе
ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отно-
шеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя
борьба въ другихъ княжествахъ оканчи-

инства памятника, легкомысленно объявленнаго подложнымъ,— большая заслуга. Обратимъ также вниманіе читателей на изслѣдованіе о сыновьяхъ Владиміра, которое, по тщательности и остроумію, мало найдеть себѣ равныхъ въ нашей исторической литературѣ.

Рассказавъ, въ III главѣ, какъ дѣти Ярославы подѣлили между собою отеческія владѣнія, авторъ переходитъ наконецъ къ главной темѣ разсужденія и исторически, подробно излагаетъ отношенія между князьями. Какъ ни коротокъ періодъ времени отъ смерти Ярослава до взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ (1054—1169), но характеръ этихъ отношеній успѣлъ значительно намѣниться. Авторъ, внимательно слѣдя за малѣйшими ихъ подробностями, не терпится въ нихъ и рѣзкими чертами характеризуетъ отѣзки, которые преимущественно принимали эти отношенія.

«Всѣ борьбы, всѣ усобицы (говорить г. Соловьевъ), имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ соваслѣдія съ дядьки; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Подоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая при Святполкѣ Изяславичѣ, на Любечскомъ съѣздѣ, возвращеніемъ несправедливо исключеннымъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святполкѣ, на Витичевскомъ съѣздѣ, исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соевривчестующими линиями — Изяслава и Владиміра Ярославичей; но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линиями, подѣлившими ее, между Ярославомъ Святполчичемъ и Ростиславичами; сюда присоединилась вражда Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ къ Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области — Черниговскую или Владиміро-Волынскую; эти области служатъ только средствомъ для исключительныхъ

князей снова войти въ родъ и во владѣніе родового собственностию; имъ нужны, какія бы волости ни были, только бы волея ихъ въ родъ; но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домогаются по крайней мѣрѣ, получить ихъ, хотя въ отбаву собственности, наподобіе княжества Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи в Галиціи; но Святославичи, получивъ отъ отцовскую Черниговскую область, не хотѣли ограничаться ею и выдѣлится изъ рода Ярославова.» (Стр. 134—135).

«Борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобы снова получить участки изъ родового собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, не за старшинство, за Кіевъ; теперь уже Мономаховичи не домогаются Святославичей въ Черниговъ, не хотѣтъ только исключитъ ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, увергая ихъ оставаться за Днѣпромъ какъ распорядился предѣлъ дашъ Ярославъ Великій Ольговичи отвѣчаютъ: «Мы не Венгры и не Ляхи, но потомки одного предка и отказаться отъ Кіева не можемъ», слѣдуются защитниками нераздѣльнаго общаго владѣнія; не они знаютъ, что право старшинства развѣ нарушено и не становится его трудно въ областныя стѣны: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратно нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему когда Святославичамъ удалось перейти въ западную сторону Днѣпра, овладѣвъ Кіевомъ, то они хотѣтъ перебраться въ другую завѣтную сторону, оставить ее за востокъ стѣною, въ свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ, какаѣ же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлитъ и прогнать изъ тутъ начало воего продолженія вещей, новыхъ отношеній? вѣрно подобно: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода, — однимъ словомъ, Святославичи

отять Киева не для Киева, но для старшинства.

«Но борьба за старшинство идетъ не между великими Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линіи, игравшія прежде важную роль — линія Изяслава Владимировича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь изъ борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются къ Греціи, но уже не имѣютъ никакого линіи на отношеніи между Ярославичами), но за то встала страшная война въ одномъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, по видимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племянниками; но ея нѣтъ же съ другими замѣненіями: дядья не сключаютъ племянниковъ изъ младшій оловую собственностію, но враждуютъ съ ними за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отняли старшинство и столь Киевскій у младшихъ дядей своихъ, въ слѣдствіе этого представляюща, что старшій сынъ таршаго брата есть старшій братъ младшихъ своихъ.» (Стр. 137—139).

При Андрѣе Боголюбскомъ, первомъ князѣ въ новомъ смыслѣ слова, воплотившемъ собою типъ единовластителя, собственника и самодержца, характеръ между-княжескихъ отношеній снова измѣнился. Борьба, начавшаяся при Андрѣе между юго-западными и сѣверо-восточными русскими князьями, выражаетъ уже глубокое различіе, существовавшее между древней отживавшей и новой, едва лишь возникавшей Русью.

«Здѣсь (говоритъ г. Соловьевъ) борются не за волости отцовскія и не за старшинство, но князья южныя, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бытъ, который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой великой и многозначительной борьбѣ обѣ враждебныя линіи княжескія шли, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ—отца и сына, прямыхъ преемниковъ Мономаха, представлявшихъ образецъ князей стараго времени, героев въ битвахъ, щедрыхъ къ дружинѣ и народолюбивыхъ; новая сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ

Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III; оба князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ родовыхъ отношеній.» (Стр. 228—224).

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

«Новое стремленіе, начатое Боголюбскими, стремленіе утвердиться на сѣверѣ, приобрести силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственныя, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Повгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ недолимую храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ, и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признать, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, по видимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности водить неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядьями, что показало разительное поступокъ Всеволода, который какъ собственникъ и самовластцъ, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими братьями идетъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца-собственника, имѣвшего слѣд. право располагать своею собственностію, и сила—вотъ право младшихъ Всеволодичей: «перемогли насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля!» И такъ теперь, въ слѣдствіе понятія объ отцѣльной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недоверчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его уводивать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, вооружаются, заключаютъ союзъ, чтобы отразить силу силою.» (Стр. 259—260).

Таково значеніе и всѣхъ между-княжескихъ отношеній послѣ Всеволода,

Москвѣ для распространенія дашки, иностранныхъ свещеній; но гораздо важнѣе были перемѣны внутреннія, подлѣ ея влияніемъ произведеныя. Никто лучше смѣлываго Ивана III не могъ воспринять тѣхъ идей, которыя принесла Софія: вотъ почему онъ такъ легко ядцется Грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго, потому что первый явился для двора и народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недостижимой высоты, передъ которою боярство, князь, потомокъ Рюрика и Гелциина должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ характерѣ В. Князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ: Иванъ III послышалъ на важнѣйшее ихъ право, право отъѣзда, и, по первому мановенію грознаго Самодержца, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся съ Ивана III (Стр. 329—331).

Рассказъ о роли Софіи въ царствованіи Ивана, объ отношеніяхъ его ко внуку Дмитрію, сыну Василью и къ Литвѣ, можетъ быть названъ образцовымъ; остроумныя предположенія, въ объясненіи взаимныхъ отношеній разныхъ партій при Иванѣ III и его преемникахъ, очень-правдоподобны и вызываютъ на свѣтъ не одну еще-неподмѣченную характеристическую черту древней Руси.

Послѣдняя глава посвящена Ивану IV. Вѣкъ извѣстно, что, за исключеніемъ автора статьи, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы въ 1821 году (кажется, Арцыбашева) и г. Погодина, которые, впрочемъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія старались объяснить это замѣчательное историческое лицо—въ прочіе повторали, безъ размышленія, историческій приговоръ Карамзина. Въ послѣднее время въ разговорахъ слышались уже сильныя и основательныя возраженія противъ карамзинскаго взгляда на Грознаго, и въ слѣдствіе этого началъ мало-по-малу возникать и сла-

гатаея новаа оцѣнка этого историческаго дѣятедя. Правда, до сихъ поръ, она еще не излоилъ сложилась. Г. Соловьевъ, въ новомъ своемъ сочиненіи, первый печатно высказываетъ новый взглядъ на Ивана, существенно различный отъ прежнихъ. Въ его характеристикѣ мы находимъ важныя матеріалы для будущаго, правильнаго его обсужденія, какъ человека и царя, и потому позволимъ себѣ прибавить къ прежнимъ выпискамъ еще нѣкоторыя.

Приступая къ описанію дѣйствій Грознаго, особенно въ-отношеніи къ тогдашнямъ князьямъ и боярству, г. Соловьевъ начинаетъ взглядомъ на эпоху, въ которую явился этотъ преобразователь.

«Мы достигли въ нашей исторіи (рассказать г. Соловьевъ) того времени, когда оба порядка вещей, родового и государственнаго, дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву, которую знаменуетъ царствованіе Грознаго. Государство родовыхъ отношеній между князьями дѣлало, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, погубительное вліяніе на весь общественный составъ Руси, нѣмало могущаго вліяніе на бытъ городовъ, на родовыя дружины, когда, слѣдовательно, родовыя отношенія между князьями начали сдѣлаться государственными, то эта сѣтя должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была велеетъ разрыванія и въ бытъ городовъ, и въ составъ дружины, двора. Отсюда ясно, что В. Князья, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивление не со стороны однихъ князей родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, существовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ юзальнаго даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній и протрѣщавшаяся при сѣзненіи ихъ государственнымъ. Эту-то возможность передавъ, являющуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напримѣръ, для дружинниковъ и вообще слугъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ священнаго обычая, старинны (напримѣръ,

для старыхъ городовъ), старое общество поддерживало всѣми силами противъ государственныхъ стремленій Московскихъ В. Князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, помѣну. Вотъ смыслъ борьбы, начинавшейся давно въ Сѣверной Руси, но обнаружившейся съ большою силою при Иванѣ III и дошедшей до крайности при влукѣ его Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помѣнанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помѣнано на переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какому-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіемъ; факты противорѣчатъ этому: Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены законѣлаго болѣзнию стараго Русскаго общества, — страстію къ переходу или отъѣзду.

Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій характеръ, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ князей Московскихъ, нѣкъ предшественниковъ: главныя черты этого характера — разсудительность, расчетливость, преобладаніе головы надъ сердцемъ; прямые наследники Калиты, Иванъ III и сынъ его Василій, не увлекались никогда чувствомъ. Совершенно иная была природа Ивана IV: это былъ безспорно самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ Русская исторія до Петра Великаго, самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностію взгляда, докостію въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наследствѣ отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое противоположное начало, женственное, чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспримчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характеръ долженствовала принять борьба такого Государя съ неспѣлимымъ зломъ старинныхъ притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его Василій не были еще такъ далеки отъ стараго порядка вещей, смѣтрѣла на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровіе и умѣренность; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ

первородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понатіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понатія своею обширою начтательностію, изученіемъ церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на Московскомъ престолѣ, чѣмъ Давыдъ и Соломонъ были на Иерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Феодосій на Римскомъ; Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый создалъ вполне все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практичеки. И вотъ Иванъ IV, который хотѣлъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что Государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ беззаканнаго отъѣзда. Но этого мало: оскорбленныя такими противогосударственными притязаніями, какъ Государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человекъ, недостойными поступками окружающихъ его во время дѣтства и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV, не только преслѣдуетъ противогосударственные стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человекъ лично оскорбленный. Наконецъ для такого Государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспримчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія и вмѣсто того отъ равнаго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Димитрій Донской, сынъ его и влукъ вступали на великокняжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще

(когда князь Игорь былъ въ 1247 году, а великий князь Андрей въ 1250) и такъ отъ обращенія въ христіанство происходило постепенное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ царя; того онъ не могъ создать идеальнаго и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ создаетъ и совершаетъ въ 19; это ясно! Но при этомъ ясно также, что поступки Ивана были слѣдствіемъ его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключительное чуждое вліяніе. Сильвестръ и Акиншинъ были Ивану въ дѣлахъ царя, но не имѣли большаго вліянія на него; покуда еще Иванъ еще не началъ его; въ совѣтникахъ же Иванъ, возрасшая въ дѣлахъ душа людей, которыми онъ вѣдалъ на помощь душъ своихъ, по его собственному выраженію. Проставленное вліяніе обоихъ, и Сильвестра и Акиншина, на царя, нравственными помощъ отъ нихъ душъ его безспорна; сильная религіозность Ивана дала особенно Сильвестру большую власть надъ Иваномъ; самому сану его: въ дѣлахъ, касавшихся религіи и нравственности Ивана; онъ надлежитъ Сильвестру, какъ добрый христіанинъ, слушаться духовнаго отца, достойнаго служителя алтара. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, привыкъ къ нему до вѣрности неограниченную; царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то и началось борьбу между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ, относительно личности политическаго взгляда, былъ несравненно ниже Ивана; но, привычки требованія исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ обязанностей отъ него, какъ отъ чистаго человека, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ обязанностей; тогда какъ царь не могъ своихъ собственноручныхъ государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію своему къ Сильвестру: всегда чуждый, которому началъ чувствовать государя отъ несправедливыхъ притязаній Сильвестра, на пр. Иванъ первый началъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда увезетъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому недолжную программу поставилъ Андронскій ордакъ, не учивающій въ Россію учениковъ и художниковъ изъ сража-

ливаго опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Андронку. Противъ этого намѣренія возстава всѣ думы и особенно Сильвестръ; они свѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, которой трепетала еще всѣ Европа и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется, не было никакой средствъ къ сопротивленію. Иванъ понималъ всю безразумность этого совѣта и отвергъ его преслѣдуя войну Андронскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыдился говорить царю, что боляны его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. Такъ употребилъ во зло Сильвестръ до вѣрности Ивана. Мало того, онъ употребилъ во зло глубокое религіозное чувство царя, позволялъ себѣ обмануть его какими то ложными видѣніями. Кто изучае сколько цѣнбу душу человеческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются при посредствѣ оскорбителя рассчитывается на слабоуміе оскорбляемаго, а такой расчетъ простить трудно! вотъ почему и частные люди, и цари, и цѣлыя народы такъ жестоко, кроваво мстятъ за обманъ. Наконецъ неблагоуміе Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно заболѣлъ: ему предложилъ сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Дмитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старикаго и бояръ. Но тутъ-то обнаружился съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльных, съ другой притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Дмитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ Московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданіе, есть повѣсти, отъ которыхъ нельзя освободиться, которыя рождаются съ нами и умираютъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльные продажны вымарки только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. (Стр. 608—609.)

За живыхъ драматическихъ разсказовъ болерой смуты у смертной постели царя, объясненія довелъ неважечивыхъ отношеній царя и болеръ къ Волкодому Монастырю и важнаго значенія свиданія Ивана съ Вассіаномъ Топорковымъ, подробно разобрававшая переписка Андрея Курбскаго съ Грознымъ. Вотъ, что говорятъ объ ней г. Соловьевъ:

«Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ въ исторіи его царствованія Курбскій вполне обнаруживаетъ старинныя притязанія друживниковъ, и преимущественно потомковъ князей-родичей; съ своей стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь высказываетъ свои понятія о царской власти, свою теорію объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ передъ нами говорятъ старая и новая Русь, Русь съ родовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государственнымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представителей—Курбскаго, отъѣзжаго боярина, потомка Ярославскихъ князей, и Ивана, В. К. Московскаго, перваго царя. Такими образомъ вмѣсто сухой, мертвой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опускаетъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ Курбскаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мы имѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ борцовъ, двоихъ представителей противоположныхъ стремленій; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто скрадываетъ причины явленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевные мысли, свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскрываютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба—и царь и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они шедры на сильныя эпитеты, шедры на леуштрѣнную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ». (Стр. 635—636).

«Я долженъ обратить вниманіе на тѣ мѣста въ письмахъ царя, гдѣ онъ, по видимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти, что все дѣлалъ Сильвестръ съ своими сторонниками, и слѣд. можно заключить, что первая блестящая половина его царствованія принадлежитъ не ему, а Сильвестру. Не я уже забывалъ разъ, что оба — и Курбскій и царь пишутъ подъ палачьимъ

страхомъ, въ дѣйствіе, чего свидѣтъ, въ противорѣчія; если основная мысль Курбскаго состоятъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Ивана, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію Царской воли волѣ собственной, такое стремленіе есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его Иванъ хочетъ обременить Сильвестра и его сторонниковъ, итѣ поему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности, самозволство, самоуправство, говорить, что вмѣсто его, онъ владѣлъ царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ не ограниченою своею довѣренностію». (Стр. 672—673.)

Въ заключеніе, г. Соловьевъ разсказываетъ завѣщаніе Грознаго, написанное имъ въ 1572 году, слѣдственно, за 12 лѣтъ до смерти и въ самый разгаръ борьбы съ великостепенъ и Старору-Русью. Намъ помнится, что кто-то удивлялся бѣдности содержанія этого завѣщанія. Но опытный и зоркій взглядъ знатока отырылъ въ немъ не одинъ перечень владѣній, оставленныхъ дѣтямъ, не одни общепринятые и освященные обычаемъ назидательныя увѣщанія, а прочелъ душевную мысль Ивана,—мысль, которая гурала его въ то время и дала новое объясненіе его дѣйствіямъ. Царь, по словамъ г. Соловьева, «былъ вполне увѣжденъ, что онъ и семейство его непрочны на московскомъ престолѣ, считалъ себя изгнанникомъ, а государство въ военномъ положеніи дѣтѣхъ—портъ, пока онъ съ своею дружиною не истребитъ враждебныя начала, и не утвердится снова на престолѣ; при этомъ онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца борьбѣ, а въ духовной дѣлаетъ наставленія своимъ вѣкамъ, какъ они должны жить адъ окончанія». Приложенныя выписки вполне подтверждаютъ этотъ выводъ, и оставляютъ на душѣ какое-то тѣплое, страшное впечатленіе. Ужасно становится, когда подумаешь, чего стоила намъ о-сю-пору наша неблагодарная жизнь, и что за предвѣда, ожесточен-

я Горбаго совершалась въ древней Россіи!

Предѣлы рецензій не позволяютъ имъ входить въ подробный разборъ значительной книги г. Соловьева. Мы къ сдѣлани много выписокъ; но если бы станавливаться на все, что въ ней много, въ ррисно-подмѣченнаго, или удачно-поправленнаго въ прежнихъ насѣдствіяхъ, — пришлось бы написать свое сочиненіе. Не имѣя ни возможности, ни времени это сдѣлать, мы положили себѣ, въ заключеніе, отъ души поблагодарить автора за его добровѣстный, умный, прекрасный трудъ виѣстѣ съ читателями порадоваться, что въ наше время молодые исследователи русской старины начинаютъ свое поприще такими блистательными и важными подвигами.

194) Древнiе и нынѣшнiе Словенiе, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношенiи къ Россiи намъ. Историко-критическія изысканiя Юрiя Вевелина. Томъ I. Москва. Въ университетской тип. 1841. Въ 8-ю д. л. LXXIX и 326 стр.

Хотя на заглавномъ листѣ книги выставленъ 1841 годъ, но печатаніе 2-го тома, начатое еще въ 1834 г. самимъ авторомъ, остановилось, по случаю его смерти, на 16-мъ листѣ. Окончаніе писано въ бумагахъ покойнаго родственника его, г-мъ Молваромъ, и соединено, въ 1846 году, къ предъидущему. Въ этомъ окончаніи заключаются слѣдующія главы: Образъ проповѣданія евангеліа въ продолженіе первыхъ четырехъ вѣковъ, О состояніи нынѣшняго шрифта у славянскихъ племенъ, Словене слышатъ старожилы Паннонiи, О географіи Словенiи, О императорахъ и Скиперiн, Третій періодъ Словенiи: Владычество Аттвалы, шествіе жителей Руси, Заключеніе. значительныя свойства автора, — какъ о несомнѣнныхъ достоинствахъ, такъ и о нѣкоторыхъ недостаткахъ, — столько же очевидно въ этомъ томѣ, сколько и въ прочіихъ его сочиненіяхъ: рядомъ съ оружіемъ, остроумными догадками и со-

ображеніями — вдругъ ужасно дикая выходя, странная мысль, или крутой поворотъ въ сторону, ни къ чему не ведущій. Издатель приложилъ списокъ главныхъ рукописныхъ сочиненій вашего ученаго (нѣкоторыя изъ нихъ уже напечатаны въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества Исторіи: мы скажемъ о нихъ при критическомъ работѣ «Чтеній»), также планъ насѣдствій, который онъ себѣ составилъ, нѣкоторыя черты изъ частной и ученой жизни сочинителя, равно начатая и въ оконченная издателемъ карта Словеніи.

195) Чтенiя о Церковной Словенности или Гомилетика. Сочиненіе Кіевской Духовной Академіи ординарнаго профессора Якова Амфитеатрова. Двѣ части. Кіевъ. 1846. Въ тип. I. Вальнера. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 276, XLVIII, во II-й — 302 и XXXVI стр.

Давно не видали мы такой умной и дѣльной книги изъ разряда книгъ классныхъ. Есть учебныя руководства, въ которыхъ нисколько не видно или видно очень мало учености. «Гомилетика» г. Амфитеатрова — виѣстѣ и учебное руководство и ученое сочиненіе.

Главное достоинство систематическаго сочиненія заключается въ томъ, чтобъ провести одну и ту же идею по всѣмъ частямъ системы, чтобъ ни разу, ни въ одномъ параграфѣ не уклониться отъ основнаго, однажды-принятаго направленія. Если искусно исполнено такое требованіе науки, то мы можемъ не соглашаться съ авторомъ ни въ истинѣ развиваемой имъ идеи, ни въ пользѣ взятаго имъ направленія, но должны будемъ признать въ немъ искуснаго систематика и назвать его сочиненіе — умной книгой.

Но этого еще недостаточно. Кромѣ строгаго научнаго построенія матеріаловъ, нужно богатство матеріаловъ. Сфера, въ которой вращается систематикъ, можетъ быть очень бѣдною, огражденною отъ ученій противополо-

ложных, несъдающему новейших исследований, современных приобретений, и потому спокойною. В книге г. Амштеатрова, мы видим противное: она показывает въ авторѣ, кромѣ наученія собственнаго предмета, незнакомство съ другими свѣдѣніями, многосторонность ученаго. Конечно, при этомъ усмливается и трудность автора: ему придется или уничтожить другія ученія, какъ противоположныя его идеѣ, какъ ложныя въ своихъ основаціяхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, пришить съ своей идеей, какъ одностороннія, невольнѣ-истинныя, — трудность тѣмъ болѣе очевидная, чѣмъ ученіе автора исключительнѣе въ своихъ положеніяхъ, строже по своему характеру, который есть характеръ нетерпимости. Двѣ крайности грозятъ въ такомъ случаѣ автору: или онъ безъ суда подчинитъ своимъ положеніямъ все съ ними несогласное, или, менѣе-строгий, внесетъ нѣчто изъ противоположныхъ элементовъ въ свою книгу и тѣмъ нѣсколько потрясетъ исключительность строгаго ученія. Актъ прищипки, обнаруживъ, съ одной стороны, ловкость систематика, обнаружитъ съ другой его свисходительность къ другимъ направленіямъ, его уступчивость какъ ученаго, ибо неуступчиво только то ученіе, которое все состоитъ изъ положеній, изъ котораго выгнавъ вслѣдствіи прогресса и въ которомъ, слѣдовательно, нѣтъ собственно-такъ-называемой учености, допускающей измѣненія въ-слѣдствіе новыхъ успѣховъ ума.

Представимъ содержаніе книги г-на Амштеатрова, любопытной и потому уже, что она содержитъ въ себѣ полную теорію духовнаго краснорѣчія, о которомъ до-сихъ-поръ во всѣхъ курсахъ такъ-называемой риторики, во всѣхъ теоріяхъ краснорѣчія говорили только общія мѣста. Еслибъ каждый родъ краснорѣчія разсмотрѣвъ былъ съ такою подробностью и въ такой системѣ, какъ церковное слово разсмотрѣно въ «Гомилетикѣ», то мы

имѣли бы основательный курсъ теоріи краснорѣчія.

Введеніе излагаетъ три предмета: предварительныя понятія о церковномъ собесѣдованіи вообще, о гомилетикѣ, и краткую исторію русской гомилетики. Авторъ выбираетъ основное слово «бесѣдованіе», «бесѣда», «проповѣдь», и проч. и для означенія общепринятыхъ уровней объ истинахъ вѣры христіанской, предлагаемыхъ народу. Такъ какъ церковно-библейское возрѣніе на человѣчество двояко: печальное — на человѣчество падшее, и отрадное — на человѣчество возрожденное, то проповѣдь имѣетъ двѣ главныя цѣли: отрицательную и положительную. Отрицательная цѣль — низлагать характеръ падшаго человѣка; положительная — ученіе о возрожденіи, воспитаніе и усовершеніе человѣчества по духу религіи христіанской. Но паденіе члвчѣка обнаружилось въ умѣ, волѣ и чувствахъ; слѣдовательно, главная положительная цѣль церковныхъ настоящихъ обнимаетъ три особенныя цѣли: образованіе ума, направленіе воли, развитіе религіознаго чувства или вкуса. Эти особенныя цѣли, сообразно церковно-библейскому взгляду на возрожденіе, опредѣляются точнѣе слѣдующимъ образомъ: образованіе ума — значитъ произвести въ слушателя живую вѣру и убѣжденіе въ истиннѣ Евангелія; направить волю — значитъ возбудитъ въ ней дѣятельную христіанскую любовь, которая стремится къ точному исполненію евангельскаго закона; развитіе религіознаго вкуса — значитъ изображеніемъ плодовъ вѣры и любви христіанской прояснить вздежду благъ вѣчныхъ.

По нашему убѣжденію, ученіе объ отрицательной и положительной цѣляхъ церковнаго собесѣдованія, искусство развитое авторомъ, не развито отъ ученія объ элементахъ ораторской рѣчи вообще. Забывъ различіе словъ, открыемъ одинаковую сущность. Въ каждой ораторской рѣчи два элемента: общій и частный. Общій элементъ

есть какое-нибудь начало, частный — какое-нибудь явление. Ораторъ заимствуетъ содержаніе своего слова изъ дѣйствительнаго міра; въ ряду живыхъ явленій онъ беретъ готовый фактъ, но не ограничивается признаніемъ этого факта: частное онъ стремится пересоздать согласно съ общимъ — съ идею. Поэтому ораторъ, съ одной стороны, полагаетъ общее понятіе; съ другой, выводитъ частное явленіе, въ которомъ заключается противорѣчіе съ общимъ и своею рѣчью старается положить конецъ этому противорѣчію, общее примирить съ частнымъ. То, что авторъ «Гомилетики» называетъ отрицательною цѣлью собесѣдованія — есть именно указаніе частнаго явленія, въ которомъ, по ученію богословскому, сказалось человѣчество падшее; а то, что называетъ онъ цѣлью положительною, есть указаніе элемента общаго, — или, выражаясь языкомъ теологическимъ, указаніе духа христіанскаго возрожденія. Разнымъ образомъ, особенныя три цѣли проповѣдника соответствуютъ (мы не говоримъ тождественны) и тремъ требованиямъ древнихъ риторовъ и тремъ элементамъ философіи, которую авторъ отлмчаетъ именемъ свѣтскаго любомудрія. И ученіе древнихъ риторовъ объ ораторскомъ краснорѣчій сводилось къ тремъ пунктамъ: убѣжденію ума, возбужденію чувства, преклоненію воли. И философія завѣщиваетъ духовной природѣ человеческой три главныя идеи: идею истинны для ума, идею добра для воли, идею красоты для чувства. Ученіе «Гомилетики» не отходитъ въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, по соответствію элементовъ и цѣлей собесѣдованія, отъ свѣтскаго любомудрія.

Какия же средства для достиженія цѣли или цѣлей проповѣдника? Ему надобно, узнать сущность, свойство и способъ своихъ наставленій. Отсюда ясны определеніе и раздѣленіе гомилетики. Предметъ ея раскрыть: въ чемъ должно состоять церковное собесѣдованіе (вопросъ о сущности, или

матеріи)? какия свойства должно имѣть церковное собесѣдованіе (вопросъ о характерѣ)? какими способами оно можетъ проявляться (методологія гомилетическая)? Весь составъ гомилетики разлагается такимъ образомъ на три части 1) о матеріи церковнаго собесѣдованія; 2) о характерѣ его; 3) о родахъ и видахъ поученій, въ которыхъ оно проявляется. Авторъ изложилъ первыя двѣ части. Для послѣдней назначаетъ онъ, безъ сомнѣній, третій томъ, еще невышедшій.

Первая часть гомилетики: о матеріи церковнаго собесѣдованія, подраздѣляется на три отдѣла, по числу трехъ родовъ матеріи: на догматику, практику и церковно-богослужебное ученіе. Ученіе догматическое имѣетъ цѣлію образованіе ума, ученіе дѣятельное — образованіе воли, ученіе церковно-богослужебное — образованіе христіанскаго чувства. Къ ученію догматическому авторъ относитъ, какъ предметы вспомогательныя, ученіе естественное, ибо Слово Божіе указываетъ на природу, какъ на вторую книгу откровенія, и ученіе историческое, ибо религія, кромѣ божественнаго, имѣетъ происхожденіе историческое.

Въ отдѣлѣ объ ученіи догматическомъ разсматривается общее ученіе догматическое, отлмчія догматическаго ученія нашей православной церкви и общенародный планъ догматики, т. е. основанный не на формальномъ началѣ и системѣ богословской, а на потребностяхъ самой цасты.

Ученіе дѣятельное разсматривается въ трехъ видахъ: христіанское нравственное вообще, нравственное ученіе объ отношеніи человѣка къ обществу и нравственное ученіе объ отношеніи человѣка къ церкви.

Церковный уставъ, въ смыслѣ гомилетическомъ, есть практическая наука церковнаго собесѣдованія, содержащая въ себѣ не правила и теорію внѣшнѣства, а показывающая, что когда читать изъ писанія и безъ отеческихъ. Такъ какъ онъ начертываетъ образъ служебъ, означаетъ книги, по

которых: практика службы, и книги, из которых берется чтение, то третий отдел (учение богослужбное) состоит из трех частей: в первой рассматривается суточное богослужение, во второй—библиотека книг богослужбных, в третьей—библиотека книг церковно-педагогических.

Этим оканчивается первый том, в котором объяснено, что должно проповедывать. Вторая часть излагает, как проповедывать,—иначе: рассуждает в характер духа и его влияния. Общий вопрос о характере содержит в себе три части: каково должно быть церковное собеседование по внутренним качествам или по духу? как должно выражаться в словах? как должно быть сообщено народу? Отсюда разделение второй части поименованной на три отдела: о внутреннем характере церковного собеседования, о внешнем его характере и о его общении.

Проповедь может идти два направления совершенно противоположных: чистое, или истинное и подлинное, и нечистое, или ложное и поддельное. Исследование истинного направления составляет первый член первого отдела; исследование ложного направления—второй член.

Неизменное начало для определения внутреннего характера есть дух Библии, дух церкви и отношение этого духа к характеру народа: следовательно, подлинный внутренний характер есть точное выражение духа церковно-библейского приспосабливаемо к духу народа поучаемого. Признаки чистого направления: назидательность для ума, убеждение для воли, помазание для сердца. Главные свойства назидательности: религиозность или дух библейский в беседе, православие или дух церковный, народность или приложение этого духа к духу и характеру поучаемого народа. Свойство и сила истинно-христианского убеждения немного зависят от искусства и науки. Оно не состоит ни в возбуждении страстей, ни в изоб-

режении доводов хитрости и осуждающих своим безумием и нечеловечеством, ни в доводах, различных от истины эстетических: оно в действительности и силе, т. е. на воле действует только воли; духовная сила воли, которую обладает действующий, предостерегает и выводит из своей дилеммы тех, на кого устремлено действие; убеждает тех, кто сам убежден. Рассуждение чрезвычайно-красное, с которыми нельзя не согласиться: оно совмещается с неуверием субъекта, которое уже оставило схоластические уроки. Факт назидательной патетической части в ораторской речи. И следовательно, мудрость знает, что учение древних ораторов о возбуждении страстей неправильно по своему основанию, цели и содержанию. Невозможно научить посредством правил тому, что может исполнить только природный талант. Сила истинного вдохновения массам и единения с ними красноречия гениальна, что оно невольно увлекает и мысль и чувство, и возбуждает дар его представлениям истинным, в живом виде. Помазание для сердца, в приложении к церковному собеседованию, означает, что это собеседование направлено духом христианским.

Ложный характер проповеди имеет три направления: теоретическое, практическое и эстетическое.

В теоретическом, касательно ума, должно различать, во-первых, предмет эстетического учения, состоящего либо в кривом толковании слова Божия, либо в искажении постановлений церкви, либо в распространении древних политических мифов; во-вторых, в уклонении от простоты евангельской в философических рассуждениях о религии и предмете ее; в-третьих, в неискреннем выражении духа религиозного. К последнему относятся: энтузиазм, или личное вдохновение, склонность отрываться все на внутреннем, ложном убеждении; мистичизм—склонность находить таинственный и глубокий смысл

ездѣ, гдѣ выражается истина самым простым и выражается буквально, — тремленіе всѣ вещи и дѣла библейскія превращать въ образы предметовъ высшихъ и духовнѣйшихъ; ослѣпленіе приспособленія и иконоизма, когда въ действительныхъ образахъ видятъ только намень, въ подлинныхъ оводахъ одно сходство, и все историческое въ описаніи представляють архаичною; фанатизмъ — слѣпая ревность о вѣрѣ, безотчетная приверженность о вѣрности въ религіи, худшее изъ удыхъ направленій соборствованія; индифферентизмъ — холодность и равнодушіе къ религіи.

Въ ложномъ направленіи практическомъ, касательно воли, должно различать три предмета: ригоризмъ, либерализмъ и шитность между тѣмъ и другимъ. Ригоризмъ есть неопытное проповѣданіе о строгости правилъ христіанства, представленіе ихъ суровыми, превышающими силы человѣчскія: сюда относятъ авторъ проповѣди ревнителей фарисеевъ, неопытныхъ проповѣдниковъ легкаго ига Христова, и раппузскихъ проповѣдниковъ (Масильбона, Бурлау и другихъ), которые изображаютъ иногда высоту вѣоторыхъ добродѣтелей и тяжесть поюковъ, такъ — что, читая ихъ, замѣаешь въ себѣ чувство, похожее на езнадежность. Либерализмъ (соотвѣтствующій индифферентизму) есть слаый духъ христіанскій въ проповѣднкѣ. Шаткость между ригоризмомъ либерализмомъ (ипокритизмъ, проповѣдническое лицемеріе) состоитъ въ прихвѣ либерализма къ ригоризму, и а-оборотъ, — также въ строгости для дннихъ, въ уступчивости для другихъ.

Ложное направленіе эстетическое, касательно чувства или вкуса, происходитъ тогда, когда проповѣдникъ искусство словесное ставитъ вмѣсто ны и назиданія, блескъ вмѣсто истины, украшеніе вмѣсто простоты. Причаны исорченного вкуса у старинныхъ проповѣдниковъ заключались въ простонародныхъ анекдотахъ и послепицахъ, въ прихвѣ языческой исто-

рин. и миеологіи, въ брагичныхъ и грубыхъ выраженіяхъ, въ сварливыхъ воззрѣніяхъ. Порча вкуса у современныхъ молодыхъ проповѣдниковъ обнаруживается отсутствіемъ мааданія, подчиненностью духу овітскому.

Второй отдѣлъ второй части трактуетъ о вѣншемъ характерѣ церковнаго соборствованія. Какъ внутренней характеръ церковнаго соборствованія долженъ возникать изъ духа Библіи и церкви и изъ отношенія этого духа къ духу народа, такъ и вѣншій характеръ тогда только можетъ имѣть свою особую, собственно проповѣдническую физиономію, когда въ немъ языкъ отечественный, народный, на которомъ бесѣдуетъ проповѣдникъ, растворяется языкомъ библейскимъ и церковнымъ. Слѣдственно, всѣ свойства слога соборствовательнаго, и общія и частныя, должны развиться изъ живаго, органическаго слівія трехъ стихій: языка библейскаго, церковнаго, народнаго, или отечественнаго. Поэтому авторъ подраздѣляетъ второй отдѣлъ на три члена: въ первомъ разсматриваетъ употребленіе языка библейскаго въ церковномъ соборствованіи, во второмъ употребленіе языка церковнаго, въ третьемъ употребленіе языка народнаго.

Языкъ библейскій имѣетъ свой особый идіомъ нравственный и свой особый идіомъ буквальный. Употребленіе его можно согласить съ духомъ и чистотою языка отечественнаго, современнаго, по двумъ причинамъ: вообще, геній оригинальныхъ языковъ писанія такъ естественъ, обширенъ и гибокъ, что удобно можетъ прихвѣняться ко всякому языку, не нарушая ни своей, ни чужой природы; особенно, онъ не противорѣчитъ ни аналогическимъ, ни идіоматическимъ свойствамъ нашего отечественнаго языка, потому-что взаимный союзъ родства между ними заключенъ еще въ древнія времена и укрѣпленъ вѣками. По имѣя родственное отношеніе къ языку отечественному вообще, языкъ библейскій еще ближе и многостороннѣе

относится къ языку проповѣдническому въ частности. Сюда входятъ онѣ, какъ основаніе слога въ видѣ отдѣльных словъ, какъ *спогобы развитія* въ видѣ излотившихъ грамматическихъ, логическихъ, риторическихъ, какъ особый родъ *силы и достоинства* явны въ видѣ полныхъ текстовъ и приведенія цѣлыхъ отрывковъ изъ Библіи.

Церковный языкъ имѣетъ двойное значеніе: историческое и современное. Въ историческомъ значеніи, онъ есть языкъ церкви въ нашей литературѣ; въ современномъ, онъ есть языкъ, получившій особую важность у народа, по употребленію при священнодѣйствіяхъ. Главное отношеніе его къ современному языку то же, что отношеніе библейскаго; а частное состоитъ въ томъ, что, не смотря на притязательность пуристовъ, славянизмъ вторгается въ книги писателей, при извѣстныхъ предметахъ и при извѣстныхъ тонѣ. Точно также, главное отношеніе церковнаго языка къ проповѣдническому не разнится отъ отношенія библейскаго языка къ проповѣдническому. Но какъ литература церковная обширнѣе библейской, то отношеніе частное многостороннѣе. Здѣсь авторъ всю церковную литературу дѣлитъ на три порядка: литературу богослужебную, церковно-собесѣдовательную, богословскую, или учебную систематическую. Церковная бесѣда сама есть часть богослуженія, слѣдовательно, направленіе языка ея тоже: или молитвенное, или пѣсенное, или то и другое вмѣстѣ. По различнымъ формамъ молитвы и пѣснопѣнія, проповѣдь тоже получаетъ различныя формы. Въ церковно-собесѣдовательной литературѣ должно различать два вида: переводную, содержащую въ себѣ бесѣды отцовъ церкви, и оригинальную, принадлежащую нашимъ отечественнымъ писателямъ. Въ литературѣ переводной два періода: переводы старинные и переводы новые, или поновленные славянскіе. Такое различеніе необходимо для того, что два вида переводовъ указываютъ на два способа

пользоваться въ проповѣдяхъ языкомъ церковно-собесѣдовательнымъ. Оригинальной славянской литературѣ особенную важность для проповѣди имѣютъ творенія св. Дмитрія Ростовскаго. Языкъ богословскій, иначе называемый систематическимъ, учебнымъ, учебнымъ или школьнымъ, образуется изъ трехъ стихій: языка библейскаго, языка церковнаго и языка схоластическаго. Все, что система языка отъ языка Библии и церкви, можетъ входить въ бесѣду на тѣхъ же основаніяхъ, какія положены для употребленія языка библейскаго и церковнаго. Касательно же языка схоластическаго, надобно быть осторожнымъ; авторъ указываетъ некоторые правила, которыми должно руководствоваться при его употребленіи.

Языкъ народный или отечественный имѣетъ два вида: разговорный и письменный. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ бываетъ либо простонародный, либо образованный. Церковная бесѣда не можетъ отдѣлиться отъ языка общаго, ибо она есть отрасль всеобщей словесности: слѣдовательно, качества слога образованнаго суть и качества слога проповѣдническаго. Общихъ же свойствъ образованнаго слога три: согласіе языка съ самимъ собою—свойства грамматическія, согласіе съ мыслью—свойства логическія, согласіе со вкусомъ—свойства эстетическія. Разборомъ каждого рода свойствъ заключаетъ авторъ второе отдѣленіе второй части.

Сообщеніе бесѣды слушателямъ, и не читателямъ, есть вторая видная форма церковнаго собесѣдованія. Это собесѣдованіе въ собственномъ смыслѣ—живое, непосредственное. Оно занимаетъ третье отдѣленіе второй части, раздѣленное на три члена, ибо членъ надобно опредѣлить общій нравственный характеръ проповѣдническаго дѣйствія, потомъ рассмотреть частное дѣйствіе голоса и выговора, наконецъ, состояніе тѣла вообще и различныхъ частей его.

Церковный ораторъ долженъ распе-

дѣла свое дѣйствіе такъ, чтобы она удовлетворяла требованіямъ эстетическаго вкуса. Благоприличіе первенства, и избѣгало неприличія тому и другому. Отсюда, въ первомъ члѣнѣ, опредѣляются: эстетическія качества проповѣдическаго дѣйствіа (естественность, пріятность, живость, свобода, разнообразіе), релігіозныя или церковныя качества (благоговѣніе, важность и достоинство, степеньность, трогательность, скромность и простота), и пороки дѣйствіа, противныя вкусу и благопристойности церковной (изысканность и принужденность, небрежность и грубость, своеволие, робость и смелость, и проч.).

Въ дѣйствіахъ о сказываніи поученій (во второмъ члѣнѣ) разсматриваются: приготовленіе къ сказыванію бесѣды, дѣйствіе голоса или декламация, дѣйствіе словеснаго органа или проповѣданіе, совокупное дѣйствіе голоса и языка, или выборъ господствующаго тона и погрѣшности сказыванія.

Наконецъ, въ послѣднемъ члѣнѣ третіаго отдѣленія, авторъ опредѣляетъ состояніе и общее дѣйствіе вѣнчающихся тѣлесныхъ, дѣйствованіе, порока приснособительна къ словеснымъ формамъ бесѣды и неблагопріятныя положенія, которыхъ дурной ораторъ обязанъ избѣгать.

196) Бесѣды о мнѣшномъ Старообрядствѣ въ Пововщинѣ. *Санктпетербургъ. Въ тип. Депар. Внѣш. Торговлѣ. 1847. Въ 8-ю д. л. 238 стр.*

Двадцать бесѣдъ, заключающихся въ этой книгѣ, замѣчательны гениальностью въ нихъ христіанско-протестантскую, которую проникнуто ученіе православной церкви. Недостатки пововщины и уклоненіе ея отъ истиннаго вѣнчанія изобличаются на основаніи словъ св. писанія и разумнаго воззрѣнія ихъ. Нейтральныя призываются повѣтъ истиннымъ смысломъ этихъ словъ и показаны.

Неизвѣстный авторъ Бесѣдъ о мнѣшномъ старообрядствѣ принадлежитъ,

какъ видно, къ лучшимъ проповѣдникамъ нашей церкви.

197) Еврейскія Релігіозныя Святые въ Россіи. *Составлено В. В. Григорьевымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерств. Внутрен. Дѣлъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 219 стр.*

Книжка г. Григорьевъ разсмотрѣна выше, въ отдѣлѣ Критики.

198) Благоговѣйныя Христіанскія Размышленія г-жи Пороховой. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Жермакова. 230 стр.*

Въ предисловіи къ этой книгѣ, которое обращается къ христіанамъ чинамъ, изложена цѣль ея составительницы такимъ образомъ:

«Собирая изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ Благоговѣйныя Христіанскія размышленія и переводя ихъ на Р(у)сскаго языкъ, я не имѣла другой цѣли, какъ возбудить души братій моихъ во Христвѣ отъ усыпленія на пути Господнемъ, и внушить имъ релігіозность къ продолженію начатаго пути ко спасенію. О, сколь много погибаетъ духовныхъ сыновъ новаго Израиля—Св. Церкви въ пустыни міра сего отъ утомленія и безцѣльности (!) не достигнувъ земли обѣтованной, то есть Царства небеснаго!—Почему сіе второе изданіе, умноженное и дополненное, предпринято для васъ, Христіанскія чина, что бы вы приобрѣли отъ чтенія сей книги существенную душевную пользу. Обо мнѣ, трудившейся въ семь дѣлъ, помолитесь Всевышнему.»

Нельзя не похвалить цѣли г-жи составительницы въ этомъ второмъ изданіи ея книги; мы только осмѣливаемся замѣтить, что прекрасная цѣль ея несколько бы не потеряла своей важности, еслибы переводъ былъ сдѣланъ языкомъ болѣе легкимъ и правильнымъ и еслибы не встрѣчалось въ немъ такъ стѣхъ оборотовъ въ родѣ слѣдующихъ: «*Черезъ это для человека часто нѣтъ ничто столь чуднаго, какъ онъ самъ для себя...* Кажется, что могло бы насъ болѣе интересовать, какъ

знать, каково наше нравственное по-
ложение, хорошо или худо (стр. 97),
и проч.

199) **Гражданское Право Царства Польскаго. Сочинение члена Комиссии Составленія Законовъ для Царства Польскаго, ординарнаго профессора Санктпетербургскаго Университета, действительнаго статскаго советника Заборовскаго. Выпускъ первый. Санктпетербургъ. Въ тип. Второю Отдѣленія Собственной Ею Императорскаго Величества Канцеляріи. 1847. Въ 8-ю д. л. 289 стр.**

Предметъ книги и способъ ея изложенія выражаются слѣдующими словами автора (стр. 11):

«Наука гражданского права не должна удалаться отъ дѣйствительности, отъ жизни; весь составъ ея долженъ быть разсмотрѣнъ съ трехъ сторонъ:

«1, со стороны теоретической, философской. Здѣсь надобно объяснять общія начала, которыя служатъ основаніемъ гражданскихъ законовъ всѣхъ народовъ, — общія задачи, къ разрѣшенію которыхъ должно стремиться всякое законодательство. На общихъ началахъ должно быть основано и раздѣленіе гражданского права и общія положительныхъ законовъ всѣхъ народовъ.

«2, со стороны исторической. При изложеніи общихъ началъ гражданского права, должно быть раскрыто и постепенное развитіе ихъ, какъ въ положительныхъ законахъ, такъ и въ наукѣ, въ трудахъ ученыхъ различныхъ временъ. Для доставленія этой цѣли, конечно, нельзя ограничиться однимъ указаніемъ на факты. Надобно раскрыть внутреннюю исторію гражданского права, сущности фактовъ и связь ихъ съ жизнью народа.

«3, со стороны практической. Наконецъ обращаясь къ дѣйствующему доказательству, надобно взять во вниманіе преимущественно примѣненіе законовъ къ частнымъ случаямъ. Здѣсь мы должны указать точный смыслъ каждого постановленія и цѣль, какую имѣлъ въ виду законодатель, а вмѣстѣ съ тѣмъ представлять и всѣ возможные случаи встрѣчающіеся въ жизни, и начала, на которыхъ основывается примѣненіе закона къ этимъ случаямъ.

«Кто хотя нѣсколько занимался судебными дѣлами, тотъ очень хорошо понимаетъ, какъ важно подробное практическое примѣненіе законовъ. Законодатель иногда не можетъ опредѣлять всѣхъ частныхъ, всѣхъ подробностей; такъ, чтобы оставить судѣ одно простое механическое примѣненіе закона. Потому очень рѣдко встрѣчаются такіе случаи, которые прямо могли бы быть подведены подъ букву закона. Напротивъ, большая часть судебныхъ дѣлъ требуетъ соображенія многихъ постановленій, разсыпанныхъ по различнымъ частямъ кодекса. Конечно, посредствомъ практическихъ занятій всего лучше можно приобрести навыкъ къ быстротѣ и вѣрности соображеній въ дѣлахъ судебныхъ. Но и наука съ своей стороны чрезвычайно много содѣйствуетъ къ образованію чиновниковъ, которымъ вѣрлется дѣло правосудія. Она доставляетъ такія свѣдѣнія, которыя проливаютъ ясный свѣтъ на всѣ законодательства и на каждое постановленіе отдѣльно взятое. Обладая запасомъ этихъ свѣдѣній, каждый уже легко можетъ присутствовать въ исполненіи своихъ обязанностей.» (Стр. 11—12).

Далѣе (стр. 15):

«Но положительные законы съ практической стороны могутъ быть изложены двоякимъ образомъ, — или въ видѣ объясненія каждой отдѣльной статьи, или въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Первый способъ кажется мнѣ болѣе удобнымъ и сообразнымъ съ назначеніемъ юридическаго образованія. Онъ болѣе способствуетъ къ удержанію въ памяти точнаго смысла каждого постановленія и такимъ образомъ облегчаетъ самое примѣненіе законовъ къ частнымъ случаямъ. Кроме того, онъ избавляетъ отъ труда повѣрять подлинный текстъ закона съ объясненіями его въ наукѣ. Но прежде всего необходимо привести въ систематическій порядокъ тѣ предметы законодательства, которые разсѣяны по различнымъ статьямъ.

«Практическая сторона гражданского права, дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ, будетъ главнымъ предметомъ предлагаемаго сочиненія. Но чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ науки, въ каждой части гражданского права предварительно должны будутъ об-

ція основанія ея и краткое историческое развитіе.

Дѣйствующіе нынѣ гражданскіе законы Царства Польскаго имѣютъ быть измѣнены, подобно съ началами русскаго законодательства. Но и послѣ того они останутся важнымъ историческимъ памятникомъ, а вмѣстѣ и источникомъ новаго уложенія. Обшира же начала и исторія гражданскаго права, равно какъ и большая часть практическихъ случаевъ, никогда не лишаются своей важности. Наконецъ надобно еще замѣтить, что до сихъ поръ, не смотря на всю важность практическаго изложенія права, мы не имѣемъ еще ни одного опыта въ этомъ родѣ, ни на русскомъ, ни на польскомъ языкѣ. Вотъ причины, которыя побудили меня къ изданію науки польскаго гражданскаго права. Я почти себя очень счастливымъ, если попытка моя побудитъ нашихъ юристовъ къ раскрытію практической стороны русскаго права.

Дай Богъ, чтобъ наши юристы взяли хотя вашимъ словамъ. г. авторъ! до настоящаго времени они и не внемлютъ и не вменяютъ, не смотря на разныя побужденія, а между прочимъ, на одно самое настоятельное, именно: недостатокъ учебниковъ для университетскихъ слушателей, которые привуждены на лекціяхъ записывать слова преподавателя на-легу, часто ошибочно—отъ невозможности записать вѣскою лекцію. Отъ-этого нередко записываются одні частности, а главныя положенія пропускаются, и слушатель, по окончаніи лекціи, не знаетъ, какъ ее пополнить и сохранить безъ погрѣшностей, согласно съ чтеніемъ профессора. — Но вы желаете, г. авторъ, чтобъ вашъ призывъ побудилъ русскихъ юристовъ къ раскрытію только практической стороны русскаго права, а вы, сверхъ-того, желаете, чтобъ онъ побудилъ ихъ къ изданію учебниковъ и по другимъ частямъ права, и если уже не съ практическимъ призывеніемъ, что для теоретиковъ довольно-трудно, то по-крайней-мѣрѣ съ историческимъ развитіемъ. У насъ, напротивъ, до настоящаго времени для изученія древняго законодательства—

одно руководство г. Рейца, требующее уже поновленія во многихъ мѣстахъ; у насъ нѣтъ руководства для государственнаго права! Руководства для уголовного права не заслуживаютъ этого названія, потому-что они сборъ нѣмецкихъ теорій: руководства для гражданскаго права — большою частью систематическія изложенія Х Тома Свода Законовъ Гражданскихъ. — А мы поминимъ, какъ много возгласовъ дѣлали наши юристы, когда вышло «Полное Собраніе Законовъ» и ад нимъ «Сводъ». «Теперь», говорили они: «возможна наука права, теперь будетъ возможна исторія права» — а въ результатъ выходитъ, какъ-будто-бы теперь и не было ни «Полнаго Собранія Законовъ», ни «Свода».

Г-нъ Заборовскій рѣшился издать «Гражданское Право Царства Польскаго», и ему будутъ благодарны не одни университетскіе слушатели. Изъ выписки читатели видѣли, что авторъ не беретъ на себя ни теоретическаго, ни историческаго изложенія права, а беретъ только одно практическое; поэтому сочиненіе г. Заборовскаго есть толкованіе части кодекса Наполеона, введеннаго съ 1-го мая 1808 года. Часть этого кодекса и до настоящаго времени имѣетъ силу въ царствѣ, другая часть потеряла свою обязательную силу со времени присоединенія Герцогства Варшавскаго къ Россіи въ 1815 году. Императоръ Александръ постановилъ уже отмѣнить революціонныя начала, подъ влияніемъ которыхъ начертаны были постановленія о семейномъ союзѣ. Труды надъ преобразованиемъ гражданскихъ законовъ производились сперва въ Комиссіи Юстиціи, а потомъ въ особыхъ комиссіяхъ. Но труды эти, по сопротивленію сеймовъ, не могли увеличаться полнѣе успѣхомъ. Олакоже въ 1818 году принять былъ сеймомъ и одобренъ государемъ проектъ законовъ о крѣпостныхъ (гипотечныхъ) кнѣгахъ и о закладномъ правѣ. Этими замѣненъ 18-й раздѣлъ III книги французскаго кодекса Въ 1825 году такимъ же образомъ утвержденъ былъ

проектъ первой книги гражданского уложения. Но сеймъ принялъ его только съ оставленіемъ многихъ началъ французскаго кодекса. Въ 1830 году разсмотрѣны сеймомъ и Высочайше утверждены законы о частныхъ повинностяхъ, которые служатъ подолженіемъ второй книги наполеонаго кодекса. Наконецъ въ 1836 г. составлена, учрежденію въ Санктпетербургѣ комиссією и Высочайше утверждена проектъ законовъ о брачномъ союзѣ. Такимъ образомъ, въ отношеніи гражданскихъ законовъ, имѣютъ нынѣ обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ:

- 1) Книга II и III французскаго кодекса, за исключеніемъ 5 го и 18-го раздѣла книги III (съ 1808 и 1810-года).
- 2) Законы о гипотекахъ съ 1818 года.
- 3) Книга I-я гражданского уложения 1825 года, за исключеніемъ раздѣла о брачномъ союзѣ.
- 4) Законы о частныхъ повинностяхъ — о правѣ вѣзда въ дѣсь и о пастбищахъ, 1830 года,
- и 5) Законы о брачномъ союзѣ 1836 года.

Такъ какъ въ основаніи польскихъ законовъ, не смотря на измѣненія, остался кодексъ наполеоновъ, то г. Заборовскій оставилъ и въ своемъ сочиненіи систему этого кодекса, хотя оцъ и несогласенъ въ принятомъ раздѣленіи гражданскихъ законовъ на три книги: I) о лицахъ, II) объ имуществѣхъ и о разныхъ измѣненіяхъ права собственности, и III) о разныхъ способахъ приобрѣтенія права собственности. — и въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ въ настоящее время, заключается только право лицъ.

Введеніе, которое присоединено къ сочиненію г. Заборовскаго, заключается въ себѣ изложеніе сущности гражданскаго права вообще и историческій обзоръ гражданскаго права въ Царствѣ Польскомъ. Вторая часть лучше первой. Въ первой части отъ скатости, отъ необходимости объяснить въ короткихъ словахъ главныя повѣія о правѣ, могутъ произойти недоумѣнія, и нѣкото-

рымъ можетъ быть, вполнѣ не войдутъ слѣдующихъ словъ автора (стр. 5):

«Всѣ народы и законодатели всегда чувствовали важность семейственныхъ учрежденій и потому старались оградить ихъ твердыми законами. Эти законы всегда носятъ на себѣ отпечатокъ народныхъ нравовъ и обычаевъ: Вотъ причина, почему право собственности у каждого народа имѣетъ свои особенныя, свой отличительный характеръ.»

Далѣе (стр. 6):

«Право вещное, особенно въ отношеніи къ недвижимому имѣнію, вездѣ основано на народныхъ повѣіяхъ и обычаяхъ. Но обезпеченіе его требуетъ особенныхъ мѣръ, которыя въ настоящее время уже довольно раскрыты наукою. Вотъ почему право собственности у разныхъ народовъ имѣетъ болѣе сходства, нежели право семейное.»

Мысль въ основаніи справедлива: но кто ея не беретъ, тому, очевидно, представляется такія соображенія: если право семейное и права вещныя оба основаны на народныхъ нравахъ и обычаяхъ, почему же одно имѣетъ у каждаго народа свои особенности, свой отличительный характеръ, а другое имѣетъ болѣе сходства у разныхъ народовъ? Если отъ того, что мѣры обезпеченія правъ вещныхъ въ настоящее время болѣе раскрыты наукою, то на это неубѣдливѣе, значитъ словъ автора можетъ возразить, что вѣдь въ настоящее время раскрыты наукою также и мѣры обезпеченія правъ семейныхъ. — Но это произошло, мы говоримъ, отъ скатаго изложенія сущности гражданскаго права, потому что во всемъ остальномъ, книга г. Заборовскаго отличается ясностью и отчетливостью чловѣка, вполнѣ понимающаго свой предметъ и обладающаго тончайшими абстрактными нѣмецкой философіи права. Въ книгѣ г. Заборовскаго не говорится беспримѣрно объ идее правды и справедливости, которую, по философскому способу изреченію, нѣмецкое ученіе старается ввести даже туда, гдѣ обращается она

правды и несправедливости, и бычине отъ этого не имѣеть таинствъ, но-рая встрѣчается у другихъ юри-овъ.

Въ раздѣлѣ пятомъ, авторъ, говоря брачномъ союзѣ, подводитъ всѣ существующіе нынѣ браки подъ три ка-горіи: 1) браки строгіе или чисто-лигіозныя; 2) браки свободныя или вжданскіе, и 3) браки произвольныя и естественныя.

Браками строгими онъ называетъ тѣ, торыя заключаются на всю жизнь и торыхъ расторженіе допускается ень-рѣдко, только какъ изъятіе изъ щаго правила. Таковы браки, совер-емые по правиламъ восточно-каео-ческаго и римско-каеолическаго вѣ-исповѣданія. Браки свободныя или ажданскія, напротивъ того, могутъ ь расторгаемы, въ извѣстныхъ слу-яхъ, по взаимному согласію обоихъ ругихъ; или по требованію одного ь нихъ; въ случаѣ нарушенія важ-ыхъ супружескихъ обязанностей Та-вы браки, заключаемые по прави-мъ протестантскаго вѣроисповѣдан-и также на основаніи наполеонова-декса. *Браки произвольныя или есте-ельныя суть тѣ, которыхъ существо-е зависить отъ одного мужичина.* Та-вы браки у мухамеданъ и у дру-ыхъ азіатскихъ народовъ. Бракъ чи-о релігіозный есть установленное-гомъ таинство; бракъ гражданскій-тается: учрежденіемъ обществен-ымъ. *Наконецъ бракъ, который мы на-али естественнымъ,* говоритъ авторъ, *еспечиваетъ преимущественно власть-ужа надъ женою; — такой бракъ заклю-ется, продолжается и прекращается-воль мужичина.*

Но мы можемъ спросить у автора, чему онъ считаетъ юридическою-рмой одно изъ изложеній отъ права, но изъ неестественныхъ правилъ-изня, почему онъ называетъ бракомъ-произволь мужичина и отсутствіе воли-женщины, и даже называетъ этотъ-ракъ произвольнымъ или естествен-ымъ? Что въ этомъ сожити чрезвы-айно-иного произвола — это справед-

ливо, но что въ немъ есть хотя капля-естественности — это неправда. Въ-извиненіе Автора можно сказать то, что онъ приводитъ такой бракъ какъ-фактъ, существующій на Востоку; какъ-фактъ — это справедливо, но тогда его-нельзя ставить въ параллель съ браки-ми чисто-релігіозными и нравствен-ными, какъ формамъ жизни, основан-ными на правѣ. Такъ вѣкогда Монте-скѣ рассматривая формы правленія, раздѣлилъ ихъ на республиканское, монархическое и деспотическое, суще-ствующее въ Азіи. Деспотическое пра-вленіе существуетъ какъ фактъ, но въ-наукѣ отнюдь не можетъ быть приня-то какъ форма правленія; точно то же-можно сказать и о бракѣ мухамедан-скомъ.

200) Опыты Нравственной Статистики Россіи, соч. К. С. Веселовскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Мин. Внутрен. Дѣлъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 64 стр.

Брошюра г. Веселовскаго посвящена-розвѣсканіямъ «О самоубійствѣ»; это-отдѣльная глава изъ предпріятого-имъ большаго и сложнаго труда «Нрав-ственной Статистики Россіи», помѣщен-ная имъ въ Журналѣ Министерства-Внутреннихъ Дѣлъ и отгиснута въ-нѣсколькихъ экземплярахъ отдѣльно. Авторъ не пускается въ разрѣшеніе-любпытнаго вопроса, которымъ зани-мались ученые всѣхъ вѣковъ, съ точки-рвѣнія нравственности и правъ; не-при-ступаетъ къ нему радикально, какъ въ-древніе вѣка стояли и другія философ-скія школы, или въ повѣйшія времена-рвные ученые, изъ которыхъ одни, какъ Даунъ, Блюнтъ, и др., защищали-право челоѣка на жизнь свою, а дру-гіе его отрицали. Онъ беретъ статисти-ческія цифры, сравниваетъ ихъ и вы-водитъ результаты, которые могутъ-возникнуть изъ этого сравненія. Въ на-ше время это и лучше. Мы охладѣли-къ философскому рѣшенію разныхъ-задачъ, или занимаемся имъ только въ-юности, переходимъ отъ одного рѣше-нія къ другому, обыкновенно ни на-чемъ не останавливаемся, и подѣ-

конѣцъ говорить: объ этомъ думали во всѣ времена, и всякій рѣшалъ дѣло по-своему. Утѣшаясь этимъ, мы уже ничего не рѣшимъ и пребываемъ въ скептицизмѣ, который такъ обижаетъ жившу, и который такъ не любитъ люди, принявшіе самое спокойное рѣшеніе. т. е. рѣшеніе большинства, ни на чемъ неоснованное, развѣ только на правѣ давности. Они-то съ презрѣніемъ смотрятъ на статистическія цифры, въ которыхъ скептики съ своей стороны ищутъ отнюдь не философскаго и радикальнаго рѣшенія вопроса, а только какой-нибудь точки опоры, выводятъ не философскихъ, а, на-примѣръ, относительно состоянія общества, развитія его подъ влияніемъ разныхъ историческихъ причинъ и т. п. Статистика чрезвычайно-хорошо пришла къ скептицизму, то-есть, скептицизму въ философскомъ рѣшеніи вопросовъ. Въ этомъ есть своя дурная и хорошая сторона; съ одной стороны, нерадикальное разсмотрѣніе вопроса задерживаетъ его рѣшеніе, и отъ-того могущія произойти выгоды; лишаетъ личной энергіи и погружаетъ въ апатію ожиданія, пока соберутся статистическія цифры во всемъ мірѣ; съ другой стороны, ведетъ къ изученію общества, и, можетъ-быть, изъ данныхъ, собираемыхъ статистиками, возникнутъ когда-нибудь такіе вопросы, какихъ мы и не подозреваемъ теперь. Не разъ случалось, что труды, предпринятые съ одной цѣлью, приводили къ великимъ открытіямъ совершенно-неожиданнаго свойства.

Въ-самомъ-дѣлѣ, возьмемъ хоть вопросъ о самоубійствѣ. Задача статистики здѣсь будетъ разсмотрѣть «самоубійство въ его числительномъ проявленіи», вслѣдовать «причины, его производящія, не полагаясь на науку, разсуждающихъ а priori, не по началамъ аналогій, а по итогамъ численнымъ, по сложности дѣйствительныхъ событий». На основаніи этихъ данныхъ, дѣлайте какія угодно соображенія.

Авторъ прежде всего рассматриваетъ

источники, которыми онъ руководствовался, и показываетъ ихъ несовершенство, происходящее большею частію отъ-того, что трудно бываетъ рѣшить, если найдено тѣло, какъ произошла смерть: самовольно, печально, или отъ руки убійцы. Во всякомъ случаѣ, онъ утверждаетъ, что число самоубійствъ должно быть гораздо-болѣе, нежели сколько извѣстно, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совсѣмъ невозможно опредѣлить, самовольно или постороннимъ образомъ человекъ лишился жизни, на прим., въ случаѣ утопленія, — а потому всѣ данныя, относящіяся къ этому явленію, должны быть принимаемы какъ приближительныя.

Мы не можемъ слѣдовать за затѣромъ въ цѣломъ лабиринтѣ его разисканій, которыя крайне-интересны, и ограничимся только его выводами.

1) По мѣрѣ размноженія народонаселенія, число самоубійствъ увеличивается.

На основаніи офенціальныхъ свѣдѣній, число всѣхъ самоубійствъ въ Россіи, если выразить ихъ средними числами, было:

«Въ 6 лѣтъ, съ 1826—1831 годъ, число всѣхъ самоубійствъ было 6,918; среднее въ годъ 1,153. Въ тотъ же періодъ умерло 8,837,869, среднее въ годъ 1,472,978. Значитъ—1 самоубійца на 1,271 умершихъ.»

Въ 9 лѣтъ, съ 1833—1841 годъ, число всѣхъ самоубійствъ — 13,363, среднее въ годъ 1,484; въ тотъ же періодъ умерло 15,538,208. Среднее, въ годъ 1,726,467; значитъ—1 самоубійца на 1,171 умершихъ. Цифры эти служатъ доказательствомъ того же факта; то-есть: увеличенія относительнаго числа самоубійствъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. (Стр. 16 — 17.)

То же самое замѣчается почти во всѣхъ государствахъ Европы. Во Франціи съ 1827—1833 г. приходился одинъ самоубійца на 17,365 жителей, и одинъ самоубійца на 439 умершихъ; съ 1834—1839 г. приходится одинъ самоубійца на 13,928 жителей и на 345 умершихъ.

«Эти цифры, дѣлаясь до некоторой степени возможными сравненіе съ Россію, доказываютъ, что во Франціи число самоубійствъ по отношенію къ народонаселенію и числу смертныхъ случаевъ боле — чѣмъ въ Россіи, и при томъ въ составѣ этого числа сильнѣе чѣмъ въ ея.» (Стр. 18).

То же выходитъ и въ Пруссіи и въстріи.

2) Въ государствахъ столь обширныхъ, какъ Россія, недовольно знать при статистическихъ разысканіяхъ, общіе итоги для всего государства; рассмотрѣніе одного и того же явленія въ разныхъ губерніяхъ областяхъ, подлѣ вліяніемъ различныхъ мѣстн. вѣстоуствъ и быта прусскаго, можно составлять для насъ главную задачу. (Стр. 19.)

За сими авторъ приводитъ таблицы, въ которыхъ показано число самоубійствъ въ каждой губерніи (въ 1838 году). Изъ этихъ таблицъ выходитъ, что наиболѣе совершается самоубійствъ въ губерніяхъ Савитпетербургской, Пенковской, Оствейскихъ, въ Юмннской, Подольской, Кіевской, Минской, Гродненской, въ бывшей области Могилевской, Виленской, Витебской, Могилевской; въ этой группѣ губерній число самоубійствъ далеко превозходитъ пропорцію, которая приходится на долю остальныхъ: «изъ всего числа совершающихся въ Россіи самоубійствъ почти половина принадлежитъ 16 губерніямъ этой группы: среднее число самоубійствъ въ 8 лѣтъ, съ 1834 — 1841 г. 644,97), а общій итогъ за всю Россію 1309,38.

«Вообще, продолжаетъ авторъ: во Франціи и Пруссіи было замѣчено, что число самоубійствъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ столицамъ; у насъ же это увеличеніе замѣчается по мѣрѣ приближенія къ западной границѣ. Нельзя еще не замѣтить, что западная группа (губерніи наименованныя нами выше), густота народонаселенія которой изображается пропорцію 1.0:3 жит. на квадрат. милю, представляетъ, по относительному числу самоубійствъ (1. на 19,301 жит.),

наиболѣе сильнѣйшую пропорцію, нежели группа средняя (губерніи отъ Черниговской до Московской и отъ Московской до Воронежской включительно), въ которой, однако же, густота народонаселенія гораздо значительнѣе, а именно 1,514 жит. на кв. милю. Слѣдовательно, не густота народонаселенія является здѣсь, какъ замѣчаютъ въ другихъ странахъ, дѣйствующею и вліятельною причиною. Самая бѣдная населенностью группа, сѣверная (471 жит. на кв. милю), представляетъ пропорцію самоубійствъ болѣе значительную (1 на 61,916 жит.), чѣмъ группа восточная (губерніи Казанская, Вятская, Пензенская, Пермская, Нижегородская, Симбирская, Оренбургская и Саратовская), гдѣ, при населенности 472 жит. на квадрат. милю, приходится 1 самоубійца на 82,634 жит. Опытъ подтвержденіе того же отрицательнаго факта. Наконецъ, южная группа, менѣе населенная, чѣмъ восточная, представляетъ пропорцію самоубійствъ почти вдвое большую, чѣмъ восточная. Слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что возрастаніе числа самоубійствъ у насъ не зависитъ отъ возрастанія населенности.»

Для объясненія этого страннаго факта, авторъ принимаетъ въ соображеніе, что въ губерніи, въ которыхъ число самоубійствъ такъ велико, принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ привилегированныхъ, т. е. имѣютъ вольное винокуреніе и дешевую горѣлку. Знаемъ, сверхъ того, что у насъ большая часть самоубійствъ совершается въ средѣ самаго простаго народа, къ несчастію столь склоннаго къ пьянству, авторъ полагаетъ: «не есть ли вино, если не единственная причина, то по крайней мѣрѣ одна изъ главныхъ, по которымъ западные и малороссійскія губерніи такъ перевѣшиваютъ прочія числомъ самоубійствъ?»

3) Ежегодное число самоубійствъ въ Россіи бываетъ почти равно числу убійствъ. Именю:

Самоубійствъ. Убійствъ.	
Съ 1825—1831 годъ	1.140 1.187.
— 1833—1841 —	1.484 1.121.

Въ другихъ государствахъ, иное отношеніе: въ Пруссіи съ 1835—1841 приходится среднимъ числомъ въ годъ убійствъ 250, а самоубійствъ 1487,

т. е. самоубійствъ почти въ шесть разъ болѣе, чѣмъ убійствъ Во Франціи, по сложности четырехъ лѣтъ (съ 1827—1830) самоубійствъ приходится 1,800, а убійствъ 700 на годъ.

4) Весьма любопытно было бы вывести сравнительное число самоубійствъ по состояніямъ и сословіямъ: но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, г. Веселовскій не могъ дать намъ таблицы по этому предмету. Изъ наблюдений академика Гершана, сдѣланныхъ за 1821 и 1822 г., и то относительно восьми губерній средней полосы, видно, что число самоубійствъ было: между крестьянами 478, купцами, ремесленниками и вообще средняго сословія зодьями 96; между нижними воинскими чинами 66; между дворянами 18; между духовенствомъ 4.

5) Самоубійство между мужчигами гораздо чаще, нежели между женщинами: у насъ на 100 мужскихъ самоубійствъ приходится 23 женскія; но въ то же время замѣчательно, что число неудавшихся покушеній на жизнь свою представляетъ совсѣмъ другой видъ: именно, на 100 мужчинъ приходится 48 женщинъ.

6) Самоубійствъ всего болѣе совершается въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ; тутъ опять представляется замѣчательная разница относительно пола: въ мужскомъ полѣ особенно велико число самоубійствъ между 28 и 35 годами; въ женскомъ между 21 и 28.

7) Любопытны выводы относительно выбора средствъ къ лишенію себя жизни. Изъ прилагаемыхъ таблицъ къ Журналу Ман. Внутр. Дѣлъ, авторъ выводитъ, что въ два года (съ половины 1844 до половины 1846) въ Россіи:

	Среднее въ годъ:	
Повѣшенось	2702.	1351.
Застрѣлилось	255.	127,5
Зарѣзано	228.	114.
Утоплено	108.	54.
Отравлено	15.	7,5.

Бросилось съ высоты . . . . . 10. . . . . 5.
Задушилось угаромъ 4. 0,5

3319. 1659,5.

«...Эти свѣдѣнія показываютъ, что у насъ болѣе часты самоубійства бѣзвѣстью къ дѣреветъ, и что дѣвери, представляемыя иными родами самоубійствъ, сравнительно не редки. Вообще замѣчено, что въ юности чаще всего избираютъ веревку, которая въ послѣдствіи замѣняется ножомъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ; но мѣръ уменьшенія силъ, опять прибѣгаютъ къ первымъ средствамъ; старики же самоубійцы почти всегда бѣзвѣстны поединкомъ. . . . .»

«... Веревка, ножъ, орудійный молотъ, суть обыкновеннѣйшія средства орудія въ рукахъ нашего простаго народа. Напротивъ, лѣтъ совершенно не въ изрѣчныхъ обычаяхъ, и число отравившихся. . . . совершенно ничтожно; тутъ также имѣютъ свою долю и мѣры осторожности, принятыя у насъ Правительствомъ относительно продажи ядовитыхъ веществъ. Число зарѣзавшихся почти равно числу застрѣлившихся. . . .» (Стр. 54).

«Что избраніе орудія самоубійства много зависитъ отъ обычаевъ народныя, это видно изъ примѣра Другихъ странъ. Во Франціи, по 5 лѣтней сложности (1833—1839) приходилось въ годъ:

Утопившихся	822.
Удавившихся и повѣсившихся	742.
Застрѣлившихся	414.
Задушившихся угаромъ	178.
Бросившихся съ высоты	169.
Зарѣзавшихся	99.
Отравившихся	61.
Убившихся другими средствами	17.

2,484.

«Выходитъ, число выбирающихъ мѣръ тамъ даже нѣсколько превосходить число удавивающихся, которое у насъ гораздо больше числа тонящихся.» (Стр. 56 и слѣд.).

8) Число самоубійствъ женатыхъ и замужнихъ у насъ болѣе, нежели число холостыхъ и незамужнихъ; эти выходы изъ отчетовъ Министерства Юстиціи.

«Въ четыре года (1841—1844) изъ 688 признанныхъ виновными въ преступленіи самоубійства было:

Женских и замужних. . . 444.

Холодных и лютых. . . 226.

Стр. 597.

Ии Фривии представляется противоположным результатом; тамъ между лучшими наиболее сжатыми къ самоубийству холостымъ; между женщинами замужни.

Наконецъ, весьма было бы любопытно исследовать вопросъ о самоубийствѣ относительно степени образованности покушившихся на жизнь, причинъ къ тому ихъ побудившихъ. Первое рѣшить трудно, руководствуясь данными судебными исторіями; изъ отчетовъ Министерствъ Юстиціи можно вывести только, что изъ 1394, признанныхъ виновными въ преступленіи самоубійства (съ 1837—1844 г.) было грамотныхъ мужскаго пола 143, женскаго пола 10; неграмотныхъ мужскаго пола 794, женскаго пола 447.

Что касается до втораго вопроса, т. е. причинъ самоубійства—исследование его находится совершенно въ рукахъ статистиковъ, хотя ихъ рѣшёнїю и повело бы, можетъ-быть, къ терпѣнїю не только завидательныхъ психологическихъ драмъ, но и освѣтлено бы многіе вопросы, на которые мы съ любопытствомъ слѣдовало бы взглянуть, или хотя бы вполнѣ не подозреваемъ. Чрезвычайно поучительно было бы сдѣлать сравненіе причинъ, побуждавшихъ въ разные времена покушаться на жизнь свою, не упустивъ изъ вида и нравствъ древней исторіи. Во времена римской имперіи самоубійство непрострѣялось поразительнымъ образомъ, вошло даже въ моду, оправдывалось философскими доводами, и считалось самою дѣлѣю, многихъ — даже знатныхъ людей при жизни, содѣлало героизмъ при послѣднемъ издыханіи. Читая Лѣтопись Тацитъ, мы на каждомъ шагу поражены примѣрами энергій, проявляющейся у послѣднихъ Римлянъ въ минуту смерти, къ которымъ они издались какъ къ единственному средству прожить древнюю доблесть и спасти душу отъ обольщеній

разврата посреди всеобщаго паденія нравовъ и чувства собственнаго достоинства... Тацитъ, наконецъ, удивляется самъ, читая свою Лѣтопись, чему приходится говорить все о самоубійствахъ, и, строгій Римлянинъ, опять принимается рассказывать о нихъ съ гордостью и даже съ любовью... Любопытно бы сдѣлать параллель между этими явленіями древняго человечества, когда къ самоубійству прибѣгали лица мѣстныя или въ гражданско-и исторіи или философы, и когда самоубійство было актомъ сознанія, — съ нынѣшними самоубійствами. Параллель эта — если приять въ соображеніе приведенное выше сравнительное число самоубійцъ грамотныхъ и неграмотныхъ, — конечно, не будетъ много говорить въ пользу нашего времени. Немного найдется такихъ, которыхъ бы можно было поставить наряду съ Петомъ Трагеземъ, который, разрывая себѣ жилы, и видя, какъ брызнула кровь его, воскликнулъ: «Свершиши это возліаніе Юпитеру-Либератору! Смотри, молодой человекъ прибавилъ онъ: да не будетъ это для тебя худымъ пророчествомъ, но мы живемъ въ такія времена, когда не имѣемъ покрѣпить душу свою примѣрами доблести. Да, едва ли найдутся фавты въ исторіи нашихъ *bons-vivans*, которые бы выдержали параллель со смертью эпикурейца Петронія: «даль онъ посылалъ сну — пишетъ Тацитъ: — почтенному обществу и удовольствіямъ. Онъ прославился своею дѣлѣю, какъ другіе трудомъ. Оглядывая однако отъ другихъ тунеладцевъ, которые приобрятаютъ себѣ извѣстность только развратомъ и сластолюбіемъ, Петроній болѣе былъ извѣстенъ своимъ умѣениемъ наслаждаться *sed eruditio luxu*.. Онъ всѣмъ правилъ своимъ простолюдиемъ. Впрочемъ, когда онъ былъ проконсуломъ въ Воннїи, онъ оказалъ много твердости и способности къ дѣламъ... Онъ не хотѣлъ разорвать лишить себя жизни. Онъ разрывалъ себѣ жилы, закрывалъ и отирывалъ ихъ, когда хотѣлъ; бесѣдовалъ съ

• друзьями не о безсмертіи души, не о мѣтѣлахъ философовъ; не хотѣлъ слышать ни о чемъ серьёзномъ, ни о чемъ что бы обнаружило въ немъ притязаніе похвалиться мужествомъ; но, напротивъ, слушалъ веселыя пѣсни, читалъ легкіе стихи, награждалъ въ-которыхъ рабовъ, другихъ высѣкъ, прогуливался, спалъ, для того, чтобы насильственная смерть его походила на естественную, и въ завѣщаніи своемъ не написалъ никакой лести ни Перону, ни Тигеллину, ни другимъ могущественнымъ лицамъ того времени... (Тас. Ann. L. XVI. 19).

201) Письма о Химіи и ея приложенія въ промышленности, физиологій и земледѣлію. Соч. Юстуса Либиха. Переводъ Г. Дымчевича, члена Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и другихъ обществъ. Съ примѣчаніями переводчика. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1847. Въ 12 ю д. л. 7, 4 и 328 стр.

Это уже второе изданіе у насъ сочиненіе Либиха; первое, «Органическая Химія», было издано, кажется, въ 1841 году редакторомъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, г-мъ Заблоцкимъ. Либихъ въ настоящее время — одно изъ примѣчательнѣйшихъ свѣтилъ не только германской, но и вообще европейской учености. Слава его основывается не на отдѣльныхъ каковыхъ-либо открытіяхъ, но на томъ, что онъ первый смѣло перешагнулъ за душіны стѣны химической лабораторіи и впередъ испытующій, исполненный силы мысли взгляды въ великую лабораторію природы и человеческой дѣятельности. Эта дерзость и служить причиною, съ одной стороны, восторженныхъ похвалъ, разсыпавшихъ великому учителю, а съ другой — ожесточенныхъ нападокъ на поповодителя. Таково неизбежное условіе всякой гениальной мысли, — неизбежное столько же, какъ и то обстоятельство, что первый, кому удастся разорвать узы, сковывающія мысль, стремится на крыльяхъ ея въ без-

конечность, увлекается за предѣлы дѣйствительнаго. Такъ случилось и съ Либихомъ: ожививъ мертвыя формулы своей науки, онъ уже вылетѣлъ въ ней необходимое условіе всякаго аванта и развитіе мысли человека во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ.

«Если человѣкъ государственной (говоритъ онъ) не знаетъ химіи, то дѣйствительная жизнь государства, ея ограниченное развитіе и усовершенствованіе останутся для него чуждыми. Безъ сея познанія, взгляды его будутъ ограничены, и разумъ будетъ погруженъ въ усыпленіе касательно всего того, что приноситъ вредъ или существующую пользу государству и человечеству.»

Это уже слишкомъ много приписывать значенію химіи! Впрочемъ, такая мысль Либиха означается, что въ наше время специальность знанія терять свою цѣну, если она не прилагается къ общественнымъ вопросамъ, и что знаменитое положеніе иѣмецкой философіи: «цѣль науки — сама наука», замѣняется другимъ: «цѣль науки какою бы то ни было — развитіе и усовершенствованіе человѣка». Въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ слѣдующими словами Либиха:

«Главнѣйшія вѣщественныя выгоды, избылныя произведеніе, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, всего что служитъ въ пищу человѣку и животнымъ, содрпеніе и содержаніе общественнаго здоровья — все это гѣснѣйшимъ образомъ зависитъ отъ успѣховъ естествознанія, и въ особенноти химіи. Если человѣкъ не имѣетъ понятія о явленіяхъ и законахъ природы, то онъ не можетъ понимать милосердія и мудрости Творца вселенной. Потребность нашего вѣка выразилась яснѣмъ образомъ въ томъ, что естественныя науки заняли одно изъ перемыхъ мѣстъ въ общественныхъ училищахъ. Возникнуло новое поколѣніе болѣе могущественнаго разума и умъ укрѣпится и сдѣлается способнымъ къ произведенію всего, что только истинно, велико и полезно. Тогда государственныя силы получатъ новое развитіе, увеличится ихъ могущество и съ тѣмъ мѣстѣ общественное богатство, и человѣкъ, освобожденный отъ тяжкихъ оковъ,

кдъ, не будетъ томиться подъ тягостію рудней, сопряженныхъ съ вѣчными болями о физическомъ существованіи. Да только всѣ способности его получатъ настоящее направленіе, и умъ его, шепельный и свѣтлый, станетъ устремленъ на предметы болѣе возвышенные.»

Въ настоящемъ сочиненіи, Либихъ задатъ представить мыѣшшее состояніе химіи и ея вѣнченіе въ общественной жизни человека — и исполнилъ это превосходно. Если вы знакомы хотя сколько съ химическимъ языкомъ, вы знаете, чѣ такое простыя тѣла, вы знали, чѣ такое сродство, читайте *«Письма»* Либиха. Всѣ эти верныя химическія тѣла, бездунныя атомы оживутъ предъ вами, олушевятся чѣ дѣятельною силой природы... Читайте, мы сказали, *«Письма»* Либиха: но на какомъ языкѣ будете вы читать ихъ? Кромѣ нѣмецкаго, они были даны на англійскомъ и итальянскомъ. Если для васъ доступны эти языки — въ добрый часъ читайте. Но русскому, въ переводѣ г. Дымчова, мы боимся совѣтовать вамъ читать *«Письма»* Либиха, — боимся изъ уваженія къ Либиху. Одобряя прекрасное мѣреніе переводчика перелать сочиненіемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ произведеній европейской ученой литературы, мы имѣемъ право желать, чтобъ оно было передано на языкѣ правильномъ, соблюденіемъ принятой уже у насъ научической номенклатуры. Къ сожалѣнію, ни тому, ни другому условію не удовлетворяетъ переводъ г. Дымчова. Будемъ по-крайней-мѣрѣ надѣяться, что переводчикъ поторопится сдѣлать новое изданіе, исправленное, или хотя передѣланное.

202) *Анатомія и Физиологія Человека и Животныхъ. Соч. И. Жемчужина. Съ атласомъ рисунковъ. Санкт-Петербургъ. 1846. Въ 4-ю д. л. 272 стр.*

Лучшія сочиненія по части анатоміи и физиологіи часто содержатъ въ себѣ такую массу свѣдѣній, что изученіе

ихъ дѣлается если не невозможнымъ, то по-крайней-мѣрѣ весьма затруднительнымъ для большей части людей, непосвятившихъ себя исключительно медицинѣ или натуральной исторіи. Даже анатомикамъ, при началѣ ихъ поприща, часто наскучаютъ подробныя описанія и безчисленные раздѣленія предметовъ анатоміи и физиологіи. Тѣ же самыя науки, при помощи хорошаго краткаго руководства, становятся уже съ самаго начала весьма легкими, а потомъ завлекательными и полезными. Замѣчанія эти въ-особенности могутъ быть приложимы къ нашей медицинской и естественно-исторической литературѣ. При теперешнемъ стремленіи къ приобритенію свѣдѣній по части естествознанія, намъ давно нужна была книга, гдѣ и врачъ и не-врачъ могли бы найти свѣдѣнія объ устройствѣ человека и животныхъ, къ нему близкихъ. Книга г. Жемчужина можетъ, по нашему мнѣнію, удовлетворить этой потребности. Г. Жемчужинъ, при составленіи своей книги, имѣлъ въ виду представить начинающимъ заниматься анатоміею и физиологіею краткую и ясную картину организаціи человека и животныхъ и отправленій ихъ различныхъ органовъ, чтобъ въ-послѣдствіи каждому съ большею пользою для себя можно было воспользоваться занятіями на трупѣ, и такимъ-образомъ пополнить свои свѣдѣнія.

Мы исполнѣ раздѣляемъ планъ автора: соединить вмѣстѣ анатомію и физиологію: описавъ устройство какой-нибудь системы или органа и помѣнивъ рисунками, онъ тотчасъ же описываетъ ихъ назначеніе и отправленія. Изученіе устройства нашего тѣла черезъ это не разведируется, а скорѣе усвоется и становится отчетливѣе и гораздо-интереснѣе. Представимъ нѣкоторыя подробности, чтобъ лучше оцѣнить пользу этого плана и результаты, до которыхъ достигъ авторъ.

Въ введеніи представлены краткія понятія о природѣ вообще, объ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ,

о происхождении, существовании, формѣ и объемѣ ихъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ понятій, авторъ изучаетъ отдѣльно органы жизни растительной и животной. Въ описаніи органовъ жизни растительной излагаются понятія объ устройствѣ всѣхъ органовъ, назначенныхъ природою для этой цѣли, описываются матеріалы для питанія и процессы при ихъ подготовкѣ къ разложенію, выборъ матеріаловъ для пищи и питья, сравненіе питательныхъ веществъ между собою, и слѣдствія недостатка питательныхъ веществъ въ животномъ организмѣ. За симъ описывается процессъ усвожденія пищи; пути ея всасыванія, процессы кровотворенія, кровообращенія и дыханія, и наконецъ процессы изверженія остатковъ пищи и питья. Эта часть сочиненія оканчивается представленіемъ свода процессовъ растительной жизни въ одно цѣлое. Описание всѣхъ этихъ предметовъ замечательно авторомъ изъ лучшихъ новейшихъ методичковъ.

Въ описаніи органовъ жизни животной излагается сперва описаніе мозга и нервовъ, какъ отличительной черты животного организма; устройство нервной системы животной жизни, устройство нервной системы растительной жизни, отправление головного мозга; потомъ устройство и отправление органовъ чувствъ и движенія, и наконецъ органовъ голоса и слова.

Представляя такимъ образомъ описаніе всѣхъ частей организаціи чело-вѣка и животныхъ, авторъ рассматриваетъ каждую систему и каждый органъ отдѣльно, обращая вниманіе на ихъ устройство и форму, и входя при каждомъ изъ нихъ въ необходимыя подробности для объясненія механизма ихъ отправленій, — такъ что, вслѣдъ за описаніемъ формы и устройства различныхъ частей животнаго тѣла, читатель переходитъ последовательно къ изученію отправленій его организма.

Но здѣсь представляется трудность. Изученіе отравленія органовъ и раз-

личіе мнѣній объ этомъ предметѣ, жегъ нѣрѣдко поставитъ въ затрудненіе лучшаго писателя: чему, какъ вѣрнѣе? Г. Жемчужинъ умѣетъ доу-вѣрять, для объясненія отравленія органовъ, выбрать мнѣнія наиболѣе принятыя и наиболѣе-оправданныя наблюденіями и опытами. Въ книгѣ, посвященной для настольнаго руко-ства, это уже большое достоинство.

Книга г. Жемчужина написана яв-комъ яснымъ и весьма грамотно. Атласъ поимѣнено 18 рисунковъ, за-ставленныхъ у извѣстныхъ натура-стовъ: де-Конта, Вагнера и Герена.

Однимъ словомъ, книга г. Жемчу-жна у насъ, въ области естественны-хъ наукъ, есть явленіе весьма-отрица-тельно авторъ выполнилъ свой планъ хорошо и книга его займетъ съ пользою и у-пользованіемъ не только заграничныхъ натуральную исторію врача, но и ка-каго образованнаго чело-вѣка.

203) О Гальвано-Магнитномъ Ле-ченіи посредствомъ гидро-электри-ческихъ токовъ, читанномъ въ Император-скомъ Московскомъ Университетѣ и из-данахъ заведенія Физико-Медицинскаго Общества, докторомъ медицинскимъ: Фри-дрихомъ Фр. Белавскимъ. Въ 1845 и 1846 годахъ. Москва. Въ тип. Н. Сивилова 1847 Въ 8-ю д. л. 258 и 8 V сѣр.

Недавно извѣстили насъ читателю разсужденія г. Белавскаго о Гальвано-магнитномъ леченіи. Это разсужденіе служило какъ-бы предварительнымъ знакомствомъ публики съ болѣею сочиненіемъ того же автора, которое теперь вышло и которое имѣетъ гла-вную цѣлію сдѣлать доступнымъ для пр-свѣщенныхъ читателей правитель-ную часть гальвано-магнитнаго леченія, опи-сать всѣ необходимыя для него условия и способы приложенія гальвано-ма-гнитнаго леченія къ болѣзнямъ различ-наго рода, такъ, чтобы каждый изъ вра-чей умѣлъ и попалъ, захвативъ бо-лезнь слѣдуетъ ему лечить и какъ не слѣдуетъ. Сочиненіе дѣлается на-отдѣла. Въ первомъ (общемъ) разсуж-деніи оныя природы: электрическо-магнитнаго, гальванъ и гальванитъ

второмъ (частномъ), сперва изложивъ силу гальваническихъ томовъ и дѣйствіе ихъ на человѣческое тѣло, а потомъ исчислены опыты, указывающіе на роды болѣзней, виды и случаи, въ которыхъ должно искать и слуха отъ вѣдано-магнитнаго леченія.

204) О Вліяніи Умственной Ослабленія и умственной разорженія на здоровье. Сочиненіе Амаріа Брайема, доктора медицины, съ примѣчаніями Роберта Мекнишъ, автора «Анатоміи Челюстей» и «Философіи Сна», члена акультета медиковъ и хирурговъ въ Лансу. Переведъ съ англійскаго А. Серлевъ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 89 стр.

Мы прочли эту книгу съ истиннымъ интересомъ и советуемъ поступить также каждому, кто принимаетъ участіе въ своемъ собственномъ здоровьѣ и здоровьѣ ближнихъ. Особенно родители поступать хорошо, внимавъ въ положеніи и опыты автора. Сочиненіе англійскаго медика любопытно въ нѣкихъ отношеніяхъ: по той практической пользѣ, которую оно можетъ принести въ жизни, по тому основанію, изъ котораго выводятся указанія автора, и по цѣлымъ частнымъ замѣчаніямъ разныхъ злоупотребленій нашихъ, странныхъ уклоненій отъ путей природы.

Авторъ принадлежитъ къ послѣдователямъ той философіи, которая нѣкогда и писателями названа *положительною*, для яснаго отличія ея отъ ученія фантастическаго, — точно такъ же, какъ новая эстетическая школа, изображающая дѣйствительную жизнь, отличена именемъ *натуральной*, въ противоположность противъ-естественной, которая представляла или представляла жизнь небывалую, вымышленную, идеальную (принимая последнее слово въ значеніи несуществовавшего, несуществующаго и не могущаго существовать). Положительная философія открываетъ третій кругъ въ стремленіи человѣческаго ума, который прожилъ періодъ докт.

Т. III. — Отд. VI.

тринныи идеологической и увидѣлъ химеру догматичекой метафизической. Послѣднія созданы исключительно воображеніемъ, первая обязана своимъ началомъ истинному уму, который, созная наконецъ свои права, творитъ науку и расцветаетъ первобытные призракъ, служившіе содержаніемъ идеологіи и метафизикъ (*). Положительная философія объявляетъ войну всѣмъ ипотезамъ, всѣмъ химерамъ. Она заключаетъ каждую науку въ точные предѣлы ея изслѣдованія, занимается тѣмъ, что есть, а не тѣмъ, чего нѣтъ, и на знамени своемъ можетъ надписать слѣдующіе стихи Шиллера, переведенные Жуковскимъ:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ поднятъя человекъ,
Съ древней матерью землею
Опъ вступи въ союзъ навѣкъ.

Книжка г. Брайема произвела убѣжденіями «положительной философіи». Основная мысль ея — возвращеніе правъ земли, защита материн, уваженіе тѣла, котораго здоровье есть главное условіе здоровой мысли. Авторъ возвышаетъ то, что такъ долго находилось въ пренебреженіи, замѣчая еще Плугархомъ: «Еслибъ тѣло стало судиться съ умомъ за всѣ бдѣтвія, которыя оно претерпѣваетъ», сказалъ знаменитый мужъ древности, «то вѣрно бы умъ остался виноватымъ противъ своего хозяина». Этого мало: авторъ не только выводитъ хозяина изъ пренебреженія, но и ставитъ его на почетное мѣсто, выбравъ эпитафію къ своему разсужденію положеніе Декарта: «совершенство рода человѣческаго зависитъ отъ способствъ медицинскихъ». Св-временно найдутся, конечно, средотв, т. е. медикаменты излечивать страсти здорового человека, такъ же, какъ теперь болѣзны, извѣстныя подъ ложнымъ именемъ *психическихъ*, лечатся не пси-

(*). Въ журналѣ нашемъ помѣстятся подробное изложеніе такъ-называемой положительной философіи.

хическими, а материальными средствами. Физиология, быть-может (говорить здесь не шутя), открыла секрет уничтожить тоску отверженной любви, наравнѣ съ помѣшательствомъ сумасшедшаго, вообразившаго себя испанскимъ королемъ. Утѣштесь, больные душою: искусный докторъ, дѣйствуя на ваше тѣло, нечувствительно для васъ-самихъ излечитъ вашу душу.

Положеніе, изъ котораго авторъ выводитъ всѣ свои заключенія, состоитъ въ томъ, что мозгъ есть матеріальный органъ, посредствомъ котораго обнаруживаются умственные способности: следовательно, образованъ умъ значить привести въ правильное дѣйствіе извѣстныя части мозга и приучить обнаруживать умственные способности легко и свободно. Этимъ положеніемъ совершенно переставляются предметы: что двигалось, то обречается спокойствію, и наоборотъ. Другими словами, оно въ медицинскомъ возрѣвѣи производитъ то же, что положеніе Коперника произвело въ возрѣвѣи астрономическомъ: земля пришла въ движеніе. Болѣзненное состояніе умственныхъ способностей подходитъ подъ ту же теорію: всѣ эпитеты, ему придаваемые (сумасшествіе, умственное разстройство, безуміе) выражаютъ очень-неправильное понятіе о сущности болѣзни, потому что они представляютъ не больше, какъ только систему болѣзни мозга, а вовсе не самобытную болѣзнь. Между припадками болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей и органическими поврежденіями существуетъ тѣсное отношеніе, и названія *monomania*, *mania* и проч., должны быть употреблены только для означенія хода и степени воспаленія мозга. Зная силу тѣла, понимая вполне его значеніе, авторъ преслѣдуетъ преждевременное развитіе ума. По его убѣжденію, лишняя забота объ умственномъ трудѣ въ дѣтствѣ гораздо-вреднѣе, чѣмъ самая небрежность въ упражненіи физическихъ силъ въ повзрѣвшемъ возрастѣ. Онъ хорошо объяснилъ причины неосторожности родителей относительно

вреда, который они причиняютъ своимъ дѣтямъ слишкомъ-равнымъ развитіемъ ума. Этихъ причинъ двѣ: истина цизмъ (что мы назвали психологіей) и философія, которые облекаютъ позанія о душѣ во что-то таинственное, непонимая истинныхъ отношеній между тѣломъ и душою и представляя послѣднюю въ видѣ отдѣльнаго существа, немѣющаго никакого сообщенія съ матеріею, которая съ своей стороны не производитъ на душу никакого вліянія (стр. 27). Успѣхи эволюціи изгоняютъ болѣе и болѣе эту ложную безразсудную идею. Итакъ, да вараетъ Галль! Безъ его науки не было бы рациональнаго воспитанія. Она многомъ измѣнитъ мнѣніа общества, которое почтитъ его память величайшимъ монументомъ.

И посмотрите, въ какія странности впадаютъ родители, не зная, что такое умъ и душа! Заботливые о здоровіи дѣтей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они забываютъ только о мозгѣ. Они понимаютъ, на-примѣръ, какъ опасно сильное, раннее развитіе прочіихъ частей тѣла, въ выборѣ жизни соблюдаютъ возможную осторожность, не дозволяютъ дѣтямъ раздражительной діеты. Вѣрно всякій отецъ приваждаетъ, когда сынъ его начнетъ ѣсть столько же, сколько взрослый (что очень-легко можетъ случиться, если желудокъ начнутъ упражнять такъ же, какъ память и разсудокъ), и между-тѣмъ высоко не думаетъ, какъ сынъ его учится столько же, сколько и взрослый. Не развитіе ума еще опаснѣе, потому что мозгъ гораздо-живѣе желудка и другихъ органовъ.

Рассужденіе англійскаго доктора раздѣлено на восемь отдѣловъ; въ нихъ доказывается, что мозгъ есть матеріальный органъ, посредствомъ котораго проявляются умственные способности; что раннее ихъ развитіе всегда бываетъ болѣзненнымъ процессомъ, а раннее развитіе не можетъ служить къ образованію высокихъ талантовъ; что, напротивъ, умственное образованіе въ свое время не только не вредитъ,

иво, но еще полезно для здоровья; нечисляются гибельныя слѣдствія, происходящія отъ невниманія къ отношеніямъ, существующимъ между тѣломъ и душой: происхождение сумасшествія, нервныхъ припадковъ, болѣзней сердца, разстроенаго пищева-ренія и проч.

Нѣкоторые замѣчанія и совѣты такъ разительныя своею вѣрностью, что мы, зная ихъ, жалѣли вчужь объ *английскихъ* малюткахъ. Безъ сомнѣнія, покажутъ и читатели нашего журнала, на которыхъ мы выписываемъ нѣсколько параграфовъ. Вотъ что говоритъ авторъ о дѣтскихъ книжкахъ и читалницахъ:

«Кромѣ *драды*, дѣтской, производять книжки (дѣтямъ), слишкомъ равнымъ раз-раженіемъ ума и чувствованія въ дѣтяхъ, многія изъ нихъ содержатъ неумныя вы-сказки, ложныя и вовсе ненужныя поня-тія. Такъ вы встрѣтите въ нѣкоторыхъ изъ назначенныхъ для двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ дѣтей, что, Англичане лю-бятъ ростъ-бѣръ и пломъ-пуддингъ, Гол-ландцы любятъ сыръ и сельди, Францу-зы—супъ и салатъ, Нѣмцы—ветчину и пшюлу капусту, и проч.

«Ужъ конечно лучше бы дѣтямъ не-чать этихъ важныхъ истинъ. Другія книжки, «уроки», «руководства и повѣ-сти для дѣтей и для дѣтскихъ школъ», содержатъ больше нежели сколько нуж-но знать, и наполнены такими истинами, которыя превосходятъ ихъ понятія. Въ дѣтяхъ изъ нихъ содержатся избранныя вѣ-ста изъ Священнаго писанія о соотно-еніи челоука, о его паденіи и другихъ елюзныхъ истинахъ, которыхъ ни одинъ ебенюкъ не можетъ постигнуть, или вос-ользоваться ими, и по моему гораздо учше бы помѣщать рассказы изъ Биб-ліи. Въ другихъ книжкахъ вы находите уроки Геометріи, Ботаники, Астрономіи, проч. и проч.

«Способъ ученія дѣтей не во всѣхъ шко-лахъ одинаковъ, но всездѣ считаютъ луч-шимъ тотъ, который скорѣе развиваетъ ихъ. Въ однихъ стараются больше из-учать память и дѣтямъ даютъ затвержи-ть множество фактовъ. Тутъ намъ за дню казываютъ дѣтей, которые едва умѣютъ говорить, хвалить, превозносить ихъ, увѣ-ряютъ, что съ временемъ они обшкуютъ ве-

ликія дровишя, и все это изъ того толь-ко, что ребенокъ скажетъ вамъ, что дол-жно вѣхъ жить, и другія подобныя; по-лезныя и важныя знанія. Спрашивайте ихъ даже объ Астрономіи, Геометріи, Хи-мійи и пр., они на все будутъ отвѣчать вамъ заученныя истины, но въ самомъ дѣлѣ много ли знаютъ эти бѣдныя малют-ки? Столько же, сколько попугай съ пло-химъ выговоромъ. Въ другихъ училищахъ наставники поступаютъ иначе; они хотятъ, чтобы ребенокъ зналъ только то, что по-нимаетъ: и потому учатъ его, что Маеу-самъ жилъ 869 лѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляютъ, что онъ былъ смѣтъ. Вноха и дѣдушка Ноя и что въ году считается 365 дней, а въ днѣ 24 часа. Другіе настав-ники говорятъ, что слишкомъ жестоко заставлять ребенка учиться—и дѣйстви-тельно жестоко; и что ученье для дѣтяи должно быть игроушкой: но если они не берутся *страхомъ* заставлять ребенка учиться—за то возбуждаютъ въ немъ еще сильнѣйшую страсть системою *соревнованія* и *наградъ*. Если теперь надобно было бы отдать преимущество-какому нибудь изъ этихъ методовъ, по всей справедливости оно принадлежитъ первому, потому что здѣсь менше предметности, менше притязанія на преждевременное развитіе ума и страстей. Но всѣ они слишкомъ грубы и неблагоприятны, потому что стараются вы-звать дѣйствія органа, еще только отчасти сформировавшася, не согласуясь съ за-конами природы.

«Я совѣтую родителямъ обдумать хоро-шененько свои намѣренія прежде, нежели они приступятъ къ образованію дѣтей сво-ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ малютокъ всѣмъ надиво, если они не хотятъ навѣки ка-пшиться милахъ для себя существъ, такимъ не благодарнымъ воспитаніемъ, или на-всегда положить въ нихъ зародышъ стра-даній. Преждевременное возбужденіе ума можетъ порадовать красненькими цвѣточ-ками, но не надолго—ихъ жизнь пролетитъ, проблеститъ и исчезнетъ, не оста-вить плода.

«Не горюйте родители, что ваши дѣти въ младенчествѣ не обнаруживаютъ блестящихъ способностей ума или не знаютъ того, что другія дѣти. Для васъ будетъ ва то утѣшительно, когда она, достигнувъ шести, семи лѣтъ, будетъ здоровыя, хоро-шо сложены, безъ порочныхъ наклонностей даже при незнаніи ихъ ни одной буквы въ азбукѣ. Съ такими качествами и при

ствамъ довольно-забавнымъ, въ которыхъ сохранится, можетъ-быть, благородство намѣренія, но не сохранится справедливость, истина. Какимъ образомъ дѣти, для которыхъ назначается «Библиотека для Воспитанія», станутъ сочувствовать прекрасному, когда и для насъ, взрослыхъ, это прекрасное только относительно-хорошо, или, пожалуй, прекрасно, когда и мы, взрослые, сочувствуемъ этому прекрасному посредствомъ, т. е. посредствомъ изучения памятника, утвердивъ его подлинность, сравнивъ его съ другими однородными памятниками, связавъ его части, между которыми, по-видимому, нѣтъ никакой связи, давъ смыслъ и значение кажущейся, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, бессмыслицѣ? Известно, что дѣтямъ изъ всѣхъ родовъ повѣи преимущественно вѣрится эпической, рассказъ событія, сказка, а въ «Словѣ о Пльку Игоревѣ» эпической элементъ крайне блѣденъ. Что жъ найдутъ въ немъ дѣти? — лирическія выходы, поэтическія выраженія старины, которыя г. Ивановъ отмѣтилъ курсивомъ? Другое дѣло, если бы г. Ивановъ просто сказалъ: «надобно дѣтей заранѣе знакомить съ памятниками древней литературы нашей. Пусть это знакомство будетъ для нихъ своего рода урокомъ, классическимъ занятіемъ, большею частью скучнымъ, но полезнымъ». Многие согласились бы съ г. Ивановымъ, многие стали бы противорѣчить ему; тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но увѣрять, что дѣти станутъ сочувствовать древнимъ нашимъ памятникамъ, воля ваша, такое увѣреніе объясняется только личнымъ возрѣніемъ говорящаго, который себя ставитъ на мѣсто дѣтей, или, что еще хуже, дѣтей ставитъ на свое мѣсто. Чтобы убѣдиться въ несправедливости мнѣнія г. Иванова, стоитъ спросить двухъ-трехъ дѣтей, прочитавшихъ его передачу «Слова», понравилось ли имъ оно? чему они въ немъ сочувствуютъ? Дѣти тѣмъ-то и прекрасны, что никогда не предпосылаютъ своихъ возрѣній, что они искренны, что они не выучились еще

увѣрять другихъ въ томъ, чему сами не вѣрятъ.

206) Учебная Книга Вѣдущей Географіи. Составилъ А. Ободовскій. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1837. Вѣстн. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 416 и XXIV стр.

Третье изданіе учебной книги: вотъ привлекательныя слова, которыя заставили насъ обратить особенное вниманіе на эту «Географію», съ желаніемъ отыскать ея достоинства, или, увѣ! указать на ея недостатки. Прежде, нежели дадимъ отчетъ въ нашихъ изысканіяхъ, почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ. Пѣмцы великіе охотники расплывать, дѣлить и объединять науки. Посмотрите даже на современныя намъ программы нѣмецкихъ университетовъ: сколько тамъ наукъ, изъ которыхъ иная составляетъ часть чужакого - нибудь рода свѣдѣній! Но въ старыя времена, когда схоластика и педантизмъ тиранствовали не встречая борьбы въ здравой философій, страсть къ изобрѣтенію наукъ господствовала несравненно-сильнѣе. Тогда то была изобрѣтена географія, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не могла составить науки, и почиталась наукою только во времена безотчетности. Въ-послѣдствіи, сами Нѣмцы отдѣлили отъ нея статистику и составили изъ того еще одну лишнюю науку. Успѣхи другихъ званій отделили отъ географіи—космографію, геологію, геоогнозію, орографію, этнографію, зоологію, дендрологію, и множество другихъ лоній и графій, такъ-что, бывшая географія удержалась и держится еще кой-какъ за землю, называя ее своимъ предметомъ въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: какъ планету, какъ собственное тѣло, и какъ жилище животныхъ. Иногда, мимоходомъ, еще указываетъ она на историческія преданія. Но съ такимъ взглядомъ на науку, такъ захватывая владѣнія другихъ званий, можно свѣдѣть предметомъ науки

чень-многое. Одинъ мой пріятель, грастный охотникъ до лошадей, рѣшительно убѣжденъ, что для коннозаводства существуетъ весь міръ, и что въ кругъ цюваній коннозаводчика входятъ всѣ науки: лошадь, какъ предметъ естествознанія, какъ предметъ исторіи, какъ предметъ медицины, какъ предметъ политической экономіи, такъ дагѣ и дагѣ, захватывая для изученія лошади частичку каждаго рода свѣдѣній, образуетъ онъ, мой пріятель, цѣлую, огромную науку, для которой еще не придумалъ онъ названія, но, вѣроятно, назоветъ ее *иппологию* или *иппологию*. Если невѣрны снованія моего пріятеля, то невѣрны снованія и тѣхъ, кто почитаетъ географію наукой и присоединяетъ къ ней чуждые, непринадлежащія ей предметы. У Французовъ почти нѣтъ учебныхъ книгъ географіи, кромѣ известной книжонки Мейсса и Мишлѣ, принятой только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что въ среднихъ у нихъ географія уже не преподается, а распространяется по различнымъ предметамъ. Старинныя географіи у нихъ рѣдки; огромныя сочиненія Мальгерена и Балби писаны не для школъ, а для справокъ и для людей взрослыхъ уже способныхъ пользоваться ими. Даже Нѣмцы истинно-ученые, какъ Риттеръ, смотрятъ на изученіе земнаго шара не какъ на науку, удобную для преподаванія въ школахъ, а какъ на отдѣльный предметъ ученыхъ изслѣдованій, и потому-то *необъятные* нескончаемые томы риттеровой *Die Erdkunde* едва-ли будутъ имѣть кончаніе и едва-ли будутъ прочтены нѣтъ-нибудь, кромѣ записныхъ и страстныхъ любителей *землепознанія*. Всѣмъ предметъ можетъ быть изучаемъ въ безчисленныхъ сторахъ, и въ такомъ смыслѣ изученіе его всегда будетъ безконечно. Есть ученые, которые посвятили всю жизнь свою изученію *грибовъ*, другіе изученію *наукъ*, и назвали въ этомъ великія услуги просвѣщенію; но кто скажетъ, что грибки и науки могутъ быть предмета-

ми двухъ различныхъ наукъ? Развѣ мой пріятель коннозаводчикъ. Но не такъ рассуждаютъ Нѣмцы-рутинисты: они безпрестанно издають учебныя географіи, которыя все повторяютъ одно и то же, съ небольшими измѣненіями въ распредѣленіи предметовъ. Многія географіи мучатъ у нихъ уже не одно поколѣніе несчастныхъ учениковъ, и номенклатура Штейна издана недавно, кажется, тридцать-пятимъ изданіемъ!.. Сердцу больно, когда подумаешь, сколько безтолковыхъ мученій выдержано бѣдными малютками изъ-за этой ничтожной книжонки!

У насъ, благодаря просвѣщенному училищному начальству, учителя географіи не отъсены въ способахъ преподаванія своего предмета, конечно, необходимаго въ высшихъ и среднихъ классахъ учебныхъ заведеній. Многіе смотрятъ на этотъ предметъ просвѣщенными глазами, не придерживаясь рутинны, и слѣдствіемъ ихъ вниманія къ сущности самого предмета было изобрѣтеніе методъ, болѣе прежняго сообразныхъ съ его назначеніемъ. Такъ, на-примѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, черченіе картъ служитъ основаніемъ изученія географіи, гдѣ ученикъ практически изучаетъ фигуру и всѣ подробности земнаго шара, горы, рѣки, острова, наконецъ, государства, области, города, и карта его, сначала представляющая только очеркъ земли или какой-нибудь части ея, постепенно наполняется разными подробностями, безъ названій, которыя онъ узнаетъ изъ объясненій учителя и изъ книги, особо приспособленной къ изученію карты: онъ обязанъ знать, начертить, указать и назвать каждую подробность, означенную на лучшихъ ландкартахъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого изученія географіи, онъ дѣйствительно *знаетъ* ее, хотя ему и не набивали головы непонятными для него подробностями и не заставляли помнить, въ какомъ городѣ торгуютъ мясомъ, и въ какомъ рыбой. Намъ извѣ-

слова правдивая для руководства, а в пятом издании географическая книга г. Разумова „Опыт Землеописания, составленный для средних училищ... Но обаятели, что без черчения пригодны карты, карты учеником, географическая Разумова не может служить руководством, и что обыкновенныя рутинисты, доходя еще узнать практические, самый способ обученный по ней, который, почитаешь, мы лучшими изъ книгъ наша учебныя. Отъ лучшей потому-что при немъ изучается въ географіи только то, что можно и разумно вводить въ ход, и приобретаются такии, способи, свѣдѣніа, оставшая важныи пособіемъ для будущаго дѣловъ въ науцѣ, для полезныи приобретеныи даже для того, что ученикъ оманываетъ курсомъ увѣличивающаго.

Но, съжедая, ради Бога, можно ли изучать такъ называемую *Астрономическую или Математическую Географію* имѣя ограниченія нѣсколькихъ терминовъ? Надобно, говорить г. Оболовский, предвзятельно имѣть такое понятие о томъ, что значить: *плоскость, окружность, радиусъ, диаметр, или периметръ, параллельныя линіи, шаръ, цилиндръ, конусъ, диаметръ и поверхность шара, большіе и малые круги, также радиусы, каждая окружность в 360°, параллельныя, что значать перпендикулярныя линіи, горизонтальная линіи, прямиыя углы, квадратная мѣра* — т. е. надобно внести въ географію еще другую, огромную науку!.. Ну, а если кто не знаетъ геометріи и тригонометріи плоской и сферической, не знаетъ основаній астрономіи — какъ же тотъ будетъ уметь по вашей книгѣ? Что понимать оныя назъ свѣтъ поверхностныхъ, неоднородныхъ для него в частодо-областныхъ терминовъ астрономической географіи?

На больше понятія будетъ для ученика и такъ называемая *финансовая географіа*, т. е. выборъ нѣсколькихъ терминовъ, назъ разныхъ наукъ и значеній, или, лучше сказать, назъ одной вещи, давая о природѣ. На нѣсколь-

кихъ страничкахъ; ребенку, десяти-область, поймавъ и объ атмосферныхъ, вѣдѣніяхъ, и о халкиссаръ, вутренности земнаго шара, и о быти славныхъ животныхъ, растений, и множествѣ армянъ, прелестно, что для нѣкоторыхъ будутъ только отсылы для нѣкоторыхъ годовыхъ. Иностранныя географіи, должи, дособитъ, атому вразумленіемъ, особымъ, словарей, въ географіи, гдѣ объясняются сотни словъ, кой-какъ, поперхнуто, какъ будто такъ приложено, и дособитъ, атому недостатку, самой, методы географіи, назъ, сегомъ, дѣлѣ, вѣдѣніи, по какому-то, чому-то, шара, да, не лучше ли, не сообразивъ, ли съ истинныи просвѣщеніемъ, отсылатъ, крѣзь, овалъ, свѣдѣній и узнавъ, осположило, и много, и силно, необходимо? Въ географіи, на-примѣръ, не доводило, и области, называемыя, не углубились, внутрь земли и не думая, изучать, природы, назъ, нѣсколькихъ, поперхнуто, вѣдѣніи, не лучше ли, узнавъ, предельны на его поверхности, прелестныя, природою, или, прелестныя, людьми? Живя въ домѣ, необходимо, знать, его, расположеніе, но, углубились, въ подробности, архитектуръ, или, или, плотничнаго, восторговъ, во всѣ, подробности, устройства, дома.

Учебная Книга Всеобщей Географіи, составленная А. Оболовскимъ, придерживается строгимъ, и отличается отъ географіи Гейна, Камевова, г. Арсеньева и другихъ, только нѣкими, ошибками въ частностяхъ; вѣдѣніи, метода, расположеніе, совершенно, тѣ же. Точно также, впередъ, вѣдѣніи, истинная географіа, въ немъ, вѣдѣніи, объ, на, нѣсколькихъ, странахъ, и, вѣдѣніи, терминовъ, для, различіи, ли, которыхъ, надобно, научитъ, другимъ, отраслямъ, науки. За, такъ, ослѣдуетъ, географіа, политическая, и, вѣдѣніи, ея, узоры, имѣть... Но, если, тѣ, сочинитель, въ, убѣжденъ, въ, основательности, пользы, старинной, метода, изученія, географіи, (т. е. каждой, географіи, или, отрывчатой, вѣдѣніи, о, странахъ,

ири, попомучило возмущить и въ Ар-
рискъ и въ Якутской Области?.. Море
Чулимское и море Крестное, и море Бѣлоу-
Охотское, также предполагаютъ разни-

Вотъ, другая, логическая, черта,
очень-примечная въ краткой географ-
еи Франции: дивидась своимъ дѣ-
сомъ во время революціи (повѣя!). У
насъ, не смотря на всѣ заботливыя па-
тентныя (все равно, что работныя за-
боты, для парламентальнаго попеченія)
Превителства, дѣла также истребля-
ются съ неразумимымъ чрезъ расчис-
ку, безвѣрною порубку, пожары,
настьбы смота въ дѣлу, (чего и гдѣ
быть не можетъ), мощаніе дорогъ (?),
Сколько барановъ истреблялся въ Тра-
нцѣи дѣлу!.. Какимъ гибельнымъ до-
обидеваемъ, съ истребленія дѣловъ
должны ожидать наши потомки!
(стр. 65). Да, по пути сначала ро-
дуютъ, овъ, а потомъ и ждуть сво-
ей гибели отъ истребленія дѣловъ.
Впрочемъ, утѣшимся словами самого
г. учителя, который на двѣ страни-
цы говоритъ: «Меня Бароны, по сви-
дѣтельству римскихъ писателей, на
двѣ тысячи дѣлъ была бесплодна, по-
крыва имала и болотами. Съ разви-
тисемъ образованности и умноженіемъ
народонаселенія, дѣла были истребле-
ны, болота высушены, и почва до то-
го улучшилась, что нынѣ можно на-
звать ее вообще плодородною, и ска-
зать, что это качество сообщено ей
трудолюбіемъ человека» (стр. 63).
Такъ станемъ лучше истреблять и ос-
тадные дѣла, да развивать при томъ
образованность, если одно необходимо
при другомъ! Черезъ двѣ тысячи дѣлъ
и нынѣ свяжутъ потомки наши сча-
сие.

Кромѣ надобныхъ недоразумѣній,
противорѣчій и странностей всякаго
рода, встрѣчающихся почти на каж-
дой страницѣ Учебной Книги Географ-
еи, въ ней есть и лязвы ошибки.
На-примѣръ, говоря о раздѣленіи пле-
менъ, обитающихъ въ Россіи, «Учеб-
ная Книга Географіи» вотъ какъ объ-
ясняетъ, что такое кавказское племя:

Бавлавы, въ которыхъ отнес-
ед, Арманъ (?), (до 30,000) въ Кавка-
-рмисладской Губерніи, въ Карка-
-ской Области, въ Таврической Гу-
-Берніи, въ Бессарабіи и большихъ го-
-родяхъ Грузіи, Осетини, Черкес-
-Кабардинцы, Абаздеды въ низовьяхъ
въ Кавказской Области (стр. 120). Да
эти строки можно написать цѣлую кни-
гу опроверженій, потому-что г. сочи-
нитель переимѣнвалъ тутъ все! Какіе
Каркасы живутъ въ Бессарабіи? Не
уже-ли всѣ племена, живущія около
Кавказа — Каркасы? Какъ можно ска-
зать, что Осетинцы, Черкесы, Ка-
бардинцы, Абаздеды и другихъ
горскихъ народцевъ малое племя? Да
съ кѣмъ же вѣруютъ дѣлые корпусы
превосходныхъ, образованныхъ, рус-
скихъ войскъ?..

207) Всеобщая Географія, спе-
циальная къ преподаванію въ жен-
скихъ учебныхъ заведеніяхъ, Выпускъ 5.
Москва. Въ университетской типогра-
фіи. 1847. Въ 8-ю д. л. 561—760, стр.

Этимъ выпускомъ заключаются все
изданіе Географіи, приспособленной
къ преподаванію въ женскихъ учеб-
ныхъ заведеніяхъ, и мы должны
случаемъ, чтобъ сказать въ скобку
словъ объ этой полезной книгѣ. Много
разъ раздавались жалобы, видныхъ че-
лзгоговъ, — жалобы, которыя чередомъ
теперь повторяются: у насъ нѣтъ хо-
рошихъ учебниковъ, мы по необходимости
довольствоваться Географіею г.
Арсеньева, «Сокращеніемъ Географіи
г. Гейма», и странно! эти два учебни-
ка, не смотря на то, что предла-
ютъ не географію собственно, а лишь
остовъ географическихъ данныхъ, до-
сихъ-поръ, вѣдѣтъ съ исторіею г.
Арсеньева, господствовать у насъ. Мало-
по-малу распространялась мысль, что
исчисленіе границъ, горъ, рекъ и вѣ-
редовъ, безъ всякой системы, соеди-
неніяхъ другъ подлѣ друга, не ре-
ставляетъ науки, и это простое муш-
ваніе всего этого только, обременяетъ
память дѣтей, въ приносѣ для учебно-
существенной пользы, ставя рѣшитель-

то дѣтямъ нужно показывать землю со
 съими характеристическими чертами
 я физическаго положенія, и всѣ отно-
 шенія ея къ разнымъ существамъ, есна-
 еляющимъ; глобусъ исчисленіе данныхъ
 казалось недостаточнымъ: между ними
 гали искать живой свѣтъ и обра-
 зить само-собою разувѣется, къ
 чебникамъ иностранныхъ. Здѣсь
 предстояло только затрудненіе въ вы-
 орѣ, потому что въ Германіи появи-
 ось много книгъ о географіи, учебни-
 овъ и т. п., и оно устроено было до-
 ольно счастливо. Въ послѣдніе годы
 у насъ появилось нѣсколько геогра-
 ическихъ учебничковъ; гораздо бо-
 бе удовлетворительныхъ; таковы,
 а-прихѣръ; кромѣ упомянутой вы-
 де книги г-на Разумова; «Геогра-
 ія» Соколовскаго (принятая руко-
 одствомъ въ военно-учебныхъ заве-
 еніяхъ), облекаемая во второмъ изда-
 ии въ новыя, прекрасныя формы; да-
 ле «Географія» г. О. Соколова, которая
 обственно есть переводъ книги Брюк-
 ера «Handbuch der Neuesten Erdbe-
 hreibung» съ сокращеніемъ Россіи
 въ перваго изданія «Географія» Соко-
 овскаго; третья географія есть пере-
 одъ Штейна; къ этому можно прибав-
 ь и «Географію» г. Шульгина, ко-
 рая заключаетъ въ себѣ первую
 асть хорошаго учебника Альбрехта
 она. Мы прежде высказали свое
 нвіе о «Географіи» Соколовскаго;
 послѣдніе же три переводные учебни-
 а, верѣяко погрѣшающіе противъ
 ыка, сдѣлали большой шагъ въ пре-
 одаваніи географіи. Новые учебники
 ошли безконечно выше тѣхъ, кото-
 ьми привыкли пробавляться наши
 гарые педагоги, но они еще не могли
 оветворить новымъ потребностямъ
 чающихся, потому что сухость дан-
 ыхъ замѣняли сухостью систематиче-
 аго изложенія; все это особенно ва-
 удило преподаваніе географіи дѣ-
 ьщамъ, и вотъ наконецъ появилась
 Географія для женскихъ учебныхъ
 веденій; авторъ ея добросовѣство
 оложилъ начатый имъ трудъ и впло-
 ь достигъ своей цѣли: книга его раз-

добравна, замѣчательна, замисора-
 хорошимъ языкомъ, и, что всего замѣ-
 рше, представляетъ живую связь между
 ду землею и государствами, на ней об-
 разовавшимися, безъ утомительной су-
 хости. Главнымъ руководствомъ автору
 при составленіи его географіи послужи-
 ла (какъ самъ онъ говоритъ въ предис-
 словіи) книга Фридриха Нессельта:
 «Handbuch der Geographie für Töch-
 lerschulen», о которой, при первомъ
 появлении ея, напечаталъ ученый пе-
 дагогъ Дистербергъ въ своемъ «Wegwei-
 ser für deutsche Lehrer» (1838) слѣду-
 ющее мнѣніе другаго педагога Берма-
 на: «Отличительное свойство этого ру-
 ководства заключается въ томъ, что
 оно представляетъ вѣрныя изображе-
 нія всего замѣчательнаго въ природѣ
 и жизни человеческой; изображенія
 эти присоединены къ именамъ ос-
 дѣльныхъ горныхъ хребтовъ, рѣкъ,
 городовъ и проч. Книга Нессельта бу-
 деть полезна не одному только учито-
 лю въ женскихъ школахъ, но каждо-
 му преподавателю, который чувствуетъ
 необходимость оживить предметъ
 своей картинами и описаніями. Все
 сказанное о книгѣ Нессельта можно
 отнести и къ «Географіи для женскихъ
 учебныхъ заведеній», но послѣдняя
 имѣетъ то преимущество, что втора-
 ея не ограничился одними руковод-
 ствомъ, но пользовался трудами Мюль-
 брѣна, Бальби, Брюкнера и Роове;
 книга его не только оправдала надеж-
 ды, которые мы года два назадъ вы-
 сказали при появленіи перваго ея вы-
 пуска, но совершеннѣе оказалась съ ка-
 ждымъ выпускомъ, и послѣдній (пятый)
 едва ли не лучшая часть учебника;
 особенно хорошо описаніе Америки,
 которое, если мы не ошибаемся, ав-
 торъ заимствовалъ изъ превосходнаго
 труда Бернгауза: «Allgemeine Länder
 und Völkerkunde».

«Географія для женскихъ учебныхъ
 заведеній» въ первомъ выпускѣ содер-
 житъ обзоръ солнечной системы и
 общія предварительныя понятія о ге-
 ографіи; глава эта показалась намъ
 слишкомъ сжатою, и особенно «солнеч-

автиму только автору, что напрасно
 въ при описанн Францїи сохранилъ
 гарое раздѣленіе на провинціи: прав-
 , каждая изъ нихъ отличается дарен-
 :республиканскою особаенностію, и, пог-
 етъ даже удерживаться въ памяти.
 86. *Собрание законовъ, бывшихъ
 по раздѣленіи: но разсужденіи о де-
 артаменты, губерніи и почисленіи ихъ
 въ печать, какъ это сдѣлано въ раз-
 раемой Имперіи Князь, а послѣ описа-
 я горъ и рѣкъ, отъ которыхъ они по-
 чили свое названіе, и сдѣланы не луч-
 е ученицы, даши удержатъ ихъ въ
 амяти. Земля и государская иродна
 астей свѣта (самыя большія, половину
 то выпуска и весь 5-й), представляли
 же иарудности, но и здѣсь труды
 теру, убо чинились понынь, усвоивъ
 кланіе въ ево книгу, и ты согласи-
 е съ нами, что такой трудъ достаетъ
 но даромъ, что авторъ много читалъ,
 ного сирѣчь и не только восполь-
 вался историческими, но и ходившими у
 его въ рукою, но обогатилъ книгу
 это прѣбываніемъ, въ которыхъ со-
 риниме много свѣдѣній, какъ исто-
 ческихъ, такъ и по части естествен-
 ыхъ наукъ; правда, они не новы для
 олей исторіи и образованійхъ, но
 въ высшей степени полезны для дѣтвей
 наемому мѣстѣ для нихъ понят-
 ыиъ.*

Вообще, съ удовольствіемъ поздравить на-
 нитъ молодитъ соотечественницъ съ
 репроданіемъ географическимъ учеб-
 никовъ; въ вѣге того, чтобъ скучать,
 твердая утомительный рядъ соб-
 гевныхъ книгъ и чиселъ, оуъ будутъ
 нитъ интересное путешествіе, и ге-
 графическія данныя сами собой оста-
 ути въ ихъ памяти. Желаніе этой
 оленной книгъ полнаго усѣха, въ ко-
 промъ и не сомнѣвается, тѣмъ болѣе,
 то тѣмъ книги самая умѣренная: всѣ
 ть выданныхъ, заключающіе въ себѣ
 65 стр. или болѣе 48 печатныхъ ли-
 товъ, стоить і р. 75 и. Помупающіе
 0 экземпляровъ платитъ і руб. 80 и.
 0 сверхъ того, авторъ, втроитно, сдѣ-
 аеть андичежную услугу въ пользу

учебныхъ заведеній, выписывающихъ
 книги въ большомъ количествѣ:
 208) *Библейская Священная Ис-
 торія Ветхого и Нового Завета, или
 нравственно-догматическая историческая чте-
 ніе. Съ картинами и надписями на
 двухъ частяхъ. Изданіе В. П. Кирилова
 Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Ки-
 рилова. 1847. Въ 8-ю д. 1. Въ 4-й чи-
 сти 341, VI, во 2-й—189, V стр.*

Въ послѣднее время, нѣкоторые из-
 данія московскихъ книгъ, даже для дѣ-
 тей назначаемыхъ, порадовали насъ
 своею — не только чистотою и обрат-
 ностію, но даже роскошью. Такъ г.
 Назубкинъ напечаталъ нѣсколько дѣ-
 тскихъ книгъ, которыхъ съ удовольстві-
 емъ можно подарить самому разборчи-
 вому изъ умныхъ дѣтей; а теперь г.
 Киріловъ издадеъ Священную Исто-
 рію, которая принадлежитъ къ числу
 нилъ прекрасныхъ по шрелому, и по
 бумагѣ и по уиращеніямъ. Право,
 это радуеть насъ — не столько за себя,
 сколько за дѣтей, которымъ какъ-то
 приходилось читать болѣею частію
 грязныя книжонки съ безнудно ороо-
 графическихъ ошибкой. Рекомендую
 эту Исторію родителямъ иа мѣсто
 Ста-четырехъ Свѣдѣніихъ Исторіи
 Гиблера, издававшихся какъ-то стра-
 и неуклюже, и на мѣсто роскошныхъ
 изданій Священной Исторіи, пре-
 дающихся очень дорого. Цѣна книж-
 ки, изданной г. Киріловымъ, умѣрен-
 ная, если принять въ соображеніе ка-
 чество издавія.

209) *Классъ Рисованія, сочинен-
 ный А. Савожиновымъ. (Олонки).
 Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца.
 1847. Въ 4 д. 1. 58 стр.*

Вышедшая теперь послѣдняя те-
 традь Курса Рисованія г. Савожи-
 нова заключаетъ въ себѣ главы: О раз-
 нрдахъ человѣческаго тѣла (сл. XX);
 Объ основнхъ точкахъ анатомическаго
 тѣла, которыми определяется нахо-
 ннанъ его движеній (сл. XXI); О раз-
 нрнхъ членоческаго тѣла (сл. XXII)
 и наконецъ О рисованіи человѣче-

определенная фигура. Затѣмъ; иррациональныя и некоторые правила пересеченія, необходимыя при составленіи картинъ, и наконецъ собственно о композиціи картинъ.

Эта последняя часть. Курса Рисованія, посвящена достоинствамъ, общимиъ особенностямъ и изданнымъ г. Сапожникова — Близинъ законодательству и предметамъ, въ особенности когда дѣло идетъ объ анатомическомъ изученіи челоѳическаго тѣла, легкимъ и понятнымъ изложеніемъ, чуждымъ всякаго податства, большую опытностью, значимъ условійъ искусства и вѣрностью въ сужденіяхъ объ искусствѣ. Художники, только что начинающіе подвизаться на своемъ поприщѣ, найдутъ въ ея страницѣ, промѣ полезныя уроки, советовавъ до рисунка относиться, сдѣланнаго указаніемъ, которыя заставляютъ ихъ бороться тою, что называется дурнымъ искусомъ, и могутъ съ ея помощью избежать ошибокъ, происходящихъ часто отъ неопытности и исчезающихъ только болѣе долгой практикой и многими трудами.

Въ этомъ случаѣ, чтение книги г. Сапожникова можетъ имѣть некоторыя особенности, заключающіяся въ томъ, что у насъ будетъ меньше.

Прекрасно, извѣстныя публик. труды автора Курса Рисованія, ручаются за то, что часть этого курса, посвященная чисто черченію и изученію частей и положеній тѣла — безукоризненны. Мы однако не можемъ не остановиться на одной изъ главъ Курса Рисованія — о композиціи картинъ. Тутъ уже не анатомія: тутъ уже мы переходимъ въ область эстетики; дѣло идетъ о творчествѣ; авторъ (на стр. 42) самъ говорить: «разстояніе между писцомъ, перепиывающимъ рукопись, и писателемъ авторскимъ (т. е. излагающимъ свои идеи мыслями и языкомъ) точно такое, какъ и между рисовальщикомъ, копирующимъ челоѳическую фигуру, и живописцемъ, производящимъ картину»; следовательно, дѣло идетъ не болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, что бы

дать правду, какъ производимъ картину! Но кто беретъ на чертъ иррациональ, какъ считать картину, и какъ даетъ ли тотъ въ ту же минуту, какъ раи господствовала во время ея и нѣкогдахъ словесности; подл. иррационали и иррационали. Эта наука, какъ считать исторію; разнѣ, какъ и проч. Теперь судя объ этомъ, какъ извѣстна; мы ограничимся тѣмъ, что поставили въ эту книгу, какъ правило; уразумѣнію котораго и дѣлать и правленію творческой фантазіи писателя. Теперь остается стараться какъ несколько чрезвычайнѣе, общимиъ способами, предоставленіемъ мыслямъ развиться самой, по законамъ гармоніи, ея собственною, ибо иначе она не есть эстетическая мысль; и отсутствіе творчеств. мовіи въ созданіи, въ чѳомъ, какъ и стихахъ, показывать отсутствіе таланта въ писателѣ. Не только то же должно быть и во всехъ другихъ искусствахъ, которыя всѣ служатъ одной цѣли. Эстетика, постановивъ общія правила, старается только образовать вкусъ, следовательно, въ творчествѣ стихахъ можетъ и должна ограничиться одними отрицательными соображеніями; положительныя правила она должна навсегда отказаться; она должна отказывать, на-прим., относительно формы художественнаго произведенія, что форма должна соответствовать содержанию, но я это будетъ лишнее; но если есть хорошее содержаніе, и форма будетъ хороша. Точно такъ, какъ и въ искусствѣ, гдѣ бы вы сказали — хорошая форма, но безъ содержанія. Художественная мысль не можетъ быть хороша, какъ въ формѣ; художественная мысль есть Минерва, родившаяся изъ головы Юпитера въ моментъ творчеств. женія. Разлагать на части художественныя произведенія невозможно; форма можетъ быть только, какъ и мысль; каждая мысль имѣетъ свою форму... Впрочемъ, теперь это не такъ извѣстны; доказывать тутъ нечего, и воспоминанію о похвалѣ творчѣ и иррационали.

лько при чтеніи въ которыхъ страницъ «Курса Рисованія», гдѣ авторъ, говоря о сочиненіи картины, трагуетъ точно какъ будто бы дѣло шло о приемахъ несвободнаго искусства. Не отбрось въ намъ дѣтскія уячя проки въ такомъ родѣ: «дрожде, надели художникъ будетъ рисовать эскизъ своей картины, онъ мысленно долженъ расположить въ ней фигуры, т. е. назначить сообразно сюжету фигуры отдѣльными, въ связи или въ большихъ группахъ, а не искать ихъ карандашемъ въ рукахъ, не обдумавъ предварительно». Это такъ; художникъ принимается за дѣло только тогда, когда въ головѣ его есть мысль, и дѣлая картину изъ краскахъ, съ блѣдыми и дамными цѣтнами и счастливо передомленной складкой, съ темной или свѣтлой фигурой, и пр. Если въ беретъ карандашъ, то старается только изобразить въ эскизѣ уже полную, готовую въ его воображеніи картину, какъ писатель, принимающійся за перо съ мыслью въ головѣ, а не прого отъ-того, что захотѣлось написать гниши, все равно какіе, только бы писаны смичковъ. Но зачѣмъ же поетъ, послѣ строкъ, приведенныхъ выше, мы встрѣчаемъ слѣдующія мѣста: художникъ остановившійся на очерканіи своей картины, можетъ на нѣсколькихъ эскизахъ услышать различное освѣщеніе и избрать то, которое выгоднѣе?..» (стр. 52). Или зачѣмъ го: «полезно даже нѣсколько своихъ эскизовъ раскрасить и избрать изъ нихъ наиболѣе-удовлетворительный». Что жъ изъ этого должно вывести?.. Выводъ хуже тѣхъ выводовъ, которые доставляла риторика... А именно: художникъ прежде всего долженъ въобразить картину, во съ голыми фигурами, и начертить ихъ; потомъ одѣтъ; потомъ попробовать освѣтить, да въ нѣсколько приемовъ, какъ выйдетъ лучше; потомъ раскрасить, одѣтъ сперва въ одинъ цвѣтъ; потомъ посмотреть, лучше ли другой, вмѣсто голубаго красныи, потомъ желтый и такъ-далѣе, и такъ лучше... Риторика, совершенная

риторика!!... Мы смѣло утверждаемъ: на всѣхъ нашихъ талантливыхъ живописцевъ—представляются ли имъ ихъ картины въ такой послѣдственности? Неужели «Послѣдній День Помощи», изображенная Брюлову однимъ очеркомъ, безъ красной лавы волкана, безъ блѣдно-беленой молнии, безъ развѣваемыхъ метромъ тканей голубыкъ, желтыкъ, безъ этихъ темныхъ фигуръ, безъ другихъ облитыхъ величкою молнией? Мы не говоримъ, чтобы вся картина, какъ она есть теперь, такъ и была въ первомъ начертаніи, но утверены, что всѣ элементы ея въ немъ были, а относительное положеніе фигуръ, разумѣется, измѣнилось въ каждомъ новомъ эскизѣ, и драма развѣгивалась болѣе и болѣе... Наме замѣчаніе намъ кажется очень важно: пора искребить всѣ слѣды схоластики въ свободныхъ искусствахъ, которые отъ-рода, дѣло, боданы искусства, что вѣчны и въ скрываются въ глубинахъ нашего духа; — слѣдовательно и въ видѣ, самихъ; а не въ кодексѣ вѣщныхъ драматическихъ. Они допускаютъ только воготическій принципъ, а не регулы риторики. Не въ господствѣ ли, наконецъ, этой риторики скрывается причина, отъ-наго въ ученическихъ картинахъ видѣмъ только встрѣчать натурщица, драшировку съ обычными складками, — мерзую гримасу, засохшую на манчентѣ, холодное, жалкое освѣщеніе и отсутствіе всего того, что часто выкупаютъ и шефъ-вильность рисунка и другіе промахи. — отсутствіе мысли, тѣло, чуждого, и вообще этой кажущейся случайности въ положеніяхъ, выраженіяхъ лица, въ складкахъ, въ одолчностяхъ, что характеризуетъ свободное, созданіе фантазіи, не подавленной чуждой риторическими правилами?

Намъ кажется даже, что авторъ «Курса Рисованія», какъ человекъ съ тонкимъ вкусомъ, самъ чувствуетъ, что, составляя главу о сочиненіи картинъ, онъ послѣдовалъ ругань, и отъ-того часто находится въ затрудненіи, особенно когда ищетъ сказать что-нибудь положительное. И что же, въ-самомъ-

рессоръ скажетъ вамъ, что оно умственное поступаніе души отъ предмета къ предмету? Не думайте, бѣ за такими опредѣленіями съядо другое, болѣе ясное: Вотъ что дуетъ на воображеніи образомъ: Изъ этого понятія о умственномъ слѣдствіи, что нелзя извлечь вдругъ обо гъ, и проч. (Стр. 8.)

такими опредѣленіями усильнѣ О гъ г. Михеича. Но, повторяемъ, ово свойство всѣхъ школьныхъ рудствъ къ логикѣ.

11) ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ. *Империбургъ. Въ тѣхъ совоин-учеб- нъ заведеніяхъ 1847. Въ 8-мъ д. л. 460 р.*

Взгляне на эту книгу ясно говорить о назначеніи: дать малолѣтнимъ дѣ- тямъ чтеніе, первое, въ которомъ будутъ и упражненія. Конечно, можно сделать еще такую угодно книгу: и будутъ читать ее, и, можетъ быть, изъ не мало пойдутъ, какъ и всякую угу. Но если дѣти сматало и впе- чтливо, то несообразная съ пони- ми ея книга можетъ только сбить о съ толка, или поселить въ немъ жвы понятія, что едва ли не хуже. ола не только предупредить такіа слѣдствія, но и слѣвать самое пер- о чтеніе средствомъ умственного раз- тія ребенка, просвѣщенные педаго- гадана заботили составить книж- собственно для первоначальнаго ченія дѣтей, гдѣ все было бы для ихъ понятно, передавалось яснымъ, остымъ языкомъ, съ соблюденіемъ необходимой постепенности въ описа- ната. Каждый предметъ долженъ ть туу упоминаемъ съ объяснені- гъ, в только объясненные предметы гутъ быть упомянуты амаже безъ блененій, но съ объясненіемъ еще необходимаго правила — переходить къ простымъ предметамъ и понятіямъ къ простымъ.

На русскомъ языкѣ было уже до- олько попытокъ составить такую кни- у; но, видно, это не такъ легко, пото- у что до сихъ поръ мало книгъ для Т. III. — Отд. VI.

первоначальнаго чтенія удачно-со- ставленныхъ. Изданная нынѣ при- надлежитъ также къ попыткамъ не совсѣмъ-удачнымъ. Съ самой первой страницы начинается описаніе пред- метовъ, вовсе непонятныхъ дѣтямъ, принимающимся за первую для нихъ книгу. Тутъ говорится о *сочинителехъ*, о *типографіяхъ*, о *печатаніи книгъ*, и очень можетъ быть, что нное дѣтя, ви- давшее, какъ запечатываютъ письмо, подумаетъ, что и книги *печатаютъ* такъ же: терминъ не объясненъ ему, да и невозможно объяснить его ребен- ку. Далѣе идетъ какая-то сказочка, гдѣ читаемъ: «Машенька была дочь богатыхъ родителей, и отъ того могла пользоваться такими удовольствіями, которыхъ не имѣли другія дѣтя.» А отъ-чего же она могла? спроситъ дѣтя. Да отъ-того, что родители ея были богаты. А дѣтя устанетъ на дѣся свои глазаши, потому-что слово: *богаты* превышаетъ его понятія. Если же она имѣетъ понятія о такихъ удовольствіяхъ для дѣтей предметовъ, то назначе- ния будетъ ему скучна. Иъ-тому же, въ распредѣленіи предметовъ въ гдѣтъ никакой постепенности. Встрѣчаются также свѣдѣнія довольно-забавныя, на- примѣръ: «Вообще нѣтъ дѣтей съ ку- старниковъ, равно какъ и нѣтъ дѣтей съ медомъ, верять съ сахаромъ или съ медомъ прекраснаа ервела» (стр. 32).

На нѣмецкомъ языкѣ есть очень хо- рошо составленные книги для перво- начальнаго чтенія, на-примѣръ, книж- ки, издаваемыя Вурстомъ, могутъ де- аваться истинною дѣтскою, аниже- ведіемъ, гдѣ почти всѣ предметы, объ- яснено видныя дѣтямъ, описаны съ удивительною ясностію и последо- вательностію. Почему не попытаться пере- вести книжки Вурста на русскій, раз- умѣется, примѣняя его описанія къ нашему быту?

212) Начальное Руководство къ Изученію Французскаго Языка. Соч. Зейденштюбера, раздѣленное на три курса. Издаиое въ ползу (?) Ру- 7/2

окою множества, обучающаяся Французскому языку. Части I и II. Санкт-петербургъ. Въ тѣх. Карла Крайя. 1847. Въ томъ числѣ 12-ю д. л. IV, 84 и 112 стр. Съ эпиграфомъ: *Il est de l'intérêt des sciences, de rendre le chemin qui y conduit, le plus doux qu'il est possible.* VOLTAIRE.

Можно учиться иностраннымъ языкамъ по разнымъ методамъ, какъ можно лечиться по разнымъ, совершенно-противоположнымъ системамъ. И, видно, выучиваются и вылечиваются самыми удивительными способами! Мы несколько не оспариваемъ ни того, ни другаго; но, читая иногда важныя и даже запальчивыя записки той или другой методы, несколько вспоминаемъ римскихъ авгуровъ, которые, встрѣчаясь, не могли удерживаться отъ смѣха.

Почему не учиться, или, по-крайней-мѣрѣ, не упражняться въ изученіи французскаго языка по методѣ Зейдлерера; за которую до-сихъ-поръ крѣпко держатся Нѣмцы? Но для такого знанія французскаго языка, какое требуется у насъ въ Россіи, нельзя обойтись безъ живой въ немъ практики. Для вступительнаго экзамена въ какое-нибудь училище—иное дѣло.

Почитаемъ нужнымъ прибавить только, что изданныя нынѣ двѣ части Начальнаго Руководства къ Изученію Французскаго Языка не составляютъ еще полнаго курса: будетъ третья часть, и тогда онъ сдѣлается полнымъ. Русскій переводъ его напоминаетъ языкъ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія. На заглавной страницѣ напечатано: Продается у издателя, Санкт-петербургскаго книгопродавца Василья Полякова, въ гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подлѣ № 17. У него жъ, Полякова, продаются какъ вновь вышедшія, такъ и прежде изданныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ. Для учебныхъ заведеній и въ частности (?) дѣлается уступка. Avis au lecteur!

218) Новый и самый легкій способъ въ короткое время научиться ча-

тать по-русски, въ 24 урокахъ, Второе изданіе, безъ перемѣнъ. Москва. Въ университетской тѣх. 1847. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

При первомъ изданіи этого «Способа», мы отдали ему справедливость, сказавъ, что книжка г. Д. Д. вовсе не спекуляція, и что она представляетъ умное исключеніе изъ новыхъ и новейшихъ, легкихъ и легчайшихъ азбукъ. Мнѣніе наше остается и теперь то же: но мы должны прибавить къ нему слѣдующее.

Извѣстны два способа обучать чтенію, двѣ методы азбучныя: буквенная и звуковая. Первая, бывшая во всеобщемъ употребленіи и теперь еще преимущественно употребляемая, выигрываетъ, однакожъ, благоразумными учителями изъ хорошо-организованныхъ школъ, уступая свое мѣсто второй, звуковой. «Способъ» г. Д. Д. принадлежитъ ко второй методѣ, хотя и исполнѣ: это — полумѣра въ преобразованіи и, какъ полумѣра, представляетъ съ одной стороны счастливое улучшеніе, съ другой—недостатки неполнаго нововведенія. Въ настоящее время, когда она тоже полезна, но уже не имѣетъ такого значенія, какое имѣла при первомъ изданіи, послѣ котораго напечатаны, статья Дистервега: О звуковой азбукѣ въ «Библиотекѣ для Воспитанія» и «Основаніи звуковой азбуки» для уѣздныхъ училищъ. Педагогъ, конечно, обратится въ послѣднихъ сочиненіяхъ, хотя прійметъ къ свѣдѣнію и своего рода употребленію «Новый Способъ» г. Д. Д.

214) Генераль Томъ Пусъ и знаменитыя карлы и карлицы. Изданіе Федора Наливкина. Москва. Въ тѣх. Стенда. 1847. Въ 12-ю д. л. 113 стр.

Сокращенный переводъ французской дѣтской книжки: «Le général Tom Pouce et les pains célèbres». Русская книжка отъ такого сокращенія выиграла, потому что въ оригиналѣ въ небольшому дѣлу прибавлено много болтовни, отъ которой и дѣлавать дѣтямъ картинныя азбуки.

едурны. Издавіе красиво, даже ро-
кошно. Дѣти получаютъ наконецъ не
ѣру, оберточную бумагу, а прекрас-
ную желеную и прекрасный четкій
прѣтъ.

215) ПЕТЕРБУРГСКІЙ Сборникъ
ля Дѣтей, изданъ В. Петровымъ и М.
І. Санжолетербури. Въ тип. Минист.
ос. Им. 4847. Въ 16-ю д. л. 282 стр.

Отличительный характеръ «Петер-
бургскаго Сборника для Дѣтей» тотъ,
то онъ только-что изданъ и вовсе не
оставленъ, не редицированъ, не при-
еденъ къ единству цѣли и исполненія.
Тоже на то, какъ-будто бы издатели
рладають особенный смѣслъ словамъ
для дѣтей», омыслъ такого рода:
какъ-вакъ дѣти народъ неразумный и
елій, яопелее и много думать о томъ,
то нмъ дается, что найдется, тѣмъ и
удутъ сдѣла. Иначе трудно объяс-
нть себѣ разительное несходство ста-
ей, помѣщеныхъ въ «Сборникъ», не-
тодство въ духѣ, въ цѣли, въ обра-
отнѣ и даже въ грамматическихъ пра-
лахъ. Колибъ «Сборникъ» этотъ дѣй-
вительно подвергнутъ былъ чьей-ни-
удь редакціи, могли ли бы войти въ
его, на-примѣръ, первыя двѣ статьи:
Олегъ Вѣщій» и «Бѣлая Мышка»? Но
дао вамъ сказать, что такое «Олегъ
вщій» и «Бѣлая Мышка».

«Олегъ Вѣщій» — это все то же пре-
звѣще, изъ котораго слѣдуетъ — для
отей — что надо вѣрить колдунамъ.
рохъ этого, право, вѣчего нмъ заклю-
нть изъ «сказанія русскаго дѣтониса-
а, какъ назвалъ свое произведеніе г.
п. Григорьевъ, развѣ еще то, что сти-
шъ называются вотъ какія строчки:
И велика земля наша, да нѣтъ...

ив:
Не страшна могучій имъ воды, ни огия;
Не страшна меча и конья,

А страшна своего ратнаго коня,
ив:

Любнаго коня оставляю...

«Бѣлая Мышка», рассказъ Гежези-
Моро, еще хуже: тутъ исторія
ѣлана съ волшебной сказкой, и дѣ-
мъ, по прочтеніи статейки, остается
лючить, что въ исторіи дѣйствуютъ

не одни обыкновенные люди, но и во-
шебники. Замѣчательно, что со сторо-
ны автора этой исторіи употреблены
всѣ средства увѣрить ребятъ въ дѣй-
ствительномъ существованіи сказоч-
ныхъ лицъ. Похвальное стремленіе!

За «Бѣлой Мышкой» слѣдуетъ по-
вѣсть «Сирота»: она написана просто
съ хорошею мыслію. Нельзя не подхва-
лить также содержанія статей: «Семей-
ство Ссыльнаго» и «Явленія природы
на островѣ Тиморѣ». Тутъ нѣтъ ни
волшебства, ни морали, ни семинар-
скаго краснорѣчія, а есть очень-любо-
пытныя описанія острововъ новаго
свѣта. Жаль только, что свѣдѣнія,
злѣсь сообщаемыя, очень-отрывочны.
Гораздо-полезнѣе помѣщать въ дѣт-
скихъ книгахъ такія статьи, какъ «Пче-
лы» (стр. 231 — 264), живое и полное
описаніе цѣлаго класса животныхъ.
Вообще, это лучшая статья «Сборни-
ка» и по мысли и по исполненію.

Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть
о статьѣ «Михайло Васильевичъ Ломо-
носовъ». Еслибъ «Сборникъ» былъ
сплошь набитъ такими статьями, мож-
но было бы подумать, что онъ изданъ
не для дѣтей, а для семинаристовъ: въ
«Ломоносовѣ» встрѣчаются вотъ какія
вещи:

«Всѣ мы, въ молодости, умеченимы
какою нибудь страстью или силою чувствъ
нашихъ, съ презрѣніемъ смотримъ на
ежедневную жизнь, называемъ ее прозой,
и думаемъ только о поэзи, но когда го-
рячка молодости утихаетъ, всѣ мы рас-
каиваемся, что не умѣли и не старались
мирить поэзи съ дѣйствительностью:
Такъ уже устроено наше общество, что
поэзи и дѣйствительность въ немъ не
уживаются, и намъ остается, либо согла-
соваться съ привычками общества и жить,
если не счастливо, то по крайней мѣрѣ
покойно, либо воевать съ этими привыч-
ками, и жить въ вѣчномъ волненіи, хотя
и встрѣчаться иногда съ счастьемъ.» (стр.
178).

Конечно, это писано по-дѣтски, да
все-таки не для дѣтей.

216) Начатки Словесности или
начертаніе первыхъ самоучилищныхъ,
правилъ грамматики, риторики и лог-

шаману; 5) способных отправлять за границу; 6) заключать съ мастерами контракты, въ которыхъ строго обозначались бы обязанности хозяина въ отношеніи къ ученику. — Къ сожалѣнію, г. Резановъ вовсе не коснулся практической возможности исполненія всѣхъ этихъ совѣтовъ.

Къ брошюрѣ приложены *Чертежи экономической кройки мундировъ, куртокъ и брюкъ для османликовъ*.

О слогѣ г. Резанова мы не говоримъ ничего: онъ самъ проситъ не смотрѣть на него съ этой стороны.

220) *Руководство къ познанію лошади по наружному и внутреннему, составленное по лучшимъ источникамъ артиллерійскимъ офицеромъ. Съ приложеніемъ 149 полезительныхъ полихромныхъ рисунковъ. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 200 стр.*

Нельзя не уважать людей, искренно преданныхъ одному какому-нибудь полезному занятію: ихъ любовь къ нему, иногда переходящая въ страсть — залогъ успѣховъ въ этомъ занятіи. Мы не беремся судить о достоинствахъ «Руководства къ познанію лошади», но не можемъ не удивляться множеству собранныхъ въ ней свѣдѣній, которыя составляютъ цѣлый курсъ — что бы вы думали? только ушьяя *осматривая лошадей*. Кажется, тутъ ничего нельзя было бы прибавить; но любознательный авторъ еще не доволенъ собою и говоритъ:

«По врожденной мнѣ страсти къ лошадямъ, началъ я рано изучать ихъ, и въ дѣтствѣ не зналъ лучшаго удовольствія, какъ видѣть лошадей и слышать замѣчанія знатоковъ, и съ того времени многое осталось въ памяти, что впоследствии очень пригодилось. Вступивши въ военную службу, я въ продолженіи 15-ти лѣтъ имѣлъ случай приобрѣтать свѣдѣнія теоретическія и особенно практическія о лошадяхъ, и пользовался этимъ случаемъ съ постояннымъ рвеніемъ и, кажется, не тщетно... Вскорѣ однако я убѣдился, что для полноты такого оцнненія силъ моихъ недостаетъ; но замѣтیا меня привле-

кали, и чтобы была въ состояніи считать свой приличный трудъ, я прибѣгаю къ извѣстнѣйшимъ сочиненіямъ по этой части, и при помощи ихъ конзультую то е.»

Автору помогали сочиненіями свѣдѣніи и Окенъ, и Баумейстеръ, и Эршль, и Груберъ съ своею ученою «Энциклопедіею». Самый эпиграфъ для своей книги взялъ онъ изъ Окена, который восклицаетъ: «Что былъ бы человекъ безъ лошадей!». Совершенно справедливо.

221) *Опытный Бухгалтеръ, или лучшій способъ научиться бухгалтеріи въ короткое время, безъ помощи бухгалтера (?). Съ приложеніемъ обратныхъ книгъ и словаря употребительнѣйшихъ словъ. Составилъ бухгалтеръ Боккъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Шерла Крайя. 1847. Въ 16-ю д. л. 94 стр.*

Общій недостатокъ всѣхъ печатныхъ *Бухгалтеровъ*, такъ же какъ всѣхъ *Поварихъ* и *Стрелковъ*, что, безъ нихъ можно получить только дѣлоторыя понятія объ описываемыхъ предметахъ, но безъ практики нельзя научиться ни бухгалтеріи, ни поварскому мастерству. Впрочемъ, не велика бѣда, если блинъ или пирогъ выйдетъ комомъ; но очень-важное дѣло, если кто, не имѣя свѣдѣній въ бухгалтеріи, прочтаетъ какую-нибудь книжку объ этомъ предметѣ и вообразитъ себя бухгалтеромъ: онъ можетъ быть причиной несчастія для себя и для другихъ. Вотъ въ какомъ отношеніи мы не согласны съ заглавіемъ книги г. Бокка, который, однакожъ, наложилъ своей практикѣ довольно-ясно, хотя и очень кратко.

222) *Старинная Пословица левѣе не сломится, или опытная основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія. Въ двухъ частяхъ. Худковъ. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 68 стр.*

При чтеніи этого «мудрословія», прежде всего поражаетъ то, что авторъ его самъ написалъ рецензію своему сочиненію и высчитываетъ ее такъ

главнѣе: «Продолженіе». Вотъ эта цѣнность отъ слова да слова:

«Старинная пословица со стѣкъ не слѣпится, какъ *вѣнчикъ основанія самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, есть обраніе Русскихъ пословицъ, поговорокъ, реченій, изреченій, прибаутокъ, пріговоровъ ума, самыхъ мотивовъ мысли и багатурства, расположенное въ видѣ подлаго изложенія одной великой мысли (духа Народнаго, такъ что представляетъ олицетвленіе Самобытнаго Философіи Русскаго Народна. — Часть I, *Быль не быль*, какъ не сказка, а сущая правда, или *мыслька на намѣтѣ дѣйствіи о самобытномъ развитіи Русскаго Духа*, представляетъ исторію этого развитія вѣстѣ въ ходомъ государственныхъ провѣщаній. Часть II, *Наиманьякъ осемичужини, да Золотой Самородокъ Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, представляетъ самую Науку Философіи Русскаго Народна.

«Во всемъ изложеніи нѣтъ ничего истиннаго, кромѣ олицетворенія, въ первой части, Духа Націи, Россіи, Закона нарицательнаго имени Царя, — все прочее, въ обихъ частяхъ, содержаніе и выраженіе, отъ перваго до послѣдняго слова, зато непосредственно изъ оригинальнаго Русскаго толка — даннаго всему смысловому народомъ. Это совершенно особенный родъ Словесности, — сочиненіе не истиннаго человѣка, а цѣлой націи, на языкѣ пословицъ, — это не проза, и не стихи; но если угодно, это сборникъ для ученнаго, поэзія для народа, — исторія Русскаго Духа, — Наука нравственности и праваго смысла, шутка въ литературѣ; все это весьма далеко отъ совершенства по исполненію, и не болѣе, какъ попытка: *по попытка не пытка, спросъ не быда.*»

Въ первой части, называющейся *Быль не быль*, выведенъ на сцену *Духъ Россіи*, рассказывающій ея исторію не то прозой, не то стихами. Вотъ обращеніе этого разсказа:

«Но какъ у голубушки моей, у Россіи Государевны Православной, урожденной Цѣлебосольной, ворота не на запорѣ и двѣри всѣ настежь для званыхъ и незваныхъ, своихъ и иностранныхъ; кто захочетъ въ намѣ нежалованъ, изволь на хлѣбъ на хлѣбъ, какъ на заговѣннѣ; а я все такъ предпримавалъ: то и подѣлалъ къ намѣ приказъ всѣмъ, прикатили незваные

гости, и умѣ, и Чолыши, и Шивады и Самозванцы; а не въ время гость хуже лихаго Татарина. Что дѣлать? Гдѣ умѣ не хватить, спроси разума. Не дала мнѣ сволочь выспаться, не дала же и я ей пображничать, въ чужихъ дѣлахъ умничать, въ чужомъ огородѣ капусту сидить. Я *ѣду—ѣду*, не свещу, а умѣ *нѣду—не спущу*, знай нашихъ!

«Мы не дѣлаемъ зачину, и гостей принимаемъ по члѣду; разбираемъ всаду причину; гдѣ темно, зажигаемъ лучину. Намъ всегда досужно: берите, ребята, дружокъ! Угощать гостей, чѣмъ Богъ послалъ, баню имъ пожарче истопить, да спать уложить! — Богъ далъ, справились. По милости боярской, самъ по себѣ Пожарской пугувъ Польскаго предводителя Струса, такъ что всѣ Поляки отрусили и трусу правдовавали: *крѣпка рать возведою. Самозванецъ попался какъ куръ въ ши, А Марина его?—танцуй, душа, безъ кунтуша, ищи пана безъ жунаша!* (Стр. 25 — 26.)

Для кого это писано — трудно рѣшить. Чтобъ понимать аллегоріи автора, надо знать главные событія русской исторіи: слѣдовательно, онъ писалъ не для круглыхъ невѣждъ. Въ такомъ случаѣ, не придумаешь, кому же изъ образованныхъ людей охота читать такія вещи?

Вторая часть гораздо интереснѣе: это сборъ русскихъ пословицъ, классифицированныхъ по содержанію на слѣдующіе отдѣлы: 1) *Слово*, 2) *Миръ-Природа* — *Святъ Божій*, 3) *Богъ*, 4) *Человѣкъ*, 5) *Чувство*, 6) *Умъ*, 7) *Совѣтъ*, 8) *Льгота*, 9) *Истина*, 10) *Благо*, 11) *Искусство*, 12) *Наука*, и 13) *Жизнь*.

Между пословицами, собранными въ этой части, много такихъ, которыя слишкомъ-мало говорятъ въ пользу самобытнаго русской философіи, какъ, напр., слѣдующія: «*Аптека убавитъ ежа*» (стр. 64); «*Если есть алба край, такъ и подѣ елю рай; а пока до аманаса, довольны будьте ковшамъ неаса*» (65); «*Что грозно, то и честно*» (48); «*Кому Богъ дастъ сыновей, не льются учи ихъ и ней*» (61), и т. д. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобъ авторъ приписывалъ прибран-

Въ живомъ порывѣ шлепая
 Въ предѣлы Франціи вошелъ
 Съ мечемъ опустошени;
 Хвалася Атрамантъ, что онъ,
 Возсталъ на Карлмантъ

Ометать на гнѣвъ Трапалъ
 Вотъ ужъ второй переводъ у насъ
 (онъ Жуковъ въ минувшемъ году, да,
 видно, болѣе жалко еще перевода хо-
 шаго).

224) ПОХОЖДЕНІИ МАРСЕЛЬСКАГО
 ОХОТНИКА. *Повесть* Александра Дю-
 ма, в Язы Ревности. *Повесть* Альта-
 она. *Переводы* В. М. Строева. Санкт-
 Петербургъ. Въ тип. А. А. Плюшара.
 847. Дов. част. Въ 16-ю д. л. 151 и
 47 стр.

225) КОРЕМАНСКОЕ СЕМЕЙСТВО.
Роман Александра Дюма, в Елена.
Исторія оперной ложки. Повесть барона
 Базилура. *Переводы* В. М. Строева.
 Санкт-Петербургъ. Въ тип. А. А. Плю-
 шара. 1847. Дов. част. Въ 16-ю д. л.
 44 и 432 стр.

Эти четыре маленькія обрѣтены кни-
 точки не что иное, какъ продолженіе
 известной Карманной Библіотеки. Из-
 вѣтели ея видимо стараются исполнять
 свое предпріятіе добросовѣстно. Пере-
 оды повѣстей и романовъ, помѣщае-
 ны въ Карманной Библіотекѣ, ста-
 ются почти всѣ хороши. Жаль, что
 ты не можешь похвалить выбора.
 Правда, всѣ эти романы и повѣсти
 ютѣ или менѣе произведенія совре-
 менной литературы, — произведенія, о
 которыхъ много говорится при ихъ со-
 зданіи, но видъ на то про нихъ скоро
 забываютъ. Такова участь всѣхъ эф-
 фективныхъ изданій въ бѣллетристи-
 ческомъ мірѣ. Это метеоры, не пора-
 жаютъ насъ глубоко, но вливаютъ на
 минуту правдую теплу, которая такъ
 престоудно вѣрять въ достоинство
 всего печатаемаго.

Въ болѣе случаевъ, подобномъ Кар-
 манной Библіотекѣ, могли бы, намере-
 ся, отыскать что-нибудь получше той
 пустой болтовни, котораго вышечка
 четыре книжечки, названныя выше.
 Содержаніе двухъ романовъ Дюма, не
 принесло бы болѣе выгоды даже и
 новичка на литературномъ поприщѣ.
 Язы Ревности г. Альтаоны и Еле-
 на барона Базилура тоже принадле-
 жать къ числу повѣстей, которыя едва-
 ли стоить быть переведенными. Да и
 зачѣмъ, притомъ, переводить то, что
 уже известно читающему міру? Не пе-
 реводами въ періодическомъ изданіи
 лтъ? Такъ, на прил. Корсикаское
 Семейство уже было напечатано въ
 Москвитинѣ; Елена, или исторія
 оперной ложки, тоже помѣщена была
 въ одномъ изъ журналовъ, и в При-
 ключеніи Марсельскаго Охотника, та-
 жетоя, уже имѣе вышечку. На чѣму же
 было снова подымать все это на ноги?

226) ГЛАВНЫЕ КОРОЛЕВСКИЕ АГРО-
 ВАТЫ. *Прокисветія времени Людовика*
Пятнадцатаго. Сказки Петербурга. Въ
 тип. К. Край. 1847. Въ 8-ю д. л. 477
 стр.

Это — отдѣльный выпускъ пер-
 вода, напечатаннаго недавно въ одной
 изъ петербургскихъ журналовъ. Въ
 содержаніи Королевскихъ Агроба-
 товъ. Москѣ Дюкомъ, прекраснѣйшій
 молодой человѣкъ, со всѣми престо-
 ходными качествами, какія подобаетъ
 имѣть герою повѣсти, влюбленъ въ
 одну не менѣе его прекрасную женщи-
 ну, маркизу Фланкуръ. Этотъ моло-
 дой человѣкъ — королевскій агробатъ,
 по-просту канцелярскій писецъ. Глав-
 ный писецъ — и маркиза! Съ великою
 заглава, покуда, что несчастный
 умреть съ тоски отъ неразделанной
 любви, или поступить еще глубже —
 просто вложитъ на себя руку. Но ав-
 торъ не такъ простъ: онъ мастеръ сво-
 его дѣла. Онъ сдѣлалъ то, что маркиза
 свихнула до самаго агробата, съ ко-
 торымъ даже простой солдатъ счита-
 етъ за безчестіе вѣрять. Маркиза ну-
 жень искатель: Мужъ ея, гнѣ Флан-

курт, большой золотой, обвешивает добродетельную супругу, взводит ее мелочливой тащипщицей, и удивляет жену, что она знает государственные дела. Постойте же, г. Фавинур! думает маркиза: я омышу вам. У вас есть любовница - тащипщица, а вы сами себе в любовники канатного плетуня. Вот причина, по которой маркиза свеночла до королевского акробата, или, если хотите, только возвысила его до себя, что, впрочем, одно и то же. Но г. Дюпон человек самодовольный. Он хочет, во что бы то ни стало, одышать достоянием любви маркизы, обращается к мадам Дюбарри, подруге короля. Добрая графиня сейчас же беретса помочь ядлому нещит: вдь ей все возмашно! Черезъ день, Дюпону уже поручают первого изъ гвардейскихъ помкомъ. Онъ носитъ единичный малиновый мундиръ и крайне рассчитывает на него. Онъ увѣренъ, что поправится еще болѣе предестной маркизѣ. Дѣло, однакожъ, принимается совсѣмъ другой оборотъ: прекрасная аристократка и сморгать не хочеть на выскочку-ошцера. Дюпон въ отчаянн. Онъ видитъ, какъ маркиза страстно поглядывает на длинноногого Англичанина, который завалъ мѣсто Дюпон на канатѣ. Въ бытность герой нашъ бросается на сцену, сталкивает съ каната Англичанина и въ гвардейскомъ мундирѣ начинаетъ выдѣлывать на. Толпа рукоплещетъ: она узнала своего прежняго любимца. Маркиза тоже въ восторгѣ. Но не такъ думаютъ товарищи Дюпон по полку. Они совѣтууютъ ему выйти въ отставку. Что жъ? Дюпону очень радъ. Онъ разочарованъ въ маркизѣ и узналъ, что въ него страстно влюблена воспитанница директора труны канатная плетунья. Бѣднужка умираетъ отъ любви. Дюпон, добрый отъ природы и притомъ же неравнодушный къ престланъ больной, предлагаетъ ей свою руку. Вы думаете, что тутъ и конешъ дѣлу? Нѣтъ еще; маркиза вьдется въ уборную плетуня, удивляетъ, что добротъ до бедуна его,

канатное плетуня, а не гвардейскимъ солдату. Дюпонъ такой умный, онъ догадъ смекнулъ, что тутъ что-нибудь да не даромъ; однакожъ, плавалъ, что теперь, въ свою очередь, онъ полюбилъ маркизы. Маркиза въ отчаянн выбѣгаетъ изъ уборной и повалится прямо на мужа. Она осрамлена. Черезъ нѣсколько времени, Дюпон тащипал на канатъ, толпа рукоплещала. Вдругъ канатъ лопнулъ, и прекрасной плетуня разбилась въдребези. Рассказываютъ, что канатъ подрыванъ какой-то человекъ въ черномъ платьѣ; прибавляютъ, что съ нимъ была некая женщина тоже не въ черномъ. Но маркиза лизъ. Авторъ догадываетъ что-то удовольствіе угадывать.

Какъ видите, помѣсть плоховата; революцъ тоже не уступать величину.

227) Брюссельскія Тайны. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Б. Жермакова. 1847. Въ 8-мъ д. л. 110, 80, 70 и 76 стр.

Этотъ романъ можетъ прибавить еще одно доказательство къ тому, что такое подражаніе, къ какому бы то ни было искусству, всегда карриатура. Возьмите любую отрасль искусства, начиная съ самой высокой еро науки, на-примѣръ, съ великаго въ словесной литературѣ, или съ великаго въ живописныхъ формахъ — въ живописи, въ скульптурѣ, символизите да востановите степеней его, до тѣхъ, если можно такъ выразитиса, ремесло-искусствъ, которыя держатъ признавать на себѣ высокое званіе искусства, — снзвѣдѣе до ремесла корняго, сапожничъ, и увидите, что вообразитель домыслъ останется только просидѣть ремесленникомъ. Никогда не выйдетъ, онъ не можетъ изобрѣдательности, и произведеніе доухныхъ рукъ его, если онъ будетъ бойко возвышаться надъ дверью общественной жизни, или, если онъ артистъ-портретной, правдою охватитъ толпу, какъ рыбка, когда лодкаа адроническаго сдѣлается, когда толпа задумается, въ воскресный день, погулять по Парку

ствъ иду, купилъ на Крестовомъ.
То какое случилось и съ авторомъ
Бродячихъ Тайнъ.
Усобищъ Парикмахъ Тайнъ: глас
и породилъ множество подражаній.
казалось, что европейскія стилины
и чужды тайнъ, что и въ нихъ слыш
и много много,
что и не слылось нашимъ мудрецамъ.

отъ Лондонъ, Берлинъ, Вѣна, Сток
гольмъ, Брюссель и множество дру
гихъ столицъ и городовъ разнаго раз
бра и различныхъ характеровъ пред
метовъ одинъ за другимъ свои тайны,
были снѣтъ тонкихъ закоулкахъ,
онъ гримаски, сморщивъ похваловъ,
прятальнички миллицъ бѣлѣйшей
и отъ своего населенія.

Чья? вы думаете, что въ этихъ
иныхъ вы увидите характеръ, отли
чительны стороны каждой страны,
иной представителямъ избрана ея
обща? Вы думаете, что познакомит
съ особенностями нации? Воссе
тъ. Кромѣ разнообразія въ названія
ищъ, чертулокъ, площадей и церк
въ, которые служатъ истомъ дѣйств
и вероянъ, разыгрывающамъ какую
ищъ, правую, грязную драму, въ
ищъ, ахъ! изъ этихъ романовъ
собира, все лица на одинъ покрей,
рисовать, или, лучше, напалеваны по
ищъ, герцога и. Сб. Сейчасъ видно,
и шарканья и ребята придержи
вать текста «Парикмахъ Тайнъ».
ищъ, не отваливъ пречихъ.
ищъ, ахъ не поврнулось даже воло
ищъ, толкы ищъ, содержаніемъ. Со
ищъ, «Брюссельскія Тайнъ» не
ищъ, не было быть рассказано. Объ
ищъ, Тайнъ» можно сказать, какъ
ищъ, въ паспортахъ дверовыхъ
ищъ, а «собира, всѣхъ по волѣ колд
ищъ, что отъ собиравъ пригнѣтъ не
ищъ, даже переводъ плохъ, но
ищъ, ищъ;

28) Дядюшка кашикъ мало, или
скажишь ея клопотавъ. Парисъ-сод
ищъ, ея ея ея ея ея. Сочин. П. Та
ищъ, ея ея ея ея ея. Въ ищъ.

Карл. Край. 1867. В. 16. 1. 1. 1. 1.
сир. . . . .
У Владиміра Петровича Живички
есть дядюшка Артамохъ Матфеичъ,
Бандушикъ, который любитъ, да и
отецъ родной, поѣсу-племянникъ Вла
диміръ Петровичъ очень хорошо зна
еть это, и потому учить не въ свою
голову, нагласъ на туго-небѣтый по
шелекъ дяди. Поѣсу даме задумавъ
жениться на ищъ, Надеждѣ Воспа
савѣ Зорной.

Племянничекъ, надѣвшись денегъ, не
можетъ дожидаться денегъ, отъ дяди.
Ему приходится плохо, потому что
портной Шишморинъ, да не(?)ищъ
Гринъ (такъ назывался его Владиміръ
Петровичъ) не даютъ покоя бѣдному
Живичку. Но какъ онъ Живичикъ, что
можно заключить и ищъ самого его
ищъ, то, въ ожиданіи денегъ, онъ
распѣваетъ слѣдующіе куплеты:

Деньги важную играютъ
Роль на селѣ межъ людей:
Ищъ за денегъ всѣ страдаютъ,
Исключая богатей.

Будь богатъ — вездѣ почтенье
Тебѣ ессликъ ищъ,
И недрать въ домъ рожденья
Всякъ за счастье почтеть.

Бѣднякъ жъ вездѣ ругаютъ,
Господи съ нимъ какъ-какъ
И съ презрѣніемъ толкуютъ,
Господи: ещъ онъ дуракъ!

Не правда ли, какъ это остроумно!
Впрочемъ, Живичку иначе и не подоба
еть пѣть: вѣдь онъ бѣднякъ, а бѣднякъ
что такое? — Вспомните на послѣдній
стихъ куплетовъ...

Пока Владиміръ Петровичъ такъ рас
пѣваетъ, кредиторы ядятся къ не
му и пугаютъ молодца полиціей.

Ищъ знакомъ злѣсь надиратель.
Васъ заставать заплатитъ.

поетъ Шишморинъ;
Мой пойдеть за шасовой!

поетъ Гринъ. И въ самомъ дѣлѣ, оба
кредитора отираются дула изда
еть. Скорѣ Гринъ возвращался съ бу

ной *Бонды*, много илюстрированных, изъ которыхъ два очень-важнѣтельными по сюжету: это «Курение табака» и «Неквала выкательному табачу». Но, вѣроятно, читателямъ будетъ интересно ознакомиться порочее съ самимъ г. Гейнницемъ. Постараемся удовлетворить любопытство это нѣкоторыми фактами, разбросанными въ самой книгѣ и на оберткѣ ея.

Во-первыхъ, изъ книги узнаете вы, что г. Гейнницъ вѣрнѣ въ принципиальный смыслъ словъ. Да и какъ не вѣрнѣ! Въ бытность его въ Гейдельбергѣ, явилась ему во снѣ старуха и объявила, чтобъ онъ шелъ въ развалины Гейдельбергскаго-Занка: тамъ-де лежитъ чернѣйшій камень, а подлѣтънѣ чернѣея каменью похотѣтъ 100 рейхстаалеровъ; г. Гейнницъ послушался старухи: пошелъ и нашелъ, дѣйствительно, 100 рейхстаалеровъ. Вотъ всѣ свѣдѣнiя о г. Гейнницѣ, которыя доставляетъ намъ книга его. Обертка, въ этомъ отношенiи, гораздо-точнѣе. Изъ нея узнаете вы:

Во-первыхъ, что г. Гейнницъ уже подарилъ публичну сѣдующимъ книгамъ на нѣмецкомъ языкѣ:

• *Вопросы и Ответы. Разнообразная игра изъ 86 картъ на нѣмецкомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ*;

• *Всѣ книги Цвѣты. Собрание интересныхъ рассказовъ, стихотворенiй, анекдотовъ, сентенцiй и шарадъ* и проч.

Во-вторыхъ, что г. Гейнницъ собирается надать въ свѣтъ много произведенiй, изъ которыхъ особенно примѣчательны — *Песни*; объ этомъ произведенiи авторъ останавливается такъ:

«Песни — содержанiе горшка, небольшого сѣдующими носами, но стѣна моего:

«Стихотворенiя — собранiе гордытъ и совъ!

«Новеллы — обыкновенныя новеллы!

«Нисья — мифическыя новеллы!» и т. д.

Даной, право, балагуръ этотъ г. Гейнницъ! Но мы еще не кончили: гдѣ обертка мистическаго произведенiя г. Гейнница, дасть такое полное понятiе объ авторѣ, что мы, признаннымы вы исполнѣ ея вполне для любознательныхъ читателей:

«Генрихъ Эдуардъ Гейнницъ, жившiй жительство на Вознесенскомъ-Проектѣ, въ домѣ г-жи Штульманъ, противъ церкви, № 28, на квартирѣ сѣдальника Карстена, праготомляетъ стихотворенiя на разные случаи: къ днѣмъ рожденiя и именинъ, къ свадьбамъ и печальнымъ событiямъ, свѣдѣнiя, посвященiя къ Рождеству и Новому-Году, также и разные письма. Видѣть его можно каждый день утромъ до 9 часовъ и вечеромъ съ шести часовъ.»

Итакъ, вотъ кто г. Гейнницъ! Россiя и не знала до-сихъ-поръ, что въ столицѣ ея живетъ такой многообидливый поэтъ: пусть же узнаете теперь!

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Танкредъ, *or the new Crusade*, by
Disraeli (Танкредъ, или новый крестовый походъ, соч. Б. Дизраэли).

Французскіе романы, новѣсти, драмы, комедіи и водевили напши себѣ нынче въ Европѣ самое огромное пообленіе, расходятся, читаются, смотрятся вездѣ въ самомъ огромномъ изчествѣ; кромѣ нихъ, нигдѣ не слытъ ни про какіе другіе романы, погги, драмы и такъ дажь. Не-уже-же это просто мода, или доказателью того, что въ сердцахъ современнхъ Европейцевъ погасло всякое чувю любви къ своему, отечественному? -уже-ли же это только слѣдствіе то, что французскій языкъ нынче ве-
Т. ЛII. — Огл. VII.

здѣ самый общепотребительный, сямый національный, больше всякаго отечественнаго (на что такъ давно жалуются по всѣмъ угламъ Европы), такъ-что явился только насмѣну другая мода, слѣдайся другой языкъ моднымъ, стали бы вездѣ читаться романы и новѣстинныхъ литературъ, а на театрахъ точно также появились бы актѣры и пьесы, принадлежащіе другимъ народамъ, кромѣ Французовъ? Не-уже-ли же тотъ, кто нынче знаетъ языки англійскій, нѣмецкій, испанскій, итальянскій и т. д. столько же хорошо, какъ и французскій, въ-самомъ-дѣлѣ можетъ приняться за беллетристическія современныя произведенія этихъ языковъ и не возмущаться общей мо-

ды? — Не у однихъ у насъ печатають о томъ, какія слѣдуетъ употребить средства для немедленнаго произведенія самобытныхъ талантовъ, а если неталантовъ, то способностей, и увѣряють, что стѣбитъ только захотѣть... Такимъ образомъ, одни говорятъ, что все журналы виноваты; другіе, что капризъ публики виноватъ; третьи совѣтують немедленно устраивать конкурсы и призы, точно такіе, какіе существуютъ для скаковыхъ лошадей; четвертые умоляютъ публику о снисхожденіи; пятые увѣрены, что для возвышенія національнаго театра довольно было бы милостиваго вниманія королевской или герцогской фамиліи и высшей аристократіи (въ подтвержденіе чего тотчасъ же является примѣръ; Людовикъ XIV, которому захотѣлось, чтобъ у него, вмѣстѣ съ фабриками, войскомъ, каналами и всѣмъ прочимъ, была и литература на славу; захотѣлъ онъ — и откуда что взялось! воля его произвела классическую литературу и всѣмъ послѣ того спокойно, пріятно и удобно); шестые представляютъ еще сильнѣйшія мысли, желанія, примѣры, и проч., и проч. Такія размышленія, къ несчастію, не вездѣ казались больше, чѣмъ странными; въ иныхъ мѣстахъ забыли тѣ лекціи профессоровъ, гдѣ какъ нельзя лучше изъяснены періоды новой исторіи, состоящіе изъ преобладаній — не того или другаго направленія челоуѣческаго духа — а того или другаго народа, и преобладанія эти, какъ слѣдствіе какой-нибудь счастливо-веденной войны или счастливо-ваключеннаго мира; такой взглядъ на новую исторію, разумѣется, поселаетъ въ головѣ мысль о случайности, нечаянности, зависимости направленія хода исторіи отъ воли какихъ-нибудь ловкихъ и умныхъ лицъ, такъ что если цѣлое собраніе подобныхъ судей возьметъ на себя сначала проповѣдывать и потомъ дѣйствовать въ родѣ того, какъ дѣйствовали отдѣльные эти лица, они точно также проведутъ задуманную новую эпоху, выворотятъ все по-своему... Итакъ, въ

иныхъ мѣстахъ успѣли уже забыть эти мысли и лекціи; въ другихъ же не только не забыли, но еще принялись приводить ихъ въ дѣйствіе: одни рациональнымъ образомъ растолковываютъ во всеуслышаніе, какъ и что можно пережѣнить, другіе умоляютъ третьи произвести по подпискамъ огромныя коллекты и пустить въ ходъ поощренія. Къ числу послѣднихъ спесивыхъ принадлежить тотъ любопытный примѣръ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ представила Англія, обѣщавъ огромную премію за лучшую комедію изъ современныхъ англійскихъ нравовъ. Написали комедій нѣсколько сотенъ, выбрали одну, какъ самую отличную, деньги заплатили; всѣ остались довольны, а все-таки толку не вышло никакого...

Если въ наше время и существуетъ беллетристика у *одного* только народа, у Французовъ; если читаются (притомъ съ какимъ жаромъ, съ какою жадностью!) однѣ только французскія беллетристическія книги, а на всѣхъ театрахъ смотрятъ однѣ только французскія пьесы и французскіе актѣры, то, видно, приходится искать этой причины не въ модѣ, не въ капризѣ, будто-бы пришедшемъ на всѣхъ капризѣ, а въ чемъ-нибудь поглубже, въ самыхъ основаніяхъ существующаго. Видно французская беллетристика лучше беллетристики прочахъ современныхъ націй; видно она болѣе соответствуетъ надобностямъ всѣхъ (и это уже всегда много значитъ); успѣла приобрести умъ, ловкость и гибкость странствующаго торговца, успѣла найти у себя въ коробѣ товаръ для каждаго, успѣла дойти до той многосторонности и обрабатываемости, которая готовится пшенице еще въ столько развѣвившемся; наконецъ, видно, она одна завладѣла тайною, кака степень искусства и художественности приходится въ уровень съ надобностями и потребностями всѣхъ массъ. Слѣдовательно, одна держась въ уровень современности, она одна и въ осталь-

и исполнять службу бельетристики — приводить новыя, заготовленные разнообразных мастерских нити плетущуюся общую ткань жизни; следовательно, она одна может идти и направлять; следовательно, про я бельетристияни (гдѣ только онѣ шествуютъ), отставшія и слишкомъ зрѣлыя, никакъ не въ состояніи часть на точку всеобщаго интереса, очевидно остаются за флагомъ, и ни о не замѣчаютъ, даже никто не знаетъ какъ обогнанные бѣгуны и скаканы эти шажкомъ удаляются съ арена. Послѣ этого не остается никакой надежды воображать, что еслибъ больше теперешняго было распространено обществомъ наше знаніе и употребленіе иностранныхъ языковъ, кромѣ французскаго, была бы возможность только же заниматься и прочими бельетристическими произведеніями, сколько нынѣе постоянно всѣ за ны французскими. Ничуть нѣтъ! Ношенія оставались бы тѣ же самыя, съ тою только разницею, что всѣ патеры съ горестью доходили бы са до того сознанія, до котораго нынѣе доходятъ не слишкомъ-много.

Въ английскихъ книгахъ нѣтъ недостатка, какъ и во всѣхъ другихъ; всякій мѣсяць видите вы появленіе многихъ романовъ, все большею частью де въ двухъ и трехъ томахъ (на бѣду той разъ и больше); по шкаламъ шествуютъ многочисленныя раздѣляющія романовъ и повѣстей на роды и виды: въ каждомъ отдѣленіи сидитъ по несколько дѣлателей и, однакомъ — нѣтъ ничего хотъ сколько-нибудь порядочнаго. Одно время русская литература сильно жаловалась на бельетристическую свою бѣдность, и въ это время выходило въ свѣтъ множество романовъ, почти столько же, сколько нынѣ ихъ выходитъ въ Англию; нынѣ же жалобы не слышать, хотя хорошаго появляется на свѣтъ не больше сжигая — все хорошее и рѣдко и неограниченно, — но здѣсь все дѣло въ томъ, что наконецъ успѣлъ получить-

ся важный результатъ: является на свѣтъ меньше дряни. До такого счастливаго результата английская бельетристика не дожила еще. Больше или меньше хорошо разбираютъ отдѣльныя произведенія, показывая слабости, недостатки и негодность (къ несчастію, отыскивая *превосходныя* бельетристическія стороны произведенія, которыхъ для насъ, на континентѣ, не видать), но никто однимъ разомъ, при взглядѣ на легионъ, дѣйствующій подъ знаменемъ бездарности, не жаловался тамъ такъ громко и съ такою силою, какъ у насъ, на бѣдность національной своей бельетристики, и отъ этого, можетъ-быть, всякій мѣсяць нарождаются новыя чудища. Впрочемъ, кажется, это сознаніе начинаетъ пробуждаться: въ одномъ английскомъ критическомъ журналѣ, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ отдѣловъ (въ каждомъ английскомъ журналѣ, надобно замѣтить, царствуетъ необыкновенное богатство и щедрость на отдѣлы), есть нынѣе критическій отдѣлъ подъ названіемъ: *Поэзія мильтона!* Не указываетъ ли это одно юмористическое названіе на что-то въ родѣ длинныхъ и широкихъ общественныхъ ямъ, въ которыя, въ несчастныя времена холеры, безразлично сваливали безчисленное множество тѣлъ, которыхъ не поспѣвали даже пристойно похоронить? Каждому извѣстно, что открытіе болѣзни есть уже шагъ къ исцѣленію. Что, если, можетъ-быть, для всей английской бельетристики заведутъ что-нибудь въ родѣ того критическаго отдѣла, который шествуетъ для одной поэзіи? Постоянно-направленный на *все цѣлое* взглядъ ни чему не могъ бы помѣшать и обѣщала бы только самыя пріятныя послѣдствія: быть-можетъ, английская публика мало-по-малу отстала бы отъ патріотически — похвальнаго усиленнаго чтенія многихъ доморощенныхъ произведеній своихъ, а между-тѣмъ извѣстна басня Крылова «о вороватой собакѣ»: она не тогда перестала красть, когда хозяинъ ее много

графовъ и посланниковъ (здѣсь не худо замѣтить, что нынче у романистовъ новая мода: прежде, въ примѣръ знатности и богатства, ставили въ романахъ англійскихъ милордовъ и миледи; нынче это ужъ устарѣло и для того же самого примѣра употребляютъ русскихъ князей и княгинь, графовъ и посланниковъ, очень-часто употребляя выраженія: *московитскій бояринъ, весь напичканный золотомъ и алмазами*). Этотъ идеалъ англійскаго юношества встрѣчается подъ другимъ именемъ, подъ именемъ Эгремонта и, наконецъ, въ послѣднемъ романѣ, подъ видомъ самого Танкреда. Но этотъ прекрасный юноша, въ каждомъ изъ романовъ являлся для собственного дѣла: въ первомъ для того, чтобъ размышлять объ исторіи англійской политики и отказаться отъ засѣданія въ англійскомъ парламентѣ, потому-что онъ не согласенъ съ тѣмъ политическимъ мнѣніемъ, которое ему навязываетъ его дѣдъ-тори, и для того, чтобъ не ораторствовать въ парламентѣ противъ вига, отца своей возлюбленной. Дѣдъ-аристократъ приходитъ въ ярость, лишаетъ его наслѣдства и — умираетъ, такъ-что привыкшіи къ роскошной жизни Квинингсби принужденъ доставать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего и, наконецъ, всяческая добродѣтель его вознаграждается тѣмъ, что дочь богатаго вига, старинная его страсть, выдана, наконецъ, за него замужъ!

Во второмъ романѣ, англійскій благообразный юноша долженъ проявить, что англійскій народъ состоитъ изъ двухъ націй, точно изъ двухъ никакъ-неприходящихся одна къ другой половинокъ, которыя ни за что въ свѣтѣ не могутъ сойтись: это аристократія и плебсъ; что въ Англійи между людьми производящими и людьми потребляющими существуетъ рѣшительная разланица; что первые находятся въ самомъ рѣшительномъ угнѣсненіи отъ послѣднихъ, и что слѣдствіе этого — неизбежность самыхъ

жосткихъ столкновеній, въ примѣръ чего съ довольною подробностью приведенъ разсказъ о цѣломъ мануфактурномъ околоткѣ, сплотившемся въ одну массу, для того, чтобъ улучшить свое положеніе. Все это необходимо не безъ сильнѣйшихъ суматохъ, повторовъ, народныхъ тревогъ и горя, причемъ лордъ Эгремонтъ не разъ свисаетъ свою возлюбленную, плебейку Сивиллу, отъ всякой злой напасти и, наконецъ, соединяется съ нею англійскимъ законнымъ бракомъ, чему, конечно, не мало способствуетъ то, что Сивилла одаивается по происхожденію своему, не хуже самаго лорда Эгремонта: одинъ, злобный лордъ многомолдѣть пользовался ея наслѣдственнымъ достоинствомъ, а что, и того хуже, почетными ея титулами; во судьба, увы! достигавшая, все пришло въ порядокъ, и опять-таки у романа дѣтъ никакого результата.

Въ третьемъ романѣ, благообразный англійскій юноша пускается на совѣтъ — особенныя дѣла: знаменитый лордъ, отецъ его, вида его порядочнымъ подросточкомъ, хочетъ въ обыкновенному порядку вещей, послать его въ парламентъ, хочетъ его женить — словомъ, сдѣлать для него все, что дѣлаютъ для порядочнаго человека. Куда! Сынъ, въ родѣ Матроушки (только и уметь, и красоваться и богатъ, и проч.), какъ замотаетъ руками и ногами, никуда, онъ не пойдетъ, ни въ парламентъ, ни на свадьбу. Но отецъ (впрочемъ, и мать тоже) начинаютъ къ нему порядкомъ приставать, хотая узнать, какъ онъ и что, — что такое сидитъ у него въ головѣ, чего ему хочется. Добрыми порядкомъ берутъ себя, на помощь и одного знакомаго, лорда-епископа, чтобъ онъ тоже привидѣлся за сына и обработалъ все, какъ слѣдуетъ. Тутъ, наконецъ, открываются, въ чемъ вся дитуда: юный Танкредъ въ длинномъ дренѣ и отцѣ, и мати и епископа заткнулъ за поясъ, тогда

аль имъ яснѣе самаго яснаго дня, что теперь въ Англіи плохія дѣла, что теперь надобно не въ парламентъ садиться, не съ женой жить, а искать спасенія всей страны. Посмотрите, оворить, что такое наша церковь, что такое наше право, что такое наша политика? И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ! Отщелкалъ даже одно совѣтъ-осторожнее вѣдомство, въ родѣ того, какъ однажды отщелкалъ кого слѣдуетъ капитанъ Кофейкинъ. Отецъ и мать и рты разинули. Что жь такое нужно теперь дѣлать? за что приниматься? спрашиваютъ его. Онъ отбачаетъ: нужно совершить путешествіе на Востокъ, въ Палестину, подобно тому, какъ наши дѣды совершали подобное же путешествіе въ редиѣ вѣка, когда имъ приходилось дохо, такъ-что ни взадъ ни вперед, они не знали за что приниматься. Коробку Господню я совершу теперь новый крестовый походъ, тамъ преклоню колѣна, выепопрошу Всевышняго о томъ, чтобъ намъ всѣмъ дѣлать, изъ самаго источника зачерпну себѣ и Англіи на спасеніе пригоршню живой воды,—и тогда все оживетъ, пойдетъ къ счастью истиннѣ. А вѣдь что жь! подумали герцога съ герцогиней, его родители: можетъ-быть и внаправду оно такъ. Ну, въ Богомъ, поѣжай. Онъ и поѣхалъ а живой водой. Во второмъ и третьемъ томѣ романа, Танкредъ все ѣздитъ по источникамъ и, забывъ объ англійскихъ несносныхъ лѣди, ведетъ платоническую любовь съ восточными жемами. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій у странствованій нѣтъ; чѣмъ все кончится — неизвѣстно. Послѣ платонической любви и многихъ разглагольствованій, дѣло оканчивается тѣмъ, что другъ, ни съ того ни съ сего, въ Палестину приѣзжаютъ родители, и на этомъ романъ перерывается. Вѣроятно, проясненіе и разъясненіе будетъ еще въ другомъ романѣ.

Изъ этого бѣлаго обзора содержания трехъ романовъ можно уже отгадываться, что они всѣ три пре-

исполнены совершенства, блещутъ истинной и непреодолимою занимательностью со стороны художественной и со стороны социальной; мы упоминаемъ объ этихъ двухъ сторонахъ потому, что онѣ, какъ лучшие друзья, желающіе какъ-можно-дольше остаться въ дружбѣ, никогда не сходятся вмѣстѣ (во избѣжаніе опасности), и появляются на сцену дѣйствованія каждая порознь, слѣдовательно, тотчасъ же бросаются въ глаза. Въ намѣреніяхъ автора нельзя никогда ошибиться: онъ презираетъ старинную манеру озолотить пилюли и дать проглотить горькое лекарство подъ эгидою сахара,—нѣтъ; онъ называетъ вещи прямо по имени, и, подобно тому, какъ на древнихъ средневѣковыхъ картинахъ изъ устъ отшельника выходитъ ленточка, которая объясняетъ въ чемъ все дѣло, или подобно тому, какъ китайскій актѣръ прежде игры своей объявитъ напередъ, кто онъ такой, кто у него были отецъ и мать, какія лица они представляютъ и какіе у нихъ были родственники, — подобно всему этому и Дизраэли, подъ особенными выѣсками главъ, давъ въ своихъ романахъ мѣсто то тому, то другому своему направленію, съ такимъ яснымъ и строгимъ распределеніемъ, что никакъ ужь не ошибешься, чего въ каждой главѣ искать должно. Если дѣло пошло о политикѣ и социальных интересахъ, то ужь въ этой главѣ только и спрашивай до самой послѣдней строчки политики и социальных интересовъ; напротивъ, если ужь пошло на то, что нашъ авторъ пустился на художественность (!), то ужь читатель долженъ беречься,—онъ будетъ огулъшенъ, ослѣпленъ художественностью, задавленъ подъ бременемъ огромныхъ отпускаемыхъ ему порцій, которыхъ не сварить никакому обыкновенному желудку. Англійскіе читатели благоговѣютъ и передъ тою, и передъ другою стороною таланта г. Дизраэли. Но есть въ этомъ авторѣ еще одна сторона, особенно любезная тѣмъ же читателямъ и признаваемая критиками едва-

ли не за высшее его качество: это саркастичность, которую в нем ставить еще выше, чѣмъ великій и благородный энтузиазмъ, чѣмъ рыцарственныя благородствя его направленія. Саркастичность проявляется у него постоянно въ обѣихъ сторонахъ таланта и доказывается весьма особенное удовольствіе, которое доставляетъ ему...

Что жъ! въдѣ сколько-нибудь да есть истинны въ этихъ романахъ; какъ имъ близко затронуты страницы то художественностью, то социальностью, все таки на читателя подѣ конецъ находитъ мысль, какъ результатъ многихъ томовъ, что въ каждомъ юношестве есть много хорошихъ стремленій къ истинѣ, что отъ него всегда перваго съинишится осужденіе составившемуся и болѣе негождящемуся порядку вещей. Да въдѣ подобныя размышленія очень стары, очень сильно обветшали и притомъ выражены такъ слабо, такъ слабо, что совершенныя теряются въ софистическихъ и художественныхъ подробностяхъ; сверхъ того, вмѣстѣ съ желаніемъ реформы, у благороднаго юноши появляются такія намеренія, которыя ужъ... чрезъ-чуръ превосходны. Вотъ небольшой примѣръ размышленій, явившихся англійской публикѣ по ея естетической и исторической правдѣ, по силѣ таланта и опыта: Великіе люди не нуждаются въ опытѣ. Опытъ—лучшая вещь на землѣ для обыкновенныхъ людей, но для творческаго духа онъ меньше, чѣмъ ничто. Гевій, когда онъ молодой еще, божественъ. Отъ чего же величій полководцы древнихъ и новыхъ временъ оба покорили Италию въ двадцать пять лѣтъ? Юноша, чрезвычайный юноша, опрокинулъ Персидскую Монархію (слѣдуютъ примѣры римскихъ великихъ полководцевъ). Но взглянемъ на высшіе примѣры совершенства гражданской мудрости. Императоръ III величайшій изъ папъ, былъ десктономъ надъ христіанствомъ въ тридцать семь лѣтъ, Іоаннъ Медичисъ былъ кардиналомъ въ тридцать

лѣтъ, даиой, подѣ конецъ, Жанъ Х. въ тридцать семь лѣтъ. Дактара, отидѣ у него самыя думныя его страсти, будучи тридцати пяти лѣтъ. Возмите Игнатія Лойоду и Іоанна Веслея; они работали юными, умными. Игнатію было всего тридцать лѣтъ, когда онъ совершилъ свое дѣло, ствие и написалъ свои духовныя упражненія. Величайшій изъ Французовъ, Паскаль, написалъ одно великое сочиненіе шестнадцати лѣтъ и умеръ тридцати семи лѣтъ. Ахъ, эти тридцать семь лѣтъ! Они, наощиваютъ мнѣ Байрона, который еще, чѣмъ какъ человекъ, не жели, какъ писатель. Развѣ опыты, руководилъ клястоу Рафаэлю, когда онъ расписывалъ дворны римскіе? Онъ тоже умеръ тридцати семи лѣтъ (слѣдуютъ еще многочисленные примѣры). Но, да для чего умножать доказательства? Исторія героевъ есть исторія юности. Въра въ героизмъ дѣлаетъ героизмъ.

Мы полагаемъ, что нѣтъ особенной надобности пускаться къ разсмотрѣнію всѣхъ ложныхъ положеній, заключенныхъ въ такомъ небольшомъ объѣмѣ. Вѣроятно, если не всѣ, то большая часть всѣхъ давно знаютъ, что делая зывать кого-нибудь первымъ, для послѣднимъ въ цѣлой націи, это равно столько же смѣшно, сколько называть и одинъ народъ первымъ, другой послѣднимъ. Вѣроятно, многие давно знаютъ, выше ли Байронъ какъ человекъ, чѣмъ какъ писатель. Вѣроятно, всякій больше или меньше убѣжденъ, что опытъ, наоборотъ, вовсе всего больше нуженъ доктору, танцу и геію, потому что онъ даетъ цѣлосту и крѣпость, развитію силъ; хотя это слишкомъ извѣстно, мы все-таки приведемъ себѣ привести здѣсь знаменитыя слова Гегеля: Безъ общности, раздѣленія, различія, художникъ не можетъ овладѣть никакимъ содержаніемъ, которое онъ долженъ выдѣлывать; ему столько же необходимо сосредоточеніе духа... Поэтому, художникъ долженъ не только провести

этомъ времени въ томъ, чтобы остано-
виться въ светѣ и ознакомиться съ
его внѣшними и внутренними про-
явленіями, но ему еще нужно, чтобы
онъ прошесть въ своей собственной
грудь много и много великаго, нуж-
но, чтобы сердце его было глубоко
захвачено и подвинуто; нужно,
чтобы онъ много дѣлалъ и много
жилъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ
состояніи вынести конкретными яв-
вленіями истинный глубины жизни.
Отъ этого-то, хотѣя еще въ юноше-
ствѣ, начинаете писать рецѳіи (какъ
это и было съ Гете и Шлегелемъ); но
только тогда зрѣлости и старости
впервые могутъ довести до настоя-
щей зрѣлости совершенство произве-
денія. И это относится не къ однимъ
художникамъ, а къ всемъ отраслямъ
человѣческой дѣятельности, гдѣ тре-
буется совершенство: доказательствомъ
чему могутъ служить не примѣры, а
вся исторія.

По важности своей примѣчательны
въ романахъ Дизраэли слѣдующія два
мѣста: «Большой городъ, представле-
ніе о которомъ живетъ въ памяти
людей, есть типъ какой-нибудь вели-
кой идеи. Римъ изображаетъ побѣду;
Еврей покоится на башняхъ Иеруса-
лима. Аѳинны воплощаютъ самое пер-
вое качество древняго міра — искус-
ство. Въ новѣя времена, торговля
создала Лондонъ, между-тѣмъ, какъ
мода, въ самомъ обширномъ смыслѣ,
долго находила въ первую столицу
въ воздушно и широко-разверзаю-
щейся сѣпскою городѣ; хорошо по-
нимаемый Манчестеръ такое же
великое произведеніе, какъ и Аѳи-
ны. Только философъ можетъ по-
пытаться все величіе Манчестера и
огромность его будущаго. Много
есть истинъ, которыя нужно было
бы выговорить, еслибы только у-
мъ было довольно храбрости вы-
сказать ихъ, или терпимости, чтобы
принять ихъ. Въсто этихъ раз-
вѣдѣній городовъ точно по рецеп-
тамъ, съ чѣмъ наврядъ ли кто согла-

сится (гдѣ же виданы такіе, свещад-
ные города, въ которыхъ бы не осу-
ществлялись и не приводились въ
дѣйствіе въ стороны человѣческаго
духа — исключеніе, остается за дѣся-
ма-несмогими странными, односто-
ронностями; сочинять и выдумывать
особенныя рамки любятъ многіе; но
при этомъ всегда страдаетъ истина),
а также вмѣсто того, что одни фи-
лософы могутъ доднимать настоящее
и будущее Манчестера и наконецъ,
что хотѣлось бы сказать, да нечего
вмѣсто всего этого гораздо вѣрнѣе
было бы сказать, что всякій простой
человѣкъ очень — хорошо, понимаетъ
величіе Манчестера и его будущность,
потому что каждому повязано, какъ
вмѣстѣ съ расширеніемъ и усовершен-
ствованіемъ челоѣческой производи-
тельности посредствомъ машинъ, бы-
стро растетъ и возможность образова-
нія, что именно теперь настала воз-
можность и есть къ тому все способ-
но не только про Манчестеръ, но и про
всѣ предметы на свѣтѣ говорить *одинъ*
кѣ истины, и что по поводу, можно
имѣть всю дѣшность и храбрость
выговаривать ихъ, ибо всадъ есть
готовность принимать ихъ съ хра-
бовью. Въ древнія времена, если
какому-нибудь слѣшому, мыслителю
нужно было внести новыя мысли въ
свѣтъ, онъ могъ содеричить это только
съ величайшимъ усиліемъ и очень-
часто съ самымъ большимъ неуспѣ-
хомъ; теперь же этого всего больше
нѣтъ; едва-ли не половина пренятѣйшій
совершенно устранена, и у всякаго но-
ваго ученія, только-что оно усѣло
выговориться, radoкъ помянуты мно-
гочисленные приверженны, что, ка-
несчастію, часто испытываютъ и лож-
ныя ученія; но во всякомъ случаѣ, оно
доказываетъ легкость и умножен-
ность путей сообщенія, по которымъ
шлагбаумовъ и всякихъ заеданъ бола-
ше нѣтъ; каждый воленъ, имѣть шипидъ
какъ же послѣ этого, на современную
образованность вводить такую пору-
кую клевету? Еще и-того лучше нѣтъ
не о европейской образованности,

внородное: въ другомъ романѣ Дидраэли; «Сивилла встала, и цоглихоньку опустила книгу на столъ, приидя. Эгреша съ спокойствіемъ и прирвданюу границю. *Образованность въ дѣлаетъ насъ, не локими, потому что она, одаря намъ извѣстныхъ положеніе! Въ замѣшателствѣ, едемъ, мы щемъ спасенія въ претензіяхъ; а въ затрудненіи, едемъ, мы приближаемъ къ аффектаци. Бедуинъ и краснокожіи Индіецъ никогда не теряютъ присутствія духа; а жена мужика, когда вы войдете въ ея домикъ, часто присутствуетъ васъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое самымъ пріятнымъ образомъ непохоже на пріецъ какой-нибудь знатной дамы въ какомъ-нибудь большомъ собраніи, когда она встрѣчаетъ своихъ гостей попеременно то съ карриатурою на учтивость, то съ преувеличенною высокоумностію, этикета.»*

Какъ же это? тутъ выходитъ что-то странное, конечно, — простекающее, не изъ чего другаго, какъ изъ самаго удивительнаго кошатія объ образованности. Сколько извѣстно, у образованности между прочими задачами есть одна изъ главнѣйшихъ — дать истинность, стройность и красоту всѣмъ отношеніямъ людскимъ; уничтожить въ нихъ не только все дикое и шаршавое, но и все неловкое, затрудняющее, — словомъ, сдѣлать ихъ какъ-можно-проще, но вмѣстѣ съ тѣмъ сердечнѣе, и съ внутренней и съ наружной стороны изящнѣе. То обращеніе людей, въ которомъ не достаетъ этихъ качествъ, которое несвободно, не дѣйствуетъ съ полною непринужденностію, которое находитъ себѣ на каждомъ шагѣ помѣхи и затрудненія, не только не есть слѣдствіе образованности, но оно самымъ грубымъ образомъ противорѣчитъ ей, — да, кажется, никогда и не называли нигдѣ человека аффектированнаго и несвободнаго въ своемъ внѣшнемъ быту — человекомъ образованнымъ. Для такихъ людей, есть, вѣроятно, другія многочи-

сленныя имена. Не-уже-ли же и въ самомъ дѣлѣ г. Дидраэли видаеть только такихъ людей, которые, въ слѣдствіе своей образованности, полны претензій и аффектаций; а больше ничего и нѣтъ? Еслибы это было правда, образованные Англичане представляли бы какой-то необыкновенный примѣръ въ исторіи, потому что привыкли считать слѣдствіемъ цивилизаціи совѣстное, чѣмъ знаменитый саркастичъ г. Дидраэли. Въ подтвержденіе нашихъ словъ стоить только заглянуть въ рассказы объ образованномъ обществѣ одного русскаго писателя, который никогда не пропускаетъ случая между прочими качествами образованнаго и утонченнаго въ обращеніи героя своего непременно упомянуть, что онъ носилъ очень-хорошее бѣлье (удивительно, какъ ни разу не высказано той же самой замѣчательной привычки объ образованныхъ героиняхъ!); авторъ этотъ никогда не рѣшился бы наречь подобную клевету на образованность; напротивъ, изъ повѣствованій его всегда очень-ясно видно, что образованность дѣлаетъ всѣхъ ловкими, развязными, свободными, никогда несмущающимися (подобно Бедуинамъ, краснымъ Индіцамъ и мужичьимъ женамъ), а главное, что она научаетъ вести экспромтомъ самыя замысловатыя разговоры.

Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что г. Дидраэли жалуется на образованность и ея неприятыя слѣдствія; онъ имѣетъ полное на то право, если образованность заставляеть мужчину съ дамою большаго свѣта, въ Лондонѣ, вести разговоръ, подобный тому, какой у него ведутъ начинающіе знакомство два аристократа: «Вы страстно любите музыку, говорилъ мнѣ лордъ Писдэлъ?» спросила принцесса Лукреція. — Когда она превосходна, отвѣчалъ Сидонія. — Но это рѣдкость, сказала принцесса. — И такая же драгоценность, какъ Рай. Школа же музыка Чистинице; если же она просто дурна, то я на свою долю

чувствую себя... — «Гдѣ?» спросилъ ордь Исдэль. — Въ послѣднемъ кру- у Ада, сказала Сидонія. — Куда же вы помѣщаете насъ всѣхъ?» спросила принцесса у Сидоніи. — Въ томъ кру- у, который слишкомъ наложенъ для дантова стиха, отвѣчалъ ея собесѣдникъ. — Вы хотите сказать слишкомъ есносенъ, сказала принцесса. — Мнѣ хотѣлось, чтобъ жизнь была не- ножко больше, чѣмъ-то дантовскимъ. — Отъ-того не меньше сокровищъ на вѣгъ, что мы употребляемъ ассигна- ин», отвѣчалъ Сидонія: «и теперь не еньше страсти, чѣмъ прежде отъ-того, то принадлежитъ къ хорошему тону ытѣ спокойнымъ.» — Вы такъ думаете? спросила принцесса, поглядывая округъ по комнатѣ. — Не-уже-ли есть уша у всѣхъ этихъ автоматовъ? — У ѣкоторыхъ изъ нихъ», отвѣчалъ Си- донія. «У столькихъ же, у сколькихъ была душа въ XIV-мъ столѣтіи.» — Я думаю, онѣ каждый день переверты- аются, сказала принцесса. — Нѣко- торыя дѣйствуютъ по собственному побужденію», сказалъ Сидонія. — И вы можете сказать съ перваго взгляда? прсила принцесса. — Вы одинъ изъ ѣхъ, которые читаютъ въ человѣч- кой природѣ? — «Это открытая для всѣхъ книга.» — А если кто не можетъ штать? — Тогда это ваши автоматы.» — Лордъ Монмуотъ говорилъ мнѣ, то вы много путешествовали. — Я те открывалъ новаго міра.» — Но вы были въ немъ? — Онъ старѣется.» — Я бы хотѣла лучше вызвать древній, ѣмъ открывать новый, сказала прин- цесса. — Я не люблю міра пользы. — Вы предпочитаете славу комфорту», казалъ Сидонія. — Мнѣ кажется, что бръ чахнетъ подъ рутинною. — «Это неизбежная судьба человѣчества» от- ѣчалъ Сидонія. «Человѣкъ всегда дол- женъ быть рабомъ рутины; но въ преж- нія времена это была рутина великихъ мыслей, а нынѣче рутина идеекъ.»

Такихъ разговоровъ можно найти овольно у Дизраэли, и не знаешь, че- ту больше дивиться: его ли особенно-

му таланту, или вкусу английской пуб- лики. Про нашу же публику можно навѣрное сказать, что ей въ высшей степени были бы неприяты такіе разговоры и довольно-вѣроятно, что новый появившійся романъ г. Дизраэ- ли не потребовалъ бы въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ двухъ изданій.

Наравнѣ съ этимъ разговоромъ очень-замѣчательны разныя другія черты изъ жизни большого свѣта: поварская часть; на-примѣръ, пер- вые два романа занимались только длиннымъ разбирательствомъ при- чинъ, почему англійскій столъ лучше французскаго — и подъ конецъ объ- явили, что тому причиной манера у Англичанъ подавать кушанье въ на- грѣтыхъ блюдахъ, между-тѣмъ, какъ во Франціи это невозможно, ибо французская каменная посуда не въ состояніи противиться огню... и раз- ныя другія замѣчанія. Но въ «Тан- кредѣ» поварское искусство находить себѣ полную апопеезу: даже самый романъ открывается высокопримѣча- тельнымъ и весьма-искусно изобра- женнымъ совѣтомъ поваровъ, толкую- щихъ о достойномъ изготовленіи праздника по случаю совершеннотѣ- тія юнаго Танкреда.

Но кто такой Сидонія, ведущій та- кіе умные свѣтскіе разговоры, вла- дущій на все свои рѣшенія, всегда из- лагаемыя вкратцѣ и поясняющіися постоянно тамъ, гдѣ нужно сказать высочайшую и глубочайшую правду? Мало сказать, что онъ олицетво- реніе автора и лучшихъ его произве- деній, что онъ премудръ и краснорѣ- чивъ, какъ Стародумъ въ «Недорослѣ» Фон-Визина: онъ является еще заступ- никомъ еврейскаго народа. Самъ Ди- зраэли еврейскаго происхожденія, и потому во всѣхъ своихъ романахъ является истолкователемъ еврейскаго народа и прорикателемъ будущихъ судьбъ его. Подобно тому, какъ совре- менные намъ славянофилы не видятъ или не хотятъ видѣть ничего другаго

тию, для которой настоящего имени еще не придумано.

Гораздо лучше всего этого размышления факты, представленные г-мъ Дизраэли изъ дѣйствительной жизни Англій. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ фантастическаго и мистическаго, нѣтъ гаданій о судьбахъ народовъ, а есть простое представление существующаго.

Конечно, у Дизраэли приняты иной разъ странныя мѣры для того, чтобъ выказать этотъ народъ: такъ, на-примѣръ, онъ въ своемъ романѣ «Сивилла» выставилъ злодѣя-лорда, страшнѣйшаго притѣснителя въ мелодраматическомъ родѣ, для того только, чтобъ дать народу случай прійти въ броженіе, бушевать, показаться со всѣхъ сторонъ, и этотъ злодѣй-лордъ — лицо весьма-старое во всѣхъ романахъ; но тѣмъ не менѣе картины, гдѣ у Дизраэли дѣйствуетъ народъ, лучшее, чѣмъ только у него есть: гораздо лучше всѣхъ политическихъ, социальныхъ и религіозныхъ подробностей, и, наконецъ, даже тамъ, гдѣ уже народъ не дѣйствуетъ, гдѣ только рассказываетъ про нынѣшнее состояніе его въ Англій, эти страницы, по крайней мѣрѣ, интересны какъ факты, какъ доносы на нынѣшнее положеніе Англій, между тѣмъ, какъ во всѣхъ мѣстахъ, кроме этихъ эпизодовъ, гдѣ Дизраэли считаетъ, что идетъ *настоящій романъ*, вы не найдете ничего столько интереснаго. Не любопытно ли встрѣтить слѣдующіе статистическіе факты, взятые съ природы: «Въ субботу, въ Уодгэтѣ (выдуманное имя для далекаго мануфактурнаго англійскаго города), всѣ мастера начинаютъ пить, въ понедѣльникъ и во вторникъ все народонаселеніе Уодгэта, всѣхъ классовъ, лѣтъ и половъ пьяно, даже маленькія дѣти пьяны. Въ этомъ ихъ отдыхѣ, возобновленіе силъ; и если съ этимъ вмѣстѣ мы встрѣчаемъ меньше порочности, чѣмъ бы сначала можно было ожидать, то надобно вспомнить, что

«всякимъ излишествомъ препятствуетъ
«обезсиленіе крови и постоянное истощеніе. Скучная пища и суровая работа, сами-по-себѣ уже если не героическіе моралисты, то, по крайней мѣрѣ, порядочныя предупредительныя мѣры. Въ Уодгэтѣ никого нѣтъ, кто бы могъ уговаривать или удерживать, — не отъ-того, чтобъ народъ былъ безнравственъ, ибо безнравственность предполагаетъ нѣкоторое мышленіе, — не отъ-того, чтобъ онъ былъ нечестивъ, потому-что, нечестиво относительно; но люди это — просто животныя безсознательныя, ихъ душа гладкая доска, и самыя дурныя ихъ поступки только слѣдствіе грубаго или дикаго инстинкта. Въ городѣ многіе не знаютъ даже своего имени: очень-немногіе могутъ читать по складамъ. Вы рѣшительно встрѣтите молодого челоука, который бы зналъ, сколько ему лѣтъ, еще рѣже встрѣтите мальчика, который бы видалъ книгу, или дѣвочку, которая бы видала цвѣтокъ. Спросите ихъ, какъ зовутъ ихъ государа, — они безсмысленно выпучать на васъ глаза; спросите кака у нихъ вѣра, — они засмѣются. для нихъ все равно тайна и кто править ими на землѣ, и кто можетъ спасти ихъ на небѣ.»

Или вотъ еще статистическіе факты: благообразный англійскій юноша, защитникъ правъ народныхъ, пришелъ на мануфактуру и спрашиваетъ хозяина; такимъ образомъ завязался обстоятельный разговоръ между юношей и мастерскимъ мальчикомъ: «Посмотрите сюда, — говоритъ мальчикъ, указывая на глуповатый шрамъ, пересѣкавшій его лобъ: «вотъ что онъ мнѣ сдѣлалъ.» — Но не чайности? — Какъ бы не такъ! Такая нечаянность часто бываетъ; хотѣлъ бы я, чтобъ мнѣ давали по проученію всякій разъ, когда онъ мнѣ раскрываетъ голову. Разъ онъ мнѣ раскрывалъ голову ключомъ и два раза замкомъ; онъ два раза пустил мнѣ въ голову краемъ замка, разъ болтомъ и, еще разъ крышкою; разъ ударилъ меня по

вѣв молоткомъ. Вотъ хватилъ-то! такъ и повалился. Когда мнѣ полегчало, мастеръ останавливалъ кровь бѣгомъ со своей шапки. Мнѣ тотчасъ и нужно было опять браться за свою работу; онъ сказалъ, что мое дѣло за этотъ день будетъ кончено, если я побоботаю до 12 часовъ ночи. А сколько палокъ онъ объ меня обломалъ! иной разъ рубцы оставались по недѣлѣ: разъ онъ ударилъ меня по глазу рѣховой палкой, кровь стала идти и плась на провѣлку, которую я работаю. Иной разъ онъ такъ драгъ меня за уши, что; я думалъ, уши останутся у него въ рукахъ! Все это ничего погнѣ вотъ этого!.. сказывали, что за это го можно бы потануть подѣ слѣдствіе. Да кто станетъ? И вы еще спрашиваете, знаю ли я его?.. Все-таки онъ орошій человекъ; дайте ему только дѣлать работу или тамъ что-нибудь другое; онъ тоже очень не скупъ на дѣло. Все время, что я у него въ учени, онъ ни разу не давалъ лошадиного мяса; никогда не бываетъ говядинны отъ больной коровы, развѣ когда ужъ мясо очень-дорого. Онъ никогда не хочетъ брать тѣхъ телятъ, что рождаются мертвые, и завсегда говоритъ, что у него мальчики должны ѣсть мясо отъ коровы, которая была живая и которая убита. Ну, потому онъ даетъ намъ иной разъ рыбу, когда она была въ городѣ на четыре или пять и ее не продали. Нѣтъ, ужъ надо правду сказать. На него нельзя пожаловать и на счетъ корня, развѣ что нѣтъ времени на дѣло.

У Дизраэли есть многія сцены, нѣсколько напоминающія мастерскія изображенія народа въ романахъ Диккенса; но у Дизраэли это эпизодично, происходитъ мгновенно, тотчасъ видите, что онъ нѣсколько не считаетъ своихъ сценъ своимъ главнымъ дѣломъ, воображаетъ себя писателемъ, въ руцѣ котораго жестокій бичъ сатиры и сарказма, и который одаренъ оригинальнѣе для провидѣнія тор-

жественнаго будущаго Англій. Отъ этого романы его и не имѣютъ притязанія быть чѣмъ-нибудь художественнымъ по содержанию и формѣ: это для нихъ больше ничего, какъ ничтожная скорлупа, необходимая по нынѣшнимъ условіямъ свѣта; настоящее же дѣло Дизраэли было бы взойти на скаку-нибудь высочайшую кафедру и оттуда проливать на цѣлый народъ бичующія рѣчи и излагать прозорваніе будущаго; съ этой высочайшей кафедры хотѣлось бы ему сказать и рѣчи умирненія всѣхъ: о, мои добрые сограждане, провозносилъ бы онъ (какъ въ романѣ), вѣдь вы всѣ слѣпы; знайте, что и аристократія дѣло, и народъ дѣло; только тогда можете быть толкъ, когда вы всѣ обниметесь, погалуетесь; не воображайте себѣ, что теперь народъ узналъ свою силу и что теперь быть пережѣвъ; нѣтъ, народъ не крѣпокъ, никогда народъ не можетъ быть крѣпокъ; пусть народъ познаетъ своихъ вождей, пусть онъ живетъ съ ними въ дружбѣ, и тогда все будетъ хорошо, и т. д., и т. д. Такихъ обращеній нѣсколько странны; конечно, оно какъ-то удивительно представить себѣ народъ въ видѣ маленькой горсточкѣ людей, къ которымъ можно обращаться съ своими рѣчами и рубить съ плеча все, что есть въ головѣ правды и неправды,—а добрые сограждане и возмутятся за умъ. Многіе полагаютъ, что политическіе романы нѣсколько не дѣйствуютъ на читателей, а имѣютъ вліяніе только тѣмъ хорошимъ, что можетъ лежать во всякомъ художественно-жѣрномъ изображеніи. Такъ, на-примѣръ, безспорно, нынѣ лучший изъ такихъ романистовъ Сю; едва-ли не двѣ трети какихъ-нибудь «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жюда» состоятъ въ размышленіяхъ, но именно они-то и не оставляютъ по себѣ никакого вліянія; такъ, на-примѣръ, что можетъ быть доброжелательнѣе намѣреній, дитювавшихъ описаніе учрежденій филантропно-мануфактуриста Гарди? Изображеніе и его, и благодѣтельнаго отца, и

многочисленных работников, добродетельных дѣточек его, тоже очень-благонамеренно. И, однакожь, не принимаются въ сердца публики «либеральническія» заги. Сю скорѣе можно сказать, будто всѣхъ этихъ подробностей въ романѣ не только не прочитали, — не хотятъ даже всего этого, да и только! Какъ дуть, быть? Видно дѣло не придается въ дѣду съ назначеніемъ и способами романа; видно тутъ звучать фальшивыя ноты. Напротивъ, всякій разъ, какъ авторъ (у котораго никакъ нельзя отнять художественныхъ инстинктовъ и способностей) забудетъ на время свои социальныя задачи, станемъ къ великимъ подробностямъ погружаться въ нихъ. — Онъ притягиваетъ къ себѣ многочисленныя толпы. Вотъ подобными-то подробностями могли бы блистать романы Дизраэли: у него есть нѣсколько книгъ, — Дэвидъ Микъ, Чортова-Пыль, ихъ любовницы Джулія, Гарриетта, которые бы, можетъ-быть, не уступили тремъ лицамъ, какъ Нини-Мельница или Магровая-Роза и т. д. у Сю. Какъ ни коротки отрывки у Дизраэли, гдѣ дѣлаются на нѣсколько мгновений эти лица, они указываютъ, однакожь, на способность дѣйствительную. Но, кажется, невозможно ожидать хоть когда-нибудь, чтобы Дизраэли принялся за ту сторону романовъ, гдѣ бы онъ могъ быть хорошъ: онъ постоянно за-нимать все такими высшими интересами, что куда ему спуститься въ низшія, можетъ-быть, презрѣнныя сферы романиста-рассказчика! А между-тѣмъ, это жалко! иной разъ, въ представленіи простаго класса, въ мастерскомъ веденіи этого разговора, онъ напоминаетъ какія-нибудь сцены Дикенса. Да притомъ же, англійская публика привыкла видѣть въ немъ политическаго писателя, ораторствующаго о высокіхъ интересахъ, привыкла ожидать отъ него именно только известнаго рода вещей; портретъ его уже нарисованъ во всякомъ умѣ... Такъ иная публика до такой степени привыкла къ

тому, что, вѣдая другаго автора, что онъ только выйдетъ самымъ простымъ и невиннымъ образомъ на сцену, уже засмѣются; вдругъ этому комичу нужно играть такую сцену, гдѣ онъ долженъ быть патетиченъ, и онъ исполнить это всѣми своими средствами. Но привычки публики ничего не видятъ, а только поспѣивать и тронуть хохотать, воображая себѣ, что это только простое средство возбужденія смѣха. Дизраэли самъ же въ состояніи попасть на свою настоящую дорогу и, напротивъ, постоянно дѣлаетъ себя приятною мыслию, что онъ человекъ, переговаривающій съ своимъ народомъ о важнѣйшихъ дѣлахъ его; читающая публика тоже увѣрена, что это званіе первой величины.

Но еслибы это все было такъ, отчего же у этого самаго автора не было бы точно такой же славы, какъ отчего только въ одной Англии и известность этотъ человекъ? На англійскую публику сильно дѣйствуетъ не содержаніе его сочиненій, а *направленіе* ихъ. Дизраэли взялъ себѣ на долю роль нападателя, громовержца, — а это самая важная роль, какую только можешь изъ себя взять человекъ, которому, конечно, бы не осталось въ толкѣ. Нельзя ожидать, чтобы пришла когда-нибудь такая пора, когда бы не на что было больше нападать; между требованиями нашего духа и дѣйствительностью всегда будетъ какой-нибудь разладъ: следовательно, навсегда открыто широкое поле для дѣйствій, и следовательно, никогда не истощится ни сила и та примыкательность, которую имѣютъ выговариваемыя догматы. Въ каждомъ порицаніи будетъ всегда хоть какая-нибудь частичка правды; но вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы сказать правду: дѣло въ томъ, чтобы вознмать, за какую именно правду приниматься, за такую ли, которая въ самомъ дѣлѣ обратится въ сокъ и яровъ, принесетъ плоды и послѣдствія, потому что прямо попадетъ въ самое сердце дѣлу; или та-

кую, которая только что принадлежит к числу приятных. Что, напротив, только лишь истина вообще, с которыми Дизраэли нападаетъ въ своемъ ораторствованіи на англійскій народъ? оно все такъ, да только нѣтъ точки въ томъ, что она принадлежитъ имъ; одни самые конкретныя, самые индивидуальныя, самые такъ сказать, триллерны истины, приходящія къ частному случаю, могутъ имѣть силу, а главное—послѣдствіе и плодъ. Очень часто Дизраэли тамъ, гдѣ представляетъ народъ сходится въ томъ, съ Сью, но между ними видна вся разница талантливаго и неталантливаго; между тѣмъ, какъ одинъ ищетъ ее воплотить, всему дать тѣло, другой, кажется, на каждомъ шагу избѣгаетъ случая говорить картиной, драмой, и поминутно возвращается къ своей роли вѣщателя. Англійская публика привыкла къ этимъ его качествамъ, находитъ величье и глубину во всѣхъ думахъ этого автора, и потому новый романъ его, притягивая примаечкамъ прочей европейской публики, имѣетъ огромный успѣхъ; есть самая блестящая книга англійскаго сезона. Но такъ-какъ наиздическая прелесть этого автора потеряна для континента, а между тѣмъ настоящаго содержанія у Дизраэли никогда нѣтъ—его исторіи не похожи на дѣйствительность, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нигдѣ за пределами Англии и не подозреваютъ существованія этого писателя. Хотя и сальныя, но часто внимательныя и всегда живые рассказы Сью и другихъ современныхъ героевъ, въ сравненіи съ романами Дизраэли и другихъ еще слабѣйшихъ англійскихъ писателей,—то же, что Писемное передъ Пискою Возмущенностью. Въ нихъ внутренне

достоинствѣ, и не во вѣнчаніи причинахъ заключается причина того (повторяемъ), что обь англійскихъ романахъ ни силу, ни духу.

По-крайней-мѣрѣ, у Дизраэли нѣтъ нѣтъ, у другихъ и того нѣтъ: въ Англии есть, между прочимъ, какъ мы видѣли, свѣтскіе романы графини Дессингтонъ, какіхъ у насъ съ нѣкоторыхъ поръ даже не пишутъ; тамъ есть историческіе романы да манеры Валтера Скотта, имена романы Джона, появившіяся, едва ли не доакій мѣсяцъ, подобныя отъ русскихъ историческимъ романахъ, которые у насъ никогда не разбираются, а перечисляются въ библиографической хроникѣ за одинъ разъ съ народными пѣсенниками, азбуками и пронижъ; тамъ же эти самые романы читаются, и журналисты дѣлаютъ имъ всякій разъ пространный разборъ, точно рѣчь являть отъ Героя Нашего Времени или отъ Героя Бульбѣ. Прибавьте къ этому нравственные романы, появляющіеся тоже въ достаточномъ количествѣ, служащія для воспитанія дѣтей и, вѣроятно, достигающія своей цѣли, — а также немногочисленный отрядъ морскихъ романовъ, изъ которыхъ все-таки, хоть и рочка появится въ мѣсяцъ, — и вы будете тогда знать, что англійскія беллетристика, наслаждаясь наружно процвѣтаніемъ, находится дѣйствительно въ самомъ незавидномъ положеніи. Съ этою цѣлью мы принимались за обзоръ самаго блестящаго произведенія. Что же должны быть проія?

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Прибавимъ здѣсь только, что еще прошлаго вѣкою на-

часть известной либреттиски поэмѣ и переводили ихъ. Теперь получена и переводная у насъ почти половина этого романа, — и мы немедленно приступимъ къ печатанію его въ Отеч. Запискахъ.

VIII.

С И В С Ъ.

БИОГРАФИИ.

ЛАВУАЗЬЕ.

въ исторіи каждой науки, какъ и исторіи всякой другой человѣческой дѣятельности, необходимо повтoрятся тѣ же три главныя періода, которымъ идетъ развитіе каждаго ювіка. Чтo для каждаго изъ насъ качество, юность и зрѣлый возрастъ, для науки — мистическое, метафизическое и положительное воззрѣнія предметъ ея. Таковъ ужъ законъ человѣческаго мышленія, коюе начинается необходимо съ мистицизма и переходитъ отъ него въ эру положительнаго только съ появіемъ метафизики. Дѣйствительно, жившая съ незнакомыми явленіями, не зная ни ихъ взаимной связи, ни отношеній къ другимъ явленіямъ, чѣмъ, по своему врожденному безпопoстoу, старается открыть эти связи отношенія, разгадать причину, коюая произвела такія явленія. Но, чтобъ разгадать причину факта, надо знать прежде самый фактъ, а онъ известенъ еще въ первый разъ... Какъ быть, какъ выйти изъ этого задоуваннаго круга? Прямаго, логиче-

скаго выхода нѣтъ; а между-тѣмъ, умъ не хочетъ, не можетъ держать въ себѣ новаго представленія, ничѣмъ не связаннаго съ другими его представленіями... Тутъ-то услужливая чувственность является на помощь къ своему господину. Положимъ, что новое явленіе сильно поразило ухо, или ослѣпило своимъ блескомъ глаза непривычнаго наблюдателя. И къ этому болѣзненному ощущенію необходимо привязывается нравственная идея и ею съ-плеча объясняется все неизвѣстное — объясняется, конечно, мистически. Принявъ ложное начало, человѣкъ часто долженъ прибѣгать къ натяжкамъ, толковать явленіе не такъ, какъ онъ его видитъ въ дѣйствительности, а такъ, чтобъ можно было подвести его подъ то начало, или, если явленіе слишкомъ очевидно, то придѣлать къ самому началу что-нибудь объясняющее. Такъ, въ подобныхъ натяжкахъ, проходитъ долгій мистическій періодъ, пока, наконецъ, всеобъемлющее начало, чрезъ различныя придѣлки и дополненія, не исказится до того, что человѣкъ засмѣется надъ призракомъ, который самъ же себѣ создалъ.

Между-тѣмъ, онъ уже успѣлъ разсмoтрѣть факты вблизи, познакомился съ ними, знаетъ многія ихъ свойства.

Казалось бы, стоило просто продолжать знакомиться съ ними, изучать взаимныя ихъ отношенія и удовлетворяться тѣмъ, что можно знать. Но у кого не было періода юности, кто не предавался мечтамъ, кто не жилъ по идеальной теоріи, не хотѣлъ жить такъ, какъ бы могли жить люди, *еслибы вся жила разумно и любила другъ друга?*.. Поэтому-то, отказавшись отъ мистическаго начала, человѣкъ замѣняетъ его всеобъемлющими идеями природы, абсолюта, жизни, флогистона и тому подобныхъ энтитетовъ, которые отличаются отъ перваго только тѣмъ, что не заключаютъ въ себѣ ничего обязательнаго для человѣка и, призывая его къ одной опредѣленной точкѣ зрѣнія на всѣ явленія, мѣшаютъ разсматривать ихъ съ разныхъ сторонъ. Для метафизика главное дѣло не фактъ, а то, какъ проявляется въ немъ та идея или тотъ энтитетъ, который, по его мнѣнію, долженъ проявляться во всемъ мірѣ. Такое предпочтеніе, разумѣется, можетъ существовать только до тѣхъ-поръ, пока наука не принесетъ другаго *положительнаго* плода ученому, кромѣ восторженнаго соверщенія замысловато-созданной имъ всеобъемлющей системы. Но лишь-только доведется ему, съ существовующею пользою для себя, повторить знакомый фактъ въ дѣйствительной жизни—тогда прощай система! Онъ всей душой прильнетъ къ положительности и будетъ изучать не свою идею въ фактахъ, а самые факты, и, изучая ихъ, будетъ стараться только открыть законы, по которымъ они происходятъ, чтобъ, зная эти законы, можно было изъ самыхъ явленій извлекать пользу для дѣйствительной жизни.

Конечно, эти три періода развитія мысли не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкими чертами; давно замѣчено, что природа не любитъ скачковъ; но почти всегда подобный переходъ дастъ знать о себѣ или сильнымъ переворотомъ, или явленіемъ гениальнаго человѣка. Къ числу такихъ людей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Лавуазье, кото-

рымъ ознаменовался въ исторіи химіи переходный ея фазисъ — отъ метафизическаго къ положительному направленію.

До конца семнадцатаго столѣтія, химія состояла почти исключительно изъ одной алхиміи. Этотъ закоренѣлый предрассудокъ ясно выказывается въсѣхъ писателей младенчествовавшей науки, и большая часть несчастныхъ открытій совершалась подъ его вліяніемъ. Только нѣсколько гениальныхъ людей, какъ Лавуазье, Лемери, Бонль, Палласи, возвышали отдѣльные голоса противъ всеобщаго ослѣпленія. Но эти смѣлѣе метеоры быстро гасли во тьмѣ невѣжества. Наконецъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, около 1716 года знаменитый Эрнестъ Сталь первый и влекъ химію изъ мелочнаго мистицизма и создалъ для нея систему. Онъ собралъ несвязанные, случайно доставшіеся факты въ одно гармоническое цѣлое, такъ-что ихъ можно было обхватить однимъ взглядомъ, и наконецъ—основное начало своей системы изложилъ такъ ясно, что борьба его съ противоположнымъ, положительнымъ мистическимъ взглядомъ не могла быть продолжительною. Отъ-того и метафизическій мистифицизмъ химіи продолжался не болѣе столѣтія между-тѣмъ, какъ для другихъ наукъ онъ длился иногда три и четыре столѣтія. Однимъ словомъ, какъ Декартъ былъ предвѣстникомъ Ньютона, такъ Сталь былъ предвѣстникомъ Лавуазье.

Сталь признаетъ три начала: воздухъ, землю и огонь. Сущность воздуха онъ флогистонъ, который находится въ всѣхъ горючихъ веществахъ. Въ тѣло въ нормальномъ, обыкновенномъ состояніи, флогистонъ не выделяется въ немъ никакимъ образомъ, но если горючее вещество горитъ сильно, — флогистонъ отдѣляется отъ него и обнаруживается съ тѣмъ, что называется плотой. Изъ всѣхъ горючихъ веществъ, болѣе всего соединенъ флогистона въ сѣрѣ, которая соединяется съ флогистономъ въ сѣрѣ.

Посредствомъ этой системы, Сталь разрѣшилъ нѣкоторые вопросы, которые до него оставались неразрѣшенными.

ническіе вопросы. Горѣніе, химическое замѣненіе металловъ и различныя сплавковъ объяснялись самымъ частнымъ образомъ.

Что происходитъ при горѣніи органическихъ веществъ, на-примѣръ, дерева? Нагрѣтое до известной степени, горючее вещество отдѣляетъ теплоту и свѣтъ и производитъ новыя вещества. Но шпотевъ Сталя, эти явленія объясняются тѣмъ, что при нагрѣваніи освобождается изъ тѣла заключающійся въ немъ флогистонъ, который при освобожденіи всегда даетъ свѣтъ и теплоту; а новое вещество есть не что иное, какъ то же тѣло, лишенное флогистона.

Если какой-нибудь металлъ довести до краснаго каленія, то онъ обыкновенно измѣняется и въ составѣ и въ наружномъ видѣ. Изъ желѣза образуется вещество, известное подъ названіемъ окисла желѣза (rouille); изъ тѣла — порошокъ чернаго цѣта. Какъ объясняется это явленіе по теоріи Сталя? Металлы, говоритъ онъ, состоятъ изъ соединенія флогистона съ землянистымъ веществомъ, которое называется металлическою известью или землей. Желѣзо, на-примѣръ, состоитъ изъ флогистона и окисла, или желѣзной земли. Если нагрѣвать его въ соприкосновеніи съ воздухомъ, то флогистонъ отдѣляется, а окиселъ остается.

Металлическія земли, или что мы называемъ металлическими окислами, при нагрѣваніи съ углемъ, снова даютъ металлъ. По теоріи Сталя, и это очень-просто: уголь, нагрѣваясь, отдѣляетъ флогистонъ, который соединяется съ нѣмъ металлическою известью и такимъ-образомъ снова образуетъ металлъ.

Очевидно, что объясненія современной теоріи прямо противоположны объясненіямъ Сталя. Прежде, горѣніе рассматривалось какъ освобожденіе посторонняго начала, а для насъ это есть фактъ соединенія горючаго вещества съ другимъ тѣломъ. Названіе металловъ считалось процессомъ ала-

литическимъ, а для насъ это синтезъ. Металлы считались тогда тѣлами сложными, а теперь — они простыя.

Связанная флогистонемъ въ одно стройное цѣлое, химія пошла впередъ гигантскими шагами. Открытіе газовъ повело къ безчисленнымъ опытамъ, которые сильно раздвинули ея тѣсныя предѣлы. Фан-Гельмонтъ, Галь и Вевель въ разныя времена замѣтили, что при химическихъ процессахъ отдѣляется упругая жидкость; но они считали ее воздухомъ. Въ 1755 г., Блэкъ подмѣтилъ въ ней особыя свойства и началъ отличать отъ воздуха. Слѣдующіе поръ ревность химиковъ уже не знала предѣловъ, и въ исторіи наукъ рѣшительно нѣтъ другаго періода, въ которомъ бы ученые дѣйствовали съ такимъ пламеннымъ увлеченіемъ, какъ въ это время. Во Франціи, Руэль изслѣдовалъ соли, въ Англіи — Кевендишъ и Пристли неутомимо работали надъ газами, между-тѣмъ, какъ Бергманъ въ Германіи и Шееле въ Швеціи каждый день дѣлали для химіи новыя пріобрѣтенія. Открытія такъ быстро снѣвались одно другимъ, что періодическія изданія не успѣвали печатать химическихъ новостей.

Система Сталя не успѣвала отвѣчать на безчисленные запросы, и часто, особенно предъ газами, становилась въ тупикъ. Флогистонъ объяснял новыя явленія сбивчиво и темно. Бюффонъ, Боні, Маккеръ придавали ему каждый свое значеніе, и великая идея Сталя уже исчезала во множествѣ толкованій; съ каждымъ днемъ остывало всеобщее уваженіе къ флогистону... Анархія снова грозила наукамъ.

Наконецъ, является Лавуазье — и препятствія, заслонявшія дорогу его современникамъ, исчезли; самыя задушевные тайны природы сдѣлались достояніемъ науки, которой онъ посвятилъ свой гений.

И какъ просто все это сдѣлалось! Лавуазье началъ съ того, что вередѣлалъ надъ газами всѣ опыты своихъ предшественниковъ, начиная съ перваго открытія Блана, и агани опытами

удостоверился, что *въсь* некоторыхъ металъ при горѣннѣ увеличивается, и что металлическія земли, при накаливаніи съ углемъ, отдѣляютъ эластическую жидкость.

Лавуазьё тотчасъ понялъ, что первый изъ этихъ фактовъ совершенно опровергаетъ систему Сталя, по которой металлъ, теряя при нагрѣваніи содержащійся въ ней флогистонъ, долженъ уменьшаться, а не увеличиваться въ *вѣсѣ*. Но онъ понялъ и то, что вести открытую войну съ мнѣніями, утвердившимися въ теченіе шестидесятилѣтняго владычества ихъ, бесполезно, и что гораздо - благоразумнѣе незамѣтнымъ образомъ, не отвергая старое, ввести новое, которое бы вполнѣ его замѣнило. Вотъ какъ приступилъ онъ къ своему дѣлу: 1-го ноября 1772 года, онъ представилъ академіи наукъ слѣдующій мемуаръ:

«Съ медью навадъ, я открылъ, что фосфоръ и сѣра, сгарая въ воздухѣ, даютъ кислоты, увеличиваясь въ *вѣсѣ*. Это увеличеніе происходитъ отъ притока къ нимъ воздуха. Если *вѣсѣ* металловъ при накаливаніи также увеличивается, то и это равнымъ образомъ происходитъ отъ притока воздуха, что я могу доказать на опытахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять металлическую известь и накаливать ее съ углемъ, то при переходѣ извести въ состояніе металла, на-примѣръ, когда глетъ (litharge) превращается въ свинецъ, отдѣляется воздухъ, соединившійся съ нимъ прежде при томъ накаливаніи, когда свинецъ превращался въ глетъ.

«Это открытіе кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, какое только было сдѣлано послѣ Сталя; сообщая о немъ академіи, я желаю оставить его тайнѣ до-тѣхъ-поръ, пока не объявлю о своихъ опытахъ.»

Съ-тѣхъ-поръ Лавуазьё почти не упоминалъ о флогистонѣ. Только въ 1776 году, въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, говоритъ какъ-бы мимоходомъ, что при химическихъ объясне-

ніяхъ можно обойтись и безъ этого начала.

Наковецъ, уже послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій, когда собственными его мыслями соврѣли и превратились въ твердые убѣжденія, онъ написалъ свои знаменитыя размышленія о флогистонѣ, въ которыхъ излагаетъ собственные опыты, нападаетъ открыто на ученіе Сталя и безпощадной логикой отвергаетъ его навсегда.

Впрочемъ, какъ ни важно уничтоженіе флогистической теоріи, но, чтобъ понять значеніе Лавуазьё въ исторіи химіи, необходимо узнать то, чѣмъ замѣнилъ онъ эту теорію и какинъ путемъ дошелъ до того взгляда, который сохранился до-сихъ-поръ почти неизмѣненнымъ... Слѣдя за его изслѣдованіями, мы видимъ, что введенное имъ званіе безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя создаются только гевіями.

Первый камень, разрушившій теорію Сталя, легъ въ основаніе новаго званія. Въ 1772 году, Лавуазьё, какъ мы сказали, открылъ, что *вѣсѣ* тѣлъ при горѣннѣ увеличивается. Въ 1776 году онъ удостоверился, что при всякомъ горѣннѣ, съ горючимъ тѣломъ соединяется изъ воздуха эластическая жидкость, которую онъ называлъ *жизненнымъ воздухомъ*, потому что она одна способна поддерживать дыханіе животныхъ. Почти въ то же время, въ Лондонѣ, Пристли открылъ кислородъ, и въ этомъ отношеніи ему обыкновенно отдается первенство; но между-тѣмъ, какъ для англійскаго химика это изобрѣтеніе не привнесло почти никакого результата, Лавуазьё съ помощію его обогатилъ науку огромнымъ рядомъ самыхъ блистательныхъ открытій. Онъ нашелъ, что этотъ жизненный воздухъ, заключающійся въ атмосферѣ, не только возбуждаетъ и поддерживаетъ всѣ отправления органическихъ существъ, но еще играетъ почти такую же важную роль въ тѣлахъ не-органическихъ и въ проступленности человеческихъ обществъ. Кислородъ сталъ на первомъ мѣстѣ

всей системы Лавуазье, такъ-что современники подозрѣвали, не преувеличивается ли онъ его важность, и шутя говорили другъ другу:

«Любите вы кислородъ? онъ идетъ во все.»

Но Лавуазье не ошибался, и скоро, изслѣдовавъ кислородъ въ безчисленныхъ его соединеніяхъ, объяснивъ главные признаки его дѣйствія и самыя неуловимыя проявленія, доказавъ справедливость своихъ предположеній.

Въ 1776 г., онъ замѣтилъ, что фосфоръ и сѣра горятъ въ воздухѣ именно потому, что соединяются съ кислородомъ, и что образующіяся при этомъ кислоты происходятъ отъ непосредственнаго соединенія кислорода съ сгорѣвшимъ тѣломъ. Изучая составъ селитры, онъ нашелъ, что заключающаяся въ этой соли кислота происходитъ также отъ кислорода.

Скоро потомъ, основываясь на этихъ открытіяхъ, Лавуазье произвелъ тотъ гениальный анализъ атмосфернаго воздуха, который до-сихъ-поръ остается образцовымъ. Извѣстно, что воздухъ состоитъ (за исключеніемъ весьма-малаго количества углекислоты) изъ двухъ газовъ: кислорода и азота. Нагрѣвая въ-теченіе восьми дней ртуть въ извѣстномъ объемѣ воздуха, онъ успѣлъ извлечь изъ него весь кислородъ, и такимъ-образомъ въ остаткѣ получилъ извѣстное количество азота. Но Лавуазье не удовлетворился этимъ опытомъ. Сильно нагрѣвая полученный отъ соединенія ртути и кислорода красный порошокъ, онъ снова освободилъ весь поглощенный кислородъ и, соединивъ его съ изолированнымъ азотомъ, получилъ прежнее количество воздуха со всѣми его атмосферными свойствами. Очевидная несомнѣнность и простота этого опыта сдѣлали его предметомъ общихъ толковъ и заставили всѣхъ обратить вниманіе на Лавуазье, о которомъ до-тѣхъ-поръ едва знали въ академіи наукъ.

Изслѣдовавъ составъ воздуха, Лавуазье обратился къ явленіямъ физиологическимъ. Конечно, нужна боль-

шая сила ума, чтобъ при младенческомъ состояніи науки приступить къ такому сложному вопросу. Но гениальный человекъ и здѣсь дошелъ до результата, который до-сихъ-поръ остается неприкосновеннымъ. — Замѣтивъ, что въ процессѣ дыханія поглощается кислородъ и образуется углекислота, онъ призналъ, что процессъ этотъ — не что иное, какъ настоящее горѣніе, т. е. превращеніе кровяныхъ матеріаловъ въ углекислоту; а какъ при каждомъ горѣніи отдѣляется теплота, то, разрѣшивъ первый вопросъ, Лавуазье объяснилъ и причину животной теплоты. Конечно, мы уже не такъ просто понимаемъ этотъ фактъ, но и самъ Лавуазье видѣлъ недостаточность своего объясненія и, за нѣсколько времени до своей смерти, намѣревался исправить свою теорію, не смотря на то, что современная химія вѣрила ей слѣпо и вѣрила съ увлеченіемъ, котораго не возбуждали ни предшествовавшія, ни послѣдующія теоріи.

Возвратившись къ не-органической химіи, Лавуазье изслѣдовалъ во всѣхъ подробностяхъ явленія горѣнія, объяснилъ разложеніе металловъ въ кислотахъ, раскрылъ причину внезапныхъ взрывовъ въ желѣзныхъ рудникахъ, далъ правильное значеніе въ своей теоріи всѣмъ случайнымъ открытіямъ алхимиковъ и замѣчаніямъ послѣдователей флогистической теоріи. Очערѣдко проникательность Лавуазье бывала обманута; онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ основателей ученыхъ доктринъ, которые всего больше берегутся заблужденій въ подробностяхъ—этого почти-невольнаго увлеченія при систематическомъ развитіи идеи. Чтобъ сквозь всю путаницу случайныхъ явленій, сопровождающихъ химическій процессъ, рассмотреть его основной фактъ, — на это у Лавуазье была такая вѣрность, такая тонкость взгляда, которой невольно изумляешься, читая труды его. Въ этомъ чудномъ инстинктѣ, который бываютъ одарены великіе химики, въ этомъ не-

достижимомъ вантѣ, который съ разу даетъ угадывать чувствительную и доступную сторону задачи, нѣкоторые изъ позднѣйшихъ ученыхъ сравнивали съ Лавуазье, но ни одинъ не превзошелъ его. Не разъ случалось, что всѣ самые искусные, самые проникательные современники, измучившись надъ какии-нибудь колючими вопросамъ, отступятся отъ него, — какъ вдругъ Лавуазье, какъ-бы шута, подниметъ его снова и броситъ рѣшенье свѣтлое и неожиданное. Исторія его опытовъ надъ природою алмаза представляетъ такой рѣдкій примѣръ тонкаго анализа, такъ рѣзко обнаруживаетъ его огромное преимущество надъ всѣми современниками, что невозможно не привести здѣсь нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствъ этой исторіи.

Искони вѣковъ мысль о совершенствѣ льнетъ къ тому, что рѣдко и дорого, и алмазъ постоянно пользовался особенною знаменитостью, какъ единственный капиталъ, который можетъ сохраняться, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ. Когда поиски за философскимъ камнемъ и самодѣльными золотомъ потеряли прежнюю привлекательность, алмазъ своими особенностями привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Но то, что называется обыкновенно *обстоятельствами и средствами*, а переводится деньгами, представляло важныя затрудненія для *оригинальныхъ* опытовъ, и въ началѣ ими занимались только владѣтельные особы. Первый, кому мы обязаны химическими изслѣдованіями алмаза, былъ великій герцогъ тосканскій Козма III Медичи. По его повелѣнію, въ 1695 году, члены древней академіи *del cimento*, Аверьяни и Тарджіани, подвергали алмазъ и другіе драгоценныя камни дѣйствию солнечныхъ лучей посредствомъ сильныхъ зажигательныхъ стеколъ. При этихъ опытахъ оказалось, что алмазъ въ теченіе получаса исчезалъ совершенно, не оставляя даже слѣдовъ, между-тѣмъ, какъ другіе камни оставались цѣлы и

только дѣлались нѣсколько-мягче и измѣняли цвѣтъ.

Такимъ-образомъ оправдалось предсказаніе Ньютона, который, единственно по сильной преломляемости лучей въ алмазѣ, считалъ его тѣломъ горючимъ.

Послѣ того, алмазы исчезали въ лабораторіяхъ въ безчисленномъ множествѣ. Иногда обрекали ихъ на вѣрную гибель вдругъ по двадцати, и послѣ опыта не оказывалось даже и слѣдовъ ихъ. Но, не смотря на эти роскошныя аргументы, фактъ стараяемости алмазовъ такъ противорѣчилъ свойствамъ прочихъ драгоценныхъ камней, что ему вѣрили только тѣ, которые удавалось быть очевидцами разрушительнаго опыта — и то не всегда. Ученые умбались маніи принцевъ и перестали считать это открытіе предразсудкомъ только тогда, когда услышали подтвержденіе его отъ своихъ знаменитыхъ собратьевъ, Дарсе и графа Лорангэ. Въ 1771 году, одинъ любитель привезъ Макеру, прекрасный, рѣдкой грани и чистоты брильянтъ и просилъ его подвергнуть эту драгоценность спорному опыту. Макеръ принялъ предложеніе съ радостью и пригласилъ на этотъ химическій праздникъ друзей своихъ и знакомыхъ обоего пола. Произвели опытъ, но окончаніи котораго Макеръ, даже съ помощію микроскопа, не открылъ и слѣдовъ блестящаго камня. Италъ, ученые убѣдились. Оставалось убѣдить брильянтчиковъ и золотыхъ-дѣла-мастеровъ, которые, въ свою очередь, утверждали, что они сами перѣло кладутъ алмазы въ сильный жаръ, и никогда не терять отъ того убытка: камень, напротивъ, всегда дѣлался чище и лучше. Перваго удачнаго опыта, произведеннаго Макеромъ по просьбѣ такого ремесленника, было водосточное. Явился другой брильянтчикъ, Мальяръ. Положивъ три алмаза въ туринскую глиняную трубку, наполненную угольнымъ порошкомъ, Мальяръ передалъ трубку Макеру, который съ усмѣшкой положилъ ее въ горнъ и когда, по окончаніи опыта,

возникъ драгоценностей началъ ис-
ать ихъ въ развалинахъ трубки, уче-
ый съ самодовольнымъ видомъ пред-
ожилъ ему испать лучше въ трубѣ —
сажѣ, а не въ пеплѣ. Но, увы!
ржество химии было непродолжи-
ьно. Черезъ полчаса, когда все
ладилось, изъ уплывшей головни
убки — выкатились три по прежне-
у блестяшіе алмаза... Тотъ же
ытъ, повторенный Мальрономъ въ
ругой разъ, выѣлъ тотъ же резуль-
тъ. Въ свою очередь смутились и
ченые. Вопросъ дѣлался сложнымъ
требовалъ проницательности. Тутъ—
ристалъ къ дѣлу Лавуазье. Онъ на-
алъ съ первыхъ опытовъ посред-
ствомъ важнѣйшихъ стеколъ и убѣ-
ился, что алмазъ не улетучивается, и
орить только въ воздухъ, а въ газѣ,
способномъ поддерживать горѣніа,
стается невреднымъ. Наконецъ, онъ
доставѣрился, что алмазъ, сгарая,
становитъ по себѣ газъ и именно газъ
углеродный началомъ; а отсюда
ыведъ заключеніе, что алмазъ имѣетъ
ольшую аналогію съ углемъ. Конечно,
ь противность нашему убѣжденію о
овершенномъ сходствѣ этихъ двухъ
ществъ, онъ прибавлялъ, что ана-
огію между ними не надо распростра-
ать слишкомъ далеко; но это только
казываетъ его осторожность въ вы-
одахъ и еще болѣе убѣждаетъ въ
онъ, что этотъ человекъ далеко пре-
осходитъ своихъ современниковъ,
изъ которыхъ никто почти не согла-
ался признать въ этой аналогіи.

Но возвратимся къ открытіямъ Ла-
уазье.

Наслѣдовавъ составъ кислотъ и опре-
дѣливъ, что всѣ онѣ происходятъ отъ
кислорода, Лавуазье занялся разложе-
ніемъ воды, повторилъ опыты Кавен-
диша и нашелъ, что въ этой жидко-
сти двѣнадцать частей (по объему) ки-
слорода соединяются съ двадцатью
частями водорода. Точѣйшаго
опредѣленія въ то время, когда едва
только перестала считать воду про-
стымъ тѣломъ, нельзя было сдѣлать.
Наконецъ, кто бы могъ думать, что ме-

тодь нынѣшняго органическаго анали-
за есть методъ Лавуазье! что вопросъ о
броженіи остается до-сихъ-поръ по-
чти въ томъ же положеніи, въ какомъ
оставилъ его Лавуазье!

И послѣ всего этого — рѣдкое явле-
ніе въ ученномъ мірѣ — великій чело-
вѣкъ не превращалъ своихъ предше-
ственниковъ! Вотъ какъ отзывался онъ
о системѣ Стала въ своихъ «Размышле-
ніяхъ о флогистонѣ»:

«Но если все объясняется въ химіи
удовлетворительно безъ помощи фло-
гистона, то весьма-вѣроятно, что это
начало не существуетъ, что это веще-
ство вымышленное — простое пред-
положеніе: потому-что здравая логика
не требуетъ того, что ни для чего не
нужно. Можетъ-быть, я могъ бы удо-
ветвориться этими отрицательными
доводами, доказавъ только, что хими-
ческія явленія повятнѣе безъ флоги-
стона, нежели съ флогистономъ; но по-
ра уже объясниться опредѣлительнѣе
и точнѣе о заблужденіи, которое опас-
но для химіи и сильно устанавливаетъ
ея успѣхи».

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе откры-
тій Стала и всего, что получила наука
отъ патриарха химии.

Но Лавуазье имѣлъ дѣло не съ од-
нѣми идеями Стала: онъ разбираетъ
предположенія всѣхъ его послѣдовате-
лей и отвергаетъ флогистонъ во всѣхъ
видахъ и значеніяхъ съ такою неотра-
вимомъ меткостью и логической стро-
гостью доводовъ, которой трудно най-
дти притѣры въ исторіи ученыхъ раз-
доровъ.

Такъ писалъ Лавуазье въ 1788 году, и
черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ исчезли
послѣдніе слѣды флогистики, и на раз-
валинахъ ея явилась во всемъ блескѣ
система французскаго реформатора,
названная *инематическою*, потому-что
основывалась на изслѣдованіяхъ га-
зовъ. И этой скорой побѣдой обязанъ
Лавуазье не слабости сопротивленія, а
силѣ собственнаго оружія. Противни-
ковъ у него было много, и защищались
они упорно, потому-что флогистиче-
ская теорія, по своей простотѣ и на-

глядности доводовъ, въ-теченіе шестнадцати лѣтъ успѣла пустить глубокіе корни въ самыхъ замѣчательныхъ умахъ того времени. Сначала почти не хотѣли и слушать Лавуазьѣ. Въ Англіи и Германіи слушали его какъ-бы изъ милости; во Франціи соглашалась съ нимъ одна Лапласъ. И вотъ какъ писалъ о немъ Макеръ въ 1778 году:

«Г. Лавуазьѣ давно уже пугаетъ насъ какимъ-то великимъ открытіемъ, которое держитъ *in petto*, и которое должно, по его словамъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ опрокинуть всю флогистическую теорію. Слушая, съ какою увѣренностью онъ говоритъ это, я умиралъ отъ страха. И куда бы дѣвались мы съ нашей старой химіей, если бы пришлось строить зданіе снова? Что касается до меня, я отказываюсь. Къ счастью, въ послѣднее публичное заступаніе академіи, г. Лавуазьѣ объяснилъ намъ свое открытіе, и съ-тѣхъ-поръ у меня на желудкѣ стало гораздо-легче.

«По его мнѣнію, въ горючихъ тѣлахъ нѣтъ собственнаго огненного вещества, а при всякомъ горѣніи только разлагается воздухъ. Судите, было ли отъ-чего такъ пугаться!»

Но многочисленность открытій Лавуазьѣ, и ясность его опытовъ, точность исследованийъ, мало-по-малу открыли глаза химикамъ. Съ нимъ начали заводить рѣчь безъ презрительной улыбки, а прислушавшись, увлекались невольно. Бертоле, самый отчаянный защитникъ флогистона, который болѣе десяти лѣтъ боролся съ новыми теоріями, въ 1785 г., первый, торжественно, при полномъ собраніи академіи, отрекся отъ ученія Сталя и перешелъ на сторону Лавуазьѣ. Его примѣру послѣдовали Лапласъ, Монжъ, Ковдорсѣ, Куломбъ и Діонисъ. Фуркруа, ограничившійся при первомъ излаженіи своей «Химіи» историческимъ изложеніемъ обѣихъ противныхъ теорій, чрезъ нѣсколько времени и въ книгѣ своей и на лекціяхъ началъ распространять идеи Лавуазьѣ. Вліаніе его слова сильно ускорило популярность новой системы. Въ 1789 году, пневматическая

теорія сдѣлалась всеобщей въ ученномъ мірѣ — примѣръ единственный, можетъ-быть, въ гѣтонисяхъ образованій: Лавуазьѣ не только создал новую науку, но видѣлъ и торжество своего созданія...

Итакъ, флогистона нѣтъ; всѣ извѣненія въ тѣлахъ происходятъ единственно отъ замѣненія ихъ состава; но законамъ химическаго сродства; но въ-тѣхъ матеріи никогда не замѣняется, потому-что она по природѣ своей нѣжна, и, замѣняя форму и вѣсто, и уменьшиться ни увеличиться не можетъ. Всѣ тѣла состоятъ изъ простыхъ элементовъ, которые не подлежатъ анализу. Элементы греческихъ философовъ, какъ и элементы Сталя, не суть начала простые. Существенныя части воздуха — кислородъ и азотъ; вода образуется изъ водорода и кислорода; составъ земли еще сложнѣе; огонь — только особое состояніе матеріи. Металлы, водородъ, азотъ, кислородъ — тѣла простые. Самую важную роль въ природѣ играетъ кислородъ — основная причина всякаго горѣнія и окисленія. Онъ соединяется съ раскаленными металлами и увеличиваетъ ихъ вѣсъ; онъ образуетъ существенную часть земной оболочки, воздуха, воды, животныхъ и растений... Химическое явленіе дыханія состоитъ въ простомъ горѣніи крови посредствомъ содержащагося въ воздухѣ кислорода; животная теплота — слѣствіе этого горѣнія. Металлическія земли — не что иное, какъ окисленные металлы. При каждомъ соединеніи, количество соединяющихся веществъ неизмѣнно. Но эти соединенія, по различію составныхъ частей, разнообразны до безконечности.

Въ такомъ состояніи вышла химія изъ рукъ Лавуазьѣ. Все дѣвшее, замѣанное на нее за недостаткомъ положительныхъ фактовъ, для прикрытія необъяснимаго, котораго такъ не терпѣть человѣческой глазъ, — все это исчезло какъ-бы по маговскому величаго челоука. Ни одна мистическая идея ни одинъ метафизическій узелъ не нѣ-

шли ей идти тѣмъ правильнымъ путемъ, по которому она идетъ теперь, безъ гениальныхъ двигателей, вслѣдъ за старшими сестрами своими, математикой, астрономіей и физикой.

Но мы исчислили еще не всѣ заслуги Лавуазье, и не упомянули подвига важнаго, именно: химія была заграждена смѣшными, таинственно-сбивчивыми терминами алхимиковъ, и эти ключіе шипы, если и не препятствовали развитію истинъ, то тѣмъ не менѣе задерживали, замедляли это развитіе. Слѣдовало создать новую химическую номенклатуру, и Лавуазье, съ помощію Фуриура, Гитона де-Морво и Бертоле, создалъ ее, и до-сихъ-поръ мы пользуемся въ ней немногое.

Что жъ это за человекъ? откуда онъ? какъ образовалась такая личность и какъ именно проявлялась она въ тѣсныхъ предѣлахъ науки?.. Вотъ, что мы знаемъ о Лавуазье, кромѣ его многочисленныхъ академическихъ немуровъ.

Онъ родился въ Парижѣ, въ 1743 году, при весьма-счастливой обстановкѣ. Отецъ его, человекъ здравомыслящій и просвѣщенный, скоро замѣтилъ въ сынѣ блестящія способности и употребилъ всѣ средства, чтобъ содѣйствовать ихъ развитію. По выходѣ изъ Мазаринской Коллеги, гдѣ онъ оказалъ замѣчательные успѣхи, молодой Лавуазье принялся вдругъ за всѣ точныя науки. Бернаръ-Жюссѣ былъ его наставникомъ въ ботаникѣ, аббатъ Ланаль—въ математикѣ и астрономіи. Истинный ревнитель науки, Геттаръ, составившій первую геологическую карту Франціи, поселилъ въ немъ страсть къ географическимъ путешествіямъ. Лавуазье со всѣмъ жаромъ молодости предался геологій, которая, по своей новосте, представлялась ему необоримой ареной для ученыхъ изслѣдованій. Наконецъ, въ лабораторіи Руэля онъ сдѣлалъ первые химическіе опыты.

Отецъ Лавуазье, составившій себѣ значительное состояніе торговлею, предоставилъ сыну полную свободу въ

избраніи рода занятій и, не ограничивая его дѣятельности опредѣленною карьерой, не мѣшалъ ему употреблять время на ученые занятія, которыми Лавуазье не замедлилъ посвятить себя всего съ рѣдкою въ его лѣта исключительностью. Положеніе его семейства въ обществѣ обявляло его поддерживать отношенія, которыя отнимали у него время, и онъ совершенно отказался отъ этихъ отношеній. Усиленные занятія начали вредно дѣйствовать на его здоровье и онъ пріучилъ себя питаться только молочною пищею, а занятій своихъ не сократилъ.

Но, предавшись наукѣ со всѣмъ жаромъ ювощескаго возраста, Лавуазье еще не избралъ опредѣленнаго направленія, и такъ-какъ успѣвалъ почти во всемъ, то этотъ выборъ для него былъ крайне-труденъ. Такъ съ Геттаромъ онъ сдѣлалъ нѣсколько минералогическихъ путешествій, которыя возбуждали въ немъ новыя мысли насчетъ строенія земнаго шара; а между-тѣмъ, написалъ о нинимомъ превращеніи воды въ землю и о составѣ известковаго камня, и въ то же время занимался предложеннымъ академіею наукъ вопросомъ о новомъ способѣ общественнаго освѣщенія.

Лавуазье было тогда двадцать-одинъ годъ. Начавъ свои изслѣдованія надъ освѣщеніемъ, онъ замѣтилъ, что зрѣніе его не довольно чувствительно, не довольно изощрено для сравненія различнаго напряженія пламени. Не задумываясь, онъ велѣлъ выкрасить стѣны своей комнаты черной краской и просидѣлъ въ ней, въ совершенномъ мракѣ, полтора мѣсяца. Такое самоотверженіе не осталось безплоднымъ, и чрезъ шесть недѣль онъ уже могъ различать самыя неуловимыя для простаго глаза степени освѣщенія. Академія присудила ему награду, но раздѣлила ее думъ его конкурентамъ, которые потратились на опыты выше своихъ средствъ.

Наконецъ, Лавуазье замѣтилъ въ себѣ особенное пристрастіе къ химическимъ изслѣдованіямъ, и съ-тѣхъ-поръ главный вопросъ его жизни былъ рѣ-

шенъ навсегда: онъ принадлежалъ химіи. Успѣхъ первыхъ занятій его на этомъ поприщѣ уничтожилъ послѣднія сомнѣнія. Совѣты наставника его, Руаля, конечно, шли въ этомъ случаѣ свою цѣль: его преподаваніе и увлекательное краснорѣчіе его публичныхъ лекцій должны были сильно дѣйствовать на умъ Лавуазьѣ.

Какъ бы то ни было, но Лавуазьѣ предлежало химическимъ изслѣдованіямъ, и послѣдствіемъ оправдали его выборъ.

Мы уже видѣли, какъ Лавуазьѣ, почти въ самомъ началѣ своего поприща, попалъ на основаній фактъ, который долженъ былъ разрушить флогистическую теорію, и какъ онъ однимъ взглядомъ обвѣялъ то поприще, на которое выгнулъ его геній. Можно сказать, что въ эту минуту вся его будущность раскрылась у него передъ глазами, — будущность, полная борьбы, пожертвованій и испытаній всякаго рода, но блестящая надеждой и вѣчной славою.

Понимая, что состоянія его будутъ недостаточны для предстоящихъ многочисленныхъ изслѣдованій, онъ началъ искать службы и получилъ мѣсто *генеральнаго фермера* (*fermier général*), потомъ женился на дочери генеральнаго фермера и такимъ образомъ составилъ себѣ состояніе въ 80,000 ливровъ годового дохода.

У него собирались, по воскресеньямъ, всѣ парижскія знаменитости ученаго міра. Кондорсѣ, Лагранжъ, Мовжъ, Бальмъ, Бертоле, Мёнье, Лапласъ, Ласепедъ, Фуриера и всѣ иностранные ученые, пріѣзжавшіе въ Парижъ, участвовали въ этихъ знаменитыхъ собраніяхъ, гдѣ обсуживались всѣ новыя открытія и тутъ же повторялись на опытъ въ лабораторіи. Лавуазьѣ председательствовалъ въ этихъ любопытныхъ собраніяхъ и часто рѣшалъ какой-нибудь споръ глубоко-обдуманымъ мнѣніемъ, которое увлекало за собой всѣ противныя стороны. Послѣ каждаго засѣданія академіи, онъ имѣлъ обыкновеніе также спорить о предметахъ, обсуживавшихся въ этомъ засѣданіи съ первыми

того времени математиками и химиками. Такъ шелъ онъ, съ глубокой предусмотрительностью, не пренебрегая никакимъ средствомъ, могущимъ скорѣе подвинуть его къ видной цѣли, обвившей всю его жизнь.

Съ этого времени начинается тотъ изумительный періодъ, который хотя продолжался не болѣе пятнадцати лѣтъ, но въ который Лавуазьѣ успѣлъ доказать рѣшительно безприщирную плодovitость ума и ревность къ наукѣ. Онъ написалъ до шестидесяти химическихъ и физическихъ мемуаровъ, такъ что въ 1782 г. въ академіи весьма основательно говорили: «въ этотъ годъ г. Лавуазьѣ написалъ столько мемуаровъ, что нѣтъ возможности напечатать ихъ всѣ».

Мы уже знаемъ, что пріобрѣла наука отъ его пятнадцатилѣтнихъ занятій.

Если вспомнить длинный рядъ его открытій, то трудно представить себѣ, какъ успѣвалъ Лавуазьѣ рядомъ съ учеными выводами вести огромное счетоводство по званію генеральнаго фермера. Но онъ такъ располагалъ свое время, что служебныя занятія его никогда не страдали отъ химическихъ опытовъ и процессовъ. Каждое утро и вечеръ онъ работалъ по нѣскольку часовъ въ лабораторіи; а прочее время оставалось для службы.

Въ первое время поступленія его въ генеральные фермеры, на него смотрѣли съ явнымъ неудовольствіемъ. Лавуазьѣ былъ такъ ученъ, что не могъ не показаться школьникомъ въ кругу чиновниковъ. Но пора первой недовѣрчивости скоро миновала: онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ членомъ комитетовъ и самымъ труднымъ порученіемъ постоянно возлагались на него.

Въ дѣлахъ административныхъ, ина Лавуазьѣ осталось на всемъ, что дѣлано великаго и полезнаго въ эту эпоху; въ рѣдкомъ изъ важныхъ преобразованій относительно общественного порядка не участвовалъ онъ своими познаніями или совѣтами.

Онъ не могъ удовлетвориться тѣмъ взглядомъ обыкновенныхъ генеральныхъ фермеровъ: онъ зналъ, какъ асто казенныя операціи вредятъ одному богатству и потому, одинъ изъ первыхъ, требовалъ уменьшенія одапей. Не разъ содѣйствовалъ онъ уничтоженію налоговъ, тягостныхъ для народа и непринесшихъ значительной выгоды государству.

Въ 1776 году, министръ Тюрго, желая поощрить производствъ пороха и обыкновеня селитры, учредилъ комиссію о порохѣ и селитрѣ, и управленію поручилъ Лавуазьё. Его химическія изслѣдованія и на этомъ пути приели къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ.

Извѣстно, что на влажныхъ стѣнахъ огребовъ и подваловъ, съ теченіемъ времени, образуется довольно-толстый слой селитрянистаго вещества. Тогда ще не знали другихъ источниковъ обыкновеня селитры, и для этой цѣли въ погребахъ частныхъ лицъ правительствомъ производило періодическіе выски. Лавуазьё положилъ конецъ этимъ неприятнымъ для владѣльцевъ омовъ посѣщеніямъ, доказавъ, что селитра образуется также въ большомъ оличествѣ на разныхъ смазкахъ, на стѣнахъ старыхъ здавій и во всѣхъ аавадинахъ. Съ-тѣхъ-поръ, этотъ новый источникъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, и наставленіе, которое оставилъ Лавуазьё для добыванія селитры, служить руководствомъ на колезскихъ селитряныхъ заводахъ. Онъ также ввелъ счастливыя измѣненія въ фабрикаціи самаго пороха, и пуи, говорить, летаютъ съ-тѣхъ-поръ альше на четверть прежняго разстоянія.

Въ-послѣдствіи, когда возрасла потребность на порохъ и пропорціонально съ нею увеличилось потребленіе селитры по способу Лавуазьё, каждый могъ добывать эту соль у себя дома. Въ извѣстный день домовладѣльцы съ оржествомъ приносили на алтарь отечества *соль мицаніа, соль освобожденія...*

Лавуазьё былъ членомъ орлеанскаго провинціального собранія, служилъ при парижской счетной кассѣ и наконецъ, какъ экстраординарный депутатъ Конституціоннаго Собранія, участвовалъ въ комиссіи народной кассы.

Въ званіи члена этой комиссіи, онъ написалъ малознаѣтное теперь сочиненіе, которое оварило финансовое состояніе Франціи яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ. Это сочиненіе называется *Rapport sur l'état des finances au 1 janvier 1792, par un député suppléant de l'assemblée constituante*.

Въ 1791 г., онъ обнаружилъ въ-которые изъ своихъ взглядовъ на политическую экономію, явлавъ разсужденіе о территориальномъ богатствѣ Франціи: это разсужденіе, которое Конституціонное Собраніе положило напечатать на общественный счетъ. Этотъ небольшой очеркъ истинный образецъ той ясности и точности, какія нужны при изслѣдованіи общественнаго хозяйства. Между-тѣмъ, это былъ только эскизъ огромнаго сочиненія, для котораго планъ уже былъ готовъ, материалы расоложены, и которое онъ предполагалъ выдать въ-послѣдствіи.

Въ 1792 г., Академія Наукъ назвала его однимъ изъ членовъ комиссіи, занимавшейся установленіемъ постоянной системы вѣсовъ и мѣръ. Онъ принялъ сильное участіе въ начальныхъ изысканіяхъ этой знаменитой комиссіи, потому-что нашелъ тутъ прекрасный случай приложить свой огромный талантъ въ физическимъ опытамъ и еще разъ подвергнуть испытанію точность и вѣрность своего сужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Лавуазьё дожилъ до конца этого прекраснаго ученаго предпріятія, — не допустилъ бы онъ изыскивать легкія средства для распространенія въ народѣ новой системы, совѣтъ-несогласной съ народными привычками, и не допустилъ бы глушить эту систему обезобразившими ее недостатками въ подробностяхъ.

Но не суждено было Лавуазьё долге посвящать свою жизнь на пользу отечества.

чества. Событія, долженствовавшія положить такой горькій предѣлъ этой жизни, созрѣли въ то самое время, когда онъ занятъ былъ издавіемъ полнаго собранія своихъ мемуаровъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ученый міръ уже начиналъ понемногу терять воспоминаніе о его ученыхъ твореніяхъ, и его доктрина, извѣстная тогда подъ названіемъ *ученія французскихъ химиковъ* (*doctrine des chimistes français*), казалась смѣшавъ имя изобрѣтателя съ именами послѣдователей его школы, отняла у него личную долю въ собственномъ его твореніи. Несправедливость была велика, и онъ ее чувствовалъ. «Это ученіе» писалъ онъ въ 1793 году: «не есть, какъ поносятъ про него слухи, ученіе французскихъ химиковъ: оно — мое; это — единственная собственность, которой я требую отъ современниковъ и потомства». Тогда-то рѣшился онъ, для окончательнаго приведенія въ извѣстность своихъ правъ, издать собраніе трудовъ, которыми такъ терпѣливо созидалъ вѣчный памятникъ своему гению. Сочиненіе должно было составить восемь томовъ; но заключеніе его въ тюрьму остановило начатое уже печатаніе, и въ-послѣдствіи былъ отысканъ только второй томъ полный, почти весь первый и четыре листа третьяго. Не знаю, что можетъ быть грустнѣе и трогателнѣе этой прерванной книги, гдѣ мысль остановилась на половинѣ, гдѣ быстро-оторванная фраза замерла въ могильномъ молчаніи. Невозможно раскрыть этихъ торжественныхъ страницъ безъ того, чтобъ не разорвалось сердце отъ скорби. Это завѣщаніе гени; это законное доказательство для Судущихъ поколѣній, — доказательство благотворнаго существованія, такъ рано похищеннаго у дальнѣйшихъ успѣховъ науки.

Какъ пробѣжишь мысленно простые періоды этой жизни, такой непорочной и плодотворной, и вдругъ очутишься передъ страшной развязкой, готовой совершиться (потому-что какъ ни отступай, какъ ни медли, — а все придетъ къ ней), — остановишься, объятый

непреодолимую грустью. Еслибъ можно было остановиться, совсѣмъ остался тутъ, подъ живыми впечатлѣніемъ богатой картины его славы, и закрылъ глаза при приближеніи печальнаго зрѣлища! Потому-что въ этомъ возмутительномъ концѣ есть еще что-то кромѣ сожалѣнія, естественнаго при воспоминаніи о такой смерти такого человека: есть тутъ горькая, нестерпимая мысль, которой нельзя коснуться безъ тревоги, безъ внутренняго возмущенія. Слишкомъ-хорошо понимаешь огромность потери, такъ-что не можешь встрѣтить безъ ропота такое жестокое оскорбленіе, нанесенное будущности человечества. Но когда придѣтся выговорить упрекъ — ужаснешься и отступиться: по склоню этого труднаго пути мысль летитъ быстро и... какъ-разъ можетъ оказаться дерзкою или неблагодарною. Смерть Лавуазьѣ для ціоли толпы писателей послужила предлогомъ къ безконечнымъ нападкамъ на основныя начала и самыя событія до-стопамятной катастрофы (*); во стороны вынѣшняго человека, раздѣлять безосновательно эти нападки — было бы знакомъ неблагодарности. Превидѣ печальныхъ проявленій общественной разладицы, нѣчего болѣе дѣлать, какъ только склонить голову и молча скорбѣть о несовершенствѣ средствъ, доставшихся на долю человечеству, которыя не позволяютъ ему подняться для глубокаго преобразования, не подвергнувшись на пути припадку какой-то неизбежной судороги. Если ужъ такова судьба человечества, — покорился непреодолимому закону...

(*) Вотъ, на-примѣръ, какъ г. Сегуръ оканчиваетъ свой *дискурсъ*: «Sa mort, comme sa vie éclairait l'univers, déchira le voile funeste que les passions étendaient sur les esprits aveuglés, et souleva toute l'Europe savante indignée contre les Vandalas qui voulaient la noyer dans le sang de tous les hommes vertueux et la replonger dans la barbarie».

Но какъ же все это сдѣлалось? Увы! самымъ простымъ образомъ, какъ продолжаютъ всѣ современные драмы.

Въ сдѣланные постановленія 27 сентября 1793 года объ истребленіи злоупотребленій по финансовому управленію, 2 мая 1794 года депутатъ Антуанъ Дюпенъ представилъ въ Конвентъ внесеніе на генеральныхъ фермеровъ оныя были воспитанъ изъ состраданія въ домѣ генеральнаго фермера льца, тестя Лавуазье, и потомъ зачисленъ на службу въ конторѣ главнаго куна. Введенный народною любовью въ Конвентъ, онъ оклеветалъ своихъ агонистовъ (*). Предлагаемъ извлеченіе изъ обвинительнаго акта:

«Обличенные въ составленіи заговора или въ участіи въ заговорѣ противъ французскаго народа, съ цѣлью содѣйствовать успѣху враговъ Франціи, именно производа всякаго рода лжонимства и притѣсненія французскому народу, подмѣшивая въ табакъ воду и снадобы, вредныя для здоровья употребившихъ его гражданъ; взимающа 6 и 10 процентовъ вмѣсто определенныхъ закономъ 4-хъ; удерживая въ своихъ рукахъ вырученные чрезъ продажу фонды, которые слѣдовало обращать въ казну, грабя наюль и народную казну, чтобъ лишить отечество огромныхъ суммъ, необходимыхъ для его войнъ противъ враговъ и снабдить ими сихъ послѣднихъ...»

Конечно, генеральные фермеры могли пользоваться безпорядками тогдашней финансовой администраціи; но, конечно, они не обязаны были отче-

томъ новому управленію въ этихъ безпорядкахъ. Что касается до подмѣшиванія въ табакъ воды съ цѣлью увеличить въсь его, то упрекъ этотъ былъ основателенъ, и Лавуазье не разъ обращался съ нимъ къ своимъ корыстолюбивымъ сослуживцамъ и даже доносилъ объ этомъ злоупотребленіи министру финансовъ.

По прочтеніи рапорта Дюпена, противу генеральныхъ фермеровъ загремѣлъ Кололо д'Эрбуа, и, безъ дальнихъ справокъ, доносъ былъ превращенъ въ обвинительный актъ, а двадцать-восемь откушниковъ отданы на судъ Революціоннаго Трибунала. Имена Польца и Лавуазье стоили во главѣ списка.

Лавуазье шелъ на службу, когда испуганные друзья его объявили ему о предстоявшей опасности. Чтось избѣгнуть ареста, ему совѣтовали не возвращаться домой, и онъ долго, не рѣшаясь просить опасной услуги, ходилъ одинъ по улицамъ; наконецъ, вечеромъ, случайно встрѣтился съ швейцаромъ академіи наукъ, который провезъ его въ Лувръ, гдѣ тогда были засѣданія академіи, и скрылъ въ отдаленной комнатѣ. Лавуазье пробылъ въ этомъ убѣжищѣ двое сутокъ; но, узнавъ, что всѣ товарищи его взяты подъ стражу, не хотѣлъ оставлять ихъ въ опасности и, вырвавшись изъ объятій своихъ друзей, самъ отдался некакимъ-нибудь его.

Въ темницѣ, Лавуазье не упалъ духомъ: онъ взялъ на себя ходатайство по общему дѣлу и занялся составленіемъ оправдательнаго рапорта. Надежда не оставила его, потому-что его раньше предубѣждали опредѣленной опасности; но онъ пренебрегъ всѣми совѣтами и продолжалъ говорить Кювье: «приготовлять свои сочиненія въ печати, съ спокойствіемъ и невозмутимостію, достойными героев древности». Впрочемъ онъ не преувеличивалъ этой надежды и думалъ, что лишится только всего состоянія, которое рассчитывалъ поправить, открывъ аптеку. И какъ было, въ самомъ дѣлѣ, сочиняться ему, что слава его имени

(*). Обвинивъ генеральныхъ фермеровъ, Дюпенъ готовилъ доносъ на нихъ сослуживцамъ, но реакція 9 термидора остановила его. Въ послѣдствіи, онъ самъ былъ близокъ въ утайкѣ части имущества генеральныхъ фермеровъ и въ несправедливости сдѣланнаго на нихъ донесенія и заключенъ въ тюрьму, изъ которой выпущенъ только по брюмерской амнистіи (IV года). Его прозвали слугою Амара, и онъ перъ въ жалкодѣ забвенія.

не спасетъ его отъ опасности? У него не было серьезныхъ враговъ и Конвентъ, видѣвшій только въ немъ генеральнаго фермера, не могъ забыть заслугъ его предъ государствомъ...

6-го мая Революціонный Трибуналъ, подъ предѣлательствомъ д'Обсена, занялся дѣломъ генеральныхъ фермеровъ. Процессъ былъ не долгъ. Лавуазье всталъ защищать своихъ товарищей и о себѣ не сказалъ ни слова. Двадцать-восемь обвиненныхъ были осуждены.

Иные успѣли, подъ разными предлогами, исключить свои имена изъ роковаго списка; но въ пользу Лавуазье осмѣлился возвысить голосъ только одинъ докторъ Галлѣ. Онъ вѣскоро написалъ рапортъ, въ которомъ напоминалъ объ открытіяхъ Лавуазье. Въ Конвентѣ прочли этотъ рапортъ, но ничто не изменилось отъ-того въ развязкѣ этой страшной драмы.

Робкія попытки друзей сдѣлались безуспѣшны. Лавуазье рѣшился самъ просить трибуналъ объ отсрочкѣ, для того, чтобъ окончить тѣ изслѣдованія надъ дытаниемъ и животной теплотой, за которыми застало его обвиненіе. Тогда говорилъ онъ: «я не буду жалѣть о жизни и охотно пожертвую ею моему отечеству...»

Какое отечество могло требовать въ жертву подобной жизни?.. Но трибуналъ отказалъ въ отсрочкѣ, за недостаткомъ, конечно, ходатайства людей смачительныхъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, реакція 9 термидора положила конецъ нестойкимъ казнямъ и открыла топицы.

Просьбу объотсрочкѣ всталъ передать трибуналу докторъ Лавуазье, и ему-то президентъ Дюма далъ тотъ вѣстивъ невѣстный, къ - несчастію, отвѣтъ, который изгладится изъ памяти людей развѣ потому только, что рѣдко кто рѣшится повторить его. То была гнусная, жестокая неправда.

Говорятъ, будто 7 мая, наканунѣ смерти Лавуазье, къ нему явилось въ тюрму посольство отъ Лицея Искусствъ и вразумило ему вѣсточка. Мы

не вѣримъ этой печальной пародіи на послѣднія минуты Сократа. Правительство не допустило бы такой страшной церемоніи, и дѣйствующія лица этой сцены могли бы гораздо-лучше употребить свою смѣлость на убѣжденіи въ защиту обвиненнаго.

Такъ погибъ чедовѣкъ, которому современники его должны бы были поставить статую! Лавуазье умеръ на пятидесятомъ году, во всей силѣ таланта, въ то время, когда чедовѣчеству могло еще ждть отъ него многого. Этотъ чедовѣкъ, съ тонкими, всегда одушевленными, живыми чертами лица, изящными приемами, съ характеромъ мягкимъ и пріятливымъ—пользовался своимъ ученымъ перемещениемъ удивительно-благородно. Кто любилъ къ чедовѣчеству не знала границъ, не колебалась ни передъ какими жертвами.

Теперь исторію этого знаменатаго чедовѣка знаютъ только ученые и нѣкоторые друзья чедовѣчества; но вѣтъ никого, кто бы сохранилъ его великое имя. Два года назадъ, въ больницѣ умеръ одинъ рабочій. По смерти его оказалось, что фамилія его Лавуазье. Начали разыскивать и узнали, что это былъ родной племянникъ великаго чедовѣка. Такъ Лавуазье, генеральный фермеръ, Лавуазье — основатель прекрасной современной науки, погибъ на эшафетѣ, а послѣдній членъ его рода умеръ на больничной постели...

За этимъ печальнымъ эпизодомъ кроется горькая мысль, неосознательная, можетъ-быть, во съ которой вольно вожется болѣзненное чувство. Когда Лавуазье погибъ, его ученая система была окончена, философія удовлетворилась. Не сколько вопросовъ еще осталось непрочтутыми или неразрѣшенными! А кто скажетъ, что готовилъ намъ его генизмъ?.. Въ 1793 году, говоря о явленіяхъ органической жизни, онъ сказалъ:

«Я возвращаюсь въ-послѣдствіи къ этимъ вопросамъ».

Конечно, безразумно раздумывать дальше эту мысль и, въ углубленіи ее

полезной грусти, оскорблять продолжателем Лавуазьё, между которыми много людей достойных; но этот человек столько чудесъ, что трудно положить границы поощрению его гения.

Математикъ Лагранжъ, на другой день, узнавъ о смерти Лавуазьё, въ порывѣ негодованія и горести сказалъ: «Низъ довольно было одной минуты, чтобъ отрубить эту голову, а во сто... во сто лѣтъ не увидать ни подобной головы».

Прошло полѣтка съ-тѣхъ-поръ, а кто скажетъ, что Лагранжъ ошибался?..

✱

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗО ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacões de Fernão-Mendez Pinto).

(Переводъ съ стариннаго португальскаго языка.)

(Продолженіе.)

I.

Распространившись такимъ-образомъ съ королемъ, я отправился изъ Аару около солнечнаго заката и шелъ на греблѣ внизъ по теченію, до деревни, находящейся у самаго входа въ рѣку. Деревня эта состояла изъ пятнадцати или двадцати крытыхъ соломою дачугъ, населенныхъ людьми очень-бѣдными; главный промыселъ ихъ состоитъ въ ловлѣ ядерицъ, изъ печени которыхъ они добываютъ ядъ и вантываютъ имъ коня и стрѣлы, отсылаемые для продажи въ Аару. Ядъ этотъ такъ силенъ, что если остріе изъ, вантанныхъ, сдѣ-

лать хоть царапину, то смерть неминуема.

На слѣдующее утро, мы вошли дальше и держались вдоль берега до вечера, когда обогнули острова Анчешвангъ, у которыхъ получали юговосточный вѣтерокъ, протискивая, чтобъ направить нуть въ открытое море, а потому мы все-таки должны были придерживаться береговъ. Такимъ-образомъ, мы плыли остатокъ дня и часть ночи. Часу въ первомъ по полуночи, на насъ налетѣлъ съ сильнѣйшею грозою одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ порывовъ отъ сѣверо-запада, которые въ здѣшнемъ морѣ часто дуютъ съ острова Суматры (*) въ это время года. Въ одинъ мигъ всѣ паруса вырвало, мачта слетѣла, въ трехъ мѣстахъ открылась течь, и насъ залило совершенно, такъ-что лачара пошла изъ-подъ насъ ко дну; изъ двадцати-восьми человекъ только пятерыхъ, по милосердію Господа, выбросило волнами, израненныхъ, избитыхъ, на мысокъ, который мы незадолго передъ тѣмъ обогнули.

Мы провели остатокъ ночи на камняхъ, горько оплакивая наше несчастное крушеніе. Когда разсвѣло, мы не знали на что рѣшиться, въ которую сторону направиться, ибо земля была вся болотистая и покрыта такимъ непроходимымъ лѣсомъ, что въ него не было возможности проникнуть отъ множества колючекъ и терновника, которыми пространства между деревьями были наполнены. Трое сутокъ промучались мы скорчившись на камняхъ, не зная, что съ нами будетъ и пытаясь только морскими травами, выбрасываемыми къ намъ волнами вѣстѣ съ пѣною. Наконецъ, мы рѣшились идти:

(*) Порывы эти называются «суматрами» и весьма-опасны. Они спускаются съ высокихъ горъ острова въ Малакскій-Пролитъ, сопровождаются немилосердно-сильными грозами и длятся часами по пяти, шести и даже восьми съ ужасною жестокостію. Држм. перевод.

вдоль берега Суматры, почти до пояса въ тинѣ, и къ солнечному закату очутились у небольшой рѣчки, которая была не шире разстоянія полета стрѣлы, но такъ глубока, что мы, усталые и измученные, не рѣшились через нее переправиться. Тутъ мы провели ночь, по горло въ водѣ и терзаемые безпощадно мускитами и слѣпнями, которые налетѣли на насъ изъ лѣса и изъязвили до того, что мы другъ друга узнать не могли.

Когда разсвѣло, я обратился къ чetyремъ товарищамъ моего бѣдствія съ вопросомъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ, чтó это за земля и нѣтъ ли по близости какого-нибудь селенія. Одинъ изъ нихъ, маоръ уже пожилой, женатый въ Малайя, отвѣчалъ мнѣ на это со слезами: «Ближайшее убѣжище, сеньйоръ, которое предстоитъ мнѣ и тебѣ, если Богъ не спасетъ насъ какими-нибудь чудомъ — это горькая смерть. Она у насъ передъ глазами, и намъ остается мало времени, чтобъ приготовиться къ ней, а потому надобно торопиться; мы должны призвать съ терпѣнiемъ то, чтó Богъ намъ теперь послалъ, иначе намъ будетъ еще хуже послѣ». Потомъ, объявъ меня съ большимъ чувствомъ, онъ сталъ умолять, чтобъ я сдѣлалъ его христианиномъ — онъ не надѣялся на то, что Мухаммедъ доставитъ ему послѣ смерти вѣчное блаженство. Произнесъ эту просьбу, онъ испустилъ духъ. Бѣдный старикъ былъ слабѣе всѣхъ насъ, ибо голова его была въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробита до мозга и раны гнили отъ недостатка врачебной помощи; да, кромѣ того, ихъ развѣдала соленая вода и въвила мускиты и слѣпни. Мое состоянiе было немногимъ лучше: я жестоко страдалъ отъ ушибовъ и ранъ и такъ разслабъ отъ большой потери крови, что со мною дѣлалось безпрестанно головокруженiе, и я безпрестанно падалъ въ воду.

Мы похоронили бѣдлага старика, какъ могли, въ вязкомъ болотѣ, а сами рѣшились переправиться на другой берегъ рѣчки, чтобъ провести ночь на

высокихъ деревьяхъ; мы надѣялись найти на нихъ убѣжище отъ тигровъ и леопардовъ, которыми земля эта населена въ большомъ изобилiи, такъ же какъ звѣями съ кашюшонами и другими змѣями, пестрыми, желтыми и черными, столь ядовитыми, что одно дыханiе ихъ смертоносно. Я былъ такъ слабъ, что не могъ стоять на ногахъ, а потому одинъ изъ моихъ товарищей, негръ, поддерживалъ меня; двое остальныхъ бросились въ рѣку и поплыли, крича намъ, чтобъ мы не боимся и слѣдовали за ними. Не успѣли они доплыть до середины, какъ вдругъ показались двѣ большущія ищерицы (*), которыя схватили ихъ, перекусили въ одинъ мигъ на нѣсколько частей и потащили за собою на дно, а вода сдѣлалась совершенно-красною отъ крови. Зрѣлище это совершенно сраело меня; я не могъ ни закричать, ни пошевелиться, и не помню, чтó со мною стало.

Въ такомъ положенiи пробылъ я часа три, по словамъ негра, который меня не оставлялъ. Когда я нѣсколько пришелъ въ себя, мы увидѣли, что большая лодка ищетъ входа въ рѣку, а потому мы выбрались изъ воды на камни, стали на колѣни и со слезами и поднятыми къверху руками кричали бывшимъ на шей людямъ, чтобъ она насъ взяла. Тѣ увидѣли насъ и приостановились въ недоумѣнiи; потомъ, потолковавъ немного между собой, они какъ-будто успокоились, приблизились нѣсколько къ намъ и спросили, чтó мы за люди. Мы отвѣчали, что мы христиане изъ Малакки, и что, шедши демой изъ Аару, потерпѣли крушенiе и лишились всего, а потому умоляемъ ихъ ради имени самого Бога взять насъ и увезти туда, куда они сами ѣдутъ. Тогда одинъ изъ нихъ, главный начальникъ лодки, сказалъ: «Глядя на васъ, я вижу, что вы не можете заработать того, чтó у насъ съѣдите; а потому, чтобъ вамъ было по-

(*). Вѣроятно крокодилы.

бесчеловѣчныхъ хозяевъ, ибо я не могу ничѣмъ подтвердить ихъ; но если онъ повѣритъ моей клятвѣ—другаго залога у меня нѣтъ, то клянусь и даю письменное обѣщаніе, что губернаторъ Малакки будетъ ему за меня очень-благодаренъ и не только не возьметъ съ его товаровъ никакой пошлины, но вознаградитъ его щедро за благодѣаніе, оказанное бѣдствующему Португальцу. Мавръ отвѣчалъ: «Я тебѣ вѣрю и выкуплю тебя. Но смотри: не говори никому ни слова о нашей встрѣчѣ; иначе, за тебя могутъ потребовать такого выкупа, какого я не въ состояніи дать». Я поклялся ему еще разъ, что свято исполню его волю, и мы разстались.

Прошло четверо сутокъ послѣ уговора моего съ мавромъ, который поручилъ одному изъ живущихъ здѣсь земляковъ сторговаться на счетъ цѣны моей съ рыбаками. Тѣ, видя, что я имъ совершенно-бездолезевъ и наскучивъ властвѣтв безсильнымъ и большимъ невольникомъ, сбыви меня очень-охотно за три съ половиною крузада, которые имъ заплатили на мѣстѣ, и мавръ взялъ меня въ свой домъ. Я прожилъ у него пять дней и значительно поправился отъ хорошей пищи, заботливости и ласковаго обхожденія моего новаго господина. Послѣ этого мы зашли на его ланчаръ въ Сурабайю, гдѣ онъ взялъ грузъ, и черезъ трое сутокъ прибыли благополучно въ Малакку.

Мавръ тотчасъ же пошелъ со мною къ губернатору, которому разсказалъ въ подробности, въ какомъ положеніи нашелъ меня и какъ меня выручилъ. Перо де-Фарія, глядя на мое обезображенное отъ ушабовъ и исхудалое лицо, отвѣчалъ отъ изумленія; онъ сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ, чтобъ я говорилъ громко, чтобъ удостоверитья дѣйствительно ли это я, ибо наружность моя до того измѣнилась, что меня не узнала бы даже родная мать. Такъ-какъ прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, что обо мнѣ не было ни слуху, ни духу, то всѣ считали меня погибшимъ, и теперь, узнавъ о мо-

емъ возвращеніи, всѣ меня знавшіи съѣзжались смотрѣть на меня к расспрашивали съ самымъ трогательнымъ участіемъ о моихъ бѣдствіяхъ, и страдавіяхъ. Я разсказалъ имъ все, что мною было, и они не могли надивиться, какъ я остался живъ послѣ всего, чтѣ пришлось мнѣ пережить. Потому-скъ наперерывъ предложили мнѣ свои услуги и пособія и снабдили меня такъ щедро, что я сталъ богаче, чѣмъ былъ передъ своей несчастною экспедиціею.

Мавру, который меня выручалъ, Перо де-Фарія подарилъ семьдесятъ крузадовъ и два куска богатаго китайскаго атласа; кромѣ того онъ приказалъ именовъ короля, чтобъ съ товаровъ его таможня не взяла никакой пошлины, и чтобъ никто, подлѣ осаненіемъ строжайшаго маказанія, не смѣлъ дѣлать ему ни малѣйшаго притѣсненія.

Такимъ-образомъ, обѣщанія мои мавру были исполнены выше его ожиданій, и онъ остался весьма-довольнымъ, что имѣлъ случай оказать мнѣ благодѣаніе. Меня же самого Перо де-Фарія приказалъ помѣститъ въ загородный домъ одного изъ своихъ секретарей, который пекся обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ. Тамъ я пролежалъ въ постели болѣе мѣсяца, по прошествіи котораго Господу угодно было возвратитъ мнѣ прежнее мое здоровье.

II.

Когда я совершенно выздѣлся отъ своей болѣзни, Перо де-Фарія потребовалъ меня въ крѣпость и принялъ въ подробности расспрашивать обо всемъ, что я вылилъ въ Аару, о военныхъ приготовленіяхъ государя этой страны противъ ачемскаго султана, и наконецъ заставлялъ меня разсказывать еще разъ о моихъ крушеніяхъ, невѣдѣніи и спасеніи. Все это заинтересовало и изумило его до крайности.

Прежде, однако, чѣмъ буду продолжать повѣствованіе о своихъ собственннхъ похожденіяхъ, считаю нужнымъ разсказать конецъ этой войны между султаномъ Ачема и королемъ Аару, и-

нимъ несчастнымъ союзникомъ, котораго для безопасности Малакки намъ бы никакъ не слѣдовало покидать.

Приближенные ачемскаго тирана присовѣтовали ему, что если онъ хочетъ овладѣть Малаккой и выгнать изъ нея Португальцевъ, то ему не должно нападать прямо на наши владѣнія, а завоевать напередъ Аару, которое государство, какъ извѣстно, находится а восточной сторонѣ острова Суматты, почти прямо противъ Малакки. Тогда ему можно будетъ запереть безъ руда Сивгапурскій Пролізвъ и заставить всѣ суда, ходящія съ товарами и привостями въ Малакку изъ Инда, Зондскаго и Бандаскаго Пролізвовъ, и вообще съ острововъ Восточнаго-Архипелага. Совѣтъ этотъ до того понравился султану Ачема, что онъ немедленно приказалъ снарядить флотъ изъ ста-шестидесяти судовъ, изъ которыхъ пятнадцать были большаго анга, а остальные — ланчары и гребные гальюты, въ томъ числѣ нѣсколько яванскихъ калалузовъ (*). На флотъ посадили пятнадцать тысячъ человекъ съ полнымъ запасомъ провизіи, оружія и снарядовъ; двѣнадцать тысячъ изъ нихъ были собственныя воины, а остальные взяты для управленія судами и для гребли. Изъ индонезійцевъ четыре тысячи были иностранцы: Турки, мавры, Абиссинцы, алабарцы, Гузаратцы и Лувонги съ острова Борнео. Главнокомандующимъ флота и войска султанъ назначилъ своего Гередина-Мухаммеда, женаго на его родной сестрѣ и губернатора одной изъ областей Ачемскаго-Государства.

Флотъ этотъ прибылъ благополучно въ рѣку Пунетикангъ, на берегу которой король Аару воздвигалъ при нѣсколькихъ батареяхъ для защиты своего главнаго города; у него было подъ оружіемъ не больше шести тысячъ своихъ

воиновъ, безъ всякой примѣси иностранныхъ союзниковъ, ибо самъ онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ платить имъ, да кромѣ того земля его не представляла достаточныхъ способовъ къ прокормленію большаго числа войскъ.

Вошедъ въ рѣку, Ачемцы тотчасъ же отырыли изъ всей своей артиллеріи сильный огонь по городу и защищавшимъ его батареямъ, который не умолкалъ цѣлые шесть дней; но осажденные оборонялись храбро, такъ-что дѣло не обошлось безъ значительнаго кровопролитія. Видя это, Герединъ-Мухаммедъ высадилъ на берегъ все свое войско и двѣнадцать большаго осадныхъ орудій, которыми вскорѣ почти срылъ одинъ изъ бастіоновъ, прикрывающихъ входъ въ рѣку. Сдѣлавъ это, онъ отрядилъ человекъ шестьсотъ Турковъ, сорокъ янычаръ и нѣсколько малабарскихъ мавровъ, передалъ имъ полъ начальство одного Абиссинца, по имени Мамедекана, и велѣлъ ему взять полуразрушенный бастіонъ приступомъ. Отрядъ этотъ двинулся, неся передъ собою тюки хлопчатой бумаги, для защиты отъ выстрѣловъ осажденныхъ, и въ нѣсколько минутъ, послѣ жаркой сѣчи, водрузилъ на укрѣпленіи свои знамена. Но аарускій король, одушевивъ своихъ примѣромъ, словами и обещаніями, сдѣлалъ вылазку, устремился на непріятеля, опрокинулъ его съ оружіемъ и убилъ самого предводителя Абиссинца. Потомъ, чтобъ воспользоваться удачею, онъ собралъ сколько можно было своихъ, бросился изъ укрѣпленія на Ачемцевъ, положилъ на мѣстѣ множество убитыхъ и раненыхъ, и отбилъ у непріятеля восемь орудій изъ двѣнадцати осадныхъ, которыми они выдвинули противъ его окоповъ; послѣ чего, чтобъ не завлечься слишкомъ-опрометчиво впередъ, онъ воротился въ укрѣпленіе, поправилъ его сколько было возможно и втащилъ на валъ отнятыя у врага пушки.

Видя дурной успѣхъ того дня и сожалѣя о смерти своего военачальника-Абиссинца, такъ же какъ о потерян-

(*) Большія гребныя суда, плавающія между островами Восточнаго-Архипелага.

ныхъ восьми орудіяхъ, Гередишъ-Мухаммедъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, приказалъ продолжать осаду города и овладѣть во что бы ни стало укрѣпленіемъ, которое такъ недавно было уже въ его рукахъ. Они бились надъ этимъ цѣлые семнадцать дней, въ продолженіе которыхъ сдѣлали девять неудачныхъ попытокъ взять укрѣпленіе приступомъ. Наконецъ, стрѣляя безпрестанно изъ пушекъ и бросая въ укрѣпленіе равные разрывающіеся снаряды и гранаты, они срыли до земли значительную часть окоповъ. Но, не смотря на то, осажденные вѣщались съ непоколебимымъ мужествомъ, такъ - что Ачемцы потеряли около двухъ - тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыми, кромѣ раненныхъ и обожженныхъ, которыхъ было еще больше, и изъ которыхъ очень-многіе вскорѣ умерли. Со стороны защитниковъ потеря не превосходила четырехъ-сотъ человѣкъ. Но какъ защитниковъ было мало, а непріятелей много, да къ-тому же непріятели были лучше вооружены, то отстоять укрѣпленіе не было возможности, тѣмъ болѣе, что на помощь осаждающимъ подосѣла измѣна одного изъ приближенныхъ аарускаго государя.

Онъ, по совѣту одного изъ своихъ кази, на котораго совершенно полагался, но который далъ этотъ совѣтъ потому, что Ачемцы подкупили его за боченокъ золота, стѣншіій сорокъ тысячъ крузатовъ, сдѣлалъ вылазку съ большей частію своихъ и завязалъ съ непріятелемъ жаркую битву. Полная собака кази, оставшись въ укрѣпленіи начальникомъ, притворился, будто бы намѣренъ ему содѣйствовать, а самъ, съ пятьюстами бывшими при немъ воинами, выступилъ изъ окопа съ другой стороны; видя это, одинъ изъ ачемскихъ военачальниковъ, малабарскій мавръ, у котораго было человѣкъ семьсотъ Малабарцевъ и Гузаратцевъ, овладѣлъ воротами, которыя подкупленный кази оставилъ нарочно безъ всякой защиты, овладѣлъ безъ малѣйшаго труда укрѣпленіемъ и умертвилъ

всѣхъ остававшихся тамъ большихъ и раненныхъ, не пощади ни одного человѣка, - а этихъ бѣдняковъ было тамъ до полуторы тысячи. Несчастный аарускій король, видя укрѣпленіе въ рукахъ непріятеля и не подосѣвъ нисколько измѣны мезавца кази, рѣшился отступить, чтобы поспѣвать къ нему на выручку. Подходя къ ближайшей бреші въ валу укрѣпленія и безпрестанно отбиваясь отъ тѣснѣвшихъ его непріятелей, онъ былъ убитъ однимъ Туркомъ, который пробилъ ему грудь на вылетъ выстрѣломъ изъ пистолета. Смерть храбраго государя лишила осажденныхъ послѣдней бодрости: они побѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ, и несчетное множество ихъ было положено на мѣстѣ.

Ачемцы подняли трупъ аарускаго государя, вынули изъ него внутренности, посолили его, закупили въ ящики и отослали къ своему султану. Тотъ приказалъ открыть ящики всенародно, съ большою церемоніею, распилить трупъ на части, сварить его въ смолѣ и маслѣ, и потомъ разослалъ во своему государству слѣдующее грозное объявленіе: - Вотъ примѣръ страннаго правосудія, исполненнаго во великую султана Аларадина, поселителя земли и обонхъ морей, благоугодія златыхъ лампъ храма великаго пророка! Онъ желаетъ и надѣется, что душа гнуснаго мавра, измѣнника кази намъ Корана, будетъ на томъ мѣстѣ также распилена на части и сварена въ смолѣ и маслѣ за то, что онъ, вопрекоръ долгу, предписанному вѣчному добруму мусульману въ святой книгѣ цѣтовъ, сваялся съ нечестивыми христіанскими собаками, пришедшими съ края свѣта и владыками Малаккою за тяжкіе грѣхи наши. Услышавъ этотъ манифестъ, провозглашенный торжественно на главной площади города, весь народъ закричалъ единогласно, что за такое преступленіе наказаніе санинговъ-узурпаторовъ

Такимъ-образомъ, со смертію нашего несчастнаго союзника, котораго мы бы могли и должны были поддержать,

погибло государство Аару. Не имѣть удить, кто въ этомъ виноватъ— пусть уметь тѣ, кому Богъ далъ на то право.

Когда король аарускій былъ убитъ, какъ я выше разсказалъ, и войско его разстроилось, Гередиъ-Мухаммедъ владѣлъ безъ всякаго сопротивленія городомъ, исправилъ всѣ поврежденія крѣпленій, снабдилъ его всѣми нужными припасами и снарядами, и оставилъ тамъ восемьсотъ человекъ отборныхъ людей, подъ начальствомъ Авра Саету-Раджи; потомъ, приведя все въ порядокъ, онъ ушелъ со всѣмъ войскомъ въ Ачель, гдѣ былъ отлично принятъ и награжденъ султаномъ.

Королева ааруская, которая во все время войны скрывалась въ лѣсу, лигахъ въ семи отъ города, узнавъ о горестной смерти своего супруга и обо всемъ происшедшемъ, хотѣла тотчасъ же сжечь себя заживо, въ чемъ она поклялась королю еще при его жизни; но приближенные съ величайшимъ трудомъ успѣли отклонить ее отъ такого намѣренія. Соглашаясь на ихъ убѣдительныя мольбы, она сказала имъ: «Клянусь вамъ закономъ святой истины, что на убѣжденія ваши, и доказательства вашей благородной преданности, не могли бы заставить меня отказаться отъ исполненія моего святого обѣта: Богъ внушилъ душѣ моей надежду, что жизнь моя можетъ послужить на отщепеніе ачельскому злодѣю за жестокою смерть моего супруга. Клянусь вамъ его драгоценною кровью, что пока я жива, всѣ усилія мои будутъ имѣть одну эту цѣль. Я пойду къ Португальцамъ и готова двадцать разъ сдѣлаться христіанкою, если только этой цѣною приобрѣту ихъ содѣйствіе моему справедливому ищевію».

Сказавъ эти слова, она сѣла на слона и, не теряя времени, окруженная четырьмястами человекъ оставшихся при ней тѣлохранителей, выступила изъ лѣса и направилась прямо къ городу. По дорогѣ къ ней пристали еще свѣжія толпы, такъ-что всѣхъ людей набралось около нея человекъ до семи-

сотъ. Въ городѣ она застава около четырехъ-сотъ Ачельцевъ, которые разсыпались для грабежа и забирала жалкую добычу, попадавшуюся въ бѣдныхъ домахъ, оставленныхъ жителями. Королева разгорячила ярость и ненависть своихъ людей, напомнивъ имъ всѣ ихъ бѣдствія, такъ-что они съ неистовымъ бѣшенствомъ бросились на раздѣленные толпы Ачельцевъ и не оставили въ живыхъ ни одного человека. Потомъ, видя, что она слишкомъ слаба для болѣе-важнаго предпріятія, она рѣшилась возвратиться въ лѣсъ, въ свое прежнее убѣжище. Въ продолженіе двадцати дней вела она неправильную войну съ завоевателями, не удавая ни одного удобнаго случая навѣстить какой-нибудь вредъ: то ночью зажигала городъ съ разныхъ сторонъ, то истребляла малые отряды Ачельцевъ, посылаемыхъ изъ города за водою или за дровами, то отбивала подвожъ съѣстныхъ припасовъ— словомъ, не давала завоевателямъ покоя и напугала ихъ до того, что они не осмѣливались сдѣлать шага изъ крѣпости, и запасаться самими необходимыми вещами. Еслибъ она была въ силахъ продлить войну такого рода еще дней на двадцать, Ачельцы увидѣли бы себя вынужденными покинуть свои завоеванія. Къ несчастію мужественной государыни, настала дождливая погода— земля въ лѣсу превратилась въ болото; плоды, служившіе ей дневною пищею, сгнили до того, что ихъ не было возможности ѣсть, и большая часть ея приверженцевъ захворала. Тогда она оставила лѣсъ, переправилась черезъ рѣчку, находившуюся лигахъ въ пяти отъ ея убѣжища, и, взявъ всѣ рыбацкія и другія лодки, какія ей попались и которыхъ набралось до семнадцати, она переехала благополучно черезъ проливъ и прибыла въ Малакку, разсчитывая, что личное присутствіе ея у насъ будетъ дѣйствительнѣе, чѣмъ посылка пословъ.

III.

Перо-де-Фарія принялъ вдову аарускаго государя со всѣми почестями, при громѣ пушекъ, колокольнымъ звономъ и многочисленномъ стеченіи народа. Ей показали арсеналь, магазины, таможню, пороховые погреба, факторію, флотъ,—словомъ, все, что должно было внушить ей выгодное понятіе о нашемъ могуществѣ и богатствѣ. Ее угощали какъ-вельзя-лучше, но на всѣ просьбы о содѣйствіи главной цѣли ея пріѣзда она получала уклончивые отвѣты, обнадѣживанія и обѣщанія, которыхъ исполненіе отлагалось на неопредѣленное время. Все это довело ее до того, что она, пробывъ въ Малаккѣ около четырехъ или пяти мѣсяцевъ и вида всѣ свои старанія безплодными, потеряла всякую вѣру въ слова Перо-де-Фаріи. Въ одно воскресенье, когда онъ только-что вышелъ изъ церкви и на площади было множество народа, она оставила его и стала укорять въ томъ, что мужъ ея лишился жизни и царства за приверженность свою къ Португальцамъ и за ненарушимый союзъ съ ними, тогда-какъ теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, Португальцы не хотятъ ступить шага, чтобъ отомстить за смерть вѣрнаго союзника, котораго гибели они сами главною причиною. Слова ея были краснорѣчивы, а главное—исполнены истины. Перо-де-Фарія, не ожидавшій такого прямого нападенія, смутился и не зналъ, что отвѣчать, а она, не давъ ему опомниться, повернулась къ нему спиною и ушла въ отведенный для нея домъ. На другое же утро она со всѣми своими приближенными отправилась на своихъ судахъ на островъ Бинтангъ, гдѣ въ то время былъ султанъ государства Жантаны, находящагося на Суматрѣ, южнѣе Аару, и состоящаго изъ многихъ сосѣднихъ острововъ.

Государь этотъ, какъ въ послѣдствіи говорили, въ Малаккѣ, принялъ ее съ большими почестями, и она рассказывала ему въ подробности о пребываніи своемъ у насъ и о томъ, какъ ее мучили пу-

стыми обѣщаніями, которыхъ никто никогда не думалъ выполнить. Онъ отвѣчалъ ей, что она сдѣлала большую ошибку, понадеявшись на помощь живыхъ христіанъ, и въ подтвержденіе рассказавъ ей много случаевъ, конечно не относившихся къ нашей чести, которыхъ дурную сторону онъ преувеличивалъ до того, что они казались гораздо-худшими, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, ибо онъ не пояснялъ, какія причины заставляли насъ поступать такъ, а не иначе, и не приводилъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить хотя отчасти къ нашему оправданію. Въ заключеніе онъ обѣщавъ возвратитъ ей все, чего она лишилась, такъ-что она не потеряетъ ни одной пядени своихъ прежнихъ владѣній. А чтобъ ему имѣть основательный предлогъ вступить за нее и разорвать дружество съ ачемскимъ султаномъ, онъ предложилъ ей сдѣлаться его женою. Она отвѣчала, что возмизаетъ, какую честь онъ ей дѣлаетъ такимъ предложеніемъ, но соглашается на него не иначе, какъ если онъ дастъ клятву, что отомститъ за смерть государя, ея мужа, ибо безъ этого она отпадала бы отъ владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ. Жантанскій король далъ ей торжественную клятву исполнить это условіе, въ подтвержденіе чего приложилъ себѣ ко лбу одну изъ священныхъ книгъ своей нечестивой вѣры.

Давъ эту клятву въ присутствіи своего главнаго казні. Раджи-Муламы, въ праздникъ Рамалянъ, король отправился на островъ Кампаръ, гдѣ, послѣ празднованія свадьбы, собралъ совѣтъ, чтобъ рѣшить, какъ приступить къ исполненію данного имъ обѣта. Всѣ подожили единогласно, что прежде начала непріязненныхъ дѣйствій, король отправитъ въ Ачешъ посла для объявленія султану правъ своихъ на Аару, въ слѣдствіе брака съ вдовствующею королевою этого государства, а потомъ поступитъ смотря по тому, каковъ будетъ отвѣтъ Ачеша.

Совѣтъ этотъ показался жантанскому королю самымъ благоразумнымъ,

а потому онъ немедленно приказалъ сварадить посла съ богатыми подарками и письмомъ слѣдующаго содержания: «Сирибн Яйя, наследственный и законный государь Малакки, отнятой у него воинскою силою нечестивыхъ христіанъ, царь Жантаны и Бунтага, повелитель подвластныхъ имъ ражей Индрагиры и Лингана, тебѣ, Сирн-султану Аларадиву, королю Ачема и земли обонхъ морей, моему истинному брату по древней дружбѣ нашихъ предковъ, ошастливленному золотомъ печатью святаго храма Мекки. Я, союзникъ твой по тѣлу и крови, навѣщаю тебя черезъ этого посла, что въ прошедшіе дни седьмой луны нынѣшняго года пришла ко мнѣ въ великой горести благородная вдова Анчезини, королева заруская. Съ лицомъ печальнымъ и заплаканными глазами, простершись на землѣ, она сказала мнѣ, что твои полководцы отняли у нея царство, съобрани рѣками Жава и Панстикангоны; убили мужа ея Алимбокара и больше пяти тысячъ амбордажей и оуборалловговъ, и взяли въ плѣнъ около трехъ тысячъ невинныхъ дѣтей, которыхъ связали и были безжалостно, какъ-будто они родились отъ матерей невѣрныхъ. Тронутый ея несчастіями и слѣдуя святымъ уставамъ нашего алкорана, я принялъ ее подъ защиту своего гостепріимства, и, оставивъ ее покаясь въ истинѣ ея словъ, сдѣлалъ ее своею женою. Почему прошу и убѣждаю тебя, какъ истинный братъ твой, чтобъ ты, какъ слѣдуетъ доброму мусульманину, велѣлъ возвратити ей все отнятое, ибо ты обязанъ сдѣлать это законами нашей истинной вѣры. Я же прошу тебѣ объ этомъ потому, что, женившись на королевѣ заруской, даждь торжественную клятву поддержать права ея всѣми силами.»

Когда посолъ прибылъ въ Ачемъ, султанъ приказалъ сдѣлать ему личныи пріемъ и взялъ отъ него письмо его государя. Но прочитавъ содержаніе письма, онъ разгнѣвался до то-

го; что убилъ бы посла на мѣстѣ, еслибъ его не удержали приближенные, которые съ трудомъ доказали ему, какими безчестіемъ онъ себя покроетъ, сдѣлавъ подобный поступокъ. Ачемскій султанъ выслалъ отъ себя посланника жантанскаго, не взявъ даже, въ знакъ презрѣнія, подарковъ его государя, и отвѣчалъ слѣдующими словами: «Я, султанъ Аларадивъ, король Ачема, Бааррбса, Пелира, Пасема, владѣній дайяксинихъ и батаксинихъ, государь земли обонхъ морей, рудикиновъ Мемангиабу и новаго государства Аару, взятаго по справедливости оружіемъ, — тебѣ, королю, правнующему сомнительное наследство. Видѣлъ я письмо твое, написанное въ свадебный мѣсяцъ, а по неразумнымъ словамъ его догадался, что всѣ совѣтники твои должны быть шьяны. Я бы не удостоилъ отвѣтомъ твоего письма, еслибъ меня не упростили мои совѣтники. Знай, что я все не гоняюсь за твоими похвалами; а что до королевства Аару, то не сохотѣю тебѣ говорить о немъ, если ты желаешь жить на свѣтѣ — довольно, что я приказалъ взять его, и оно мое: то же можетъ случиться и съ твоимъ теверешнимъ государствомъ. Если же ты воображаешь, что, женившись на Анчезини, имѣешь права на государство, которое ей уже не принадлежитъ, то можешь успокоиться; а съ нею ты имѣешь полное право дѣлать то же самое, что дѣлаютъ со своими женами другіе, которые добываютъ себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Возьми напередъ Малакку, которая прежде принадлежала тебѣ, а потомъ уже думай о томъ, что никогда тебѣ не принадлежало. Относительно же моего содѣйствія, — я буду къ тебѣ милостивъ, какъ къ васаллу, а вовсе не какъ къ брату, хотя ты и дерзнулъ назваться моимъ братомъ. Написано въ моемъ большомъ дворцѣ, въ богатомъ городѣ Ачемѣ, въ день прибытія твоего посла, котораго я отиравилъ отъ себя тотчасъ же, не желая ни видѣть, ни слушать его больше

«что онъ самъ тебѣ можетъ разска-
зать.»

Отвѣтъ, приведенный посланникомъ жантавскаго короля, оскорбилъ до крайности этого государя. Говорили даже, что онъ заперся въ своемъ домѣ и потихоньку плакалъ отъ обиднаго презрѣнія, которое ачемскій султанъ такъ явно къ нему обнаружилъ, не принявъ подарки и отославъ посла въ тотъ же день, въ который онъ прибылъ, не говоря уже о дерзкомъ письмѣ его. Жантавскій король снова собралъ своихъ совѣтниковъ, и они рѣшили единогласно, что война съ Ачемцами неизбежна и что должно немедленно направить всѣ усилія на государство Аару и крѣпость Пунстикангъ, прежде чѣмъ непріятель успеетъ приготовиться къ защитѣ и дожидаться подкрѣпленій.

Чтобъ выполнить такой планъ, жантавскій король тотчасъ же, съ величайшею поспѣшностью, принялся собирать флотъ и войско. Когда все было готово, онъ поручилъ начальство надъ тѣмъ и другимъ извѣстному тогда во всей Индіи воякѣ, Лакэ-Шемену. Флотъ состоялъ судовъ изъ двухъ-сотъ, въ числѣ которыхъ было пятнадцать большихъ джонокъ, а остальные все ланчары, каладузы, проа, и т. п.; онъ былъ снабженъ провизіей и всѣми нужными военскими припасами и снарядами, и на него помѣстили десять тысячъ войска и четыре тысячи человѣкъ для управленія судами — тѣ и другіе были люди опытные въ своемъ ремеслѣ.

Главнокомандующій снялся съ якоря, и, вошедъ въ рѣку Пунетикангъ, гдѣ была непріятельская крѣпость, прямо высадилъ людей своихъ на берегъ; они приставили къ стѣнамъ триста лѣстанцъ и ползли на приступъ. Не могши, однако, овладѣть крѣпостью такимъ образомъ, Лакэ-Шемена принялся стрѣлять въ нее изъ сорока орудій своей осадной артиллеріи, которыхъ огонь не умолкалъ ни днемъ, ни ночью, и бросать въ нее огненные снаряды, такъ-что черезъ семь дней боль-

шая часть укрѣпленій была скрыта изъ земли. Потомъ онъ повелъ войско на приступъ; и оно храбро ворвалось въ крѣпость, положивъ на мѣстѣ около полуторы тысячи Ачемцевъ, прибывшихъ въ Пунетикангъ наканунѣ прихода жантавскаго флота; ими предводительствовалъ турецкій военачальникъ, племянникъ канрскаго паши, который также былъ убитъ вмѣстѣ съ двумя стами Турками, приведенными имъ на помощь Ачемцамъ. Лакэ-Шемена не позволялъ давать пощадныя ни одному непріятелю.

Взявъ крѣпость, онъ съ величайшею дѣятельностью занялся исправленіемъ поврежденій, только-что имъ самимъ сдѣланныхъ, такъ-что черезъ двадцать дней она пришла не только въ прежнее свое положеніе, но стала еще сильнѣе, ибо онъ воздвигъ два новые бастиона.

Ачемскій султанъ, узнавъ о дѣланіяхъ полководца, своего противника, побоялся нешута, что ему придется лишиться своихъ завоеваній, а потому немедленно послалъ къ Аару флотъ изъ ста-восемидесяти судовъ, состоявшій изъ фустъ, ланчаръ, гальботовъ и пятнадцати галеръ съ двадцатью-пятью банками. Онъ послалъ на него пятнадцать тысячъ войска, въ числѣ которыхъ было около трехъ тысячъ гребцовъ; и назначилъ главнокомандующимъ того же самого Гередиана-Мухаммеда, который, какъ я выше рассказывалъ, завоевалъ это государство ачемскому султану. Пришелъ съ флотомъ своимъ къ одной деревнѣ, находящейся лигахъ въ четырехъ отъ Пунетиканга, онъ узналъ отъ рыбаковъ обо всемъ, что въ крѣпости произошло и какъ въ ней укрѣплялся Лакэ-Шемена, приготовившійся встрѣтить непріятеля на водѣ и на сушѣ. Вѣсти эти не мало смугили Гередиану-Мухаммеда, который никакъ не ожидалъ, чтобъ непріятель могъ сдѣлать такъ много въ такое короткое время.

Подчиненные ему военачальники говорили единогласно, что такъ-какъ крѣпость уже взята, непріятель въ ней

утирился и не осталось въ живыхъ ни одного изъ бывшихъ тамъ Ачемцевъ, то благоразуміе всего уйдти, ибо вѣочего больше дѣлать. Но Гереди-на - Мухаммедъ былъ противнаго мнѣнія. Онъ говорилъ, что скорѣе умереть, какъ слѣдуетъ мужу, чѣмъ остаться жить въ безчестіи; что если султанъ оказалъ ему довѣренность, то онъ долженъ оправдать ее во что бы ни стало, если не хотеть лишиться мнѣнія, которое все о немъ мнѣютъ. А потому онъ поклялся клятвами пророка Мухаммеда и всѣми лаппадами некскаго храма, что велитъ казнить, какъ мнѣншиа, всякаго, кто только заговоритъ объ отступленіи, и что такихъ смерти заживо въ котлѣ съ енолюю, какъ сверилъ бы самого Лакэ-Шемону, еслибъ онъ вопаля въ его руки.

Потомъ онъ приказалъ сняться съ яоря, и флотъ его вошелъ въ рѣку подъ всѣми парусами, при громкихъ крикахъ и страшномъ шумѣ барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Флотъ Лакэ-Шемоны, подирѣленный множествомъ людей изъ Церака, Бинтанга, Сіака и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, ждалъ непріятеля въ добромъ порядкѣ на срединѣ рѣки. Враги встрѣтились, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ артиллеріи, сваялись между собою на абордажъ съ такимъ ожесточеніемъ, что побѣда оставалась невѣрною въ продолженіе болѣе полутора часа. Наконецъ, одна огненная бомба поразила Гередины-Мухаммеда прямо въ грудь и разорвала его пополамъ; смерть его совершенно разстроила Ачемцевъ, которые смѣшались и оробѣли. Желая скрыться за однимъ мысомъ, они повернули свои суда назадъ, но теченіе разстроило ихъ совершенно, и они были разбиты и взяты по частямъ.

Такимъ-образомъ весь флотъ ачемскаго султана достался въ руки Лакэ-Шемоны, кромѣ четырнадцати судовъ, которые успѣли убѣжать, а сто-шестьдесятъ-шесть были взяты и всѣ бывшіе на нихъ люди преданы смерти. Когда спасшіся четырнадцать судовъ

прибыли въ Ачешъ и довели султану обо всемъ происшедшемъ, онъ впаде въ такую горестъ, что заперся въ своемъ дворцѣ и цѣлые двадцать дней не хотѣлъ никого видѣть. Потомъ онъ приказалъ отрубить головы всѣмъ капитанамъ этихъ четырнадцати судовъ, а остальными, которые на нихъ пришли, велѣлъ выбрить бороды, и, подъ опасеніемъ казни быть заживо распиленными, носить женское платье, обиваться опухаломъ и играть на цитрѣ. Воины эти, которыхъ все преступленіе состояло въ несчастіи, не могли перенести такого унижительнаго и несправедливаго наказанія: почти всѣ они сами лишили себя жизни — одни отравились ядомъ, другіе повѣсались, третьи закололись кинжалами.

Вотъ какъ королевство Аару освободилось изъ-подъ ига ачемскаго тирана и досталось во власть жантанскаго короля, который владѣлъ имъ до 1564 года, когда тотъ же ачемскій тиранъ, притворившись, будто хочетъ идти войною на Патани, вмѣсто того, слѣлалъ ночью нападеніе на Жантану, гдѣ въ то время былъ король этого государства. Ачемскій султанъ захватилъ его въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми его женами и дѣтьми, отвезъ ихъ въ свою столицу и тамъ подвергъ неслыханно-жестокимъ мученіямъ, не щадя даже самыхъ малолѣтнихъ дѣтей; королевство же Аару снова перешло къ нему, и онъ посадилъ туда на царство своего старшаго сына, того самого, который въ-послѣдствіи былъ убитъ подъ стѣнами Малакки. Онъ осадилъ ее тогда съ большими силами; но губернаторъ нашъ, донъ Ліонисъ-Перейра, сынъ графа де-Фейры, защищалъ нашу крѣпость съ такимъ геройскимъ мужествомъ, что спасъ ее какъ-будто чудомъ, ибо непріятелей было чуть-ли не въдесятеро больше, чѣмъ христіанъ.

IV.

Теперь, рассказавъ о современныхъ происшествіяхъ съ нашими сосѣдами, по правдѣ, какъ все тамъ было, обра-

здусь своа изъ коннѣ собственнымъ заключеніемъ.

Выздоровѣвъ, какъ я выше говорилъ, отъ болѣзней, привезенныхъ мною изъ плѣна въ Сиамъ, я былъ однажды позванъ къ губернатору Перо-де-Фарин. Онъ сказалъ мнѣ, что, желая отырыть для меня какую-нибудь дорогу, по которой я бы могъ обезпечить хоть нѣсколько свою будущность, поручаетъ мнѣ доставить на лангарѣ товаровъ на десять тысячъ крузадовъ въ Пагангъ (*), къ живущему тамъ повѣренному его Томѣ Лобо; оттуда я долженъ былъ идти въ Сата-ни, лигъ на сто далье по берегу Китайскаго-Моря, къ сѣверу, съ подарками къ тамошнему королю, для переговоровъ о выкупѣ пяти Португальцевъ, находившихся въ плѣну въ Сиамъ, у его вѣтя.

Я вышелъ изъ Малакки съ попутнымъ вѣтромъ, обогнулъ южную оконечность этого полуострова и на седьмой день пути, ночью, находился на высотѣ острова Пуло-Тимоанга, мы всё была поражены раздававшимся на водѣ, недалеко отъ насъ, двумя громкими криками отчаянія. Не видя ничего изъ совершенной темнотѣ, мы поворотили паруса и направились въ сторону звука на удачу, разглядывая во всё глаза воду, не удастся ли что-нибудь рассмотреть. Такимъ образомъ, подвигаясь ощупью около часа, мы замѣтили довольно-далеко впереди что-то черное и массивное. Не могши разобратъ, чтѣ это такое, мы приставовились и стали между собою держать совѣтъ. Намъ Португальцевъ было на лангарѣ четверо, и мнѣнія были различны: — одни говорили, что должно идти впередъ и удостовѣриться, нельзя ли подать помощь бѣдствующимъ; другіе утверждали, что намъ нѣчего терять время для дѣлъ, которыя насъ вовсе не касаются, и что

лучше всего идти своимъ путемъ къ Пагангъ и сдать тамъ товары Перо-де-Фарин, ибо всякая задержка можетъ быть сопряжена съ опасностью и придется отгѣчать въ случай какого-нибудь несчастія.

Я объявилъ имъ на это, что непременно, во что бы ни стало, рѣшусь узнать причину крика, который всё мы слышали; а если я ошибаюсь, то буду отгѣчать одному Перо де-Фарин, которому принадлежатъ и ланчары и товары, но никакъ не имъ, ибо они не рискуютъ тутъ ничѣмъ, кромѣ своихъ особъ, которые такъ же малодѣльны, какъ и моя собственная. Пока споры эти длились, время подошло къ рассвѣту, и мы ясно могли рассмотреть нѣсколько человѣкъ, плававшихъ на волнахъ и державшихся за облаки. Мы тотчасъ же поставили всё паруса и принялись грести что было силъ; наконецъ, когда мы приблизились къ нимъ на столько, что они могли разглядѣть насъ, они прокричали громко разъ шесть или семь: «Господи, великій насъ!» Слова этихъ несчастливцевъ поразивъ насъ несказанно; молосходъ изъ нихъ вилеть, мы тотчасъ же убрали паруса, спустили на воду шлюпку и перетянули къ себѣ двѣнадцать-три человѣка, изъ которыхъ четырнадцать были Португальцы, а остальные несомнѣнно. Искаженные лица ихъ приводили насъ въ ужасъ; всё они были такъ слабы, что не могли сначала пронаести ни одного слова.

Мы оказали имъ всё попеченіе, которое только на ланчарѣ было возможно, и когда привели ихъ нѣсколько въ себя, стали спрашивать о томъ, какимъ образомъ они очутились въ такомъ ужасномъ положеніи. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ пожилой, отгѣчалъ на это съ горькимъ плачемъ: «Моя жена, сеньоры, Фернанъ Жиль Порсалли; а кривой глазъ мой вышибла Аченка, когда они осаждали Малакку во второй разъ, во время губернаторства дона Эстеана де-Гамы. Онъ, желая спасти мнѣ добро и вида мою бѣдность,

(*) Маленькое государство это находится на восточномъ берегу полуострова Малакки. *Прим. персе.*

позволилъ мнѣ ѣхать на Молуккскіе острова, чтобъ дать мнѣ возможность ѣздить кой-какіе торговые обороты. Еслибъ Господь помиловалъ меня и внушалъ желанія быть въ тѣхъ мѣстахъ! Я пожилъ на многихъ изъ этихъ троповъ и, наконецъ, пошелъ изъ Фрита, гдѣ наша крѣвость, въ Маку, на джонкѣ, нагруженной тысячею багаровъ гвоздики, цѣною больше чѣмъ на сто тысячъ крузадовъ. Мы были двадцать-три дня съ благополучными вѣтрами, но вдругъ, за грѣбъ наши, когда мы находились къ веро-занаду отъ Сурабайи, что на тропѣ Явъ, случилась жесточайшая буря, которая вскорѣ развела огромное волненіе; въ носовой части нашей конки открылась такая течь, что мы должны были облегчить ее и побросать за бортъ значительную часть груза. Такимъ-образомъ носило насъ цѣлую ночь безъ марусовъ, ибо страшныя порывы не позволяли нести ни дѣйствіаго клочка парусины, и наконецъ, на другой день, судно не выдержало и пошло ко дну; изъ ста-сорока-семи человѣкъ спаслось только двадцать-три на разныя обломкахъ и лавкахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, плыли мы по морю въ такомъ положеніи, въ какомъ вы видите; мучившій насъ голодъ мы утолили мясомъ одного невольника-Кафа, который захлебнулся и умеръ. Въ эту ночь умерло изъ нашего числа еще двое Португальцевъ, но мы не хотѣли вѣстъ ихъ, ибо твердо были увѣрены, что не доживемъ до утра.

Мы съ ужасомъ слушали разсказъ бѣдныхъ страдальцевъ и благодарили Господа за то, что онъ насъ не подвергъ такой тяжелой участи. Потомъ, глѣшая ихъ по-христіански, сколько могли, мы подѣлялись съ ними одежною, уступили имъ свои постели, словомъ, сдѣлали для нихъ снокоіствія все, что позволяли наши бѣдные способности. Потомъ, мы снова направились къ Пагангу, но входу въ который была въ самую полночь и бросали

якорь передъ небольшоимъ селеніемъ Кампаларау.

На разсвѣтѣ мы снялись и подошли на грѣбъ къ самому городу, гдѣ вскорѣ отыскали Томѣ-Добо, агента Перо де-Фарин, которому я тотчасъ же и сдалъ привезенные мною товары. Въ этотъ же день умерло трое изъ четырнадцати спасенныхъ нами Португальцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Фернанъ Жиль Порсальйо, и пять христіанскихъ мальчиковъ дѣтнаго племени. Мы спустили ихъ всѣхъ ночью въ море, привязавъ каждому по камню на шею и на ноги, чтобъ погрузить ихъ на дно; ибо на берегу намъ ни за что не позволили хоронить нашихъ покойниковъ, хотя Томѣ-Добо и предлагалъ за это сорокъ крузадовъ: жители говорили, что земля ихъ останется проклятою и не будетъ производить ничего, потому-что покойники не очищены отъ множества свинины, которую они при жизни съѣли, что у нихъ считается самымъ тяжкимъ оскверненіемъ. Оставшихся въ живыхъ изъ спасенныхъ нами людей, Томѣ-Добо помѣстилъ въ свой домъ и снабжалъ въ изобиліи всѣмъ нужнымъ, пока они не выздоровѣли совершенно; тогда онъ отправилъ ихъ въ Малакку.

Кончивъ дѣла свои въ Пагангѣ, я хотѣлъ идти въ Патани, чтобъ исполнить другое порученіе Перо де-Фарин; но Томѣ-Добо усиленно упрашивалъ меня остаться, утѣряя, что пребываніе его въ Пагангѣ сопряжено съ опасностью, ибо одинъ изъ здѣшнихъ вельможъ, по имени Туангъ-Щеррафангъ, поклялся сместь его домъ вмѣстѣ съ нимъ-самимъ и всѣми его товарами. Дѣло въ томъ, что въ Малаккѣ одинъ изъ агентоу губернатора взялъ у него на пять тысячъ крузадовъ ладава, шелка и алмаза за гораздо-меньшую цѣну, чѣмъ все это стоило, а самъ прислалъ ему гнилыхъ и испорченныхъ товаровъ, которые онъ послѣ съ трудомъ сбывъ за семьсотъ крузадовъ, вмѣсто хорошихъ, могшихъ доставить выгодный барышъ. Томѣ-Добо говорилъ, что уже два раза у его дома ва-

рочно поднимали шумъ, чтобъ выманить его-самого за ворота и убить въ дракѣ, а потому онъ считалъ необходимымъ, чтобъ я остался съ нимъ для защиты въ случаѣ нужды его-самого и товаровъ, которые хранились въ его домѣ. Я возражалъ ему на это разными доводами, которыхъ онъ не хотѣлъ слушать, и, наконецъ, сказалъ, что если они хотятъ его убить и ограбить, то какимъ же образомъ я самъ избѣгу той же участи? А притомъ, если онъ ожидаетъ неминуемаго нападена, то зачѣмъ отпустилъ въ Малакку тѣхъ одиннадцать Португальцевъ, которыхъ я спасъ въ морѣ?—Онъ явился мнѣ, что сожалѣть до крайности объ отравленіи этихъ людей, но просить и требуетъ именемъ малаккискаго губернатора, которому сейчасъ же напишетъ обо всемъ, чтобъ я остался, ибо отъ этого зависитъ участь товаровъ Перо де-Фарин, которыхъ у него тысячи на тридцать крузаловъ, не считая своихъ собственныхъ, которыхъ почти на столько же.

Положеніе мое было довольно-затруднительно: оставаться опасно, а уйти и покинуть на произволъ судьбы Томѣ-Лобо съ имуществомъ Перо де-Фарин, я также считалъ невозможнымъ. Какъ тутъ поступить? Я предложилъ Томѣ-Лобо уговоръ, чтобъ онъ въ продолженіе пятнадцати дней превратилъ всѣ свои товары въ золото и драгоценныя камни, которыми та страна изобилуетъ, и былъ готовъ идти съ нами на моей ланчарѣ въ Питани; но простетвіемъ же этого срока, я уйду, и онъ можетъ дѣлаться, какъ знаетъ. Онъ согласился, и такимъ-образомъ я успокоился.

Томѣ-Лобо, боясь бѣды, принялся продавать свои товары такъ усердно и такъ дешево, что черезъ восемь дней въ амбарахъ его ничего не осталось. Онъ не бралъ ни гвоздики, ни перца, ни другихъ приностей, которые могли бы загрузить мою ланчару, а принималъ только золото, привозимое сюда изъ Менавгабу, алмазы, доставляемые нажу руангахъ изъ Лаоса и Тан-

жангпура, и жемчугъ изъ Борнео и Солора.

Когда все было устроено, и намъ только осталось, перебравшись на другой день на ланчару отправиться въ путь, демону пришло въ голову испортить все дѣло. Пѣнто Ходжа-Джамаль, посланникъ борнеоскаго султана, жившій года три или четыре при дворѣ пагангскаго короля, человекъ очень-богатый, убилъ его за то, что засталъ съ своею женою; прощестіемъ это подняло въ городѣ такую тревогу и до того взволновало народъ, что, казалось, будто весь адъ сорвался съ стѣн. Множество праздныхъ и буйныхъ людей, готовыхъ всегда наважность, чего они не смѣли дѣлать, боясь своего государя, собрались въ числѣ шести или семисотъ человекъ и ворвались тремя толпами въ домъ, гдѣ жилъ Томѣ-Лобо. Мы отбивались, какъ могли, но наконецъ, когда съ нашей стороны легло одиннадцать человекъ, въ томъ числѣ трое прибывшихъ со мною изъ Малакки Португальцевъ, и самъ Томѣ-Лобо получилъ шесть ранъ, изъ которыхъ одна сабельный ударъ расцѣпилъ ему правую щеку до шен, мы увидѣли себя въ необходимости отступить на ланчару. Господь помогъ намъ спастись вмѣстѣ съ патью Португальцами восемью матросами, но товары пропали всѣ, а въ кладовой Томѣ-Лобо было одного золота и драгоценныхъ камней съ тысячъ на пятьдесятъ крузаловъ.

Мы отделились отъ берега и продолжали до рассвѣта въ безпрестанной тревогѣ. Видя, что съ каждымъ часомъ дѣла идутъ хуже и хуже и что возмущеніе въ городѣ разгарается сильнѣе, мы рѣшились уйти въ Питани, не желая подвергнуться опасности быть убитыми. Намъ носкъ свѣдѣвало, что, во время этого бунта, въ Пагангѣ около четырехъ тысячъ человекъ лишились жизни.

Снявшись съ якора, мы черезъ шесть дней пришли въ Питани, гдѣ были очень-хорошо приняты жителями такъ Португальцами и рассказали намъ въ подробности обо всемъ, про-

ведшемъ въ Пагангъ и о смутномъ по-
юженіи города, что поразило ихъ
илью, и они, движимые усердіемъ
юбрыхъ христіанъ, пошли въ домъ ко-
роля; объяснивъ ему, какой убытокъ
потерялъ его союзникъ, малакскій
губернаторъ, они просили позволенія
возвратить какъ-нибудь товары, кото-
рыхъ онъ совершенно безвнимо лишил-
ся. Король, выслушавъ ихъ благосклон-
но, сказалъ: «Справедливость требу-
етъ, чтобъ вы грабили тѣхъ, кто гра-
билъ вашихъ, а въ особенноти тѣхъ,
кто ограбилъ малакского губерна-
тора, которому всѣ вы столько обязаны». Португальцы поблагодарили его за та-
кую милость, и возвратясь домой, рѣ-
шили захватывать все, что только по-
падется имъ въ руки изъ принадлежа-
щаго жителямъ Паганга, пока не воз-
наградится весь убытокъ, понесенный
такъ нашими земляками во время по-
слѣднихъ смутъ.

Двѣ черезъ девять провѣдали они,
что въ рѣкѣ Калантангъ, находящей-
ся сѣмъ въ восемнадцати отъ Пата-
ни, стоятъ три китайскія джонки,
весьма-богато нагруженныя, которыя
принадлежатъ мавританскимъ куп-
цамъ изъ Паганга и зашли въ эту рѣку
по причинѣ противныхъ вѣтровъ. Изъ
трехъ-сотъ Португальцевъ, жившихъ
въ Патами, восемьдесятъ человѣкъ то-
гда же, не теряя времени, чтобъ не
дать зашедшимъ маврамъ успѣть пред-
упредить о себѣ, отправились въ
испещенію на двухъ фустахъ и од-
номъ большомъ суднѣ. Начальство
принялъ на себя Жоо-Фернандезъ-
Дабреу, уроженецъ острова Мадеры,
сынъ учителя короля дома Іоанна; онъ
взялъ съ собою на большомъ суднѣ
сорокъ солдатъ, а двумя фустами ко-
мандовали Лоренсо де-Говезъ и Васко
Серранто, люди весьма-храбрые и
опытныя въ военномъ и морскомъ дѣ-
лѣ.

Экспедиція прибыла на другой день
въ рѣку Калантангъ, и, увидѣвъ на яко-
рѣ джонки, о которыхъ они были увѣ-
домлены, наши напали на нихъ съ та-
кою стремительностію, что, не вырва-

на мужественную защиту мавровъ, онѣ
меньше чѣмъ черезъ часъ нашлись
вынужденными слатся, лишившись
семидесяти-четырехъ человѣкъ уби-
тыми; изъ нашихъ было убитыхъ толь-
ко трое, но за то много раненыхъ.

Овладевъ джонками и пересадивъ на
нихъ часть своихъ людей для управле-
нія, Португальцы наши снова поста-
вили мавровъ, и, вмѣстѣ съ джонками,
поспѣшили выйдти изъ рѣки; оста-
ваться долѣе было опасно, потому-что
все народонаселеніе окрестныхъ дере-
вень поднялось уже на ноги. Вышедъ
такимъ-образомъ изъ рѣки, они че-
резъ сутки прибыли въ Патами, при-
громъ артиллеріи и звукъ трубъ и ба-
рабановъ, изъ большому неудовольствію
мавровъ, которымъ такое торжество
было очень-непріятно.

Мавры эти, не смотря на то, что по
наружности казались нашими друзья-
ми, употребляли всѣ усилія и всячески
старались подстренать короля черезъ
его приближенныхъ, чтобъ онъ поссо-
рился съ нами и выгналъ насъ изъ сво-
ихъ владѣній; но онъ оставался непре-
клоненъ и говорилъ, что ни за что не
наи́тремъ разорвать дружбу, которую
предшественники его заключили съ
Португальцами. Желая, однако, быть
посредникомъ между нами и хозяева-
ми джонковъ, онъ попросилъ насъ,
чтобъ мы взяли изъ грузовъ ихъ столь-
ко товаровъ, на сколько губернаторъ
Малакки потерялъ убытка, а суда от-
пустили домой, вознаградивъ и себя
и сколько за труды. Жоо-Фернан-
дезъ-Дабреу и большая часть Порту-
гальцевъ, видя, какъ сильно король же-
лаетъ этого, согласились на его прось-
бу, за что онъ остался имъ весьма-до-
воленъ и премного благодарилъ ихъ.

Вотъ какимъ-образомъ были возвра-
щенныя пятьдесятъ-тысячъ круадоуъ,
которыхъ Перо де-Фаріа и Томе-Добо
лишили въ Пагангъ, а Португальцы
остались въ той землѣ съ честными
именемъ и заставили мавровъ бояться
и уважать себя. Говорили, что на вѣ-
тыхъ джонкахъ было одного серебра
тысячъ на триста круадоуъ, де снѣ-

тая другихъ товаровъ, которыми онъ были богато нагружены.

V.

На двадцать-шестой день пребывания моего въ Патани, когда я уже былъ почти готовъ отправиться въ Малакку, прибыла оттуда Фуста, подъ начальствомъ капитана Антонио де-Фариа де-Сузы. Перо де-Фариа приехалъ его къ вѣдѣнному королю съ подарками и съ изъявленіемъ благодарности за хорошіе поступки его съ Португальцами, а также для нѣкоторыхъ переговоровъ, касающихся торговли нашей съ вѣдѣннымъ краемъ.

Антонио де-Фариа привѣлъ тысячу на двѣнадцать крузатовъ вѣдѣнныхъ товаровъ, которые ввезъ въ Малакку въ долгу, но которые здѣсь были въ такомъ дурномъ ходу, что никто не хотѣлъ покупать ихъ. Не зная что съ ними дѣлать, онъ рѣшился-было переименовать въ Патани, чтобъ вымѣнять случаи сбыть ихъ какъ-нибудь; однако, нѣкоторые изъ вѣдѣнныхъ опытныхъ купцовъ посоветовали ему идти въ Лугоръ или Лигоръ, городъ въ Сіамскомъ Королевствѣ, лгъ на сто къ сѣверу отъ Патани, очень-богатый и обширный множествомъ жемчужъ и проа изъ Ялоса, Танжангура, Пасариванга, Солора, Борнео и другихъ мѣстъ, откуда привозятъ золото и дорогие каменья для промѣна на разные товары.

Антонио де-Фариа рѣшился послужать этого совѣта и нанялъ себѣ въ Патани судно, ибо Фуста его была слѣшкомъ плоха; онъ поручилъ продажу своихъ товаровъ нѣкому Кристова Ворралью, челоѣку весьма опытному въ торговель дѣлахъ, а съ нимъ должны были отправиться челоѣки семнадцать разночинцевъ и солдатъ, изъ которыхъ у каждаго было по немногу своего добра, и каждый надѣлся сдѣлать въ Лугорѣ такой оборотъ, чтобъ изъ одного крузата вышло сѣмъ и даже больше. Въ числѣ этихъ расчетливыхъ былъ и я грѣшныи.

Мы снарядъ съ якоря въ суббо-

ту утроиъ и, держась все вдоль берега, при попутныхъ вѣтрахъ пришли въ четвергъ слѣдующей недѣли къ входу въ Лугоръ. Бросивъ якорь къ устьѣ рѣки, мы простояли тутъ весь день, собарая по возможности подробнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что могло касаться нашей торговли и нашей личной безопасности.

Свѣдѣнія эти были до того благоприятны, что мы надѣялись ушестерить свои капиталы, такъ - какъ сентябрь мѣсяцъ, по законамъ сіамскаго императора, былъ мѣсяцемъ *королевскихъ сумбай* или поклоновъ. Чтобъ повѣсть значеніе этого выраженія, надобно знать, что вдоль всего восточнаго валайскаго берега и на нѣкоторое разстояніе во внутрь царствуетъ одинъ могущественный государь, который называется Пречау Салеу, императоръ всего Сорнау; царство его состоитъ изъ четырнадцати великихъ королевствъ, которыя извѣстны подъ общими именемъ Сіама. Всѣ эти четырнадцать королей, по древнему обычаю, были обязаны являться лично, разъ въ каждый годъ, въ городъ Оди, столицу Сорнау; туда они приносили дань, которую каждый долженъ былъ платить своему верховному повелителю, и дѣлалъ *сумбайю*, то-есть кланялись въ знакъ покорности саблю, заткнутую за поясомъ императора.

Но такъ - какъ столица находится лгъ на пятьдесятъ во внутрь земли и теченіе рѣки очень-быстро, отъ чего королямъ часто приходилось долго проживать тамъ съ большими издержками и убытками, то императоръ, сваясходя на нихъ общее промѣане, смягчилъ требованіе этого знака покорности, назначивъ въ городъ Лугоръ намѣстника, который на нихъ лгтъ называется *покио*: къ нему они должны представляться лично черезъ каждые три года, въ сентябрѣ, съ изъявленіемъ своей покорности и съ данью, которую каждый обязанъ внести въ продолженіе этихъ трехъ лгтъ. Въ этотъ мѣсяцъ снажается *пошлеа* во тольио съ товаровъ, привозимыхъ отъ

и даяниками — королями, но и со всёхъ, которые привозятъ купцы, какого бы арода они ни были.

Время нашего прибытія случилось акт-разъ въ этотъ мѣсяцъ, и въ здѣшній городъ стеклось столько купцовъ, въ разныхъ сторонахъ съ богатыми товарами, что по рассказамъ тамъ перебыло болѣе полуторы тысячи судовъ.

Все это мы узнали пока стояли на корѣ въ устьѣ рѣки, выжидая перемены вѣтра, чтобъ войти въ нее. Но грѣхи наши Господу не угодно было допустить осуществленія нашихъ желаний: часовъ около десяти, когда мы только-что приготовились обѣдать, ииѣя якорь на панеляхъ, чтобъ сняться тотчасъ же послѣды, мы увидѣли идущую изъ рѣки большую джонку, шедшую подъ однимъ фокомъ. Она бросила якорь прямо впереди насъ; потомъ, рассмотрѣвъ, то мы Португальцы и что насъ очень мало, да и судно у насъ маленькое, она выпустила канатъ и подрейфовала на насъ. Поравнявшись съ нашимъ носомъ, съ джонки закинули къ намъ на борта желѣзные крючья и притянули наше судно къ себѣ; потомъ появились вдругъ человекъ семьдесятъ или восемьдесятъ мавровъ съ примѣсно ѣсколькихъ Турковъ, притянувшихъ одинъ борта. Они испустили страшный крикъ и осыпали насъ такимъ радомъ камней, стрѣлъ и дротиковъ, то, меньше чѣмъ въ одинъ credo, изъ двѣнадцати Португальцевъ легло на бѣстѣ двѣнадцать, и кромѣ того тридцать-шесть матросовъ и невольниковъ. Бы четверо, удѣлѣвшіе, бросились въ море, и одинъ утонулъ не доплывъ до берега, а остальные добрались туда все-какъ, измученные и израненные; мы съ трудомъ пошли по болотистому взморью, увязая въ тинѣ чуть не до ояса, и поспѣвши скрыться какъ можно-скорѣе въ лѣсу.

Мавры съ джонки взобрались на наше судно, и первымъ дѣломъ ихъ было доить лежавшихъ на палубѣ человекъ шесть или семь раненныхъ; потомъ, перетаская на джонку все, что соч-

ли достойнаго изъ груза и вещей, они прорубили судно и пустили ко дну, а сами немедленно подняли якорь, поставили наруса и пошли въ море.

Мы трое, спасшіеся отъ общей участи, израненные и безпомощные, принялись плакать и бить себя въ грудь кулаками, въ отчаяніи отъ всего, что видѣли за полчаса предъ тѣмъ, и такимъ-образомъ провели остатокъ этого горестнаго дня. Видя, что земля здѣсь болотиста и населена множествомъ змѣй и ящерицъ, мы рѣшились провести ночь на взморѣ, въ тинѣ. На другой день, когда разсвѣло, мы потянулись вдоль берега рѣки вверхъ, до небольшого рукава ея, черезъ который не рѣшились переправиться, какъ по глубинѣ его, такъ и потому-что видѣли въ немъ много большихъ ящерицъ (*). Мы провели тутъ тяжкую ночь и пять слѣдующихъ дней, ибо намъ нельзя было идти ни впередъ, ни назадъ: вся земля была болотистая, поросшая высокою травой.

Въ-продолженіе этого времени умеръ одинъ изъ насъ, по имени Бастіанъ Авринеъ, человекъ весьма - почтенный и богатый, у котораго на лавгарѣ пронало тысячъ восемь круваловъ; остальные двое, Кристовао Борралейо и я, принуждены оплакивать худо-погребеннаго покойника и сами были такъ слабы, что едва могли говорить: мы предчувствовали, что и намъ придется прожить недолго и были готовы умереть.

На другой день, около солнечнаго восхода, увидѣли мы сверху, по теченію рѣки, большую лодку, нагруженную солью; когда она поравнялась съ нами, мы встали на колѣни и умоляли гребцовъ взять насъ. Они пристановились, посмотрѣли на насъ пристально и показали видъ, будто хотятъ продолжать путь свой внакъ по рѣкѣ; тогда мы закричали имъ, сколько у насъ было силъ, чтобъ они сжалились

(*) Впрочемъ, крокодилы.

надъ нами и не оставили умереть въ такомъ положеніи. При звукѣ нашего голоса поднялась въ кормѣ лодки пожилая женщина, вида важнаго и величаваго; увидя насъ въ такомъ жалкомъ состояніи и раны, которыя мы ей показали, она приказала людямъ своимъ грести къ берегу; должно быть, люди сначала противились, потому что она взяла палку и надѣлила многихъ изъ нихъ добрыми ударами. Когда лодка пристала къ берегу, шестеро изъ гребцовъ выскочили и втащили насъ къ себѣ.

Почтенная женщина, видя насъ израненными, а локотья одежды нашей въ грязи и крови, велѣла вылить на насъ нѣсколько ушатовъ воды и дала обоямъ по куску бумажной матеріи для прикрытія наготы. Потомъ она посадила насъ подлѣ себя, дала намъ ѣсть изъ своихъ рукъ и сказала: — Подкрѣпайте свои силы, бѣдные чужеземцы: и не унывайте. Вгляните на меня, я женщина еще не очень старая, а между-тѣмъ, шесть лѣтъ тому назадъ, была въ плѣну и ограблена больше чѣмъ на сто тысячъ круизадовъ имущества, лишилась трехъ сыновей и мужа, котораго любила больше глазъ своихъ, двухъ братьевъ и зятя — всѣ они были растерзаны при мѣхъ работами слоновъ сіамскаго государя; я видѣла, какъ три дочери, отецъ и мать были брошены въ раскаленные печи и умерли въ ужасныхъ мукахъ, испуская крики и стоны, отъ которыхъ небо должно бы развалиться. Я перенесла все это и влечу жизнь горестную, но не ропщу на Бога, ибо онъ знаетъ что дѣлаетъ.»

Мы отвѣчали ей, что Господу угодно было за грѣхи наши посѣтить и насъ бѣдствіемъ неожиданнымъ, послѣ котораго она видѣла насъ въ такомъ положеніи. Она возразила со слезами на глазахъ: «Хорошо вы дѣлаете, чужеземцы, что въ несчастіяхъ своихъ принимаете съ покорностью волю Божию.» Потомъ она принялась расспрашивать насъ о причинѣ нашего бѣдствія, и мы рассказали, какъ все

произошло, присовокупивъ, что не знаемъ, кто были эти разбойники и за что они сдѣлали намъ столько зла. Люди ея заключили изъ нашихъ словъ, что навалившаяся на насъ большая джонка — та самая, на которой разбойничаетъ гузаратскій мавръ Ходжа-Асемъ, вышедшій въ тотъ день изъ рѣки и отправившійся съ грузомъ на островъ Гам-Навъ.

Почтенная женщина, ударяя себя въ грудь, воскликнула: «Пусть меня убьютъ, если это не онъ! Мавръ этотъ хвасталъ нѣсколько разъ въ присутствіи всѣхъ, кто его слушалъ, что онъ истребилъ многихъ изъ чужеземцевъ, владѣющихъ Малаккой, и что покаялся своему пророку Мухаммеду убивать всѣхъ Португальцевъ, какіе только ему попадутся. — Мы, испуганные этимъ извѣстіемъ, спросили ее, что за человекъ этотъ мавръ и по какой причинѣ онъ питаетъ къ намъ такую провозжаданую вражду. Она отвѣчала, что навѣрное не знаетъ, но что слышала, будто одинъ изъ нашихъ главныхъ военачальниковъ, по имени Эйгоръ-да-Сильвейра, убилъ его отца и двухъ братьевъ въ Мексикомъ-Провинціи, на суднѣ, шедшемъ оттуда въ Дабулъ. Послѣ того она рассказала намъ еще много другихъ подробностей объ ожесточенной ненависти этого мавра къ Португальцамъ и обо всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ къ нашему вреду.

Отваливъ отъ мѣста, гдѣ насъ взяла эта почтенная женщина, мы пошли вверхъ по рѣкѣ подъ парусами и на веслахъ. Проѣхавъ около двухъ лигъ, мы остановились у небольшой деревни, въ которой переночевали, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня пошли къ городу Лугору, находящемуся отсюда лигъ на пять, куда прибыли около полудня.

Покровительница наша взяла насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы прожили двадцать-три дня въ полномъ изобиліи, окруженные всѣми удобствами, которыя доставляла намъ ее заботливая поочетливость, такъ-что се-

ершено выдворили и поправились.

Женщина эта была вдова знатнаго юла. Мы въ-послѣдствіи узнали, что она была прежде женою Шабандара Преведина, котораго Лаванара, король Івайжоанга, что на островѣ Явѣ, бралъ въ городѣ Банча. Когда она насъ встрѣтила, она ѣхала съ своею большою джонки, нагруженной солью, которая садѣла въ водѣ слишкомъ-глубоко, чтобъ войти въ рѣку, а потому съ нею перевозили грузъ мало-помалу на той самой лодкѣ, которая спасла насъ.

Когда Господу угодно было возвратити намъ здоровье, она слеза насъ одному купцу, своему родственнику, отправлявшемуся въ Патаии. Онъ взялъ насъ на гребную калалузу, на которой собирался ѣхать, и мы черезъ семь дней прибыли благополучно въ Патаии.

Антонио де-Фариа, ожидавшій насъ съ нетерпѣніемъ и рассчитывавшій на большіе барыши, остолбенѣлъ, когда мы рассказали о горестной участи нашей ланчары. Большая часть бывшихъ адѣсь Португальцевъ были огорчены не менѣе его, ибо и они лишлись всего своего имущества.

Антонио де-Фариа, видя себя въ бѣдѣ, помощникомъ состоянимъ и зная, что въ Малаккѣ отъ него потребуютъ взятыхъ въ долгъ двѣнадцать тысячъ крузаловъ, собралъ нашихъ земляковъ и объявилъ имъ, что не смѣетъ показаться на глаза своимъ кредиторамъ, а потому, по его мнѣнію, всѣмъ намъ остается одно средство: отыскать тѣхъ, кто насъ ограбилъ и возвратитъ себѣ силою наше потерянное добро. Потомъ онъ взялъ святое евангеліе и повлился надъ нимъ громогласно, что пойдетъ хоть на край свѣта искать нечестиваго навра и заставить его заплатить съ лихвою за все сдѣланное имъ зло, ибо смерть шестнадцати Португальцевъ и тридцати-шести христіанскихъ моряковъ не должна пройти разбойнику даромъ; иначе подобныя

дѣла повторяются въ другой, въ десятый и въ сотый разъ.

Всѣ присутствовавшіе похвалили рѣшимость Антонио де-Фариа и предложили себя и все, что у нихъ осталось денегъ, для исполненія его предпріятія. Онъ поблагодарилъ своихъ друзей за ихъ готовность и немедленно, съ величайшею дѣятельностію приступилъ къ нужнымъ приготовленіямъ, такъ-что черезъ восемнадцать дней судно было готово къ отплытію съ пятьюдесятью-пятью солдатами и нужнымъ числомъ матросовъ и невольниковъ.

Необходимость заставила и меня идти въ эту экспедицію, ибо я остался безъ единого винтика, не имѣлъ никого, кто бы мнѣ помогъ въ крайности и, кромѣ того, долженъ былъ въ Малаккѣ болѣе пятисотъ крузаловъ, которыми друзья меня тамъ ссудили. А по милости этой собаки-мавра у меня не осталось ровно ничего, кромѣ моего грѣшдаго, неравеннаго тѣла. Товарищъ мой Кристовао Борральйо былъ еще въ худшемъ положеніи: у него было еще больше разъ взаимію двухъ тысячъ пятисотъ крузаловъ, на которые его ограбили вмѣстѣ съ прочими.

(Продолженіе впрод.)

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Іуль.

Письмо второе.

Сдѣла отпрать къ тебѣ первое письмо, я забылъ сдѣлать необходимое пост-скриптумъ, необходимую огорку. Изъ моей торопливой рѣчи не выведи заключенія: что я вздумалъ Богъ-знаетъ съ чего приписывать боргезскаго «Гладиатора» прямо римскому искусству. Анахронизмъ былъ бы слишкомъ-грубъ, когда объ этой

статуѣ есть не только весьма-определенное мѣрное знатокѣ, но на ней же самой читается имя художника: «Агасиасъ изъ Эфеса». Это еще искусство греческое, но не то свободное, вдохновенное искусство, которое изъ вѣковѣчныхъ идей творило неумиряющіе образы, а то, которое, наследуя отъ него все совершенство техники, всѣ утонченности моделировки, не наследовало лишь тайны внутренней жизни въ его созданіяхъ, или, если угодно, теряло ее болѣе-и-болѣе и извращало методу, начиная со вѣшняго, часто съ подражанія, и думая потомъ извнѣ прицѣпить къ своему произведенію жизненный духъ,—словомъ, искусство, уже подающее руку римскому, уже обозначающее ему путь и образъ дѣйствованія. Эпоха его начинается отъ смерти Александра Великаго и продолжается за полстолѣтіе по Р. Хр., когда Римъ сталъ уже средоточіемъ искусства, когда, источникъ свою политическую производительность, онъ хотѣлъ еще быть всемірнымъ законодателемъ въ дѣлѣ вкуса. И когда подумаешь, что къ той же самой эпохѣ принадлежатъ группа Лаокоона, Венера Медичейская, то нельзя не сознаться, что и у ней были свѣтлыя свои мгновенія, и къ ней прилеталъ гоній жизни въ извѣстныхъ минутахъ, и многое еще творилось на зависть будущимъ вѣкамъ, — хотя общее тяготѣніе было уже не къ цвѣту, который въ искусствѣ, какъ и въ природѣ, бываетъ только однажды, но къ упадку, къ потемнѣнію жизни, къ нравственному безсилію... Какъ-будто Римъ, истощенный семивѣковою жизнію, неспособенъ былъ воспринять въ свои нѣдра искусство, какъ только на этой его точкѣ! И надобно отдать ему справедливость: рабски копируя образцы всѣхъ стилей и всѣхъ извѣстныхъ, т. е. подвластныхъ ему народовъ, въ своей собственной производительности онъ всегда вѣрно соотножился съ своимъ вкусомъ, съ своими потребностями, и никогда не напрягался свыше силъ своихъ. Когда нуж-

но было копировать, онъ такъ же мало задумывался надъ граціозною Аэною Фидіаса, какъ и надъ тощею Пандою съ береговъ Нила; но когда Римъ начиналъ производить самъ, изъ своей собственной головы,—подъ руками его, вмѣсто боговъ, плодились почти только головы имъ же каждодневно творимыхъ и обоготворяемыхъ императоровъ, — образы, которые, конечно, ни въ какой вѣкъ и ни при какомъ освѣщеніи не могли бы послужить идеалами красоты, но которыми, однако, по всей вѣроятности, воображеніе Римлянъ той эпохи занято было не менѣе, чѣмъ фантазія древнихъ Грековъ — ихъ Зевсами, Афродитами, Аполлонами... Но если когда и Риму удавалось привязать вѣрную мысль или чувство къ одному изъ своихъ произведеній, онъ любилъ потомъ повторять это произведеніе нѣсколько разъ съ малыми видоизмѣненіями: такъ любилъ онъ нѣжный бюстъ и прекрасную голову Антина со съ легкимъ отблескомъ задумчивости... И вѣкъ Римъ былъ правъ: онъ любилъ то, что ему было по силамъ и что въ его много-пережившей душѣ дѣйствительно оставалось живаго: это минутное чувство невольной грусти, которое, какъ легкое облако, набѣгало на него въ часы шремыщенія и отъ котораго задумчиво сядуналась голова его юношей, рано, слишкомъ-рано заблудившихся въ наслажденіяхъ и потерявшихъ цѣль жизни, даже самый видъ на нѣсколько-отдаленную будущность...

Но чтобы намъ не остатся при одной оговоркѣ, ты позволишь мнѣ еще на минуту возвратиться въ Грекамъ, — потому-что невозможно, посвятить, примѣрно, часъ Венерѣ Мидосской, не отдать хотя нѣсколькихъ минутъ Боргезской Вазѣ. Нельзя: оставившись передъ нею разъ, на вѣрное придешь къ ней и другой, и это будетъ еще не послѣдній... Въ чемъ тайна прелести, которая растетъ по мѣрѣ-того, какъ въ нее всматриваешься, и наконецъ навить къ себѣ глазъ уже не отводишь? Напрасно хотѣлъ бы я посвятить

съ каталогомъ: былъ когда-то составленъ добрый каталогъ для кабинета древностей, но весь вышелъ, да и много потомъ намѣнилось въ порядкѣ, даже въ самомъ количествѣ; новаго же каталога еще и не обѣщаютъ: маленькая странность, о которой нельзя пожалѣть довольно. По-частію, можно нанести справку хоть въ вѣнецкой книгѣ: я прибѣгаю къ Вагену и вижу, къ удовольствію, что рельефы Боргевской Вазы отвесены у него въ разрядъ тѣхъ древностей въ луврскомъ собраніи, которыя по всѣмъ признакамъ должны принадлежать школѣ Скопаса... Теперь понятно, почему, переходя къ вазѣ прямо отъ Венеры Милосской, чувствуешь себя какъ-бы въ той же самой сферѣ, остаешься при одномъ созерцаніи, какова бы ни была разность въ мысли духъ произведеній. По времени исполненія, впрочемъ, рельефы Боргевской Вазы никакъ не могутъ быть равнѣ времени Адриана. Таково мнѣніе моего авторитета: я не знаю причинъ такой строгости, потому-что онѣ не высказаны, но вѣрно, что онѣ должны быть очень-сильны. Что касается до меня, невооруженнаго эрудиціей, то—очарованіе ли прелестнаго рисунка отвело мнѣ глаза, или потому-что работа сдѣлана съ необыкновенною любовью, не смотря на то, что была только подражаніемъ, —только я просмотрѣлъ слѣды римскаго рѣза, т. е. рѣза времязъ римскаго искусства, и готовъ былъ видѣть въ копіи самый оригиналъ. Вотъ что значить быть непосвященнымъ!

Начавъ обходить эту прекрасную вазу, поставленную на пьедесталѣ, не скоро остановишься... Не то, чтобы ужъ она была такъ огромна, разумѣется, а что, не имѣя возможности охватить всю картину разомъ и принужденный постепенно переходить отъ одной фигуры къ другой, не хочешь ни на одной изъ нихъ остановиться какъ на послѣдней и такимъ-образомъ какъ-будто теряешь конецъ. Всего десятъ фигуръ, мужскихъ и женскихъ, расчлененныхъ на нѣсколько отдѣль-

ныхъ группъ и изображающихъ вѣстѣ процессію вакхическаго характера. Мы, новые, знающіе о бытѣ древнихъ Грековъ едва-ли еще не больше по памятникамъ, чѣмъ по историческимъ даннымъ, ны бы иногда въ состояніи задать себѣ вопросъ: не есть ли ужъ это обитавъ искусство, что даже вакхическое уношеніе Грековъ представляется въ такихъ изящныхъ формахъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, возьмите какую угодно изъ этихъ десяти фигуръ, всѣ онѣ исполнены — не скажу только жизни, чѣмъ проникнуты всѣ памятники чисто-греческаго искусства, еще самой обворожительной граціи, съ которою глазъ не разстается охотно. Дикующая ли вакханка, восторженно закинувшая назадъ свою прекрасную голову и радостно несущаяся впередъ съ поднятymi тирсомъ, другая ли, увлеченная тѣмъ же порывомъ, но наклонившая корпусъ впередъ, между тѣмъ, какъ ноги, кажется, меньше повинуются тому же движенію, или та, которая съ улыбкой самодовольствія стала среди процессіи и такъ свободно развернула красоту своего стана, прикрытаго легкой греческой туникой, наконецъ — не насаясь уже прочтѣ самъ ли благоумный, но и болѣе другихъ уношенный Бахусъ, какъ-бы роняющій свое тѣло вслѣдъ за руками, которыя тянутся за упавшею чашею, но еще поддержанный дружественною рукою, — все это обито граціею, все полно несказаннаго изящества, въ каждой изъ этихъ изящныхъ линий столько же вѣги, сколько и благородства! Не-уже-ли хариты, очевидно присутствовавшія при рожденіи этихъ художественныхъ линий, также вѣрно служили Грекамъ и въ самой ихъ дѣйствительной жизни, также неразлучны были съ ними и въ самыхъ крайностяхъ вакхическихъ пировъ, — и не уходили онѣ, не бѣжали, закрывая лицо, отъ буйнаго разгула оргій? А въ наше время иногда не встрѣчаешь ихъ даже и тамъ, гдѣ бы, казалось, безъ харитъ даже и дѣлать нечего, — даже иногда въ мастерской художника! Я

уж не смѣю говорить о нашихъ оргіахъ, которыхъ, сколько знаю, не бра-лась еще изображать рука художника.

Но, когда смотришь на эти образы, созданныя когда-то живыми искусствомъ, когда потомъ, возвращаясь къ нимъ въ сколько разъ, душевно полюбишь ихъ благородство въ самомъ страстномъ увлеченіи, ихъ граціозность даже среди нескромнаго вахическаго упоенія, тогда — склоняешься и къ вѣрѣ, что была когда-то жизнь, что жилъ когда-то народъ, которому не чужды были ни эта мощная грація, ни эта благородная красота, хотя бы то въ минуты буйнаго вахическаго разгула, — потому что, думаю я, законы бы ни были высшія нантия искусства, выростающія оно всегда на дѣйствительной почвѣ, и идеальности абсолютно невозможныя, тѣ, которыхъ не могла бы выѣстать природа человѣческая ни настоящаго времени, ни вѣковъ прошедшихъ, — такія идеальности, еслибы и остановили наше вниманіе на минуту, никогда не могли бы привлечь нашей любви къ себѣ. Есть въ нашемъ чувствѣ это вѣрное чутье жизни, котораго обмануть нельзя: позволяя себѣ временемъ завлекаться въ фантастическій міръ искусства, оно, впрочемъ, никогда не входитъ въ него, какъ въ міръ лишь только мечтательный, но всегда почти умѣетъ отличить въ немъ истинный пульсъ жизни отъ ея призрака. Не даромъ глаза мой прививаются всякій разъ болѣе и болѣе, на-прим., хоть бы къ фигурамъ «Борговской Вазы», не даромъ воображеніе любитъ возвращаться къ нимъ и послѣ, когда ихъ нѣтъ болѣе передъ глазами, и восстанавливаетъ въ себѣ ихъ легкіе очерки: есть въ этомъ очарованіи и своя доля истины — не ежедневной, даже не современной, если хочешь, но которая, однако, не призракъ и не обманъ. Кстати мнѣ приходится на мысль примѣръ гораздо болѣе близкій: вспомни разность, на-примѣръ, между Жанной и Fleur-de-Marie, какъ между двумя идеальными совершенно-различнаго рода,

изъ которыхъ о второй почти не стоить и говорить... Но мы и такъ не будемъ больше говорить на этотъ разъ, потому что зашли слишкомъ далеко.

Письмо третье.

Войдемъ сегодня въ картинную галерею. Одна лѣстница, и ты сдѣлалъ переходъ отъ древняго искусства къ искусству новому. Тѣмъ, которые видѣли даже послѣдній закатъ древняго міра, мало было бы жизни въсколькихъ столѣтій, чтобы сдѣлать такой шагъ, чтобы видѣть не то, что цвѣтъ новаго искусства, а хотя бы первые его зачатки: тебѣ же это ничего не стоить, потому только, что ты — сынъ юнѣйшаго поколѣнія, за которымъ лежатъ два отжившіе міра, завѣщавшіе намъ лишь свое безсмертіе. Это твоя выгода: оборотившись назадъ, ты можешь видѣть тамъ не только великія тѣни, отъ которыхъ одинъ Дантъ могъ доспрашиваться отвѣтовъ, но два безконечныя ряда неумиряющихъ образовъ, которые ни на минуту не дадутъ тебѣ задуматься о смерти, а развѣ наперерывъ будутъ дѣлать тебя своею жизненностью. Два безконечныя ряда: тамъ оконченный міръ искусства древняго, здѣсь — безпрестанно возрождающійся міръ новаго, котораго цвѣтъ, впрочемъ, отдѣленъ отъ насъ цѣлыми тремя столѣтіями. Только въ громадной фантазіи Наполеона могла зародиться фантастическая мысль — собрать всѣ богатства этихъ двухъ мировъ въ одномъ центръ, то-есть въ Парижѣ. Предположивъ даже возможность осуществленія на дѣлѣ такой фантазіи — какое воображеніе не потерпѣлось бы среди этого необъятнаго соединенія творчества всѣхъ вѣковъ, какой острый умъ не отупѣлъ бы въ усиліяхъ охватить однимъ разомъ все безконечное разнообразіе жизни, которое гений отжившаго человечества оставилъ намъ въ своихъ созданіяхъ!

За то, какъ-бы переполненная образъ преледнаго, фантазія современная тѣмъ менѣе плодотворна, чѣмъ дается впередъ... Или, можетъ-быть, я пристрастно ошибаюсь, но напрасно иду въ произведеніяхъ новѣйшаго искусства того духа жизни, которыми вѣетъ на меня отъ греческихъ мраморовъ, котораго присутствіе ощущается ивъ часто даже въ картинахъ второстепенныхъ старыхъ мастеровъ; напрасно спрашиваю я, гдѣ тѣ великіе образы, которые создала новѣйшая фантазія и которые бы такъ же наполнили наше воображеніе, какъ воображеніе древнихъ было полно этими вѣчными типами Зевсовъ, Аферодитъ, Аполлоновъ, Аоніевъ, Гермесовъ, или какъ сіяющій божественною протостию образъ Мадонны и свѣтлый ликъ ея спутниковъ были неразлучны почти съ каждою мыслию среднихъ вѣковъ? Или уже мы, а въ насъ—человѣчество, назвали такъ много, что истощилась производительная сила фантазіи, что ушла она въ нѣмыя направленія жизни? Или, проматкувшись благоговѣніемъ передъ великими образцами прошедшаго, художникъ новаго времени тѣмъ самымъ связываетъ крылья своей фантазіи, задерживаетъ свободный полетъ ея?—Но, когда я перепошу мысль мою въ область новаго искусства, въ область новизны, тамъ не вижу я, чтобъ авторитетъ прежнихъ образцовъ такъ смертоносно дѣйствовалъ на новыи самородный талантъ; тамъ нахожу я, наоборотъ, что изъ великаго источника новыи поэтъ почерпаетъ мысль и вдохновеніе для созданія новаго, независимаго, оригинальнаго. Ты знаешь, на-примѣръ, что безъ Пенгении древней не могло быть и новой; но ты знаешь также, что послѣдняя дышитъ своею собственною, незамысловатою жизнью. А если хочешь, я еще припомишу тебѣ, что, читая Гомера, Гёте отнѣтъ самымъ чтеніемъ вдохновлялся— въ чему ты думаешь?— къ тому, чтобъ помѣрять съ нимъ силъ въ произведеніи, которое бы, такъ-сказать, составило продолженіе Илиады.

То правда, впрочемъ, что первыи идеи тѣхъ образцовъ, которыми занято было воображеніе древнихъ, или въ которыхъ и на зарѣ дней и на закатѣ жизни любили возвращаться люди среднихъ вѣковъ, не были впервые созданы искусствомъ: оно нашло уже ихъ совершенно-готовыми; оставалось только найти для нихъ пластическое выраженіе, возлечь ихъ въ художественно-изящный образъ, — и потому другому искусству послѣ долгихъ и трудныхъ усилій наконецъ удалось довершить это дѣло. Съ того времени эти идеи въ свѣтлыхъ образахъ, которые созданы для нихъ искусствомъ, остались вѣчными типами. Художникъ нашего времени вѣдетъ ли искать своего вдохновенія въ той же сферѣ, откуда почерпали его Рафаэлъ, Винчи, Корреджіо — не говоря уже о Сконасахъ, Пираментахъ? Но эта пропасть, которая легла между нимъ и тѣмъ временемъ и которая называется вообще XVIII вѣкомъ—онъ въ состояніи ли обойти ее?.. Повытки, усилія сдѣлать этотъ страшный обходъ и привязать свои мысли къ традиціямъ тѣхъ отдаленныхъ, давно минувшихъ временъ, я вижу на каждомъ шагѣ, и въ Луарѣ, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Но... не знаю какъ бы проще сказать мнѣ свою мысль — я вѣрю, что на простую, но вѣраую копію съ картины одного изъ большихъ старыхъ мастеровъ я бы смотрѣлъ съ вѣкотораго рода наслажденіемъ въ-сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго нельзя освободиться, когда смотришь на эти усилія создать изъ тѣхъ же идей нѣчто самостоятельное. Въ-самомъ-дѣлѣ, эту болѣзненную аффектацію прошеести нѣчто равное великому, я замѣчаю слишкомъ-ясно, даже противъ моего желанія, но только одну аффектацію, и ничего далѣе ея: какъ-будто вся цѣль художника состояла только въ томъ, чтобъ какъ-можно-ярче выказать свое напряженіе! Особенно произведенія художниковъ предпослѣдней французской школы: они оставляютъ такое же впечатлѣніе, какъ если бы

вы смотрѣли на мальчика, который, чтобъ показаться большаго, вытаскивалъ бы сверхъ своей мѣры, надувалъ себѣ скулы и тарачилъ глаза... Есть, конечно, весьма-почетныя исключенія; но, во-первыхъ, исключенія лишь тѣмъ рѣзче обозначаютъ общее правило, а потомъ — какая связь между одними исключеніями? Они не прищипываютъ ни къ какой школѣ въ-особенности, никогда не составляютъ собою дѣлаго ряда, и всегда останутся чистыми случайностями. XVIII вѣкъ, по-крайней-мѣрѣ, не заботился о великомъ, и производилъ — хоть мелкое, да свое.

По-неводѣ повторить вопросъ: куда же, къ какому же роду идей должна прикинуть фантазія художника нашего времени, чтобъ дать плодъ, достойный искусства? Но бессиліе теорій отвѣчать положительно на этотъ вопросъ доказано ужъ столькими опытами, что надоевъ не стоитъ труда придумывать новый. Даже старающіе уловить направленіе современнаго пластическаго искусства какъ оно есть — теряются больше въ словахъ, чѣмъ въ мысляхъ... То хотѣтъ обратить искусство къ современному сознанию, въ немъ заставляютъ художника искать своего вдохновенія. Есть, правда, безконечное множество идей, которыми каждый Божій день движется и волнуется общество XIX вѣка: въ какой уголъ старой Евropy ни заглянете, вездѣ услышите этотъ кличъ, призывающій къ дѣйствію во имя идей. Но эти идеи, которыми вы такъ хорошо знали сегодня — вы почти не узнаете ихъ проснувшись на другой день: такъ часто мѣняются онѣ въ наше время свой образъ! На нашихъ глазахъ были даже случаи, что художникъ, остановившись съ любовью на одномъ изъ этихъ явленій — и почти готовъ бы сказать на одной изъ новыхъ системъ, — отдался ему всею душою, то-есть, въ отвлеченную идею перенесъ весь жаръ своего чувства и пытался много разъ — то, что называется въ искусствѣ — творить изъ этого матеріала: и всѣ,

которые на ту пору обдержали тотъ же самый демонъ, были въ восторгѣ... Прошло нѣсколько времени первый жаръ къ неизвѣстнаго рода идеямъ околдовался, и то самое, что недавно еще доставило художнику столько новыхъ симпатій, стали обращать почти въ упрекъ ему. И не совѣтъ Сюзь основанія: потому-что, наконецъ, талантъ, самъ того не замѣчая, ударился въ систему и закрылъ такъ-называемыми идеями самыя личности, изъ которыхъ необходимо должно было слѣдствовать дѣйствіе его драмы. Читатель (я долженъ признаться, что прайръ мой не принадлежитъ къ области собственно-пластическаго искусства) съ грустнымъ чувствомъ начиналъ замѣчать, какъ все болѣе-и-болѣе злоупотребляютъ его вниманіемъ и, вѣсто живыхъ людей, показываютъ ему иногда условныя понятія, только что конструированныя по-человѣчески. Къ счастью, талантъ, о которомъ идетъ рѣчь, скоро самъ почувствовалъ естественность своего направленія... Какъ я уже сказалъ, этотъ случай не принадлежитъ собственно къ исторіи пластики; но я воображаю, что было бы, еслибъ онъ повторился въ самомъ пластическомъ искусствѣ!

Отсылаютъ потомъ художника къ жизни дѣйствительной, какъ она есть. Надобно отдать справедливость такому требованію: если въ немъ нѣтъ большой претензіи, зато много истины, то-есть, вѣрности взгляда. Изъ одного этого начала вышла почти вся французская школа, и гениальная фантазія самого Рубенса, хотя и не укладывается вся въ эту рамку, впрочемъ, какъ часто должна была чувствовать себя въ ней совершенно на мѣстѣ! Чтобъ не оставить моей мысли безъ подтвержденія — въ Луврѣ же есть его картина, съ которой Теньеръ какъ-бы снималъ только копіи, лишь не забывая о яркомъ колоритѣ оригинала. Правда, осталась при однихъ картинахъ и сценахъ жизни, какъ она есть передъ нашими глазами, мало для искусства: высшими дѣломъ искусства всегда

станется идеалъ, и въ этомъ отноше-
 ии фламандская школа всегда будетъ
 для позая итальянской. Но по-край-
 ей-мѣрѣ можно надѣяться, что въ
 кому началу искусство не упадетъ
 въ аффектацію, въ принужденность,
 стянность, и при условіи истиннаго
 планта произведетъ многого, надъ чѣмъ
 въ удовольствіемъ остановится и взоръ
 удащаго поколѣнія. Изъ новыхъ ху-
 жниковъ, г. Вернѣ едва-ли не лучше
 стѣхъ поинялъ это начало и, служа ему
 рно передъ прочими своими собра-
 іями, заваялъ едва-ли не самое почет-
 ое мѣсто между знаменитостями со-
 ременнаго искусства. Я не говорю рѣ-
 ительно, но вижу причины настаивать
 на своемъ мнѣніи. Въ послѣднее
 ремя онъ преимущественно обратился
 въ кипучей военной жизни, — и чтобы
 акъ-можно-ближе быть къ дѣйстви-
 ьности, пишетъ почти исключи-
 ьно сцены изъ войны Французовъ
 въ Арабами въ Алжирѣ. Известно, ка-
 ое огромное наследство произведеній
 живописи готовить нашъ въизъ своему
 реминику; но—сколько можно угады-
 ать вкусъ и требованія будущихъ по-
 олнѣй — въ этомъ множествѣ я не
 влю, что оцѣнится болѣе и искрен-
 ье. на-прим., • Пріступа къ Констан-
 ьнѣ • и • Взятіе Смалы • (Prise de Sma-
 ), составляющими теперь лучшее
 крашеніе Версаля. Какая, въ-самомъ-
 ьдѣ, истинная, неподдѣльная жизнь!
 акая прѣстота и естественность не
 олько лицъ, движеній, фазіономій —
 аже самаго колорита, свѣтлаго, про-
 рачнаго, впрочемъ, безъ яркости, бро-
 ающей въ глаза, но и безъ немощ-
 ой бѣдности, такъ отвывающей
 анерностию! Что такое • Пріступъ къ
 онстантию? Група французскихъ
 оидатъ, въ перешпшу съ офицерами
 абирающихся на стѣну по грудамъ
 амней. На всѣхъ пунктахъ почти
 олько и видѣтъ, что простой фран-
 узской мундиръ. Казалось бы, какъ
 двообразно, монотонно: а между-тѣмъ,
 колько тутъ разбросано жизни, и какъ
 то похоже на жизнь, — то-есть, на
 живъ съ яснымъ лицомъ, съ отвагой

и бодростію бѣгущую на встрѣчу са-
 мой смерти. А • Взятіе Смалы? Длин-
 ный, развернутый свитокъ, гдѣ напра-
 сно ищешь главнаго пункта, съ кото-
 раго бы можно было обозрѣть всю кар-
 тину однимъ взглядомъ. Но зрителю
 стодитъ только поумѣрить свою възис-
 кательность относительно этого пункта,
 и передъ нимъ развернется, одна за
 другою, рядъ превосходныхъ группъ,
 гдѣ много всего — природы, извученія,
 жизни, драмы, не говоря уже о высо-
 комъ мастерствѣ техническомъ и жи-
 вости колорита. Станъ арабскаго пле-
 мени захваченъ въ-располохъ отрядомъ
 французскаго войска: старый шейхъ
 не успѣлъ окончить подъ навѣсомъ по-
 леваго шатра своей молитвы, какъ на-
 летѣла гроза и въ одно мгновеніе раз-
 несла тревогу, страхъ и самую гибель
 по всему безпечному становищу. Еще
 одни только хватаются за оружіе, а
 другіе ужъ гибнутъ подъ убійствен-
 нымъ огнемъ Европейцевъ. Пока на-
 чальникъ трибы въ центрѣ стана огля-
 дываетъ быстрымъ взглядомъ неудер-
 жимый беспорядокъ вокругъ себя,
 чтобы нѣсколько собрать свои мысли и
 отдать первыя нужнѣйшія приказанія,
 тамъ, подлѣ перваго стана, наиболѣе-
 подверженнаго нападенію, молодой
 Арабъ, центръ своего племени, рanen-
 ный пулею въ грудь, уже гнетъ когѣ-
 но къ землѣ; но съ нимъ молодая по-
 друга его жизни, вольная дочь степей,
 которой смуглую красоту также при-
 крываетъ лишь одно бѣлое покрывало;
 взглядъ ея, полный ненависти и мще-
 нія, устремленъ на враговъ, а рука под-
 держиваетъ раненаго и, кажется, са-
 мую бодрость, въ немъ погасающую:
 вы еще замѣчаете у него усиліе под-
 нять руку, вооруженную пистолетомъ,
 и глаза, готовые закрыться, кажется,
 еще ищутъ врага... А подлѣ нихъ —
 картина иного рода: красивые степ-
 ные быки, какихъ умѣтъ писать толь-
 ко кисть Вернѣ, загнанные тою же
 бурею, примчались съ буйной тревоги
 въ середину стана и почти смали подъ
 собою женщину съ ребенкомъ: опроки-
 нутая, она въ полубезпамятствѣ какъ

къ людямъ простираетъ къ нимъ руки, и въ движеніи головы одного изъ этихъ животныхъ есть что-то выражающее какъ-бы усиліе удержаться, что-то похожее на желаніе остановиться передъ крикомъ безпомощнаго человечества. На одинъ только шагъ отъ нихъ утекаетъ впередъ Живъ и несетъ на своемъ лицѣ весь страхъ свой... Дальше—верблюды съ драгоценнымъ выюкомъ: тамъ, подъ завѣсою плотной ткани, укрываетъ ровный начальникъ трибы лучшія жемчужины своего гарема; но передъ гровою не удержались и самые покровы ревности: тревога добралась и сюда, одинъ верблюдъ ужъ сгибаетъ переднія колѣни, вѣстѣ съ нимъ выюкъ наклоняется на сторону, полотно раздернулось, и двѣ жемчужины ужъ выпадаютъ изъ своего гнѣзда, между-тѣмъ, какъ другая, вызванная, можетъ-быть, столько же любовитствомъ, сколько и страхомъ, оснѣдилась сама раздвинуть полотно своего выючнаго шатра и выглядываетъ изъ другаго гнѣзда. Здѣсь оканчивается суматоха, но не оканчивается ни тревога, ни безпокойство: еще можно отличить высокую фигуру и повелительный жестъ начальника трибы, но все, что вокругъ него, мужчины, женщины — страхъ, недоумѣніе, или само отчаяніе. Впрочемъ, художникъ владѣетъ превосходнымъ тактомъ: не смотря на весь соблазнъ набранныго имъ сюжета, онъ нигдѣ не въ эффектахъ, нигдѣ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго преувеличенія, и вездѣ умѣлъ быть вѣрнымъ красотѣ и благородству; особенно нельзя не замѣтить прекрасной фигуры арабской женщины, упавшей на колѣни неподалеку отъ начальника трибы и съ воплемъ отчаянія поднявшей руки передъ головою; въ этой фигурѣ есть много мужественной красоты и благородства. А вотъ, вѣсколко-ниже, глупая негрятка, представленная, кажется, стеречъ богатый запасъ плодовъ, которыми глава племени, вѣроятно, готовился въ мирѣ полакомить вкусъ свой: ее одну только глупо радуетъ печальность этой тревоги; на-

нее теперь никто не обращаетъ вниманія, и она можетъ овладѣть лучшимъ кускомъ, на который давно завистливо смотрѣли глаза ея...

Но довольно. Я не предполагалъ говорить объ этой картинѣ, — къ этому письму по-крайней-мѣрѣ, — и лишь вспомнилъ о ней къ случаю, не удержался. Даже видѣвъ ее только разъ, нельзя не увести о ней воспоминаніи самаго свѣжаго, самаго живаго. А къ съ своей стороны особенно немногъ свободно налюбоваться въ ней прелестью простоты вѣстѣ съ естественностью, какъ въ рисунокѣ, такъ и въ колоритѣ, именно тѣмъ, чего такъ напрасно досрашивается вы у болшей части новыхъ художниковъ: что въ говори, а любить они мудрять!

Но я еще не кончилъ рѣчи о томъ, чего хочетъ теорія отъ современнаго искусства — живониса къ-особенности. Въ своей безпокойной заботливости отыскать для новаго искусства твердую почву, она еще обращаетъ его къ исторіи: тамъ, говоритъ она, твоя золотая руда, тамъ вѣрный источникъ твоего обогащенія. По-моему, это значить только взять шире вопросъ о приложеніи жизни дѣйствительной къ искусству: что жъ такое исторія, какъ не прошлая жизнь человечества? И въ такомъ случаѣ, конечно, къ чему бы художникъ долженъ былъ ограничиваться лишь тою жизнью, которая у него передъ глазами? Развѣ потому только, что передъ нею всякая наша жизнь казалась-бы ему слишкомъ мала?.. Итакъ, требованіе теоріи совершенно-законно. Но это требованіе, чѣмъ же оно позво? Что же сказалъ оно искусству такого, чего бы искусство не знало давнымъ-давно? Такъ было вѣками: всегда искусство жило въ тѣсной дружбѣ съ исторіею, изъ него помира пало лучшія свои соавдана; тамъ, гдѣ еще не было вавад исторіи точной, несомнательной, оно обращалось къ мифологіи: но вѣдь мифологія есть только первая глава исторіи; конекъ одной въ начале другой срослась такъ органически, что развѣдывать ихъ отлуча-

тельно не въ состояніи никакая критика. А сколько жизни вынесло искусство изъ миеологін, я не нѣбу нужны мѣсь припоминать. Въ живописи особенно, историческій родъ существовалъ даже гораздо-прежде, чѣмъ всѣй другой. Почти можно бы сказать, что только упадокъ его повелъ къ совершенствованію другихъ родовъ. Достаточно указать на исторію фламандской школы. Нѣтъ, это отнюдь не новый фактъ, что искусство обращается къ исторіи. Другое дѣло сказать, что искусство возвращается на старыи, нѣтъ когда-то прославленный путь. Но здѣсь-то и начинается самый важный вопросъ: если оно, въ-самомъ-дѣлѣ, хочетъ идти прежнимъ путемъ, путемъ счастлаго искусства итальянскаго, съ какими силами отважится оно на этотъ подвигъ? Вѣдь и Давидъ разрабатывалъ большею частію сюжеты историческіе; но когда бы всѣ, по его примѣру, стали вносить въ эстетическое дѣйствіе суровыхъ старыхъ временъ подражательную жизнь своего вѣка, тогда трудно сказать, что стало бы съ искусствомъ...

Впрочемъ, нельзя не замѣтить къ слову, что историческое направленіе живописи въ наше время нѣтъ на своей сторонѣ по-крайней-мѣрѣ такой прекрасной талантъ, какъ Деларошъ. По расчету ли, или просто по наклонности болѣе или менѣе индивидуальной, онъ ограничился въ самомъ избранномъ имъ ходѣ особенною серіею, которая, по сущности своей, надобно признаваться, очень-мало доступна для идеальнаго и гораздо-болѣе располагаетъ къ аффектаціи: это—исторіи тѣхъ внутреннихъ и вѣнскихъ страданій, которыми такъ часто поначался блескъ вѣнца, и которыя иногда еще тяжеле падали на головы людей, виновныхъ лишь тѣмъ, что права крови открывали имъ слишкомъ широкіе пути. Теорія едва-ли бы не отказалась заранее отъ такого направленія. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ немъ очень-много опасностей для художественнаго такта: такъ легко попасть на мелодрама-

тическую дорогу, изображая страданія мало-обыкновенныя, нѣкоторымъ образомъ изъятые изъ обыкновеннаго порядка. Но иногда талантъ дѣлаетъ больше, чѣмъ сколько предчувствуетъ теорія, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о картинѣ Делароша «Смерть Жанны Грей», которую мнѣ случилось видѣть на послѣдней выставкѣ въ пользу бѣдныхъ художниковъ. Картина написана давно и принадлежитъ одному частному лицу. Выборъ предмета таковъ, что нѣсколько разъ можно бы не согласиться съ художникомъ прежде, чѣмъ планъ былъ бы приведенъ въ исполненіе. Но въ искусствѣ доброе выполненіе иногда въ состояніи переимъ самую точку возвратія на предметъ. Я долженъ признаться: когда я шелъ смотрѣть «Смерть Жанны Грей», у меня было предубѣжденіе больше противъ нея, нежели въ ея пользу; но первый же взглядъ на картину далъ мнѣ почувствовать, что въ ней есть своя собственная основа, и что приговора не должно приносить невинъ... Молодая дѣвушка, только-что расцвѣтшая для жизни, съ кроткимъ сердцемъ, едва-ли доступнымъ даже для тѣслаславія, не только для честолюбія, но обреченная на позорную казнь отъ руки палача— не за вину, которой нѣтъ за ней, и не за страсть, которой она еще не испытала, а чтобъ однимъ страхомъ было меньше для временщиковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ всю власть и, однако, немогшихъ спокойно спать ночью, думая, что съ ними въ одной дѣвушкѣ соединены нѣкоторыя права на престолъ: вотъ сюжетъ картины, сюжетъ, какъ видите, представляющій столько же трудностей, сколько и опасныхъ искушеній. Взглянемъ теперь на самую картину. На ней только нѣтъ фигура (дѣйствіе происходитъ на эшафотѣ, подъ сводами Товера). Посрединѣ сама Жанна, перелъ плахою, лишь за минуту до исполненія казни; рядомъ съ нею... не знаю, пасторъ, или судья, котораго обязанность приготовить ее къ смерти; направо—па-

лать, придерживающийся за свой топоръ, и наконецъ, еще двѣ фигуры на дѣво, мужчина и женщина, въ нѣмомъ ужасѣ отъ дѣла преступнаго, безчестно-кроваваго, которое готово совершиться. Какая простая, умная обстановка! Но, разъ остановившись на фигурѣ самой Жанны, вы не можете потомъ свести глазъ, и тайнымъ ужасомъ волнуется сердце, смотря на бѣдную жертву, приносимую идолу властолюбія... Надобно замѣтить, что художникъ не придавъ своей Жаннѣ ни особенно-значительной наружности, ни даже красоты привлекательной: онъ оставилъ ей только ея молодость и дѣвическую неопытность; еще больше: по расчету весьма-умному, желая дѣйствовать, такъ-сказать, самою истиною, безъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ ищущіе прежде всего эффекта на высшее чувство, онъ не хотѣлъ поражать зрителя даже этими ужасомъ предсмертнаго отчаянія, который наиболѣе долженъ былъ выразиться во взглядѣ Жанны, обращенномъ на плаху, и представилъ ее съ поволокою на глазахъ. Между-тѣмъ,—и это уже доказательство высокаго мастерства—въ одной attitude Жанны онъ далъ читать почти всю исторію ея безславно-печальной судьбы. Она уже стоитъ на колѣняхъ не для того, чтобъ молиться, ибо эта прекрасная минута для нея уже прошла и не возвратится, а чтобъ тотчасъ же склонить голову на плаху, которая стоитъ тутъ же передъ нею въ ожиданіи жертвы; но въ эту послѣднюю минуту жизни еще упорствуетъ, и судорожно простирающіеся впередъ руки, какъ-бы нища оттолкнуть этотъ страшный отрубокъ дерева, котораго только-что не видятъ глаза, говорить лучше всѣхъ эффектовъ о томъ, тѣдъ происходитъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ. Но приговоръ неизбѣженъ, и тотъ, на кого вложена тяжелая обязанность быть послѣднимъ почитателемъ этой умерщвленной жизни, хотя кратко, безъ наемлія, однако старается овладѣть трепещущими ру-

ками жертвы и, можетъ-быть, съ пощю успокоительныхъ словъ—прекратить этотъ послѣдній влещный порывъ упорствующаго духа жизни... Тутъ какъ-будто читается, что вотъ, въ одну злополучнѣйшій часъ, безчеловѣчный приговоръ застигъ это юное сердце, еще едва-ли довольно расширившееся для всѣхъ радостей жизни, не только-что неспособное вынести мысли о смерти; что съ помощію сильныхъ религіозныхъ внушеній, для которыхъ никогда не открыто полновѣры сердце дѣвущий, его убѣдали покориться, то-есть покорить самую волю неизбѣжному приговору; что, можетъ-быть, была и такая минута, когда отчаяніе, безнадѣжность всякаго спасенія сжали его, оледенили въ немъ кровь и сдѣлали энергію чувства; что въ состояніи нравственной оцѣнкости пришла она на мѣсто казни и во данному аяку силонилъ покорныя колѣни; но что проснулся наконецъ духъ жизни, предчувствуя свое уничтоженіе, страшнымъ ропотомъ завопило сердце, вся кровь возмущилась, чуя близо орудіе казни незаслуженной, необмыслимой, и трепетно простерлась впередъ руки—непомощныя руки, которыя не могли бы возвратить даже прикосновенія другой болѣе сильной руки, не только оттолкнуть отъ себя орудіе казни! Напрасно, все напрасно: не поможетъ никакой воля, не защититъ никакая невинность; еще минута—и эта прекрасная молодая жизнь будетъ убита, зарѣзана: таковъ приговоръ суда, т. е. челоѣческой справедливости!...

Но не увлекся ли я?... Иду еще разъ повторить свои впечатлѣнія.

СУХУМЬ—КАЛѢ.

(Из путевыхъ записокъ.)

Наступилъ августъ мѣсяцъ. Мы едва развились послѣ утренней грозы, вырѣднили стеньги (*), поставили верх паруса. Большая зыбь толчеѣй хогла еще по морю: бѣдный бригъ шь, при каждомъ ударѣ неправильн волны, со стеномъ поднимался и тускаясь то бокомъ, то кормой, силь хлесталъ обезвѣтренными парусам, сгибая въ дугу брам-стеньги и озя оборвать такелажъ. День шлолся къ вечеру; минутъ чрезъ пять, послѣ того, какъ солнце сѣло за тупинный горизонтъ, смерклося. Но, на падѣ опять уже занисалася молнія, зываемая во внутренней Россіи *зарницей*; только зарница эта, обѣщающая хорощій урожай, не предѣщала сѣс ничего добраго, потому-что зыбы съ той стороны, гдѣ блестяла она, начали меркнуть. Скоро, точно по отожению, молнія стала сверкать въ противоположной сторонѣ неба, потомъ це въ третьемъ мѣстѣ, дагѣ — въ четвертомъ, въ пятомъ, и наконецъ дуано было рѣшить, въ какой точкѣ неба не было ея: иногда во всѣхъ мѣлахъ она всыхивала въ одно время, пожала на всемъ небѣ и всадѣ погла: то опять она горѣла въ одной оронѣ—въ другой, и дрожащій свѣтъ переходилъ отъ одного края горизонта другому... Вѣтеръ свѣжѣлъ — мы брали паруса одинъ за другимъ. Сначала закрѣпили бом-брамсели и брамели (**); потомъ взяли рифы у марсе-

лей и бизани (*), спустили брам-стеньги—надобно было ожидать большой грозы: черныя тучи застилали всѣ зѣлды, и по-временамъ, то дѣлалось такъ темно, что на разстояніи двухъ шаговъ нельзя было различить бѣлаго цвѣта; то одинъ край горизонта всыхивалъ, и все небо загоралось арками, дрожащимъ свѣтомъ: тогда можно было видѣть темный кавказскій берегъ, закрытый густыми облаками, нѣсколько одинокихъ парусовъ, мелькавшихъ между волнами, до послѣдней снасти все вооруженье брига, загорѣлыя лица матросовъ, прижавшихся лучками по угламъ; потомъ опять все гасло и только горѣли тусклыми фосфорнымъ свѣтомъ верхушки волнъ, срывававшихся вдалекѣ на черномъ горизонтѣ. Каждая волна набѣгала на бригъ съ-навѣтра, бросала его бокомъ въ сторону, потомъ, подвѣивъ на хребтѣ, съ какимъ-то всемъ раскатывалась съ подвѣтренной стороны, покрывшись блестящей пѣной, и въ ту же минуту бригъ, скрипя, бокомъ вскакивалъ на другую волну. Все на этой мрачной картинѣ было какъ-будто въ заговорѣ; послышалася глухой раскатъ грома, и во всѣхъ концахъ горизонта совершено въ тѣхъ жавукахъ повторились отголоски его. Мы закрѣпили марсели. Я всегда этихъ бываю доволенъ: если марсели стоятъ еще, должно еще дѣйствовать рулемъ, думать, что налетитъ шквалъ и опасно будетъ посылать команду убирать паруса; но если лисели (***) въ рострахъ, брам-стеньги спущены, марсели закрѣплены, люки закононачены, остается уцѣпиться за первую надежную снасть и быть спокойнымъ зрителемъ

(*) Каждая мачта на кораблѣ состоитъ въ трехъ частей: нижняя, и самая толстая, называется *мачтою*, вторая—*стеньга*, третья — *брам-стеньгаю*. Во время шлага вѣтра спускаютъ брам-стеньги; а потомъ, если слишкомъ гудетъ стеньги, то и ихъ спускаютъ.

(**) Главныхъ парусовъ на каждой мачтѣ по четыре: верхній, и самый малый въ нихъ, называется *бом-брамсель*, второй—*брамсель*, третій—*марсель*.

(*) Взять рифы у паруса значить подвязать, уменьшать его. *Бизань*—крайній кормовой парусъ.

(**) *Лисели*—добавочные паруса, поднимаемые по сторонамъ главныхъ. Въ штормъ они убираются на средину верхней палубы, называемой *рострахи*.

всего, что природа изобрѣтетъ новаго. Природа въ такихъ обстоятельствахъ никогда не медлитъ: она или унимаетъ грозу, и звѣзды начинаютъ мелькать между тучами, или посылаетъ жестокие шквалы, которые свистятъ въ свастяхъ, рвутъ оставшіеся паруса, бросая небольшое судно какъ легкой чепухъ и срывая все, что не приковано къ нему. Лучше же, если она въ этомъ случаѣ разразится грозой; такъ было и съ нами: раскаты грома дѣлались оглушительны, небо зашумало и горѣло чаще. Какая-то сѣрая, огненная полоса поднималась и шла растянута по всему лобоскелю; она приближалась... сильнымъ ударомъ волны вырвало рымъ (*) у бокового орудія: при свѣтѣ медній ножки тотчасъ было видѣть это. «Пошелъ, баковые, закрепить орудіе!» прокричалъ я, подходя къ бану. Человѣкъ десять матросовъ вскочили и, толкаясь въ обѣ стороны отъ качки, бросились къ орудію; огненная полоса была надъ нами, сильный ударъ грома разразился въ нѣсколькихъ саженяхъ: фонтаномъ брызнула вода и нѣсколько некрѣ вспыхнуло на околеникахъ спастяхъ, — матросы воедали, у меня въ ушахъ звенѣло. Волды за тѣмъ хлынулъ дождь; бригъ повалился на бокъ и шивалъ застоналъ въ свастяхъ; ударъ грома съ подѣтра, но глуше прежнего. После этихъ страшныхъ ударовъ, гроза начала успокоиваться: небо, заглавное крупнымъ дождемъ, еще горѣло; но уже бригъ поднялся и опять перешелъ съ одной волны на другую. Огненная туча разстроила эту мрачную гармонию неба; она прошла — и звѣзды опять показались на небѣ, и опять все пришло въ прежній порядокъ; кавказскій берегъ, освѣщаемый молніями, снова тянулся на востокъ, и мачты какого-то корабля мелькали между волнами.

(*) Рымъ—желѣзное кольцо, за которое что-нибудь привѣшиваютъ.

Прошла гроза. Стало разсвѣтанье, осмотрѣвъ свой бригъ, нашли, что фок-рей (*) далъ трещину; съ правыхъ стороны перелопачилъ на вантахъ и лозина бевзелей (**), отъ-чего мачта осталась въ ненадежномъ положеніи. Все это невозможно было исправить и мартъ въ большое волненіе, и мы рѣшились спуститься въ Сухухъ-Калѣ Свѣжій W вогналъ насъ въ эту бухту и оставилъ при входѣ на волю выѣхъ. Приближаясь къ берегу, мы бросили якорь и завезли гусекъ (***).

Не смотря на то, что на многихъ ограниченческихъ мартяхъ восточный берегъ Чернаго-Моря нарисованъ очень нелучисто, онъ, въ природѣ, плетъ отъ сѣверо-востока на юго-западъ почти по прямой линіи съ весьма-легкими изгибами и небольшими переломомъ при одномъ Сухухъ-Калѣ. Къ югу отъ Ампы, ввалился въ него дѣвъ бухты, Суджукъ-Калѣ и Геленджикъ; но бухты эти не лежатъ главному направлению берега: онѣ ввалились въ него по луоверамъ, соединясь съ моремъ обильными проливами. Такихъ-образомъ на всемъ восточномъ берегу اکثرъ мѣста представляютъ хорошия якорныя стоянки: Суджукъ-Калѣ, Ге-

(*) Паруса привязываются къ горизонтальнымъ деревьямъ, называемымъ рымъ. Нижний парусъ, фокъ, привязывается къ фок-рею, и такъ-какъ за немъ, свернутого, растагивается марсель, то это дерево одно изъ важнѣйшихъ на кораблѣ.

(**) Бевзелъ — тонкія веревки, служащія связями толстымъ, которыми крѣпко задерживать невозможно. Если на ошкелѣ державшихъ мачту, лопнули бевзелъ, то чтобъ завязать ихъ снова, должно идти на ванты, что въ большое волненіе трудно сдѣлать.

(***) Гусекъ—два небольшие якоря, связанные по длинѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, толстой веревкой. Ихъ кладутъ въ водѣ поочередно, чтобъ сначала увязать въ дно одинъ, потомъ вытянуть соединяющую ихъ веревку, а другой; а отъ послѣдняго уже мачта тянется къ кораблю. Золотымъ орудіемъ — такъ выражаются моряки.

джикъ и Сухумь-Калé. Иѣногда бухты служили главными пунктами сношеній Турковъ съ горцами; послѣдствіемъ, по положенію своему, ижны онѣ сдѣлались важными для съ портами въ военномъ и торговомъ отношеніяхъ; въ настоящее же время и только служатъ убѣжищемъ отъ вѣтренныхъ бурь и жестокаго волненія шмизъ крейсерамъ и транспортамъ купеческимъ судамъ, приходящимъ для для небольшой торговли, или уходящимъ въ Азовское-Море и занесеннымъ противными вѣтрами къ этому берегу. Первые двѣ изъ этихъ бухтъ, Джукъ-Калé и Геленджикъ, страдаютъ отъ боры (*); входы ихъ тѣсны, а тому, не смотря на ихъ прекрасную бухту, не такъ надежны: ободранный, кой-то обгорѣлый видъ окрестностей вевольно поражаетъ вѣсть съ первого взгляда, и морские не охотно заходятъ въ нихъ. Послѣдняя же — Сухумь-Калé, болѣе спокойная, можетъ считаться лучшею изъ нихъ, какъ временное убѣжище. Она лежитъ въ широтѣ северной 42°, 59', въ долготѣ отъ гриничскаго меридіана 41°. Хребтъ Кавказскихъ-Горъ, начинался холмами юго отъ самой Тамани, идетъ главными высотами своими вдоль этого берега, раскидываясь вѣтвями направо и лѣво; приближаясь къ Сухумь-Калé, все дѣлается выше и выше. Здѣсь же вершины его почти до осени бываютъ покрыты снѣгомъ. У самаго залива онъ всею массою своею упирается въ море, довольно круто поворачиваясь на востокъ, дѣлается еще выше и уходитъ къ Каспійскому-Морю. Искъ, незначительный заливъ Сухумь-Калé очень замѣчателенъ своей ситуа-

цией: онъ удался или на двѣ полукружіемъ въ берегъ, шириной, отъ с. в. на ю. в. около 4-хъ англійскихъ миль. Сѣверо-западная оконечность его — довольно-низкій мысъ, покрытый кустарникомъ и рѣдкимъ лѣсомъ; на немъ находится развалины древней крѣпости Сухума, вѣроятно, основанной Греками до христіанской эры. Верстахъ въ двухъ отъ этихъ развалинъ находится крѣпость Новый-Сухумъ, основателями которой должно считать Генуэзцевъ. Послѣдняя не представляетъ ничего замѣчательнаго и весьма-похожа на обыкновенный городской острогъ. На совершенно-плоскомъ мѣстѣ выстроено наменное квадратное зданіе, сажени три вышиною, не обнесенное ни рвомъ, ни валомъ; никто изъ основателей его не позаботился даже поднять внутренній грунтъ этой крѣпости, чтобъ уменьшить душнвость внутренняго воздуха и облегчить защитѣ ея. Два старые полуразрушенные блокгауза и нѣсколько новыхъ домовъ стиснуты, въ настоящее время, въ этихъ стѣнахъ, на небольшомъ пространствѣ. Единственные ворота крѣпости выводятъ на улицу селенія, состоящаго изъ небольшихъ домиковъ и сараевъ, и растянувшася вдоль берега къ горамъ. Жители селенія болѣею частью каранмы и солдаты гарнизона. Каранмы ведутъ мелочную торговлю табакомъ, привозимымъ изъ Турціи, виномъ, колоніальными товарами и фруктами; саран служатъ имъ складочнымъ мѣстомъ и жилищомъ. Между селеніемъ и горами лежитъ болото, вредное своимъ испареніямъ, производящими извѣстныя здѣсь сухумскія лихорадки. Начиная отъ болота далѣе къ югу, все низкое побережье залива покрыто кустарникомъ, вплоть къ которому принадеетъ густой лѣсъ чинаровъ, дякихъ пальмъ, лавровъ и шелковичныхъ деревьевъ, веревитыхъ виноградными лозами и кустами ежевики. Огромныя, развѣсистыя чинары, въ это время года, очень-часто бываютъ сверху до низу увѣшаны виноградными кистями, потому-что вино-

(* Бора, бора на итальянскомъ языкѣ, въ переводѣ — сѣверо-восточный вѣтръ стихически еще называется такъ жестокой вѣтръ, дующій въ Тривестъ, и весьма и нескъ похожий своимъ особенностямъ уходящій въ Суджукъ-Калé и Геленджикъ: точно такъ же, какъ *sirocco*, юго-восточный, извѣстенъ больше подъ техническимъ своимъ названіемъ.

градъ, какъ плоть, вьется по большимъ деревьямъ до самой вершины и на ихъ толстыхъ вѣтвяхъ находитъ опоры гнилымъ вѣткамъ своимъ, отагощеннымъ большими кистями. За дѣсомъ, внутри земли, круто, какъ стѣна, поднимаются прибрежныя Кавкаскія Горы и заслоняютъ сухумскій-портъ отъ сѣверо-востока и востока. На берегу, противъ горъ, находится полуразрушенная часовня, той же постройки, что и новая крѣпость. Далѣе, къ юго-восточной оконечности залива, впадаетъ въ него быстрая, небольшая рѣка *Келассуры*, ограничивающая на юго-востоку внутренней дѣсь. Около рѣчки, на большое протяженіе къ горамъ, плутъ развалины стѣны, выстроенной, судя по ея древности въ одно время съ Старымъ - Сухумомъ; должно думать, что эта стѣна построена древними колонистами отъ набѣговъ аборигеновъ — жителей горъ. За рѣчкой, незначительное абазинское селеніе *Келассуры*, резиденція вѣстнаго владѣтеля. Далѣе — берегъ небольшими холмами срывается изъ вида, поворачивая на юго-востокъ.

Берега здѣсь покрыты глубоко мелкимъ камнемъ, который истертъ въ овальную форму неостановленнымъ прибоемъ, плущимъ съ моря.

Два залива образовались довольно крутымъ склономъ къ морю; у самаго берега еще довольно мелко, но меньше, чемъ въ полумиліи отъ него, глубина уже 14 и 17 сажень; немногочисленнѣе 37 и 40, а на выходѣ въ море она дѣлается незначительна, такъ же какъ и во всемъ Черномъ-Морѣ. Грунтъ — густой илъ, частью съ пескомъ. Корабли, входя въ бухту, бросаютъ якорь на глубинѣ 17 сажень, ближе къ Новому-Сухуму, и заходятъ къ берегу гусень, который держитъ корабль отъ легкихъ береговыхъ вѣтровъ почти такъ же, какъ якорь, но имѣетъ ту выгоду, что его можно вынуть на обыкновенной глубинѣ.

Изъ всѣхъ вѣтровъ, дующихъ въ заливъ, опасенъ для кораблей одинъ только сѣверо-западный, налетающій

порывами съ большой силой чрезъ низкую сѣверо-западную оконечность рейда. Случалось прежде, что онъ бросалъ на мель суда, становившіяся на якорь въ южной части рейда, около *Келассуры*, въ предупреденіе чего и бросаютъ нынче якорь ближе къ Новому-Сухуму, т. е. сѣвернѣе. Береговой вѣтръ бываетъ слабъ; съ южной стороны бухта закрыта холмами; прочіе же вѣтры не доходятъ сюда, отраженные горами, и только небольшія зыбы приходятъ въ заливъ во время штормовъ, волнующихъ открытое море. Надобно замѣтить, что въ Черномъ-Морѣ господствуютъ вѣтры — сѣверо-восточный, юго-западный и западный, изъ которыхъ особенно два послѣдніе часто обращаются въ штормы. Послѣдній разводитъ на всемъ морѣ большое волненіе, которое всей массой своей бьетъ бурунами въ восточный берегъ, сворачиваетъ огромные камни и взрываетъ съ необыкновенной силой все побережье; множество судовъ выбрасываетъ сюда вѣтръ этотъ, и очень-часто находятъ ихъ совершенно погребенными въ камняхъ. Можно легко себѣ представить, съ какою удовольствіемъ представляются впасть въ сухумскій портъ, почти единственное мѣсто на кавказскомъ берегу, гдѣ можно укрыться отъ жестокаго SW. Корабль, застигнутый въ морѣ этимъ вѣтромъ, убираетъ сначала верхніе паруса, спускаетъ потомъ реи и стеньги, борется съ неправильнымъ черноморскимъ волненіемъ и, выбившись изъ силъ, иногда съ обломаннымъ рангоутомъ и изорванными парусами спускается въ сухумскій портъ; приближаясь, онъ видитъ суда въ полномъ вооруженіи и съ выправленнымъ рангоутомъ, спокойно и плавно качающіеся по широкой зыби, которая гуляетъ прибоемъ въ кремнистыхъ берегахъ. При самомъ входѣ его останавливаетъ штиль; потомъ встрѣчаетъ легкий береговой вѣтерокъ, и онъ, распустивъ паруса, тихо зашлепаетъ къ якорной стоянкѣ. Корабли, стоящія здѣсь во время шторма отъ SW, также при-

тавляется странная противоположность настоящей тишины въ залѣ въ эти сумрачныя небожь, покрытыя бурными облаками, быстро-несущимися отъ юго-запада, — ихъ полнаго, равильнаго вооруженья съ бѣдственными положеніемъ плывущихъ въ виду орта; и только ночью ревъ прибоя и лачь шакаловъ наводятъ какое-то ныніе. Въ ясную же и хорошую погоду, зеленый, цвѣтущій видъ окрестностей, густой, роскошный лѣсъ, таинственно уходящій по ущельямъ, разнообразныя сѣтвы вершины горъ, бѣлая рѣчность, спрятанная до половины въ кустарникъ, широкое море, которое своей страшной, неизмѣримой глубиной ждетъ какую-то идею о безграничности, и эти тусклые облака, появляющіяся на югѣ въ одномъ и томъ же видѣ напоминающія отдаленный берегъ, оставляютъ нѣтъ ликую, но прелезную картину. Глубина и безиреримый прибой не позволяютъ здѣсь строить адмиралтейство, а также лѣютъ этотъ портъ неудобнымъ, какъ млочное мѣсто, для торговли; но, какъ надежное убѣжище отъ бурь, онъ всегда останется приманкой для плывущихъ въ этой странѣ. Здѣсь, до сихъ-поръ, нѣтъ ни одной пристани, не смотря на то, никто не жалуется на неудобство выходить на берегъ: възжающіе съ кораблей держатъ въ рукахъ въ берегу; волна выноситъ ихъ лючку на гладкіе каменья, и люди, скакивая на берегъ, легко и безъ заудненія оттаскиваютъ ее на столько берегъ, чтобъ волины достать не могли.

Въ портѣ находятся запасныя навины съ провіантомъ и необходимыя инструментами для починокъ кораблей, а роскошный край и чудесный лѣсъ доставляютъ прочія необходимыя вещи для проходящихъ сюда.

В. Г.

ОПЫТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА: «АЙВЕНГО».

Второе письмо благороднѣйшему
Александрѣ Дюма, маркизу Дави
де-ла-Пеллетри.

Любезный маркизъ! При этомъ вторичномъ письмѣ, мнѣ показалось, что я уже приобрѣлъ право обращаться къ вамъ съ совершенной фамильярностью. Вотъ, мы завели съ вами развитіе идей, вступили въ періодическое, дружное сотрудничество: съ вами я чувствую въ себѣ и довольство и гордость, ибо спискалъ у васъ такое довѣріе, что предлагаю вамъ превосходную мысль, — мысль, какой еще ни разу ни одинъ изъ вашихъ сотрудниковъ не сообщилъ вамъ; нѣтъ и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ вашей лестной приватности, и, въ то же время, благосклонность англійской публики доказываетъ мнѣ, что я одинъ былъ бы въ состояніи выполнить вашъ романъ. Сказать ли вамъ?.. Въ прошломъ мѣсяцѣ, нѣсколько разъ забиралась ко мнѣ эгоистическая мысль, внушающая сожалѣніе, зачѣмъ не уиѣлъ я сберечь для себя всей славы и всѣхъ существенныхъ выгодъ плана, который подъ вашимъ плодотворнымъ перомъ можетъ породить такое количество томовъ, какого не перодили ни во Франціи — вашъ знаменитый предшественникъ Скюдери, ни въ Англии — авторъ *Клариссы Гарло*, этотъ добрякъ Ричардсонъ, отъ англійскихъ длиннотъ котораго такъ остроумно спасъ васъ г. Жюль Жаневъ. Но нѣтъ! закололъ я свою курицу, несущую золотыя яйца! скушайте же ее вмѣстѣ, отъ добраго сердца и съ добрымъ аппетитомъ. Развѣ честь имѣть такого собрата по оружію... я хотѣлъ сказать по перу, такого собрата, какъ вы, не стоить всѣхъ сокровищъ Монте-Кристо?.. Итакъ, я буду продолжать, счастливый тою мыслью, что и я приношу отъ себя камень на вашъ памятникъ, или, по крайней-

нѣтъ, на тотъ великолѣпный сен-жерменскій замокъ, который, говорятъ, вы сооружаете на какомъ-то островѣ, созданномъ вами на горѣ, и думаю самъ про себя —

Любезный маркизъ! преданный вамъ

М. А. Титмаршъ.

А Й В Е Н Г О.

Часть II.

Продолженіе первой тома.

Я только предварительно набросалъ всю ту часть, которую мы могли бы извлечь изъ исторіи юнаго принца Артура, изъ его первыхъ приключеній и любовныхъ похожденій, изъ его первыхъ битвъ и первыхъ опасностей. Сколько главъ могло бы составиться изъ узловъ такого драматическаго сюжета, совершенно-вѣрно очеркнутаго нашимъ Шекспиромъ, который не умѣлъ приличнымъ образомъ раскустить эпизода! Раскройте историка Юма: его холодный гѣсимѣ есть уже превосходный текстъ:

«Молодой герцогъ бретанскій, теперь уже достигшій юношескаго возраста, снова сомкнулъ французскія войска, начавшія непріязненные дѣйствія противъ англійскаго короля. Филиппъ принялъ его съ отличною благосклонностію, повелъ его въ званіе рыцаря, далъ ему въ замужество дочь свою Марію и инвеституру не только на Бретанское-Герцогство, но еще на графства Анжуйское и Майнское, которыя онъ тутъ же предоставилъ дядѣ. Всѣ предпріятія союзниковъ удалась. Тилльберъ и Бутаванъ были взяты Филиппомъ послѣ слабого сопротивленія. Монтемаръ и Ліонъ сдались почти безъ одного удара. Принцъ осадилъ потомъ Гурвѣ и успѣлъ овладѣть этимъ важнымъ укрѣпленіемъ. Успѣхи принца шли быстро; но случилось событіе, которое повернуло дѣло въ пользу Іоанна и дало ему рѣшительный перевѣсъ надъ непріателемъ.

.... Юный Артуръ, жаждвшій военной славы, проникъ съ незначительнымъ отрядомъ въ Пуату. Проходя близъ Мирабо, онъ узналъ, что бабка его, королева Элеонора, всегда противодѣйствовавшая его выгодамъ, находится въ этомъ мѣстѣ подъ прикрытіемъ только слабого гарнизона и разрушеннаго укрѣпленія. Онъ тутъ же рѣшился обложить укрѣпленіе и заставить королеву. Но Іоаннъ, выведенный изъ бездѣйствія такою близкою опасностію, собираетъ англійскую и брабансонскую армію, спѣшитъ въ помощь Элеонорѣ, нападаетъ на лагерь Артура прежде, нежели тотъ успѣлъ узнать объ угрожающей опасности, разбиваетъ его отрядъ, беретъ въ плѣнъ его-самого вмѣстѣ со многими несорочными баронами и съ торжествомъ возвращается въ Нормандію. Большую часть плѣнниковъ онъ отослалъ туда же, но Артура велѣлъ заключить въ Фалевскій-Замокъ...

.... Тогда король имѣлъ свиданіе съ племянникомъ, представилъ ему неискренность его замысловъ и потребовалъ, чтобъ онъ отказался отъ французскаго союза. Отважный, но безрасудный юноша, въ которомъ неудача усилила гордость, упорствуетъ въ правотѣ своего дѣла; онъ объявляетъ свои права не только на французскія провинціи, но и на корону Англіи и, въ свою очередь, требуетъ, чтобъ король велъ сына своего старшаго брата во владѣніе его наслѣдствомъ. Но этия притязанія нравственной энергіи, Іоаннъ увидѣлъ, что юный принцъ, его настоящій плѣнникъ, можетъ хотѣть сдѣлаться опаснымъ врагомъ; онъ рѣшился предупредить всякую опасность, избавивъ себя отъ племянника, и — стало больше слуховъ объ Артурѣ.

.... Говорятъ, король тогда же предлагалъ Вильгельму Брейскому, одному изъ своихъ близкихъ подданныхъ, убить принца; но Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ дворянинъ, а не палачъ. Іоаннъ вскорѣ началъ драться легчайшее орудіе убійства, и, сдѣлавъ необходимымъ предположеніемъ,

слалъ его въ Фелевъ; но Губеръ дерсъ, камергеръ короля и губернаръ замка, подъ тѣмъ предлогомъ, о хочетъ самъ исполнить волю Иоанъ, отослалъ назавдъ убійцу, распулъ слухъ о смерти принца и велѣлъ ржественно совершить обрядъ побегенія. Потомъ, когда узналъ, что метонцы пожелали отмстить за убіе Артура; и что мятежные бароны порстають въ своемъ возстаніи, онъ велъ нужнымъ открыть тайну и обвинить всенародно, что герцогъ бретаній живъ. Это открытіе было гибельно для юнаго принца. Иоаннъ велѣлъ перевести его въ Руавскій-Замокъ, гдѣ илъ самъ, предаваясь, съ своей молодой супругой, лѣни и наслажденіямъ. очью онъ прибылъ въ замокъ и велѣлъ привести къ себѣ Артура. Принцъ оналъ, какая опасность ему угрожаетъ; притомъ, продолжительное бдѣніе и близость смерти укротили въ емъ гордость: онъ бросился на колѣни и предъ дядей и молилъ о пощадѣ. Но жестокий тиранъ, не отвѣчая ни слова, оправилъ его изъ собственныхъ рукъ въ жакозъ и, привязавъ къ трупу каель, бросилъ его въ Сену (*).

Надѣюсь, любезный маркизъ, что, выписавъ эту историческую страницу, открылъ золотой рудникъ. Посмотрите, какія описанія, какія отступленія пропустилъ Юмъ! Мы можемъ воразуть знамя бунта и усмиренія: вотъ ни, всѣ наши войска, предводимыя хъ различными вождями; съ громомъ ружія сливаются пѣсни послѣднихъ оиственннхъ бардовъ... Откуда эти еседыя звуки? Рѣчь идетъ о первомъ виданіи юнаго Артура съ французской принцессой Маріей. Сцены политической, сцены любовныя... Айвенгò, постоянно incognito, присутствуетъ ездѣ, и, мы доходимъ до конца пераго тома.

Томъ II.

Глава I-я и II-я. Мы не должны забывать вступленія юнаго Артура въ рыцари. У насъ будетъ въ виду канунъ торжества и посвященіе въ капеллѣ. Вскорѣ Артуръ пріобрѣтаетъ шиоры при Бутаванѣ и Тилльерѣ. Безвразсудный! куда влечетъ его юношеская горячность! Хорошо, что есть кому сберегать его отъ плѣна или смерти: при немъ Айвенгò, Гуртъ и Уамба! Слава тебѣ Господи! Вся роскошь войны, всѣ прелести мира являются мнѣ въ такихъ видимыхъ, ослзательныхъ формахъ, что я съ востопиженнымъ жаромъ, увлекающимъ меня въ первый разъ въ жизни, бросаюсь въ мелодраму и помыкаю цѣлыми сотнями закованныхъ въ желѣзо рыцарей и разряженныхъ пажей.

Глава III-я.—До Артура доходятъ слухи, что бабка его (окалпная колдунья) въ Мирабо. Ни что, ни какіе доводы не воспрепятствуютъ ему броситься со всѣхъ ногъ наказатъ гнусную старуху. Тщетно Айвенго пытается представить ему нѣкоторыя соображенія: «размыслите, государь, что она—ваша бабка; вспомните заповѣдь: чти отца твоего и мать твою... а также дѣдушку и бабушку». Но упрямый юноша-принцъ помнилъ только, что во время его младенчества бабушка не жалѣла для него плетки и очень-хорошо прилагала ее къ нему. Увы! теперь онъ напрашивался на наказаніе болѣе-трагическое.

Мнѣ кажется, любезнѣйшій маркизъ, не въ обиду будь сказано вамимъ превосходнымъ желаніямъ, что не совсѣмъ-удобно будетъ черезъ-чуръ чернить эту королеву Элеопору. При случаѣ, конечно, исторія должна намъ позволить это; притомъ же не правдивѣ ли мы самой исторіи, т. е. мы, историческіе романисты? Итакъ, слѣлаемъ изъ старухи Элеопоры пугало, вѣчто въ родѣ старой вѣдьмы, которая сама преувеличиваетъ свою злость, даже почти до свѣшняго. Почему бы, вапримѣръ, осаждающимъ и осажден-

(*) Юмъ: стереотипное, компактное издание, томъ I, глава X, стр. 181. Лондонъ, 1811.

анихъ между ними слишкомъ мало, не такъ ли, маркизъ? Не забыть бы также Тамбу, этого дурака, который поучить азбуку многихъ умныхъ людей. Гуртъ Уамба помогаютъ Айвенго въ его бесчисленныхъ попыткахъ освободить рыцаря. Они попытаются, пускаются во всевозможныя переодѣванья и кажутся издѣ-сущими.

Глава VII. *Смерть Артура.* — Если къ тутъ нѣтъ превосходнаго текста, послѣ этого я признаю историческій омакъ невозможнымъ. Губеръ де-уртъ тронуть; Артуръ оживаетъ надеждой; Айвенго и его друзья тутъ, на тобѣ содѣйствовать бѣгству. Минута торжественная и страшная! Колокола аржественная и страшная! Колокола а соборѣ св. Овена прозвонили полночь, — драматическій часъ! Кафѣ и терры уже давно были закрыты по приказу полиціи. Горожане спали на обака, сладострастно утонувъ въ пуху и еркахъ. Городъ погруженъ въ молчанье и тьму, въ эту торжественную ту, какъ называютъ ихъ Юнгъ. Въ ту-то минуто Айвенго, отчаявъ въ дѣлѣ, которая была у него привязана въ ступенямъ гостинницы, стоявшей за самой Сеной, поплылъ тихонько въ замку. Черныя, исполнскія башни рѣшности рисовались на небѣ угрюмыи и массами. Задумчивые всплески Сены замирали у подножія укрѣпленій, сверкающія звѣзды, по своей доподной привычкѣ, мигали. Знамя Англіи и Нормандіи гнѣвно волновалось авершиннахъ башенъ; за исключеніемъ асозаго, котораго вооруженіе время гъ-времени отражало блѣдный, упавшій на него лучъ звѣзды, да однообразные шаги будили дремлющее почое эхо; все спало... нѣтъ, все не спало: красноватый свѣтъ проходилъ воевъ рѣшетку изъ комнаты, находившейся въ одной изъ башенъ; Айвенго залъ эту комнату: въ ней содержался вый принцъ, безъ сомнѣнія, ожидавший себя вѣчнаго подвѣннаго заточенія.

Красноватый свѣтъ отражался въ ервой поверхности Сены и выѣ рѣки

заставляла это отраженіе колебаться и сверкать, въ родѣ блудящаго огонька.

Айвенго, лишенный наслѣдства рыцаря, который изъ предосторожности положилъ на свои весла сурдины, въ тихомолку приблизился къ самой крѣпости и ждалъ условнаго знака и появленія веревочной лѣстницы, которую Гуртъ, переодѣтый картезіанскимъ монахомъ, отдалъ наканунѣ царственному узнику. Все было приготовлено: Рауль де-Фронтиньякъ подкупилъ караульную парижскихъ воротъ; Бертрану де-Кло-Вужо поручено было переполнить стражу; добрые и ловкіе рыцари Альфредъ д'Ориоль и Филиберъ Франконскій ждали за воротами съ осѣдланными лошадьми и пол-сотней добрыхъ коней. Жизнь, свобода, любовь, корона Англіи, — все было въ низу веревочной лѣстницы, или по-крайней-мѣрѣ за нѣсколько сотъ шаговъ, и, говоря собственно о коронѣ, никогда не украсила бы она другой, болѣе-благородной головы.

Урочный часъ пробилъ, но знака никакого не было подано. Лишенный наслѣдства рыцарь впалъ въ самое сильное безпокойство. Тѣни проходили передъ красивымъ свѣтомъ, тѣни быстрыя, фантастическія: ему казалось, что онъ видѣлъ борьбу и слышалъ крикъ. «Это должно быть тюремщика рѣжутъ», подумалъ онъ: «хоть онъ и тюремщикъ, а все человекъ; мнѣ жаль бѣдняка, но что дѣлать? такъ надо было. — Пробыло полтора часа за полночь. Кто-то подошелъ къ рѣшеткѣ. «Слава святому Вальтѣфу!» пробормоталъ шопотомъ рыцарь, и, уцѣпившись за случившуюся въ стѣнѣ впадину, поднялъ глаза вверхъ, чтобъ видѣть, какъ будетъ спускаться желанная лѣстница.

— Клянусь мощами святаго Петра!.. произнесъ голосъ изъ-за рѣшетки: — дѣло сдѣлано въ-время! Молодецъ перепилилъ прутья у своей кѣтки!

Въ ту же минуто одинъ изъ этихъ прутьевъ, сильно тряхнутый и брошенный въ рѣку, пролетѣлъ на разстояніи нѣсколькихъ линій отъ головы Айвенго и исчезъ въ черной пучинѣ Се

ны, раскинувъ вокругъ пѣнистыя брызги.

Айвенгò слишкомъ-хорошо знаетъ этотъ звѣрскій, дикій голосъ: то былъ голосъ Иоанна-Плантагенета; замыселъ былъ открытъ. Скоро другая желѣзная полоса послѣдовала за первой; потомъ въ окнѣ показалась черная масса, что-то тяжелое въ иѣшкѣ.

• Старая допремійская колдунья, которую мы вчера сожгли, пророчила, что онъ вырвется чрезъ это окно, прокричалъ тотъ же голосъ съ адскимъ хохотомъ, отъ котораго застыла кровь въ жилахъ Айвенгò. • Колдунья всегда говоритъ правду: въ-самомъ-дѣлѣ, именно чрезъ это окно мой любезный племянничекъ отправляется въ Сену. Опускай иѣшокъ, мой милый де-Бургъ. Давай дорогу королевскому правосудію.

То былъ трупъ юнаго Артура Плантагенета. Доблестный рыцарь набожно перевезъ его на другой берегъ.

Теперь ужъ, конечно, немножко поздно, любезнѣйшій маркизъ, спрашивать самого-себя о томъ, что было дѣлать Артуру Плантагенету въ исторіи Айвенгò, Ревекки и Роуэны. Но можно разомъ объяснить дѣло; чрезвычайно-легко доказать, что этотъ эпизодъ не только занимателенъ, но даже рѣшительно необходимъ для нашего историческаго романа.

Въ числѣ почетныхъ дамъ молодой королевы, супруги Иоанна, мы уже упомянули о несравненной леди Роуэнь, хранительницѣ гардероба: должность важная, если принять въ соображеніе, что такая дѣятельная королева и девица, какъ Елизавета, имѣла не менѣе трехъ тысячъ платьевъ.

Сэру Уильфриду Айвенгò было въ это время много другихъ хлопотъ: онъ перевезъ трупъ Артура ко двору Филиппа-Августа, провозгласилъ англійскаго короля Иоанна измѣнникомъ и убійцей; короче сказать — если онъ не бросилъ перчатки на вызовъ бойцамъ, которые осмѣлялись поднять ее, за то, оставая Руанъ подъ защитою темной ночи, приблизъ означенную пер-

чатку къ самой двери дворца. Новое убійство Артура пробудило въ Еврòт бурю негодованія, которая заставила царственнаго убійцу дрожать и отъ ярости и отъ страха; всѣ христіанскіе дворяне признали его измѣнникомъ и вѣроломцемъ; всѣ истинные рыцари оставили его службу; даже придворные, отыскавъ въ себѣ остатки стыда, бѣжали отъ двора его.

Отважусь я, любезнѣйшій маркизъ, на небольшое замѣчаніе: роль, которую играетъ въ нашемъ романѣ Губеръ де-Бургъ, не совсѣмъ согласна съ исторіей; у насъ эта роль даже невозможно выхулаась. Губеръ де-Бургъ, котораго мы вставили держать иѣшокъ, въ первый разъ спасъ принца. Ну, если, заче чаянія, родъ его еще не прекратился, — вѣдь насъ съ вами какъ разъ втравить въ процессъ! Но шашъ сулъ узъ порѣшенъ, скажете вы? Быть таку! Возвратитесь къ королю Иоанну.

Извѣстно, какъ дѣйствовала тутъ этотъ дикій звѣрь. Но предполагается, что читатель историческаго романа ничего не знаетъ: кто намъ иѣшетъ раскрыть картину безпутьствъ и жестокостей Иоанна-Безземельнаго? Въишенный ненавистью и презрѣніемъ своихъ подданныхъ, онъ беретъ знататовъ вездѣ, гдѣ только можетъ; требуетъ, чтобъ старшіе сыновья знанитѣйшихъ дворянъ явились ко двору; но многія благородныя дамы отказались выдать своихъ дѣтей этому гнусному и свирѣпому живодѣру.

• Мнѣ отдать моего сына, моего Селарина, говорила одна изъ нихъ: «чтобъ онъ убилъ его, какъ убилъ своего племянника Артура?»

Нужно ли прибавлять, что эта благородная дама была леди Роуэнь? и съ вашею провинцальностию, которая васъ отличаетъ отъ всѣхъ, любезнѣйшій маркизъ, вы понимаете теперь, почему въ IX главѣ Роуэна снова является на сцену, которую скоро должна оставить навсегда. *Всемирная Біографія*, несколько не сомнѣваясь въ томъ, что леди Роуэна — именно эта дама, изображается такъ: «Жена одного барона, изъ кон-

рой обратились съ такимъ требованіемъ, отвѣчала: « Не думаетъ ли король, что я вѣрю моего сына челоуѣку, собственной рукою зарѣзавшему пшеничника? » Иоаннъ велѣлъ взять и мать и ребенка, и умерить ихъ голодомъ въ тюрьмѣ.

Умереть съ голоду!.. У меня сердце обливается кровью при мысли о подобномъ покушеніи на добродѣтельную леди. Ея рѣшимость, ея невинная энергія, ея хладнокровіе, подвергаются суровому испытанію и готовы просіять новымъ блескомъ въ-продолженіе X-й главы, въ которой описываются страданія несчастной. Въ первый разъ я чувствую себя примиреннымъ съ нею, — потому-что изъ всѣхъ героинь Вальтера-Скотта, она, признаюсь, едва-ли не меньше всѣхъ внушила мнѣ сочувствія. Между-тѣмъ, какъ Роуэна томится въ башнѣ замка, громъ загрохоталъ подъ стѣнами Руана: то Филиппъ-Августъ идетъ мстить за Артура. Уильфридъ Айвенго ставитъ первую лѣстницу и первый взлѣзаетъ на стѣну; замокъ взятъ; Иоаннъ — какъ всегда, малолушый трусъ, — послѣ сомнительнаго сопротивленія бѣжитъ. Пока Айвенго и его храбрые товарищи кричатъ нечестивому, чтобы онъ по-крайней-мѣрѣ осмѣлился глядѣть имъ прямо въ лицо и защищаться по-человѣчески, — онъ уже далеко. Онъ оставилъ прекрасное герцогство Нормандію, гдѣ родъ его царствовалъ въ-продолженіе трехъ вѣковъ... трусъ презрѣнный! Въ башнѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ бѣдный Артуръ палъ подъ княжаломъ дяди, — какое зрѣлище поражаетъ взоры Айвенго! Леди Роуэна, доведенная до послѣдней степени изнеможенія, — леди Роуэна, лежа на соломѣ, держитъ на рукахъ ребенка, которому она спасла жизнь, въ ущербъ собственной своей жизни, отдавъ ему кусокъ хлѣба, брошенный ей сострадательнымъ тюремщикомъ.

Вотъ это, надѣюсь — сцена! Вамъ, любезный маркизъ, слѣдуетъ выводить узоры по этой каннѣ; извлечь всѣ возможные выгоды изъ факта, описать

волненіе Айвенго, слабый румянецъ, на минуту вспыхнувшій на исхудавшихъ щекахъ той, которая была его половиной, трогательное движеніе, съ которымъ она вручаетъ ему маленькаго Седрика.

— Уильфридъ, первая любовь моя! говоритъ она умирающимъ голосомъ, откинувъ съ покрытыхъ преждевременными морщинами висковъ послѣдшіе отъ печали волосы, чтобы лучше видѣть ребенка, сидѣвшаго на колѣняхъ у рыцаря: — клянись мнѣ святымъ Вальтѣфомъ Темпльстонскимъ, клянись... исполнить мою послѣднюю волю.

— Клянусь, отвѣчаетъ Айвенго, и крѣпче сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ невиннаго малютку, думая, что клятва должна относиться именно къ нему.

— Святымъ Вальтѣфомъ?

— Святымъ Вальтѣфомъ!

— Клянись, что никогда не женишься на Жидовкѣ!

— Клянусь святымъ Вальтѣфомъ! вскричалъ Айвенго: — черевъ-чуръ многого просишь, Роуэна!

Но онъ чувствуетъ, что рука, сжимавшая его руку, вдругъ ослабла; блѣдныя губы Роуэны перестали дрожать. Она умерла!

Спрашиваю у каждаго читателя, у каждаго романиста — пусть скажутъ по чистой совѣсти: еще ли это не полная картина, на которой именно можно опустить завѣсъ, съ тѣмъ, чтобы скорѣе опять поднять его, для нашего третьяго тома!

Томъ III.

Держу данное слово и поднимаю нить нашей исторіи. Сэръ Уильфридъ Айвенго передалъ маленькаго Седрика отцу его, Ательстану, который продолжалъ топить свои заботы въ домашнихъ горшкахъ. Исполнивъ эту обязанность, Айвенго не видѣлъ ничего, что могло бы удерживать его въ веселой Англіи, гдѣ между прочими, не совсѣмъ-пріятными перспективами, ему представлялась еще возможность быть по-

вѣшеннымъ и въ-сѣдствие того умереть, если только король Іоаннъ вздумаетъ опасаться такого вѣрнаго слуги короля Ричарда и принца Артура.

Но въ ту пору, такому храброму и благочестивому рыцарю не сидѣть-было сложа руки. Онъ, такъ-сказать, унесъ свою родину на сѣдельной лукѣ. Съ добрымъ конемъ да надежнымъ копьемъ легко было тогда проложить себѣ дорогу въ рай, сквозь легіоны чалмоносныхъ бѣсовъ, именуемыхъ маврами. Уильфридъ Айвенгò былъ убѣжденъ, что его съ радостью примутъ вездѣ, гдѣ только былъ случай задать нѣсколько колотковъ нечестивымъ башкамъ и получить столько же обратно за правую вѣру. Даже угрюмые тампьеры, не смотря на то, что онъ, Богу помогающу, дважды побѣдилъ славнѣйшаго въ ихъ орденѣ рыцаря, — принимали его съ почтеніемъ, хотя не съ удовольствіемъ; но Айвенго предъ орденомъ, соперничествовавшимъ съ рыцарями Іоанна, всегда благоговѣлъ: онъ любилъ его, ласкался къ нему. Полный преданности къ этому ордену, который не разъ предлагалъ ему начальство и великое магистерство, онъ въ его рядахъ совершилъ всѣ роды своихъ богатырскихъ подвиговъ. Многія тысячи язычниковъ побилъ онъ собственной рукой въ Пруссіи, Польшѣ и дикихъ странахъ сѣвера, во славу Бога и святаго Вальтѣфа. Былъ только одинъ упрекъ, который славный и доблестный, но строгій и непреклонный великій магистръ ордена св. Іоанна, Фалько Гейденбратенъ, считалъ себя въ правѣ сдѣлать задумчивому рыцарю, именно то, что онъ не преслѣдовалъ Жидовъ съ тѣмъ жаромъ, который по природѣ свойственъ благочестивому воину креста. Дѣло въ томъ, что Айвенгò пустилъ на волю многихъ плѣнныхъ имъ сыновъ Израиля и дошелъ до того, что не рѣдко забавлялъ ихъ отъ мукъ, такъ, напримеръ, онъ далъ выкупъ за два послѣдніе коренные зуба одного раввина, стараго, какъ Маусанъ, бѣднаго, такъ Іовъ, за тѣ два зуба, которые Ро-

бертъ Каргрѣйтъ, свирѣпый Англичанинъ, рыцарь того же ордена, готовился вырвать изъ челюстей несчастнаго, чтобъ выпытать отъ него мѣсто, гдѣ спряталъ онъ свои предполагаемыя сокровища. Этотъ выкупъ стоилъ доброму рыцарю ста червонцевъ да рыцарскаго перстня, — вотъ все, что было у него за душой. Каждый разъ, оказывая подобную услугу Жиду, онъ прибавлялъ къ ней, смотря по состоянію своихъ финансовъ, или подарокъ, или доброе слово. «Помни» говаривалъ онъ бѣдняку, еще продолжавшему дрожать въ своей кожѣ: помни, что Уильфридъ-лишенный-наслѣдства сдѣлалъ это въ память тѣхъ услугъ, которыя нѣкогда оказала ему Ревекка, дочь Исаака Йоркскаго. И вотъ иня Уильфрида-лишеннаго-наслѣдства разладилось во всѣхъ синагогахъ, и народъ израильскій, въ своемъ вѣчномъ странничествѣ, зацѣлъ хвалы ему.

Между-тѣмъ, какъ Айвенгò берегъ Жидовъ, наноса безпощадную войну язычникамъ сѣвера, страшная катастрофа поразила югъ.

Вторникъ, девятый день мѣсяца шабана, 605 года гиджры — слѣшкомъ-извѣстенъ на западѣ, какъ Амювъ-аль-Аркъ, годъ аларкосской битвы, которую выиграла у христіанъ андалусскіе мусульмане. Въ этотъ день христіанство понесло такой страшный уронъ, что въ первую минуту считали весь полуостровъ подпавшимъ подъ иго луны. Христіане потеряли сто пятьдесятъ тысячъ человекъ убитыми и пятьдесятъ тысячъ плѣнными. Послѣ этой битвы, невольникъ продавался за диргемъ, оселъ за ту же цѣну, ячѣя за полдиргема, лошадь за пять диргемовъ. Сотни тысячъ разнаго рода вещей достались въ добычу торжествующимъ воинамъ Якуба-аль-Мансура, — да будетъ онъ проклятъ! Это было тоже не плохой воинъ: христіане, казалось, забыли передъ нимъ, что они потомки Сиды *Кабитура*, — такъ эти сабаки-мавры называли на своей варварской болтовнѣ знаменитаго Платеадора.

При этомъ извѣстїи, вся Европа схватилась за оружіе. Вездѣ проповѣдовали крестовой походъ на невѣрныхъ, и, по гласу краснорѣчивыхъ предсказателей, тысячи могучихъ рыцарей, сопровождаемыхъ мириадами оруженосцевъ и пажей, васалловъ и благомыслящихъ крестьянъ, потянулись въ Испанїю. Пролївъ Джибельаль-Тарї, гдѣ приплывшїй изъ Варварїи мавръ въ-первые развилъ свое роковое знамя на христіанской землѣ, былъ покрытъ галерами съ тампльерами и рыцарями св. Іоанна; всѣ стеклись на помощь полуострову. Съ другихъ галеръ, отплывшихъ съ острововъ и изъ крѣпостей, занятыхъ двумя орденами, также забѣгли на Средиземномъ-Морѣ паруса и замелькали флаги Родоса, Византіи, Яффы, Аскалона, — они пришли на то же общее свиданіе. Пиренейскїя вершины покрылись развѣвающимися хоругвями, заблїстали бронями благочестивыхъ, шедшихъ изъ Франціи въ Испанїю. Но... ясно, что если мы здѣсь приостановимся по образцу Гомера или Тасса, да прїйдемся считать объ арміи; если ослабимъ возжи описательному эпигрифу, парящему высоко надъ землею, прилѣчающему своими рысьими глазами малѣйшее въ травѣ насѣкомое, — то ни одинъ ежещѣслычнѣй, ни даже трехщѣслычнѣй журчалъ не найдеть въ себѣ столько растяженности, чтобъ вмѣстить насъ. Я увѣренъ, что вы уже видите разсвѣтъ завязки. Айвенгô садится въ Германїи на корабль и достигаетъ полуострова, гдѣ каждый взмахъ его копья опрокидываетъ цѣлые ряды мавровъ, какъ карточныхъ кауцуиновъ.

Христіане взяли Хихону приступомъ и истребили весь маврскїй гарнизонъ. Но добрый рыцаръ не хотѣлъ принимать участїя въ жестокостяхъ. Среди этихъ кровожадныхъ волковъ — самый свирѣпый, менѣе другихъ разборчивый, былъ знаменитый гвдалго, рыцаръ св. Іоанна, донъ-Бельтранъ де-Кухилья-и-Трабуко-и-Эспадо-и-Эсена-
 ...

воль; онъ бѣгалъ по городу и рѣзалъ все, что ни попадалось ему навстрѣчу, не разбирая ни пола, ни возраста, принимая на выкупъ только сокровища и красоту. Кровопролїтіе прекратилось, когда уже не осталось ни одной жертвы. Тогда донъ-Бельтранъ основалъ главную квартиру свою въ Альбейценѣ, гдѣ жилъ Альфаки, какимъ-то чудомъ спасшїйся отъ копья Айвенгô. Всѣ сокровища, всѣ невольницы и семейство бѣжавшаго начальника достались въ руки завоевателя Хихоны. Среди этихъ сокровищъ донъ-Бельтранъ съ дикою радостію узвалъ латы не одного изъ храбрыхъ, но несчастныхъ товарищей, павшихъ въ роковой битвѣ при Аларкосѣ. При видѣ этихъ окровавленныхъ остатковъ, свирѣпость его уволглась. Сердце его сдѣлалось такъ же недоступно для жалости, какъ стальная броня его — для оружія.

На третїй день послѣ опустошенїя города, донъ-Бельтранъ, въ пышной одеждѣ, лежалъ, раскинувшись на роскошномъ диванѣ, на парадномъ дворѣ замка гордаго Альфаки; въ центрѣ двора былъ высокій фонтанъ; маврскїя невольницы ловили взгляды свирѣпаго побѣдителя и старались предупредить его прихоти. Однѣ махали надъ нимъ огромными опахалами изъ павлиньихъ перьевъ; другїя танцевали; третьи подъ жалобные звуки гуслей пѣли маврскїе романсы. Одна, совсѣмъ-молодая, свѣжая, какъ розовая распушка, Зетюльбе, единственное дитя преклонныхъ дней Альфаки, плакала, стоя въ углу позволенной рѣшетки: она плакала объ убитыхъ братьяхъ, о славѣ мусульманскихъ рыцарей, головы которыхъ чернѣли отъ жгучихъ лучей солнца на воротахъ дворца; она оплакивала оставившаго ее отца и развалины своего жилища.

Между-тѣмъ, донъ-Бельтранъ и гость его, англїйскїй рыцаръ, сэръ Уильфридъ Айвенгô, играли въ шахматы, любимую игру рыцарей той эпохи, какъ лансквѣ — любимая игра нашего времени. Доложили, что изъ Валенціи

выкупъ оставшихся членовъ семейства Альфаки. Язвительная улыбка пробѣжала по наморщенному лицу дон-Бельтрана, когда онъ приказывалъ привести посла. Легко было узнать въ прѣхавшемъ Жида — по костюму. Жида были непрѣвными посредниками между двумя племенами, враждовавшими тогда въ Испаніи.

— Повелитель мой Альфаки, сказалъ старый Жидъ голосомъ, отъ котораго Айвенгъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: — прислалъ меня къ благородному сеньйору, непобѣдному Бельтрану де-Кухилья, для переговоровъ о выкупѣ единственной дочери мавра, дитяти его старости, жемчужины его нѣжной любви!

— Жидъ! насмѣшливо отвѣчалъ ему донъ - Бельтранъ: — ты знаешь, что женчугъ стоитъ дорого. Сколько даетъ за него эта маврская собака?

— Альфаки предлагаетъ тебѣ сто тысячъ динаровъ, двадцать-четыре лошади съ сбруей, двадцать-четыре волочечья вооруженія и брильянтовъ съ рубинами болѣе, чѣмъ на сто тысячъ динарій.

— Невольницы! вскричалъ донъ-Бельтранъ: — покажите этому Жида мои желѣзные сундуки. Покажите ему, что въ нихъ не кремни, какъ у Свда, а сокровища, которымъ позавидовалъ бы и самъ Саломонъ.

Невольницы поспѣшно повиновались. Принесли десять огромныхъ сундуковъ, и возохранитель отсчиталъ тысячу мѣшковъ, по тысячѣ даргемовъ въ каждомъ. Потомъ, онъ открылъ множество дарцевъ, наполненныхъ такой грудой рубиновъ, изумрудовъ, аметистовъ, что у Жида расширились зрачки, и въ нихъ загорѣлся огонь корысти.

— А сколько лошадей въ моихъ конюшняхъ? прибавилъ донъ-Бельтранъ.

Мюбри, главный конюхъ, тотчасъ пересчиталъ триста лошадей съ сбруей; и столько же было вооруженій, назначенныхъ въ награду рыцарямъ, шедшимъ подъ знаменами грознаго предводителя.

— Не нужно мнѣ ни денегъ, ни каменье, ни лошадей, ни брони, вскричалъ донъ-Бельтранъ. — Жидъ, отвѣсь мой отвѣтъ Альфаки. Дочь его останется у меня готовить мѣсиво конямъ собакамъ и мыть посуду для моихъ поваровъ.

Тутъ добрый рыцарь счелъ долгомъ вмѣшаться въ переговоры:

— Отважный донъ-Бельтранъ! сказалъ онъ: — будьте такъ же великодушны, какъ вы храбры. Не отнимайте у старика его единственного дѣтща. Подумайте о нѣжной юности Зетюльбе.

— Развѣ она не плѣнница моя, сэръ рыцарь? отвѣчалъ свирѣпый донъ-Бельтранъ: — я намѣренъ располагать своими имуществомъ, какъ мнѣ угодно.

— Пріймите двѣсти тысячъ динарій! вскричалъ Жидъ. — Требуйте всего, что хотите: Альфаки отдастъ жизнь за дѣтя свое!

— Полойди по мнѣ, Зетюльбе! полойди, маврская жемчужина! завылъ свирѣпый воинъ! полойди же ближе. черноглазая гурія! Слышала ты когда-нибудь о Бельтранѣ де-Эспалдо-и-Трабуко?

— Три брата этого имени были полкѣстами Аларкоса, и мои братья убили этихъ собакъ! вскричала гордая дѣвушка, устремивъ большіе черные глаза на дон-Бельтрана, у котораго бала плѣна отъ бѣшенства.

— Мавры зарѣзали мою мать и излодѣтныхъ дѣтей ея, когда, навзничью, овладѣли нашимъ замкомъ въ Мурціи, продолжалъ донъ-Бельтранъ.

— Твой отецъ бѣжалъ какъ трусъ, а ты бѣжалъ за нимъ, донъ-Бельтранъ, вскричалъ неустрашимый ребенокъ.

— Клянусь святымъ Іаковомъ, это уже слишкомъ! Съ быстротою мысли, донъ-Бельтранъ вонзилъ кинжалъ въ сердце маврской дѣвы.

— Лучше смерть, нежели позоръ вскричала Зетюльбе и упала на мраморныя плиты, облитая ея кровью. — Я плюю тебѣ въ лицо, христіанская собака!

Это были послѣднія ея слова: она умерла, но выраженіе торжества и презрѣнія осталось запечатлѣннымъ на лицѣ ея

— Отдай отчетъ Альфани объ успѣхѣхъ твоего посольства, заревѣлъ док-Бельтранъ и оттолкнулъ ногою прелестный трупъ своей жертвы.— Я бы не шёлъ за нее всего золота Варваріи!

Испуганный Еврей посѣднѣше удалился; Айвенго послѣдовалъ за нимъ. Когда они вышли на вѣншній дворъ, лишенный наслѣдства рыцарь подыжалъ забрало своего шлема и сказалъ Жиду:

— Исаакъ Йоркскій, узнаешь ли ты меня?

Старый Жидъ растарачилъ глаза, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ-бы для того, чтобъ пожать руку Айвенго: но вдругъ судорожно затресса всѣмъ тѣломъ и, закрывъ лицо руками, вскричалъ болѣзненно-прерывающимъ голосомъ:

— Сэръ Уильфрмъ Айвенго, вѣтъ, вѣтъ! Я не знаю тебя!

— Святая мать Божія! что случилось? сказала Айвенго, поблѣднѣвъ въ свою очередь, какъ смерть:— гдѣ дочь твоя? гдѣ Ревекка?

— Погибла для меня! сказала старымъ Жидъ, шатаясь:— погибла навсегда! Ревекка... умерла!

Услышавъ эту роковую вѣсть, рыцарь - лишенный - наслѣдства безъ чувствъ упалъ на землю и потомъ нѣсколько дней ходилъ какъ полоумный отъ горя, не ѣлъ ничего и не говорилъ ни слова: а когда прервалъ это печальное молчаніе, когда, казалось, способности его возвратились, онъ велѣлъ бить тревогу, сѣлъ на коня и съ тѣхъ-поръ каждый день ѣздилъ бить мавровъ. Онъ не бралъ добычи, какъ его товарищи, и оставлялъ ее своимъ солдатамъ; онъ не кричалъ побѣдныхъ словъ по обычаю тогдашняго рыцарства и не щадилъ никого, такъ-что нечеловѣчный рыцарь сдѣлался скоро уласомъ гравалскихъ и адалузскихъ мавровъ...

Т. III. — Отд. VIII.

Невая черептиа декораций. Мы въ Валенціи, отнятой маврами у потомковъ Сида. Такъ-какъ для третьяго тома намъ остается нѣсколько страницъ, то мы, кажется, можемъ обойтись безъ археологическихъ подробностей. Впрочемъ, если угодно, вы можете здѣсь перевезть на нильшій французскій языкъ Романсеро, какъ прежде перевели нѣсколько главъ Фруассара. Но не подумайте, что Ревекка умерла въ самомъ-дѣлѣ! Она жива, какъ вы и я; она прекраснѣе, нежели когда-нибудь и задумчивѣе прежняго. Милый ангелъ! на ея долю выпала въ жизни печаль; но тѣмъ не менѣе — мы весело встрѣтимъ ее въ добромъ вѣровѣи и снова увидѣтъ это кроткое, благородное личико.

Но съ какой цѣлью старымъ Исаакъ (Жидъ не ступитъ шагу, не скажетъ слова безъ положительной выгоды) рассказавъ намъ эту исторію? Дѣло въ томъ, что Ревекка сдѣлалась христіанкой; Жидовка, оставившая свою вѣру, и теперь еще почитается умершею въ нѣкоторыхъ разсѣянныхъ племенахъ Израиля и Иуды. Еврей строятъ имъ даже памятники на своихъ кладбищахъ. Дѣ, Ревекка сдѣлалась христіанкой. Возвратившись изъ своихъ, послѣ совершеннаго надъ нею таинства, когда уже нельзя было принять ея рѣшенія каиниъ-либо земнымъ побужденіямъ, она громко начала проповѣдывать свою новую вѣру. Можетъ-быть, тайная надежда встрѣтитъ Айвенго въ лучшемъ мѣртѣ заставила ее принять его вѣру.

Мы хотѣлось-было воспользоваться этимъ обращеніемъ, потому-что тутъ представилось бы намъ очень-много спецъ. Многіе изъ еврейскихъ франтовъ искали руки Ревекки; но она презрѣла Бен-Мозеса, отказала Бен-Гундсичу, отвернулась отъ Бен-Минора, и — тутъ, чтобъ разомъ навсегда избавиться отъ всѣхъ этихъ обрѣзанныхъ искателей; она объявила себя убѣжденною въ божественности Іисуса Назаря распятаго. Смутились, край-

не смутились чувственные Жиды. Исаакъ проклялъ тотъ день, когда скакали ему: у тебя родилась дочь; равнины разравлялись плачемъ, и обременили бѣдную дѣвушку страшными завланиями. Старыя Жидовки раскричались, какъ перепуганные гуси. Вы думаете, что Ревекка струсила хоть на минуту? Думаете, что это гонение встрѣтило въ ней слабую, колеблющуюся женщину? Это значило бы — сомнѣваться въ ея сердца, въркомъ иѣжному воспоминаю. Впрочемъ, она получала много вѣстей отъ Айвенгô чрезъ посредство Жидовъ, которые были одолжены ему ушами, послѣдними зубами и сохраненіемъ другихъ болѣе-драгоценныхъ достоинствъ; она всюду слышала рассказы о подвигахъ и добродѣтеляхъ добраго рыцаря. Наконецъ, прусскій Еврей Бевисъ Маркъ привнесъ ей самое прямое доказательство памяти Айвенгô: то былъ перстень, драгоценный камень котораго, можетъ-быть, дорогою подлиженный иѣрнымъ посланцемъ, оказался не больше, какъ кусочкомъ стекла; но для Ревекки онъ былъ дороже всѣхъ брилліантовъ отца ея!

Бѣдная Ревекка! этотъ перстень былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ въ темной, уединенной каморкѣ, куда посадили ее на хлѣбъ да на воду. Вотъ чѣмъ объясняется ненависть стараго Исаака Йорискаго къ Айвенгô и распущенный слухъ о смерти дочери.

Суда помоей походкѣ, любезный маркизъ, не подумали бы что я ѣду верхомъ на джерильтѣ, несравненно бѣгунѣ доктора Бальвамо? Если дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ растащить страницу, восполнить количество строкъ, — въ такомъ случаѣ, что можетъ быть удобнѣе, какъ вставлять больше эпизодовъ? Хоть сколько-нибудь плодотворный романистъ всегда имѣетъ ихъ въ запасѣ, какъ паукъ новыя нити для удлинненія тканн. Абу-Абдулла-Мухаммедъ, наслѣдовавшій своему мужественному отцу Якубу-аль-Мансуру, судя потому, какъ описываетъ его арабская исторія

аль-Макарá, могъ бы какъ-нибудь лучше влюбиться въ прекрасную Жидовку и бросить ей платокъ, не подвергая никакой опасности ея чести, потому что воспоминаніе объ Айвенгô было ангеломъ-хранителемъ христіанской дѣвы.

Событія идутъ иѣрными шагами: развязка виситъ у насъ на кончикѣ пера. Тотъ же арабскій историкъ рассказываетъ, что въ сраженіи Аль-Азаба, названномъ Испанцами *las Navas*, христіане отстали за аларксовое поражение, побивъ пятьсотъ тысячъ мусульманъ — ни больше, ни меньше. Понятно, сколькокъ нечестивецъ должно было проткнуть копье Айвенгô. Это славное дѣло разсѣяло его черную хандру, а вскорѣ послѣ того король донъ-Джейшъ осадилъ Валенцію.

Кто этотъ рыцарь, что первый бросился на приступъ и опрокинулъ зеленое знамя пророка? Кто этотъ рыцарь, чей толедскій мечъ однимъ ударомъ снялъ голову съ плечъ эмира Абу-тикого-то? Кто этотъ рыцарь, привлеченный въ Жидовскій-Кварталъ криками избиваемаго Нараяля, который съ такой быстротой перепрыгнулъ чрезъ порогъ дома Исаака Йорискаго и, поправъ ногой трупъ несчастнаго Еврея, пробирается въ заднюю каморку, гдѣ томится заточенная Ревекка? Кому же другому быть, какъ не рыцарю-лишнему-наслѣдству, сэру Уальфриду Айвенгô! Еще одна изъ тѣхъ чувствительныхъ сценъ, пирамидальный эффектъ которыхъ для театра то же, что и для романа. Бѣдные любовники! имъ хочется плакать вмѣстѣ съ ними, плакать слезами радости, любезный маркизъ. Ужъ двадцать-пять лѣтъ, какъ далъ я обѣтъ въ пользу этого союза... да! съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ я читать романы и мечтать надъ ними, то-есть, со времени школьной скамьи, — съ той поры, когда, бывало, въ дни отпуска, дѣвчо раскинувшись подъ тѣнью развѣсистаго бука на зеленомъ коврѣ дуга, видать, какъ носятся передъ глазами роскош-

ные привраки — могучіе рыцари, чуд-
выя красавицы, и полюбилъ я тогда
чистою любовью очаровательное личи-
ко Ревекки, дочери Исаака-Йориска-
го. Какъ же мнѣ было не поспѣшить
вовздать ей должное!

Они сочетались законнымъ бракомъ
— это ужь само-собою разумѣется, по-
тому-что общаніе, вырванное въ рас-
пихъ у Айвенгъ, состояло въ томъ,
чтобъ не жениться на Жидовѣ, а
Ревекка—христіанка; но было ли у
нихъ много дѣтей, или, говоря библей-
скимъ слогомъ, была ли Ревекка мно-
гоплодна, какъ Лія, — это рѣшится во
второмъ продолженіи, образуемомъ
такое количество томовъ, котораго до-
статочно будетъ на то, чтобъ вы сами
выкупили замокъ Монтъ Кристо... ес-
ли великодушіе вашихъ друзей-прия-
телей не выкупятъ его для васъ... по-
тому-что стыдно было бы вашему оте-
честву, еслибъ вы, постигнутый та-
кимъ же несчастіемъ, какъ Вальтеръ
Моттъ, принуждены были, подоб-
но абботсфордскому владѣльцу, рабо-
тать на своихъ кредиторъ!

Что же касается до меня. — я, любез-
ный маркизъ, либу честь быть однимъ
изъ вашихъ предавѣйшихъ почита-
телей,

М. А. Титмаршъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Начинаемъ съ весьма-пріятной ново-
и, которую представило намъ въ
июлѣ мѣсяцѣ Русское Географиче-
ское Общество: тамъ учреждены
даль и премія въ награду трудовъ
части географіи и статистики.
Медаль, съ портретомъ Его Высоче-
на Великаго Князя Константина Ни-
левиича, и называющаяся *Констан-
тинскою*, учреждена Географиче-

скимъ Обществомъ для ежегодныхъ
равдачь за важнѣйшій и полезнѣйшій
географическій подвигъ: путешествіе,
сочиненіе или изслѣдованіе. Что ка-
сается до преміи, то коммерціи совѣт-
никъ Жуковъ обвѣзлся вносить въ Ге-
ографическое Общество, въ-теченіи де-
сяти лѣтъ, начиная съ нынѣшняго го-
да, по *пятисотъ рубл. сер.* ежегодно,
для равдачи авторамъ лучшихъ статис-
тическихъ сочиненій, писанныхъ по-
русски и заключающихъ въ себѣ ста-
тистическія данныя о нашемъ отече-
ствѣ, очищенные критически и пред-
ставленные въ обработанномъ видѣ,
сообразно современнымъ требованіямъ
науки, но не ограничивающіяся, впро-
чемъ, одною только теоріею статисти-
ки.

Мы узнали также, что снаряжен-
ная Географическимъ Обществомъ
уральская экспедиція отправилась въ
Пермь въ половинѣ марта, и что ей
предстоитъ въ-теченіе двухъ лѣтъ со-
бирать матеріалы для составленія по
возможности вѣрной карты и подроб-
наго описанія въ физическомъ и есте-
ствомыслительномъ отношеніи Урала
и обонъ его склоновъ, въ слѣдующихъ
предѣлахъ: къ югу — 60 гр. шир.; къ
сѣверу—Ледовитое-Море; къ востоку—
черта отъ Богословска къ Березову и
оттуда—теченіе Оби; къ западу—рѣки
Колва, Вынерка, Печора до впаденія
въ нее Усы, Уса и Коротасеха.

Замѣчательно также сдѣланное чле-
номъ Общества, барономъ А. К. Мей-
ендорфомъ, предложеніе: назначить
комиссію изъ специальныхъ людей по
предмету геологіи, гидрографіи, топо-
графіи, земледѣлія и лѣсоводства, для
изслѣдованія центральной полосы чер-
новозема, идущей отъ южныхъ уѣздовъ
Певнейской-Губерніи къ югу Кіевской,
и окаймленной отчасти цѣпью возвы-
шенностей, идущихъ отъ Смоленска къ
югу Курской-Губерніи, оттуда къ Ель-
цу, на югъ Тамбова, къ Пензѣ и Сми-
бирску.

Полоса эта, какъ главный источникъ
нашего земледѣльческаго богатства,
конечно, не такъ важна въ географіи-

ческомъ отношеніи, какъ въ отношеніи къ сельскому хозяйству. Въ Россіи много угловъ и закоулковъ, малозвѣстность которыхъ обратитъ на себя большее вниманіе Географическаго Общества, нежели черноземъ; но если наши общества сельскаго хозяйства до сихъ - поръ не сдѣлали для этого предмета экспедицій, подобной уральской, то можно ручаться, что Географическое Общество дастъ полное развитіе прекрасной мысли барона Менендорфа.

— Въ обществахъ у насъ, слава Богу, недостатка нѣтъ: у насъ много обществъ. Между прочимъ, Комитетъ Общества Поощренія Художниковъ напечаталъ отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ въ истекшемъ 1845—1846 году. Изъ этого отчета мы узнали, что у Общества есть, какъ и прежде были, пансіонеры, которые учатся въ Академіи Художествъ, и учатся хорошо, прилежно и успѣшно; что изъ этихъ пансіонеровъ въ прошломъ году трое выбыло, а на мѣсто ихъ трое вновь поступило. Въ числѣ выбывшихъ значится г. *Канковъ*, замѣчательный талантъ, получившій первую золотую медаль и отирающійся на казенный счетъ за границу. Наконецъ, узнаемъ, что Общество помогало художникамъ, поощряло ихъ, доставляло имъ работу и заказы. Мы желали бы знать и еще больше, т. е. подробности, кого и какъ поощрило Общество; слѣдя за бытомъ нашихъ молодыхъ художниковъ, что вышло оно въ этомъ бытѣ требующаго его заботливаго вниманія, что сдѣлало на благо этихъ молодыхъ людей, которые у насъ бываютъ иногда болѣе нежели кто другой предоставлены самимъ себѣ...

— Еще отчетъ — *Общины Сестеръ Милосердія* (за 1846 годъ). Изъ этого отчета мы узнали, что всѣ отдѣленія Общины, именно: отдѣленіе сестеръ милосердія, больница, богадельня, отдѣленіе Магдалинъ, пансіонъ, приютъ и дѣтское исправительное отдѣленіе, —

всѣ они, продолжая дѣйствовать по начертаннымъ для нихъ правиламъ, не подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Капиталъ Общевъ въ 1846 году составлялъ 63,400 р. 44 к. с. Расходы простирались на 20,097 руб. 62½ коп., причѣмъ, сверхъ доходовъ, взято изъ капитальной суммы 4,370 р. Замѣчательны и утѣшительны свѣдѣнія по больницѣ: изъ 257 человекъ больныхъ, бывшихъ въ теченіе 1846 года, выздоровѣло 216, умерло 23, вышло въ другія больницы и въ богадельню 6, и осталось къ 1 января 1847 года 12. Прекраснымъ показалось намъ дѣйствіе общества: снабженіе врачевскими пособіями по домамъ бѣдныхъ больныхъ, которыхъ въ 1846 г. облагодѣтельствовано такимъ образомъ 649 человекъ. Наконецъ, Община объявляетъ благодарность лицамъ, оказавшимъ разныя содѣйствія въ ея трудахъ, между прочимъ служащему въ Военномъ Министерствѣ г. Холодостову за то, что онъ занимался арифметикой и частописаніемъ.

— Много странъ, гдѣ земля воздѣлывается лучше, нежели у насъ, овцы даютъ шерсть и магне въ большемъ количествѣ, лошади возятъ сворты, а птице наши — кресы предъ заграничными; но за то ни гдѣ не говорятъ больше нашего о четырехъ связанныхъ предметахъ. О сельскомъ хозяйствѣ и скотоводствѣ передаются мысли большею частію наукою, въ торжественныхъ собраніяхъ, и то сѣмья остроумныя догадки и предположенія сообщаются лишь соседямъ, какъ-бы мимоходомъ, вполголоса. Но скачки, по благотворительности!.. Новости этого рода, кажется, скоро вытѣснятъ изъ нашихъ газетъ даже самыя заслуженныя ябонетовы: сверху — произведенныя и исключенныя, а снизу — пріѣхавшія и выѣхавшія... Носится слухи, будто учреждается общество дѣвицъ, съ цѣлю распространенія у насъ рысистой породы лошадей. Объ обществахъ сельскаго хозяйства и благотворительности и гово-

ить нечего: они иножатся все болѣе болѣе... Но въ природѣ каждое явленіе обуславливается временемъ и пространствомъ; а эти общества, въ вѣтлности своей, часто принимаютъ въ расчетъ только время. За нѣтъ, при учрежденіи своихъ, приичное помѣщеніе въ пространство, и начинаютъ совѣщанія: общества льскаго хозяйства, смотря по времени ма, о пашнѣ, о постьѣ, объ уборкѣ тѣба, или о сбытѣ его; а благотвориельныя общества — о болшемъ или бѣшемъ вопросѣ на добрый дѣла къ раздѣлку рожества Христова или къ асхѣ. И изъ этихъ порожденныхъ одинъ временемъ сужденій выходятъ результаты чисто-временныя, — временныя не только потому, что мѣнася съ временами года или съ правдиками, но еще и потому, что болшею астію повторяются съ незапамятноуры въ однихъ и тѣхъ же неизмѣныхъ формахъ, какъ повторяется весасъ зеленою, святки съ бѣлками, пасасъ съ красными яйцами. И потому рудно судить объ этихъ проявленіяхъ о тѣмъ же законамъ критики, по корорымъ мы привыкли судить о явленіяхъ, совершающихся во времени и пространствѣ...

Такъ думали и говорили мы въ поѣдней книжкѣ «От. Звн.», сказавъ, го нелавно-возникшее въ Петербургѣ общество Посѣщенія Бѣдныхъ дѣитвууетъ иначе; такъ думаемъ и говонизъ мы теперь опять по поводу того те Общества.

Фактъ, сколько утѣшительный, гоько же и достойный глубокаго ивѣдованія. Научивъ его, мы авось доеремся до причинъ, различающихъ го дѣйствія отъ тѣхъ проявленій, о корорыхъ мы сейчасъ упоминали. Съ этоуѣлю — вѣтъ, сказать правду — безъ сакой цѣли, а по одному глубокому, рѣйне-пріятному сочувствію къ Обществу Посѣщенія Бѣдныхъ, мы будемъ общать читателямъ все, что только знаемъ о немъ, и на этотъ равъ ишѣемъ рекрасную новость.

22 марта Общество открыло первое свое учрежденіе: *Общую квартиру для бѣдныхъ одинокихъ аснннннн, и при ней рукодѣльную для сильной работы.*

Конечно, у насъ есть уже много доможъ приарѣнія и рукодѣлья: но благотворительныя общества, учредившія ихъ, не имѣли средствъ рукодѣствоваться въ своихъ дѣлахъ чѣмъ-либо, кромѣ прирожденнаго челоувѣку состраданія и невольнаго желнія помочь страждущему чѣмъ бы то ни было. Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, напротивъ, улостовѣрлась лично въ нуждахъ просителей, вхола подробно въ положеніе каждаго, изучаетъ именно петербургскую бѣдность, т. е. принимаетъ въ соображеніе, кромѣ времени, и пространство, въ которомъ оно дѣйствуетъ, и потому его *петербургское* доброе дѣло отличается отъ чисто-временныхъ благотвореній.

Вотъ что говоритъ само Общество о своихъ учрежденіяхъ:

«Вообще всѣ лица, порученныя доинннн Обществу, составляютъ, такъ сказать, аристократію Петербургскихъ бѣдныхъ. Нельзя сказать, чтобы они не заслуживали состраданія и не терпѣли недостатка; но этотъ недостатокъ, болшею частію, относительный и заключается въ томъ, что требованія ихъ превышаютъ ихъ средства. Къ тому же легкое добываніе милостыни по домачъ и на улннн, укореняя между ними тупоудство и вредные предразсудки, внушило имъ то опасное убѣжденіе, что личный трудъ для нихъ униженъ, а что постоянное и ничѣмъ не вознаграждаемое пособіе отъ жителей столицы составляютъ ихъ неотъемлемое право.

«При такихъ понятіяхъ, слѣшая благотворительность (т. е. произвольная раздача денегъ безъ разбора, въ видѣ единорвременныхъ пособій) не только не можетъ принести пользы, но очевидно становится вредною въ отношеніяхъ нравственности и полнпейскои... Но это безотрадное заключеніе не можетъ и не должно оставаться подвнгомъ челоувѣкоубія. Оно вызываетъ только на обсужденіе труднаго вопроса, какъ дѣлать добро, не причиняя зла, какъ свести бѣднаго, не увеличивая бѣдности.

«Всякое благотворительное предприятие, не имѣющее въ виду разрѣшенія этой трудной задачи, породить несомнѣнно вредныя послѣдствія при самыхъ похвальныхъ чувствахъ; и пока блага намѣренія нашей благотворительности не будутъ приведены въ общую систему по строгимъ логическимъ правиламъ, не войдутъ въ тѣсное и постоянное сношеніе съ существующими уже благотворительными учрежденіями, едва ли можно надѣяться достигнуть какого нибудь утѣшительнаго результата.

«До сего времени учрежденіе у насъ рабочихъ домовъ имѣло характеръ или исправительный или фабричный. Первый выходитъ изъ предѣловъ частной благотворительности и обращается въ мѣру полицейскую, — второй слишкомъ сжатъ въ своихъ дѣйствіяхъ и приноситъ выгоду только тѣмъ лицамъ, которымъ и безъ того могли бы содержать себя отъ части въ промышленности.

«Въ обомъ случаяхъ малосидявые, стыдящіяся, бѣдные не по своей винѣ, или получаютъ тяжкое пособіе наравнѣ съ бродягами, или лишаются его вовсе, и по неволѣ приучаются просить милостыню.»

Въ избѣжаніе этихъ крайностей, Общество Посѣщенія Бѣдныхъ учредило *первую руководящую* для женщинъ, въ которой пособіе выдается бѣдному въ видѣ *задѣльной платы*, но такъ, что *эта плата увеличивается въ обратной прогрессіи по мѣрѣ уменьшенія силъ работающихъ*. Принимаемыя въ заведеніе раздѣляются на три категоріи, смотря по силамъ и здоровью бѣднаго, и для каждой категоріи назначается соразмѣрная задѣльная плата. Здоровыя все семейныя, имѣющія пенсіи, получаютъ меньшую задѣльную плату, которая увеличивается для обремененныхъ семействомъ, не получающихъ пенсіи, страждущихъ хроническими болѣзнями, и для тѣхъ, которые, привыкнувъ къ жизни роскошной, ввергнуты въ нищету силою обстоятельствъ.

Такимъ-образомъ устраняется произвольный порядокъ въ выдачѣ пособій, и водворяется нравственно-последовательный, вознаграждающій не только трудъ, но даже усиліе трудить-

ся. Помощь дѣлается *своевременно*, потому-что зависитъ не отъ произвола *благотворителя*, а отъ *самого нуждающагося*. И, что всего важнѣе, бѣдный избавляется отъ того болѣзненнаго упрека, самому-себѣ и со стороны, который неразлученъ съ каждымъ *деревымъ* пособіемъ. Деньги, получаемыя имъ за посидѣный трудъ, доставятъ ему, кромѣ матеріальнаго обезпеченія, еще то нравственное самоудовольствіе, которое такъ сильно помогаетъ человеку переносить неразлучныя со всякимъ бытомъ горести и лишения.

Что касается до устроенной Обществомъ общей квартиры для бѣдныхъ одинокихъ женщинъ, то это не *богачельня* ни по своему назначенію, ни по устройству. *Общая квартира*, говоритъ Общество, *есть та же квартира бѣднаго, съ тою только разницею, что въ ней не сыро, не темно, не холодно и не голодно.*

Никогда никому не желая ни успѣховъ съ болѣшею искренностью, какъ желаемъ ихъ тому роду благотворительности, который создало у насъ Общество Посѣщенія Бѣдныхъ. Дай Богъ, чтобы блага намѣренія нашей благотворительности пришли въ общую систему по строгимъ логическимъ правиламъ, какъ говорить Общество и какъ говорили мы въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ».

Что же касается до конскихъ ристалищъ, то достаточно указать на ту степень ихъ развитія у насъ, съ которой еще шагъ — и рыскастыя лошади сдѣлаются лучшими украшеніемъ *длинныхъ* будuarовъ... Мы не *привыкли* еще; а дѣло вотъ въ чемъ (говоритъ нумеръ 83 «Московского Городскаго Листка»): *московскія дамы еще однажды оправдываютъ справедливость сказаннаго нами объ усилившемся ихъ вліяніи, ихъ добромъ во всякомъ дѣлѣ вмѣшательства. Изъ этого разъ онѣ хотѣли содѣйствовать вѣдямъ Московскаго Скаковаго Общества, онѣ назначаютъ для скачекъ особый отъ себя призъ — коверъ, шитый изъ собственными руками».*

Дистанція на этотъ лестный и для амаго благороднаго арабскаго коня ризъ назначена шолторы версты; възъ — 3 пуда 14 фунтовъ безъ разля- іа лѣтъ; кобылы и иеринны несутъ 4 мѣнѣ.

• Кто знаетъ, можетъ-быть • (продол- жаетъ Листокъ): «какой-нибудь пре красная охотница и сама рѣшится съѣсть въ легкія санки...»

Но нѣтъ, этого не будетъ! Листокъ бѣдается и тогда написать статейку... уаетъ. да что-нибудь другое, и мы наемъ, что именно: Гверра, любовный ашъ Гверра, отправляется въ Москву, хотя Санктпетербургскія Вѣдомости твердятъ, что онъ, какъ и другой. же очень-ловкій иностранецъ, г. Сю- оръ, отправляется туда... но мы уже уверили, что г. Сюзора знаетъ психоло- гію, а г. Гверра, вѣрно, знаетъ пого- орку: гдѣ раки звнуютъ; втакъ, судя о бышнимъ примѣрамъ, заключаемъ, то насія къ коневодству разравнт- а фуроромъ въ циркѣ Гверры, и Листокъ. развѣ о немъ напишетъ гатейку, а не о дамахъ.

Жаль, право, что обстоятельства бы- не такъ благопріятны для г. Сюзора, а въ для г. Гверры. Никто не подго- звилъ къ его пріѣзду въ Москву по- обного фурора.

Впрочемъ, страсть къ рысистымъ шаламъ нѣтъ у насъ свое глубокое равственно-историческо-географиче- кое значеніе. Не можемъ не повто- нить истинно-прекрасныхъ словъ по- тому предмету глубоко-ученой ста- ии, напечатанной въ одной изъ пе- рбургскихъ газетъ и заимствован- ой изъ «Московскихъ Губернскихъ ъдомостей». Вотъ эти строки:

«Страсть къ рысистымъ лошадямъ из- на была въ народѣ Русскомъ; огром- ле размѣры нашего Отечества заставля- і искать средствъ сокращать время и юстранство, которое летитъ и исчезаетъ дѣ ногами быстрыхъ коней.

«Еще тогда, когда сношенія наши съ юземными странами не были довольно заны и когда мало привозилось чуже- мныхъ товаровъ, еще тогда охота къ

добрымъ и сильнымъ конямъ доставляла могущихъ аргамаковъ нодъ сѣдло болъ- ское. Молодечество Русскаго челоѣка лю- бить удалую ѣзду; оно проявляетъ себя въ беззаботной отвагѣ, съ которою пре- дается волѣ дикихъ коней.

«Москва, центръ Русской жизни, выра- жаетъ въ себѣ весь характеръ ея—и лю- бимая охота Русская нѣтъ здѣсь пол- ное развитіе.»

Развѣ не понятно послѣ этого слѣ- дующее историческое воспоминаніе о Похвальномъ и Убѣдимомъ?

«Два года эти два знаменитые коня восхищали собою Московскую публику; защитники рысистой породы каждому состязаніемъ двухъ соперниковъ одержи- вали верхъ?—впрочемъ эта темнота един- ственная во всей статьѣ, и даже хороша для исторіи, которая любить «мраки не- извѣстности»). Наконецъ рѣшительная битва была 21 Іюня 1840 года. Оба рыска- ка были достойны всеобщаго участія, ко- торое выразила къ нимъ Москва, все ло- дынское поле устало экипажами и пѣ- шеходами, сердца всѣхъ билась... Охо- тники сравнивали это состязаніе выраже- ніемъ важнаго вопроса быть или не быть...»

Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ ниче- го дурнаго: почему же и не *помолодече- ствовать*, когда есть охота? почему не прокатиться на рысакѣ, заложивъ мур- молку на правое ухо и поставивъ руки, что называется, фертомъ? Пускай жи- ветъ каждый, какъ ему нравится; чѣмъ больше разнообразія; тѣмъ веселѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ живѣе. Ужъ если люди рождаются съ разными носами, съ разными ртами, ушами, руками и глазами, то нельзя и требовать, чтобъ всѣ видѣли, слышали, обоняли, вкушали и осязали одинаково. Одинъ любитъ развалившейся хажиной, другой предпочитаетъ всѣмъ инстру- ментамъ балалайку, третій безъ даль- нихъ справокъ гаушается чичиков- скимъ Петрушкой, тотъ кушаетъ и по- хваливаетъ вѣрчево, прѣжено съ лу- комъ, а иной молодецъ съ любовью на- тягиваетъ всежи и хлопаетъ арапни- комъ. Все это хорошо, очень-понятно и, если угодно, натурально; не согласи-

тось, что за жизнь, если посвятить ее всю эволюцию развалин, звукам балаалаки, цѣлый вѣкъ только гнаться неоприятностью, не сдѣлавъ шага къ уничтоженію ея, переходить каждый день отъ вѣрчена къ кручеку и отъ кручеку къ вѣрчену или умереть съ возжами и араинникомъ въ рукахъ... однимъ словомъ, прожить вѣкъ, не сдѣлавъ ничего для тѣхъ, съ кѣмъ вамъ такъ весело жить? Сообразите, что еслибъ человѣкъ жилъ одинъ, безъ людей, то ему пришлось бы съ утра до ночи рыть корни на обѣдъ, да драться съ сосѣдями-волнами и другими дикими звѣрями, съ которыми совѣмъ не такъ пріятно имѣть тѣбу... Конечно, мы такъ далеки отъ перваго періода человѣчества, что не думаемъ о немъ; но вѣдь свѣтъ до-сихъ-поръ стоитъ на томъ же, на чемъ стоялъ, когда не было ни развалинъ, ни балаалаки съ барабаномъ, ни Петрушки съ пряникомъ и когда некого было удивить молодечествомъ... А принести пользу людямъ не трудно, и если вѣяться за дѣло съ толкомъ, то можно окончить его съ истинной славой и даже съ огромной выгодой для себя. И такіе почтенные люди, которые умѣютъ даже въ своемъ частномъ, домашнемъ кругу дѣйствовать на пользу другихъ, есть всадъ, — и вотъ тому доказательство:

Извѣстные наши фабриканты, гг. Мальцовъ, Делешинъ, Барановъ, Гучиковы, Прохоровы, Четвериковъ, Усачевъ и другіе, составили товарищество для снабженія Закавказскаго-Края лучшими надѣлками русскихъ фабрикъ и на первый разъ нѣмѣрены учредить товарные склады въ Тифлисѣ, а потомъ, по мѣрѣ надобности, и въ другихъ закавказскихъ торговыхъ городахъ. Первые транспорты должны прійти туда до отъѣзда тамошнихъ торговцовъ на нижегородскую ярмарку, и такимъ образомъ устраняется обыкновенная издержка на поѣзду въ Нижній-Новгородъ и обратно. При томъ, товарищество желаетъ не только продавать надѣла русскою промышленностію, но и проэквивать на туземныя произведе-

нія или приобретать эти послѣднія въ купую.

Такому предпріятію нельзя не порадоваться, особенно, если сообразить, сколько выгоды можетъ принести оно русской и закавказской торговлѣ, сдѣлавшись постояннымъ органомъ ихъ взаимныхъ сношеній.

Для дальнѣйшихъ выводовъ о пользѣ товарищества предлагаемъ читателямъ извлеченіе изъ отчета за 1886 г. о мѣловой торговлѣ съ горскими народами на Кавказѣ, чрезъ посредствъ мѣловыхъ дворовъ.

Эта мѣловая торговля производилась на 12 пунктахъ съ Кабардинцами, Таллинцами, Дигорцами, Кушынами, Карчаевцами, Хатникуйцами, Топиргойцами и Аблазехами, которыми привезено разнаго рода горскихъ произведеній, по примѣрному исчисленію, на сумму 231,108 рублей серебромъ. Въ томъ числѣ:

Черкесскаго сунна, черкесовъ, чеченцевъ, шароваровъ, башмаковъ, челнокъ для ружей и проч. платья на 10,877 р. Бурокъ молодостей, горскихъ шапокъ, чевиковъ, пагавицъ и проч болѣе нежелы на 3,000 р. Кожа козловыхъ, выдѣланныхъ въ сафьянъ и не выдѣланныхъ на 18,400 р. Кожа сырыхъ, воловьихъ и буйволовыхъ на 10,800 р.

Каждая кожа пошла по цѣнѣ до 2½ болѣе рубл.

Овчинъ, болшею частію невыдѣланныхъ, на сумму до 12,000 р. Невыдѣланныхъ кожъ лисьихъ, куницъ, дикихъ кошекъ, порешневыхъ, бѣлыхъ, волчьихъ, медвѣжьихъ и вычкихъ на 7310 р.

Наиболѣе привезено куницъ, лисихъ, бѣлыхъ. Средняя цѣна за шкуру по 2 р., а кошачьи, волчьи, медвѣжьи, — оцѣнены по 1 руб.

Разнаго рода азіатскаго оружія на 13,000 р.

Ружья продавались или выдѣлывались по цѣнамъ отъ 5 до 12 р.; пистолеты отъ 2 до 5; шапки отъ 2 до 7; книжалы отъ 3 до 150 р.

Фруктовъ садовыхъ свѣжихъ и сушеныхъ: яблокъ, грушъ, айвы, орѣховъ грецкихъ (болѣе всего) и мелкихъ лѣсныхъ, лычи и проч., до 10,300.

Отородныхъ продуктовъ: лука, лобя, кураги, а также проса и сарачинскаго пшена на 4,000.

Воску и меду сыраго на 13,500.

Средняя цѣна меду—3, а воску 10 р. за пудъ.

Масла коровьяго и сала говяжьяго на 7,700 р.

Средняя цѣна масла—5 р., сала отъ 2 до 2 р. 50 к. за пудъ.

Нефти или горнаго масла на 10,500. Лошадей (каждаго по 35 р.) на 7,070. Барановъ на 900. Крушняго рогатаго скота на 700. Красильныхъ травъ болѣе нежели на 7,000. Желтѣяника. листа кустарника для дубленія и козловыхъ кожъ на 800.

За тѣмъ важнѣйшею статью привоза былъ строевой и дровяной лѣсъ, доски и нѣкоторыя сельскія подѣлки: корыта, сундуки, кадки, бочки, обода и проч.,—всего болѣе нежели на 83,000 р.

Прочіе привозимые для разнѣна предметы состояли: изъ кулей, циновокъ, ишкковъ, шкры, балыка, веревочъ, глиняной и ивдой посуды и т. п.

И большая часть всѣхъ этихъ товаровъ была промѣнена на хлѣбъ, на товары и вещи, необходимыя въ домашней быту горцевъ; отчасти продало за наличныя деньги, на которыя горцы преимущественно покупали соль.

— Стремленіе къ знакомству и сближенію съ горскими народами проявляется теперь въ различныхъ видахъ. Нѣкто г. Люлье, долго жившій въ одномъ изъ племенъ Адыге и выучившійся довольно-хорошо языку этого народа, предпринялъ огромный трудъ разрабѣтываго языка: онъ создалъ для него алфавитъ и грамматику и составилъ Русско-Черкесскій или Адыгскій Словарь. Султанъ Адмал-Гирей обратилъ вниманіе на трудъ г. Люлье и съ край-

нимъ сожалѣніемъ говоритъ, что въ немъ есть важныя недостатки, происшедшіе преимущественно отъ неправильнаго произношенія адыгскихъ словъ. Онъ говоритъ, что г. Люлье составилъ свой алфавитъ изъ русскихъ буквъ, между-гѣмъ, какъ въ адыгскомъ языкѣ есть такіе звуки, какихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ европейскихъ и восточныхъ языковъ: следовательно, адыгскій языкъ необходимо требуетъ изобрѣтенія новыхъ знаковъ. Притомъ уловить эти своеобразныя звуки очень-трудно, и приобрести правильное адыгское произношеніе можно не иначе, какъ изучая этотъ языкъ съ дѣтства. Не смотря на такіе недостатки, султанъ признаетъ пользу трудовъ г. Люлье, особенно въ будущемъ, и въ заключеніе советуетъ ему, при исполненіи этихъ трудовъ, воспользоваться познаніями старца *Нотуко Эфенди*, величайшаго поэта Черкесіи, который нѣкогда составилъ-было алфавитъ и словарь адыгскаго языка, но по настоянію духовенства принужденъ былъ сжечь ихъ.

— Мы заговорили о Кавказѣ и за справкой обратились къ таковой политическою и литературной газетѣ «Кавказъ», а обратившись однажды, замѣтили, что чрезъ нее можно познакомиться съ разными подробностями кавказскаго быта. Такъ, на-примѣръ, вы узнаете изъ нея, что 5-го марта 1847 г. въ Тифлисъ, въ залѣ собранія, г. Парисъ смѣло, привычною рукою ударилъ смычкомъ, и что сладко билось сердце и утопало въ восхитительныхъ звукахъ, то ивжныхъ, величественныхъ, то веселыхъ и меланхолическихъ. А 22 марта 1840 г., вотъ, что дѣлалось въ Михайловскомъ Укрѣпленіи:

Фатъма, во святомъ крещеніи *Нина*, сидѣла на бревнѣ, плела вѣнокъ, протягивала руки въ-даль и закрывала лицо руками, приговаривая, что у нея никого нѣтъ, только окровавленный трупъ отца передъ глазами и страшный день, день перваго са пѣна. . и

т. д., какъ причитають русскія женщины каждую субботу, сидя на могилѣ—впрочемъ, иногда и на бревнѣ... но не въ томъ дѣло.

Варугъ поспѣшно входитъ Хассанъ и говоритъ ей: «посмотри на меня, я весь оборванъ, *въ крови я поляхъ* (замѣтьте, это характеристическая черта) чрезъ непроходимыя горы, пропасти—чтобъ скорѣе увидѣть, безопасна ли ты. Бѣги со мною немедленно!»

Нина не хочетъ бѣжать.

Хассанъ убѣждаетъ ее, напоминаетъ, что у нея есть отецъ (окровавленный трупъ, вѣрно, былъ обманъ разстроеннаго воображенія Нины), мать, ровные... ты, говоритъ, красавица, я осыплю тебя золотомъ, и знатнѣйшія княжны позавидуютъ моею Фатимѣ!

Нина отвѣчаетъ презрительными намеками на корыстолюбіе Хассана, на то, что онъ выдавалъ своихъ и обманывалъ Русскихъ.

Хассанъ говоритъ, что если онъ рѣшился быть предателемъ своихъ и скрывать лицо предъ каждымъ встрѣчнымъ, ожидать каждую минуту, что его застрѣлятъ какъ измѣнника, то не изъ за горсти серебра,—а за взглядъ, за ласковое слово Фатимы, чтобъ оберегать ее, доказать любовь и, наконецъ, вырвать изъ рукъ невѣрныхъ.

— Благодарю за преданность, отвѣчаетъ Нина: — но я не оставляю этихъ мѣстъ.

Хассанъ, видя, что личныя достоинства не производятъ желаннаго дѣйствія на его возлюбленную, снова заговорилъ о родинѣ, объ отцѣ, о матери, напомнилъ ей, какъ отецъ ея палъ подъ штыками на порогѣ сакли, когда ея взяли съ окровавленной груди матери...

Нина невольно взглядываетъ, куда указывалъ Хассанъ, отвертывается и въ залучивости махаетъ рукою; въ сильномъ волненіи закрываетъ лицо руками, стираетъ съ груди кажущуюся ей кровь матери; наконецъ, въ нерѣшимости хватаетъ Хассана за руку и говоритъ: Хассанъ, веди меня къ матери!

Они поспѣшно идутъ.

Варугъ входитъ (на бревно) Лико Тимченко.

Лико говорить: «Кто это? стойте!»

Хассанъ и Нина возвращаются (на бревно?).

Оказывается, что Тимченко любитъ Нину, а Нина Тимченку.

Бѣдняжка снова въ трагической борьбѣ съ собою, которую, подражая Гамлету, могла бы выразить лочимъ его же словами:

«To go, or not to go?..»

Щади ваше сердце, читатель, сокращаемъ эту сцену.

Какъ бы то ни было, Нина одною рукою закрываетъ глаза, а другую подаетъ Тимченку, потомъ бросается ему въ объятія и говоритъ Хассану: «Скажи (отцу и матери), что въ мужѣ найдю все, что женщина теряетъ разставаясь съ родительскими домою и родиною!»

Хассанъ, въ бѣшенствѣ, хватаетъ Нину за руку, предсказываетъ какое-то бѣдствіе, передаетъ Лико записку отъ какого-то пѣвшаго офицера и въ награду за эту услугу проситъ отдать ему Фатиму.

— Это зависитъ отъ ея согласія, отвѣчаетъ Лико.

Хассанъ подходитъ къ Нинѣ, говоритъ съ нею тихо, но съ жаромъ, а Лико, развернувъ записку, читаетъ громко:

«Лико, берегись, будь остороженъ, — Вельяминовскій фортъ взятъ и почти весь гарнизонъ погибъ.»

— Боже милосердый! Они погибли, а съ ними и мой братъ, бѣдный мой братъ! Тимченко. Съ истерическимъ Читаютъ далѣе.

Лико (читаетъ). «На разсвѣтѣ 29-го февраля, тучи горцевъ залетѣли на батареи. Картечь орудій сразила ихъ верениемъ сотни, но остальныя тысячи ворвались въ фортъ. Капитанъ...»

Не пропустить ли описаніе-то, читатель?—Для нашей трагедіи нужно только слѣдующее окончаніе записки:

«Будь остороженъ, Лико — голыя горцевъ въ сборѣ и. быть можетъ,

впадают наваленіе и на ваше укрѣпленіе.

Увлеченный содержаніемъ записки, Лико перефразируетъ прежній образъ мыслей о потерѣ брата, и восклицаетъ:

— Братъ мой, ты погибъ геройскою смертью! я не жалю, я завидую тебѣ! (миченкѣ) Вѣдите на гауптвахтѣ бить оръ!

Скоро прибѣгаютъ солдаты и офицеры, и строятся. Слѣдуетъ сцена, въ которой уже нѣтъ ничего принадлежащаго исключительно Кавказу или сагой трагедіи, а потому — пропустимъ и е.

Солдаты уходятъ. Лико отдаетъ офицерамъ приказанія.

Хассанъ (къ Нинѣ). Напрасный трудъ, что не спасетъ горети этихъ храброевъ; они должны погибнуть, а съ ними и ты — уйдешь, Фатима!

Нина. И ты могъ подумать, что я, какъ женщина, побоюсь смерти?—Ты знаешь, что во мнѣ кровь Черкешенки!... Я отказалась отъ матери, отца, родины и сумѣю отказаться и отъ жизни! Для меня на свѣтѣ осталась только любовь, и скорѣе скороню ее въ могилѣ, чѣмъ раздѣлю съ тобою!

Хассанъ. А, такъ ты презираешь само! Но будешь моею, я вырву тебя отсюда!

Нина. Вырвешь одинъ трупъ мой — изъ развалинъ этого укрѣпленія;—я предчувствую судьбу свою, но, да будетъ воля Божія!

Хассанъ. Такъ погибни же, презрѣнная отступница!...

У васъ сердце замерло, читатель! Вы, вчитавшись о запальчивости Черкесовъ, думаете, что Хассанъ выхватилъ кинжалъ да и закололъ Нину. — Нѣтъ, Черкесы дѣйствуютъ гораздо обдуманнѣе: Хассанъ знаетъ, что трагедія въ одномъ дѣйствіи не бываетъ, и потому продолжаетъ такъ:— Чрезъ три дни увидишь меня здѣсь, не умоляющаго, но страшнаго истителя—твоего господина!! (уходить).

Но вотъ — сцена вторая. Ночь того же дня. Видъ той же мѣстности, что и

въ первой сценѣ. Хассанъ ведетъ Нину за руку.

Нина. Зачѣмъ ты вызвалъ меня изъ дома? чего ты хочешь?

Хассанъ. Тише... въ туманѣ и мракѣ какъ змѣя проползъ (опять ползая!) и мимо часовыхъ, чтобы умолить тебя бѣжать со мною...

Ну, и опять та же исторія: Хассанъ и такъ, и сякъ, и прерываетъ ее, и тащитъ за руку, и схватывается за руку, и умоляетъ, и говоритъ грозно, и опять тащитъ, и обнажаетъ кинжалъ, и бросаетъ кинжалъ на землю, и выпускаетъ руку Нины, наконецъ, стрѣляетъ изъ пистолета (только не въ Нину и не въ себя) и, сложа руки престонъ на груди, говоритъ съ рѣшимостію прибѣжавшему на выстрѣлъ Лико: — О выстрѣль! Одинадцать тысячъ нашихъ вождѣ твоихъ оконоть, — защищай ихъ если можешь!

Бьютъ тревогу, солдаты и офицеры сбѣгаются и становятся въ ряды...

Пропустимъ и эту сцену.

Часть солдатъ уходитъ; Тимченко, слѣдуя за ними, подходитъ къ Нинѣ и говоритъ ей: — Прости, милая невѣста! Если паду, не забудь меня... я буду ждать тебя тамъ! (указывая на небо).

Нина (бросается съ его объятія). Я не переживу твоей смерти!

Хассанъ (до сихъ поръ стоявшій въ отдаленіи, съ грозною рѣшимостію, съ сложенными руками на груди, быстро подходитъ къ нимъ и раздѣляетъ объятіихся). Прочь!—твое мѣсто не здѣсь, не вождѣ женщины, а тамъ, гдѣ умираютъ твои товарищи.

Тимченко (грозно). Дерзкій, ты дорого за это послѣ мнѣ заплатишь! (уходитъ.)

Слышны гикъ горцевъ и выстрѣлы.

Нина становится на колѣни и—не успѣла она сказать четырнадцати словъ, какъ видитъ, что солдаты ведутъ раненаго Тимченку. Она къ нему на встрѣчу и говоритъ: — ты раненъ!..

Солдаты кладутъ Тимченку на землю, Нина склоняетъ его голову къ себѣ на колѣни, осматриваетъ его раны, сис

трить въ даль; а когда Тимченко умеръ, она въ сильной горести восклицаетъ: «умеръ!» прикладываетъ уста своихъ его губамъ и продолжаетъ: «Послѣдній вздохъ твой я приняла своими устами, — души наши соединились и не разстанутся въ вѣчности... Я медлю умереть — вѣдь у тебя нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ меня, кому бы оплакать твою смерть!...» и т. д., пока израженный Хассанъ не вползъ (опять!) на сцену съ книжаломъ въ рукѣ, и не сказалъ ей: «Фатма... умираю!... нѣтъ болѣе силъ приподнять (еще-такъ!) въ тебѣ... подойди, я обниму тебя и, не доставъся ни мнѣ... ни другому!... (поднимаетъ руку съ книжаломъ).

Нина. Я умру, но не отъ твоей руки! дай прежде оплакать этотъ мнѣй трупъ!

Хассанъ. Милый трупъ!.. а... плачь надъ нимъ... я отступилъ!.. мой книжалъ пронзилъ его грудь и кровь твоего любовника обрызгала мнѣ лицо (опять замарался въ кровь!)... посмотри!..

Нина. Будь проклятъ ..... подлый предатель!..

Хассанъ. Умираю... умри и ты (бросаетъ слабую рукой книжалъ, но онъ падаетъ, не достигнувъ Нины. Хассанъ умираетъ).

Архипъ Осиповъ (вбѣгаетъ съ повязанною головою и съ зажженными фитилемъ). Все кончено!.. Нина, бѣги отсюда; я взорву погребъ и прахомъ этой земли засыплю не скороненные трупы товарищей-братій!

Нина. Взрывавай скорѣй! жизнь не нужна и мнѣ! Посмотри (показываетъ книжалъ) — я приготовилась!

Она обнимаетъ трупъ Тимченки и кричитъ: «скорѣй, скорѣй... въ небо!...»

Горцы съ гикомъ и обивающимися шапками пробѣгаютъ сцену; зававѣсь опускается, раздается взрывъ погреба, трескъ и грохотъ.

Что за эффектъ, что за находчивость! — зававѣсь опустилась, а вы все еще не раздѣлались съ трагедіей!..

Тутъ опять скажемъ то же, что уже сказали мы по поводу рысистыхъ лошадей. Все это хорошо; почему и не написать такой драмы, когда хочется

написать драму? и каждый можетъ смотрѣть на черкесскіе нравы кѣмъ угодно вздумается; но странно нѣхать въ свои личныя воспоминанія такіа дѣла, какъ дѣло 22 марта 1840 г.! Люди не закаленные въ бою крестятся съ благоговѣніемъ при одномъ воспоминаніи о подобныхъ дѣлахъ... Нина могла сидѣть на бревнѣ и плести вѣнокъ, не только въ Михайловскомъ-Укрѣпленіи, но вездѣ, гдѣ есть бревна и незабудки, что и... могла сидѣть и все прочее дѣлать, что дѣлала она въ трагедіи, не только 22 марта 1840 года, но даже и до Р. X. Вѣдь плела же вѣнки и Офелія; а дѣйствовала въ трагедіи очень-порядочно...

— Но Богъ съ вами, съ этии изъказкии драмами! Перейдемъ, по сохдству съ Кавказомъ, въ Новороссію; тамъ, и именно въ Одессѣ, появилась между прочимъ политико-экономическая статья нѣкоего г. Демоль въ № 1 «Записокъ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи». Вотъ какъ рассуждаетъ г. Демоль:

«Мы вошли въ нѣкоторыя подробности, съ цѣлью опредѣлить, какъ можно лучше, положеніе нашего земледѣлія; намъ предстоитъ двойкій выборъ:

«1) Если весною въ настѣшемъ году возникнуть опасенія на счетъ урожая, то боя сомнѣнія цѣны возвысится и нельзя предвидѣть предѣловъ возвышенія.

«2) Если же, напротивъ того, допуститъ болѣе строгіе (?) предположеніе хорошаго урожая, то цѣны упадутъ быстро; совсѣмъ неожиданно ляжетъ засуха; и шельбъ, котораго не доставитъ теплота для обезпеченія народнаго продовольствія, откроется вездѣ съ избыткомъ.

Что касается до хозяйственной предусмотрительности скаваницыъ «Записокъ», то въ № 2, на 37 стр. читаетъ слѣдующее:

«Въ то самое время, когда мы находимъ, что съ исчезающимъ на нашемъ рѣкѣ льдомъ, оставила насъ зима и началъ наступленія теплой погоды, — съ уменьшъ числомъ февралю подулъ сѣверный вѣтеръ, который скоро заставилъ термометръ опуститься сланикомъ на 6° ниже точки замерзанія.»

Мы думали, что холодные вѣтры первыхъ числахъ февраля—явленіе мое обыкновенное въ одесской атмосферѣ, а не то, чтобъ *состояла-невозможное*.

— Хотѣли-было мы припомнить, что жилось, или по крайней-мѣрѣ забавляло въ послѣднее время насъ, петербургскихъ жителей; но воспоминанія эти въ этомъ случаѣ оказались очень-блѣдными. Мелькали еще въ это послѣднее время остатки отъ недавно-ышавшихся на насъ музыкальных и иныхъ художественныхъ увеселеній; о все что-то мѣшало намъ вполне наслаждаться ими... Не даромъ въ прошломъ мѣсяцѣ заговаривали мы объ этомъ, какое наводитъ на человека первый періодъ весны, и вызывали то уныніе предчувствіемъ: гриппы и всякіе недуги отравили наше веселье. Конечно, гриппъ—дѣло временное, переходящее, а все какъ-то не-пріятно и невесело; тутъ, какъ еще придетъ какая-нибудь печальная вѣсть, то одѣлается и очень грустно. А у насъ были такія вѣсти. Прежде гнали мы о кончинѣ *Серіалъ Николаевича Глядки*, послѣдовавшей 5-го апрѣля въ 10 часу утра, и вздохнули въ глубины души о переходимости всего земнаго и жизни человѣческой и того, чѣмъ бываетъ полна такая жизнь... Здѣсь, конечно, слѣдовало бы дать нѣсто историческимъ воспоминаніямъ и чувствамъ, ими вызываемымъ, изъ чего могъ бы составиться приличный некрологъ; но если читатели узнаютъ, что мы все еще находимся въ тѣхъ же отношеніяхъ къ некрологу вообще, какія обнаружилъ недавно, говоря о кончинѣ Д. М. Веласкаго, то они и на этотъ разъ простятъ намъ великодушное отступленіе отъ принятаго обычая и позволятъ не пускаться въ историческія воспоминанія, которыя всѣмъ извѣстны.

Почти вслѣдъ за первой печальной вѣстью, явилась другая: 11 апрѣля утромъ скончался *Эдуардъ Ивановичъ Губеръ*... Тутъ стало намъ горько-грустно—отъ-того ли, что Э. И. Гу-

беръ былъ ближе къ намъ, что рѣчь его еще слышалась чуть не во вчерашнемъ *Фѣлетонѣ*; отъ-того ли, наконецъ, что ему было не 72, а только 32 года, и что онъ, какъ выразились *Санктпетербургскія Вѣдомости*, «могъ бы провѣстивъ еще много прекраснаго... Да, именно отъ-того; *Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ*—это особенно извѣстно и ощутительно: онъ по этому случаю объявилъ, что всѣ ихъ *Фѣлетонныя* статьи, подписанныя буквами Э. И., также буквами К. Д. С., принадлежали Губеру, и что *Фѣлетоны*, подписанные буквою С., принадлежать одному изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, слогъ котораго блестящъ остроуміемъ, исполненъ неподдѣльнаго юмора и запечатлѣнъ *ароматомъ сѣтскости*... Кто бы это такой былъ?...

Не довольствуясь знаменитѣйшимъ писателемъ, редакция *Вѣдомостей* говорить, что, по случаю болѣзни и потомъ кончины Э. И. Губера, она должна была обратиться къ одному изъ молодыхъ литераторовъ, который дебютировалъ у ней прекраснымъ *Фѣлетономъ*, заключивъ этотъ *Фѣлетонъ* анекдотомъ, рассказаннымъ въ полъяг. Неваховича, по поводу *Эпиантропа*, изображеннаго въ послѣдней тетраліи его *Ералаши*.

— Кстати о *Ералаши* г. Неваховича. Въ мартовской книжкѣ *Отеч. Записокъ* мы слегка коснулись этого предмета и обѣщались воротиться къ нему, дождавшись новаго выпуска. Тогда, признаемся, закрылось-было къ намъ грѣшное сомнѣніе насчетъ будущаго характера *Ералаши*; мы думали, что она, увлекшись удалью, не будетъ разсуждать о томъ, что больше напрашивается на карриатуру согласно современнымъ взглядамъ и интересамъ, и потому иногда у нея будетъ упускаться изъ вида то, что очень бы стоило доброй карриатуры, а попадется на зубокъ то, на что и такъ неурожай, что и безъ того туго разводится при всѣхъ уходахъ и удоб-

речіяхъ. Оно, разумѣется, ничего: пускай попадалось бы на зубокъ все, — это существенно ничему повредить не можетъ; но мы боялись, что «Ералашь», сверхъ-того, будетъ иногда, вмѣсто смѣха, внушать отвращеніе, и при томъ къ предметамъ нисколько не отвратительнымъ. Теперь же, послѣ недавно явившагося шестаго выпуска, нѣтъ возможности не помириться съ «Ералашью». Она такъ безопасно пользуется всякими *современностями*, такъ добродушно (правда, не вездѣ), такъ беззаботно шутитъ надо всѣмъ, о чемъ только-что шумѣли или шумятъ, чѣмъ увлекались или еще увлекаются, что нельзя не смѣяться отъ чистаго сердца. Пробѣжимъ на-скоро послѣдніе пять листовъ. Впрочемъ, содержаніе перваго въ нихъ мы не будемъ рассказывать, потому-что одно въ немъ несовсѣмъ-ясно, а другое ужъ черевъ-чуръ ясно. Замѣтимъ только, что здѣсь художникъ, между-прочимъ, выполнилъ одну очень-трудную задачу: изобразилъ человѣка, только-что переставшаго дѣлать зло. Да еще прибавимъ, что на «Ералашь», по-крайней мѣрѣ на эти пять листовъ, не должно ни кому сердиться; не должно требовать, чтобъ она помнила, какъ затверженный урокъ мѣру достоинства каждаго предмета, на который думаетъ намякнуть: она не оскорбляетъ, потому-что шутитъ, а шутка оскорблять не можетъ. Слѣдующій листъ подъ № 7 имѣетъ заглавіемъ: *Въ публикѣ и дома*. Тутъ, во-первыхъ, — жена, вполне постигнувшая свою правую силу общественнаго мнѣнія и въ то же время сознающая права своей личной свободы, оправдывающія ея сердечныя привязанности, и увидѣвшая себя въ необходимости согласить противоположныя требованія свѣта и сердца, раздвоивъ свою жизнь на публичную и домашнюю — дѣло обыкновенное! Въ публикѣ — она девица, а дома... дома — то, что ей угодно. Потомъ, филантропъ, частію уже извѣстный намъ по упомянутому анекдоту. Онъ въ публикѣ опускаетъ въ шапку нищаго грошъ, рас-

топыривъ пальцы такимъ образомъ, какъ-будто-бы пускалъ на морозъ поймавшаго у себя на ухѣ таракана, желая насладиться эффектомъ его паденія: а дома летать съ кулаками на какую-то жалкую подютскую фигуру... Дѣловой человекъ, на улицѣ бѣгущій со всѣхъ ногъ съ портфелемъ, а дома пускающей мыльные пузыри — удивительно хорошъ. Это — типическая фигура; такія вездѣ есть. Наконецъ, «голубки», т. е. нѣжные супруги. Осупругахъ что и говорить, — какіхъ нѣтъ между ними! Но эти, кажется, ужъ черевъ-чуръ нѣжны, особливо дома (говоря простымъ языкомъ — они таскаютъ другъ друга за волосы): такіхъ неистовыхъ ласкъ не встрѣчалось еще ни въ одной новѣйшей драмѣ; впрочемъ, можетъ-быть, подобнаго рода эффекты берегутся собственно только для семейнаго счастья. Листъ, подъ № 8, открывается *Карломъ Ивановичемъ*... Нельзя не замѣтить, что есть образы, которые какъ-будто постоянно преслѣдуютъ г. Незаховича и просятся въ альбомъ его. На-примѣръ, этотъ Карлъ Ивановичъ, преслѣдшій Нѣмецъ-школяръ, началъ свои похождения еще съ рождественной ёлки и постоянно обжужливаетъ одну страсть — присвоивать себѣ права своихъ маленькихъ витюпцевъ. Посмотрите, съ какими наслажденіемъ катается онъ на деревянномъ конькѣ подъ качелями! Съ нѣкотораго времени появился другой такой же безотвязный образъ — *литераторъ литературальной школы*; но тутъ не разберешь, кто кого преслѣдуетъ: *литераторъ* ли г. Незаховича, или г. Незаховичъ *литератора*... Потомъ, затѣтельно приключеніе съ покойникомъ, давшее ему случай почувствовать всю нестерпимость мартовскаго распутия, по которому, какъ выразился самъ встряхнутый въ гробу покойникъ, «домой-то покойно не дойдешь». Остроумно, наконецъ, катанье подъ качелями, очень-остроумно... На листѣ подъ № 9, нельзя не обратить вниманія на удачно-начерченные фигуры *блаженно-римскихъ*, т. е. нищихъ, отголоскомъ

прочъ швейцаромъ, стоявшій при вхо-
дѣ въ спектакль въ пользу бѣдныхъ, и
потомъ—доктора и его пациента, кото-
раго накануне въ маскарадѣ маски
уфрѣши, что у него *роза*. Но всего
лучше листъ подъ № 10. На немъ пре-
жде всего бросается въ глаза *гениаль-
ный композиторъ, который на нераза-
данномъ доселѣ инструментъ изобража-
етъ прелести лесовъ и рошъ на берегахъ
Эльбы*. Здѣсь человекъ въ самомъ дѣлѣ
можетъ оставаться гениальнымъ, а кар-
тинка все-таки не погрѣшаетъ ни про-
тивъ истины, ни противъ чего-либо.
Прекрасна голова *неразгаданнаю* ин-
струмента, которую композиторъ дер-
житъ за ухо; прекрасенъ и фантасти-
ческій фонъ, на которомъ рисуются
фигуры композитора и его инструмен-
та; но всего лучше публика, восхища-
ющаяся и недоумѣвающая... Что мо-
жетъ быть свѣжѣе этой шутки?...
Можно смѣло сказать, что если «Ера-
лашъ» всегда будетъ такъ ловко ловить
свѣжіе современные факты, — она по-
стоянно будетъ занимательнымъ и при-
ятнымъ явленіемъ.

— Всѣ петербургскія удовольствія,
испугавшись нашей страшной весны,
перенеслись въ болѣе-благорастворен-
ный край — въ Москву. «Московскій
Городской Листокъ» постоянно сооб-
щаетъ подобныя извѣстія; впрочемъ,
онъ ужъ давно, очень-давно началъ
восхищаться тѣмъ, что въ Москву при-
ѣдетъ г-жа Арну-Плесси, говорилъ объ
этомъ и до поста, и наконецъ по окон-
чаніи поста, на пасху. 27 марта въ по-
слѣдній разъ сообщилъ онъ, что фран-
цузскіе спектакли начнутся 28-го, а
также, что для большой московской
сцены ѣдетъ большой талантъ изъ Пе-
тербурга — г. Каратыгинъ, и что самъ
знаменитый маэстро. Гекторъ Бер-
лиозъ, уже въ Москвѣ, и вѣроятно не
замедлитъ восхитить ее своею фан-
тастической симфоніей, отъ которой всѣ
человѣки *безъ ума въ Петербургѣ*...
Ну, вѣтъ! еще, слава Богу, съ умомъ;
да не въ томъ дѣло. Отъ-чего съ

началомъ французскихъ спектаклей
возгласы о г-жѣ Плесси вдругъ замола-
ли? А мы тутъ-то ихъ и ждали. Хотѣ-
лось бы знать первое впечатлѣніе, про-
изведенное нашей артисткой на мо-
сковскую публику... Вѣдь описываются
же прелести *диорамы* и игры виолон-
челиста Борера. Послѣдній даже чрез-
вычайно понравился «Листку»; онъ гово-
ритъ, что Бореръ «показалъ всю гиб-
кость своего таланта, всю силу и прѣ-
вучесть своего дивнаго смычка; онъ
говоритъ такъ потрясаетъ душу, что
нельзя было оторваться отъ сладкихъ
впечатлѣній, чтобъ перейти къ тому
внимательному удивленію, къ которо-
му онъ вызывалъ мастерствомъ сво-
имъ въ побѣжденіи трудностей ин-
струмента» и проч. Мы хотѣли усом-
ниться въ этихъ достоинствахъ; но
вспомнили, что въ прошломъ же мѣся-
цѣ, по случаю концерта, даннаго г. Бо-
реромъ въ Петербургѣ, сказано было
...на этомъ артистѣ, какъ на градус-
никѣ, рѣзко обозначилась та пере-
мѣна, которая произошла съ Петербур-
гомъ въ немного дѣтъ. Мило ли кто не-
давно могъ нравиться и кто теперь уже
никакъ не понравится... Единствен-
ный концертъ Борера не возбуждалъ
никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ
многочисленныхъ и разнообразныхъ
чувствъ жалости: передъ нами была
отжившая развалина, да еще такая,
которая громкимъ голосомъ выска-
зывала свою рѣшительную бездѣ-
лность и проч. Послѣ этого спорить
или сомнѣваться показалось намъ уже
неловко... Мы лучше сдѣлаемъ дру-
гое замѣчаніе. Неповѣрно, зачѣмъ
«Листокъ» пускаетъ къ себѣ ветхую
реторику и даже позволяетъ ей зани-
мать у себя цѣлыя страницы. На-при-
мѣръ, вся первая страница нумера 72
смотреть такимъ образомъ, что не
только напоминаетъ главу, лишнюю
волось. Она, реторика, можетъ-быть,
и добрая, и чувствованія ея, можетъ-
быть, похвальные; да что же изъ того,
если въ ней цѣтъ ни дѣла, ни мысли,
ни достаточнаго сознанія?..

— Но оставивъ реторику и обратимся къ тому, гдѣ ея совсѣмъ не нужно, т. е. къ дѣлу. Мы хотимъ сообщить нѣсколько пріятныхъ фактовъ, добрыхъ начинаній, мелькнувшихъ въ равныхъ точкахъ Россіи. Начнемъ съ Москвы же.

Въ Москвѣ существуетъ Училище Живописи. Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества открываетъ въ одной изъ залъ училищнаго дома особое отдѣленіе или публичную мастерскую исключительно для дамъ, гдѣ предложены будутъ всѣ необходимыя средства къ занятію рисованьемъ и живописью. Тамъ будутъ преподаваться: рисованье съ оригиналовъ во всѣхъ родахъ, съ гипсовыхъ головъ, драпированныхъ фигуръ, съэстамповъ, историческихъ пейзажей, перспективы, цвѣтовъ и плодовъ, рисованье и живопись съ натуры, и наконецъ—копированіе съ картинъ. Правила, на которыхъ учреждается это отдѣленіе, нужно знать собственно только московскимъ жительницамъ, а онѣ, если не прочли ихъ, то могутъ прочесть въ номерѣ 31-мъ «Московскихъ Вѣдомостей». Мы только замѣтимъ, что цѣна съ каждой ученицы подлагается 10 р. сер. въ мѣсяцъ... Не дорого ли невозможно? На это намъ, можетъ-быть, скажутъ, что рисованье и живопись составляютъ роскошь въ воспитаніи, и потому предполагаются для тѣхъ, кто имѣетъ достаточныя средства? Роскошь составляютъ эти искусства тамъ, гдѣ дѣло идетъ о роскошномъ воспитаніи. Но тѣ лица, во-первыхъ, могутъ платить и не 10 руб., а, во-вторыхъ, и не слишкомъ вуждаются въ публичной мастерской. Будто такъ недостаточно для имѣющихъ средства пріобрѣтеніе оригиналовъ и гипсовыхъ головокъ? Притомъ, это, выйдетъ то же, что музыкальное воспитаніе: всѣ имѣющія средства будутъ учиться, не разбирая ни способностей, ни охоты, и кончится оно для большей половины — бездарнымъ малеваньемъ. Но если смотрѣть на преподаваніе живописи не какъ на роскошь или принадлежность воспитанія, а

какъ на удовлетвореніе погущей открытыя склонности, страсти или даже призванія къ этому искусству, — тогда учрежденіе подобной публичной мастерской—прекрасное дѣло, особенно, если сдѣлать ее доступною для каждой дѣвочки, чувствующей въ себѣ страсть къ рисованію, и притомъ повести дѣло такъ, чтобъ обидѣвшіеся въ своемъ призваніи и оказавшіеся бездарными не мучили себя напраснымъ трудомъ и, не теряя попусту времени, обратились къ усовершенствованію себя въ иныхъ искусствахъ или знаніяхъ. А то въ напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьѣ объ открытіи этой мастерской сказано, на-прим.: *Музыка и живопись составляютъ необходимую принадлежность лучшаго домашнего воспитанія, даже не слишкомъ богатаго средствами. Женскій полъ въ этомъ случаѣ беретъ первенство передъ мужскимъ, и кому же, если не ему, воздѣлывать прекрасное для семейной и общественной жизни, когда онъ назначенъ служить ей лучшимъ украшеніемъ? Сказано очевидно: и комплиментъ женскому полу, и все какъ слѣдуетъ: только выдвигать живопись за необходимость въ воспитаніи каждой женщины, для воздѣлыванія прекраснаго, — странно. Правда, женщины воздѣлываютъ прекрасное въ семейной и общественной жизни; но это у нихъ производится безъ помощи кистей и красокъ; тутъ даже и ноты не йдутъ къ дѣлу. Это воздѣлываніе составляетъ особое изящное искусство, тайна котораго лежитъ въ ихъ натурѣ, — единственное искусство, несвязанное ни съ какою материальнымъ трудомъ — ни съ хлопаньемъ по клавишамъ, ни съ растраніемъ красокъ. Это искусство некто и должно бы быть принадлежностью воспитанія каждой женщины; всѣ же прочія, въ томъ числѣ и живопись, должны быть и всегда будутъ удѣломъ только немногихъ избранныхъ; а сдѣланнымъ необходимой принадлежностью каждаго или каждой, непременно ведутъ до смѣха и гора.*

— Въ Москвѣ образовалось еще другое отдѣленіе при другомъ обществѣ, именно: Статистическое Отдѣленіе при обществѣ Сельскаго Хозяйства, съ цѣлю составленія *подробнаго хозяйственнаго статистическаго описанія Московской-Губерніи*. Составился уже и капиталъ въ 1628 р. сер. на издержки для типо-хозяйственной поѣздки по губерніи и напечатаніе будущей статистики. Эти деньги назначены были С. Маслову на путевыя издержки въ Сибирь, куда онъ посылается депутатомъ въ собраніе германскихъ хозяевъ, пожертвованы имъ для означенной статистической цѣли... Тутъ нечего больше сказать, кромѣ того, что предпріятіе прекрасное и полезное; извѣстно, въ какой мѣрѣ полезно статистическое описаніе края, особенно такого края, какъ Московская-Губернія, и особенно, когда у насъ такъ мало подробныхъ и дѣльных мѣстныхъ статистическихъ описаній.

Мы, впрочемъ, имѣемъ причины думать, что недостатокъ подробныхъ мѣстныхъ статистическихъ свѣдѣній о разныхъ краяхъ Россіи скоро будетъ пополняться; примѣръ такихъ начинаній, какъ московское, долженъ увлечь и другихъ. Видѣ для этого нужно только такъ-называемое просвѣщенное стремленіе, а въ немъ у насъ не можетъ быть недостатка. Въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, Сибирскіе общества очень-многое: онъ недавно обнаружилъ подобное стремленіе, основавъ у себя *Карамзинскую Общественную Библиотеку*. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ разсказывается о томъ, какъ переписка о публичной библиотекѣ въ Сибирскіи началась еще съ 1831 года и какъ одинъ чрезвычайный случай — именно, открытіе памятника Карамзину, — ускорилъ оковчаніе этого дѣла. Вотъ, что сказано въ статьѣ о сибирской библиотекѣ:

Открытіе памятника Карамзину пробудило по крайней мѣрѣ въ Сибирскомъ Дворянствѣ чувство уваженія къ своей родинѣ, сознаніе занимаемаго ею мѣста въ образованіи всей земли, и этого было

достаточно, чтобъ тотчасъ породить готовность привести въ исполненіе давно существовавшую, но все еще не принявшуюся мысль объ учрежденіи библиотеки... И самую библиотеку пожелали назвать *Карамзинскою*, такъ чтобы и она оставалась вѣчнымъ ему памятникомъ. И наука дано право гражданства въ сибирскомъ обществѣ, и библиотеку признали полезною и нужною.

Составленъ уже проектъ устава этой библиотеки. Цѣль ея — сохраненіе древнихъ рукописей и доставленіе книгъ и журналовъ для чтенія, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Пользоваться ими могутъ въ самой библиотекѣ (помѣщаемой въ особыхъ комнатахъ дома дворянскаго собранія) и также брать книги на домъ — *вся жители города безъ различія сословій*; платы за пользованіе никакой не полагается, только при отпускѣ книгъ на домъ берется залогъ... Сдѣланныя пожертвованія, сказано въ той же статьѣ, положили твердое основаніе библиотекѣ, и ее уже можно считать существующею. Многие авторы, уроженцы Сибирской-Губерніи, прислали экземпляры своихъ сочиненій. Но самое значительное пожертвованіе, кажется, сдѣлано гг. Языковыми: они отдадутъ въ учреждающуюся публичную библиотеку всѣ книги, оставшіяся послѣ брата ихъ, покойнаго Н. М. Языкова. Этихъ книгъ, говорятъ, до 5000 томовъ.

— Одесскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ очень-любопытный фактъ — прекрасный поступокъ г. Лубы, находящагося въ безсрочномъ отпуску офицера гродненскаго гусарскаго полка. Г. Луба совершилъ безпримѣрный подвигъ: употребилъ время своего отпуску какъ-нельзя-лучше — на общую пользу. Дѣло въ томъ, что по р. Днѣстру ходятъ такъ-называемыя *галеры*, почти четвероугольныя суда, очень-неудобныя для плаванія, которыми бываетъ опасно вѣзть грузъ. Галеры эти ходятъ до Бендеръ и до Маякъ, никогда не спускаясь ниже. Г. Луба,

ислѣдовавъ вѣстность Днѣстра, сначала устроилъ четыре дубовыя парусныя судна, которыя приходили съ верхняго Днѣстра въ Одессу съ грузомъ пшеницы. Потомъ, не довольствуясь этими судами, онъ заказалъ въ Англии желѣзныя пароходы, который уже привезенъ и складывается на берегу моря. Пароходъ этотъ, въ сорокъ лошадиныхъ силъ, длиною девяносто футовъ, шириною четырнадцать, входитъ въ воду на два фута; онъ будетъ буксировать суда по Днѣстру, Днѣпану и по морю, вплоть до Одессы. Пароходъ называется «Луба». Сверхъ-того, г-нъ Лубою заказаны четыре плоскодонныя лодки, изъ которыхъ каждая будетъ поднимать до 800 четвертей хлѣба. Пароходъ, четыре судна и четыре лодки въ состояніи перевезти въ развѣ до 12,000 четвертей пшеницы. Однимъ словомъ: г. Луба завелъ, вмѣсто неудобнаго и опаснаго, удобное и достаточное судоходство по Днѣстру. Исторія прибрежныхъ странъ Днѣстра должна внести этотъ подвигъ на свои страницы для вѣчнаго воспоминанія...

— Говоря объ отлѣненіи для дамъ при Московскомъ Учлищѣ Живописи, мы упомянули нѣсколько о музыкальномъ воспитаніи. Лежащее теперь передъ нами изданіе г. Бернарда Нувелюста побуждаетъ насъ высказать подробнѣе наше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Нельзя не согласиться, что у насъ въ обществѣ людей образованныхъ, или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ быть образованными, музыка составляетъ *conditio sine qua non* воспитанія. Обычай учить дѣтей музыкѣ или, лучше сказать, играть на фортепьяно, господствуетъ повсюду, и въ провинціи болѣе, нежели въ Петербургѣ. Не станемъ входить въ исслѣдованіе этого обычая, не станемъ рѣшать вопроса—раціоналенъ ли этотъ обычай, не значить ли терять попусту время, не сущая ли пытка учить музыкѣ девять-десятихъ молодыхъ

людей, вовсе немѣющихся къ тому способностей, но которые, какъ добрыя, послушныя дѣти, играютъ ея *officio* печальное рондо г-на Черныгина до-нельзя опостылѣвшія варьяціи на какую-нибудь тирольскую арію.—варьяціи, которыя прямо доказываютъ, что помощію простыхъ комбинацій, перестановленія звуковъ, всякій можетъ вымучить какую-нибудь мелодію, — а какова будетъ мелодія, пропѣть дѣла. Еще разъ, этотъ вопросъ да идетъ мимо. Но съ какою цѣлю учать за-урядъ всѣхъ дѣтей музыкѣ, что вѣютъ въ виду родители, братья торговывавшія къ полержанному фортепьяно о 5¹/₂ октавахъ (за то все великаго мастера), нанявша и учителя знакомаго со всѣми музыкальными знаменитостями, и преимущественно со всѣми инструментальными мастерами и нотными магазинами? Къ-сому дѣлю, побудительная причина того по-большей-части бываетъ нелюбимое самолюбіе, безсознательное желаніе угнаться за другими, чтобъ сосѣди не слишкомъ зазавались, наконецъ, обыкновенный заглядывающій въ качества людей тѣми прописанными въ разныхъ столбцахъ аттестата поспѣваніи, которыя въ сущности ровно ничего не значатъ, если личность человека безцвѣтна. А въ сужденіяхъ многихъ добрыхъ людей о молодыхъ людяхъ или молодой особѣ, вездѣ какъ-то пріятно звучитъ: денегъ столько-то, на фортепьянахъ играетъ, и «славно играетъ, переводитъ», рисуетъ карандашомъ, красками и на бархатѣ, мораль—въ высшей степени, поетъ по итальянской методѣ, пишетъ стихи по-французски. О, Боже мой! какъ умилишься душой, когда подумаешь о домашнихъ сюрпризахъ, всякихъ чехольчихахъ и трафареткахъ, пріятствіяхъ въ стихахъ и прозѣ, домашнихъ танцахъ, чуть не балетахъ, домашнихъ концертахъ и тому подобнымъ наслажденіямъ, которыя ищетъ истинный единствѣ! Какъ много пошлю я тѣ милыя времена, когда и меня, дѣти вовсе-находящееся и въ

одиное, тоже подымали на сур-
изы,—какъ приготовленъ былъ ква-
ромъ Плейеля, какъ приглашенъ былъ
имъ учителемъ его знакомый для
исполненія партіи баса, какъ, за ве-
дѣніемъ виолончели, почтенный ди-
тантъ выполнилъ свою партію на
готѣ... Помню восторгъ и умиленіе
дственниковъ, помню, какъ, роди-
ль мой, подходя на цыпочкахъ то къ
вону, то къ другому изъ почетныхъ
ушателей, объяснялъ недоступную
къ прелесть музыки, помню, какъ,
цуря голову, сидѣлъ одинъ изъ го-
ей, человекъ вовсе непривѣтлив-
ій, незнакомый съ патриархаль-
ными радостями... Бѣдный человекъ
гѣлъ несчастіе знать музыку...

Еще болѣе имѣетъ значенія форте-
лаю, когда дочка подростаетъ: тутъ
ль, не принимая въ соображеніе ни
особностей, ни охоты, приступаютъ
покупитъ палисандроваго варшава-
го флигеля, и, сдѣлавъ такой рѣши-
тельный шагъ, успокоиваются на
сма, и мысль о женихахъ не такъ
вызетъ душу родителей. Инструментъ
женъ пронавести эффектъ.

Еще трогательнѣе мысль нѣкото-
рыхъ педагоговъ, что учить музыкѣ
левно для того, чтобъ отклонить мо-
дыхъ людей отъ празности и дур-
ныхъ привычекъ. Пусть-де лучше
считать, какъ умѣетъ, пѣсенку, а не
таетъ романы и не болтаетъ съ при-
ездами, которые добру не научатъ.

Противъ такой наивности и возвра-
тъ нѣчего, а, право, много есть при-
рженцевъ и этого возвращенія на му-
ику, какъ на мѣру предупредитель-
ю.

Не менѣе любопытенъ и образъ пре-
даванія музыки. Въ Петербургѣ,
авада, есть много хорошихъ учите-
ей, но за то есть и нныя-всякіе, а о
овианціи и говорить нѣчего: тамъ су-
эствуетъ два рода преподаванія, и
кадый изъ нихъ не менѣе страненъ и
вно неблагоприятно отзывается на
евникахъ.

Много есть учителей, напоминаю-
ихъ учителя Маняловыхъ, который

былъ человекъ признательный и, чтобъ
заплатить ховзевашъ за хорошее обра-
щеніе, всякій разъ, когда замѣчалъ,
что они были готовы усмѣхнуться, въ
ту же минуту открывалъ ротъ и сѣ-
ялся съ усердіемъ (М. Д. гл. II, стран.
54). Эти господа, чтобъ не оставлять
родителей въ долгомъ ожиданіи и какъ-
можно-скорѣе доставить имъ истинное
наслажденіе и случай пролить слезы
умиленія, очень-недолго учатъ дѣтей
механному и теоріи музыки. Какъ-ско-
ро ученикъ начнетъ кое-какъ отхваты-
вать гаммы и первоначальные этюды,
уроки получаютъ характеръ фамиль-
ныхъ правдинокъ. Начинаютъ играть
національныя пѣсенки, гѣшашія дѣду-
шку, любимый маршъ родителя, доста-
вляютъ дуэты, тріо, готовы при-
инкнуть туда же и дитя съ барабаномъ
или трианглемъ, которое расплакалось и
желаетъ принять участіе въ концертѣ.
Послѣдствія очевидны: ученики та-
кихъ господъ не только не выучатся
играть, но въ короткое время сдѣлают-
ся навсегда безнадежными, и переимѣ-
на учителя ни къ чему не поведетъ.
Отъ поведенія гѣшиться плясовой, бала-
ганной музыкой, для нихъ невыносимо
строгое изученіе какой бы то ни было
пьесы, и на первыхъ порахъ они по-
чувствуютъ такое отвращеніе къ уче-
нью, что охотнѣе готовы навсегда оста-
вить музыку, нежели покориться не-
обходимости и вѣзться снова за суро-
вые гаммы и этюды. Притомъ такое
ученье портитъ окончательно вкусъ
ученика, развиваетъ въ немъ мелоч-
ность и блажвую привычку уклонять-
ся отъ всякой трудности. Ясно, что это
вовсе-неутѣшительный фактъ въ раз-
витіи молодаго человека.

Другіе учителя берутся за дѣло ина-
че. Ребенка мучатъ, иставуютъ, заста-
вляютъ съ утра до вечера переигры-
вать постылыя гаммы. Такъ тянется
годъ, два. Уже приобрѣлъ ученикъ нѣ-
которую бѣглость въ пальцахъ, знаетъ
порядочно раздѣленіе такта, а учи-
тель все еще смотритъ, какъ на запрет-
ный кладъ, на какую-нибудь невинную
польку, а иногда доводитъ ригоризмъ

своей до того, что также преслѣдуетъ и сладенькій мотивъ изъ итальянской оперы. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ блюститель чистоты звуковъ пришелъ въ азартъ отъ-того, что въ дверяхъ, снимая каалоши, расслышалъ, какъ ученица его играла на память арію изъ «Ченерентолы», которую слышала на какауи въ театрѣ. Онъ тутъ же объявилъ ей, что всѣ его усилія, всѣ уроки теперь пропали даромъ. Еще разъ, это фактъ... Соната Стейбелта, вотъ все, что позволялъ онъ ученикамъ своимъ играть въ часы досуга. Понимай ее, какъ знаешь, эту сонату!.. Во время урока, такіе учителя считаютъ необходимымъ быть суровыми, сѣтовать и приходите въ отчаяніе при каждой ошибкѣ ученика, при каждомъ отступленіи отъ указаній постылаго метромъ, который отщелкиваетъ трехчетвертной тактъ адажіо... А ученикъ все-таки ошибется; смущенный, усталый, онъ все-таки глотаетъ ноты и наслу удерживаетъ пробивающіяс слезы: сцена обыкновенная, особливо, если учащійся—дѣвица въ эпоху развитія всякой чувствительности...

Послѣ урока начинается объясненіе съ родителями: отзывъ о счастливыхъ способностяхъ (всегда счастливыхъ...), о необходимости заниматься этюдями; потому слѣдуетъ *sermon*, увѣщаніе нѣжное или суровое, смотря по темпераменту родителей. А результатъ всего этого—возрастающее въ ученикѣ отвращеніе къ музыкѣ, желаніе (къ-несчастью, имѣющее основаніе) поскорѣй, во что бы то ни стало, освободиться отъ тягостной ферулы, фанатическая ненависть къ строгому, пристальному ученію... Тоже факты, необычающіе много добраго.

Особенно болѣзненно отзывается обученіе музыкѣ на существахъ мыслящихъ, нѣжныхъ, но въ то же время лишенныхъ музыкальной способности. Не разъ случалось мнѣ видѣть дѣвушку умную, которую тщеславная матушка заставляла сѣсть за фортепьяно, на-прич., послѣ игры талантливаго артиста. Мнѣ случалось прочесть на ли-

цѣ ея страданіе, которое неволью и поминало превосходную сцену въ «Грипетскихъ Ночахъ», когда «некрасивая дѣвушка» заставила написать по-итальянски таму для импровизатора. Воля ваша, а такое наслованіе характера къ добру не поведетъ и немилосердно ожесточаетъ молодую душу. И болѣе и досадно видѣть подобныя сцены!

Деспотизмъ учителя превращаетъ только въ слѣдствіе неожиданной формы въ семействѣ: или выдала дочь бѣдную жертву замужъ, или по какой-нибудь мѣрѣ вывезутъ въ губернской городъ, а чего добраго и въ столицу. Грѣшатъ про себя родители, что воспитаніе дитяти—окончено. Да-съ, конечно, но разомъ, въ одно прекрасное утро такъ сильны бываютъ убѣжденія у некоторыхъ людей!!

Тутъ происходитъ переворотъ въ музыкальныхъ занятіяхъ. Изъ магазина набрана цѣлая груда нотъ самыхъ пестрыхъ и разнообразныхъ. То капризные произведенія новыхъ композиторовъ: въ нихъ нѣтъ и помину о добромъ старомъ времени, о классической школѣ Гюнтена... Дилеттанту радъ долье,—играетъ какъ попало. Учителю полно! Интродукція трудна—мимо ее. Мотивъ развѣргаетъ кое-какъ: въ сторону краснорѣчивые знаки, *glacato, crescendo, ritardando, leggiero, con deliziosa*... Опостылѣло намъ неугомонное ворчанье учителя. Вотъ переключить мотивъ въ другой тонъ: трудновато,—мимо и его; скучна пьеса—беритъ другую, и такъ далѣе, пока не оставимся на изворномъ произведеніи музыкальной промышленности, на какойнибудь *Zigzag Polca*, которую барабанимъ съ ожесточеніемъ, какъ-бы и вмѣстку за старья страданія.

А родители! Они съ тушью вниманіемъ слѣшаютъ эту путаницу, этотъ хаосъ звуковъ, и съ первобытною живностью хвалятъ передъ озадаченными гостемъ: «она у насъ какія углы по ноты а *l'merz uvers-sz* играетъ!»

Дѣйствительно à *livre ouvert*, такая игра—наказаніе Божье для уха знакомаго съ музыкой, *que à livre*...

т залогъ той суетности и умственной востности, которая не замедлитъ ограться, во всей печальной красѣ, въ знн ихъ дѣлѣннаго дѣтяти.

При такомъ безнадѣжномъ положеніи дѣлъ, особенно больно видѣть, что въ выборѣ нотъ руководствуются только тщеславіемъ. Одна молодая особа, нынѣ благополучно въ брапрѣбывающая, въ счастливые дѣтческіе дни, оставя пансіонъ, находило особенное удовольствіе брать въ манннѣ самыя трудныя пьесы Листа и льберга, играть ихъ по-верхамъ, къ-что выходило Богъ-знаетъ что, овсѣтъ не музыка Листа и Тальбер- . Но это было здѣсь, въ столицѣ.

мы брали и относили назадъ, стоило о недорого. Представьте же, во что обошелся эксцентрическій вкусъ шей дилеттантки, еслибъ, живя въ берніи, вздумала она выписывать ѣ эти ноты на кровныя рубли! Изъ того сожалѣнія къ выручкѣ за пше- цу, овесъ и пеньку, какъ не поже- ть, чтобъ ежегодный музыкальный оджетъ нашихъ дилеттантовъ опре- дѣлся сколько-нибудь разумной цѣ- ой!

Чего же лучше? Журналъ г. Бернара, *увеличить*, вполне можетъ помочь го- о: за десять рублей серебромъ въ годъ обители получать двѣнадцать боль- ихъ тетрадей, заключающихъ въсебѣ шимыи разнообразный выборъ новыхъ вестъ извѣстныхъ композиторовъ. ритомъ, г. Бернаръ, какъ опытный едакторъ, при помѣщеніи пьесъ при- нимаетъ въ соображеніе и разнообраз- ые, капризные вкусы нашихъ любите- ѣй, и ту печальную истину, которую ы высказали о преподаваніи музыки е въ Петербургѣ. По-этому, въ «Ну- елиствѣ» не помѣщаются пьесы слиш- омъ-трудныя, и, что всего дорже для аждаущихъ новостей гг. иногород- ыхъ, въ него входятъ только пьесы овременныя, отъ которыхъ такъ и вѣ- ть послѣднимъ бенефисомъ итальян- ой оперы и концертомъ, о которомъ чумблн въ-продолженіе всего поста- аломъ, на которомъ въ первый разъ

прозвучала приводящая въ пьесозъ polka-mazurka, — артистическимъ ве- черомъ, на которомъ юноша съ длин- ной листовской прической и съ длин- ными (effilés), прозрачными пальцами пѣлъ полуразбитымъ теворомъ ро- мансъ автора «Доменкино»... Бу- дутъ ли эти пьесы разыгрывать какъ слѣдуетъ или отхватывать а ляр- уверъ, во всякомъ случаѣ приобрѣте- ніе «Нувелиста» выгодно, какъ въ эконо- мическомъ отношеніи, такъ и пото- му, что давнишняя музыкальная дѣ- тельность г. Бернара, какъ преподава- теля музыки и какъ композитора, до- статочно говорить въ пользу его на- данія.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ чита- телей были въ Академіи Художествъ на выставкѣ картинъ г. Айззвовскаго, восхищались и моремъ и небомъ, уно- силнсь мысленно въ безконечно-спнѣ- ющую даль и, можетъ-быть, чув- ствовали сильное желаніе покататься на этихъ манищихъ, величаво-колыха- ющихся волнахъ. Да! понятно такое желаніе: красивы морскія волны и сильно манятъ онѣ издали; но вспомни- те, что вы видѣли только *хорошую сторону моря*; пріймите въ соображе- ніе, что зланіе Академіи стоитъ не- выibleмо; а еслибъ судьба перенесла васъ на корабль или на пароходъ, въ открытое море,—вамъ, можетъ-быть, и въ голову не пришло бы не только любоваться красивыми волнами, но да- же и смотрѣть на нихъ. Открывается навигація, и, можетъ-быть, многимъ изъ васъ прійдется на дѣлѣ извѣдать эту горькую истину; тогда вы узнаете, что такое *морская бользнь*, или, какъ моряки называютъ — *укачиваніе*. По- этому, намъ кажется, мы поступимъ

кстати, если изложимъ теперь сущность морской болѣзни, по поводу мемуара объ этомъ предметѣ, недавно читаннаго въ Парижской Академіи Наукъ г-мъ Пелларенъ (Pellarin).

Морскую болѣзнь почти всѣ приписывали или приливу крови къ мозгу, или сотрясеніямъ, происходящимъ отъ движенія судна и передающимся внутренностямъ; но ни то, ни другое изъ этихъ мнѣній, какъ полагаетъ г. Пелларенъ, при строгомъ наблюденіи, не можетъ быть вполне принято. Въ самомъ дѣлѣ, морская болѣзнь никогда не сопровождается обыкновенными признаками прилива крови, на прим., краснотою лица, напряженіемъ кровеносныхъ сосудовъ и проч. Напротивъ, она часто обозначается симптомами совершенно-противоположными, каковы: блѣдность лица к рукъ, слабость пульса и проч. Приливъ крови къ спинному мозгу также не можетъ быть принятъ за причину морской болѣзни; иначе, почему же страдающіе этою болѣзью чувствуютъ себя гораздо лучше, когда они лежатъ, нежели когда стоятъ, и вообще все то, что способствуетъ приливу крови къ мозгу, во время качки судна, облегчаетъ страданіе, подобно тому, какъ это бываетъ при обморокахъ.

Причина морской болѣзни — чисто-механическая; она состоитъ существенно въ качаніи судна. Человѣкъ, подверженный этой болѣзни, получаетъ дурное расположеніе духа, тоску, дѣлается молчаливъ, теряетъ аппетитъ, чувствуетъ головную боль, тошноту, и наконецъ, рвоту. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ все ограничивается головною болью; замѣчено также, что нѣкоторые во время качки пріобрѣтаютъ необыкновенный аппетитъ. Такъ-какъ морскую болѣзнь страдаютъ только во время качки судна, все равно, будетъ ли она боковая или килевая, то, кажется, эту болѣзнь скорѣе должно отнести къ возмущенію циркуляціи крови, передаваемому качаніями судна, нежели къ приливу крови къ мозгу, какъ то полагаетъ Воластонъ; на-

противъ, въ этомъ случаѣ можетъ являться своего стимула: ему не достаетъ необходимаго количества крови. То, что происходитъ изъ морской болѣзни, совершенно сходно съ тѣмъ, что довольно-часто испытываютъ субъекты при пусканіи крови. Г. Пелларенъ полагаетъ, что причина морской болѣзни состоитъ въ недостаточномъ возбужденіи мозга артеріальною кровью. Въ-самомъ-дѣлѣ, тѣ особы легче переносятъ качку судна, у которыхъ кровь быстрѣ циркулируетъ, или которыми во время качки бываютъ заняты работы, требующею дѣятельнаго участія со стороны организма. Дѣти, у которыхъ объемъ сердца относительно болѣе, чѣмъ у стариковъ, совершенно нечувствительны къ морской болѣзни; подобнымъ образомъ животныя чувствуютъ ее менѣе, нежели человѣкъ, потому-что у нихъ мозгъ находится почти въ одной горизонтальной плоскости съ сердцемъ.

Все способствующее ускоренію кровообращенія уменьшаетъ или даже вовсе уничтожаетъ вредное дѣйствіе качки на организмъ. Г. Араго говоритъ, что можно предохранить себя на нѣкоторое время отъ качки скорымъ и учащеннымъ дыханіемъ. Тугое перетягиваніе также спасаетъ отъ этой непріятности, — но вовсе не потому, чтобъ повсякъ мѣшало движенію внутренностей, а потому-что оно способствуетъ притеченію крови къ голови. Г. Пелларенъ говоритъ, что справедливость его теоріи легко можетъ быть повѣрена на опытѣ: еслибъ людей, подверженныхъ качиванію, поставили къ ногамъ рожки, то они, скорѣе бы почувствовали признаки морской болѣзни, потому-что тогда дѣйствіе причины (качка в рожки) будетъ лишать мозгъ нормальнаго прилива крови. Далѣе, авторъ находитъ сходство между причиною, производящею рвоту въ морской болѣзни, и тою, которая производитъ рвоту въ первые мѣсяцы беременности; въ послѣднемъ случаѣ матка, дѣлаясь центромъ, куда притекаетъ кровь, отделяется отъ мор-

часть крови, которая его, такъ-ска-ть, оживляла. Въ доказательство правдивости этого сближенія можно указать то, что беременныя женщины рѣдко чувствуютъ дурноту, когда жать, и, напротивъ, часто, когда тають съ постели или когда нахо-тса въ стоячемъ или сидячемъ по-женіи.

Качанія судна, кареты и качелей производятъ одинакія дѣйствія на ор-ганизмъ, и изъ сказаннаго нами легко видѣть, что эти дѣйствія происходятъ изъ движенія тѣла, дѣйствующаго земнучественно на циркуляцію кро-ви. При чемъ главнымъ образомъ повышается восхождение возбуждаю-ей жидкости въ аортѣ и другихъ ар-теріяхъ, отъ чего мозгъ приходитъ отъ земліи или *ипоземіи* въ состояніе *ипо-слическое*. Наконецъ, недостаточное возбужденіе спиннаго мозга тотчасъ передается грудобрюшной преградѣ (*Diaphragma*) и приводитъ ее въ сокра-щеніе, въ слѣдствіе чего и происхо-дитъ рвота.

Противъ морской болѣзни можно предложить двухъ родовъ средства: первое состоитъ въ устраненіи отъ се-бя по возможности причины, т. е. ка-чанія судна; для этого полезно лежать въ подвѣшенной койкѣ, которая долж-на свободно качаться, но не сильно ерестся около точекъ привѣса. Вто-рое средство состоитъ, такъ-сказать, въ побужденіи дѣйствія причины, производящей морскую болѣзнь; для того необходимо стимулировать кро-вообращеніе всѣми средствами, спо-собными усилить энергію, на-при-мѣръ, тѣлесными упражненіями во время плаванія. Если позволить со-стояніе погоды, полезно быть на верху, дѣлать глубокіе вздохи, хо-дить до усталости, или, еще лучше, участвовать въ матросскихъ работахъ, пѣть свисти, заниматься пальбой и проч. Вообще занятія, требующія большой дѣятельности организма, суть лучшія средства для предохраненія себя отъ качки. Кофе, чай, теплое ви-но также предохраняютъ отъ ука-

чиванія и хорошо стимулируютъ кро-вообращеніе. Между лекарствами, предпочтительно предъ прочими, дол-жно употребить тѣ, которые оказы-ваютъ на организмъ подобное дѣй-ствіе. Употребленіе лимона часто так-же облегчаетъ укачиваніе.

— Если зайдетъ рѣчь о чемъ-нибудь, касающемся облегченія че-ловѣческихъ страданій, то уже не-возможно не вспомнить современна-го открытія, отъ котораго идетъ тако-й неумолкающій говоръ по всѣмъ больницамъ, клиникамъ, журналамъ и газетамъ, т. е. о *одыханіи паровъ сир-наго эфира*. Современность и важность этого открытія побуждаютъ насъ из-ложить его въ томъ видѣ, до котораго доведено оно послѣдними исслѣдова-ніями.

Ничто не можетъ быть затрудни-тельнѣе положенія, въ которое ста-вить насъ начало отчета о дальнѣй-шихъ открытіяхъ въ дѣйствіи эфира на животный организмъ. Въ предъ-идущихъ книжкахъ мы сообщили о первомъ шагѣ въ этомъ дѣлѣ, о прона-веденіи операций съ помощію эфира и о нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, слѣдан-ныхъ съ перваго взгляда; но теперь продолжать тотъ же порядокъ — значи-ло бы запутать читателя во множествѣ разнообразныхъ хирургическихъ опе-рацій и во многихъ тысячахъ равно-образныхъ проявленій дѣйствія эфира. Намъ представляется, во-первыхъ, краткая исторія открытія и не очень-пространствыя объясненія о самомъ эфирѣ; потомъ, на одной и той же степени, три разные взгляда на все дѣло объ эфирѣ, три взгляда совершенно-невоз-можные къ соглашенію, — разумѣется, въ настоящее только время, когда всѣ идутъ еще, такъ-сказать, ощупью. Во-первыхъ, взглядъ практикантовъ-хи-рурговъ, которые въ дѣйствіи эфира не видятъ ничего болѣе, какъ сред-ство дѣлать операции нечувствитель-ными; во-вторыхъ, взглядъ физиологовъ, ученыхъ академикомъ, которые, ко-нечно, про себя какъ-нибудь да смо-

трать на это, но которые спуются на слова, боясь уронить достоинство своего звания ошибочнымъ предположеніемъ, и только-что начинаютъ дѣлать разные физиологическіе опыты, отнюдь не выводя общихъ результатовъ, и идутъ осторожно, оглядываясь на каждомъ шагѣ; наконецъ—взглядъ ученыхъ бельетристовъ, журналистовъ, которые и бранятъ и хвалятъ и тѣхъ и другихъ; то бранятъ хирурговъ за ихъ слѣпую практику, а академиковъ — за медленность, вялость, молчаніе, недостатокъ сочувствія къ интересамъ общественнымъ; то хвалятъ первыхъ за ихъ рѣшимость пускаться въ опыты надъ пациентами (разумеется, когда эти опыты кончаются счастливо), а академиковъ — за ихъ разумную осторожность, которая хоть мало подвигаетъ дѣло, но все-таки подвигаетъ. Который же изъ этихъ трехъ взглядовъ взять намъ въ основаніе при составленіи отчета? Разумеется, не первый: мы уже сказали, что въ этомъ случаѣ читатель запутается между тысячами фактовъ. Остаются два послѣдніе, и мы постараемся придерживаться академическаго, какъ вѣрнѣйшаго, не откаываясь, впрочемъ, при случаѣ приводить требованія ученыхъ бельетристовъ.—Изъ всѣхъ академій мы выбираемъ парижскую, какъ менѣе другихъ зараженную ученымъ педантизмомъ, какъ болѣе другихъ сочувствующую общественнымъ интересамъ. Но прежде объяснимъ, отъ-чего происходитъ несогласіе между учеными бельетристами и занятіями ученыхъ ех профессо, академиками. Академія наукъ — собраніе собственно ученыхъ, собраніе служителей науки, и потому, естественно, члены ихъ держатся въ тѣсномъ научномъ кругу и въ засѣданіяхъ своихъ стараются говорить не собственными своими устами, а устами науки; если нѣтъ положительныхъ, доказанныхъ фактовъ, то они могутъ сказать только слова два объ интересѣ для науки такого-то извѣстія, замѣчанія или наблюденія, о которомъ ходятъ слухи и толки въ губ.

ликѣ, и о желаніи своемъ, чтобъ извѣстіе или замѣчаніе было подорожно ученымъ исследованіемъ и опытамъ, а результаты сообщены академіи. Правда, въ нашъ вѣкъ, въ самыхъ наукахъ такое стремленіе симпатизировать съ интересами общества, съ принадлежностью научныхъ истинъ къ волямъ общества, что можно было бы требовать отъ академій больше, нежели глубокомысленнаго молчанія. Но для этого надо или измѣнить основныя начала существованія академій, или оставить ихъ въ покоѣ, при однихъ догматическихъ занятіяхъ науками, основать другой разрядъ академій наукъ прикладныхъ, академій, обязанныхъ думать о прямыхъ пользахъ общества. Примѣровъ не симпатичности нѣкого и всадъ: умеръ Гамбей, членъ Парижской Академіи по части механики, и на него сто его набранъ Комбъ; журналы осыпаютъ упреками академію, затѣмъ не Брегета (усовершенствователя математическихъ телеграфовъ при желѣзныхъ дорогахъ), потому-что Комбъ собственно математикъ X, Y, Z, а Брегетъ занимается механикой индустриальной; компанія желѣзной дороги составила капиталъ, смету въ сотню миліоновъ на лужу листовъ и выдала просьбу.—Французскій Совѣтъ Путей Сообщенія, составленный почти также, какъ Академія, обсуживаетъ каждую подпорку, каждый вагонъ, каждую копейку этой сметы и заставляетъ жать Богъ-знаетъ сколько времени; журналы упрекаютъ совѣтъ въ аvarіи и пр. Все это при настоящемъ, преобразованномъ порядкѣ вещей естественно. Хирургическія омерзѣнія по-большой части очень-болѣзненные, хирурги-практиканты обрадованы извѣстію, что вдыханіе воздуха дѣлаетъ человека безчувственнымъ къ самымъ страшнымъ болѣзнямъ и притомъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій; для того-часъ, неспросясь науки, удивились за новость, и вотъ — съ одной стороны голосъ академика Мажанди возсталъ съ какимъ-то гордымъ недоуновеніемъ ученаго противъ изобретѣнія

практикантовъ, а съ другой — журналы осыпали его насмѣшками и порицаніями.

Но — расскажем сначала краткую исторію эвэра. Что такое эвэръ? Винный спиртъ есть алкоголь, разбавленный водой; алкоголь — химическое соединеніе воды съ эвэромъ; такимъ образомъ, говоря на языкѣ наукъ, эвэръ есть самое тончайшее начало вина или спирта (въ научномъ смыслѣ это неправильно, потому что самый эвэръ состоитъ изъ химическаго соединенія кислорода съ эвэломъ, который еще ближе къ началу и есть уже химическое соединеніе водорода и углерода). Эвэръ, разведенный водой, но не соединенный съ нею химически, извѣстенъ подъ именемъ гофманскихъ капель. Наконецъ — еще должно сказать, что эвэръ, о которомъ идетъ рѣчь, есть одинъ изъ числа многихъ эвэровъ, признаваемыхъ химіею, которая называетъ эвэрами многія основныя начала органическихъ веществъ, способныя сильно улетучиваться. Занимающій насъ теперь эвэръ можно назвать *аминнымъ эвэромъ, кислороднымъ эвэромъ или окисленнымъ эвэромъ*, но отнюдь не *сирнымъ эвэромъ*, потому что въ составъ его сѣра вовсе не входитъ; названіе же *сирнаго эвэра* онъ получилъ прежде отъ того, что получался помощію сѣрнистыхъ веществъ (но не изъ нихъ) и что встарину, когда химія была основана не на познаніи, изъ чего вещество состоитъ, а на рецептахъ, какъ его добывать, и на изученіи только дѣйствій его на другія вещества — названія давались по первому, то-есть, по добыванію. Мы сказали, что эвэръ этотъ, разведенный водой, извѣстенъ подъ названіемъ гофманскихъ капель; слѣдовательно, дѣйствіе эвэра было уже знакомо и прежде не только ученымъ, но даже и дамамъ. Даже собственно дѣйствіе вдыханія чистаго эвэра было извѣстно давно; еще съ 1812 в 1814 года извѣстныи химикъ баронъ Тенаръ, страдая нервической зубной болью, прижигалъ зубъ нѣсколькими каплями азотной дымящейся

кислоты (которая нынѣ послужила къ приготовленію хлопчато-бумажнаго пороха) и потомъ, для смягченія происходящей отъ этого страшной боли, вдыхалъ въ себя эвэръ въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ. Словомъ — безчувственность или ослѣпленіе отъ дѣйствія эвэра было извѣстно и въ наукѣ и на практикѣ; но тутъ мы не можемъ не упрекнуть также съ своей стороны патентованныхъ академій ученыхъ: — если дѣйствіе это было извѣстно какъ свойство эвэра, почему же до сихъ поръ никто изъ нихъ не позаботился о извлеченіи пользы для общества изъ этого свойства? или имъ ужъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до общества? Не-уже-ли и на это возразить г. Мажанди? Итакъ, нынѣшнее открытіе состоитъ единственно въ удостовѣреніи, что дѣйствіе эвэра такъ сильно, что, во первыхъ, можетъ дѣлать страждущихъ безчувственными къ самымъ ужаснымъ болямъ, вторыхъ, что это дѣйствіе безвредно, — словомъ, состоитъ въ благодѣтельномъ приложеніи его къ совершенію хирургическихъ операций. И этимъ столь важнымъ открытіемъ человечество обязано почти случаю.

Хотя извѣстія и слухи объ этомъ открытіи носились еще въ исходѣ прошедшаго года, но мы возьмемъ его съ той минуты, когда въ Парижской Академіи былъ вскрытъ запечатанный пакетъ съ двумя письмами американскаго ученаго, г. Джаксона. Это было 18 января. Г. Джаксонъ писалъ отъ 13 ноября и 1 декабря 1846 года, что шесть лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ случай испытать на себѣ состояніе безчувственности нервной системы отъ вдыханія эвэра, прежде собственно для опыта, а потомъ во время сильнаго кашля, провведеннаго вдыханіемъ хлора; что недавно, въ октябрѣ, онъ повлекъ изъ этого указанія науки важную пользу, присовѣтовавъ зубному врачу, г. Мортону, прибѣгнуть къ вдыханію его пациентами эвэра при дерганіи зубовъ; что послѣ удачи при этой операциіи, онъ уговорилъ сдѣлать то же

въ нассачусетскомъ госпиталѣ при одной важной и очень-болѣзненной операціи; что за удачею и этой операціи слѣдовало много другихъ, и что, наконецъ, средство это распространилось повсемѣстно въ Соединенныхъ-Штатахъ и вездѣ болѣе или менѣе удачно прилагается. Въ заключеніе, онъ просилъ Парижскую Академію назначить комиссію для опытовъ надъ дѣйствіемъ вѣтра, которую въ-послѣдствіи Академія и учредила (*). Въ одномъ изъ предъидущихъ книжекъ мы сказывали уже, что вѣтръ вдыхается не иначе, какъ съ воздухомъ; но самъ-посебѣ онъ долженъ быть самый чистый; мы описали также и приборъ для вдыханія; а послѣ этого слышали изъ провинцій жалобу на то, что прибора у насъ нигдѣ не было описано. Повторяемъ, вкратцѣ мы описали одинъ приборъ; подробное же описаніе всѣхъ приборовъ принадлежитъ изданіямъ спеціальнымъ; впрочемъ, прибавимъ, что, по новости дѣла, и извѣстные теперь приборы Люера и Шарьера вовсе не окончательно усовершенствованы; губерискимъ же хирургамъ мы въ этомъ случаѣ совѣтовали бы не искать описаній, а просто выписать отъ лучшаго мастера изъ Петербурга или Москвы приборъ съ самыми послѣдними усовершенствованіями и положить въ этомъ случаѣ на совѣсть мастера.

Сначала думали, что вѣтръ дѣйствуетъ не на всѣхъ, что есть субъекты невоспримчивые къ нему; теперь удостовѣрились, что это можетъ происходить только или отъ нечистоты самаго вѣтра, или отъ несовершенства инструмента, или, наконецъ, отъ неумѣнья больныхъ вдыхать его широко, свобод-

(*) Доклада этой комиссіи нельзя ожидать скоро; но, вѣроятно, предметъ этотъ будетъ въ немъ представленъ во всей его полнотѣ и ясности и съ полной отчетливостію; если по составу своему оно будетъ согласоваться съ духомъ нашего журнала, то читателя не премѣнно увидать его на страницахъ «Отеч. Записокъ».

но до легкихъ, и потому признаю необходимымъ предварительно нѣсколько разъ дать для вдыханія вѣтръ, чтобъ прежде приучить больныхъ. Остается еще необъясненнымъ, почему вдыханіе вѣтра дѣйствуетъ на всѣхъ, но не на всѣхъ одинаково: одни впадали въ совершенное ошнѣніе и сонъ, такъ-что по пробужденіи ничего не знали объ операціи и ничего не видѣли во снѣ; другіе грезили видѣніями фантастическими, зяоблачными, дружескими, эротическими, пріятными, веселыми, шумными — спорами, дракой, но во всякомъ случаѣ съ ошнѣніемъ тѣла къ боли. У нѣкихъ грезы были такъ сильны, что, не смотря на безчувственность при операціи, они послѣ нея вскакивали, кричали и даже производили въ больницахъ безморальки, о которыхъ, по пробужденіи въ постели, вовсе не имѣли понятія; другимъ сильныя и ясныя грезы не мѣшали даже слушаться и исполнять приказаній хирурга; третьи, потерявъ чувство боли, сохраняли сознаніе, что съ ними дѣлаютъ и память; наконецъ, четвертые, потерявъ произвольныя движенія, управленія совершенно всѣми частями тѣла, сохраняли чувствительность къ боли, все равно, какъ-бы операціи были имъ дѣланы и безъ вѣтра. Доктора-хирурги и вмѣстѣ съ тѣмъ члены Академіи Наукъ, Вельцъ и Рунсерръ, при первомъ извѣстіи о дѣйствіи вѣтра, предлагали нѣтры осторожности; но скоро, увидѣвъ на дѣлѣ счастливые результаты и особенно безвредность, стали при всякомъ случаѣ прибѣгать къ вѣтру. Мажанді, какъ мы сказывали, возсталъ, вѣроятно, зачѣмъ не спросилъ позволенія у Академіи Наукъ; но весь споръ его привелъ только къ тому, что онъ согласился съ этими хирургами и завелъ личную ссору съ Вельцъ, которая вышла уже изъ предѣловъ академическихъ засѣданій: онъ потребовалъ слѣдствія въ госпиталѣ, и проч. Оставимъ г-на Мажанді и перейдемъ постепенно къ анатомическимъ дѣйствіямъ вѣтра на верную систему.

Г. Вельшъ первый объявилъ о замѣченномъ имъ измѣненіи въ свойствѣ мускуловъ — сильно сжиматься и противиться дѣйствіямъ хирурга при обыкновенныхъ прежнихъ операціяхъ; теперь, при помощи вдыханія эвэра во время операціи, они, напротивъ, дѣлались вѣлыми и слабыми. Это обстоятельство привело его къ заключенію, что если оно подтвердится и будетъ дознано всѣми безъ исключенія, то вдыханіе эвэра будетъ благотвѣльнымъ средствомъ при сращиваніи переломленныхъ костей, исправленіи вывиховъ, леченіи судорогъ, корчей и даже столбняка, котораго отличительный признакъ — постоянная и судорожная сжимаемость мускульной системы. Въ послѣдствіи, предположеніе г. Вельшъ оправдалось: онъ самъ имѣлъ случай исправить одну переломленную кость и другую вывихнутую у одного и того же пациента, который ощущалъ такую сильную боль, что едва позволялъ подходить къ себѣ, — съ помощію же эвэра даже не чувствовалъ операціи. Это замѣчаніе г-на Вельшъ нашло и противорѣчіе въ г. Лалльманнѣ, который прибавилъ, что если мускулы дѣлаются безчувственными и теряютъ свойство сжиматься, то при отнятій ноги, напр., это можетъ имѣть весьма-дурныя послѣдствія, а именно: такъ-какъ мускулы, находящіеся ближе къ наружности тѣла, сжимаются сильнѣе, нежели тѣ, которые лежатъ глубже, то при постепенномъ сѣченіи ихъ (при операціяхъ безъ эвэра) есть возможность пересѣкать выше глубже-лежащія и перепилить кость еще выше, чтобъ послѣ, натянувъ сжавшіеся мускулы, закрыть ими оконечность отнятаго члена; если же, при помощи эвэра, мускулы не будутъ сжиматься и все сѣченіе мускуловъ будетъ произведено не съ постепенностью въ высотѣ по члену, тогда, по пробужденіи пациента, мускулы сожмутся, и вся оконечность отнятаго члена прійметъ конечскую форму. Другое возраженіе, также подъ видомъ неудобства дѣйствія эвэра при операціяхъ, было сдѣлано

гг. Мажендѣ, Лалльманнъ и другими; оно состояло въ томъ, что если и самые нервы теряютъ чувствительность, то хирургу не мудрено будетъ перевязать или запутать такой нервъ, который весьма-важенъ въ организмѣ, — крикъ пациента не предупредитъ его, что онъ сдѣлалъ ошибку. На эти замѣчанія анатемники-хирурги отвѣчали не совсѣмъ - рѣшительно. На первое они сказывали, что операціи отнятія ногъ, которыхъ было сдѣлано довольно-много, показывали, что мускулы не совсѣмъ теряютъ свойство сжиматься, что это свойство только слабѣетъ, что, наконецъ, сѣченіе мускуловъ постепенно выше и выше есть дѣло механическое и зависитъ отъ искусства хирурга. На второе они просто сказывали, что наблюденіе, чтобъ не перевязать и не спутать нервъ, котораго не должно было трогать, относится также къ искусству хирурга; впрочемъ, еслибъ это случилось съ очень-тонкими и неприхѣтными нервами, то кричи не кричи большой (то-есть, съ помощію или безъ помощи эвэра дѣлается операція), развѣзывать некогда, а лучше ту же секунду затянуть его совсѣмъ. Наконецъ, были еще возраженія противъ употребленія эвэра, оставшіеся безъ отвѣта: на-прим., что при носовыхъ операціяхъ бывають сильныя кровотеченія, которыми могутъ задушить больнаго, потому-что горло его, потерявъ чувство, не можетъ пренятствовать втеканію крови. На это можемъ сказать только, что носовыхъ операцій было произведено не мало, и всѣ кончились счастливо. Въ защиту эвэра было говорено (но ни разу, впрочемъ, не доказано на дѣлѣ), что онъ можетъ быть благотвѣтеленъ въ родахъ, въ судорогахъ матки, и проч. Дѣйствительно, вѣдо предоставить хирургамъ объяснить и описать, какія измѣненія произведетъ средство вдыханія эвэра въ самыхъ процессахъ хирургическихъ операціи. Дѣйствіе эвэра такъ важно и въ хирургіи и въ наукѣ, что поведетъ за собою измѣненія и въ той и въ другой; дѣло людей спеціальныхъ — опредѣлять эти измѣне-

вн: хирурги века только оперируютъ, но говорятъ объ этихъ измѣненіяхъ пока еще не начинали; физиологи принялись за опыты ранѣе, и мы къ нимъ обращаемся.

Хотя эти подробности могутъ показаться многимъ любителямъ легкаго чтенія лишними, но мы поищемъ ихъ для того, чтобъ такимъ-образомъ познакомить любознательнаго читателя именно съ тѣми частями оперируемаго тѣла, въ которыхъ производится операція и въ которыхъ эфиръ, вдуваемый чрезъ легкія, производитъ безчувственность. Итакъ, мы перешли отъ безчувственности больного при операціи, т. е. отъ мысли, что больные не будутъ страдать при операціяхъ, о чемъ всѣ толкуютъ и чему радуются хирурги,—къ безчувственности частей человѣческаго тѣла или къ оцѣнчивоу нервной его системы, т. е. къ тому, что эфиръ, вдыхаемый чрезъ легкія, сплыво дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ оцѣнчиво на всю нервную систему человѣка. А такъ-какъ отъ нервной системы зависитъ вся высшая жизнь человѣка, т. е. вся умственная дѣятельность, чувства, чувствительность къ боли, начало и произволъ движенія, — то опыты надъ дѣйствіемъ эфирна должны быть одни изъ самыхъ важныхъ въ физиологіи и самыхъ интересныхъ для любознательныхъ читателей.

Въ чемъ же могутъ состоять эти опыты? Надо сказать, что когда дѣло касается нервовъ, то настоящее состояніе науки отказывается давать положительныя и удовлетворительныя отвѣты, или случается такъ, что представить вдругъ нѣсколько разныхъ теорій, уничтожающихъ одна другую. Поэтому, чтобъ представить все дѣло ясно, слѣдовало бы перебрать эти теоріи и показать, какихъ опытовъ требуетъ каждая, а за тѣмъ—что сдѣлано и къ какимъ заключеніямъ привели опыты надъ дѣйствіемъ эфирна.

Но, во-первыхъ, все это вышло бы изъ предѣла статьи; во-вторыхъ, сдѣлано еще такъ мало, что трудно сказать, что сдѣлано. Вотъ, на-примѣръ,

г. Флуранъ дѣлалъ уже опыты. Но въ основаніе ихъ онъ положилъ свою теорію и не пришелъ почти ни къ какимъ результатамъ. Онъ говоритъ, что, по опытамъ его, существо, вдыхающее въ себя эфиръ, должно при оцѣнчивоу терять свои жизненныя силы въ извѣстномъ порядкѣ: сначала умственная способность, потомъ способность управлять движеніями членовъ, затѣмъ чувство боли и способность движенія, и наконецъ, при продолжительномъ вдыханіи эфирна, жизнь. Но такъ ли это? Отъ-чего же нѣкоторые субъекты теряли вовсе способность движенія и не теряли ни чувствительности къ боли, ни памяти, ни умственныхъ способностей? Опыты г. Флурана намъ кажутся крайне-подозрительными.

Г. Лонжѣ, членъ Медицинской Академіи, дѣлалъ тѣ же опыты и пришелъ къ тѣмъ же результатамъ.

Г. Серръ также дѣлалъ опыты. Онъ хотѣлъ воспользоваться эфиромъ для леченія нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней посредствомъ вдыханія паровъ его, но непосредственнымъ дѣйствіемъ эфирна, въ жидкомъ его состояніи, на болѣзненный нервъ. Для этого онъ вскрывалъ у живыхъ животныхъ мускулы и нервы, удостовѣрялся въ ихъ чувствительности, наливалъ на нихъ нѣсколько капель жидкаго эфирна, — и въ результатѣ получалъ совершенное оцѣнчивоу этихъ нервовъ, до того, что животное не могло владѣть соответствующимъ членомъ даже и тогда, когда рука зажимала. Это привело его къ заключенію, что эфиръ, въ состояніи жидкости, дѣйствуя на нервъ непосредственно, не временно лишаетъ его жизненныхъ силъ, но рѣшительно убиваетъ. Опять скажемъ: такъ ли это? не слишкомъ ли сильно было въ этомъ случаѣ дѣйствіе эфирна на нервъ? Можетъ-быть, при слабѣйшей дозѣ эфирна, онъ именно можетъ только временно оцѣнчивоу его и разстроить болѣзненное его состояніе, а потомъ возвратитъ къ прежней его жизни уже не болѣзненнымъ. Несомнѣнно, что въ Петербургѣ кто-то изъ врачей возвра-

тѣмъ къ жизни парализованный членъ одного больного именно помощію наружнаго дѣйствія вѣтра. Слѣдовательно, и опыты г. Серра не подвинули дѣла.

И вотъ къ чему мы пришли, — пришли къ тому, что и наука не можетъ еще сказать ничего положительнаго о нашемъ предметѣ. Будешь ждать — во-первыхъ, обѣщанной г. Пироговымъ монографіи вѣтра: она, вѣроятно, покажетъ намъ ужь если не совершенный свѣтъ въ необъясненныхъ дѣйствіяхъ вѣтра, то по-крайней мѣрѣ вѣрныя наблюденія и опыты; во-вторыхъ, донесенія комиссіи Парижской Академіи Паукъ: этого донесенія прійдется ждать, можетъ-быть, долго, — но зато мы увѣрены, что оно прямо внесется въ дѣлописи науки, внесется по важности самаго дѣла... Мы упомянули о г. Пироговѣ; кстати примолвимъ, что мы ничего почти не можемъ сказать о дѣйствіяхъ русскихъ врачей и ученыхъ физиологовъ, по весьма-простой причинѣ, — потому-что въ печати, кромѣ извѣстій о нѣсколькихъ удачныхъ операціяхъ мы ничего не видали. Впрочемъ, нельзя не сказать о новомъ способѣ употребленія вѣтрныхъ паровъ, употребленномъ г. Пироговымъ: онъ вводитъ вѣтръ въ организмъ больного чрезъ нижнюю оконечность кишечнаго канала (rectum) и практикуетъ этимъ способомъ очень-успѣшно. Это — замѣчательное улучшеніе. Г-нъ Пироговъ прибѣгалъ къ дѣйствію вѣтра для облегченія одной роженицы, и результатъ былъ счастливый: роженица не вѣрила, что она уже родила; къ-несчастью — болѣе этого о русскихъ операціяхъ сказать не можемъ, потому-что ничего не знаемъ.

— Два новѣйшія открытія всего сильнѣе привлекаютъ общее вниманіе: то, о которомъ мы сейчасъ разсказали, да еще — хлопчатобумажный порохъ; между-тѣмъ, къ этимъ двумъ открытіямъ 1846 года должно присоединить третье, представляющее, по-крайней-мѣрѣ одинаковую важность съ ви-

ми. Журналы до-сихъ-поръ не говорили о немъ, потому-что оно относится къ отдѣльной отрасли промышленности, которая въ частностяхъ знакома только людямъ спеціальному. Въ Англіи дана привилегія на способъ выплавки мѣди изъ руды посредствомъ электричества. Ясно, что въ этомъ открытіи заключается часть, относящаяся къ наукѣ, и мы увѣрены, что послѣдняя воспользуется имъ и разработаетъ его. Теперь мы можемъ сообщить только нѣкоторыя статистическія числа, которыя покажутъ всю огромную важность подобнаго открытія. Новое производство плавки даетъ мѣди нежелѣзныя въ два дня такое количество металла, какое старыми способами можно получить только въ три недѣли; экономія въ горючемъ матеріалѣ такъ велика, что владѣльцы заводовъ полагаютъ ее, только для количества мѣди, стекающагося въ Сванзеѣ (Swansea, портовой городъ южной части Валлиса въ графствѣ Глемуоргенскомъ, въ Англіи, куда стекается желѣзо и мѣдь со всѣхъ заводовъ горнаго округа этого графства), ежегодно на сумму до 12 съ полов. милліон. франковъ! Поэтому, понятно, что цѣна мѣди значительно понизится, и металлъ этотъ будетъ употребляться съ выгодой и на такія предѣла, которыя рѣшительно изъ него не дѣлались. Легкость и потребность малыхъ издержекъ при этомъ способѣ позволятъ дѣлать вылазку изъ руды на самомъ мѣстѣ добычя. Владѣльцы корнваллескихъ копей жмутъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда мѣдь, бывшая наканунѣ еще въ видѣ руды въ самой шахтѣ, можетъ быть продана на другой же день на сванзейскомъ рынкѣ, уже въ металлическомъ видѣ, потому-что все производство плавки будетъ слѣвлено и скоро и легко возлѣ самаго колодезя шахты. Открытіе это принесетъ также несомнѣнную пользу Австраліи: въ прошедшемъ году привезено оттуда, для вылавки, въ Сванзеѣ 6000 тоннъ мѣдной руды (около 370,000 пуд.); по вылавкѣ получено 1600 тоннъ (около 100,000 пуд.) ме-

таля. Отнынѣ Австралія будетъ выплавлять мѣдь изъ руды способомъ, который требуетъ только 36 часовою работы, и на то же количество руды, которое она извлекала изъ земли до сихъ поръ, то есть, на 10,000 тоннъ, она сэкономитъ 400 тоннъ фрахтова и 8400 тоннъ товара; не говоря уже о выгодѣ отъ уменьшенія издержекъ на самое производство плавки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда число рабочихъ рукъ въ Австралію умножится, она будетъ высылать на европейскіе рынки мѣди болѣе, нежели сколько теперь производитъ весь земной шаръ. Англичане прибавляютъ, что это открытіе общааетъ значительное пониженіе цѣны мѣди, и что для сохраненія англійской мѣдной монеты достаточной цѣнности, нужно будетъ тогда дѣлать ее величиною съ таранку. Таюю результатъ, конечно, невѣроятенъ, но, какъ мы сказали, плавка посредствомъ электричества обогатитъ науку и, если понизитъ цѣну мѣди хотя на половину, то и это уже такіа два обстоятельства, которыя заставляютъ желать скорѣйшаго обнаруженія всего способа.

Сообщивъ объ одномъ новомъ способѣ плавки мѣди, считаемъ нелишнимъ упомянуть и о другомъ, болѣе сиромнемъ, но о которомъ можемъ сказать утвердительно. Французскіе горные инженеры Ривъ и Филлисъ представили Парижской Академіи Наукъ записку объ открытомъ ими весьма легкомъ и простомъ способѣ металургическаго производства чистой мѣди изъ руды, посредствомъ осажденія ея желѣзомъ. Способъ этотъ предлагается болѣе къ рудамъ, содержащимъ сіюру. Производство начинается каленіемъ руды до состоянія плавки, для обращенія большей ея части въ окиселъ мѣди; потомъ ее расплавляютъ совершенно съ кремнистыми веществами, для полученія смѣси кремне-кислыхъ солей, и въ эту-то смѣсь, въ расплавленномъ ея состояніи, опускаютъ желѣзныя полосы для произведенія осадка мѣди въ чистомъ металличе-

скомъ видѣ. Все производство требуетъ 8 часовъ времени; потеря желѣза въ полосахъ незначительна; и наконецъ, все производство представляетъ значительныя выгоды въ издержкахъ. Изобрѣтатели этого способа, до представленія записки Академіи, переплавили мѣди изъ 200 пудовъ руды при опытахъ въ большомъ видѣ.

— Въ лѣтъ нынѣшнихъ паровыя машины всѣ усовершенствованія получаютъ состоять только въ экономіи горючаго матеріала и въ первоначальныхъ расходахъ на постройку машины. Но и такое усовершенствованіе весьма важно, потому что значительно сокращаетъ издержки. Такъ, напримеръ, за постройку постоянныхъ паровыхъ машинъ не очень еще давно платили около 1000 руб. ассигнаціями на одну силу и, для поддержанія всегда пара, при силѣ расширенія, равной давленію одной съ четвертью атмосферы, нужны были извѣстные расходы на горючій матеріалъ; теперь разными усовершенствованіями достигли того, что въ той же машинѣ и съ тѣми же издержками на топливо сила расширенія пара въ котлѣ и паровомъ цилиндрѣ гораздо-выше; слѣдовательно, при потребности одинаковой силы пара теперь потребуются дѣлать машину и издерживать топлива меньше, нежели прежде. — Изъ этого видно, что главная задача, на которую обращено вниманіе всѣхъ механиковъ и машинистовъ, состоитъ въ увеличеніи силы расширенія пара при тѣхъ же издержкахъ. И вотъ — мы сообщаемъ весьма важное усовершенствованіе, недавно сдѣланное по этому предмету Англичаниномъ Уилькинсономъ. Основаніе его изобрѣтенія состоитъ въ впусканіи въ самый паръ котла струи воздуха, нагрѣтаго до очень-высокой температуры отъ 315° — 430° стоградусаго термометра. Не должно думать, что въ этомъ случаѣ горячій воздухъ будетъ дѣйствовать одинаково съ паромъ посредствомъ своего расширенія: не воздухъ, но возвышенная темпера-

тура его увеличивает силу расширения паровъ. Г. Уилькинсонъ помещаетъ въ пламени печки винтообразную трубку, одинъ конецъ которой входитъ въ котелъ выше горизонта въ немъ воды, а другой примыкаетъ къ воздушной вгнетательной помпѣ. Вѣстимость всей трубки гораздо-болѣе объема сжатого воздуха, даваемого нажимнымъ ударомъ помпы; помпа эта, разумѣется, получаетъ силу отъ той же паровой машины, и расходуетъ ея не болѣе 5%. Опыты совершенно оправдали ожиданія изобрѣтателя, такъ-что, сдѣлавъ въ трубкѣ краиъ, то прерывающій струю воздуха, то сообщающій ее котлу, можно было въ нѣсколько минутъ переходить отъ силы расширения пара въ котлѣ въ одну атмосферу, до такой же въ двѣ, и обратно. Итакъ, съ устройствомъ притока горячаго воздуха въ котелъ, для сохраненія силы паровъ, равной одной атмосферѣ, нужно почти вдвое менѣе издержекъ на топливо.

Только-что успѣло распространиться между журналами это важное изобрѣтеніе, какъ явился уже и соперникъ г. Уилькинсону. Нѣкто, Французъ Готьѣ, вступился за честь перваго изобрѣтенія и доказываетъ это полученною имъ, годъ уже назадъ, привилегією на тотъ же самый предметъ. Не имѣя подъ рукою описанія его изобрѣтенія или привилегіи, мы не можемъ судить, въ какой степени правъ г. Готьѣ; скажемъ только то, что можно было извлечь изъ письма его, напечатаннаго въ *Moniteur Industriel*. У г. Готьѣ трубка устроена не въ пламени топки, но въ дымовой трубкѣ, и притомъ такъ, что воздухъ въ трубкѣ идетъ по направлению противоположному дыму трубы; поэтому увеличеніе силы расширения паровъ онъ приписываетъ нагрѣванію воздуха трубки посредствомъ дымового жара, который пропадалъ даромъ; уменьшеніе же теплоты въ дымѣ, какъ вѣстно, имѣетъ весьма-слабое вліяніе, или почти не имѣетъ его на уменьшеніе вентиляціи воздуха и дыма въ

трубкѣ и въ печкѣ, и потому топка не могла ничего терять отъ этого.—Причину же увеличенія силы пара въ котлѣ отъ притока струи горячаго воздуха г. Готьѣ объясняетъ различно. По словамъ его, пары всегда увлекаютъ съ собою часть воды, что и провозводитъ уменьшеніе въ давленіи пара; отъ притока же воздуха съ весьма-высокой температурой эта часть воды испаряется и увеличиваетъ давленіе,—или это увеличеніе силы пара должно отнести къ особому свойству смѣси изъ пара и воздуха, способной къ сильнѣйшему расширенію, что было замѣчено знаменитымъ англійскимъ физикомъ Дальтономъ; Пульѣ замѣтилъ то же относительно углекислаго газа.

— Мы разъ уже говорили, что 1846 годъ былъ очень-богатъ важными учеными открытіями; вотъ еще нѣсколько открытій, изъ которыхъ нѣкоторыя даже и очень-важны.

Въ одно время съ извѣстіями объ опытахъ надъ дѣйствіемъ ээира при операціяхъ, журналы извѣщали также о важномъ шагѣ въ медицинѣ—о побѣдѣ надъ грудными болѣзнями и особенно надъ чахоткою въ легкихъ. Недавно вышло сочиненіе доктора Тира-де-Мальмора (*Tirat de Malemort*) подъ названіемъ: *Traité des Maladies de poitrine*; сочиненіе это вполнѣ знакомитъ съ новымъ взглядомъ на болѣзнь. Предоставляя опытнымъ врачамъ обсудить дѣло во всей подробности, мы не можемъ, однакожъ, не сообщить здѣсь главныхъ основаній мнѣнія г. Тира-де-Мальмора. Исходною точкою его взгляда служатъ наблюденія въ парижскихъ больницахъ; наблюденія эти показали ему, что чахотка происходитъ отъ вреднаго дѣйствія крови на легкія, что, слѣдовательно, причина болѣзни заключается въ особомъ ненормальномъ состояніи крови; отсюда понятно, почему чахотка бываетъ и заразительна и наследственна. Итакъ, для леченія чахотки, г. Тира совѣтуетъ дѣйствовать не прямо на легкія, но посредственно, то-есть, на кровь. Впрочемъ, самая важная часть

сочиненія его не та, которая трактуеть о леченіи, но часть предупредительная или гигиеническая; скажемъ только, что противъ общепринятаго мнѣнія, по которому чахоточнымъ назначается діета не слишкомъ-питательная, а именно—растительная и молочная, г. Тиръ назначаетъ пищу вообще укрѣпляющую, питательную. Всѣ журналы отзываются о книгѣ г. Тиръ съ полнымъ одобреніемъ.

— Англійская газета *Nautical Standard* сообщаетъ извлеченіе изъ небольшой брошюры, въ которой лейтенантъ англійскаго флота, Джоржъ Уатеръ, изложилъ описаніе изобрѣтеннаго имъ способа предохраненія желѣзныхъ судовъ отъ гибели. Изобрѣтеніе это состоитъ въ покрытіи внутренней стороны корабельнаго корпуса особымъ составомъ изъ смѣси пробковаго дерева и резины или каучука. Составъ этотъ названъ изобрѣтателемъ *канту-ликономъ*.

— Нѣмецкія газеты увѣряютъ, что г. Шёнбейнъ сдѣлалъ другое открытіе, а именно: нашелъ другое вещество, способное зашить рану при хирургическихъ операціяхъ; другіе говорятъ, будто онъ нашелъ средство мгновенно заживлять раны послѣ операціи. Впрочемъ, онъ открылъ все это для себя, а не для публики,—съ публикой г. Шёнбейнъ играетъ въ загадки.

— Въ Австріи, кому-то пришла счастливая мысль приложить гальваническій токъ къ сохраненію растений отъ постороннихъ насѣкомыхъ. Изобрѣтеніе это просто, и вотъ оно въ нѣсколькихъ словахъ. На дерево должно надѣть два кольца, положенныя другъ на друга,—одно мѣдное, другое цинковое. Если насѣкомое коснется мѣднаго кольца, то тотъ же часъ умираетъ или падаетъ. Приборъ этотъ дѣйствуетъ и въ сырую и сухую погоду.

— Г. Червеллери, хирургъ главнаго военнаго госпиталя въ Неаполѣ, сдѣ-

лалъ благотѣльное для страждущихъ каменною болѣзнію открытіе. Онъ достигъ средства совершенно распускать камни въ живыхъ пациентахъ посредствомъ электричества. Подробностей этого открытія еще нельзя сообщить, потому-что извѣстія слишкомъ-темны; впрочемъ, замѣтимъ, что ученая записка, въ которой объ этомъ говорится, была представлена Неаполитанской Академіи и потомъ превращена въ парижскую.

— Г. Мендль пишетъ Парижской Академіи Наукъ, что онъ удостоившись многими опытами, что обожженное кѣсто на тѣлѣ покрывается пузыремъ только у живыхъ людей, и потому считаетъ обжогъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для распознаванія мертвыхъ тѣлъ отъ жившоувершихъ. Г. Мендль обѣщаетъ Академіи заняться этимъ предметомъ серьезно и составить особую записку.

— Сообщаемъ описаніе процесса, изобрѣтеннаго г. Бланкар - Эвраромъ (*Blanquart-Evart, de Lille*) для полученія съѣдобныхъ рисунковъ на бумагѣ, и представленнаго имъ недавно Парижской Академіи Наукъ. Сообщенъ это описаніе въ особенности потому-что изобрѣтатель составилъ его чрезвычайно-отчетливо, такъ-что, мы увѣрены, всякій, кто захочетъ воспользоваться имъ и дѣлать опыты, успеетъ непременно, если будетъ соблюдать все въ точности. Поэтому, постараемся сохранить всѣ подробности описанія г. Бланкар-Эврара.

Къ общему восторгу, который возбудило открытіе Дагерра, вскорѣ присоединилось общее желаніе: особенно артисты ожидали отъ науки указанія способа получать изображенія камероскуры не на серебряныхъ доскахъ, какъ Дагерръ, а на бумагѣ. Это желаніе не осталось безъ вниманія: многіе ученые занялись изслѣдованіемъ разныхъ свѣтлопреломляющихъ химическихъ составовъ для бумаги; способовъ явилось много. Отъ

его же они остались без пользы? иноваты въ этомъ, конечно, не любилъ, потому-что, кромѣ интереса познаны, эта отрасль свѣтописи важна и для искусства и для разныхъ полезныхъ приложений, и къ ней нельзя было оставаться хладнокровнымъ. Если руды ихъ не приносили ожидаемой пользы, то это потому, что причина успѣха заключалась въ самомъ основаніи производства, или, другими словами не доставало основнаго правила приготовленія бумаги.

Занимаясь опытами свѣтописи на бумагѣ, г. Бланкар-Эварь пришелъ къ заключенію, что если изображенія и выходили до-сихъ-поръ рѣдко одинаковыя, часто вовсе-дурныя, безжизненныя, грубыя, безъ постепенности въ свѣтлыхъ мѣстахъ и, такъ-сказать, безъ прозрачности въ полутѣни, то это отому, что приготовленіе бумаги было неполное только поверхностное. Въ маломъ дѣлѣ, поступая съ бумагой по малогіи съ серебряными досочками, граничивались прикрытіемъ одной оружной стороны ея свѣтописнообразовательнымъ слоемъ; бумага покрывалась неравномѣрно, а потому неравномѣрно и подвергалась дѣйствию свѣта въ камер-обскурѣ, а послѣдующія затѣи химическія дѣйствія только обнаруживали эту неравномѣрность. Притомъ, свѣтописнообразовательной былъ слишкомъ-тонокъ. Ясно, что можно всю бумагу слѣдуетъ свѣтопискою, а не одну ея поверхность, что при производствѣ должно *напитывать* ея. Въ этомъ все правило; химическія вещества берите какія угодно: возьмите ромштыя или хлористыя соединенія - получите соответствующіе результаты; нужно только соблюдать въ точности правила приготовленія бумаги.

Чтобъ получать изображенія скоро, надо употреблять бумагу мокрую: это словіе дѣлаетъ производство очень труднѣйшимъ. потому-что едва и вложите въ рамку бумагу, она тотчасъ же начнетъ коробиться. Для избежанія этого, предлагали употреблять мокрую аспидную доску; но она помо-

гала слишкомъ на короткое время, и если вамъ нужно было снять пейзажъ, то, пришедъ на мѣсто, вы принуждены были возобновлять все. Пріискывая способъ помочь дѣлу, г. Бланкар-Эварь употреблялъ, между-прочимъ, зеркальное стекло, вѣда на него бумагу и потомъ вмѣстѣ съ бумагой вставляя его въ рамку и въ камер-обскуру. Но разъ, по расѣянности, онъ положилъ бумагу на оборотъ и въ рамку вставилъ зеркальнымъ стекломъ къ сторонѣ стекла камер-обскуры, такъ что изображеніе должно было бы напечататься на бумагѣ сквозь зеркальное стекло. Изображеніе вышло. Секретъ найденъ: стоитъ только бумагу сжать между двумя зеркальными стеклами и подложить ее нѣсколькими листами мокрой бумаги, и съ приготовленной такимъ-образомъ бумагой можно было идти далеко для снятія пейзажа, не боясь, что бумага высохнетъ или покоробится, и, по снятіи, опять воротиться дождю для окончательной отдѣлки изображенія.

Описанное ниже производство дѣлается холоднымъ путемъ, не потому-что это лучше, но потому-что сподручнѣе для всякаго самаго скромнаго любителя, которому достаточно на это одного темнаго, совершенно-защищеннаго отъ свѣта угла комнаты. Вся операція должно дѣлать при свѣтѣ одной восковой свѣчи, или одной обыкновенной лампы.

Вся операція раздѣляется на двѣ части: первая prepares бумагу для изображеній отрицательныхъ, то-есть, такихъ, въ которыхъ свѣтлыя мѣста выходятъ темными, и наоборотъ; затѣмъ слѣдуетъ самое снятіе съ природы отрицательнаго изображенія; вторая prepares бумагу для положительныхъ изображеній, или такихъ, въ которыхъ свѣтлыя мѣста выходятъ свѣтлыми, темныя—темными; за этимъ слѣдуетъ самое снятіе положительныхъ рисунковъ съ отрицательныхъ и окончательное приготовленіе первыхъ. Бумагу должно выбирать самую лучшую почтовую, гласированную, и при-

томъ сдѣланную изъ самой лучшей и однородной массы; г. Бланкаръ хвалитъ бумагу французскую М. Мариона, № 10, В.

I. Приготовление бумаги для отрицательнаго изображения. Налить въ чашку растворъ одной части азотно-кислаго серебра (nitraté d'argent) (*) въ 30 частяхъ дистиллированной воды (**); на поверхность жидкости положить выбранный листъ бумаги, строго наблюдая, чтобъ между бумагой и поверхностью жидкости не оставалось воздушныхъ пузырьковъ (эту предосторожность наблюдать и при всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ). Пролержавъ такимъ образомъ бумагу одну минуту, должно ее снять и, для того, чтобъ вся лишняя жидкость сошла, сперва подержать ее за одинъ уголь, а потомъ положить на какую-нибудь другую поверхность непромокаемую, на-прим., на полированную и покрытую лакомъ деревянную досочку, на гладкую восчаную клеенку и проч. Здѣсь бумага должна медленно высохнуть, съ условіемъ, чтобъ жидкость засыхала на ней равномернымъ слоемъ безъ мѣстныхъ скопленій, которыя на рисункѣ обозначаются пятнами.

Налить въ другую чашку растворъ 25 частей іодистаго потассія (iodure de potassium) и части бромистаго потассія (bromure de potassium) въ 560 частяхъ дистиллированной воды, должно совершенно *погрузить* ту высушенную бумагу въ этотъ новый растворъ на полторы минуты, или, если операція дѣлается на холоду, на двѣ минуты, держа ее азотно-кислой стороной *сверху*; потомъ вынуть бумагу оттула, взявъ за два угла листа и, не оставляя бумаги, тотчасъ перенести ее въ другую большую чашку съ дистиллированной водой, гдѣ и вымыть или выполо-

скать ее, чтобъ согнать всякую кристаллическую осадку, которая можетъ на ней остаться; наконецъ, развѣстать листъ на горизонтально-натянутой нити за нарочно оставленный при обрѣзѣ бумаги на одномъ углу ее язычокъ, и оставить такъ, для вторичной и совершенной просушки.

Приготовленную такимъ образомъ бумагу надо спрятать отъ дѣйствія свѣта въ картонный ящикъ, гдѣ она должна лежать непржатая и веселюкомъ нагруженная сверху другими листами. Такимъ образомъ она можетъ сохраниться нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одинъ день можно наготовить бумаги на нѣсколько мѣсяцевъ путешествія. Остатки жидкости можно собрать и обтнутые черной бумагой флаконы и употребить ихъ до совершеннаго употребленія.

Снѣткія съ натуры отрицательнаго изображения. Когда нужно снимать съ натуры свѣтописное изображение, должно налить на зеркальное стекло стекло это должно лежать плотно и горизонтально на подставкѣ и краями своими выступать отъ подставки) нѣсколько капель раствора наъ 6 частей азотно-кислаго серебра (nitrate d'argent) 11 частей удобокристаллизующейся уксусной кислоты (acide acétique cristallisable) и 64 частей дистиллированной воды (*), и положить бумагу той стороной къ стеклу, которая подвергалась въ первомъ дѣйствіи насыщенію азотно-кислымъ серебромъ; при этомъ должно разгладить бумагу рукою какъ-можно-ровнѣе, чтобъ, насыщенная равно-

(*) Всѣ приготовленные азотно-кислымъ веществомъ должно хранить въ стеклянныхъ флаконахъ и притомъ тщательно предохранять ихъ отъ дѣйствія свѣта.

(**) Всѣ части показаны вѣсомъ.

(*) Сперва должно растворить азотно-кислое серебро въ половинѣ количества воды, потомъ прилить уксусную кислоту, дать простоять жидкости часъ и наконецъ уже влить остальную половину воды. Жидкость эту должно сохранять въ емкості герметически-плотно закупоренныхъ. Если отъ покойнаго состоянія на поверхности начнется образоваться осадокъ или устаетъ, то при каждомъ употребленіи въ дѣло надо процѣживать жидкость сдѣланную тонкую платиновую трамбю.

тѣрво всадѣ растворитъ, она прилегла лѣтвю къ стеклу и не было бы ни сладокъ, ни вододушницхъ пузырьковъ. Сверхъ этого листа бумаги наложить нѣсколько листовъ обыкновенной, совершенно чистой бумаги (достаточно было бы и одного листа, если бумага эта очень толста) вараѣе смоченной въ дистиллированной водѣ, и накопедъ, сверхъ этой мѣрой бумаги, опять вертикальное стекло, совершенно однихъ размѣровъ съ первымъ. Затѣмъ нагнетать послѣднее стекло очень - сильно, такъ, чтобъ всѣ эти вещества составили какъ-будто одно стекло; вставить все въ камеръ - обскурную ранку и поступать далѣе такъ же, какъ съ готовой лагерровой досечкой.

Очень покажетъ лагертовщикамъ, сколько времени нужно держать въ камеръ обскуръ эту бумагу; впрочемъ, можно сказать, что его нужно вчетверо мѣнѣе, нежели сколько употребляютъ при досечкахъ, обработанныхъ хлористымъ іодомъ (*chlorure d'iode*). Надобно при этомъ замѣтить, что температура дѣйствуетъ такъ же сильно, какъ и свѣтъ, на отпечатаніе изображеній. По вынутіи листъ камеръ обскуръ, сѣттописный листокъ должно положить на стеклянную или фарфоровую доску, немного смоченную, чтобъ листъ лучше въ ней присталъ: потомъ налить на послѣдній насыщенный растворъ дубильной кислоты (*solution saturée d'acide gallique*), и изображеніе тотчасъ обозначится. Кислота эта должна дѣйствовать нѣсколько времени, чтобъ химическое дѣйствіе глубже проникло въ бумагу и чтобъ всѣ поробности изображенія могли обозначиться въ полутьмѣхъ; но должно остановить наконецъ ея дѣйствіе, то-есть, слить кислоту водою прежде, нежели истъ свѣтлыя мѣста, которыя должны обратиться въ черныя на положительномъ изображеніи, начнутъ также мѣняться отъ нея. Положивъ за тѣмъ отрицательный рисунокъ опять на подставку, должно налить на него слой раствора изъ 1 части бромистаго potassiuma (*bromure de potassium*) въ 40

частяхъ дистиллированной воды, дать простоять этому слою нарисункѣ четверть часа и, вытолоскавъ потомъ въ большемъ количествѣ воды, высушить его въ мягкой протекальной или прокладочной бумагѣ (*papier buvard*). Такимъ-образомъ отрицательное изображение будетъ совершенно готово и одно можетъ давать очень-большое число положительныхъ. Для послѣдняго дѣйствія только должно сдѣлать его прозрачнымъ, и потому надо усыпать его очень тонкимъ слоемъ натертаго въ порошокъ воска, покрыть нѣсколькими листками почтовой бумаги и растонить свѣзовъ бумагу воскъ горячимъ утюгомъ. Почтовую бумагу переменить нѣсколько разъ до того, чтобъ она всосала въ себя весь лишній воскъ съ поверхности.

II. Приготовленіе бумаги для положительнаго изображенія. Бумага для этого должна быть сдѣланная изъ самой лучшей массы, глянцеванная и притомъ сколько можно толстая. Налить въ чашку растворъ 3 частей насыщенной морской солью воды въ 10 частяхъ дистиллированной воды, на поверхность жидкости положить одною стороною выбранный листъ бумаги и оставить его такъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не ляжетъ совершенно плоско и горизонтально (2 или 3 минуты); потомъ сушить этотъ листъ на протекальной бумагѣ (*papier buvard*), глѣда съ задней стороны бумаги по всѣмъ направленіямъ и нѣсколько разъ рукою и перенѣняя послѣднюю до совершенной осушки листа. Затѣмъ перенести листокъ на поверхность другой жидкости, составленной изъ 1 части азотно-кислаго серебра и 5 частей дистиллированной воды, на которой и оставить его столько времени, сколько нужно будетъ для осушки втораго, замѣнившаго этотъ на поверхности соленаго раствора; наконецъ, слить первый листокъ и съ втораго раствора, дать жидкости стечь, по-тѣмъ листокъ за одинъ уголъ и положить его на непромокаемую поверхность, какъ при первомъ дѣйствіи съ бумагой отрицательнаго изображенія.

Перехода такимъ образомъ отъ первоначальнаго лѣстка ко второму, преараторъ не будетъ терять ни одной минуты и можетъ въ вѣсколько часовъ обработать большое количество бумаги.

Совершенно высушенную послѣ этого бумагу должно спрятать въ ящикъ или картонъ, не слишкомъ нагружая сверху, гдѣ она и можетъ сохраниться отъ 8—15 дней; послѣ этого срока, бумага начинаетъ темнѣть и хотя все еще остается годною къ свѣтотисненію, но свѣтлыя мѣста рисунковъ выходятъ на ней уже тускло.

Слѣжіе положительнаго изображенія съ отрицательнаго. Чтобы получить теперь положительное изображеніе, надо положить отрицательную бумагу той стороной, на которой находится изображеніе рисунка, на обработанную сторону положительной бумаги, сжать крѣпко обѣ бумаги между двумя вертикальными стеклами и вставить все въ покрытую чернымъ сушомъ рамку (доску съ закраинами). Стекло, лежащее на отрицательной бумагѣ, должно быть достаточно тяжело, чтобъ могло прижать ее плотно къ положительной. Наконецъ, выставить все это на сильный свѣтъ, особенно на солнце, такъ, чтобъ лучи его падали на стекло перпендикулярно. Чтобы рисунокъ вышелъ хорошо, надо продолжать эту выставку по возможности дольше, но и прекратитъ слѣдуетъ вовремя, чтобъ яркія мѣста рисунка не потускнѣли; достаточно одного опыта, чтобъ опредѣлять время, нужное для этой выставки; для солнца оно будетъ среднимъ числомъ около 20 минутъ.

Для окончательнаго приготовления положительнаго рисунка, надо погрузить въ темнотѣ листокъ этотъ на четверть часа въ прѣсную воду; потомъ въ растворъ 1 части сѣрнистокислой воды (hyposulfite de soude) въ 8 частяхъ дистиллированной воды. Послѣ этого втораго погруженія, можно смотрѣть на рисунокъ уже на свѣту и слѣдить за дѣйствіемъ сѣрнистокислой соли; свѣтлыя мѣста рисунка будутъ ста-

новиться все ярче и ярче, получатъ обозначаться болѣе и болѣе и цѣль всего рисунка изъ первоначальнаго дурнаго рудожелтаго или рыжаго (roux unifortne) будетъ переходить сначала въ бурый, темно-каштановый (brun) потомъ въ очень-темный (bistre), и наконецъ въ совершенно-черный, какъ въ гравюрахъ акватинта (aquatinta). Можно остановиться на всякомъ изъ этихъ цвѣтовъ по вкусу художника; рисунокъ выпечатается достаточно, и чтобъ дѣйствіе сѣрнистокислой соли не продолжалось, надо выложить рисунокъ въ большомъ количествѣ воды и потомъ погрузить его въ чашу съ водой на долгое время (отъ 6 до 24 часовъ); чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Сушить послѣ этого такъ же, какъ прежде, между вѣсколькими листами протекательной бумаги. Последнее погруженіе въ воду такъ же, какъ и погруженіе въ растворъ сѣрнистокислой воды, не требуетъ перенѣны жидкости для каждаго рисунка; напротивъ, можно погружать за разъ неопредѣленное ихъ число (*). Тѣ рисунки, которые не будутъ выдерживать дѣйствія сѣрнистокислой соли по-крайней мѣрѣ два часа, то-есть, тѣ, на которыхъ яркія мѣста начнутъ ранѣе этого тускнѣть, не годятся; это покажетъ, что они маловажны были выставлены на солнце и что изображенія будутъ непрочны.

Какъ ни многосложнымъ кажется всѣ эти приемы и дѣйствія, на дѣлѣ

(*). Въ-последствіи г. Бланкаръ сообщилъ изъ недомакъ своей въ этомъ мѣстѣ. Погруженіе большого числа листковъ сразу даже и необходимо, потому-что въ растворѣ должны дѣйствовать не цѣлыя растворы сѣрнисто-кислой соли, но такія, въ которыхъ уже распутналась часть азотно-кислой соли съ рисункомъ; если же, прибавлять онъ, вы должны погрузить одинъ рисунокъ или очень небольшое ихъ число, то въ растворѣ сѣрнисто-кислой соли надобно прибавить весьма небольшое количество того азотно-кислаго раствора, который былъ приготовленъ для приоткрытія бумаги положительной.

ни очень-легки, особливо въ сравненіи съ дагерровыми досечками.

Удобство приготовить заранѣе бумагу для отрицательныхъ изображеній какъ-нельзя-болѣе облегчаетъ свѣтописныя прогулки и путешествія, избавляя любителя огу лишняго багажа, всегда затрудняющаго въ дорогѣ, сокращая время, необходимое прежде на полировку досечекъ Дагерра, его нельзя было дѣлать заранѣе. Удобство переводить рисунки съ отрицательныхъ на положительные уже по обращеніи изъ путешествія и при этомъ переводить въ какомъ угодно чистѣ, также должно сильно содѣйствовать къ развитію свѣтописнаго искусства. Къ-тому же, усовершенствованія Плянкера-Эвара состоятъ въ правитѣли покрывать бумагу свѣтописнообразовательными веществами, но напиывать ее ими, во вставиваніи отрицательной бумаги въ камер-обскуру между двумя зеркальными стеклами съ мокрой бумагой, въ сушкѣ приготовленныхъ бумагъ и изображеній, словомъ— въ способахъ производства, но не въ средствахъ, не въ выборѣ химическихъ веществъ и потому, давая наставленія къ легкости, вѣрности и производствѣ большаго числа снимковъ, онъ не славывается художниковъ, которые могутъ выбирать сами химическія вещества и производить рисунки въ какихъ они хотятъ цвѣтахъ. Все это, по нашему мнѣнію, должно сильно заинтересовать любителей.

— Между-тѣмъ, какъ мы восхищаемся смѣлыми, оригинальными композиціями Берліоза, вѣжкою, меланхолически-граціозною игрою Эрста, Парижъ аплодируетъ артистамъ, которые также доставили намъ много часовъ высокаго наслажденія, которыхъ мы привыкли считать почти своими. Мы говоримъ о гг. Серве и Вьѣтанѣ. Г. Вьѣтана не слыхали въ Парижѣ съ 1841 года; но всѣ помнили, какой блестящій успѣхъ стяжало тогда его знаменитое *concerto en mi*, въ Консерваторіи и Итальянскомъ Театрѣ, и пріѣздъ

его не могъ не обрадовать всего музыкальнаго парижскаго міра: Но еще болѣе взволновалъ, какъ знатоковъ, такъ и дилеттантовъ, Серве. Концертъ, данный тамъ этими артистами, окончательно утвердилъ его репутацію, истинно-европейскую, начавшуюся въ Бельгіи, и потомъ санкціонированную Англіей, Голландіей, Германіей, Франціей и Россіей. Ни одинъ виолончелистъ не соединилъ никогда столько блеска и смѣлости съ такимъ выраженіемъ и чувствомъ. Надо было бы возвратиться къ золотымъ днямъ Ромберга — пишутъ Французы: — чтобъ найти ту силу и строгость, которую Серве умѣетъ смягчать неизъяснимой граціей. Онъ одолженъ своей избранной организаціи и долгимъ трудомъ этими счастливыми открытіями новыхъ эффектовъ, этимъ механизмомъ, принадлежащимъ только ему. Серве — это Паганини виолончели.

Такъ-какъ мы уже начали говорить о концертахъ, то упомянемъ и о прочихъ артистахъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе парижской публики въ послѣдніе мѣсяцы. Та же бельгійская школа, которой она одолжена гениальнымъ Берліозомъ и Сервѣ, подарила ей недавно молодого скрипача, признаннаго модой съ перваго его дебюта, и въ-самомъ-дѣлѣ обладающаго всеми качествами, нужными для того, чтобъ нравиться прекраснѣйшей половинѣ публики. Игра г. Леона Лесіѣ (Lesieux) отличается необыкновеннымъ изяществомъ, вервическою вѣжностью, но почти-вовсе лишена силы и твердости.

Ребенокъ, носящій имя, дорогое для музыки, Теодоръ Пиксисъ (Pixis), десятилѣтній скрипачъ, увеличиваетъ собою списокъ этихъ маленькихъ феноменовъ, которымъ мы не можемъ удивляться безъ тайной, невольной грусти. Никто не спроситъ себя, какихъ трудовъ стоить эта скороспѣлость, этотъ ранній расцвѣтъ, такъ рѣдко приносящій плоды? Онъ игралъ очень-смѣло *Венеціанскій Карнавалъ* Эрста, и фантазію своего сочиненія. Да по-

плеть ему судьба долгую будущность!

Дѣлеръ, который также знаменъ Петербургу, съ большимъ успѣхомъ участвовалъ въ концертахъ Консерваторіи. Особенный эффектъ произвелъ онъ мастерскимъ исполненіемъ знаменитаго *Concerto en mi bé mol*, Бетховена. Классическія произведенія нѣмецкой музыки, сколько можно судить изъ газетъ и журналовъ, находятъ въ Парижѣ много слушателей. Маленькая инструментальная колонія, образовавшаяся въ самой Консерваторіи и исключительно посвященная трио, квартету и квинтету, словомъ, комнатной музыкѣ, — не совсѣмъ еще овладѣла вкусомъ публики. Когда-то явится у насъ реакція противъ наводненія сладкихъ, салонныхъ мотивовъ; когда пріучимся мы не зѣвая слушать не однѣ только арии Доппетти, но и величественно-строга, дивныя созданія Бетховена, Моцарта, Гайдна, Глюка!..

Не довольно объ инструментальной части парижскихъ концертовъ; послушаемъ лучше, что пишетъ одинъ фаворитъ о пѣвицѣ-дебютанткѣ, которой имя также не слишкомъ чуждо звучитъ нашему уху. Оставленъ фортепьяно, виолончель и скрипка, и привѣтствуемъ дебютъ, объявляющій намъ кантатрису. Дривина Антонія де-Молма де-Менди, по-сладкая *Garcia*, племянница г-жи Маллабранъ и г-жи Виардо, ученица этой послѣдней, съ большимъ успѣхомъ пѣла въ Консерваторіи свизційскую пѣсню Перголеза и арию *Орландо Генделя*. Голосъ ея *также зорганъ*; но въ немъ уже слышится будущій контрабль. Не впадѣя еще большою легкостью вокализациа, она уже приобрѣла гибкость и чистоту замѣчательную. Дѣвица Антонія имѣетъ истинное музыкальное чувство, прекрасный голосъ, превосходную методу; кромѣ того, у ней удивительные глаза; движенія, исполненныя граціи. Не больше ли это, чѣмъ нужно для успѣха? При двухъ условіяхъ, однакожь... Если дѣвица Антонія будетъ трудить-

ся и если будетъ какъ-можно-болѣе состоять снвною изъ своему зоргану. Если это та самая Молма, которая исполняла у насъ, въ блестящій сезонъ нашей Итальянской Оперы, камерскія и тому подобныя партіи, и если фаворитъ не слишкомъ уклоняется эстетическими качествами молодой дебютантки, то такой прогрессъ въ ея пѣвн не только изумителенъ, но и слишкомъ вѣроуатенъ!

Въ Королевской Академіи Музыки дебютировалъ, вѣсколько времени спустя, новый теноръ Поншаръ, приготовившійся къ театальной карьерѣ добросовѣстнымъ и разнообразнымъ изученіемъ. Онъ долго обманывался въ своемъ истинномъ призваніи и былъ актѣромъ въ *Théâtre Français*. Но правильная и умная дикціа не составляетъ еще хорошаго актѣра, такъ же, какъ самой лучшей методѣ пѣвн недостаточна для того, чтобъ быть драматическимъ пѣвцомъ. Публика не поощрала Поншара на этомъ поприщѣ, и если никогда слишкомъ рѣзко не высказывала своего приговора, то по крайней мѣрѣ давала молодому человѣку надежду, что комедія не есть его призваніе. Поншаръ имѣлъ похвальное благоразуміе не продолжать испытанія слишкомъ долго. Онъ мужественно простился съ Мольеромъ и Маривѣ и принялся за вокализацию. Наконецъ, недавно, постучался онъ въ двери Королевской Академіи Музыки; публика приняла его благосклонно; но, увы! Поншаръ, вѣроуатно, не на долго останется и въ Королевской Академіи Музыки. Онъ чувствуетъ самъ, что его голосъ такъ слабъ, что не можетъ бороться съ оркестромъ Большой-Оперы. Онъ исполнилъ теноровую партію, сочиненную Гардонн въ оперѣ *L'ame en peine*, весьма-отчетливо; и обнаружилъ много вкуса и изящества въ пѣвн; но все это партія ниже силъ дебютанта, хотя она наивнѣе утомительная въ пѣломъ репертуарѣ. Если онъ останется въ Королевской Академіи Музыки долѣе, чѣмъ оставался въ *Théâtre Français*, то эта ошибка будетъ для него вредна

рвой, потому-что она можетъ закрыть у въ одно время двери Большой Оперы и Комической, гдѣ, кажется, его гинное мѣсто.

Знаменитая Штольцъ покидаетъ оперу. Не входя въ разсужденія о причинахъ, побудившихъ ее къ этому, и отря съ точки зрѣнія чистаго искусства (говорить одна французская газета, нельзя не сожалѣть о потерѣ таковой артистки, которую замѣнить будетъ не легко. Если иногда энергія ры вредила чистотѣ ея пѣнія, то у ней по-крайней-мѣрѣ было лирическое чувство, страсть истинная и глухая, и наконецъ, сила, надъ которой пяти актеры оперы не скоро бы сторжествовали. Почти во всѣхъ роляхъ, созданныхъ ею, она оставитъ воспоминавія, съ которыми новой прилоннѣ бороться будетъ довольноудно. Многие говорятъ, что съ удачею г-жи Штольцъ обѣщались репертуаръ, что «Карлъ VI», «Фаворитъ», «Королева Кипрская», написаны и вел одной и съ нею должны побауть. Но это преувеличенное мнѣе можетъ быть разрушено простымъ оборотомъ этихъ партій. Заботливость нѣкоторыхъ лицъ объ интересъ оперы заставляеть ихъ видѣть удаленіи г-жи Штольцъ какія-то кквивалентныя комбинаціи. Слушаяъ, можно думать, что она уноситъ собой послѣднюю надежду оперна-театра. Но, по всей вѣроятности, аменитая пѣвица не заслуживаетъ cet excès d'honneur, ni cette indigité; она чувствуетъ, что бремя ей по силамъ, и хочетъ отъ него изба-тись,—вотъ и все: она была, безъ со-тѣнія, въ своемъ правѣ. Теперь, сть явится талантливая артистка, съ широкимъ голосомъ, съ драматиче-скимъ увлеченіемъ, и она не отступитъ редъ ролью Одетты, передъ ролью аворитки, передъ ролью Королевы ирской! Поговариваютъ о госпожѣ арло. Пора, наконецъ, и Парижу лышать ее. Нѣтъ сомнѣнія, что она ажется вполне достойною наслѣ-я, которое призываютъ ее воспри-

нять. Въ остальной Европѣ слава г-жи Виардо растетъ съ каждымъ днемъ.

На театрѣ Комической Оперы дана была одно-актная оперетка: *Alix*, ко-торой музыка принадлежитъ г. Дошъ, а либретто гг. Ню и Фоллѣ (Nus et Follet). Вотъ отзывъ о ней одной фран-цузской газеты: «Это маленькое произ-веденіице могло бы войти въ кол-лекцію салонныхъ оперъ, которыя возвѣщаются въ эту минуту многими издателями и готовятся процвѣтать подъ тѣмъ лавровъ г. Флотова. До-машняя комедія увеличиваетъ свое владѣніе; она призываетъ къ себѣ на помощь музыкальную пословицу (pro-verbe). Да сохранитъ насъ Богъ отъ нарушенія этихъ невинныхъ, семей-ныхъ радостей! Критикѣ нѣчего виѣ-пшеваться къ эти домашнія фанта-віи. Отъ-чего же нашимъ женамъ, сестрамъ и дочерямъ не доставитъ се-бѣ добродѣтельнаго наслажденія, про-пищать тихохонько, *tout doucement*, какъ говорилъ Раблѣ, нѣсколько не из-данныхъ дуо или тріо, въ присутствіи своихъ супруговъ или родительницъ? Право, это развлеченіе стоить друго-го! И мы бы нисколько не удивились, еслибъ оперетка *Alix*, исполненная пе-редъ салонной публикой, съ присово-купленіемъ бала или ужина въ перспе-ктивѣ, возбудила энтузіазмъ; но какъ она попала въ репертуаръ Комической Оперы,—въ странѣ, гдѣ не существу-еть никакихъ принужденій власти въ этомъ отношеніи, этого мы рѣшитель-но не можемъ понять. Два слова о ли-бретто:

Алиса, гарлемская пѣвочница, ду-мала, что она любитъ матроса Томаса; но пока этотъ несчастный матросъ ло-вилъ въ Черномъ Морѣ треску, дѣвоч-ка замѣтила, что она его совсѣмъ не любитъ, и пошла нужнымъ выбрать ему въ преемники мосѣ Этьенна, лов-каго юношу, съ лицомъ не загрубѣ-лымъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, съ ку-дрями, которыхъ они никогда не раз-вѣвали. Вы видите, какъ нова эта кон-цепція, съ какимъ вниманіемъ прочли гг. Ню и Фоллѣ *Мишеля и Кристину*,

Конечно, матрость возвращается въ самый день свадьбы Алисы, и послѣ разныхъ стонозъ, воплей и проклятій платитъ долги своего соперника, женить его на цѣточницѣ и возвращается въ Гренландію ловить треску.

Спрашивается, какой музыкальный жаръ, какое званіе оркестра можетъ превратить въ комическую оперу эту печальную, пастушескую идиллію, этотъ безжизненный сколокъ съ одной изъ лучшихъ пьесъ Скриба? Понятно, почему съ таиникъ ядромъ, привязаннымъ къ ногѣ, композитору не удалось быть легкимъ и граціознымъ. А можетъ-быть, онъ и не довольно посоветовался съ своими силами прежде, чѣмъ взялся за оперу. Управлять маленькимъ оркестромъ, написать нѣсколько водеvilныхъ арій, потрудиться надъ гармоніей,—всего этого недостаточно для того даже, чтобъ набросать довольно-пріятную музыку самой скромной оперы; а когда выѣмъ дѣло съ либретто, требующимъ ума за двухъ, и даже за трехъ, понятно, что трудъ покажется слишкомъ-неблагодарнымъ, и что можно пасть подъ усиліями.

Увертюра представляетъ рядъ мотивовъ, едва задуваемыхъ, ищущихъ и преслѣдующихъ другъ друга съ несчастнымъ упорствомъ. Это безплодное богатство приводитъ только къ безсвязности. Мы ждали по-крайней-мѣрѣ какого-нибудь летучаго *allegretto*, безъ большой оригинальности, но которое хоть было бы не лишено живописи. Но тщетно. Авторъ потерялся въ шумѣ и трескѣ оркестра, Богъ-знаетъ для чего приведенныхъ здѣсь. Гг. композиторы какъ и всѣ люди: они сердятся, когда имъ нечего говорить; не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ молчать? Забудьте еще, что увертюра—самое лучшее въ оперѣ г. Дюша; есть, правда, недурный кватуръ, но это опять-таки не болѣе, какъ эбошъ; то же самое можно сказать и о дуэтѣ Алисы съ рестоуакомъ, которому она продаетъ бральянты, купленные ея женихомъ, контрастъ

между радостью Жида и отчаяніемъ Алисы мѣстами выражены довольно-удачно; но всѣ эти черты набросаны рукою слишкомъ-нетвердою, слишкомъ-мало опытною, такъ-что онѣ не могли получить рельефности и необходимого развитіе. Но ограничимъ этия разборъ нашъ, который уже довольно-длиненъ, и повторимъ, что истинное призваніе г. Дюша—опера-лонная; пусть онъ посвятитъ себя ей: онъ замѣнитъ г. Флотова, похищеннаго навсегда успѣхомъ *L'ame en peine* у нилго театра его прежнихъ триумфовъ. Сдѣлаться композиторомъ стоикихъ проститыхъ женщинъ, развѣ это не дивно? И притомъ, развѣ всѣ роли не равно хороши, кромѣ... кромѣ того, который вы знаете. И этотъ послѣдній родъ не такъ легко поквувъ, когда кто имѣлъ несчастіе предаться ему разъ или два...

Но насъ ждутъ еще другіе театры. Новыхъ пьесъ явилось въ послѣднее время много; но немногія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Забѣчательнѣе другихъ: комедія Мери *Harquet* (le Raquet), *Сотрудники* (les Collaborateurs), маленькая пьеска нѣкоего г. Жуссрандо, и переведенная г-и Ипполитомъ Люя эврипидова *Алгема*. Всѣ три пьесы въ стихахъ; это обиліе стиховъ напоминаетъ однихъ забавный каламбуръ, сданный старымъ директоромъ театра *Водевилъ: J'ai laissé le Vaudeville bien bas, mais les vers ne s'y étaient pas encore mis...* Но еслибъ всѣ драматическіе авторы писали таинихъ стихами, какъ Мери, то ни публика, ни антрепренѣры театровъ не были бы въ наладѣ. Давно ли даровитый поэтъ и романистъ подарилъ театру Олеона—Бдикій, остроумный панфлетъ въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *L'Univers et la Maison*, и вотъ опять является на томъ же театрѣ новая комедія его, неустывающая въ достоинствахъ первой. Чубъ хорошенько оцѣнить ее, чтобъ дать поминіе о тонкихъ шуткахъ, разбросанныхъ въ ней щедрою рукою, должно было бы привестъ ее всю отъ всѣхъ

ваго стиха до послѣдняго. Здѣсь главное—разговоръ живой, легкой, разнообразный, остроумный. Г. Мери смѣется надъ всѣмъ, даже надъ Олеопомъ, гдѣ поставлена его пьеса. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержание: Лорренъ, описуя Эрминю, присматриваетъ за ней съ неусыпною заботою Бартоло, потому что имѣетъ намереніе на ней жениться. Можете судить о его отчаяніи, когда онъ замѣтилъ, что какой-то молодой человекъ слѣдуетъ за нимъ всюду, въ оперу, въ церковь, на Вандомскую-Площадь, въ Одеонъ. Чтобъ отдѣлаться отъ этого господина, Лорренъ садится на итальянскій пароходъ. Первое лицо, которое онъ встрѣчаетъ тамъ,—его преслѣдователь. Тогда пароходъ дѣлается театромъ множества забавныхъ сценъ, кончающихся бракомъ Эрминю съ ея любовникомъ; Лорренъ самъ благословляетъ этотъ бракъ, думая, что пароходъ долженъ погибнуть. Но, къ счастью, только глупая страсть старика терпитъ кораблекрушеніе, между тѣмъ, какъ пьеса благополучно достигаетъ берега посреди рукоплесканій и криковъ зрителей. Пьеса имѣла успѣхъ блестящій; авторъ былъ названъ. Въ этой комедіи, написанной Мери—однимъ, въдесятеро больше ума, чѣмъ въ тысячѣ прозведеніяхъ, фабрикуемыхъ компаніями.

Кстати о сотрудничествѣ. Пьеска г. Жуссрандо, которую мы назвали выше, прежде, чѣмъ была представлена, надѣлала много шума. Уже самое названіе ея возбудило толкъ. Говорили о разныхъ намекахъ, ожидали вѣдой сатиры на извѣстную фабрику романовъ подъ фирмою одного извѣстнаго писателя. Доброжелатели автора распускали слухъ, что актѣры дрожали на репетиціи, боясь, чтобъ въ партерѣ не слѣзлась драма въ первое представленіе. И чѣмъ же все это разрѣшилось? Пьесу разыграли тихо, скромно. Нѣкоторые счастливые стихи были замѣчены публикой; большая часть пропущена безъ вниманія, по причинѣ своей водяности и безцѣльности. Сю-

жетъ оказался самымъ невиннымъ. Нѣкто Флорансакъ, знаменитый поставщикъ фельетонныхъ, стяжалъ себѣ славу, подписывая свое имя подъ сочиненіями молодыхъ людей, слишкомъ-слабыхъ, немогущихъ летать на собственныхъ крыльяхъ. Между ними есть нѣкто Рожэ, которому надоѣло подобное рабство. Къ-тому же, онъ влюбленъ въ молодую дѣвушку Елену, обѣщанную старой тѣткой, синимъ-чулкомъ временъ имперіи, славному Флорансаку. Нужно помѣшати этой свадьбѣ. Рожэ находитъ къ этому средству въ послѣднемъ романѣ, подписанномъ Флорансакомъ, и который есть не что иное, какъ повтореніе одного изъ произведеній синимъ-чулка. Мораль всего этого та, что должно избѣгать сотрудничества. Но не всякому данъ талантъ Мери, и, по нашему мнѣнію, возьми г. Жуссрандо сотрудника, тотъ бы, можетъ-быть, замѣтилъ ему, что нѣсколькихъ бойкихъ стиховъ недостаточно для полнаго успѣха: для этого нужно еще кое-что,—нужно побольше дѣйствія, нужны характеры порельефнѣе, концепція пошире... Воля ваша; умъ хорошо, а два лучше,—вословица не лжетъ. Впрочемъ, пьеска не совсѣмъ упала.

Теперь объ *Альцестѣ*. Сюжетъ *Альцесты* принадлежитъ къ самымъ патетическимъ, навѣе только представляеть наибъ древности. Вотъ что говоритъ о пьесѣ Эврипида одинъ изъ глубокихъ знатоковъ греческой литературы, г. Патэнъ, въ своихъ превосходныхъ очеркахъ греческихъ трагиковъ:

«Альцеста, эта женщина, умирающая вмѣсто Адмета, и по совершеніи жертвы освобожденная Геркулесомъ изъ ада и возвращенная супругу;— вотъ что нашелъ поэтъ въ религиозномъ преданіи; изображение семейныхъ привязанностей, самыхъ нѣжныхъ, самыхъ живыхъ, — вотъ что извелъ онъ изъ этой баснословной канвы. Ничего нѣтъ страннѣе происшествія драмы, ничего естественнѣе чувствъ и языка. Дѣйствіе придаетъ нравамъ достоинство и блескъ, и въ

• своей чередъ получаетъ отъ нихъ въ-
• ролю; счастливое смѣшеніе, кото-
• рое, перенося воображеніе къ тѣмъ
• древнимъ временамъ, когда боги жи-
• ли съ людьми, пріявъ ихъ образъ,—
• плѣняетъ сердце изображеніемъ все-
• да современной страсти.»

Это вѣрно и прочувствовано. Рома-
ническая прелесть съ одной стороны,
и патетизмъ положенія съ другой, да-
ютъ этому произведенію преимуще-
ство надъ многими пьесами греческа-
го театра. Простота дѣйствія поддер-
жана съ большимъ искусствомъ. Вы
видите сначала женщину изнемогаю-
щую, которая, принося себя въ жер-
тву за мужа, сожалеетъ о свѣтѣ дня.
Она со слезами покидаетъ жизнь, но
готова умереть, лишь бы тотъ, кого
она любитъ, могъ наслаждаться блага-
ми существованія: это зрѣлище трога-
тельное. Посреди сценъ отчаянія, яв-
ляется незнакомецъ, съ формами нѣ-
сколько-грубыми, съ тономъ нѣсколь-
ко-рѣзкимъ; нравы его имѣютъ что-то
сходное съ нравомъ Циклопа; но душа
въ глубинѣ—душа сына боговъ.—
Геркулесъ представляется во дворецъ
Адмета, и царь ессалійскій, оказы-
вая гостепрѣимство съ необыкновен-
ной роскошью, скрываетъ отъ взоровъ
его трупъ Альцесты. Такое усиліе
надъ собою возбуждаетъ истинное
удивленіе.— Тягостное чувство ощу-
щаешь, видя Геркулеса, предающаго-
ся веселымъ пѣснямъ, упоенію оргіи
посреди погребальныхъ приготовле-
ній. Но вдругъ положеніе измѣняется:
одинъ изъ служителей Адмета, не мо-
гши скрывать долге тайны при видѣ
такой неумѣстной веселости, говоритъ
Геркулесу, что Адметъ отправился
проводить Альцесту до могилы. Про-
исходитъ совершенное превращеніе:
Геркулесъ дѣлается сильнѣйшимъ, ве-
личайшимъ и мужественнѣйшимъ изъ
смертныхъ. Онъ боролся со многими
чудовищами и укрощалъ ихъ. Но
есть одно, котораго мужество его еще
не встрѣчало: это гений Смерти, не
нравящійся людямъ, какъ и богамъ.
Геркулесъ будетъ ждать его близъ мо-

гилы, и когда этотъ враждебный ге-
ній захочетъ схватить свою жертву,
чтобъ унести ее въ адъ, — Геркулесъ
вырветъ ее, возвратитъ къ жизни и
вручитъ Адмету. Геркулесъ въ са-
момъ дѣлѣ остается побѣдителемъ въ
этой нечеловѣческой борьбѣ и броса-
етъ Альцесту еще бездушную, но объ-
щанную жизни, въ объятія счастлива-
го супруга.

Трудно найти басню болѣе пріят-
нательную, и потому многіе поэты
брали ее для своихъ произведеній.
Древніе обладали нѣсколькими Альце-
стами, но до насъ дошла только Эври-
пидова. У Французовъ было также
нѣсколько попытокъ. При открытіи
французскаго театра (1806), Алек-
сандръ Арди написалъ трагедію «Аль-
цеста или Вѣрность», — странную, без-
связную, блѣдную, какъ большая часть
его пьесъ. Въ 1677 году, Киндъ сдѣ-
лалъ изъ Альцесты оперу для Люлли,
она имѣла успѣхъ, не смотря на то,
что лицо Геркулеса, нѣжно влюблен-
наго въ Альцесту, вышло крайне-смѣ-
шно. Расинъ, въ предисловіи къ «Изи-
генію», защищаетъ Альцесту отъ
многихъ нелѣпыхъ нападокъ, кото-
рымъ она подвергалась. Онъ живо со-
чувствовалъ трагедіи Эврипида, и со-
жетъ ее такъ глубоко запалъ ему въ
сердце, что онъ думалъ перенести его
на французскую сцену, какъ сдѣ-
лалъ это съ Андромахой, Федрой и
Изигеніей. Если вѣрить Лагранжъ-
Шанселю, также написавшему «Аль-
цесту», то Расинъ даже началъ этотъ
трудъ; но незадолго до смерти, недо-
вольный имъ, бросилъ его въ огонь.
Чтеніе Эврипида, говоритъ Лагранжъ-
Шансель въ предисловіи къ своей
«Альцестѣ», въ соединеніи съ идеями
Расина, которыя имъ удалось собрать,
породили во мнѣ желаніе—обработать
этотъ сюжетъ. Но онъ мало воспользо-
вался идеями Расина, и его пьеса имѣ-
етъ тотъ же недостатокъ, что и опера
Киндъ. Любовь Геркулеса, совершенно
противная духу древности, уродуетъ
его произведеніе. Впрочемъ, есть
энергія въ этой трагедіи, прелесть

щей всё упомянутыя выше. Мы не станем распространяться объ Альцестъ Буассм, лишенной здраваго смысла. Древняго мифа тутъ вѣтъ и тѣни; все искажено, обезображено; это просто пародія на Эврипида. Сен-Фюа, для выздоровления дофны, написалъ маленькую аллегорическую пьеску: «Альцеста», и съ-тѣхъ-поръ до самаго Глюка объ этомъ сюжетѣ не было слышно. Кавалеръ Глюкъ вывелъ Альцесту на лирическую сцену съ поэмой Кавзабиджи, переведенной на французскій языкъ Ромсе. Эта поэмка ничтожна. Наконецъ Дюси, въ пьесѣ подъ названіемъ *Эдипъ у Адмета*, хотѣлъ соединить Софокла съ Эврипидомъ. Слѣдствіе, какъ можно было ожидать, вышло очень-плохо. Впрочемъ, Дюси въ этой трагедіи обнаружилъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, спенической силы. Последняя сцена, происходящая въ храмѣ *Фурій*, не лишена величія.

Наконецъ, Итальянецъ Альфіери, научась греческому языку, въ возрастѣ, когда ужь больше забываешь, чѣмъ знаешь, написалъ также «Альцесту». Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Дошедъ до Альцесты, в которой не имѣлъ никакого понятія, я былъ такъ пораженъ, такъ тронутъ, такъ воспламененъ глубокимъ драматизмомъ этого сюжета, что, окончивъ ее, написалъ на клочкѣ бумаги, который и теперь у меня, слѣдующія слова: «Флоренція, 18 января 1796. Еслибъ я не далъ себѣ клятву не писать больше никакой трагедіи, то послѣ чтенія эврипидовой Альцесты, такъ возволнованной и увлекшей меня, я ту же минуту набросалъ бы планъ новой Альцесты; я перенесъ бы въ нее все, чтъ мнѣ нравится въ греческой; прибавилъ бы своего, если бы могъ, и удалилъ бы все, чтъ есть страннаго въ текстѣ; а это не бездѣлица.»

Альфіери написалъ свою «Альцесту» въ бреду и сдзаэхъ. Это его выраженіе. Въ ней есть достоинства; но и она совсѣмъ искавила древнее чувство, передѣлавъ характеръ отца Адмета, стараго Фереса, столь привязан-

наго къ жизни у Эврипида, и придавъ чувствамъ Альцесты болѣе утонченности, деликатности.

Новый переводъ «Альцесты», сдѣланный г. Имполитомъ Люка, имѣетъ то достоинство, что въ немъ сохранена древній характеръ; но и этотъ переводъ не новѣтъ точенъ, потому-что переводчикъ позволялъ себѣ, — вѣроятно, слѣдуя примѣру Альфіери, — удалить то, чтъ казалось ему страннымъ въ текстѣ. — Безъ передѣлки Французы не могутъ обойтись!

Трагедія эта была выслушана отъ начала до конца со вниманіемъ. Смерть Альцесты, во второмъ актѣ, заставила многихъ плакать. Эврипидъ, между трагическими поэтами, поэтъ сердца. Когда Альцеста, умирая, говоритъ дѣтямъ:

On souffre à vous quitter encore plus qu'à mourir!

эта материнская мысль, которая есть какъ-бы послѣдняя черта трогательной картины, произвела сильное впечатлѣніе. Въ третьемъ актѣ, когда Геркулесъ отклоняетъ Адмета отъ навіренія заколотъ, говоря, что время излечить скорбь его, и Адметъ отвѣчаетъ ему: «я боюсь забыть ее!» — эта прекрасная мысль возбудила общій энтузіазмъ.

Вообще, приѣмъ, оказанный французской публикой переводу г-на Люка, самый благосклонный. Роль Альцесты играла Араьди, роль Геркулеса — Даркуръ.

Отъ древней драмы не хотите ли перейти къ новой, т. е. къ бульварной мелодрамѣ, со всѣми возможными ужасами и эффектами? Довольно знать имя ея автора, чтобъ представить себѣ, въ чемъ дѣло. Г. Бушардъ — глава школы, жертвующей качествомъ количеству и воображающей, что пьеса должна быть сбродомъ необыкновенныхъ приключеній, нечаянностей, мертвецовъ, которые воскресаютъ, говорящихъ — нѣмыхъ, видающихъ — слѣпыхъ, и проч. Только была бы исторія на исторію, и если въ послѣднемъ актѣ уезъ такъ запутается, что его

нельзя развязать, г. Бушарди разсѣкаетъ его подобно Александру, и дѣло съ концомъ. Чтобъ дать подробный отчетъ о драмѣ г. Бушарди, ну жень былъ бы, по-крайней-мѣрѣ, листъ блаженной памяти «Эпохи». Но если разсказывать только необходимое, то можно удовольствоваться и меньшимъ.

Примѣръ:

Женится ли Ричардъ на миссъ Арабеллѣ? Нѣтъ, потому-что онъ сынъ сына лондонскаго палача. — Да; потому-что лондонскій палачъ не отецъ своего сына.

Вотъ и вся пьеса. Что же касается до слога, это слогу Бушарди, и этимъ все сказано. Мелодрамы прошлаго времени — передъ языкомъ г. Бушарди просто: du Racine. Актёры, декорации—все, конечно, соотвѣтствуетъ достоинству пьесъ. Но особенно — любопытны бываютъ костюмы: они годились бы въ процессію масличнаго быка. Впрочемъ, новая драма г. Бушарди *Bertram le matelot* (Матросъ Бертрамъ), данная на театрѣ Gaité, имѣла успѣхъ необычайный. — Въ театрѣ Forte St. Martin привлекаетъ каждый вечеръ многочисленную толпу пародіяна Монте-Кристо-Александра Дюма, подъ названіемъ: *Monte-Fiasco*, и мелодрама *Maitre Palma*, одного покроя съ пьесами г. Бушарди. На Французскомъ Театрѣ торжественно пала новая пяти-актная комедія, автора, впрочемъ, весьма-даровитаго, г. Ледона Гозлана — *Notre fille est princesse*. Недостатокъ живости въ интригѣ и крайне-пшбитое содержаніе были причиною этого паденія. — И умные люди падаютъ!

На сценѣ Пале-Ройяля имѣетъ огромный успѣхъ довольно-длинный, но, по-крайней-мѣрѣ, весьма-эксцентрическій фарсъ: *La Fievre brulante*, принадлежащій перу г. Мельвиля. — Известные комики: Грано и Равель, смѣшать въ этой пьесѣ публику до упаду, въ особеннсти послѣдній... — Наконецъ, упоминаемъ о комедіи Баяра и Пола Вермона *L'enfant de l'amour* (Сынъ Любви), не безъ успѣха

данной на театрѣ Variétés. Конценція ея довольно-слаба, но множество мелкихъ подробностей, полныхъ ума и вкуса, и наконецъ игра Дежазо—поддержали пьесу.

Къ числу новостей драматической литературы можно, если угодно, отнести появленіе, особенной книжкой, драмы Понсара «*Agnès de Mégnie*», хотя о ней всѣ уже почти забыли. Но предисловіе, которымъ снабдилъ г. Понсаръ свое произведеніе, извлекло его еще на нѣкоторое время изъ всепоглощающихъ волнъ Леты. Въ этомъ предисловіи заключается отвѣтъ критикамъ поэта. Жюль Жаненъ, въ фельетонѣ «*Débats*», съ ужаснымъ ожесточеніемъ началъ на предисловіе г. Понсара, на его драму и на весь классическій родъ. Въ фельетонѣ Жанена много дѣльнаго, меткаго, остроумнаго, но также много и пристрастія къ нестойкимъ драмамъ Гюго, котораго онъ ревностнѣйшій поклонникъ, — и ничего глубокаго. Какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что предисловіе Понсара написано благородно, съ достоинствомъ, что въ немъ попадаются мѣста, противъ которыхъ бессильна и желчь самого Жанена. Приведемъ отсюда одно мѣсто, гдѣ авторъ оправдывается отъ обвиненія *ex realciti*, возводимыхъ на него его судьями:

«Къ чему эти поднятые штаты? Или правила Аристотеля у воротъ нашихъ? Не угрожаютъ ли намъ вторженіемъ единства, въ сопровожденіи наперсниковъ? Ничего не знаю; знаю только, что я, съ своей стороны, допускаю одно господство — здраваго смысла. Всякая идея, всяка доктрина должна постоянно подвергаться разсмотрѣнію этого высшаго суда. Что же общаго въ этомъ убѣжденіи съ педагогіей и педантизмомъ? Правда, я не открылъ дѣйствія разговоромъ между пестлянами и молодыми дворянами; обвиненіе не было выведено на сцену. Я не выискивалъ пустынныхъ улицъ и улицъ безъ гробовъ. Можно было бы видѣть Аннесу на улицѣ, преслѣдуемую ругательствами народа; но что же имѣло для нея вѣсти ее въ домъ, изъ котораго бы она выглянула со стыдомъ. Наконецъ — все это

могло быть дополнено процессіями, фонарными, шумомъ и пѣсколькими ударами пшавгъ. Я не говорю, чтобъ это не было лучше; но я хотѣлъ сдѣлать другое. Я думалъ, что страданіе и преданность женщины, невинной жертвы борьбы между двумя великими могуществами средних вѣковъ — могли быть интересны въ своемъ развитіи, и я помѣстилъ всю драму въ сердцахъ Аяксы.

«Допускаю, сколько угодно, что я дурно исполнялъ свою мысль, но не допускаю, чтобъ я былъ недантъ и реакціонеръ потому что возмѣнилъ эту мысль. Какъ каждый воленъ запутать драму въ безчисленномъ множествѣ приключеній, наполнить ее снѣжескими эффектами, то не вижу, почему бы каждый, не былъ точно также воленъ ограничить драму четырьмя лицами, концентрировать ее въ развитіи страсти или чувства. Это, можетъ-быть, очень-скудно? — Согласенъ; но это не реакція, ничтожная и завистливая (*misérable et envieuse*).

«Да въ что такое реакція въ дѣлѣ искусства? Въ немъ есть только хорошее и дурное. Развѣ образъ воззрѣнія потому только ложенъ, что онъ старъ? Развѣ, чтобы заслужить титулъ поборника новыхъ идей, должно принимать ихъ всѣ хороши онѣ или дурны, потому только, что онѣ новыя. Но это-то и есть фетишизмъ и рутиня, въ которой насъ обвиняли. Поэтическое искусство замѣнено предисловіемъ къ *Кремлю*, — вотъ и все.

«Расширь въ предисловіи къ *«Беренсѣ»* говорить: «Нѣкоторые думаютъ, что эта простота — недостатокъ изобрѣтательности; они не понимаютъ, что, напротивъ, изобрѣтательность-то и состоитъ въ томъ, чтобы изъ ничего сдѣлать все, и что это множество приключеній всегда было убѣждаемъ для нечувствующихъ въ себѣ столько гевія, ии столько плодovitости, ни столько силы, чтобы въ продолженіе пяти актовъ поддерживать вниманіе публики дѣйствіемъ простымъ, развитіемъ чувствъ и страстей, и издѣлствомъ выраженія.

«Нисколько не думаю, что это все встрѣчается въ моемъ произведеніи; нельзя, однакожъ, запретить человѣку, какъ бы ни былъ онъ неспособенъ, приводить слова великаго поэта въ подтвержденіе, не говорю того, что онъ сдѣлалъ, но то, что хотѣлъ онъ сдѣлать.»

— Говоря о музыкальныхъ новостяхъ, слона-то мы и не замѣтили; а все отъ-того, что сосредоточили свое вниманіе на парижскихъ сценахъ. Дѣло въ томъ, что 14-го марта во Флоренціи давали первое представленіе «Макбета», новой оперы Верди. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Четъре нумера, по требованію публики, были повторены. Сцена соннамбулизма, пропѣтая актѣромъ Барбьери-Нини, особенно возбудила восторгъ; Верди былъ вызванъ 27 разъ. Во второе представленіе его вызвали 38 разъ. Не говоримъ о провожаніи молодого маэстро и шумныхъ крикахъ публики; но нельзя не упомянуть, что знатнѣйшія фамиліи Флоренціи и въ главнѣйшихъ, между прочимъ, князь Полятовскій, Демидовъ и графъ Корсини, рѣшились увѣнчать Верди золотымъ вѣнкомъ цѣною въ 5000 франковъ, что и было исполнено въ третье представленіе «Макбета».

А между-тѣмъ... еще недомолвка: въ Парижѣ недавно были исполнены двѣ музыкальныя пьесы, заслуживающія полнаго вниманія: «Майоредъ», соч. Якомба и «Stabat» графа Теобальда Вальба; послѣднее, съ соломъ и хорами, составлено въ религиозномъ духѣ. Музыка величественна; образцомъ композитору служила, конечно, древняя церковная музыка и широкій, мужественный стиль Палестрины; но авторъ украсилъ его и всѣмъ тѣмъ, что только могла дать ему новѣйшая музыка.

— Изъ области чужеземной литературы дошли до насъ многія новости, о которыхъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, не имѣя возможности, — по обилію матеріаловъ, приготовленныхъ къ этой книжкѣ, — помѣстить въ ней критической статьи въ отдѣлѣ Иностранной Литературы. — Вотъ эти новости:

Въ Парижѣ выходитъ новое иллюстрированное изданіе пѣсенъ Беранже. Издатель ничего не жалѣлъ для красоты книги, и публика въ восторгѣ. Первая часть или половина уже въ

продажѣ. Но, кромѣ красоты, изданіе это отличается отъ всѣхъ другихъ прибавленіемъ двухъ новыхъ пѣсень: *Notre Coq* и *Le Grillon* и письма Беранже къ издателю.

Французскіе журналы расхваливаютъ новый романъ *Belle Rose*, сочиненія г. Амедѣ Ашара. Это очень остроумный рассказъ, говорятъ они, о похожденияхъ одного счастливица, бывшаго о-фицеромъ при Людовикѣ XIV; въ немъ, въ этомъ рассказѣ, вы найдете полныя жизни и правды описанія, драматизмъ, сжатое, быстрое теченіе завязки и сюжета, и проч.

До сихъ поръ инженеры не имѣли спеціальнаго сочиненія по части сондирования или буренія земли. Не будемъ исчислять здѣсь всѣхъ полезныхъ приложеній этого дѣла, какъ при составленіи инженерныхъ проектовъ, такъ и при самомъ производствѣ работъ, или наконецъ при буреніи артезианскихъ колодезей; польза сондирования или буренія не подлежитъ уже сомнѣнію, хотя нѣкоторые приверженцы старины и не признають этой пользы; скажемъ только, что во Франціи инженеръ Дегузѣ издалъ: *Guide du Sondeur, ou Traité théorique et pratique des sondages*, — книгу, въ которой собрано все, что только было сказано и сдѣлано другими, и все, чѣмъ онъ самъ усовершенствовалъ сондировку.

Полное Собраніе Латинскихъ Авторъ (*Collection complète des auteurs latins*) съ переводомъ на французскій языкъ, издающееся подъ редакцію Нивара — есть, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ огромныхъ предпріятій книгодѣлія. Оно приходитъ къ концу. Издатели посвятили ему десять лѣтъ трудовъ и большіе капиталы. Но важнѣе всего то, что, по прежнимъ изданіямъ, всѣ латинскіе классики выѣщались не менѣе какъ въ 200 томахъ, одинъ переплетъ которыхъ стоилъ почти то же, что все новое изданіе въ 27 томахъ съ текстомъ, переводомъ, прилѣжаніями, объясненіями и проч. Все изданіе будетъ состоять, какъ мы описали, изъ 27 томовъ (вышло уже 24),

въ большую восьмую долю листа, и стоитъ 324 франка; но кто вымѣниваетъ прямо всю сумму, тому дается уступка въ 15 процентовъ, то-есть тотъ платитъ 276½ франковъ; а кто желаетъ приобрести въ долгъ, тотъ при полученіи вышедшихъ томовъ платитъ 74 франка и потомъ черезъ каждые полгода пять разъ выплачиваетъ по 30 франковъ. За пересылку также не платятъ. Мы думаемъ, что и у насъ въ Россіи найдутся охотники приобрести это изданіе; не худо бы было бы, еслибъ наши петербургскіе и московскіе книгопродавцы объявили отъ себя подобныя же условія для приобретения этого изданія, — безъ того, оно, по нашему мнѣнію, немного найдетъ покупателей.

Не считаемъ нужнымъ распространяться о новомъ великоfolio-многостраничномъ изданіи сочиненій Шатобриана и новомъ изданіи приведенныхъ въ систему романовъ Балзака, подъ названіемъ *La Comédie Humaine*. Какъ видно, эти сочиненія, хоть и устарѣли, однако находятъ еще охотниковъ. Но нельзя не упомянуть объ успѣхѣ ламартинової «Исторіи Жироидистовъ»: шесть тысячъ экземпляровъ ея были раскуплены въ два дня и издатель принялся печатать до 12 тысячъ экземпляровъ.

«Осы» Альфонса Карра выходятъ уже иллюстриванныя, но за ту же цѣну. Публика расхвотала вышедшіе номера съ жадностію.

Вышелъ пятый выпускъ *Dictionnaire des Sciences Philosophiques*. Изъ числа замѣчательныхъ статей въ этомъ выпускѣ находятся: *Habitude, Infini, Immortalité, Intuition, Induction* — Франка, директора словаря; *Philosophie indienne* — Бартелии Сент-Илера, *Hobbes* — Дамирона; *Ibn-Roschd Ibn-Bafji, Ibn-Lina (Averroës, Aven-race, Avicenne)* — Мунка; *Harris, grammaire générale* — Бульѣ; *Imagination, Jamblique* — Вадрѣ; *Hemstershuys, d'Holbeck* — Арто; *Idealisme* — Вары; *Hegel, Herder, Hamann, Jacobi etc.* — Дамма и проч. — Книжный магазинъ Гашея,

который издаётъ этотъ словарь, издавъ также недавно отдѣльное сочиненіе Дамирона, подъ названіемъ: *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XVII siècle*, въ которомъ съ чрезвычайною ясностью изложены системы Декарта, Картезіанцевъ, Спинозы, Мальбранша и проч.

Можетъ-быть, читатели еще не забыли книги, подъ названіемъ *Un Million de Faits*, которая хотя и была составлена въ духѣ старинныхъ краткихъ «Энциклопедій для Юношества», но, будучи редижирована съ знаніемъ дѣла и вровень съ настоящимъ ходомъ наукъ, была принята публикой съ полнымъ одобреніемъ. Теперь редакторы этой книги издали другую, подъ названіемъ *Patria*, которая можетъ служить хорошимъ руководствомъ для желающихъ познакомиться съ Франціей.

Мы сказали о выгодности условій, на которыхъ можно приобрести полное собраніе латинскихъ авторовъ; но условія, на которыхъ продается въ Парижѣ *Dictionnaire des sciences naturelles*, едва-ли еще не выгоднѣе, — вотъ они: словарь этотъ заключается въ 61 томѣ, въ 8-ю д. л., съ 1226 листами рисунковъ; онъ составленъ изъ трудовъ гг. Броньяра, Шеврѣля, Кювье, Дюжериля, Дюжона, Жофруа Сент-Илера, Де-Жюссель, Мирбеля, Ласпеда, и пр. Первоначальная цѣна этого словаря была 665 франковъ, — теперь остающіеся экземпляры распродаютъ по 100 франковъ и притомъ въ ту же цѣну включается особое изданіе: «Зоологическій Атласъ» изъ 100 листовъ, съ изображеніями 257 рѣдкихъ животныхъ. — Не знаемъ, что можетъ быть дешевле и доступнѣе этого!

Вышелъ первый томъ весьма любопытныхъ «Записокъ Маршала Витора, герцога Беллюнскаго», подъ редакціею старшаго сына его. Записки эти обнимаютъ время съ 1792 по 1830 годъ; одно это уже дѣлаетъ книгу интересною.

Теперь рѣшительно мода на исторіи французской революціи: кромѣ извѣ-

стныхъ уже Тьера, Ламартина, Мишлѣ и Луи Блана, кромѣ записокъ герцога Беллюнскаго, которыя также сюда относятся, явилась еще «Исторія Революціи и Имперіи» Амедѣ Габуря (*Amedée Gabourd*). Каждая изъ этихъ исторій, конечно, имѣетъ свой, можетъ-быть, односторонній взглядъ; но какъ же и добиваются до истины, какъ не односторонними специальными разработками? Право, во многихъ одностороннихъ сочиненіяхъ найдете несравненно-болѣе правды, нежели въ такихъ, гдѣ авторъ поднимается на ходули безпристрастія; воля ваша, а безпристрастіе иногда — вещь подозрительная...

Еще дѣльное изданіе: *Dictionnaire National* или «Большой классическій и всеобщій Словарь французскаго языка», два большіе тома въ 4-ю д. л., въ 4 столбца и 3000 страницъ; онъ составленъ Бешрелемъ (*Bescherelles*), состоящимъ при Луврской Королевской Библіотекѣ. Книгопродавцы высчитываютъ, что словарь этотъ заключаетъ въ себѣ текстъ, равный 150 томамъ обыкновенной печати; стоитъ онъ 50 франковъ. Авторъ и издатель поднесли экземпляры этого словаря королю Людовику Филиппу, королю английской, королямъ голландскому, бельгійскому, прусскому, баварскому, датскому и инымъ.

Исторія времени республики и имперіи имѣла до-сихъ-поръ одинъ пробѣлъ, нѣкимъ непополненный: мы говоримъ о морскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Г-нъ Жюррьенъ-де-ла-Гравьеръ, сынъ французскаго контр-адмирала и самъ командиръ корвета, слѣдовательно, человекъ и по воспоминаваніямъ дѣтства и по роду службъ вполне знакомый съ этими предметомъ, издавъ недавно *Исторію морскихъ войнъ во время Республики и Имперіи Французской*. Всѣ журналы отзываются объ этомъ сочиненіи, какъ о книгѣ чрезвычайно умной и дѣльной. Она входитъ въ составъ извѣстнаго изданія библіотеки Шарпантье.

Наконецъ, въ спискахъ вновь посту-

ншихъ въ продажу книгъ преимущественно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

Monument de Nénive (Ниневійскій Памятникъ), découvert et décrit par M. P. E. Botta; mesuré et dessiné par M. E. Flandin.

Essai sur le Symbolisme Antique de l'Orient, principalement sur le symbolisme égyptien (О древнемъ восточномъ символизмѣ, преимущественно египетскомъ), contenant la critique raisonnée de la traduction du passage du cinquième livre des *Stromates* de St. Clément d'Alexandrie etc., par M. Brière.

Etudes critiques sur le Rationalisme contemporain (Критическія изслѣдованія современнаго рационализма), par l'abbé H. de Valroger.

Histoire anecdotique et populaire de Napoléon (Анекдотическая и популярная исторія Наполеона), par un ancien général de l'empire, son condisciple à l'école de Brienne. Livraison 1 et 2.

Histoire de France (Исторія Франціи), par *Anquetil*. Новое изданіе, продолженное до 1830 года *Buretoms* и до нашихъ временъ — *Leffrança*. Томы III и IV.

Histoire de Napoléon (Исторія Наполеона), par *Elias Regnault*. Томъ III.

Histoire des souverains Pontifes romains (Исторія римскихъ первосвященниковъ), par M. le chevalier *Artaud de Montor*. Томъ I.

Les Diplomates et Hommes d'Etats européens (Европейскіе дипломаты и государственные люди), par M. *Carpefigue*. Томъ III.

Biographie universelle ancienne et moderne (Supplément), ou *Suite de l'histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Ouvrage entièrement neuf, rédigé par une société de gens de lettres* (Всеобщая древняя и новая біографія (Прибавленія), или продолженіе, въ алфавитномъ порядкѣ, исторіи общественной и частной жизни всѣхъ людей, замѣчательныхъ своими сочиненіями,

дѣяніями, талантами, добродѣтелями или преступленіями. Изданіе совсѣмъ новое, заведенное компаніей литераторовъ). Томъ LXXX (*Rost-Sall*). Прибавленій томъ XXVIII.

Cahiers d'histoire naturelle (Тетради естественной исторіи), par M. *Mila Edwards* et M. *Comte*. Новое изданіе. Тетрадь третья.

Les Chants d'un oiseau de passage (Пѣсни перелетной птицы), poésies, par *Alphonse Duchesne*.

Romans, Contes et Voyages (Романы, рассказы и путешествія), par *Arsine Houssaye*.

Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1847 (Политико-экономическій и статистическій календарь на 1847 годъ), par M. M. *Joseph Garnier* et *Guillaumin*.

Hygiène physique et morale des prisons, ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et moral des prisonniers, et des modifications qu'il y aurait à apporter au système actuel de nos prisons. (Физическая и нравственная Гигіена тюремъ, или о вліяніи, которое системы наказанія производятъ на физическую и нравственную природу арестантовъ, и о перемѣнѣ, кака должна производиться въ этомъ отношеніи отъ настоящей системы нашихъ тюремъ), par *Aug. Bonnet*.

Les Armes et le Duel (Оружіе и дуэль), par A. *Grisier*, professeur etc. *Ouvrage agréé par S. M. l'Empereur de Russie*.

Historische Beitrage zur Philosophie (Историческое руководство къ философіи), соч. А. Тределенбургга.

Aelteste Nachrichten von den Mongolen und Tataren (Древнѣйшія извѣстія о Монголахъ и Татарлахъ), соч. В. Шотта.

Indische Sagen (Индійскія Сказанія), соч. А. Гётцванна.

Geschichte der Arzneikunde (Исторія Медицины), соч. Курта Шпренгеля.

History of Europe from the commencements of the french Revolution to the Restoration of the Bourbons (Исторія Европы отъ начала французской рево-

(им до восстановления Бурбонов),
Алисона.

Le-moira of general Pere (Записки
еряла Пера).

— Сообщаю несколько извѣстій,
оснащенных до желѣзныхъ дорогъ.

Одѣе всего поражаютъ публичу въ
ѣ желѣзныхъ дорогъ опыты надъ
возможно-большою скоростью ѣз-

И дѣйствительно, опыты эти по-
казываютъ необыкновенныя усилія въ
вершенствованіи паровозовъ. До-
ѣ-поръ наибольшая скорость не до-
гала 100 верстъ въ часъ. Недавно
Грет-Уостерпеной Желѣзной Доро-
(Great Western) пушенъ былъ поѣ-
зъ съ необычайною скоростью семиде-
яти-двухъ миль (109 верстъ) въ
ѣ. Еслибы можно было постоянно
имѣть этой скорости, то въ 24 ча-
можно было бы проѣхать 2,616
миль, или въ 14 $\frac{1}{2}$ дней вокругъ всего
наго шара.

Смотря паровозовъ и вообще угодъ
ими производится вездѣ очень
ательно, такъ-что несчастные слу-
и отъ несправности котла или ма-
ны довольно-рѣдки. Всѣ несчастія
истекали отъ дорогъ, по которымъ
ѣтъ паровозы и отъ разныхъ усло-
самой ѣзды: поэтому, нельзя про-
стить безъ вниманія извѣстія, что
Франціи, на булонской желѣзной
рогѣ, разорвало котелъ паровоза,
двухнаго поѣзда изъ двенадцати ва-
новъ, нагруженныхъ разными мате-
риями. Къ-счастію, при этомъ слу-
ѣ никто не былъ даже раненъ.

Не будемъ распространяться о раз-
ныхъ несчастныхъ случаяхъ на желѣз-
ныхъ дорогахъ. Если на орлеанской
рогѣ, во Франціи, паровозъ разва-
лъ неосторожнаго машиниста, заня-
вагося чѣмъ-то на самомъ пути;
ли на дешеской дорогѣ, во время
панія землѣ въ одной выемкѣ, боко-
е откосы вдругъ двинулись и завал-
ли восемь рабочихъ, изъ которыхъ
которые погибли, — то это такія про-
шествія, которыя относятся или къ
учайности, или къ недостатку вра-
отра въ подробностяхъ за производ-
T. LII. — Отд. VIII.

ствовахъ работъ, и проч. Всѣ эти случаи
несколько не могутъ относиться къ об-
щениу вопросу о желѣзныхъ дорогахъ.
Итакъ, изъ числа очень-многихъ слу-
чаевъ, мы наберемъ только тѣ, кото-
рые обращаютъ на себя особенное
вниманіе. Мы сказали о разрывѣ кот-
ла: потому-что это случай довольно-
рѣдкій: приведемъ еще случай, о кото-
ромъ намъ въ первый разъ удалось чи-
тать въ иностраныхъ газетахъ. Силь-
ныхъ вѣтромъ или бурей сдвинулся съ
рельсовъ одинъ вагонъ во время ѣзды.
Это было на руанской дорогѣ, во Фран-
ціи; во весь путь паровозъ боролся съ
чрезвычайно-сильнымъ вѣтромъ, ко-
торый значительно задерживалъ ходъ
его; наконецъ, въ одинъ страшный
порывъ бури, сила вѣтра достигла та-
кой степени, что подняла одинъ вагонъ
и снезла его съ рельсовъ; поѣздъ былъ
очень-скоро остановленъ, и несчастія
не случилось; но много времени было
потеряно на встаскиваніе вагона опять
на рельсы и проч. Продолжая свой
ходъ, поѣздъ былъ опять остано-
вленъ близъ Сотвилля; тутъ встрѣтилось
другое пренятствіе: одинъ изъ са-
мыхъ сильныхъ порывовъ бури опро-
кинулъ на самый путь два большія
вѣднія, столпившія на обрѣзѣ дороги, —
одно давно уже построенное для хране-
нія вагоновъ, а другое — тогда еще стро-
ившееся для храненія же паровозовъ;
дорога такъ была завалена обломками
разрушившихся вѣдній, что, не смотря
на большое число рукъ, занятыхъ очист-
кою пути, поѣздъ не могъ пройти, и
парижскіе путники, свѣдившіе въ Ру-
анъ, должны были достигнуть цѣли —
кто вѣшкомъ, кто въ колѣнкахъ слу-
чавшихся тутъ экипажахъ. Кажется,
инженеры при оставленіи проектовъ
еще не принимали во вниманіе возмож-
ности такой силы вѣтра.

Вотъ извѣстіе объ опытѣ перевозки
кавалерій по желѣзнымъ дорогамъ. До-
сихъ-поръ этихъ опытовъ еще было
слишкомъ мало. Опытъ проеходилъ
на сѣверной дорогѣ во Франціи; одинъ
эскадронъ 7 уларскаго полка отпра-
вленъ былъ въ 7 часовъ утра изъ Вален-
1/2 8

сьеза и прибылъ изъ парижской желѣзно-дорожной станціи въ 6¹/₂ часовъ вечера; эскадронъ этотъ, состоявшій изъ 4 оециперовъ, 130 человекъ важныхъ чиновъ и 125 лошадей, былъ размѣщенъ въ 25 экипажахъ, оециперы въ каретѣ перваго класса, прочіе служащіе въ 4 вагонахъ третьяго класса, и лошади въ 20 закрытыхъ скотовозныхъ вагонахъ; кромѣ того, оециперскія лошади были помѣщены въ двухъ особыхъ походныхъ конюшняхъ; а обозъ со всѣми эскадронными багажами въ особые пять товарныхъ вагоновъ; всего было употреблено тридцать два экипажа, вековыхъ двумя паровозами. Вся перевозка произведена въ совершенномъ порядкѣ и благополучно.

Мы сообщимъ извѣстіе, составленное завѣдывающими дорогою; не желали бы видѣть другое отъ французскаго военнаго министерства, въ которомъ, вѣроятно, будетъ подробно разотчено, сколько употреблено было времени на то, чтобы посадить эскадронъ въ экипажи (сдана ли это не главное), сколько на вѣду и проч.

Вотъ еще случай, который, конечно, по новизнѣ своей обратитъ вниманіе всѣхъ инженеровъ. На сотовальской станціи руанской желѣзной дороги, во время приготовленія паровоза въ путь, при выходѣ его съ поворотнаго круга, паровозъ пустился вдругъ самъ собой съ чрезвычайною скоростью по рельсамъ дороги но направленію къ Руану, такъ что не было возможности остановить его. Во время пути, онъ несся безъ всякихъ приключеній и только на самой руанской станціи налетѣлъ и разбилъ въдребезги нѣсколько вагоновъ, къ счастью, пустыхъ.

23 марта ливерпульскій путепроводъ (на желѣзной дорогѣ отъ Ливерпула къ Бѣру), состоящій изъ 23 каменныхъ арокъ, обрушился весь. Постепенное паденіе всѣхъ столбовъ одного за другимъ подобно было паденію перегнутыхъ картъ, которыя дѣти разставляють на столѣ. Грохъ слышенъ былъ на милью въ окружности; убытку на 6000 фунтовъ стерлинговъ; къ

счастью, изъ людей ничего не было бланко.

— Нѣкто обратился къ извѣстному Даннѣ съ вопросомъ о томъ, каково мнѣніе современныхъ общественныхъ доктринахъ. «Я смотрю на нихъ», началъ почтенный пасторъ: «какъ симптомъ глубокой потребности общества въ справедливомъ вознагражденіи труда, въ улучшеніи плачевнаго вездю состояніи рабочихъ. И мы попытаемъ къ достиженію этой цѣли конечно, нельзя не сочувствовать. Чѣмъ касается до самыхъ доктринахъ, то сколько ни въ извѣстномъ, онѣ признаются истинной причиною зла. Право части собственности и хотѣть все сосредоточить въ рукахъ государства, которое сдѣлавшись единственнымъ обладателемъ всѣхъ капиталовъ, поставитъ каждому въ обязанность таковой трудъ, который признаетъ для него свойственнымъ, и будетъ вознаграждать этотъ трудъ по извѣстнымъ правиламъ, определеннымъ, впрочемъ, до-сказанью. Очевидно, что осуществленіе подобной системы повело бы человечество къ такому невольничеству, какому оно доселѣ не испытывало. Препятствую бы человѣка къ совершеннаму изнѣженію въ орудіе, поставило бы его ниже истины, которыми располагаетъ плантаторъ въ своему производству, — ниже животнаго».

— Вотъ нѣсколько некрологовъ въ Франціи, во Франціи, умеръ послѣдній французскій службъ генералъ лейтенантъ и кавалеръ почетнаго легіона большаго креста, *Графъ Дюро*. Онъ родился въ 1774 году; въ 1793, вошелъ въ артиллерійскаго училища, поступилъ на службу въ чинѣ поручика артиллеріи. Бонапарте отличилъ его еще во время египетской экспедиціи. Въ 1806, онъ былъ уже полковникомъ императорской гвардіи. Графъ Дюро участвовалъ во всѣхъ войнахъ и сраженіяхъ времени имперіи. Будучи генерал-адъютантомъ Наполеона съ 1812 года, онъ отличился въ сраженіи артиллеріей въ люценсвонь, Бурундисвонь, гаврусонь сраженіяхъ, и въ трудную для французовъ битву

1814 года. Неизвѣстно, что онъ по-
ловалъ за Наполеономъ на островъ
Ю. Подъ Ватерлоо онъ дѣлалъ не-
гнѣрные усилія, чтобъ оставить за
себѣ побѣду, но судьба импера-
тора была рѣшена, и графъ Друдъ
зужденъ былъ послѣзъ заботиться о
своихъ остаткахъ арміи подъ стѣна-
ми Глона. Являсь предѣзъ военными су-
дьями, учрежденными уже королевскими
указомъ, графъ Друдъ защищался
какъ и въ благородствѣ и величіи,
что четверо (изъ полнаго чис-
ла семи) судей рѣшили дѣло въ его
пользу, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ
отставивъ и постоянно въ Нан-

Наполеонъ уважалъ Друдъ, какъ
дѣлающаго человека и какъ воина; онъ
сказалъ: «еслибъ я послушался му-
дрости совѣта Друдъ то не оставилъ бы
грова Эльбы». Друдъ (говорилъ въ
углу разъ Наполеонъ) такой чело-
вѣкъ, что одинаково довольствовался
и 40 су въ день и полными коро-
вскими содержаніями. Его прав-
—прямизна и престоупленіе, доста-
ли бы ему уваженіе даже во време-
на римскихъ Цинциннатовъ». Пода-
нные Наполеонъ Друдъ 100,000 фр.
стались изъ рукъ Друдъ бѣглыми. Го-
въ Нанси коложилъ оставаться въ па-
ль и честь графа Друдъ на площади
статуи; начало подонски, объявленной
этому случаю, обѣщаетъ успѣхъ.
роль займать уже статуи графа для
Россальскаго Музеума.

въ Нансоль умеръ графъ Фердинандъ
ччези-Палли, принадлежавшій по
исхожденію къ знаменитому дому
инцевъ Кампо-Франко. Графъ Луч-
инъ пользовался особыми расположе-
ніями онъ былъ посланникомъ въ
Лондонъ и исполнялъ разные пору-
ченія короля по дѣламъ государства.
Между прочимъ, онъ занимался и нау-
ками, особенно финансовыми и поли-
тической экономіей; нѣсколько лѣтъ
онъ издавалъ нѣтъ было небольшое
членовъ подъ названіемъ: «Principes
de droit public maritime».

Въ Парижѣ умеръ графъ Монгюйонъ
(Montguyon), перъ Франціи. Во време-

на имперіи онъ былъ камергеромъ На-
полеона и президентомъ избиратель-
ной коллегіи Увѣснаго Департамента;
потомъ до настоящаго времени посто-
янно былъ президентомъ главнаго со-
вѣта того же департамента. Въ 1830 г.
будучи членомъ палаты депутатовъ, онъ
въ числѣ 63 человекъ подписалъ 27 ію-
ля протестъ противъ повелѣній 25 чи-
сла. Благородный, скромный и дѣя-
тельный, графъ Монгюйонъ посвящалъ
все свое время на заботы и хлопоты
по предпріятіямъ общественной поль-
зы: Санлисскій Округъ открытъ теперь
дорогами, которыя графъ началъ дѣ-
лать на свой собственный счетъ, и ко-
торый послѣ уже вошли въ составъ до-
рогъ департаментскихъ. Гражданскія
заслуги человѣка предѣзъ обществомъ—
лучшій памятникъ, какой только мо-
жетъ онъ себѣ воздвигнуть.

— Вотъ одно изъ самыхъ страшныхъ
судебныхъ дѣлъ. Нѣкто Леонъ Ригă
обвиненъ въ требованіи значительной
суммы денегъ у неизвѣстнаго парижска-
го банкира, Ротшильда, и у главнаго
директора почты, г. Коата, и въ угро-
зѣ—убійствомъ заплатить за откупъ.
Г. Ригă молодой человѣкъ 22 лѣтъ,
принадлежащій къ почтенной фами-
ліи, получившій прекрасное воспитаніе,
съ пріятнымъ лицомъ, умнымъ
взглядомъ, благороднымъ приемомъ.
Отецъ его бывшій типографщикъ
и основатель двухъ журналовъ (*Impar-
tial* и *Bonhomme Richard*) оставилъ
Парижъ, основалъ типографію въ Лит-
тихѣ и, потерявъ все свое состояніе въ
этомъ предпріятіи, умеръ. Жена его,
съ двумя оставшимися въ живыхъ (изъ
числа десяти) сыновьями, воротилась
въ Парижъ. На старшаго сына ея, Ле-
она, пала обязанность содержать и
мать и брата. У него были нѣкоторыя
частныя нѣтъ, но онъ потерялъ ихъ,
и все семейство впало въ крайнюю бѣд-
ность. Въ это-то время Леонъ Ригă напи-
салъ къ барону Ротшильду письмо, въ
которомъ просилъ, или лучше сказать,
требовалъ суммы въ 16,000 франковъ,
для уплаты долговъ и на перѣездъ въ
Америку, угрожалъ противнымъ слу-

чаѣ киданомъ или ядомъ. Мы не при-
волимъ письма: оно состоитъ изъ дѣт-
скихъ угрозъ и необдуманнаго забора
словъ; въ концѣ письма молодой чело-
вѣкъ называетъ вѣсто, куда Ротшильдъ
долженъ былъ положить вѣшонку съ
чекселеми на 13,000 фран. и съ 3,000
франковъ золотомъ монетою. — За вѣши
письмомъ слѣдовало другое, оставшее-
ся также, какъ и первое, безъ отвѣта.
Г. Леонъ Ригѣ обратился съ третьимъ
письмомъ къ г. Контю, главному дирек-
тору почты; въ этомъ письмѣ говорилось
и о спускѣ флага въ известный день
на домъ директора, въ знакъ его согла-
сін и о назначеніи свиданія гдѣ-то въ
городомъ, и объ угрозахъ портить пись-
ма въ приемныхъ ящикахъ чернилами,
ваксой, курореснымъ масломъ и проч.
Словомъ — видно, что бѣдникъ поте-
рилъ голову. Онъ самъ, въ судѣ, созна-
вался во всемъ, со словами говорилъ,
что бѣдность такъ поразила его, что
онъ теперь не находитъ самъ никакого
смысла въ своихъ поступкахъ... Дѣло
его шло такимъ образомъ: секретари
Ротшильда и Контя продавали пись-
ма его въ судѣ (бѣдные Ротшильдъ и
Контъ, особливо первый! Почти по-
мѣшавшіеся отъ бѣдности, молодой че-
ловѣкъ чуть не равноризъ ихъ!); поли-
ція положила въ назначенномъ у Ригѣ
мѣстѣ какой-то вѣшончекъ съ мѣдны-
ми су и равномъ бумагой, и молодой че-
ловѣкъ попался. — Генеральный адво-
катъ хотя и признавалъ необходимымъ
при рѣшеніи суда прибѣгнуть къ *обле-
гительнымъ обстоятельствамъ*, но при
всемъ томъ настаивалъ въ виновности
г. Ригѣ... Жена Ротшильда приняла уча-
стіе въ матери молодого человѣка, по-
сѣтила ее и помогла ей; во время самаго
ареста, Ригѣ получалъ вѣсто въ управле-
ніи какой-то желтой дороги.

— Кто читалъ хотя въ русскомъ пе-
реводѣ романы Сю и Дюма и полюбилъ
вообще подобныя произведенія, тотъ,
безъ сомнѣнія, знаетъ, что всѣ они въ
первообразѣ являются въ фельетонахъ
французскихъ газетъ, подъ чертою,
которая отдѣляетъ ихъ отъ всего того,

что до насъ не касается и къ перемѣ-
ду на русскій языкъ не подлежитъ.
Рѣдкая услужливость со стороны Фри-
цуозовъ, черта достойная современна-
го космополитизма! Но въ послѣдніи
временіа эта черта сдѣлалась... умъ
— предметомъ ожесточенныхъ на-
деній со стороны блюстителей нари-
скаго благоправія, приваившихъ и
приличнымъ для своего сава какъ онъ
выражаются — жить въ белъ-этаж-
дома, въ подвалахъ котораго гдѣ
даются порокъ и преступленіе.

6-го апрѣля новый Демососезъ -
депутатъ г. Шапрю де-Монлавицъ
доказывалъ, что золото, собираетъ
г-ни Сю, Дюма и т. н., гибельнѣе
для французскаго народа, нежели
золото Филиппа - Македонскаго -
для Грековъ, что романы ихъ, разди-
рая нашъ воображеніе легкомысли-
емъ Галлоузъ, отвлекаютъ умы досто-
пные отъ поминка политическаго,
для недостойныхъ дѣлаютъ дѣйстви-
тельную жизнь постылою. Словомъ, е-
ли не пресѣчь зла, распространяемаго
авторами фельетонныхъ реченій, въ
во Франціи скоро не кону будетъ и
производить, и потреблять, и за-
нотреблять. Если Французы теперь
легче пука, то подлѣ вліяніемъ фель-
етона они въ самое короткое время слѣ-
дуются легче облакомъ и за землѣ
будутъ спускаться только для того
чтобъ лежать на пуковинахъ и читать
романы.

Но какъ пресѣчь зло? — запретить
писать? — Ораторъ знаетъ, какъ глупо
въ его слухателяхъ уфѣденіи
*que la voix du peuple est la voix de
Dieu*, и что, во французской логикѣ,
самые фельетоны подвоятся солгъ въ
теорему... Но Демососезъ ли напастъ
мужъ, на анал, куда пустить свою стрѣ-
лу?... Г-нъ де-Монлавицъ неметался въ
штганвель, который называется и
всѣ французскія газеты, и за который
платится весьма-дорого. Чтобъ возму-
рить читателей навозмать свои га-
ты *сплошь* новостями политическими
остроумный обитатель белъ-этажи
предлагаетъ лабачить отъ поминки и

штетинель тѣ мадеицѣ, въ которыхъ не будетъ зловреднаго фальстона ..

Боже мой!—что мы надѣлали?—у васъ слезы навернулись, читательницы!— Успокойтесь. Вы видите, мадеицкихъ защитниковъ: французскій министръ финансовъ и почтенный Сен-Мартъ-Жи-рарденъ уже отбѣчали новому Демосею, что его рѣчь хороша для Грековъ, а не для Французовъ, которые могутъ сами оцѣнить достоинства и недостатки всякаго литературнаго произведенія.

— Король Французовъ получилъ недавно интересный подарокъ. Нѣкто Джонъ Мёрре (John Murray), нью-Йоркскій negociantъ, прислалъ Лудовику-Филиппу бочку зернового хлѣба, изъ самыхъ собраннаго на своей землѣ въ окрестностяхъ Нью-Йорка, и пять дру-гихъ боченкозъ также съ зернами, которые были удостоены преміи на послѣдней сельскохозяйственной выставкѣ въ Нью-Йоркѣ. Впрочемъ, это — повтореніе подобнаго же подарка, присланнаго изъ Америки королеви Викторіи.

— Въ Австріи, въ самой Вѣнѣ, въ долахъ для сумасшедшихъ дѣлаютъ опыты леченія посредствомъ занятій музыкою, танцами и тавцами. Врачи ожидаютъ отъ этихъ средствъ счастливыхъ результатовъ. На верный рѣчь, въ одномъ изъ такихъ домовъ недавно былъ устроенъ маскарадъ, и приготовляются нѣсколько концертовъ. Интересно бы подслушать, какъ интригуютъ и инстинктуруютъ другъ друга сумасшедшіе подлѣ масканы.

— Въ Авеньерѣ (Avenières). близъ Лавала, во Франціи, во время прѣзда по мосту телеги, нагруженной известью и запряженной въ пять лошадей, цѣпи этого желѣзо-проволочнаго цѣпнаго моста лопнули, и весь мостъ обрушился въ рѣку. Поговицкиѣ лошадей погибли, спаслись только двѣ лошади. Не даромъ считаютъ все французскія постройки красивыми, но черевъ-чуръ легкими и непрочными.

— Герцская желѣзная дорога открыта — объ этомъ провозглашали уже всѣ газеты; но при этомъ случаѣ нельзя не

поблагодарить дирекцію дороги за похвальныи и стоющій подражанія поступокъ. На все торжество и правленство открытія дороги было назначено до 12 тысячъ франковъ, а управленіе дороги положило открыть ее безъ всякаго торжества, сумиу же эту раздать бѣднымъ по всей нѣтности, чрезъ которую тянется желѣзный путь. Прекрасный прииѣръ для всякагорола торжественныхъ открытій: чѣмъ устраивать церемоніалы и приличны угощать паронамъ, закуской и постанамъ за до-роги приглашенныхъ гостей, — кажется, лучше накормить тѣхъ, которыхъ нѣчего жеть.

— Большая бѣлая зала берлинскаго королевскаго дворца, назначенная для собраній новаго соединеннаго прусскаго сейма—одна изъ самыхъ великолѣпныхъ въ Европѣ. Она украшена статуями и рѣзною аллегорическою живописью; въ ней устроены трибуны: засѣданія сейма не будутъ открыты ни для публики, ни для журнальныхъ стенографовъ; для составленія же отчетовъ всѣхъ рѣчей и изустныхъ преній депутатовъ, правительствъ назначено своимъ стенографовъ труды которыхъ, по повѣртію предсѣдателями сейма, будутъ печататься въ Prussische Allgemeine Zeitung.

— Страшная прихоть нѣкоторыхъ женщинъ быть мужчинами не переодается. Вотъ еще новый кавалеръ д'Эонъ, или новая кавалеристъ-и-чиновникъ-дѣвица. Въ мартѣ мѣсцѣ умеръ въ Брюсселѣ чиновникъ министерства финансовъ, по имени Круанаръ, 68 лѣтъ отъ роду. Чиновникъ этотъ по смерти оказался женщиной. Родственничкозъ у него не было. Известно только, что въ чинѣ поручика Круанаръ дѣлалъ кампанію 1812 года и былъ раненъ подлѣ Москвиты, въ плечо и около рта. Отъ тавиъ военную службу, герония сдѣлалась гражданничою. При голландскомъ правленіи, она занимала нѣкто таможеннаго старшаго досмотрщика, потомъ занималась бухгалтеріей въ нѣсколькихъ купеческихъ домахъ и съ 1834 года служила экспеди-

торомъ въ одной изъ главныхъ канцелярій департамента финансовъ. Свободное отъ службы время она посвящала музыкѣ: послѣ нея остались стихи, допнывыяющіе присутствіе таланта; сверхъ-того она была музыкантомъ, — на виолончель играла такъ, что обращала на себя общее вниманіе и давала уроки музыки. Любезность съ домашня она употребила вѣроятно для того, чтобъ лучше скрыть свой полъ; между-тѣмъ, эта любезность была причиною, къ счастью несостоявшагося, брака ея съ одною брюссельскою дѣвицею.

— Ничего не можетъ быть горостѣе, какъ читать извѣстіе о насильственной смерти молодого ученаго путешественника, который изъ любви къ наукѣ оставилъ родныхъ, знакомыхъ, Европу, посвятилъ годы своей молодости на путешествія въ страны малоизвѣстныя и тамъ вслали отъ всего погибъ. Г. Кастелью и при немъ молодой ученый Эмонъ д'Оврѣ путешествовали по Южной Америкѣ для ученыхъ открытій. Изъ Рио-Жанейро въ Лиму, съ береговъ Атлантическаго-Океана на берега Тихаго-Моря она перемѣнилъ вѣтвь; отсюда, намѣреваясь изслѣдовать Амизонскую-Рѣку, начиная съ самыхъ истоковъ ея, они предполагали отправиться — одинъ по старому Мараньйону или Укайяли, другой — по повону или Туитугуагуа. Во время приготовленія къ дорогѣ, г. д'Оврѣ досталъ лодку для плаванія по Амизонской-Рѣкѣ и нанялъ четырехъ гребцовъ; эти-то гребцы, невѣстною по какой причинѣ, во время одной поѣздки, когда съ г. д'Оврѣ врозь шло никого не было — убили его. виновные схвачены, и дѣло жарко преслѣдуется, но это не возвратитъ наукѣ ея адепта!

— Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ заключило условіе съ частной компаніей объ учрежденіи трехъ линій пароходнаго сообщенія. Первая будетъ содержаться посредствомъ пяти пароходовъ, не менѣе 2,000 тоннъ вѣстности, меж-

ду Нью-Йоркомъ и Ливерпульемъ; вторая также посредствомъ пяти судовъ въ 1,500 тоннъ, между Нью-Йоркомъ и Новымъ-Орлеаномъ, съ остановкой въ Гавани, на островѣ Кубѣ, в. наконецъ, третья съ западной стороны Америки, на Великомъ Сѣверномъ Океанѣ, между устьемъ рѣки Колумбіи или Орегона и панамериканскій портъ на самомъ перешейкѣ. Тая-какъ между панамериканскій портъ, или, правильнѣе, между Чигромъ, находящимся въ сию-стороню перешейка на берегу Атлантическаго-Моря, и Гаваніею уже существуетъ пароходное сообщеніе, то провинція Орегона, т. е. самыя западныя владѣнія Соединенныхъ-Штатовъ, будутъ соединены пароходными сообщеніями съ резиденціей правительства и главнымъ центромъ общественной дѣятельности штатовъ. Для насъ всѣ эти линіи также чрезвычайно-важны: отъ устья Колумбіи или Орегона до Ситки въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ весьма-далеко. Не знаетъ ли кто-то изъ наша Американская Компанія въ тѣхъ водахъ пароходы; но еслибъ установилось пароходное сообщеніе между Ситкой и устьемъ Колумбіи, то сообщенія между Петербургомъ и Ситкой были бы и скоры, и удобны, и безъ великихъ хлопотъ; а это могло бы быть весьма-важнымъ обстоятельствомъ для всѣхъ слушающихъ въ компаніи и для самаго состава управленія, какъ здѣсь въ Петербургѣ, такъ и на мѣстѣ.

— Въ копенгагенскомъ театрѣ случилось ужасное несчастье: во время представленія, 21 марта, упала люстра. По принятому правилу, для доставленія удобства видѣть сцену безъ всѣхъ ложъ безъ исключенія, люстра эта повисла при началѣ каждого акта и опускалась по окончаніи его. Итакъ, по окончаніи перваго акта второй пысы, — вѣроятно, по неосторожности рабочихъ, спускавшихъ ее, — люстра свисталась вдругъ необыкновенно-быстро и, сорвавшись, упала въ партеръ. Десять человекъ вынесены были безъ

чувствъ. Чтобъ судить о величинѣ люстры, довольно сказать, что она имѣла 140 масляныхъ лампъ.

— На Парижанъ все находятъ полосами: давно ли была полоса на учрежденіе новыхъ компаній для изданія газетъ? Явились *Еpoque*, *Semaine*, еще какия-то, которыхъ мы не упоминаемъ, явились и компанія подъ названіемъ *Парижскій Абоимментъ*, которая сначала предполагала издавать свой новый журналъ подъ названіемъ *Progrès*, а потомъ принялась къ газетѣ *Comptence*. Но главною цѣлю компаніи было учрежденіе многихъ кабинетовъ для чтенія этой газеты и разныхъ другихъ способовъ для доставленія удобнаго и дешеваго чтенія газеты съ абонементомъ на годъ, на полгода, на три мѣсяца, на одинъ мѣсяцъ, на недѣлю, на день, на часъ и даже на минуту... Но *Эпоха* вѣтъ, и *Парижскую Абоимментъ* вѣтъ, — и послѣднюю, такъ же какъ первую, потянули къ суду; разница только та, что съ первую Эмиль де-Жирардонъ поступилъ какъ Наполеонъ въ законодательномъ собраніи — завладѣлъ ею; а *Абоимментъ* самъ подвисалъ себѣ фонтеблезное отрѣченіе, — впрочемъ, и то не совсѣмъ-удачно, потому-что теперь судится съ разными своими контрадминистрами и содержателями кабинетовъ для чтенія за неплатежъ или жалованья. Газета *Comptence* осталась при прежнихъ средствахъ.

— Давно тянется дѣло объ устройствѣ, ириведеніи въ порядокъ и украшеніи Карусельной-Площади, между Тюильрійскимъ-Дворцомъ и Лувромъ въ Парижѣ; но вынече, кажется, министры серьезно приняты за это дѣло; всѣ временные навѣсы, балаганы, палатки, лавочки и лавки разныхъ угнѣздившихся тутъ пролапцовъ, вѣроятно, теперь уже сняты; срокъ это му былъ назначенъ 8 апрѣля.

— Египетское правительство, по словамъ журнала *Impartial de Smyrne*,

обнародовало повелѣніе объ уничтоженіи невольничества и предоставленіи владѣльцамъ невольниковъ пятидесятидневнаго срока для сбыта ихъ. На невольничьемъ рынкѣ цѣны повизались со 100 на 60 процентовъ; впрочемъ, покуномъ никто и не дѣлаетъ, потому-что по прошествіи 50 дней всѣ невольники — останутся ли они по собственному желанію у бывшихъ господъ своихъ, или отойдутъ отъ нихъ, во всякомъ случаѣ дѣлаются свободными.

Рядомъ съ этимъ утѣшительнымъ фантомъ поставимъ напечатанное въ газетѣ *Times* письмо одного инглійскаго офицера съ западныхъ береговъ Африки, по словамъ котораго какой-то купецъ, видя себя въ невозможности отпрать въ море скупленныкъ швъ негровъ въ числѣ 2000, рѣшился перерѣзать шкъ *свѣжъ до одности!!!*

— Карлъ Фредерикъ Крагтъ (*Kragt*), пасторъ въ Великомъ Герцогствѣ Мекленбург - Стрелицкомъ, подалъ чрезъ одного стоогольскаго банкира, оченьлюбопытную просьбу шведскому правительству. Пасторъ Крагтъ происходилъ одного любскаго гражданина, по имени Якова Криса (*Krieses*), который въ 1636 году, по повелѣніи Густава-Адольфа подъ Люценонъ, далъ важныя правителямъ Швеціи и опекунамъ малолѣтней дочери Густава, Христины, на воспитаніе этой послѣдней, сумму въ 270,000 франковъ на нымѣншій курсъ. Финансы Швеціи тогда были въ затруднительномъ положеніи. Вексель подписанъ 24 декабря 1636 года (Христина тогда было 10 лѣтъ); срокъ платежу назначенъ двадцатилѣтній, но притомъ сказано, что вексель и дѣлѣ этого срока никогда не потеряетъ своей силы и постоянно всегда до уплаты будетъ приносить восемь процентовъ дохода. Визу, на этотъ вексель, рукою Христины подписано по-французски: *Approuvé. Compiègne. 1637. Christine R.* Крагтъ нашелъ этотъ вексель въ фамильныхъ бумагахъ и

просить уплаты и капитала и процентовъ, всего до 4,806,000 франковъ.

— Удобство перевозки почты по желѣзнымъ дорогамъ ведетъ къ рѣшительной реформѣ въ почтовыхъ сообщеніяхъ. Въ слѣдствіе разныхъ представлений Пруссіи другимъ государствамъ Германіи, въ непродолжительномъ времени соберутся въ Дрезденѣ уполномоченные отъ всѣхъ германскихъ правительствъ для установленія общей и однообразной таксы за письма, посылки и проч.

— Нью-Йоркскія газеты разсказываютъ о новомъ несчастіи съ однимъ изъ норскихъ пароходовъ. Англійской пароходъ "Тивъ" отправился съ пассажирами изъ Гаванны въ Веру-Крузъ и Тампино и въ 70 миль отъ Юкатана разбился о камни. Изъ 185 человекъ погибло 73. Остальные 82 человека спаслись на камняхъ и въ продолженіе цѣлыхъ пяти сутокъ боролись съ голодомъ, жаждою, приливомъ и отливомъ, холодомъ и проч. На шестыхъ суткахъ ихъ принялъ на бортъ испанскій бригъ и доставилъ въ Гаванну.

— Великому свое; Парижане въ восторгѣ — а отъ чего? Цѣлая революція совершится на дняхъ въ гильотинѣ парижской. такъ вынуть газеты и потому приближаютъ: «Составляется особая коммисія для доставленія покушителей настоящихъ, неподдѣльныхъ и перевѣренныхъ слюнокъ; отыскать всѣхъ Парижанъ можетъ быть все со

сменами. *prenez vous café à la crème.* Замысливаемъ это извѣстіе отнюдь не изъ объявленій, печатаемыхъ въ концѣ газетъ, но изъ настоящей газетной статьи.

— Съ нѣсколькимъ назадъ, лондонскія полиція была въ страшныхъ хлопотахъ, отыскивая вдову мистриссъ Бойсъ, похитившую изъ кармановъ ея малолѣтняго пятнадцатилѣтняго коносу. Безжалостная полиція нашла и разлучила влюбленныхъ. Соросѣлимъ любовникъ воротился въ свое семейство; но въ одинъ прекрасный день онъ пропалъ снова. Новые хлопоты! Полиція опять на ноги, но за стою разъ погоня ея была напрасна. Любовь восторжествовала: о любовникахъ ни слуху, ни духу, — она улетѣла и блаженствуетъ на седьмомъ небѣ, какъ вдругъ яляется неждана, что они спустились на землю въ Брайтонѣ. Начальникъ полиціи получилъ письмо, въ которомъ объяснялось, что счастливы, подъ именемъ г. и г-ни Риббсъ, прибыли въ Брайтонъ, а оттуда канѣревались отправиться въ Гервесе и въ Лондонъ. Полиція опять пустилась въ преслѣдованія и нашла на любовниковъ въ одномъ трактирѣ; вдову она нашла въ паретѣ у мельника, а любовника за раскладомъ въ буфетѣ. Отчаяніе страстной вдовы не помогло: ее снова лишили свиданья съ слабымъ изъ любовника, который стоически возвращенъ семейству. — не долго ли? — неизвѣстно. Не-уже-ли можно устунить?

а) *Дамскія.*

Не мы одни заблн въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: въ Парижѣ, — по словамъ французскихъ газетъ, — на Елисейскихъ Поляхъ, 11 апрѣля дамы всѣ гуляли уже въ весеннихъ костюмахъ, а теперь, увы! онѣ закутаны въ теплыя манто и даже въ манто, обшитыя мѣхомъ! Впрочемъ, скоро, очень-скоро заговорятъ всѣ о весеннихъ костюмахъ, или лучше сказать о лѣтнихъ, если вездѣ начнутся вдругъ такіе же теплые дни, какъ у насъ настали въ концѣ апрѣля. Теперь иначе нельзя одѣться для гулянья, какъ въ самые легкіе костюмы, а вотъ на образецъ нѣсколько изъ нихъ.

Шляпки изъ пу-де-суа, болшею частію убранныя кружевами, или съ кружевными вуалемъ. Подъ полями — ленты, переиѣшанныя съ тюлемъ, или цѣпты съ тюлемъ, а чаще одинъ тюль. Цвѣтъ матеріи для шляпокъ болше употребляютъ бѣлый и желтый: но розовый и голубой также не оставляютъ.

Фасонъ шляпокъ, кажется, немного перемѣнился: поля дѣлаются открытыя, но все-еще очень-прижатые къ щекамъ и много сфѣзанныя съ боковъ. Тулья наклонена назадъ болѣе, нежели прежде.

Соломенныхъ шляпокъ еще не начали носить: онѣ обыкновенно появляются на гуляньяхъ послѣ перваго мая; но много уже есть шляпокъ дѣланыхъ и болшею частію широкими вѣтчатыми лентами, изъ аркихъ цвѣтовъ. Перья теперь, хотя и гораздо-менѣе прежняго въ употребленіи, однако есть еще довольно шляпокъ, убранныхъ перьями. Вотъ хоть шляпка изъ итальянской соломы очень-красива и нарядна съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, которое приколото съ одного бока тульи на другой. На одной сторонѣ, гдѣ начинается перо, пришпигленъ бантъ изъ бѣлыхъ гроденашевыхъ лентъ;

полъ полями такія же ленты съ тюлемъ. Еще очень-красива шляпка съ пучкомъ свѣтло-зеленыхъ перьевъ.

На окнахъ магазиновъ выставлено очень-много соломенныхъ шляпокъ ажуръ, и если гдѣ будетъ жаркое, то можно надѣяться, что ихъ раскупятъ, потому-что онѣ очень-легки; въ противномъ же случаѣ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ предпочли хорошей итальянской или французской гладкой соломенной шляпкѣ.

Неизвѣстно, будутъ ли въ нынѣшнемъ году носить круглыя шляпки, которыя такъ хорошо прошлаго года защищали отъ солнца; мы бы очень желали увидѣть ихъ снова, — разудѣтся, на молодыхъ женщннахъ; на не молодыхъ онѣ были бы безобразныя.

Матеріи для платьевъ преимущественно выбираютъ гроденапль (*glacés*) и пу-де-суа двуличивый, на-примѣръ, лиловый съ зеленымъ, зеленый съ желтымъ, гороховый съ бѣлымъ и т. д., всѣ цвѣта не очень-яркіе. Для гдѣ есть очень-легкая матеріи, вазываемая фуляръ: особенно же она хороша для утреннихъ неглижѣ. Мы уже видѣли два пеньюара изъ такой матеріи, — одинъ голубой съ бѣлыми полосами, а другой синій съ желтыми разводами. Фасонъ этихъ двухъ пеньюаровъ былъ почти одинаковъ: первый, просто съ круглой пелеринкой, а другой, съ пелеринкой и съ отворотами, которые идуть отъ этой же пелеринки напередъ пеньюара до самаго ковца юбки; наверху маленькія воротничокъ; но надо замѣтить, что эти пеньюары дѣлаются съ клиньями на бокахъ; поэтому наверху нѣтъ многихъ сборокъ, — а это очень-важное улучшение, особенно для полныхъ дамъ. Таію обхватываетъ широкая лента, завывающаяся напередѣ бантомъ и спускающаяся длинными концами. Мы увѣрены, что фасонъ этихъ пеньюаровъ очень-многимъ понравится, но гдѣтоъ его оцѣнятъ

вплоть, потому-что легче и граціознѣе для утренняго неглижé ничего нельзя придумать. Прибавьте еще къ этому широкіе рукава, немного подобранные на сгибу у локтя, и тонкій какъ кружево аграмантъ, которыми обшиты рукава и пелеринка.

Плате непряменно должно быть какъ-нибудь, или чѣмъ-нибудь да убрано; гладкаго платья безъ уборокъ нѣтъ. Бальныя же платья убираются чрезвычайно пышно; мало-того, что юбка выше колѣна покрыта тюлевыми буфами; сверхъ нихъ еще спускаются кружева уже отъ другой юбки, которая надѣвается сверху. Мы видѣли розовое газовое платье, убранное отъ самаго кушака до низу довольно-широкими фалбалами изъ того же газа, какъ платье; фалбалы эти вырѣзаны были зубцами. Кажется, пышите уборки нельзя придумать.

Бурнусы почти всѣ дѣлаются съ пелеринками, а многія ихъ дѣлаютъ и съ пелеринкой и съ отворотами; фасонъ ихъ совершенно - старыи. Для такихъ бурнусовъ большею частію выбираютъ гроденаплъ моаръ, или пу-де-суа. Уборки же преимущественно состоятъ изъ аграманта, который дѣлается съ величайшимъ искусствомъ изъ бахрамы, некрученнаго шелка и кружевозъ, пришитыхъ почти вгладь.

в) Дѣтскія.

Теперь настало самое лучшее время для дѣтскихъ модъ, и много появилось хорошихъ дѣтскихъ бурнусовъ, платьевъ и шляпокъ. Вотъ платье изъ твердъ сѣраго цвѣта, убранный малиновынъ, въ палецъ ширины, бархатомъ, съ большой пелеринкой, которая тоже обшита бархатомъ; вотъ другое изъ

гороховаго терибъ: лифъ сдѣланъ съ отворотами въ родѣ камазолъ; все платье вышито голубымъ шелкомъ. Также очень-много есть платьевъ изъ тафты, съ маленькими клѣтками. Лифы большею частію дѣлаются сборчатые напередѣ и свадн, съ маленькой бертюв.

Бурнусы очень-красивы изъ бѣлаго терибъ съ бѣлой бахромой; фасонъ этихъ бурнусовъ — гладкій безъ сборокъ наверху; полы круглыя; во все го мѣстѣ маленькіе эпюлеты на прорѣзахъ, вѣсто рукавовъ. Воротничокъ самый маленький.

Шляпки à la jardinière самыя удобныя для дѣтей. Поля у нихъ небольшія и полуоткрытыя, тулья низенькая; во эти шляпки подъ полями необходимо убирать какъ-можно - пышите; иначе оны не будутъ красивы: по этому поля подбиваютъ широкими лентами, которыя собираются. Вотъ, на-примѣръ, такая шляпка: тулья обхватываетъ зеленая бархатная лента и завязывается на боку бантокъ съ длинными концами; подъ полями вышита широкая розовая гроденаплевая лента, и, сверхъ этого, еще маленькіе бантики у щекъ; завязки тоже розовыя изъ самыхъ широкихъ лентъ. Для мальчиковъ дѣлаются шинельи съ воротничкомъ, убранныя аграмантомъ, и золотыя или серебряныя пуговицы; такія шинельи очень-красивы изъ клѣтчатой матеріи.

Курточки большею частію шьются открытыя напередѣ и безъ застежекъ; маленькимъ даже не надѣваютъ внизъ жилетокъ, но спускаютъ изъ-подъ кушака панталонъ немного рубашку; для дѣтей же старѣе восьми лѣтъ необходимо нужна жилетка и маленький оупляръ на шеѣ.

Б И О Г Р А Ф И И.

ЛИВИНГСТОНЪ.

Эдвардъ Ливингстонъ (Edward Livingston) родился въ 1764 году, въ Нью-Йоркской колоніи. Его семейство принадлежало къ числу древнихъ и нѣтъликихъ фамилій Шотландіи. Мать Ливингстоны составляли сильный племя или племя: ихъ родоначальникъ былъ однимъ изъ тѣхъ лордовъ, которымъ въѣрено было попочитительство надъ юною королевою Маріею Стюартъ; другой Ливингстонъ былъ равномъ нѣмбургскимъ.

Въ XVII столѣтіи, буре гоненій за елигію заставила многихъ удалиться въ Британію на берега Сѣверной Америки, гдѣ судьба предназначала имъ положить основаніе великому народу. Въ числу эмигрантовъ принадлежали иже Ливингстоны: вмѣстѣ съ другими, они оставили шотландскія горы и перешли на гудзонскіе берега. Сохраняя память о старинномъ блескѣ своего рода, они стремились къ независимости, но не перестали чтить преданій о своихъ предкахъ и по имени ихъ дѣтокъ называли нѣкоторыя изъ своихъ поселеній въ Америкѣ. Благородное семейство Ливингстоновъ, бѣжавшее отъ гоненій въ прежнее отечество, приняло мужественное участіе въ зашитѣ новой своей родины, когда метрополія не захотѣла признавать ея правъ и когда наступило время полнаго освобожденія американскихъ колоній отъ зависимости Англіи.

Въ началѣ этого огромнаго переворота, Эдвардъ Ливингстонъ, младшій изъ одиннадцати дѣтей своего отца, былъ еще весьма-молодъ. Первые годы жизни провелъ онъ въ Клермонѣ, богатомъ владѣніи, которое досталось его семейству на прекрасныхъ берегахъ Гудзонскаго-Залива. Тамъ выосталъ онъ посреди патриархальныхъ правотъ и просвѣщенныхъ идей, въ довольствѣ и правлахъ чести, перепедашей къ сыну какъ-бы по наследству. Т. ЛII. — Отд. VIII.

студу его родины, добрымъ образомъ, которое доставило имъ столько и глубока дѣйствующаго развѣивающаго дѣлу, какъ дѣйствительный и жидительный воздухъ на развивающееся тѣло — Ливингстонъ воспиталъ счастливыя наклонности, протость, благочестивыя чувства и возвышенныя побужденія. Но скоро онъ долженъ былъ невзлечь для себя образованіе болѣе-обширное и твердое изъ тѣхъ событій, которыя совершились въ его отечествѣ.

Мы хотимъ сказать о томъ времени, когда англо-американскія колоніи, терпѣвшія столько угнетеній, отдѣлились отъ метрополіи и сдѣлались независимыми штатами. Въ ихъ освобожденіи семейство Ливингстона приняло дѣятельное участіе. Братъ Эдварда, Робертъ Ливингстонъ, былъ членомъ конгресса, который въ-продолженіе семи лѣтъ, не смотря на всѣ превратности войны, не терялъ бодрости духа и ни на минуту не отчуждался въ судьбѣ Америки; этотъ конгрессъ избралъ Роберта Ливингстона, вмѣстѣ съ Джефферсономъ, Франклиномъ и Адамсомъ, для составленія и объявленія акта о независимости новой націи. Монгомери, женатый на сестрѣ Ливингстона не болѣе года, отправился въ экспедицію противъ Канады, и тамъ, послѣ взятія Монреала, погибъ отъ англійскихъ картечь при упорной осадѣ Квебека. Эдвардъ Ливингстонъ присутствовалъ при трогательномъ прощаньи своей сестры съ ея мужемъ и послѣ былъ ея утѣшителемъ. — Благодарное отечество публичнымъ декретомъ постановило воздвигнуть памятникъ юному герою; а вдова его, какъ Ринланка, нашла трауръ и не оставила его въ-продолженіе пятидесяти лѣтъ, предаваясь скорби о томъ, кого звала она своимъ сыномъ. На помощь колоніямъ безпрепятственно прѣѣхали въ Клермонъ благородные и неустрашимые сподвижники, которыхъ звали изъ Европы въ Америку стремленіе къ славѣ, духъ независимости и политическія инте-

рессы. Въ числѣ прїѣхавшихъ былъ Лавандъ; онъ поселился въ домѣ Ливингстонъ, и съ-тѣхъ-поръ явился защитникомъ общаго дѣла. Посреди упомянутыхъ нами событій и сценъ, къ яругу многихъ замѣчательныхъ людей, Эдвардъ Ливингстонъ провелъ свою молодость. Въ собственномъ семействѣ получилъ онъ и нравственное воспитаніе, которое сдѣлало его честнымъ и благороднымъ челоѣкомъ, и образованіе общественное, которое сдѣлало изъ него добраго гражданина.

Но если характеръ Эдварда Ливингстона и развился въ этой школѣ; если даже разумъ его созрѣлъ преждевременно, то, съ другой стороны, въ умственномъ воспитаніи онъ имѣлъ недостатокъ. Вообще, военное время не благоприятствуетъ умственнымъ занятіямъ, и мація, стремящаяся утвердить свое существованіе, мало заботится объ украшеніи ума своего различными свѣдѣніями. Впрочемъ, литература еще не вовсе исчезла въ колоніяхъ. Америка, отдѣлившись отъ Европы своими учрежденіями, сохранила съ нею связь своими идеями, и въ этомъ отношеніи все еще оставалась колонією стараго свѣта. Она не утратила благородныхъ наклонностей къ уснѣхамъ ума; въ то время въ ней еще не думали единственно о томъ, чтобъ дѣйствовать, и не подчинили возвышенныхъ способностей разума вседневнымъ потребностямъ жизни. Въ то время еще жили многіе замѣчательные люди, получившіе воспитаніе въ Европѣ и украшавшіе собою свое новое отечество, которому они доставили независимость. Этихъ людей имѣлъ Эдвардъ Ливингстонъ своими образцами: онъ предавалъ изученію наукъ и нравъ съ тою энергією вели и съ тѣмъ настоятельнымъ вниманіемъ, которая потонъ проявлялась во всѣхъ его поступкахъ. Онъ занялся прилежнымъ изученіемъ англійскаго обычнаго права (*droit coutumier*), которое переняло въ Америку въ ограниченномъ количествѣ сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ судебныя рѣшенія по разнымъ предме-

тамъ. Эти сборники можно назвать темными лабиринтомъ: до того въ нихъ перемѣшаны и разбросаны были различныя постановленія; во всемъ видно было отсутствіе существенныхъ основаній великаго закона — откровенности, единства и общности. Этотъ недостатокъ безпрестанно восстаждалъ мысль въ необходимость переработки законодателя. Изучивъ практическую англійскую юриспруденцію, Эдвардъ Ливингстонъ изучилъ также и самыя начала права; въ дошедшемъ случаѣ онъ пользовался Цандектаномъ Патиемъ (*Pathies*). Съ помощію этого сочиненія, — гдѣ въ превосходномъ порядкѣ изложены прекрасныя начала, которые сѣтальны намъ отъ древняго правосудія и юридическаго искусства Римлянъ — Эдвардъ Ливингстонъ высмисля до теоретическихъ началъ науки. Конечно, онъ не собралъ еще матеріалъ для собственнаго кодекса — мысль о составленіи его пришла къ нему прежде; но въ настоящихъ занятіяхъ, онъ приобрѣлъ строгую и логическую школу для своихъ будущихъ трудовъ. . . .

Приготовившись такимъ образомъ, онъ принялъ на себя званіе адвоката въ Нью-Йоркѣ. На этомъ поприщѣ Ливингстонъ сдѣлалъ блестящія успѣхи и скоро приобрѣлъ нѣзнатность ислужнаго адвоката. Дальшесть эта въ странахъ демократическихъ ведетъ далеко къ должностямъ законодательнымъ. Дѣйствительно, не смотря на свою молодость, Эдвардъ Ливингстонъ, быть призванъ съ поприща адвоката къ дѣламъ общественнымъ, и въ этихъ случаяхъ обязанъ былъ не столько адепту родства, сколько своей ранней извѣстности. Ему едва было тридцать лѣтъ въ то время, когда въ 1794 году Нью-Йоркомъ штатъ избралъ его однимъ изъ своихъ представителей на конгрессъ. Чтoby оцѣнить положеніе Ливингстона въ этомъ собраніи и его политическія связи, а равно и ту роль, которую игралъ онъ наряду съ основателями американской независимости, бросимъ бѣглый взглядъ на основаніе новой республики, на ея вѣдѣ, на ея

дѣявшія, и на различныхъ направле-
нiя, какія хотѣлось партiямъ дать
судьбѣ рождавшагося государства.

Вашингтонъ управлялъ въ то время
республикою Соединенныхъ-Штатовъ.
Онъ два раза сряду избранъ былъ
президентомъ и могъ бы остаться имъ
до самой смерти, еслибъ желалъ того.
Освобожденная имъ Америка съ до-
вѣрчивостiю поручала ему кормило
правленiя и чтила въ немъ граждани-
на, который никогда не употребилъ во
зло ни диктатуры своей, ни побѣдъ;
который умѣлъ править ею съ такимъ
же искусствомъ, какъ и защитилъ ее;
который показавъ столько доблестей,
командуя войсками, столько полити-
ческой мудрости въ устройствѣ госу-
дарства, столько простоты въ величii
и скромности въ славѣ. Республика
любила этого великаго человѣка за его
всесовершенную честность, за его вы-
сокую твердость и ясную душу,
за его прекрасный характеръ, не-
имѣвшiй недостатковъ, за его полный
и могучiй умъ, за его безукоризнен-
ную жизнь, на которой не лежало ни
одного пятна. Объ этомъ человѣкѣ, по
справедливости, можно сказать, что
онъ былъ первымъ на войнѣ, первымъ
въ мiрѣ и первымъ въ сердцахъ со-
гражданъ.

Въ 1783 году, Американцы вышли со
славою изъ семилѣтней борьбы съ ме-
трополоiю, которая должна была на-
конецъ признать ихъ самобытность;
такимъ образомъ, они перенесли кри-
зисъ своего освобожденiя. Въ 1789 го-
ду, они перенесли другой кризисъ —
внутренняго устройства, и, учредивъ
федеративное правленiе, спасли себя
отъ грозившаго имъ распаденiя. Такъ
они восторжествовали надъ опас-
ностями внѣшними и внутренними.
Желая исправить несовершенства и
предупредить раздѣленiя, которые
вредили до того времени почти всѣмъ
республикамъ и федерациямъ, Амери-
канцы весьма-благоразумно утвердили
у себя центральную власть, учредили
одного главнаго начальника, а съ тѣмъ
вѣсѣмъ общественныя собранiя, како-

ны, суды, устроили войска, финансы,
и этими мѣрами могли удержать въ
составѣ одной нации столько колонiй
разнороднаго происхожденiя, раз-
личнаго устройства, съ различными
интересами и обычаями, гдѣ направ-
ленiе было столько разнообразно,
какъ былъ различенъ климатъ зани-
маемыхъ ими странъ. Но физическое
положенiе нации и высшая воля сдѣ-
лали для Американцевъ болѣе, нежели
предусмотрительность и учрежденiя
ихъ законодателей. На долю нации
достался обширный материкъ, гдѣ
не было страшныхъ сосѣдей и, слѣ-
довательно, не было враговъ, гдѣ
нельзя было страшиться войны ино-
земной, а, слѣдовательно, не было
и опасностей внутри государства.
Для дѣятельности нации раскрыва-
лась обширнѣйшая перспектива: ей
предстояло населить пустыни, выру-
бить необъятные лѣса, воздвѣгать сте-
пи и болота, прорѣзывать горы, измѣнить
направленiе рѣкъ, однимъ словомъ —
воззвать цѣлый мiръ къ цивилизации.
Поэтому избытокъ силъ, который въ
государствахъ стараго свѣта, стѣснен-
ныхъ въ своей дѣятельности и въ сво-
ихъ земляхъ, обращается или про-
тивъ другихъ или противъ самихъ-
себя, Американцы могли обратить
только на природу. Долго общество
не болало у нихъ человѣка, и чело-
вѣкъ, пользуясь свободою на необъя-
тномъ пространствѣ, могъ, не вреда об-
ществу, удовлетворять своимъ бур-
нымъ и стяжательнымъ наклонно-
стямъ, могъ приобрѣтать не отнимая
у другаго, могъ входить въ соперни-
чество, не проливая крови, находить
для себя столько труда, сколько имѣлъ
потребностей, и пускаться во всѣ
предпрiятiя, какія только представля-
лись его желанiямъ.

При такомъ положенiи вещей, въ
республикѣ составились двѣ партiи,
изъ которыхъ одна, казалась, страши-
лась развитiя началъ демократиче-
скихъ, другая, напротивъ того, опасалась
возстановленiя англiйскихъ учре-
жденiй. Первая носила названiе на-

тія федеральной, другая называлась республиканскою. Остатокъ привязанности къ прежней метрополи, съ которою Америка была въ родствѣ по крови, по нравамъ и языку, и потому некоторое отвращеніе къ насильственной политикѣ французской революціи, были причиною, что федеральная партія желала сблизиться съ Англіею, во-первыхъ, введеніемъ подобныхъ англійскимъ законамъ, во-вторыхъ, трактатами. Съ другой стороны, ревность къ независимости и расчеты искусной, а съ тѣмъ же и благодарной политики побуждали демократическую партію предпочесть того союзника, который помогъ Американцамъ освободиться отъ враговъ, и эти чувства побуждали демократовъ остаться вѣрными связи съ Франціею. Одни съ безпокойствомъ помышляли о таинственной судьбѣ своего отечества, и съ благоразумнымъ опасеніемъ обращались къ прошедшему; другіе, исполненные довѣрчиваго вистиякта, отважно стремились къ неизвѣстной будущности. Превосходнѣйшіе умы и отличнѣйшіе изъ гражданъ раздѣлились между собою. Вашингтонъ съ умѣренностью поддерживалъ федеральную партію; Джонъ Адамсъ одушевлялъ и волновалъ ее своею горячностью; Франклинъ на всю жизнь свою объявилъ себя на сторонѣ демократической партіи, главою которой былъ въ то время Томасъ Джефферсонъ.

Эдвардъ Ливингстонъ присталъ къ послѣдней партіи на конгрессѣ 1794 года. Хотя его дѣла и не позволяли ему дѣйствовать на первомъ планѣ, гдѣ почетнѣйшее мѣсто занимали основатели американской независимости, еще жившіе въ то время, однакожъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своею пылкостью и дарованіями. Онъ опровергалъ трактатъ, заключенный въ 1794 году съ Англіею, по которому хотя и очищалась сѣверная граница Соединенныхъ - Штатовъ, гдѣ еще стояли британскія войска, но въ глазахъ французской партіи очищеніе это достигалось не съ полнымъ до-

стоинствомъ, потому что въ трактатѣ обнаружено было явное пристрастіе къ прежней метрополи, и изъяснялась налицая и унижительная покорность ея морскому деспотизму и неутраченнымъ требованіямъ въ отношеніи къ торговлѣ. Эдвардъ Ливингстонъ воспротивился равнымъ образомъ и введенію alien bill, по которому президентъ могъ высылать, въ извѣстныхъ случаяхъ, иностранцевъ изъ владѣній Соединенныхъ - Штатовъ. Подобная мѣра не сообразовалась съ цѣлями республики, для которой весьма-важно было отырыть свободный пріѣздъ въ нѣмигрантамъ и наполнять излишкомъ европейскаго народонаселенія свои западные владѣнія, еще необитаемыя въ то время. Рѣчь, произнесенная по этому случаю Эдвардомъ Ливингстономъ, распространилась въ западныхъ провинціяхъ, куда безпрестанно стремились Американцы, и долго потомъ читали эту рѣчь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были какъ-бы выносами республики и полагали собою зародыши будущихъ сильныхъ штатовъ. Кентукки, наполнившійся въ то время поселеніями, изъ призвательности къ Ливингстону назвалъ его именемъ одинъ изъ своихъ округовъ. Тѣсныя политическія связи заключены были на конгрессѣ между Эдвардомъ Ливингстономъ и предводителемъ демократической партіи. Въ эту пору узнавалъ онъ также еще мало извѣстнаго депутата возникшаго штата Теннессе, Андрея Джамсона, который въ послѣдствіи сдѣлался столью извѣстенъ, и съ которымъ подружился Эдвардъ Ливингстона сходство въ мнѣніяхъ и противоположность въ характерахъ.

Ливингстонъ остался на конгрессѣ и принадлежалъ къ оппозиціи до конца президентства Джона Адамса, послѣ съ которымъ прекратилась и связь федеральной партіи. Въ 1801 году, партія демократическая восторжествовала, послѣ того, какъ президентомъ Соединенныхъ - Штатовъ былъ избранъ Томасъ Джефферсонъ. Други

его, по обыкновенному въ подобномъ образѣ правленія случаю, перешли изъ оппозиціи къ правительственнымъ ввзніямъ и заняли общественныя должности. Эдвардъ Ливингстонъ, содѣйствовавшій возвышенію главы своей партіи, былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ въ Нью-Йоркскій Штатъ. Получивъ это мѣсто отъ правительства, онъ въ то же время облеченъ былъ довѣріемъ народнымъ въ званіе мэра города Нью-Йорка; а это званіе въ то время считалось вторымъ въ республикѣ.

Соединивъ въ себѣ представителя федеративныхъ законовъ съ званіемъ, которое возложено было на него многочислѣннѣйшими и богатѣйшими городами въ Америкѣ, Ливингстонъ показал много искусства и самоотверженія. Скоро представился ему несчастный случай выказать свои государственныя добродѣтели въ полной ихъ силѣ. Желчная горячка, эта чума Новаго-Саята, съ чрезвычайною жестокостію распространилась въ Нью-Йоркѣ. Ужасъ овладѣлъ жителями; всѣ богатые люди оставили городъ: тамъ, гдѣ кипѣла жизнь и раздавался неумолкаемый шумъ, воцарилось мертвенное и страшное безмолвіе. Улицы опустѣли, большая часть домовъ были заперты. Въ гавани стояли корабли, оставленные ихъ экипажами, и видѣлись цѣлыя лѣса неподвижныхъ мачтъ. Кто только могъ бѣжать, всѣ удалились изъ злополучнаго города и искали вдалекѣ воздуха, который не заносилъ бы смерти. Ливингстонъ остался съ тѣми, кто не могъ уѣхать. Этого требовалъ его долгъ; онъ понималъ его и исполнилъ съ непоколебимымъ мужествомъ. Неожиданное бѣдствіе почиталъ онъ, какъ самъ выражася на языкѣ юридическомъ, невыгодною стороною того договора о неизвѣстномъ, могущемъ случиться (*contrat aléatoire*), который заключилъ онъ съ городомъ, принимая отъ него первостепенную должность. Онъ убѣжденъ былъ въ томъ, что для спасенія себя оставалось одно средство — пренебречь опасностію и

стараться быть полезнымъ для другихъ, или, если ему суждено было погибнуть, то лучше погибнуть съ честію. По-этому онъ не только остался въ городѣ, но и предался чувству самоотверженія; ежедневно посѣщалъ больныхъ, оказывалъ имъ пособіе, раздавалъ деньги, помогалъ собственными руками. Многіе обязанности ему были своею жизнію. Энергическая воля и удовольствіе дѣлать добро, которыми онъ подкрѣплялъ себя, долгое время предохраняли его отъ заразы. Уже начинала ова проходить, какъ вдругъ Ливингстонъ заболѣлъ самъ. Въ свою очередь теперь онъ окруженъ былъ попеченіями и заботливостію благодарнаго народа. Граждане, встревоженные его болѣзнію, толпились въ улицы, гдѣ жилъ онъ, но на шумѣли; входили осторожно въ его домъ; каждый разъ смѣняли другъ друга у постели больного, и когда разнеслась счастливая вѣсть о томъ, что его крѣпкое сложеніе и присутствіе духа восторжествовали надъ опасностію, то въ городѣ распространилась такая же радость, какъ и послѣ прекращенія заразы, поражающей столько жертвъ. Ливингстонъ былъ награжденъ двоиной: онъ не могъ не чувствовать, что дѣйствовалъ прекрасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ наслажденіе видѣть, что граждане оцѣнили его великодушіе.

Скоро, однакожъ, онъ принужденъ былъ отказаться и отъ этихъ чувствъ и отъ своихъ обязанностей, и даже отъ пребыванія на родинѣ. Въ сорокъ лѣтъ пришлось ему начинать жизнь свою сънова. Роскошныя привычки, издержки по отправленію должности, можетъ-быть, вѣсколько неумѣренныхъ, щедрыя пособія больнымъ, наконецъ, больше всего, неблагоразуміе одного друга, которому онъ вѣрилъ значительныя суммы, принадлежавшія Соединеннымъ Штатамъ, и необходимостъ пополнить ихъ изъ собственныхъ средствъ, были причиною, что онъ разорился и долженъ былъ снова взваться за ремесло адвоката, чтобъ

поправить свое состояніе. Впрочемъ, то, что причиною ему столько несчастій, пошло его къ славі: неблагопріятныя обстоятельства заставили его удалиться въ новую страну, гдѣ онъ сдѣлался законодательнъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ съ востоящимъ положеніемъ Ливингстона, обширная и богатая страна, орошаемая рѣкою Миссисиппи, открылась для промышленности Американцевъ и поступила въ ихъ владѣніе. Робертъ Ливингстонъ, братъ Эдварда, находясь повѣреннымъ въ дѣлахъ при французскомъ правительствѣ отъ Соединенныхъ-Штатовъ, устроилъ въ Парижѣ важное пріобрѣтеніе Луизианы. Колонія эта принадлежала сначала Французамъ, но въ слабое правленіе Людовика XV была уступлена Испаніи, по трактату 1763 года. Испанія, въ свою очередь, отдала ее обратно Франціи трактатомъ въ Сен-Ильдефонсѣ въ 1800 году. По политическимъ расчетамъ перваго консула Бонапарте, этотъ трактатъ оставался въ тайнѣ во все время войны съ Англіею. Но, послѣ амьенскаго мира, когда Бонапарте съ такою славою успѣлъ прекратить непріязненные отношенія къ Франціи и обезпечилъ договорами результаты своихъ побѣдъ на твердой землѣ, онъ рѣшился возвратити Франціи ея прежнее величіе въ колоніяхъ. Съ такою цѣлію онъ возвратилъ себя, по договору, колоніи, отнятыя Англіею, пріобрѣлъ отъ Испаніи Луизиану и предпринялъ экспедицію въ Сен-Доминго. Но ни время, ни счастье не благопріятствовали его плану. Экспедиція въ Сен-Доминго не удалась, а между-тѣмъ грозила война съ Англіею. Не надѣясь удержать за собою Луизиану, и не желая, чтобы она досталась Англіи, Бонапарте отдалъ ее Американцамъ. Увеличивать Америку значило, въ его глазахъ, ослаблять Англію. Но, кромѣ политическихъ выгодъ, которыя пріобрѣталъ онъ отъ усиленія союзниковъ, непріязненныхъ врагу Франціи, онъ пріобрѣлъ этою уступкою восемьдесятъ милліоновъ фран-

ковъ, и сверхъ-того поставилъ въ числѣ условій, чтобы старинная французская колонія была присоединена къ федеративной республикѣ на правахъ свободного государства, со всѣми преимуществами, какими пользовались прочіе штаты союза, и со всѣми особенными привилегіями самостоятельнаго государства.

Эдвардъ Ливингстонъ отправился въ Новый-Орлеанъ и прибылъ туда въ концѣ 1803 года, почти въ одно время съ американскими комиссарями, которыми поручено было принять эту провинцію. Положеніе страны было превосходно и свойства ея неотъемлемы. Находясь въ центрѣ Новаго-Світа, при очаровательномъ заливѣ, перерываемая величайшею въ мѣрѣ рѣкою, которая удобна для судоходства на пространствѣ тысячи двухсотъ миль и принимаетъ въ себя множество широкихъ рѣкъ, выходящихъ изъ Горъ Скалистыхъ (Rocheuses) и Аллеганскихъ (Alleghanys), Луизиана представляла собою обширную и прямую долину, къ которой примыкали другія неперечныя, равно изобильныя и удобовлажняемыя могучимъ вѣтвямъ гигантскаго дерева. Пользуясь благословеннымъ климатомъ, будучи удалена отъ суровой стужи и отъ палача зноя; обладая почвою, способною для всѣхъ родовъ земледѣлія и притомъ ленными незапамятными наводненіями рѣки къ безпредѣльному плодородію; покрытая вѣковыми лѣсами и залита мнѣ водою лугами, эта страна обилѣла сдѣлаться чѣмъ-то дивнымъ, какъ скоро человекъ покоритъ себя тамъ природу, царствовавшую во всей красотѣ своей, но съ тѣмъ вмѣстѣ во всемъ безпорядкѣ, и утвердитъ господство труда и разума.

И это началось въ Луизианѣ со времени прибытія туда Американцевъ. До-тѣхъ-поръ, она оставалась почти необитаемою и пустынною. Шестидесять пять тысячъ жителей, разсѣянныхъ на двухъ-стахъ тысячахъ квадратныхъ миляхъ, составляли все ея население. Организованная отъ Франціи извѣстнаго

орокъ лѣтъ, не считая большого рас-
положенія къ Испаніи, которая ничего
изъ нея не сдѣлала, Луизиана, подобно
уску неодоушвеннаго вещества, кото-
ры испытываетъ притяженіе къ окру-
жающимъ его массамъ, чувствовала
оральное влеченіе къ новому народу,
оторый, едва-вышедши изъ револю-
ціи, уже покрывалъ своиѣ кораблями
кеви, наполнилъ восточные лѣса
воини піонерами, населялъ пустыни
енгукки отважнымъ племенемъ, и на-
овець достигъ до восточнаго берега
еликой рѣки, которая одна могла от-
рыть его произведеніямъ и стремле-
нію выходъ на море. По-этому, Луи-
зіана съ восторгомъ приняла извѣстіе
томъ, что, переставая быть колоніею,
на поступаетъ въ составъ цѣлующей и
огущественной націи. Пространство
рая было слишкомъ-велико для одно-
штата и потому его раздѣлили на
етыре части, которыя должвы были
оставить четыре отдѣльные штата и
олучили названіе Луизианы, Арканза-
а, Иллиноа и Миссури.

Было двѣ степени политическаго при-
едвленія странъ къ союзу. Одна со-
тояла въ учрежденіи временнаго управ-
ленія, которое называлось земскимъ
ли территоріальнымъ (*gouvernement
territorial*): другая состояла въ окон-
ательномъ введеніи управленія, на-
ывавшагося государственнымъ (*gou-
ernement d'État*), или *управленіемъ
штата*. Первый образъ управленія
лѣлъ цѣлю. дать странѣ устройство
мало-по-малу довести ее до самосто-
тельнаго управленія; при чемъ имѣ-
ось въ виду, чтобъ страна была до-
точно къ тому приготоена. Второй
образъ управленія давалъ странѣ само-
ытное существованіе и предоставлялъ
ей управляться самой собою, соблюдая
аконы и учреждая у себя федеральныя
олжности. Пока существовалъ пер-
ый порядокъ, страна находилась въ
оторымъ образомъ подъ опекою об-
даго правительства; оно давало ей, во-
ервыхъ, губернатора для администра-
ціи, во-вторыхъ, законодательный со-
ѣтъ, для приведенія ея въ устройство,

и, въ-третьихъ, высшее судилище для
судебныхъ дѣлъ. Съ водвореніемъ вто-
раго порядка, страна получала право
имѣть собственную палату представи-
телей, свой сенатъ и свое независимое
устройство. Луизиана равнымъ обра-
зомъ была подвергнута предваритель-
ной опекѣ, прежде нежели получила
полную свободу. Въсѣтъ съ террито-
риальнымъ управленіемъ она ввела у
себя *habeas corpus* и учрежденіе при-
сяжныхъ (*jury*) — двѣ необходимыя
принадлежности Американца, съ ко-
торыми онъ не расстается, гдѣ бы
ни водворился, и которыя обезпе-
чиваютъ для него свободу и право-
судіе. Но первоначальныхъ правъ,
по которымъ рѣшенію присяжныхъ
подчинялись всѣ дѣла гражданскія и
уголовныя, касавшіяся собственности
и личности жителей, было еще недо-
статочно. Надлежало дать законы, ко-
торыя примѣняемы были бы къ этимъ
дѣламъ, и, во-вторыхъ, опредѣлить пра-
вила судопроизводства, по которымъ
разбирались бы возникающіе случаи.
При этомъ представился вопросъ: слѣ-
дуетъ ли сохранить въ Луизианѣ пре-
жне ея законодательство, нестройную
смѣсь постановленій римскаго права,
обычаевъ французскихъ и предписаній
испанскаго правительства? или
лучше ввести законы англійскіе, съ
неопредѣленною такъ-называемыхъ
прежнихъ примѣровъ, съ утонченно-
стію ихъ юридическихъ фикцій и съ
плодовитостію ихъ формъ? Вопросъ
этотъ поступилъ на разсмотрѣніе выс-
шаго судилища. Американскіе юри-
консульты требовали исключительнаго
принятія англійскихъ законовъ,
какъ гражданскихъ, такъ и уголов-
ныхъ. Ливингстонъ напомнилъ но-
вымъ обладателямъ страны, что, по
условіямъ трактата, Луизиана должна
участвовать во всѣхъ выгодахъ аме-
риканскаго союза, не теряя соб-
ственныхъ привилегій, и соораз-
но съ его предложеніемъ, рѣшено
было, что страна сохранить свои граж-
данскіе законы, но примѣтъ уголов-
ные законы англійскіе, дадеко превос-

ходившіе къ ней, которыми Луизіана судилась при испанскомъ правительствѣ. Такимъ образомъ, благодаря Луизіанскому, Луизіана сохранила свои обычаи и расширила свои права — два обстоятельства, которыми народъ весьма дорожитъ и на которыя охотно соглашается. Услуга Луизіанскому осталась навсегда въ памяти страны.

Но прежніе законы Луизіаны, гражданскіе процессы не подчинялись рѣшенію присяжныхъ, а какъ это считалось необходимымъ по американскому праву, то и нужно было ввести новую форму судопроизводства. Луизіанскому поручена была этотъ трудъ, къ которому онъ былъ способенъ по своему искусству и по опытности. Дѣйствительно, Луизіанский составилъ правила процесса, которыя могли служить образцомъ простоты и ядраго ума. Начало процесса, веденіе его, сужденіе и рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ были опредѣлены съ бодшимъ искусствомъ. Луизіанский обратилъ главное вниманіе на сущность самихъ актовъ и устранилъ сложныя формы. Послѣдній, составлялъ лишь первую степень правосудія, могутъ своею медленностію обеспечивать справедливость только въ эпоху провозвела и насилія; но когда царствуетъ въ государствѣ одинъ законъ, то слѣдуетъ идти къ сущности дѣла прямымъ путемъ справедливости, а не извилистыми стезями формальностей. Въ такую пору сокращеніе времени процесса необходимо и служить къ скорѣйшему достиженію правосудія, точно какъ въ верномъ случаѣ продолжительность времени составляетъ путь болѣе валежный. Эту истину хорошо понялъ вървый и мыслящій умъ Луизіанского, и потому въ краткихъ, но существенныхъ правилахъ составленнаго имъ процесса, Луизіанский уклонился и отъ нескончаемой процедуры французскихъ законовъ, и отъ старинныхъ енидій англійскаго законодательства. Поставляя достиженіе истины своею цѣлю и руководясь яснымъ взглядомъ, онъ составилъ прави-

ла, которыя упрочили благоустройство процесса. Успѣвъ этой работѣ отличить ему въ возмѣщеніе составленнаго другого, болѣе обширнаго законодательнаго труда.

Луизіанскому былъ отданъ еще уполномоченіе временнаго упрощенія къ дѣланіямъ. Онъ собралъ для себя болѣе хорошее положеніе, но требованіе импринципальнаго правосудія. Историки упоминаютъ въ трудѣхъ французскихъ юристовъ имена Моро-Лисля (Moreau-Lislet) и Дербини (Derbigny), которые собрали въ одно старинные гражданскіе законы Луизіаны. Но въ законотельствѣ, которое должно было существовать еще нѣсколько лѣтъ, страна разбилась на части-благотро. Со всѣхъ сторонъ являлись новые поселенцы; дѣла тамъ не въ чинахъ пионеровъ; пустынные пространства, раздѣлявшіе одно поселеніе отъ другого, обратились въ жилища новыхъ гражданъ; новая-орлеанская власть напалась судами, и суда эти, взожда всерѣзъ по рѣшанію, оказали торговцамъ реальныя права, уже обобщенныя во всѣхъ мѣстахъ. Цѣна собственности возмѣстара дѣлостеро, и Луизіанский, возмѣстивъ въ славу и прибрѣвшій широкую практику адвоката въ Луизіанѣ, легко вознаграждалъ себя менѣе богатство, которое было принадлежало удаленію изъ родины.

Но если богатство и слава не въ виду, то это не составляло предмета его занятій; для ума и души Луизіанского нужна была лишь болѣе-благородная, и онъ извѣдалъ ее. Красивыя занятиями адвокатства, для пріятнаго составленія болѣе-важныхъ уголовныхъ законовъ, и въ процессуальномъ спорномъ заключеніи.

Чтобы приготвить себя къ этому обширному труду, Луизіанский широкъ подался, существовавшіе въ разныхъ временахъ у различныхъ народовъ, и близко ознакомился съ возмѣстивъ учеными науки права. Читая Монтескье, онъ утвердился въ собственномъ мнѣніи; Вольтеръ разсудилъ въ свои дни

одушительный языкъ. Контактъ образованнѣе, немѣсто, аналитическую способностъ; совершеннѣе. Хотѣло усовершенствовались оне въ умѣнн, составлять законы, а внимательное изученіе французскихъ законовъ образовало его законодательный слогъ.

Но прекрасныя предположенія Линдгустона были основаны на событіяхъ, при которыхъ онъ долженъ былъ оставить на время оружіе, и вѣстись за оружіе. Въ 1812 году, Соединенные Штаты, долго сдержанные со стороны Англіи своимъ утвержденіемъ для свободной націи рабства, наконецъ рѣшились, при умѣрдненіи, соединиться съ Франціею, на земли свободы морей и пріять выгоды отъ оныхъ. Мужествомъ американца они борбу въ продолженіи двухъ лѣтъ; но когда палъ Наволонъ въ 1814 году, они остались одни въ этой распрѣ и подвергнувшись нападению всѣхъ англійскихъ силъ. Страшная экспедиція готовилась противъ Луизианы: пятнадцать тысячъ отборнаго стараго войска, сражавшагося въ Португаліи и Испаніи подъ предводительствомъ Воллингтона, было послано на корабли и отправлено въ страну, которая присоединена была послѣ всѣхъ къ американской федерации, и которую по этому называли Луизианою легче другихъ отторгнуть; по крайней мѣрѣ, такъ думали объ Луизианѣ.

Мѣстный Орлеанъ, которому при этомъ случаѣ грозилъ на началъ опасность, не выдѣлъ средствъ къ защитѣ. Правда, выходилъ на лѣвомъ берегу Миссисипи, онъ; казался, довольно обезпеченъ былъ оверни, которая образовала рѣку, в пріисыпныхъ болотахъ, лежащихъ ни устья Миссисипи; но городъ не имѣлъ ни укрѣпленій, ни войскъ; одна оны могъ всерушить тысячу двѣсти человекъ. Поэтому приближеніе опасности пришло его въ умѣнн. Жители никогда не бывали въ сраженіяхъ. Два года наслаждались они полною независимостію, имѣли уже самостоятельность, но не получили еще окончательнаго устройства. Изъ принадлежа-

ли права, столько правившіеся въ сараду, но они не имѣли управленія, которое связывало бы гражданъ въ одно цѣло. И въ этомъ заключается важное неудобство демократическихъ государствъ, хотя, съ другой стороны, въ нихъ рождался много энергическихъ людей, которыхъ одна мысль становилась средствомъ къ устройству, и эти люди въ одно мгновеніе, силою характера, устанавливаютъ единство во власти и побуждаютъ всѣхъ содѣйствовать общими усиліями. Такого человека нашла Луизиана въ генералѣ Андрѣе Джаксонѣ (*).

Получивъ отъ президента Медисона порученіе принять на себя въ настоящемъ случаѣ защиту Луизианы, Джаксонъ не оставался нисколько и принялъ на себя эту трудную обязанность. Въ обильной приключеніями жизни своей, онъ принималъ не считать ничего невозможнымъ. Родители назначили его въ духовное званіе; самъ онъ пожелалъ сдѣлаться адвокатомъ, но истиннымъ призваніемъ его была война. Потому, хотя онъ, по распоряженію Вашингтона, и получилъ мѣсто генеральнаго прокурора въ Тенесси, хотя и участвовалъ въ конгрессѣ въ качествѣ законодателя, и потомъ былъ въ высшемъ судилищѣ судьей, однако онъ отличился наиболѣе на поприщѣ военномъ. 14-ти лѣтъ онъ сражался волонтеромъ въ войну за независимость Америки и былъ раненъ. Въ послѣдствіи, увидѣвъ потребностію дѣйствовать, шлоестію сего характера и страстію къ приключеніямъ, Джаксонъ переселился въ западные владѣнія штатовъ и тамъ сдѣлался однимъ изъ вѣстическихъ цѣнителей, основанныхъ Тенесси. Предводительствуя милліею штатовъ въ войну 1812 года, онъ побѣдилъ Криксовъ и

(*) Дальнѣйшія подробности о генералѣ Джаксонѣ и его дѣйствіяхъ наложены въ письмахъ М. Шевалье о Сѣверной Америкѣ (Lettres sur l'Amérique du Nord, par M. Chevalier). Въ Отечественныхъ Запискахъ за октябрь 1846 года помѣщена эта біографія.

выглядѣ Англичанъ изъ Пенсильваніи. Неумротное мужество помогло ему счастливо избѣгать большихъ личныхъ опасностей; съ помощію его онъ успѣшно пополнялъ отважнѣйшія предпріятія и внушилъ къ себѣ неограниченное довѣріе согражданамъ. Онъ вѣрилъ, что межъ людьми, точно такъ же какъ и между государствами, тотъ сильнѣе другихъ, въ комъ воля сильнѣе и ярче.

Съ таиннаго расположенія прибылъ Джексонъ въ Новый-Орлеанъ. Пятнадцать лѣтъ не видѣлся онъ съ другомъ своимъ Ливингстономъ. Теперь онъ направилъ его во главѣ составленнаго имъ комитета защиты, исполненнымъ рвенія и мужества. Джексонъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. По взаимному согласію, они принимали всѣ мѣры къ отраженію непріятеля. Не сомнѣваясь, что, въ минуты опасности, единство власти необходимо, и что спасеніе страны еще неустойчивой зависитъ отъ твердой воли одного лица, Андрей Джансонъ, бывъ демократомъ, сдѣлался диктаторомъ. Онъ объявилъ страну въ военномъ положеніи, остановилъ на время дѣйствіе habeas corpus и, спустя нѣкоторое время, запретилъ даже собираться законодательному совѣту. Всѣхъ гражданъ онъ призвалъ къ оружію, принялъ помощь, предложенную пиратами острова Баратарія, и заставилъ милиціи Тенесса и Кентукки исполнить, сколько возможно, подъ Новый-Орлеанъ. Энергією своихъ распоряженій и хладнокровнымъ мужествомъ онъ внушилъ всѣмъ довѣріе, которымъ и самъ одушевлялся.

Въ продолженіе этой достопамятной кампаніи, Ливингстонъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ генерала Джексона. Онъ принималъ участіе во всѣхъ мѣрахъ и во всѣхъ успѣхахъ: сопровождалъ Джексона въ страшную ночь 23 декабря, когда Джексонъ разстроилъ предпріятіе англійскаго авангарда и привудилъ его остановиться; помогалъ Джексону въ устройствѣ укрѣпленій, которыя и были воздвигнуты въ двухъ миляхъ отъ Нового Ор-

леана, между болотами и рѣкою, гдѣ Американцы съ твердостью ожидали враговъ; былъ свидѣтелемъ двукратнаго, безполезнаго нападенія англійской арміи на эти на-скоро устроенныя укрѣпленія, которыя защищались артиллерією небольшого числа пиратовъ и храбростію пяти тысячъ человекъ милиціи. Наконецъ, Ливингстонъ участвовалъ 8 января 1815 года, въ день навсегда памятный въ дѣтоислахъ Луизианы, въ сраженіи, которое должно было рѣшить ея участь. Онъ видѣлъ, какъ старыя англійскія войска, молча и въ превосходномъ порядкѣ, шли на послѣдній приступъ; видѣлъ, какъ они, не смотря на быстроту движеній и холодное мужество, не успѣли подойти ко рву; подаявъ притязываемыя ядрами и картечью, они пали въ ту минуту, когда приближились на выстрѣлъ карабинномъ выстрѣлѣ неустрашимыхъ западныхъ стрѣлковъ, которыхъ рука тверда, глазъ вѣрствъ и выстрѣлы метки. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, командиръ отряда, генералъ сиръ Эдвардъ Пеккенгамъ (Pakenham) былъ убитъ, генералы Жиббсъ (Gibbs) и Кинъ (Keane), пришедшіе послѣ него команду, были смертельно ранены; большая часть офицеровъ погибли отъ пуль; дѣтъ тысячи солдатъ легли на мѣстѣ; армія остановилась, дала знакъ къ отступленію, и Луизиана была спасена.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ и опасностяхъ этой войны, Ливингстонъ принималъ благородное участіе: помогалъ Джексону своими совѣтами, своею храбростію, своимъ перомъ; писалъ отъ имени Джексона прокламаціи и декреты, развозилъ приказанія, законы, послѣ сраженія, успѣшно велъ переговоры о разнѣжѣ плѣнныхъ, такъ-что послѣдствіемъ, когда американскій конгрессъ, въ знакъ благодарности за нѣ, поднесъ Джексову медаль, выбыту въ память его побѣдъ, Джексонъ обратился къ Ливингстону, сказала ему: «Подойдите и взгляните, что я получаю благодаря вашимъ пособіямъ».

По освобожденіи Луизианы и по за-

неніи гандскаго мира, Ливинг-
 стонъ принялся снова за прежнія свои
 дѣла, и предался имъ съ такою
 охотою и постоянствомъ, что, по исте-
 ченіи нѣсколькихъ лѣтъ, планъ ре-
 формы уголовныхъ законовъ былъ имъ
 чуждъ. Желая ввести ее въ Луизи-
 ану, онъ сдѣлался членомъ законода-
 тельнаго собранія въ этомъ штатѣ, съ
 тѣмъ, чтобы наблюдать ближе зако-
 нодѣтельную и имѣть на нихъ вліяніе сво-
 его голоса. Потомъ предложилъ
 измѣнить недостаточные законы,
 существовавшіе до тѣхъ поръ въ Луи-
 занѣ и оскорблявшіе и завывшіе
 славу своею беспорядочностію, и че-
 лочество своимъ варварствомъ, и
 несправедливостію бывшихъ несовершен-
 ныхъ. Онъ убѣждалъ страну ввести
 бы другія постановленія, болѣе со-
 извѣсныя съ разумомъ и правами въ-
 нными основанныя на истинныхъ нача-
 лахъ уголовного права. Выслушавъ
 предложенія Ливингстона, сенатъ и
 два представителя Луизианы, въ
 день записаніи 20-го февраля 1820
 г., опредѣлили назначить искуснаго
 юриста-консультанта и поручить ему со-
 слагеніе новаго кодекса. Кодексъ
 долженъ былъ, во-первыхъ, при-
 зданіи преступленій, имѣть един-
 ственною цѣлю предупрежденіе ихъ;
 во-вторыхъ, долженъ былъ обозначить
 нарушенія, преслѣдуемыя зако-
 номъ, и каждое изъ нихъ опредѣлить
 ясными выраженіями; въ-третьихъ,
 назначить наказанія за каждое пре-
 ступленіе, и при этомъ соразмѣрить
 величину наказанія со степенями вины;
 въ-четвертыхъ, установить ясныя пра-
 ва объ очевидныхъ доказатель-
 ствахъ, которыя признавались бы въ
 подобныхъ случаяхъ и своею опредѣ-
 ленностію устраняли ошибки со сто-
 ры слѣдователя и судящаго; въ-пя-
 тыхъ, опредѣлить форму процесса са-
 мого простую, которая не сопряжена
 бы съ медленностію въ произ-
 водствѣ дѣла; наконецъ, въ-шестыхъ,
 сдѣлать съ точностію все обязан-
 ности служащихъ по административ-
 ной и судебной частямъ, и тѣмъ

предупредить со стороны ихъ прене-
 жденіе данной имъ властью, или же рас-
 ширеніе ея предѣлами въ тѣхъ случаяхъ,
 гдѣ это найдено будетъ нужнымъ.
 13-го февраля 1821 года, по иже общему
 собранію признало Ливингстона юри-
 стическимъ консультантомъ, специально
 исполнить этотъ великій трудъ, и избрало его
 своимъ законодателемъ. Наконецъ, 21
 марта 1822 года, послѣ того, какъ пре-
 читано было превосходное доносеніе
 Ливингстона, въ которомъ онъ изложи-
 лъ всю свою систему, и которое
 поразило собраніе возвышенностію
 взглядовъ, обширностію свѣдѣній,
 любовью къ истинѣ и краснорѣчивымъ
 слогомъ — предложенный планъ былъ
 одобренъ и собраніемъ въ декретъ сво-
 емъ настоятельно убѣждало Ливинг-
 стона продолжать свою работу. Ли-
 вингстонъ дѣйствительно продолжалъ
 ее и съ полнымъ самоотверженіемъ
 занимался ею два года. Онъ обраба-
 тывалъ къ практическому пересмотру за-
 коновъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ,
 и къ сочиненіямъ ученыхъ людей;
 вошелъ въ переписку съ извѣстнѣй-
 шими криминалистами въ Европѣ, и
 черезъ два года кончилъ намслѣдокъ
 одно изъ самыхъ обширныхъ, самыхъ
 полныхъ и наиболѣе стройныхъ зако-
 нодательныхъ твореній, какия только
 производимы были умомъ человека.

Спрашивается: какия успѣхи ума и
 усовершенствованія законовъ во ча-
 сти уголовного права сдѣланы были
 до Ливингстона, и въ какую пору онъ
 вступилъ на поприще законодатель-
 ства, раскрытое удами послѣдста-
 го вѣка и расширенное собственною
 дѣятельностію этого замѣчательнаго
 человека?

Долгое время общество, не имѣя си-
 лы обуздывать преступленія, выжи-
 валось въ дѣла этого рода для того
 только, чтобы припрятать частныя
 лица, а не для того, чтобы ихъ нака-
 зывать. Въ это время весь способъ об-
 узданія состоялъ въ простомъ посред-
 ничествѣ между обидѣвшимся и оби-
 женнымъ, и общество принуждено бы-
 ло глядѣть на преступленіе какъ на

войну, которую ведут несправедливы. Оно доводит до того, что одному человеку принадлежат права, принадлежащие другому, и наоборот: один отплачивает за свои преступления, а другой принадлежит к преступлению. Но, каждаго из нас мало-помалу иными способами так что могло само почитать преступлением, обществу стало преследовать как и судить отъ своего имени и на свой счет. Будучи однако еще грубыми и насильственными въ своемъ правосудии, оно считало только право частной мести правомъ мести общественной. Жестокость перешла изъ право въ законы, и наказания, налагаемыя правосудіемъ, ни чѣмъ не отличались отъ возмездія, вытекающаго изъ страсти. Въ сдѣланіе того, названы были жестоки, судьи пошлосерды, процессъ веденъ былъ тайнѣ и не было защиты къ защитѣ; пытки служили дополнительною мѣрою при сдѣланіи; привадеіе, историчное мученіемъ, почиталось необходимыми обязательствомъ; не было никакой сдержанности между наказаниями и преступлениями; тюрьмы были пытки и вѣржелье вловоніемъ; ищали безчеловѣчны; безчестіе прокатывалось на семейство и даже на члена домашняго родства; казнь казнили, и припечатывали преступленію и виновника. Тамъ было почти во время государева до половины X.VIII столѣтія.

Въ это время Монтескью сдѣлался органомъ боже справедливыхъ и болѣе человѣчественныхъ идей въ области уголовного права. Этотъ великій мыслитель тщательно опредѣлилъ различіе между общественными властями, и съ точностію отдѣлилъ власть издающую законы, отъ власти судящей. Она боролась противъ ослабленія вѣржелье престола и чрезвычайной строгости наказаній, существовавшихъ до оныхъ; атимъ онъ приговорилъ царство въ справедливости, независимой отъ постороннихъ для нея обстоятельствъ, а воле умирительность въ наказаніяхъ и поставилъ дѣлу цинду преобразовательной правды. Изъ его школы

принадлежали Беккариа, Фелдманъ, Беранъ и Ларетіе Беванъ. Въ ихъ развитыя идеи Монтескью, или помгалась дѣла, въ развѣтливой степени онавали много услугъ уголовному праву: Беккариа—авоние индивидуальнымъ чувствозаніемъ, котораго приела отъ вену, не отъ вровосказалъ иеръ повозомности чловѣческой души Фелдманъ—самомъ свободѣ идеи. Сѣванъ—своею опытностію; Беванъ—ученою страстію своего ааваніа. Изъ этой школы принадлежали также государя, которые въ XVIII столѣтіи явились преобразованіемъ уголовныя законы; мавендъ, дѣ шей припадкамъ и составителямъ французскихъ декретъ, котораго предвинула дѣла и реворну и авела въ законы рѣши привадеіе, публичное судопроводство, защиту, предъ одами, повозомности въ наказаніяхъ и отбываніи мученій, безчеловѣчнхъ въ маваніи.

Въ то же время, какъ совершилъ этотъ переворотъ въ теоріи и въ практикѣ уголовного правосудія, готовилась еще другая реформа, которая должна была составить дополненіе къ первой. Люди съ высочайшъ умомъ, сострадательными сердцами, труппа несчастныхъ и унравительныхъ дѣловъ положеніемъ, въ котораго былъ повергаемъ преступникъ послѣ своего осужденія; въ сдѣланіе дого редкимъ великодушная мысль исправить и зло преобразованіемъ тюрьмъ. Валент Виланъ XIV (Vilain XIV) въ Нидерландяхъ, добродѣтельный Говардъ въ Англіи и канеры въ Пруссіи авели сѣбя этому сдѣланію дѣлу. И тѣхъ поръ осужденныхъ стали раздѣлять по ихъ возростамъ въ разныя преступленія, и подвергали ихъ къ молчаливо и работѣ, дмъ же уединительному заключенію. Изъ тюрьмъ стали дѣлать мѣсто исправленія и воспитанія, гдѣ подлѣ страдъ наказанія бывающаго вѣрже единственною дѣло закона, давались средства къ расправѣ въ проступкѣ и средство къ тому, чтобъ не повторять его болѣе. Изъ

и краснѣе мыслѣ, вослѣ выходяще въ свѣтъ омысловъ, обратилась въ общинную систему, нѣзбѣстную подъ названіемъ исправительной реформы. Направлена была къ тому, чтобъ дѣлать на преступленія, какъ на невинныя, и на виновныхъ, какъ на больныхъ, въ которыхъ будущее можно увидѣть единеніемъ, если они были счтены къ злу силою страстей, — поныня привычки можно исправить предствомъ труда, если виновные или въ нихъ нѣтъ правды, — и освѣтить умъ ученіемъ, если лѣзство было источникомъ преступленія. Въ сдѣланіе подобнаго улучшенія, законъ, сдѣланный сначала изъ снотельнаго справедливости, сдѣланъ потому изъ справедливаго человѣколюбія: онъ не только наказывалъ явнѣ, но исправлялъ душу преступника и доблѣлалъ такимъ образомъ явнѣ наказывать искусствомъ исцѣлѣть.

Дэвидстонъ, продолжая труды своихъ предшественниковъ, обилъ въ оемъ умъ и помѣстилъ въ своемъ твореніи всю систему уголовныхъ законовъ. — Начиная отъ первыхъ распоряженій, которыми законодательство можно охранять общество, до окончательныхъ результатовъ, которыхъ оно можно достигать, исправляя преступныхъ. Онъ раздѣлилъ свое твореніе на четыре кодекса: кодексъ преступленій и наказаній (*code des crimes et des peines*); кодексъ судопроизводства (*code de procédure*); кодексъ очевидныхъ показательствъ (*code d'évidence*), и кодексъ исправленія и содержанія виновныхъ въ тюрьмахъ (*code de réformation et de discipline pour les prisons*). Заглавія этихъ кодексовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ обширное твореніе владычій имѣеть болшое вѣденіе, говорить объ ихъ содержаніи и наказывають, съ какими логическими взглядами Дэвидстонъ раздѣлилъ свое твореніе. Кодексъ преступленій и наказаній опредѣляетъ съ ясностью и точностью всѣ государственныя преступленія: противъ государства, вер-

ховной власти и развращеннаго управленія, противъ общественнаго спокойствія, государственныхъ доходовъ, внутренней и внешней торговли, противъ установленной правительствомъ монеты, противъ свободы печатанія, общественнаго здоровья, нравственности и общественной собственности, противъ постановленій о бѣднякахъ дорогахъ, противъ отправления церковнаго богослуженія; — затѣмъ въ кодексѣ опредѣлены всѣ частныя преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ: противъ ихъ личности; добраго имени, ихъ правъ государственныхъ и гражданскихъ, противъ ихъ замѣтъ, репутации и собственности. Въ затѣмъ въ преступленіяхъ опредѣляются и наказания въ каждый родъ преступленія, сообразно съ свойствомъ причиненнаго вреда или убытка и соотнесенно алаго умысла. Въ этомъ двойномъ трудѣ Дэвидстонъ показалъ себя замѣтнымъ наблюдателемъ, ученымъ и глубокомысленнымъ криминалистомъ. Слѣдуя великимъ идеямъ справедливости и человечества, которыя возникли въ послѣднее столѣтіе, Дэвидстонъ имѣеть видъ тѣмъ имѣть въ виду высшія права и практической взглядъ, который отличаютъ французскіе кодексы, а равно и то личное обезчещеніе, которое английскіе законы доставляютъ каждому отдѣльному лицу. Все это онъ приложилъ къ своему творенію, принявшись, безъ сомнѣнія, къ особенностямъ и потребностямъ своей страны.

Но въ своемъ кодексѣ Дэвидстонъ не даетъ мѣста тѣмъ указаніямъ, которыя обращены единственно на тѣло, и которыя поддерживаютъ и даже усиливаютъ въ душѣ ея нравственный ужалокъ. Онъ не допускаетъ ни наказанія плетями, употребившагося въ его странѣ во многихъ случаяхъ, ни оковъ или наутычанныхъ на преступника ядери, которыя употребляютъ, на-прим., во Франціи, на публичныхъ выставленіяхъ преступника, которыя могутъ только смѣстять наказываемаго и развращать зрителей. Дэвидстонъ не допускаетъ также и

наложенія влѣйтъ, которыя оставляютъ на виновномъ какъ-бы вѣчное безчестіе, даже послѣ того, какъ онъ искупилъ свое преступленіе и заслужилъ прощеніе, и которыя почти-не-волью побуждаютъ его къ повторенію злодѣянія. Равнымъ образомъ Ливингстонъ былъ противникомъ и смертной казни... Впрочемъ, онъ не вовсе отказываетъ обществу въ правѣ отнимать жизнь у тѣхъ, которые открыто встаютъ противъ общества; но предоставляетъ это право единственно въ минуту нападенія. Какъ же скоро употреблена необходимая оборона и возмутитель арестованъ, то, по мнѣнію Ливингстона, общество не должно уже лишать его жизни, не имѣя въ томъ и нужды. Со смертною казнію неразлучно, во-первыхъ, несовершенство человѣческаго правосудія, и потому отвѣтственность за всякую невознаградимую ошибку должна падать, по мнѣнію Ливингстона, не на судью, который обвиняетъ до наружнымъ обстоятельствамъ, но на законодателя, которому не безвизвѣстно, что эти наружныя обстоятельства могутъ иногда вводить въ заблужденіе;—во-вторыхъ, примѣръ казни неэффективенъ, и, по мнѣнію Ливингстона, всегда болѣе побуждаетъ къ преступленію зрѣлищемъ крови и увлеченіемъ къ подражанію, нежели отвращаетъ отъ преступленія внушаемымъ страхомъ;—въ-третьихъ, зрѣлище это ужасно: вѣсь приносится въ кровавую жертву существу, исполненное силъ, и при возможности сдѣлать ошибку, не справляются, приготовлена ли отягченная и ожесточенная душа казнимого убійцы, захваченная во вѣбъ, приготовлена ли она къ великому переходу отъ жизни къ смерти. Все это вмѣстѣ внушало Ливингстону неодолимое отвращеніе къ смертной казни и потому онъ исключилъ ее изъ своего кодекса.

Въ чемъ же состоятъ наказанія, предписываемыя его кодексомъ? Они подраздѣляются на многіе виды и всѣ обращены къ тому, чтобъ, наказывая преступника, исправить его; поэтому

они должны дѣйствовать на его душу болѣе, нежели на тѣло. Такимъ образомъ, заключеніе простое и соединенное съ работами, или же замкнутое уединенное назначаются за различныя виды проступковъ и преступленій, видоизмѣняются сообразно различнымъ степенямъ нравственнаго поврежденія виновнаго лица. Назначенная система Ливингстона есть, следовательно, система исправительная (système pénitentiaire). Она занимаетъ средину между двумя наибѣстнѣйшими системами тюремнаго заключенія, Аугсбургскою и Филадельфійскою, которыя сдѣлались предметомъ всеобщаго изученія и изъ которыхъ первая относится на ночь замкнутыхъ, а вторая на день, распредѣливъ ихъ на разряды заставляеть работать вмѣстѣ, во время соблюденія молчанія;— вторая система помѣщаетъ замкнутыхъ днемъ и ночью въ уединеніе, разлучаетъ ихъ совершенно и заставляеть трудиться въ одиночествѣ. Ливингстонъ избралъ смѣшанный способъ въ которомъ соединяются выгоды и стороны обѣихъ системъ и удаляются ихъ неудобства. Такимъ образомъ, онъ подвергаетъ преступника замкнутію и заставляеть его лишеніемъ свободы, которую преступникъ употребилъ во зло, искупить свою вину; съ этою нѣдлю Ливингстонъ помѣщаетъ его въ уединеніе, желая довести его до размышленія; позволяетъ ему работать для того, чтобъ онъ имѣлъ какое-нибудь занятіе и предохранялъ себя на будущее время отъ празности и блѣдности, равне ведущихъ къ преступленію;—наконецъ, Ливингстонъ предоставляетъ преступнику средства къ умственному и нравственному образованію, которое должно дать ему силу впередъ вести себя лучше. Воспитательно и съ большою точностью составляетъ Ливингстонъ одиночествосъ трудомъ, наставленіе уединеннаго трудаемымъ вообще съ другими, и дѣлаетъ это не прибѣгая къ наказанію и не боясь развращенія. Систему Ливингстона можно назвать пошлюю. Онъ

бнимаетъ арестантскіе дома для лицъ, захваченныхъ до совершенія преступленія; во-вторыхъ — исправительные дома для осужденныхъ за какое-нибудь преступленіе, но не достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, и такіе же дома для лицъ, имѣющихъ болѣе число лѣтъ; наконецъ, дома прибившица и трудолюбца для преступниковъ освобожденныхъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь охранительныя заведенія, въ которыхъ захваченное лицо находится подъ строгю во власти закона; во-вторыхъ, видятъ казнь-бы наказательные госпитали, въ которыхъ, во имя закона, лежатъ правдивно-больные; затѣмъ входятъ дома для выздоравливающихъ, въ которыхъ эти послѣдніе переходятъ отъ состоянія болѣзни къ нравственному здоровью — въ тюрьму въ общество.

Но все ли въ системѣ Ливингстона имеетъ справедливость, кротость, оловѣчюлюбіемъ, и все ли въ ней обѣщаетъ дѣйствительный успѣхъ? На то почти можно отвѣчать утвердительно. Но есть многія законоположенія, на которыя можно сдѣлать весьма важныя возраженія, и которыя можно было бы даже назвать слишкомъ-жестокими и жестокими, не смотря на благородныя и любовь къ человѣчеству, которыми Ливингстонъ руководился при ихъ составленіи. Не входя въ длинный и великій споръ о принятіи или уничтоженіи смертной казни, можно предложить вопросъ: не подвергаютъ ли самъ Ливингстонъ преступниковъ, осуждаемыхъ по многимъ законамъ на смертную казнь — казни болѣе жестокой? Не удаляется ли онъ въ отношеніи къ нимъ отъ собственной системы, говоря, на-прим., слѣдующее: «Исправленіе, преобразование этихъ преступниковъ входитъ въ ихъ моральное леченіе не болѣе, какъ только оно можетъ быть устроено въ отношеніи къ каждому отдѣльному индивиду. Изгнавъ ихъ навсегда изъ гражданскаго общества, законъ не придаетъ возможнымъ употребить ихъ

съ-этихъ-поръ для какой-либо цѣли. Оставаясь равнодушнымъ къ образу ихъ жизни на будущее время, законъ, для собственной своей пользы, заботится единственно о томъ, чтобъ сдѣлать ихъ способными примириться съ небыть, потому-что, избѣгая смертной казни, онъ не желаетъ убивать ихъ душу». Въ-самомъ-дѣлѣ, подобныя преступники, будучи заключены на всю жизнь въ тѣсномъ и мрачномъ пространствѣ, умирая для свѣта, въ который не могутъ возвратиться, потому-что не въ правѣ ожидать прощенія; отчужденные отъ своихъ семействъ, которыя дѣлать межъ собою ихъ нищество; подвергаемые по-временамъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершенному одиночеству и несвободному бездѣйствію; лишенные возможности дышать чистымъ воздухомъ или видѣть солнечные лучи, погребенные живо въ своей келліи, какъ въ могилѣ, на которой уже можно прочесть ихъ эпитафію — такіе преступники не подвергаются ли болѣе жестокой казни, нежели тѣ, которымъ жизнь не оставляется на такихъ тяжелыхъ условіяхъ? Нѣтъ ли здѣсь основательныхъ причинъ опасаться, что ихъ разумъ изнеможетъ и душа ихъ, которую хотятъ спасти, впадетъ въ отчаяніе? Если не слѣдуетъ убивать тѣло, тѣмъ менѣе позволительно убивать духъ: лучше умереть, нежели потерять рассудокъ. Поэтому, подобныя наказанія также превышаютъ права общества и представляются намъ въ системѣ Ливингстона нѣкоторою неослѣдовательностію; онъ, желая преобразовать преступника и не допуская казней невозвратимыхъ, не долженъ былъ допускать и казней скончаемыхъ.

Признавая въ этомъ случаѣ, что наказанія, предлагаемыя Ливингстономъ, угрожаютъ разуму и душу человѣка, мы можемъ сдѣлать еще одинъ вопросъ: руководствовался ли онъ въ другихъ случаяхъ благороднымъ, умѣреннымъ и вѣрною идеєю справедливости? При этомъ не можемъ не замѣтить, что стремленіе къ опытамъ и открытіямъ

ывались полубумажныя, полшерстяныя матеріи, сукна, кожа, обувь, мебель, и т. д. Чтобы защитить эти мануфактуры от соперничества английской торговли, а также и въ видахъ государственныхъ доходовъ, въ различное время, какъ, на-примѣръ, въ 1816, 1818, 1824 и 1828 годахъ, издаваемы были болѣе и болѣе стѣснительныя положенія относительно привозныхъ товаровъ. Въ 1832 году, по жалобамъ южныхъ штатовъ, таможенный тарифъ былъ пересмотрѣнъ; но сдѣланныя въ немъ перемѣны были такъ незначительны, что жалобы возобновились и стали сильнѣе прежнихъ. Въ октябрѣ 1832 года, законодательный совѣтъ Южной - Каролины созвалъ представителей своего штата рѣшить, какія мѣры принять относительно таможенныхъ постановленій конгресса, какіе законы издать, по этому предмету, на будущее время, и какъ поступить въ случаѣ несогласія федеральнаго правительства. Въ засѣданіи 19-го ноября собраніе составило актъ, который долженъ былъ получить обязательную сумму съ 1-го февраля 1833 года, если конгрессъ не понизитъ тарифа, и въ которомъ сказано было, что разнѣмныя постановленія конгресса относительно таможенъ, а именно, 10-го мая 1828 и 14-го іюля 1832 года, не могли быть изданы по смыслу условій федеральнаго союза, что они нарушаютъ эти условія и потому отменяются. Этою декларациею Южная-Каролина первая подала сигналъ къ возстанію, и затѣмъ вооружила свою милицію. Прочіе южные штаты, каковы, на-примѣръ, Виргинія и Георгія, принявъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, оставались въ ожиданіи, какой ходъ получитъ возстаніе Каролины. Начинали говорить объ отдѣльномъ соединеніи всѣхъ южныхъ штатовъ. Союзу грозила опасность, страшная для всѣхъ федераліи, — онъ готовъ былъ распасться. 2-го декабря собрался конгрессъ и внимательно занялся настоящимъ положеніемъ дѣла. Впрочемъ, чтобы усилить объ противныя пар-

ти, нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго до наступленія этого срока. 1-го февраля 1833 года. Между-тѣмъ, Южная-Каролина и ея герцоги ожидали этого срока и; сохраняя свое вооруженное положеніе, оставила дѣйствовать прежнія постановленія о таможеняхъ. Президентъ Джексонъ, съ своей стороны, сдѣлавъ всезапасіе къ напутію южныхъ штатовъ, приказалъ сдѣлать всевозможныя приготовленія, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать законъ оляко. Въ этомъ затрудительномъ положеніи, Линнстонъ склонилъ Джексона къ ибрънъ болѣе кроткимъ и помочь ему своимъ краснорѣчіемъ. Онъ соотвѣтствовалъ обѣимъ сторонамъ примириться, и заключилъ прекрасную, третейскую и исполненную патріотизма прокламацию, которая много содѣйствовала къ отбращенію разрыва между штатами американскаго союза. Между-тѣмъ, по предложенію Клей (Cley) составлены новыя таможенныя правила, которыми тарифъ былъ значительно пониженъ; но пониженіе это рѣшено было исполнить постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Этихъ восстановлено было доброе согласіе между штатами, и дѣло рѣшено третейскимъ судомъ.

Но если въ этомъ происшествіи мы видимъ, съ какими благоразуміемъ поступилъ Линнстонъ, то нѣсколько позже онъ не обнаружилъ того же достоинства; мы хотимъ сказать о томъ случаѣ, когда онъ отправленъ былъ посланникомъ во Францію, съ порученіемъ востолать отъ нея штатовъ о владѣніи 25-ти милліоновъ, которые Франція по трактату должна была Соед. Шт. требованіяхъ своихъ и въ этомъ дѣлѣ не оказалъ уваженія къ той неуступчивости, которая бываетъ иногда необходима, и въ качествѣ дипломата не имѣвалъ ни ловкости, ни миролюбія, которыми отличился въ государственномъ управленіи. Переписка Линнстона по предмету его порученія, опубликованная въ Америкѣ, дозволяетъ думать, что онъ самъ собою послужилъ на помраченіе, съ своимъ по-

ходнымъ утѣренность въ поступкахъ и терпѣніе, и, во-вторыхъ, что онъ не воспользовался старинною дружбою съ генераломъ Джасономъ, чтобъ удержать его отъ выражений и языка, неприличныхъ между двумя дружественными государствами, особливо, если вспомнить, что Франція имѣла право на признательность американскаго союза.

Исполнивъ свое порученіе, Ливингстонъ не прожилъ долго. Возвратясь въ Америку, онъ удалился въ свое имѣніе, въ Монтомери, на берега гудзонскіе. Тамъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ онъ въ мирныхъ удовольствіяхъ и занимался земледѣліемъ; но скоро заболѣлъ опасно. Въ послѣднія минуты жизни при немъ находились его жена и дочь, къ которымъ онъ питалъ самую нѣжную чувствъ. Смерть свою встрѣтилъ онъ спокойно и твердо; умеръ 25-го мая 1836 года, въ день и даже въ часъ своего рожденія.

Сограждане съ чувствомъ приняли вѣстіе о смерти Ливингстона, который украсилъ отечество своими трудами. Гватимала, принявшая его ко-ротекъ и по имени Ливингстона называвшая свой городъ, назначила трехдневный общественный трауръ. Ливингстонъ заслужилъ это сожалѣніе и ту честь. Люди, подобные ему, вездѣ такіе; тѣмъ болѣе въ Америкѣ, въ той юной землѣ, болѣе благопріятной для развитія характеровъ, нежели для истиннаго образованія, въ странѣ, дающей сильныхъ мореходцевъ, предприимчивыхъ колонястовъ, неутомимыхъ изслѣдователей, но мало производящей тѣхъ дивныхъ людей, по-видимому, правдивыхъ, которые пре-аются наблюденіемъ надъ природою обществомъ, подмѣчаютъ ихъ тайны и законы, и потомъ сообщаютъ ихъ всѣмъ тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, кому заботы о жизненныхъ потребностяхъ не даютъ времени ихъ за-бывать.

Со смертію Ливингстона, Америка потеряла одиухъ изъ могучихъ умовъ; прижская Академія лишилась въ

немъ одного изъ самыхъ блестящихъ сочленовъ, а человечество утратило одного изъ ревностѣйшихъ своихъ благотворителей.

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗО ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacões de Fernão-Mendez Pinto).

(Переводъ съ стариннаго португальскаго языка.)

(Продолженіе.)

I.

Приготовившись къ походу, Антонио де-Фарія вышелъ изъ Патани въ субботу 9 мая 1540 года и направилъ путь къ сѣверо-востоку. На другой день плаванія увидѣли мы остревъ, называемый Пуло-Колдоръ, который находится на юго-востокъ отъ мыса Камбоджи. Обойдя его кругомъ, мы нашли хорошее якорное мѣсто, гдѣ стояла джонка, отправлявшаяся въ Сіамъ съ посланникомъ Наутанима Лицау, короля острова Тоа (*). Увида вѣсть, она тотчасъ вступила подъ паруса и Антонио де-Фарія отправилъ на нее своего китайца-лоцмана, съ привѣтствіями къ посланнику и утѣреніями въ желаніи ненарушимой дружбы между португальцами и его государемъ. Посланникъ велѣлъ лоцману выразить Антонио де-Фаріи надежду свою, что со временемъ народъ его сойдется съ нами и оба будутъ жить въ святой дружбѣ, завѣщанной людямъ Богомъ, безконечно-милосерднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ въ подарокъ Фаріи богатую саблю съ водотычи нож-

(* Тоа главный городъ на островѣ Сикокъ, одномъ изъ составляющихъ Японскую Имперію. Прим. перевод.

наше и восемь, и двадцать - шесть крупными жемчужинами в золотой корбочки, обдланной в видѣ солонки.

Антонио де-Фариа былъ очень огорченъ тѣмъ, что не могъ отплатить посланнику подаркомъ за поларокъ и увидѣться съ нимъ лично, ибо джонка его была уже далеко, когда возвратилась наша Китаецъ-лоцманъ.

Мы съѣхали на этотъ островъ Пуло-Кондоръ и простояли у него трие сутокъ, наливаясь водою и закидывая неводъ, въ который попадалось каждый день множество рыбы. Мы сваряжались въ Патави съ большою торопливостью, и не успѣли запасись всѣмъ, что намъ было нужно для экспедиціи, а потому Антонио де-Фариа рѣшился поподнить свои запасы честивымъ грабежемъ, гдѣ будетъ возможно, и добыть себѣ такимъ образомомъ пороку, провизии и другихъ снарядовъ. Намѣреніе его было пройти вдоль берега королевства Чампоа, что подлѣ Камбоджи, осмотрѣть тамъ порты и якорныя мѣста, а также, если встрѣтитя случай, наложить руки на суда, съ которыхъ мы могли бы взять то, въ чемъ чувствовали недостатокъ.

По прошествіи трехъ сутокъ мы свились съ якоря и направились къ твердой землѣ, пріѣхав на видѣ которой стали искать входа въ рѣку Пуло-Конбинъ, отдѣляющую владѣнія Камбоджи отъ королевства Чампоа. Мы прибыли туда въ воскресенье, въ послѣдній день мая, и лоцманъ поставилъ насъ на якорь луги на три внутри, противъ большаго селенія Катимпару.

Тамъ мы простояли дружелюбно и мирно двѣнадцать дней и запаслись всѣмъ, что намъ было нужно. Антонио де-Фариа, человекъ отъ природы весьма-любовзательный, усердно разспрашивалъ жителей о томъ, какіе народы обитаютъ внутри этой земли и откуда вытекаетъ большая рѣка, въ которой мы стояли. Они отвѣчали, что рѣка выхдитъ изъ большаго озера, отстоящаго отъ моря лугъ на двѣсти-шесть-десять миль, и что она течетъ высокими

горами, у подошвы которыхъ, подъ воды, тридцать-восемь селеній, что одному изъ этихъ селеній, Шинкале богатѣйшій золотой рудникъ, изъ котораго ежедневно добываютъ полтора багара золота, что на наши деньги составляетъ шильйоновъ на двѣдцать годъ. Мѣсто это принадлежитъ царю владѣльцамъ, которые надъ нимъ носятъ безпрестанно войнотъ между собою. По расчету Фариа, еслибы тутъ послать человекъ триста Португальцевъ, съ сотнею пидладей, то безъ великаго сѣмѣнія можно было бы безъ труда овладѣть всѣмъ, что тамъ есть. А въ другомъ изъ этихъ селеній выходятъ множество алмазовъ и другихъ драгоценныхъ камней, которые до стоиствомъ выше добываемыхъ въ Ласъ и Танжанпурѣ.

Выйдя изъ рѣки Пуло-Камбинъ, мы шли вдоль берега королевства Чампоа до большаго залива, въ которомъ блико не нашли ничего, на что можно было бы наложить руку, а потому мы не остались тамъ, а отправились дабе и на другое утро подошли къ рѣкѣ Тобасой. Антонио де-Фариа сталъ на якорь у входа въ нее, потому что лоцманъ не рѣшался вести насъ въ рѣку, увѣряя, что онъ никогда тамъ не бывалъ и не знаетъ, какъ она глубока.

Пока мы разсуждали между собою, мати ли въ рѣку или нѣтъ, повалилось большое судно, шедшее съ юга. Мы тотчасъ же приготовились, какъ слѣдуетъ, принять его, и когда оно прошло вдоль нашего борта, крики стовали его по обычаю африканскихъ рей своимъ флагомъ; но тѣ, желая учтиваго отвѣта, разглядѣвъ, что это Португальцы, которыхъ они, вѣроятно, не любятъ, поставили на ютѣ полтора Кафра, который обернулся къ нимъ спиною и наклонился, а потому, съ неспрстойными словами, крикомъ, свистомъ и хохотомъ, они принялись стучать и стучать въ барабаны и свистать. Такая наглая дерзость сильно оскорбила Антонио де-Фариа и онъ велѣлъ выстрѣлить по нимъ изъ пушекъ, чтобы научить ихъ учтивости.

Это, однако, не уило ихъ, потому-что они отвѣчали на нашъ выстрѣлъ залпомъ изъ пяти единороговъ и трехъ фалконетовъ, чѣмъ значительно насъ озадачили.

Антонио де-Фарія созвалъ на совѣтъ опытныхъ и смѣлѣйшихъ, что такъ-какъ уже сомнѣвъ, то лучше всего остаться на якорѣ на своемъ якорѣ, ибо опасно нападать на это сомнительное судно: а за тѣмъ, когда мы рассмотрѣли, какъ непріятель силою и что это за люди, можно будетъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Въ слѣдствіе этого, разставивъ часовыхъ и глядя вокругъ себя съ величайшею бдительностію, мы стали дожидаться разсвѣта.

Часа въ два послѣ полуночи, показались на горизонтѣ съ моря три черныя пятна, наравнѣ съ водою. Мы тотчасъ же показали ихъ капитану, который дремалъ на ютѣ, и онъ, всмотрѣвшись попристальнѣе, закричалъ: «Къ оружію!» Въ одинъ мигъ всѣ подвѣсь на ноги и приготовились къ бою. Вскорѣ обозначилось довольноясно, что эти предметы гребныя суда, которыя правятъ прямо на насъ. Антонио де-Фарія разставилъ всѣхъ по мѣстамъ, и сказалъ намъ: «Сеньоры и братья мои, разбойникъ этотъ намъ-речь напасть на насъ. Мы кажемся, что это вчерашніе неучи, потому-что съ берега, по-видимому, нѣкому прийдти. Они, вѣроятно, воображаютъ, что насъ здѣсь человѣкъ шесть или семь Португальцевъ, какъ обыкновенно бываетъ на купеческихъ судахъ. Намъ, при помощи Христа, предстоитъ дѣло, отъ котораго можно ожидать пользы. Слушайте же: притантесь всѣ, чтобъ они снаружи не видѣли ни одного человѣка — тогда мы узнаемъ чего они отъ насъ хотятъ; а между-тѣмъ, чтобъ огнестрѣльное и холодное оружіе было у васъ наготовѣ; но фитили скрыть хорошенько, иначе они увидятъ огонь — пусть они воображаютъ, что мы спимъ и не подозрѣваемъ ихъ намѣренія.»

Благоразумное приказаніе Антонио де-Фарія было исполнено въ точности. Три большія лодки приближились къ намъ на полетъ стрѣлы, обошли насъ кругомъ, потомъ, подержавшись на веслахъ и посоветовавшись тихонько между собою съ четверть часа, онѣ раздѣлились: двѣ, которыя были поменьше, направились къ нашей кортѣ, а большая, съ главною стлою нападающихъ, пошла къ правому борту. Приставъ къ намъ, всѣ люди выскочили на нашу палубу съ величайшею поспѣшностію, и меньше чѣмъ въ одинъ credo, ихъ набралось у насъ человѣкъ сорокъ. Тогда Антонио де-Фарія вышелъ изъ засады въ-подъ юта съ сорока Португальцами: призывая на помощь св. Іакова, они ринулись на оторопѣвшихъ враговъ съ такою стремительностію, что въ нѣсколько мгновеній положили почти всѣхъ на мѣстѣ; потомъ, нѣсколько огневыихъ снарядовъ, брошенныхъ на ихъ лодки, произвели тамъ панической страхъ, отъ котораго всѣ бывшіе на нихъ побросались въ море, стараясь добратъ вилы до берега, а наши, соскочивъ на своихъ шлюпки, вытащили изъ воды человѣкъ пять и привезли къ борту оставленныя непріятелемъ лодки. Такимъ-образомъ, по милосердію Господа, все кончилось для насъ совершенно-благополучно.

Въ числѣ вытщенныхъ изъ воды непріятелей былъ тотъ самый Кафръ, который показывалъ себя намъ съ такой неприличной стороны; остальные были Турокъ, два Ачемца и самъ капитанъ джонки, по имени Симилау, страшный разбойникъ и непримиримый врагъ Португальцевъ. Антонио де-Фарія велѣлъ тотчасъ же подвергнуть ихъ пыткамъ, чтобъ дознаться что это за люди, откуда они пришли и чего имъ отъ насъ было нужно.

Ачемцы и Турокъ давали самыя безтолковыя отвѣты; когда очередь пытки дошла до Кафра, онъ съ плачемъ и стономъ сталъ умолять, чтобъ его не мучили, что онъ такой же христіанинъ, какъ и мы, и что онъ ска-

жетъ всю правду безъ пытки. Антонию де-Фариа тотчасъ же велѣлъ развязать его, отвелъ въ сторону и далъ съѣсть кусокъ сухара и выпить глотокъ вина; потомъ, успокоивъ бѣдняка ласковыми словами, совѣтовалъ расказывать всю истину, по долгу христіанина.

«Имя мое Бастіанъ», отвѣчалъ Кафръ: «я былъ невольникомъ Гаспара де-Мелло, котораго этотъ пещь, связанный здѣсь, убилъ два года тому назадъ въ Лямпу, виѣсть съ бывшими съ нимъ на суднѣ двадцатью-шестью Португальцами». Антонию Фариа вскрикнулъ отъ изумленія: — Та, та, та! Я больше и знать не хочу — такъ эта собака тотъ самый Симилау, который убилъ твоего господина? — Тотъ самый, сеньйоръ; онъ хотѣлъ теперь сдѣлать то же самое и съ вашею милостью, воображая, что васъ, Португальцевъ, всего человекъ шесть или семь. Для этого онъ такъ и поторопился; онъ говорилъ, что заберетъ всѣхъ васъ руками и вышибетъ вамъ изъ головы мозгъ острымъ коломъ, какъ онъ сдѣлалъ съ моимъ несчастнымъ господиномъ». Сообразивъ это и сдѣлавъ Кафру еще нѣсколько вопросовъ, Антонию де-Фариа, узнавъ, что на джонкѣ осталось только человекъ сотрокъ китайскихъ матросовъ, ибо всѣхъ военныхъ людей Симилау забралъ съ собою на лодки для нападенія на насъ, рѣшился немедленно овладѣть ею.

Приказавъ напередъ предать Симилау и бывшихъ съ нимъ Ачемцевъ и Турка той самой смерти, какой они предали несчастнаго Гаспара де-Мелло (т. е. велѣвъ вышибить имъ изъ головы мозгъ острымъ коломъ) Антонию де-Фариа собралъ на взятыхъ у неприятеля лодки человекъ тридцать солдатъ и, при помощи попутнаго вѣтра и теченія, менѣе чѣмъ въ часъ подѣхалъ къ разбойничьей джонкѣ, стоявшей на якорѣ въ рѣкѣ, на дѣгу разстоянія отъ насъ. Мы пристали къ кораблю безъ всякаго шума и крика, взобрались на югъ и бросили въ толпу струсившихъ Китайцевъ нѣсколько гранатъ, которыми убили человекъ десять или двѣ-

надцать, а остальные бросились въ воду; но какъ джонка была большая, а у насъ не достало бы людей для управленія ею, то Антонию де-Фариа велѣлъ переловить ихъ. Такимъ образомъ, Господь, по неизрѣченному правосудію своему, обратилъ кичливость этой нечистой собаки Симилау въ орудіе кары за его злодѣянія, и Португальцы отмстили ему за все зло, причиненное имъ ихъ соотечественникамъ.

Время подходило къ разсвѣту, когда мы, окончательно овладѣвъ джонкою, рассмотрѣли на-скоро свою добычу. Она состояла изъ тридцати-шести тысячъ таловъ японскаго серебра, что на нашу монету составитъ пятьдесятъ-четыре-тысячи крузатовъ, кромя имущества другихъ дорожныхъ товаровъ; намъ нѣкогда было разбирать и описывать ихъ на мѣстѣ, ибо всѣ береговые жители уже поднались на ноги, вездѣ загорѣлись огни и сторожевые сигналы, и Антонию де-Фариа счелъ за лучшее немедленно вступить подъ паруса и убраться не теряя времени.

II.

Изъ рѣки Тообасой Антонию де-Фариа вышелъ въ среду, наканунѣ праздни- св. причастія, 1540 года. Мы избрали путь вдоль берега госуларства Чап- цоа, и въ слѣдующую пятницу пришли къ рѣкѣ, которую туземцы называютъ Тинакореу, а Португальцы Верелла (*). Антонию де-Фариа рѣшился войти въ нее, чтобъ собрать свѣдѣнія какъ о предстоящемъ намъ дальнѣйшемъ пути, такъ и насчетъ разбойничьихъ Хиджи-Асема, ибо всѣ сіамскія джонки и суда малайскаго берега, которыя ходятъ въ Китай, посѣщаютъ это мѣсто на перепутьи и выгодно сбываютъ свои товары въ обиліи на золото, лучшее дерево и слоновую кость, чѣмъ всѣмъ здѣшнее государство извлекаетъ.

(*) Рѣка эта впадаетъ въ Китайское-Море съ восточнаго берега Кохинхина.

Длишь-только мы бросили якорь въ рѣкѣ, противъ одного небольшого селенія, какъ насъ окружило множество проа или лодокъ, нагруженныхъ зеленью и разными свѣжими свѣстными припасами. Увидя людей неизвѣстнаго имъ племени, жители вѣдшвіе перепугались и говорили между собою: «Большую новость посылаетъ намъ Богъ: не тѣ ли это бородатые люди, которые являются въ чужихъ странахъ подъ видомъ купцовъ, а потомъ грабятъ ихъ, какъ разбойники; не лучше ли намъ спрятаться въ лѣсъ, пока они не расхватали нашего добра и не сожгли нашихъ домовъ?» — Нѣтъ, говорили другіе: — если они уже пришли сюда за грѣхи наши, такъ лучше не вооружать ихъ противъ себя, а разспросимъ ихъ подасковѣе, чего имъ нужно и увѣдомимъ о вихъ Гойя-Пагара. Антонио де-Фаріа, притворившись, что не понимаетъ ихъ словъ, хотя у насъ и было довольно переводчиковъ, принялъ этихъ лодочниковъ очень-ласково, купилъ ихъ припасы и велѣлъ имъ тотчасъ же заплатить все, чего они требовали и чѣмъ они остались очень довольны.

На вопросы ихъ Антонио Фаріа откудъ онъ и зачѣмъ идетъ, онъ отвѣчалъ, что мы изъ сіамскаго города Тапасаарима, изъ квартала чужеземцевъ, а идемъ съ товарами къ Ликейскимъ Островамъ; онъ прибавилъ, что зашелъ сюда единственно узнать гдѣ обитаетъ его пріятель, котораго зовутъ Ходжа - Асемомъ, и который пошелъ, какъ ему сказывали, въ ту же сторону. Потомъ онъ спросилъ: не заходилъ ли этотъ пріятель на перепутьи сюда, и сказалъ, что онъ скоро намѣренъ уйти, чтобъ не упустить попутнаго муссона и поскорѣе продать свои товары, ибо вѣсь ихъ, конечно, нѣ гдѣ сбыть. Доложивши отвѣчали, что не знаютъ его пріятеля Ходжу Асема и разсказали Антонио де-Фаріу множество такихъ подробностей о своемъ отечествѣ, что ясно было, какъ легко человѣкъ съ предприимчивымъ духомъ и достаточными силами могъ бы завоевать его, съ гораздо меньшимъ

трудомъ и меньшею потерей человеческой крови и капитала, чѣмъ намъ стоило завоеваніе нашихъ владѣній въ Индіи, тогда какъ выгоды были бы чуть ли не больше тѣхъ, которыя мы до-сихъ-поръ приобрѣли.

Въ слѣдующую среду, мы вышли изъ этой рѣки и направились къ одному необитаемому острову, Пуло-Чаншейлао, находящемуся недалеко отъ берега Кохинхина. Тамъ мы простояли трое сутокъ на хорошенькомъ якорномъ мѣстѣ, приводи себя въ боевой порядокъ и устранивъ надлежащимъ образомъ свою артиллерію; потомъ мы снялись и пошли къ острову Ган-Нану, гдѣ, по мнѣнію Антонио де-Фаріа, мы должны были найти Ходжу-Асема.

Прійдя на видъ утесовъ Пуло-Капаса, островка, находящагося подлѣ южной оконечности Ган-Нана, мы рѣшились въ этотъ день приблизиться не больше, какъ на столько, чтобъ рассмотреть рѣки и заливы берега и выбрать удобное мѣсто для входа. Наступила ночь; но какъ лорча (*), на которой мы отправились изъ Патани, имѣла порядочную течь, то намъ показалось благоразумнѣе перенести съ главными силами на взятую у Симилау джонку, что и было немедленно сдѣлано.

Послѣ этого Антонио де-Фаріа рѣшился бросить якорь въ разстояніи одной лиги отъ рѣки, видѣнной нами при солнечномъ закатѣ прямо на востокъ, потому-что джонка сидѣла глубоко въ водѣ и онъ опасался множества мелей, замѣченныхъ нами у входа. Сдѣлавъ это, онъ велѣлъ Кристовао-Борральяю взять четырнадцать человѣкъ хорошо-вооруженныхъ солдатъ и войти на лорчѣ въ рѣку для осмотра огней, горѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ на берегу. Тотъ, приготовившись какъ должно, отправился не теряя времени, и, пройдя по самой рѣкѣ съ лигу, наткнулся на цѣлый флотъ большихъ джонковъ, которыхъ тутъ было штукъ око-

(*) *Lorcha*, небольшой суда, употреблявшаяся Португальцами XVI столѣтія.

ле сорока. Опасаясь, что это едет шипширра, до которого до нас дошли еще пришло много горьких слухи, Кристобаль Берралино стал на якорь под сажеными брегтом. Пошел, когда вода пошла, и прибыл, около полуночи, вонючий воздух поднял якорь и пошел из толпы мботу, где мы видели огни, из которых большая часть уже погасла, так что осталось не больше двух или трех, показавшихся от времени до времени и служивших ему путеводителями.

Продолжал таинный образцы подниматься вперед, Кристобаль Берралино опять встретил множество судов, бывших в опасности, которых, по соображению некоторых из его людей, было тамача до двух. Чтобы проследовать между ними незаметно, на лорч сикотил яруса и обернул распашки трицами вальми весель. Исполнив суда, лорч очутился перед городом, где должно было предполагать темноту около десяти жителей. Город был окружен каменною стеною с башнями, бастиянами, барбаканами, подобие наших крепостей, и обнесен двойным рвом, наполненным водою.

Тут якорь из четырнадцати бывших на лорч Португальцев вышел на берег, взяв с собою двух Кискайпан, которых жены остались заземницами на якорь, и обогли кругом всего города, но встретив на одной из них души. На это они употребили часа три, а потом все сразу собралось на лорч и пустилось в обратный путь под ярусами и на волах, стараясь не делать ни малейшего шума, ибо они хорошо понимали, что, забывшись против себя чье-нибудь подозрение, они погибли бы все до одного.

Выйдя благополучно из рва, они увидели на берг якорю, по-видимому только что связанную на якорь; поэтому, мордавшись из своих, Кристобаль Берралино, отдавая отчет в своей ремогенциромъ, сказал Антонио де-Ферид, что, когда бы, явля-

прибывшая якоря та самая, на которой разбойничать проказали собор Хеджа-Ассона и которую нас атаковали. Иначе это до того возмездно Антонио де-Ферид, что они, не дожидаясь ни минуты, выпустили якорь и вступили под ярус, говоря, что сорале убивают его в близкой близости. Кожки-Ассона, в чем они ругаются воровство, и что они рывались умереть с честью, воздал этому несчастному праву закон за то и думал не спешить в рывки перерывить дески тыслача яруса, который лавил уша: Забыл, однако о четырнадцати Португальцах, убитых в них, проща от его якоря.

Приблизившись к якорю, Антонио де-Ферид велел лорч выйти со стороны, желая атаковать ее рыв с двух сторон; но она лорча вернула двестиотать от него рывами ярусом, чтоб не подает тревоги на стоявших в рыв якоря, которые, услышав шумовые якоря, не рывали законны бы рыва якоря нас происходить. Длинночелюсти пристали к неприятельской дески, двадцать солдат вочили якорь и овладели ее палубой без всякого сопротивления, тогда на ней, от якоря и не зная что делать, бросились в воду и поплыли к берегу; некоторые из них, кто под рывами якоря было дано выйти отвором Антонио де-Ферид, привел на якорь, устремился на них с двадцатью ругими солдатами и велел им убить человека около тридцати. Шумом возгласил лодка лорча в якорь из берега, ибо иначе якорь бы управил в якорь дески.

Желаю зная кому она принадлежала, Антонио де-Ферид велел лорч вернуться назад четверть дески и ценных из волы якоря были так упорны, что уверяли в пухах, не сказав ничего; тогда лорч третьего, мальчица, и лорч четвертого его гиня не могли войти в туть связанный старом якорь и якорь в якорь.

принимая умалить ее словами, чтобы не пучили его глаза и обещалъ разсказывать всю истину. Антонио-де-Фариа тотчасъ установилъ палачей и сазалъ старыку, чтобы онъ говорилъ правду, иначе сына его бросятъ живаго въ море; если же онъ высказаетъ все, то и его и сына высадятъ безвредными на берегъ и отдадутъ имъ все, что они подъяты клятвеннымъ подтвержденіемъ признаютъ своею собственностью. Мавръ отаивалъ на это: — Принимаю твое слово, старыоръ, хотя вѣрешини дѣла твои и не сообразны съ христіанскимъ закономъ. Слова эти до того смутили Фариа, что онъ не нашелся какъ отвѣчать: онъ тотчасъ же велѣлъ развязать его, и пододвинувъ къ себѣ, принялся спрашивать протко и ласково, безъ всякихъ упрековъ.

Разсмотрѣвъ, что старыкъ былъ такъ же Физъ, какъ и мы, Антонио-де-Фариа спросилъ, не Турокъ ли не Парси (*) ли онъ, на что тотъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ и уроженецъ Синайской Горы, гдѣ поименно тѣло блаженной св. Катерины. — А если такъ, — возразилъ Фариа: — то почему ты живешь не между христіанами, а съ этими вѣрными соблазнами? — Пльвиниъ отвѣчалъ, что онъ нулеца и хорошаго происхождения; что имя его Томѣ-Мостанге и что онъ, стоя со своимъ судномъ на якорѣ въ портѣ Джидаль, въ Аравіи, въ 1536 году, былъ захваченъ съ семьей другими судами Сулейманомъ-Машидю, намѣстникомъ Каира, для доставки провіанта и снарядовъ на флотъ турецкаго султана, состоявшій изъ семидесяти галеръ и посланный для возвращенія престола султану Бавдурю Камбейскому, котораго низвергъ воалий-моголь, и для изгнанія Португальцевъ изъ Индіи. Турки, обещавшіе за это нашему плѣннику плату и вознагражденіе, обманули его, захва-

тивъ у него жену и дочь, которыхъ обезчестили при немъ, а младшаго сына, младшаго и мечтавшагося при видѣ жестокостей ихъ съ его матерью и сестрою, бросили въ море съ камнемъ на шею; самаго же Томѣ-Мостанге заковали въ цѣпи, съвила безощадно каждый день веревками, и отняли все его имущество, котораго было тысячъ на шесть крузодовъ, говоря, что одни только благочестивые и святые мусульмане, какъ они, имѣютъ право пользоваться земными благами.

Такимъ-образомъ, нахотѣсь невольникомъ на томъ самомъ суднѣ, гдѣ онъ былъ прежде козникомъ, и лишился жены и дочери, увершихъ въ непродолжительномъ времени, бѣдный Томѣ пришелъ въ Діу. Тамъ, не видя конца своимъ несчастіямъ, онъ однажды ночью бросился въ воду вмѣстѣ съ оставшимися сыномъ, и оба доплыли до берега, откуда пробрались сухимъ путемъ въ Суратъ; отсюда она пошли въ Малакку, на оусть, принадлежавшей Гарсиа де-Саа, а потомъ, по приказанію тогдашняго малаккскато губернатора, донна Эстеваана де-Гамы, оба отправились въ Китай, съ однимъ Крестовао Сарданью. У острова Сивгавура судно ихъ было ночью атаковано Квай-Танжангомъ, капитаномъ влatoi намиджонки, который убилъ при этомъ случаѣ двадцать-шесть Португальцевъ, а Томѣ Мостанге, знавшаго артиллерійское дѣло, онъ одѣлалъ своимъ ковастанепель; сына его разбойники также пощадил.

Выслушавъ этотъ разсказъ, Антонио-де-Фариа схватилъ себя обѣими руками за голову и громко вскрикнулъ: — Господи помилуй, Господи помилуй! не-уже-ли это не сонъ! Потомъ, обратясь къ намъ, онъ передалъ все, что ему разсказалъ Томѣ о разбойникѣ Квай-Танжангѣ; бывший ковастанпель его присовокунилъ, что онъ убилъ въ равное время больше ста Португальцевъ, которые выходили въ море съ малыми силами, и награбилъ равнаго имущества больше, чѣмъ на сто тысячъ крузодовъ. Потомъ Армянскіе

(*) Парси или Гебры — огнепоклонники, которыхъ предки были первоначальными обитателями Ирана или Персіи, до завоеванія ея мухамеданами. Прим. Перс.

Томе Мостанге разсказалъ, какъ разбойникъ, убивъ нашего земляка Кристова Сардинью въ Сингапурѣ, велѣлъ изъ тщеславія называть себя-самого не иначе, какъ капитаномъ Сардиней. На вопросъ Фаріи, куда дѣвался разбойникъ и не спасся ли онъ вплавь, Армянинъ отвѣчалъ, что онъ спрятался въ носовой части джонки, въ канатномъ ящикѣ, человѣками съ шестью или семью своихъ, и что онъ тяжело раненъ. Антонио де-Фаріа бросился съ нѣсколькими солдатами впередъ и открылъ люкъ канатнаго ящика, удовольствіи, тамъ ли эта собака; но тотъ, вмѣстѣ со своими шестью товарищами, вылезъ изъ другаго отверстия, которое было ниже люка, и всѣ они кинулись, какъ бѣшеные, съ дикимъ остервенѣніемъ, въ середину нашихъ, гдѣ, скорѣе чѣмъ въ три *credo* и прежде чѣмъ доканали ихъ самихъ, они успѣли убить двухъ солдатъ и семерыхъ матросовъ, да переранить челоуѣкъ около двадцати. Самъ Антонио де-Фаріа получилъ двѣ раны въ голову и одну препорядочную въ руку.

Когда дѣло съ джонкою кончилось и раненымъ подали нужныя пособія, что было часовъ около десяти утра, мы снялись, опасаясь флота изъ сорока бывшихъ въ рѣкѣ джонокъ, и къ ночи бросили якорь у берега Кохинхины. Тамъ мы привели въ извѣстность грузъ разбойничьей джонки и оказалось, что на ней было пятьдесятъ багаровъ перца (каждый багаръ по пятидесяти квинталовъ *), шестьдесятъ багаровъ сандала, сорокъ мушката и тасе, восемьдесятъ багаровъ олова, тридцать слоновой кости, двѣнадцать воска и пять лучшаго алая — словомъ, всѣхъ товаровъ было тысячь на шестьдесятъ крузадовъ, не считая пушки, четырехъ фалконетовъ и тринадцать пищадей. Большая часть этой артиллеріи была нашего издѣлія: она досталась разбойнику съ ограбленныхъ имъ португальскихъ судовъ. Кроме того, мы нашли три большіе об-

тые кожею ящика съ португальскими одеждами, серебряными кубками, солонками, ложками и рукобойничьими; шестьдесятъ карабиновъ, множество разнаго бѣлья, и девять маленькихъ дѣвочекъ, отъ шести до восьмилѣтняго возраста, вагихъ, съ кололками на рукахъ и на ногахъ, и до того отощавшихъ, что жалъ было смотрѣть на нихъ — онѣ походили на обтлутые кожею остовы.

III.

Вечеромъ слѣдующаго дня, Антонио де-Фаріа велѣлъ сняться съ якора и мы снова направились къ острову Гампану. Мы шли вдоль берега всю ночь, держась на глубинѣ отъ двадцати до тридцати сажень, а на разсвѣтѣ опустились въ обширномъ заливѣ, гдѣ ходило нѣсколько лодокъ, занимавшихся добываніемъ жемчуга. Нѣкоторые изъ нашихъ предложили-было Антонио де-Фаріи захватить эти лодки, но онъ не согласился, а велѣлъ держаться ближе къ берегу и поднять, по китайскому обычаю, купеческій флагъ. Тотчасъ же отвалили отъ берега двѣ *lambe*, въ родѣ нашихъ фустъ, съ разными стѣжками припасами; сдѣлавъ обычныя привѣтствія, пріѣхавшіе на нихъ вошли на джонку Антонио де-Фаріи, но увидя людей совершенно незнакомыхъ имъ народа, они пришли въ большій ужасъ и спросили насъ, кто мы, а чего намъ здѣсь нужно. Имъ отвѣчали, что мы купцы изъ Сіама и пришли торговать съ ними, если они позволятъ. На это одинъ старикъ, казавшійся между ними въ родѣ начальнаго, возразилъ, что здѣсь торговать не дозволяется, а нужно идти въ другой портъ. Гвамбой, гдѣ есть такой же домъ для торговли иностранцевъ, какіе устроены въ Кантовѣ, Чинчеу, Јамау, Сунборѣ, Ліампѣ и другихъ приорскихъ городахъ; онъ совѣтовалъ Фаріи уйти отсюда немедленно, потому что это место предназначено исключительно для добыванія жемчуга изъ сокровищницы Сына Солнца, а потому держимый губернаторъ всей Кохинхины повелѣлъ

(*) Въ квинталѣ 100 фунтовъ.

не пускать сюда никого и сжигать суда, которые осмѣлятся прійти сюда, вмѣстѣ со всѣми людьми. А какъ мы иностранцы и не знаемъ обычаевъ здѣшной страны, то старикъ совѣтовалъ намъ убраться заблаговременно, пока не припелъ сюда мандаринъ со своимъ флотомъ, потому-что онъ, пожалуй, задумаетъ исполнить надъ нами повелѣніе кохинхинскаго намѣстника.

Антонио де-Фаріа поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и спросилъ, много ли въ этомъ флотѣ судовъ и людей, и на какое время онъ сюда приходитъ. Старикъ отвѣчалъ, что флотъ состоитъ изъ сорока большихъ джонокъ и двадцати-пяти гребныхъ *ванконовъ*, и что людей тамъ тысячъ пять военныхъ и двѣ тысячи матросовъ, а что онъ приходитъ сюда на все время жемчужнаго промысла, продолжающагося шесть мѣсяцевъ, отъ начала марта до исхода августа. Антонио де-Фаріа обходился со старикомъ какъ-нелзя-ласковѣе, и, желая вывѣдать отъ него больше подробностей, велѣлъ подарить ему два куска воска, мѣшокъ перца и слоновій клыкъ, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Потомъ Фаріа спросилъ его, что это за островъ Гаи-Нанъ, о богатствахъ котораго рассказываютъ столько чудесъ? Скажи ты намъ напередъ, кто ты самъ, куда и зачѣмъ идешь? возразилъ ему старикъ: «и тогда мы дадимъ тебѣ отвѣтъ на твои вопросы. Увѣряемъ тебя по истинѣ, что мы никогда еще не видали на купеческихъ судахъ такого множества молодцовъ, какое видимъ у тебя, ни такихъ учтивыхъ и хорошо одѣтыхъ; можетъ-быть, въ твоей велѣ китайскія шелковыя матеріи такъ дешевы, что ничего не стоютъ; или онѣ достались твоимъ товарищамъ очень-легко, потому-что мы видимъ, какъ они, бросая, для препровожденія времени, какія-то три косточки, швыряютъ пребезжалостно куски дорогой штофной матеріи, какъ люди, для которыхъ она не имѣетъ никакой цѣны.» Антонио де-Фаріа сухо улыбнулся, понявъ намекъ

на то, что они полагаютъ награбленными; онъ отвѣчалъ забавляясь какъ люди молодѣти богатыхъ купцевъ, которые принимаютъ настоящей цѣныности. «Должно быть такъ», сказалъ скрывъ свои настоящіе мысли.

Антонио де-Фаріа тотчасъ и играющимъ въ кости кончить съ глазъ разбросанные по нему матеріи, а потомъ, чтобы шенно разсѣять всѣ подозрѣтальцевъ, онъ повезъ ихъ на принадлежавшую прежде лавку Сардиниѣ, открывъ на нихъ показавъ своимъ гостямъ сверху ишки съ перцомъ. Они успокоились и говорили дружно, что теперь, убѣдившись, что цѣны, а не разбойники, имъ ничего гантишь и можно отъ нашихъ вопросы.

Старикъ обратился къ Антонио де-Фаріа съ слѣдующими словами: кто ты и увѣрившись, что твои не имѣютъ ничего злого, я готовъ разказать все, халъ отъ стариковъ и что въ объ островѣ Гаи-Нанъ. Въ годы, островъ этотъ былъ вѣдомъ отдѣльнымъ, которыми могущественный государь. Но не осталось наследниковъ, отъ народа произошли такіа смуты порядки, такіа кровопролитія, сударь кохинхинскій овладевъ всякаго труда, съ какимъ семью тысячами Монголовъ. Гаи-Нанъ, онъ оставилъ тамъ старика, который вскорѣ провозбунтовался и предложилъ подданство китайскому императору съ условіемъ платить ему ежегодно тысячу тысячъ таэловъ (чему составятъ 600,000 кр.) а тотъ, съ своей стороны, защищать его, въ случаѣ войны отъ всякихъ враговъ.

Уговоръ этотъ соблюдался нами тринадцать лѣтъ, и въ нѣе которыхъ кохинхинскій былъ побѣжденъ пять разъ

са, завладеши ты своимъ владѣніемъ (такъ-какъ у него не было сыновей), китайцаго императора наследникомъ твоимъ своимъ владѣніемъ. Вотъ почему островъ Ган-Нанъ уже двѣсти-тридцать-пять лѣтъ находится подъ владычествомъ китайскихъ императоровъ. А что касается до его доходовъ и богатствъ, а новорыхъ ты любопытствуешь знать, то скажу, что ихъ набирается всего ма-мало, включая серебряныя рудники, жемчугъ и пошлину въ приморскихъ городахъ, до двухъ съ половиною милліоновъ талеровъ.

Видя, что Антонио де-Фариа и всѣ Португальцы заунылись, услышавъ о такомъ богатствѣ, старикъ улыбулся и продолжалъ: - Ты удивляешься этой бездѣлицѣ; что же бы ты сказалъ, еслибъ увидѣлъ городъ Пекинъ, въ которомъ постоянно живетъ Сынъ Солнца со своими дворомъ? Знаешь ли ты, что туда стекаются всѣ доходы съ тридцати-двухъ королевствъ, составляющихъ Китайскую Имперію, а въ нихъ одна только медь и серебро добывается изъ восьмидесяти шести рудниковъ?

Антонио де-Фариа поблагодарилъ его за всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія и просилъ присовокупить, въ какой портъ намъ идти, гдѣбъ удобнѣе и выгоднѣе сбыть свои товары. Старикъ отвѣчалъ: - Совѣтую тебѣ, какъ другъ, не входить ни на одинъ изъ портовъ нашего острова и не вѣряться никому изъ вѣнчанъ Китайцевъ, ибо утѣряю, что ни одинъ изъ нихъ не поступитъ съ тобою честно. Мнѣ ты можешь вѣрить — я слишкомъ богатъ и не имѣю нужды обманывать тебя. Лучшее всего прохода проливомъ, который отдѣляетъ Ган-Нанъ отъ того берега, не вѣдущая изъ рукъ лота, потому-что тамъ множество опасныхъ мелей; такимъ-образомъ, ты скорѣ увидишь хорошую рѣку Танаукиръ, гдѣ найдешь безопасное якорное мѣсто, и забудешь въ два дня всѣ свои товары, сколько бы ихъ ни было. Но совѣтую не выгружать добра своего на берегъ: видя цѣнныхъ вещей часто

прожидаетъ жадность, а если отъ трудности чешутся руки у людей даже скромныхъ, то чего ждать отъ беззаконныхъ и дурныхъ, которые отъ природы скорѣ склонны прибрать себѣ чужое, чѣмъ изъ любви къ Богу удѣлитъ нуждающимся изъ своего.

Послѣ этой рѣчи, старикъ и всѣ его товарищи распространили съ достоинствомъ и Португальцами, разговоръ другъ другу множество приятствій, на которыя люди вообще бываютъ рѣдко вкусы. Старикъ на разставаніи подарилъ Антонио де-Фариа черепшковый ащичекъ съ двѣнадцатю жемчужинами хорошей цѣны, прося и вынесши, что не могъ позволить намъ продать здѣсь свои товары, потому-что онъ подвергся бы за то строгой ответственности по законамъ своего отечества; въ заключеніе, онъ совѣтовалъ намъ уходить не теряя времени, чтобъ насъ не захватилъ нападенье со своимъ золотомъ, потому-что тогда наши суда были бы вѣрнѣ сожжены.

Антонио де-Фариа рѣшился не приближаться къ берегу съ этимъ старикомъ, понимая справедливость его словъ; онъ немедленно велѣлъ вступить подъ паруса и мы пошли вдоль южнаго берега пролива, промѣряя безпрестанно глубину. Черезъ двое сутокъ, подошли западными вѣтрами, мы прибыли къ рѣкѣ Танаукиру, въ которой стали на якорь противъ небольшого острова, называвшагося Нейторъ.

Мы простояли въ устьѣ этой рѣки всю ночь, намѣреваясь идти съ свѣтомъ къ городу, отстоящему отсюда лигъ на пять, и попытаться сбыть тамъ свои товары, которые суда были до того загружены, что они ихъ подмачивала и не проходила безъ просушки тюковъ съ тѣми же другими вещами. Всю ночь мы работали, завозя верпы съ веревками, чтобъ на зарѣ начать плыть впередъ, потому-что теченіе было сильно, что подъ однимъ парусомъ при такомъ вѣтрѣ, мы не могли плыть его. Только что плыли

ить, мы увидѣли, что изъ рѣки вы-
ступятъ прямо на насъ по теченію двѣ
большія джонки, у которыхъ на всѣхъ
бачкахъ развѣвались разноцвѣтные
шелковые флаги и вымпела; онѣ сирѣ-
вились между собою цѣпами, чтобъ
дружнѣе и сильнѣе ударить на нашу
джонку; а шли съ громкими криками
и страшнымъ стукомъ въ барабаны,
колокола и сковороды. Первымъ при-
ѣтствиемъ ихъ, когда они приблизи-
лись на достаточное расстояние, былъ
валъ изъ двадцати пушекъ и фалко-
нетовъ. У насъ палубы были до того
завалены кабельтовыми и канатами,
что не было возможности свѣяться съ
якоря какъ слѣдуетъ, а потому мы вы-
пустили канатъ и также повесились по
теченію въ море.

Судя по всѣмъ признакамъ, ясно бы-
ло, что джонки эти съ малайскаго бере-
га, что насъ очень озадачило. Антонио
де-Фарія, человекъ находчивый въ
затруднительныхъ случаяхъ, тогчасъ
понялъ намѣреніе непріятеля и при-
ворочился будто бѣжать отъ него въ
открытое море: во-первыхъ, онъ хо-
тѣлъ выиграть время и пригото-
вить къ дѣйствию нашу артиллерію,
а во-вторыхъ, показать непріате-
лямъ, что мы не такой народъ, какъ
они думали. Они, однако, были так-
же не новички въ своемъ ремеслѣ: ви-
дя, что мы можемъ уйти, ибо движе-
нія ихъ стѣснялись цѣпами, кото-
рыми они были связаны, они тог-
часъ же раздѣлились и одна джонка
направилась на насъ, а другая на Кри-
стовао Борралью, который началь-
ствовалъ другою изъ нашихъ джонокъ.
Приблизясь къ намъ, непріятельская
джонка тогчасъ же насъ абординова-
ла и осыпала цѣлою тучей стрѣлъ и
дротиковъ. Антонио де-Фарія, скрыва-
ясь подъ ютомъ съ двѣнадцатью-пятью
солдатами и двѣнадцатью матросами
и невольниками, отстрѣливался изъ пи-
щалей и карабиновъ въ-продолженіе
болѣе получаса, а они все продолжа-
ли пускать стрѣлы и дротики съ та-
кимъ усердіемъ, что вся наша палуба
была для завалена; наконецъ, чело-

вѣкъ сорокъ изъ нихъ храбрѣйшихъ
удалцовъ рѣшились нанести намъ
окончательный ударъ: и съ крикомъ
бросились на нашу джонку, въ намѣ-
реніи овладѣть ея носовою частью. То-
гда Антонио де-Фарія повела впередъ
своихъ и занялась тамъ жаркая
свалка, что меньше чѣмъ въ три *орело*
мы сдѣлали угольное нашему Господу
Спасителю: — изъ сорока непріятелей,
невоображавшихъ найти такой от-
поръ и вооруженныхъ гораздо хуже
насъ, двадцать-шесть легло на мѣстѣ,
а остальные бросились въ море. Наши,
пользуясь дарованнымъ Господомъ ус-
пѣхомъ, немедленно перешли на не-
пріятельскую джонку, гдѣ встрѣтили
большаго сопротивленія; они убивали
всѣхъ, кто имъ попадался, щадя толь-
ко матросовъ, ибо ихъ нужно было
сберечь для управленія судами.

Кончивъ съ однимъ непріятелемъ,
Антонио де-Фарія послѣдовалъ на вы-
ручку Кристовао Борралью; сража-
вшаяся съ другою джонкой. Побѣда
была сомнительна, ибо ижество на-
шихъ было перерасчено; но подерѣвле-
ніе наше подоспѣло кстати и помчило
дѣло равномъ. Такимъ-образомъ, обѣ
эти джонки, хотѣвшія овладѣть нами,
очутились въ нашихъ рукахъ, а уцѣ-
лѣвшіе изъ бывшихъ на нихъ людей
плыли усиливаясь добраться до бе-
рега. Побѣда стоила намъ одного
Португальца и пяти матросовъ, не
считая ижества равныхъ, а у
непріятеля было убито воосмьдесятъ,
да столько же попало въ плѣтъ.

Подавъ нашимъ раненымъ всѣ воз-
можныя пособія, Антонио де-Фарія
велѣлъ послать гребными лодки,
ловить спасавшихся въплывъ непріате-
лей, изъ которыхъ многіе уже веро-
товали. Тѣхъ, кого успѣли вытащить,
онъ велѣлъ представить къ себѣ на
большую джонку и тогчасъ же под-
вергнуть пыткѣ, чтобъ добиться, ка-
кія это были суда, какъ звали ихъ на-
чальника и живъ ли онъ имъ убитъ.
Никто изъ нихъ не хотѣлъ сказать —
они умирали въ пыткахъ, упорно про-
должая молчать. Но въ видѣ воос-

льсь, Кристовао Борральйо закричалъ: Антонио де-Фарин:— Сеньйоръ, сеньйоръ, переѣжайте скорѣе сюда! намъ здѣсь предстоятъ такія заботы, какія мы и не ожидали».

Антонио де-Фариа тотчасъ же взялъ съ собою человекѣкъ пятнадцать солдатъ, взомель съ ними на другую джонку и спросилъ въ чемъ дѣло. Ему отвѣчали, что въ носовой части слышали много голосовъ и что тамъ вѣрно скрывается куча людей. Приказавъ открыть люкъ, Антонио де-Фариа вдругъ услышалъ восклицаніе: «Господи, умилосердись надъ нами!» сопровожденное такими раздражающими стопами и воплями, что онъ невольно отшатнулся назадъ. Нѣкоторые изъ нашихъ подошли къ люку и увидѣли множество валавшихся въ грюмѣ плѣнниковъ; она сказали объ этомъ капитану, который все еще не могъ совершенно опомниться отъ ужаса, и получили приказаніе вывести этихъ несчастныхъ на верхъ: ихъ было тамъ семнадцать христіанскихъ душъ, изъ которыхъ двое Португальцевъ, восемь молодыхъ метисовъ, двѣ дѣвушки и двое маленькихъ дѣтей.

Сердце разрывалось, глядя на нихъ. Разумѣется, что съ нихъ тотчасъ же сняли цѣпи, кандалы и колодки, подали имъ всѣ возможные пособія и снабдили всѣмъ нужнымъ, ибо только на немногихъ были кой-какія лохмотья одежды. Одинъ изъ Португальцевъ былъ какъ мертвый; у другаго спросили чьи это дѣти, какъ всѣ они попали въ руки разбойника и какъ звали этого изверга? Португалецъ отвѣчалъ, что у мучителя ихъ было два имени, одно языческое, Некодѣ Шикаулѣмъ, а другое христіанское, Франциско де-Саа, ибо онъ шесть лѣтъ тому назадъ привялъ христіанскую вѣру въ Малаккѣ, гдѣ былъ тогда губернаторомъ донъ Гарсія де-Саа, который далъ ему это имя, бывъ его крестнымъ отцомъ; а потомъ, чтобъ больше привязать его къ христіанамъ, донъ Гарсія женилъ его на хорошенькой метискѣ, дочери одного почтеннаго Португальца. Въ

1534 году, онъ отправился въ Китай на большой джонкѣ; съ нимъ была жена и человекѣкъ двадцать богатыхъ и всѣми уважаемыхъ Португальцевъ, вѣзавшихъ туда по торговымъ дѣламъ. Онъ остановился по пути у острова Пуло-Катанга, валиться водою и потомъ идти въ портъ Ченчеу; на другой день стоянки своей у этого острова, зная, что весь экипажъ джонки былъ ему преданъ, ибо состоялъ изъ Китайцевъ, земляковъ его, онъ безъ труда подговорить ихъ убить измѣннически всѣхъ Португальцевъ: они ночью потихоньку поднялись и дѣйствительно перерѣзали всѣхъ, кто только носилъ имя христіанское, не исключая и метисовъ-матросовъ. Потомъ онъ хотѣлъ принудить свою жену отказаться отъ истинной вѣры и сдѣлаться язычницею, но та не соглашалась и злодѣй разрубилъ ей голову топоромъ.

Послѣ того онъ пошелъ въ портъ Лямпо, продалъ свои товары и вообще занимался торговлей, какъ въ томъ, такъ и въ слѣдующемъ году, въ Сіамѣ, Чинчеу и другихъ мѣстахъ, стараясь избѣгать портовъ, гдѣ бы могъ наткнуться на Португальцевъ, достаточно-сильныхъ съ нимъ сражаться. Наконецъ, онъ пришелъ въ Кохинчину, гдѣ торговалъ какъ купецъ, а при случаѣ грабилъ кого могъ какъ разбойникъ. Рѣку эту онъ избралъ своимъ главнымъ притономъ и ходитъ сюда уже года три, потому что Португальцы не имѣютъ обычая торговать въ здѣшнемъ проливѣ и на Гамбанѣ. Онъ въ разные времена кандалъ на небольшія португальскія суда, которыя попадались ему въ морѣ, и убилъ сорокъ-шесть Португальцевъ, въ числѣ которыхъ были и отпрыскы дѣтей. Года четыре тому назадъ, находясь у входа въ одну сіамскую рѣку, онъ напалъ на джонку Жоао де-Оливейры, на которой убилъ шестнадцать Португальцевъ, пощадивъ только обонхъ освобожденныхъ нами, потому что одинъ былъ плотникъ, а другой конопатчикъ. Онъ возмалъ ихъ съ со-

Божу, обходясь съ ними съ самою ужасною жестокостію. Когда онъ началъ на насъ, то не думалъ, что мы Португальцы, а считалъ насъ китайскими купцами, въ родѣ тѣхъ, которыхъ онъ часто грабилъ.

Антонио де-Фаріа спросилъ тогда, узнаетъ ли онъ между убитыми этого гнуснаго разбойника; получивъ утвердительный отвѣтъ нашего несчастнаго земляка, онъ взялъ его за руку и заставилъ разсматривать лица всѣхъ труповъ, валявшихся на палубахъ обвѣихъ джонкъ; но тотъ не призналъ ни одного изъ нихъ за трупъ, котораго искалъ. Тогда Антонио де-Фаріа велѣлъ спустить шляпку и поѣхалъ съ нимъ самъ; они разглядывали въкоторыя изъ плававшихъ тѣлъ и, наконецъ, Португалецъ узналъ своего прежняго мучителя въ одномъ, у котораго голова была разрублена сильнымъ сабельнымъ ударомъ; а грудь пронзена копьемъ. Тѣло это тотчасъ же вытащили на палубу нашей джонки, и Антонио де-Фаріа увѣрился еще болѣе въ томъ, что не ошибся, разсмотрѣвъ толстую золотую цѣпь, которою оно было опоясано и на которой былъ привѣшенъ идолъ въ видѣ ящерицы съ двумя головами; хвостъ и лапы его были изъ черной и зеленой эмали, а тѣло золотое. Отрѣзавъ голову, трупъ разбойника разрубилъ на части и бросилъ въ море.

IV.

Подавъ возможную помощь раненымъ и распорядившись на-счетъ нашихъ плѣнныхъ, мы приступили къ осмотру добычи, доставшейся съ побѣжденныхъ двухъ джонкъ. Оказалось, что на нихъ было разнаго добра цѣною тысячу на сорокъ тазловъ, кромѣ самихъ судовъ, которыя были совершенно-новы и крѣпки. Антонио де-Фаріа передалъ добычу въ завѣдываніе Антонио Боржеса, нашего призоваго агента, а одну изъ джонкъ мы сожгли по необходимости, ибо у насъ не было людей для управленія ею. Кромѣ разныхъ товаровъ, мы приобрѣли семнад-

цать мѣдныхъ орудій разнаго калибра; почти на всѣхъ нихъ были королевско-португальскіе гербы, ибо они достались этой собацѣ-ренегату съ взятыхъ имъ трехъ португальскихъ судовъ.

Антонио де-Фаріа хотѣлъ было войти на слѣдующее утро въ рѣку, но рыбаки, которыхъ мы спрашивали ночью, отговѣтовали намъ приближаться къ городу, потому-что тамъ уже узнали, какъ мы раздѣлялись съ разбойникомъ. Самъ губернаторъ области покровительствовалъ этому вору, потому-что получалъ отъ него третью часть награбленной добычи, уже слѣлалъ непріятельныя распоряженія на нашъ счетъ, такъ намъ нечего было и думать продавать тамъ свои товары. Сообразивъ это, Антонио де-Фаріа распустилъ, что благоразуміе имѣть въ другой портъ, Мутициану, отстоявшій отъ насъ на сорокъ лигъ къ востоку; тамъ, по разсказамъ рыбаковъ, жили богатые купцы, туземные и чужіе, которымъ можно было проиѣнять наши товары на серебро, привозимое туда въ большомъ количествѣ изъ разныхъ странъ.

Мы снялись съ якоря съ тремя джонками и лорчей, на которой вышли изъ Патани, и пошли вдоль берега къ востоку. Противные вѣтры и теченіе принудили насъ стать на якорь противъ одного холма, называемаго Тилаумера, гдѣ мы простояли тринадцать дней въ ожиданіи переменъ обстоятельствъ. Частые шквалы, налетавшіе на насъ съ носа, надѣли намъ значительно, да къ-тому же началъ обнаруживаться недостатокъ въ състныхъ вещахъ припасахъ. Полъ вечеръ тринадцатаго дня показались, на наше счастье, четыре гребныя лавтѣн, что въ родѣ нашихъ фустъ, на которыхъ везли молодую невесту въ одно селеніе, отстоявшее отъ насъ лигъ на девять; на всѣхъ этихъ судахъ раздавались веселые крики и оглушительный стукъ въ барабаны, сковороды и колокольчики.

Не понимая сначала что это значить, наши подумали, не шлюпки ли

это, посланные выслать насъ изъ Тамакувира; а потому Антонио де-Фариа велѣлъ немедленно подтянуть канаты, приготовиться на всякій случай и между прочимъ, чтобъ не подать по доброй вѣсти, разцвѣтаться флагами и показывать такіе же знаки радости. Судя эти, шли насъ вмѣстѣ и такими веселыми, гребли къ намъ съ полною ловкостью, воображая, вѣроятно, что у насъ женихъ, который выѣхалъ на встрѣчу къ своей возлюбленной; они прошли мимо нашихъ джонокъ, приветствуя насъ по своему обычаю, и стали на якорь подъ берегомъ.

Мы, все еще не понимая, въ чемъ тутъ заключилось дѣло, были твердо убѣждены, что это шпіоны, добравшіеся до насъ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько часовъ и уже совершенно стемнѣло. Между тѣмъ, невѣста, удивляясь холодности своего жениха, котораго она воображала у насъ, и желая заставить его пріѣхать, послала къ нашей джонкѣ одну изъ своихъ лантѣй, съ письмомъ слѣдующаго содержания:

«Еслибъ слабость моей женской природы позволила мнѣ ѣхать, и увидѣть лицо твое, не навлекая стыда на мое имя, то тѣло мое понеслось бы для облюбованія твоихъ медлящихъ ногъ. Я выѣхала изъ отцовскаго дома, надеясь жить съ тобою въ любви, пока солнце и луна не перестанутъ около насъ обращаться; умоляю, пріѣжай на по-славной лодкѣ на мою лантѣю, гдѣ я уже не существую, ибо жизнь моя заключается только въ томъ, чтобъ тебя видѣть. Если ты не посѣтишь меня въ темнотѣ этой ночи, то, можешь-быть, съ разсвѣтомъ бѣлаго дня уже не застанешь въ живыхъ. Дая мой Ликорпинау передасть тебѣ все, что тайтся въ моемъ сердцѣ; онъ скажетъ, какъ душа моя сиротѣетъ безъ тебя и какъ жадно она проситъ твоей любви..»

Когда приставала лантѣа съ этимъ письмомъ, Антонио де-Фариа, чтобъ не подать повода къ подозрѣніямъ, велѣлъ сиротаться всѣмъ Португальцамъ, такъ

что наверху остались только наши матросы Китайцы. Лантѣа, видѣла съ полною увѣренностью, и деловита три, по видимому старшихъ между ними, взошли на нашу палубу съ вопросами о женихѣ; вмѣсто отвѣта ихъ схватила и въ одно мгновеніе спустила въ люкъ, что не стоило намъ никакого труда, ибо всѣ трое были довольно пьяны. Оставшіеся въ лодкѣ не успѣли ни опомниться, ни отшатнуть, услышавъ шумъ, происходившій у насъ на палубѣ, ибо въ то же время наши захватили на нихъ мачту конецъ веревки и притянули ее къ себѣ; потомъ нѣсколькихъ брошенныхъ, отъ насъ гравать было достаточно, оставивъ струсившихъ Китайцевъ броситься за бортъ и искалъ спасенія рывкомъ. Тогда же человекъ носемъ нашихъ перескочилъ на прыгущую лодку и оладѣлъ ею; вѣдь, это дѣлалъ изъ Китайцевъ, на умѣ плавать, тонуть и улюлюкать, чтобъ ихъ спасли. Наши отплыли и вытаскивали ихъ изъ воды.

Послѣ этого, Антонио де-Фариа тотчасъ же отправился изъ оставшихся лантѣантъ, и, во-первыхъ, абсорбировавъ ту, на которой былъ женихъ: она не встрѣтила никакого сопротивления, ибо тамъ не было ни одного вѣщающаго человека: все экипажъ лантѣи состоялъ изъ матросовъ, вѣнчалъ два грѣбля, человекъ семи родственнаго вѣрности, по-видимому молодой боцманъ и значительныхъ, двухъ братьевъ со, мальчиковъ блѣдныхъ и жерновныхъ, да вѣнчалъ вѣнчалъ Иещинъ, ваялъ широкъ и рывалъ инструментатъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится въ Китаѣ:..»

Когда остальные двѣ лантѣи ушли, какой оборотъ привелъ дѣло, онъ выпустили канаты и лантѣа улюлюкать на веслахъ и подъ парусами съ такою поспѣшностью, какъ будто самъ дьяволъ ихъ погонялъ; одну изъ нихъ намъ однако удалось настичъ и захватить. Кончить съ нею, Антонио де-Фариа тотчасъ же велѣлъ переслать все, что было въ лантѣахъ, на нашу джон-

а плѣнныхъ помѣстили подъ палу-
га, гдѣ ихъ продержали до разсвѣта.
Тогда, видя, что это народъ жалкій, и
что большая часть состояла изъ ста-
рцевъ, съ которыми намъ нічего было
дѣлать, Антонио де-Фарія съжался
надъ ними и высадилъ на берегъ всѣхъ,
ромѣ невѣсты и ея двухъ братьевъ,
бо они, какъ я сквазъ, были маль-
чички бѣленькіе и хорошенькіе; кромѣ
ихъ, мы оставили у себя еще двадцать
матросовъ, потому что нуждались въ
людяхъ для работъ на джонкахъ и вѣ-
лѣхъ лавтѣяхъ.

Невѣста, какъ мы послѣ узнали, бы-
ла дочь одного китайскаго чиновника,
который у нихъ тоже, что у насъ кор-
регидоръ; она должна была выйти
замужъ за молодаго человѣка, сына
Чи-фу, губернатора Пандурѣ. Женихъ
писалъ къ ней, что встрѣтитъ ее въ
этомъ мѣстѣ съ тремя или четырьмя
джонками своего отца, также человѣ-
ка очень-богатаго, а вотъ что было
причиною несчастной ошибки невѣ-
сты, которой родственники приняли
наши джонки за суда ея возлюбленна-
го. Въ слѣдующій вечеръ, когда мы
спускались съ якора изъ дѣшняго за-
лива, женихъ прошелъ мимо насъ съ
пятью судами, украшенными множе-
ствомъ разноцвѣтныхъ флаговъ; онъ
привѣтствовалъ насъ веселою музы-
кой, никакъ не воображая того, что
мы дѣлали съ его невѣстою, и сталъ
на якорѣ у мыса Тилаумера, ожидая
ея прибытія.

Мы, между-тѣмъ, пошли своимъ пу-
темъ къ порту Мутшиниу, гдѣ Антонио
де-Фарія расплагалъ распродавать то-
вары, и черезъ три дня, по благости
Господа, прибыли туда благополучно.
Мы бросили якорь въ заливѣ, образу-
емомъ углубленіемъ берега и неболь-
шимъ островкомъ, гдѣ рѣшились пре-
ждать ночь, чтобъ осмотрѣть входъ
въ рѣку и удостовѣриться, что намъ не
будетъ тамъ предстоять никакой опас-
ности.

Съ восходомъ луны, часовъ около
одиннадцати, Антонио де-Фарія по-
слалъ хорошо вооруженную лавтѣю,
т. III. — Стр. VIII.

подъ начальствомъ Валентина Марти-
са, человѣка дѣльнаго и надежнаго,
осмотрѣть входъ и промѣрять глубину.
Онъ промѣрялъ до самаго якорнаго
мѣста передъ городомъ и возвратился
къ намъ съ отвѣтомъ, что мелкіе ска-
лики нѣтъ, и что судовъ тамъ очень
не много, почему намъ можно идти
впередъ безъ малѣйшаго опасенія, и
тѣмъ болѣе, что въ случаѣ, еслибъ по-
чему-нибудь товары наши покупались
хуже, чѣмъ мы ожидали, никто не по-
мѣшаетъ намъ уйти. На обратномъ
пути, посланные наши захватили двухъ
рыбаковъ, спавшихъ въ своей лодкѣ;
однако ихъ не подвергали вытѣкѣ, какъ
мы обыкновенно дѣлавали въ подоб-
ныхъ случаяхъ, ибо всѣ единогласно
рѣшили, что въ этомъ мѣстѣ никакой
надобности.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра всѣ
мы усердно помолились Богу, дали
обѣтъ украсить храмъ Пресвятой Дѣ-
вы въ Малакиѣ богатыми приноше-
ніями, и приготовились свѣтѣсь съ яко-
ря. Антонио де-Фарія подозвалъ къ се-
бѣ захваченныхъ наканунѣ рыбаковъ,
приласкалъ ихъ и принялся распро-
шивать обо всемъ, что ему нужно бы-
ло знать на-счетъ рѣки, города и ого
жителей. Оба въ голосъ отвѣчали, что
плаваніе по рѣкѣ совершенно-безопа-
сно, ибо по ней ходятъ суда гораздо-
болѣе нашихъ джонковъ; что жители
города и береговъ люди кроткіе, ми-
ролюбивые и вовсе не воинственные; а
изъ иностранцевъ здѣсь только вунцы,
недавно-прибывшіе съ серебромъ, ало-
емъ, шелкомъ, пахучимъ деревомъ, во-
скомъ, ладаномъ, канфаромъ, лакомъ и
отчасти золотомъ. На вопросъ Антонио
де-Фаримъ: нѣтъ ли по сосѣдству воен-
наго флота, они отвѣчали, что нѣтъ,
ибо императоръ ихъ ведетъ войну
только на сухомъ пути. Тогда Фарія
спросилъ ихъ, какое понагіе они имѣ-
ютъ о днѣ и ночи, о небѣ и солнцѣ.
Они отвѣчали, что вѣрятъ въ существо-
ваніе единаго всемогущаго Бога, кото-
рый все сотворилъ, все сохраняетъ;
но что если разумъ нашъ запутываетъ
отъ нашихъ дурныхъ помысловъ,

то виноваты въ этомъ не Богъ, который совершилъ, а мы сами. На вопросъ, слышали ли они о томъ, что Господь сошелъ на землю, они отвѣчали, что нѣтъ, и что этого быть не можетъ, ибо не для чего Ему, непричастному нашимъ слабостямъ, искать земныхъ сопроищъ, ничтожныхъ передъ Его величіемъ и силою.

Изъ этихъ словъ мы поняли, что людямъ этимъ вовсе неизвѣстны истинны нашей святой вѣры, ибо они выводятъ существованіе Творца изъ красоты Его твореній и поклоняются Ему говоря: «По дѣламъ твоимъ, Всемогущій, вѣруемъ твоему величію!» Антонио де-Фаріа одарилъ этихъ рыбаковъ и высадивъ на берегъ, чѣмъ они остались весьма довольны.

Между тѣмъ, задулъ попутный вѣтеръ. Мы снялись съ якоря, развѣсили на мачтахъ флаги и куски шелковыхъ матерій, и подняли торговый флагъ, чтобъ жители считали насъ купцами, а не людьми другаго разбора. Черезъ часъ мы снова бросили якорь передъ городомъ, привѣтствуя его салютомъ изъ немногихъ пушекъ; тогда вышли къ намъ лодки съ разными свѣжими припасами, но, видя по наружности и одежѣ нашей, что мы не Сіамцы, не Малайцы и не Яванцы, а люди какого-то совершенно-незнакомаго имъ народа, онѣ приостановились и въ недоумѣніи держались на веслахъ. Наконецъ, одна лодка рѣшилась пристать къ намъ и люди съ нея спросили можно ли взойти на нашу джонку; имъ отвѣчали приглашеніемъ взойти безъ страха, ибо всѣ мы считаемъ ихъ своими братьями. Антонио де-Фаріа принялъ ихъ очень-привѣтливо и сказалъ, что мы купцы изъ Сіама и пришли сюда съ острова Ган-Нава, гдѣ намъ сказали, что здѣсь мы можемъ съ удобствомъ и выгодною сбыть свои товары, такъ-какъ жители здѣшніе честибѣ Китайцевъ, живущихъ на островѣ Ган-Навѣ и противоположномъ ему материкѣ. Приѣхавшіе отвѣчали на это: «Ты не ошибся: если ты купецъ, ка-

кою поступать честно, какъ слѣдуетъ; здѣсь ты можешь спать спокойно и не бояться ничего».

Антонио де-Фаріа, опасаясь, чтобъ сюда не дошли сухимъ путемъ слухи на-счетъ того, что мы сдѣлали съ разбойниками въ рѣкѣ Тауауквортъ, не хотѣлъ выгружать товаровъ своихъ въ таможеню, какъ требовали здѣшніе чиновники, отъ-чего произошли споры и неудовольствія, и продажа нашего груза чуть-было не разстроилась. Наконецъ, видя просьбы свои недействительными, онъ сказалъ на-отрѣзъ, что уйдетъ отсюда, ибо выгрузить товаровъ своихъ въ таможеню не можетъ и подъ какимъ видомъ, а времени терять не расположенъ, потому-что муссонъ скоро переимѣнится, а ему необходимо исправить свои суда; на-счетъ пошлины онъ объявилъ готовность свою заплатить по десяти процентовъ на сто, какъ водится вездѣ, а не по тридцати, какъ они требовали.

Переговоры эти мы вели черезъ посредство одного изъ пришедшихъ сюда съ караванами иностранныхъ купцовъ, которому *наутарель* или *креденчальникъ* здѣшній не хотѣлъ, однако, отвѣчать, а велѣлъ подвергнуть ихъ пыткѣ, чтобъ узнать не выдумалъ ли онъ все это для своихъ выгодъ. Прождавъ своего посланца нѣсколько времени и видя, что онъ не возвращается, Антонио де-Фаріа велѣлъ поставить паруса, развѣсить на всѣхъ мачтахъ флаги и сниматься съ якоря. Тогда всѣ иностранные купцы, *вадѣш*шіеся запастись отъ насъ нужными для возвращенія домой товарами, собрались и пошли къ *наутарелю* съ просьбой объ удовлетвореніи нашихъ желаній, говоря, что иначе они будутъ жаловаться въ столицѣ на его притѣвленія. *Наутарель* и всѣго таможенные чины, боясь наказанія и потери своихъ годовныхъ мѣстъ, согласились на просьбу купцовъ съ тѣмъ однако условіемъ, что такъ-какъ мы рѣшились не платить больше десяти процентовъ, то чтобъ они заплатили въ пользу его и чиновниковъ еще по пяти отъ себя, да

бы съобштили выгоды государя, не забывая своихъ собственныхъ, чѣмъ купцы эти остались довольны.

Когда всѣ препятствія были устранены, мы приступили къ давно желанной продажѣ, которая при помощи Божией кончилась въ трое сутокъ и доставила намъ выручки сто-тридцать тысячъ талеровъ серебра. Не взирая, однако, на всю поспѣшность, съ которою Антонио де-Фариа старался вести эти дѣла, мы не успѣли кончить ихъ совершенно прежде, чѣмъ сюда дошли берегомъ извѣстїя о побѣдѣ нашей въ рѣкѣ Танаукирѣ: подвигъ этотъ вооружилъ противъ насъ здѣшнихъ жителей до такой степени, что всѣ стали насъ бояться и никто не хотѣлъ посѣщать нашихъ судовъ, какъ бывало прежде. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, Антонио де-Фариа рѣшился уйти отсюда какъ-можно-скорѣе.

ВОСПОМИНАНІЯ КРЫМСКАГО ВЕТЕРАНА О СУВОРОВѢ И НѢКОТОРЫХЪ ОВСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Много воспоминаній въ Крыму жить въ памяти народной, и въ особенности объ эпохѣ присоединенія этого полуострова къ нашей имперіи. Новое поколѣніе съ жадностію слушаетъ ихъ, и эти рассказы нерѣдко бываютъ такъ новы, такъ увлекательны и интересны, что хоть сейчасъ кладн ихъ на бумагу. Интересъ этотъ еще болѣе возвышается, когда повѣствователемъ бываетъ очевидецъ, современникъ великой эпохи. Но такихъ очевидцевъ тамъ уже немного осталось, и тѣмъ болѣе мы должны цѣнить ихъ рассказы.

Съ однимъ изъ такихъ старожилонъ я былъ знакомъ въ Крыму. Имя его Лукьянъ Михайловичъ Дуси. Нѣкогда онъ былъ въ составѣ того легіона греческаго, который, при императрицѣ Екатерицѣ, по влзгнм Крыма, былъ вы-

званъ сюда изъ Греціи, и потомки котораго составляютъ нынѣ балаклавскій греческій батальионъ и населеніе вѣштатнаго городка Балаклавы. Въ легіонѣ этомъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ молодцовъ по удалству и расторопности, и потомъ, за подвиги свои, произведенъ въ офицеры. Къ Суворову, въ бытность его здѣсь, онъ былъ назначаемъ нерѣдко на ординарцы и большую часть рассказовъ своихъ передаетъ какъ очевидецъ.

Но прежде, чѣмъ передамъ я читателямъ моиъ его рассказы, надѣюсь, что не наложимъ, если брошу нѣсколько словъ о моемъ исполнѣ-интересномъ повѣствователѣ.

І. М. Дуси жилъ въ семи верстахъ отъ Симферополя на югъ, въ своемъ саду, который самъ взростилъ. Садъ этотъ примыкаетъ къ деревнѣ Усеинъ-Хаджи, верстахъ въ трехъ отъ почтовой дороги на южный берегъ. Лукьянъ Михайловичъ рѣдко оставлялъ садъ свой; а если выѣзжалъ, то не далѣе, какъ въ Симферополь.

Симферополь, главный, какъ всѣмъ извѣстно, городъ Таврическаго-Полуострова, вообще мало оживленъ. Здѣсь нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ (кромѣ развѣ пивовареннаго), ни судоходной рѣки, ни порта для заграничныхъ судовъ. Все, чѣмъ онъ можетъ похвастать, такъ это — прелестью своихъ окрестностей, живописностію Салгирской - Долины, безконечными садами по этой долинѣ, своими достойно-прославленными фруктами, которые, впрочемъ, есть на цѣломъ полуостровѣ. Но этотъ довольно-скучный городъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, оживляется каждую пятницу и представляетъ влзъ самаго шумнаго азиатскаго рынка. Здѣсь общая встрѣча окрестныхъ жителей Симферополя, на нѣсколько десятковъ и даже за сотню верстъ вокругъ. Здѣсь вы увидите и Нѣмку-колонистку съ свѣжимъ масломъ, и за-перекопскаго Ногайца, привезшаго на огромной мажарѣ и парѣ верблюдовъ шеницу-армаутку, и черчискаго Грека съ уни-

какъ говорятъ, что повсюду встрѣчаясь съ необыкновенное сопротивление со стороны Татаръ, побившихъ и Грековъ не малое число. Греки, ожесточенные сопротивленіемъ; разсыпались разными отрядами по дорогамъ и дѣсамъ; жгли деревни и хѣбы; убивали каждаго попадавшагося въ ихъ руки мусульманина; не щади ни пола, ни возраста. Г. Дуси представляетъ примѣры такого ожесточенія Грековъ, которыми и не повѣрять бы, если бы разсудительномъ былъ человекъ противной стороны. или не въ добросовѣстный, если бы говорилъ они не въ своихъ товарищамъ и не какъ очевидецъ. Прозвоня Украина жестокости, отъ которыхъ болѣе вѣдывается дѣломъ, Греки заставляли Татаръ быть ихъ свидѣтелями; потому некоторыхъ отпускали для разсказовъ въ народъ, подтверждая имъ передать своимъ соотечественнѣмъ, что и всѣхъ та же участь ожидаетъ, если не поспѣшатъ покориться. Но, въ виду покорности, Татары забирали свои пожитки, уходили изъ деревни въ деревню и скрывались по дѣсамъ; а если были настигаемы, защищались храбро, часто сами нападали на Грековъ, и духъ защиты до того былъ распространенъ между ними, что даже женщины съ оружіемъ въ рукахъ порядкомъ являлись между ними и также храбро нападали на враговъ своихъ. Въ одномъ мѣстѣ среди дѣса, замѣчаетъ Дуси, нашъ товарищъ Вищенко увидалъ стоящую шакару и бросился къ ней, надѣясь чѣмъ-нибудь поживиться; но изъ-за шажка выскочила изъ нему на встрѣчу Татарка съ саблею въ рукахъ и глумясь стала наступать на него, что Вищенко не могъ отпарировать ея ударомъ; долженъ былъ отступать — и не прежде освободился отъ ея преслѣдованія, какъ другой Грекъ подоспѣлъ сюда съ оружіемъ и застрѣлилъ Татарку. Вой Греки знали храбрость и ловкость Вищенко и удивлялись этому случию. Въ другомъ мѣстѣ, другой Грекъ впадалъ на шакару съ Татаркою; Татарка выхватила у себя изъ-за поя-

са пистолетъ, и не боясь убить нападавшаго. На выстрѣлъ подоспѣлъ цѣлый отрядъ Грековъ, и одинъ изъ нихъ, Каботула, застрѣлилъ Татарку.

Но объ этихъ жестокостяхъ скоро осѣдомилась Императрица, и что часъ отпростила въ Крымъ курьеры съ приказаніемъ, чтобъ Греки возвратились къ убійства. Греки было усомнились въ справедливости этого приказанія и продолжали свои жестокости, не щадя, по-прежнему, ни дѣтъ, ни пола; но это не продолжилось: Татары наконецъ объявили начальнику войскъ, что желаютъ быть подданными Россіи. Тогда приостановлены были всѣ преслѣдованія; и Греки возвратились въ Еникаль; взявъ, впрочемъ, съ собою много плѣнныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Осѣдомившись и объ этомъ, государыня приказала отдать всѣхъ плѣнныхъ ихъ родственникамъ. По успокоеніи всего, Татары явились въ Еникаль и получали своихъ дѣтей; одна дѣвушка не захотѣла идти къ отцу и, окрестившись, слѣдилась женою прапорщика Гринойти.

Въ особенности съ большимъ оудушеніемъ передавалъ почтенный старецъ воспоминанія свои о Суворовѣ. Изъ нихъ приведемъ мы здѣсь только тѣ его разсказы, которые болѣе интересны и о которыхъ еще не всѣ знаютъ. Извѣстно, что послѣ мира съ Турками Суворовъ былъ въ Крыму и осматривалъ расположенныя тамъ войска и обозрѣвалъ гражданскія присутственныя мѣста. Смотря войскамъ въ Симеорополѣ дѣлалъ онъ въ вышней на горной части города, которая въ то время не была заселена и представляла открытую равнину. — Суворовъ командовалъ чрезъ полковыхъ адъютантовъ. О одного изъ нихъ онъ послалъ съ приказаніемъ на другой флангъ; лошадь подъ адъютантомъ чего-то испугалась и понесла его прямо къ обрывамъ наменной горы, висящей саженой на двадцать и болѣе надъ Салгиромъ. Увидя передъ собою пропасть, лошадь бросилась въ сторону и сбила съдока;

сѣдокъ весьма ушибся и былъ безъ чувствъ. — Видя все это, Суворовъ, въ сопровожденіи всей свиты, прискакалъ къ нему, принявъ въ немъ самое горячее участіе, послалъ за лекарями и при себѣ велѣлъ пустить ему кровь изъ обѣихъ рукъ; а когда больнои пришелъ въ чувство, то отправилъ его въ больницу, съ приказаніемъ имѣть о немъ особенное попеченіе.

При посѣщеніи присутственныхъ мѣстъ въ Симферополѣ, Суворовъ увидалъ на дверяхъ надпись: «Уголовный Судъ». — «Помилуй Богъ», воскликнулъ онъ: «я ни за что на свѣтъ сюда не пойду; да и не желаю никому туда входить».

Въ Бахчисараѣ получилъ онъ, между прочимъ, довесеніе, что одинъ Цыганъ содержится въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивой турецкой серебряной монеты. Онъ потребовалъ Цыгана къ себѣ, самъ допрашивалъ его и когда изъ словъ виновнаго и прочихъ обстоятельствъ дѣла узналъ, что у Цыгана штемпель не было, а что онъ сдѣлалъ всего только два юзлука съ-руки, простымъ ножомъ, и просидѣлъ надъ ними до двухъ недѣль, то велѣлъ его выпустить изъ жалости, какъ объявилъ Суворовъ — что онъ такъ медленно и такъ плохо зарабатываетъ хлѣбъ себѣ, а совѣтовалъ ему выбрать другое мастерство, повыгоднѣе и пополезнаѣе, и за дѣланіе денегъ не приниматься — а не то плохо будетъ.

Изъ Симферополя Суворовъ ѣздила на Чатырь-дагъ. Было это зимою. — Возвращаясь оттуда, онъ заѣхалъ къ земщичку мурзѣ Батырь-Агѣ Крымтаеву, бывшему приверженцу послѣдняго крымскаго хана, Шагинъ-Гирея. — Батырь-Ага сдѣлалъ всѣ возможные приготовления, чтобъ достойно принять высокаго гостя. Не смотря на всѣ приглашенія, Суворовъ отказался и отъ кушаньевъ, въ изобиліи и съ азіатскою роскошью для него приготовленныхъ, и отъ теплой комнаты; а просилъ отвести ему комнату холодную и принести соломы для постели. — Не смотря на то, что весьма-озябъ,

онъ потребовалъ воды изъ рѣчки и окатился ею; потомъ легъ на приготовленную на полу постель изъ соломы, покрытую только простынею, и тепло укутался. Пролежавъ съ полчаса времени, онъ всталъ, хвалился, что хорошо согрѣлся; даже испотѣлъ, и потребовалъ простаго хлѣба, соли и рѣдьки: въ этомъ состоялъ весь его ужинъ; а у хозяина просилъ извиненія, что не могъ быть полезыми для приготовленнаго кушанья, веда всегда такую жизнь (*).

Подобный примѣръ случился и въ Симферополѣ, гдѣ приготовленъ былъ у кого-то богатый обѣдъ. Суворовъ отрѣзалъ ломоть чернаго хлѣба во всю краюху, намазалъ его масломъ и съѣлъ; въ этомъ состоялъ весь обѣдъ его, и онъ не дотронулся ни до одного блюда.

Суворовъ еще былъ въ Крыму, когда Турція объявила войну Россіи. Въ то же лѣто показался въ Черномъ-Морѣ турецкій флотъ. Десанта ожидали у Книбурна. Суворовъ не замедлилъ туда прибыть съ двумя полками. Поставленные на сторожѣ доискѣзавики скоро дали знать Суворову, что Турки начали дѣлать высадку. Суворову принесли это извѣстіе въ то время, когда онъ былъ въ церкви за литургію: онъ не вышелъ изъ церкви, не тронулся съ мѣста до окончанія службы, и потому приказалъ отелужить молебствъ на побѣду враговъ и одолѣніе. — Но выходя изъ церкви онъ приказалъ полковнику Ніотѣ идти съ полкомъ своимъ на непріятеля. Ніотѣ отъ этого отказывался, говоря, что малъ его не въ-силѣхъ выдержать натиска непріятеля, несравненно-сильнѣшаго, и что послѣ того Книбурнъ будетъ неминуемо взятъ Турками; но если сѣмъ

(*). Этотъ разсказъ слыжалъ и чинилъ и отъ сосѣда Батырь-Ага, Девлетъ-Мурта Вейратскаго. Много интереснаго можно слышать отъ него о происшествіяхъ того времени и, быть-можетъ, его воспоминанія будутъ сообщены въ этомъ журналѣ.

Суворовъ пойдетъ впередъ, то, въ случаѣ неудачи, его конный полкъ подастъ большую помощь. Нюти дерзко упорствовалъ въ этомъ, надѣясь въ особенности на расположеніе и милость князя Потемкина. Видя такую ослупченность и боясь потерять время, Суворовъ пошелъ самъ съ пѣхотнымъ полкомъ, приказавъ впрочемъ Нютию заступить въ камыши и ждать его команды. Десанта было 5,000; Турки стали напирать, Суворовъ подаваться назадъ. Ободренные отступленіемъ небольшого отряда, Турки съ воплями бросились преслѣдовать Суворова и зашли далеко отъ берега. Пропустивъ непріятеля, Нюти, въ слѣдствіе новыхъ приказаній, вышелъ изъ засады и съ тылу ударилъ на него; между тѣмъ Суворовъ повернулъ назадъ и также ударилъ на Турковъ. Не ожидая ни того, ни другаго, Турки не знали, съ которой стороны защищаться, смѣшались, были разбиты Суворовымъ на голову и, отложивъ всякое сопротивление, стали спасаться бѣгствомъ къ морю; здѣсь, при невозможности всѣмъ разомъ перебраться на суда, много погибло ихъ на берегу и потонуло въ морѣ. Въ этомъ дѣлѣ Суворовъ былъ раненъ.

Боясь гнѣва Суворова, Нюти посѣпшилъ послать къ князю Потемкину просьбу объ увольненіи въ отставку. Суворовъ же съ своей стороны, донося о военномъ дѣлѣ, не умолчалъ и объ ослупченности Нюти. На послѣднее Потемкинъ отвѣчалъ, что за ослупченіе не можетъ сдѣлать съ Нюти никакого звѣскавія, потому что онъ, по просьбѣ, выпущенъ въ отставку.

Отъ Кинбурна Турки на судахъ отправились къ Херсону. Здѣсь они застали три русскія судна и на нихъ напали. При этомъ старшій изъ офицеровъ на судахъ, панайотъ Алексіановъ, не взирая на значительное число непріятельскихъ судовъ, сдѣлалъ храбрый отпоръ, повредилъ большую часть ихъ, навелъ на Турковъ страхъ и принудилъ ихъ спасаться бѣгствомъ.

Почтенный разсказчикъ нашъ, *Л. М. Дуси*, умеръ весною 1845 года. Въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ онъ былъ въ полку Нюти.

А. У—цъ.

✱

РАЗСКАЗЫ О СЕВЕРНЫХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАЖЪ.

Сидимъ верев.

— Здорово, дружище! вскричалъ молодой человекъ съ китайскими глазами и въ модномъ мѣшковатомъ фракѣ, бросаясь чуть-чуть не на шею другому, тоже молодому человеку дѣтъ тридцати, расхаживавшему по комнатѣ и, для развлеченія, размахивавшему кистями своего халата. — Тебя рѣшительно нигдѣ не видно, прибавилъ поспѣватель, усаживаясь въ покойныя кресла и закуривая папиросуку.

— Все не здорвится, пріятель, отвѣчалъ хозяинъ... назовемъ его хоть Зорскимъ и прибавимъ ужъ за одно, что поспѣвателя его называютъ Веселковымъ.

— Что это съ тобой сдѣлалось? а погода такая неподобная: весна, настоящая весна! Снѣгъ таетъ, лужи на каждомъ шагу; черезъ Невскій-Проспектъ перейти нѣтъ никакой возможности; грязь весьма-много обѣщающая, — однимъ словомъ, прелесть! Петербургская весна въ полномъ развитіи. Да, кстати. Знаешь, Гиздъ и Норменбъ помирились?

— Очень-радъ!

— Дюжъ проигралъ процессъ!

— Подѣломъ ему: влялся за гужъ, не говори, что не дюжъ!

— Да онъ этого и не говорилъ, вспомнилъ Веселковъ обидѣвшись, и потомъ, выпустивъ красивую струйку дыма, прибавилъ: — а все надо ожидать въ Европѣ чего-нибудь необыкновен-

наго: чѣмъ-то кончится вопросъ объ испанскихъ бракосочетаніяхъ? Франція и Англія дуются другъ на друга то за Испанію, то за дону-Мигеля, то за Балеарскіе-Острова, то за владѣнія борнеосскаго султана; у Турціи опять съ тунисскимъ беємъ что-то не ладно; Греція вооружила противъ себя Турцію: король Оттонъ такъ угостилъ при всѣхъ Муссур, турецкаго посланника, что тотъ уѣхалъ въ Константинополь. Впрочемъ, не беспокояйся, мнѣ писалъ изъ Аѳинъ одинъ мой хорошій знакомый, что эта исторія кончится благополучно! Ну, а скажи, пожалуйста, какого ты мнѣнїя на-счетъ нынѣшнихъ парламентскихъ преймъ касательно ирландскихъ вищихъ? А?

— Да такъ ровно ничего не думаю, потому что все это до меня ни на волосъ не касается, хладнокровно отвѣчалъ Зорскій.

— Ахъ, варваръ! противно сказалъ Веселковъ, всплеснувъ руками и качая головою: — да вѣдь Ирландцы мрутъ съ голода, какъ мухи! Не-уже-ли это тебя не трогаетъ?

— Очень трогаетъ; я сострадаю имъ, а все-таки мнѣ кажется, что наши бѣдныя боѣе заслуживаютъ нашего участія. Что такое для меня какой-нибудь Ирландецъ? ни свать, ни братъ.

— И это говоришь ты, человѣкъ половины XIX столѣтія? и тебя нисколько не мучитъ разрѣшеніе современныхъ вопросовъ?

— Нисколько не мучитъ! Все это я читаю въ газетахъ, и все мое участіе къ этимъ современнымъ вопросамъ ограничивается тѣмъ, что я выжидаю дальнѣйшихъ извѣстій о томъ, что придумаютъ люди, до которыхъ эти вопросы ближе касаются, чѣмъ до меня съ тобою, что придумаютъ они для своего блага, и чѣмъ удовлетворять мое любопытство, которое, разумѣется, должно быть заинтересовано.

— А я про что же и говорю! Впрочемъ, итъ, я вижу, ты не рожденъ быть политикомъ. Ну, оставямъ политику. Вотъ тебѣ наши новости: сегодня послѣдній концертъ Эрнста.

— Знаю.
— Бердіозъ прїѣхалъ изъ Модены.
— Знаю.
— Виоль и Пачинико Ариччолли перешли къ Дежару, который, между тѣмъ, разошелся съ Бюваномъ.

— Знаю.
— Да послушай же, дружище, никакъ ты сегодня, не въ своей дарель?
— Съ чего ты это взялъ? Мнѣ данъ только невозможно не задорачиться!

— Ужь не болить ли у тебя сердце?
— Богъ миловалъ.
— Не простудился ли ты?
— Да итъ — Боже мой!
— Ужь не страдаешь ли ты зубами?
— Слѣдъ милости, не приставай ко мнѣ: право, мнѣ и безъ того тошно!

— Да что жъ съ тобой, любезный? ты просто въ хандрѣ! Мнѣ только жаль, что я не въ-время, можетъ-быть, прїѣхалъ, поровнилъ прямо къ это несчастное сегодня...

— На этотъ счетъ будь спокоенъ; я вчера былъ въ хандрѣ, завтра буду въ хандрѣ, послѣ завтра буду въ хандрѣ, черезъ недѣлю тоже, черезъ мѣсяцъ тоже.

— Итъ, это ужъ не просто! Прїятель, другъ, товарищъ, откройся мнѣ, скажи, что у тебя на душѣ. Не-уже-ли ты не расскажешь про свое горе мнѣ, мнѣ — твоему другу?

— Дѣло очень-простое, отъчалъ Зорскій, крѣпко сжимая руку Веселкова: — я сию рѣшительно безъ гроша!

— Ты безъ гроша? съ удивленіемъ спросилъ Веселковъ. Лицо его вытянулось, по-крайней-мѣрѣ, на четверть аршина, и самъ онъ несколько сдвинулъ два шага назадъ. Ужасная мысль блеснула въ его умѣ: — ну, если да онъ попроситъ у меня въ долгъ? И, хлопнувъ себя по лбу, Веселковъ продолжалъ:

— Безъ гроша? ты? золотопромышленникъ?.. Да итъ, ты шутишь! У тебя должны быть горы золота!

— Въ томъ-то и дѣло, что его нѣтъ.
— Ужь ты меня извини, а дѣло въ-вѣру, то-есть, я сообразить не могу, какъ человѣкъ золотопромышленникъ ни-бѣтъ гдѣ-то тамъ, въ Сибирѣ, въ

лотыя россыпи... не то, что ищешь, а ужь они и есть у него... вели накопать, вотъ тебѣ и золото! Кажется, не мудреная штука?

— То-то и есть, что слишкомъ-мудреная, отъѣчалъ Зорскій прищелкнувъ языкомъ: — какъ накопать, чѣмъ накопать, чѣмъ накопать, и, наконецъ, что выкопаешь? Вѣдь, чтобъ выкопать то что-нибудь, надо прежде очень-много накопать!

Съ какими горькими вздохомъ сказавъ это Зорскій.

— Знаешь мы васъ, господа, я слышали не разъ отъ настоящихъ Сибиряковъ, которые пріѣзжали сюда устроить компаніи, что тамъ, на приискахъ, копнешь пятакомъ, а выкопаешь цѣлковый... знаешь мы!

— Цѣтъ, Веселковъ, не такъ это бываешь; я самъ такъ было-думалъ, самъ вѣдиль въ Сибирь, самъ былъ на приискахъ, а все-таки въ моемъ золотомъ приискѣ нѣтъ золота: оно, пожалуй, и есть, да чтобъ добыть его на сто рублей, приходится иногда лишиться тысячи, — вотъ тебѣ и золото! Въ Сибирь золото вездѣ есть, да сплошь не стѣбитъ работать; я извои какъ-то тебѣ угодномъ-сто золотымъ приискомъ—оно и будетъ золотымъ приискомъ, и навсегда останется золотымъ приискомъ, то-есть, вѣчно будетъ носить это названіе, но никогда не дастъ золота. Конечно, есть мѣста, совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ золотыя: только нѣтъ не удалось нѣтъ присосѣдиться.

— Э, пріятель! да никакъ ты загорился? И еще съ аллегорическими намеками. Вѣрно золото-то у тебя хандру прогнало. Какъ не вѣрить теперь гомеопатіи, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись? Такъ вотъ же я тебѣ что скажу. Ты нигуда сегодня не выходишь?

— Никуда; вѣдь я ужь сказалъ, что мнѣ нездоровится.

— Хорошо! Мнѣ тоже нѣкуда спѣшить. Вели дать мнѣ чего-нибудь позавтракать; я буду ѣсть, а ты, сдѣлай дружбу, расскажи, какъ ты попалъ въ эту громогласную компанію, какъ тебѣ вѣдиль въ Сибирь, много ли тысячь

верстъ прокатился на собакахъ, что вѣдиль на приискахъ, каковъ этотъ народъ сибирскій, и, наконецъ, какъ это тамъ дѣлають золото?

— Да развѣ ты самъ не знаешь?

— Понатія, братецъ, не имѣю!

— Пожалуй. Ну, такъ вотъ видишь ли...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, впрочемъ, не очень-давно, пріѣхавъ сюда изъ Сибири купецъ Первостатейный, какой онъ тамъ былъ гильдіи-этого я тебѣ не могу навѣрное сказать; но ужь, разумѣется, не ниже второй: третьей гильдіи купцы не имѣютъ права заниматься золотопромышленностью. Вотъ, сударь ты мой, пріѣхавъ онъ сюда и поселился въ прегрязной гостинницѣ, въ предранномъ нумерикѣ. То время было самое бойкое: всѣ бредили россыпями, горяченькихъ охотниковъ до золота было безапа. Здѣсь были предупреждены всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что вѣдетъ, де-скать, такой-то; всѣ напередъ знали, что Сибиріи пріѣдетъ продавать богатѣйшій приискъ, гдѣ просто руками надо брать золото. Пріѣхавъ сюда, Первостатейный сдѣлалъ, какъ водится, визиты всѣмъ здѣшнимъ золотымъ означенностямъ, и, чтобъ заинтересовать собою ихъ съ перваго раза, не побоялся даже переимѣнить своего костюма: развѣжалъ вездѣ въ сѣро-бѣлкомъ долгополомъ сюртукѣ со сборками около талии, въ костюмѣ, известномъ въ Сибирь подъ названіемъ камотки, или сибирки въ нашихъ краяхъ. Прежде чѣмъ пустить въ ходъ свой приискъ, Первостатейный сталъ продавать имѣи и лунтѣи, которыми повозка его была биткомъ набита.

— Позволь, позволь... что такое имѣи, и что такое лунтѣи? спросилъ Веселковъ.

— Это обувь, длинные сапоги изъ оленьей кожи, въ родѣ желтой экипи; шьются они кожей вверху, шерстью внутри; спереди выпиваются шапками довольно-дурно; носятъ обыкновенно въ дорогѣ, а въ Сибирь крестьяне и мѣщане разувиваютъ въ нихъ и по го-

роду въ моровы; теплы они до чрезвычайности; малѣйшая сырость вредна имъ.

— Довольно, продолжай, сказала Веселковъ.

— Цѣны эти и лутѣи Первостатейный сталъ продавать знакомымъ и незнакомымъ и, какъ человекъ вполне-коммерческій, который знаетъ, что да моремъ телушка — полушка, да рубль черярау, Первостатейный, придѣлался къ обстоятельствамъ и къ личностямъ покупателей, бралъ съ нихъ за свои сапожки отъ 7-ми до 12-ти рублей серебромъ, вмѣсто какого-нибудь цѣлковаго, чего они стоятъ на мѣстѣ. Собравъ такимъ-образомъ, въ весьма-короткое время, до трехъ тысячъ рублей серебромъ, конечно, все мелочью да равноцѣпными бумажками, Первостатейный отнесъ ихъ однажды въ Банкъ, обмѣнялъ тамъ на новенькія сторублевыя депозитки, положилъ въ свой засаженный бумажникъ и отхрипѣлся долой. На дорогѣ вдругъ поравила его мысль вотъ какая: «Вотъ, молъ, везъ я цѣлую повозку лутѣевъ... цѣлую повозку! Везъ ихъ я пять тысячъ верстъ... шутка сказать, пять тысячъ верстъ! Сподобилъ меня Господь продать ихъ ладно, выгодно... а что жъ у меня есть за всѣ мои хлопоты? тридцать листочковъ! Въ горсти сожмешь!.. Нѣтъ, тяжело!.. не могу! Пойду опять раздѣляю!» Совѣстно ли ему было воротиться въ Банкъ, или надѣялся онъ раздѣлять деньги въ другомъ мѣстѣ, или вспоминалъ про недуренькую жему свою Васильеву, или про востроглавую дочку, *дьявонку*, Маркутку, да про Стѣпку, сынишка своего, — только Первостатейный отправился прямо въ Гостиный-Дворъ, обошелъ въ разлуши Зеркальную, Суровскую и Перинную Диван и явился въ Суконойной. «А чего такое у васъ есть?» спросилъ нашъ Сибирякъ.

— Шляпы, фуражки, перчатки есть разныя-ся... господишь, пожалуйста-ся! скрепозеркой прокривалъ мальчишка.

— Покази мнѣ фуражку — картузь.

— Извольте, господишь, вотъ самая модная-ся.

— Что стоятъ?

— Дѣвѣнадцать рублей.

— Не витихъ!

— Извольте, господашь, что покажете-ся?

— Не витихъ! съ сердцемъ повторилъ Первостатейный, недовольный тѣмъ, что садѣлецъ не хочетъ покупать, что дѣвѣнадцати-рублевые картузы не по его карману.

Долго онъ выбиралъ, разсматривалъ, примѣрялъ, торговалъ и торговался, пять разъ уходилъ и пять разъ возвращался, наконецъ, послѣ омика въ шестой разъ: «господишь, пожалуйста-ся, позвольте-ся», Первостатейный въ шестой разъ возвратился въ лавку, вынулъ сторублевую депозитку, велѣлъ завернуть въ бумагу клеечатую фуражку и взять уговоренную цѣну — тридцать-пять копеекъ серебромъ.

— Только похлопочи, паршивца, дай слачи помельче, прибавилъ покупатель.

Набравъ синевыикихъ, зеленевыикихъ и желтевыикихъ депозитокъ и засунувъ ихъ въ карманъ своей долгополой шапки, Первостатейный зашелъ въ соседнюю лавку, купилъ на двугривенный обтяжныхъ пуговицъ, раздѣлялъ сторублевый билетъ на мелочь и отправился въ третью лавку. Тамъ купилъ онъ выростковые сапоги за цѣпковый, опять выдалъ новый билетъ и опять, съ добычею мелкихъ бумажекъ, пустился дальше странствовать. Въ одной лавкѣ купилъ банку помады на пятналтыиный; въ другой два платка бумажные тоже по пятналтыинову. Въ третьей же съ половиною аршина огненныхъ лентъ въ одну цѣпу съ помадой, — разумѣется, все это къ войлоку жевъ... однимъ словомъ, обошелъ множество лавокъ, въ каждой раздѣлялъ по билету, наполнилъ всѣ карманы деньгами, увязалъ ихъ въ платокъ и думалъ-себѣ: «ну, то-ли дѣло теперь?.. знова сколько денегъ! Съ такою покупкою и разныи сапожками Первостатейному труденько было проба-

ратся домой въ шечкомъ—онъ развернулся и нанялъ пролетныхъ дрожки.

Между тѣмъ, эта продажка не могла остаться незамѣченною; гостинодворцы передавали ее другъ другу; въсть о развѣнн новенькихъ билетовъ пошла дальше-дальше, и наконецъ поселила въ головахъ весьма-разсудительныхъ людей весьма-основательное подозрѣнне: не скрывается ли тутъ чего-нибудь особеннаго? не мѣняется ли этотъ господинъ фальшивыхъ билетовъ? Начались спросы, разспросы, записали номера билетовъ, родившихъ уже въ завкахъ, стали сѣдять за молодцомъ: изъ Сибири прѣхалъ... мертвыиъ приговорелся; узнали о продажѣ дунтаевъ и все-таки никакъ не могли разрешить задачи: откуда же у него явились билеты самые новенькые, живо, теперь только увиданше сътъ божий.

Первостатейный вставалъ всегда часовъ въ шесть. На другой день послѣ поупокъ, онъ только-что успѣлъ встать, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и два человека важной наружности явились передъ изумленные его взоры.

— Вы занимаете этотъ номеръ? спросилъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Я, задыхаясь отъ страха отвѣчалъ Первостатейный.

— Вы прѣхали изъ Сибири?

— Я.

— Вы господинъ Первостатейный?

— Я.

— Извините, что мы обезпокоили васъ, не предуѣдомивъ о томъ заранѣе; но есть одно маленькое обстоятельство, по которому мнѣ нужно съ вами переговорить.

И съ этими словами неизвѣстный подошелъ къ двери, высунулъ голову, посмотрѣлъ направо и налѣво по корридору, возвратился въ комнату и заперъ ее на ключъ.

Что у нихъ тамъ такое происходило, я ужъ не знаю, только не больше какъ черезъ четверть часа оба господина вышли оттуда, извиняясь передъ Первостатейнымъ въ самыхъ деликатныхъ выраженiяхъ, что его понапра-

су обезпокоили, представляли ему на видъ, что часто ничтожныя, но виду, обстоятельства обращаютъ на себя весьма-сильное вниманiе, и просили быть совершенно-спокойнымъ.

Этотъ случай какъ-нельзя больше послужилъ въ пользу Первостатейному. Въ Петербургѣ только и говорили, что о Сибирякѣ въ сѣройиенной капоткѣ, да о богатѣйшемъ его приискѣ. Узнать, что онъ всякiй день мѣшками возить деньги — даже почетныя особы стали къ нему внимательнѣе. А про продажу прииска все еще не было рѣчи. Сибирякъ ждалъ, чтобъ Петербуржцы предложили продажу, и надѣялся, что по этому самому онъ можетъ подороже съ нихъ взять; а Петербуржцы ждали, чтобъ онъ самъ объ этомъ рѣчь заведетъ, и заранѣе хлопотали какъ бы ему поменьше дать. Въ ожиданiи этого-то вождельнаго разговора, наши почетныя особы и подмасливали дорогаго гостя то тѣмъ, то другимъ.

— Захаръ Ефимовичъ! поѣденте къ Сен-Жоржу, говорилъ Первостатейному одинъ новый знакомый.

— А что это за штука такая, ваше превосходительство?

— Мы у него отличво пообѣдаемъ.

— Вонъ, ваше превосходительство! деньги-то тратить понапрасну!

— Ужъ это не ваша забота, Захаръ Ефимовичъ; я васъ приглашаю.

— Да поѣдемъ, пожалуй; вѣдь я противъ генерала, ваше превосходительство, слова не смѣю выкинуть.

Дома Первостатейный обѣдывалъ въ часъ: такъ ужъ ты, Веселковъ, можешь себѣ представить каково у него за ушами хрустѣло въ пять-то часовъ. Удовлетворивъ свой истинно-сибирскiй аппетитъ питiемъ и яствами и не пропустивъ ни одного блюда, котораго бы онъ не очистилъ въ совершенствѣ, Первостатейный послѣ стола обыкновенно говаривалъ:

— Вотъ вѣдь мошенники какiе, ваше превосходительство, повара-то эти, Французы! Десять цѣлковыхъ за обѣдъ безъ вина! Шутка ли это только вымолвить! Да я на десять-то цѣлковыхъ

чить день у графа, у его сіятельства, и окончателъно шеретозковать о дѣлѣ.

Въ назначенный день, всѣ пятеро сидѣли въ кабинетѣ графа. Сперва говорили о погодѣ, потомъ о трудности всегда имѣть наличныя деньги, о дальности пути въ Сибирь; остроумно замѣтили, кстати, что отъ Петербурга въ Иркутскъ недалеко прокатиться, что это составить ровно столько же, сколько отсюда до самаго центра земли — рукой подать; потомъ о томъ, что такое *тайнд*, деревня это или лѣсъ; наконецъ, весьма-много распространялись о томъ: будутъ ли еще барыши съ этого пріиска и хорошо ли тутъ золото.

— Да вотъ какъ, ваше сіятельство, графъ, началъ Первостатейный. — Имѣю я два золотосодержаща пріиска — оба въ Восточной Сибири, въ Енисейской-Губерніи; одинъ въ Минусинскомъ — Округѣ, при ключикѣ, вливающимся съ правой стороны въ ключъ же Безымянный, текущій съ лѣвой стороны въ рѣчку Безымянку, впадающую съ правой стороны въ рѣчку же Малый-Тюхтетъ, который съ лѣвой стороны впадаетъ въ Большой-Тюхтетъ, а этотъ вливается въ рѣку Амыръ съ лѣвой стороны, а Амыръ впадаетъ въ Енисей. Другой мой пріискъ — въ Енисейскомъ-Округѣ, по сухому догу и мочажинамъ, залегающимъ по ключу неизвѣстнаго наименованія, впадающему съ правой стороны въ неизвѣстный же ключъ, впадающій съ правой стороны въ рѣчку Верхнюю-Подголетнюю, впадающую съ правой стороны въ рѣчку Большую-Мурожную, впадающую съ правой стороны въ рѣчку Большую-Тунгуску или Ангару, впадающую съ правой стороны въ рѣку Енисей. Вы, графъ, ваше сіятельство, я вы, ваше превосходительство, и вы, баронъ, ваше высококордіе, и вы, Лука Андренчъ, *ваше почтеніе*, продолжалъ Первостатейный, обращаясь послѣ всѣхъ и послѣ барона, коллежскаго секретаря, къ купцу первой гильдіи (а надо тебѣ, Веселковъ, сказать, что купцы въ Сибири и всѣ почетные люди — не-чаровниками — пользуются

ся титуломъ его почтеніе). Я честный человекъ и чужаго себѣ не хочу... ужъ стойте, погодите, я вамъ скажу. Я не хочу чужаго и обманывать грѣхъ: я купецъ и говорю прямо. За пріискъ, что въ Минусѣ, не ручаюсь; можетъ-статься, графъ, ваше сіятельство, онъ и богатъ, а можетъ-быть, онъ и бѣденъ! Можетъ-быть, въ немъ и много золота, а можетъ-быть и мало! Можетъ-быть, онъ и прива-сетъ барышъ, и большой барышъ, а можетъ-быть, барыша и не будетъ: стало, не будетъ и выгоды... Стойте, ужъ, графъ, ваше сіятельство: я говорю прямо, открыто, честно дѣло дѣлаю и не ручаюсь за Минусійскій-Пріискъ и не продаю его. А вотъ Енисейскій-Пріискъ, что я самъ открылъ въ день св. Еоѳимія — это другое дѣло. Пріискъ этотъ ужъ и утверждаетъ за мною, и отведенъ, и плацъ имъ выданъ. Вы, графъ, ваше сіятельство, и вы, ваше почтеніе Лука Андренчъ, знаете, что про пріискъ говорить, богать онъ или бѣденъ, по тому смогра, сколько добудется золота изъ ста пудовъ песку или земли, откуда хотѣтъ достать золото. А чтобъ повѣсть-то вамъ, столичнымъ-то жителямъ, — невините, графъ, ваше сіятельство, — что такое значать эти сто пудовъ песку, то ужъ позвольте имъ маленько порассказать дѣло. У насъ все мѣрится на аршинъ, да на сажень. Кубическая сажень, или, по-вашему, кубическая, вѣситъ 1,000 пудовъ: такъ, значитъ, сто пудовъ будетъ десятая часть кубической сажени. Ну, а кубическую-то сажень вы ужъ сами хорошо знаете. Обыкновенно во ста пудахъ, въ нашихъ системахъ по Мурожной, по Шааргану, по Удерёю, бываетъ круглымъ счетомъ 3, 4, 5, даже 6 золотниковъ, и это вѣзывается *содержаніе*. Вотъ по Кадмѣ, Севагликону, да по Актеднику, вотъ по этимъ рѣчкамъ золота бываетъ по двѣнадцать, по двѣдцати золотниковъ въ ста пудахъ; да насъ-то, по Мурожной Господь обошелъ этою благодатью. У меня, на Енисейскомъ, есть нѣсколько пудовъ и въ восемь золотниковъ, да въ

плошь и сряду, а сплошь-то и сряду я даду у себя бѣдно-бѣдно по четыре золотника. Такъ вотъ, графъ, ваше сіятельство, извольте-ко вы взять бумагу да карандашикъ, да и смекните-ка вѣрью то, что я вамъ скажу. Мы свели подъ присякъ полную площадь, то-есть, дали столько мѣста, больше его по закону и нельзя дать: пять арствъ длиннину, да сто сажень поперечнику, или двѣсти-пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ сажень. Если во старухахъ будетъ четыре золотника, то въѣдъ, ваше сіятельство, въ тысячу пудахъ будетъ сорокъ золотниковъ, то-есть, сорокъ золотниковъ въ кубической сажени, или, пожалуй, въ квадратной сажени мѣста. Я ужъ кладу такъ, бѣдно, если въ глубь идти только на одну сажень; а вы сами, ваше сіятельство, графъ, знаете, что не только на одну сажень копать можно, сто сажень въ глубь копать — все до конца не докопаетесь. Я этого и не беру въ расчетъ: будете дальше идти — все ваше! Такъ вотъ въ квадратной сажени площади, поверхности-то земли, навѣрное ужъ сидитъ сорокъ золотниковъ; а у меня вѣдъ такихъ-то квадратныхъ сажень двѣсти-пятьдесятъ тысячъ! Помножьте-ко, графъ, ваше сіятельство, эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ сажень на сорокъ золотниковъ — что выйдетъ? Десять миллионъ золотниковъ!.. Если, для углаго счета, въ фунтѣ положить по пуду золотниковъ, такъ вѣдъ тутъ сто тысячъ фунтовъ золота! Въ пудѣ сорокъ фунтовъ, а въ ста-то тысячахъ пунтахъ будетъ двѣ тысячи пятьсотъ пудовъ. Пудикъ-то стѣитъ пятьдесятъ тысячъ рублей, а всѣ-то двѣ тысячи пятьсотъ пудовъ будутъ стѣить сто двадцать-пять миллионъ рублей.. Въ въ английскомъ банкѣ вѣтъ такой вѣличности! простоналъ Первостатейный и въ взнеможеніи упалъ на стулъ, вытирая бумажнымъ платкомъ струившійся по бѣдному лицу холодный потъ.

Выкладка была сдѣлана вѣрно и озвучена всѣмъ присутствующихъ. Раз-

счетъ прямой. Лука Андренчъ первый прервалъ молчаніе, замѣтивъ, что сколько еще надо отдать казнь процентовъ, сколько заплатить жалованья управляющимъ и рабочимъ, и когда-то еще Богъ приведетъ получать барыши! Всѣ его поддержали и потребовали у Первостатейнаго совѣта. Первостатейный разрѣшилъ ихъ очень-просто.

— Десять миллионъ, сказалъ онъ: — вы заплатите процентовъ казнь, десять миллионъ употребите на жалованье и на содержаніе людей, пять миллионъ на непредвидимыя издержки, — вотъ двадцать-пять миллионъ только, а сто миллионъ пойдетъ въ дивидендъ. Барышъ будете получать не когда Богъ приведетъ, а когда вы захотите. А одинъ я и не въ силахъ ничего сдѣлать. Я, пожалуй, употреблю триста .. ну, четыреста тысячъ.. ну, пол-миллиона, — больше я не въ состоянн, и то не въ одинъ годъ, а въ два года, — ну, и получу какихъ-нибудь двадцать, двадцать-пять процентовъ — стѣитъ изъ-за чего силы тратить, живнью, можно сказать, жертвовать! Употребите вы разомъ миллионъ, разомъ поставьте на работу двѣ тысячи человѣкъ, — а у насъ, пожалуй, что рабочій и обойдется въ пятьсотъ рублей, — они въ первый же годъ намоютъ вамъ сто пудовъ. А сто пудовъ, это значить пять миллионъ рублей! Значить, на первый годъ вы на свой миллионъ получите пятьсотъ процентовъ. Этими вы ужъ будете навсегда обеспечены. Пятнадцать процентовъ, то-есть, семьсотъ пятьдесятъ тысячъ, вы вносите въ казну; воротите свой миллионъ, который вы употребили на первый годъ; прибавьте еще къ нему миллионъ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, чтобъ увеличить размѣръ работъ, — это выйдетъ два миллиона двѣсти-пятьдесятъ тысячъ на одинъ работы; всего, значить, три миллиона; четвертый миллионъ употребите въ дивидендъ на первый же годъ, а послѣднимъ миллиономъ покроете расходъ на покупку у меня присяка.

— Какъ? восклицала графъ, баронъ, генералъ и купецъ, вскочивъ въ одинъ время съ своихъ мѣсть и выпучивъ глаза на Первостатейнаго: — вы хотите на свой примскъ...

— Миллионъ рублей, спокойно отвѣчалъ Первостатейный.

— Поизлуйте! какъ миллионъ? да въ умъ ли вы?

— Стойте умъ, стойте! отвѣчалъ Первостатейный: — оно, конечно, не совѣтъ-то умно за сто миллионъ брать одинъ миллионъ; да, ваше сіятельство, графъ, у меня тутъ свои расчеты: я не буду ни хлопотать, ни терять силъ, ни бросать послѣднія деньги, ни мучиться да ждать, когда-то да когда-то то и то будетъ. Я человекъ небольшой, я и малымъ буду доволенъ. Человекъ я, сами видите, несомнѣнный; насъ родители не почитывали, а вскармливали; намъ многого и не нужно: лишь бы сыты были!

— Да какъ же миллионъ-то вамъ дать, Захаръ Ефимовичъ? Побойтесь Бога! А мы лучше вотъ какъ сдѣлаемъ, сваяемъ графъ: — мы васъ возьмемъ къ себѣ въ компанію; вотъ будемъ мы четверо, вы пятый; соберемъ еще компаньоновъ; будутъ князья, генералитетъ, все люди знатные, люди капитальные. Мы вамъ дадимъ... пожалуй, я готовъ дать пятьдесятъ тысячъ; будемъ сами на свой счетъ работать примскъ; пожалуй, дадимъ и вамъ какой-нибудь пай. Замѣйте себя, что вы будете въ кругу людей знатныхъ...

— Батюшка! ваше сіятельство, графъ! вѣдь это мнѣ же добромъ да мнѣ же челомъ! Что мнѣ-такое, что важные люди будутъ знать... Да вотъ какъ, а вамъ доложу, ваше сіятельство. Положимъ, мы съ вами товарищи. Понадобится мнѣ теперь, ради какихъ ни-есть причинъ, тамъ въ Сибири поважничать: такъ-молъ-де я хочу; а сейчасъ контрактъ вашъ, ваше сіятельство, и раскрываю и показываю тому, кто мало мнѣ заставить дѣлать по-иному; има-то нашего сіятельства, известно, громкое, — вотъ и мнѣ и стрѣляю куда мнѣ надо, ко-

нечью, подъ секретомъ, тамъ такъ, чтобы мнѣ слава: моя выгода — самъ выгода — одна выгода! Вы-то, ваше сіятельство, и доложите, и рады ездятъ, что ваше дѣло прямо ли, право ли и идея хороша. А попробуй ко тому-нибудь другому-то имевъ такъ и врать, такъ насъ, маленькитъ то людей; въ бараний рогъ согнуть, въ пальцы обратить; а золотое дѣло, такъ и мое коммерческое, любить такъ-то степенно сберечь съ большой доверли, да идти пресловутый; да имеденно-то силывать бедамъ играть и подобаетъ, и не жалеть. Вы меня за правду, ваше сіятельство, заставите и простать, и говорить и дѣлать и пользы. Это первое; а второе дѣло — вѣкъ вамъ въ компанію идти тоже придется, у васъ новое сіятельство, вы будете платить двадцать процентовъ, а у меня оно старое — и да только пятнадцать. Вотъ по угодно ли будетъ вашему сіятельству возлюбивъ ко мнѣ въ компанію, такъ это дѣло другое! Только съ пятидесятью тысячами мнѣ пѣсего дѣлать: Вы мнѣ покажете миллионъ; а я вамъ по сдѣлать передамъ въ полную собственность оба моя примска, и мы больше знать другъ друга не будемъ. Подумайте, ваше сіятельство, и вы, ваше превосходительство, и вы, баронъ, ваше высочородіе, и вы, Лука Ананьевъ, ваше почтеніе. Это мое послѣднее слово; больше одной вѣтъ я вѣтъ въ Петербургъ не проживу, и, если вамъ понравится дѣло — принимайте черезъ три дня отвѣтъ. Ниѣмъ чести кланяться... Не безпокойтесь, ваше сіятельство, прибавилъ Первостатейный, замѣтивъ, что графъ пошелъ-было провожать его.

Четверо капитальныхъ людей presto остолбенѣли; они себя не вѣдали точно ли стоялъ передъ ними пріятный Сибирякъ? дѣйствительно ли это именно онъ возвысилъ своей вычужденный голосъ? откуда у сиротинской калыки прить такая смелость? какъ онъ осмѣлился предлагать мнѣ свои условия? Они никакъ не могли согласить въ

и въ своемъ дѣлѣ, по-видимому, совершен-
но-противоположены понятию: долго-
ая сибиря и мильонъ! Промасецъ
утибаетъ — и мильонъ!.. Незвратный
сибирякъ, единичъ оловенъ, Затаръ
Земляничъ — и мильонъ! Начали сво-
ею передѣлывать задачу... четыре зо-
лотника кругомъ, десять мильионовъ
золотниковъ, двѣ тысячи пятьсотъ ну-
ловъ золота — сто двадцать-пять мил-
ионовъ рублей... точно такъ! Разчета
нѣтъ. Если даже уменьшить содер-
жаніе... странно сказать на полони-
ну... положить содержаніе въ два зо-
лотника... даже въ одинъ золотникъ,
что рѣшительно, какъ имъ известно
было, въ Сибери не-по-мень по систе-
мѣ рѣчки Муромной — даже въ такомъ
случаѣ въ приискѣ въранныхъ шесть-
сотъ пудовъ золота — да тридцать ми-
льионовъ рублей... Ну, а если содер-
жаніе больше четьрехъ золотниковъ?
если поминутно будутъ встрѣчаться
фунтовые самородки?.. если пластъ зо-
лата будетъ больше одной сажени?..
тутъ ужъ просто всякое воображеніе
потеряется въ громадѣ цифръ...

Ведикое дѣло надежда!.. Капиталь-
ные люди начали приводить въ при-
мѣръ одну компанію, другую, третью...
нашли, что, если кто и погибъ въ
золотопромышленныхъ операціяхъ,
такъ это тѣ немногіе изъ искателей,
которые только-что искали; да и иска-
ли-то съ небольшими капиталами, ко-
торые они, разумеется, скоро и про-
искали. Будь у нихъ еще немножко
денежныхъ средствъ — они, можетъ-
быть, на первомъ же бы шагѣ нашли
розсыпь, которая сторницею, можетъ-
быть, возвратила бы имъ всѣ ихъ по-
тери. А много ли этихъ примѣровъ?
Каніхъ-нибудь пять, шесть, семь, не
больше десяти. А цѣлыя сотни людей
можно по пальцамъ пересчитать та-
кихъ, которые обогатились именно че-
резъ золотыя розсыпи.

Положеніе капитальныхъ людей бы-
ло самое неприятное: и хочется, и хо-
чется! И надо купить — и нельзя ку-
пить!.. Хотя бы этотъ Первоостатей-
ный рѣшился разсчитать уплату мил-
Т. III. — Отд. VIII.

иона дѣтъ на пять что ли: они бы
уплатили ему его же золотомъ — ему
бы все равно было: куда ему разомъ
миллионъ двать?

Послали парламентаря; но Первооста-
тейный собѣ-на-умѣ: утроишь онъ домъ;
послѣ полулія странствуетъ по канди-
терскимъ, пьетъ шамолалъ и ѣстъ кон-
фетки, разумеется, самыя дешевыя;
обѣдаетъ въ рестораціяхъ гдѣ дѣбать
органы. Гдѣ онъ бывалъ до семи часовъ,
никто не могъ узнать; вѣроятно, онъ
по-свѣдому пользовался свободою петер-
бургской жизни; за то въ восемь ча-
совъ вечера онъ непременно являлся
въ Александринскомъ-Театрѣ или въ
галерей, или въ штебахъ за краслами:
въ креслѣ ходилъ онъ только по прав-
линкамъ. На банкиску, оставленную въ
его номерѣ парламентаремъ, Первооста-
тейный отвѣчалъ лаконически: «или
миллионъ, или прощайте!»

Что было дѣлать? Дѣло-то вървое!
Упустить его грѣшно!

На пятый день послѣ консультаціи
въ графскомъ кабинетѣ, занялись со-
станленіемъ контракта и проекта пра-
вилъ новой *Акціонерной Золотопромы-
шленной Компаніи*

На другой день послѣ того, Перво-
остатейный привезъ къ графу связку
бумагъ, разважалъ ее и, передавая гра-
фу, сказалъ:

— Вотъ, ваше сіятельство, вы честно
дѣла дѣлаете и я честно дѣла дѣлаю.
Вотъ это планъ моего прииска; вотъ на
немъ, видите, подписи правительствен-
ныхъ лицъ. Вотъ точная копія съ это-
го плана: тутъ вотъ карманщиномъ
отмѣчено мѣсто гдѣ у меня начаты ра-
боты; вотъ тутъ мѣста новаго наслѣдо-
ванія. Вотъ это журналъ моего припе-
щника и реестры и записки о золотѣ,
которое мы оттуда выискали. Вотъ
извольте, ваше сіятельство, сосчитать
этотъ реестрикъ... вотъ итогъ: всего
промыто десять тысячь пудовъ песку..
золота получено четьре фунта, шесть-
десять золотниковъ, двадцать четьре
доли... ровнѣшенько въ четьре золо-
тника кругомъ.

Послѣ этого рѣшительно не въ чемъ было сомнѣваться. Компания, въ-тому же, даромъ приобрѣтала Минусинскій пріискъ въ Минусинскомъ-Округѣ.

Дѣло теперь пошло быстро. Составлена была компанія подъ громкимъ именемъ, которое я уже называлъ. Громкое названіе привлекло бездну желающихъ. Всѣхъ паевъ назначено было тысяча. Сборъ на первый разъ назначенъ по четыреста рублей серебромъ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ миліонъ рублей ассигнаціями отдать Первостатейному, а четыреста тысячъ ассигнаціями употребить на промыслѣ.

Первостатейный получилъ миліонъ рублей и на другой же день уѣхалъ.

Да! я забылъ тебѣ сказать, что онъ, въ порывѣ великодушія, вынулъ изъ кипы билетовъ бумажку въ двадцать пять рублей серебромъ и заказалъ тысячу порцій для бѣдныхъ.

— А таки-пожертвовалъ? спросилъ Веселковъ.

— Пожертвовалъ, отвѣчалъ Зорскій: — восемьдесятъ-семь съ половиной—изъ миліона! Когда привелось приложить еще красненькую депозитку, Первостатейный казался, что на первыхъ порахъ погорячился; да купецкое слово—вексель!

✱

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кому удавалось хоть нѣсколько заглядывать въ фельетоны нашихъ газетъ, тотъ вѣрно, предполагаетъ, что у насъ въ литературномъ мірѣ есть разрядъ писателей, извѣстный подъ именемъ *натуральной школы*. Прозваніе *натуральной* дано ей въ видѣ насмѣшки, и потому безполезно искать въ немъ объясненія характеристическаго направленія школы, тѣмъ болѣе, что такого

направленія нѣтъ, — точно такъ, какъ нѣтъ и самой школы. Того разряда писателей, о которомъ мы говоримъ, нельзя назвать школою уже потому, что школа предполагаетъ существованіе опредѣленнаго, вполне-образованнаго теоретическаго ученія, которое держатся члены этой корпораціи; а писатели *натуральной школы* до-сихъ-поръ не имѣютъ такого положительно-высказаннаго ученія, которое бы связывало ихъ въ одно цѣлое, въ одну школу съ опредѣляемыми направленіями. Они, напротивъ, безпрестанно спорятъ между собою о самыхъ основныхъ принципахъ искусства. Они не слѣдуютъ какому-либо новому ученію, а стремятся переработать, исправить ученіе старое, не согласное ни съ духомъ времени, ни съ личными ихъ убѣжденіями. И если въ образѣ ихъ мыслей,—весьма-различныхъ, впрочемъ,—есть что-нибудь общее, то это именно — сочувствіе современному и сознание недостаточности устарѣлага. Такія школы являются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, и ко всѣмъ имъ можно приложить названіе *натуральной школы*, какъ потому, что стремленіе къ усовершенствованію вообще весьма-натурально для человѣка, такъ и потому, что это усовершенствованіе всегда есть шагъ къ натуральному, т. е. къ истинѣ.

Зачѣмъ же дать схоластическое прозвище школы такому естественному, законному явленію, называть послѣдователями чего бы то ни было людей, которые, вѣруя въ прогрессъ языка, эстетики, философіи и всего человѣческаго, очевидно-способны пожертвовать личныя убѣжденіемъ въ пользу какого бы то ни было авторитета, или обязать себя безусловною покорностію образцамъ какого бы то ни было гениальнаго писателя? Нѣтъ, такое прозвище нѣтъ неумѣство, потому-что прямо противорѣчитьъ существеннымъ свойствамъ предмета, къ которому оно приложено. А если уже существуетъ у насъ въ литературѣ неопредѣленнаго

ребность въ школѣ, то гораздо-при-
чине удовлетворить этой потреби-
ти, паввавъ писателей, непринадле-
жащихъ къ школѣ натуральной, шко-
лою *противоестественною*. Это назва-
ніе хоть чѣтъ-нибудь можно обра-
щать. Дѣйствительно, въ писателяхъ
не-натуральной школы весьма-много
противоестественнаго. Такъ, она ос-
новывается своимъ литературнымъ претен-
сіи на двухъ положеніяхъ: «мы» гово-
рятъ одни изъ нихъ: «давно пишемъ;
наши современники были великіе лю-
ди, а мы повторяемъ ихъ слова; слѣ-
довательно, исполнѣ заслуживаемъ та-
кого же уваженія отъ новаго поко-
лѣнія». — «А мы!» съ гордой-осанной
говорятъ другіе: «мы принадлежимъ
къ такому кружку, къ которому при-
надлежали великіе люди и въ которомъ,
кромя насъ, нѣтъ другихъ писателей.
Мы единственные въ своемъ родѣ; для
насъ однихъ доступно то широкое по-
прище, на которомъ столько простора
уму и таланту. Въ другихъ слояхъ об-
щества если и есть умы и таланты, то
они никогда не будутъ въ состояніи
такъ развиться, какъ мы развѣты; да
и вообще, что значать они въ дѣйстви-
тельной-то жизни?... Итакъ, слушайте
насъ, за нами можете далеко уйти!...»

Само-собою-разумѣется, что у этой
школы, такъ же, какъ и у «натураль-
ной», нѣтъ опредѣленнаго направле-
нія, которое бы свлязало ея разноха-
рактерныя личности; но это не возбу-
ждаетъ противоестественныхъ писателей
отъ прозванія школы, потому-что для
нихъ вообще не существуетъ логиче-
скаго убѣжденія. Всѣ ихъ доводы, на-
примѣръ, противъ «натуральной» шко-
лы основываются на полномъ созна-
ніи своего личнаго достоинства, на
увѣренности, что никому не прійдетъ
въ голову усомниться въ справедливо-
сти словъ такого человѣка, для кото-
раго и современникъ его, истинно-во-
лннй человѣкъ, Пушкинъ, писалъ...
эпиграммы, или который самъ, какъ
Чичиковъ, ѣздилъ по Россіи въ при-
личномъ экипажѣ, и побывалъ если не

на сѣверномъ полюсѣ, то на берегахъ
эвменитой Леты...

Но... вы, читатель, можете-быть
подозрѣваете насъ въ пристрастія къ
«натуральной» школѣ и не повѣрите
намъ на слово, тѣмъ болѣе, что мы не
умѣемъ говорить тѣмъ внушающимъ
тономъ, въ которомъ такъ сильны пи-
сатели противоестественной школы?
Поэтому предлагаемъ вамъ факты:
изъ нихъ вы можете составить себѣ
довольно ясное понятіе о тѣхъ писа-
теляхъ, которыхъ нельзя назвать на-
туральными.

Вотъ, на-примѣръ, обращеніе къ
людямъ, которые сочувствуютъ ис-
кусству и умѣютъ цѣнить его, но вра-
щдаются не въ томъ кружку, который
не сочувствуетъ искусству и не умѣетъ
оцѣнить великихъ художниковъ:

«Два музыкальныхъ событія, два про-
щальные концерта Эрста и Берліоза не
разбудили Петербурга отъ общей весенней
дремы. Не смотря на прекрасную цѣль
перваго концерта, не смотря на заманчи-
вый выборъ піесъ втораго, театръ былъ
почти пустъ. Въ партерѣ можно было
считать слушателей. Въ первыхъ яру-
сахъ и считать было некогда. Слѣдова-
тельно у насъ любятъ искусство по вре-
менамъ года, по принятому обыкновенію,
по условіямъ моды, любятъ не искусство
однимъ словомъ, а модное, жарливое пре-
провожденіе времени. Мы давно въ этомъ
подозрѣвали нашихъ согражданъ, но вотъ
тутъ и доказательство на лицо или пра-
вильное отъ недостатка лицъ. Гдѣ жъ
любятъ у насъ прекрасное, подумали мы
и тяжело вздохнули, и вздохнувъ подняли
глаза къ небу. Представьте наше удивле-
ніе..... Тамъ на верху, на высотахъ басно-
словныхъ, подъ самой крышей, наизан-
мысл, напромождныя, сдоломныя въ тус-
тую массу кажутся радостно шестелныя
головы, рукоплещутъ бесцѣльныя ру-
ки. И всегда во время, къ попадѣ, съ той
необъяснимою догадливостію, которая оду-
шевляетъ народныя сборища. Такъ вотъ на
этотъ разъ наше высшее общество, и по
для простой игры словъ, а въ самомъ дѣ-
лѣ по дами почтенія къ великимъ талан-
тамъ, по внутреннему призыву. Не вы-
секое эстетическое наслажденіе (?...).

«Смирнов», знаясь карать меня, а вы же не смейте думала я. Мы на дядюшку вам? Должнаго уваженія. Мы думаем, что вам нужны площадные шутки, чем-то вые выли, заерсто въ виду искусства, и что нѣтъ въ васъ сочувствія къ настоящему искусству, которое всегда просто какъ истина. Съ радостію признаю свою ошибку. Съ гордостью благодаримъ (III) васъ за то, что вы оцѣнили великихъ художниковъ и проводили ихъ своимъ шумнымъ и лживымъ (?) сознательнымъ одобрениемъ.

«А теперь, ступайте на гулянье первого Мая, послушайте свои народные пѣсни, полюбуйтесь на народные экстазы и на сидящихъ въ нихъ, но не заидите чуждому богатству. Вы ходите въ раки, а вы въ дорожку ложку, но ваши впечатлѣнія неподдельны и неизмѣнены. Вы обладаете самъ того же званія (?), такими сокровищами, какъ и мы на какія деньги купить нельзя. Ступайте, добрые люди, къ своимъ невиннымъ удовольствіямъ, а мы пойдемъ вмѣсто васъ по-смотреть въ Дворянскомъ Собраніи, какъ большой сѣмь торжественно прощается съ зпной, мы подделушаемъ наскрадныхъ тайны, подкараулимъ свѣтскія тревоги, и ничего вамъ о томъ не скажемъ, чтобъ не попустили вашихъ чуждымъ радостей и благоденствіемъ сподобителю.

«Прощайте не покида. Живите сысоко и счастливо. Не забывайте васъ ляхомъ какъ поминаютъ васъ наши собратья. Спасибо вамъ, что во время нашей погони за современностью...» и пр. (Самкн. Вѣдомости № 98).

Такъ думаютъ писатели противоположной школы о себѣ и о людяхъ вообще. Что касается до частныхъ или вѣстныхъ личностей, то, не понимая современности, они, конечно, не могутъ любить ее и заводить о ней рѣчь неохотно, вскользь, въ облыетовахъ.

Что почувствовали бы вы, на-прим., еслибъ человѣкъ, говорящій съ пренебреженіемъ о чуждымъ удовольствіемъ и считающій себя выше многихъ Богъ-знаетъ почему, сказалъ: «вѣкъ баронесса Дюлванъ, не кто иной какъ— съ позволенія сказать— Жоржъ Зандъ?»... (такъ же).

«Завѣтъ» позволено вамъ оставить и кому вы съ позволенія школы, а вышнее послѣдней фразой... Сдѣайте, пожалуйста, не ужасайте это, съ позволенія сказать— сказано въ самомъ дѣлѣ съ вашего позволенія? Если вамъ случилось пробѣжать готъ газетный столъ, вы до какого-то чуждого выдвѣтаете эта фраза, то вы гдѣ же были, что сказала она это по волю шестія отомъ, что дочь баронесса Дюлванъ выводитъ замужъ за художника Клевингера... Мы не будемъ повторять словъ этого автора, потому что... пошнее, каковы тонитъ это было разсказомъ... Прощайте, осторожнѣе принири. У васъ, дѣржа отъ дѣлѣ вѣщныхъ невсестъ, а гдѣ писателю литературы, небранина, заведѣтѣмъ гениомъ или талантомъ джеда, которые вы глубоко уважаете... Прощайте же теперь, что мы выбуль, выбуль бы собрать свѣтала о частной жизни этихъ набраниныхъ личностей, доволствуемъ одной халачей молвой (а вокругъ кого изъ живущихъ дѣлѣтѣ и вѣтѣ молва!), не выкадъ дѣлѣ этой молвы, и потомъ— оставаясь разкомъ вашихъ идиологъ, небранно, принался бы порочить ихъ, сталъ бы говорить въ ролѣ того, что— воздъ стѣтѣ стыдно дѣло вѣтъ, а съ дѣтѣ— овно, — что бы вы сказали и дѣтѣ? Надо полагать, что ничего бы не сказали, а просто— повернулась бы дѣлѣ дѣлѣ... Потомъ, съ какими бы духомъ дѣлѣ вы, на примѣръ, додѣлѣ, дѣлѣ, въ которыхъ такъ и рѣдѣ, изъ сильной души энергическая любовь дѣлѣ:

«Mes enfants me font encore beaucoup de mal au milieu de tout le bonheur qu'ils me donnent: ce sont mes maîtres, les liens sacrés qui m'attachent à la vie, à une vie odieuse!»

«... Si je pouvais faire d'eux (de ses enfants) un homme et une femme selon la pensée de Dieu!

«... La fraîcheur de Solange (nom de sa fille) brave le hâle et le soleil. Sa chemise entr'ouverte laisse à nu sa forte poitrine, dont rien n'a peut tenir la

Ваншээр immaculé. Sa longue che-
 -vure blonde flotte en boucles légères
 et jusqu'à ses reins vigoureux et souples
 ne s'en ne fatigue, ni le pas sec et fer-
 -é des mules, ni la course au clocher sur
 es pentes rapides et glissantes, ni les
 radins de rochers qu'il faut escalader
 durant des heures entières. Toujours gra-
 -ve, intrépide, sa joue se colore d'orgueil
 et de dépit quand on cherche à aider sa
 marche. Robuste comme un cedre des
 montagnes et fraîche comme une fleur
 des vallées, elle semble deviner, quoiqu'
 elle ne sache pas encore le prix de l'in-
 telligence, que le doigt de Dieu l'a tou-
 -chée au front, et qu'elle est destinée à
 dominer un jour, par la force morale,
 ceux dont la force physique la protège
 maintenant...

(Lettres d'un voyageur, p. G. Sand).

Но дозволю! Теперь обратимся
 опять къ нашим школамъ.

О натуральной школѣ и говорить не-
 -чего. **Богъ** всѣхъ достается отъ послѣ-
 -дательн противоестественной школы
 обезоруженному послѣ выхода въ свѣтъ
 -Переписки съ Друзьями. Гоголю
 Какихъ противоестественныхъ про-
 -вищъ не дали ему глашатаи?.. Еслибъ
 для какой-нибудь цѣли понадобилось
 собрать все, что писано было въ на-
 -шихъ газетахъ о послѣднемъ сочи-
 -неніи Гоголя, то эта переписка вы-
 -шла бы толще. Выбранныхъ Мѣсть
 изъ Переписки съ Друзьями. И что
 сказала? На различные тоны, съ раз-
 -личными мнѣніями добродушія, бла-
 -горазумія, умѣренности, желанія об-
 -щаго блага, — всѣ восторжали одно и
 то же: **видите, видите, господа нату-**
-ралисты, самъ Гоголь отказывается
 отъ вѣсь, онъ самъ называетъ без-
 -полезнымъ то, что вы приняли за
 образецъ. Развѣ мы не то же гово-
 -рили? *Честъ и признательность ав-*
тору, который хотя и противъ воли
далъ ложковъ и прискорбное направленіе,
но за то нима первый подаетъ пред-
остережительный голосъ! Но, воздавая
 честь и признательность, не могли пе-
 -ресилить побужденія — воспользоваться
 слабостію противника. И въ то время,

нать натуральная школа, выжила раз-
 -глядя ненормальнаго проявленія Гого-
 -ля, уклонилась отъ разбора. Перепи-
 -ски съ Друзьями, — противоестествен-
 -ная школа разобрала ихъ, что назы-
 -вается, по нотичкѣ и легко доказала,
 что они наполнены противорѣчіями,
 что это сочиненіе не современное, от-
 -сталое. Такимъ-образомъ, оправдывая
 свои сужденія таковыми, по ихъ же при-
 -говору, несовершенными мыслями Го-
 -голя, писатели эти, сами не замѣчая
 того, обращаютъ этотъ приговоръ на
 свои головы...

Такое заключеніе можно вывести
 изъ всего сказаннаго въ нѣкоторыхъ
 газетахъ о послѣднемъ сочиненіи Го-
 -голя. Но въ *оцѣдленныхъ* статей или
объясненіяхъ, написанныхъ по случаю
 этого событія, не удавалось намъ
 ни разу извлечь что-либо положитель-
 -ное. Для наличнаго доказательства
 возьмемъ самую послѣднюю, слѣдова-
 -тельно, болѣе другихъ обдуманную,
 самую объемистую статью, написан-
 -ную съ чувствомъ собственного досто-
 -инства, тономъ безуморизменности и
 съ очевиднымъ желаніемъ общаго бла-
 -га. Сначала объясняется, какимъ обра-
 -зомъ произошелъ въ Гоголѣ *полезный*
переломъ. Или, нѣтъ, прежде всего пи-
 -сатели натуральной школы названы
 маркизами и мирин-елерами, и сравне-
 -ны съ городничихой въ Ревнорѣ.

«Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гого-
 -ля содѣлалось аль-фомъ и омегомъ всякаго
 литературнаго разужденія. Въ духовной
 нашотѣ своей много неуривзанные пла-
 -тели кормились зимъ именемъ какъ еди-
 -нымъ засушанымъ кѣбкомъ. Я очень пе-
 -нимаю, что наконецъ Гоголю должны бы-
 -ли опротѣвить и самое имя его и творе-
 -нія нитъ написанныя. Для умнаго чело-
 -вѣка, *сознающаго свое достоинство*, нѣтъ
 ничего тошнѣе и оскорбительнѣе позвать
 не въ ненадѣ и шукающей.»

«...Его хотѣли поставитъ главою какой-
 -то новой литературной школы, олицетво-
 -рять въ немъ какое-то черное литерату-
 -рное знамя (?). Такимъ-образомъ съ боль-
 -шихъ гледей на здоровую, складывали
 всѣ несообразности, презрительными
 нѣкоторыми журналами. На по душу и

ответственность обращали все грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не огладѣться? Какъ писателю честному не осмѣять головы своей пещомъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непривычными и непризнанными руками? Всѣ эти докторы (новое прозвище) и глашатаи, которые шли около него и и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, писно и озарили въ глазахъ его опасности и ложность избраннаго имъ пути.

Однимъ словомъ, еслибъ не согрѣшили глашатаи и докторы, то честный Гоголь не посыпалъ бы себѣ главы пещомъ, не написалъ бы «Выбранныхъ Мѣстъ» и навѣрное погибъ бы за грѣхи натуральной школы на своемъ опасномъ и ложномъ пути.

И знаете, почему былъ опасенъ прежній путь Гоголя? По слѣдующей будто-бы его односторонности:

«Онъ преслѣдуетъ (въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ), онъ за живое задираетъ не одиѣ наружныя и привычныя болячки: нѣтъ, онъ проникаетъ въ глубину, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію.»

Чѣмъ же лучше «Выбранныя Мѣста»?

«Строгое и стройное убранство ея (этой книги) успокаиваетъ зрѣніе и душу. Въ ней протрезвляются чувства и утихаютъ волненія, подыганы тревожными и раздражительными впечатлѣніями, которыя отовсюду осаждаютъ насъ. Она призываетъ къ такому размышленію, вѣснляетъ насъ, сосредоточиваетъ въ самихъ себя. Нѣтъ нея выходяшь съ духомъ умилевнымъ, съ сознательностію и съ чувствомъ любви и благодарности къ ея строителю и хозяину.»

«Послѣ всего сказаннаго здѣсь (продолжаетъ авторъ), если спросить меня: хочу ли, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежніе пути свои и шелъ исключительно по новому, который онъ продолжилъ послѣднею книгою своею? Скажу не задинаясь...»

Отгадайте: да или нѣтъ? Что скажетъ авторъ, такъ опорочившій направление «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» и полюбившій Гоголя за послѣднюю его книжку? Хорошо въ книжкѣ, или нѣтъ? — Слушайте же, авторъ говоритъ:

«Скажу не задинаясь: нѣтъ!»

Какое же бы заключеніе вывели изъ такого сочетанія идей?.. Можно допустить только два предположенія: или похвалы «Выбраннымъ Мѣстамъ» сказаны въ ироническомъ смыслѣ и, следовательно, порицаніи натуральной школы несправедливы и неумѣстны, — или, наконецъ, авторъ статьи вышелъ изъ «Выбранныхъ Мѣстъ» съ чувствомъ любви потому что любитъ вообще то, что не заслуживаетъ похвалы, и, следовательно, наоборотъ, не любить не только натуральную школу, но и вообще все, что не заслуживаетъ порицанія.

Впрочемъ, лучше всего, кажется, оставить эту статью безъ заключенія: она сама такъ ясно и громко говоритъ противъ себя, что сказать что-либо ея пользу было бы трудно.

Важнѣе всего то, что натуральная школа, получивъ столько прозваній и нареканій, не вызвала у своихъ противниковъ ни одного основательнаго, положительнаго возраженія. Всѣ нападки на нее ограничиваются упреками на темныя или неясныя выраженія, которыя, конечно, могутъ относиться только къ извѣстнымъ ея писателямъ и никакъ не касаются направленія цѣлой школы. Въ приведенной выше статьѣ въ первый разъ выраженію довольно-ясно, въ чемъ именно состоитъ, по мнѣнію противостественныхъ, опасность и ложность пути, избраннаго авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», именно: Гоголь въ этихъ сочиненіяхъ преслѣдуетъ, за живое задираетъ не одиѣ наружныя и привычныя болячки, но проникаетъ въ глубину, выворачиваетъ всю природу, всю душу, и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни

юдрости, ли упования, приводит къ безнадежной скорби, къ страшному сознанию.

Дѣйствительно, одностороннее направление! Ложное — потому что видятъ одно дурное; опасное — потому что ведутъ къ безнадежной скорби... По поводу таково ли направление натуральной школы? хорошо ли поняли «ненатуральные» критики внутренней и буквальный смысл «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»?

Какъ согласить этотъ упрекъ съ тѣмъ основнымъ, сколько мы замѣтили, положеніемъ натуральной школы, по которому она признаетъ изящнымъ только то, что возбуждаетъ симпатію, и по которому отказываетъ въ достоинствѣ писателю, если онъ берется за предметъ безъ живаго къ нему сочувствія? Намъ кажется, напротивъ: если дѣло станеть за упрекомъ, то гораздо справедливѣе упрекнуть натуральную школу, или слабѣйшихъ ея учениковъ, въ извѣстномъ, какъ-бы по заказу, стремленіи найти прекрасное даже и тамъ, гдѣ его не можетъ быть. Такой упрекъ объясняетъ по-крайней-мѣрѣ, почему мелкія современныя личности, которые не подъ-силу понять и сочувствовать прекрасному въ самой очищенной сферѣ, пускаются за нимъ по грязи и по болотамъ, и иногда дѣйствительно выходятъ не совсѣмъ чисты и не совсѣмъ сухи. Повторяемъ: такой упрекъ объясняетъ направление плохихъ писателей, немѣющихся самихъ основныхъ современныхъ понятій объ изящномъ, и, следовательно, никакъ не относится къ натуральной школѣ, которая если въ чемъ и ошибается, то не заслуживаетъ никакого упрека уже потому, что, какъ представительница современности, исполняетъ свое дѣло добросовѣстно: не отрицаетъ современности и, руководствуясь принципомъ сочувствія, объясняетъ преслѣдованію противниковъ весьма-хладнокровно по законамъ человѣческой природы, которая всегда

неохотно разстается даже съ закоренѣлыми предвзвѣдками.

Но оставимъ натуральную школу. Защищать ее почти такъ же несправедливо, какъ и порицать, потому что она еще такъ мало сдѣлала, такъ неопредѣлена въ своихъ проявленіяхъ. Задача ея — идти впередъ и развиваться, не теряя времени, не поджидая отсталыхъ или слабыхъ ногамъ.

Другое дѣло — Гоголь, остановившійся на своемъ пути по какой-нибудь, можетъ-быть, и уважительной причинѣ. За похвалу ему грозитъ развѣ прозвище *диктора*, или другое какое; а защищать его еще безопаснѣе и легче всего на свѣтѣ, особенно отъ такихъ литературныхъ нападокъ, какимъ подвергался онъ до-сихъ-поръ. Стоить повторить его же слова: «И мы сдѣлаемъ это для опроверженія приведеннаго выше обвиненія въ *холодности* его анализа, который приводитъ будто-бы къ безнадежной скорби».

Читайте и судите, хорошо ли поняла его «ненатуральная» критика.

Вотъ что говорится, на-примѣръ, на 462 стр. (второго изданія) «Мертвыхъ Душъ»:

«... Но не то тяжело, что будутъ не довольны героемъ: тяжело то, что живетъ въ душѣ неострашимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были довольны читатели. Не взгляни авторъ поглядѣе ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не вѣдрать чловѣкъ, а покажи его такймъ, какимъ онъ показанъ всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были бы радышеньки и приняли бы его за интереснаго чловѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой перелѣ глазами: за то, не окончавши чтенія, душа не встревожена ни чѣмъ, и можно обратиться снова къ карточному столу, тѣшашему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть наруженную чловѣческую бѣдность. Развѣ чѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ

того случается намъ часто влѣтъ то, что вовсе неутѣшительно. Думайте же, друзья, ставляйте намъ прекрасное, увлекающее. Пусть лучше позабудемъ мы! Эдакий ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ провинціи идутъ скверно? говорить помѣшникъ прикащику: «я, братъ, это знаю само собой, да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ, другикъ, что ли? Ты дай мнѣ по-забыть, это, такъ знавъ этого, я тогда скажу». И дѣла тѣ дѣла, которые бы поправили складку забудь дѣла, идутъ на разные средства для привлеченія себя въ забвѣніе. Спитъ, умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ ильные бухъ съ аукциона и пошелъ помѣшникъ забываться по міру съ душою, отъ крайности готовою на ижесть, которая бы самъ ужаснулся прежде.

И посмотрите, какъ буквально сбываются слова Гоголя, какъ вѣрно предсказалъ онъ судьбу живописца, державшаго выдирать наружу все, что еженощно предъ очами и чего не вѣрять разрозненнымъ оча, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, но вседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля, воля честь горькая и скучная дорога, и аршиною силою неумолимаго рѣзца державшаго выставить ихъ вышукло и ярно на всенародныя очи.

... Ему не лѣзъкать, наконецъ, отъ современнаго суда, лихорадочно-бесчувственнаго современнаго суда, который наводитъ ничтожными и ничиний нѣмъ дѣйствыя сужденія, отвѣдетъ ему презрительный уголокъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, предастъ ему мачета мнѣ же изображенныхъ героевъ, откинетъ отъ него и сердца, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современныи судъ, что равно чудны стекла, оспрашивающія солны и перелазящія дѣшею невинныхъ настоящихъ; ибо не признаетъ современныи судъ, что много нужно глубины думанья, дабы оарить картинку, развѣду, и въ пресрѣ-

ной жизни, и радости, ее въ нѣсколькихъ совданіи.

И долго еще опредѣлено продолжать Гоголь: чудной тини нати объ-руку съ мовия стравами героини, озирать всю громаду, которую жизнь, озираетъ ее, странной міру смѣхъ и неграция, мѣла мила ему слезы!

И такое направленіе опорожняетъ...

Можетъ-быть, мы навели на васъ читатели, грусть, разбуря эти толки, эту тину мелочей... Останьтесь же и перейдемъ къ другому, болѣе пріятному: у насъ есть новости по части нашего, и первая изъ этихъ новостей сильно касается Гоголя.

— Вышли въ свѣтъ еще три альбюска рисунковъ къ Мертвымъ Душамъ (XVI, XVII, XVIII) и мы не можемъ не воспользоваться случаемъ сказать нѣсколько словъ и о герояхъ поэмы Гоголя, и о томъ, какъ нарисованы ихъ г. Агнѣвъ. Что дѣлать, Мертвые Души — это ужъ такой чувствительный предметъ! О нихъ никогда не будетъ довольно сказано; всегда останется многому въ нихъ учиться... Прежде всѣхъ, по нашему мнѣнію, долженъ съ этимъ согласиться художникъ, который узналъ на опытъ, каково рисовать со словъ Гоголя. Сложность и глубина характера Чичикова, какъ неважно-лучше доказывается тѣмъ, что долго г. Агнѣвъ не ладилъ съ фантономъ Пала Ивановича, долго чертилъ съестъ на Чичикова, а много человека, тоже действительно-существующаго, достойнаго изученія, но принимающаго къ другому тину, и только въ послѣднихъ выпускахъ схватилъ неудовольствие черты человека, который, куда да поворотитъ былъ очень порядочный человекъ, изобразилъ намъ сколько-нибудь удовлетворительно дорогого Пала Ивановича. Ясно, художникъ мѣла не позналъ, что такое Чичиковъ... После этого, нужно ли доказывать, что талантъ г. Бернадскаго не потеряло, а выиграло отъ того, что фантомъ

и чуждым не выставляла въ послѣднихъ выпускахъ?.. Такое противорѣчiе бы-ло бы признанъ недостаткомъ, еслибы сто рисунковъ не были *омыты*, *подчищены* живописнаго воспроизведе-иа имени Гоголя, первая благородная опытка русскихъ художниковъ изобразить намъ тишу • Мертвыхъ Душъ • ювсей красъ безъ всякаго украшения, илибъ эти его рисунковъ не доказыва-ли ясно, какъ дважды два четыре, что еще ста, двухъ сотъ рисунковъ къ Мертвымъ Душамъ • недостаточно для того, чтобы исчерпать несметное бо-гатство художественныхъ тамъ, за-люченныхъ въ этой поэмі. Весело ви-дѣть по этимъ рисункамъ, какъ идетъ передъ пониманіемъ Гоголя; весело ви-дѣть, какъ совершенствуется человекъ гъ чтеніа мудраго произведеиія поэ-ты; весело, наконецъ, думать, что ху-дожникъ, настроенный Гоголемъ, усво-иъ мало-по-малу приеиъ его въ своихъ рисункахъ; и что въ нихъ, со време-немъ, тоже будетъ много силы, много значенія, глубокаго смысла въ каждой аленікой черточкѣ! • Мертвыа Ду-ши • — это школа, столь же благотвори-ая для художника мыслящаго, какъ классическій курсъ рисованія съ ан-имомъ и натурщиковъ, который онъ ысидѣлъ на скамьяхъ академіи. Тамъ свойа онъ твердость карандаша, вѣр-ность глаза, изучилъ анатомію чело-веческаго тѣла, — тутъ научится онъ изображать игру страстей подъ мато-рю оболочкою, мысль чуть-чуть про-ивающуюся сквозь неподвижную ко-у одеревявшаго лица, — тутъ узна-иъ онъ красоту дѣйствительности, сконжанную, историческую, потер-гую, отъивающуюся потомъ, кровью, илитуу слезами и грязью, подчасъ ираженную порокомъ, — но все-таки расоту... которую позналъ Гоголь, акъ никто ее не умѣлъ понимать до его. Еще разъ, весело думать, что усский живописецъ избралъ себѣ учи-елеиъ величайшаго живописца, авто-а • Мертвыхъ Душъ!

Вотъ основніе того сочувствія, ко-рое несомненно пробуждается въ насъ

опытъ гг. Бервардскаго и Агива; вотъ почему такъ интересуемся мы каждой улачной чертой, каждой ошибкой на-ихъ рисункахъ: избранная ими задача прекрасна; на выполнение ея они мала-жили много силъ, много старанія, и нѣтъ причины сомнѣваться, что этотъ первый опытъ докажетъ художникамъ, лучше всѣхъ на свѣтѣ журнальныхъ отзыовъ, важность рисунковъ, про-ивнутыхъ мыслью Гоголя, — дока-жетъ, что набранный ими роль живо-писи стоитъ выше всѣхъ возможныхъ литографіей высоко-лирическаго мнобо-лачнаго содержанія, которыхъ досужестъ, въ образѣ падшаго чала иску-ства, въ потертомъ щегольскомъ шар-дѣ, развонитъ на везощихъ по домамъ знатныхъ баръ, — важнѣе семенныхъ изображеній гоморическихкихъ подви-говъ съ дыномъ, огнемъ, съ коня-ми и колесницами... изображеній, на которыхъ опытный глазъ знатока и цѣнителя любитъ останавливать непра-вильную окантовку колесницы, несоглас-ную съ установленной нормой сѣбочку перелива или тому подобное... Опытъ докажетъ ииъ, что вѣншисъ въ «Мерт-выа Души», они опредѣлили свою роль въ мірѣ нашихъ художниковъ, что роль ихъ почетна и равно или полезна бу-детъ признана и уважена, — и жаль, очень-жаль, если они остановятся на первомъ опытѣ!.. Жаль, если послѣ та-кого труднаго подвига выдутъ они въ печальную рутину и вѣрнутся за раз-рисовываніемъ шестрыхъ анекдотовъ, какихъ-нибудь шарадъ, заглавныхъ буквъ, еротовисисовъ изъ дѣтскихъ аль-манаховъ, или хоть-бы и каррикатуры, холодныхъ каррикатуръ, на которыхъ такъ больно смотрѣть послѣ полныхъ силы гоголевскихъ образовъ!..

Что же вселило въ насъ такое безо-койство и участіе въ изданію, о кото-ромъ не разъ уже говорено было въ нашемъ журналѣ, — изданію, котораго вышло въ свѣтъ уже двѣ трети и кото-рое, постоиу, въ настоящую минуту, не мечта?.. Отъ чего стало насъ раз-думье и затоскованіе-иы съ самаго на-чала о значеніи рисунковъ къ • Мерт-

жить Душамъ, а не о самыхъ рисункахъ? Потому что послѣдние три выпуска такъ хороши, судя по нимъ можно ожидать такъ много от парандша г. Агина, что какъ-то весело думать обо будущей художественной деятельности, какъ-то не хочется допустить въ немъ возможности легкомысленнаго уклоненія отъ строгаго, полезнаго труда...

Перейдемъ же къ самымъ рисункамъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ: какъ объяснить себѣ, что съ самаго начала изданія я до сихъ поръ, встрѣчаешь на рисункахъ два образа Чичикова, совершенно различные, изъ которыхъ одинъ болѣе, чѣмъ удовлетворителенъ, а другой совсѣмъ не похожъ на Чичикова, во многомъ противорѣчитъ идѣй Гоголя? Въ первыхъ десяти выпускахъ сидитъ и ялется, а потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже Чичиковъ изображенъ олуговатымъ толстякомъ, который такъ и лѣзетъ изъ фрака, неуклюжимъ и безобразнымъ... Начиная со сценъ у Собакевича, физиономія его становится думаетъ в благообразнѣе, формы всего тѣла обточены и сбалансированы, а на послѣднихъ рисункахъ вполне переданы слова Гоголя: «Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходилъ въ тѣ круглыя и пріятныя формы, въ коихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства» (Мертвые Души стр. 447), а это было въ періодѣ подвига Чичикова въ какой-то строгательной комиссіи и было ему тогда не болѣе, какъ лѣтъ подл тридцать... Въ этихъ формахъ, плотныхъ, но не распылавшихся, предстаетъ Чичиковъ въ юности (хотя и постарѣе годами пятнадцатью), — такимъ почти изображалъ его г. Агинъ въ послѣднихъ выпускахъ... Но отъ чего, порою, опять прорывается безобразная, толстая фигура, совсѣмъ несогласная съ пріятными характеристиками Чичикова? Отъ чего подчасъ придаетъ ему художникъ жесты человѣка раздраженнаго, приходящаго въ азартъ, — ему, Чичикову, про котораго и губернаторъ и всѣ чичиковники города отозва-

лись, — что сверхъ паруклости, которая сама по себѣ была благонамбрена, — въ разговорахъ его ничего не было такого, что бы показывало человека съ буйными поступками» (стр. 380, также см. стр. 23 и 371). — Чичикову, который во всю жизнь свою только два раза заболелъ: разъ, когда послуживъ на свету по таможи, какому-то старшаго совѣтника, назвалъ «подомочень» (см. стр. 452), да и то, — можетъ быть, нѣсколько выпивши, — а другой разъ, когда ошеломленный добывавшимъ чувствомъ любви, въ нѣмкомъ восторгѣ, какъ кошка, нялъ гусаръ, засмотрѣлся на губернаторскую дочку (стр. 316—322), в пазъ, совершающаго пазъ подл влияніемъ этого великаго чувства... Какъ дивный, глубокий, психологическій фактъ!.. Неудобно задуматься...

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, объяснить подобный промахъ? Какъ простить такую ошибку художнику талантливому и вучившему Гоголя? А между тѣмъ, причина этой ошибки совершенно понятна. Художникъ, рисуя Чичикова, платилъ иногда дань лиризму, чертилъ фигуру согласно съ собственнымъ настроеніемъ духа, или, по крайней мѣрѣ, не принимая въ расчетъ безчисленныхъ условій характера Чичикова, характера сложнаго. Такъ, на арширѣ, страхъ Чичикова, въ мизанту, когда онъ готовился отвѣдать чертескаго чубуна Подрава (стр. 160), довольно вѣрно выражаетъ страхъ чужька совершенно-ничтожнаго, можетъ быть и туповатаго, котораго страдуютъ или собираются быть, — одними изъ тѣхъ людей, которыхъ в дѣйствительности быть... Такихъ, конечно, художнику чаще случалось видѣть... а поэтому и нарисовать ихъ было не трудно. Но Чичиковъ... это человекъ иной натуры, а вся продолка съ Подрава — исключительное исключеніе въ его жизни: кошивъ его положенія въ трагическую минуту прѣва капитана исправленъ, требовалъ болѣе пристальнаго изученія, долженъ былъ выразиться въ болѣе-тонкихъ чертахъ... Положеніе унаго чужька, котораго вотъ-вотъ

повелевать и еще Богъ знает кто. Ношпръвъ, Перъврйи, Шамушка... Боже мой! Да это снова чрезвычайно-слезная! А на рисункѣ, въ лицѣ Чичикова написано только выраженіе глупаго неуга, какъ-будто находчивый, невротлиный унъ героя не работалъ въ минуту кризиса, какъ-будто тревожныя мысли не бѣжали по лицу его, и не оглядывался онъ, какъ смышленый вунной вѣтрюкъ, насчиткутый собегань!..

Въ XVII вынустѣ (рис. № 67) встрѣчаемъ новое доказательство въ подтвержденіе нашей мысли. Рисункомъ изображаетъ Чичикова въ минуту олимпикаго размысленія о суестьи мира, о нежности базовъ и великяхъ свѣдѣнъ, парядокъ, шегольства и тинность. Тамъ, въ этой комнатаѣ, такъ давно знакомой читателю, съ дзерью, востагленной комодомъ и выглядывавшимъ иногда изъ угловъ тараканамъ, желѣженіе мыслей и духа его было также неспокойно, какъ тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. *Непріятно, смутно было у него на сердце, какаа-то тлѣющая пустота оставалась тамъ* (стр. 380).

И по этой превосходной програмитѣ, что сдѣлалъ художникъ? Изобразилъ какого-то ожесточеннаго «кулака», въ минуту совершеннаго отчаянія, — челоука протравшагоса въ пухъ въ карты или притвореннаго въ наказанію, готоваго проинвестъ «чортъ возьми все!» пропадай дупа» и тому подобныя, навѣстныя и употребительныя въ подобныхъ случаяхъ выраженія... Какія жестокия, грубыя черты! Какой нестойчивый всегда приличному и идѣлющему собоу Чичикову жестъ!.. Мы предсказали художнику, что эта сцена не доступна политическому (*), что нѣтъ возможности на рисунокъ, вырѣзанной на деревѣ, какъ бы ни былъ онъ чисто сдѣланъ, изобразить Чичи-

кова въ ту минуту, когда внутренняя драма, пробужденная двусмысленной смехомъ на губернагорскомъ балѣ, отражалась на лицѣ его и только по-временамъ обнаруживалась безиркойныхъ, но все-таки сдержанныхъ движеніяхъ всего тѣла. Другое дѣло, еслибъ досада его на балы и шарды была искривлена: но, непріятно, смутно было у него на сердце, какаа-то тлѣющая пустота оставалась тамъ. А это происходило отъ чего? Отъ того, что «суда видѣшалагъ другая причина негодованія. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался прелъ всѣмъ Богъ-знаетъ въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную роль, дуу-слизаликую роль... Это тамъ болле было ему досадо, что разобраши дѣло лело, онъ сидѣлъ, какъ причиною этого были отчастыя ома» (стр. 332—3). Такое сложное чувство трудно передать и на полотнѣ... Притомъ возможно ли, чтобъ и всякій челоука, кто бы онъ ни былъ, если только у него смутно на сердцѣ, если онъ оборвался, остривался при добрыхъ людяхъ, возможно ли, чтобъ онъ обнаружилъ свое чувство рѣшимъ жестомъ, всплеснулъ руками или сдѣлалъ что нибудь подобное? Нѣтъ, это несогласно съ природою челоука: много, много, если въ подобную минуту стиснешь зубы, закусишь нижнюю губу, но размахивать руками рѣшительно не станешь. Особенно несвойственно было сдѣлать это Чичикову, который лучше, чѣмъ кто-нибудь владелъ собоу, и душа котораго въ эту минуту была переполнена самымъ тонительнымъ чувствомъ: «его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и на счетъ которыхъ отзывался рѣвно...» (стр. 332). Этого раздалъ челоука съ самимъ-собоу не легко прочесть на лицѣ самаго выразительному; не прабереши словъ, чтобъ его выразить: какой же жестъ передать то, чего нѣтъ силъ выказывать! Конечно, есть люди, которые отъ всякой неудачи и остычки въ жизни не прочь рас-

(*) См. «Отеч. Зап.», томъ I, отд. VI «Библиографическая Хроника», стр. 76.

авендотейтъ... хотѣ бы о философа Дюгея. А сидитъ-то, Воже мой, какъ сидитъ-то оны! Сколько смущенія выражаетъ вся его поза! Какъ трудно ему завязать разговоръ и «получить форте!» (стр. 322). Художникъ, кажется, хотѣлъ придать еще болѣе чувства лицу Чичикова на рис. № 63, когда губернаторша подводитъ къ нему институтку: но... рѣзецъ ли имѣлъ граверу, переносившему рисунокъ на дерево, или иначе какъ случилось, только лицо Чичикова получило какое то плаксивое выраженіе. Выпрямите на четверть линіи углабъ носа, смягчите выраженіе лица, — и рисунокъ былъ бы превосходенъ, тѣмъ болѣе, что поза Чичикова вполне выражаетъ смущеніе, въ которое привело его малое личико институтки.

Еще лучше вышелъ Чичиковъ на рисункахъ номеровъ 62 и 64, гдѣ оны изображенъ разговаривающимъ съ дамами. Умное, сметливое лицо его дышетъ особенныиъ доволяствомъ; въ немъ замѣтна даже маленькая претензія на ловкость и молодость: это тотъ самый Чичиковъ, который въ этотъ день чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновенію своему, вскользко на бокъ, но совершенно-свободно, такъ, что очаровала всѣхъ (стр. 309) ...непринужденно и ловко развѣивался съ избаторыни изъ данъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробныиъ, мелкыиъ шагомъ, или, какъ говорятъ, семеняиъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щоголи на высокихъ набукахъ, называемые мышиными жеребчичками, забѣгающіе вѣсьма проворно около дамъ. Посеменяиъ съ доволно-ловкими поворотами направо и налево, оны подшаркивалъ тутъ же ножкой въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе зайчонъ (стр. 314). На этихъ рисункахъ Чичикову придана та непринужденность въ движеніяхъ, которую оны дѣйствительно могъ себѣ позволить съ дамами города N., но которой никогда не обнаружилъ

бы оны передъ женщиной иной категории, женщиной въ помощь смысла слова. Непривычный къ обществу дамъ (что и согласно съ его трудолюбиво-преисполненной пресрѣтливостей кельею), но жеманлибавый Чичиковъ инстинктивно понималъ безконечное разстояніе между художественной бледнкой и дамами, отъ которыхъ весть-весной и фалками: посмотрите, въ какыиъ апломонъ, съ какыиъ чувствителъ собственнаго достоинства-стоитъ оны слегка склонивъ голову и выложивъ навадъ, передъ дамой въ чудовищнотонъ (рис. 62); какъ хорошо вышло художникъ выраженіе лица Чичикова: выраженіе, которое оны получила передъ зеркаломъ: собираетъ на балъ выраженіе почтительное, но съ инертною улыбкою (стр. 306)! Въ другомъ мѣстѣ (рис. № 64), когда дамы потригуютъ его и расширяютъ о томъ, кто погрузилъ его въ смрадъ долную задумчивости, на лицъ оны легко разглядѣть маленькое затрудненіе, какъ отвѣчать на эту глупость. Онъ добавокъ, облеченную въ танцовочную форму, и въ то же время, полное сознание своей самостоятельности и поношеній къ пріятному обществу. Замѣтно, что хотя Чичиковъ и не уронить себя въ обществѣ дамъ, но остается на языкъ своихъ болѣе вѣрблѣ опытности и искусства въ обращеніи съ мужскимъ поломъ, спорѣ находится въ разговорѣ о таможенныхъ достопримѣчакъ, о выдѣлѣхъ горячаго вина и о добродѣтели (стр. 22 и 23). Нежели отвѣтитъ на запросъ объ томъ, гдѣ порхаетъ мысль его, и въ этотъ случаѣ способенъ сказать такое: «я бы никакъ не сказалъ ни Гренинъ, ни Звонскій, ни Лидинъ, ни всѣе двѣ вѣе военные люди» (стр. 316). Художникъ съумѣлъ чрезвычайно удачно огласить природную споровку Чичикова съ отсутствіемъ настоящей сѣтливости-салонной ловкости, которыхъ не могъ усвоить себѣ человекъ, съ молодомъ копшииъ въ черной кожѣ, учившійся въ уѣздномъ училищѣ, а потому долго служившійся (до мѣста помычавшаго

«спавший на столах», дежуримый по почтамъ въ полатяхъ, «обладавший полчасью съ сторожками» (стр. 336) и «кавъ на кривенькой душой», одлавожь похулянный и даже повелеванный во время такия неволя» (стр. 447).

Также хорошо передано на рисункѣ существо Чичикова при встрѣчѣ съ Подрезнымъ на балѣ у губернатора (рис. № 66). Сколько впечатлѣнн, благообразн, мало того, сколько условнаго благородства въ этомъ скандально-манномъ лицѣ героя, «пострадавнаго много на службѣ» (стр. 14)! Какой контрастъ съ разгульной, пышной фигурой развѣтвлаго Подреза! Какъ удачно схваченъ художникомъ первый моментъ замигательства Чичикова, когда, ослепленный привѣтствіемъ «херсонскій пощичикъ! много ли вы торговали мертвыхъ?», произнесеннымъ «во всю глотку», онъ остановился на полусловѣ... и не разрѣшилъ губернатору вопроса: «постоянна ли женская любовь?...» Какъ вытянулся Чичиковъ, какъ вытянулись штрипки его панталона!.. Застыгнутый въ располхъ, онъ кажется какъ-будто помоложе... особенно подлѣ пожилаго и до крайности добродушнаго лица губернатора, который ввѣлъ шепотку табана, да такъ и обмѣлѣлъ въ этомъ положеніи, спонсумешный не менѣе любезнаго ему Павла Ивановича, отъ такого неожиданнаго пассажира... Куда дѣвался самоуверенность Чичикова! какъ много выступило наружу человѣчнаго—у него, вѣчно-закрытаго и непонятнаго! Страхъ, огорченіе, наконецъ то чувство, которое Гоголь сравнилъ съ опущеніемъ, тогда «прекрасно вычищенныиъ самогемъ вступилъ вдругъ въ грязную лужу», — все это можно прочесть на лицѣ его.

Г. Агннъ дошелъ до убѣжденія, что, рисуя Чичикова, онъ имѣетъ дѣло съ личностью вовсе-незабавною, но сложною... Теперь мы можемъ надѣяться, что художникъ вѣрно изобразитъ дѣтство Чичикова, его молодость и пере-

ходъ въ востужалости, предлежать намъ разъ порртретомъ, по которому легко будетъ понять, какъ миленькій, заугаанный мальчикъ. Дѣлаша сажа-ласа милонидывать пошылчиномъ, какъ онъ похорошилъ и попошилъ, саужа въ какой-то строительной комиссіи, какъ опять полуривалъ и смалъ съ тѣля отъ разныхъ невзгодъ и переборонъ, и наконецъ сталъ благодарумный коллѣжскій совѣтникъ и таможенникъ чиновникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ.

Самъ Гоголь чувствовалъ, что разрѣшеніе вопроса о томъ, что такое Чичиковъ, требовало полной исторіи его развитія. Посмотрите, какъ заботливо ищиваешь онъ очерчивать его характеръ въ концѣ поэмы! Какъ допытываться станется читателю походомъ Чичикова, когда ознакомился онъ съ его дѣтствомъ, воспитаніемъ и первыми опытами на служебномъ періодѣ! Какъ слагается мало-по-малу въ воображеніи читателя образъ героя, замечательный мыслью, полный силы и въ то же время наводящій тяжелое раздумье!

Мы ожидаемъ отъ художника портрета, который бы выполнялъ всѣ требованія отчетливой гравюры, на которой бы были строго (minutieusement) переданы тонкія черты лица Чичикова, всѣ мелочныя мыслы, постоянно одушевлявшей его, наконецъ выраженіе могучей, темной страсти, работающей въ глубинѣ души его. Этотъ портретъ долженъ соотвѣтствовать тому иѣсту въ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ Гоголь, окончивъ біографію Чичикова, въ заключеніе говоритъ: «И какъ «отъ себя на лицо герой лани, какодо «онъ семъ» (стр. 460). Безъ этого портрета мыслъ малоостровать «Жертвы Душъ» останеть невыполненной, и тогда уже никакимъ образомъ нельзя будетъ объяснить, отъ-чего художники, приступая къ изданію «Ста Рисунковъ» избрали самую трудную задачу: представлять портреты главныхъ дѣствующихъ лицъ поэмы и всѣ сцены, сопро-

возвращая популу Чичиковыхъ душъ
• на-отъ мира сего • (стр. 94). (*)

Рисунки номеровъ 45 и 25, изображающіе Плюшкина и Нодрена, показываютъ, что художники были нечужды мысли—понимали въ своемъ изданіи и сколько портретовъ, особенно тщательные сабланныхъ, но, какъ ни хороши эти рисунки, а все-таки подобный портретъ Чичикова былъ бы неудовлетворителенъ. Для притира мы уважемъ художника на иллюстрированное изданіе *Mystères de Paris* (gr. in 8°). Тамъ помѣщено болѣе шестисотъ политипажныхъ рисунковъ на страницахъ текста, но кромѣ того приложены на отдѣльныхъ листахъ портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ *Fleur de Marie, Rigolette, Chourineur* и др. въ разныя эпохи разсказываемаго событія.

Всѣ рисунки, на которыхъ до-сихъ-поръ былъ изображенъ болѣе или мѣдѣе удачно Чичиковъ, только служатъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы имѣемъ право ожидать отъ настоящаго его портрета. Не вѣтъ болшинство публики будетъ судить о достоинствѣ всего изданія.

Подобный портретъ Чичикова определить имѣетъ характеръ изданія г. Бернердсаго (какъ галереи портретовъ въ *Мертвыи Душамъ*), и въ такомъ случаѣ художники окажутъ прямую услугу читающимъ людямъ, не говоря уже о томъ, какъ порадуютъ обитѣхъ, въ развитіи которыхъ много значили *Мертвыи Души*.

Въ изображеніи цѣлыхъ спазъ замѣтеть тоже успѣхъ. Г. Агнъ очень удачно компоуетъ большія группы: польза академическаго курса видимо отозвалась въ этихъ рисункахъ: художникъ никогда не затрудняется разставить фигуры; нигдѣ не найдете вы у него ошибки противъ перспективы, или, что еще хуже, противъ анатоміи, кото-

рыя такъ часто можно найти и у знаменитыхъ рисовальщиковъ. Свертлого, спонни, изображенныи въ послѣднихъ целусятъ, пророслыми нмн-те строгательности и драматизм; и-сагуры, некоея, сейчасъ оесочати-своиъ ибегъ и повосутся на прозглю въ галонадѣ, бойко шаркнувъ нмн или славить другъ друга въ ижнни объятияхъ. Для притира прамелл-сцену *галоната*. Въ первой парѣ несс-са, кажется, Французъ Бузу или, в-крайней-мѣрѣ, то лицо, о которомъ Чичиковъ отзывался такнцъ образомъ: «взрослый, совершеннолѣтній мужъ, выскочить весь въ черномъ, обш-паный обтавутый, какъ чертикъ, и давай итснть ногами» (стр. 331); дамы во второй парѣ съ такой товности онустила голову на бокъ, что дѣйстви-тельно слышится что-то деевное (стр. 319); наконецъ самъ Чичиковъ котораго по самому носу дернулъ цѣ-лый рядъ локтей, рукавозъ, кощол-лентъ, душастыхъ шенизетокъ (стр. 311), поставленъ очень хорошо: види-что онъ неможно попятнлся изъ стѣнъ и только-что произнесъ въ полголосъ: *«Вона! пошла нисать губерналъ»*. Выр-женіе лица его — степенное — съ крат-сью едва-пронемалкушмой протн...

Также хороши сцены: споръ въ гр-се, рекомендація губернаторской доч-ки, разговоръ Чичикова съ дамами свидѣлѣнная встрѣча Нодрена съ Чичиковымъ на балѣ, разговоръ прокурора съ дамами (рис. 71) и многія другія. Но едва ли не лучше всего изображенъ *приездъ Коробочки въ протополн* (р. 68). Лицо протополни рѣшительно клас-сическое. Художникъ имѣетъ снзатлъ черты доброй старушки, давая, ве-угоминой въ носѣ съ дурака, перос-тани и всѣмъ домашнимъ класкн, въ свое время, какъ слѣдуетъ прижавши съ дюжину дѣтокъ, которые пошла кто въ палату нискомъ, кто въ сеннаарн-кто занужъ за молодого діакона, а ос-новательно доживающей долгнй стл-съ своимъ Филемономъ... Тутъ Коробочка, «малый въ неструннѣ», итачн-верья и нестрадальны итѣочни съ пол-

(*) См. Озеч. Записки, томъ I, отд. VI, Библіограф. Хрещикъ, стр. 82 — 3. Также, томъ II, отд. VIII, стр. 87.

тридцати, пироги, кокурки, овородки и пиджачники... тамъ. Боравке, национальный коньякъ, египетская оксидация, Москва и Вазарлоо, портреть милого, дайте... Остальное дознаете сами!

То же самое можно сказать и о дѣвѣ-протопоини, которая босикомъ, въ одной рубашкѣ, стоитъ съ огаркомъ на лѣстницѣ. Фигура ея пророкозна. Видно, что дѣвушка не изменилась; видно, какъ ей холодно, напряженно смотритъ она на нежданную гостью, и грѣть ножку пожкою. Мало того: сколько шги выражаетъ это здоровое, незнакомое съ мыслью существо, какъ просвѣчиваетъ сквозь холстъ крѣпкое тѣлосложение! Хотя объ ней не упоминается въ «Мертвыхъ Душахъ», но это лицо прямо гоголевское. Наконецъ, нельзя не упомянуть и о лицѣ «лакейского происхожденія, въ курткѣ мад. домашней шеструшки, съ небритой бородой, *подернутой легкой просядью*, лицѣ извѣстномъ «полъ имениемъ милое». Этотъ служитель Короочки помещенъ на второмъ планѣ картины; но какъ ясно, что онъ дѣйствительно былъ «стащенъ за ноги» съ дивана, «пбо спалъ мертвецки!» и живописно запустилъ онъ лѣвую руку на казуху, потягивается и зѣвать! Хорошъ также костюмъ Короочки: ее капоръ, нахлобученный на задъ, капотъ, на-крестъ опоясанный латкомъ и необходимый шпечекъ въ лезарушечанин рублями, а можетъ быть и двула носовыми платками, очкары, серебряной съ чернью табакерки, гадальными картами, вязальными спицами и вежною дрянью.

Нѣтъ заключеніе скажемъ нѣсколько оцѣ о цѣтѣ губернской аристокраціи, о губернаторшѣ, ея дочкѣ и вообще о дамахъ города П.

Губернаторшу встрѣчаемъ мы на ехѣ рисункахъ: во-первыхъ, когда она подводитъ къ Чичикову дочку; потомъ, когда Чичиковъ рассказываетъ Стутуткѣ «разныя исторіи» и на г. III. — Од. VIII.

конецъ, когда она сервизируетъ бѣдную блондинку за распущенную дамскую шляпкою объ интригѣ Чичикова... Многие находили, что лицо пророкозительной мачехи «слабковъ-мбство»; мы готовы согласиться съ этимъ въ отношеніи рисунка № 72. Тутъ дѣйствительно придало ей выраженіе мужского лица, но на рисункѣ № 63 какъ-незья-лучше выражены и материнская нѣжность и какой то отгѣнокъ достоинства и приличія, прямое слѣдствіе аристократическаго происхожденія. Никто не поручится за умъ этой губернаторши: въ лицѣ ея легче разглядѣть ограниченность, — а между-тѣмъ посмотрите, какое безконечное разстояніе между ею и сувругами губернскихъ чиновниковъ!

Лицо губернаторской дочки, если можно позволить это выраженіе, *рисовано по диктовкѣ*, со словъ Гоголя, но въ то же время въ рисункѣ замѣтно отсутствіе творчества. Такъ, на-прим., живописецъ причисля смпреницу à la chinoise... Оно бы такъ, пожалуй; но не въ прическѣ дѣло, а вообще личико дѣвочки, на всѣхъ трехъ картинкахъ, далеко не соответствуетъ тому геніальному портрету этого милого созданія, который представилъ Гоголь въ своей поэмѣ (См. стр. 167, 316 и 321). Портреть губернаторской дочки, точно такъ же, какъ и портреть героя «Мертвыхъ Душъ», требуетъ граюры болѣе-полной, болѣе-отчетливой: эти художественныя черты трудно передать въ слегка набросанномъ очеркѣ. Подобный портреть былъ бы истинною роскошью въ изданіи г. Бернардакаго; онъ освѣжилъ бы эту коллекцію лицъ «снучныхъ, противныхъ, поражающихъ своею дѣйствительностью» (стр. 252), и, entre nous soit dit, помѣстить его было бы выгодно и въ коммерческомъ отношеніи...

Что касается до дамъ города N., то какъ-ни утѣрированы нѣкоторые костюмы, такъ въ задорныя цѣлныя эпохи, но когда вы глядите на рисунки, вамъ становится, какъ и отъ чтенія

Тоголя, не столько смѣшно, сколько досадно. Какая грубость кроется подъ этими нарядами! Какъ мечутся въ глаза эти самыя женщины во всей своей нравственной наготѣ: правдыя, задорныя, проводящія время въ сплетняхъ и въ вознѣ съ прислугою... Какъ просвѣчиваетъ въ нихъ неукротимая склонность къ тому, что въ городѣ N. называлось *друлюв-третье*! Какъ видно, что всѣ мысли и движенія этихъ барынь устремлены къ *друлюму-третьему*, что мужчины подлѣ нихъ преобразуютъ только необходимыхъ участниковъ и виновниковъ *друлюво-третьяю*... И сколько мелкихъ ссоръ, крупныхъ сплетенъ и нескончаемыхъ драгоговъ господствуетъ въ ихъ кружку изъ-за *друлюво-третьяю*! Взгляните на эти свирѣпыя лица, отчаянные костюмы... и все это свирѣпствуетъ, клеветещетъ, ядятся во имя *друлюво-третьяю*... во имя древняго бога Приапа!..

Губернскія львицы: «дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ» и «просто-пріятная дама», изображены художникомъ съ особенной любовью. Онъ посвятилъ имъ три рисунка. Лучше другихъ вышелъ рисунокъ № 71, представляющій ихъ въ ту минуту, когда «дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ», мучитъ свою пріятельницу, высказывая по-маленьку свои предположенія о мертвыхъ душахъ. Довольство и самоуверенность написаны на лицѣ львицы: невольно вспомнишь, что она была отчасти матеріалистка, склонная къ отрицанію и сомнѣнію, и отвергла весьма-многое въ жизни (стр. 344). Просто-пріятная дама, напротивъ, вся обратилась въ слухъ; уши ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сядя и не держась на диванѣ, и не смотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ (стр. 351).

Все это очень-хорошо передано на рисунокѣ. На лицѣ этой милой особы какъ-разъ разглядишь ту непріятную раздражительность, нервность, готовность перетревожиться, всполошиться

и расплакаться отъ всякаго вѣдора и даже безъ всякой причины, — раздражительность, до которой она постаралась довести себя изъ желанія быть сѣтливою, чувствительною дамою...

Ноздревъ на багѣ изображенъ, если хотите, не дурно... но, право, г. Агитъ, одѣньте вы его получше, причешите ему немножко волосы, пожалуй и завейте, а потомъ растреплите ихъ немножко; надѣньте ему панталоны со штрипками и развѣ-развѣ съ широкими раструбами или съ лампасами; придайте и выраженіе лица и жесты нечѣе пьяные, и онъ все-таки остался бы Ноздревымъ... Въ этомъ рисунокѣ много поползновеніе къ каррикатурѣ, и это заставляетъ насъ опасаться за нѣкоторыя сцены, которыя предстоитъ изобразить художнику, ма-примѣръ, когда Чичиковъ бранитъ Селиванова за медленность, когда капитанъ Кошѣминъ шумитъ въ комиссіи, и нѣкоторыя другія.

Обстановка сценъ вездѣ прекрасна и строго обдуманна. Такъ, на-прим., на багѣ у губернатора свѣтло, богато и въ то же время не столично. Въ залѣ слишкомъ-много кенкетъ, деревенскія картинъ: все тутъ дышитъ смѣшеніемъ французскаго съ нижегородскимъ... Пышно, свѣтло, чопорно въ этомъ обществѣ и въ то же время въ залу пускаютъ Ноздрева и даму въ плюсовыхъ сапогахъ (стр. 369).

Въ заключеніе нельзя не отдать должной справедливости чистотѣ отдѣлки рисунковъ и рѣзбѣ г. Бернардакского. Не говоря уже о лицахъ, которые отдѣлены съ особеннымъ тщаніемъ, даже мелочныя условія рисунка (чего и нельзя требовать отъ полтинника), выполнены съ особеннымъ искусствомъ. Какъ живо драпированы дамскія платья, какъ чисто выдѣланы кружева, какъ блестятъ отполированные мѣбель... Скажутъ: это мелочи; но надѣ этими мелочами много надо было трудиться художнику и исполненіе подобныхъ мелочей составляетъ истинную роскошь живописцаго талантія, которому подобнаго не было у насъ до

снхъ-портъ ни по важности содержанія, ни по строгости выполненія.

Остается пожелать, чтобъ г. Агнъ въ остальныхъ семи выпускахъ помирилъ насъ съ Маниловымъ, Петрушкою, Селифаномъ и лошадью Чичикова, отъ заѣдателя до подлца чубарого (стр. 460), которые до-сихъ-портъ были ивображены имъ не совсѣмъ-удачно... Главное же — повторимъ, поближе ознакомиться насъ съ физиономіею самого героя «Мертвыхъ Душъ» — Павла Ивановича Чичикова.

— А между-тѣмъ, г. Бернадскій, слышно, замыслилъ другое предпріятіе, совсѣмъ въ другомъ родѣ: издать иллюстрированныя анекдоты Петра-Великаго. Прежде всего, мы рады тому, что новая мысль родилась у художника въ то время, когда предвидущая уже почти осуществилась, когда успѣшнѣйшій выходъ «Ста Рисунковъ» не подлежитъ сомнѣнію, ибо не далеки отъ конца. Иначе мы могли бы припомнить пословицу о погонѣ за двумя зайцами, бѣгущими въ равныя стороны. Потомъ, о замомъ предпріятія. Имя и исторія Петра — Великаго такимъ свѣтлымъ кругомъ горятъ въ памяти каждаго русскаго человѣка, что все касающееся ихъ имѣетъ полное право на общее сочувствіе; следовательно, матеріальный успѣхъ предпріятія можетъ считаться вѣрнымъ. И если этотъ ожидаемый спѣхъ осуществится на самомъ дѣлѣ, о осуществится по-дѣломъ; исполненіе подобнаго замысла трудно, тѣмъ болѣе, что художники не могутъ надѣяться на опытность, которую приобрѣли они, труаясь надъ героями «Мертвыхъ Душъ»: новое предпріятіе ихъ представляетъ трудности совсѣмъ-другаго рода. Кромѣ того, что образъ Петра, съ его оригинальной обстановкой, въ своеобразная картина его жизни и дѣлъ, требуетъ широкой и твердой кисти, — нельзя забыть, что тутъ еще ждемъ будетъ новый текстъ, и если изданіе его предназначается не для гонимыхъ, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ объ анекдотической исторіи,

сообразной настоящему времени. А у насъ еще нѣтъ почти никакой исторіи Петра, или если и есть, то такія, которыя врядъ-ли вдохновятъ художника. Чѣмъ будутъ устранены предстоящія препятствія? Кто возьметъ на себя составленіе труднаго текста — не знаемъ навѣрное, но слышали, что на этотъ подвигъ вызвался литераторъ, соединяющій съ основательнымъ умомъ основательное знаніе исторіи и желающій составить изъ этого текста нѣчто поважнѣе обыкновенной анекдотической исторіи. Вообще, намъ остается благодарить г. Бернадскаго за его благую мысль. Съ нетерпѣніемъ желаемъ, однако, чтобъ издатели оставались современными во всѣхъ отношеніяхъ, а потомъ, чтобъ изданіе ихъ вышло достойнымъ своего великаго предмета.

— Перейдемъ къ другому міру искусствъ — музыкѣ. Мы такъ ревнуемъ о нашей недавно-прославленной музыкальности, такъ желаемъ поддержать ее въ васъ, читатели, такъ боимся за ея проходимость, что вы вѣрно позволите намъ говорить о ней много и странно, съ цѣлію, держать вашъ слухъ въ музыкальной напряженности во все не-музыкальное лѣтнее время, до самой осени, когда опасность минуетъ сама собою и вы начнете повѣрять наши разсужденія.

Въ-теченіе мая мѣсяца, въ музыкальномъ магазинѣ, существующемъ подъ фирмою «Одеонъ», появилось переложеніе Гензельтомъ веберовой увертюры къ «Фрейшюцу». Изданіе это довольно-дешево (1 р. 50 к. с.), опротно, безъ ошибокъ, а самое переложеніе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей, очень — удобоспознимо; увертюра же — одна изъ старѣйшихъ любимицъ всѣхъ вообще публики; следовательно, можно ожидать, что переложеніе это не залежится въ магазинѣ и пойдетъ себѣ большой сбывъ. Имя Гензельта такъ знаменито, что, разумѣется, никто не будетъ сомнѣваться въ истинномъ приобретеніи для фортепьянной игры вскій разъ, когда имя

сравнятся съ Листомъ въ подобномъ же знаменіи фортепьяно. Во-вторыхъ, послѣ безмочечныхъ изученій, которыя нужны ему были для большаго и большаго развитія средствъ своего гениальнаго исполненія, Листъ дошелъ до такого новаго закона для фортепьяно (который, быть-можетъ, Берліозомъ внесенъ въ инструментальную музыку), что цѣлыя многосложныя фигуры, кажущіяся употребленными для мелодической цѣли, существуютъ только для *гармоническаго* общаго впечатлѣнія; жестоко бы ошибся тотъ оркестръ или тотъ фортепьянистъ, который бы вздумалъ ихъ исполнять мелодически, какъ настоящую часть того, что должно оставаться въ впечатлѣніи слушателя. Каждый оркестръ, веденный контрапунктически, содержитъ въ себѣ множество гѣвъ, изъ которыхъ каждая существуетъ самостоятельно (все равно какъ-будто въ фугѣ) и не должна *задораться*, заглушевываться прочими; у Листа же и Берліоза ихъ мелодическія фигуры именно на то существуютъ, чтобы ихъ не было слышно, а чтобы онѣ только помогали общему впечатлѣнію.

Мода на сочиненія Листа мало-помалу прошла, теперь они лежатъ въ магазинахъ нетронутыя; а прежде... Бывало, точно праздно въ всякій разъ, какъ появится что нибудь новое съ его именемъ. Последнее время онъ все больше-и-больше склонялся къ переложеніямъ и, кажется, теперь врядъ-ли можно много ожидать отъ него другихъ вещей, кромѣ переложеній. Ничего лучше и желать нельзя: сколько ничтожны сочиненія его самого, столько велики его переложенія. Они прямо указываютъ на будущность музыкальныхъ сочиненій, для которыхъ приготовлены границы раздвинуты теперь до невѣроятности. Кажется, нѣтъ больше ничего невозможнаго, нѣтъ такого, чего бы нельзя было выполнить на фортепьяно. Оркестровъ немного на свѣгѣ, но въ лицѣ фортепьяно они размножаются чуть не до безконечности, подобно тому, какъ посред-

ствомъ книгопечатанія до безконечности размножается рукопись сочинителя. Ясно, что теперь недостаетъ только сочинителя музыкальнаго, который былъ бы въ состояніи не останавливаться на однихъ передоженныхъ чужихъ произведеніяхъ, но могъ бы самъ производить.

Въ одномъ русскомъ журналѣ недавно было напечатано странное разсужденіе о томъ, что мужчинамъ не слѣдовало бы играть на фортепьяно, что это для нихъ слишкомъ-жалкая роль, что можно оставлять это дѣло однихъ женщинамъ, потому что, мужчинамъ нужно заниматься чѣмъ-нибудь поудачнѣе. Мы не знаемъ, многіе ли читатели были введены въ соблазнъ этими размышленіями (изложенными очень-пространно), но достоверно то, что они какъ разъ относятся къ тому времени, когда родъ человеческій дѣлится на существа дѣльныя и недѣльныя, т. е. мужчинъ и женщинъ и когда женщинамъ оставляли на долю одну только *суперфлю*; нынче заниматься должны дѣломъ женщины, все равно какъ и мужчины; за то, вмѣстѣ съ этимъ очищеніемъ понятій, очистились и понятія объ искусствахъ: изъ нихъ стараются изгнать все безвначительное, лишнее содержанія и удержать только то, что дѣйствительно въ состояніи имѣть содержаніе. Вотъ почему такъ крѣпко привилось направленіе, данное фортепьянной музыкѣ Листомъ.

Слѣдовательно, всѣ арражировки, которыя не успѣли попасть на мысль, зарожденную Листомъ, будутъ тотчасъ же бросаться въ глаза чѣмъ-то отсталымъ, безжизненнымъ, не годящимся для нынѣшняго времени. Надо признаться, что арражировка Гензельтомъ увертюры Фрейшюца должна быть отнесена именно къ тѣмъ предвѣденіямъ, которыя отстали отъ современнаго развитія, такъ-что sobald кто не знаетъ, когда она сочинена, могъ бы подумать, что она написана и увидана на свѣтъ дѣтъ пятнадцать тому назадъ. А между-тѣмъ — во всѣхъ сочиненныхъ сочиненіяхъ Гензельта этого ве-

нѣтъ нельзя: такова разница между употребленіемъ фортепьяно для жиденькихъ фортепьянныхъ цѣлѣй и употребленіемъ его согласно настоящему его назначенію и полнымъ его средствамъ. Оркестръ не можетъ быть *весь* уложенъ въ пространство двухъ фортепьянныхъ строкъ; слѣдовательно, надо вынискать вонъ и перемѣнять; именно въ этомъ-то все и дѣло, чтобъ понимать художественнымъ инстинктомъ, что надо пропустить, что непремѣнно удержатъ, для того чтобъ передавалось настоящее впечатлѣніе; словомъ, должно обладать способностью подобно портретисту — схватить прежде всего существенныя черты лица, опредѣляющія всю фizioномію. Этого дара нѣтъности и вѣрнаго взгляда у Гензельта нѣтъ: въ его арранжировкѣ царствуетъ самая необъяснимая случайность; Богъ-знаетъ отъ-чего пропущено одно, отъ-чего и для чего прибавлено другое, а прибавленія, которыхъ нельзя ничѣмъ растолковать, разумѣтся, непростительны. Листъ на своемъ вѣку перекладывалъ чрезвычайно-много: большую часть пѣсней Шуберта, духовныя пѣсни Бетховена на слова Геллерта, бетховенову «Але-ланду», два сочиненія Берліоза (увертюру *Francs-juges* и фантастическую симфонію), всю знаменитую арію Пачини: *i tuoi frequenti palpiti* съ полнымъ вступленіемъ и речитативами, увертюру Вильгельма Телля и «Фрейшюца», V и VI симфоніи Бетховена; слѣдовательно, ему приходилось бороться съ самыми разнообразными и разнородными трудностями, и однакожь, вездѣ у него прежде всего бросается въ глаза удивительная вѣрность оригиналу, стремленіе выразить всѣ отбѣнки мысли автора. Чтò, казалось, могло быть труднѣе арранжировки для двухъ рукъ такого многосложнаго оркестрнаго сочетанія, какое зовется V и IV симфоніею Бетховена, а между-тѣмъ это вышло лучшимъ произведеніемъ Листа, до сихъ поръ вѣнцомъ его арранжировки, паравиъ съ двумя оперными темами, заключающимися въ двухъ различныхъ

фантазіяхъ: тема чудеснаго, страстнаго дуэтта съ хоромъ, аккомпанируемаго прерывающимися ударами литавръ изъ оперы «Норма», и захваточная пѣсня донъ-Жуана *finchè dal vino*, изъ моцартовой оперы. Эти четыре вещи можно считать за лучшія переложенія изъ всѣхъ вообще превосходныхъ арранжировокъ Листа. И между-тѣмъ, какъ при этихъ переложеніяхъ, такихъ трудныхъ, не перестаешь дивиться, откуда Листъ находилъ средство такъ просто уложить чуть-чуть не въ-самомъ-дѣлѣ весь оркестръ подъ десятию клавишами, у Гензельта съ удивленіемъ спрашивать себя, что за причина была дѣлать самыя непростительныя пропуски, и не какія-нибудь не тотчасъ замѣтные пропуски, а въ самыхъ крупныхъ, всѣмъ извѣстныхъ частяхъ, гдѣ, притомъ и не было никакой трудности, которая бы могла служить извиненіемъ. Такихъ-образомъ, общеизвѣстная главная тема, сначала въ *es-dur*, потомъ въ *c*, взятая изъ аріи Агаты, имѣетъ постыднымъ аккомпаниментъ оркестра свилопани вездѣ. У Гензельта это сиккопированіе начисто пропущено; слѣдовательно, рѣшительно измѣненъ характеръ этого мѣста, которому сиккопы придаютъ особенное движеніе радости и стремленія. Далѣе, когда совершился въ увертюрѣ переломъ, минорный томъ разомъ разрѣшился самымъ свѣтлымъ изъ мажѣрныхъ тоновъ, двѣ блестящія фанфары возвѣщаютъ торжество добраго начала надъ злымъ; между ними есть длинная пауза, и прежде чѣмъ начнется второй фанфаръ, первый и второй скрипки быстро понесутся вверхъ, и тогда ужъ, послѣ ихъ послѣдней ноты, снова грянетъ весь оркестръ своимъ торжественнымъ кликомъ; разумѣтся, что вся эта фигура скрипокъ несется по натуральнымъ интерваламъ тоника, терція и квинты, только одна посторонняя нота (увеличенная секунда *dis*) встрѣчается на первыхъ нижнихъ ступеняхъ этой фигуры. Гензельтъ составилъ всю фигуру изъ совершенно-другихъ интерваловъ, нагромоздилъ нѣ-

своими древою и постороннихъ нотъ и глитонидъ, чистую свѣтлость, которая тутъ нужна, замѣнить ея шумомъ. Годнаго же, въ слѣдъ за этою фугурою, возвращающагося въ послѣднѣе два раза, гладыя, мелодія Агатиной арин, являюща, громкимъ радостнымъ хоромъ всего оркестра. Вотъ здѣсь нужна шумъ, здѣсь нужны аккомпанирующіе, синкопы еще больше, чѣмъ при первомъ появленіи этой мелодіи, когда она является далеко не въ такомъ торжественномъ видѣ, какъ здѣсь — и что же? вся разниця между положеніемъ на фортеціанно этой мелодіи въ первой части увертюры и здѣсь — состоитъ въ томъ, что тамъ она исполняеца однимъ голосомъ, одною потою, а здѣсь октавою; какъ же это возможно? гдѣ же выразель прибавившійся цѣлый шумадій, громогласный оркестръ? не-уже-ли такъ много составлять разницы октавы? чего же было легко, какъ усѣять цѣлыми аккордами каждую четверть, также и въ правой, шепель въ дѣрой, дукъ? никакой особенной трудности здѣсь бы не представлялось, да и во всякомъ случаѣ, здѣсь не въ трудахъ дѣло; довольно того, что паче, хотѣть полныхъ силъ оркестру: улавнить, фортеціанно должно здѣсь лавить все, что только возможно схватить изъ оркестра десятью пальцами, что разиждо, очень-многое. Отъ этого удуженія весь конецъ увертюры у Гензельта, выходитъ чрезвычайно-слабъ иротивъ первой половины, гдѣ октавъ удужреблево ужъ очень-много, такъ, что никакой разницы въ силахъ оркестра нельзя замѣтить, нѣтъ никакой достаточности, никакого нарастанія. Увертюра открываеца унисовомъ положеніи оркестра, на который такую же полудуравою отвѣчаютъ одѣя скрипки одною потою;—у Гензельта для этого отвѣта стоять уже октавы; даѣе, при первомъ тремоландо, сопровождаемомъ глухими ударами грома, поднимается въ мѣръ одинокихъ виолончелей робкій и трещущій голосъ Макса — одѣя октавы; къ чему онъ? Въ самой срединѣ фортеціанно альтиовія ноты

для этого речитатива (изъ дѣла) такъ полны и звучны, что нѣтъ никакой надобности усиливать ихъ поапробому октавами; отъ этого выходитъ несоразмѣрность, перазчитанность количественнаго отношенія звуковъ этой части съ заключительною частью увертюры. Кроимъ этихъ двухъ, есть еще нѣсколько тактъ же прихитровъ неуличности и случайности: такъ, во слѣ немпогихъ тактовъ аллегро, встречаются могучіе синкопы съ нарастающею силою; для этого crescendo и ли силы синкоповъ и пужбы? были малоркіе аккорды, идегальнейше Веберомъ,—у Гензельта же все нижнее основаніе басовъ отрублено, и остаются очень-сжатые около средины фортеціанно аккорды, которые здѣсь никакъ невозможны и совершенно-бесплавы; къ-чему же было уничтожить цѣлую октаву баса? Напротивъ, въ нѣсколькихъ тактовъ до появленія Агатиной тэм во второй разъ, вместо *es dur* у Веберъ быстрая мелодія муажаво барваго голоса въ тонѣ *b-moll*; передъ этою мелодію весь скрипичный оркестръ спускаеца двух-тиктною гаммою от *des* до *des*; и эта гамма у Гензельта сдѣлана, ни съ того ни съ сего, октавами на самыхъ низкихъ погахъ оркестра, такъ-что когда начинается *b-moll* на томъ, чувствуешь перерывъ, толчокъ и все это безъ всякой видимой причины, прямо противъ намеренія самого автора; притомъ — сопровождаеца мужскую мелодію *tremolando* раздѣлено на двѣ отгачивающія другъ друга части: вторыхъ скрипокъ съ альтии и первыхъ скрипокъ, такъ-что первые скрипки дѣлають перекресты и являють измѣняющійся тонъ,—это отгичнокъ у Гензельта рѣшительно-проуценъ. Но самая непростительная ошибка была у Гензельта та, что онъ позволилъ себѣ (кроимъ уже нѣкоторыхъ перенвачений аккордовъ) въ главной Агатиной мелодіи сдѣлать своевольное разрѣшеніе аккорда, весьма-неприятное, котораго у Вебера вовсе нѣтъ: въ 6-мъ тактѣ этой *es*-дурной мелодіи у Вебера два *es*-дурныхъ аккорда, въ слѣдую-

прежних тактъ септима-аккордъ на доми-
нантахъ: для перехода въ *b-dur*, въ 8-мъ
тактѣ; вместо этого, впрямую считалъ
этотъ переходъ не довольно-пригото-
вленнымъ, Гензельтъ въ 6-мъ тактѣ,
послѣ седьмого аккорда, поставилъ
сидящаго молчаливо, нѣмъ существенно из-
мѣняетъ и обезображиваетъ течение
вѣтровой рѣчи; это своевольное раз-
рѣшеніе тѣмъ болѣе страшно, что при
сѣдующихъ появленіяхъ той же мело-
діи въ *g* и въ *c*, Гензельтъ не почелъ бо-
лѣе нужнымъ употребить подобное
разрѣшеніе. Или, вѣдь это считать за
ошибку впасти? Для чести Гензельтъ,
считая, что онъ всегда хотѣлъ сохра-
нить неприкосновенными настрѣнія
автора, мы остановились на томъ, что
это не что другое, какъ типографская
(или очечная-странная) ошибка.

Результатомъ всего сказаннаго вы-
ходитъ, что арранжировка Гензеле-
вская удобна для игры, но затруд-
нительна, за то лишена всѣхъ не-
сравнимыхъ качествъ арранжировокъ,
къ которымъ приучилъ Листъ: у ней
нѣтъ мощноты, у ней нѣтъ совер-
шеннейшей звѣрности, у ней нѣтъ произ-
вольностей, обрабатываемыхъ нуждою
каждой капризной настрѣнкой про-
тивословія вѣстный отгѣнокъ; въ ней
нѣтъ пропусковъ такихъ голосовыхъ
частей, которыя самымъ легкимъ об-
разомъ могли бы уложиться. Словомъ,
лучше вслѣдствіе многихъ арранжировокъ
двуручныхъ и четверо-ручныхъ, ка-
кія дѣлывались Черни и многими дру-
гими въ прежнія времена. Наконецъ,
въ ней нѣтъ доказательствъ такого по-
знанія фортепьяно, чтобы посредствомъ
особенныхъ, тайныхъ средствъ, лежа-
щихъ въ натурѣ самого этого инстру-
мента, былъ съ полнотою передаваемъ
органственный эффектъ оригинала. Те-
перь ужь нельзя довольствоваться ар-
ранжировкою въ родѣ прежнихъ, когда
существовало мнѣніе о недостаточности
и бѣдности фортепьяно. Теперь
для фортепьяно возможно все. Гово-
рять, что теперь Листъ занимается пе-
реложеніемъ всѣхъ увертюръ Вебера
для фортепьяно: можно быть увѣрену,

что онъ будутъ превосходны; но если
Листъ рѣшился остановиться на этомъ
настоящемъ своемъ назначеніи; тогда
взявшемъ переложеніе Листъ съ его
удивительною игрою, и что бы стану-
ло желать, чтобы онъ, по объектамъ себе
ровныхъ увертюръ, перешелъ на форте-
пьяно, для всеобщаго каменья и неспер-
ства, еще много, много другихъ вели-
кихъ вещей изъ области музыки, не
переложенныхъ столько же ревниво,
какъ необыкновенныя V и VI симфоніи
Бетховена?

— Наступаетъ время, когда многие
изъ нашихъ читателей переедутъ на
дачи подышать чистымъ воздухомъ;
иные отправятся за границу и, мо-
жетъ-быть, — чего, впрочемъ, вовсе со-
храни, — на пути испытуютъ средства
противу морской болѣзни, предложен-
ныя намъ въ прошломъ мѣсяцѣ. —
Пригожъ большая часть жителей Пе-
тербурга въ продолженіе лѣтъ бываетъ
поражена асфикціей, впадать въ ва-
кую-то особенную бездѣятельность и
даже, говорятъ, стараться вовсе не
мыслить... Мы завели такую рѣчь по-
тому, что вдругъ пожелаемъ минуть
въ настоящую минуту, востановить на-
стоящее расположеніе духа читателей
и .. угодить имъ чѣмъ нибудь. Вотъ у
насъ нѣчто... Но, обратимся къ лѣтней
недѣятельности. Могли бы мы поджа-
луй положить и физиологическія при-
чины этой недѣятельности; но боимся
впасть въ излишнюю говорливость; и
потому оставимъ этотъ вопросъ нерѣ-
шеннымъ до болѣе-удобнаго случая,
когда въ организмы возвратится ихъ
прежняя энергія. Какая теперь физио-
логія? Досугъ ли думать о подобныя
вещахъ! Теперь, кажется намъ, не у-
лечешь никого и описаніемъ облегче-
ній страданій человечеству искусною
рукою нашего знаменитаго Пирогова,
и новымъ, имъ предложеннымъ спосо-
бомъ производить опьянѣніе посред-
ствомъ вѣтра, безъ всякаго болѣзнен-
наго впечатлѣнія. Конечно дамы не
станутъ объ этомъ думать: онъ теперь
заисасуются нарядами и всякаго рода

сварками для предстоящихъ перекочекъ. Конечно, онъ больше всего будетъ думать о предохраненіи лица отъ выгаръ, отъ чего, какою цвѣтъ выбрать для шапки или для шляпки, чтобъ онъ не пострадалъ отъ солнца, и пр. Жаль, что мы даже не догадались сообщить читателямъ о прочности цвѣтовъ и незначительности некоторыхъ изъ нихъ отъ дѣйствія солнечнаго свѣта. Впрочемъ, вѣроятно насъ извинятъ, во-первыхъ, потому-что онъ въ этомъ дѣлѣ, отъ долговременной практики, сами сильно свѣдущи; а во-вторыхъ, можно-быть, наши указанія, основанныя на законахъ природы, не вполне согласовались бы съ модою, — потому-что природа не во всемъ слѣдуетъ модѣ; мы бы, на-примѣръ, посоветовали носить лѣтомъ платья изъ легкой бѣлой матеріи, потому-что оно и хорошо, и дешево, и не жарко, и не полиняетъ — никакъ не полиняетъ. Но, можетъ-быть, для многихъ такой цвѣтъ представить большія неудобства; намъ въ артефактѣ такое слишкомъ жарко, не ко всякому лицу идетъ, и т. п. Иной пожалуй предпочтетъ малиновый цвѣтъ... А! какіи ослѣдствіемъ цвѣтъ. Хотите видѣть превосходный малиновый цвѣтъ? Въ такомъ случаѣ, прежде переселенія на дачи, съѣздите въ Университетскую Лабораторію. Тамъ живетъ ученый лаборантъ А. П. Робинсонъ, который приготовляетъ хромовую кислоту — вещество высококачественнаго цвѣта, — не усовершенствованному имъ способу. Но, можетъ-быть, вы захотите знать, что такое хромовая кислота, какъ она прежде получалась и въ чемъ состоитъ существенное улучшеніе въ способѣ добыванія, придуманное г. Робинсономъ? — такъ слушайте! Хромовая кислота состоитъ изъ одного эквивалента металла хрома (Cr) и трехъ эквивалентовъ кислорода (O); въ химіи она изображается формулою CrO₃. Первый, получившій хромовую кислоту, былъ Фриче (Fritsche); онъ добывалъ ее такимъ образомъ: бралъ горячій, насыщенный растворъ хроміево-кислаго

калія KO, CrO₃ (*), состоящій изъ окиси металла-калія и двухъ эквивалентовъ хромовой кислоты; къ этому раствору приливалъ гидратъ сѣрной кислоты SO₃ + HO; тогда сѣрная кислота (SO₃) вступала въ соединеніе съ кадіемъ (K); образовала соль — сѣрно-кислый калій, и вытѣснила два эквивалента хромовой кислоты; отъ чего жидкость вскорѣ окрашивалась малиновымъ цвѣтомъ. Фриче продолжалъ приливаніе сѣрной кислоты, — тогда получался кристаллическаго сложенія малиновый осадокъ хромовой кислоты. Послѣ чего Фриче собиралъ осадокъ на цѣдникѣ, которая въ этомъ случаѣ должна состоять изъ мелко-раздробленнаго стекла, потому-что хромовая кислота раздѣляетъ бумагу, употребляемую обыкновенно для профильтровки, и наконецъ, осадокъ высушивалъ на горячемъ кирпичѣ. Но полученная такимъ образомъ хромовая кислота никогда не бываетъ химически-чиста; она содержитъ въ себѣ еще сѣрно-кислый калій, который вызываетъ и кристаллическаго сложенія хромовой кислоты, полученной по способу Фриче; полученіе же вещества въ чистомъ видѣ, безъ случайныхъ, постороннихъ примѣсей, какъ извѣстно, составляетъ весьма-важную статью для химіи. Добываніе хромовой кислоты по способу г-на Робинсона исключительно; но это, по-видимому, малое различіе, даетъ очень-важные результаты, какъ вы сейчасъ увидите. Г. Робинсонъ также беретъ насыщенный растворъ хроміево-кислаго калія и приливаетъ въ него гидратъ сѣрной кислоты до-тѣхъ-поръ, пока не замѣчается въ жидкости образованіе хромовой кислоты. Тогда онъ перестаетъ приливать сѣрную кислоту и даетъ время остыть раствору, при чемъ въ кристаллическомъ видѣ вся соль сѣрно-кислаго калія; потомъ съ кристалловъ этой соли сливаетъ жидкость и снова приливаетъ въ нее сѣрную кислоту; тогда уже получается хромовая кислота въ видѣ млочковатой

(* K — знакъ металла калія.

го осадка высокаго малиноваго цвѣта. **Дальше**, жидкость вѣстѣ съ осадкомъ **самъ** свѣаетъ онъ на цѣдилку, какъ выше было сказано, и на цѣдилкѣ получается хромовая кислота. — Дальнѣйшій способъ обработки ея у г. Робинсона во всемъ сходенъ со способомъ Фриче. Важное преимущество способа г. Робинсона предъ способомъ Фриче состоитъ въ томъ, что по способу перваго получается хромовая кислота химически чистая.

Хромовая кислота сильно притягиваетъ влагу; на воздухѣ она расплывается и весьма удобно растворяется въ водѣ, при чемъ вода окрашивается, даже отъ малой примѣси этой кислоты, золотистымъ цвѣтомъ. Послѣднее свойство хромовой кислоты дало натуралистамъ поводъ употреблять ее при микроскопическихъ изслѣдованіяхъ надъ расположеніемъ внутренностей у инфузорій. Тѣло этихъ животныхъ обыкновенно прозрачно и, слѣдовательно, чрезъ него можно видѣть въ микроскопѣ расположеніе внутренностей, которые дѣлаются желтыми, когда попадетъ въ нихъ вода; съ растворенною въ ней хромовой кислотой, между тѣмъ, какъ прочія части тѣла остаются по-прежнему прозрачными. Употребленіе хромовой кислоты при этихъ наблюденіяхъ всего удобнѣе, потому что животные отъ малой примѣси ей, достаточной для окрашенія воды, не вдругъ умираютъ; притомъ — хромовая кислота раздробляется въ водѣ на весьма-мелкія части, неприимѣтныя даже подъ микроскопомъ, тогда-какъ употребленіе другихъ цвѣтныхъ веществъ всегда не выполняетъ одного изъ этихъ условій, а иногда и обоихъ.

Но, скажутъ наши читатели химики: какое намъ дѣло до хромовой кислоты и инфузорій? на что они намъ годны?..

Увы! предчувствіе сбылось!...

Мы именно предчувствовали, что услышимъ отъ читателей не-химиковъ такое непривѣтливое слово, предчув-

ствовали и приготовили для нихъ какое-хоть слабенное оправданіе. Видѣ вы никогда не дѣлали хромовой кислоты? признайтесь — не-видаете? А еслибъ посмотрѣли, то не выговорили бы своего возраженія, но выговорили бы своего возраженія, но выговорили бы что-нибудь въ оправданіе мудрости природы, потому-что она дала хромовой кислотѣ такой цвѣтъ, какого не найдется ни у одного изъ существующихъ въ ея владѣніяхъ тѣлъ. Хромовой кислотой можно любоваться въ полной силѣ слова. Но, вторяемъ, это натянутае оправданіе собственно для не-химиковъ. Химики же... химикамъ мы скажемъ, съ поднятымъ челомъ, поднесимъ наше извѣстіе, довольные тѣмъ, что удалось намъ съ подобными новостями вырваться изъ-подъ рубрики «Заграничныхъ Повостей», — увѣренные, наконецъ, въ томъ, что найдутся люди, которые будутъ благодарны г-ну Робинсону и насъ не поминуть захотѣть.

— Ободренные послѣдней надеждой, спѣшимъ съ нетерпѣніемъ перейти къ другому извѣстію, не менѣе рѣшкому въ нашихъ «Внутреннихъ Извѣстіяхъ», не менѣе дорогому для насъ, получившихъ его со всею свѣжестью новизны, не изъ печатнаго листа, а изъ живыхъ устъ.

Мы говоримъ о важномъ изобрѣтеніи инструмента (велико-мощнаго), помощію котораго можно снорте и точнѣе опредѣлять мѣсто корабля на морѣ, — изобрѣтеніе нашего морскаго офицера, капитана-лейтенанта К. К. Сиденсера.

Не разбирая подробно всѣхъ составныхъ частей инструмента, поманемъ важныя преимущества его предъ старыми, сравнимъ прежніе, до-сихъ-поръ употреблявшіеся способы, съ тѣми, которые даетъ изобрѣтеніе г. Сиденсера.

Въ морѣ, самая важная статья — знаніе своего мѣста во всякое время. Плаваніе въ виду береговъ, положеніе мѣста на картѣ опредѣляютъ такимъ-образомъ: замѣчаютъ румбы, на которые

видны, как ие-нибудь земные предметы, отражающиеся на карте, и потом отъ этихъ предметовъ на карте проводить румбы, противные замеченнымъ въ предсѣдшии днѣ. Будутъ мѣсто корабля, румбы, румбовъ или пеленги изобразятся, и съ-компасомъ, котораго достричь изъ металлическаго котелка, въ центрѣ котораго утверждена вертикальная шпилька, и на шпильку насаживается картунка (бумажный кружокъ, раздѣленный на градусы). На верхнемъ краѣ котелка нахоятся двѣ вертикальныя диаметрально-противоположныя пластинки или шпильки, съ вертикальными же прорѣзами; въ одной мишени прорѣзъ очень узелкн; къ нему прикладываютъ глаза, и потому мишень называется главною; въ другой мишени, называющейся предсѣдною, прорѣзъ довольно широкъ, и въ срединѣ ея палочка вертикальная диня. Этой дини соответствуетъ въ котелкѣ вертикальная черта. Если же предметъ берется такъ: приложивъ глаза къ главнои мишени, обначаютъ котелокъ до тѣхъ поръ, пока на верхней пластинкѣ предметъ будетъ по-прежнему или раздѣлитъ мишень предметной мишени; смотрятъ румбъ соответствующи дини или чертѣ, и потомъ надъ-подаютъ другой предметъ.

Но вотъ главные недостатки этого инструмента: 1) очень рѣдко можно ясно видѣть отраженный предметъ протѣкшии глазомъ, тѣмъ-что иногда пеленги берутся почти наугадъ, и 2) за-вѣщивавъ одинъ предметъ, и переходя къ другому, надо опять обращаться къ котелку; итакъ въ котелкахъ вращивается шпилька, а отъ этого двигается и картунка; следовательно, надо дожидаться, пока она устоится; а между-тѣмъ, судно плыветъ впередъ; ало, что пеленги не будутъ одновременныи.

Моряки чувствовали необходимость отъ-вратить эти важные недостатки, но до сей-днѣшнѣхъ лучшихъ способовъ, довольствовались по необходимости тѣмъ, что есть.

Г. Сиденсвертъ, изобрѣтатель этого инструмента, замѣтилъ, что при движении четырехъ-граннаго котелка, обходя береговъ Балтискаго-Моря, и при концѣ бока, тѣмъ-же инструментомъ, скорѣе и точнѣе брать мѣста, и оторѣзъ инструмента, въ которомъ уничтожены оба крайнихъ недостатка прежнихъ вѣхъ котелковъ.

Глазную и предсѣдную мишени заменилъ онъ трубой, которая является горизонтальною въ вращиванн на вертикальныя подставки, утвержденных на окружности котелка. Труба устроена первыи недостатокъ. Днѣ устроены втораго подобно было движению котелка съ трубою съ-вѣщиваемымъ отъ движения картунки. Г. Сиденсвертъ сдѣлалъ и это. Котелокъ съ трубою онъ поместилъ между двумя другими котелками, односторонними съ прежними и несамостоятельными одинъ другаго. Верхнн край нн выходитъ въ одной горизонтальной плоскости. Такимъ-образомъ, образовались три котелка: наружный, средний и внутреннй; два наружныхъ и внутренняго котелковъ соединены между собою вертикальною коническою трубкою, такъ-что могутъ двигаться только вмѣстѣ. На днѣ внутренняго котелка устроено агатовое гнзало, въ которомъ обращается нижннй конецъ вѣхъ трубки, а верхннй движется въ коническомъ на внутренннй котелокъ. Картунка этого устройства изобрѣтена Дентономъ; но можно употребить и обыкновенную картунку; тогда внутренннй котелокъ не нуженъ. Средннй же котелокъ съ трубою движется самъ-во-себѣ, независимо отъ двухъ прочихъ, следовательно, независимо отъ картунки.

Итакъ — морякамъ надо бытъ въ-вѣщивать г. Сиденсверта, пеленги и румбы точны и одинаковыи. Прежде было, тои предметъ; ажно въ-вѣщивать облачко, болѣе котелковъ видѣть — ищи его! Теперь этого не будетъ. Забвѣщивавъ одинъ предметъ и переходя къ другому, теперь не надо дожидаться, пока устоится картунка.

мысль г. Барановскаго, В. С. Порошина объяснил потому необходимость подробных частных наблюдений для общих выводов о различных климатах. Онъ предлагалъ Обществу собрать свидѣнія о томъ, въ какихъ мѣстахъ какой хлѣбъ сѣется и родится; гдѣ и когда онъ цвѣтетъ, колосится, зрѣетъ и проч.; далеко ли на сѣверъ простирается шелководство, винограды и виноградные; а на югѣ — сѣверный обычай сушить хлѣбъ въ овинахъ. Все это, равно какъ и *простонародный календарь мѣсяцъ*, по которому располагаются жатія сельскія и самый образъ жизни народа, повело бы, по мнѣнію г. Порошина, къ важнымъ выводамъ относительно опредѣленія климата... Все это совершенно такъ, и если до сихъ поръ нѣтъ у насъ въ подробности всѣхъ изслѣдываемыхъ въ сѣхъ свидѣній, то это принимается развѣ только тѣмъ, что Россія обширна...

Наконецъ, дѣйствительный членъ Д. А. Милютинъ прочелъ извлеченіе изъ русскія «Объ установленіи географической терминологіи», и мысль эта, послѣ столькихъ преній и вводимыхъ на недъ напрасливъ, наконецъ остановилась на томъ, что «*съ разработкою терминологіи самая наука географіи непременно должна усовершенствоваться*», потому-что приведеніе въ извѣстность и критическое истолкованіе общепотребительныхъ географическихъ выраженій поведетъ къ разъясненію самыхъ понятій; а слова и стили обогатятъ науку и новыми понятіями. Г. Милютинъ предлагалъ Обществу принять участіе въ этомъ дѣлѣ и содѣйствовать ему.

Предложенія гг. Порошина и Милютина поступили на разсмотрѣніе Совѣта Географическаго Общества.

— Мы не разъ высказывали удивленіе къ особенной *своевременности* дѣйствій нашихъ обществъ сельскаго хозяйства; но тогда у насъ не доставало фактовъ для удостовѣренія въ справедливости такого удивленія. Слѣющимъ вознаграждать этотъ недостатокъ, и

представляемъ читателямъ извлеченіе изъ отчета Вольнаго Экономическаго Общества за 1846-й годъ, читаннаго въ годовомъ собраніи 29 марта 1847 года, и напечатаннаго въ послѣдней вышедшей (второй) книжкѣ «Трудовъ» Общества.

Бѣдственная нѣмѣчивость цѣны на хлѣбъ въ Россіи не переставала занимать вниманіе Общества. Составленный въ немъ особый комитетъ продолжалъ разсматривать поступающія въ Общество объ этомъ важномъ предметѣ статьи и составилъ теперь сводъ и сравненіе всѣхъ мѣсяцъ.

Главное средство Общества для распространенія въ публикѣ полезныхъ и точныхъ свидѣній по сельскому хозяйству и промышленности — періодическія изданія Общества: «Труды» его и «Лѣсной Журналъ». Перваго издаю 6 книжекъ, въ которыхъ напечатано 20 большихъ статей, 60 мелкихъ въ отдѣленіи «Смѣси» и 37 библиографическихъ разборовъ, и изданіе которыхъ, вмѣстѣ съ редакціею, съ вознагражденіемъ авторовъ, переводчиковъ и художника за чертежи и рисунки, обошлось Обществу въ 3,290 руб. серебр. Изъ 600 экземпляровъ разошло безденежно, развѣшено и продано 400 экземпляровъ.

Сверхъ изданія «Трудовъ» на рускомъ языкѣ, они съ 1844 года издаются и на нѣмецкомъ языкѣ въ Дейнигѣ, по 3 книжки въ годъ.

«Лѣсной Журналъ», вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему, выходилъ также аккуратно, кромѣ одной книжки, которая выдѣтъ на дѣлѣ.

Прошлаго 31-го октября наступилъ срокъ для присужденія награды по предложенной Обществу въ 1844 году задачѣ: *Объ изысканіи удобнаго и дешеваго средства сушить и сохранять хлѣбъ*. Общество въ теченіе 1846 года занималось тщательнымъ разсмотрѣніемъ и сравненіемъ 34 отафтовъ; 21 изъ нихъ неудовлетворительными и сожжены, 5 призываны удовлетворительными и разрѣшающими отдѣльные части, задача и, слѣдовательно, нѣмѣющая право на

горостепенныя награды, а 8 заслуживающими вниманія по заключающимся въ нихъ полезнымъ свѣдѣнїямъ. По тому присуждено: 2 золотыя медали въ 75 червонцевъ, — въ нихъ одна члену Общества доктору Я. П. Ионсоу, — большія серебряныя, 8 малыхъ серебряныхъ медалей и одна денежная премія, — всего на сумму 1,066 руб. 51 сер.

Въ то же время Общество постановило возобновить эту задачу, назначивъ новый срокъ для присылки отвѣтовъ до августа 1848 г. Для предупрежденія же могущаго быть недоразумѣнїемъ предѣлено, чтобъ впредъ гг. члены, которые занимаются разсмотрѣнїемъ отвѣтныхъ сочиненій на предлагаемыя Обществомъ задачи, не имѣли права сами получать предложенныхъ наградъ.

Бывшее въ селѣ Марьянѣ училище для образованія изъ молодыхъ дворянъ сельскихъ хозяевъ и управителей перенесено Обществомъ въ Петербургъ. За Большою-Охтою заведена усадьба, какъ образецъ опытнаго подгороднаго козьяства. Въ Новгородской-Губернїи также нанята усадьба.

Въ 1846 году Общество не только отводило свою залу съ приличнымъ освѣщенїемъ для публичныхъ чтеній, но сверхъ-того, членамъ своимъ, гг. Усову, Витту и Максимовичу, выдало отъ 300 до 350 руб. сер. каждому; щедро платило за статьи, помѣщаемыя въ его журналахъ, и покупало полезныя книги для безденежной расылки; такимъ образомъ, г-ну члену Усову, какъ редактору журнала «Посредникъ», выдано 200 р. сереб. и у него же куплено 25 экземпляровъ перевода его «Скотоводства Бюна». Члену Ионсоу выдано 200 руб. сер. въ пособіе на напечатаніе сочиненія о «Тукахъ»; члену Бурнашеву прощенъ долгъ въ 900 рублей, которые онъ получилъ въ ссуду на изданіе «Терминологическаго Словаря» и т. д.

Вообще, равныя общепользныя занятія и труды гг. членовъ и постороннихъ лицъ не остались безъ поощренія

и наградъ: большія золотыя медали въ 25 и 30 червонцевъ выданы г. члену доктору Грумму и непрѣлвнному секретарю Общества. Малыя золотыя медали выданы членамъ Бектору и Бахерахту; серебряныя медали выданы разнымъ лицамъ, отличившимся въ сельскомъ хозяйствѣ и скотоводствѣ. За осповривваніе награждено ждлами: золотыми — 7 лицъ, серебряными—35. Разослано медалей безъ ценъ, въ видѣ подарковъ: золотыхъ 9 и серебряныхъ 21.

Наконецъ, желая вѣрнѣе доказать сочувствіе свое къ полезнымъ для Россїи трудамъ Московской Общества Сельскому Хозяйству, Вольное Экономическое Общество, въ маѣ прошедшаго года, посылало отъ себя въ Москву представителей для присутствованія при празднованіи 25-ти-лѣтняго юбилея Московскимъ Обществомъ, и чтобъ поднести особый адресъ президенту этого Общества и большую золотую медаль г. Маслову, съ такимъ усердіемъ и пользою исправляемому должности непрѣлвннаго секретаря въ продолженіи 25 лѣтъ. — Не стану говорить непрѣлвнныи секретарь Вольнаго Экономическаго Общества, читавшій отчетъ: повторять здѣсь, съ какими радушіемъ мы были приняты московскими собратіями нашими и какъ высоко это дѣйствіе ваше оцѣнено было въ Москвѣ.

Вновь набрано въ-теченіе 1846 года 23 члена и 44 корреспондента. Всего членовъ и корреспондентовъ къ 1-му января 1847 года состояло 446.

Что касается до матеріальныхъ средствъ Общества, то въ нихъ оно не терпѣло нужды.

Серебромъ.
Руб. Коп.

Къ 1846 году оставалось на лицо 306,283 8

Въ 1846 году поступило:

Изъ Главнаго Казначейства и Кабинета Его Императорскаго Величества 13,714 29

Отъ гг. членовъ 1528 69%

Из губернии на осво- ривание за 1846 годъ долой члнхъ за пре- двѣтъ года	26,610	93%
Отъ волостъ члнхъ на Труды и Лѣсной Журналъ	3396	33
Отъ арендатора Вар- да за огненскую землю	2997	11%
Процентомъ	27,736	10
Въ уплату второй тре- ти долга за проданный домъ	40,000	
Отъ конкурса по де- ланъ Баисга	1149	7 1/2%
За пролажу книгъ, съ- несъ и по другимъ слу- чаямъ	1361	87%
Итого поступило	146,493	40%
Въ томъ числѣ:		
Посылки	15,242	98%
Службы	74,678	21%
Отъ разнородныхъ обо- ротъ	26,573	87%
За аренду охтенской земли	1156	83
За участки земли По- городской - Губернш въ селѣ Маринш	1352	98
За медали и премш за рѣшенше задачи о хра- ненш и сушкѣ хлѣба	1066	51
Бывшему воспитан- нику, Общества Берд- ской на путешествше въ острѣцкш губернш для практическаго на- блюденш надъ земледѣ- леш	150	
Въ ссуду бывшему воспитанику Общества Гроссману на устройст- во Маринской Фермы и члену Вавилову на пе- чатанш его Бесѣдъ	5441	50
На изданше Лѣснаго Журнала и другше рас- ходы по Лѣсной части	3117	40

На листы, свѣтъ мш, печатанше наста- вленш и замелаш осва- ривающшхъ	24,728	95
На изданше Трудовой Общества	4596	57
На содержанше воспи- танниковъ въ земле- дѣльческой училищѣ Общества	7283	57
На покупку книгъ читателей, покупку книгъ и журналовъ не- счатшхъ брнноръ обрѣ- тшхъ книгахъ на хлѣбъ, каталоговъ и списка демологическшхъ кон- лекцш, покупку хол- да для выставкш и проч.	3230	87
На каменную над- стройку на флигелѣ до- ма Общества	2490	
На ремонтныя испра- вленш въ домѣ	769	97
На отопленше, освѣ- щенше и мелочныя рас- ходы по дому	1087	75
На расходы въ собра- ншхъ Общества, на ку- пленшы подсвѣчники, шкафы и проч.	312	9
На жалованше, канце- лярскш принасы, награ- ды, иностранную кор- респонденщю, пере- скую почту и проч.	44,435	44%
На чтенше лекцш	702	14
Итого въ расходѣ	47,283	18
Въ томъ числѣ:		
На расходы по само- му Обществу	15,775	30%
На расходы оборот- ныя, принасы, хо- ды	49,075	78%
На разнородныя по- жертванш	32,433	8
Въ остаткѣ на 1-му ян- варя 1847 года	377,406	
Кромѣ того, проше- номъ на фидаты кредитъ		

цѣль установленій при- читается	11,481	3%
Недоплатныхъ съ раз- ныхъ мѣстъ и лицъ.	69,291	66%

Итакъ, матеріальныя средства Общества въ текущемъ году простираются на 458,267 70%

— И такъ — новостой у насъ медно-го, и, признаемся, итъ большой охоты доискиваться, какъ бы слѣдовало, причины такого природоестественнаго весенняго заморозка. Да и какъ будешь ихъ доискиваться?.. Видите бѣдную нашу природу? какъ же внимать и безъ того бѣдую? Упреждать соотечественниковъ? какъ же упрекать ихъ, когда они наши соотечественники? А больше имъ внимать, имъ упрекать некого. Положимъ даже, что доискались причины, оказалось по справкѣ, что виновата природа или соотечественники. Обвинивъ одну, слѣземъ строгое замѣчаніе другимъ... Чтѣ жъ изъ того? Нового все-таки ничего; а раздраженіа природа какъ-разъ, вмѣстѣ съ раздраженными соотечественниками, оставитъ вамъ на видѣ слѣдующее:

«Любознательному наблюдателю вся видимая природа представляется огромною книгою, на каждой страницѣ которой открываются предметы для его размышлений. Здѣсь привлекаетъ его вниманіе особенное образованіе земной поверхности, тамъ свойства почвы и водъ и цѣлая масса растеній и животных; далѣе: климатическія отношенія атмосферы, электрическія и магнитныя явленія и ихъ вліяніе на органическія существа, — всадъ благое Провидѣніе подготовило ему нашу для ума и сердца.»

Такой взглядъ на природу брошенъ только-что появившимся на свѣтъ нашимъ собратомъ, журналомъ — *Московскимъ Врачебнымъ*. Онъ будетъ издаваться по четыре книжки въ годъ *приктическимъ врачами*... Видно, что этотъ журналъ еще не привыкъ къ усидчивымъ, доказательнымъ тру-

дамъ. На 80 страницѣхъ ии 8^ю доводно кружнаго шрифта, онъ перебралъ восемь важныхъ вопросовъ, и ни на одному ничего не доказавъ окончаетъ его. А вопросы, дѣйствительно, важные, такіе важные, что нѣкоторые изъ нихъ можно было бы съ большою пользою ограничить всю программу журнала. Таковы вопросы: «о климатѣ Москвы и зависящихъ отъ него болѣзняхъ», «характеръ господствовавшихъ тамъ въ извѣстное время болѣзней», «статистическій взглядъ на относительную смертность въ Москвѣ и ся причины».

Впрочемъ, мѣстной специальности этого журнала, кажется, помѣшало опасеніе въ недостатокъ мѣстныхъ статей: ибо издатели открываютъ свой журналъ «для всѣхъ тѣхъ просвѣданныхъ (?) врачей, кои желаютъ слѣдить извѣстными или ученымъ наблюденіа и изслѣдованія, если они будутъ соотвѣтствовать *учено-практическому* направленію журнала». А такъ-какъ непростѣеваемыхъ врачей у насъ итъ, потому-что непростѣеваемые въ академіи или университетѣ не итъютъ права даже называться врачами, и ученые наблюденія или изслѣдованія ипкакими образомъ не могутъ не соотвѣтствовать *учено-практическому* направленію изданія, и при томъ *научныхъ* медицинскихъ наблюденій или изслѣдованій тоже нельзя предполагать, то и слѣдуетъ заключить, что приведеннымъ предугадывленіемъ издатели *Московского Врачебнаго Журнала* приглашаютъ всѣхъ вообще врачей слѣдить извѣстными ихъ наблюденія и изслѣдованія.

Но... все это, разумеется, можетъ со-временемъ устраниваться, переработаться, опредѣлиться, однимъ словомъ, созрѣть и принести весьма-приятный и полезный плодъ, чего отъ души желаемъ господамъ практическимъ врачамъ, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ реніи «содѣйствовать къ преуспѣванію высокаго искусства врачеванія въ нашемъ отечествѣ». Не сомнѣваемся также и въ томъ, что она скоро раз-

увѣрится въ теперешней своей увѣренности, будто сообщая свои труды русской медицинской публикѣ на отечественномъ языкѣ, исполняютъ тѣмъ долгъ, лежащій на каждомъ врачѣ. Воля ваша, а этого мало для исполненія долга! Видѣ въ Россіи медицинская публика не велика въ-отношеніи ко всей массѣ населенія, и потому у нея мало свободнаго времени; а если его мало, то она нѣмъ дорожитъ, слѣдовательно: въ медицинскій журналъ, какъ и во всякій другой, надлежитъ помѣщать статьи съ разборомъ, чтобъ не жаль было тратить на нихъ дорогаго времени.

— В. И. Даль просилъ насъ засвидѣтельствовать привзательность его слѣдующимъ лицамъ, удостоившимъ воззваніе наше («Отеч. Записки» 1847, кн. 3, мартъ) своего вниманія и при-славшимъ ему собранныя ими русскія народныя сказки, пословицы и поговорки, слова мѣстныхъ нарѣчій и другія свѣдѣнія, относящіяся до русскаго быта и языка:

Въ С. Петербургѣ: Конст. Никол. Зацуплину, Евг. Павл. Гребенкѣ, В. С. Межевичу, Александру Гавр. Рами, Ф. І. Шимкевичу, Ег. Яков. Деригу, Вл. Петр. Гебаузру, П. А. Пожарскому, Ив. Ал. Бартоломею, удѣльному престяянину Капулову.

Въ Москвѣ: г. Якушкину, Александру Никол. Аванасеву;

Въ Нижнемъ-Новгородѣ: Пав. Ив. Мельникову;

Въ Ярославлѣ: Г. П. Зацуплину;

Въ Твери: Ив. Ив. Лажечникову;

Въ Казани: Ник. Алекс. Ушакову;

Въ Кіевѣ: Николаю Фед. Степанову;

Въ Новой-Ладогѣ: Алекс. Петр. Балеману;

Въ Шенкурскѣ: Алекс. Егор. Харитонову;

Въ Ярославлѣ: Любови Яковлевнѣ Зацуплиной.

Пользуясь этимъ случаемъ, Владиміръ Ивановичъ Даль повторяетъ по-чорнѣйшую просьбу свою, обращаясь

ко всѣмъ любителямъ роднаго быта и языка, присылать замѣтки свои или въ редакцію «Отеч. Записокъ», или прямо на его имя, въ С. Петербургъ, въ домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Парижская Академія Наукъ, имѣя 26 апрѣля публичное собраніе, для прісужденія и раздачи наградъ и объявленія новыхъ задачъ. Долгобыла собранія должны бы происходить каждый годъ, но, къ несчастію, нѣдѣль обстоятельства мѣшаютъ этому, и рѣшено Академія присудила награды за 1844 — 1845 годъ. Что это за интересные обстоятельства — мы не знаемъ; Академія не говоритъ о нихъ. Девять наградъ по астрономіи: первая, установленная Лапласомъ, присудилъ г. Генке, въ Пруссіи, за открытіе 8 декабря 1845 года новой планеты Астрея. По механикѣ присуждены двѣ награды: первая медаль въ 600 франковъ г. Пендру и въ 400 фр. г. Кордье — первому за усовершенствованіе круговертальной паровой машины, за изобрѣтеніе механизма для дѣланія рыболовныхъ сѣтей, и проч.; второму — за разные усовершенствованія паровыхъ и гидравлическихъ машинъ. По статистикѣ, награда (основанная Магріеномъ) такъ же, какъ и двѣ предыдущія) не была назначена никому; тогда только одною отъѣзжа заслужилъ г. Баллиузъ за опытъ статистики одного французскаго кантона. За рѣшеніе задачи: опредѣлить новыя и самыя водонепроницаемыя развѣснѣяныя и наученія, выданаго въ пяти классахъ позвоночныхъ животныхъ между разными частями производительныхъ членовъ, выданаго Кордье, и представилъ сочиненіе отъ пол-

ими описаниями и рисунками этих «швов» и проч., удостоились награды в сочинении трех авторов: первое Шонгейма и Фохта, а второе Марти-Сент-Анжа; второй награды за эту задачу удостоился г. Лербуллэ. Награда за решение задачи относительно звития зародыша у птиц и пресмыкающихся (Batraciens) выдана гг. Бонимону и Мартину Сент-Анжу. Награда по части экспериментальной эмблогии присуждена г. Бернару. Заобртвенія, дѣлающія нѣкоторыя искусства в ремесла менѣе или вовсе бездѣльныи, Академія, упоминая о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ, какъ приближающихся къ счастливымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, присудила граду г-ну Ленвелю за изобрѣтеніе риковъ для экипажей, употребленныхъ на желѣзныхъ дорогахъ. По части медицины и хирургіи Академія нешла сочиненія, достойнаго полной медали, но выдала только поощрительную награду въ числѣ пяти. — Итакъ, юмѣ открытія планеты Астрей и изобрѣтенія тормоза, только одними сочиненіями по физиологій производимыхъ членовъ и развитія зародышей у нѣкоторыхъ животныхъ мы будемъ обязаны конкурсу Академіи, потому что только эти сочиненія — плоды и задачъ. Немного — но нельзя не благодарить и за то.

За тѣмъ Академія предложила вновь задачи:

Большая золотая медаль въ 3000 фр. назначается за рѣшеніе математической задачи къ конкурсу 1848 года: Найти интегралы уравненій равновѣсія внутренняго состава тѣла твердаго, другаго и однороднаго, всѣ измѣренія котораго вполне опредѣлены, т. е. параллелипипеда или примаго цилиндра, предполагая известными всѣ равныя силы, которыя могутъ быть приложены къ поверхности тѣла. Сочиненія должны быть представлены до ноября 1847 года.

Шесть тысячъ франковъ давно уже назначены (съ 1836 года) и нынче начнутся къ конкурсу 1 июля 1848 го-

да за лучшее сочиненіе. О самомъ выгодномъ употребленіи паровъ для судостроенія, о системѣ механизма, размѣщенія его и о нагрузкѣ и вооруженіи, которыя должно предпочесть для паровыхъ судовъ.

Къ сонскаю большой награды по части естественныхъ наукъ предлагается задача: «Опредѣлить вѣрныя основанія сравнительнаго изученія образованія зародыша въ трехъ главныхъ отдѣлахъ царства животныхъ: позвоночныхъ, слѣзвякоу и членистыхъ». Срокъ представленія задачи 1 января 1850 года.

Шесть тысячъ франковъ назначаются за рѣшеніе задачи (которое должно быть представлено къ 1 января 1849 года) по части физики и химіи, а именно: «Опредѣлить самыми точными опытами количество теплоты, освобождающейся при химическихъ соединеніяхъ».

По астрономіи: медаль Лаланда въ 635 франковъ за наблюденіе или сочиненіе, самое интересное и полезное для успѣховъ науки.

По механикѣ: золотая медаль Монтиона въ 500 фр. за изобрѣтеніе или усовершенствованіе инструмента, полезнаго для земледѣлія, искусства или наукъ.

По статистикѣ: золотая медаль Монтиона въ 530 фр. за лучшее сочиненіе по части статистики Франціи.

По опытной физиологій: золотая медаль Монтиона въ 895 фр. за лучшее сочиненіе печатное или рукописное.

Наконецъ, нѣсколько монтионовскихъ премій въ награду за открытія и изобрѣтенія въ медицинѣ и хирургіи, или въ искусствахъ и ремеслахъ, дѣлающія послѣднія менѣе вредными для здоровья рабочихъ.

13 мая, въ полномъ годовомъ собраніи всего Института (пяти академіи), была присуждена золотая медаль г-на Вольтэ въ 1200 фр. по конкурсу сочиненій по части сравнительной эмблогіи. Въ восьми представленныхъ сочиненіи, комиссія, разсматривавшая ихъ, нашла равно-достоинными награ-

ды два сочинения: Исторический и теоретический опыт селитряческия дельяку Эрццола, Рейх и Словарь греческих синонимов. Цифры на Цервону присуждена медалью, такъ какъ въ распоряженіи канциссисоставалась отъ прожитыхъ годовъ сумма въ 1200 фр., то и г. Шампону присуждена награда, равная первой. До 1 марта 1848 года Академія будетъ принимать вновь сочиненія по части сравнительной филологіи, и въ будущемъ году, въ публичномъ собраніи своего, назначитъ также золотую медаль въ 1200 фр. за лучшее сочиненіе.

Сообщая объ ученыхъ наградахъ и задавая Академіи Пажу, и присужденію вольщевой премии за сочиненіе по сравнительной филологіи, прибавимъ къ тому, еще коротенькое извѣстіе о годовомъ публичномъ ассамблеямъ Королевскаго Царственаго Общества Земледѣлія. Одно также, въ ассамблеи 11 апрѣля, присуждало медали, награды, и пр., до мы не приводимъ ихъ для многословности, а еще болѣе потому, что въ числѣ ихъ есть практическая мѣстава прѣдла земледѣлія собственно во Франціи; упомянемъ, впрочемъ, о вновь-открытомъ конкурсѣ на соисканіе награды въ 3000 фр. за открытіе средства, освобождающаго картофель отъ болѣзны его 1815 и 1846 годовъ. На этотъ предметъ обращено теперь вниманіе всѣхъ французскихъ земледѣльцевъ.

— Мѣсяца два назадъ, мы сообщали читателямъ одну изъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ г-мъ Араго. Дошелъ до разбора зрительныхъ инструментовъ, овъ посвятилъ одну лекцію оптикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ устройство нашего глаза. Лекція эта была помѣщена отдѣльно въ газетѣ «L'Europe». Въ «Revue Scientifique et Industrielle» г. Муаньид (Moigno) издаетъ полный курсъ лекцій Араго, и мы предлагаемъ читателямъ одну изъ статей, напечатанныхъ въ этихъ лекціяхъ, именно: туманныя пятна.

Если довольно много книжекъ, въ которыхъ изложена астрономія популярно, разберете любую изъ нихъ, читаете всѣхъ ищетъ хорошо; какъ только дошли до звѣздъ — начинаются сверхъестественныя фразы, — фразы, писавшія, видимо, безъ всякаго убѣжденія, потому что въ нихъ встрѣчается противорѣчіе тому, что ясно, математически доказано самимъ же авторомъ въ той же книжкѣ. Популярное изложеніе вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы объяснять какой-нибудь законъ, пересыпать его пустыми фразами, которыя поселяютъ въ слушателяхъ сбивчивыя понятія, и показываютъ невоображаемое объясняющаго къ наукѣ. По оставшимъ фразамъ и обратимся къ дѣлу, т. е. къ лекціямъ г. Араго.

Рассмотрѣвъ устройство глаза и процессъ зрѣнія, предположимъ, что глазъ этотъ приставленъ къ окуляру зрительной трубы, и видитъ на небѣ какия-то туманныя пятна. Что это такое? — Знаменитый Гершель задалъ себѣ такой же вопросъ, и для рѣшенія его направилъ свой сорока-футовый телескопъ на небо, чтобъ ближе познакомиться съ пятнами; послѣ ихъ гнхъ и долгихъ наблюденій, овъ рѣшилъ, что всѣ пятна не что иное, какъ кучи звѣздъ, удаленныхъ отъ насъ на большое разстояніе; что въ ближайшихъ изъ этихъ кучъ мы, съ помощью телескопа, можемъ отличить одну звѣзду отъ другой, тогда-какъ кучи болѣе отдаленныя представляются сплошною бѣловатою массою. Что нѣкоторыя пятна состоятъ изъ звѣздъ, это весьма понятно: вѣроятно, всѣмъ извѣстно созвѣздіе Плеяды, — это куча звѣздъ надыхъ величинъ, — созвѣздіе, называемое иначе Утиное-Гнѣздо. Предположимъ, что зритель близорукъ и смотритъ на небо простыми глазами; спросите у него, какъ ему кажутся Плеяды? Онъ вамъ отвѣтитъ, что видитъ какое-то бѣловатое пятно, а вы, имѣя хорошее зрѣніе, ясно различите каждую звѣзду и не скажете, что это туманное пятно. Но изъ того, что нѣкоторые пятна состоятъ изъ звѣздъ, еще

е следуютъ, что и все остальные пятна то же свойства.

Ла-Каль (La Caille), по возвращении своемъ съ Мыса Доброй Надежды, провергъ пятна Гершеля въ жемчужахъ Парижской Академіи за 1775 г. нъ говоритъ: «Не можетъ быть, чтобы все пятна, а также и млечный путь, были кучи звездъ, какъ вообще предполагаютъ; и съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ ихъ въ хорошия телескопы и, не смотря на то, что изобразъ пятна хорошо окрещены и лежатъ на темномъ фонѣ, не могъ разсмотрѣть ни одной свѣтлой точки; это была сплошная бѣловатая масса».

Самыя точныя наблюденія если не овершено опровергли, то много изъяснили объясненіе Гершеля. Дѣйствительно, въ некоторыхъ изъ туманныхъ пятенъ, помощью хорошихъ телескоповъ, можно различить звѣзды; въ другихъ же не видно ничего, и потому ожно предположить, что онѣ составляютъ части космической матеріи, обшавшей прежде всю твердь. На небѣ цаны во многихъ мѣстахъ эти отрывки, занимающіе часть большія пространства; формы ихъ чрезвычайно неправильны; контуры состоятъ иногда изъ прямыхъ линий, иногда изъ кривыхъ и даже просто изъ зигзаговъ. съ одной стороны, края ихъ, такъ сказать, обрублены; съ другой, напротивъ, бѣловатость сливается съ цѣломъ самаго неба, — однимъ словомъ, въ формахъ этихъ пятенъ есть сходство съ формами облаковъ; часто между двумя пятнами, круглыми и хорошо-окраенными, помещается длинная, зкая полоса такой же матеріи. Вообще же, свѣтъ ихъ весьма-слабъ и не вездѣ ровень; послѣднее, конечно, занснать отъ большаго сгущенія матеріи въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ.

Исследовать, отъ чего происходитъ го неровное сгущеніе, есть ли это лѣдствие всеобщаго тяготѣнія, по заонамъ котораго движется вся солнечная система, и наконецъ, имѣетъ ли лѣніе на измѣненіе формъ этихъ пятенъ время, и каково это вліяніе—

вотъ вопросы, занимающіе новѣйшихъ астрономовъ. По теоріи замеченаго Лапласа, холъ развитіи этихъ пятенъ съдвоилъ такую картину:

Первоначально, вся твердь была открыта космической матеріи; въ равныхъ мѣстахъ началамъ нечаянно космическіе вращенія; вся матерія стала разрываться на части въ слѣдствіе движенія около центровъ притяженія; эти части раздробились на нѣсколко отрывковъ; отрывки округлились; располагались симметрически около центровъ; изъ частей матеріи, помѣтившихся ближе къ самымъ центрамъ, начала образовываться масса довольно-большихъ развѣтвевъ; изъ ядере формировались кучки звѣздъ, окруженные легкими туманными пятномъ, и наконецъ, появилось столько звѣздъ, хорошо-видимыхъ, сколько было центровъ притяженія въ первоначальной массѣ. Въ продолженіе какого времени космическая матерія можетъ перейти въ эти степени неопредѣленно; и совершились ли уже эти переходы или совершаются и теперь? На это можно отвѣчать вѣроятностію: «Они совершались, совершаются и будутъ совершаться».

Время имѣетъ вліяніе на измѣненіе формъ пятенъ: Сравнивая наблюденія 1780 и 1783 годовъ съ наблюденіями 1811 года, Гершель не узналъ пятна Оріона, — такъ оно измѣнилось въ формѣ и пространствѣ. Многие астрономы еще прежде Гершеля замѣчали большія перемены въ пятнѣ Андромеды. Де-Вико (de Vico), директоръ главной обсерваторіи въ Римѣ, занимался изученіемъ свойствъ туманныхъ пятенъ и пришелъ къ заключенію, что все туманные пятна претерпѣваютъ перемены.

Гершель находилъ сходства между некоторыми пятнами и планетами нашей системы, и потому создалъ систему туманныхъ планетъ, или, какъ на зываютъ нынѣ астрономы, планетныя туманности, имѣющія формы круглыя или нѣсколко вѣгнчатскія; некоторые изъ нихъ окрашены весьма рѣзко,

другія кажутся окруженными атмосферой; эти планетныя туманности суть пятна съ свѣтлыми ядрами, но по отдаленности ихъ отъ земли, мы не отличаемъ самого ядра, не видя такой точки, изъ которой бы исходило болѣе свѣта.

Другой родъ туманныхъ пятенъ обыкновенно носятъ названія: туманныхъ звѣздъ, звѣздныхъ пятенъ или простыхъ туманныхъ пятенъ. Къ этому разряду принадлежатъ кучи звѣздъ, кажущіяся нашему глазу свѣтлыми пятнами. Первое такое пятно, обратившее на себя вниманіе прежнихъ астрономовъ, находилось въ созвѣдін Андромеды; его наблюдалъ Маріусъ въ 1612 г. Спустя 30 лѣтъ, Гюгенсъ (Huygens) замѣтилъ большое пятно въ созвѣдін Ориона. Въ 1716 г. Галлей насчитывалъ шесть большихъ пятенъ; въ каталогѣ Мерсіе 1771 г. помѣщено 68, да прибавивъ къ нимъ еще 28 пятенъ, открытые Ла-Каземъ въ пребываніе его на Мысѣ-Доброй-Надежды, будетъ 96. Гершель въ 1802 г. наблюдалъ и оцѣнилъ 2500 пятенъ.

Звѣздныя пятна имѣтъ вообще сферическій видъ. Гершеля особенно занимало одно пятно, въ срединѣ котораго помѣстилось нѣсколько - эллиптическое кольцо изъ маленькихъ звѣздъ; въ центрѣ пятна видно темное отверстие или скважина, также не совершенно-круглая; оси ея относятся между собою, какъ 83:100. Скважина занимаетъ половину діаметра самого пятна.

Сколько же звѣздъ можетъ находиться въ простомъ туманномъ пятнѣ? Конечно, съ точностію опредѣлить этого нельзя, но приблизительно извѣстно, что въ пятнѣ, котораго діаметръ не болѣе 10', а пространство, имъ занимаемое, составляетъ почти $\frac{1}{10}$ часть диска луны, находится не менѣе 20,000 звѣздъ.

По законамъ механики, всѣ эти тѣла должны двигаться, повинувъ одному центральному тѣлу; иначе, дѣйствіемъ тяготѣнія, звѣзды упали бы на центральныя тѣла. Легко видѣть, какъ не-

лѣцы были мнѣнія древнихъ, будто бы наступитъ время, когда звѣзды спадутъ съ неба и упадутъ—куда же на землю. Они предполагали, что звѣзды—фонари, развѣшенные для освѣщенія во время ночей. Исторія астрономіи упоминаетъ о такомъ мнѣніи древнихъ, и говоритъ, что подобныя хрустальныхъ сферъ, на которыхъ были развѣшены фонари, или небесъ, расположенныхъ concentрически около земли, считалось семь; именно: шесть, для числа планетъ бывшихъ тогда неизвѣстными и седьмое для солнца; вѣроятно, отсюда произошло выраженіе: на седьмомъ небѣ, означающее высшую степень удовольствія.

Нельзя сказать, чтобъ сферически или звѣздныя туманныя пятна были расположены неправильно; самая большая гряда почти перпендикулярна къ млечному пути; на ней находится созвѣздія: Большая Медвѣдица, Кассіопея, Вереничныя власы, Дѣла, и др.

Пространства около простыхъ туманныхъ пятенъ вообще малочисленны; и чѣмъ больше и сильнѣе пятно, тѣмъ меньше звѣздъ находится въ его сосѣдствѣ. Около созвѣдія Скорпионъ лежитъ поясъ, шириною около 4°, въ которомъ не видно рѣшительно ни одной звѣзды; на западномъ край этого пояса находится пятно, которое Гершель рассматривалъ, какъ обыкновенно-большое собраніе звѣздъ.

Образованіе этихъ пятенъ многие астрономы объясняютъ такъ: наблюденія показываютъ, что нѣкоторыя звѣзды исчезаютъ, по этому можно предположить, что пятна сформировываются въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ изъ исчезающихъ звѣздъ, находившихся первоначально около тѣхъ мѣстъ, гдѣ образовалось пятно.

Итакъ, туманныя пятна могутъ быть раздѣлены на два класса: къ одному принадлежатъ собственно туманныя пятна, т. е. отрывки космической матеріи; къ другому—пятна, видныя по помощію хорошихъ инструментовъ, какъ собраніе множества звѣздъ. Къ которому же изъ этихъ разрядовъ надо при-

числить млечный путь? Къ обонизъ.— Млечнымъ путемъ называютъ широкій обловатый поясъ, облегающій большую часть неба.— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина его не болѣе 5°; въ другихъ же доходитъ до 22°.— Демокритъ предполагалъ, что обловатость млечнаго пути происходитъ отъ чрезвычайнаго множества звѣздъ сжатыхъ, сравнительно съ разстояніемъ ихъ отъ земли, и что свѣтъ, издаваемый одною звѣздою, сливается со свѣтомъ, исходящимъ отъ другой, и такимъ образомъ доходитъ до нашего глаза сплошнымъ.— Млечный путь не составляетъ сплошной полосы, но въ одномъ мѣстѣ раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна почти совпадаетъ съ обводою великаго круга; такая форма млечнаго пути должна имѣть какую-нибудь физическую причину, для изысканія которой надобно было бы сравнить число звѣздъ въ млечномъ пути и въ другихъ частяхъ неба.— Гершель, сделавъ приблизительно это сравненіе, пришелъ къ такимъ заключеніямъ, что если мы видимъ въ одной части неба гораздо больше звѣздъ, нежели въ другой, такъ что нѣкоторыя части кажутся какъ-бы опустошенными, а другія, такъ сказать, набиты звѣздами; эти набитыя части располагаются близко къ обводу великаго круга и вѣтвь млечнаго пути составляетъ съ главною дугою уголъ въ 120°, — то это происходитъ отъ-того, что мы разсматриваемъ массу, растянутую на необыкновенно-большое пространство въ длину, и сжатую въ толщину, такъ-что въ мѣстахъ, входящихъ прямо противъ нашихъ глазъ, мы видимъ звѣзды въ настоящемъ ихъ положеніи. Лучи, идущіе отъ дальнѣйшихъ мѣстъ, доходя до нашего глаза, сливаются, и такимъ-образомъ мы видимъ сплошную массу, расположенную по небу, въ центрѣ котораго, какъ намъ кажется, мы сами находимся; а что мы видимъ въ одно время двѣ вѣтви одинаковаго состава и такой же формы, то это потому, что наша солнечная система помѣщена въ пересѣченіи этихъ двухъ огромныхъ

туманностей.— Каковы же размѣры вѣтвей, ежели о цѣлой солнечной системѣ мы говоримъ, какъ-будто объ одной точкѣ?

Итакъ, изысканіями Гершеля найдено, что обловатость млечнаго пути зависитъ, по большой части, отъ накопленія чрезвычайно-малыхъ звѣздъ, которыхъ глазъ нашъ не въ-состояніи раздѣлять. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ помощью инструментовъ, это раздѣленіе возможно, довольно ясно видно, какъ звѣзды группируются около своихъ центровъ, такъ-что образуются отдѣльныя кучки.— Весьма вѣроятно, что и всѣ остальные звѣзды, составляющія млечный путь, претерпѣваютъ такіе же перемѣны, и что если онѣ и были расположены неправильно, то эта неправильность постепенно уничтожается и будетъ уничтожаться до безконечности. Мнѣніе Гершеля подтвердилось его же наблюденіями; онъ нашелъ на млечномъ пути 157 отдѣльныхъ группъ, которыя и помѣстилъ въ каталогъ туманныхъ пятенъ.

Посмотрите въ темную ночь на часть млечнаго пути между созвѣздіями: Стрѣльца и Персея; тутъ можно насчитать до 18 кучъ хорошо видимыхъ. На пространствѣ между β и γ созвѣздіи Лебеда, занимающемъ около 5°, по вычисленіямъ Гершеля, можетъ находиться до 321,000 звѣздъ.

Выше мы сказали, что объясненіе Гершеля и его теорія туманныхъ пятенъ нашли многихъ противниковъ; очень можетъ быть, что тѣ мѣста млечнаго пути, въ которыхъ нельзя разсмотрѣть звѣздъ, составляютъ отрывки первоначальной космической матеріи, которые, впрочемъ, въ-послѣдствіи должны обратиться въ звѣзды.

Но вотъ вопросъ: какии-образомъ, отъ накопленія и сгущенія матеріи, образуются настоящія звѣзды?

Въ разныхъ мѣстахъ пятенъ, имѣющихъ вообще свѣтъ не равный, появлялись точки, гораздо-большаго блеска, нежели все остальное пространство пятна.— Такой перевѣсъ свѣта можетъ зависѣть отъ двухъ совершенно-

воотнмъ рѣшеніи мѣтловою гдѣтъ? Чи
 [Дѣла въ этомъ мѣсто- гудитъ,] омако
 врѣмени можно было пройти, чтобы
 космоическаго исторія обратилась въ
 на чина, на пѣтна преобразовалась въ
 въ Базы!...

Итакъ, читатели, мы съ вами съдѣ-
 ла въ прогулку въ небесахъ, но въ ко-
 торой, можетъ быть, не лишнимъ былъ
 былъ малый отдыхъ, какъ въ. А въ
 и истинно; что *de haut en bas*, какъ съ-
 дуетъ, во-восточному, вѣчать — ниче-
 го не дѣлать и ни о чемъ не думать.
 Вотъ почему, «пустившись на землю,
 мы увидѣли себя въ «большомъ затруд-
 пеніи: передъ нами лежатъ одно чрез-
 вычайно интересное и даже важное
 рѣшеніе ученой задачи, но его съдѣ-
 лавало бы украсить алгебраическими
 урѣвеньями и другими подобными
 зупаицими; что, какъ извѣстно, все-
 не сомнѣвается съ порядочнымъ кой-
 фомъ. Итакъ, изъ уваженія къ вашему
 стѣкометію, постараемся изложить
 суцность дѣла какъ можно короче.

Французскій математикъ (XVII-го
 вѣка) Ферматъ оставилъ потомству спи-
 сокъ разныхъ задачъ, свойствъ и пр.,
 касающихся до чиселъ; были ли всѣ
 эти теоремы рѣшены или нѣтъ,
 неизвѣстно; но было ясно, что рѣше-
 нія ихъ весьма важно для науки, что
 въ возможности рѣшенія ихъ нѣтъ со-
 мнѣній. А между тѣмъ рѣшеніе мно-
 гихъ изъ нихъ требовало особенныхъ
 умовъ; даже извѣстныхъ своей учено-
 стію математиковъ. Кромѣ одной, всѣ
 теоремы Фермата были рѣшены Эйле-
 ромъ, Ламбромъ, Коши и другими.
 Одна ускользала отъ всякихъ попы-
 токъ и усилій. Слѣдовало, по вѣзволу
 Ферматъ, доказать, что никакая дѣя-
 го числа степень, выше второй, не мо-
 жетъ быть разложена на сумму двухъ
 такихъ же степеней, иначе — что урав-
 неніе $X^n + Y^n = Z^n$ невозможно въ цѣ-
 лыхъ числахъ, если $n > 2$. Не
 смотря на то, что рѣшеніе этой теоре-
 мы было помѣщено Парижскою Ака-
 деміею Наукъ въ числѣ ея задачъ еще
 съ 1816 года — она оставалась недо-

ступимою ни одному изъ извѣстныхъ
 математиковъ. Впрочемъ, надо съма-
 тать, что она не была рѣшена только
 съ общаго вѣдѣнія; истиннаго же су-
 чаяхъ мы имѣли рѣшеніе этой теоре-
 мы для 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 степе-
 ней; рѣшенія эти были слѣдующія:
 Эйлеромъ, Ламбъ-Дарриемъ, Жемъ-
 драмъ, Ламбъ и Коши. Тебѣ въ 1816
 (бывшій инженер-полковникомъ) ну-
 тей-сообщенія въ русской службѣ) рѣ-
 шилъ послѣднюю Ферматову теорему
 въ самомъ общаго вѣдѣнія. Къ извѣст-
 его, читанной по стѣкометію 1-го
 марта въ Парижской Академіи Наукъ,
 присоединяются нѣмецкія и другія
 математиковъ, и именно: Лувилъ, Ван-
 целъ и Коши. Желая еще найдутъ по-
 drobнѣе изложенія этой теоремы въ
Comptes rendus hebdomadaires Париж-
 ской Академіи въ номерахъ 9, 10, 11,
 12, 13, 14, 15, 16 и послѣдующихъ. —
 Прибавимъ къ слову, что г. Коши во-
 утомимо помѣщается, чуждъ въ каж-
 дый номеръ *Comptes rendus* около де-
 ста своихъ аналитическихъ выведе-
 довъ; непривѣнный секретарь г. Ари-
 го, жаловаясь на эту, рѣшается въ
 хвальную плодотворность, но заимав-
 щую слишкомъ много вѣста въ еже-
 дѣльномъ периодическомъ листкѣ; все-
 го, въ продолженіе года, эти способъ
 г. Коши печатаются по нѣскольку
 тому въ 480 страницъ въ четвертую
 долю своихъ трудовъ и притомъ ла-
 ромъ. Еслибъ Парижская Академія
 была богата, то съ радостію могла бы
 печатать все, что заслуживаетъ этого;
 но средства ея таковы, что она должна
 заботиться еще о выборѣ любопытна-
 го и въ другихъ отношеніяхъ. Поэто-
 му неумудрено, что г. Коши устроитъ
 какъ-нибудь иначе печатаніе своихъ
 многочисленныхъ вычисленій, — и
Comptes rendus потеряютъ, можетъ-
 быть, цѣну для аналитиковъ, но за то
 выиграютъ у другихъ ученыхъ.

— Фабрикація флинт-гласса, чис-
 тѣйшихъ стеколъ для оптическихъ ин-
 струментовъ — одна изъ самыхъ труд-
 нѣйшихъ задачъ, какъ для фабрикан-

товъ: такъ и для оптиковъ. Стекла эти должны быть вовсе безъ струекъ и безъ пузырьковъ. Ньито г. Пеллотье предлагаетъ следующий имъ способъ съ полной удѣрливостію въ успѣхъ дѣланія: возь-какъ онъ описываетъ свой способъ.

Для составления единъ-стакла или оптического стекла, надо взять: 240 частей бѣлаго чистаго песку, 50 улькислого кали или улькислой извести, 30 азотно-кислаго кали, 14 борнокислой соды и $\frac{1}{4}$ марганцу. Углекислого кали и углекислой извести въ этомъ случаѣ такія соли, въ составъ которыхъ входятъ кали 18 частями, а бѣлая или желтая известь 6 частями. Обыкновенно известь или плавленнмъ средствомъ служатъ кали: но дѣйствіе этого плавленъ такъ ли сильно, чтобъ могло произвестн самое совершенное смѣшеніе и соединеніе всѣхъ плавящихся веществъ? После многократныхъ опытовъ, в. самогъ глубоко-внимательнаго наблюденія, г. Пеллотье заключилъ, что дѣйствіе его для этого не довольно-сильно и, прибавилъ этотъ плавленъ другіе, а именно: углекислымъ кали и углекислымъ, окисломъ кальція. Опыты показавш, что этотъ новый плавленъ дѣйствуетъ гораздо-сильнѣе.

Смѣшавъ въ большомъ сосудѣ 9 килограммовъ растительнаго щела (который долженъ быть въ самой совершенной степени испеченія), и 3 килограмма окисла кальція, поливаютъ на нихъ горячей воды и мѣшаютъ до совершенной однородности въ массѣ. Потомъ выливаютъ все это въ бочку, имѣющую отверстіе въ днѣ, покрытую гвезтомъ и устланную соломой и сверху тонкимъ полотномъ, чтобъ щелочная вода не увлекала за собой твердыхъ частицъ тѣхъ веществъ. Подъ бочку ставятъ осудъ для принятія стекающей щелочной воды и переливаютъ послѣднюю снова черезъ бочку дѣтъ-шоръ, пока щелочь не достигнетъ 17° по ареометру Бомѣ. Тогда переливаютъ ее въ чугунный сосудъ и выпаряютъ на огнѣ до сухости. Эта сѣсь будетъ состоять изъ улькислыхъ

(siliciques) растительныхъ веществъ и извести. Сѣсь эту должно сильно растить въ отражательной печи, — тогда наконецъ, получится соль — бѣлая, острого вкуса и очень-жгучая, удобо-отсырѣвающая, сильно распускающаяся въ водѣ, кристаллизующаяся въ ромбоидальныхъ тупоугольныхъ кристалахъ, плавящаяся на красномъ огнѣ и доизрацающая синій дѣтъ лакмусовой (подсолнечника) настойки, обращенной въ красную какою-нибудь кислотой.

Эту соль смѣшиваютъ съ пескомъ, селитрой (азотно-кислымъ кали) и пр. и поступаютъ даѣе, какъ въ фабрикахъ стекла. Новый плавленъ дѣйствуетъ сильно. По расплавленіи стекла, даютъ ему остынуть; потомъ толкутъ стекло въ агатовой ступкѣ (никогда не надо употреблять металлической ступки, потому-что стекло можетъ окислиться и принимать вредныя отътѣнн цвѣта) и превращаютъ массу въ порошокъ, просѣиваютъ порошокъ черезъ самое тонкое шелковое сито, наблюдая, чтобъ никакъ не пошло стекляннхъ крупинокъ, не прошедшихъ черезъ это сито, и снова расплавляютъ просѣянный порошокъ. Когда стекло остынетъ, опять толкутъ, просѣиваютъ и плавятъ. Послѣдняя плавка даетъ уже стекло совершенно - однороднаго состава и безъ струекъ. Остается уничтожить обрабующіеся пузырьки. Для этого на десять минутъ до снятія съ огня расплавленнаго стекла, бросаютъ въ него растолченную очень-мелко губчатую платину въ количествѣ $\frac{1}{100}$ грамма на каждый килограммъ стекла при расплавленіи его плавкѣ. Платина не плавится, увлекаетъ за собой пузырьки и осажденіи, и полученное стекло будетъ самаго превосходнаго качества, требуемаго оптическими инструментами.

— Кстати приведемъ новый предложенный Парижской Академіи Наукъ способъ г. Сирѣ для выпариванія чистки оптическихъ стеколъ при ихъ

употребленія. Обыкновенно для чистки шли мытья этихъ стеколъ употребляютъ алкоголь; но г. Сирэ удостовѣрился, что по вымытіи алкоголемъ, часть его остается на стеклѣ, привлекаетъ самую тонкую пыль, покрывается этою пылью и стекло дѣлается тусклымъ. Поэтому, передъ употребленіемъ стеколъ, ихъ надо каждый разъ вытирать. Точно ли тусклость происходитъ отъ алкоголя — рѣшить по доказательствамъ, приводимымъ г. Сирэ, трудно; но, по крайней мѣрѣ, онъ удостовѣрился, что самый чистый *спирный цветъ* съ совершенно-чистымъ же *животнымъ улемъ* гораздо-лучше очищаютъ оптическія стекла. *Спирной цветъ* надо вдвое болѣе *уля* (по вѣсу), для составленія смѣси.

— Какіе-то гренобльскіе химики получили привилегію на особаго рода газъ для освѣщенія и на способы добычянія его. Въ числѣ разныхъ преимуществъ этого изобрѣтенія поставлены такія обстоятельства, которыя не могутъ не обратить на себя всеобщаго вниманія. Это открытіе, по словамъ газеты *Moniteur Industriel*, распространитъ газосвѣщеніе во всѣхъ промышленныхъ и бѣдныхъ классахъ народа, во всѣхъ городскихъ и деревенскихъ мастерскихъ и рабочихъ заведеніяхъ. Вездѣ есть печи для страши и для нагреванія жилищъ, а ничего нѣтъ легче, какъ приспособить къ нимъ аппаратъ, котораго поверхность, впрочемъ, достаточно-понятное, описаніе слѣдуетъ ниже. Способъ этотъ найдетъ противодѣйствіе только въ отвращеніи, которое обыкновенно питаютъ къ веществу, до-сихъ-поръ поделанному въ однои земледѣліи... Вы угадали уже, чтд это за вещество: это человеческій пометъ. Опыты были какъ-нелзя-болѣе удачны. Печь для этого дѣла — печь обыкновенная; въ ней только твердо укрѣпляется цилиндрическая реторта въ $\frac{1}{100}$ метра длины и $\frac{1}{100}$ метра въ діаметрѣ; въ нее кладутъ одинъ килограммъ (около $\frac{1}{2}$ фунт.) помета въ видѣ тѣста. Опе-

рація повторяется пять разъ въ день; газъ проходитъ чрезъ небольшой очиститель и собирается въ газометръ, стоящемъ на деревянной открытой бочкѣ, въ которой помѣщаются такой же формы, но вверхъ дномъ, цинковый цилиндръ. Сравнительные опыты показали, что одинъ килограммъ осадочнаго вещества даетъ 240 литровъ газа, тогда-какъ такое же количество каменнаго угля даетъ только 172 литра. Газъ этотъ горитъ очень-хорошо и освѣщаетъ нѣсколько — лучше газа, добытаемаго изъ каменнаго угля. Пометъ требуетъ приготовленія самое незначительнаго. Простымъ выжиманіемъ отдѣляютъ отъ него урину и пометъ, для придаванія ему вида густаго тѣста, прибавляютъ весьма-малочувствныя вещества. Въ этомъ-то видѣ, лица, получившія привилегію, и объявляются продавать его желающимъ, съ условіемъ, что онъ будетъ совершенно безъ запаха и стоитъ не болѣе одного франка за 100 килограммовъ. Кромѣ выгоды въ первомъ матеріалѣ, открытіе это представляетъ слѣдующую прибыль: 1) остатокъ послѣ извлеченія газа можетъ быть сильныиъ удобрительнымъ средствомъ для земледѣлія; 2) жидкій остатокъ заключаетъ въ себѣ большое количество углекислаго амміака, а отъ послѣдняго можно перейти къ сѣрнокислому или къ хлористоводородному амміаку — въ таинствъ веществамъ, которыя въ большой цѣнѣ; 3) такъ-какъ новый газъ горитъ свѣтлѣе, то, ограничиваясь одинаковою теплеиью свѣта съ каменугольнымъ газомъ, новый выгоднѣе; 4) такъ-какъ одной и той же величиной реторта дать въ продолженіи 24-хъ часовъ нѣтъ помета вдвое болѣе газа, нежели изъ угля, то для полученія одного и того же количества газа нужно несравненно-менше надержекъ на первоначальное устройство аппарата; 5) описанный выше приборъ очень-простъ, и для пометнаго газа онъ годится, а для каменугольнаго нѣтъ; съ послѣднимъ надо бы было держать температуру слишкомъ-высокою, что невозможно

любопытство, а потому, задача была, возможно, только для таких случаев, которые требуют температуры, которую можно достигнуть вблизи поверхности земли при топчении, а не в закрытой, высокой, др. которой достигнуть только особыми средствами в лабораториях; б) надежде употреблению газа дать возможность добывать газ для освещения совершенно дешево, даже и в таких странах, где нет каменного угля; наконец, 7) это открытие послужит к будущей чистоте жилищ, дворов и улиц и избавит их от неприятных испарений.

При дилатации гипсом, отсырков с анатомическими и препарированных животных, когда они сохранялись до тех пор, пока не спреть, отгиски эти животные не подпадают совершенно чистоты, потому что часть гипса, прилегающая к поверхности анатомического аппарата, остается в порошок. Изначально же одним делом напрасно до сих пор приспичали способы получения г. Сталь, состоящий при Мартенском Мараумъ Естественных наук, счастливо развил эту задачу. Заметьте, что сплетие отгисков с известью, которые сохранялись на ч. вине с спиртом, а в растворе хлористого цинка (chlorure de zinc), было, как дедья болте успешно, опъ убъдился, что успехъ въ этомъ случаѣ былъ не случайный. Г. Сталь сталъ дѣлать опыты и совершенно удостоверяется, что хлористый цинкъ есть вещество чрезвычайно полезное въ формации или денкѣ, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда отгиски должны быть выданы, но даже и тогда, когда съ известью берутся уже выпуклыя; а вслѣдствіе приближающіеся отгиски въясъ, что когда вторые отгиски берутся, нѣсколько времени спустя после черныхъ, то при второмъ дѣйствіи слѣдующихъ, часто портятся, всѣ формы и отгиски, какъ черные, такъ и побѣднѣ и всѣ труды уничтожаются.

Мартенсъ сообщил Брюссельской Академии Наукъ записку о химическомъ распознаваніи противозабоцныхъ поддѣсокъ въ хлѣбной муке. Вотъ переводъ изъ этой записки. Съ шестидесяти времени, политизиравно въ шестидесяти, между стало производиться уже въ болышомъ видѣ для этого употребляютъ картофельную отсѣдь или такъ-называемую картофельную муку, въ особенности же и чаще муку изъ бѣлыхъ бобовъ. Много приуменьшали способъ открывать присутствіе вождѣей; но даже сильныя микроскопы, и безъ того неудобныя для общаго употребленія, дѣйствовали неудовлетворительно, особенно, когда картофельная отсѣдь была смолота вмѣстѣ съ мукой. Наконецъ до сихъ поръ способы основывались на отсутствіи азота и клейковины въ картофельной отсѣди, но способы эти не удовлетворяли требованія, потому что самая мука не всегда одинаково богата азотомъ и клейковиной. Французское Общество Поощренія Национальной Промышленности напрасно до сихъ поръ обращалось къ ученому сословію о разрѣшеніи задачи.

Картофельная отсѣдь или мука не растворяется въ холодной водѣ, зернышки ея не были растерты; но если ихъ сильно растереть въ хрустальной или корбиче очень чистой ступкѣ и потомъ прилить воды, то послѣдняя распуститъ немного отсѣднато вещества; дайте настояться водѣ, процѣдите ее, и вы получите жидкость совершенно-прозрачную, напоминающую синій цвѣтъ отъ прибавленія йодной воды или индиктуры. Это было извѣстно; но г. Мартенсъ убѣдился, что, поступивъ совершенно точно также съ мукой, нельзя йодовой водой окрасить жидкость въ синій цвѣтъ; и это вполнѣ, потому что зернышки муки, будучи гораздо-мельче и помягше упругой клейковинной, не растворяются въ ступкѣ такъ, чтобы обнаружилась способная къ растворенію въ водѣ внутренняя ихъ часть. Послѣ этого, г. Мартенсъ дѣлалъ тотъ же опытъ

наль сибью пшеничной муки съ артофенион отсыдь, в уловотврил- шикъ о уа... что когда количество погладней о превышает даже пяти процентов, тогда а растира сибь въ стуйкѣ ш- выми количествами, въ продолженіи ати или десяти минутъ и потомъ про- живая настонъ сквозь пробускную умагу, можно легко обичить іодовоі оной присутствіе подлѣсь.

Что касается до подлѣсь бобовой уки, то объ улучшеніи ея химикѣ по- ги вовсе не заботились, а между тѣмъ, на сильно распространяется, особен- о въ большихъ городахъ. Микроско- омъ узнать о подлѣсь этой уже рѣ- шительно невозможно, потому что бо- овая мука очень мѣлка и однородна; о химія обнаруживаетъ ее очень лег- о.

Стоитъ припомнить, что всѣ зерна обоидныхъ растений, а следовательно и бѣлыхъ бобовъ, содержатъ въ се- мѣтѣ вещество подобное по раппенію съ казеиномъ, растворяющее- ся въ водѣ, ступающееся или свер- ывающееся отъ искусной кислоты и роу. Итакъ, чтобы обнаружить при- утствие легумина, надо развести за- олованную муку въ двойномъ про- иеи всѣхъ количествъ воды и дать на- тоиться жидкости въ продолженіи аного или двухъ часовъ при темпера- турѣ отъ 20° — 30° стоградусаго тер- ометра. Размѣшавъ ее по време- амъ, потомъ процедить все сквозь ропускную бумагу, вылить осадокъ а бумагѣ большихъ количествахъ во- ды, чтобы выгнать весь легуминъ, и савъ пролѣванная жидкость, отъ при- авки капли-по-каплѣ, искусной кисло- ы, начинаетъ сильно мутиться и сдѣ- ается молочнаго вида, то присутствіе легумина а следовательно а подлѣсь кука бѣлыхъ бобовъ, обнаружены. Не надо прибавлять искусной кислоты лѣшкомъ много, потому что тогда она нова растворитъ сѣвшійся легуминъ. прочемъ, можно обнаружить присут- ствіе легумина въ пролѣванной жид- кости а другими средствами, основы-

ваясь, за-примѣръ, на томъ, что она всажается отъ трехкводной чет-ор- ной кислоты и проч. Обнаруженіе сн- обы очень просто и легко; она об- ачаетъ муку бѣлыхъ бобовъ или даже вскую муку оббывающую растеніи въ муку пшеничной, даже а тогда, ко- га подлѣсь будетъ сдѣлана въ четы- ро или пять процентовъ.

— Въ концѣ прошедшаго года, въ Австрій, изданы законы а литературной и художественной собственности. Вотъ главные, важные его. Авторы а арт- ность, произведшіи что-нибудь, мо- гутъ располагать своими произведеніи- ми какъ хотятъ, или дозволить дру- гимъ воспроизводить ихъ. Сравненъ въ правахъ съ авторами также пред- прииматели или издатели чужихъ произведеній, издатели произведеній анонимныхъ или псевдонимныхъ, и та- кие издатели, которые заказываютъ произведенія по данному върначертанію и на свой счетъ. Переводъ сочи- ненія съ иностраннаго языка считается собственностью переводчика, а не членка другой переводъ того же сочиненія, имѣющій только ничега- значущія перемѣны противъ первого, считается контрафакціей. Переводъ чужеязыч- ного сочиненія не считается контрафакціей, если только авторъ его не боится а заглавномъ листѣ указать, что онъ самъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ, въ послѣднемъ случаѣ всѣхъ переводовъ, изданный въ одной а тотъ же языкъ въ изданиемъ подлинника а безъ позволе- нія автора, будетъ считаться контра- факціей. Воспроизведеніе предствъ искусства, какими бы ни были мехи- ническимъ средствами, тоже не дозво- ляется. Этими покровительствомъ бол- вуютъ не только первоначальныя ори- гинальныя произведенія, но а всякое воспроизведеніе, сдѣланное или са- мимъ артистомъ или его насѣдниками, или тѣмъ, кому передано это право. Воспроизведеніе, безъ позволенія ав- тора, публичнаго чтенія лекцій, соста- вленныхъ съ цѣлю учебною, или на-

впечатлительном, или для удовольствия, не покровляется, даже и в томъ случаѣ, когда бы желающій читать лекціи былъ издателемъ сочиненія и авторомъ, или приобретателемъ его. Географическія и топографическія карты, архитектурныя чертежи, вообще рисунки, и музыкальныя ноты, подлежатъ тому же закону. Цитаты и выписки изъ чуждаго сочиненія не считаются контрафакцими, но извлеченія и выписки изъ новѣйшихъ писателей, почитаемыхъ въ учебныхъ книгахъ, не должны превышать одного печатнаго листа и притомъ всегда съ показаніемъ источника. Заимствованія изъ одного или болѣе музыкальныхъ сочиненій для варіацій, фантазій, этюдовъ и попури не относятся къ этому ограниченію. Представленіе драматической пьесы и публичное разыгрываніе музыкальнаго произведенія, есть неотъемлемая принадлежность автора; безъ позволенія автора или до изданія подобнаго сочиненія въ печать — и то в другомъ изрѣченіи. Законъ предоставляетъ автору право собственности не только на все продолженіе его жизни, но и на тридцать лѣтъ послѣ его смерти. Пятидесятилѣтній срокъ послѣ смерти автора предоставляется только сочиненіямъ, изданнымъ академіями, институтами и обществами ученыхъ или артистическими, состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ правительства; сочиненія же, изданныя другими обществами, пользуются только тридцатилѣтнимъ срокомъ. Этимъ же срокомъ пользуются и анонимныя или псевдонимныя произведенія, такъ же, какъ и произведенія, изданныя правительствомъ, если, впрочемъ, послѣднее не отдастъ ихъ само къ распоряженію публики. Представленіе драматическаго сочиненія или публичное разыгрываніе музыкальной пьесы дѣлается достояніемъ публики черезъ 10 лѣтъ по смерти автора. Контрафакція наказывается конфискаціей всѣхъ сдѣланныхъ экземпляровъ, истребленіемъ формъ, напечатавшихся, досокъ и проч. и штрафомъ отъ

25 до 1000 флориневъ. Штрафъ этотъ въ случаѣ невозможности уплаты, объявляется тюремнымъ заключеніемъ: штрафъ отъ 25 до 100 флориневъ включеніемъ отъ 8 дней до 1 мѣсяца; штрафъ отъ 400 до 1000 флориневъ включеніемъ отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ. При второмъ проступкѣ издатель теряетъ право торговли. Законъ этотъ распространяется на всѣ сочиненія, хотя бы они были сочинены и впервые издааны въ Австріи иностранннми подданными; распространяется также и на всѣ издаванія, являющіяся во вѣдѣ Германскаго-Союза; что же касается до издаваній, печатаемыхъ въ границахъ Германскаго-Союза, то въ Австріи покровительство имъ будетъ оказываемо въ слѣдствіе особаго трактата съ иностранными государствами.

— Въ Китайской Имперіи 18 марта 1846 г. состоялось повелѣніе въ пользу христіанской религіи; въ повелѣніи этомъ сказано, что всѣ старинныя храмы, построенныя въ царствованіе императора Канг-Хи и до сихъ поръ сохранившіяся, будутъ отданы въ распоряженіе христіанъ, живущихъ въ окрестностяхъ церкви. Сначала, разумеется, китайское начальство употребится на мѣстѣ въ дѣйствительности существованія церкви и проч. Въ обращеніи не подлежатъ только храмы, которыя обращены въ негодныя или частныя дома. Въ слѣдствіе этого, главные лица, управляющія дѣлами римской пропаганды, разослали циркуляры всѣмъ духовнымъ особамъ, разсыпаннымъ по Китаю и попросили ихъ составить описанія положенія, въ какомъ находятся старинныя католическія церкви. Недавно всѣ описанія уже доставлены въ Пекинъ и всѣхъ ихъ сдѣланы общій сводъ, который и будетъ посланъ въ Пекинъ на утвержденіе чрезъ вице-король китайскаго Ки-Нинга. Изъ этого свѣдѣнія видно, что 117 церквей, хорошаго сохранившихся, могутъ, по смыслу повелѣнія, 18 марта 1846 года, быть обращены для

храмъ и царица Богослужения. Въ осьмь построенъ, былъ въ периодъ времени съ 22 марта 1692 года, когда состоялся въ поддану христіанской религіи законъ императора Канг-Хи, до 1722 года, то есть до кончины этого императора. Большая часть этихъ церквей построена Іезуитами, и почти каждая въ одной изъ башенокъ своихъ заключаетъ астрономическую обсерваторію; — Іезуиты тогда очень любили эту науку.

— Такъ какъ мы теперь понали въ Китай, то отсюда уже недалеко и до малайскихъ острововъ Сулаты, Явы и Борнео. Въ прошломъ, между этими тремя островами, ближе къ первому и къ послѣднему, находятся небольшіе островки Банки и Биллтона. Оба эти острова имѣютъ болѣе 60,000 жителей, почти все Китайцевъ. Голландцы давно имѣли небольшой вліяніе на эти острова, но на-самомъ-дѣлѣ, султаны ихъ признавали себя независимыми въ дѣлахъ я вѣры и управленія; словомъ, права плохо смягчались и просвѣщеніе туда не заглядывало. Теперь пишутъ, что султанъ Банки переписывается съ духовенствомъ Сингапура (на Полуостровѣ-Малакка) о желаніи своемъ, со всѣмъ семействомъ, принять христіанскую религію. Кто любитъ и читалъ путешествія по тѣмъ странамъ, тотъ знаетъ, что изъ всѣхъ динныхъ племенъ земнаго шара, Малайцы болѣе всѣхъ недоступны къ гражданственности, смягченію нравовъ, общежитію и проч., потому именно, что они не дика, не страшны какъ львы, а хладнокровны и откровенно кровожадны, какъ кошки. Поэтому всякой шагъ ихъ къ общечеловѣческому уже важенъ. Надѣются, что примѣру султана острова Банки послѣдуетъ и султанъ Биллтона и всѣ жители обоихъ острововъ.

— Мы нашли во французской газетѣ *La Presse* (отъ 17 и 18 апрѣля) двѣ небольшія статьи, служащія матеріалами къ исторіи 1812 и 1813 годовъ. Переводимъ ихъ безъ дальнѣйшей пере-

мѣны: Г. Дюблеа, очевидной военный офицеръ, живущій въ Парижѣ въ Пондоской-Улицѣ, въ домѣ № 4, пишетъ въ редакцію газеты *Proces* и т. д.

«Прислупоушло ко мнѣ доносительство изъ подтвержденіе отъ г. редактора *La Presse* газетѣ *Le National*; Пашу 6 дѣлъ, въ которыхъ была самъ участникомъ. Въ 1813 году, Лейпцигъ былъ завоеванъ русскими; ихъ было тамъ до 80 тысячъ. Нѣсколько времени спустя послѣ лейпцигскаго сраженія, тогда въ лейпцигскихъ долахъ, обращены въ госпитали, принадлежали войскавой породакъ, Императоръ Александръ послѣднихъ побѣдъ почти всѣ мѣста, гдѣ находились раненыя французскіе офицеры, и, найдя большую часть изъ насъ совершенно безъ одежды, приказалъ снабдить насъ деньгами и различныя необходимыя предметы».

На другой день та же газета извѣстала другое писаніе, слѣдующаго содержания:

«Еслибъ всѣ Французскіе военныя въ плѣнъ къ Русскимъ, во время отступленія 1812 года, получили по примѣру г. Дюблеа, котораго писаніе вы напечатали, то столбы нашей славы не могли бы имѣть всѣхъ недобрыхъ писемъ. Я покорнѣйше прошу васъ, впрочемъ, написать мое, сообщая, что дѣлаю это такъ свободно».

«Нерегулярныя сраженія совершенно обобрали насъ, такъ что намъ остались только лохмотья, съ временемъ оставлены мы на мертвыхъ тѣлахъ. Съ этими нищенскими тѣлами на плечахъ, мы рѣшительно потеряли надежду перенести суровость наступающей зимы, — какъ неожиданно получили, каждый офицеръ, по 100 рублей ассигнаціями (100 франковъ); деньги эти были намъ доставлены отъ имени императрицы Маріи Александровны (очевидная ошибка въ имени) супруги императора Александра».

«По возвращеніи во Францію, въ 1814 году, очень многіе изъ насъ желали громко и публично излить благодарность за благодѣіе; слышавшес-

накъ, такъ въ арміи; но Русскія еще были на французской землѣ, и въ то же время, особею критическое положеніе оставило на додеонной арміи разсла-зо въстѣхъ нашихъ товарищомъ по вздрадоніи на родину.

Эмиль Гий-Фокръ.

Французскія газеты извѣщаютъ, что главный государственный дворянъ Валатинъ, въ заведеніи отъ 28 февраля, утвердилъ законъ, по которому 14,000 цыганскихъ семействъ, составляющихъ болѣе 60,000 душъ и бывшихъ во владѣніи у государства, чернаго и бѣлаго духовенства и всѣхъ общественныхъ учрежденій, — объявляются свободными. Кто знаетъ, въ какомъ бѣдственномъ состояніи нищеты находились эти цыгане, тотъ вѣрно порадуется за эту человѣколюбивую итру господаря Гибеско; итронолитъ таинствѣ, не смотря на нѣкоторое сопротивленіе духовенства, омытъ изъ первыхъ далъ полное согласіе на этотъ законъ и потомъ поддержалъ его своимъ краснорѣчіемъ, побуждая болѣе воспользоваться привѣтру государства. Но въ послѣднемъ случаѣ, то есть, на счетъ владѣнія частными лодьями, дѣло это будетъ не такъ легко, потому что лишитъ болѣе 10,000 семействъ или 48,000 душъ. Всякій свободный Цыганъ будетъ обязанъ платить ежегодно по 33 пенса (около 3 руб. серебромъ) поголовной подати, которая на первое время будетъ употребляться на выкупъ Цыганъ изъ частнаго владѣнія.

Цинуть, что въ Константинополѣ учреждается академія, подобная парижской и академіямъ другихъ государствъ. Это учебное собраніе будетъ состоять изъ 20 эфенди и обязано заниматься всѣмъ, что дѣлаетъ хотя малѣйшую связь съ языкомъ и исторіей Турціи. Академія же будетъ наручена главнымъ надзоромъ за всѣми заведеніями публичнаго обученія. Прежде всего, въ читаніи новостей о закладкѣ академіи

въ Константинополѣ для публичнаго художественнаго института.

— На луврскую выставку въ прошломъ году, по словамъ «Ельтона» (Journal des Débats), представлено 6,800 художественныхъ произведеній, а принято только 2,321 — женьше половинѣ. Присажные при оцѣнкѣ были строги, но принимая во вниманіе, что и теперь должно на выставку довольно посредственнаго, надо думать, что всѣ непринятые произведенія намѣдими бы выставку: истинно-художественныя произведенія утопили бы въ муть. Безпрестанное возрастаніе числа художниковъ, обязываетъ привести еще дѣло къ какой-нибудь реформѣ. Частная, по крайней мѣрѣ, выставка, предлагаемая устроителями, выставки скоро убьетъ луврскую, а она и безъ того уже болѣла. Но съ одной стороны нельзя не простить нѣкоторымъ уже художникамъ небольшой слабости — нежеланія смириваться съ толпою учениковъ и бездарностей, а съ другой и публикѣ въ мысленномъ. — она устала отыскивать, что нова произведенія на обильномъ луврскомъ базарѣ. И дѣйствительно, многіе знаменитые члены художники Института, обличенные званіемъ присажныхъ, не заботятся исполнять въ точности свой трудъ, и даже, какъ слышно, намѣдими соединиться въ особое общество, для отдельной выставки своихъ произведеній.

При пышнѣшемъ порядкѣ прѣдма картинъ на выставку, часто случаются и другаго рода, такъ сказать, безпорядки. Какъ иначе назвать возустройство на выставку произведеній талантъ художниковъ, труды которыхъ прежде уже бывали на выставкахъ, и которые извѣстны съ хорошей стороны не только Франціи, но даже и Европѣ, какъ, на примѣръ, Делакруа, Томи-Жоанно, Декана, Амори-Дювалъ, Барри, Мендрона, Коро, Дюпре, Каба, Марилла, Этѣ, Фландрена, Руссо, Одьѣ и Шассерьеро? Пржеде, при маломъ числѣ художниковъ, можно было строго придерживаться школы и ру-

вы; но теперь, когда искусства развиваются так быстро по всей классу общества, они въ правѣ требовать бы уже организаціи въ званіяхъ художественныхъ. Если студенты университетовъ приобретаютъ экзаменами диссертациями права бакалавровъ, магистровъ, докторовъ, адвокатовъ, и проч., то почему бы свободнымъ художникамъ, положимъ, три раза доущеннымъ на выставку, не приобрести уже диплома или права неподсудности въ отношеніи выставки своихъ картинъ въ Луврѣ? Такъ или иначе, но настоящее положеніе дѣла требуетъ реформы и правильныхъ установленій. Разумѣется, присяжные останутся бы въ своей силѣ для новичковъ и для соблюденія правилъ въ выставленныхъ картинахъ; послѣднее необходимо для огражденія публики отъ извѣстнаго своеволія артистовъ.

Теперь... Но мы должны сказать нѣсколько словъ, которыми, по настоящему, надо было начать вашу статью: мы омовдали повѣщеніемъ о луврской выставкѣ, и потому не намѣрены были уже вовсе говорить о ней; но одна картина обратила на себя такое вниманіе всей парижской публики; о ней пошло столько слуховъ, что мы рѣшились привести здѣсь отзывы объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, и высказать нѣсколько мыслей по поводу выставки и вообще выставокъ. Но прежде прославленной картины, скажемъ и о другихъ, чтобъ послѣ уже не возвращаться къ нимъ. Гг. Вернѣ и Циглеръ выставили оба по картинѣ одного и того же сюжета: «Юдией послѣ отсѣченія головы Олоферну». Мы не послѣдуемъ за французскимъ критикомъ въ приведеніи библейскаго сказанія, объясняющаго картину; скажемъ только, что оба живописца отступили отъ преданія истории на-счетъ характера Юдией; первый придаетъ ей черты слишкомъ-строгаго и ханжескаго на лицѣ ея какое-то ужасное самодовольство, которое можетъ родиться только послѣ арѣстнаго наказаннаго преступленія... Второй, немного косвеннымъ располо-

женіемъ глазъ живописца Юдией какою-то Татаркой, изображаетъ на ея лицѣ улыбку, вѣстимъ и жестокую и своевольную; она, ханжеско, ханжески эту женщину довольно живописно, но не вѣрно... Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, объ Юдией — замѣчательныя, по искусству художниковъ, картины.

Папа Сикста-Пятый, въ подножьи облаченіи, стоя на камнѣ, благословляетъ Понтийскаго Бодота, передъ начатіемъ работа для осущенія вѣхъ; онъ окруженъ капрономъ и народомъ. Таковъ сюжетъ картины Родольфа Лемана. Все сочиненіе картины, правильность рисунка, общая мысль во всемъ и частныя мысли въ группахъ — выражены такъ, что заставляютъ невольно обратить вниманіе на молодого художника. Колоритъ немного желтъ — и это недостатокъ. Другія ея же небольшія картины нравятся болѣе публикѣ; но Сикста-Пятый по важности сочиненія все-таки выше всѣхъ.

Робертъ Флэри выставилъ двѣ картины, имѣющіе между собою какое то историческое сближеніе. Первая представляетъ Галилея, когда онъ, послѣ отреченія отъ своихъ ученыхъ мнѣній, приподнимая колѣно съ земли, повторяетъ свое извѣстное мнѣніе: «а все-таки вертится». — На второй — Христофоръ Колумбъ, по возвращеніи изъ Америки въ Барону, представляетъ долѣю передъ королямъ и королевою и представляетъ имъ привезенныхъ Индійцевъ. — Обѣ эти картины заслуживаютъ вниманія.

А. Гессъ выставилъ сцену изъ исторіи Венеціи. Народъ, освобожденъ полководца Пизани изъ тюрьмы, въ минуту грозившей государству опасности отъ непріятели, ведетъ его съ триумфомъ. Народный энтузіазмъ всецѣло холодеетъ на картинѣ; но за то рисунокъ всѣхъ лицъ и отдѣлка — вполне удовлетворительныя:

Скажемъ еще, что на этой выставкѣ не было произведеній такихъ художниковъ, на произведенія которыхъ публика всегда смотритъ съ удовольствіемъ; и на эти пришлѣ: Энгра, Деларо-

ша, Шеффера, Амори Дювала, Марешала и Декана. Избавимъ читателя отъ перечня всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ *tableaux de genre*, которыми изобилowała выставка, и перейдемъ къ картинѣ г. Кутюрра: «Римляне во время упадка имперіи».

Г. Кутюръ взялъ для своей картины и эпиграфъ изъ Ювенала: «Страшѣе войны, порокъ низпалъ на Римъ и мститъ за покоренный міръ». — На картинѣ изображено около 40 лицъ, изъ которыхъ находящіеся на переднемъ планѣ болѣе натуральной величины; всѣ они предаются шумной оргіи въ залѣ какого-то римскаго дворца. Тутъ, согласно тогдашнимъ обычаямъ, мужчины и женщины, и тѣ и другія въ легкихъ, очень-легкихъ одеждахъ, — кто возлежитъ, кто пьетъ, кто разговариваетъ на лежахъ, которыя, такъ-сказать, составляютъ одно общее и огромное ложе. По сторонамъ этой средней сцены пресыщенныхъ развратниковъ, на одномъ концѣ группа потерявшихъ человѣческое чувство, пьяныхъ, — на другомъ нѣсколько человѣкъ, сохранившихъ собственное достоинство, съ презрѣніемъ и грустью смотря на всю оргію. На самомъ переднемъ планѣ картины, украшенныя цвѣтами разнообразныя вазы; на заднемъ планѣ, между колоннами коринтскаго ордена, которыя замыкаютъ сцену, второстепенныя лица, предающіяся такому же распутству какъ и главные.

Надо признаться, что достаточно вспомнить стихъ Ювенала:

..... Saevior armis
Luxuria incubit, victumque ulciscitur
orbem,

чтобы увидѣть въ картинѣ ту нравственную мысль, которую выразилъ художникъ. Но можно къ этому даже прибавить, что если смотрѣть на картину только какъ на простое изображение оргіи, то расчетливое и нѣсколько театральное сочиненіе рисунка уже вредитъ идеѣ художника. Допустивъ тогдашніе, такъ-сказать, язы-

ческіе нравы, во всей группѣ Римлянъ вы увидите людей, конечно, довольно порядочныхъ, которые отдалаютъ заслѣ славы побѣды. Два серьезнаго челоѵка на правой сторонѣ, на сѣтра на скрѣнное выраженіе нга лицъ; производятъ весьма-слабыя эффектъ и даже жалки тутъ, какъ и всегда бываетъ съ Катонани, которые суютъ свои носы туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Очевидно, художникъ соблазнился самъ мыслію нарисовать сцену, которая ему дала возможность мастерски группировать нѣтъ-шихъ молодость и красотой полунагихъ, или совсѣтъ-принять мужчинъ и женщинъ, и потомъ — провинности — вить нмъ нѣсколько лицъ: жалкихъ; мужественныхъ; соблазненныхъ — и жертвовалъ своею идеєю картинѣ оргіи.

Общее сочиненіе всей картины, какъ въ-огрошеніи собственно лицъ рисунка, такъ и отдѣльныхъ группъ свободно и легко; отъ этого картина совершенно удовлетворяетъ глазу зрителя, но за то дѣйствуетъ слабѣе на воображеніе и умъ. Передъ картиной вы остаетесь совершенно равнодушны и надо быть посвященнымъ въ таинства самаго искусства, чтобы отаранн и оцѣнить всѣ, правда, матеріальныя, но дѣйствительно замѣчательныя достоинства этой огромной картины. — Сидя три глазомъ артиста зинтока и класъ во всѣ подробности, вы остаетесь довольны всѣмъ. Надо желать, чтобы молодой художникъ одушевилъ болѣе зрѣлою мыслію свою иштета, и тогда онъ можетъ стать выше во фрду нѣстныхъ уже заслугами артиста.

Мы привели чужіе отзывы; мы рѣшаемся имъ безусловно согласиться, потому, ни возражать, потому, что не дошедшимъ до насъ очеркамъ картины можно ошибаться. Подождемъ, и вѣрно будетъ гравюра съ нея; тогда увидимъ.

— Директоры парижскаго салона, чувствуя, что съ приближеніемъ дня публика обратится къ гравюрамъ,

нашего, чтобъ нестою англо-драмъ, будетъ себѣ преспокойно вырванъ въ консертабелно-устренныхъ кувалдяхъ,—старается привлечь толпу безпрестанною постановкою новыхъ пьесъ; отъ-того въ послѣдній мѣсяцъ на всѣхъ театрахъ безъ исключенія, появилось множество новыхъ драмъ, пьесъ, комедій, и проч., и проч. Почти ни одна изъ нихъ не упала, хотя рѣшительно ни одна не стажала и блестящаго успѣха. Это большею частію все прошедеденія, которыми смотрятъ не безъ удовольствія, но на другой день совершенно забываются. Больше другихъ имѣютъ достоинства: комедія Вьенне *La Course de l'héritage*, драма Анномъ *Coralie Une Loge de l'Opéra*, водевиль Скриба *Une femme qui se jette par la fenêtre*, и водевиль Бюффа *Père et Portier*. Но такъ-какъ мажорке привыкли начинать театральное обозрѣніе съ музыки, то и на этотъ разъ, скажемъ сперва нѣсколько словъ о новой комической оперѣ г. Адрыена Боэльдѣ (сына знаменитаго Боэльдѣ) подъ названіемъ: *Le Bouquet de l'enfantin* (Букетъ Инфантинны). Вотъ ея содержаніе:

и Дочь браганцскій занимаетъ тронъ Португаліи, потерявъ Испанцы не потеряли надежду овладѣть. Маркизъ Фабіо де-Сильва, — разоренный политическимъ переворотомъ и подстрекаемый доминиканцами, своими воспитанниками, составляетъ заговоръ противъ новата порядка вещей. Онъ рѣшается убить наслѣдника браганцскаго; но этотъ черныи замыселъ не имѣетъ ему быть исполненнымъ въ блоннурую Джинетту, воспитанницу публичнаго дома Паскалеса. Принцъ часто гуляетъ одинъ по лиссабонскимъ улицамъ, и нравитъ его весьма-не трудно. Но слѣдующій случай разсраиваетъ дѣло. Нѣкто докъ-Луизъ де-Порто, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ спасъ жизнь Фабіо въ Кадисѣ, и который не кто иной, какъ самъ принцъ браганцскій, приходитъ къ Паскалесу, находитъ Джинетту

очень-хорошенькою, и поздравляетъ своего друга съ такой невѣстой. Онъ имѣетъ вѣсь при дворѣ и будетъ стараться, чтобъ Фабіо возвратили его богатство, чтобъ Джинетту взяли ко двору инфантинны, а Паскалеса изъ публичнаго писца сдѣлали домашнимъ секретаремъ принца. Паскалесъ въ порывѣ восторга спѣшитъ показать дову-Луису де-Порто, образцы своей каллиграфіи, между которыми находится планъ заговора. Въ-слѣдствіе этого, Фабіо схватываютъ и осуждаютъ на смерть. Тогда только онъ узнаетъ великодушіе принца въ-отношеніи къ нему. Осужденный проситъ, какъ милости, позволенія жениться передъ смертію на Джинеттѣ, чтобъ она могла наслѣдовать его имѣніе. Ему позволяютъ. Джинетта, ничего не подозревая, ждетъ своего жениха въ загородномъ домѣ, посреди веселья и пѣсенъ. По окончаніи церемоній, человекъ, закутанный плащомъ, мрачный, молчаливый, приближается къ Фабіо и предлагаетъ ему свободу, если онъ поклонится въ вѣчной ненависти къ браганцскому дому. Фабіо отказывается. Настаетъ часъ казни... Но между палачомъ и жертвою падаетъ съ балкона букетъ инфантинны. Это знакъ прощенія, и маркизъ Фабіо де-Сильва женится на Джинеттѣ.—Либретто этой оперы принадлежитъ гг. Жювѣ и Планару (Juvé et Planard). Интрига ведена весьма-ловко и занимательно. Что же касается до самой музыки, то главныя достоинства ея составляютъ — обиліе мелодій, легкость и грація. Можно только обвинить композитора въ велишней наклонности къ романсамъ и куплетамъ. Опера эта имѣла большой успѣхъ; нѣкоторыя мѣста были повторены, какъ, на-примѣръ, болеро втораго акта и баркаролла, сифтая Ограномъ (Audran). Вотъ уже восемь лѣтъ прошло послѣ перваго произведенія г. Адрыена Боэльдѣ: «Маргерита», и онъ является теперь передъ парижской публикой съ талантомъ зрѣлымъ и обработаннымъ. Примѣтъ, который она сдѣлала «Букету

Инфантины, предвѣщаетъ молодому композитору блестящее поприще.

На Театрѣ Большой Оперы г. Коралли поставилъ новый балетъ: *Озаи* (Ozaï), съ музыкою г. Казимира Жидла (Gide). Поэздѣ и либретто и музыка—дѣло второстепенное; главное—обстановка, и потому мы не станемъ распространяться о содержаніи новаго балета, въ которомъ выведенъ на сцену знаменитый Бугенвилль, и который отличается пагубеской сантиментальностью, какъ и большая часть произведеній этого рода. Великолѣпныя декорации, костюмы, разнообразіе танцевъ, испутили цѣлѣность либретто и публика осталась довольна. Теперь обратимся къ произведеніямъ драматическимъ.

Читали ли вы томикъ сатиры и пославіи, изданный недавно г. Вьеннѣ?—это лучшее изъ его произведеній. Въ предисловіи онъ доказываетъ, что большая часть поэтовъ, съ древности до нашихъ временъ, вдохновлялись обстоятельствами. Казимиръ Делавивъ и Беранже, въ наше время—одолжены своей репутаціей обстоятельствамъ. «И какой человѣкъ» восклицаетъ г. Вьеннѣ «можетъ назваться поэтомъ, если онъ оставался равнодушенъ ко всему, что происходило вѣкругъ него, если пренія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, не овладѣвали его воображеніемъ, если событія исторіи настоящей не производили на нервы его, или на его гениі впечатлѣвія живаго и глубокаго; если, возвратясь къ удивленію, онъ не ощущалъ потребности передать современникамъ волновавшія его чувства?» Такъ говорилъ онъ, такъ и поступалъ. Онъ началъ съ Наполеона, въ 1803 году. Сатира г. Вьеннѣ сильно запечатлѣна удивленіемъ къ герою, управлѣвшему тогда Франціей. Чувства, выражаемыя имъ, были чувствами страны; и при всемъ томъ, даже въ эту эпоху, сатира не теряла вполнѣ своихъ правъ; г. Вьеннѣ сѣлся надъ придворными, старавшимися создать генеалогію императора. Эпаминондъ называлъ Левктры и Мантинеею своихъ дочерями, г. Вьеннѣ на-

ходилъ, что победы въ Италиі и Египтѣ были достойными предками Наполеона.

«Et je ris de ce que l'on dit de l'Egypte, Qui se croit être vainqueur de la France, A dit, en se pliant sous le joug de l'Asiole Il était vainqueur de la France, et de la France»

Потомъ г. Вьеннѣ ратовалъ противъ Коцебу за его нападки на Францію, которыя онъ печаталъ въ берлинскихъ газетахъ, а также дожило до то, что успѣхъ *Непачисти къ людямъ* и *раскалнн* и *Дуохъ братьевъ*—ускорилъ прогрессъ романтизма, который былъ всегда, какъ бельмо на глазу, у г.

Вьеннѣ. Увоенный воспоминаніями о миеологіи, онъ пѣлъ Марса и Венеру, какъ человѣкъ, рѣшившійся списать ихъ иялость, и съ неудовольствіемъ видѣлъ паденіе Олимпа. Анологовъ и музы защищались въ отычкѣ г. Вьеннѣ протнвъ истинныя выраженія, которой требовали новые нравы. Германская наивность помогала этому преобразованію, и г. Вьеннѣ опустошалъ колчанъ свой въ честь Парнасса и Пинна. Пужно простить ему это заблужденіе, отъ котораго онъ не могъ никогда вполнѣ исправиться. Г. Вьеннѣ, хотя Парнассъ и Пинна были ему родственныя съ дѣтства, не былъ, однако, подобно Платову, вскормленъ ичелами. Не одиакъ медъ выходилъ изъ устъ его; будучи насѣвшимъ отъ враждъ, онъ задѣвалъ то того, то другаго, и казался всегда удивленъ, когда ему мстили. Послѣ романтизма, журналисты навлекли на себя гнѣвъ г. Вьеннѣ; но они достойно и отплатили ему: онъ получилъ желаемое удовольствіе; онъ могъ, по живости навазковъ, заключить, что у него есть враги; онъ могъ сказать себѣ: я человѣкъ значительный въ государствѣ. И дѣйствительно, благодаря литературной враждѣ, преслѣдовавшей г. Вьеннѣ, онъ сдѣлался академикомъ, перомъ, президентомъ въ обществѣ литераторовъ, словомъ—достигъ всѣхъ почестей.

щаюся изъ окна). Здѣсь все дѣло въ четѣ, которая была бы совершенно-счастлива, еслибы не внимательство тѣщи, вооружающей дочь свою противъ зятя. Мужъ, приведенный въ отчаяніе безпрестанными сценами, рѣшается показать свою власть; дочь корчитъ угнетенную жертву и грозитъ броситься въ окно; мужъ не противится этой фантазіи. Плутовка знаетъ, что подлѣ окномъ навалепо сѣно, и что этажъ не высокъ. Она бросается. Мужъ не идетъ поднимать ее, и, насколько не заботясь о своей любовной половинѣ, начинаетъ вести веселую жизнь. Узнавъ это, жена воскресаетъ и проситъ позволенія возвратиться подлѣ супружескую кровлю. Мужъ отвѣчаетъ, что онъ не отодретъ дверей и что она можетъ возвратиться такимъ же путемъ, какииъ вышла. Послушная жена приставляетъ къ стѣнѣ дѣстилицу и влѣзаетъ на балконъ. Слѣдуетъ примиреніе и обращеніе тѣщи, которая убѣждается, что метода ея плоха.

Водевиль Баара: *Père et Portier* (*Отецъ и Дворникъ*), не имѣлъ такого успѣха, какъ водевиль Скриба; журналы, почти единогласно разбранившіе его, видятъ въ немъ упадокъ остроумія г. Баара: впрочемъ, нельзя не согласиться, что мысль этой пьески весьма удачная. Дюмарто дворникъ, и кроми того портной. Какъ всѣ портные, онъ далъ сыну блестящее воспитаніе. Сынъ его *clef-d'huissier*. Это высокое социальное положеніе радуетъ и влѣстѣ съ тѣмъ огорчаетъ старика Дюмарто. Сынъ не хочетъ проводить вечера въ дворнической кавурѣ своего отца; онъ живетъ отдѣльно, и цѣлый день рыщетъ. Дюмарто начинаетъ подозрѣвать его въ любовныхъ шашняхъ и рѣшается напасть на него върасплохъ. Онъ идетъ на квартиру сына, но не застаетъ его дома, и находить—что бы вы думали? Синій фракъ, сшитый не отцовской рукой! Это повергаетъ старика въ совершенное отчаяніе. «Какъ!» восклицаетъ онъ: — «дерзкій, смѣетъ презирать отцовскую кройку. Я проучу его за это!» Дюмарто

долго стоялъ пораженный горемъ, и не прежде пришелъ въ себя, какъ ошаривъ всѣ карманы враждебнаго фрака и найдя въ нихъ пару бѣлыхъ перчатокъ и приглашительный билетъ на балъ къ г-жѣ Вандертромпъ. Онъ поѣдетъ на этотъ балъ, онъ обличитъ своего негодяя-сына, который вылетѣлъ его за барона Дюмарто, генерал-лейтенанта и обладателя многихъ имковъ. Надѣвъ голубой фракъ, собственной работы, и завитой парикъ, Дюмарто отправляется на балъ. Тутъ начинается рядъ забавныхъ сценъ съ старымъ дворникомъ, который навязывается пуншу и пускается въ любовныя объясненія съ хозяйкой дома. Подлѣ конецъ все устроивается какъ нельзя-лучше. Молодой Дюмарто женится на племянницѣ г-жи Вандертромпъ; а г-жа Вандертромпъ, которая оказывается бывшей кухаркой, вышедшей замужъ за продавца голландскаго сыра, соединяется бракомъ съ г-нъ Дюмарто-отцомъ.

Кромѣ этихъ пьесъ, лавы были: *Леонаръ Парикмахеръ* (*Leonard le perruquier*), драма, имѣвшая посредственный успѣхъ; водевилы: *Les Infortunes conjugales*, и *Claude le Riboteur*. Содержаніе всѣхъ этихъ пьесъ такъ ничтожно, что не стоить его рассказывать.

—Испанская труппа, пріѣхавшая въ Парижъ, для того, чтобъ ознакомить его съ испанскимъ репертуаромъ, продолжаетъ свои представленія. Она играетъ, кромѣ пьесъ Кальдерона и Лопе-де-Веги, также и новѣйшія произведенія испанскихъ авторовъ. Между этими послѣдними, самымъ плодотыиъ и популярнымъ считается *Бретонъ де-лос-Герреросъ*; онъ родился съ елькомъ, говоритъ однимъ языкомъ его, и уже написалъ болѣе ста пьесъ для театра, которыя отличаются, если не сильной интригой, то поэтическими достоинствами. Бретонъ де-лос-Герреросъ, подобно Сервантесу и многимъ другимъ испанскимъ поэтамъ, былъ на войнѣ и съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ независимость. Париже др-

матическое произведение его относится къ 1824 году. Ему было тогда семнадцать лѣтъ; его комедія была принята съ вѣтхуизагомъ. Оригинальныя сочиненія, передѣлки изъ старинныхъ пьесъ, переводы съ итальянскаго и французскаго языковъ, — вотъ, что составляло занятія его съ этой эпохи. Изъ переводовъ его замѣчательнѣйшимъ считается переводъ трагедіи Делавини: «Сыновья Эдуарда II». Онъ издалъ также томъ легкихъ стихотвореній и сатиръ и множество литературныхъ статей. Въ комедіи Бретона де-лос-Геррероса, данная недавно испанскую труппою въ Парижѣ. Она называется *Mi Secretario y yo* (Мой Секретарь и я). Фабриціо, негодянтъ очень ловкій въ дѣлахъ и неловкій въ любви, влюбился молодой вдовой. Онъ бы хотѣлъ признаться ей въ своей страсти, но не смѣетъ, и прибѣгаетъ къ своему секретарю, который пишетъ за него любовное объясненіе. Секретарь не прочь бы написать и отъ себя; но онъ долженъ повиноваться своему патрону, и съ досады пишетъ совершенно-купеческое для него письмо и подписываетъ: «Фабриціо и компанія». Фабриціо бѣсится и заставляетъ секретаря написать другое. Наконецъ, онъ отсылаетъ письмо. Вдова принимаетъ его благосклонно. Фабриціо въ восхищеніи. Вдругъ онъ вспомнилъ, что вдова любитъ музыку, и заставляетъ пѣть своего секретаря. Сердце дамы слетается; но она узнаетъ обманъ, и забавляется въ свой чередъ. Если секретарь пишетъ и поетъ такъ хорошо, то она выйдетъ за него. Бѣднѣй Фабриціо пораженъ. Счастливое прощенье спасаетъ влюбленнаго отъ отчаянія; а секретарю предлагаютъ няньку, отъ которой онъ бѣжитъ съ ужасомъ. Главное достоинство этой комедіи состоитъ въ живости, въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ, и въ благородствѣ тона.

Къ числу современныхъ писателей, которыми гордится Испанія, должны быть отнесены: герцогъ де-Ривасъ, авторъ *Дона-Альваро*, *Индійца* — энегиче-

ской драмы, переведенной на французскій языкъ дель-Пералемъ (I. del Peral), и, которая, по своимъ драматическимъ положеніямъ, могла бы съ успѣхомъ быть играна на парижскихъ бульварныхъ театрахъ; Жиль-и-Заратъ, котораго лучшею драмой почитается *Карлъ Заколдованный*; Мартиневъ де-ла-Роза, который своими пьесами *Эдипъ*, *Венеціанскій Заговоръ*, *Мать на балу*, *А дочь дома*, заслужилъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ между испанскими драматургами; Квинтало, авторъ *Pelago* (Пелагій), трагедіи, имѣющей много достоинствъ; Зарильйо, лирическій поэтъ и драматургъ; и Вентура де-ла-Вега, котораго послѣднее произведение: *Фернандо де-Антекверро*, имѣло недавно блестящій успѣхъ на сценѣ театра *Príncipe* и о которомъ все испанскіе журналы отзываются съ большою похвалою. Прекрасную оцѣнку многихъ изъ этихъ авторовъ можно найти въ послѣднемъ сочиненіи Элгара Кине, «*Mes vacances en Espagne*»; въ особенности, даровитый профессоръ хорошо разбираетъ Зарильйо

Труппа, находящаяся теперь въ Парижѣ, принадлежитъ къ театру de la Cruz, который хотя и не пользуется такой славой, какъ театръ d'el Príncipe, гдѣ блистаютъ Ромеа и Матильда Діеазъ, но тѣмъ не менѣе весьма-замѣчательна, и содержитъ въ себѣ много даровитыхъ сюжетовъ. Одинъ изъ нихъ, Ломбіа, издалъ недавно въ Парижѣ книгу: «*el Teatro*», въ которой заключается исторія испанскаго театра и которая, вѣроятно, вскорѣ найдетъ себѣ переволчка. Г. Ломбіа разсматриваетъ здѣсь происхожденіе театра и важность его вліянія на цивилизованное общество; потомъ разбираетъ знаменитѣйшихъ національных драматурговъ Испаніи и отыскиваетъ причину упадка современнаго испанскаго театра. По мнѣнію его, этотъ упадокъ происходитъ отъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, отъ равнодушія правительства, неободряющаго драматическаго искусства, не покровительствующаго ему посреди безпре-

станными смуть, и, во-вторыхъ, отъ безвѣстности самихъ авторовъ, которые не ушли, подобно французскимъ драматургамъ, вѣчно хватиться за свои права и защитить свое дѣло. Потому, онъ предлагаетъ основанія органическаго закона, побуждаго благопріятствовать развитію театра во всѣхъ его отрасляхъ, не обрекая общественной казны. — Вообще, книга г. Хуана де-Ломбиа — явленіе весьма пріятное, ибо она отличаетъ въ авторѣ чловѣка страстно-преданнаго своему искусству, и сообщаетъ весьма дѣльными мыслями и замѣчаніями.

— На дняхъ окончено свое существованіе одно изъ самыхъ популярныиъ парижскихъ зрелищъ. Национальный Театръ Олимпійскаго Цирка давалъ свое послѣднее представленіе. Парижанамъ не слышатъ болѣе шумки Маренго, не видятъ аустерлицкаго солнца! Тѣмъ Наполеона дождались, была зарепетата при этомъ вѣдѣствіи. Куда дѣнутся теперь эти Мюраты, Дорони... кто утѣшитъ ихъ въ смерти имперіи? Какая реставрація приметъ ихъ въ объятія? Будутъ ли они играть въ итшанскомъ водоемѣ? вступятъ ли на поприще гражданской комедіи? Этииъ театральныиъ рубиканъ нужно поле сраженія, нужнн биваки. Отпихайте у нихъ военную драму! — Кто имъ не будутъ больше актѣры! Парижскій театръ, замѣняющій циркъ, откроется въ сентябрѣ нынѣшняго года.

Едва блеснуло весеннее солнце, какъ открылся Инподронъ великолѣпнымъ представленіемъ, подъ названіемъ *Camp du drape d'or*. Ничто не можетъ сравниться съ богатствомъ костюмовъ, роскошью оружія, блескомъ и вѣрностью постановки, которыми отличается это зрелище. Одинъ даровитый французскій сцѣтописатель написалъ программу *Camp de drape d'or*, въ которой описаны всѣ подробности свиданія Франциска I-го и Генриха VIII. Зрители, въ часѣ ковырннхъ находились лучшее парижское общество, всѣ держали въ рукахъ эту шашечку, иллюстрован-

ную прекрасными рисунками, и во ней слѣдили за ходомъ драмы и тансамагорн, представляющейся, рисунки. — Это была настоящій вразннхъ вечеръ. Солнце встало, вошло, и по натуральныиъ декораціи Инподрона.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о равныхъ театральныиъ сдѣлкахъ. — Одинъ изъ французскихъ драматурговъ, Роже де-Бохардъ, годоухъ издаче мемуаровъ о г. Ж. Марсѣ. Держакія отпощенія его съ покойной артисткой и источникъ, отпѣрыиъ ему родственникамн ея, могутъ ругаться за достоянность этихъ мемуаровъ. — Докончатъ ютъ также о мемуарѣ Жюльи Монтеса; не думаемъ, чтобъ въ нихъ отличался такой же точностью. Если дѣлать б-ографу Лоллы, то прнчнновъ дѣлѣи несчастій были изданы. Она вѣрно находила ихъ на пути своемъ, и, наконецъ, получила въ видѣ такоо отвращеніе, что хочетъ выгнать изъ своихъ хлыстикомъ пазъ Баварія. — На театрѣ Ambigu разучиваютъ новую драму Азаве, которой, вѣроятно, сдѣлено будетъ испушить надежду драмг. Деннери - Герцогиня Марсая, иранной недавно на томъ же театрѣ. — Г. Феликсъ Піа (Puat) написалъ драму *les Chiffonniers de Paris* для театра *Porte St-Martin*, въ которой главную роль занимаетъ Фредерикъ Леметръ. Объ этой драмѣ ождетописать Жюльи Сиѣле, Эженъ Гино, разскажнть слѣдующій анекдотъ: увидѣвъ въ Лондонѣ, Фредерикъ Леметръ, взялъ съ собой рукопись драмы Феликса Піа. Известно, что гениальный трагикъ произвелъ въ Лондонѣ ужасный эффектъ. Королева Викторія такъ была восхищена игрой его, что пригласила его къ себѣ однажды на вечеръ, гдѣ присутствовали только самые приближенные изъ придворныхъ; а въ эту вечеръ Леметръ долженъ былъ прочесть у королевы рукопись упомянутой драмы, для него написанной. Когда чтеніе кончилось, королева подошла къ артисту, и послѣ самыхъ лестныхъ похвалъ его дикціи, спросила: «Но, скажите, не-уже-ли у васъ въ Парижѣ

естественныхъ наукъ. — Это парижскіе Придворныя, императорское, и Императорскіе Французскіе Академіи.

Въ области заграничной литературы есть много новостей. Первыми считаются попрежнему здѣсь важнѣйшія, ограничиваясь, впрочемъ, выборомъ книгъ, которыя заслуживаютъ или по участию, принимаемому въ нихъ публикою, или потому что на сочиненія новыя, по капитальнымъ для общества, событіямъ слишкомъ важности для какой нибудь науки, и проч. По первымъ, окончено изданіе "Les arts au moyen-âge par A. Du Sommerard." Оно состоитъ изъ гравированныхъ или гравированныхъ картинъ 310 рисунковъ, in-folio, и 5 частей текста in-8°. Сочиненіе это заключаетъ въ себя: 1) Знанія для религіозныхъ и гражданскихъ цѣлей: церкви, монастыри, замки; 2) утварь гражданская и церковная; 3) изобразительныя скульптурныя произведенія; 4) то же по части живописи; 5) живописныя картины на стеклѣ; 6) живописныя картины; 7) работы брильявщиковъ и ювелировъ — дѣла мастеровъ; 8) гербы; 9) сервизы и вообще каменная посуда; 10) ткани, обои, ковры; 11) серебряныя украшенія; 12) мозаики и проч. Полное изданіе стоитъ 1,590 франковъ, но оно продается и по отдѣламъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 40 рисунковъ и стоитъ 120 франковъ.

Кстати упомянемъ о другомъ новомъ архитектурномъ изданіи, посвященномъ герцогу Монпансье: *Les monuments de Paris sous le regne de Louis-Philippe; Histoire d'architecture civile, politique et religieuse, par Felix Pigeory.* Это изданіе будетъ состоять изъ 30 выпусковъ съ 30-тью листами рисунковъ и стоитъ по 50 сантимовъ за выпускъ.

Превосходный Парижскій Кабинетъ Естественныхъ Наукъ г-на Делессера хотя и потерялъ своего хозяина, но перешелъ въ достойныя руки братьевъ покойнаго, и по-прежнему остается от-

крытымъ для публики. Но кроме этого, докторъ Шюво, одинъ изъ ученыхъ хранителей кабинета, посвятилъ много лѣтъ на сятіе изобразеній со всѣхъ предметовъ зоологической ея части, и теперь издалъ первый томъ своего сочиненія подъ названіемъ: *Leçons élémentaires sur l'histoire naturelle des animaux*, приложить къ нему и богатый зоологическій атласъ делессерскаго кабинета. Все изданіе будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ; въ самомъ текстѣ каждаго тома около 1200 гравированныхъ на деревѣ изображеній, и кромѣ того къ каждому тому приложится атласъ изъ 12-ти раскрашенныхъ рисунковъ. Всѣ четыре тома будутъ стоить 60 франковъ.

Не новое уже изданіе большого собранія сочиненій Бюффона, съ продолженіемъ А. Кювье, украшенное портретомъ Бюффона и 161 листовъ гравированныхъ изображеній болѣе нежели 800 животныхъ, — дѣлается болѣе доступнымъ къ приобретенію, оно состоитъ изъ 6 томовъ, изданія 1835 года и продается въ Парижѣ, видѣто 140 томовъ за 80 франковъ.

Вышелъ 5-й и послѣдній томъ сочиненія Альбера Монтемона, *Voyages par terre et par mer*; въ немъ собраны всѣ путешествія съ 1837-1847 года по всѣмъ пяти частямъ свѣта, каждый томъ стоитъ 2 $\frac{1}{2}$ фран., послѣдній заключаетъ въ себя путешествія по Европѣ. — При этомъ нельзя не упомянуть объ ежегодникѣ путешествій и географіи на 1847 годъ, подъ названіемъ *Annuaire; sommaire* вѣнномъ Фредерикомъ Лануа; эта книга заключаетъ въ себѣ болѣе 300 страницъ въ 18 долей, и стоитъ 2 франка.

Повижера дѣла книги: *Dictionnaire des dates, des faits, des lieux et des hommes historiques*; она состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ въ 1300 страницъ и историческаго атласа на 20-ти картахъ; она стоитъ, видѣто 40, только 30 франковъ.

Естественныя науки приобрѣли также весьма полезную книгу: г. Исидоръ Жозефу Сент-Илеръ издалъ въ логическій порядокъ всѣ сочиненія

своего отца по части зоологін, анатоміи и естественной философіи, и подвелъ, такъ сказать, итоги подъ всё его замѣчанія и выводы, словомъ, нѣсмѣсно или хаоса оставшихся книгъ и рукописей составилъ одно полное и послѣдовательное во всѣхъ частяхъ зоологическое сочиненіе.

Мы упоминали уже въ прошломъ мѣсяцѣ о нѣсколькихъ исторіяхъ французской революціи; но сколько бы ни было историковъ этого времени, всё они будутъ почерпать факты изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ; кромѣ частыхъ, не всегда достоверныхъ записокъ, историкъ одлаъ: это издававшийся въ то время журналъ *Moniteur*. Онъ одинъ былъ безпристрастнымъ и хладнокровнымъ зрителемъ великой драмы, и полное собраніе стараго Монитѣра сдѣлалось уже совершенною рѣдкостью во Франціи. Теперь тинографички издатели братья Плонъ перепечатали все издавіе Монитѣра съ 1789 — 1800 года въ 32 большихъ томахъ, и выпустили уже въ продажу на условіяхъ чрезвычайной выгодныхъ. Все издавіе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Введеніе къ Монитѣру, заключающее въ себѣ сокращенное изложеніе встѣданій Генеральныхъ Штатовъ, Собраній Нотаблей и главныхъ происшествій, возбудившихъ революцію, — въ одномъ томѣ; 2) Конституціонное Собраніе съ 5 мая 1789 по 30 сентября 1791 года, въ 9 томахъ; 3) Законодательное Собраніе съ 1-го октября 1791 до 20 сентября 1792 года, въ 4 томахъ; 4) Национальный Конвентъ съ 21 сентября 1792 до 4 брюмера IV года (26 октября 1795), въ 12 томахъ; 5) Исполнительная Директорія съ 5 брюмера IV года (27 октября 1795) до 19 брюмера VIII года (9-го ноября 1799), въ 4 томахъ; и 6) Таблицы въ 2 томахъ. Покупатели получаютъ теперь же полное издавіе, но платятъ только 100 франковъ наличными, а на остальные 300 франковъ даютъ 10 векселей въ 30 франковъ каждый, которые и обязываются уплатить въ продолженіе 10 лѣтъ по одному вексе-

лю каждый годъ. А кто захочетъ заплатить все въ одинъ годъ, тотъ пользуется уступкой въ 80 франковъ. Именно: платитъ наличными 220 франковъ, черезъ первые полгода 100 и черезъ вторые полгода окончательно 100 франковъ.

Авторъ *Сына Тайны (le Fils du Diable)*, г. Поль Феваль, издавъ новый романъ въ трехъ частяхъ: *Le Mendiant Noir*.

Много лѣтъ тому назадъ, во Франціи была учреждена коммиссія, однимъ изъ лучшихъ плодовъ которой было издавіе геологической карты всей Франціи; не очень-давно английское правительство учредило подобную коммиссію подъ названіемъ *Geological Survey*; еще прже также въ Лондонѣ былъ учрежденъ горный институтъ и при немъ Музеумъ Экономической Геологій (въроизно, въ правленіи ея изъ горной промышленности, теперь подъ общей редакціей и коммиссіи и музеума вышли въ свѣтъ записки, заключающія въ себѣ много ученыхъ статей, какъ по части геологическаго описанія Англіи, такъ и по геологій вообще, какъ науки, а, именнеъ — по части исторіи и нынѣшняго состоянія горнаго дѣла въ Англіи Франціи, Саксоніи и Венгріи.

Вотъ еще нѣсколько новыхъ ученыхъ специальныхъ сочиненій: 1) *La naissance des temps*, астрономическій и морской ежегодникъ на 1849 годъ, съ запискою г. Лезеррье объ Уранѣ, объясняющею основанія, послужившія къ открытію новой планеты. — 2) *Nautical Almanac for 1854*, подобный предыдущему ежегодникъ съ запискою г. Адамса, также о новой планетѣ, какъ доказательствомъ, что г. Адамсъ имѣлъ право спорить съ г. Лезеррье о первенствѣ открытія. — 3) *Rapport annuel sur les progrès de la chimie* за 1845 годъ, соч. Берцелиуса. — 4) *Comptes rendus des travaux de chimie*, 1846-й годъ. Шарля Герара. — 5) *Annuaire de chimie* par Millon, Reiset et Hoefler en trois parties pour les ans 1845, 1846 et

47. Каждая заключаетъ въ себѣ отъ 0 до 900 страницъ и стоитъ отдѣльно 6 франковъ.—6) *Mémoire sur la moune, la boulangerie et la conservation des ains et des farines* — самая полная пографія этого предмета, составленна Августиномъ Ролле; она недана повелѣнію французскаго правительства, сопровождается огромныиъ числомъ таблицъ, чертежей, рисунковъ проч., и стоитъ 90 франковъ.—7) немецкій Англичанинъ Энгельманъ издалъ книгу: *Bibliotheca zoologica et pantologica*. Это самое полное сочиненіе, въ которомъ собрано все, что слѣдуетъ въ нынѣшнее столѣтіе по части зоологій и палеонтологій. Не смотря на латинское названіе, она написана англійскомъ языкѣ.—8) Въ 1846 году, въ Лейпцигѣ, въ память Лейбница, было правленство и открытіе Саксонской Королевской Академіи Наукъ; число членовъ новой академіи получила большая часть существовавшего прежде того, для раздачи ученыхъ наградъ за сочиненія, общества; члены новой академіи, желая наименовать первый день ея существованія, издали собраніе приготовленныхъ для этого обществомъ ученыхъ записокъ, подъ названіемъ: *Handlungen bey Begründung der Königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften am Tage der 200 jährigen Geburtsfeier Leibnizens, herausgegeben von der fürstlich Jablonowskyschen Gesellschaft*.— Записки эти представляють много ученаго интереса и значають будущихъ трудовъ академіи.—Химикъ Дюма издалъ недавно 8-ю и слѣдующую часть своего сочиненія: *Leçons de Chimie appliquée aux arts*. Въ восемь частей съ атласомъ рисунковъ на 148 листахъ стоитъ 96 франковъ.

При ученыхъ изданіяхъ, которыми мы обязаны французскому правительству, въ путешествіяхъ въ Абиссинію, къ южному полюсу и въ индійскія и китайскія моря, идутъ какъ-нибудь бо-госудно. Первое путешествіе со-

вершено въ 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843, ученой экспедиціей, состоявшей изъ Теодора Лессера, Пети, Картен Дильмона и Вивильо; теперь выхлдитъ другой отдѣлъ его описанія, заключающій въ себѣ путевой журналъ, географическія описанія и такой же словарь, оживу и метеорологію, статистику, эмбологію, лингвистику и археологію. Отдѣлъ этотъ сопровождается рисунками, картами и планами. Второе саблано въ 1837, 1838, 1839 и 1840 годѣ командою Дюнон - д'Юрвилла на корветахъ *Astrolabe* и *Zélée*; теперь вышла часть атласа натуральной исторіи, отмечающаго въ минералогіи и геологій и составленная докторомъ Гранже. Третье путешествіе или изданіе заключаетъ въ себѣ описаніе морскихъ командій ерегата Фриговы на моряхъ Индіи и Китая, совершенныхъ въ 1841, 1842, 1843 и 1844 годахъ; этого изданія вышелъ только первый томъ, заключающій въ себѣ метеорологію.

Г. Моръ де-Жоннесь издалъ *Основанія Статистики* съ краткой ея исторіей. Сочиненіе это заслужило похвалу и журнальной критики и академіи наукъ.

Въ Лондонѣ вышелъ послѣдній томъ втораго изданія *Депешей Герцога Веллингтона*. Изданіе это дополнено противъ перваго важными документами, касающимися разныхъ политическихъ событій, и между прочимъ ватерлооскаго сраженія и вообще послѣднихъ событій войны съ Наполеономъ. Документы эти состоятъ изъ депешей самого Наполеона, его братьевъ и генераловъ.

Мы говорили уже, что *Исторію Жирондистовъ* Ламартина предположено было напечатать въ числѣ 6-ти тысячъ экземпляровъ; но такъ-какъ до окончанія еще печатанія этого числа, типографія едва успѣвала удовлетворять всѣмъ требованіямъ, то издатели, не оставившись, продолжали печатать до 12-ти тысячъ. Теперь и 12-ть тысячъ разошлись; издатели принимаютъ уже за новое изданіе въ 15-ть тысячъ

описаниемъ съ 36-ю портретами, живописствомъ и документами юркой стороны. Витесь Департамента Саоны и Дуары въ провинции собираютъ полицику на обща, который хотятъ дать въ Марконтъ г. Дамартину да его. Исторію Живописства. Общъ будетъ чудовищный — на 4000 человекъ.

На *Dictionnaire de Conversation* въ 52-хъ частяхъ понижена въ Парижѣ цѣна: онъ продается, вмѣсто 208 фр., за 150.

Вышли 3-я и 4-я, то-есть двѣ послѣднія части сочиненія Эд. Менноне: *Les Matinées Historiques*. Въ 3-хъ томъ заключается означеніе: обзоръ литературы XVII-го вѣка; въ 4-хъ томъ XVIII-го вѣка. Это самый полезный томъ всѣхъ курсовъ литературы: онъ объясняетъ новыя политическую, социальную, брѣвскую и релятскую, и литературы французскую, нѣмецкую, итальянскую, англійскую, испанскую и португальскую съ самыхъ древнихъ временъ до конца XVIII-го вѣка. Каждый томъ стоитъ 7½ франковъ.

Вышла также 4-я часть de l' *Histoire des deux Restaurations* par de Vaulabelle.

Новая книга: *Campagnes d'Egypte et de Syrie en 1798—1799*; memoires dictés par Napoléon et publiés par le général Bertrand — обогащаетъ новыми подробностями и взглядами военную исторію; она состоитъ изъ 2-хъ частей съ 18-тью картами и стоитъ 36 франковъ.

Давно мы не читали ничего полезнаго о Греціи; со времени окончанія греческой войны, вниманіе Европы обратилось на другіе предметы; — между тѣмъ, Греція подъ новымъ правленіемъ приходитъ въ устройство и вотъ г. Каваньеръ Коутъ знакомитъ насъ съ новымъ положеніемъ этого государства въ сочиненіи своемъ: *Etude économique de la Grèce, de sa position actuelle et son avenir, suivie de documents sur le commerce de l'Orient, sur l'Egypte* etc. Книга эта въ 500 стр. съ картою стоитъ 7½ франковъ.

Вотъ еще книга, интересная сво-

имъ живымъ рассказомъ: *Voyage et Aventures au Mexique* par G. Ferriss она входитъ въ составъ издательства Библиотекы Шарпеньер.

Lettres sur l'Angleterre et la France par M. Nougarede, en 4 volumes, также обращаютъ на себя вниманіе парижской публики.

Полное собраніе всѣхъ годовъ издаваемаго, модернахъ свѣдѣній весьма степенливо издана, и, если не ошибаюсь, любимая нашими провинціями, простому народу, что такое собраніе *du Journal des connaissances utiles*, 1832—1847 годовъ включительно всего въ 16-ти томахъ, продается въ Парижѣ, вмѣсто прежней цѣны 96 фр. за 30 франковъ; такъ какъ издаются тербурскіе, и въ продажѣ проливаются французскія книги считалъ рубль ассигнац. за 1 франкъ, то и думается, что за 30 руб. ассиг. можно выиграть этотъ журналъ.

— Хвалить, какъ особенно замѣтательное, сочиненіе: *De la Politique des Français en 1846*, par le comte Jean de Harcourt.

Приведемъ еще заглавія нѣсколькихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время:

Les Papes peints par eux-mêmes par Napoléon Roussak.

Le Traité d'Utrecht, par M. Charle Giraud, in 8; 196 страницъ.

Dictionnaire géographique, historique et administratif, industriel et commercial de toutes les communes de la France et de plus de 10,000 hameaux en dépendant par Girault de Saint-Fargeau. Tome III.

Histoire des souverains pontifes romains, par M. le chevalier Artaud de Montor. Troisième volume.

Libres paroles, par L. Laurent Pichet (Poésie).

Galerie des poètes vivants, par depeste Desplages.

Théorie des sons musicaux, par M. Brossard.

Congrès scientifique de France. Troisième session, tenue à Reims en septem. 1845.

Application à l'agriculture des éléments de physique, de chimie et de géologie, par *L. C. Caillet*.

Du libre échange, et des résultats de l'adoption de ce système à l'agriculture, le commerce et la marine de la France, par *M. Hatut*.

Du progrès social au profit des classes populaires. Deuxième édition, par *F. D. Lafarblle*.

De l'Italie dans ses rapports avec la liberté et la civilisation moderne, par *id. Z. Mazzini*.

Annehmen oder ablehnen (Принять и Отказать), соч. *Самюэла*.

Berlin in seinem höchsten Entwicke-
ng, соч. *Зюкк*.

Das junge Deutschland in Schweiz,
ч. *Матта*.

I risultati del secolo XVIII e XIX di-
versi e dialoghi, opera di monsignor
Justino Peruzzi.

Во Франціи съ недавняго времени читають сильно интересоваться русскою литературою. Вотъ два новые перевода съ критическими замѣчаніями одного изъ основательныхъ французскихъ журналовъ:

МЕРТУВІА ДОУСИ. *Les ames mor-*
2-e édition. Par Nicolas Gogol.

NB. Tableau satirique, pétillant de rve et d'ironie, de la bureaucratie sse. L'auteur y dépeint les défauts illants de sa nation, et saisissant tous la nature sur le fait, il fait briller génie de la satire qu'on a pu admirer dans ses productions précédentes.

РАТКОУЛ. Tragedie, par *Koukolnik*.

NB. On connaît la terrible histoire du général suédois qui, au dix-huitième cle, fut roué publiquement. L'auteur tourmenté vainement sa muse pour développer ce sanglant épisode sous une forme dramatique. Ni la conception, ni vers ne répondent à la hauteur du jet.

— На холмистой дорогѣ близъ Бернштейра произошло движениеноссеы горы Биргелеръ-Конь. Справа громъ отъ этого движениа раздалъ въ 5 часовъ утра, и движениа про-

должалось до полудня. На самой горѣ все предметы остались въ тишинѣ, но на пути ея все гудѣло, какъ если бы измеряли 1783 года въ Португаліи. Гора эта возвышается на 300 футовъ надъ поверхностью воды въ Рейнѣ. Движеніе, вѣроятно, произошло отъ глубоко-проникающаго въ основаніе горы слоя глины, и отъ того, что влажность была изрыта базальтовыми каменоломнями.

— Жители Миндельталя и окрестныхъ долинъ были поражены страхомъ отъ паденія аэролита. Разкаты грома слышались далеко и продолжались минуты три. Точно въ деревнѣ Шёненбергъ жители замѣтили какой-то черныи предметъ, спускавшійся съ необыкновенною скоростью. Аэролитъ упалъ въ садъ и варылся на два фута въ замерзшую массу льда; форма его — усѣченная, исправленная пирамида, съ одной очень широкою стороной и четырьмя узкими; основаніе совершенно гладкое, а прочія стороны — негладкія; онъ кажется обломкомъ, отъ другой большой массы. Паденіа аэролита сопровождалось вперёдую, перемѣною въ состояніи атмосферы: прежде паденія, небо было закрыто тучами; казалось, тотчасъ пойдетъ снѣгъ (это было 25 декабря), термометръ стоялъ на нуль; послѣ же паденія, небо вдругъ прояснилось, и солнце открыло яркость. Жители деревни, нѣ въ это время упало много аэролитовъ, а по однимъ (вѣроятно, многіе обломки одной общей массы).

— Мы говорили (въ декабрѣ 1846 г.) о звукѣ проволоки электрическаго телеграфа, замѣченномъ на терзальской желѣзной дорогѣ г. Жаньронъ. Теперь г. де-ла-Ривъ приходить подобный же фактъ: вѣкто г. Маастъ, базельскій типографщикъ, ещё съ 1821 года имѣлъ случай наблюдать звукъ проволоки, вѣтанутой въ его садъ въ трихъ футахъ надъ землею; звукъ этотъ всегда слышался при переимѣнѣ погоды, и, следовательно, происходилъ въ этомъ случаѣ отъ атмосфернаго электриче-

ства, а не отъ тока электрическаго телеграфа.

— Г. Эренбергъ продолжаетъ открывать разныя микроскопическія животныя и растенія въ вулканическихъ изверженіяхъ и другихъ космическихъ произведеніяхъ. Результаты этихъ изысканій привели его къ слѣдующему дѣйствию дѣйствующихъ и давно угасшихъ вулкановъ: 1) вулканы, извергающіе только смѣсь изъ организовъ, принадлежащихъ къ прѣснымъ водамъ, — въ Америкѣ: Хилъ, Квнто, Мехико; въ Африкѣ: Иль-де-Франсъ, Островъ Вознесенія; въ Европѣ: Везувій, Эйфель, Каунвербюль; 2) вулканы, извергающіе только смѣсь изъ организовъ, принадлежащихъ морскимъ водамъ, — въ Америкѣ: Патагонія; въ Азій: Шедуба, и 3) вулканы, извергающіе только произведенія чисто-неорганическаго, — въ Африкѣ: Канарскіе Острова; въ Европѣ: Острова Липари и Фердинанда. Изверженія другихъ вулкановъ не были подвержены изслѣдованіямъ.

— Варывы котловъ паровыхъ машинъ давно занимаютъ умы всѣхъ механиковъ: они стараются предупредить эти варывы, но тщетно. Объявленія о множествѣ самыхъ чудесныхъ изобрѣтеній такъ часто обманываютъ доверчивыхъ фабрикантовъ, что они наконецъ дѣлаются вовсе-недоверчивыми и, не смотря ни на какія печатныя доказательства, не усовершенствовываютъ машинъ, дѣйствующихъ на ихъ фабрикахъ: поэтому не удивительно, что докторъ Руттербрандтъ уже два года тому назадъ предложилъ вѣрное, какъ и тогда назалось, средство отъ варывовъ котловъ; между-тѣмъ, теперь только начинаютъ появляться одобрительныя отзывы о его изобрѣтеніи. Способъ его простъ и легокъ: на днѣ котловъ всегда образуются (рѣчная или морская вода въ нихъ употребляется, все равно) осадки кристалловъ углекислой извести; эти-то осадки докторъ приписалъ причину варывовъ и предложилъ предупредить эти осадки распускаваніемъ въ водѣ котла хлористо-водородно-ки-

слаго амміака; при этомъ, вмѣсто углекислой извести и хлористо-водороднокислого амміака, образуются, во-первыхъ, вещества улетающія съ парами, во-вторыхъ, остающіяся всегда растворенными въ водѣ; съ которою они и выливаются изъ котла, тогда-какъ прежде очистка котла отъ кристаллическихъ осадковъ требовала большой остановки въ дѣйствіи машины и стоила даже многихъ трудовъ. При употребленіи въ котлахъ морской воды, осадки состояли также изъ углекислой извести, а не соли, потому что послѣдняя для своей осадки требуетъ болѣе густоты или насыщенія воды.

— Всякому хозяину извѣстно, что молоко свертывается во время грозы отъ дѣйствія атмосфернаго электричества. Газета «Le Moniteur Industriel» предлагаетъ испытать слѣдующій противъ этого способъ: или наливать молоко въ стеклянные сосуды съ стеклянными крышками, подъ которыми, для того, чтобы крышки прихвачены въ замкахъ изъ лозы, покрывать сосуды шелковыми лоскутками; или ставить обыкновенные горшки съ масломъ въ ящикахъ, густо-покрытыхъ снаружы смолою или обожженными и обугленными внутри и снаружы; отъ основывается на томъ, что стекло, смѣлы, шельгъ и уголь дурные проводники электричества, предохранять молоко отъ его дѣйствія употребленіемъ скажанныхъ веществъ. Испытать это легко; какъ употребитъ эти дурные проводники — придумаешь всякій хозяинъ.

— Какой-то Французъ, г. Ретурне, производилъ опыты въ небольшомъ видѣ, и предлагалъ дѣлать крышки домовъ изъ квадратовъ оконныхъ стеколъ отъ 4 — 6 вершковъ въ длину и ширину, кладя ихъ на замазку или особой мастикѣ въ зазоръ краями одного стекла на другое. Отсюда, что такія крышки холя, можетъ быть, буди и легче, но за то дѣланіе и не такъ прочны; со всѣхъ тѣхъ, въ небольшомъ видѣ въ садовыя бесѣдки или вообще для украшенія — такія крышки могутъ

быть приняты. Впрочемъ, мы думаемъ, что мысль эта можетъ повести къ дальнѣйшимъ и полезнѣйшимъ приложеніямъ; на-примѣръ — если бы рѣшилась дѣлать крыши не совершенно стекляныя, но изъ веществъ легкихъ, весьма мало подверженныхъ измѣненіямъ отъ перемѣнъ температуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ покрытыхъ глазурюю, муравлевыхъ; какъ, на-примѣръ, дѣлаются кафельные изразцы, муравленные горшки, и проч.

— Докторъ Монгомери прислалъ изъ Сингапура Лондонскому Обществу Поощренія Промышленности образцы новаго рода каучука, добываемаго изъ одного дерева, растущаго на островѣ Юриено и другихъ островахъ близъ залива Малакки. Туземцы называютъ это вещество гутта-перка. Въ обыкновенномъ состояніи это вещество становится каучуку въ уругости; но зато, если опустить его въ горячую воду, оно дѣлается мягкимъ и, принимая всѣ формы, какія только нужно, сохраняетъ ихъ и по охлажденіи; оно же крѣпнеть въ этихъ формахъ такъ, что въ Сингапурѣ его предпочитаютъ для ножовыхъ рукоятокъ. Профессоръ Соли подвергалъ разнымъ опытамъ новое вещество, и нашелъ, что когда оно въ горячемъ состояніи, можно вытиснять на немъ превосходныя печати, совершенно-сохраняющія всѣ черты по охлажденіи и окрѣпленіи.

— При обжиганіи фарфоровой посуды, по самому свойству ея, требуется необычайно-сильное пламя, охватывающее всю печь, чтобъ не могло сдѣяться нигдѣ ни малѣйшей осадки дыма; поэтому, до-сихъ-поръ, вездѣ въ падныхъ государствахъ, несмотря на роговизну дровъ, никто никакъ не могъ замѣнить послѣднія каменнымъ углемъ, между-тѣмъ, какъ это могло вести къ значительному сбереженію денегъ и, слѣдовательно, пониженію цѣнъ на издѣлія. Вопросъ этотъ алось нынче рѣшить г. Виталю Ру, ректору нуарланскаго фарфорового завода во Франціи и его помощнику, г. Аркенсу. Почти не измѣнивъ печей,

они теперь постоянно и съ полнымъ успѣхомъ обжигаютъ фарфоръ каменными углемъ.

— Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Гаррисбургѣ, при проведеніи желѣзной дороги чрезъ рѣку Сускеганну построены гигантскій мостъ: длина его 571 сажень; онъ имѣетъ 23 пролета между быками, по $24\frac{1}{2}$ саж. каждый пролетъ, и два путепровода на сводахъ, одинъ въ $7\frac{1}{2}$, а другой въ 12 саж. длины. Мостъ этотъ стоилъ 100 тысячъ долларовъ (около 130 тысячъ руб. серебромъ).

— Недавно еще явились пароходы съ архимедовымъ винтомъ, — теперь появляется изобрѣтеніе, обещающее, по словамъ г. Фолькона, большія выгоды. Изобрѣтеніе это состоитъ въ подводныхъ горизонтальныхъ колесахъ вмѣсто обыкновенныхъ вертикальныхъ. Г. Фольконъ дѣлалъ опыты съ маленькимъ паромомъ въ 6 лошадиныхъ силъ и достигъ счастливыхъ результатовъ. Мы сказали: *покажется изобрѣтеніе*, но должны объяснить, что первоначально оно появилось еще въ 1841 году, а нынче изобрѣтатель его, съ чрезвычайною увѣренностью въ выгодахъ, настаиваетъ, чтобъ палаты ассигновали ему на постройку небольшого парохода въ восемь силъ тридцать тысячъ франковъ, чтобъ этотъ пароходъ отданъ былъ ему въ собственность, если опыты оправдаютъ дѣло, что за это онъ не возьметъ никакой привилегіи, и что для обезпеченія казны онъ положитъ въ банкъ тоже тридцать тысячъ франковъ, которыхъ и лишится такъ же, какъ и парохода, если опыты будутъ неудачны.

— Электрическіе телеграфы быстро совершенствуются: въ-отношеніи пользы ихъ для желѣзныхъ дорогъ сдѣлано прекрасное улучшеніе, состоящее въ томъ, что повѣздъ, проѣзжая мимо каждаго верстоваго столба, посредствомъ особаго механизма, самъ невольно сообщаетъ чрезъ телеграфъ извѣстіе на станцію о минованіи тако-го-то номера столба; въ-отношеніи со-

общенія извѣстій не при желѣзныхъ дорогахъ, придуманъ способъ, чтобъ телеграфы не только сообщали эти извѣстія, но прямо и печатали ихъ.

— Вѣроятно, часто господа гастрономы, уничтожая любимые ими трюфли, посѣиваются надъ учеными, неопредѣлившими до сихъ поръ, что это за произведеніе природы, и, главное — при какихъ условіяхъ оно родится. Желая сколько-нибудь удовлетворить въ этомъ случаѣ любопытство читателей, мы сообщаемъ, хотя и не положительно-вѣрное, извѣстіе о трюфляхъ, но при всемъ томъ разъясняющее нѣсколько этотъ вопросъ. Вотъ извлеченіе изъ читанной въ Парижской Академіи Наукъ записки г. Робера объ этомъ предметѣ. Во Франціи трюфли родятся въ изобиліи въ самой южной части Департамента Нижнихъ Альпъ, гдѣ находятся рощи дубоваго лѣса, перемежающагося особымъ родомъ можжевеловаго кустарника. Около этихъ-то дубовъ и кустарника находятъ въ землѣ трюфли. Истребляется дерево, исчезаютъ и трюфли; появляются новыя деревца, появляются и трюфли около корней его, такъ-что нельзя не замѣтить явнаго соотношенія между тѣми и другими. Г. Робертъ, основываясь на тѣсной связи между размноженіемъ вѣтвей дерева сверхъ поверхности земли и увеличеніемъ въ то же время числа корней его, между листоватостью и волокнами или мочками корней, — предполагаетъ, что и трюфли, находясь при тонкихъ, часто неприхѣтныхъ волокнахъ корней, могутъ соответствовать тѣмъ твердымъ наростамъ, которые образуются на листьяхъ отъ порчи наскочными или отъ другой какой-нибудь причины; впрочемъ, обыкновенно кажется, что трюфли не питаютъ корней и вообще никакой связи ни съ землей, ни съ корнями дерева. Трюфли родятся въ этомъ департаментѣ въ изобиліи въ тѣ годы, когда весна и послѣдняя половина августа бываютъ дождливыя, т. е. именно въ тѣ годы, когда дожди бываютъ въ-время и для роста деревьевъ. Жи-

тели тѣхъ мѣстъ различаютъ два рода трюфлей: трюфли, выкапываемые летомъ и осенью, которые питаютъ вѣтвистость бѣлую и безъ запаха; и трюфли, находимые въ концѣ осени и зимой до самой весны, у которыхъ вѣтвистость черная и сильный запахъ. Нѣкоторые думаютъ, что эти два вида трюфлей происходятъ собственно отъ времени года, другіе же предполагаютъ два совершенно-особые вида этого растенія, основываясь на томъ, что тѣ деревья, около которыхъ находятся бѣлые трюфли, не даютъ черныхъ, и наоборотъ. Прибавимъ къ этому, что у насъ въ Россіи также есть вѣтвистость, гдѣ трюфли находятся въ большомъ изобиліи. О нашемъ отечествѣ такъ мало встрѣчается извѣстій, что мы не удивимъ читателей, если не будемъ въ состояніи положительно сказать, гдѣ эта мѣтвистость — въ Бѣлостокской ли Области, въ Цинскомъ ли Уѣздѣ Милославской Губерніи, — впрочемъ, знаемъ, что около тѣхъ мѣстъ. Не-уже-ли не найдется тамъ ни одного человѣка, который бы описалъ мѣсторожденіе нашихъ трюфлей, условія ихъ произрастанія, качества, употребленіе ихъ въ пищу и средства сбыта?

— Г. Ламберъ-Лельеръ, парижскій учитель чистописанія, подвергалъ свой способъ учить писать вслѣдствіемъ Академіи Наукъ, и оказалось, что ученики его выучивались хорошо писать въ нѣсколько недѣль, даже въ нѣсколько дней. Кромѣ малолѣтнихъ учениковъ, между прочимъ, достигли цѣли при его урокахъ солдатъ и шестидесятилѣтній старикъ. Метода его проста: онъ обхватываетъ руку ученика своей правой рукой, и, постоянно держа ее въ-продолженіе урока (около часа каждый день), приучаетъ къ вѣтвистымъ движеніямъ; иначе, онъ пишетъ рукою ученика, но при этомъ старается, чтобъ въ пальцахъ осталось впечатлѣніе, какъ надо управлять перомъ. Выгода на сторонѣ длинныхъ пальцевъ; короткіе плохо выучиваются. Имѣть хорошую руку въ писаніи, безъ сомнѣнія, и пріятно и полезно; но какъ и

вется это искусство очень труднымъ, ю-крайней-мѣрѣ, мы на себя видимъ такое опроверженіе всѣхъ каллиграфическихкихъ способовъ. Пальцы у насъ ни длинны, ни коротки — средніе; когда надо писать каллиграфически, крупно и прописи, мы можемъ написать очень порядочно; держимъ перо въ рукѣ правильно и красиво — и при семъ тонъ, если нужно писать скоро, насъ выходитъ что-то очень нехорошее. Тому ли насъ учать профессора каллиграфіи, чему нужно?

— Г. Комбъ, для дебюта своего въ Парижской Академіи Наукъ (онъ избравъ недавно по части механики на мѣсто умершаго академика Гамбеа), представилъ ей записку объ усовершенствованіи одной части паровыхъ машинъ, именно, пароваго цилиндра. Мы не будемъ входить въ подробности этого усовершенствованія, потому что оно слишкомъ-спеціально, но въ короткихъ словахъ объяснимъ, въ чемъ дѣло. Поршень пароваго цилиндра, двигаясь взадъ и впередъ, не достигаетъ два цилиндра, а оставляетъ пространство, въ которое потомъ стремится паръ для новаго дѣйствія на поршень, и которое дѣйствительно имѣетъ вредное вліяніе на силу машины. Итакъ, г. Комбъ старается уничтожить именно это вредное вліяніе.

— Ничто не ново подъ луною: хирургическія операціи дѣлались нечувствительно для пациента еще въ XVI вѣкѣ! Безансонскій журналъ *Impartial* приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ шестаго дѣя *Недмилл*, поэтическаго произведенія, сочиненнаго въ XVI вѣкѣ забытымъ уже поэтомъ, Дюбарта:

Comme le médecin qui désire trancher
Quelque membre incurable, avant que
d'approcher

Les glaives impiteux de la part offensés,
Endort le patient d'une boisson glacée;
Puis sans nulle douleur, guidé d'usage et
d'art,

Pour sauver l'homme entier, il en coupe
une part... etc.

т. е.: Какъ медикъ, когда онъ хочетъ отнять какой-нибудь неизлечимый
T. III. — Отд. VIII.

членъ, прежде нежели приближать безжалостное лезвіе къ пораженной части, усыплетъ пациента замороженными (или очень-холодными) пистьями, а потомъ уже безъ малѣйшей боли, съ привычнымъ искусствомъ отрѣзываетъ часть, чтобъ спасти всего человека... и проч. Эта цитата чрезвычайно-любопытна; интересно было бы разяснить, что это за *boisson glacée* (замороженное питье), посредствомъ котораго хирурги XVI вѣка усыпляли больныхъ до возможности производить надъ ними операціи безъ малѣйшей боли, какъ говоритъ поэтъ.

— Александръ Ваттмаръ продолжаетъ свои путешествія для разнѣна ученыхъ сочиненій. Недавно, въ началѣ мая, онъ снова отправился въ Американскіе Соединенные-Штаты съ богатымъ запасомъ книгъ, картъ и пр. Нынѣшняя его поѣздка продлится два съ половиною года; онъ объѣдетъ всѣ штаты. Все количество книгъ, картъ и гравюръ, которыя онъ везетъ, простирается до 11,000 килд. Правленіе руанской и гаврской дорогъ перевезли все это дѣромъ отъ Парижа до моря. Это-собраніе, богатое выгодами короля Людовика-Филиппа, министерствъ и разныхъ ученыхъ обществъ. Между прочимъ, король далъ два экземпляра извѣстнаго огромнаго и великолѣпнаго описанія Египта, министръ внутреннихъ дѣлъ пять экземпляровъ *Voyage en Perse*, г. Сальванди далъ всего 4000 экземпляровъ разныхъ сочиненій; морской министръ подарилъ богатое собраніе картъ; министръ публичныхъ работъ геологическую карту Франціи. Даже частные люди, ва-примѣръ, одинъ переплетчикъ, привнесъ книгу духовнаго и религіознаго содержанія въ необыкновенно-богатомъ переплетѣ.

— Фамилія Бонапарте исчезаетъ мало-по-малу. Недавно скончался во Флоренціи 83-хъ лѣтъ отъ-роду принцъ Іеронимъ Бонапарте, старшій сызъ младшаго и послѣдняго брата Наполеона, также Іеронима, бывшаго короля вестфальскаго. Молодой принцъ имѣлъ продолжительную хроническую бо-

лѣзвы въ спинной кости и никогда не подавала надежды на долготѣіе. Въ другой части свѣта, въ Америкѣ, во Флоридѣ, скончался принцъ Лудовикъ-Наполеонъ-Ахиллъ Мюратъ, сынъ Юахима Мюрата (бывшаго неаполитанскаго короля) и сестры Наполеона, Каролины. Ему было 46 лѣтъ; онъ умеръ 18 апрѣля. Еще до 1821 года, принцъ отправился въ Американскіе Соединенные-Штаты и жилъ тамъ скромно, во всеобщемъ уваженіи.

— Въ Эльбѣѣ, ночью съ 28 на 29-е марта, въ гостиницѣ *Кабана*, произошелъ пожаръ отъ такой необыкновенной причины, что, не смотря на отсутствіе интереса для читателей въ самомъ пожарѣ, мы не можемъ не сказать о немъ. Въ конюшнѣ висѣлъ на стѣнѣ или стоялъ на полу фонарь съ зажженной салыной свѣчой и открытыи дверцами: голодная крыса вытащила свѣчу изъ фонаря и, видно, забывъ погасить ее, съ огнемъ принесла на сѣнникъ, гдѣ сѣно и солома тотчасъ вспыхнули.

— Нѣсколько жителей мѣстечка Го (Департамента-Нижнихъ-Ширинеевъ во Франціи) были раздавлены обвалившеюся галереєю церкви во время воскресной службы.

— На площади мѣстечка *Прессака* поставлена 5 апрѣля статуя маршала *Бессьера*, герцога истрійскаго.

— Султанъ Абдулъ-Меджидъ пристрастился къ музыкѣ. Одна изъ одаликъ его играетъ на фортепьяно, а онъ и спитъ, и встаетъ съ постели, и обѣдаетъ, и дѣлаетъ койфѣ, и ничего не дѣлаетъ — все подь музыку. Пишутъ, что теперь у него въ сералѣ только и есть, что пляска да музыка.

— Всѣ слышали, что такое *хашиш* или *хачи*, этотъ чудный экстрактъ изъ *Cannabis Indica*, который познакомилъ нашу положительную Европу съ фантастическими грѣзами Востока и который подчивалъ графа Монте-Кристо одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа; можетъ-быть, и многимъ хотѣлось бы также слетать на нѣсколько часовъ въ мухамедовъ рай,

во отвратительный запахъ пилуки *гачи* оставаливалъ почти всѣхъ. Эдвардсбургскіе ученые, гг. Т. и В. Смиты, помогаютъ горю, и теперь можно *нахачиваться* или *хачиться* безъ назѣишей гримасы. Гг. Смиты извлекли изъ *хачи* какое-то смолистое вещество, совершенно-бѣлое, чистое и пріятнаго запаха, которое имѣетъ свойство въ высшей степени погружать въ тотъ восточный пьяный сонъ; поэтому, кажется, это бѣлое смолистое вещество-отношеніи къ *хачи* — то же, что *вофеминъ* къ опиуму, т. е. его дѣйствующее начало.

— Венеція до-сихъ-поръ снабжалась прѣсною водою посредствомъ привозки и развозки ея на лодкахъ. Нынѣ устроены артезіанскіе колодези въ оупадахъ *Santa Maria* и *San-Paolo*, и чистая, хорошая вода бьетъ изъ этихъ колодезей на нѣсколько метровъ высоты. Но при этомъ открылся особый феноменъ: нечаянно подняли огонь изверстію, и около его вспыхнулъ и продолжалъ горѣть выходящій изъ стѣи водою газъ. Ширина и высота пламени въ $\frac{1}{2}$ метра, и газъ горитъ такъ ярко, что теперь пользуются этимъ случаемъ для освѣщенія мѣста.

— Мы уже сообщали объ учрежденіи разныхъ линій постоянного пароходнаго сообщенія между Европой и Америкой. Теперь во французскихъ палатахъ приступаютъ къ обсужденію проекта, по которому представляются на утверженіе три главныя и четыре второстепенныя линіи сообщенія. Главныя: 1) Отъ Нанта (устье Луары) до Рио-Жанейро, съ остановкою въ Церрамбуку и Бахія. 2) Отъ Бордо (устье Гаронны) до Гавааны и Нового-Орлеана, съ перемѣною парохода въ Гаваанѣ. 3) Отъ Марсели до Мартиники или Гваделупы. Второстепенныя: 1) Отъ Рио-Жанейро до Монте-Видео и Буэнос-Айреса. 2) Отъ Мартиники или Гваделупы на островъ Порто-Рико, Гаити и до порта Сант-Доминго на островѣ Кубѣ. 3) Отъ Англии къ не острову въ Французской Гаити, и 4) отъ Гавааны до Таширо и Вера-Крусъ.

Кромѣ этого, еще предлагаютъ линію отъ французскихъ владѣній на западномъ берегу Африки, т. е. отъ Горен до острова Мадеры, съ тѣмъ, чтобы пароходы, идущіе отъ Нанта въ Ріо-Жанейро и отъ Марсели до Антильскихъ-Острововъ, заходили на Мадеру.

— Прямое по мужской линіи потомство Вальтера Скотта угасло со смертію послѣдняго сына знаменитаго романиста. Умершій нынѣ сэръ Вальтеръ Скоттъ родился въ 1801 году и служилъ въ чинѣ подполковника въ 15-мъ гусарскомъ полку. Онъ возвращался изъ Мадраса въ Англію и, вышедъ на берегъ на Мысъ-Доброй-Надежды, за-

немогъ и умеръ. Итакъ, баронетство исчезло. Что касается до абботсфордскаго имѣнія, то оно переходитъ къ молодому Вальтеру Скотту-Докгарту, подпоручику 16-го уланскаго полка, единственному сыну вѣдателя. Quarterly-Review и внуку автора Уэверлея.

— Въ Туринѣ умеръ 18 апрѣля извѣстный итальянскій писатель Альбертъ Нота на 72 году отъ-роду. Король сардинскій приказалъ устроить ему великолѣпныя похороны, какъ чедовѣку, прославившемуся своими сочиненіями и прославившему ими свою родину.

М О Д Ы.

а) Дамскія.

Лѣтніе костюмы уже начали появляться не смотря на довольно-прохладную погоду. Вотъ нѣсколько платьевъ для гулянья, которыя мы видѣли въ Лѣтнемъ-Саду.

Платье изъ клетчатого фуляра съ двумя воланами, которыя въ два ряда обшиты бахромой. Лицъ напередѣ открытый, рукава гладкіе съ двумя воланами, обшитыми бахромой. Другое платье изъ полосатаго батиста, съ широкимъ рубцомъ. Лицъ сборчатый съ кушакомъ; рукава у кисти тоже немногособранные. Но вотъ очень-красивое платье изъ двуличеваго пудеса лиловаго цвѣта съ бѣлымъ, украшеное въ нѣсколько рядовъ рюшемъ изъ лентъ; лицъ гладкій, а также и рукава. Особенной перемены въ платьяхъ не видно: всѣ они дѣлаются очень-широкія, но немного-короче прежнихъ; ипрочемъ, эта перемена происходитъ ипрно отъ-того, что лѣтомъ длинныя платья очень-скоро пылятся.

Кисейныя, тюлевыя и газовыя платья очень-часто дѣлаются съ фалбалами или съ тюникомъ.

Мантильи шьются разными фасонами и изъ всякихъ матерій; даже мы видѣли мантилью изъ крепа и изъ газа, и смѣло можно надѣяться, что лѣтомъ эти мантильи будутъ приняты съ восторгомъ. Фасонъ креповой мантильи почти какъ шарфъ; но сзади нашиты три фалбалы на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи и совѣтъ почти вгладь; концы ея скругленные и тоже обшиты фалбалой. Газовая же мантилья походила на большую косынку, сзади немного-скругленную; но спереди концы вострые; на рукавахъ сдѣлано нѣсколько складокъ, прикрѣпленныхъ бантами изъ газа же. Фасонъ этой мантильи чрезвычайпо-красивъ, и сама мантилья такъ легка и прозрачна, что кажется, будто тонкое облако упало на плечи дамы, на которой оно надѣто. Къ этому надо прибавить, что вся эта мантилья была обшита сзади въ нѣсколько рядовъ кружевами, а спереди только въ одинъ рядъ.

Фасонъ шляпокъ все тотъ же, какъ мы уже говорили въ прошломъ мѣсяцѣ; но теперь начали показываться креповыя и кружевыя шляпки, кото-

рыя удивительно-хорошо убираются тюлемъ; на-примѣръ, розовая креповая шляпка на кулисахъ убирается подъ полями буфами изъ самаго прозрачнаго бѣлаго тюля. Бѣлый большой цвѣтокъ приколотъ на тульѣ не очень низко, и нѣсколько бѣлыхъ наложено свертъ кофточки вмѣсто бантика. Очень-красива также шляпка изъ дымчататаго крена съ розаномъ, но самымъ большимъ и самаго яркаго цвѣта. Соломённые шляпки очень часто подбиваются розовымъ, голубымъ и пунсовымъ крепомъ, чего прежде никакъ не позволяли, но теперь это не кажется странно; даже многія находятъ, что это очень-хорошо. Ленты для соломённыхъ шляпокъ, какъ мы уже сказали, употребляются клетчатые самыя яркія; но нельзя не упомянуть, что являются также и гладкія и полосатые ленты, хотя гораздо-рѣже. Цвѣты навалы ваются самыя большіе, и зелень выбирается большею частію съ длинными листьями. Кружевные вуали считаются почти принадлежностью всякой шляпки, хоть соломённой, хоть креповой, — всегда онѣ кстати.

Чепчики теперь начали носить всеѣмъ-круглые, какъ показано на картинкѣ, приложенной въ вынѣшней книжкѣ нашего журнала; разумѣется, этотъ чепчикъ для утренняго неглижѣ; но для выѣздовъ чепчики убираются

цвѣтами и очень-часто крепомъ или газомъ.

Но вотъ самый новый фасонъ манишки, которую вы увидите передъ собой на картинкѣ, приложенной къ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ»: какъ она проста и красива! Говорать, въ Парижѣ модистки не успѣваютъ шить такія манишки, — до того онѣ расходятся; но у насъ ихъ еще не видно.

б) Мужскія.

Начнемъ хоть съ шляпъ: давно ли начали носить шляпы съ самыми маленькими полями? теперь же поля шляпъ снова расширяются, и значительно.

Панталоны дѣлаются довольно-широкіе, особенно изъ лѣтнихъ матерій, которыя выбираются большею частію цвѣтвыя; но узкіе и со штрипками панталоны рѣдко встрѣчаются на людяхъ, занимающихся своимъ туалетомъ.

Пальто легкія дѣлаются съ немногоруно-длинной таліей; обшлага и воротникъ должны быть изъ муаре, но ни подъ какими видомъ изъ бархата.

Жилеты очень-открытые, иногда же съ маленькими отворотами или небольшою шалью на самомъ верху.

Бѣлье и фуляры должны быть вышиты.

